

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ ХСѪІІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ ХСѪІІІ

1904

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1904

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ОКТАБРЬ, 1904 Г.

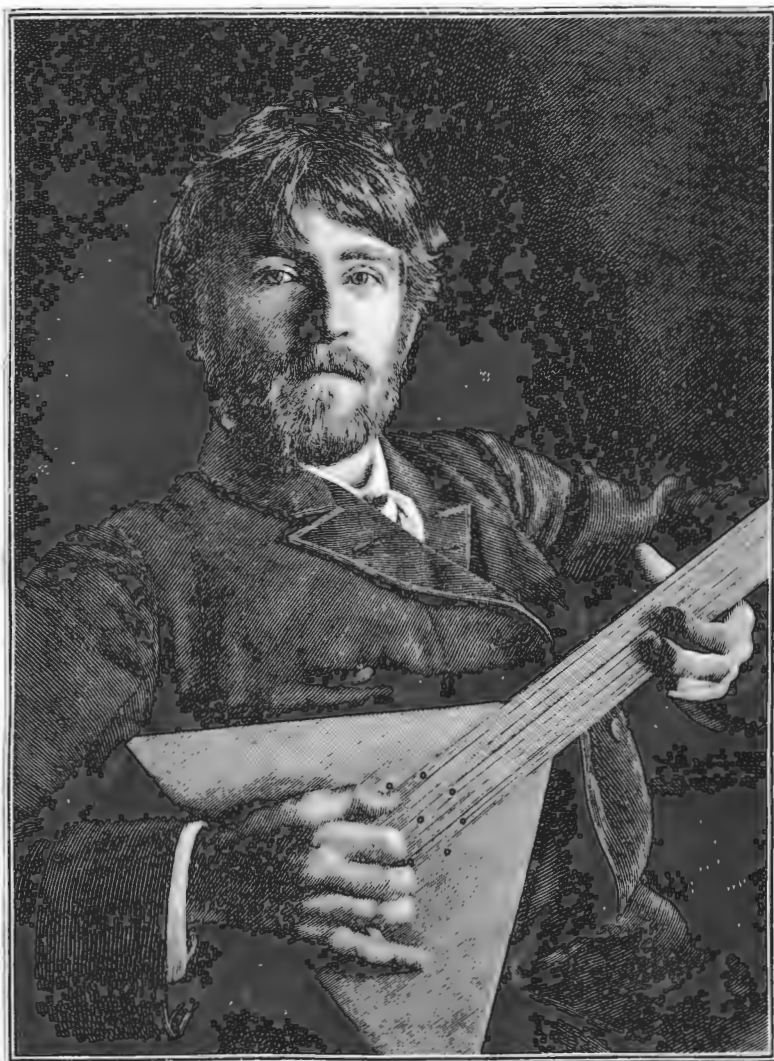
СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАВРЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передь разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). XXVIII—XXX. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	5
II. Изъ воспоминаній. (1891—1892). (Продолженіе). II—III. П. В. Засодимскаго	55
III. Подъ гнетомъ судьбы. I—X. М. Е. Васильевой	67
IV. Азовское смятеніе (1880 г.). I—IV. Н. К. Никифорова	106
V. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. XIV—XV. (Продолженіе). Н. И. Фалъева.	181
VI. Типы и характеры Кавказскаго Черноморскаго побережья. V. «Они». С. И. Васюкова	150
VII. Исторія бороды и усомъ. А. И. Фаресова	174
VIII. Протопресвитеръ-самозванецъ. А. С. Шугаевскаго	213
IX. Недавнее прошлое Азовскаго побережья. I—II. А. Съдого (Ал. П. Чехова)	227
X. Рано угасшій талантъ. (Изъ воспоминаній объ А. П. Рябушкинѣ). И. Ф. Тюменева	260
иллюстраціи: копии съ шести оригинальныхъ рисунковъ А. П. Рябушкина. Изъ собранія И. Ф. Тюменева.	
XI. Задачи русскаго просвѣщенія въ отзывахъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей. Е. С. Шумигорскаго	285
XII. Черезъ Бухару на Памиры. I—IV. Б. Н. Литвинова	297
иллюстраціи: 1) Спускъ съ дороги отъ перевала Чарага къ озеру Кабутакъ. — 2) Вершина перевала Сія-Кухъ (послѣдняя снѣжная ступень). — 3) Баратагъ. Домъ Кушъ-Веги.	
XIII. Ѳедоръ Ивановичъ Колесовъ. (Некрологъ). Б. Г.	332
иллюстрація: Ѳедоръ Ивановичъ Колесовъ.	
XIV. Критика и библиографія	337
1) К. Waliszewski. Ivan le Terrible. Les origines de la Russie moderne. Paris, 1904. Андрея Сиротинина. — 2) П. А. Шафрановъ. Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ (историческій очеркъ устройства и составъ дѣлъ). Сиб. 1904. В. Руданова. — 3) Главное военно-медицинское управленіе. Историческій очеркъ. Составилъ В. С. Кручекъ-Голубовъ и Н. И. Кузьбиаъ. Сиб. 1904. м. ф. — 4) Профессоръ Г. Г. Скориченко. Императорская военно-медицинская академія. Историческій очеркъ къ столѣтію военнаго министерства. Сиб. 1904. м. ф. — 5) Викторъ Антоновичъ Ардемоничъ. Воспоминанія. Характеристика. Съ портретомъ В. А. Сиб. 1904. 6. Гл.—снѣго. — 6) Мих. Лемзе. Николай Михайловичъ Ярицинъ. Биографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины. Сиб. 1904. 6. Гл.	
XV. Заграничныя историческія новости и мелочи	354
1) Завлеченія отъ болѣзней въ Вавилонѣ. — 2) Римскія виллы во времена республики и имперіи. — 3) Новая биографія Тициана. — 4) Воспоминанія Кауница о Версальскомъ дворѣ. — 5) Столѣтіе смерти герцога Англенскаго. — 6) Французскій герой греческой войны за освобожденіе. — 7) Англійская газета въ Парижѣ.	

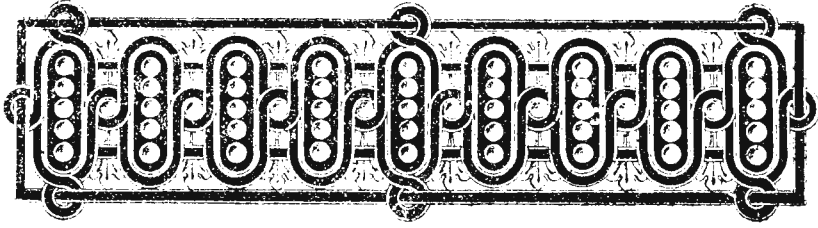
(См. слѣд. стран.)

	СТРАН
XVI. Смѣсь	383
1) Памятникъ Александру II въ Кіевѣ. — 2) Въ защиту старины. — 3) Раскопки въ Севастополь. — 4) Иностранные археологи въ Кіевѣ.	
XVII. Некрологи	390
1) Загоскинъ, М. В. — 2) Лопухинъ, А. П. — 3) Массень, В. Н. — 4) Михайловскій, М. Н. — 5) Нейдингъ, И. И. — 6) Радичъ, В. А. — 7) Рейтцъ, В. Н. — 8) Свѣдомскій, П. А. — 9) Уманецъ, А. А. — 10) Хойнацкій, А. И. — 11) Четыркинъ, Ѳ. В. — 12) Яновскій, П. Я.	
XVIII. Замѣтки и поправки	396
1) Русскія историческія могилы на Повонзковскомъ кладбищѣ въ Варшавѣ. Г. А. Воробьева. — 2) Могилы декабристовъ. А. Ѳ. Кожевникова.	
XIX. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Андрея Петровича Рябушкина. — 2) Ифигенія. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. В. П. Буренина. Дѣйствія третье и четвертое. (Окончаніе).	

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ РЯБУШКИНЪ.

ДОВЪ. ЦЕНЪ. 25 СЕНТ. 1904 Г. СЛЪ.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

XXVIII.

ПОШЛО нѣсколько дней, но за это короткое время случилось въ городѣ столько новаго, что одному человѣку не хватило бы и недѣли, чтобъ рассказать подробно эти происшествія, съ изложеніемъ ихъ причинъ и послѣдствій.

Изъ особенно выдающихся событій, совершившихся въявь, но по побужденіямъ, оставшимся тайной даже и для самихъ актеровъ великой трагикомедіи, разыгравшейся въ Рѣчи Посполитой, весьма волновало общественное мнѣніе сближеніе Карла Радзивилла съ королемъ, а еще болѣе примиреніе этого послѣдняго съ Чарторижскими. Король съ ними ужиналъ у пана коханко, а князь Адамъ сдѣлалъ визитъ своему коронованному племяннику. Ясновельможная же его супруга приняла приглашеніе на праздникъ, которымъ счастливый вѣнецъ рѣшилъ отпраздновать такое счастливое событіе, какъ примиреніе съ вождями враждебной ему партіи.

Обѣщала украсить этотъ праздникъ своимъ присутствіемъ и красавица Изабелла, а мужъ ея прокутилъ всю ночь въ Лазенкахъ и такъ напился пьянъ за ужиномъ, что его въ безчувственномъ состояніи доставили во дворецъ.

¹⁾ Окончаніе. (См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 721.)

Однимъ словомъ, по всѣмъ признакамъ, примиреніе можно было считать состоявшимся.

Ближе посвященные въ тайны пружины сложной и хитрой машины чужеземнаго происхожденія, приводившей въ движеніе страсти руководителей польской политики, передавали другъ другу въ интимныхъ кружкахъ о возрастающемъ вліяніи прелата Фаста, объ огромной услугѣ, оказанной имъ королю открытіемъ во-время намѣреній русскаго двора для поддержанія его на престолѣ, о томъ, что графиня Анна Потоцкая выбрала его руководителемъ своей совѣсти, и что онъ теперь такой же частый гость во дворцѣ кievскаго воеводы, какимъ былъ и остался во дворцѣ княгини Изабеллы. Ко всему этому, съ изумленіемъ прибавляли подробности о визитѣ прелату Фасту референдарія Подосскаго, о встрѣчѣ, во дворцѣ этого послѣдняго, агента римской курии, съ русскимъ посломъ и о продолжительномъ разговорѣ, происшедшемъ между этими двумя представителями враждебныхъ другъ другу лагерей католичества и православія.

Да и мало ли что говорили! Увѣряли, напимѣръ, будто король ужъ успѣлъ воспользоваться благодушнымъ настроеніемъ своихъ бывшихъ недруговъ, чтобы замолвить словечко пани Аннѣ за своего фаворита, Аратова, и такъ краснорѣчиво доказывалъ ей всѣ выгоды для страны отъ брака умнаго и ловкаго москаля съ пани Розальской, что графиня, будто бы, стала подаваться на эти резыны и просила только дать ей время убѣдиться, что не Аратовъ заставитъ Розальскую измѣнить католической вѣрѣ, а Розальская заставитъ его отказаться отъ схизмы и перейти въ лоно католичества. Къ этому прибавляли, что король нашелъ требованіе это вполне основательнымъ и обѣщаль супругѣ кievскаго воеводы пристальнѣе ознакомиться съ духовными воззрѣніями своего завбавнаго собутыльника.

Но самой животрепещущей злобой дня все же оставалась таинственная красавица, заинтересовавшая короля на прошлой недѣлѣ въ Лазенковскомъ паркѣ. Теперь она, неизвѣстно какими судьбами, попала во дворецъ князя Казимира-Адама Чарторижскаго и продолжала такъ страстно занимать общество, что всѣ прочія новости и сплетни блѣднѣли передъ желаніемъ узнать: кто она такая, и увѣнчается ли успѣхомъ желаніе его величества познакомиться съ нею поближе?

Что побуждаетъ бывшую возлюбленную короля покровительствовать этой личности и окружать ее заманчивою таинственностью и какого рода выгоду надѣется она извлечь изъ этой хитро сплетенной интриги,—никто даже и представить себѣ не могъ, но это не мѣшало предаваться предположеніямъ самаго фантастическаго свойства во всѣхъ домахъ и дворцахъ Варшавы. Немалая доля этихъ предположеній выпадала на счетъ русскаго посла, которому

досужіе умы не прочь были приписывать всюду, гдѣ только можно было, таинственное и коварное вліяніе на судьбы страны. Находились и такіе, которые усматривали въ таинственной незнакомкѣ орудіе берлинскаго или вѣнскаго двора и даже Рима. Такъ или иначе, но все сходилось на одномъ: что ей суждено замѣнить всѣхъ женщинъ, царившихъ въ Лазенковскомъ дворцѣ, и можно себя представить, въ какомъ волненіи находились эти красавицы и ихъ семьи, строившія блестящіе планы на ихъ фаворѣ, какъ для себя лично, такъ и для политическихъ переворотовъ въ странѣ!

Когда разнесся слухъ, что княгиня Изабелла, уступая настойчивымъ просьбамъ короля, обѣщала привезти свою гостью на праздникъ въ Лазенки, всеобщее желаніе быть на этомъ праздникѣ возросло до апогея, и на него стали собираться такія древнія старушки, которыя уже нѣсколько десятковъ лѣтъ изъ замковъ своихъ не выѣзжали. Отъ страстнаго любопытства убѣдиться собственными глазами, не преувеличены ли толки о красотѣ незнакомки, почтенныя бабушки и прабабушки помолодѣли и стали заказывать себя къ торжественному дню, наряды одинъ пышнѣе другого.

— А вы что скажете про эту незнакомку?—обратился король къ Аратову.

День клонился къ вечеру, солнце закатилось за деревья, и въ прощальныхъ его лучахъ цвѣты въ клумбахъ, мѣля въ багровомъ золотистомъ блескѣ, дышали ароматами, подставляя пестрыя головки подъ легкій вѣтерокъ, качавшій верхушками кудрявыхъ липъ и каштановъ.

Вѣтерокъ пріятно освѣжалъ не одни только цвѣты въ Лазенковскомъ паркѣ, а также и разгоряченныя виномъ головы блестящей компаніи, расположившейся на одной изъ террасъ лѣтней резиденціи короля. Въ числѣ этихъ интимныхъ друзей его величества находился и Аратовъ, но онъ въ общей бесѣдѣ участія не принималъ и, удалившись въ противоположный конецъ террасы, сидя на ступенькахъ мраморной широкой лѣстницы, спускавшейся въ цвѣтникъ, разсѣянно слушалъ щебетаніе двухъ фей изъ сонматѣхъ, что ютились въ роскошныхъ гнѣздышкахъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ лѣтнюю резиденцію монарха.

Чтобъ отвѣтить на вопросъ, предложенный ему королемъ, Дмитрій Степановичъ не безъ сожалѣнія оставилъ своихъ собесѣдницъ и, лѣниво поднявшись съ мѣста, подошелъ къ группѣ, окружавшей Станислава-Августа.

— Я думаю то, что все думаютъ, ваше величество,—небрежно произнесъ онъ, мелькомъ глянувъ на молодыхъ магнатовъ, отступившихъ на шагъ при его приближеніи, окидывая его съ ногъ до головы взглядомъ, выражавшимъ не столько доброжелательство, сколько плохо скрываемое презрѣніе.

— Что же именно?—спросилъ король.

— Это мистификація,—отвѣчалъ Аратовъ.

— Почему мистификація?

И, съ улыбкой похлопывая по столу рядомъ со своимъ кресломъ, его величество пригласилъ Дмитрія Степановича занять мѣсто поближе къ нему.

— И кто же осмѣливается мистифицировать его величество?— подхватилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— О, особа, придумавшая эту мистификацію, очень смѣла и такъ мало боится короля, что самъ король ея боится!

Его величество звонко расхохотался.—Ну, называть ее вамъ нечего, мы знаемъ, на кого вы намекаете,—замѣтилъ онъ весело.—Дѣйствительно въ нашемъ государствѣ есть дама, которой я боюсь гораздо больше, чѣмъ она меня... Но въ чемъ же состоитъ ея мистификація, и почему вы полагаете, что она направлена именно противъ насъ?

— Потому что ваше величество не дали себѣ труда скрывать своего восхищенія таинственной незнакомкой, встрѣченной въ этомъ паркѣ.

— Вы, значитъ, все еще держитесь того мнѣнія, что незнакомка эта и пріятельница княгини Изабеллы,—одна и та же личность?

— Кто же въ этомъ сомнѣвается, ваше величество?

— Однако княгиня Изабелла въ этомъ не сознается.

— А развѣ ваше величество ее объ этомъ спрашивали?

— Нѣтъ, но... я тутъ еще не вижу мистификаціи.

— Какъ же назвать таинственность, которою она ее окружаетъ, чтобъ возбудить всеобщее любопытство, а въ особенности любопытство вашего величества? Я называю это мистификаціей и нахожу, что она удалась ей, какъ нельзя лучше. Навѣрное ваше величество давно забыли бы про эту женщину, если бъ встрѣча съ нею не была обставлена такъ загадочно, и если бъ она вдругъ не перелетѣла изъ дома жидовки въ Уздовѣ въ роскошный чертогъ князя Чарторижскаго...

— Какъ вѣдьма на помелѣ,—подхватилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Графъ предвосхитилъ мою мысль, я именно и хотѣлъ это сказать,—продолжалъ Аратовъ.—И въ данномъ случаѣ княгиня Изабелла, надо ей отдать справедливость, очень искусно сыграла роль вѣдьмы... Какое самоотверженіе!—прибавилъ онъ насмѣшливо.—Правда, что ей не въ первый разъ представляться не тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ; за границей она развѣзжала въ мужскомъ платьѣ и кружила головы всѣмъ, встрѣчавшимся ей на пути, женщинамъ... Кто знаетъ, намъ, можетъ быть, суждено ее видѣть и въ другихъ еще роляхъ, актриса она гениальная, этого у нея отнять нельзя.

— Однако сейчасъ видно, что вы не успѣли въ томъ, что ей удалось, любезный другъ,—замѣтилъ король,—и что вы не можете ей этого простить.

— Трудно тягаться съ вѣдьмами, ваше величество.

— Особенно, когда онѣ молоды и обаятельны.

— Именно такъ. Вашему величеству лучше, чѣмъ кому либо, это извѣстно.

— Не всѣ женщины вѣдьмы, Аратовъ.

— Всѣ, ваше величество, точно такъ же, какъ всѣ вѣдьмы женщины,—съ комичною серьезностью заявилъ Дмитрій Степановичъ.

— Вы сегодня къ дамамъ очень не благосклонны. Хорошо, что пани Розальская васъ не слышитъ!

— О, ваше величество, она не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя не любятъ правды!

— Ну, вы въ такомъ упорномъ настроеніи, что васъ ничѣмъ не убѣдишь. Лучше съ вами не разговаривать... Пойдемте играть, господа,—продолжалъ король, поднимаясь съ мѣста и указывая на освѣщенные окна въ тѣхъ покояхъ дворца, гдѣ лакеи зажигали свѣчи на раскрытыхъ карточныхъ столахъ.—Чѣмъ теряться въ догадкахъ насчетъ незнакомки, подождемъ дозавтра, когда намъ можно будетъ воочию убѣдиться, такъ ли она хороша, какъ показалась мнѣ при первомъ свиданіи. А пока, за мною реваншъ, Браничкій, и если вы думаете, что есть такая красавица на земномъ шарѣ, которая можетъ заставить меня забыть, что я вамъ вчера проигралъ двадцать тысячъ золотыхъ, то вы очень ошибаетесь... А вы что же, Аратовъ, вѣдь и вамъ тоже не мѣшаетъ отыгратъся,—вернулся онъ къ Дмитрію Степановичу, который вмѣсто того, чтобъ присоединиться къ обществу, направлявшемуся въ покои, засматривался на черныя тѣни, постепенно сгущавшіяся въ паркѣ.

— Попрошу у вашего величества позволенія прійти минутъ черезъ двадцать. У меня пріѣзжій изъ деревни челоуѣкъ ѣдетъ сегодня ночью обратно, и я долженъ отправить съ нимъ письмо прабабкѣ,—отвѣчалъ Аратовъ.

— Хорошо, хорошо, справляйте ваши дѣла и приходите къ намъ скорѣе, безъ васъ скучно.

Король скрылся со своими пріятелями за широко растворенной дверью въ ярко освѣщенные комнаты, и вскорѣ изъ оконъ, выходящихъ въ садъ, раздался оживленный говоръ, веселый громкій смѣхъ и страстные споры усѣвшагося за карты общества, а Дмитрій Степановичъ торопливо прошелъ къ маленькому навильону, отданному въ его распоряженіе на лѣтніе мѣсяцы королемъ, который такъ къ нему привязался, что дня не могъ безъ него прожить и повѣрялъ ему всѣ свои сердечныя тайны.

Помѣщеніе состояло изъ трехъ комнатъ, спальни, кабинета и покойчика для Езебіуша, продолжавшаго и здѣсь такъ же вѣрно и усердно охранять интересы своего господина, какъ и раньше, когда мы видѣли его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Малявинѣ слѣпо и безпрекословно исполнявшимъ приказанія господина самаго щекотливаго свойства, и не задумывавшимся ни передъ опасностью, которой онъ подвергался, ни передъ затрудненіями.

У Дмитрія Степановича было свое хозяйство въ домѣ, нанятомъ имъ въ лучшей части города, держалъ онъ и лошадей, и экипажи, и приличный штатъ прислуги, а также прекраснаго повара. Король не разъ у него ужиналъ послѣ ночныхъ экскурсій къ продажнымъ прелестницамъ, до которыхъ его величество былъ такъ же падокъ, какъ и до красавицъ княгинь и графинь лучшихъ фамилій и до авантюристокъ иностранокъ, наѣзжавшихъ сюда изъ-за границы, чтобъ попользоваться щедротами коронованнаго Донъ-Жуана, прославившагося по всей Европѣ своею слабостью къ женскому полу. Станиславъ-Августъ не могъ не понимать, что Аратовъ приноситъ для него немалую жертву, тѣснясь въ скромномъ павильонѣ, чтобъ доставить ему *удовольствіе, и онъ былъ ему за это благодаренъ тѣмъ болѣе, что не подозрѣвалъ, какою цѣною намѣреваются заставить его заплатить за эту жертву. Дмитрій Степановичъ былъ такого мнѣнія, что лучше рискнуть ничего не получить, чѣмъ получить мало, и такъ упорно отказывался отъ богатыхъ подарковъ, на которые король былъ чрезвычайно щедръ со своими приближенными обоюга пола, что съ каждымъ днемъ его долгъ москалю увеличивался.

— Я у васъ въ неоплатномъ долгу, Аратовъ,—сказалъ онъ ему однажды со смѣхомъ.

— Правда, ваше величество, и я, можетъ быть, скоро предъявлю вамъ счетъ къ уплатѣ,—замѣтилъ на эту шутку далеко не шутливо Дмитрій Степановичъ.

Онъ зналъ, какъ нельзя лучше, что король ни въ чемъ ему отказать не можетъ, и, повидимому, увѣренность эта должна была бы дѣйствовать на него успокоительно, а между тѣмъ тревога его со дня на день усиливалась. Почему? Отвѣта на вопросъ этотъ, который онъ за послѣднее время все чаще и чаще себѣ предлагалъ, не находилось.

А между тѣмъ дѣла его устраивались, какъ нельзя лучше, и даже процесса съ кievскимъ воеводой изъ-за состоянія Юльяніи не предвидѣлось съ тѣхъ поръ, какъ король вызвался быть сватомъ своего любимца. Не дальше, какъ сегодня утромъ, онъ показывалъ Аратову письмо графа Салезія съ обѣщаніемъ повліять на свою супругу для скорѣйшей развязки любовнаго романа между ихъ воспитанницей и фаворитомъ его величества.

Въ тотъ же самый день, когда Дмитрій Степановичъ зашелъ къ себѣ переодѣться къ обѣду, Езебіушъ сообщилъ ему о намѣреніи

цани Розальской навѣститъ его вечеромъ, когда стемнѣтъ. Съ извѣстіемъ этимъ приходила Сесилія и рассказывала между прочимъ, что госпожа ея въ большомъ разстройствѣ, и что ей крайне нужно какъ можно скорѣе повидаться со своимъ женихомъ.

Не въ первый разъ видѣлись влюбленные въ Лавенкахъ, съ тѣхъ поръ, какъ, уступая настойчивымъ просьбамъ короля, Аратовъ переселился сюда на нѣсколько недѣль изъ своей городской квартиры. Новое мѣсто свиданій оказалось несравненно удобнѣе и безопаснѣе прежнихъ: здѣсь никто не могъ ихъ прослѣдить, настѣчь и выдать. Въ королевскій дворецъ, зорко охраняемый военной стражей и переодѣтыми въ придворныя ливреи агентами тайной полиціи, постороннимъ очень трудно было проникнуть, но слуга Аратова пользовался здѣсь такими же привилегіями, какъ и его господинъ, и ему было достаточно сказать смотрителю дворца, что къ нему будутъ, время отъ времени, приходять сестра съ дочерью, чтобъ одѣтыя простолюдинками Розальская съ Сесиліей могли безпрепятственно проходить въ ворота сада, въ глубинѣ котораго находился павильонъ, предоставленный въ распоряженіе новаго любимца короля, и проводить въ этомъ павильонѣ столько времени, сколько имъ хотѣлось. Назадъ къ воротамъ ихъ всегда провожалъ Езебушъ, одно присутствіе котораго ограждало ихъ отъ черзчуръ любопытныхъ глазъ.

Впрочемъ, какъ въ зимнемъ, такъ и лѣтнемъ мѣстопробываніи короля Станислава-Августа, за чистотою нравовъ обитателей присматривали плохо, и всѣ, отъ мала до велика, съ трогательною снисходительностью относились къ шалостямъ амура.

Дмитрій Степановичъ нашелъ свою возлюбленную въ печали и отчаяніи. Кинувшись къ нему на шею и прерывая свою рѣчь поцѣлуями, она упрекала его въ томъ, что онъ заставляетъ ее поцѣлымъ днямъ ждать мимолетныхъ свиданій съ нимъ, оставляя ее въ тяжелой неизвѣстности, и что у нея нѣтъ больше силъ переносить неопредѣленное положеніе, въ которое онъ ее ставитъ своею нерѣшительностью.

— Да, да, отъ тебя зависитъ наше счастье, ни отъ кого больше, — повторяла она, въ волненіи своемъ не замѣчая зловѣщаго блеска, которымъ началъ загораться его взглядъ. — Чего ты медлишь? Чѣмъ бы пользоваться благоприятными обстоятельствами, обвѣнчаться со мною, пока ты королю нуженъ, и пока всѣмъ нужно быть съ нимъ въ ладу и согласіи, ты откладываешь со дня на день блаженную минуту, когда я буду тебѣ принадлежать вполнѣ, и когда тебѣ можно будетъ явно меня защищать отъ нападокъ, отъ обидъ, отъ мукъ!.. Чего ты ждешь? Чтобъ король влюбился въ ту женщину, которую подставляютъ ему Чарторижскіе, чтобъ подорвать твое вліяніе на него?

— Откуда у тебя такія свѣдѣнія про эту женщину? — спросилъ онъ, угрюмо и подозрительно на нее глядя.

— Всѣмъ это извѣстно, одинъ только ты не хочешь видѣть то, что всѣмъ кидается въ глаза... Комедія, придуманная Изабеллой, такъ груба, что никого не можетъ обмануть... А Чарторижскіе безъ цѣли беспокоиться и тратиться не станутъ. Имъ нужна личность изъ ихъ лагеря, которая держала бы короля въ своихъ рукахъ, и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависѣла бы отъ нихъ...

— Кто это говорить?

— Всѣ. Сегодня я слышала это отъ Оссолинской, вчера отъ Мнишекъ, а теперь, пока я съ тобой, у насъ княгиня Любомирская, и я готова, чѣмъ угодно поручиться, что разговоръ идетъ про эту женщину и про то, что, пока при королѣ ближайшимъ человѣкомъ москаль Аратовъ, патріотамъ на полезныя реформы въ странѣ надѣяться нечего. Они все на тебя сваливаютъ! Всѣ свои ошибки, всѣ неудачи! Тебя ужъ смѣшиваютъ съ русскимъ посломъ и приписываютъ тебѣ то, что, кромѣ него, никто не можетъ сдѣлать...

— Весьма польщенъ такою великою честью, — сквозь зубы и съ злой усмѣшкой замѣтилъ онъ.

— Ахъ, не шути ты этимъ, ради Бога! — вскричала она съ раздраженіемъ. — Меня убиваетъ мысль, что ты окруженъ врагами, что жизнь твоя въ опасности, и что я не только ничего не могу для тебя сдѣлать, но еще усиливаю опасность моею любовью! Я просто съ ума схожу отъ отчаянія! Какъ мнѣ тебя убѣдить, что намъ надо бѣжать отсюда, какъ можно скорѣе, что за каждую потерянную минуту мы можемъ поплатиться страшными бѣдами! Какъ мнѣ тебя убѣдить, что, когда мы будемъ обвинены, нашему графу ничего больше не останется, какъ помириться съ совершившимся фактомъ... Что же ты молчишь? Развѣ я не права, развѣ это не правда, что въ настоящее время никто не пойдетъ противъ короля, съ которымъ только что примирились, и которому всѣ наперерывъ стараются доказать преданность, чтобъ изгладить изъ его сердца подозрѣніе? И развѣ тебѣ самому не тяжело жить далеко отъ меня, видѣться со мною только украдкой, какъ съ любовницей, которой ты стыдишься... Скажи же хоть слово! Ты видишь, какъ я жду этого слова!

Не выпуская его изъ своихъ объятій, она любовно заглядывала ему въ глаза, съ замирающимъ сердцемъ ища въ нихъ отвѣта на свои мольбы, но, кромѣ мрачной думы, такой глубокой и сосредоточенной, что ей стало казаться, что онъ ея не слышитъ, она ничего не могла прочесть на его лицѣ.

— Что же ты намѣренъ дѣлать? На что мнѣ надѣяться? Чего ждать? Знаешь ли, какія страшныя мысли начинаютъ меня осаждать... мнѣ иногда кажется, что ты меня разлюбилъ, что я тебѣ въ тягость... мнѣ иногда кажется, что ты раскаиваешься въ жертвахъ, которыя ты для меня принесъ, — продолжала она съ возра-

стающимъ изступленіемъ, — мнѣ кажется, что тебя мучить преступленіе, на которое ты для меня рѣшился...

При этихъ словахъ глаза его сверкнули такимъ страшнымъ блескомъ, что голосъ ея оборвался на полусловѣ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его только беззвучно зашевелились, ни единого звука съ нихъ не сорвалось, и онъ былъ такъ ужасенъ въ своемъ безсиліи выразить смертельную муку, наполнявшую его душу, что она закрыла лицо руками, чтобъ не видѣть его лица.

— Я безъ тебя жить не могу, — вымолвилъ онъ наконецъ съ усціемъ. — И докажу тебѣ это, — прибавилъ онъ, помолчавъ и поднимаясь съ мѣста.

Молча послѣдовала она его примѣру, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они стали видѣться наединѣ, не просила она продолжить свиданіе. Безропотно принявъ его прощальный поцѣлуй, вернулась она одна въ комнату, проводивъ его до входной двери, чтобъ черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ скроется изъ виду въ темной аллеѣ, ведущей ко дворцу, пуститься въ обратный путь со своей вѣрной Сесиліей.

У графини были гости, и отъ людей, попадавшихъ ей навстрѣчу, когда она проходила въ свои комнаты, Юльянія узнала, что про нее не спрашивали, и что отсутствіе ея не было замѣчено, а отъ ближайшихъ резидентокъ, выходявшихъ изъ гостиной, гдѣ пани Анна бесѣдовала съ гостями, она услышала, что тамъ только и рѣчи, что о завтрашнемъ праздникѣ въ Лазенкахъ...

Послѣднее слово оживило жгучую боль ея сердца, и она поспѣшила запереться въ своей спальнѣ, чтобъ не разрыдаться при свидѣтеляхъ.

Зачѣмъ приходила она къ нему? Давно ужъ не слышитъ она отъ него ни единого слова утѣшенія, давно ужъ послѣ cadaго свиданія возвращается она домой въ еще болѣе удрученномъ настроеніи, чѣмъ тогда, когда она къ нему шла, и все-таки ее тянетъ къ нему, и вдали отъ него она только о томъ и думаетъ, чтобъ опять съ нимъ увидѣться. Опасность и неизвѣстность только усиливаютъ ея любовь, и чувство это со дня на день становится требовательнѣе. Увѣренность въ его любви ужъ больше не удовлетворяетъ ея; она жаждетъ не однѣхъ только его ласкъ: ей нужно знать его мысли, его надежды и опасенія. Ей кажется, что принадлежать другъ другу вполне они тогда только будутъ, когда у него не будетъ ничего отъ нея скрытнаго, а между тѣмъ все въ немъ для нея тайна... Почему онъ такъ измѣнился за послѣднее время? Что его мучитъ? О чемъ задумывается онъ такъ глубоко даже въ ея присутствіи, что забываетъ все на свѣтѣ, не видитъ и не слышитъ ея, точно ея тутъ нѣтъ? Въ эти минуты она не можетъ не сознавать, что она ему въ тягость, и что она ничѣмъ не можетъ облегчить его страданій... И тогда она не можетъ не вспо-

мнить про страшную тайну, подъ впечатлѣніемъ которой она пріѣхала изъ деревни въ Варшаву, и которое такъ быстро разсѣялось при первомъ свиданіи съ нимъ. Недолго была она счастлива, недолго съ восторгомъ мечтала о будущемъ, не успѣла она еще привыкнуть къ своему новому положенію невѣсты любимаго человѣка, какъ сомнѣнія стали омрачать ея душу, какъ зловѣщія тучи, предвѣщающія грозу и бурю, ясное небо. Разумѣется, подалъ поводъ къ сомнѣніямъ и злымъ предчувствіямъ онъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она его полюбила, все для нея, и радость, и горе, и счастье, и отчаянье, исходило отъ него одного. Онъ сдѣлался молчаливъ и мраченъ, разсѣянъ, придиричивъ, несправедливъ и жестокъ, но долго еще пересиливалъ себя и порывами страстной нѣжности заставлялъ ее забывать причиненныя ей страданія. Последнее же время она даже и такихъ краткихъ минутъ счастья съ нимъ не имѣла, и ему съ каждымъ разомъ все труднѣе и труднѣе сдерживать досаду и раздраженіе въ ея присутствіи. Самыя слова любви принимали въ его устахъ такой странный загадочный смыслъ, что ей жутко было ихъ вспоминать.

Что хотѣлъ онъ ей сегодня сказать словами: «я не могу безъ тебя жить и докажу тебѣ это?»

Неужели онъ рѣшился на новое преступленіе?

Игра была въ полномъ разгарѣ, когда Аратовъ вошелъ въ залу, гдѣ шла обычная забава, часто стоящая цѣлаго состоянія страстно предававшимся ей игрокамъ. На столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, кучи золота сверкали въ огняхъ зажженныхъ свѣчей, и на всѣхъ лицахъ отражалось напряженное ожиданіе: страхъ потерять выигранное и надежда вернуть проигранное. Одинъ только король естественно и добродушно улыбался болѣе или менѣе шумнымъ проявленіямъ разгоряченныхъ страстей и, по временамъ позѣывая, оглядывался на дверь, точно кого-то поджидая.

— Ни минуты не можетъ прожить безъ москаля,—замѣтилъ своему сосѣду вполголоса Браницкій, пользуясь шумнымъ споромъ, поднявшимся между партнерами.

— Да, этотъ чортъ будетъ поопаснѣ десяти женщинъ изъ самыхъ заядлыхъ интриганокъ.

— Хороши и мы! Жалуемся на этого проходимца, какъ дѣвчонки на злую гувернантку, и до сихъ поръ никто ему фізіономіи не попортилъ.

— Все въ свое время, все въ свое время. Я слышалъ, что...

— Тсс! Идетъ!

Въ дверяхъ появилась изящная фигура Дмитрія Степановича, и скучающее лицо короля оживилось. Стремительно повернувшись къ вошедшему, онъ пріѣтствовалъ его веселымъ возгласомъ:

— Аратовъ! Наконецъ-то! Долго же вы писали письмо вашей прабабкѣ! Я ужъ собирался послать посмотрѣть, что вы дѣлаете, и напомнить вамъ, что мы васъ ждемъ.

— Жаль, что ваше величество не прибѣгли къ этому способу, чтобъ узнать тайну г. Аратова,—замѣтилъ Сапѣга.

— Пари держу, что тутъ женщина!—вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Вы не ошиблись, графъ, меня задержала женщина,—спокойно объявилъ Аратовъ, опускаясь на мѣсто, оставленное для него возлѣ короля.

Всѣ переглянулись, но никто не проронилъ ни слова, и среди воцарившагося молчанія снова раздался рѣзкій, нервный голосъ Дмитрія Степановича.

— Имени ея я не скажу,—произнесъ онъ, вызываяще глянувъ на Браницкаго. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго и выражало утомленіе, а глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ.

— Никто васъ объ этомъ и не спрашиваетъ,—задорно возразилъ за своего пріятеля Сапѣга.

— Да если бы вы и спросили, то я бы вамъ не сказалъ.

И, повернувшись къ королю, онъ внезапно измѣнившимся тономъ, почтительно попросилъ позволенія поставить карту.

Обрадованный диверсіей король поспѣшно придвинулъ къ нему карты, и игра долго продолжалась молча, прерываемая только возгласами, къ ней относящимися.

Аратовъ выигрывалъ. Но угрюмость его отъ этого не разсѣивалась, ни на кого не поднималъ онъ глазъ, и по временамъ странная улыбка кривила его губы. Всѣмъ было не по себѣ, и ожиданіе непріятности мало-по-малу начинало овладѣвать умами.

Чтобъ нарушить натянутое настроеніе, король велѣлъ подать вина и, поднявъ кубокъ, предложилъ выпить за царицу завтрашняго праздника.

Кубки дружно опустошились, и языки развязались. Полились шутки и веселые рассказы, вертѣвшіеся, впрочемъ, все на одномъ и томъ же предметѣ: на таинственной красавицѣ, которая должна была выступить въ свѣтъ подъ эгидой княгини Изабеллы. Молчалъ одинъ Аратовъ. И вдругъ онъ поднялся съ мѣста и, поднявъ кубокъ, торжественно провозгласилъ:

— Предлагаю выпить за здоровье ея мужа!

— Какого мужа?—спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Откуда вы знаете, что у нея есть мужъ?—подхватилъ другой.

— За здоровье ея мужа!—громче прежняго повторилъ Аратовъ, не обращая вниманія на возгласы, встрѣтившіе неожиданный тоскъ. И, наливъ себѣ еще вина, онъ снова осушилъ кубокъ однимъ залпомъ до дна, а затѣмъ обратился къ королю:—я пью за то, чтобъ этотъ мужъ не испортилъ нашего завтрашняго праздника своимъ

появленіемъ! Развѣ вашему величеству не угодно присоединиться къ моему тосту?

— Я всегда готовъ вамъ составить компанію, Аратовъ, но не тогда, когда вы выдумываете нелѣпости,—отвѣчалъ король, съ любопытствомъ глядя на своего любимца.—Согласитесь, что вы совершенно некстати вызываете этотъ призракъ изъ таинственной тьмы, въ которой онъ, къ величайшему нашему удовольствію, скрывается и, надо надѣяться, вѣчно будетъ скрываться.

— Вѣчнаго на землѣ ничего нѣтъ, ваше величество. Давно ли онъ былъ здѣсь, въ вашемъ паркѣ? Почему ему опять не явиться? Вы, государь, про него забыли, и это понятно, вы не искали его по всему городу и по окрестностямъ, какъ я, не досадовали, что не можете напасть на его слѣды и встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ, но увѣряю васъ, что на моемъ мѣстѣ вы не забыли бы его и ждали бы его появленія каждую минуту... Впрочемъ,—продолжалъ онъ, наливая себѣ вина,—очень можетъ быть, что особенно опасаться его появленія нечего; онъ, можетъ быть, покладистый мужъ, его можно будетъ подкупить деньгами, почестями или напугать тюрьмой, пыткой, казнью... Мужья бываютъ разные,—небрежно прибавилъ онъ, протягивая пустой кубокъ стоявшему за его стуломъ дворскому юношѣ, который поспѣшилъ его наполнить виномъ.

Никогда еще Аратовъ не пилъ такъ много, и ни разу не видѣли его въ такомъ возбужденномъ настроеніи. Вино дѣйствовало на него не такъ, какъ на другихъ, говорилъ онъ рѣзко и внятно, взглядъ не затуманивался, а прояснялся подъ вліяніемъ воскресающихъ въ памяти впечатлѣній. Все меньше и меньше обращалъ онъ вниманіе на окружающихъ и наконецъ погрузился въ глубокую думу.

А между тѣмъ затронутая имъ тема объ обманутыхъ мужьяхъ возбудила споры и рассказы. Каждому изъ присутствующихъ наворачивались на память и просились на языкъ смѣшные, печальные и страшные эпизоды изъ скандальной хроники Польши.

— Есть такіе мужья, которые сами привозятъ своихъ женъ къ любовникамъ...

— Еще бы! За примѣрами ходить не далеко...

— Господа! господа! Помните, что *nomina sunt odiosa!*—первалъ король увлекшагося рассказчика, который, благодаря этому предостереженію, окончилъ свое повѣствованіе, не назвавъ извѣстнаго всѣмъ имени.

Посыпались наперерывъ анекдоты въ этомъ направленіи.

— Но не всѣ мужья философы, есть и такіе, которые убиваютъ на мѣстѣ преступленія и невѣрную жену, и ея друга,—замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И это называется дѣйствовать по-польски!—вскричалъ другой.

— Такъ поступали наши дѣды. Они цѣнили честь не по-нашему,—замѣтилъ третій.

— Да и женщины были тогда другія, и съ ними было несравненно легче справляться, чѣмъ теперь. Жили дома, скромно, въ чужіе края не ѣздили, денегъ у всѣхъ было много...

— А монастыри поддерживали родительскую и мужнину власть...

— Засади-ка теперь которуюнибудь изъ нашихъ пани или паннъ въ монастырь, княгиню Изабеллу или Любомирскую...

Предположеніе это такъ всѣхъ разсмѣшило, что нѣсколько минутъ, кромѣ громкаго раскатистаго хохота да звона кубковъ, ничего не было слышно подъ высокими сводами разрисованнаго фресками изъ мифологіи потолка.

Всѣ перепились и, не слушая другъ друга, прерывали смѣхъ, чтобъ болтать кому, что взбредетъ въ отуманенную голову. По знаку дворцоваго маршала, не перестававшаго, время отъ времени, заглядывать въ дверь, вся прислуга покинула комнату, за исключеніемъ ближайшаго къ королю камердинера француза, сидѣвшаго за высокимъ буфетомъ, уставленнымъ тяжелымъ серебромъ, чтобъ быть готовымъ явиться на первый зовъ господина.

Про Дмитрія Степановича всѣ забыли, кромѣ короля, который, не взирая на начинавшій и его разбирать хмель, съ любопытствомъ слѣдилъ за своимъ другомъ, въ ожиданіи какойнибудь забавной выходки, на которыя москаль былъ такой искусникъ. Но казалось, что на этотъ разъ Аратовъ не расположенъ къ остроумію; его блѣдное лицо было сурово, черты вытянуты и неподвижны, какъ у мертвеца, и одни только глаза жили сосредоточенною, глубокою, внутреннею жизнью. Облокотившись на столъ среди кубковъ, бутылокъ, валявшихся въ беспорядкѣ картъ и высокихъ бронзовыхъ канделябровъ, съ догоравшими восковыми свѣчами, упершись подбородкомъ на вывернутыя ладони, онъ глядѣлъ передъ собою пристальнымъ взглядомъ, ничего не видя и, повидимому, совершенно потерявъ сознание времени и пространства.

«Напился до столбняка, точно мертвый!»—подумалъ король.

И вдругъ мертвецъ ожилъ при словѣ «монастырь», произнесенномъ заплетающимся языкомъ пьянаго сосѣда, и, вздрогнувъ, произнесъ съ обычной саркастической усмѣшкой, ни къ кому не обращаясь и какъ бы про себя:

— Убить... запереть въ монастырь... только и знаютъ! Какъ все это старо и пошло!

— Вы знаете средство оригинальнѣе и умнѣе?—спросилъ король, обрадованный пробужденію любимаго собесѣдника.

— Разумѣется. Похоронить обоихъ, вотъ и все, очень просто,—отвѣчалъ Аратовъ, обводя окружающихъ вызывающимъ взглядомъ, но всѣ были такъ пьяны, что для нихъ не стоило тратить словъ, и, презрительно усмѣхнувшись, онъ повернулся къ королю, какъ къ единственному достойному поддерживать съ нимъ бесѣду.

— Но, чтобъ похоронить, надо сначала убить,—замѣтилъ его величество.

— Можно похоронить и живыхъ людей,—лукаво прищуриваясь, объявилъ Аратовъ.

— Какъ же это? Я васъ не понимаю.

Дмитрій Степановичъ хихикнулъ.

— А вашему величеству интересно было бы это знать? Извольте, я, пожалуй, удовлетворю любопытство вашего величества... До сегодняшняго дня мнѣ казалось невозможнымъ выдать мою тайну кому бы то ни было, но вышло иначе... Почему—не спрашивайте лучше, я самъ этого не знаю... Мы многого не знаемъ, ваше величество, а всего меньше самихъ себя... Какую я, однако, сказалъ пошлость! Нѣтъ философа изъ древнихъ и новыхъ, который, такъ или иначе, не высказалъ бы этой мысли, а мнѣ все кажется, что открылъ эту избитую истину—я! Очень глупо.

Онъ смолкъ, задумался и машинальнымъ движеніемъ протянулъ руку къ стоявшему передъ нимъ кубку. Но кубокъ былъ пустъ, и, прикоснувшись къ нему губами, онъ поставилъ его на мѣсто. Затѣмъ, поднявъ голову и встрѣтившись глазами съ глазами короля, снова заговорилъ;

— Вы ждете продолженія моего разсказа, государь? Хорошо, я вамъ все скажу. Сегодня мнѣ это легко, мнѣ даже хочется, чтобы вы знали... Слушайте же... Не бойтесь, они всѣ пьяны и ничего не поймутъ... Къ тому же, у каждаго изъ нихъ своя тайна и пострашнѣе моей,—продолжалъ онъ, подмѣтивъ тревожный взглядъ, брошенный королемъ на остальную компанію, изъ которой дѣйствительно никто не былъ въ состояніи понимать то, что происходило кругомъ: одни уже свалились подъ столъ и храпѣли, другіе, бессмысленно уставившись другъ на друга посоловъвшими глазами, сиделись что-то выразить невнятнымъ мычаніемъ.

— Да, есть тайны ужаснѣе моей,—продолжалъ между тѣмъ Аратовъ.—То, что я сдѣлалъ, даже и преступленіемъ нельзя назвать, и мнѣ кажется, что, когда меня будутъ судить... судьи мои будутъ въ затрудненіи...

— Судить? Вы думаете, что васъ будутъ судить? Но вы, разумѣется, шутите?—прервалъ его измѣнившимся отъ ужаса голосомъ король. Отъ страха онъ даже протрезвѣлъ и, глядя на своего собесѣдника умоляющимъ взглядомъ, произнесъ чуть слышно и тревожно оглядываясь по сторонамъ:

— Перестаньте такъ неприлично шутить, мнѣ это не нравится.

— Я не шучу, ваше величество. Выбора у меня не было, мнѣ надо было ихъ обоихъ убить или... или сдѣлать то, что я сдѣлалъ... А что я имѣлъ право ихъ убить, съ этимъ даже и моя прабабка согласна... Вы Серафиму Даниловну не знаете, ваше величество,—продолжалъ онъ, не замѣчая волненія своего слушателя,—это жаль. Не

для нея, а для васъ жаль. Ея ваше присутствіе не смутило бы, ея и настоящій король не заставилъ бы сказать то, чего она не думаетъ, а васъ она за настоящаго короля не считаетъ... Хотите знать, какъ она васъ называетъ? Нѣтъ? Ну, хорошо, я вамъ этого не скажу, я вѣдь хоть и пьянъ, но понимаю, что правды королямъ говорить нельзя... Оставимъ это, я хотѣлъ только сказать, что моей прабабкѣ девяносто девять лѣтъ, и что одной только ей я не лгу. Ей я все сказалъ, и она назвала мой поступокъ кощунствомъ... Пусть такъ, кощунство такъ кощунство, мнѣ все равно... я могу уѣхать за границу... во Франціи у меня есть друзья... Вы ихъ знаете такъ же хорошо, какъ и я, ваше величество,—продолжалъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ.—Какъ вы думаете, назоветъ ли меня преступникомъ мсье Вольтеръ или Даламберъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое кощунство? Оскорбленіе того, что существуетъ только въ воображеніи! Развѣ можно за это карать? Но Россія страна еще дикая, некультурная, и большинство думаетъ, какъ Серафима Даниловна Аратова... Но я вамъ еще не сказалъ, въ чемъ суть...

— Молчите, молчите! Я не могу... я не хочу знать!—вскричалъ король, хватая его за руку.—Въ васъ говоритъ дьяволъ!—прибавилъ онъ блѣднѣя.

— Онъ во всѣхъ насъ сидитъ, ваше величество. Борются съ нимъ разное, кто молитвой, кто постомъ, кто виномъ. Послѣднее самое дѣйствительное, я вамъ это по опыту говорю,—продолжалъ Аратовъ, наливая въ кубокъ вина и подавая его своему слушателю, который, дрожа отъ страха подъ его пристальнымъ взглядомъ, залпомъ его выпилъ.

— Несчастный! Такъ это правда, что вы!.. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу этому вѣрить! Я что-то слышалъ... мнѣ намекали... но я не хочу вѣрить! Не хочу!—безсвязно пролепеталъ король, отмахиваясь дрожащей рукой, точно отъ подступавшаго къ нему страшнаго призрака.

— И не вѣрьте, ваше величество. Никому не вѣрьте. И всего меньше мнѣ. Я всегда лгу... Да и вы всегда лжете, ваше величество, не правда ли?—прошепталъ Аратовъ, приближая свое искаженное злобой и презрѣніемъ лицо къ взволнованному страхомъ и подозрительностью лицу Станислава-Августа.

— Правда, правда!—прошепталъ этотъ послѣдній прерывающимся голосомъ.—Но какъ же мнѣ не лгать, когда меня со всѣхъ сторонъ окружаютъ измѣнники, предатели, злодѣи, Іуды?

— Что такое моя ложь и мои преступленія передъ вашими?—продолжалъ, не слушая его, развивать свою мысль Дмитрій Степановичъ съ упорствомъ маньяка.—Дѣтская шалость, ничего больше... Вамъ должно быть тяжело вспоминать прошлое и еще непріятнѣе вдумываться въ настоящее, ваше величество, не правда ли? Въ чемъ собственно меня можно упрекнуть? Что я приказалъ вырыть изъ

могилы трупъ, чтобъ похоронить его въ другую? А сколько вы готовите могилъ! Сколько труповъ!..

— Молчите, молчите! Я не хочу ничего знать!—вскричалъ король, закрывая лицо руками.—И какъ вамъ не совѣстно... я считалъ васъ своимъ другомъ... за что вы меня мучите? За что? Развѣ вы не видите, какъ я одинокъ, какъ ненавидимъ всѣми! Когда она сажала меня на престолъ,—продолжалъ онъ со слезами въ голосъ,—я ее умолялъ о поддержкѣ, я ей говорилъ: мнѣ нужны не одни только ваши солдаты и пушки, ваше величество, мнѣ нужна нравственная поддержка. Обѣщайте мнѣ, что вы меня не покинете, не отнимете у меня вашего довѣрія, дозволите мнѣ обращаться къ вашему величеству за совѣтами, не какъ къ царю только, а такъ же, какъ къ женщицѣ, чувствительное сердце которой мнѣ лучше всѣхъ извѣстно! Вотъ что я ей писалъ, умоляя о свиданіи... Она отвѣтила отказомъ! О, въ какомъ я былъ отчаяніи! Тутъ только понялъ я, что обреченъ на гибель! Да, да, я погибну! Никто не разувѣритъ меня въ противномъ! Къ сожалѣнію, я не дуракъ и все вижу и понимаю, всѣ козни ихъ я вижу насквозь и ласкаю ихъ, лгу имъ, притворяюсь, что вѣрю имъ, заискиваю въ нихъ! Вотъ эти самые, что валяются подъ моимъ столомъ, упившись моимъ виномъ, какъ проспятся, такъ разбѣгутся отсюда по всему городу, ругая меня и клевета на меня каждому встрѣчному и поперечному! Хотите, я вамъ скажу, къ какой партіи каждый изъ нихъ принадлежитъ, и которымъ изъ враговъ моихъ онъ сочувствуетъ... Тѣмъ ли, которые стремятся меня низвергнуть, чтобъ самимъ занять мое мѣсто, или тѣмъ, которые интригуютъ съ нѣмцами за иностраннаго принца? Всѣ, всѣ хотятъ моей гибели! Расходятся только въ средствахъ для этой цѣли: одинъ предлагаетъ ссылку, другой смерть, третій заточеніе... Ни на кого не могу я положиться. Ни на кого! Въ каждой изъ моихъ любовницъ я вижу шпионку и предательницу, и, обнимая ее, я знаю навѣрное, что она побѣжитъ изъ моихъ объятій туда, гдѣ ждутъ ея доносовъ на меня! Есть ли человѣкъ несчастнѣе меня, Аратовъ? Есть ли положеніе безвыходнѣе? Все у меня ускользаетъ изъ рукъ, все рушится, за что бы я ни пытался ухватиться! Да, да, почва колеблется у меня подъ ногами, я не могу этого не видѣть, не сознавать... стоитъ мнѣ только привязаться къ человѣку, чтобъ его потерять... Вотъ и вы хотите меня покинуть, Аратовъ! Я это ужъ давно замѣчаю... Не стали бы вы мнѣ рассказывать про себя такіе ужасы, если бы дорожили моей дружбой, моимъ довѣріемъ... Что мнѣ за дѣло до вашего прошлаго?—продолжалъ онъ со слезами, тономъ капризнаго избалованнаго ребенка.—Пока я вашего прошлаго не знаю, оно для меня не существуетъ, и я могу васъ считать человѣкомъ, достойнымъ моей дружбы, а когда я его узнаю, между нами воздвигнется преграда, я долженъ буду вамъ запретить входъ во дворецъ, дол-

женъ буду донести на васъ русскому послу, выдать васъ, способствовать вашей гибели! Вотъ какимъ непріятностямъ вы меня подвергаете! Это ужасно! Я не ожидалъ отъ васъ такой жестокости!..

Аратовъ слушалъ его молча, и по мѣрѣ того, какъ хмель испарялся изъ его головы, на его стиснутыхъ блѣдныхъ губахъ выдвигалась улыбка глубочайшаго презрѣнія. Какъ могъ онъ разсчитывать на поддержку такого человѣка, который въ чудовищномъ своемъ себялюбіи ни передъ чѣмъ не остановится, не пожертвуетъ даже и минутнымъ удовольствіемъ для спасенія жизни того самаго, который доставлялъ ему эти удовольствія!

Надо было окончательно потерять сознаніе отъ угрызеній совѣсти и отъ вина, чтобы искать въ немъ заступничества и поддержки!

Занималась заря. Огнямъ въ канделябрахъ все труднѣе и труднѣе было бороться съ дневнымъ свѣтомъ, блѣсоватой мглой пробивавшимся въ окна.

Обыкновенно, когда утренняя заря заставляла пирующихъ во дворцѣ, прислуга спѣшила продлить искусственнымъ образомъ ночь, запирая внутренніе ставни, но въ то утро камердинеръ не рѣшился войти въ покой, гдѣ его величество плакалъ горькими слезами на плечѣ москаля, а прочимъ было все равно: свѣтитъ ли луна или солнце: подъ столомъ, гдѣ они валялись мертвецки пьяные, и днемъ было такъ же темно, какъ и ночью.

XXIX.

Солнце было высоко, когда Аратовъ проснулся съ ноющей болью во всѣхъ членахъ отъ тщетныхъ усилій освободиться отъ страшнаго кошмара, давившаго ему грудь.

Послѣ выпитаго безъ мѣры вина и непріятнаго объясненія съ Юльяніей, подъ впечатлѣніемъ котораго онъ наболталъ королю столько лишняго, онъ заснулъ крѣпкимъ тяжелымъ сномъ, полнымъ страшныхъ видѣній. Грезилось ему именно то, что онъ такъ старательно силился забыть—похороны мнимой покойницы подъ деревенскимъ храмомъ въ Малявинѣ, въ фамильномъ склепѣ. Грезилось ему, что онъ вторично хоронитъ Елену, и не трупъ неизвѣстной вмѣсто нея, а ее самоё закапываетъ собственноручно въ землю. Она мертва, холодна и неподвижна, не дышитъ, глаза ея закрыты, это трупъ, но трупъ этотъ оказываетъ ему странное сопротивленіе. Сколько земли ни насыпаетъ онъ на него, она разсыпается, и невидимая таинственная сила выталкиваетъ трупъ наружу. Лежитъ передъ нимъ замученная имъ жертва, блѣдная и холодная, съ опущенными длинными золотистыми рѣсницами, въ бѣломъ вѣнчалномъ нарядѣ, съ распущенными волосами и загадочной улыбкой на губахъ, между которыми сверкаетъ бѣлая полоска зубовъ.

Долго и отчаянно боролся онъ съ этимъ трупомъ, не одолѣвъ его: Елена такъ и осталась не похороненной, когда онъ наконецъ открылъ глаза и увидалъ себя не въ темномъ склепѣ съ мертвецомъ, а въ уютной спальнѣ, на широкой кровати, сквозь пологъ которой пробивались яркіе лучи солнца.

Подъ окнами слышалась шумная возня, оживленные голоса, а издалека долетали топотъ коней, звонъ шпоръ и оружія, звонкій смѣхъ, возгласы и даже какъ будто музыка...

— Десятый часъ, сударь, — объявилъ Езебіушъ, послѣшно входя въ комнату и отдергивая пологъ у кровати, на которой господинъ его лежалъ съ открытыми глазами, тщетно пытаясь отдѣлится впечатлѣнія сонныхъ видѣній отъ дѣйствительности, съ раздраженіемъ спрашивая себя: почему преслѣдуетъ его такъ упорно образъ Елены? Почему вспоминаетъ онъ ее теперь при каждомъ удобномъ случаѣ, когда говорятъ про женскую красоту и про женскую невѣрность?.. Вчера образъ ея всталъ передъ нимъ, когда на террасѣ рѣчь зашла о незнакомкѣ, избранной княгиней Изабеллой для какихъ-то таинственныхъ цѣлей... Видѣніе не переставало его преслѣдовать и во время свиданія съ Розальской. Въ то время, какъ она изливала передъ нимъ въ страстныхъ выраженіяхъ свою тоску и любовь, онъ сравнивалъ ее мысленно съ Еленой.. Потомъ за карточнымъ столомъ потребность заговорить про нее сдѣлалась такъ сильна, что онъ чуть было не выдалъ своей тайны... Хорошо, что король не далъ ему договорить!..

Однако пора кончить затѣянную любовную канитель съ Розальской. Она права, увѣряя, что медлить дальше опасно. Надо жениться, сдать ея имѣнія на аренду вѣрнымъ людямъ, оставить старшимъ управителемъ Езебіуша, забрать капиталы Розальской и уѣхать. Надоѣла ему Польша со своимъ слюняемъ королемъ и безмозглыми магнатами. Французы много интереснѣе. Тамъ тоже готовится политическій и общественный переворотъ, при которомъ человѣку съ здравымъ смысломъ и съ энергіей многого можно достигнуть. Лучше тамъ попытать счастья, чѣмъ здѣсь.

Вспомнились пьяныя рѣчи короля, и стало тошно. Какъ онъ струсилъ, услышавъ намекъ на преступленіе, совершенное его любимцемъ!

Ждать помощи отъ Станислава-Августа, рассчитывать на поддержку такого нравственного ничтожества! Да онъ далъ бы родной матери живой сгорѣть на кострѣ, чтобъ не обжечь себѣ пальцы, снимая ее съ него.

Пока мысли эти беспорядочными отрывками наворачивались Аратову на умъ, Езебіушъ помогаль ему наряжаться въ парадный праздничный костюмъ и убираль ему голову, не переставая рассказывать о томъ, что происходитъ въ королевской резиденціи.

— Торопятся окончить уборанство парка къ завтраку. Гостей ждутъ рано. Приказано сѣдлатъ верховыхъ лошадей для дамъ.

Его величество уже часа два какъ изволили встать и прогуливаются по саду, любятся работой живописцевъ и архитекторовъ. Лѣтній театръ весь въ разноцвѣтныхъ огняхъ будетъ горѣть, а бесѣдки цвѣтами и коврами разубраны. Въ гротѣ спрятаны музыканты. Въ ронпуантѣ приготовлена колляція изъ сластей и винъ. Какъ только гости сядутъ кушать — музыка заиграетъ. Слышите, ужъ сыгрываются?—прибавилъ онъ, кивая по направленію того мѣста въ паркѣ, гдѣ готовилось одно изъ многочисленныхъ развлеченій для ожидаемаго блестящаго общества.

Прибѣжалъ пажъ узнать отъ имени короля, скоро ли придетъ г. Аратовъ. Его величество не желаетъ садиться за столъ безъ него.

Дмитрій Степановичъ поспѣшилъ во дворецъ.

Отъ попадавшихся ему навстрѣчу придворныхъ онъ узналъ, что праздникъ обѣщаль быть блестящѣе, чѣмъ предполагали. Каждую минуту приходили сюда изъ города вѣсти наипрїятнѣйшаго свойства: знатнѣйшія пани одна за другой присылали своихъ дворскихъ юношей и дворскихъ маршаловъ объявить королю, что онѣ будутъ участвовать въ готовящейся карусели. Пани коханьку изъявилъ желаніе привезти къ балу цѣлое общество масокъ. Князь Репнинъ прислалъ письмо, должно быть, очень прїятнаго содержания, если судить по тому, какъ обрадовался ему король и какъ щедро одарилъ посланца...

Веселая суматоха во дворцѣ съ минуты на минуту усиливалась; во всѣхъ покояхъ, по которымъ проходилъ Аратовъ, видѣлъ онъ вокругъ столовъ, уставленныхъ золотою и серебряною утварью, богемскимъ хрусталемъ и саксонскимъ фарфоромъ, гайдуковъ и пажей въ блестящихъ костюмахъ, съ охапками душистыхъ цвѣтовъ для украшенія столовъ, каминовъ, вездѣ, гдѣ только можно было поставить вазу съ красивымъ букетомъ. Садовники вносили апельсинныя и лимонныя деревья въ цвѣту, мирты, олеандры. Паркетъ во многихъ мѣстахъ, по указанію короля, усыпали цвѣтами. Однимъ словомъ, дворецъ, съ растворенными настежь окнами и дверями на цвѣтникъ, разбитый передъ нимъ, казался продолженіемъ этого цвѣтника.

— Мы въ жилищѣ фей, ваше величество,—замѣтилъ съ улыбкой Аратовъ, проникая въ маленькую столовую во внутреннихъ покояхъ короля, гдѣ его величество прохаживался взадъ и впередъ въ радостномъ возбужденіи мимо стола съ сервированнымъ на два прибора завтракомъ, за который онъ не хотѣлъ садиться безъ Дмитрія Степановича.

— Фей всѣ пожалуютъ, всѣ до единой! Такого блестящаго собранія красавицъ Лазенки еще не видывали,—сказалъ король, весело потирая руки, и, указавъ на мѣсто за столомъ Аратову, самъ сѣлъ и съ большимъ аппетитомъ началъ кушать, приговари-

вая, что необходимо запастись силами на то, что имъ предстоитъ вынести въ этотъ день.

— Черезъ часъ начнутъ съѣзжаться... Карусель начнется ровно въ двѣнадцать. Потомъ легкій завтракъ, за который дамы сядутъ уже переодѣтыми для прогулки по парку. Для желающихъ будутъ готовы коляски. Передъ обѣдомъ отдыхъ въ покояхъ, приготовленныхъ для фей, какъ вы ихъ назвали... Совѣтую вамъ взглянуть на убранство этихъ покоевъ, останетесь довольны. Однихъ духовъ и косметиковъ наставлено во всѣхъ уборныхъ на тысячу червонцевъ! Наши пани любятъ духи. Камеристки ихъ уже прибыли и все готовятъ... Чѣмъ кавалеромъ желаете вы быть за столомъ, Аратовъ? Предупреждаю васъ, что дама вашего сердца пріѣдетъ съ пани Анной только къ балу... а также всѣ пани изъ «фамиліи». Желаютъ отличиться отъ прочихъ, понимаете?

— Мы, значить, и таинственную незнакомку увидимъ только вечеромъ?

— Только вечеромъ... Но я вамъ самага главнаго не сказалъ,— продолжалъ король, вынимая изъ бокового кармана своего бѣлаго атласнаго, расшитаго драгоценными каменьями камзола, сложенное письмо, которое онъ подалъ Дмитрію Степановичу.— Прочтите-ка это, и вы согласитесь, что я не могу не назвать счастливымъ сегодняшній день!

Тотъ, кто видѣлъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Станислава-Августа плачущимъ за карточнымъ столомъ, уставленнымъ кубками и бутылками, при свѣтѣ занимавшейся зари, не узналъ бы его теперь, такъ былъ онъ веселъ, свѣжъ и красивъ въ бархатномъ, вышитомъ серебромъ, голубомъ французскомъ кафтанѣ, бѣломъ атласномъ кюлотѣ и башмакахъ съ брильянтовыми пряжками на бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Пышное жабо изъ драгоценныхъ кружевъ самымъ выгоднымъ образомъ отгнѣяло свѣжіи цвѣтъ лица и ласковый блескъ его красивыхъ, женскихъ глазъ.

— Ну, что вы на это скажете?— спросилъ онъ, когда, окончивъ чтеніе письма, Аратовъ протянулъ ему его обратно.— Не правда ли, это доказываетъ, что я не напрасно рассчитывалъ на ея доброе ко мнѣ расположеніе?

— Кто же въ этомъ сомнѣвается, ваше величество?

— Въ томъ-то и дѣло, что многіе сомнѣваются! Но эта новая милость докажетъ, что я знаю русскую императрицу лучше всѣхъ на свѣтѣ и ужъ, конечно, лучше Потемкина, который такъ хвастается ея довѣріемъ и дружбой! Нѣтъ, Аратовъ, что тамъ ни говорятъ, а полура великая вещь, и никогда женщина съ тонкимъ вкусомъ не удовольствуется одною только грубою физическою красотою въ человѣкѣ, котораго она къ себѣ приблизить! Нужна деликатность сердца, нѣжность, надо умѣть любить,— продолжалъ онъ, въ увлеченіи своимъ любимымъ предметомъ, не ожидая отвѣ-

товъ на предложенные вопросы и не замѣчая саркастической улыбки, съ которой его слушали. — И, чтобъ просить, нуженъ талантъ. Нужно, во-первыхъ, знать личность, къ которой обращаешься съ просьбой, затѣмъ надо умѣть находить такія слова, которыя идутъ прямо къ сердцу, и тщательно избѣгать всего, что можетъ нарушить гармонію того чувства, которое желательно возбудить... На это не всякій способенъ, не правда ли?

— Да и вообще просить не всякій способенъ, — угрюмо замѣтилъ Аратовъ.

— Не правда ли? — весело повторилъ король, понимая по-своему смыслъ даннаго отвѣта на его вопросъ. — И вѣдь какіе странные! не умѣютъ даже и приступить къ дѣлу, а потомъ, при неудачѣ, жалуется на несправедливость судьбы!...

— Кого изъ вашихъ кредиторовъ намѣрены вы теперь раньше всѣхъ удовлетворить, ваше величество? — довольно таки безцеремонно прервалъ эти разсужденія Аратовъ. — Деньги вы просили для уплаты вашихъ долговъ, и выйдетъ довольно неловко, если послѣ того, какъ вы ихъ получите, на васъ будутъ продолжать жаловаться въ Петербургъ.

— Послушайте, Аратовъ, долговъ у меня такъ много, что дарованной мнѣ суммой все равно всѣхъ не удовлетворишь, и чѣмъ обижать людей несправедливостью, не лучше ли со всѣми обойтись поровну?

— То-есть никому не платить?

— Вотъ именно. Ну, развѣ я не правъ? А если вы, къ тому же, возьмете въ соображеніе, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта, — что я обѣщалъ княжнѣ Гедвигѣ брильянтовый парюръ, точно такой, какъ у Коссииковской, а графинѣ Юліи заграничную коляску и пару сѣрыхъ лошадей, не говоря ужъ о проигранномъ пани Розаліи загородномъ домикѣ на пари...

— А знакомство съ таинственной красавицей? Не мѣшаетъ вашему величеству и на этотъ предметъ отложить нѣсколько десятковъ тысячъ, — со смѣхомъ подсказалъ Аратовъ.

— Правда, надо и объ этомъ заранѣе озаботиться.

— Нечего, значить, и думать объ уплатѣ долговъ?

— Очень радъ, что вы теперь и сами въ этомъ убѣдились... Впрочемъ, мы про это еще успѣемъ поговорить, а сегодня намъ предстоитъ еще столько дѣла до приѣзда гостей, что ни минуты нельзя терять.. Мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе насчетъ вечерняго представленія. Вы знаете, какъ хорошо изучилъ я роль Париса въ интермедіи, которая должна была быть представлена на несостоявшемся спектаклѣ у Любомирскихъ? Я для этой роли написалъ костюмъ изъ Парижа... Не найдете ли вы возможнымъ предложить Браницкому уступить мнѣ эту роль?

— Попробую. Но кому же, ваше величество, намѣреваетесь предложить яблоко? Богинь готовятся изображать такія красавицы, что выборъ между ними довольно затруднителенъ.

— Это мой секретъ.

Они обошли весь паркъ, останавливаясь то тутъ, то тамъ передъ работающими надъ его украшеніемъ, чтобъ, выслушивать ихъ объясненія о готовящихся эффектахъ при вечернемъ освѣщеніи, и, наконецъ, король, загадочно ухмыляясь, привелъ своего спутника къ скамейкѣ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ парка, подъ развѣсистымъ каштаномъ. Скамейка эта, довольно грубо сдѣланная изъ простого дерева, была особенно красиво разубрана зеленью и цвѣтами, и надъ нею спускался пунцовый шелковый шатеръ съ золотой бахромой, на которомъ золотыми буквами красовалась надпись: «Въ память перваго свиданія».

— Догадываетесь вы, для кого я приготовилъ этотъ сюрпризъ?— спросилъ король, самодовольно усмѣхаясь.

При первомъ взглядѣ на эту претенціозную выдумку лицо Аратова исказилось досадой.

— Какъ же догадаться!—отвѣчалъ онъ угрюмо.—Да и всѣ догадаются. Впрочемъ, вашему величеству, можетъ быть, это и угодно?— прибавилъ онъ съ отгѣнкомъ презрѣнія.

Король смутился.

— Вы думаете, что ей это будетъ непріятно?— нерѣшительно спросилъ онъ.

— Я думаю, что надо быть совсѣмъ потерянной женщиной, чтобы обрадоваться такому афишированію...

— Вамъ какъ будто за нее обидно? Точно вы ее знаете!—процѣдилъ сердито сквозь зубы король, отвертываясь, чтобы не встрѣчаться взглядомъ съ насмѣшливыми глазами Аратова, и направляя свой путь дальше по тѣнистой аллеѣ къ фонтану, гдѣ нѣсколько рабочихъ подъ наблюденіемъ декоратора оканчивали устройство иллюминации. Тутъ онъ остановился и приказалъ декоратору снять шатеръ съ надписью надъ скамейкой.

— Вы мнѣ, можетъ быть, и цвѣты прикажете убрать?—съ усмѣшкой обратился онъ къ Аратову, который, пожимая плечами, холодно отвѣтилъ, что здѣсь никто ничего не можетъ приказывать его величеству.

Дмитрій Степановичъ не могъ не видѣть, въ какое раздраженіе приводитъ его величество перемѣна его обращенія съ нимъ, но враждебное настроеніе его ко всему окружающему, начиная отъ цвѣтовъ, на каждомъ шагу лѣзущихъ ему въ глаза, и кончая самодовольной красивой фигурой его коронованнаго друга, съ каждой минутой усиливалось, и язвить его замѣчаніями, тѣмъ болѣе непріятными, что въ справедливости ихъ онъ не могъ не сознаваться, доставляло Аратову наслажденіе. Великіе міра сего правды не пе-

реносятъ и жестоко мстятъ за нее,—онъ это зналъ, какъ нельзя лучше,—но сегодня онъ какъ будто задался цѣлью навсегда поссориться съ первымъ человѣкомъ въ королевствѣ, и ему бы это непремѣнно удалось, если бы появленіе гостей не заставило короля поспѣшно отъ него удалиться.

Начался праздникъ. Шумной веселой толпой разсыпались приглашенные по аллеямъ парка и по покоемъ дворца; всюду заперстрѣли красивые наряды дамъ, въ расшитыхъ золотомъ и шелками французскихъ матеріяхъ, муслинахъ и крепахъ, въ высокихъ напудренныхъ прическахъ, надъ которыми много часовъ сряду изоцрялись искусные волосочесы, стройныя маленькія ножки на высокихъ каблучкахъ въ атласныхъ башмачкахъ всевозможныхъ цвѣтовъ, топтали мягкую, усѣянную цвѣтами мураву на лужайкахъ и мелькали подъ сводами столѣтнихъ деревьевъ, осыпанныя золотымъ дождемъ солнечныхъ лучей, пронизывающихъ зеленую листву. Веселый смѣхъ и оживленный говоръ не смолкали ни на минуту, сливаясь съ звуками оркестровъ, игравшихъ во всѣхъ концахъ парка. Программа увеселеній исполнялась съ удивительнымъ ансамблемъ и одушевленіемъ. Всѣ точно сговорились способствовать торжеству. Дамы другъ передъ другомъ соперничали въ красотѣ, свѣжести, граціи, веселости и любезности. Наряды ихъ были восхитительны, и Станиславъ-Августъ порхалъ между ними, какъ мотылекъ промежъ цвѣтовъ, расточая изысканнѣйшіе комплименты и страстные, полные краснорѣчивѣйшихъ любовныхъ признаній, взгляды на всѣ стороны. Каждая женщина, къ которой онъ обращался, могла думать, что онъ съ радостью отдастъ за нее жизнь, такими влюбленными глазами онъ на нее смотрѣлъ, предлагая ей цвѣтокъ, чашку бульона или бисквитъ.

Сама природа благопріятствовала устройтелю праздника. Яснѣ дня трудно было желать. На синемъ небѣ не замѣтно было ни единого облачка, а воздухъ былъ мягокъ, тепелъ и душистъ.

Карусель удалась, какъ нельзя лучше. Даже старики и старушки, принимавшіе участіе въ блестящихъ каруселяхъ, устраиваемыхъ въ Дрезденѣ покойнымъ королемъ для несчастной графини Козель, не могли не согласиться, что ничего лучшаго они не видывали.

Прекрасно выдрессированная прислуга въ красивыхъ ливреяхъ, расшитыхъ по всѣмъ швамъ галунами, ловко лавировала промежъ публики, съ тяжелыми серебряными подносами, уставленными прохладительными напитками, фруктами, мороженымъ, предугадывая желаніе полакомиться и освѣжиться, а ожиданіе предстоящихъ вечеромъ наслажденій усиливало всеобщее удовольствіе.

Одному только Аратову было тоскливо и скучно среди всеобщаго веселья. Все это ему пріѣлось, казалось пошло и глупо безцѣльно! Фальшь улыбокъ накрашенныхъ губъ, бѣлила и ру-

мяна на щекахъ, искусственный блескъ подмалеванныхъ глазъ невыразимо раздражали его. Противны были ему расфранченныя куклы съ кокетливыми взглядами и рассчитанными на эффектъ движеніями, но еще гаже и смѣшнѣе казались ему мужчины, ихъ подражаніе французамъ, кривлянье, стараніе замаскировать мысли, чувства и стремленія подъ заученными фразами и взглядами. Всѣхъ онъ ихъ зналъ хорошо, такъ же хорошо, какъ и сами они знали другъ друга, и карикатурная комедія, разыгрываемая ими, казалось ему отвратительной.

Вотъ съ превеликой помпой подѣхали къ воротамъ парка Чарторижскіе, знаменитый князь Адамъ съ сыномъ, супругомъ очаровательной Изабеллы, въ золоченой коляскѣ, окруженные блестящей свитой всадниковъ, предшествуемые скороходами. Всѣ глаза устремляются на короля, который съ худо скрываемымъ волненіемъ и торжествующей улыбкой, спѣшитъ навстрѣчу заядлѣйшихъ своихъ враговъ, радушно протягивая имъ руки, привѣтствуя ихъ напыщенной фразой, которую онъ съ умысломъ произноситъ такъ внятно и громко, что сотни людей могутъ ее слышать и съ прикрасами фазнести по всему городу. Многіе сюда пріѣхали единственно для того, чтобы быть свидѣтелями этой знаменательной встрѣчи, значеніе которой всѣмъ извѣстно. Она происходитъ у мраморной лѣстницы большой террасы, съ которой его величество сошелъ въ ту самую минуту, когда изъ сосѣдней аллеи появилось блестящее шествіе. Объятіямъ и поцѣлуямъ нѣтъ конца. Изъ присутствующихъ многіе не въ силахъ скрыть ехидной усмѣшки. Кому же не извѣстно, что «фамилія» отказалась отъ своихъ замысловъ противъ Понятовскаго только на время, и что при первомъ удобномъ случаѣ король не преминетъ попытаться ихъ утопить, чтобы не погибнуть отъ нихъ?

Его величество ведетъ почетныхъ гостей во дворецъ, гдѣ при ихъ появленіи раздается музыка. Чтобы сѣсть за столъ, ожидаютъ только одну почетную гостью да князя Карла Радзивилла. И всѣ находили это въ порядкѣ вещей: важнѣе, вліятельнѣе и богаче пане коханку въ Рѣчи Посполитой нѣтъ магната, и нѣтъ также болѣе уважаемой женщины той, что пріѣхала вскорѣ послѣ Чарторижскихъ, и къ которой также съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія и безграничной преданности вышелъ навстрѣчу король.

Про эту женщину, хотя она была еще жива, не удалась въ монастырь и жила въ своемъ варшавскомъ дворцѣ, окруженная дѣтьми и вѣрными друзьями, уже успѣла составиться легенда, вѣнчавшая ее ореоломъ мученицы, почти святой. Злѣйшіе враги ея, а такими были всѣ развратники и развратницы—страны, не говорили про нее дурно. Потому, можетъ быть, что никто бы имъ не повѣрилъ?

Во всѣ времена и во всѣхъ обществахъ всегда были и будутъ личности, олицетворяющія собою идеаль добра и правды, и такія

сверкають яркими звѣздами, среди глубочайшей и безотраднѣйшей тьмы заблужденія и порока. И чѣмъ растленнѣе общество, чѣмъ гнуснѣе его вкусы и стремленія, тѣмъ чище и свѣтлѣе горять эти свѣточи христіанскихъ добродѣтелей.

Въ польскомъ обществѣ того времени эта женщина была именно такимъ свѣточемъ. Безъ словъ, однимъ своимъ примѣромъ, говорила она несчастнымъ жертвамъ сластолюбія короля, барахтающимся во лжи, развратѣ и отчаяніи: «Дѣлайте, какъ я, искупите вашъ грѣхъ покорностью и терпѣніемъ, откажитесь отъ удовлетворенія язвѣннаго самолюбія и мести за обиду, отвернитесь отъ зла и сотворите благо, и вы успокоитесь. Счастья я вамъ не обѣщаю, но за душевный миръ вамъ ручаюсь».

Сама она была бы даже счастлива, если бы душевный покой, купленный ею цѣною мучительной душевной борьбы, слѣды которой можно было прочесть на ея раньше времени поблѣднѣвшемъ и увядшемъ лицѣ, не нарушался по временамъ жестокими требованіями свѣта, которымъ она подчинялась, какъ справедливому возмездію за минутное заблужденіе. Одно изъ этихъ требованій, и самое для нея мучительное, была необходимость принимать у себя въ домѣ, раза два въ годъ, виновника ея несчастій, короля, и показываться въ его дворцѣ, на торжественныхъ праздникахъ въ родѣ описываемаго нами. Проводить нѣсколько часовъ сряду, въ средѣ любовницъ вѣтренаго Станислава-Августа, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ онъ ей клялся въ вѣчной любви, было для нея мучительной пыткой, но она принадлежала къ высшей аристократіи, имѣла знатное и вліятельное родство, и лишать дѣтей своихъ покровительства этого родства она не считала себя въ правѣ, и послѣ постигшаго ее, какъ любящую женщину, горя она безропотно заняла въ обществѣ положеніе, приличествующее ея рожденію и состоянію, не унижаясь и не выставляясь, никого не презирая и ни въ комъ не заискивая, не вызываясь на услуги, но никому въ помощи и поддержкѣ не отказывая, и пользуясь своимъ вліяніемъ на невѣрнаго, чтобъ именовъ его дѣлать какъ можно больше добра. Полюбила она Станислава-Августа первою любовью, и любовь эта была послѣдней. Съ лѣтами чувство ея къ нему не измѣнялось, и если бы нужно было отдать за него жизнь, она ни на минуту не задумалась бы передъ такой жертвой. Недавно еще она была одна изъ замѣчательнѣйшихъ красавицъ въ странѣ и до сихъ поръ была еще прекрасна, но теперь красота ея ни въ комъ не возбуждала иныхъ чувствъ, кромѣ благоговѣйнаго восхищенія, и, продолжая вращаться между людьми, знавшими ее раньше жизнерадостной счастливницей, она душой отошла отъ нихъ такъ далеко, что ни зависть, ни злословіе, ни клевета не могли до нея коснуться.

Говорили, что король былъ на ней тайно обвѣнчанъ. Но справедлива ли была эта молва, до сихъ поръ остается неразгаданной

тайной. Очень можетъ быть, что возникло это убѣжденіе въ умахъ отъ желанія чѣмъ бы то ни было объяснить необъяснимое духовное обаяніе этой замѣчательной женщины.

Не успѣлъ король подать ей руку, чтобъ вести ее во дворецъ, какъ прибѣжалъ пажъ съ извѣстіемъ о прибытіи князя Радзивилла. Съ улыбкой освободивъ руку изъ руки его величества, она приказала ему поспѣшить навстрѣчу гостю и, не дождавшись отвѣта своего смутившагося кавалера, обратилась къ стоявшему по близости Аратову, съ предложеніемъ занять мѣсто короля и повести ее къ обѣденному столу.

Съ низкимъ поклономъ поблагодаривъ за оказанную ему честь, Дмитрій Степановичъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе и не только сѣлъ возлѣ нея за столомъ, но и провелъ съ нею съ часъ времени послѣ обѣда, когда все общество разсыпалось по парку, разбѣтилось на террасахъ или удалилось въ уборныя, приготовленныя съ цѣлью отдохнуть и приготовиться къ вечернимъ удовольствіямъ. Она не нуждалась ни въ отдыхѣ, ни въ новомъ туалетѣ, такъ какъ давно уже не принимала участія въ танцахъ и пріѣхала такъ поздно, что устать не успѣла, и, повидимому, общество Аратова ее заняло, потому что она не выражала желанія прекращать съ нимъ разговора. Она спрашивала его про Россію, которую знала очень поверхностно, желала узнать больше и, точно угадывая душевное настроеніе своего собесѣдника, наводила его на воспоминанія о раннемъ его дѣтствѣ, о его родителяхъ и о его прабабкѣ, знаменитой ненавистницѣ поляковъ и католиковъ, Серафимѣ Даниловнѣ Аратовой.

Личность эта ее интересовала. Она слышала про нее отъ кievскаго воеводы и отъ его супруги, а также и отъ русскаго посла. Затѣянный ею разговоръ пришелся по душѣ Дмитрію Степановичу. Вспоминая про Россію и про русскихъ, онъ забывалъ про Польшу и въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ попалъ въ водоворотъ политическихъ интригъ въ этой странѣ, почувствовалъ себя русскимъ. Слушательницу же его такъ заняли описаніе старой малявинской усадьбы на рубежѣ Польши и рассказы о старой помѣщицѣ, около полстолѣтія не выѣзжавшей изъ своей усадьбы, переживая въ полномъ одиночествѣ впечатлѣнія минувшей молодости, шумно и бурно проведенной при дворахъ Петра Великаго и его преемницъ, что она съ возрастающимъ любопытствомъ закидывала повѣствователя вопросамъ.

— Вы говорите, что прабабкѣ вашей скоро минетъ сто лѣтъ! Она, значить, можетъ помнить царя Петра и его сподвижниковъ?

— Эту эпоху она помнитъ гораздо лучше послѣдующихъ, и рассказы ея про царя Петра неистощимы. Но почему интересуетесь вы этой эпохой, сударыня?

— О, причинъ у меня на то много! Вѣдь Ягужинскіе намъ сродни.

— Моя прабабка знала и его. Она жила при дворѣ и, должно быть, была въ молодости довольно интересна. Царь любилъ ее за остроуміе и смѣлость. Онъ желалъ отдать ее замужъ за Репнина, дѣда нашего посла, но она предпочла менѣе блестящую партію и вышла за человѣка, котораго любила. Однако, про князя Аникиту Иваныча она вспоминаетъ съ удовольствіемъ и при послѣднемъ нашемъ свиданіи много разспрашивала про его внука.

— Вамъ теперь будетъ что про него рассказать. Князь Репнинъ съ изумительною настойчивостью приводитъ въ исполненіе жестокую политику своего правительства, — замѣтила она съ горечью.

— Но это не мѣшаетъ ему любить поляковъ...

— Не поляковъ, а польку, и такую, которая ужъ, конечно, возбуждаетъ въ немъ жалость къ своимъ соотечественникамъ не въ состояніи, — съ живостью поправила она его, и въ страхѣ, чтобъ онъ не придрался къ нечаянно сорвавшемуся съ ея губъ намеку, чтобъ заговорить про женщину, о которой ей было особенно непріятно вспоминать, она поспѣшила свернуть разговоръ на другой предметъ.

Солнце сѣло. Но въ этотъ день въ Лазенкахъ наступавшимъ сумеркамъ не суждено было превратиться въ ночь. Паркъ загорѣлся разноцвѣтными огнями, а дворецъ освѣтился съ низу до верху тысячами свѣчей въ люстрахъ и канделябрахъ.

Начался вечерній съѣздъ гостей, и навстрѣчу имъ грянула музыка скрытаго въ гротѣ оркестра. Изъ уборныхъ выпархивали, одна за другой, переодѣтыя въ бальные платья красавицы и, встрѣчаясь съ расфранченными кавалерами, обмѣнивались съ ними жеманными комплиментами и веселыми шутками. Въ дѣтнемъ театрѣ готовилось представленіе, и въ группахъ, спѣшившихъ туда черезъ паркъ, разговоры шли о роли Париса, уступленной королю Ржевускимъ, о новомъ костюмѣ его величества, о томъ, будутъ ли ждать къ представленію княгиню Изабеллу, которая всегда опаздываетъ для приданія себѣ интересу, или начнутъ безъ нея...

Собесѣдница Аратова поднялась съ мѣста и, думая, что ей хочется пройтись по парку, чтобъ полюбоваться иллюминаціей, онъ поспѣшилъ предложить ей руку. Но онъ ошибся въ своемъ предположеніи, она пошла не туда, куда всѣ стремились, а свернула въ боковую аллею, къ выходу изъ сада.

— Спѣшу домой, дѣти безъ меня спать не лягутъ... къ разлукѣ со мною они не привыкли, и я навѣрное найду революцію въ моемъ маленькомъ царствѣ, которую моимъ намѣстницамъ ни за что не усмирить, — шутливо объявила она съ худо скрытымъ волненіемъ, пробираясь со своимъ кавалеромъ по хорошо ей знакомымъ тропинкамъ. — Люди мои дожидаются у калитки, и вы окажете мнѣ большую услугу, если доведете меня до кареты, — продолжала она,

тревожно озираясь по сторонамъ, въ страхѣ быть узнанной и задержанной.

— Никого не желаю я беспокоить... Король, безъ сомнѣнія, занятъ своею ролью... Если самой не до веселья, то вѣдь это еще не причина мѣшать другимъ веселиться, не правда ли?—прибавила она, вскидывая на своего спутника взглядъ, въ которомъ улыбка, не покидавшая ея губъ, отражалась далеко не радостнымъ блескомъ.

Но улыбка эта казалась ему очаровательной, и ему было грустно расставаться съ этой женщиной, на которую онъ до сихъ поръ обращалъ такъ мало вниманія. Казалось, что, когда она отсюда уйдетъ, онъ будетъ еще болѣе одинокъ въ шумной блестящей толпѣ, съ которой у него такъ мало общаго въ мысляхъ и чувствахъ. Вдругъ какъ-то сблизился онъ съ нею, понялъ ея душу, ея страданія и мучительныя усилія ихъ скрыть подъ видомъ спокойнаго равнодушія. Ему хотѣлось крѣпко пожать маленькую нѣжную ручку, слегка опирающуюся на его руку, и сказать: «Не притворяйтесь со мною, не сдерживайте слезъ, отъ которыхъ вы задыхаетесь, я вамъ не чужой, я тоже несчастливъ, не могу себѣ найти ни покоя, ни утѣшенія, моя жизнь тоже кончилась, и впереди у меня ничего нѣтъ... Я васъ понимаю, сочувствую вамъ, и мнѣ было легче видѣть васъ плачущей, чѣмъ смѣющейся».

Но онъ ничего подобнаго ей не сказалъ, и она уѣхала, не догадавшись, какого рода чувства пробудила она въ его сердцѣ случайнымъ вниманіемъ и разговоромъ, которымъ она его подарила, благодаря стеченію обстоятельствъ, ничего общаго съ преднамѣренностью не имѣющихъ.

Чтобъ долѣе оставаться подъ ея обаяніемъ, онъ долго бродилъ по тѣмъ аллеямъ парка, которыя не сочли нужнымъ освѣщать, такъ далеки онѣ были отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ безпечная толпа предавалась веселью. Его туда не тянуло, къ раскрашеннымъ гримасникамъ, на которыхъ Станиславъ-Августъ промѣнялъ чудную женщину, любившую его безъ ума, и, не переставая размышлять о покинутой Аріаднѣ, съ такимъ достоинствомъ переносившей измѣну пустоголоваго своего соблазнителя, онъ спрашивалъ себя: какъ повернулась бы его судьба, если бы онъ ее встрѣтилъ раньше и добился бы ея любви? Безъ сомнѣнія, жизнь его сложилась бы совершенно иначе. Она заставила бы его полюбить добродѣтель, пробудила бы въ немъ угасшую вѣру въ Бога, въ бессмертіе души, во все, чему ему теперь такъ хотѣлось бы вѣрить! Онъ нашелъ бы въ ней то, чего Елена, не взирая на свою чистоту и непорочность и желаніе быть ему хорошей женой, не могла, не сумѣла ему дать...

Сопоставленіе этихъ двухъ женщинъ смутило его своею неожиданностью. Съ нимъ дѣлается что-то неладное, онъ какъ будто

утрачиваетъ способность управлять своими мыслями и чувствами, и отъ всякихъ пустяковъ теряетъ не только душевное равновѣсіе, но и находчивость, которою всегда отличался. Не можетъ до сихъ поръ оправиться отъ разочарованія въ королѣ, который оказался эгоистичнѣе и трусливѣе, чѣмъ онъ воображалъ, и, чѣмъ бы изыскивать другой какой нибудь способъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія, онъ забавляется безсмысленными представленіями, вытаскиваетъ изъ могилъ мертвецовъ и разыгрываетъ съ ними любовныя комедіи, такія же нелѣпыя и неестественныя, какъ тѣ, что разыгрываются теперь въ двухъ шагахъ отъ него, на разукрашенной цвѣтами сценѣ лѣтняго театра.

Чортъ знаетъ, что такое! Елену онъ похоронилъ, а морганатическая супруга Станислава-Августа сама себя похоронила, и никогда ей больше не воскреснуть ни для какого земного чувства... Стоитъ ли думать о томъ, что было бы, если бы онъ встрѣтился съ нею раньше, когда она была еще жива?

Онъ такъ долго прохаживался по отдаленнымъ аллеямъ парка, что наконецъ усталъ, въ изнеможеніи опустился на старый пенъ и, облокотившись на колѣни, опустилъ голову на руки. Какое-то странное оцѣпенѣніе начало постепенно имъ овладѣвать. По парку раздавались веселые звуки музыки, между листьями сверкали огоньки иллюминаціи, долеталъ сюда смѣхъ и громкій говоръ, но онъ ничего не слышалъ и не видѣлъ изъ того, что происходило вокругъ него; передъ его духовными очами проходили картины иного рода. Онъ видѣлъ себя въ бѣдной деревенской церкви, передъ образомъ Спасителя съ потемнѣвшимъ ликомъ. Кругомъ было темно, и съ трудомъ можно было различить царскія врата и старичка священника въ худенькой ряскѣ передъ ними. Толпа молящихся съ тяжелыми воздыханіями крестьянъ, изъ уваженія къ незнакомому барину, тѣснилась въ углахъ. Пшла всенощная. Вдругъ ликъ Спасителя, на который онъ машинально уставился разсѣяннымъ взглядомъ, оживился отъ приблизившейся къ нему нѣжной бѣлой ручки съ зажженной грошевой свѣчкой, которую старательно прикрѣпляли къ поставцу тонкіе дрожащіе пальчики, и на темномъ фонѣ, съ копошащимися грубыми тѣнями, вырѣзался профиль нѣжнаго женскаго личика, съ опущенными золотистыми рѣсницами на розовыя щечки. Обрамленное, точно золотымъ сіяньемъ, вьющимися кудрями, лицо дышало такой неземной красотой, что казалось видѣніемъ изъ другого міра. Очарованный, онъ не спускалъ съ него глазъ, и смущенная этимъ пристальнымъ взглядомъ дѣвушка въ простенькомъ платьѣ, привлекая его вниманіе, торопливо перекрестилась и, не поднимая на него глазъ, прошла къ клиросу, гдѣ стояла старая женщина, возлѣ которой она и оставалась неподвижно до конца службы.

Недѣли черезъ три, онъ въ этой же самой церкви вѣнчался съ нею.

Какъ она была тогда хороша! Да и позже, когда она приводила его въ ярость своимъ отвращеніемъ къ нему, когда ему хотѣлось ее убить за это отвращеніе, не могъ онъ ею налюбоваться. Да, да, такой красавицы онъ не встрѣчалъ и никогда не встрѣтитъ. Юльянію онъ любить и находить ее хорошенькой тогда только, когда ему удастся забыть про Елену... Какъ ему смѣшно слышать разговоры короля съ его приближенными о варшавскихъ красавицахъ! Сколько разъ ему хотѣлось ихъ диѳирамбы Юліи Потоцкой, Изабеллы Любомирской, Масальской и прочимъ прервать замѣчаніемъ, что одинъ взглядъ на его жену охладилъ бы ихъ восторгъ...

Видѣніе скрылось. Онъ поднялъ голову и увидалъ огни иллюминаціи, горѣвшей въ сосѣднихъ аллеяхъ, услышалъ музыку и оживленный гулъ голосовъ, прерываемый звонкимъ смѣхомъ. Онъ поднялся съ мѣста и вышелъ на разукрашенную гирляндами площадку, передъ лѣтнимъ театромъ, изъ котораго выходила публика.

Интермедія кончилась. За нею по программѣ слѣдовали живыя картины на импровизированной сценѣ у фонтана, фономъ которой служили окружающія деревья. Часть публики слѣшила туда, чтобъ занять мѣста, въ то время какъ другіе оставались передъ театромъ, чтобъ взглянуть на короля. Онъ былъ такъ интересенъ въ костюмѣ аркадскаго пастуха, въ которомъ по просьбѣ дамъ обѣщаль остаться до конца вечера!

Аратовъ присоединился къ группѣ придворныхъ, весело болтавшихъ о представленіи, о томъ, какъ его величество прекрасно справился со своею ролью, и какъ къ нему идетъ костюмъ Париса.

— Его величество окончательно затмилъ Венеру...

— Да, сегодня княжна Сапѣга не въ авантажѣ...

— Во всѣхъ отношеніяхъ.

Замѣчаніе это заставило всѣхъ расхохотаться. Должно быть, попало въ цѣль.

— Вотъ онъ!—возвѣстилъ чей-то голосъ, и всѣ глаза устремились на театръ, изъ котораго выходилъ король въ розовомъ съ голубымъ костюмѣ буколическаго пастушка, съ посохомъ, увитымъ цвѣтами, въ рукѣ и съ гирляндой изъ розъ на напудренномъ парикѣ, помолодѣвшій, веселый, жизнерадостный и такой красивый, что онъ не казался даже особенно смѣшнымъ.

Въ нарядной толпѣ дамъ, окружавшей его, Аратовъ узналъ княгиню Любомирскую и жену кievскаго воеводы съ Розальской, за которой тѣнью слѣдовалъ длинный Длусскій, но Дмитрію Степановичу даже и въ голову не пришло остановиться на нихъ, взглядомъ, онъ продолжалъ искать глазами кого-то въ толпѣ, а кого именно—этого онъ и самъ не зналъ, но отъ ожиданія волне-

ніе его съ минуты на минуту усиливалось, и сердце билось такъ сильно, что ему казалось, что онъ слышитъ это біеніе.

И вдругъ въ группѣ, тѣснившейся вокругъ короля, что-то произошло, всѣ разступились, а его величество съ пріятнѣйшей улыбкой на губахъ поспѣшилъ навстрѣчу двумъ женщинамъ, выходящимъ изъ сосѣдней аллеи. Одна, въ розовомъ платьѣ, усыпанномъ брильянтами и жемчугами, была княгиня Изабелла, а въ другой, въ бѣломъ, Аратовъ узналъ свою жену...

Король съ почтительнымъ поклономъ къ нимъ подошелъ. Княгиня что-то такое сказала, указывая на свою спутницу, которая отвѣчала на привѣтствіе его величества низкимъ реверансомъ. Онъ съ нею заговорилъ, и она отвѣчала ему, не поднимая глазъ, въ большемъ смущеніи, краснѣя подъ восхищенными взглядами, устремленными на нее со всѣхъ сторонъ.

У княгини Изабеллы былъ торжествующій видъ, и она съ самодовольной усмѣшкой озиралась по сторонамъ, точно желая сказать: «вотъ какую красавицу я вамъ привезла!»

Аратовъ стоялъ, какъ очарованный. Онъ даже не спрашивалъ себя: какъ попала сюда Елена, и что произойдетъ для него отъ этой встрѣчи? Онъ жадно всматривался въ знакомныя черты, прислушивался къ звуку ея голоса и ждалъ съ замирающимъ сердцемъ, когда же наконецъ онъ проснется, и видѣніе исчезнетъ.

Но оно не исчезало, и ему становилось жутко. Онъ почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ, обернулся и встрѣтился глазами съ пристально смотрѣвшимъ на него княземъ Репнинымъ.

Таинственная завѣса, застилавшая передъ нимъ дѣйствительность, разорвалась, и ему все стало ясно...

А праздникъ продолжался. Послѣ живыхъ картинъ — фейерверкъ, представлявшій храмъ любви въ огнѣ, послѣ фейерверка — танцы на лужайкѣ, съ масками, привезенными княземъ Радзивилломъ, подъ открытымъ небомъ, съ мигающими ласково звѣздами. Потомъ опять фейерверкъ, но ужъ на водѣ, съ изображеніемъ корабля въ пламени, а тамъ опять танцы, ужъ въ залахъ дворца. Веселое оживленіе не прекращалось; удовольствіе смѣнялось удовольствиемъ, и въ пылу любовныхъ признаній подъ звуки оркестровъ и гастрономическихъ наслажденій лакомствами и винами, подъ которыми ломились столы, мало кто обратилъ вниманіе на ухаживаніе русскаго посла за супругой кіевскаго воеводы и на ея довольный видъ послѣ продолжительной съ нимъ бесѣды. Прошелъ почти незамѣтно и другой инцидентъ: обморокъ хорошенькой пани Розальской... отъ жары и ароматовъ цвѣтовъ. Совсѣмъ больная пріѣхала на праздникъ, блѣдная, съ растеряннымъ взглядомъ.

Когда она лишилась чувствъ, ее хотѣли унести въ уборную, но пани Анна объявила, что она уѣдетъ съ нею домой, и хорошенькую вдовушку, все еще въ обморокѣ, понесли въ карету, въ ту самую минуту, когда король начиналъ танцовать менуетъ съ таинственной красавицей, которую привезла княгиня Изабелла.

Про Аратова всѣ забыли. Король вспомнилъ про него только за ужиномъ, когда всѣ дамы разѣхались, и за столомъ остались одни мужчины. На вопросъ его: куда дѣлся нашъ москаль?—кто-то отвѣтилъ, что Аратовъ скрылся еще до перваго фейерверка.

Отвѣтомъ этимъ его величество удовлетворился и больше не упоминалъ про него въ ту ночь, а когда на слѣдующій день ему доложили, что Дмитрій Степановичъ еще во время праздника уѣхалъ въ городъ со своимъ вѣрнымъ Езебиушемъ, и по собраннымъ справкамъ оказалось, что онъ въ ту же ночь покинулъ и городъ, въ дорожной каретѣ и неизвѣстно куда, король даже обрадовался такой неожиданной развязкѣ своей дружбы съ москалемъ, всегда казавшимся ему человѣкомъ подозрительнымъ и ненадежнымъ, хотя онъ и забавлялъ его оригинальными выходками, неистощимымъ остроуміемъ и отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ правилъ. Последнее время Аратовъ, все больше и больше утрачивая беззаботную веселость, такъ досаждалъ его величеству неприятными замѣчаниями и безтактными выходками, что общество его становилось со дня на день невыносимѣе. Къ тому же и примиреніе короля съ могущественными врагами обязывало его къ извѣстнымъ уступкамъ общественному мнѣнію, враждебно настроенному противъ москалей и всегда косо смотрѣвшему на его близость къ Аратову. Однимъ словомъ, исчезновеніе этого послѣдняго съ варшавскаго горизонта произошло, какъ нельзя болѣе кстати, и оставалось только желать, чтобъ онъ никогда больше сюда не возвращался.

Возликовали и во дворцѣ кievскаго воеводы, когда извѣстіе о бѣгствѣ москаля сюда проникло. Правыми оказались тѣ, которые относились недовѣрчиво къ этому человѣку, подозрѣвая его способнымъ на всевозможныя преступленія, даже на убійство. Торжествовали особенно аббатыкъ. Развѣ не онъ первый догадался о злодѣйствѣ проклятаго схизматика? Развѣ онъ не стоялъ на своемъ даже и тогда, когда за недостаткомъ уликъ противъ него никто не осмѣливался выразить подозрѣній насчетъ таинственной смерти его жены? Развѣ онъ всегда не повторялъ, что человѣкъ этотъ способенъ на всякое злодѣяніе?

Когда всѣ узнали, какъ равнодушно отнесся король къ исчезновенію своего любимца, и что русскій посольскій сказалъ: «надо надѣяться, что мы этого господина здѣсь больше не увидимъ», всѣ спрашивали другъ друга: неужели Розальская и теперь, когда

всѣ отъ него отвернулись, будетъ продолжать упрямитъ въ своей любви къ нему? Это было бы сумасшествіе, бѣсовское навожденіе, противъ котораго позволительны самыя крайнія мѣры...

Отъ печали и смущенія бѣдная Юльня не выходила изъ своихъ комнатъ, и, кромѣ пани Анны и Сесиліи, никто ея не видѣлъ. Говорили, что она заболѣла и, къ величайшему огорченію ясновельможной, упорно отказывается видѣть доктора. Рассказывали, будто она съ отчаянія покушалась на самоубійство, да и мало ли что болтали во дворцѣ кіевскаго воеводы, гдѣ всѣ были заинтересованы романомъ хорошенькой вдовушки съ ненавистнымъ москалемъ.

Сестра Фелицата даже помолодѣла отъ предвкушенія пріятныхъ перспективъ въ ближайшемъ будущемъ. Она убѣдила старшихъ резидентокъ и ближайшихъ къ ясновельможной компаньенокъ, панну Джевецкую и панну Недзелковскую, въ необходимости обратиться за помощью къ извѣстному заклинателю злыхъ духовъ, бенедиктинцу отцу Моисею, и эти панны ожидали только удобнаго случая, чтобъ умолить госпожу послѣдовать благому совѣту такой компетентной личности, какъ сестра Фелицата, а тѣмъ временемъ бесѣды съ дворскими дѣвицами въ сумеркахъ, передъ растворенной дверью въ садъ, о чортѣ и чертенятахъ возобновились, и къ обычной аудиторіи профессорши мракобѣсія присоединилось такое множество слушательницъ и слушателей, что лекторша должна была возвышать голосъ до крика, чтобъ быть услышанной всѣми жаждущими просвѣтиться насчетъ такого интереснаго предмета.

— Пора, пора пригласить въ этотъ домъ отца Моисея! Пора окропить здѣсь всѣ углы святой водой и прочесть во всеуслышаніе молитвы и заклинанія, отъ которыхъ бѣсы разсыпаются прахомъ! Пора очистить воздухъ!—повторяла она, грозно потрясая кулаками по направленію невидимаго врага.—А какъ это сдѣлать, я вамъ могу сказать, я была свидѣтельницей, больше того, я помогала отцу Моисею въ борьбѣ съ нечистой силой. Мы изгнали изъ матери Клеопатры пять бѣсовъ, изъ сестры Анжелики восемь! Вы должны знать,—продолжала она, устремляя страшные глаза съ изступленнымъ взглядомъ на дрожащихъ отъ ужаса слушательницъ,—когда бѣсы овладѣваютъ человѣкомъ, онъ ужъ самъ себѣ не принадлежитъ, и сердцемъ, и умомъ его, и волей владѣетъ сатана. За него думаетъ, говоритъ и дѣйствуетъ дьяволъ. Тотъ, кто хоть разъ видѣлъ бѣсноватаго, въ ту минуту, когда изъ него изгоняютъ бѣсовъ, тотъ сомнѣваться въ этомъ не можетъ, потому что онъ видитъ чертей такъ, какъ я васъ теперь вижу! Они вылѣзаютъ у него изъ глазъ, изъ ноздрей, изъ ушей, изо рта! О, это страшное зрѣлище! Не всякій его можетъ вынести!

Это была суцая правда. Отъ одного его описанія со многими слушательницами дѣлалось дурно, имъ казалось, что онѣ видятъ

бѣсовъ, и бесѣда прерывалась истерическими припадками и обмороками.

А затворничество Юльяніи между тѣмъ продолжалось. На всѣ просьбы выйти изъ спальни, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ въ саду или на балконѣ, она отвѣчала слезными мольбами оставить ее въ покоѣ и одну. Про Аратова она не спрашивала, и пани Анна запретила упоминать его имя въ ея присутствіи.

Прошло съ недѣлю, больная начала поправляться, явился сонъ и аппетитъ; она поднялась съ постели и просидѣла съ часъ времени на креслѣ передъ окномъ въ садъ. Можно было надѣяться на скорое выздоровленіе, и пани Анна рѣшилась ее покинуть на цѣлый вечеръ, чтобъ ѣхать на концертъ къ графинѣ Ржевусской, гдѣ она должна была встрѣтить все высшее варшавское общество, а также и русскаго посла, съ которымъ ей было особенно интересно повидаться послѣ внезапнаго и загадочнаго исчезновенія Аратова.

Къ ея величайшему удовольствію, князь Репнинъ первый заговорилъ съ нею про ненавистнаго москаля, какъ про личность, которой покровителямъ пани Розальской опасаться нечего.

— Я вамъ общалъ, что избавлю васъ отъ этого человѣка, графиня, и, какъ видите, сдержалъ слово,—замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Но намъ хотѣлось бы знать, надолго ли мы избавлены отъ опасности?—спросила она.

— Навсегда, графиня. Пѣсенка г. Аратова спѣта, и въ Варшаву онъ, во всякомъ случаѣ, не вернется.

— Извините, князь, но мнѣ хотѣлось бы знать, насколько я была права въ тѣхъ подозрѣніяхъ, которыя я позволила себѣ вамъ высказать на его счетъ. Помните, въ тотъ вечеръ, когда вы удостоили меня вашимъ посѣщеніемъ?

— Насчетъ смерти его жены? Ничего вѣрнаго не могу вамъ еще сказать. Слѣдствіе производится, но самое секретное, и я долженъ васъ предупредить, что малѣйшая неосторожность можетъ все испортить, — прибавилъ онъ, устремляя на нее выразительный взглядъ, значеніе котораго она поняла, какъ нельзя лучше.

Явилась на этотъ концертъ и княгиня Изабелла, но безъ красавицы, возбудившей такое любопытство на послѣднемъ праздникѣ въ Лазенкахъ. На вопросы о ней она отвѣчала, что къ ея пріятельницѣ пріѣхалъ мужъ, и что она собирается уѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Она здѣсь проѣздомъ, и ей нѣтъ цѣли знакомиться съ здѣшнимъ обществомъ. Если она приняла приглашеніе короля, то это для того, чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ мы веселимся у его величества,—прибавила она съ иронической усмѣшкой, всегда появлявшейся на ея губахъ, когда она говорила про своего эксклюзивника.

Впрочемъ разспросами о таинственной незнакомкѣ ей много не докучали, за послѣдніе дни про нее успѣли забыть. Всеобщее вниманіе было теперь обращено на князя Карла Радзивилла, у котораго начинали собираться тѣ самые недовольные настоящимъ положеніемъ страны, которые еще такъ недавно собирались у краковского кастеляна... Предвидѣлись новые смуты и раздоры, на этотъ разъ съ поддержкой Пруссіи и Австріи, обѣщавшихъ будто бы свое содѣйствіе возстанію противъ Россіи.

Занимала также общественное мнѣніе ссора короля съ княжной Салфгой и возвратъ нѣжности, проявляемый имъ къ княгинѣ Любомирской, а также вызывающій тонъ, проявляемый княгиней Изабеллой Чарторижской, каждый разъ, когда имъ случалось встрѣчаться въ публикѣ. Она такъ подчеркивала свое къ нему презрѣніе и ненависть, что во избѣжаніе скандала король, чувствовавшій себя всегда бессильнымъ передъ женщинами, къ которымъ былъ раньше не равнодушенъ, принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ избѣгать этихъ встрѣчъ.

Съ концерта Ржевусской пани Анна вернулась домой въ наилучшемъ настроеніи, нимало не подозрѣвая ожидавшаго ее непріятнаго сюрприза, а между тѣмъ не успѣла она переступить порогъ своей уборной, какъ ей объявили, что пани Розальской во дворцѣ уже нѣтъ.

Юльянія воспользовалась отсутствіемъ ясновельможной, чтобъ бѣжать, и бѣгство это было задумано такъ искусно, что сомнѣваться въ томъ, что оно было подготовлено заранѣе, не было никакой возможности.

До глубокой ночи никто во дворцѣ ничего не подозрѣвалъ. Какъ всегда, горѣлъ огонь въ ея комнатахъ часовъ до одиннадцати, и всѣ оставались бы до утра въ убѣжденіи, что пани Розальская преспокойно почиваетъ въ своей спальнѣ, если бы одинъ изъ сторожей, дѣлая свой обходъ по дворамъ, не замѣтилъ, что калитка въ переулочкѣ отперта, и что ключъ отъ нея, вмѣсто того, чтобы висѣть съ прочими ключами у изголовья старшаго джонста, торчитъ въ замкѣ. Въ испугѣ онъ всѣхъ перебудилъ, начиная съ дворцоваго маршала, который немедленно обошелъ помѣщенія обитателей дворца, чтобъ убѣдиться, кому понадобилось выйти въ такую позднюю пору изъ калитки. Врядъ ли при этомъ обыскѣ рѣшились бы беспокоить пани Розальскую, если бы не увидели дверь въ ея апартаментъ полуоткрытой. Когда проникли въ ея комнаты, то никого въ нихъ не нашли, всѣ три покоя были пусты, и на каждомъ шагу попадались слѣды бѣгства, какъ госпожи, такъ и служанки: ларцы и ящики были опорожнены, на полу валялись обрывки бумаги и бичевокъ, ни драгоценностей, ни денегъ нигдѣ не оказывалось, и наконецъ на столѣ бросалось въ глаза письмо въ запечатанномъ конвертѣ, съ надписью на имя пани Анны.

Въ письмѣ этомъ Юльня умоляла свою благодѣтельницу простить ей огорченіе, которое она ей причиняетъ, и забыть про нее. Не въ силахъ она жить безъ любимаго человѣка и рѣшила слѣдовать за нимъ всюду.

XXX.

Въ селѣ Воробьевкѣ шла уборка хлѣба.

И въ такую-то горячую пору Андрею понадобилось ѣхать въ городъ.

На обратномъ пути онъ не вытерпѣлъ, чтобъ не свернуть въ поле, гдѣ жали пшеницу, и увидавъ, что дѣло не идетъ такъ споро, какъ бы ему хотѣлось, отослалъ телѣжку съ лошадыю домой, а самъ принялся подгонять народъ, чтобъ до ночи ни одного не сжатаго колоса не оставалось.

Вернулся онъ домой, такъ притомившись, что насилу, насилу уговорила его жена поѣсть хоть горячихъ щей передъ сномъ. Ему было не до ѣды, и, просидѣвъ за столомъ минутъ пять, онъ поднялся съ мѣста, чтобъ скорѣе раздѣться и завалиться спать.

Поспѣшно легла и Маланья, прекративъ разспросы, на которые онъ отвѣчалъ неохотно,—такъ клонило его ко сну, а между тѣмъ онъ не засыпалъ и, проворочавшись съ боку на бокъ съ часть времени въ темнотѣ, самъ сердито возобновилъ прерванный разговоръ о гнилыхъ слухахъ, распускаемыхъ лихими людьми, чтобъ мутить народъ.

Вѣсти изъ Варшавы доходили сюда поздно, случайно и всегда въ извращенномъ видѣ, но Андрей не даромъ здѣсь выросъ, онъ зналъ, что самые нелѣпые слухи никогда даромъ не появляются и всегда предшествуютъ какимъ нибудь смутамъ. Чужало его сердце бѣду, но не зналъ онъ, откуда ее ждать, и это его раздражало. При-смирѣли въ ожиданіи и хохлы, и казаки, притаились жида, молчали и рускіе, ничѣмъ особеннымъ, кромѣ обычной заносчивости, не проявляли себя и поляки, но это было только затишье передъ бурей, и за смутными, глухими слухами начинали уже проявляться признаки зловѣщаго свойства: по дорогамъ большимъ и проселочнымъ все чаще и чаще попадались личности изъ того неблагонадежнаго элемента, чтó всегда всплываетъ на поверхность вѣбало-мученнаго житейскаго моря. Гдѣ скрывались до сихъ поръ эти люди, и для чего они являлись,—не стоило и спрашивать, никто этого не зналъ.

Андрей столкнулся съ такимъ человѣкомъ на постояломъ дворѣ въ Кіевѣ. Сидя за столомъ передъ миской жирныхъ галушекъ и запивая ихъ старой водкой, незнакомецъ рассказывалъ какіе-то турысы на колесахъ о томъ, кого да кого надо выбирать въ послы на конфедерацию, и подробно объяснялъ, чтó будетъ, если выберутъ людей изъ партіи Чарторижскихъ, чего ждать отъ Радзивилла, за

сколько мильоновъ продалъ кievскій воевода съ графомъ Браницкимъ москалямъ отчизну, и какая ихъ ждетъ казнь за измѣну, когда патриоты одержать верхъ.

Когда Андрей отправился на базаръ, онъ тамъ услышалъ такіе же толки и тоже отъ незнакомыхъ пришлыхъ людей. Вокругъ нихъ собирались толпами, закидывали ихъ вопросами и во всеуслышаніе повторяли ихъ отвѣты: всего больше льготъ надо ждать бѣдному народу отъ свѣтлѣйшаго князя Радзивилла. Онъ всѣхъ хлопковъ выпуститъ на волю и каждого одѣлитъ землей и грошами. А король вступилъ въ тайный союзъ съ врагами отчизны и далъ подписку русскому послу, что всѣхъ поляковъ, которые откажутся переходить въ греческую вѣру, будутъ топить въ колодцахъ и рѣкахъ. Много тому подобнаго вздора рассказывали смутьяны, и вздоръ этотъ распознался по всему городу и по предмѣстьямъ, чтобъ оттуда распространяться дальше по селамъ и хуторамъ. Андрей самъ слышалъ, какъ враки эти повторялись съ прикрасами всюду. И добро бы одни только хлопы этому вѣрили, это бы еще съ полгоря, но объ этомъ разсуждали и въ приказѣ, куда онъ заходилъ писать купчую на пустошь, купленную у сосѣдняго помѣщика. Въ приказѣ онъ нашелъ всѣхъ служащихъ въ переполахъ по случаю новаго распоряженія русскаго посла въ Варшавѣ, предлагавшаго начальству пограничныхъ съ Польшей русскихъ поселеній зорко слѣдить за народомъ, чтобъ не увлекался розсказнями смутьяновъ и выдавалъ бы ихъ головой начальству, дабы всѣ они понесли должную кару за подговоръ къ мятежу.

— Легко сказать! А какъ ихъ изловишь, когда ихъ такое множество, и съ каждымъ днемъ все новыя проявляются?—прибавилъ въ концѣ своего повѣствованія Андрей.

Жена его тяжело вздохнула.

— Не успѣла я тебѣ еще разсказать, а вѣдь я тутъ безъ тебя двухъ такихъ брехунцевъ изъ нашихъ приказала Лукьянычу розгами отодрать,—объявила она.

— Кто такіе?—спросилъ, съ живостью приподнимая голову съ подушекъ, Андрей.

— Павлушка Тихоновъ да Алешка Рожковъ. Калякала я тутъ съ бабами о льнѣ, что хуже прошлогодняго уродился, и вижу, съ огорода Аксютка бѣжитъ со всѣхъ ногъ и руками мнѣ машеть, чтобъ я ее подождала. Я бабъ отпустила, а сама пошла къ плетню ей навстрѣчу... «Что случилось?—спрашиваю.—Опять, вѣрно, быка не устерегли, и онъ забодалъ кого?»—«Быкъ въ стадѣ, гритъ, а Павлушка съ Алешкой про тебя съ Андреемъ Иванычемъ гнилыя слова брешутъ». И разсказала она мнѣ тутъ, что какой-то бунтарь изъ дальнихъ бунтуетъ народъ все здѣсь бросить да въ Польшу на вольные хлѣба иттить. Онъ, видишь, какимъ-то своимъ начальствомъ посланъ людей всякихъ вербовать на службу къ новому

польскому королю и всякому, кто за нимъ пойдетъ, сулить подпиской за печатью вольную да сто тысячъ золотыхъ. Ну, я какъ это услышала, и распорядилась обоихъ молодцовъ выпоротъ, и пока тамъ что, а замѣсто польскихъ золотыхъ здорово ихъ отчехвостили. Будутъ помнить польскую волю! Приходили благодарить за науку. «Насъ не учить, дураками бы жили». Крѣпко-накрѣпко наказала имъ и за другими присматривать. Обѣщались.

— Это ты хорошо догадалась и впередъ такъ дѣйствуй,—замѣтилъ позѣвывая Андрей,—а теперь пора спать, надо завтра чуть свѣтъ вставать да жнитво кончать, за рощей еще не начинали.

Но въ ту ночь спать ему не удалось. Не успѣлъ онъ завести глаза, какъ толчокъ въ бокъ заставилъ его проснуться и обернуться къ женѣ, которая сидѣла на постели и съ широко раскрытыми глазами къ чему-то прислушивалась.

— Что тамъ еще?—спросилъ онъ.

— Ъдетъ къ намъ, какъ будто кто,—прошептала она.

Онъ тоже началъ слушать. Издалека доносился звонъ колокольчика, все ближе и ближе. Залаяли собаки. Кто-то ѣхалъ.

— Можегъ, мимо,—замѣтила Маланья.

— Надо *посмотрѣть.

Андрей бросился къ окошку, приподнялъ раму, толкнулъ ставень и, высунувъ голову на дворъ, сталъ вглядываться въ ночныя тѣни, застилавшія заборъ и ворота. Собаки заливались все громче и громче, но сквозь ихъ лай звонъ колокольчика прорѣзывался все ближе и ближе. Ъхали къ нимъ: грохотъ колесъ замеръ у воротъ, и раздался стукъ.

Накинуть на себя первое попавшееся подъ руку платье и выбѣжать на дворъ было для Воробьевскаго управителя дѣломъ одной минуты. Крикъ жены, умолявшей его не впускать чужихъ, пока не прибѣгутъ работники, долетѣлъ до его ушей, когда онъ уже стоялъ у воротъ, въ которыя не переставали стучать.

— Кто такіе? Что нужно?—спросилъ онъ, возвышая голосъ до крика, чтобъ заглушить собачій лай и визгъ.

— Уйми собакъ! Ничего не слышать!—отвѣчали ему.

— Цыцъ вы, окаянныя! Вотъ я васъ!

Псы успокоились, и, когда ихъ неистовый лай перешелъ въ злобное рычаніе, пріѣзжій объявилъ, что привезъ Андрею Иванычу письмо изъ города.

— Отъ кого письмо, и кто ты такой?

— Да неужтожъ ты меня не узнаешь? Кузьминскій Лексашка. Отворяй безъ сумлѣнія, свой!

Андрей принялся вынимать тяжелые засовы, которыми были забарикадированы ворота, а Маланья тѣмъ временемъ успѣла разбудить работниковъ и бабъ, такъ что въѣхавшая на дворъ телѣга съ молодымъ парнемъ, оказавшимся племянникомъ того содержа-

теля постоялаго двора въ Кіевѣ, у котораго Андрей всегда оставался, была встрѣчена толпой народа съ зажженными фонарями.

— Съ опаской живете, Андрей Иванычъ!—сказаль прїѣзжій, здороваясь съ хозяиномъ и слѣдуя за нимъ въ домъ, гдѣ хозяйка собирала ужинъ нежданному гостю.

— Нельзя безъ опаски, паренекъ. Здѣсь худыхъ людей больше, чѣмъ хорошихъ. Ну, давай письмо. Вѣрно нужно, когда съ нарочнымъ прислали,—прибавилъ онъ, принимая запечатанный гербовою печатью конвертъ, который посланецъ вынулъ изъ-за пазухи.

— А ты прочти, что на конвертъ-то приписано: «Безъ замедленія Воробьевскому управителю, Андрею Иванову, съ нарочнымъ доставить». Ну, меня той же минутой въ путь и снарядили,—объянялъ Лексашка въ то время, какъ Андрей распечатываль письмо и читаль его, приблизившись къ свѣчкѣ, которую послѣшила за-свѣтить Маланья.

Письмо было отъ барина, и прочитавши Андрей опустилъ его въ карманъ, ни съ кѣмъ не подѣлившись его содержаніемъ. Но Маланья достаточно было мелькомъ взглянуть на мужа, чтобъ догадаться о важности полученныхъ извѣстій, чтобъ скорѣе узнать, въ чемъ дѣло, она стала торопить Лексашку поужинать и ложиться спать.

— А мнѣ, видно, ужъ сегодня неложиться,—объявилъ Андрей, пройдя съ женой въ спальню.

— Отчего не ложиться? До утра еще далече.

— Надо собираться въ путь, вотъ что.

— Опять? Только что вернулся! Куда ѣхать-то?

— Далекое, Маланьюшка, въ Варшаву,—отвѣчалъ съ загадочной усмѣшкой Андрей.—Подошло, кажись, къ развязкѣ то дѣло, о которомъ я тебѣ говорилъ, что безпремѣнно, рано ли, поздно ли, да вскроется.

Она поблѣднѣла.

— Это малявинское-то кощунство?—дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ вымолвила она, не спуская испуганнаго взгляда съ мужа.

— То самое. Баринъ пишетъ, чтобъ безпремѣнно разузнать имена всѣхъ тѣхъ господъ, которыхъ г. Аратовъ на похороны приглашалъ, а также про тѣхъ поповъ, что отпѣвали, гдѣ ихъ въ случаѣ надобности можно будетъ найти.

— Дошло, значитъ, дошло!—вскричала она, всплескивая руками.—О Господи! Смилуйся надъ нами, грѣшными! Пронеси мимо бѣду!

— Намъ бояться нечего, наше дѣло сторона.

— А какъ же баринъ-то... съ той... съ живой покойницей?.. Съ нимъ она все или?..

— Должно быть, съ нимъ, гдѣ же больше? Нешто онъ можетъ ее бросить? Не таковскій! Приказываетъ ни минуты не медля въ Варшаву собираться... «Ты мнѣ нуженъ», крикъ. Ну, и славу Богу! Дай Господи ему послужить за все его добро! А вѣзжать приказываетъ прямо на дворъ къ князю Репнину.

— Это что же за князь такой? Бариновъ пріятель что ли?

— Князь Репнинъ нашимъ рассейскимъ посломъ при королѣ польскомъ состоитъ и, должно быть, съ нашимъ бариномъ знакомъ, когда мнѣ приказано прямо къ нему на дворъ вѣзжать. Поѣду съ Лексашкой до Кіева, чтобъ поменьше тутъ разговоровъ было промежъ нашихъ, а ты тутъ, если что, всѣмъ говори, что съ Аксеновымъ у меня дѣло не сладилось, и что я поѣхалъ другого покупщика на лѣсъ искать. Поняла?

— Это-то я понимаю. Такъ ты, значить, сегодня ужъ совсѣмъ спать не ляжешь?

— Не до сна мнѣ, а ты ложись, подь утро я тебя разбужу,— отвѣчалъ онъ, присаживаясь къ столу между окнами, выдвигая въ немъ ящикъ и вынимая бумагу, чернила въ пузырькѣ и очиненное гусяное перо.—Надо кое-что себѣ записать на память.

— Мнѣ тоже не до сна. Станемъ съ Аксиньей снаряжать тебя въ дальній путь. Прикажу ей затопить печь, будемъ стряпать, курочекъ да уточекъ тебѣ нажаримъ, пирожокъ испечемъ. Изъ одежды-то что тебѣ уложить?

— Одежу надо взять добрую, чтобъ не стыдно было въ большомъ городѣ людямъ показаться. Уложи въ коробъ, чтобъ не смялсся.

— А на чемъ ты изъ Кіева-то дальше поѣдешь?

— Куплю въ Кіевѣ и коня и телѣжку. Все равно изъ здѣшнихъ людей никого нельзя съ собой взять, лучше, значить, и лошадей отсюда не трогать.

— А въ Малявино не съѣдешь?—спросила, немного помолчавъ, Маланья.—Можетъ, барину любопытно знать про то, что тамъ дѣлается. Намеднись приходила оттуда Домна къ теткѣ, такъ сказывала, что ихъ старая барыня приказала всѣхъ пришлыхъ людей изъ деревни гнать. Такой завела порядокъ противъ поляковъ и жидовъ—страсть! Головлевыхъ всей семьей въ дальній хуторъ выселяютъ за то, что какой-то бернардинецъ монахъ двѣ ночи у нихъ переночевалъ. Стихло у нихъ теперь, о смутѣ, не то что толковать, а даже и помыслить бояться.

— Всѣмъ господамъ съ нея бы примѣръ брать, живо бы тогда весь край успокоился.

— Говорятъ, все пишеть что-то такое. По цѣлымъ ночамъ пера изъ рукъ не выпускаетъ.

— Къ Митрію Степановичу, вѣрно, въ Варшаву.

— То само собой, тѣ письма она ему съ нарочными отправляетъ, а другое свое писаніе она въ кованный ларецъ, что возлѣ

ея кровати, складываетъ. Какъ испишетъ листъ, такъ туда и сложить, да на ключъ запретъ. Ейныя ближніе думаютъ, что духовную свою вздумала мѣнять.

— Желаетъ, вѣрно, родовое добро отъ польки оградить. Достаточно онъ всего понатаскалъ изъ Малявина въ Варшаву, надо старухѣ и о дѣткахъ позаботиться. А про ту польку, на которой онъ жениться-то думалъ, ничего у нихъ не говорятъ?

— Какъ не говорить, говорятъ! Въ кажинномъ письмѣ старуха ему про свое желаніе сообщаетъ, чтобъ онъ на ней не женился. Да нешто онъ кого послушаетъ! А про то дѣло совсѣмъ замерло, никто и не вспоминаетъ, точно никогда и не бывало.

— Эхъ, Маланьюшка, какъ грѣха ни заминай, а того, что было, нельзя сдѣлать, чтобъ не было. Все раскроется. И сдается мнѣ, что время къ тому подходитъ. Для чего нибудь да понадобилось нашему Владимиру Михайловичу свидѣтелей собирать.

— Дай-то Богъ! Пора и бѣдной молодой барынѣ успокоиться и по-людски зажить! Какъ подумаешь, что отъ такого богатства да знатности въ бѣглые попали, мѣста себѣ нигдѣ не могутъ найти, подъ чужимъ именемъ, какъ воры какіе, должны хорониться! Безъ слезъ вспомнить про нихъ не могу!

Въ Кіевѣ Андрей очень скоро обзавелся всѣмъ нужнымъ на дальній путь. На постояломъ дворѣ нашлась прочная и легкая продажная телѣжка, которую онъ пріобрѣлъ, а знакомый маклакъ доставилъ ему коня, за силу и выносливость котораго ручался.

Отъ провожатаго онъ отказался. Дорога ему была знакома, и путешествовать одинъ онъ не боялся, но чѣмъ больше размышлялъ онъ о порученіи барина, тѣмъ больше убѣждался, что жена его права: не мѣшало бы явиться въ Варшаву, побобравши побольше свѣдѣній о томъ дѣлѣ, для котораго его выписали. А нигдѣ, даже въ Малявинѣ, не знаютъ такъ много про Дмитрія Степановича, какъ въ замкѣ кіевского воеводы, отъ котораго до мызы Розальской рукой подать. Тамъ всѣ на него смотрятъ, какъ на жениха молодой вдовушки. Не заѣхать ли переночевать въ Тульчинѣ? Крюкъ не великъ, а если удастся привезти барину побольше свѣдѣній о его злодѣѣ и узнать отъ людей Розальской, скоро ли у нихъ готовятся играть свадьбу, тогда жалѣть о потерянномъ времени не придется...

Размышляя такимъ образомъ, онъ свернулъ съ большой дороги на проселочную и къ вечеру пріѣхалъ въ мѣстечко, принадлежащее графу Салезію Потоцкому, съ замкомъ, окруженнымъ стариннымъ паркомъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ такъ пышно и весело праздновались приготовленія къ выборамъ пословъ на сеймъ.

Мѣстечко это, густо населенное торговымъ людомъ, служило сборнымъ пунктомъ и сосѣднимъ помѣщикамъ и пріѣзжимъ куп-

цамъ, закупавшимъ у нихъ хлѣбъ, овесъ, сѣно, водку, лошадей и проч., и проч. Тутъ было нѣсколько корчемъ для проѣзжающихъ, и Андрей остановился у воротъ одной изъ нихъ, съ хозяиномъ которой былъ знакомъ. Время было позднее, и его немало удивилъ гулъ голосовъ и оживленіе, царившее на дворѣ, среди котораго стоялъ отпряженный барскій экипажъ, окруженный толпой народа.

Экипажъ, должно быть, нуждался въ починкѣ, надъ нимъ хлопотали слесарь съ подмастерьями, съ инструментами въ рукахъ, съ засученными рукавами, при свѣтѣ фонарей, которыми свѣтили имъ другіе люди. Всѣ говорили разомъ, и разобрать словъ было невозможно, точно такъ же, какъ и разглядѣть лица говорящихъ. Надъ ними кто-то командовалъ: когда раздавался рѣзкій повелительный голосъ изъ раскрытаго окна въ корчмѣ, все смолкало. Андрей поднялъ голову къ этому окну и увидѣлъ въ немъ барина, вѣроятно, обладателя попортившагося экипажа. По голосу и по фигурѣ ему показалось, что онъ узналъ Аратова.

Вотъ встрѣча! Неужели судьба столкнула его съ малявинскимъ бариномъ? Большей удачи нельзя было и желать...

А между тѣмъ, замѣтивъ телѣжку съ лошадыю передъ воротами, хозяинъ корчмы отдѣлился отъ толпы, тѣснившейся у экипажа, и побѣжалъ къ пріѣзжему. Узнавъ Воробьевскаго управителя, онъ сталъ просить его въѣзжать во дворъ, увѣряя, что для него у нихъ всегда найдется мѣсто. Правда, лучшія комнаты онъ долженъ былъ уступить г. Аратову изъ Малявина, у котораго на пути въ Кіевъ сломался экипажъ, но онъ помѣститъ Андрея Иваныча въ своемъ собственномъ покоѣ, въ мезонинѣ, что выходитъ окнами въ садъ.

— А откуда ѣдетъ г. Аратовъ?—спросилъ Андрей.

— Изъ Варшавы. Торопится въ свое имѣніе, да вотъ бѣда съ экипажемъ. Хочетъ, чтобъ непременно къ утру было готово, а рессора-то лопнула, починить ее нельзя, надо новую. Послали попросить въ замокъ. Хорошо, если тамъ есть, и если дадутъ! Имъ тоже безъ запасныхъ рессоръ невозможно. Если тамъ не достанутъ, придется ужъ экипажъ на мызѣ Розальской взять. А пока я приказалъ хорошій ужинъ сготовить да въ лучшей комнатѣ постель приготовить...

— А много съ нимъ людей? — продолжалъ любопытствовать Андрей, слѣзши съ телѣжки, но не отходя отъ воротъ.

— Трое: камердинеръ, Езебіушъ,—чай знаетъ?—кучеръ да мальчикъ. Вѣнчаться, можетъ, въ наши края пріѣхалъ, кто его знаетъ! На мызѣ тоже госпожу ждуть. Прислала сказать, чтобъ каждую минуту къ пріѣзду ея домъ былъ готовъ. Вчера ихній садовникъ у насъ останавливался, въ замокъ за лимонными деревьями ходилъ. Ну, для Розальской въ замокъ ни въ чемъ нѣтъ отказа, это не то, что для нареченнаго ея жениха,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой

и, взявъ лошадь подъ уздцы, повелъ ее во дворъ, куда Андрей за нимъ послѣдовалъ.

Чѣмъ больше размышлялъ онъ, тѣмъ удивительнѣе казалась ему непредвидѣнная встрѣча, и тѣмъ знаменательнѣе путешествіе Дмитрія Степановича изъ Варшавы въ деревню, гдѣ никто его не ждалъ и въ самый разгаръ конфедераціи, въ которой онъ принималъ такое дѣятельное участіе.

О фаворѣ малявинскаго барина у короля, о блестящихъ празднествахъ, на которыя его всюду приглашали, о его вліяніи и интригахъ было извѣстно въ Малявинѣ и въ окрестностяхъ, не только изъ его писемъ къ прабабкѣ, но также изъ рассказовъ людей, возившихъ ему изъ деревни вещи, оказывавшіяся для него необходимыми при пышной обстановкѣ, заведенной имъ въ польской столицѣ: серебряную и золотую утварь, фарфоровые сервизы, украшенныя драгоценными камнями сѣдла и уздечки, хранившіеся въ кладовыхъ родового гнѣзда, не говоря ужъ о деньгахъ, которыми онъ сорилъ безъ счету. Андрей отъ самого Ипатыча слышалъ, что старой барынѣ пришлось почать капиталъ, скопленный ею въ продолженіе многихъ лѣтъ на черный день.

День этотъ наступилъ. Оборотливый и расчетливый Дмитрій Степановичъ, считавшій то время потеряннымъ, когда ему не удалось приумножить свое состояніе, совсѣмъ, кажется, обезумѣлъ отъ честолюбія, отъ желанія ни въ чемъ не отставать отъ польскихъ магнатовъ и отъ страсти къ полячкѣ. Какъ мальчишка, ставилъ онъ на карту не только свое состояніе, но и честь свою, и душу, и совѣсть. Какіе у него были виды на будущее, какія блага рассчитывалъ онъ извлечь для себя изъ распрей и смуть, волнующихъ чужой край, гдѣ онъ всѣмъ былъ чужой и всѣ были ему чужды, никто не зналъ, но всѣ были убѣждены, что безъ расчета на блестящій выигрышъ онъ ни за что не затѣялъ бы такой рискованной игры. Не таковъ былъ человекъ. И вдругъ все бросить и скакать, сломя голову, за нѣсколько сотъ верстъ отъ театра междоусобицы, уступая мѣсто соперникамъ!.. Такъ поступить безъ важной причины невысказанно, и Андрей невольно искалъ связь между этой причиной и приказаніемъ Владимира Михайловича немедленно пріѣхать въ Варшаву со спискомъ людей, присутствовавшихъ при похоронахъ живой покойницы... Почувалъ, вѣрно, ихъ злодѣй развязку и торопится принять мѣры, чтобъ спастись отъ бѣды...

Хорошо было бы все это досконально узнать! Да вотъ близокъ локоть, да не укусишь. И подъ одной крышей съ человекомъ дышишь, а какъ къ нему влѣзешь въ душу? Какъ заставишь его высказать то, что онъ желаетъ скрыть?

Размышляя такимъ образомъ, сидя у окна и глядя въ садъ, или, лучше сказать, въ пустырь, заросшій сорными травами, оди-

чалыми кустами малины и смородины да нѣсколькими старыми каштанами, Андрей прислушивался къ шуму, долетавшему сюда со двора, гдѣ долго еще люди возились у сломаннаго экипажа. Но мало-по-малу все стихло, и раздался скрипъ ступеней подъ ногами хозяина, поднимавашагося въ мезонинъ, чтобъ спросить у гостя, что принести ему ужинать.

— Ужинъ у насъ на славу, хоть самого воеводу угощать, есть и баранина, и свинина, борщъ, галушки, лапша, что хотите, то и подадимъ. А рессоры-то въ замкѣ не дали, самимъ, говорятъ, нужно,—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта.— Г-нъ Аратовъ очень разсердился, хотѣли было потребовать къ себѣ управителя изъ замка, чтобъ выговоръ ему сдѣлать за невѣжество, но потомъ раздумали и приказали чуть свѣтъ на мызѣ у Розальской экипажъ взять. Ночь проведетъ у насъ. Отъ ужина отказался, и, какъ его спать уложить, люди сядутъ за столъ. Вамъ, можетъ, веселѣе съ ними кушать? Или сюда вамъ принести?

Андрей отъ всего отказался. Смутное предчувствіе давило ему грудь, отбивая не только аппетитъ, но и способность о чемъ либо думать. Хотѣлось остаться одному, ничего не слышать, никого не видѣть и ждать... чего именно, онъ и самъ не зналъ. Все существо его томилось непонятнымъ безпокойствомъ, точно передъ грозой, а между тѣмъ небо было ясное, синее, звѣздное, и прохладный вѣтерокъ доносилъ издалека аромат скошеннаго сѣна и спѣлыхъ плодовъ.

— Голова у меня разболѣлась. Скорѣе бы лечь да выспаться, чтобъ завтра утромъ чуть свѣтъ выѣхать,—сказалъ онъ.

— Раньше, значить, г. Аратова пуститесь въ путь. У васъ все въ порядкѣ, а имъ когда-то еще экипажъ съ мызы доставятъ! Тоже, поди чай, у нихъ безъ хозяйки-то не все въ порядкѣ.

— И для чего это ему понадобилось въ такое веселое время изъ столицы уѣзжать? И для чего имъ поспѣшать въ деревню, когда тамъ всеѣмъ хозяйствомъ старая барыня завѣдуетъ, и ничего тамъ особеннаго не случилось?—раздумчиво замѣтилъ Андрей.— Намъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ, нельзя не знать, что все въ Малавинѣ благополучно.

— Жениться, можетъ, надумалъ. На мызѣ люди болтаютъ, будто ихъ пани въ дальнюю дорогу собирается. Прямо отъ вѣнца въ чужіе края будто уѣдетъ, чтобъ назадъ ужъ тогда вернуться, когда графиня съ графомъ перестанутъ на нее серчать за то, что съ схизматикомъ повѣнчалась...

— А люди его что говорятъ?

— Скажутъ что нибудь такіе угрюмые, какъ бы не такъ! Да къ нимъ съ разспросами и подступиться нельзя. А ужъ баринъ ихъ и совсѣмъ лютый. Заглянулъ я было къ нему въ дверь, чтобъ спросить, не надо ли чего, какъ гаркнетъ: «Пошелъ вонъ!» какъ

на собаку, право! А добро бы я ихъ чѣмъ обезпокоилъ, и не спали, и ничѣмъ не были заняты, стояли у окна да на пустой дворъ смотрѣли. А еще женихъ! Души въ немъ, говорятъ, наши пани Розальская не чаютъ. Вотъ ужъ именно можно сказать, что полюбится сатана лучше яснаго сокола!

Андрей ничего не возражалъ. Ему хорошо была извѣстна причина этой угрюмости, и онъ подумалъ, что если бы даже пришлось отсюда уѣхать, ничего больше не увидѣвъ и не услышавъ, то и этого было достаточно, чтобъ убѣдиться, что у господина Аратова явились важныя причины къ подозрительности и къ тревогѣ. Разсѣянно дослушавъ болтовню хозяина, изъ которой ничего новаго нельзя было извлечь, онъ пожелалъ ему доброй ночи и, помолившись Богу, загасилъ свѣчку и легъ спать.

Но заснуть онъ не могъ. Сердце продолжало тоскливо ныть, и мучительная истома во всемъ тѣлѣ съ минуты на минуту усиливалась.

Отъ духоты вѣрно. Не успѣла мысль эта вскочить ему въ голову, какъ онъ сорвался съ постели, чтобъ растворить окно, и, усѣвшись на подоконникъ, сталъ вдыхать въ себя ночную свѣжесть. Стало полегче. Кругомъ было тихо, всѣ спали. Но ему спать не хотѣлось, и долго-долго смотрѣлъ онъ на звѣздное небо, перебирая впечатлѣнія минувшаго дня, постепенно и незамѣтно уходившія все дальше и дальше и сливавшіяся съ прошлыми тревогами и волненіями. Одно за другимъ проходили передъ его духовными очами событія близившагося къ концу лѣта: внезапный пріѣздъ молодого барина въ Воробьевку, поѣздка его въ Малявино, ужасъ пережитыхъ тогда опасеній, свиданіе съ монахомъ, пробужденіе его души и, наконецъ, неожиданная развязка нравственной пытки, чуть было не доведшей его до самоубійства. Переживая чудныя мгновенія сердечнаго порыва, заставившаго его во всемъ повиниться барину, онъ снова ощутилъ приливъ преданности и любви къ благодѣтелю, такъ великодушно заплатившему ему добромъ за зло, и сердце его наполнилось восторженнымъ умиленіемъ. Послѣдовавшія затѣмъ событія: похищеніе Елены Васильевны, тревога за влюбленныхъ во время ея пребыванія въ старомъ домѣ, проводы ихъ въ лѣсъ къ монаху, разставаніе съ ними и, наконецъ, страшныя похороны въ Малявинѣ,—событія эти такъ живо воскресали въ его памяти, что ему порой казалось, что онъ все это переживаетъ не въ воображеніи, а на самомъ дѣлѣ. Ему слышалось погребальное пѣніе и пронзительный крикъ ребенка, съ ужасомъ откидывавшагося отъ мертваго тѣла, къ которому его заставляли приложиться...

Что долженъ былъ чувствовать тотъ, кто свершилъ это гнусное кощунство? Раскапыватель могилъ? Похититель мертвеца? Неужели онъ можетъ спокойно спать и наслаждаться жизнью? Неужели его не мучатъ тяжелые сны? Неужели призракъ содѣяннаго не трево-

жить его совѣсти? И неужели онъ не сознаетъ, что часъ Божьяго суда готовится для него пробить?..

И вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопросы, онъ услышалъ глубокой вздохъ. Во вздохъ этомъ слышался стонъ наболѣвшей души, въ немъ звучали слезы смертельной тоски и безвыходнаго отчаянія. Въ другое время Андрей, можетъ быть, и не услышалъ бы этого стона, но кругомъ царила такая чудная, торжественная тишина, и душа его была такъ близка къ несчастному страдальцу, изнемогающему подъ гнетомъ нравственной пытки, что онъ въ испугѣ сталъ всматриваться въ ночныя тѣни, сгущавшіяся подъ деревомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна, на которомъ онъ сидѣлъ, и онъ увидѣлъ беспомощно распростертое на землѣ человѣческое тѣло, въ которомъ онъ узналъ, не столько глазами, сколько сердцемъ, малявинскаго барина.

Андрей перекрестился и отошелъ отъ окна.

Солнце было ужъ высоко, а онъ еще спалъ, какъ убитый, когда стукъ въ дверь заставилъ его проснуться и спросить: кто тутъ, и что нужно?

— Отворите скорѣе!—раздался взволнованный голосъ хозяина.

Андрей слѣзъ съ постели и, все еще не отдавая себѣ яснаго отчета, во снѣ или наяву происходило то, что онъ видѣлъ ночью подъ окномъ, онъ откинулъ крючекъ, замыкавшій дверь.

— Бѣда у насъ случилась! Вы тутъ себѣ поживаете, а хотѣли чуть свѣтъ уѣхать...

— Какая бѣда? Съ кѣмъ?

— Господинъ Аратовъ зарѣзался!

Андрей остолбенѣлъ отъ ужаса. Воспоминанія беспорядочнымъ хаосомъ закружились у него въ мозгу, но разобраться въ впечатлѣніяхъ, туманящихъ разумъ и давящихъ грудь, не было силъ, а вопросы, рвущіеся съ губъ, не выговаривались.

— Да, вотъ и вы испугались! И мы тоже въ первую минуту обалдѣли. Долго не хотѣли вѣрить. Чего бы, кажется, человѣку не доставало? — молодъ, богатъ, здоровъ, на первой красавицѣ въ воеводствѣ женится, миллионное приданое за нею беретъ, и вдругъ такое надъ собою сдѣлать, что даже выговорить страшно!—продолжалъ размышлять вслухъ хозяинъ.

— Гдѣ? Когда?—задыхающимся голосомъ прервалъ его Андрей.

— Не здѣсь, слава Богу! Подумайте только, какое бы это для насъ было разореніе, если бы онъ вздумалъ свое страшное дѣло учинить здѣсь! Мертвое тѣло въ корчмѣ! Ужъ одного этого достаточно, чтобъ надолго отпугнуть отъ дома посѣтителей, а слѣдствіе, обыскъ, розыскъ! Волосъ поднимается дыбомъ, когда подумаешь!

— Гдѣ же онъ это надъ собою сдѣлалъ?

— На мызѣ Розальской. Тамъ его нашли ужъ мертвымъ. И кинжалъ возлѣ него... тотъ самый кинжалъ, который мы вчера всѣ

на немъ видѣли! Ушелъ туда пѣшкомъ, одинъ, ночью или чуть свѣтъ, а когда именно—никто не знаетъ!

«Послѣ того, какъ онъ тутъ, подѣ моимъ окномъ, стоналъ отъ душевной скорби!»—подумалъ Андрей, невольно оборачиваясь къ окну, въ которое теперь врвался весело сверкающій снопомъ солнечныхъ лучей.

— Хватились его только утромъ и довольно поздно. Хотѣлъ, вотъ какъ вы, встать рано и ѣхать, а между тѣмъ ужъ и солнце взошло, и народъ позавтракалъ, а изъ спальни нѣтъ ни слуху ни духу. Дѣлать нечего, камердинеръ ждалъ, ждалъ, да и заглянулъ въ дверь, а на кровати-то никого нѣтъ! Побѣжали искать по дому, въ саду, въ огородѣ—нигдѣ нѣтъ! Между прочимъ ни шляпы, ни плаща, ни трости не оказалось. Ушелъ, значить, далеко. Сейчасъ, конечно, вскочило намъ въ голову, что на мызу отправился, чтобъ поторопить кучера, или чтобъ самому экипажъ выбрать, ну, Езебиушъ туда и побѣжалъ. А тамъ никто барина его и не видѣлъ. Кучера засталъ у поссессора, закусываетъ. «Здѣсь баринъ?»—спрашиваетъ. А тѣ даже не понимаютъ, что онъ спрашиваетъ. Однако, пошли искать въ домѣ и нашли—лежитъ бездыханный въ спальнѣ ихъ пани, на коврѣ, кругомъ цѣльная лужа крови натекла... Да вы это куда же?—прервалъ онъ свой рассказъ, увидавъ, что Андрей, который, слушая его, наскоро одѣвался, взялъ свой картузъ и собирался куда-то выйти.—Вчера отъ ужина отказались... Хозяйка вамъ завтракъ готовить...

— Спасибо, я ѣсть не хочу,—отвѣчалъ Андрей, поспѣшно выходя изъ дому и направляясь къ конюшнѣ, въ сопровожденіи хозяина, у котораго потребность дѣлиться впечатлѣніями была такъ велика, что онъ продолжалъ говорить даже и тогда, когда видѣлъ, что его не слушаютъ.

— Когда васъ назадъ ждать?—спросилъ онъ, помогая Андрею впрягать лошадей въ телѣжку.

— Не знаю, какъ дѣла, — отрывисто отвѣчалъ этотъ послѣдній, готовясь пуститься въ путь.

— Вы ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, насъ не объѣзжайте. Сами видѣли, что вины нашей нѣтъ въ томъ, что случилось. Мы всегда стараемся всѣмъ нашимъ гостямъ угодить, чѣмъ можемъ.

Въ отвѣтъ на эти слова Воробьевскій управитель стегнулъ лошадей, и не прошло и минуты, какъ отъ него и слѣдъ простылъ.

Здѣшняя мѣстность ему была хорошо знакома. Свернувъ съ большой дороги въ паркъ, онъ съ часъ времени ѣхалъ подѣ тѣнистыми сводами столѣтнихъ деревьевъ, пока не выглянула изъ моря зелени красная крыша дома, съ бѣлыми мраморными колоннами, увитыми плющомъ и каприфолями. Въ этой части парка, принадлежавшей Розальской, деревья были особенно прекрасны и хорошо содержаны. Наступавшая осень начинала уже кое-гдѣ окра-

шивать листву въ багровые и желтые цвѣта всевозможныхъ оттѣнковъ, нѣжно розоваго, палеваго, ярко пурпуроваго и золотого, и весело сверкали они въ солнечныхъ лучахъ. Воздухъ былъ мягокъ и душистъ, пропитанъ ароматомъ цвѣтовъ и плодовъ, которыми были наполнены оранжереи и теплицы хорошенькой вдовушки. По мѣрѣ приближенія къ дому, ароматъ этотъ чувствовался все сильнѣе и сильнѣе, а въ искусно прорубленныхъ просѣкахъ начинали все чаще и чаще мелькать живописной архитектуры постройки, съ окнами, перевитыми вьющимися растеніями, и съ зеркальными стеклами, отражавшими въ себѣ окружающую ихъ зелень. Наконецъ, выглянула и широкая терраса съ мраморными ступенями въ цвѣтникъ, на которыхъ Юльня такъ любила предаваться любовнымъ мечтаніямъ.

Да, все тутъ было попрежнему. Попрежнему цвѣли и благоухали цвѣты, попрежнему хлопотали съ беззаботнымъ щебетаніемъ птицы у гнѣздъ, одинъ только глухой сдѣржанный гулъ голосовъ и шаговъ, долетавшій по временамъ изъ этого прелестнаго жилища, нарушалъ иллюзію, навѣвая на душу зловѣщія представленія.

Андрей слѣзъ съ телѣжки у живой изгороди, усыпанной пышно распустившимися бельдежурами, привязалъ къ ней лошадь и прошелъ къ дому черезъ настѣжъ растворенную калитку, по усыпанной пескомъ дорожкѣ, обвивавшей красивыми изгибами цвѣточныя клумбы, не оглядываясь по сторонамъ и не обращая вниманія на людей съ испуганными лицами, попадавшимися ему навстрѣчу. Здѣсь царилъ смерть, а передъ смертью, особенно когда она является внезапно, въ самый разгаръ жизненныхъ заботъ и наслажденій, все ступшевывается, все кажется ничтожно, и нѣтъ мѣста ни любопытству, ни подозрительности.

Безпрепятственно поднялся онъ по ступенямъ террасы и проникъ въ розовое гнѣздышко, съ широкою кроватью, украшенною золотомъ и фарфоровыми медальонами съ живописью, въ глубинѣ. Передъ этимъ разубраннымъ, точно для новобрачныхъ, ложемъ лежалъ уже застывшій трупъ Аратова, съ зіяющей раной на горлѣ, изъ которой продолжала сочиться кровь.

Глаза мертвеца были открыты и какъ будто съ недоумѣніемъ вопрошали каждаго, кто останавливался на нихъ взглядомъ: «Что же вы меня не закроете? Все равно, сколько меня ни вопрошайте, кромѣ того, что вы видите, ничего не узнаете. Не узнаете ни моей борьбы, ни страданій, не узнаете, раскаиваюсь ли я въ содѣянномъ злѣ и въ томъ, что я надъ собою сдѣлалъ. Не узнаете, что именно побудило меня уйти со сцены до конца представленія — отчаянье, угрызения совѣсти, утомленіе жизнью, страхъ или что другое, человѣческими словами невыразимое, человѣческимъ разумомъ непостижимое, нѣчто не отъ міра сего, а оттуда, куда я ушелъ, когда неуловимая нить, связывавшая мою бессмертную

душу съ землей, порвалась, и земная жизнь утратила для меня всякій вкусъ и смыслъ... Ничего не узнаете вы теперь отъ меня, никогда. Тайнъ своихъ мертвецы не выдаютъ»...

Андрей не могъ оторваться отъ этихъ глазъ. Кругомъ входили и выходили люди, тихо перешептываясь между собою, но онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Стоялъ тутъ съ поникшей головой и съ судорожно стиснутыми губами и Езебиушъ, и люди съ мызы, а также изъ замка кievскаго воеводы, на всѣхъ лицахъ къ испугу и любопытству примѣшивалось выраженіе тоскливаго ожиданія, всѣхъ тяготилъ страшный взглядъ мертвыхъ глазъ, и всѣ себя спрашивали съ раздраженіемъ: когда же наконецъ явится представитель власти, за которымъ ужъ давно ускакалъ верховой, чтобъ можно было закрыть эти глаза?

И вдругъ, среди тишины и всеобщаго оцѣпенѣнія, пробѣжалъ трепеть. Кто-то вошелъ, что-то узналось, и всѣ, точно сговорившись, поспѣшно вышли изъ покоя.

Съ мертвецомъ остался одинъ Андрей.

Сотворивъ молитву за душу несчастнаго, свершившаго надъ собою такой страшный и лютый самосудъ, онъ тоже поспѣшилъ выйти изъ дома. Проходя черезъ цвѣтникъ, онъ слышалъ шумъ подбѣзжавшаго экипажа съ противоположной стороны и гулъ толпы, высыпавшей къ нему навстрѣчу, и, сообразивъ, что пріѣзжіе могутъ его задержать, пустился опрометью бѣжать къ выходу...

Отвязавъ отъ ограды лошадей, онъ вскочилъ въ телѣжку и помчался по парку съ такою быстротою, что, когда черезъ нѣсколько минутъ оглянулся, мызы уже не было видно, и можно было безъ опасенія продолжать путь.

Привести первому вѣсть объ освобожденіи своему благодѣтелю казалось такимъ счастьемъ, при одной мысли о которомъ сердце его усиленно билось.

И ничто не помѣшало ему насладиться этимъ счастьемъ. Путь его свершился удивительно благополучно. Онъ опередилъ всѣхъ вѣстовщиковъ, посланныхъ съ роковою вѣстью о смерти Аратова въ Варшаву: изъ замка къ кievскому воеводѣ и съ мызы къ пани Розальской. Когда онъ явился къ русскому послу, никто еще не зналъ въ городѣ о самоубійствѣ Дмитрія Степановича, и, благодаря Воробьевскому управляющему, Владимиръ Михайловичъ съ Еленой Васильевной узнали нѣсколькими днями раньше, что имъ никто не можетъ помѣшать обвѣнчаться и передъ лицомъ всего свѣта любить другъ друга.

Радовались и въ замкѣ кievскаго воеводы, но здѣсь радость была не продолжительна. Изъ извѣстій, полученныхъ съ мызы, оказалось, что пани Розальская пріѣхала туда наканунѣ того дня, когда тѣло самоубійцы должны были отправить по требованію его

прабабки въ Малявино, и что она послѣдовала за этимъ тѣломъ въ Россію. А куда она потомъ дѣлась,—очень долго никто не зналъ, не взирая на то, что самъ русскій посоль, по просьбѣ кievскаго воеводы и его супруги, принималъ дѣятельное участіе въ поискахъ. Вмѣстѣ съ главнымъ участникомъ преступленія Аратова, Езебиушемъ, Юльянiя скрылась неизвѣстно куда.

Изъ словъ Сесиліи, за которой послали на мызу, чтобъ узнать подробности исчезновенія ея госпожи, узнали только, что извѣстіе о страшной смерти Аратова Юльянiя приняла много спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать; цѣлую ночь она провела одна у трупа, а потомъ, послѣ продолжительнаго разговора наединѣ съ Езебиушемъ, уѣхала съ нимъ въ экипажѣ и на лошадахъ покойнаго его барина, по дорогѣ въ Кіевъ.

На всѣ разспросы: когда ее ждать назадъ? она не отвѣчала ни слова и вообще такъ себя держала со всѣми, кромѣ камердинера покойника, что приставать къ ней съ вопросами и совѣтами не было никакой возможности. Переждавъ нѣсколько дней, Сесиліа отправилась въ Малявино, чтобъ узнать про свою госпожу, но ничего тамъ не могла добиться. На всѣ разспросы ей отвѣчали, что пріѣзжала сюда какая-то польская пани, добивалась свиданія со старой барыней, плакала, предлагала деньги, умоляла, чтобъ о ней доложили, но старая барыня не пожелала пустить ее на глаза и приказала ей сказать, чтобъ немедленно убиралась вонъ изъ Малявина, если не хочетъ быть захваченной и сосланной въ Сибирь.

Такъ и уѣхала, ничего не добившись, не узнавши даже, гдѣ похоронили Дмитрія Степановича.

Пустилась въ обратный путь и Сесиліа, ничего не добившись изъ того, для чего сюда пріѣзжала.

Юльянiя, какъ въ воду, канула.

На запросы русскаго посла, по просьбѣ пани Анны, Серафима Даниловна отвѣчала, что никакихъ полячекъ у нея въ деревнѣ нѣтъ.

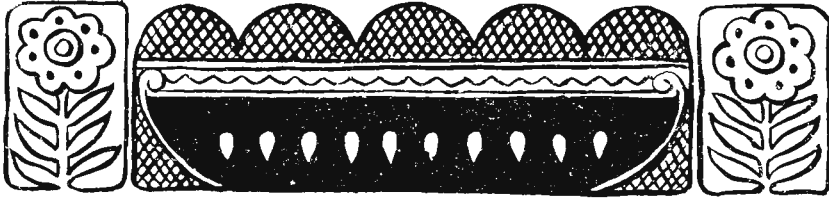
И по другимъ свѣдѣніямъ пришлось убѣдиться, что Розальской ни въ Малявинѣ, ни по сосѣдству нѣтъ, а гдѣ она — такъ и осталась тайной.

Много времени спустя, когда всѣ уже про нее забыли, близкія къ пани Аннѣ резидентки шопотомъ передавали другъ другу, будто ясновельможная отъ кого-то узнала, что Юльянiя перепла въ схизматическую вѣру и постриглась въ монастырѣ подъ Москвой.

Откуда явилось это извѣстіе — никто не зналъ, но во всякомъ случаѣ оно было такъ ужасно и позорно для фамиліи Потоцкихъ, что никто не позволялъ себѣ повторять его вслухъ, и расположенные къ графу и графинѣ люди ему не вѣрили, утверждая, что это — ложь, выдуманная врагами фамиліи.

На чьей сторонѣ была правда, — до сихъ поръ неизвѣстно.

Н. И. Мердеръ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ¹⁾.

(1891—1892).

II.

Кидашъ.

ВЪ МОСКВѢ я остановился въ номерахъ Могито (на Самотекской площади). Здѣсь я ожидалъ пріѣзда жены, затѣмъ, чтобы отправиться въ Казань и далѣе—въ Уфимскую губернію, на кумысъ: послѣ крупознаго воспаления (въ 1889 году) мои легкія были очень слабы, и профессоръ Манассеинъ настойчиво заставлялъ меня пить кумысъ. Жена пріѣхала утромъ въ воскресенье на Фоминой недѣлѣ, и въ тотъ же день мы отправились въ Нижній. На слѣдующій день утромъ мы были уже на самолетскомъ пароходѣ «Лермонтовъ» и плыли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью»...

Волга была почти еще въ полномъ разливѣ, широка и глубока. Погода стояла дивная. По цѣлымъ часамъ я оставался на палубѣ, любясь на нашу родную красавицу-Волгу, и не могъ вдоволь надышаться чуднымъ весеннимъ воздухомъ. Вечеромъ съ берега повѣяло запахомъ растительности, нѣжнымъ ароматомъ какихъ-то весеннихъ цвѣтовъ, послышалось пѣніе соловья, заблестали звѣзды въ ясномъ небѣ, на западѣ яркія краски заката еще не погасли, а на востокѣ синеватыя, полупрозрачныя тѣни, какъ тончай-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 763.

шимъ флеромъ, уже задернули даль... Такую картину вовѣкъ не забудешь!

Рано утромъ мы пришли въ Казань. Мы остановились у моего двоюроднаго брата, Н. А. Засѣцкаго, занимающаго въ Казанскомъ университетѣ кафедру по внутреннимъ болѣзнямъ. Здѣсь мы были нѣсколько дней, познакомились кое съ кѣмъ изъ казанскихъ обывателей, побывалъ я въ редакціи мѣстной газеты «Волжскій Вѣстникъ», познакомился съ редакторомъ, г. Н. Рейнгардтомъ, съ его женою и съ нѣкоторыми изъ ихъ сотрудниковъ, на крохотномъ пароходѣ съѣздили мы въ Свияжскъ къ нашимъ добрымъ старымъ знакомымъ, Н. Ф. и С. Н. Бажинымъ, съ половины 80-хъ годовъ уединившимся въ этомъ старинномъ, тихомъ городкѣ, и затѣмъ мы отправились далѣе, въ Самару.

Помню: когда мы взошли на пароходъ и въ ожиданіи отплытія стояли на палубѣ, набѣжала небольшая тучка и прогремѣлъ первый весенній громъ, послѣдовали еще два-три удара, прыснулъ небольшой дождь, и гроза, какъ внезапно налетѣла, такъ же быстро и прошла. Пароходъ только что отчалилъ отъ пристани, какъ изъ-за краевъ темно-лиловой тучки сверкнуло солнце и золотомъ своихъ лучей залило и небесную лазурь, и зеленѣющіе берега, и синія воды великой русской рѣки...

Утромъ проходили передо мной картины Жегулевскихъ горъ, поросшихъ лѣсомъ и полныхъ преданій и легендъ, въ которыхъ народное поэтическое творчество обезсмертило волжскихъ героевъ. Но теперь тихо на Волгѣ и въ Жегуляхъ...

«Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удалство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...
Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избытѣхъ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ»...

Когда солнце поднялось уже высоко и стало припекать, вдали на лѣвомъ берегу Волги показались желтоватыя облака пыли. То была Самара...

Около вечеренъ мы выѣхали далѣе по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ. Въ пятомъ часу утра мы сошли съ поѣзда на станціи Белебей-Аксаково. Въ вокзалѣ, въ залѣ II класса мы увидели надъ диваномъ большой портретъ Сергѣя Аксакова, автора известной «Семейной хроники». Оттуда неподалеку было одно изъ его имѣній.

До нашего кумыснаго мѣстечка, села Верхнетроицкаго, оставалось еще сдѣлать болѣе 40 верстъ въ сторону отъ желѣзной до-

роги. Тройка добрыхъ коней съ таранасомъ уже ждала насъ на станціи...

Село Верхнетроицкое, или, по-мѣстному, Кидашъ, стоитъ въ долинѣ, съ трехъ сторонъ окруженной горами: Марковой, Сосновой, Кумысной, Вершиной Маріи и др. Эти горы составляютъ послѣдніе отроги горъ Уральскихъ и на западѣ отъ Кидаша переходятъ въ равнину, сливаясь съ самарской степью. Мѣстность живописная. Здѣсь, сравнительно на небольшомъ клочкѣ земли, по волѣ природы, казалось, все соединилось для того, чтобы придать невыразимую, чарующую прелесть этому уголку. Огромный прудъ, похожій на озеро, уходящій изъ виду вонъ; излучистые берега, крутые, обрывистые, песчаные, мѣстами поросшіе травой, съ группами густыхъ деревьевъ, нависшихъ надъ водой; выше поднимаются горы, поросшія лѣсомъ лиственнымъ и хвойнымъ. По скатамъ горъ порою стелются, ползутъ туманы бѣлою, полупрозрачною целеной, по вершинамъ ихъ проносятся облака.

Вокругъ Кидаша живутъ татары, башкиры, чуваша, мордва, и когда, бывало, всѣ эти народы въ воскресенье съѣдутся и сойдутся въ Кидашъ на базаръ, картина получалась довольно яркая и своеобразная. Чуялась близость Азіи. Въ самомъ же Кидашѣ населеніе русское (преимущественно старообрядцы), около полуторы тысячи человекъ. Въ селѣ двѣ церкви—православная и единовѣрческая, и старообрядческая молельня; двѣ школы—мужская и женская; почтовое отдѣленіе, пожарное депо, волостное правленіе, нѣсколько лавокъ и казенный кабакъ. Кружокъ мѣстной интеллигенціи составляли: лѣсничій и два его помощника, земскій врачъ, фельдшерица, акушерка, становой приставъ, два учителя и учительница, начальникъ почтоваго отдѣленія, судебный приставъ, два священника, изъ нихъ Н. М. Красновъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей во время голода; прежде здѣсь жили еще мировые судьи, временно проживалъ судебный слѣдователь и завѣдывавшій казенными работами въ голодные годы; наконецъ, отчасти къ этому кружку примыкали и служащіе на суконной фабрикѣ Алафузовыхъ, отстоящей въ пяти верстахъ отъ Кидаша.

Село Верхнетроицкое и вся мѣстность вокругъ него, почти вплоть до города Белебея, составляли нѣкогда часть обширныхъ владѣній Бенардаки. Здѣсь, въ Кидашѣ, былъ заводъ съ многочисленной администраціей, съ управляющимъ во главѣ. Въ средѣ старожиловъ и до сего дня еще сохранились воспоминанія о тѣхъ почти баснословныхъ, «героическихъ временахъ», когда здѣсь безумствовали «заводскіе господа», задавая пріѣзжавшимъ гостямъ лукулловскіе пиры и для потѣхи швыряя въ прудъ бутылки шампанскаго... Все минуло. Отъ дома, походившаго на дворецъ, съ цѣлой анфиладой комнатъ, роскошно обставленныхъ, гдѣ жилъ—не жилъ, а царствовалъ—управляющій, въ настоящее время лишь уцѣлѣли подвалы,

громадныя ямы, выложенныя кирпичемъ... «Такъ проходитъ слава міра». Отъ сада осталось въ живыхъ лишь нѣсколько жалкихъ акацій да двѣ-три сосны.

Отъ завода осталось побольше воспоминаній. Это—шлакъ, массы шлага. Повсюду, куда ни идешь, шлакъ, сѣрый, рѣжущій обувь. Всѣ улицы села вымощены шлакомъ, шлакъ залегаетъ на днѣ пруда, на днѣ рѣчки, и рѣчные берега изъ шлага, шлакъ на днѣ овраговъ и по скатамъ ихъ, за селеньемъ груды, цѣлые холмы шлага, уже давно поросшіе травой и деревьями.

Въ концѣ 80-хъ годовъ при содѣйствіи лѣсничаго, П. Т. Гарина, въ Кидашѣ былъ устроенъ кумысъ, не кумысолѣчебное заведеніе, не курортъ, но просто питье кумыса — преимущественно для людей небогатыхъ, посылавшихся сюда проф. Манассеинымъ и Засѣцкимъ.

Одинъ добрый человѣкъ изъ мѣстныхъ обывателей снималъ на свое имя казенные луга для пастьбы кобылицъ; для приготовления кумыса нанимался башкиръ, Ахметъ Мурзокаевъ. Изъ кумысниковъ, мѣстныхъ жителей и пріѣзжихъ, составлялась артель; каждый несъ часть расходовъ, приходившихся на его долю. Артель контролировала Ахмета, наблюдала за приготовленіемъ кумыса, за чистотой посуды и т. д. Артельный староста велъ расчеты съ хозяевами кобылицъ, съ Ахметомъ, со съемщикомъ луговъ. Разъ въ недѣлю ветеринаръ осматривалъ лошадей.

Кумысъ былъ превосходный и обходился дешево. Въ кумысолѣчебныхъ заведеніяхъ бутылка (довольно плохонькаго) кумыса стоитъ 15—20 копеекъ. Въ Кидашѣ, гдѣ дѣло велось артелью, т.-е. гдѣ никто не наживался на несчастіѣ ближняго, гдѣ никто никого не эксплуатировалъ, но гдѣ каждый получалъ лишь свое, бутылка прекраснаго кумыса стоила 6 копеекъ (30 копеекъ четвертная бутылъ). Кумысъ обходился каждому въ мѣсяцъ отъ 9 до 10 рублей. Сюда входили уже всѣ расходы: по съемкѣ луговъ, плата за кобылицъ, ветеринару, Ахмету, на устройство для него хибарки и загороди для жеребятъ.

Въ Верхнетроицкомъ кумысниковъ бывало до 30 человѣкъ. Это, повторяю, былъ не курортъ: деревня оставалась деревней, кумысники жили въ крестьянскихъ избахъ. Сюда наѣзжали учителя, учительницы, писатели, офицеры, студенты, курсистки, — бывали и люди семейные, съ дѣтьми, и «кисейныя барышни», гулявшія подъ розовыми зонтиками по кидашенскимъ горамъ и лѣсамъ. Въ 1891 г. здѣсь лѣтомъ жилъ В. Г. Котельниковъ съ сестрою, М. Н. Альбовъ, молодой композиторъ Е. В. Панченко, Л. Урванцевъ и много молодежи.

Кумысники вносили немало оживленія въ монотонную жизнь этого глухого уголка. За годъ передъ тѣмъ, напримѣръ, они устроили бесплатный спектакль. Народу набралось видимо-невидимо.

Были исполнены: отрывокъ изъ пушкинскаго «Бориса Годунова» (сцена въ кельѣ между Пименомъ и Григоріемъ), сцена изъ «Скупого рыцаря» (монологъ—въ подвалѣ) и «Женитьба» Гоголя. Въ 1891 году, о которомъ теперь идетъ рѣчь, 15 іюля, въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Лермонтова былъ устроенъ въ школѣ литературно-музыкальный вечеръ въ память поэта, составленный почти исключительно изъ его произведеній.

Этотъ литературно-музыкальный вечеръ, разумѣется, былъ бесплатный: изъ публики давалъ для голодающихъ лишь тотъ, кто могъ и кто хотѣлъ. Желающихъ послушать была такая масса, что за неимѣніемъ мѣстъ въ залѣ (т.-е. въ классной комнатѣ) толпы взрослыхъ и ребятъ стояли снаружи подъ окнами, поднимались на цыпочки, взбирались на подоконники. Погода стояла жаркая, и окна и двери были открыты настежь. Публика слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда въ залѣ раздавались аплодисменты, «подоконная» публика, не разумѣвшая смысла рукоплесканій, относилась къ нимъ весьма неодобрительно и ворчала: «И чего шумать зря! Не дадутъ послушать»... Публика была очень довольна вечеромъ, да остались не менѣе довольны и исполнители-устроители этихъ литературныхъ поминокъ, ибо сборъ оказался больше, чѣмъ можно было ожидать.

Этотъ вечеръ 15-го іюля устраивался открыто, мѣстная администрація была освѣдомлена о немъ, и изъ города былъ присланъ полицейскій чиновникъ для присутствованія на вечерѣ; при немъ собранныя деньги и были переданы кидашенскому священнику Н. Краснову. Все обстояло и обошлось благополучно, и поэтому я былъ очень удивленъ, когда впоследствии узналъ, что учителю пришлось вынести немало непріятностей отъ начальства за то, что онъ въ помѣщеніи школы (пустовавшей по случаю вакацій) допустилъ устройство лермонтовскаго вечера... Но какъ бы то ни было, цѣль устроителей вечера была достигнута: мѣстное населеніе хотя немного ознакомилось съ Лермонтовымъ, и были собраны деньги. Эти десятки рублей были едва ли не первыми деньгами, собранными въ Россіи въ 1891 году для голодающихъ.

Въ ту пору наше общество и печать (въ особенности столичныя) увлекались встрѣчею французскихъ моряковъ, а мы, жившіе въ глуши, вдали отъ политиканства, уже видѣли воочию, что бѣдствіе надвигается. Насколько мнѣ извѣстно, я первый въ печати заговорилъ о голодѣ. 4-го іюля въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» (№ 163) я писалъ: «Голодъ! Голодъ идетъ... Въ духотѣ и зноѣ лѣтнаго затишья онъ, какъ лютый звѣрь, крадучись, неслышимо подбирается къ нашимъ бѣднымъ селеньямъ... Голодъ идетъ на насъ со своими ужасными спутниками—съ болѣзнями, съ усиленной смертностью»... Меня услышали, и провинціальныя—а за ними и столичныя—газеты ударили въ набатъ.

Въ Кидашѣ и по сосѣднимъ деревнямъ нищіе ходили толпами, стучали палкой подъ окнами и кричали: «Дай хлѣба!» Нищій у нищаго просилъ, ибо здѣшнія деревни уже съ весны оставались безъ хлѣба, и жители ихъ «ходили въ кусочки». Доведенные до отчаянія крестьяне деревни Константиновки среди бѣла дня разграбили запасный хлѣбный магазинъ... Какъ всегда въ годину народныхъ бѣдствій, невѣдомо откуда и какъ возникали и разносились съ быстротою бури всякіе диковинные слухи.

Такъ, напримѣръ, говорили, что гдѣ-то въ Саратовской губерніи къ одному богатому крестьянину пришелъ его родной братъ-бѣднякъ и попросилъ у него хлѣба. Богачъ не далъ, и послѣ того у него въ амбарѣ весь хлѣбъ превратился въ камень. Этотъ слухъ переходилъ изъ устъ въ уста, изъ деревни въ деревню, повсюду принимался на вѣру, и голытьба съ удовольствіемъ повторяла это сказаніе, какъ бы находя въ немъ для себя нѣкоторое утѣшеніе. Въ деревняхъ, сосѣднихъ съ Кидашомъ, не одинъ богатей отказалъ бѣдняку въ краюшкѣ хлѣба, но хлѣбъ въ ихъ амбарахъ оттого не превратился въ камень: напротивъ богатые крестьяне еще болѣе разжились въ тѣ дни...

Тяжелое, знойное было лѣто. Жары доходили до 40° по Реомюру. Солнце жгло и палило немилосердно. Трава на лугахъ посохла и погорѣла,—сохранилась лишь кое-гдѣ на лѣсныхъ полянахъ. Дождей не было долго, почти до конца августа. Рѣчки обмелѣли, ручьи высохли. Въ народѣ ходилъ слухъ, что скоро будетъ солнечное затменіе, а послѣ него уже окончательно вся вода высохнетъ—въ рѣкахъ, озерахъ, ручьяхъ и колодцахъ, и въ теченіе семи дней люди останутся безъ воды. Запаста воду не оказывалось никакой возможности, такъ какъ вода разомъ высохнетъ также и въ бочкахъ, въ ведрахъ, и во всѣхъ другихъ сосудахъ... Начались пожары,—истинный бичъ нашей деревенской Россіи. Выгорѣли деревни Кармалы-Валитово и Томакъ-Темирово. Гдѣ-то горѣли лѣса; даже горѣла, какъ говорили, «земля» (торфъ). Воздухъ былъ пропитанъ ѣдкимъ запахомъ гари. Гарью пахло въ домахъ, отъ платья, отъ кушаній...

Небо оставалось ясно, безоблачно, но солнце тускло, едва свѣтило какимъ-то зловѣщимъ, оранжевымъ свѣтомъ и изъ-за дымной мглы казалось краснымъ шаромъ безъ лучей. По ночамъ такой же красный мѣсяцъ печально смотрѣлъ на землю. Вѣтерокъ не подувалъ. Лѣса стояли тихо, не шелхнувшись, затканые синеватымъ дымомъ. Посреди дыма и зноя стояли они, словно прислушиваясь, выжидаючи: «Что-то будетъ!».

III.

Въ голодавшихъ мѣстностяхъ.

При раздачѣ пособій голодающимъ, я съ однимъ знакомымъ посѣтилъ нѣсколько деревень. Съ двумя изъ нихъ, съ Константиновкой и Леонидовкой, я познакомился подробнѣе, и онѣ яснѣе запомнились мнѣ. Положеніе ихъ въ ту пору было поистинѣ ужасно.

Въ Константиновкѣ тогда было 152 двора, изъ нихъ 10—богатыхъ, 20—мало-мальски зажиточныхъ, остальные 122 двора—бѣднота. У многихъ печи не топились, ибо варить и жарить было нечего, а за хлѣбомъ ходили по міру. (Мука ржаная здѣсь стоила въ ту пору 1 р. 30 к. пудъ). Иные пекли хлѣбъ изъ новой, недозрѣвшей ржи—черный, дрызглый, съ пескомъ. Я попробовалъ этотъ хлѣбъ, и мнѣ, какъ густымъ клейстеромъ, облѣпило зубы и десны. А люди ѣли такой хлѣбъ, да еще жалѣли, что его было мало. Въ тѣ дни самый невѣрующій Гома могъ бы убѣдиться, до чего терпѣливъ, выносливъ и живучъ русскій человекъ.

Я заходилъ въ избу къ одной женщинѣ, Пелагеѣ, мужъ которой жилъ въ работникахъ у богатея за 1 р. 70 к. въ мѣсяцъ. Пелагеина изба представляла собой развалины. Половина крыши была снесена вѣтромъ; въ двухъ окнахъ не нашлось бы и двухъ цѣлыхъ стеколъ, а третье окно было кое-какъ заколочено досками. Полъ—земляной, весь изрытый; полати разобраны, должно быть, на какія нибудь подѣлки. Печь повалилась на бокъ и стояла холодная; заслонка исчезла, черезъ зияющее устье были видны въ печи только груды сѣрой золы. Никакой домашней утвари... Пелагеина семья уже давно не ѣдала никакой похлебки. Ъли только хлѣбъ съ водой...

Въ сѣнцахъ въ углу на кучѣ стараго тряпья, самъ похожій на кучу старой ветоши, сидѣлъ дѣдъ, высокій 90-лѣтній старикъ. Онъ ничего не говоритъ, смотритъ истуканомъ; мутные, тусклые глаза его глядятъ, словно издалека, изъ другого міра. Когда старику подали рубль, онъ, не моргнувъ глазомъ, не перемѣняя позы, судорожно-крѣпко схватилъ ассигнацію костлявою рукой, крѣпко зажалъ ее въ кулакъ и снова застылъ въ своей нѣмотной полудремотѣ.

— Поработалъ, дѣдушка, на своемъ вѣку!—сказалъ я.

— Поработалъ, батюшка! Потрудился...—отозвалась Пелагея.—
Добрый былъ хозяинъ...

Что долженъ былъ чувствовать этотъ «добрый хозяинъ» теперь, когда у нихъ не стало ни телушки, ни полушки, изба стоитъ безъ крыши, а сынъ, самъ хозяинъ, живетъ въ чужихъ людяхъ за 1 р. 70 к. въ мѣсяцъ.

Въ другой избѣ я нашель такую же отчаянную бѣдноту: здѣсь жила вдова съ тремя дѣтьми. Съ Пасхи они не ѣдали горячей похлебки. Одинъ добрый человекъ далъ ей до осени коровенку, и вдова съ дѣтьми пользовалась ея молокомъ.

Я разговорился съ однимъ обнищавшимъ крестьяниномъ и, наконецъ, спросилъ его:

— Что жъ вы станете теперъ дѣлать, когда у васъ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ?

— Что станемъ дѣлать?!—повторилъ онъ.—Помирать будемъ... Только, чай, вдругъ-то тоже не помрешь... Человекъ-то, говорятъ, съ голоду 12 днѣй мается...

Какъ быстро въ Константиновкѣ шло обѣднѣнiе, можно видѣть изъ того, что у семьи, владѣвшей въ 1888 году нѣсколькими лошадами, 6 коровами и стадомъ овецъ, въ 1891 году осталась лишь одна корова на семью въ 12 человекъ: все остальное распродано.

Въ то прекрасное июльское утро, когда я посѣтилъ Константиновку, деревня представляла кладбищенски унылый видъ. Многiя избы были заколочены; хозяева ихъ или померли, или ушли «въ кусочки». Собаки, такiя же худыя, голодныя и злыя, какъ ихъ хозяева, бродили по улицѣ, поджавъ хвостъ, и съ неистовствомъ бросались на прохожихъ. На ребятъ нельзя было смотрѣть безъ содроганiя: на нихъ, вмѣсто одежды, болтались грязныя лохмотья, а изъ-подъ лохмотьевъ было видно худощавое, истощенное тѣло...

Деревня Леонидовка произвела на меня еще болѣе тягостное впечатлѣнiе. Это—одна изъ самыхъ бѣдныхъ, жалкихъ деревушекъ, затерявшихся среди лѣсовъ, одна изъ тѣхъ несчастныхъ деревушекъ, которыя живутъ, словно забытыя Богомъ, и людьми (не забываемыя лишь сборщиками податей).

Леонидовцы—бывшiе крѣпостные. Переселили ихъ сюда въ 1840 году изъ Тульской губернiи и приткнули кое-какъ на берегу ручья, похожаго на грязную, вонючую лужу: водой здѣсь пользуются изъ родника. При переселенiи сюда выбирали людей слабосильныхъ, одержимыхъ хроническими недугами, увѣчныхъ. Вслѣдствiе такого подбора потомство должно было народиться жалкое, слабосильное. Притомъ Леонидовка была поставлена въ такiя бѣдственныя экономическiя условiя, которыя, казалось, были нарочито созданы для того, чтобы лишить леонидовцевъ всякой возможности легальной борьбы за существованiе. Судьба, словно не желая разомъ уничтожить леонидовцевъ, рѣшилась донять ихъ изморомъ и помаленьку-полегоньку стереть ихъ съ лица земли.

Въ 1861 году, при уничтоженiи крѣпостного права, леонидовцы получили даровой надѣлъ. Въ 1891 году ревизскихъ душъ въ Леонидовкѣ считалось 125, а въ дѣйствительности ихъ было вдвое болѣе—264, и на нихъ приходилось земли 175 десятинъ, т. е. около $\frac{1}{2}$ десятины на душу... По поговоркѣ «гдѣ тонко, тамъ

и рвется», съ леонидовцами при ихъ малоземельѣ приключилась еще весьма прискорбная исторія: казна въ теченіе 20 лѣтъ «по ошибкѣ» владѣла 30-ю десятинами земли, принадлежащей леонидовцамъ, которые въ теченіе 20 лѣтъ арендовали у казны свою собственную землю, уплачивая за нее послѣдніе гроши. Въ концѣ 80-хъ годовъ казна возвратила леонидовцамъ принадлежавшую имъ землю, но деньги, полученныя съ нихъ «по ошибкѣ», казна не нашла возможнымъ возвратить.

По усадебнымъ постройкамъ леонидовца уже можно судить о степени его экономическаго благосостоянія. Напримѣръ, у Адриана Тимоеева не было ни избы, ни амбарушки, а жилъ онъ въ землянкѣ, при которой находится плетневый сарай. Василій Григорьевъ хотя жилъ въ избѣ, но зато у него не было ни амбара, ни плетневаго сарая, впрочемъ послѣдній оказывался совершенно излишнею роскошью, ибо у Василія Григорьева никакой скотины нѣтъ. Миронъ Егоровъ со своей семьей, состоявшей изъ 6 человекъ, жилъ въ избѣ, но также обходился безъ амбарушки и безъ сарая за неимѣніемъ скота. У Никифора Иванова также только одна изба.

Скота у леонидовцевъ мало. Алексѣй Андреевъ, напримѣръ, со своими 6 домохадцами довольствуется одной козой. У семьи Ивана Федорова, состоящей изъ 7 человекъ, скота—только одна свинья... Всего же въ Леонидовкѣ, по тогдашней моей записи, на 264 души приходилось: 56 лошадей, 36 коровъ, 140 овецъ, 28 свиней и 1 коза.

Если въ Константиновкѣ съ грѣхомъ пополамъ можно было насчитать дворовъ 20 — 30 зажиточныхъ, то Леонидовка не въ состояніи доставить и этого жалкаго утѣшенія. Здѣсь повальная бѣдность, полное нищенство; почти всѣ леонидовцы ходятъ по міру. Они бродятъ по Уфимской губерніи, пробираются и въ Самарскую, въ Оренбургскую и Вятскую.

— Въ послѣдніе годы плохо стали подавать,— жаловался мнѣ одинъ старикъ.—Вонъ въ Бирскомъ уѣздѣ, бывало, хорошо собирали, а нынче нѣтъ!.. Вездѣ крестьянство опустилось... Обѣднѣлъ народъ!

Этотъ старикъ былъ въ большемъ горѣ: умирала его единственная внучка. Дѣвочкѣ казалось на видъ лѣтъ 12—13. Больная лежала въ полутемныхъ сѣнцахъ, на полу, на какой-то подстилкѣ, прикрытая тряпьемъ. Больная тяжело страдала, а помощи или хотя бы облегченія ея страданій — ни откуда. Земскій врачъ и фельдшеръ живутъ въ 25 верстахъ отъ Леонидовки; везти къ нимъ больную по малопрѣзжимъ лѣснымъ дорогамъ не представлялось никакой возможности... Больная уже рта не раскрывала и только съ нѣмой мольбой, скорбно смотрѣла на окружающихъ. Этотъ безпомощно умиравшій ребенокъ былъ единственною радостью старика, его послѣднимъ утѣшеніемъ въ жизни.

— Жаль мнѣ ее, больно жаль...—говорилъ старикъ.—Дѣвка-то какая толковая... Привыкъ я къ ней... Придешь иной разъ, поговоришь съ ней,—и веселѣе станетъ...

«Мало словъ, а горя — рѣченька»... Старикъ просилъ насъ прислать къ нимъ фельдшера. Но дѣвочка фельдшера не дождалась, умерла,—старикъ осиротѣлъ...

У леонидовцевъ единственные средства для существованія — нищенство и кража казеннаго лѣса. Мировой судья былъ положительно заваленъ топорами, какъ вещественными доказательствами, и дѣлами о порубщикахъ-леонидовцахъ. Почти всѣ леонидовцы судились за порубки... Когда — незадолго до нашего посѣщенія Леонидовки—пришлось выбирать старосту (для занятія этой должности нуженъ крестьянинъ, не бывавшій подъ судомъ), то въ Леонидовкѣ едва-едва нашли трехъ такихъ «праведниковъ».

Леонидовцы уже давно мечтаютъ о переселеніи, такъ какъ очень хорошо сознаютъ, что ихъ единственное спасеніе въ томъ, чтобы добыть достаточное количество земли. Пуститься же въ дальнія странствованія—въ поиски «земли обѣтованной»—они не могутъ по своей крайней бѣдности. Въ той же губерніи, даже въ томъ же уѣздѣ, гдѣ Леонидовка, нищенствуя и воруя, влачатъ свое жалкое существованіе, находятся свободныя казенныя земли, прекрасныя участки пустопорожней земли, спеціально предназначенной для водворенія поселенцевъ (въ началѣ 90-хъ годовъ они были еще заняты). Леонидовцы же въ силу закона, не позволяющаго крестьянамъ переселяться съ мѣста на мѣсто въ районѣ ихъ губерніи, могли итти въ Сибирь, въ Закаспійскій и Уссурійскій край, на Амуръ, только не имѣли права перейти на свободныя участки казенной земли, находящейся отъ нихъ въ 30 верстахъ...

Говоря о Кидашѣ, не могу безъ волненія вспомнить о томъ, съ какимъ искреннимъ доброжелательствомъ относились ко мнѣ тамошніе крестьяне.

Мнѣ приходилось слышать и даже читать рассказы о черствости и неблагодарности нашего народа. Это—злая клевета...

Расскажу вкратцѣ, по какому случаю я заслужилъ расположеніе этихъ людей.

Лѣтомъ 1888 года одинъ изъ кидашенцовъ (старообрядецъ), Ермолай, переходя по бревну черезъ запруду, поскользнулся, упалъ въ прудъ и утонулъ. Говорятъ, онъ былъ навеселѣ, что весьма возможно, такъ какъ время выдалось праздничное. Трупъ его былъ найденъ и похороненъ на кладбищѣ безъ отпѣванія. Вскорѣ послѣ того пошли продолжительные проливные дожди: невозможно было ни жать, ни убирать хлѣбъ съ полей,—угрожала голодовка. Крестьяне, согласно старинному повѣрью, рѣшили, что дожди посланы

за то, что опоець зарыть выше церковной главы. (Старообрядческое кладбище расположено въ лѣсу на горѣ, въ полуверстѣ отъ селеня и отъ православной церкви, лежащихъ значительно ниже, въ ложбинѣ). Чтобы избавиться отъ дождей, слѣдовательно, надлежало зарыть «опойца» ниже церковной главы. Очень просто...

Девять человѣкъ среди бѣла дня отправились на кладбище, вырыли трупъ злополучнаго Ермолая, унесли его въ болото и тамъ закопали. Крестьяне переносили съ мѣста на мѣсто трупъ своего односельчанина безъ всякаго злого умысла, безъ всякаго желанія надругаться надъ прахомъ человѣка, къ которому при его жизни они не питали ни малѣйшей вражды. Совершенное дѣяніе утрачивало въ понятіи крестьянъ преступный, кощунственный характеръ уже по одному тому, что трупъ «опойца» былъ похороненъ не по христіанскому обряду, «безъ отпѣванія».

Ясное дѣло, что если бы крестьяне знали, что трупъ Ермолая, гдѣ бы онъ ни былъ зарытъ, не могъ быть виновенъ въ томъ, что надъ ихъ полями проходятъ дождевыя облака; если бы они знали, почему надъ лѣсистыми мѣстностями облака спускаются ниже и чаще идетъ дождь, нежели надъ песчаною, раскаленною степью, то они, конечно, не стали бы напрасно беспокоиться и совершать дѣяніе, считаемое преступленіемъ. Темные, невѣжественные люди вырывали трупъ и закапывали его «ниже церковной главы» несомнѣнно изъ добрыхъ побужденій: они имѣли въ виду общественное благо и, рѣшительно, никому не желали причинять зла. Но мѣстная власть посмотрѣла иначе, началось слѣдствіе, и дѣло дошло до суда...

Людей судили за то, что они суевѣрны, т.-е. необразованы. Судъ присяжныхъ, конечно, оправдалъ бы ихъ, ибо присяжные нашли бы несправедливымъ карать людей за чужую вину: вѣдь не ихъ вина въ томъ, что ихъ еще не успѣли просвѣтить по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, вывести ихъ изъ мрака предразсудковъ и заблужденій на Божій свѣтъ.

Кидашенцы, преданные суду уфимской палаты уголовного и гражданского суда, 23-го января 1889 года уголовнымъ отдѣленіемъ этого суда были приговорены на три года въ исправительныя арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Этотъ приговоръ разорялъ девять крестьянскихъ семей, лишая ихъ на три года работниковъ, поилцевъ и кормильцевъ. Положеніе этихъ несчастныхъ семействъ было достойно жалости. Я видѣлъ, какъ они жили, что они ѣли.

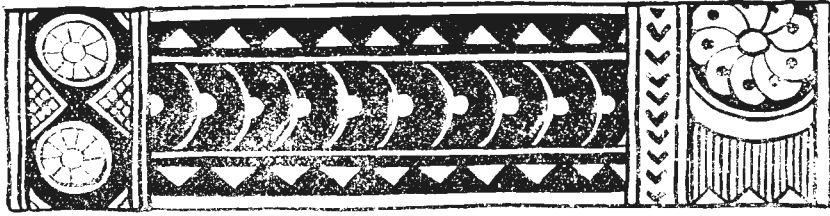
Лѣтомъ 1889 года, будучи первый разъ въ Кидашѣ, я узналъ объ этомъ дѣлѣ и написалъ о немъ въ одной изъ южныхъ провинціальныхъ газетъ. Въ то же время матери и жены осужденныхъ пришли ко мнѣ съ своимъ горемъ, — и было составлено прошеніе на имя

покойнаго государя, Александра III. Возвратившись осенью въ Петербургъ, я имѣлъ возможность похлопотать о томъ, чтобы прошеніе этихъ женщинъ поскорѣе дошло по назначенію. Осужденные кидашенцы, уже находившіеся въ ту пору въ арестантскихъ ротахъ въ Ярославлѣ, были освобождены по высочайшему повелѣнію, и притомъ изъ Петербурга телеграммой было дано знать уфимскому губернатору, чтобы онъ немедленно же извѣстилъ родственниковъ осужденныхъ о томъ, что тѣ уже освобождены и возвращаются домой... Своимъ добрымъ расположеніемъ ко мнѣ кидашенцы стоицей вознаградили меня за мой ничтожный, малый трудъ.

П. В. Засодимскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОДЪ ГНЕТОМЪ СУДЬБЫ ¹⁾.

Онъ то ноги ея цѣловаль,
То стегаль ея плетью казацкой.

I.

ТО БЫЛО очень давно.

Въ одинъ морозный, зимній вечеръ, послѣ длиннаго и тяжелаго пути въ двухъ чухонскихъ засыпанныхъ снѣгомъ кибиткахъ мы пріѣхали на островъ Скансландъ.

— Вылѣзайте, пріѣхали!—услышала я голосъ моего мужа, ѣхавшаго сади.

И подняла рогожу, которой отъ вѣтра, дувшаго на Финскомъ заливѣ, была завѣшена моя кибитка, и выглянула. Надъ головой темное, усѣянное мириадами звѣздъ, небо, передъ глазами широкій снѣжный плацъ, на которомъ подъ бѣлыми снѣжными крышами разбросано нѣсколько низенькихъ темныхъ зданій; въ ихъ окнахъ мерцало много огоньковъ. Передъ однимъ изъ такихъ зданій мы остановились.

Мужъ уже вылѣзъ изъ кибитки и спрашиваль о чемъ-то стоявшаго на крыльцѣ солдата; а тотъ послѣшно сбѣжалъ со

¹⁾ Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1901 г. (ноябрь и декабрь) помѣщенъ отрывокъ изъ семейной хроники Витовскихъ, подъ заглавіемъ: «Подъ родительскимъ кровомъ», оканчивающійся выходомъ замужъ Елены Витовской за офицера Никонова. Настоящій второй отрывокъ изъ хроники имѣеть связь съ первымъ и рисуетъ тяжелую жизнь Елены въ замужествѣ и офицерскій бытъ того времени на одной изъ окраинъ Россіи.

ступенекъ, вытянулся въ струнку и, приложивъ руку къ виску, громко и отчетливо произнесъ: «Такъ точно, къ поручику Николу». Мужъ приказалъ ему вытаскивать изъ кибитокъ вещи; а я съ няней, Василисой, которая несла моего четырехмѣсячнаго сына Сашу, обѣ заиндивѣвшія и сильно перезябшія, поднялись по чисто выскобленному крыльцу и черезъ темныя сѣни вошли въ огромную и почти пустую кухню.

Сальный огарокъ, воткнутый въ бутылку, горѣлъ на краю стола и скупно бросалъ свѣтъ на голыя стѣны, на большую русскую съ плитой печь и на деревянную кровать, гдѣ прямо на доски была брошена сѣрая солдатская шинель.

Въ кухнѣ было холодно, сыро; пахло махоркой.

Мой маленькій плакалъ. Я взяла со стола огарокъ и вошла въ сосѣдную комнату; здѣсь, сѣвъ на табуретку, начала его кормить, а няню отослала помогать солдату вносить вещи. Комната, въ которой я находилась, мало отличалась отъ кухни: въ ней только не было русской печи, но она также была велика, сыра и съ однимъ окномъ. Сбоку растворенная дверь вела въ смежную комнату, но такъ какъ отъ темноты мнѣ всегда становилось жутко, то я и избѣгала туда смотрѣть. Мебель состояла изъ двухъ некрашенныхъ деревянныхъ столовъ, такой же длинной скамейки и четырехъ или пяти табуретокъ.

— Не важная у насъ будетъ обстановка,—думала я, оглядываясь по сторонамъ, и уже соображала, какъ бы покрасивѣе убраться эту комнату тѣми вещами, которыя мы привезли съ собой.

Въ это время въ дверь кухни просунулась голова мужа въ башлыкѣ и съ заиндивѣвшими усами.

— Леля,—сказалъ онъ,—я сейчасъ ухожу къ знакомому офицеру, который, узнавъ о нашемъ приѣздѣ, прислалъ за мной солдата; вѣрно хочетъ вспрыснуть нашъ приѣздъ.

Сердце у меня зануло, и я подумала: «опять напьется».

Хотя я и знала, что въ этомъ случаѣ не помогутъ ни просьбы, ни увѣщанія, но все-таки сказала:

— Не забудь, Петя, что мы приѣхали въ новый полкъ, на первыхъ порахъ не зарекомендуй себя дурно.

— Пожалуйста, безъ наставленій! — сердито крикнулъ онъ и ушелъ, сильно хлопнувъ дверью; а я, уложивъ на своемъ салопѣ уснувшаго Сашу, начала съ Василисой распаковывать вещи и на скорую руку устраивать на ночь постели.

Солдатикъ затопилъ печи и усердно намъ помогалъ. Когда дрова въ печкахъ ярко разгорѣлись, и на столѣ, между зажженными сальными свѣчами, закипѣлъ нашъ мѣдный самоваръ, квартира показалась мнѣ уютной, тѣмъ болѣе, что я была полна надеждъ, что въ новомъ мѣстѣ и съ новыми людьми моя жизнь переимѣнится къ лучшему. Сѣвъ отдохнуть передъ топившейся печкой,

я глядѣла на золотые покрывавшіеся пепломъ угля и мечтала о томъ, какъ познакомлюсь съ интересными интеллигентными людьми, о томъ, какъ мужъ, оторванный отъ дурного товарищества, перестанетъ пить, и я уже не буду бояться, что его выгонять въ отставку. Мои мечты прервала Василиса. Она все еще развязывала вещи и вдругъ заговорила:

— Барыня, я васъ хочу спросить: ежели я помру въ этой Чухляндіи, значить, эти самые чухны схватятъ меня, какъ рыбицу за хвостъ, и, не отпѣвъ по-христіански, въ море и бултыхъ?

О своихъ похоронахъ Василиса и въ дорогѣ заводила со мной разговоръ; она не вѣрила, что въ Финляндіи есть православныя церкви и кладбища, и что въ случаѣ смерти мы ее похоронимъ, какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ она сама вызвалась поѣхать съ нами въ Финляндію, и когда ее спрашивали, не соскучится ли она въ чужой странѣ, увѣряла, что ей все равно, гдѣ ни жить, такъ какъ она уже не молода и не имѣетъ близкихъ родныхъ. Но съ половины дороги, когда не стало уже слышно русской рѣчи, когда перестали встрѣчаться православныя церкви, Василиса затосковала и начала раскаиваться, зачѣмъ поѣхала съ нами; въ этомъ она какъ будто винила и меня.

— Это вы все радовались да прыгали, что ѣдете въ Вихляндію,—ворчала она, а въ этотъ вечеръ упрекнула и въ томъ, что мы ей не отдали за прошлый мѣсяцъ жалованья.

Все это меня мучило, тѣмъ болѣе, что я и сама не знала, когда мы будемъ въ состояніи съ нею расплатиться. Приѣхали безъ денегъ, и до жалованья нужно еще прожить три мѣсяца. Чувствуя себя виноватой передъ Василисой, я старалась ее развеселить и утѣшить, вспомнила, что у меня есть вишневое варенье, до котораго она была большая охотница. Начавъ пить чай съ вареньемъ, она успокоилась, но себя въ этотъ вечеръ я не могла настроить на веселый ладъ: меня беспокоило и наше безденежье, и я боялась, какъ бы мужъ въ гостяхъ не напился; кромѣ того, послѣ дороги чувствовала сильную усталость. Выпивъ чашку чая, я сейчасъ же легла спать.

Ночью внезапно я была разбужена громкими голосами, раздававшимися въ сосѣдней комнатѣ.

— Она у меня бабенка антикъ!—кричалъ мужъ:—я вамъ ее сейчасъ покажу.

Догадавшись, что онъ пьянъ и что разговоръ идетъ обо мнѣ, я съ безпокойствомъ поднялась на постели. Черезъ минуту мужъ со свѣчкой, которая танцевала у него въ рукѣ, вошелъ въ спальню.

— Ты ужъ легла? — заговорилъ онъ тяжелымъ языкомъ. — Живо одѣвайся! я тебя показать хочу.

Замѣтивъ, что въ полуотворенную дверь чьи-то глаза на меня смотрятъ, я мгновенно нырнула подъ одѣяло и закричала Васи-

лисѣ, чтобы та заперла скорѣе дверь. Мужъ, между тѣмъ, все настаивалъ, чтобы я одѣвалась и вышла къ гостямъ; а такъ какъ я не слушалась его, онъ насильно тащилъ съ кровати. Но онъ былъ слишкомъ пьянъ, чтобы со мной справиться, вдругъ бросилъ меня и къ моему ужасу схватилъ соннаго Сашу съ сундука, гдѣ тому была сдѣлана постелька, и шатаясь понесъ къ гостямъ. Ребенокъ проснулся и расплакался.

Теперь и я вскочила съ постели и, второпяхъ набрасывая на себя платье, умоляла Василису взять скорѣе отъ барина ребенка, такъ какъ тотъ можетъ каждую минуту его уронить; но Василиса, стоя спиной у печки, равнодушно повторяла: «не драться же мнѣ съ баринѣмъ». Къ счастью, плакавшій ребенокъ скоро надоѣлъ, мужъ сейчасъ же его принесъ обратно, но если бы я не поспѣшила навстрѣчу и во время не ухватила изъ его рукъ Сашу, онъ навѣрно уронилъ бы его на полъ. Когда мужъ очень сильно началъ кричать и требовать водки, я вспомнила, что мнѣ всегда въ подобныхъ случаяхъ помогало обращеніе къ благоразумію гостей, и теперь нарочно громко сказала: «твои гости навѣрно порядочные люди и не захотятъ ночью беспокоить семейныхъ людей, они могутъ и днемъ къ намъ прити». Мои слова, какъ я и ожидала, произвели желаемое дѣйствіе: начался шопотъ, и было слышно, что гости собираются уходить, и кто-то изъ нихъ громко сказалъ:

— «Извините, мадамъ, мы не сами пришли, вашъ супругъ насъ пригласилъ».

Мужъ хотѣлъ было бѣжать за ними, но вдругъ раздумалъ и, тяжело упавъ на табуретку, заплакалъ пьяными слезами.

Василиса подошла къ нему и, взявъ подъ руку, ласково сказала:

— «Пойдемте, батюшка-баринъ, я васъ до постельки доведу».

Такимъ образомъ они дошли до кровати; мужъ, не раздѣваясь, упалъ на постель и сейчасъ же заснулъ. Скоро на полу захрапѣла и Василиса; а у меня сонъ совсѣмъ прошелъ, и я еще долго, съ Сашей на рукахъ, сидѣла на постели и смотрѣла сквозь слезы на пламя сильно нагорѣвшей свѣчки.

II.

Я вышла замужъ за Петра Петровича Никонова шестнадцати лѣтъ.

Вначалѣ, мнѣ казалось, я любила его, но, будучи еще его невѣстой и узнавая ближе, начала въ немъ разочаровываться, и только тяжелая жизнь въ родной семьѣ и ложное представленіе о томъ, что, отказавъ жениху, я буду скомпрометирована, помѣшали намъ во время разойтись.

Мужъ съ первыхъ же дней послѣ свадьбы началъ меня перевоспитывать, какъ онъ говорилъ, по своему вкусу; но это воспитаніе еще больше оттолкнуло меня отъ него.

Вскорѣ послѣ свадьбы я заболѣла и пролежала въ постели около двухъ мѣсяцевъ; въ это время мужъ обольстилъ бывшую у насъ въ услуженіи крестьянскую молоденькую дѣвушку, которая потомъ мнѣ сама во всемъ призналась. Съ тѣхъ поръ словно стѣна стала между мною и моимъ мужемъ; я даже къ нему начала чувствовать отвращеніе и съ ненавистью ожидала появленія на свѣтъ нашего ребенка, который долженъ былъ соединить насъ еще крѣпче. Но, когда послѣ долгихъ и страшныхъ страданій я услышала возлѣ себя дѣтскій плачъ, на который какъ-то особенно откликнулось мое сердце, и ко мнѣ поднесли крошечное безпомощное существо, я прижала его къ своей груди и давала себѣ слово ради сына полюбить и его отца.

Помню минуту нашего примиренія: ребенка унесли крестить въ сосѣдную комнату, а я, хотя еще очень слабая, но по случаю торжества одѣтая въ нарядный бѣлый пеньюаръ и сверху накрытая праздничнымъ шелковымъ одѣяломъ, лежала на кровати. Въ комнатѣ отъ спущенныхъ синихъ шторъ было темно, только въ углу передъ образомъ ярко горѣлъ въ лампадѣ огонекъ; ко мнѣ доносился голосъ священника, читавшаго за стѣной молитвы. Я вслушивалась въ слова и, взглядывая на образъ, молилась. Въ комнату вошелъ мужъ (мы съ нимъ давно не разговаривали); теперь, увидавъ его, я уже не чувствовала къ нему вражды и съ улыбкой навстрѣчу протянула руку. Онъ хотѣлъ меня обнять, но въ эту минуту во мнѣ опять появилось къ нему брезгливое чувство; чтобы скрыть его, я указала на стѣну, за которой крестили нашего сына. Тогда мужъ всталъ на колѣни возлѣ моей кровати, и мы начали вмѣстѣ молиться...

Скоро я поняла, что снова полюбить человѣка, котораго разлюбила, и который самъ не хочетъ мнѣ въ этомъ помочь, не такъ легко, какъ я думала. Разъ, когда мужъ началъ меня упрекать въ холодности, я откровенно призналась, что послѣ поступка съ Аксюшей его разлюбила.

«Я совсѣмъ собиралась уйти отъ тебя,—говорила я,—но ребенокъ удержалъ». Тогда мужъ не понялъ меня: онъ приписалъ мои слова ревности, клялся, что любить и не переставалъ меня любить, говорилъ о томъ, что мужъ, и любя жену, иногда ей можетъ измѣнить; но что этимъ не приноситъ столько зла, сколько могла въ подобномъ случаѣ принести жена, такъ какъ она вноситъ въ семью чужого ребенка; просилъ простить его шалость и обѣщалъ, что подобнаго съ нимъ уже никогда больше не повторится. А я готова была и желала его простить, но снова полюбить уже не могла. Больше всего разъединяло насъ несходство вкусовъ и ха-

ракторовъ. Я до страсти любила чтеніе и стремилась образовать себя, обожала поэзію, Пушкина, Лермонтова, Козлова заучивала наизусть и сама писала стихи, а мужъ всѣ книги, кромѣ военнаго устава, называлъ дребеденью, а читающихъ женщинъ, особенно ученыхъ, презиралъ.

Въ то время, когда я желала снова съ нимъ сблизиться, я старалась поддѣлываться подъ его вкусы: почти перестала читать и усердно занималась хозяйствомъ; но скоро безъ книгъ такъ соскучилась, что его же начала просить мнѣ приносить книги изъ полковой библіотеки.

— Хочешь, будемъ вмѣстѣ читать? — предлагала я: — теперь намъ обоимъ нужно развивать себя, чтобы умѣть впоследствии воспитывать нашего сына.

Но это предложеніе, какъ и многія другія въ этомъ же родѣ, возбуждали въ моемъ мужѣ только смѣхъ. Онъ ничего не хотѣлъ сдѣлать такого, что могло бы мнѣ понравиться и сблизить насъ въ то время. Напримѣръ, онъ зналъ, что я боюсь и не люблю пьяныхъ, а онъ, какъ будто еще нарочно, послѣ каждой моей просьбы не напиваться, всегда возвращался домой пьянымъ.

Кончилось тѣмъ, что мнѣ надоѣло притворяться любящей, когда я не любила, потворствовать вкусамъ, которыхъ не раздѣляла, и все пошло попрежнему, опять начались между нами ссоры или молчаніе по недѣлямъ.

Когда же случалось, что мы мирились, то это время для насъ обоихъ было самое тяжелое: мы сидѣли дома вдвоемъ, сказать другъ другу было нечего, и оба страшно скучали.

Въ матеріальномъ отношеніи первый годъ мы не терпѣли нужды, такъ какъ проживали мое маленькое приданое. Мужъ часто приносилъ мнѣ для подписи какія-то бумаги, которыя я, не читая, подписывала. Оба мы были словно младенцы — жили настоящимъ и не думали о будущемъ. Мужъ цѣлые дни, а часто и ночи, проводилъ внѣ дома, разыгрывалъ передъ товарищами богача, раздавалъ займы деньги, пилъ и другихъ на свой счетъ поилъ. А я познакомилась довольно близко съ одной дамой нашего полка, особой легкомысленной, поглощенной нарядами и легкими интрижками; иногда съ ней я выѣзжала на семейные вечера; но еще чаще, окруженная кавалерами, мы по цѣлымъ часамъ гуляли въ городскомъ саду или на бульварѣ.

Общество, которымъ я была тогда окружена, не удовлетворяло меня; въ немъ я скучала. Читая постоянно книги, большей частью журналы, я жаждала подѣлиться почерпнутыми изъ нихъ мыслями и блеснуть своими знаніями; но люди, которыми я была окружена, не интересовались книгами, а моя склонность къ чтенію и, въ особенности, страсть писать стихи имъ даже были смѣшны. Но мнѣ нравилось, что въ этомъ обществѣ мужчины восхищались мною,

говорили, что я хорошенькая, и мужъ мнѣ не пара. Правда, никто изъ этихъ мужчинъ меня особенно не интересовалъ; они, мнѣ казалось, всѣ имѣли много общаго съ моимъ мужемъ, а я мечтала полюбить челоуѣка развитога, ученаго, отъ котораго и сама могла бы многому научиться; мой герой долженъ былъ быть и великодушенъ и добръ. Я надѣялась, что встрѣча съ подобнымъ челоуѣкомъ сдѣлаетъ переворотъ въ моей жизни и навсегда разлучитъ съ мужемъ. Не любя мужа, я жаждала любви, ласки; часто плакала о своемъ одиночествѣ и только въ стихахъ изливала тоску наболѣвшаго сердца. Мы жили такимъ образомъ года полтора, когда мой мужъ въ нетрезвомъ видѣ попался на глаза начальству, набрибилъ и за это былъ посаженъ на гауптвахту.

Кругомъ говорили, что дѣла мужа плохи, и ему, вѣроятно, придется выйти въ отставку, а я больше всего боялась его отставки; тогда я еще не знала, что мое имѣнье почти все продано на основаніи мною же подписанныхъ бумагъ, и думала, что въ случаѣ отставки намъ придется поѣхать въ это имѣнье, гдѣ я буду съ мужемъ жить одна и въ глуши. Подобная жизнь меня сильно пугала, и я металась, не зная, что предпринять. Мнѣ посоветовали поѣхать къ полковому командиру и лично попросить за мужа. Я сейчасъ же поѣхала и такъ передъ нимъ плакала, такъ просила войти въ мое положеніе и не выгонять мужа въ отставку, что тотъ наконецъ сжалился; но сказалъ, что щадитъ его ради жены и сына, и даже обѣщалъ посодѣйствовать переводу въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Финляндіи. Мужъ, просидѣвъ двѣ недѣли на гауптвахтѣ, замѣтно пристрашилъ и былъ очень доволенъ своимъ переводомъ въ Финляндію, увѣрялъ всѣхъ, что въ новомъ полку перестанетъ совсѣмъ пить, и хвасталъ, что мы въ Финляндіи разбогатѣемъ, получая жалованье финскими деньгами.

Только теперь, собираясь въ дорогу, я узнала, какъ мы бѣдны: чтобы добраться до мѣста нашего назначенія, намъ, во-первыхъ, пришлось продать еще кусокъ моей земли, а такъ какъ крестьяне, купившіе его, по бѣдности не могли сейчасъ внести всѣхъ денегъ то и лучшія наши вещи пошли въ продажу. Но я не очень огорчалась нашей бѣдностью, даже о ней мало думала, и только радовалась, что мы далеко уѣзжаемъ, и я скоро увижу новыхъ людей и новыхъ мѣста.

III.

Проснулась я рано. Въ окно смотрѣло сумрачное зимнее утро. Въ комнатѣ всѣ еще спали, но я поспѣшила встать и одѣться, чтобы при дневномъ свѣтѣ скорѣе ознакомиться со всѣми уголками нашего новаго жилища, а черезъ окно съ мѣстностью Скандинавіи. И въ первую же минуту была сильно разочарована. Окна обѣихъ нашихъ комнатъ упирались въ крѣпостной валъ, который

такъ тѣснилъ взглядъ, что не было видно не только дали, но и кусочка неба. Даже, когда я встала на подоконникъ, то, какъ ни ворочала голову, кромѣ покрытой снѣгомъ стѣны отъ вала, а на немъ черной пушки, которая мнѣ сначала показалась притаившимся чудовищемъ, ничего не увидѣла.

— Тюрьма, тюрьма!—повторяла я и готова была уже расплакаться, но вспомнила, что въ кухнѣ еще есть окно. Изъ него открывался совсѣмъ другой видъ: оно выходило на широкій плацъ, на которомъ сиротливо безъ садовъ и огородовъ стояло нѣсколько домиковъ, выкрашенныхъ въ желтый цвѣтъ, и въ окно свободно можно было видѣть даль и небо. Въ эту минуту съ горизонта поднималось лучистое солнце, его лучами уже были облиты виднѣвшіяся вдаль и не совсѣмъ еще засыпанныя снѣгомъ розовыя скалы, а желтые домики на плацу казались золотыми. Подъ лучами солнца брилліантами искрился снѣгъ. Солнце заглянуло и въ мою душу—мнѣ вдругъ стало весело.

Придвинувъ къ окну табуретку, я начала смотрѣть на солдатъ, которые на плацу разгребали лопатами снѣгъ, а между работой шалили. Въ это солнечное утро мнѣ какъ-то особенно было пріятно видѣть молодыхъ, оживленные лица. Одинъ солдатикъ сорвалъ со смѣхомъ у другого съ головы кепи, а самъ побѣждалъ, тотъ догналъ и тоже со смѣхомъ далъ въ спину тумака. Нѣкоторые бросались снѣжками, а возлѣ нашего крыльца двое боролись. Въ одномъ изъ нихъ я узнала солдатика, помогавшаго вчера намъ развязывать вещи. И только я заинтересовалась, останется ли онъ въ борьбѣ побѣдителемъ, какъ тотъ, замѣтивъ меня въ окнѣ, бросилъ бороться, схватилъ стоявшее въ сторонѣ ведро съ водой и черезъ минуту съ испуганнымъ лицомъ появился въ кухнѣ.

— Здравствуй!—сказала я.

Онъ такъ былъ смущенъ, что ничего не отвѣтилъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой солдатикъ, съ широкимъ некрасивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрымъ лицомъ и смысленными сѣрыми глазами. Черезъ нѣсколько минутъ, наливая воду въ самоваръ, онъ уже съ любопытствомъ на меня посматривалъ. Когда я спросила, какъ его зовутъ, онъ поставилъ ведро на полъ и, вытянувшись во фронтъ, громко произнесъ:

— Оома Ивановъ!

Я съ улыбкой замѣтила, чтобы онъ говорилъ тише, такъ какъ можетъ разбудить большого и маленькаго барина, и прибавила:

— Когда ты со мной, Оома, разговариваешь, не становись во фронтъ.

Въ моихъ словахъ ему показалось что-то смѣшнымъ; щепая ножемъ лучину, онъ все улыбался, а на мои вопросы о его деревнѣ и о томъ, не соскучился ли онъ на службѣ, отвѣчалъ: «такъ точно» или «никакъ нѣтъ».

— Можетъ быть, дома невѣсту оставилъ?

— Никакъ нѣтъ.

Мнѣ надоѣло получать подобныя отвѣты, и я замолчала. Но Оома самъ теперь заговорилъ:

— Невѣста-то развѣ ждать тебя будетъ, что ей нашъ братъ, солдатъ?... Мнѣ до безсрочнаго безъ мала четыре года.

— Ты, кажется, сказалъ, что у тебя нѣтъ невѣсты?

— У меня и мать есть,—оскаливая бѣлые зубы, похвасталъ онъ.

Немного погодя, я уже знала, что у него дома и хорошая гармоника у сестры на сохраненіе оставлена. Однимъ словомъ, Оома разговорился, даже кое-что рассказалъ и о дамахъ нашего батальона.

— Командирша,—говорилъ онъ,—у насъ горячая: какъ разсердится, чѣмъ ни попало, такъ въ тебя и пырнетъ; опять же и солдаты на нее обижаются, что она на нихъ майора навозыкиваетъ. А вотъ барышня у нихъ, командиршина родная сестра, ту денщики одобряютъ.

Узнала я также, что штабсъ-капитанша Блинова на барыню не похожа: по улицамъ, платкомъ покрывшись, ходить и сама въ квартирѣ полы моетъ, но добрая: къ чаю вѣстовымъ всегда большой ломоть булки даетъ, а когда пирогъ печетъ, безъ дольки не отпустить. Барыня Паукова жадная — никогда ничего вѣстовымъ не даетъ, и эта барыня—пронзительная.

На мой вопросъ, хороши ли въ нашемъ батальонѣ офицеры, Оома отвѣтилъ:

— Всякіе есть, только противъ штабсъ-капитана Желткова ни одному не быть: такого хорошаго ротнаго не только въ полку, но и во всей дивизіи съ огнемъ не найдешь.

Разговаривая такимъ образомъ, я не сразу замѣтила стоявшаго на порогѣ мужа. Съ лохматой, нечесанной головой, безъ сюртука, въ однихъ носкахъ (сапоги держалъ въ рукѣ), онъ сердито и исподлобья смотрѣлъ на насъ.

Зная, какъ онъ всегда порицалъ меня за разговоры съ денщиками, я сначала нѣсколько смутилась, но сейчасъ же оправилась и вызывающимъ голосомъ спросила:

— Что тебѣ нужно?

— Вычистить!—крикнулъ онъ, и сапоги полетѣли въ Оому.

Тотъ въ эту минуту сидѣлъ на корточкахъ и раздувалъ самоваръ. Каблукъ отъ сапога задѣлъ его по плечу. Меня всегда раздражало грубое обращеніе мужа съ солдатами, и теперь я вспылила:

— Ты съ ума сошелъ!—вскочила я съ табурета: — за что ты его ударилъ?

Но онъ даже и не взглянулъ на меня, вложилъ руки въ карманы и, сгорбивъ еще болѣе сутуловатую спину, пошелъ назадъ. Черезъ минуту поманилъ меня въ другую комнату:

— Поздравляю съ новымъ знакомствомъ!—ѣдко началъ онъ:— ужъ и здѣсь началась дружба съ денщикомъ... Удивительно хорошо! Съ солдатомъ... хи, хи, а больной сынъ плачетъ.

А я стала упрекать его за то, что онъ не сдержалъ слова: только что прѣѣхалъ въ новый полкъ и напился и вчера не только меня, но и Сашу напугалъ.

— Вѣроятно, вы хотите, чтобы васъ изъ этого полка, какъ изъ прежняго, попросили уйти?—не безъ ѣдкости сказала и я.

— Молчи!—стиснувъ зубы и кулаки, крикнулъ мужъ.

Посмотрѣвъ съ ненавистью другъ на друга, мы разошлись.

У меня вдругъ явилось подозрѣніе, не прокутилъ ли онъ вчера оставшіяся отъ дороги деньги. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы сидѣть безъ обѣда. Мое подозрѣніе оправдалось. Черезъ нѣкоторое время онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ со мной посоветоваться, которую изъ вещей снести въ закладъ.

— А гдѣ же деньги, которыя остались отъ дороги?

— Вотъ хватилась-то! Тѣ деньги вчера же тю-тю!—свистнулъ онъ, и, прогуливаясь по комнатѣ, безопасно продолжалъ:—и здѣсь есть человѣчекъ, который подъ небольшіе проценты даетъ деньги. Вотъ и за эту дрянъ,—указалъ онъ на мою тоненькую на рукѣ браслетку,—дадутъ что нибудь, и за твое визитное платье можно достать нѣсколько рублей!

Браслетъ я отдала безъ сожалѣнья, но моего лучшаго платья, которое, всѣ находили, ко мнѣ такъ шло, было очень жаль, и, завязывая его въ салфетку, я даже заплакала. Мужъ спряталъ узелъ подъ шинель и, пославъ мнѣ воздушный поцѣлуй, ушелъ.

Василиса прѣѣжала и съ любопытствомъ остановила глаза на открытомъ сундукѣ.

— Баринъ опять понесли что-то подъ шинелькой закладывать? Я ничего не отвѣтила; она же заговорила съ Сашей:

— Какъ бы, Сашенька, нашъ папенька теперь съ деньгами куда нибудь не закатился!..

Василиса во всѣхъ моихъ ссорахъ съ мужемъ всегда принимала его сторону, хотя онъ очень часто и на нее покрикивалъ. Я подозрѣвала, что она была къ нему равнодушна, особенно послѣ того, какъ сама мнѣ разъ призналась, что мой мужъ лицомъ ей напоминаетъ одного извозчика—ея первую любовь.

— Что на патреть его гляжу,—говорила она.

Быть можетъ, по этой причинѣ Василиса всегда была на его сторонѣ, а меня, видимо, не любила. Я же, сердясь на мужа, часто злобу переносила на его сторонницу и теперь не могла ея не уколоть.

— И по дѣломъ, если онъ безъ обѣда васъ оставитъ, вы вѣдь всегда вашего барина расхваливаете.

Василиса не потерялась:

— Извѣстно, ихъ дѣло мужчинское, хочется съ пріятелями выпить и закусить, а только нашъ баринъ потому и выпиваетъ, что вы-то, барыня,—хоть сердитесь, хоть нѣтъ, а я скажу—не хозяйка, и никакого у васъ пристрастія къ дому нѣтъ, только бы книжки читать, либо въ уголкѣ сидѣть и карандашикомъ чиркѣ да чиркѣ. Баринъ все это видятъ, съ горя и кутятъ.

Мнѣ было досадно, что Василиса — единственное теперь возлѣ меня существо, съ которымъ я могла бы откровенно поговорить,—и та враждебно ко мнѣ относится, а мнѣ въ эту минуту такъ хотѣлось кому нибудь пожаловаться и поплакать.

IV.

Цѣлую недѣлю мы устраивались.

Табуретки и столы намъ выкрасили въ красный цвѣтъ, и сами мы, чѣмъ только могли, украсили нашу новую гостиную: на окно повѣсили кружевную занавѣску, въ углу—образа, на стѣну прибили небольшой бархатный коврикъ. Длинная скамейка, съ помощью тюфяка и стараго ковра, превращена въ кушетку, а столъ, за немѣнѣемъ хорошей салфетки, покрытъ моимъ коричневымъ платкомъ.

Когда все было готово, мужъ, оглядѣвъ комнату, сказалъ:

— Право, не дурно, и во всякомъ случаѣ прилично; не у каждаго офицера, какъ у насъ, найдется два бархатныхъ ковра.

И при этомъ рассказалъ, какъ бѣдно офицеры живутъ на островѣ.

— Мягкая мебель только и есть, что у майора Сверчкова и капитана Аванасьева, остальные же офицеры, въ томъ числѣ и женатые, не только не имѣютъ приличной обстановки, но многіе и обѣда дома не готовятъ, а ѣдятъ изъ ротныхъ котловъ.

Я спросила, есть ли на островѣ интересные офицеры.

— Почемъ я знаю, какихъ ты называешь интересными?—сказалъ мужъ:—по-моему всѣ тѣ интересны, кто пьетъ водку и въ карты играетъ.

Я начала серьезно опасаться, чтобы мужъ и здѣсь не окружилъ меня такими же людьми, какъ онъ самъ, и съ грустью поглядывала на полочку съ книгами. Я нарочно положила книги на виду, чтобы въ новомъ мѣстѣ скорѣе себя зарекомендовать, какъ читающую особу; хотѣла между ними положить и тетрадку съ своими стихами, но такъ какъ въ нихъ говорилось, большею частью, о нелюбимомъ мужѣ и несчастномъ супружествѣ, то и побоялась, какъ бы мужъ ея не увидалъ и, по обыкновенію, не разорвалъ. Я уже говорила, что мужъ презиралъ читающихъ женщинъ, тѣмъ болѣе онъ не сочувствовалъ моей страсти писать стихи, хотя одно время вскорѣ послѣ нашей свадьбы и рассчитывалъ получить

деньги за мои литературные труды, но, разочаровавшись въ этомъ, уже не могъ видѣть безъ раздраженія, когда я бралась за перо.

Попытка моя быть напечатанной тогда и мнѣ принесла немало огорченій, и я не пройду ея молчаніемъ. Писала я стихи съ дѣтства, сначала читала ихъ горничнымъ, по выходѣ же замужъ начала читать свои стихи офицерамъ и полковымъ дамамъ. Впослѣдствіи я узнала, что многіе изъ нашихъ знакомыхъ смѣялись надо мной за глаза, но зато въ глаза рѣшительно всѣ хвалили и даже находили во мнѣ талантъ; удивлялись, зачѣмъ не посылаю стиховъ печатать, и увѣряли, что могу получить за нихъ хорошія деньги.

Мужъ, слыша, какъ меня кругомъ расхваливаютъ, началъ относиться снисходительнѣе къ моему стихотворству; когда же его увѣрили, что я могу получать еще деньги, онъ самъ началъ меня уговаривать продолжать писать, а написанное, какъ можно скорѣе, отослать въ какую нибудь изъ редакцій. Но я трусила и все не рѣшалась, хотя увидѣть себя напечатанной было моею давнишней мечтой. Но кончила тѣмъ, что все-таки отослала стихи по секрету въ одинъ изъ небольшихъ журналовъ. Вмѣстѣ со стихами я написала и письмо къ редактору. Пояснила, что мнѣ шестнадцать лѣтъ, и умоляла, если онъ найдетъ мои стихи никуда негодными, сказать мнѣ это прямо.

«Тогда,—писала я,—прощусь навсегда съ надеждой быть писательницею!»

Какъ только я отправила свои произведенія на почту, начались мои авторскія страданія: я лишилась сна и аппетита и безпрестанно перечитывала свои стихи. Иногда они мнѣ нравились, и я уже предвкушала блаженство быть напечатанной, но, большею частью, все, что я написала, казалось и бездарнымъ и шероховатымъ; тогда я приходила въ отчаянье и стыдилась своей рѣшимости.

Мужъ не могъ не замѣтить моего волненія, а я не могла до конца сохранить отъ него тайны. Скоро ее узнали и всѣ наши знакомые. Начались разспросы, когда мои произведенія появятся въ печати; многіе уже поздравляли. Кто-то сказалъ мужу, что Пушкинъ за каждую строку получалъ по золотому, и онъ рѣшилъ, что мнѣ должны заплатить по рублю, потребовалъ мою черновую тетрадь, насчиталъ шестьсотъ строчекъ и на шестьсотъ рублей строилъ уже планы. Все это только увеличивало мои страданія. О неудачѣ я безъ содроганія не могла и подумать, и въ то время, когда обыкновенно приходилъ почтальонъ, я металась, какъ въ агоніи. То бросалась передъ образомъ на колѣна, моля лучше послать мнѣ смерть, чѣмъ отказъ изъ редакціи, то подбѣгала къ окну, то прислушивалась къ шагамъ въ коридорѣ.

Увидѣвъ въ рукахъ мужа возвращенную тетрадку, я лишилась чувствъ.

Когда я пришла въ себя, то увидѣла, что лежу на кровати; мужъ съ испуганнымъ лицомъ суетился: прыскалъ на меня водой, давалъ нюхать спиртъ, и его первыя слова были:

— Плюнь, Леля, на твое стихоплетство, кажется, теперь должна убѣдиться, что твои стихи никуда не годятся.

Я только рыдала и искренно сожалѣла, зачѣмъ не умерла.

Черезъ нѣсколько времени онъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ и говорилъ:

— Теперь по твоей милости стыдно и въ люди показаться: спросать, что ваша поэтесса, скоро ли въ свѣтъ появятся ея сочиненія, а я что отвѣчу?.. эхъ, дуракъ! рассчитывалъ за твои стишонки шестьсотъ рублей получить, собирался себѣ шинель на шелковой подкладкѣ заказать...

Не знаю, что тогда побудило мужа скрыть отъ меня отвѣтъ редактора, но только онъ отдалъ мнѣ письмо ровно черезъ мѣсяцъ; я думаю, что это была месть за неосуществившіяся надежды относительно моихъ литературныхъ заработковъ; онъ же увѣрялъ, что это сдѣлалъ изъ желанія отучить меня отъ писательства. Во всякомъ случаѣ это было жестоко. Онъ видѣлъ, какъ я убивалась, плакала, стыдилась показаться на глаза знакомымъ. Отвѣтъ же редактора былъ слѣдующаго содержанія:

«Къ сожалѣнію, ваши стихи не могу напечатать: въ нихъ не соблюденъ размѣръ. Бросать писать вамъ не совѣтую, думаю, что если вы будете работать, то ваши стихи со временемъ будутъ печататься».

Послѣ того отчаянія, въ которомъ я находилась, а главное послѣ разочарованія въ своихъ способностяхъ, это письмо меня воскресило—снова появилась энергія писать, а письмо редактора я долго, какъ святыню, носила на своей груди.

V.

Разъ, вернувшись изъ казармъ, мужъ сказалъ, что къ намъ завтра собираются офицеры съ визитами.

Это извѣстіе меня взволновало; хотя все, что я до сихъ поръ слышала отъ мужа о его новыхъ товарищахъ, мнѣ и не нравилось, но все-таки я не теряла надежды и между ними встрѣтить интересныхъ людей. Мое любопытство было уже возбуждено рассказами Оомы о штабсъ-капитанѣ Желтковѣ, котораго тотъ очень расхваливалъ.

Мужъ заботился не меньше меня, чтобы я при гостяхъ была интересна, совѣтовалъ, какое мнѣ надѣть платье, и помогъ завить голу въ папильотки.

— Я тобой шикнуть хочу,—говорилъ онъ.

Желая быть красивой, я не роптала, что всю ночь моя голова въ папильоткахъ лежала все равно, какъ на каменьяхъ; зато на другой день, къ двѣнадцати часамъ, въ локонахъ и въ праздничномъ платьѣ, я сидѣла въ гостиной и ждала гостей.

Мужъ ушелъ въ роту; а Саша, пока еще никто не пришелъ, тутъ же, возлѣ меня, на разостланномъ по полу одѣялѣ, учился ползать.

Наконецъ изъ кухни Оома закричалъ:

— Барыня, къ намъ командиръ 12-й роты идетъ.

Я схватила съ полу Сашу; Василиса подняла одѣяло, и мы обѣ бѣгомъ бросились въ спальню. Тутъ поправивъ передъ зеркаломъ волосы, я вышла.

Первый гость оказался некрасивъ и не молодъ, и его еврейскій акцентъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Шаркнувъ передо мной ногой, онъ безъ остановки проговорилъ:

— Имѣю честь рекомендоваться, командиръ 12-й роты, штабсъ-капитанъ Лисицынъ.

Указавъ гостю на табуретъ, я сѣла на кушетку.

— Гдѣ же вашъ мужъ, Пегръ Петровичъ?—тихимъ голосомъ спросилъ Лисицынъ.

— Онъ скоро придетъ.

Дальше мы оба не знали, о чемъ говорить. Гость глазами обводилъ стѣны и всю нашу обстановку, а я смотрѣла на его тупой носъ и толстыя губы.

— Вотъ вы какъ устроились,—опять заговорилъ Лисицынъ,—но это вѣрно на время: настоящую мебель потомъ заведете?

Вопросъ мнѣ не понравился; онъ доказывалъ, что наша обстановка не производитъ желаемого впечатлѣнія.

— Образа эти у васъ серебряные?—продолжалъ онъ разспрашивать.

Я отлично знала, что ризы на образахъ изъ фольги, но посоветилась въ томъ признаться и отвѣтила: «серебряные».

— Неужели и каменья настоящіе?

Тутъ я, уже опустивъ глаза, съ замѣшательствомъ произнесла:

— Не знаю, этими образами насъ благословили, когда мы ѣхали къ вѣнцу.

Наконецъ Лисицынъ, положивъ локти на столъ, началъ и меня разсматривать.

— Какая вы хорошенькая!—при этомъ комплиментѣ онъ оскалилъ остатки испорченныхъ зубовъ.—Экое счастье вашему мужу: взялъ хорошенькую и съ приданымъ; а вотъ я никакъ не могу найти подходящей невѣсты... Вашъ мужъ говорилъ, что вы еще отъ бабушки должны наслѣдство получить?

Разговоръ принималъ такой оборотъ, что мнѣ опять приходилось лгать. Чтобы не запутаться во лжи, я перевела его на другой

предметъ. Начала разспрашивать, какъ на островѣ веселятся офицеры и ихъ жены.

Лисицынъ пожалъ плечами.

— Какое веселье! недавно только жалованье получили, а у многихъ его уже и нѣтъ, другимъ офицерамъ въ полученіи только пришлось расписаться: кому по книжкамъ въ лавки, кому портному, а у кого и въ офицерскій капиталъ еще вычитаютъ, посмотришь, ничего не осталось. У всѣхъ долги, мало кто изъ офицеровъ не долженъ,—и, подумавъ немного, онъ продолжалъ:—я многихъ выручаю—сердце у меня доброе, придутъ, просятъ, другой, вотъ хоть бы Чумаковъ вчера, плачетъ, жена, говоритъ, больна, а въ домѣ ни копейки, какъ не дать!.. Тоже вашего мужа выручилъ: онъ браслетъ вашъ приносилъ, да что въ немъ! дутый, тоненькій, цѣны никакой.

При послѣднихъ его словахъ я сконфузилась, но, къ счастью, наше tête-à-tête въ эту минуту было прервано.

Вошли мужъ и съ нимъ два офицера въ парадной формѣ. Одинъ кудрявый, полный блондинъ, лѣтъ сорока, съ круглымъ, рябоватымъ, но симпатичнымъ лицомъ. Мужъ назвалъ его капитаномъ Аванасьевымъ, а другого штабсъ-капитаномъ Желтковымъ.

Въ первую минуту я даже повѣрить не хотѣла, что этотъ лысый офицеръ, съ длиннымъ въ веснушкахъ лицомъ, былъ Желтковъ. Отъ Оомы я слышала, что Желтковъ умный, добрый, смѣлый, и воображала его съ красивымъ энергичнымъ лицомъ.

Мужъ, представляя его мнѣ, прибавилъ:

— Такой же книгоѣдъ, какъ и ты.

При этомъ Желтковъ улыбнулся, и улыбка на минуту скрасила его некрасивое лицо.

— А вотъ этотъ,—продолжалъ мужъ, трясая за рукавъ Аванасьева,—отличный хозяинъ: какой я сейчасъ пирогъ у него съ лаховиной ѣлъ!—при этомъ онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— Ты зубы-то не заговаривай,—съ акцентомъ на «о» началъ Аванасьевъ.—Вотъ я сяду возлѣ молоденькой-то барыньки, да ей все про тебя и донесу.

И, сѣвъ на край кушетки, продолжалъ:

— Плохо вы, сударыня, держите въ рукахъ вашего мужа: пошаливаетъ онъ у васъ.

Но разговориться съ нимъ мнѣ мужъ не давалъ—торопилъ, чтобы я пошла распорядиться насчетъ закуски. Но когда я быстро поднялась съ кушетки, произошло нѣчто неожиданное: кушетка, какъ я уже говорила, была у насъ устроена изъ простой скамейки, и когда я встала, одинъ ея конецъ поднялся вверхъ, и Аванасьевъ, сидѣвшій на другомъ концѣ, полетѣлъ на полъ. Хотя онъ сейчасъ же вскочилъ на ноги и вмѣстѣ со всѣми смѣялся надъ своимъ комич-

нымъ приключеніемъ, но видимо былъ сильно сконфуженъ и началъ предлагать мужу взять у него диванъ на поддержанье.

Я отъ стыда горѣла, но мужъ не сконфузился, хвасталъ, что мы скоро получимъ съ имѣнья деньги и заведемъ себѣ бархатную мебель, и такой, какъ у насъ, мебели ни у кого въ полку не будетъ.

Мое же смущеніе все увеличивалось: я видѣла, что Лисицынъ стоитъ въ углу и разсматриваетъ образа.

«Сейчасъ увидить, что ризы на образахъ изъ фольги, и я солгала», но вспомнивъ, что подъ предлогомъ хозяйства могу уйти,—сейчасъ же убѣжала въ другую комнату. Пока я здѣсь съ Василисой устанавливала на подносъ водку и закуску, которая состояла изъ селедки и нѣсколькихъ, только что сжаренныхъ котлетъ, въ гостиной прибавился еще гость, нашъ батальонный адъютантъ Кировъ.

Это былъ красивый офицеръ съ темными вьющимися волосами и тонкимъ южнаго типа лицомъ. Одѣтъ онъ былъ во все новое и до того надушенъ какими-то крѣпкими духами, что, когда близко подходилъ, мнѣ дѣлалось дурно.

Несмотря на красивое лицо, Кировъ мнѣ сразу не понравился. Черты лица и небольшіе черные глаза имѣли жесткое выраженіе. Меня также обидѣло, что онъ не только съ нескрываемой насмѣшкой осматривалъ нашу мебель, но, описывая бальный костюмъ Варвары Львовны (жены нашего батальоннаго командира), замѣтилъ, что фасонъ надѣтаго на мнѣ платья носили два года тому назадъ.

Жену нашего майора онъ очень расхваливалъ и вообще хвасталъ своею близостью съ семействомъ майора Сверчкова, почти къ каждой фразѣ приплетая «мы съ майоромъ», «мы съ Варварой Львовной», и все интересовался узнать, когда я ей сдѣлаю визитъ, но съ другими дамами въ нашемъ батальонѣ знакомиться не совѣтовалъ.

— Здѣсь, кромѣ Варвары Львовны, ни одной дамы образованной нѣтъ,—говорилъ онъ,—а какъ одѣваются! Когда встрѣчаешься—стыдно поклониться.

Въ нашъ разговоръ вмѣшался и Аенанасьевъ.

— Да ужъ у насъ въ полку и дамы! Одна Аграфена Ивановна Блинова чего стоитъ! Сама мнѣ рассказывала, что когда новый командиръ прибылъ въ нашъ полкъ и дѣлалъ всѣмъ женатымъ офицерамъ визиты, въ томъ числѣ пріѣхалъ и къ Блиновымъ; къ ней, Аграфенѣ Ивановнѣ, какъ къ пожилой дамѣ, къ рукѣ подошелъ, «а я то,—рассказываетъ она,—хотѣла ему рученьку взадъ поцѣловать, да не далъ».

— Неужели это правда?—со смѣхомъ спрашивала я.

— Правда, правда!—со страдальческимъ выраженіемъ и качая головой, подтвердилъ Кировъ. Но тутъ заговорилъ все время молчавшій Желтковъ.

— Ничего тутъ нѣтъ особеннаго, если простая, какъ Аграфена Ивановна, женщина не знаетъ свѣтскихъ обычаевъ. Она разсудила такъ: если мужчина можетъ поцѣловать руку у женщины, то почему и ей у него не поцѣловать? А вы, Матвѣй Матвѣвичъ, — обернулся онъ къ Аванасьеву,—напрасно нападаете на Аграфену Ивановну, она хоть и не воспитанная, а лучше многихъ воспитанныхъ, главное, доброй души женщина.

— Она въ валенкахъ на вечера прѣзжаетъ!—сказалъ Кировъ.

— Ну, такъ что же, если у нея въ ногахъ ревматизмъ?—улыбнулся Желтковъ.—Во всякомъ случаѣ она пара своему мужу: вѣдь и онъ изъ фельдфебелей—было бы даже странно, если бы у Блинова была другая жена.

— Вы вѣчно носитесь съ либерализмомъ,—замѣтилъ Кировъ.

— Не понимаю, при чемъ тутъ либерализмъ!—пожалъ плечами Желтковъ.—Безъ смысла изволите произносить слова.

— А вы будьте повѣжливѣе!—уже вызывающимъ тономъ сказалъ Кировъ.

Я испугалась, какъ бы они не поссорились. Мужъ сейчасъ же началъ ихъ обоихъ упрашивать итти къ столу закусывать. Къ счастью, дѣло обошлось безъ ссоры; только Аванасьевъ, но и то добродушнымъ тономъ, замѣтилъ Желткову.

— За что на меня ты взѣлся? Я къ тому разсказалъ про Аграфену Ивановну, что она вовсе не компанія для Елены Вячеславовны: ей вотъ кто подруга—Марья Львовна, сестра нашей командирши, чудесная барышня! Только жаль, что жизнь ея у родственниковъ не сладка,—при Кировѣ скажу (хоть знаю, что онъ всѣ мои слова, да еще и съ прибавленіемъ, передастъ Варварѣ Львовнѣ): не хорошо съ нею обращаются Сверчковы, про майора ужъ я и не говорю, но и Варвара Львовна не лучше; хоть бы когда сестрѣ сдѣлала новое платье, а то молодую дѣвушку въ свои обноски одѣваетъ.

— Мы всѣ въ полку знаемъ, какъ ея сестра наравнѣ съ горничными и денщиками у нихъ чуть ли не съ дѣтства работаетъ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, о Марьѣ Львовнѣ: она скоро за нашего аристократа замужъ выйдетъ,—съ какой-то особенной улыбкой, глядя на Аванасьева, сказалъ Кировъ.

У того при этихъ словахъ лицо побагровѣло и сдѣлалось злымъ.

— Экій языкъ-то у тебя проклятый!—произнесъ онъ со злобой:—и здѣсь хочется насплетничать.

А Кировъ, точно поддразнивая, продолжалъ:

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, Матвѣй Матвѣвичъ, отбилъ у аристократа Марью Львовну, взялъ бы, да и женился на ней.

Аѳанасьевъ что-то хотѣлъ сказать въ отвѣтъ, но раздумалъ: только погрозилъ ему пальцемъ и пошелъ закусывать.

Но тутъ изъ угла раздался тихій голосъ Лисицына.

— Марья Львовна въ нашемъ полку замужъ не выйти—на ней нельзя жениться.

— Это отчего?—съ испуганнымъ уже лицомъ обернулся къ нему Аѳанасьевъ.

— Обезпеченья нѣтъ,—развелъ тотъ руками:—вотъ и я подходящей невѣсты не могу себѣ найти. Нѣтъ ли у васъ, Елена Вячеславовна, сестры, похожей на васъ?—и онъ подсѣлъ ко мнѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтила я сухо,—моей сестрѣ всего пять лѣтъ.

— Какъ разъ тебѣ подходящая по возрасту невѣста!—воскликнули въ одинъ голосъ Аѳанасьевъ и Кировъ и начали надъ нимъ трунить; а я уже не слушала ихъ—разговаривала съ Желтковымъ, жаловалась, что въ Финляндіи скучно.

— Не скучно, а тяжело въ настоящее время въ Финляндіи,—сказалъ тотъ.—Я думаю, вамъ извѣстно, что въ этомъ году здѣсь страшный голодъ. У насъ на островѣ онъ еще мало замѣтенъ; но зато въ Гельсингфорсѣ вы на каждомъ шагу встрѣчаете людей, съ истощенными отъ голоду лицами; они безъ словъ, только съ мольбой въ глазахъ, протягиваютъ вамъ руку. Между ними попадаются и интеллигентные,—тѣ не просятъ, но только на васъ смотрятъ, и какъ смотрятъ!.. Ужасно!—и Желтковъ при одномъ воспоминаніи вздрогнулъ плечами.

— Да, голодъ не тетка,—закусывая у стола, говорилъ Аѳанасьевъ:—сегодня, на примѣръ, прихожу въ казармы, а тамъ двѣ голодныя дѣвочки-чухонки готовы за кусокъ хлѣба...

— Капитанъ!—съ ужасомъ въ голосѣ прервалъ его Кировъ:—здѣсь дама!

Аѳанасьевъ съ испугу поперхнулся и, не будучи въ состояніи произнести ни слова, долго кашлялъ и махалъ по воздуху руками. Когда же пересталъ кашлять, подошелъ ко мнѣ и началъ извиняться:

— Простите, барынька, чуть-чуть при васъ не ляпнулъ.

Меня это извиненіе только сконфузило; кромѣ того, онъ мнѣ мѣшалъ слушать Желткова, который съ воодушевленнымъ лицомъ въ эту минуту говорилъ:

— Знаете ли, кто еще откликнулся на горе финляндцевъ? Это—наши русскіе, сердечные солдатики. Они сами предложили не доѣдать своихъ порцій и остатками кормить голодающихъ. Въ Гельсингфорсѣ въ каждой ротѣ ежедневно кормятся отъ тридцати до сорока человѣкъ финляндцевъ.

Желтковъ долго говорилъ о добротѣ нашихъ солдатъ. Не знаю, отъ его ли словъ или отъ звука его голоса, какого-то особеннаго, но мое сердце затрепетало и отъ гордости, а вмѣстѣ и отъ радости,

что я русская, и что у насъ такіе солдаты. Въ эту минуту я такъ была воодушевлена, что, казалось, и сама готова на всѣ жертвы и лишенія. И Аванасьевъ видимо расчувствовался: подошелъ къ Желткову и, ласково потрепавъ его по плечу, сказалъ:

— Ахъ, ты, Софья, Софья! по всѣмъ-то ты сохнешь, обо всѣхъ печалишься, смотри, братъ, только, чтобъ здоровья твоего хватило. Что же касается до финляндцевъ, то пусть и ко мнѣ въ роту сколько угодно ихъ приходитъ; безъ ѣды никого не отпустимъ. Мы ужъ и такъ имъ давно корзины кусковъ и крошекъ собираемъ.

— И я, ей-Богу, и я,—говорилъ и Лисицынъ,—сердце у меня доброе. Я не только чухонъ, но и своихъ офицеровъ выручаю, спросите у нихъ,—приставалъ онъ ко мнѣ, указывая на присутствующихъ.

У одного Кирова брезгливая улыбка не сходила все время съ губъ, и онъ уже нѣсколько разъ старался переменить разговоръ. Наконецъ, всталъ и началъ прощаться.

— Обращаюсь въ бѣгство, какъ только услышу разговоръ о голодающихъ. Надоѣло, куда ни придешь, только о нихъ и говорить. Я же изъ тѣхъ, кто для голодныхъ танцуетъ и ѣстъ. А теперь это очень легко—въ Гельсингфорсѣ постоянно устраиваются обѣды и вечера въ пользу голодающихъ.

— А мы, давайте, за нихъ выпьемъ!—воскликнулъ мужъ.

VI.

Нигдѣ мнѣ не жилось такъ тоскливо, какъ первый мѣсяцъ на Скандландѣ. Не было ни книгъ, ни подходящихъ знакомыхъ, къ тому же и салопъ мой находился въ закладѣ, такъ что я и гулять не выходила.

Немногіе изъ товарищей мужа у насъ тогда бывали: забѣгалъ изрѣдка Аванасьевъ, еще рѣже Лисицынъ; Желтковъ послѣ перваго визита ни разу не былъ. Чаше всѣхъ приходили Смѣлковъ и Крюковъ. Послѣдній былъ старый товарищъ мужа (они еще юнкерами вмѣстѣ служили), а съ прапорщикомъ Смѣлковымъ мужъ познакомился и подружился уже на Скандландѣ. Этихъ обоихъ товарищей мужъ называлъ «славными ребятами», а я этихъ славныхъ ребятъ терпѣть не могла: они очень дурно вліяли на мужа; онъ отъ нихъ всегда приходилъ пьянымъ. Когда они къ намъ являлись, я избѣгала къ нимъ выходить, только высылала на подносѣ селедку и графинъ съ водкой. По мѣрѣ того, какъ изъ графина исчезала водка, бесѣда товарищей становилась все болѣе шумной.

Темою для разговора почти всегда была служба и критика полковыхъ порядковъ. Иногда у пьянаго мужа являлась фантазія требовать, чтобы и я сидѣла вмѣстѣ съ ними, забавляла ихъ и пила

водку. Иногда доходило до того, что они хотѣли меня насильно напоить. Въ подобныхъ случаяхъ я отъ нихъ спасалась бѣгствомъ изъ квартиры: бродила кругомъ дома или пряталась въ холодныхъ сѣняхъ.

Разъ, когда я тамъ стояла въ слезахъ и дрожала отъ холода, мимо меня прошла наша сосѣдка по квартирѣ, Ида Карловна Мальгрень. Хотя было очень темно, но она меня все-таки замѣтила, подошла и, молча обнявъ, увела въ свою квартиру. Съ тѣхъ поръ я всегда въ тяжелыя минуты находила пристанище у Иды Карловны.

Къ сожалѣнію, я не могла съ ней по душѣ разговориться — она была шведка и совсѣмъ плохо говорила по-русски; но я никогда не забуду, какъ она старалась всегда меня обласкать, утѣшить и угостить, чѣмъ могла. Если я плакала, то и у Иды Карловны на глазахъ навертывались слезы, и, хлопая меня дружески по плечу, она говорила:

— Ахъ, бѣдный молёдой, зачѣмъ молёдой такъ рано жениться?

Мужа моего она называла «сатана пергала» ¹⁾ и, не желая съ нимъ встрѣчаться, ни за что не хотѣла войти къ намъ въ квартиру.

Какъ теперь, помню чистенькую комнатку съ такими же, какъ у насъ (только не выкрашенными), табуретками, но зато у Мальгрень стоялъ и старинный комодъ и шведская качалка, на которой я очень любила качаться; мнѣ нравилось, что у нихъ полъ, по финляндскому обычаю, всегда былъ усыпанъ зеленымъ, мелко нарубленнымъ ельникомъ.

Ида Карловна такъ меня прятала, что сначала не хотѣла пускать въ ту комнату, гдѣ я у нея сидѣла, даже своего добродушнаго мужа, котораго всѣ наши офицеры звали «папкой», а Ида Карловна, несмотря на его пятьдесятъ лѣтъ, называла «пойкой» ²⁾.

Мальгрены очень дружно жили между собою, никогда я не слышала, чтобы они ссорились или даже кричали на денщика: характеръ у обоихъ былъ спокойный и молчаливый; только любили говорить объ умершей, еще въ дѣтствѣ, дочери и считали большимъ несчастьемъ, что у нихъ не было больше дѣтей.

Постоянно жить съ Мальгренами, конечно, было бы тоскливо, но прибѣгать къ нимъ на нѣсколько минутъ послѣ шума пьяной компаніи я находила большимъ удовольствіемъ. У насъ же въ квартирѣ, если мы сами не ссорились, то Василиса за чтонибудь грызла Оому. Она очень тосковала и по родинѣ и по своей кошкѣ, которую, уѣзжая, оставила у кумы, вслѣдствіе этого бѣдилась не только на меня (главную, какъ она думала, виновницу своей

¹⁾ Чортъ проклятый.

²⁾ Мальчикъ.

поѣздки въ Финляндію), но и на Оому, котораго съ первыхъ же дней не взлюбила за то, что я съ нимъ больше, чѣмъ съ ней, разговаривала и учила того писать. Даже не разъ подводила она его подъ побои, особенно тогда, когда я убѣгала отъ пьянаго мужа къ Идѣ Карловнѣ, а тотъ начиналъ ее распрашивать, гдѣ я спряталась. Василиса въ этомъ случаѣ говорила:

— Спросите Оому, ему барыня все говоритъ.

Но Оома и подъ побоями ни разу меня не выдалъ, все повторялъ одно:

— Мимо барыня пробѣжали, а куда—не можемъ знать.

Часто Оома мнѣ на нее жаловался:

— Житья, сударыня, нѣтъ отъ Василисы Дементьевны,—поѣдомъ заѣла.

Но что я могла сдѣлать, когда и сама ея боялась, особенно когда она прибѣгала съ озлобленнымъ лицомъ и требовала немедленно ее разсчитать и на нашъ счетъ отправить на родину. Денегъ же у насъ въ то время хватало развѣ только на одну водку (на водку у мужа всегда оказывались деньги), жили же мы, большею частью, впроголодь.

Такимъ образомъ шла наша жизнь на Скандинавіи.

Иногда я думала, что отъ тоски съ ума сойду, приходила въ отчаянье и громко жаловалась на судьбу. Мужъ въ этихъ случаяхъ читалъ правоученія, которыя меня еще больше раздражали. Онъ совѣтовалъ развлекать себя хозяйствомъ, помогать Оомѣ готовить кушанья, приводилъ въ примѣръ другихъ женъ, которыя находятъ удовольствіе въ хозяйствѣ и заботахъ о мужѣ, и, указывая на Сашу, говорилъ:

— Вотъ тебѣ и развлеченіе!

Я обижалась больше всего, когда онъ начиналъ увѣрять, что сынъ мнѣ уже надоѣлъ, и я рада воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ спихнуть его на руки Василисѣ или Оомѣ. Это было больное мое мѣсто, такъ какъ въ словахъ мужа была нѣкоторая доля и правды. Хотя я и очень любила своего мальчика, и только ради его жила съ нелюбимымъ мужемъ, но должна сознаться, что въ одномъ материнствѣ не находила счастья, нянчить же и забавлять ребенка не умѣла и не любила. Между тѣмъ, пока Оома не привыкъ готовить кушанья, и Василиса почти все время находилась въ кухнѣ, Саша былъ предоставленъ однимъ моимъ попеченіямъ. Не часы, а цѣлые дни ходила я съ нимъ по нашимъ вѣчно сумрачнымъ комнатамъ, смѣялась, стучала въ окно, подпрыгивала, а въ это время меня ѣла такая тоска, что каждую минуту я готова была расплакаться. Утомляло меня больше всего то, что я должна была всѣ свои мысли сосредоточивать только на одномъ ребенкѣ; ни для чтенія, ни даже для другихъ мыслей не было времени. А я только въ чтеніи и мечтахъ находила тогда жизнь.

Когда Саша засыпалъ, я уже чувствовала себя такъ утомленной, что сейчасъ же и сама ложилась спать. Одно время на меня напала такая спячка, что я, кажется, больше ни о чемъ не думала, какъ только спать и спать.

VII.

Но я совершенно ожила съ тѣхъ поръ, какъ Сергѣй Никандровичъ Желтковъ началъ у насъ часто бывать. Гость онъ былъ исключительно мой: мужъ, находя его скучнымъ, при немъ никогда не оставался дома.

— Что съ нимъ дѣлать?—говорилъ онъ:—не пьетъ, въ карты не играетъ—одна тощица.

Тѣмъ, что Желтковъ началъ бывать у насъ, я была обязана Оомѣ, который столько наговорилъ ему обо мнѣ, что тотъ захотѣлъ ближе меня узнать и зашелъ запросто.

Помню, это было въ раннія зимнія сумерки. Мужа не было дома. Саша уснулъ, я тоже собиралась послѣдовать его примѣру. Вдругъ вбѣгаетъ Василиса съ вѣстью, что къ намъ пришелъ въ гости Желтковъ. Привычка много спать была уже у меня такъ сильна, что въ первую минуту приходъ Желткова мнѣ даже былъ непріятенъ. Но зато, когда я съ нимъ провела нѣсколько часовъ, я уже не могла и нарадоваться, что онъ къ намъ зашелъ. И о чемъ только мы въ тотъ вечеръ не поговорили! Я была поражена его начитанностью, ученостью и сразу произвела его чуть не въ геніи. Моя давнишняя мечта познакомиться съ образованнымъ человѣкомъ наконецъ исполнилась.

Правда, Желтковъ не былъ серьезно-образованнымъ человѣкомъ—не кончилъ даже гимназіи,—но любилъ читать и стремился къ самообразованію. Замѣчательно было въ немъ его доброе сердце, отзывчивое на всякое горе. Когда нужно было помочь чѣмънибудь или похлопотать за кого, тутъ ужъ Сергѣй Никандровичъ не разсуждалъ—пострадаетъ ли онъ самъ при этомъ, тактично ли будетъ его вмѣшательство и т. д. Онъ не только не допускалъ въ своей ротѣ какихъ либо злоупотребленій, но волновался и страдалъ, если ихъ замѣчалъ даже и въ чужихъ; при этомъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, даже дерзокъ. Зная все это за собой, Желтковъ на свою военную службу смотрѣлъ, какъ на нѣчто шаткое, и на всякій случай, чтобы не остаться безъ средствъ къ существованію, всегда чтонибудь изучалъ. Въ полку онъ слылъ за беспокойнаго офицера и слабаго ротнаго командира, который распускаетъ солдатъ. Послѣ же одного случая, который я сейчасъ расскажу, иные говорили, что онъ не нормаленъ.

Разъ, уѣзжая въ Гельсингфорсъ, Желтковъ оставилъ при своей квартирѣ только что зачисленнаго къ нему молодого солдата. За стѣной съ Желтковымъ жилъ другой офицеръ. Тотъ въ

этотъ вечеръ сидѣлъ дома, и къ нему пришелъ товарищъ. Пьютъ чай, разговариваютъ. Вдругъ, слышатъ, за стѣной, въ спальнѣ Желткова со звономъ щелкнулъ замокъ.

— Кто это можетъ быть?—прислушиваясь, сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Желтковъ въ Гельсингфорсѣ, а въ его спальнѣ кто-то сундукъ отпираетъ.

Заподозрѣвъ воровство, офицеры немедленно отправились въ квартиру Желткова и вошли такъ тихо, что солдатъ не успѣлъ даже отскочить отъ открытаго сундука. Захваченный врасплохъ, онъ не сталъ и запирается: упалъ офицерамъ въ ноги и слезно упрашивалъ не губить—простить на первый разъ.

Офицеры остались неумолимы и сдѣлали распоряженіе объ арестѣ, но солдата еще не увели изъ квартиры, когда вернулся Желтковъ. Увидавъ своего барина, онъ и ему со слезами повалился въ ноги. Между тѣмъ офицеры рассказали, какъ они на мѣстѣ преступления застали вора. Но Желтковъ вмѣсто того, чтобы обвинить денщика, набрасывается на нихъ, зачѣмъ такъ напугали солдата, что тотъ съ испугу даже клевететь на себя; и тутъ же заявилъ, что ключи денщику онъ самъ передалъ, и что тотъ получилъ отъ него право запираеть и отпирать всѣ замки, находящіяся въ его квартирѣ. Всѣ были увѣрены, что Желтковъ покрылъ вора, чтобы спасти того отъ наказанія; вслѣдствіе его заявленія солдатъ не былъ арестованъ и остался попрежнему у него денщикомъ. Изъ разсказовъ Оомы я знала, что солдатъ съ тѣхъ поръ такъ привязался къ своему барину, что готовъ положить за него свою душу. Впослѣдствіи, когда мы съ Сергѣемъ Никандровичемъ сдѣлались друзьями, и моя семейная жизнь для него не стала уже тайной, онъ и мнѣ совѣтовалъ примѣнять въ жизни эту же теорію—исправлять людей только кротостью и любовью къ нимъ.

— Если бы вы истинно любили вашего мужа,—говорилъ онъ,—вы имѣли бы на него большое вліяніе; онъ тогда пересталъ бы пить и могъ бы сдѣлаться совсѣмъ другимъ человѣкомъ: не только такихъ людей, какъ вашъ мужъ, но даже злодѣевъ исправляла любовь.

За подобныя слова я сердилась, спорила, но были минуты, когда я сознавала, что онъ правъ... Я вообще дорожила знакомствомъ Сергѣя Никандровича, но больше всего дорожила тѣмъ, что могла отъ него позаимствоваться знаніями. Я такъ хотѣла все знать, всему выучиться! Благодаря ему, у меня завелись разные учебники, я перестала скучать и даже какъ будто примирилась со своей грустной семейной обстановкой. Теперь, даже няньча Сашу, я всегда что нибудь зубрила; если нельзя было заниматься днем—училась ночью. Конечно, въ этомъ случаѣ не обходилось безъ ссоръ съ мужемъ.

Въ первый разъ, когда я ночью ушла изъ спальни въ гостиную и начала при свѣчкѣ читать, мужъ рассердился, вскочилъ съ

постели и, потушивъ свѣчку, приказалъ мнѣ итти спать. Другой разъ, вырвалъ книгу изъ моихъ рукъ, зажогъ и держалъ, пока она вся не покрылась пламенемъ. Но въ этомъ случаѣ моя воля оказалась сильнѣе, чѣмъ его: несмотря ни на что, я все-таки, какъ онъ выражался, корпѣла надъ книгами. Мужъ перенесъ злобу на Желткова и, встрѣчаясь съ нимъ, такъ иногда былъ не любезенъ, что я опасалась, какъ бы тотъ не обидѣлся и не пересталъ у насъ бывать, а я всегда ожидала его прихода, какъ праздника.

Изъ окна кухни Тома первый его увидить и сейчасъ же закричить:

— Барыня, нашъ гость къ тобѣ идетъ!

И, не ожидая моихъ распоряженій, ставитъ самоваръ, бѣжитъ въ казармы за булками, которыя онъ умудрялся доставать у кого-то въ долгъ. Василиса неохотно, ворча что-то себѣ подъ носъ, поднимается съ мѣста, чтобы зажечь вторую сальную свѣчку и поставить въ гостиной на столъ.

А я, хотя и увѣрена, что вовсе не кокетничаю съ Сергѣемъ Никандровичемъ, все же бѣгу къ зеркалу поправить волосы и перемѣнить свѣжіи воротничекъ и рукавчики.

— Неужели опять спите?—спрашиваетъ за дверями мягкій мужской голосъ.

— Съ чего вы это взяли? Совсе не сплю,—и я радостная выбѣгаю въ гостиную и протягиваю ему обѣ руки.

Сергѣй Никандровичъ долго не выпускаетъ моихъ рукъ; по его лицу мнѣ кажется иногда, что онъ мною любитъ, хотя никогда не скажетъ ни одного комплимента. Разъ, желая его вывести на откровенность, я спросила:

— Неужели вы никогда не были влюблены?

Онъ ужасно смутился и только черезъ нѣсколько минутъ заговорилъ:

— Развѣ можетъ меня женщина полюбить? Вѣдь я уродъ.

По его лицу было видно, что онъ ждалъ отвѣта, но я не нашла отвѣтить и только упрекала себя, затѣмъ такъ нетактично затронула его больное мѣсто. Но, и кромѣ любви, у насъ много о чемъ было поговорить. Больше всего онъ любилъ мнѣ рассказывать о своихъ солдатахъ, онъ особенно нянчился съ новобранцами. Помню, къ нему прислали двухъ литвиновъ, не знавшихъ ни слова по-русски... И какъ онъ былъ счастливъ, что знаетъ хотя немножко по-литовски и можетъ съ ними поговорить.

— Если бы вы знали,—рассказывалъ Желтковъ,—какъ ихъ лица всегда просіяютъ, когда они слышатъ родную рѣчь... придутъ въ роту; они, какъ дѣти, ко мнѣ бѣгутъ. Ужъ у меня-то фельд-фебель не обидитъ новобранца!—прибавлялъ онъ съ гордостью.

VIII.

Прожили мы на Скандинавѣ три мѣсяца, а мой лисій салопъ и визитное платье все еще находились въ закладѣ. Вслѣдствіе этого я не только никому изъ дамъ, но даже женѣ нашего батальоннаго командира, Варварѣ Львовнѣ, не могла сдѣлать визита. А она, между тѣмъ, уже не разъ освѣдомлялась у нашихъ общихъ знакомыхъ, почему я до сихъ поръ у нея не была. Что же касается моего мужа, то онъ былъ увѣренъ, что изъ-за этого же визита майоръ началъ на ученыхъ къ нему придираться.

Наконецъ, крестьяне выслали намъ остальные за лужокъ сто рублей, и мы, что называется, воспрянули духомъ: заплатили долги, выкупили изъ залога нѣкоторыя вещи и теперь уже могли сдѣлать визитъ и Сверчковымъ. По случаю этого визита я нѣсколько дней была поглощена обновленіемъ своего визитнаго костюма. Чтобы размѣнять русскія деньги на финскія, мужу пришлось съѣздить въ Гельсингфорсъ, откуда онъ мнѣ привезъ новую шляпку, а себѣ купилъ перстень, дутый, съ дешевымъ камнемъ и увѣрялъ всѣхъ, что это—фамильная драгоценность.

По дорогѣ къ Сверчковымъ мы опять поспорили: мужъ началъ меня учить, какъ я должна себя держать въ гостяхъ.

— Все больше помалкивай,—говорилъ онъ,—что увидишь, ничему не удивляйся, какъ будто ты все уже видѣла, и тебѣ все — наплевать. Если будутъ спрашивать, была ли ты въ оперѣ въ Петербургѣ, говори—была. Я буду хвалить Лукку; а ты со мной спорь, доказывай, что Патти лучше поетъ... Эхъ, жаль, что въ бытность нашу въ Петербургѣ я съ собой афишъ не захватилъ, теперь ими можно было бы и шикнуть.

Я не соглашалась лгать и говорила, что онъ ставитъ меня въ глупое положеніе, заставляя спорить о пѣвицахъ, когда я ни одной изъ нихъ не видѣла и не слышала и сама никогда въ театрѣ не была.

Мужъ обидѣлся и замолчалъ; только, когда мы уже подошли къ квартирѣ Сверчковыхъ, искоса взглянувъ на меня, колко замѣтилъ:

— Хоть шляпку поправьте, она у васъ на боку.

Дверь намъ отворилъ денщикъ; онъ былъ безъ сюртука и, вѣроятно, оторванный отъ плиты, красенъ, какъ изъ бани. Въ это же время изъ комнатъ къ намъ донесся сердитый женскій голосъ:

— Не могъ, скотина, сюртука надѣть!

Въ передней сильно пахло жаренымъ мясомъ, и возлѣ вѣшалки для верхнихъ платьевъ стояла прилично одѣтая въ бѣломъ казенкоромъ передникѣ и черномъ платьѣ горничная-чухонка. Она намъ съ привѣтливой улыбкой присѣла и сняла съ меня салопъ.

Въ гостиной никого не было. Пришлось стоять нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ изъ боковыхъ дверей къ намъ выбѣжалъ Кировъ. Онъ здѣсь видимо былъ, какъ дома: просилъ садиться, курить и объявилъ, что Варвара Львовна переодѣвается и сейчасъ выйдетъ.

— Я,—говорилъ Кировъ,—только-что со стекла рисунокъ для Варвары Львовны снималъ. Хотите, покажу?—и, не дожидаясь отвѣта, побѣжалъ въ другую комнату, а я начала разсматривать гостиную.

Въ сравненіи съ нашей она была великолѣпна: мягкая мебель, обитая синимъ шерстянымъ рипсомъ, въ простѣнкахъ трюмо, на полу передъ диваномъ бархатный коверъ, у стѣны роаль...

— Какая роскошь!—невольно вырвалось у меня.

— Я, кажется, васъ предупреждалъ,—ѣдко и шопотомъ началъ мужъ:—что только деревенщина всему удивляется, а вы...

Но онъ вдругъ замолчалъ—на порогѣ въ красномъ пеньюарѣ, съ сильно напудреннымъ лицомъ, стояла величественная фигура Варвары Львовны.

Съ любезной улыбкой и грозя пальцемъ, она говорила:

— Пора, давно пора—изволили съ визитомъ запоздать къ начальству.

Мужъ началъ что-то говорить въ наше оправданье, но та прервала его.

— Знаю,—значительно произнесла она и такъ взглянула на мое платье, что я подумала, не сказалъ ли ей ктонибудь, что оно было въ закладѣ.

Подойдя ко мнѣ ближе, она замѣтила:

— Да она у васъ совсѣмъ дѣвочка! Я не дала бы ей и пятнадцати лѣтъ.

— Старуха, скоро восемнадцать стукнетъ!—съ самодовольной улыбкой произнесъ мужъ, почтительно подходя къ рукѣ командирши.

— Николай Петровичъ,—обратилась та къ вошедшему, съ рисункомъ въ рукахъ, Кирову,—скажите Машѣ, чтобы она выслала шведскаго пунша и бисквитовъ, потомъ можетъ и сама къ намъ притти.

Я догадалась, что она говоритъ о своей младшей сестрѣ, о которой я уже много слышала, въ особенности отъ Анастасьева, и съ любопытствомъ начала ожидать ея появленія въ гостиной. Между тѣмъ Варвара Львовна лѣниво опустилась въ кресло и сентиментально произнесла:

— Я тоже, какъ и вы, рано замужъ вышла, а вотъ теперь и раскаиваюсь,—помолчавъ немного, продолжала:—и вамъ, молодая барынька, не совѣтую баловать вашего мужа, главное, сначала заберите его покрѣпче въ руки.

При этомъ совѣтѣ мужъ даже со стула приподнялся.

— Позвольте, атанде,—съ улыбкой началъ онъ,—вы такъ, чего добраго, мою половину испортите. Развѣ забыли: «жена да боится своего мужа»?

— Ну, мало ли что!—засмѣялась Варвара Львовна:—мы, жены, понимаемъ это наоборотъ... Кромѣ шутокъ, господа, не хорошо, когда мужья не слушаютъ совѣтовъ умныхъ женъ. Вотъ, хотя бы и мой мужъ: всѣ знаютъ, что онъ добрый, честный человѣкъ, а никогда не умѣлъ, гдѣ нужно, за себя постоять. Подумайте, его товарищи уже давно произведены въ полковники, командуютъ полками, ихъ жены не то, что я здѣсь, живутъ настоящими барынями. А мой мужъ до сихъ поръ майоръ и сюда на островъ, словно въ ссылку, сосланъ...

Въ это время изъ передней раздался звонъ шпоръ и нѣжный мужской голосъ:

— Варенька, не нападать на меня! — и тщедушная фигура майора Сверчкова черезъ минуту появилась въ гостиной.

Раньше я слышала, что майоръ—человѣкъ въ высшей степени нервный и капризный и своими капризами больше всѣхъ изводитъ сестру Варвары Львовны, которую Сверчковы уже давно взяли вмѣсто дочери. Но теперь, когда я смотрѣла на него, всѣ эти слухи казались невѣроятными: до того онъ былъ веселъ, милъ и любезенъ. Мнѣ наговорилъ кучу любезностей, а своей женѣ поминутно цѣловалъ руки и всѣ ея обидныя для него слова обращалъ въ шутку. Какъ нѣкоторые старички, онъ любилъ прихвастнуть своими бывшими побѣдами надъ женскими сердцами и только что началъ мнѣ рассказывать, какъ одна молоденькая барынька предлагала ему увезти ее отъ мужа, какъ Варвара Львовна перебила рассказъ:

— Андрей, надѣта ли на тебѣ теплая фуфайка? Вѣдь это онъ только при васъ такъ храбрится,—обратилась она ко мнѣ,—а уйдете—сейчасъ же заноетъ: «и то болитъ и другое болитъ. Варя, посмотри у меня языкъ». А желудокъ у него, дѣйствительно, со всѣмъ не варить.

Рассказъ жены о его нездоровьѣ видимо не нравился майору: онъ нѣсколько разъ пытался ее остановить и, выбравъ удобную минуту, когда та на насъ не смотрѣла, успѣлъ шепнуть:

— Варенька до сихъ поръ ревнива и при молоденькихъ всегда меня хоронить.

Мнѣ же казалось, что ее интересовало совсѣмъ другое: теперь она спросила, не забылъ ли онъ опять справиться, какимъ стоитъ по списку майоромъ.

— Не дождусь, когда буду подполковницей!—не то шутя, не то серьезно говорила она, а майоръ подбѣгалъ къ ней, опять цѣловалъ ей руку и увѣрялъ, что теперь онъ ужъ изъ вѣрныхъ источниковъ знаетъ, что въ это производство будетъ произведенъ, но та въ отвѣтъ грустно качала головой:

— Боюсь за тебя, Андрей, мнѣ давно доктора говорятъ, что у тебя чахотка... Чего добраго, поднесешь сюрпризъ: умрешь, не выслуживъ полной пенсіи.

Майоръ началъ высчитывать, сколько въ случаѣ его смерти жена получить пенсіи.

Приходъ двухъ ротныхъ командировъ прекратилъ похоронный разговоръ. Увидавъ ихъ, Варвара Львовна оживилась и весело закричала:

— Распекать васъ будетъ командирша, распекать! Штабсъ-капитанъ Лисицынъ, почему у васъ въ крупѣ оказался песокъ? А у васъ, капитанъ Аѳанасьевъ, вчера былъ совсѣмъ сырой хлѣбъ.

— Ручку-то прежде позвольте поцѣловать,—басилъ Аѳанасьевъ.

— Ужъ и мнѣ позвольте!—тоненькимъ голоскомъ вторилъ Лисицынъ, и оба въ одно время ловили ея руку.

Черезъ нѣсколько времени Варвара Львовна отвела Аѳанасьева къ окну и начала съ нимъ о чемъ-то по секрету разговаривать. Къ намъ донеслась одна громко произнесенная фраза:

— Да, если бъ у меня былъ другой мужъ.

— А я-то чѣмъ худъ?—брякнувъ шпорами, удивился майоръ.

— Дуракъ,—последовалъ спокойный отвѣтъ.

— Шутница она у меня, а въ молодости красавица была.

Видя, какъ Варвара Львовна третируетъ своего мужа, мнѣ стало жаль бѣднаго майора, но не надолго: я скоро въ немъ разочаровалась.

Горничная внесла на подносѣ, въ вычурномъ графинѣ, пуншъ и въ высокой стеклянной вазѣ кондитерское печенье. Вслѣдъ за нею робко вошла невысокаго роста, въ синемъ полинявшемъ шерстяномъ платьѣ молодая барышня, лѣтъ двадцати. Мнѣ сразу понравилось ея милое лицо, русскаго типа, съ кроткимъ выраженіемъ. Особенно были красивы большіе, голубые глаза и пушистые бѣлокурые волосы, заплетенные въ толстую, но не длинную косу. Тутъ и произошла та маленькая сценка, послѣ которой я перестала считать майора добрымъ человѣкомъ.

Входя въ гостиную, Марья Львовна не заперла за собою дверь, и Сверчковъ раздраженнымъ тономъ приказалъ ей запереть; та вернулась и притворила дверь.

— Не такъ!—опять закричалъ майоръ:—на ручку запри.

Марья Львовна снова вернулась и заперла, какъ онъ приказалъ.

— Не можешь не стукнуть!—со злобой въ лицѣ произнесъ тотъ:—зачѣмъ послѣ этого васъ, дармоѣдовъ, въ домѣ держать?

И, обращаясь ко мнѣ, началъ жаловаться, какъ неприятно имѣть въ домѣ взрослыхъ дѣвицъ.

— Возьмешь, чтобы въ хозяйствѣ помощницей была, а она только думаетъ о выѣздахъ и нарядахъ.

На эту сценку никто, казалось, не обращалъ вниманія, но, когда меня знакомили съ Марьей Львовной, у той въ глазахъ еще блестѣли слезы.

Не понравилось мнѣ и обращеніе Варвары Львовны съ сестрой: она какъ будто хвалила ее, но было замѣтно, что не прочь спихнуть съ своихъ рукъ.

— Вотъ,—начала она,—и хорошая дѣвушка моя Маша, а замужъ не выходитъ, и все оттого, что обезпеченья нѣтъ.

Начался общій разговоръ, можно ли офицеру, хотя и въ двадцать восемь лѣтъ, жениться безъ приданого; всѣ присутствующіе мужчины (исключая Аоанасьева, который молчалъ) сказали «нельзя». Громче всѣхъ говорилъ Кировъ, объясняя, что если станетъ давиться, то только на золотой петлѣ: «меньше двухсотъ тысячъ не женюсь».

— Значить, моя Маша не выйдетъ замужъ,—со вздохомъ произнесла Варвара Львовна.

Тутъ ея сестра тихимъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ замѣтила:

— Неужели, Варя, у тебя нѣтъ другихъ разговоровъ, какъ только о моемъ замужествѣ?

Та съ удивленіемъ взглянула на сестру.

— Что жъ опять обидѣлась? Хотя ты намъ и порядочно стоишь, но я, кажется, никому тебя не навязываю и за когонибудь еще и не отдамъ: во-первыхъ, ты столбовая дворянка. Впрочемъ (тутъ Варвара Львовна обернулась въ сторону, гдѣ сидѣли Аоанасьевъ съ Лисицынымъ), вы, господа офицеры, не очень-то обращаете вниманіе на происхожденіе жены, вамъ только бы за ней деньги взять. Теперь въ обществѣ я не всякой еще нашей дамѣ и руку подамъ...

Варвара Львовна, кажется, еще многое хотѣла сказать, но ее прервалъ Лисицынъ, онъ сидѣлъ у окна и объявилъ, что Бобровъ на извозчикѣ подѣхалъ.

Въ эту минуту я случайно взглянула на Марью Львовну и не могла не замѣтить, что это извѣстіе сильно на нее подѣйствовало: она сначала поблѣднѣла, какъ полотно, потомъ все ея лицо покрылось красными нервными пятнами. Она подбѣжала къ окну, заглянула въ него и сейчасъ же бѣгомъ бросилась изъ гостиной.

— Не беспокойтесь, не для васъ этотъ женихъ,—довольно громко и съ насмѣшкой проговорилъ ей вслѣдъ майоръ.

— Андрей!—раздался властный голосъ его жены, и при этомъ она даже ударила кулакомъ по столу.

Майоръ опять заговорилъ со мною.

— Если вы понравитесь Боброву, то недолго останетесь на островѣ, какъ разъ вашего мужа переведутъ въ Гельсингфорсъ.

Мнѣ его тонъ и слова не понравились. Я встала и начала прощаться, но Варвара Львовна ни за что не хотѣла отпустить насъ, не показавъ мнѣ ихъ полкового аристократа:

— Вы только посмотрите на него, какой красивый, умный, воспитанный, въ него всѣ дамы влюбляются, даже говорятъ, что жена нашего полкового командира къ нему не равнодушна, а у нея вся голова сѣдая.

Мужъ дернулъ меня за платье, чтобы я сѣла. Въ гостиную, между тѣмъ, уже вошелъ молодой, изящный офицеръ. Варвара Львовна съ любезными словами пошла навстрѣчу гостю, и все общество сейчасъ же его окружило. Одна Марья Львовна стояла въ сторонѣ и, видимо, ждала, чтобы гость къ ней самъ подошелъ. Она уже успѣла напудрить себѣ лицо, и у нея на шеѣ появился розовый галстучекъ. По всему было видно, что Бобровъ здѣсь пользуется большимъ почетомъ. И у меня, не знаю почему, забилося сердце, когда я увидѣла, что Варвара Львовна направляется съ нимъ въ мою сторону.

— Владимиръ Александровичъ Бобровъ,—наша новая полковая дама Елена Вячеславовна Никонова,—представила она насъ другъ другу и продолжала:—не правда ли, не похожа на даму? совсѣмъ дѣвочка!

— Какова барынька-то въ моемъ батальонѣ!—говорилъ возлѣ меня и майоръ...

Большіе, черные глаза Боброва встрѣтились съ моими; свои глаза я сейчасъ же опустила, но все-таки успѣла замѣтить, что у него замѣчательно красивое и выразительное лицо. Не могла я также не замѣтить, что онъ, разговаривая съ другими, поминутно посматривалъ на меня; эти взгляды доставляли мнѣ какое-то особенное, жгучее удовольствіе. Чарующимъ образомъ дѣйствовалъ на меня и его голосъ и та изящная, свѣтская простота манеръ, которая для меня была нова и выдѣляла его изъ остального общества.

Когда Бобровъ на чей-то вопросъ: «весело ли онъ проводитъ время?» произнесъ уставшимъ голосомъ: «мнѣ все и всѣ надоѣли», я сейчасъ же сравнила его съ Печоринымъ и Онѣгинимъ.

Только разъ я вмѣшалась въ разговоръ, когда Варвара Львовна жаловалась, что начала читать въ одномъ изъ новыхъ журналовъ романъ и никакъ не можетъ достать продолженія.

Едва справляясь съ волненіемъ, я сказала:

— И я не могу на островѣ достать ни одного новаго журнала, хотя г. Желтковъ очень для меня хлопоталъ объ этомъ.

— Да, у насъ въ полку еще нѣтъ настоящаго порядка въ раздачѣ книгъ,—уже исключительно ко мнѣ обратился Бобровъ:—новые журналы всегда захватываютъ штабные, а главное, многіе и не читаютъ ихъ, а только любятъ, чтобы книги лежали у нихъ на столахъ.—Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:—если позволите, я пришлю вамъ послѣднюю книжку «Русскаго Вѣстника».

Я вспыхнула и еще не успѣла его поблагодарить, какъ Аванасевъ вмѣшался въ нашъ разговоръ:

— Хоть бы вы, Владимиръ Александровичъ, въ нашей библиотекѣ порядокъ завели, а то я навѣрно знаю, что книжки у насъ зачитываются. Вотъ, хоть бы Степановъ откуда-то набралъ цѣлый шкафъ книгъ, говоритъ—на аукціонахъ скупаегъ; а я думаю, что между покупными есть и наши... онъ собирается скоро въ отставку выходить и библиотеку въ какомъ-то уѣзномъ городѣ открыть—говоритъ: «хоть съ рыла двадцать копеекъ буду брать,—все же дѣтишкамъ на молочишко».

Тонкая улыбка пробѣжала по губамъ Боброва...

— А вы, Матвѣй Матвѣевичъ, — обратился онъ къ Аванасеву,—читаете чтонибудь, кромѣ приказа?

— Нѣтъ,—откровенно признался тотъ,—я всякое чтеніе до отставки оставляю. Когда выйду, дѣлать нечего будетъ, вотъ тогда за книги отъ скуки и примусь, а теперь, какъ услышу про интересную книжку, сейчасъ ее и покупаю. Ужъ очень Желтковъ какого-то Бокля хвалилъ,—непремѣнно куплю.

— И прочтете его только черезъ пятнадцать лѣтъ?

— Да, тогда и прочту,—не замѣтивъ насмѣшки, повторилъ Аванасевъ.

Мои глаза опять встрѣтились съ глазами Боброва, и, понимая другъ друга, мы оба улыбнулись.

Мужъ нѣсколько разъ дергалъ меня за платье, давая знать, что пора уходить; но мнѣ было такъ хорошо, такъ весело, что, даже рискуя получить дома нотацію, я все сидѣла и сидѣла...

Кто-то изъ присутствующихъ обратилъ вниманіе майора на кучку солдатъ, собравшихся на плацу, и все общество подошло къ окнамъ.

Только я и Бобровъ остались на своихъ мѣстахъ. Онъ сейчасъ же со своего стула наклонился въ мою сторону и вполголоса проанесъ:

— Когда я еще не имѣлъ счастья быть вамъ представленнымъ, я уже много слышалъ о васъ отъ Сергѣя Никандровича и даже читалъ одно изъ вашихъ стихотвореній «Обручальное кольцо». Прекрасная вещь!

Не могу описать того блаженства, которое я испытывала при этихъ словахъ. Лицо мое пылало, губы разѣзжались въ улыбку, а глаза, чтобы скрыть свой восторгъ, я догадалась опустить.

Когда же я ихъ подняла, то они встрѣтились съ устремленными на насъ глазами Марьи Львовны, а въ нихъ было столько горя, отчаянія, что мнѣ стало не ловко и даже тяжело. Вѣроятно, и Бобровъ испыталъ эту же неловкость, потому что сейчасъ же всталъ со стула и, подойдя къ ней, началъ тихо что-то говорить. Черезъ

минуту они вдвоем удалились въ сосѣднюю комнату, а я начала прощаться.

Въ передней я опять увидѣла Боброва; онъ выбѣжалъ проститься и, взявъ отъ горничной мой салопъ, накинулъ мнѣ на плечи. На прощанье онъ долго трясъ руку моего мужа и упрашивалъ заходить къ нему, когда тотъ будетъ въ Гельсингфорсѣ.

— Я ему нравлюсь, все это для меня,—повторяла я мысленно и, какъ въ чадѣ, вышла изъ квартиры Сверчковыхъ.

IX.

Сашу ли я укачивала, оставалась ли одна,—мои мысли были заняты Бобровымъ. Пылкое воображеніе успѣло украсить его всѣми достоинствами; я не только была увѣрена, что онъ красивъ, уменъ, но также и добръ, и великодушенъ, и что онъ именно есть тотъ человѣкъ, котораго мнѣ суждено на всю жизнь полюбить, и который разлучить меня съ мужемъ.

Теперь на всѣхъ клочкахъ бумаги я писала стихи съ заглавіемъ «Къ нему». Помню только одно изъ нихъ. Оно начиналось такъ:

«Тебѣ хотѣла бъ я открыть
 Печаль души моей молодой,
 О, если бъ могъ ты полюбить
 Меня, какъ другъ или братъ родной,—
 Тебѣ съ открытою душой
 Я все бъ безъ лжи передала,
 И сердцу, полному тоской,
 Участье и совѣтъ наша» и т. д.

Теперь, занятая своею любовью, я уже не такъ интересовалась книгами, а когда приходилъ Желтковъ, разговаривала съ нимъ не о нихъ, а о Бобровѣ. Мнѣ было досадно, что Сергѣй Никандровичъ нѣсколько сухо о немъ отзывался, но все-таки онъ сказалъ, что Боброва считаетъ однимъ изъ самыхъ умныхъ и воспитанныхъ офицеровъ въ полку.

Но кто огорчалъ меня, это Аванасьевъ. Вскорѣ послѣ нашего визита къ Сверчковымъ онъ зашелъ къ намъ, чтобы пригласить меня и мужа къ себѣ на чай. Нужно сказать, что Аванасьевъ всегда мнѣ выказывалъ большое расположеніе и любилъ выдавать себя, особенно, при другихъ, за моего поклонника.

Но я скоро поняла, что онъ расположенъ ко мнѣ за то, что можетъ, не опасаясь сплетенъ, поговорить о Марьѣ Львовнѣ, которая ему, видимо, серьезно нравилась, и теперь онъ прежде всего спросилъ, понравилась ли она мнѣ.

Между прочимъ, онъ рассказалъ, что, когда мы ушли отъ Сверчковыхъ, Бобровъ мною очень восхищался и сказалъ: «она пре-

хорошенькая». Слыша это, я такъ была счастлива, что моя радость, вѣроятно, отразилась и на моемъ лицѣ, потому что Аѳанасьевъ, печально покачавъ головой, сказалъ:

— Сами-то вы, барынька, смотрите, въ него не влюбитесь: рожа дѣйствительно у Боброва красивая, и онъ умѣетъ передъ женщинами мелкимъ бѣсомъ разсыпаться, но что касается до его души, если судить о ней по его поступку со свояченицей Сверчкова, то она неважная!

Сердце мое тревожно забилося. Мнѣ вдругъ припомнилось страдальческое выраженіе на лицѣ Марьи Львовны, когда она смотрѣла на меня и на Боброва. Чувствуя, что блѣднѣю, я спросила:

— Какой поступокъ?

Аѳанасьевъ удивился, что до меня не дошли еще слухи, что Марью Львовну въ полку считаютъ скомпрометированной барышней, потому что Бобровъ въ продолженіе двухъ лѣтъ каждую недѣлю пріѣзжалъ къ Сверчковымъ, и всѣ считали его за жениха Марьи Львовны; а вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ сталъ очень рѣдко пріѣзжать, и жениться на ней, видимо, и совсѣмъ раздумалъ.

— А кто знаетъ, что онъ думалъ на ней жениться?—вступилась я за Боброва.

— Если не думалъ,—продолжалъ Аѳанасьевъ,—такъ незачѣмъ ему было съ ней ходить гулять, и все больше при лунѣ, да по такимъ мѣстамъ, гдѣ и люди не встрѣчаются... Знаетъ ли онъ, свинья,—уже повышая голосъ, заговорилъ Аѳанасьевъ:—что онъ людямъ получше себя дорогу загородилъ? Теперь каждый подумаетъ, какъ на ней жениться.

Я старалась доказать, какъ негѣно думать, что молодой человѣкъ, бывая часто въ семейномъ домѣ, гдѣ есть взрослая дѣвица, долженъ непременно на ней жениться: или молодымъ людямъ нельзя вдвоемъ гулять, чтобы изъ этого не вывели какого либо заключенія?

— Я сама въ Т.,—говорила я—очень часто съ однимъ знакомымъ офицеромъ одна гуляла, между тѣмъ мы не были влюблены другъ въ друга.

Кажется, мои слова нѣсколько успокоили Аѳанасьева.

— Матушка вы моя,—началъ онъ задушевымъ голосомъ,—никто, кажется, какъ я, не былъ бы такъ радъ, если бы ваши предположенія оказались вѣрными, а сплетни въ полку вздоромъ! Самъ бы тогда пошелъ съ повинной головой къ Боброву.

Когда Аѳанасьевъ ушелъ, я хотя и убѣждала себя, что Бобровъ низко оклеветанъ, но лицо Марьи Львовны не выходило изъ головы. Кромѣ того, я никакъ не могла разобраться въ своихъ чувствахъ: то мнѣ до боли было жаль бѣдную дѣвушку, то, какъ будто, я на нее сердилась, а когда думала, что Бобровъ уже ея

не любить,—на сердцѣ дѣлалось радостно. Во всякомъ случаѣ мои мечты уже были нѣсколько отравлены. Нося на рукахъ Сашу, я громко импровизировала:

Мелькнуло мнѣ на мигъ блаженство,
И ужъ отравлено оно:
Онъ, мой кумиръ,—онъ, совершенство,
Забрызганъ грязью!...

На слово «оно» рѣма не давалась, и я начинала опять сначала. Мужъ прервалъ импровизацію.

— Довольно тебѣ завывать сегодня!—крикнулъ онъ изъ другой комнаты,—одѣвайся лучше скорѣй; я боюсь, чтобы у Аванасьева не сѣли въ карты безъ меня играть!

Когда мы оба были готовы отправиться въ гости, Оома вошелъ въ комнату съ пакетомъ въ рукахъ и подалъ его мнѣ.

— Отъ командира четвертой роты,—пояснилъ онъ,—солдатъ принесъ. Приказано самой барынѣ передать.

— Это отъ Боброва,—сказалъ мужъ и, взявъ отъ меня пакетъ, распечаталъ; тамъ оказалась послѣдняя книжка «Русскаго Вѣстника».

Сколько эта книжка принесла мнѣ радости! Онъ думаетъ обо мнѣ, не забывъ, что обѣщалъ, а мужъ, глядя на меня, со смѣхомъ спрашивалъ:

— Что ты вдругъ стала такая, красная, словно опшаренная? Деревенщина ты моя, деревенщина! Обыкновенная свѣтская любезность и тебя уже такъ взволновала! Ты лучше, при свиданіи, попроси Боброва, чтобы онъ похлопоталъ о моемъ переводѣ въ Гельсингфорсъ. А то книжку прислалъ—эка невидаль!

X.

У Аванасьева мы уже застали гостей. Въ одной комнатѣ мужчины играли въ карты, а въ другой сидѣли двѣ дамы, съ которыми хозяйнѣ тотчасъ же меня познакомилъ. Сначала подвелъ къ молодой, но очень худенькой, съ болѣзненнымъ лицомъ и бѣдно одѣтой.

— Моя кумушка, Настасья Степановна Чумакова, четырехъ сыновей у нея крестилъ—жду пятого.

Чумакова начала со смѣхомъ отмахиваться отъ него руками.

— Что вы, кумъ, и такъ шесть человекъ дѣтей, а онъ седьмого каркаетъ. Дайте хоть этихъ-то поднять на ноги. Лучше похлопочите, чтобы мужу роту скорѣй дали.

И Чумакова умоляющими глазами взглянула на Аванасьева.

— Что жъ я, кума, могу сдѣлать?—развелъ тотъ руками:—пождидите, пока Дмитрій Петровичъ штабсъ-капитана получить.

— Бобровъ—поручикъ, а ротой командуетъ,—въ одинъ голосъ сказали обѣ дамы.

— Онъ намъ не примѣръ—красавецъ и съ жены полкового командира портретъ нарисоваль,—со смѣхомъ, но шопотомъ произнесъ Аванасьевъ.

Потомъ онъ подвелъ меня къ другой дамѣ, которую назвалъ мадамъ Пауковой. Эта была одѣта съ претензіей на щегольство и моду. Возрастъ ея трудно было опредѣлить: лицо безъ морщинъ, но засохшее и пергаментнаго цвѣта, узенькіе глазки блестя и впивались въ лицо того чловѣка, съ которымъ она начинала разговаривать.

— Хоть здѣсь позвольте съ вами познакомиться,—съ жеманствомъ, протягивая мнѣ руку, сказала Паукова.—Въ воскресенье, когда вы шли съ визитомъ къ Сверчковымъ, я васъ два часа съ кофейникомъ ждала, думала, что и насъ удостоите своимъ посѣщеніемъ. Да гдѣ ужъ намъ!—мы люди маленькіе и по сту рублей съ имѣнья не получаемъ.

Въ свое оправданіе я сказала, что кормлю ребенка, къ которому спѣшила. Паукова сейчасъ же заговорила со мной любезнѣе: начала спрашивать, сколько времени моему сыну, идутъ ли у него зубки и т. д. Про себя сказала, что она по профессіи акушерка, но такъ какъ живетъ на островѣ, то у нея здѣсь вовсе нѣтъ практики.

— Одна Настасья Степановна,—указала она на Чумакову.

— Моя практика дешевая,—вздохнула та и начала спрашивать Аванасьева, дадутъ ли имъ въ этомъ году пособіе.

— Вы бы къ женѣ полкового командира побѣхали,—совѣтоваль тотъ:—она хоть баба взбалмошная, а добрая.

— Я тоже слышала, что добрая—сказала, Чумакова:—она Андреевымъ два костюмчика для дѣтей прислала.

Обѣ дамы мнѣ показались скучными, и я обрадовалась, когда хозяинъ повелъ насъ по своей квартирѣ показывать недавно купленную мебель.

— Вотъ, посмотрите, — говорилъ онъ:—я вовсе не вралъ, что моя мебель лучше, чѣмъ у Сверчковыхъ — ихъ вся вотъ этого дивана не стоитъ: накладной орѣхъ, чистый волосъ и за обивку по полтора рубля аршинъ платилъ.

Потомъ Аванасьевъ подходилъ къ слѣдующей вещи и опять начиналъ объяснять ея достоинства и цѣну. Послѣ мебели показалъ новый фаянсовый столовый сервизъ и купленные на аукціонѣ старыя, серебряныя ложки. Каждую изъ насъ онъ просилъ поддержать ложки въ рукѣ, чтобы убѣдиться въ ихъ тяжести, и въ заключеніе показалъ кусокъ таммерфорскаго полотна, который предназначался для его рубашекъ. Обѣ дамы съ завистью смотрѣли на богатство Аванасьева и все о чемъ-то между собою шеп-

тались. Когда же хозяинъ усадилъ насъ на диванъ, придвинулъ къ нему столъ, на которомъ стояли сладости, и, попросивъ насъ кушать, какъ можно больше, ушелъ въ другую комнату, тогда только я поняла, почему Тома называетъ Паукову «пронзительной барыней». Она не только перемывала косточки нашего добродушнаго хозяина, но не пощадила и другихъ ротныхъ командировъ за то, что они имѣли, по ея мнѣнію, побочные доходы. Впрочемъ она не столько ихъ осуждала, сколько завидовала тому, что сама не находится въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, какъ жены этихъ офицеровъ.

Чумакова же говорила, что, когда ея мужу дадутъ роту,—крупя и мясо будутъ у нея не купленные, и тогда всѣ ея дѣти, вслѣдствіе хорошаго питанія, поправятся. Паукова добралась и до полковыхъ дамъ: увѣряла, что нашъ полковой командиръ больше благоволитъ къ тѣмъ офицерамъ, у которыхъ жены хорошенькія и хорошо одѣваются.

— А насъ, старухъ, которыя ему мозолятъ глаза старыми сапогами, сюда на островъ прячетъ.

— Вотъ, васъ,—обратилась она ко мнѣ,—навѣрно отсюда скоро переведутъ: во-первыхъ, вы молоденькая, и у вашего мужа не перелицовано пальто и погонь не линючіе. Увы!—уже съ ироніей продолжала она:—ни у меня, ни у Настасьи Степановны нѣтъ такихъ друзей, какъ у многихъ нашихъ дамъ, которыя помогали бы нашимъ мужьямъ одѣвать насъ шикарно.

Когда Чумакова ушла домой, Паукова начала мнѣ рассказывать объ ихъ страшной бѣдности.

— Самъ-то еще въ ротѣ можетъ изъ котла наѣсться, а жена и дѣти съ голоду хворають.

Я попросила указать мнѣ между играющими офицерами Чумакова, который, я знала, не ушелъ съ женой, а остался доигрывать робберъ. И его лицо произвело на меня тяжелое впечатлѣніе: худое, словно обглоданное, и такое несчастное, озабоченное, что мнѣ дѣлалось страшно при мысли, что онъ можетъ проиграть.

— Скажите,—обратилась я къ Пауковой:—можетъ быть, онъ пьетъ, или сильно въ карты играетъ?

Но та увѣряла, что онъ очень скромный офицеръ, и, какъ мужъ и отецъ,—примѣрный; самъ по ночамъ дѣтей нянчить, а за больной женой ухаживаетъ, какъ сидѣлка, бѣдность же у нихъ оттого, что шесть человѣкъ дѣтей, и, кромѣ поручичьяго жалованья, нѣтъ ничего.

— Если бы еще ротой командовалъ,—говорила Паукова,—то, все-таки, и жалованья побольше, и были бы доходишки; но ему роты, вѣроятно, до полученія чина штабсъ-капитана не дадутъ. Правда, у насъ Бобровъ-поручикъ командуетъ, но тому, вы, вѣроятно, слышали, наша полковница протезируетъ. —Послѣднюю фразу Паукова произнесла съ гадкой улыбкой.

Я отъ негодованія вспыхнула. «Еще другая гнусная сиплетня!» — подумала я и, чтобы не услышать еще чего нибудь дурного о Бобровѣ, поспѣшила встать и отойти отъ Пауковой. А ко мнѣ уже шель Аенасевъ просить быть у него за хозяйку и разлить чай. Я пошла съ нимъ въ столовую, гдѣ на столѣ, покрытомъ новой пеньковой скатертью, кипѣлъ блестящій самоваръ. Черненькій солдатикъ, похожій лицомъ на ястреба, вынималъ изъ шкафа стаканы и ставилъ ихъ прямо на скатерть. Аенасевъ это увидѣлъ и накинулся на него:

— Зачѣмъ, болванъ, не на подносъ стаканы ставишь? Барыня, пожалуй, подумаетъ, что у насъ съ тобой подноса нѣтъ,—и, схвативъ со шкафа старый мельхиоровый подносъ, принесъ ко мнѣ.

— Оцѣните, недавно по случаю купилъ!

Меня вовсе не интересовали его вещи, и мнѣ хотѣлось опять завести разговоръ о Марьѣ Львовнѣ.

— Вижу, Матвѣй Матвѣичъ,—начала я,—что у васъ всего много, только одного не хватаетъ—молодой хозяйки.

— Правда ваша,—поникъ онъ головой и, выславъ солдата изъ столовой, сѣлъ возлѣ меня и началъ теперь уже прямо говорить о своей любви къ Марьѣ Львовнѣ.

— Я передъ вами, какъ передъ Богомъ, откроюсь: нравится она мнѣ, и жалко мнѣ ее. Если бы вы только знали, сколько эта бѣдная барышня видитъ горя, живя у родныхъ. Помните, какъ майоръ заставилъ ее нѣсколько разъ дверь запереть. Чужихъ людей не посовѣстился: кускомъ хлѣба упрекнулъ. Да это что въ сравненіи съ тѣмъ, что я знаю? Дня у нея не проходитъ безъ слезъ: сѣла, прошла, сказала—все не такъ. Я слышалъ, будто майоръ ей мститъ за отвергнутую любовь, другіе же говорятъ, что онъ не любитъ ее потому, что она взята въ семью, помимо его воли: онъ хотѣлъ взять свою племянницу, а Варвара Львовна настояла взять свою сестру. Работаетъ она у нихъ наравнѣ со служанкой, они одѣваютъ ее въ обноски, никуда не вывозятъ, сестра безъ стыда всѣмъ офицерамъ ее въ жены навязываетъ...

Аенасевъ всталъ и въ волненіи началъ ходить по комнатѣ.

— Отчего вы на ней не женитесь?—спросила я.

— Какъ же я на ней женюсь, если она любитъ другого?

— Ахъ, вы все къ Боброву ревнуете!—и я принужденно засмѣялась.—Увѣряю васъ, насколько я замѣтила, онъ не увлеченъ ею.

Черезъ минуту я уже допытывалась, какія у него есть доказательства взаимной любви между Бобровымъ и Марьей Львовной.

— По совѣсти сказать, кромѣ нашихъ сиплетенъ, ничего не знаю.

У меня снова отлегло отъ сердца.

— Вотъ видите!—воскликнула я,—вы даже навѣрно не знаете, дѣйствительно ли она его любитъ или только кокетничаетъ, чтобы

выйти замужъ. Даже допустимъ, что Бобровъ ей дѣйствительно нравится, но онъ не думаетъ на ней жениться. А вы предложите ей руку. Сначала она выйдетъ за васъ только изъ благодарности, потомъ, узнавъ, какой вы хорошій, сердечный человекъ, полюбитъ васъ.

По мѣрѣ того, какъ я говорила, лицо Аванасьева дѣлалось веселѣе, а я, видя это, уже настаивала, чтобы онъ скорѣе дѣлалъ предложеніе.

— Неужели вы правду говорите,—прервалъ онъ меня:—что она молодая, красивая, а главное, послѣ такого красавца, какъ Бобровъ, можетъ меня, такого уroda, полюбить?

А я, чтобы онъ только женился на Марьѣ Львовнѣ, готова была хоть двадцать разъ поклясться, что онъ красивъ, и она его полюбитъ.

Аванасьевъ ушелъ изъ столовой сіяющій, я же, наливая чай, мысленно уже повѣнчала его съ Марьей Львовной и, успокоенная, стала думать о книжкѣ, присланной мнѣ Бобровымъ: «какъ приду домой, сейчасъ разсмотрю, нѣтъ ли фразъ, написанныхъ на поляхъ, не подчеркнуто ли какое слово», а передъ глазами стоялъ онъ, красивый, изящный, съ грустью въ чудныхъ глазахъ.

Изъ гостиной въ это время до меня донесся громкій голосъ мужа:

— Ты играешь, какъ сапожникъ, тебѣ бы свиней пасти, а не въ карты играть.

— Развѣ такого грубаго человекъ можно любить, развѣ я виновата?—оправдывалась я сама передъ собой.

Денщикъ, принесшій на подносѣ пустые стаканы, отвлекъ меня отъ моихъ мыслей. Моя стаканы, я спросила чайное полотенце. Денщикъ бросился къ комоду, выдвинулъ нижній ящикъ и подаль мнѣ цѣлую кучу полотенецъ.

— Мнѣ только нужно одно,—замѣтила я.

— У насъ съ бариномъ всего много,—заговорилъ денщикъ,—не то, что у другихъ офицеровъ, самъ видѣлъ, половыми тряпками да дѣтскими пеленками посуду вытирають.

— Кажется, ты своимъ бариномъ доволенъ?—спросила я, только для того, чтобы что нибудь отвѣтить.

— Мой баринъ,—продолжалъ денщикъ,—хорошій: паекъ мнѣ цѣлостью отдаетъ. Теперь, какъ въ безсрочный пойду, рублей пятьдесятъ домой понесу. Мнѣ всего три мѣсяца служить осталось... я мѣтки на подоконникѣ дѣлаю, день прошелъ, я мѣтку карандашемъ и поставлю.

— Видно, радъ, что домой идешь?

При моемъ вопросѣ солдатикъ исподлобья кинулъ на меня взглядъ, и изъ его глубоко-впалыхъ глазъ сверкнули искорки.

— Ажно, барыня, сна лишился, вотъ что... боюсь, не помереть бы раньше... Охъ, ты, Господи!—тяжело вздохнулъ онъ и отошелъ къ шкафу, облокотясь о который задумался.

— Болванъ!—вдругъ раздался изъ гостиной голосъ Аоанасьева,—что же чай не несешь?

Солдатикъ сильно испугался.

— Ахъ, ты, Господи, заговорился, и вы-то, барыня, не напомяли.

И, схвативъ подносъ съ налитыми стаканами, онъ чуть не бѣгомъ побѣжалъ въ гостиную. Въ это время ко мнѣ пришла Паукова и сообщила, что Чумаковъ проигралъ пять марокъ, а мой мужъ всѣхъ обыгралъ.

— Я увѣрена,—говорила она,—что Чумаковъ чьи нибудь чужія деньги проигралъ: утромъ у нихъ въ домѣ не было ни копейки. Теперь бѣдная Настасья Степановна, узнавъ, что мужъ проигралъ, не заснетъ всю ночь, и ея грудной ребенокъ навѣрно заболѣетъ.

Мнѣ особенно было неприятно, что выигралъ мой мужъ. За ужиномъ у Чумакова лицо было убитое, разстроенное, и я избѣгала на него смотрѣть.

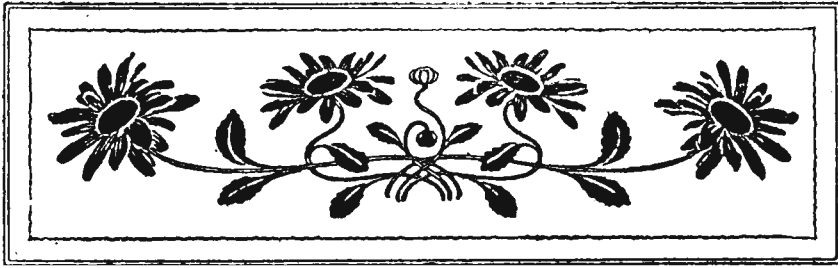
Когда дома я начала выговаривать мужу, зачѣмъ онъ, зная, какъ бѣденъ Чумаковъ, сѣлъ съ нимъ играть, тотъ отвѣтилъ, что хотя при другихъ онъ и взялъ отъ Чумакова выигранныя деньги, но послѣ ужина отвелъ того въ сторону и всунулъ въ руку, говоря: отдадите, когда разбогатѣете.

Я знала, что мужъ въ этомъ случаѣ не лгалъ: онъ не былъ жаденъ на деньги и, когда ихъ имѣлъ, легко раздавалъ, а своихъ товарищей всегда съ охотой выручалъ. Прежде эта черта въ его характерѣ мнѣ всегда нравилась, но теперь, при моемъ душевномъ настроеніи, его поступокъ съ Чумаковымъ укололъ меня: было досадно, зачѣмъ у моего мужа есть все-таки и хорошія стороны.

М. Е. Васильева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

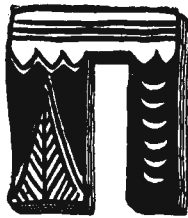

АСОВСКОЕ СМЯТЕНЬЕ.

(1880 г.).

...«Аще же кто ходитъ въ нощи, потенетсѣ, яко нѣсть свѣта въ немъ».

(Евангеліе отъ Іоанна, гл. XI, ст. 10).

ПРОИСШЕСТВИЕ, о которомъ я хочу разсказать, случилось не настолькоъ давно, чтобы всѣ лица, принимавшія въ немъ непосредственное участіе, успѣли уже сойти съ житейской сцены. Напротивъ, большинство дѣйствовавшихъ лицъ, насколько мнѣ извѣстно, здравствуютъ и понынѣ, и, разумѣется, хорошо помнятъ всѣ подробности этой странной и досадной трагикомедіи, мѣстомъ дѣйствія которой были глухія селенія, затерянные въ дебряхъ древней Біарміи, то-есть Пермской губерніи.

По счастью, трагикомедія длилась не долго и не имѣла особо печальныхъ послѣдствій. Несомнѣнно, однако, что въ теченіе почти мѣсяца жизнь нѣсколькихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей и, главнымъ образомъ, пишущаго эти строки висѣла, какъ говорится, на волоскѣ, и вырвись, быть можетъ, только одно неосторожное слово, — Асовское смятеніе, пожалуй, разыгралось бы такой бурей, которая не скоро бы улеглась, и Богъ вѣсть сколько жертвъ унесла бы съ собою.

Повторивъ затѣмъ, что разсказываю я былъ и буду далекъ отъ какихъ либо прикрасъ и измышленій, оговорюсь, что измѣню только

имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ, и что разсказываю я не по привычкѣ къ болтовнѣ, а потому, что былъ эта достаточно характерна сама по себѣ, не лишена интереса хотя бы для людей, не брезгающихъ отечествовѣдѣніемъ, и, думается, вообще наводитъ на нѣкоторые размышленія.

I.

Прямо со школьной скамьи я поступилъ на службу въ непреобразованное еще тогда министерство государственныхъ имуществъ, во «временной отдѣлъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ», а черезъ два года назначенъ былъ производителемъ работъ въ Пермскій землеустроительный отрядъ.

Петербургъ, въ которомъ я родился и выросъ, и гдѣ оставлялъ всѣхъ дорогихъ и близкихъ моему сердцу, я покидалъ почти безъ сожалѣнія. Мнѣ было всего 22 года, а ранняя молодость всегда беззаботна и эгоистична.

Манила полная самостоятельность, смѣна впечатлѣній и живое, интересное дѣло, которое ждало меня впереди.

Крестьянъ я любилъ съ дѣтства. У родителей моихъ были помѣстья и на Волгѣ, и въ Малороссіи, и, проводя каникулы то въ той, то въ другой деревнѣ, я съ дѣтства научился не скучать въ сельскомъ затишьѣ, любить природу и неустанныхъ тружениковъ—земледѣльцевъ, среди которыхъ у меня были даже закадычные пріятели. Особенно, бывало, нравилось мнѣ бесѣдовать съ домовитыми стариками, которые не стѣснялись откровенно разсуждать съ «барчукомъ» о своихъ мірскихъ дѣлахъ, иногда съ любопытствомъ разспрашивали, чему меня учатъ въ «лицею», а порою и сами получали меня тому, чего, пожалуй, не зналъ ни одинъ лицейскій профессоръ. Немало узналъ я отъ нихъ старинныхъ примѣтъ и повѣрій, немало приобрѣлъ знаній въ области крестьянскаго сельскаго хозяйства, основаннаго на стародавнемъ опытѣ.

Весь обиходъ крестьянскій давно мнѣ былъ знакомъ, и я ничуть не боялся «мужицкой службы», отъ которой пытались было отговорить меня нѣкоторые петербургскіе пріятели. Весь первый годъ моей службы въ Пермской губерніи я и не имѣлъ причинъ слишкомъ раскaiваться въ томъ, что, быть можетъ, надолго оставилъ родной Петербургъ. Жилось сносно и работалось отлично.

Для дѣятельности моей мѣстное начальство въ образѣ добродушнаго Р—вича, который былъ въ то время старшимъ чиновникомъ по выдачѣ владѣнныхъ записей въ Пермской губерніи, отвело небольшой районъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, гдѣ я и скороталъ все лѣто до заморозковъ. Землеустроительныя работы подъ моимъ руководствомъ шли безъ помѣхи, полнымъ ходомъ. Въ распоряженіи

моемъ было около десятка межевщиковъ, которые оказались техниками искусными, опытными и трудолюбивыми. Сотрудникъ мой, лѣсной таксаторъ, тоже оказался отличнымъ работникомъ и премиальнымъ человѣкомъ; съ нимъ я быстро подружился. Населеніе—частью русскіе, частью зыряне и пермяки—относилось къ нашимъ работамъ если не съ полнымъ сознаниемъ ихъ надобности и пользы, то всегда съ полною покорностью судьбѣ. Дескать, приказано отъ начальства межеваться, и ничего тутъ не подѣлаешь!

Во всякомъ случаѣ крестьяне безпрекословно выставляли потребное число рабочихъ для постановки граничныхъ вѣхъ и копанія ямъ, не отказывали землемѣрамъ въ лошадахъ для проѣзда на мѣста работъ и старались выбирать уполномоченныхъ отъ общества изъ наиболѣе толковыхъ стариковъ, хорошо знающихъ «старыя грани», то-есть умѣющихъ быстро и вѣрно указывать границы владѣнія даннаго селенія отъ владѣній сосѣднихъ деревень.

Никакихъ недоразумѣній не было.

Конечно, неудобства кочевой жизни по захолустнымъ бѣднымъ деревушкамъ и выселкамъ давали себя знать, и порою мнѣ, изнѣженному петербуржцу, приходилось нелегко, такъ какъ ночевать случалось въ курныхъ избахъ, питаться всухомятку, чѣмъ Богъ пошлетъ, страшно уставать отъ длинныхъ переѣздовъ въ тряскихъ телѣгахъ или верхомъ, на жесткихъ крестьянскихъ сѣдлахъ.

Угнетало и одиночество. Нерѣдко по недѣлямъ я не видѣлъ интеллигентнаго человѣка, съ которымъ можно было бы перекинуться словомъ и отвести душу. Межевщики работали по селеніямъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ другъ отъ друга, таксаторъ уѣзжалъ въ лѣсъ надолго, и сидѣлъ я въ нашей штабъ-квартирѣ, селѣ Уролкѣ, одинъ, какъ сычъ, ибо ближайшій лѣсничій проживалъ на кордонѣ, что-то въ шестидесяти верстахъ, а мировой посредникъ и еще того дальше. Правда, кромѣ меня, въ селѣ были еще три грамотея; но одинъ изъ нихъ—священникъ, отецъ Аристархъ—былъ старый угрюмый вдовецъ, крайне несообщительный, а съ другими двумя—мѣстнымъ кабатчикомъ и богатеемъ Блиновымъ и волостнымъ писаремъ Морковкинымъ, всегда безнадежно пьянымъ, компанію водить мнѣ, разумѣется, не приходилось. Поэтому, когда уѣзжалъ таксаторъ, скучалъ я и тосковалъ особенно по вечерамъ изрядно.

Читать, разумѣется, было нечего.

Толкнулся я какъ-то къ о. Аристарху, но онъ ничего мнѣ не могъ предложить, кромѣ нѣсколькихъ истрепанныхъ номеровъ «Церковнаго Вѣстника» и «Епархіальныхъ Вѣдомостей», угрюмо замѣтивъ при этомъ, что «романовъ» у него нѣтъ, и читать подобнаго рода легкомысленныя произведенія онъ находитъ предосудительнымъ. Отнюдь не пытаюсь защищать отечественныхъ романистовъ, я осмѣлился только указать почтенному пастырю, что слово «ро-

манъ» произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. И тутъ, однако, я потерпѣлъ фіаско, ибо о. Аристархъ ошибки своей не призналъ, и внушительно объяснилъ мнѣ, что «мученикъ Романъ есть угодникъ Божій, его же память православная церковь празднуетъ генваря 29-го и ноября 18-го, а сочиненія свѣтскихъ писателей о разныхъ шурахъ-мурахъ и грѣховныхъ амурахъ должны именоваться, въ отличіе отъ сего, романами, а не романами»... Нечего было читать, зато въ дремучихъ чердынскихъ лѣсахъ и на окрестныхъ болотинахъ можно было вволю охотиться за рябчиками, утками и прочей дичью. Кромѣ охоты, своеобразное развлеченіе ожидало меня по воскресеньямъ и праздникамъ, когда въ село собиралось къ обѣднѣ немало крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, починковъ и выселковъ, и около церкви устраивалось нѣчто въ родѣ ярмарки.

Такъ какъ двери моей избы открыты были для каждаго, и я терпѣливо выслушивалъ всякаго, имѣющаго во мнѣ нужду, то въ эти дни валила ко мнѣ гурьба народа по всевозможнаго рода дѣламъ, порою къ службѣ моей совсѣмъ не относящимся, а то и просто покалякать съ «чиновникомъ» отъ бездѣлья.

И, Боже мой, какая открывалась передо мной бездна тьмы, дикости и бѣдности, поистинѣ легендарной!

— Ваше скородіе!—взываетъ рыжій парень въ какихъ-то лохмотьяхъ вмѣсто рубахи:—какъ ты теперича земельный чиновникъ, разсуди: могу я безъ земли существовать? Полагается мнѣ околѣвать съ голоду?

— Въ чемъ дѣло, говори толкомъ.

— А и весь толкъ, что родитель мой на запрошлой недѣлѣ всю свою землю Блинову пропилъ. Извѣстно, слабый старикъ; ему покажи косушку—онъ не то, что землю, а крестъ натѣльный пропьетъ... Да нешто онъ пашню-то нашу обиходилъ? Я ее десять годовъ обряжалъ, потомъ-кровью моею она полита... Анъ прихожу овесъ косить, а Блиновъ своихъ работниковъ выслалъ; наклали мнѣ по шеѣ, послѣднюю рубаху въ клочья изодрали... Пошелъ, говорятъ, щучій сынъ, пропита эта земля...

— Это точно, что пропита,—подтверждаетъ толпа.

— Ну, пришелъ я домой,—продолжаетъ парень,—а родитель на лавкѣ пьяный лежитъ... Сгребъ я его за бороду, и ну возить... а опосля возжами... Теперича на меня въ волостной судъ пожалился за непочтеніе, значить...

— Ну, и что же?

— Отстегали!—угрюмо заявляетъ парень.

Я молча раздумываю, чѣмъ бы помочь злосчастному сыну не менѣ злосчастнаго пьяницы, но толпа ужъ отгѣснила его, и выдвинулся знакомый пермякъ, Тарасъ Осинкинъ, живущій въ выселкѣ Черные Зайцы и промышляющій больше охотой за бѣлкой и рябчиками, чѣмъ хлѣбопашествомъ.

— Какъ хошь, Миколай Кастинкинычъ, а я мельника нашего убью!—заявляетъ онъ возбужденнымъ тономъ:—пропадать черезъ него, нечистаго духа, я не согласенъ.

— Чѣмъ же тебѣ не угодилъ мельникъ?

— Глазъ мнѣ заговорилъ колдунъ проклятуцій. Поспорилъ я тутотка съ нимъ за помоль, три лопаты съ мѣшка взять хотѣлъ, ненасытная утроба, а я ему двѣ отдалъ... Погоди-жъ, гритъ, Тарасъ, попомнишь ты насъ! Вотъ и заговорилъ мнѣ глазъ-ать...

— Какъ заговорилъ? Что ты вздоръ рассказываешь?

— А такъ что я почитай полфунта порошку задарма извелъ: какъ ни выстрѣлю—мимо, хошь на охоту совѣмъ не ходи... Что-жъ я теперича съ купцомъ буду дѣлать? У меня съ купцомъ Алинымъ бумага написана, чтобы я ему безиремѣнно триста паръ рябцовъ предоставилъ. Алинъ въ заграницу рябцовъ отсылаеть...

— Знаю, но только мельникъ тутъ не причемъ, — пытаюсь я вразумить чердынскаго Нимврода:—просто у тебя или ружье испортилось, или глаза ты себѣ въ курной избѣ придымилъ. Вотъ я тебѣ дамъ чаю; завари, остуди и примачивай глаза отваромъ на чистой тряпочкѣ...

— Благодаримъ покорно, а только это пустое. Ружье у меня на отличку и очи не болятъ, а что мельникъ глазъ заговорилъ, это вѣрно. Убью его, и дѣлу конецъ. Ты, ваше благородіе, такъ и начальству скажи, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтъ, — неожиданно доканчиваетъ Тарасъ.

— Убьешь его тоже, мельника-то! — пронизиваетъ кто-то въ толпѣ:—запрошлымъ годомъ Митька Рябой сулился убить, ружье три раза потайно въ церковь носилъ, чтобъ, значитъ, освятить противъ нечистаго... три заряда въ дуло забилъ и залегъ въ кусты около Старой Гари, гдѣ поворотъ на плотину. Ну, выходитъ мельникъ колесо осмотрѣть, а Митька перекрестился, да ка-акъ ахнетъ—ружье пополамъ, скулу Митькѣ на сторону, а мельнику хоть бы что... онъ и вниманія не обратилъ.

— Я его не пулей, а руками возьму,—говоритъ мрачно Тарасъ:—сгребу за волосья да подъ мельничное колесо и сброшу; пуцай идетъ раковъ ловить.

— А онъ щукой обернется, да только зубами на тебя защелкаетъ.

— Не обернется—допрежь того я крестъ на него, проклятаго, положу.

Видимо, Тарасъ все обдумалъ до мельчайшихъ подробностей, и жизнь мельника, тщедушнаго и, въ сущности, совѣмъ безобиднаго старика, находится въ серьезной опасности. Много труда стоитъ мнѣ уговорить упрямца оставить свой планъ. Спасая жизнь несчастнаго мельника только тѣмъ, что даю Тарасу обѣщаніе начальнически приказать мельнику, чтобы онъ снялъ заговоръ съ глазъ охотника.

— Ты ему бумагу отъ себя напиши, и чтобы съ печатью... — поучаетъ меня Тарасъ.

— Хорошо, хорошо, -- бормочу я и обращаюсь къ новому просителю.

— Изъ Буренокъ я, ваше скобродіе, изъ выселка Буренокъ, — шамкаетъ беззубый, сѣдой, какъ лунь, старикъ.

— Что скажешь, дѣдушка?

— Къ твоей милости... Общество, значитъ, выбрало меня полномоченнымъ; кажи, гритъ, старый, межевому грани... Чѣмъ тебѣ безъ пути на печкѣ лежать, послужи міру въ останній разъ... Ну, поставили мнѣ полштофа, дай имъ Богъ здоровья, а я что жъ, я міру послужить завсегда согласенъ...

— Въ чемъ же дѣло?

— Не примаешь меня твой межевой, сурьезный человекъ. Гдѣ, гритъ, тебѣ, старцу, по межамъ ходить? ты, гритъ, еле ноги волочишь, да небось и всѣ грани запомятовалъ... А что запомятовалъ я, ваше скобродіе, это точно... Кажи, говоритъ мнѣ межевой, гдѣ урочище «Сукъ»? А гдѣ этотъ самый «Сукъ», — мнѣ неизвѣстно. Можетъ, «Сошки»?—допрашиваю, а онъ плюнулъ и разговаривать со мной не сталъ, сурьезный человекъ...

— Да сколько тебѣ лѣтъ, дѣдушка?

— Много, кормилецъ, кто его знаетъ!

— Должно, девятый десятокъ на исходѣ, — отзывается одинъ изъ толпы: — всю семью перехоронилъ, одинъ теперь, какъ сычъ... зимой подъ окнами крапучничаетъ, а лѣтомъ горохъ сторожить нанимается, взамясто пугала...

— Хо-хо, полномоченный тоже!

— А и грѣховодный же былъ мужикъ, язви его душу! Озорникъ, снохачъ... Двухъ хозяекъ въ гробъ вколотилъ... Помирать бы ему давно пора, да жилисть, каторжный...

Нелестная эта характеристика и градъ насмѣшекъ не производятъ на старика никакого дѣйствія. Онъ, высказавъ, что ему было нужно, сразу какъ-то ослабѣлъ, грузно опустился на лавку и притихъ, ко всему безучастный.

— Такъ какъ же мнѣ быть съ тобою? — спрашиваю я.

— Хлѣбушка бы мнѣ, — шамкаетъ онъ безкровными губами: — вчера съ межевымъ ходилъ не ѣвши, сюды шелъ сколько верстъ... хлѣбушка хочется, подъ сердцемъ сосеть...

Отправляю старика на кухню и даю моему слугѣ приказъ накормить оригинальнаго «уполномоченнаго».

Слѣдующій проситель крайне сбивчиво и пространно посвящаетъ меня во всѣ подробности тяжбы своей съ сосѣдомъ по поводу загнанной послѣднимъ лошади, которую проситель одолжилъ сосѣду съѣздить за фельдшеромъ, когда умирала сосѣдская хозяйка. Напрасно я стараюсь вразумить, что дѣло это подлежитъ

вѣдѣнію волостного суда и мирового посредника. Мнѣ возражаютъ, что волостныхъ судей можно купить за полведра водки, а «посредственникъ до себя не допускаетъ, чтобы, значитъ, поговорить по душѣ».

— Мы, Миколай Кастинкинычъ, твоего суда желаемъ, потому какъ простой ты господинъ и нами, мужиками, не гнушаешься... Мы много тобою довольны... Теперича вотъ праздникъ Божій, я говорю Ивану, своему, значитъ, сродственнику: пойдѣмъ въ кабакъ къ Блинову, пропьемъ всѣ мѣдныя! А онъ, грить, зачѣмъ къ Блинову, лучше мы къ земляному чиновнику толкнемся, авось онъ по добротѣ своей намъ, ради праздника, по шкалику поднесетъ...

— Кабакъ у меня что ли? — напускаю я на себя строгость.

— Зачѣмъ кабакъ! А только душевный ты человекъ, и мы всегда согласны тебѣ предоставить всякое удовольствіе. Обывательскія лошадки требуются — въ сей секундъ запряжемъ, рабочихъ надо — получай въ плепорцію; а ежели косовица, алибо чтó, и мужики заняты — мы тебѣ дѣвокъ и бабъ выставимъ, пуцай ямы роютъ и столбы ставятъ безъ замедленія!..

Перспектива работъ «безъ замедленія» меня соблазняетъ, и я приказываю слугѣ поднести моимъ гостямъ по стакану водки.

— Балуете вы ихъ! — ворчить мой лакей, онъ же и поваръ Ананій.

II.

Да, я ихъ баловалъ, если считать баловствомъ простое человеческое отношеніе, которымъ бѣдные, темные «чердаки» отъ начальства не были избалованы. Начальство передъ ними я не умѣлъ, да и не хотѣлъ разыгрывать. При этомъ, живя и работая съ крестьянами въ теченіе цѣлаго полугода, я какъ-то невольно втягивался въ ихъ интересы, незамѣтно сближался съ ними все болѣе и болѣе. Незамѣтно устроилось такъ, что ужъ не только по воскресеньямъ и праздникамъ, а почти каждый день ко мнѣ приходили «старички» попить чайку изъ моего походнаго самовара и побесѣдовать о своихъ нуждахъ и дѣлахъ. Кто просилъ меня почитать «божественную книжку», кто написать грамотку сыну солдату, «потому какъ писарь сегодня здорово выпивши и совѣмъ безъ понятіевъ», кто просилъ дать ему «какого ни на есть лѣкарствія» отъ недомоганія. Въ селѣ у меня было ужъ немало крестниковъ. Когда же я одному мужику подарилъ дешевую тульскую двухстволку, а двумъ безлошаднымъ, обѣднѣвшимъ домохозяйевамъ купилъ на ярмаркѣ по плохой лошаденкѣ на разживу (и всего-то каждая стоила что-то около 17 рублей), то слава моя, какъ «дешеваго человека и, можно сказать, благодѣтеля», окончательно упрочилась. Бѣдные мои, милые «чердаки»!..

Да не подумаетъ читатель, что теперь, спустя слишкомъ двадцать лѣтъ, вспоминаю я обо всемъ этомъ изъ пустого тщеславія— вотъ, дескать, какой я былъ хорошій... Нѣтъ! Во-первыхъ, и тщеславиться тутъ, разумѣется, нечѣмъ, а, во-вторыхъ, это, быть можетъ, нѣсколько длинное, но вполне правдивое предисловіе необходимо мнѣ для уясненія читателю дальнѣйшаго хода событій.

Работы мои въ Чердынскомъ уѣздѣ закончились глубокой осенью предъявленіемъ волостному сходу крестьянъ пространства и границъ надѣльныхъ угодій, по каждому селенію особо.

Приѣхали мировой посредникъ, почтенный старецъ, страдающій глухотой и ревматизмами, и мѣстный лѣсничій, добродушный холъ громаднаго роста и атлетическаго тѣлосложенія.

Кромѣ этихъ должностныхъ лицъ, меня, таксатора и землемѣровъ, въ волостномъ правленіи находилось все волостное и сельское начальство: старшина, писарь, староста и сотскіе. Присутствовали также всѣ уполномоченные отъ крестьянъ, посторонніе добросовѣстные и масса простыхъ крестьянъ-домохозяевъ, явившихся на сходъ. Такъ какъ всѣ они въ волостной избѣ помѣститься, конечно, не могли, то большинство стояло сплошной стѣною на улицѣ. Сотскіе поддерживали порядокъ и вызывали въ волость, по очереди, крестьянъ того селенія, надѣлы котораго предъявлялись въ данное время. Я читалъ заранѣе заготовленные акты предъявленія, указывалъ на планахъ границы владѣній каждаго селенія, затѣмъ акты подписывались уполномоченными отъ крестьянъ и сторонними свидѣтелями, а староста скрѣплялъ подписи, прикладывая свою должностную печать. Мировой посредникъ опрашивалъ крестьянъ, нѣтъ ли у нихъ какихъ либо просьбъ и заявленій, а лѣсничій объяснялъ имъ законный порядокъ пользованія отведеннымъ въ надѣль лѣсомъ. Все шло, какъ по маслу, спокойно, въ полномъ порядкѣ, никакихъ заявленій и просьбъ никто не возбуждалъ.

— Вполнѣ, ваше скородіе, довольны. Грани мы свои знаемъ, и на плантѣ все обозначено вѣрно, какъ есть.

— Это что говорить! Миколай Кастинкинычъ насъ не обидить... Сказано—душевный человекъ.

— Такъ что-жъ, старички, даете руки, чтобы, значитъ, актъ подписать?—спрашивалъ неграмотныхъ уполномоченныхъ довѣренный грамотный, какойнибудь безсрочный солдатикъ.

— Даемъ, даемъ, пиши, знай! Коли Миколай Кастинкинычъ написалъ, будь безъ сумлѣнія!.

Мнѣ даже совѣстно дѣлалось отъ этого слѣпото ко мнѣ довѣрія. А вдругъ, думалось, землемѣры мои въ чемънибудь ошиблись и напутали, а вдругъ самъ я чтонибудь навралъ въ актѣ?..

Съ «предъявленіемъ» было покончено быстро, и всего болѣе радовался этому мировой посредникъ.

— Ну, исполать вамъ! — сказалъ онъ мнѣ: — не знаю, какъ вы это устроили, а только земной вамъ отъ меня поклонъ! Утѣшили старика.

— Да вамъ-то что?

— Какъ что! Предмѣстникъ вашъ, производитель работъ Палкстровъ, промучилъ меня въ прошломъ году больше недѣли. Что ни селеніе, то протестъ; заявленій и жалобъ была цѣлая уйма. Изволь сидѣть съ утра до вечера въ волости на сквознякахъ да ночевать въ сѣзжей избѣ съ клопами! А я старъ-дряхла чело-вѣкъ, у меня ревматизмы...

На слѣдующій день я уѣхалъ изъ Уролки на зимнія квартиры въ Пермь, напутствуемый самыми лучшими пожеланіями крестьянъ.

— На будущее лѣто гдѣ будешь работать? — спрашивали они меня.

— Не знаю, старички, куда начальство пошлетъ.

— Ежели по сосѣдству съ нами, — не забудь насъ навѣстить... Полюбили мы тебя.

— Спасибо, братцы.

— А когда записи эти самыя будутъ намъ выдавать, ни отъ кого, oprичъ тебя, ихъ не примемъ. Начальство будемъ просить, ходоконъ въ Пермь пошлемъ, чтобы безпремѣнно тебѣ насъ препоручили...

— Ну, дай тебѣ Богъ всякой утѣхи! Насъ не забывай, а мы тебя поминать завсегда будемъ.

На дворѣ стоялъ уже порядочный морозъ; но закутанный въ теплую оленью доху, въ высокѣхъ теплыхъ валенкахъ («пимахъ») на ногахъ, я не чувствовалъ холода, тѣмъ болѣе, что и на душѣ было тепло и радостно. Растрогали меня эти проводы, а съ другой стороны и скромная Пермь казалась мнѣ теперь культурнымъ центромъ и манила къ себѣ всѣми прелестями городской жизни, отъ которыхъ я былъ такъ далекъ въ захолустныхъ чердынскихъ дебряхъ.

Въ Перми, однако, ждала меня скорбная вѣсть: начальникъ мой, добродушный Р—вичъ, сильно расхворался и былъ при смерти. Скоро онъ умеръ, и нашъ поземельно-устроительный отрядъ, цѣнившій Р—вича, какъ челоуѣка, дѣйствительно отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ, осиротѣлъ и впалъ въ какое-то уныніе. Поднялись обычные толки: кого-то назначать къ намъ старшимъ чиновникомъ, каковъ-то будетъ новый начальникъ? Особенно волновалось нѣсколько старыхъ служакъ изъ типа дореформенныхъ чиновниковъ, у которыхъ рыльце было, что называется, въ пушку. Что касается меня, то я, конечно, далекъ былъ отъ этихъ волненій, и со свойственной молодости безпечностью и жаждой всевозможныхъ развлеченій весь отдался разсѣянной жизни среди мѣстныхъ весельчаковъ и жуировъ.

Быстро познакомившись со всѣмъ обществомъ, я не пропускалъ ни одной вечеринки, ревностно танцевалъ на балахъ въ «дворянскомъ клубѣ», часто бывалъ въ театрѣ и самъ игралъ въ любительскихъ спектакляхъ. Зима пролетѣла для меня незамѣтно, а по веснѣ, съ первымъ пароходомъ пріѣхалъ въ Пермь и новый нашъ начальникъ; назову его Григоріемъ Григорьевичемъ Бѣликовымъ. Онъ былъ давно мнѣ знакомъ. Сотоварищъ мой по лицу, старше меня всего лѣтъ на семь, Бѣликовъ былъ красивый, элегантный блондинъ, большой любитель кутнуть, но чиновникъ весьма ретивый. Со мной онъ всталъ сразу на товарищескую ногу и, едва успѣвъ устроиться на квартирѣ, убѣдилъ и меня переѣхать изъ гостиницы, гдѣ я жилъ, въ сосѣднюю съ его помѣщеніемъ квартиру, случайно оказавшуюся свободною. Завтракали и обѣдали мы вмѣстѣ, вмѣстѣ стали ѣздить въ театръ и въ клубъ и вообще почти не разлучались. Однако, дѣлу время, а потѣхѣ часъ. Весна шла полнымъ ходомъ, и наступила пора опять готовиться къ отъѣзду на полевая работы. Послѣ одного изъ веселыхъ кутежей я вернулся домой поздно и легъ спать, строго-настрого приказавъ лакею не будить меня раньше полудня; но вдоволь выспатся мнѣ на этотъ разъ не удалось. Не было и девяти часовъ, когда Лепорелло мой, Ананій, поднялъ меня съ постели, объяснивъ, что уже два раза приходили за мной отъ Григорія Григорьевича.

— Просятъ поскорѣе пожаловать къ нимъ по служебному дѣлу.

— Что тамъ загорѣлось?—проворчалъ я съ неудовольствіемъ и, наскоро одѣвшись, поспѣшилъ къ Бѣликову. Засталъ я его серьезнымъ и строгимъ, за письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, планами и дѣлами въ синихъ обложкахъ.

На обыкновенно жизнерадостнаго и довольно таки легкомысленнаго Григорія Григорьевича нападали иногда часы особаго рвенія къ службѣ. Тогда онъ вдругъ дѣлался взыскательнымъ, строгимъ начальникомъ, не терпѣлъ никакихъ возраженій, и настойчиво требовалъ слѣпое подчиненія своимъ распоряженіямъ.

— Вотъ что, mon très cher Николай Константиновичъ, довольно вы погуляли, пора и за работу! Пора выѣзжать въ уѣздъ,— встрѣтилъ онъ меня.

— Я готовъ. Когда и куда прикажете?

— Вы начнете работы въ Асовской и Тазовской волостяхъ, Кунгурскаго уѣзда, а если позволитъ время, то прихватите и Урминскую волость. Въ вашъ отрядъ я назначилъ таксатора Балдаревскаго, вашего друга, если не ошибаюсь, и десять межевыхъ чиновъ во главѣ съ старшимъ топографомъ Отворницкимъ. Выѣзжайте возможно скорѣе...

— Какъ въ Кунгурскій уѣздъ? Въ прошломъ году я работалъ въ Чердынскомъ, и мнѣ бы хотѣлось...

— Знаю, но, простите, не могу отмѣнить свое распоряженіе. Дѣло въ томъ, что въ Асовской, Тазовской и Урминской волостяхъ живутъ, по большей части, раскольники, «киржаки», какъ ихъ здѣсь называютъ, народъ невѣжественный, грубый и въ высшей степени упорный. Они не желаютъ размежеванія, хотя бы оставаться въ отношеніи землепользованія «на старыхъ правахъ», и по дѣламъ я вижу, что они уже два раза оказывали противодействие землеустроительному отряду, начинавшему тамъ работы: первый разъ пять, а второй—три года тому назадъ. По непротительной слабости моего предмѣстника, отрядъ, не успѣвъ приступить къ работамъ, оба раза отзывался и направлялся въ другія мѣстности. Пора положить этому конецъ.

Выслушавъ эту тираду, я призадумался.

— Благодарю покорно! Тѣхъ къ какимъ-то «киржакамъ», которые уже два раза успѣшно изгоняли изъ своихъ селеній поземельно-устроительныхъ и межевыхъ чиновниковъ!.. Да за что же такая немилость?—взмолился я.

— Наоборотъ, — усмѣхнулся Бѣликовъ: — вы должны видѣть въ этомъ проявленіе особаго моего къ вамъ довѣрія. Дѣло щекотливое. Тутъ нуженъ тактъ и большое умѣніе ладить съ крестьянами. Только вамъ я и могу поручить это дѣло.

— Но, позвольте, почему вы думаете, что у меня есть и этотъ тактъ, и умѣніе? Я еще совсѣмъ не опытный производитель работъ... Нѣтъ, какъ хотите, Григорій Григорьевичъ, а я въ Кунгуръ не поѣду. Если на то пошло, подамъ рапортъ о болѣзни, возьму у васъ краткосрочный отпускъ, въ которомъ вы не можете мнѣ отказать, и уѣду къ отцу въ Петербургъ...

— *Vouyons, voyons, cher* Николай Константиновичъ; *soyons calmes et raisonnables!* Никакого насилія употреблять надъ вами я, разумѣется, не хочу; но увѣренъ, что вы сами не откажетесь отъ этой командировки. Кунгуръ—отличный городокъ, а Асовская и Тазовская волости—подгородныя... Не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ, да къ тому же я до сихъ поръ вообще не считалъ васъ трусомъ... Относительно же вашего такта и умѣнія ладить съ крестьянами скажу только, что имѣю на это, такъ сказать, документальныя доказательства. Не угодно ли прочесть вотъ эти три довольно безграмотныя, но несомнѣнно лестныя для васъ прошенія?

Съ этими словами Григорій Григорьевичъ вручилъ мнѣ три заномерованныя уже «входящія» бумаги. Одна изъ нихъ оказалась коллективной просьбой моихъ милыхъ урольцевъ, «чтобы, ежели земляныя работы въ нашей волости будутъ продолжаться и наступающимъ лѣтомъ, то безпремѣнно препоручено было отъ начальства производство означенныхъ работъ прошлагоднему нашему милостивцу (имя рекъ), которому во всемъ вѣрить мы всѣмъ

обществомъ всегда согласны». Другая просьба принадлежала крестьянамъ Косинской, сосѣдней съ Урольской, волости, и, наконецъ, третья крестьянамъ какого-то селенія Соликамскаго уѣзда. Оба послѣднія ходатайства тоже заключались въ томъ, чтобы на работы былъ присланъ именно я, а не кто либо другой, такъ какъ о моихъ такихъ-то и такихъ-то достоинствахъ просители «много наслышаны» отъ крестьянъ села Уролки и смежныхъ деревень.

— Вотъ эти просьбы и натолкнули меня на мысль поручить работы въ Кунгурскомъ уѣздѣ именно вамъ. Очаровали вы урольцевъ, авось справитесь и съ асовцами.

— Удружили, голубчики!—проворчалъ я, возвращая Бѣликову прошенія.

— Ахъ, топ боц, это надо цѣнить... Читая эти прошенія, я былъ тронутъ. Бумага сѣрая, написано безграмотно, грубо и неумѣло, но надо умѣть читать между строкъ. Мужикъ нашъ темень, суевѣренъ, грубъ, но сердце у него чудесное...

«Золото, золото—
Сердце народное!»

— продекламировалъ съ паѣссомъ Григорій Григорьевичъ, наговорилъ еще немало всѣмъ извѣстныхъ аксіомъ, и въ заключеніе, намекнувъ, что успѣшное исполненіе моей командировки повлечетъ за собою и незаурядную награду, обѣщалъ мнѣ широкую помощь въ случаѣ, если кунгурскіе «киржаки» окончательно заупрямятся и будутъ препятствовать моимъ работамъ.

— Во что бы то ни стало, а надо сломить ихъ упорство. Въ крайности я обращусь къ губернатору и попрошу военную команду.

— Ну, это зачѣмъ же? авось, Богъ дастъ, справлюсь и такъ.

— *Bonnes chances!*—закончилъ Бѣликовъ,—предписаніе и прогоны вы получите на-дняхъ.

Въ тотъ же день вечеромъ зашли ко мнѣ Балдаревскій и Отворницкій.

Первый пріѣхалъ въ Пермь только этою зимою изъ Екатеринбургa, гдѣ работалъ по устройству горнозаводскихъ лѣсныхъ дачъ. Высокій, довольно красивый brunetъ съ мечтательными, задумчивыми глазами, всегда одѣтый въ форменный сюртукъ съ иголки, Балдаревскій пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ и вѣчно бѣгалъ за какой нибудь юбкой. «*Amesimple et bonne, mais toujours torturée d'amour*», говорилъ про него Бѣликовъ. Балдаревскаго портили только семинарскій выговоръ на о и привычка пересыпать свою рѣчь эловомъ «слюшьте», которое онъ произносилъ съ какимъ-то непріятнымъ сюсюканьемъ.

Старшій топографъ Отворницкій былъ маленькій носатый старичекъ, задавленный огромнымъ семействомъ и безысходной бѣдностью.

Оба мои гостя явились разстроенными и угнетенными.

— Слюшайте, что же это такое? Вѣдь насъ къ бунтовщикамъ посылають! Еще подстрѣляютъ насъ, слюшайте...

— И очень просто!—отозвался Отворницікй:—три года назадъ межевая партія оттуда едва ноги унесла.

— Чуть что, я, слюшайте, заболѣю и уѣду изъ участка... Всякому, слюшайте, своя жизнь дорогà.

— Вамъ, Ѳедоръ Петровичъ, что! Вы человекъ одинокій, а у меня семья на шеѣ: жена, свояченица да семеро дѣтей малъ-мала меньше... Тутъ есть о чемъ подумать.

Мнѣ же еще пришлось ихъ ободрять и успокаивать.

— Я, слюшайте, еще одинъ револьверъ куплю, на всякій случай... У меня есть Лефопэ, но плохо, слюшайте, бьетъ. Слюшайте, какъ вы посовѣтуете: бульдогъ купить, или Смитъ-Вессонъ?—приставалъ ко мнѣ Балдаревскій.

— Купите лучше лишній букетъ или бонбоньерку какойнибудь дамѣ вашего сердца, — пошутить я: — никакихъ револьверовъ не нужно... Да и, не помогутъ они въ случаѣ крайности.

— Гдѣ помочь! Подстрѣляютъ изъ-за куста, какъ рябчика... А они бѣлку въ глазъ бьютъ одной дробинкой безъ промаху, чтобы, значить, шкурки не испортить,—сказалъ топографъ.

— Ахъ, слюшайте, не пугайте! Вы хоть въ полѣ работаете, а я въ лѣсу, гдѣ всего опаснѣй. Подстрѣляютъ—и виноватыхъ не найдешъ; скажутъ, слюшайте, что какойнибудь бродяга убилъ, ихъ вѣдь много здѣсь, бѣглыхъ каторжниковъ изъ Сибири...

— Бросьте, господа, свои страхи! — сказалъ я: — никого, Богъ дастъ, не подстрѣлятъ и не убьютъ. Я вѣрю въ свою звѣзду, вѣрю въ природный умъ и добродушіе простого русскаго люда. Надо только умненько взяться за дѣло, не раздражать крестьянъ какимълибо, Боже сохрани, насиліемъ или хотя бы высокоумнымъ къ нимъ отношеніемъ, а просто нужно потолковать съ ними по душѣ, терпѣливо разъяснить имъ законность, цѣлесообразность и необходимость поземельно-устроительныхъ работъ, и, повѣрьте, все обойдется благополучно. Не къ звѣрямъ же мы ѣдемъ.

— Вашими бы устами медъ пить!.. А когда же мы, слюшайте, выѣдемъ?

— Да я думаю—въ концѣ недѣли.

— А не помѣшаетъ вамъ вашъ флюсъ?

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ объ этомъ моемъ флюсѣ, которому суждено было стать одною изъ причинъ «Асовскаго смятенія», служащаго главною темой настоящаго правдиваго разсказа.

Простудившись еще зимою на одномъ изъ веселыхъ пикниковъ, я получилъ на лѣвой щекѣ флюсъ довольно внушительныхъ размѣровъ. Не обративъ на него, по присущей мнѣ безпечности, ни-

какого вниманія, я скоро горько въ этомъ раскаялся: образовался причинявшій мнѣ несносныя мученія нарывъ на внутренней сторонѣ щеки, а затѣмъ, къ ужасу моему, на щекѣ появилось красное зловѣщее пятно, и нарывъ прорвался наружу. Пришлось обратиться къ хирургу, который сбрилъ мнѣ бороду, расширилъ ранку и вставилъ въ нее дренажную трубочку и, обложивъ больное мѣсто карболизированной ватой, залѣпилъ его чернымъ англійскимъ пластыремъ. Вышло не слишкомъ уродливо, и, по крайней мѣрѣ, я освободился отъ стѣснявшей меня повязки во всю щеку. Къ веснѣ ранка затянулась, но остался еще очень замѣтный шрамъ, который я изъ кокетства продолжалъ заклеивать небольшимъ кусочкомъ черного пластыря.

— Consoloz vous, cher ami; avec cette mouche vous semblez d'êtrе un marquis du XVII siècle,—утѣшалъ меня Бѣликовъ.

III.

Продолжаю изложеніе дальнѣйшихъ событій.

Увѣривъ Балдаревскаго, что щека моя зажила и не помѣшаетъ скорому отъѣзду въ Асово, я пригласилъ моихъ гостей поужинать, чѣмъ Богъ послалъ, и за скромной трапезой мы занялись обсужденіемъ плана предстоящихъ работъ. Рѣшено было, что Отворницкій съ межевыми чинами выѣдутъ впередъ, а черезъ день—два приѣдемъ и я съ таксаторомъ. Предписанія кунгурскому исправнику и мѣстному мировому посреднику о всяческомъ содѣйствіи нашимъ работамъ были уже отосланы, при чемъ губернаторъ, по просьбѣ Григорія Григорьевича, рекомендовалъ обоимъ этимъ должностнымъ лицамъ по первому моему требованію лично выѣхать на мѣста работъ и принять всѣ мѣры къ поддержанію спокойствія и порядка среди крестьянъ. Я зналъ объ этихъ предписаніяхъ, но, надѣясь обойтись безъ помощи исправника и посредника, не счелъ нужнымъ говорить моимъ сотрудникамъ объ этомъ губернаторскомъ распоряженіи. Приѣдемъ на мѣсто, тамъ видно будетъ.

— Поѣзжайте прямо въ село Асово и расселите межевыхъ чиновъ по сосѣднимъ деревнямъ, а двухъ-трехъ оставьте въ самомъ селѣ, при моей квартирѣ, но къ работамъ до моего приѣзда не приступайте, — поучалъ я Отворницкаго, — я раньше хочу поговорить съ крестьянами. Соберу сходъ, потолкую съ ними, и авось все образуется...

На томъ и порѣшили.

Наступилъ день отъѣзда. Уложивъ въ тарантасъ походную кровать въ кожаномъ чехлѣ и небольшой чемоданъ съ пожитками, я усѣлся поудобнѣе, перекрестился и тронулся въ путь. По дорогѣ къ городской заставѣ завернулъ къ Балдаревскому, который, по

условію, долженъ былъ ѣхать со мною вмѣстѣ, но тутъ на первыхъ же порахъ меня ждало разочарованіе.

На мой звонокъ мнѣ долго не отворяли. Въ первой изъ двухъ занимаемыхъ лѣснымъ Донъ-Жуаномъ комнатъ сильно пахло духами, и на столѣ валялась забытая женская перчатка, а изъ второй комнаты черезъ минуту вышелъ ко мнѣ Федоръ Петровичъ сконфуженный, растерянный.

— Простите, слышите, ѣхать сегодня я съ вами не могу... Я, слышите, завтра прїѣду...

Дѣлать нечего, пришлось одному сѣсть на перекладную. Выѣхали за заставу, ямщикъ развязалъ колокольчикъ подъ дугой, свистнулъ, и тройка помчалась.

Кунгуръ, по сравненію съ Чердыню, оказался довольно чистенькимъ, уютномъ городишкомъ. Нѣсколько красивыхъ церквей и большіе каменные дома мѣстныхъ купцовъ-милліонеровъ, извѣстныхъ чаеоторговцевъ Губкина и Кузнецова, выгодно выдѣлялись на общемъ фонѣ одноэтажныхъ деревянныхъ домишекъ. Впрочемъ, въ Кунгурѣ я пробылъ лишь нѣсколько часовъ, интересуясь не осмотромъ города, а знакомствомъ съ исправникомъ, къ квартирѣ котораго прямо и подкатилъ ямщикъ, по моему приказанію.

Полицейскій стражникъ въ полной формѣ открылъ двери и провелъ меня въ гостиную, сообщивъ, что ихъ высокоблагородіе «апося обѣда, кажись, започивали»; но изъ сосѣдней комнаты немедленно раздался зычный басъ:

— Эй, Вахрамѣевъ, кто тамъ?

— Такъ что чиновникъ изъ Перми, ваше высокоблагородіе! — отозвался стражникъ.

— А-а, хорошо. Попроси подождать, я сейчасъ!

Въ комнатѣ кто-то завозился, слышались два богатырскихъ зѣвка, и черезъ минуту вышелъ ко мнѣ высокій, очень грузный человекъ, съ краснымъ лицомъ, черными лохматыми бровями и сѣдыми подстриженными усами. Одѣтъ онъ былъ въ коломянковый китель на распашку, изъ-подъ котораго видѣлась красная канаусовая рубашка. Я назвалъ себя.

— Исправникъ Турбильонъ, — звякнулъ онъ шпорой, — прошу любить-жаловать. Получилъ предписаніе, и весь — къ вашимъ услугамъ. Вчера уже послалъ въ Асово стражника, чтобы приготовилъ вамъ обывательскую квартиру почище.

— Благодарю васъ, но... но стоило ли беспокоиться... я бы и безъ стражника обошелся.

— Хо-хо, вы думаете?.. Сомнѣваюсь.

— А что? Развѣ асовскіе крестьяне?..

— Анаемы! Киржаки, одно слово. Два раза выживали межевыхъ чиновниковъ, дали имъ тогда потачку, такъ ужъ теперь безъ волненій не обойдется... ну, да мы справимся! — басилъ исправ-

никъ: — что жъ мы, однако, стоимъ? — въ ногахъ правды нѣтъ...
 Прошу покорно садиться, закусить съ дорожки не прикажете ли?
 Эй, стражникъ, хересу!

Какъ я ни отнѣкивался, но на столѣ скоро появилось нѣсколько бутылокъ и тарелокъ съ закусками. Исправникъ заявилъ, что онъ, хотя и пообѣдалъ, но ради пріятнаго знакомства не прочь снова выпить и закусить со мною. Мы чокнулись и разговорились. При этомъ я узналъ, что отецъ моего гостепрѣимнаго хозяина былъ обрусѣвшій французъ, а мать — русская, что самъ онъ служилъ въ армейскихъ гусарахъ, давно овдовѣлъ, дѣтей не имѣетъ и доживаетъ вѣкъ одиноко, очень тяготясь одиночествомъ. Узналъ я также, что Турбильонъ любитъ выпить, предпочитая всѣмъ напиткамъ хересъ, несомнѣнно Кашинскаго происхожденія, и ежедневно любитъ повинтить, а иногда и метнуть банчишко. При мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ опустошилъ почти двѣ бутылки той странной противнаго вкуса микстуры, которую называлъ хересомъ, и усердно приглашалъ меня остаться въ Кунгурѣ до вечера, чтобы составить партію въ картишки.

Но я устоялъ отъ соблазна. и еще до заката солнца былъ уже въ Асовѣ. Село оказалось большимъ, широко разбросаннымъ по обѣимъ сторонамъ узкой маловодной рѣчки. Густой сосновый лѣсъ стѣнной подступалъ къ усадьбамъ съ сѣвера и запада, а съ остальныхъ сторонъ тянулись пахотныя и луговыя угодья. Крѣпкія, хорошія избы и обширные дворы, полныя всякихъ хозяйскихъ построекъ, краснорѣчиво свидѣтельствовали, что асовцы живутъ просторно и зажиточно. Прошло, возвращаясь съ пастыбы, многоголовое стадо и напылило на всю деревенскую улицу.

Я подѣхалъ къ волостному правленію, у дверей котораго стояла кучка крестьянъ и о чемъ-то оживленно бесѣдовала. Когда я вылѣзъ изъ тарантаса, крестьяне обернулись въ мою сторону, недружелюбно оглядѣли меня съ ногъ до головы, и никто изъ нихъ шапки не снялъ.

— Дѣло плохо! — подумалъ я, но, не показывая вида, что замѣтилъ ихъ недружелюбіе, приподнялъ свою форменную фуражку и весело поздоровался:

— Здорово, братцы! Какъ бы мнѣ волостного старшину повидать?

Крестьяне сконфузились, мигомъ отдали мнѣ поклонъ, и изъ среды ихъ вышелъ рыжій мужикъ съ черной окладистой бородой и бѣгающими во всѣ стороны, плутоватыми глазами.

— Здравія желасмъ, ваше скородіе! Я самый старшина и есть...
 Что изволите приказать?

Я назвалъ себя, показалъ ему мой открытый листъ и потребовалъ отвода обывательской квартиры.

— Пожалуйте, ваше скородіе, квартирка вамъ тутотка недалече, вполне готова. Полицейскій стражникъ при ней второй день дежурить... мы приказъ начальства завсегда рады исполнить въ аккуратности.

Старшина видимо лебезилъ, и мнѣ это тоже не понравилось.

До квартиры было дѣйствительно не далеко. Меня помѣстили въ довольно чистой и просторной избѣ крестьянской вдовы Матрены Зобовой, приземистой ширококостной женщины, лѣтъ сорока, которая пекла баранки и ежедневно отвозила ихъ въ Кунгуръ на базаръ. Хозяйка, уступивъ мнѣ избу, сама перебралась въ «лѣтничекъ», пристроенный на дворѣ, около амбара.

— А только, касатикъ, какъ хочешь, а баранки я въ избѣ печь буду, потому какъ въ лѣтничкѣ у меня такой настоящей печки нѣтути. Тебѣ, значить, чистая свѣтелка будетъ—туда ужъ я ни ногой, а кухня съ печкой моя останется. Дѣло мое вдовье, баранками я только и живу,—затараторила моя хозяйка.

— Да Господь съ тобой, хозяйюшка, пеки свои бублики, сколько хочешь. Да, можетъ, и мнѣ стряпать согласишься: тогда кухня будетъ ужъ совсѣмъ въ твоёмъ распоряженіи,—сказалъ я.

Лепорелло моего, Ананія, который готовилъ мнѣ кушанья въ Чердыни и въ Перми, я передъ самымъ отъѣздомъ въ Кунгуръ уволилъ за какую-то провинность и рѣшилъ обойтись на полевыхъ работахъ безъ городского слуги. Обходятся же таксаторъ и землемѣры, довольствуясь услугами деревенскихъ стряпухъ и дежурнаго мужичка, такъ называемаго «стойчика», назначаемаго къ нимъ на время работъ сельскимъ начальствомъ...

Хозяйка моя пожеманилась, выразила опасеніе, что, быть можетъ, не угодить мнѣ своей немудреной стряпней, но затѣмъ, очевидно, соблазнившись порядочной суммой вознагражденія, которую я предложилъ ей за услуги, согласилась, поставивъ мнѣ только условіемъ, чтобы я купилъ всю необходимую кухонную и столовую посуду.

— Нѣтути у меня, касатикъ, лишней посуды-то... Дѣло мое вдовье, сама-то я мяса почитай никогда не употребляю, посты тоже соблюдаю, грѣшница... Ты моей пици ѣсть не будешь...

— По старой она вѣрѣ, ваше скородіе,—шепнулъ мнѣ старшина.

Конечно, я изъявилъ полное согласіе купить все, что нужно, и дѣло уладилось. Затѣмъ, я сейчасъ же отпустилъ въ Кунгуръ полицейскаго стражника, при ближайшемъ содѣйствіи котораго (какъ я потомъ узналъ) была отведена мнѣ квартира, а слѣдомъ хотѣлъ отпустить и старшину.

— Ступай пока съ Богомъ!—сказалъ я:—сходъ соберешь дня черезъ два, не раньше; тогда я и поговорю съ крестьянами. До тѣхъ же поръ мнѣ хочется отдохнуть и разобраться.

— Слушаю-сь... А только дозвольте доложить...—старшина забѣгалъ глазами по сторонамъ, выждалъ время, когда хозяйка вышла на кухню, и вдругъ, совершенно для меня неожиданно, опустился на колѣни.

— Что съ тобой? Встань, ради Бога!..

— Не погубите, ваше скородіе! Я, значить, всей душой... Начальственный я человекъ и все, значить, по закону должнъ исполнить, а только съ обществомъ никакого сладу нѣтъ!..

— Встань, встань и говори толкомъ.

— Вчерась, ваше скородіе,—заговорилъ старшина понотомъ, грузно поднимаясь съ колѣнъ,—какъ, значить, полицейскій стражникъ пріѣхалъ,—большой у насъ шумъ вышелъ. Общество собралось у волости, кричатъ идола, что де не пущать чиновниковъ! Не желаемъ де межеваться, и все тутъ! Я ужъ и такъ, и этакъ,—никакихъ резонтовъ слушать не хотятъ. «На старья права!» кричатъ, да и только. Не погубите, ваше скородіе, я за общество въ отвѣтъ быть не желаю...

— Успокойся, каждый отвѣтитъ самъ за себя. Собери во вторникъ сходъ, я поговорю съ обществомъ, и тамъ посмотримъ...

— Большой шумъ будетъ, ваше скородіе... Народъ несуразный. Ни рабочихъ, ни подводъ не дадутъ.

— Ну, что жъ, наймемъ рабочихъ на казенный счетъ, а затѣмъ деньги взыщутъ съ общества.

— На счетъ пици выйдетъ затрудненіе... Ни вамъ, ни чиновникамъ вашимъ крестьяне единой курицы не продадутъ ни за какія деньги.

— Что жъ, и себѣ, и моимъ землемѣрамъ буду всю провизію закупать въ Кунгурѣ, и дѣлу конецъ.

Видя, что ничего не подѣлаешь, и у меня на все готовъ отвѣтъ, старшина почесалъ затылокъ, крикнулъ и вздумалъ прилунуть меня иначе.

— Ваше скородіе, дозвольте вамъ еще слово молвить... Пужаюсь я шибко, чтобы чего худого не вышло. Народъ у насъ, можно сказать, отчаянный; не ровенъ часъ, согрубятъ вамъ, а ежели въ задоръ войдутъ—и того можетъ быть хуже... Вамъ бы съ Тазовской волости работать начать не въ примѣръ способнѣе было; тамъ почитай половина татарскихъ селеній, татары—народъ тихій, покорливый... Начнутъ татары межеваться, и наши, глядя на нихъ, можетъ, образумятся... Ей-ей, выѣхали бы въ Тазово, а я бы завтра утречкомъ и лошадокъ вамъ спроворилъ...

— Ну, нѣтъ, братъ, завтра я никуда не поѣду!—сказалъ я,—какъ тебѣ ни хочется отъ меня избавиться, но удовольствія этого я тебѣ доставить не могу. Въ Тазовѣ работы начнутся своевременно, когда я сочту это нужнымъ, и до другихъ волостей вамъ никакого дѣла нѣтъ. Къ тому же, Асовскому обществу нѣтъ надоб-

ности брать примѣръ съ Тазовскихъ татаръ; крестьяне, я думаю, отлично знаютъ, что поземельно-устроительныя работы производятся во всей губерніи безпрепятственно, и что во многихъ уѣздахъ и нѣкоторыхъ волостяхъ вашего же Кунгурскаго уѣзда съемка крестьянскихъ земель на планы уже закончена.

— Это такъ точно, это что говорить, а только народъ у насъ отчаянный...

— Ну, я вашей отчаянности не боюсь. Приѣхалъ я къ вамъ на работы по распоряженію вышшаго начальства, работы эти должны быть произведены на основаніи закона, въ силу высочайшаго указа государя императора, и разсуждать тутъ не приходится. А за неповиновеніе моимъ законнымъ распоряженіямъ, а тѣмъ паче за оскорбленіе или какое либо насиліе надо мною,—ваше общество жестоко отвѣтитъ. Ты, какъ старшина, обязанъ все это разъяснить крестьянамъ. Они себя же погубятъ.

— Это такъ точно, это что говорить! — повторилъ старшина унылымъ голосомъ.

— Ступай теперь съ Богомъ, да не забудь собрать сходъ во вторникъ, когда приѣдетъ и мировой посредникъ, которому я уже написалъ объ этомъ изъ Кунгура.

Старшина ушелъ.

Напившись чая съ довольно вкусными бубликами, принесенными хозяйкой, и разложивъ съ помощью прикомандированнаго ко мнѣ «стойчика», добродушнаго, но придурковатаго парня, мою походную кровать, я улегся, потушилъ свѣчу и разсчитывалъ заснуть, какъ всегда, богатырски. Но сонъ не приходилъ. На душѣ было жутко, и невеселыя мысли лѣзли въ голову. Я невольно прислушивался къ малѣйшему шороху, къ тому шопоту ночи, который, если вслушиваться въ него, всегда взвнчиваетъ нервы и сжимаетъ сердце непонятнымъ страхомъ передъ чѣмъ-то таинственнымъ, роковымъ, неизбѣжнымъ... Только когда заалѣлъ востокъ, усталость взяла свое, и я забылся тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ.

На слѣдующій день первый мой визитъ былъ къ мѣстному священнику, отцу Иларію Воздвиженскому, домикъ котораго, напротивъ невзрачной и ветхой церкви, стоялъ недалеко отъ волостного правленія. Отецъ Иларій оказался человѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ растрепанной рыжей бороденкой, изможденнымъ лицомъ и какими-то безцвѣтными, но скорбными глазами. Господь благословилъ его очень многочисленнымъ потомствомъ; матушка-попадья подарила ему до полутора десятка ребятъ, при чемъ фигура матушки свидѣтельствовала, что въ скоромъ времени надлежало ожидать еще приращенія семейства.

На это обстоятельство отецъ Иларій и не преминулъ мнѣ пожаловаться сейчасъ же послѣ перваго знакомства.

— Простите, не имѣю возможности угостить васъ, какъ бы слѣдовало. Скучность ощущаю въ предметахъ первой необходимости.

За́бла семья, а приходъ бѣднѣй, потому что большинство крестьянъ киржаки, которые съ требами меня не зовутъ...

— Помилуйте, батюшка, какое тамъ угощеніе! Я совершенно сытъ, и зашелъ къ вамъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе и поговорить по дѣлу...

— За́бла, совсѣмъ за́бла семья! — продолжалъ онъ, не слушая меня, — повѣрите ли, шестнадцать ртовъ кормлю, не считая собственнаго. Вы смѣяться, пожалуй, будете, а вѣдь для всѣхъ ребятъ моихъ даже общеупотребительныхъ именъ не хватило, и по сей причинѣ у насъ съ попадѣей двѣ Маріи, два Ивана и три Василия. Кличемъ не только по именамъ, но для отличія и по физическимъ или нравственнымъ качествамъ. Одна Марья — рыжая, а другая Марья — косоротая; Ванька — плакса и Ванька — курносый; Васька — свистунъ, Васька — крикунъ и Васька — горбунъ... Ей-Богу!

— Мнѣ, батюшка, хотѣлось бы поговорить съ вами о здѣшнихъ крестьянахъ... Чай, слышали вы о нашихъ дѣлахъ?

— Слыхаль-съ. Мягутся умомъ, во тьмѣ ходятъ...

— Такъ вотъ, помогите мнѣ. Вы пастырѣ ихъ духовный, отъ васъ многое зависитъ.

— Да что же я могу? — развелъ руками отецъ Иларій: — паства моя какъ будто обширна, а въ сущности весьма не велика. Большинство закоснѣлые раскольники, а другіе только значатся православными христіанами и въ церковь ходятъ лишь для видимости, но вѣрятъ больше своимъ начетчикамъ и старцамъ, а не мнѣ. Съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что я не имѣю на крестьянъ никакого вліянія.

— Объясните мнѣ, по крайней мѣрѣ, почему они боятся межевыхъ работъ? Вы, быть можетъ, слышали?

— Слыхаль-съ, и на этотъ счетъ могу удовлетворить ваше любопытство. Боятся они всякаго межеванія потому, что межеваніе знаменуетъ пришествіе Антихриста, а вы и ваши землемѣры суть агелы его, сирѣчь слуги Антихристовы.

— Какъ слуги Антихриста! Что за чепуха! — воскликнулъ я въ недоумѣніи.

— Конечно, чепуха, — улыбнулся священникъ, — но я самъ читалъ эту чепуху въ одной раскольничьей книгѣ, написанной уставомъ. Было это три года тому назадъ, когда межевая партія, командированная сюда, встрѣтила противодѣйствіе со стороны крестьянъ, и уѣхала изъ нашей волости, даже не приступивъ къ землемѣрнымъ работамъ. Большое тогда было ликованіе! Крестьяне обнимались и поздравляли другъ друга съ побѣдой надъ кознями врага рода человѣческаго. Разговорился я тогда съ однимъ знакомымъ киржакомъ, а онъ и принесъ мнѣ эту самую книгу. И значится въ ней, между прочимъ, среди многихъ признаковъ пришествія Антихриста, что поползетъ въ то время по землѣ сталь-

ная змѣя, то-есть ваша землемѣрная цѣпь, и начнутъ слуги Антихриста землю мѣрять, но другъ другу довѣрять не будутъ... Самъ читаль.

— Ха-ха-ха! — невольно разсмѣялся я, — а вѣдь это дѣйствительно, что мы другъ другу въ работахъ напихъ не довѣряемъ. Съемку межевщика провѣряетъ начальникъ партіи, мои дѣйствія ревизуетъ старшій чиновникъ.

— Ну, вотъ видите!.. Да, занятная была книжка,—продолжалъ отецъ Иларій,—хотѣлъ я взять ее у киржака, чтобы хоть выписки сдѣлать для памяти, но не удалось—не далъ онъ мнѣ книги-то и тотчасъ унесъ, какъ нѣкую драгоценность. Киржака-то этого уже нѣтъ въ Асовѣ, ушелъ, говорятъ, въ лѣсъ спастись, а книжка, быть можетъ, донесъ ходить у крестьянъ по рукамъ.

— Такъ, стало быть, я—слуга Антихриста?

— Выходить, что такъ... Смятеніе умовъ, ничего не подѣлаешь!

— Ну, какъ не подѣлаешь!—заговорилъ я уже серьезно: — надо постараться разсѣять эти бредни, если это дѣйствительно такъ. Надѣюсь, что мнѣ удастся растолковать крестьянамъ всю нелѣпость такого вымысла; но разсчитываю, батюшка, и на ваше содѣйствіе. Поговорите съ тѣмъ, съ другимъ; васъ крестьяне знаютъ, и вы ихъ знаете—помощь ваша сослужитъ мнѣ огромную службу.

— Да я что жъ, я готовъ... Я, пожалуй, поговорю...

Отецъ Иларій затеребилъ свою растрепанную бороденку, но его безцвѣтные глаза ясно выражали, что его хата съ краю.

Ну, плоха на него надежда!—подумалъ я и поспѣшилъ откланяться, такъ какъ въ это время, должно быть, Васька-крикунъ залился въ сосѣдней комнатѣ отчаяннымъ ревомъ, и матушка-попадья энергично позвала супруга для водворенія домашняго мира и тишины.

IV.

Къ вечеру пріѣхалъ Балдаревскій, весь обвѣщенный оружіемъ. За спиной у него болталось ружье въ чехлѣ, къ поясу привѣшены были охотничій ножъ и два револьвера въ кобурахъ. Совсѣмъ Ринальдо-Ринальдини лѣсного вѣдомства!

— Зачѣмъ вамъ этотъ арсеналь?—изумился я.

— Все-таки, слюшьте, спокойнѣе. Всѣ стволы у меня заряжены, и я, слюшьте, четырнадцать выстрѣловъ могу сдѣлать.

— Въ кого?! Бросьте вы эти глупости.

— Не нахожу въ этомъ ничего глупаго, — обидѣлся мой таксаторъ,—въ селѣ, слюшьте, неспокойно, по улицамъ бродятъ кучки крестьянъ и галдятъ о чемъ-то... Ямщикъ мнѣ, слюшьте, Богъ знаетъ, что наговорилъ.

— А вы слушайте всякій вздоръ!.. Снимайте лучше ваше оружіе и давайте ужинать. Я поджидалъ васъ и даже чая еще не пилъ.

Едва сѣли мы за столъ, какъ явился Отворницкій съ однимъ межевщикомъ и принесъ вѣсти тоже неуспокоительныя. Квартиру имъ отвели сносную, но хозяинъ избы наотрѣвъ отказался входить съ ними въ какія либо сношенія.

— Жена сама на рѣчку за водой ходила, — рассказывалъ Отворницкій:— искала по всему селу курицу — никто не продаетъ ни за какія деньги. Еле-еле хлѣбъ купили да яицъ десятокъ. Пропадешь тутъ съ голоду!

— Не пропадете!.. Садитесь, почтеннѣйшій, и питайтесь безъ церемоніи! Господинъ Коркинъ, кушайте, пожалуйста! — пригласилъ я Отворницкаго и межевщика раздѣлить нашу трапезу: — а на будущее время, если что понадобится изъ провизіи, обращайтесь къ моей хозяйкѣ. Она каждый день ѣздитъ въ Кунгуръ на базаръ и привезетъ вамъ все, что закажете. Привезете, хозяйюшка?— обратился я къ Матренѣ, хлопотавшей около стола.

— Съ полнымъ моимъ удовольствіемъ. Нешто возможно людямъ безъ пропитанія быть? Прожертвуете мнѣ за провозъ гривенничекъ — все привезу, что угодно. Болтали тутъ мужики, чтобы чиновникамъ всяческое утѣшеніе дѣлать, а только я на это не согласна. Коли поставили ко мнѣ на фатеру главнаго чиновника, какъ же я его не буду кормить-поить? — резонно рассуждала моя хозяйка.

— А вдругъ какъ тебѣ достанется за это отъ мужиковъ-то? — сказалъ я, улыбаясь.

— И, касатикъ, что съ меня взять! Я бѣдная вдова, живу трудами своими, и мнѣ упускать лишнюю копейку опять же не приходится.

Очевидно, торговая баба смекнула, что отъ насъ она наживетъ неизмѣримо больше, чѣмъ отъ продажи въ Кунгурѣ своихъ бубликовъ, и перешла на нашу сторону.

Что жъ, и это была ужъ побѣда своего рода!

Послѣ сытнаго ужина Отворницкій и Коркинъ ушли къ себѣ, а Балдаревскій, съ которымъ мы порѣшили жить вмѣстѣ, занялся устройствомъ себѣ постели въ другой половинѣ моей свѣтелки, размежеванной нами пополамъ. Онъ прибилъ къ стѣнкѣ мохнатый тюменскій коврикъ, развѣсилъ на немъ свое многочисленное оружіе и бархатный, вышитый золотомъ башмачекъ для часовъ; подъ ковромъ этимъ разложилъ походную кровать и прикрылъ ее шелковымъ одѣяломъ съ вышитой на немъ огромною монограммой.

— Ишь ты, какъ женщины-то васъ балуютъ! — замѣтилъ я, разглядывая башмачекъ и монограмму: — небось, все рукодѣлье вашихъ поклонницъ?

— Не поклонницъ, а скорѣе моихъ былыхъ кумировъ. Ахъ, слышите, женщина — это все. Она украшаетъ нашъ житейскій путь... Женщина, слышите, это — роза... И какъ подумаешь, что

еще третьяго дня я былъ въ чудномъ цвѣтникѣ, наслаждался благоуханіемъ, а теперь...

— Должны довольствоваться моимъ обществомъ, — закончилъ я.

— Ахъ, слышите, я не про то. Я хотѣлъ сказать, что теперь мы вмѣсто милыхъ и симпатичныхъ намъ лицъ видимъ кругомъ какихъ-то враждебныхъ дикарей... И, Богъ вѣсть, что намъ сулитъ будущее!

— Ну, тамъ видно будетъ, а пока давайте спать, и да при снятся вамъ всѣ гуріи Магомета.

Слѣдующій день прошелъ спокойно и ничего не принесъ новаго. До полудня шелъ дождь, и мы не выходили изъ избы, а когда прояснилось, и мы съ Балдаревскимъ рискнули прогуляться по селу, то улицы были безлюдны — всѣ крестьяне работали, вѣроятно, въ полѣ. Бѣлоголовые ребятишки испуганно шмыгали отъ насъ въ подворотни; какая-то старуха выглянула въ окно, но, завидя насъ, безъ церемоніи плюнула и захлопнула раму.

Послѣ обѣда Балдаревскій взялъ двухстволку, револьверъ въ карманъ и куда-то исчезъ, а я въ цѣляхъ «сближенія съ народомъ» завелъ длинный разговоръ съ дежурнымъ «стойчикомъ», который оказался на этотъ разъ мѣстнымъ десятникомъ Никитой, по фамиліи Точилинымъ.

— Ты, что же, тоже по старой вѣрѣ? — допрашивалъ я его.

— Нѣтъ, мы церковные. У насъ, ваше скородіе, киржачатъ больше старцы... Въ которомъ семействѣ старикъ есть, али старуха древняя, то семейство, значить, и киржаки. А мой тятка давно померъ, да и matka за нимъ слѣдомъ побывшилась.

— Скажи ты мнѣ, милый человекъ, почему же ваше общество, слышно, не желаетъ межеваться?

— Не могу знать, ваше скородіе. Старики гуторили, что на старыя правы ладятъ...

— Да что же это за старыя правы?

— Не можемъ знать.

— Ну, вотъ видишь. И объяснить-то мнѣ не можешь, что за старыя правы такія! Глупость вѣдь это одна.

— Не можемъ знать, про то старики вѣдаютъ, а мы что-жъ, мы, какъ общество...

— Такъ, значить, и ты не желаешь межеваться?

— Такъ точно, ваше скородіе; желаемъ на старыя правы.

— Вотъ такъ штука! — развелъ я руками: — такъ, можетъ быть, и волостной старшина тоже желаетъ на старыя правы?

— Это какъ есть. Старшина, ваше скородіе, передъ вашимъ пріѣздомъ сходъ собралъ и, значить, крѣпко наказывалъ міру стоять вкупѣ, какъ одинъ человекъ, не давать согласу, чтобы въ крѣпостные итти. Воля, говорить, двадцать годовъ какъ вышла,

и нѣтъ такого закона, чтобы, значить, сызнова вольныхъ людей закрѣпить.

Услышавъ эту вздорную, ни съ чѣмъ несообразную рѣчь моего «стойчика», я сначала какъ-то окаменѣлъ. Мелькнула мысль, не сошелъ ли онъ съ ума. Но нѣтъ, передо мной стоялъ здоровый тридцатилѣтній крестьянинъ, съ ясными, совсѣмъ не глупыми глазами.

— Что ты говоришь? При чемъ тутъ воля? Кто хочетъ вновь обращать васъ въ крѣпостное состояніе?—забросалъ я его вопросами.

— Не можемъ знать, ваше скородіе.

— Вздоръ, отлично знаешь. Говори толкомъ, откуда могла появиться эта ложь? Кто могъ сказать вамъ такую нелѣпость?

— Старики наши промежъ себя давно разсуждали... Потому столбы причиною.

— Какіе столбы?

Никита встряхнулъ головою, усмѣхнулся хитрой улыбкой и сказалъ:

— А дозвольте, ваше скородіе, опросить: когда землемѣры ваши грани обходятъ, роютъ они ямы?

— Ну, роютъ.

— А столбы ставятъ?

— Ставятъ.

— А литеры на столбахъ выжигаютъ? Клеймятъ, значить, сіи столбы?

— Клеймятъ.

— А какими литерами-то клеймятъ? М. Г. И.!—выходить: межа господина Иванова.

Никита побѣдоносно и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня: какъ дескать ты теперь вывернешься? Замѣчу въ скобкахъ, что тайный совѣтникъ Ивановъ былъ въ то время главнымъ начальникомъ уральскихъ казенныхъ горныхъ заводовъ и, мирно проживая въ Екатеринбургѣ, конечно, и не подозрѣвалъ о нелѣпой выдумкѣ асовскихъ стариковъ, связанной съ его именемъ.

Мнѣ стало и смѣшно и досадно.

— Ахъ, вы, темные, темные!... Да вѣдь литеры эти означаютъ «Министерство Государственныхъ Имуществъ», отъ котораго ведутся межевыя работы для поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ. И почему же ваши глупые старики такъ странно истолковали буквы: М. Г. И.? Мало ли что можно подобрать на эти буквы? Напримѣръ, межа горемычныхъ идиотовъ... И какъ тебѣ, сельскому десятнику, не стыдно повторять эти глупости!

Я разозлился на моего «стойчика» и долго еще старался разъяснить ему всю несообразность этой выдумки, но всѣ мои доводы и убѣжденія, кажется, пропали даромъ. Онъ только тарачилъ на меня глаза, бормоталъ: «како-такое министерство намъ не извѣстно, а старики у насъ умственные», и, очевидно, не повѣрилъ ни одному моему слову.

Тѣмъ временемъ вернулся Балдаревскій.

— А я, слышите, великолѣпно прогулялся. Былъ въ полѣ и смотрѣлъ, какъ сгребаютъ сѣно бабы и дѣвки... Есть, слышите, между ними такія полевые цвѣточки, ну, просто прелесть!

— Э, батенька, не до цвѣточковъ вашихъ теперь! Вы лучше послушайте, что я узналъ. Во-первыхъ, мы съ вами—слуги Антихриста; а, во-вторыхъ, пріѣхали обращать крестьянъ въ крѣпостное состояніе... — и я передалъ Федору Петровичу мой вчерашній разговоръ съ отцомъ Иларіемъ и сегодняшнюю бесѣду съ Никитой. Балдаревскій даже въ лицѣ перемѣнился.

— Что за дичь, что за дичь! — восклицалъ онъ, взволнованно бѣгая по комнатѣ и забывая даже прибавлять къ каждому слову свое неизмѣнное «слышите»:—воистину смятеніе умовъ, какъ говорить здѣшній попъ! И, очевидно, тутъ ничего не подѣлаешь. Донесите обо всемъ этомъ старшему чиновнику, и уѣдьте отсюда подобру-поздорову. Пусть толкуетъ съ крестьянами мировой посредникъ, это его дѣло. Умиротворитъ онъ крестьянъ, тогда мы и вернемся...

— Ну, нѣтъ! — сказалъ я:—уѣхать теперь отсюда было бы такой ошибкой, печальныя послѣдствія которой отозвались бы и на дѣлѣ, которому мы служимъ, и на крестьянахъ, разумѣется. Нѣтъ, я не уѣду. Посмотримъ, что дастъ намъ завтрашній сходъ.

— Слышите, вы рискуете... Какъ хотите, а я завтра въ волостное правленіе не пойду.

— Да ваше присутствіе и не требуется. Говорить съ крестьянами буду я, въ присутствіи мирового посредника, который долженъ пріѣхать завтра утромъ. Кстати, вы съ нимъ знакомы? Кажется, онъ раньше служилъ въ Екатеринбургѣ, и, быть можетъ, вы съ нимъ сталкивались тамъ?

— Съ Хмелевскимъ? Нѣтъ, не приходилось. Слыхалъ, что онъ страстный игрокъ, и ночи на пролетъ способенъ просиживать за картами... Такъ мнѣ можно, слышите, не присутствовать завтра въ волостномъ правленіи?

— Конечно.

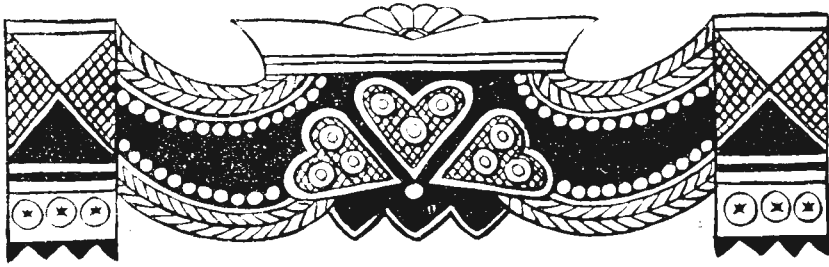
— Ну, слава Богу... Не подумайте, слышите, что я это изъ трусости. Просто, слышите, я не выношу шуму, голова сейчасъ начинаетъ болѣть.

— Ничего я не думаю, — успокоилъ я Балдаревскаго, и пораньше легъ спать, чтобы на завтра, во время генеральнаго, такъ сказать, сраженія, быть вполне со свѣжей головою.

Н. Никифоровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I)¹⁾.

XIV.

Оскорбительный слухъ.

I.

ПРУЧИКЪ Гуторовъ справлялъ свои именины. Приглашенія были посланы многимъ офицерамъ, при чемъ хозяинъ предупреждалъ гостей, что пирушка будетъ основательная, съ большими возліяніями, поѣздкой на деревенскихъ розвальняхъ за городъ и съ «привѣтствіемъ зари».

Послѣдній обрядъ, неизвѣстный современному обществу, имѣлъ огромное распространеніе въ началѣ XIX столѣтія; этимъ обрядомъ наши веселившіеся предки завершали попойку: за нѣсколько минутъ до восхода солнца гости выходили на воздухъ съ бокалами въ рукахъ, становились на колѣни и при первыхъ лучахъ солнца осушали бокалы; если солнце, благодаря дурной погодѣ, не показывалось, то одинъ изъ гостей, по общему избранію, опредѣлялъ наступленіе зари и первый, съ громкимъ крикомъ, осушалъ бокалъ. Самымъ важнымъ моментомъ этого обряда было

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII., стр. 801.

стояніе на колѣнахъ съ обязанностию не дотрогиваться до вина ранѣ наступленія зари; если вино случайно выплескивалось (а въ концѣ пирушки оно выплескивалось у многихъ), то виновный отдавалъ свой бокалъ сосѣду, а ему подносили воду, какъ «пьяницѣ, недостойному встрѣтить свѣтъ по человѣческому образу и подобию».

Такъ веселились наши предки въ доброе старое время, и такъ рѣшили справлять свои именины поручикъ Гуторовъ, про котораго говорили, что «онъ товарищей любить, начальство презираетъ, женщинъ не переноситъ».

Такъ какъ господа офицеры не имѣли обыкновенія въ тѣ времена утруждать себя службою и обученіемъ солдатъ, то свободнаго времени у нихъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы жить въ свое удовольствіе. Но въ захолустныхъ городишкахъ большихъ удовольствій получать было нельзя, а потому офицерству волея-неволей приходилось часто сталкиваться другъ съ другомъ за большими и малыми попойками, картами и кутежами.

Въ городѣ квартировало два полка: одинъ—гарнизонный, другой—артиллерійскій. Дружные на поляхъ сраженій, полки страннымъ образомъ враждовали другъ съ другомъ во время мирной обстановки. Между офицерами обоихъ полковъ чувствовалась натянутость отношеній, которая, хотя и не переходила въ открытую ненависть, тѣмъ не менѣе сказывалась во всемъ: во взаимныхъ обмѣнахъ привѣтствіями, которыя происходили чинно, по-уставному, въ постоянныхъ соревнованіяхъ на смотрахъ и парадахъ и во всемъ остальномъ, что составляло домашній ежедневный обиходъ тогдашней жизни.

Нечего и говорить о томъ, что «гарниза» не принимала никакого участія въ компаніяхъ артиллеристовъ, которые считали себя образованнѣе «гарнизы» и, хотя не въ меньшей мѣрѣ «предавались игрѣ въ карты, въ зернь и винопитію», тѣмъ не менѣе при каждомъ слухѣ о «чудачествахъ» гарнизонныхъ офицеровъ артиллеристы пожимали плечами и дѣлали презрительныя гримасы.

Гарнизонные, въ свою очередь, считали артиллеристовъ гордыми не по заслугамъ и людьми, не понимающими воинской дисциплины; поэтому они никогда не упускали случая «подтянуть» артиллерійскихъ солдатъ за всякій пустякъ, подтрунить надъ ними на смотрахъ и вообще такъ или иначе дать имъ почувствовать ихъ недисциплинированность.

Гуторовъ являлся счастливымъ исключеніемъ: его любили товарищи—гарнизонные офицеры, и принимали къ себѣ артиллеристы. Его добрый нравъ, пристрастіе къ анекдотамъ, которые онъ мастерски рассказывалъ, всегдашнее незлобіе и миролюбіе, дѣлали его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: хорошимъ малымъ, умѣвшимъ насмѣшить, выпить, или «звѣздануть» во всякое время и съ кѣмъ угодно.

Однако, Гуторовъ не рѣшился позвать къ себѣ на именины кого либо изъ артиллеристовъ; отъ этого удержали его «полковья традиціи», которыя были священны и чтились всѣми, а Гуторовымъ особенно ревностно, по крайней мѣрѣ, среди своихъ сослуживцевъ.

Гарнизонные офицеры толкались на квартирѣ Гуторова цѣлый день. Онъ занималъ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна служила спальней, а другая — столовой. На время именинъ кровать была сложена и убрана, такъ что мѣста было достаточно: повсюду красовались столы съ закусками, бутылками и пирогами. Каждый изъ гостей считалъ своею обязанностью принести съ собою бутылочку, другую, для «увеличенія силъ именинника».

Офицеры приходили, выпивали, закусывали, уходили, возвращались, кричали, пѣли и играли въ карты. Хозяинъ встрѣчалъ и провожалъ гостей, выпивалъ съ каждымъ изъ нихъ и, несмотря уже на наступленіе вечера, твердо держался на ногахъ и поминутно рассказывалъ анекдоты.

Было уже восемь часовъ. Черезъ часъ должны были явиться дежурные офицеры, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ другими за городъ въ кабачекъ, прославленный въ дѣтописяхъ гарнизоннаго полка многими «боевыми потѣхами и бранями».

Дѣйствительно, послѣ пробитія вечерней зари, въ сѣняхъ слышалось гудѣнье и какіе-то странные звуки.

— Врасковъ пришелъ! — сказали офицеры, услышавъ эти звуки.

Подпоручикъ Врасковъ, несмотря на свои двадцать четыре года, былъ необыкновенно толстъ и уже страдалъ одышкою, при чемъ это страданіе выражалось въ такой осязательной формѣ, что даже издали можно было слышать, какъ онъ отдувался, кряхтѣлъ и пыхтѣлъ; если же онъ куда либо входилъ, то тотчасъ же вынималъ носовой платокъ и такъ усиленно принимался за него, что всѣ должны были знать о его приходѣ.

Затѣмъ, покончивъ съ носовымъ платкомъ, съ одышкой и усталостью, онъ бокомъ проходилъ въ дверь и, если это была офицерская компанія, начиналъ хохотать.

Такъ случилось и здѣсь. Онъ издали замѣтилъ именинника и привѣтствовалъ его радостнымъ хохотомъ и воздушными поцѣлуями.

— Сашка! — кричалъ онъ ему. — Зачѣмъ ты бываешь именинникомъ только разъ въ годъ? Почему не можешь быть именинникомъ два раза въ мѣсяцъ? Могу же я дежурить два раза въ мѣсяцъ?! А почему ты не можешь почаще именинничать? Мошеникъ ты, мошеникъ! Давай, поцѣлуемся!

Пріятели расцѣловались.

— А я съ дежурства! — продолжалъ Врасковъ, шатаясь всѣмъ тѣломъ отъ душиваго его хохота. — Ушелъ, и больше никакихъ! Знать ничего не хочу. И случиться тамъ ничего не можетъ. Нельзя же Сашкины именины пропустить. Цѣлый годъ ждалъ, и вдругъ пропустить. Сашка, выпьемъ!

И пріятели пили, при чемъ ни тотъ, ни другой не дотрогивались до закусокъ, а Врасковъ, вмѣсто закуски, опускалъ свой толстый носъ въ порожнюю рюмку и вдыхалъ ея запахъ; послѣ такой операціи у него краснѣли глаза, а лицо становилось багровымъ и покрывалось потомъ.

— А я сейчасъ новость узналъ!—проговорилъ онъ, усаживаясь на диванъ.—Преинтересная, я вамъ скажу, новость! Вотъ, говорятъ, артиллеристы — народъ образованный, тихій, смирный. «Вы, говорятъ, твари гарнизонныя, и больше ничего! Вы, говорятъ, только водку хлестать умѣете—и больше никакихъ!» А пуще всѣхъ мнѣ достается. Врасковъ, говорятъ, на водкѣ, собаку съѣлъ. Онъ по четверти въ день выпиваетъ. И пьяница Врасковъ, и забулдыга, и все, что хотите. Ладно. Пусть я пьяница, но эти артиллеристы-то смиреннѣе и тихенькіе. А я вотъ что вамъ скажу... Сашка, выпьемъ!

Гуторовъ выпилъ съ нимъ. Врасковъ понюхалъ рюмку, отдалъ ее Гуторову, крякнулъ и продолжалъ:

— Такъ вотъ! слушайте! Собрались вчера артиллеристы въ загородный кабачекъ. Ну, ладно. Кто тамъ не бываетъ! Оно, конечно, артиллерія не то, что гарнизона, куда намъ! Они, натурально, шампанское дуютъ... и надулись. Надулись и уѣхали. А одинъ изъ нихъ, самый что ни на есть тихенькій да смиреннѣе, надулся и заснулъ въ залѣ. Ладно. Спать-спать, да вдругъ и проснется. Проснулся, и ну кричать... Сашка, выпьемъ!

Офицеры обступили Враскова и слушали его съ интересомъ.

— Ну, ладно!—продолжалъ Врасковъ, понюхавъ рюмку.—Проснулся и кричитъ: «гдѣ артиллерія? На позицію артиллерію!» Ему и докладываютъ, что, молъ, господа уѣхали и его, вѣроятно, забыли. «Какъ,—кричитъ,—меня забыли?» Да какъ шастъ лакея въ зубы. Натурально, лакея свалился, но потомъ всталъ, встряхнулся и опять свалился, ибо и вторая затрещина была не хуже первой. Тогда лакей (смекалистый, видно, человѣкъ) вставать не захотѣлъ, а такъ на четверенькахъ и поползъ отъ артиллериста. А артиллеристъ за нимъ и тоже на четверенькахъ. Хорошее зрѣлище! Ну, натурально, съ пьяныхъ-то глазъ упустилъ лакея изъ вида, и покажись ему, что лакей подъ столъ залѣзъ. Конечно, и онъ подъ столъ пошелъ. А за столомъ какой-то штатскій съ барынькой сидѣлъ. Почувствовала барынька, что ее кто-то за ногу все хватаетъ, испугалась и въ обморокъ. А артиллеристъ вылѣзъ изъ-подъ стола и со штатскимъ сцѣпился. Артиллеристъ ему слово, а штатскій ему десять. Не стерпѣлъ офицеръ: схватилъ со стола тарелку съ какимъ-то соусомъ, вылилъ его себѣ на ладошку и началъ штатскому личико малевать. На ту пору дамочка въ себя пришла и лататы стала задавать. Штатскій за ней, артиллеристъ за нимъ, да какъ плюхнется на полъ, такъ и встать не могъ: опять заснулъ. Такъ его полусоннаго и въ полкъ отвезли и товарищамъ сдали. Вотъ какая исторія-то... Сашка, выпьемъ!...

— А какъ зовутъ-то этого артиллериста! — поинтересовались офицеры.

— Соковниковъ? Крымскій? Харузувъ?—послышались голоса.

— Нѣтъ!—замоталъ головою Врасковъ.—Не тѣ! Да вы все равно не догадаетесь. Ладно. Я—пьяница, пусть я и пьяница. Я и сейчасъ ужъ пьянъ. А пьянствомъ все-таки не перецегалялъ Беера...

— Беера? Такъ это онъ выкинулъ?

— Онъ самый, вашъ тихій молодой человѣкъ! Даже и я передъ нимъ склоняюсь. Вотъ это я понимаю: и пьянствуетъ, и безобразничаетъ не такъ, какъ мы. Сашка, выпьемъ!...

Случай, рассказанный Враскимъ, вызвалъ среди офицеровъ смѣхъ, и многіе стали передавать болѣе или менѣе забавныя подробности офицеровъ.

— Только, братцы, чуръ!—сказалъ Врасковъ.—Я вамъ по секрету рассказалъ, никому не передавайте, а то исторія выйдетъ. Сашка, а за городъ везешь, аль нѣтъ?

Черезъ нѣсколько минутъ офицеры сѣли въ деревенскія розвальни, чтобы начать настоящую попойку въ загородномъ кабачкѣ.

— Водка... вездѣ одна водка!—разсуждалъ Врасковъ, пожимаясь отъ холода.—А все-таки въ кабачкѣ выпить ее куда пріятнѣе...

Розвальни мчались, перескакивая черезъ ухабы. Бубенцы перезванивали и придавали чухонскимъ лошаденкамъ особенную бойкость и заносчивость. Вдали уже мелькали знакомые огоньки кабачка.

II.

Въ городскомъ саду играла музыка. Было много гуляющихъ, среди которыхъ толкался и нашъ знакомый Гуторовъ. Онъ то и дѣло снималъ шляпу или отдавалъ честь, раскланиваясь со своими знакомыми, которыхъ у него, кстати сказать, было множество.

Поворотивъ въ одну изъ аллей, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ маленькимъ артиллерійскимъ офицеромъ, котораго въ городѣ въ шутку называли «оловянный солдатикъ». Дѣйствительно, по внѣшнему виду онъ очень напоминалъ собою игрушечнаго офицера: очень маленькаго роста, чистенькій, гладенькій, одѣтый во все новое, съ лицомъ, безусымъ и румянымъ, онъ производилъ самое «веселое впечатлѣніе». Солдаты его не боялись, а мѣстныя дамы считали его за «мальчика, которому многое можно простить и передъ которымъ нельзя себя было чувствовать неловкой». Одна майорша, жена батальоннаго командира, дама въ лѣтахъ и съ претензіей на молодость, говаривала обыкновенно при видѣ его:

— Взяла бы этого херувимчика на колѣни и все по конфеточкѣ въ ротикъ ему клала бы! У-у... прелесть!

Дѣвцамъ «оловянный солдатикъ» не нравился, вѣроятно, благодаря своему маленькому росту, но зато дамы его очень любили и баловали.

— Здравствуй, Бееръ!—громко произнесъ Гуторовъ, протягивая руки «оловянному солдатiku».

— А-а... Гуторовъ! Здорово!—отвѣтилъ Бееръ.—Ты какъ сюда забрался? Зачѣмъ?

— Скучно дома-то сидѣть. Надоѣло. Дай, думаю, пройдуся. Ты какъ поживаешь?

— Ничего. Все въ караулъ хожу, черезъ два дня въ третій.

— Такъ!.. А я кое-что слышалъ про твои подвиги!..—сказалъ ухмыльнувшись Гуторовъ.

— Про какіе подвиги?—переспросилъ Бееръ.

— Такъ... слухи носятя. Ты на прошлой недѣлѣ въ кабачкѣ-то былъ?

— Былъ... Ну, и что же?

— Говорятъ, здорово кутили, выпили порядочно; а ты зачѣмъ же непьющимъ представляешься? Пьешь, такъ пей, а то все молчкомъ да молчкомъ.

— Я не понимаю, про что ты говоришь!—вскрикнулъ Бееръ, и его красное личико сдѣлалось пунцовымъ.—Это ваши гарнизонные пьютъ, какъ... А мы все дѣлаемъ прилично.

— Ну, ты нашихъ не трогай!—строго замѣтилъ Гуторовъ.—Мы пьемъ, кутимъ, безобразничаемъ и этого не скрываемъ. А вотъ ты, лично ты... Я про вашихъ офицеровъ не говорю!.. Ты тоже попиваешь, и никакого грѣха въ томъ нѣтъ. Но зачѣмъ скрывать-то? Зачѣмъ?

— Пожалуйста, оставь меня въ покоѣ! Поведеніе вашихъ офицеровъ достаточно извѣстно въ городѣ...

— Я тебѣ говорю: ты нашихъ оставь. Наши пьютъ, да никому боусомъ физіи не мараютъ. А ты вотъ—непьющій, такъ это дѣло смастерить живо можешь. Это, братъ, для офицера даже довольно стыдно.

— Это ложь, ложь!

— Ладно. Врасковъ не такой человекъ, чтобы врать. И я тебѣ, какъ пріятелю, говорю: нехорошо, объ насъ всякое понятие испортится. Не хорошо насъ, офицеровъ, порочить. Я тебѣ, какъ другу, какъ брату, по секрету говорю: нехорошо... Ираво, нехорошо!..

— Врасковъ? Такъ это Врасковъ про меня такія сплетни распускаетъ?—взвизгнулъ Бееръ.—Ахъ, онъ пьяница этакій! Самъ пьяница горькій, а про другихъ рассказываетъ...

— Замолчи!—вскрикнулъ Гуторовъ.—Врасковъ пьяница, онъ и не скрываетъ этого, и всѣ это знаютъ. А Врасковъ говоритъ, что ты, Бееръ, тоже пьяница и пьянствомъ перещеголялъ его, Враскова... Такъ-то...

— Хорошо! Я этого такъ не оставлю... Я такъ не оставлю.
Бееръ съ достоинствомъ отошелъ отъ Гуторова и смѣшался въ толпѣ.

— Языкъ проклятый! — думалъ про себя Гуторовъ, досадливо пощипывая усы.—И дернула меня нелегкая проболтаться... Исторія можетъ выйти... Экое свинство...

И опечаленный Гуторовъ медленно пошелъ домой.

III.

Зданіе городского «публичнаго собранія» было ярко освѣщено. Къ подъѣзду поминутно подъѣзжали кареты, сани, подходили пѣшеходы. Оркестръ военной музыки гремѣлъ, и звуки изъ отворявшейся двери вылетали на улицу.

Офицеры играли всегда видную роль на балахъ въ публичномъ собраніи, при чемъ особенно выдѣлялись всегда гарнизонные поручики и прапорщики, завязтые танцоры, никогда не утомлявшіеся и способные танцовать вплоть до восхожденія солнца. Артиллеристы, наоборотъ, рѣдко заходили въ собраніе и въ танцахъ почти участія не принимали.

На балу можно было видѣть весь городской свѣтъ, съ комендантомъ въ главѣ. Почтенные люди занимали карточные столы, молодежь веселилась какъ-то особенно, съ какою-то страстностью и самозабвеніемъ, какъ уже не веселятся въ наше время.

Къ полночи всѣ столики въ буфетѣ уже были заняты. Здѣсь преобладалъ мужской элементъ; тамъ и тутъ чернѣли штатскіе фраки и военные мундиры. Говоръ и шумъ стоялъ въ воздухѣ, и сосѣди по столикамъ не могли слышать происходившаго рядомъ разговора.

Всѣ были такъ заняты своими дѣлами, что никто, разумѣется, не обратилъ сначала вниманія на новаго гостя, извѣстнаго уже намъ «оловяннаго солдатака», подпоручика Беера. Онъ медленно двигался по залу, присматриваясь вдаль; его маленькіе глазки щурились, и около нихъ образовались комичныя складки, прорѣзывавшія верхнюю часть щекъ вплоть до самыхъ ушей. Замѣтивъ издали группу гарнизонныхъ офицеровъ, сидѣвшихъ за столикомъ и весело болтавшихъ, онъ рѣшительно двинулся по направленію къ нимъ.

Сначала его не замѣтили, но когда онъ повышеннымъ голосомъ откашлялся, то нѣкоторые изъ офицеровъ обернулись и съ удивленіемъ поглядѣли на него.

— Что вамъ угодно?—спросилъ одинъ изъ гарнизонныхъ.

— Я—подпоручикъ Бееръ!—отвѣтилъ «оловянный солдатакъ».

— Очень рады! Что прикажете?

— Я хотѣлъ бы узнать отъ васъ; что это, принято у васъ такъ, что ли, что, не знаячи человѣка, его ругаютъ?

— Объяснитесь, пожалуйста, яснѣе и... поскорѣе! Видите, ужинъ стынетъ...

— Я—подпоручикъ Бееръ и хочу видѣть того подлеца среди васъ, который позволилъ себѣ назвать меня у Гуторова въ домѣ пьяницею... Его фамилія—Врасковъ, что ли?...

Всѣ офицеры, сидѣвшіе за столомъ, разомъ повскакали со своихъ мѣстъ.

— Здѣсь публичное собраніе!—закричалъ одинъ изъ нихъ.— И вамъ не мѣшало бы знать, что въ обществѣ порядочныхъ людей существуютъ извѣстныя правила приличія...

— Я желаю Враскова, этого пьяницу и подлеца!

— Потрудитесь отзываться лучше о нашихъ товарищахъ... Мы требуемъ!..

— Я желаю подлеца...

— Молчать!—вскрикнулъ высокій гарнизонный офицеръ.— Иначе я за себя не отвѣчаю, равно какъ не могу поручиться, что ваша милость тотчасъ же не вылетитъ вонъ отсюда и черезъ окошко...

— Однако... это слишкомъ... Я желаю Враскова...

— Вонъ отсюда!—повторилъ гарнизонный офицеръ и протянулъ было уже руку къ воротнику «оловяннаго солдатака».

Въ ту же самую минуту, словно изъ земли выросъ плацъ-майоръ, красный, толстый офицеръ, и замогильнымъ голосомъ, отчеканивая каждый слогъ, произнесъ:

— Именемъ господина коменданта приглашаю господъ офицеровъ сейчасъ же прекратить громкій споръ, привлекающій вниманіе публики. Неповинующійся будетъ ослушникомъ закона.

Всѣ смолкли. Подпоручикъ Бееръ сталъ было ему объяснять свою правоту, но тотъ, круто повернувшись къ нему, мотнулъ головою и сказалъ:

— Подпоручикъ, даю вамъ пять минутъ для того, чтобы вы вышли отсюда, одѣлись и благополучно убрались восвояси. Посмотрите, господа гарнизонные офицеры очень возбуждены, и кто знаетъ, что будетъ, если они уйдутъ отсюда раньше васъ? Посмотрите, сколько ихъ тутъ, а вы одинъ. Итакъ, шагомъ маршъ!

Бееръ, ворча что-то себѣ подъ носъ, поглядѣлъ на гарнизонныхъ офицеровъ и рѣшился послѣдовать совѣту плацъ-майора. Онъ быстро вышелъ и также быстро уѣхалъ изъ публичнаго собранія.

— Ну-съ, ну-съ?...—вопросительно сказалъ плацъ-майоръ, обращаясь къ гарнизоннымъ офицерамъ.—Что вы скажете? а? Оскорблены, конечно? да? оскорблены? Но помните, господа, если, да чтонибудь, да гдѣнибудь, да на какомъ бы то ни было оружій,

да если вы посмѣете, да дуэли задумаете...—всѣ подъ судъ, всѣ! Слышите?

И онъ величественно отошелъ въ сторону.

Офицеры снова усѣлись за столъ, но мирная болтовня уже не возобновлялась.

— Я его вызываю на дуэль!—замѣтилъ высокій гарнизонный офицеръ.—Я ему не прощу! Такихъ господъ учить надо... И Врасковъ тоже долженъ драться... Непремѣнно.

— Да, Барковскій, я съ тобой согласенъ,—отвѣтилъ ему другой офицеръ.— Но вѣдь мы въ сущности всѣ оскорблены, всѣ, сидящіе здѣсь за столомъ. Кромѣ Враскова, который долженъ потребовать удовлетворенія, я думаю, что изо всѣхъ насъ четверыхъ двое должны также потребовать удовлетворенія. А потому и я присоединяюсь къ тебѣ и также вызываю этого «оловяннаго солдатака».

— Отлично!—согласился первый.— Значить, я и ты, Ленева... Мы, господа, оплатимъ за оскорбленіе... А теперь надо пойти предупредить Враскова. Надѣюсь, что онъ не откажется.

— Еще бы!.. Врасковъ непременно долженъ такъ сдѣлать!.. —согласились другіе.

Офицеры поднялись, расплатились и шумно, размахивая руками, направились ко входу въ зало, гдѣ происходили танцы.

Когда Враскову было сообщено о происшедшемъ, онъ прежде всего замѣтилъ:

— Охъ, ужъ этотъ Гуторовъ! У него всегда языкъ не въ мѣру длиненъ!

Разумѣется, онъ согласился съ тѣмъ, что ему необходимо требовать удовлетворенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ допустить мысли, что «на оловяннаго солдатака выступить полчище троиухъ».

— Господа, ну, право же, онъ этого не стоитъ! Я оскорбленъ, я за все и отвѣчу и, не безпокойтесь, сумѣю постоять за себя и за васъ. А вы, если хотите, будьте моими секундантами.

— Нѣтъ, мы не согласны!—отвѣтили офицеры.—Мы оскорблены не меньше тебя! Намъ публично бросили въ лицо слово «подлецъ», и мы не примиримся съ этимъ.

— Ха-ха-ха! Да вѣдь подлець-то это—я, такъ, значить, мнѣ и сердиться нужно! А вы ужъ будьте моими секундантами, сдѣлайте милость... А теперь я танцовать пойду. Слышите, мазурку жарять... Дозавтра. Завтра поговоримъ.

IV.

На другой день въ квартирѣ Враскова происходило совѣщаніе, на которомъ, кромѣ хозяина, присутствовали Барковскій и Ленева. Врасковъ никакъ не могъ согласиться съ товарищами и требовать

удовлетворенія наравнѣ съ ними. По его мнѣнію, оскорбленнымъ былъ только одинъ онъ, и никто другой.

— Да вы поймите,—убѣждалъ онъ Ленева и Барковскаго,—что Бееръ—глупъ, и больше ничего. Онъ поступилъ противъ васъ подѣтски, какъ мальчишка. Ну, развѣ пошелъ бы взрослый человекъ въ публичное собраніе и, завидя нашихъ офицеровъ, сталъ бы ругать меня, одного только меня? Вы сами погорячились и сдѣлали не такъ, какъ слѣдуетъ...

— Именно такъ, какъ надо!—отвѣтилъ Барковскій. — Этотъ «оловянный солдатикъ» прямо-таки сказалъ: «гдѣ среди васъ подлецъ?» и т. д. «Среди васъ», понимаешь? Это значитъ среди насъ есть подлецъ. А это уже оскорбленіе, страшное оскорбленіе, которое нужно смыть.

— Перестань, перестань!—сказалъ Врасковъ.—Охота тебѣ волноваться! Вѣдь, если бы не вы, такъ и я не сталъ бы связываться съ этимъ молодчикомъ. Онъ глуповатъ, а потому и лѣзетъ на рожонъ. А то, ей-Богу, не сталъ бы драться.

— Ты не смѣешь не драться!—въ два голоса воскликнули молодые офицеры.

— Да, къ сожалѣнію, не смѣю, вы мнѣ не позволяете, а то я бы ему съ удовольствіемъ простилъ. Будь я штатскимъ, никогда бы и не подумалъ требовать отъ глупенькаго мальчика сатисфакціи, а взялъ бы и плюнулъ на это дѣло, и все тутъ. А то дуэль еще...

— Можетъ быть, тебѣ этого очень не хочется? Тогда можешь отказаться, мы тебя не принуждаемъ!—насмѣшливо замѣтилъ Барковскій.

— Это уже теперь невозможная вещь!—отвѣтилъ Врасковъ.— Но на пистолетахъ драться я съ нимъ не буду, боюсь—убить. Прицѣлюсь—и кончено, будетъ казаться мнѣ, что не человекъ передо мной, а мишень, и убью! Я буду драться на холодномъ оружіи.

Послѣ долгихъ споровъ и увѣщаній офицеры пришли наконецъ къ заключенію, что драться будутъ только Врасковъ и Бееръ; Барковскій и Ленева будутъ секундантами.

— Ну, вотъ и отлично!—замѣтилъ Врасковъ.— Поѣзжайте къ моему противнику и передайте ему мой картель...

Бееръ какъ будто дожидался гостей. Онъ плохо спалъ ночь, нервничалъ, сердился на денщика и не отходилъ отъ окна. Вчерашнимъ своимъ поведеніемъ онъ не былъ доволенъ и смутно ожидалъ серьезныхъ осложненій.

Ему доложили о пріѣздѣ офицеровъ. Онъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Проси! Очень радъ!

Барковскій и Ленева вошли и сдѣлали низкій поклонъ. Затѣмъ Барковскій въ двухъ словахъ передалъ претензію Враскова, а Ленева подтвердилъ ее.

— Хорошо! Хорошо!—произнесъ въ замѣшательствѣ Бееръ, при чемъ глазки его испуганно забѣгали, и образовались складки, которыя покрыли переносье, лобъ и щеки.—Хорошо!

— Вы согласны дать удовлетвореніе?

— Конечно... Но я не знаю, чего хочетъ оскорбленный!—проговорилъ Бееръ.—Онъ бранилъ меня заочно, я отвѣтилъ ему такою же заочною бранью! И если мы попросимъ другъ у друга извиненія, то...

— Позвольте!—возразилъ Барковскій.—Вы не забывайте, что имѣете дѣло съ дворяниномъ и офицеромъ русской арміи, для котораго въ дѣлахъ чести нѣтъ никакого другого суда и расправы, какъ оружіе. Пусть подлые, низкіе люди идутъ въ судъ, но мы не можемъ и не должны такъ поступать. Слѣдственно, извиненіе не удовлетворитъ ни васъ, ни Враскова. Не найдете ли вы лучшаго способа удовлетворенія?

— Но я васъ не понимаю, господа!—сказалъ Бееръ.—Неужели требуется что нибудь другое, если я согласенъ извиниться передъ обиженнымъ мною, если только и онъ согласится извиниться передо мною?

— Я передаю вамъ отъ имени Враскова, что онъ считаетъ себя оскорбленнымъ!—гордо и торжественно произнесъ Барковскій.

— И я оскорбленъ! И я!—вскричалъ Бееръ.—Мы въ одинаковыхъ условіяхъ!

— А я заявляю, что Врасковъ извиняется передъ вами не намѣренъ!

— Не намѣренъ?! Въ такомъ случаѣ, что же угодно господину Враскову?

Барковскій не отвѣтилъ ничего и презрительно посмотрѣлъ на Беера.

— А-а! Понимаю!—какъ будто спохватился Бееръ.—Ему угодно дуэли? Извольте, я готовъ. Диктуйте ваши условія. Я готовъ. Когда и гдѣ?

Черезъ четверть часа Барковскій и Ленева уходили отъ Беера, и каждому изъ нихъ казалось, что онъ выполнилъ самую священную изъ «обязанностей порядочнаго человѣка», а потому легко понять ихъ досаду, когда, возвратясь къ Враскову, они застали его мирно спящимъ и испускающимъ громовые звуки храпа.

— Въ дѣлахъ чести такъ равнодушно нельзя относиться!—разсердился Барковскій.—Мы рѣшаемъ вопросъ о его жизни или смерти, а онъ спитъ... Ужасно!

— Да я только вздремнулъ!—оправдывался Врасковъ.—Пообѣдалъ плотно, ну, меня и потянуло...

И онъ виновато улыбался, ероша своими толстыми пальцами курчавую голову.

V.

Поединокъ былъ назначенъ на слѣдующее утро. По условіямъ, секунданты—со стороны Враскова—Леневъ и Барковскій, а со стороны Беера—поручикъ Саблинъ—должны были присутствовать при самомъ началіи дуэли, а затѣмъ, удостовѣривъ въ равенствѣ оружія—шпагъ—тотчасъ же, какъ шпаги будутъ скрещены, они уйдутъ изъ перелѣска, гдѣ произойдетъ поединокъ, и будутъ дожидаться приглашенія противниковъ. Такой маневръ былъ нуженъ для того, чтобы секунданты могли избѣжать строгаго наказанія, такъ какъ при такихъ условіяхъ они не были «присутствующими» при поединкѣ, что, по ихъ мнѣнію, должно было повлечь меньшую отвѣтственность.

Рано утромъ Барковскій и Леневъ уже входили въ квартиру Враскова.

Тотъ сидѣлъ за столомъ. Передъ нимъ стояла на три четверти пустая бутылка, а рядомъ съ бутылкой лежалъ разложенный пасьянсъ.

— Боже мой, онъ съ утра пьетъ!—возмутился Барковскій.—Развѣ такъ можно?

— А отчего же нельзя?—вызывающе спросилъ Врасковъ, и по тону его голоса было замѣтно, что онъ выпилъ уже много и чувствуетъ себя не вполнѣ трезвымъ.

— Смотри, онъ пьянъ!—шепнулъ Барковскому Леневъ.

Барковскій кивнулъ головой и сказалъ:

— Ну, пойдемъ, пора! Одѣвайся... Намъ осталось полчаса ждать...

— Успѣемъ!—невозмутимо замѣтилъ Врасковъ.—Ничего и опоздать. Подождутъ, не велика важность! А я, братцы, передъ смертью все пасьянсъ раскладывалъ, и все у меня не сходится... Видно, умирать надо!

— Ну, ладно! Не умрешь. Идемъ!

— Постой, дай, загадаю: ежели черная карта вынется,—убить буду, а коли красная, то сегодня вечеромъ такъ налижусь, что всѣмъ чертямъ тошно будетъ.

— Мы опоздаемъ... Одѣвайся же, пожалуйста, поскорѣе!

— Сейчасъ!—отвѣчалъ Врасковъ, невѣрными руками смѣшивая колоду картъ.— А ну... поглядимъ. Тьфу... черная вытащилась! Вотъ свинство. Значитъ, капуть мнѣ. Ладно, посмотримъ. Идемте!

Они вышли. Врасковъ держалъ себя очень некорректно: пѣлъ пѣсни, бранился и даже пошатывался. Подойдя къ опушкѣ, онъ заявилъ, что усталъ и хочетъ отдохнуть, а затѣмъ сѣлъ прямо на сугробъ снѣга. Барковскій умолялъ его итти, но Врасковъ возражалъ:

— Передъ смертью я и посидѣть не смѣю! Нѣтъ, врешь... Посижу...

Наконецъ, онъ поднялся и проговорилъ въ раздумьѣ, какъ бы про себя:

— И куда меня чортъ несетъ? Ну, кого я обидѣть могу? Не вернуться ли?

Но тѣмъ, не менѣе, онъ пошелъ и, замѣтивъ въ сторонѣ Беера и Саблина, отдалъ имъ честь.

Противники сняли шинели и бросили ихъ на землю. Секунданты осмотрѣли оружіе.

— Господа!—громко провозгласилъ Барковский.—Не угодно ли вамъ помириться?

— Ну, ладно, ладно! Уходите!—заворчалъ Врасковъ.—Даромъ я что ли сюда пошелъ?!

Онъ полюбовался на свой клинокъ, поигралъ имъ и остановился въ ожидательной позѣ.

Секунданты отошли на нѣсколько шаговъ.

— Можете начинать!

Шпаги скрестились. Нервная судорога искривила лицо Беера. Врасковъ сдѣлалъ выпадъ. Бееръ отбилъ ударъ, но не успѣлъ опомниться, какъ новый ударъ со стороны Враскова разорвалъ ему рукавъ мундира. Онъ вспыхнулъ и сдѣлалъ какой-то замысловатый переводъ, который былъ спокойно отбитъ Врасковымъ. Затѣмъ съ той и съ другой стороны одинъ за другимъ стали слѣдовать выпады. Секунданты, стоявшіе вдали, изрѣдка оглядывались. Имъ казалось, что поединокъ тянется слишкомъ долго.

Вдругъ Бееръ вскрикнулъ, и въ то же мгновенье что-то блеснуло и упало на землю, а Врасковъ продолжалъ дѣлать выпады.

— Стой, стой!—закричалъ Барковский, увидавъ, что шпага Беера переломлена, и Врасковъ нападаетъ на безоружнаго.—Стой же!...

Врасковъ понялъ, въ чемъ дѣло, и опустилъ шпагу. Въ рукѣ Беера былъ только одинъ эфесъ, другою онъ держался за правый бокъ.

— Вы ранены?

— Да... у меня... прокололи бокъ... Но не глубоко... Я сейчасъ сдѣлаю перевязку!

VI.

Саблинъ отвелъ Беера на квартиру и тотчасъ же отправился съ докладомъ къ коменданту, генераль-майору Гавро, которому и рассказалъ все происшедшее.

— На безоружнаго нападеніе?!—воскликнулъ генераль.—Да вѣдь это покушеніе на убійство. Всѣхъ арестовать, кромѣ донесшаго. Пишите донесеніе на высочайшее имя.

Всѣ, за исключеніемъ Саблина, были отданы подъ судъ, который и приговорилъ Враскова и Беера къ повѣшенію, а Ленева и Барковского, «кои, зная ихъ поединокъ, не донесли начальству

и не извѣстили стоявшему вблизи ихъ часовому, чѣмъ самымъ допустили ихъ до такого законопротивнаго поступка, къ лишенію чиновъ, достоинства, отставленію отъ службы и напередъ за негодныхъ объявленію, а потомъ по имѣнію ихъ денежный штрафъ взять и, по состоянію дѣла, десятую, шестую, а, по крайней мѣрѣ, третью часть имѣнія ихъ описать».

Императоръ Александръ I, подтверждая приговоръ, повелѣлъ Беера и Враскова, «лиша чиновъ, написать въ рядовые», а секундантаго—«арестовать на трое сутокъ».

Впослѣдствіи разжалованные Бееръ и Врасковъ были произведены въ чины, «начиная по степенямъ», при чемъ первый остался на военной службѣ, а Врасковъ былъ уволенъ въ отставку «за непорядочное поведеніе», такъ какъ начальство аттестовало его «недостойнымъ».

— За чужую вину терплю!—говаривалъ потомъ Врасковъ.—Я ли не хотѣлъ мира и согласія? Я ли не уговаривалъ оставить все дѣло? Охъ, ужъ эти мнѣ предрасудки..

XV.

Непринятый вызовъ.

I.

Въ 1816 году русскіе офицеры изъ оккупационнаго корпуса Воронцова часто посѣщали Парижъ, заводили тамъ самыя разнообразныя знакомства и вдали отъ родины не особенно скучали по ней. Послѣ тяжелыхъ трудовъ, непосильныхъ походовъ, безпрестанной боевой жизни, мирная обстановка изящнаго французскаго города служила для всѣхъ приманкою, и многіе платились своею свободою въ караульняхъ и на гауптвахтахъ за частыя самовольныя отлучки изъ пунктовъ квартированія войскъ.

Прапорщикъ Крымовскій принадлежалъ къ числу тѣхъ служаекъ, которые казенныя командировки предпочитаютъ самовольнымъ отлучкамъ и отпускамъ, а потому онъ удивительно хитро и тонко обдумывалъ свои командировки, чтобы подъ оболочкою служебной надобности отвести свою душу въ пестрой суетѣ парижской жизни.

Въ одну изъ послѣднихъ своихъ командировокъ въ Парижъ онъ познакомился съ очень интереснымъ французскимъ семействомъ, состоявшимъ изъ главы семейства—пожилого господина Ришара, его молоденькой жены—Эльзы и матери Эльзы—сѣдой, благообразной старушки.

У Ришара въ одной изъ улицъ былъ часовой магазинъ; но торговля для него не составляла необходимости, такъ какъ въ

своемъ кварталѣ онъ считался человѣкомъ очень богатымъ, былъ образованъ, уменъ и любилъ знакомства.

Эльза была типичной французской женщиной—изящной, любезной; она отлично пѣла, великолѣпно одѣвалась, съ мужчинами держалась просто, принимала ихъ ухаживанье, а про своего мужа говорила обыкновенно:

— Онъ слишкомъ серьезенъ, чтобы любить меня, я слишкомъ вѣтрена, чтобы любить серьезныхъ!

И тѣмъ не менѣе жизнь супруговъ текла мирно, и надъ супружескимъ счастьемъ не было замѣтно тучъ.

Крымовскій познакомился съ Ришаромъ въ его магазинѣ; прапорщикъ зашелъ купить часы, разговорился съ хозяиномъ, высказалъ нѣсколько взглядовъ, плѣнившихъ Ришара, и съ тѣхъ поръ сталъ часто заходить въ магазинъ, тѣмъ болѣе, что за конторкой онъ видѣлъ красивые глаза Эльзы, глядѣвшіе на него съ любопытствомъ. Затѣмъ Ришаръ пригласилъ его къ себѣ, и знакомство завелось.

Съ перваго же посѣщенія между Крымовскимъ и Эльзою установились самыя лучшія отношенія: они много разговаривали, смѣялись, гуляли по Парижу, посѣщали театръ. Ришаръ не придавалъ никакого значенія частымъ посѣщеніямъ Крымовскаго; поздно вечеромъ онъ возвращался домой, встрѣчалъ у себя прапорщика, пожималъ ему руку и передавалъ новости изъ политическаго міра, которыя его очень волновали.

Ни въ поведеніи Эльзы, ни въ постоянномъ присутствіи Крымовскаго нельзя было замѣтить ничего такого, что могло бы вызвать у Ришара недовольство; на посѣщеніе прапорщика онъ смотрѣлъ снисходительно, такъ какъ понималъ, что на чужой сторонѣ знакомства завязываются туго, а у офицера въ Парижѣ не было никого изъ близкихъ людей.

Тѣмъ не менѣе за послѣднее время Ришаръ сталъ чувствовать легкое раздраженіе, когда онъ вечеромъ подходилъ къ своему дому; онъ зналъ, что около Эльзы будетъ сидѣть Крымовскій, рассказывая ей про свою Московію, и Эльза будетъ глядѣть на него своими «лукавыми» глазами и улыбаться, и ему было непріятно это, и хотѣлось, чтобы поскорѣе Крымовскій уѣхалъ, и чтобы Франція освободилась вообще отъ присутствія русскихъ войскъ.

Онъ не ревновалъ, но ему было не по себѣ, и онъ не могъ скрыть этого и, боясь казаться нелюбезнымъ, раздражался еще болѣе. Но вотъ однажды вечеромъ Крымовскій объявилъ, что онъ скоро уѣзжаетъ, и на сердцѣ Ришара стало легко.

Онъ проснулся утромъ въ веселомъ настроеніи духа и отправился въ свой магазинъ. Торговля шла бойко, Парижъ наполнялся вновь прибывающими, и Ришаръ сталъ мечтать о томъ, что не

дурно было бы открыть большой торговый домъ и стать во главѣ солиднаго коммерческаго предпріятія.

Вечеромъ, почти передъ самымъ закрытіемъ магазина, къ нему зашелъ его пріятель, также часовщикъ. Онъ посидѣлъ немного и, уходя, сказалъ Ришару:

— А я сейчасъ видѣлъ вашу супругу съ господиномъ Крымовскимъ! Они поѣхали въ коляскѣ по направленію къ Версалю. Какъ вы думаете, господинъ Ришаръ, скоро русскіе оставятъ предѣлы Франціи?

Ришаръ промычалъ что-то и, по уходѣ пріятеля, сталъ запирать магазинъ. На душѣ у него было неспокойно: руки по какой-то странной причинѣ тряслись, и ключъ долго не ладилъ съ замкомъ.

II.

Подходя къ дому, онъ замѣтилъ, что въ квартирѣ было темно. Мать Эльзы сказала, что дочь ея поѣхала на прогулку съ прапорщикомъ и обѣщала скоро вернуться.

Ришаръ сѣлъ въ кресло и сталъ дожидаться возвращенія жены.

Пробило 10 часовъ, но ея все еще не было. Онъ не могъ уже сидѣть на мѣстѣ и молча ходилъ въ потемкахъ изъ угла въ уголъ, часто останавливаясь у окна и поглядывая на улицу.

— Отчего вы не прикажете зажечь огонь?—спросила его мать Эльзы.

— Не надо, такъ хорошо!—отвѣтилъ Ришаръ, нервно потирая руки.—Но гдѣ же ваша дочь?

— Не знаю. Но она скоро вернется.

Ришаръ посмотрѣлъ на часы: было уже около полночи.

— Она не вернется!—воскликнулъ онъ, и вдругъ ему показалось, что все погребло, что онъ оскорбленъ, что Крымовскій отнял у него вмѣстѣ съ женою и его незапятнанную честь.

Онъ быстро одѣлся и вышелъ на улицу, твердо рѣшившись идти въ отель, гдѣ остановился Крымовскій.

Черезъ полчаса онъ уже былъ у подъѣзда отеля. На вопросъ Ришара привратникъ отвѣтилъ, что русскій офицеръ дома.

— Противъ обыкновенія!—замѣтилъ привратникъ, усмѣхаясь.

— А у него... никого нѣтъ?—спросилъ Ришаръ и почувствовалъ, что у него похолодѣли ноги.

— Кажется, есть кто-то. Ему туда въ комнату носили вина. Но кто у него,—не знаю!

— А у него... не женщина?

— Право, не знаю: можетъ быть, женщина, а, можетъ быть, и женщины!

— Проведите меня къ нему!

— Виноватъ! Теперь всѣ спать. Не угодно ли вамъ подняться въ третій этажъ, № 142-й?

— Хорошо. Я пойду.

Ришаръ съ замираніемъ сердца поднялся по лѣстницѣ и остановился предъ дверью, на которой блестяль указанный номеръ. Онъ остановился и затаилъ дыханье, стараясь прислушаться. Но все было тихо, и только съ улицы доносился стукъ проѣзжавшихъ экипажей.

Онъ постучался, ему не отвѣтили. Онъ постучался еще разъ, и черезъ минуту услышалъ за дверью голосъ Крымовскаго.

— Кто тамъ стучить? Теперь такъ поздно.

— Это — я, — сказалъ Ришаръ съ дрожью: — отворите, ради Бога!

— Кто вы? Я не знаю вашего голоса!

— Я—Ришаръ!

Послышался звукъ отпираемаго замка, дверь отворилась немного, и Крымовскій тихо произнесъ:

— Извините, Я не могу васъ принять, у меня—женщина!

— Бога ради впустите!

— Я не могу!

Дверь снова затворилась, но Ришаръ уже не могъ владѣть собою.

— Отворите! Мнѣ необходимо васъ видѣть!

— Что вамъ угодно?

Ришаръ, стараясь говорить шопотомъ и еле переводя дыханіе, нагнулся къ замку и сказалъ:

— Я увѣренъ, что моя жена у васъ. Если вы порядочный человекъ и желаете меня разубѣдить въ этомъ, то, будьте добры, покажите мнѣ какую либо принадлежность туалета той дамы, которая находится у васъ. Я прошу...

— Какъ странно!—сказалъ за дверью Крымовскій и отошелъ отъ двери.

Ришаръ стоялъ въ коридорѣ и ждалъ; время казалось для него вѣчною.

— Смотрите!— услышалъ онъ голосъ Крымовскаго, который, отворивъ немного дверь, подаль ему дамскіе чулки.

Ришаръ быстро оглядѣлъ чулки и вдругъ сконфузился и залепеталъ:

— Извините меня! Я совсѣмъ потерялъ голову. Я поступаю, какъ мальчикъ. Мнѣ очень совѣстно. Но гдѣ же моя жена? Она была съ вами?

— Я ее проводилъ къ господамъ Брюнелъ и съ тѣхъ поръ не видалъ ея!—отвѣтилъ Крымовскій, запирая дверь.

— Пожалуйста, извините!— произнесъ громко Ришаръ и поспѣшно сталъ спускаться съ лѣстницы.

Свѣжій воздухъ заставилъ его прійти въ себя. Онъ нашелъ, что поступилъ необдуманно, нетактично и оскорбилъ человѣка. Эльза могла остаться у Брюнелей, съ когорыми она давно знакома.

— Пойду домой; можетъ быть, Эльза уже дома! — подумалъ онъ и чуть ли не бѣгомъ направился къ дому.

Отъ бѣготни и волненія у него вспотѣла голова. Онъ остановился, снялъ шляпу и обтеръ голову и лицо платкомъ.

— Что это значитъ? — подумалъ онъ, обнюхивая свои пальцы. — Духи, которые такъ любить моя жена? Что это значитъ? Мои пальцы отчетливо издають запахъ этихъ духовъ. Я теряю способность понимать.

И вдругъ онъ схватился за голову и, прислонившись къ стѣнѣ, зарыдалъ.

— Чулки! Но вѣдь чулки у всѣхъ одинаковы... черные, обыкновенные. Но духи... духи ея!..

Онъ бросился къ дому, разбудилъ прислугу, которая сказала, что барыня еще не возвращалась, и, не входя въ квартиру, отправился къ дому, гдѣ жили Брюнели.

Когда разсвѣло, онъ вернулся домой. Эльза спала, и дыханіе ея было ровно.

— Она не была у Брюнелей! — рѣшилъ Ришаръ и вышелъ изъ комнаты Эльзы.

Онъ вошелъ въ свой рабочій кабинетъ, взялъ перо, бумагу и сѣлъ писать. Черезъ часъ письмо было написано, запечатано, и служанкѣ было приказано отнести его въ отель къ Крымовскому.

III.

Крымовскій въ своемъ отвѣтѣ писалъ Ришару:

«Милостивый государь! Вы продолжаете увѣрять себя, что я опозорилъ васъ, что я отнял у васъ жену. Разубѣдить васъ въ этомъ значило бы принять на себя непосильный трудъ. Поэтому я ограничусь только слѣдующимъ: дать вамъ удовлетвореніе въ такой формѣ, которую вы мнѣ предлагаете, я не могу, такъ какъ поединокъ является борьбой двухъ лицъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ общества. Между тѣмъ вы отлично понимаете, что существуетъ нѣкоторая разниа въ нашихъ отношеніяхъ: я — русскій дворянинъ, офицеръ, вы — гражданинъ, занимающійся часовыхъ дѣлъ мастерствомъ. Разумѣется, если бы не существовало этой границы, отдѣляющей насъ, я съ удовольствіемъ принялъ бы вашъ вызовъ и вашихъ секундантовъ. Но смѣю увѣрить васъ, что при настоящемъ положеніи я не могу согласиться съ вами, такъ какъ противное вызвало бы на меня нареканіе со стороны того общества, къ которому я принадлежу по рожденію, по воспитанію и характеру своей службы. У васъ, французовъ, гра-

жданнѣ—это все; у насъ, въ презираемой вами Московіи, вашъ гражданинъ и вашей профессіи есть ремесленникъ, мѣщанинъ. Воображаю, какими насмѣшками осыпали бы меня, если бы я рѣшился принять вашъ вызовъ.

«Зовите меня къ суду, требуйте отъ меня матеріальнаго удовлетворенія,—и я съ наслажденіемъ соглашусь на все, чтобы пострадать за ваши подозрѣнія, ни на чемъ не основанныя. Но, повторяю, драться съ вами мнѣ не позволяютъ общественные предразсудки, которые повинны также и въ созданіи дуэлей.

«Благоволите принять отъ меня выраженіе горячихъ сожалѣній о происшедшемъ и сочувствія вамъ, какъ человѣку, почитающему себя оскорбленнымъ. Помните, что дуэль—право немногихъ счастливицковъ, къ которымъ вы не принадлежите».

Ришаръ прочелъ это письмо, всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Эльза, читай!—сказалъ онъ, увидя въ дверяхъ жену.

Та взяла письмо и покраснѣла. Ришаръ не отрывалъ своихъ глазъ отъ лица Эльзы.

— Скажи правду, только одну правду, и мнѣ ничего больше не нужно!—сказалъ Ришаръ мягко.—Отвѣть мнѣ открыто и честно, справедливы ли мои подозрѣнія.

— Ты съ ума сошелъ!—вскрикнула Эльза и выбѣжала вонъ изъ комнаты.

IV.

Ришаръ одѣлся и медленно направился къ отелю, гдѣ жилъ Крымовскій.

У подъѣзда стояла карета, привратникъ несъ чемоданы. За нимъ, пожимаясь отъ утренняго холода, спускался прапорщикъ; онъ не замѣтилъ, какъ подошелъ къ каретѣ Ришаръ, какимъ огнемъ горѣли его глаза, и только тогда увидѣлъ его, когда онъ поднялъ дуло пистолета и произнесъ:

— Если въ вашемъ обществѣ позорно драться съ низшими, то низшіе сумѣютъ защищать свою честь другими путями.

Раздался выстрѣлъ. Ришара схватили.

Крымовскій стоялъ неподвижно.

— Жаль, что мнѣ помѣшали. Молите Провидѣніе и благодарите этого полицейскаго, который дернулъ меня за рукавъ и отправилъ пулю не по назначенію. Это спасло васъ для вашего строгаго общества.

Ришара увели, а прапорщикъ Крымовскій поспѣшно сѣлъ въ карету, чтобы затѣмъ никогда уже болѣе не возвращаться въ Парижъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ И ХАРАКТЕРЫ КАВКАЗСКАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ¹⁾.

V.

«Они».

(Въ родѣ эпизода).

НИ, конечно, организованы. Общее чувство жадности, себялюбія, ненависти ко всему непосредственному, трудовому и честному, будь то интеллигенція или народъ, соединило ихъ, связавъ внутреннею человѣконенавистническою связью.

«Они» составили корпорацію и учредили общество улучшенія мостовыхъ и тротуаровъ. Такое общество имъ разрѣшили съ уставомъ, председателемъ, выборами и засѣданіями. Дѣло было не въ названіи, — «они» согласились бы на всякую кличку, лишь бы быть признанными, какъ цѣлое, опредѣленное и «дозволенное». Выражаясь газетнымъ языкомъ, «они» были дозволены цензурой. Прекрасно! Я помню это золотое для «нихъ» время.

Стояло чудное весеннее утро. Былъ праздникъ, и звонили въ колокола. Звонъ былъ такой радостный, небо голубое, чистое, и на немъ ни тучки, ни облачка. Море сливалось совершенно незамѣтно съ горизонтомъ, и даже слабый вѣтеръ не шевелилъ распускающихся вѣтокъ тополей и черешень. Птички чирикали, кувыркались

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1903 г., декабрь, стр. 804.

въ морѣ дельфины, и тамъ, далеко, тянулась дымная лента парохода.

«Они» шли на первое засѣданіе. Этотъ тихій весенній день былъ днемъ ихъ торжества. Какія же мечты и грезы распускались въ ихъ сердцахъ? Предполагать можно, но съ увѣренностью сказать мудрено, ибо чтеніе въ сердцахъ намъ недоступно. По внѣшнему виду, по тѣмъ приемамъ, которые «они» обнаруживали при встрѣчахъ другъ съ другомъ, было ясно, что «они» шли съ опредѣленными, сознательными цѣлями, понимая другъ друга совершенно.

Бываетъ согласіе молчаливое,—такъ волки сразу, какъ бы по невидимой командѣ, бросаются на свою жертву,—бываетъ тѣсное, дружное сплоченіе съ одного слова, по одному знаку: до того родственны души, однимъ пульсомъ бьются сердца.

«Они» теперь были членами общества, и приглашенные повѣстками шли выбирать предсѣдателя. «Они» всѣ были кандидаты. Большею частію, случайно, конечно, двигались «они» парами: докторъ шелъ съ торговцемъ, таможенный чиновникъ съ отставнымъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ, акцизный съ старшиной. Шли кавалеры и дамы, послѣднія безъ права голоса, но сильныя своимъ нравственнымъ вліяніемъ, своей проникательностью. Всѣ одѣты были по-праздничному, со вкусомъ или «по-дешевому», смотря по привычкамъ и по состоянію. На груди нѣкоторыхъ сверкали и блистали на солнцѣ знаки отличія, а также свѣтлыя пуговицы форменныхъ одеждъ.

Итакъ сверкало яркое солнце, была тишина, «они» двигались такъ торжественно и чудно, въ мечтахъ предвкушая близость осуществимаго, возможнаго... Въ самомъ дѣлѣ, ваять въ цѣпкія руки всѣ земельныя выгоды, увеличивъ цѣнность скупленныхъ дачныхъ участковъ, «втирать очки» пріѣзжимъ, рекламировать безъ конца курортъ, развивая торговлю и благодѣтельную спекуляцію. «Они» надѣялись вырвать изъ владѣнія крестьянъ общественныя земли, ближнія къ морю, и замѣнить мужицкіе порядки своими «благодарными». О, у нихъ была цѣлая программа!

Наконецъ желанный день выбора предсѣдателя и членовъ насталъ, и выбранный глава проведетъ программу въ жизнь, показавъ «ихъ» силу и безстыдство. Нуженъ человекъ спокойный и безсовѣстный, но со всѣми атрибутами внѣшняго приличія и культурнаго представительства.

— Просимъ... просимъ... раздавались голоса изъ открытыхъ оконъ зданія, гдѣ происходило засѣданіе.

Но вотъ все стихло на минуту. Послышался ровный, великолѣпный баритонъ избраннаго предсѣдателя. Да, этотъ будетъ дѣятеленъ, дальновиденъ и эластиченъ, какъ змѣя. Онъ покажетъ, если нужно, жало, вольетъ ядъ или самую сладкую лещь въ душу человѣческую. Онъ убѣдитъ сомнѣвающагося, собьетъ съ толка

слабо увѣреннаго, отмститъ или приголубитъ — онъ все можетъ, ибо его уста лживы, а въ сердцахъ скороненъ одинъ изъ серебрянниковъ Гуды.

Но снова слышались голоса, началось движеніе. Люди входили и выходили изъ собранія. Какія все довольныя лица!.. но отчего волчьимъ блескомъ сверкаютъ глаза нѣкоторыхъ?!. Не зависть ли лютая? О, нѣтъ... «Онъ» выбранъ единогласно!

Все это происходило въ тихомъ приморскомъ мѣстечкѣ, гдѣ ранѣе жизнь текла среди покоя горъ, величія моря и трудовъ человѣческихъ. Люди жили дружно, равные по положенію, по заботамъ и надеждамъ, не враждуя особенно, и не было у нихъ стремленія уйти отъ этой простой жизни, отъ непосредственно созданныхъ отношеній.

Къ нимъ пріѣзжали другіе люди, изъ большихъ городовъ, измученные сложной, нервной жизнью, почти безъ свѣта и воздуха, пріѣзжали изъ каменныхъ громаднхъ домовъ, гдѣ они занимали опредѣленныя клѣтки, которыя назывались комнатами, квартирами. Среди камня, дыма и сѣраго хмураго неба эти люди тосковали о просторѣ, солнцѣ и зелени лѣса, тосковали о жизни, настоящей, правдивой природѣ, гдѣ хотѣли дышать полной грудью и отдыхать всѣмъ своимъ изболѣвшимъ существомъ. Для такихъ людей въ мѣстечкѣ все было дорого, потому что было непосредственно и здорово и совершенно не походило на ту обстановку, которая, отнимая столько жизненныхъ силъ и простоты въ душѣ, поселяла смутное безпокойство. Обновленные силами природы, очарованные простыми условіями трудовой жизни, возвращались на свою нервную работу люди, предавались изо дня въ день сложнымъ безпокойнымъ впечатлѣніямъ большого каменнаго города, дышали міазмами, терзались ужасомъ нищеты и наглостью богатства, но переносили эти обычныя явленія культурной, столичной жизни, улыбаясь, ибо думали или говорили: «ничего, еще мѣсяць, другой... и мы покинемъ тяжкую суету и отдохнемъ и поживемъ въ знакомыхъ тихихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ культурныхъ удобствъ и комфорта, но гдѣ столько простоты и могучей, роскошной природы... О, такая сила воскресить даже умирающаго»...

Такимъ образомъ между жителями и пріѣзжими установились добрыя нормальныя отношенія: одни другими были довольны потому, что другъ отъ друга почти ничего не требовали. Пріѣзжимъ были милы крохотныя турлучныя хаты, простая здоровая пища, ихъ все радовало—и горы, и лѣсъ, и море... Жители тоже были довольны, смотря на людей, иныхъ по внѣшнему виду, но простыхъ и безхитростныхъ по отношенію къ нимъ. И они радовались и

говорили: «пусть прїѣзжаютъ и живутъ... и намъ веселѣй съ такимъ народомъ, который дурного намъ не желаетъ»...

И было хорошо и просто... Еще торговля и промышленность не процвѣтала, потому было все дешево: продавали отъ излишка, а не отъ жадности. «Рынка» еще не существовало, а дѣйствовалъ деревенскій воскресный базаръ.

Однимъ словомъ нѣсколько (и очень немного) лѣтъ тому назадъ въ населенномъ трудовомъ земледѣльческомъ мѣстечкѣ мы могли «по временамъ сезона» наблюдать рѣдкое явленіе простой здоровой жизни городского трудового элемента, который, отдыхая, привыкался къ природѣ, привыкалъ больше уважать простого крестьянина въ его обыденной домашней обстановкѣ.

Совершенно понятно, что разные по положенію люди другъ у друга кое-чему научались и сближались тѣснѣй. Физическій, простой трудъ по его непосредственнымъ результатамъ казался симпатичнымъ, хотя не легкимъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть привлекательнѣе, справедливѣе такого труда, при условіи его полной свободы? И многіе, увлекаясь работой въ природѣ, среди воли и простора, чувствуя себя лучше, покойнѣе здѣсь, не возвращались туда и устраивались по новому, свободному и земледѣльческому. «Мечтатели!» скажетъ читатель. Ну, что же? Мечтатели или идеалисты—это русскіе люди, по существу, люди способные вѣрить въ далекую свѣтлую правду, способные переносить терпѣливо «зло жизни» и бороться съ нимъ удивительными способами даже пассивнаго душевнаго терпѣнія. Люди огромнаго духовнаго подъема, выносливости и широкаго христіанскаго практическаго пониманія, эти люди—характернѣйшіе представители русскаго народа-идеалиста. Но я уклонился...

И вотъ появились среди крестьянъ новые жители, интеллигентные. И бачили и дивились поселяне и думали: «должно, тамъ, въ городахъ и столицахъ, не очень сладко живется, коли къ намъ пожаловали и нашей работой и простой жизнью не погнушались». И стало поселянамъ отъ такихъ думъ хорошо, и стали они крѣпче считать себя людьми.

Но такая идиллія продолжалась недолго.

О мѣстечкѣ заговорили, кто-то написалъ въ газетахъ о прекрасномъ купанѣ въ бухтѣ, и число прїѣзжихъ стало расти, увеличиваться. Но это были другіе люди, капризные и богатые, для которыхъ природа была на второмъ планѣ, а удобства и комфортъ на первомъ. За такими людьми поспѣшили специалисты по устройству приспособленій къ природѣ, которой можно и не пользоваться *au naturel*, а изъ стеколъ балкона, изъ удобныхъ помѣщеній безъ столкновенія съ дѣйствительностью, большей частью, грубой... Еще бы!..

Специалисты («люди на всѣ руки») остались въ мѣстечкѣ, рѣшивъ бороться съ простотой жизни и людьми, не понимающими,

сколько тысячъ рублей стоитъ кусочекъ морского берега, за сколько тысячъ можно продать лучи южнаго солнца и въ какую цѣну поставить видъ на чудный закатъ въ горахъ.

И вотъ закипѣла «работа». Тѣмъ временемъ возникалъ и началъ дѣйствовать по сосѣдству заводъ. Открылись разные магазины и трактиры. Промышленность пробуждалась, торговля просыпалась. Мѣстечко пестрѣло, становилось люднѣе, даже босяки появились, и на время сезона «эти дамы». «Планы» скупались, продавались для желающихъ пользоваться солнцемъ, моремъ и горными видами. Природа въ своей художественной непосредственности и гордой красотѣ поступила на биржу и, словно акціонерная облигація, стала котироваться, смотря по обстановкѣ и видамъ на море. «Они» играли на плановыхъ цѣнностяхъ. Планъ ближе къ морю стоилъ дороже, дальше—дешевле. Участки въ культурной части дороже, крестьянской—дешевле. Строились дома, гостиницы, санаторіи, дачи, которыя недостроенными продавались по тройной цѣнѣ. Наконецъ, организованные, «они» дружно выступили за право эксплоатации не только труда, но и природы въ ея благородномъ, эстетическомъ смыслѣ. «Они», эти борцы и представители культуры, работали «во всю».

Реклама дала плоды. Съѣздъ былъ большой. Приѣхало нѣсколько генераловъ, хотя не всѣ остались на сезонъ, а одинъ даже уѣхалъ на другой день, уѣхалъ, потрясая маленькой брошюркой, въ которой были расписаны всѣ прелести чуднаго уголка.

— Дайте мнѣ этого автора, — говорилъ на пристани свирѣпый генералъ: — я бы ему показалъ «кузькину мать».

— Qu'est ce que se «кузькина мать»? — спросила съ перетянутой таліей дѣвица напудренную, подъ кровавымъ зонтикомъ, даму.

— Это наша хозяйка! — отвѣчалъ студентъ, тоже съ таліей и высокимъ воротникомъ.

Генералъ произвелъ впечатлѣніе и уѣхалъ.

Но не одна только бонтонная семья была свидѣтельницей негодованія генерала, слышали про «кузькину мать» и другіе.

Вечеромъ по берегу бухты, на такъ называемомъ бульварѣ, ходили, между собой бесѣдуя, три члена общества улучшенія мостовыхъ и тротуаровъ. Это были самые дѣятельные и энергичные члены общества. Предметомъ ихъ бесѣды былъ означенный инцидентъ.

— Разуѣтается, брошюрка страдаетъ неточностью, но, понимаете, Сигизмундъ Сигизмундовичъ, на первыхъ порахъ она прекрасно исполнила свою задачу. Курортъ обезпеченъ, о немъ узнали, говорятъ, — началъ первый членъ общества.

— Я несколько не спорю,—отвѣчалъ Сигизмундъ Сигизмундовичъ:—какъ не исполнила, когда въ мою саваторію пріѣхала цѣлая семья изъ Владивостока?...

— Однако откуда!... произнесъ второй дѣятель.

— Дайте срокъ,—продолжалъ Сигизмундъ Сигизмундовичъ,—со всѣхъ концовъ Россіи потянутся курсовые, только деньги собирайте... Но для этого работать надо! О, работы много, сложной работы!... Бульваръ, постройки, кафе-шантанъ — что?... Надо привлечь къ нашему дѣлу прессу... Вы знаете, господа, что въ нынѣшнее время безъ прессы ни шагу... Ни одно мало-мальски солидное предпріятіе не обходится безъ поддержки печати!...

— Что жъ?!—возразилъ первый изъ собесѣдниковъ:—«Безшабашный Край»—органъ прекрасный, онъ насъ поддерживает!... И мѣстная газета насъ тоже...

Наступило небольшое молчаніе. Сигизмундъ Сигизмундовичъ, снявъ шляпу и особенно вѣжливо, почти съ подобострастіемъ (о, онъ умѣлъ такъ сдѣлать, чортъ возьми!) поклонился солидному господину со строгимъ лицомъ.

— Знаете, это кто?...—спросилъ онъ собесѣдниковъ.

— Нѣтъ,—отвѣчали они трепетно:—кто же такой?

— А-а... не знаете!... Правая рука... N.N.

Предсѣдатель проговорилъ тихо званіе курсового, затѣмъ продолжалъ:—Не знали? А надо знать про такихъ лицъ и принимать мѣры. Намъ такіе люди нужны!... Охъ, какъ нужны! Вотъ хоть бы о посадѣ... Я заводилъ съ нимъ рѣчь...

— Посадъ обѣщалъ губернаторъ,—перебилъ третій членъ.

— Позвольте, любезнѣйшій, какъ вы не можете понять, что губернаторъ хлопочетъ о насъ здѣсь, а «тамъ»? Ну, кто «тамъ» будетъ представлять наши интересы?... Не вы ли, почтеннѣйшій?

— Ну, что вы, Сигизмундъ Сигизмундовичъ, гдѣ же мнѣ «тамъ»? Здѣсь могу проявлять свое содѣйствіе, очень могу!..

— Ну, вотъ то-то!—проговорилъ довольно снисходительно глава общества,—я и говорю: намъ нужны связи съ особами и съ прессой... Да, съ прессой, но только со столичной... Надо найти ходы! Не бойтесь, у меня есть нѣкоторыя соображенія. Долженъ пріѣхать одинъ больной литераторъ, мы его направимъ тогда...

— Направимъ, направимъ, конечно!—говорили, потирая руки, собесѣдники.—У грека Никифофоли такое чудное вино!

— Что вы—вино? Говорю—больной литераторъ!

— Пожалуй, умереть еще! Намъ бы здороваго, Сигизмундъ Сигизмундовичъ!

— Гдѣ я теперь такого возьму! Со временемъ, конечно, и здоровые писатели будутъ!

На минуту онъ задумался, затѣмъ, посмотрѣвъ въ даль синѣющаго моря и воздѣвъ въ скромномъ благоговѣніи руки, воскликнулъ

не то съ мольбой, не то съ угрозой:—О, все у насъ будетъ: и литераторы, и губернаторы, и посадъ будетъ, и наконецъ...—хихикнувъ, заключилъ:—и дамочки-козочки!... О Господи!...

Всѣ трое пришли въ отличное расположеніе духа. Они шутили и вспоминали то время, когда это самое мѣсто, бульваръ, срамиль скотъ, и владѣли этимъ берегомъ крестьяне.

— Тоже скоты!...—добавилъ особенно враждебный къ крестьянамъ второй членъ.—А вы не читали, какъ наша газета отдѣлала мужиковъ? Нѣтъ? Что вы?! Великолѣпно! Въ сегодняшнемъ номерѣ... Сейчасъ!—и онъ полѣзъ въ карманъ, приговаривая:—это имъ досталось за дѣтскій праздникъ... Вотъ не угодно ли?

Они сѣли на скамейку и стали читать корреспонденцію. Авторъ состоялъ тоже членомъ ихъ общества и былъ другомъ директора завода, конечно, иностранца. На югѣ всѣ директора фабрикъ и заводовъ—иностранцы. Почему? Я, право, не знаю, но они представляютъ собой культуру и мужиковъ не одобряютъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Статья-корреспонденція носила заглавіе и грозное и странное, а именно: «Дѣтоненавистники». Въ крайне злорадномъ тонѣ сообщалось, что учитель школы (превосходный человекъ!), желая поощрить своихъ учениковъ за ихъ успѣхи, обратился къ родителямъ, чтобы послѣдніе дали денегъ на устройство дѣтскаго праздника, и что жъ?... Что же сдѣлали мужики?—Они отказали!... Отказали дѣтямъ въ радости, своимъ дѣтямъ, понимаете? О дѣтоненавистники!... О грубые эгоисты!... Какъ мнѣ жаль васъ, милыя дѣти! Но Богъ не безъ милости, Богъ послалъ дѣтямъ директора завода, который, пораженный грубостью мужиковъ, вынулъ изъ кармана 75 рублей и сказалъ: «вотъ бѣднымъ дѣтямъ!»

— Кстати лѣгокъ на поминѣ!—вскричалъ предсѣдатель, отъѣшывая великолѣпный, плавный привѣтъ проѣзжающимъ въ экипажѣ двумъ сильнымъ брюнетамъ, штатскому и военному. Одинъ изъ нихъ былъ директоръ завода, другой начальникъ округа.

— Чудные, благородные люди!—проговорилъ первый членъ.

— А ловкая, бѣдовая статейка?—замѣтилъ второй.—Я думаю, наши мужики теперь почесываютъ въ затылкахъ и жалѣютъ, что не дали 25 рублей! Все равно пропьютъ эти деньги!

— О, конечно! Это замѣчательные пьяницы!... дикіе люди!—сказалъ съ презрѣніемъ Казимиръ Казимировичъ.—Сколько они намъ зла принесли своимъ поведеніемъ!... грубостью и наглымъ нахальствомъ! Вотъ недавно, въ прошлый праздникъ, мы, съ нашими дамами гуляя, пошли туда, въ горы... Представьте, и они тамъ, у ручья... Сидятъ, щелкаютъ сѣмечки, и хотя бы всталъ хоть одинъ! А мы съ дамами! Хорошо наше положеніе, положеніе истинныхъ джентльменовъ?! Ну, такъ и ушли, ушли назадъ, не напившись у родника... а жара была страшная!... Не могу забыть этого... Сидятъ проклятые чертоплясы!...

— Корреспондентъ нашъ будетъ теперь систематически держать ихъ подъ своимъ перомъ...

— Развѣ ихъ проймешь... эти крѣпкія шкуры?..

— Время и камень долбить,—замѣтилъ глава общества. — Но все-таки намъ нуженъ писатель и непремѣнно съ именемъ, столичный!...

— А господинъ Калина? не къ нему ли намъ обратиться?.. Открылъ свое «дѣло» въ нашемъ мѣстѣ... Могъ бы намъ послужить!..

— Нѣтъ, онъ подозрителенъ, очень въ науку вѣрять!..

— Это превосходно!..—воскликнулъ главный членъ:—наука и литература намъ нужны!..

Раздался свистокъ парохода. Всѣ трое встрепенулись и глянули на море, изъ котораго въ бухту заворачивалъ легкій катеръ.

— Пойдемъ, господа,—предложилъ предсѣдатель,—посмотримъ, не пришелъ ли «товаръ»...

И господа тронулись къ пристани. Навстрѣчу имъ посрединѣ дороги медленно двигалась кучка поселянъ. Высокій крестьянинъ несъ въ крѣпкихъ, жилистыхъ рукахъ маленькій гробикъ.

Маленькіе гробики въ то время часто препровождались на кладбище, не возбуждая ни толковъ, ни недоумѣній. Умираютъ дѣти, да и только, развѣ важное это дѣло?.. Но отчего же они умираютъ? Говорятъ—оспа!

Въ такомъ радостномъ, по-своему живописномъ мѣстѣ, гдѣ сильная, здоровая природа такъ колоритно блестятъ своими красками, гдѣ и воздухъ и просторъ и жизнь, — тамъ притаилась и свила гнѣздо гнилая зараза.

— Правда, что въ вашемъ селеніи болѣютъ оспой? — спросилъ я знакомаго крестьянина.

— Воспой?..—переспросилъ онъ меня и задумался.—Люди мало болѣютъ... Вотъ дѣти!..

— Что жъ?.. умираютъ?.. и часто?..

— Помираютъ, какъ же!.. Вотъ сейчасъ понесли на кладбище Степаненкина мальчика.. Вѣрно, видѣли?..

— А какъ же доктора лѣчатъ?.. оспу прививаютъ?..

— Зимой фельшаръ прививалъ точно, а съ той поры, право, не знаю...

— А доктора какъ же?.. что же они развѣ не лѣчатъ?.. не совѣтуютъ?..

— Доктора?—переспросилъ собесѣдникъ.—Докторъ рѣдко когда изъ города наѣзжаетъ... у насъ фельшаръ лѣкарство отпускаетъ!..

— Какъ изъ города?.. да у васъ здѣсь живутъ врачи, дачи свои имѣютъ?..

— Ну, эти доктора насъ не пользуют, они пановъ лѣчатъ... къ нимъ мы не можемъ обращаться!..

Я не сталъ разспрашивать больше, мнѣ казалось, что мой собесѣдникъ не правъ по-своему, недовѣрчиво относясь къ докторамъ-панамъ, которые живутъ и дружатъ съ членами непонятнаго для крестьянъ общества «улучшенія». Впрочемъ, послѣ для меня разъяснилось многое.

Большую часть своего времени я проводилъ въ путешествіяхъ, знакомясь съ краемъ и приглядываясь къ мѣстнымъ условіямъ. Эти условія представляли собой мало благоприятнаго для развитія какъ общественной, такъ и экономической жизни побережья. Темнота и отчужденность отъ внѣшняго міра составляли особенность поселянской жизни; спекуляція и интрига характеризовали туземное немногочисленное, но и несимпатичное общество. «Они» вездѣ дѣйствовали, дѣйствовали смѣло, нахально, хотя и безъ организациі...

Поживешь въ селеніи и насмотришься на такіе порядки, что только «диву даешься».

У сельскаго правленія сидитъ кучка крестьянъ. День праздничный, обѣдня кончилась. Православные пообѣдали, пришли и «балакаютъ». Неподалеку мѣстный сапожникъ поставилъ столъ, скамейки и группами расположилъ бутылки. Нѣкоторые изъ поселянъ, помоложе, двинулись къ столу, старики остались у правленія.

— Выпей, говоритъ, самъ, а продавать не моги!.. — медленно рассказывалъ высокій старикъ въ старомъ бешметѣ.

— Какъ же это самъ выпей, когда этого винаща страсть... во-семьдесятъ ведеръ?.. Какъ это выпей самъ... когда оно въ продажу назначено?..

— Ну, вотъ!.. Такъ и уряднику наказано, чтобъ никто, кромѣ самого хозяина, вина не пиль... акцизный строго распорядился...

— Значитъ, виномъ винограднымъ торговать запрещено?

— Строго... штрафъ сто цѣлковыхъ, а нѣтъ денегъ—въ тюрьму на три мѣсяца, такъ сказывалъ урядникъ. Квасомъ велѣно торговать!.. Видишь, сапожникъ... сколько квасовъ понадѣлалъ!..

— Ну, и дѣла!..—проговорили православные.

— По-моему, — продолжалъ человекъ въ бешметѣ, — это не иначе, какъ къ войнѣ...

— Почему такъ? если казенная лавка торговать можетъ, и ты, сколько душѣ угодно, казеннаго выпить можешь...

— Пожалуй,—согласился человекъ въ бешметѣ и затѣмъ, радостно улыбувшись, тихо проговорилъ:—значитъ, теперь и виноградное вино отъ казны пойдетъ... Вотъ что оно!..

Почтенные на минуту смолкли: ихъ точно что осѣнило.

— Въ казну—это вѣрно... по всему видно, что въ казну и налоги на виноградники пошли вонъ какіе!..

— Что и говорить, — вмигался старый казакъ, — я свой виноградникъ освобождаю...

— Ишь ты!.. и давить вино нонѣ не будешь?.. — съ жалостью спросилъ старика маленькій челоѣкъ въ большомъ картузѣ.

— Нонѣ... буду... а тамъ!... — и старый казачина махнулъ рукой и отвернулся въ сторону.

Въ это время къ кучкѣ подбѣжала пожилая женщина въ слезахъ и смятеніи. Она искала мужа, который сидѣлъ за столомъ у сапожника.

— Что Марина?... Чего плачешь?..

— Кончается Петька-то, — съ плачемъ проговорила на ходу женщина. Вздохнули почтенные и замолкли.

Увеличивается, расширяется небольшое поселанское кладбище, уже въ третье мѣсто переносится.

— Много умираетъ что ли?

— Порядочно, — отвѣчаютъ миѣ: — дѣти!.. они больше мрутъ... кто знаетъ — отчего?... заболѣеть, горить, гаснетъ дите, да и шабашъ!. Лихорадка, должно, а еще воспа... отъ этой воспы, которые не померли, такъ обезображены съ лица!

— Что жъ докторъ былъ? оспу прививали?

— Наѣзжалъ разъ одинъ зимой, акушерка была тоже... сердаетъ оченно!..

— Отчего сердаетъ?

— Отъ характера... не любитъ безпокойства, лѣчитесь, говорить, сами!..

— Ну, и что же?

— Ничего, лѣчимся... да плохо!..

Въ самомъ дѣлѣ удивительно! Со стороны посмотришь, точно какія-то варварскія времена: живутъ люди въ какихъ-то особенныхъ условіяхъ, лишены необходимой медицинской помощи, живутъ въ странѣ винограда, стѣсненные рѣзвивать виноградную культуру, и проч. Между тѣмъ кругомъ такихъ селеній и даже по близости возникаютъ и быстро растутъ курорты, культурные люди строятся, хлопчатъ о своихъ удобствахъ, хлопчатъ настойчиво, энергично, съ презрѣніемъ отворачиваясь отъ поселанъ, которыми пользуются только, какъ производителями. Внутренней связи между пришлымъ культурнымъ элементомъ и мѣстными поселанами нѣтъ. Въ селеніяхъ труды и невзгоды. Въ городахъ и посадахъ (курортахъ) сплетня, спекуляція и ловкій обманъ богатыхъ дачниковъ.

Если и нѣтъ въ какомъ либе курортѣ организованнаго общества съ уставомъ, то все равно кучка отборныхъ мерзавцевъ организована и безъ «дозволенія», и такая организація если не многочисленна, зато крѣпкая, прямо хищная организація.

Приѣзжаю я въ такой именно курортъ, знакомлюсь съ нѣкоторыми общественными дѣятелями, съ однимъ изъ нихъ вступаю въ интересную бесѣду.

— Что нибудь дѣлать у насъ трудно!.. Я занималъ должность представителя, и чтожъ?.. что ни задумаю полезное, что ни предложу... провалъ!.. «Они» не хотятъ, а «они»—сила, съ которой бороться трудно, почти невозможно, хотя, знаете, у меня протекція не маленькая...

— Развѣ у васъ существуетъ тоже «общество устройства курорта»?

— Нѣтъ, такого общества не имѣется, а есть триумвиратъ, который всѣмъ ворочаетъ, и отъ котораго лучше «подобру-поздорову» уходить. Я—здѣшній аборигенъ и старожиль, а посмотрите,—онъ понизилъ тонъ, подводя меня къ окну,—толстые дубовые ставни сдѣлалъ!

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Не понимаете?!—продолжалъ собесѣдникъ.—Страшно!.. чортъ «нихъ» знаетъ, что у «нихъ» на умѣ. Такой народъ на все способенъ... у «нихъ» все въ рукахъ. Наймутъ какого нибудь проходивца, который камнемъ пустить, а то и того хуже!..

Все это было сказано тихо, нервно и съ убѣжденіемъ.

— Вы прямо меня удивляете, Иванъ Ивановичъ, мы, кажется, живемъ въ Россіи, подъ охраной законовъ!

— Пожалуйста, не передавайте никому, что слышали отъ меня. «Они» этого не простятъ!.. у «нихъ» вездѣ ходы!.. Читали статьи Н.Н., который «ихъ» слегка коснулся... «Они» выслать его хотятъ съ побережья...

Я расхохотался.

— Напрасно смѣетесь, совершенно напрасно! Конечно, писатель столичный, но мало ли что бываетъ?... Вы съ нимъ незнакомы?... а то предупредили бы... Я слышалъ, «они» противъ этого писателя что-то замышляютъ!..

— Миѣ кажется, вы все-таки преувеличиваете.

— Какъ хотите, такъ и думайте,—отвѣчалъ Ивановъ.—Вы сами изволили рассказывать и негодовать на «ихъ» отношенія къ трудовому элементу... что оспа и разныя заразныя болѣзни!.. развѣ «они» этого не знаютъ?! Нѣтъ, батюшка, «имъ» все извѣстно, и на все «они» плюютъ, лишь бы свои дѣлишки справлять, цѣны земельныя поднимать, участками торговать, культуру устраивать. «Они» свою линію ведутъ аккуратно... Вотъ вы вездѣ бываете, а съ деревенскимъ докторомъ Николаевымъ не познакомились? Онъ тамъ же живетъ, недалеко отъ курорта, пашетъ, сѣетъ, жнетъ, содержитъ себя трудами рукъ своихъ и лѣчитъ... Вотъ онъ вамъ расскажетъ и про оспу, и про тифъ, и про докторовъ... Получше Вересаева расскажетъ!.. А я повторяю, что честнымъ людямъ здѣсь годъ отъ года труднѣе становится жить... да-съ! Культуртрегеры разныя, аферисты всѣхъ сортовъ господствуютъ, гражданствуютъ!.. Соединены ли «они» въ общество, или нѣтъ,—это все

равно!.. «Они» организованы органически, совершенно, какъ волчьи стаи, и чутье у «нихъ» огромное, по всякому слѣду проберутся!..

Мнѣ оставалось только удивляться тому, что творилось въ этой благородной странѣ, гдѣ красота и гордость въ своей поэтической непосредственности, яркихъ, волшебныхъ краскахъ синяго моря и зеленыхъ горъ должны бы заставить трепетать сердце человѣческое и благословлять дивную природу...

А здѣсь?

Пароходъ медленно удалялся отъ берега съ маленькой бухтой, гдѣ поэтично сверкали огоньки среди темной зелени садовъ въ жилищахъ, въ которыхъ, можетъ быть, теперь «они» обдумывали свои грязные помыслы...

А ночь была тиха и полна свѣжаго морского аромата. Звѣзды особенно грустно глядѣли съ темной выси небесъ.

Съ интереснымъ докторомъ мнѣ пришлось познакомиться впоследствии, но я много слыхалъ объ этой оригинальной личности, поставившей себѣ задачей простую здоровую жизнь, которую ему удалось осуществить.

На клочкѣ арендованной земли онъ работалъ, какъ земледѣлецъ, и помогалъ всякому своими совѣтами и медицинскою помощью. Последнее онъ дѣлалъ просто, отъ души, не взявъ никакого гонорарія. «Своими знаніями и отношеніями, требующими помощи, я не торгую», говорилъ онъ. Тѣмъ не менѣе странный докторъ имѣлъ враговъ и враговъ довольно многочисленныхъ, къ числу которыхъ принадлежали и мѣстные курортные врачи.

Бѣжалъ я какъ-то на пароходѣ, море было тихое, публика любовалась съ палубы красивыми берегами и горными вершинами. По обыкновенію купилъ я столичную газету, которую почитывалъ не слѣша, сидя въ сторонкѣ. Со мной разговорился приличный, обстоятельный господинъ тоже съ газетой; послѣ оказалось, что онъ курсовой съ того курорта, гдѣ дѣйствовали «они».

— Не угодно ли, какія выдумки печатаютъ!?—говорилъ онъ, показывая мнѣ на письмо въ редакцію, напечатанное за подписью многихъ врачей.—Распространился слухъ, что у насъ эпидемія оспы! Кому, спрашивается, это нужно!? Вѣдь сколько переполоха надѣлала! Нѣкоторыя семьи съ дѣтьми, пріѣхавшія на купанье, устроившіяся, покинули курортъ!

— Позвольте, что это написали доктора? Я еще не прочелъ...

Въ письмѣ врачи категорически опровергали существованія всякихъ заразныхъ болѣзней въ мѣстечкѣ, называя слухи о существованіи оспы и тифа вымышленными.

— Какъ такъ?—проговорилъ я.—Весной, мнѣ помнится, были смертные случаи, именно отъ оспы, при мнѣ хоронили дѣтей!

— Можетъ быть, одинъ только случай и при томъ весной!—возразилъ собесѣдникъ.—Слава Богу, теперь ничего нѣтъ... Не стануть же доктора врать!.. Что имъ пользы отъ этого!?

— Положимъ,—отвѣчалъ я,—какіе доктора! Вересаева читали?

— Ну, знаете, мало ли что теперь пишутъ! Нѣтъ, слуга покорный, я не поклонникъ современной литературы! грязь какая-то, пошлость.

— Напрасно такого мнѣнія о литературѣ, слишкомъ односторонняго...

Мы начали понемногу горячиться, такъ что нѣкоторые изъ публики стали прислушиваться къ нашему разговору, а худощавый студентъ съ нервнымъ лицомъ, повидимому, намѣревался съ нами вступить въ споръ. Но звонокъ къ обѣду заставилъ прекратить нашу бесѣду, и мы вмѣстѣ съ публикой спустились въ столовую.

По-моему нѣтъ скучнѣе обѣдовъ, какъ за общимъ столомъ въ каютъ-компаниі, даже при условіи хорошей погоды. Какія все недовольныя, надутыя лица! Важно такъ берутъ куски, дѣйствуютъ ножами, словно хирурги, и смотрять внимательно на свои тарелки. Фальшь и мало естественности!.. Почему, когда въ общемъ получается тягота и ненужное стѣсненіе? Хорошо, если около веселаго капитана помѣстились интересныя дамы,—тогда живая бесѣда хоть на одномъ концѣ стола обезпечена. А то посмотрите на этихъ двухъ полуорангутанговъ, медленно поднимающихъ стриженныя головы и грозно посматривающихъ кругомъ административными взорами. «Поговорите, молъ, несчастные, обнаружьте свои мысли — мы вамъ тогда покажемъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, какой разнообразный по положенію, по характеру и по культурѣ ѣдетъ народъ на русскихъ пароходахъ! Здѣсь и военные, и штатскіе, и иностранцы, и богомольцы, и туристы, и аферисты, и всякіе «добровольцы»,—однимъ словомъ пестрота совершенная!

Скучно въ такомъ обществѣ, господа!

А вонъ на палубѣ около борта на полу расположилась кучка рабочихъ. Они пьютъ чай; хлѣбъ и сухая копченая рыба вмѣстѣ съ кусками сахара лежатъ на бумагѣ около чайника. Имъ весело, они шумятъ и смѣются, показывая свои блестящіе крѣпкіе зубы, которые такъ и сверкаютъ на загорѣлыхъ лицахъ. У нихъ нѣтъ стѣсненія—они бесѣдуютъ и смѣются отъ души!

Я продолжалъ смотрѣть на палубныхъ пассажировъ. Какая картина живописныхъ кучекъ!.. Сколько жанровыхъ эскизовъ для художника! Цѣлая группа имеретинъ расположилась около канатовъ. Молодыя и старыя, красивыя лица въ башлыкахъ, но почему печаль и уныніе въ ихъ взорахъ, устремленныхъ въ далекое море? Они молчатъ, словно ихъ одолѣла дрема, одинъ только старикъ

перебираетъ въ своемъ мѣшкѣ какія-то вещи. Около нихъ очевидно богомолки, ѣдущія на Новый Аeonъ. Онѣ по временамъ неприятно посматриваютъ на кавказцевъ, вздыхаютъ и крестятся. Передъ ними скромная трапеза тоже изъ рыбы и хлѣба, которой онѣ угощаются осторожно, не забывая малѣйшей крошки, и крестятся чуть ли не послѣ cadaго куска.

Русскія женщины съ грудными дѣтьми, около которыхъ рѣзвятся трехъ и четырехлѣтнія ребятишки, и матери стараются усадить около себя шалуновъ. Компанія неопредѣленныхъ личностей играетъ въ засаленныя рваныя карты. Молодые солдаты конвойной команды слушаютъ со вниманіемъ отставного съ георгіевскимъ крестомъ браваго ветерана. Вѣрно, рассказываетъ что нибудь изъ своего прошлаго, можетъ быть, изъ боевой, походной жизни.

Всѣ эти разнообразныя группы освѣщаетъ южное яркое солнце, а пароходъ медленно движется по ровной глади лазурнаго моря туда, гдѣ еще ярче блещетъ солнце, и темнѣ зеленыя горы.

— Не правда ли, есть чѣмъ полюбоваться?—сказаль, подходя ко мнѣ, курсовой.

Онъ показаль на зеленыя вершины, изъ-за которыхъ выступали въ серебряномъ сіяніи далекія пики снѣговыхъ горъ. Небо было чистое, ни тучки, ни облачка.

— Красота какая и богатство,—продолжалъ онъ,—а безлюдно, пустынно!.. Если бы вся эта природа была въ рукахъ иностранцевъ?..

— Что же?—спросиль я.

— Не узнали бы побережья, будьте увѣрены!..

— А русскіе не могутъ пользоваться, не способны, вы думаете, культивировать край?..

Мы пошли и сѣли на прежнее мѣсто.

— Положимъ,—продолжалъ онъ,—край все время находился подъ административной опекой, но населеніе развѣ проявило хотя сколько нибудь инициативы. Посмотрите на колонистовъ, чеховъ, эстонцевъ,—они живутъ куда лучше русскихъ поселенцевъ, которые способны только тормазить всякое развитіе побережья.

— Напримѣръ?

— Да хоть бы въ мѣстечкѣ, гдѣ я живу теперь, есть «общество», которое стремится улучшить условія жизни, ввести всякія удобства для культурнаго человѣка, а жители, я говорю про поселянъ, въ этомъ мѣшаютъ, не понимая своей пользы!.. Что ни говорите, а дикіе люди!

— Насколько мнѣ извѣстно, вы ошибаетесь! Жители напротивъ начинаютъ понимать свою пользу, но эту пользу у нихъ изъ рукъ вырываютъ ловкіе люди подъ всякими хитроумными предлогами. Что такое курортъ, про который мы говоримъ сейчасъ? Крестьянское селеніе и ничего больше!.. Почему стали туда пріѣзжать на лѣто курсовые? Изъ-за прекраснаго купанья, изъ-за здороваго кли-

мата. При чемъ тутъ «общество», разные культурные, предприимчивые люди? Зачѣмъ? Что по ихъ инициативѣ въ мѣстечкѣ такой климатъ и такое купанье? Что они въ самомъ дѣлѣ за благодѣтели рода человѣческаго? Всѣ свои силы, всѣ знанія отдаютъ для пользы другихъ, пріѣзжихъ?.. Не наивно ли такъ думать?.. По-моему всѣ эти культурные благодѣтели—аферисты, и при томъ самые обыкновенные, которые погубили чудныя мѣста Крыма и желаютъ погубить и побережье, т.-е. сдѣлать начинающіе курорты недоступными для средней, небогатой трудовой публики... Ихъ задача рекламировать всякими способами свои мѣста, возвысить цѣны на квартиры, на обѣды и на все то, изъ чего бы они могли извлекать для себя хорошіе доходы... Я вполне убѣжденъ, что эти гуманисты погубятъ побережье, ибо въ настоящее время даже средній классъ ѣдетъ за границу, гдѣ вдвое дешевле на устроенныхъ курортахъ, чѣмъ на нашихъ еще неблагоустроенныхъ, благодаря исключительно спекуляціи!.. По моему разумѣнію, всѣ доходы отъ пріѣзжихъ должны составлять собственность коренныхъ жителей, т.-е. поселянъ, которые вольны извлекать изъ своей общественной земли пользу тѣмъ или другимъ способомъ: садить ли на ней виноградникъ, или строить гостиницу для курсовыхъ!.. Это ихъ дѣло!.. ихъ доходная общественная статья!.. Зачѣмъ свои доходы и при томъ значительные отдавать въ руки другихъ, совершенно чужихъ людей.

— Ну, это, знаете, фантазія, мужицкіе курорты!..

— Не въ названіи дѣло,—перебилъ я собесѣдника,—а въ дешевизнѣ, въ простотѣ и правильномъ развитіи курорта, безъ искусственнаго повышенія цѣнъ и безъ рекламы!.. За границей почему и дешево и хорошо? Потому что курорты развивались правильно, и мѣстные трудовые жители не гнались за усиленными доходами, а довольствовались малыми, а при томъ, самое главное, имѣли постоянный и хорошій сбытъ своихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ... Тамъ не въ квартирахъ дѣло, не въ томъ, чтобы сорвать съ пріѣзжаго на дурномъ обѣдѣ тройную цѣну, а въ томъ, чтобы сбыть свои продукты по хорошей цѣнѣ изъ рукъ въ руки, безъ посредниковъ-аферистовъ, каковыми я и называю всѣхъ этихъ устроителей и благодѣтелей, которые губятъ наши родные курорты дороговизной и насъ заставляютъ ѣздить за границу.

— Однако,—засмѣялся мой собесѣдникъ,—вы высказываете приблизительно такія же мысли, какъ и писатель, который у насъ поселился и «обществу улучшенія мостовыхъ и тротуаровъ» объявилъ войну, да еще докторъ какой-то сумасш... странный... тоже такъ думаетъ.

— Вы не знакомы съ этимъ, какъ вы его называете, страннымъ докторомъ?—спросилъ я, улыбаясь.

— Нѣтъ, не имѣю счастья,—отвѣчалъ обиженно или недовольно собесѣдникъ.—Знахарь какой-то!.. Наши доктора мнѣ говорили,

что хотятъ возбудить противъ него процессъ, такъ какъ онъ не имѣеть диплома и слѣдовательно лѣчить, заниматься врачебной практикой не имѣеть права.

— А, значить, конкурентъ! Но я слышалъ, что онъ за совѣты мзды никакой не беретъ!..

— Право, не знаю,—проговорилъ курсовой и задумался. Пароходъ нашъ въ это время загибалъ въ бухту посада, бѣлые домики котораго такъ ярко и весело блестѣли на солнцѣ. Съ берега спѣшили фелюги съ пассажирами. Скоро загремѣла цѣпь, и пароходъ сталъ на якорь. Мой собесѣдникъ, вѣроятно, сошелъ на берегъ, ибо я его больше не видѣлъ на пароходѣ.

Между культуртрегерами, усѣявшими побережье съ сѣвера до самаго юга, среди личностей, хищныхъ до наживы и ловкихъ для всякой аферы, попадаются иные люди, съ иными задачами и цѣлями пришедшіе на побережье. Такіе люди, преимущественно рускіе идеалисты, въ молодомъ нетронутомъ краѣ хотѣли устроить жизнь исключительно на трудовомъ и независимомъ началѣ. Сильные, полные надежды на свѣтлое будущее и довольные настоящимъ, они дѣйствительно работали, не покладая рукъ, организовались между собою, расходились, снова группировались, пока совѣмъ не распались на одиночки, изъ которыхъ самую свѣтлую и сильную духомъ личность представлялъ тотъ деревенскій докторъ, о которомъ я много слышалъ и съ которымъ наконецъ познакомился.

Въ одномъ знакомомъ домѣ была очень серьезная больная, которую онъ лѣчилъ. Въ этомъ же домѣ случайно на нѣсколько дней остановился проѣздомъ мой хорошій знакомый, профессоръ Московскаго университета, который тоже принялъ участіе въ судьбѣ больной. Я какъ разъ пришелъ во время консилиума врачей. Долго продолжался осмотръ больной, которой профессоръ предлагалъ разные вопросы. Я слышалъ его рѣзкій, авторитетный голосъ и другой мягкій, какъ бы успокаивающій. Больная тифомъ была такъ слаба, что ея отвѣтовъ не было слышно за легкой перегородкой.

Наконецъ, они вышли, и насъ познакомили. Внѣшность деревенскаго доктора производила съ перваго раза прекрасное впечатлѣніе. Выше средняго роста, брюнетъ, съ открытымъ лицомъ и большими карими глазами, въ которыхъ свѣтилось столько привѣта и внутренняго душевнаго вниманія, что вамъ сразу становилось хорошо съ этимъ человѣкомъ, хотѣлось говорить съ нимъ, не разставаться. Одѣтъ онъ былъ обыкновенно, въ приличномъ пиджакѣ и соломенной шляпѣ. Живой, деликатный, образованный собесѣдникъ... кто бы могъ подумать, что предъ вами специалистъ пахарь и суровый работникъ?!

— Хорошая у васъ практика?—спросилъ профессоръ, когда мы сѣли за чай.

— Поселянская... обращаются часто!—отвѣчалъ докторъ.—Заводскихъ пользую также.

— Вѣдь у нихъ свой врачъ?

Деревенскій докторъ промолчалъ.

Онъ, повидимому, неохотно разговаривалъ о медицинѣ, и когда я коснулся экономическихъ, сельско-хозяйственныхъ условій побережья, онъ оживился и сталъ рассказывать о своемъ хозяйствѣ, о чудномъ горномъ мѣстѣ, которое онъ долженъ покинуть...

—Почему же, если вамъ такъ нравится эта пустыня,—спрашивалъ профессоръ:—почему должны уходить оттуда?

— Это мѣсто, къ сожалѣнiю, назначено подъ переселенiе!..

— Скажите, пожалуйста, къ сожалѣнiю!—смѣялся профессоръ,—а еще народникъ!.. должны радоваться, что крестьяне будутъ благодушествовать!

— Видите, въ чемъ дѣло,—рассказывалъ докторъ,—на вершинахъ, гдѣ я живу, очень мало воды—эти мѣста скорѣе пастбищныя, нежели пахотныя. И эта вода вполне зависитъ отъ сохраненiя буковыхъ, сравнительно небольшихъ, рощъ, которыя если вырубить, то водные источники изсякнутъ, и тогда только бѣжать оттуда!.. Переселенцы же, нуждаясь въ строевомъ лѣсѣ, непременно срубятъ рощи, какъ ихъ ни оберегайте!.. Крайне неудачно выбраны мѣста для переселенiя.

— Какъ это такъ? Организаторы объ этомъ не подумали? такъ съ бау и селить!..

— Они этого ничего не знаютъ!—промолвилъ докторъ, очевидно желая еще нѣчто добавить, но замолчалъ и сталъ собираться.

Я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. Между нами завязался незначительный разговоръ, который скоро совсѣмъ прекратился. Мы шагали по тропинкамъ среди кустовъ держи-дерева, приходилось быть осторожными, чтобы сохранить платье.

Наступалъ вечеръ. Бухта еще освѣщалась заходящими лучами солнца, и западъ принималъ на небѣ разнообразныя оттѣнки. Съ горъ тянуло прохладой. Мы продолжали осторожно пробираться, какъ вдругъ изъ кустовъ поднялась какая-то фигура и загородила дорогу. Это была женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она назвала доктора по имени.

— Посмотрите на дитѣ,—проговорила она,—совсѣмъ помираетъ, ни молока, ни хлѣба не принимаетъ...

— Какъ же я здѣсь буду смотрѣть!.. иди ко мнѣ,—проговорилъ докторъ, продолжая дорогу.—Вѣдь у васъ на заводѣ свой врачъ... Отчего къ нему не обращаетесь? Вотъ бы и не довела ребенка до этого...

— Какой врачъ!—недовольно отвѣчала мать,—если бы не вы, плохо бы намъ!.. за васъ только и Богу молимъ! а то врачъ... для видимости, а не для помощи!

Мы вышли изъ колочекъ и пошли рядомъ. Женщина слѣдовала за нами.

— Почти все заводскіе обращаются за помощью ко мнѣ,—говорилъ докторъ,—а тамъ и врачъ и больница!..

— Что же это значить?..

— Не довѣряетъ народъ... Вѣроятно, не умѣлъ себя поставить или просто не хочетъ работать. Вѣдь трудно лѣчить ихъ, при обстановкѣ, особенно заводскаго жилья и пищи... Дѣтей много умираетъ!..

— Скажите, пожалуйста, докторъ. Что была здѣсь эпидемія оспы? Кажется, весной была?

— И весной и теперь... У меня въ настоящее время дочь лежить въ оспѣ!

— А какъ же въ газетѣ я читалъ опроверженіе за многими подписями врачей?!

Докторъ засмѣялся. Мы подошли къ дому, гдѣ онъ останавливался у товарища.

Пока онъ осматривалъ ребенка, я познакомился съ хозяиномъ и гостемъ, повидимому, поселяниномъ. Простая обстановка хаты съ двумя небольшими комнатами представляла довольно основательный беспорядокъ. Особенный хаосъ былъ на комодѣ, гдѣ вмѣстѣ съ книгами, набросанными кое-какъ, лежали посуда, разбитая рамка отъ фотографіи и еще какія-то мелкія вещи.

— Вы говорили объ опроверженіи, которое я тоже читалъ,—проговорилъ, входя, докторъ.—Но, чтобы привлечь побольше народа со средствами, чтобы двинуть мѣстечко по пути развитія блестящихъ курортовъ,—нужна реклама! А опроверженіе тоже реклама! У насъ на побережьѣ оспа перебрала дѣтей почти во всехъ станцияхъ; я лѣчилъ сколько, а они пишутъ, что ложные слухи! Хороши слухи, когда сейчасъ у меня дочь въ оспѣ!..

— Отчего же вы не напишете сами?—спросилъ я.

— Довольно. Писалъ тутъ одинъ литераторъ, такъ на него губернатору жаловались, что народъ развращаетъ... Я и такъ на ножахъ съ этими докторами... поперекъ ихъ горла сталъ!.. Въ судъ хотятъ на меня жаловаться, что безъ диплома лѣчу... Я имъ предлагалъ третейскій судъ... Нѣтъ, хотятъ формальный!.. Ну, что жъ!..

Я понималъ «ихъ». «Они» хотѣли выжить, выбить изъ дѣятельности, популярной и полезной, честнаго человѣка, и дѣйствовали, не разбирая средствъ, полные свойственнаго «имъ» нахальства и энергіи.

— Что же мнѣ дѣлать,—продолжалъ симпатичный докторъ,—когда ко мнѣ обращаются больные? Мнѣ некогда, у меня работы по горло, а я лѣчу... Какъ быть?! Не отказать же въ помощи? Очень многихъ посылалъ къ одному изъ докторовъ, принимая его за лучшаго, но этотъ оказался самымъ злѣйшимъ моимъ врагомъ... и за что, спрашивается?!—заклучилъ онъ грустно и задумался.

Въ самомъ дѣлѣ, за что? Что «имъ» нужно?—и негодованіе охватывало все мое существо, и такъ хотѣлось выразить это чувство, выразить публично, на весь людской міръ.

А докторъ, поднявъ свою благородную голову, говорилъ:

— Можетъ быть, и я не правъ, не сумѣлъ подойти къ нимъ, разъяснить ихъ ошибки, не былъ деликатенъ... Кто знаетъ?!

О дѣтская простота!.. Съ шакалами быть деликатнымъ!.. Разговоръ мало-по-малу сталъ общій. Между прочимъ говорили объ одномъ интеллигентномъ хуторѣ, который нѣкоторое время занималъ и общество и литературу. Говорили объ упадкѣ этой организаціи, указывая на вышедшаго оттуда солиднаго члена и дѣятеля, на свободѣ проявившаго совершенно волчьи инстинкты. Эта личность, игравшая въ организаціи живую роль представителя, въ настоящее время вошла въ тѣсную связь съ «ними», ознаменовавъ свои самостоятельные подвиги наглою эксплуатаціей мѣстныхъ поселенъ. Его между прочимъ поддерживали, какъ «интеллигента», нѣкоторые земельные чины.

— Чѣмъ объясняете, докторъ, такое явленіе?—спросилъ я.

— Общими условіями и, конечно, развитіемъ на побережьѣ спекулятивной тенденціи... Личность, про которую мы говоримъ, представляетъ собой средняго по уму матеріалиста, ну, а на хуторѣ совсѣмъ иное настроеніе...

— Настроеніе мистически-религіозное,—вмѣшался въ разговоръ хозяинъ.—Прежде работали, организовали хозяйство, вводили всякія сельско-хозяйственныя улучшенія, полезныя для края, въ особенности для крестьянъ, а теперь грѣхи замаливаютъ!..

— Какіе грѣхи?—удивился я.

— Не знаю. Въ полѣ работа, въ виноградникѣ пропасть дѣла, а они псалмы распѣваютъ, каются, молятся...

— Странно!.. Стало быть, общій трудъ, общая жизнь ни къ чему не привели и никакихъ, кромѣ отрицательныхъ, результатовъ не дали... Очень грустно!.. Почему же? Вѣдь хозяйственная сторона дѣла удалась безусловно?

— Потому, что искренность, простота исчезли, а природа и хозяйство этого не любятъ!..—прибавилъ третій собесѣдникъ.

— Что же? Неурядицы между старымъ и новымъ поколѣніями?

— И то и другое,—продолжалъ послѣдній.—А главное, повторяю, неискренность и теорія, такая теорія, которая довела до фарисейства. Усовершенствованіе личности выразилось только въ одной внѣшности, а нутро-то оказалось обыкновенное, даже совсѣмъ невеликодушное... Братья-то братья, а камешки за пазухой держимъ! Эхъ!..

— Разные люди, которымъ трудно соединиться, — вмѣшался докторъ,—въ такомъ дѣлѣ, если два, три эгоиста заведутся, плохо! Строже надо выбирать людей!..

— Вы вѣрите, докторъ, въ общую жизнь и трудъ?

— О, еще бы!—воскликнулъ онъ.—Вся истина въ этомъ! Вся правда въ любви, которой мы должны жить ежечасно, ежеминутно... О, это такая сила, которая можетъ соединить миллионы людей въ несокрушимое, благородное общество, въ которомъ, какъ камни на морѣ, потонуть антигуманныя, фарисейскія чувства!.. Человѣкъ долженъ возродиться, и это возрожденіе—любовь!..

Да,—думалъ я,—такіе люди могутъ создать крѣпкую общину, но только гдѣ они? Одинъ въ полѣ не воинъ!

Типовъ и характеровъ на побережьи множество, они разнообразны и опредѣлены. Всѣ эти положительные и отрицательные типы освѣщены яркимъ солнцемъ юга, на зеленомъ фонѣ горъ или изумрудномъ блескѣ моря легко рисуются со всѣми своими признаками. Поставленные лицомъ къ лицу съ мощной и гордой кавказской природой, они скоро сказываются и обозначаются. Положительные типы тѣсно связаны съ этой живой, могучей природой, которая такъ властно охватываетъ человѣка и дѣлится съ нимъ своей непосредственной силой и энергіей.

Не потому ли горцы такъ были храбры и такъ цѣнили свою свободу горъ и ущелій? Но «они» жалкіе трусы, храбрые скопомъ, изъ-за темнаго угла, не любятъ, не уважаютъ природы, ибо торгуютъ ею, спекулируютъ, укрываясь въ людныхъ мѣстахъ посадахъ. вмѣсто непосредственности—фарисейство, вмѣсто труда—ложь и деньги! Ни пережитаго, ни прошлаго, ни будущаго не несутъ и не представляютъ собой эти каучуковые манекены «культуры»!

Особенно пріятно, когда среди такого рода «интеллигентовъ» наталкиваешься на простаго, умнаго и кореннаго побережца-черноморца. Нѣкоторая угрюмость, несообщительность, пожалуй, даже рѣзкость—внѣшнія черты впечатлѣнія перваго раза,—тушуются, исчезаютъ совершенно, когда съ такимъ человѣкомъ вы очутитесь въ природѣ, въ горахъ на охотѣ. Тамъ и трудно, и просто и вольно: и мысль вольная, и сердце рвется, рвется далеко за горы и моря! Мы теперь подъ исполинской, кудрявой грушей, у тихо шумящаго ручья на горной вершинѣ.

Что города и посады, даже селенія и хутора съ людской суетою, гамомъ и шумомъ, что та жизнь передъ этой чистотой, просторомъ и тишиной, которая окружила насъ на поэтичномъ бугрѣ среди вѣковыхъ буковъ и дубовъ! Мы въ царствѣ оленей и сернъ, на вольной тропѣ медвѣдей и кабановъ!.. Вправо довольно близко кажется вершина зеленой площадки въ синемъ безоблачномъ небѣ, а влѣво, если приподняться и смотрѣть внизъ сквозь вѣтви спускающагося лѣса, блещетъ гордое море... Какой воздухъ и тишина!..

И мы сидимъ, бесѣда льется... Собственно не бесѣда: я слушаю, онъ говоритъ, вспоминаетъ... И картины встаютъ передъ глазами, оживаютъ старыя времена и люди...

Но объ этомъ я расскажу отдѣльно.

Любилъ я проводить время въ горахъ со старымъ товарищемъ, извѣстнымъ по всему побережью охотникомъ, наблюдательнымъ, умнымъ и сердечнымъ человѣкомъ. Его всѣ знаютъ и любятъ, особенно простой народъ, который чувствуетъ хорошихъ людей.

Старый казакъ, съ совершенно хохлацкой фамиліей, Федоръ Федоровичъ, жилъ въ мѣстечкѣ, которое, говоря военнымъ языкомъ, «они» сдѣлали базисомъ «своихъ» спекулятивныхъ отправлений. Охотникъ владѣлъ двумя большими хатами на самомъ берегу бухты, одну изъ которыхъ занималъ самъ съ женой, а другую сдавалъ во время сезона.

Когда мнѣ случалось бывать въ мѣстечкѣ, я всегда останавливался у стараго охотника. Я любилъ наши встрѣчи, теплыя, душевныя и теперь вспоминаю искреннее радушіе и «добрый» борщъ и горилку.

Была осень и хмурая погода, когда пароходъ заворачивалъ въ бухту, и я въ безпокойствѣ думалъ: дома ли пріятель или на охотѣ? Охотникъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ проживалъ въ горахъ, которыя ему были знакомы со всѣми тропами и изгибами. На мое счастье Федоръ Федоровичъ былъ дома и благодушествовалъ, собираясь «вечерить». Всегда людное мѣстечко было пустынно и уныло, большая половина торговыхъ заведеній была заколочена; сезонъ давно кончился, и голодныя собаки съ поджатыми боками печально бродили по улицамъ. Хорошо и тепло было въ хатѣ охотника за ярко вычищеннымъ самоваромъ бесѣдовать по душѣ послѣ долгой разлуки. Даже супруга его, болѣзненная, нервная женщина, посмѣивалась надъ мужемъ, рассказывая нѣкоторыя его похождения, въ которыхъ «чарка» играла видную роль.

— Какъ, Федоръ Федоровичъ, сезонъ прошелъ? Хорошо ли торговали «планами»?

— Торговали «добре». Московскіе, екатеринодарскіе покупали. Культиякина плана не знаете? За 1500 рублей продалъ!.. Вотъ какое время настало!.. Можно ли было годовъ пять ранѣе подумать, что Культияба такіе гроши получить!..

— А главные перекупщики? какъ дѣйствовали?

— Не знаю,—отвѣчалъ охотникъ,—должно, торговали... У «нихъ» плановъ много.

«Знаетъ», подумалъ я, «навѣрно знаетъ» хитрый хохоль, да говорить не хочетъ—больно не любить «ихъ».

— Что же у васъ тутъ новаго?

Хозяинъ махнулъ рукой.

— Случилось чтонибудь?

Охотникъ закряхтѣлъ и заёрзалъ на мѣстѣ. Физіономія его выражала недовольство и негодованіе. Но онъ молчалъ и медленно свертывалъ папироску. Я зналъ его привычки и потому ожидалъ терпѣливо.

— Вы не знали,—началь онъ,—фамилію... ишь ты, опять забылъ!.. ну, писателя, который проживалъ лѣтомъ?.. Въ газетахъ еще описывалъ про «гадюкъ этихъ»...

— Понимаю, понимаю,—отвѣчалъ я,—нѣтъ, съ писателемъ не знакомъ, но читалъ его статьи. Какъ же, читаль?.. Ну, что жъ?

— Такого онъ нагналъ холода, такъ на него обозлились, что жаловались начальнику, священнику...

— Почему же священнику? Я не понимаю!..

— Ну, что онъ чертоплясъ.

— Это еще что такое?

— Сектантъ, хлыстунъ...

— А, вотъ оно что!—засмѣялся я.

— Вотъ вы смѣетесь, а намъ было худо!

— Ну, рассказывайте же!

— Когда стали разѣжаться курсовые, и у меня опросталась одна комната, писатель и говорить, что онъ ее займетъ на мѣсяць... Надоѣло ему въ гостиницѣ проживать... Ну, что жъ, человѣкъ онъ хорошій, образованный, я радъ былъ такому сосѣдству. У меня оставался только одинъ казачій офицеръ... Жена была рада тоже... лишніе, молъ, гроши перепадутъ!

— Ну, балакай свое... нечего меня трогать!—перебила строгая супруга.—Гроши перепадутъ! а кто гроши на горилку изводе?

— Писатель,—продолжалъ охотникъ,—перевезъ изъ гостиницы свои вещи и уѣхалъ въ городъ. Мы почистили, привели комнату въ порядокъ и ждемъ... Когда пароходъ показался, я пошелъ на пристань, и мы встрѣтились... Идемъ до дома... Только меня оставливаютъ двое: одного я немного знаю, а другой незнакомый. «Писатель, спрашиваютъ, у васъ остановился?» У меня, отвѣчаю. «Если у васъ, то мы предупреждаемъ, что домъ вашъ будетъ разрушенъ, а васъ съ писателемъ перестрѣляемъ». Я усмѣхнулся и думаю: «храбрые хлопцы, да руки коротки! Старого охотника застрѣлить не шутка!» Прихожу, да объ этомъ диковинномъ дѣлѣ и рассказываю. Жена моя тутъ, самоваръ принесла. Рассказываю, да смѣюсь. А онъ, смотрю, серьезный, задумался. Потомъ и говорить: «странное дѣло! Въ городѣ передъ самымъ возвращеніемъ встрѣтилъ я грека торговца... фамилію назвалъ, онъ тоже членъ этого «общества»... Вотъ грекъ и говоритъ: «неужели вы опять назадъ къ намъ поѣдете?» а я отвѣчаю: поѣду, что жъ такое? Грекъ блѣдный такой шопотомъ мнѣ говоритъ: «не ѣзжайте, васъ тамъ убьютъ, непременно убьютъ, непременно убьютъ»... Что вы, говорю, шутите, вѣроятно? Онъ отвѣчаетъ: «какъ хотите, вѣрьте,

не вѣрьте, а я васъ предупреждаю!» Я засмѣялся, какъ вы теперь смѣтаете (это онъ мнѣ говоритъ), а теперь вижу: дѣло серьезное! Жена моя слушала, слушала, да какъ ударится въ плачь. «Пускай, говоритъ, васъ перестрѣляютъ, а меня-то за что жъ?! Уходите, пожалуйста, уходите!». Писатель встревожился, говоритъ ей: «не безпокойтесь, пожалуйста, уйду, непременно уйду!» Да куда уйти-то? ужъ ночь наступаетъ, да, пожалуй, такого опаснаго человѣка и не пустятъ въ другое мѣсто. Я предложилъ ему спать въ саду, а самъ рѣшилъ цѣлую ночь съ заряженнымъ ружьемъ ходить на дозорѣ. «Однако», говоритъ онъ, «пойдемте, надо что нибудь предпринять». Пошли на телеграфъ, далъ онъ депешу въ городъ, позвалъ урядника, которому отдалъ квитанцію отъ депеши, и рассказалъ, въ чемъ дѣло.

Пошли опять домой. Узналъ я, что офицеръ зарядилъ оружіе и рѣшилъ тоже не спать ночь и ждать непріятеля..

Переполюхъ настоящій!..

Пришелъ урядникъ съ полицейскими, осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ въ саду была поставлена кровать, да и говоритъ писателю: «а все-таки вамъ опасно здѣсь, кусты густые, вѣтви до земли спускаются, ночью могутъ подползти и кинжаломъ зарѣзать!»...

Что же тутъ дѣлать?..

Вижу я, моему писателю очень все это непріятно, не потому, чтобы онъ боялся, а по непріятностямъ, что безпокойство другимъ доставляетъ. Урядникъ подумалъ, подумалъ, да и предложилъ пойти къ нему: «квартира у меня хорошая, жена уѣхала, отлично переночуете, да и людямъ спокойнѣе будетъ, охранять мою квартиру имъ удобнѣе!»... Такъ и пришлось сдѣлать... уйти изъ моего дома!.. Такъ для меня это было обидно, что и сказать не могу!.. съ какимъ бы я удовольствіемъ пристрѣлилъ канальскаго сына!..

— Однако,—перебилъ я,—исторія довольно интересная... И все это изъ-за развитія и благополучія курорта?!

— Кто ихъ знаетъ!.. серчали на него дѣйствительно «богато»!

— Ну, что же потомъ было? переночевалъ у урядника безъ приключеній?..

— Да, переночевалъ, урядникъ такой добродушный, принялъ хорошо, свою постель уступилъ. А самъ легъ у двери съ ружьемъ, къ которому штыкъ привертѣлъ... Полицейскіе всю ночь кругомъ дома ходили, охраняли!..

— Чортъ знаетъ что!.. Жаловался онъ? сообщалъ объ этомъ прокурору?..

— Нѣтъ. На другой день утромъ изъ города пріѣхалъ начальникъ, съ которымъ писатель видѣлся, рассказывалъ ему...

— Ну, и тотъ... начальникъ что жъ?!

— Начальникъ сказалъ ему, что очень онъ «ихъ» раздражалъ своими статьями... «Это, говоритъ, вѣрно знаю!.. но чтобы убивать—

нѣтъ, до этого «они» не дойдутъ!»... Вотъ и все!.. Прожилъ послѣ этого писатель у меня два, кажется, дня, да и уѣхалъ... Жена не спала, я тоже, съ ружьемъ... Бѣдовое дѣло!.. Около насъ полиція цѣлую ночь!..

Мы замолчали. Въ это время дрогнулъ ставень. Всѣ невольно вздрогнули, а жена охотника поблѣднѣла.

— Ишь, подлая, опять крючокъ срывается... Должно быть, нордъ-остъ начинается!.. сказалъ хозяинъ, выходя изъ хаты.

— И чего это пишушь!.. замѣтила хозяйка.—Зачѣмъ людей трогаютъ?.. Положимъ, человѣкъ онъ хорошій, деликатный, а если бы слышалъ, какъ его ругаютъ здѣшніе дачевладѣльцы, такъ ругали, что Боже сохрани!..

— Можетъ быть, еще какія были новости?—спросилъ я возвратившагося хозяина.

— Приѣзжалъ мировой судья... судилъ мужицкаго доктора, который тамъ, въ горахъ живетъ...

— Судилъ?.. за что?!

— За сокрытіе оспы... у него дочь оспой больна была!..

— Что же мировой судья?..

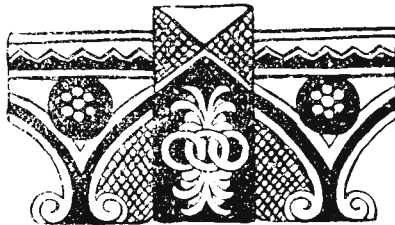
— Оправдалъ!.. Не его бы слѣдовало судить за это,—проворчалъ охотникъ,—а «гадюкъ» этихъ. Не пора ли спать?.. съ дороги вѣрно устали?.. Жена постель приготовила,—предложилъ хозяинъ.

Я молча согласился.

Долго я не могъ заснуть, соображая, какія на свѣтѣ совершаются дѣла, и къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ люди изъ-за жадности и себялюбія!..

Нордъ-остъ, повидимому, крѣпчалъ. Ставни равномерно скрипѣли; глухой отдаленный гулъ не смолкалъ и не приближался.

С. И. Васюковъ.

ИСТОРИЯ БОРОДЫ И УСОВЪ.

I.

Бородачи древней Руси.

СОЛЫШИНСТВО нашихъ историковъ ¹⁾ склоняются къ тому, что южная славянщина, въ особенности Киевская времянь Святослава, была бритая, а сѣверная — по преимуществу бородатая. Перунъ кievлянь былъ съ серебряной головой и золотыми усами, но о бородѣ нѣтъ никакихъ указаній въ историческихъ памятникахъ. Забѣлинъ, полагая, что южные славяне, прежде чѣмъ выйти на историческую арену подь собственнымъ именемъ, задолго до того подвизались подь именемъ гунновъ, утверждаетъ, что оголеніе головы съ оставленіемъ чуприны и бритье подбородка у южныхъ славянъ было гуннскаго происхожденія; между тѣмъ Иловайскій считаетъ этотъ обычай у южанъ самобытнымъ и указываетъ на то, что гунны были по природѣ безбородыми. «Мы, — говоритъ В. Михневичъ («Исторія русской бороды»), — не беремся рѣшать, который изъ этихъ двухъ

¹⁾ Гудеоновъ: «О варяжскомъ вопросѣ»; Забѣлинъ: «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ»; Иловайскій: «Разысканія о началѣ Руси»; Голубинскій: «Исторія русской церкви»; Н. Костомаровъ: «Очеркъ домашней жизни и правовъ великоруссовъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ»; В. Михневичъ: «Историческіе этюды»; А. Н. Щаповъ: «Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа»; О. Буслаевъ: «Древнерусская борода» («Отечеств. Записки», № 10) и т. д.

взглядовъ вѣрнѣе, такъ какъ оба они представляютъ собою ни что иное, какъ въ равной степени остроумныя гипотезы, имѣющія почти одинаковые шансы правдоподобія».

Во всякомъ случаѣ, если южно-славянская, языческая Русь была безбородой, и представители ея заслуженно названы «хохлами», то славяне сѣверной Руси всегда отращивали себѣ бороды и были «кацапами» (испорченное слово: якъ цапъ, т.-е. козелъ). Исслѣдователь раскола, В. В. Андреевъ, объясняетъ эту разницу между бритыми славянами и бородатыми просто климатически-почвенными условіями нашей страны. Онъ говоритъ: «что есть соотношеніе между лѣсными болотами Бѣлоруссіи и волосяными шапками колтуна, между короткими курчавыми волосами негра и влажною, жаркою мѣстностью, обитаемою имъ,—въ этомъ едва ли кто будетъ сомнѣваться. Такъ точно есть соотношеніе и между бородою и природою русскихъ мѣстностей. Едва инородецъ, какъ, напримѣръ, тунгусъ, начинаетъ жить по-русски, онъ обрастаетъ бородою. Волоса являются, такимъ образомъ, гигиеническимъ предохранительнымъ средствомъ. Велѣтъ обрить бороду нѣмцу и малороссу вовсе не одно и то же, что великорусскому крестьянину. У тѣхъ на возвышенныхъ или равныхъ мѣстностяхъ и при другой гигиенической обстановкѣ борода безъ того плохо растетъ; у жителя лѣсистыя и часто болотистой Великоруссіи окладистая борода является уже вовсе не одною пустою принадлежностью вѣшности. Хохолъ можетъ смѣяться надъ кацапомъ и кацапъ надъ хохломъ, но борода великоросса и хохолъ малоросса вовсе не случайное явленіе, а результатъ гигиенической обстановки населенія. Понятно, почему нигдѣ приказаніе Петра Великаго брить бороду не вызывало такого сопротивленія, какъ на лѣсистомъ востокѣ Россіи и въ прикаспійскомъ краѣ, гдѣ казакъ до сихъ поръ смотритъ на свою бороду, какъ на святыню. Она, дѣйствительно, для него не только отличіе отъ степного киргиза, но и, очень вѣроятно, гигиеническая охрана въ нездоровой мѣстности».

Весьма возможно, что первоначально такъ и было: малороссъ въ тепломъ климатѣ брилъ бороду по гигиеническимъ соображеніямъ во имя чистоты, а, можетъ быть, первоначально и по военнымъ соображеніямъ ¹⁾, а великороссъ беретъ ее для защиты горла отъ

¹⁾ Въ «Историческихъ этюдахъ» В. Михневича, въ его статьѣ «Исторія русской бороды», указано на существованіе въ наукѣ мнѣнія о томъ, что Александръ Македонскій, предпринимая походъ въ Индію, узналъ, что тактика тамошнихъ воиновъ заключается въ томъ, чтобъ во время боя прежде всего хватать своихъ противниковъ за бороды. Въ предупрежденіе этой «военной хитрости», Александръ приказалъ своимъ воинамъ сбрить бороды, что, какъ извѣстно, вошло въ обычай въ македонскомъ войскѣ, а изъ подражанія ему стали впоследствии бриться въ Греціи и всѣ граждане. Римляне, во всемъ подражавшіе грекамъ, въ свою очередь переняли этотъ обычай. Впослѣдствіи, черезъ римлянъ, обычай этотъ

холода и т. д. Зимой даже звѣрь обростаеъ болѣе густой шерстью, чѣмъ лѣтомъ. Весьма естественно при этомъ, что на югѣ идеаль красоты былъ безбородымъ, а на сѣверѣ—бородатымъ. Въ припадкахъ горя и скорби первый запускалъ волосы на головѣ и бородѣ, а второй рвалъ и обрѣзывалъ ихъ. Императоръ Александръ I въ 1812 г., на случай несчастной войны съ французами, клялся: «Когда будутъ истощены все усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь скитаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія». До христіанства существовалъ обычай богу плодородія (Волосу) «завивать бороду», то-есть оставлять во время жатвы пукъ не срѣзанныхъ и завитыхъ колосьевъ (закрутъ) «на бороду»; съ принятіемъ христіанства Волосъ замѣнился св. Влаіемъ, Ильей Пророкомъ, Николаемъ Чудотворцемъ и Христомъ, которымъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ жалуютъ колосья «на бороду»... Если человекъ дорожилъ бородой, то естественно онъ хотѣлъ видѣть и своихъ святыхъ угодниковъ въ томъ же плѣнительномъ образѣ. Открытая коса у женщины—признакъ дѣвственности, а «покрытая голова»—обратно. Волосами своими она прельщаетъ мужчину, но когда выходитъ замужъ, то, чтобы не соблазнять другихъ мужчинъ, она прячетъ волосы подъ «повойникъ» и боится «опростоволоситься»... Волосяной культъ распространялся среди славянщины вполне естественнымъ путемъ долгое время безъ вмѣшательства церковныхъ ученій и преданій.

«Все это заставляетъ насъ предположить,—говоритъ В. Михневичъ,—что сѣверные, великорусскіе славяне, какъ и нынѣ, носили и чтили бороды съ незапамятныхъ временъ, задолго до принятія христіанства. Съ принятіемъ же послѣдняго случилось такъ, что ученіе церкви по этому предмету совпало съ народнымъ обычаемъ и осватило его, вслѣдствіе чего борода еще болѣе утверждается въ правахъ гражданства и дѣлается символомъ одновременно и русской вѣры и русской національности».

Народный обычай носить бороды не имѣлъ у насъ религіознаго культа до X вѣка. Бороду носили и чтили безъ участія церковнаго авторитета. Въ самомъ христіанствѣ первые вѣка не существовало бородоугодничества. Древніе христіанскіе клирики,—говоритъ Голубинскій («Исторія русской церкви»),—«стриглись по той простой причинѣ, что по взглядамъ грековъ подстриженные волосы были признакомъ простоты и скромности, а напротивъ длинные волосы считались у нихъ за весьма предосудительныя, съ хри-

сталъ мало-по-малу распространяться и среди «варваровъ», съ которыми греко-римскій міръ приходилъ въ соприкосновеніе. Христіанская Европа среднихъ вѣковъ носила бороды, хотя въ ношеніи ихъ, стрижкѣ и причeskѣ соблюдались прихоти измѣнчивой моды. Бритье бороды и усовъ вводится въ цивилизованной Европѣ одновременно съ возрожденіемъ классицизма—въ эпоху возрожденія.

стіанской нравственной точки зрѣнія, изысканность и щегольство». Въ первые вѣка христіанства всѣ стригли волосы въ кружокъ, а посрединѣ головы оставляли «гуменце», въ уподобленіе вѣнку Христа. Но съ X-го вѣка въ Восточной церкви вводится обычай волосоразрѣженія, и Русь въ это время принимаетъ крещеніе. Между Восточной церковью и Западной возникаетъ схоластическая полемика изъ-за волосъ: греки видятъ іудейство и эллинское язычество въ брадобритіи, а западники—въ отращиваніи волосъ. Греко-православное духовенство на Руси принимаетъ на себя апологію бороды, начиная съ указанія на древнихъ библейскихъ пророковъ и Христа съ апостолами и кончая отождествленіемъ бороды съ національнымъ достоинствомъ Руси.

Византизмъ не вводилъ къ намъ обычая носить бороду; послѣдній и до христіанства существовалъ, но до христіанства не было догматизаціи бороды и возведенія ея въ признакъ истиннаго православія. Это церковное вліяніе на бородачей чуждо древней Руси. Догматизація бороды предписана была народу духовенствомъ сверху, какъ впослѣдствіи брадобритіе предписано со стороны свѣтской власти, но, тѣмъ не менѣе, первое совпало съ народнымъ обычаемъ волосоразрѣженія и уваженія къ бородѣ. Византизмъ бороды нашель вполне пригодную почву въ народныхъ симпатіяхъ и подготовилъ ей горячихъ защитниковъ, какъ снизу въ лицѣ Аввакума, такъ и сверху въ лицѣ Максима Грека, патріарховъ Іоакима, Адриана и т. д. Объясняется это тѣмъ, что «восточно-византійская доктрина имѣла своей задачей, какъ извѣстно, не интеллектуальное развитіе русскаго народа, а одно нравственно-религіозное воспитаніе. Все ея назначеніе состояло въ развитіи греко-восточнаго христіанскаго устроенія... Византія начала имѣть интеллектуальное вліяніе на варварскія племена сѣверныхъ славянъ въ то время, когда въ ней самой науки находились въ глубокомъ упадкѣ. Въ это же время она уже не развивала умственно-образовательныхъ идей о человѣкѣ, объ обществѣ и т. п., но выработала твердо догматы о трехъ ипостасяхъ Божества, о поклоненіи святымъ иконамъ, о почитаніи Богородицы и святыхъ, и разработала въ восточномъ духѣ церковную архитектуру, церковное богослуженіе, церковное пѣніе и церковную обрядность. Все это Византія передала и Россіи. Порабощенная и угнетенная турками Византія не имѣла возможности умственно возродиться и возродить юную умственную жизнь русскаго народа идеями своего классическаго генія и знанія. Всѣ ея древнія рукописи значительно ранѣе достались не Россіи, а Западу» («Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа» А. Щапова). Византизмъ русской исторіи и быта отразился, конечно, и отождествленіемъ бороды съ народностью, православіемъ и стариной. Строй жизни «отъ грековъ», поддерживаемый «варяго-правительственнымъ классомъ», проникаетъ во всю до-

машнюю жизнь нашихъ предковъ, канонизируя ихъ одежду, стрижку волосъ, ношеніе бороды и т. д. Всѣ апостолы съ бородами, и ни одного святого нѣтъ бритаго... «По бородѣ—апостолъ», говорили о человѣкѣ съ лучшей стороны. «Безъ бороды и въ рай не пустять»,—увѣряютъ до сихъ поръ раскольникы. Въ св. писаніи читаемъ: «Не стригите головы вашей кругомъ, и не порти края бороды твоей» (Левитъ, 19, 27). Тоже: «И взялъ Аннонъ слугъ Давидовыхъ и обрилъ каждому изъ нихъ половину бороды. Когда донесли объ этомъ Давиду, то онъ послалъ къ нимъ навстрѣчу, такъ какъ они были очень обезчещены. И велѣлъ царь сказать имъ: оставайтесь въ Иерихонѣ, пока отростутъ бороды ваши, и тогда возвратитесь» (2 Царствъ, 10, 4—5. Ср. 1 Паралипом., 19, 4—5).

II.

Переходное время.

Трудно съ точностью обозначить начало времени русскаго тяготѣнія къ «латинумудренникамъ» и брадобритникамъ. Гораздо легче замѣтить національную горделивость «бородачей» передъ подражателями «блудноснаго образа» и всеобщее презрѣніе въ старо-русскомъ бытѣ ко всему иноземному. По изслѣдованію Н. И. Костомарова («Очеркъ домашней жизни и правовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», стр. 314), «всѣ западные христіане являлись въ понятіи русскаго подъ именемъ нѣмцевъ; ихъ признавали некрещеными. По понятію строгаго благочестія, не только дружба съ нѣмцами, но самое прикосновеніе къ нимъ оскверняло православнаго. На этомъ основаніи, когда великіе князья и цари принимали пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то обмывали руку, чтобы стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе еретика. Духовные постоянно остерегали православныхъ отъ кумовства и братства съ латинами и армянами и побуждали правительство къ мѣрамъ, преграждавшимъ сближеніе съ иностранцами. Въ 1620 г. духовенство просило не допускать нѣмцевъ покушать дворы и держать у себя русскихъ людей, потому что отъ этихъ нѣмцевъ бываетъ православнымъ оскверненіе. Такъ, патріархъ Никонъ, человѣкъ, возвысившійся по образованію надъ своимъ вѣкомъ, выпросилъ у царя изгнаніе изъ Бѣлаго города въ Москвѣ купцовъ иностранной вѣры. Въ особенности сильна была въ XVI и XVII вѣкахъ ненависть къ католичеству. Католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическая, проклятая, и католики считались погибшими для царствія Божія людьми. Послѣ смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русскіе хотя и считали нехристями протестантовъ, но терпѣли ихъ въ своемъ отечествѣ, а на католиковъ не могли ни смотрѣть, ни слышать о нихъ; имъ не позволялось жить въ предѣлахъ Московскаго

государства. Эту ненависть поддерживали еще поступки католиковъ въ Западной Руси и событія въ Малороссіи, въ которыя втянулась Московія. Русскіе видѣли въ нихъ прямыхъ враговъ своей вѣры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексѣй Михайловичъ завоевалъ Вильну, то почиталъ себя въ правѣ выгнать всѣхъ униатовъ и требовалъ, чтобы тѣ, которые захотятъ остаться въ городѣ, возвратились къ православію, а когда завоеванъ былъ Могилевъ, то запретили католикамъ и евреямъ быть въ немъ чиновниками. Народъ ненавидѣлъ также, наравнѣ съ католиками, и жидовъ: ни одному жиду не позволено было жить въ Петербургѣ; а духовные и благочестивые люди остерегали народъ не принимать отъ евреевъ, занимавшихся медициною, лѣкарствъ. Съ непріязнью къ иноземцамъ соединялось и отвращеніе ко всему, что составляло для русскихъ достоинствѣ чужеземщины. Такимъ образомъ, русское благочестіе почитало преступленіемъ учиться наукамъ, искусствамъ или чужеземнымъ языкамъ: на это смотрѣли, какъ на колдовство или навожденіе дьявола. Самые вельможи обращались съ иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считаютъ выше ихъ. Простой народъ вѣрилъ, что все, что не русское, пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили запиратъся въ свои избы, «какъ будго бы,—говоритъ англичанинъ,—мы были зловѣщія птицы или какія нибудь пугалы; только смѣльчаки выходили смотрѣть на иноземцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы».

Но наиболѣе развитые московскіе цари и бояре невольно задумывались объ европейской жизни послѣ бесѣдъ съ заѣзжими людьми и послѣ постоянныхъ военныхъ поражений на западной границѣ, въ то время какъ на востокѣ русскіе побѣждали азіатовъ... Невольно бросались въ глаза преимущества иностранцевъ, начиная съ ихъ болѣе опрятнаго вида передъ нашимъ «аввакумовскимъ» и кончая ихъ общимъ развитіемъ. Эти нерасчесанные бороды и длинные охабни или однорядки доказывали невысокій разумъ народа, въ особенности, если припомнить его пьянство, неопрятность въ ѣдѣ, самодурство и жестокость съ подчиненными. Понятно, что наши реформаторы прежде всего начали борьбу съ наружностью соотечественниковъ, принявшись за ихъ прически и бороды. Но борьба съ національными пристрастіями въ это переходное время велась слабо. Иноземная культура на первыхъ порахъ, по выраженію П. Милокова, «носила болѣе матеріальный, чѣмъ идейный характеръ». Идеализація національнаго культа торжествовала... Когда Василій Іоанновичъ женился на молоденькой Еленѣ Глинской и, желая казаться моложе своихъ лѣтъ, сбрилъ себѣ бороду, и бояре стали ему подражать, то духовенство ополчилось на бреющихъ. Въ царствованіе Іоанна Васильевича, въ 1551 г., оно

собрало церковный соборъ, выпустившій свои сто постановленій, между которыми имѣется глава 40-я противъ брадобритія. «Безбродому невозможно въ царствіе небесное внити»; говоритъ «Стоглавъ». Онъ требуетъ въ этомъ дѣлѣ апостольскаго примѣра и грозить: «Аще кто браду бреетъ и преставится тако, не достоинъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь приносить; съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навыкоша». Богоугодность бороды продолжаетъ играть значительную роль въ событіяхъ нашей исторіи еще долгое время... Когда въ войскѣ Іоанна Грознаго подъ стѣнами Казани явились болѣзни, то это объяснили возникшимъ обычаемъ тамъ брить бороды; самъ Іоаннъ Васильевичъ, въ спорѣ съ папскимъ посломъ Поссевиномъ, указываетъ, въ укоръ католицизму, на «подсѣченную бороду» іезуита. Максимъ Грекъ въ посланіи къ царю Іоанну Грозному о богоугодности бороды, рассказываетъ, что кто-то обрѣзалъ у козла «браду зѣло добродородну», и козелъ, не стерпѣвъ досады, убилъ себя до смерти, «бѣя безъ милости главу свою къ земли». Слѣдовательно,—замѣчаетъ Максимъ,—«коль честно и любезно естъ бородное украшеніе и безсловесну животну, азъ же, словесенъ сый, гнушаюся ея».

Русская иконописная живопись всегда руководилась бородами всякаго типа изографами изъ «Прологовъ» и «Четыи-Минеи». Точно также москвичи оправдывали свою измѣну Годунову и потомъ «разстригъ» — Лжедмитрію I—тѣмъ, что послѣдніе брили и стригли свои волосы. Извѣстный въ то время дѣятель Троицко-Сергіевской лавры противъ поляковъ, единомышленникъ Гермогена и Діонисія, Авраамій Палицынъ, объявляетъ также бритье бороды «ересью». Какъ женщина съ мужскимъ голосомъ, такъ и безбородый мужчина, въ родѣ Терсита у Гомера, считался способнымъ на ложь и преступленіе. Бородой клялись! Олеарій говоритъ о московскихъ боярахъ, что «тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ большую бороду и толстое брюхо, пользуются большимъ уваженіемъ. Его царское величество выставлетъ такихъ людей на торжественныхъ аудіенціяхъ, думая этимъ вселить въ иноземцахъ большее къ своей особѣ уваженіе». Котошихинъ замѣчаетъ о боярской думѣ, что въ ней «иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ».

При Алексѣѣ Михайловичѣ, по иниціативѣ духовенства, въ особенноти усилилось гоненіе на бритыхъ мужчинъ, и даже у заслуженныхъ лицъ отнимались чины за подрѣзываніе волосъ. Однихъ усомъ было недостаточно, чтобы спасти себя отъ царской опалы. «Борода въ честь, а усы и у кошки естъ», замѣчали сторонники указа 1675 года, гласившаго, чтобы придворные чины (стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы) «иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосъ у себя на головѣ не подстригали

а также платья, кафтановъ и шапокъ у себя не носили и людямъ своимъ тоже носить не велѣли».

Отстаивая бороду, духовенство невольно ополчалось противъ всякаго тяготѣнія къ Западу и его обрядамъ; но «правительство,— поясняетъ Костомаровъ,— хотя подавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину, взгляду, который поддерживало духовенство, но въ то же время пользовалось услугами иностранцевъ и привлекало ихъ въ свою страну. Этой системѣ слѣдовали всѣ государи одинъ за другимъ. Іоаннъ Васильевичъ Грозный былъ расположенъ къ иностранцамъ, считалъ ихъ открыто выше и лучше своего народа, производилъ себя отъ нѣмецкой крови и оправдывалъ передъ ними свои злодѣяства тѣмъ, что, по его выраженію, царствовалъ не надъ людьми, а надъ звѣрьми. При Алексѣѣ Михайловичѣ, несмотря на его правотѣріе, большая часть военныхъ начальниковъ была изъ иностранцевъ, и, наконецъ, при дворѣ начали входить иноземные обычаи. Останавливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобы народъ не бранилъ нѣмцевъ и вообще всякихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и малороссіянъ, поносными словами, а въ отношеніи нехристіанскихъ народовъ, входившихъ въ систему Русскаго государства, удерживало фанатизмъ прозелитизма, запрещая инородцевъ крестить насильно и покупать мальчиковъ для крещенія. Время показывало, что и въ народѣ вообще непріязнь къ иноземцамъ не такъ была крѣпка, какъ чрезвычайна. Собственно въ русскомъ народѣ не существовало національной непріязни къ инородцамъ, и потому иностранецъ, принявшій русскую вѣру, пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ. Множество плѣнниковъ входило въ число домашнихъ слугъ. Такимъ образомъ, разныя народности на Руси смѣшивались съ русскою народностью, вливая въ нее чуждые элементы. Въ числѣ служилыхъ людей повсемѣстно были нѣмцы, поляки, литовцы. Сначала сближала съ иноземцами торговля: въ Архангельскѣ, главномъ торговомъ пунктѣ, браки между иностранцами и русскими женщинами сдѣлались уже не рѣдкимъ исключеніемъ. Какъ ни казалась велика непріязнь ко всему польскому, въ смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и официальныхъ бумагахъ писать полу-русскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западно-русской рѣчи».

Бояре Морозовъ, Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ и др. заводятъ себѣ иноземныя кареты, картины, часы, нѣмецкое платье, устраиваютъ въ покояхъ «Тишайшаго» театръ съ иноземными актерами и музыкантами. «Вліяніе обстановки высшей культуры и европейскихъ прикладныхъ техническихъ знаній, — замѣчаетъ П. Милоковъ,— безсознательно для русскаго человѣка втягивало его и въ кругъ европейскихъ идей и понятій. И когда онъ очнулся передъ неужи-

данно большимъ итогомъ чуждыхъ привычекъ, усвоенныхъ по мелочамъ, — итти назадъ было уже поздно. Старый бытъ былъ уже фактически разрушенъ. Только и оставалось — сдѣлать его предметомъ націоналистическаго культа и отвлеченной идеализаціи» («Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, стр. 94). Когда при Θεодорѣ Алексѣевичѣ въ 1681 году издается указъ всеѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны, а въ самомъ обществѣ усиливается брадобритіе, то въ старыхъ людяхъ дѣйствительно воскресаетъ идеализація вымирающаго культа. Патріархъ Іоакимъ отлучаетъ брадобрійцевъ отъ церкви и предостерегаетъ общество грозными словами: «Еллинскій, блудническій обычай, древле многаци возбраняемый, во днехъ царя Алексѣя Михайловича всесовершенно искорененный, паки нынѣ юнонеистовниіи начаша образъ, отъ Бога мужу дарованный, губити». Еще грознѣе ополчился на брадобрійцевъ-модниковъ его преемникъ Адріанъ, который въ первые дни своего патріаршества въ «окружномъ посланіи» о бородѣ писалъ:

«Богъ прѣблагій мудростью своею созда челоуѣка по образу своему и по подобію, украсивъ его внѣшнюю всякою добротою... Мужа и жену сотвори, положивъ разнство видно между ними, яко знаменіе нѣкое: мужу убо благолѣпіе, яко начальнику—браду изрости, женѣ же, яко несовершеннѣй, но подначальнѣй онаго благолѣпія не даде, яко да будетъ подчиненна, зряща мужа своего красоту, себя же лишону тоя красоты и совершенства, да будетъ смиренна всегда и покорна.

«Воины всякаго чина, начальствующіе и начальствуемые, отриньте отъ себя еретическій обычай брить и подстригать бороды. Богъ возбранилъ то, и святые апостолы воспретили, глаголя: не подобаетъ брады власовъ растлѣвати и образъ мужа изминати: сіе бо женамъ лѣпо сотвори Богъ. Только Іуліанъ-отступникъ, Ираклій-еретикъ, Константинъ-иконообразецъ, Олгердъ-идолослужитель, Селимъ-Амуратъ-бесерменинъ заставляли своихъ подданныхъ брить и остригать бороды, даже до кожи. Самъ Спаситель нашъ Христосъ былъ съ бородою. Подобно ему святые апостолы, великіе пророки, преподобные отцы, благочестивые цари, Константинъ Великій, Θεодосій Великій, Владимиръ Великій, все имѣли бороду, хранили ее, какъ Богомъ дарованное украшеніе, съ нею до сихъ поръ видимы въ иконномъ писаніи, все при общемъ воскресеніи возстанутъ, какъ создалъ ихъ Господь.

«О пребеззаконники! ужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы? Но такъ сотворены Богомъ не челоуѣкъ, а коты и псы. Ужели хотите уподобиться скотамъ безсмысленнымъ, или смѣшаться съ еретиками, которые въ такую глубину пали, что не только простые и благородные, но и монахи стригутъ бороду и усы и отъ того видятся подобно пиѣикамъ или обезьянамъ?»

Прежде остригали бороду только преступникамъ только въ безчестіе и наказаніе. Взгляните на икону Страшнаго Суда: не видите ли одесную Христа праведныхъ, украшенныхъ бородою, а ошую— бесерменовъ, лютеровъ, поляковъ и другихъ брадобритниковъ, съ одними усами, подобно котамъ и псамъ? Вотъ куда ведетъ васъ мнимая красота ваша!

«Брадобритіе не только есть безобразіе и безчестіе, но и грѣхъ смертный: проклято бо сіе блудозрѣлицное неистовство отъ прежде бывшихъ святѣйшихъ патріарховъ, которымъ и мы согласуемъ, тоже устанавливая и подтверждая. Со времени просвѣщенія Россійскаго народа православіемъ у праотцевъ нашихъ ниже слышно было о брадобритіи до самаго Московскаго плѣненія поляками и литовцами, когда младауміемъ нѣкоторыхъ вмѣстѣ съ иными еретическими обычаями внеслось въ російскій народъ и сіе чужестранное злообычье, вскорѣ осужденное святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ: онъ проклялъ на соборѣ такое псовидное безобразіе. То же подтвердилъ святѣйшій патріархъ Іосифъ, а царь Алексѣй Михайловичъ, крѣпкій поборникъ по благочестію, прогналъ брадобрійцевъ отъ лица своего, иныхъ же и градскою казнію наказать повелѣлъ. Всѣ они духовною властью отлучены отъ церкви и лишены архіерейскаго благословенія; если же кто послѣ сего запрещенія дерзалъ брить бороду, того святые отцы повелѣли предавать анаемѣ.

«Люди православные! не прие́млете сего злодѣйскаго знаменія, но гнушайтесь имъ, какъ нѣкою мерзостью: ибо не раскаявшимся брадобрійцамъ, по опредѣленію соборному, входъ въ церкви возбраненъ, и причастія св. тайнъ они лишены. Если кто изъ нихъ умретъ, не раскаявся, не подобаетъ надъ тѣмъ быть ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію. И живъ сый, противляйся закону Божию, гдѣ станетъ онъ на Страшномъ Судѣ: съ праведными, украшенными бородою, или съ еретиками брадобрійцами,—сами разсудите».

Темный народъ съ жадностью читалъ патріаршескія прокламаціи противъ брадобритія и всякой иноземщины. Онъ все еще жилъ по указамъ духовенства, разрѣшавшимъ ему только то, что пошло («пошлина») по старинѣ. Въ своей «Русской исторіи» А. Трачевскій о добромъ старомъ времени говоритъ, что тогда «всякій норювилъ жить по «пошлинѣ» во всемъ, начиная съ кафтана и избы прародителей. «Пошлый» было почетнымъ названіемъ. Все было слито въ общей массѣ: нѣтъ рѣзкихъ чертъ ни въ лицахъ, ни въ жестахъ; всюду «одиначество» (единогласіе), стадность. Безъ всякихъ указовъ всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ». Выдѣлялись изъ этого «единогласія» личности и секты, но тотчасъ же погибали. Боярышня или боярыня, бросившая «бѣлмы выкатывать», бѣлиться, румяниться, сурмить рѣсницы и подводить брови, под-

вергалась заточенію въ монастырь или домашнему истязанію. Она хотѣла жить не по пошлѣнѣ и должна была пострадать за свое новшество. Съ воцареніемъ Петра I-го люди начинаютъ страдать обратно за старину и за пошлину...

III.

Брадобрійцы временъ Петра I.

Адрианъ былъ десятымъ и послѣднимъ патріархомъ... Епархіальными указами уже нельзя было приостановить движеніе исторической жизни въ Россіи. Единеніе мысли между интеллигенціей и народомъ существовало болѣе или менѣе до Бориса Годунова, а затѣмъ ко времени Петра I передовые люди рѣзко выдѣлялись изъ массы и стали мыслить критически о домашней и государственной жизни Россіи. Патріархъ Адрианъ сочувствовалъ консервативнымъ силамъ страны и звалъ общество вернуться назадъ; «но,—замѣчаетъ В. И. Водовозовъ, въ «Очеркахъ русской исторіи»,— все это было напрасно: любознательность сильно пробудилась; бояре и дворяне продолжаютъ тайкомъ сноситься съ людьми изъ Нѣмецкой слободы. Само духовенство, отстаивая старину, въ то же время разрушаетъ ее, осуждая Стоглавъ и прежніе церковные соборы, которыхъ постановленія до того времени считались неприкосновенными, вводитъ въ церкви новизны и пр. Все было подготовлено къ перемѣнамъ: нуженъ былъ только энергичный человекъ, который бы открыто порвалъ всякую связь со стариной». Такимъ оказался Петръ I. Съ его воцареніемъ прежде всего пострадала борода...

Съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, «бородачи» стоятъ на своемъ: «борода—образъ и подобіе Божіе»... Они же царю грозятъ: «Въ животѣ ты нашемъ воленъ, а бороду не тронь!» Сбрить бороду—все равно, что «растлить образъ Божій на себѣ». Но Петра I нельзя было запугать «московской дурью». Съ его воцареніемъ этой «дури» пришелъ конецъ... «Борода—лишняя тягота и помѣха дѣлу»,—отвѣчалъ Петръ на жалобы бородалюбцевъ и, вмѣстѣ со своимъ шутомъ, срѣзывалъ у нихъ ножницами «символы назаретства» на своихъ пирушкахъ.

Брадобритіе началось на другой день по приѣздѣ царя изъ-за границы въ Москву. «Рано утромъ,—говоритъ Н. Устряловъ,—вельможи, царедворцы, люди знатные явились въ Преображенскій дворецъ поклониться государю. Онъ ласково привѣтствовалъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Многихъ обнималъ, цѣловался, говорилъ о своемъ путешествіи, о дружбѣ съ королемъ Августомъ, между тѣмъ, къ неопisanному изумленію предстоявшихъ, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды; сначала остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Рамодановскаго, послѣ того и

прочихъ вельможъ, за исключеніемъ только двухъ, боярина Тихона Никитича Стрешнева и князя Михаила Алегуковича Черкаскаго: перваго пощадилъ за испытанную преданность, втораго—за преклонную старость. Та же сцена повторилась дней черезъ пять на пиру у Шеина, по случаю празднованія новолѣтія, безъ обычнаго, впрочемъ, торжества. Гостей было множество. Бояре, царедворцы, офицеры, даже матросы наполняли обширныя палаты радушнаго хозяина. Многіе явились безъ бороды; но еще немало было и бородачей. Царь ласково разговаривалъ со всѣми, жаловалъ по старому обычаю изъ собственныхъ рукъ яблоками, шутилъ, смѣялся и предлагалъ тостъ за тостомъ, при залпахъ 25-ти орудій. Среди всеобщаго веселья царскій шутъ (вѣроятно, Тургеневъ), съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другаго и многимъ ее обрѣзывалъ, при громкомъ хохотѣ пирующихъ, которые утѣшали себя чужимъ горемъ. Черезъ три дня былъ вечеръ у Лефортова, съ музыкою и танцами; гостей собралось еще болѣе, чѣмъ у Шеина. Обыватели Нѣмецкой слободы явились съ женами. Не менѣе 500 человекъ пировало въ роскошно убранныхъ залахъ Лефортова дворца, и между ними бородачей замѣтно уже не было: бояре, царедворцы, люди ближніе смотрѣли нѣмцами въ русскихъ кафтанахъ, до которыхъ скоро дойдетъ своя очередь. Этотъ первый шагъ къ перерожденію Россіи былъ самый трудный. Ничѣмъ такъ не гордился русскій народъ передъ нѣмцами и ничѣмъ въ своихъ обычаяхъ такъ не дорожилъ, какъ бородаю; брить ее казалось грѣхомъ смертнымъ не только въ понятіяхъ простолюдина, но и въ глазахъ самаго разумнаго вельможи, даже пастырей церковныхъ. Но чѣмъ упорнѣе берегли русскіе свою бороду, тѣмъ ненавистнѣе была она Петру, какъ символъ закоснѣлыхъ предразсудковъ, какъ вывѣска спесиваго невѣжества, какъ вѣчная преграда къ дружелюбному сближенію съ иноземцами, къ заимствованію отъ нихъ всего полезнаго, и пылкій царь не хотѣлъ видѣть бородачей вокругъ себя: ни при дворѣ, ни въ войскѣ, ни на верфяхъ. Бояре, царедворцы, люди ратные, приказные, корабельные плотники должны были немедленно уступить непреклонной волѣ царя». Не довольствуясь частнымъ самоуправствомъ съ украшеніями мужского лица, Петръ издалъ противъ бороды цѣлый рядъ жестокихъ указовъ. Въ 1705 году, отъ 16-го января, повелѣно: «всякаго чина людемъ, кромѣ церковнаго (поповъ и дьяконовъ), брить бороды и усы»; а съ того, кто не хотѣлъ подчиняться этому указу, брали налогъ: «съ царедворцовъ, съ дворовыхъ и городовыхъ и всякихъ чиновъ служилыхъ и приказныхъ людей по 60 р. съ человека; съ гостей и гостиной сотни первой статьи по 100 р. съ человека; средней и меньшей статей торговыхъ и посадскихъ людей по 60 рублей, съ боярскихъ людей и съ ямщиковъ и съ извозчиковъ и съ церковныхъ причетниковъ, кромѣ поповъ и дьяко-

новъ, и всякихъ чиновъ съ московскихъ жителей по 30 р. съ чело-
вѣка на годъ». Заплатившимъ за бороду выдавали, сообразно
уплатѣ, «бородовые знаки», которые они обязаны были носить при
себѣ»; «а съ крестьянъ имать вездѣ по воротамъ пошлину, по
2 деньги съ бороды, по вся дни, какъ ни пойдутъ въ городъ и
за городъ; а безъ пошлинъ крестьянъ въ воротахъ въ городъ и
за городъ отнюдь не пропускать». Затѣмъ послѣдовали указы о
наказаніи кнудомъ и каторгой лицъ, безпошлинно носящихъ бо-
роды и торгующихъ русскимъ платьемъ и сапогами (указъ отъ
29-го декабря 1714 г.): о принужденіи «бородачей и раскольщи-
ковъ», кромѣ уплаты за бороду, носить особое старое платье, а
именно: «зипунъ со стоячимъ клеенымъ козыремъ, фрезы и одно-
рядку съ лежачимъ ожерельемъ. Только раскольщикамъ носить у
оныхъ козыри краснаго сукна, чего для платья имъ краснымъ
цвѣтомъ не носить. И ежели кто съ бородою придетъ о чемъ бить
челомъ не въ томъ платьѣ, то не принимать у нихъ челобитенъ
ни о чемъ, и сверхъ того допрашивать вышеписанную дачу, не
выпуская изъ приказа, хотя бы оную годовую и платилъ. Также
кто увидитъ кого съ бородою безъ такого платья, чтобы приводили
къ комендантамъ или воеводамъ и приказнымъ, и тамъ оный штрафъ
на нихъ правили, изъ чего половина въ казну, а другая—привод-
чику, да сверхъ того его платье. Сіе всѣмъ чинамъ мірскимъ безъ
выемки, кромѣ крестьянъ подлинныхъ пашенныхъ, а не промыш-
ленникамъ» (указъ отъ 6-го апрѣля за 1722 годъ).

На бородачей, не платившихъ за бороду государственнаго на-
лога и не носившихъ указаннаго платья, устраивались полиціей
облавы охоты. «Буде же оберъ-фискаль или фискалы будутъ
требовать для поимки ихъ солдатъ, то давать съ урядниками до
6 челоуѣкъ съ перемѣнами», говоритъ сенатское распоряженіе о
раскольникахъ отъ 12-го іюня 1722 года. У городскихъ воротъ на-
значены были спеціальныя досмотрщики, а другіе—разыскивали
бородачей по улицамъ и публичнымъ мѣстамъ, создавъ изъ пра-
вительственныхъ распоряженій источникъ взяточничества, грабежа
и кощунства надъ старой вѣрой.

Покончивъ съ бородой и приказавъ замѣнить русское націо-
нальное платье нѣмецкимъ, Петръ въ 1724 г. повелѣлъ и женамъ
«бородачевымъ» носить платья опашни и шапки съ рогами (П.
С. З., т. VII, 4596). Можно себѣ представить ожесточеніе простого
народа, воспитаннаго на уваженіи къ старинѣ по Кормчей книгѣ,
Стоглаву и окружнымъ посланіямъ патріарховъ въ родѣ Іоакима
и Адріана? Были попытки къ возстанію противъ брдобритія, раз-
брасывались у городскихъ заставъ подметныя листы, велись повсе-
мѣстно разговоры о томъ, что Петръ старыя книги по церквамъ
перемѣнилъ, по всей землѣ разослалъ книги антихристовой печати,
и жена его иноземка и живетъ съ нимъ безъ вѣнца... Находились

фанатики старовѣрья, пылавшіе столь великимъ гнѣвомъ на Петра за гоненія на русскую бороду и одежду, что шли на явную смерть въ Преображенскій приказъ съ заявленіемъ «слова и дѣла» на самого государя, обвиняя послѣдняго въ разрушеніи христіанской вѣры черезъ новопечатныя книги, брадобритіе, нѣмецкіе кафтаны и куренье табаку...

Разумѣется, царь-преобразователь могъ бы легко обойтись безъ крутыхъ мѣръ противъ бороды и русскаго платья, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію В. Михневича, при усиливавшемся вліяніи Запада «нетерпимость къ брадобритію постепенно искоренилась бы и, по свойственной русскимъ людямъ страсти къ подражанію, московское общество и безъ понужденій, ради одной моды, поголовно обрило бы бороды». Съ этимъ несомнѣнно придется согласиться... Деспотизмъ Петра нельзя оправдать естественнымъ ходомъ исторіи, какъ пробуетъ это сдѣлать С. М. Соловьевъ. Онъ доказываетъ, что Петръ I не могъ дожидаться естественнаго хода исторіи въ преобразованіи вышшняго вида русскаго человѣка на европейскій. «Въ одежду, — говоритъ онъ, — человѣкъ кладетъ свою мысль, въ одеждѣ отражается его внутренній, духовный строй. Говорятъ, человѣкъ, погруженный во внутренній, духовный міръ свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится объ одеждѣ; но эта малая заботливость также выражается въ одеждѣ, которая и тутъ не теряетъ своего значенія; одежда выразить и не нравственное побужденіе человѣка въ пренебреженіи ею, какъ было замѣчено объ одномъ древнемъ философѣ, что чрезъ прорѣхи его неряшливой одежды виднѣется его тщеславіе; такимъ образомъ одежда, назначенная для прикрытія тѣла, обнажаетъ сокровенное духа». Широкая русско-азіатская одежда была символомъ отдохновенія, сна и застоя, а короткая и узкая изъ-за границы — свидѣтельствовала кипучую и рабочую жизнь. Петръ не колеблясь выбралъ послѣднее и для себя, и для другихъ... Если даже согласиться съ этимъ толкованіемъ, то все-таки пробужденіе Россіи при Петрѣ могло бы обойтись безъ государственнаго вмѣшательства въ личную и домашнюю жизнь его подданныхъ. Петровскія гоненія на бородачей въ длиннополыхъ платьяхъ сдѣлали простыхъ смертныхъ мучениками, а бороды, охабни и однорядки — регалиями политическаго и религіознаго дѣла на болѣе продолжительное время, чѣмъ при реформѣ домашней жизни подъ вліяніемъ свободы слова и общественнаго мнѣнія. Палка въ этомъ случаѣ всегда ухудшаетъ положеніе дѣла... Человѣчество поступаетъ передъ крутыми мѣрами даже политическими правами, но свой халатъ, туфли и кухонный очагъ оставиваетъ и реставрируетъ ихъ тотчасъ же при малѣйшемъ ослабленіи надзора. Вотъ почему, по мѣрѣ усиленія битья батожемъ и ссылки бородачей на работы въ Ревервикъ, слава объ антихристѣ въ лицѣ Никова окончательно переходитъ на Петра... Раскольники поютъ:

«Народился злой антихристъ,
 Во всю землю онъ вселился,
 На весь міръ вооружился.
 Стали его волю творити:
 Усы, бороду стали брить,
 Латинскую одежду носить,
 Треплетую траву пити»...

«Явилась,—пишетъ В. Андреевъ,—даже цѣлая генеалогія Петра, какъ антихриста. Настоящій Петръ, сынъ Алексѣя Михайловича, исчезъ, какъ увѣряли раскольники, за границей во время извѣстной поѣздки московскаго посольства, а вмѣсто Петра въ Россію явился жидовинъ отъ колѣна Данова. Раскольничья легенда прибавляетъ, что настоящій Петръ былъ заключенъ въ тюрьму какою-то шведской королевой и т. д. Подложный Петръ, явившійся въ Россію, былъ антихристъ». Такому мнѣнію о немъ содѣйствовало, между прочимъ, и борьба Петра съ «бородатой» Русью. Петръ скоро, однако, понялъ, что противъ канонистовъ старины надо бороться не только дубиной, но и идеями. Противъ старовѣровъ выступаютъ съ проповѣдями и сочиненіями митрополитъ ростовскій Димитрій и митрополитъ новгородскій Іовъ. Въ театрѣ осмѣиваютъ предрасудки бородачей... Ровинскій даже рассказываетъ (Русскія народныя картинки), что Петръ I, для осмѣиванія раскольничьяго борололюбія, приказалъ выпустить лубочныя картинки, на которыхъ цирюльникъ пытается обрѣзать бороду раскольнику, а послѣдній сопротивляется и кричитъ: «слушай, цирюльникъ, я бороды стричь не хочу, вотъ, гляди, я на тебя скоро караулъ закричу». Тѣмъ не менѣе переубѣдить народъ такими пустяками въ пользу брадобритія и иноземщины было очень трудно... Въ его средѣ постоянно раздавались жалобы.

...«Платье долгое уже перемѣнили.

Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
 На главахъ же своихъ носятъ круглыя картузы,
 И тое они откуда взяли, ей, недоумѣваемъ,
 И сказать о томъ истинно не знаемъ,
 Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ,
 Свои брады наголо желѣзомъ выбриваютъ.
 Человѣцы ходятъ, якъ облезьяны».

Бунты Стеньки Разина, Булавина, Пугачева имѣли, между прочими причинами къ возмущенію противъ правительства, и насильственное брадобритіе мужчинъ. Борода дѣлается знаменемъ къ возстанію. Бунтари даютъ возставшимъ, между другими обѣщаніями, «пожаловать ихъ крестомъ и бородой».

IV.

Судьба бороды при императрицахъ и Павлѣ I.

Петровскіе указы противъ бороды мало-по-малу стали ослабѣвать послѣ смерти царя-западника. При Петрѣ II, по почину Миниха, введены были пукли, косы и пудра, которыя въ 1731 году, при Аннѣ Иоанновнѣ, сдѣлались обязательными для офицерскаго и солдатскаго туалета. Тѣмъ не менѣе при императрицахъ, по временамъ, хотя и издаются указы, въ подтвержденіе Петровскихъ о ношеніи бородачами «бородовыхъ знаковъ» и указаннаго платья, но уже преслѣдованіе становится менѣе послѣдовательно. При Елисаветѣ Петровнѣ приняты были вновь мѣры, чтобы эти указы исполнялись, но,—замѣчаетъ изслѣдователь раскола В. В. Андреевъ,— «въ это время на русское платье и бороду смотрѣли уже болѣе, какъ на источникъ дохода: предвидѣлось приращеніе казны въ 50.000 р., если законы Петра о платьѣ и бородѣ будутъ соблюдаться, и изъ-за этихъ 50.000 рублей въ годъ снова тормозили и трепали людѣ на всемъ пространствѣ Русскаго государства». Одно бородатое духовенство остается попрежнему вѣрнымъ традиціямъ допетровской Руси. Извѣстно, что когда Ломоносовъ написалъ «Гимнъ бородѣ», осмѣивая въ немъ бытъ духовенства, то копія съ гимна была представлена синодомъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, со ссылкой на узаконенія ея «вседражайшаго родителя», по которымъ «жестокія казни хулителямъ закона и вѣры чинить повелѣвалось, равно и сочинителямъ подобныхъ пасквилей, а пасквильныя письма черезъ палача подъ висѣлицею жечь узаконено». Авторъ сатиры, однако, былъ пощаженъ императрицей (см. «Исторію русской словесности, т. I, стр. 530, П. Н. Полевого).

Тѣмъ не менѣе, даже передъ самымъ царствованіемъ Екатерины II, русское платье и бороды преслѣдовались по провинціямъ. Такъ, напримѣръ, саратовскимъ воеводою княземъ Мильхиседекомъ Баратаевымъ была послана 11-го января 1762 г. въ саратовскій магистратъ слѣдующая «промеморія»: «По именнымъ ея императорскаго величества указамъ, велѣно купечеству бороду брить и платье носить нѣмецкое; а понеже саратовскою воеводскою канцеляріею предусмтрѣно, что здѣшнее купечество ходитъ, яко крестьянство, въ бородахъ и не въ нѣмецкомъ платьѣ; а какъ видно въ томъ саратовскій магистратъ за ними смотрѣніе слабое имѣеть, того ради, по ея императорскаго величества указу и по резолюціи саратовской воеводской канцеляріи, велѣно въ саратовскій магистратъ сообщить промемерию, предписавъ въ оной, дабы оной вѣдомства своего купечеству подтвердилъ, чтобы они именное повелѣніе исполняли, бороды брили и платье носили нѣмецкое. Буде же кто изъ нихъ мимо онаго магистрата впредъ саратовскою воевод-

скою канцеляріею усмотрѣнъ или къмъ въ оную воеводскую канцелярію въ томъ приведенъ будетъ, съ тѣми неотгѣнно поступаемо будетъ по указомъ, а за слабое въ томъ за ними смотрѣніе и саратовскій магистратъ безъ отвѣта оставленъ не будетъ, и саратовскій магистратъ объ ономъ имѣеть вѣдать и чинить по ея императорскаго величества указомъ». Земскіе бургомистры другихъ городовъ также время отъ времени получали напоминаніе о сборѣ денегъ за ношеніе нѣмецкаго платья и небритіе усовъ и бороды.

Наконецъ, при Екатеринѣ II вышелъ указъ отъ 14-го декабря 1762 года о разрѣшеніи бѣжавшимъ раскольникамъ за границу вернуться въ Россію съ правомъ носить бороду и не ходить въ нѣмецкомъ платьѣ. Охраняя чистоту въ военномъ сословіи, она издаетъ и другой указъ о томъ, чтобы «штабъ и оберъ и унтеръ-офицерамъ, капраламъ и рядовымъ, которые отъ полковой службы отставлены и отпущены въ дома вовсе и на время, и кои опредѣлены къ дѣламъ, всѣмъ носить нѣмецкое платье и шпаги, и бороды брить. А ежели гдѣ въ деревняхъ такихъ людей, кто брить умѣеть, при нихъ не случится, то подстригать ножницами до плоти въ каждую недѣлю по дважды, и каждому содержать себя въ чистотѣ такъ, какъ въ полкахъ служили. Буде же кто на платье нѣмецкаго сукна купить за скудостью не можетъ, то бы дѣлали хотя изъ русскаго сермяжнаго сукна съ обшлагами другого цвѣта, окрася сѣраго же сукна какою похочеть краскою. Понеже извѣстно учинилось, что штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые, которые отъ службы вовсе и на время отпущены и къ дѣламъ опредѣлены, ходятъ съ бородами и въ старинномъ русскомъ платьѣ. Того ради, ежели кто изъ нихъ по сему указу исполнять не будутъ, и такимъ за ослушаніе обрѣтающимся на вѣчныхъ квартирахъ генералитету и отъ полковъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а въ городахъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ, воеводамъ и воинскимъ и земскимъ комиссарамъ и камерирамъ и прочимъ командующимъ (буде кто законной причины не объявитъ) наказывать урядниковъ и рядовыхъ батогами, а съ офицеровъ править штрафъ на госпиталь: за первый разъ — мѣсяцъ жалованья противъ его рангу, за другой — вдвое, за третій — втрое, и тѣ деньги присылать въ военную коллегію. А кто въ такомъ преступленіи явится вчетвертые, то, отнявъ у такого патентъ, поступать съ нимъ, какъ съ раскольникомъ. Законныя же причины разумѣются сіи: 1) если кто, бывъ боленъ, въ той болѣзни запуститъ бороду; 2) если кто гдѣ арестованъ былъ; и чтобъ они впередъ по сему указу исполняли, брать реверсы подъ жестокимъ наказаніемъ. А которые впредь оставляются и отпускаются изъ военной коллегіи и отъ командъ будутъ, у такихъ во исполненіе сего указа брать при отпускѣ сказки съ подкрѣпленіемъ». Этотъ указъ не вошелъ въ «Полное собраніе русскихъ законовъ» и со-

общенъ въ «Русскую Старину» (1883 г. за августъ) профессоромъ Н. И. Барсовымъ.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Екатерины II интересъ къ туалету частныхъ лицъ ослабляется, и вниманіе правительства сосредоточено болѣе на обмундированіи и туалетѣ войскъ. Но и здѣсь реформы Потемкина направлены къ «извлеченію арміи изъ муки»... Понимая, что «регулярство состоитъ не въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, полированіи и лощеніи», Потемкинъ докладывалъ императрицѣ: «Въ Россію, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ тогдашняго времени... А завивать, пудриться, плестъ косы, солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же букли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками и косами». Дѣйствительно, екатерининское обмундированіе солдатъ состояло изъ удобнаго кафтана на подобіе куртки и суконныхъ шароваръ; головной уборъ заключался въ легкой каскѣ, а волосы были острижены въ кружокъ, борода и усы сбиты во имя «чистоты военнаго сословія». Пудра, пукли и косы были отмѣнены по настоянію Потемкина въ 1786 году.

Съ воцареніемъ Павла I введены вновь и косы, и пукли. Не только солдатскій туалетъ временъ Екатерины II, но и частныхъ лицъ тотчасъ же былъ измѣненъ. А. М. Тургеневъ, какъ очевидецъ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ объ ознаменованіи восшествія на престолъ Павла I слѣдующее: «Человѣкъ двѣсти полицейскихъ солдатъ и драгунъ, раздѣленныхъ на 3—4 партіи, бѣгали по улицамъ и, во исполненіе повелѣнія, срывали съ проходящихъ круглыя шляпы и истребляли ихъ до основанія, у фраковъ обрѣзывали отложные воротнички, жилеты рвали по произволу и благоусмотрѣнію начальника партіи, капрала или унтеръ-офицера полицейскаго. Кампанія быстро и побѣдоносно кончила: въ 12 час. утромъ не видали на улицахъ круглыхъ шляпъ, фраки и жилеты приведены въ несоотвѣтствіе дѣйствовать, и тысячи жителей Петрополя брели въ дома ихъ жительства съ непокрытыми главами и въ разодранномъ одѣяніи, полунагіе». Въ войскахъ тоже «все пошло,—замѣчаетъ А. С. Шишковъ въ своихъ «Запискахъ»,—на прусскую статью: мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли, ордонансъ-гаузы, экзерциръ-гаузы, плагбаумы (имена доселѣ неизвѣстныя) и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, будокъ и проч.; сіе уничижительное подражаніе пруссакамъ напоминало забытыя времена Петра III».

Въ трудѣ Н. К. Шильдера о царствованіи Павла I приведенъ рассказъ о мученіяхъ, съ которыми былъ сопряженъ солдатскій туалетъ по гатчинскому образцу. Историкъ приводитъ объ этомъ

безподобное описаніе, оставленное унтеръ-офицеромъ Коннаго полка, назначеннымъ ординарцемъ къ Государю въ одинъ изъ первыхъ дней царствованія Павла Петровича. А именно: «Въ пять часовъ утра я былъ уже на ротномъ дворѣ; двое гатчинскихъ костюмеровъ, знатоковъ въ высшей степени искусства обдѣлывать на головѣ волосы по утвержденной формѣ и пригонять аммуницію по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладѣли моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной формѣ, и началась потѣха! Меня посадили на скамью посрединѣ комнаты, обстригли спереди волосы подъ гребенку; потомъ одинъ изъ костюмеровъ, немного менѣе сажени ростомъ, началъ мнѣ переднюю часть головы натирать мелко истолченнымъ мѣломъ; если Богъ благословитъ мнѣ и еще 73 года жить на семь свѣтѣ, я этой продѣлки не забуду. Минуть пять и много шесть усерднаго тренія головы моею костюмеромъ привели меня въ такое состояніе, что я испугался, полагалъ, что мнѣ приключилась какая либо немощь: глаза мои видѣли комнату, всѣхъ и все, въ ней находящееся, вертящимися. Милліоны искръ летали во всемъ пространствѣ, слезы текли изъ глазъ ручьемъ. Я попросилъ дежурнаго вахмистра остановить на нѣсколько минутъ дѣйствіе г. костюмера, дать отдыхъ несчастной головѣ моей. Просьба моя была уважена, и г. профессоръ оболваненія головы по формѣ благоволилъ объявить вахмистру, что сухой продѣлки на головѣ довольно, теперь только надо смочить да засушить; я вздрогнулъ, услышавъ приговоръ костюмера о головѣ моей. Начинается мокрая операція. Чтобы не вымочить на мнѣ бѣлья, меня, вмѣсто пудроманта, окутали рогожнымъ кулемъ; костюмеръ сталъ противъ меня ровно въ разрѣзѣ на двѣ половины лица и, набравъ въ ротъ артельного квасу, началъ изъ устъ своихъ, какъ изъ пожарной трубы, опрыскивать черепозданіе мое; едва онъ увлажилъ по шву головы, другой костюмеръ началъ обильно сыпать пуховкою на голову муку во всѣхъ направленіяхъ; по окончаніи сей операціи причесали мнѣ голову гребнемъ и приказали сидѣть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на головѣ клейстеръ-корѣ; сзади въ волоса привязали мнѣ желѣзный, длиною восемь вершковъ, пруть для образованія косы по формѣ, букли придѣлали мнѣ войлочныя, огромной природы, посредствомъ согнутой дугою проволоки, которая огибала черепъ головы и, опираясь на немъ, держала войлочные фальконеты съ обѣихъ сторонъ, на высотѣ половины уха. Къ девяти часамъ утра составившаяся изъ муки кора затвердѣла и черепъ моемъ, какъ изверженная лава вулкана, и я подъ симъ покровомъ могъ безущербно выстоять подъ дождемъ, снѣгомъ нѣсколько часовъ, какъ мраморная статуя, поставленная въ саду. Принялись за облаченіе тѣла моего и украсили меня, не яко невѣсту, но яко чучело, поставляемое въ огородахъ для пуганія воронъ. Увидавъ себя въ зеркалѣ, я не могъ понять, для чего преобразо-

вали меня изъ вида чловѣчьяго въ уродливый огороднаго чучелы». По вступленіи новаго караула въ Зимній дворецъ,—замѣчаетъ Шильдеръ,—къ ординарцу подбѣжалъ Аракчеевъ и сказалъ: «Ступай за мною, ракалія, являться къ государю». Павелъ Петровичъ милостиво обошелся съ ординарцемъ и, потрепавъ его по плечу, сказалъ: «Эта одежда и Богу угодна, и вамъ хороша».

Другой современникъ говорить объ этомъ же нарядѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Головы наши спереди остригли подъ гребенку, облили вонючимъ саломъ (очевидно, нѣкоторые костюмеры замѣняли мѣлъ и квасъ растопленнымъ саломъ, какъ болѣе дешевымъ или болѣе удобнымъ средствомъ), къ вискамъ привѣсили букли, аршинную косу прикрутили вплоть къ затылку и осыпали мукою... Посмотрѣвъ въ зеркало, я захохоталъ, несмотря на головную боль отъ стянутія волосъ, вонючаго сала и отъ крѣпко стянутой въ два пальца шириною галстуккомъ шеи» («Записки Грязева, сподвижника Суворова въ 1799 году». «Русскій Вѣстникъ», 1890 г.).

Бритые въ букляхъ администраторы строго слѣдили за регламентаціей частной жизни и взяточничествомъ своимъ нисколько не уступали фискаламъ Петра I. «Однимъ изъ главныхъ стѣсненій, причиненныхъ императоромъ Павломъ, по словамъ Н. К. Шильдера, была его настойчивость и строгость въ предписаніи старомодныхъ костюмовъ, причесокъ и экипажей и тому подобныхъ, относительно ничтожныхъ, но тѣмъ не менѣе непріятныхъ мелочей». Послѣ войны съ круглыми шляпами и торжества уродливой военной формы, которая, по словамъ императора, привѣтствовавшаго вновь обмундированныхъ чиновъ своей арміи,—«и Богу угодна, и вамъ хороша», появляется росписаніе даже числа кушаньевъ за обѣдомъ по сословіямъ, а у служащихъ—по чинамъ. Императоръ не оставляетъ безъ опеки и женскую прическу, запретивъ указомъ въ 1797 году, отъ 23-го октября, убирать дамамъ на головѣ волосы по послѣдней французской модѣ, называемой алягильотинъ.

Павелъ I издалъ цѣлый реестръ словъ, которыя надлежало изъять изъ употребленія въ официальныхъ бумагахъ и замѣнить ихъ другими. Было приказано слово стража замѣнить словомъ караулъ, отрядъ—деташементъ или команда, общество—собраніе, гражданинъ—купецъ или мѣщанинъ и т. д. Не позволялось на улицахъ столицы произносить слово «курносый», а кошку или козу называть «Машкой». При встрѣчѣ съ императоромъ надлежало каждому и даже дамамъ выходить изъ экипажей, несмотря на грязь, и отдавать ему привѣтствіе. Г-жа Демуть, жена извѣстнаго содержателя гостиницы, желая остаться въ каретѣ и проѣхать мимо императора, была посажена на нѣсколько дней въ смиренный домъ. «Самые значительные люди, изъ опасенія чего либо подобнаго, трепетали, когда ихъ жены, выѣхавши со двора, не

возвращались къ назначенному времени»,—замѣчаетъ историкъ Павла I. Можно себѣ представить, какое открывалось раздолье для злоупотребленій при такомъ господствѣ указовъ и циркуляровъ о формальной сторонѣ русской жизни. Легко вѣрится всякому анекдоту объ этомъ режимѣ...

Нѣкто Ваксель держалъ пари, что на большомъ выходѣ онъ дернетъ Павла за косу. При входѣ Павла Петровича онъ взялъ его за кончикъ косы. Павелъ, не оборачиваясь, говоритъ: «кто тамъ?»

— Коса не по шву лежитъ,—отвѣчалъ Ваксель.

— Благодарю,—сказалъ Павелъ Петровичъ, и Ваксель выигралъ пари.

Вся русская жизнь должна была лежать «по швамъ».

Павелъ I регламентированіемъ и штатскаго, и военного сословія даже Суворова вооружилъ противъ себя. Когда было повелѣно перемѣнить прическу и форму военныхъ по прусскому образцу¹⁾,

¹⁾ Исторія прусской бороды не лишена также строгой регламентаціи, но регламентированная борода на Западѣ имѣла мѣсто только въ войскахъ во империалистическомъ однообразіи и не проникала въ жизнь частныхъ людей. Судѣаемъ изъ «Развѣдчика» за 1895 г., изъ № 252, любопытную выписку о регламентаціи бороды въ прусской арміи. «Во времена Фридриха-Вильгельма (1640—1688) въ модѣ были огромные французскіе парики, а острая борода (*Henry quatre*), господствовавшая еще въ эпоху тридцатилѣтней войны, сводилась къ маленькой «мушкетъ» или вовсе на нѣтъ. Усы также носились небольшіе. Съ теченіемъ времени борода (испаньолка) исчезаетъ совершенно; усы же, постепенно суживаясь, сохранились до конца XVII столѣтія, приблизительно до смерти Фридриха I. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ I офицеры уже были безъ усовъ и безъ бороды. Нижніе чины сохранили еще усы, которые они зачесывали вверхъ, желая этимъ придать лицу воинственный видъ. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось въ продолженіе всего столѣтія.

«Въ эпоху Фридриха Великаго усы дозволялось носить только офицерамъ гусарскихъ полковъ. На портретѣ Зейдлица, написанномъ въ юномъ возрастѣ, мы видимъ его съ длинными усами, поднятыми вверхъ; при переводѣ въ кирасирскій полкъ ему пришлось ихъ сбрить. Король охотно принималъ въ свои гусарскіе полки венгерскихъ офицеровъ. Они носили особенно воинственные усы. Рядовые гусары носили длинные висячіе усы. Ближайшіе преемники Фридриха II оставили его опредѣленія относительно бороды безъ измѣненія. Въ 1798 году были отмѣнены боковые локоны, и это послужило началомъ для развитія бакенбардъ. Усы все еще отсутствуютъ: они появляются лишь съ отлѣною косички. Это случилось въ декабрѣ 1806 года, и съ этого времени на лицахъ офицеровъ вновь появляются усы. Самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III отпустилъ себѣ таковыя, а его примѣру, конечно, слѣдовали многіе. Дальнѣйшее развитіе бакенбардъ, напротивъ, было остановлено введеніемъ высокихъ воротниковъ, доходившихъ до ушей. Большинство старыхъ офицеровъ, однако, не подчинилось новой модѣ и не завело усовъ: на портретахъ Шарнгорста, Гнейзенау, Йорка, Бюлова, Клейста и другихъ мы видимъ лица безъ усовъ, только съ однѣми небольшими баками. Одинъ Блюхеръ, какъ старый гусарь, носилъ усы, и прежде ему дозволенные.

«Во время непрерывныхъ войнъ 1813, 1814 и 1815 гг. правила ношенія бороды соблюдались уже не столь педантично, и въ полѣ можно было видѣть офи-

Суворовъ насмѣшливо произнесъ: «Пудра—не порошокъ; букли—не пушки; коса—не тесакъ, а я не нѣмецъ, а русакъ»... Духовенство работаетъ въ духѣ многочисленныхъ регламентацій и остается консервативнымъ попрежнему въ вопросѣ о бородѣ и одеждѣ.

Въ 1810 году, смоленскій епископъ, Серафимъ Глаголевскій, замѣчая, что въ Смоленской семинаріи ученики риторики и студенты философіи и богословія, а также и учителя, остригаютъ головы свои по нынѣшней модѣ, и что такое остриженіе и щегольство удаляетъ ихъ отъ духовнаго, приближаетъ и располагаетъ нечувствительно къ свѣтскому званію, издалъ по епархіи указъ: «кто изъ взрослыхъ учениковъ или студентовъ, которые будутъ послѣ сего запрещенія остригать голову свою по-модному, жалованья (казеннаго денежнаго воспособленія) не выдавать, хотя бы они ученія были и хорошаго; а содержащихся на казенномъ кошту—исключать изъ бursы. Запрещено было также ученикамъ и студентамъ носить фраки и французскіе кафтаны и пудрить голову подъ таковымъ же штрафомъ; никто изъ остриженныхъ студентовъ не будетъ производиться ни въ діакона, ни въ священники, а равно и изъ носящихъ фраки и французскіе кафтаны и пудрящихъ голову. Кто паче чаянія нарушитъ сіе приказаніе, того, сверхъ вышеписаннаго штрафа, записать имя въ подозрительную книгу, каковую, буде оной нѣтъ, выдать семинарскому правленію изъ консисторіи. Если же учителя стануть послѣ сего запрещенія остригать головы, то они лишены будутъ награды, назначенной въ прибавокъ къ жалованью, и будутъ въ худомъ замѣчаніи. Ректоръ и префектъ семинаріи подлежатъ строгой отвѣтственности за несмотрѣніе о на-

церовъ съ сильно запущенными бородами. Нѣкоторые даже нарочно придавали ей дикій видъ, желая возможно болѣе походить на популярныхъ въ то время казаковъ. Такъ, фонъ-Раденъ описываетъ («Wanderungen eines alten Soldaten») артиллерійскаго поручика Гольше, который носилъ большую бороду и постоянно ходилъ съ пагайкою (1814 г.). Особенно культивировалась борода въ отрядѣ волонтеровъ Лютцова. Здѣсь, однако, причиною являлась не одна лишь затруднительность ухода за туалетомъ во время войны. Борода требовалась идеями «старога германства», проповѣдываемыми Яномъ; сюда же относились и длинные волосы, и большіе воротники рубахъ, и проч. Въ 1814 году понизили и застегнули воротникъ мундира. Бакенбарды получили свободу для дальнѣйшаго развитія. Въ противовѣсъ имъ на вискахъ получились пушистые боковые локоны. Вѣроятно, это послѣднее украшеніе очень вошло во вкусъ, ибо имѣются указанія, что къ чешуѣ парадныхъ киверовъ приклеивались искусственные локоны. Борода оставалась пока безъ перемѣны, даже въ 1843 году, когда введеніе каски и новаго покроя мундира совершенно измѣнило видъ войскъ. Только въ 1848 году особенно въ ландверѣ появилась эспаньолка, но она вскорѣ исчезла. Круглая борода, призванная демократическою, была изгнана изъ войскового обихода. Бакенбарды иногда разрастались довольно широко, но во всякомъ случаѣ подбородокъ былъ гладко выбритъ. Только войны 1864 и 1866 годовъ разсѣяли предубѣжденіе противъ полной, круглой бороды, въ особенности когда кронпринцъ сталъ носить таковую. Съ этого времени имѣютъ равныя права гражданства какъ одни усы, такъ и усы съ бакенбардами и полная борода».

блюденіи сего предписанія нашего. Студента Капысскаго, который остриженъ по-модному, отрѣшить отъ обученія класса».

Но, презирая душу и уважая форменную одежду и прически, представители закона были бессильны передъ затаенными стремленіями русскаго общества. Послѣднее рвалось изъ-подъ опеки и нарушало ее при каждомъ удобномъ случаѣ.

Къ этому реакціонному періоду весьма приложимы ходившіе въ то время стихи:

«Когда въ столицѣ нѣтъ царя,
То безпорядкамъ нѣтъ и мѣры:
На дрожкахъ ѣздятъ писаря,
Въ фуражкахъ ходятъ офицеры».

(«Историческій очеркъ 23 артиллерійской бригады», стр. 37, В. Апушкинъ).

Дѣйствительно, въ это время постоянно штрафовались офицеры за то, что не въ каскахъ, помѣщики за то, что показывались на Невскомъ съ лакеями въ красной ливреѣ или въ неуказанной запряжкѣ лошадей и т. д.

А когда императоръ Павелъ умеръ, то на другое же утро,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—«столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости. Всѣ готовы причесались à la Titus, косички были уничтожены и букли отрѣзаны; панталоны, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами показались на улицахъ. Дамы также, не теряя времени, облеклись въ новые костюмы; экипажи съ французской и нѣмецкой упряжью исчезли, и появились вновь русская упряжь, кучера и фореиторы». А. С. Шишковъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ о себѣ: «я былъ свидѣтелемъ суматохи, внезапно происшедшей въ одно утро въ пріемной графа Палена. Всѣ бросались къ окнамъ; я не могъ понять, по какой причинѣ. На улицѣ появилась первая круглая шляпа». Шишковъ къ этому сообщенію дѣлаетъ назидательное примѣчаніе, одинаково касающееся и карательнаго закона о бородѣ и усахъ: «обыкновенно населеніе придаетъ подобнымъ мелочамъ такую цѣну, что государямъ никогда бы не слѣдовало стѣснять его въ этомъ отношеніи. Можно безъ преувеличенія сказать, что разрѣшеніе носить круглыя шляпы произвело въ Петербургѣ болѣе радости, чѣмъ уничтоженіе отвратительной тайной канцеляріи».

V.

Борода въ царствованіе послѣдующихъ императоровъ.

При императорѣ Александрѣ I въ первую половину его царствованія замѣчается болѣе снисходительное отношеніе къ нарушенію подданными унаслѣдованныхъ отъ временъ Павла I Фридриховскихъ распорядковъ о туалетахъ.

Брадобритіе сдѣлалось такъ обычно русскимъ людямъ, что щеголи стали отождествлять его съ благородствомъ и хорошимъ тономъ. Но по существу бритая Русь во множествѣ случаевъ ничѣмъ не возвышалась надъ бородатой... «Бритый подбородокъ,—говорить неоднократно цитируемый нами Вл. Михневичъ,—былъ подбородкомъ барина-крѣпостника, умѣвшаго соединять въ своей особѣ салонный лоскъ и вольномысліе французскаго маркиза съ чисто московскимъ самоуправствомъ и жестокостью по отношенію къ «подлому», бородатому сословію; бритый подбородокъ—это была краса приказныхъ пивокъ, бравыхъ Скалозубовъ, расторопныхъ Держимордъ и всей той прожорливой, необузданной въ дѣлахъ кривды саранчи, которая сбивала съ живымъ мясомъ благосостояніе Руси бородатой»...

Съ воцареніемъ Николая Павловича тенденціи «Священнаго Союза» окрѣпли въ Россіи гораздо болѣе, чѣмъ на западѣ, и это не замедлило отразиться, между прочимъ, на форменныхъ прическахъ и бородовыхъ украшеніяхъ русскихъ подданныхъ. Законы о бородѣ и усахъ подтверждаются и дополняются новыми указами. За подписью министра внутреннихъ дѣлъ Д. И. Блудова была сообщена гражданскимъ губернаторомъ бумага слѣдующаго содержанія отъ 18-го марта 1837 года:

«Г. министръ императорскаго двора сообщилъ мнѣ для надлежащаго исполненія, что по случаю дошедшаго до государя императора свѣдѣнія, что многіе изъ г.г. состоящихъ въ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ позволяютъ себѣ носить усы, кои присвоены только военнымъ, и бороды въ видѣ жидовскихъ, его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: строжайше воспретить, дабы никто изъ имѣющихъ придворнаго званія не осмѣливался носить ни усовъ ни бородъ».

По министерству финансовъ циркуляромъ, подписаннымъ директоромъ канцеляріи Княжевичемъ, отъ 22-го марта 1837 года за № 1210, предписано слѣдующее: г. статсъ-секретарь Танѣевъ отъ 16-го сего марта за № 395 сообщилъ г. министру финансовъ, что государь императоръ, сверхъ доходящихъ до его величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды, по образцу жидовъ или подражая французскимъ модамъ. Его императорское величество изволилъ находить сіе совершенно неприличнымъ, и вслѣдствіе сего высочайше повелѣтъ соизволилъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру.

Въ томъ же году, отъ 29-го ноября за № 447 появляется отъ начальника главнаго морскаго штаба его императорскаго величества слѣдующаго рода приказъ:

«Государь императоръ изволилъ замѣтить, что нѣкоторые изъ гг. военнотружущихъ дозволяютъ себѣ имѣть на головѣ весьма длинные волосы, и причесываютъ ихъ или даже завиваютъ, подражая всѣмъ прихотямъ новыхъ, странныхъ обычаевъ, нерѣдко изъ-за границы къ намъ достигающихъ.

«Его императорское величество, находя неприличнымъ допускать это въ войскахъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ гг. воинскимъ начальникамъ строго наблюдать: дабы ни у кого изъ подчиненныхъ ихъ не было никакой прихотливости въ прическѣ волосъ, чтобы вообще волосы были стрижены единообразно, и непремѣнно такъ, чтобы спереди на лбу и на вискахъ были не длиннѣе вершка, а округъ ушей и на затылкѣ гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены справа налево.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество изволилъ повелѣтъ не допускать никакихъ странностей и въ усахъ и въ бакенбардахъ, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а послѣдніе, ежели не сведены съ усами, то также не ниже рта, выбривая ихъ на щекахъ противъ онаго.

«О таковой монаршей волѣ объявляется по морскому вѣдомству къ точному и непремѣнному исполненію».

Такимъ образомъ, законъ строго каралъ не только носителей «жидовскихъ бородъ», но и всѣхъ военныхъ, уклоняющихся отъ форменной прически, Николай Павловичъ во всемъ любилъ единообразіе и исключенія допускалъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Напримеръ, о разрѣшеніи носить усы инженерамъ путей сообщенія ходятъ весьма различныя сказанія. Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1890 годъ, № 7, А. Н. Андреевъ рассказываетъ, что когда Николай Павловичъ посѣтилъ одинъ изъ женскихъ петербургскихъ институтовъ, то изъ рядовъ воспитанницъ выдѣлилась хорошенькая институтка и бросилась на колѣни.

— Какая у васъ просьба?—ласково привѣтствовалъ ее императоръ.

— Разрѣшите офицерамъ путей сообщенія носить усы, ваше величество.

Дѣло разобрали, и оказалось, что эта дѣвушка была невѣстой только-что выпущеннаго въ офицеры Стюарта, которому, по мнѣнію барышни, для полного его совершенствованія недоставало только усовъ.

Результатомъ такого ходатайства явился приказъ главноуправляющаго путей сообщенія, графа Клейнмихеля, о разрѣшеніи усовъ въ инженерномъ вѣдомствѣ. Но въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» за 1890 годъ, въ № 9, нѣкто Н. П. Палибинъ опровергаетъ

этотъ случай. Онъ говоритъ, что вскорѣ по восшествіи на престолъ Николая Павловича было приказано носить усы всей арміи, и въ то же время тогдашній главноуправляющій путями сообщенія, герцогъ Александръ Виртембергскій, у котораго усы очень дурно росли, выхлопоталъ приказъ о неношеніи усовъ корпусу путей сообщенія.

Палибинъ сообщаетъ другой поводъ къ разрѣшенію усовъ въ инженерномъ вѣдомствѣ. Въ 1848 году, генералъ Дестремъ, одинъ изъ французскихъ инженеровъ, выписанныхъ изъ-за границы при образованіи института путей сообщенія, былъ отпущенъ на четыре мѣсяца въ чужіе края и тамъ отпустилъ себѣ бороду. По возвращеніи онъ ее, конечно, сбрилъ; но, за неимѣніемъ переднихъ зубовъ, затруднялся выбрить усы и, явившись къ графу Клейнмихелю въ усахъ, просилъ разрѣшить ему носить ихъ. При докладѣ объ этомъ Николай Павловичъ повелѣлъ (приказъ 2-го сентября 1848 года, № 154) всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ корпуса инженеровъ путей сообщенія и строительнаго отряда и нижнимъ чинамъ сего корпуса носить усы.

Чиновникамъ прочихъ гражданскихъ вѣдомствъ строго было запрещено носить усы и бакенбарды. Эти украшенія мужского лица были привилегіей исключительно военнаго сословія. Одинъ только профессоръ батальной живописи (недавно умершій), Богданъ Павловичъ Виллевалде, носилъ «высочайше утвержденные усы», какъ онъ выражался на томъ основаніи, что императоръ Николай Павловичъ очень часто посѣщалъ мастерскую художника, очень любилъ послѣдняго и, въ видѣ исключенія, позволилъ ему носить усы. Вообще слѣдуетъ сказать, что если при Николаѣ Павловичѣ татарскій халатъ и византійское облаченіе перестали быть символами святой Руси и вѣрнопопданности, то, все-таки, во всѣхъ сферахъ господствовала строгая регламентація жизни, начиная съ усовъ и бороды и кончая направленіемъ умовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, среди которыхъ выстраивается даже такъ называемый «Педагогическій институтъ», призванный вырабатывать въ воспитанникахъ специально-русское направленіе съ бюрократическими началами. Болѣе серьезное русское направленіе, выразившееся въ сочувствіи земскимъ началамъ, было достояніемъ одной изъ сектъ литературнаго міра, не встрѣчавшей ни малѣйшаго сочувствія въ бритыхъ администраторахъ дореформенной Россіи, ругавшихъ славянофиловъ «русскими думниками».

Съ началомъ 1860-хъ годовъ, въ царствованіе Александра II, свяzano нѣкоторое ослабленіе гардеробнаго законодательства... Но случилось, что и въ это время неотмѣненные указы о формальностяхъ бороды и одежды напоминали о своемъ существованіи. Въ воспоминаніяхъ профессора А. Романовича-Славатинскаго, печатавшихся

въ 1903 году въ «Вѣстникѣ Европѣ», говорится, что въ 1857 году нѣкто Цѣхановецкій, защищая диссертацию въ Кіевѣ на степень магистра политической экономіи, представлялъ собою «исхудалое, бритое лицо — вѣдь тогда еще не разрѣшалось носить бороду и усы — въ убогомъ учительскомъ мундирѣ, съ узенькимъ кантикомъ шитья по воротнику—вѣдь тогда и оппоненты должны были быть въ полной парадной формѣ»... А самъ Романовичъ-Славатинскій, прибывъ въ 1861 году въ Бирмингамъ, въ Англію, первымъ долгомъ «купилъ на память о стальномъ Бирмингамѣ пару бритвъ» и, по возвращеніи изъ-за границы въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ возобновить лекціи въ университетѣ, предварительно представленія попечителю учебнаго округа, «разстался съ незаконными бородой и усами». Къ этому времени относится любопытное сообщеніе въ «Русской Старинѣ» за 1887 г., въ № 8, бывшаго офицера лейбъ-гвардіи волынскаго полка П. Агапѣва. Онъ рассказываетъ, что въ началѣ 1860-хъ годовъ въ его полку произошелъ слѣдующій случай. Ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Г., донесъ командиру полка, что ефрейторъ его роты, Фѣдоръ Алапатовъ, не хочетъ брить бороду. На вопросъ ротнаго командира, почему онъ не бреется, Алапатовъ отвѣчалъ тихо и съ должнымъ уваженіемъ, но съ твердымъ убѣжденіемъ, что брить бороду запрещаетъ священное писаніе, что онъ не будетъ брить бороду, боясь лишиться царствія небеснаго, что изъ повиновенія онъ не выходитъ и всякую возложенную на него службу онъ готовъ исполнить честно и добросовѣстно, но что борода до службы не касается, и ношеніе ея относится не къ службѣ, а къ религіи. Рапортъ вызвалъ назначеніе слѣдствія, изъ котораго видно, что Алапатовъ прочиталъ Евангеліе и Стоглавъ и убѣдился: 1) что бороды брить не слѣдуетъ; 2) что таинство причащенія совершается неправильно; оно должно совершаться на семи просфорахъ, а не на пяти, и 3) всѣ люди, а тѣмъ болѣе священники, которые совершаютъ таинства, не должны пить вино и курить табакъ, это чортово зелье. Евангеліе и Стоглавъ онъ прочиталъ съ рядовыми Ст. Бахмачевымъ и Мих. Варваринимъ.

Это побудило слѣдственную комиссію привлечь къ допросу Бахмачева и Варварина. Оба они показали, что Евангеліе и Стоглавъ они, дѣйствительно, прочитали вмѣстѣ съ Ф. Алапатовымъ и вполне раздѣляютъ всѣ его мнѣнія.

Во время ихъ допроса, въ слѣдственную комиссію является самъ, безъ вызова, рядовой Гр. Костровъ и показываетъ: «Вѣры я истинно-православной, бритьемъ бороды и таинствомъ причащенія, совершаемымъ неправильно, я давно уже тяготился, но не рѣшался заявить это. Теперь же, узнавъ, что производится слѣдствіе надъ рядовыми за ихъ религіозныя мнѣнія, вполне сходныя съ моими, я присоединяюсь къ нимъ и прошу судить и меня».

Полковникъ К., назначенный производить слѣдствіе, потратилъ много времени на уговоры обвиненныхъ, совѣтуя имъ послушаться начальства и обрить бороды. Онъ далъ имъ понять, что ихъ преслѣдуютъ не за ихъ религіозныя мнѣнія, а за ношеніе бороды, которое не допускается въ военной службѣ. Но обвиненные остались непреклонны. Они были посажены подъ арестъ, а полковому священнику было предложено сдѣлать имъ увѣщаніе.

Въ прежнее время,—продолжаетъ П. Агапѣевъ,—въ семинаріяхъ давали весьма слабое понятіе о расколѣ. Сельскіе священники, которые живутъ среди раскольниковъ и сталкиваются съ ними въ жизни, могутъ, хотя на практикѣ, познакомиться съ характеромъ ихъ ученія и приноровиться, какъ лучше на нихъ дѣйствовать. Но военные священники остаются съ тѣми же понятіями о расколѣ, которыя имъ были даны въ семинаріи. Вотъ почему неудивительно, что священническое увѣщаніе не имѣло успѣха.

Прежде чѣмъ начать форменные допросы, хотѣли еще разъ испробовать подѣйствовать угрозами.

Презусъ обратился къ обвиняемымъ съ вопросомъ:

— Вы не хотите слушаться властей, не бреете бородъ?

— Начальству мы во всемъ послушны, а бородъ мы не хотимъ брить потому, что это запрещаетъ священное писаніе и преданіе святыхъ отцовъ. Всѣ святые носили бороды, и нѣтъ ни одного изображенія святого безъ бороды.

— Но откуда вы взяли, что священное писаніе запрещаетъ брить бороду?

— Изъ Стоглава. Мы жалѣемъ, что не можемъ представить этой книги на судъ.

— Я не читалъ этой книги (нужно замѣтить, что презусъ былъ лютеранинъ), но рѣшительно не понимаю, какую важность можетъ имѣть борода. Для Бога все равно — съ бородой ли мы или безъ бороды, лишь бы мы были хорошими по своимъ дѣламъ.

— Богъ создалъ насъ по своему образу и подобию, и мы не смѣемъ искажать образъ и подобіе Божіе.

— Не забывайте, однако, что вы дѣляетесь ослушниками власти, вамъ это не пройдетъ даромъ — вы будете строго наказаны.

— Мы не идемъ противъ вашей власти. Вы имѣете законы, и если мы виновны по нимъ — судите, мы примемъ всякое наказаніе. Присудите отрубить намъ головы, и мы съ радостью положимъ ихъ на плаху за вѣру — рубите.

Алапатовъ показываетъ на шею рукою, чтобы рубили.

— Такъ вы не хотите служить?

— Нѣтъ, отъ службы мы не отказываемся, пусть позволяютъ намъ остаться съ бородами и жить по своей вѣрѣ, и мы не только не будемъ хуже другихъ, но еще послужимъ примѣромъ. Мы до послѣдней капли крови готовы сражаться съ поляками (1863 г.) и оборонять свое отечество.

Преимущественно говорилъ Алапатовъ, прочіе только изрѣдка вмѣшивались, чтобы заявить, что они вполне раздѣляютъ его мнѣніе. По выраженію ихъ лицъ и тону рѣчи было видно, что они ни за что не отступятъ отъ своихъ убѣжденій, и что слово и дѣло у нихъ не разойдутся на практикѣ.

Дѣло было интересное, и въ комиссію, кромѣ членовъ суда, собралось много офицеровъ. Нужно отдать справедливость, большинство изъ нихъ отнеслось къ дѣлу серьезно и искренно желало убѣдить подсудимыхъ и вывести ихъ изъ заблужденія. Всѣмъ было жаль ихъ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались о нихъ самые лучшіе отзывы. Дальнѣйшій допросъ подсудимыхъ потерялъ общность. Около каждаго солдатики составилъ кружокъ, и начались отдѣльныя пренія.

— Такъ вы не признаете священниковъ,—слышалось съ одной стороны,—но какъ же можно въ дѣлѣ вѣры обойтись безъ учителей и наставниковъ?

— Мы не отвергаемъ учителей, но только священниковъ, потому что одинъ іерей церкви есть Іисусъ Христосъ, и никто не достоинъ занять его мѣсто на землѣ.

Съ другой кучки доносилось: «вы стрижете волосы, обрѣзываете ногти, отчего же вы не хотите брить бороду?» Но чаще всего приводился текстъ о томъ, что всѣ власти поставлены отъ Бога, и повиноваться имъ самъ Богъ повелѣваетъ.

Меня особенно заинтересовала личность фурштата М. Варьярина. Онъ стоялъ въ сторонѣ и съ задумчивымъ лицомъ спокойно прислушивался къ спору; казалось, что для него всѣ эти вопросы, давно уже рѣшенные, о которыхъ и спорить не стоитъ. Я подошелъ къ нему.

— Зачѣмъ вы сами накликаете на себя бѣду? Я бы совѣтовалъ вамъ послушаться начальства и обрить бороды; можетъ быть, вы бы успѣли еще замять это дѣло. А послѣ, если тебѣ тяжело жить не по своимъ правиламъ, ты бы могъ попроситься къ комунибудь изъ офицеровъ въ денщики или кучера. Хотя казенная прислуга и не имѣетъ права носить бороды, но офицеру было бы все равно, съ бородой ли ты или безъ бороды, служилъ бы только честно.

— Я бы этого очень желалъ и ручаюсь, что моей службой были бы довольны, только теперь я уже не могу обрить бороды.

— Отчего же не можешь? Вѣдь ты восемь лѣтъ на службѣ и восемь лѣтъ брилъ бороду?

— Прежде я не зналъ, что это дурно, а теперь знаю.

— Но ты знаешь, что власти поставляются отъ Бога (я еще разъ привелъ текстъ о властяхъ), послушаться ты не можешь. Если власть приказываетъ тебѣ что либо дурное, то грѣхъ будетъ не на твоей душѣ.

— Не такъ думали древніе христіане и мученики.

— Ваше дѣло дойдетъ до государя, и онъ будетъ недоволенъ, что вы не хотите исполнять установленныхъ имъ правилъ.

Я сказалъ это, зная горячую любовь солдатъ къ нынѣшнему государю (1863 г.).

— Эхъ, ваше благородіе! не дойдетъ наше дѣло до государя. Не такъ бы оно было рѣшено, какъ теперъ рѣшится. Вы, значить, не допросъ съ меня снимаете, а такъ по милости разговариваете, — такъ я вамъ расскажу. Въ прошедшемъ году я ходилъ на побывку домой, такъ мнѣ тамъ рассказывали. Есть у насъ семь старовѣрческихъ деревень, и стоятъ онѣ другъ около дружки на шляху (на большой дорогѣ). Въ 1856 или 1857 году проѣзжаетъ государь. Старосты встрѣтили его хлѣбомъ-солью, а онъ имъ и говоритъ: «На обратномъ пути изъ Москвы хочу помолиться вмѣстѣ съ вами, постройте къ этому времени моленную». Моленную живо построили. На обратномъ пути государь прямо подѣзжаетъ къ ней. Свиту и всѣхъ генераловъ оставилъ при входѣ, а самъ одинъ съ наслѣдникомъ вошелъ въ моленную. Всю службу простоялъ государь, и когда она окончилась, онъ обратился къ народу и сказалъ: «Я вами доволенъ и ничего дурного не нахожу въ вашихъ обрядахъ. Одно мнѣ не нравится, что нѣтъ у васъ явнаго духовенства; примите отъ святѣйшаго синода священниковъ, а я прикажу имъ служить по вашимъ книгамъ и обрядамъ». Весь народъ сейчасъ же согласился, да одну оплошность сдѣлали: не попросили государя, чтобы самимъ позволилъ выбрать священниковъ, да и сдѣлать ихъ явными. А то прислали отъ синода, они все и тянутъ на свою сторону, не хотятъ служить по нашему обряду. Какъ я ходилъ домой, такъ ужъ была разлада между ними и народомъ.

Аудиторъ прервалъ насъ. Онъ давно уже тяготился безпорядкомъ суда и торопился исполнить скорѣе всѣ формальности: снять допросъ и записать его.

На вопросахъ подсудимые остались при своихъ прежнихъ показаніяхъ, добавивъ, что, убѣждаясь въ истинахъ слова Божія, несмотря на приказанія начальства, бородъ не бреютъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы ихъ подвергнули всѣмъ мученіямъ. Служить же всегда готовы вѣрой и правдой.

Въ полку дѣло на этомъ и остановилось и скоро будетъ послано въ генераль-аудиторіатъ. Трудно угадать, къ чему присутитъ ихъ генераль-аудиторіатъ или синодъ (если дѣло туда поступитъ на рѣшеніе). Во всякомъ случаѣ, переведутъ ли этихъ людей въ армію, сошлютъ ли въ арестантскія роты, или въ каторжную работу, — вездѣ имъ брить нужно бороды. Судя же по ихъ рѣшимости и степени религіознаго фанатизма, который еще болѣе усилится отъ преслѣдованія, они никогда на это не согласятся.

Затѣмъ остаются двѣ мѣры: или брить ихъ насильно, или разстрѣлять. Многіе уже предлагали теперь же употребить первую мѣру. Но если бы, дѣйствительно, пришлось выбирать одну изъ этихъ мѣръ, полагаю, что гуманнѣе было бы выбрать вторую. Лучше убить человѣка, чѣмъ по праву сильнаго мучить его цѣлую жизнь и смѣяться на самыми дорогими убѣжденіями.

Вотъ съ какими встрѣчаемся мы случаями, уклоняясь отъ самыхъ незначительныхъ народныхъ обычаевъ. Мы принуждены разстрѣливать и отравлять жизнь лучшихъ солдатъ, честныхъ, съ твердой волей, болѣе другихъ развитыхъ и отъ всей души преданныхъ государю и отечеству. Мы принуждены наказывать ихъ за заблужденія, которыя раздѣляются большей половиной русскаго народа. На первыхъ порахъ службы молодой солдатъ покоряется; онъ сильно напуганъ и еще молодъ, убѣжденія не тверды, характеръ не установившійся. Но проходятъ года, онъ странствуетъ съ полкомъ по Россіи и видитъ, что цѣлые миллионы людей раздѣляютъ прежнія его мысли. На службѣ его выучили грамотѣ, и въ старыхъ книгахъ, которыя не у однихъ старообрядцевъ, а во всемъ нашемъ народѣ пользуются особымъ уваженіемъ, онъ читаетъ о тѣхъ страшныхъ мученіяхъ, которыя должны постигнуть преступившихъ заповѣдь Божью и обрившихъ бороду. Ужасъ охватываетъ его, онъ страшитса погубить свою душу и попасть въ адъ, который такими ужасными картинами изображенъ въ тѣхъ же книгахъ. Онъ рѣшается на все. Характеръ его выработала тяжелая военная служба, и онъ готовъ на всѣ земныя страданія, лишь бы спасти свою душу. Конечно, въ такому рѣшенію приходятъ люди болѣе религіозные, съ твердымъ характеромъ, неспособнымъ на сдѣлки. Таковы именно подсудимые въ настоящемъ дѣлѣ; они жертвуютъ спокойствіемъ, 8-лѣтней безпорочной службой, надеждой на счастливую жизнь семьянина послѣ нея, готовы терпѣть всѣ мученія изъ-за такихъ, по нашему мнѣнію, пустяковъ, какъ ношеніе бороды.

Въ свое время это дѣло глубоко интересовало Ивана Сергѣевича Аксакова, и, благодаря его заступничеству за несчастныхъ солдатиковъ, послѣдніе, по словамъ П. Агапѣева, отдѣлались относительно легко: «они просидѣли 8 мѣсяцевъ подъ арестомъ, а потомъ были переведены на Кавказъ въ какія-то войска, въ которыхъ и въ то время было дозволено ношеніе бородъ». Въ томъ же 1863 году послѣдовала отмѣна стрижки головъ и бритья бородъ рекрутамъ въ рекрутскомъ присутствіи и бритья затылка неудобостенному къ приему въ рекруты. Брить лбы приказано только тѣмъ изъ нихъ, которые отдаются въ военную службу за побѣгъ, членовредительство или иные проступки и преступленія. Въ 1874 году разрѣшено указомъ отъ 20 августа за № 241 носить бороды служащимъ во всѣхъ войскахъ, кромѣ гвардіи и гренадеръ; во всѣхъ

командахъ морского вѣдомства, кромѣ гвардейскаго экипажа, а также лицъ, состоящихъ въ свитѣ его величества, и чиновъ главныхъ управленій военнаго министерства и служащихъ въ учрежденіяхъ морского министерства. Изъятіе было только для корпуса жандармовъ отъ разрѣшенія носить бороды. Въ 1875 году послѣдовало запрещеніе фабрить усы и бороду въ тѣхъ войскахъ и командахъ, въ которыхъ разрѣшено носить бороду.

Такимъ образомъ, законы о бородѣ въ эпоху реформъ Александра II смягчены до послѣдней степени, но, тѣмъ не менѣе, и въ это время въ разстроеномъ воображеніи нѣкоторыхъ администраторовъ бороды нерѣдко казались признаками либерализма и неблагонадежности. Вспоминали старый законъ, запрещавшій носить чиновникамъ бороды. «Въ § 71 приложения къ 975 статьѣ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства воспрещается чиновникамъ вообще носить усы и бороду; ношеніе усовъ предписывается только въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ». Этотъ неотмѣненный законъ о чиновничьихъ бородахъ и усахъ въ эпоху реформъ Александра II-го вызвалъ серьезныя тревоги между губернаторами въ разныхъ провинціяхъ, съ одной стороны, и чиновниками съ другой. Особенно доставалось въ это время за бороду и усы чинамъ акцизнаго вѣдомства. Послѣдніе, по мнѣнію администраціи 60-хъ годовъ, носили демонстративно не только бороды и усы, но вели еще ничѣмъ не объяснимый замкнутый образъ жизни по провинціямъ и имѣли въ своей средѣ много поляковъ. Дѣйствующія лица этой трагикомедіи страха изъ-за бороды и усовъ въ настоящее время всѣ успокоились вѣчнымъ сномъ, но сохранить о нихъ на память нѣсколько добрыхъ словъ представляется весьма желательнымъ для характеристики времени¹⁾.

Въ 1869 году, на имя управляющаго департаментомъ неокладныхъ сборовъ, барона Розена, неожиданно поступаетъ прошеніе управляющаго акцизными сборами Тверской губерніи, г. Юнга, въ

¹⁾ Извѣстно, что графъ М. Муравьевъ затребовалъ списки чиновниковъ изъ разныхъ вѣдомствъ и, собравъ о нихъ свѣдѣнія, вносилъ докладъ о нихъ въ комитетъ министровъ. Въ числѣ многихъ неблагонамѣренныхъ лицъ онъ считалъ, на примѣръ, и управляющаго акцизными сборами Казанской губерніи, г. Соловьева, на томъ только основаніи, что у него служило нѣсколько поляковъ, и самъ онъ «не подчиняется принятымъ условіямъ, какъ въ отношеніи старшихъ въ городѣ, такъ и въ отношеніи равныхъ себѣ; чуждъ всякаго знакомства и живетъ совершенно замкнуто, будучи посѣщаемъ только подвѣдомственными ему чиновниками и лицами, имѣющими до него служебныя дѣла. Не только управляющій, но и всѣ лица, служащіе въ акцизномъ управленіи, носятъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ и характеръ въ своихъ дѣйствіяхъ: всѣ они считаютъ себя и слыгутъ за людей передовыхъ». Этотъ «особый отпечатокъ» заключался такимъ образомъ въ томъ, что казанскіе акцизники 1866 года были съ университетскими дипломами и, боясь провинціальной тишины, сторонились банальныхъ знакомствъ и не находили нужнымъ скрывать своего нерасположенія къ нимъ.

которомъ послѣдній заявляетъ, что съ давняго времени онъ подвергался по два и по три раза въ годъ страданіямъ отъ флегмонозной жабы, и что объ этомъ помнитъ и Константинъ Карловичъ Гротъ еще по Самарѣ, гдѣ г. Юнгъ началъ при немъ службу лѣтъ 15 тому назадъ. Жаба была у него такъ сильна, что жизнь его много разъ, такъ сказать, висѣла на волоскѣ отъ грозившаго ему удушенія. Въ 1862 году, во время исполненія имъ порученія г. министра по заготовленію для Крыма казенныхъ запасовъ вина, онъ едва не умеръ въ Херсонѣ отъ жабы, что можетъ припомнить и Михайлъ Христофоровичъ Рейтернъ, которому было тогда извѣстно объ этомъ, и что два года тому назадъ, представляясь государю наслѣднику, онъ сбрилъ бороду, но вскорѣ поплатился болѣзнью, принявшею свои обычные, ужасающіе размѣры. Только ношеніе бороды, по совѣту врачей, окончательно избавило его отъ часто повторявшейся опасной болѣзни, и потому онъ проситъ объ исходатайствованіи ему высочайшаго разрѣшенія носить бороду и усы.

Прошеніе г. Юнга было снабжено нѣсколькими врачебными свидѣтельствами о часто повторяющихся у него горловыхъ болѣзняхъ и необходимости носить ему сплошную бороду. Тѣмъ не менѣе департаментъ не безъ удивленія отнесся и къ тщательной аргументаціи управляющаго акцизными сборами, и къ самому существованію его прошенія. Баронъ Розенъ положилъ на немъ собственноручную резолюцію: «Не видна изъ прошенія причины, почему г. Юнгъ желаетъ офиціально получить право носить бороду, которую онъ давно носить неофициально, но безпрепятственно? Испрашивать на ношеніе бороды высочайшаго соизволенія не совѣтъ удобно». Вскорѣ, однако, обнаружилось, что предусмотрительность г. Юнга объ офиціальномъ правѣ носить сплошную бороду не была празднымъ вопросомъ, за разрѣшеніемъ котораго въ законодательномъ порядкѣ министерство финансовъ стыдилось итти. А между тѣмъ нѣтъ дыма безъ огня, и вслѣдъ за прошеніемъ г. Юнга въ департаментъ неокладныхъ сборовъ въ томъ же году поступили новыя прошенія служащихъ лицъ по акцизному вѣдомству объ исходатайствованіи правъ на тѣ же сплошныя бороды. Такъ управляющій акцизными сборами Тульской губерніи доноситъ въ департаментъ, что тульскій губернаторъ, генералъ-майоръ Шидловскій, требуетъ обрить бороды всѣмъ акцизнымъ чиновникамъ вѣреннаго ему управленія, несмотря на то, что запрещеніе гражданскимъ чиновникамъ носить усы и бороду основано на законѣ 30 марта 1834 года, относящемся къ тому времени, когда на службѣ отъ правительства состояли исключительно лица, пользующіяся правами государственной службы. Съ 1855 года законъ этотъ пересталъ быть общимъ правиломъ, допустивъ ношеніе гражданскими чиновниками усы по многимъ вѣдомствамъ: военному,

придворному, таможенному, горному, межевому, путей сообщенія и полицейскому. Родъ акцизной службы требоваль непрерывныхъ разъѣздовъ, при которыхъ бритые усовъ и бороды вело только къ обвѣтриванію обритыхъ частей и простудамъ. Поэтому требованіе 71-го пункта приложенія къ 975 статьѣ не было приводимо въ исполненіе въ акцизномъ управленіи съ самаго открытія его. Известно, что, когда въ 1863 году гродненскимъ губернаторомъ возбуждалось требованіе исполненія 71-го пункта, то оно было устранено по сношенію министерства финансовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Даже во время управленія сѣверо-западнымъ краемъ графа Муравьева не только не были преслѣдуемы усы и бороды въ акцизномъ вѣдомствѣ, но управляющій въ то время гражданскою частью всего края, генераль-адъютантъ Потаповъ, положительно высказывался въ пользу права ношенія усовъ и бородъ въ акцизномъ вѣдомствѣ, по составу его изъ лицъ всѣхъ сословій. Такой же составъ имѣли и земскія управы, члены которыхъ безпрепятственно носили усы и бороды, хотя служба ихъ не сопряжена съ разъѣздами. Если генераль-майоръ Шидловскій, послѣ пятилѣтняго управленія Тульской губерніею, требоваль исполненія 71-го пункта приложенія къ 975 статьѣ, то нельзя предполагать, чтобы онъ и самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что требованіе это вытекаетъ изъ разума закона.

На основаніи этихъ соображеній, управляющій акцизными сборами, г. Меркуловъ, просилъ департаментъ неокладныхъ сборовъ отклонить требованіе тульского губернатора о ношеніи бороды и усовъ чиновниками.

Тотъ же баронъ Розенъ кладетъ на прошеніи г. Меркулова осторожную резолюцію: «напрасно управляющій вмѣшиваетъ департаментъ неокладныхъ сборовъ въ это дѣло». Между тѣмъ тотъ же управляющій акцизными сборами продолжаетъ писать въ департаментъ о томъ, что, получивъ отъ тульского губернатора требованіе о ношеніи акцизными чиновниками бородъ, онъ полагалъ, что такое же требованіе обращено и къ другимъ вѣдомствамъ, такъ какъ не могъ г. губернаторъ не замѣтить, что бороду носятъ не только чиновники, ему не подчиненные, какъ, на примѣръ, предсѣдатель окружнаго суда Ягнъ, прокуроръ того же суда Остроглазовъ и управляющій казенною палатою Щепкинъ, но даже лица, непосредственно ему подчиненныя, какъ, на примѣръ, чиновникъ особыхъ порученій Гульденбалькъ-де-Гейдль, операторъ при губернскомъ правленіи Коломійцевъ и совѣтникъ сего же правленія Хвоцинскій. Но оказывается, что означенное требованіе обращено исключительно къ акцизному управленію. Подобное дѣйствіе болѣе нежели несправедливо. Оно оскорбительно для цѣлаго вѣдомства, которое законодатель заботился составить изъ способныхъ и надежныхъ къ охраненію казенныхъ интересовъ лицъ, къ

какому бы сословію они ни принадлежали. Не говоря уже о значеніи бороды для охраненія горла отъ простуды, акцизному чиновнику, проводящему большую часть времени въ разъѣздахъ, некогда заниматься бритьемъ и запасаться необходимыми для этого принадлежностями, когда ему не вездѣ возможно запастись даже необходимыми стѣстными припасами. Поэтому отъ акцизныхъ чиновниковъ менѣе, нежели отъ кого либо, можно требовать бритья бородъ. Принужденіе же къ тому ихъ однихъ, при безпрепятственномъ ношеніи бородъ по другимъ вѣдомствамъ, могло бы произвести неблагоприятное на нихъ впечатлѣніе, предупрежденіе котораго желательно для пользы службы. Если указываемый г. губернаторомъ 71-й пунктъ приложенія къ 975 статьѣ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства долженъ быть исполняемъ безусловно, то въ виду отступленій отъ этого закона по всѣмъ вѣдомствамъ, безпристрастіе требовало бы, чтобы подтвержденіе о соблюденіи этого закона было объявлено губернской властью въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», безъ обращенія исключительно къ одному акцизному управленію.

Вслѣдъ за этими прошеніями, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1869 года, на имя министра финансовъ Рейтерна, поступила бумага и отъ тульского губернатора, въ которой послѣдній, между прочимъ, жалуется на то, что чиновники акцизнаго вѣдомства въ городѣ Тулѣ приписываютъ требованіе не носить бороды личной неприязни губернатора къ г. Меркулову, и поэтому въ городѣ ими возбуждается агитація. Губернаторъ настаиваетъ, чтобы его предложеніе о ненашеніи бороды акцизными чиновниками было исполнено, ибо оно основано на 71-мъ пунктѣ приложенія къ 975 статьѣ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства и дано имъ на основаніи 357 статьи II тома Св. Зак. и высочайше утвержденнаго 22 іюля 1866 года положенія комитета гг. министровъ и, кромѣ того, если дошедшіе до него слухи о томъ, что управляющій акцизными сборами въ представленіи своемъ въ министерство финансовъ заявилъ о неприязни къ нему губернатора, то онъ, губернаторъ, проситъ министра финансовъ дать заявленію сему законный ходъ, дабы разъяснено было, въ какой мѣрѣ заявленіе это справедливо. вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Шидловскій потребовалъ и отъ самого управляющаго акцизными сборами копии съ представленій послѣдняго въ департаментъ и копии отвѣта изъ департамента.

Въ виду не отмѣненнаго закона о воспрещеніи чиновникамъ носить сплошныя бороды, министерство финансовъ приняло стору тульского губернатора и приказало циркулярно всѣмъ акцизнымъ чиновникамъ сбрить бороды. Тѣмъ не менѣе въ декабрѣ того же года губернаторъ Шидловскій вновь пишетъ министру финансовъ о томъ, что чиновники акцизнаго вѣдомства Власовъ и Горчинскій

до сихъ поръ носятъ сплошныя бороды. Въ разъясненіе этого обстоятельства, управляющій акцизными сборами даетъ показаніе о томъ, что онъ «самъ лично видѣлъ этихъ чиновниковъ съ чисто обритыми подбородками, что могутъ подтвердить многіе свидѣтели, и что, по всей вѣроятности, г. губернатора ввели въ ошибку носимыя означенными чиновниками бакенбарды, особенно густыя и черныя у г. Горчинскаго».

Борьба съ губернаторомъ изъ-за бороды чиновниковъ акцизнаго вѣдомства въ 1869—1870 годахъ доходила до того, что управляющій акцизными сборами Тульской губерніи, г. Меркуловъ, говорилъ о себѣ:

— Какъ только я не сойду съ Шидловскимъ на какомънибудь серьезномъ предметѣ въ интересѣ службы, сейчасъ начинаются разныя мелочныя притязанія подъ какимъ нибудь законнымъ предлогомъ, на примѣръ: чтобы въ бумагахъ къ нему я подписывалъ своею рукою слово управляющій, чтобы акцизные чиновники имѣли мундиры, чтобы они къ нему являлись, когда онъ пріѣзжаетъ въ уѣздные города, если въ то время они не въ разъѣздахъ. Все это исполнялось безпрекословно, но, будучи до крайности самолюбивымъ, онъ въ охранителѣ акцизнаго дохода видитъ противника его началамъ. Ему непріятны мои протесты на дѣйствія полиціи; но могу ли я молчать, когда становой, нашедши въ кабакѣ скамью не прибитою къ стѣнкѣ, отбираетъ патентъ и приостанавливаетъ торговлю. Примѣровъ подобнаго безобразія много, и они чувствительны казнѣ. Болѣе всего его возмутила жалоба моя въ сенатъ на прямолинейное измѣреніе 250 сажень отъ оружейнаго завода; но въ правѣ ли я былъ иначе поступить, когда въ этомъ районѣ существуютъ трактирныя заведенія безъ патентовъ, а виномъ торгуютъ тайно; вѣрность моего взгляда на этотъ законъ по одному возбужденному полиціею дѣлу признали и прокуроръ окружнаго суда и судебная палата, въ которую дѣло посылалось по разногласію членовъ суда. Результатомъ всего этого было требованіе о бородѣ — гора родила мышь. Теперь, послѣ отзыва моего о сдѣланномъ распоряженіи о брадобритіи, кажется, можно бы прекратить объ этомъ переписку; такъ нѣтъ: онъ спрашиваетъ, исполнено ли уже это всѣми, носившими бороды, и требуетъ копій съ представленія моего департаменту и его отвѣта. Во избѣжаніе новыхъ жалобъ, я исполнилъ и это требованіе. Вѣроятно, увлекаясь молвою, что вопросъ о бородѣ возбужденъ изъ личности ко мнѣ, онъ думаетъ, что я высказалъ это въ представленіи. Конечно, ему самому ближе извѣстно, насколько тутъ участвуетъ личность; другіе судятъ по неудовольствію, которое онъ самъ не затрудняется высказывать; я же обязанъ былъ представить моему начальству о несправедливости и оскорбительности требованія, обращеннаго къ одному управленію, когда ношеніе бо-

роды съ давняго времени вошло въ обычай по всѣмъ вѣдомствамъ и не преслѣдовалось даже въ вѣдомствѣ губернатора. Пожалуй, онъ и въ этомъ найдетъ предлогъ къ жалобѣ.

Такъ восторжествовалъ г. Шидловскій надъ чиновниками, заставивъ ихъ пробрить свои бороды или совсѣмъ снять ихъ съ лица. Необходимо упомянуть, что г. Шидловскій былъ тѣмъ самымъ губернаторомъ, съ которымъ энергично боролся и Салтыковъ-Щедринъ въ бытность свою въ Тулѣ на службѣ въ качествѣ предсѣдателя казенной палаты.

Не менѣе любопытно привести въ заключеніе нашей статьи о бородѣ распоряженіе приблизительно въ 1865 году о томъ, чтобы въ Варшавѣ и Ригѣ брить бороду евреямъ... Очевидны рассказы ваяютъ, что полицейскіе въ Варшавѣ хватали на улицахъ пріѣзжихъ бородатыхъ купцовъ русскаго происхожденія и, не находя въ ихъ паспортахъ прописки о вѣроисповѣданіи, брили имъ бороды или брали съ нихъ взятки. Для спасенія бородъ купцы должны были запасаться не только паспортомъ, но и метрическимъ свидѣтельствомъ. Той же участи подвергались и пріѣзжіе въ Ригу или Варшаву студенты, весьма безпечные насчетъ паспортовъ и метрикъ...

Въ кадетскихъ корпусахъ царило то же гардеробное пристрастіе.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, полковникъ В. А—нъ, уморительно рассказываетъ о своемъ пребываніи въ восьмидесятыхъ годахъ въ первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ ротнымъ командиромъ былъ тогда нѣкто К—чъ. Встрѣтитъ бывало и кричить на меня:

— Почему проборъ у васъ съ правой стороны?

— Такъ съ дѣтства,—отвѣчаю.—Почему ему быть слѣва?

— Извольте сдѣлать слѣва!

— Слушаюсь...

Но, чтобы на институтскихъ балахъ не имѣть солдатскаго вида, я сдѣлалъ себѣ прическу à la Carou! одну часть волосъ гладко причесалъ, а другую взбилъ хохломъ... Это еще менѣе нравилось К—чу, чѣмъ проборъ справа.

— Другая прическа не выходитъ,—оправдывался я...

— Никакой прически не требуется! Волосы растутъ, а прическу не смѣтъ выдумывать... Никакой прихотливости! Вы и фуражку носите уланомъ... набекрень... Носите прямо!

Въ царствованіе императора Александра III, въ дополненіе къ распоряженію 1874 г. за № 241, высочайшимъ указомъ отъ 26 апрѣля 1881 г. за № 106, по военному вѣдомству, повелѣно:

1) предоставить вообще всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и класснымъ чиновникамъ носить бороды по желанію и 2) нижнимъ чинамъ войскъ гвардіи и гренадеръ впредь бородъ не брить.

Введена также въ войскахъ и полурусская одежда.

Наконецъ приказъ по военному вѣдомству при нынѣ царствующемъ императорѣ Николаѣ II, отъ 10 марта 1901 г. за № 96, гласить: «Государь императоръ въ 20-й день февраля сего года высочайше повелѣтъ соизволилъ разрѣшить:

«1) юнкерамъ военныхъ и юнкерскихъ училищъ носить: усы, бороду и бакенбарды;

«и 2) всѣмъ кадетамъ и воспитанникамъ Вольской военной школы носить усы, но бороду и бакенбарды брить».

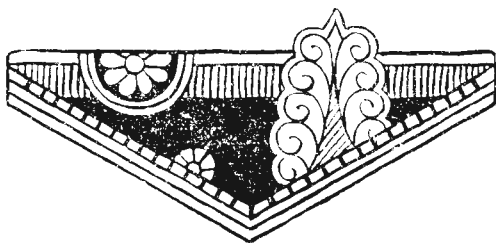
Юнкера, какъ находящіеся уже на дѣйствительной службѣ, могутъ въ настоящее время щеголять волосоразрѣшеніемъ лица; но кадеты, какъ воспитанники, имѣютъ право на одни усы. Придворная прислуга, за исключеніемъ кучеровъ, не носить и усовъ...

Надо думать, что наступилъ конецъ страданіямъ за невинныя украшенія мужского лица волосами... Борода потеряла какъ религіозное, такъ и податное значеніе; перестала быть знаменемъ консерватизма или либерализма. Но вся ея многострадальная исторія ярко характеризуетъ бытовыя особенности нашего прошлаго. «Съ нею,—говоритъ одинъ изслѣдователь старины,— связано все, чѣмъ нерадостна была жизнь народа: борода — это двойной подушный окладъ, ношеніе указнаго платья, преслѣдованіе, разореніе, острогъ»...

Останавливаясь на прошломъ русской бороды, невольно вспоминаешь различіе въ умственномъ ростѣ Западной Европы и Россіи. Тамъ защитники Платона спорятъ со сторонниками Аристотеля; номиналисты съ реалистами; католики съ дѣятелями гуманизма, «возрожденія» и реформаціи; протестанты съ евангелическими социалистами въ родѣ Томы Мюнцера и анабаптистовъ, и наконецъ изъ всего этого вырабатывается школа *des libres penseurs*. А у насъ исконно-русское творчество изощряется долгіе годы на столь ничтожныхъ для теоретическаго мышленія темахъ, какъ многословіе объ апостольскомъ образѣ съ бородой или «блудноносномъ» безъ бороды; какъ схоластическія распри изъ-за лѣтосчисления не отъ сотворенія міра, 1-го сентября, какъ было принято, а отъ дня рождества Христова, «восемь дней спустя»; какъ споры о томъ, двоить или троить аллилуя; ходить по солонь или противъ; поклоняться восьмиконечному или четырехконечному кресту; церковь должна быть съ однимъ куполомъ или пятиглавая, какъ символъ Христа съ четырьмя евангелистами; писать Иисусъ или Исусъ; читать въ символѣ вѣры «нѣсть конца» или «не будетъ конца»; «Трисвятую пѣснь припѣвающе» или «Трисвятую пѣснь приносяще»; богоугоднѣ ли двуперстники или щепотники; «древлее благочестіе» или Никоновское рукоположеніе; апокалиптическое число 666 означаетъ ли петровскихъ сенаторовъ, если вести по славянскимъ буквамъ счетъ въ словахъ «сенатрѣ» и «императорѣ», или это звѣриное число — пустой вымыселъ старо-еврейской книги, и на-

конецъ попадутъ ли въ царствіе небесное «табашники» и «брито-усы»? Сколько потрачено лучшихъ духовныхъ силъ въ этихъ бесплодныхъ спорахъ... «Сколько несчастныхъ жертвъ,—замѣчаетъ Есенивъ,—пало подъ мечемъ Петровскаго закона о бритіи бородъ, о ношеніи нѣмецкаго платья, сколько истязаній вытерпѣли русскіе люди, сколько заплатили денегъ взяточникамъ, а русская борода и русскій кафтанъ съ лица земли Русской не исчезли»...

А. И. Фаресовъ.

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ-САМОЗВАНЕЦЪ.

В ПОСЛѢДНЕЕ время въ газетахъ, журналахъ, судебныхъ хроникахъ и другихъ источникахъ все чаще и чаще встрѣчаются свѣдѣнія, что штундизмъ, пріостановившійся было въ своемъ развитіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начавшій даже исчезать, снова сталъ распространяться. Явленіе грустное, тѣмъ болѣе, что теперь штундизмъ уже не тотъ невѣдомый, свалившійся, какъ снѣгъ на голову, врагъ православія, какимъ казался онъ въ первое время своего появленія администраціи и нашему духовенству. Теперь уже болѣе или менѣе извѣстны и сущность его, и происхожденіе, и способы его распространенія, и обстоятельства, благопріятствовавшія этому распространенію, и тѣ мѣры, которыя наиболѣе удобны и цѣлесообразны въ борьбѣ съ нимъ.

Интересуясь вопросомъ о причинѣ неожиданнаго подъема силъ и энергіи у штундизма и зная по личнымъ даже наблюденіямъ, какъ много содѣйствовало успѣхамъ его прежде беспощадное преслѣдованіе за одну принадлежность къ нему, я по теоріи вѣроятности пришелъ къ заключенію, что та же причина вызвала и тѣ же послѣдствія. Мое предположеніе подтвердилось. Судебныя газеты сообщали, что штундисты привлекались къ отвѣтственности за то лишь, что собирались для общественной молитвы, безъ нарушенія благочинія и порядка. Не странно ли видѣть, что рядомъ съ мир-

ною дѣятельностію почтенныхъ миссіонеровъ въ родѣ іеромонаха, отца Арсенія, возвратившаго въ лоно православной церкви много заблуждавшихся, возобновляются и устарѣлыя, давно оказавшіяся негодными въ религиозной борьбѣ средства? И они дѣлають свое дѣло, проще говоря, портяť дѣло и мѣшаютъ оканчивать его дѣятелямъ умѣлымъ. Какъ бы то ни было, фактъ налицо: штундизмъ, походившій недавно на умирающій организмъ, началъ поправляться.

Въ силу этого интересно поближе присмотрѣться къ тѣмъ вожакамъ штундизма, которые являются наиболѣе фанатичными пропагандистами его и, присвоивъ себѣ званіе пресвитеровъ и даже протопресвитеровъ, ставятъ себя во главѣ секты.

Вотъ предо мною поднимается фигура одного изъ такихъ вожаковъ, нѣкоего «протопресвитера» Іоанна Козловскаго. Это былъ настоящій, чистокровный типъ авантюриста и проходимца, какъ читатели увидятъ изъ его біографіи. Столкнуться съ этой курьезной личностію мнѣ пришлось по службѣ, когда набралось уже достаточно матеріала для характеристики его дѣятельности, имѣвшей вызывающій, воинственный характеръ. Самое появленіе этого человѣка въ городѣ, гдѣ я служилъ судебнымъ слѣдователемъ, совершилось при не совсѣмъ обычныхъ обстоятельствахъ. Городъ этотъ, стоящій въ центрѣ одной изъ юго-западныхъ губерній, окруженъ хуторами, примкнувшими уже непосредственно къ нему и образовавшими его предмѣстья, населенныя мѣщанами. Въ одномъ изъ такихъ предмѣстій я засталъ небольшой кружокъ штундистовъ; но кружокъ этотъ не былъ фанатиченъ, не обнаруживалъ пропаганды, не производилъ никакихъ уличныхъ демонстрацій, въ родѣ торжественнаго погребенія покойниковъ, съ пѣніемъ на улицѣ гимновъ и т. п. Между тѣмъ мѣстныя условія для распространенія штундизма были въ этомъ уголкѣ, повидимому, самыя благопріятныя. Дома стоятъ въ глубинѣ садовъ и даже рощицъ, гдѣ ихъ и не видно, и гдѣ, слѣдовательно, собираться для общественной молитвы было вполне безопасно. Полиція въ эту глухую мѣстность обыкновенно и не заглядывала. Народъ жилъ тамъ простой, темный, представлявшій весьма удобную почву для пропаганды. Но, какъ уже сказано, ея или вовсе не было, или она не имѣла успѣха, можетъ быть, потому именно, что штундистовъ никто не трогалъ, и о штундизмѣ никто изъ православныхъ тамошнихъ и не думалъ.

Но вотъ въ одну ночь въ домъ одного изъ тамошнихъ штундистовъ кто-то постучалъ. Въ домѣ этомъ жили старикъ съ женой и ихъ дочь съ зятемъ, или же сынъ съ невѣсткой. Двое послѣднихъ уже были совращены въ штундизмъ, но держались его, что называется, про себя, и мирно жили съ своими родными и съ православными сосѣдями. Когда ночному гостю отворили дверь, и онъ вошелъ въ комнату, оказалось, что это — молодой человѣкъ,

по костюму не изъ простонародія. Онъ назвалъ себя странникомъ и попросился на ночлежь. Старуха, какъ будто предчувствуя что-то недоброе, сначала было не соглашалась, но, уступая просьбѣ молодыхъ супруговъ, позволила страннику помѣститься въ домѣ. По-видимому, онъ, стучась въ этотъ домъ, зналъ уже о религіозномъ раздвоеніи жившей здѣсь семьи и о томъ, кто именно изъ семьи совратился въ штундизмъ. Не теряя времени, онъ обнаружилъ цѣль своего прихода. Въ ту же ночь или на другой день, увидѣвъ въ домѣ иконы, онъ сталъ упрекать молодыхъ членовъ семьи за то, что они терпятъ у себя «идоловъ». Упреками онъ не ограничился и началъ настаивать, чтобы иконы были выброшены. Но тутъ онъ встрѣтилъ такой энергичный отпоръ, котораго онъ никакъ не ожидалъ. Старуха, мало возражавшая на его рѣчи, наполненные текстами, услыжавъ, что дѣло идетъ о поруганіи святыхъ иконъ, не выдержала. Кровь взволновалась, и, не имѣя подъ руками болѣе удобнаго оружія, она быстро сбросила съ своей ноги тяжелый башмакъ (надѣвается онъ малороссіянками обыкновенно на босую ногу и поэтому легко снимается) и начала бить гостя по чему попало. За гостя вступился кто-то изъ молодыхъ, старуху поддержалъ старикъ, и пошла свалка. Крики, шумъ подняли на ноги сосѣдей. Узнавши, въ чемъ дѣло, православные вышли изъ себя и начали бить окна въ домахъ штундистовъ. Явилась полиція, остановила буйство, произвела дознание о происшествіи, вызванномъ таинственнымъ пришельцемъ, но его самого уже не нашла. Какъ только онъ увидѣлъ, что столкновение можетъ дурно для него окончиться, онъ куда-то убрался подобру-поздорову.

Появленіе его надолго, однако, оставило слѣды. Православные, узнавши объ иконоборческомъ направленіи штундистовъ, стали относиться къ нимъ съ нескрываемымъ отвращеніемъ и ожесточеніемъ. Послѣдніе въ свою очередь начали злобно кощунствовать, съ цѣлью оскорбить религіозное чувство православныхъ. На улицѣ происходили религіозные споры и затѣмъ ссоры.

Поводомъ служили самыя разнообразныя обстоятельства. Приходить, напримѣръ, въ лавочку одинъ отставной солдатъ, отличавшійся среди штундистовъ особеннымъ озлобленіемъ ко всему православному, и просить деревяннаго масла. Зналъ ли купецъ, что покупатель штундистъ, и хотѣлъ его подразнить и вызвать на откровенность, или же просто по словоохотливости, отъ нечего дѣлать, отпуская масло, онъ спросилъ покупателя: «должно быть, для лампадки берешь, предъ иконами зажечь?» Солдатъ съ какою-то дикою яростью отвѣчалъ: «лампадку предъ иконами? Да я имъ, такимъ, сякимъ идоламъ, очи керосиномъ повыпекаю!» (повыжигаю). Фраза доходитъ до православныхъ, возмущаетъ ихъ. Солдата схватываютъ, бьютъ. Злоба въ немъ растетъ еще больше, и онъ то и дѣло, что кощунствуетъ.

Кстати упомянуть здѣсь, что личность этого ожесточеннаго кощунна, привлеченнаго мною къ отвѣтственности, по сообщеніямъ полиціи, невольно меня заинтересовала.

Откуда у него,—задавалъ я себѣ вопросъ,—это озлобленіе, эта страшная ненависть къ православію? Положимъ, раздули ее преслѣдованія, побои, насмѣшки и издѣвательства; но что же впервые вызвало ихъ? Ожидать отъ самого обвиняемаго искреннихъ отвѣтовъ на эти вопросы было невозможно. При первомъ же допросѣ онъ обнаружилъ самое упорное заpiresательство и отрицаніе всего, приписаннаго ему полиціей и подтвержденнаго свидѣтелями. Я пробовалъ было вывести его на задушевный, откровенный разговоръ простою рѣчью о томъ, что никто не думаетъ преслѣдовать его за то только, что онъ штундистъ, но что очень дурно онъ дѣлаетъ, что оскорбляетъ священные для православныхъ предметы. Если ему непріятно, когда начнутъ издѣваться хотя бы надъ гимнами, которые онъ распѣваетъ, то какъ же позволяетъ онъ себѣ издѣваться надъ святымъ крестомъ, святыми иконами и т. д.? На все это онъ отвѣчалъ упорно: «напрасно это на меня показываютъ. Знать ничего не знаю!».

Пришлось собирать свѣдѣнія на сторонѣ, и я узналъ нѣчто неожиданное. Солдатъ этотъ прежде служилъ при мѣстномъ исправникѣ старшимъ полицейскимъ, съ званіемъ разсылнаго. Въмѣстѣ съ исправникомъ онъ часто ѣздилъ въ гнѣзда штундистовъ; при немъ и съ его участіемъ исправникъ и поселенный въ штундистскихъ селеніяхъ полицейскій чиновникъ разгоняли собиравшихся для общественной молитвы штундистовъ, арестовывали многихъ изъ нихъ. Эта постоянная травля видимо возмутила человѣчное чувство въ солдатѣ, человѣкѣ въ большинствѣ случаевъ весьма чувствительномъ, вызвала сожалѣніе и сочувствіе къ штундистамъ, а отсюда было недалеко уже и до сочувствія къ самому вѣроученію секты. Присоединившись же къ ней, онъ при первомъ же нападеніи православныхъ на штундистовъ, вызванномъ таинственнымъ странникомъ, вспомнилъ тѣ систематическія нападенія на нихъ, въ которыхъ самъ нѣкогда долженъ былъ принимать участіе по долгу службы, по приказанію начальства, и понятно, что ничего, кромѣ озлобленія, эти воспоминанія въ немъ и не могли вызвать.

Послѣ описаннаго мною столкновенія православныхъ съ штундой прошло нѣсколько времени. Былъ воскресный день. По этому случаю, а главнымъ образомъ вслѣдствіе ярмарки на торговой площади того самаго города, о которомъ и выше шла рѣчь, собралась масса народа. По площади проходилъ скромно одѣтый деревенскій священникъ, пожилой, съ кроткой наружностью. Въ толпѣ къ нему присталъ молодой человѣкъ въ поношенномъ, но не простонародномъ платьѣ, съ угрюмой и антипатичной фізіономіей и началъ выкрикивать: «вотъ жрецъ длинноволосый, фарисей съ

широкими воскрыліями!» и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Священникъ былъ очень сконфуженъ публичнымъ оскорбленіемъ и спросилъ у буяна, что ему нужно, что онъ позволяетъ себѣ ругательства. Ихъ окружила тѣснѣе толпа, и это, повидимому, придало еще болѣе дерзости буяну. Отъ насмѣшекъ надъ священникомъ онъ перешелъ къ глумленію надъ православною церковью. Но тутъ не позволили ему долго разговаривать, призвали полицію, и онъ былъ арестованъ. Оказалось, что это—тотъ самый странникъ, который не задолго предъ тѣмъ попросился ночевать въ предмѣстьѣ города и вызвалъ столкновеніе штундистовъ съ православными. На допросѣ въ полиціи онъ назвалъ себя причетническимъ сыномъ, Іоанномъ Козловскимъ, а на требованіе объяснить, за что онъ оскорбилъ священника и кощунственно отзывался о православной церкви, онъ сначала отвѣчалъ отрицаніемъ всего, въ чемъ его обвиняли; затѣмъ, когда его уличили во лжи, онъ не только признался въ кощунствѣ, но вступилъ въ религіозную полемику съ производившимъ дознаніе полицейскимъ чиновникомъ и во время этой полемики довелъ свое кощунство до высшей степени. Такимъ образомъ къ прежнимъ двумъ обвиненіямъ присоединилось третье, и дѣло, въ которомъ были сгруппированы всѣ три обвиненія, полиція прислала мнѣ вмѣстѣ съ обвиняемымъ и найденнымъ у него мѣшкомъ съ разными вещами.

Я былъ судебнымъ слѣдователемъ уже нѣсколько лѣтъ, произвелъ немало самыхъ разнообразныхъ слѣдствій о всевозможныхъ преступленіяхъ, перевидалъ цѣлыя тысячи всякихъ людей и естественно не могъ не сдѣлаться фізіогномистомъ и при первомъ же взглядѣ на обвиняемаго опредѣлять по большей части безошибочно свойства его натуры. Впечатлѣніе, произведенное на меня Козловскимъ, когда я пытливо взглянулъ на него, было крайне непріятное. Я увидѣлъ, что имѣю дѣло съ однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей той породы проходимцевъ, или, какъ выражаются малороссы, «пройдисвѣтовъ», гдѣ волчья смѣлость и жестокость соединяются съ лисьей хитростью и изворотливостью. Представьте себѣ здороваго, краснощекаго молодца лѣтъ около 30, съ бѣгающими, безпокойными глазами, съ мѣняющимся вообще выраженіемъ лица, съ переходами отъ наглости къ удрученному, жалкому виду и обратно. Нужно замѣтить, что я читалъ дознаніе о Козловскомъ при немъ же и во время чтенія имѣлъ возможность наблюдать за нимъ въ такіе моменты, когда онъ на меня не смотрѣлъ и не чувствовалъ, что за нимъ наблюдаютъ. Вотъ въ эти моменты, когда онъ не имѣлъ надобности придавать своему лицу искусственное выраженіе, оно имѣло суровый, злой, волчій видъ. Но стоило лишь его глазамъ встрѣтиться съ моими, и онъ моментально принималъ другой видъ. Являлась угнетенная внѣшность, мелькало нѣчто заискивающее, молящее о жалости, слыша-

лись вздохи, глаза поднимались вверхъ, какъ бы ища неба. Словомъ, предо мною стоялъ интересный экземпляръ «пройдисвѣта».

Начался формальный допросъ обвиняемаго и прежде всего, конечно, о его происхожденіи, воспитаніи, прежней жизни. Оказалось, что видалъ онъ на своемъ вѣку немало. Родившись въ юго-западномъ краѣ отъ причетника церковнаго, онъ получилъ самое ничтожное образованіе и дальше первыхъ классовъ училища не пошелъ, а очутился монастырскимъ послушникомъ или служкой. Самому ли ему не понравилось это положеніе, или его прогнали, но только послѣ монастыря онъ появляется въ К. духовной академіи, не въ качествѣ студента, конечно, а въ роли служителя академическаго. Затѣмъ, сферу духовную онъ мѣняетъ на чиновничью и переходитъ въ письмоводители къ становому приставу. Не долго продержался онъ и здѣсь, очутился безъ мѣста и пошелъ странствовать. И вотъ однажды, по его словамъ, видитъ онъ небо отвертое и на облакахъ Матерь Божию съ Иисусомъ Христомъ въ видѣ младенца на рукахъ и слышитъ неизвѣстно откуда голосъ: «иди и проповѣдуй мое ученіе, потому что его забыли на землѣ, и нѣтъ теперь истинной церкви». При этихъ словахъ рассказчика я внимательно взглянулъ на него. Онъ замѣтно смутился, покраснѣлъ, и лицо его приняло какое-то лукавое выраженіе. Въ уголкахъ его глазъ замѣтны были тѣ едва уловимыя искорки, которыя наблюдательный человѣкъ можетъ примѣтить у балагура, когда онъ рассказываетъ что нибудь забавное, а самъ старается сохранить серьезный видъ. Шарлатанство Козловскаго принимало слишкомъ нахальные размѣры, и мнѣ захотѣлось сейчасъ же изобличить его во лжи.

— Откуда же именно послышался таинственный голосъ? — спросилъ я его:—сверху, сбоку или снизу?

— Не знаю.

— Какъ не знаю? Вѣдь вы же слышали голосъ, значитъ, могли чувствовать и то, съ какой стороны онъ раздается!.. Ну, а каковъ былъ тонъ этого голоса, на что онъ походилъ?

Вмѣсто отвѣта Козловскій только вздохнулъ. Я не выдержалъ и размѣялся, говоря ему:

— Неужели вы думали, обморочите меня, какъ морочили уже, вѣроятно, мужичковъ? Какъ вамъ не стыдно выдумывать видѣнія и голоса! Ну, попробуйте посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза и сказать, что ваше видѣніе не вздоръ. Вѣдь ваши рассказы вызываютъ только смѣхъ.

И я опять размѣялся, глядя пристально на Козловскаго. Не удержался тутъ и онъ, и въ свою очередь фыркнулъ, но тотчасъ же спохватился, что выдалъ себя, и снова принялся вздыхать съ унылымъ видомъ.

Я продолжалъ допросъ, при чемъ старался выяснитъ, какое же собственно новое вѣроученіе, претендовавшее на «возобновленіе ис-

тинно Христовой церкви», проповѣдывалъ Козловскій. Оказалось, что все оно сводилось къ общеизвѣстнымъ штундистскимъ принципамъ: къ отрицанію церковно-обрядовой стороны христіанства, къ уничтоженію иконъ, крестовъ и духовенства, какъ сословія. Я вздумалъ проэкзаменовывать этого проповѣдника новаго ученія и предложилъ ему объяснить, на чемъ онъ основываетъ свой отрицательный взглядъ на вышеуказанные предметы. Тутъ выразилось его полное невѣжество и неразвитость. Приводимыхъ имъ текстовъ Священнаго Писанія онъ совсѣмъ не понималъ и толковалъ ихъ крайне бессмысленно. Тѣмъ не менѣе онъ признался, что состоитъ «протопресвитеромъ» у штундистовъ, которыхъ онъ называлъ «новообращеннымъ русскимъ братствомъ». Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на этого малограмотнаго «протопресвитера» и не могъ не выразить ему своего негодованія на то, какъ онъ могъ позволить себѣ пробраться въ протопресвитеры и при отсутствіи всякихъ знаній и развитія быть не только учителемъ темнаго люда, но и наставникомъ пресвитеровъ штунды.

— Вѣрите ли вы въ Бога? Есть ли у васъ совѣсть, Козловскій? — говорилъ я ему: — вѣдь вы же сами хорошо знаете, что вы слѣпой, темный человѣкъ, что вы ровно ничего не понимаете въ священномъ писаніи. Какъ же вы беретесь учить народъ, вести другихъ слѣпцовъ? Куда, кромѣ заблужденія и погибели, можете вы привести? Вѣдь вы же должны понимать, какую тяжкую отвѣтственность предъ Богомъ вы на себя берете?

Помню, что мои слова сначала на него подѣйствовали такъ сильно, что онъ заплакалъ; но это продолжалось недолго. Нагура авантюриста взяла свое, и онъ вмѣсто самозащиты перешелъ къ дерзкимъ нападкамъ на православное духовенство, которое будто бы ничему не учить народъ, а только обираетъ его. Рѣзкимъ звонкомъ находившагося въ камерѣ колокольчика я прервалъ его изліянія и продолжалъ допросъ, перейдя, наконецъ, къ преступленіямъ, въ которыхъ онъ обвинялся. Здѣсь я встрѣтилъ въ немъ самое упорное заpiresательство, какъ относительно кощунства, такъ и относительно оскорбленія священника. Признаніе, сдѣланное имъ въ полиціи, онъ отвергалъ, какъ вынужденное.

Перейдя къ осмотру задержаннаго полиціей мѣшка Козловскаго съ разными вещами, я нашелъ тамъ два предмета, заслуживающіе вниманія: книгу или Новаго Завѣта, или Сборникъ гимновъ, распѣваемыхъ штундистами, съ надписью на ней, что она принадлежитъ «протопресвитеру Іоанну Козловскому», и, къ удивленію своему, изображеніе Божіей Матери на бумагѣ, изъ числа тѣхъ, которыя разносятся по деревнямъ коробейниками.

— Какъ же это такъ, — сказалъ я Козловскому: — вы отвергаете иконы, требуете ихъ уничтоженія, а сами зачѣмъ-то прячете у себя это изображеніе Божіей Матери? Что же за смыслъ въ вашихъ словахъ

и въ вашихъ дѣйствіяхъ, если вы и сами не вѣрите тому, что пропо-
вѣдуете другимъ? — Уличенный въ отсутствіи убѣжденій, шарла-
танъ растерялся, но потомъ сталъ объяснять находженіе у него
изображенія Богоматери тѣмъ, что въ такомъ самомъ видѣ, какъ
она тамъ изображена, онъ видѣлъ ее на небѣ.

— Перестаньте повторять небылицы, которымъ вы сами не
вѣрите! — прервалъ я его, и онъ въ смущеніи замолчалъ. По
окончаніи осмотра и допроса мнѣ оставалось принять противъ
обвиняемаго одну изъ такъ называемыхъ мѣръ для пресѣченія
ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Легчайшая
изъ этихъ мѣръ — отобраніе вида на жительство или подписка
о неотлучкѣ съ мѣста пребыванія; затѣмъ идутъ—отдача подъ
особый надзоръ полиціи, поручительство, залогъ и, наконецъ,
взятіе подъ стражу. Я задумался надъ вопросомъ, какая изъ
этихъ мѣръ будетъ въ данномъ случаѣ наиболѣе пригодной. Мои
размышленія были прерваны просьбой Козловскаго о томъ, чтобы
я его посадилъ въ тюрьму. Сначала неожиданность этой просьбы
поразила меня. Зачѣмъ онъ просится въ тюрьму, да еще въ
тюрьму уѣздную, крайне неудобную?.. А вотъ зачѣмъ,—мельк-
нуло у меня въ головѣ: — вѣдь это — несомнѣнный шарлатанъ
и опытный пройдоха, который ничѣмъ не брезгаетъ для достиже-
нія цѣли; а цѣль у него очевидно та, чтобы пріобрѣсть побольше
вліянія на темную штунду. Сказка о видѣніяхъ уже сослужила
ему службу: болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ протопресвитеры онъ и
попалъ-то, благодаря этой сказкѣ, принятой съ вѣрою суевѣрной
толпой штунды. Теперь онъ хочетъ попасть въ тюрьму, чтобы
прослыть мученикомъ за свою вѣру, и тогда онъ войдетъ окон-
чательно въ славу между штундистами, пріобрѣтетъ неограниченное
вліяніе на нихъ. Въ тюрьму итти ему и не страшно. Онъ можетъ
на-дняхъ же устроить себѣ освобожденіе, представивъ нѣсколько
поручителей изъ штундистовъ же, а ореолъ мученика уже будетъ
окружать его. Всѣ эти соображенія мигомъ пронесли въ головѣ
моей, и я высказалъ ихъ ему, прибавивъ, что, несмотря на все его
желаніе, въ тюрьму я его не посажу и не дамъ возможности вы-
давать себя за мученика. Нужно было видѣть выраженіе лица
Козловскаго въ это время, чтобы понять, какъ мѣтко я попалъ не
въ бровь, а прямо въ глаза. Злость, свирѣпая злоба изобличен-
наго негодяя видѣлась явно въ его глазахъ.

— Что же вы со мной сдѣлаете?—сурово спросилъ онъ.

— Отдамъ подъ особый надзоръ полиціи, а она будетъ на-
блюдать, чтобы вы не проповѣдывали другимъ чепуху, которой
сами не вѣрите, не дурачили бы глупцовъ и не обижали людей, ко-
торые вамъ ничего дурного не сдѣлали.

— А, и вы за духовенство? — прервалъ онъ меня и снова на-
бросился на него. Своимъ звонкомъ я заставилъ его замолчать; за-

тѣмъ внушилъ, что не ему, жалкому недоучкѣ, праздношатающемуся и навѣрное обирающему штундистовъ-крестьянъ и живущему на ихъ счетъ, быть судьей духовенства, — и велѣлъ полицейскому увести его.

Слѣдствіе продолжалось; допрашивались лица, бывшія свидѣтелями преступленій, въ которыхъ обвинялся Козловскій, собирались свѣдѣнія о его прежней дѣятельности, а онъ въ это время жилъ подъ надзоромъ полиціи въ городѣ, гдѣ производилось слѣдствіе. Жизнь его очень интересовала меня, и мнѣ было весьма желательно знать подробно: что именно онъ дѣлаетъ, гдѣ бываетъ и т. д. Къ сожалѣнію, это было невозможно. Несмотря на отдачу его подъ «особый», т. е. исключительный, усиленный надзоръ полиціи, этотъ надзоръ былъ почти фактивнымъ. Онъ давалъ лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ проводилъ свой день Козловскій. Оказалось, что онъ никакихъ постоянныхъ занятій не имѣлъ и, повидимому, не желалъ имѣть. По натурѣ ли, или по страннической привычкѣ ничего не дѣлать, онъ былъ лѣнтяй и большею частію бродилъ по городу, изрѣдка занимаясь какою-то письменною работою. Заходя изрѣдка въ полицію по обязанности, «для явки», а иногда и по собственному желанію, онъ затѣвалъ религіозные споры съ солдатиками, служившими городскими, въ спорахъ этихъ, конечно, забрасывалъ ихъ словами и этимъ страшно злилъ ихъ. Ихъ волновало, какъ волнуетъ всякаго простого человѣка съ здравымъ смысломъ и съ чувствомъ правды, то обстоятельство, что Козловскій говорилъ вздоръ очевидный, нелѣпости котораго онъ и самъ не могъ не сознавать, а между тѣмъ этотъ вздоръ онъ защищалъ, какъ истину, и неумолкаемымъ словоизверженіемъ отнималъ у нихъ возможность разоблачить вздоръ. По слухамъ, бывалъ Козловскій и у городскихъ штундистовъ, но или совѣмъ не пропагандировалъ штундизма, или пропагандировалъ очень осторожно. Можетъ быть, онъ потерялъ и обаяніе въ глазахъ штундистовъ, которые, видя его на свободѣ, могли прійти къ заключенію, что онъ, должно быть, — не важный проповѣдникъ штундизма, если на него и вниманія не обращаютъ. Физиономія Козловскаго, часто со мной встрѣчавшагося, становилась все угрюмѣе.

Такъ прошло нѣсколько времени. Былъ конецъ Великаго поста. Весна уже настала, природа проснулась отъ зимняго сна и какъ бы праздновала свое пробужденіе усиленною жизнью. Стояли чудные дни той южной весны, которая бодритъ и оживляетъ всякаго человѣка. Чувствовались порывы къ чему-то особенному, тянуло изъ города куда-то, въ невѣдомую даль... Въ одинъ изъ такихъ дней, наканунѣ Пасхи, явился ко мнѣ Козловскій и сталъ убѣдительно просить позволенія отправиться на Пасху «къ братьямъ». «Къ какимъ братьямъ?» — спросилъ я его и узналъ, что подъ братьями онъ понимаетъ штундистовъ села К. Просьбу свою онъ

объяснилъ тѣмъ, что въ городѣ ему и разговѣться хорошенько не удастся, не у кого, а тамъ онъ и подкрѣпится хорошо и съ братьями повидается. Было не совсѣмъ осторожно отпустить Козловскаго въ К. Это значило въ нѣкоторомъ родѣ облегчить ему пропаганду. Но, съ другой стороны, не вѣкъ же будетъ онъ сидѣть въ городѣ, да притомъ же, сидя въ городѣ, развѣ не можетъ онъ дѣлать того же, что можетъ дѣлать въ селѣ К.? Наконецъ, оставлять его въ городѣ среди чужихъ, не дать ему въ великій и радостный день возможности повидаться съ людьми, болѣе или менѣе ему близкими, раздѣлить съ ними пасхальную трапезу было бы просто излишнею жестокостью. Вотъ почему я не рѣшился удерживать Козловскаго противъ его воли въ городѣ и позволилъ ему отправиться собственно на Пасху въ К. Для успокоенія себя я, впрочемъ, взялъ съ него обѣщаніе не проповѣдывать въ деревнѣ, не вступать въ споры съ православными, не возбуждать и штундистовъ къ тому и вообще держать себя смиренно.

Отпуская его, я не могъ, однако, не пожалѣть о неимѣннѣи у себя порядочнаго представителя такъ называемой «сыскной» полиціи. Будь у меня подъ рукой такой человѣкъ, онъ если бы не опередилъ Козловскаго въ селѣ К., то, навѣрное, одновременно съ нимъ очутился бы тамъ, явился бы въ собраніе штундистовъ, прослѣдилъ бы за дѣйствіями Козловскаго, какъ въ этомъ собраніи, такъ и вообще въ той деревнѣ, и ко времени возвращенія «протопресвитера» въ городъ я могъ бы имѣть уже самыя обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятельности Козловскаго среди «братьевъ». Къ сожалѣнію, мнѣ оставалось только мечтать о такомъ систематическомъ наблюденіи надъ Козловскимъ, а поручить его было рѣшительно некому. Даже и представитель такъ называемой «наружной» полиціи, становой приставъ, жилъ въ городѣ, вдали отъ села К.

Пасха прошла. Во время праздника до меня доходили неясныя слухи о томъ, что въ нѣкоторыхъ штундистскихъ селахъ на праздникахъ произошли столкновенія штундистовъ съ православными. Затѣмъ явился и Козловскій въ городъ, но онъ пришелъ не по доброй волѣ, а былъ приведенъ по этапу. Оказалось, что даннаго мнѣ обѣщанія воздержаться отъ пропаганды и отъ столкновенія съ православными онъ не сдержалъ. Явившись въ К., онъ пошелъ въ собраніе штундистовъ, знавшихъ его и раньше, занялъ тамъ первое мѣсто между ними, какъ учитель и протопресвитеръ, и началъ проповѣдывать. Вѣроятно, проповѣдь его имѣла озлобленный, воинственный характеръ, такъ какъ результатомъ ея явилась драка, чуть ли не вооруженная, между штундистами и православными. Насколько помнится, въ этой дракѣ сильно помяли бока и главному ея зачинщику, самозванцу-протопресвитеру, который, кажется, и въ городъ былъ доставленъ съ явными слѣдами ожесточенной борьбы, въ коей онъ принималъ участіе. Въ отвѣтъ на мои упреки

въ нарушеніи обѣщанія онъ представилъ себя невинною жертвою страшной злобы православнаго населенія. Какъ бы то ни было, но дальнѣйшія экскурсіи въ деревенскую глушь, гдѣ такъ удобно дурачить простой людъ¹⁾, были запрещены этому авантюристу.

Прошло два-три мѣсяца. Я сталъ уже забывать о Козловскомъ (за окончаніемъ слѣдствія о немъ), какъ вдругъ однажды исправникъ приноситъ мнѣ цѣлую рукопись, чуть-ли не на 10-ти листахъ, и говоритъ, что получилъ онъ ее отъ Козловскаго для доставленія начальнику края и не знаетъ, что съ нею дѣлать, такъ какъ въ ней есть очень серіозныя вещи, но и много чепухи, а главное—наносятся оскорбленія должностнымъ лицамъ. Я обѣщаль просмотрѣть рукопись, и исправникъ оставилъ ее у меня. Вооружившись терпѣніемъ, принялся я за чтеніе ея, и чѣмъ больше я ее читалъ, тѣмъ большій интересъ получала она въ глазахъ моихъ. Среди массы малопонятныхъ и даже бессмысленныхъ фразъ, испещренныхъ совершенно неумѣстными вставками текстовъ священнаго писанія, попадались довольно толковыя выраженія, сквозили малороссійскій юморъ, мелькали рельефныя и живыя картины мѣстнаго быта. Тутъ увидѣлъ я, что Козловскій не даромъ прожилъ въ городѣ, подъ надзоромъ, нѣсколько мѣсяцевъ, что у него очень наблюдательная натура, и что онъ собралъ немало матеріаловъ для характеристики мѣстной жизни. Его особенно, повидимому, интересовалъ чиновничій кружокъ, и онъ изучилъ не только общія слабости и недостатки этого кружка, но даже и особенности отдѣльныхъ его представителей. Какимъ таинственнымъ способомъ могъ онъ подробнѣйшимъ образомъ узнать бытъ и характеръ, а особенно грѣшки чуть не каждаго чиновника въ городѣ, я никакъ не могъ себѣ уяснить. Я давно зналъ многихъ членовъ описаннаго Козловскимъ кружка, но до прочтенія его курьезной рукописи даже и не подозрѣвалъ того, на что она указывала, и, признаюсь, многому въ ней не вѣрилъ.

Общее содержаніе рукописи, написанной въ формѣ прошенія на имя генераль-губернатора края, было таково. Въ настоящее время правды нѣтъ на свѣтѣ. Духовенство, обязанное просвѣщать народъ и учить его добру, совсѣмъ забыло и оставило эту обязанность. Оно все предалось страсти къ наживѣ, живетъ только для нея и безжалостно обираетъ народъ. Чиновничество дѣломъ не занимается, а только играетъ въ карты, пьянствуетъ и обираетъ народъ и всѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Взятки берутся и деньгами, и лошадьми, и экипажами. Полиція давитъ народъ. Слѣдователь тому, кто къ нему попадаетъ, не даетъ много разгова-

¹⁾ Не даромъ малороссы, вида какого нибудь ловкаго человѣка, говорятъ обыкновенно: «его бѣ на село, людей дуришь», давая понять, что нигдѣ такъ нельзя удачно дурачить людей, какъ въ селахъ.

ривать и звонкомъ заставляетъ молчать ¹⁾). Суды судятъ неправильно. Народъ бѣдствуетъ. Въ виду своего бѣдственнаго положенія онъ ищетъ спасенія въ штундизмѣ, но съ штундизмомъ можно справиться. Нужно только дать значительное денежное пособіе составителю прошенія, Козловскому, да приказать полиціи исполнять его распоряженія, и онъ обязывается совершенно искоренить штундизмъ.

Можетъ быть, ктонибудь скажетъ, что предложеніе Козловскаго могло заставить сомнѣваться въ нормальности его умственной дѣятельности. Съ перваго взгляда такое предположеніе, пожалуй, возможно, но если вникнуть хорошо въ дѣло, то предположеніе это уничтожится само собой.

Человѣку, знакомому съ сферой полицейской дѣятельности, извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція бываетъ не въ состояніи разслѣдовать преступленіе, открыть и схватить преступниковъ, она обращается за помощью къ какомунибудь искусному сыщику, а иногда и просто къ какомунибудь частному человѣку, обладающему особенною ловкостью. Низшимъ полицейскимъ чинамъ дается въ такомъ случаѣ приказъ исполнять распоряженія человѣка, взявшагося за дѣло, а самъ онъ за свои услуги получаетъ обыкновенно немалое вознагражденіе. Если мы вспомнимъ, что Козловскій, прежде чѣмъ попасть въ штундисты, служилъ писмоводителемъ у станового пристава и, слѣдовательно, не могъ не знать только-что описанныхъ приемовъ, употреблявшихся полиціей въ особенно важныхъ и исключительныхъ случаяхъ, то предложеніе его становится совершенно понятнымъ и характеризуетъ его скорѣе, какъ ловкаго проходимца, а не какъ сумасшедшаго или помѣшаннаго человѣка. И время для подачи его прошенія было выбрано довольно удачно. Козловскій видѣлъ, что администрація уже не игнорируетъ штундизма, какъ въ первое время его появленія; что, напротивъ, она серіозно берется за борьбу съ нимъ и даже прибѣгаетъ къ особеннымъ, исключительнымъ средствамъ въ этой борьбѣ, въ родѣ, на примѣръ, откомандированія особаго полицейскаго чиновника спеціально для наблюденія за штундистами. Отсюда онъ, совершенно понятно, могъ предполагать, что и его предложеніе имѣетъ нѣкоторые шансы на принятіе. По своей недоразвитости, онъ только не умѣлъ правильно его формулировать и нѣсколько, если можно такъ выразиться, пересолить въ опредѣленіи задачи, которую онъ себѣ ставилъ, но, повторяю, ничего безумнаго въ его предложеніи нельзя видѣть. Тѣ, мѣстами бессмысленныя, выраженія, которыя попадались въ его рукописи, и о которыхъ я уже упоминалъ, объяснялись никакъ не психическимъ

¹⁾ Хорошо помню, что другихъ обвиненій, кромѣ этого курьезнаго, онъ ко мнѣ не предъявлялъ.

разстройствомъ Козловскаго, а просто неумѣньемъ его письменно излагать свои мысли и, кромѣ того, стремленіемъ его выражаться фигурально, вычурно и щеголять словами и оборотами, которые ему казались красивыми, и которые онъ понималъ и употреблялъ по-своему. Итакъ, это не былъ умственно больной человѣкъ, но зато въ нравственномъ отношеніи это былъ не только больной, но даже мертвый, погибшій человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ низко нужно пасть, чтобы вести себя подобно Козловскому! Человѣкъ восторженно проповѣдуетъ штундизмъ, фанатически относится къ православію, фанатизируетъ и послѣдователей своихъ, увѣряетъ, что Самъ Христосъ послалъ его быть учителемъ штундизма, готовъ, повидимому, терпѣть даже тюремное заключеніе за свои религіозныя убѣжденія и, въ концѣ концовъ, предлагаетъ все это продать, если ему хорошо заплатятъ. Замѣтите, что, дѣлая свое курьезное предложеніе, онъ даже не отрекался отъ штундизма, какъ человѣкъ, сознавшій искренно свое заблужденіе; нѣтъ, онъ говорилъ только объ усиленіи секты и о томъ, что онъ знаетъ средства уничтожить ее. И этого человѣка, ужасающаго отсутствіемъ всякихъ убѣжденій и всякихъ нравственныхъ правилъ, жалкіе темные люди, штундисты, называли своимъ пастыремъ! Вотъ истинный типъ волка, попавшаго въ пастыри!..

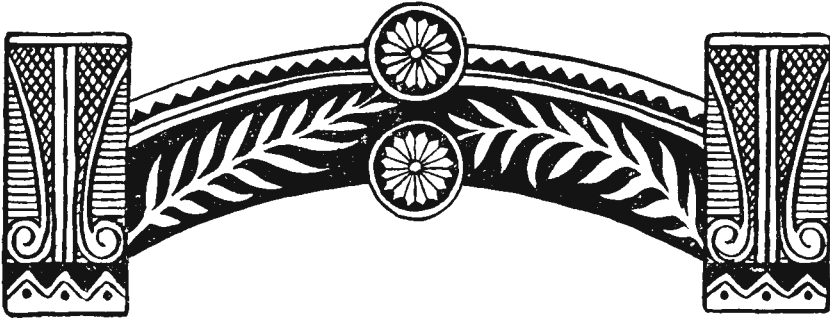
Скоро потерялъ я его изъ вида и не знаю, что сдѣлалъ съ нимъ судъ за концунство и порицаніе вѣры и церкви православной. Его могли посадить въ тюрьму, но при болѣе строгомъ отношеніи къ его преступленію могли приговорить и къ ссылкѣ въ отдаленныя мѣста. Очень жаль, что я не могъ прослѣдить за дальнѣйшей его жизнью. А она не могла окончиться заурядно при тѣхъ свойствахъ авантюриста, которыми въ избыткѣ обладалъ Козловскій.

Заканчивая свой очеркъ, я не могу не вспомнить объ одномъ грустномъ и вмѣстѣ комичномъ эпизодѣ, гдѣ мнѣ пришлось очутиться безъ вины виноватымъ и испытать въ чужомъ пиру похмелье, благодаря рукописи Козловскаго. Какъ я уже сказалъ, описывая мѣстное общество, Козловскій не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ. Густота ихъ бросалась въ глаза и уже сама по себѣ вызывала недовѣріе, заставляла предполагать преувеличеніе. Во мнѣ недовѣріе было тѣмъ существеннѣе, что я уже зналъ Козловскаго, какъ человѣка озлобленнаго и вдобавокъ лгуна. Поэтому въ первое время по прочтеніи рукописи я многому въ ней не повѣрилъ и свободно, въ видѣ простого курьеза, передавалъ, какъ штундистскій протопресвитеръ отдѣлывается мѣстныхъ чиновниковъ. Случилось мнѣ однажды быть у знакомыхъ, гдѣ собрался почти исключительно чиновничій кружокъ. Я и говорю ему, между прочимъ, что Козловскій пишетъ ужасныя вещи о чиновникахъ, представляя ихъ пьяницами, картежниками и взяточниками и увѣряя, что взятки берутся не только деньгами, но чѣмъ попало: лошадьми, экипажами

и т. п. И вотъ съ тѣхъ поръ одинъ изъ видныхъ чиновниковъ (теперь уже сошелъ со сцены) сталъ замѣтно обнаруживать нерасположеніе ко мнѣ. Я могъ только удивляться, такъ какъ рѣшительно не могъ понять, въ чемъ дѣло. Уже долго спустя узналъ я, что, заговоривши, со словъ Козловскаго, о взяткахъ лошадьми и экипажами, я явился нечаяннымъ и невольнымъ обличителемъ бюрократа въ грѣшкахъ любостяжанія. Оказалось, что не задолго передъ моимъ случайнымъ обличеніемъ, онъ за что-то получилъ въ подарокъ коляску, и, когда я заговорилъ о взяткахъ экипажами, онъ подумалъ, что я нарочно бросаю камень въ его огородъ. Этотъ фактъ показываетъ, насколько Козловскій былъ ловкій малый и обладалъ умѣньемъ слѣдить за всѣмъ, что вокругъ него творится. Къ сожалѣнію, вниманіе его привлекали, главнымъ образомъ, дурныя стороны человѣчества, которыя онъ и эксплуатировалъ; его тянуло не къ свѣту, а къ мраку, и только во мракѣ, въ глухой, непроглядной тьмѣ его могли прятать за наставника вѣры и избрать протопресвитеромъ.

А. С. Шугаевскій.

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ АЗОВСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ.

I.

НЕ ОЧЕНЬ давно я прочелъ въ газетахъ замѣтку о томъ, что крупныя землевладѣльцы — наслѣдники Алфераки и княгиня З. Н. Юсупова, — стали распродавать мелкими участками свои богатыя землею пріазовскія имѣнія Дмитріаду и Ровеньки, когда-то славившіяся своимъ плодородіемъ и богатствомъ. Эта газетная замѣтка вызвала во мнѣ цѣлый рой воспоминаній о прошломъ Пріазовскаго края. Я здѣсь родился, и воспоминанія о городахъ Таганрогѣ, Мариуполѣ, Ейскѣ, Ростовѣ-на-Дону, отчасти о Новочеркасскѣ и о многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, селахъ, слободахъ и казачьихъ станицахъ относятся ко времени моего дѣтства и юношества. Земледѣльческую сторону дѣла я знаю отъ своего покойнаго дѣда, десятки лѣтъ служившаго управляющимъ въ имѣніи графа Платова, а бытовую и коммерческую — изъ рассказовъ покойнаго отца, торговавшаго въ Таганрогѣ бакалей и заграничными винами. Большинство же описываемыхъ ниже событій, фактовъ, сценъ и положеній почерпнуто изъ моихъ личныхъ наблюденій, которыя, какъ извѣстно, глубоко западаютъ въ мозгъ въ пору впечатлительнаго юношескаго возраста и съ удивительной свѣжестью сохраняются до старости. Прислушивался я также съ самымъ живымъ интересомъ и къ рассказамъ мѣстныхъ, нынѣ уже покоящихся мирнымъ вѣчнымъ сномъ аборигеновъ, со-

общавшихъ о томъ добромъ старомъ времени, когда край еще только заселялся, когда въ камышахъ донскихъ гирль велась масовая фабрикація фальшивыхъ паспортовъ, въ Нахичевани открыто поддѣлывались кредитные билеты, и по всему побережью господствовало ухарски беззабѣнчивое водвореніе контрабанды.

Разказы и повѣствованія вымершихъ аборигеновъ имѣли свою особую прелесть, благодаря своей фантастичности и богатству вымысла. Но въ то же время они прекрасно характеризовали и тогдашнюю вольницу, и безправіе, и захваты земель, и безтолковую раздачу ихъ пришельцамъ-колонистамъ—турецкимъ грекамъ (джалдосамъ) и нѣмцамъ. О фабрикаціи, напимѣрь, фальшивыхъ денегъ въ Нахичевани рассказывалось, что она явно и открыто велась въ одномъ изъ домовъ, и у дверей этой фабрики сидѣлъ на цѣпи свирѣпый медвѣдь, выказывавшій поползновеніе разорвать въ клочки всякаго любопытнаго, а въ особенности правительственнаго чиновника. Медвѣдь уводился съ своего поста лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжало начальство за полученіемъ своей «законной доли» за молчаніе и попустительство.

Джалдосы, положившіе основаніе городу Маріуполю и до сихъ поръ еще носящіе кличку: «маріупольскіе греки», говорили на смѣшанномъ турецко-греческомъ языкѣ, плохо понимали русскій и акклиматизировались на новомъ мѣстѣ съ большимъ трудомъ. Имъ, по разказамъ аборигеновъ, выдавалась казенная субсидія деньгами и натурою—крупою и мукою. И до сихъ поръ еще на побережьѣ свѣжъ обидный для маріупольцевъ разказъ о томъ, будто предки ихъ, привыкшіе на своей турецкой родинѣ къ пшеничной бѣлой мукѣ и рису, долго не могли понять, для чего русская казна отпустила имъ такіе незнакомые продукты, какъ темная ржаная мука и крупа. По зрѣломъ размышленіи они смѣшали съ водою и то и другое и стали замазывать щели въ домахъ. Страдая, благодаря такому хозяйству, недостаткомъ провіанта, они отрядили будто бы депутацію къ начальству. Начальство приняло будто бы эту депутацію милостиво и спросило:

— Что вы за люди?

— Ми нѣ луди, ми — маріунполскіе грѣкы, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Зачѣмъ вы пришли?

— Ми нѣ прышлы, ми на лошадь прыѣхалы...

Кромѣ фантастическихъ разказовъ у сошедшихъ со сцены стариковъ въ большомъ ходу были юмористическія побасенки, сочиненныя въ пику нахичеванскимъ армянамъ. Нахичевань и Ростовъ-на-Дону теперь уже слились въ одинъ городъ, но тогда они представляли собою двѣ самостоятельныя единицы, расположенныя на разстояніи двухъ верстъ другъ отъ друга. Въ Нахичевани вспыхнулъ большой пожаръ. Своихъ силъ для тушенія не

хватило. Городской голова Хартумъ Ильичъ Халибовъ поскакалъ въ Ростовъ за помощью и сталъ просить ростовскаго голову:

— У насъ балшой поджаръ. Будь добрый человекъ, дай намъ лышній поджарный кишка. Когда, Богъ дастъ, у тебѣ поджаръ будытъ, мы свои два кишка дадымъ...

Другіе рассказы стариковъ о привозѣ фальшивыхъ денегъ изъ Англіи, о контрабандѣ и т. п. я обхожу молчаніемъ, такъ какъ съ этими подвигами связаны имена, нынѣ очень почтенныя. Но главнымъ контрабандистомъ стоустая молва упорно называла нынѣ умершаго архимилліонера на югѣ, турецко-подданнаго купца Марка Вальяно, который, къ слову сказать, и фигурировалъ однимъ изъ первыхъ персонажей на скамьѣ подсудимыхъ въ 1885 году по громкому дѣлу о хищеніяхъ въ таганрогской таможнѣ.

Лѣтъ 50—40 тому назадъ Приазовье было поистинѣ цвѣтущимъ краемъ, поражавшимъ своимъ плодородіемъ даже при тогдашней, сравнительно съ теперешнимъ, низкой земледѣльческой культурѣ. Этому много способствовали даровой крѣпостной трудъ, необычайная тучность степей, не знавшихъ удобреній, и удобство вывоза хлѣба черезъ азовскіе порты за границу. Я еще засталъ благословенныя времена, когда степи не были истощены и распаханы до послѣдняго вершка, и когда въ іюнѣ мѣсяцѣ въ произраставшей на нихъ травѣ могъ спрятаться съ головою взрослый человекъ. Я еще засталъ многіе участки степи заселенными сплошь некультурными, дикими травами, по вершинамъ которыхъ, при знойномъ южномъ вѣтрѣ, ходили, точно по морю, огромныя нѣжныя волны. Теперь этого уже нѣтъ. Теперь уже здѣсь работаютъ глубоко забирающіе плуги и всевозможныя земледѣльческія машины, но уже прежняго плодородія нѣтъ. Вся прежняя сила ушла за границу на иностранныхъ пароходахъ и судахъ вмѣстѣ съ нашимъ зерномъ и жмыхами...

Въ Дмитріадовкахъ, Аѣинахъ, Эпаминондовкахъ (хозяева—выходцы изъ Греціи), Ровенькахъ, Платовкахъ, Иловайскихъ, Княжихъ (хозяева—казаки) и другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, разбросанныхъ по берегу Азовскаго моря и по степямъ, избытокъ зернового хлѣба перекуривался въ спиртъ. Въ многочисленныхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, винокуренныхъ заводахъ «гнались» всевозможныя водки, наливки и настойки, которыми сосѣди-помѣщики хвастали другъ передъ другомъ. Обиліе подножнаго корма давало возможность заводить и содержать табуны степныхъ лошадей и конскіе заводы съ облагороженною кровью. Въ степяхъ выпасались отары овецъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ у каждаго отдѣльнаго хозяина и выхаживались огромныя гурты рогатаго мясного и рабочаго скота. На рабочемъ скотѣ чумаковали и производили сельскохозяйственныя работы, а мясной гоняли въ Москву черезъ Харьковъ и Курскъ. Азовское море давало обилч-

ные рыбные уловы: чебака (леща), сазана (родъ карпа), сулы (судака), чехони, тарани (воблы), всякой мелкой рыбы; въ большихъ количествахъ ловилась красная рыба—осетры, стерляди и бѣлуга. Полуторааршинная стерлядь была не въ рѣдкость, а осетровые и бѣлужьи балыки выдѣлывались огромной величины. Бѣлая рыба въ соленомъ, копченомъ и вяленомъ видѣ распространялась по всей Украинѣ и Новороссіи, а въ зимнее время въ свѣжемъ видѣ доставлялась чумаками на волахъ до Харькова и Курска и оттуда направлялась гужомъ на лошадахъ въ Москву.

Чумачество процвѣтало. Каждый мало-мальски исправный хохоль-крестьянинъ, имѣлъ отъ одной до нѣсколькихъ паръ круторогихъ мускулистыхъ, крѣпкихъ воловъ и бороздилъ ими степь по всемъ направленіямъ, вывозя изъ Крыма соль, доставляя въ города хлѣбъ и перевозя по шляхамъ разныя тяжести и товары. Шляхи (большія дороги) были шириною до тридцати сажень и тянулись безконечными, гладкими лентами. Теперь большая часть ихъ уже распахана, но тогда ихъ берегли. По нимъ тянулись непрерывныя вереницы чумацкихъ возовъ въ обѣ стороны. По сторонамъ шляховъ были, разбросаны тамъ и сямъ постоянные дворы, харчевни и еврейскіе шинки. Но въ хорошую погоду чумаки миновали ихъ и предпочитали ночевать въ благоухающей степи подъ открытымъ небомъ, предварительно плотно повечерявъ (поужинавъ) традиционными галушками и кулецомъ. Горілка (водка) была своя, собственнаго, домашняго куренія и возилась собою въ сжатыхъ, узенькихъ боченкахъ-баклагахъ, болтавшихся сбоку воза. Въ наше время желѣзныя дороги вытѣснили чумачество, какъ промыселъ, и оно почти совсѣмъ исчезло, какъ исчезъ и выродился типъ чумацкаго выносливаго вола. Теперь же рѣдко-рѣдко, да и то въ сотнѣ верстъ отъ рельсовой колеи, можно услышать чисто чумацкій юмористическій вопль при неудачѣ:

— Боже жъ мій вышній! Чимъ я тобі грішний? Чи я горілки не пью, чи я жинци не бью, чи я шинки минаю, чи я коли у церкви буваю? За що жъ ты мене такъ важно (тяжело) покаравъ?..

На Украинѣ теперь сохранились только чумацкія пѣсни, но и тѣ помаленьку забываются.

Чумаки въ прежнее время представляли собою единственный способъ транспортировки кладей, съ помощью котораго доставлялись изъ экономій зерновой хлѣбъ и всякіе продукты въ приморскіе города: Таганрогъ, Мариуполь, Ейскъ и Ростовъ на Дону. Города эти назывались портовыми, но собственно портовъ въ нихъ, въ современномъ смыслѣ, никогда не бывало. Постоянно въ ихъ гаваняхъ царило мелководье. Въ одномъ только Таганрогѣ Петръ Великій сдѣлалъ попытку основать глубокую гавань и огородилъ небольшую часть моря двумя молами изъ свай; но эту гавань скоро занесло пескомъ, и она получила названіе «ковша». Въ

дѣтствѣ я со сверстниками, засучивъ штанишки немного повыше колѣнъ, гонялся за рыбою въ этой петровской «гавани». Въ Мариуполѣ, Ейскѣ и Бердянскѣ не было даже и этого. Во всѣхъ безъ исключенія портахъ Азовскаго моря торговыя сношенія съ иностранными судами велись съ помощью каботажна. Проходило иностранное судно, а позднѣе и пароходъ; останавливалось далеко въ морѣ, на такъ называемомъ рейдѣ и разгружалось и нагружалось съ помощью мелкихъ баркасовъ и лодокъ. Эти послѣдніе и составляли тогдашній каботажный флотъ.

Оборудованіе и устройство настоящихъ портовъ на Азовскомъ морѣ предпринято министерствомъ путей сообщенія лишь за послѣднія десятилѣтія. Деньги затрачиваются каждый годъ, и работы ведутся каждый годъ, но до сихъ поръ ни одинъ изъ этихъ портовъ не можетъ считаться ни глубокимъ, ни законченнымъ. Впереди предстоитъ еще много работъ и затратъ...

Но вернемся «къ милому, старому прошлому». Изобиліе лѣтъ 50 — 40 назадъ было во всемъ удивительное; дешевизна была тоже завидная. Я помню еще тѣ отошедшія въ область преданія времена, когда въ любомъ изъ пріазовскихъ городовъ домъ-особнякъ въ 4 — 5 комнатъ со службами, а иногда и съ саюмъ, отдавался въ наймы за 50 — 80 рублей въ годъ. Помню также, какъ покойная моя бабушка, возвращаясь по утрамъ съ базара съ купленной провизіей, охала, жалуясь на то, что тяжело переполненная корзина оттянула ей ея старыя руки. Въ корзинѣ было и мясо, и рыба, и капуста, и всякій овощъ, и картофель, и бублики, и разные сдобные хохлацкіе книши и хлѣбы, и большая, бѣлая хохлацкая «пуховая» булка и, наконецъ, какая нибудь игрушка для меня. Словомъ, эта корзина съ избыткомъ обезпечивала обѣдъ, ужинъ и все дневное пропитаніе нашей многочисленной семьи. Притащивъ всю эту гору, бабушка садилась отдыхать и горько жаловалась на дороговизну.

— Охъ, дѣтки, какъ теперь на базарѣ все дорого стало: просто приступить нѣтъ. Сегодня я цѣлыя семь гривенъ ассигнаціями истратила. На серебро это выходитъ цѣлый двугривенный, цѣлыя двадцать копеекъ... Охъ!..

Населеніе городовъ Азовскаго побережья было, какъ и теперь, самое пестрое. Аборигеновъ и какого нибудь обособленнаго племени тамъ не бывало никогда въ силу уже самыхъ историческихъ причинъ. Населялся этотъ край по преимуществу бѣглецами изъ всѣхъ губерній, и картина этой пестрой смѣси весьма вѣрно нарисована въ романѣ: «Бѣглецы въ Новороссіи». Въ то же время оживленныя торговыя сношенія съ заграницею вызвали сильный наплывъ иностранцевъ всѣхъ націй и вѣроисповѣданій. Итальянцы занимались фабрикаціей макаронъ, галетъ, морскихъ сухарей и мраморныхъ надгробныхъ памятниковъ; французы изошрялись въ ресторанномъ

дѣлѣ; нѣмцы содержали колбасныя и кондитерскія; небогатыя, чумазыя турки держали кофейни и булочныя, поляки славились танцклассами и фотографіями, чехи и разныя братушки продавали въ разность мышеловки и жестяныя издѣлія; цыганы торговали лошадыми, ихъ жены и дщери ходили въ лохмотьяхъ, гадали, ворожили и воровали, а сыны Израиля сидѣли за стойками кабаковъ и ссужали деньги подъ мелкія домашнія вещи. Болѣе зажиточныя изъ евреевъ—Безчинскіе, Бродскіе, Вишневскіе, Собсовичи и Моисевы—фабриковали въ крупныхъ размѣрахъ отдававшія страшной сивухой водки всевозможныхъ двойныхъ и тройныхъ очистокъ, поступавшія въ продажу бочками и боченками подъ названіемъ уголевокъ, свѣтланъ, сладкихъ и т. д. Всѣ эти водки имѣли желтый цвѣтъ и обладали далеко слышнымъ сивушнымъ запахомъ. Чумака или обывателя, хватившаго стаканчикъ, можно было узнать по запаху за версту.

Греки, турки и итальянцы покрупнѣе организовали по всѣмъ городамъ побережья, а преимущественно въ Таганрогѣ, богатыя коммерческія конторы, которыя вели привозную и отпускную торговлю самостоятельно, или же состояли повѣренными заграничныхъ фирмъ. Русскихъ купцовъ было очень мало. Когда они являлись со своей запоздалой, по русскому обычаю, предприимчивостью, то всѣ мѣста и рынки сбыта оказывались уже занятыми иностранными капиталистами, и конкуренція являлась не подъ силу. Русскіе купцы или становились во вторую шеренгу, или же поневолѣ попадали со своей коммерціей въ подчиненное, зависимое положеніе. О томъ, когда именно началось это «иностранное плѣненіе» мѣстной торговли, — преданіе умалчиваетъ и даже старожилы рассказывали о немъ такимъ тономъ, какъ будто заграничный человекъ былъ испоконъ вѣка хозяиномъ, а русскій только поздвѣйшимъ гостемъ. Безъ знаменитаго турецко-подданнаго Мари, или Марка Аванасевича Вальяно, представить себѣ экономическую жизнь Приазовскаго края въ прошломъ XIX вѣкѣ было невозможно, а этому архимилліонеру во время судебного разбирательства извѣстнаго таганрогскаго таможеннаго дѣла въ 1885 году было 74 года. Оперировалъ же онъ въ краѣ и подчинялъ его своей капиталистической зависимости никакъ не менѣе полустолѣтія. Рядомъ и одновременно съ нимъ вели крупную торговлю русскимъ хлѣбомъ фирмы: Кондоянаки, Скараманга, Муссури, Саккелариди, Сфаэло, Луи, Писани, Дарженито и другіе пришельцы. Изъ англичанъ я помню имя нѣкоего купца Гойланда, имѣвшаго свою главную контору, кажется, въ Лондонѣ и оперировавшаго въ Таганрогѣ и сосѣднихъ городахъ черезъ своего повѣреннаго Кубаша, игравшаго въ городѣ довольно видную роль, но къ концу таможенной эпопеи наострившаго лыжи: не желая фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ среди прочихъ собратій по провозу контрабанды и утайкѣ пошлннъ, онъ благоразумно бѣжалъ за границу.

Около этихъ крупныхъ финансовыхъ свѣтилъ вращалась, кормилась и наживалась плеяда Аргиропуловъ, Попандопуловъ, Куманисовъ, Кокотисовъ, Ликудисовъ, Діамандидисовъ, Куцуписовъ, Продромосовъ, Звороно и всякой греческой, турецкой и итальянской мелочи, которая считала для себя за честь числиться въ иностранномъ подданствѣ, но жить на русскія деньги и состоять торговыми повѣренными, маклерами, комиссіонерами и подручными крупныхъ фирмъ. Весь этотъ народъ, державшій въ своихъ рукахъ торговлю Приазовья и имѣвшій филиальныя отдѣленія конторъ въ нѣсколькихъ городахъ, говорилъ по-русски скверно, корреспонденцію велъ на языкахъ иностранныхъ, а Мари Вальяно былъ даже вовсе не грамотенъ, не умѣлъ ни читать, ни писать ни на какомъ языкѣ и всѣ свои огромныя и сложныя операціи велъ до мелочей исключительно на память. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкомъ поистинѣ гениальнымъ.

Теперь этотъ Вальяно уже сошелъ со сцены и нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ, переведа предварительно всѣ свои милліоны въ одинъ изъ англійскихъ банковъ, гдѣ они послѣ его смерти и были распределены—не безъ препирательствъ впрочемъ—между его иностранными наслѣдниками. Точно такъ же поступилъ и милліонеръ Скараманга. Нажившись въ Приазовьѣ, онъ перевелъ капиталы за границу и самъ уѣхалъ вслѣдъ за ними куда-то въ Грецію на покой. Благодарное таганрогское и ростовское купечество чествовало его передъ отъѣздомъ подписнымъ параднымъ обѣдомъ, со спичами и рѣчами. Въ рѣчахъ проливались слезы и изливались благодарности за то, что «почтенный негоціантъ содѣйствовалъ росту и оживленію края»... Эти навсегда ускользнувшіе для Россіи, но несомнѣнно русскіе милліоны были собраны иностранными купцами съ плодородныхъ южныхъ степей, облегающихъ съ трехъ сторонъ Азовское море. Въ нихъ, въ этихъ милліонахъ, выразились мощь и продуктивность этого нѣкогда богатѣйшаго края. И эту нашу силу и богатство, въ видѣ зернового хлѣба, муки, отрубей и жмыховъ, наши дѣды и отцы за безцѣнокъ отдали Западной Европѣ, не подозревая, что они неразумно истощаютъ благодатную почву и ведутъ весь край къ кризису, похожему на банкротство. Недавно еще бывшая тучной земля нынѣ уже не родитъ безъ удобреній, а послѣднихъ взять негдѣ, потому что не хватаетъ скота. Обездоленные дѣти и внуки, видя, что съ поверхности почвы взять уже нечего, стали копать ее въ глубь и взялись за металлургическое дѣло. Но такъ какъ ни денегъ, ни знаній у нихъ не было, то они позаимствовали и то и другое за высокіе проценты въ Бельгіи и мало-по-малу передали и нѣдра земли и самихъ себя во власть наводнившихъ край бельгійцевъ. Но объ этомъ—ниже.

Мари Вальяно въ финансово-экономической исторіи края былъ лицомъ очень интереснымъ. Прошлое его туманно, загадочно и съ

точностью никому не извѣстно. О немъ ходятъ однѣ только легенды. Передаю одну изъ нихъ съ оговоркою, что я ее въ такой именно версіи неоднократно слышалъ отъ лицъ разныхъ сословій и положеній, но, конечно, не провѣрялъ, такъ какъ это было невысказано.

Задолго до Крымской войны къ берегамъ Азовскаго моря у самаго Таганрога бурей прибило иностранное парусное судно съ грузомъ. На всемъ суднѣ оказался только одинъ-единственный босой и раздѣтый матросъ, не имѣвшій ни родового, ни благопріобрѣтеннаго. Остальные во время шторма погибли. Матросъ объявилъ себя хозяиномъ груза, владѣльцемъ судна и шкиперомъ его, но ни судовыхъ, ни грузовыхъ документовъ не представилъ, ссылаясь на то, что они погибли въ морѣ. По законамъ, судно и грузъ были проданы съ торговъ, и купилъ ихъ какими-то невѣдомыми, но въ тѣ времена очень возможными судьбами, тотъ же подозрительный, раздѣтый матросъ неизвѣстнаго происхожденія. Распродавъ грузъ, онъ сѣлъ на свой корабль, подобралъ новую команду, и уплылъ въ море. Команда подбиралась не охотно, такъ какъ явилось предположеніе, что предыдущая команда была отравлена и выброшена въ море. Подъ начало незнакомаго шкипера пошли одни только отчаянные сорви-головы. Черезъ нѣсколько времени судно опять явилось съ новымъ, разнороднымъ грузомъ и съ очень сомнительными документами. Хотя шкиперъ и не могъ доказать съ точностью происхожденія своего товара, но все же расторговался успѣшно и снова ушелъ въ море. Вслѣдъ за этимъ стали ходить слухи о появившихся въ морѣ пиратахъ и о торговлѣ живымъ человѣческимъ грузомъ, который какой-то таинственный шкиперъ поставлялъ изъ Россіи въ турецкіе гаремы. Этотъ шкиперъ будто бы и былъ не кто иной, какъ Вальяно, въ то же время занявшійся и водвореніемъ контрабанды. Во время крымской войны онъ же будто бы наводнилъ край фальшивыми кредитными билетами заграничнаго происхожденія. Къ этому времени у него уже была цѣлая флотилія собственныхъ парусныхъ судовъ.

Въ этомъ родѣ ходило, да и теперь еще ходитъ, много рассказовъ, и особенность послѣднихъ заключалась въ томъ, что въ правдивости ихъ нисколько не сомнѣвались ни рассказчики, ни слушатели, но доказать фактами ни тотъ, ни другой ничего не могли. Послѣ войны Вальяно быстро пошелъ въ гору, поселился въ Таганрогъ, занялся экспортомъ хлѣба и импортомъ иностранныхъ товаровъ, раскинулъ сѣть своихъ конторъ по всему побережью и, покупая все на наличныя деньги и открывая другимъ широкій и даже, по-мѣстному, колоссальный кредитъ, очень быстро поставилъ край въ экономическую зависимость отъ своей особы. Не было почти ни одного помѣщика, ни одного купца и ни одного шкипера, которые не были бы ему должны. Даже мелкіе мѣщане и тѣ

были у него по уши въ долгу и нерѣдко расплачивались съ нимъ своими дочерьми, которыхъ онъ потомъ выдавалъ замужъ, снабжая отъ себя небольшимъ приданымъ. И такихъ «осчастливленныхъ» имъ особъ насчитывалось немало. Многія бѣдныя мѣщаночки продавались ему сами для того, чтобы, получивъ приданое, устроить себѣ семейный очагъ. Щедрая плата сбивала съ пути и молодыхъ замужнихъ женщинъ. Вальяно до глубокой старости оставался въ этомъ отношеніи вѣренъ самому себѣ и вызывалъ этимъ всеобщее къ себѣ отвращеніе. Слава о немъ шла въ обществѣ самая неприглядная. Когда возникла послѣдняя русско-турецкая война, общественное мнѣніе громко обвиняло Вальяно въ томъ, что онъ будто бы скупалъ въ Россіи лошадей и теплые полушубки и снабжалъ ими турецкую армію. Вообще о немъ говорилось много разныхъ непривлекательныхъ вещей, характеризовавшихъ его, какъ человѣка не особенно высокихъ нравственныхъ качествъ. Послѣднее впрочемъ было доказано его главенствующею ролью въ водвореніи контрабанды черезъ таганрогскую таможеню. Онъ болѣе всѣхъ своихъ единомышленниковъ наказалъ казну. При оцѣнкѣ его личности характерно то, что при семидесяти милліонахъ состоянія онъ все-таки не считалъ предосудительнымъ обманывать и грабить казну обогатившаго его государства. Полученная имъ грѣшная прибыль не могла чувствительно увеличить его и безъ того колоссальнаго богатства, но ужъ такова была у него натура. Онъ былъ признанъ по суду виновнымъ и былъ приговоренъ къ уплатѣ утасненныхъ пошлинъ въ сильно увеличенномъ размѣрѣ. Во время судебного слѣдствія онъ былъ посаженъ въ острогъ, но вскорѣ былъ выпущенъ на свободу, такъ какъ безъ затрудненій внесъ очень крупный залогъ въ обезпеченіе искомъ казны, но на скамьѣ подсудимыхъ въ харьковской судебной палатѣ онъ фигурировалъ, какъ самый крупный по суммѣ контрабандистъ.

Повѣреннымъ департамента таможенныхъ сборовъ былъ чиновникъ таганрогской таможи, нынѣ покойный Николай Степановичъ Уманскій — честнѣйшій человѣкъ и очень образованный юристъ. Родомъ онъ былъ таганрожецъ, настоящій баринъ по происхожденію и по привычкамъ и прекрасный семьянинъ. Онъ превосходно владѣлъ греческимъ языкомъ и былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ со всѣми мѣстными коммерсантами, въ томъ числѣ и съ Вальяно. Онъ зналъ всѣ тайныя пружины и всю подноготную таганрогскихъ хищеній.

Съ покойнымъ Уманскимъ я былъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Въ одинъ изъ своихъ послѣднихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, не задолго до кончины, онъ, вспоминая объ этомъ дѣлѣ, рассказалъ мнѣ между прочимъ эпизодъ, удачно характеризующій Вальяно.

— По распоряженію департамента, — повѣствовалъ онъ, — я, какъ его повѣренный, поѣхалъ къ Вальяно, получилъ съ него залогъ,

что-то около 200.000, выдалъ ему отъ себя временную расписку и уѣхалъ въ таганрогское казначейство сдавать эти деньги. Сдалъ, получилъ форменную расписку, положилъ ее въ бумажникъ и отправился домой обѣдать. Казна и ея интересъ этой распискою были обезпечены, дѣло свое я сдѣлалъ и былъ совершенно спокоенъ. Послѣ обѣда получаю телеграмму, вызывающую меня въ Харьковъ. Дѣло было нетерпящее, отъѣзда откладывать было нельзя,—я кое-какъ собрался, наскоро простился съ семьєю, сѣлъ на извозчика и махнулъ прямо на вокзалъ, не заѣзжая къ Марку Аванасьевичу Вальяно. Приѣхалъ я въ Харьковъ, остановился въ гостиницѣ. Было уже поздно, и я улегся спать. На утро, этакъ часовъ въ шесть, просыпаюсь отъ какого-то шороха въ номерѣ. Открылъ я глаза не сразу и сообразилъ, гдѣ я, тоже не сразу. Приподнялся и вижу: въ утреннемъ полумракѣ стоитъ у моей постели какая-то фигура и, наклонившись надо мною, тихо и осторожно шепчетъ:

— Дусецка, отдай деньги! Возьми себѣ немнозекко,—тысяць пять-шесть, а остальные отдай... Такъ нельзя, дусецка, обизать.

Протираю глаза и самъ себѣ не вѣрю: передо мною — Марко Аванасьевичъ.

— Отдай, дусецка, деньги...

Я сразу, знаешь, не сообразилъ, въ чемъ дѣло, и подумалъ, что это кошмаръ. Все-таки окликнулъ:

— Марко Аванасьевичъ, это вы?

— Я, дусецка, я... Цѣлую ночь за тобою слѣдомъ гнался... Ты взялъ деньги и уѣхалъ отъ мене; я показалъ твою расписку одному целовѣку, а онъ говоритъ, что она ницево не стоитъ, и что ты взялъ 200 тысяць и уѣзжалъ отъ мене у Харьковъ... Отдай, дусецка, возьми себѣ немнозко... Всѣ взять будетъ много...

Я даже сплюнулъ. Вижу—старикъ самъ не свой и на мертвеца похожъ... Принужденъ былъ встать съ постели, достать бумажникъ и показать ему расписку казначейства. Тогда онъ успокоился, повѣрилъ, что я не укралъ, и тотчасъ уѣхалъ въ Таганрогъ съ первымъ же поѣздомъ. Вечеромъ много смѣялись надъ этимъ въ клубѣ... А у меня весь день болѣла голова: не выспался, благодаря Вальяно.

Н. С. Уманскій пользовался такою прочною репутаціей неподкупнаго и идеально честнаго человѣка, что ему довѣрялись огромныя суммы на слово, безъ всякихъ расписокъ. Тѣмъ не менѣе онъ въ послѣдніе годы своей жизни сильно нуждался и, умирая, не оставилъ своей семьѣ ничего, кромѣ микроскопической пенсіи и добраго имени.

Въ повседневной жизни Вальяно былъ очень не требователенъ, ѣлъ плохо, одѣвался скверно, жилъ грязно и былъ скупъ. Но жена его была еще скупѣе: послѣ уборки обѣденнаго стола она

обнюхивала ротъ у прислуги, желая узнать, не хлебнула ли она, убирая, вина изъ бутылки. Когда она умерла, то въ запертой кладовой, которой она завѣдывала и куда никого не выпускала, нашли цѣлыя горы протухшей, смрадной провизии и всевозможныхъ, уже попортившихся консервовъ. Вина и консервы обязаны были ей привозить изъ-за границы контрабандою шкипера принадлежавшихъ ея мужу судовъ. Это была своего рода обязательная дань.

Марко Аванасьевичь велъ жизнь замкнутую. Ворота его огромнаго желтаго дома были вѣчно на запорѣ, и окна нижняго этажа затянута рѣшетками, а верхняго—закрѣты жалюзи. Онъ не бывалъ ни въ греческой церкви, гдѣ собиралась вся финансовая аристократія, ни въ театрѣ, ни въ городскомъ саду. Его изрѣдка можно было видѣть прогуливающимся по тротуару около собственнаго дома съ оттопыренными назадъ локтями и просунутою сквозь нихъ за спиною палкою. Одни говорили, что онъ по самой натурѣ своей не любилъ людныхъ и публичныхъ мѣстъ, другіе же утверждали, что онъ боялся уходить далеко отъ дома, опасаясь мести мужей «осчастливленныхъ» имъ женъ. Я, будучи еще гимназистомъ, встрѣчалъ его неоднократно на этихъ одинокихъ прогулкахъ и, каюсь, испытывалъ сильнѣйшее мальчишеское побужденіе выхватить у него изъ-за спины палку и перетянуть его ею же, какъ можно сильнѣе. Выраженіе лица его казалось мнѣ всегда чувственно-отвратительнымъ...

Несмотря на все это и на плохую нравственную репутацію, Маркъ Вальяно считался все-таки благодѣтелемъ края и въ частности—благодѣтелемъ таганрожцевъ. Драгиля и мѣщане, жившіе на грузкой и разгрузкой судовъ, говорили, что если бы не Марко Аванасьевичь, то они давно «подохли бы» отъ голода и отъ безработицы... Вальяно никогда не протестовалъ просроченныхъ векселей; не судился съ должниками и не сажалъ ихъ въ долговую яму и за это его почитали добрымъ и сострадательнымъ человекомъ, хотя и сознавали, что достаточно этому богачу произнести одно слово, и любой купецъ за одну только навигацію окажется разореннымъ до тла, а драгиль-мѣщанинъ останется безъ куска хлѣба. Такіе примѣры, какъ говорятъ, и бывали въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда отвратительная слабость къ женщинамъ встрѣчала добродѣтельный отпоръ... Я же лично, какъ повѣствователь, не беру на себя смѣлости ни утверждать, ни отрицать этого. Я слышалъ много разсказовъ на эту тему, но былъ тогда еще слишкомъ юнъ для того, чтобы произвести имъ справедливую оцѣнку и провѣрку. Помню, что, слушая подобные разсказы, я страдалъ душою за угнетенныхъ, бѣшено сжималъ кулаки, неистово теребилъ пуговицы своего гимназическаго мундира и подговаривалъ товарищей по классу поколотить «гадкаго старикашку»,

хотя бы за это грозило даже исключеніе изъ гимназіи. Само собою разумѣется, что эти благородные рыцарскіе замыслы быстро остывали и никогда не приводились въ исполненіе. Страдали только однѣ яи въ чемъ неповинныя пуговицы мундира...

Большинство перечисленныхъ выше грековъ были выходцами не изъ самой Греціи, а съ плеяды окружающихъ ее острововъ—Кефалоніи, Родоса, Корфу, Занте, Сантурина и т. д. Настоящихъ аэнианъ и спартанцевъ между ними не было ни въ древнемъ, ни въ современномъ смыслѣ слова. Теперешніе греки—какъ это ни обидно для ихъ національнаго самолюбія—вовсе не похожи ни по доблестямъ, ни по инымъ качествамъ на своихъ древнихъ предковъ и Эермопильскаго ущелья теперь навѣрное не защищали бы. Теперешній ихъ лозунгъ—торговля и нажива. Я сужу, конечно, по тѣмъ представителямъ островной Эллады, которые эмигрировали въ Россію и занимались и занимаются коммерціей. Представляли ли они собою избытокъ населенія, которому на родинѣ тѣсно, или же сама родина сдѣлала пребываніе всѣхъ этихъ Эпаниондовъ, Аристидовъ, Фемистокловъ и Мильтиадовъ на своемъ лонѣ не удобнымъ,—рѣшать не берусь.

Воспитанные на родинѣ на маслинахъ, деревянномъ маслѣ, орѣхахъ, изюмѣ и сантуринскомъ винѣ, они испоконъ вѣка пропагандировали эти продукты и въ Россіи, являясь на Азовскомъ побережьи посредниками между своими соотчичами—производителями и русскими рынками—потребителями. Не знаю, какъ было прежде, при гужевой транспортировкѣ, но за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія, когда на Таганрогъ и Ростовъ прошли желѣзныя дороги,—заграничные фундуки (орѣхи), лимоны, апельсины, винныя ягоды, рожки и оливковыя масла перегружаются съ греческихъ и турецкихъ судовъ почти прямо въ вагоны и направляются безъ замедленій въ Москву и Нижній. Особенно велика бываетъ такая отправка во время Макарьевской ярмарки. Кратковременная задержка полагается только для совершенія таможенныхъ обрядностей. Таможня этихъ товаровъ долго не задерживаетъ. Греческія сантуринскія вина тоже по большей части направляются въ Москву, гдѣ мѣстные фабриканты готовятъ изъ нихъ «настоящія натуральныя» вина. Много сантуринскаго потребляется и на югѣ Россіи. Къ нему привыкли здѣсь и пьютъ его охотно, но настоящіе знатоки не одобрили бы его, благодаря довольно высокому проценту заключающагося въ немъ спирта, прилетаго на мѣстѣ приготовления на какомъ нибудь островѣ Родосѣ или Хиосѣ. Безъ этой прибавки алкоголя вино въ естественномъ его видѣ не выдержало бы перевозки и превратилось бы во время пути въ уксусъ.

Прибывающіе изъ-за границы товары складываются тутъ же въ гавани въ пакгаузахъ или такъ называемыхъ «магазахъ», гдѣ и подвергаются таможенному досмотру. Но на этихъ, не лишен-

ныхъ интереса магазиахъ и товарахъ я остановлюсь позже, когда дойду до описанія старой таможни. Теперь же позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о доморощенной переработкѣ заграничныхъ винъ.

Я уже упомянулъ ранѣе, что покойный отецъ мой торговалъ въ Таганрогѣ бакалеей и винами. Бакалея помѣщалась въ лавкѣ, а вина—подъ лавкою, въ глубокомъ подвалѣ, по-мѣстному—въ погребѣ. Почва на бѣльшей части Азовскаго побережья—плотная, глинистая, подземныя воды залегаютъ глубоко, а потому и подвалы можно было копать насколько угодно глубокие. Въ нихъ обыкновенно температура держится круглый годъ почти одна и та же—умѣренно-прохладная и для храненія винъ очень удобная. Погребъ соединялся съ лавкою внутренней лѣстницей и имѣлъ, кромѣ того, широкіе выходы для вкатыванія бочекъ. Потолокъ въ немъ былъ каменный, сводчатый, съ крохотными наверху оконцами, благодаря чему не было недостатка въ полутьмѣ и затхлости воздуха. Таковы въ общихъ чертахъ подвалы на всемъ югѣ Россіи. Ихъ типъ выработался въ отдаленныя времена и сохранился и до сихъ поръ. Они почему-то называются также «выходами».

Въ погребѣ покойнаго отца вдоль стѣнъ на бревнахъ, въ полуаршинъ отъ земли, стояли огромныя бочки съ винами. На этихъ бочкахъ помѣщались боченки поменьше, такъ что получалось два яруса. Въ каждую бочку внизу былъ вбитъ деревянный краѣъ. Тутъ же хранились и боченки съ водкой съ ввинченными въ днища ихъ мѣдными кранами. Одна изъ стѣнъ была занята полками, на которыхъ годами хранились влѣжку вина, уже разлитыя въ бутылки. На бочкахъ мѣломъ были начертаны надписи: «Сантуринское № 00», «Бордо», «Смирнское», «Висантъ», «Бакшацкое», «Цимлянское» и проч. Инвентарь погреба состоялъ изъ локаночекъ, подставленныхъ подъ краны, «коновокъ», т.-е. своеобразныхъ деревянныхъ посудинъ для переноски вина, изъ жестяныхъ насосовъ для перекачиванія, изъ «ливеровъ» для высасыванія вина изъ бочекъ ртомъ и изъ цѣлаго ряда мѣръ—мѣдныхъ, вылуженныхъ квартъ, полуквартъ, четвертокъ и осьмушекъ или шкаликовъ. Тутъ же на подставкѣ стояли и ряды стакановъ и стаканчиковъ для раздробительной продажи.

Само собою разумѣется, что «бордо» никогда не видѣло Франціи, а различные лафиты и «мускатъ-люнели» получались съ береговъ Тихаго Дона. Рѣдкое изъ этихъ винъ можно было употреблять въ его натуральномъ видѣ: они были или кислы или терпки или же добросовѣстно сдобрены еще въ Греціи спиртомъ. Задача кушца заключалась въ томъ, чтобы, отмѣривая изъ разныхъ бочекъ разныя порціи, получить такія смѣси, которыя были бы и ароматны, и вкусны. Покойный отецъ періодически спускался вмѣстѣ со старшимъ прикащикомъ въ погребъ и торжественно приступалъ къ

священнодѣйствію. Въ блѣдно-розовое сантуринское вливалось черное бакшацкое или бордо, прибавлялось немного густого, сладкаго висанта (церковное вино), подпускалось для вкуса и аромата какое нибудь бѣленькое донское, и въ результатѣ получался новый сортъ вина, поступавшій въ продажу подѣ какимъ нибудь опредѣленнымъ названіемъ. Такъ какъ комбинированіе смѣсей можно было варьировать до безконечности, то и сортовъ вина получалось многое множество. Каждый купецъ руководствовался при этомъ исключительно только собственнымъ вкусомъ: если у него языкъ былъ деревянный, то и вина его выходили плохи. Въ разныхъ погребахъ мадеры, лафиты и мускатъ-люнели получались разные. Но все это были настоящія виноградныя вина безъ какихъ бы то ни было вредныхъ примѣсей и красокъ. Салицилки, разныхъ эссенцій и анилиновъ тогда еще не знали, и потребитель былъ вполне гарантированъ отъ отравленія аптекарскими снадобьями. Фальсификація, въ родѣ кашинской мадеры и борисоглѣбскаго хереса, появилась уже много лѣтъ позднѣе. Въ составъ кашинской мадеры входятъ, какъ извѣстно, настой чая, пережженный сахаръ, водка или спиртъ и только полрюмки настоящей мадеры; въ лафитахъ содержится уйма фуксина, а въ бѣлыхъ винахъ—пикриновая кислота для цвѣта и салициловая кислота для предупрежденія порчи. Ничего подобнаго при фабрикаціи винъ торговцами прежняго времени не было. Я даже помню, что покойный отецъ твердо вѣровалъ въ то, что если въ настоящее вино попадетъ хоть капля водки, то оно превращается въ отраву. Даже невинная примѣсь сахара не допускалась и преслѣдовалась.

Все только-что рассказанное о приготовленіи винъ покойнымъ отцомъ практиковалось по одному и тому же шаблону въ погребахъ всѣхъ городовъ побережья. Фабрикація велась на чистоту, и купецъ, желавшій соблазнить покупателя, чистосердечно и просто-душно говорилъ ему:

— Этого вина я вамъ не отпущу: оно вамъ не понравится; а вотъ, если хотите, то я вамъ приготовлю. Будетъ такое вишцо, что скажете спасибо...

Покупатель соглашался, а иногда даже прибавлялъ и свое кое-что, въ родѣ:

— Хорошо; приготовьте, только, чтобы было этакъ послаще, и чтобы легонькая терпкость была...

Вино фабриковалось, и обѣ стороны оставались довольны. Для свадебъ, крестинъ и иныхъ семейныхъ торжествъ изготовлялись «спеціальныя» вина, примѣнительно ко вкусамъ: отца протоіерея, кума, посаженнаго отца и т. д. О. протоіерей любилъ, напримѣръ, «кисленькое», а кумъ—покрѣпче. Этикетки на бутылкахъ были одинаковыя, а вина—разныя, но хозяинъ зналъ, какую бутылку передъ какимъ гостемъ поставить... Ни о нашихъ новѣйшихъ «ко-

ричкахъ, гвоздичкахъ и букетахъ» не было и помину. Являясь къ торговцу, покупатель излагалъ туманно, многословно и неопредѣленно вкусъ требуемаго вина. Торговецъ выслушивалъ его, комбинировалъ въ умѣ и рѣшалъ:

— Въ такомъ случаѣ мы возьмемъ сантуринскаго, подпустимъ висанту и чуточку цымлянскаго и донскаго, а для цвѣта подбавимъ бордо-съ.

Теперь подобныя простодушныя отношенія уже отошли въ область преданій, уступивъ мѣсто вредной и грубой фальсификаціи.

Операцию приготовленія винъ покойный отецъ всегда производилъ въ предобѣденное время и, по возможности, натоцкакъ, чтобы «пробовать на языкъ», еще не притупленный ѣдою. Пробование производилось изъ маленькаго стаканчика по каплямъ, съ причмокиваніями, чавканіями, споласкиваніями неба и десенъ и всяческими движеніями языка и губъ. Проба не проглатывалась, а обязательно сплевывалась. Присутствуя въ дѣтствѣ неоднократно при этихъ священнодѣйствіяхъ, я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ и въ глубинѣ души вѣрилъ въ тонкость и изощренность человѣческаго вкуса, но теперь, грѣшный человѣкъ, я думаю, что это былъ просто самообманъ. Я не могу себѣ представить, чтобы человѣкъ, смакующій въ теченіе часа или двухъ десятки сортовъ разныхъ смѣсей, могъ давать себѣ ясный отчетъ о томъ, что у него на языкѣ. Извѣстно изъ физиологіи, что человѣческій вкусъ притупляется быстро. Но тогда люди вѣрили, да и теперь еще вѣрятъ. Существуетъ даже особая профессія купоровъ, оцѣнивающая для торговцевъ вина... По этому поводу, мнѣ кажется, можно сказать только одно: блаженъ, кто вѣруетъ... Но какъ бы тамъ ни было, а день фабрикаціи вина не проходилъ для моего отца безслѣдно: пробывъ часа два въ спиртуозной атмосферѣ погреба и внеся въ ротъ двадцать или тридцать пробъ, буквально по капелькамъ, онъ выходилъ оттуда, пошатываясь и съ ясными признаками одуренія въ глазахъ. Меня всякій разъ поражала эта особенность потому, что отецъ въ общегитіи пилъ и водку и вино, и картина охмѣлѣнія получалась совершенно иная.

Въ этомъ же погребѣ производилась и очистка. Если вино въ какой нибудь бочкѣ начинало мутиться и обнаруживало слѣды явнаго броженія, то отецъ бралъ извѣстное количество чистаго рыбаго клея, расщепивъ его на мелкіе кусочки, варилъ въ винѣ въ большой кастрюлѣ на плитѣ и выливалъ въ горячемъ видѣ въ подзрительную бочку. Муть соединялась съ клеемъ и осѣдала на дно, и вино освѣтлялось, нисколько не теряя своего вкуса и качества. Не полныя бочки дезинфицировались сѣрою. Въ открытую втулку опускалась покрытая сѣрою и зажженная бумажка. Когда пространство между виномъ и стѣнками бочки заполнялось парами сѣрнистой кислоты, втулка заколачивалась наглухо. Сѣрнистая кислота

играла роль дезинфектора и убивала микроорганизмы. Такимъ же способомъ окуривался и самый погребъ. Для этого на серединѣ пола, при закрытыхъ, конечно, дверяхъ, сжигался кусокъ сѣры.

Водка также подвергалась очисткѣ. Тогда еще не были извѣстны нынѣшніе усовершенствованные способы удаленія сивушныхъ маселъ, и операція велась примитивно не столько для очистки самой водки, сколько для очистки совѣсти. Доставленная изъ еврейскаго склада водка подвергалась строгой экспертизѣ. Прежде всего она должна была обладать строго опредѣленной крѣпостью, за которою внимательно слѣдилъ акцизъ. Для того, чтобы лишить розничнаго торговца возможности разбавлять ее водою, тогдашній акцизъ придумалъ такую мѣру: оптовикъ, отпуская водку, нацѣживалъ изъ проданнаго боченка нѣкоторое количество ея въ шкаликъ и запечатывалъ пробки и въ боченкѣ, и въ шкаликѣ своей именной печатью. Акцизные контролеры, обходя отъ времени до времени мѣста розничной продажи питій, измѣряли крѣпость и въ боченкѣ, и въ шкаликѣ, и если получалась разность въ градусахъ, то это значило, что розничный торговецъ сфальшивилъ и подлилъ въ боченокъ воды. Торговца тащили на цугундеръ и подвергали штрафу. Но черезъ нѣкоторое время въ средѣ розничныхъ торговцевъ поднялся вопль: никто изъ нихъ не фальшивилъ, печати цѣлы-цѣлехоньки, а въ боченкахъ меньше градусовъ, чѣмъ въ шкаликахъ. Акцизъ тоже сталъ втупикъ. Начались изслѣдованія и изысканія. Акцизные при себѣ приказывали торговцамъ посылать на склады за водкою; отправляли при сей оказіи «вѣрныхъ свидѣтелей» и терпѣливо дожидались возвращенія боченка. Привезенная водка тотчасъ же измѣрялась по Траллесу—и разница все-таки получалась въ пользу шкалика. Обѣ стороны только руками разводили и недоумѣвали. Но ларчикъ, какъ оказалось потомъ, открывался очень просто. Боченокъ контролировалъ розничнаго торговца, а шкаликъ—оптовика. Поэтому сыны Израиля додумались до очень простой и даже остроумной вещи: передъ тѣмъ, какъ налить изъ боченка контрольную порцію, они, якобы для чистоты, собственноручно, на глазахъ у покупателя, ополаскивали шкаликъ, но ополаскивали не водою, какъ казалось со стороны, а чистымъ спиртомъ, который, прилиная къ стѣнкамъ сосуда, увеличивалъ крѣпость контрольной порціи. Довѣрчивымъ торговцамъ и въ голову не приходила такая «махинація», а когда акцизъ сталъ допрашивать оптовиковъ, зачѣмъ они прибѣгаютъ къ такой явно незаконной продѣлкѣ, то они въ одинъ голосъ отвѣтили:

— А чтобъ не выдыхалось...

Если доставленная изъ склада водка послѣ вкусовой экспертизы (обыкновенно въ компаніи для вящаго контроля) оказывалась не вполне удовлетворительной, то отецъ въ своемъ погребѣ подвергалъ ее «дистиллировкѣ», пропуская сквозь войлочный фильтръ

или же черезъ фильтръ изъ древеснаго угля. При этой работѣ вонь сивухой разносилась чуть ли не на цѣлый кварталъ, но водка все-таки получалась скверная, съ привкусомъ и «съ гарью»; называлась же она послѣ такой обработки «уголевкой первый сортъ двойной очистки». Теперешніе потребители не похвалили бы такой водки, но старожилы чуть не плачутъ по ней и сдобриваютъ нынѣшнюю монопольную различными горькими травами въ родѣ полыни и доредея. Строгости по части распитія тогда еще не было, и водку можно было пить на улицахъ, на базарахъ и въ харчевняхъ. Лавки, трактиры, рестораны и клубы должны были, кромѣ патента, имѣть еще и «распивочное свидѣтельство».

Къ табаку относились одно время гораздо строже, чѣмъ къ водкѣ. Во всякой лавкѣ, ресторанахъ, харчевняхъ и клубахъ должны были висѣть на видныхъ мѣстахъ «раскурочныя» свидѣтельства; безъ нихъ въ этихъ помѣщеніяхъ курить не разрѣшалось. Безбандерольная продажа табаку преслѣдовалась строго и неумолимо. Одинъ только грубый и удушливый тютюнъ былъ свободенъ отъ акциза и продавался въ открытыхъ рогожанныхъ куляхъ безъ всякихъ бандеролей. Хорошія хозяйки перекладывали этимъ тютюномъ на лѣто мѣховыя вещи отъ моли, а чумаки набивали имъ свои кисеты и курили въ люлькахъ. Записные курильщики-старожилы, захлебываясь, рассказывали о томъ золотомъ времени, когда табакъ еще не былъ обложенъ акцизомъ. Тогда онъ продавался во всѣхъ лавкахъ и на базарахъ, тонко нарѣзанный и изячно уложенный волокнистой и путанной крошкой въ открытыхъ ящикахъ. Покупатель приходилъ, свертывалъ нѣсколько папирозъ изъ разныхъ сортовъ, выкуривалъ ихъ для пробы и тогда уже останавливался на какомъ нибудь одномъ сортѣ и покупалъ его на вѣсъ, какъ теперь покупаютъ крупу или макароны... Табакъ тогда былъ дешевъ. Впрочемъ въ первые годы акциза онъ тоже былъ не дорогъ. Официально было установлено три сорта: третій сортъ стоилъ 40 копеекъ за фунтъ, второй—восемьдесятъ и первый начинался отъ 1 рубля 20 копеекъ и шелъ выше. Двухрублевый считался роскошью и не уступалъ теперешнимъ табакамъ въ 7 и 10 рублей за фунтъ. Въ большомъ ходу была укупорка въ осьмушкахъ, цѣликомъ входившихъ въ кисеты и тогдашніе, нынѣ уже исчезнушіе «портъ-табаки». Но «то было раннею весной» моей тогда еще только распускавшейся сознательной жизни, когда за куреніе меня въ гимназіи оставляли безъ обѣда, а дома подвергали тѣлесному наказанію...

Табачная контрабанда все-таки процвѣтала. Табачныхъ фабрикъ въ каждомъ городѣ было по нѣскольку, и рѣдкая изъ нихъ не доставляла акцизному надзору хлопотъ, отпуская «по знакомству» необандероленный табакъ въ укупоркѣ, напоминавшей укупорку чая. Я самъ не разъ грѣшилъ въ этомъ отношеніи противъ

акциза и за всю мою юношескую пору нанесъ казнѣ убытка не менѣе, какъ рубля на два. Но тутъ была погоня не за экономіей, а за особымъ наслажденіемъ покурить именно контрабанды. Все же я не могу считать себя великимъ грѣшникомъ: окрестные помѣщики закупали въ городѣ для собственнаго обихода табакъ пудами и бандеролей никакихъ не признавали. Безбандерольная торговля особенно интенсивно процвѣтала въ Ростовѣ-на-Дону.

II.

Жизнь каждаго отдѣльнаго города носила свой особый характеръ. Ейскъ, совершенно лишенный гавани, влачилъ довольно безцвѣтное существованіе; Мариуполь, населенный джалдосами, торговалъ вяло и велъ будничную жизнь, но Ростовъ и Таганрогъ по временамъ проявляли довольно кипучую дѣятельность. Это были два врага, два антагониста, старавшіеся перепедаголить другъ друга на разныхъ мелочахъ. Соперничество вызывалось, во-первыхъ, коммерческою конкуренцію, а, во-вторыхъ,—племеннымъ различіемъ населенія. Въ Ростовѣ преобладалъ и давалъ тонъ жизни русскій элементъ, а въ Таганрогѣ финансовую аристократію составляли иностранцы—по преимуществу греки и итальянцы. Здѣсь камертонъ общественной жизни держали они. И нужно имъ отдать справедливость, эстетическіе вкусы у нихъ были развиты довольно высоко, и одно время Таганрогъ сильно смахивалъ на любой европейскій городъ. Благодаря иностранцамъ, въ городскомъ саду лѣтомъ каждый вечеръ до полуночи игралъ великолѣпнѣйшій оркестръ, исполнявшій Бетховена, Гайдна, Моцарта и другихъ корифеевъ. Вальсы и польки не допускались. Аристократія являлась въ садѣ въ изысканныхъ туалетахъ и служила законодательницею моды для людей средняго достатка. Таганрогскія дамы старались копировать костюмы гречанокъ и итальянокъ, выписанные изъ-за границы. Благодаря тѣмъ же грекамъ, Таганрогъ славился по всему побережью своею итальянской оперой. Страстные любители музыки, греки не могли жить безъ оперы и щедро платили разнымъ импресарио за приглашеніе талантливыхъ и голосистыхъ примадоннъ. Въ Ростовѣ ставился «Левъ Гурычъ Синичкинъ» или «Жилецъ съ тромбонемъ», а въ Таганрогѣ шли «Травиата», «Трубадуръ», «Фенелла» и «Разрушеніе Помпеи». Ростовъ поучалъ со сцены низшіе слои населенія, а таганрогскій театръ услаждалъ аристократію серьезной музыкой и развивалъ эстетическіе вкусы. Ростовскіе обыватели за работою пѣли: «Гдѣ ты, милый, скрылся, гдѣ тебя сыскать?— На гавань свалился чумалы (мѣшки съ хлѣбомъ) таскать», а въ Таганрогѣ горничныя и кухарки напѣвали аріи изъ оперъ.

Выдающихся примадоннъ бывало обыкновенно по двѣ, и таганрогская публика раздѣлялась на два лагеря. Помню, одно время

подвизались двѣ чистокровныя итальянки-примадонны: синьора Зангери и синьора Белати. Публика немедленно раздѣлилась на зангеристовъ и белатистовъ. Одни носили красныя, а другіе—синіе шарфы. Дамы тоже не уступали своимъ отцамъ, мужьямъ и братьямъ и украшали свои туалеты красными или синими бантиками. Случалось, что въ одной и той же семьѣ были и зангеристы и белатисты, и тогда нерѣдко на почвѣ эстетическихъ разногласій возникали и разногласія болѣе серьезныя. Благодаря иностранцамъ же, въ городѣ на акціонерныхъ началахъ былъ выстроенъ на главной улицѣ прекрасный и помѣстительный театръ, только въ самое послѣднее время уступившій свое первенство въ краѣ одесскому театру. Городъ потомъ выкупилъ это сооруженіе и пользуется имъ и до сихъ поръ. Но итальянской оперы въ немъ давно уже нѣтъ. Греки-сыновья охладѣли къ музыкальнымъ затѣямъ своихъ отцовъ, забрасывавшихъ любимыхъ примадоннъ цвѣтами, стихотвореніями на итальянскомъ языкѣ и цвѣтными билетиками съ надписью: «Bravo!»

Таганрогскій городской садъ, расположенный тоже на главной улицѣ, былъ въ давнее время въ большой славѣ и служилъ единственнымъ мѣстомъ отдохновенія для горожанъ. Въ немъ было много тѣни, были бесѣдки и ротонды и была круглая аллея, по которой подъ звуки музыки кружилась фешенебельная публика, взметавшая длинными шлейфами цѣлыя облака мелкаго песку и пыли. Но на это не жаловались. На этомъ кругу возникали, расцвѣтали и увядали каждое лѣто тысячи романовъ. Здѣсь мы, гимназисты и гимназистки, впервые испытывали уколы стрѣлъ шаловливаго амура и жестоко влюблялись, предавая забвенію и науку и ненавистные учебники. Это я знаю по себѣ. У меня и до сихъ поръ еще сохранились таблички съ моими гимназическими отмѣтками. Въ этихъ табличкахъ стоитъ гораздо болѣе двоекъ, нежели троекъ; есть даже и единица по алгебрѣ. Эти отмѣтки были получены мною какъ разъ въ то время, когда я впервые почувствовалъ и узналъ, что такое «пламенная любовь». Я жестоко и безнадежно страдалъ, жаждалъ подвиговъ и—получалъ единицы... Товарищи мои поступали точно такъ же. И всему виною были: городской садъ, прекрасная музыка, чарующія южныя ночи, раздражающій нервы воздухъ и... возрастъ.. бываетъ такой возрастъ, когда въ голову ни за что не полѣзутъ ни Цицеронъ, ни Саллюстій, ни квадратъ суммы двухъ количествъ.

Этотъ кругъ обязанъ своимъ происхожденіемъ покойному наслѣднику Николаю Александровичу. Онъ посѣтилъ Таганрогъ проѣздомъ, кажется, къ казакамъ въ Новочеркасскъ. Для его приѣма въ саду была расчищена круглая аллея и выстроена подлѣ нея замѣчательно милая въ архитектурномъ отношеніи деревянная ажурная бесѣдка. Въ ней наслѣдникъ принялъ отъ города трапезу.

Позднѣ эта бесѣдка заросла дикимъ виноградомъ и стала еще прелестнѣе. Но таганрожцы—плохіе мастера хранить историческіе памятники. Ротонда не ремонтировалась, понемножку разрушалась и одно время грозила тоже полнымъ разрушеніемъ—кажется, въ 80-хъ годахъ. Что съ ней случилось потомъ, и въ какомъ положеніи она теперь,—не знаю. Я знаю, напримѣръ, что таганрожцы не уберегли тѣхъ трехъ деревьевъ, подъ которыми позади городского сада любилъ сидѣть въ полномъ уединеніи на каменной скамьѣ императоръ Александръ I. Даже самая скамья куда-то исчезла безъ слѣда...

Когда и кѣмъ былъ основанъ этотъ садъ—какимъ изъ цѣлой плеяды смѣнявшихся начальствующихъ лицъ,—я, къ сожалѣнію, не знаю; но прямыя аллеи показываютъ, что это—не роща, а насажденный рукою человѣка садъ. Въ немъ, напримѣръ, есть длинная «гимназическая» аллея, состоящая изъ однихъ тутовыхъ деревьевъ, ясно указывающая на попытки завести шелководство. Должно быть, это было давно, потому что старожилы о шелководствѣ въ своихъ разказахъ ничего не упоминали. «Гимназическою» же аллея называлась потому, что на ней происходили ожесточенные и даже кровопролитные бои между гимназистами и уѣздниками, т.-е. учениками уѣзднаго училища. Гимназія помѣщается недалеко отъ сада, и мы, бывало, успѣвали на большой переѣздѣ, между латинскимъ extempore и греческой диктовкой сбѣгать въ садъ, подраться съ нашими врагами и вернуться опять въ классъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Немало носовъ было разбито на этой аллеѣ, и, я думаю, немало моихъ одноклассниковъ вспоминаютъ теперь объ этихъ сраженіяхъ... Но бывали походы въ эту же аллею совсѣмъ съ иною цѣлью. Когда на тутовыхъ деревьяхъ (шелковицахъ) поспѣвали сладкія бѣлыя и черныя ягоды, то гимназисты цѣлыми полками совершали нашествіе на эту часть сада и облѣпляли своими тѣлами всѣ вѣтви деревьевъ. Садовые сторожа, конечно, приходили въ неистовство, изрыгали на наши головы всяческія, не особенно приличныя по формѣ хулы и всѣми способами и мѣрами протестовали. Но такъ какъ численный перевѣсъ бывалъ всегда на нашей сторонѣ, то они благоразумно и своевременно ретировались...

Но громкая слава таганрогскаго сада продержалась недолго. Ее убилъ сначала Ростовъ, а потомъ добились и сами отцы города. Ростовцы, у которыхъ садъ былъ меньше и къ тому же перерѣзывался глубокимъ оврагомъ, проведя въ городъ воду изъ богатаго источника, устроили въ своемъ саду фонтанъ и пустили въ его резервуаръ золотыхъ рыбокъ... Это было страшною обидою для Таганрога. Чтобы отомстить Ростову, отцы города вырубилъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ сада самыя лучшія деревья и соорудили на образовавшейся плѣщи неуклюжее и безобразное лѣтнее зданіе

для клуба. Городской садъ утратилъ свою прежнюю прелесть, а вмѣстѣ съ нею разсѣялась, какъ дымъ, и его слава...

Кромѣ наслѣдника Николая Александровича, этимъ садомъ любовался также и покойный великій князь Константинъ Николаевичъ, но о его пребываніи не осталось ровно никакихъ воспоминаній, и едва ли даже кто изъ теперешнихъ таганрожцевъ знаетъ объ этомъ посѣщеніи. Это впрочемъ—къ слову...

Садъ былъ доступенъ не одной только аристократіи: въ него могъ входить всякій, за исключеніемъ только пьяныхъ и безобразно одѣтыхъ людей. Дежурившая у воротъ полиція не впускала нищихъ, вымазанныхъ грязью и дегтемъ чумаковъ, шарманщиковъ, оборванныхъ цыганъ, водителей обезьянъ и т. п. Но и для этихъ лицъ входъ былъ вполнѣ доступенъ днемъ, когда аллеи были пусты. Дѣлалось это въ интересахъ благочинія. Но въ позднѣйшее время за входъ, по распоряженію городской управы, стали взимать плату—и огромное количество обывателей лишилось возможности пользоваться послѣ дневного труда отдыхомъ на свѣжемъ воздухѣ среди зелени. Начавъ взимать съ обывателей плату за пользованіе ихъ же собственностью, управа, однако, ровно ничего не сдѣлала въ смыслѣ предоставленія публикѣ удобствъ. Последнее обстоятельство, само по себѣ не важное и даже болѣе, чѣмъ мелочное, не заслуживало бы вовсе упоминанія, если бы оно не служило очень рельефнымъ указателемъ оскуднѣнія городской кассы. По общему закону, городамъ свойственно съ теченіемъ времени развиваться и прогрессировать,—Таганрогъ же уже третій десятокъ лѣтъ идетъ назадъ, и благосостояніе его обитателей не возрастаетъ, а идетъ на убыль. Одно время обвиняли въ этомъ желѣзную дорогу, перетянувшую будто бы хлѣбную торговлю въ другіе города; но едва ли это справедливо. Вѣрнѣе было бы искать причину оскуднѣнія въ истощеніи выпаханной почвы ближайшихъ степей. Земля, какъ я уже упомянулъ, болѣе не родитъ безъ удобренія, а удобренія взять негдѣ. Привозъ хлѣба въ Таганрогъ за послѣднія сорокъ лѣтъ сильно сократился!

Въ былыя времена весь городъ былъ усѣянъ хлѣбными амбарами, въ которые сваливался привозимый на продажу чумаками хлѣбъ. Мытарства, которыя приходилось претерпѣвать зерну, такъ характерны, что я позволю себѣ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе, чтобы показать, сколько людей кормилось около одного зерна, пока оно докатывалось съ чумацкаго воза до трюма заграничнаго парохода или паруснаго судна.

Теплый лѣтній вечеръ. Въ воздухѣ хорошо и тихо. Отца нѣтъ дома; вмѣсто него, въ качествѣ недремлющаго хозяйскаго ока, сижу и торгую въ бакалейной лавкѣ я. Приказчики продаютъ, а я получаю деньги и даю сдачу. На мнѣ—гимназическій мундиръ, но это дѣлу не мѣшаетъ. Въ нашей семьѣ господствовалъ взглядъ,

что ученё—ученёмъ, гимназія—гимназіей, а дѣти все-таки должны помогать отцу. Возраженій не допускалось. Я сижу за прилавкомъ и лѣнливо и устало слѣжу за торговлей. Сегодня повторяется то же самое, что было и вчера: отставной солдатъ Миронычъ купилъ на ужинъ большую селедку-астраханку; дѣвочка отъ Дракопуло взяла пару сальныхъ свѣчей и кусокъ мыла, потому что у нихъ завтра стирка; отъ учителя музыки прислали за фунтомъ стеариновыхъ свѣчей и попросили записать въ долгъ; старый еврей Шапирка пришелъ выпить на ночь свой обычный стаканчикъ сантуринскаго; таможенный чиновникъ купилъ двѣ колоды картъ... Все это старо, скучно и давно уже надоѣло...

Но вотъ приходитъ молодой Номикось, сынъ хлѣбнаго «маклера» Номикоса, съ пустой четвертной кубышкой и требуетъ четверть ведра сантуринскаго вина на наличныя деньги. Его появленіе нѣсколько оживляетъ меня. Номикосы—люди не богатые и если покупаютъ столько вина, то значить, навѣрное замышляютъ что нибудь. Пока приказчикъ возится въ погребѣ съ четвертной бутылью, Номикось заявляетъ мнѣ:

— Завтра рано утромъ отправляемся на выѣздъ... Рано-рано поѣдемъ: часовъ въ пять... Далеко поѣдемъ, версть за десять...

При этомъ извѣстіи меня начинаетъ точить червь зависти: Номикось увидитъ завтра безбрежную, благоухающую степь, а я все буду сидѣть въ четырехъ стѣнахъ скучной отцовской лавки...

— Возьмите и меня на выѣздъ,—робко напрашиваюсь я.

— А что же, поѣдемъ,—соглашается Номикось.—Дроги у насъ большія, а поѣдемъ всего папаша да я. Мѣста хватитъ. Только смотри, не опоздай... Къ обѣду уже дома будемъ.

По уходѣ Номикоса я начинаю волноваться: отпустить меня или не отпустить?.. Но судьба ко мнѣ на этотъ разъ милостива: отецъ возвращается домой въ хорошемъ расположеніи духа и, выслушавъ мою робкую просьбу, отпускаетъ меня почти безъ возраженій. Я—на седьмомъ небѣ, радостно укладываюсь спать, долго не могу заснуть отъ счастья, ночью вскакиваю нѣсколько разъ изъ боязни проспать, и въ пять часовъ утра я—уже у Номикоса.

Мы выѣзжаемъ на тощей лошаденкѣ, на длинныхъ дрогахъ втроемъ; въ задкѣ дрогъ покоится закутанная въ сѣно и прикрытая мѣшкомъ бутылъ съ виномъ и рядомъ съ нею—бѣлая чайная чашка съ отбитою ручкой. Мы проѣзжаемъ двѣ улицы и оказываемся за городомъ, въ широкой, раздольной степи. Солнце взошло только недавно и не успѣло еще обсушить блестящихъ капель росы, повисшей на листьяхъ степныхъ травъ. Меня въ моемъ мундирчикѣ прохватываетъ утрення свѣжесть, но мнѣ хорошо—все меня радуетъ: и просторъ степи, и голубое, безоблачное небо, и стрекотанье насѣкомыхъ въ травѣ, и пыль, поднимаемая колесами, и древніе курганы, раскиданные на горизонтѣ... Лошаденка разо-

шлась и бѣжить бодро. Мы всё трое молчимъ: старикъ Номикосъ сосредоточенъ въ виду ожидаемаго дѣла, а мы, молодежь не можемъ произнести ни звука подѣ обаяніемъ прелести утра. Мы ѣдемъ и счастливы тѣмъ, что ѣдемъ. Сколько верстъ мы уже проѣхали и сколько еще осталось ѣхать—насъ мало интересуеетъ. Мы безконечно счастливы—и только... Старикъ Номикосъ неожиданно останавливаетъ лошадь, прикладываетъ ладонь къ глазамъ и начинаетъ всматриваться въ даль. Мы тоже всматриваемся и видимъ черныя точки.

— Слава Богу, ѣдутъ,—ворчитъ довольнымъ тономъ старикъ и оглядывается назадъ. Вдали, далеко за нами виденъ на дорогѣ столбъ пыли и тоже черная точка.

— А чтобъ вы скисли, треклятые!—бранится Номикосъ по адресу этой точки.—Тоже Сабсовичи анаемскіе вслѣдъ за нами пустились на выѣздъ. Надо ихъ, чертей, перенять...

Старикъ начинаетъ неистово погонять тощую лошаденку, и мы мчимся чуть не въ карьеръ. Это доставляетъ намъ удовольствіе. Точки на горизонтѣ мало-по-малу увеличиваются и черезъ нѣкоторое время превращаются въ чумацкіе возы съ хлѣбомъ. Мы сворачиваемъ, останавливаемся у края дороги и ждемъ. Возы подвигаются съ удивительной медленностью; волю идутъ съ размѣренной неторопливостью; подлѣ каждой пары идетъ чумакъ въ смушковой шапкѣ, сѣрой свиткѣ и въ широкихъ шароварахъ. Почти у cadaго во рту люлька...

Старый Номикосъ направляется къ нимъ навстрѣчу.

— Здоровы булы, мужички!..

— Драстуйте и вы...

— Въ городъ ѣдете? Хлѣбъ везете?

— Эге, хлѣбъ.

— Кому продавать будете?

— На базаръ веземо. Кто купитъ, тому и продамо...

— Такъ давайте, я у васъ куплю... Що у васъ, гирка чи гарновка?

— Гирка... А ты хто? Маклеръ чи купецъ?

— Маклеръ... Только я—отъ хорошей конторы... Вы, братцы, не безпокойтесь.

— Ни, не треба... Маклерья одмануютъ. Мы и сами до конторы доїдемъ...

Номикосъ начинаетъ уламывать мужиковъ, клясться и божиться, что онъ—отъ богатой конторы, а чумаки упрямятся и выказываютъ недовѣріе. Разговоръ ведется долго и страстно. Кажется, что и конца ему не будетъ. Номикосъ съ каждою минутою все тревожнѣе и тревожнѣе поглядываетъ по тому направленію, гдѣ ѣдутъ «треклятые Сабсовичи»... Наконецъ, истощивъ всё средства, Номикосъ прибѣгаетъ къ послѣднему и самому вѣрному. Онъ до-

стаеъ бутылъ, наполняетъ чашку виномъ и равнодушно произноситъ хохламъ:

— Не хотите продать — какъ знаете. Больше и говорить съ вами не стану. У меня отъ разговоровъ съ вами даже языкъ заболѣлъ и глотка пересохла. Надо хоть горло промочить...

Старикъ подноситъ чашку ко рту, но вдругъ отнимаетъ ее и, глядя искоса на хохловъ, говорить:

— Може, изъ васъ кому угодно съ дорожки винца покуштовать (отвѣдать) — такъ милости просимъ... Винцо доброе, прямо съ биржи изъ склада взято...

— Та вже кушайте сами перше (раньше); мы подождемъ, — отвѣчаютъ хохлы.

Лицо Номикоса начинаетъ сіять. Хохлы не отказались отъ вина — значитъ, дѣло налаживается. Онъ упорно отказывается выпить первый и подноситъ чашку самому старшему изъ чумаковъ. Тотъ долго отнѣживается и, наконецъ, перекрестясь, выпиваетъ. За нимъ выпиваютъ и другіе чумаки. Меня это винопитіе нисколько не интересуеъ, и я съ молодымъ Номикосомъ убѣгаю въ степь въ погонѣ за какою-то пестрою бабочкой. Намъ хорошо и весело. Когда мы возвращаемся назадъ, нашимъ глазамъ представляется идиллическая картина: чумаки и старыи Номикосъ сидятъ на травѣ у самой дороги и поочередно передаютъ чашку безъ ручки другъ другу. Старыи Номикосъ клянется, божится и что-то старается втолковать чумакамъ. Мимо этой группы проѣзжаютъ на дрогахъ Сабсовичи и, сосчитавъ глазами чумацкіе вozy, злорадно произносятъ:

— Ууже ушпѣли перехватить партію хлѣба?

— А вы не спите, — побѣдоносно отвѣчаетъ Номикосъ, и, обращаясь къ чумакамъ, шепчетъ: — Тоже жиды пархатые встрѣчатъ вашего брата поѣхали. Хорошо, что вы ко мнѣ, а не къ нимъ въ лапы попались: они васъ обчистили бы...

Бутылъ пустѣеъ, и обѣ стороны приступаютъ къ дѣлу. Номикосъ съ каждаго вoза беретъ по горсти хлѣба и складываетъ въ клѣтчатый красный платокъ. Чумаки дѣлаютъ то же самое. Потомъ на номикосовскія дроги усаживается съ узелками столько чумаковъ, что мы, молодежь, кое-какъ, и то съ большимъ трудомъ устраиваемся назади, на какой-то жердочкѣ. Но на насъ не обращаютъ никакого вниманія: мы теперь уже лишніе. Тощая лошаденка еле въ силахъ снять дроги съ мѣста, и, несмотря на подхлестыванія, съ трудомъ плетется шагомъ. Вozy съ хлѣбомъ, сопровождаемые мужиками, которымъ не хватило мѣста на дрогахъ, направились за нами. Мы все-таки нѣсколько опередили ихъ и прибыли въ городъ раньше. Я соскочилъ съ своего неудобнаго мѣста и побѣжалъ домой, а Номикосъ повезъ чумаковъ къ себѣ во дворъ, гдѣ потомъ волю были распряжены, напоены и получили по охабкѣ сѣна...

Дальнѣйшая исторія съ чумацкимъ хлѣбомъ была такова. Отдохнувъ немного, всѣ съ узелками въ рукахъ сѣли снова на дроги, и тощая лошаденка опять двинулась въ путь. Приѣхали въ одну греческую контору, покупающую хлѣбъ для вывоза за границу. Номикосъ развернулъ свой узелокъ съ зерномъ; то же сдѣлали и хохлы. Черномазый молодой и съ иголочки одѣтый грекъ объявилъ на греческомъ языкѣ цѣну—одиннадцать рублей сорокъ копеекъ за четверть.

— А маклерскихъ сколько? — спросилъ Номикосъ тоже по-гречески.

— Гривенникъ.

— Маловато. Дайте пятиалтынный.

— Хорошо, если партія будетъ ровная.

Номикосъ переводить хохламъ, что контора даетъ по одиннадцати рублей ровно.

— Не желаемъ, мы сами продали бы дороже,— отвѣчаютъ чумаки.— Поидемъ у другую контору.

Номикосъ безпрекословно соглашается и даже выражаетъ увѣренность въ томъ, что въ другомъ мѣстѣ дадутъ больше. Тощая лошаденка опять получаетъ нѣсколько кнутовъ. Во второй конторѣ повторяется на греческомъ же языкѣ буквально тотъ же разговоръ, что и въ первой, и точно такъ же развязываются узелки. Цѣна та же—одиннадцать сорокъ; но Номикосъ дѣлаетъ недовольную гримасу и переводить хохламъ.

— Даютъ десять рублей девяносто пять копеекъ за четверть.

— Поидемъ у третью контору! Хиба-жъ (развѣ) мало конторъ? Поидемъ до Вальяна.

Злополучная лошаденка, надрываясь изо всѣхъ силъ, возить цѣлый десятокъ мужиковъ по городу изъ конторы въ контору, но продавцовъ вездѣ преслѣдуетъ неудача: въ каждой новой конторѣ хлѣбъ оцѣнивается все дешевле и дешевле.

— Я же вамъ еще въ степи говорилъ, что повезу васъ въ самую лучшую и самую богатую контору, а вы мнѣ не вѣрили,— обиженнымъ тономъ говоритъ Номикосъ.— Дороже той конторы и самъ Марко Аѳанасьевичъ Вальяно не дастъ.

Хохлы все-таки требуютъ поѣздки къ Вальяно, но тамъ дали еще меньше...

— Я же вамъ говорилъ, накажи меня Господь...— распинается Номикосъ.— Съ вами только намучишься...

Мужики держатъ между собою совѣтъ, долго чешутъ затылки, и, наконецъ, рѣшаютъ продать хлѣбъ въ первой конторѣ по одиннадцати рублей за четверть. Но тутъ ихъ ждетъ новая неприятность: контора, узнавъ, что другія фирмы даютъ за хлѣбъ дешевле, не желаетъ нести убытка, и вовсе отказывается отъ покупки партіи... Такъ, по крайней мѣрѣ, переводить Номикосъ, и теперь уже съ упрекомъ говорить:

— Я-жъ вамъ, накажи меня Богъ, говорилъ... Теперь вы сами виноваты... Везите хлѣбъ на базаръ: тамъ, можетъ, больше дадутъ...

Начинается длинная и утомительная процедура совѣщаній, уламываній и торговъ. Номикось въ десятый разъ вытираетъ потъ со лба. Въ заключеніе хохлы, искренно сожалѣя о томъ, что не согласились на первоначально предложенную имъ цѣну, сбавляютъ съ четверти по пятаку. Маклеръ сообщаетъ что-то черномазому греку и переводить:

— Только изъ уваженія ко мнѣ и по знакомству контора согласна принять хлѣбъ... Везите въ амбаръ. Запрягайте воловъ и гайда. А я туда впередъ поѣду.

Теперь уже Номикось не сажаетъ на свои дроги хохловъ и уѣзжаетъ одинъ, предварительно взявъ у конторы записку о томъ, чтобы хлѣбъ былъ взвѣшенъ и принятъ.

Во дворѣ того дома, гдѣ помѣщались лавка, погребъ и квартира покойнаго отца, былъ большой каменный амбаръ, арендуемый у домовладѣльца однимъ негоціантомъ-грекомъ. Этотъ негоціантъ былъ особый типъ, нѣчто въ родѣ посредника. Онъ скупалъ хлѣбъ малыми партіями, высушивалъ, провѣивалъ и очищалъ его, составлялъ крупныя партіи и затѣмъ въ свою очередь перепродавалъ его оптомъ какойнибудь крупной экспортной фирмѣ. Амбаръ этого посредника въ нашемъ дворѣ представлялъ собою длинное каменное зданіе съ тремя или четырьмя широкими дверями. Двери вели въ отдѣленія, разобцавшіяся деревянными досчатыми перегородками, которыя легко разбирались, если два отдѣленія нужно было соединить въ одно. На дворѣ, подъ открытымъ небомъ стоялъ огромный треногъ съ подвѣшенными къ нему вѣсами. Амбаромъ и вѣсами завѣдывалъ драгиль (нѣмецкое испорченное Träger). Нашъ дворъ періодически наполнялся то чумацкими возами, ссыпавшими хлѣбъ въ амбаръ, то длинными дорогами, увозившими на лошадахъ этотъ же хлѣбъ въ гавань для погрузки на иностранныя суда. При обѣихъ операціяхъ хлѣбъ взвѣшивался, и этою работою занималось одновременно немало драгилей—грубыхъ, необразованныхъ и неотесанныхъ мѣщанъ, отличавшихся такою словесностью и такими пѣснями, которыя не всегда было удобно слушать. Это было нѣчто такое, отъ чего, какъ говорится, «уши вянуть». Когда драгиля заводили одну изъ подобныхъ пѣсенъ, особенно же пресловутую «Дубинушку», то на нихъ нельзя было подѣйствовать ни просьбами, ни убѣжденіями, ни угрозами, и приходилось поневолѣ терпѣть. Ихъ могла исправить только одна могила, а ихъ подроставшее потомство—только грамота и школа. Но о школѣ въ тѣ времена думали мало и считали ее роскошью...

Хохлы, запродавшіе свой хлѣбъ съ помощью маклера Номикоса, запрягли своихъ воловъ и свезли въ одинъ изъ подобныхъ амба-

ровъ, гдѣ уже были въ сборѣ повѣренный конторы съ бумажкою и карандашомъ въ рукахъ и драгиля. Вozy распаковали, пересыпали хлѣбъ въ мѣшки и, взвѣшивая каждыя десять мѣшковъ, точно записывали вѣсъ, а мѣшки немедленно опорожняли въ амбарѣ, смѣшивая этотъ новый хлѣбъ съ хранившеюся тамъ уже ранѣе партіей. Одинъ изъ драгилей съ легкостью ворочалъ двухпудовыми гирями и выкрикивалъ во всю глотку вѣсъ, а хохлы, разинувъ рты, внимательно слѣдили за огромною стрѣлкою вѣсовъ. По какимъ-то необъяснимымъ причинамъ на доскѣ съ гирями все время стояла нога драгиля... Когда хлѣбъ былъ ссыпанъ, и вѣсъ подсчитанъ, то хохлы съ удивленіемъ узнали, что зерна оказалось нѣсколькими пудами меньше, чѣмъ они подсчитали у себя дома, но ихъ скоро успокоили.

— Вѣдь вы на стрѣлку смотрѣли?

— Смотрѣли...

— Такъ нечего и разговаривать...

Съ отвѣсами въ рукахъ, подписанными приѣмщиками, хохлы отправились въ контору и немедленно получили расчетъ по одиннадцати рублей безъ пятака за четверть, спрятали деньги въ кишени и отправились на базаръ за покупками, сопровождаемые возгласомъ Номикоса:

— Впередъ будьте знакомы... Хлѣбъ прямо ко мнѣ на дворъ везите.

Удовлетворивъ хохловъ, контора добросовѣстно рассчиталась и съ маклеромъ. Ему досталась вся разница между первоначально назначенной и покупною цѣною и по пятиалтынному съ четверти маклерскихъ. Онъ вернулся домой веселый и довольный, благословляя и выѣздъ на дорогу и четвертную кубышку вина. Остался доволенъ и драгиль-вѣсовщикъ: по обычаю, въ его пользу поступили тѣ пуды зерна, которые заработала его нога, стоявшая на доскѣ вѣсовъ, пока мужики смотрѣли на стрѣлку...

Только что описанный образецъ маклера, въ родѣ Номикоса, представлялъ собою вполне законченный типъ. Это—мелкотравчатый перекупщикъ, не обладающій оборотнымъ капиталомъ и не имѣющій широкаго размаха для того, чтобы повести торговлю самостоятельно. По національности это—или обрусѣвшій грекъ, или потомокъ итальянца или же еврей. Среди маклеровъ евреевъ больше всего по количеству. Маклеръ постоянно пресмыкается въ хлѣбныхъ конторахъ, постоянно держитъ носъ по вѣтру и каждую минуту долженъ быть на чеку для того, чтобы не прозѣвать мужиковъ, везущихъ на продажу хлѣбъ. Его задача—перехватить мужика раньше, нежели тотъ попадетъ со своимъ хлѣбомъ на базаръ или въ контору. Какъ бы ни былъ честенъ и добросовѣстенъ маклеръ, но мужикъ всегда окажется обманутымъ, чему много способствуетъ веденіе переговоровъ съ конторами на греческомъ языкѣ.

Для этого маклеру вовсе не нужно знать этого языка: онъ долженъ знать наизусть только цифры и слѣдующія слова: «малиста»—да, «охи»—нѣтъ, «кала»—хорошо и «миситиа»—маклерскій куртажъ. Коммерческіе переговоры въ высокой степени лаконичны, и новички, поступившіе въ маклеры, усваивали ихъ быстро. Иной курскій паренекъ такъ хлестко объясняется въ конторѣ по-гречески, что со стороны покажется, будто онъ и знаетъ языкъ, а на дѣлѣ онъ—долбить, какъ попугай, одну только цифирь.

Маклеры жили и оперировали главнымъ образомъ въ навигаціонный сезонъ и въ сезонъ подвоза хлѣба. Въ это короткое время они старались накопить благъ мірскихъ на цѣлый годъ: зимою и весною имъ нечего было дѣлать, и они, не зная никакихъ ремеслъ, били баклуши и околачивались праздными завсегдатаями въ бакалейныхъ лавкахъ и винныхъ погребахъ. Между прочимъ они служили прекрасными показателями состоянія хлѣбной торговли, ея процвѣтанія или упадка. Я помню цѣлый десятокъ Номикосовъ, которые покупали у отца въ лавкѣ табакъ по гривеннику за осьмушку, а потомъ вдругъ, точно сговорившись, начали курить третій сортъ по пятаку за осьмушку. Не нужно было справляться ни съ состояніемъ рынка, ни съ таблицами урожая, ни съ биржевыми котировками; одного этого признака было вполне достаточно для того, чтобы сдѣлать вѣрный и безошибочный выводъ о застоѣ въ дѣлахъ и о сокращеніи подвоза хлѣба. Часто ничтожныя мелочи говорятъ больше, нежели крупныя факты.

Выѣзды маклеровъ на большую дорогу, перехватываніе мужиковъ ранѣе, чѣмъ ихъ товаръ попадетъ на базаръ, были одно время признаны незаконными и вредными. Ихъ запретили, но это запрещеніе такъ и осталось грознымъ на одной только бумагѣ. Богатые помѣщики, доставлявшіе въ городъ крупныя партіи зерна—по тысячѣ четвертей и болѣе, также не обходились безъ услугъ маклеровъ, но послѣдніе держались въ респектѣ и играли самую приниженную роль. На ихъ обязанности лежало отыскать контору покрупнѣе и уловить моментъ, когда цѣна на хлѣбъ стоитъ самая высокая. Чаще же всего крупные землевладѣльцы вели дѣло прямо съ Вальяно или со Скарамангой, забирая у нихъ деньги авансами, когда хлѣбъ стоялъ еще на корню.

Рѣдкій маклеръ жилъ сколько нибудь зажиточно — большая часть ихъ, при страшной конкуренціи, питалась съ огромными семьями впроголодь. Но встрѣчались между ними и такіе счастливыя, которые наживали себѣ домики — небольшіе въ три окна и 3—4 комнатки. Такимъ господамъ обыкновенно завидовали. Къ этому, однако, нужно добавить, что дома въ старыя времена были не дороги: тысячи за полторы—за двѣ можно было пріобрѣсти въ чертѣ города клочекъ земли и, не выходя изъ этого бюджета, воздвигнуть домикъ и даже завести при немъ лошадь и корову. Вся

задача заключалась въ томъ, чтобы сумѣть сколотить эту тысячу. Такими домиками изобилуютъ въ Ростовѣ мѣста по рѣчкѣ Тимернику, а въ Таганрогѣ—окраины города—Касперовка, Камбицовка и Новостроенка. Это были очень маленькіе полугородскіе, полудеревенскіе поселки съ невылазной глинистой грязью, но съ замѣчательно уютными домиками, обсаженными деревьями. Дворы при нихъ были большіе, просторные, у плохихъ хозяевъ пустовавшіе, а у хорошихъ — заняты огородами и садами, а иногда и цѣлыми плантаціями розъ, изъ лепестковъ которыхъ варилось любимое греками ароматное розовое варенье съ пріятнымъ вяжущимъ вкусомъ. Розы приносили своимъ хозяевамъ пріличный по тогдашнему времени доходъ. Дома строились своеобразно: изъ барочныхъ досокъ и снаружи обладывались однимъ слоемъ кирпича, который иногда штукатурился сверху, но чаще всего вымазывался глиною пополамъ съ коровьимъ пометомъ и соломою, а затѣмъ выбѣливался мѣломъ. Крыши были тесовыя, но чаще — соломенные. Внутри эти маленькіе бѣленькіе домики были уютны, выбѣлены и нерѣдко вмѣсто деревяннаго пола имѣли полъ глиняный. Плита у хорошей хозяйки была всегда чисто выбѣлена мѣломъ и даже сверкала своей бѣлизной. Обстановка въ комнатахъ была чисто мѣщанская, съ вязанными салфеточками на столикахъ, съ ситцевыми одѣялами изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ и съ треногими столами и стульями-инвалидами. Я очень любилъ эту полудеревенскую прелесть съ полуголыми ребятишками и стаями собакъ и свиней на улицахъ. Ото всего этого вѣяло идилліей, особенно въ жаркую лѣтнюю пору, когда улицы были пусты.

Таковы были эти окраины днемъ; вечеромъ же и ночью горожане заходили туда не безъ опаски. Населеніе этихъ красивыхъ уголковъ было грубо, невѣжественно и носило кличку «фараоновъ». Здѣсь зачастую происходили и драки, и грабежи. Населеніе состояло изъ мѣстныхъ мѣщанъ-драгилей, отличавшихся страшной несдержанностью въ рѣчахъ и поступкахъ.

Приазовскій драгиль представлялъ собою типъ, о которомъ стоитъ сказать пару словъ. Невѣжественный, грубый, жестокий и лишь въ исключительныхъ случаяхъ грамотный, онъ явился историческимъ послѣдствіемъ жизни портоваго города. Его назначеніе—таскать тяжести—восьмипудовые мѣшки съ хлѣбомъ. Умственного развитія жизнь отъ него не требуетъ никакого. Религія для него состоитъ изъ однихъ только обрядностей, внутренняго же смысла ея онъ не только не понимаетъ, но даже и не подозреваетъ. Повседневная жизнь его протекаетъ очень однообразно: лѣтомъ въ четыре часа утра онъ просыпается, запрягаетъ въ длинныя дроги лошадь, если она у него есть, и выѣзжаетъ на работу либо въ гавань, либо къ какому нибудь хлѣбному амбару въ городъ. Въ гавани онъ на своихъ мускулистыхъ плечахъ вытаски-

ваетъ изъ глубокихъ судовыхъ трюмовъ тяжелыя мѣста съ заграничными товарами и отвозить ихъ на своихъ дрогахъ въ пакгаузы; въ амбарахъ же онъ забираетъ мѣшки съ хлѣбомъ (чувалы) и везетъ въ гавань, гдѣ на его же обязанности лежитъ взбѣжать съ тяжелою ношею по гибкой, качающейся доскѣ на палубу судна и высыпать зерно въ трюмъ. Безъ этого представителя грубой, ломовой физической силы портовая жизнь не существовала бы вовсе. Такой драгилъ и его лошадь работаютъ отъ зари до зари и въ палящій зной и въ проливной дождь.

Тѣ драгиля, у которыхъ нѣтъ лошадей, а есть только руки и дюжая спина, тоже съ ранняго утра отправляются въ гавань или къ амбарамъ искать себѣ работы поденно. Въ горячее время они не остаются безъ дѣла: сушатъ, вѣютъ и лопатятъ зерно и занимаются нагрузкой и выгрузкой; но когда наступаетъ затишье, они гурьбами направляются въ нѣкогда извѣстный кабакъ еврея Бориски и сидятъ тамъ, ничего не дѣлая, въ ожиданіи случайнаго нанимателя. У кого есть деньги, тѣ пьянствуютъ, а прочіе изнываютъ отъ скуки и развлекаются, играя въ засаленныя карты и безобразничая. Къ числу ихъ любимыхъ занятій принадлежали истязанія животныхъ и глумленіе надъ людьми: они ловили, на примѣръ, пробѣгавшихъ мимо обывательскихъ собакъ, связывали ихъ хвостами вмѣстѣ и любовались тѣмъ, какъ несчастныя животныя, желая освободиться другъ отъ друга, вступали между собою въ драку. Еще больше удовольствія доставляло имъ привязать къ хвосту собаки на короткой веревкѣ обрубокъ дерева и съ крикомъ, гикомъ и свистомъ отпустить на волю. Испуганное животное удирало съ мѣста въ карьеръ, а привязанный къ хвосту обрубокъ, болтаясь на воздухѣ, начиналъ колотить безощадно по заднимъ лапамъ. Собака съ страшнымъ визгомъ старалась удрать отъ этихъ ударовъ, но чѣмъ быстрее она бѣжала, тѣмъ безжалостнѣе и сильнѣе колотилъ ее обрубокъ. Забава кончалась обыкновенно тѣмъ, что несчастное животное при общемъ хохотѣ драгилей скрывалось съ воемъ изъ глазъ, а затѣмъ его находили гдѣ нибудь, на разстояніи четверти версты съ переломанными или изуродованными ногами. Обиліе арбузныхъ корокъ и пищевыхъ остатковъ привлекало къ кабаку Бориски бродячихъ свиней и поросятъ. Драгиля отъ нечего дѣлать перелавливали всю семью и, запрятавъ ее въ мѣшки, начинали жать и давить до тѣхъ поръ, пока свиньи не начинали неистово визжать всѣ разомъ. Получался оглушительнѣйшій и отвратительнѣйшій концертъ, дѣйствовавшій на нервы и заставлявшій владѣльцевъ свиней сбѣгаться къ кабаку. Начиналась плоская и возмутительная перебранка, во время которой драгиля дерзко требовали выкупа за своихъ визжавшихъ плѣнниковъ. Тогдашняя полиція не только не обращала на всѣ эти безобразія никакого вниманія, но даже старалась умы-

шленно не замѣчать ихъ изъ опасенія нарваться на неприятность. Весь штатъ ея состоялъ тогда изъ грозной арміи въ пятнадцать человѣкъ городскихъ-полуинвалидовъ, непригодныхъ болѣе ни къ какой иной службѣ.

Кабакъ еврея Бориски служилъ для драгилей одновременно и клубомъ и рынкомъ для найма рабочихъ рукъ. Онъ помѣщался на углу Ярмарочнаго переулка и Иерусалимской улицы и составлялъ грозу обывателей, особенно же дамъ: ни одна изъ нихъ не рисковала пройти мимо, не получивъ въ догонку краснаго словца. И чѣмъ женщина была стыдливѣе, тѣмъ словцо отпускалось забористѣе и крѣпче. Еврей Бориска являлся для этого народа благодѣтелемъ: онъ отпускалъ имъ въ кредитъ выпивку, а наиболѣе благонадежнымъ давалъ даже въ минуту жизни трудную займы и деньги за небольшіе впрочемъ проценты.

Зимою драгилямъ буквально нечего было дѣлать, и они, часто въ ущербъ семьямъ, проѣдали и пропивали въ кабакѣ у Бориски скопленные за лѣто сбереженія; къ веснѣ же они всѣ поголовно оказывались должниками добродѣтельнаго еврея.

Неоцѣнимыми работниками были въ ясные солнечные дни драгиля для купцовъ, ссыпавшихъ въ свои амбары хлѣбъ небольшими партіями. По мѣрѣ накопленія зерно нужно было просушивать и перелопачивать, чтобы оно не слежалось и не «сгорѣло». Для этой цѣли по всему двору или же просто по улицѣ разстилалось огромной величины полотно—лантухъ, оставившее на дорогѣ узенькую, едва достаточную полоску для проѣзда экипажей и воевъ. На этихъ лантухахъ разсыпался слоемъ верхка въ полтора зерновой хлѣбъ и отъ времени до времени взбрасывался лопатами на воздухъ и падалъ обратно золотымъ дождемъ. Благодѣтельное солнце обсушивало залежавшееся зерно. Всѣ операци надъ хлѣбомъ производили драгиля, сопровождая свою работу самими скверными пѣснями. Патриархальность того времени оказывалась безсильною для борьбы съ этимъ циничнымъ зломъ: его просто старались не замѣчать.

Когда у купца-амбарщика накоплялась болѣе или менѣе крупная партія, и рыночная цѣна казалась ему подходящей, то онъ продавалъ ее какому нибудь крупному коммерсанту-экспортеру въ родѣ Вальяно, Скараманга и К^о. Эти послѣдніе уже грузили его на суда и отправляли за границу, при чемъ таможенные хлопоты по отпуску велъ новый посредникъ-экспедиторъ. Если теперь подвести итоги, то окажется, что пока хлѣбное зерно докатилось отъ мужицкаго воза до трюма иностраннаго судна,—около него наживались: маклеръ въ родѣ Номикоса, цѣлый полкъ драгилей, купецъ-амбарщикъ, негодіантъ Вальяно, экспедиторъ въ таможнѣ какой нибудь Ликудись и, наконецъ,

шкиперъ каботажнаго судна, доставившій зерно на рейдъ. Наименьшая доля прибыли доставалась при этомъ производителямъ—помѣщику и мужику.

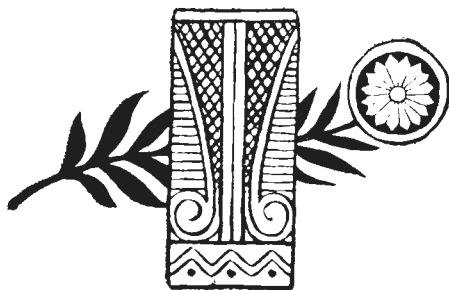
Отправлять за границу хлѣбъ не въ видѣ зерна, а въ видѣ готовой муки—гораздо выгоднѣе и удобнѣе. Поэтому на югѣ Россіи чуть ли не полстолѣтія тому назадъ произведены были попытки молоть муку дома. Первымъ піонеромъ въ этомъ направленіи былъ Алфераки, построившій въ Таганрогѣ первую паровую мукомольную мельницу съ высоко поднимавшейся къ небу трубой. Это было огромное кирпичное зданіе, снабженное элеваторами, заграничными жерновами, вѣялками, обдирными машинами и всѣми доступными по тогдашнему времени механическими и техническими приспособленіями. Достаточно указать хотя бы и на то, что паровые котлы занимали сбоку зданія цѣлый этажъ подъ землею, а во дворѣ мельницы былъ устроенъ открытый резервуаръ съ горячей водою, вмѣстимостью въ нѣсколько десятковъ тысячъ ведеръ. Мельница стояла на высококомъ, крутомъ обрывѣ на берегу моря, и вода подавалась на эту кручу по особому водопроводу съ помощью отдѣльной водокачки, выстроенной у самаго прибора волнъ. Своимъ фасадомъ зданіе мельницы выходило на большую дорогу, которая вела въ рядъ богатыхъ хлѣбородныхъ имѣній—Дмитріаду, Аѣины и Скараманговку, затѣмъ въ степь и, наконецъ, въ Мариуполь. Словомъ, сооруженіе было построено, вѣроятно, не безъ расчета на привозъ хлѣба по этой дорогѣ. Не могу сказать съ точностью, каковы были дѣла этого предпріятія, но видно было, что они шли далеко не ровно: то изъ трубы валилъ густой каменноугольный дымъ, то работы на большіе промежутки времени прекращались. Отъ чего это зависѣло—не знаю. Будучи гимназистомъ, я видѣлъ эту мельницу въ полномъ ходу и былъ пораженъ ея грандіозностью. Можетъ быть, это впечатлѣніе получилось отъ того, что я тогда еще впервые въ жизни видѣлъ крупный паровой заводъ. Не могу сказать, сыграла ли эта огромная, миллионная мельница хоть какую нибудь экономическую роль въ жизни края, и развила ли она въ Таганрогѣ мукомольное дѣло въ крупныхъ размѣрахъ. Мельница эта сгорѣла до тла и была послѣ этого заброшена. Я посѣтилъ ея развалины, будучи уже взрослымъ человекомъ. Все кругомъ поросло густою травой и носило печать полного запустѣнія. Мнѣ стало какъ-то невольно грустно... Къ небу попрежнему высилась огромная труба. Но впоследствии капиталъ и нажива подкопались и подъ этого колосса: трубу купилъ на кирпичъ одинъ изъ мелкихъ евреевъ и для сломки ея употребилъ довольно оригинальный въ техническомъ отношеніи приемъ. Онъ обложилъ одну сторону основанія трубы дровами и зажегъ ихъ. Когда дрова сгорѣли, труба медленно наклонилась и плавно, стройной колонной рухнула на землю. Отъ

грандіознаго нѣкогда сооруженія остались однѣ только голыя, полуразрушенныя стѣны.

Послѣ этого пожара въ противоположномъ концѣ города, въ самой гавани, у моря и около рельсовъ портовой вѣтви желѣзной дороги была построена другая мельница, значительно меньшихъ размѣровъ. Она тоже носила названіе «Алферакинской».

А. Сѣдой (Ал. П. Чеховъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РАНО УГАСШИЙ ТАЛАНТЪ.

(Изъ воспоминаній объ А. П. Рябушкинѣ).

РЪ НОВГОРОДСКОЙ губерніи, верстахъ въ двадцати отъ станціи Николаевской желѣзной дороги—Любани, находится мѣстность Доброе Село, извѣстное по новгородскимъ писцовымъ книгамъ еще въ 1499—1500 годахъ. Несмотря на громкое названіе Села, Доброе и до сихъ поръ остается вѣрнымъ данному ему писцовою книгою наименованію «селца», то-есть небольшого поселенія подлѣ церкви, и по типу болѣе всего напоминаетъ наши древніе погосты. Церковь, построенная болѣе полутораста лѣтъ назадъ, небольшое кладбище, домики причта, двѣ усадьбы и устроенная близъ церкви земская школа,—вотъ и все, что заключается въ этомъ Селѣ.

На скромномъ кладбищѣ покоятся старинные владѣльцы этой мѣстности—Бестужевы; здѣсь же погребенъ небызвѣстный писатель и остроумный переводчикъ Гетевского Рейнеке-Лиса Я. Н. Бутковскій. На этомъ же кладбищѣ подъ зеленою сѣнью старыхъ деревьевъ въ послѣднее время прибавилась еще одна новая могила.

29 апрѣля 1904 года здѣсь схоронили такъ рано похищеннаго смертью симпатичнаго человѣка и талантливаго художника Андрея Петровича Рябушкина, произведенія котораго, вѣроятно, знакомы большинству читателей, какъ по выставкамъ, такъ и по художественнымъ изданіямъ. Не одинъ рисунокъ его былъ помѣщенъ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Я въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ близко знакомъ съ Андреемъ Петровичемъ и считаю долгомъ хотя отчасти подѣлиться

воспоминаніями, которыя проносятся въ головѣ надъ свѣжею могилою покойнаго.

Родился онъ, какъ самъ мнѣ рассказывалъ, въ 1861 году, въ городѣ Борисоглѣбскѣ Тамбовской губерніи. Отецъ его былъ мѣстный иконописецъ, бравшій подряды и на украшеніе церквей стѣнною живописью. Андрей Петровичъ живо помнилъ одну изъ его работъ, изображавшую пиръ Ирода, которому приносятъ на блюдѣ голову Іоанна Крестителя. Иродъ держитъ въ рукѣ вилку и колеетъ ею обличавшій его языкъ Предтечи.

Весьма вѣроятно, что и молодой Рябушкинъ, подобно своему старшему брату, пошелъ бы по стопамъ отца и заглохъ въ скромной роли провинціального иконописца, какъ глохнутъ у насъ на Руси многія и многія дарованія; но судьба судила ему иное.

Въ числѣ знакомыхъ его отца былъ одинъ молодой человекъ, Андрей Харлампіевичъ Преображенскій, учившійся въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, а на лѣтнее время прїѣзжавшій погостить на родину. Замѣтивъ несомнѣнное дарованіе мальчика, онъ убѣдилъ его родныхъ отдать его въ Московское училище и взялся самъ отвезти его въ Москву и быть на первыхъ порахъ его хранителемъ и руководителемъ.

И вотъ Андрей Петровичъ внезапно очутился въ одномъ изъ нашихъ художественныхъ центровъ, гдѣ преподавателями были такіе художники, какъ Евграфъ Семеновичъ Сорокинъ и братъ его Павелъ Семеновичъ, Василій Григорьевичъ Перовъ и Иларіонъ Михайловичъ Прянишниковъ (инспекторомъ былъ К. А. Трутовскій).

Выдающіяся способности Андрея Петровича были сразу же замѣчены преподавателями, и онъ сдѣлался любимцемъ обоихъ Сорокиныхъ и Перова. Перовъ даже предоставилъ ему право приходить къ нему ежедневно обѣдать, право, которымъ молодой художникъ по скромности не пользовался, Евграфъ же Семеновичъ жестоко распекалъ его въ классахъ, но это-то распеканье маститаго профессора и считалось завидною долей среди учениковъ. Всѣ знали, что онъ сторожитъ и распекаетъ только тѣхъ, кого считаетъ дѣйствительно талантливыми и на кого возлагаетъ надежды: съ менѣе даровитыми онъ былъ холодно вѣжливъ—и только. Эскизъ Рябушкина: «Крестьянская свадьба», появившійся въ 1880 году на ученической выставкѣ, былъ пріобрѣтенъ извѣстнымъ собирателемъ всего талантливаго въ русской живописи, П. М. Третьяковымъ.

Въ 1882 г., окончивъ курсъ въ училищѣ живописи, Андрей Петровичъ вмѣстѣ съ своими товарищами, Яновымъ, Навозовымъ, Коровинымъ, Павловымъ и др., поступилъ для завершения художественнаго образованія въ Петербургъ въ академію художествъ.

Я въ то время былъ уже въ академіи и помню, что работы «москвичей» на экзаменѣ замѣтно выдѣлились изъ общаго уровня,

какъ по композиціи, такъ и по своеобразности техники; мы сразу же обратили на нихъ вниманіе и полюбили ихъ. Но съ Андреемъ Петровичемъ я познакомился только позднѣе.

Въ слѣдующемъ 1883 году, по инициативѣ незабвеннаго нашего инспектора, Павла Алексѣевича Черкасова, и при моихъ сильныхъ стараніяхъ образовался сначала хоръ, а потомъ и небольшой оркестръ изъ числа академистовъ. Съ этими товарищескими силами мы задумали отпраздновать, какъ умѣемъ, четырехсотлѣтіе со времени рожденія Рафаэля. Официальное чествованіе его памяти было справлено 28 марта, а нашъ скромный праздникъ былъ назначенъ на 10 апрѣля и предназначался не для публики, а для тѣснаго кружка своихъ товарищей академистовъ. Помимо чтенія біографіи съ туманными картинами, концерта изъ произведеній XV и XVI столѣтій, въ программу входило и чтеніе стихотвореній, написанныхъ въ честь великаго художника.

Въ числѣ нашихъ академическихъ поэтовъ, вдохновившихся памятью Рафаэля, былъ Андрей Павловичъ Мельниковъ (сынъ П. И. Мельникова, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго). Познакомившись по поводу Рафаэлевскаго празднества, мы вскорѣ довольно близко сошлись другъ съ другомъ.

Пріѣхавъ однажды навѣстить Мельникова въ занимаемой имъ на холостую ногу меблированной комнатѣ, я встрѣтилъ тамъ и его сожителя, котораго онъ отрекомендовалъ мнѣ Андреемъ Петровичемъ Рябушкинымъ.

Невысокаго роста, худенькій, тщедушный (онъ и умеръ отъ чахотки), съ густыми свѣтлыми волосами и еще болѣе свѣтлой небольшой бородкой, съ открытыми правильными чертами лица и тонкими изящными руками, онъ съ перваго же раза производилъ очень симпатичное впечатлѣніе.

Оказалось, что съ Мельниковымъ они знакомы уже давно, и Андрей Петровичъ даже провелъ у него цѣлое лѣто въ Нижегородской губерніи. Они показали мнѣ альбомъ карандашныхъ этюдовъ деревьевъ, кустарника, травъ и цвѣтовъ, нарисованныхъ Рябушкинымъ въ имѣніи Мельниковыхъ и подаренныхъ Андрею Павловичу. Разсматривая альбомъ, я не могъ скрыть своего восхищенія: до того тонко, добросовѣстно и изящно былъ выполненъ каждый этюдъ.

Черезъ нѣсколько времени Андрей Павловичъ уѣхалъ въ Нижній для отбыванія воинской повинности и въ академію уже болѣе не возвращался. Но съ его отъѣздомъ знакомство мое съ Рябушкинымъ не только не прекратилось, но мало-по-малу становилось все ближе и тѣснѣе.

Этому отчасти способствовали товарищескіе компановальные вечера, заведенные тѣмъ же П. А. Черкасовымъ. Въ нихъ могли участвовать всѣ академисты, выдержавшіе экзаменъ по компано-

ванію эскизовъ. На этихъ вечерахъ мы продолжали уже для себя упражняться въ композиціи, собираясь одинъ разъ въ недѣлю, послѣ вечернихъ классовъ, въ томъ же залѣ, гдѣ происходили по другимъ днямъ репетиціи хора и оркестра, и гдѣ стоялъ большой концертный рояль, подаренный нашему музыкальному классу великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ.

Сюжетъ задавался каждымъ изъ товарищей по очереди. Задававшій, который у насъ назывался хозяиномъ вечера, самъ въ рисованіи участія не принималъ. На его обязанности лежало приготовить и прочесть намъ матеріаль, служащій для выясненія заданнаго имъ сюжета, и въ продолженіе вечера хозяйничать у самовара, разносить по столамъ чай, булки и т. п. Выслушавъ сюжетъ и ознакомившись съ матеріаломъ, мы садились рядами за большими столами, раскрывали свои, выданные намъ Павломъ Алексѣвичемъ специально для этихъ вечеровъ альбомы и начинали «творить». Рисовали подъ рядъ часа три и болѣе. Мы съ Андреемъ Петровичемъ были ревностными посѣтителями этихъ вечеровъ.

Чтобы нѣсколько освѣжить утомленное вниманіе товарищей, я время отъ времени откидывалъ карандашъ и садился за рояль.

Андрей Петровичъ былъ едва ли не самымъ внимательнымъ изъ слушателей и на одномъ изъ вечеровъ выдалъ мнѣ даже родъ похвальнаго листа, подаривъ сдѣланный въ тотъ вечеръ эскизъ: «Похищеніе Елены Парисомъ», на которомъ собственноручно изобразилъ: «товарищу Тюменеву за прекрасную игру на фортепіано, на память».

Но если онъ былъ доволенъ моею игрою, то я, въ свою очередь, бывалъ порою въ совершенномъ восторгѣ отъ его эскизовъ: столько было въ нихъ присущей ему одному неуловимой тонкости и красоты въ чертѣ, столько изящества и вкуса въ распредѣленіи свѣтотѣни, или по-нашему «пятенъ». Не скажу, что бы ему одинаково удавался каждый эскизъ, но тѣ, которые удавались, могли дѣйствительно привести въ восторгъ каждого, способнаго понимать и чувствовать. Особенно хороши бывали у него легкіе, незаконченные наброски, въ которыхъ онъ, не стѣсненный кропотливою выдѣлкою подробностей, бойко и свободно набрасывалъ воздушные образы, носившіеся въ его воображеніи.

Кромѣ «Похищенія Елены», у меня сохранилось нѣсколько его эскизовъ, сдѣланныхъ на этихъ вечерахъ.

Между тѣмъ наши хоровыя и оркестровыя занятія продолжались. Время отъ времени мы устраивали для товарищей концертныя собранія, на которыхъ рядомъ съ музыкой и пѣніемъ были введены и туманныя картины, иллюстрирующія содержаніе музыкальныхъ нумеровъ. Эти иллюстраціи компановались самими же академистами.

4-го января 1885 года мы устроили концертъ въ залѣ Рафаэля¹⁾. Концертъ былъ, что называется, gala и почтенъ присутствіемъ августѣйшаго президента академіи, великаго князя Владимира Александровича. Въ первомъ отдѣленіи была исполнена ода-симфонія Фелисьена Давида «Пустыня», иллюстрированная туманными картинами талантливаго и также рано похищеннаго смертью Грейма, а во второмъ отдѣленіи, состоявшемъ изъ разныхъ номеровъ, въ качествѣ автора туманной картины дебютировалъ Андрей Петровичъ съ большою композиціею къ хору гуляющихъ стрѣльцовъ изъ 3-го дѣйствія оперы «Хованщина». Картина имѣла большой успѣхъ; впоследствии рисунокъ былъ помѣщенъ въ «Нивѣ».

Черезъ два мѣсяца Андрей Петровичъ уже опять компановалъ по нашему предложенію первую страницу программы ежегоднаго художественнаго вечера въ пользу недостаточныхъ академистовъ въ залѣ Кононова, а на костюмированномъ балѣ, слѣдовавшемъ за концертнымъ отдѣленіемъ, поставилъ живую картину и процессію изъ древне-греческой жизни подъ названіемъ «Пиѳіа».

Изъ этихъ же временъ совмѣстной академической жизни мнѣ припоминается одинъ случай, характеризующій его задушевное отношеніе къ товарищамъ. Какъ-то, въ октябрѣ, во время вечернихъ классовъ зашли мы съ В. П. Павловымъ (однокашникомъ А. П. по Московскому училищу) къ академическую курилку, гдѣ большинство изъ насъ проводило время антрактовъ, пока натурщикъ отдыхалъ..

Къ намъ подошелъ Андрей Петровичъ. Поговоривъ немного, онъ сообщилъ, что сегодня онъ именинникъ. Мы разсыпались въ шуточныхъ поздравленіяхъ и благопожеланіяхъ. Онъ откланивался, благодарилъ, но все время видимо былъ чѣмъ-то смущенъ и какъ бы озабоченъ.

Наконецъ онъ рѣшился и отвелъ меня въ сторону.

— Сегодня мнѣ непременно хотѣлось бы угостить васъ, — сказалъ онъ: — а денегъ, какъ на грѣхъ, ни копейки. Если есть у васъ три рубля, дайте мнѣ въ долгъ на нѣсколько дней. Это мнѣ будетъ большое удовольствіе.

Деньги у меня нашлись, и онъ съ торжествомъ, веселый и довольный, повелъ насъ къ себѣ, накупивъ по дорогѣ булокъ, сыру, колбасъ и т. п.

Все это вышло такъ безхитростно, такъ задушевно, что я былъ глубоко тронутъ, и весь вечеръ мы провели у именинника, какъ нельзя пріятнѣе.

¹⁾ Гдѣ устраиваются ежегодныя академическія выставки. Залъ этотъ находится направо отъ конференцъ-зала и названіе свое получилъ отъ находящихся въ немъ громадныхъ копій съ произведеній Рафаэля; главный залъ называется Тициановскимъ.

Рисунокъ А. П. Рябушкина.
Изъ собранія И. Ф. Тюменова.

Годомъ позднѣе наша музыкальная капелла устроила бесплатный вечеръ для товарищей въ томъ же залѣ Кононова. Хоръ и оркестръ, между прочимъ, исполняли произведеніе Бруха: «Триумфальное шествіе Цезаря». Андрей Петровичъ воплотилъ все это шествіе въ образахъ, и въ то время, какъ хоръ пѣлъ хвалебныя пѣсни триумфатору, передъ зрителями на экранѣ тянулась торжественная процессія: войны, плѣнники, женщины, жрецы, сенаторы, народъ, а въ заключеніе появилась и пышная колесница побѣдителя. Несмотря на то, что фонарь на этотъ разъ былъ далеко не на высотѣ своего назначенія, весь этотъ номеръ имѣлъ большой успѣхъ среди нашей публики.

На слѣдующемъ вечерѣ, устроенномъ опять въ одной изъ залъ академіи, Андрей Петровичъ явился снова нашимъ сотрудникомъ, скомпановавъ виньетки для первой и послѣдней страницъ программы. Съ этою программю вышелъ маленькій курьезъ.

На послѣдней страницѣ онъ изобразилъ окончаніе концерта: на первомъ планѣ—покидающіе залу члены совѣта; я и Павелъ Алексѣевичъ провожаемъ ихъ, благодаря за посѣщеніе. (На самомъ-то дѣлѣ этого не бывало, но, какъ мотивъ для виньетки, такая группировка была возможна). Портреты конференцъ-секретаря и профессоровъ, несмотря на эскизность всего наброска, были схвачены довольно удачно. Вокругъ этой группы Андрей Петровичъ написалъ фигурными буквами наше обычное присловье, помѣщавшееся почти на всѣхъ программахъ: «Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады», при чемъ слова: «и рады», приписались какъ разъ подъ конференцъ-секретаремъ и профессорами.

Вечеръ прошелъ благополучно; всѣ были очень довольны и благодарили.

Вдругъ на слѣдующій день Павелъ Алексѣевичъ, возвратясь изъ канцеляріи, гдѣ онъ ежедневно бывалъ по службѣ, призываетъ меня къ себѣ.

— Вы разсматривали послѣднюю страницу программы?

— Еще бы!—не одинъ разъ.

— Ничего не замѣтили?

— Особеннаго ничего. Конецъ вечера. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Вотъ въ томъ и дѣло, что оказалось не «рады».

— Что же?

— Въ канцеляріи стали присматриваться и, вообразите, нашли, что подъ уходящими членами совѣта помѣщена надпись: «ироды»!

Когда я сообщилъ объ этомъ Андрею Петровичу, тотъ только руками развелъ. Концы фигурнаго А были дѣйствительно нѣсколько закруглены внутрь, но принять его за О могъ развѣ только канцеляристъ, уже слишкомъ усердный въ обереганіи чести начальства.

Рисунокъ А. П. Рябушкина.
Изъ собранія Н. Ф. Тюменева.

Мы много смѣялись надъ этими «иродами», но высшія сферы нѣкоторое время вели себя по отношенію къ Павлу Алексѣевичу и намъ очень сдержанно, не зная, вѣрить или нѣтъ канцелярскому чтенію. Въ концѣ концовъ все обошлось благополучно.

Около этого времени Андрей Петровичъ уже началъ сотрудничать въ нѣсколькихъ иллюстрированныхъ журналахъ и главнымъ образомъ во «Всемирной Иллюстраціи». Въ январскихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1885 и 1886 годы помѣщены два его рисунка: «Марина Мнишекъ въ утро 17 мая 1606 г.» и «Поѣздъ Марѳы Посадницы, отправляемой вмѣстѣ съ вѣчевымъ колоколомъ въ Москву». Текстъ къ первому рисунку былъ написанъ Н. И. Костомаровымъ, а ко второму Д. Л. Мордовцевымъ.

Работая въ журналахъ, Андрей Петровичъ много рисовалъ и для себя, не пропуская малѣйшаго удобнаго къ тому случая. Узнавъ, что у меня бываетъ художникъ Н. П. Шаховской, съ которымъ мы дѣлаемъ наброски изъ «Князя Серебрянаго», онъ тотчасъ же примкнулъ къ намъ. Въ то время онъ вырабатывалъ технику рисованія перомъ, и всѣ наброски его къ роману сдѣланы лакомъ или чернилами.

Помимо компановальныхъ вечеровъ въ академіи мы составили еще свой маленькій кружокъ, собираясь по очереди другъ у друга. Въ составъ этого кружка входили Андрей Петровичъ и жившій вмѣстѣ съ нимъ А. Е. Архиповъ, В. П. Павловъ, я и нашъ талантливый товарищъ Топорковъ (также слишкомъ рано похищенный у искусства). Здѣсь композиціи дѣлались каждымъ на свой сюжетъ, и все, что было сдѣлано за вечеръ, составляло собственность того, у кого было собраніе. Отъ этихъ вечеровъ у меня сохранилось нѣсколько рисунковъ Андрея Петровича: «Свиданіе», сцена изъ «Боярина Орши», и др., исполненныхъ съ присущею ему талантливостью.

Лѣто 1886 года онъ провелъ съ А. Е. Архиповымъ въ Рязанской губерніи и привезъ оттуда нѣсколько альбомовъ этюдовъ и набросковъ деревенской жизни, изъ которыхъ многіе послужили ему потомъ матеріаломъ для рисунковъ, помѣщенныхъ во «Всемирной Иллюстраціи».

Зима 1886—1887 года была послѣднею, проведенною мною въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ.

Весною 1887 года я оставилъ академію и переселился со всею семьєю въ приобретенное за годъ передъ тѣмъ небольшое имѣніице верстахъ въ четырехъ отъ Добраго Села, упомянутаго выше.

Андрей Петровичъ сдѣлался моимъ постояннымъ лѣтнимъ гостемъ, исключая только того времени, когда онъ, недѣли на двѣ, на три, на мѣсяцъ, уѣзжалъ въ Москву или въ провинцію. Время его пребыванія въ академіи также подходило къ концу. Онъ работалъ программу на малую золотую медаль: «Исцѣленіе слѣпого».

Рисунокъ А. П. Рябушкина.
Изъ собранія И. Ф. Тюменева.

Не помню, была ли эта картина выставлена на экзаменъ или нѣтъ, но только онъ остался конкурентомъ еще на годъ и малую золотую получилъ за программу: «Ангель выводитъ апостола Петра изъ темницы». По слухамъ «Исцѣленіе слѣпого» хранится у А. Х. Преображенскаго; гдѣ же находится вторая программа, мнѣ неизвѣстно. Эскизы какъ той, такъ и другой композицій, подаренные мнѣ, вошли въ составъ моей коллекціи его рисунковъ.

На весенней академической выставкѣ 1888 г. онъ помѣстилъ двѣ небольшія картинки: «Дача» (видъ моей усадьбы, подаренный мнѣ авторомъ) и «Ярмарка въ Рязанской губерніи» (по этюдамъ, написаннымъ въ селѣ Тумахъ лѣтомъ 1886 г.). Въ концѣ мая или началѣ іюня онъ снова пріѣхалъ въ мое «Приволье» и принялся за лѣтнія занятія.

Когда онъ работалъ въ своей комнатѣ, я часто сидѣлъ у него и читалъ ему былины по сборнику Гильфердинга. Слушать былины было для него истиннымъ наслажденіемъ, которое наконецъ выразилось въ большой композиціи: «Пиръ у ласковаго князя Владимира». Эту картину онъ предназначилъ, въ видѣ панно, для моей столовой. Вещь написана цѣликомъ отъ себя и мѣстами эскизно, но заключаетъ столько хорошаго и талантливаго, что разработаиъ онъ ее въ еще большихъ размѣрахъ съ натуры, получилось бы замѣчательное произведеніе, достойное украсить любой изъ русскихъ музеевъ.

Но эта композиція была не единственнымъ доказательствомъ любви и уваженія Андрея Петровича къ произведеніямъ русскаго народнаго творчества. Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ августѣ 1893 года, воображеніе его снова воспламенилось величавыми образами былинныхъ богатырей. Теперь онъ задумалъ изобразить ихъ каждого особо, начиная со старшихъ: Святгора, Вольги и Микулы, и кончая младшими: Ильею, Добрыней и Алешей Поповичемъ. Неизвѣстно, сколько времени назрѣвала въ немъ эта мысль, но прорвалась она мгновенно.

Немедленно я былъ усаженъ за рояль съ предписаніемъ играть первый актъ «Руслана», и подъ могучіе звуки княжого пира въ готъ же вечеръ, за одинъ присѣсть, создались образы всѣхъ шести главныхъ богатырей. Черезъ день или два наброски были закончены и преподнесены мнѣ въ особой разукрашенной акварелью обложкѣ.

Однако и этимъ онъ не ограничился. Ему захотѣлось еще болѣе разработать свои любимые типы, и онъ сдѣлалъ новую серію уже вполне обработанныхъ рисунковъ, которые были изданы особымъ альбомомъ въ видѣ приложенія къ «Всемирной Иллюстраціи».

Но и это еще не все. Получивъ приглашеніе сотрудничать въ обновленномъ художественно-юмористическомъ журналѣ «Шутъ» (воспроизведемъ на своихъ страницахъ столько талантливаго,

какъ, напримѣръ, замѣчательныя иллюстраціи А. Θ. Аванасьева къ «Коньку Горбунку», карикатуры Old Judge и т. д.), Андрей Петровичъ выполнилъ цѣлый рядъ композицій къ новгородской былинѣ о «Васькѣ Буслаевѣ». Словомъ, я не знаю другого художника (развѣ только за исключеніемъ В. М. Васнецова), который бы сдѣлалъ столько для художественнаго воспроизведенія нашихъ былинъ и былинныхъ типовъ, какъ Андрей Петровичъ.

Въ 1890 году, онъ вмѣстѣ съ Н. Н. Харламовымъ и, кажется, еще Лукашевичемъ сталъ конкурентомъ на большую золотую медаль. Сюжетомъ для картины было задано «Снятіе со креста».

Навѣстивъ Андрея Петровича въ Петербургѣ, я увидѣлъ у него прекрасную композицію этого сюжета и упрасивалъ его писать точь въ точь, какъ скомпановано; но онъ уже охладѣлъ къ ней. Въ головѣ его носился другой мотивъ: не самый моментъ снятія, а мгновенія, ему предшествующія. Чтобъ проникнуться духомъ событія, онъ много разъ читалъ и перечитывалъ Евангеліе и сдѣлалъ для себя цѣлый рядъ композицій, воспроизводящихъ послѣдніе дни земной жизни Спасителя. Композиціи эти я видѣлъ у него въ наброскахъ; кажется, онѣ не сохранились.

Обдумывая картину, онъ часто ходилъ по утрамъ на Смоленское кладбище, когда тамъ происходитъ отпѣваніе умершихъ, для изученія экспрессій при вѣчномъ разставаніи съ дорогимъ человекомъ. Приѣхавъ ко мнѣ лѣтомъ, онъ старательно изучалъ вечерніе тона передъ закатомъ солнца, и одинъ разъ я даже былъ у него натурщикомъ для груди и рукъ Спасителя, освѣщенныхъ косыми золотистыми лучами. Съ меня же онъ сдѣлалъ набросокъ красками и для Іосифа Аримаѣйскаго.

Моментъ, которымъ задался Андрей Петровичъ, отличался полною самобытностью. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщаютъ голую, каменистую вершину Голгоѣы. На второмъ планѣ видны три креста. Одинъ изъ разбойниковъ уже снятъ, и исполнитель казни собираетъ веревки, которыми онъ былъ прикрученъ; другого снимаютъ. Спаситель еще остается на крестѣ. Вокругъ мѣста казни широкимъ кругомъ продолжаютъ стоять воины; сотникъ помѣщается въ центрѣ картины спиною къ зрителю. Онъ, повидимому, подошелъ, чтобы слѣдить за работою по снятію второго разбойника, но голова его невольно повертывается въ сторону успокоившагося отъ страданій, почившаго Праведника. Почти на границѣ линіи круга, образуемаго воинами, видна скорбная фигура Іосифа. Справа на первомъ планѣ — поясныя фигуры поднимающихся Никодима и мироносицъ, и нѣсколькихъ человекъ изъ народа, не ушедшихъ съ остальными и оставшихся въ благоговѣйномъ созерцаніи окончившаго жизнь пророка изъ Назарета.

Картина, на которой все какъ бы застыло въ грустномъ спокойствіи глубокаго раздумья, производила сильное впечатлѣніе.

Она была приобрѣтена П. М. Третьяковымъ и находится въ его музеѣ въ Москвѣ.

Замѣчу, какъ курьезъ, что въ совѣтѣ, во время экзамена, разставленные симметрично войны и выдвинутый впередъ сотникъ показались одному изъ профессоровъ похожими на шахматныя фигуры, и онъ, подойдя къ картинѣ, воскликнулъ: «Шахъ королю!». Острота, которая въ послѣдствіи вызывала только добродушную улыбку у автора.

За свою картину Андрей Петровичъ былъ награжденъ большою золотою медалью и получилъ отъ великаго князя Владимира Александровича денежную субсидію для поѣздки за границу.

Но здѣсь вполнѣ выказалась русская натура Андрея Петровича.

Всецѣло посвятившій себя своей родинѣ, направлявшій всѣ мысли и желанія къ изученію ея исторіи, народнаго творчества, быта, интересовавшійся въ этомъ отношеніи каждою мелкою подробностью, каждымъ стариннымъ костюмомъ, старинною пѣсней, старинною грамотою (нѣкоторыми почерками XVII и XVIII столѣтій онъ владѣлъ въ совершенствѣ), старинною утварью, рѣзбою на избахъ, старинными узорами на тканяхъ, вышивками на полотенцахъ, запоминавшій каждую интересную мелодію, каждое мѣткое выраженіе, однимъ словомъ жившій и дышавшій только своимъ, народнымъ, русскимъ, онъ не могъ ѣхать къ нѣмцамъ, французамъ, итальянцамъ — и всю полученную сумму употребилъ на разѣзды по любимой Россіи, оставшись и въ этомъ отношеніи вполнѣ самобытнымъ, такъ какъ, насколько помнится, ни до, ни послѣ него не было слышно о пансіонерѣ, который отказался бы отъ заманчивой возможности побывать въ заморскихъ краяхъ.

Время съ ноября 1890 по мартъ 1891 года Андрей Петровичъ большею частію провелъ у меня. Ему неоднократно случалось бывать въ качествѣ гостя на нашихъ деревенскихъ свадьбахъ, и по возвращеніи съ одной изъ нихъ онъ задумалъ написать картину: «Ожиданіе новобрачныхъ изъ церкви».

Изучать вечернее освѣщеніе въ избѣ онъ ходилъ въ деревню и каждый вечеръ возвращался съ новымъ этюдомъ. Затѣмъ приступилъ къ картинѣ, написалъ ее почти всю и... почему-то остался ею недоволенъ. Картину онъ подарилъ мнѣ, а самъ принялся за новую, совершенно измѣнивъ композицію. Для этой новой картины онъ нанялъ на все время писанія свободную избу у одного крестьянина и устроилъ въ ней временную мастерскую. Вся картина до малѣйшихъ деталей писалась на мѣстѣ и съ натуры.

Въ февралѣ картина была окончена и вызвала всеобщія похвалы. Въ ней не было ни какихъ либо особыхъ эффектовъ освѣщенія, ни бросающихся въ глаза рѣзкихъ, подчеркнутыхъ типовъ, ничего кричащаго. Все было скромно, просто, но все, до послѣдняго штриха, какъ нельзя болѣе соответствовало дѣйствительно-

«Новгородцы такали, такали, да и протакали».
Рисунок А. П. Рыбушкина. (Поэма: «1891 г., 31 декабря». Изъ собрания И. Ф. Тюленева).

сти: и этотъ столъ, уставленный незатѣйливыми яствами, освѣщенный небольшою висячею лампою, и эти развѣшенные надъ нимъ полотенца—рукодѣля новобрачной, которыя она будетъ раздавать мужниной роднѣ, — и эти дѣвушки-подружки, молча сидящія рядомъ у стѣны противъ стола, и мать новобрачнаго, присѣвшая къ столу на лавку съ рѣшетомъ, изъ котораго видны образъ съ восковою свѣчею и хлѣбъ для благословенія при встрѣчѣ и теряющаяся во мракѣ у дверей толпа зрителей и общая тишина ожиданія, прекрасно выраженная въ картинѣ, — все это была сама, хорошо знакомая намъ, наша деревенская жизнь.

Картина была выставлена на передвижной выставкѣ 1891 года. Одновременно съ нею Андрей Петровичъ, по просьбѣ какого-то дамскаго благотворительнаго кружка, написалъ для устраиваемой этимъ кружкомъ лотереи небольшую картину: «Деревенская нянька». На картинкѣ была изображена дѣвочка-подростокъ, лежащая на полу подлѣ играющаго ребенка. Кто выигралъ эту «Няньку», и у кого она въ настоящее время находится, мнѣ неизвѣстно. У меня хранится, только небольшая фотографія, которую я снялъ съ нея передъ отсылкою въ Петербургъ. Что же касается до «Ожиданія новобрачныхъ», то картина эта по своей скромности и отсутствію эффектовъ была мало замѣчена публикою и по окончаніи выставки подарена мнѣ. Она составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній моей небольшой коллекціи картинъ.

Поживъ у меня и поработавъ въ деревнѣ, Андрей Петровичъ такъ полюбилъ нашъ народъ и жизнь въ постоянномъ общеніи съ природою, что у него явилась мысль прочно основаться въ здѣшней мѣстности. Онъ сталъ просить меня устроить ему у себя на дворѣ какую нибудь хибарочку, которую онъ могъ бы нанимать у меня. Нечего, конечно, и говорить, что я съ радостью согласился привести въ исполненіе его желаніе, но мнѣ было жаль поселять его на закрытомъ дворѣ, гдѣ онъ не имѣлъ бы передъ глазами ничего, кромѣ сараевъ, амбаровъ и разныхъ хозяйственныхъ построекъ. Саженьяхъ въ полутора отъ моей усадьбы есть очень красивое мѣстечко, расположенное на склонѣ холма, подъ которымъ внизу растетъ небольшая рощица, а за нею протекаетъ наша рѣчка Кородынька. Красивѣе и удобнѣе этого мѣстечка по близости усадьбы я не нашель; Андрею Петровичу оно также очень нравилось, и здѣсь мы рѣшили поставить ему мастерскую. Планъ мастерской, съ прилегающими къ ней спальнею и кухнею, былъ составленъ въ продолженіе какого нибудь часа. Андрей Петровичъ далъ мнѣ размѣры, желательные для будущаго помѣщенія, и передъ Пасхою уѣхалъ сначала въ Москву, а потомъ и далѣе въ лѣтнее путешествіе по Россіи, а я принялся за постройку, которую и закончилъ въ половинѣ іюня.

Въ сентябрѣ онъ вернулся «домой», и мы весело отпраздновали его навоселье. Мастерская была снабжена и верхнимъ и боковымъ

Рисунокъ А. П. Рябушкина.
Изъ собранія Н. Ф. Тюменева.

свѣтомъ, но онъ большею частію пользовался только верхнимъ. Стѣны ея были сплошь обиты сѣроватымъ шведскимъ картономъ, на которомъ вскорѣ начали появляться разные наброски углемъ и карандашемъ. Онъ съѣздилъ въ Петербургъ за художественными принадлежностями и по возвращеніи съ удовольствіемъ рассказывалъ, что своею мастерскою возбудилъ зависть даже у И. И. Шишкина. Вскорѣ онъ принялся и за работу. Однимъ изъ первыхъ произведеній въ новой обстановкѣ былъ большой осенній этюдъ березовой рощи, съ покрывающею землю пожелтѣвшею листвою. Этюдъ написанъ почти въ натуру, при чемъ былъ тщательно выписанъ каждый листикъ, каждая травинка. Этотъ интересный этюдъ подаренъ, какъ кажется, А. Х. Преображенскому.

Выпалъ снѣгъ.

Зайдя какъ-то къ Андрею Петровичу, я увидѣлъ раскинувшійся во всю стѣну зимній видъ нашей деревни Кородыни, мастерски набросанный по сѣрому картону углемъ и мѣломъ. Потомъ этотъ набросокъ былъ стертъ, но въ продолженіе цѣлой зимы онъ красовался въ видѣ панно надъ помѣщавшеюся внизу оттоманкою.

Черезъ нѣсколько времени на двери, обитой также картономъ, появилось изображеніе какой-то дамы во весь ростъ, въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Даму эту мы прозвали *m-lle Marie*. И не одинъ годъ, пока не обветшалъ картонъ, эта *m-lle Marie* неизмѣнно стояла на порогѣ, какъ бы не рѣшаясь войти въ мастерскую. Мы всѣ такъ къ ней приглядѣлись, что для насъ она составляла какъ бы неотъемлемую принадлежность самой мастерской.

Зимой онъ написалъ большую картину: «Потѣшныя Петра I въ кружалѣ», въ которой задался цѣлью выразить контрастъ между старою и молодою Русью. Картина была на передвижной выставкѣ 1892 года и приобрѣтена П. М. Третьяковымъ.

Сначала Андрей Петровичъ думалъ противопоставить потѣшнымъ компанію стрѣльцовъ и сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ стрѣлкой кружальной бесѣды (одинъ изъ этихъ рисунковъ былъ помѣщенъ во «Всемирной Иллюстраціи»), но послѣ рѣшилъ ограничиться московскимъ простонародьемъ.

Приготовляясь къ картинѣ, онъ нѣсколько разъ, для типовъ и общаго впечатлѣнія, заходилъ дѣлать наблюденія въ московскихъ питейныхъ домахъ и, вернувшись въ Приволье, насмѣшилъ меня рассказомъ объ этихъ посѣщеніяхъ.

— Придешь въ такое заведеніе, — рассказывалъ онъ: — волей-неволей, конечно, приходится сѣсть и, чтобы не возбуждать недоумѣнія и подозрѣній, спросить рюмку водки. А водка скверная! Поморщишься, выпьешь; сидишь. Другой разъ интереснаго пока ничего нѣтъ; приходится ждать. Ждешь, ждешь. Изъ-за стойки ужъ начинаютъ поглядывать; чего, молъ, онъ сидитъ зря? Дѣлать нечего, надо спросить вторую рюмку. Выпьешь; сидишь, а въ го-

Рисунокъ А. П. Рябушкина.
Изъ собрания И. Ф. Тюленева.

ловѣ отъ этой водки уже шумъ поднимается. Явится ктонибудь, какъ будто бы и на дѣло похоже. Станешь изучать, вглядываться, достанешь потихоньку альбомчикъ, а прислуга ужъ опять на меня косится. Приходится третью спросить, чтобы не мѣшали. А тотъ, какъ на грѣхъ, повернется и уйдетъ. Просто бѣда! У самого ужъ голова кружится, а уйти боишься: вдругъ, опять чтонибудь интересное явится. И такимъ-то образомъ досидишься до того, что у самого въ глазахъ начинаетъ двоиться. Дѣлать нечего, пойдешь домой и ляжешь спать.

Собесѣдникъ онъ былъ пріятный. И самъ любилъ посмѣяться и другихъ посмѣшить умѣлъ. Комикомъ по натурѣ онъ не былъ, но въ его рѣчахъ бывало подчасъ столько искренней веселости, непосредственности и добродушія, что слушатели невольно раздражались веселымъ и дружнымъ смѣхомъ. Становясь старше, онъ дѣлался постепенно задумчивѣе и молчаливѣе. Иногда онъ по цѣлымъ часамъ сиживалъ съ нами, не проронивъ ни слова, но стоило только его расшевелить, и въ немъ воскресалъ прежній Андрей Петровичъ.

Въ іюнѣ 1892 года мы задумали посѣтить верховья Волги и собрались туда вчетверомъ. Кромѣ Андрея Петровича и меня, въ поѣздкѣ участвовали нашъ общій старинный товарищъ В. П. Павловъ и младшій товарищъ Андрея Петровича по академіи—В. В. Бѣляевъ (котораго А. П. и принялъ въ сожители по мастерской). Маршрутъ нашъ былъ слѣдующій: Нева, Шлиссельбургъ, каналъ Александра II, Старая Ладога, Волховъ, Соснинская пристань, Новгородъ. Затѣмъ на лошадяхъ до Валдая, оттуда на озеро Селигеръ, въ Нилову пустынь, Осташковъ, на верховья Волги и во Ржевъ.

Поѣздка эта, въ свое время, была описана въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾. Въ иллюстрированіи текста принималъ дѣятельное участіе и Андрей Петровичъ. Имъ исполнены рисунки: могила сектанта Шилова въ Шлиссельбургѣ, внутренней видъ крѣпости въ Старой Ладогѣ, ворота Староладожскаго Никольскаго монастыря, Кравотынское плесо на озерѣ Селигерѣ, часовня надъ истокомъ Волги, Ржевъ и другіе.

Когда мы достигли Ржева, тамъ временно находилась чудотворная Оковецкая икона Божіей Матери. Въ церкви, за всенощной, была масса молящихся. Въ продолженіе всей службы богомольцы непрерывнымъ потокомъ тянулись прикладываться къ иконѣ. Андрей Петровичъ долго вглядывался въ это движеніе у иконы, и результатомъ его вглядыванья былъ сначала рисунокъ, а потомъ и картина: «Чудотворная икона», выставленная на передвижной выставкѣ 1894 года. Картина была пріобрѣтена какою-то балетною или драматическою артисткою.

¹⁾ Мартъ, апрѣль 1893 г. и апрѣль, май и іюнь 1894 г.

Помню, что, вернувшись въ Приволье, мы какъ-то гуляли съ Андреемъ Петровичемъ на опушкѣ рощи, неподалеку отъ его мастерской. Вечеръ былъ тихій. Солнце медленно опускалось къ горизонту. Вершины березъ вдоль опушки горѣли золотистымъ багрянцемъ, съ рѣжки чуть замѣтною дымкой поднимался туманъ.

Андрей Петровичъ остановился.

— Хорошо было бы,—заговорилъ онъ:—написать среди этого пейзажа прислонившагося къ дереву старичка-пустынника. Жизнь прошла. И для него наступилъ такой же вечеръ. Стоитъ онъ у дерева, смотреть на солнышко, на деревья, на рѣку — любитъся, а самъ тихонько шепчетъ молитву.

Эта мысль долго не оставляла его. Онъ нѣсколько разъ дѣлалъ наброски; принялся даже за картину (пустынникъ уже сидѣлъ подлѣ своей землянки, освѣщенный вечернимъ свѣтомъ), но, вѣроятно, то, что выходило, мало удовлетворяло его, и картина была оставлена.

Тѣмъ не менѣе, типъ пустынножителя, носившійся въ его воображеніи, имъ все-таки воспроизведенъ, и воспроизведенъ съ глубокимъ чувствомъ и выразительностью. Я говорю о написанной имъ въ даръ нашей Добросельской церкви иконѣ мѣстнаго угодника, преподобнаго Макарія Римлянина. Святой изображенъ въ схимѣ, съ молитвенно сложенными руками и глубоко прочувствованнымъ молитвеннымъ выраженіемъ въ изможденныхъ постомъ и лишениями чертахъ блѣднаго серьезнаго лица. Сѣроватый осенній пейзажъ, разстилающійся вокругъ подвижника, прекрасно завершаетъ общее настроеніе. На мой взглядъ, это—одно изъ удачнѣйшихъ его произведеній.

Заговоривъ о Добросельской церкви, не могу не вспомнить, съ какой любовью, особенно въ первые годы, онъ трудился вмѣстѣ съ нами надъ ея украшеніемъ. Помимо иконы преподобнаго Макарія, имъ реставрировано изображение Тайной вечери, сдѣланы пять копій двенадцатыхъ праздниковъ и написаны для парусовъ головы евангелистовъ Іоанна и Луки.

Между тѣмъ, дѣти мои успѣли подрости, и мнѣ пришлось для ихъ образованія переселиться въ Петербургъ. Съ этого времени я видѣлся съ Андреемъ Петровичемъ только по лѣтамъ и еще на святкахъ, когда онъ пріѣзжалъ въ имѣніе уже въ качествѣ гостя.

Оставаясь въ Привольѣ, онъ продолжалъ работать и написалъ большую картину: «Сидѣніе о дѣлахъ молодого Михаила Θεодоровича съ боярами», за которою слѣдовала другая: «Московскія женщины и дѣвушки въ церкви (XVII столѣтіе)». Эта послѣдняя пріобрѣтена въ Третьяковскій музей; относительно же «Сидѣнія съ боярами» могу замѣтить, что прежде она составляла собственность покойнаго С. К. Яковлева, въ настоящее же время мѣстонахожденіе ея мнѣ неизвѣстно. Могу также прибавить, что сюжетъ моля-

щихся въ церкви женщинъ допетровской Руси очень долго занималъ Андрея Петровича. Онъ нѣсколько разъ принимался за него въ различныхъ композиціяхъ, но большею частью не заканчивалъ и отставлялъ въ сторону, а потомъ, по своему обыкновенію, записывалъ холсты другими сюжетами.

Въ началѣ 1895 года была устроена въ Москвѣ первая выставка основаннаго незадолго передъ тѣмъ, по инициативѣ А. А. Корелина, общества художниковъ исторической живописи. Андрей Петровичъ былъ однимъ изъ учредителей общества, и на первой же выставкѣ помѣстилъ двѣ свои картины: вышеупомянутое «Сидѣніе съ боярами» и большое только что законченное полотно: «Московская улица до Петра Великаго въ праздничный день». Картина эта обратила на себя общее вниманіе и была приобретена А. А. Фроловымъ.

На исторической же выставкѣ въ слѣдующемъ году онъ выставилъ новую картину: «Типъ купеческой семьи XVII вѣка», съ слѣдующимъ примѣчаніемъ въ каталогѣ: «Авторъ задался цѣлью воспроизвести типы главныхъ слоевъ общества XVII вѣка. Въ будущемъ предполагаетъ написать боярина съ семьєю, царя съ семьей и т. д.», и съ подробнымъ описаніемъ изображеннаго. По его словамъ, это должны были быть не картины, а «изслѣдованія», но, кажется, черезъ нѣсколько времени онъ охладѣлъ къ этой идеѣ; по крайней мѣрѣ, ни боярской, ни царской семьи онъ, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не выставилъ («Типъ купеческой семьи», вмѣстѣ съ «Московскими женщинами въ церкви», былъ выставленъ на Парижской выставкѣ. Обѣ картины доставили автору почетный отзывъ жюри).

Работая надъ картинами, Андрей Петровичъ принималъ участіе и въ живописныхъ работахъ для мозаикъ храма Воскресенія въ Петербургѣ, на мѣстѣ кончины императора Александра II. Мастерская его была снизу до верху увѣшана громадными картонами съ изображеніями разныхъ святыхъ и композиціями сюжетовъ изъ Новаго Завѣта. Въ продолженіе этихъ годовъ имъ написаны въ колоссальныхъ размѣрахъ: «Хожденіе Иисуса Христа по водамъ», «Испѣленіе бѣсноватаго», «Призваніе апостола Матѳея», «Бракъ въ Канѣ Галилейской», «Насыщеніе народа пятью хлѣбами» (для полукупола) и многое другое.

Въ 1896 году онъ былъ приглашенъ, въ числѣ другихъ художниковъ, въ Москву на торжество коронаціи для работъ по коронаціонному альбому и выполнилъ для него два акварельныхъ рисунка. Въ концѣ девяностыхъ годовъ онъ сотрудничалъ и въ роскошномъ изданіи г. Кутепова: «Царская охота», исполнивъ для него нѣсколько акварелей: «Пиръ царя Алексѣя Михайловича въ охотничьемъ шатрѣ», «Императрица Анна Іоанновна на охотѣ» и «Петръ I съ супругою въ шляпкѣ на Невѣ». Послѣднія двѣ аква-

рели представляли рѣдкій случай, когда онъ покинулъ старинную Русь допетровскаго времени.

Но у себя въ тишинѣ мастерской онъ продолжалъ разрабатывать свои любимыя сюжеты. Въ послѣднее время онъ трудился надъ двумя большими картинами: «Убиеніе волхва въ Новгородѣ рукою князя Глѣба Мстиславича» и «Мученическая кончина св. князя Глѣба Владимировича». Ни та, ни другая выставлены не были. Первую изъ нихъ приобрѣлъ въ мастерской архитекторъ Д. А. Шагинъ; въ ней прекрасно разработана тянущаяся посмотрѣть на убитаго пораженная, недоумѣвающая толпа. Во второй картинѣ была особенно трогательна фигура юнаго князя, почти мальчика, робко прижавшагося къ досчатой стѣнкѣ насада, за которою онъ думаетъ найти убѣжище отъ убійць. Характерна была и фигура подходящаго торчина. Я видѣлъ картину въ несовѣтѣ оконченномъ видѣ, и гдѣ она теперь находится и сохранилась ли даже вообще, — сказать не могу.

Я перечисляю здѣсь только крупныя произведенія Андрея Петровича; что же касается до его мелкихъ работъ карандашомъ, перомъ, гуашью, акварелью, этюдовъ, эскизовъ, набросковъ, оконченныхъ и неоконченныхъ, ихъ трудно было бы и счесть. У меня одного ихъ хранится, не считая альбомовъ, болѣе сотни. Помѣщаю здѣсь нѣкоторыя изъ болѣе доступныхъ для техническаго воспроизведенія.

Въ дальнѣйшихъ поѣздкахъ по Россіи, которыя мы ежегодно предпринимали съ В. П. Павловымъ, Андрей Петровичъ, вѣчно занятый какими нибудь работами, не участвовалъ. Но когда, въ 1898 году, мы собрались въ Ярославль и на Волгу черезъ Москву, Троице-Сергіеву лавру, Александровъ и Переяславль-Залѣсскій, онъ не утерпѣлъ и, оставивъ работы, поѣхалъ съ нами. Андрей Петровичъ былъ очень доволенъ поѣздкою и впоследствии часто съ удовольствіемъ вспоминалъ о ней.

Послѣдніе его рисунки для «Историческаго Вѣстника» были нарисованы къ моимъ путевымъ замѣткамъ, гдѣ описана часть нашего путешествія, именно посѣщеніе города Александра (декабрьская книжка 1901 года).

Но нравственный обликъ этого симпатичнаго, добраго человѣка былъ бы не полонъ, если бы я не сказалъ нѣсколько словъ его горячей любви къ музыкѣ и врожденной недюжинной музыкальности. Музыку онъ готовъ былъ слушать цѣлыми часами, цѣлыми днями, и нѣкоторыя произведенія Шопена, Бетховена и Шуберта приводили его буквально въ восторгъ. Но болѣе всего любилъ онъ музыку русскую. Глинка былъ его кумиромъ, а любимѣйшими операми, помимо, конечно, «Жизни за царя» и «Руслана», — «Русалка», «Псковитянка», «Борисъ» и «Хованщина». У меня посейчасъ хранятся два большихъ его эскиза масляными

красками, изображающихъ стрѣлецкій дозоръ надъ спящимъ Кузькою изъ «Хованщины» и появленіе пристава въ корчмѣ на литовской границѣ изъ «Бориса». Голова захмелѣвшаго Варлаама вышла до того экспрессивна, что по моей просьбѣ онъ еще разъ повторилъ ее на особомъ холстѣ. Свою любовь къ «Жизни за царя» и «Руслану» онъ выразилъ въ подаренныхъ мнѣ двухъ большихъ сборныхъ композиціяхъ гуашью, гдѣ собраны выдающіяся сцены этихъ безсмертныхъ произведеній. Помимо этого, онъ скомпановалъ еще цѣлый рядъ прекрасныхъ декорацій для моего маленькаго театра-микста къ «Псковитянкѣ», «Хованщинѣ» и «Жизни за царя».

Выдающаяся музыкальность его была несомнѣнна. Обладая прекраснымъ слухомъ, онъ почти самоучкою выучился играть на скрипкѣ, на гитарѣ, на балалайкѣ и на деревенской гармоніи. Особенно хорошо игралъ онъ на балалайкѣ и гитарѣ. Съ балалайкою я и снялъ его лѣтомъ 1887 года.

Въ дѣтствѣ онъ пѣлъ на родинѣ въ церковномъ хорѣ, и до конца жизни владѣлъ небольшимъ, пріятнымъ теноркомъ, хотя, по скромности, пѣть рѣшался только въ ансамбляхъ. Въ компаніи съ нами онъ нерѣдко пѣвалъ и въ Добросельской церкви на клиросѣ и даже любилъ рассказывать, какъ сорвалъ себѣ голосъ во время «Ангелъ вопіаше» на пасхальной службѣ.

Сборники Римскаго-Корсакова и Балакирева, а также клавир-лусцугъ «Руслана» постоянно хранились въ его походномъ чемоданчикѣ (замѣнявшемъ у него библиотечный шкафъ), вмѣстѣ съ альбомами: Герберштейномъ, Олеаріемъ и Котошихинымъ.

Онъ нерѣдко пѣвалъ мнѣ мелодіи нѣкоторыхъ кантъ, которыя поютъ на его родинѣ «чернички». Такъ называются одинокія женщины и старыя дѣвушки, хотя и живущія въ міру, но ютящіяся въ сторонѣ отъ другихъ, въ особыхъ домикахъ-ке-лейкахъ. Канты эти заинтересовали меня, и онъ въ одну изъ поѣздокъ въ Тамбовскую губернію нарочно посѣтилъ черничекъ, провѣрилъ у нихъ старыя напѣвы и записалъ нѣсколько новыхъ. Изъ всего этого матеріала онъ составилъ небольшой сборникъ, который и преподнесъ мнѣ въ самодѣльномъ, остроумно разукрашенномъ съ помощью перочиннаго ножа, переплетѣ.

Однажды, будучи въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ, проходя по улицѣ, услышалъ изъ оконъ какого-то трактира пріятные звуки неизвѣстнаго ему до того инструмента. Черезъ минуту онъ былъ уже въ общемъ залѣ и увидѣлъ древянаго старика, игравшаго на большихъ черемисскихъ гусяхъ. Ихъ тихій, нѣжный звукъ настолько понравился Андрею Петровичу, настолько повѣялъ на него отдаленною сѣдою стариною, что онъ предложилъ старику продать ему гусли. Но тотъ не могъ разстаться съ ними, такъ какъ игра на нихъ составляла его единственное средство къ пропитанію. Андрей Петро-

вичъ сдѣлалъ точный обмѣръ гуслей, зачертилъ ихъ устройство и, возвратясь въ Приволье, немедленно заказалъ столяру по чертежамъ деревянную основу, накупилъ струнъ, натянулъ ихъ, подстроилъ, и гусли были готовы. На этихъ гусляхъ Андрей Петровичъ, послѣ нѣкотораго упражненія, очень недурно исполнилъ прелюдію Баяна къ речитативу: «За благомъ вслѣдъ», изъ перваго дѣйствія «Руслана».

Я уже говорилъ, что онъ прекрасно игралъ на балалайкѣ и гитарѣ, но это не была игра виртуозная въ шаблонномъ смыслѣ слова. Въ ней не было ни сложныхъ пассажей, ни акробатическаго преодоленія техническихъ трудностей, но взаимъ этого она вся была проникнута глубокою поэзіей. Часто онъ въ звукахъ создавалъ передъ нами цѣлыя картины, напримѣръ, прогулку деревенскихъ парней по улицѣ съ балалайкою, при чемъ игралъ роль даже и уголъ избы, изъ-за котораго они появляются, или деревенскую пляску подъ балалайку, на той же улицѣ.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое я испыталъ, слушая передачу на гитарѣ одного эпизода изъ его путешествій.

Дѣло было гдѣ-то на югѣ. Андрей Петровичъ остановился въ какой-то степной деревенькѣ и вышелъ въ степь писать этюдъ. Во время работы мимо него шагомъ, лѣниво покачиваясь на сѣдлѣ и перебирая на струнахъ какую-то пѣсню, проѣхалъ казакъ. Вотъ и весь эпизодъ. Но надо было слышать его въ звуковой передачѣ Андрея Петровича, чтобы понять всю прелесть его музыкальныхъ красотъ. Среди глубокой тишины, несмотря на то, что онъ самъ сидѣлъ подлѣ насъ, изъ далекой дали, какъ бы доносимые легкимъ вѣтеркомъ, раздавались тихіе, еле уловимые звуки гитары. Мало-по-малу, по мѣрѣ приближенія, они незамѣтно начинали крѣпнуть, и вдали какъ бы показывалась верховая фигура играющаго, переборы струнъ ясно отчеканивали топотъ приближающейся шагомъ лошади. Между тѣмъ, звуки все росли и росли. Гдѣ-то высоко вверху подъ аккордами аккомпанеента, какъ жаворонокъ въ небѣ, проносилась грустная, заунывная тема. Топотъ коня слышался все ближе и ближе. Онъ какъ бы выросалъ передъ слушателемъ. Вмѣстѣ съ нимъ выросала и самая пѣсня. Вотъ она уже гремитъ надъ самою головою. Но это былъ только одинъ моментъ. Такъ же плавно и незамѣтно, какъ приблизилась, пѣсня начинала удаляться. Гитара звенѣла глуше и глуше, и заунывные, хватающіе за сердце звуки пѣсни мало-по-малу таяли въ воздухѣ. Черезъ нѣсколько секундъ они окончательно замирали въ дали, а слушатель все еще сидѣлъ, продолжая вслушиваться въ снова наступившую глубокую тишину.

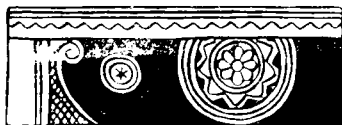
Я убѣжденъ, что, если бы Андрей Петровичъ вмѣсто живописи всецѣло посвятилъ себя музыкѣ, то, обладая такимъ поэтическимъ чувствомъ, онъ создалъ бы и тамъ недюжинныя вещи.

Много и другихъ цѣнныхъ для меня эпизодовъ и отдѣльныхъ подробностей сохранилось въ памяти, но я боюсь утомлять вниманіе читателя.

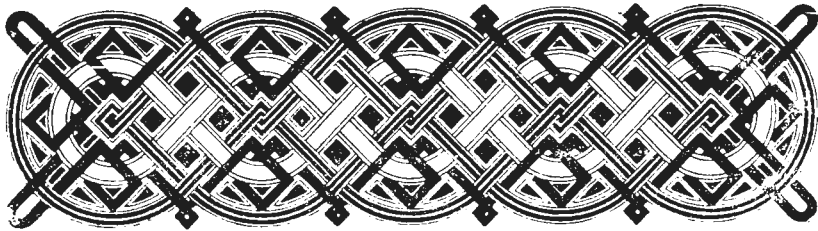
Въ 1901 году сожитель Андрея Петровича, В. В. Бѣляевъ, купилъ неподалеку имѣніе. Андрей Петровичъ, котораго въ послѣднее время начало тяготить веденіе самостоятельнаго хозяйства, переехалъ жить къ нему, и наши свиданія сдѣлались болѣе рѣдкими ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, онъ еще по временамъ заходилъ ко мнѣ, настроилъ, между прочимъ, мой рояль, начертилъ для моего сына большой планъ Москвы и написалъ на входныхъ дверяхъ моеѣ библиотеки летящую фигуру Аполлона Музагета. Но это была уже послѣдняя его работа, оставленная имъ на память о нашей дружбѣ.

Въ послѣдніе два года, въ силу неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ, мнѣ не случилось видѣться съ Андреемъ Петровичемъ. Я увидаль его уже во время отпѣванія въ церкви Добраго Села. Въ гробу онъ лежалъ такой же бѣленькій, худенькій, такой же симпатичный, какимъ бывалъ и въ жизни, и на глаза навертывались слезы, когда пришлось провожать въ могилу этого талантливаго, милаго, задушевнаго человѣка.

И. Тюменевъ.

¹⁾ Въ новой мастерской онъ написалъ: «Ожиданіе посольства въ донетровской Москвѣ» и «Боярина въ жалованной съ царскаго плеча шубѣ». Первая изъ картинъ пріобрѣтена въ музей Александра III, вторая находится у В. В. Бѣляева.

ЗАДАЧИ РУССКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ОТЗЫВАХЪ МѢСТНЫХЪ СВѢДУЩИХЪ ЛЮДЕЙ.

ЕЩЕ НЕ ТАКЪ далеки отъ насъ времена, когда важность просвѣщенія для русскаго народа во всемъ его цѣломъ опредѣлялась тѣмъ, что оно «украшаетъ умъ и облагораживаетъ сердце»,—практически цѣнилось лишь знаніе грамоты и ариѳметики. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка представители сословій, въ комиссіи о составленіи новаго уложенія въ отвѣтъ на заботы императрицы Екатерины II объ учрежденіи въ Россіи школъ, заявляли чистосердечно, что «училищъ для крестьянъ совсѣмъ имѣть не надлежитъ, потому что земледѣльцамъ другихъ наукъ, состоянію ихъ не принадлежащихъ, совсѣмъ имѣть не слѣдуетъ, кромѣ російской грамоты», а грамоту «могутъ оныя имѣть и безъ учрежденія для нихъ училищъ, какъ и донынѣ оное было». Когда все-таки училища были открыты, обыватели многихъ городовъ подавали слѣдующія заявленія правительству: «купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ школахъ не состоитъ, да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоятъ, и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы». Большинство предпочитало приучать дѣтей своихъ «къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются». Народъ отказывался отъ просвѣщенія, навязываемаго ему правительствомъ, и по-своему былъ правъ, по духу и потребностямъ вѣка, такъ какъ даже передовое

сословіе, дворянство, не видѣло въ то время особой пользы для себя въ просвѣщеніи. Далекое не все дворяне — помѣщики были грамотны; ничтожное число ихъ, учившееся въ военныхъ и гражданскихъ школахъ для полученія большихъ правъ по службѣ, считались уже «учеными». Въ царствованіе Александра I многіе офицеры едва умѣли подписывать свою фамилію или же писали безграмотно, даже достигнувъ высокихъ постовъ по службѣ; другіе же, «европейски образованные», не умѣли часто ни писать, ни говорить по-русски. Да и учиться собственно было некогда: на военную службу вступали очень рано, на 15-мъ, 16-мъ году; продолжали же свое образованіе самоучкою лишь немногіе богато одаренные отъ природы люди въ свободное отъ службы время, пользуясь счастливыми обстоятельствами. Мемуары русскихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣковъ даютъ безчисленные этому доказательства. Въ военной средѣ знаніе фронта и уставовъ долго, долго, до начала царствованія императора Александра II, цѣнилось выше образованія, которое считалось достояніемъ «подьячихъ». И, въ самомъ дѣлѣ «неученый» графъ Аракчеевъ, управляя Россіей, иронически завидовалъ уму и образованію графа Кочубея, какъ позже «неученый» и безграмотный Сухозанетъ считалъ себя на мѣстѣ, начальствуя надъ военной академіей и занимая должность военнаго министра, довольствуясь спеціальными знаніями. И даже эти люди, безъ развитія и широкаго кругозора, были бы, быть можетъ, полезны Россіи въ своемъ спеціальному дѣлѣ (Аракчеевъ, на примѣръ, въ устройствѣ артиллеріи), но та система, въ которой они могли играть и играли руководящую роль, должна была привести Россію къ крымской кампаніи, потому что въ половинѣ XIX вѣка культурная жизнь человѣчества развилась и осложнилась уже настолько, что старыя, ремесленныя силы «временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма» оказались недостаточными даже для «великой и обильной» матушки Россіи.

Читателямъ, кажется, нѣтъ надобности подробно уяснять, почему Россія конца XVIII вѣка могла обходиться безъ просвѣщенія народной массы, не нанося этимъ особаго вреда своимъ государственнымъ и національнымъ интересамъ, а Россія конца XIX и начала XX в., не заботясь о немъ, подписала бы себѣ смертный приговоръ, заранѣе отдавая себя экономически и политически въ рабство болѣе культурнымъ государствамъ. Намъ дико теперь читать заявленія нашихъ предковъ въ отвѣтъ на стремленія правительства къ насажденію просвѣщенія, но, съ исторической точки зрѣнія, заявленія эти были до извѣстной степени законны и понятны: экономическая и политическая жизнь человѣчества вообще была сравнительно такъ еще патріархальна, такъ несложна, а сырыя силы Россіи такъ относительно огромны, что образованіе даже въ высшихъ сословіяхъ казалось роскошью. И въ самомъ дѣлѣ, эконо-

номически мы душили Европу своимъ вывозомъ, почти не нуждаясь въ ввозѣ, политически побѣждали Наполеона и «освобождали» на свое горе Европу, несмотря на Аракчеевыхъ и Суховановъ, несмотря на первобытное, даже хищническое хозяйство, несмотря на отсутствіе мысли и подавленіе личности, брали, если можно такъ выразиться, количествомъ силы, а не качествомъ ея. Россія была «самодовлѣющимъ» государствомъ даже для Петра Великаго и Екатерины II, а въ сознаніи коренного русскаго населенія все, что совершалось внѣ предѣловъ Россіи, даже внѣ предѣловъ какой либо губерніи, представлялось чѣмъ-то чуждымъ, отдаленнымъ: «хоть три года скачи—не доскачешь». Искусственно развивать потребность народа въ просвѣщеніи, въ сближеніи съ культурными народами, составляло задачу правительства, но народъ въ массѣ оставался равнодушенъ къ ней, обнаруживая ту «косность», которая приводила въ изумленіе всѣхъ иностранцевъ. Косность эта, однако, должна была исчезнуть, когда на сосавшаго свою лапу медвѣдя начали дѣлать облавы.

Мечтанія о золотомъ вѣкѣ, въ которомъ люди всѣхъ націй будутъ составлять одну дружную семью, осуществляются, конечно, не совсѣмъ скоро, и, пока-то они еще осуществляются, навѣрно много народовъ будутъ стерты съ лица земли въ борьбѣ ихъ между собою. Въ этомъ отношеніи XX вѣкъ едва ли будетъ рѣзко отличаться отъ XVIII и XIX вѣковъ. Но способы «стиранія» значительно измѣнились теперь сравнительно съ прежними. Ужасна, конечно, война съ сотнями тысячъ погибшихъ жизней, но еще ужаснѣе экономическое и духовное рабство, въ которое впадаютъ болѣе слабыя культурно націи безъ пушечныхъ выстрѣловъ, даже безъ всякаго подобія войны. Орловскій или рязанскій мужикъ и не думалъ раньше, что его благосостояніе зависитъ отъ урожая въ Австраліи, отъ какихъ-то надбавокъ въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, отъ усовершенствованій земледѣльческихъ машинъ въ Америкѣ или вслѣдствіе проведенія какой либо международной желѣзнодорожной магистрали. Теперь ни одно государство не можетъ быть увѣрено, что при отсутствіи хорошо вооруженной силы его не сдѣлаютъ вѣчнымъ данникомъ другой державы путемъ навязаннаго и толково составленнаго торговаго договора. Наконецъ, что, если не смерть, предрекаетъ странѣ и народу чуждая ему по духу и крови его умственная аристократія, его интеллигенція? Если русская интеллигенція до сихъ поръ, по выраженію И. С. Аксакова, «не сподобилась еще быть выразительницей думъ русскаго народа» вслѣдствіе сохранившагося еще разрыва съ нимъ, то заполненіе сплоченными инородческими массами интеллигентныхъ профессій въ Россіи грозитъ несомнѣнно, по меньшей мѣрѣ, обезличеніемъ русской народной души, если не духовнымъ ея рабствомъ. Но если бы даже возможность внутренняго завоеванія Россіи ино-

родцами и представлялась проблематичной, сама по себѣ, то едва ли кто будетъ спорить, что тѣсное единеніе ядра государства съ его разноплеменными окраинами значительно облегчается культурнымъ его превосходствомъ надъ ними.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія будетъ жива и сильна до тѣхъ только поръ, пока живъ и силенъ будетъ создавшій ее русскій народъ. Между тѣмъ, какъ ни стыдно сознаться въ этомъ, масса русскаго, преимущественно крестьянскаго люда въ образовательномъ смыслѣ стоитъ теперь даже ниже русскихъ евреевъ. Сознывая важность образованія для своихъ дѣтей, евреи не щадятъ усилий, чтобы провести ихъ чрезъ школу. И теперь уже, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, изъ лицъ свободныхъ интеллигентныхъ профессій, — евреевъ — около 30%, тогда какъ въ Россіи евреи составляютъ только 3% населенія. Хотя, конечно, всѣ они русскіе подданные, и стремленіе ихъ къ просвѣщенію заслуживаетъ уваженія, но было бы справедливо, чтобы русскіе люди догнали ихъ въ процентномъ отношеніи и на культурномъ поприщѣ. Процентное ограниченіе числа евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ не всегда стрѣго примѣняется, да и не въ немъ дѣло: достойнѣе великому народу самому итти впереди по пути культурнаго развитія, а не ограждать своего сомнительнаго культурнаго первенства только урѣзками правъ инородцевъ на образованіе. Между тѣмъ, въ глазахъ образованныхъ инородцевъ русскій неграмотный, невѣжественный человѣкъ, безъ сомнѣнія, не будетъ даже той «святою скотиной», какой онъ былъ для многихъ русскихъ европейцевъ XVIII и начала XIX вѣка.

Уже послѣ крестьянской реформы лучшіе русскіе люди пришли къ сознанию, что судьба русскаго образованія есть въ то же время судьба Россіи и русскаго народа. О крайней необходимости развитія народнаго образованія писали и говорили безъ конца, а много ли мы для него сдѣлали? Забота о начальномъ народномъ образованіи сначала возложена была правительствомъ, главнымъ образомъ, на земство, и оно посильно оправдало его ожиданія. Земство успѣло организовать дотолѣ не существовавшую систему народнаго образованія въ Россіи, преобразовать соотвѣтственно старыя и открыть массу новыхъ училищъ; въ большинствѣ случаевъ на народное образованіе земства даже теперь тратятъ до 15% своей смѣты и, можетъ быть, тратили бы еще болѣе, если бы тормазомъ для нихъ не послужилъ недавно изданный законъ о предѣльности земскаго обложенія. Въ 1885 году начали открываться церковно-приходскія школы и школы грамотности, находящіяся въ вѣдѣніи святѣйшаго синода. Усилія правительства, земства и общества въ дѣлѣ народнаго образованія, однако, не привели къ желаемымъ результатамъ. Школъ для народа, а также низшихъ учебныхъ заведеній

во всей Россіи, по даннымъ 1897 года, было всего 71.528 съ 3.275.000 учащихся при населеніи въ 116.000.000, тогда какъ при всеобщемъ обязательномъ обученіи число учащихся могло бы быть, считая всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, въ семь разъ болѣе. Къ школамъ этимъ, правда, должно прибавить низшія школы вѣдомства императрицы Маріи (до 400 съ 67.000 учащихся) и начальныя школы военнаго вѣдомства (свыше 10.000 съ 300.000 учащихся).

Общая сумма государственныхъ и общественныхъ расходовъ на народныя школы, свыше 33.000.000 рублей, разумѣется, ничтожна для государства, обладающаго почти двухмиллиарднымъ бюджетомъ, особенно если принять въ соображеніе, что расходы государственнаго казначейства на начальное народное образованіе въ общемъ едва достигаютъ 11.000.000 рублей. Содержаніе народныхъ учителей и учительницъ, въ большинствѣ случаевъ, нищенское; учительницы, напримѣръ, въ школахъ грамоты святѣйшаго синода получаютъ всего 10 рублей въ мѣсяць. При такихъ условіяхъ вопросъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, возникшій даже въ министерство графа Д. А. Толстого въ 1876 году, конечно, является неразрѣшимымъ. Объ обязательности обученія нельзя и разговаривать, когда нѣтъ въ наличности школъ и средствъ на ихъ открытіе. Въ восьмидесятые годы министерство народнаго просвѣщенія предложило земствамъ, въ случаѣ введенія ими обязательнаго обученія, принять на себя часть расходовъ на него, но на практикѣ эта прекрасная мѣра не осуществилась. Въ довершеніе всего тормазомъ для развитія народнаго просвѣщенія послужили пререканія между отдѣльными вѣдомствами, а также крайне неупорядоченная и потому стѣснительная регламентація по наблюденію за школами и дополняющими ихъ просвѣтительными учрежденіями: народными библіотеками, чтеніями и т. д. Въ то же время въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія находилось до 100 приходскихъ училищъ, дѣйствующихъ по уставу 1828 года (!)— прямое доказательство быстроты и своевременности его законодательныхъ работъ. Вся дѣятельность министерства по отношенію къ начальному народному образованію, главнымъ образомъ, руководилась цѣлями контроля и наблюденія и отнюдь не носила творческаго, созидающаго характера. Ссылка на недостаточность финансовыхъ средствъ едва ли объяснитъ эту черту дѣятельности министерства, такъ какъ оно пассивно, чтобы не сказать болѣе, относилось къ просвѣтительнымъ начинаніямъ, возникшимъ изъ среды общественной. Было бы также несправедливо оправдывать его указаніемъ на существовавшія якобы неблагоприятныя начальному образованію теченія во внутренней нашей политикѣ: они никогда не мѣшали дѣятельности въ этомъ направленіи воен-

наго министерства, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и святѣйшаго синода.

Но если народныя школы были пасынками министерства, то среднія и особенно высшія учебныя заведенія были иалюбленными его дѣтищами, на которыя потрачено было относительно много денегъ, еще болѣе заботъ и чернилъ. Въ теченіе XIX вѣка система образованія мѣнялась очень часто, сообразно видамъ правительства, и постоянно въ единообразномъ духѣ, какъ будто потребности населенія шестой части свѣта можно было уложить въ шаблонную рамку. Въ этомъ отношеніи сказывалось и сказывается дѣйствіе рутины, наслѣдіе тѣхъ временъ, когда средняя и высшая школа имѣла цѣлью созданіе необходимыхъ для государства чиновниковъ, а объ общественныхъ потребностяхъ никто и не заикался. Самымъ яркимъ воплощеніемъ этой централизаціи и одноформенности образованія было министерство графа Д. А. Толстого, когда наши гимназіи были прокрустовыми ложами для жаждавшихъ образованія, а реальныя училища должны были наполняться искалѣченными отбросами гимназій. Конечной цѣлью средняго образованія являлся университетъ, всѣ «незрѣлые» отметались въ жизнь съ обрывками знаній, непригодныхъ къ жизни и практической дѣятельности, но зато съ изощренными аппетитами. Мы живо помнимъ, какъ въ семидесятые годы низшіе классы гимназій наполнялись дѣтьми купцовъ и мѣщанъ, при чемъ родители заранѣе объявляли, что они возьмутъ дѣтей изъ 3-го и даже 2-го класса по приобрѣтеніи ими элементарнаго образованія; опредѣляли же ихъ въ гимназіи потому, что другихъ школъ не было: не вкусивъ древнихъ языковъ, нельзя было вкусить и ариметики. Разношерстный составъ учащихся въ гимназіи оказывалъ вредное вліяніе и на стремившихся къ «зрѣлости» и на не мечтавшихъ о ней, но всѣхъ одинаково подавлялъ форменный, бездушный духъ казенщины системы образованія. Не мечтавшіе о «зрѣлости», и по собственному разуму, и по внушенію родителей, уклонялись отъ классицизма, къ изученію мертвыхъ языковъ относились насмѣшливо, а по этому примѣру и стремившіеся въ университетъ и въ техническія заведенія также видѣли въ нихъ одинъ балластъ, въ изученіи ихъ — отбываніе повинности. Послѣдствіемъ исключительнаго господства классической системы въ русскомъ образованіи, ужасныхъ приемовъ въ ея примѣненіи, явилось какъ разъ противоположное тому, чего добивался графъ Толстой: развѣтіе такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата, выходившаго изъ гимназій до окончанія курса безъ всякихъ знаній, примѣнимыхъ къ жизни, и наполненіе университетовъ «зрѣлыми» людьми, которыхъ гимназія почти насильно проводила въ храмъ науки, убивъ предварительно въ нихъ любовь къ знанію и изощривъ зато приемы къ приобрѣтенію дипломовъ. Уже въ восьми-

десятыя годы система Толстого обнаружила свою несостоятельность. Начали понимать, что времена измѣнились, что въ образовательномъ дѣлѣ необходимо итти навстрѣчу осложнившимся потребностямъ населенія міровой державы, что созданіе благонадежныхъ чиновниковъ не есть привилегія однѣхъ классическихъ гимназій, ибо самое благонадежное, военное сословіе, въ лицѣ и низшихъ, и высшихъ широко образованныхъ своихъ представителей, никогда не вкушало отъ классическаго древа. Началось ослабленіе классическаго режима, дано было развитіе сѣти реальныхъ училищъ, по ходатайству городскихъ обществъ; положено было, наконецъ, при содѣйствіи другихъ вѣдомствъ начало открытія низшихъ и среднихъ техническихъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеній. Реформа средней школы, однако, все еще вопросъ будущаго. Старыя язвы растрavляются всѣми неудобствами переходнаго состоянія, мелочи затѣняютъ часто сущность зла. Главное зло—недостаточное число среднихъ учебныхъ заведеній для Россіи. Къ началу XX вѣка 140-милліонное населеніе имѣетъ, не считая военно-учебныхъ заведеній, до 200 гимназій съ 72.000 учениковъ, до 50-ти прогимназій съ 7.000 учащихся и до 100 реальныхъ училищъ. Заведенія эти не въ состояніи принять и половины желающихъ поступить въ нихъ, доводя, однако, число учащихся въ своихъ стѣнахъ до невозможности правильно вести образовательное дѣло. Небольшой клапанъ открытъ коммерческими училищами и торговыми школами министерства финансовъ, которыхъ въ девяностыя годы открылось до 80-ти, такъ какъ общеобразовательный курсъ въ нихъ мало чѣмъ уступаетъ курсу реальныхъ училищъ. Общество съ охотой пошло своими средствами навстрѣчу министерству финансовъ въ дѣлѣ открытія общеобразовательныхъ заведеній, подъ флагомъ коммерческимъ, въ виду отсутствія формализма въ постановкѣ этихъ школъ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе привлеченія общественныхъ силъ къ организаціи и управленію ихъ. Развитіе частныхъ учебныхъ заведеній едва ли можетъ помочь горю, такъ какъ по существу своему они дороже правительственныхъ и общественныхъ и потому доступны только болѣе состоятельнымъ лицамъ. Можно положительно сказать, что переполненіе учебныхъ заведеній и крайнее обремененіе педагогическаго персонала являются главнѣйшими причинами неудовлетворительнаго ихъ состоянія, такъ озабочивающаго правительство и общество, и пока онѣ не будутъ устранены, никакіе циркуляры о насажденіи «сердечности», а также о водвореніи порядка въ школахъ, не въ состояніи помочь дѣлу; увеличится лишь число «прослушавшихъ», но не усвоившихъ общеобразовательный курсъ и получившихъ аттестаты отъ педагогическаго персонала «страха ради иудейска»: попавшаго однажды въ гимназическую богадѣльню маль-

чика будутъ тянуть за уши до выпуска, чтобы не подвергнуться ради него неприятностямъ. Мы не думаемъ даже, чтобы слѣдовало очень увеличивать число гимназій и реальныхъ училищъ вслѣдствіе ихъ переполненія. Переполненіе это обуславливается продолжающимся отсутствіемъ достаточнаго количества техническихъ и специальныхъ заведеній съ низшимъ и среднимъ курсомъ. Для всей Россіи существуетъ 12 среднихъ техническихъ училищъ, 14 низшихъ и 25 ремесленныхъ училищъ, не считая 32 желѣзнодорожныхъ училищъ, учрежденныхъ министерствомъ путей сообщенія для удовлетворенія потребностей желѣзныхъ дорогъ; 11 сельскохозяйственныхъ среднихъ заведеній (лѣснаго средняго заведенія нѣтъ вовсе), два техническаго рисованія, одинъ межевой институтъ и пять землемѣрныхъ училищъ, 24 фельдшерскихъ школы. Въ этотъ перечень не вошли военно-учебныя заведенія и нѣсколько школъ художественнаго и артистическаго характера. Разумѣется, что для 140-милліоннаго населенія Россіи это — капля въ морѣ, и неудивительно, всѣ эти заведенія также переполнены, при чемъ за флагомъ остается масса «неудачниковъ», не находящихъ себѣ мѣста и въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ.

Отрадную страницу въ исторіи русскаго образованія представляетъ быстрое развитіе открытыхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, основанныхъ по почину вѣдомства учреждений императрицы Маріи. За 40 лѣтъ открыто до 200 женскихъ гимназій и 180 женскихъ прогимназій съ 72.000 учащихся, кромѣ существующихъ 51 женскихъ епархіальныхъ училищъ съ 13.200 учащихся и 31 института съ 8.000 воспитанницъ. Эта женская армія, хотя для Россіи и небольшая, оказываетъ большія услуги дѣлу просвѣщенія: ни одна образованная, даже просто грамотная мать не потерпитъ у себя безграмотныхъ дѣтей. Къ сожалѣнію, существующія женскія профессиональныя школы, числомъ до 200, до сихъ поръ мало примѣнялись къ потребностямъ русской жизни. И на поприщѣ женскаго труда всего ярче выступаетъ хаосъ русской интеллигентной жизни: сколько лицъ, жаждущихъ работы, и сколько отраслей народной и общественной жизни, требующихъ грамотныхъ или, еще болѣе, образованныхъ работницъ! Между тѣмъ, по рутинѣ, мы готовимъ или педагогичекъ, или домоводокъ съ кулиарками, или, наконецъ, мастерицъ по кройкѣ и шитью.

Для окончившихъ курсъ средней женской школы вовсе не существуетъ курсовъ прикладныхъ знаній, особенно въ провинціи, и онѣ вынуждены искать труда преимущественно на педагогическомъ поприщѣ, гдѣ плата за трудъ понижена до платы плохой кухарки и горничной, если не менѣе. Существуетъ только одно правительственное женское коммерческое училище въ Петербургѣ и четыре женскихъ сельско-хозяйственныхъ школы во всей Россіи и два смѣшаннаго типа—техническаго рисованія въ Петербургѣ

и Москвѣ, не считая нѣсколькихъ художественныхъ школъ также смѣшаннаго характера, 13 женскихъ фельдшерскихъ школъ, 8 школъ для приготовленія акушерокъ и 24 школы для образованія сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Необычное явленіе представляетъ Орловская женская гимназія (Вятской губерніи) для зажиточныхъ крестьянокъ Орловскаго уѣзда; она доказываетъ, что среди крестьянъ пробудилось сознаніе важности образованія для женщины. Въ общемъ одно мужское среднее учебное заведеніе въ Россіи (всѣхъ типовъ) приходится на 190.000 душъ населенія и одно женское—на 415.000 (!). Общие расходы всѣхъ вѣдомствъ на среднюю школу въ Россіи простираются до 34.000.000, въ томъ числѣ министерства народнаго просвѣщенія—до 16.000.000, изъ которыхъ расходы государственнаго казначейства простираются лишь на 40⁰/₀, т.-е. 6¹/₂ миллионъ; остальная сумма покрывается платой за ученіе и пособіями отъ общественныхъ учреждений и лицъ. Любопытно замѣтить, что, вслѣдствіе указанныхъ выше историческихъ причинъ, среднее образованіе имѣетъ въ Россіи болѣе широкій правительственный фундаментъ, чѣмъ начальное, которое, казалось бы, должно было бы имѣть болѣе болѣе просторъ и болѣе средства. Но, давно признано, съ историческими причинами бороться трудно...

Меньшій хаосъ и большую цѣлесообразность представляетъ, повидимому, система высшихъ учебныхъ заведеній. Будучи, такъ сказать, завершеніемъ образовательнаго зданія, они, сами по себѣ, могли бы свидѣтельствовать, что въ среднемъ и низшемъ образованіи у насъ благополучнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

У насъ 9 университетовъ (не считая Гельсингфорскаго) и масса специальныхъ высшихъ техническихъ заведеній: 4 технологическихъ института, 4 политехникума, институты электротехнической, горной, гражданскихъ инженеровъ и путей сообщенія, московское инженерное училище, 2 сельско-хозяйственныхъ и одинъ лѣсной институты, 2 историко-филологическихъ, военно-медицинская академія и рядъ прикладныхъ врачебныхъ курсовъ, высшее художественное училище при академіи художествъ, межевой институтъ, 2 ветеринарныхъ и юридическій лицей. И правительство, и общество всегда обращали особое вниманіе на высшія учебныя заведенія, этотъ первый показатель нашей культурности предъ Европой. Мы издавна, опять историческимъ путемъ, привыкли сначала сооружать зданіе, а потомъ уже подводить подъ него фундаментъ: Петръ Великій ранѣе, чѣмъ возникли у насъ университеты, учредилъ академію наукъ. У насъ есть технологи и инженеры, но нѣтъ мастеровъ, монтеровъ и чертежниковъ, есть доктора, но мало фельдшеровъ, и т. д. Мы должны имѣть дѣло или съ высшимъ спеціалистомъ, къ которому не каждый разъ обратишься, или предоставить себя собственной безпомощности. Но тѣмъ болѣе молодежь

и стремится въ спеціальныя заведенія, чѣмъ менѣе удовлетворена потребность техническихъ познаній въ среднемъ курсѣ образованія. И надо признаться, что туда идутъ люди болѣе подготовленные, болѣе работающіе, уже въ силу конкурсныхъ требованій, потому что и здѣсь наплывъ желающихъ вдвое или втрое болѣе числа вакансій; «раздвигать же стѣны» заведенія, — какъ совѣтовалъ одинъ эффектный администраторъ, — въ высшемъ учебномъ заведеніи, съ ограниченнымъ поневолѣ числомъ работающихъ въ лабораторіяхъ, музеяхъ, невозможно, а надо строить новое. Въ университетъ, въ большинствѣ случаевъ, идутъ уже тѣ, кто не попалъ въ спеціальное заведеніе, ибо въ университетъ дорога торная: требуется лишь «зрѣлость». Такимъ образомъ, университетъ въ Россіи, оставаясь храмомъ науки, подорванъ въ своемъ значеніи и требованіями жизни и характеромъ средней школы, питомцы которой и въ университетѣ заполняютъ профессиональные факультеты: медицинскій и юридическій, наукой для науки мало кто интересуется: даже филологическій и математическій факультеты готовятъ спеціально учителей, если только питомцы ихъ, по окончаніи курса, не думаютъ о поступленіи опять таки въ спеціальное заведеніе. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, жестока потребность университетскаго студента въ дипломѣ: не сдавшій государственнаго экзамена студентъ является безпомощнымъ пролетаріемъ, такъ какъ гимназія украсила его умъ, но знаній, которыми могъ бы онъ зарабатывать хлѣбъ, она ему не дала, и въ перспективѣ для него — полуголодное прозябаніе въ погонѣ на перебой за перепиской и уроками. Изученіе науки для науки ради украшенія ума возможно было для дворянъ-помѣщиковъ, матеріально обеспеченныхъ. Мы не будемъ касаться здѣсь другихъ причинъ печальнаго положенія университетовъ въ настоящее время, скажемъ только, что и «жрецы науки», профессора университетовъ, должны проходить тяжелую матеріальную школу, если не имѣютъ постороннихъ заработковъ, и оттого профессорскій составъ пополняется далеко не всегда лучшими и болѣе талантливыми людьми изъ окончившихъ курсъ студентовъ. И, тѣмъ не менѣе, число студентовъ въ университетахъ растетъ непрерывно (въ настоящее время ихъ до 15 т.) по мѣрѣ развитія числа среднеучебныхъ заведеній безъ законченнаго курса знаній прикладнаго характера. Вслѣдствіе переполненія среднихъ учебныхъ заведеній, во избѣжаніе упрековъ въ безсердечности и для прикрытія неизбежныхъ прорѣхъ въ постановкѣ учебнаго дѣла, гимназіи не относятся строго къ раздачѣ аттестатовъ зрѣлости, и въ массѣ студентовъ встрѣчаются люди съ весьма слабой подготовкой. Это безконечно жаль, потому что каждый студентъ обходится государству и обществу столько же, сколько одна хорошая начальная народная школа. Но что значатъ эти недочеты съ необходимостью для Россіи увеличить число образованныхъ людей въ провинціи, на мѣстахъ тяжкаго,

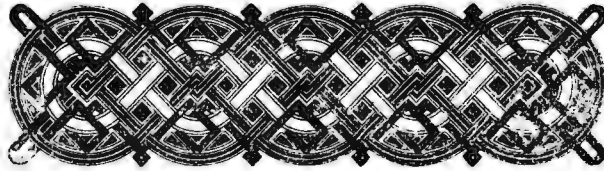
но часто мало осмысленнаго труда, гдѣ одинъ человѣкъ съ высшимъ образованіемъ приходится, если считать даже воспитанниковъ спеціальныхъ школъ, на 5 т. населенія? Деревня почти лишена юридической и медицинской помощи, повальное невѣжество дѣлаетъ возможными «холерные» и «земельные» бунты, а лицъ съ высшимъ образованіемъ такъ мало, что они остаются по губернскимъ и столичнымъ центрамъ въ надеждѣ какъ либо въ нихъ пристроиться. Казна затрачиваетъ на содержаніе университетовъ болѣе 3¹/₂ милл., почти вдвое болѣе стоитъ содержаніе спеціальныхъ заведеній, не считая военныхъ, и, между тѣмъ, чувствуется необходимость открытія новаго университета, который бывший министръ, г. Зенгеръ, проектировалъ открыть въ Минскѣ. Не лишнее припомнить здѣсь, что западная окраина Россіи, съ еврейскимъ, польскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ, имѣетъ уже три университета: въ Варшавѣ, Кіевѣ и Юрьевѣ, не считая высшихъ спеціальныхъ заведеній въ Кіевѣ и Варшавѣ, между тѣмъ какъ коренная Россія, Великороссія, съ 70-милліоннымъ населеніемъ, имѣетъ только 2 университета: въ Москвѣ и Казани, и ни одного, внѣ Москвы, спеціальнаго высшаго техническаго учебнаго заведенія. Притомъ Московскій университетъ переполненъ (до 4 т. студентовъ), тогда какъ Варшавскій и Юрьевскій университеты, вмѣстѣ взятые, имѣютъ всего до 2¹/₂ т. слушателей. Любопытно было бы уяснить причины этого непонятнаго стремленія созидать образовательные центры внѣ ядра Россіи и заставлятъ русскихъ людей совершать образовательныя паломничества на окраины.

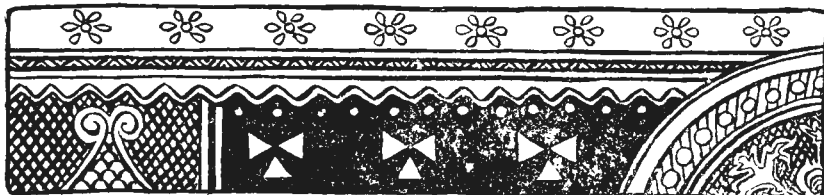
Что касается до высшихъ техническихъ заведеній, то ростъ ихъ въ Россіи созданъ былъ ростомъ фабричныхъ, заводскихъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій: всѣ они вызваны были къ жизни насущными потребностями совершавшагося промышленнаго оживленія. Дальнѣйшее ихъ процвѣтаніе едва ли подлежитъ сомнѣнію при энергичной поддержкѣ министерства финансовъ, но вопросъ, удовлетворены ли образовательныя нужды земледѣльческой Россіи, не могъ не обратить вниманія правительства, въ связи съ общимъ вопросомъ объ оскудѣніи центра и упадкѣ селско-хозяйственной промышленности, и оно обратилось къ опросу мѣстныхъ свѣдущихъ людей, въ какой мѣрѣ «оскудѣніе» зависитъ отъ положенія просвѣщенія въ Россіи, отъ главнаго русла, по которому оно направляется, и какія именно просвѣтительныя мѣры способны были бы оживить русское земледѣліе и русскую жизнь. Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ отзывахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ селско-хозяйственной промышленности, и на этотъ разъ они отнюдь не напоминаютъ отвѣтовъ депутатовъ Екатерининской комиссіи для составленія уложенія. Жаль только, что министерство народнаго просвѣщенія осталось какъ бы въ сторонѣ при возбу-

жденіи этого опроса, и разсмотрѣніе коренныхъ задачъ русскаго просвѣщенія, по старой привычкѣ ходить вокругъ да около, приурочено лишь къ нуждамъ сельско-хозяйственной промышленности. Между тѣмъ, совершенно ясно, труды мѣстныхъ комитетовъ въ этомъ направленіи лишь дополняютъ кабинетные труды всевозможныхъ съѣздовъ и комиссій, собиравшихся въ послѣдніе годы при министерствѣ просвѣщенія и вовсе, кажется, не думавшихъ объ изученіи образовательныхъ пожеланій общества. Къ разсмотрѣнію этихъ пожеланій мы приступимъ къ слѣдующей статьѣ.

Е. С. Шумигорскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРЕЗЪ БУХАРУ НА ПАМИРЫ.

ВЕСНА и лѣто 1894 года въ Туркестанѣ были ознаменованы тѣмъ, что отряды подъ общимъ начальствомъ генераль-майора Іонова, распозаясь изъ Ферганы по Памирамъ, заканчивали свою боевую работу. Эта экспедиція, равно какъ и прежде бывшія подобныя ей, была направлена черезъ восточную часть Памира, Сары-Коль, имѣющую холмистый характеръ. Дорога эта была давно извѣстна, и ею пробирались уже не разъ къ Гиндукушу. Между тѣмъ, съ запада, изъ Бухары къ этому хребту было не такъ легко попасть, вѣрнѣе, даже считалось, что отсюда на Памиры пути нѣтъ по причинѣ непроходимости Дарваза, самаго восточнаго изъ бухарскихъ бекствъ, отдѣляющаго Шугнанъ и Рошанъ отъ ханства. При томъ, кромѣ Дарваза, рѣка Пянджъ представляла изъ себя вторую не менѣе серьезную преграду на пути и отбивала всякую охоту у желающихъ попытаться пробраться на Памиры съ запада.

А между тѣмъ, афганскіе отряды, тѣснимые генераломъ Іоновымъ, все болѣе и болѣе придвигались къ Дарвазу, постепенно очищая Рошанъ, Ваханъ и Шугнанъ.

Въ такомъ положеніи былъ этотъ вопросъ въ концѣ іюня, когда въ Самаркандѣ формировалась рекогноспировочная партія изъ охотничьей команды второго туркестанскаго линейнаго батальона, цѣлью которой было попытаться счастья пробраться именно черезъ бухарскія владѣнія на Памиры и тамъ соединиться съ отрядомъ генерала Іонова. Но, кромѣ того, чтобы взять съ этой экспедиціи все, что можно, со стороны высшаго начальства ей были даны еще двѣ са-

мостоятельные задачи — изслѣдовать теченіе мало извѣстной рѣки Сангъ-Гардакъ и перерѣзать совершенно неизвѣстный районъ ханства — бассейнъ Тупалангъ-Дарьи, въ верховьяхъ которой, по предположенію, должны находиться обширные ледники.

Такъ какъ путь этой экспедиціи представляетъ изъ себя далеко не обычный маршрутъ по горнымъ дебрямъ Туркестана и захватываетъ собою Запанджскій Дарвазъ, по разграниченію 1895 года отданный Афганистану, и, значитъ, неизвѣстно, когда еще можно будетъ попасть кому либо изъ насъ европейцевъ, туда вторично, я и рѣшилъ, какъ участникъ этого похода, подѣлиться тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, съ людьми, интересующимися нашей такъ называемой Средней Азіей.

I.

4 іюля 1894 года въ лагерѣ второго баталіона была необычная суетливость. Бѣгали линейцы изъ барака въ баракъ въ то время, когда обыкновенно люди отдыхаютъ послѣ утомительной «стрѣльбы». На обозномъ дворѣ выводили и осматривали лошадей; болѣе крѣпкихъ отводили въ сторону, пригоняли имъ сѣдла и вьюки; болѣе слабыхъ возвращали въ стойла.

Возлѣ барака, гдѣ помѣщался я съ моимъ другомъ и начальникомъ предстоящей экспедиціи Н. Д., толпились охотники во главѣ со старшимъ, и между ними выглядывали изрѣдка фізіономіи денщиковъ, любопытствующихъ взглянуть на пріѣхавшаго изъ Бухары отъ эмира чиновника, долженствующаго сопровождать насъ въ дальній, гадательный путь. Чиновникъ этотъ, необычайно породистый, красивый и дипломатичный таджикъ, лѣтъ 55, степенно распивалъ у насъ нашъ незатѣйливый оберъ-офицерскій чай — обязательное, официальное угощеніе въ Туркестанѣ, и, не торопясь, чинно вель негромкій разговоръ съ Н. Д. черезъ бойкаго переводчика Подмосковнаго. Видно было, что опытному бухарцу не въ первый разъ приходилось выполнять разнаго рода отвѣтственные порученія, и теперь онъ улыбался глазами, глядя на наши молодые лица, которыхъ, должно быть, ясно говорили, что мы рады, очень рады предстоящему походу.

На общемъ совѣщаніи за чаемъ было рѣшено двинуться завтра, пятаго, и, сдѣлавъ небольшой переходъ, остановиться недалеко отъ Самарканда съ цѣлью испытанія обуви и пригонки вьюковъ. Весь этотъ день прошелъ въ хлопотахъ и сборахъ; надо было собрать охотниковъ, себя, перековать наново лошадей, получить экспедиціонныя вещи, оружіе, патроны, деньги и нескончаемыя мелочи, отъ которыхъ часто зависитъ весь успѣхъ похода.

На утро, въ шесть часовъ, команда была выстроена. Всего 16 человекъ и 2 конюха; кромѣ того, я не удержался и взялъ съ собою своего вѣстового — крѣпкаго, ловкаго и честнаго пермяка Ежова, съ специальной цѣлью ходить за моимъ воронимъ, кромѣ него, никого, не исключая и меня, къ себѣ не подпускавшимъ. Н. Д. взялъ своего киргиза «Мальчика», крѣпкую, отличную, но избалованную лошадь. На этихъ коней мы взвалили все свое офицерское добро; а вещи команды уложили на 6 вьючныхъ лошадей и, кромѣ того, взяли одну арбу до Пянджикента, небольшого чрезвычайно красиваго городка, отъ котораго къ Самарканду ведетъ старыи, теперь уже брошенный почтовый трактъ.

Намъ надо было спѣшить, и хотя мы и получили указанія о томъ, что надо стараться не вступать съ афганцами въ непріязненные дѣйствія, но приходилось скорѣе готовиться къ нимъ, нежели думать, что дѣло обойдется совершенно спокойно. Не знали мы при этомъ и тѣхъ пунктовъ, кромѣ Ша-джана, гдѣ находились въ то время наши памирскіе отряды. Впослѣдствіи же мы узнали, что и эти послѣдніе совершенно не знали о нашемъ движеніи, пока мы не вступили въ Дарвазъ. Подумали мы вдвоемъ, прикинули на карту, прочли двѣ—три статьи и рѣшили, что крѣпостца Ташъ-Курганъ въ Сѣверномъ Рошанѣ, занятая теперь казачьимъ развѣздомъ, есть тотъ пунктъ, чрезъ который мы явимся къ генералу Юнову. Въ этомъ духѣ былъ составленъ и маршрутъ пути, представленный по начальству.

Подтянули ослабшія подпруги у коней, прочитали молитву, перекрестились... и тронулись.

Шествіе открывали Н. Д., я, за нами чиновникъ, Миръ-Ахуръ, на прекрасномъ карабирѣ, покрытомъ великолѣпнымъ сплошь зашитымъ золотомъ чепракомъ; затѣмъ его слуга, взгромоздившійся на пѣгую съ сорочьимъ глазомъ лошадку, на которой былъ двухъ-аршинной высоты вьюкъ Миръ-Ахура, и за нимъ уже стройно выступала горсть линейцевъ въ бѣлыхъ рубахахъ, за которой тянулись наши вьюки и арба.

Миръ-Ахуръ ѣхалъ, улыбался глазами и, похлопывая по бархатному чепраку нагайкой, чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ: ему вѣдь все извѣстно—въ одномъ бекствѣ ему подарятъ лошадь и 200 тенегъ, въ другомъ — халатъ и лошадь, въ третьемъ еще чтонибудь, и такъ будетъ онъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. А усталость—какая можетъ быть усталость у человѣка, съ пеленокъ ѣздящаго на конѣ, да еще такими покойными аллюрами, какъ хода да тропотъ; сиди да похлопывай нагайкой, вотъ и все. Другое дѣло, зачѣмъ русскіе идутъ туда, въ такія трущобы, куда далеко не каждый и бухарецъ проберется, но тутъ же и отвѣтъ: должно быть, дорогу желѣзную проводить. Ну, что жъ, пускай проведутъ, вѣдь все равно эмиръ не будетъ сопротивляться, значить

«майли». А майли, значить и ему, Миръ-Ахуру, майли, что тожь хорошо, или наплевать.

Совершенно незамѣтно перерѣзали мы весь Самаркандъ; захватили въ своихъ казармахъ еще кой-что изъ недостающихъ вещей, размѣняли на знаменитомъ Ригистанѣ русскіе рубли на сартовскія теньги, поругавшись при этомъ съ мѣнялами, и двинулись далѣе тѣми же безконечными садами по Пянджикентской дорогѣ къ первому нашему ночлегу въ Пейшамбе-Сіабъ.

Еще не было и двухъ часовъ, какъ мы расположились уже лагеремъ въ саду возлѣ мечети. Охотники пошли ловить рыбу въ многоводномъ арыкѣ Сіабъ, не уступающемъ по количеству воды хорошей русской рѣкѣ. Подъ котломъ затрещали сучья, лошадямъ брошенъ клеверъ, намъ и командѣ посланы кошмы—и походная жизнь завязалась, влилась въ точныя рамки и такъ осталась въ теченіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ похода.

Вскорѣ явился къ намъ охотникъ, завѣдывающій артелью, и доложилъ, что за собранныя въ никому не принадлежащемъ саду мечети дрова сарты требуютъ баснословныя деньги, за простыя лепешки еще болѣе и такъ далѣе въ этомъ же родѣ. Н. Д., знакомый съ подобными явленіями, выразительно ворочалъ глазами и молчалъ. Миръ-Ахуръ торжествующе улыбался и тоже молчалъ. Я удивленно смотрѣлъ и соображалъ, что при такихъ цѣнахъ отпущенныхъ намъ весьма небольшихъ суммъ не хватитъ и на одну десятую предстоящаго пути. Наконецъ Н. Д. принялъ рѣшеніе и, выдавъ расписку старшему изъ сартовъ въ томъ, что офицерами взято для команды столько-то дровъ, лепешекъ и пр., и что по причинѣ непомѣрно запрашиваемыхъ цѣнъ ничего не заплачено; на словахъ же было объяснено, что съ этой распиской надлежитъ обратиться въ Самаркандъ къ хакому (уѣздному начальнику), который уплатитъ за все, что взято. Эффектъ этой мѣры былъ поразителенъ: моментально явился аксакалъ (старшина), палками прогнавшій галдѣвшую оборванную и праздную толпу, и пугливо объяснилъ, что за дрова ничего не слѣдуетъ платить, и что по закону съ гостей денегъ брать нельзя, а мы—гости; притомъ и дрова-то казенныя; тутъ же была прочтена сура изъ корана, гласящая о томъ, что и за глотокъ воды, данный путнику, надо искать награду не въ этой земной жизни; тѣмъ не менѣе за лепешки и прочую свѣдь земная награда была взята, и нельзя сказать, чтобы награда эта была малая: но плата была все же хоть сколько нибудь подходящая.

Весь остатокъ дня провели мы въ кейфѣ и разнаго рода мелкихъ исправленіяхъ въюковъ.

Намъ приходилось торопиться перевалить мощный Гиссарскій кряжъ и спѣшить соединиться съ Памирскимъ отрядомъ, послѣ чего можно было уже спокойно обратиться и къ выполнению дру-

гихъ порученій. Поэтому мы рѣшили дневокъ пока не дѣлать, а двинуться ускореннымъ маршемъ черезъ городокъ Пянджикентъ вверхъ по теченію рѣки Шинкъ-Дарьи и подняться на предполагаемый перевалъ Сил-Кухъ, ведущій въ бассейнъ искомой нами Тупалангъ-Дарьи; попутно рѣшено было обслѣдовать серію озеръ, носящихъ названіе Маргузарскихъ и питающихъ собою Зеравшанъ.

Въ пять часовъ утра всѣ были уже на ногахъ, а черезъ часъ отрядъ уже вытянулся по Пянджикентской дорогѣ подъ тѣнью густыхъ тополей и карагачей, длинными темными лентами убѣгающихъ вдаль вмѣстѣ съ многоводными шумящими арыками.

На полпути до ночлега, который былъ назначенъ въ кишлакѣ Саразмынѣ, встрѣтилось намъ брошенное зданіе почтовой станціи «Гульба». Бѣлый, довольно большой, хорошей постройки станціонный домикъ уныло глянулъ на насъ своими черными безъ рамъ окнами; садъ заброшенъ, небольшой виноградникъ тоже—лозы или повытасканы, или поломаны, заборъ разрушенъ, конюшня скоро завалится. При видѣ этой грустной картины и на душѣ какъ-то становится грустно. Невольно задаешь себѣ вопросъ: зачѣмъ заброшенъ этотъ почтовый трактъ, какая тому причина? Неужели въ новомъ, только что оживающемъ краѣ есть уже отслужившія свою службу, успѣвшія состариться учрежденія, будто въ молодомъ, сильномъ тѣлѣ есть старыя гнилыя жилы?

Въ Саразмынѣ съ насъ опять содрали за все невѣроятныя цѣны, что возмутило даже Миръ-Ахура. Но таковы тогда были времена, что справедливо всѣмъ считалось за наказаніе ходить по глухимъ закоулкамъ русскаго Туркестана. Отношеніе къ русскимъ туземныхъ властей было подчасъ, по крайней мѣрѣ, странное; часто не только русскіе офицеры и чиновники, почему либо попадавшіе въ кишлаки изъ городовъ, не получали никакой помощи отъ старшинъ, аксакаловъ и минбашей, несмотря на предписанія администраціи, но встрѣчали явное недоброжелательство и разнаго рода препятствія. Жалобы не помогали, ибо дѣло сводилось въ концѣ концовъ ловкими баями и старшинами къ тому, что выходило, что они правы, а русскіе тюрк¹⁾ виноваты. Приходилось смириться и махнуть на это рукой. А между тѣмъ, результаты вскорѣ обнаружались, вылившись въ форму всѣмъ извѣстнаго Андиганскаго возстанія 1898 г. Но до тѣхъ поръ въ грубость и явное недоброжелательство населенія съ его аксакалами и минбашами по адресу русскихъ вѣрили только тѣ, кто непосредственно приходилъ въ близость съ ними и такъ или иначе страдалъ.

7-го іюля мы были уже въ Пянджикентѣ, а оттуда, повернувъ круто направо по рѣкѣ Шинкъ-Дарьѣ, прибыли на другой день въ кишлакъ того же имени, сдѣлавъ въ этотъ день 35 верстъ уже чисто горнаго похода.

¹⁾ Тюрк—офицеръ.

Тамъ насъ ждала все та же непріятность: волостной, не желая, должно быть, съ нами возиться, вопреки обычаю не только не встрѣтилъ насъ, но даже попросту приназаль сказать, что онъ въ отъѣздѣ. Жители, конечно, тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сразу стали всячески препятствовать намъ въ приобрѣтении необходимыхъ продуктовъ. Дѣлать нечего, пришлось послѣ долгихъ криковъ и брани занять самимъ одну изъ сакель возлѣ базарчика, добыть за невѣроятную цѣну клевера, ячменя, лепешекъ и дровъ.

Оставалось раздобыть мяса. Подмосковный со старшимъ выбивались изъ силъ, чтобы достать на ужинъ командѣ барана. Но никто изъ жителей не хотѣлъ продать русскимъ и фунта мяса. Наконецъ, видя все это, пришлось принять рѣшительныя мѣры по розыску власти имущихъ, и явился, конечно, нехотя и съ отговорками, аксакаль. Дѣло кой-какъ уладилось послѣ получаса крика и ссоръ, и баранъ былъ купленъ. Его тутъ же зарѣзали, при чемъ бывшій его хозяинъ не преминулъ стянуть потихоньку шкуру и голову и былъ таковъ. Только послѣ ужина старшій, Осинцевъ, хватился шкуры, но было уже поздно. «Ну, ужъ и люди,—ворчалъ онъ,—просто аспиды»... Охотники молчаливо и съ недоброжелательствомъ поглядывали на сидящихъ на всѣхъ заборахъ и сакляхъ туземцевъ, безцеремонно разсматривающихъ насъ. Миръ-Ахуръ былъ внѣ себя, но держался въ сторонѣ отъ событий, чувствуя, что принять въ нихъ участіе и рискованно, и несвоевременно. Къ тому же видно было, что его сородичи (Миръ-Ахуръ оказался сыномъ наслѣдственнаго бывшего Каратюбинскаго бека) явно не питали къ нему никакого почтенія; а мы при такой обстановкѣ не могли предоставить ему никакихъ удобствъ. Да и дневной зной, доходившій до 55 градусовъ, и усталость давали себя чувствовать. Бѣдный царедворецъ снялъ съ себя свою великолѣпную бѣлошенъжную чалму, свой яркій шелковый халатъ, богатый серебряный поясъ съ старинной также богато украшенной шашкой и прилегъ на свой коврикъ. Его слуга снялъ съ лошади шитый золотомъ малиновый бархатный чепракъ—и вся обстановка изъ торжественной превратилась въ обыденно-походную.

Вскорѣ красные лучи заходящаго солнца перебѣжали съ нашего становища на скалу и, перебираясь все выше и выше, достигли самыхъ вершинъ, преслѣдуемые по пятамъ холоднымъ сырымъ мракомъ.

Отъ Шинка до перевала Сія-Кухъ, куда намъ надо было итти, и о которомъ во всемъ кишлакѣ знали лишь нѣсколько человекъ, насчитывалось около 40 верстъ, или, какъ считаютъ во всемъ Туркестанѣ, 5 ташей. Изъ разспросовъ пастуховъ выяснилось, что выючной дороги по самой рѣкѣ и ея озерамъ нѣтъ, а есть опасная пѣшая тропа. Поэтому вызвавшіеся въ качествѣ проводниковъ два таджика категорически совѣтовали итти верхней дорогой по хребту

горъ Маслягатъ-тепе и Ляйлякъ-гоу. На картѣ этой тропы показано не было; но прикинувъ, что высота перевала по этой тропѣ не превыситъ 11.000 футовъ, мы рѣшили вѣрнуться проводникамъ, въ чемъ впоследствии и не раскаялись.

II.

Рано утромъ 9 числа небольшой отрядецъ нашъ вытянулся по рѣкѣ Шинку, оставивъ негостеприимныхъ его обитателей въ ихъ глиняныхъ сакляхъ, возлѣ которыхъ мы только что переночевали, выглядывающими на насъ изъ-за угловъ, оконъ и заборовъ. Болѣе всѣхъ были довольны тѣмъ, что намъ не встрѣтится болѣе ни нашихъ аксакаловъ, ни волостныхъ, нашъ Миръ-Ахуръ и кашеваръ, рыжій, добродушный, съ громадными усами пермякъ Храповъ, которому въ эту послѣднюю стоянку досталось отъ какой-то разсвирѣпѣвшей старухи-сартянки, внезапно появившейся на нашемъ становищѣ и съ дикимъ крикомъ бросившейся колотить рыжаго усача. Долго еще послѣ этого дразнили въ командѣ Храпова этимъ происшествіемъ.

На четвертой верстѣ караванъ нашъ, предшествуемый проводникомъ-таджикомъ, перешелъ по мосту черезъ Шинкъ и сталъ подниматься контрфорсами и отсыпями по направленію къ вершинѣ Ляйлякъ-гоу, оставивъ гдѣ-то внизу и влѣво бурно шумящій потокъ съ его ущельемъ и порослями. Дорога сразу стала очень тяжелою. Постоянный крутой подъемъ, зигзаги, которые выдѣлывала тропа, необычайно утомляли и людей и лошадей. Лошади начали оступаться и падать; поднимать ихъ приходилось съ большимъ трудомъ, при чемъ приходилось развьючивать. Камень и острый, какъ ножи, щебень рѣзали всѣмъ ноги, особенно въ первую половину пути, пока мы не взобрались на гребень громадной сѣдловины между вершинами Маслягатъ-тепе и Ляйлякъ-гоу. Лошади видимо стали уставать и требовали отдыха. Впереди всѣхъ коней шелъ мой красавецъ вороной съ Ежовымъ, который гордился тѣмъ, что его лошадь, какъ горный карабаиръ, такъ бойко прыгала съ камня на камень. Къ 12 часамъ дня мы были уже на высотѣ 8 тысячъ футовъ, когда сдѣлали привалъ, съ цѣлью дать собраться растянувшимся выюкамъ. Жара одолѣвала.

Но зато какіе виды открывались на каждомъ шагу! Трудно было предположить, чтобы этотъ, повидимому, голый неприглядный съ долины Зеравшана горный хребетъ былъ такъ дивно хорошъ. Уже съ первыхъ трехъ верстъ подъема стали попадаться сначала прекрасные луга съ пасущимися на нихъ стадами овецъ и барановъ, затѣмъ начались рѣдкіе кустарники жимолости, арчи и розовиднаго цвѣтущаго шиповника, потомъ все гуще и гуще; желтые

лепестки цвѣта чѣмъ выше, тѣмъ ярче пестрѣли передъ глазами. Наконецъ, арча поборола; потянулись крупныя ея заросли и перелѣски, забившіяся въ лога и ущелья. Ярко зеленая мурава стелется повсюду, наполняя медомъ воздухъ; ярко-красныя голыя вершины и скалы съ лѣпящимися у ихъ подножія рощами, густо синее небо надъ головами были дивно хороши. Начисто вымытыя росой и дождями вѣтви арчи, какъ кости, бѣлѣли и рѣяли въ дышащемъ воздухѣ. А внизу нѣтъ, нѣтъ да и засинѣетъ глубокая синева озеръ и ручьевъ, жилками перерѣзывающихъ зеленое поле безконечныхъ, падающихъ внизъ холмовъ и уваловъ. Такъ и кажется, что это не дѣйствительность, а талантливо исполненная красками рельефная карта.

За каждымъ камнемъ, за кустомъ высохшей травы слышенъ шелестъ и крикъ, своеобразный несмолкающій крикъ красногоровой горной куропатки, называемой туземцами «кекликъ». Гдѣ-то дальше и выше, со стороны сіяющихъ полей снѣга слышится выкрикъ улара ¹⁾, а вверху царятъ беззвучно бѣлоголовые орлы.

По недостаточной втянутости кой-кто изъ охотниковъ немного подбился на ноги, благодаря нашимъ російскимъ тяжелымъ сапогамъ. Гораздо тяжелѣе досталось бѣднымъ лошадямъ; кромѣ офицерскихъ, шедшихъ порожнякомъ, почти у всѣхъ коней ноги были избиты и поранены острыми камнями и щебнемъ; у многихъ изъ нихъ кровь струйками сбѣгала по ногамъ на траву. Просто жалко было видѣть непривычныхъ къ горнымъ тропамъ бѣдныхъ животныхъ, нагруженныхъ восьмипудовыми выюками. А дальше, несомнѣнно, дорога будетъ неизмѣримо хуже, или, вѣрнѣе, дороги не будетъ, по большей части, никакой, какъ справедливо объяснили проводники-таджики, которыхъ набралось уже цѣлыхъ пять человекъ, откуда-то присоединившихся къ намъ.

Передохнувши и наскоро закусивъ, тронулись дальше, неизмѣнно взбираясь все выше и выше и переползая то на лѣвый Шинкскій, то на правый Рогичскій склоны Маслягать-тепе. Останавливаться, чтобы отдохнуть отъ одышки, приходилось все чаще и чаще. Снѣжные пики все рѣзче и ярче высовывались изъ-за соседнихъ голыхъ вершинъ; нижнія Маргузарскія озера, иногда показывающіяся сквозь чащу арчи между отроговъ, казались уже маленькими чудно голубыми лужицами. У нѣкоторыхъ изъ охотниковъ показалась носомъ кровь. Лошади уставали, выюки перевьючивались—и снова движеніе. Солнце уже садилось за оставшуюся у насъ уже въ тылу вершину Ляйлякъ-гоу, когда мы по одиночкѣ потянулись по первому попавшемуся намъ балкону въ отвѣсной скалѣ, преградившей тропинкѣ дорогу. Жутко было итти, видя подъ собою пропасть на сотню сажень и чувствуя, какъ ка-

¹⁾ Порода горной индѣйки.

Спускъ съ дороги отъ перевала Чарага къ озеру Кабутакъ.

чается подъ ногами примитивно устроенное полотно дороги. Самая крупная и надежная лошадь «Сърый» легла, къ счастью, при выходѣ уже съ балкона на карнизъ. Долго пришлось съ ней провозиться, пока подняли ее; другія лошади, видя это, не шли и били; а вечеръ наступалъ, и темнота, зародившаяся гдѣ-то внизу, въ ущельяхъ, поднималась все выше и выше.

Наконецъ, повернувъ по отвратительной тропѣ налѣво въ ущелье ручейка Зиндовудъ и перейдя его вбродъ, мы стали взбираться на вершину давно ожидаемаго перевала Чарага, долженствовавшую быть нашимъ сегодняшнимъ становищемъ.

Было очень холодно, такъ какъ съ сосѣднихъ снѣжныхъ вершинъ тянулъ вѣтерокъ и обдавалъ насъ на голомъ холмистомъ перевалѣ, покрытомъ короткой травкой и залегшими въ складкахъ снѣжными полянами. Кругомъ ни куста, ни вѣтки, не было даже и обычнаго во всемъ горномъ Туркестанѣ высокаго зонтичнаго растенія, за свой отвратительный и сильный запахъ прозваннаго попросту вонючкой.

Благодаря догадливости добродушныхъ проводниковъ, захватившихъ съ собой нѣсколько вязанокъ арчи, намъ удалось развести огонь, пока охотники не принесли снизу арчевыхъ же вѣтокъ, за которыми пришлось идти версты за три внизъ въ сторону Рогича.

На утро, проснувшись чуть свѣтъ, я былъ пораженъ представившейся картиной. Мы находились подъ самой вершиной перевала, ведущаго изъ ущелья р. Рогича къ Маргузару. Передъ нами въ 3—5 верстахъ самоцвѣтными камнями искрилась своими снѣгами гора Тюльпе-тау, насчитывающая около 15 т. фут. высоты. За ней и кругомъ насъ высились то цѣлые снѣжные или скалистые хребты, то отдѣльно поднимающіеся къ небу пики: налѣво горделиво высилась громадная Акбай-Вору, впереди за Тюльпе-тау и ея отдѣльными вершинами выглядывалъ Новорусъ, а направо поднимался изъ-за темнѣющаго ущелья Рогича массивъ Хаазретъ-Султана съ ближайшею блистающею снѣгами и уже обнажающимися льдами Куги-Тархъ. Казавшаяся намъ недосыгаемой по своей высотѣ вчера Маслягаты-тепе представилась сегодня очень скромныхъ размѣровъ эллипсоидной вершиной, увѣнчанной красноватыми оголенными скалами. Кругомъ, ниже и наравнѣ съ нами, было царство горныхъ луговъ, покрытыхъ разнообразными цвѣтущими травами, съ значительными площадями зимняго снѣга; запахъ меда носился надъ холмами; чувствовалось какое-то дикое приволье. Мы находились на высотѣ 11 тысячъ футовъ, въ поясѣ короткой травы и послѣднихъ альпійскихъ луговъ, смѣнившихъ на восьми-девяти тысячахъ футъ голыя неприступныя скалы съ арчевыми перелѣсками, и въ свою очередь долженствующихъ быть смѣненными еще болѣе дикими и неприступными утесами вперемежку со снѣгами и фирномъ, граничащими на высотѣ 12.000 футъ съ царствомъ вѣчнаго блага покрова и льдовъ.

Куда мы должны сегодня прійти,—никто не зналъ; не знали и наши чумазые добродушные проводники, на всѣ разспросы твердившіе, что «юль ясманъ, бисіаръ сангъ, бисіаръ барфъ»¹⁾, и при этомъ упоминали какой-то пунктъ Туша-Пазонъ. Миръ-Ахуръ съ подведенными отъ вчерашняго перехода глазами, съ отчаяніемъ во взорѣ смотрѣлъ на скалистые отроги Тюльпе-тау и уныло покачивалъ головой; его важность исчезла; блестящія одежды давно уже были уложены во व्यюки, съ его гнѣдого карабаира снятъ драгоценный чепракъ, и бѣдный царедворецъ, попавшій въ такую неприятную передрагу, былъ только въ ситцевыхъ халатахъ, своей все же бѣлоснѣжной чалмѣ и мягкихъ красивыхъ туземныхъ сапогахъ, называемыхъ «тогоги».

Теперь намъ приходилось огибать слѣва главный массивъ Тюльпе-тау, то лѣпясь по голымъ контрфорсамъ, то углубляясь въ отдѣльныя боковыя вершины, отдѣляющія тропу отъ ущелья, на днѣ котораго иногда показывались дивнаго глубокаго синезеленаго цвѣта озера Маргузаръ и Кабутакъ. Путь весь состоялъ изъ ряда частыхъ подъемовъ и спусковъ съ преобладаніемъ все же подъема. Мы пересѣкали ручейки въ самыхъ ихъ истокахъ, пробирались между глетчерными камнями и переходили цѣлыя поляны грязнаго талаго снѣга и груды щебня отъ разрушившихся скалъ. Иногда тропа пропадала совсѣмъ, и наши вожаки, поводя своими головами направо и налево и внимательно разсматривая каждый камень, сворачивали куда нибудь за извѣстную только имъ скалу и выходили благополучно къ подорожнымъ знакамъ²⁾. Встрѣчались опасныя и рискованныя мѣста, но мы миновали ихъ приблизительно благополучно, развѣ побьется лошадь или охотникъ, не рассчитавъ, скатится на нѣсколько шаговъ внизъ вмѣстѣ съ подавшимся подъ его ногами камнемъ.

Маргузаръ уже больше не показывался, но зато Кабутакъ все чаще и чаще ласкалъ нашъ глазъ своею дивно спокойною поверхностью. Наконецъ, ноги наши почувствовали, что дорога идетъ на спускъ, и вскорѣ мы подошли дѣйствительно къ самому спуску къ озеру Кабутакъ. Миръ-Ахуръ обернувшись, увидя такой спускъ. Съ самаго мѣста, гдѣ остановилась вся наша команда, съ рѣзко выраженной узкой сѣдловины, начиналось паденіе по уклону не менѣе 50—55 градусовъ въ долинку, сплошь заполненную зеленью.

¹⁾ «Дорога плоха, масса камней и снѣга».

²⁾ Во всемъ горномъ Туркестанѣ, Бухарѣ и на Памирахъ перевалы и всѣ болѣе или менѣе замѣтные повороты и подъемы дорогъ обозначены столбами, сложенными изъ кусковъ тутъ же валяющихся камней или гальки. Дѣло сохранения дорогъ считается у туземцевъ настолько святымъ, что почти вездѣ вошло въ обычай, чтобы каждый прохожій въ такихъ мѣстахъ бралъ хотя одинъ камень и кладъ на этотъ столбъ. Такимъ образомъ, благодаря этому обычаю, и подорожные знаки сохраняются въ удивительной исправности и; благодаря хотя и такой незначительной расчисткѣ, тропа яснее видна путнику.

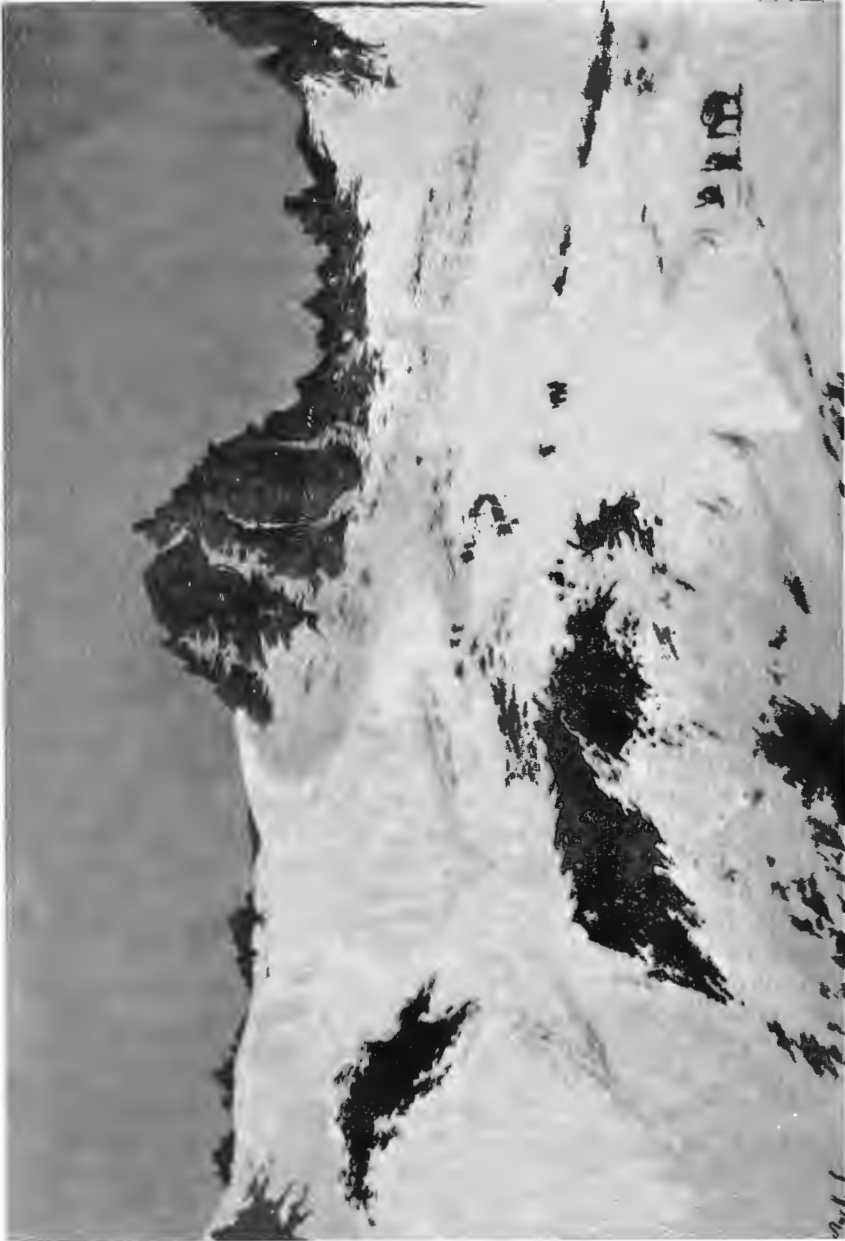
Головоломная тропа буквально опрокидывалась внизъ между громадными камнями, спускаясь словно по лѣстницѣ, ступени которой достигали мѣстами двухъ аршинъ высоты, все ниже и ниже, и наконецъ терялась въ тѣхъ же камняхъ.

Мы начали спускаться. Картина была восхитительна. Подъ нами въ широкомъ ущельѣ бѣжалъ ручей Азоръ-Чашма; все ущелье, его склоны и почти отвѣсные бока были сплошь покрыты густымъ арчевымъ лѣсомъ, листовыми деревьями и кустарниками разныхъ породъ. Ущелье на горизонтѣ замыкалось дѣвственно снѣжнымъ хребтомъ по всему горизонту картины. Озеро Кабутакъ, видимый нами его уголь, какъ чистымъ изумрудомъ, красовалось своей поверхностью. Въ складкахъ скалъ и горныхъ массивовъ дрожали голубыя полупрозрачныя тѣни. Сейчасъ же, по ту сторону Азоръ-Чашмы, начинался отъ самаго Кабутака скалистый покрытый арчевымъ лѣсомъ гребень, поднимающійся по направленію блистающаго своимъ ледникомъ и снѣгами Сія-Куха; намъ сверху было видно, какъ полотно тропы, по которой намъ лежалъ дальнѣйшій путь, просвѣчивая сквозь зелень перелѣсковъ, взбиралось на этотъ гребень и, дойдя до его вершины, пропадало въ ущельѣ Туша-Пазона.

Спускъ къ Кабутаку начался около двѣнадцати часовъ, и около трехъ мы были уже на берегу озера. Тяжело было въ эти часы отрядцу. Лошади не шли; ихъ пришлось развьючивать и тяжести нести на себѣ; бѣдныя животныя бились и въ ужасѣ не хотѣли дѣлать тѣхъ гигантскихъ прыжковъ по этой поистинѣ чортовой лѣстницѣ; ногайки свистѣли и безжалостно работали по ихъ крупамъ; охотники надрывались, таща лошадей за веревки. Наконецъ, кое-какъ мы спустились къ озеру и остановились на роздыхъ.

Посмотрѣть диковинныхъ путниковъ собралось челоуѣкъ пять любопытныхъ горцевъ. Изъ разспросовъ ихъ оказалось, что они попали сюда изъ Маргузара той же дорогой, что и мы, со своими стадами; что на Туша-Пазонѣ есть также нѣсколько партій барановъ, пригнанныхъ изъ того же Маргузара, но другой, правой, стороной озеръ. Всѣ пастухи единодушно утверждали, что чрезъ переваль Пянджъ-объ (названіе Сія-Кухъ они произносили рѣже) дороги теперь въ Гиссарскій край, пожалуй, нѣтъ, а что недѣли черезъ три, когда ледникъ совершенно оголится отъ покрывающаго его снѣга, можно будетъ перевалить въ долину Тупаланга, или, какъ они называли, Хованъ-Дарыя.

Кабутакъ оказался озеромъ безъ одного живого существа, и всѣ пастухи въ одинъ голосъ показали, что во всѣхъ Маргузарскихъ озерахъ не найти ни одной рыбы. Зато, по ихъ словамъ, въ Кабутаку водятся страшныя водяныя чудовища, подъ названіемъ «кучуку-абы», что голова у нихъ, какъ у собаки, и тѣло все, какъ у собаки, только нѣтъ лапъ; эти кучуку-абы подплываютъ къ самому берегу, гдѣ поглубже, и хватаютъ и людей, и овецъ.

Вершина перевала Ся-Кухъ (последняя снежная ступень).

— Мы поэтому и сакли строимъ повыше отъ воды,—закончилъ, вертя глазами, рассказъ одинъ изъ черномазыхъ таджиковъ.

— А ты видѣлъ ихъ когда нибудь?—спросилъ Н. Д.

— Нѣтъ, я не видалъ, и мои товарищи тоже не видѣли, а старики рассказывали въ Маргузарѣ, что одинъ мулла видѣлъ,—не хотя отвѣтилъ горецъ.

Около четырехъ часовъ поднялись мы снова въ путь и начали взбираться на лѣсистый контрфорсъ, благополучно, хотя и съ трудомъ, переваливъ черезъ него, очутились въ ущельѣ Туша-Пазонъ. Пройдя около трехъ верстъ, немного выше впаденія въ этотъ потокъ еще какого-то многоводнаго ручья, стремящагося сплошнымъ каскадомъ въ ущелье, мы остановились, застигнутые темнотой, на ночевку. Было очень холодно; отъ бурнаго многоводнаго потока вѣяло сыростью; рѣдкіе арчевые кусты не служили защитой отъ холоднаго рѣзкаго вѣтерка, тянущаго внизъ по ущелью и отъ виднѣющагося снѣжнаго контрфорса горы Новорусъ.

Совершенный путь былъ настолько труденъ, что за весь день, за 15 часовъ почти непрерывной работы было пройдено всего лишь около 14 верстъ. Я лично чувствовалъ себя также порядочно разбитымъ, такъ какъ, благодаря съемкѣ, стремленію нанести побольше набросковъ и собрать матеріалъ, я не отдыхалъ и на привалѣ.

Мы были опять уже на высотѣ, нѣсколько большей 8 тысячъ футовъ.

На слѣдующій день, 11-го іюля, въ обычное, уже установившееся само собой время, караванъ нашъ былъ въ пути. Ущелье нѣсколько поворачивало вправо и снова принимало строго южное направленіе. Когда мы прошли верстъ пять, прекратились послѣдніе кусты арчи. Снѣгъ сталъ попадаться громадными залежами, которыя мѣстами приходилось переходить. Надо было спѣшить, чтобы засвѣтло перевалить главный хребетъ, иначе мы рисковали, по крайней мѣрѣ, поморозиться.

Подойдя къ небольшому болоту, окруженному мокрыми лужайками, мы увидѣли передъ собой ущелье заваленнымъ снѣгомъ толщею въ нѣсколько сажень, изъ-подъ котораго вырывался нашъ ручей. Острые отвѣсные пики тѣснили другъ друга подъ ущельемъ. Тропа, какъ бы испугавшись, бросилась вправо на самыя отсыпи и скалы, лишь бы обойти эту громадную снѣжную поляну. Это былъ, вѣроятно, нижній конецъ ледниковой морены. Опять лошади начали спотыкаться и падать, снова посыпался лавинами щебень и камни, грозя засыпать идущихъ внизъ. Приходилось переходить зигзаги, строго выжидая, пока впереди и вверху идущіе не уйдутъ настолько, чтобы не быть какъ разъ надъ оставшими внизъ товарищами.

По небу стали прогуливаться бѣлыя облака. Было совѣмъ не жарко; только при остановкахъ солнце нѣсколько припекало.

Всѣ встрѣчающіяся ущелья были положительно забиты снѣгомъ. Темно-коричневые утесы грозно стояли кругомъ, оставляя обширную котловину, наполовину засыпанную снѣгомъ и обрушившимися съ сосѣднихъ скалъ камнями. Здѣсь, въ этой котловинѣ, пріютившись отъ солнца подъ защитой восточныхъ отроговъ, и находится часть ледника Сія-Кухъ. Нѣсколько ниже его саженъ на полтора ста скромно синѣетъ озерцо, принимающее въ себя всѣ бѣгущіе въ котловину ручейки. Берега озера забросаны большихъ и малыхъ размѣровъ камнями и цѣлыми скалами лѣвой наружной морены. Нѣтъ никакой возможности разобраться въ хаосѣ каменныхъ грудъ. Далѣе, снѣжное поле кругомъ обступило озерцо. За нимъ высится громадная огибающая съ трехъ сторонъ котловину ступень, саженъ въ 150 высоты, также засыпанная снѣгомъ, а за ней опять снѣга и снѣга, и только отдѣльными небольшими, пирамидами чернѣютъ вѣнчающіе весь хребетъ унылые пики.

Вскорѣ добрались мы до этихъ пиковъ, между которыми сложенъ дорожный столбъ, и, раскатавъ наши шинели, вѣ ближе другъ къ другу и укрываясь отъ холоднаго вѣтра, вырывающагося изъ ущелья черезъ сѣдловину, стали грызть кто сухарь, а кто уцѣлѣвшую еще отъ Шинка сартовскую лепешку. Лошади сбились въ кучу и, ставъ крупами къ вѣтру, дрожали отъ холода. Никакъ не ожидалъ я, что среди лѣта въ Туркестанѣ будетъ такъ холодно, при томъ сѣрая облака смѣнили вѣчно синее южное небо, вслѣдствіе чего весь колоритъ пейзажа былъ непохожъ на вчерашній знойный, но яркій день.

Сапоги и одежда на насъ промокли насквозь; мы начинали дрожать; вѣтеръ сталъ усиливаться. Пришлось собираться и двигаться дальше. Н. Д. командовалъ подъемъ, и отрядъ потянулся къ перевалу. Подковообразная вершина Сія-Куха вѣнчалась всюду торчащими обнаженными почти черными пиками (Сія-Кухъ—въ переводѣ значитъ черныя горы). Между этими пиками проводники насчитали намъ три перевала; лѣвый, восточный, ведущій въ бассейнъ рѣки Кштутъ-Дары, или, вѣрнѣе, въ верховья Искандеръ-Дары (правильнѣе Кара-Куль), средній—въ ущелье Тупаланга и правый тоже въ Тупалангъ, но не прямо, а къ одному изъ притоковъ этой рѣки.

Какъ на наиболѣе доступный, проводникъ указалъ намъ на средній.

Подойдя къ подорожному знаку, я увидѣлъ крутой и рѣзкій спускъ куда-то внизъ. Передъ глазами разстилался цѣлый рядъ хребтовъ, замѣтно мѣняющихъ свое направленіе на западъ и также замѣтно понижающихся. Вѣроятно, мы вышли на вер-

ховье не главнаго ручья Тупаланга, а одного изъ его правыхъ притоковъ, такъ какъ слѣва въ наше, такъ сказать, ущелье вливалось другое еще болѣе обширное ущелье, отдѣленное отъ насъ лишь однимъ громаднымъ контрфорсомъ. Вверху по направленію этого втораго ущелья проводникъ показалъ намъ сѣдловину-переваль, съ которой въ юго-западномъ направленіи, какъ можно было разобрать, спускалась едва замѣтная тропа.

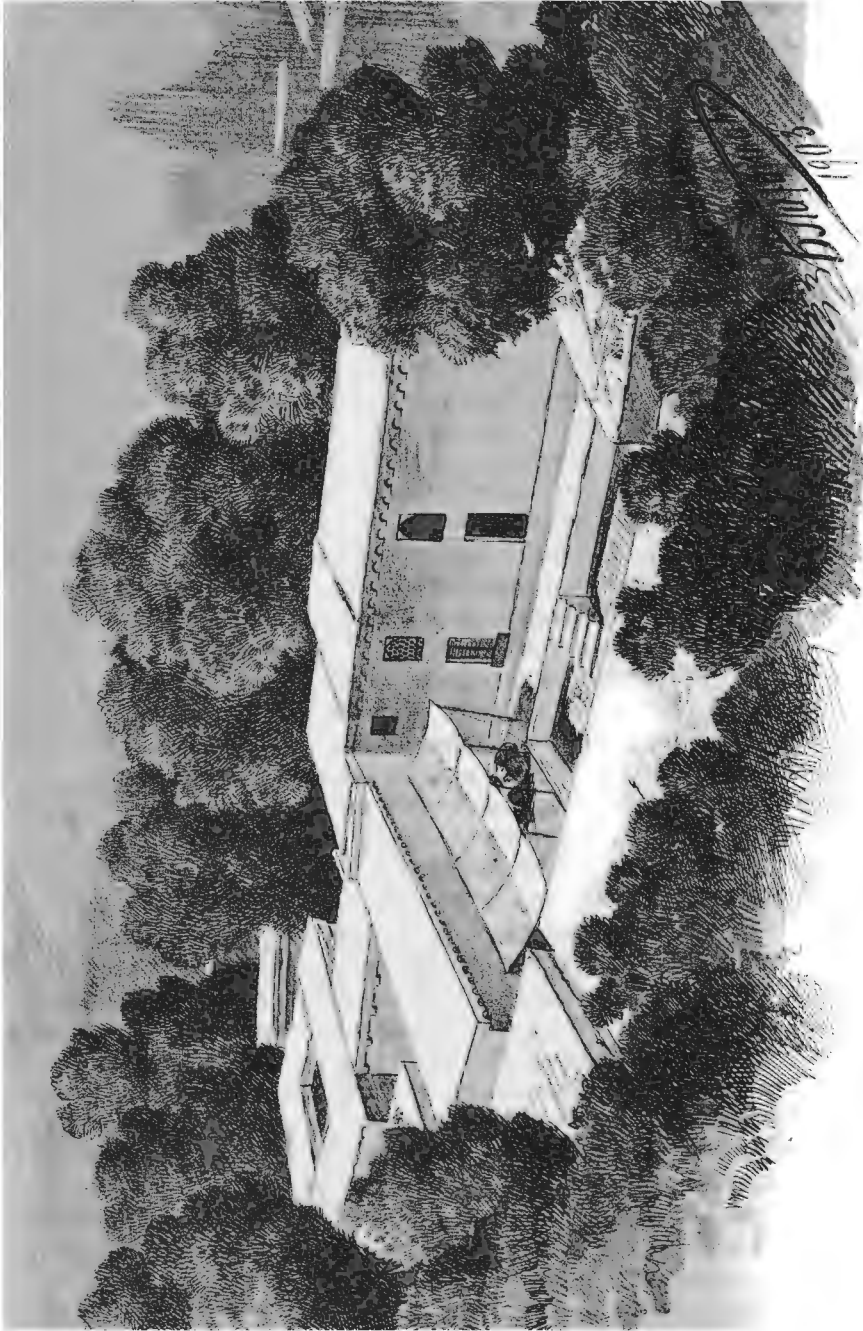
Мы были на высотѣ 15 тысячъ футовъ, на государственной границѣ, отдѣляющей Россію отъ Бухарскаго ханства. Почти всѣ хребты и отроги были ниже насъ; многія изъ вершинъ ихъ увѣнчаны снѣгами. Въ общемъ горы носили характеръ холмистыхъ громадъ съ выпятившимися, словно разорвавшимися, скалистыми вершинами, покрытыми снѣгами. Но все же рѣзко бросилось въ глаза, что южный склонъ Гиссарскаго хребта значительно круче сѣвернаго, и что запасы снѣговъ на этомъ склонѣ сравнительно невелики.

Съ какою-то радостью бросились мы внизъ, по необычайно крутымъ зигзагамъ тропинки, соскучившись за долгій и тяжелый подъемъ; казалось, что и лошади и собаки почували, что страдная пора приходитъ къ концу, и бойчѣе устремились внизъ. Такъ вотъ она, Тупалангъ-Дарья, о которой ходили только темные слухи! Проводники, указавъ намъ на сливающиеся подъ нашими ногами ручьи, назвали главный изъ нихъ Пянджъ-объ'омъ, то-есть пятирѣчьемъ.

Около двухъ верстъ шли мы снѣгомъ и наконецъ ступили на столь знакомую намъ уже травку. Внизу, какъ букашки, ползали и копошились стада. Съ нами вмѣстѣ бѣжалъ внизъ и ручей, забирая все болѣе и болѣе вправо. Попадались мочежины и мокрые луга; обиліе влаги было поразительное; вотъ если бы и осенью ледники питали такъ рѣки, какъ теперь, тогда, быть можетъ, добрая половина ихъ не терялась бы по арыкамъ въ садахъ и селеніяхъ или въ пескахъ, но доходила до Сурхана или Аму-Дарьи.

Вскорѣ повстрѣчали мы косякъ кобылицъ, затѣмъ другой, третій, и все ущелье запестрѣло стадами ишаковъ и лошадей узбековъ, перебравшихся сюда на лѣто пользоваться сочной травой обильныхъ богатыхъ луговъ верховьевъ Тупаланга. Рѣка имѣла уже до десяти шаговъ ширины и несла значительное количество воды, разливаясь по мокрымъ лугамъ довольно широкаго въ этомъ мѣстѣ ущелья. Но чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе, какъ ущелье это суживается, принявъ наконецъ южное направленіе.

Приблизительно на пятой верстѣ намъ встрѣтились кибитки кочевниковъ. Стая злѣйшихъ псовъ бросилась на насъ и нашихъ собакъ, видѣвшихъ, что бой будетъ неравный, и потому скромно прижавшихся къ намъ. Сдѣлали небольшой рздыхъ съ цѣлью

Карагагъ. Домъ Кунъ-Бенъ.

дать подтянуться разбившейся на кучки командѣ. Миръ-Ахуръ едва смогъ слѣзть съ сѣдла и въ изнеможеніи повалился на камень; около него засуетились проводники и его слуга.

Гурьба черныхъ полуголыхъ ребятишекъ высыпала изъ юртъ; за ними показались такіе же чумазые парни; намъ вынесли не безъ нѣкотораго замѣшательства катыку (кислое козье разбавленное водой молоко), завязался небойкій разговоръ. Оказалось, мы попали въ узбекскую кочевку, одну изъ многихъ, разбросавшихся на привольныхъ мочжинахъ верховьевъ Тупаланга. При разспросахъ узбеки называли рѣку Хованъ-Дарьей, по имени кишлака, расположеннаго въ двухъ съ половиной ташахъ отсюда; нѣкоторые произносили даже «Хобакъ».

Было пять часовъ вечера, и мы тронулись далѣе, такъ какъ Миръ-Ахуръ, вошедшій въ роль хозяина, не совѣтовалъ оставаться въ такихъ дикихъ аулахъ, находя для себя что-то неудобное.

Рѣка бурлила и въ своихъ низкихъ ярко-зеленыхъ мокрыхъ берегахъ дѣлала крутые петли и повороты. Въ нее почти на каждомъ шагу по уклону едва не въ 45° вливались спадавшіе съ обоихъ параллельныхъ рѣкѣ хребтовъ ручьи и рѣчки. Шумъ журчащей воды наполнялъ ущелье. Горы при своемъ стремленіи къ югу значительно понижались; снѣгъ на нихъ попадался все рѣже и рѣже; скалы уступали мѣсто холмистымъ отрогамъ. Арча, сначала едва видная на вершинахъ, все настойчивѣе спускалась внизъ, куда сбѣгала подъ конецъ густыми рошицами. Дорога, вѣрная разъ избранному ею направленію, вилась по правому берегу, сначала по мокрымъ лугамъ, мимо кочевокъ и довольно основательно построенныхъ мостовъ, затѣмъ среди грудъ камня, въ лѣсѣ гигантской вонючки. Въ густой травѣ и подъ камнями не разъ переползали намъ дорогу темнозеленыя толстыя змѣи.

Было уже около одиннадцати часовъ ночи, когда мы наконецъ увидѣли огни нашего ночлега, оказавшагося группой кибитокъ, разбитыхъ подъ нѣсколькими широкими вязами.

Движеніе наше съ перевала было такъ стремительно, и мы такъ всѣ устали, что, не разставляя палатокъ, повалились на разложенную подъ открытымъ небомъ кошму. Всѣ члены мои ныли отъ переутомленія, голова отказывалась работать. Даже самые крѣпкіе изъ охотниковъ просили Н. Д. разрѣшить имъ лечь, не поужинавъ. Рѣшено было подогрѣть мясные консервы, взятые въ путь, и напитокъ чай.

Въ сосѣдней кибиткѣ были слышны стоны несчастнаго Миръ-Ахура, растираемаго въ полубезсознательномъ состояніи своимъ вѣрнымъ слугой.

III.

На слѣдующій день снова движеніе по отвратительнымъ тропинкамъ. Миновали пустой кишлакъ Хованъ и послѣ двѣнадцати часовъ непрерывнаго пути по головоломнымъ балконамъ и карнизамъ надъ мощной бурной и полноводной рѣкой, послѣ ежечаснаго развьючиванія и навьючиванія измучившихся коней, падавшихъ вмѣстѣ съ помогающими охотниками, окруженные дикой, но величественной природой, среди рощицъ чернаго клена, боярышника и миндаля, мы добрались наконецъ до кишлака Заммакъ, довольно значительнаго и болѣе богатаго, нежели Хованъ, селенія.

Кромѣ Хована и Заммака, на всемъ протяженіи 16-ти верстъ пути мы видѣли нѣкоторые признаки осѣдлой жизни, въ видѣ часто попадавшихся багарныхъ полей на холмистыхъ отрогахъ горъ, а внизу, по рѣкѣ попадались урюковые ¹⁾ сады и огороды. Каково достались намъ эти шестнадцать верстъ, показываетъ то, что для прохожденія ихъ мы потратили болѣе 12-ти часовъ времени почти непрерывнаго движенія.

Расположились мы въ прибрежномъ урюковомъ саду, позвали черезъ Миръ-Ахура когонибудь изъ жителей; къ намъ тотчасъ же пришли человекъ десять здоровыхъ парней, съ которыми охотники не преминули сойтись на пріятельскую ногу. Купили барана, правда, очень дорого; спросили, увидя поспѣвающія довольно плохого сорта яблоки, почему стоитъ десятокъ ихъ. Парни посовѣтовались и заявили какую-то непомѣрную цѣну. Мы разсмѣялись, они тоже, но на цѣнѣ своей упорно стояли, и сдѣлка не состоялась. За сучки для согрѣванія чая заплатили очень дорого, и вообще все наши торги носили тотъ же характеръ, что и въ кишлакахъ Самаркандской области, съ той лишь разницей, что въ нашихъ, россійскихъ владѣніяхъ мы встрѣчали еще, кромѣ того, злобные взгляды и затаенную злобу, а здѣсь здоровый, добродушный наивный смѣхъ если не друзей, то, по крайней мѣрѣ, людей, ничего дурнаго противъ насъ не имѣющихъ.

Миръ-Ахуръ, хотя и надѣлъ два-три щеголеватыхъ ситцевыхъ халата, но скромно молчалъ и велъ себя, какъ самый застѣнчивый гость, а отнюдь не какъ хозяинъ, какъ онъ не разъ заявлялъ намъ по ту сторону Сія-Куха. Я не преминулъ обратить вниманіе Н. Д. на это обстоятельство.

На утро снова поплелись въ путь. Но едва прошли мы двѣ версты по дну уширившагося ущелья, какъ горы снова, еще съ большой настойчивостью надвинулись на рѣку и загородили намъ дорогу. Въ этомъ мѣстѣ въ Хованъ-Дарью почти подъ прямымъ

¹⁾ Урюкъ—абрикось.

угломъ впадаетъ едва ли не болѣе многоводная, нежели она, рѣка Ша-турутъ, стремительно несущаяся справа по довольно широкой щели. Ша-турутъ можно признать даже за главную рѣку, а Хованъ за ея притокъ по той причинѣ, что первая не только несетъ большее количество воды, но при сліяніи не мѣняетъ своего направленія, а увлекаетъ съ собою и Хованъ на протяженіи болѣе чѣмъ полуверсты, гдѣ уже по сліяніи, сдѣлавъ поворотъ къ югу, начинаетъ бурлить въ узкомъ, темномъ и глубокомъ коридорѣ.

Такъ удачно начавшійся маршъ долженъ былъ остановиться. Дойдя до этого поворота, мы очутились передъ тропой, шириной не болѣе полутора фута, въ отвѣсной стѣнѣ, поднимающейся на самую вершину ея. Лошади не шли, такъ какъ не помѣщались на ней; ихъ развьючили, думая провести порожнякомъ, но и это оказалось невозможно. Проводники, взятые въ Заммакъ, торжественно заявили, что до сихъ поръ ни одна лошадь по этой тропѣ не проходила, и они отказываются итти дальше. Охотники остановились въ нерѣшимости; всѣмъ живо представился весь только что пройденный путь съ его лишеніями. Одинъ изъ проводниковъ незамѣтно скрылся. Къ остальнымъ пришлось приставить часовыхъ. Миръ-Ахуръ сначала что-то кричалъ и шумѣлъ, а потомъ стихъ и апатично глядѣлъ на насъ, выжидая, что мы предпримемъ.

Черномазые пріатели, увидя, что изъ-подъ караула никуда не уйдешь, предложили единственное, по ихъ мнѣнію, средство попытаться переправить лошадей вплавь на правый берегъ, гдѣ какъ видно, шла довольно сносная полоска каменистой отмели. На рѣкѣ былъ островокъ, гдѣ можно было передохнуть.

Я видѣлъ, какъ безпокойно засуетился Н. Д. при этомъ предложеніи, съ какой любовью посмотрѣлъ онъ на своего необычайно любимаго имъ киргиза и наконецъ вопросительно уставился на меня.

— Что жъ, Н. Д.,—сказалъ я,—давайте пробовать что ли, не назадъ же итти въ самомъ дѣлѣ...

Тотъ круто повернулся и крикнулъ:

— Отводи лошадей внизъ, разсѣдывай...

Послали за ишаками въ Заммакъ; посланные вернулись, доложивъ, что жители не даютъ.

— Взять,—скомандовалъ Н. Д.—Подмосковный, передай Миръ-Ахуру, что нужны ишаки, пускай распоряжается, иначе я силой возьму.

Миръ-Ахуръ понялъ, что какъ никакъ, а надо дѣйствовать, и подъ прикрытіемъ четырехъ охотниковъ со старшимъ отправился назадъ въ Заммакъ добывать перевязочныя средства.

Черезъ часъ штукъ восемь ишаковъ были, правда, не безъ брани и нагайки со стороны Миръ-Ахура, доставлены къ отряду.

Рѣшено было выюки перетаскивать на рукахъ и, гдѣ можно,

везти на ишакахъ, и, дѣлая хотя бы по пяти верстѣ въ день, итти впередъ къ Сары-джую.

Вскорѣ лошади были рассчитаны по лучшимъ охотникамъ и подведены къ самому берегу. Началась переправа. Я видѣлъ, какъ мой Ежовъ, подхваченный струей, сползъ съ вороного и поплылъ возлѣ. За нимъ желтѣла спина упрямаго киргиза—«Мальчика», а далѣе среди брызгъ и пѣны ревущей рѣки бились и остальные лошади. Мы не спускали глазъ съ переправы, но вотъ одна за другой стали выбиваться лошади къ берегу; коноводы вылѣзали вслѣдъ за ними. Теперь можно было двигаться и намъ.

Нашъ путь лежалъ подъ отвѣсной скалой, нависшей такъ низко надъ тропой, что приходилось мѣстами сгибаться въ поясищѣ. Миръ-Ахура волокомъ, полумертваго отъ страха, обвязаннаго веревками, протащили раньше всѣхъ вьюковъ; затѣмъ принялись такимъ же способомъ перетаскивать и грузы.

Но это было послѣднее опасное мѣсто на пути къ Сары-джую. Дальше дорога пошла нѣсколько лучше. Мы скоро миновали прелестный кишлакъ Мизотъ, обслѣдовали дальнѣйшее теченіе рѣки, которая приняла уже наименованіе Тупаланга, и снова очутились въ области орѣха и чинаръ.

Было уже около семи часовъ вечера, когда мы взобрались на послѣдній гигантскій контрфорсъ, перегородившій намъ дорогу и заставившій подняться болѣе чѣмъ на 2.000 футовъ надъ Тупалангомъ. Кое-какъ, опасливо косясь на черную пропасть, гдѣ должна была быть рѣка, мы перетащили измученныхъ животныхъ черезъ послѣдній опасный карнизъ и увидѣли подъ ногами темнѣющую долину съ группой садовъ. Это были кишлаки Гиссоракъ и Хардъруи—наше сегодняшнее становище. Отъ нихъ до Сары-джуя было всего лишь 12 верстѣ отличной горной дороги. Всѣ ободрились и неудержимо устремились внизъ, усталости какъ не бывало.

Дойдя до становища, я увидѣлъ Миръ-Ахура, стоящаго съ длинной палкой въ рукахъ и грозно разносящаго толпу собравшихся жителей. Нѣсколько охотниковъ съ помощью самихъ хозяевъ разворачивали глиняный заборъ сада, куда надо было провести лошадей. Согнувшійся отъ усталости Миръ-Ахуръ самъ сталъ тыкать палкою по забору, какъ бы помогая солдатамъ.

— Гостей такъ встрѣчаете, мусульмане... Гости шли, большіе гости шли къ вамъ, а вы чашки холодной воды не вынесли имъ; или, быть можетъ, въ коранѣ не написано этого?.. Гостей самого эмира такъ встрѣчаете,—съ укоризной и не безъ угрозы въ голосѣ твердилъ нашъ дипломатъ. Возлѣ него стояли молчаливые слушатели и, должно быть, думали про себя: чортъ бы тебя побралъ съ твоимъ эмиромъ и съ гостями-то; мы тутъ трудимся, насъ амлякдары обируютъ, а тутъ еще гости... Лошадей по одной вводили черезъ проломъ въ садъ; охотничьи собаки развалились

на самой клеверной площадкѣ. Храмцовъ съ мѣста побѣжалъ къ рѣкѣ мыгъ котель для пищи... Я съ легкимъ сердцемъ, совершенно счастливый, но изнемогая отъ усталости, пыльный и грязный, вошелъ также и повалился на кошму рядомъ съ растянувшимся уже на ней Н. Д.

IV.

Около двѣнадцати часовъ слѣдующаго дня, т.-е. четырнадцатаго іюля, мы были уже въ Сары-джуѣ и, расположившись подъ колоссальнымъ чинаромъ, предавались кейфу. Всѣ заботы и сомнѣнія на время были оставлены, налицо было лишь одно хорошее, радостное.

Встрѣтили насъ, очевидно, благодаря внушенію Миръ-Ахура, съ необычайной торжественностью. Дальновидный дипломатъ еще прямо изъ Хардъ-руи отпросился поѣхать впередъ и, нарядившись снова въ свои пышныя дипломатическія одежды, снова сталъ прежнимъ тонкимъ и богато одѣтымъ Миръ-Ахуромъ, какимъ онъ предсталъ предъ нами въ Самаркандѣ. Только лицо его значительно похудѣло и потемнѣло, да лошадь носила на своемъ крушѣ и ногахъ глубокіе слѣды ранъ и забоинъ. Косоглазый Санхо-Пансо также отправился съ Миръ-Ахуромъ.

Какое-то особенно радостное чувство охватывало всѣхъ насъ при видѣ, какъ съ каждымъ поворотомъ дороги горы становились все ниже и, расплываясь какъ будто куда-то впередъ и внизъ, уступали свое мѣсто яркому ясному голубому горизонту. Съ каждымъ шагомъ, казалось, свѣта въ долинѣ прибывало, картина казалась намъ такою новою. И, странное дѣло, дѣлая теперь по шести верстъ въ часъ по прекрасной дорогѣ, намъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ и Н. Д., казалось, что мы идемъ медленно, и что надо прибавить шагу.

Наконецъ и массивные желтые покатые холмы, загораживавшіе намъ кругозоръ, окончательно разступились, и мы увидѣли Сары-джуй и часть давно желанной Гиссарской долины. Передъ нами, рѣя въ утреннемъ яркомъ свѣтѣ, стоялъ четырехугольникъ стѣнъ зданій и башенъ бухарскаго городка, точь въ точь, какъ часто изображаютъ въ дѣтскихъ книжкахъ типы палестинскихъ городовъ временъ Іисуса Христа. Ярко-красная глина, изъ которой были построены и крѣпость и городъ, положительно блестяла на солнцѣ, придавая какой-то особенный колоритъ всей картинѣ.

Охотники были въ восторгѣ, слышался говоръ и смѣхъ; даже обыкновенно очень сдержанный Н. Д. при видѣ раскинувшагося города всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Вотъ такъ доходились, нечего сказать, попали прямо въ Палестину!

Не доходя версты двухъ отъ вѣзда въ зеленѣющіе передъ гор-
 родкомъ сады, насъ встрѣтила разодѣтая пестрая, блестящая на
 яркомъ солнцѣ серебромъ своихъ поясовъ и шапекъ, толпа во
 главѣ съ самимъ амлякдаромъ. При видѣ красивыхъ лицъ, чисто
 и щегольски одѣтыхъ всадниковъ, на прекрасныхъ выхолненныхъ
 лошадяхъ, мы почувствовали себя и грязными и неодѣтыми. Ко-
 манда построилась справа рядами, чтобы не ударить въ грязь.
 Амлякдаръ ловко соскочилъ съ сѣдла и, прижимая руки на жи-
 вотѣ въ знакъ уваженія, съ ужимками, даже застѣнчиво подошелъ
 къ намъ. За нимъ поспрыгивали съ коней и остальные. При по-
 мощи Подмосковнаго, почему-то вдругъ оробѣвшаго, послѣдовало
 чинное знакомство. Н. Д. и я совали свои загорѣлыя руки сна-
 чала въ холенныя бѣлыя аристократическія руки амлякдара и его
 чиновниковъ, а потомъ, въ порядкѣ постепенности, ладони, хва-
 тавшія наши руки, становились все темнѣй и грубѣй, и самая
 послѣдняя была уже положительно грязная и жозолистая, а у
 владѣтеля ея за поясомъ виднѣлась нагайка и «арканъ» (веревка).
 Миръ-Ахура въ толпѣ не было, что не ускользнуло отъ опытнаго
 глаза Н. Д., который спросилъ, гдѣ тотъ.

— Миръ-Ахуръ дома, онъ занятъ приготовленіями по приѣму
 на мѣстѣ такихъ почетныхъ гостей,—залепеталъ подобострастно
 амлякдаръ, хитро сверкнувшій глазами и понявшій, что нарушение
 восточнаго этикета со стороны Миръ-Ахура не прошло незамѣ-
 ченнымъ ¹⁾.

Мы двинулись далѣе; за нами, ковыляя такъ же, какъ и мы,
 пѣшкомъ, поползъ амлякдаръ съ видомъ самаго полнаго отчаянія
 по поводу того, что ему, никогда не ходившему пѣшкомъ, при-
 дется пройти цѣлыхъ двѣ версты. За нимъ потянулись пѣшкомъ
 и его слуги. Я замѣтилъ это Н. Д., и мы, не желая мучить такъ
 внимательно принявшихъ насъ хозяевъ, принуждены были сами
 сѣсть верхомъ и такъ вѣхали въ Сары-джуи.

Послѣ долгаго скитанія по горнымъ трупобамъ, приѣмъ, ока-
 занный намъ въ Сары-джуѣ, поразилъ насъ своею пышностью.

¹⁾ Въ Бухарѣ соблюденіе этикета является особой наукой, знаніе которой
 является, пожалуй, исключительно необходимымъ. При этомъ, благодаря обычной
 чрезвычайной дерзости бухарскихъ властей, ловко прикрываемой утонченной
 приниженностью, мы, русскіе, вначалѣ всегда становимся орудіемъ какихъ ни-
 будь низкихъ продѣлокъ со стороны бухарскихъ чиновниковъ исключительно
 потому, что по нашему русскому благодіюшю упускаемъ и не считаемъ суще-
 ственнымъ совершенно возстановить нарушаемый этикетъ. Толпа даже самаго
 заходустнаго горнаго аула Бухары до того воспитана въ этомъ этикетѣ, что
 замѣчаетъ малѣйшія тонкости въ его измѣненіи и уже дѣйствуетъ сообразно
 своему пониманію въ такихъ случаяхъ, часто далеко не въ нашу пользу. Мнѣ
 самому не разъ приходилось потомъ испытывать служебныя недоразумѣнія,
 родившіяся исключительно на почвѣ взгляда сквозь пальцы на невинное, пови-
 димому, нарушение бухарскими чиновниками ихъ вѣдѣнаго этикета.

Намъ отвели часть дома амлякдара съ садомъ, на самомъ берегу Тупаланга, т.-е., вѣрнѣе, съ обширной чистой площадкой, обнесенной деревянной рѣшеткой, въ одной сторонѣ которой росъ колоссальный вѣковой чинаръ. Подъ этимъ чинаромъ были поставлены намъ столы, покрытые бѣлою невытою скатертью и установленные сплошь всякаго рода туземными яствами. Тутъ были и фисташки и всякаго рода орѣхи, миндаль, урюковыя косточки, жаренныя въ соли, халва, пастилы и конфеты, приготовленныя на бараньемъ салѣ; были разнаго рода и вкуса лепешки, стояли тарелки съ гранатами, разрѣзанныя по туземному этикету великолѣпныя дыни и пр., и главнымъ образомъ стояло съ одной стороны стола нѣсколько головъ сахара и лежало въ бумагѣ фунта два зеленого («кокъ») чая. Это былъ извѣстный во всемъ Туркестанѣ «достарханъ», т.-е. подношеніе гостямъ, которое по обычаю должно завязываться въ скатерть и забираться гостями, какъ непремѣнный подарокъ.

Прифранченный Миръ-Ахуръ, торжествующій и довольный, стоялъ у столовъ и съ поклономъ привѣтствовалъ насъ. Команда тутъ же, на этой же площадкѣ, но по другую сторону чинара расположилась на отдыхъ, людямъ варился обѣдъ и чай.

Подали чай, и мы съ жадностью стали утолять имъ жажду. Затѣмъ, когда мы немного такимъ образомъ отдохнули, къ намъ явился Миръ-Ахуръ съ амлякдаромъ и въ длинной тонкой дипломатичной рѣчи освѣдомились, какъ намъ чувствовалось въ пути, и довольны ли мы встрѣчей.

— Объ этомъ въ подробностяхъ расскажетъ Миръ-Ахуръ, — смѣясь сказалъ по-сартовски Н. Д. При этихъ словахъ лицо старика сдѣлало страшную гримасу, какъ то слѣдовало по этикету; при томъ, и на самомъ дѣлѣ Миръ-Ахуръ до того измучился за дорогу, что глаза у него ввалились, и воспоминаніе о путешествіи по горамъ врядъ ли могло вызвать у него веселыя воспоминанія. Царедворецъ, забравъ въ легкія побольше воздуху, заговорилъ пѣвучимъ голосомъ, то повышая, то понижая его, сообразно съ изложеніемъ событій; при этомъ, когда глаза Миръ-Ахура начинали блестятъ испугомъ, лицо амлякдара пріобрѣтало то же выраженіе и, какъ зеркало, отражало въ себѣ все то, что было написано на лицѣ рассказчика. Тѣмъ не менѣе, какъ рассказчикъ, такъ и его слушатель не забывали взглядывать и на насъ, желая видѣть, какое впечатлѣніе вынесли мы изъ всей этой сцены.

— Ахъ, лицемѣры, — полушепотомъ говорилъ мнѣ, по своему обычаю крутя глазами, Н. Д., — вѣдь одинъ фокусникъ вретъ и вѣрять въ то, что вретъ, а другой знаетъ, что слушаетъ чистѣйшій вымыселъ, дѣлаетъ видъ, что это такъ интересно, и придумываетъ, что бы еще вставить въ эту ложь, когда уже онъ будетъ ее передавать своимъ женамъ и пріятелямъ...

Послѣдовали уговоры насъ остаться здѣсь погостить недѣлю, двѣ, и на нашъ отказъ и слова, что намъ надо торопиться, и что поэтому мы не можемъ воспользоваться такой любезностью, намъ отвѣчали покачиваніемъ головы въ знакъ сожалѣнія и кроткимъ, почти голубинымъ наклоненіемъ головы.

Наконецъ, хозяинъ, замѣтивъ, что онъ не смѣетъ своимъ присутствіемъ болѣе мѣшать дорогимъ гостямъ, какъ говорится, благородно ретировался вмѣстѣ съ Миръ-Ахуромъ во второй дворъ своего помѣстья, а мы тотчасъ же попросту спустились къ рѣкѣ, разлившейся здѣсь на три рукава, и начали совершать свой туалетъ.

Городъ Сары-Джуй, если бы въ немъ не было старой полу-разрушенной крѣпости и не сидѣлъ амлякдаръ, никоимъ образомъ не могъ бы почестся городомъ. Выгодно расположенный въ низовьяхъ Тупаланга въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды этой рѣки расходятся по цѣлой серіи арыковъ, онъ насчитываетъ всего лишь до 100 дворовъ; есть въ немъ убогій даже для Гиссарскаго края базаръ; прекрасные, какъ и вездѣ въ Гиссарѣ, сады—и болѣе ничего. Былая роль Сары-Джуя—запирать ущелья Тупаланга, а настоящая—быть дѣлителемъ водъ рѣки.

Сопоставляя всѣ данныя, собранныя за трудный семидневный путь, становится яснымъ, что многоводный Шинкъ и не менѣе многоводная Тупалангъ-Дарья никогда не служили тѣми нитями, придерживаясь которыхъ шли дороги, связывающія двѣ богатя долины—Зеравшанскую и Гиссарскую. Существованіе же совершенно бѣлаго мѣста на нашихъ картахъ тамъ, гдѣ долженъ быть бассейнъ Тупаланга, и то обстоятельство, что весь этотъ обширный районъ до сихъ поръ не былъ ни разу пересѣченъ изслѣдователями, можно объяснить исключительно недоступностью горъ и, въ сущности, полнымъ отсутствіемъ дорогъ. На всемъ своемъ протяженіи въ самомъ кряжѣ Гиссаровскаго хребта въ 70 верстѣ Тупалангъ, принимая въ себя четыре значительныхъ притока и цѣлую серію небольшихъ ручейковъ, течетъ въ такомъ узкомъ и глубокомъ ущельѣ, которое не допускаетъ даже возможности бѣднякамъ-туземцамъ построить свои хижины на его берегахъ, а заставляетъ, въ большинствѣ случаевъ, ютиться небольшими общинами значительно выше. Даже вьючной ишачной тропѣ иногда нѣтъ мѣста въ ущельѣ, и она принуждена мѣстами значительно отходить отъ него въ сторону. Понятно, почему отъ самаго Шинка до Сары-Джуя мы не встрѣтили никакихъ слѣдовъ былой культуры; даже не напали на развалины хотя бы одного изъ многочисленныхъ во всемъ краѣ дорожныхъ сооруженій добраго генія былой Бухары, Абдуллахъ-хана. Значитъ, даже этотъ настойчивый и терпѣливый радѣтель о путяхъ сообщенія не счелъ возможнымъ бороться съ природой съ цѣлью соединить здѣсь, по Тупалангу, дорогой Гис-

сарь съ Самаркандомъ, а повелъ ее кружнымъ путемъ черезъ Сангъ-гардакъ и Кешъ (Шаршаузъ).

Дорого и намъ достался этотъ путь. Двѣ лошади сторяча кое-какъ дошли отъ Хардъ-руи до Сары-Джуя, но тутъ оказалось, что у одной изъ нихъ переломленъ выше крестца хребеть, а другая, израненная и изнуренная, лежала теперь, не подавая никакой надежды. Особенно жалко было первую, хорошаго когда-то рыжаго жеребца. Несчастное животное, съ громадными усилиями поднятое на ноги, едва стояло и стремилось всѣми силами удержать валившійся то въ одну, то въ другую сторону задъ. Утромъ 15-го обѣихъ пришлось отдать на попеченіе любезному амлякдару, который вскорѣ сообщилъ намъ послѣ нашего выступленія, что оба коня сдохли черезъ два дня послѣ нашего ухода, и спрашивалъ, какъ поступить съ ихъ шкурами.

Остальныя лошади хотя и были пригодны для дальнѣйшей службы, но требовали немедленнаго отдыха и лѣченія ранъ и паразитовъ. Обувь нижнихъ чиновъ требовала особеннаго ухода; большая половина сапогъ была или окончательно негодна къ употребленію или при носкѣ приносила немалыя страданія охотникамъ. Ни кавказскіе порпины, очевидно, рассчитанные на меньшую жару, ни наши форменныя солдатскіе сапоги окончательно не годились для похода въ горахъ Туркестана. Одежда порвалась и требовала серьезной починки.

Осмотрѣвъ все подробно, мы стали раздумывать, остаться ли въ Сары-Джуѣ на отдыхъ или сдѣлать еще два перехода около 70 верстъ до Каратага. Рѣшено было идти въ Каратагъ и тамъ уже отдохнуть дня три и привести матеріальную часть въ порядокъ. Основаніемъ такому рѣшенію послужило то обстоятельство, что въ Каратагъ въ настоящее время находился самъ Кушъ-беги, переѣхавшій туда изъ Гиссара на дачу, и при томъ этотъ городъ являлся самымъ крупнымъ центромъ всей долины, гдѣ можно было достать столь желанныя нами «мукки».

На утро выступленіе. Хлѣбосольный хозяинъ вмѣстѣ съ Миръ-Ахуромъ и слышать ничего не хотѣли о какой либо платѣ за все, что взято было для команды и лошадей.

— Намъ братъ не велѣно, вы — гости эмира; эмиръ уже распорядился заплатить тѣмъ, у кого взять для команды и ячмень, и клеверъ, и хлѣбъ, и все. Мы братъ не смѣемъ, — твердилъ амлякдаръ. Вторя ему и вступивъ наконецъ въ давно желанныя права главнаго распорядителя и герольда, Миръ-Ахуръ волновался еще болѣе и, потрясая тоненькой, сложенной въ плоскую палочку бумажкой, утверждалъ, что въ Бухарѣ вездѣ порядки такіе, и что заплатить за что либо гость можетъ только, будучи чѣмъ либо особенно недоволенъ, чѣмъ, конечно, поставить хозяевъ въ необходимость довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства.

Мы не смѣли больше настаивать и ограничились тѣмъ, что одарили, какъ могли, прислугу амлякдара, да дали милостыню нищимъ. Впослѣдствіи мы дѣйствительно убѣдились въ справедливости словъ Миръ-Ахура, равно какъ и въ магическомъ дѣйствіи его сложенной въ плоскую палочку бумажки, которую онъ вынималъ изъ-за пазухи тщательно свернутою; онъ горделиво показывалъ всякаго рода сановникамъ имѣющуюся на ней таинственную печать.

Теперь же Миръ-Ахуръ, все еще съ подведенными, несмотря на отдыхъ въ Сары-Джуѣ, глазами, торжественно ѣхалъ передъ нами въ какомъ-то невиданномъ еще ни мной, ни Н. Д. красивомъ шелковомъ халатѣ.

— Уже получилъ первую мзду, — усмѣхнулся Н. Д., по обыкновенію поведя глазами въ сторону нашего дипломата.

Косоглазый слуга его ѣхалъ тоже какъ будто въ новомъ туалетѣ. Значить, триумфъ нашихъ друзей уже начался.

Мы вступили въ плодородную Гиссарскую долину. Еще восемь часовъ утра, а солнце уже жжетъ изрядно. Впереди разстилается широкая невиданная нами долина, на востокъ сливающаяся съ горизонтомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ небо изъ густо синяго и голубого становится почти молочно-бѣлымъ. Впереди и вправо виднѣются группы пышныхъ киплящихъ садовъ, разбросанныя по всей ширинѣ долины и постепенно убѣгающія вдаль подъ самую подошву хребта Баба-тагъ, едва показывающагося изъ общей синевы неба. Тупалангъ со своей дивной чистой водой ушла почти прямо на югъ къ городку Сары-Ассія. Мы идемъ холмами, обѣжавшими съ Гиссарскаго края, лѣвой стороною долины. Все такъ невиданно и ново: и низкіе домики уже не съ плоскими, какъ во всемъ Туркестанѣ, глиняными крышами, а съ стропильными кровлями, напоминающими нашу далекую Русь, крытыми камышомъ и кугой¹⁾ и обмазанными глиной же; и дивные сады, наполненные гранатами и смоквой или великолѣпными орѣхами и виноградомъ, который культивируется здѣсь не такъ, какъ въ Самаркандской области — низкими кустами, а переплетаетъ своими лозами и кровли домовъ, и дувалы, и стволы, и вѣтви деревьевъ. Бахчи съ дынями и арбузами окаймляютъ сады; гигантскія тыквы рдѣютъ на солнцѣ, переѣшивая свою зелень съ зеленью винограда. Хлѣбъ, уже снятый, стоитъ сложенный кучами на обширныхъ, исчезающихъ на горизонтѣ поляхъ, почему общій тонъ долины уже является желтымъ; но подъ самымъ Баба-тагомъ во всю долину видимой нами долины протянулась ярко зеленая лента заливныхъ полей и камышей Каратагъ-Дарьи, стремящейся слиться съ Тупалангомъ и добѣжать до Аму. Встрѣчающіеся на дорогѣ жители также зна-

¹⁾ Особый родъ тростника.

чительно отличаются отъ видѣнныхъ ранѣе. Способъ повязки чалмы нѣсколько иной; у всѣхъ верхніе халаты изъ темной шерстяной самодѣльной сермяги, на ногахъ мукки, на которыя мы посматриваемъ съ завистью. Открытыя красивыя лица съ густыми черными бородами, смуглый цвѣтъ кожи изобличаютъ въ нихъ настоящихъ горныхъ таджиковъ. Плоскошейныя, часто двухцвѣтныя лошади славящейся въ краѣ Гиссарской породы, съ острыми холками, плоско-широкими, скакового типа, ногами съ длинными щетками подъ бабкой попадаютъ на каждомъ шагу. По широкой вьющейся черезъ холмы и саян дорогѣ ползутъ волы, запряженные въ самаго примитивнаго устройства сани съ широчайшими полозьями, грубо скрѣпленными между собой поперечинами, къ которымъ мочальными вицами привязано дышло. Арбы нѣтъ и помину, а, значитъ, нѣтъ и арбныхъ дорогъ. Встрѣчные путники добродушно приветствуютъ насъ и долго смотрятъ намъ вслѣдъ, очевидно впервые видя русскаго солдата въ бѣлой рубахѣ и бѣлыхъ же широкихъ шароварахъ.

Жара становится все сильнѣе и сильнѣе. Всѣ ручки, бѣгущія по многочисленнымъ саямъ среди желтыхъ уваловъ, сухи; каждый изъ насъ радъ остановкѣ на обычныя пять минутъ подъ тѣнью деревъ встрѣчающихся по пути кишлаковъ. Н. Д. и я идемъ пѣшкомъ и по очереди ведемъ съемку, удивляя этимъ Миръ-Ахура и его спутника, даннаго намъ сары-джуйскимъ амлякдаромъ въ проводники, красиваго молодого таджика. Ежовъ попрежнему ведетъ моего вороного, на котораго я иногда взглядываю съ необычайнымъ желаніемъ сѣсть. Но стойкость сухощаваго Н. Д. останавливаетъ меня отъ этого позорнаго намѣренія, при томъ снова настаетъ очередь съемки. Правда, мелькомъ я поймалъ и у Н. Д. такой же выразительный взглядъ, обращенный къ его «Мальчику», но все же мы пошли пѣшкомъ, подавая примѣръ командѣ.

Около 4 часовъ дня мы были уже на мѣстѣ ночлега въ кишлакѣ Чертакѣ (Четтакѣ), отстоящемъ въ двухъ верстахъ отъ городка Регаръ, бывшаго когда-то сильной Гиссарской крѣпостью, остатки которой красиво выдѣлялись изъ густыхъ шапокъ зелени окружающихъ его садовъ.

Не обошлось, конечно, безъ обычной торжественной встрѣчи съ достарханомъ, при чемъ въ помѣщеніи, гдѣ онъ былъ устроенъ, насъ встрѣтили наши сары-джуйскіе знакомцы—два колченогихъ вѣнскихъ стула и нѣсколько эмальированныхъ тарелокъ. Оказалось, эти плоды цивилизаціи сопровождали насъ незамѣтно, конечно, отъ самаго Сары-Джуя.

По своему радушію и пышности приемъ въ Чертакѣ превзошелъ первый. Вслѣдствіе этого охотники поголовно обѣлись; за нашими молодцами пришлось учредить строгій надзоръ, такъ какъ россійское обыкновеніе съѣдать все, что ни подадутъ, дочиста болѣе, чѣмъ гдѣ либо, практиковалось здѣсь солдатами.

Тонкость обращенія чертакскихъ чиновниковъ дошла до того, что былъ немедленно посланъ нарочный въ Каратагъ къ Кушъ-беги съ нашимъ привѣтомъ по его адресу, выраженнымъ во время обѣда церемоніальными любезностями съ управителемъ Чертака.

А на слѣдующій день около часа мы подъѣзжали уже къ столицѣ края, окруженные пышной кавалькадой бековскихъ чиновниковъ, блиставшихъ на солнцѣ своими причудливыми халатами и серебрянымъ убранствомъ холеныхъ породистыхъ коней. Мы чувствовали себя прескверно въ этой богатой толпѣ, но гордо, по этикету держали свои головы, стараясь забыть, что наши чембары во многихъ мѣстахъ носили уже слѣды солдатской иглы, и кителя были не первой свѣжести.

По довольно солидному мосту обычной для всего края системы, на которомъ были поставлены четыре преуморительныхъ бухарскихъ солдата, мы въѣхали въ городъ, поразившій насъ своими кривыми узкими улицами.

День былъ базарный, и потому густая толпа разношерстной публики съ любопытствомъ слѣдовала за нами. Изъ кузницъ и желѣзныхъ лавокъ несся стукъ молотовъ и шумъ колесъ и обдавало жаромъ и мелкою угольною пылью. Здѣсь, въ этихъ лавкахъ должны выдѣлываться знаменитые во всей Бухарѣ гиссарскіе клинки и ножи. Въ разношерстной толпѣ видны были несуразные однобортные мундиры бухарскихъ солдатъ, которыхъ насчитывается во всей столицѣ края всего лишь 50 человекъ; нѣсколько индѣйцевъ высунули свои красивыя головы изъ-за дверей мѣняльной лавки, шли женщины, бѣгали ребятишки.

Вскорѣ мы свернули въ какой-то очень узкій переулокъ и неожиданно попали въ чистый и широкій дворъ. Насъ почтительно, «какъ архіереевъ», сняли съ сѣдла наши расшитые золотомъ и серебромъ путники и повели въ слѣдующій дворъ, гдѣ наконецъ ввели въ приготовленное для насъ помѣщеніе. Войдя туда, я увидѣлъ четыре расположенныя одна за другою комнаты; первая двѣ были пусты, а двѣ послѣднія обиты сплошь краснымъ кумачемъ: и стѣны, и полъ, и потолокъ. Чистота была поразительная, особенно въ сравненіи съ нашими сапогами и кителями. Въ каждой комнатѣ было поставлено по сартовской кровати съ массой шелковыхъ одѣялъ и мутакъ, а въ моей, такъ сказать, комнатѣ, во всю ея двѣнадцати-аршинную длину, стоялъ столъ, покрытый бѣлой немытой скатертью, сплошь уставленный туземными яствами, орѣхами и русскаго производства леденцами.

Мы не успѣли умыться, какъ вошли къ намъ бековскіе сановники съ фразами, уже знакомыми намъ. На этотъ разъ депутація эта была не просто актомъ вѣжливости, но носила еще въ себѣ и нѣчто политическое. Дѣло въ томъ, что кто-то изъ чиновниковъ Кушъ-беги замѣтилъ, должно быть, что мы въ пути звали

Кушъ-беги попросту бекомъ, въ наивности своей полагая, что по существу это вѣдь все равно. Поэтому, когда вся толпа чиновниковъ постепенно удалась, къ намъ вошелъ этотъ юный сынъ хозяина и началъ рассказывать о Кушъ-беги, Каратагъ, чиновникахъ, окружающихъ его высокостепенство.

— Они боятся, чтобы мы завтра во время визита не назвали Кушъ-беги бекомъ,—замѣтилъ мнѣ Н. Д., понявшій цѣль этого посѣщенія. Тѣмъ не менѣе словоохотливый и симпатичный юноша поразказалъ намъ много интереснаго про край, и мы пригласили его къ себѣ зайти вечеромъ, а сами, отговорившись усталостью и необходимостью различныхъ распоряженій, постарались освободить его отъ его миссиіи возможно скорѣе.

Вечеромъ пришелъ къ намъ нашъ новый молодой знакомецъ, и мы съ удовольствіемъ пробесѣдовали съ нимъ до девяти часовъ. Онъ оказался сыномъ перваго помощника Кушъ-беги по управленію краемъ и звали его Ширъ-али, (карауль-беги ¹⁾); имя же его отца и нашего хозяина было: Риджабъ-Али, эшинъ-аго-баши. Охотно отвѣчая на наши вопросы, онъ сообщилъ намъ, что Кушъ-беги вотъ уже девятый годъ управляетъ обширнымъ вѣреннѣмъ ему эмиромъ краемъ, что онъ очень любитъ русскихъ и все русское (тутъ голосъ собесѣдника сдѣлался тише) и видитъ спасеніе всей Бухары въ одномъ лишь тѣсномъ общеніи съ русскими; иначе, закончилъ онъ, Гиссарскій край навѣрное будутъ разорять своими набѣгами афганцы, которые совершили послѣдній набѣгъ не далѣе, какъ въ 1885 году.

Каратагъ зимою пустѣетъ, такъ какъ, представляя собою лишь лѣтнюю резиденцію Гиссарскаго Кушъ-беги, онъ не имѣетъ почти своихъ, такъ сказать, жителей. Всѣ ремесленники и купцы, не говоря уже про чиновничій классъ, переселяются вслѣдъ за Кушъ-беги въ Гиссаръ, считающійся административнымъ центромъ страны. Въ свою очередь этотъ послѣдній пустъ лѣтомъ такъ же, какъ Каратагъ зимой. Страшныя лихорадки заставляють бѣжать на лѣто изъ Гиссара всѣхъ, кто можетъ это сдѣлать, и городъ, расположенный на самой низинѣ при слияніи рѣкъ Кафирнигана и Ханака-су, заброшенный въ самую чащу исполинской травяной растительности, представляетъ собою заброшенное гнѣздо съ необычайно сырымъ, тепличнымъ климатомъ.

Въ Каратагъ, какъ оказалось, вотъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ почтенный энтомологъ Вильдбергъ, собирающій коллекціи насекомыхъ и отправляющій ихъ черезъ Бухару за границу. Какъ можетъ образованный европеецъ цѣлые годы проводить одинъ среди совершенно непонимающихъ его и его работы мусульманъ, поло-

¹⁾ Карауль-беги—чинъ, въ родѣ нашего штабсъ-капитана; это—первый чинъ, который дается эмиромъ.

жительно удивительно. По словамъ нашего молодого хозяина, Вильдбергъ человекъ—«дивона» (рехнувшійся), собираетъ какихъ-то жучковъ, ходитъ по окрестностямъ, кишлакамъ, ловить рыбъ и даже змѣй; научился хорошо говорить по-таджикски, со всѣми дружить и живетъ себѣ скромно въ своей хижинѣ.

На другой день, семнадцатаго, около одиннадцати часовъ дня Н. Д. и я отправились съ визитомъ къ Кушъ-беги. Долго мы ломали голову, какъ бы почище одѣться изъ того запаса платья, какой взяли мы съ собой, и наконецъ надѣли чистые кителя, серебряные шарфы, чембары (красныя кожаныя шаровары) и двинулись. Несмотря на то, что домъ Кушъ-беги былъ рядомъ, этикетъ требовалъ, чтобы мы ѣхали верхомъ; пришлось осѣдлать нашихъ коней; взяли съ собой, въ видѣ провожатыхъ, двухъ охотниковъ и третьяго Подмосковнаго, какъ переводчика. Миръ-Ахуръ, разумѣется, ѣхалъ съ нами и видимо волновался; его великолѣпный халатъ какъ-то особенно блестялъ на солнцѣ.

Едва выѣхали мы на улицу, какъ завизжали флейты и забили барабаны бухарской полуроты, выстроенной въ одну шеренгу въ видѣ почетнаго караула у казармы. Впереди всѣхъ стоялъ офицеръ, держа въ правой рукѣ опущенную пашку, а лѣвой отдавая честь подъ козырекъ. На правомъ флангѣ стоялъ ясауль¹⁾ съ палкою въ рукахъ. Солдаты были одѣты въ круглыя маленькія барашковыя шапки, однобортные мундиры съ красными воротниками и красныя чембары. На ногахъ были обычнаго типа сартовскіе сапоги съ неимоверно высокими каблуками, отчего всѣ воины принуждены стоять съ полусогнутыми колѣнями. Ружья или курковые пистонныя или же кремневыя старинныхъ русскихъ системъ. На погонахъ было грубо намалевано желтой краской что-то въ родѣ 9 Б., т.-е. девятый бухарскій батальонъ.

Мы въ свою очередь взяли подъ козырекъ; бухарскій офицеръ сунулъ намъ свою руку; мы пожали ее и проѣхали далѣе къ воротамъ покоевъ Кушъ-беги. Здѣсь былъ устроенъ навѣсъ, подъ которымъ стояли 5 мѣдныхъ четырехъ-фунтовыхъ, вѣроятно, конныхъ, пушекъ на полусгнившихъ лафетахъ и колесахъ. Возлѣ нихъ стоялъ часовой съ пашкой. Рядомъ находилось караульное помѣщеніе и казарма для солдатъ. Подхваченные десяткомъ рукъ, мы слѣзли съ коней и двинулись, предшествуемые двумя ясауль-башами, введшими насъ во внутренній удивительно чистый мощный дворъ, съ трехъ сторонъ котораго тянулась открытая терраса. Слева подъ расшитымъ бухарскимъ тентомъ стояла пестрая толпа придворныхъ, отвѣсившая намъ обычные куддуи (поклоны); мы взяли подъ козырекъ. Миръ-Ахуръ и ясауль-баши двинулись дальше въ двери высокаго одноэтажнаго дома. Мы вошли и очутились

¹⁾ Что-то въ родѣ тамбуръ-мажора былыхъ временъ.

лицомъ къ лицу съ Кушъ-беги. Это былъ благообразный, бодрый старецъ съ умными, немного слезящимися глазами; блѣдное и худое лицо его обрамлялось негустой сѣдой бородою. На Кушъ-беги былъ сѣрый шелковый, словно стальной халатъ, дивной бѣлизны чалма, и на лѣвой сторонѣ груди сіялъ великолѣпный бриллиантовый вензель, котораго я никакъ не могъ разобрать. Почтенный старецъ подошелъ къ намъ и, дружелюбно взявъ насъ за руки, поздоровался и повелъ за столъ, обильно уставленный достарханомъ. Посадивъ насъ по обѣ стороны себя, а Миръ-Ахура противъ и немного сбоку, какъ лицо второстепенное, онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій, приказавъ подать чаю, началъ просто, безъ особаго этикета, справляться о томъ, какъ мы совершили нашъ путь. Оробѣвшій Подмосковный переводилъ не совсѣмъ спокойно, и Н. Д. долженъ былъ ему замѣтить, чтобы тотъ слушалъ внимательно. Кушъ-беги улыбнулся, оказалось впоследствии, что онъ порядочно понимаетъ по-русски, и только этикетъ не позволялъ ему говорить не по-персидски. Къ счастью, мы не сдѣлали промаха въ смыслѣ свободы изъясненія на своемъ родномъ діалектѣ.

— Слышалъ я, что вы прошли черезъ Сія-Кухъ и вдоль Тупалангъ-Дарьи; этотъ путь у насъ считается совершенно непроходимымъ; даже не всѣ пастухи рискуютъ ходить тамъ. Какъ же вы прошли съ лошадьми?

— Съ большимъ трудомъ; мы потеряли двѣ лошади изъ восьми,— отвѣтилъ Н. Д.,—благодаря заботамъ Миръ-Ахура, мы имѣли все, что только можно было достать въ той странѣ.

Миръ-Ахуръ подпрыгнулъ отъ восторга и, даже и сидя, дѣлая кулдуки, что-то съ жаромъ заговорилъ по-персидски.

— Ваше благородіе, Миръ-Ахуръ говоритъ,—перевелъ Подмосковный,—что мы перетаскивали его самого и лошадей на какихъ-то машинахъ; говоритъ, будто у насъ есть такіе крючья съ колесами, съ которыми можно перейти черезъ любую скалу.

Мы улыбнулись; я посмотрѣлъ на Кушъ-беги. Его лицо выражало собою олицетвореніе вниманія; одинъ лишь взглядъ, брошенный имъ на немогшаго скрыть улыбку Подмосковнаго, былъ какъ будто бы не безъ признаковъ недовѣрія.

— Куда же вы теперь держите путь, если это не составляетъ вашей тайны?—спросилъ сановникъ.

— Мы думаемъ соединиться съ войсками Памирскаго отряда черезъ Рошанъ,—отвѣтилъ Н. Д.,—отъ друзей у насъ секретовъ нѣтъ, и наоборотъ намъ очень пріятно, что его высокостепенство такъ участливо спрашиваетъ насъ объ этомъ.

— Да, это путь далекій,—подумавъ сказалъ тотъ.—Я давно не получалъ изъ Дарваза свѣдѣній о ходѣ дѣлъ на Памирахъ, но кажется, что Рошанъ занятъ войсками афганцевъ.

Кушъ-беги сдѣлалъ знакъ кому-то, по которому вошелъ его помощникъ и нашъ хозяинъ Риджабъ-Али. Они поговорили что-то между собою, и вошедшій снова удалился въ сосѣдную комнату.

— Да,—обратился къ намъ Кушъ-беги,—врядъ ли вамъ удастся легко сдѣлать это движеніе; вѣдь, кромѣ горъ и дурныхъ дорогъ, тамъ вамъ будутъ мѣшать афганцы. Вы черезъ какіе пункты хотите идти?

— Черезъ Калаи-Хумбъ и Ташъ-Курганъ.

— Не знаю, кажется, Ташъ-Курганъ занятъ афганцами; я слышалъ, будто ихъ войска въ большомъ числѣ стягиваются въ Рощанъ.

Мы переглянулись съ Н. Д. Слова правителя всей восточной половины ханства, очевидно, были сказаны не на вѣтеръ.

— Во всякомъ случаѣ, все, что надо и что можно, я прикажу вамъ приготовить. Я дамъ вамъ въ провозатые двухъ надежныхъ чиновниковъ, которые доставятъ васъ и вашу команду до Калаи-Хумба, а тамъ вамъ видно будетъ самимъ, что дѣлать. Бекъ дарвазскій, конечно, поможетъ вамъ и людьми, и средствами, объ этомъ я уже сдѣлалъ распоряженіе.

Мы поблагодарили. Бесѣда затянулась болѣе, чѣмъ на полчаса. Кушъ-беги такъ внимательно и сердечно разспрашивалъ насъ обо всемъ, и я, и Н. Д. въ душѣ вполнѣ согласились съ тѣмъ, что этотъ недюжинный бухарскій сановникъ, не разъ побывавшій и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дѣйствительно есть нашъ искренній другъ и сторонникъ.

Едва вернулись мы къ себѣ, какъ къ намъ прибылъ съ отвѣтнымъ визитомъ отъ имени Кушъ-беги Риджабъ-Али. Онъ, какъ оказалось, является правою рукою Кушъ-беги, побывалъ съ нимъ въ свитѣ эмира въ Петербургѣ и потому представляетъ собою также пріятное исключеніе средѹ крупныхъ чиновниковъ Гиссарскаго края. Съ удовольствіемъ пустился нашъ хозяинъ въ рассказы о Петербургѣ, балетѣ и оперѣ; съ увлеченіемъ вспоминалъ, какъ свитѣ эмира показывали въ Кронштадтѣ стрѣльбу изъ береговыхъ орудій, при чемъ не безъ курьеза говорилъ, какъ всѣ они, при громѣ орудійныхъ залповъ, думали, что оглохнутъ, и съ удовольствіемъ поспѣшили поскорѣй уѣхать обратно въ Петербургъ.

Принесли на нѣсколькихъ подносахъ отъ Кушъ-беги подарки для нижнихъ чиновъ, въ видѣ чая, сахара и леденцовъ. Отказаться было невозможно; мы просили передать Кушъ-беги свою благодарность. Весь этотъ день прошелъ въ визитахъ и официальныхъ разговорахъ. Любезность хозяина дошла до того, что онъ приставилъ къ намъ своего сына, юнаго караулъ-беги, который почелъ своей обязанностью отгонять туземнымъ вѣеромъ налетѣвшихъ на достарханъ громаднхъ шершней. При этомъ молодой человекъ, чтобы показать, должно быть, свои симпатіи ко всему русскому,

при каждомъ ударѣ по насѣжкомому произносилъ отборнѣйшія русскія ругательства. Мы какъ ни просили его и его отца не утрудить себя такой работой, но тѣ и слышать не хотѣли; такъ юноша до поздняго вечера и упражнялся въ своемъ знаніи російской уличной литературы. Повидимому, онъ не понималъ, что говорилъ, такъ какъ наряду съ такими фразами у него тѣмъ же тономъ прорывались: «очень благодаренъ», «спасибо», «какъ здоровъ», и даже разъ послышалось «мерси».

Охотники отлеживались и горланили пѣсни. Къ нимъ нашла толпа бухарскихъ солдатъ, и Н. Д. распорядился угощеніемъ ихъ.

На утро 18-го числа, поискавъ въ лавкахъ ножей гиссарской стали, но не найдя ни одного, въ виду того, какъ объяснили купцы, что главный мастеръ еще не вернулся изъ Денау, и накупивъ на всю команду «мукки», я и Н. Д. въ сопровожденіи Мирь-Ахура, не пожелавшаго пустить насъ однихъ, поѣхали по городу. Завернули на базаръ, который оказался, сравнительно съ важностью города, небольшимъ. Десятковъ пять всевозможныхъ лавокъ, по преимуществу желѣзныхъ и ситцевыхъ, двѣ-три мѣняльничьихъ лавки, вотъ и весь базаръ. На площадкѣ, гдѣ стоятъ подъ навѣсомъ пушки, играла бухарская музыка, по всей вѣроятности, съ цѣлью отпраздновать дни нашего прибытія.

Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго зданія, ни одной крупной мечети и значительнаго медресе. Дома или каркасные или глинобитные, за исключеніемъ немногихъ, построенныхъ изъ сырца и частью изъ жженого кирпича. Этотъ послѣдній, очевидно, добывается изъ какихъ-то развалинъ, такъ какъ кирпичеобжигательныхъ печей не было видно ни одной, при томъ и размѣръ кирпича (квадратный по $5\frac{1}{2}$ в.) показываетъ уже прошедшую эпоху.

Вернувшись на мѣсто стоянки, мы были неприятно поражены тѣмъ, что дѣлалось въ командѣ; число лихорадочныхъ больныхъ возросло сразу до шести; почти всѣ были больны чѣмъ-то близкимъ къ дезинтеріи. Особенно плохо чувствовалъ себя мой Ежовъ. Немедленно же было приказано отобрать всѣ бухарскія сласти и зелень подъ особый надзоръ дежурнаго. Людямъ выдали по полчаркѣ спирту. По всему было видно, что больные, лежа здѣсь, не поправятся; здоровые же уже отдохнули и въ дальнѣйшемъ покоѣ не нуждались. Правда, лошадямъ надо было еще дать отдыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ, особенно сильный и умный «сѣрый», стояли съ подвязанными ногами.

— Я думаю завтра же немедленно выступать, — сказалъ мнѣ Н. Д., когда мы вошли въ свое помѣщеніе.

— Да, по-моему тоже, единственно движеніе и при томъ здоровый переходъ могутъ сразу поставить на ноги больныхъ; вѣдь больна почти вся команда, — отвѣтилъ я.

Рѣшено было съ разсвѣтомъ продолжать путь. Призвали старшаго и Миръ-Ахура. Осинцевъ сразу доложилъ:

— Ваше благородіе, выступить бы намъ отсюда поскорѣе, а то я думаю, что солдаты сильно животами болѣютъ отъ здѣшной воды. Какъ ни останавливай, а хоть потихоньку да пьютъ въ такую жару, а потомъ безъ движенія валяются на кошмѣ цѣлый день. При томъ же и дыни...

Миръ-Ахуръ сталъ было уговаривать остаться, но ему категорически было объявлено, что завтра ночевать будемъ въ Дюшамбе. Разочарованный чиновникъ покорно сказалъ: «хопъ», и вышелъ. Мы стали приготовляться въ путь, чувствуя, что сдѣлали все, за чѣмъ пришли въ Каратагъ. Одно насъ беспокоило—это отсутствіе бани, но съ этимъ пришлось мириться.

Утромъ девятнадцатаго іюля, чуть свѣтъ, рожокъ проигралъ сборъ, и началась обычная суматоха сборовъ въ путь.

Б. Литвиновъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ КОЛЕСОВЪ.

(Некрологъ).

СЕНТЯБРЯ 8-го тихо скончался въ своей скромной квартирѣ, на Ямской улицѣ, патриархъ столичнаго книготорговаго дѣла, Федоръ Ивановичъ Колесовъ, популярнѣйшій старожилъ Петербурга. Уже его 50-ти-лѣтній юбилей, задушевно отпразднованный въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», засталъ почтеннаго старика сильно недомогавшимъ, съ непрестанными ревматическими и невралгическими болями во всемъ тѣлѣ, не препятствовавшими ему, однако, несмотря на болѣзненность ощущеній, оставаться на своемъ посту, у книжнаго прилавка, въ роли командующаго обширной арміей приказчиковъ, рассыльныхъ, комиссіонеровъ. Болѣзнь съ годами усиливалась, а привѣтливый и добродушный старикъ, страдающій отъ злыхъ недуговъ, все оставался на своемъ мѣстѣ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ особеннаго обостренія болѣзни соглашаясь провести нѣсколько дней дома, на отдыхѣ. И чуть только становилось легче, какъ онъ снова плелся къ своему мѣсту, столь знакомому столичнымъ обывателямъ, за стеклянной ширмочкой, въ углу книжнаго магазина, откуда онъ зорко оглядывалъ прибывающія и отливающія волны публики, посѣщавшей магазинъ. Это боковое мѣстечко, гдѣ за прилавкомъ возсѣдалъ Федоръ Ивановичъ, съ теченіемъ времени стало очень популярнымъ; оно сдѣлалось своего рода маленькимъ клубомъ, куда сходились люди, чтобы потолковать между собою о столичныхъ и политическихъ новостяхъ, перекинуться съ старикомъ словечкомъ, посоветоваться съ нимъ по житейскимъ вопросамъ, посудачить или просто отдохнуть на прогулкѣ по Невскому проспекту. Молодежь сравнительно мало знала этого книжнаго дѣятеля, но люди пожилые, подчасъ достигшіе на жи-

зненномъ пути степеней извѣстныхъ и высокаго положенія,—для тѣхъ Фѣдоръ Ивановичъ былъ свой человѣкъ. Молодыми еще, въ магазинахъ Исакова, Вольфа, Колесова и Михина, они въ свое время встрѣчались съ нимъ, пользовались его указаніями по книжнымъ вопросамъ, а подчасъ прибѣгали и къ его услугамъ по части издательства и руководства чтеніемъ. Эти отдаленныя воспо-

Фѣдоръ Ивановичъ Колесовъ.

минанія молодости послѣдовали за ними и въ дальнѣйшей періодъ ихъ жизни, когда послѣдняя принесла имъ карьеру, извѣстность, знатность и богатство. Для нихъ Фѣдоръ Ивановичъ остался старымъ другомъ, къ которому они отъ времени до времени заходили за совѣтами или просто ради удовольствія пожать ему руку и съ нимъ поболтать. Видный военный генералъ, членъ государственнаго совѣта, извѣстный провинціальный администраторъ, профес-

соръ какого нибудь высшаго учебнаго заведенія, заходя въ магазинъ «Новаго Времени», не миновали личнымъ привѣтствіемъ старика, управляющаго магазиномъ, справлялись о его здоровьѣ, и вспоминали тотъ или иной эпизодъ своей молодой жизни, когда имъ приходилось соприкасаться съ молодымъ еще Колесовымъ. А было это давно — 57 лѣтъ тому назадъ!

Еще 13-тилѣтнимъ мальчикомъ началъ Колесовъ свою книжную службу въ извѣстномъ магазинѣ Исакова и вскорѣ выдѣлился среди сотоварищей по службѣ, какъ расторопный приказчикъ и юноша, любящій и понимающій дѣло, къ которому былъ приставленъ. Почти 23 года проработалъ онъ у Исакова и, въ видѣ «поощренія», а также съ дѣловыми цѣлями, былъ командированъ послѣднимъ въ крупные центры умственной западно-европейской жизни для изученія постановки тамъ книжнаго дѣла и способовъ издательства.

Вскорѣ по возвращеніи на родину, Колесову пришлось разстаться со своимъ старымъ хозяиномъ, и онъ, въ сообществѣ съ Михинымъ, открылъ въ Гостиномъ дворѣ собственный книжный магазинъ, коимъ и руководилъ 10 лѣтъ. Но поскольку Федоръ Ивановичъ былъ хорошимъ и умѣлымъ хранителемъ чужого добра, настолько въ личной жизни и личныхъ дѣлахъ онъ былъ не практиченъ, излишне довѣрчивъ и недостаточно оборотливъ. Собственная торговля, поэтому, у него не пошла, онъ запутался въ кредитахъ, обанкрутился и ликвидировалъ свое дѣло, понесъ громадные убытки и принявъ на себя значительные долги, съ коими, къ слову сказать, не могъ расчитаться до конца своей жизни. Послѣ этого періода мы снова встрѣчаемъ его въ роли управляющаго русскаго отдѣла книжнаго магазина М. О. Вольфа, гдѣ онъ и оставался въ теченіе 13-ти лѣтъ, пользуясь уваженіемъ и довѣріемъ покойнаго старика Вольфа.

Когда г. Зандрокъ покинулъ завѣдываніе книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени», и торговое дѣло потребовало энергичнаго и умѣлаго руководителя для своего упорядоченія, то, по рекомендаціи редактора «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскаго, А. С. Суворинъ обратился именно къ Колесову, предложивъ ему хорошій окладъ жалованья и широкій просторъ для самостоятельной работы. Колесовъ принялъ сдѣланное предложеніе, распростился съ Вольфомъ и сталъ во главѣ книжнаго дѣла г. Суворина, какъ въ столицѣ, такъ и въ отдѣленіяхъ. За книжнымъ прилавкомъ магазина «Новаго Времени», на углу Невскаго и Михайловской улицы, засталъ его въ 1897 году пятидесятилѣтній юбилей служенія книжному дѣлу. Привѣтствуя съ этимъ днемъ Федора Ивановича, «Историческій Вѣстникъ», въ отдѣлѣ «Смѣси», въ августовской книжкѣ, сдѣлалъ такую его характеристику: «Одинъ изъ старѣйшихъ гражданъ столицы, стоящихъ бодро и понывъ у из-

браннаго дѣла, г. Колесовъ представляетъ собою вѣстину живое справочное литературное пособіе для публики и лицъ, причастныхъ литературѣ. Обладая обширною памятью, начитанностью и освѣдомленностью по части издательскаго дѣла, онъ охотно дѣлится съ людьми, къ нему обращающимися, своими знаніями, опытомъ и наблюденіями. Этимъ въ значительной степени и объясняется то обстоятельство, что около г. Колесова въ магазинѣ вы всегда найдете кого нибудь забѣжавшаго на перепутьѣ побесѣдовать и посоветоваться съ патриархомъ книжной торговли. Къ нему чрезвычайно подходятъ стихи, сказанные А. Измайловымъ издателю Смирдину, съ коимъ; къ слову сказать, у г. Колесова много общаго по его любви къ литературѣ и писательскому міру:

«.., Когда къ вамъ ни придешь,
То литераторовъ всегда у васъ найдешь,
И въ умной дружеской бесѣдѣ
Забудешь иногда, ей-ей, и объ обѣдѣ».

«Но за дружескою бесѣдою г. Колесовъ никогда не забываетъ своего главнаго дѣла. Онъ зорко слѣдитъ за движеніемъ въ магазинѣ, и озабоченный покупатель, не могущій найти или вспомнить названіе нужнаго ему изданія, вскорѣ оказывается вырученнымъ г. Колесовымъ, считающимъ для себя положительно невысказаннымъ выпустить покупателя изъ магазина съ пустыми руками. Эта близость завѣдующаго торговлей магазина съ публикой чрезвычайно характерна и могла бы для наблюдательнаго беллетриста послужить темой для живого очерка столичной жизни. Предупредительность, изысканная вѣжливость обращенія, съ сохраненіемъ полного собственнаго достоинства, способность прійти удачно на помощь замѣшавшейся памяти—вотъ та притягательная сила г. Колесова, которая такъ охотно шлетъ къ нему въ магазинъ съ бойкой улицы публику и которая побуждаетъ и элегантную даму, и сановника, и представителей учащаго и учащагося міра, а также міра писательскаго, дружески пожимать руку добродушнаго и всегда привѣтливаго старика, спѣшащаго навстрѣчу своему покупателю и посѣтителю».

Къ этой характеристикѣ, довольно полной, мало есть, что прибавить. Въ частной жизни покойный былъ удивительно умѣренный, нетребовательный и скромный человекъ. Да въ сущности онъ эту частною жизнью мало и пользовался, уходя изъ дома до 9 час. утра и возвращаясь къ 10 час. вечера; даже обѣдать и завтракать онъ домой не заходилъ, предпочитая перекусить то у гостинодворскаго саешника, то приноснымъ обѣдомъ изъ кухмистерской. Такъ протекла вся жизнь у старика. Главною его личною радостью [была удачная карьера сына, служащаго на Дальнемъ

Востокъ на дипломатическомъ поприщѣ: имъ онъ гордился, и всякая вѣсточка отъ него составляла для него истинное счастье.

Съ умиленной любовью относился онъ и къ своему «хозяину», А. С. Суворину, высоко почитая его литературный талантъ и несказанно восхищаясь каждымъ его «маленькимъ письмомъ». Появленіе такого «письма» въ № «Новаго Времени» было для старика какимъ-то праздникомъ и радостью, кою онъ дѣлился въ этотъ день со всѣми близкими.

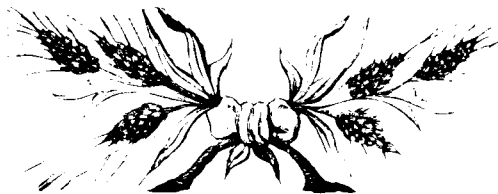
Неожиданнымъ торжествомъ для него, въ избытокъ его удовлетворявшимъ, было празднованіе 50-ти-лѣтія его книготорговой дѣятельности, когда магазинъ наполнили собою депутаціи съ подарками и подношеніями, представители столичной интеллигенціи, сослуживцы и сотоварищи по профессіи, знакомые и друзья. Когда растроганный старикъ скромно спѣшилъ заявить, что его свыше мѣры оцѣнили, то покойный Д. В. Григоровичъ справедливо на это отвѣтилъ:

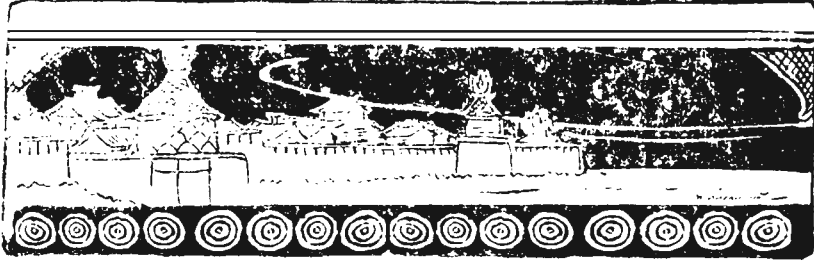
«Недостаточно еще оцѣнили, добрѣйшій Фeдopъ Ивановичъ, ибо вы своего рода уніка, и съ вами вмѣстѣ исчезаетъ изъ нашей жизни послѣдній представитель стараго добраго времени по его любви къ книгѣ и писателю».

Текущій годъ проходилъ для Фeдopа Ивановича въ непрерывныхъ болѣзняхъ, которыя онъ съ трудомъ перенемогалъ, не покидая, однако, своего поста.

Еще за два дня до смерти его можно было видѣть, блѣднаго и похудѣвшаго, въ магазинѣ, и, на совѣтъ пойти домой и отдохнуть, онъ шуткою отвѣчалъ, что переживется. Но судьбѣ угодно было другое, и 8-го сентября быстро послѣдовавшій отекъ легкаго положилъ навсегда конецъ его долгимъ страданіямъ и многолѣтней службѣ на поприщѣ книжнаго дѣла. Похороненъ Фeдopъ Ивановичъ съ почестями и торжественно на Волковомъ кладбищѣ.

Б. Г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

K. Waliszewski. Ivan le Terrible. Les origines de la Russie moderne. Paris. 1904.

СЛЕСКЪ СЛАВЫ Ивана IV увеличилъ Петръ Великій, но популярности его не удалось достигъ ни одному изъ его преемниковъ. Побѣдитель ислама, законодатель, входящій въ самые мелкіе интересы, судья страшный, но для сильныхъ только, Иванъ внушалъ къ себѣ удивленіе самимъ иностранцамъ. Ни одинъ христіанскій государь. — писалъ о немъ въ 1557 году одинъ англійскій путешественникъ, — не былъ для своихъ подданныхъ въ одно и то же время предметомъ такого страха и такой любви. Отзываясь съ похвалой объ отиравленіи этимъ несравненнымъ государемъ правосудія при помощи законовъ простыхъ и приноровленныхъ къ жизни, прославляя его самого, его доступность, его челоуѣколюбіе, разнообразіе его дарованій, блескъ двора, могущество арміи, посоль Венеціи Фоскарини въ то же самое время помѣстилъ будущаго противника Баторія въ первомъ ряду среди современныхъ ему государей» (стр. 233). «Если я и поставилъ въ заглавіи своей книги слово *le Terrible*, то это только для того, чтобы читатель зналъ, о комъ идетъ рѣчь. На самомъ дѣлѣ это слово противорѣчитъ здѣсь здравому смыслу. Одинаково ложны и оба нѣмецкія названія Ивана *der Schreckliche* или *der Grausame*. Въ Москвѣ XVI вѣка никогда «грозный» не значило «ужасный». Когда Баторій въ пылу своей полемики съ Иваномъ упрекалъ его за то, что онъ окружаетъ себя передъ королевскими послами свитою изъ рындъ, вооруженныхъ сѣкирами,

«ИСТОП. ВѢСТН.», ОБЪЯВЛЕНІЕ, 1904 Г., Т. ХСVIII.

22

Иванъ ему отвѣтилъ: «Это—чины государскіе, да и гроза: этого требуютъ мой санъ и уваженіе, которое я долженъ внушать». Вотъ истинный смыслъ слова «гроза». Справьтесь съ Домостроемъ, и въ главѣ объ обязанностяхъ отца семейства вы прочтете, что отъ него требуется быть грознымъ. Это значитъ: уважаемымъ и достойнымъ уваженія» (р. III—IV).

Такими словами начинаетъ г. Валишевскій свою историческую работу. Трудно было бы Ивану Грозному найти лучшаго для себя адвоката. Съ блестящей общей эрудиціей, съ всестороннимъ изученіемъ источниковъ, съ широтою взгляда, захватывающаго далекіе кругозоры, г. Валишевскій соединяетъ несомнѣнный даръ слова, умѣніе представить предметъ живо, ясно, сжато и красиво, писать легко и занимательно о самыхъ сложныхъ вопросахъ,—свойство, которымъ особенно обладаютъ французскіе писатели, а среди славянъ польскіе. Французъ по воспитанію и полякъ по происхожденію и собственному признанію, авторъ новой монографіи объ Иванѣ надѣленъ этимъ свойствомъ, такъ сказать, сугубо,—и въ результатѣ мы имѣемъ въ его трудѣ одну изъ занимательнѣйшихъ историческихъ книгъ, а въ то же время и серьезное научное изслѣдованіе.

Доказано ли выставленное авторомъ въ началѣ работы положеніе? И да, и нѣтъ.

Давно уже было замѣчено сходство между Иваномъ Грознымъ и Петромъ Великимъ. Г. Валишевскому удалось выставить его особенно ярко и, хотя имя Петра остается еще доселѣ само по себѣ пререкаемымъ, указать на тѣсное духовное родство Ивана съ нимъ—это значитъ сказать многое въ пользу Грознаго. Всего легче было это сдѣлать г. Валишевскому въ области внѣшней политики. Здѣсь Иванъ съ его покореніемъ татарскихъ ханствъ, съ его мечтами сирва объ Азовѣ и Крымѣ, а потомъ о Ливоніи—прямой предшественникъ Петра: онъ не только намѣтилъ будущую петровскую политику, но и сталъ ее уже осуществлять, и не его вина, если вмѣсто слабаго Сигизмунда-Августа и ничтожнаго Генриха Валуа на польскомъ престолѣ неожиданно появился энергичный и талантливый Баторій и отрѣзалъ своего противника отъ моря, а русскій народъ отстранилъ отъ Европы на цѣлые два вѣка. Въ самыхъ неудачахъ своихъ Иванъ выказалъ здѣсь гибкій и дальновидный умъ первокласснаго политика, и нельзя не отдать этому прозорливому уму дани уваженія.

Но и въ области политики внутренней Иванъ въ изображеніи г. Валишевскаго является преобразователемъ замѣчательнымъ, государственнымъ дѣятелемъ, неизмѣнно ищущимъ новыхъ путей и находящимъ ихъ. Взглядъ на первые годы царствованія Ивана, какъ на «время добраго совѣта», окончательно, кажется, поколебленъ г. Валишевскимъ: онъ весьма удачно, на основаніи анализа работъ Ивана, показалъ, что всѣ мѣры, принятыя Грознымъ во второй половинѣ царствованія, не исключая и опричнины, суть не что иное, какъ логическое развитіе и продолженіе раньше при Сильвестрѣ еще, но не Сильвестромъ, задуманныхъ и осуществленныхъ преобразованій. И Сильвестръ и Адашевъ—лица второстепенныя. Все держитъ въ своихъ рукахъ государь. У него въ головѣ созданъ своеобразный планъ преобразованій, и строго-логическое и неуклонное осуществленіе этого плана въ теченіе всего царствованія

одно могло бы, по мнѣнію г. Валишевскаго, обезпечить Ивана отъ обвиненій въ безуміи. Установленіе опричнины—не укоръ грозному царю. Напротивъ, это—его заслуга. Слѣдую отчасти Платонову и Милюкову, авторъ проводитъ новый и своеобразный взглядъ на это учрежденіе, видя въ немъ лишь естественное расширеніе реформы 1551 года, направленное противъ разрушительной силы еще живыхъ тогда удѣльныхъ традицій и произвола бояръ-вотчинниковъ. Въ историческомъ процессѣ Грознаго съ Курбскимъ онъ не колеблясь становится на сторону перваго, показывая перебѣжавшаго въ Литву боярина въ его настоящемъ свѣтѣ. Тотъ, кто сумѣлъ въ Польшѣ своими угнетеніями вызвать противъ себя всеобщую ненависть своихъ крестьянъ, не въ правѣ былъ обвинять въ жестокости Ивана. Если такъ обращались съ населеніемъ просвѣщеннѣйшіе изъ бояръ, какимъ несомнѣнно былъ Курбскій, то чего же можно было ожидать отъ другихъ, и не оправдываетъ ли уже это одно до извѣстной степени мѣръ, употребленныхъ противъ бояръ Грознымъ? Тотъ фактъ, что и былины неизмѣнно выставляютъ царя въ привлекательномъ свѣтѣ, и лѣтопись повѣствуетъ, что народъ взывалъ при извѣстии о его смерти,—самъ по себѣ высоко знаменателенъ. Г. Валишевскій объясняетъ его въ своей книгѣ и объясняетъ не безъ основательности.

Но какое бы благоприятное сужденіе мы ни составили объ Иванѣ Грозномъ, какъ политикѣ и преобразователѣ, можно ли оправдать тѣ способы, которыми онъ осуществлялъ задуманные имъ мѣры? У насъ были люди, которые безусловно его оправдывали и здѣсь: «онъ мучилъ и казнилъ; такъ и слѣдовало: заслужили». Г. Валишевскій не пошелъ этимъ путемъ. Онъ употребилъ иной, болѣе тонкій и безконечно лучший пріемъ: онъ показалъ намъ Грознаго среди его современниковъ въ Западной Европѣ. Жестокости Грознаго несомнѣнны и ужасны; съ нравственной точки зрѣнія онъ непозволительны, но для того времени въ нихъ нѣтъ ничего необычнаго. Во Франціи еще не забылась тогда память о Людовикѣ XI. Почти одновременно съ погромомъ Новгорода на улицахъ Парижа разыгрывалась Вареломеевская ночь. Въ Испаніи горѣли инквизиціонные костры. Въ Нидерландахъ неистовствовалъ посланный Филиппомъ II Альба. Въ Англіи царилъ Генрихъ VIII; Швеція была окровавлена злодѣйствами Эрика XIV, а въ Римѣ на папскомъ престолѣ сидѣлъ Александръ VI. Въ этомъ обществѣ Іоаннъ не представлялъ собою ничего выдающагося: онъ былъ, какъ всѣ, съ тою только разницею, что правилъ онъ не на просвѣщенномъ Западѣ, а въ далекой Московіи, но это въ глазахъ Запада могло бы служить для него только оправданіемъ. Все это такъ, но, какъ бы далеко мы ни шли по этому пути вслѣдъ за г. Валишевскимъ, на днѣ души все же остается протестующее противъ его заключеній чувство. На Ивана Грознаго, какъ на человѣка, можно смотрѣть только глазами Пушкина. Несравненный знатокъ мѣры, онъ и здѣсь нашелъ надлежащую мѣру, когда вложилъ въ уста монаховъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря молитву о Грозномъ, заставивъ ихъ просить, «чтобъ ниспослалъ Господь покоя его душѣ страдающей и бурной». Эта молитва «за грѣхъ царя-святоубійцы» прозвучала потомъ еще разъ въ стихахъ Хомякова, и едва ли для потомковъ Грознаго она станетъ когда либо лишней.

«Вѣкъ живи, вѣкъ учишь», говоритъ пословица. Это не значить, что предметовъ ученія такъ много, что на изученіе ихъ не хватитъ жизни. Наша пословица указываетъ только на существованіе безконечнаго количества разныхъ точекъ зрѣнія, которыя могутъ освѣщать одинъ и тотъ же предметъ, показывая его съ новой и совершенно неизвѣстной намъ раньше стороны. Книга г. Валишевскаго служитъ тому подтвержденіемъ: мы читаемъ въ ней о старыхъ и давно знакомыхъ вещахъ, но онѣ являются намъ въ совершенно новомъ и иногда существенно измѣняющемъ дѣло видѣ. Мы не сомнѣваемся, что книга польско-французскаго писателя не пройдетъ безслѣдно въ нашей исторіографіи. На Западъ такія добросовѣстныя и обстоятельныя книги о Россіи рѣдкость. Но и для насъ она важна. Судить самимъ о себѣ не всегда легко. Наблюденія со стороны открываютъ намъ въ насъ же самихъ новыя и раньше незамѣченныя черты. Читатели не раскаются, если прочтутъ занимательную и важную книгу г. Валишевскаго.

Андрей Сиротягинъ.

П. А. Шафрановъ. Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ (историческій очеркъ устройства и составъ дѣлъ). Спб. 1904.

Вышеназванная книга—плодъ кропотливаго и продолжительнаго труда,—принадлежащая перу начальника архива министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, П. А. Шафранова, уже давно извѣстнаго въ нашей исторической литературѣ по своимъ довольно многочисленнымъ статьямъ и изслѣдованіямъ, основаннымъ по преимуществу на архивныхъ матеріалахъ,—представляетъ собою весьма цѣнное приобрѣтеніе какъ по своему высоко-научному, такъ и практическому значенію. Поставивъ себѣ главною цѣлью, съ одной стороны, дать «исторію самаго архива—его учрежденіе и штаты, помѣщеніе, способы храненія архивныхъ дѣлъ, и исторію уничтоженія ихъ, а также мѣры, предпринятыя для упорядоченія архива», и, съ другой, представить «по возможности полное обзорнѣе состава архивныхъ дѣлъ по отдѣльнымъ группамъ»,—авторъ съ большимъ успѣхомъ достигъ намѣченныхъ имъ путей, открылъ для всѣхъ интересующихся нашимъ историческимъ прошлымъ множество цѣннѣйшаго архивнаго матеріала, приведеннаго имъ же изъ хаотическаго состоянія въ систематическій порядокъ и точную извѣстность, и вмѣстѣ съ тѣмъ внесъ много новаго и цѣннаго въ область нашего архивовѣдѣнія, которое до появленія труда П. А. Шафранова въ своихъ сообщеніяхъ объ архивахъ нашихъ министерствъ должно было ограничиваться самыми скудными свѣдѣніями. Нечего и говорить, что архивисты найдутъ здѣсь рядъ важнѣйшихъ указаній и образцовыхъ примѣровъ.

Хотя образованіе архива и относится къ 1838 году, времени возникновенія самаго министерства государственныхъ имуществъ, но хранящіяся въ немъ дѣла и документы гораздо болѣе ранняго времени. Древнѣйшими изъ нихъ являются документы и бумаги XVI и XVII вѣковъ, относящіяся къ фундаментнымъ или поіезуитскимъ имѣніямъ и капиталамъ, каковы—жалованныя

грамоты польскихъ королей на имѣнія, дарственные записи, завѣщанія, выписки изъ городскихъ книгъ, закладныя, инвентари, различныя судебныя акты и т. п. «Случайно, повидимому, сохранились между ними и погодныя записки іезуитовъ объ ихъ миссіонерской и просвѣтительной дѣятельности и нѣкоторыхъ другихъ событіяхъ, приходившихся на извѣстный годъ».

Начиная съ 1763 года, времени учрежденія императрицею Екатериною II канцеляріи опекуства иностранныхъ, идутъ дѣла объ иностранныхъ колонистахъ, которыя также представляютъ собою интереснѣйшій во многихъ отношеніяхъ матеріалъ.

Вся же остальная масса дѣлъ начинается лишь нѣсколькими годами ранѣе образованія въ 1802 году министерствъ и по своему составу строго соотвѣтствуетъ назначенію самаго министерства. Основанное въ 1838 году министерство государственныхъ имуществъ имѣло своею цѣлю, кромѣ управленія государственными имуществами, т.-е. лѣсами, землями и оброчными статьями, еще и попеченіе о развитіи сельскаго хозяйства и въ особенности попечительствъ надъ государственными крестьянами, поѣтому и большая часть дѣлъ касается послѣднихъ, представляя собою основной и почти единственный источникъ для исторіи государственныхъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ ними инородцевъ и колонистовъ. Свѣдѣнія, имѣющіяся въ этихъ дѣлахъ, касаются разнообразныхъ сторонъ жизни и быта крестьянъ: происхожденія названій различныхъ группъ крестьянъ, управленія ими, волненій среди нихъ, земельного устройства, ихъ быта, духовной жизни (образованія, нравственности и религіи), отношенія къ духовенству и церкви, уклоненій въ расколъ и ереси, распространенія среди нихъ грамотности и спеціальныхъ знаній и проч.

Такъ какъ съ 1838 г. всѣ дѣла о сектанствѣ среди государственныхъ крестьянъ вѣдались также министерствомъ государственныхъ имуществъ, и графъ Киселевъ, кромѣ того, былъ членомъ секретнаго комитета о раскольникахъ, то въ архивѣ министерства составился значительный и весьма интересный матеріалъ по расколу, особенно по исторіи безпоповцевъ Даниловскаго согласия, по исторіи Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ въ Москвѣ, о духоборахъ, молоканахъ, странникахъ, скакунахъ, хлыстахъ, некрасовцахъ, нѣмецкихъ менонитахъ и др.

Значительная часть дѣлъ относится также и до положенія крѣпостныхъ крестьянъ и особенно исторіи освободительнаго движенія крестьянъ. Дѣла эти сосредоточились въ архивѣ министерства, главнымъ образомъ потому, что первый министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, былъ ближайшимъ сотрудникомъ и какъ бы «начальникомъ штаба по крестьянскому вопросу», а его личныя бумаги хранились въ архивѣ, и потому еще, что освободительная реформа неминусемо должна была отразиться и на положеніи казенныхъ крестьянъ и колонистовъ, для устройства которыхъ примѣнительно къ положенію 19-го февраля 1861 года учреждались при министерствѣ государственныхъ имуществъ особыя комиссіи.

Наконецъ, помимо дѣлъ, касающихся исторіи казенныхъ земель, являющейся за XIX вѣкъ попреимуществу исторіею присоединенія и заселенія нашихъ окраинъ, — рядъ дѣлъ представляетъ немаловажный матеріалъ и для об-

щей исторіи Россіи. Войны 1812, 1828—1829, 1854—1855 годовъ, польскія возстанія 1831 и 1863 годовъ могутъ получить освѣщеніе нѣкоторыхъ деталей и по дѣламъ, хранящимся въ архивѣ министерства, поскольку, конечно, эти событія касались казенныхъ крестьянъ или имуществъ; имѣются свѣдѣнія объ Аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ, о цѣломъ рядѣ вновь учреждаемыхъ учебныхъ заведеній для поднятія и развитія сельскаго хозяйства и проч.

«Однимъ словомъ,—заключаетъ свое введеніе П. А. Шафрановъ,—можно сказать, что ни одинъ важный вопросъ изъ внутренней жизни Россіи, касающійся государственнаго и народнаго хозяйства, образованія, какъ спеціальнаго, такъ и общаго, не проходилъ, чтобы не оставить какого либо слѣда въ дѣлахъ министерства государственныхъ имуществъ, а слѣдовательно, и въ его архивѣ».

Разсказавъ въ первыхъ двухъ главахъ объ учрежденіи, штатахъ и помѣщеніи архива, составленнаго изъ дѣлъ департамента государственныхъ имуществъ министерства финансовъ и нѣкоторыхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и правительствующаго сената (дѣла канцеляріи опекуства иностранцевъ), хранившихся до устройства новаго помѣщенія частью въ зданіи главнаго штаба, частью въ Соляномъ Городкѣ и другихъ мѣстахъ,—авторъ подробнѣе затѣмъ останавливается на исторіи уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Послѣдняя весьма печальна и въ то же время поучительна. Обыкновенно, и главнымъ образомъ, недостатокъ въ помѣщеніи, а затѣмъ также сокращеніе штатовъ по поводу какихъ либо преобразованій по департаментамъ вызывали представленіе начальника архива объ уничтоженіи столькихъ-то дѣлъ. Руководствовался послѣдній при разборѣ дѣлъ обыкновенно однимъ соображеніемъ: «дѣла, кои не требуются для справокъ, уничтожить». Подробнѣе же мотивировали такъ: «нѣтъ въ коихъ ни указовъ сената, ни переписки министра, ни другой какой либо важности, и кои не требуются для справокъ въ отдѣленія»; или «отобранныя къ уничтоженію дѣла не заключаютъ въ себѣ переписки или актовъ какой либо важности; по содержанію и давнишнему времени (болѣе 20 лѣтъ) не могутъ имѣть никакихъ особенныхъ послѣдствій».

А кому же не извѣстно, что кругъ дѣлъ, требуемыхъ для справокъ, большей частью ограничивается однимъ, много двумя десятками лѣтъ, да и требуются-то по преимуществу личныя дѣла... Послѣ начальника архива къ разбору приступила еще особая комиссія изъ департаментскихъ чиновниковъ, обыкновенно не превышавшихъ перваго своею компетенціею, да и относившихся къ своему дѣлу довольно поверхностно, ограничиваясь просмотромъ лишь однѣхъ описей, сплошь и рядомъ не точныхъ и не соответствующихъ самому содержанію дѣлъ. Результатомъ такихъ мѣропріятій и были настоящія опустошенія архива. Въ 1845 году изъ дѣлъ лѣснаго департамента уничтожили одну пятую часть ихъ, въ количествѣ 5.699 дѣлъ, выручивъ отъ продажи ихъ 14 рублей 70 копеекъ въ пользу казны (сумма эта образовалась отъ продажи дѣлъ, вѣсившихъ 49 пудовъ, по 30 копеекъ за пудъ); въ 1849 году изъ дѣлъ перваго департамента — 2.924 дѣла, доставившихъ казнѣ дохода 32 рубля (по 1 рублю за пудъ). Въ 1858—1859 годахъ подвергли уничтоженію свыше 60.000 дѣлъ (за время до 1838 года), а въ 1872 году уничтожили 226.111

дѣль, болѣе 75% всего количества дѣль въ архивѣ; наконецъ, въ 1881 году— 62.393 дѣла. И только послѣ этого, благодаря вмѣшательству покойныхъ директоровъ археологическаго института: Н. В. Калачова и И. Е. Андреевскаго, и высоко просвѣщенному взгляду на значеніе архивныхъ дѣль самого товарища министра В. И. Вешнякова, началась новая эра въ исторіи уничтоженія дѣль, внесеная и детальный разборъ самыхъ дѣль, и болѣе широкій историческій взглядъ на значеніе послѣднихъ, съ порученіемъ этой работы опытнымъ и свѣдущимъ архивистамъ.

Въ слѣдующей IV главѣ говорится о приведеніи архива въ порядокъ, т.-е. объ описаніи дѣль, изданіи документовъ, составленіи «карточнаго алфавита, валового нумера и проч.». Здѣсь же находимъ и указаніе на то, что въ 1891 году, подъ наблюденіемъ В. И. Вешнякова, былъ изданъ I-й выпускъ «Историческихъ матеріаловъ изъ архива министерства государственныхъ имуществъ», въ который вошли статьи: «Высочайше утвержденный комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи»—В. И. Вешнякова; «Черногорскіе переселенцы въ Россіи»—П. О. Морозова; «Переписка поэта В. А. Жуковскаго о продажѣ ему конфискованныхъ мызъ Мейерсофъ и Уннипахтъ въ Лифляндской губерніи»—П. А. Шафранова; «Баронъ Августъ Гакстаузенъ и его сочиненіе о Россіи»—П. О. Морозова; «О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 году»,—П. А. Шафранова, и др.,—и что матеріалами архива пользовались для своихъ ученыхъ работъ: В. И. Вешняковъ, профессоръ Вереха, профессоръ Довнаръ-Запольскій, В. И. Семеновскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, В. Н. Никитинъ, П. О. Морозовъ, П. А. Шафрановъ и друг.

Въ пятой, самой обширной и весьма цѣнной по своимъ сообщеніямъ, главѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ тѣхъ учреждений, изъ которыхъ дѣла постепенно перешли въ министерство государственныхъ имуществъ, попутно въ общихъ чертахъ указывая и содержаніе каждой группы дѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ обзоръ составныхъ частей министерства и всѣхъ послѣдующихъ измѣненій, происшедшихъ въ составѣ и распредѣленіи дѣль. Наконецъ, въ послѣдней шестой главѣ говорится объ архивахъ учреждений, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Вслѣдъ за этимъ идутъ «приложенія»: 1) Положеніе 3-го іюля 1838 года объ устройствѣ архивовъ министерства государственныхъ имуществъ; 2) Правила 14-го марта 1862 года о порядкѣ храненія и уничтоженія рѣшенныхъ дѣль по министерству государственныхъ имуществъ и учрежденіямъ его вѣдомства; 3) Правила 12-го октября 1889 года о порядкѣ сдачи дѣль въ общій архивъ министерства; 4) Правила 7-го октября 1896 года для приготовленія дѣль къ сдачѣ въ архивъ и 5) предметы занятій департаментовъ,—и въ заключеніе помѣщенъ указатель именъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ.

Таково-то содержаніе весьма цѣннаго труда П. А. Шафранова, по поводу котораго мы еще надѣемся поговорить подробнѣе, въ виду важности и своевременности затронутаго имъ вопроса о нашихъ архивахъ.

В. Рудаковъ.

Главное военно-медицинское управление. Историческій очеркъ. Составили В. С. Кручекъ-Голубовъ и Н. И. Кульбинъ. Спб. 1904.

Настоящій очеркъ входитъ, какъ составная часть, въ серію историческихъ очерковъ, изданныхъ къ столѣтію военнаго министерства подъ редакціей Д. А. Скалона, и имѣетъ цѣлью прослѣдить исторію развитія у насъ медицинскаго управления въ арміи. Трудъ доведенъ до эпохи Николая I.

Въ книгѣ имѣется много любопытныхъ данныхъ. Такъ, разсматривая законодательства Петра Великаго, авторы указываютъ, что доктору въ ту эпоху предписывалось быть «резвымъ, умѣреннымъ, содержать себя добродотнымъ», а, въ случаѣ необходимости, исполнять свою обязанность надлежащимъ образомъ какъ днемъ, такъ и ночью; полевой штабъ-лѣкаръ долженъ быть весьма искусный, на театрѣ военныхъ дѣйствій онъ долженъ самъ наложить первую повязку высшимъ офицерамъ, если рука или нога у кого отстрѣлится; полковые лѣкари учили солдатъ бритью и обязаны были лѣчить воинскихъ чиновъ безвозмездно, за исключеніемъ офицеровъ, одержимыхъ «французскою болѣзнію или получившихъ раны и увѣчья въ дракѣ»; кромѣ медицинскихъ обязанностей, ротный лѣкаръ долженъ былъ брить солдатъ одинъ разъ въ недѣлю, а полковой лѣкаръ—брить полковника, подполковника и майора. Въмѣстѣ съ этими любопытными данными авторы знакомятъ читателей съ различными интересными сторонами тогдашняго медицинскаго управления.

Изъ эпохи царствованія Александра I, наиболѣе полно и всесторонне разработанной въ разбираемомъ трудѣ, мы считаемъ необходимымъ указать нѣсколько интересныхъ свѣдѣній литературнаго свойства, добытыхъ авторами изъ архивовъ или какихъ либо историческихъ катакомбъ.

Такъ, напримѣръ, изучая дѣло постановки медицинскаго управления у насъ, авторы проводятъ параллель; оказывается, что въ Австріи военно-медицинское управление находилось въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, врачебныя учрежденія военнаго вѣдомства были въ пренебреженіи, личный составъ медицинской части арміи отличался очень слабой научной подготовкой, такъ какъ его государственныя права и матеріальное обезпеченіе были настолько недостаточны, что врачи, служившіе въ войскахъ, не получали за свою службу почти никакого содержанія. Благодаря всему этому, въ 1823 году, когда въ Пруссіи уже выяснились благіе результаты преобразованій, введенныхъ Я. В. Вилліе, австрійское правительство обратилось въ Россію черезъ своего посланника, графа Лебцельтерна, съ письмомъ, въ которомъ обращалось къ Вилліе со словами: «Ваша благодѣтельность и стремленіе ко благу человечества, столь извѣстныя, ободряютъ меня просить васъ о предметѣ, явствующемъ въ приложенной бумагѣ. Высокая степень совершенства, отличающая всѣ заведенія для здравія, находящіяся при русской арміи, основанныя отеческою попечительностью, которую его императорское величество посвящаетъ всегда сему предмету, и поддерживаемыя вашимъ стараніемъ, побудила наше правительство узнать всѣ подробности, относящіяся къ сему столь важному предмету». Главный медицинскій инспекторъ спросилъ у барона Дибича разрѣшенія о возможности удовлетворить желанія австрійскаго правительства, раз-

рѣшеніе было дано, и въ Австрію сообщили не только существовавшія положенія о военно-врачебномъ дѣлѣ, но и разработывавшіеся тогда проекты (стр. 58—60).

Говоря о пополненіи личнаго состава военно-медицинскаго вѣдомства, авторы, на основаніи подлинныхъ архивныхъ дѣлъ, устанавливаютъ, что въ эпоху Александра I во врачахъ чувствовался недостатокъ, но онъ не сознавался. При низкомъ уровнѣ общаго образованія и при очень маломъ развитіи государственности, подавляющее большинство населенія, не исключая и верхнихъ его слоевъ, очень дешево цѣнило собственное здоровье и еще дешевле—здоровье своихъ ближнихъ. Поэтому руководящіе классы не сознавали особенной нужды во врачахъ, а простому народу было не до сбереженія здоровья, да онъ не имѣлъ и представленія о врачебномъ искусствѣ. Вѣрный историческому преданію, онъ боялся врачей-инновѣрцевъ больше, чѣмъ самыхъ тяжелыхъ болѣзней. А въ то же время общество возлагало на врачей ответственность за пробѣлы во врачебныхъ наукахъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей являлось отсутствіе заботъ о врачахъ и несправедливое отношеніе къ нимъ. Положеніе врачебнаго сословія было ужаснымъ: лишенные самыхъ естественныхъ правъ, лишенные необходимыхъ для прокормленія средствъ, врачи не встрѣчали даже уваженія, котораго вполне заслуживали по своему образованію и полезной дѣятельности. Естественно, что въ корпорацію врачей немногіе желали вступить, тѣмъ болѣе, что возможно было добиться несравненно лучшаго положенія въ обществѣ съ меньшей затратой силъ. Еще болѣе это относилось къ врачамъ ветеринарамъ, которыхъ сначала вовсе даже не было.

Одною изъ главнѣйшихъ мѣръ, принимавшихся правительствомъ для устраненія недостатка въ чинахъ военно-медицинскаго вѣдомства, было приглашеніе иностранцевъ. Хотя довѣрія къ иностраннымъ врачамъ въ Россіи не было, хотя самъ Вилліе весьма неохотно допускалъ ихъ въ вѣдомство, тѣмъ не менѣе природныхъ русскихъ врачей не доставало, и въ войскахъ служило много иностранцевъ. Но и иностранные врачи не приносили осязательной пользы; по незнанію русскаго языка, обычаевъ и жизни русскаго народа, дѣятельность этихъ врачей въ теченіе 2—3 лѣтъ, пока они могли освоиться въ Россіи, была ограниченная, а когда потомъ, ознакомившись съ русскимъ языкомъ, могли бы быть полезными, они выходили въ отставку, благодаря тому, что контракты ихъ съ правительствомъ, заключавшіеся по тогдашнимъ правиламъ на шесть лѣтъ, оканчивались. Интересно отмѣтить, что выписка такихъ врачей стоила до 300 тысячъ рублей.

Въ царствованіе Александра I смертность въ войскахъ была очень велика, что при отсутствіи эпидемическихъ болѣзней въ войскахъ указываетъ на крайне неудовлетворительное ихъ состояніе. Государь неоднократно обращалъ вниманіе на «неумѣренную смертность» нижнихъ чиновъ, которая впоследствии еще болѣе увеличилась, подъ вліяніемъ многочисленныхъ войнъ и эпидемій. Войны той эпохи унесли много жизней; и эта огромная масса труповъ—человѣческихъ и лошадиныхъ—успивала путь движенія французской и русской армій, и такъ велико было это количество, что народное здоровье страны

стало подвергаться большой опасности. Все это заставило энергичнаго Виллие выступить съ небывалымъ до тѣхъ поръ на Руси проектомъ: въ своей запискѣ онъ настаивалъ (мы сохраняемъ орфографію подлинника), чтобы «l'ordre supreme soit donné le plutôt possible aux gouverneurs de ces provinces de ramasser tous les cadavres des hommes et les charognes et de les faire bruler, autrement il y aura la peste le printemps ci». Мысль Виллие о сожиганіи труповъ была осуществлена, вѣроятно, только потому, что угроза появленіемъ чумы была слишкомъ дѣйствительна. Въ ноябрѣ 1812 г. послѣдовало повелѣніе о сожженіи труповъ не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія, но и всюду, гдѣ проходила непріятельская армія. Наибольшее число сожженныхъ и частью зарытыхъ труповъ было въ Виленской губерніи—72.203 человѣческихъ трупа, наименьшее число приходилось на Калужскую губернію—1.027; въ Московской губерніи число труповъ было—49.754 человѣческихъ и 27.849 лошадиныхъ. Всего погребено и сожжено труповъ—243.622 человѣческихъ и 122.132 лошадиныхъ, т.-е. въ два раза менѣе.

Изъ числа мѣръ противъ распространенія заразныхъ болѣзней въ войскахъ заслуживаютъ вниманія мѣры полицейскаго надзора за проституціей. Такъ, въ 1825 г. въ Динабургѣ великій князь Николай Павловичъ приказалъ сначала выслать изъ города проституткокъ, но и «затѣмъ число одержимыхъ таковыми болѣзнями (венерическими) нижнихъ чиновъ, поступающихъ въ госпиталь, превышаетъ всякую соразмѣрность»; при такихъ условіяхъ приказано было за женщинами, «жительствоющими въ городѣ, имѣть наблюденіе, дабы въ развратъ не впадали»; при этомъ было назначено еженедѣльное освидѣтельствованіе проституткокъ, но все-таки при каждомъ освидѣтствованіи между ними оказывались больныя. Тогда было испрошено разрѣшеніе лѣчить этихъ этихъ женщинъ на казенный счетъ, для чего былъ установленъ особый отпускъ лѣкарствъ.

Сказаннымъ мы считаемъ возможнымъ ограничиться для характеристики труда. Къ очерку приложено нѣсколько фототипій, изящно исполненныхъ. Одна изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣченной. Дѣло въ томъ, что въ 1813 г. министерство полиціи издало и разослало по губерніямъ наставленіе о привитіи оспы и 50.000 «карикатуръ», приготовленныхъ въ московской медицинскоѣ типографіи, для раздачи народу. Естественно, что такое ничтожное количество для нашего многомилліоннаго населенія ровно ничего не значило; тѣмъ не менѣе эти «карикатуры» крайне характерны для своего времени. Одна изъ карикатуръ была добыта авторами, и копія съ нея приложена къ очерку.

Карикатура эта должна была наглядно изображать пользу оспопрививанія. По своему исполненію—это былъ лубокъ самой грубой вѣшности. На картинѣ изображена стѣна избы, въ дали виднѣтся церковь. На переднемъ планѣ молодая, красивая мать; у нея на рукахъ маленькій ребенокъ, другой здоровый ребенокъ играетъ около нея на землѣ. Мать съ ужасомъ глядитъ на происходящую рядомъ сцену: отецъ, изрытый оспою, несетъ гробъ, въ которомъ лежитъ ребенокъ, весь истыканный точками отъ оспы; двѣ бабы заливаются плачемъ; у отца изъ-подъ лохмотьевъ платья видно тѣло, изрытое

оспинами, у женщинъ оспелныя точки на рукахъ, на ногахъ. Страшное зрѣлище, отъ котораго съ ужасомъ и сильной экспрессіей даже отклонилось дерево своими листьями. Подъ картиною стихотворная подпись, которая вкладывается въ уста молодой и здоровой матери: «Спасибо, добрыхъ я послушала людей, коровьей воспою спасла моихъ дѣтей; наносной воспою сидишь дѣти помирають, въ коровьей—рѣзвятся и кубари гоняють и рябы не бывають, и хвори никакой не знають. Спаси Господь Господь (оба слова съ заглавныхъ буквъ), которые народъ отъ гибели спасаютъ». Эти рѣмованныя строки стоятъ на правой сторонѣ лубка подъ изображеніемъ здоровой матери. Подъ изображеніемъ похоронъ оспелнаго ребенка значитъ: «Рябой отецъ и мать, да бабушка грызунья, рябая, какъ они, старинныхъ бредней врунья, надъ дѣтищемъ своимъ бѣлугою ревутъ—за то, что на дѣтей наносной воспы ждуть и вѣрить не хотятъ, что воспою коровьей жизнь дѣтямъ сберегутъ и имъ дадутъ здоровье. Послушайте, отцы и матери глухухи, а пуце всѣхъ—карги, упрямья старухи! возмитесь за умъ, не бойтесь коровъ: кто воспу ихъ привьетъ, тотъ—живъ, цѣль и здоровъ».

Такъ боролись въ началѣ прошлаго столѣтія съ заразными болѣзнями и съ темнотою народною.

Книга издана хорошо и содержитъ въ себѣ много любопытнаго. Авторы очень удачно справились съ принятой на себя задачей; намъ остается лишь пожелать имъ дальнѣйшей разработки начатаго очерка. Н. Ф.

Профессоръ Г. Г. Скориченко. Императорская военно-медицинская академія. Историческій очеркъ къ столѣтію военнаго министерства. Спб. 1904.

Въ 1898 г. къ столѣтнему юбилею военно-медицинской академіи было издано два тома исторіи ея. Несмотря на это, профессоръ Скориченко, по порученію военнаго министерства, написалъ теперь новый историческій очеркъ академіи, что, по его словамъ, было вызвано совершенно особою цѣлью разбираемаго нами очерка. Авторъ имѣлъ въ виду изобразить постепенныя улучшенія въ различныхъ частяхъ, въ связи съ изложеніемъ мѣръ, направленныхъ къ этому улучшенію. Поэтому авторъ выдвинулъ на первый планъ пересказъ распоряженій, реформъ и затѣмъ перечень наблюдавшихся послѣ того перемѣнъ.

Само собой разумѣется, изображеніе бытовыхъ сторонъ, передача отдѣльныхъ эпизодовъ, подробныя біографіи дѣятелей—все это не имѣетъ мѣста въ очеркѣ, зато авторъ пытается провести параллель между постановкою медицинскаго образованія у насъ въ Россіи и между подготовкою врачей въ Западной Европѣ. Особенно эти параллели приводятся при разборѣ первоначальной эпохи существованія академіи.

Настоящій очеркъ заканчивается 1854 годомъ; тѣмъ не менѣе авторъ уже приходитъ къ выводу, что своимъ современнымъ состояніемъ академія обязана заботамъ о ней военнаго министерства; другія учрежденія создали ее, обезпечили ей дальнѣйшее развитіе, но въ узкихъ рамкахъ, и чтобы поставить школу на надлежащую высоту, потребовалось энергичное вмѣшательство военнаго

министерства, что и создало для академіи такую обстановку, о которой раньше нельзя было и мечтать.

Очеркъ раздѣляется на три части. Въ первой изъ нихъ авторъ останавливается на изложеніи состоянія медицинскаго образованія до воцаренія Александра I. Здѣсь можно встрѣтить данныя о доисторической медицинѣ, о медицинѣ у классическихъ народовъ, о военной медицинѣ въ средніе и новые вѣка, о медицинѣ въ Московской Руси; далѣе авторъ излагаетъ историческія данныя объ устройствѣ у насъ первыхъ врачебныхъ школъ, хирургическихъ училищъ, а рядомъ останавливается на вопросѣ о медицинскомъ преподаваніи въ Западной Европѣ въ XVIII столѣтіи. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ «отрадному» выводу, что въ изучаемую имъ эпоху по сравненію съ Западомъ у насъ было уже сдѣлано немало, но на Западѣ оказались готовые образцы, которымъ и надо было подражать при желаніи поставить отечественныя школы на должную высоту; плодомъ усилій нашихъ реформаторовъ явилось созданіе у насъ медико-хирургической академіи, первоначальнымъ устройствомъ которой заканчивается первая часть очерка.

Во второй части очерка авторъ касается исторіи академіи въ эпоху Александра I. Наиболее интересными являются тѣ страницы очерка, которыя касаются внутренней жизни академіи. Авторъ утверждаетъ, что среди учащихся преобладали воспитанники духовныхъ семинарій; по указу 1797 г. ежегодно изъ разныхъ семинарій доставлялось 50 учениковъ. Предварительно они подвергались во врачебныхъ управахъ испытаніямъ въ знаніи латинскаго языка и словесныхъ наукъ. За проѣздъ въ Москву уплачивалось каждому по 30 рублей, въ Петербургъ 70 рублей. Поповичи съѣзжали въ академію въ сентябрѣ, представляли свои аттестаты и подвергались экзаменамъ. Принятые давали подписки въ томъ, что если пожелаютъ уйти до производства въ лѣкаря, то обязаны внести всю истраченную на нихъ сумму; затѣмъ приносили присягу. Непринятые отсылались обратно въ провинцію.

Составъ учащихся отражался и въ нравахъ студентовъ. Казеннокштные были представителями голодной бурсы. Воспитаніе въ семинарии не способствовало мягкости характера; бурсакъ отличался наклонностями къ насиліямъ, пьянству и, поступивши въ академію, не мѣнялъ своего характера.

Въ отиѣткахъ о поведеніи академическихъ учащихся встрѣчаются такія выраженія: «грубъ, дерется, часто пьетъ»; наказанія назначаются за такіе, напримѣръ, проступки, какъ «буйство», «междоусобную драку» и т. п.; иногда происходили бунты, и тогда учащіеся били посуду, стекла въ окнахъ. Приходилось арестовывать всѣхъ воспитанниковъ и прекращать на время чтеніе лекцій. Такіе случаи, къ счастью, бывали очень рѣдко. Уроженцы южныхъ губерній отличались болѣе мягкими нравами, не были склонны къ пьянству, имѣли лучшую подготовку; поэтому не странно, что изъ ихъ среды выходили лучшіе врачи и профессора; особенно это относится къ воспитанникамъ Кіевской духовной академіи.

Провинившіеся подвергались различнымъ наказаніямъ, а иногда и вовсе увольнялись изъ академіи.

Впрочемъ, нѣкоторые, даже не замѣченные въ дурномъ поведеніи, сами просили объ увольненіи, при чемъ большинство ссылалось на отвращеніе къ

анатоміи. Отъ казеннокоштныхъ въ подобныхъ случаяхъ, конечно, требовали возвращенія денегъ, истраченныхъ на нихъ. Но, говоря вообще, ухидившихъ изъ академіи до окончанія курса было очень мало.

Всѣ учащіеся казеннокоштные жили въ академическомъ зданіи и были размѣщены по камерамъ; послѣднія отапливались плохо. На содержаніе учащагося полагалось по штату сначала 120 рублей, потомъ эта сумма была увеличена до 147 рублей; но деньги имѣли «странную склонность застревать въ карманахъ разныхъ экономовъ». Поэтому несчастные воспитанники жили впроголодь, а получавшееся ими лично жалованье истрачивалось на пріобрѣтеніе книгъ и одежды. Своекостные назывались волонтерами. Они были почти исключительно нѣмцы; при открывшейся вакансіи они могли переводиться въ казеннокоштные, разумѣется, по личному желанію.

Не лучше обстояло дѣло и съ академическими постройками, которыя начались въ 1799 г.; императоръ торопилъ строителей, они были крайне точны въ расходахъ, но злые языки утверждали, что у строителей идетъ воровство, въ результатѣ чего архитекторъ съ помощникомъ были отданы подъ судъ; архитекторъ скоро повѣсился. Академія сначала освѣщалась... лучинами, послѣ пожара 1803 г. были введены свѣчи въ фонаряхъ, а затѣмъ лампы съ постнымъ масломъ. При вечернихъ занятіяхъ зажигались сальные свѣчи.

Авторъ разсказываетъ также интересную исторію созданія и гибели академическаго журнала «Всеобщій журналъ врачебной науки», который аккуратно выходилъ только въ 1811 году; въ слѣдующемъ году вышло уже три книги, затѣмъ журналъ прекратился, хотя въ 1816 г. была сдѣлана попытка къ его возрожденію. Причиной неуспѣха считали огромный дефицитъ, вслѣдствіе недостатка подписчиковъ, да и отсутствія, вѣроятно, интереса къ такому изданію на русскомъ языкѣ.

Въ послѣдней части своего труда г. Скориченко даетъ грустную характеристику Николаевской эпохи. Онъ находитъ, что администрація находилась подъ вліяніемъ реакціи и чуждалась всего новаго, свѣжаго, въ то время, какъ въ Европѣ замѣчался подъемъ силъ, въ наукахъ пробивались новыя направленія, дѣлались важныя открытія и изобрѣтенія. Немногіе изъ образованныхъ русскихъ, побывавши за границей, знакомились съ послѣдними явленіями въ области науки и завозили новыя вѣянія въ Россію. Но здѣсь они наталкивались на всеобщую отсталость, апатію и сами вовлекались въ нее. Поэтому въ эпоху Николая I исторія академіи даетъ мало отраднаго: это — глухое время отсталости, упадка; дѣлались нѣкоторыя улучшенія, зашпивались старыя прорѣхи, но въ общемъ старались оставить все постарому.

Авторъ не отрицаетъ у эпохи нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ, но онѣ были мало замѣтны; подготовка академическихъ воспитанниковъ заставляла желать многого, хотя и превосходила подготовку учившихся въ другихъ русскихъ врачебныхъ школахъ; не всѣ преподаватели стояли на уровнѣ современной имъ науки, нѣкоторые долго сидѣли на своихъ мѣстахъ и вносили застой туда, гдѣ жизнь должна быть ключемъ; учебныя пособія порою находились въ безобразно плохомъ состояніи, отъ чего сильно страдало преподаваніе. Но всѣ эти недочеты не всегда зависѣли исключительно отъ академіи: они нерѣдко вызывались печальнымъ состояніемъ культуры въ нашемъ отечествѣ.

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что «общество... переживало періоды тяжелой реакціи, глубокаго застоя, растерянности, и такое настроеніе отражалось и на академіи. Личность у насъ никогда не находила простора. Самодѣятельность, страстное исканіе лучшихъ формъ мысли и жизни наталкивалось на окаменѣлыя воззрѣнія. Такія условія угнетали и принижали академическихъ дѣятелей, да и не ихъ однихъ».

Въ приложеніи къ очерку помѣщены нѣкоторые сырые матеріалы: различные указы, доклады и уставы.

Очеркъ г. Скориченка читается легко и съ интересомъ. Жаль лишь, что авторъ иногда не дѣлаетъ ссылокъ на источники, что является не только полезнымъ, но прямо-таки необходимымъ для справокъ.

Въ концѣ книги приложенъ «указатель именъ и предметовъ»; мы дѣлали провѣрку указателю, и онъ при всѣхъ нашихъ опытахъ соответствовалъ дѣйствительности: явленіе—слишкомъ рѣдкое у нашихъ составителей предметныхъ и поименныхъ указателей.

Н. Ф.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія. Характеристики. Съ портретомъ В. А. Спб. 1904.

Настоящая книга является роскошнымъ вѣнкомъ, возложеннымъ любящими руками на могилу извѣстнаго дѣятеля административнаго и судебнаго вѣдомства, Арцимовича, въ одиннадцатую годовщину его кончины. Здѣсь нѣтъ претензіи на біографію—даны «воспоминанія» и «характеристики», и при томъ сдѣлано это удивительно просто, задумчиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ мастерски и полно. Слова введенія говорятъ: «родныя ему (т.-е. Арцимовичу) руки съ усердіемъ, согрѣтымъ неувыдающею къ нему любовью, собрали въ настоящей книгѣ все относящееся къ его памяти и имъ доступное. Полагая, такимъ образомъ, нѣкоторую преграду столь обычному у насъ забвенію о служителяхъ высшихъ общественныхъ потребностей, этотъ сборникъ не можетъ, однако, назваться полнымъ. Есть, конечно, люди, въ душѣ которыхъ живутъ воспоминанія о встрѣчахъ съ Викторомъ Антоновичемъ на жизненномъ пути, не вылившіяся лишь въ оиреѣленную форму. Быть можетъ, предлагаемое изданіе послужитъ для нихъ призывомъ подѣлиться этими воспоминаніями съ русскимъ обществомъ». Хотя составитель сборника скромно и утверждаетъ, что матеріалъ, здѣсь заключенный, не совсѣмъ полонъ, но слова его должны быть истолковываемы, какъ актъ скромности, ибо врядъ ли въ встрѣчающихся обычныхъ біографіяхъ общественныхъ дѣятелей можно собрать столь полно данныя о дѣятельности сошедшаго съ арены человѣка, какъ это сдѣлано въ настоящемъ случаѣ. Конечно, въ жизнеописаніяхъ гениальныхъ людей, людей міроваго историческаго значенія, важна каждая черточка, каждый моментъ ихъ жизни и работы, но покойный Арцимовичъ на такое значеніе претендовать не можетъ. Сфера его дѣятельности, площадь его жизненнаго поприща были болѣе или менѣе ограничены, и вотъ въ этихъ то предѣлахъ составители книги сдѣлали все, отъ нихъ зависящее. Передъ читателями не только возстаетъ во всю величину, въ общественномъ и государственномъ отношеніи, покойный дѣятель административнаго и судебнаго вѣдомства, но на нихъ живымъ дыханіемъ вѣетъ и та бы-

товая и историческая эпоха, та специальная обстановка, въ которой ему суждено было жить и дѣйствовать. Такимъ образомъ передъ нами обрисовывается не только образъ въ живыхъ краскахъ, но и общій фонъ, въ который его поставила сама жизнь. Для будущаго изслѣдователя провинціальной жизни нашего отечества во второй половинѣ прошедшаго столѣтія настоящая книга даетъ богатый матеріалъ, предоставляя въ его распоряженіе немало фактовъ изъ жизни западно-сибирской, срединной и западной Россіи. Въ отдѣлѣ первомъ книги мы знакомимся съ Арцимовичемъ въ роли губернатора Тобольской губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ познаемъ общія условія тогдашней неупорядоченной сибирской жизни во многихъ ея любопытныхъ моментахъ, не потерявшихъ значенія и для нашихъ дней. Во второмъ — статьи и воспоминанія гг. Обнинскаго, Корнилова, Сахарова, Муромцева и Греницева раскрываютъ передъ нами дѣятельность Арцимовича, какъ калужскаго губернатора, въ знаменательные дни освобожденія крестьянъ и, наконецъ, третій отдѣлъ рисуетъ передъ нами покойнаго, какъ участника въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ царства Польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія (1863—1866 гг.). Такова была разносторонняя дѣятельность энергичнаго администратора, находившая себѣ примѣненіе въ разныхъ концахъ нашего отечества. Въ послѣдней жизненной фазѣ мы видимъ Арцимовича дѣятелемъ сначала кассационнаго, потомъ перваго департамента въ сенатѣ, гдѣ онъ въ теченіе 12 лѣтъ исполнялъ многотрудныя обязанности первоприсутствующаго. Изъ этого нами сжатаго *curriculum vitae*, широко разработаннаго въ нѣсколькихъ отдѣлахъ книги, легко усматривается, что покойный являлся живымъ дѣятелемъ и участникомъ важнѣйшихъ моментовъ «эпохи великихъ реформъ», горячимъ поборникомъ тѣхъ началъ, которыя положены въ основу этихъ реформъ, а потому, если къ кому въ полной мѣрѣ и можно примѣнить ходячій эпитетъ «шестидесятникъ» въ лучшемъ и активномъ значеніи этого слова, то это былъ именно — онъ, Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, столь много поработавшій на пользу реформируемой Россіи.

Отдѣлы четвертый и пятый книги составители посвятили юбилейнымъ служебнымъ днямъ Арцимовича и посмертнымъ о немъ некрологическимъ памятованіямъ. Въ приложеніи даны нѣкоторыя очень интересныя письма покойнаго, рисующія его взгляды на многія явленія внутренней административной жизни нашего отечества. Самое начало книги открывается мастерски написанною характеристикю Арцимовича, принадлежащею перу виртуоза русскаго слова — А. Ѳ. Кони, гдѣ въ гармоничныхъ фразахъ, сжатыхъ и блестяще отдѣланныхъ, сказано такъ много говорящаго и уму и сердцу читателей, которымъ дороги устои русской обновленной жизни въ «эпоху великихъ реформъ».

Б. Гл—скій.

Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины. Спб. 1904.

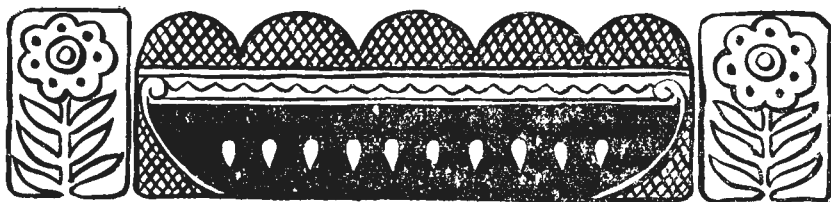
«Историческій Вѣстникъ» былъ первымъ большимъ органомъ печати, который велѣдъ за кончиною извѣстнаго сибирскаго патріота, Н. М. Ядринцева, почтилъ его память на своихъ страницахъ достаточно полною для своего

времени биографіей, которая, вскорѣ спустя, и поступила въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ съ приложеніемъ вступительной статьи тоже нынѣ покойнаго В. П. Острогорскаго и воспоминаній о Ядринцевѣ его личнаго друга и сотоварища по дѣятельности на пользу Сибири, П. Н. Потавина. Какъ статья, такъ и брошюра были благосклонно встрѣчены критикою и въ особенности писателями изъ числа сибиряковъ, но, тѣмъ не менѣе, изданіе большого распространенія не имѣло. Авторъ, въ интересахъ популяризаціи имени Ядринцева и запечатлѣнія его памяти среди подрастающихъ поколѣній, дѣлалъ довольно выгодныя предложенія нѣкоторымъ сибирякамъ-меценатамъ, устраняя себя при томъ отъ матеріальной заинтересованности, но, увы, кромѣ платоническаго сочувствія своимъ благимъ намѣреніямъ, ничего не увидаль, и его намѣренія остались неосуществленными. Тѣмъ временемъ и на своей родинѣ, на мѣстѣ своего вѣчнаго упокоенія, покойный Ядринцевъ немногимъ былъ почетенъ своими неблагодарными земляками. Такъ, «Восточное Обзорѣніе», поминая 5-ю годовщину смерти сибирскаго патріота, сообщило, «что могила Ядринцева въ настоящее время представляетъ изъ себя почти полное запустѣніе: простая ограда, земляная насыпь, сплошь поросшая бурьяномъ, поляный желтый крестъ, распатанный вѣтромъ, съ нѣсколькими тоже отцвѣтшими вѣнками, съ надписью на нихъ и всевидящимъ окомъ—все это, взятое вмѣстѣ, навѣваетъ грустныя размышленія». Памятникъ былъ поставленъ лишь на слѣдующій годъ (слишкомъ 5 лѣтъ нетароватые на деньги сибиряки собирались съ силами!), но зато съ научно-литературною оцѣнкою и общественною характеристикю Ядринцева его земляки тоже не торопились (по поговоркѣ—вылежится, зрѣлье станетъ!); очевидно, для сего не находилось ни подходящихъ силъ, ни... настоящаго желанія. Правда, въ Петербургѣ слышались разговоры, что нужно во что бы то ни стало приступить къ составленію обширной и полной биографіи Николая Михайловича, со включеніемъ сюда его многочисленныхъ писемъ, ненапечатанныхъ стихотвореній, мемуаровъ и пр.; называли даже одну женскую фамилію, собственницѣй коей эта работа должна была быть поручена подъ редакціей одного извѣстнаго писателя, но опять-таки и тутъ у сибиряковъ дальше праздныхъ разговоровъ дѣло не двигалось, и имя Ядринцева такимъ образомъ постепенно забывалось и въ журналистикѣ, и среди новыхъ грядущихъ поколѣній. Эта маленькая историческая справка о чествованіи памяти сибирскаго патріота довольно поучительна для иллюстраціи извѣстныхъ словъ поэта «суждены намъ благіе порывы»... и для характеристики продуктивныхъ силъ русской интеллигенціи. Дальнѣйшая судьба этого чествованія тоже довольно-таки назидательна и любопытна. Только въ октябрѣ 1903 г. нынѣшній редакторъ-издатель «Восточнаго Обзорѣнія», г. Поповъ, взялъ на себя инициативу подвинуть впередъ дѣло о биографіи Ядринцева. Въ этихъ видахъ онъ пожаловалъ въ Петербургъ и здѣсь поручилъ въ теченіе 5 мѣсяцевъ приготовить литературный памятникъ Ядринцеву ко дню десятилѣтія его кончины, каковую работу и принялъ на себя г. Лемке. И дѣйствительно, г. Лемке оправдалъ возложенныя на него надежды: онъ «подалъ къ сроку заказъ» и тѣмъ спасъ сибиряковъ и редакцію «Восточнаго Обзорѣнія» отъ немалаго конфуза. Десятилѣтіе со смерти Ядринцева было почтено такимъ образомъ—изданіемъ его биографіи. Каково ея качество—вопросъ другой, а дабы этотъ вопросъ особенно рѣзко не былъ поставленъ критикою, г. Поповъ поспѣшилъ заслонить г. Лемке своею спиною: онъ снабдилъ изданіе введеніемъ, гдѣ счелъ долгомъ кратко повѣдать читателямъ, почему Ядринцевъ удо-

стается биографіи, и тутъ же попутно сообщить, изъ какого матеріала она составлялась, и каковъ былъ ея общественный антуражъ. Нѣсколько сконфуженныя признанія г. Попова столь любопытны, что ихъ стоитъ процитировать. Онъ говоритъ: «мы не претендуемъ дать всестороннюю оцѣнку и биографію Н. М., исчерпать всю глубину таланта, все, чѣмъ жилъ такой замѣчательный человѣкъ, какимъ былъ Н. М. Ядринцевъ. Быть можетъ, доля вины лежитъ въ насъ самихъ¹⁾: мы не сумѣли съ достаточной убѣдительною обратиться къ сибирякамъ, отнесшимся индифферентно къ нашему предложению издать первую обширную биографію Н. М. Ядринцева, въ которой должны быть сведены и систематизированы всѣ матеріалы, всѣ данныя, могущія полно охарактеризовать личность замѣчательнаго сибиряка. На наше обращеніе подѣлиться письмами, матеріалами Ядринцева, свѣдѣніями о немъ откликнулись очень и очень немногіе. Архивъ покойнаго, заключающій въ себѣ много цѣнныхъ матеріаловъ, къ сожалѣнію, еще не разработанъ. Отправить его къ составителю биографіи мы не могли, потому что онъ не въ нашемъ распоряженіи. Изъ него мы временами извлекали очень цѣнные данныя для характеристики личности Н. М. Ядринцева, и онъ, конечно, пролилъ бы много свѣта на личность Н. М. и облегчилъ бы трудъ составителя биографіи. Такимъ образомъ биографіа составлялась на основаніи многочисленныхъ печатныхъ трудовъ покойнаго, отзывы о немъ и немногочисленныхъ, относительно, рукописныхъ матеріаловъ и писемъ, имѣвшихся въ редакціи газеты «Восточное Обзорѣніе», и тѣхъ рукописей и писемъ, которыми подѣлились немногія частныя лица, главнымъ образомъ, В. И. Семидаловъ, отнесшійся съ большимъ сочувствіемъ къ проекту ознаменовать десятилѣтіе смерти Ядринцева составленіемъ биографіи. При этомъ мы должны замѣтить, что авторъ биографіи, М. К. Лемке, вынужденъ былъ составить биографическій очеркъ въ сравнительно короткое время: въ его распоряженіи было всего пять мѣсяцевъ. Указанныя выше обстоятельства, препятствующія до извѣстной степени успѣшному выполненію проекта составить биографическій очеркъ Н. М. Ядринцева, не могли остановить редакцію газеты «Восточное Обзорѣніе», кровно связанную съ Николаемъ Михайловичемъ, ея основателемъ, редакторомъ и издателемъ, давшимъ тонъ газетѣ и направившимъ ее». Повинную голову мечъ не счѣтетъ: г. Поповъ извинился и за себя и за г. Лемке, произнесъ какъ бы и судъ надъ его работою. Она скороспѣла, не полна и чего нибудь существенно новаго къ тому, что извѣстно въ литературѣ о Ядринцевѣ, не прибавила. Самое любопытное въ ней — отрывки изъ писемъ къ г. Семидалову, гдѣ встрѣчаются нѣкоторыя биографическія данныя, доселѣ мало извѣстныя въ литературѣ. Г. Лемке, пожалуй, сдѣлалъ все, что могъ въ столь короткій срокъ и какъ умѣлъ, на основаніи скуднаго матеріала, но литераторы-то сибиряки, редакція «Восточнаго Обзорѣнія», друзья и сотоварищи Ядринцева, какъ они хорошо обрисовываются во всѣхъ этихъ исторіяхъ съ биографіями покойнаго сибирскаго патріота!...

В. Гл.

¹⁾ Совершенно вѣрно, г. Поповъ!

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВАКЛИНАНІЯ отъ болѣзней въ Вавилонѣ. На дняхъ помощникъ хранителя Британскаго музея, Томпсонъ, выпустилъ въ свѣтъ второй томъ своего ученаго труда по изслѣдованію и переводу клинообразныхъ письменъ, хранящихся въ этомъ музеѣ ¹⁾. Содержаніе этихъ таинственныхъ текстовъ касается врачеванія вавилонянами различныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, лихорадки и головной боли, навѣваемыхъ бѣсами и злыми духами. Эти начертанные на глиняныхъ дощечкахъ тексты взяты изъ Ассурбанипаловой библіотеки, находящейся въ Куюнджукѣ. Основательно изслѣдовавъ ихъ, Томпсонъ приходитъ къ убѣжденію, что они написаны на древнемъ, или сумерійскомъ нарѣчій Месопотаміи шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Средства врачеванія заключались въ опредѣленныхъ обрядахъ и нѣкоторыхъ лечебныхъ травахъ, употреблявшихся для припарокъ. Лѣченіе принимало форму разговора между божествомъ волшебства, Эа, и его сыномъ, Мардукомъ. Вотъ что говорится на вавилонскихъ клинообразныхъ дощечкахъ: «Лихорадка, какъ ураганъ, налетѣла на этого человѣка и совершенно его сразила. Онъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни стать и не зналъ покоя, такъ наказалъ его богъ. Мардукъ его видѣлъ и, придя въ домъ своего отца, сказалъ: «Отецъ, лихорадка распространилась изъ подземнаго міра: что дѣлать несчастному?» — Эа отвѣчалъ Мардуку: «Развѣ ты не знаешь, что все мнѣ извѣстно — тебѣ извѣстно: къ этому я ничего не могу прибавить. Пойди сынъ мой, Мардукъ, возьми бѣлаго агнца и положи его противъ больного; потомъ вырви изъ агнца сердце и дай его въ руки больного, произнося заклинаніе Эрду. Агнецъ, изъ котораго ты

¹⁾ The Devils and Evil Spirits of Babylonia; by R. Campbell Thompson. Vol. II. London. 1904.

вынешь сердце, будетъ принесенъ въ жертву ради искупленія несчастнаго. Возьми курильницу и факель, положи ихъ на улицу и наложи перевязку на больного. Произнеси снова заклинаніе Эриду и обратись съ воззваніемъ къ великимъ божествамъ, чтобы злой духъ, бѣсъ, лихорадка или тяжелая болѣзнь, находящіеся въ больномъ, покинули его. Сдѣлавъ все это, уйди изъ того дома». Такова общая формула заклинаній, и, прочитавъ цѣлый рядъ ихъ на глиняныхъ дощечкахъ, вы невольно удивляетесь однообразію врачебныхъ средствъ въ Вавилонѣ. Замѣчательно, что встрѣчаемыя въ сумерійское время врачебныя средства или, вѣрнѣе, врачебныя суевѣрія были распространены и въ послѣдующія времена; они сохранились въ Шотландіи даже до XIX столѣтія. Такъ, на примѣръ, болѣзни передавались отъ людей къ домашнимъ животнымъ, которыхъ убивали; дѣлались восковыя изображенія больныхъ, и имъ передавали болѣзнь и т. д. Томпсонъ указываетъ, что и въ священномъ писаніи говорится о злыхъ духахъ, переходившихъ изъ прокаженныхъ въ стадо свиней.

— Римскія виллы во времена республики и имперіи. П. Гюсманъ издалъ въ Парижѣ новую историческую книгу ¹⁾ «La villa impériale de Tibur», въ которой знакомитъ читателя съ оригинальнымъ устройствомъ одной изъ римскихъ виллъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ. Авторъ остановился на одной изъ императорскихъ виллъ, подобной которой не найдется въ древнемъ Римѣ, устроенной самымъ оригинальнымъ римскимъ императоромъ. Онъ осуществилъ свою фантазію—собрать изъ всѣхъ уголковъ своихъ обширныхъ владѣній все, что плѣняло его взоры,—не только собрать копии образцовыхъ произведеній искусства и памятниковъ, но и воспроизвести цѣлыя мѣстности, поразившія его своею грандіозностью или очаровавшія его своей прелестью. Этотъ императоръ былъ преемникъ Траяна, Адрианъ, родившійся въ 76 г. и умершій въ 38 г., который оказалъ немало услугъ своему государству. Извѣстно, что Адрианъ страстно любилъ путешествія; онъ стремился ознакомиться со всей принадлежавшей ему обширной имперіей и обошелъ пѣшкомъ почти всю страну. Во время этого странствованія онъ приказалъ сдѣлать копии съ замѣчательныхъ образцовъ искусства и памятниковъ. Мало того, не имѣя возможности посѣщать понравившіяся ему мѣстности, онъ приказалъ точно воспроизвести ихъ въ своихъ садахъ. У Египта онъ заимствовалъ Каноппъ, у Аѳинъ—Пританей, Академію и Лицей, у Фессаліи—Темпейскую долину и т. д. Вокругъ всѣхъ памятниковъ и пейзажей онъ задумалъ устроить греческій и римскій театры, одeonъ, портики, библіотеки и даже таинственное подземелье, названное адомъ. Для скорѣйшаго осуществленія этой затѣи художникъ-императоръ—такъ какъ онъ самъ владѣлъ кистью и даже былъ архитекторомъ—приказалъ собрать цѣлыя артели рабочихъ и художниковъ. Ихъ было такое множество, что пришлось организовать изъ нихъ по-военному когорты и центуріи. Вилла Адриана была расположена у подножья холма Тиволи, среди оливковыхъ деревьевъ, тонущихъ въ синеватомъ туманѣ черныхъ тисовъ, лавровъ, миртъ. Отъ громадныхъ входныхъ воротъ къ ней ведетъ аллея, окаймленная тисами. Мѣстность, на которой находится вилла, живописна: волнистая до-

¹⁾ La villa impériale de Tibur, par P. Gusman. Paris. 1904.

лина съ протекавшими на ней водами представляет плодородную почву, покрытую богатой растительностью, усыпанную цвѣтами; пространный горизонтъ открывалъ разомъ Римъ, море и горы и какъ нельзя болѣе соответствоваль грандіозному Адрианову плану, который былъ смѣло и художественно исполненъ. Всѣ скопированные предметы не носятъ на себѣ характера рабскаго подражанія, а имѣють своеобразный розмахъ. Такъ Адрианъ ввелъ повсюду куполы и своды, рѣдко попадающіеся въ греческой архитектурѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ сохранить точное воспоминаніе объ оригиналахъ, что видно въ стилѣ аксессуаровъ и въ приспособленіи внутренняго зданія. Исполненіе всѣхъ этихъ копіи отличается вполнѣ правильнымъ, нѣсколько холоднымъ изяществомъ, говорящимъ объ утонченности и тонкой изысканности любителя, жившаго въ эпоху науки, а не о вдохновеніи. Въ глазахъ историка за Адрианомъ есть еще заслуга. Адрианъ своимъ воодушевленіемъ и волей на время удержалъ искусство отъ паденія. Царствованіе Траяна было для римлянъ эпохой возрожденія, но уже чувствовался закатъ, и даже техника слабѣла; Адрианъ же принудилъ искусство бросить «последній сногъ блестящихъ искръ». Кроме того, только благодаря своеобразной фантазіи этого государя, собравшаго на своей виллѣ копіи со статуй и барельефовъ, навсегда для насъ потерянныхъ въ оригиналѣ, европейскіе музеи имѣють ихъ копіи.

Книга Гюсмана вызвала появленіе статьи ¹⁾ о римскихъ виллахъ Эдмона Курбо, въ первомъ сентябрьскомъ номерѣ «Revue des deux mondes». Въ концѣ республики и въ началѣ имперіи въ Италиі распространилась мода на загородныя виллы. До тѣхъ поръ у римлянъ не было свободнаго времени отправляться на дачи во время лѣтнихъ каникулъ: ихъ болѣе занимали государственныя дѣла и завоеванія. Если они и покидали городъ, то лишь ради того, чтобы стать во главѣ легионовъ или занять мѣсто въ провинціальной администраціи. Единственнымъ исключеніемъ былъ Сципіонъ, удалившійся въ Литерну и упорно рѣшившійся умереть вдаль отъ Рима. Римляне же, владѣвшіе землями, среди сельскихъ заботъ не забывали обязанностей, налагаемыхъ на нихъ городской жизнью. Если они и оставались среди красотъ природы, то совсѣмъ не для того, чтобы ими наслаждаться, а съ единственною цѣлью эксплуатировать свои владѣнія, заставляя работать рабовъ и наблюдать за выжимкою винограда и оливокъ. Такимъ образомъ, загородныя виллы служили фермами, и слово *villa* означало какъ дачи, такъ и фермы. Но со времени Катона послѣдовала перемѣна: Греція и особенно «изнѣженная Іонія», безпрестанно посѣщаемая римлянами, приучили ихъ къ роскоши, развили вкусъ ко всему изящному и къ прекраснымъ вилламъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ военные и чиновники богатѣли, и новыя богатства дали средства удовлетворять новыя желанія. Не охладѣвая къ общественнымъ дѣламъ, они почувствовали желаніе жить для себя и для своихъ друзей. У нихъ явилось стремленіе къ прекрасному и красивому, и римлянинъ не считался болѣе человѣкомъ хорошаго происхожденія, если онъ не могъ бесѣдовать о поэзіи, краснорѣчій и философіи. Явилась необходимость, до тѣхъ поръ неизвѣстная,

¹⁾ Les maisons de campagne romaines sous la république et l'empire, par Edmond Courbaud. «Revue des deux mondes», 1—15 Septembre 1904.

удѣлять на ученіе часть своего существованія, а для этого потребовался укромный, пріятный уголокъ, куда не проникала бы политика, и гдѣ можно было бы оставаться «самимъ собой». Еще болѣе требовала такого уединеннаго мѣстечка литература, и Цицеронъ, когда хотѣлъ дать рамку своимъ разсужденіямъ о краснорѣчій или своимъ философскимъ спорамъ, то переносилъ сцены своихъ діалоговъ на виллы. Но не одинъ Цицеронъ работалъ въ уединенной виллѣ: ораторъ Крассъ составилъ теорію своего искусства въ горахъ, куда онъ удалялся въ сопровожденіи Антонія и другихъ друзей. Всѣ занимавшіеся литературой обладали сельскими домами, куда любили удаляться при первомъ удобномъ случаѣ. Менѣе культурные, но богатые римляне тоже строили себѣ виллы, хотя не изъ желанія сельскаго уединенія, а изъ любви къ роскоши и расточительности. Эта пережѣна въ настроеніи римлянъ вызвала появленіе многочисленныхъ виллъ въ послѣднія сорокъ лѣтъ республики. Каждый частный человѣкъ стремился пріобрѣсть ихъ, какъ можно болѣе. Лучшими по великолѣпію считались въ ту эпоху виллы Лукулла и Гортензія. Цицеронъ чрезмѣрно увлекался страстью пріобрѣтать виллы и украшать ихъ. Когда въ концѣ его жизни, послѣ смерти Цезаря, ему пришлось удалиться изъ Рима, гдѣ онъ не былъ въ безопасности, то величайшій ораторъ не могъ утѣшиться, думая о томъ, что болѣе не увидитъ своихъ «прекрасно устроенныхъ и очаровательныхъ виллъ, перловъ Италіи». Онъ сожалѣлъ произведенія искусствъ, которыми онъ щедро ихъ украшалъ, напримѣръ, картинныя галереи, садовыя статуи греческихъ художниковъ; книги своей бібліотеки, утѣшавшія его въ минуту политическихъ невзгодъ; прекрасныя тѣнистыя аллеи, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ друзьями о философіи и краснорѣчій; наконецъ, поля, которыя какъ нельзя болѣе благоприятствовали ученію, доставляя Цицерону самое полное счастье. Его страсть доходила до того, что, истративъ всѣ свои небольшія средства на покунку статуй, картинъ и книгъ, онъ сталъ дѣлать долги. У него было восемь виллъ въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи. Самая отдаленная виλλα находилась въ Помпеѣ, недалеко отъ Неаполитанскаго залива. Затѣмъ онъ владѣлъ виллами на морскомъ берегу въ Пуццоло и Кумахъ, а также близъ Лукринскаго озера. Въ Пуццоло онъ вкушалъ полное спокойствіе, но не чувствовалъ себя вполне дома, какъ на другихъ виллахъ, находившихся близъ Байи, очень опаснаго мѣста, «гостиницы всѣхъ пороковъ», какъ Сенека называлъ впоследствии этотъ уголокъ. Байи служили мѣстомъ сборища всѣхъ модниковъ и модницъ; тамъ устраивались всевозможныя увеселенія и завязывались тысячи любовныхъ интригъ. Оставаясь долго среди этого водоворота удовольствій, легко было потерять репутацію серьезнаго человѣка, тогда какъ въ Форміи или Анціумѣ Цицеронъ могъ жить въ свое удовольствіе, не вызывая упрековъ Катона или грубыхъ обвиненій Клодія. На виллѣ близъ Лаціумскаго моря Цицеронъ лѣниво читалъ или гулялъ, любуясь на волны; хотя Формія казалась ему пріятнымъ уголкомъ, но это впечатлѣніе портити надоедливые гости, являвшіеся туда и, несмотря на его просьбы, отказывавшіеся вернуться въ Римъ, желая остаться съ нимъ, чтобы вмѣстѣ философствовать. Публика ему надоедала, и онъ пускался въ путь къ Арпинамъ, находившимся при входѣ въ Аbruцкія горы. Сначала дикая природа его очаровывала,

и онъ мечталъ только о скалахъ, но необычайная подвижность впечатлѣнія скоро брала верхъ, и ему казалось, что здѣсь онъ слишкомъ одинокъ, такъ какъ даже въ Форміи онъ жаловался, что находился какъ бы на концѣ свѣта и не имѣлъ извѣстій о событіяхъ въ Римѣ, а поэтому, покинувъ и эту виллу, онъ отправлялся на Тускуланскую виллу, находившуюся близъ Рима. Онъ охотно бы купилъ себѣ виллу близъ самаго Рима, чтобы его садъ соприкасался съ городской заставой, но земля тамъ стояла слишкомъ дорого, и вмѣсто береговъ Тибра онъ довольствовался Альбанскими горами, ежедневно получая всѣ извѣстія о римскихъ дѣлахъ, а потому оставался здѣсь долѣе, чѣмъ на другихъ виллахъ. Послѣ паденія республики онъ удалился туда и проживалъ тамъ вмѣстѣ съ братомъ Квинтомъ: здѣсь онъ узналъ, что Октавій отдалъ его голову Антонію. Тамъ онъ жилъ все время и отсюда отправился въ Римъ, гдѣ, нѣсколько дней спустя, его убили. Но не одинъ Цицеронъ имѣлъ столько виллъ: богатые римляне владѣли еще большимъ количествомъ виллъ. Въ эпоху имперіи общество сильнѣе, чѣмъ прежде, стало заниматься литературой, и общественная жизнь еще болѣе развивалась. Все сильнѣе и сильнѣе возростала потребность видѣться другъ съ другомъ и прочесть вмѣстѣ пьесу въ стихахъ, обмѣняться мыслями, или просто поговорить о различныхъ предметахъ. Съ этою цѣлью римляне отправлялись на дачи, и вскорѣ весь берегъ Тибра до моря покрылся виллами, сады которыхъ оканчивались террасами, выходившими на Тибръ. На Тибрѣ было столько виллъ, что, по словамъ Плинія, «всѣ вмѣстѣ взятая рѣка не могли выставить столько». Это было мѣстомъ сборища всего изящнаго римскаго общества. По вечерамъ веселые гости, возлежа на ложахъ за столами, поивали Лиссабонское вино изъ кубковъ, вычеканенныхъ Мениторомъ, въ то время какъ предъ ихъ глазами плыли легкія лодочки. Дачи устраивались у устья рѣки, вблизи Остіи, сдѣлавшейся хлѣбнымъ складомъ Рима, ежедневно изъ Африки доставлялось хлѣбное зерно. Какъ во всѣхъ торговыхъ городахъ, здѣсь находились богатые купцы и банкиры, которые устраивали богатая, роскошныя виллы и блестяція празднества. Римскіе горожане, соблазнившись прелестью загородной жизни, тоже пожелали проводить нѣкоторое время въ этихъ мѣстностяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, можно было считать за «мѣстожительство Венеры, столько было тамъ зелени и цвѣтовъ, а воздухъ благоухалъ розами». Эта похвала относилась не только къ Остіи, но ко всему побережью, по направленію къ Анціуму, который былъ не менѣе заселенъ. Остія въ сущности представляла нездоровую болотистую мѣстность, но, благодаря обработкѣ земли и устроеннымъ каналамъ, почва осушалась и лихорадка появлялась рѣже; виллы же, расположенныя выше, на склонахъ Апеннинъ, находились въ здоровой, защищенной отъ южныхъ вѣтровъ сторонѣ, а во время Цезаря поэтъ Катуллъ благодарилъ Тибръ за исцѣленіе отъ кашля. Мода на виллы во время Августа быстро развилась. Съ тѣхъ поръ и въ теченіе двухъ вѣковъ имперіи считалось хорошимъ тономъ проводить осень на берегахъ залива, въ Пуццоло, и всѣ богачи, уважающіе себя, владѣли тамъ виллами. Эготъ берегъ прозвали «Беззаботнымъ» развратникъ Ведій Поліонъ, откармливавшій въ своихъ садкахъ муреновъ и бросающій имъ на съѣденіе рабовъ. Отъ Неаполя до Мисенскаго мыса потяну-

лись великолѣпныя виллы. Устраивая виллы, богатые римляне хотѣли удивить и ослѣпить своей роскошью. Берега имъ было не достаточно для ихъ затѣй: вилла на берегу—это было такъ обыкновенно. И вотъ среди моря устраивалась громадная плотина, и изъ волнъ возвышался дворецъ. Но быстрая впечатлительность римлянъ звала на смѣну новую фантазію, и едва только вилла показывалась изъ воды, какъ уже надоѣдала хозяину, и рабочіе отсылались въ горы для постройки другой виллы. Виллы въ горахъ обыкновенно строились амфитеатромъ на холмахъ. Особенно громадной устраивалась подземная часть фундамента; поверхность земли тщательно сравнивалась. Первое было необходимо для большей устойчивости, въ виду того, что виллы строились сбоку холмовъ; такимъ образомъ, нижній этажъ находился на уровнѣ съ землею. Вообще римляне старались предупредить почвенныя несчастія. Насколько въ наше время стремятся сохранить неровности земной поверхности, настолько римляне любили пространныя поверхности, составлявшія террасы. Судя по существующимъ развалинамъ, видно, что часто одна вилла состояла изъ нѣсколькихъ. Эти террасы возвышались одна надъ другою, этажами, перерѣзывая холмы какъ бы ступенями. Такихъ этажей бывало три и четыре, и всѣ они сообщались между собою ступенями. Самый верхній былъ настоящей наблюдательной платформой, такъ какъ съ него можно было видѣть на большее разстояніе всю мѣстность по направленію къ Риму, и этого превосходства домогался всякій. Гораціи возмущался при мысли, что такія пышныя виллы съ громадными садками для рыбъ, болѣе, чѣмъ Лукринское озеро, съ непріозводящими плодовъ деревьями, какъ лавры и мирты, съ цвѣтниками, полными фіалокъ, пріятными лишь для обонянія, вытѣснили оливковыя деревья и оставили для сохи лишь незначительный участокъ земли. Вообще виллы занимали столь обширныя участки, что Тиверій жаловался въ сенатъ на чрезмѣрное расширеніе виллъ. Вотъ какъ Стацій описываетъ виллу знакомыхъ. Вилла состояла изъ двухъ корпусовъ, которые такъ выдавались надъ рѣкою, что, казалось, хотѣли соединиться; онѣ настолько сближались, что можно было видѣть другъ друга, разговаривать и даже пожать другъ другу руку; ихъ соединялъ перекинутый чрезъ рѣку мостъ, что дѣлало изъ двухъ строеній какъ бы одно. Тамъ, гдѣ стояла вилла, была устроена каменная набережная. Волны бились о скалы, покрывая ихъ пѣной; цѣлый лѣсъ старыхъ дубовъ отражалъ свои вѣтви въ прозрачныхъ водахъ. На рѣкѣ же были устроены термы, т.-е. теплыя бани, посредствомъ подземной духовой печи. Столовая выходила тоже на рѣку, чтобы хозяинъ могъ завтракать, если хотѣлъ, убаюкиваемый шепотомъ рѣки Аніо; огородъ, въ одно и то же время озаренный солнцемъ и влажный, былъ такъ плодороденъ, что вызывалъ бы зависть въ волшебницѣ Цирцеѣ. Внутреннее устройство виллы было богато. Стѣны были выложены великолѣпной инкрустаціей, это стоило дорого и было принято въ эпоху македонской монархіи въ городахъ Египта, Малой Азіи и Антиохіи. Инкрустація облицовки стѣнъ залы состояла изъ пластинокъ мрамора, золотыхъ, серебряныхъ или мѣдныхъ полосъ, слоновой кости, стеклянныхъ или мозаическихъ плитокъ, и все это было въ оправѣ, сдѣланной изъ цѣннаго матеріала. Потолки и перекладины были покрыты позолотой, а дверныя косяки дѣлались изъ мавританскаго дерева, фри-

гійскаго мрамора, фіолетоваго или розоваго, усѣяннаго блестящими пятнами, естественная пестрота котораго еще болѣе выдавалась, благодаря подрисованнымъ жилкамъ; полъ былъ богато выстланъ каменной мозаикой. Но всего богаче была инкрустація въ термахъ. Въ ту эпоху термы были не только одной необходимостью, какъ во время республики, а сдѣлались, кромѣ того, роскошью и устраивались съ необыкновенной пышностью, такъ что Сенека, осмотрѣвъ скромные, полутемные термы Сципіона Африканскаго въ Литернѣ, говоритъ: «теперь никто не рѣшился бы купаться въ такихъ баняхъ. У кого стѣны бань не блестятъ драгоценными пластинами; у кого къ александрійскому мрамору не примѣшивается нумидійская инкрустація; у кого мозаика не соперничаетъ съ живописью; у кого потолокъ не оббитъ стекломъ; у кого умывальницы не изъ тазосскаго камня; у кого вода льется не чрезъ серебряный крапъ, — тотъ бѣдный, несчастный человѣкъ». Кромѣ этого, требовалось переполнить баню ненужными статуями, колоннами, ничего не поддерживавшими, но зато дорого стоявшими. Въ нѣкоторыхъ виллахъ термы состояли изъ двухъ залъ—одного съ соленой водой, другого съ прѣсной. Вообще бани отчасти были причиной, что римляне выбирали мѣстность для виллы около воды. Многія виллы устраивались, ради красиваго вида, на самой вершинѣ горы. Для каждаго часа дня была особая комната; то устраивался павильонъ на востокъ виллы тамъ, гдѣ первые лучи солнца совмѣщались съ утренней прохладой; то на западъ, гдѣ можно было любоваться, какъ умираетъ день, и тѣнь лѣсистыхъ горъ удлиняется на морѣ, а дворецъ, кажется, плаваетъ во влажномъ хрусталѣ». Римляне старались, чтобы изъ каждой комнаты былъ виденъ особый пейзажъ. Такъ какъ окна были очень высокія и узкія, то глазъ не могъ окинуть широко горизонтъ. Зато, изъ каждаго окна можно было любоваться различной панорамой. Всѣ эти виллы были украшены картинами, статуями и различнѣйшими произведеніями искусствъ. Виллы средняго класса, конечно, уступали въ роскоши, но въ общемъ расположеніе виллъ было одинаково. Количество спаленъ на богатой виллѣ было одинаково велико, и хозяинъ не довольствовался одной спальней: ему требовалась то маленькая, то большая спальня, то теплая для осени, то прохладная для лѣта, мало открытая въ садъ и съ темной прихожей, что давало еще большую прохладу, то уединенная, куда не проникалъ ни звукъ, ни голосъ, то оживленная шопотомъ фонтана. Также многочисленны были столовыя различныхъ размѣровъ для разнообразныхъ назначеній, были столовыя для каждаго дня, для празднествъ; даже для ежедневнаго обѣда служили различныя столовыя, ради разнообразныхъ пейзажей; онѣ устраивались даже въ башняхъ. Были такіе павильоны изъ трехъ комнатъ гдѣ, переходя изъ одной комнаты въ другую слѣдовали за солнцемъ. Но мало этого—римляне устраивали комнаты круглыя, чтобы, не мѣняя мѣста, пользоваться все время солнечными лучами. Плиній болѣе всего любилъ работать въ такой комнатѣ. Не забыты были и галереи съ различными приспособленіями: открытыя и закрытыя стеклянными рамами, гдѣ сидѣли въ дождливые и вѣтренные дни, а также многоярусныя башни, гдѣ вѣтеръ былъ болѣе рѣзокъ, и веранды съ вьющимся виноградникомъ, гдѣ можно было укрыться отъ солнца. Римляне,

очевидно, не придерживались симметрии, что очень удивительно у народа, любящего во всем порядок, но они художеству предпочитали удобства. Плиний отказался жить в Лоренции на берегу моря потому, что там не было естественных источников, в горах же Тифернума их было вдоволь. Скромная вилла Плиния своим расположением не отличалась от богатых villae, и в ней имѣлись термы, состоявшія изъ раздѣвальной, холодной бани, теплой и горячей, залы для растиранія и паровой бани. Теперь ничего не осталось отъ всей этой роскоши, кромѣ развалинъ; на Тибрѣ уже нѣтъ болѣе садовъ, нѣтъ болѣе шумныхъ празднествъ. Остія превратилась въ развалины, а изящный берегъ Лоренции обратился въ пустыню. Въ этихъ мѣстностяхъ свирѣствуетъ малярія, и несчастные жители въ желтыми лицами и ввалившимися глазами совсѣмъ не напоминаютъ прежнихъ веселыхъ римлянъ. Sic transit gloria mundi!

— Новая біографія Тиціана. Недавно появилась въ Лондонѣ новая, прекрасная біографія знаменитаго итальянскаго живописца Тиціана, написанная Джорджемъ Гронау¹⁾. Этотъ серьезный историкъ и тонкій критикъ, на основаніи долговременнаго и добросовѣстнаго изученія жизни и творчества Тиціана, далъ основательную характеристику послѣдняго. До сихъ поръ всѣ біографы Тиціана старались выяснитъ ту или другую черту его характера, но ни одинъ изъ нихъ не потрудился подмѣтить, какое вліяніе на развитіе таланта имѣли его современники-художники, и когда именно эти различныя вліянія начали дѣйствовать на него. Гронау, хотя и далъ болѣе полную біографію изъ всѣхъ существующихъ біографій Тиціана, но онъ все-таки не пополнилъ пробѣла, который встрѣчается во всѣхъ біографіяхъ великаго художника. Съ интимной жизнью Тиціана знакомитъ венеціанецъ Франческо Притіанезе въ письмѣ, служащемъ предисловіемъ къ его «Латинской грамматикѣ». Онъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи Тиціана во время одного пиршества въ его роскошномъ домѣ, гдѣ онъ жилъ съ 1-го сентября 1531 г. до своей смерти, 45 лѣтъ спустя. «Я былъ приглашенъ,—пишетъ Притіанезе,—на пиршество въ очаровательный садъ, принадлежавшій превосходному и знаменитому художнику Тиціану. Хотя мѣсто было тѣнистое, но солнце очень грѣло; пока столы не были вынесены въ садъ, мы занялись разсматриваніемъ его какъ бы живыхъ картинъ, наполнявшихъ домъ, потомъ мы наслаждались красотой и прелестью его сада, тянувшагося вдоль морскаго берега, въ концѣ Венеціи. Едва солнце закатилось, какъ вода покрылась роемъ гондолъ, переполненныхъ граціозными молодыми женщинами. Пѣніе и музыка доносились до насъ и аккомпанировали до полуночи нашему веселому ужину въ этомъ роскошномъ, восхищавшемъ всѣхъ саду. Ужинъ былъ очень хорошъ, богатый, состоявшій изъ тонкихъ блюдъ и вины, и придававшій еще болѣе удовольствія тому наслажденію, какое сезонъ и хозяйева предоставляли намъ». Изъ писемъ поэта Аретино мы узнаемъ еще другія подробности домашней жизни Тиціана. Такъ намъ представляется Тиціанъ въ своей мастерской за работой. Онъ сидитъ выпрямившись, съ достоинствомъ въ своей вѣчной черной, бархатной ша-

¹⁾ Titian, by G. Gronau. London. 1904.

почкъ; возлѣ него стоить Аретино, съ своей бычьей физиономіей, «произнося ругательства» или рассказывая двусмысленные анекдоты. Иногда кто нибудь изъ учениковъ садится за органъ, великолѣбный инструментъ, когда-то построенный для Тиціана знаменитымъ инструментальнымъ мастеромъ Александро дели-Органи, взамятъ сдѣланнаго художникомъ портрета. Иногда Аретино или Сансовино приводили съ собою одну изъ тѣхъ граціозныхъ молодыхъ женщинъ, какія катались въ гондолахъ съ пѣніемъ и смѣхомъ. Тиціанъ съ восторгомъ ихъ принималъ, но этотъ восторгъ былъ иного рода, чѣмъ у Аретино и Сансовино. «Тиціанъ обнималъ ихъ и охотно съ ними шутилъ, — пишетъ Аретино Сансовину, — но никогда онъ не заходилъ далѣе этого. По правдѣ мы должны, я и вы, взять примѣръ съ него». Гронау дѣлаетъ выводъ, что такое отношеніе Тиціана къ женщинамъ указываетъ не на благоразуміе и цѣломудріе, а просто на любовь Тиціана къ искусству: въ своей мастерской художникъ видѣлъ въ женщинѣ лишь объектъ для живописи. Истинное наслажденіе и истинное страданіе давало ему лишь искусство. Тиціанъ, вопреки теоріи Ломброзо о ненормальности генія, если судить по его двумъ портретамъ: въ Берлинскомъ музеѣ и Мадридскомъ Прадо, отличался цвѣтущимъ здоровьемъ тѣла и души. Вазари называлъ его: «E stato Tiziano sanissimo!» Биографы познакомили читателей съ общественной и дѣловой жизнью Тиціана, пользуясь письмами художника къ различнымъ принцамъ и вельможамъ, его заказчикамъ. Эти письма отравляютъ впечатлѣніе, оставленное въ читателѣ Притіанезе, Долче и Аретино, такъ какъ переполнены низкой лестью и торгашествомъ. «Этотъ старый художникъ — самый жадный, какого когда либо сотворила природа, — пишетъ въ 1564 г. венеціанскій агентъ герцога Урбино, — и ради денегъ онъ продастъ все до своей шкуры». Оказывается, единственной заботой Тиціана были деньги, и не было предѣловъ его алчности. Онъ прибѣгалъ ради денегъ ко всякимъ средствамъ: отъ безстыдной лести до жалобъ на нищету, отъ угрозъ уничтожить заказанную работу до продажи картинъ другимъ. Причину этой некрасивой черты въ великомъ художникѣ Гронау нашелъ въ семейной обстановкѣ Тиціана и скрасилъ ее другой чертой его характера — отеческой любовью и нѣжнымъ сердцемъ. Не было другого мужа и отца, обладавшаго такимъ нѣжнымъ, заботливымъ сердцемъ, какъ Тиціанъ. Вся его алчность къ деньгамъ истекала изъ желанія обезпечить будущность жены и дѣтей, ради которыхъ онъ усидчиво работалъ. Великій художникъ давно имѣлъ любовницей нѣкую Цецилію, дочь одного брадобрея, отъ которой у него было два сына. Видя ее больной, Тиціанъ рѣшилъ узаконить свою связь и женился на Цециліи въ ноябрѣ 1525 года. Послѣ брака она выздоровѣла и подарила ему еще одну дочь, его любимицу Лавинію. Когда же, пять лѣтъ спустя, умерла его жена, то Тиціанъ былъ въ такомъ горѣ, что единственный разъ въ жизни на время пріостановилъ всѣ начатыя работы. Въ утѣшеніе ему осталась дочь, и по большому количеству ея портретовъ видно, какъ горячо онъ ее любилъ. Насталъ день, когда Тиціану пришлось съ нею разстаться, выдавъ ее замужъ въ другой городъ, а, немного времени спустя, новое горе постигло художника: его любимая дочь умерла отъ родовъ. Едва ли не сильнѣе любилъ онъ своего старшаго сына Помпонио, за котораго худож-

никъ не переставалъ хлопотать, страдать и дрожать въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ своей жизни. Помпонио всгушилъ въ орденъ и сдѣлался отвратительнымъ патеромъ, сквернымъ человѣкомъ, развратникомъ, пьяницей и жестокосердымъ человѣкомъ, думавшимъ лишь объ одномъ: какъ бы извлечь побольше пользы изъ любви отца. Въ то время, какъ Тиціанъ вымаливалъ милости у Филиппа II, Помпонио съ такимъ же упорствомъ выманивалъ у него деньги. Этими ударами судьбы и сердечными огорченіями стараются объяснить странную печаль и тоску, терзавшія Тиціану душу, что особенно бросается въ глаза на двухъ вышеупомянутыхъ портретахъ, хотя Вазари и говорилъ, что Тиціанъ былъ «совершенно счастливъ, такъ, какъ никто, и не имѣлъ отъ неба ничего другого, кромѣ счастья и благоденствія». Критикъ же біографіи Гронау, извѣстный французскій публицистъ Визева, въ своей прекрасной статьѣ ¹⁾ дастъ иное объясненіе этому скорбному выраженію лица, говоря, что настоящая драма жизни Тиціана скрывалась не въ семейныхъ невзгодахъ, а въ страстной любви къ своему искусству, въ вѣчномъ преслѣдованіи все нарождающихся въ его умѣ красотъ, въ постоянномъ стремленіи къ ихъ волющенію, боязни сбиться съ пути, въ огорченіи старостью и своею слабостью. По мнѣнію Визева, стоитъ только просмотрѣть полное собраніе его работъ, въ изданіи нѣмца Кадора, и тогда можно замѣтить, какъ совершенствуется стиль Тиціана. Глядя на его произведенія въ хронологическомъ порядкѣ, трудно уловить эту разницу, и, только просмотрѣвъ въ хронологическомъ безпорядкѣ его картины, приходишь къ мысли, что ихъ писали три различные художника. Всматриваясь въ нихъ и вспоминая о другихъ художникахъ эпохи возрожденія, замѣчаешь, что многіе изъ нихъ послѣдовательно возбуждали въ немъ желаніе ввести въ свое искусство нѣчто, присущее ихъ таланту, чѣмъ объясняется послѣдовательное преобразование его стиля. Его подвижной геній возбуждался новыми красотами, открытыми Тиціаномъ въ произведеніяхъ другихъ художниковъ, и съ этого момента обогащался новыми элементами. Какъ Рафаэль и Моцартъ, Тиціанъ принадлежалъ, по мнѣнію Визева, къ разряду геніевъ-подражателей, которые, оставаясь все-таки великими, кончаютъ тѣмъ, что кажутся намъ самоличными. Они стремятся лишь къ усовершенствованію и мечтаютъ реализовать ту красоту, образъ которой считаютъ такъ близко къ нимъ, въ самомъ ихъ сердцѣ. Но лишь только они попробуютъ его реализовать, какъ этотъ образъ начинаетъ измѣняться и преобразовываться подъ вліяніемъ ихъ же собственнаго вкуса и произведеній другихъ художниковъ. Обладая болѣе возвышенной душою, чѣмъ ихъ даже самые наиталантливые собратья, они добиваются высшаго и воодушевляютъ свои произведенія высшей красотой. Подобные люди болѣе другихъ подвержены страданіямъ. Идеалу Микель-Анджело или Веронези ничто не мѣшаетъ свободно развиваться, разъ онъ опредѣлился, и распространять въ сердцѣ артиста гордую радость отъ своего созданія. Идеалъ же Тиціана или Рафаэля вѣчно ускользаетъ предъ ихъ объятіями,

¹⁾ «Revue des deux mondes» 15 Août 1904: Revues étrangères.—A propos d'une nouvelle biographie de Titien, par M. T. de Wizeva.

и оконченное ими произведение тотчасъ теряетъ власть удовлетворить ихъ. Счастье Рафаэля и Моцарта, что они умерли молодыми, и преслѣдованіе усовершенствованія могло казаться имъ какъ бы игрою, пріятной погоней съ надеждой достичь успѣха. Но у Тиціана такое преслѣдованіе длилось семьдесятъ лѣтъ. Когда старикъ почувствовалъ, что рука его начинаетъ дрожать, глаза заволакиваться туманомъ, въ то время, какъ въ немъ продолжали возникать все новыя и новыя образы красоты, то понятнымъ дѣлается, что даже съ его свѣтлымъ умомъ Тиціанъ почувствовалъ себя усталымъ, и его охватило отчаяніе—вотъ почему на его лицѣ отпечаталась безконечная скорбь, какъ и на лицѣ Рембрандта, такого же упорнаго преслѣдователя идеала совершенства. Общность ихъ стремленій выразилась въ замѣчательномъ сходствѣ стилей въ концѣ ихъ долгой борьбы. Согласно легендѣ, основанной на собственныхъ признаніяхъ Тиціана, сдѣланныхъ Филиппу II, художнику было въ 1571 году девяносто пять лѣтъ, а слѣдовательно, когда онъ умеръ въ 1576 г., ему было сто одинъ годъ. Послѣднія же изслѣдованія показали, что онъ умеръ 90 лѣтъ, такъ какъ родился десятью годами позже, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ. Эта загадка остается до сихъ поръ не рѣшенной: одни предполагаютъ, что прекрасно сохранившаяся наружность старика обманула его друзей; другіе, что онъ забылъ вслѣдствіе старости своей возрастъ, а третьи—будто онъ преднамѣренно старилъ себя, съ цѣлью разжалобить своего августѣйшаго покровителя.

— Воспоминанія Кауница о Версальскомъ дворѣ. Въ августовскихъ нумерахъ «Revue de Paris» помѣщены отрывки изъ первой части воспоминаній австрійскаго посланника при французскомъ дворѣ, графа Кауница Ритберга ¹⁾. Рукопись мемуаровъ съ собственноручными исправленіями Кауница хранится въ вѣнскомъ архивѣ императорскаго дома въ Вѣнѣ и была найдена нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Виконту Дренэ удалось получить отъ ученаго доктора Шлеттера отрывки только изъ первой части; вторая часть содержитъ описаніе различныхъ придворныхъ партій и ихъ интригъ, а также характеристики лицъ, принадлежавшихъ къ этимъ партіямъ. На рукописи этихъ мемуаровъ написано: «Maximi momenti. Воспоминанія о Версальскомъ дворѣ, составленныя графомъ Кауницомъ въ концѣ его посольства во Франціи». Во время своего двухлѣтняго посольства во Франціи графъ преслѣдовалъ двѣ цѣли—сближеніе обоихъ враждебныхъ дворовъ и уничтоженіе союзовъ Франціи съ другими государствами, а потому, среди своихъ легкомысленныхъ любовныхъ развлеченій, онъ не забывалъ собирать слухи и анекдоты, по которымъ можно судить о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ Версальскаго двора, гдѣ ему лично, какъ враждебному австрійцу, не приходилось играть большой роли. Впрочемъ, Людовикъ XV и маркиза Помпадуръ относились къ нему благосклонно, благодаря его «обворожительнымъ манерамъ и гибкой славянскою натурѣ, смягчавшимъ неровности германскаго воспитанія». Но этимъ только и ограничивался успѣхъ Кауница у Людовика XV, и послѣдній не пускалъ его въ свой интимный кружокъ. Но если Кауницъ и не добился успѣха во время своего посольства, то все-таки собралъ матеріалъ, который могъ служить въ

¹⁾ Mémoires sur la cour de France.

будущемъ руководствомъ. Располагая этимъ матеріаломъ, Кауницъ могъ даже вліять на судьбу Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка, когда онъ былъ министромъ: какъ дипломатъ, Кауницъ не пожалѣлъ красокъ для изображенія августѣйшихъ лицъ, о которыхъ онъ говорилъ, а какъ человѣкъ, не расположенный къ Франціи, онъ съ особымъ усердіемъ выдвинулъ на первое мѣсто недостатки короля. «Людовикъ XV, — пишетъ Кауницъ, — стройный и съ благородной осанкой, какъ говорится, король съ самой колыбели. У него было красивое лицо и большіе черные глаза, отъ природы печальные. Его взглядъ былъ бы гордъ, если бы его не смячала сердечная доброта. Говорятъ, что въ молодости его голова была наикрасивѣйшая во всемъ королевствѣ. Теперь цвѣтъ его лица мертвенно-блѣдный, почти оливковый. Въ иные дни онъ проворный и легкій, но обыкновенно его находятъ изнуреннымъ и вялымъ. Однако, его здоровье очень крѣпко. Никто лучше его не переноситъ утомленія. Сильныя упражненія ему необходимы: поэтому онъ съ удовольствіемъ охотится четыре раза въ недѣлю, не смотря на погоду. Онъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для честнаго и любезнаго человѣка. Основное качество — религія; онъ добросовѣстно соблюдаетъ обряды. Нѣтъ дня, когда онъ не слушаетъ обѣдни: онъ слушаетъ съ благоговѣніемъ мессу, всегда на колѣняхъ, произнося молитвы по своей книжкѣ. Онъ держитъ строгій постъ: въ постные дни скоромное совершенно изгнано съ его стола, и онъ требуетъ такого же поведенія отъ царедворцевъ. Одинъ изъ нихъ, будучи боленъ, попросилъ у него однажды разрѣшенія ѣсть скоромное: король сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, а на его настоянія сухо отвѣтилъ: «Почему вы не кушаете въ своей комнатѣ?» При королѣ не смѣли говорить о вольности въ религіи, и атеизму не было мѣста при его дворѣ такъ же, какъ и ясеннзму». Посланникъ предвидѣлъ, что король кончитъ ханжествомъ, но затруднялся опредѣлить время этой перемѣны. Людовикъ XV былъ самый нѣжный отецъ и добрую половину дня проводилъ среди своихъ дѣтей, «для которыхъ составлялъ отраду и пользовался ихъ полнымъ довѣріемъ». «Чувства дружбы, презираемыя большинствомъ принцевъ, — говоритъ Кауницъ, — не чужды Людовику XV. Короля знали за вѣрнаго друга. Тайны Куаньи, даже любовныя, были для него священны». Однако, расхваливая сердце короля, хитрый дипломатъ говоритъ, что Людовикъ XV бывалъ и не терпимъ, особенно къ соперникамъ, и не прощалъ тому, кто нравился его любовницѣ, будь это даже раньше связи съ нимъ. «Маркизь Эгильонъ, — говоритъ Кауницъ, — еще и теперь испытываетъ его холодность за то, что когда-то заслужилъ предпочтеніе со стороны г-жи Шатору». Отношенія къ окружающимъ у Людовика XV были, по словамъ Кауница, самыми человѣчными и нѣжными. Онъ не выносилъ злыхъ людей, хотя бы они были умны, а потому окружалъ себя людьми добрыми, даже ограниченнаго ума. Рядомъ съ этими хорошими качествами у короля были и недостатки, которые являлись, по мнѣнію Кауница, слѣдствіемъ дурнаго воспитанія. Кауницъ рассказываетъ, какъ одна дама, мужъ которой былъ не изъ старинной аристократіи, добилаь чести, благодаря маркизѣ Помпадуръ, представиться королю. Но когда она приблизилась съ привѣтствіемъ, то Людовикъ XV повернулся и ушелъ. Дама едва не умерла отъ огорченія. Когда его упрекали за жестокость, король отвѣтилъ, что позволилъ ей пред-

ставиться, но не обязывался ее привѣтствовать. Людовикъ XV не терпѣлъ обидъ; виновный дорого платился. Указывали на отсутствіе въ немъ великодушія и обвиняли въ томъ, что, наигрывая на его слабостяхъ, у него можно было вырвать то, въ чемъ онъ отказывалъ по темпераменту. Его любовница, графиня Майльи, тонула въ роскоши, а другая, болѣе гордая, умерла, оставивъ небольшое состояніе. Онъ не давалъ послѣдней брильянтовъ. Чтобы имѣть пару брильянтовыхъ серегъ, она условилась съ брильянтчикомъ выплачивать ежемѣсячно тысячу франковъ. Однажды она проиграла въ ланскнехтъ, и король вышучивалъ ее, говоря: «Плохо будутъ оплачены въ этотъ мѣсяцъ брильянтовыя серьги!»: онъ не заплатилъ за нихъ ни одного сантима. Людовикъ XV, по мнѣнію Кауница, получилъ самое небрежное воспитаніе: воспитателями были люди, совсѣмъ неспособные для такого важнаго поста, какъ, напримѣръ, кардиналъ Флѣри, внушившій королю отвращеніе къ дѣламъ. Ему же король былъ обязанъ отличительной чертой своего характера—недовѣріемъ ко всѣмъ и привычкой думать дурно обо всѣхъ. Онъ довѣрялъ лишь тѣмъ, которые, по мнѣнію короля, его любили: вотъ почему онъ давалъ безграничную власть всѣмъ своимъ любовницамъ. Послѣ смерти кардинала Флѣри король рѣшился вести дѣла самъ и присутствовалъ на всѣхъ совѣтахъ; онъ безконечно зѣвалъ, и ради этого сокращали доклады. Проводя все свое время въ удовольствіяхъ, онъ не имѣлъ представленія о томъ, что такое управленіе королевствомъ. Самъ недостаточно образованный, онъ не могъ заимствовать знанія у своихъ министровъ. Однажды, напримѣръ, въ парламентѣ былъ поднятъ вопросъ о больничномъ законодательствѣ, и король, ничего не понявъ, обратился за объясненіемъ къ канцлеру, прося объяснить, что это за законы. Однако, министръ зналъ не болѣе и ничего не могъ отвѣтить: онъ сослался на то, что давно вышелъ изъ парламента, и не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Людовикъ XV читалъ парижскія и голландскія газеты, и министры были принуждены ихъ читать, чтобы приготовить отвѣты королю. Онъ же служилъ темой для бесѣдъ съ посланниками. На аудіенціяхъ посланниковъ онъ ограничивался тѣмъ, что шевелилъ губами въ отвѣтъ, и это ему стоило двадцатилѣтней борьбы съ природной застѣнчивостью, доходившей до того, что за него долженъ былъ отвѣчать кардиналъ или государственный секретарь. Въ тѣсномъ кружкѣ онъ выражался плавно, а стиль его письма былъ непринужденный и полонъ здраваго смысла. Постороннихъ онъ никогда не удоставлялъ разговора, и когда они представлялись, онъ едва ихъ привѣтствовалъ, а чаще ходилъ мимо, даже не взглянувъ на нихъ; ихъ жалобы не доходили до его ушей, и никто не смѣлъ просить у него милости. О маркизѣ Помпадуръ Кауницъ отзывался, какъ о самой красивой женщинѣ въ королевствѣ. По его словамъ, ея голубые глаза были красивой формы, а взглядъ очарователенъ, лицо овальное, ротъ маленькій, лобъ красненькій, но въ особенности посланнику нравился ея носъ. Цвѣтъ лица у маркизы былъ прекрасный и выигралъ бы болѣе, если бы она не накладывала столько румянъ. Ея густые, пепельнаго оттѣнка волосы доходили до пояса. Маркиза тщательно скрывала грудь и руки, что, по словамъ Кауница, служило доказательствомъ ихъ несовершенства; ея излюбленнымъ нарядомъ былъ родъ греческаго платья, доходившаго до

горла, съ длинными рукавами. Она была скорѣе высокаго роста, худа; ея осанка отличалась благородствомъ, а грація ея движеній была трогательна. Въ ея фигурѣ посланникъ находилъ что-то изящное: «даже женщины признавали въ ней сходство съ нимфой». Кауницъ находилъ у нея болѣе широкіе взгляды, чѣмъ у ея предшественницъ, умѣвшихъ господствовать лишь надъ сердцемъ короля, тогда какъ маркиза Помпадуръ въ теченіе шести лѣтъ повелѣвала самимъ королемъ. «Графиня Майли,—говоритъ Кауницъ,— всегда находила недостаточными доказательства нѣжности короля. При малѣйшемъ замедленіи она приходила въ дурное настроеніе. Тогда она плакала, приходила въ отчаяніе, а король, съ которымъ она начинала обращаться хуже, чѣмъ когда либо, убѣждалъ всѣхъ потерпѣть, говоря: «Графиня сегодня въ дурномъ настроеніи, надо ее оставить». Далеко не требовательная,—пишетъ Кауницъ,—она изъ нѣжной заботливости о здоровьѣ короля жертвовала тѣмъ, что любовь предлагала ей самаго сладкаго. Роль, впрочемъ, не изъ пріятныхъ. Король требователенъ относительно своихъ любовницъ. Онъ всегда жалуется, что не можетъ найти достаточно чувствительной женщины. Нужно больше искусства, чѣмъ думаютъ, чтобы притворяться пылкой, не дѣлаясь докучливой. Всѣ признавали у маркизы превосходное сердце, нѣжность, благотворительность, услужливость, и вся Франція, по словамъ дипломата, молилась объ ея успѣхѣ. Она управляла королемъ деспотически, и министры, прежде чѣмъ говорить о чемъ либо съ Людовикомъ XV, предупреждали ее, какъ она того требовала сама, иначе она погубила бы ихъ. Она обладала способностью держать все переданное ей въ глубокой тайнѣ: благодаря этому, она завладѣла довѣріемъ короля въ такой степени, что онъ чувствовалъ неотложную необходимость передавать ей тотчасъ же все, что услышитъ особенно важнаго. Во время послѣдней фландрской кампаніи къ ней ежедневно являлся курьеръ изъ арміи; безъ ея совѣта не предпринимали рѣшеній; она проводила цѣлыя ночи за отвѣтными письмами. Король былъ въ то время въ арміи, и маркиза переѣхала въ Шуази; за ея поведеніемъ поручено было слѣдить маркизу Гонто, котораго по этому случаю прозвали «первымъ евнухомъ». Маркиза въ это время почти никого не видѣла, только принцессы королевской крови пріѣзжали къ ней ужинать, но вочевать возвращались къ себѣ. Такая жизнь ей скоро надоѣла, и, кромѣ того, ее оскорбляло, что герцогиня Шатору сопровождала короля въ его походахъ—она вѣтъ; при этомъ маркиза еще стала онашаться соперницы. Эти обстоятельства до нѣкоторой степени ускорили заключеніе мира. Недостаткомъ ея Кауницъ признавалъ алчность. Выраженіе почтенія къ маркизѣ было необычайное. Въ тѣ дни, когда состоялся совѣтъ, она одѣвалась въ присутствіи всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, не исключая посланниковъ, при этомъ всѣ должны были стоять. Кауницъ отдаетъ должную справедливость ея умѣнью играть свою роль: ея вѣжливость была вполне выдержана, она казалась веселой и почти одна поддерживала разговоръ. При ея одѣваніи никогда не присутствовали женщины высшаго общества, и вообще онѣ не были расположены видѣть ее въ обществѣ. «Если бы она была изъ высшаго общества,—пишетъ Кауницъ,— всѣ преклонили бы предъ нею колѣно, но онѣ очень горды, чтобы унижаться предъ капиталисткой. Быть можетъ, вѣтъ другой страны, гдѣ такъ горди-

лись бы происхожденіемъ, какъ здѣсь». Впрочемъ, это мнѣніе касается лишь дамъ высшаго общества, мужичны же, по словамъ Кауница, доходили до низости въ своихъ ухаживаніяхъ за маркизой: они пили за здоровье ея лакея, Курбильона, какъ это сдѣлалъ баронъ Монморанси. «Маркиза добилась чести сдѣлаться любовницей короля, благодаря чрезмѣрной щекотливости другой кандидатки,—пишетъ Кауницъ.—Послѣ смерти герцогини Шатору, Людовикъ XV очень тосковалъ; скорбь отразилась даже на его здоровьѣ, и царедворцы, желая отвлечь его отъ грустныхъ мыслей, рѣшили отыскать для него новую фаворитку. За это дѣло взялся Ришелье, и его выборъ палъ на госпожу Форкалькье, самую красивую парижанку и даму высшаго общества. Но это не привело къ желаннымъ результатамъ. Другіе, въ свою очередь, предложили г-жу Порталь, а лакей короля вмѣстѣ съ конюхомъ мечтали предложить г-жу Этиоль. Въ это время были празднества по случаю бракосочетанія инфанты, и въ городской ратушѣ былъ устроенъ балъ. Обѣ кандидатки присутствовали тамъ и сидѣли между другими масками, такъ что возлѣ нихъ не было свободнаго мѣста. Король сначала обратился къ г-жѣ Порталь, заявивъ, что онъ сядетъ къ ней на колѣни; хотя она узнала короля, но опасалась испортить дѣло посѣишностью и гордо отвѣтила ему, что если онъ осмѣлится это сдѣлать, то она дастъ ему пинка. Однако король все-таки осмѣлился и получилъ отъ нея обѣщанный пинковъ. Такой выходкой г-жа Порталь оттолкнула короля, тогда какъ г-жа Этиоль была снисходительнѣе, и одержала побѣду. Король провелъ ее въ маленькую комнату, предназначенную для переодѣванія короля, «въ которой предусмотрительный лакей приготовилъ всѣ необходимыя удобства». Король былъ доволенъ новымъ знакомствомъ и назначилъ г-жѣ Этиоль черезъ нѣсколько дней свиданіе въ Версалѣ. Эти свиданія долго оставались въ тайнѣ, и о нихъ знали только маркизъ Гонто, братъ Бирона. По вечерамъ будущая маркиза Помпадуръ пріѣзжала въ Версаль, а утромъ уѣзжала. Вскорѣ эта таинственность надоѣла Людовику XV, и новая фаворитка стала появляться среди тѣхъ немногихъ лицъ, которымъ удалось сблизиться съ королемъ. Обладая музыкальнымъ талантомъ, умѣньемъ танцовать, г-жа Этиоль, переодѣтая то Арлекиномъ, то Полишинелемъ, появлялась въ тѣсномъ кружкѣ короля, гдѣ пѣла и играла. Но не долго оставалась она въ тѣни, такъ какъ милости короля къ ней мало-по-малу возрастали. Въ концѣ концовъ ей отвели помѣщеніе въ Версальскомъ замкѣ. Первое время новая фаворитка, по словамъ дипломата, была несносна: то ее беспокоила вечерняя роса, то запахъ трюфелей, но король ничего ей не спускалъ: заставлялъ ее гулять по вечерамъ и приказывалъ ставить передъ нею за столомъ трюфели. Иногда въ присутствіи короля она вдругъ начинала говорить вполголоса, и Людовикъ XV громко спрашивалъ: «Какія тамъ старыя сказки она рассказываетъ?» Это выводило его изъ терпѣнія. Однажды она вздумала горько сожалѣть, что родилась не мальчикомъ, прибавляя: «Я путешествовала бы, отправилась бы на войну и сводила бы съ ума всѣхъ женщинъ».—«Ничего вы этого сдѣлали бы,—сухо отвѣтилъ король,—а остались бы мелкимъ Пуассономъ» (poisson, т.-е. мелкой рыбой). Обыкновенно историки представляли маркизу Помпадуръ уже привыкшей къ роскоши, когда она сдѣлалась любовницей Людовика,

но Кауницъ пишетъ: «Не привыкшая носить кружева, изъ опасенія ихъ смять, Помпадуръ не позволяла пришивать украшенія къ рубашкамъ и прикрѣпляла ихъ, когда была уже одѣта. Морена узналъ объ этомъ и разгласилъ. Вышучиванія достигли ушей маркизы, которая ихъ не забыла. Но она скоро отвыкла отъ этихъ мѣщанскихъ замашекъ, и теперь она работаетъ съ министрами». У маркизы вначалѣ закружилась голова: она ввутьвала имя короля во всякую болтовню; такъ на вопросъ герцогини Шартрской, отчего она не носить колець, маркиза отвѣчала: «Потому что они безпокоятъ короля». Нѣсколько дней спустя, герцогиня, недобрая и вѣтреная, увидя приближавшагося короля, сняла свое кольцо и отдала герцогинѣ Люксанбургъ, громко сказавъ въ присутствіи маркизы: «Кольца безпокоятъ короля; прошу васъ поддержать мое». «Если судить о будущемъ,—говоритъ Кауницъ,—по настоящему положенію вещей, то можно смѣло утверждать, что власть маркизы выше всѣхъ событій. Только одна религія спорить съ ней за сердце короля; зато она уже причинила ей смертельный страхъ. Прошедшую зиму былъ такой критическій моментъ». Эти припадки ханжества не разъ заставляли дрожать маркизу, но, какъ практичная женщина, она предложила королю остаться съ ней лишь въ дружескихъ отношеніяхъ, и свѣдущіе люди говорили, что въ теченіе двухъ лѣтъ ихъ отношенія не переходили этой границы. Однако, маркиза поняла всю опасность подобныхъ отношеній, и боязнь скандала не позволила продолжать ихъ долѣе. Но къ чести маркизы она не оцѣнѣла, по словамъ Кауница, отъ своего усѣха, какъ это можно было ожидать; она прекрасно чувствовала лесть и ненавидѣла ее. Кто-то, говоря объ ея отцѣ, замѣтилъ, что его надо женить, на что она холодно отвѣтила: «Если родъ Пуассоновъ и прекратится, то зло не будетъ такъ велико». Ея страсть къ постройкамъ была чрезмерна и выражалась въ тратѣ неимовѣрныхъ суммъ; въ одинъ годъ король подписалъ на 13 милліоновъ требованій на этотъ предметъ. Чтобы быть увѣренной въ правильномъ управленіи постройками, маркиза добилась для своей креатуры, Торнеема, должности главнаго инспектора построекъ и права на занятіе этой должности, когда она окажется свободной, для своего брата, маркиза Вандіера, прозваннаго обществомъ маркизомъ d'avant'hier. Готовясь къ своему будущему положенію, онъ путешествовалъ по Италіи для развитія своего вкуса. Старикъ Пуассонъ, человекъ причудливый, котораго нисколько не трогала слава, выпавшая на долю его семьи, замѣтилъ по этому поводу: «Пусть моя дочь ужинаетъ съ королемъ, это меня нисколько не удивляетъ, потому что она съ нимъ находится въ связи, но относительно Николая Вандьера я иного мнѣнія». Всего болѣе маркиза тратила на свой замокъ Бельвю, полученный ею въ даръ отъ короля. Домъ самъ по себѣ не большой, какъ игрушка, но по изяществу и богатству отдѣлки онъ былъ несравнененъ. Вся кухонная посуда была тамъ изъ чистаго серебра. Громадный садъ, устроенный террасами, стоилъ очень дорого. Король посѣщалъ Бельвю нѣсколько разъ въ недѣлю; сопровождать его туда было большой честью. Чтобы еще болѣе отмѣтить эту честь, былъ придуманъ особый мундиръ изъ краснаго сукна, вышитый золотомъ, вызывавшій зависть въ царедворцахъ. Тамъ же былъ устроенъ маленькій театръ на 150 человекъ, гдѣ давались оперы и комедіи,

разыгрываемая маркизой, г-жею Бранка, графиней Эстрадъ и царедворцамп. Говорили, что маркиза прекрасно играла, и вообще вся труппа была превосходна. Въ Белью все было предусмотрено, даже невинныя забавы во время святой недѣли, которую обыкновенно король проводил тамъ. Онъ состояли въ томъ, что приглашенные любовались, какъ въ фарфоровыхъ клѣткахъ неслись куры, выкармливаемые цѣлый годъ на изящномъ птичьемъ дворѣ. Короля это очень забавляло. По словамъ Кауница, среди придворныхъ ходили смутныя слухи о симпатіи Людовика XV къ хорошенькой Шуазель, которой едва минуло шестнадцать лѣтъ, понавшей въ кабинетъ короля въ качествѣ родственницы маркизы и племянницы графини Эстрадъ. Эти слухи подтверждались еще тѣмъ, что обѣ дамы охладѣли другъ къ другу и дошли даже чуть не до ссоры. Но если бы король былъ только влюбленнымъ въ маркизу, то ей грозила бы серьезная опасность со стороны соперницъ, благодаря же дружбѣ и заслуженному довѣрію, ихъ отношенія сдѣлались еще крѣпче. «Съ того самаго момента, какъ король привязался къ маркизѣ Помпадуръ, — писалъ Кауницъ, — онъ не покидалъ ея ни на минуту. Его болѣе не видали ни на балахъ ни въ Одерѣ, ни на одномъ парижскомъ спектаклѣ. Время отъ времени маркиза ухаживала за королевой, которая ее очень хорошо принимала. «Эта бѣдная принцесса, — пишетъ Кауницъ, — была такъ мало злопамятна, что прошедшей зимой оплакивала смерть графини Майльи; она была не такая, какъ ее мать, польская королева, которая жаждала вынуть крови соперницъ ее дочери изъ ихъ череповъ». По словамъ посланника, королева никогда не была красива, но могла нравиться, если бъ ее женихъ не былъ шестнадцати лѣтъ и не былъ красивъ, какъ амуръ. Это сознавала сама королева, и въ брачную ночь, подойдя къ зеркалу, она произнесла: «Никто не будетъ жаловаться, что молодая слишкомъ красива». Впрочемъ, первые годы ихъ брака были самые счастливые, и она всецѣло обладала сердцемъ Людовика XV; но частые роды разстроили ее здоровье, и его ласки стали приниматься ею съ досадой, что возбуждало холодность въ молодомъ мужѣ. Онъ сталъ устраивать ужины въ своихъ кабинетахъ безъ королевы, хотя только въ мужскомъ обществѣ, на которыхъ пили много вина и король больше другихъ. Царствовавшее на нихъ свободное обращеніе съ королемъ не нравилось кардиналу, предпочитавшему для короля фаворитку, а не фаворита. Вскорѣ представился удобный случай: несчастные роды королевы принудили докторовъ объявить ей, что она рискуетъ жизнью, если опять подвергнется такой опасности. Теперь королевѣ предстояло, по словамъ Кауница, укрываться «отъ ревниа супруга, опасавшагося выказать себя слишкомъ равнодушнымъ». Съ этой цѣлью у постели королевы всегда находилась горничная, подъ предлогомъ гладить ей пятки протгивъ безсонницы. Въ концѣ концовъ пришлось объясниться. По словамъ Кауница, король былъ глубоко огорченъ, но, предавшись горю, онъ его скрывалъ съ себѣ. Кардинала это безпокоило; съ помощью одного царедворца у короля допытались причины его горя, и первый устроилъ свиданіе Людовика XV съ графиней Майльи, женщиной не красивой, но подходившей къ требованіямъ кардинала. «Первая попытка, — пишетъ Кауницъ, — была бесплодна: сердце короля не было порочно; онъ былъ застѣнчивъ, и г-жа Майльи, хотя и очень опытная, не осмѣ-

ливалась начать первая; но ей сказали, что это необходимо; она стала дѣйствовать, и можно сказать, что добродѣтель короля поддалась, лишь благодаря множеству разставленныхъ ловушекъ. Королева перенесла свою опалу съ большой твердостью. Она видѣла короля только въ обществѣ; они разговаривали непринужденно, не ища другъ друга и не избѣгая. Не смотря на любовницъ, Людовикъ XV всегда ночевалъ у королевы, и, согласно французскому этикету ложиться послѣдней, она часто должна была ожидать короля до 4-хъ часовъ утра. Часть дня проходила у королевы въ благочестивыхъ занятіяхъ, хотя она мало свѣдуща въ религіи. Очень вѣроятно, — прибавляетъ Кауницъ, — что она была бы кокетлива, если бы случай не помѣстилъ ея на тронъ. Находились люди, которые даже при ея глубокомъ униженіи осмѣливались выставять на видъ ея совершенство. Епископъ Ренскій, герцогъ Люинъ и президентъ Эно были очень влюблены въ нее. Она забавляется ихъ почтительными вздохами и первая очень мило шутить надъ этимъ. Хотя она перестала румяниться, но не совсѣмъ отказалась отъ украшеній. Она великолѣпна въ нарядѣ и носить иногда рискованные цвѣта. Она очень жаловалась на обычай рано оставлять розовый цвѣтъ. Единственное удовольствіе, къ которому она привязана, — каваньоль. Такъ какъ она не очень богата, то дофинъ и вся семья присоединяются къ ея игрѣ. Невозможно себя представить чего нибудь болѣе скучнаго. Въ другіе дни королева ужинаетъ съ другими дамами у герцогини Люинъ, своей придворной дамы, и онѣ долго за полночь играютъ. Говорятъ, что въ частной жизни она капризна; ея горничныя иногда жалуются на нее. Вначалѣ самъ король испытывалъ на себѣ ея дурное настроеніе духа. Онъ часто жаловался на ея нелюбезность. Такъ какъ она опасалась болѣе всего воздуха, то версальскіе сады для нея не существовали, и въ самые жаркіе дни ея окна были закрыты. Говоря о дофинѣ, Кауницъ находилъ у него красивое выраженіе лица, предвѣщавшее большія дарованія, и даже величественность. Ростомъ онъ былъ выше короля, не очень хорошо сложенъ и расположенъ къ толщинѣ, что, однако, его не безобразило. Отъ него ожидали государственныхъ преобразованій и облегченія народныхъ бѣдствій. Его наклонности представляли совершенную противоположность отцовскимъ: онъ ненавидѣлъ охоту, любилъ вести сидячую жизнь, увлекаясь чтеніемъ, и имѣлъ способность къ ученію; увѣряли, что онъ многому научился. «Нѣтъ ничего сомнительнаго въ томъ, что онъ захочетъ царствовать самостоятельно, и принципы его, а также его министровъ, будутъ иные, чѣмъ теперь. Впрочемъ его не допускали до дѣлъ, но онъ благоразумно скрывалъ свою досаду, а послѣ болѣзни короля ихъ отношенія стали холодны, такъ какъ пропелъ слухъ, что онъ вступилъ въ заговоръ противъ герцогини Шатору. Къ маркизъ Помпадуръ дофинъ ипталъ отвращеніе и обращался съ нею нелюбезно. Короля эта непріязнь сердила и мѣшала предоставить маркизѣ постъ главной надзирательницы при дворѣ жены дофина, который прежде занимала герцогиня Шатору, а во время Людовика XIV — маркиза Монтеспанъ. Въ обществѣ дофинъ стѣснялся, но въ домашней жизни онъ выказывалъ умъ и остроуміе: его даже находили немного злымъ; наприимѣръ, узнавъ о новомъ назначеніи Аржансона, онъ спросилъ: «О которомъ Аржансонѣ вы говорите? о глупомъ или мошенникѣ?» Подъ первымъ

онъ подразумѣвалъ Аржансона, у котораго отняли постъ министра иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе его неспособности, а подъ вторымъ — военнаго министра. «Всѣ эти качества,—пишетъ Кауницъ,—объщаютъ Франціи хорошаго короля, но сама нація, кажется, не вѣритъ въ эти блестящія качества, которыя дѣлаютъ королей хорошими. Расположеніе къ полнотѣ выказываетъ его флегматическій характеръ. Онъ слишкомъ любитъ отдыхъ въ двадцать лѣтъ, чтобы сдѣлаться дѣятельнымъ въ сорокъ. Жизнь этого принца столь однообразна, что ужаснула бы простаго человѣка. Онъ безусловно преданъ своей семьѣ и нѣжно ее любитъ, но она доставляетъ ему мало разнообразія. Недавно онъ сказалъ одному лицу, которому оказывалъ честь своимъ довѣріемъ: «Какъ вы счастливы, зная, что у васъ есть друзья и наслажденія въ обществѣ; безъ моей семьи я былъ бы одинокъ на свѣтѣ». О женѣ дофина Кауницъ говоритъ, что она похожа на польскую королеву, но цолнѣ послѣдней. Цвѣтъ ея лица измѣнился, и въ одинъ прекрасный день, по его предположенію, оно покроется прыщами. Ее находили глухой, она стѣснялась въ обществѣ и мало говорила, хотя по своему пріѣздѣ выказала себя слишкомъ разговорчивой. У нея была одна мысль—правиться дофину, котораго она нѣжно любила. Во время ея родовъ, случившихся внезапно, дофинъ, услыша ея крики, принялся плакать; а когда ему объявили о рожденіи сына, герцога Бургундскаго, то онъ сказалъ: «Я этому радъ только потому, что спасена мать». Между прочимъ посланникъ говоритъ, что согласно обычаю при родахъ королевы и жены дофина имѣли право присутствовать болѣе ста лицъ, которыя занимали указанные мѣста. При родахъ должны были находиться по праву принцы, принцессы королевской крови, государственный канцлеръ, первый президентъ и четыре государственныхъ секретаря. Двери комнаты должны были оставаться открытыми, а занавѣсы—поднятыми, и нельзя было никому запрещать доступъ въ комнату. Такъ какъ необходимы были свидѣтели, то при появленіи на свѣтъ герцога Бургундскаго дофинъ едва имѣлъ время приказать войти отряду тѣлохранителей, стоявшему на караулѣ, который съ трудомъ согласился подняться, носильщику паланкина и лакею г-жи Форкалькьеръ, которые видѣли, какъ явился на свѣтъ герцогъ Бургундскій. Не будучи грамотнымъ, носильщикъ поставилъ крестъ. Хотя покойная дофина была очень некрасива, но обладала умомъ. Если бы она осталась жива, то управляла бы всѣми. Дофинъ о ней очень сожалѣлъ и въ брачную ночь, находясь со второю женою, заливался слезами. Когда она спросила его о причинѣ, то онъ отвѣтилъ, что вспомнилъ о первой женѣ, которая умерла въ той же самой постели. Смерть принцессы Генріеты, старшей дочери Людовика XV, повергла въ уныніе всю королевскую семью. «Она была для короля не только дорогой дочерью,—пишетъ Кауницъ,—но и другомъ, заслуживающимъ довѣрія, и если въ одинъ прекрасный день любовница была бы оставлена, то принцесса сдѣлалась бы единственнымъ прібѣжищемъ короля, который искалъ болѣе дружбы, чѣмъ удовольствій». Для дофина это было еще болѣе незамѣнимой потерей. «Рѣшили, что злокачественная лихорадка, отъ которой она умерла, имѣетъ свое происхожденіе отъ чесотки, съ которою она родилась,—пишетъ Кауницъ,—и которую считали излѣченной, но, къ несчастію, она возвратилась. По поводу ея похоронъ былъ

поднять вопрос: должно ли положить ее въ траурномъ одѣяніи по случаю смерти герцога Орлеанскаго, или нѣтъ; когда было рѣшено утвердительно, то ее украсили черными лентами». Кауницъ сообщаетъ о довольно своеобразномъ обычаѣ, принятомъ при французскомъ дворѣ при поклоненіи тѣлу высочайшихъ особъ. Лицо, явившееся для поклоненія покойной принцессѣ, требовало для переговоровъ придворную даму. Последняя, выслушавъ привѣтъ, отправлялась какъ бы за приказаніями къ принцессѣ. Затѣмъ, возвратясь чрезъ минуту, она ввела его въ залъ, гдѣ лежалъ покойникъ, и громко докладывала: «г-нъ дофинъ, явился такой-то... или такая-то...». Отдавъ глубокій поклонъ, явившійся выслушивалъ возвѣщеніе герольда о смерти принцессы; послѣ этого посѣтителю подавали святую воду, и онъ, сдѣлавъ одинъ глубокій поклонъ покойной принцессѣ, а другой—придворной дамѣ, удалялся. Парламентъ узнавалъ о смерти принцессы отъ глашатая, который входилъ туда со спрятаннымъ въ рукавъ колокольчикомъ и звонилъ. Его спрашивали о причинѣ звона, и онъ отвѣчалъ: «Принцесса умерла». По словамъ Кауница, принцесса Аделаида была красива, весела, говорила прекрасно по-итальянски, рисовала, прекрасно играла на скрипкѣ, ловко ѣздила верхомъ и правила лошадьми-цугомъ. Ей былъ отданъ домъ покойной принцессы. Король не очень ей довѣрялъ вслѣдствіе ея легкомыслія. Кауницъ приводитъ слѣдующій примѣръ. Однажды дофинъ—въ то время еще не женатый—разсказывалъ о такихъ вещахъ, которыя ему еще не слѣдовало знать. Королю сообщили о томъ, что въ это его посвятила принцесса Аделаида. Обыскъ у принцессы обнаружилъ книги самаго грязнаго содержанія, да еще съ такими же эстампами, которыя она получала отъ одной изъ компаніонокъ. Выслушавъ выговоръ, принцесса Аделаида потребовала, чтобы дама попросила отставки. Дама была со скандаломъ изгнана, принцесса же сдѣлалась басней всей Европы, и одинъ англійскій книгопродавецъ имѣлъ дерзость напечатать одно произведеніе съ надписью: «для принцессы Аделаиды». Она однажды высидѣла нѣсколько дней подъ арестомъ въ своей комнатѣ за дерзкій отвѣтъ королю. Купивъ у ювелира въ кредитъ брилльянтовое кольцо, принцесса стала просить короля уплатить за него; получивъ отказъ, она сказала: «Если бы это было для маркизы, у васъ нашлось бы и болѣе денегъ». Король разсердился и посадилъ ее подъ арестъ. Принцесса Викторія, по словамъ Кауница, очень походила на короля: она была небольшого роста и толстая. Мало заботясь о своей наружности, она доходила до небрежности, но ее всѣ любили за доброту; съ нею жили двѣ младшія принцессы: принцесса Софія—угрюмая и религіозная, и принцесса Луиза. Последняя была небольшого роста, но очень хорошо сложена. Посланникъ находилъ, что у нея самыя красивыя черныя глаза, а выраженіе ея лица полно граціи. Будучи моложе всѣхъ, она не имѣла права разговаривать, но достаточно было едва замѣтнаго кивка головы и улыбки, чтобы очаровать всѣхъ. Величіемъ и великолѣпіемъ версальскаго дворца Кауницъ былъ пораженъ. Само зданіе, несмотря на нѣкоторые недостатки, удивляло своей обширностью. Содержаніе двора Людовика XIV,—пишетъ Кауницъ,—стоило триста милліоновъ ливровъ, что равняется по нашему курсу шестистамъ милліоновъ. Королевскій штатъ состоялъ изъ девяти тысячъ чело-вѣкъ тѣлохранителей въ золотомъ и серебряномъ шитѣ, одѣтыхъ богаче всѣхъ

при европейских дворах; лошади их стоили тысячу франков каждая. При король всегда находился караулъ въ 200 человекъ п около девяти сотъ человекъ французской и швейцарской гвардіи. Дворъ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ штатовъ: короля, королевы п жены дофина; дофинъ и его сестры не имѣютъ своего особаго штата: имъ полагаются слуги, отдѣленные отъ королевскаго штата. Даже ливреи совершенно различныя: у короля голубыя, а у королевы и дофина — красныя, только съ различными галунами. Въ королевскихъ конюшняхъ 2.300 лошадей; у Людовика XIV было ихъ только шестьсотъ, а Людовикъ XIII довольствовался четырьмя запряжками; у Генриха IX была только одна карета; однажды, одолживъ ее королевъ, онъ принужденъ былъ просить у Сюлли его экипажа. «Поразительна пропорція, — пишетъ Кауницъ, — съ которой увеличилась за это время роскошь». Но самыми значительными были непредвидѣнные расходы. Почти все имѣло свою особую таксу, согласно мѣсту, гдѣ находился дворъ, и было извѣстно, что такое-то блюдо обходилось столько-то въ Версалѣ, столько-то въ Компьенѣ и столько-то въ Фонтенбло. Непредвидѣнные же расходы доходили до чудовищной цифры, такъ какъ каждый дворецъ имѣлъ свой особый штатъ прислуги, расходами на него завѣдывалъ свой особый управляющій дворца и сдавалъ отчетъ прямо въ руки короля; а потому каждый изъ нихъ, желая перещеголять другого, придумывалъ новые способы сдѣлать побольше затратъ. «Говорятъ, что хранитель печатей хочетъ упорядочить эти чрезвычайные расходы, — пишетъ Кауницъ, — но объ этомъ говорятъ уже два года». Однѣ салфетки дочерей короля, когда ихъ было еще двѣ, стоили десять тысячъ экю въ годъ, такъ какъ обычай требовалъ, чтобы къ каждому парадному прибору подавались новыя салфетки. Кофе обходился въ годъ сто тысячъ франковъ. Когда давалось кому нибудь помѣщеніе во дворецѣ, то онъ былъ полнымъ властелиномъ дѣлать за счетъ короля всевозможныя перемѣны въ обстановкѣ. Свѣчи для служанокъ королевы и жены дофина стоили сорокъ пять тысячъ ливровъ. «Надо отдать справедливость, — пишетъ Кауницъ, — что тонъ придворныхъ самый учтивый, относительно же придворныхъ дамъ можно сказать, что королева постаралась собрать все, что было самага некрасиваго во Франціи. Изъ пятидесяти двухъ женщинъ, составляющихъ штатъ, едва ли найдется сносныхъ три. Особенно позаботились дать уродовъ принцессамъ».

У короля было шесть приѣмовъ: приѣмъ близкихъ лицъ, большой приѣмъ, первый приѣмъ палаты, приѣмъ кабинета. Приѣмъ начинался при процессѣ одѣванія короля; для cadaго былъ опредѣленъ извѣстный моментъ. Когда король былъ обутъ — допускались посланники; при нихъ онъ надѣвалъ рубашку, которую ему подавалъ дофинъ или другой присутствующій принцъ королевской крови; оберъ-гофмейстеръ подавалъ ему шпагу, кафтанъ и голубую орденскую ленту. Когда король былъ готовъ, то входилъ въ проходъ между кроватью и стѣной и преклонялъ колѣно для молитвы на четырехугольную подушку, положенную на полъ предъ кресломъ возлѣ кровати. Въ то время какъ онъ произносилъ молитву въ присутствіи всѣхъ, главный исповѣдникъ короля вмѣстѣ съ шталмейстерами и патерами входилъ на балюстраду и тихимъ голосомъ повторялъ молитвы. При отходѣ ко сну повторялось почти то же самое, только при-

бавлялась церемонія гашевія свѣчи и разуванія ногъ. Для перваго король призывалъ не своего офицера, а одно изъ присутствующихъ лицъ, лично имъ избираемое, которое онъ хотѣлъ особенно отличить, а второе предоставлялось лицамъ, которыя исполняли утреннюю церемонію обуванія. Послѣ «вставанія» король отправлялся въ большую часовню, гдѣ присутствовалъ дофинъ и вся семья. Главный исповѣдникъ короля помѣщался съ правой стороны и подавалъ королю его часословъ и, принявъ отъ него шляпу, передавалъ ее на сбереженіе первому патеру. Три раза въ недѣлю король ужиналъ въ своей семьѣ съ соблюденіемъ полнаго этикета, начиная съ пробованія кушанья и до подачи на столъ поднесеннаго королямъ въ XVI вѣкѣ городомъ Парижемъ золоченнаго корабля безъ мачтъ, въ которомъ хранились между благовонными подушками салфетки короля. Этотъ корабль пользовался такимъ почетомъ, что даже принцессы, проходя мимо него, кланялись предъ нимъ. Рядомъ съ этимъ этикетомъ проглядывали обычай, мало подходящіе къ нему; на примѣръ, въ ожиданіи выхода короля придворные толпились по всѣмъ комнатамъ, а царедворцы, ухаживающіе за королевой, входили даже въ ея комнату. Въ Фонтенбло кардиналы и посланники всѣ ожидали выхода короля въ той же комнатѣ, гдѣ и лакеи. Въ прихожей королевы ея горничныя сидѣли вмѣстѣ съ придворными дамами, и отличить ихъ можно было, лишь благодаря шлейфамъ. Церемонія принятія прошеній совершалась каждую субботу. Кауницъ находилъ ее довольно странной. По этому случаю накрывался столъ бархатной скатертью, за которымъ ставилось кресло, остававшееся все время пустымъ; прошенія же принималъ государственный секретарь стоя. Царедворцы раздѣлялись на четыре различные класса. Къ первой категоріи принадлежали тѣ изъ нихъ, которые пользовались милостями короля, сопровождая его въ Бельвю; ко второй—имѣющіе разрѣшеніе записаться; на путешествія въ Трианонъ, Кресси, Шуази и Мюэтъ: ихъ было человѣкъ двѣнадцать; къ третьей—участвовавшіе съ королемъ на охотѣ и ужинающіе съ нимъ въ кабинетахъ. Послѣднихъ набиралось болѣе ста человѣкъ. Къ четвертому разряду относились лица, показывавшіяся только въ Версалѣ: ихъ было болѣе всѣхъ. Для принятія участія въ кабинетныхъ ужинахъ надо было охотиться съ королемъ, а для этого требовалось лишь приглашеніе и доказательство трехсотлѣтней давности дворянскаго званія. Въ этомъ разрядѣ находились всѣ восемнадцатилѣтніе полковники, которыхъ не принимали въ хорошемъ парижскомъ обществѣ. Разговоръ на этихъ ужинахъ велся «убійственно скучный», но вмѣстѣ съ тѣмъ неприужденность, царившая на нихъ, доходила до непристойностей и могла быть принята за недостатокъ уваженія къ королю. «Не такъ давно герцогиня Шуазель, — пишетъ Кауницъ, — не имѣя желанія кушать, вынула изъ кармана итальянскую грамматику и, положивъ на колѣни, читала ее во все время ужина, хотя только два человѣка отдѣляли ее отъ короля». Рипелье сравнилъ эти «кабинетные ужины» съ неприличными заведеніями. Часто гости, уставъ на охотѣ, засыпали за столомъ, и король первый надъ этимъ смѣялся. Желая оживить эти ужины, маркиза увеличила число приглашенныхъ, но они отъ этого не стали веселѣе. Возвратясь съ охоты, всѣ отправлялись на церемонію разуванія короля. При этомъ онъ составлялъ спи-

сокъ ужинающихъ и просматривалъ этотъ листъ два раза, чтобы убѣдиться, не увеличенъ ли списокъ. Кабинетами назывались комнаты, предназначенныя для ужиновъ, и такъ какъ онѣ находились въ антресоляхъ, то были низки и душны. Украшеніе ихъ было очень просто, а на крышѣ устраивались террасы, покрытыя рѣшетками; этими террасами не пользовались. Всѣ жаловались на дурную кухню, но король не внималъ этимъ жалобамъ, хотя въ молодости былъ хорошимъ поваромъ и даже имѣлъ свою собственную кухню, гдѣ самъ и каждый приглашенный готовили особое блюдо; при этомъ они одѣвались въ поварскіе куртки и передники. Кушанья подавали пажы и король, по словамъ Кауница, стѣснявшійся, когда въ его парадныхъ апартаментгахъ собирались четверо, и съ удовольствіемъ принимавшій тридцать человѣкъ, приглашенныхъ на ужинъ. Послѣ ужина всѣ отправлялись играть. Король обыкновенно игралъ въ пикетъ съ Субизомъ и Лавальеромъ. Самый веселый моментъ этихъ ужиновъ былъ, когда удалялись домой, такъ какъ весь вечеръ никто не могъ начать разговора, а король не давалъ себѣ этого труда, такъ что по четверть часа царило глубокое молчаніе. Этими подробностями оканчивается вышедшая въ свѣтъ часть воспоминаній Кауница.

— Столѣтіе смерти герцога Энгіенскаго. Ровно сто лѣтъ тому назадъ герцогъ Энгіенскій ¹⁾, принцъ французскаго королевскаго дома отъ отрасли Кондэ, былъ захваченъ на Баденской территоріи, по приказанію Наполеона, и отвезенъ въ Парижъ, гдѣ его разстрѣляли въ Венсенскомъ замкѣ. Хотя объ этомъ печальномъ событіи много писали, но настоящая причина его смерти до сихъ поръ не опредѣлена. По общему мнѣнію, эта смерть, приписываемая Наполеону, была безпричинная, такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобы покойный герцогъ былъ замѣшанъ въ заговоръ Кадудали противъ перваго консула. По поводу наступившаго столѣтія смерти герцога, Тео Бержера напечаталъ въ первомъ сентябрьскомъ номерѣ «Nouvelle Revue» любопытную статью о новыхъ данныхъ относительно герцога Энгіенскаго. Эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ разговоровъ съ внучкой капитана Шарло, которому было поручено арестовать герцога въ Эттенгеймѣ. Во время трагическаго событія Шарло служилъ начальникомъ мѣстной полиціи въ Страсбургѣ и умеръ въ чинѣ полковника въ 1845 году, оставивъ сыну свои мемуары, письма и кошіи нѣсколькихъ донесеній, касающихся ареста герцога Энгіенскаго. Въ настоящее время всѣ эти документы хранятся у нѣкихъ Липмановъ, другихъ внуковъ Шарло. Неизвѣстно, почему они не печатаютъ этихъ интересныхъ семейныхъ бумагъ, такъ какъ пріятельница автора статьи, внучка Шарло, знающая всю исторію почти наизусть, потому что слышала рассказы дѣда и чтеніе мемуаровъ, не скрываетъ ихъ и передала Бержера всѣ интересныя подробности объ арестѣ принца почти въ подлинномъ текстѣ. Изъ разказа этой почтенной дамы видно, что въ первыхъ числахъ марта 1804 года капитанъ Шарло получилъ изъ Парижа отъ генералъ-инспектора полиціи, Монсея, слѣдующаго рода приказъ: «Удостоверьтесь, живеть ли въ Эттенгеймѣ принцъ, котораго считаютъ родственникомъ Бурбоновъ, находящійся въ сношеніяхъ съ главными генералами

¹⁾ Le duc d'Enghien, par Théo Bergerat. «La Nouvelle Revue». Septembre 1904.

республики». Тотчас же Шарло позвалъ полицейскаго сержанта Пферцдоффа и поручилъ ему исполнить приказаніе начальства. Селеніе Эттенгеймъ находилось въ четырехъ миляхъ отъ французской границы, и ловкій полицейскій агентъ отправился туда, выдавая себя за лошадинаго барышника: для отвода глазъ онъ захватилъ съ собою нѣсколькихъ лошадей. Очутившись въ баденскомъ селеніи, онъ узналъ, что въ замкѣ живетъ важный господинъ, въ то время отправившійся на охоту. Пферцдоффъ провелъ весь вечеръ въ гостиницѣ и завелъ разговоръ съ однимъ изъ лакеевъ. Послѣдній въ разговорѣ проболтался, что его господина зовутъ герцогъ Энгіенскій. На другой же день полицейскій агентъ отправился въ замокъ продавать лошадей. Одну изъ нихъ герцогъ купилъ. При видѣ замѣчательнаго сходства молодого герцога съ Бурбонами, Пферцдоффъ убѣдился, что лакей сообщилъ ему справедливое извѣстіе. По возвращеніи въ Страсбургъ полицейскій агентъ донесъ начальству объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Чуть спустя, извѣстіе было послано въ Парижъ съ нарочнымъ, а 10-го марта Наполеонъ получилъ желанную справку и тотчасъ сказалъ Реалу: «Ну! господинъ Реаль, вы не сказали мнѣ, что герцогъ Энгіенскій живетъ въ четырехъ миляхъ отъ моей границы и организуетъ военный заговоръ». Четыре дня спустя въ Страсбургъ прибылъ курьеръ съ новымъ приказомъ Монсея къ капитану Шарло. «Вы тотчасъ, ночью,—говорилось въ немъ,—отправитесь въ Эттенгеймъ, арестуете герцога Энгіенскаго и захватите всѣ его бумаги. Вы отвѣчаете за него своею головою». Шарло въ ту же ночь взялъ свою полицейскую бригаду и окружилъ замокъ. Большинство историковъ увѣряетъ, что этой экспедиціей командовалъ полковникъ Орденеръ, но это не вѣрно: все дѣло было поручено Шарло. Въ Эттенгеймѣ жилъ молодой тридцатидвухлѣтній герцогъ Энгіенскій съ своею тайно обвѣнчанною женою Шарлоттой, племянницею кардинала Рогана. Когда предъ замкомъ появились французскіе жандармы, то герцогъ готовился къ охотѣ, а потому былъ совершенно одѣтъ. Онъ открылъ окно и спросилъ, что имъ надо. Шарло тотчасъ же узналъ его и, сдѣлавъ подъ козырекъ, сказалъ: «Принцъ, именемъ консула, моего главы, я прибылъ васъ арестовать». Принцъ схватилъ ружье и прицѣлился въ Шарло, но кто-то, скрытый за оконной занавѣсью, схватилъ ружье и промолвилъ: «Не стрѣляйте, мы окружены!» Тогда самъ герцогъ и всѣ его друзья и слуги были арестованы, а въ домѣ произведенъ немедленный обыскъ. Всѣ найденныя бумаги были завернуты въ медвѣжью шкуру, привезенную Шарло, связаны веревкой и запечатаны. Затѣмъ всѣхъ отпустили на свободу, исключая герцога, котораго посадили въ лодку вмѣстѣ съ Шарло и двумя жандармами. Когда они отчалили отъ нѣмецкаго берега, герцогъ, все время молчавшій, неожиданно сказалъ, пристально взглянувъ на Шарло: «Сударь, богаты вы?» — «Нѣтъ, принцъ», — отвѣчалъ Шарло. — «Вы женаты?» — «Да, герцогъ». — «Есть ли у васъ дѣти?» — «Трое». — «Такъ выслушайте меня,—сказалъ герцогъ Энгіенскій,—высадите меня съ этимъ (и онъ коснулся ногой до медвѣжьей шкуры съ документами) на нѣмецкій берегъ, и чрезъ два мѣсяца король Франціи сдѣлаетъ васъ генераломъ и назначитъ вамъ жалованье въ тридцать тысячъ ливровъ въ годъ». Шарло поблѣднѣлъ; видя его смущеніе, герцогъ повторилъ свое предложеніе. Для бѣднаго офицера искушеніе было

велико, но Шарло исполнилъ свой долгъ и переправился на французскій берегъ. «Жаль, что я васъ не убилъ»,—сказалъ герцогъ со сверкающими глазами. Прибывъ въ Страсбургъ и помѣстивъ герцога въ крѣпость, Шарло не зналъ, что съ нимъ дѣлать, такъ какъ въ полученномъ имъ приказѣ не упоминалось объ этомъ. Наконецъ, не желая взвалить на себя столь тяжелую отвѣтственность, онъ отвезъ его въ Верденъ и сдалъ поручику Петерману, который доставилъ его въ Парижъ. Петерманъ былъ задержанъ у Виллетской заставы, такъ какъ никто не ожидалъ герцога. Только черезъ пять часовъ получили отъ Наполеона изъ Мальмэона инструкцію и приказъ отвезти герцога Энгіенскаго въ Венсенскій замокъ. Первый консулъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, такъ какъ онъ приказалъ содержать герцога въ Страсбургѣ. Но разъ герцога привезли въ Парижъ, то Наполеонъ порѣшилъ тотчасъ съ нимъ покончить и въ тотъ же день увѣдомилъ Реаля, чтобы венсенскій военный судъ покончилъ все въ ту же ночь. Справедливость подобнаго объясненія этого рокового событія доказываютъ записки Констанана, камердинера Наполеона, который пишетъ: «На другой день послѣ смерти герцога Энгіенскаго, Жозефина вошла въ комнату Бонапарта. Она была въ ужасномъ положеніи: ее душили рыданія, и все ея лицо было мокро отъ слезъ. Поблѣднѣвшее лицо Наполеона было вытянуто. Жозефина въ отчаяніи бросилась въ его объятія, громко восклицая: «Что ты надѣлалъ! Что ты надѣлалъ!» Первый консулъ тщетно старался ее успокоить. Наконецъ, гнѣвно топнувъ ногой, онъ произнесъ: «Несчастные слишкомъ поторопились!» Очевидно, Наполеонъ подъ этими словами подразумѣвалъ не судъ, который исполнилъ его ясное приказаніе, но Монсея и Шарло, не понявшихъ его приказанія. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти герцога Энгіенскаго первый консулъ пригласилъ своихъ главныхъ генераловъ и велѣлъ принести бумаги, находившіяся въ медвѣжьей шкурѣ. На ней была нетронутая печать страсбургскихъ жандармовъ, и Наполеонъ приказалъ раскрыть бумаги и, не читавъ ихъ, сжечь въ каминѣ. Когда все было кончено, онъ сказалъ, обращаясь къ генераламъ: «Morte le bête, mort le venin!» Присутствующіе поняли и молча поклонились. Такимъ образомъ, доказано, по словамъ Бержера, что смерть герцога Энгіенскаго не была предумышленнымъ убійствомъ со стороны Наполеона, а была слѣдствіемъ непонятаго приказанія Наполеона. Вотъ все новое, что рассказала Бержера внучка Шарло.

— Французскій герой греческой войны за освобожденіе. Бывшій профессоръ Нантскаго университета, Дебидуръ, написалъ исторію французскаго генерала, барона Шарля-Николя Фабвье, сражавшагося между прочимъ и при Бородинѣ¹⁾. Фабвье былъ интересный человекъ, съ темпераментомъ заговорщика и гениемъ авантюриста; битва была радостью его жизни. Онъ родился въ Понтъ-а-Муссонѣ въ 1782 г. и былъ другомъ Байрона. Посвятивъ себя военной службѣ, онъ въ чинѣ артиллерійскаго поручика участвовалъ въ войнахъ 1805, 1806 и 1807 годовъ, но въ Аустерлицкой битвѣ не былъ. Еще юнымъ офицеромъ находясь въ Далмаціи подъ начальствомъ Мармона съ цѣлью защиты

¹⁾ Le général Fabvier, sa vie militaire et politique, par A. Debidour. Paris. 1904.

турецкаго султана противъ англичанъ, онъ выходилъ изъ себя, что не сражается съ утра до ночи. «Нѣтъ другого мученія, какъ оставаться съ этимъ адомъ въ головѣ, въ то время какъ другіе сражаются,—писалъ онъ брату.—Только одно сдѣлало бы меня счастливымъ,—это вторженіе въ Турцію и какая нибудь война». Отправляясь въ Константинополь къ султану Селиму III, онъ замѣтилъ: «Я могу отправиться и въ Китай, если хотятъ». Французскій посланникъ въ Персіи, генералъ Гарданъ, увезъ его съ Босфора въ Испагань. «Изъ Персіи,—писалъ онъ отцу,—мы отправимся въ Индію и, вѣроятно, тамъ поработаемъ. Такъ угодно Богу». Въ Никей онъ сидѣлъ на тронѣ Константина; близъ Эрзерума онъ курилъ чубукъ съ капитаномъ разбойниковъ и вручилъ ему, какъ залогъ дружбы, портретъ Наполеона на сорока-франковой монетѣ; онъ побывалъ и въ Арменіи, опустошенной курдами и чумою. Въ Тегеранѣ и Испагани онъ исправилъ недочеты персидской арміи и основалъ арсеналъ. «Всѣ каналы кругомъ,—говорилъ онъ.—Пока предвижу кусокъ красной ленты мнѣ на грудь, я не буду жаловаться. Я здѣсь полезенъ для моей страны». Возвращаясь въ Европу чрезъ Тавриду и Тифлисъ, онъ пошелъ въ Польшу и сражался на Вислѣ съ Понятовскимъ. Битву при Ваграмѣ онъ пропустилъ, а сражался въ Испаніи, Португаліи и Россіи. Во время перваго отреченія императора Фабье былъ въ чинѣ полковника; присоединясь къ Людовику XVIII, онъ сопровождалъ его въ Бельгію по возвращеніи императора. Онъ отказался возвратиться на службу императора, вернулъ свои полковничьи привилегіи и отправился въ Лотарингію устраивать отрядъ добровольцевъ Вогезъ и Меца, который спасъ отъ вторженія пруссаковъ Мель, Монмеди и Лонгви. Мѣсяцъ спустя послѣ Ватерлоо, онъ еще воевалъ вокругъ Меца. По возвращеніи Людовика XVIII въ Тюильри, онъ подвергся опалѣ и окончательно порвалъ съ правительствомъ, обнаруживъ вѣроломство генерала Канюэля, командовавшаго въ Ліонѣ во время безпорядковъ 1816 года. Такимъ образомъ съ 1-го іюля 1818 г. онъ получалъ половинный окладъ. Въ это время Фабье былъ тридцатилѣтнимъ широкоплечимъ здоровякомъ, съ веселой душой бросившимся въ оппозицію: онъ вступалъ въ заговоры, присоединялся къ плану Лафайета и вообще превратился въ «виртуоза революціонныхъ и военныхъ козней 1820 года». Арестованный и посаженный въ тюрьму, онъ чрезъ четыре мѣсяца долженъ былъ предстать предъ палатой. Благодаря защитѣ Манюэля, онъ былъ оправданъ. Но Фабье уже вошелъ во вкусъ жизни съ приключеніями, и съ тѣхъ поръ его имя встрѣчается во всѣхъ заговорахъ Лафайета. Онъ сталъ мечтать о возвращеніи свободы всѣмъ поработеннымъ народамъ: Венеціи, Неаполю, Милану, а прежде всего Испаніи. Съ этою цѣлью онъ переправился чрезъ Пиренеи, присоединился къ конституціоннымъ кортесамъ противъ Фердинанда XII, привлекъ французскихъ бѣглецовъ, испанскихъ и космополитическихъ либераловъ и организовалъ на Бидассоа отрядъ, который предназначался соблазнять армію герцога Ангулемскаго, показавъ ей трехцвѣтное знамя. Но его успѣхи свелись къ тому, что разстрѣляли нѣсколько честныхъ людей, и было ускорено вторженіе французовъ въ Испанію. Изъ Португаліи онъ направился въ Лондонъ, потомъ въ Бельгію, все еще озабоченный освобожденіемъ страны Сида. Когда онъ понялъ тщетность своихъ усилій, то рѣшилъ отправиться въ Грецію для освобожденія греческаго народа.

Съ этой дѣлю онъ отплылъ въ Наваринъ въ декабрѣ 1823 года. Грецію онъ нашелъ въ ужасномъ состояніи: голодную и полуварварскую. «Онъ ушалъ, какъ съ луны, къ этому народу, у котораго каждый вачальникъ, каждая группа ненавидѣли сосѣдняго согражданина или общину, — говоритъ Дебидуръ: — городскіе примасы возставали противъ горныхъ поликаровъ, Морея, Румелія и континентальная Греція — противъ острововъ, солдаты — противъ моряковъ, Колокотронисъ — противъ Кондуріотиса и Одиссева, великаго предводителя банды, который проданъ туркамъ въ 1824 году и разстрѣлянъ въ Аѳинахъ своимъ адъютантомъ Гурасомъ въ іюлѣ 1825 года. Съ перваго взгляда это національное движеніе выражалось прежде всего въ безпорядкахъ, неурядицахъ и грабежахъ, производимыхъ на сушѣ — разбойниками-клефтами, а на морѣ — пиратами. На скалистыхъ же берегахъ Пелопонеза высадилась египетская армія Мехмеда-Али, организованная на европейскій ладъ; занявъ стратегическое положеніе, она отгѣснила возмущившихся грековъ назадъ къ Аркадійскимъ пустынямъ. Европа въ это время относилась къ греческой революціи не только равнодушно, а даже враждебно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Фабвье отправился въ Бельгію и Лондонъ, чтобы наконецъ вызвать въ европейцахъ симпатіи къ грекамъ и поддержать старанія филэллиновъ. Въ маѣ 1825 года Фабвье снова отправился въ Грецію, а, нѣсколько дней спустя, Ибрагимъ овладѣлъ Навариномъ. Временное греческое правительство, находившееся въ Навилинѣ, дѣлало неимовѣрныя усилія, чтобы выбраться изъ этого хаоса и поручило Фабвье собрать регулярный отрядъ и быть его генераломъ. Онъ собралъ въ два мѣсяца до тысячи человекъ; послѣ неудачнаго дѣла противъ египетскаго отряда ему удалось провести войско на Аттичскую территорію. Вопреки враждебнымъ отношеніямъ партизанскихъ начальниковъ, онъ командовалъ въ концѣ года отрядомъ въ три тысячи семьсотъ человекъ, состоявшимъ изъ артиллеріи, пѣхоты и кавалеріи. Онъ сдѣлалъ неосторожность, поспѣшивъ произвести нападеніе на Карпсго, цитадель Негропонта, и потерялъ свою кавалерію и почти всю артиллерію, а главное свою славу. Въ Атику онъ вернулся лишь съ небольшимъ остаткомъ арміи: его солдаты дезертировали въ банды Гураса. Тѣмъ временемъ армія Решид-паши подошла къ Аѳинамъ, и жители въ ужасѣ бѣжали на Саламинъ. Они нѣсколько успокоились, когда встала на якорь французская эскадра подъ командою Риньи. Тогда греческое правительство поручило Фабвье пробиться сквозь турецкія линіи и доставить съѣстные припасы акропольскому гарнизону. Темной ночью Фабвье поднялся въ священный замокъ, но назадъ не могъ вернуться и оказался запертымъ въ крѣпости. Аѳинскіе начальники, расположившіеся въ храмѣ Минервы, получили приказъ удержать его для защиты крѣпости. Со своей стороны гарнизонъ объявилъ свое рѣшеніе оставить Акрополь. Въ то время какъ клефты, одѣтые въ теплую одежду, находились подъ кровомъ, солдаты Фабвье дрожали отъ стужи. Вскорѣ не стало хватать ни дровъ, ни воды, ни говядины; приходилось ѣсть конину. Въ крѣпости всѣ попытки снять осаду не удались. Положеніе еще болѣе усложнилось, благодаря двумъ враждебнымъ другъ другу національнымъ собраніямъ — Эгинскому и Герміонскому. 1-го апрѣля 1827 года они слились въ одинъ парламентъ, преданный разомъ Россіи и Англіи. Пока въ немъ ве-

лись переговоры и обдумывались стратегическіе планы, на Акрополь сыпались турецкія бомбы, солдатскіе полки уменьшались, и солдаты пили дождевую воду. Среди них распространилась лихорадка, пушки уже не дѣйствовали, а измученный гарнизонъ не хотѣлъ больше сражаться. Со словъ одного сотоварища Фабье, когда послѣдній среди ночи пытался выйти изъ ловушки, то эллинскіе бродяги, толкавшіеся у подножья холма, кричали: «Франкъ убѣгаеть!»—и тѣмъ будили турокъ, дремавшихъ вокругъ огня. Наконецъ, послѣ тщетныхъ переговоровъ защитникамъ крѣпости была предложена почетная капитуляція при посредничествѣ адмирала Риньи, и Фабье могъ выйти во главѣ остатка своей арміи. Акрополь сопротивлялся шесть мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ Европа подготовила спасеніе Греціи, а затѣмъ и свободу греческой расы. Наваринъ и Морейская экспедиція окончили работу, начатую Фабье. Во время іюльской монархіи послѣдній былъ сдѣланъ пэромъ Франціи и генераль-лейтенантомъ. Онъ умеръ въ 1855 году.

— Англійская газета въ Парижѣ. Недавно прекратилось изданіе «Galignani's Messenger», ежедневной англійской газеты, издававшейся въ Парижѣ въ продолженіе девятидесяти лѣтъ. Всякому, кто бывалъ въ Парижѣ или Ниццѣ, извѣстенъ обширный англійскій книжный магазинъ въ улицѣ Риволи и его же великолѣпное отдѣленіе въ Ниццѣ, на площади Массены. Оба магазина были популярнѣйшими учрежденіями во Франціи и пользовались извѣстностью во всей Европѣ. Поэтому исчезновеніе стариннаго органа печати составляетъ замѣчательное общественное явленіе. Задолго до начала изданія Галиньяни своей газеты, въ Парижѣ существовали періодическія англійскія изданія, но они были посвящены Англій, хотя печатались на французскомъ языкѣ. Таковы были: «Journal anglais»—въ 1775—1778 гг. и «Analyse de papiers anglais», который выходилъ въ 1787—1788 гг., подъ редакціей Мирабо. Они имѣли скорѣе характеръ журнала, чѣмъ газеты. Также исключительно объ Англій трактовала газета «Argus», впервые издаваемая на англійскомъ языкѣ Сэмпсономъ Пэри, въ 1809 году, подъ покровительствомъ Наполеона. Она враждебно относилась ко всему англійскому, и часто статьи, помѣщаемыя въ ней, внушались самимъ императоромъ. Съ паденіемъ Наполеона исчезла и эта газета. Впрочемъ, въ томъ же 1814 году появилась «Galignani's Messenger». Ее создалъ итальянецъ Джіованни Галиньяни, который долго жилъ въ Англій, а съ 1800 года основалъ англійскую бібліотеку для чтенія въ Парижѣ. Первый номеръ этой извѣстной газеты вышелъ 2-го іюля, и редакція ея сорокъ лѣтъ пребывала въ улицѣ Вивьенъ, а оттуда перешла въ улицу Риволи, гдѣ и оставалась до послѣдняго дня своего существованія. Съ самаго начала она издавалась, главнымъ образомъ, съ помощью ножницъ, и въ ней помѣщались статьи изъ лондонскихъ газетъ и переводы французскихъ новостей. Первымъ ея редакторомъ былъ Сайрусъ Реддингъ, но его работа была не трудная, и онъ самъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Ежедневная рутинная жизнь была не многосложна; каждое утро въ 7 часовъ мнѣ приносили французскія и англійскія газеты, и я въ нихъ отмѣчалъ то, что надо было перепечатать или перенести». Остальную часть дня онъ проводилъ въ Булонскомъ лѣсу и въ посѣщеніяхъ пріятелей, которыхъ у него было очень много. Въ числѣ послѣ-

дующихъ редакторовъ находился К. Граттанъ, а помѣщали въ «Galignani's Messenger» свои статьи лордъ Лингурстъ, маркизь Норманби, сэръ Генри Бульверъ, О'Коннель, лордъ Бругамъ, Маколей, Энсвортъ и проч. Такимъ образомъ «Galignani's Messenger» сдѣлалась самостоятельной газетой и стала помѣщать оригинальныя статьи. Самымъ знаменитымъ ея сотрудникомъ былъ Теккерей въ молодости. «Мы пишемъ въ газетѣ «Galignani's»,—говорить онъ въ 1848 году,—за десять франковъ въ день, и это продолжается уже десять лѣтъ». Успѣхъ английской газеты, главнымъ образомъ, зависѣлъ оттого, что она постоянно измѣняла свое направленіе вмѣстѣ съ перемѣною французскаго правительства; такъ она была то бурбонской, то орлеанской, то республиканской, то бонапартистской, то снова республиканской. Старшій Галиньяни умеръ въ 1822 году, и ему наслѣдовали его сыновья, Джонъ и Вильямсъ Галиньяни. Они не только послѣдовательно завѣдывали газетой и увеличили ея успѣхъ, но основали въ Корбейлѣ больницу для англичанъ. Младшій изъ братьевъ былъ нѣкоторое время мэромъ Суази, и при немъ «Galignani's Messenger» превратился въ ежедневную газету, чрезвычайно распространенную въ Европѣ. Однако, у него было немало соперниковъ, но всѣ эти газеты выходили еженедѣльно и существовали недолго. Въ 1822 году начало появляться «Парижское мѣсячное обозрѣніе», на англійскомъ языкѣ, подъ редакціей Граттана, но, просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, перешло въ руки Галиньяни. Однако, и въ ихъ опытныхъ рукахъ этотъ журналъ не долго просуществовалъ. Золотые дни «Galignani's Messenger»'а продолжались до 1848 года: онъ много пострадалъ отъ введенія дешевыхъ газетъ, но въ этомъ онъ не послѣдовалъ примѣру даже «Times»'а, уменьшившаго свою цѣну, и сохранилъ свою прежнюю плату 50 сантимовъ. Вскорѣ послѣ смерти послѣдняго изъ братьевъ Галиньяни въ 1882 году вліяніе и распространеніе этой газеты стало падать, и въ 1895 году она получила новое названіе «Daily Messenger». Новые издатели старались всѣми силами улучшить газету, но напрасно: старая газета никакъ не могла вынести соперничества новаго парижскаго изданія, американскаго «New-York-Herald»'а.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ Александру II въ Кіевѣ. Въ настоящее время подъ предѣдательствомъ городского головы В. Н. Проценко образованъ комитетъ по сооруженію въ Кіевѣ памятника императору Александру II. Почетное предѣдательство въ комитетѣ принялъ на себя начальникъ края, генералъ-адъютантъ Н. В. Клейгельсъ. Вопросъ о желательности сооруженія памятника Царю-Освободителю въ Кіевѣ былъ возбужденъ городскимъ головой В. Н. Проценко, который 24-го февраля 1901 г. внесъ соотвѣтствующе предложеніе въ городскую думу. Предложеніе было принято думой единогласно, при чемъ постановлено вносить ежегодно на сооруженіе памятника по пяти тысячъ рублей; одновременно съ этимъ дума постановила вносить ежегодно по пяти тысячъ рублей на сооруженіе народнаго дома имени Царя-Освободителя. Открытіе памятника предположено приурочить къ 19-му февраля 1911 года, когда исполнится пятьдесятъ лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ. Памятникъ предполагается соорудить на одной изъ площадей города Кіева. Мѣсто пока не избрано. Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ, повидимому, является Царская площадь, лежащая въ концѣ главной городской улицы — Крещатика, откуда идетъ Александровская улица по направленію къ Императорскому дворцу. Нѣкоторые указываютъ, какъ на мѣсто для памятника, небольшой скверъ противъ реального училища, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ судебными учреждениями. Но выборъ этого мѣста едва ли желателенъ, такъ какъ тутъ же по сосѣдству находится площадь передъ Софійскимъ соборомъ, на которой воздвигнуть памятникъ Богдану Хмельницкому. По проекту памятникъ долженъ изображать императора полной стоящей фигурой на пьедесталѣ, въ общемъ высотой отъ 12 до 20 аршинъ. Въ виду того, что памятникъ предполагается соорудить ко дню 50-лѣтія освобожденія крестьянъ, этотъ мо-

менѣ царствованія желательнo было бы особенно рельефно выразить въ памятникѣ, хотя, конечно, и другія дѣянія императора должны найти соответствующее изображеніе. По приблизительному подсчету на сооруженіе памятника предполагается израсходовать до 180 тысячъ рублей, т.-е. такую же сумму, какую израсходовали на постановку памятника императору Николаю Павловичу, въ скверѣ передъ университетомъ св. Владимира. Средствами для покрытія расходовъ по сооруженію памятника должны служить суммы, ассигнованныя городомъ, ежегодный взносъ по 5 тысячъ рублей, а также ежегодныя отчисленія по 5 тысячъ на народный домъ, постройка котораго отложена. Такимъ образомъ, составляетъ сумма около 70.000 рублей. Остальную сумму предполагается покрыть подпиской среди населенія Юго-Западнаго края и прилегающихъ губерній. Въ непродолжительномъ времени будетъ объявленъ конкурсъ на проектъ памятника. Творчество авторовъ проектовъ не предполагается стѣснять слишкомъ подробными условиями. Кіевъ, несмотря на свое историческое прошлое и на то, что онъ является крупнымъ административнымъ центромъ района съ населеніемъ болѣе 10.000,000 душъ, не богатъ памятниками. Въ городѣ имѣется всего четыре памятника: великому князю св. Владимиру въ память крещенія Руси, Богдану Хмельницкому, императору Николаю Павловичу и графу А. А. Бобринскому, какъ инициатору соединенія Кіева рельсовой сѣтью съ Одессой и Петербургомъ.

Въ защиту старины. Подъ этимъ заглавіемъ въ № 240 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано слѣдующее интересное «Открытое письмо правленію общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги» г. С. Краснодарскаго. «Астраханскій Листокъ» (отъ 8 августа, № 176) сообщаетъ, что въ недалекомъ будущемъ начнутся работы по постройкѣ Астраханской желѣзной дороги. Астраханскій край очень богатъ археологическими памятниками. Онъ былъ колыбелью славнаго Хазарскаго царства, а затѣмъ Золотой орды. Въ предѣлахъ его находятся городища столицъ орды—Стараго и Новаго Сарая. Въ 16-ти верстахъ отъ Астрахани находится городище знаменитаго Хазарскаго Итиля. Русская археологія много сдѣлала для изслѣдованія края, но далеко не все. обстоятельно изслѣдованы только городища двухъ Сараевъ; между тѣмъ, арабскіе историки (главнымъ образомъ Ибнъ-Батута) единогласно утверждаютъ, что въ XIV и XV вв. у татаръ было «много городовъ» съ «безчисленнымъ количествомъ» мечетей, школъ, больницъ, страннопріимныхъ домовъ, богадѣлевъ и т. д. Отъ этихъ городовъ остались городища или малоизвѣстныя, или совершенно неизвѣстныя для науки. Одно изъ такихъ городищъ находится на лѣвомъ берегу Ахтубы, въ 8 верстахъ отъ деревни Сеитовки, гдѣ въ сентябрѣ предполагено приступить къ желѣзнодорожнымъ работамъ. Въ концѣ марта прошлаго года, по порученію Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края, я сдѣлалъ осмотръ этого городища. Отъ муллъ сосѣднихъ татарскихъ деревень—Верхней, Средней и Нижней Ералеекъ, я узналъ, что городище находится на лѣвомъ берегу Ахтубы, что на мѣстѣ его когда-то стоялъ священныи городъ Акъ-Сарай, а на югъ отъ городища находятся могилы святыхъ, къ которымъ мусульмане за много верстъ кругомъ ходятъ на поклоненіе. Руководствуясь указаніями муллъ, я направился отъ хутора ера-

леевскаго крестьянина Пралеева по лѣвому берегу Ахтубы вверхъ по теченію, разсчитывая найти городище по его отложеніямъ на берегу рѣки, ежегодно оставляемымъ весенними разливами, и не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Городище находится верстахъ въ 8 отъ Сеитовки и въ $2\frac{1}{2}$ отъ хутора Пралева. По берегу Ахтубы оно тянется версты на полторы. Определить его размѣры въ другія стороны невозможно, такъ какъ оно силою засыпано песками. По берегу Ахтубы на всемъ протяженіи городища находится много прекрасно обожженнаго татарскаго квадратнаго кирпича, древеснаго угля, обломковъ домашней посуды и другихъ вещей домашняго обихода. Безъ особенно тщательныхъ розысковъ я собралъ на берегу около 20 серебряныхъ и мѣдныхъ татарскихъ монетъ, замockъ, часть подковы (несомѣнно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ татары лошадей не ковали) и нѣсколько другихъ вещей. Городище, насколько оно обнаружено размывами Ахтубы, приводитъ къ неопровержимому заключенію, что на мѣстѣ его былъ не малый поселокъ, не деревня, а городъ, и городъ очень большой¹⁾. Объ этомъ свидѣлствуютъ: во-первыхъ, обиліе кирпича, во-вторыхъ,—относительная роскошь отдѣлки предметовъ домашняго быта и, въ-третьихъ,—обиліе монетъ. Меня очень интересовали «могилы святыхъ». Послѣ долгихъ скитаній по пескамъ верстахъ въ двухъ отъ городища²⁾ я нашелъ двѣ каменные могильныя плиты съ арабскими надписями. По ту и другую сторону отъ плитъ стояли вѣхи, обозначающія направленіе линіи желѣзной дороги. Дѣло ясное, что полотно дороги будетъ проложено или по старому татарскому кладбищу, или очень близко отъ него. Монеты и вещи, найденныя на городищѣ, я передалъ Петровскому обществу изслѣдователей Астраханскаго края. Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій его историко-этнографической секціи я сдѣлалъ сообщеніе о городищѣ и тогда же просилъ общество войти въ сношенія съ правленіемъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги относительно сохраненія памятниковъ старины, которые будутъ извлечены изъ земли при желѣзнодорожныхъ работахъ. Въ томъ же засѣданіи была избрана коммиссія, которой секція поручила все дѣло охраны памятниковъ. Я почти полтора года не былъ въ Астрахани, протоколовъ общества въ это время не получалъ (едва ли они и печатались), поэтому не знаю,

¹⁾ Общераспространенное мнѣніе, что татары, какъ народъ кочевой, жили только въ кибиткахъ и деревень не имѣли,—ошибочно. Въ 1888 году я производилъ раскопки одной изъ такихъ деревень—Бельджамана, верстахъ въ двухъ отъ посада Дубовки, Царицынскаго уѣзда. Изъ географовъ XIV и XV вв. о Бельджаманѣ говоритъ только Абульфеда. Я сравнивалъ три перевода его географіи—нѣмецкій Фрепа, французскій Рейске и латинскій Рейно (Reinaud), и у всѣхъ переводчиковъ (подлиннаго текста Абульфеды я не видѣлъ) Бельджаманъ называется именемъ «деревней»—Dorf, village, pagus.

²⁾ Точно определить разстояніе затрудняюсь. Путь отъ городища къ кладбищу я сдѣлалъ въ сильную песочную бурю съ компасомъ въ рукахъ. Ити было очень трудно. Путь туда и обратно былъ сдѣланъ въ $3\frac{1}{2}$ часа. Если бы кто либо изъ русскихъ ученыхъ пожелалъ ознакомиться съ кладбищемъ, пусть онъ предварительно запасется компасомъ. Въ сильный вѣтеръ на пескахъ отъ массы песочной пыли въ пяти сажняхъ ничего не видно, и заблудиться на нихъ очень легко.

что сдѣлала комиссія, но въ репортерскихъ отчетахъ «Астраханскаго Листка» о дѣятельности комиссіи за истекшіе полтора года ничего не говорилось, а отчеты газетой составляются обстоятельныя. Астраханская желѣзная дорога пройдетъ мѣстами стамовицъ Золотой орды. Въ картахъ Поволжья XIII—XV вв. Фра-Мауро, Франциско и Доминико Пицигани и Каталонской (авторъ ея не извѣстенъ), въ заволжской степи за Ахтубой указаны «Sepulchra Regum, Sepulchra Imperatorum». Наука до сихъ поръ не знаетъ мѣстонахожденіе этихъ царскихъ могилъ. Не поможетъ ли ей въ этомъ отношеніи случай, то-есть не нападутъ ли на нихъ землекопы при прокладкѣ углубленій? Открытіе этихъ могилъ было бы прямо сокровищемъ для науки. У многихъ изъ арабскихъ хронографовъ (Ибнъ-Батута, Эломари, Ибнъ-эль-Ассиръ), у Рубриквиса, Контарини и другихъ путешественниковъ есть указанія, что весною изъ своихъ метрополій ханы уѣзжали въ степь, въ «дачныя мѣста». Метрополіями хановъ служили до Джанибека Старый Сарай, при немъ и послѣдующихъ ханахъ Новый, Укекъ близъ Саратова и Укекъ въ Крыму. Можно предполагать, что ханскія дачи находились неподалеку отъ приволжскихъ столицъ, слѣдовательно должны бы быть въ мѣстности, по которой пройдетъ желѣзная дорога. Между 1393 и 1395 годами Тамерланъ «въ прахъ и пепель обратилъ Золотую орду, уничтоживъ въ ней все живое отъ человека до курицы». Грандіознѣйшія по тому времени битвы происходили въ заволжской степи, которая въ своихъ нѣдрахъ сохранила намъ отъ нихъ оружіе, шлемы, латы, принадлежности воинскихъ становъ, обозовъ и т. п. Несомнѣнно, что все это въ изобиліи будетъ встрѣчаться при выемкѣ желѣзнодорожныхъ углубленій. Я пишу не научный трактатъ, а небольшую газетную статью и все-таки полагаю, что и безъ обильныхъ и строго провѣренныхъ цитатъ можно согласиться со мною, что Астраханская дорога на всемъ своемъ протяженіи пройдетъ по мертвымъ страницамъ исторіи Золотой орды. Пока не поздно, необходимо использовать эти страницы и взять съ нихъ все, что имѣетъ цѣнность для науки. А теперь пусть не упрекаютъ меня за нѣсколько энергичное заглавіе настоящей статьи. Оно, такъ сказать, вынуждено у меня слѣдующею весьма поучительною исторіей, рассказать которую въ данномъ случаѣ и необходимо и полезно. Въ 12 верстахъ отъ Саратова находится обширное городище татарскаго Укека, которое въ теченіе многихъ лѣтъ расхищалось какъ крестьянами сосѣдней деревни Увекъ, строившими изъ татарскаго кирпича фундаменты для избъ и печи, такъ и просвѣщенными гласными Саратовской городской думы, распорядившейся камень и кирпичъ съ Укека вывозить на забутовку подъ саратовскія мостовыя. Нужно замѣтить, что какъ разъ въ то время, когда совершался этотъ денной грабежъ научныхъ сокровищъ, въ Саратовѣ строился Радищевскій музей съ историко-археологическимъ отдѣленіемъ. Въ городѣ и деревнѣ Увекъ была широко организована торговля старыми татарскими вещами и особенно «бѣшляками» (серебряными монетами), которые на городищѣ находили тысячами. Какъ ни безопасно расхищалось городище, но къ 1890 году на немъ все еще оставалось многое, что заслуживало и вниманія и сбереженія. Съ почтеннымъ предсѣдателемъ Саратовской ученой архивной комиссіи, княземъ Л. Л. Голицынымъ, мы рѣшили положить конецъ этому

грабежу. Въ томъ же году послѣ долгихъ усилій при посредствѣ императорской археологической комиссіи намъ удалось отдать городище подъ охрану полиціи; затѣмъ было рѣшено обратиться къ русскимъ ученымъ обществамъ съ просьбою о раскопкахъ городища. Съ этою цѣлью князь предпринялъ ученое паломничество въ Москву и Петербургъ и, по его словамъ, «поднялъ на ноги» графиню П. С. Уварову и графа А. А. Бобринскаго, а я занялся скромною работою собиранія всего, что было сказано о Саратовскомъ Поволжьѣ греками, римлянами, арабами, армянами и позднѣйшими европейскими писателями отъ Гомера, указавшаго на глактофаговъ и гиппомолговъ, какъ на первобытныхъ обитателей заволжской стени¹⁾, и до 1890 года. Въ началѣ 1891 года вышла моя книжка объ Укекѣ. Въ іюнѣ того же года князь Л. Л. Голицынъ отъ императорской археологической комиссіи получилъ деньги на развѣдочныя раскопки, а я немедленно приступилъ къ ихъ производству. Раскопки дали превосходные результаты. На городищѣ подъ наслоеніями татарской культуры оказались слѣды доисторической жизни человѣка, попадались вещи греческой работы, косвенно подтверждавшія гипотезу И. Е. Забѣлина о томъ, что Укекѣ въ IV вѣкѣ до Рождества Христова былъ мѣстонахожденіемъ Гелона, о которомъ говоритъ Геродотъ въ VIII главѣ четвертой книги своей Исторіи, открыты были фундаменты обширныхъ зданій и единственный въ своемъ родѣ выложенный изъ цоколя и кирпича могильникъ, въ которомъ было найдено 17 совмѣстныхъ погребеній со всѣми принадлежностями татарскаго погребальнаго ритуала. Наша завѣтная мечта исполнилась. Объ Укекѣ заговорили въ Россіи (помнится, «Московскія Вѣдомости» первыя) и за границей. Покойный Труворовъ для его раскопокъ со страницъ «Русскаго Архива» призывалъ «второго Шлимана». Раскопки посѣтилъ и тщательно осмотрѣлъ все въ нихъ добытое французскій ориенталистъ, баронъ Артуръ де-Бай. Ознакомившись съ находками, онъ замѣтилъ, что по красотѣ и изяществу онѣ превосходятъ все, что онъ до сихъ поръ видѣлъ изъ добытаго на татарскихъ городищахъ въ Россіи, а въ Россіи де-Бай видѣлъ рѣшительно все. Дѣло было, что называется, налажено. Мы ждали и не безъ основанія пріѣзда въ Саратовъ членовъ нашихъ археологическихъ обществъ. Во время этихъ «ожиданій» Рязанско-Уральское желѣзнодорожное общество получило концессию на постройку желѣзной дороги отъ Саратова до Уральска. Вскорѣ вмѣсто ожидаемыхъ археологовъ пріѣхали на Укекѣ инженеры съ цѣлою арміей рабочихъ. Начались раскопки другого сорта. На мѣстѣ татарскихъ дворцовъ и храмовъ скорѣ выросли вокзалъ и другія желѣзнодорожныя постройки, а на мѣстѣ знаменитаго могильника Нобель, Манташевъ, братья Четверговы и К^о поставили огромныя цистерны для мазута и керосина. Такъ навсегда погибло для науки одно изъ замѣчательнѣйшихъ городищъ, на которое еще въ XVIII-мъ столѣтіи обращали вниманіе академіи наукъ наши ученые путешественники Палласъ, Лепехинъ и другіе. То же самое можетъ повториться на всемъ протяженіи Астраханской дороги и главнымъ образомъ около

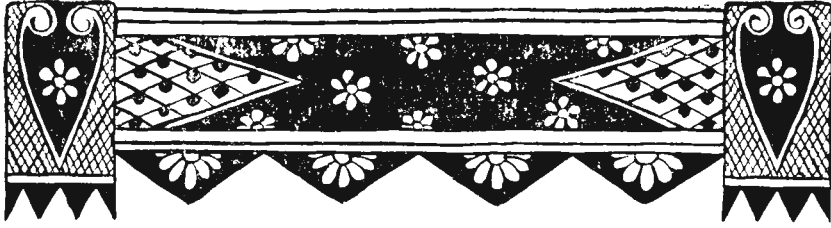
¹⁾ См. XIII раскодію Иліады.

Сейтовки. Если нельзя сохранить памятники старины во всей полнотѣ на земляхъ, отчужденныхъ подъ дорогу, то все-таки многіе изъ нихъ можно сберечь для науки. Для этого, какъ я полагаю, пока работы еще не начаты (а начнутся онѣ въ будущемъ сентябрѣ), необходимо всеѣмъ нашимъ, ученымъ обществамъ, заботящимся о сохраненіи памятниковъ старины, то-есть императорской археологической комиссіи, Московскому археологическому обществу, Казанскому обществу археологій, исторіи и этнографіи, Саратовской ученой архивной комиссіи и Петровскому обществу изслѣдователей Астраханскаго края войти въ сношеніе съ правленіемъ общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги и просить его приложить особыя заботы къ сохраненію памятниковъ старины, которые встрѣтятся при работахъ. Руководящую роль въ этомъ дѣлѣ, конечно, должна принять на себя императорская археологическая комиссія. Но что же можно сдѣлать? Вѣдь инженеръ не обязанъ быть археологомъ: дѣлая выемку въ землѣ и встрѣчаясь, положимъ, хоть съ могилой, фундаментомъ зданія, наконецъ, съ цѣлымъ рядомъ остатковъ отъ старыхъ построекъ, онъ постарается не сохранить ихъ, а какъ можно скорѣе удалить съ пути, какъ препятствія для успѣшнаго хода работъ. Такъ, конечно, и будетъ, но ни главный строитель дороги, г. Холодецкій, ни начальникъ наиболѣе интереснаго строительнаго участка, г. Филипповъ, ни другіе начальники участковъ не сочтутъ въ трудъ откликнуться хотя бы въ своей записной книжкѣ, что на такой-то верстѣ и въ такомъ-то мѣстѣ ими встрѣчено то-то и то-то, а затѣмъ сообщать объ этомъ императорской археологической комиссіи. И это уже очень важно. Можно сдѣлать и больше. Передъ раскопками Укака, Муранскаго городища (Симбирской губ.), Бельджамана и многочисленныхъ кургановъ въ Саратовской губерніи я дѣлалъ такъ: землекоповъ, съ которыми мнѣ предстояло производить работы, я или предварительно велъ въ музей ученой архивной комиссіи и наглядно знакомил ихъ съ памятниками старины, или, если этого сдѣлать было невозможно (гдѣ нибудь въ уѣздѣ, напримеръ), я читалъ имъ обстоятельную лекцію о тѣхъ же памятникахъ, обильно иллюстрируя ее рисунками изъ «Археологій Россіи» графа А. С. Уварова и изъ прекрасныхъ изданій нашихъ археологическихъ обществъ. Результаты получались всегда вполне хорошіе. Еще до производства работъ рабочіе знали, что и при какихъ условіяхъ они найдутъ. Работы велись осторожно. Ни одна найденная вещь не оставлялась безъ должнаго вниманія. Въ средѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ теперь много грамотныхъ. Нашимъ археологическимъ обществамъ необходимо теперь же издать краткій популярный очеркъ вѣшняго быта татаръ, обильно снабдить его иллюстраціями и въ самомъ очеркѣ, или въ приложеніи къ нему показать, какъ находить и какъ обращаться съ найденными археологическими памятниками. По обстоятельствамъ дѣла требуется, чтобы, во-первыхъ, очеркъ появился какъ можно скорѣе, такъ какъ къ работамъ дороги будетъ приступлено въ сентябрѣ, во-вторыхъ, чтобы онъ былъ интересенъ, иначе рабочіе его не будутъ читать, и, въ-третьихъ, чтобы онъ былъ популяренъ. Такія популярныя брошюры чрезъ начальниковъ строительныхъ участковъ необходимо раздать всеѣмъ грамотнымъ и даже неграмотнымъ (рисунки) рабочимъ. Онѣ принесутъ большую пользу. По моему

долгому опыту я знаю, что въ каждомъ рабочемъ, едва только онъ узнаетъ, что въ землѣ что-то есть, просынается инстинктъ кладоискательства, и онъ работаетъ съ удвоеннымъ интересомъ. Наконецъ, самое главное: археологическія общества Москвы и Петербурга и Астраханское Петровское общество поступили бы вполне цѣлесообразно, если бы пригласили строителей дороги въ одно изъ своихъ засѣданій, специально посвятивъ его археологіи и исторіи Золотой орды. Можно надѣяться, что правленіе общества Рязанско-Уральской дороги не останется безучастнымъ къ интересамъ науки. Несмотря на свою сравнительную молодость, русская археологія успѣла занять относительно исторіи и другихъ социальныхъ наукъ почти такое же мѣсто, какъ анатомія для медицины вообще. Содѣйствіе ея успѣхамъ—задача каждого образованнаго человѣка.

Раскопки въ Севастополѣ. Членъ С.-Петербургскаго археологическаго института Н. М. Печеникинъ производилъ археологическія раскопки въ окрестностяхъ города Севастополя, въ 4^{1/2} верстахъ отъ устья р. Бельбека, гдѣ имъ изслѣдованъ могильникъ I—III вѣка нашей эры, открытый г. Печеникинымъ въ минувшемъ году. Могильники римскаго времени представляютъ вообще большой интересъ, такъ какъ доставляютъ изслѣдователю богатый археологическій матеріалъ, интересъ котораго еще возрастаетъ отъ рѣдкости находокъ могильниковъ этого времени вообще въ Крыму, и въ особенности не потревоженныхъ грабителями еще въ давнее время. Бельбекскій могильникъ, расположенный на склонѣ возвышенности лѣваго берега Бельбека, оказался также потревоженнымъ грабителями, оставившими въ могилахъ предметы, не имѣющіе матеріальной цѣны. Однако удалось открыть и не разграбленную могилу ребенка, которая вмѣстѣ съ другими потревоженными позволила установить обрядъ погребенія. Найдена глиняная и стеклянная посуда, желѣзное оружіе, бусы, фибулы и др. предметы, которые поступаютъ въ императорскую археологическую комиссію.

Иностранные археологи въ Кіевѣ. Въ концѣ августа уѣхали изъ Кіева прогостившіе тамъ около двухъ недѣль иностранные ученые, проф. Л. Пичъ изъ Праги, одинъ изъ выдающихся чешскихъ археологовъ, и докторъ Губертъ Шмидтъ изъ Берлина, извѣстный продолжатель раскопокъ Шлимана въ Троѣ и Микенахъ и участникъ американской экспедиціи въ Среднюю Азію. Цѣлью пріѣзда обоихъ ученыхъ послужило желаніе ихъ изучить на мѣстѣ въ высшей степени интересную древне-арійскую (Трипольскую) культуру, открытую В. В. Хвойко, а также древне-скиѣскую эпоху въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена раскопками нашихъ южно-русскихъ изслѣдователей. Проф. Пичъ, желая лично видѣть памятники первой изъ упомянутыхъ эпохъ, выѣзжалъ съ г. Хвойко въ Триполье, гдѣ были открыты при с. Красномъ два мѣста, заключающія площадки, и осматрѣны мѣста предыдущихъ раскопокъ. Остальное время оба ученые по цѣлымъ днямъ проводили безвыходно въ Кіевскомъ музѣѣ древностей и искусствъ, изучая его коллекціи, въ особенности скиѣскія, и собраніе В. И. Ханенко.

НЕКРОЛОГИ.

ЗАГОСКИНЪ, М. В. † 11 го сентября въ Иркутскѣ скончался на 75 году жизни извѣстный въ газетномъ мѣрѣ писатель-публицистъ Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ. Покойный происходилъ изъ духовной семьи, былъ сыномъ дьякона города Иркутска. Начавъ свое образованіе въ иркутской духовной семинаріи, онъ закончилъ его въ Казанской духовной академіи со степенью магистра богословія. М. В. былъ профессоромъ духовной семинаріи въ Иркутскѣ, затѣмъ тамъ же инспекторомъ военнаго училища и инспекторомъ 1-го техническаго училища. Литературная дѣятельность М. В. начинается съ 60-хъ годовъ. Онъ былъ первымъ редакторомъ первой неофіціальной газеты въ Сибири «Амуръ», 10 лѣтъ редактировалъ газету «Сибирь», сотрудничалъ въ «Восточномъ Обзорѣнн». Работалъ онъ и въ «Дѣлѣ»; былъ въ дружныхъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ критикомъ Шелгуновымъ. Какъ убѣжденный публицистъ-либераль, М. В. пользовался популярностью. Благодаря его публицистической дѣятельности, въ его родномъ краѣ немало осуществлено высокихъ идей устройства улучшеній крестьянскаго быта. Ни одно важное засѣданіе у генералъ-губернатора края или губернатора Иркутска, по разработкѣ вопроса о землеустройствѣ, не проходило безъ М. В. Въ 80-хъ годахъ М. В. написалъ романъ подъ заглавіемъ «Магистръ». Въ свѣтъ вышла лишь первая часть. Вторая (по желанію автора) находится въ рукописи. Подобно Помяловскому, онъ описываетъ бурсацкое «жизье-бытье» во всей его неприглядной красотѣ. Въ 1880 году онъ удалился въ уединеніе своей деревеньки «Грановщина», гдѣ проводилъ жизнь въ духѣ Л. Н. Толстого. Безгранично любя родную Сибирь, покойный, живя въ глуши, не оставался бездѣятельнымъ. Въ собственномъ кабинетѣ онъ устроилъ нѣчто въ родѣ сельской школы, куда собирались 10—15 деревенскихъ дѣтшекъ и изучали гра-

моту. За гуманное отношеніе къ крестьянамъ М. В. пользовался у нихъ такой широкой популярностью, что за 100 верстъ крестьяне пріѣзжали къ М. В., какъ къ своему законному и непреложному мировому посреднику и судѣ. Помогалъ онъ мужику и матеріально. Такъ прожилъ М. В. болѣе 20 лѣтъ и скончался въ крайней бѣдности, оставивъ послѣ себя старушку-жену. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 473).

† **Лопухинъ, А. П.** 22-го августа скончался профессоръ С.-Петербургской духовной академіи по кафедрѣ всеобщей гражданской исторіи статскій совѣтникъ Александръ Павловичъ Лопухинъ. Сынъ священника Саратовской епархіи, онъ родился 10-го октября 1852 года; высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, курсъ которой окончилъ въ 1878 году со степенью кандидата богословія. Съ 1879 по 1882 годъ покойный состоялъ псаломщикомъ при русской православной церкви въ Нью-Йоркѣ. Защитивъ въ 1881 году диссертацию подъ заглавіемъ: «Римскій католицизмъ въ Сѣверной Америкѣ», онъ исправлялъ нѣкоторое время должность секретаря совѣта и правленія С.-Петербургской духовной академіи, съ 1883 года состоялъ доцентомъ по сравнительному богословію, затѣмъ читалъ лекціи по всеобщей гражданской исторіи и въ 1890 году былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Покойному принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ научныхъ трудовъ и рядъ переводовъ, преимущественно сочиненій извѣстнаго духовнаго писателя Фаррара. Еще будучи студентомъ, Л. П. помѣстилъ въ «Христіанскомъ Читеніи» свое изслѣдованіе «О ветхозавѣтныхъ пророкахъ»: Затѣмъ онъ напечаталъ: «Законодательство Моисея» (Спб., 1882 г.)—первое сочиненіе въ русской литературѣ по данному вопросу, «Религія въ Америкѣ» (Спб., 1884 г.), «Руководство къ библейской исторіи Ветхаго Завѣта», «Руководство къ библейской исторіи Новаго Завѣта», «Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій» (Спб., 1892—1895 гг.). Съ 1892 года А. П. редактировалъ журналы: «Церковный Вѣстникъ» и «Христіанское Читеніе», а съ 1899 года состоялъ редакторомъ-издателемъ духовнаго журнала «Странникъ», при чемъ въ качествѣ приложенія къ этому журналу выпустилъ 4 тома изданной подъ его редакціей «Православной богословской энциклопедіи». Изъ переводныхъ сочиненій покойнаго, доставившихъ ему наибольшую извѣстность, наиболѣе крупными являются сочиненія Фаррара: «Жизнь Иисуса Христа», «Жизнь и труды св. апостола Павла», «Жизнь и труды святыхъ отцовъ и учителей церкви», новооткрытое сочиненіе Фомы Кемпійскаго: «Размышленіе о жизни, страданіяхъ и воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа» (переводъ съ латинскаго подлинника), и др. Въ свои переводы инославныхъ авторовъ, всегда высоколитературные, Лопухинъ вносилъ освѣщеніе событій и мнѣній съ точки зрѣнія православнаго богослова, стоящаго на истинной высотѣ историко-научнаго пониманія. Въ редактируемыхъ имъ журналахъ Лопухинъ разсѣялъ сотни своихъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ вѣры и церкви, богословской науки и общественной жизни. Положительно невѣроятна была его кипучая продуктивность. При вѣчной огромной литературной работѣ—творческой, переводной и редакторской, А. П. еще успѣвалъ читать лекціи въ Петербургской академіи. Смерть застигла его, когда онъ только что

еще перешагнуть за рубеж полушквала, и подсъкла, несомненно, не одинъ полезнаго и порячатаго работника пера. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 194; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 431; «Тифлисскій Листокъ», 1904 г., № 208; «Вилевскій Вѣстникъ», 1904 г., № 373; «Одесскія Новости», 1904 г., № 6402; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 235, и «Новости Дня», 1904 г., № 7625).

† **Массенъ, В. Н.** 6-го сентября въ Одессѣ скончался неожиданно одинъ изъ наиболѣе видныхъ русскихъ гинекологовъ, профессоръ Новороссійскаго университета, Василий Николаевичъ Массенъ. Покойный окончилъ курсъ наукъ въ императорской военно-медицинской академіи, которую окончилъ со званіемъ лѣкаря и съ отличіемъ; въ 1887 г. конференціей академіи оставленъ при оной для усовершенствованія на три года. Высочайшимъ приказомъ опредѣленъ былъ въ клинической военной госпиталь. Въ слѣдующемъ году командированъ былъ съ высочайшаго разрѣшенія съ ученой цѣлью на одинъ годъ за границу. Въ Петербургѣ же состоялъ врачомъ-консультантомъ больницы и клинической лѣчебницы для приходящихъ больныхъ при покровской общинѣ сестеръ милосердія. За свои продолжительные труды и заслуги въ этой общинѣ профессоръ Василий Николаевичъ былъ разновременно всемилостивѣйше пожалованъ орденами св. Анны 2 и 3 степени и св. Станислава 2 и 3 степени. Въ 1890 г. конференціей императорской военно-медицинской академіи по защитѣ диссертации, признанъ достойнымъ званія доктора медицины. Въ томъ же году назначенъ былъ младшимъ ординаторомъ въ Новогеоргіевскій военный госпиталь, а черезъ два года назначенъ былъ помощникомъ завѣдующаго научнымъ отдѣломъ императорскаго института экспериментальной медицины, утвержденъ въ званіи приватъ-доцента военно-медицинской академіи по акушерству и женскимъ болѣзнямъ. 1-го іюля 1902 г. В. Н. Массенъ переведенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ, гдѣ сталъ читать лекціи по акушерству, женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Уже въ бытность профессоромъ Новороссійскаго университета Василий Николаевичъ получилъ двѣ командировки съ научной цѣлью за границу. Перу покойнаго профессора принадлежалъ цѣлый рядъ выдающихся работъ по гинекологіи, изъ которыхъ особенно извѣстна книга: «Акушерскіе вопросы. По матеріалу Гаваньскаго родильнаго пріюта въ С.-Петербургѣ» (Спб., 1899 г., съ рисунками). (Некрологи его: «Южное Обозрѣвіе», 1904 г., № 2601; «Одесскія Новости», 1904 г., № 6415; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 233; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 250, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 463).

† **Михайловскій, М. Н.** 28-го августа скончался за Волгой, противъ Костромы, въ с. Селищѣ, въ усадьбѣ А. В. Перелешина (на 28-мъ году жизни) отъ туберкулеза Маркъ Николаевичъ Михайловскій, сынъ Н. К. Михайловскаго. Покойный окончилъ С.-Петербургскій университетъ по естественному факультету. Участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, между прочимъ на Мурманъ, Новую Землю и Шпицбергенъ (въ экспедиціи Чернышова). Принималъ участіе въ Большомъ Энциклопедическомъ Словарѣ (Брокгауза и Ефрона) по отдѣлу естественныхъ наукъ. Послѣднее время онъ состоялъ въ качествѣ младшаго

зоолога при зоологическомъ музеѣ академіи наукъ. Кромѣ статей въ Энциклопедическомъ Словарѣ, имъ выпущены нѣсколько работъ по ихтіологіи и другимъ отраслямъ естественныхъ наукъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. (Некрологи его: «Кіевская Газета», 1904 г., № 245; «Вѣстникъ Юга», 1904 г., № 708, и «Донская Рѣчь», 1904 г., № 235).

† **Нейдингъ, П. И.** 7-го сентября въ Москвѣ скончался на 66 году жизни заслуженный ординарный профессоръ императорскаго Московскаго университета и секретарь медицинскаго факультета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Нейдингъ. Покойный окончилъ курсъ Московскаго университета по медицинскому факультету въ 1860 г. первымъ лѣкаремъ съ отличіемъ. Поступивъ на слѣдующій годъ на службу, онъ состоялъ сначала врачомъ при полицейской (нынѣ Александровской) больницѣ въ Москвѣ, а по полученіи въ 1866 году степени доктора медицины за диссертацию «Объ атеромасіи артерій» (Москва, 1864 г.) былъ назначенъ въ университетъ ассистентомъ при кафедрѣ судебной медицины. Съ 1869 г. П. И. состоялъ проректоромъ при кафедрѣ патологической анатоміи, съ 1878 г. доцентомъ и съ 1879 г. профессоромъ судебной медицины. Кромѣ того, въ теченіе около двадцати лѣтъ покойный занималъ должность секретаря медицинскаго факультета и, сверхъ лекцій, напечаталъ рядъ спеціальныхъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 207; «Московскіи Вѣдомости», 1904 г., № 250, и «Новое Время», 1904 г., № 10248).

† **Радичъ, В. А.** Близъ Кіева, въ мѣстечкѣ Фастово, скончался небезызвѣстный литераторъ, Василій Андреевичъ Радичъ. Покойный принадлежалъ къ сравнительно молодымъ дѣятелямъ литературы и журналистики — ему было развѣ съ небольшимъ 40 лѣтъ. Тяжелая, хотя и кратковременная болѣзнь свела его въ могилу; подорванные упорной многолѣтней журнальной и газетной работой силы не могли возстановить ни тщательный уходъ за нимъ близкихъ и родныхъ ему людей, ни отдыхъ на благодатномъ родномъ югѣ. Литературная дѣятельность его началась еще въ старшихъ классахъ 2-й кіевской гимназіи. Василій Андреевичъ уже тогда печаталъ свои поэтическіе рассказы и «думки» въ мѣстныхъ газетахъ, и теплота настоящей поэтической души согрѣвала большую часть того, что выходило изъ-подъ его пера, а писалъ онъ много — и чистой беллетристики, и журнальныхъ статей разнаго рода. Ему принадлежатъ немало интересно-разумныхъ бытовыхъ и историческихъ романовъ, множество повѣстей и рассказовъ. Въ послѣдніе годы въ особенности любимымъ полемъ его дѣятельности стала дѣтская литература. Онъ много работалъ во «Всходахъ», въ «Дѣтскомъ отдыхѣ» и др. Большая часть романовъ посвящена горячо любимой имъ Украинѣ, старинѣ Запорожья. Его украинскіе очерки лучшее, что написано имъ, а дѣтскіе рассказы дышатъ необыкновенной нѣжностью и любовью къ «дѣтворѣ», которую онъ очень любилъ. Одни изъ послѣднихъ рассказовъ его помѣщены въ «Природѣ и Жизни». Скромный, всегда благодушный, съ ярко сказывавшеюся въ немъ комической жилкой, нѣсколько флегматикъ по темпераменту, Василій Андреевичъ производилъ самое доброе впечатлѣніе на людей, лично съ нимъ соприкасавшихся, и знаніе его не только

по его сочиненіямъ теряютъ съ нимъ милаго и сердечнаго человѣка. Покойный напечаталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» рядъ корреспонденцій. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 405).

† **Рейтцъ, В. Н.** 28 августа скончался очень извѣстный въ Петербургѣ дѣтскій врачъ, директоръ и главный докторъ Елисаветинской клинической больницы для малолѣтнихъ, тайный совѣтникъ Владимиръ Николаевичъ Рейтцъ. В. Н. родился въ 1838 году, медицинское образованіе получилъ въ военно-медицинской академіи и въ 1863 году защитилъ диссертацию «Значеніе термометріи въ дѣтскихъ болѣзняхъ», представленную имъ для полученія степени доктора медицины. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ Владимиръ Николаевичъ провель въ заграничныхъ клиникахъ для усовершенствованія въ медицинѣ, работалъ между прочимъ въ лабораторіи проф. Штриккера и написалъ рядъ изслѣдованій по дѣтскимъ болѣзнямъ. Кромѣ многихъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ, изъ трудовъ покойнаго, появившихся на русскомъ языкѣ, слѣдуетъ упомянуть: «Критическій взглядъ на оснопрививаніе», «Къ вопросу о прививаніи коровьей ошпы», «Введеніе къ изученію болѣзней дѣтскаго возраста», монографію «Дифтерія» и др. Въ 1890 году Владимиръ Николаевичъ былъ избранъ почетнымъ профессоромъ императорскаго Еленинскаго клиническаго института по дѣтскимъ болѣзнямъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10236).

† **Свѣдомскій, П. А.** 27-го августа за границей скончался извѣстный художникъ Павелъ Александровичъ Свѣдомскій. Почившій по праву считался однимъ изъ наиболѣе видныхъ нашихъ историческихъ живописцевъ и жанристовъ, тогда какъ его старшій братъ, тоже очень даровитый, — Александръ Александровичъ, который почти всегда жилъ съ нимъ вмѣстѣ, славился, главнымъ образомъ, въ качествѣ хорошаго жанриста. П. А. Свѣдомскій появился на свѣтъ въ Петербургѣ въ 1849 году. Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, онъ со своимъ братомъ поступилъ въ ученики Дюссельдорфской академіи художествъ. Но система преподаванія этой академіи не удовлетворила будущихъ живописцевъ, и братья Свѣдомскіе, пробывъ въ ея стѣнахъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ, стали потомъ заниматься въ Мюнхенѣ, главнымъ образомъ подъ руководствомъ знаменитаго І. Мункачи. Въ 1873 году покойный удостоился уже получить отъ императорской академіи художествъ званіе почетнаго вольнаго общника. Страстно любя классическую древность, изъ которой онъ преимущественно и черпалъ сюжеты для своихъ созданій, П. А. Свѣдомскій не могъ, однако, долго жить на родинѣ. Его постоянно тянуло въ милый ему вѣчный городъ. Съ 1875 года покойный окончательно уже поселился въ Римѣ и съ тѣхъ поръ пріѣзжалъ въ Россію очень рѣдко и на очень короткое время. Изъ многихъ даровитыхъ картинъ П. А. Свѣдомскаго нельзя не упомянуть слѣдующихъ, которыя прославили его имя не только въ Россіи, но и за границей. Это: «Крестьянскій дворъ» (1876 г.), «Москва горитъ» (1879 г.), «Юлія въ ссылкѣ» (1882 г.), «Медуза» (1882 г.), «Евое Vassel» (1884 г., собственность великаго князя Константина Константиновича), «Жертвоприношеніе (1886 г.), а также длинная вереница изображеній на сюжеты изъ земной жизни Спасителя, которыя написаны на стѣнахъ боковыхъ придѣловъ Владимирскаго собора въ Кіевѣ: «Воскрешеніе Лазаря», «Входъ во Іеру-

салимъ», «Тайная Вечера», «Моленіе о чашѣ», «Христосъ передъ Пилатомъ», «Распятіе» и «Вознесеніе». Послѣдніе годы своей жизни П. А. Свѣдомскій являлся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ С.-Петербургскаго общества художествъ. Многія его произведенія предстали впервые передъ публикой именно на выставкахъ этого общества, какъ, напримѣръ: «Добрые Совѣты» и «Средиземное море» (1898 г.), «Фульвія съ головою Цидерона» (1899 г.), «Сократъ и Ксантиппа» (1901 г.), «Поцѣлуй» (1902 г.) и другіе. Двѣ картины П. А. Свѣдомскаго («Крестьянскій дворъ» и «Медуза») хранятся въ Третьяковской галлерей. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 240; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 446; «Новое Время», 1904 г., № 10235, и «Кіевское Слово», 1904 г., № 5990).

† **Уманецъ, А. А.** 6-го сентября въ Симферополѣ скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Уманецъ, на 63-мъ году жизни. Покойный окончилъ Московскій университетъ по юридическому факультету. До послѣдняго времени покойный занималъ должность попечителя «пріюта Фабра» и въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ трехлѣтій былъ несмѣняемымъ почетнымъ мировымъ судьей. Въ литературномъ мірѣ А. А. Уманецъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ «Историческихъ записокъ Крыма», вышедшихъ большимъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1881 году, и другихъ работъ историческаго характера по изслѣдованіямъ крымской старины. А. Уманецъ происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Таврической губерніи, гдѣ началъ службу по выборамъ. (Некрологъ его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 460).

† **Хойнацкій, А. И.** 20-го августа послѣ продолжительной болѣзни скончался настоятель церкви святой великомученицы Екатерины, протоіерей Антоній Игнатьевичъ Хойнацкій. Покойный былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ. А. И. образованіе получилъ въ С.-Петербургской духовной академіи, по окончаніи курса которой нѣкоторое время состоялъ преподавателемъ сперва исковской, а потомъ петербургской духовныхъ семинарій. Въ 1869 году былъ священникомъ въ Боголюбской церкви Александро-Невскаго дома прирѣвнѣи и въ Князь-Владимирскомъ соборѣ. Вскорѣ назначенъ настоятелемъ Преображенской церкви на Аптекарскомъ островѣ, а отсюда въ 1874 году перемѣщенъ законоучителемъ и настоятелемъ церкви строительнаго училища, гдѣ оставался больше 20 лѣтъ. Съ 1894 года состоялъ настоятелемъ Екатерининской церкви и благочиннымъ. Покойный напечаталъ много статей церковно-историческаго характера. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10230).

† **Четыркинъ, Ѳ. В.** 19-го августа скончался въ Обуховской больницѣ, около 60 лѣтъ отъ роду, Ѳеодоръ Васильевичъ Четыркинъ. Покойный по окончаніи курса С.-Петербургской духовной академіи въ 1867 г., былъ опредѣленъ преподавателемъ общей и русской исторіи въ волынскую духовную семинарію. За диссертацию: «Синкретизмъ въ средніе вѣка», былъ удостоенъ степени магистра богословія. Оставивъ службу по духовно-учебному вѣдомству, Ѳ. В. перешелъ чиновникомъ въ государственный контроль въ Петербургѣ. Какъ на службѣ въ Волыни, такъ и въ Петербургѣ Ѳ. В. принималъ дѣятельное участіе въ литературѣ. Кромѣ диссертациі, имъ напечатана книга: «О русскихъ патріархахъ», и нѣсколько книжекъ для народнаго чтенія. Ѳ. В. сотрудничалъ

въ «Паломникѣ», «Петербургской Газетѣ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ, гдѣ печатались его работы по церковно-историческимъ вопросамъ. Последней его работой была книжка «Минувшія судьбы Петербургскаго края», церковно-историческій очеркъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10229).

† **Яновскій, П. Я.** 26-го августа, въ Алуштѣ скончался отъ чахотки преподаватель церковной исторіи въ Екатеринославской духовной семинаріи, Павелъ Яковлевичъ Яновскій. Несмотря на свою молодость (скончался 26^{1/2} лѣтъ), покойный успѣлъ уже заявить себя въ церковно-археологической наукѣ талантливымъ и усерднымъ работникомъ. Трудъ покойнаго: «Описаніе рукописей новгородскаго архіерейскаго дома» (около 200 страницъ), заслужилъ со стороны церковныхъ археологовъ полное одобреніе. Отъ начинающаго археолога въ правѣ были ожидать многого, въ виду его солидной исторической подготовки: покойный, кромѣ С.-Петербургской духовной академіи, окончилъ и С.-Петербургскій археологическій институтъ, совѣтомъ котораго удостоенъ званія дѣйствительнаго члена института. Работникъ, достойный быть въ первыхъ рядахъ истинныхъ тружениковъ науки, Павелъ Яковлевичъ отличался рѣдкою въ наши дни скромностью. Любя свою науку не словомъ, а дѣломъ, онъ сторонился научныхъ собраній, на которыхъ люди разнаго званія многоглаголили. Онъ работалъ безъ шума, не ища себѣ дешевой извѣстности. (Некрологъ его: «Приднѣпровскій край», 1904 г., № 2273).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Русскія историческія могилы на Повонзковскомъ кладбищѣ въ Варшавѣ.

Варшавское римско-католическое кладбище на Повонзкахъ по площади, имъ занимаемой, и по количеству лицъ, на немъ погребенныхъ, принадлежитъ къ числу обширѣйшихъ въ Европѣ. Открыто оно въ 1790 году. Начало кладбищу положилъ староста кленовскій Мельхиоръ Шимановскій. Онъ подарилъ 6.902 кв. саж. земли. На этомъ участкѣ первоначально погребали исключительно прихожанъ костеловъ: св. Яна, Пресв. Дѣвы Маріи и св. Георгія. До послѣдняго времени (до открытія новаго католическаго кладбища на Бруднѣ) Повонзковское кладбище было единственнымъ мѣстомъ погребенія варшавянъ-католиковъ. Участокъ, подаренный Шимановскимъ, черезъ сто лѣтъ оказался недостаточнымъ, несмотря на то, что городское управленіе неоднократно увеличивало его посредствомъ прикупки сосѣднихъ земель, и пришлось открыть второе римско-католическое кладбище по другую сторону Вислы.

Среди множества могилъ на Повонзковскомъ кладбищѣ есть нѣсколько могилъ русскихъ. Онѣ находятся около третьихъ воротъ со стороны Дзикој

улицы, почти подлѣ обширной часовни, поставленной надъ могилою семьи Эпштейновъ. Подлѣ самой дорожки лежитъ каменная, окрашенная масляною краскою желто-сѣраго цвѣта, большая плита. Вверху ея эмблема вѣчности — песочные часы, съ крыльями. Крылья и помѣщенные ниже слова вызолочены.

Здѣсь погребено
тѣло на брани
убиеннаго Лейбъ
Гвардіи Гусарскаго
полка Ротмистра
Николая
Сергѣевича
Слѣпцова.

Ниже вмурована доска изъ бѣлаго мрамора съ надписью (буквы черныя):

возобновленъ
товарищами Лейбъ-Гусарами
Его Величества
1904 г.

Могилу окружена металлическою рѣшеткою, верхніе концы прутьевъ которой, имѣющіе форму пикъ, густо вызолочены. На рѣшеткѣ, въ верхней части плиты («въ головахъ») укрѣплена металлическая доска, въ видѣ щита, съ надписью:

Сестра Г. Н.
брату своему
Храброму Ротмистру
Слѣпцову 1853 года
Падшему на полѣ чести
1831 года Августа 25 дня.

У самой рѣшетки, окружающей могилу Слѣпцова, въ головахъ, лежитъ на землѣ каменная небольшая, почти квадратной формы, плита. На ней сохранились слѣды русской надписи. Последняя уже стерлась. Можно еще прочитать отдѣльные слова: «Егерскаго»... «полка»... «прахъ»... «каменемъ»... «1831».

По лѣвую руку отъ могилы ротмистра Слѣпцова стоитъ каменный памятникъ, окрашенный въ такой же цвѣтъ, какъ и предыдущій.

Памятникъ имѣетъ видъ четырехграннаго обелиска, увѣнчаннаго крестомъ. На цоколѣ эмблема вѣчности — песочные часы съ крыльями. Крылья вызолочены. Передняя сторона памятника занята надписью. Слова вырѣзаны и позолочены.

Здѣсь погребено
тѣло на брани
убиеннаго Л. Гв.

Гусарскаго полка
корнета
Петра
Степановича
Киреевскаго
Сент. 18 дня
1831 Года.

Ниже у основанія обелиска—доска изъ бѣлаго мрамора. На ней черными буквами написано:

возобновленъ
товарищами Лейбъ Гусарами
Его Величества
1904 г.

Памятникъ огражденъ такою же рѣшеткою, какъ и предыдущій.

Рядомъ съ надгробнымъ памятникомъ Кирѣевскаго помѣщается небольшая (около 2 арш. высоты) круглая каменная колонна, выкрашенная масляною краскою желто-сѣраго цвѣта, на тройномъ четырехугольномъ пьедесталѣ изъ камня. На верху колонны подушка изъ камня, окруженная лавровымъ вѣнкомъ. Листья вѣнка выкрашены въ зеленый цвѣтъ. На подушкѣ старый гусарскій киверъ съ золотымъ орломъ и знакъ военнаго ордена. Къ подушкѣ прицѣплены и свѣшиваются по бокамъ колонны офицерская лядунка и сабля. Вся поверхность колонны спереди занята надписями на греческомъ и французскомъ языкахъ, которыя я привожу съ сохраненіемъ орфографіи.

ΕΠΟΛΔΕ ΚΕΤ̃¹⁾ ΤΛΙΩ ΔΥΛΟΣ
ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΠΡΙΓΓΙΨΤΩ ΓΕΝΕΙΩΜΙ
ΓΕΩΡΓΟΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΜΟΥΡΟΥΖΗΣ
ΤΟΠΟΤΗΡΗΤΗΣ ΗΩ ΑΡΧΩΝ ΤΟΥ ΤΑΙ
ΝΑΤΟΣ ΤΩΝ ΤΟΥΣΣΑΡΩΝ ΤΗΣ ΑΥΤΟΥ
ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΚΗΣ ΜΕΤΑΓΕΙΟΤΗΤΟΣ ΑΥΤ.
ΟΚΡΑΤΟΡΟΣ ΠΑΣΩΝ ΤΩΝ ΡΩΣΣΕΙΩΝ ΚΑΙ
ΓΠΠΕΥΣ ΤΟΥ ΤΑΓΜΑΤΟΣ ΤΗΣ ΑΓΙΑΣ ΑΝΝΗΣ
ΓΕΝΝΕΘΕΙΣ ΤΗ 16 ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΥ 1804 ΚΑΙ
ΤΕΛΕΥ ΤΗΣΑΣ ΤΗ 13 ΣΕΠΤΕΜΒΡΙΟΥ 1831 ΕΤΟΥΣ.

La reposent les cendres du
Prince Georges Mourousy lieute—
nant au regiment des Hussards de
la Garde Imperiale de Sa Majesté
l'Empereur de toutes les Russies et
chevalier de l'ordre de St. Anne.
Né le 16 Decem. 1804 et mort le 13 Septem, 1831.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ свѣшивается на колонну изображеніе знака военнаго ордена.

Дальше бѣломраморная доска съ обозначеніемъ, что памятникъ возобновленъ товарищами, лейбъ-гусарами въ 1904 году. Многихъ интересуетъ вопросъ: почему поименованныя «православныя» могилы находятся на католическомъ кладбищѣ? Да просто, думаю, потому, что въ то время русскіе, православные, не имѣли своего кладбища. Русское кладбище на Волѣ возникло послѣ 1831 года. Этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, объясняется находженіе другихъ русскихъ могилъ на томъ же Повонзковскомъ кладбищѣ, на примѣръ, могилы Лидіи и Надежды Багговутъ († 1834 г.), погребенныхъ о бокъ памятника кн. Мурузи, и обиліе ихъ на лютеранскомъ кладбищѣ на Волѣ.

Г. А. Воробьевъ.

II.

Могилы декабристовъ.

Лѣтомъ прошлаго года я былъ въ Ялуторовскѣ. Это — маленькій, захудалый городъ Тобольской губерніи, рѣшительно ничѣмъ не замѣчательный. Лишь одну онъ имѣетъ особенность: политическія бури и волненія прошлаго вѣка неизмѣнно присылали сюда своихъ представителей однихъ на нѣсколько лѣтъ, другихъ на много, иныхъ навсегда.

Первыми такими невольными колонистами были декабристы: Оболенскій, Муравьевъ-Апостоль, Якушкинъ, Пущинъ, Кюхельбекеръ и Ентальцевъ. Существуютъ еще нѣкоторые изъ домовъ, гдѣ они жили, да и вообще городъ съ тѣхъ поръ измѣнился мало. Окруженный съ трехъ сторонъ рощами, а съ четвертой — рѣкою Тоболомъ, онъ полонъ ненарушимой тишины и покоя. Послѣ тяжелыхъ утратъ, многолѣтнихъ мукъ каторги и тюрьмы декабристы чувствовали себя тутъ хорошо. Они устроились своими домами, окружены были товариществомъ; городское общество искало съ ними общенія; они были ближе къ Россіи и «свободны» въ предѣлахъ городской черты. Они устраиваютъ женскую школу, учительствуютъ, лѣчатъ.

Такъ проходитъ двадцать лѣтъ.

26-го августа 1856 года коронаціонный манифестъ императора Александра II возстановилъ ихъ въ правахъ и далъ имъ свободу. И вотъ черезъ тридцать лѣтъ, сѣдыми стариками, они возвращаются въ Россію, но не всѣ...

Иду на кладбище. Оно знакомо мнѣ съ дѣтства. Оно расширилось и еще пуще заросло деревьями. Миную церковь и направо, около большого мраморнаго памятника безъ надписи нахожу чугунную плиту, совсѣмъ вросшую въ землю. На плитѣ читаю: «Здѣсь покоится младенецъ Анна Оболенская. Родилась 1847 года, апрѣля 26-го. Скончалась 1848 года, мая 26-го. Таковыхъ есть царствіе Божіе». Надъ плитою молодая, стройная береза. Эта Анна Оболенская, безъ сомнѣнія, дочь извѣстнаго декабриста Евгенія Оболенскаго.

Немного правѣе — другая желѣзная плита. Эта обнесена чугунною рѣшеткой, одна стѣнка которой, впрочемъ, уже рухнула. На плитѣ надпись: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Здѣсь погребено тѣло Андрея Васильевича Ен-

тальцева, умершаго 1847 года 27-го января на 57 году отъ рожденія. Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азь упокою васъ». Надъ плитою, совсѣмъ ее закрывая, растутъ никѣмъ не посаженныя кусты малины и акацій. Кругомъ также все заросло. Видно, что никто сюда не ходитъ. Забытая могила! А еще не такъ давно, лѣтъ 15 назадъ, сюда ходилъ сѣдой старикъ. Это—бывшій крѣпостной Ентальцева, вольно дѣлившій его горестную судьбу въ каторгѣ и ссылкѣ. Умеръ его баринъ, уѣхали декабристы, а онъ сжился съ мѣстомъ ссылки и остался тутъ навсегда. Теперь и онъ на этомъ же кладбищѣ. И могилы Андрея Васильевича Ентальцева уже никто не посѣщаетъ. Долго я надъ нею стоялъ. На кладбищѣ я былъ одинъ. Тишина ничѣмъ ненарушимая. Думы тутъ свои, особенныя. И невыразимо утѣшительными казались мнѣ эти слова: «Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Азь упокою васъ».

А. Ө. Кожевниковъ.

ОРЕСТЬ.

Говорятъ, ея
На свѣтѣ нѣтъ.

ИФИГЕНІЯ.

Достойна состраданья
Она не менѣй своего отца,
Обрекшаго ее на смерть.

ОРЕСТЬ.

Погибла
Она изъ-за Елены.

ИФИГЕНІЯ.

Гдѣ же сынъ
Агамемнона? Въ Аргосѣ живеть?

ОРЕСТЬ.

Живеть вездѣ онъ и нигдѣ—несчастливымъ
Изгнанникомъ.

ИФИГЕНІЯ.

О мой печальный сонъ,
Ты обманулъ меня. [Задумывается. Пауза].
Мнѣ жаль глубоко
Васъ, юноши. Послушайте, что вамъ
Я предложу: одинъ изъ васъ отъ смерти
Избавится, коль онъ окажетъ мнѣ
Услугу добрую... [Оресту].

Ты съ виду честенъ,
И знаешь ты Микены хорошо.
Я дамъ тебѣ свободу, ты вернешься
Въ родимый городъ, и отыщешь тамъ
Ты родственника моего: ему я
Вѣсть о себѣ желаю передать.
Но твой товарищъ не поидеть съ тобою:
Какъ требуетъ обычай древній скиѳовъ,
Его богинѣ въ жертву принесутъ.

ОРЕСТЬ.

Въ томъ, что я слышу отъ тебя, одно лишь
Не по сердцу мнѣ, жрица... [Указываетъ на Пилада].

Смерть его:

Она легла бы тяжко мнѣ на совѣсть.

Вѣдь кормчій горя я, а онъ со мной
 Поплылъ затѣмъ, чтобы дѣлать невзгоды,
 И низко было бы его сгубить,
 Чтобъ самому спастись... Твое желанье
 Пусть онъ исполнить, въ Аргосъ возвратясь,
 А я умру здѣсь, если это нужно
 Комунибудь. Нѣтъ ничего подлѣй,
 Какъ собственную жизнь спасать цѣною
 Погибели другого. Онъ мнѣ другъ,
 И жизнь его мнѣ такъ же драгоценна,
 Какъ и моя.

ИФИГЕНІЯ.

Я вижу: надѣленъ
 Ты чуднымъ сердцемъ, и по крови вѣрно
 Ты благороденъ. Другъ своихъ друзей
 Ты истинный... О, какъ бы я хотѣла,
 Чтобъ родственникъ мой, что живетъ въ Микенахъ,
 Былъ на тебя похожъ... Да, у меня
 Есть братъ на родинѣ, но не видались
 Давно, давно мы... Если хочешь ты,
 Пускай твой другъ въ родной вернется Аргосъ,
 Но здѣсь тебѣ придется умереть.

ОРЕСТЬ.

Кто жъ въ жертву принесетъ меня? Ужасный
 Обрядъ исполнить?

ИФИГЕНІЯ.

Я. То жрицы долгъ.

ОРЕСТЬ.

Печальный долгъ для дѣвы.

ИФИГЕНІЯ.

Что же дѣлать!

Необходимость требуетъ, чтобы я
 Повиновалась.

ОРЕСТЬ.

Неужели въ тѣло
 Мнѣ, женщина, ты мечъ вонзишь сама?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, окроплю лишь жертвенной водою
 Я голову твою.

ОРЕСТЬ.

Гдѣ буду я
Похороненъ?

ИФИГЕНІЯ.

Твой прахъ сожгутъ въ пещерѣ
Въ огнѣ священномъ.

ОРЕСТЬ.

Если бы могла
Моя сестра навѣкъ закрыть глаза мнѣ!..

ИФИГЕНІЯ.

Напрасное желаніе! Несчастнѣй,
Кто бы ни былъ ты, здѣсь не живетъ она.
Но такъ какъ ты аргосецъ, окажу я
Услугу эту для тебя. На одрѣ
Твой погребальнѣй я цвѣты разсыплю,
Умашу ароматами твой трупъ,
Полью костеръ я медомъ, что собираютъ
Здѣсь пчелы золотистыя..

ПИЛАДЪ.

Его

Ты хоронить собираешься, такъ вмѣстѣ
Похорони ужъ и меня... [Оресту].

Съ тобою

Пріѣхалъ я сюда, съ тобою долженъ
И умереть, иначе подлымъ трусомъ
На родинѣ всѣ назовутъ меня,
А многіе подумаютъ, быть можетъ,
Что я предатель, что убилъ тебя
Измѣннически я, чтобъ, возвратившись
Въ родную землю, завладѣть твоимъ
Престоломъ царскимъ, какъ женихъ Электры...

ИФИГЕНІЯ [въ изумленіи].

Женихъ Электры?! Ты ея женихъ?
Иль я ослышалася, чужеземецъ,
Не поняла?..

ПИЛАДЪ.

Нѣтъ, поняла ты вѣрно
Мои слова. Но непонятно мнѣ
Твое волненіе и удивленье...

ИФИГЕНІЯ.

Но вѣдь къ Электрѣ и Оресту я
Хочу послать тебя отсюда съ вѣстью,
Что Ифигенія, сестра ихъ, здѣсь
Живеть, о нихъ грустя и вспоминая...

ПИЛАДЪ.

Здѣсь Ифигенія? Такъ гдѣ жъ она?!

ИФИГЕНІЯ.

Она передъ тобою!

ПИЛАДЪ.

Если правду
Сказала ты, исполнить можешь ты
Сама свое желанье: вотъ Орестъ!

ИФИГЕНІЯ.

Возможно ль это—онъ?!

ОРЕСТЪ.

О дорогая
Моя сестра! Глазамъ не вѣрю я:
Такъ ты жива?..

ИФИГЕНІЯ.

Ты—братъ мой?.. Перестань:
Онъ въ Аргосѣ живеть...

ОРЕСТЪ.

Нѣтъ, онъ покинулъ
Родную землю, бѣдная...

ИФИГЕНІЯ.

Ужель
Ты сынъ спартанки Клитемнестры? Можешь
Ты это доказать мнѣ?

ОРЕСТЪ.

Докажу.
Спроси меня о чемънибудь изъ нашей
Домашней жизни?

ИФИГЕНІЯ.

Говори. Тебя

Я буду слушать.

ОРЕСТЬ.

Разскажу сперва я

Про то, что слышалъ отъ Электры... Помнишь:
Ты выткала на тонкомъ полотнѣ
Атрея и Тіеста?

ИФИГЕНІЯ.

Помню, помню!..

ОРЕСТЬ.

Изобразила ты искусно солнца
Закатъ пурпурный...

ИФИГЕНІЯ.

Милый, ты

Воспоминанья дней счастливыхъ будишь
Въ моей душѣ... На ткани тонкой я
Тотъ сдѣлала рисунокъ...

ОРЕСТЬ.

Въ день отъѣзда

Въ Авлиду, помнишь, повели тебя
Купаться передъ свадьбой...

ИФИГЕНІЯ [горько].

Не забуду

Я эту свадьбу...

ОРЕСТЬ.

Помнишь: прядь волосъ

Отрѣзанныхъ ты матери послала?

ИФИГЕНІЯ.

На память, чтобъ могла она воздать
Имъ почестъ погребальную...

ОРЕСТЬ.

Теперь я

Тебѣ напомнимъ то, что видѣлъ самъ
Я во дворцѣ отца: копые, которымъ

Онъ Эномая поразилъ, въ бою
За Гипподамію: оно хранилось
Надъ ложемъ у царя...

ИФИГЕНІЯ [обнимая его].

Мой милый, милый,
Желанный братъ мой, дорогой Орестъ!...
Вдали отъ Аргоса тебя неожиданно
Я встрѣтила...

ОРЕСТЪ.

Какъ я тебя: вѣдь всё
Тебя считали мертвой... Видишь: слезы
Я не могу сдержать...

ИФИГЕНІЯ.

И я.

ОРЕСТЪ.

Но это
Не слезы горя: плачемъ мы отъ счастья,
Отъ радости.

ИФИГЕНІЯ.

Когда я домъ родной
Покинула, ты былъ еще ребенкомъ,
Ты крошкой былъ... Держала на рукахъ
Тебя кормилица... Ахъ, мнѣ словами
Не высказать, что чувствую въ душѣ...
Вѣдь наша встрѣча—болѣе чѣмъ чудо!
Ты волею тайною боговъ сюда
Былъ приведенъ... Дай на тебя взглянуть мнѣ...
Родной мой городъ! Милыя Микены!
Вамъ шлю я благодарности привѣтъ:
Вы мнѣ взростили, воспитали брата,—
Семью Атридовъ гордость...

ОРЕСТЪ.

Ты, сестра,
Увлечена свиданьемъ и забыла
Несчастья рода нашего, свои
Страданія въ Авлидѣ. Я тамъ не былъ,
Но съ дѣтскихъ лѣтъ я съ горечью внималъ
Разказъ о страшномъ жертвоприношеніи...

ИФИГЕНІЯ.

Да, злую муку вынесла я тамъ...
 Безъ пѣсенъ свадебныхъ, меня обманомъ
 Въ палатку Ахиллеса привели
 И въ храмъ оттуда повлекли... Донынѣ
 Невольно содрогаюсь я, когда
 Припомню страшный мигъ... рыданья, вопли
 Несчастной матери... и ножъ жреца...
 Отецъ со мною поступилъ жестоко,
 И вотъ теперь изъ той бѣды едва
 Не вышла худшая еще: невольно
 Могла я сдѣлаться убійцей брата!...

ПИЛАДЪ.

Друзья мои, вы радостью полны:
 Воспоминанья и объятія ваши
 И жалобы понятны такъ... Но всежъ
 Пора о томъ подумать, чтобъ спасенья
 Намъ засвѣтилъ отрадный, яркій лучъ:
 Счастливый случай выпалъ намъ на долю,
 И надобно воспользоваться имъ,
 Волненіе восторга успокоивъ.

ИФИГЕНІЯ.

Ты правъ, прекрасный юноша... Но дай
 Мнѣ объ одномъ спросить... [Оресту].
 Зачѣмъ покинулъ
 Ты милый Аргосъ и приплылъ сюда?

ОРЕСТЬ.

Такъ повелѣлъ оракулъ Аполлона...
 Я изгнанъ изъ моей отчизны былъ
 За преступленье, и куда ни шелъ я,
 За мной гнались Эринніи, грозя
 Мнѣ ужасомъ и муками Аида.
 Истерзанный проклятіями ихъ,
 Я впалъ въ недугъ жестокаго безумья.
 Изъ края въ край скитался я, томимый
 Преступной совѣстью, и наконецъ
 Я въ Дельфы воротился и съ мольбою
 Предъ жертвенникомъ Аполлона я
 Припалъ, поклявшись умереть на мѣстѣ,
 Коль не проститъ меня всесильный богъ!

И онъ меня услышалъ и велѣлъ мнѣ
 Итти сюда, изъ храма Артемиды
 Изображеніе богини взять
 И перенести его въ Аѳины: этимъ
 Я искуплю свою вину, недугъ
 Безумья исцѣблю... О дорогая
 Сестра моя, спаси, спаси меня
 И помоги мнѣ. Если я добуду
 Кумиръ богини,—вновь я ворочусь
 На корабль многовесельномъ въ Аргосъ
 Съ тобою вмѣстѣ. Не удастся мнѣ
 Исполнить это,—весь нашъ домъ и всѣ мы,
 Потомки рода древняго, погибнемъ!

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрю: не далеко конецъ
 Твоихъ страданій и несчастій нашей
 Семьи печальной... Если Аполлонъ
 Оракула устами повелѣнье
 Такое далъ, что долженъ ты унести
 Кумиръ богини,—значить, Артемида
 Желаетъ этого, и мнѣ она,
 Какъ жрицѣ, средство вѣрное укажетъ
 Исполнить это дѣло... Мнѣ пришла
 Мысль тайная... ее потомъ обсудимъ...
 Теперь васъ отведутъ подъ стражей въ храмъ.
 Тамъ ждите вы... Клянусь: или я погибну,
 Или—солнце не закатится еще
 За эти горы—мы по волнамъ моря
 Въ родимый Аргосъ уплывемъ, чтобъ вновь
 Жить радостью и счастьемъ и свободой! [Зоветь громко].
 Эй, стража! [Стража выходитъ идъ-за скалы].

Отвести ихъ и стеречь

Въ притворѣ храма.

Стража окружаетъ Ореста и Пилада и уводитъ ихъ къ храму. На верхней площадке лѣстницы выходятъ рабыни. Онѣ провожаютъ обреченныхъ на жертву печальнымъ взоромъ и запѣваютъ прощальную пѣсню.

РАБЫНИ.

Вотъ идутъ они, грустныя, блѣдныя
 Дѣти Греціи, края родного,
 Обреченныя смерти Судьбою...
 Скоро, скоро проститесь вы, бѣдныя,
 Съ свѣтомъ радостнымъ дня золотого,
 Вѣчной ночи объятая тьмою.

[Занавѣсъ медленно падаетъ].

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорация.—Вечеръ.

СЦЕНА I.

Ифигенія, Орестъ.

ИФИГЕНІЯ.

Я вѣрю, замысль удастся мой.

ОРЕСТЪ.

А я, сестра, не вѣрю. Царь суровый
Не склонится къ моленіямъ твоимъ,
И жертвы онъ кровавой не отложитъ...

ИФИГЕНІЯ.

Тогда рѣшусь на дѣло то, что мнѣ
Внушаетъ разумъ и необходимость,
И хитростью прикрою нашъ побѣгъ.

ОРЕСТЪ.

Ты думаешь, что скіеъ такъ прямодушенъ?
Проникнетъ хитрость онъ—и выйдетъ такъ:
Погибнемъ мы, и ты за насъ погибнешь!

ИФИГЕНІЯ.

Зачѣмъ предсказывать заранѣй зло,
Не испытавъ всѣ средства для спасенья?

Не отдавай себя, мой братъ, во власть
Сомнѣнью: оно въ душѣ рождаетъ
Отчаянье...

ОРЕСТЬ.

Въ моей душѣ давно
Отчаянье живетъ... Людми и небомъ
Отвергнуть я. Тѣнь матери меня
Преслѣдуетъ... Она изъ мрака ночи
Зоветь Эринній и кричить: «онъ вашъ!»...
Напрасно я, покорный повелѣнью
Оракула, бѣжалъ сюда: я вновь
И здѣсь увидѣлъ ихъ, онѣ сверкали
Глазами алчными, грозили мнѣ
Неумолимымъ мщеньемъ... Вѣчный призракъ
Ужаснаго убійства предо мной
И днемъ, и ночью... Я припоминаю
Невольно все... какъ будто снова я
Свершаю преступленіе... Я вижу
И взоръ молящій матери, и рукъ
Ея поднятыхъ трепеть, и проклятыя
Ея предсмертнаго я слышу вопль...
Да! прокляла она и обрекла
Меня Эринніямъ... Съ предсмертнымъ хрипомъ
Ея слова смѣшались: «предаю
Тебя я вѣчной мукѣ: въ часъ вечерній,
Въ часъ утренней зари, во тьмѣ ночной,
Въ сіяньѣ дня,—всегда передъ тобою
Убитой матери да будетъ тѣнь!»...
Мнѣ нѣтъ спасенья, и никто не можетъ
Меня избавить отъ грызущихъ мукъ
Раскаянья. Горитъ въ огнѣ страданья
Моя душа, и жгучій тотъ огонь
Эринніи злорадно раздувають...

ИФИГЕНІЯ.

Твои мученья раздѣливъ съ тобой,
Я погашу его любви дыханьемъ.

ОРЕСТЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, сестра! Пусть казнь одинъ несу
За преступленіе: покровомъ свѣтлымъ
Твоей любви не прикрывай меня,
Богини жрица, чистая душою.
Мнѣ путь одинъ: въ обитель черной смерти!

И если бы туда я за собой
 Повлекъ тебя—я большее страданье
 Прибавилъ бы къ страданью моему.
 Вотъ почему тебя я умоляю:
 Оставь меня. Я долженъ умереть,
 Уйти изъ міра жертвою кровавой
 Въ возмездье за великую вину!

ИФИГЕНІЯ.

Не самъ ли здѣсь, когда послали боги
 Нежданную свиданья радость намъ,
 Молилъ меня ты о своемъ спасеньѣ?..
 Не самъ ли видѣлъ впереди конецъ
 Всѣмъ бѣдствіямъ судьбы своей?... И что же!..
 Теперь твой духъ возставшій ослабѣлъ,
 И скорбь мрачитъ и разумъ твой, и волю...

ОРЕСТЬ.

Тогда при встрѣчѣ радостной съ тобой
 Въ душѣ мелькнула тайная надежда,
 Что правый гнѣвъ боговъ ты укротишь
 Молитвою одной. Но для спасенья
 Меня отъ гибели должна ли ты
 Итти сама на гибель?.. Вижу ясно
 Теперь я заблужденіе свое:
 Свиданіемъ съ тобой еще сильнѣе
 Хотѣли боги наказать меня...
 Небесъ велѣнемъ роковымъ обмануть
 Твой братъ несчастный... [Рыдаетъ].
 Да, меня привелъ
 Судьбы жестокой приговоръ къ предѣлу
 Моихъ мученій... но предѣлъ тотъ—смерть!..
 Я мать казнилъ. Теперь на казнь сestroю
 Я буду приведенъ. Такъ суждено
 И такъ свершится. Передъ властью рока
 Ничтожна наша воля... Ты должна
 Оставить скрытый замыселъ.

ИФИГЕНІЯ.

Когда бы

Я этого хотѣла—не могу
 Такъ поступить теперь: вѣдь я открыла
 Рабынямъ то, что сдѣлать я хочу
 Съ ихъ вѣрной помощью. Онѣ сюда подходятъ...

Ты долженъ удалиться. Успокой
Свое истерзанное мукой сердце
Надеждой на прощенье небесъ
И вѣрь, какъ я, что близокъ часъ спасенья
И для тебя и для меня. Будь твердъ,
Какъ я, душой... Розстанемся на время.

[Орестъ уходитъ на скалу къ храму, откуда спускаются рабыни].

СЦЕНА II.

Ифигенія, рабыни.

ИФИГЕНІЯ.

Я вамъ свое намѣренье открыла:
Теперь моя судьба у васъ въ рукахъ,
Вы можете меня счастливой сдѣлать,
Иль погубить, лишивъ меня отчизны
И дорогого брата и сестры
Моей любимой. Вспомните: другъ друга
Мы, женщины, не выдаемъ, всегда
Хранимъ мы тайны общія.

РАБЫНИ.

Не бойся,
Мы будемъ молчаливы, госпожа,
И замыселъ твой тайный не откроемъ...

ИФИГЕНІЯ.

Троихъ насъ ждетъ одна судьба: иль смерть,
Или возвратъ на родину... Молю васъ
Помочь мнѣ въ бѣгствѣ.

[Подходить къ нѣкоторымъ женщинамъ].

Матерью твоей
Тебя я заклинаю!.. А тебя твоими
Дѣтьми любимыми!.. Тебя сестрою!..
Васъ всѣхъ святынею того, что вамъ
На свѣтъ дорого! Когда вы помощь
Мнѣ не окажете, — мой бѣдный братъ
И я погибнемъ.

РАБЫНИ.

Госпожа, что можемъ —
Всѣ сдѣлаемъ мы для тебя. — Смѣлѣй

Берись за дѣло и заботься только
Ты о своемъ спасеніи, а мы—
Въ свидѣтели Зевеса призываемъ —
Тебѣ поможемъ.

ИФИГЕНІЯ.

Пусть благословятъ
Васъ небеса и вамъ даруютъ радость
И счастье въ жизни. [Преклоняется передъ жертвенникомъ].
Ты меня спасла,
Богиня свѣтоносная, въ Авлидѣ
Отъ страшной смерти. Я молюсь теперь:
Прославь себя! Велѣнье Аполлона
Дай совершить мнѣ: я перенесу
Кумирь твой, небомъ посланный, въ Афины.
Здѣсь недостойно пребывать тебѣ:
Изъ чуждой стороны переселися
Подъ небо Греціи, въ родимый край!

[Звуки роговъ].

ОДНА ИЗЪ РАВЫНЬ.

Ты слышишь, жрица? Царь сюда подходитъ
И съ нимъ вожди и воины его.

ИФИГЕНІЯ.

Часъ роковой приблизился. Богиня,
Пошли мнѣ силы, просвѣти меня
Небеснымъ разумомъ!

[Входятъ: Тоантъ, воины].

СЦЕНА III.

Ифигенія, Тоантъ, старый воинъ, рабыни, воины.

ТОАНТЪ.

Готова ль, жрица,
Ты къ жертвоприношенью приступить?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, государь.

ТОАНТЪ.

Зачѣмъ же замедляешь
Обрядъ священный?

ИФИГЕНІЯ.

Божество принять
 Не можетъ въ жертву плѣнныхъ чужеземцевъ
 Которыхъ привели мнѣ.

ТОАНТЪ.

Почему?

ИФИГЕНІЯ.

Позволь мнѣ прежде, чѣмъ тебѣ открою
 Причину эту, просьбу обратить
 Къ великодушью твоему. Донынѣ
 Меня ты слушалъ, царь, и отмѣнялъ
 Не разъ обычай древности кровавый...
 Такъ поступи же кротко и теперь
 Съ несчастными, что бѣдственной судьбою
 Приведены сюда... Повѣрь, боговъ
 Тотъ ложно чтить, кто думаетъ, что въ жертву
 Нужна имъ человѣческая кровь:
 Онъ неразумно придаетъ безсмертнымъ
 Желанія жестокиа людей...
 Сама богиня развѣ не явила
 Завѣтъ благой, когда меня спасла
 У жертвенника своего отъ смерти?..

ЦАРЬ.

Быть можетъ, ты права, но всежъ нельзя
 Намъ нарушать исконные уставы,
 Которые издревле чтить народъ.
 Обвѣянъ чарами любви, я долго
 Покоренъ былъ внушеніямъ твоимъ
 И вызывалъ народа громкій ропоть...
 Но во-время очнулся я: пора
 Мнѣ вспомнить, что я царь, и что согласьемъ
 Съ народнымъ духомъ власть царя сильна.
 Хоть мнѣ и жалко юныхъ чужеземцевъ,—
 Я долженъ въ просьбѣ отказать твоей.

ИФИГЕНІЯ.

Такъ преклонить тебя нельзя на милость
 Къ несчастнымъ?

ТОАНТЪ.

Нѣтъ.

ИФИГЕНІЯ.

Рѣшеніе свое
Кровавое ты отмѣнить не хочешь?

ТОАНТЪ.

Я не могу. Ты—жрица, отъ боговъ
Надѣлена ты мудростью. Пойми же,
Что у царей, порою, волю ихъ
Необходимость сковываетъ цѣпью...
Откуда родомъ эти чужеземцы?

ИФИГЕНІЯ.

Изъ Греціи.

ТОАНТЪ.

Понятно мнѣ
Твое участіе къ нимъ. Но все же въ жертву
Ты принести должна ихъ. Поспѣши
Свершить обрядъ печальный. Я желаю
Присутствовать при жертвоприношеніи.

ИФИГЕНІЯ.

Но къ жертвѣ приступить нельзя сейчасъ:
Проклятіе лежитъ на чужеземцахъ,
Богини воля отвергаетъ ихъ.
Они—убійцы. Преступленьемъ страшнымъ
Осквернены...

ТОАНТЪ.

Какъ! развѣ здѣсь,
Когда ихъ стража захватила ночью,
Убить былъ юношами кто нибудь
Изъ воиновъ моихъ?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, совершили
Они не здѣсь ужасное злодѣйство,
А въ Аргосѣ: пролита ими кровь
Ихъ матери.

ТОАНТЪ.

О праведные боги!
На это даже варваръ не рѣшится.
Ужели тамъ, въ странѣ твоей родной,
Гдѣ люди чтутъ законъ, ихъ злое дѣло
Осталось безъ достойнаго возмездья?

ИФИГЕНІЯ.

Страна родная отказала имъ
 Въ убѣжищѣ—и вотъ, скитаясь всюду,
 Они приплыли къ этимъ берегамъ,
 Мечтая, что найдутъ пріютъ спокойный
 Въ странѣ чужой. Одинъ изъ нихъ недугомъ
 Безумья пораженъ. Когда во храмъ
 Ихъ привели, къ подножію кумира
 Священнаго онъ съ дикимъ воплемъ палъ
 И осквернилъ своимъ прикосновеньемъ
 Ликъ божества: кумиръ заколебался
 И съ мѣста сдвинулся... [Въ толпѣ воиновъ выраженіе ужаса]
 Оскорблена
 Святыня храма... И не приметъ жертвы
 Разгнѣванная Артемида!

ТОАНТЪ.

Что жъ
 Намъ должно сдѣлать, чтобъ богиню снова
 На милость преклонить?

ИФИГЕНІЯ.

Омыть водою
 Ея кумиръ священный по обряду
 Исконному.

ТОАНТЪ.

Въ рѣкѣ?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, въ волнахъ моря.
 Волной соленой моря очищаетъ
 Людскіе всѣ грѣхи: такой завѣтъ
 Издревле установленъ... Чужеземцы,
 На жертву обреченные богинѣ,
 Очиститься должны водою также.

ТОАНТЪ.

Когда же очищенія обрядъ
 Ты совершишь?

ИФИГЕНІЯ.

Сейчасъ. Смотри: къ закату
 Склоняется свѣтило дня. Въ волнахъ,

Послѣдними лучами озаренныхъ,
Омоются и жертвы и кумиръ,
При пѣннѣ святыхъ молитвъ богинѣ.

ТОАНТЪ.

Ты здѣсь все сдѣлаешь?

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, государь,
На берегу, въ уединенномъ мѣстѣ,
Близъ той пещеры смерти, гдѣ въ огнѣ
Священномъ трупы жертвъ сжигаютъ тайно.

ТОАНТЪ.

Пусть будетъ такъ. Иди туда. Возьми
Съ собой прислужницъ. Чужеземцевъ стража
Вслѣдъ за тобою отведеть.

ИФИГЕНІЯ.

Прошу

Я, государь, чтобъ войны, которыхъ
Назначилъ ты сопровождать меня,
На время удалилися, покуда
Не совершу я тайну очищенья:
Не подобаетъ видѣть взорамъ ихъ
Обрядъ святой. Вели на чужеземцевъ
Надѣть оковы или ихъ связать...

ТОАНТЪ.

Зачѣмъ же? Убѣжать имъ невозможно.

ИФИГЕНІЯ.

Они вѣдь — греки. Грекамъ довѣряться
Нельзя, ты знаешь.

СТАРЫЙ ВОИНЪ [выступаетъ впередъ].

Царь, дозволю сказать

Мнѣ слово правды. Если не разумнымъ
Оно тебѣ покажется—прости:
Я старъ, а старость любитъ осторожность...
Сказала жрица вѣрно: довѣрять
Не слѣдуетъ коварнымъ, хитрымъ грекамъ.

Она ихъ знаетъ хорошо: сама
 Изъ ихъ земли... Сдается, будто этотъ
 Безумный чужеземецъ, чтò кумиръ
 Прикосновеньемъ осквернилъ, затѣялъ
 Обманъ лукавый... И другое ложь:
 Чтòбъ жизнь спасти, убійцами нарочно
 Себя назвали юноши... И жрица
 Напрасно вѣру вымыслу даетъ:
 Они ее, какъ видно, умолили
 Слезами горестными... жалость въ ней
 Къ соотчичамъ неволью пробудилась,
 И тайнѣ, можетъ быть, сама она
 Желаетъ, чтòбъ они спаслися бѣгствомъ...

ТОАНТЪ.

Старикъ, довольно! Могъ ты это думать,
 Но здѣсь, передъ служительницей храма
 Ты говорить не долженъ такъ царю!
 Пойми, что если бы я даже правду
 Прозрѣлъ въ твоихъ словахъ,—я и тогда
 Все такъ же поступилъ бы, какъ велить мнѣ
 Довѣрье къ той, чтò небомъ избрана
 Провозвѣщать для насъ завѣты неба. [Ифигенія].
 Иди и сдѣлай такъ, какъ жрицы долгъ
 Велить тебѣ. Возьми кумиръ богини.
 Когда же вновь его внесешь ты въ храмъ,—
 Кровавую воздай богинѣ жертву. [Старому воину].
 А ты, старикъ, со стражей отведешь
 На берегъ чужеземцевъ и оставишь
 Ихъ съ жрицей тамъ, гдѣ повелить она.
 Ты самъ и воины твои—должны вы
 Конца обряда ждать вдали отъ той
 Пещеры, гдѣ свершится очищенье.

[Уходитъ въ сопровожденіи воиновъ. Старый воинъ съ отрядомъ стражи идетъ на скалу къ храму].

ИФИГЕНІЯ [рабынямъ].

Снимите бережно кумиръ богини
 Съ подножія, священнымъ покрываломъ
 Его закройте и подъ звуки лиръ
 И гимновъ умоляющихъ несите
 Къ пещерѣ тайной...

[Рабыни уходятъ къ храму вслѣдъ за воинами].

СЦЕНА IV.

Ифигенія [одна].

Дрогнуло въ груди
 Отъ страха сердце въ мигъ, когда въ лицо мнѣ
 Тотъ старый воинъ заглянулъ своимъ
 Суровымъ взоромъ и пытливой рѣчью
 Смущать сталъ душу гордаго царя:
 Мой замыселъ погибнуть могъ... Дочь Леты!
 Прости, прости невольный мой обманъ!
 Вѣдь своего божественнаго брата
 Ты любишь, такъ дозвожь и мнѣ любить
 Несчастнаго Ореста и Электру,
 Сестру мою! Страдала долго я
 Здѣсь, на чужбинѣ: ниспошли мнѣ радость
 Желанную—возвратъ въ родимый край!..

СЦЕНА V.

Звуки лиръ. Со скалы отъ храма спускается процессія: рабыни несутъ на убранныхъ цвѣтами носилкахъ статую Артемиды; одиѣ держать дымящіяся курильницы; другія—лиры, золотыя чаши, сосуды; третьи осѣняютъ статую вѣтвями. За рабынями идетъ стража, окружающая Ореста и Пилада, въ оковахъ. Предшествуемая Ифигеніей, процессія проходить черезъ всю сцену, медленно, подъ звуки лиръ и пѣнія гимна рабынь.

РАБЫНИ.

Артемида, дочь Зевеса,
 Храмъ покинь многоколонный
 Въ часъ таинственный заката.

Неба алая завѣса
 Надъ волной спустилась сонной,
 Тишиною все объято...

Гаснетъ солнца блескъ огнистый,
 Скоро сумракъ ночи тьмою
 Скаль вершины отуманить,

И, омытъ волною чистой,
 Съ лаской неба золотою
 Твой привѣтный ликъ проглянетъ...

З А Н А В Ъ С Ъ.

4*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же декорация.—Ночь. Буря. Молнія и удары грома.

СЦЕНА I.

Тоантъ, старый воинъ.

[Тоантъ входитъ въ сопровожденіи воиновъ съ факелами].

СТАРЫЙ ВОИНЪ.

Я остерегалъ тебя, царь. Но ты не хотѣлъ меня послушать. Вотъ и вышло то, что я предвидѣлъ: жрица и два хитрыхъ грека обманомъ захватили кумиръ богини и бѣжали... Если бы ты повѣрилъ мнѣ тогда...

ТОАНТЪ.

Оставь пустыя слова. Говори, какъ было дѣло.

СТАРЫЙ ВОИНЪ.

Исполняя твое велѣнье, я привелъ подъ стражей чужеземцовъ къ той скалѣ, у подножія которой входъ въ пещеру, гдѣ сожигаютъ трупы. Тутъ жрица приказала мнѣ оставить ее и дожидаться на берегу, въ ближнемъ лѣсу, а сама она, ея рабыни и чужеземцы пошли тайною тропою къ морю. Я удалился съ моими воинами. Долго мы ждали въ лѣсу. Солнце скрылось за скалами, настала ночь, тьма легла на землю, и небо заволокла черная туча. Время шло, а жрица не возвращалась. Напрасно мы прислушивались: на берегу все было тихо... Тогда меня взяло сомнѣніе. Оставивъ стражу въ лѣсу, я пробрался на вершину скалы. Въ это время луна выглянула изъ-за тучи и освѣтила море. И что же я

увидѣлъ: по волнамъ бѣжалъ корабль, быстро мелькали длинныя весла... на высокой кормѣ его, освещенной луною, стоялъ кумиръ богини, и передъ нимъ, воздѣвая руки къ небесамъ, молилась жрица, ея рабыни и чужеземцы. Вѣтеръ, подувшій съ моря, донесъ ко мнѣ слова ихъ молитвы. Они пѣли благодарный гимнъ богинѣ за свое спасеніе и просили властителя моря, бога Посейдона, о счастливомъ пути въ ихъ родную страну... Они радовались.

ТОАНТЬ.

Прежде времени... Владыка моря не услышалъ ихъ молитву. Въ такую бурю они не уплывутъ настолько, чтобы я ихъ не досталъ моимъ копьемъ. Ихъ корабль поглотятъ волны, или прибѣтъ его обратно къ скаламъ... [За сценой гудъ голосовъ].

Что такое тамъ? Я слышу крики народа?

СТАРЫЙ ВОИНЪ.

Въ тревогѣ бѣжитъ толпа... Съ нею воины...

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Царь покинулъ дворецъ. Онъ здѣсь, на берегу у храма. Сюда идите, сюда!..

[Вбѣгаетъ толпа народа и воины].

СЦЕНА II.

Тѣ же, начальникъ стражи, воины, народъ.

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Царь, я приношу тебѣ вѣсть. Мы захватили корабль грековъ, которые хотѣли увезти кумиръ богини и ея жрицу. Буря пригнала его къ скалѣ, гдѣ стоялъ мой сторожевой отрядъ...

ТОАНТЬ.

Я зналъ, что это будетъ такъ. Чужеземцы сопротивлялись? Былъ бой?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Когда волны бросили судно на прибрежную мель, мы быстро окружили его. Людей на немъ было немного, они измучились борьбой съ бурей, но все-таки не хотѣли сдаваться и грозили намъ оружіемъ. Въ небольшой схваткѣ мы осилили ихъ и взяли всѣхъ. Только двое юношей—ихъ вожди—не сдались: они бились, какъ бѣшеные, и видя, что мы одолѣваемъ, и имъ не миновать плѣна, бросились съ корабля въ волны и скрылись въ ночной темнотѣ...

ТОАНТЬ.

Они погибли въ морѣ?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Думаю, что такъ, царь. Мы обшарили прибрежныя скалы и не нашли чужеземцевъ.

ТОАНТЬ.

А жрица богини? Она бѣжала съ ними?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Нѣтъ, государь. Жрица и рабыни-гречанки спасены. Мы привели ихъ. Вотъ онѣ здѣсь.

Онъ дѣлаетъ знакъ воинамъ, которые раздвигаютъ толпу народа и выводятъ Ифигенію].

СЦЕНА III.

Тѣ же, Ифигенія,

ТОАНТЬ.

Отъ гордой дочери Агамемнона,
Отъ жрицы избранной богини, я
За доброе мое гостепріимство
Не ждалъ коварства. Дѣвою святой
Я почиталъ тебя. Я думалъ—боги
Тебѣ внушаютъ мудрость. Но теперь
Я вижу, что безумію покорно
Твое измѣнчивое сердце... Какъ
Пойти могла ты на такое дѣло?
Хранительница алтаря богини
Рѣшилася обманомъ увести
Ея кумирь священный, чужеземцамъ
Предать народную святыню!..

[Въ толпѣ движеніе, ужаса и негодованія].

ГОЛОСА.

Боги,

Возможно ль беззаконіе такое!

ТОАНТЬ.

Ты видишь—содрогается народъ
И даже предъ лицомъ царя не можетъ

Негодованья ропоть удержать...
 Они, сердца простыя, разумѣють,
 Какъ небеса оскорблены твоимъ
 Дѣяніемъ преступнымъ и коварнымъ,
 А ты, служительница неба, ты,
 Предстательница ихъ передъ богами,
 Склонилася душой на святотатство!.. [Ифигенія молчитъ].
 Молчишь ты? Уменьши свою вину
 Хоть словомъ оправданья предо мною
 И предъ народомъ. Говори.

ИФИГЕНІЯ.

Не стану
 Оправдываться я. Да, я виновна
 Передъ тобой, передъ людьми... Но боги
 Меня простятъ: ихъ волей я была
 Подвигнута на то, что совершила...

ТОАНТЪ.

Ты въ гордомъ заблужденіи на боговъ
 Свои желанія легко слагаешь...
 Не для боговъ ты бросилась безумно
 На преступленіе и обманъ. Тебя
 Соблазномъ увлекли два хитрыхъ грека,
 Которымъ жизнь хотѣла ты спасти,
 Чтобъ съ ними, можетъ быть, въ краю родимомъ
 Узнать то счастье, что отвергла ты
 Съ холодною, когда здѣсь, на чужбинѣ,
 Его тебѣ властитель предлагалъ.
 Ты предпочла съ бродягами побѣгъ
 Вѣнцу царицы... Для боговъ все это
 Ты сдѣлала?.. Нѣтъ, если бъ небеса
 Хотѣли этого, — успѣхъ счастливый
 Послали бы они. Но кара ихъ
 Обрушилася надъ тобой: открылся
 Твой замыселъ, обманъ преступный твой;
 Тѣ, для кого ты санъ священной жрицы
 Забыла въ увлеченіи, — нашли
 Смерть горькую въ волнахъ соленыхъ моря...
 Ихъ боги погубили. И тебя
 Они погубятъ...

ИФИГЕНІЯ.

Царь, твои укоры
 Ревнивые не праведны. Когда бы

Ты зналъ, кого хотѣла я спасти,—
 Ты иначе судилъ бы о несчастныхъ
 И обо мнѣ... Ты правъ въ одномъ: судьба
 Неумолимая все погубила,
 Что дорогимъ считала въ жизни я.
 Я умереть должна, и я готова
 Безъ сожалѣнья встрѣтить свой конецъ...
 Молю тебя: суди за преступленье
 Меня судомъ земнымъ. Я знаю: смерть
 Положена у васъ за святотатство—
 Таковъ законъ страны.

ТОАНТЪ.

Какъ человѣкъ,
 Жалѣю я тебя... И если долженъ,
 Какъ царь, судить передъ моимъ народомъ,—
 Скажи мнѣ оправданія твои:
 Я казнь жестокою смѣню на милость...

ГОЛОСА НАРОДА.

— Нѣтъ оправданья той, что предала,
 Забывши жрицы долгъ святой, богиню!
 — Нѣтъ милости!—Къ намъ изъ страны чужой
 Пришла она и жрицы санъ обманомъ
 Присвоила себѣ!—Кровавыхъ жертвъ
 Обычай древній отмѣнить хотѣла...
 — Она преступница и казнь принять
 Должна за преступленье по закону!..

ТОАНТЪ.

Ты слышишь?

ИФИГЕНІЯ.

Слышу... и безъ страха жду,
 Чтобы свершилось то, что властнымъ рокомъ
 Назначено: погибнуть я должна,
 Какъ дочь семьи Атрида, осужденной
 Проклятіемъ небесъ...

ГОЛОСА НАРОДА.

Царь, не внимай
 Ея рѣчамъ. — Она колдунья: властью
 Волшебныхъ чаръ твой отуманить умъ
 И волю. — Положи свое рѣшенье,

Будь твердъ.— На казнь, на смерть святыни
Предательницу лживую!—Съ утеса
Ее низвергнуть, какъ велитъ законъ
Отцовъ и предковъ!

ТОАНТЪ.

Оправдайся, жрица—
Еще разъ говорю—передъ народомъ... [Ифигенія молчитъ].
Молчишь?.. Ты хочешь погубить себя...
Въ безумной гордости своей виною
На смерть, на казнь ужасную сама
Идешь покорно... Власть моя бессильна
Передъ народомъ, если ты его
Мольбой раскаянья не тронешь...

ИФИГЕНІЯ.

Къ небу
Моя мольба обращена... Прошу
Тебя я, царь: не дли напрасно муку
Предсмертную... [Къ народу съ сильнымъ порывомъ].
Народъ! виновна я,
О казни я молю за преступленье!
[Движеніе въ толпѣ. Гулъ голосовъ].

ГОЛОСА НАРОДА.

Сама себя винитъ она и казни
За грѣхъ свой молить.—Что же медлишь, царь?
Казни ее!

ИФИГЕНІЯ.

Ты видишь: нѣтъ спасенья.
Осуждена я и людьми и небомъ...

ТОАНТЪ.

Тогда... пусть совершится. Смерть твою
Не я призвалъ... [Даетъ знакъ воинамъ].
Возьмите
Преступницу и совершите казнь.

[Двое воиновъ связываютъ Ифигеніи руки и ведутъ на вершину скалы. Общее напряженное молчаніе. Всѣ взоры устремлены на Ифигенію. Она стоитъ на вершинѣ скалы, съ мольбой поднявъ глаза къ небу].

ИФИГЕНІЯ.

Умираю,
Покорная велѣньемъ вашимъ, боги...

Мой милый братъ, любимый мой Орестъ,
 Послѣдній лучъ угаснувшаго рода
 Погасъ, и пусть навѣки съ нимъ погаснетъ
 Жизнь бѣдная моя...

[Одинъ изъ воиновъ кладетъ руку на плечо Ифигени, чтобы столкнуть ее съ утеса. Орестъ, раздвинувъ толпу, съ воплемъ бросился впередъ].

СЦЕНА IV.

Тѣ же, Орестъ.

ОРЕСТЪ.

Сестра! сестра! [Бросается къ Тоанту].
 Останови убійство, заклинаю
 Тебя я небомъ, царь, — останови!

ТОАНТЪ.

Какъ смѣешь, дерзкій грекъ, безумнымъ словомъ
 Ты нарушать народа правый судъ
 И приговоръ царя?... Здѣсь нѣтъ убійства,
 А праведная казнь за преступленье.

ОРЕСТЪ.

Невинная на казнь осуждена
 Тобою и народомъ... Я — преступникъ,
 А не она! Казни меня!.. Ты видишь:
 Я самъ пришелъ въ твои отдаться руки,
 Хотя могъ бѣжать бы я... Изъ-за меня
 Она, сестра несчастнаго, богами
 Отверженнаго брата, умираетъ...

ТОАНТЪ [въ изумленіи].

Ты—жрицы братъ?!.. Что говоришь ты, грекъ?
 Такъ предо мною сынъ Агамемнона,
 Властителя великаго?..

ОРЕСТЪ.

Онъ былъ
 Властителемъ великимъ въ этомъ мірѣ,
 Покуда въ вѣчный мракъ не отошелъ...

ТОАНТЬ.

И ты, столь славнаго царя наслѣдникъ,
Скитаешься здѣсь въ чуждой сторонѣ?
Что привело тебя?

ОРЕСТЬ.

Небесъ проклятье
И ихъ вельѣнье.

ТОАНТЬ.

Темень твой отвѣтъ...
Твоимъ словамъ я могъ не дать бы вѣры,
Но кажется мнѣ, юноша, въ тебѣ
Достоинство есть царственное предковъ...
И съ жрицею лицомъ ты сходенъ...

ОРЕСТЬ.

Царь,
Вотъ мечъ Агамемнона! онъ подѣ Тройей
Сражался имъ, и отнять этотъ мечъ
Изъ рукъ убійцы мною. Я клянуся
Мечомъ отца священнымъ: я—Орестъ,
Атрида сынъ... Я знаю, что обманомъ
Казаться можетъ людямъ дѣло то,
Къ которому мою сестру склонилъ я,
Но все жъ оно—внушеніе боговъ...
Не спрашивай, за что меня постигло
Проклятіе небесъ: мнѣ тяжело
Ужасное о томъ воспоминанье,
Но въ искупленье моего грѣха
Мнѣ боги повелѣли изъ отчизны
Итти въ твою далекую страну
И хитростью иль силою изъ храма
Богини Артемиды взять кумирь
И перенести его въ родимый Аргосъ.
Нежданно въ жрицѣ я нашель сестру,
Которую считалъ давно умершей,
И умолилъ ее бѣжать со мной
И сдѣлать то для моего спасенья,
Что сдѣлала она... Я все сказалъ.
Суди же, царь, кто истинный виновникъ
Преступнаго дѣянья. Отдаюсь

Тебѣ во власть: меня казнить ты долженъ,
А не сестру невинную мою...

ТОАНТЪ [послѣ краткаго молчанія].

Нѣтъ, замѣнять одну несправедливость
Другой не стану я. Мой царскій долгъ,
Законъ народа мнѣ повелѣвають
Карать людей за преступленья тѣ,
Что волей внушены людской, но воля
Безсмертныхъ для меня и для народа
Священна. Если бы тебѣ и жрицѣ
Я воспрепятствовалъ свершить завѣтъ,
Что небомъ возвѣщенъ, — проклятье неба
Мой домъ постигнетъ и мою страну...
Но да не будетъ этого вовѣки!

[Къ воинамъ, которые держатъ Ифигенію, повелительно].

Снимите узы!.. Жрица, ты свободна!
Иди и брата обними. Его
Спасла ты кроткою своей любовью,
Вернувъ ему прощенье боговъ:
Онъ отъ суда людей тебя спасаетъ...

ОРЕСТЪ.

Какъ намъ почтить и правоту и мудрость
Великодушья твоего, властитель?

ИФИГЕНІЯ [подходить къ Тоанту].

Чѣмъ отплатить за доброту твою?

ТОАНТЪ.

Когда вернетесь вы въ родимый Аргосъ,
Скажите тамъ, что въ дикой сторонѣ
Средь племени суровыхъ скиеовъ
Сіяетъ свѣтъ прощенья и любви...

ИФИГЕНІЯ.

Хранить мы въ сердцѣ будемъ благодарность,
Покуда Парка нашей жизни нить

Не перерветъ, и о царѣ Тоантѣ
Воспоминанье будетъ свято намъ
Навѣки...

ТОАНТЪ.

Дочь Агамемнона, этимъ
Утѣшенъ я, насколько можетъ быть
Утѣшенъ человѣкъ, который счастья
Желаннаго лишился... Но — довольно...
Разстанемся. [Оресту].

Гдѣ спутникъ твой? Его
Не вижу я.

ОРЕСТЪ.

Онъ, государь, остался
На берегу: онъ ослабѣлъ отъ ранъ,
Не въ силахъ былъ итти сюда со мною,
Когда рѣшились мы отдаться въ плѣнъ.

ТОАНТЪ.

Онъ родственникъ твой?

ОРЕСТЪ.

Да и другъ мой,
Вѣрнѣйшій изъ друзей: дѣлилъ со мною
Мои несчастья онъ...

ТОАНТЪ.

Такъ пусть теперь
Раздѣлитъ радость счастья и свободу.
Я отпускаю съ миромъ васъ. [Начальнику стражи].

Ладью

Сейчасъ же снарядить, и пусть доставитъ
Ихъ на корабль. [Начальникъ стражи и его воины уходятъ].

Часъ утра недалекъ:

Съ зарею повѣетъ вамъ попутный вѣтеръ,
И, парусъ распустивши, въ край родной
Направите вы бѣгъ свой.. Путь счастливый!
Прощайте.

ИФИГЕНІЯ.

Пусть небесъ благословенье
Да будетъ надъ тобою, царь!.. Прости!

[Тоантъ, волны, народъ уходятъ. Къ берегу причаливаютъ лодки съ гребцами.
Загорается заря].

СЦЕНА V.

Ифигенія, Орестъ, рабыни.

ИФИГЕНІЯ [окружающимъ ея рабынямъ].

Прощайте, бѣдныя мои подруги,
Дѣлившія со мной неволи плѣнъ
На чуждомъ берегу. Васъ покидая,
Тоскую я душою объ одномъ:
Мнѣ небомъ не дано вашъ рабскій жребій
Смѣнить свободою въ родномъ краю.
Въ мигъ счастья своего невольно лью
Я слезы сожалѣнья и печали...
Любовью, ласкою своею не разъ
Меня вы въ горѣ тяжкомъ утѣшали:
Чѣмъ я теперь могу утѣшить васъ?..

[Прощается съ рабынями и входитъ на лодку. Орестъ входитъ вслѣдъ за нею].

РАБЫНИ.

На аргосскомъ кораблѣ
Поплывешь ты черезъ море.
Ты, приставъ къ родной землѣ,
Тамъ забудешь слезы, горе...

Если бъ слѣдомъ за тобой
Мы летѣть могли, какъ птицы,
Надъ волною голубой,
Что блеститъ въ лучахъ денницы!

Въ царскій домъ свой ты войдешь,
Какъ въ былые дни когда-то,
Пѣснь веселья запоешь,
Пѣснь счастливаго возврата.

Намъ родной не видѣть край,
Намъ тебя не видѣть болѣ...
Здѣсь увянемъ мы въ неволѣ...
Навсегда прощай, прощай!..

[Лодка уплываетъ подъ пѣніе рабынь. Ифигенія, освѣщенная лучами восхода, стоитъ на кормѣ, протягивая руки къ плачущимъ рабынямъ. Занавѣсъ медленно опускается].

В. П. Буренинъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Растовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

НОЯБРЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯВРЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Семь инстанцій. I—III. И. Н. Потапенко	101
II. Калейдоскопъ сценическихъ воспоминаній. I—II. Э. Д. Востунова .	430
III. Подъ гнетомъ судьбы. (Продолженіе). XI—XXII. М. Е. Васильевой .	158
IV. Изъ воспоминаній. (1891—1892). (Окончаніе). IV—VI. Н. В. За- содимскаго	198
V. Человѣкъ. (Посвящается другу-теткѣ Л. В. Кристи). В. М. Пу- ришкевича	515
VI. Воспоминанія объ А. В. Гурчинѣ. А. В. Жиркевича	528
VII. Военнопоходныя впечатлѣнія. И. Е. Иванова	554
VIII. Азовское смятеніе (1880 г.). V—VIII. (Окончаніе). Н. К. Никифо- рова	564
IX. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Алексан- дра I). Гл. XVI—XVII. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	591
X. Недавнее прошлое Азовскаго побережья. III—IV. (Окончаніе). А. Съдого (Ал. П. Чехова)	620
XI. Изъ исторіи цензуры русской народной пѣсни. Т. А. Мартемья- нова	662
XII. Черезъ Бухару на Памиры. V—IX. (Продолженіе). Б. Н. Лягви- нова	698
Иллюстраціи: 1) Вальджуанъ. Новая крѣпость; помѣщеніе бека. — 2) Крѣ- пость Дыроу. Лучшее помѣщеніе во всемъ Западномъ Дарвазѣ. — 3) Вер- шина перевала Патгъ.	
XIII. Андреевскій соборъ въ Петербургѣ. М. Я. Королькова	730
Иллюстраціи: 1) Андреевскій соборъ въ 1738 году (съ современнаго ри- сунка). — 2) Андреевскій соборъ въ 1752 г. — 3) Внутренній видъ собора. — 4) Андреевскій соборъ въ современномъ видѣ. — 5) Трехсвятительская цер- ковь въ настоящее время. — 6) Внутренній видъ Трехсвятительской церкви.	
XIV. Задачи русскаго просвѣщенія въ отзывахъ мѣстныхъ свѣду- щихъ людей. Е. С. Шумигорскаго	744
XV. Памяти Константина Константиновича Случевского. П. Е. Пав- лова	756
Иллюстрація: Константинъ Константиновичъ Случевскій.	
XVI. Критика и библиографія	765
1) П. Шидловскій. Акты, относящіяся къ политическому положенію Фин- ляндіи. Спб. 1904. в. Гр—сваго. — 2) Э. Н. Берендъ. Лекціи по администра- тивному праву великаго княжества Финляндскаго, читанныя въ С.-Петер- бургскомъ университетѣ въ 1901—1902 учебномъ году. Томъ II. Главныя органы управленія въ Финляндіи. Спб. 1904. в. Грибоснаго. — 3) Профессоръ Л. Е. Владимировъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе. Москва. 1904. Андрея Сиротинина — 4) Къ столѣтней годовщинѣ импе- раторскаго Казанскаго университета, 1804—1904. Петръ Цеплявъ, первый профессоръ Казанскаго университета. Историко-литературный очеркъ орди- нарнаго профессора Д. Нагуевского. Казань. 1904. н. а. — 5) Н. Н. Соколовъ. (См. слѣд. стр.)	

С.-Петербургская почта при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе. Спб. 1904. В. Гр—сваго.—6) Русская Муза. Собрание лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Составилъ П. Я. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1904. Ал. Сл.—7) Лонгиновъ, А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1904. М. К.—8) Профессоръ Н. В. Любичъ. Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава. 1904. М. К.—9) Л. Явдыкъ. Исторія Угорской Руси. Варшава. 1904. Андрея Сиротинина.—10) Э. Тановъ. Эволюція права и общественное сознаніе. Переводъ А. П. Фитингофа. Спб. 1904. В. Гр—сваго.—11) Воронежская Старица. Выпускъ четвертый. Воронежъ. 1904. С.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 789

1) Последнія египетскія раскопки.—2) Византійская революція 1912 г.—3) Новая свѣдѣнія объ убійствѣ Мональдески.—4) Воспоминанія восьмидесятилѣтней дипломатки.—5) Семинедельная война и битва при Садовѣ.—6) Смерть Мурада V, второй жены Криспи, сэра Вильяма Гаркорта и Саксонскаго короля.

XVIII. Смѣсь 814

1) Памятникъ императрицѣ Екатерицѣ II въ Вильнѣ.—2) Присужденіе награды графа Уварова.—3) Юбилей В. И. Жмакина.—4) Археологическое общество въ Москвѣ.—5) Архангельское епархіальное древлехраняище.—6) Раскопки на мѣстѣ Ольви.

XIX. Некрологи 827

1) Варанецкой, П. В.—2) Вродскій.—3) Комаровъ, А. В.—4) Клейнъ, К. Ф.—5) Кюгельхенъ, П. К.—6) Ларошъ, Г. А.—7) Макаровъ, З. И.—8) Мицковъ, Р. Р.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Викентьевича Гурчина.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1904 года).

	СТРАН.
Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). XXVIII — XXX. (Окончаніе). Н. И. Мердеръ	5
Изъ воспоминаній. (1891 — 1892 гг.). II—VI. (Окончаніе). П. В. Засо- димскаго	55, 498
Подъ гнетомъ судьбы. М. Е. Васильевой	67, 458, 890
Асовское смятеніе. (1880 г.). Н. К. Никифорова	106, 564
Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. XIV — XVIII. (Окончаніе). Н. И. Фалъева	131, 594, 966
Типы и характеры Кавказскаго Черноморскаго побережья. V. «Они». С. И. Васюкова	150
Исторія бороды и усомъ. А. И. Фаресова	174
Протопресвитеръ-самозванецъ. А. С. Шугаевскаго	213
Недавнее прошлое Азовскаго побережья. А. Съдого (Ал. П. Чехова) 227,	620
Рано угасшій талантъ. (Изъ воспоминаній объ А. П. Рябушкинѣ). И. Ф. Тюменова	260
иллюстраціи: 6 рисунковъ А. П. Рябушкина.	
Задачи русскаго просвѣщенія въ отзывамъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей. Е. С. Шумигорскаго	285, 744
Черезъ Бухару на Пампры. Б. Н. Литвинова	297, 698, 1045
иллюстраціи: 1) Спускъ съ дороги отъ перевала Чарага въ озеру Кабу- тавъ. — 2) Вершина перевала Сія-Кухъ (послѣдняя снѣжная ступень). — 3) Ка- рататъ. Домъ Кушъ-Беги. — 4) Вальджуанъ. Новая крѣпость; помѣщеніе бека. — 5) Крѣпость Дыроу. Лучшее помѣщеніе во всемъ Западнѣжскомъ Дар- вазѣ. — 6) Вершина перевала Паткъ. — 7) Кашлакъ Верхній Гумай. — 8) Се- леніе Нижній Гумай. — 9) Хижины въ селеніи Нижнемъ Гумай. — 10) Крѣпость Кабадіанъ.	

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1904 г., т. XLVІІІ.

1/4

Федоръ Ивановичъ Колесовъ. (Некрологъ). Б. Г.	332
иллюстрація: Федоръ Ивановичъ Колесовъ.	
Семь пристанцій. И. Н. Потапенко	401, 835
Калейдоскопъ сценическихъ воспоминаній. Э. Д. Бостунова	430, 862
Человѣкъ. (Посвящается другу-теткѣ Л. В. Кристи). В. М. Пуришкевича	515
Воспоминанія объ А. В. Гурчинѣ. А. В. Жирневича	528
Военнопоходныя впечатлѣнія. И. Е. Иванова	551
Изъ исторіи цензуры русской народной пѣсни. Т. А. Мартемьянова	662
Андреевскій соборъ въ Петербургѣ. М. Я. Королькова	730
иллюстраціи: 1) Андреевскій соборъ въ 1738 году (съ современнаго рисунка). — 2) Андреевскій соборъ въ 1752 г. — 3) Внутренній видъ собора. — 4) Андреевскій соборъ въ современномъ видѣ. — 5) Трехсвятительская церковь въ настоящее время. — 6) Внутренній видъ Трехсвятительской церкви.	
Памяти Константина Константиновича Случевского. П. Е. Павлова	756
иллюстрація: Константинъ Константиновичъ Случевскій.	
Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни XVIII столѣтія). С. Н. Шубинскаго	927
Послѣднее желаніе. Е. Князева	988
Изъ записной книжки. (Бесѣда съ современникомъ о Матвѣя Константиновскаго). Ив. Л. Щеглова	994
Оренбургскіе пожары 1879 года. Н. Д. Бенкаревича	999
«Позорное дѣло». (Изъ исторіи Туркестанскихъ войнъ). Я. Я. Полферова	1011
Изъ нравовъ прошлаго времени. А. А. Карасева	1017
Невѣста Шамиля. П. А. Оленина	1020
Отблескъ былого. (Историческія картинки Ротенбурга). А. В. Половцова	1030
иллюстраціи: 1) Тюремная башня и Крингеръ-ворота въ Ротенбургѣ. — 2) Башня Пайнлейнъ въ Ротенбургѣ. — 3) Вѣлыя ворота въ Ротенбургѣ. — 4) Ворота Редера въ Ротенбургѣ. — 5) Порталь въ дворѣ ратуши въ Ротенбургѣ. — 6) Внутренность двора въ Ротенбургѣ. — 7) Дѣйствующія лица въ исторической пьесѣ въ Ротенбургѣ.	
Адольфъ Федоровичъ Марксъ. (Некрологъ).	1088
иллюстрація: Адольфъ Федоровичъ Марксъ.	
Иностранцы о Россіи. В. А. Тимирязева	1093
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	337, 765, 1116

1) К. Waliszewski. Ivan le Terrible. Les origines de la Russie moderne. Paris. 1904. Андрея Сиротинина. — 2) П. А. Шафрановъ. Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ (историческій очеркъ устройства и составъ дѣлъ). Спб. 1904. В. Руданова. — 3) Главное военно-медицинское управленіе. Историческій очеркъ. Составили В. С. Кручезъ-Голубовъ и Н. И. Кульбинъ. Спб. 1904. н. ф. — 4) Профессоръ Г. Г. Скориченко. Императорская военно-медицинская академія. Историческій очеркъ къ столѣтію военнаго министерства. Спб. 1904. н. ф. — 5) Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія. Характеристики. Съ портретомъ В. А. Спб. 1904. Б. Гл.—снаго. — 6) Мих. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины. Спб. 1904. Б. Гл.—

7) П. Шидовскій. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1904. В. Гр—снаго.—8) Э. Н. Берендсъ. Лекціи по административному праву великаго княжества Финляндскаго, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1901—1902 учебномъ году. Томъ II. Главныя органы управленія въ Финляндіи. Спб. 1904. В. Грибовскаго.—9) Профессоръ Л. Е. Владимировъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ и его этико-соціальное учение. Москва, 1904. Андрея Сиротинина.—10) Къ столѣтней годовщинѣ императорскаго Казанскаго университета, 1804—1904. Петръ Цеплинъ, первый профессоръ Казанскаго университета. Историко-литературный очеркъ ординарнаго профессора Д. Нагуевскаго. Казань, 1904. И. А.—11) Н. Н. Соколовъ. С.-Петербургская почта при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе. Спб. 1904. В. Гр—снаго.—12) Русская Муза. Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Составилъ П. Я. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1904. Ал. Сл.—13) Лонгиновъ, А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса, 1904. м. к.—14) Профессоръ Н. Н. Любовичъ. Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава, 1904. Н. Н.—15) Л. Явдыкъ. Исторія Угорской Руси. Варшава, 1904. Андрея Сиротинина.—16) Э. Танонъ. Эволюція права и общественное сознаніе. Переводъ А. П. Фитингофъ. Спб. 1904. В. Гр—снаго.—17) Воронежская Старица. Выпускъ четвертый. Воронежъ, 1904. с.—18) Сборникъ императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ 119. Спб. 1904. В. т.—19) И. И. Соколовъ. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Томъ I. Спб. 1904. З.—20) А. А. Шахматовъ. Ермолиевская лѣтопись и Ростовскій владычній сводъ. Спб. 1904. А. и. Яцимирскаго.—21) Л. К. Гётцъ. Кіево-Печерскій монастырь, какъ культурный центръ домонгольской Россіи. Das Kiever Höhlen-Kloster, als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau, 1904. А. я.—22) Н. Е. Овчуковъ. Печорскія былинны. Спб. 1904. я. Ав—ва.—23) В. П. Соколовъ. Саратовскій Троицкій (Старый) соборъ. Краткій историческій очеркъ. Саратовъ, 1904. З.—24) А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ, 1904. В. Гр—снаго.—25) Археологическій кабинетъ императорскаго Варшавскаго университета. Историческій очеркъ. Составилъ профессоръ Федоръ Веряжковскій. Варшава, 1894. А. я.—26) П. Петрушевскій. Каникулярная поѣздка въ Святую Землю (1899 г.). Паломнический дневникъ. Кіевъ, 1904. с.—27) В. А. Исгоминъ. Всеобщая исторія. Выпускъ I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Изданіе комисіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904. и. Александрова.—28) Н. В. Шляковъ. Почему 1-го августа бываетъ крестный ходъ на воду? Спб. 1904. А. я.—29) П. Лоуэль. Душа Дальняго Востока. Переводъ съ англійскаго кн. А. О. Спб. 1904. и. Александрова.—30) Генрихъ Дюмоляръ. Японія въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Спб. 1904. я. Ав—ва.—31) Астонъ. Исторія японской литературы. Владивостокъ, 1904. б.—32) Комиссія по организаціи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Эпизодическія программы. Серия II. М. 1904. я. Ав—ва.—33) Książ Władysław Szcześniak. Obrządek słowiański w Polsce pierwotnej, rozważony w świetle dziejopisarstwa polskiego, 1904. (Кс. Владиславъ Щесникъ. Славянскій обрядъ въ первобытной Польшѣ въ освѣщеніи польской историографіи). Г. А. Воробьева.—34) А. Л. Погодинъ, профессоръ Варшавскаго университета. Боги и герои Эллады. Съ пятнадцатью рисунками. Спб. 1904. в. г.—35) Н. К. Рерихъ. «По старинкѣ». Спб. 1904. А. Фарасова.—36) Jan Sten. Pisarze Polscy. Wzrzenia literarskie. Lwów i Warszawa, 1904. А. и. Яцимирскаго.—37) І. Гобая. Столѣтіе Московской 1-й гимназіи. М. 1903. б.—38) С. Артоболовскій. Игнатій, архіепископъ воронежскій, и его пастырско-миссіонерская дѣятельность. Историко-біографическое изслѣдованіе. Уфа, 1904. с.—39) М. Я. Энгель. Русская Помпея (Херсонесъ-Таврическій). Очеркъ археологическихъ разслѣдованій. (Замѣтки и впечатлѣнія). Севастополь, 1904. в. г.—40) Д. Дорошенко. Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Спб. 1904. м. д. Ник—снаго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 354, 789, 1156

1) Заклинанія отъ болѣзней въ Вавилонѣ.—2) Римскія виллы во времена республики и имперіи.—3) Новая біографія Тициана.—4) Воспоминанія Кауница о Версальскомъ дворѣ.—5) Столѣтіе смерти герцога Энгіенскаго.—6) Французскій герой греческой войны за освобожденіе.—7) Англійская газета въ Парижѣ.—8) Последнія египетскія раскопки.—9) Византійская революція 1042 г.—10) Новыя свѣдѣнія объ убійствѣ Мональдески.—11) Воспоминанія восьмидесятилѣтней дипломатки.—12) Семинедѣльная война и битва при Садовѣ.—13) Смерть Мурада V, второй жены Криспи. сэра Вильяма Гарворта и Саксонскаго короля.—14) Лондонъ во времена Тюдоровъ.—

15) Люневильскій дворъ въ XVIII вѣкѣ.—16) Французы на берегахъ Огайо.—16) Дочь поэта Мюнти.—17) Зрѣлые годы Тэна.—18) Воспоминанія Жюльеты Аданъ.—19) Характеристика Теодора Рузвельта.—20) Смерть Бартольди, Поля де-Кассаньяка и Валлона.

СМѢСЬ 383, 814, 1186

1) Памятникъ Александру II въ Кіевѣ.—2) Въ защиту старины.—3) Раскопки въ Севастополѣ.—4) Иностранные археологи въ Кіевѣ.—5) Памятникъ императрицѣ Екатерицѣ II въ Вильнѣ.—6) Присужденіе награды графа Уварова.—7) Юбилей В. И. Жмакина.—8) Археологическое общество въ Москвѣ.—9) Архангельское епархіальное древлехраняище.—10) Раскопки на мѣстѣ Ольвин.—11) Присужденіе премій профессора А. А. Котляревскаго.—12) Юбилей В. П. Череванскаго.—13) С.-Петербургское археологическое общество.—14) Опять о «Гавриліадѣ».

НЕКРОЛОГИ 390, 827, 1193

1) Загоскинъ, М. В.—2) Лопухинъ, А. П.—3) Массенъ, В. Н.—4) Михайловскій, М. Н.—5) Нейдингъ, И. И.—6) Радичъ, В. А.—7) Рейтцъ, В. Н.—8) Свѣдомскій, П. А.—9) Уманецъ, А. А.—10) Хойнацкій, А. И.—11) Четыркинъ, Ѳ. В.—12) Яновскій, П. Я.—13) Варанецкій, П. В.—14) Вродскій.—15) Комаровъ, А. В.—16) Клейнъ, К. Ѳ.—17) Кюгельхенъ, П. К.—18) Ларошъ, Г. А.—19) Макаровъ, Н. И.—20) Минцловъ, Р. Р.—21) Бунаковъ, Н. Ѳ.—22) Горожанкинъ, И. Н.—23) Горскій-Платоновъ, П. И.—24) Капнистъ, П. А.—25) Максимовъ, Е. Я.—26) Семеновъ, Н. П.—27) Сизовъ, В. И.—28) Чернявскій, И. С.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 396, 1200

1) Русскія историческія могилы на Повонзковскомъ кладбищѣ въ Варшавѣ. Г. А. Воробьева.—2) Могилы декабристовъ. А. Ѳ. Кожевникова.—3) Поправка къ статьѣ В. Н. Литвинова: «Черезъ Бухару на Памиры».

Приложенія: 1) Портреты А. П. Рябушкина, А. В. Гурчина и С. Н. Шубинскаго.—2) Ифигенія. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. В. П. Буренина. Дѣйствія третье и четвертое. (Окончаніе).—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1904 годъ, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.—4). Обзоръ двадцати-пятилѣтъ «Историческаго Вѣстника» (при декабрской книжкѣ).

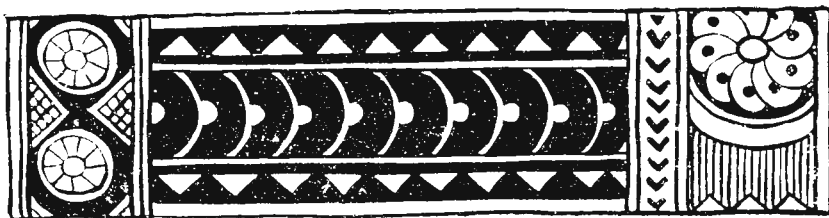
Объявленія.

АЛЕКСАНДРЪ ВИКЕНТЬЕВИЧЪ ГУРЧИНЪ.

ДОВ. ЦЕНЗ. 26 ОКТАБРЯ 1904 Г. СПБ.

СЕМЬ ИНСТАНЦІЙ.

I.

ВА ДОВОЛЬНО длинныхъ ряда хатъ, изъ коихъ одинъ, тянущійся надъ берегомъ узенькой рѣченки, въ которой съ апрѣля по октябрь обыкновенно не бываетъ ни капли воды, потому что она вся высыхаетъ, а другой, нѣсколько поодаль, параллельно первому, замыкающій собой небольшую полосу земли, именуемую улицей; расположившееся на высокомъ холмѣ кладбище, съ множествомъ деревянныхъ и каменныхъ крестовъ, свидѣтельствовало о давней и богатой населенности холма. Тутъ же деревянная церковь съ двумя зелеными куполами и сама зеленая, обнесенная досчатой оградой, тоже покрашенной въ зеленый цвѣтъ, а въ оградѣ, подъ навѣсомъ, на двухъ столбахъ пять колоколовъ различной величины, съ висящими отъ нихъ до земли и свободно развѣвающимися по вѣтру веревками для звонаря.

Если къ этому прибавить еще самый большой въ селѣ домъ, принадлежавшій высокому, длиннородому, ходившему въ длинномъ черномъ кафтанѣ, Абраму Моисеевичу Пуделю, домъ на два фасада, на одномъ изъ коихъ вывѣска оповѣщала, что здѣсь находится «питейный домъ, распивочно и на выносъ», а на другомъ просто стояло: «бакалея», если принять въ расчетъ стоявшую какъ разъ противъ Пуделева владѣнія обыкновенную хату съ зелеными ставнями и съ надписью: «волостное правленіе», да нѣсколько вишневыхъ садочковъ около мужицкихъ хатъ, то можно

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1904 г., т. XVIII.

уже составить довольно ясное представлѣніе о томъ пунктѣ на земномъ шарѣ, который носилъ громкое названіе «мѣстечка Березневатаго».

Исторія этого мѣстечка была покрыта мракомъ неизвѣстности. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что оно когда-то и при какихъ-то обстоятельствахъ получило свое начало. Но основатели его давно уже перемерли, а жившіе еще старики всегда помнили его «мѣстечкомъ» и совершенно такимъ, какимъ оно было.

Исторія не оставила и внѣшнихъ примѣтъ, по которымъ можно было бы прочитать что нибудь о прошломъ мѣстечка Березневатаго. Начать съ того, что ни въ самомъ мѣстечкѣ, ни въ его окрестностяхъ не было и признаковъ березняка и хотя бы одной березки. Кругомъ всюду на болотныхъ мѣстахъ и по берегамъ рѣчекъ росъ камышъ, и среди него попадалась верба. Кой-гдѣ можно было встрѣтить одинокій, точно забытый здѣсь кѣмъ-то, дубъ, но о томъ, чтобы здѣсь росла когда нибудь береза, никто не слышалъ.

Кругомъ была степь, перемѣшанная съ вспаханными нивами, во всей губерніи не было ни одного лѣска.

На краю мѣстечка высилась вѣтряная мельница съ широкими крыльями, принадлежавшая самому богатому мужику, онъ же и старшина,—Олексію Кудлѣ. Было въ мѣстечкѣ два общественныхъ колодца съ общественными же высокими одноногими журавлями, при помощи которыхъ обыватели доставали себѣ воду.

Все это было въ мѣстечкѣ Березневатомъ, но березняка, очевидно, давшаго ему названіе, нигдѣ не было, и никто его не видалъ.

Не было никакихъ признаковъ и того, чтобы жители мѣстечка Березневатаго когда нибудь принадлежали какому нибудь помѣщику. Въ такомъ случаѣ, при вѣздѣ въ село обыкновенно бываетъ большой садъ, большею частью запущенный, а при немъ, если и не въ цѣлости, то хоть въ остаткахъ какой нибудь затѣйливый каменный домъ съ колоннами, съ мезониномъ, съ вышкой, откуда въ прежнія идиллическія времена счастливые помѣщики наблюдали природу, съ полуразвалившейся бесѣдкой, гдѣ происходили деликатные, тонкіе помѣщичьи романы.

Ничего такого не было при вѣздѣ въ мѣстечко Березневатое. Оно начиналось прямо съ мужицкихъ хатъ, и не было въ немъ никакихъ остатковъ и никакихъ развалинъ.

Когда объ этомъ спрашивали стариковъ, они обыкновенно говорили:

— А Богъ его знаетъ! Березневатовцы съ давнихъ временъ вольные были. Только это мы и знаемъ, а больше ничего не знаемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ въ сосѣднихъ селеніяхъ остались еще довольно свѣжія, хотя и сумрачныя, воспоми-

нанія о временахъ жестокихъ и сохранилось множество рассказовъ о свирѣпостяхъ дореформеннаго времени, у березневатовцевъ никакихъ подобныхъ исторій не сохранилось.

Но дѣло въ томъ, что жители мѣстечка никогда не интересовались его исторіей, поэтому отсутствіе преданій не доставляло имъ ни малѣйшаго лишенія. Они жили себѣ изо дня въ день, изъ года въ годъ, а, можетъ быть, и изъ вѣка въ вѣкъ—рождались, выросли, брачились, размножались, молились Богу, платили соответственныя повинности, отпускали положенное число своихъ молодыхъ людей въ солдаты, а затѣмъ обязательно умирали и занимали потребное для вѣчности мѣсто на деревенскомъ кладбищѣ.

Общественная жизнь мѣстечка тоже шла по разъ заведенному порядку: въ извѣстные сроки выбирали старшину, сотскаго, десятскихъ, и нанимали писаря. Въ волости получались бумаги изъ уѣзда и даже изъ губерніи, и писались отвѣты въ уѣздъ и даже въ губернію. И тѣ и другія бумаги обыкновенно тратили очень много времени на путешествіе, находясь между мѣстечкомъ и городомъ по нѣскольку недѣль, но это никого не обижало, потому что не мѣшало жизни итти своимъ обычнымъ путемъ, да и некуда было торопиться ни бумагамъ, ни людямъ.

Такъ было до того времени, когда судьбѣ угодно было нарушить мирное теченіе жизни въ мѣстечкѣ Березневатомъ.

И случилось это оттого, что прежній писарь, прослужившій при волости добрыхъ лѣтъ пятнадцать и получавшій за свою службу по 180 рублей въ годъ съ квартирой при волости, вдругъ на старости лѣтъ соблазнился предложеніемъ какой-то другой волости, давшей ему на двадцать пять рублей больше, и перешелъ туда. Словомъ сказать, стараго писаря сосѣди переманили. Пришло на его мѣсто взять другого.

Безъ писаря волость не можетъ существовать ни одной недѣли. Съ одной стороны, писарь при волости полагается по закону, съ другой же, очень почтенный человѣкъ, Олексій Кудла, который съ давнихъ поръ былъ въ мѣстечкѣ старшиной, конечно, не станетъ менѣе почтеннымъ, если мы скажемъ, что онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, а на бумагахъ, вмѣсто своей подписи, прилагалъ печать, на которой было выгравировано: «старшина».

И оттого березневатовцамъ пришлось разыскивать писаря наскоро, во что бы то ни стало. А при такихъ условіяхъ, гдѣ ужъ тутъ думать о томъ, чтобы со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть человѣка?

Отъ этого и произошла такая исторія, что съ водвореніемъ новаго писаря кончилось въ мѣстечкѣ Березневатомъ мирное существованіе, и началась жизнь тревожная, полная заботъ иключеній.

Новый писарь именовался Фроломъ Ивановичемъ Козлицынымъ, но жители мѣстечка сразу стали называть его Хлорой Ива-

нычемъ, да вдобавокъ прозвали почему-то шпыняемъ. Значеніе этого послѣдняго слова никому въ мѣстечкѣ не было извѣстно, тѣмъ не менѣе всѣ нашли, что оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ качествамъ новаго писаря.

Человѣкъ это былъ не молодой, но и не старій. Знаніями и опытомъ онъ скорѣе былъ старій, а лицомъ больше подходилъ къ молодому.

На головѣ у него было еще довольно много волосъ, и онъ подстригалъ ихъ низко, какъ мальчикъ. На лицѣ никакихъ бороздъ и морщинъ не замѣчалось, сѣдыхъ волосъ тоже никто не видалъ у него. Впрочемъ, онъ съ лица своего все сбиривалъ, кромѣ своихъ усовъ, не большихъ, но совершенно черныхъ.

Глаза у него были маленькіе, крысиные и быстрые, въ нихъ много было ума и хитрости, а доброты было мало. Роста онъ былъ небольшого и худощавый, и чрезвычайно легкій на вѣсъ.

Прибывъ въ мѣстечко и занявъ помѣщеніе при волости, Козлицынъ первые дни весь погрузился въ чтеніе бумагъ, полученныхъ въ волости за время ея сиротства по части писаря, потомъ довольно долгое время посвятилъ отпискѣ по всѣмъ бумагамъ, и только, покончивъ съ этимъ, онъ сталъ изучать условія мѣстнаго быта.

И тутъ-то онъ очень скоро натолкнулся на нѣкоторыя обстоятельства, которыя поставили его втупикъ, и съ этого-то именно момента и завязался тотъ узелъ, который потомъ составилъ заботу березневатовцевъ на долгое время и нарушилъ мирное теченіе ихъ жизни.

Однажды, когда въ волостномъ правленіи находился старшина Олексій Кудла, послѣ того, какъ онъ уже приложилъ свою печать ко всѣмъ бумагамъ, подлежащимъ отправкѣ въ уѣздъ и въ губернію, Козлицынъ затѣялъ такой разговоръ.

— Позвольте у васъ, панъ старшина, спросить объясненія: на какомъ такомъ основаніи Березневатовое имѣетъ названіе мѣстечка, а не, скажемъ такъ, села или деревни?

Олексій Кудла, который, безъ сомнѣнія, никогда въ жизни не задавался такимъ вопросомъ, обратилъ въ его сторону глаза, выразившіе такую высокую степень непониманія, какъ будто бы Козлицынъ сказалъ ему это по-латыни. И это было его отвѣтомъ.

— Ну, да, само собою, вы, панъ старшина, не понимаете, почему я такъ спрашиваю, и вы не можете понимать этого, потому что дѣло это до чрезвычайности тонкое, — замѣтилъ писарь Козлицынъ.

— Дѣйствительно того... Какъ бы сказать... Въ толкъ не возьму, — чистосердечно сознался Олексій Кудла, который вообще отличался откровенностью и чистосердечіемъ.

Тогда Козлицынъ наконецъ открылъ ему свои карты.

— А вы, панъ старшина, слушайте и старайтесь понять, къ чему я говорю. Я говорю къ тому, что ежели Березневатое именуется мѣстечкомъ, то и права ему отъ этого должны выходить особенныя. Въ точности я не могу вамъ объяснить, какія именно права, а только знаю навѣрное, что права полагаются. Примѣрно скажемъ такъ: городъ, — такъ ему и права городскія, и жители его тѣми правами пользуются; мѣстечко, — ему свои права; село — опять особыя права, а деревня или тамъ хуторъ, такъ даже никакихъ правъ не полагается, а между прочимъ какъ по правамъ, такъ и платежи повинностей соотвѣтственно разные бываютъ. Въ городахъ платятъ много, это, то-есть, разныя подати, въ мѣстечкахъ меньше, а въ селеніяхъ еще меньше; вы это понимаете, панъ старшина?

— Это, положимъ, я понимаю, — отвѣтилъ Олексій Кудла.

— Такъ вотъ я и говорю: Березневатое платитъ повинности по мѣстечку, а права у него такія, какъ бы это было село. Понимаете, панъ старшина?

— Это выходитъ, что мы зря на податяхъ переплачиваемъ, такъ я это понял! — сообразилъ старшина.

— Да, именно, совершенно такъ: прямо таки зря. И, какъ видно, никакихъ и основаній нѣтъ, чтобы Березневатое считать мѣстечкомъ, и вышло это по какой-то ошибкѣ, либо по злобѣ чьейнибудь. Захотѣлъ ктонибудь нагадить Березневатому, вотъ и сдѣлали его мѣстечкомъ, а данныхъ никакихъ. Населенія у насъ едва-едва до шестисотъ душъ наберется. Церковь одна, деревянная, плохонькая, ни базаровъ, ни ярмарки нѣту. Всю торговую часть составляетъ одинъ Абрамъ Пудель. Какое же это мѣстечко? Почему оно мѣстечко?

Старшина Олексій Кудла рѣшительно не могъ отвѣтить на эти вопросы и потому молчалъ. Но писарю надо было во что бы то ни стало расшевелить его, и онъ продолжалъ.

— Я вамъ такъ скажу, панъ старшина, что, коли оно мѣстечко, такъ въ немъ долженъ жить по первому случаю урядникъ, а по второму — земскій докторъ, либо мировой судья. А чего имъ тутъ жить? Да имъ и дѣлать тутъ нечего. Э, да мало ли что? Будь оно мѣстечко по-настоящему, такъ, я вамъ скажу, панъ старшина, что и вы сами не волостнымъ бы старшиной были, а скажемъ такъ, старшина либо голова мѣстечка Березневатаго, а это совѣмъ другое дѣло, и вамъ бы въ награду дали не такую-вотъ бронзовую медаль, какую вы имѣете, а можетъ быть, какогонибудь Станислава либо Анну, словомъ, настоящій орденъ. Вотъ оно что!

Старшина Олексій Кудла смотрѣлъ на тонкоумнаго и краснорѣчиваго писаря и хлопалъ глазами. Вотъ такъ открытіе! Выходитъ, что березневатовцы каждый годъ переплачиваютъ подати, и

правда, подати у нихъ большія, гораздо больше, чѣмъ у всѣхъ сосѣднихъ селъ и волостей.

На это уже давно ворчали березневатовцы, да и ворчать имъ уже давно надоѣло, и они бросили.

Ну, тоже вотъ и это, насчетъ правъ: Богъ его знаетъ, какія тамъ права, на этотъ счетъ Козлицынъ выжрался неясно, а все-таки права.

Козлицынъ не сдѣлалъ никакого вывода изъ своихъ разсужденій, но они запали въ душу Олексія Кудды, и очень естественно, что онъ подѣлился ими съ земляками, разумѣется, съ болѣе почтенными, такъ какъ дѣлиться мнѣніемъ съ первымъ встрѣчнымъ не подходило къ его высокому званію. А отъ почтенныхъ перешло и ко всѣмъ остальнымъ, и недѣли черезъ двѣ уже все Березневатовое говорило объ открытіи, сдѣланномъ новымъ писаремъ.

Надо, однако, сказать, что сторона, касавшаяся правъ, очень мало задѣла березневатовцевъ. До сихъ поръ они были совершенно довольны своими правами, и никто изъ нихъ не пылалъ желаніемъ, чтобы у нихъ въ мѣстечкѣ поселился, на примѣръ, урядникъ подобное право они весьма охотно уступали другимъ.

Да и въ земскомъ докторѣ они не испытывали никакой надобности: старая баба Голубыха отлично справлялась со всякими недугами и при томъ, при помощи всего только одного и того же средства—миски чистой колодезной воды, надъ которой она произносила шопотомъ ей одной только извѣстныя, но чрезвычайно дѣлительныя слова, и тотъ, кому, по его судьбѣ, надлежало помереть, помиралъ такъ же исправно, какъ если бы его лѣчилъ самый ученый и самый дорогій докторъ, а не баба Голубыха, которая за свое искусство и трудъ получала всего-на-всего пару курныхъ яицъ и миску пшена.

На березневатовцевъ произвела сильное впечатлѣніе та часть открытія Козлицына, въ которой рѣчь шла о повинностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати имъ приходится платить больше, чѣмъ платятъ сосѣди—подгорѣловцы, малмыжны и другіе, тогда какъ ихъ мѣстечко Березневатовое, въ сущности, такое же село, какъ и тѣ.

И тогда стали поговаривать, что это дѣло такъ нельзя оставить, и что новый писарь, который придумалъ это, долженъ придумать и то, какимъ ходомъ надо пойти, чтобы доискаться настоящей правды.

Писарь же былъ человѣкъ основательный, и, въ качествѣ такового, онъ, конечно, прежде чѣмъ высказать свою мысль, хорошенько подумалъ и, разумѣется, зналъ, что нужно дѣлать.

— Хлопотать надо, міряне, вотъ что нужно! Ну, само собою разумѣется, съ толкомъ. Вотъ ежели съ толкомъ похлопотать, такъ глядите, и правда наружу проявится.

Съ этимъ всё, собственно говоря, были согласны. Хлопотать нужно, это что и говорить, и уже писарь знаетъ, какъ это дѣлается.

Но когда березневатовцы стали попристальнѣе обсуждать дѣло, то выяснилось, что у нихъ нѣтъ еще яснаго представленія о томъ, какой собственно правды они хотятъ добиться.

Жили они съ незапамятныхъ временъ, и предки ихъ жили. Худо ли, хорошо ли имъ было, а все-таки жили. А вдругъ, какъ правду-то настоящую имъ дадутъ, такъ и житья имъ не будетъ!

Правда, вѣдь она тоже разная бываетъ, и у правды вѣдь тоже два конца. А что, ежели послѣ того, какъ правду настоящую они себѣ исхлопочутъ, да у нихъ поселится урядникъ, да повернется правда-то къ уряднику гладкимъ концомъ, а къ нимъ, къ березневатовцамъ—острымъ? Такъ тогда ужъ лучше Богъ съ нею, и съ правдой-то.

И стали опять березневатовцы съ запросомъ къ писарю Козлицыну обращаться: ты намъ скажи, дескать, какой же мы правды искать должны.

На это имъ Козлицынъ отвѣчалъ разумно:

— Правды для васъ, міряне, можетъ быть двѣ: либо добиваться вамъ, чтобы по названію и по повинностямъ, какія вы платите, Березневатое на самомъ дѣлѣ въ мѣстечко было возведено...

— И тогда, стало быть, у насъ урядникъ станетъ жить?

— Обязательно. Потому, какъ права будутъ большія, то соотвѣтственно тому и урядникъ понадобится. Либо обратно: какъ по существу дѣла, Березневатое есть село, такъ чтобы оно и называлось селомъ, и повинности какъ отъ села, а не какъ отъ мѣстечка вамъ платить.

Березневатовцы и это обсудили. Само собою, сейчасъ же разбились на партіи. Одни говорили, что лестно оставаться мѣстечкомъ, и что, ежели они были до сихъ поръ мѣстечкомъ, то съ какой же стати имъ терять свои права и уменьшаться въ своемъ достоинствѣ? Тоже и насчетъ урядника полагали, что тогда въ Березневатомъ меньше воровства и дракъ будетъ.

Другіе же, у которыхъ хозяйство было скудно, находили, что лучше бы повинности сбавить, а тамъ — будетъ ли Березневатое село или мѣстечко, это имъ все равно.

И, такъ какъ партіи никоимъ образомъ не могли прійти къ одному мнѣнію, то и было рѣшено, что уже начальство само знаетъ, чѣмъ имъ быть—селомъ или мѣстечкомъ, а главное, чтобы настоящей правды добиться, и, значить, надо хлопотать.

И тогда пришли къ писарю Козлицыну и сказали ему:

— Хлопочи, панъ писарь.

И Козлицынъ, получивъ такое полномочіе, началъ дѣлать первые шаги.

II.

Первымъ дѣломъ надо было составить приговоръ. Міръ собрался во дворѣ «расправы», какъ называли въ Березневатомъ волостное правленіе, и на этотъ разъ вполнѣ единодушно рѣшилъ: хлопотать.

— Пусть объявятъ намъ, что же мы есть такое: село или мѣстечко. Вотъ и все.

Приговоръ былъ составленъ и подписанъ — кто какъ умѣлъ: кто буквами, а кто крестами, а старшина Олексій Кудла приложилъ свою печать.

Послѣ этого весь міръ отправился по сосѣдству въ строеніе, принадлежавшее Абраму Пуделю, съ того конца, гдѣ помѣщался питейный домъ, и выпили могорычъ.

Стояла лѣтняя пора. На нивахъ уже созрѣла пшеница, и надо было убирать ее. Но въ Березневатомъ по случаю такого важнаго шага самъ собою вышелъ праздникъ; благоразумные, разумѣется, выпили могорыча умѣренно и разошлись по домамъ, а многіе еще успѣли побывать и на нивѣ.

Но большинство засидѣлось у Абрамки, который, какъ всегда, былъ предупредителенъ и любезенъ и никому не отказывалъ въ угощеніи.

А къ вечеру произошло нѣсколько дракъ, и многіе міряне шатаясь ходили по улицѣ, размахивали руками и громко объявляли:

— Пускай намъ укажутъ правду, кто мы такіе есть: село или мѣстечко! Пускай намъ настоящую правду объявятъ!.. Вотъ оно что!

Такъ говорили мужики, а бабы, не принимавшія участія въ обсужденіи этого важнаго вопроса, возмущались. Имъ казалось, что это рѣшительно все равно, быть ли селомъ или мѣстечкомъ, въ особенности когда пьяные главы нѣкоторыхъ домовъ, придя къ себѣ, начали шумѣть и драться.

Но все равно: приговоръ состоялся, могорычъ былъ выпить, и Абрамка, согласно приговору міра, получилъ за него изъ какихъ-то общественныхъ суммъ.

А на другой день Козлицынъ сочинилъ бумагу и подписалъ ее, а также далъ Олексію Кудлѣ приложить свою печать, а затѣмъ отослалъ ее въ уѣздный городъ.

Бумага была длинная, вся исписанная крупнымъ, основательнымъ почеркомъ Козлицына, и, когда Козлицынъ прочиталъ ее Олексію Кудлѣ, то Кудла сказалъ себѣ:

— «Чортъ знаетъ, какой онъ умный, этотъ Козлицынъ! Такого наворотилъ, что тамъ, въ уѣздномъ городѣ, должно быть, будутъ два мѣсяца ломать головы, покамѣстъ раскусятъ, въ чемъ тутъ дѣло».

Самъ Олексій Кудла, надо сказать правду, такъ-таки и не раскусилъ длинной бумаги Козлицына и приложилъ свою печать на вѣру.

И бумага пошла, и березневатовцы стали ждать отвѣта.

Прошла недѣля и другая. Міряне захаживали въ расправу и спрашивали Козлицына.

— А что? не было ли отвѣта?..

Козлицынъ смотрѣлъ на нихъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и отвѣчалъ:

— Экой вы сѣрый народъ! Неужто вы думаете, что тамъ, въ уѣздномъ городѣ, только и есть дѣла, что Березневатовское. Да тамъ дѣлъ по горло, и при томъ надо вамъ знать, что всякая бумага должна пройти свой назначенный ей отъ Бога путь. Сперва къ регистратору, а регистраторъ ее запишетъ и номеръ на ней проставитъ, потомъ къ столоначальнику, а столоначальникъ тоже ее запишетъ и свой номеръ поставитъ, а дальше къ дѣлопроизводителю. А дѣлопроизводитель по ней докладъ составитъ и представитъ начальству, а начальство на ней резолюцію напишетъ и отправитъ ее въ архивъ для справки. А въ архивѣ всякая бумага должна обязательно полежать, ну, хоть съ недѣлю, чтобы она запылелась и поружѣла. Въ архивѣ сдѣлаютъ справку, и опять она вернется къ регистратору. А регистраторъ опять ее запишетъ, и новый номеръ на ней проставитъ. И тутъ она снова начнетъ ползти наверхъ черезъ столоначальника и дѣлопроизводителя, а въ это время къ ней прибавится другая бумажка, та самая, которую къ намъ пришлютъ, и онѣ вмѣстѣ, вдвоемъ, дойдутъ до самого начальника, и опять начальникъ свою резолюцію положитъ, и тогда она опять начнетъ спускаться внизъ, по той же лѣстницѣ. Начальникъ напишетъ: дѣлопроизводителю для надлежащаго распоряженія, а дѣлопроизводитель напишетъ: столоначальнику для надлежащаго исполненія, столоначальникъ отдастъ писцу, писецъ перепишетъ и принесетъ ее столоначальнику, столоначальникъ подпишетъ ее въ самомъ низу и понесетъ къ дѣлопроизводителю, дѣлопроизводитель подпишетъ ее повыше и отнесетъ къ самому начальнику, и начальникъ уже приложитъ свою руку на самомъ главномъ мѣстѣ.

— И тутъ, стало быть, конецъ?—сказали березневатовцы.

— Ну, нѣтъ, братъ, еще не конецъ. Потомъ эта бумага опять пойдетъ къ регистратору, и регистраторъ опять ее запишетъ и опять новый номеръ проставитъ.

— Да ужъ писалъ же онъ, два раза писалъ!

— Ахъ, какой вы сѣрый народъ, ничего не понимаете! Такъ тогда же она была бумага входящая, а теперь исходящая, какъ же вы не понимаете, сѣрый вы народъ? Входящая бумага—это одно, а исходящая—это совсѣмъ другое. Это—такая разница, какъ, ска-

жемъ, напрымѣрь, ты продалъ овса десять четвертей и получилъ за это тридцать рублей денегъ, и когда ты эти деньги кладешь въ карманъ, такъ это, стало быть, входящее. А когда ты пришелъ въ «расправу», да эти самыя деньги за земскія и другія повинности заплатилъ, такъ это уже выходитъ исходящее. Да... Такъ вотъ, значить, регистраторъ опять ее запишетъ, номеръ на ней исходящій проставить, и только тогда ей обратный ходъ начинается... Вотъ она, какая дорога-то назначена каждой бумагѣ!

— Не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ этой бумаги, — замѣтилъ одинъ изъ мірянъ.

— Хе! Не даромъ говорится: бумага, молъ, все терпитъ. Вотъ она и терпитъ, сердешная...

Прошло уже мѣсяца полтора, когда наконецъ стало извѣстно, что въ расправѣ получена бумага изъ уѣзднаго города.

Привезли ее ночью, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми важными бумагами, ужъ они непремѣнно норовятъ ночью прѣхать. Земскій почтарь неистово стучался въ окна и двери расправы, разбудилъ не только писаря, но и его жену и дѣтей и вручилъ ему длинный, казенный пакетъ, въ сѣрой казенной бумагѣ, съ сургучной казенной печатью.

Утромъ все Березневатое узнало, что писарь получилъ отвѣтную бумагу, и всѣ повалили въ расправу. Писарь вышелъ во дворъ, гдѣ обыкновенно собирался міръ, и многозначительно сказалъ:

— Есть бумага, есть.

— Такъ читай, коли есть, — сказали ему міряне.

— А само собою прочитаю. Только всѣ ли собрались? Весь ли міръ тутъ?

— Да ужъ весь ли, не весь ли, а читай; прочіе, которые не пришли, и такъ узнаютъ.

— Ну, пожалуй.

Писарь вернулся въ расправу, отперъ ящикъ стола, гдѣ у него хранились самыя важныя бумаги, вынулъ оттуда сѣрый пакетъ и вынесъ его во дворъ.

Міряне настроились: большой размѣръ пакета, сѣрый казенный цвѣтъ его, большая печать и важный видъ писаря Козлицына, все это вызывало въ нихъ особое настроеніе, какое бываетъ, когда выслушиваютъ приговоръ. Старики оперлись на палки, а молодежь постаралась придать своимъ лицамъ серіозное выраженіе.

Писарь вынулъ бумагу изъ пакета, развернулъ ее и громко, внушительно, съ значительными разстановками прочиталъ.

«Обществу мѣстечка Березневатаго. Отношеніе.

«Вслѣдствіе ходатайства означеннаго общества отъ іюня за номеромъ такимъ-то касательно обстоятельствъ наименованія Березневатаго мѣстечкомъ безъ пользованія жителями его правами, сопряженными съ таковымъ состояніемъ, въ связи съ размѣрами платежа

ими повинностей, какъ казенныхъ, такъ и земскихъ и другихъ сборовъ, канцелярія (тутъ слѣдовало длинное названіе казеннаго учрежденія) симъ считаетъ нужнымъ разъяснить, что по тщательно наведеннымъ справкамъ въ дѣлахъ оной канцеляріи никакихъ данныхъ для рѣшенія вышеуказаннаго ходатайства не оказалось, въ виду чего обществу мѣстечка Березневатаго надлежитъ съ указаннымъ ходатайствомъ обратиться въ губернскія учрежденія, о чемъ канцелярія и поставляетъ въ извѣстность названное общество. Начальникъ такой-то, столоначальникъ такой-то, письмоводитель такой-то».

Прослушавъ этотъ отвѣтъ, міряне стояли неподвижно въ тѣхъ самыхъ позахъ, въ какихъ слушали его.

Въ сущности никто ничего не понялъ, но всѣ чувствовали смыслъ, что дѣло не выгораетъ.

— Ну, вотъ вамъ и бумага, — сказалъ наконецъ писарь Козлицынъ.

— Бумага-то, оно, конечно, бумага и есть, — заговорили міряне. — Да только что же это обозначаетъ?

— А то и обозначаетъ, — пояснилъ писарь, — что надобно итти во вторую инстанцію.

— А что же это такое будетъ?

— А вы не знаете? Ну, и сѣрый же вы народъ! Это уже такъ заведено, что всякое дѣло должно проходить свои инстанціи, сперва меньшую, потомъ постарше, а тамъ, можетъ, и еще повыше. Ну, все одно, какъ ежели по лѣстницѣ человѣкъ поднимается, не можетъ же онъ сразу на самой верхней ступенькѣ оказаться, а долженъ сперва нижнія пройти, по порядку, ну, такъ вотъ и здѣсь...

— Такъ это, стало быть, такъ полагается?

— Обязательно. Безъ этого никакого дѣла не бываетъ.

— Ну, такъ, значить, подавай въ инстанцію, а мы опять ждатель будемъ.

Тогда писарь составилъ новую бумагу уже для губернскаго учрежденія. Онъ сильно понатужился, и бумага вышла вдвое длиннѣе, чѣмъ прежде. Да и стиль ея былъ болѣе многословный и закругленный.

И эта бумага была прочитана Олексію Кудлѣ, и онъ приложилъ къ ней свою печать.

Теперь уже міряне знали, какія многосложныя стадіи должна пройти каждая бумага, поэтому и не безпокоили писаря Козлицына своими разспросами, а терпѣливо ждали.

На нивѣ давно уже созрѣли всѣ хлѣба, ихъ сжали и скосили, кому что полагалось.

Около дворовъ позади хатъ появились почтенные желтые стога, а около нихъ, на землѣ, расчищенные и утопанные черные круги. Это были токи (гумна). На этихъ токахъ молотили хлѣбъ цѣпами,

а у кого его было много, тотъ просто накладывалъ на возъ камней и всякой всячины, запрягалъ лошадь и ѣздилъ, что было духу, по разложенной соломѣ. И это называлось «гармановать».

Да и эти работы кончились, хлѣбъ провѣяли, ссыпали въ амбары. Уже изъ баштановъ забрали всѣ арбузы и дыни, и тамъ остались дозрѣвать только дыни-зимовки, да огурцы, да тыквы, которыя не боятся никакого мороза и потому не торопятся. А бумага изъ губерніи все не приходила.

Но вотъ уже и на баштанахъ не осталось ни одного огурца и ни одной тыквы, и гудина ихъ давно почернѣла и сравнялась съ землей. Всѣ осеннія работы были окончены.

Быль канунъ праздника Покрова, послѣ котораго мужикъ забирался на печку и тамъ отдыхаетъ, поджаривая свои бока и животъ и спину, пока не будетъ пора ѣхать въ плавни—рѣзать да возить ко двору желтый камышъ, замѣняющій ему дрова для печки, черепицу и желѣзо для крыши и лозу для изгороди.

Но въ эту ночь, твердо знавшій свои обязанности, земскій почтарь опять сильнымъ стукомъ въ окна и двери разбудилъ писаря и всю его семью и подаль писарю казенный пакетъ, точь въ точь такой же, какой былъ и первый, и сказалъ:

— Казенное.

Писарь, несмотря на свое уваженіе ко всему казенному, обругалъ его, какъ могъ, и принялъ пакетъ.

На другой день рано служили обѣдню, и мужики, по случаю Покрова, молились Богу въ церкви. Писарь Козлицынъ тоже былъ здѣсь. На немъ былъ длинный черный сюртукъ, хотя и очень поношенный, но все еще торжественный. Въ рукахъ онъ держалъ фуражку съ темносинимъ околышемъ, на которомъ, какъ разъ надъ козырькомъ, явственно было выдавлено овальное мѣстечко, гдѣ прежде помѣщалась кокарда нѣкогого вѣдомства.

Это обстоятельство указывало на то, что въ прошломъ Козлицына былъ періодъ жизни, когда онъ былъ чиновникомъ, но затѣмъ очевидно произошли какія-то непреборимыя случайности, заставившія его снять кокарду.

Козлицынъ не только молился, но еще и пѣлъ на клиросѣ довольно благозвучнымъ теноромъ. Онъ зналъ церковную службу и на клиросѣ чувствовалъ себя, какъ дома.

И только, когда кончилась обѣдня, и всѣ вышли въ ограду, Козлицынъ, сходя съ церковной паперти по досчатымъ ступенямъ, взялъ подъ руку Олексія Кудлу и дружески сказалъ ему:

— Вы, панъ старшина, соберите сегодня въ расправу міръ. Я имъ прочитаю бумагу.

— А развѣ есть бумага?—спросилъ Олексій Кудла.

— А если бъ ея не было, какъ же бы я могъ прочитать ее? Сегодня ночью получилъ. Опять этотъ проклятый почтарь надѣ-

лалъ такого шуму, что моя жена и дѣти повскакивали съ постели, предполагая, что произошло Богъ знаетъ что. А оказалось—всего только казенная бумага.

— А что же тамъ пишутъ, въ бумагахъ? — полюбопытствовалъ Олексій Кудла.

— А вотъ, когда я ее вамъ прочитаю, тогда и узнаете.

Старшина Олексій Кудла былъ крайне заинтересованъ содержаніемъ казенной бумаги и сейчасъ же скомандовалъ всему міру итти въ расправу, и черезъ полчаса волостной дворъ былъ полонъ народомъ.

Писарь Козлицынъ остался въ томъ же черномъ сюртукѣ, но, такъ какъ онъ, выйдя изъ расправы, держалъ въ рукахъ сѣрый пакетъ съ большой красной печатью, то видъ у него былъ еще болѣе торжественный, чѣмъ въ церкви.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ,—и изъ губерніи бумага получена.

— Читай же, папъ писарь,—сказали ему міряне.—Коли получена, такъ и читай.

— И прочитаю. На то и бумага пишется, чтобъ ее читать.

И писарь вынулъ бумагу изъ конверта:

«Обществу мѣстечка Березневатаго. Отношеніе. Въ отвѣтъ на ходатайство общества мѣстечка Березневатаго отъ такого-то числа за номеромъ такимъ-то, канцелярія... симъ доводитъ до свѣдѣнія онаго общества, что по возбужденному имъ вопросу относительно состоянія мѣстечка Березневатаго въ таковомъ качествѣ въ канцеляріи... никакихъ свѣдѣній не имѣется, и таковыя свѣдѣнія могутъ быть даны лишь въ центральномъ учрежденіи, находящемся въ городѣ С.-Петербургѣ. Начальникъ такой-то, правитель канцеляріи такой-то, столоначальникъ такой-то, письмоводитель такой-то».

На этотъ разъ молчаніе, послѣдовавшее за чтеніемъ бумаги, было угрюмое, и у писаря, который почелъ своимъ долгомъ нарушить его, тонъ былъ не особенно увѣренный.

— Ну, вотъ, значитъ, и вторую инстанцію прошли,—сказалъ писарь Козлицынъ.

— Прошли-то оно, прошли, да только безъ всякаго толку!—замѣтилъ одинъ изъ мірянъ.

— Да какъ же безъ толку, почтенный ты человекъ! — возразилъ писарь Козлицынъ.—Толкъ есть и даже очень большой толкъ. Первое дѣло, что вторая инстанція пройдена, слѣдственно ее уже проходить не предстоитъ. А ты самъ видѣлъ, что это прохожденіе времени беретъ добрыхъ шесть недѣль, въ родѣ какъ постъ сорокадневный. А второе — теперь мы, стало быть, знаемъ, куда направить дѣло...

— А куда же?—спросилъ на этотъ разъ самъ старшина Олексій Кудла.

— Да не иначе, какъ въ самый столичный городъ Санкт-Петербургъ. Вотъ куда.

Березневатовцы медленно сняли шапки и также медленно почесали свои затылки.

— Такъ вѣдь это же Богъ знаетъ гдѣ! Вѣдь тамъ живутъ все такіе важные паны, что нашу бумагу и читать не станутъ,—замѣтилъ кто-то.

— Ну, нѣтъ, братъ. Станутъ!—мужественно выступилъ на защиту Петербурга писарь Козлицынъ:— тамъ всё бумаги читаютъ. Это такой городъ, что тамъ только и дѣлаютъ, что бумаги читаютъ, да отвѣты на нихъ пишутъ. Одни къ тому приставлены, чтобы читать, а другіе къ тому, чтобы писать. И такъ, братецъ ты мой, сдѣлано, что тѣ, которые читаютъ, не знаютъ ничего изъ того, что другіе пишутъ, а тѣ, которые пишутъ, ничего не знаютъ изъ того, что другіе читаютъ. Этимъ только и живутъ, что читаютъ да пишутъ. У меня, скажу я вамъ, почтенные міряне, въ Санкт-Петербургѣ имѣется пріятель, въ самомъ сенатѣ служить. Не велика онъ птица, скажемъ, всего только письмоводитель, а все же въ сенатѣ правительствующемъ, это чего нибудь стоитъ. Письмоводитель въ правительствующемъ сенатѣ, можетъ, больше означаетъ, нежели становой приставъ въ уѣздѣ. Вотъ оно что. Такъ этотъ пріятель мнѣ рассказывалъ, когда пріѣзжалъ въ наши мѣста, что тамъ, въ Санкт-Петербургѣ, однихъ чернилъ три тысячи ведеръ каждагодно потребляется, а бумаги такъ прямо миллионы стопъ, и даже счетъ имъ потеряли, а прямо на горы считаютъ. Такъ и говорятъ: тысяча, моль, горъ бумаги...

— Ну, коли говоришь, что прочитаютъ, такъ пиши... Пускай идетъ... Намъ истинная правда нужна, ну, такъ пусть...

И было рѣшено послать бумагу въ Петербургъ.

III.

Но у рѣшенія этого былъ чрезвычайно короткій вѣкъ. Оно просуществовало всего только нѣсколько часовъ.

Дѣло въ томъ, что у писаря Козлицына была голова дѣятельная и изобрѣтательная. Человѣкъ это былъ многое на своемъ вѣку испытавшій.

Образованія большого онъ не получилъ. Учился онъ когда-то въ уѣздномъ училищѣ и кончилъ его даже съ наградой — получилъ собраніе сочиненій поэта Жуковскаго, а дальше учиться не пошелъ по отсутствію средствъ къ жизни, но зато онъ сейчасъ же началъ служить.

Состоя въ самыхъ маленькихъ должностяхъ, онъ постоянно переходилъ изъ учрежденія въ учрежденіе. Безпокойный духъ его не могъ примириться съ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ. Все ему

казалось, что въ другомъ мѣстѣ лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ состоялъ. Но вездѣ оказывалось одинаково.

И такъ бродилъ онъ по провинціи, переходя изъ губернскаго города въ уѣздный и обратно.

Былъ у него и маленькій чинъ, дававшій ему право носить на фуражкѣ кокарду. Но случилось одно непріятное обстоятельство: состоя при учрежденіи, вѣдавшемъ новобранцевъ, онъ вмѣсто Никиты Иванова записалъ куда-то Петра Иванова, и по разслѣдованіи оказалось, что Никитѣ Иванову обошлось это не даромъ. Тутъ пришлось ему закончить свою чиновную карьеру и снять кокарду съ фуражки, оставшись только съ выдавленнымъ ею мѣстомъ.

Послѣ этого онъ долгое время шатался по губерніи, занимаясь ходатайствомъ большей частью по сомнительнымъ дѣламъ. Когда всѣ адвокаты отказывались, тогда шли къ нему, или, лучше сказать, онъ самъ тогда шелъ навстрѣчу такому дѣлу, и иногда ему выпадала удача. Но и тутъ произошло какое-то недоразумѣніе, и Козлицыну запретили ходатайствовать.

Тогда ему оставалось одно: пойти въ писаря, чтѣ онъ и сдѣлалъ.

Но и здѣсь безпокойный духъ его продолжалъ толкать его на неизвѣданные пути и заставилъ его сдѣлать открытіе насчетъ бытія Березневатаго мѣстечкомъ безъ осуществленія правъ, вытекающихъ изъ такового бытія.

Трудно сказать, какого блага для себя лично ожидалъ Козлицынь отъ разясненія этого вопроса. Можетъ быть, его глубокія познанія въ законахъ обѣщали ему улучшеніе и его собственнаго положенія послѣ разясненія этого вопроса. Можетъ быть, онъ зналъ, что возведеніе въ достоинство мѣстечка будетъ сопряжено съ прибавкой ему жалованья, или просто рассчитывалъ на благодарность соотечественниковъ. А, можетъ быть, это была просто не укротимая дѣятельность его безпокойнаго духа.

Но дѣло въ томъ, что послѣ бумага, полученной изъ губерніи, вдругъ открылся передъ нимъ новый горизонтъ, котораго онъ сразу даже не замѣтилъ.

Случилось это передъ вечеромъ въ тотъ же день, и онъ, пользуясь праздничнымъ днемъ, пошелъ въ гости къ старшинѣ Олексію Кудлѣ на самый край села, гдѣ стояли его хата и по сосѣдству на небольшомъ холмѣ вѣтряная мельница.

Олексій Кудла находился съ писаремъ Козлицынымъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ. Самъ онъ былъ мужикъ умный и оборотливый, но эти умъ и оборотливость были чисто мужицкіе и пригодны только для мужицкаго дѣла.

И свое мужицкое дѣло онъ велъ превосходно. Не довольствуясь надѣломъ, онъ арендовалъ ежегодно до сотни десятинъ земли и

дѣятельно обрабатывалъ ее. У него было десятокъ паръ воловъ, столько же коровъ, нѣсколько лошадей и нѣсколько сотенъ испанскихъ овецъ, да въ добавокъ ко всему — хорошо оборудованная вѣтряная мельница, которая обмалывала не только все Березневатое, но и окружавшіе его хутора.

Жилъ онъ, правда, по-мужицки, домъ его дѣлился на двѣ половины: хата, въ которой и варили и пекли, и держали новорожденныхъ телятъ и утокъ, и ѣли и спали; и горница — болѣе просторная, необыкновенно чистая, въ которой никто не жилъ, съ широкой кроватью, заваленной пуховыми подушками, на которыхъ никто не спалъ.

Эта горница предназначалась для парадныхъ случаевъ, въ ней принимали почетныхъ гостей, каковы — становой приставъ, когда онъ прїѣзжалъ, батюшка, писарь и другіе.

Добро Олексія Кудлы росло, и въ банкѣ, въ городѣ, ежегодно прибавлялось по тысячамъ на его счету, а жизнь его не мѣнялась, не являлось у него потребности ни въ большемъ и лучшемъ жильѣ, ни въ иной одеждѣ и пищѣ. Онъ продолжалъ жить по-крестьянски.

Разумѣется, его, какъ самаго богатаго, всегда выбирали старшиной, и служилъ онъ въ этой должности уже двѣнадцатый годъ и имѣлъ за это и похвальный листъ и медаль.

Но тутъ-то и сказалось, что превосходный умъ Олексія Кудлы для мужицкаго обихода совершенно не годился для дѣлъ бумажныхъ, формальныхъ и для сношенія съ начальствомъ. Въ этихъ случаяхъ Олексій Кудла терялся въ конецъ. Какъ ни не сложны были бумаги, получаемыя волостью отъ разныхъ начальственныхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе онъ никакъ не могъ научиться понимать ихъ.

Прочитаетъ ему писарь нѣсколько словъ: «принимая во вниманіе изложенное въ постановленіи такого-то засѣданія санитарной комиссіи и вслѣдствіе предположенія...» — и у Олексія Кудлы въ головѣ все перепутывалось и становилось вверхъ дномъ.

А прежній писарь, зная эту его слабость, любилъ еще потѣшиться надъ нимъ и всегда, прежде чѣмъ рассказать бумагу своими словами просто и ясно, обязательно заставлялъ его дослушать каждую бумагу до конца.

— Ты старайся раскусить, — говорилъ онъ при этомъ, — можетъ, когда nibудь и проглотить.

Козлицынъ держался другого образа дѣйствій. Онъ прямо передавалъ Олексію Кудлѣ содержаніе бумаги и, когда ему это казалось полезнымъ, иногда прибавлялъ и что nibудь отъ себя. До сихъ поръ впрочемъ отъ этого не произошло никакой бѣды. Олексій Кудла довѣрчиво прикладывалъ свою печатку ко всякой бумагѣ, написанной писаремъ Козлицынымъ, и управленіе волостью шло, какъ нельзя лучше.

И за все это Олексій Кудла уважалъ Козлицына и даже уже раза два почтилъ его присылкой отъ собственныхъ щедротъ мѣшка пшеничной муки и миски свѣжаго творога, а также посовѣтоваль ему купить корову, сказавъ, что она можетъ безпрепятственно пастись вмѣстѣ съ его коровами на его землѣ, а зимой жевать его сѣно.

Олексій Кудла привѣтствовалъ гостя.

— А, Хлора Ивановичъ, пожалуйста. Милости просимъ, будете гостемъ, да еще почетнымъ. Эй, жинка, вели-ка поставитъ самоваръ. Пожалуйста въ горницу, Хлора Ивановичъ.

Какъ почетнаго гостя, Козлицына повели въ горницу и зажгли въ ней керосиновую лампу. Козлицынъ сперва и довольно долго дѣлалъ видъ, что въ самомъ дѣлѣ пришелъ только въ гости, и бесѣдовалъ объ умолотѣ пшеницы и проса и о томъ, хорошо ли работаетъ мельница Олексія Кудлы.

А когда подали самоваръ и налили чай въ стаканы, онъ сказалъ:

— А мнѣ сегодня какая мысль пришла, панъ старшина, когда бы вы только знали!

— А вотъ когда скажете, Хлора Ивановичъ, тогда и узнаю,— совершенно резонно отвѣтилъ Олексій Кудла.

— Да ужъ скажу, не безъ того, чтобы не сказать. Вотъ рѣшилъ мнѣ, чтобы бумагу послать въ Санктъ-Петербургъ... Оно, конечно, отчего не послать бумагу? Можно и бумагу послать... Только это наврядъ ли будетъ съ пользой!

— Какъ такъ?—воскликнулъ Олексій Кудла, глубоко недоумѣвавшій.— Какъ же безъ бумаги? Развѣ можно хлопотать безъ бумаги?

— Да вы погодите, панъ старшина, вы не забѣгайте впередъ. Оно, конечно, безъ бумаги никакого дѣла не обходится, а только тутъ одной бумаги мало. Не понимаете?

— Нѣтъ, никакъ не могу этого понять. Ужъ вы будьте такіе добрые, объясните мнѣ, дураку.

— Ну, зачѣмъ такъ говорить, панъ старшина? Вы, панъ старшина, не дуракъ, о, далеко не дуракъ... Человѣкъ, у котораго есть такое хозяйство, да въ банкѣ лежитъ, пожалуй, тысячекъ десятковъ пять, не можетъ быть дуракомъ. Вы человѣкъ въ своемъ дѣлѣ умный, а только, конечно, что касается бумажнаго дѣла, тутъ вы, какъ бы сказать, не у себя...

— Вотъ именно, не у себя!—радостно подхватилъ Олексій Кудла,—это вы, панъ писарь, сказали такъ, какъ есть. Ну, такъ какъ же это безъ бумаги?

— А вотъ какъ: ходоконъ послать.

Олексій Кудла быстро поднялъ голову.

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1904 г., т. хсѣш.

— Ходоковъ? Вотъ такъ штука! Это за полторы тысячи верстъ? Да когда же они придутъ туда?

— Да ужъ если они будутъ пѣшкомъ итти, то само собою не скоро придутъ, но только теперь никто ужъ пѣшкомъ не ходигъ. До губернскаго города доѣхать на лошадахъ, а то и на волахъ, а тамъ сѣлъ на машину и на четвертый день въ самомъ городѣ Санктъ-Петербургѣ.

— Да что вы? Неужто на четвертый день?

— Повѣрьте, что такъ. Ужъ это я вѣрно знаю. Вѣдь у меня въ Санктъ-Петербургѣ пріятель живетъ, въ правительствующемъ сенатѣ служить. Такъ онъ пріѣзжалъ сюда и именно на четвертый день.

— Удивительно! Такъ это же скорѣе, чѣмъ птица. Вотъ никогда не случилось мнѣ на машинѣ ѣздить; ну, да ладно, положимъ; а кто же это такіе ходоками будутъ, и кто на это деньги дастъ? Вѣдь денегъ, я думаю, уйма понадобится?

— Ну, не такая уже уйма... Если два человѣка поѣдутъ, такъ имъ на двоихъ двѣсти рублей за глаза довольно.

— Двѣсти карбованцевъ... Это дѣйствительно не такое ужъ разореніе. А кто же имъ эти деньги дастъ?

— Да вотъ какъ это будетъ. Ежели, напримѣръ, скажемъ, въ ходоки вызовется самъ нашъ препочтенный старшина...

— Ой, куда мнѣ! Я въ жизни своей дальше губернскаго города не ѣздилъ!—воскликнулъ Олексій Кудла.

Писарь усмѣхнулся.

— Да вѣдь у всякаго человѣка есть такое время, когда онъ даже дальше порога собственной хаты не отлучался... А пану старшинѣ, первому человѣку на селѣ, да еще, можетъ, въ недолгомъ времени первому человѣку въ мѣстечкѣ, которое съ настоящими правами будетъ, не лишнее было бы свѣта повидать... Нѣтъ, вы только подумайте, панъ старшина, — продолжалъ съ нѣкоторою усидчивостью писарь Козлицынъ, замѣтивъ, что на Олексія Кудлу слова его производятъ ошеломляющее дѣйствіе:—вы только подумайте: весь міръ, всѣ міряне, народъ сѣрый, дальше своего угла ничего не видалъ. А будетъ между ними одинъ человѣкъ, который въ самомъ городѣ Санктъ-Петербургѣ побывалъ и важныхъ особъ видѣлъ и генераловъ разныхъ и митрополита, а, можетъ, и самого государя императора...

— Охъ, ты, Господи!.. И какъ это вы, панъ писарь, умѣете такъ говорить, что у человѣка дрожь по спинѣ пробѣгаетъ?—воскликнулъ Олексій Кудла, въ самомъ дѣлѣ потрясенный нарисованной писаремъ перспективой. А писарь не давалъ ему опомниться и продолжалъ:

— И опять же, что бы то ни было, какъ бы ни рѣшилось! дѣло, будетъ ли начальству угодно оставить Березневатое мѣстечкомъ съ правами или сдѣлать его селомъ съ меньшими повинностями, все же

всѣ будутъ знать, что произошло это по личному ходатайству не кого иного, какъ Олексія Кудлы. И кто же посмѣетъ тогда на новыхъ выбо рахъ заикнуться противъ Олексія Кудлы? Да и еще вамъ скажу, панъ старшина: Санктъ-Петербургъ уже такой городъ, что туда только показись, кому слѣдуетъ (разумѣется, надо знать, кому слѣдуетъ показаться), ну, и тамъ подсыпь малую толику,—такъ ужъ не иначе, какъ съ какой нибудь ленточкой либо крестикомъ уѣдешь, вотъ оно что...

Закончивъ столь сильнымъ доводомъ, писарь Козлицынъ откинулся на спинку стула и началъ прихлебывать чай изъ стакана съ такимъ невиннымъ видомъ, какъ будто ничего особеннаго и не сказалъ. А между тѣмъ слова его подняли въ душѣ Олексія Кудлы совсѣмъ новое чувство, какого онъ прежде не ощущалъ, это—тщеславіе.

Все, все въ этомъ планѣ обѣщало сытную пищу этому чувству, и даже вдругъ выползла наружу тайная мечта Олексія Кудлы, мечта, которой онъ никогда никому не открывалъ,—украсить свою одежду какимъ нибудь почетнымъ знакомъ.

Да, у него была медаль за три трехлѣтія безпорочнаго состоянія въ старшинахъ, но что такое медаль? или похвальный листъ, который у него есть?... Такія же медали и такіе же листы имѣются не только у многихъ старшинъ, которыхъ онъ знаетъ, но даже и у церковныхъ старостъ. А ему, богатому мужику, давно уже хотѣлось отличиться такъ, чтобы его нельзя было приравнять ни къ кому.

И вотъ этотъ сладкопѣвецъ, Хлора Ивановичъ, какъ разъ это самое сулитъ ему. Но вотъ Олексій Кудла очнулся отъ своихъ мыслей.

— Фу, ты!—воскликнулъ онъ и, вынувъ изъ-за пазухи цвѣтной платокъ, сталъ вытирать имъ потъ съ лица. — Взбрался на такую вышину, что даже страшно стало! И что это вы, панъ писарь, вздумали дурачить меня! Гдѣ жъ таки мнѣ, темному и даже неграмотному мужику, ѣхать въ такой городъ, гдѣ всѣ образованные да ученые?...

— Пойдите, панъ старшина,—спокойно остановилъ его писарь. — А я зачѣмъ же?

— Вы? А вы какъ же тутъ? При чемъ?..

— Да какъ же при чемъ? Я—писарь, и слѣдственно я долженъ быть при старшинѣ. Это неминуемо.

— То-есть я да вы?

— А само собою. Я же и говорю: два ходака, и на двоихъ даже сумму разсчиталъ. Я жъ это самое говорю... И при томъ у меня тамъ пріятель есть... Въ сенатѣ служить. Въ правительствующемъ сенатѣ, панъ старшина, а не гдѣ нибудь. Это что нибудь зна-

читать... Пріятель мой поможетъ намъ такъ наше дѣло оборудовать, что прямо, надо сказать, чертямъ тошно станеть.

Въ это время въ горницу вошла жена Олексія Кудлы, и старшина обратился къ ней шутивымъ тономъ.

— Слышишь, Явдоха, что такое говоритъ панъ писарь... Говоритъ онъ, чтобы мнѣ да ему ѣхать дорогами, чтобы хлопотать о мірскомъ дѣлѣ, въ самый Петербургъ.

Явдоха—рослая, красивая, величественная особа, замерла на мѣстѣ и вытаращила глаза на своего мужа.

— Что-то я даже не понимаю, что такое ты говоришь, Олексій. Куда тамъ ѣхать тебѣ?—сказала она.

— Да говорю же: въ самый Петербургъ, въ столицу...

— Не понимаю этого,—повторила Явдоха:—какого биса ты не видалъ тамъ, въ этой самой столицѣ!

— Но, нѣтъ, вы разберите это, Явдоха, вы обсудите,—вступился въ разговоръ панъ писарь и началъ изумленной Явдохѣ по порядку рассказывать всѣ свои соображенія и доводы. Онъ въ особенности напиралъ на возможность и даже необходимость Олексію получить совершенно необыкновенныя награды.

Явдоха слушала его, и на лицѣ ея не шевелился ни одинъ мускулъ.

— Такъ это все взаправду?—спросила она.

— А ужъ такъ... неминуемо!—отвѣтилъ писарь.

— И ты поѣдешь? Ты? Олексій?

— А что жъ такое? Возьму да и поѣду!—храбро отвѣтилъ панъ старшина.

— Нѣтъ, этого не будетъ,—рѣшительно сказала Явдоха.

— Нѣтъ, будетъ...—съ меньшей рѣшительностью промолвилъ Олексій.

— Такъ не будетъ же!

— А я говорю, что будетъ...—воскликнулъ Олексій и поднялся съ видомъ человѣка, готоваго всячески защищать свои права.

Тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Явдоха схватилась обѣими руками за голову и вдругъ взревѣла, да такимъ громкимъ и высокимъ голосомъ, какого Козлицынъ никогда еще въ жизни не слышалъ. Слезы градомъ лились изъ ея глазъ, и она причитала совершенно такъ, какъ дѣлаютъ это деревенскія бабы надъ покойниками.

Она взывала о томъ, что Олексій покидаетъ ее и дѣтей сиротами, что они остаются на произволъ воровъ, грабителей и всякихъ напастей, что всѣ будутъ ихъ обижать и т. п. Она металась по комнатѣ, и не было никакой возможности успокоить ее.

На крикъ ея сбѣжались дѣти, работникъ и работница.

Напрасно писарь утѣшалъ ее, отрицая все, что было имъ сказано съ такимъ убѣжденіемъ: ничто не помогало.

Тогда Олексій рѣшился на крайнее средство.

— Вотъ глупая баба!—воскликнулъ онъ и, подойдя къ Явдохѣ, показалъ ей свои огромные тяжеловѣсные кулаки.—Цыцъ!.. А нето... Поняла?

И только это крайнее средство подѣйствовало. Явдоха вдругъ замолкла и удалилась изъ горницы.

Тогда Олексій Кудла вдругъ расходился. Его словно что-то раскачало.

— Ахъ, глупая баба! Вотъ и не хотѣлъ ѣхать (ему теперь казалось, что онъ не хотѣлъ), а теперь вотъ возьму да и поѣду. На зло ей поѣду. Чтобы глупая баба мною командовала? Ну, нѣтъ же! Вотъ возьму и поѣду, не только что въ Петербургъ, а къ самому чорту на рога поѣду. Орудуйте, панъ писарь. Пусть мѣръ приговорить,—я поѣду.

Такимъ образомъ писарь совершенно неожиданно для себя пашель себѣ союзницу въ лицѣ Явдохи. Онъ зналъ, что Олексій Кудла въ подобныхъ дѣлахъ крѣпокъ и словъ на вѣтеръ не пускаетъ. Изъ него надо было только выдавить это слово: «поѣду», а ужъ разъ онъ его сказалъ, никакія соображенія не заставятъ его взять обратно.

И писарь Козлицынъ, торопливо распроставшись съ Олексіемъ Кудлой, пошелъ домой, но по дорогѣ повидался кой съ кѣмъ изъ мужиковъ,—словомъ, онъ уже началъ орудовать.

Когда писарь ушелъ, и Олексій Кудла остался одинъ, когда потомъ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Явдохой, которая даже не хотѣла смотрѣть на него, а сейчасъ же отвернула лицо въ сторону, когда затѣмъ онъ лежалъ въ постели, не будучи въ состояніи сомкнуть глазъ, и когда, наконецъ, всталъ на другой день утромъ,—Олексій Кудла при мысли о томъ, что онъ самъ собственными устами изрекъ такое ни съ чѣмъ не сообразное рѣшеніе, ощущалъ невыразимый внутренній трепеть.

— «И куда это меня понесетъ нечистая сила?—спрашивалъ онъ себя.—Жиль, жиль человекъ, какъ человекъ, и добро его умножалось, и всѣ его уважали, и никакихъ такихъ бѣсовскихъ мыслей не приходило ему въ голову, и вдругъ— на тебѣ! Ёхать за полторы тысячи верстъ ему, хозяину, у котораго на рукахъ десять паръ воловъ, столько же коровъ, десятокъ коней да сотенъ шесть овецъ, да мельница,—да что же со всѣмъ этимъ станется?... На чьихъ же рукахъ будетъ все это добро? Ужъ не на Явдохиныхъ ли? Да она при первомъ же несчастіи, вмѣсто того, чтобы раскинуть умомъ, распустить нюни и поднять вой на всю деревню. Охъ, ты, Господи! Пришла же охота нечистому бѣсу попутать ни въ чемъ неповиннаго человекъ. И это все писарь Козлицынъ, Хлора проклятый, шпыняй... Ужъ не даромъ назвали его шпыняемъ».

Но это были лишь разсужденія, а когда дѣло касалось рѣшенія, то Олексій Кудла не могъ допустить и мысли, что онъ поступитъ не такъ, какъ сказалъ.

Въ этомъ съ виду безобидномъ и спокойномъ человѣкѣ сидѣлъ упрямый запорожецъ, который несомнѣнно былъ его отдаленнымъ предкомъ. Особенно укрѣпляло его въ рѣшеніи то обстоятельство, что малѣйшее отступленіе было бы уступкой бабѣ, которая вздумала своими причитаніями разжалобить его.

Въ его отношеніи къ Явдохѣ было что-то непостижимое. Онъ любилъ свою жену и всегда оказывалъ ей снисхожденіе и почтеніе, но рѣшительно не могъ допустить мысли, что она имъ управляетъ. И во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можно было подозрѣвать это, онъ обязательно поступалъ напротивъ, хотя бы это было и противъ себя и даже противъ своей пользы.

Эта поѣздка на машинѣ въ невѣдомый далекій край, въ какой-то огромный городъ, который представлялся ему Вавилономъ въ тотъ моментъ, когда Господь Богъ смѣшалъ тамъ языки, городъ, кишачій народомъ, гдѣ всѣ толкаются, наступаютъ другъ на друга, давятъ другъ друга лошадьми, экипажами, машинами, все это казалось ему какой-то бездонной пропастью, темной, мрачной бездною, въ которую влечетъ его неудержимо вражеская сила.

И, тѣмъ не менѣе, онъ не допускалъ и мысли, чтобы отказаться отъ этой поѣздки; онъ поѣдетъ; писарь Козлицынъ будетъ съ нимъ и не дастъ его въ обиду. Писарь Козлицынъ человѣкъ бывалый, онъ нигдѣ не потеряется.

Правда, ѣдетъ Козлицынъ на его счетъ, у самого его ни копейки за душой нѣтъ, ну, да ужъ куда ни шло, надо потратиться. Зато ужъ дѣйствительно про него, про Олексія Кудлу, никто не будетъ имѣть права сказать, что онъ какойнибудь сѣрый простачекъ, про него стануть говорить, что онъ и въ столицахъ бывалъ и настоящихъ людей видывалъ.

А со стороны писаря Козлицына шла уже дѣятельная агитація. Въ мѣстечкѣ у него была своего рода партія—это десятокъ мужиковъ, которые ему сильно благопріятствовали, имъ-то Козлицынъ и повѣдалъ свой планъ, и они ходили по деревнѣ и выражали мнѣніе, что другого пути и вовсе нѣтъ, какъ только послать ходоковъ, и ужъ само собой разумѣется, что единственнымъ ходокомъ можетъ быть только старшина Олексій Кудла. Кому же другому? Ни у кого другого и денегъ такихъ нѣтъ, чтобы двинуться въ такой дальній путь. Объ общественныхъ деньгахъ и думать нечего. Ту малость, какая была въ общественной кассѣ, недавно мужики употребили на могорычъ, заплативъ ее всю сполна Абрамкѣ Пуделю.

Ну, а ужъ Олексію Кудлѣ на подмогу обязательно надо дать писаря; безъ писаря тамъ никакого дѣла не выгоритъ, ни до какого мѣста онъ не дойдетъ.

Благопріятствующіе Козлицыну мужики были необыкновенно краснорѣчивы. Они, что называется, старались во всю и добились

того, что, когда былъ назначенъ сходъ, всѣ уже были убѣждены въ неизбежности единственнаго пути: послать ходоковъ, и въ томъ, что такими ходоками будутъ Олексій Кудла и писарь Козлицынъ.

Посылка ходоковъ не представлялась мірянамъ явленіемъ небывалымъ. Правда, такая экстренная и дорогая мѣра принималась не часто, а въ Березневатомъ даже никто не помнилъ такого примѣра, но изъ другихъ мѣстъ слухи доходили, что ходокамъ случалось ходить въ Москву и даже добираться до Петербурга.

И вотъ собрался міръ и безъ всякихъ споровъ, безъ малѣйшихъ колебаній, рѣшилъ послать ходоковъ и выбралъ Олексія Кудлу и писаря.

Безъ сомнѣнія, на такое единодушное рѣшеніе сильно повліяло то обстоятельство, что Олексій Кудла не только ѣхалъ самъ на свой коштъ, но бралъ на свое иждивеніе и писаря. Мѣстечко собственно ничѣмъ не рисковало. Правда, ему предстояло на нѣкоторое время оставаться безъ властей, ну, да «Богъ не попуститъ—свинья не съѣстъ»...

Тогда въ домѣ Олексія Кудлы вдругъ водворилось какое-то торжественное настроеніе. Явдоха примирилась съ неизбежностью и не только уже не противодействовала, а даже способствовала своему мужу наилучшимъ образомъ снарядиться въ путешествіе. Она собирала ему бѣлье и разныя другія вещи. Было рѣшено, что Олексій сниметъ свои широкіе шаровары и деревенскій кафтанъ и надѣнетъ толстую пиджачную одежду, которая у него имѣлась, и новый дубленый полушубокъ, крытый сукномъ.

Что касается писаря Козлицына, то ему рѣшительно нечего было собираться: жилъ онъ чрезвычайно скудно, и у него никакихъ лишнихъ вещей не было. Онъ заключился въ свой черный сюртукъ, тотъ самый, въ которомъ пѣлъ на клиросѣ, и рѣшилъ въ немъ совершать путешествіе и въ немъ же являться во всѣ казенныя мѣста, куда понадобится.

Былъ назначенъ день отъѣзда, и наканунѣ этого дня Олексій Кудла смазалъ свои волосы коровьимъ масломъ, гладко зачесалъ ихъ и, такимъ образомъ, приобрѣтя весьма благообразный видъ, отправился къ мѣстному батюшкѣ.

Батюшка былъ старій, древній на приходѣ въ Березневатомъ. Онъ вѣнчалъ Олексія Кудлу съ Явдохой и крестилъ всѣхъ его дѣтей. Онъ же былъ свидѣтелемъ исторіи его возвышенія среди обывателей мѣстечка Березневатаго. Всѣ новыя постройки, являвшіяся вслѣдствіе расширенія хозяйства Кудлы, батюшка освящалъ молебствіемъ и кропленіемъ святой водой.

Ежегодно весной передъ тѣмъ, когда овцы Кудлы съ зимняго довольствія переходили на подножный кормъ, батюшку приглашали въ «отару», и онъ благословлялъ ее. Онъ же святилъ и мельницу, когда она была построена.

Само собою разумѣется, что и со стороны Олексія Кудлы батюшка пользовался всевозможными даяніями, гораздо большими, чѣмъ со стороны всѣхъ другихъ прихожанъ. И вотъ Олексій Кудла явился къ батюшкѣ.

— А, почтенный панъ старшина!—воскликнулъ батюшка при его появленіи:—слыхалъ, слыхалъ про ваши мірскія дѣла... Чудеса у васъ творятся, прямо чудеса! Ну, садись, рассказывай.

Олексій Кудла сѣлъ и нѣкоторое время помялся и помолчалъ.

— Вотъ пришелъ къ вамъ, батюшка, благословенія просить. Ходокомъ їду... Такъ ужъ будьте такіе добрые, отслужите молебствіе напутственное о благополучномъ путешествіи... Ужъ не откажите, батюшка.

Батюшка внимательно посмотрѣлъ на него и покачалъ головой.

— Видишь, Олексій, вотъ что я тебѣ скажу. Когда прихожанинъ, да такой почтенный, какъ ты, желаетъ путешествовать и просить благословенія, я не имѣю права и не могу отказать ему въ томъ. На то я есть пастырь и молитвенникъ, и тебѣ, само собой, не откажу,—будемъ молебствовать. Но, какъ человѣкъ, къ тебѣ расположенный, скажу: глупость ты это затѣялъ.

— Да вѣдь, батюшка, это міръ меня посылаетъ...—весьма неувѣренно возразилъ Кудла.

— Ну, вотъ еще—міръ! Будто я не знаю, что такое вашъ міръ. И какъ это міръ могъ бы послать такого хозяина, какъ Олексій Кудла? Я у васъ на приходѣ много лѣтъ и порядокъ вашъ знаю. Захотѣлъ Олексій Кудла, чтобы міръ его послалъ, вотъ міръ и послалъ. И чего вы только добиваетесь, не пойму я!

— Да вотъ, значить, чтобы настоящая правда была. Уже чтобы одно, значить: мѣстечко мы или село,—отвѣтилъ Олексій, видимо цитируя то объясненіе, которое повторяли всѣ.

Батюшка отечески усмѣхнулся.

— Очень вамъ нужна эта правда... Жили, жили безъ этой правды, и вдругъ не въ моготу стало... Ну, однако, я не вмѣшиваюсь. Говорю: глупость дѣлаешь. И это мое мнѣніе, а тамъ какъ хочешь. Когда молебствовать будемъ?

— Да ужъ завтра утречкомъ, батюшка... А послѣ обѣда выѣдемъ.

— Хорошо. А скажи, Олексій, много ли денегъ берешь съ собой?

— Да думаю триста карбованцевъ взять.

— Гм... Триста карбованцевъ... Ну, а я тебѣ скажу: бери тысячу... А ежели и двѣ возьмешь, такъ и то не ошибешься.

— Охъ, батюшка, да какъ же это можно?—воскликнулъ Олексій Кудла, и лицо его приняло испуганно-огорченное выраженіе:—панъ писарь высчиталъ, что двѣсти карбованцевъ на двоихъ за глаза довольно.

— Панъ писарь высчиталъ правильно: за глаза довольно! А вотъ въ глаза... Такъ неизвѣстно, чего твои глаза пожелаютъ, когда сами увидятъ... Ну, это не мое дѣло... Такъ завтра утречкомъ молебствовать будемъ.

И батюшка отпустилъ Олексія Кудлу. И вышелъ панъ старшина отъ батюшки, какъ въ воду опущенный.

Вѣдь вотъ, что говоритъ батюшка! А онъ знаетъ, онъ—человѣкъ понимающій, не даромъ прожилъ на свѣтѣ шестьдесятъ лѣтъ.

Э, да что батюшка!.. Что онъ говоритъ тамъ, это не такъ важно. Главное, что и самъ Олексій Кудла точно также думаетъ,—ни на минуту не сомнѣвается онъ въ томъ, что дѣлаетъ величайшую глупость, и что вся эта затѣя «съ настоящей правдой» тоже глупость. И послѣ этого, въ то же время Олексій Кудла отлично знаетъ, что онъ эту глупость сдѣлаетъ, непремѣнно сдѣлаетъ и не можетъ не сдѣлать, потому что такъ уже сказалъ и объявилъ всѣмъ. А пусть-ка попробуетъ онъ не сдѣлать, такъ тогда Явдоха сейчасъ же подыметъ голову и задеретъ носъ такъ высоко, что его и не достанешь: ага,—скажетъ она,—такъ вышло по-моему!—Нѣтъ ужъ, пусть тамъ будетъ глупость и разглупость, а должно выйти по его, по Олексіеву.

Вотъ только насчетъ тысячи карбованцевъ, а то и двухъ—это ужъ батюшка хватилъ черезъ край! Куда ему тратить такія деньги? Чего тамъ такого глаза его могутъ пожелать? Мало ли чего есть хорошаго на свѣтѣ, всего не закупишь, такъ, значитъ, нечего и соваться. Нѣтъ, это ужъ батюшка того... Просто такъ, напугать хотѣлъ.

Но, такъ какъ эти слова батюшки заронили въ душу Олексія Кудлы сомнѣніе, то онъ по дорогѣ завернулъ въ расправу и зашелъ на минутку къ писарю Козлицыну.

— А я былъ у батюшки,—сказалъ онъ,—насчетъ молебствія напутственнаго, чтобы завтра утречкомъ отслужить.

— А это хорошо, панъ старшина, это полезно,—замѣтилъ писарь.

— А вы, панъ писарь, уже готовы? Это чтобы за вами остановки не было...

— За мной? Ну, вотъ сказали... Я, можно сказать, уже въ день рожденія былъ готовъ... Потому вотъ, какъ стою передъ вами, такъ и поѣду; я человѣкъ легкій, панъ старшина.

Тутъ Олексій Кудла нашелъ наконецъ своевременнымъ подѣлиться съ нимъ своими сомнѣніями.

— А что такое батюшка говоритъ, когда бъ вы знали, панъ писарь! Хотя, говоритъ, двухсотъ карбованцевъ и довольно, а все же, говоритъ, тысячу бери, а то и двѣ.

— Да оно можно и десяти тысячамъ найти мѣсто. Въ Санктъ-Петербургѣ довольно есть всякихъ дорогихъ вещей, и ежели вы,

панъ старшина, собираетесь, скажемъ такъ, супругѣ вашей да дочери брилліантовыя серьги да броши въ подарокъ покупать, такъ берите съ собой и всѣ двадцать, и то будетъ маловато.

— Вотъ, вотъ, я такъ и сказалъ батюшкѣ...—значительно успокоившись, промолвилъ Олексій Кудла и затѣмъ, пригласивъ писаря присутствовать завтра утромъ на молебствіи, ушелъ домой.

А на другой день утромъ отперли церковь и зажгли въ ней множество свѣчей и лампадъ. И еще старшина и писарь—виновники торжества—не пришли, а народу уже собралось половина церкви. Всѣмъ хотѣлось присутствовать при напутственномъ молебствіи ходакамъ.

Явились и Олексій Кудла и писарь Козлицынъ. Началось молебствіе. Козлицынъ стоялъ на клиросѣ и пѣлъ, и его тонкій теноръ звучалъ необыкновенно весело. Видно было, что его спокойный духъ, постоянно жаждавшій перемѣнъ и движенія, былъ чрезвычайно доволенъ предстоящимъ путешествіемъ.

Была тутъ и Явдоха. Она стояла въ самомъ дальнемъ углу церкви и очень усердно молилась. Все совершалось противъ ея убѣжденія и желанія, вся она была противъ этого путешествія, но все равно, это совершается и совершится, такъ ужъ надо молиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, совершилось благополучно, чтобы мужъ ея и отецъ ея дѣтей и волостной старшина вернулся оттуда, изъ этой проклятой неизвѣстности, цѣлымъ и невредимымъ. И она объ этомъ молилась.

Молебствіе кончилось. Дьячокъ и писарь пропѣли послѣднее «аминь».

Тогда старый батюшка вышелъ изъ алтаря, повернулся лицомъ къ народу и сказалъ «слово».

Въ этомъ «словѣ» старый батюшка сумѣлъ отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ личныхъ мнѣній и ни однимъ словомъ не обмолвился въ томъ смыслѣ, какъ говорилъ съ Олексіемъ Кудлой вчера. То была ихъ частная бесѣда, а нынче передъ нимъ стоялъ «міръ», общество, котораго Олексій Кудла былъ главой. Поэтому батюшка говорилъ такъ, какъ бы это было уже дѣломъ рѣшеннымъ, что путешествіе необходимо для общей пользы.

Онъ говорилъ о лукавомъ врагѣ рода человѣческаго, который и вообще не дремлетъ, а особенно бодрствуетъ, когда человѣкъ находится внѣ обычной своей обстановки и вдали отъ родного дома. Тогда-то именно человѣкъ бываетъ болѣе слабъ духомъ и болѣе доступенъ его навѣтамъ. Повсюду тысячи соблазновъ и обольщеній, и нѣтъ для него опоры въ своей семьѣ, въ своей приходской церкви, у своего пастыря. Человѣкъ въ путешествіи подобенъ есть овцѣ, которая отдѣлилась отъ своего стада и идетъ черезъ степи и лѣса одна, открытая всякимъ случайностямъ и доступная нападенію враговъ. Нигдѣ нѣтъ крова, чтобы укрыться, а пастухъ далеко и

не услышитъ ея вопля. И одно надлежитъ ей для своего спасенія: стремиться какъ можно скорѣе вернуться къ своему стаду, подъ сѣнь своего пастыря. «Такъ и мы скажемъ нашимъ странникамъ,— закончилъ батюшка:—странствуйте безболѣзненно, непостыдно и мирно, обрѣтите желательное удовлетвореніе вашимъ исканіямъ, но главное: непрестанно тщитесь скоро вернуться въ предѣлы родной веси, къ своимъ семьямъ, къ своему стаду, подъ сѣнь своего пастыря. Аминь».

«Слово» было трогательное, и многія изъ бабъ плакали, а Олексій Кудла стоялъ съ опущенной головой, съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ въ чемъ-то виноватъ.

«Слово» кончилось, всѣ поцѣловали крестъ и стали расходиться. Вышли и путешественники.

Прошло еще нѣсколько часовъ, и наступилъ моментъ прощанія. Уже около воротъ Олексіевой хаты стоялъ возокъ, запряженный парой низкорослыхъ, но крѣпкихъ коней. Хотя на дворѣ было еще не холодно, но въ виду путешествія въ холодную страну Олексій Кудла надѣлъ свой дубленый полушубокъ.

Въ возкѣ уже лежалъ изрядный узелокъ, въ которомъ половина была занята запасной одеждой, а другая половина напичкана пирогами, жареными курами, сушеной рыбой, соленымъ саломъ и всѣмъ, что только могла предусмотрѣть Явдоха, та самая Явдоха, которая была и горячеей противницей и невольной виновницей самаго путешествія.

Олексій перекрестился на образа, попрощался со своими дѣтьми, наконецъ обратился къ Явдохѣ.

— Ну, Явдоха, прощай же. Смотри тутъ за порядкомъ.. Теперь ты будешь хозяйкой!—сказалъ Олексій и обнялъ Явдоху.

Тутъ-то и обнаружилось, что Явдоха совѣмъ ужъ не такая нюня, какъ онъ думалъ. Поѣздка Олексія потрясала ее, и, конечно, никому такъ не хотѣлось и не было причины плакать, какъ ей; но она знала, что это будетъ противно Олексію, что это отравитъ минуты прощанія. Она еще, кромѣ всего этого, знала, что Олексій такъ же точно, какъ и она, не хочетъ этой поѣздки, и что онъ по этому поводу вдвойнѣ страдаетъ, что заставляетъ его ѣхать одно неукротимое упорство, и Явдоха взяла себя въ руки и запретила своимъ глазамъ плакать, и они не плакали.

— Да ужъ буду,—сказала она въ отвѣтъ на его рѣчи.—Ужъ похозяйствую какънибудь...

А когда Олексій вышелъ за ворота, тамъ уже стоялъ писарь Козлицынъ въ дорожномъ видѣ. Онъ былъ въ томъ самомъ черномъ сюртукѣ, въ которомъ утромъ такъ весело пѣлъ въ церкви, но поверхъ сюртука была надѣта еще длинная крылатка съ пелеринкой изъ какой-то необыкновенной матеріи цвѣта голубинаго крыла. А изъ-подъ нея виднѣлся висѣвшій черезъ плечо на ремешкѣ маленькій саквояжъ.

— Вотъ вы какъ, панъ писарь!—сказалъ Олексій Кудла, взглянувъ на него.

— А такъ... Что жъ... Штука хорошая,—прибавилъ писарь, указывая на свою крылатку:—воды не боится и въ огнѣ не горитъ... Саламандра...

— А гдѣ же вашъ узелокъ, панъ писарь?—спросила Явдоха.

— Ха, ха!—весело разсмѣялся писарь Козлицынъ:—а вы спросите, Явдоха, вонъ у той птицы, что летитъ надъ вашей головой, гдѣ ея узелокъ?... Ну, такъ и мой тамъ же, гдѣ и ея.

Они сѣли въ возокъ, пара коней тронула, и возокъ загудѣлъ по твердой утопанной деревенской дорогѣ.

Явдоха и ея дѣти и десятка два собравшихся для проводъ мужиковъ и бабъ долго стояли за воротами и смотрѣли вслѣдъ отъѣхавшимъ ходокамъ. А тѣ удалялись все больше и больше, и гулъ отъ колесъ возка становился все менѣе и менѣе слышенъ.

И странное дѣло! Олексій Кудла, очень хорошо знавшій о томъ, что нѣсколько десятковъ глазъ смотрятъ ему вслѣдъ, ни разу не оглянулся, пока возокъ совсѣмъ не скрылся за холмомъ.

Путники довольно долго молчали. Впрочемъ Олексій не могъ поручиться за то, что писарь не говорилъ чтонибудь. Хотя они сидѣли бокъ о бокъ, но Олексій Кудла до того былъ погруженъ въ свои странныя ощущенія, что если бы Козлицынъ сказалъ цѣлую проповѣдь, то онъ навѣрно не услышалъ бы изъ нея ни одного слова.

Да, странныя у него были ощущенія. Незвѣстно почему, онъ думалъ о быкѣ, который вчера еще пасся на зеленомъ лугу, наслаждался свѣжимъ воздухомъ поля и теплыми лучами солнца и не думалъ—не гадалъ, что его ожидаетъ. И вдругъ на его рога накинута петля и ведутъ его Богъ вѣдаетъ куда. Онъ не знаетъ еще, куда его ведутъ, но чувствуетъ что-то недоброе и упирается изо всѣхъ силъ, какія только у него есть.

Но человѣкъ, когда онъ этого захочетъ, сильнѣе всякаго звѣря,— и онъ ведетъ быка, и вдругъ тотъ видитъ и понимаетъ, что его ведутъ на убой, и вотъ-вотъ черезъ какойнибудь часъ наступитъ конецъ его счастливой жизни...

Думалъ Олексій Кудла о судьбѣ этого быка, и почему-то ему казалось, что сейчасъ, въ эти минуты, онъ самъ въ такомъ же положеніи.

Когда же онъ очнулся отъ своихъ мыслей, то увидѣлъ, что Березневатаго уже не видно, его и слѣдъ простылъ.

— Что это вы, панъ старшина, повѣсили голову?—весело, бодро спросилъ его писарь.

— Не вѣшалъ я ее, сама повисла,—угрюмо отвѣтилъ Олексій Кудла.

— А вы ее подтяните. Что ей висѣть-то такъ?

— Слушайте, панъ писарь, вотъ теперь мы ѣдемъ, уже вернуться назадъ все равно нельзя—вы знаете, я не изъ такихъ, что поворачиваютъ назадъ. Ну, такъ скажите же мнѣ по чистой вашей совѣсти, какъ, значить, вы думаете въ душѣ вашей: развѣ не глупость это, что я тащусь въ такую даль?

Писарь Козлицынъ посмотрѣлъ на Олексія Кудлу глубоко проникновеннымъ взглядомъ.

— Гм... глупость... А я вамъ на это, панъ старшина, отвѣчу такъ: въ жизни моей я имѣлъ много перемѣнъ и во всякихъ передѣлкахъ бывалъ. И характеръ у меня всегда былъ самоувѣренный и, когда я что нибудь дѣлалъ, когда мѣнял одно на другое, то, что имѣлъ, на то, что казалось мнѣ хорошимъ издалека, то всегда думалъ, что дѣлаю умно, такъ ужъ умно, что умнѣе никто другой и не придумаетъ. И послѣ оказывалось, что я шлепался въ грязь и до того я съ своимъ великимъ умомъ дошлепался, что, какъ сами видите, въ волостные писаря на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья пошелъ, а ужъ про то и говорить нечего, что сладость въ этомъ небольшая. А между прочимъ видѣлъ я другихъ людей, которые всегда дѣлали глупости, и про нихъ всѣ такъ и говорили, что они только и дѣлаютъ, что глупости, и сами они такъ понимали, что только и могутъ дѣлать глупости, и что же? отъ иной глупости для нихъ такія счастливыя послѣдствія бывали, что умные имъ только завидовать могли. Вотъ я и думаю: пусть это мы съ вами дѣлаемъ глупость. Ну, такъ, можетъ, намъ отъ этой глупости такая удача будетъ, какой умному и вовсе не добиться. Такъ я думаю.

Это философское разсужденіе нисколько не успокоило Олексія Кудлу, и онъ опять опустилъ голову и въ такомъ видѣ проѣхалъ добрыхъ тридцать верстъ, пока невдалекѣ не показались церкви и высокія крыши казенныхъ зданій губернскаго города.

Но они въ самый городъ не поѣхали, а свернули по новой, недавно вымощенной дорогѣ къ вокзалу. Тамъ шмыгали локомотивы, выпуская изъ своихъ широкихъ трубъ клубы дыма, и Олексій Кудла почувствовалъ себя въ положеніи быка, котораго уже привели на бойню.

И. Н. Потапенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАЛЕЙДОСКОПЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ПРАБОТАВЪ четверть вѣка на театральныхъ подмосткахъ, въ качествѣ пѣвца и актера, исколесивъ почти всю Европейскую Россію «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», подвизаясь болѣе, чѣмъ на полсотнѣ сценъ, столичныхъ и провинціальныхъ, встрѣтившись съ тысячами людей всевозможныхъ званій и сословій, заработавъ десятки тысячъ рублей и стоя почти у рубежа сценической карьеры, я невольно задумываюсь надъ этимъ прошлымъ и спрашиваю себя: много ли отрадныхъ воспоминаній дали мнѣ эта жажда славы, этотъ культъ «святого искусства», къ которому я такъ жадно стремился душой и сердцемъ, полный юношескихъ, восторженныхъ иллюзій? Воспоминаній чистыхъ, святыхъ, возвышающихъ человѣческую душу, такъ мало, какъ бы ихъ совсѣмъ не было. Сталкиваясь съ тысячами людей, я не нашелъ и единого друга, съ которымъ бы теперь имѣлъ что либо общее. Все это были проходящія фигуры, дружившіяся и напѣвавшія хвалебныя пѣсни, когда случалось бывать любимцемъ толпы, и казнившія за спиной, при малѣйшей неудачѣ. Тысячи рублей, наживаемыя прожизались такъ же, какъ получались, и даже раньше получки: недаромъ говорится: «актерскій рубль—копейка». Правда, что копейками скопляются рубли, но условія артистической дѣятельности, въ особенности у насъ въ Россіи, создаютъ слишкомъ неблагоприятную почву,

чтобы имѣть возможность дѣлать сбереженія, и хотя мало-мальски обезпечить свою старость. Если удастся въ зимнемъ сезонѣ скопить что либо, то безработица великимъ постомъ быстро поглощаетъ эти крохи. Всегда почти сомнительный и обыкновенно крайне незначительный лѣтній заработокъ образуетъ дефицитъ, покрываемый авансомъ, взятымъ на зимній сезонъ. Идутъ заклады, перезаклады, перехватыванье временныхъ ссудъ до бенефисовъ, которые при счастьѣ дѣйствительно нѣсколько облегчаютъ запутанное актерское положеніе, но въ общемъ бьешься вѣчно, какъ рыба объ ледъ, безцѣльно и съ годами устаешь до невозможнаго отъ этой вѣчной борьбы изъ-за рубля.

Вспоминать товарищей и ихъ товарищескія отношенія? Нѣтъ, ужъ объ этомъ лучше и не вспоминать. Ихъ всего-то счетомъ было нѣсколько человѣкъ, оставившихъ по себѣ свѣтлую память. О сцена, сцена! Сколько людей ты безцѣльно заманила, истинно пригодныхъ для всякой другой дѣятельности, не оправдавъ и со-той доли ихъ надеждъ, обезкураживъ ихъ въ дальнѣйшемъ стремленіи, притупивъ умъ, жажду познаній, все высокое, идеальное, и сдѣлавъ ихъ неспособными къ какому бы то ни было, болѣе серьезному, труду; сколькихъ ты изгнала изъ среды праведныхъ, постепенно убивая все нормальное, человѣческое, лишивъ принциповъ, чистыхъ возвышенныхъ взглядовъ, извративъ здоровую природу и переполнивъ ее жизненными страстями; сколькихъ ты сдѣлала больными, нервными, распатанными и превратила ихъ въ томящихся тунейдцевъ или безнадежныхъ алкоголиковъ!

И дѣйствительно, что имъ дѣлать, куда имъ дѣться, этимъ легионамъ служителей храма Мельпомены? Возврата на другую дорогу за рѣдкими исключеніями почти нѣтъ. Сама сцена имѣетъ что-то роковое. Кто разъ истопталъ хоть одну пару башмаковъ на сценѣ, того невольно и постоянно будетъ вновь тянуть къ ней, какъ бы плохо ни жилось ему. А хорошо бываетъ весьма немногимъ, потому что изъ ста человѣкъ, идущихъ на сцену, только одному удастся достигнуть приблизительно желаннаго успѣха, завоевать извѣстное положеніе и обрѣсти имя. Еще какихъ нибудь два человѣка дѣлаются весьма желанными артистами въ ансамбльныхъ труппахъ. Нѣсколько человѣкъ съ весьма посредственными дарованіями могутъ быть только полезностями, выдвигающимися по какой нибудь счастливой случайности. Затѣмъ идетъ плеяда самоинящихся и самообольщенныхъ нахаловъ, незаконно именующихъ себя артистами. За ними слѣдуютъ незамѣтные и никого не интересующіе мелкіе труженики, тянущіе всю жизнь скучнѣйшую тяжелую лямку, вѣчно полуголодные и жаждущіе,—и замыкается эта сотня окончательно разочарованными, разбитыми, жалкими пьяницами, не брезгающими тѣмъ «пяточкомъ», который и Несчастливцеву казался подчасъ дорогимъ, и умирающими въ

концѣ концовъ бродягами гдѣ либо подъ заборомъ или въ больницѣ для чернорабочихъ. Все вѣдь это товарищи, съ которыми человекъ работалъ и работаетъ, встрѣчался и еще встрѣчается, но встрѣчается безъ особенной радости, и расстается безъ горя и печали.

Женщинъ театральныхъ я не стану разбирать; многія изъ нихъ идутъ тоже на подмостки съ святыми завѣтами служить «чистому искусству», но при первыхъ неудачахъ большей частью складываютъ оружіе, т.-е. остаются на сценѣ, довольствуясь, въ концѣ концовъ, даже пассивною ролью, имѣя всегда возможность играть болѣе видную роль внѣ сцены, пока онѣ молоды и красивы.

Въ послѣднее время наблюдается грустное явленіе, что въ большинствѣ мужчины, какъ и женщины, идутъ на сцену не по чистому, непреодолимому влеченію стяжать артистическую славу, а соблазняясь сравнительно легкимъ и болѣе выгоднымъ заработкомъ; умалчиваю о тѣхъ, которые берутъ сцену исключительной вывѣской, для болѣе свободной безконтрольной дѣятельности.

И въ самомъ дѣлѣ какъ не соблазниться какому нибудь недочившемуся гимназисту, которому пришлось бы влечить жалкое существованіе при пятнадцати рубляхъ мѣсячнаго оклада въ писцахъ или приказчикахъ, тогда какъ на сценѣ умѣющему складно и бойко сдѣлать двухсловесный докладъ, при извѣстной протекціи, дають отъ 25 до 50-ти рублей въ мѣсяць. А есть у него голосъ, и онъ въ состояніи безмысленно орать въ опереточномъ или оперномъ хорѣ, ему сейчасъ же платятъ 30—40 рублей, и онъ быстро можетъ дойти до 75 и 100 рублей мѣсячнаго оклада. Еще въ лицѣ гимназиста, идущаго на сцену и не достигающаго ни до какого положенія, закулисная армія бездѣльниковъ все-таки пріобрѣтаетъ, по крайней мѣрѣ, полуграмотнаго и хоть нѣсколько манерами обладающаго человека, который при желаніи и трудѣ можетъ сдѣлаться такъ называемою «сценическою полезностью». Эти «сценическія полезности», иначе пассивные дѣятели, въ каждой труппѣ весьма желательны и цѣнны. Но куда дѣтъ всю эту плеяду еле грамотныхъ и большей частью совсѣмъ безграмотныхъ ремесленниковъ и всякихъ другихъ сословій людей, мужчинъ и женщинъ, заполняющихъ театральные подмостки исключительно потому, что ихъ соблазняетъ легкій заработокъ, при кажущемся полномъ отсутствіи серьезнаго и утомительнаго труда въ актерской дѣятельности? И дѣйствительно, трудъ въ ихъ воображеніи представляется только физическій, а ихъ никогда не мыслящая голова не можетъ себя представить труда, а паче утомленія, въ умственной дѣятельности. По ихъ пониманію, легче актерской профессіи и быть не можетъ, а равно не требуется никакихъ данныхъ къ ней. А между тѣмъ

ни одна отрасль искусства не требуетъ отъ ея представителя, одновременно съ извѣстными внѣшними данными, столько вполне опредѣленныхъ внутреннихъ качествъ, обширѣйшихъ всестороннихъ познаній, нравственной и физической силы, твердости воли, неугасаемой энергіи и безконечнаго неослабляемаго труда, какъ драматическое искусство. Одной человѣческой жизни слишкомъ мало, чтобы стать полнымъ властелиномъ всѣхъ тайнъ этого безконечнаго, высокаго искусства, чтобы всегда поработать толпу, всегда по произволу вызывать ея слезы, ея смѣхъ, пробуждать, воодушевлять и съ перваго выхода вполне и всецѣло овладѣть ея душой и вдыхать въ нее желаемое настроеніе. Это былъ бы настоящій, законченный актеръ, великій артистъ, творецъ, постигшій всецѣло тайну этого искусства и разрѣшившій взятую на себя задачу. Но, къ сожалѣнію, такихъ артистовъ нѣтъ; а если въ нѣкоторыхъ роляхъ кому удавалось и удается приблизительно такимъ образомъ завладѣвать толпой, да не будетъ это причиной возмнить себя непогрѣшимымъ совершенствомъ, а смотрѣть на это, какъ на одну изъ радостей, «которыхъ другіе люди не знаютъ», выражаясь словами трагика Несчастливцева: «тамъ за одну слезу твою заплачетъ тысяча глазъ», и т. д. Это достигается нѣкоторыми ролями, въ болѣе сильной или слабой степени, вполне зависящими отъ нервности актера, въ моментъ исполненія, и несомнѣнно представляется каждому актеру высшей радостью, которую, конечно, люди другой профессіи не переживаютъ. Эту радость любятъ, очевидно, часто переживать всѣ наши, а въ особенности иностранные, гастролеры, и ограничиваются хотя весьма незначительнымъ, но, большею частью, исключительнымъ репертуаромъ ролей, приносящихъ именно такіа радости. Есть противоположныя роли, не награждающія исполнителя не только подобнымъ успѣхомъ, но даже общепринятымъ одобрительнымъ выраженіемъ, т.-е. аплодисментомъ, между тѣмъ какъ ихъ исполненіе требуетъ подчасъ и больше таланта и больше опыта. Но это не должно парализовать въ сознательномъ художникѣ неугасаемаго стремленія работать, совершенствоваться, творить и идти непреклонно къ намѣченной цѣли, хотя бы вся эта дѣятельность и не давала нравственнаго удовлетворенія и внѣшняго успѣха. Вся эта толпа, одобреніемъ которой мы такъ дорожимъ, весьма зорко слѣдитъ за нашей дѣятельностью, чутка къ нашему творчеству, и въ ея мнѣніи слагается весьма ясное опредѣленіе степени таланта артиста, которое передается изъ устъ въ уста и создаетъ его имя и популярность.

Но сколько мытарствъ приходится многимъ испытать въ началѣ сценической карьеры! Сколько лишеній, испытаній и всякихъ бѣдъ нужно умѣть перенести, не падая духомъ, пока станешь наконецъ на ту дорогу, по которой можешь уже болѣе

спокойно и опредѣленно итти къ болѣе обезпеченному положенію!

Конечно, молодость вынослива, и всѣ невзгоды, переживаемыя въ ранніе годы, разбиваются, какъ о стальную броню, и вмѣсто огорченія вызываютъ въ воспоминаніи невольную улыбку.

Скажу, на примѣръ, о себѣ: ни разу я не задумывался надъ неоднократно тяжелымъ, гнетущимъ, а подчасъ и унижительнымъ, положеніемъ, въ которомъ случалось находиться въ началѣ моей артистической карьеры.

II.

Въ концѣ моего американскаго разсказа, помѣщеннаго въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» 1897 года, я обѣщалъ читателямъ дать продолженіе моей дальнѣйшей одиссеи, преимущественно сценической. Начну съ того, какъ я вновь вступилъ на артистическую стезю, такъ негаданно прерванную скитаньемъ по Америкѣ.

Читателямъ уже извѣстно, что я былъ обладателемъ небольшого голоса, баритональнаго тембра. Друзья и ранѣе находили голосъ мой вполне пригоднымъ для сцены и совѣтовали серьезно заняться пѣньемъ.

Первыя мои занятія начались подъ руководствомъ нѣкогда извѣстнаго, нынѣ покойнаго опернаго артиста тенора, Ивана Никифоровича Кравцова. Это былъ весьма музыкально образованный пѣвецъ, обладавшій въ свое время могучимъ голосомъ, который онъ, однако, пропѣлъ въ Италіи; онъ вернулся въ Россію, въ Петербургъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, по приглашенію императорской дирекціи, введенной въ заблужденіе и думавшей, что этотъ артистъ способенъ быть украшеніемъ русской оперы. Первые дебюты развѣнчали его тотчасъ. Это было въ Россиньевскомъ «Отелло», въ которомъ при троекратномъ повтореніи онъ каждый разъ сулилъ взять знаменитое *do-diez* Тамберлика, въ извѣстномъ «*Se do polej*». Но «кажинный разъ на томъ же мѣстѣ» онъ заставлялъ публику и дирекцію любоваться его открытымъ и страшно искаженнымъ, громаднымъ ртомъ и тщетно въ трепетѣ прождать не проявляющуюся ноту, за что, конечно, награждался негодованьемъ всего театра, въ видѣ шиканій и несмолкаемыхъ свистковъ. Онъ удивлялся такому поведенію публики и самъ посовѣтовалъ дирекціи не имѣть новыхъ надеждъ, ибо у него и отъ роду никогда не было никакого *do-diez*, а пѣвецъ онъ былъ тѣмъ не менѣе безусловно хорошій. Недоразумѣніе кончилось тѣмъ, что дирекція уволила его, уплативъ ему даже довольно крупную неустойку.

Изъ Петербурга И. Н. Кравцовъ перешелъ въ Кіевъ къ покойному антрепренеру Бергеру, который въ то время ввелъ впервые на югъ русскую оперу.

У этого-то Кравцова, занимавшагося тогда уже исключительно преподаваніемъ пѣнья, я и началъ мои первые уроки. Успѣхи шли быстрыми шагами. Голосъ былъ отъ природы уже поставленный и необыкновенно легко поддавался труднѣйшимъ модуляціямъ. Послѣ главныхъ основъ мы приступили прямо къ разучиванью оперныхъ, баритонныхъ партій, и въ скоромъ времени у меня былъ готовъ нѣкоторый репертуаръ. Въ одинъ прекрасный день я простудился и охрипъ. Хрипота сдѣлалась настолько упорной, что никакія средства не были въ состояніи проявить голосъ. Когда такое состояніе затянулось за полъ-года, я долженъ былъ примириться съ безповоротнымъ параличемъ голосовыхъ связокъ и рѣшилъ взаимнѣ пѣвца сдѣлаться художникомъ.

Обладая нѣкоторымъ талантомъ къ живописи, я отправился въ Петербургъ для поступленія въ академію художествъ. Послѣ сдѣланнаго мнѣ испытанія годность моя была признана, и ничто не препятствовало моему поступленію. Проснувшись на другой день утромъ, я вдругъ онѣмѣлъ отъ радости! Не знаю, какое чудо совершилось, но фактъ былъ наяву: что со мною вмѣстѣ проснулся и мой голосъ, прежній, свѣжій, звонкій и невредимый. Радости и счастью моему не было границъ. Я въ мигъ забылъ академію художествъ, съ ея многолѣтнимъ курсомъ и мечталъ, какъ можно скорѣй, хоть куда либо попасть на подмостки. На радостяхъ, конечно, я кутнулъ и кутнулъ во-всю. Каждому, случайно познакомившемуся со мною, я рассказывалъ о моемъ поразительномъ случаѣ, угощалъ тутъ же отъ полнаго сердца и доводилъ всѣхъ до одуренія непрерывнымъ пѣньемъ, отъ котораго въ концѣ каждый старался сбѣжать. Но я не унывалъ и находилъ все новыя жертвы. Эти непрерывные кутежи истощили очень быстро всѣ мои денежные средства, и я опомнился только тогда, когда у меня не было уже никакого имущества, кромѣ того, что было на мнѣ. Такимъ образомъ я вскорѣ очутился одинъ безъ всякихъ друзей и пріятелей на улицѣ безъ крова. Отъ этого, однако, я нисколько не упалъ духомъ. Америка уже пріучила меня смотрѣть довольно хладнокровно въ глаза всѣмъ превратностямъ судьбы. И такъ я бродилъ по многолюднымъ улицамъ Петербурга и думалъ о томъ, какъ бы мнѣ выйти изъ затруднительнаго положенія.

Въ такомъ размышленіи, я какъ-то поздно ночью примостился на одной изъ скамеечекъ, близъ воздвигавшагося тогда памятника императрицы Екатерины у Александринскаго театра и, глядя безцѣльно по всѣмъ сторонамъ, обсуждалъ мысленно мое критическое положеніе. А ночь была, какъ помнится, холодная, въ началѣ апрѣля мѣсяца.

Какъ разъ вижу господина въ свѣтломъ, наглухо застегнутомъ лѣтнемъ пальто, съ большою черной бородой, присаживающагося рядомъ по сосѣдству. Господинъ этотъ время отъ времени вста-

валъ, оглядывался и, что-то приподнимая съ земли, пряталъ въ карманъ пальто. Присматриваясь внимательно, я вижу, что онъ занятъ собираніемъ окурковъ, которыми по мѣрѣ возможности удовлетворялъ свою жажду куренья.

Я рѣшилъ послѣдовать его примѣру, но неудачно. Тогда онъ предлагаетъ со мною подѣлиться, и мы, присаживаясь вмѣстѣ, начинаемъ затягиваться этими грязными окурками и вступаемъ въ такую интимную бесѣду, какъ будто мы, не вѣсть съ какихъ поръ, закадычные друзья. Тутъ ужъ дѣйствительно кстати примѣнимо «тары бары растабары, хорошъ табачекъ».

Мой новый знакомый оказался человѣкомъ крайне интереснымъ, образованнымъ и даже великосвѣтскимъ. Происходя изъ аристократической богатой семьи, Н. П. О. служилъ въ Кирасирскомъ полку офицеромъ, но по какимъ-то недоразумѣніямъ оставилъ службу, разсорившись съ родными. Обладая выдающимся голосомъ, онъ мечталъ посвятить себя сценѣ. Несмотря на громадную бороду и лысую голову, ему было всего около 25 лѣтъ. Въ превратностяхъ нашей судьбы оказалось столько общаго, что мы тутъ же сдружились, и мой новый пріятель предложилъ мнѣ, въ доказательство своего расположенія, поселиться у него. Жилъ онъ тутъ же рядомъ, въ домѣ Лыткина, въ углу площади Александринскаго театра. Занимаемая имъ комнатка-клѣтушка находилась въ пятомъ этажѣ, на задворкахъ, въ квартирѣ одной сердобольной прачки. Чтобы пройти въ комнату, нужно было раньше пройти кухню, служившую прачечной, и комнату хозяйки, раздѣленную на нѣсколько угловъ, занятыхъ жильцами. Сама комнатка была нѣчто въ родѣ коридорчика съ маленькимъ полутемнымъ окномъ чуть не подъ потолкомъ. Меблировка состояла изъ желѣзной кровати, длиннаго стола и двухъ поломанныхъ стульевъ, на одномъ изъ которыхъ стояла большая полуразбитая чашка съ кувшиномъ вмѣстѣ умывальника. Постель была застлана старой сѣрой кавалерійской шинелью, а вмѣсто подушки лежала въ нѣсколько разъ сложенная лошадиная попона, которую мой любезный квартирохозяинъ тотчасъ же предоставилъ въ мое распоряженіе, указавъ мнѣ на длинный столъ, предназначенный служить мнѣ кроватью.

Когда мы стали раздѣваться, я оказался одеждою гораздо богаче моего гостепрѣимнаго пріятеля. Подъ лѣтнимъ пальто у него виднѣлся одинъ намекъ ночной сорочки, состоявшей изъ сплошныхъ дыръ, а нижняго бѣлья совсѣмъ не было. Ночь прошла въ непрерывномъ крѣпкомъ снѣ, и, проснувшись утромъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи, мой пріятель затанулъ еще лежа какую-то оперную арію. Услышавъ его голосъ, я, полный неописаннаго восторга, спрыгнулъ со стола и, широко раскрывъ глаза, прислушивался къ этимъ чарующимъ звукамъ. И дѣйствительно, мнѣ еще никогда въ жизни не приходилось слышать болѣе красиваго,

мощнаго, чисто груднаго благороднѣйшаго тембра тенороваго голоса, необъемлемаго діапазона. Металличность, чистота и сочность звука были просто поразительны, но, къ сожалѣнiю, счастливый обладатель этого сокровища лишень былъ слуха. Это слышалось въ каждомъ напѣваемомъ мотивѣ, и я тутъ же принялся съ нимъ вмѣстѣ напѣвать. Затѣмъ мы принялись за разные намъ знакомые дуэты, и этотъ утреннiй концертъ затянулся до самаго полудня, пока мы оба въ конецъ не охрипли. Къ тому же мы почувствовали непреодолимый голодъ и стали помышлять, какими путями добыть что либо съѣдобное, когда у насъ обоихъ не нашлось и единаго гроша за душой.

О. оказался изобрѣтательнѣе меня и въ счастливомъ предположенiи, что, быть можетъ, завтра насъ выручитъ какой либо случай, предложилъ на этотъ разъ отправиться со мной на рынокъ, гдѣ намъ съ удовольствiемъ обмѣняютъ мой прекрасный сюртукъ и жилетъ на болѣе скромный и приплатятъ еще такую сумму, которая дастъ намъ возможность всласть поѣсть и кушить табаку, чаю, сахару и проч.

Придуманная комбинацiя превзошла наши ожиданiя. Спустя часъ, я былъ уже облеченъ взамѣнъ сюртука и жилета въ легонькое сѣренькое пальтецо, почти схожее съ пальто моего прiятеля, и получилъ приплаты три съ полтиною, которые мы рѣшили растянуть на возможно долгое время. Тотчасъ О. научилъ меня, какъ должно экономнымъ образомъ позавтракать на ходу. Сперва мы зашли въ какую-то закусочную лавку, гдѣ прiобрѣли пару пеклеванниковъ съ ветчиной, по тогдашней цѣнѣ по 7 коп., и съ этой закуской на обрывкѣ газетной бумаги перешли въ питейное заведенiе, гдѣ мой менторъ заказалъ по косушкѣ, которыя мы выпили чуть ли не залпомъ. Послѣ этого, однако, аппетитъ пришелъ въ такое раздраженное состоянiе, что мы рѣшили еще разъ вернуться въ закусочную лавку и, прихвативъ на этотъ разъ по пеклеваннику съ икрой, вернулись обратно въ питейное заведенiе, гдѣ потребовали уже полштофа. Затѣмъ Н. П. предложилъ залить это пивкомъ и почитать газеты въ портерной. Мы оба интересовались политикой, и оба нашли особенно прiятнымъ перечитывать газеты и, обмѣниваясь мнѣнiями, обмѣнивать почти безъ счета бутылки съ пивомъ. За этимъ занятiемъ на моего прiятеля нашелъ приливъ откровенности, который выразился въ томъ, что онъ мнѣ сообщилъ, что, кромѣ комнаты, впередъ оплаченной, у него имѣется еще и обѣдъ изъ двухъ блюдъ, котораго хватитъ на насъ обоихъ. А дабы мы съ аппетитомъ поѣли, нужно только водочки купить и въ виду экономiи, конечно, не косушку, а просто четверть. Сказано—сдѣлано! Обѣдъ оказался омерзительнѣйшимъ и состоялъ изъ какой-то мутной похлебки и крошечнаго куска вареной говядины, который мы, разрѣзавъ на мелкiе кусочки, приправили гор-

чицей и приступили къ четверти, отливъ изъ нея, за неимѣніемъ рюмокъ, по чайному стакану и рѣшивъ выпить только по одному. За первымъ послѣдовалъ, однако, второй, закусываемый уже хлѣбомъ вмѣсто мяса, а тамъ, увлекшись, рѣшили уже кончить бутылъ набѣло, безъ всякой закуски.

Даже въ жаръ бросило послѣ такого крѣпкого обѣда.

— Га-а!—гаркнулъ вдругъ послѣ паузы раскраснѣвшійся Н. П.— Ну, а теперь давай орать!—И вотъ мы оба стали бессмысленно орать и перекикивать другъ друга самыми дикими голосами при открытомъ окнѣ до тѣхъ поръ, пока дворникъ и сосѣди не явились насъ унимать. Мы оказались весьма покладистаго нрава и, безъ малѣйшаго протеста прекративъ адскій ревъ, улеглись на покой. Недолго намъ, однако, пришлось отдыхать. Нашъ покой былъ дважды нарушенъ неожиданными визитерами. Первымъ явился нѣкій В., молодой, красивый усачъ, въ весьма истрепанномъ костюмѣ, бывший товарищъ по полку и другъ Н. П.

Какія-то превратности судьбы заставили его выйти въ отставку. Лишившись поддержки отца и избѣгая общества, онъ искалъ тщетно какого либо заработка; тутъ онъ вспомнилъ своего лучшаго друга, а потому просто заявился къ Н. П. Приемъ былъ самый радушный, и Н. П. пришелъ въ самое веселое настроеніе, услышавъ, что нужда его пріятеля такъ велика, что онъ лишенъ даже крова, и все его имущество заключается въ томъ, что на немъ. Конечно, онъ былъ тутъ же водворенъ и сдѣлался третьимъ товарищемъ всѣхъ предстоящихъ бѣдъ и радостей. Человѣкомъ онъ оказался премилымъ и симпатичнымъ. Веселый собесѣдникъ, образованный и много музыкальнѣ насъ обоихъ. Впослѣдствіи оказался блестящимъ піанистомъ, великолѣпно аккомпанировалъ на гитарѣ (добавлю, что, кромѣ офицерской шинели и лошадиной попоны, въ имуществѣ Н. П. находилась еще сносная гитара) и могъ вторить всякому напѣву. Послѣ детальныхъ переспросовъ старыхъ друзей между собою бесѣда сдѣлалась общою, и намъ казалось, что мы всѣ трое были, Богъ вѣсть, съ какого времени старинными друзьями. Появился самоварчикъ. Новаго гостя, имѣвшаго семь копеекъ, отрядили тотчасъ въ находившуюся въ томъ же домѣ мелочную лавочку за чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ и лимономъ. И пошли безконечные рассказы, смѣхъ, пѣсни и самое веселое, беззаботное настроеніе.

Задумались мы только болѣе серьезно, правда, только на минутку, при вопросѣ, какъ намъ устроиться съ новымъ квартирантомъ къ ночи. Помѣститься въ лежку третьему человѣку въ этой крошечной комнатѣ представлялось возможнымъ только подъ столомъ. Кромѣ шинели и попоны, не было, однако, ничего, чѣмъ покрыться. При полномъ сознаніи, что нельзя лишить Н. П., столь радушно насъ пріютившаго, ни кровати, ни шинели, мы двое рѣ-

шили, что будемъ каждую ночь спать по очереди, одинъ на столѣ, другой подъ столомъ, но съ условіемъ, чтобы тотъ, чья очередь спать подъ столомъ, пользовался и попоной. Миротлюбивое наше соглашеніе привело насъ въ особенно веселое настроеніе на весь остатокъ дня, который мы провели дома, въ поочередныхъ разсказахъ самыхъ комическихъ и драматическихъ приключеній изъ нашей еще столь юной жизни.

Домъ Лыткина, въ которомъ снималъ комнату Н. П. О., находящійся въ лѣвомъ углу площади Александринскаго театра и выходящій на Фонтанку; вмѣщалъ въ своихъ стѣнахъ безчисленное множество дворовыхъ большихъ и малыхъ квартиръ, гдѣ ютился большей частью столичный пролетаріатъ. Тамъ жилъ и мелкій чиновникъ, и отставной военный, и лавочникъ, и музыкантъ, и консерваторскій пѣвецъ, и піанисты, не дающіе покоя сосѣдямъ. Были модистки, акушерки и проч. А комната, снимаемая моимъ новымъ товарищемъ, находилась въ квартирѣ довольно миловидной прачки Вѣры, тайно сожительствовавшей съ какимъ-то протодьякономъ. Это былъ мужчина страшно увѣсистый, огромнѣйшаго роста, пригоднаго для любого кирасирскаго полка. Широчайшая темная борода лежала вѣромъ на его богатырской груди, а его густой необычайно металлическій basso profundissimo походилъ звукомъ на рычанье льва, иногда прямо на раскаты грома. Бывало, какъ гаркнетъ, такъ буквально дрожать оконныя стекла.

Онъ приходилъ каждый вечеръ къ своей сожительницѣ и уходилъ утромъ, проводя большую часть ночи въ питьѣ, ѣдѣ и пѣніи. Въ послѣднемъ удовольствіи ему мѣшали часто дворники, явившіеся унимать голосистаго пѣвца, не дававшаго ночью покоя сосѣдямъ. Каждый вечеръ дьяконъ приносилъ съ собою подъ рясой четверть водки, бутылочку сладкой наливки для сожительницы и закуски всякаго рода. Она же всегда заботилась, чтобы къ его приходу кипѣлъ самоварчикъ; былъ въ изобиліи свѣжій хлѣбъ, и въ холодномъ мѣстѣ корзина съ пивомъ.

Дьяконъ этотъ любилъ къ тому же общество. Квартирантъ какъ бы обязанъ былъ быть его ежедневнымъ гостемъ. Еще болѣе онъ радовался, если заставалъ гостей у самого квартиранта, которыхъ также немедленно усаживалъ съ собой за столъ и не отпускатъ, пока все не было съѣдено и выпито.

Понятно, почему дьяконъ обрадовался неожиданному знакомству съ нами и пришелъ въ особенный восторгъ, услыхавъ, что я пою, а В. такъ хорошо аккомпанируетъ на гитарѣ. Такимъ образомъ наши вечера стали веселы, шумны, сыты и даже пьяны, ибо дьяконъ приносилъ уже сплошь и рядомъ двѣ четверти водки и велѣлъ заготовлять двойную корзину пива. По пословицѣ: «гдѣ медъ, тамъ и пчелы», такъ и вечеринки дьякона становились постепенно болѣе многолюдными; почему-то появился среди насъ пропойный

музыкантъ Александринскаго театра, по прозвищу «дядя Яка», и хотя про него, какъ мы потомъ узнали, ходила молва: «гдѣ дядя Яка, всегда тамъ драка», но въ нашемъ обществѣ онъ велъ себя всегда деликатно и стремился лишь выпить и съѣсть лѣвиную долю. Неизвѣстно, откуда очутился въ нашей компаніи какой-то неудачный докторъ, всѣхъ лѣчившій даромъ, вѣчно ставившій совершенно противоположный діагнозъ и часто морившій своихъ пациентовъ. Нерѣдко захаживалъ еще давнишній знакомый Н. П., прозванный имъ въ вольномъ переводѣ его французской фамиліи просто Мыльниковымъ. Онъ также мнилъ себя пѣвцомъ и обладателемъ тенороваго голоса, въ сравненіи съ которымъ Маріо и Тамберликъ были щенки. Въ сущности же Мыльниковъ былъ, такъ сказать, пѣвцомъ удавленникомъ, наводившимъ буквально страхъ и смѣхъ своимъ безобразнымъ голосомъ и всею манерой пѣнія. По временной профессіи онъ изображалъ изъ себя не то репортера, рецензента, переводчика или что-то въ этомъ родѣ. Штатался по редакціямъ разныхъ мелкихъ газетъ, откуда получалъ иногда даровые билеты въ театры, концерты и прочія увеселительныя заведенія.

Такими билетами онъ обыкновенно угощалъ своихъ знакомыхъ въ надеждѣ въ тяжелую минуту одолжиться у знакомаго необходимымъ рублемъ или мелочью для своего въ сущности жалкаго прозябанія. Онъ былъ человѣкомъ скромнымъ и довольно сердечнымъ въ противоположность своей внѣшней напыщенности. Твердо убѣжденный, что безукоризненный костюмъ раньше или позже приведетъ его къ карьерѣ, онъ ходилъ всегда одѣтымъ по послѣдней модѣ, въ лощеномъ цилиндрѣ, радуясь особенно возможности не снимать его, дабы не обнаруживать своей сплошной блестящей лысины. Эта послѣдняя дѣлала его видъ особенно комичнымъ, когда онъ распѣвалъ любовные романсы, искривляя ротъ во всѣ стороны.

Самъ діаконъ приводилъ съ собою зачастую своихъ двухъ закадычныхъ друзей. Одинъ изъ нихъ, какой-то околоточный надзиратель, типъ настоящаго «держиморды» и еще вдобавокъ такъ называемый «мочиморда». Лицо все въ волдыряхъ, прыщахъ, красный носъ набалдашникомъ съ синими жилками, гнилые зубы, глаза рыбы, вѣчно вертящіеся, и голосъ сиплый и шипящій.

Другой пріятель діакона былъ старый церковный пѣвчій, тоже закоренѣлый тихій пропойца, съ вѣчно улыбающимся ликомъ и тоненькимъ фальцетнымъ хихикающимъ голосомъ. Онъ всѣмъ представлялся, называя себя «церковнымъ теноромъ», растягивая при этомъ умилительно свой ротъ до ушей.

Въ этой достопочтенной компаніи мнѣ пришлось провести нѣсколько недѣль въ самомъ глупомъ и пустомъ времяпровожденіи. Спали, ѣли, пили и, напившись, пѣли, вѣрнѣе, орали. Безсмысленно орали до хрипоты. Наибольшій успѣхъ имѣли наши

дуэты съ Н. П., которому, кстати сказать, по мѣрѣ опьяненія всегда тесситура казалась слишкомъ низкой, и онъ съ каждымъ повтореніемъ требовалъ повышенія тона. Голосъ его свободно доходилъ до верхняго ге. Но онъ безъ особеннаго усилія бралъ и *mi bemol* и даже *mi* одинаково красивымъ звукомъ, безразлично *piano* или *forte*. Положительно въ глоткѣ этого безшабашнаго чело-вѣка лежали мильоны, которыми онъ никогда не сумѣлъ и не хотѣлъ воспользоваться.

Какъ ни весела и безшабашна была компанія, мнѣ вскорѣ стало претить отъ нея, и я началъ серьезно задумываться, какъ бы найти какой нибудь заработокъ и подходящую дѣятельность, конечно, артистическую: «церковный тенорокъ» все уговаривалъ меня поступить въ церковные пѣвчіе. Тамъ, говорилъ онъ, и сыто, и пьяно, и «оченно весело». Веселье это я отклонилъ, однако, принявъ случайно подвернувшійся временный заработокъ, въ качествѣ личнаго секретаря и переводчика у одного весьма подозрительнаго дѣльца, нѣкоего Ш. Оригинальности ради этого господина не могу обойти этотъ случай молчаніемъ.

Нѣмецъ Ш. былъ, видимо, прежде всего ловкій и смѣлый авантюристъ на всѣ руки. Во время моего къ нему поступленія, онъ представлялъ изъ себя, якобы крупнаго коммерческаго дѣятеля, какъ нѣмцы называютъ «Gründer», т. е. «основатель». И онъ дѣйствительно основалъ въ то время какой-то банкъ. Составилъ проектъ, добился утвержденія, собиралъ акціонеровъ и проч. и проч.

Когда подобнаго рода предпріятія удаются благополучно,—хлопотавшій получаетъ за свои труды и расходы сразу крупный кушъ вознагражденія, дѣлается виднымъ пайщикомъ дѣла, избирается директоромъ и т. д.

До разрѣшенія взятой на себя задачи «основатель» играетъ зачастую «*va-va-prue*», рискуя самъ всѣмъ, что имѣеть, и нерѣдко перебивается все время въ большихъ денежныхъ затрудненіяхъ.

Ловкаго афериста я засталъ въ періодъ такого перебиванья. Онъ занималъ роскошнѣйшую квартиру въ Конюшенной улицѣ. Пять комнатъ были меблированы въ кредитъ съ необычайной роскошью и въ такомъ расположеніи, что кабинетъ дѣльца былъ заключительной комнатою. Дѣлецъ, ставшій почему-то сразу необыкновенно откровеннымъ со мной, объяснилъ мнѣ, что такое распредѣленіе комнатъ сдѣлано имъ умышленно, дабы посѣтитель, дойдя до самага кабинета, заключилъ по обстановкѣ всей видѣнной квартиры, что владѣлецъ молъ, должно быть, очень богатый баринъ. Кабинетъ же, обставленный съ особенной роскошью и солидностью, долженъ былъ убѣдить окончательно въ этомъ предположеніи. Кромѣ въ кредитъ обставленной квартиры, вся жизнь въ домѣ дѣльца велась въ кредитъ, при томъ на широкую ногу. Изъ находившагося въ томъ же домѣ, въ то время пресловутаго

фруктового и виннаго магазина Эрбера поставлялись къ завтракамъ и обѣдамъ всѣ лучшія закуски, вина и фрукты. Поваръ французъ изощрялся въ придумываніи ежедневно новыхъ оригинальныхъ блюдъ. Два лакея суетились съ утра до поздней ночи, мѣняя нѣсколько разъ въ день бѣлыя перчатки. Два секретаря, иностранцы, разѣвжали цѣлый день, съ портфелями подъ мышками, и для каждаго держался отдѣльный наемный лихачъ, кромѣ элегантной коляски для самого дѣльца. Изящный камеръ-лакей цѣлый день докладывалъ о безчисленныхъ посѣтителяхъ, а я, сидя за отдѣльнымъ письменнымъ столомъ въ пріемной комнатѣ передъ кабинетомъ, писалъ цѣлый день какія-то расписки, векселя, контракты и проч. и проч., подъ которыми расчеркивался чисто министерскимъ росчеркомъ мой дѣловитый нѣмецъ. Такъ кипѣла жизнь и дѣятельность въ этомъ домѣ съ утра часовъ до 5-ти пополудни. Затѣмъ засыпалъ весь домъ, начиная отъ хозяина, и къ 9-ти вечера подавался ужинъ, за которымъ присутствовали только «свои» люди.

Обыкновенно являлись два, три такъ называемыхъ «зайца», шнырявшихъ цѣлый день по дѣламъ хозяина и докладывавшихъ ему тецерь за столомъ результаты своихъ шныряній. Секретари дѣлали то же самое и прочитывали разныя дѣловыя бумаги. Ш. выслушивалъ все весьма внимательно, соображалъ, глубоко-мысленно задумывался и затѣмъ заставлялъ меня писать подъ его диктовку подробный планъ всѣхъ дѣйствій для слѣдующаго дня. Послѣ этого начинался общій ужинъ, на которомъ доѣдалось и допивалось все оставшееся отъ дневнаго запаса. Всѣ лучшія вина, самые дорогіе фрукты, закуски и проч. пожирались присутствовавшими съ необычайнымъ аппетитомъ. Шампанское было обыкновеннымъ напиткомъ. За кофеемъ и ликерами курились самыя дорогія сигары. И такъ бражничали почти ежедневно до поздней ночи. И все въ кредитъ, буквально въ кредитъ, ибо въ наличности рѣдко у кого находился рубль въ карманѣ, менѣе же всего у самого хозяина. Всѣ жили въ чаяніи будущихъ благъ, и жили въ убѣжденіи на успѣхъ. Жили такъ цѣлыхъ три мѣсяца, воюя неустанно съ назойливыми кредиторами, утѣшая ихъ и умоляя о дальнѣйшемъ кредитѣ. Они ругались, но все же продолжали отпускать требуемый товаръ. Общее нервное возбужденіе росло, однако, съ каждымъ днемъ все болѣе. Какой-то страхъ и томленіе переживались всѣми присутствующими.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день возвращается послѣ дѣловыхъ визитовъ нашъ неунывающий дѣлецъ и весь сіяющій объявляетъ, что дѣло кончено съ самымъ блестящимъ результатомъ. Требуется на другой день представленія всѣхъ счетовъ и приказываетъ камердинеру приготовить чрезъ три дня все къ его отъѣзду за границу.

Болѣе суетливой жизни въ домѣ, какъ въ эти три дня, нельзя себѣ представить. Съ утра до ночи осаждали прихожую всевозможные кредиторы, выжидавшіе свою очередь. Цифры, цифры и непрерывная уплата по безконечнымъ счетамъ. Въ это же время уносилась вся обстановка, оказавшаяся взятой на прокатъ. Продавалось разное ненужное имущество. Однимъ словомъ, очищался весь домъ, и отпускаясь служащіе, въ томъ числѣ и я, получившій за трехмѣсячную работу полугодичный окладъ жалованья и остатокъ всѣхъ письменныхъ принадлежностей моего секретарскаго стола.

Всѣ распростились съ дѣльцомъ, преисполненные благодарности за его щедрія вознагражденія, и проводили его пѣлой свитой на Варшавскій вокзалъ въ день его отъѣзда куда-то въ веселыя страны.

По увѣренію одного изъ секретарей, дѣльцу остался, за уплатой всѣхъ расходовъ, крупный капиталецъ въ 75.000 рублей.

За время моихъ секретарскихъ занятій Н. П. съ компаніей затосковались какъ бы по мнѣ. Большею частью, я и ночевалъ у нѣмца и навѣстилъ моихъ новыхъ товарищей за все время моей секретарской дѣятельности не болѣе двухъ—трехъ разъ. Зато я вспомнилъ объ нихъ тотчасъ же по полученіи моего расчета и явился къ Н. П. во всеоружіи, т.-е. при деньгахъ. Кажется, болѣе всего ожидали именно моихъ денегъ. Прачка требовала отъ Н. П. за комнату и другія услуги. Лавочникъ и портерная считали почему-то меня отвѣтственнымъ за все отпущенное въ кредитъ. Одинаково я и самъ считалъ себя почему-то отвѣтственнымъ и уплатилъ лавочнику и портерщику, отдалъ прачкѣ за комнату за два мѣсяца впередъ. Купилъ въ избыткѣ всякихъ запасовъ, какъ-то: чаю, сахару, табаку и проч., и проч., и пиръ пошелъ горой. Н. П. приводилъ какихъ-то новыхъ знакомыхъ. Кромѣ пѣнія, ввелась еще картежная игра. Жажда, какъ будто, у всѣхъ удвоилась, и въ безшабашнѣйшемъ и безалабернѣйшемъ времяпровожденіи проходилъ день за днемъ, пока не истощился послѣдній грошъ въ моемъ карманѣ. А это случилось, какъ помнится, уже чуть ли не черезъ мѣсяцъ. Да и не диво. Всѣ черпали одинаково изъ моихъ денегъ, и всякій какъ бы считалъ себя въ правѣ распоряжаться моимъ карманомъ. Отказывать я не былъ въ силахъ. Менѣе же всего Н. П. изъ благодарности, что онъ тогда пріютилъ меня.

За это время мы разучили съ Н. П. множество новыхъ дуэтовъ. Голосъ его дѣлался какъ бы съ каждымъ днемъ еще болѣе красивымъ. У безшабашнаго кавалериста В. выработалась особенная техника при аккомпанементѣ на гитарѣ. Наше тріо вскорѣ прославилось не только въ домѣ Лыткина, но и по всему сосѣдству.

Съ нами знакомились все новыя лица. Насъ приглашали, насъ угощали, насъ возили по разнымъ пикникамъ, именинамъ, свадь-

бамъ и т. п. Всюду нами восторгались, восхищались и вездѣ награждали однимъ и тѣмъ же—спайвали насъ до безчувственного состоянія. Иные отвозили насъ затѣмъ тотчасъ домой, а гдѣ бывало поили дня три, пока наконецъ отпустить.

И ничего утроба выдерживала, а самые голоса какъ бы смазывались мягчительною мазью. Видно, что глотки наши были луженыя. Накачаешься этимъ самымъ «бель-вейномъ» и заливаешься голосомъ, что твой курскій соловей.

Пѣвцы пѣвческой капеллы какъ-то прослышали про насъ отъ «церковнаго тенорка» и пригласили насъ въ капеллу, дабы услышать верхнее *re* и *mi bemol* Н. П. Мы попали туда во время занятій. Огромный и неподобнѣйшій хоръ разучивалъ какъ разъ какую-то обѣдню.

Что за музыка! что за небесная гармонія! Какіе ангельскіе голоса мальчиковъ сопрано и альтовъ. Какая законченность исполненія, что за *forte*, что за *piano*! Какое замирающее *pianissimo* у этой массы въ слишкомъ 60 человекъ пѣвцовъ!

Теноровые голоса, правда, не могли сравниться съ чарующимъ теноромъ Н. П., который потомъ привелъ всѣхъ въ безумный восторгъ, пропѣвъ безъ всякаго аккомпанемента романсъ Руальда изъ «Рогнѣды»: «Какъ цвѣтикъ пышный».

Но зато что за басы! Такими басами, поистинѣ, не могла похвалиться ни одна капелла въ мірѣ. Эти феноменальные *basso profundissimo* — Ильинскій и Телѣгинъ! Когда хоръ заключалъ аккордъ молитвы, и эти два баса держали на басовыхъ нотахъ терцу или квинту, это походило на рокотаніе грома или казалось нотами величайшаго церковнаго органа, отъ звука котораго колыхался воздухъ и дрожалъ весь полъ концертнаго зала.

И не диво. У Телѣгина имѣлось басовое *contra la*, у Ильинскаго — *contra sol* и еще *fa*. Странное совпаденіе, отецъ Телѣгина былъ тоже басомъ придворной капеллы и также обладалъ *contra la*, которое только и оставилъ сыну въ наслѣдство. На могилѣ Телѣгина значилось вмѣсто надписи на крестѣ пять нотныхъ линейекъ и нота *contra la*.

Разсказывали, что въ то время въ капеллѣ существовали слѣдующіе порядки: съ субботы на воскресенье, т.-е. наканунѣ парадной обѣдни въ Исаакіевскомъ соборѣ, мальчиковъ сопрано и альтовъ держали впроголодь, съ примѣсью березовой каши, для большаго усердія. Теноровъ запирали на ключъ, угощая ихъ чаемъ и сладостями, а басамъ предоставлялась *carte blanche*, на удовлетвореніе своей утробы и адскаго жерлаглотки винищемъ, хотя бы сивушнымъ. Это, якобы, особенно металлизировало басовые *contra* ноты.

Наше тріо такъ жаждало артистической славы, что, за немѣніемъ ничего болѣе достойнаго, мы порѣшили въ нашей без-

шабашности едѣлаться по заграничному примѣру уличными пѣвцами, вѣрнѣе сказать, дачными пѣвцами, благо лѣто стояло на дворѣ, и все населеніе Петербурга давно потянулось на лоно природы. Какъ теперь помню, начали мы нашу артистическую бродячую жизнь съ какого-то воскресенья, въ которое мы подѣ вечеръ отправились пѣшкомъ на Лахту. Отдохнувъ немного и перекусивъ въ какой-то лавочкѣ, мы вышли концерттировать. Вечеръ былъ чудесный. Погасшія сумерки замѣнила восшедшая луна, и мы зашли безцеремонно въ какой-то цвѣтистый палисадникъ богатой барской дачи. На террасѣ сидѣло общество; такое же видѣлось въ комнатѣ сквозь освѣщенные окна. Слышалась нѣмецкая рѣчь, почему мы рѣшили начать съ Мендельсоновскаго дуэта «Хотѣлъ бы въ единое слово», который мы, кстати, пѣли очень хорошо.

Чарующій теноръ Н. П. обратилъ на себя вниманіе послѣ первыхъ двухъ, трехъ нотъ, и уже послѣ перваго куплета дуэта раздалось громкое восторженное «браво», затѣмъ bis и безконечное bis. Насъ пригласили на террасу, угощали лучшимъ, что было въ домѣ, и не давали почти передышки, требуя нумеръ за нумеромъ. Мы пѣли до поздней ночи и были награждены болѣе, чѣмъ щедро.

Съ этого вечера началась наша бродячая жизнь вольныхъ пташекъ, которую мы вели самымъ веселымъ образомъ въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ, скитаясь по разнымъ дачнымъ окраинамъ Петербурга и распѣвая по вечерамъ подѣ окнами дачъ наши серенады. Пѣли зачастую всю ночь напролетъ, вездѣ любезно принимаемые, и заводили самыя интересныя знакомства. При этомъ было такъ много комическихъ и драматическихъ приключеній, такъ много всякой поэзій, не исключая любовныхъ интрижекъ, присутствующихъ всѣмъ трубадурамъ, что болѣе детальныя воспоминанія объ этомъ я помѣщу въ послѣдующихъ за симъ калейдоскопомъ «Мемуарахъ».

При всемъ веселіи нашей бродячей жизни, мы зарабатывали еще сравнительно много денегъ, которыя умудрялись почти всегда прожить за время нашего дневного отдыха. Наконецъ настала осень. Съ каждымъ днемъ пустѣли дачи все болѣе и болѣе. Пошли прощальныя серенады, сердечные вздохи, заплаканные глазки и проч., и проч.

Въ Петербургъ мы вернулись на старое пепелище, къ прачкѣ и діакону. Насъ ждали и за это время отремонтировали даже нашу комнату, вѣрнѣе каморку. Пошло опять монотонное, жалкое прозябанье. Все тѣ же лица, тѣ же нравы и безпросвѣтная тьма.

Къ счастью, недѣли двѣ спустя, явился къ намъ утромъ угреватый околоточный, пріятель дьякона, съ предложеніемъ ко мнѣ. Въ силу какихъ-то связей онъ предложилъ мнѣ ангажементъ въ кафе-шантанъ, находившійся тогда на Васильевскомъ островѣ, въ

16-й лини, въ качествѣ исполнителя русскихъ романсовъ. Я несказанно обрадовался этому предложенію, не имѣя даже въ то время яснаго понятія, что такое кафе-шантанъ. Мнѣ важенъ былъ ангажементъ, важно было видѣть напечатанной мою фамилію на афишѣ. Объ условіяхъ я и не задумался даже. Все наше тріо отправилось немедленно, ликуя, съ околочнымъ на Васильевскій островъ, въ названный кафе-шантанъ.

Содержатель онаго былъ какой-то пресимпатичный купецъ съ красавицей женой, весьма интересовавшейся всѣмъ дѣломъ. Большое разрисованное зало вмѣщало небольшую эстраду, на которой подвизались всякіе интернаціональные кафе-шантанные артисты. Громадный буфетъ и нѣсколько комнатъ для ресторана были въ этомъ же домѣ, вокругъ котораго разбитъ былъ небольшой садикъ, съ крытой галлереей вдоль забора, уставленный столиками. Мы явились во время общей репетиціи, и хозяинъ пожелалъ прослужить мое пѣніе немедленно. Я захватилъ съ собой нѣсколько романсовъ и тамъ же при всѣхъ, подъ аккомпаниментъ заправскаго аккомпаниатора, пропѣлъ, къ полному удовольствію хозяина и присутствующихъ, нѣсколько нумеровъ. Меня приняли, и патронъ, посоветовавшись съ своимъ капельмейстеромъ, назначилъ мнѣ за два нумера пѣнія въ вечерней программѣ 1 рубль 50 копеекъ въ вечеръ, обѣщавъ повышеніе оклада до 2 рублей 50 копеекъ, увѣряя одновременно, что онъ не пожалѣлъ бы и 5 рублей въ вечеръ, будь я иностранецъ.

Итакъ, я сталъ кафе-шантаннымъ пѣвцомъ, исполнителемъ русскихъ романсовъ, подъ псевдонимомъ Агнесовъ, такъ какъ афиша такого заведенія казалась мнѣ все же компрометирующей. Послѣ оконченныхъ переговоровъ явилась невольная забота о фракѣ, котораго, къ сожалѣнію, не было у меня. Да и фракныхъ сорочекъ имѣлась лишь одна въ наличности.

Фракъ и жилетъ добылъ мнѣ на прокатъ тотъ же околочный у какого-то своего знакомаго татарина лакея. Единственную мою фракную сорочку ежедневно къ вечеру подстирывала и выглаживала прачка Вѣра, при чемъ я взамѣнъ уплаты ежедневно долженъ былъ спѣть ей ея излюбленный, тогда модный романсъ «Крошка».

Такимъ образомъ, прифранченный, конечно, безъ пальто, ибо такого не имѣлось въ нашемъ общемъ гардеробѣ, я ежевечерно отправлялся пѣшкомъ изъ дома Лыткина въ 16-ю линію Васильевскаго острова. Незамѣнные мои два спутника, Н. П. и В., являлись туда ко мнѣ нѣсколько позже и имѣли привычку возсѣдать гдѣ либо за столикомъ въ ресторанѣ, и пока я пѣлъ на эстрадѣ, они проѣдали и пропивали большую часть моего заработка. Въ виду моего успѣха патронъ повысилъ мнѣ разовые до 2 рублей 50 коп., что уже составляло на цѣлый десятокъ романсовъ, которые мнѣ приходилось исполнять, ежевечерно по четвертачку.

Оригинальны были мои сотоварищи по искусству. Японская семья эквилибристовъ, какіе-то нѣмцы, партерные гимнасты, старая толстая французенка diseuse, русская оперная пѣвица съ надтреснутымъ голосомъ, еврейскій куплетистъ, скучнѣйшій нѣмецкій комикъ, нѣмецкая шансонетка, двѣ тощія балерины и какой-то венгерскій квартетъ, гвоздемъ котораго была безголосая, но идеально сложенная пѣвица, пѣвшая вся одѣтая въ трико. Несмотря на всю кажущуюся вольность ея поведенія и преселый нравъ, оказалось, что у этой несчастной пѣвички было по уши заботъ и большая семья на плечахъ. Зимой какъ-то случайно, зайдя къ ней, я увидѣлъ поразительную картину нищеты. Она занимала квартиру въ двѣ комнаты съ кухней въ 4-мъ этажѣ на задворкахъ одного изъ мрачныхъ домовъ Невскаго проспекта. Въ квартирѣ не было буквально никакой мебели. Спали на полу, на разостланныхъ лохмотьяхъ; кое-какая посуда и утварь стояли на плитѣ и на подоконникахъ. Огарокъ свѣчи торчалъ въ пивной бутылкѣ, а на стѣнѣ въ кухнѣ коптѣла маленькая кухонная лампа. Семья состояла изъ ея матери, брата-мальчика лѣтъ 12-ти, молодой беременной дѣвушки ея сестры, еще такой же дѣвочки подростка и рѣзвящагося ребенка въ возрастѣ 3-хъ лѣтъ, дочки самой пѣвички. И всю эту семью пѣвичка поддерживала собственными силами. Не спрашивайте только, какими путями ей доставалась иногда нужная трехрублевка.

Прослужилъ я въ этомъ кафе-шантанѣ около двухъ мѣсяцевъ. Вдругъ читаю въ объявленьяхъ какой-то газеты, что ищутъ пѣвца баритона въ городъ Ревель, по такому-то адресу.

Почему-то мнѣ показалось это объявленіе необыкновенно заманчивымъ. Успѣхъ мой въ 16-й линіи вскружилъ мнѣ голову, и мнѣ вообразилось, что въ Ревелѣ меня ожидаютъ какіе-то особенные лавры.

Вмѣсто того, чтобы списаться по этому вопросу, я рѣшилъ лично поѣхать въ Ревель. Денегъ у меня было не болѣе десятка рублей, зато много апломба и еще довольно приличный фракъ, который я купилъ у татарина въ собственность. Я былъ вполне убѣжденъ, что меня примутъ съ распростертыми объятіями и предложатъ солидный окладъ жалованья.

Приѣхавъ въ Ревель, я остановился въ лучшей гостиницѣ, и такъ какъ это было уже вечеромъ, то я рѣшилъ отправиться по запросу только на другое утро. Тѣмъ временемъ, прежде чѣмъ лечь спать, я заказалъ себѣ въ ресторанѣ гостиницы обильный ужинъ съ подобающимъ виномъ и, отправляясь въ номеръ, приказалъ записать съѣденное на счетъ, чѣмъ видимо вызвалъ изумленіе у хозяина и ресторанной прислуги.

На другой день, приказавъ подать извозчика, я отправился по адресу объявленія. Къ моему ужасу оказалось, что спрашивали

дѣйствительно баритона въ какой-то хоръ мизернѣйшаго маленькаго кафе-шантана, иначе просто кабака. Возмущенный и оскорбленный въ моемъ артистическомъ достоинствѣ, я запилъ мое горе ревельскимъ пивомъ и поѣхалъ кататься съ тѣмъ же извозчикомъ по аллеямъ Екатеринтала.

Вернувшись въ гостиницу, я приказалъ швейцару уплатить извозчику, сколько слѣдуетъ, и записать въ счетъ. Выспавшись въ номерѣ, я отправился осматривать городъ и гуляя раздумывалъ, какимъ бы путемъ выйти изъ денежнаго затрудненія, въ смыслѣ уплаты счета въ гостиницѣ и возвращенія въ Петербургъ. Въ карманѣ было всего нѣсколько пятиалтынныхъ. Утомившись прогулкой, я рѣшилъ, что лучше всего придумаю за ужиномъ въ гостиницѣ, куда и послѣшилъ вернуться. Опять какое-то изысканное блюдо, водочка и закусочка, вино и приказаніе записать въ счетъ.

Опытному глазу хозяина я показался подозрительнымъ субъектомъ, и онъ, выписавъ мнѣ общій счетъ, велѣлъ просить через лакея о немедленной уплатѣ. Я отвѣтилъ довольно высокомернымъ тономъ «завтра» и ушелъ спать. Спалось мнѣ въ эту ночь не особенно покойно. На другое утро, только что я вышелъ изъ номера, швейцаръ мнѣ доложилъ, что хозяинъ проситъ меня въ контору.

Направляюсь. Хозяинъ, видимо, ожидалъ меня и приготовилъ для моего прихода и должную позу и подобающую фязіономію.

— Вы обѣщали уплатить сегодня по счету. Позвольте ли напомнить вамъ объ этомъ, такъ какъ мнѣ крайне нужны деньги?— обратился онъ ко мнѣ.

— Да... я... съ удовольствіемъ бы... конечно, съ удовольствіемъ... но... видите ли, я долженъ раньше велѣть выслать себѣ деньги изъ Петербурга и тогда... сейчасъ же...

— Какъ?—зарычалъ вдругъ хозяинъ:—у васъ нѣтъ денегъ? У васъ нѣтъ денегъ, и вы осмѣливаетесь кушать и пить? Ха, ха, ха! Да вѣдь это не слыхано!.. Позвольте вашъ паспортъ!

Тутъ только я вспомнилъ, что я пріѣхалъ безъ паспорта и жилъ вообще безъ онаго уже нѣсколько недѣль, выславъ его для обмѣна въ Кіевъ и, разумѣется, по безшабашности не позаботившись взять отсрочку и не сохранивъ даже почтовой квитанціи въ доказательство. Я объявилъ ему это.

— Какъ? и паспорта нѣтъ? Ха, ха, ха! Такъ вы, значитъ, бродяга, проходимецъ? Швейцаръ!—заоралъ онъ всѣмъ горломъ.

— Позвольте вамъ сказать!..—перебилъ я его.

— Ничего не позволю! Швейцаръ, швейцаръ!—оралъ онъ пуще прежняго.

Швейцаръ не являлся, однако.

— Вы, быть можетъ, еще артистъ! Канатный плясунъ! Такъ я и зналъ!

— Позвольте,—протестовалъ я.
— Ничего не позволю!—кипятился въ себя расходившійся нѣмецъ.—Такъ я и зналъ! артистъ! Жалкій, мизерный артистиска!..
— Я—артистъ, пѣвецъ! Я—оперный пѣвецъ! понимаете ли вы?..
— Чорта мнѣ въ васъ толку, пѣвецъ вы или акробатъ! Довольно, что вы артистъ! Артистъ значитъ мошенникъ! Всѣ артисты мошенники!—кричалъ онъ, побагровѣвъ отъ изступленія.
— Милостивый государь!..—крикнулъ я въ свою очередь, двинувшись къ нему.

— Не кричите! Не смѣйте кричать! я васъ велю немедленно арестовать, какъ безпаспортнаго бродягу! Понимаете ли вы это? Понимаете?—рычалъ онъ и забѣгалъ, какъ ужаленный, по комнатѣ... Затѣмъ, остановившись предо мной, спросилъ, отъ кого могу я ждать присылки денегъ изъ Петербурга.

Я объявилъ ему, что это должно ему быть безразличнымъ: я прошу его лишь немедленно отправить телеграмму, которую напишу тотчасъ.

Изъ-за того, что я потребовалъ, чтобы онъ уплатилъ за телеграмму, возгорѣлся новый скандалъ. Вопросъ, однако, уладился. Телеграмма была срочная съ требованіемъ срочнаго отвѣта, а потому оставалось выждать только нѣсколько часовъ.

Просьбу мою о немедленномъ переводѣ денегъ я телеграфировалъ одному петербургскому пріятелю, которому я самъ оказалъ неоднократныя услуги, и былъ вполне увѣренъ въ его помощи.

До полученія отвѣта хозяинъ рѣшилъ продержать меня въ заперти, въ комнатѣ рядомъ съ конторой, служившей, судя по обстановкѣ, кабинетомъ ресторана. Онъ даже выказалъ любезность и велѣлъ подать туда мнѣ завтракъ.

Въ комнатѣ оказалось пианино. Я аккомпанировалъ себѣ нѣсколько романсовъ и рѣшилъ въ ожиданіи отвѣта развлечься послѣ завтрака пѣніемъ.

Не могу сказать въ точности, пѣлъ ли я въ тотъ разъ особенно хорошо, или самый мой голосъ произвелъ впечатлѣніе, но вскорѣ отворилась дверь изъ конторы, и хозяинъ остановился въ дверяхъ, внимательно слушая меня.

Затѣмъ слышу, кто-то вошелъ въ контору, и хозяинъ прелюбезно здоровается съ вошедшимъ. Дверь осталась открытой, и я почувствовалъ, что меня слушаютъ. Я продолжаю пѣть съ особеннымъ воодушевленіемъ, къ тому же по-нѣмецки, одинъ изъ романсовъ Шумана и перехожу на романсъ Кюкена.

Въ открытыхъ дверяхъ столпилось уже нѣсколько человѣкъ. Кончаю пѣть, раздается воодушевленнѣйшее «браво», и ко мнѣ выступаетъ симпатичнѣйшей внѣшности бритый господинъ, протягивая мнѣ дружелюбно обѣ руки, и затѣмъ обнимаетъ меня радостно нѣсколько разъ.

Оказалось, что это пасторъ, заходившій каждый день въ отдѣльную комнату ресторана распить бутылочку добраго вина.

Хозяинъ успѣлъ ему уже рассказать инцидентъ со мной, но видимо не умалилъ этимъ его участія ко мнѣ. Онъ наговорилъ мнѣ кучу любезностей относительно моего голоса и исполненія и умолялъ спѣть еще что нибудь. Это желаніе я исполнилъ охотно, и онъ, не находя словъ благодарности, пригласилъ меня выпить съ нимъ стаканчикъ рейнвейну.

Вино было хорошее. Бесѣда оживлялась все болѣе. Пустая бутылка замѣнилась новой. Рассказы мои о пережитыхъ приключеніяхъ въ Америкѣ привели пастора въ самое веселое настроеніе и незамѣтно возбудили ко мнѣ участіе грознаго хозяина гостиницы, который смѣялся отъ всей души и подливалъ мнѣ въ стаканъ вина уже изъ четвертой или пятой бутылки... Я подымалъ бокалъ, обращаясь съ тостами то къ пастору, то къ хозяину. Затѣмъ упросили меня снова спѣть что нибудь и не могли воздержаться, чтобы не подпѣвать мнѣ. Вино и пѣсня вскорѣ сдружили насъ окончательно, и мы не переставали обниматься, цѣловаться и уфѣрять другъ друга въ вѣчной и неразрывной дружбѣ.

Когда къ вечеру пришла отвѣтная телеграмма изъ Петербурга, что деньги переведены мнѣ телеграммой на такую-то банкирскую контору, переводъ этотъ былъ уже лишнимъ. Мои новые друзья ни за что не желали допустить, чтобы я расплатился этими деньгами. Весь мой счетъ гостиницы принялъ пасторъ на себя. А такъ какъ меня томило ожиданіе слѣдующаго дня для получки денегъ отъ банкира, и мнѣ хотѣлось уфѣхать въ тотъ же вечеръ, то хозяинъ выплатилъ мнѣ тотчасъ деньги, которыя онъ получить вмѣсто меня на другой день, и ни за что не желалъ допустить, чтобы я фхалъ за собственный счетъ, а предложилъ мнѣ отъ себя билетъ 1-го класса въ Петербургъ.

Никакіе мои протесты не помогали. До отхода поѣзда имѣлось еще два часа времени, и за этотъ срокъ мнѣ пришлось съ моими негаданными друзьями выпить еще малую толику души веселящаго рейнвейна и заключить шампанскимъ на вокзалѣ, куда меня проводили оба. Разставанье было самое трогательное, съ безконечными объятіями и всякими добрыми пожеланіями.

Какъ я дофхалъ въ Петербургъ, не помню. Въ головѣ было легкое помраченіе, а въ карманѣ полученныя деньги отъ пріятеля, къ которому я тотчасъ и отправился, чтобы ему вернуть ихъ.

Съ хозяиномъ гостиницы я потомъ въ перерывѣ нѣсколькихъ лѣтъ встрѣчался неоднократно и при такихъ обстоятельствахъ, что могъ отблагодарить его сторичею. Милѣйшаго пастора мнѣ никогда не удалось увидѣть больше.

Н. П. О. и компанія необычайно обрадовались моему внезапному, скорому возвращенію и скорбѣли лишь о томъ, что я не

привезъ съ собою денегъ. За эти нѣсколько дней моего отсутствія у пріятелей моихъ явился случайно новый родъ заработка, которымъ они не брезгали изъ стремленія работать и зарабатывать чѣмъ бы то ни было. Гдѣ-то они познакомились съ какимъ-то гробовщикомъ, поставлявшимъ такъ же и всю похоронную процессію. Изъ участія къ ихъ незавидному матеріальному положенію, на которое они жаловались ему, сердобольный гробовщикъ предложилъ имъ участвовать на похоронахъ въ качествѣ факельщиковъ. Въ день моего пріѣзда я ихъ не засталъ дома, они какъ разъ дебютировали впервые въ своихъ новыхъ роляхъ и вернулись лишь пополудни, усталые, но крайне веселые и въ достаточной мѣрѣ пьяные. Къ слѣдующему дню они уже были вновь ангажированы въ погребальной процессіи какого-то богатаго купца, похороны котораго обѣщали быть особенно веселыми, а потому они пристали ко мнѣ съ настойчивымъ товарищескимъ требованіемъ раздѣлить съ ними это веселіе, во что бы то ни стало.

Всегда отличавшійся податливостью, я не могъ противостоять ихъ желанію, тѣмъ болѣе, что и меня самого интересовала оригинальная затѣя пофигуровать въ роли факельщика.

На другой день утромъ я отправился съ ними къ гробовщику, очень обрадовавшемуся доставкѣ такого рослаго и виднаго субъекта, какимъ я былъ. Тогда костюмы факельщиковъ не были еще такъ парадны, какъ нынѣшніе въ столичныхъ бюро похоронныхъ процессій. На меня надѣли какую-то черную хламиду съ перериной, обшитой бѣлымъ позументомъ, и большую широкополую мягкую шляпу съ серебрянымъ шнуркомъ и двумя висячими кисточками. Бѣлыя нитяныя перчатки довершали парадность костюма. Часа два спустя, отъ Владимирской церкви, чрезъ Невскій двигалась торжественно погребальная церемонія, въ которой во главѣ несъ большой крестъ новопринятый факельщикъ—вашъ покорный слуга.

Похороны были дѣйствительно веселыя. Смѣялись мы Богъ вѣсть чему, безъ удержу, чуть ли не всю дорогу. Купечество не поскупилось притомъ на обильное угощеніе, что съ своей стороны сдѣлалъ и самъ гробовщикъ, уплативъ намъ положенный имъ полтинникъ за труды. При этомъ онъ прибавилъ, что умирай почаще такіе люди, какимъ былъ покойничекъ, онъ не поскупился бы платить рубль вмѣсто полтинника и даже съ удовольствіемъ, потому что онъ де понимаетъ, что живи и другимъ жить давай.

Кажется, еще раза три или четыре я не постыдился наряжаться въ костюмъ факельщика, какъ неожиданно получилъ занятіе въ литографіи Кене въ качествѣ рисовальщика на камнѣ. Замѣчу при этомъ, что рисовалъ я настолько недурно, что могъ безъ боязни работать въ этой отрасли искусства.

Я исполнял несложныя компановки для разныхъ этикетовъ и меню. Заработокъ былъ настолько приличенъ, что я могъ бы существовать безбѣдно, если бы на моихъ плечахъ не лежали заботы о моихъ товарищахъ, имѣвшихъ ненасытные желудки и неутолимья глотки. Тѣмъ не менѣе я работалъ охотно и надѣялся, что смогу какъ нибудь опериться и вырваться наконецъ изъ этого омута. Но тутъ случилась со мной пренепріятная исторія, чуть не лишившая меня занимаемой должности. Описанный мною выше музыкантъ «дядя Яка» задумалъ отпраздновать свои именины. Для этого онъ устроилъ въ квартирѣ діакона угощеніе, не забывъ первымъ дѣломъ пригласить насъ.

Набралось вдоволь всякаго народу. Ъли, пили, пѣли, пили, запивали и т. д. Всего казалось мало. Къ тому же домъ — не ресторанъ. И дядя Яка, любившій ресторанъ паче всего, задумалъ продолжать тамъ празднество, и вся компанія двинулась къ Палкину (стоявшему тогда на углу Садовой и Невскаго). Въ началѣ, казалось, шло все весьма миролюбиво. Вдругъ кто-то вспомнилъ, что гдѣ дядя Яка, тамъ будетъ драка. И дѣйствительно, недолго спустя, не помню, какъ и отчего, но дядя Яка залѣпилъ кому-то изъ посѣтителей сосѣдняго стола такую увѣсистую пощечину, что тотъ свалился кубаремъ. Пошла общая свалка, при чемъ дядя Яка поскользнулся, упалъ и сломалъ себѣ ногу. Шумъ, гамъ, стоны, полиція и въ результатѣ протоколъ. Я лично не принималъ никакого участія въ скандалѣ, но долженъ былъ въ качествѣ свидѣтеля расписаться подъ протоколомъ. Почему-то я показался околоточному надзирателю подозрительнымъ, и онъ потребовалъ отъ меня предьявленія паспорта, который мнѣ все еще не былъ присланъ.

Я невольно замаялся и совралъ, что паспортъ мой хранится дома. Онъ усомнился, однако, и приказалъ городовому проводить меня домой и провѣрить, живу ли я по указанному адресу, если же нѣтъ, то свести меня сейчасъ же въ участокъ.

Хозяйка знала, что паспортъ мой отправленъ для обмѣна, и что я не позаботился заручиться отсрочкой. Въ то же время знала, какой штрафъ взыщется съ нея, если полиція узнаетъ, что у нея проживаетъ жилецъ безъ письменнаго вида. А потому на вопросъ городского, живу ли я у нея, и знаетъ ли она меня, она удивленно раскрыла глаза и сказала, что въ первый разъ видитъ меня. Я было къ ней: «Вѣрочка»... Она замахала руками и сказала отступая: «да что вы, какая я вамъ Вѣрочка? Городовой, уберите его, что ему здѣсь нужно. Такого жильца у насъ и отроду не было». Послѣ этого городской довольно грубо скомандовалъ мнѣ: «ну, поворачивайся, пойдѣмъ!» Я такъ опѣшилъ и возмущился вмѣстѣ съ тѣмъ, что не нашелъ даже что сказать, и молча направился по указанію городского.

Ночь, улицы почти безлюдны, а холодный вѣтеръ такъ и пронизываетъ. Привелъ меня городской въ Рождественскую часть. Почему-то не приняли. Повелъ меня въ Московскую. Тамъ долго заставили прождать, затѣмъ повели по узкому коридору, безцеремонно втолкнули меня въ какую-то темную каморку и заперли дверь. Темно, душно и необычайно зловонно. Недалеко отъ меня раздавался какой-то храпъ. Я опустился на полъ и сѣлъ, прижавшись къ стѣнѣ. Такъ просидѣлъ я всю ночь, не сомкнувъ глазъ. Съ разсвѣтомъ въ каморкѣ воцарился какой-то полумракъ, и я могъ разглядѣть, что нахожусь въ узкой комнаткѣ съ маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ. Такое же окошко было въ дверяхъ, обитыхъ желѣзомъ. У противоположной стѣны были нары, на которыхъ лежалъ, раскинувшись, какой-то полуголый оборванный субъектъ, съ отвратительной, вздутой фizioноміей и храпѣлъ непрерывно.

Вскорѣ дверь отворилась, вошелъ городской и грубо, кулачными пинками разбудилъ спящаго. Не менѣе нѣжными увѣситыми подзатыльниками онъ вытолкалъ его изъ каморки и заперъ меня. Ужасъ и злоба охватили меня при мысли, что вдругъ и со мной задумаютъ обращаться такъ безцеремонно. Но я тутъ же рѣшилъ, что съ первымъ посягательствомъ городского на рукоприкладство я его познакомлю съ такимъ американскимъ боксомъ, отъ котораго долго не отлежаться ему.

Прошло часа два времени, обо мнѣ точно забыли. Голодъ и жажда давали себя сильно чувствовать. Я рѣшилъ постучаться въ дверь. Стучалъ я весьма настойчиво, но, несмотря на это, никто не отзывался.

Наконецъ, спустя добрыхъ полчаса времени, послышались торопливые шаги. Дверь съ шумомъ раскрылась, и предо мной предстало свирѣпое лицо того самаго держиморды, который такъ безцеремонно вытолкалъ пьяницу.

— Ты что здѣсь артачишься, лѣшій окаянный?—зарычалъ онъ на меня и поднялъ увѣсистый кулакъ для удара.

Я только отступилъ на шагъ и взглянулъ на него такъ, что онъ, вѣроятно, понялъ, что со мной нужно перемѣнить методъ обращенія. Онъ опустилъ свой кулакъ и спросилъ грубо, что нужно. За врученныя ему 30 копеекъ мелочи онъ оказалъ мнѣ свое вниманіе, принесъ мнѣ кружку кваса и ломоть хлѣба, а равно доложилъ обо мнѣ приставу, чтобы узнать дальнѣйшее распоряженіе насчетъ моей персоны.

Еще часъ спустя, меня вызвали и проводили въ канцелярію. Тамъ одинъ изъ надзирателей написалъ какую-то бумагу и, вложивъ оную въ шнуровую книгу, вручилъ ее городовому, приказавъ проводить меня въ Александро-Невскую часть, гдѣ меня тотчасъ же заключили въ отдѣльную камеру.

На слѣдующій лишь день я былъ вызванъ къ приставу, милѣйшему человѣку, принявшему во мнѣ большое участіе, къ тому еще накормившему меня и напоившему чаемъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ одновременно обратиться къ кому нибудь изъ моихъ знакомыхъ, чтобы взяли меня на поруки: иначе Богъ вѣсть какъ долго продержатъ меня по участкамъ, до прибытія моего вида на жительство. Вотъ тутъ-то оказались друзья-пріятели. Къ кому изъ нихъ я ни обращался письменно по этому вопросу, большая часть изъ нихъ совсѣмъ не отвѣтили, а другіе заявили, что имъ сдѣлать это почему-то неловко. Такъ просидѣлъ я четыре дня и четыре noci въ участкѣ въ одиночномъ заключеніи и раздумывалъ уже въ отчаяніи, не повѣситься ли мнѣ на желѣзной рѣшеткѣ окна...

Вдругъ открывается дверь, входитъ надзиратель и объявляетъ, что приставъ приказалъ отпустить меня на поруки моей двоюродной сестрѣ. Я такъ и замеръ отъ счастья и вмѣстѣ невольнаго удивленія.

Правда, у меня было даже очень много двоюродныхъ сестеръ, но всѣ за тридцать земель отъ Петербурга. И почему онѣ могли узнать о моемъ горестномъ положеніи? И какимъ образомъ нашли меня? и проч. и проч. Мое восторженное настроеніе не дало мнѣ, однако, времени для подробныхъ разспросовъ. Я не подумалъ даже поблагодарить и откланяться любезному приставу, и, какъ говорится, «схвативъ въ охапку кушакъ да шапку», бросился, какъ угорѣлый, изъ камеры, крича радостно: гдѣ, гдѣ она? куда итти?

Внутренній голосъ вызывалъ, правда, во мнѣ сомнѣніе, что беретъ меня на поруки двоюродная сестра, и что надо мной, вѣроятно, просто подшутили, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ предъ собой молоденькую миловидную, скромно, но чистенько одѣтую дѣвушку, которую я встрѣчалъ иногда въ домѣ Лыткина; я зналъ, что ее звали Таней. Она была бѣлошвейка и жила въ бѣлошвейной мастерской надъ квартирой прачки Вѣрочки.

Какъ сосѣдка, она прослышала про мою горькую долю и, какъ сердобольная дѣвушка, не могла успокоиться, что никто изъ моихъ пріятелей не хотѣлъ взять меня на поруки. Распѣваемые мною романсы и самый мой баритонъ, оказалось, давно западали ей въ душу, а наши нерѣдкія, хотя и молчаливыя, встрѣчи смутили почему-то сердечко Тани. Она не находила болѣе покоя, зная, что я въ заключеніи, и, такъ какъ никто не хотѣлъ выручить меня, рѣшилась лично прійти мнѣ на помощь, отправившись въ участокъ и, съ цѣлью высвободить меня, представившись двоюродной сестрой, берущей меня на поруки.

Приставъ, видимо, самъ обрадовался случаю избавиться отъ лишняго арестанта, а потому приказалъ отпустить меня безъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

Я былъ тронуть, глубоко тронуть подвигомъ Тани и почувствовалъ къ ней невольное душевное влеченіе. Но еще трогательнѣе показалась мнѣ дальнѣйшая ея заботливость. Она предчувствовала, какъ жадно мнѣ захочется курить, и тутъ же подала мнѣ 25 штукъ Колобовскихъ папирсъ, узнавъ, что это были мои любимыя. Это привело меня въ такое радостное настроеніе, что я тутъ же на улицѣ, преисполненный благодарностью, принялся цѣловать зардѣвшіяся щечки Тани.

Пока мы дошли до дома Лыткина, мы были уже одна душа, одно сердце, точно мы прожили цѣлый вѣкъ въ любви и согласіи, и долго прощались, разставаясь съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ и обѣщаніемъ увидѣться болѣе продолжительно на слѣдующій день.

Отъ неблагодарныхъ моихъ товарищей я отвернулся навѣки и прервалъ всякія сношенія. Чтобы быть, однако, по сосѣдству съ моей милой поручительницей, я поселился въ томъ же домѣ на задворкахъ въ клѣткѣ четвертаго этажа, сдаваемой какой-то акушеркой, у которой былъ мужъ поварь, прегорькій пьяница, часто дома дебоширничавшій и унимавшійся только, если я соглашался успокоить его какой нибудь пѣсней.

Оставленное мною мѣсто рисовальщика было, къ сожалѣнію, занято уже другимъ, но мнѣ посчастливилось, благодаря случаю, заполучить мѣсто корреспондента и бухгалтера въ одномъ извѣстномъ мѣховомъ магазинѣ.

Кромѣ этихъ занятій, на моей обязанности лежало прочитывать утромъ разныя получаемыя газеты и подчеркивать въ нихъ все то, что могло интересовать самого патрона, стараго холостяка. Это былъ весьма оригинальный, старый нѣмецъ, довольно красивой внѣшности, стѣснявшійся своимъ купеческимъ происхожденіемъ и не въ мѣру корчившій изъ себя аристократа. Жалованье мое для занимаемой должности было весьма мизерное, но все же достаточное для скромнаго существованія. Къ своимъ обязанностямъ я относился внимательно, къ полному удовольствію моего патрона, поощрявшаго меня иногда недурной сигарой и рюмкой портвейна, когда я прочитывалъ ему новости изъ той или другой иностранной газеты.

Отрѣшившись отъ компаніи моихъ бывшихъ товарищей, я почувствовалъ себя во всемъ много лучше и жилъ въ чистотѣ и извѣстномъ достаткѣ. За чистотой моей комнаты зорко слѣдила моя новая двоюродная сестрица, навѣщавшая меня ежедневно по вечерамъ и приводившая въ порядокъ комнату, которая приняла весьма уютный видъ. Занавѣсочка на окнѣ была выстирана, на подоконникѣ красовалось нѣсколько горшковъ дешевыхъ цвѣтовъ, которые она посовѣтовала мнѣ купить, а равно и канарейку, которая весело щебетала въ клѣткѣ, повѣшенной передъ оконной рамой. Объ уходѣ за этой птичкой она заботилась лично, а также

слѣдила за тѣмъ, чтобы у меня всегда былъ въ запасѣ и чистый воротничекъ, манжеты и проч.

Когда я возвращался вечеромъ со службы, на столѣ, покрытомъ чистенькимъ цвѣтнымъ лоскуткомъ, замѣнявшимъ скатертку, кипѣлъ уже самоваръ, и сестрица поджидала меня, чтобы напоить чайкомъ. У нея оказался прелестный голосокъ и весьма хорошій слухъ. А главное она обладала поразительнымъ музыкальнымъ инстинктомъ и, заучивъ любой романсъ, передавала его съ артистическимъ мастерствомъ. Особенно она интересовалась дуэтами, чтобы пѣть со мною вмѣстѣ, и съ нетерпѣніемъ ждала моего возвращенія домой.

Мы привязались невольно другъ къ другу. Я цѣнилъ ея заботливость обо мнѣ, ея сердечность и болѣе всего ея поклоненіе предъ артистомъ. Во мнѣ тогда было уже достаточно артистическаго самоуваженія, этой отличительной пагубной черты артистическихъ натуръ. Она умѣла мнѣ польстить, безумно восторгалась моимъ пѣніемъ, неустанно поддерживала во мнѣ надежду на блестящую будущность. Къ книгамъ и къ театру она проявляла живѣйшій интересъ, и мы немало прочли вмѣстѣ и нерѣдко ходили по театрамъ, забираясь, конечно, на галерею.

По воскресеньямъ Таня навѣщала свою крестную мать, жившую гдѣ-то на Пороховыхъ, такъ что этотъ визитъ представлялъ собой цѣлое путешествіе. Тѣмъ не менѣе никакая погода не могла удержать ее отъ этой дальней прогулки, и все лишь потому, что она каждый разъ приносила отъ крестной варенья, кофе, кусокъ пирога и проч., чѣмъ предполагала доставить мнѣ пріятное праздничное угощеніе.

Въ этихъ заботахъ она, какъ помню, принесла однажды, въ зимній, холодный день, завязанный въ платочкѣ большой горшокъ превкусныхъ щей, которыя мы подогрѣвали, подставивъ подъ горшокъ четыре огарка свѣчей; мы измучились ожиданьемъ, пока онѣ, совсѣмъ заледенѣвъ, наконецъ согрѣлись. Зато съ какимъ воодушевленіемъ мы распѣвали послѣ нихъ Пасхаловскую пѣсню «о рубашкѣ», посвященную всѣмъ бѣлошвейкамъ. Кстати, пѣсню эту разучилъ съ нами самъ композиторъ, нерѣдко заходившій ко мнѣ, чтобы долить еще въ свой желудокъ недостававшую порцію «бель-вейна», который и привелъ его къ преждевременной кончинѣ. А какой былъ милый, симпатичный и талантливый композиторъ, и какъ поразительно хорошо онъ, при всемъ своемъ безголосіи, передавалъ романсы!

Не знаю, какъ долго прожилъ бы я еще въ описанномъ положеніи, если бы совершенно неожиданно не лишился моего бухгалтерскаго мѣста. Вышло это такъ: въ одно прекрасное утро я прочитывалъ моему патрону разныя газетныя новости, между прочимъ, прочелъ я, что изъ какого-то города за границей бѣжалъ кас-

сирь банка, похитивъ чуть ли не полмилліона талеровъ, но былъ постигнутъ полиціей въ первомъ сосѣдномъ городѣ. Прочитавъ это, я обозвалъ кассира идіотомъ, добавивъ, что если бы мнѣ удалось похитить такую сумму, меня и самъ чортъ не отыскалъ бы болѣе. Такое признаніе съ моей стороны такъ страшно испугало почтеннаго мѣхоторговца, что къ вечеру того же дня онъ отказалъ мнѣ отъ мѣста, объявивъ, что онъ боится такихъ порочныхъ молодыхъ людей.

Такой неожиданный сюрпризъ поставилъ меня на нѣкоторое время въ весьма затруднительное матеріальное положеніе, но я не упалъ духомъ и продолжалъ весело распѣвать съ утра до вечера, выжидая, какого рода дальнѣйшая борьба за существованіе ожидала меня.

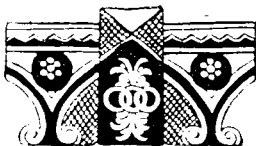
Ожиданіе мое было не слишкомъ томительное. Спустя недѣлю съ чѣмъ-то, я получилъ бумагу, вызывавшую меня въ Одессу къ рекрутскому набору.

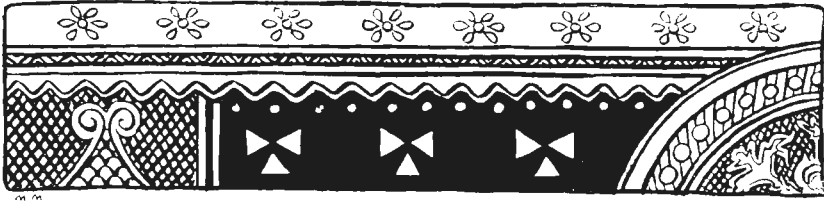
Съ тяжелымъ сердцемъ разставался я съ столь излюбленнымъ мною Петербургомъ, со всею пережитой богемой, изъ которой я, тѣмъ не менѣе, увозилъ и долю веселыхъ воспоминаній. Пришлось также распрощаться и съ милой Танюшей, горькія слезы и тяжелые вздохи которой мнѣ до послѣдней минуты отъѣзда не удалось унять.

Два года спустя, я узналъ, что моя двоюродная сестрица сдѣлалась пѣвичкой и подвизалась съ большимъ успѣхомъ въ качествѣ солистки одного весьма излюбленнаго ресторанныя хора. Въ ея успѣхахъ я убѣдился лично, встрѣтившись съ нею, четыре года спустя, въ Москвѣ, разводѣтой въ шелки и кружева и обвѣшанной драгоценными камнями. Еще четыре года спустя, она была вдовою доктора и унаслѣдовала барскій домъ и весьма солидный капиталъ, бросивъ уже при выходѣ замужъ свою артистическую карьеру. А еще пять лѣтъ спустя, она сдѣлала вдовцомъ своего второго мужа, лихова кавалериста, любившаго ее безумно, оставивъ ему сына и все свое богатство.

Э. Д. Бостуновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОДЪ ГНЕТОМЪ СУДЬБЫ ¹⁾.

ХІ.

НА ДРУГОЙ день, утромъ, когда мужа не было дома, а я въ гостиной возила въ корзинкѣ Сашу, пришелъ Аванасьевъ и такъ былъ взволнованъ, что по разсѣянности вошелъ въ комнату въ фуражкѣ и только тогда ее снялъ, когда я объ этомъ ему напомнила.

— Я къ вамъ съ важной новостью, — мрачно произнесъ онъ. — Вашъ мужъ переведенъ въ четвертую роту, вотъ и приказъ.

— Неужели въ четвертую?! — воскликнула я радостно.

— Да! — кивнулъ онъ головой и, бросивъ приказъ на столъ, началъ молча ходить по комнатѣ.

Радость клокотала въ моей груди и шумно стремилась вырваться наружу, но въ присутствіи Аванасьева я старалась сдерживать ее и прятала свое вспыхнувшее лицо, то наклоняясь надъ уснувшимъ въ корзинкѣ Сашей, то закрывая его развернутымъ приказомъ, при чемъ читала и перечитывала все одну и ту же строчку: «Поручикъ Никоновъ изъ седьмой роты переводится въ четвертую».

— Елена Вячеславовна, — заговорилъ Аванасьевъ, — я нарочно пришелъ безъ Петра Петровича, чтобы поговорить съ вами откровенно. Посмотрите, я за сегодняшнюю ночь посѣдѣлъ, — и онъ при этомъ наклонилъ ко мнѣ свою рыжеватую голову, но сѣдины я въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 67.

ней не замѣтила, однако лицо у него дѣйствительно было разстроенное.

— Что же такое могло въ эту ночь съ вами случиться? — больше изъ вѣжливости, чѣмъ изъ любопытства, спросила я.

Въ эту минуту мои мысли уже были въ Гельсингфорсѣ, на балу, гдѣ я въ своемъ голубомъ визитномъ платьѣ танцевала съ Бобровымъ мазурку.

— Знаете ли вы? — теперь уже торжественнымъ голосомъ началъ Аванасьевъ, — то, что я хочу сейчасъ сказать, я и родной бы матери не сказалъ, а вамъ скажу, потому что многое въ этомъ дѣлѣ отъ васъ зависитъ, — и, придвинувъ ко мнѣ ближе табуретъ, онъ сѣлъ и, оглядываясь поминутно на дверь кухни, за которой были слышны голоса Оомы и Василисы, шепотомъ и съ умоляющимъ лицомъ произнесъ:

— Голубушка вы моя, Христомъ Богомъ прошу, не влюбляйтесь въ Боброва, онъ непременно долженъ жениться на Марьѣ Львовнѣ, — и, помолчавъ съ минуту, какъ бы собираясь съ силами сказать что-то очень для него тяжелое, еще тише произнесъ:

— У Машеньки, говорятъ, ребеночекъ отъ него былъ.

Мое, за минуту радостное, настроеніе мгновенно исчезло, и его замѣнила тяжесть на душѣ.

— Да, это очень важно, — наконецъ проговорила я. — Отъ кого вы это узнали?

— Отъ кого же, какъ не отъ нашей полковой сплетницы Пауковой, — теперь уже громко и со злостью заговорилъ Аванасьевъ. — Вчера позднѣе всѣхъ она отъ меня ушла, подсѣла, какъ добрая, поговорить о Машенькѣ. Сначала хвалила, а потомъ своими словами всю мою душу перевернула и такъ рассказала, какъ будто сама присутствовала и все видѣла... И я помню, — продолжалъ онъ, — Машенька осенью дѣйствительно была больна. Я часто въ то время заходилъ къ Сверчковымъ, и она ни разу ко мнѣ не вышла. Въ эту самую болѣзнь, Паукова увѣряетъ, ребеночекъ и родился, и будто бы Сверчковы изъ опасенія огласки и докторовъ къ ней не приглашали. Кромѣ того, Паукова говоритъ, что въ эту же Машенькину болѣзнь, разъ вечеромъ, Варвара Львовна съ корзинкой, увязанной въ ватное одѣяло, ѣздила въ Гельсингфорсѣ, и что въ той корзинкѣ и былъ Машенькинъ ребеночекъ...

— Тьфу, ты, мерзость какая! — помолчавъ, опять началъ Аванасьевъ: — и куда они дѣли его! Хотъ бы мнѣ тогда отдали: я его любилъ бы, воспиталъ, а то, вѣрно, въ какойнибудь воспитательный домъ швырнули.

При послѣднихъ словахъ голосъ у него задрожалъ, и хотя я не могла видѣть его лица, такъ какъ онъ стоялъ ко мнѣ спиной и глядѣлъ въ окно, но я была убѣждена, что онъ плачетъ. Плакала и я надъ моей только что начавшейся и уже погибшей любовью.

Уходя, Аванасьевъ мнѣ сказалъ:

— Я не ошибся, когда рассчитывалъ на ваше доброе сердце. Теперь я увѣренъ, что вы употребите на Боброва все свое вліяніе, чтобы тотъ женился на скомпрометированной имъ дѣвушкѣ.

Цѣлый день я ходила съ опухшими отъ слезъ глазами; мнѣ казалось, что я уже не могу перестать думать о Бобровѣ. Наконецъ, рѣшила при свиданіи съ нимъ узнать всю истину и, если окажется, что онъ дѣйствительно обязанъ жениться на Марьѣ Львовнѣ, то способствовать этому браку. Сама же опять принялась за свои учебники и мало-по-малу начала свыкаться съ ролью великодушной соперницы. При этомъ нужно сознаться, что, хотя я и рѣшила женить Боброва на Марьѣ Львовнѣ, но все-таки надѣялась, что мой образъ постоянно будетъ жить въ его сердцѣ, и мы вѣчно останемся друзьями.

Не успѣли мы еще переѣхать въ Гельсингфорсъ, какъ снова является, но уже съ сіяющимъ лицомъ, Аванасьевъ и сообщаетъ мнѣ, что теперь онъ отъ вѣрнаго человѣка узналъ, что осенью Марья Львовна была больна брюшнымъ тифомъ, а Варвара Львовна не ребенка везла въ корзинкѣ, а два стеклянныхъ (отъ лампъ) шара, чтобы ихъ перемѣнить въ магазинѣ. Было замѣтно, что Аванасьевъ мучился, зачѣмъ тогда посвятилъ меня въ эту сплетню, и упрашивалъ нигдѣ и никому о ней не проговориться.

Я увѣряла Аванасьева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя, что лично сама ни минуты не сомнѣвалась въ порядочности Боброва, хотя все-таки не оставляла своего намѣренія переговорить съ нимъ относительно Марьи Львовны.

Радость, которую я испытала при извѣстіи, что мы переѣзжаемъ въ Гельсингфорсъ, уже исчезла, можетъ быть, оттого, что мнѣ было жаль разстаться съ Желтковымъ и съ недавно начатымъ ученіемъ.

Между тѣмъ, мужъ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ явиться по начальству и прискаты для насъ квартиру. Только старшіе офицеры помѣщались въ казармахъ, а младшимъ выдавались квартирныя деньги. Въ это же время мнѣ отдала визитъ Варвара Львовна, но пришла не одна, а съ сестрой.

Я замѣтила, что Марья Львовна съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣла, похудѣла, но все-таки была очень мила, а Варвара Львовна въ этотъ разъ держала себя со мной очень важно и сидѣла всего нѣсколько минутъ, но все-таки успѣла меня уколотъ, когда разговоръ зашелъ о переводѣ моего мужа въ другой батальонъ.

— Мы такъ и думали,—сказала она,—что васъ Бобровъ переведетъ къ себѣ въ роту: вы съ перваго взгляда его поразили.

Мнѣ было страшно встрѣтиться съ глазами Марьи Львовны, но словъ ея сестры я не оставила безъ отвѣта.

— Мнѣ кажется,—начала я сухо,—что офицеровъ переводить полковой командиръ, а не Бобровъ.

— Ну, мы объ этомъ кое-что знаемъ,—сквозь зубы произнесла она и сейчасъ же начала прощаться.

Марья Львовна, надѣвая шубку, замѣшкалась, и мы съ нею на минуту остались однѣ.

— Теперь вы съ Владимиромъ Александровичемъ будете часто видѣться,—дрожащимъ голосомъ и, сильно поблѣднѣвъ, вдругъ сказала она.

Я почувствовала, что и у меня лицо похолодѣло.

— Не знаю,—съ нервнымъ смѣхомъ отвѣтила я:—мужъ говорилъ, что онъ теперь его ротный командиръ.

— Поклонитесь отъ меня,—чуть слышно прошептали ея поблѣднѣвшія губы.

— Маша, скоро ли ты?—раздался изъ сѣней властный голосъ ея сестры.

Тутъ Марья Львовна неожиданно бросилась ко мнѣ на шею, нѣсколько разъ поцѣловала и, не оглядываясь, выбѣжала изъ кухни.

Такой сердечный порывъ меня сильно тронулъ. Бѣдняжка, думала я, съ грустью глядя ей вслѣдъ, просить не отнимать у нея Боброва! И въ эту минуту я искренно хотѣла отъ него от-речься.

XII.

Когда я начала укладываться, ко мнѣ неожиданно пришла Паукова съ дружескимъ предложеніемъ помочь въ моихъ хлопотахъ. Зная, какая она сплетница, я не очень охотно приняла ея помощь, но въ какіе нибудь нѣсколько часовъ она сумѣла меня такъ обойти, что начала казаться очень полезной и симпатичной. Сначала я думала, что она начнетъ сплетничать о Марьѣ Львовнѣ, но Паукова о ней даже не упомянула, а Боброва расхваливала и при этомъ хвастала, что онъ и ея мужу обѣщалъ похлопотать о его переводѣ въ Гельсингфорсъ, а меня просила объ этомъ напомнить Боброву.

— Я вамъ за это услугу,—говорила она:—за вашимъ Сашенькой, какъ за роднымъ сыномъ, ухаживать буду...

Но вотъ настала и часъ нашего отъѣзда съ Скандинавскаго полуострова.

У крыльца, передъ зданіемъ, гдѣ мы жили, стоятъ три извозчика. На одномъ большой сундукъ, на другомъ сидитъ Василиса съ Сашей на рукахъ, рядомъ съ ней Тома; онъ держитъ самоваръ и завязанную въ ситцевый платокъ птичью клѣтку, въ которую втиснута кошка, только что подаренная Василисѣ нашей бывшей фельдфебельшей. На третьемъ извозчикѣ сажу я, обложенная узлами и корзинами, а вокругъ саней стоятъ мои друзья. Ида Карловна, со слезами на глазахъ, молча, прижимаетъ меня къ своей груди,

ея мужъ старается на ломаномъ русскомъ языкѣ объяснить свои и ея чувства.

Аеанасевъ такъ крѣпко на прощаніе сжалъ мнѣ руку, что я только потому не закричала, что боялась его сконфузить.

— Будемъ и въ Гельсингфорсѣ видѣться,—говоритъ онъ.—Я вамъ скоро торгъ своей стряпни на новоселье привезу, тогда и ложу въ театрѣ возьмемъ пополамъ.

Мнѣ же больше всѣхъ жаль Желткова. Какимъ онъ выглядитъ худымъ, несчастнымъ, особенно рядомъ съ Аеанасевымъ, который въ шинели кажется еще огромнѣе... и какое у него разстроенное лицо! Я чувствую, что онъ меня любитъ и страдаетъ, зачѣмъ я убѣждаю, хотя ни однимъ словомъ, ни разу не выразилъ сожалѣнія о нашемъ переселеніи въ Гельсингфорсѣ. И теперь только пожалъ руку и подалъ (вѣроятно, для меня же купленный) учебникъ стенографіи.

— Вотъ это метода Ольхина,—сказалъ онъ,—можетъ быть, и однѣ съ ней справитесь, не забудьте, чтобы быть самостоятельной, нужно прежде всего умѣть зарабатывать деньги, а стенографы, я слышалъ, большія деньги зарабатываютъ.

Но тутъ Аеанасевъ плечомъ оттолкнулъ его отъ меня.

— Ну тебя съ твоими книгами! Дай мнѣ съ Еленой Вячеславовой о дѣлѣ поговорить. Такъ, барынька, не забудьте, о чемъ я васъ убѣдительно просилъ.

Я знаю, на что онъ намекаетъ, — боится, чтобы я комунибудь не рассказала о той сплетнѣ, которую онъ мнѣ сообщилъ о Марьѣ Львовнѣ. Виновница же этой сплетни, Паукова, даже въ сани ко мнѣ влѣзла, чтобы нѣсколько разъ меня обнять.

— Вѣдь это ангельчикъ,—указывая на меня, обращается она къ окружающимъ:—въ короткое время я ее, какъ родную сестру, полюбила.

Намъ пришлось проѣхать мимо квартиры Сверчковыхъ. Марья Львовна, съ непокрытой головой и въ своемъ линючемъ синемъ платьѣ, выбѣжала на крыльцо и издали такъ привѣтливо мнѣ кланялась и улыбалась, что я растрогалась и заплакала.

Впрочемъ, мое грустное настроеніе продолжалось недолго. Увидавъ вдали Гельсингфорсѣ, я уже повеселѣла и благодарила Бога, что избавилась отъ тоскливаго Скандланда. Когда же я вошла въ нашу новую квартиру и увидѣла, что она вся залита солнцемъ, и всѣ окна выходятъ на улицу, по которой поминутно снуютъ люди, а на подоконникахъ и даже на полу стоятъ красивые въ горшкахъ цвѣты (нѣкоторые, несмотря на раннее время, цвѣли), я пришла въ восторгъ.

— Откуда ты досталъ такую прелесть?—спрашивала я мужа, подбѣгая то къ одному, то къ другому горшку.

— Это вамъ на новоселье вашъ поклонникъ прислалъ!—съ насмѣшкой, хотя улыбаясь, сказалъ онъ.

Я, конечно, сейчасъ же догадалась, кто этотъ поклонникъ, и спокойно, какъ только могла, спросила:

— Ты развѣ его видѣлъ?

— О женщины! — воскликнулъ мужъ, всплеснувъ руками:— какъ будто я ей не писалъ, и она не знаетъ, что я у него остановился и три дня жилъ до пріисканія квартиры.

— Развѣ нельзя забыть!..— сказала я и, чтобы скрыть смущеніе, я пошла осматривать квартиру.

Она состояла изъ трехъ комнатъ и кухни; въ гостиной стояла, хотя сильно подержанная, но все-таки мягкая мебель; въ спальнѣ новыя, съ тюфяками, желѣзныя кровати и маленькій дамскій туалетъ.

Когда мужъ уѣзжалъ съ острова, у него было въ карманѣ всего двѣнадцать марокъ, и мы рассчитывали взять мебель изъ магазина на прокатъ, а теперь онъ сказалъ, что мебель купилъ. Мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, откуда у него могли явиться деньги: не взялъ ли у Боброва? И при одной этой мысли краска стыда залила мнѣ лицо; когда же я начала его спрашивать, гдѣ онъ взялъ столько денегъ, онъ, послѣ того, какъ я нѣсколько разъ повторила вопросъ, нехотя проговорилъ:

— Тебѣ-то какое дѣло?—значить, были, если купилъ.

— Нѣтъ, я знаю, у кого ты взялъ,—приставала я:—у Боброва, и тебѣ не стыдно, только что съ человѣкомъ познакомился, и сейчасъ же занимаешь деньги.

— Ахъ, бабы! привяжутся, такъ не отстанутъ.

Но черезъ нѣсколько минутъ онъ, подбоченясь, говорилъ:

— Ну, что жъ такое, если и у Боброва деньги занялъ? Я вѣдь съ тѣмъ бралъ, чтобы отдать. Неужели ты думаешь, что я захочу обязываться этому поганому аристократишкѣ? Меня ужъ отъ одной его смазливой морды претить, и не только отъ нея, но даже и отъ всей его обстановки: какъ паша турецкій, оттоманками да коврами всю квартиру убралъ! Порядочному человѣку даже плюнуть негдѣ. Знаю я его дружбу,—уже повышая голосъ, продолжалъ онъ:—не дуракъ я, слава тебѣ Господи, смекаю, зачѣмъ онъ хлопоталъ, чтобы меня въ его роту перевели, и деньги мнѣ еще навязываетъ: за женой собирается ухаживать, и передъ мужемъ лебезить.

Я не могла не заступиться за Боброва.

— Онъ тебѣ потому не нравится, что на тебя не похожъ.

— Зато онъ вамъ нравится,—уже ѣдко началъ мужъ,—только помните, Елена Вячеславовна, я не изъ тѣхъ мужей, которые, украшенные рогами, ходятъ. И прошу запомнить, что я вамъ теперь скажу: любезной съ нимъ позволяю быть, потому что онъ теперь мое ближайшее начальство, и поговариваютъ, что уйдетъ отъ насъ въ дивизию. Кто знаетъ, можетъ быть, и меня изъ-за васъ туда выгнать.

И, помолчавъ, продолжалъ:

— Я уважаю тѣхъ женъ, которыя выдвигаютъ по службѣ своихъ мужей; пусть нужные мнѣ люди въ васъ влюбляются, но зато, если вы вздумаете за моей спиной завести грязную интригу, я распоряжусь по-нашенскому, по-россейски, вотъ этимъ,—и онъ покажетъ кулакъ.—Любовнику кости поломаю, а какъ съ вами поступлю, теперь умолчу, только скажу: лучше бы вамъ тогда и на свѣтъ не родиться.

Его угрозы меня скорѣе насмѣшили, чѣмъ напугали: моя любовь еще была такъ невинна. Кромѣ того, интриги съ ложью и обманами меня не прельщали. Правда, я жаждала любви, но любви серьезной, а не интрижки за спиной мужа. Мечтала, что мой герой, полюбя меня, разведетъ и женится на мнѣ, и только въ случаѣ, если мужъ не согласится на разводъ, то я, прежде всего, объявивъ мужу о своей любви, уйду явно и съ Сашей къ любимому человѣку. А теперь на его угрозы я гордо отвѣтила:

— Я не изъ тѣхъ женъ, которыя лгутъ: когда полюблю другого, то тебѣ первому скажу.

И не сознавая, что лгу, продолжала:

— Дался вамъ красавецъ Бобровъ! Можетъ быть, въ него и дѣйствительно всѣ женщины влюбляются, но я къ нему совершенно равнодушна и даже желаю, чтобы онъ женился на свояченицѣ Сверчкова.

Лицо мужа вдругъ просіяло.

— Да неужели ты правду говоришь, ахъ, ты, мой божененочекъ!

И онъ хотѣлъ меня обнять, но я съ нескрываемымъ отвращеніемъ вырвалась изъ его объятій. Онъ отошелъ отъ меня и, глядя исподлобья, произнесъ:

— Не знаю, правду ли ты говоришь, что равнодушна къ Боброву, но что ты меня ненавидишь, я это давно знаю. Ахъ,—схватился онъ за голову,—развѣ пойти съ горя напиться?—и направился къ шкафчику, гдѣ у насъ стояла водка.

Мнѣ какъ будто стало его жаль, но вернуть и сказать, что я его люблю, было противно. Стараясь больше не думать о мужѣ, я взяла Сашу на руки, подносила къ каждому цвѣтку, а сама шептала ему на ушко: «Саша, неужели правда, что онъ насъ любитъ?»

XIII.

Переѣхавъ въ Гельсингфорсъ, мы особенно въ первое время, были всѣ довольны. Мужъ радовался, что могъ по утрамъ лѣниться и опаздывать въ роту, и когда я напоминала ему, что пора идти, онъ мнѣ со смѣхомъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ?—всю службу рысью не избѣгаешь, у меня же ротный командиръ теперь повластный, все

молчитъ». Василиса радовалась, что по воскресеньямъ можетъ ходить въ церковь: стала меньше браниться съ Ѳомой и мнѣ не грубила. Ѳома также былъ доволенъ потому, что у него въ Гельсингфорсѣ оказалось нѣсколько земляковъ, кромѣ того, онъ радовался, что лѣтомъ будетъ гулять по городу съ Сашей на рукахъ.

— Ничего,—говорилъ онъ,—и здѣсь съ Сашенькой проживемъ: лѣтомъ на парады да на смотры ходить будемъ—пушай къ военной службѣ приучается... Самъ надѣну новый мундиръ, а онъ въ шелковомъ одѣяльцѣ и фуражечка съ нашимъ околышкомъ. Може, еще и анаралъ когда подойдетъ и спросить: «Чье дите?» Я—сейчасъ: «Поручика Никонова, ваше превосходительство!»

Что я была довольна переѣздомъ въ Гельсингфорсъ, нечего и говорить; уже одно то, что мужъ каждый день, возвращаясь изъ роты, передавалъ мнѣ (хотя и съ ироніей) поклонъ отъ Боброва,—дѣлали меня счастливой на цѣлый день. Я старалась принимать эти поклоны, какъ можно равнодушнѣе, и, хотя въ ожиданіи дорогого гостя каждый день завивалась и тщательнѣе обыкновеннаго одѣвалась, но ни разу не спросила мужа о томъ, когда Бобровъ собирается къ намъ съ визитомъ.

На третій или четвертый день мы отправились гулять по улицамъ. Утро выдалось прекрасное. Подъ лучами мартовскаго солнца уже сильно таялъ снѣгъ; на обнаженныхъ деревьяхъ эспланады чирикали птицы. Я любовалась большими красивыми зданіями, широкими улицами и съ любопытствомъ смотрѣла на бѣлокурыхъ и скуластыхъ шведовъ; дамы-шведки въ старомодныхъ шляпкахъ и легкихъ не по сезону накидкахъ мнѣ не понравились. Русскихъ мы узнавали по лицу и по болѣе изящному костюму, встрѣтили и одну нашу полковую даму, красивую и со вкусомъ одѣтую, сзади нея денщикъ несъ корзину съ провизіей. Она съ любопытствомъ на насъ такъ же, какъ и мы на нее, оглянулась. Мужъ сказалъ, что это—жена капитана Николаева, который съ нимъ въ одномъ батальонѣ, и что всѣ офицеры отзываются о ней съ большимъ уваженіемъ.

Когда мы вышли на болѣе людныя улицы, намъ на каждомъ шагу начали попадаться нищіе, полунагіе, съ истощенными отъ голода лицами; они были такъ жалки, что нужно было имѣть слишкомъ черствое сердце, чтобы пройти и не подать имъ.

На одной изъ улицъ намъ встрѣтился Кировъ, жизнерадостный, сіяющій, усики закручены стрѣлками и съ пакетами въ рукахъ.

— Все порученія Варвары Львовны,—объяснялъ онъ, собирая пакеты въ одну руку и подавая намъ другую, и сейчасъ же спросилъ, часто ли у насъ бываетъ Бобровъ. Я старалась замять разговоръ о немъ и спрашивала о знакомыхъ.

— Желтковъ быстро шагаетъ къ сумасшедшему дому,—разсказываль Кировъ:—все видитъ какія-то злоупотребленія и собирается жаловаться на инспекторскомъ смотрю. Марья Львовна хандритъ—никто замужъ не беретъ. Лисицынъ нашель невѣсту, семи пудовъ вѣсу, здѣшняя купчиха, за ней, говорятъ, двѣсти тысячъ, но на дѣлѣ и двухъ не окажется.

Тутъ я его прервала: мнѣ бросился въ глаза, стоявшій у стѣны одного дома, почти голый нищій-старикъ, издали показавшійся мнѣ даже слѣпымъ.

— Посмотрите!—указала я на него.

Мужъ сейчасъ же далъ мнѣ нѣсколько пенни; когда я клала ихъ въ руку старика, то замѣтила, что онъ дрожитъ отъ холода, и что у него одинъ глазъ совсѣмъ потухшій. Кировъ тоже что-то подалъ, но тутъ вышло нѣчто неожиданное. Только что Кировъ отошелъ отъ старика, какъ тотъ съ озлобленнымъ лицомъ и сжатými кулаками бросился за нимъ. Къ счастью, мужъ во время это замѣтилъ и успѣлъ схватить нищаго свади за локти. Старикъ со слезами, которыя текли по его изможденному лицу, обратился ко мнѣ и по-чухонски жалобнымъ голосомъ что-то сталъ объяснять. Когда мужъ по моей просьбѣ выпустилъ его локти, онъ разжалъ свой кулакъ, и я увидѣла, что на ладони вмѣстѣ съ монетой въ пять пенни, которую я ему подала, лежала маленькая конфетка драже, употребляемая на украшеніе тортовъ. Кировъ съ сконфуженнымъ лицомъ говорилъ, что онъ хотѣлъ пошутить съ старикомъ.

Я начала доказывать неумѣстность подобной шутки, не замѣтила, когда къ намъ присоединился Бобровъ, и даже вздрогнула, когда тотъ произнесъ возлѣ меня:

— О чемъ это вы, Елена Вячеславовна, съ такимъ жаромъ говорите?

Увидѣвъ его, я такъ смутилась, что ничего не могла отвѣтить.

Мужъ началъ ему разсказывать исторію со старикомъ. Я же съ тревогой слѣдила за выраженіемъ лица Боброва, когда тотъ слушалъ разсказъ, опасаясь, чтобы и онъ, какъ мой мужъ, не нашель исторію со старикомъ смѣшной. Замѣтивъ на его лицѣ негодованіе, я обрадовалась и уже не могла оторвать глазъ, когда онъ подошелъ къ старику, далъ ему сначала денегъ, потомъ, крикнувъ извозчика, началъ самъ нищаго усаживать въ сани.

Кировъ незамѣтно скрылся впрочемъ, можетъ быть, онъ и прощался, но я, кромѣ Боброва, въ то время никого и ничего не видѣла. Мужъ замѣтивъ, что я не спускаю съ него глазъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Пойдемъ домой, успѣешь на него и дома насмотрѣться; онъ, какъ только отправитъ старика въ роту, сейчасъ же къ намъ придетъ.

Кажется, мужъ по дорогѣ что-то говорилъ, но я ничего не слышала—только думала, какъ добръ Бобровъ. Поступокъ его съ нищимъ приводилъ меня въ восторгъ. Я не ошиблась въ немъ,—повторяла я самой себѣ. Онъ великодушень, сострадательнъ, и какъ же люди злы, что могли выдумать про него эту грязную исторію съ Марьей Львовной—я о ней сегодня же съ нимъ переговорю! Но когда я снова его увидѣла, то въ первую минуту не только забыла о Марьѣ Львовнѣ, но даже и о мужѣ, который сидѣлъ тутъ же въ гостиной и слѣдилъ за мной. Отъ смущенія я сначала даже не могла сообразить, что мнѣ говоритъ Бобровъ. Наконецъ, поняла, что онъ проситъ познакомить его съ моимъ сыномъ. Я побѣжала въ дѣтскую, надѣла на Сашу самую красивую рубашечку, причесала волосики и сама вынесла къ дорогому гостю.

Саша военныхъ не дичился и сейчасъ же пошелъ къ нему на руки, а тотъ восхищался имъ, говорилъ, что Саша—прелестный ребенокъ и очень похожъ на меня. Увидѣвъ своего мальчика на рукахъ у Боброва, у меня вдругъ стало тяжело на сердцѣ. Мнѣ вспомнилась сплетня про Марью Львовну, и я сейчасъ же спросила:

— Давно вы были у Сверчковыхъ?

— Очень недавно, всего два дня,—совершенно спокойно отвѣтилъ онъ.

— Не правда ли, милые люди?

— Не скажу,—съ гримасой произнесъ Бобровъ:—если у нихъ въ семьѣ есть милый человекъ, такъ это Марья Львовна, ради нея я только и ѣзжу къ Сверчковымъ.

— «Какъ скоро правду узнала!»—съ горечью подумала я. Бобровъ же продолжалъ:

— Не знаю, слышали ли вы, какъ этой бѣдной дѣвушкѣ дурно живется у родныхъ. У обоихъ Сверчковыхъ тяжелые характеры. Жена властолюбива и жадна, а мужъ глупъ и капризенъ, и все это отзывается на Марьѣ Львовнѣ.

Каждое его слово, въ которомъ слышалось сочувствіе къ ней, тяжело отзывалось у меня въ сердцѣ, хотя я и увѣряла себя, что очень за нее рада, между тѣмъ чувствовала, что лицо у меня было несчастное.

Въ нашъ разговоръ вмѣшался мужъ.

— Отчего никто изъ офицеровъ на Марьѣ Львовнѣ не женится? Она такая хорошенькая, что я самъ не прочь за ней приударить.

— Кто хорошенькая, Марья Львовна?—удивился Бобровъ:—по-моему она даже не хороша.

Я просіяла, но все-таки спросила:

— Кажется, она очень умная дѣвушка?

Бобровъ опять сдѣлалъ гримасу.

— Ума особеннаго не замѣтилъ, только вообще она хорошая дѣвушка: добрая, хозяйка. Я для нея хлопочу,— продолжалъ онъ,— мѣсто компаньонки къ одной моей богатой теткѣ. Въ послѣдній разъ я ѣздилъ на Скандинавію только для того, чтобы передать Марьѣ Львовнѣ, что тетка согласна на всѣ ея условія; и кажется, Марья Львовна скоро уѣдетъ въ Ярославскую губернію.

Послѣ этого объясненія у меня стало свѣтло на душѣ. Бобровъ поднялся еще выше въ моихъ глазахъ, такъ какъ заботился о бѣдной сиротѣ, не будучи въ нее влюбленнымъ. Теперь между имъ и мною уже не стоялъ никто, и я могла къ нему относиться съ полнымъ довѣріемъ. А онъ, съ своей стороны, интересовался всѣмъ, что до меня касалось, спрашивалъ, чѣмъ я занимаюсь, что читаю, даже интересовался моимъ прошлымъ. И я кое-что успѣла ему рассказать изъ моего грустнаго дѣтства.

Во время моего разсказа я видѣла участіе къ себѣ въ его чудныхъ глазахъ.

— Жаль, — вздохнулъ онъ: — что изъ такой жизни, какъ была ваша, вы выбрали одинъ исходъ—выйти замужъ.

И какъ мнѣ стало грустно, когда Тома заперъ за нимъ дверь. Я долго стояла у окна, пока его стройная, гибкая фигура не исчезла изъ моихъ глазъ. Я забыла, что мужъ былъ въ комнатѣ, и только тогда опомнилась, когда онъ съ насмѣшкой произнесъ:

— Вы, кажется, говорили, что къ Боброву равнодушны?

XIV.

Давали «Грозу» Островскаго, и я съ восторгомъ шла въ театръ. Моему воображенію театръ всегда представлялся волшебнымъ міромъ, а теперь я еще надѣялась увидѣть тамъ Боброва.

Входя въ ложу, гдѣ насъ уже ожидалъ Аванасьевъ, я была сильно взволнована: музыка, непривычный яркій свѣтъ, праздничный видъ людей, а главное — ожиданіе чего-то необыкновеннаго заставляло мое сердце учащенно биться.

Рядомъ ложа оказалась занята семействомъ капитана Николаева. Мужъ не замедлилъ меня съ нимъ познакомить, а тотъ познакомилъ со своей женой, той самой дамой, которую мы встрѣтили во время нашей первой прогулки по Гельсингфорсу.

— Я уже видѣла васъ,—подавая мнѣ руку, сказала та: — сперва не хотѣла повѣрить, что вы,—такая молоденькая,—и уже дама. Будемъ же знакомы, — любезно продолжала она, — тѣмъ болѣе, что наши мужья въ одномъ батальонѣ служатъ. — При этомъ она окинула быстрымъ взглядомъ мой туалетъ.

Сама Николаева была одѣта въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ голубымъ у шеи бантомъ, котрый очень шелъ къ ея свѣжему со

строгими чертами лицу. И Николаевъ былъ видный мужчина: высокаго роста, съ добрымъ, хотя нѣсколько бабьимъ лицомъ.

Разговориться намъ въ первую минуту не пришлось — подняли занавѣсъ. Но я начала разыскивать въ бинокль Боброва и скоро его нашла во второмъ ряду кресель, а найдя уже не отрывала отъ него глазъ, пока надъ моимъ ухомъ не раздался шопотъ мужа.

— Васъ сцена, кажется, не очень занимаетъ, публику предпочитаете разсматривать?

Когда мужчины въ антрактѣ ушли изъ ложъ, Николаева подѣбла ближе ко мнѣ и начала спрашивать, нравится ли мнѣ Гельсингфорсъ, сколько платимъ за квартиру и т. д. Зашель разговоръ и о дѣтяхъ. Она сообщила, что у нея двѣ дѣвочки, которыхъ она обожаетъ, и очень удивилась, что я поѣхала въ театръ, когда сама кормлю своего сына.

— Хотя у меня и большія дѣти, — говорила Николаева, — но я сегодня только въ первый разъ рѣшилась отъ нихъ поѣхать въ театръ и то сажу, какъ на угольяхъ: боюсь, уложилъ ли ихъ денщикъ въ-время спать, накормилъ ли передъ сномъ!

Послѣ ея словъ и у меня сердце стало ныть о Сашѣ. Но когда Бобровъ мнѣ поклонился, я все забыла, и только ждала, когда онъ придетъ къ намъ въ ложу.

Николаева, замѣтивъ поклонъ Боброва, сказала:

— Не правда ли, какой красивый нашъ Бобровъ? Мнѣ нравится, что у него при блѣдномъ лицѣ глаза, какъ уголь, черные. Многія дамы увѣряютъ, что не могутъ выносить его пристальнаго взгляда, и прозвали его Калиостро. Онъ, кажется, ротный командиръ вашего мужа?

— Да, кажется, — равнодушно произнесла я.

— Смотрите, не влюбитесь въ нашего чародѣя, — съ улыбкой продолжала она: — въ него даже старухи, говорятъ, влюбляются.

— О, что касается меня, — съ нервнымъ смѣхомъ заговорила я, — то въ немъ не вижу никакихъ чаръ, и онъ мнѣ не опасенъ.

— Вотъ умница, — похвалила Николаева, — конечно, душечка, разъ мы вышли замужъ, то влюбляться уже ни въ кого не должны, а только обязаны своихъ мужей и дѣтей любить. Вотъ, хоть бы и я — только и живу для мужа и моихъ дѣвочекъ. И горя немало уже съ ними видѣла, спросите у нашего любого офицера, каждый вамъ скажетъ, что мой мужъ холостымъ сильно пилъ и, только благодаря моимъ постояннымъ о немъ заботамъ, теперь почти не пьетъ. Но я все-таки за него не спокойна, хотя бы вотъ сію минуту: ушелъ въ буфетъ съ товарищами, боюсь, не выпилъ бы лишняго.

Каждое слово Николаевой звучало для меня укоромъ, и невольно приходило въ голову: вотъ какая жена нужна и для моего мужа; можетъ быть, и онъ сдѣлался бы, какъ говорилъ Желтковъ, другимъ человѣкомъ, а я никого, ни себя, ни его, не сумѣла сдѣлать счастливыми.

И какъ же я была довольна, когда подняли занавѣсъ: Николаева замолчала, а я пересѣла отъ нея подальше.

Бобровъ только послѣ третьяго акта пришелъ въ нашу ложу, и все восхищался игрой и наружностью главной въ пьесѣ артистки, Козловской. Слушая его похвалы другой, я упала духомъ: мнѣ уже казалось, что онъ мной не интересуется.

А Николаева спрашивала Боброва:

— Какъ вы, Владимиръ Александровичъ, мнѣ посовѣтуете: сидѣть ли до конца спектакля или ѣхать домой?... Повѣрите ли, я здѣсь ни одной минуты не могу быть покойна—мнѣ все думается, не случилось ли чего съ моими дѣвочками, и я никакъ не могу понять, какъ м-ше Никонова можетъ сидѣть спокойно, оставивъ дома грудного ребенка.

Бобровъ отвѣчалъ, что на ея мѣстѣ онъ не остался бы, а поѣхалъ бы домой; но, уловивъ минуту, когда она отъ насъ отвернулась, сказалъ мнѣ тихо съ улыбкой:

— Не обращайтесь вниманія на слова Николаевой: она постоянно фокусничаетъ и выставляетъ на показъ свою материнскую любовь; а сама, увидите, отлично досидитъ до конца спектакля.

Послѣ его словъ я повеселѣла: Николаева уже не тяготила меня своимъ совершенствомъ, а таинственная улыбка, съ которой говорилъ мнѣ Бобровъ, доказывала, что дружба между нами, о которой я такъ давно мечтала, уже началась.

Въ послѣднемъ актѣ надъ судьбой Катерины я такъ расчувствовалась, что даже заплакала.

Въ это время Николаева, съ укоромъ взглянувъ на меня, сказала:

— Удивляюсь, какъ вы можете плакать о такой женщинѣ, какъ Катерина. Ей хорошія жены не должны сочувствовать.

— А я, если бы мнѣ измѣнила жена,—началъ съ какой-то особенной злостью мой мужъ,—мало того, что убилъ бы ее, но убилъ бы не сразу: сначала истерзалъ бы, измучилъ...

— Какіе вы оба жестокие!—засмѣялся Николаевъ:—что касается меня, то если бы моя жена и полюбила другого, я не сталъ бы ее удерживать, какъ бы ни было самому тяжело.

— Главное вѣдь вотъ въ чемъ,—упавшимъ голосомъ заговорилъ и Аванасьевъ:—не о себѣ заботишься, а чтобъ она со мной не была несчастна.

Слушая этихъ двухъ добрыхъ людей, я невольно сравнивала ихъ съ своимъ мужемъ и была увѣрена, что если бы которыйнибудь изъ нихъ былъ моимъ мужемъ, то я, хотя и полюбила другого, но такого добраго человѣка не могла бы бросить.

Между тѣмъ, у выходной двери театра насъ уже поджидалъ Бобровъ.

— Вы пѣшкомъ?—подшелъ онъ къ мужу.

— Идите впередъ съ моей женой,—махнулъ тотъ рукой. — Я только съ Аѳанасьевымъ зайду въ буфетъ, и сейчасъ же мы васъ нагонимъ.

Нѣсколько минутъ мы шли молча, я все собиралась начать разговоръ, но мое сердце такъ сильно билось, что я боялась, какъ бы голосъ не выдалъ моего волненія. Заговорилъ Бобровъ, спросилъ, какое впечатлѣніе произвела на меня драма.

— Очень тяжелое; я даже расплакалась.

— Она и меня разстроила,—началъ онъ:—ужасная вещь—неравный бракъ, а, между тѣмъ, на каждомъ шагу встрѣчаешь, что какойнибудь полувѣръ женится на невинномъ созданіи, и потомъ терзаетъ его, если не физически, то нравственно.

Я чувствовала, что онъ говоритъ обо мнѣ, и ждала съ замираніемъ сердца, что онъ дальше скажетъ.

— Какъ вы рано замужъ вышли! Вы и теперь еще дитя.

— Ну, какое же я дитя! Мнѣ черезъ два мѣсяца исполнится восемнадцать лѣтъ.

— Какъ много!—ласково улыбнулся онъ.

И мы снова пошли молча; мнѣ было отрадно, что онъ понимаетъ, какъ я несчастна, и сочувствуетъ мнѣ. Кромѣ того, мнѣ было пріятно и то, что мы одни, ночью идемъ подъ руку по пустымъ улицамъ, и на насъ смотрятъ однѣ только звѣзды. Если бы всю жизнь идти съ нимъ подъ руку!—мелькало у меня въ головѣ.

Мы оба забыли, что молчимъ; только наши глаза, встрѣчаясь, не хотѣли разставаться. Онъ нѣсколько разъ тихо пожалъ мнѣ руку, и я шла, какъ очарованная. Но сзади насъ раздались голоса, и очарованіе исчезло. Бобровъ выпустилъ мою руку, а я отошла отъ него на нѣкоторое разстояніе... Мужъ съ Аѳанасьевымъ къ намъ подходили.

— Я думалъ, что вы съ моей женой въ Америку удрали! — издали кричалъ мужъ.

— Хорошо ли васъ, Елена Вячеславовна, при лунѣ кавалеръ занималъ?—спрашивалъ и Аѳанасьевъ.

Я была такъ взволнована, что не могла говорить, но Бобровъ совершенно владѣлъ собой и со смѣхомъ сказалъ:

— На небѣ, во-первыхъ, и луны нѣтъ; а, кромѣ того, гдѣ мнѣ ужъ противъ васъ, Матвѣй Матвѣевичъ, вы извѣстный у насъ сердцеѣдъ...

— Слушайте, что я проектирую,—перебилъ его мужъ:—поѣдемъ куданибудь закусить и ее возьмемъ.

— Нѣтъ, я не поѣду,—твердо сказала я:—мнѣ давно уже пора къ Сашѣ.

— Поѣзжайте; я Елену Вячеславовну до дому доведу,—предложилъ Бобровъ.

Но мужу это предложеніе не понравилось.

— А я-то на что, ея мужъ законный?

И, согнувъ кренделемъ руку, онъ подлетѣлъ ко мнѣ:

— Перьмете, мадамъ!

Я съ неохотой взяла его руку, и мы въ полномъ молчаніи дошли до дому. Когда же я вошла въ темную кухню, которую, тщетно чиркая о коробку отсырѣвшими спичками, хотѣлъ освѣтить Тома, мнѣ стало такъ грустно, что я чуть громко не разрыдалась.

— Отъ свѣта въ могилу, — повторяла я, пробираясь въ дѣтскую, ощупью.

А тутъ уже ворчала Василиса.

— Полуночица! хороша маменька — ребенокъ часа два, какъ зарѣзанный, кричалъ, вѣрно отъ коровьяго молока животикъ разболѣлся.

А я въ темнотѣ съ тревогой вглядывалась въ личико спящаго Саши.

— Господи! неужели изъ-за меня заболѣтъ!

Но скоро мрачныя мысли исчезли: припомнились слова и взгляды Боброва, а въ головѣ уже слагались фразы, которыя я ему скажу при свиданіи.

XV.

Теперь, только что я просыпалась утромъ, первая мысль была уже о Бобровѣ, гдѣ бы его увидѣть. Вслѣдствіе этого я начала интересоваться всѣми парадами, смотрами, даже ходила смотрѣть на полковныя ученья. Мнѣ не только хотѣлось его видѣть, но и слышать и говорить о немъ. Съ мужемъ разговаривать о немъ я боялась; съ однимъ Томой могла говорить, но не хотѣла; я замѣтила, что тотъ не любитъ Боброва. Зато я съ интересомъ прислушивалась къ тому, что о немъ говорили офицеры.

Разъ я услышала, что онъ предлагалъ ротнымъ командирамъ устроить что нибудь на свои собственныя средства для голодающихъ чухонъ, я поняла, что этимъ призываетъ и меня имъ помогать, и сейчасъ захотѣла быть его достойной. Прежде мы подавали только тѣмъ нищимъ, которые приходили къ намъ въ кухню, но теперь я уже нарочно за ними посылала Тому. И какихъ же несчастныхъ онъ приводилъ: съ отмороженными щеками, носами, а нѣкоторые отъ слабости едва держались на ногахъ. Разъ онъ втащилъ въ кухню полузамерзшую женщину и покрытую рогожей корзину, которую та возила за собой. Когда мы подняли рогожу, то въ корзинѣ оказались двое умершихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, я мало чѣмъ могла помочь несчастнымъ, развѣ только дать кусокъ хлѣба и напоить чаемъ.

Но и по поводу этого у меня съ мужемъ выходили сцены, иногда даже доводившія до слезъ. Онъ сердился, что у насъ много выходитъ чая и сахара, и что я раздаю нищимъ такія вещи, ко-

торыя мы и сами могли еще носить. Во избѣжаніе ссоръ, я начала помогать потихоньку. Но Василиса все передавала мужу,—она завидовала каждой тряпкѣ, что я отдавала, и шпионила за мной, а такъ же и за Ѳомой, который въ этихъ случаяхъ былъ незамѣнимымъ для меня помощникомъ.

А Бобровъ къ намъ все не приходилъ. Я начала уже опасаться, не поссорился ли съ нимъ мужъ изъ-за меня, и, стараясь увидѣться съ Бобровымъ, пользовалась каждой свободной минутой, чтобы убѣжать изъ дома и гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтиться. Мои прогулки долго были безуспѣшны, наконецъ, на одной изъ улицъ я его встрѣтила. Какъ ни была я взволнована, но, все-таки, не могла не замѣтить, что и онъ, увидавъ меня, сильно обрадовался.

— Сколько времени я ждалъ этой встрѣчи! — говорилъ онъ:— присматривался къ каждой дамѣ вашего роста.

— Отчего вы къ намъ не приходили?—прямо спросила я.

— Какъ вамъ сказать,—опуская глаза, началъ онъ:— всю правду вѣдь говорить нельзя.

— Только одну правду и хочу знать,—настаивала я.

— Петръ Петровичъ никогда меня къ себѣ не приглашалъ... Да вотъ онъ и самъ, вашъ супругъ,—уже совѣмъ другимъ голосомъ произнесъ Бобровъ.

Я сильно испугалась, увидавъ такъ неожиданно возлѣ насъ мужа, который, подавая Боброву руку, подозрительно на меня смотрѣлъ.

— Какимъ это образомъ ты здѣсь очутилась?

Я старалась скрыть подъ улыбкой замѣшательство и небрежно произнесла:

— Ты вѣдь знаешь, что я каждый день гуляю.

Мужъ нахмурился.

— Какъ не знать, что ты дома бросаешь ребенка, а сама цѣлые дни разгуливаешь.

— Какъ же это я сегодня только въ первый разъ имѣлъ удовольствіе васъ встрѣтить?—съ улыбкой обратился ко мнѣ Бобровъ.— Гдѣ же вы это гуляете?

Кажется, слова Боброва нѣсколько успокоили мужа; онъ началъ говорить съ нимъ о предстоящихъ въ полку выборахъ.

— Всѣ на васъ, Владиміръ Александровичъ, какъ на назначенія, указываютъ.

— Я откажусь,—сказалъ Бобровъ.

— Что вы?—удивился мужъ:—кого же мы послѣ этого выберемъ?

— Да кого угодно, мнѣ все равно, я хотя и за васъ подамъ голосъ. Вы, по-моему, самый подходящій офицеръ на эту должность: не командуете ротой, дѣлать вамъ нечего, кромѣ того, и обезпеченье есть—земля.

— Чортъ возьми! это было бы недурно,—засмѣялся мужъ:—зажили бы съ тобой, Леля!

Я давно знала, что онъ мечтаетъ о должности квартирмейстера, или казначея, и, желая сдѣлать ему пріятное, обратилась съ просьбой къ Боброву.

— Похлопочите за мужа, Владимиръ Александровичъ.

— За нѣсколько человѣкъ отвѣчаю, остальныхъ пусть вашъ мужъ самъ ищетъ.

— Островитяне, думаю, будутъ за меня.

— И прекрасно,—сказалъ Бобровъ:—заранѣе поздравляю казначеемъ. А вотъ и клубъ! мнѣ обѣдать пора,—и онъ началъ прощаться.

— Вы бы сегодня поговорить къ намъ зашли,—любезно пригласилъ его мужъ.

— Спасибо, сегодня никакъ не могу, развѣ завтра, и то, если буду имѣть время.

И, приподнявъ еще разъ фуражку, Бобровъ ушелъ.

— Заходите же, непременно заходите,—крикнулъ ему вслѣдъ мужъ.

XVI.

Разъ, съ ученья Николаевъ затащилъ моего мужа къ себѣ закутить, и тотъ съ тѣхъ поръ былъ въ восторгѣ отъ м-ше Николаевой. Восхищался ею, какъ хозяйкой, женой и матерью, и во всемъ ставилъ мнѣ въ примѣръ, а также настаивалъ, чтобы я сдѣлала ей визитъ. Мнѣ же, несмотря на всѣ ея совершенства, Николаева не нравилась, и я все откладывала свой визитъ. Но когда мы поѣхали къ женѣ полкового командира (гдѣ насъ не приняли), мужъ настоялъ заѣхать къ Николаевымъ. Они жили въ казармахъ; квартира состояла изъ трехъ свѣтлыхъ комнатъ и кухни.

Въ гостиной—мебель мягкая, обитая пеньковой матеріей. Николаева гордилась своею мебелью и хвастала, что принесла ее съ собой въ приданое и такъ въ продолженіе десяти лѣтъ сумѣла сохранить, что та выглядѣла совсѣмъ новой. На столахъ вездѣ салфетки, вязанныя рукой хозяйки, на окнахъ цвѣты, на крашенномъ полу холстинныя дорожки финляндской работы. Сама хозяйка, въ ситцевомъ простенькомъ платьѣ и съ раскраснѣвшимся отъ плиты лицомъ, выбѣжала къ намъ навстрѣчу.

— Только сейчасъ была въ кухнѣ,—здороваясь съ нами, говорила она:—денщику стирать помогаю, безъ меня онъ такой бы обѣдъ приготовилъ, что мужъ навѣрно и въ ротъ не взялъ, а я своего мужа балую.

— Не то, что я у своей жены,—вздыхнулъ мой мужъ.

Начнутъ теперъ меня вдвоемъ ѣсть, подумала я.

Хозяйка, между тѣмъ, начала хлопотать, чтобы насъ угостить пирогомъ своей стряпни, убѣжала опять въ кухню, и черезъ нѣсколько времени солдатъ на подносѣ внесъ большой румяный пирогъ и графинъ съ водкой. При этомъ были маленькія салфеточки и тарелочки. Потомъ вышелъ и хозяинъ радушный, привѣтливый. Мнѣ говорилъ все комплименты.

— Жена твоя—просто ягодка—обратился онъ и къ моему мужу.

— Охотно на твою бы помѣнялся,—сказалъ тотъ.

— Что жъ, я на свою не жалуясь,—опять заговорилъ Николаевъ:—она у меня молодецъ: живемъ—людей не смѣшимъ.

Въ это время м-те Николаева, разрѣзая пирогъ на порціи, сказала:

— Подождите, когда я въ руки возьму Елену Вячеславовну, и она станетъ хорошей женой.

Но замѣтивъ, что я на ея слова не улыбнулась, подбѣжала ко мнѣ и поцѣловала.

— Не сердитесь, душечка, что я пошутила, и все потому, что вашъ мужъ, когда былъ у насъ, очень на васъ жаловался.

Меня же каждое слово Николаевой обижало, и теперь, отстранивъ ее отъ себя, я опять безъ улыбки сказала:

— Вы посовѣтуйте моему мужу, когда онъ опять вамъ будетъ жаловаться, разойтись со мной.

— Что вы?—испугалась та:—развѣ это по-христіански? развѣ ужъ повѣнчаны, разлучаться грѣхъ... А вы вотъ что, душечка,—сажаясь возлѣ меня, продолжала она:—смотрите на все проще: вашъ мужъ прекрасный, простой, безъ фокусовъ человѣкъ. Старайтесь ему угождать. Онъ говоритъ, что вы все въ облакахъ витаєте—книжки любите читать и все чему-то учитесь; а вы плюньте на это ученье, на что оно вамъ, развѣ вы замужемъ? Я про себя скажу: съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ института, я еще ни разу книжки въ руки не взяла; даже, что и знала, то перезабыла. А живу, слава тебѣ Господи, добрые люди не хаотъ. Про васъ же вашъ мужъ такую намъ вещь сказалъ, что даже страшно и вымолвить: будто вы своего ребенка не любите.

— Это неправда!—воскликнула я.—Зачѣмъ ты такъ нагло лжешь?—обратилась я къ мужу.

— Если бы любила, то по цѣлымъ днямъ по эспланадѣ не бѣгала бы,—жуя пирогъ, равнодушно произнесъ тотъ.

И какъ же въ эту минуту я его ненавидѣла! Мнѣ казалось, что онъ и ѣсть-то не такъ, какъ человѣкъ, а какъ животное. Ахъ! если бы онъ умеръ!—вдругъ мелькнуло злое желаніе.

— Какое у васъ взволнованное лицо!—замѣтилъ Николаевъ.

Мнѣ стало стыдно: казалось, что онъ угадалъ мои мысли, и я опустила глаза.

А Николаева уже вела за руки двухъ дѣвочекъ. Обѣ были одѣты въ одинаковыхъ розовыхъ, съ оборочками, платьяхъ; на русыхъ головкахъ розовые бантики.

— Смотрите, все, что на нихъ надѣто, шила сама, — хвастала она, — да это что! я вамъ сейчасъ покажу, какой я мужу китель сшила.

— А вотъ и эту тужурку, — перебилъ жену Николаевъ: — она же изъ стараго пальто передѣлала; дѣтямъ верхи въ сапожкахъ прострочила, только сапожникъ подошвы пришьетъ.

— Вотъ такъ жена, вотъ такъ полковая дама! — восхищался мой мужъ.

А у меня въ эту минуту кипѣла злость, и я мысленно цвотрля:

— «И я все бы могла это дѣлать, если бы тебя любила, но я ненавижу».

— Да оставьте вы ее мучить! — заступился за меня Николаевъ: — посмотрите, у нея слезы ужъ на глазахъ: она и сама-то еще ребенокъ.

— Нѣтъ, не говори этого, Степа, — горячо начала его жена: — я въ семнадцать лѣтъ не такая была. А развѣ ты можешь меня упрекнуть, что я когда нибудь была вѣтрена — не заботилась о тебѣ или дѣтяхъ? Дала ли я когда поводъ ревновать меня? Кромѣ того, помнишь, своихъ дѣтей не было — чужихъ любила нянчить.

— Ну, вѣдь ты у меня кладъ, такихъ-то женъ — поискать!

А у меня послѣ обвиненія, что я не люблю своего сына, все сердце о немъ ныло, хотѣлось скорѣе побѣжать къ нему, приласкать, прижать къ своей материнской груди, но вдругъ Николаева спросила своего мужа:

— Кому ты въ окно стучишь?

— Боброву, — пусть зайдетъ пирога съ нами закусить.

Къ моему счастью, возлѣ меня стояла одна изъ дѣвочекъ, и я могла, наклонившись къ ней, спрятать свое вспыхнувшее лицо. Но я все-таки чувствовала, что на меня смотритъ Николаева.

— Елена Вячеславовна, — подошла она ко мнѣ, — вы недавно со Скандла и, вѣроятно, знаете: неужели правда, что Боброва свадьба со свояченицей Сверчкова изъ-за того, что онъ влюбился въ одну изъ нашихъ полковыхъ дамъ, разстроилась?

— Право, не знаю, — произнесла я съ замѣшательствомъ.

Но въ эту минуту вошелъ Бобровъ, и Николаевъ встрѣтилъ его словами:

— Владимиръ Александровичъ, наши дамы очень заинтересованы вашей свадьбой съ Марьей Львовной.

— Не слыхалъ что-то о такой свадьбѣ, — смѣялся тотъ, здороваясь съ нимъ.

— Васъ не поймешь — вы хитрый, — сказала Николаева: — не даромъ васъ одна особа называетъ Калиостро... А знаете — кто?

— И знать не хочу, если она такъ глупа, что сравнила меня съ Калиостро. А хочу только узнать, за что вы, Ольга Павловна, меня наказываете и до сихъ поръ пирога не даете?..

Должно быть, Николаева по моему лицу догадалась о моихъ чувствахъ къ Боброву, потому что, хотя я у нихъ и ни одного слова съ нимъ не сказала, но когда мы уходили, и Николаева вышла насъ провожать въ прихожую, то мнѣ успѣла шепнуть: «вижу, все вижу».

XVII.

Товарищескія отношенія между моимъ мужемъ и Бобровымъ теперь, повидимому, установились. Мужъ часто ходилъ къ нему въ гости; они гуляли въ сумерки вмѣстѣ, потомъ приходили со мной пить чай, и Бобровъ оставался сидѣть у насъ цѣлый вечеръ.

Но я замѣчала, что мужъ его теперь, пожалуй, еще больше ко мнѣ ревнуетъ, и когда тотъ сидитъ у насъ, не оставляетъ меня съ нимъ вдвоёмъ. Развѣ только на одну минутку, когда пьетъ водку у шкафчика въ спальнѣ. Но и этой минуты было для насъ достаточно, чтобы, какъ-то разъ, даже неожиданно для самихъ себя, броситься другъ другу въ объятія.

Остальное время мы рядомъ сидѣли на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, на которомъ горѣла дешевенькая лампа. Мужъ сидѣлъ напротивъ насъ, тоже у стола на стулѣ и набивалъ папирсы, иногда садился въ углу на качалкѣ (которую Бобровъ прислалъ для меня изъ своей квартиры) и качаясь, казалось, подъ нашъ говоръ дремалъ; случалось, что даже раздавался его храпъ, но мы относились недоувѣрчиво къ его сну и были осторожны.

Время у насъ проходило, большею частью, въ чтеніи. Романъ или повѣсть читала громко я, потомъ разсуждали о прочитанномъ и въ это же время объяснялись искусно другъ другу въ любви. Бобровъ, хотя самъ очень рѣдко говорилъ о научныхъ предметахъ, но часто при мнѣ высказывалъ, что глупую женщину, какъ бы она ни была красива, онъ не могъ полюбить; я же говорила, что хочу серьезно учиться, сожалѣла о своихъ прерванныхъ занятіяхъ съ Желтковымъ и всякій разъ къ приходу Боброва сочиняла стихи и читала ему.

Онъ, прочитавъ ко мнѣ отвѣтъ редактора, совѣтовалъ учиться, развивать себя и увѣрялъ, что я достигну своей цѣли: мои стихи будутъ печатать.

Разъ, слушая подобные совѣты, мужъ не выдержалъ: вскочилъ съ качалки и началъ его упрекать, зачѣмъ вздоромъ набиваетъ мнѣ голову, даже выхватилъ у него изъ рукъ тетрадку, которую тотъ хотѣлъ взять съ собою.

— Вотъ ерунда-то! — говорилъ мужъ, перелистывая тетрадь, и, пробѣжавъ глазами нѣсколько строчекъ, жестко засмѣялся и разорвалъ ее въ мелкіе куски. Въ это время, всегда блѣдное лицо Боброва вдругъ все покраснѣло, а въ глазахъ было столько злости, что я испугалась, какъ бы онъ не бросился на мужа; но онъ

скоро овладѣлъ собою и, опустивъ глаза на салфетку, началъ на ней разсматривать узоръ. Когда же поднялъ голову, то лицо опять было блѣдно, и съ мужемъ заговорилъ уже о выборахъ.

А я, вспомнивъ, что у меня на днѣ сундука хранится другой экземпляръ моихъ стиховъ, достала ихъ и, пробравшись въ переднюю, отыскала пальто Боброва и положила тетрадь въ его карманъ.

Послѣ ухода гостя я ожидала сцены и сейчасъ же ушла въ дѣтскую.

Здѣсь Саша, сидя на столѣ, игралъ картами. Василису я отослала приготовить постели, а сама вмѣсто нея сѣла возлѣ ребенка, и начала ему строить изъ картъ домики. Вошелъ мужъ, но не съ сердитымъ, какъ я ожидала, а скорѣе несчастнымъ лицомъ, и, придвинувъ стулъ, сѣлъ возлѣ насъ.

— Смотри, Леля, — произнесъ онъ съ натянutoй улыбкой: — какой у насъ съ тобой бутузъ растетъ.

Саша потянулся къ отцу и схватилъ за усы.

Тотъ взялъ сына на руки и лаская продолжалъ:

— Не меня нужно трепать, Саша, а маму: она у насъ не хорошая, не любитъ насъ, промѣняла на вертопраха!

— Стыдись при ребенкѣ говорить глупости, — замѣтила я.

— Не вамъ, Елена Вячеславовна, провести меня, если бы вы только видѣли сегодня при Бобровѣ ваше лицо!

— «Что если я сейчасъ ему признаюсь, что люблю его?» — мелькнуло у меня въ головѣ.

Между тѣмъ мужъ продолжалъ:

— Скажи ей, Саша: грѣшно, мама, ты въ церкви клялась. Богъ тебя накажетъ!

— Вы кончили комедію? — спросила я.

— Скажи ей, Саша, — уже со слезами, дрожавшими въ голосѣ, заговорилъ мужъ: — папѣ тяжело; онъ тебя очень, очень любитъ!

Теперь моя рѣшимость признаться въ любви къ другому колебалась. Мнѣ стало жаль мужа и вмѣстѣ досадно, зачѣмъ онъ меня любитъ. Но громко я только замѣтила, что, кажется, комедія перешла въ трагедію, и все только потому, что я любезна, какъ онъ самъ просилъ меня быть, съ его ротнымъ командиромъ.

— Да вѣдь я пошутилъ! — громко, но не искренно засмѣялся мужъ и, заглядывая съ тревогой мнѣ въ лицо, спрашивалъ:

— Можетъ быть, на ворѣ и шапка горитъ?

— Передавъ Сашу Василисѣ, онъ меня обнялъ за талію и повелъ изъ комнаты.

— Я тебѣ, Леля, вотъ что хочу сказать, — началъ онъ: — если тебѣ что понадобится купить для предстоящаго вечера въ Брунсъ-паркѣ, то ты не стѣсняйся, я раздобылъ немного цѣлкачей. Когда же меня выберутъ въ казначей, я тебя, какъ куколку буду одѣвать. Только уговоръ — Боброва до тѣхъ поръ терплю въ нашемъ домѣ, пока онъ мнѣ нуженъ, а потомъ, чтобъ его и ноги у насъ не было!

— Какъ это все нечестно?—брезгливо произнесла я и сбросила его руку со своей талии...

Мужъ заснулъ, а мнѣ не спится: все мысли и мысли лѣзутъ въ голову. То я спрашиваю себя, дѣйствительно ли грѣхъ, что я, узнавъ характеръ мужа, разлюбила его, то приходитъ на память супружество Николаевыхъ, гдѣ жена сумѣла такъ повліять на мужа, что тотъ пересталъ пить и теперь въ полку—уважаемый офицеръ...

Но что же мнѣ-то дѣлать, если я своего мужа не люблю, мнѣ даже противно его присутствіе? Развѣ любить и ненавидѣть отъ себя зависить?

Не имѣя, съ кѣмъ подѣлиться мыслями, я схватила кусокъ бумаги и, лежа въ кровати, карандашомъ написала:

Предъ алтаремъ клялась, дитя,
 Любить его, быть вѣрной обѣщала,—
 Скажите, виновата ль я,
 Что женщиной ту клятву не сдержала!
 Ребенку было ли понять,
 Что, лишь поживши, разгадала?
 Могла ли въ томъ я клятву дать,
 Чего сама не понимала?
 Скажите, виновата ль я,
 Что непослушно сердце бьется!
 Страдаю я, браню себя,
 Но власть надъ нимъ мнѣ не дается.
 Хотѣла мужа я любить,
 Но онъ ни въ чемъ со мной не сходенъ,
 И не могла я не отереть,
 Что тотъ, другой такъ благороденъ!
 Ужель открытая душа
 Укоромъ будетъ для меня,
 Но нѣтъ же правдою дыша,
 Скажу: «не виновата я!»

XVIII.

Я совсѣмъ забыла передать Боброву просьбу Пауковой—хлопотать о переводѣ ея мужа въ Гельсингфорсъ, и только, когда получила отъ нея слезное письмо, напомнила ему о ней и даже сама попросила хлопотать за Паукова.

И что-то вскорѣ послѣ этого тотъ былъ и переведенъ; а сама м-ше Паукова, только что переѣхала, сейчасъ же явилась ко мнѣ съ выраженіемъ сильнѣйшей благодарности, называла своей благодарительницей и клялась въ вѣчной дружбѣ. Не замедлила войти и въ роль моего друга; начала учить хозяйничать, заглядывала во всѣ мои сундуки и ящики и даже старалась заглянуть и въ душу; но я, помня, какая она сплетница, боялась посвящать ее въ тайну

моей любви, но все-таки разъ заговорила о немъ и спросила, что ей извѣстно о любви Марьи Львовны къ Боброву.

Я думала, что она мнѣ повторить ту самую сплетню, которую рассказала уже разъ Аеанасьеву, но Паукова ничего подобнаго не сказала,—она только увѣряла, что такихъ жениховъ, какъ Бобровъ, у Марьи Львовны было уже нѣсколько, и что Варвара Львовна, чтобы выдать сестру замужъ, беретъ офицеровъ нахлѣбниками, а чтобы завлечь тѣхъ, оставляетъ нарочно наединѣ съ сестрой, «но, слава Богу,—говорила Паукова,—до сихъ поръ имъ никого не удалось враспlochъ поймать. Развѣ только Аеанасьевъ попадется,—этотъ, какъ дуракъ влюбленъ».

Подобный злой языкъ отталкивалъ меня отъ Пауковой и мѣшалъ сойтись съ нею ближе. Моему мужу она тоже не нравилась; но, что касается до Оомы и Василисы, то они ненавидѣли ее за то, что она вмѣшивалась въ наше хозяйство. А Василиса иногда ей такъ дерзила, что меня заставляла краснѣть. Напримѣръ, она ту въ глаза и при мнѣ упрекала, зачѣмъ она дома не готовитъ обѣда и всегда норовитъ попасть къ нашему.

Но Паукова въ этомъ случаѣ была неязвима и почти каждый день къ намъ приходила. Но и безъ нея теперь, передъ выборами, у насъ всегда были гости.

Смѣлковъ съ Крюковымъ очень часто пріѣзжали. И, кромѣ этихъ гостей, мужъ поминутно приводилъ мнѣ незнакомыхъ офицеровъ, гости шумѣли, спорили, а водка и закуска цѣлый день не сходили со стола.

Мужъ не скрывалъ, что занимаетъ деньги у Боброва, и все надѣялся съ нимъ расчитаться, когда его выберутъ въ казначей. Но что меня удивляло, такъ это то, что мужъ, угощая другихъ, самъ теперь меньше пилъ; наконецъ, я догадалась, что онъ боится сильно напиться, такъ какъ слѣдить за мной и Бобровымъ, а мы держали себя очень осторожно и, кромѣ нашей квартиры, нигдѣ еще не видѣлись, только писали другъ другу и иногда даже въ присутствіи мужа украдкой перемѣнивались письмами. Бобровъ умолялъ меня сжигать его письма; но я такъ ими дорожила, что ни одного не уничтожила, хотя и много имѣла съ ними хлопотъ. И гдѣ я ихъ только не прятала? Сначала носила на груди, зашивала въ складкахъ платья, прятала въ диванъ и за образа. Наконецъ, вложила письма въ старыя переплеты отъ книги и спрятала на дно сундука. Но и теперь была не покойна, даже ночью вскакивала съ постели, посмотреть, тамъ ли они находятся. Въ своихъ письмахъ Бобровъ, казалось, безконечно меня любилъ, понималъ и сочувствовалъ, такъ тяжело мнѣ дома живется.

Читать его письма для меня было истиннымъ наслажденіемъ. Въ нихъ высказывалась именно та любовь, о которой я всегда мечтала: нѣжная и скорѣе братская, чѣмъ страстная. Каждое письмо

кончалось словами: «Господь съ тобой, моя дорогая, заочно крещу тебя» и т. д.

Въ одномъ письмѣ онъ писалъ:

«Я такъ тебя глубоко уважаю, что смотрю на тебя не иначе, какъ на свою жену».

Я вѣрила ему и въ своихъ къ нему письмахъ выкладывала всю свою душу.

Каждый день ждала, что онъ объяснится насчетъ меня съ моимъ мужемъ, и въ случаѣ, если тотъ не согласится на разводъ, я была увѣрена, что Бобровъ тогда переведется изъ полка, и я, не глядя ни на что, съ Сашей уѣду къ нему. О правахъ же мужа и вообще о законахъ я тогда имѣла очень смутное понятіе.

Иногда я мечтала, что мужъ, которому я предложу оставшуюся еще отъ продажи свою землю, согласится на разводъ, и я выйду замужъ за Боброва.

Но еще пріятнѣе было думать, что лучше пусть не онъ принеситъ мнѣ жертву, женюсь на мнѣ, разведенной женѣ, и еще вдобавокъ съ чужимъ для него ребенкомъ, а я ему всѣмъ пожертвую: пренебрегу позоромъ, общественнымъ мнѣніемъ и буду явно съ нимъ жить гражданскимъ бракомъ.

Въ матеріальномъ отношеніи я тоже не хотѣла ему быть въ тягость — рассчитывала работать и получать деньги. Иногда мои мечты доходили до крайнихъ предѣловъ: я видѣла себя въ будущемъ и извѣстной и богатой и тогда все повергала къ ногамъ любимаго человѣка.

Мнѣ начало казаться, что Бобровъ ужъ очень медлитъ объясниться съ мужемъ относительно своей любви ко мнѣ, и рѣшилась письменно его спросить, когда и какимъ образомъ онъ думаетъ устроить нашу совмѣстную жизнь.

«Если бы не было у тебя сына,—отвѣтилъ онъ,—я перевелся бы куда нибудь, и ты могла ко мнѣ пріѣхать, но теперь, моя дорогая, о совмѣстной жизни нельзя и думать. Будемъ же жить и любить другъ друга, какъ намъ это позволяютъ обстоятельства».

Это письмо меня сильно огорчило. — Какъ, — повторяла я, — значить, онъ не настолько меня любитъ, чтобы взять съ сыномъ!..

А тутъ и еще надо мной стряслась бѣда. Въ послѣднее время мнѣ все нездоровилось, а когда о симптомахъ своей болѣзни я переговорила съ Пауковой, та мнѣ объяснила, что я снова готовлюсь сдѣлаться матерью, и видимо радовалась, что ей предстоитъ практика.

А меня это извѣстіе повергло въ полное отчаяніе. Цѣпи, связывавшія меня съ моимъ мужемъ, теперь удваивались, и если съ однимъ ребенкомъ меня не хочетъ взять Владимиръ, то ужъ съ двумя дѣтьми онъ отъ меня совсѣмъ откажется. Но главное горе было

въ томъ, что теперь уже нѣтъ для меня выхода— всю жизнь должна буду жить съ нелюбимымъ мужемъ и имѣть отъ него дѣтей. Я плакала, умоляла Паукову сказать, что она, можетъ быть, еще ошиблась, или напугать меня только хотѣла.

А та смѣялась надъ моимъ отчаяньемъ и уже готова была эту новость сообщить и моему мужу. Но я строго ей это запретила— мнѣ было неприятно съ нимъ раньше времени объ этомъ пускаться въ разговоръ.

XIX.

Мужъ послѣ обѣда по обыкновенію легъ спать, а я еще въ первый разъ собиралась итти на свиданье съ Владимиромъ.

Въ зеркалѣ, передъ которымъ я надѣвала шляпку, отражалось мое взволнованное лицо, а руки, когда я прищипливала къ волосамъ шляпку, дрожали. Я очень боялась итти—еще вчера мнѣ мужъ запретилъ выходить безъ него изъ дома, говорилъ, что, если встрѣтитъ гуляющей вмѣстѣ съ Бобровымъ, не постыдится и приметъ оскорбить. Но Владимиръ такъ умолялъ меня прійти къ нему въ садъ на свиданье, а главное онъ писалъ, что я его послѣднее письмо не такъ перетолковала, и что о такомъ предметѣ, какъ мы устроимъ нашу жизнь, нужно переговорить съ глазу на глазъ...

Мужъ храпитъ на всю квартиру, но я все-таки, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ спитъ,—незамѣтно захожу сзади его кровати и слѣжу за нимъ нѣсколько времени. Онъ спитъ, но я не вѣрю и своимъ глазамъ, со страхомъ иду по улицамъ, мнѣ все кажется, что вотъ, вотъ мужъ появится изъ-за какого нибудь угла. Страхъ заглушаетъ даже радость предстоящаго свиданія. Вотъ наконецъ, и садъ, гдѣ Владимиръ, вѣроятно, меня уже ждетъ...

Бѣгу по тѣнистымъ аллеямъ, по обѣимъ сторонамъ вѣковые деревья, вдали ихъ вѣтви сплелись и образуютъ изъ себя арку, на солнечныхъ же дорожкахъ отъ ихъ листьевъ дрожатъ кружевные тѣни... А птицы на вѣтвяхъ такъ чудно, вѣроятно, тоже про любовь поютъ. Куртины всѣ въ цвѣтахъ, между ними есть и мои любимыя бѣлыя лиліи; но мой взглядъ только скользнулъ по нимъ,—страхъ и здѣсь не оставляетъ меня, даже шелестъ листьевъ пугаетъ.

Владимира нигдѣ не видать; на скамейкѣ же, гдѣ онъ назначилъ мнѣ его ждать, сидитъ немолодая дама. Мнѣ почему-то приходитъ въ голову, что эта дама—жена нашего полкового командира, Елизавета Ивановна, про которую мнѣ многіе говорили, что она влюблена въ Боброва.

— Слѣдить за нами,—рѣшила я и спряталась въ боковую аллею.

Замѣтивъ входившую въ садъ знакомую стройную фигуру въ военномъ пальто и фуражкѣ, я съ сильно бьющимся сердцемъ пошла навстрѣчу.

Черезъ нѣсколько времени мы оба съ разстроенными лицами ходили вдоль аллеи.

— Я не понимаю ни тебя, ни твоей ко мнѣ любви, — говорилъ Владимиръ:— для чего, напримѣръ, ты желаешь, чтобы я перевелся изъ полка, и чтобы ты непременно жила со мною, когда мы и безъ этого можемъ отлично устроиться и быть счастливыми.

— Нѣтъ, — возразила я, — живя съ мужемъ, я даже съ твоею любовью не могла бы быть счастлива: ты вѣдь знаешь, какая моя жизнь дома, а, кромѣ того, меня и совѣсть замучить.

При моихъ послѣднихъ словахъ онъ устремилъ на меня удивленные глаза.

— Да неужели, — воскликнулъ онъ со смѣхомъ:— у тебя еще такія допотопныя понятія, что ты грѣхомъ считаешь измѣнить мужу?

Сконфуженная, и путаясь, я начала объяснять, что не свою къ нему любовь считаю грѣхомъ, но что не умѣю и не люблю лгать; а живя, съ мужемъ и любя другого, я всегда должна буду притворяться, обманывать, и что это и я считаю нечестнымъ.

— Какое же ты еще дитя! — вздохнулъ Владимиръ и, немного помолчавъ, сказалъ:— Конечно, ты права— лгать неприятно, но что же дѣлать, если мы иначе не можемъ устроиться?

Мнѣ было совѣстно напомнить ему въ эту минуту, что въ письмахъ онъ былъ готовъ на всѣ жертвы.

Вѣроятно, онъ самъ ихъ вспомнилъ, потому что сказалъ:

— Я и теперь повторю, что готовъ, хоть сейчасъ, на тебѣ жениться; но ставить любимую женщину въ ложное положеніе, чтобы на нее указывали всѣ пальцами, называли содержанкой, — на такую подлость у меня никогда не хватитъ духу. Мужъ же твой, я увѣренъ, никогда не согласится на разводъ, развѣ только, если ему предложить большую сумму денегъ, но у меня, кромѣ жалованья, ничего нѣтъ.

— Можетъ быть, онъ согласится, если я ему свою землю передамъ?

— Пустяки! — презрительно махнулъ рукой Владимиръ:— за такую бездѣлицу онъ не возьметъ на себя вины, и, кромѣ того, моя дорогая, — продолжалъ онъ, — ты самое главное препятствіе забываешь, что ты не одна— у тебя есть ребенокъ. Это, я тебѣ скажу, большая для насъ обуза.

Мое сердце сжалось: «онъ еще не знаетъ, что у меня ихъ будетъ два», съ горечью подумала я и робко спросила:

— Развѣ ты не любишь моего мальчика?

— Дѣло не въ моей любви! — съ досадой началъ онъ:— твой ребенокъ для меня не можетъ быть чужимъ; а нужно не забывать о его папашѣ. Ты, вѣроятно, не отдала бы ему сына, ну, а если

твой сынъ жилъ бы съ нами, то это значить— всю жизнь имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, какъ твой супругъ — благодарю покорно!..

Владимиръ замолчалъ, и я себѣ сказала: «все кончено», и оба мрачные мы молча прошли по аллеѣ.

Онъ вдругъ остановился.

— Изъ всего тобою, Елена, сказаннаго,— началъ онъ грустнымъ тономъ,— я вижу одно, что ты меня вовсе, вовсе не любишь... Господи!— всплеснула онъ руками,— если бы она любила, развѣ стала бы такъ разсуждать, такъ резонировать... нѣтъ, нѣтъ! это уже не любовь, а безъ твоей любви на что мнѣ жизнь!— послѣднія слова онъ произнесъ тихо и съ отчаяньемъ, и они глубоко тронули меня. А онъ еще при этомъ закрылъ лицо руками и опустился на скамью...

— Плачешь,— подумала я и бросилась его утѣшать, увѣряя въ своей любви.— Ты да Саша только у меня и есть на свѣтѣ,— повторила я.

— Я знаю, что у тебя есть Саша,— отнявъ наконецъ руки отъ лица, произнесъ онъ,— а у меня никого, кромѣ тебя, нѣтъ и не будетъ. Ты моя первая и послѣдняя любовь.

Эти слова, но въ особенности слезы, блестящія въ его глазахъ, меня совсѣмъ растрогали, и я согласилась устроить нашу жизнь, какъ онъ хотѣлъ: тайно его любить и не разставаться съ мужемъ.

Миръ такимъ образомъ между нами былъ заключенъ; Владимиръ сталъ веселъ, счастливъ, но въ моей душѣ не было ни веселья, ни счастья, а его совѣты— не выказывать мужу отвращенія и, чтобы лучше скрыть нашу любовь, притворяться любящей, возмущали меня.

— Ты не знаешь, чего отъ меня требуешь, не знаешь моихъ страданій...

— Все знаю,— прервалъ онъ меня,— и не меньше твоего страдаю, когда думаю, что ты— жена другого. Но я тебя, моя дорогая, не всю жизнь оставлю жить съ мужемъ. Подожди немного, можетъ быть, моя богатая тетка скоро умретъ, а я— ея единственный наслѣдникъ. Получивъ наслѣдство, я все его за тебя отдамъ твоему мужу и женюсь на тебѣ; до тѣхъ же поръ будемъ жить, какъ мы съ тобой уже порѣшили.

Когда я уходила домой, онъ взялъ съ меня слово, что въ первое дежурство мужа я приду опять на свиданье, но уже не въ садъ, а къ нему на квартиру.

XX.

Приѣхалъ Аванасьевъ и еще изъ передней закричалъ:

— Бейте, Елена Вячеславовна, бейте стараго дурака— женюсь. Я выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— На Марьѣ Львовнѣ?

— Да на комъ же больше!—отвѣтилъ онъ съ сіяющимъ лицомъ.

Я была больше, чѣмъ довольна, что Марья Львовна наконецъ выходитъ замужъ: у меня всегда сердце ныло, когда я думала о ней. Теперь, усадивъ рядомъ съ собою Аванасьева, начала спрашивать о его сватовствѣ.

— Совсѣмъ это вышло для меня неожиданно,—началь онъ,— пошелъ разъ къ Сверчковымъ на Машеньку посмотрѣть, въ послѣднее время она сильно меня беспокоила — ходила такая грустная и съ лица словно восковая стала. А тутъ еще, слышу, Сверчковъ заболѣлъ. Ну, думаю, онъ и здоровый ей жизнь отравлялъ своими капризами, а больной совсѣмъ изведетъ.

Такъ и вышло: при мнѣ началъ ее мучить, посторонняго чело-вѣка не постыдился! Сначала заставилъ муху ловить, которая гдѣ-то въ комнатѣ жужжала и его беспокоила, и въ это же время Машеньку ругалъ, зачѣмъ ходить по тѣмъ половицамъ, которыя скрипятъ. И подать чая ему никакъ не могла угодить: разъ десять отсылалъ со стаканомъ въ столовую: то слишкомъ крѣпокъ, то слишкомъ слабъ. И это бы еще все ничего, но онъ ко всякому слову прилеталъ или ея бѣдность, или то, что женихи съ нею только поженяхотся и бросятъ; а Машенька бѣгаетъ съ заплаканными глазами и ему грубаго слова не промолвить. Не выдержалъ я, всталъ, плюнулъ и изъ спальни ушелъ.

Сначала хотѣлъ къ Варварѣ пойти поругаться, зачѣмъ мужу позволяетъ свою сестру мучить, а потомъ рѣшилъ лучше уйти домой.

Схватилъ съ вѣшалки пальто и, не простившись ни съ кѣмъ, хотѣлъ удрать черезъ кухню; тамъ, вижу, стоитъ у плиты одна Машенька и своему мучителю котлеты на сковородѣ разогрѣваетъ. Посмотрѣлъ это я на нее и думаю: «Вотъ ангелъ-то!» И самъ не понимаю, какъ я тутъ рѣшился: подошелъ къ ней и не по формѣ, а какъ былъ въ старомъ пальто, такъ и бухнулъ. «Полно, говорю, вамъ, барышня, здѣсь мучиться, лучше выходите за меня замужъ. Знаю, что вамъ я не пара—некрасивъ, но зато ужъ фальши во мнѣ никакой нѣтъ, и крѣпко любить васъ буду.

Сконфузилась моя барышня, вспыхнула, глазки на плитку опустила и сама молчитъ; у меня же, повѣрите ли, въ ожиданіи ея отвѣта, сердце, что сторожевая трещотка, колотилось. Наконецъ ручку мнѣ протянула. «Я, говоритъ, Матвѣй Матвѣевичъ, еще крѣпче буду васъ любить, чѣмъ вы меня, потому что вы честный чело-вѣкъ, а я на своей дорогѣ только фальшивыхъ людей и встрѣчала», да какъ при этомъ заплачетъ!

При послѣднихъ словахъ Аванасьева мнѣ стало не по себѣ.

— «Неужели Марья Львовна и Владимира пречисляетъ къ числу фальшивыхъ людей?»—думала я и спросила:

— Она ничего не упоминала вамъ о Бобровѣ?

Лицо Аеанасьева вдругъ сдѣлалось багровымъ и злымъ.

— Бросьте вы о немъ говорить!—со злостью крикнуть онъ.— Я и Машенькѣ сказалъ: «до того, что было прежде, мнѣ дѣла нѣтъ—самъ на васъ несвятой женюсь».

И, вѣроятно, чтобы замаять разговоръ, онъ началъ спрашивать, отчего я въ послѣднее время такъ измѣнилась, похудѣла и стала грустная. Я сослалась на свое нездоровье, но Аеанасевъ, кажется, перемѣну во мнѣ приписывалъ другой причинѣ, потому что все еще съ сердитымъ лицомъ спросилъ:

— Бобровъ-то часто у васъ бываетъ? Я слышалъ, что онъ опять у нашей полковой командирши подъ крылышкомъ сидитъ.

А меня ничто такъ не возмущало, какъ кто нибудь при мнѣ намекалъ о будто бы существующей связи между Бобровымъ и старухой командиршей. За это съ Пауковой я много разъ ссорилась, и теперь я съ негодованіемъ произнесла:

— Ну, ужъ у насъ въ полку и языки,—даже и старухъ въ покоѣ не оставляютъ!—а тотъ удивился, что я жену полкового командира называю старухой.

— Да она многихъ нашихъ и молодыхъ полковыхъ дамъ за поясъ заткнетъ, несмотря на то, что давно начала сѣдѣть. Интересная особа и даже очень еще недурна, — рассказывалъ Аеанасевъ:—въ молодости красавица была и актрисой гдѣ-то служила, ну, а теперь—важная дама: за границу нѣсколько разъ ѣздила, на фортопьянахъ хорошо играетъ и умна же шельма, только мнѣ не нравится, что ужъ очень на языкъ свободна — другой разъ такое словечко скажетъ, что я, хоть и не молодой человекъ, а краснѣю.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы возбудить мою ревность.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Бобровъ въ нее влюбленъ?—съ безпокойствомъ спрашиваю я.

— Ну, нѣтъ, я этого не думаю. Онъ для любви только очень молоденькихъ выбираетъ, — сказалъ Аеанасевъ: — но знаю, что Бобровъ и покровительствомъ Елизаветы Ивановны не брезгаетъ. Какъ видите, изъ-за нея у насъ въ полку сталъ воротилой и въ дивизию надѣется изъ-за нея же попасть.

Слушая Аеанасьева, я досадовала, что мнѣ ни разу не пришлось увидѣть Елизавету Ивановну: когда мы были у нея съ визитомъ, она насъ не приняла, а ея ревизита я перестала уже ждать. Но нужно же было такъ случиться, что въ этотъ самый день она и пріѣхала.

Аеанасевъ ушелъ, а мы сѣли обѣдать. Вдругъ съ испуганнымъ лицомъ вбѣгаетъ Оома и говоритъ, что командирскія лошади стоятъ у нашего дома, а сама командирша уже на наше крыльцо вошла. Я совсѣмъ растерялась, и меня больше всего смущало, что въ комнатахъ у насъ былъ безпорядокъ: обѣдали въ гостиной и безъ скатерти, а сама я была въ мятомъ ситцевомъ платьѣ. Мужъ

безъ галстука, въ замасленной тужуркѣ хотѣлъ было пробѣжать въ спальню, но не успѣлъ. Въ комнату уже вошла въ плюшевомъ пальто и круглой шляпкѣ высокая дама съ розовымъ лицомъ и напудренными волосами.

Издали она мнѣ показалась совсѣмъ молодой, и только вблизи я рассмотрѣла, что щеки ея немного обвисли, и кожа на лицѣ не молодая.

Взглянувъ съ брезгливой миной на пеубранный столъ, она сказала:

— Пожалуйста, обѣдайте, я подожду, хотя раздѣваться и не стану.

— Извините, пардонъ,—стыдливо закрывая шею рукой, произнесъ мужъ.

Та искоса взглянула на него.

— Не стѣсняйтесь, я на такія глупости не обращаю вниманія... Я за ней,—указала она на меня зонтикомъ,—кататься заѣхала. Надѣюсь,—гуть уже Елизавета Ивановна исключительно обратилась ко мнѣ,—что для васъ будетъ все равно: отдамъ ли я вамъ визитъ, посидѣвъ вотъ на этомъ вдавленномъ диванѣ, или же мы покатаемся на чистомъ воздухѣ?.. Покажитесь, какая вы!—и, взявъ меня за руку, подвела къ окну.

— Дитя, и ничего больше!

Потомъ начала торопить, чтобы я скорѣе шла одѣваться.

— Мой monstre,—говорила она:—развирѣпѣть, если мы долго задержимъ лошадей.

А я такъ смѣшалась отъ ея безцеремоннаго со мной обращенія, что даже и въ голову мнѣ не пришло, что я могу отказаться и не поѣхать. Пока я въ спальнѣ переодѣвалась, Елизавета Ивановна ходила по гостиной и оттуда со мной разговаривала.

— Куда вашъ мужъ убѣжалъ? Не считаетъ ли онъ себя Юсифомъ прекраснымъ, а меня женой Пентефрія?.. Ну, нѣтъ, для этого ему нужно быть покрасивѣе...

Мужъ самъ поспѣшилъ объявить, что онъ сейчасъ выйдетъ.

— Можете и совсѣмъ не выходить,—послѣдовалъ нелюбезный отвѣтъ:—я только хотѣла вамъ сказать, чтобы вы свою жену скоро назадъ не ждали: я ее послѣ катанья къ себѣ чай повеау пить... Если хотите, зайдите сами къ намъ, но только попозднѣе, а то мы и безъ васъ ее въ сохранности доставимъ.

Когда я вышла, Елизавета Ивановна стояла у окна и на клочкахъ бумаги разсматривала мои рисунки.

— Кажется, Бобровъ вамъ уже даетъ уроки живописи?

Я поспѣшила выхватить у нея изъ рукъ растрепанное ухо и показала другой рисунокъ, который только считался моимъ, но почтѣ весь былъ нарисованъ Владимиромъ.

Она взглянула сначала на рисунокъ, потомъ на меня и засмѣялась. (Улыбка у нея была красивая и очень ее молодила). Дотрогнувшись тихонько до моей щеки, она значительно произнесла:

— Не въ рисованьѣ тутъ была вся сила!

И я сейчасъ же догадалась, что Елизавета Ивановна не спраста заѣхала.

Во время катанья она все выпрашивала и, видимо, считала меня за простушку: спросила, часто ли у насъ бываетъ Бобровъ, и оставляетъ ли меня мужъ съ нимъ наединѣ. Я старалась ей отвѣчать, какъ можно равнодушноѣе.

— Нравится вамъ Бобровъ?—вдругъ задала она вопросъ.

— Ничего, такъ себѣ.

Мои отвѣты ее видимо раздражали.

— Ничего, такъ себѣ!—передразнила она меня.—Вотъ вы все молодыя такія. Нѣтъ ни огня, ни увлеченья. А я, между тѣмъ, увѣрена, что онъ вамъ не только нравится, но вы въ него влюблены и съ нимъ обманете, если уже не обманули, вашего мужа.

Тутъ ужъ я сильно обидѣлась и высказала, что предоставляю ей думать обо мнѣ все, что угодно, но только прошу не высказывать, а держать это при себѣ, меня же поскорѣе отвезти домой, такъ какъ я не желаю къ ней заѣзжать.

— Да ни за что на свѣтѣ!—весело воскликнула она:—я ужасно люблю дѣтей съ гоноромъ, — и при этомъ меня звучно поцѣловала.

— Я все шутила съ вами,—объясняла Елизавета Ивановна:—вѣдь я же знаю отъ Боброва, что вы ужасно влюблены въ вашего мужа и живете съ нимъ, какъ голубки.

Она это говорила съ насмѣшкой, которая звучала и въ голосѣ и была видна въ ея глазахъ.

— Съ Бобровымъ, или Володей, какъ я его зову,—продолжала она:—мы большіе друзья. Семь лѣтъ его уже знаю и отлично изучила его артистическую натуру. Этихъ временныхъ страстишекъ у него была пропасть. Онъ всегда мнѣ про свои увлеченія рассказываетъ.

Я вспыхнула отъ негодованія, но сейчасъ же устыдилась, что могла, хотя на одну минуту, повѣрить, будто Владимиръ ей рассказалъ о нашей любви...

Приѣхавъ къ себѣ, Елизавета Ивановна меня оставила одну, а сама пошла переодѣться. Я же, сидя въ гостиной, все злилась на себя, зачѣмъ не настояла, чтобы меня отвезли домой, а также сердилась и на Владимира за его дружбу съ Елизаветой Ивановной. Что она въ него влюблена, — я теперь была уже увѣрена, и все ломала себѣ голову: зачѣмъ я-то ей понадобилась? И такъ я была занята своими мыслями, что даже не обращала вниманія на богатую кругомъ меня обстановку, какой мнѣ еще никогда не приходилось видѣть. Мебель была обита краснымъ шелкомъ, на окнахъ

и дверяхъ такія же портьеры, а въ одномъ углу между огромными фикусами стояла гипсовая фигура.

Только начавшаяся бѣготня въ смежной комнатѣ отвлекла меня отъ моихъ мыслей. Сначала пробѣжалъ солдатъ и скрылся за дверью третьей комнаты. Черезъ минуту онъ опять бѣжалъ, оставивъ дверь открытой. По большому письменному столу я догадалась, что это кабинетъ полкового командира. Онъ самъ длинный, худощавый, съ бѣлокурыми, уже сѣдѣющими усами, стоялъ посреди комнаты и поспѣшно застегивалъ на всѣ пуговицы сюртукъ. Тутъ же былъ и полковой адъютантъ Тихоновъ. Я недолго на нихъ смотрѣла: передъ моими глазами, какъ ураганъ, въ кабинетъ промчался въ полной парадной формѣ Желтковъ, и дверь за нимъ сейчасъ же затворилась.

Хотя я видѣла его не больше одной минуты, но успѣла замѣтить, что онъ очень разстроены. Когда я увидѣла Желткова, мнѣ припомнились и вечера, съ нимъ проведенные въ умственныхъ занятіяхъ, и то наслажденіе, которое я чувствовала, приобретаая отъ него знанія. При этомъ невольно пожалѣла, зачѣмъ Владимиръ никогда со мною, какъ тотъ, не разговариваетъ.

«Артистическая натура, — вспомнила я слова, сказанныя о немъ Елизаветой Ивановной. — Да, онъ артистъ! — повторила и я: — говорятъ, прекрасно рисуетъ и такъ любитъ красоту особенно женскую. Мнѣ даже часто было непріятно, когда онъ ужъ очень восхищался красотой какой нибудь женщины, особенно я ревновала его къ артисткѣ Козловской; даже, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли она такъ вблизи хороша, на послѣднія деньги купила у фотографа ея портретъ и написала по поводу своей ревности стихи «Къ соперницѣ».

Между тѣмъ, изъ кабинета ко мнѣ доносились громкіе голоса.

— Вы вздумали меня учить полкомъ командовать, занимаетесь въ своей ротѣ, не суйте носа въ чужія дѣла...

Я начала вслушиваться и догадалась, что разговоръ шелъ о недавно повѣсившемся въ 6-ой ротѣ молодомъ солдатикѣ. Мнѣ мужъ рассказывалъ, что тотъ лишилъ себя жизни отъ тоски по родинѣ; а Ома увѣрялъ, что солдатъ повѣсился изъ-за того, что фельдфебель 6-ой роты очень бьетъ новобранцевъ.

Теперь я уже знала, что Желтковъ, такъ любившій солдатъ, не могъ остаться равнодушнымъ къ подобному происшествію и вѣшался въ это дѣло. Зная также и вспыльчивый его характеръ, я теперь за него боялась.

По его голосу можно было заключить, что онъ сильно взволнованъ, и я разобрала изъ его словъ, что онъ собирается заявить претензію на инспекторскомъ смотрѣ. Наконецъ, начали разговаривать тише, но вдругъ дверь быстро отворилась, и оттуда съ сильно возбужденнымъ лицомъ вышелъ Желтковъ.

Я было бросилась къ нему навстрѣчу, но увидавъ, что за нимъ вышелъ и адъютантъ, остановилась. Тутъ мнѣ бросилось въ глаза, что Желтковъ безъ сабли, и я невольно воскликнула:

— Господи, да онъ, кажется, арестованъ!

— И за дѣло, такъ ему сумасшедшему и надо,—спокойно произнесла Елизавета Ивановна, входя въ гостиную и шурша по полу шелковымъ треномъ.

Я бросилась къ ней и начала просить заступиться за Желткова. Въ это же время въ дверь кабинета высунулась плѣшивая голова полковника.

— Помните, господинъ штабсъ-капитанъ,—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ: — мнѣ въ полку такихъ офицеровъ, какъ вы, не надо.

А Елизавета Ивановна на мои просьбы сухо отвѣтила:

— Пожалуйста, не просите: я никогда не вмѣшиваюсь въ полковыя дѣла.

XXI.

Вечеромъ, когда собралось нѣсколько человѣкъ офицеровъ и между ними Бобровъ, я тогда поняла, для чего Елизавета Ивановна меня привезла къ себѣ. Ей хотѣлось показать Боброву, да еще и при другихъ, какая я, въ сравненіи съ ней, малосвѣдущая и неинтересная особа—она вела все такой разговоръ, въ которомъ я не могла принимать участія: рассказывала о своихъ путешествіяхъ, картинныхъ галереяхъ или говорила о музыкѣ.

Мнѣ казалось, что она и одѣлась богато и къ лицу только для того, чтобы затмить меня своимъ нарядомъ и красотой.

Когда я сравнивала въ зеркалѣ, висѣвшемъ напротивъ насъ, ея величественную фигуру въ зеленомъ, атласномъ платьѣ, которое такъ шло къ ея розовому, съ напудренными волосами, лицу, со своею тоненькой фигурой, въ черномъ простенькомъ, не по модѣ сшитомъ платьѣ, я нашла, что при ней теряю.

Кромѣ того, въ этотъ день мнѣ нездоровилось, и я была очень блѣдна и въ дурномъ расположеніи духа.

Отъ тоски я начала разсматривать картину, которая издали мнѣ показалась похожей на Елизавету Ивановну. Вблизи сходство пропадало, исключая бѣлыхъ волосъ, такъ какъ на картинѣ была изображена маркиза въ костюмѣ Людовика XIV. Ко мнѣ скоро присоединился и одинъ изъ гостей—артиллерійскій капитанъ. Въ миѣніяхъ о картинѣ мы сошлись, что хотя она и тщательно нарисована, но лицо безъ всякаго выраженія.

Когда мы стояли возлѣ картины, къ намъ подошла Елизавета Ивановна, и, обнявъ меня за талію, спросила, какъ мнѣ нравится маркиза, и я, уже польщенная тѣмъ, что артиллерійскій капитанъ о картинѣ только подтвердилъ мои слова, съ апломбомъ загово-

рила, что тотъ, кто рисоваль эту картину, не имѣлъ таланта. Лицо не живое и похоже на маску.

— Слышите, Бобровъ?—закричала Елизавета Ивановна:—мадамъ Никонова находить, что у васъ нѣтъ таланта, и вы нарисовали не мое лицо, а маску.

Послѣ этого я уже совсѣмъ упала духомъ и теперь только вспомнила, что еще раньше отъ Аеанасьева слышала, что Бобровъ нарисоваль портретъ Елизаветы Ивановны. Послѣ этого на Владимира я боялась взглянуть, хотя слышала, что онъ и смѣялся.

За чаемъ я сидѣла, словно приговоренная къ смерти, а Елизавета Ивановна была весела и, обращаясь къ гостямъ, говорила:

— Скажите, господа, по совѣсти, у кого больше жизни: у меня ли, старухи, или у этой молодой дамы, которой, говорятъ, нѣтъ еще и восемнадцати лѣтъ?

И какъ желала я въ эту минуту, чтобы пришелъ скорѣе мужъ и увелъ меня отсюда!

Послѣ чая хозяйка сѣла за рояль и разбитымъ контральто спѣла цыганскую пѣсню. Я хвалила ее со всѣми, но сама ее ненавидѣла и завидовала ей. Никогда не была я такъ рада приходу мужа, какъ въ эту минуту: хотѣла сейчасъ же сослаться на нездоровье и уйти; но на мою бѣду кто-то изъ офицеровъ сказалъ Елизаветѣ Ивановнѣ, что мой мужъ отлично пляшетъ трепака. Та начала его упрашивать и заиграла комаринскаго; а тотъ не заставилъ себя долго упрашивать, пустился вплясъ и произвелъ въ обществѣ своей пляской фуроръ. Только полковой командиръ, неожиданно появившійся въ дверяхъ,—я замѣтила,—съ брезгливой миной смотрѣлъ, какъ мой мужъ ногами выдѣлываль разные выкрутасы. Скоро полковникъ подошелъ ко мнѣ и началъ разспрашивать, кто были мои родители, гдѣ жили и т. д.; наконецъ, сказалъ:

— Удивляюсь, что вы, барышня изъ хорошей семьи, могли выйти за такого субъекта, какъ вашъ мужъ: я слышалъ, онъ сильно пьетъ и съ вами дурно обращается.

Я покраснѣла и увѣряла, что это неправда. Въ это время ко мнѣ подошелъ артиллерійскій капитанъ и началъ просить спѣть или сыграть что нибудь.

Я отвѣтила, что у меня нѣтъ никакихъ талантовъ. Елизавета Ивановна, услышавъ это, повернулась отъ рояли и сказала:

— Не правда! у нея есть талантъ, я еще сегодня видѣла нарисованное ею ухо—и что это за ухо! но только до сихъ поръ не знаю, чье оно—человѣка или животнаго.

Когда я уже думала, что навсегда унижена въ глазахъ Владимира, и онъ ненавидитъ меня за критику его работы, тотъ вдругъ смѣло заступился за меня:

— Насколько я могу судить,—заговорилъ онъ:—у Елены Вячеславовны дѣйствительно есть талантъ—это читать стихи.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже декламировала изъ «Бахчисарайскаго фонтана» слова Заремы:

«Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣваемъ, просьбою, тоскою—
Чѣмъ хочешь—отврати его!» и т. д.

Когда я окончила, меня начали такъ хвалить, что отъ похвалъ кружилась голова.

— Вы артистка, ваше мѣсто на сценѣ!—говорилъ артиллерійскій капитанъ.

— Лизанька!—обратился и полковникъ къ своей женѣ:—мадамъ Никонова читаетъ стихи лучше всѣхъ нашихъ здѣшнихъ актрисъ!

Молодые офицеры окружили меня и уже совѣтовали поступить на сцену; я слышала, одинъ изъ нихъ какъ сказалъ моему мужу:

— Ваша жена на сценѣ въ десять разъ будетъ больше получать, чѣмъ вы на службѣ.

А тотъ, хотя видимо моимъ успѣхомъ былъ доволенъ, но ломался.

— Куда ей,—говорилъ онъ,—пускай сына няньчить, и варить мнѣ щи.

Но больше всѣхъ моя декламація понравилась полковнику; онъ теперь не отходилъ отъ меня и предсказывалъ мнѣ такой успѣхъ на сценѣ, что я уже видѣла себя извѣстной актрисой, получающей огромное содержаніе. «И все это я хочу имѣть для тебя», — думала я, глядя на Владимира.

Послѣ того, когда тотъ такъ смѣло заступился за меня, я опять вѣрила въ его любовь и не боялась, что онъ промѣняетъ меня на Елизавету Ивановну; даже когда они вдвоемъ уединились въ будуаръ, я только подумала: «старая, а тоже влюбляется!» и въ это же время съ удовольствіемъ взглянула въ зеркало, гдѣ отражалось мое молодое, вдругъ похорошѣвшее, съ розовыми щеками и блестящими глазами, лицо.

Когда зашла рѣчь о петербургскихъ актрисахъ, мнѣ полковникъ предложилъ посмотрѣть ихъ фотографіи, которыя висѣли въ его кабинетѣ. И по дорогѣ я вспомнила, что въ будуарѣ оставила свой носовой платокъ; туда я быстро вбѣжала, и въ ту минуту мнѣ показалось, что Владимиръ оттолкнулъ отъ себя Елизавету Ивановну. Но они оба сейчасъ же такъ спокойно со мной заговорили, что теперь я даже была увѣрена, что это мнѣ только показалось... Въ кабинетѣ меня полковникъ усадилъ на мягкой, обитый шагреновой кожей, диванъ, придвинулъ къ нему съ лампой столъ и, доставъ со стѣны множество въ рамкахъ фотографій, началъ со мной ихъ разсматривать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и указывалъ на костюмы, кото-

рые, по его мнѣнію, мнѣ бы пошли. Я же съ нимъ совѣтовалась, какимъ образомъ мнѣ взяться за свое поступленіе на сцену. По его мнѣнію, мнѣ лучше всего было дебютировать здѣсь, въ Гельсингфорсѣ, такъ какъ онъ можетъ въ дирекціи за меня похлопотать. Я такъ ему была за это благодарна, и онъ мнѣ казался такимъ добрымъ, симпатичнымъ старичкомъ, что я начала съ нимъ говорить откровенно: призналась, что замужемъ несчастлива и уже давно думаю разстаться съ мужемъ.

— Но я не одна, у меня есть сынъ, —разсказывала я:—мнѣ было страшно, не имѣя средствъ, рѣшиться на такой шагъ. Поэтому теперь я и прошу васъ, полковникъ, сказать мнѣ правду, дѣйствительно ли вы увѣрены, что на сценѣ мнѣ дадутъ хорошее жалованье.

И тотъ началъ увѣрять, что я не только буду получать хорошее жалованье, но и буду окружена поклонниками.

— Передъ вами одинъ уже стоитъ, —продолжалъ онъ,—готовый для васъ все сдѣлать; если даже дирекція вамъ назначитъ небольшое жалованье, то мой кошелекъ къ вашимъ услугамъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на него.

— Благодарю васъ, но съ какой же стати я буду брать у васъ деньги?

Пропустивъ мимо ушей мой вопросъ, онъ началъ вдругъ жаловаться на болѣзнь своей жены.

— Она вѣдь только кажется здоровой, —говорилъ онъ:—мы уже давно другъ другу дали свободу.

А я, занятая своимъ поступленіемъ на сцену, не слушала его, перебивала и все спрашивала объ одномъ, дѣйствительно ли онъ думаетъ, что у меня большой талантъ.

— Огромный!—наконецъ сказалъ онъ:—особенно я увѣренъ, что бурныя страсти у васъ будутъ хорошо выходить. Вы ревность Заремы прекрасно передали, въ васъ было столько огня!.

Его слова привели меня въ восторгъ.

— Милый полковникъ!—воскликнула я, вскакивая съ дивана:—вы вашей похвалой даете мнѣ жизнь. Выслушайте вотъ и эти стихи «Къ соперницѣ», которые я сама недавно сочинила,—и, ставъ передъ нимъ, я съ чувствомъ начала:

«Гнететь ревнивое мученье,
Гнететь меня и день, и ночь...
Въ глазахъ ея изображенье!
Гоню, но не отходить прочь.
Нарочно карточку купила,
Гляжу, гляжу все на нее.
На ту, что жизнь мнѣ отравила,
Украда счастье мое!.

— А я тебя у всего свѣта украду!—вдругъ страстно воскликнулъ полковникъ, и я неожиданно очутилась въ его объятіяхъ...

Съ испугу я начала кричать, звала мужа и, что есть силы, вырывалась у него изъ рукъ. Мой крикъ, вѣроятно, его испугалъ—онъ скоро выпустилъ меня изъ объятій и съ сердитымъ лицомъ еще началъ выговаривать, зачѣмъ кричу.

Я такъ была испугана и оскорблена, что не находила словъ выразить своего негодованія, только расплакалась и, крикнувъ ему:

— А я-то считала васъ хорошимъ человѣкомъ!—сейчасъ же бросилась вонъ изъ кабинета.

Въ гостиной, можетъ быть, и не замѣтили бы моего появленія, если бы надо мной не начала трунить Елизавета Ивановна.

— Однако, будущая актриса, вы что-то очень долго въ кабинетѣ съ моимъ мужемъ оставались, вѣроятно, какую нибудь роль репетировали, хорошо, что я не ревнива,—продолжала она,—но вашего мужа, который, мнѣ кажется, ревнивъ, а такъ же и Боброва, я посылала въ замокъ на васъ посмотриѣть.

Мои щеки отъ стыда пылали; мнѣ казалось, что уже кто нибудь дѣйствительно подходилъ къ двери кабинета.

Но тутъ вошелъ полковникъ, и въ эту минуту онъ сдѣлалъ такое несчастное лицо, что даже я не могла не улыбнуться.

— Ты, кажется, совсѣмъ умираешь?—спросила его со смѣхомъ жена.

А тотъ, все съ тѣмъ же несчастнымъ лицомъ, поднесъ ея руку къ губамъ и грубовымъ голосомъ заговорилъ, что его ужасно Желтковъ беспокоитъ — не надѣлалъ бы онъ имъ бѣдъ. Я же, воспользовавшись тѣмъ, что разговоръ о Желтковѣ отвлекъ отъ меня вниманіе, поспѣшила надѣть шляпку, и, простившись со всѣми, мы съ мужемъ ушли.

XXII.

Выйдя изъ квартиры полкового командира, мы замѣтили, что на небѣ, съ горизонта, надвигаются тучи, и уже были слышны, хотя еще и далекіе, раскаты грома. Денегъ на извозчика у насъ не оказалось, а чтобы не попасть подъ дождь, мы быстро пошли домой, въ это же время мужъ говорилъ:

— Молодецъ Лелька! сегодня я тобой доволенъ, ты, видимо, понравилась полковому командиру, и я теперь увѣренъ, что меня онъ на выборахъ поддержитъ.

Я же собой была очень недовольна. Все мучилась, не подала ли я сама чѣмъ нибудь повода къ такому дерзкому со мной обращенію, и, разочаровавшись въ полковникѣ, уже недовѣрчиво относилась къ его похваламъ о моихъ сценическихъ способностяхъ.

Мысль, что все, что онъ ни говорилъ, была лесть, очень меня огорчала...

Придя домой, мы неожиданно застали у себя гостью.

Еще съ улицы замѣтили въ нашей гостиной огонь. Шторы были не спущены, и въ окнахъ мелькала бѣлокурая, съ тонкимъ профилемъ головка Марья Львовны.

Въ голубой кофточкѣ, перетянутая въ талии желтымъ кожанымъ поясомъ, она расхаживала по нашимъ комнатамъ.

Мужъ думалъ, что она поссорилась съ родными и пріѣхала просить до свадьбы у насъ пріюта; но оказалось, что Марья Львовна пріѣхала къ намъ только переночевать, чтобы завтра съ утра, со своимъ женихомъ, а если я соглашусь, то и со мной, пойти въ магазины и закупить себѣ приданое.

Встрѣтилась я съ ней по-дружески, съ поцѣлуями. Она начала извиняться, что явилась къ намъ прямо ночевать, но вину въ этомъ сваливала на своего жениха.

— Матвѣй Матвѣевичъ, — говорила она, — мнѣ не совѣтоваль нигдѣ останавливаться, какъ только у васъ, которыхъ онъ считаетъ своими друзьями, особенно васъ, Елена Вячеславовна: онъ мнѣ признался, что у него даже тайнъ нѣтъ отъ васъ.

Ея послѣднія слова меня смутили: я вспомнила сплетню про нее и Боброва, но Марья Львовна моего смущенія не замѣтила и съ веселымъ лицомъ рассказывала, что женихъ ей обѣщалъ сдѣлать хорошее приданое.

Разговаривая о платьяхъ, она совсѣмъ расцвѣла, и я тщетно искала на ея лицѣ слѣдовъ отъ пережитыхъ страданій, о которыхъ мнѣ намекалъ Аванасевъ. Даже пришла къ тому заключенію, что она, повидимому, совершенно счастлива.

Было давно за полночь и, хотя я предлагала Марьѣ Львовнѣ чая, но та отъ него отказалась, и мы скоро легли спать.

Мужъ легъ въ гостиной, а я съ ней не только въ одной комнатѣ, но и на одной постели.

Послѣ столькихъ пережитыхъ въ этотъ день волненій я чувствовала себя утомленной, и мнѣ сильно хотѣлось спать. Но Марья Львовна и въ постели не переставала говорить, какія она себѣ сдѣлаетъ платья, бѣлье и мѣтки на немъ. Меня удивляла такая любовь къ нарядамъ, и я сказала:

— Не знаю, какъ вы, но, что касается меня, я не придаю большого значенія нарядамъ и предпочла бы не имѣть ни одного богатаго платья и носить толстое бѣлье, только бы жить съ любимымъ человѣкомъ.

Она вдругъ замолчала, а я, воспользовавшись тишиной, сейчасъ же и заснула. Но меня разбудили ея рыданія, хотя она и старалась ихъ заглушить въ подушкахъ. Сонъ сейчасъ же съ меня соскочилъ, и я съ испугомъ наклонилась надъ ней и просила сказать, о чемъ она плачетъ, цѣловала ее, просила успокоиться, принесла ей воды съ сахаромъ. Но она продолжала рыдать. А я стояла

возлѣ нея и не подозрѣвала, что я сама же и была причиною ея слезъ: своими необдуманннми словами я вызвала наружу ея горе.

— Зачѣмъ вы мнѣ напомнили о счастѣ съ любимымъ человекомъ,—рыдая говорила она,—когда все прошлое я стараюсь забыть, стараюсь вырвать изъ груди эту проклятую любовь и хочу только одно помнить, что Матвѣй Матвѣичъ—самый лучший, самый честный изъ людей?

Не зная, какъ поправить свою вину, я только вторила ей, что Матвѣй Матвѣевичъ—дѣйствительно чудный, прекрасный человекъ, и что она съ нимъ, навѣрно, будетъ счастлива.

Наконецъ, она перестала рыдать и только всхлипывала, какъ дитя послѣ долгаго плача, и шопотомъ говорила:

— Мнѣ Матвѣй Матвѣевичъ сказалъ, что вы знаете всю мою исторію. Какой онъ, право, добрый, — вздохнула она,—даже васъ просилъ уговорить Боброва на мнѣ жениться. Да гдѣ ужъ, не такой онъ человекъ, чтобы жениться на той, которая не принесетъ ему ни денегъ, ни карьеры. За спинами мужей да за чужими женами ему удобнѣе ухаживать.—Помолчавъ, она горько продолжала:—И какъ послѣ этого мнѣ не цѣнить Матвѣя Матвѣевича: беретъ опозоренную, съ чужимъ ребенкомъ, собирается усыновить мою крошечку. На нее отецъ родной не хотѣлъ взглянуть, а этотъ самъ выпросилъ адресъ и теперь каждую недѣлю къ ней ѣздитъ.

Все это такъ неожиданно открылось и такъ меня поразило, что я даже забыла ее предупредить, что мнѣ ничего не извѣстно, кромѣ одной сплетни, которой я не вѣрила, и которую самъ же Аванасьевъ тогда и опровергнулъ.

Она между тѣмъ продолжала:

— Я знаю, теперь онъ въ васъ влюбленъ, и какъ же сначала я васъ ненавидѣла! Но теперь это прошло: все равно—не вы, такъ другая. Онъ и прежде, раньше, чѣмъ увидѣлъ васъ, уже старался меня сплавить въ Ярославскую губернію къ своей богатой теткѣ, хотя и клялся, что послѣ ея смерти на мнѣ женится.

— «Онъ и на мнѣ обѣщалъ жениться послѣ ея смерти»,—вспомнилось мнѣ, и каждое ея слово, какъ ножъ, врѣзывалось въ мое сердце. А шопотъ Марьи Львовны все раздавался въ темнотѣ.

— Зачѣмъ онъ клялся, что будетъ меня вѣчно любить? Я его за своего ангела-хранителя считала... Онъ зналъ про мою тяжелую жизнь у родныхъ и сначала заступался за меня, даже со Сверчковымъ бранился, а потомъ еще хуже мнѣ жизнь испортилъ. Сраму-то, сраму сколько я изъ-за него перенесла! Не разъ уже руки на себя наложить хотѣла... При офицерахъ и денщикахъ меня изъ-за него срамили!

И она снова зарыдала.

И вдругъ, поднявшись на постели, положила ко мнѣ на плечо, какъ ледъ, холодную руку и уже страстнымъ шопотомъ заговорила:

— Скажите ему: за меня его Богъ накажетъ, отзовутся ему мои слезы; скажите, что я его давно прокляла, сто разъ прокляла. И въ эту минуту клянусь, зачѣмъ не могу вырвать его изъ сердца, и изъ-за него безъ любви замужъ выхожу. Пусть онъ будетъ проклятъ, пусть, какъ Иуда, нигдѣ не найдетъ себѣ мѣста...

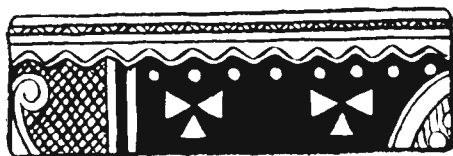
А на дворѣ бушевала гроза, въ комнатѣ такъ было темно, что даже окна изъ темноты не выдѣлялись, только молнія иногда золотой нитью прорѣзывала черное небо и на секунду освѣщала сидѣвшую на постели женскую фигуру, въ одной рубашкѣ, съ блѣднымъ, какъ у трупа, лицомъ и страшно блестящими глазами.

Меня била нервная лихорадка, мнѣ было жаль Владимира и страшно за него.

— Господи, спаси его и помилуй!—молилась я, дрожа съ головы до ногъ.

М. Е. Васильева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

(1891-1892).

IV.

Странствованія.

В КОНЦѢ августа мы уѣхали изъ Верхнетроицкаго, и изъ Самары опять на пароходѣ отправились въ Казань. Здѣсь въ редакціи «Волжскаго Вѣстника» мнѣ дали нѣсколько образчиковъ того хлѣба, какимъ питалось населеніе голодающихъ мѣстностей, и рассказали объ ужасномъ положеніи въ ту пору Поволжья. Да я и самъ уже достаточно насмотрѣлся на всѣ ужасы голода.

Изъ Казани черезъ Нижній мы проѣхали въ Москву, гдѣ я расстался съ женой. Она направилась въ Петербургъ, а я—въ Вологду.

Сентябрь я прожилъ на Горкѣ, въ усадьбѣ моей тетки, Е. П. Даниловой. Здѣсь я задумалъ сдѣлать сборъ для голодающихъ и по этому поводу переговорилъ со священникомъ: рѣшили, что всего удобнѣе обратиться къ народу въ церкви. Такъ и сдѣлали.

8 сентября передъ концомъ обѣдни сторожъ по указанію священника поставилъ среди церкви, неподалеку отъ амвона, столъ, и на столѣ были выложены куски того хлѣба, который я привезъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 55.

изъ Казани,—куски, похожіе на засохшій навозъ. Священникъ сказалъ народу, что въ Поволжьѣ и въ нѣкоторыхъ среднихъ губерніяхъ былъ неурожай, и вслѣдствіе того наступилъ голодъ, что «вотъ господинъ пріѣхалъ изъ тѣхъ краевъ, самъ все видѣлъ и расскажетъ вамъ»... Послѣ того я обратился къ народу и просто и ясно повѣдалъ ему вкратцѣ о страшномъ бѣдствіи, какое въ то время переживало крестьянское населеніе въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ голода. Я перечислилъ эти мѣстности и упомянулъ о томъ, что вездѣ идутъ сборы для голодающихъ. Я указалъ на куски хлѣба, лежавшіе на столѣ, и предлагалъ желающимъ попросить этотъ хлѣбъ.

— Вотъ такой-то хлѣбъ ѣдятъ люди!—говорилъ я.—Пожалѣйте же ихъ, братцы, помогите и вы имъ, чѣмъ можете, сколько можете,—деньгами, хлѣбомъ.

Когда я кончилъ, смутный гулъ пошелъ по церкви, и я слышалъ, какъ ближе стоявшіе къ амвону старики и молодежь говорили:

— Поможемъ, батюшка, поможемъ!—Помочь надо!—Какъ же не помочь! Со всякимъ можетъ случиться, не приведи Богъ...

Народъ тѣснился къ столу; мужики, бабы пробовали хлѣбъ, жевали и выплевывали.

— Господи, помилуй!—говорили бабы.—И что жъ это за хлѣбъ!..—Нечто это—хлѣбъ!.. Песокъ!

Послѣ обѣдни, по выходѣ изъ церкви, ко мнѣ приступили съ вопросами, за разъясненіями, и я долженъ былъ поговорить о дѣлѣ подробнѣе.

Деньгами давали мало, но хлѣба было собрано много, и всѣ пожертвованія были отправлены въ Нижній Новгородъ по назначенію. Эта, конечно, сравнительно малая лепта въ сущности была весьма значительна, если принять въ расчетъ, что вологодскій крестьянинъ, принесшій эту лепту, и самъ нерѣдко уже въ половинѣ зимы нуждается въ хлѣбѣ.

Пора мнѣ было подумать о томъ, гдѣ пріютиться на зиму. Остаться въ деревнѣ было немислимо: горкинскій домъ былъ старый, ветхій, холодный; въ немъ съ полу сильно дуло, углы промерзали по зимамъ. Остаться въ Вологдѣ мнѣ не хотѣлось. Я уже зналъ, какъ затруднительны сношенія съ редакціями по почтѣ. Пошлешь рукопись или письмо, и отвѣта не дождешься. Самымъ удобнымъ для меня представлялось жить зиму въ Москвѣ. Тамъ книжные магазины и библіотеки, въ которыхъ я нуждался для своей работы, были бы у меня подъ рукой; тамъ я могъ бы найти занятіе въ журналѣ или въ газетѣ и заручиться заработкомъ; тамъ, наконецъ, и удобства жизни, быстрота почтовыхъ сообщеній съ Петербургомъ.

30 сентября я уѣхалъ изъ деревни, а 4 октября былъ уже въ Москвѣ. Я остановился на Неглинной, въ номерахъ Ечкиной, гдѣ

тотчасъ же мой паспортъ, какъ водится, взяли въ прописку. Недѣлю я прожилъ въ номерахъ, а затѣмъ нанялъ у Могито дешевенькую комнату и переѣхалъ въ нее, распаковалъ свой чемоданъ, купилъ чернилъ, бумаги и принялся за работу.

Сначала я своею комнаткой остался доволенъ; одна часть ея была отгорожена подъ спальню, а другая — крохотное пространство — служила передней. Обстановка, конечно, скромная, но былъ и диванъ и комодъ. Изъ единственнаго окна, выходившаго на Самотекскую площадь, были видны Садовая и конецъ Цвѣтнаго бульвара... Но вскорѣ оказалось, что комната была холодная: зимнія рамы были плохо вставлены, отъ оконъ—особенно изъ форточки—дуло... Сначала этихъ неудобствъ я не замѣтилъ, окунувшись съ головою въ работу, и спохватился уже поздно. Я простудился. Мнѣ шибко нездоровилось: лихорадило, болѣла голова, а пуще всего мѣшала мнѣ работать зубная боль.

Утромъ на четвертый день по переѣздѣ къ Могито, когда я съ подвязанной щечкой, въ шапкѣ и закутавшись въ пледъ, сидѣлъ за работой, въ дверь моей комнаты постучали, и на обычное приглашеніе «войдите!» появился какой-то полицейскій чиновникъ и объявилъ, что меня сегодня вызываютъ къ часу пополудни въ охранное отдѣленіе. Я сказалъ, что я боленъ, и спросилъ, не могу ли я отложить этотъ визитъ, хотя дозавтра.

— Ужъ, право, не знаю... по болѣзни, конечно...—пробормоталъ посѣтитель и съ многозначительнымъ видомъ добавилъ: —а я бы все-таки совѣтовалъ вамъ сегодня же поѣхать туда...

Нечего дѣлать, укутался, какъ могъ, и поѣхалъ.

Погода была отвратительная. Холодный, рѣзкій вѣтеръ, казалось, пронизывалъ меня насквозь; мокрый снѣгъ хлопьями хлесталъ мнѣ въ лицо, слѣпилъ глаза. Лихорадка била меня такъ, что я зуба съ зубомъ свести не могъ.

Въ пріемной охраннаго отдѣленія меня встрѣтилъ какой-то бравый жандармскій офицеръ и сразу же огорошилъ меня.

— Вы пріѣхали безъ разрѣшенія и живете въ Москвѣ!—сурово обратился онъ ко мнѣ:—мы могли бы сейчасъ же привлечь васъ къ суду...

— Я не зналъ,—говорю,—что безъ особаго разрѣшенія нельзя жить въ Москвѣ.

— Какъ «не знали»!—воскликнулъ офицеръ, еще суровѣе посмотрѣвъ на меня. —Вѣдь вамъ запрещено жительство здѣсь.

— Нѣтъ,—говорю,—вы ошибаетесь: мнѣ никто не запрещалъ жить въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, говорю, о такомъ запрещеніи мнѣ ничего не извѣстно... Весною я жилъ здѣсь недѣлю, а теперь живу уже почти двѣ недѣли... Паспортъ мой давно прописанъ, и мнѣ никто ничего не говорилъ...

— Развѣ съ васъ подписка не взята?—пониживъ тонъ, спросилъ меня офицеръ.

— Нѣтъ, говорю, подписки съ меня не брали.

Офицеръ какъ будто немного смутился и отвелъ глаза въ сторону. Было очевидно, что съ послѣдняго-то вопроса ему и слѣдовало начать, а не пугать меня преждевременно судомъ.

— Но вамъ воспрещено жительство въ Петербургѣ,—сказалъ онъ.

— Въ Петербургѣ?.. Да!—отвѣтилъ я.

— У насъ существуетъ такое положеніе, что то лицо, которому воспрещено жительство въ Петербургѣ, не можетъ оставаться и въ Москвѣ,—пояснилъ офицеръ.

— О такомъ положеніи мнѣ было неизвѣстно...—замѣтилъ я.— Я не могу отговариваться незнаніемъ закона, но частныхъ распоряженій, циркуляровъ я могу не знать...

— Да... но я теперь заявляю вамъ, что вы не можете оставаться въ Москвѣ, вы должны немедленно уѣхать!—сказалъ офицеръ.

— Не могу ли, говорю, пробыть здѣсь еще нѣсколько дней?

— Обратитесь къ мѣстной полиціи... Если приставъ возьметъ на себя отвѣтственность, то онъ можетъ разрѣшить вамъ пребываніе здѣсь на извѣстное время...

И опять подъ снѣгомъ я отправился странствовать по Москвѣ—отыскивать тотъ полицейскій участокъ, въ районѣ котораго находились «меблированные комнаты Могито». Я объяснил приставу свое положеніе, рассказавъ вкратцѣ о томъ, что мнѣ было сказано въ охранномъ отдѣленіи, и просилъ разрѣшенія остаться мнѣ въ Москвѣ дня на три. Приставъ съ недоумѣніемъ выслушалъ мой рассказъ и, повидимому, съ участіемъ посмотрѣлъ на меня... Съ подвизанной щекой, трясающейся въ лихорадкѣ, иззябшій и едва не стонущій отъ жестокой зубной боли, я тогда, вѣроятно, представлялъ собой довольно жалкую фигуру. Приставъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, поговорилъ со своимъ помощникомъ, долго рылся въ какихъ-то книгахъ и, наконецъ, вышелъ опять ко мнѣ въ пріемную.

— Ничего не понимаю...—сказалъ онъ, пожавъ плечами.—Насчетъ васъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній... Рѣшительно никакихъ! Не знаю, что они тамъ... Оставайтесь, живите, сколько хотите...

Я былъ немало удивленъ: можно сказать—изъ одного мѣста шли разныя вѣсти. Жандармскій офицеръ говоритъ: «уѣзжайте немедленно!» Полицейскій приставъ говоритъ: «оставайтесь, живите!» Въ какомъ-то смутномъ, неопредѣленномъ состояніи возвратился я въ свою каморку.

Въ сумерки пришла навѣстить меня одна моя добрая знакомая, уже знавшая о моей болѣзни, и принесла мнѣ какіе-то порошки отъ головной боли. Я рассказалъ ей о своихъ походахъ. Она также была удивлена. Очевидно, по поводу моей особы происхо-

дили какія-то недоразумѣнія на извѣстный мотивъ: тащи и не пущай... Меня мучила неизвѣстность: суждено ли мнѣ остаться въ Москвѣ, или нѣтъ? Впрочемъ, эта неизвѣстность скоро разрѣшилась, и дѣло мое выяснилось окончательно...

Знакомая моя посовѣтовала мнѣ выпить чаю, принять хинина и ея порошки и лечь спать и собралась уже уходить, какъ въ дверь сильно постучали, и на порогѣ появился околоточный. «Приставъ требуетъ!»...

— Вы же видите, что человѣкъ совсѣмъ боленъ, едва на ногахъ стоитъ! — вступилась было за меня моя знакомая.

— Да развѣ же это отъ меня?... Приказано, и идешь! — сказалъ околоточный.

Опять я укутался, какъ могъ, и поѣхалъ въ участокъ. Тамъ я встрѣтилъ и моего почтеннаго хозяина съ дочерью. Оказалось, что его дочка, завѣдывавшая паспортами квартирантовъ, паспортъ мой записала только въ своей домовой книгѣ, а въ полицію еще не представляла. По этому-то поводу теперь и вызвали ихъ въ участокъ. Мнѣ было очень жаль, что отчасти изъ-за меня потревожили этихъ добрыхъ людей. (Впрочемъ, они отдѣлались лишь выговоромъ и угрозой штрафа на будущее время).

— Сейчасъ только сообщили намъ о васъ... — сказалъ мнѣ приставъ. — Да! Нечего дѣлать... нельзя вамъ оставаться здѣсь, придется уѣхать — и не позже, какъ завтра вечеромъ. А теперь вы должны дать подписку...

Послѣ всѣхъ этихъ странствованій подъ снѣгомъ, по холоду, у меня уже болѣли не только голова и зубы, но, казалось, все тѣло болѣло, и лихорадка неистовствовала. Возвратившись домой, я наскоро выпилъ чая, проглотилъ принесенные мнѣ порошки, принялъ хининъ, не раздѣваясь, бросился на кровать, укрылся своимъ пальто, пледомъ, кое-какъ посогрѣлся — и впалъ въ забытѣе. Не могу сказать, чтобы я спалъ, но и не вполне бодрствовалъ. Странное было состояніе... Часто я принимался бредить и притомъ сознавалъ, что я брежу. Вообще тяжелая была ночь. Всю ночь галлюцинаціи осаждали меня... Въ темной вышинѣ ярко горѣло электрическое солнце, передо мной въ глубокомъ мракѣ летали ракеты, вспыхивали греческія свѣчи, красные языки пламени горѣли въ воздухѣ, — и ни шума, ни звука... На минуту приходя въ сознаніе, я со страхомъ думалъ, не начинается ли у меня какая нибудь серьезная болѣзнь. И дѣйствительность снова пропадала, и міръ видѣній меня обступалъ, и опять фейерверочный блескъ и огни... Утромъ я почувствовалъ себя лучше, но слабость одолѣвала.

Уложивъ вещи, запаковавъ чемоданъ, я сходилъ попрощаться кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ и затѣмъ отправился къ хозяину и на прощанье долго бесѣдовалъ съ нимъ и съ его дочерью, очень милой, симпатичной дѣвушкой... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я

слышалъ, что Могито умеръ, и пожалѣлъ о немъ: онъ славный, честный былъ человѣкъ. А гдѣ его дочь, жива ли, — не знаю. Хорошее воспоминаніе у меня осталось объ этихъ московскихъ «иностранныхъ»...

Приходилось возвращаться въ Вологду.

На ярославскій вокзалъ пришли меня проводить двѣ знакомыя курсистки, хотя я убѣдительно просилъ ихъ этого не дѣлать.

И грустно же, тоскливо мнѣ было...

V.

Въ Вологдѣ и въ Любани.

16 октября я пріѣхалъ въ Вологду и поселился въ гостиницѣ «Золотой Якорь».

Вскорѣ же по пріѣздѣ я здѣсь познакомился съ очень симпатичнымъ, хотя нѣсколько страннымъ юношей, бывшимъ студентомъ Московскаго университета, М. С., жившимъ въ Вологдѣ въ ссылкѣ. С. сталъ навѣщать меня, и я находилъ интересъ въ живой бесѣдѣ съ нимъ... То было время голода, и между нами, естественно, часто заходила рѣчь о положеніи голодающихъ. И намъ хотѣлось — если не деньгами, то трудомъ — принести свою ленту на общее дѣло. Тутъ которому-то изъ насъ (теперь не помню) пришла въ голову мысль издать въ пользу голодающихъ сборникъ на средства вологжанъ и назвать его «Вологодскимъ»; рѣшили дать ему заглавіе «Помочь».

Немедленно же мы принялись приводить нашу мысль въ исполненіе. С. написалъ для сборника отрывокъ изъ своихъ школьныхъ воспоминаній, я написалъ рассказъ и затѣмъ принялся за большую статью («Черный годъ. Предвѣстники голода 1891 года и его причины»). Въ то же время мы стали обращаться къ литераторамъ съ просьбою дать для нашего сборника что нибудь изъ ихъ произведеній. И надо правду сказать, многіе изъ пишущей братіи охотно отозвались на наше воззваніе. Намъ прислали свои произведенія: Эд. Беллами, Генри Джорджъ (переводъ статьи его былъ сдѣланъ подѣ редакціей Л. Н. Толстого), Вл. Соловьевъ, Макъ-Гаханъ, Шеллеръ, М. Цебрикова, Н. Ядринцевъ, Д. Мордовцевъ, В. Португаловъ, Д. Мережковскій, В. Балмашевъ, К. Вентцель, М. Альбовъ, Ивановичъ, Д. Михаловскій, В. Водовозовъ, К. Баранцевичъ, С. Дрожжинъ, Л. Пантелѣевъ, Я. Егоровъ, А. Тарутинъ и др.

Въ ту зиму въ вологодскомъ театрѣ давало спектакли товарищество драматическихъ артистовъ подѣ управленіемъ Н. Корсакова. Теперь ужъ не помню, при какихъ обстоятельствахъ познакомился я съ членомъ товарищества, А. Ѳедоровымъ (ставшимъ

впослѣдствіи плодови́тымъ поэтомъ, фельетонистомъ, драматургомъ и романистомъ). Вѣроятно, черезъ него одинъ изъ актеровъ, Григорьевъ, узналъ, что у меня есть пьеса, разрѣшенная цензурой, но нигдѣ не игранная, и попросилъ ее у меня для своего бенефиса, предполагавшагося въ началѣ декабря. Я, конечно, охотно предоставилъ пьесу въ его распоряженіе.

Въ половинѣ ноября жестокая инфлуэнца подвергла меня продолжительному домашнему аресту. Лѣчилъ меня д-ръ А. Снятковъ. Лѣчилъ-то онъ хорошо, относился ко мнѣ чрезвычайно внимательно и энергично боролся съ повышеніемъ температуры, но горе въ томъ, что за мною не было никакого ухода. Прислуга изрѣдка забѣгала ко мнѣ, но не могла оставаться у меня подолгу. Изрѣдка навѣщали меня родственники; заходилъ С. Помню, что онъ даже однажды всю ночь провелъ въ моемъ номерѣ: то онъ что-то усердно писалъ, то принимался ходить по коридору. Бѣльшею же частью я оставался одинъ оди́нехонекъ. Особенно были томительны и казались безконечно долгими безсонныя ночи...

Помню, однажды неподалеку отъ «Золотого Якоря» вспыхнулъ пожаръ. Былъ вечеръ. Тревожные торопливые звуки набата разносились надъ городомъ. Я слышалъ, какъ по коридору бѣгали, перекрикивались, стучали дверьми. Красноватый, дрожащій отсвѣтъ ударялъ въ окна моей комнаты... А я безъ силъ, пластомъ, лежалъ на постели и не могъ даже подняться на ноги. Гдѣ горитъ, не близко ли, не угрожаетъ ли опасность гостиницѣ, — я ничего не зналъ. Я позвонилъ разъ, и два, и три, но ко мнѣ никто не шелъ...

Наконецъ, дверь открылась, и появился мой докторъ. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что пожаръ—не особенно близко, что горятъ какіе-то сараи, и, вѣроятно, пожаръ уже скоро будетъ потушенъ...

Да! въ тѣ дни одиночество мнѣ давало себя горько чувствовать. Но какъ быть! Вѣдь у каждаго свое дѣло, да и сидѣть у больного нimalo не интересно. Нанимать сидѣлку, чужого человека, мнѣ не хотѣлось, да, признаться, было и не по средствамъ... Въ то время мнѣ думалось: какъ было бы хорошо — умереть скоропостижно, чтобы никому не наскучить, не доставить лишннихъ хлопотъ, да и самому не страдать долго, не томиться отъ тоски при вѣчной разлукѣ съ людьми...

Вслѣдствіе болѣзни я не могъ бывать на репетиціяхъ моей пьесы. Но на послѣднюю репетицію я рѣшилъ непремѣнно пойти, хотя съ моей стороны было довольно рискованно: едва оправившись и еще ни разу не выходя изъ дому, идти въ театръ (въ холодный сарай), на сцену, со всѣхъ сторонъ продуваемую сквозняками. Но этотъ выходъ сошелъ для меня благополучно, безъ возврата инфлуэнцы.

3-го декабря шла моя пьеса. Только теперь, когда пьеса разыгрывалась на сценѣ, я увидѣлъ всѣ ея слабыя стороны, — длин-

ноты нѣкоторыхъ монологовъ, неумѣстныя паузы и т. д. Игрой же артистовъ я остался вообще доволенъ. «Волчиха» была недурна, хорошъ былъ и Корсаковъ въ роли Митюхи и А. Федоровъ въ роли молодого ямщика. Публика дружно вызывала артистовъ и автора, — автора-то, вѣроятно, не за пьесу, а просто изъ чувства патріотизма, какъ земляка... Немного позже, 26-го декабря, моя пьеса шла въ Москвѣ на сценѣ одного частнаго театра и еще гдѣ-то.

Это былъ мой единственный серьезный опытъ на поприщѣ драматургіи. Эта пьеса — передѣлка изъ моей же повѣсти: я вздумалъ написать пьесу по совѣту одного нашего уважаемаго драматическаго артиста и покойной, но незабвенной П. А. Стрепетовой, при чемъ я пользовался цѣнными указаніями и совѣтами ея и А. Н. Плещеева. Кромѣ Стрепетовой, съ моей пьесой былъ знакомъ М. И. Писаревъ, а Плещееву я самъ ее читалъ лѣтомъ 1886 года, когда Ал. Ник. жилъ на дачѣ (близъ ст. Ушаки). Роль «Волчихи» предназначалась Стрепетовой, но я не рѣшился представлять свою пьесу на судъ Литературно-Театральнаго комитета, въ виду страшныхъ слуховъ объ этомъ грозномъ ареопагѣ, — и пьеса моя осталась навсегда подъ спудомъ...

На святкахъ ко мнѣ пріѣзжала жена, но не могла пробыть долго: въ то время она была конторщицей и помощницей покойной А. А. Давыдовой, начавшей тогда издавать журналъ «Міръ Божій». Святки я прожилъ весело, а затѣмъ опять потянулись сѣрыя, однообразныя дни.

Помню, въ томъ году зима была суровая: съ послѣднихъ чиселъ декабря и до конца января морозы стояли отъ 25 до 35° по R. По цѣлымъ недѣлямъ небо оставалось безоблачнымъ, и съ голубого неба солнце ярко свѣтило, искрясь алмазною пылью на снѣгу и на вѣтвяхъ деревьевъ, какъ кружевомъ, увѣшенныхъ инеемъ. А ночь — при яркомъ лунномъ освѣщеніи — превращалась въ какой-то фантастическій, безсолнечный день... Одновременно съ этими 30-ти градусными морозами стояло полное безвѣтріе. Въ воздухѣ было до того тихо, что зажженная спичка ровнымъ пламенемъ горѣла на открытомъ воздухѣ...

Какъ-то въ половинѣ января явился ко мнѣ околоточный и заявилъ, что московская полиція требуетъ съ меня подписку.

— Какую подписку? О чемъ же еще? — съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Да вотъ о томъ, что вамъ воспрещается жительство въ Москвѣ, — пояснилъ полицейскій.

— Вѣдь я въ Москвѣ уже далъ эту подписку! Для чего же съ меня ее требуютъ въ другой разъ?

— Право, не знаю... Только ужъ, пожалуйста, распишитесь, что вамъ предъявлено... — упрашивалъ околоточный. — Что жъ вамъ... все равно!

Конечно, мнѣ было все равно — одинъ разъ или дважды дать одну и ту же подписку, и я далъ ее.

Здѣсь встаетъ я долженъ упомянуть о томъ, что долго уже послѣ того, какъ мнѣ было разрѣшено жительство въ Петербургѣ, Москва для меня оставалась мѣстомъ запретнымъ — за семью печатями. Если мнѣ, по словамъ жандармскаго офицера, объяснявшагося со мной въ охранномъ отдѣленіи, жительство въ Москвѣ было воспрещено только потому, что я былъ высланъ изъ Петербурга, то казалось бы, что запрещеніе жительства въ Москвѣ само собой уничтожилось съ той поры, какъ я съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ снова поселился въ Петербургѣ. Но вышло не такъ, какъ бы слѣдовало по обыкновенной логикѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда мнѣ было надо по дѣламъ побывать въ Москвѣ, я долженъ былъ каждый разъ обращаться въ департаментъ государственной полиціи съ просьбою дать мнѣ возможность дня 3—4 провести въ Москвѣ. Тогда государственная полиція сносилась съ Москвой, и только послѣ того я могъ поѣхать въ этотъ запретный городъ...

Будучи осенью въ Москвѣ, я предложилъ свой романъ одному изъ редакторовъ весьма почтенной московской газеты. Я передалъ ему рукопись 11-го октября. Г. Н. обѣщаль отвѣтить мнѣ въ концѣ октября по поводу моей рукописи. (Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку: г. Н. — человѣкъ безусловно порядочный, такимъ онъ былъ тогда въ моемъ мнѣніи, таковымъ и остался). Въ назначенный срокъ я отвѣта не получилъ и въ половинѣ ноября послалъ г. Н. заказное письмо съ просьбою увѣдомить меня, беретъ ли редакция мой романъ, или нѣтъ, и если «нѣтъ», то я убѣдительно просилъ немедленно возвратить мнѣ рукопись: въ ноябрѣ было еще не поздно отдать ее въ какойнибудь журналъ для будущаго 1892 г. Ни отвѣта, ни рукописи я не получилъ. Въ декабрѣ опять посылаю заказное письмо, и оно опять остается безъ отвѣта. Въ январѣ — опять заказное письмо, — отвѣта нѣтъ. Въ февралѣ — тоже, въ мартѣ — тоже... На мое счастье, А. М. Фодоровъ поѣхалъ въ Москву и взялся «вытеревить» мою рукопись. И — спасибо ему — «вытеревилъ», но съ какимъ трудомъ... Онъ ходилъ и въ редакцію и на квартиру къ г. Н., снова въ редакцію и снова къ редактору на квартиру...

Вотъ яркая иллюстрація нашей редакціонной халатности и невниманія къ чужому труду. Г. Н. зналъ, что я живу только литературнымъ трудомъ, что я самъ не могу пріѣхать въ Москву, что я поневолѣ долженъ ограничиваться письменными сношеніями, и, несмотря на все это, онъ не отвѣтилъ ни на одно мое письмо и рукописи не возвратилъ.

Когда же въ мартѣ я получилъ рукопись, пересылать ее въ другую редакцію было уже поздно. А между тѣмъ въ ту пору я очень

нуждался въ деньгахъ... (Въ 1893 г. мой романъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Богатствѣ»).

Дѣло съ нашимъ сборникомъ, между тѣмъ, налаживалось, рукописи присылались по указанному адресу, я свою статью («Черный годъ») кончилъ; деньги на печатаніе сборника (308 р.) были пожертвованы моими почтенными земляками: К. И. Ногинымъ, А. В. Гудковымъ-Бѣляковымъ, А. А. С—вымъ и братьями Масленниковыми (заимообразно было еще получено 250 р. отъ Л. О. П—ева). Редактированіе сборника было поручено мнѣ. Книга должна была издаваться въ Петербургѣ и завѣдываніе печатаніемъ ея взялъ на себя А. Коринфскій. Такъ какъ корректуры приходилось пересылать мнѣ въ Вологду, то для ускоренія дѣла и вообще для большаго удобства сношеній съ Петербургомъ я рѣшилъ перебраться въ Любань.

Въ половинѣ марта, распростившись съ гостепріимнымъ «Золотымъ Якоремъ», я уѣхалъ изъ Вологды.

Квартира въ Любани была для меня нанята въ домѣ одного машиниста, служившаго на Николаевской желѣзной дорогѣ. Она состояла изъ двухъ комнатъ и кухни; въ комнатахъ, на манеръ южныхъ странъ, печей не было, и зимнія рамы не были вставлены. А въ мартѣ мѣсяцѣ въ Новгородской губерніи, какъ извѣстно, фіалки не цвѣтутъ, а лежатъ еще сугробы снѣга. Въ моей квартиркѣ было очень холодно. Спальню я устроилъ себѣ въ полутемной кухнѣ, около плиты. Днемъ въ комнатахъ можно было сидѣть и работать, одѣвшись потеплѣе: окна выходили на югъ и нагрѣвались солнцемъ. Такъ спозаранку я очутился на дачѣ...

Хотя я и забнулъ въ Любани, но зато меня нерѣдко навѣщала жена и добрые знакомые. На Пасхѣ жена прогостила у меня даже нѣсколько дней. На другой день послѣ ея отъѣзда я заболѣлъ, послалъ ей письмо, а затѣмъ и телеграмму. Я просилъ жену пріѣхать ко мнѣ и попросить какого нибудь доктора-спеціалиста по кожнымъ болѣзнямъ—навѣститъ меня въ Любани. У меня оказалось рожистое воспаленіе лица и экзема. Я ужасно, невыносимо страдалъ... Жена, по совѣту знакомыхъ, стала хлопотать въ департаментѣ государственной полиціи о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для лѣченія. Отвѣтъ ей былъ обѣщанъ черезъ нѣсколько дней, но ей надо было ѣхать ко мнѣ въ Любань, и поэтому она попросила сходить за нее въ государственную полицію М. В. Ватсонъ.

Утромъ въ воскресенье на Ооминой недѣлѣ жена пріѣхала ко мнѣ съ женщиной-врачомъ, Е. К. Пименовой, которая и подала мнѣ первую помощь. Вскорѣ пріѣхалъ и П. П. Абрамычевъ (бывшій тогда ассистентомъ профессора Полотебнова) и назначилъ мнѣ лѣченіе, но при этомъ заявилъ, что продолжать лѣчить меня въ Любани онъ рѣшительно не можетъ, такъ какъ занятія тре-

буютъ его постоянного присутствія въ Петербургѣ. Въ сумерки врачи мои уѣхали.

На другой день навѣстилъ меня профессоръ Манассеинъ и шибко напугалъ, сказавъ, что экзема болѣзнь крайне упорная, туго поддающаяся лѣчению, и можетъ длиться годъ и два. Я просто пришелъ въ отчаяніе...

Наконецъ, было получено мною разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Слѣдовало немедленно ѣхать, а у меня, какъ на грѣхъ, не оказалось денегъ для расплаты за квартиру. Въ это время судьба послала мнѣ А. Коринфскаго. Онъ выручилъ меня изъ моего критическаго положенія, сѣздалъ въ Петербургъ за деньгами, и мы въ тотъ же день вечеромъ уѣхали изъ Любани.

Никогда во всю жизнь я не испытывалъ болѣе мучительнаго переѣзда по желѣзной дорогѣ, какъ этотъ переѣздъ 15-го апрѣля 1892 года изъ Любани въ Петербургъ. Я былъ въ маскѣ, сдѣланной изъ клеенки и фланели. Въ вагонѣ было жарко, я задыхался въ своей маскѣ. Глаза болѣли, въ лицѣ чувствовался жаръ и зудъ не выносимый. Нравственное состояніе мое было угнетенное. Я считалъ минуты... Пассажиры, видя мою странную фигуру, мою красную маску и не зная, чѣмъ я боленъ, понятно, сторонились отъ меня, перешептывались и весьма недружелюбно посматривали на меня. Я ужъ не помню, какъ довели меня до Петербурга, и я наконецъ очутился дома, на Сергіевской улицѣ...

Глаза мои такъ болѣли, что я не могъ ни читать, ни писать. А. Коринфскій былъ такъ добръ, что читалъ мнѣ вслухъ корректуры статей, присланныхъ для нашего сборника, правилъ ихъ подъ мою диктовку, писалъ за меня письма, сносился съ типографіей, вообще помогалъ мнѣ усердно при изданіи сборника. Съ нашимъ сборникомъ приключилась неприятность: изъ него пришлось удалить одно очень хорошее стихотвореніе Шеллера, мой разсказъ и «Черный годъ»...

Д-ръ Абрамычевъ лѣчилъ меня такъ энергично, что къ началу мая экзема моя исчезла безслѣдно. Мнѣ было разрѣшено оставаться въ Петербургѣ до 15-го мая, но здоровье мое настолько оправилось, что даже ранѣ назначеннаго срока, а именно 9-го мая, я могъ уже выѣхать на кумысь въ Уфимскую губернію.

VI.

Послѣдняя осень въ деревнѣ.

Лѣто 1892 года я провелъ въ Кидашѣ, пилъ кумысь. Въ августѣ я опять съ женою доѣхалъ до Москвы, а здѣсь разстался съ нею: она отправилась въ Петербургъ, а я—въ Вологду и затѣмъ въ усадьбу моей тетушки-старушки.

Эта усадьба называлась Горкой, вѣроятно, потому, что находилась на высокомъ берегу рѣки Двиницы.

Горка мнѣ очень памятна, и самыя воспоминанія о ней для меня дороги и милы. Я зналъ ее съ малыхъ лѣтъ, тамъ каждый кустъ, каждая тропинка мнѣ знакомы. На старыя липы и лиственницы, на развѣсистыя березы, на пихты, на высокіе тополи, осѣнявшіе домъ, я смотрѣлъ, какъ на старыхъ, любимыхъ друзей... Я жила въ Горкѣ и мальчикомъ, и юношей-гимназистомъ, и студентомъ, здѣсь же я провелъ первое лѣто въ деревнѣ съ молодой женой. И подъ старость сюда же, подъ тѣнь старыхъ липъ, я скрывался на лѣто для отдыха отъ работъ и тревоженій петербургской зимы.

Я любилъ этотъ тихій, уютный уголокъ, вдали отъ городовъ, затерявшійся посреди глухихъ лѣсовъ; я любилъ простыхъ, добрыхъ людей, жившихъ въ этомъ уединенномъ уголкѣ. Здѣсь въ тиши и на свободѣ написаны мною: «Стенныя тайны», «По градамъ и весямъ», «Семейство Подошвиныхъ», «Пропалъ человекъ», «Грѣхъ», «Изъ жизни лѣсной стороны», «Лѣсное царство», воспоминанія изъ дѣтскихъ лѣтъ и цѣлый рядъ рассказовъ для дѣтей. Здѣсь, на Горкѣ, я отдыхалъ и, набравшись силъ, здѣсь много, усиленно работалъ.

Горки для меня уже давно не стало, а милыя старушки, такъ горячо любившія меня, уже уснули безпробуднымъ сномъ,—и въ саду, въ знакомой мнѣ съ дѣтства рябиновой аллеѣ, по лѣтнимъ вечерамъ, въ тихій часъ заката, ходятъ уже другіе люди, посторонніе, совсѣмъ чуждые Горкѣ... Уже одиннадцать лѣтъ я не вижу Горку ни во снѣ, ни наяву, но и теперь каждый разъ, когда я вспомню о ней, на меня словно повеетъ тепломъ...

Бывало, на южномъ берегу Крыма въ ясные осенніе вечера я часто сиживалъ на склонѣ горы. Передо мною на голубомъ фонѣ неба рисовались темными силуэтами стройные кипарисы, меня окружали лавры, мирты. Далеко, синюю полосою разстилалось море. Съ другой стороны поднимались горы—Могабе, Ай-Петри... Всѣ чарующія прелести южной природы были передо мной. Я смотрѣлъ на нихъ, но въ воображеніи моемъ вставали совсѣмъ другія картины—не такія роскошныя и величественныя, но болѣе понятныя, болѣе близкія и любезныя моему сердцу.

Я видѣлъ передъ собой также осенній вечеръ, но сѣрый, тусклый, съ заоблаченнымъ небомъ, съ пожелтѣвшей листвою, нашъ сѣверный осенній вечеръ въ деревнѣ, обвѣянный тихою, мечтательною грустью. Я видѣлъ себя въ знакомой аллеѣ, осѣненной рябинами и березами, а въ концѣ аллеи сквозь синеватую мглу сумерекъ мнѣ рисовался старый, сѣрый домъ, окруженный высокими, темными тополями...

Въ этомъ саду я пережилъ много прекрасныхъ лѣтнихъ дней и тихихъ, ясныхъ вечеровъ, когда вершины старыхъ лиственницъ

горѣли въ пламени заката; много-много разъ я видѣлъ отсюда, какъ надъ горизонтомъ зажигалась вечерняя звѣзда, и блѣдный мѣсяцъ плылъ надъ полями...

Горкинскій садъ представлялъ собою остатокъ лѣса, нѣкогда шумѣвшаго на этомъ мѣстѣ.

Передъ балкономъ разстилалась терраса съ небольшимъ цвѣтникомъ; пониже террасы—направо и налево—были два пруда, соединявшіеся канавой, черезъ канаву переброшенъ мостикъ. За мостикомъ начинался садъ, заглушій, заросшій кустами шиповника, дикой малины и смородины. Отъ мостика черезъ весь садъ шла длинная аллея изъ рябинъ и березъ. По сторонамъ этой аллеи группами росли березы, липы, лиственницы, кедры—впережку, безъ всякаго плана. Въ одномъ мѣстѣ аллея расширялась, составляя два полукруга, окруженные, какъ зеленою стѣной, густо разросшейся акаціей. Тутъ стояли столъ и деревянная скамья. Здѣсь я работалъ въ лѣтнюю пору, и только дождь загонялъ меня подъ кровлю. Иногда для отдыха я принимался ходить съ книгой по аллеѣ взадъ и впередъ, обдумывая дальнѣйшій ходъ моей работы... Аллея упиралась въ заборъ, отдѣлявшій садъ отъ берега рѣки. Тутъ была калитка. Берегъ былъ крутъ и обрывистъ, и въ немъ была выбита лѣстница, ведшая къ водѣ. Въ саду вдоль забора тянулся рядъ высокихъ, стройныхъ пихтъ, словно стоявшихъ на стражѣ. На противоположномъ берегу Двиницы была большая березовая роща, расходились луга, виднѣлись сѣновалы, далѣе сѣрыми пятнами выступали деревеньки, а вдали, на горизонтѣ синѣли еловые и сосновые лѣса. Тамъ, черезъ эти лѣса, проходила большая Архангельская дорога.

Я и теперь могъ бы нарисовать красками всю эту картину, или, вѣрнѣе, рядъ картинъ.

Были у меня на Горкѣ излюбленные уголки. На берегу Двиницы, высоко надъ водой, было мое самое любимое мѣстечко—подъ старой, развѣсистой елью. Здѣсь я часто сиживалъ по вечерамъ, любуясь на яркій закатъ, погружаясь въ свои думы и мечты...

Домъ горкинскій былъ небольшой—четыре комнаты внизу да двѣ въ мезонинѣ. Гостиная служила для приѣма; столовая была жилой комнатой, гдѣ мы всѣ собирались вокругъ чайнаго стола. Изъ столовой наполовину стеклянная дверь вела на балконъ, а съ балкона былъ ходъ въ садъ... Въ столовой мебель была стариннаго покроя. На одной стѣнѣ висѣлъ большой портретъ масляными красками стараго знакомаго тетюшки, М. А. Брянчанинова, ея сосѣда по имѣнію. Брянчаниновъ послѣ смерти жены ушелъ въ монастырь, имѣнье свое (Преображенское) продалъ, а портретъ подарилъ моей тетюшкѣ. На другой стѣнѣ висѣла прекрасная гравюра «La Vierge aux candélabres». За этой картиной всегда были заткнуты нѣсколько волоконъ льна или стебли ржи и овса. За образомъ торчала верба,

Съ тетушкой жила въ качествѣ экономки-компаньонки очень почтенная старушка, О. М. Дыбова. Уже давно она похоронила всѣхъ своихъ близкихъ и, проживъ на Горкѣ болѣе 30 лѣтъ, считала ее своимъ домомъ. Старушки тихо, въ мирѣ, доживали свою жизнь, стараясь по возможности быть полезными населенію сосѣднихъ деревень. Мой пріѣздъ съ женой на лѣто вносилъ оживленіе въ ихъ однообразную жизнь. Уже съ ранней весны старушки начинали поговаривать о томъ, скоро ли мы пріѣдемъ. Всѣ на Горкѣ съ нетерпѣніемъ ожидали насъ, и съ какою радостью, бывало, насъ встрѣчали!... Для насъ всегда былъ готовъ флигель, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, и такъ же, какъ домъ, осѣненный пахучими тополями.

И нигдѣ не былъ я такъ спокоенъ душой, какъ на Горкѣ, нигдѣ такъ полно не забывалъ я горечи жизни, нигдѣ не былъ такъ крѣпокъ мой сонъ по ночамъ. Я засыпалъ и просыпался утромъ подъ тихое щебетанье и пѣнье птичекъ, жившихъ въ кустахъ сирени и акацій подъ окнами флигеля...

Въ 1892 г. я пріѣхалъ на Горку въ концѣ августа. Осень въ тотъ годъ въ нашихъ сторонахъ была такая теплая, что я еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ купался въ Двиницѣ и часто днемъ работалъ въ саду. Изрѣдка перепадали дожди. Въ двадцатыхъ числахъ сентября стало холоднѣе, и осень съ ненастьемъ, съ темными ночами, съ унылыми завываньями вѣтра начала вступать въ свои права. Въ непогодъ я забирался во флигель. Въ ту осень на Горкѣ я написалъ свои дѣтскія воспоминанія и статью «Дѣдушка Павелъ Михайловичъ» (которая впоследствии была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1893 г.).

Мой флигель узенькимъ коридоромъ раздѣлялся на двѣ равныя части,—въ той и въ другой по двѣ комнаты. Въ одной половинѣ, безъ печки, осенью сваливался картофель и лукъ, колышки съ грядъ гороха, лейки и проч. Въ другой половинѣ—съ большой русской печью—жилъ я. Въ большой первой комнатѣ отъ входа я устроилъ себѣ кабинетъ. Вдоль стѣнъ шли лавки, большой, грубо сколоченный столъ служилъ мнѣ письменнымъ столомъ; на полкахъ я разложилъ свои книги и бумаги. Въ слѣдующей маленькой комнатѣ съ полатами была моя спальня. Одно окно выходило во дворъ, а два—въ садъ.

Въ 8 часовъ утра, напившись кофе, я съ полчаса бродилъ по саду или ходилъ въ поле, а затѣмъ работалъ до 2 часовъ,—въ 2 часа шелъ обѣдать въ «большой домъ», послѣ обѣда слѣдовалъ чай. Послѣ того я уходилъ во флигель и усаживался съ книгой у окна. Въ сумерки—въ дождливую погоду—ложился спать, а если дождя не было, я уходилъ въ поле и долго бродилъ тамъ. Иногда ходилъ въ саду по рябиновой аллеѣ, ходилъ до той поры, пока въ домѣ не зажгали огня. Эти позднія прогулки по саду

и въ полѣ мнѣ особенно памятны. Осеннія сумерки для меня всегда были и остались полны какой-то грустной прелести и очарованія. Къ сожалѣнiю, я затрудняюсь выразить опредѣленно, въ чемъ же эта прелесть... Она—и въ сѣрыхъ, низко нависшихъ облакахъ, и въ угасающемъ свѣтѣ дня, разлитомъ надъ землей, и въ безмолвіи опустѣлыхъ полей, и въ неподвижности деревьевъ съ пожелтѣвшей, печально поникшей листвою, и въ таинственной синеватой дымкѣ, заволакивающей дали...

Вечеръ обыкновенно я проводилъ со старушками. Тетушка по окончаніи своихъ дневныхъ работъ иногда раскладывала паясъ, а ея старая подружка, вдѣвъ на носъ очки, вязала на деревянныхъ спицахъ шерстяной чулокъ. Свѣтъ отъ небольшой лампы, прикрытой зеленымъ абажуромъ, яркимъ кругомъ падалъ на столъ, а остальная комната пропадала въ полумракѣ. Живо запомнилась мнѣ эта картинка съ рембрандтовскимъ освѣщеніемъ,— на темномъ фонѣ двѣ старушки у стола... Иногда я вслухъ читалъ моимъ старушкамъ изъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Козлова, Полежаева, Некрасова. Вечера становились уже долги и темны... Читаю, бывало, а за окномъ по саду вѣтеръ шумитъ, дождь барабанитъ по стекламъ. Иногда, оставивъ книгу, я закуривалъ папиросу и подолгу, молча, сидѣлъ, закрывъ глаза... Я вспоминалъ о своихъ далекихъ друзьяхъ, о Петербургѣ.

Здѣсь—мракъ, безлюдье, только вѣтеръ завываетъ уныло, медленно проходитъ вечеръ; здѣсь уже въ девять часовъ подумываютъ объ ужинѣ, о снѣ... А тамъ жизнь еще въ полномъ разгарѣ. Мишурнымъ блескомъ горятъ окна магазиновъ, по ярко освѣщеннымъ улицамъ безконечной вереницей мчатся экипажи, бѣгутъ и спуютъ по тротуарамъ пѣшеходы, у театровъ на площадяхъ толпятся извозчики, гдѣ-то слышна музыка...

Порою въ столовой начинался тихій разговоръ и какъ-то скоро обрывался. Тогда тиканье стѣнныхъ часовъ явственно слышалось. Старушки начинали зѣвать; одной надоѣдало раскладывать карты, другая уставала вязать. Около девяти часовъ тетушка заводила рѣчь объ ужинѣ. Въ десять часовъ нашъ вечеръ кончался, и я уходилъ во флигель.

Въ дни полученія почты—въ воскресенье и въ среду—вечера у насъ проходили оживленнѣе, и мы долѣе не расходились: читали и перечитывали письма, рассуждали по поводу ихъ, я прочитывалъ вслухъ кое-что изъ газетъ, и о прочитанномъ опять шли толки. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ отъ жены, хлопотавшей о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать, хотя бы на время, въ Петербургъ. Неужели,—думалъ я,—мнѣ опять придется жить зиму въ «Золотомъ Якорѣ» или на холодной дачѣ въ Любани?... Утѣшительныхъ извѣстій не получалось изъ Петербурга.

Такъ проходила осень...

10 октября, помню, день былъ ясный, но холодный. Трава въ тѣни была покрыта инеемъ, какъ серебристымъ налетомъ. Закраины пруда покрылись тонкимъ льдомъ. Утромъ, когда я въ своемъ флигелѣ сидѣлъ за работой, гдѣ-то близко за садомъ послышалось звяканье колокольчика,—явленіе рѣдкое въ нашей деревенской глуши. Я посмотрѣлъ въ окно. Тарантасъ тройкой быстро въѣхалъ въ ворота и подкатилъ къ крыльцу «большого дома». Ямщикъ еще не успѣлъ остановить разбѣжавшихся лошадей, какъ изъ тарантаса выпрыгнулъ какой-то полицейскій чиновникъ и вошелъ въ подъѣздъ.

«Должно быть, становой!»—подумалъ я. Становой изрѣдка наѣзжалъ къ тетушкѣ по дѣламъ—то съ окладнымъ листомъ, то за собираніемъ статистическихъ свѣдѣній. Я продолжалъ работать. Но вскорѣ прибѣжала ко мнѣ горничная и объявила, что «тетенька зовутъ меня въ домъ».

Тетку и пріѣзжаго я нашелъ въ гостиной. Это, дѣйствительно, оказался нашъ становой, очень любезный и разговорчивый господинъ. Мы говорили объ урожаѣ, о цѣнахъ на рожь и овесъ и т. д. Воспользовавшись моимъ приходомъ, тетушка вскорѣ же встала и пошла распорядиться насчетъ чая и закуски. Лишь только старушка вышла, становой вытащилъ изъ бокового кармана сюртука какую-то бумагу и съ таинственнымъ видомъ подалъ мнѣ ее.

— Изъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—шепнулъ онъ мнѣ.

Я рѣшительно не понимаю, почему онъ при тетушкѣ не передалъ мнѣ этой интересной для меня бумаги, и почему онъ напустилъ на себя такой таинственный видъ. Въ бумагѣ значилось, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ мнѣ пріѣхать на четыре мѣсяца въ Петербургъ. Съ радости я принялся самымъ усерднымъ образомъ угощать добраго вѣстника...

Была суббота. Мнѣ хотѣлось въ понедѣльникъ уже уѣхать, но тетушка рѣшила, что она проводитъ меня до Кадникова,—только приходилось ждать до вторника: въ понедѣльникъ («тяжелый день») старушка не выѣзжала изъ дому.

— Пожалуй, говорю, вы и во вторникъ не поѣдете... во вторникъ вѣдь тринадцатое число...

— Нѣтъ, поѣдемъ... 13—ничего!...—успокоила меня старушка.

Простился я съ Горкой, съ моимъ флигелемъ, гдѣ я въ теченіе многихъ лѣтъ проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ тиши уединенья, и не предчувствовалъ я тогда, что то была послѣдняя осень, прожитая мною на Горкѣ. 13 октября утромъ тройка рыжихъ умчала меня съ Горки. Было, помню, холодновато, снѣжокъ кружился въ воздухѣ, туманомъ были задержаны лѣсныя дали...

19 октября я былъ въ Петербургѣ.

Въ іюль того года исполнилось 25 лѣтъ мсей литературной дѣятельности, и теперь, когда я возвратился въ Петербургъ, мои друзья задумали справить мой юбилей. Вечеромъ 22 ноября мои друзья и знакомые собрались въ «Медвѣдѣ», и В. Н. Ладыженскій, одинъ изъ распорядителей, пріѣхалъ за мной. Мнѣ, какъ—полагаю—всякому простому русскому человѣку, казалась чрезвычайно неловкой, даже тягостной роль юбиляра. Юбилей, какъ всякая выставка своей особы, претилъ мнѣ.. И я колебался, не рѣшался: ѣхать или нѣтъ,—и подѣ различными предлогами замедлялъ отъѣздъ. Я думалъ: не отказаться ли подѣ предлогомъ болѣзни, не написать ли письма. Но, съ другой стороны, я опасался, какъ бы своимъ отказомъ не обидѣть друзей и знакомыхъ. Ладыженскій торопиль, а я бродилъ изъ комнаты въ комнату, то набивая папиросу, то отпирая и запирая ящикъ письменнаго стола. Наконецъ, Ладыженскій посмотрѣлъ на часы и рѣшительно сказалъ: «Идемъ!»

Перенесенный изъ деревенскаго уединенія въ большое общество, встрѣченный шумными привѣтствіями, я на первыхъ порахъ былъ совершенно ошеломленъ. Но когда неловкость первой встрѣчи прошла, мнѣ, признаться, стало очень отраднo: я словно очутился въ родной семьѣ. Я слышалъ ласковыя, задушевные слова, видѣлъ вокругъ себя лица все людей, мнѣ дорогихъ и близкихъ...

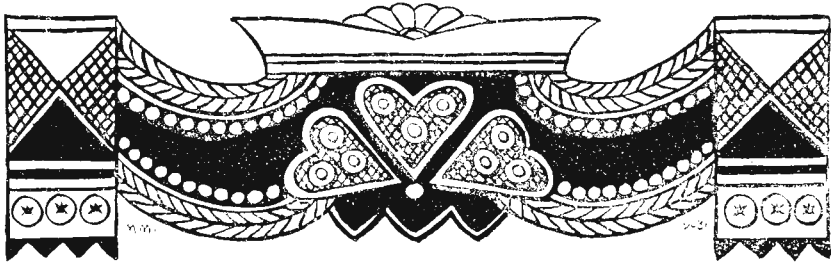
Немного времени прошло послѣ того, а изъ тѣхъ, что были со мною въ тотъ вечеръ, уже многихъ не стало. Манассеинъ, Давыдова, Л. Туганъ-Барановская, Шелгунова, А. Ольхинъ, Михайловскій, В. Острогорскій, Соловьевъ-Несмѣловъ, М. Зубчаниновъ—уже въ могилѣ...

Повторяю, мнѣ было очень хорошо, было отраднo въ тотъ вечеръ. Но этотъ вечеръ омрачился бы для меня, если бы мнѣ было дано знать будущее. Потомъ оказалось, что этотъ скромный, маленькій юбилей, которымъ захотѣли порадовать меня друзья, возбудилъ немало недоброжелательства ко мнѣ, нажилъ мнѣ нѣсколько лишнихъ враговъ въ томъ литературномъ кругу, въ которомъ я вращался, и явился впоследствии невольнымъ виновникомъ многихъ горькихъ минутъ, пережитыхъ мною. Такъ за каждую свѣтлую минуту въ жизни намъ приходится рано или поздно расплачиваться...

Но позабудемъ дурное, будемъ помнить о людяхъ лишь одно хорошее. Такъ лучше.

П. Засодимскій.

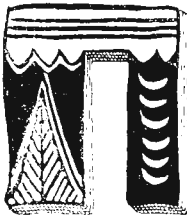

ЧЕЛОВѢКЪ.

(Посвящается другу-теткѣ Л. В. Кристи).

I.

ПЯТНИЦЫ» Блонскаго всегда отличались многочисленностью, но сегодня оживленіе носило какой-то особенный характер; собрались его петербургскіе друзья-товарищи по лицу, было нѣсколько пріятелей изъ провинціи. Шумный говоръ царилъ въ кабинетѣ хозяина. Толковали объ оскудѣніи идеаловъ, объ отсутствіи людей долга, о «чиновничьемъ» отношеніи, въ послѣдніе годы, даже къ столь живому дѣлу, какъ земское, объ измельчаніи интересовъ жизни, объ узкомъ эгоизмѣ. Споръ обострялся все болѣе и болѣе, положеніе хозяина начинало становиться щекотливымъ.

— Господа,— прервалъ спорящихъ Блонскій,— вы говорите на разныхъ языкахъ. Люди дѣла, люди долга были, есть и будутъ; въ Петербургѣ они рѣже: торопясь жить и чувствовать спѣша, мы, быть можетъ, здѣсь не способны такъ отдаться всецѣло служенію долгу, какъ отдались бы въ глуши Россіи, гдѣ впечатлѣнія непосредственнѣе, гдѣ для анализа фактовъ, поступковъ, событій больше времени, гдѣ они не ступшеваются такъ быстро, какъ у насъ; но дѣло въ томъ, что тамъ еще значеніе личности больше, чѣмъ здѣсь, тамъ она замѣтнѣе, ярче, а въ силу этого я не могу допустить, чтобы провинція черствѣла, и то,— обратился онъ къ одному изъ

собесѣдниковъ, — что вы изволите приводить, какъ *testimonium pauper-tatis* нашей провинціи, есть ни что иное, какъ результатъ печально сложившихся обстоятельствъ въ характерѣ земской жизни вашего уѣзда. Но впрочемъ, — замѣтилъ Блонскій, — позвольте мнѣ, господа, передать защиту «духа», — засмѣялся онъ, — нашей бѣдной провинціи одному изъ ея представителей. Кевличъ, гдѣ ты? Что ты скажешь? — и съ этими словами хозяинъ, окинувъ взоромъ собесѣдниковъ, подошелъ къ одному изъ своихъ гостей, сидѣвшему въ полуосвѣщенномъ углу кабинета и, повидимому, углубившемуся въ разсмотрѣніе лежавшей передъ нимъ книги.

Тотъ, къ кому относилось обращеніе, вопросительно взглянулъ на Блонскаго.

— Что я скажу, мой другъ? — спокойно проговорилъ онъ, ударяя на «я», — служба въ провинціи, будучи лишь рѣдкимъ гостемъ у васъ въ Петербургѣ, я слишкомъ часто наталкивался на примѣры беззавѣтной преданности долгу русскаго человѣка, чтобы позволить себѣ толковать объ оскудѣніи нравственныхъ началъ въ его средѣ, и мой отвѣтъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ тотъ, который мнѣ какъ бы нарочно сейчасъ попался на глаза. Разрѣшите, господа, прочесть? — обратился онъ къ присутствующимъ, указывая на одну изъ страницъ интересовавшей его книги.

— Пожалуйста, — раздалися голоса.

— Вотъ, — продолжалъ онъ, поднявшись съ своего мѣста и подходя къ свѣту, — вотъ вамъ строки изъ письма незабвеннаго государя Александра III, еще цесаревича:

«Искренно благодарю васъ, любезный Константинъ Петровичъ, за присланныя письма. Дѣйствительно отраднo читать ихъ, и какъ завидуешь людямъ, которые могутъ жить въ глуши и приносить истинную пользу и быть далеко отъ всѣхъ мерзостей городской жизни, а въ особенности петербургской. Я увѣренъ, что на Руси немало подобныхъ людей, но объ нихъ не слышимъ, а работаютъ они въ глуши, тихо, безъ фразъ и хвастовства».

— Какое прелестное письмо! — замѣтилъ кто-то. — Это къ К. П. Побѣдоносцеву? Откуда вы читаете?

— Изъ историческаго сборника «Старина и Новизна». Да, — продолжалъ Кевличъ, закрывая книгу и кладя ее на столъ, — сколько только мнѣ приходилось встрѣчать на моемъ сравнительно короткомъ служебномъ вѣку! Въ особенности одинъ случай! Не могу забыть его. Помнишь? — обратился онъ къ Блонскому: — я какъ-то упоминалъ тебѣ объ Ильиныхъ?

— Да, — подтвердилъ тотъ, — не знаю, многіе ли изъ насъ были бы способны на что либо подобное.

— Въ чемъ дѣло? Что такое? Разкажите! — сразу заговорили собесѣдники, и Кевличъ разсказалъ слѣдующее.

II.

Въ 189* году, господа,—началь Кевличъ,—я былъ предсѣдателемъ N—ской уѣздной земской управы въ одной изъ южныхъ нашихъ губерній. Съ жаромъ молодости, съ вѣрою въ свои силы, съ надеждою на успѣхъ отдался я дѣлу. Народное образованіе, улучшенія въ области сельскаго хозяйства, дорожный вопросъ—все это интересовало меня, но интенсивнѣе всего, если такъ можно выразиться, работала я надъ постановкой въ своемъ уѣздѣ медицинской помощи населенію.

Не знаю, господа, извѣстны ли вамъ условія быта крестьянской среды, и доводилось ли вамъ сталкиваться съ тою темнотою, съ тѣмъ невѣжествомъ крестьянскаго люда, которое положительно ни въ чемъ такъ ярко не проявляется, какъ въ отношеніи его къ врачу и къ больницѣ; впрочемъ, кто изъ васъ жила въ деревнѣ, тотъ меня пойметъ.

Итакъ, въ очередную сессію земскаго собранія этого года, путемъ долгихъ усилій удалось мнѣ провести одинъ изъ моихъ «больничныхъ» докладовъ. Собраніе согласилось на открытіе новаго приемнаго покоя въ селеніи Караджіоватѣ, центрѣ населеннѣйшей части разноплеменнаго N—скаго уѣзда, на живописномъ нагорномъ берегу Днѣстра. Я не откладывалъ дѣла: по закрытіи занятій собранія и по утвержденіи смѣты, озаботившись пріисканіемъ помѣщенія подъ приемный покой, я обратился къ ректору Московскаго университета съ ходатайствомъ вывѣсить въ стѣнахъ послѣдняго приглашеніе N—ской управы на службу въ уѣздѣ земскаго врача.

Двухъ недѣль не прошло съ момента отсылки этого приглашенія, какъ 20 предложеній были на него отвѣтомъ. Я находился въ величайшемъ затрудненіи. Перечитывая полученныя бумаги, я старался доискаться истинныхъ побужденій, руководившихъ просителями и заставлявшихъ ихъ просить объ этомъ, въ сущности, неблагодарномъ, а у насъ еще и плохо оплачиваемомъ мѣстѣ; я пытался угадать врача по призванію. Но что можетъ сказать сухое прошеніе сердцу и разуму? Раздумывать, однако, было не время, и вотъ, остановившись на одномъ изъ прошеній, подписанномъ «врачъ Александръ Ильинъ» и показавшемся мнѣ почему-то болѣе другихъ симпатичнымъ, я послалъ Ильину увѣдомленіе о принятіи его на земскую службу врачомъ вновь образованнаго медицинскаго Караджіоватскаго участка, мѣсячный окладъ жалованья на путевыя издержки, о чемъ онъ просилъ, и предложеніе поторопиться пріѣздомъ.

Дней черезъ десять послѣ этого пріѣхалъ Ильинъ.

Я занимался въ управѣ, когда мнѣ доложили о его прибытіи, и прежде еще чѣмъ я успѣлъ распорядиться попросить его къ себѣ, онъ вошелъ въ мой кабинетъ и отрекомендовался.

Средняго роста, коренастый брюнетъ съ курчавыми волосами и старившей его густой бородой (по документамъ ему было всего лишь 28 лѣтъ), въ темныхъ очкахъ, онъ производилъ впечатлѣніе нелюдима и бирюка, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка энергіи и воли.

— Очень радъ, докторъ, — обратился я къ нему. — Какъ вы, однако, скоро собрались!

— И, батюшки, — возразилъ онъ усмѣхнувшись, — да мнѣ и собирать-то было нечего: omnia mea mecum porto! Жена да я, я да жена, вотъ и весь багажъ нашъ. А какія роскошныя у васъ мѣста, однако! — замѣтилъ онъ сразу.

— Въ какомъ отношеніи?

— Да во всякомъ, и народъ, видно, зажиточный, и природа не наша. Теплынь, теплынь какая! Благодать Божья, да и только, поди, и зеленый шумъ-то не за горами!

— Вы — сѣверянинъ, — удивился я, — и такой любитель тепла?

— Еще бы! изъ-за тепла этого сюда и пріѣхали. Жена моя, — онъ понизилъ голосъ, — ковыль степной. Югъ ей нуженъ... губятъ ее наши морозы и холода, не въ Ниццу же ѣхать на самомъ дѣлѣ нашему брату тонкосуму... — и, оборвавъ рѣчь на этомъ, онъ, какъ бы отгоняя отъ себя что-то тяжелое и безпокойное, сразу заговорилъ о нуждахъ своего участка со знаніемъ дѣла, съ любовью и увлеченіемъ.

Черезъ часъ онъ выходилъ отъ меня, снабженный земскимъ билетомъ на безпрогонный проѣздъ по уѣзду и суммой денегъ для пріобрѣтенія наиболѣе существенныхъ предметовъ больничнаго инвентаря, а черезъ день, какъ я узналъ, онъ выѣхалъ съ женою въ Караджіоватъ, пріобрѣтя и заказавъ все необходимое.

III.

Время шло. Ходъ сложной машины, называемой земской работой, способной увлечь и захватить всякаго, кто дѣйствительно преданъ созидательному труду и находитъ въ немъ наслажденіе, приковалъ надолго мое вниманіе къ другой отрасли земскаго хозяйства. Впечатлѣніе, произведенное на меня Ильинымъ, было благопріятное, я былъ увѣренъ, что онъ сумѣетъ поставить у себя дѣло «на должную высоту», говоря канцелярскимъ языкомъ, но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я не могъ выѣхать въ уѣздъ съ цѣлью ознакомиться съ тѣмъ, насколько удовлетворительно оборудованъ имъ Караджіоватскій пріемный покой, и какъ работаетъ Ильинъ.

Онъ писалъ ко мнѣ и посылалъ бумаги въ управу. Письма его были откровеніемъ его души, онъ писалъ такъ, какъ будто былъ вѣкъ знакомъ со мною. Любовь къ человѣку свѣтилась въ

строкахъ его посланій, восхищеніе природой встрѣчалось въ каждомъ.

Онъ видимо находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ и обаяніемъ красотъ нашего дѣйствительно благодатнаго юга; но никто, увидавъ его и прочитавъ его письма, не призналъ бы возможнымъ допустить, что онъ ихъ авторъ.

Зато его бумаги!.. День, когда приходила почта, приносившая ихъ, былъ поистинѣ днемъ горя и безконечнаго сокрушенія для товарища моего по службѣ—честнаго, но недалекаго малаго—члена управы изъ поселянъ, нѣмца Ригера.

Ильинъ не признавалъ послѣдовательности нумераціи бумагъ. Нумера на нихъ очевидно проставлялись имъ по вдохновенію, и были почти всегда, что называется, «летучими», къ печатному бланку своего участка онъ, повидимому, питалъ отвращеніе и, написавъ отъ руки: «врачъ Караджіоватскаго участка», или просто «Караджіоватскій врачъ», излагалъ управѣ свое дѣло, свои ходатайства. Впрочемъ, даже ходатайствами въ общепринятомъ смыслѣ бумагъ его назвать было нельзя: онъ указывалъ на нужды своего покоя и требовалъ ихъ скорѣйшаго и непремѣннаго удовлетворенія.

Ригеръ выходилъ изъ себя.

— Nun, was schreibt der Kerl?—говорилъ мой толстякъ, всякій разъ получая отъ меня бумаги Ильина и принимаясь за ихъ прочтеніе, и я не могъ внутренно не смѣяться трагизму тона тотчасъ же начинавшихся возгласовъ моего коллеги, относившихся и къ формѣ полученныхъ бумагъ и къ ихъ содержанію.

— Keine Verständniss,—восклицалъ онъ, съ отчаяніемъ глядя на «бланкъ» Ильина.—Aber was heisst es, Donnerwetter, was bedeutet es um Gottes Himmell?—и онъ съ жаромъ, въ сердцахъ, подчеркивалъ все то, что вызывало его негодованіе, порицаніе и хулу.

Однако ходатайствъ Ильина нельзя было оставлять безъ вниманія, работа его приѣмнаго покоя видимо расширялась, а нѣтъ ничего болѣе обезкураживающаго идейнаго человѣка, чѣмъ систематическій отказъ ему въ томъ, что имъ признается необходимымъ для дѣла, которому онъ служить и отдается.

IV.

Май былъ на исходѣ, когда мнѣ удалось наконецъ предпринять поѣздку въ приднѣстровскую часть моего уѣзда, и въ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ вешнихъ дней, когда въ природѣ подъ горячимъ лучемъ нашего благодатнаго южнаго солнца все дышитъ счастьемъ жизни, все говоритъ о ней и хвалитъ Вышняго на разныхъ голосахъ не умолкая, я раннимъ утромъ (было 6¹/₂ час. утра) вѣзжалъ въ Караджіоватъ.

Предъ пріемнымъ покоемъ, помѣщавшимся у площади, въ центрѣ села, толпился народъ, десятокъ повозокъ, очевидно, съ больными изъ сосѣднихъ деревень, расположилъ тутъ же, въ ожиданіи очереди.

— Здѣсь докторъ?—обратился я, подѣхавъ въ толпѣ.

— А тожь! тильки народу було до іого не пробратъця, ваше скородіе, бо дуже винъ занятый,—отвѣтили мнѣ голоса.

— А куда къ его квартирѣ?

— Ось тамочки, не далеко. Хѣедоръ, а дядько Хѣедоръ!—крикнули изъ толпы мужики стоявшему у моей коляски:—сидай на козлу, подвезешь барина до дохтуровой хаты!

И, спустя нѣсколько минутъ, я входилъ въ квартиру Ильина, приказавъ подать себѣ лошадей въ 2 часа дня и не беспокоить доктора до окончанія имъ пріема.

Но уѣхать во-время мнѣ не довелось.

— Какая жалость! въ какой неудачный день вы къ намъ попали, Всеволодъ Владимировичъ!—услыхалъ я за собой женскій голосъ:—воскресные дни и четверги, дни базаровъ въ нашемъ селѣ. для мужа страдная пора.

Я обернулся и пошелъ навстрѣчу Ильиной.

— И да и нѣтъ... замѣтилъ я, запнувшись.

— Наталья Алексѣевна,—подказала она.

— И да и нѣтъ, Наталья Алексѣевна. Какъ предсѣдатель земской управы и рьяный защитникъ на земскомъ собраніи необходимости медицинскаго участка въ Караджіоватѣ, я въ высокой степени удовлетворенъ тѣмъ, что онъ въ столь короткій промежутокъ времени, благодаря вашему супругу, сталъ для населенія Меккой.

— Да,—засмѣялась она,—вы отчасти правы: земскій медицинскій участокъ образовать мало, его необходимо еще и завоевать, въ особенности въ нашихъ мѣстахъ,—и она заговорила о подмѣченныхъ ею характерныхъ чертахъ разноплеменнаго населенія Караджіовата и сосѣднихъ съ нимъ селъ.

Мы разговорились, и за чайнымъ столомъ, куда меня пригласила хозяйка, я, спрашивая о ея мужѣ, узналъ отъ нея больше о немъ, чѣмъ изъ всѣхъ его писемъ, въ которыхъ онъ тщательно избѣгалъ говорить о себѣ.

Вѣднѣкъ, блестяще окончившій Московскій университетъ, оставленный при немъ для продолженія занятій, онъ сталъ работать по офтальмологіи, впереди у него была кафедра, практика, обеспеченная жизнь и,—кто знаетъ?—быть можетъ, извѣстность Гиришмана и Мандельштама.

— Но,—продолжала Ильина,—мы съ нимъ встрѣтились. Я была слушательницей высшихъ курсовъ, сердце говорило сильнѣе разсудка и... непоправимая съ моей стороны ошибка, иска-

лѣчившая его существованіе...—она закаплялась,—все ушло, отъ всего отказался, и вотъ Караджіоватъ, заботы о хилой женѣ да въ рѣдкіе часы его досуга чтеніе одного лишь Манассеинскаго «Врача». Какая иронія судьбы, не правда ли?

Я слушалъ и глядѣлъ на эту молоденькую, очевидно глубоко подгоченную страшнымъ недугомъ женщину, чуждую эгоизма, столь обычнаго у больныхъ и заглушившую въ себѣ жажду жизни тревогой и скорбью о будущемъ любимаго человѣка.

Было далеко за полдень, когда у окна послышались торопливые шаги, и съ милой улыбкой на лицѣ къ намъ вошелъ Ильинъ:

— Здравствуйте, батюшки (онъ такъ и говорилъ: не батюшка, а батюшки), какъ я радъ, какъ я радъ, наконецъ-то и вы къ намъ пожаловали, а то мы съ Наташей,—и онъ любовно глянулъ на жену,—заждались совсѣмъ.

Я сталъ оправдываться недосугомъ.

— Да, да,—перебилъ онъ меня,—а вотъ сегодня какъ разъ понаѣхали изъ окружныхъ селъ, сейчасъ только отпустилъ, мнѣ сказали, что вы здѣсь, но... не могъ оставить,—и онъ, какъ бы извиняясь, развелъ руками.

— Еще бы!—замѣтилъ я,—пожалуйста, Александръ Ивановичъ, я не за тѣмъ пріѣхалъ, чтобы отрывать васъ отъ дѣла и мѣшать работѣ, я свободенъ и осмотру вашъ покой только тогда, когда вы отдохнете.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—запротестовалъ Ильинъ,—я нисколько не усталъ, сегодня не было ни одного серьезнаго случая, вотъ мы закусимъ и пойдемъ съ вами; ты знаешь, Наташенька,—обратился онъ къ женѣ:—вѣдь Сидорову-то Гришуткѣ совсѣмъ хорошо, самъ приходилъ, такой славный паренекъ! Природа, природа вашего юга, батюшки, вотъ цѣлитель, чудеса дѣлаетъ!—и онъ вскользь посмотрѣлъ на жену.

— А что такое?

Ильина грустно улыбнулась.

— Случай здѣсь одинъ, Всеволодъ Владимировичъ.

— Да, но какой случай!—перебилъ ее съ живостью Ильинъ:—крупозное воспаленіе легкихъ, осложнившееся гнойнымъ эксудатомъ, и вышелъ, да еще какимъ молодцемъ, если бы вы видѣли, но,—онъ взглянулъ на часы,—баснями, батюшки, соловья не кормятъ, давай намъ, Наташенька, покушать, и мы пойдемъ со Всеволодомъ Владимировичемъ осмотрѣть его дѣтище.

Наталья Алексѣевна вышла.

Во время завтрака Ильинъ говорилъ не умолкая. Слушая его, я не переставалъ удивляться: въ какихъ нибудь три мѣсяца человѣкъ успѣлъ ознакомиться не только со своимъ обширнымъ участкомъ, но, очевидно, и съ сосѣдними, гдѣ ему неоднократно уже приходилось бывать по вызову товарищей для совмѣстной работы

при хирургическихъ операціяхъ, производившихся въ ихъ больницахъ.

— Александръ Ивановичъ,—замѣтилъ я,—васъ послушать,—придешь къ убѣжденію, что должность земскаго участкаго врача—высшее счастье, которое выпадаетъ на долю человѣка.

Онъ строго посмотрѣлъ на меня.

— Нѣтъ, Всеволодъ Владимировичъ, должность земскаго врача очастія не даетъ, но, по мнѣ, нѣтъ высшаго счастья и утѣшенія,—добавилъ онъ, подумавъ,—чѣмъ способность полюбить и отдаться тому дѣлу, какъ бы мало оно ни было, къ которому ты приставленъ жизнью... Ну-съ,—улыбнувшись и какъ бы сконфузившись послѣднихъ своихъ словъ, обратился онъ ко мнѣ,—пойдемте, батюшки, пойдемъ, осмотрите то, что у насъ есть, и помогите пріобрѣсти недостающее.

Мы встали, я попрощался съ хозяйкой и, велѣвъ ямщику ждать себя у сѣзжей избы, направился съ Ильинымъ пѣшкомъ къ пріемному покою.

— Говорить ли мнѣ вамъ, господа,—продолжалъ Кевличъ,—о томъ, во что, при скудости средствъ, отпущенныхъ земствомъ на Караджіоватскій покой, тѣмъ не менѣе успѣлъ превратить его Ильинъ? Онъ очевидно изучалъ характеръ заболѣванія приднѣстровскихъ селъ, велъ записи; этотъ небрежный въ своихъ бумагахъ въ управу человѣкъ поражалъ меня той педантичной аккуратностью, той научной регистраціей, которая проглядывала въ каждой строкѣ врачебныхъ отмѣтокъ, выяснявшихъ характеръ заболѣваній его пациентовъ крестьянъ. О самомъ пріемномъ покоѣ не говорю, очевидно, это былъ храмъ для Ильина, а что такое храмъ для вѣрующаго, не мнѣ, господа, вамъ объяснять.

Черезъ полтора часа, снабженный спискомъ Ильина, спискомъ необходимыхъ для его покоя предметовъ, я съ чувствомъ какого-то особаго душевнаго подъема выѣзжалъ изъ Караджіовата. Дорога шла у края глубокихъ каменистыхъ овраговъ; внизу, окаймленный яркой зеленью лѣсовъ и сочныхъ плавень, ослѣпительно отражая лучи весенняго солнца, причудливыми изгибами уносился въ даль еще полноводный Днѣстръ. На ожившихъ виноградникахъ, подъ звонкую пѣсню, кипѣла работа, пестрыми пятнами двигались по влажнымъ, поемнымъ лугамъ къ водопою крестьянскія стада, а надо мною, купаясь въ лазурной выси, пѣли свою пѣсню любви крылатые пѣвцы нашего юга.

Я ѣхалъ, мечталъ и думалъ, думалъ объ Ильинѣ, о счастья бытія и объ историческомъ прошломъ тѣхъ полей, которыя такъ быстро теперъ мелькали предо мною.

V.

Прошло полтора года. Весь югъ нашъ былъ постигнутъ жестокимъ неурожаемъ. Бѣдствія его не обошли и моего уѣзда. Непривычное къ тяжелымъ испытаніямъ, природой избалованное населеніе металось во всѣ стороны въ тщетныхъ поискахъ заработковъ. Ссуда изъ имперскаго капитала, по обыкновенію, была разрѣшена поздно и лишь въ самомъ концѣ ноября, необычно суроваго для юга и снѣжнаго въ этомъ году. Я на суммы, отпущенныя, наконецъ, въ распоряженіе N—ской управы, могъ приступить къ раздачѣ населенію продовольственныхъ ссудъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда, какъ говоритъ народъ, «курило». Снѣжная мятель порошила глаза. Жестокіе порывы вѣтра, поднимая съ земли и крутя на мѣстѣ столбы влажной снѣжной пыли, обнажая то тамъ, то здѣсь поля, коварно засыпали глубокіе овраги. Стояло полное бездорожіе, хорошо знакомое тѣмъ, кому приходилось бывать въ нашихъ южныхъ черноземныхъ степяхъ, столь обаятельныхъ, столь манящихъ своею ширью лѣтомъ, но столь унылыхъ въ зимнюю пору, когда на протяженіи десятка верстъ глазъ видитъ кругомъ лишь ровный, бѣлый саванъ да изрѣдка одинокій, обнаженный вѣтромъ сторожевой курганъ — слѣдъ былой борьбы неугомоннаго человѣка.

Вызванный срочною телеграммой на одну изъ заходустнѣйшихъ станцій Бендеро-Галацкой дороги, по продовольственному дѣлу, не терпѣвшему отлагательства, я съ величайшими затрудненіями, дѣлая по пяти верстъ въ часъ, подвигался къ своей цѣли на тощей тройкѣ земской почты.

Было около 6 часовъ вечера, глазъ еле различалъ ближайшіе предметы; ямщикъ мой, зоркій, какъ большинство питомцевъ степей, и тотъ постоянно сбивался, однако, съ пути и, останавливая то и дѣло своихъ заморенныхъ коней, посылая проклятія нечистой силѣ, ходилъ для очистки совѣсти «щупать» дорогу съ жалкимъ, еле мерцавшимъ, облѣпленнымъ со всѣхъ сторонъ снѣжными хлопьями фонаремъ своимъ. Напрасный трудъ! Вѣтеръ вылъ и заметалъ всякіе слѣды — степь и дорога были неразличимы! Приходилось очевидно ѣхать наугадъ, по чутью животныхъ.

Разбитый безконечными ухабами, весь продрогшій и заиндѣвѣвшій, я напряженно всматривался въ темную даль, надѣясь увидѣть признаки жилья. Ближайшій земскій почтовый пунктъ — Караджіоватъ, находился отъ послѣдняго села, гдѣ я мѣнялъ лошадей, на разстояніи двѣнадцати верстъ, но я ѣхалъ уже три съ половиною часа, а Караджіовата еще не было видно.

Обогрѣться и хоть немного размять онѣмѣвшіе члены — вотъ единственное физическое желаніе, которое испытывалъ я теперь, и чувство это съ каждой минутой, когда мнѣ казалось, что вотъ,

вотъ должны показаться вдали огни Караджіовата, становилось все мучительнѣе и острѣе.

Проплутавъ такъ еще около часу, ямщикъ мой наконецъ попалъ на почтовую дорогу, такъ называемый въ нашихъ мѣстахъ «шляхъ, и вскорѣ свѣтъ, замерцавшій въ темныхъ, беспорядочно разбросанныхъ избахъ и унылый лай и вой перекликавшихся деревенскихъ псовъ возвѣстили мнѣ, что отдыхъ близокъ.

Еще нѣсколько минутъ, и я вѣзжалъ въ Караджіоватъ.

— Къ доктору,—приказалъ я ямщику,—и скажешь почтарю подать мнѣ туда свѣжихъ лошадей «на станцію».

Было безъ четверти одиннадцать—время глубокаго сна, въ зимнюю пору деревенской глуши, но Ильина мнѣ говорила, что вечерніе часы—единственные, когда они съ мужемъ «принадлежать себѣ», читая вслухъ другъ другу иногда до поздней ночи, и я рискнулъ часокъ отдохнуть и обогрѣться не въ холодной свѣзжей, а у нихъ, тѣмъ болѣе, что уже съ давнихъ поръ не имѣлъ свѣдѣній отъ Ильина и удивлялся его молчанію.

Я подѣхалъ къ знакомой избѣ, сквозь щели ставней въ окнѣ ихъ скромнаго жилища былъ виденъ слабый свѣтъ; я осторожно сначала и, нѣсколько погодя, громче постучалъ въ дверь. Раздались тяжелые, медленные, старческіе, мнѣ незнакомые чьи-то шаги, щелкнулъ засовъ... и со свѣчей въ дрожащей рукѣ я увидалъ Ильина.

— Александръ Ивановичъ, голубчикъ! Что съ вами?

Пораженный я невольно отступилъ. Передо мною стоялъ не Ильинъ, а какая-то тѣнь, нѣтъ, вѣрнѣе, какая-то развалина, этого славнаго, живого еще такъ недавно человѣка. Онъ поднялъ на меня глаза, и передать ли вамъ то нѣмое, то безнадежное, то жгучее отчаяніе, которое прочелъ я въ этомъ взорѣ! Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ, и, тѣмъ не менѣе, каждый разъ, когда вспоминаю я эту минуту нашей встрѣчи, слезы мнѣ душатъ горло, не могу...

Разсказчикъ остановился и, видимо съ трудомъ пересиливая себя, медленно продолжалъ:

— Она умираетъ,—простоналъ мнѣ Ильинъ,—она умираетъ, нѣтъ правды на свѣтѣ!—и онъ, какъ бы ища помощи, защиты, поддержки, съ потускнѣвшимъ взоромъ, заглушая внезапно подступившее рыданіе, припалъ ко мнѣ на плечо.

Я обнялъ его и молчалъ, да и что я могъ сказать ему въ утѣшеніе?

Черезъ минуту, однако, онъ какъ бы очнулся и, стиснувъ мою руку, торопясь заговорилъ:

— Идите, идите туда, посмотрите, что случилось съ нею, моей страдальцей, моимъ другомъ. Но нѣтъ, вы по можете, вы скажете ей... не правда ли? не правда ли?—и бѣднякъ-врачъ, самъ хорошо сознавая,

повидимому, что спасенія уже нѣтъ, что уже нѣтъ надежды, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ моихъ словъ ободренія и надежды.

Я раздѣлся и вошелъ.

На низкой кровати, въ третьей комнатѣ отъ входа, съ головой, ушедшей глубоко въ подушки, въ углу, подъ образами, лежала Наталья Алексѣевна Ильина. Одного взгляда на нее было достаточно — опредѣлить, что она не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, и что вопросъ смерти здѣсь — вопросъ даже не дня, а часа.

Я подошелъ къ ней и молча поцѣловалъ безжизненную, прозрачную руку ея, лежавшую на одѣялѣ.

Какъ часто приходилось мнѣ слышать отъ врачей и читать, что больные чахоткой не сознаютъ своего положенія, и что свѣтлыя надежды на счастливое будущее не покидаютъ ихъ до послѣдней минуты. Не знаю, такъ ли это; жизнь, къ счастью, не давала мнѣ возможности до тѣхъ поръ провѣрить, насколько близки къ истинѣ эти наблюденія, но тогда, стоя у постели молодой, угасавшей жизни, я въ глазахъ бѣдняжки Ильиной, горѣвшихъ какимъ-то особеннымъ, духовнымъ огнемъ, ясно прочелъ, что она далека отъ самообольщенія.

Она узнала меня. Сознаніе не покидало ея ни на минуту. Задыхаясь, волнуясь, прерывающимся шопотомъ она стала говорить мнѣ... о мужѣ:

— Берегите его, не покидайте его, когда меня не будетъ, — вотъ что я только могъ понять изъ ея словъ. Я началъ успокаивать ее.

— Не нужно, не нужно этого, — прервала она меня... зачѣмъ? я знаю правду... берегите его, онъ одинъ, онъ этого стоитъ.

Не могу вамъ передать, какъ мнѣ было тяжело въ эти минуты, какими жалкими, какими мелкими казались мнѣ тѣ желанія и тревоги, которыя еще недавно волновали меня въ пути. Впервые такъ близко приходилось мнѣ чувствовать ангела смерти, витающаго надъ изголовьемъ человѣка, видѣть послѣднія вспышки жизни этого человѣка и слышать такія рѣчи въ его послѣдніе часы!

Но судьбѣ было угодно сдѣлать меня свидѣтелемъ еще худшаго, но и еще болѣе возвышающаго душу.

Изъ сѣней внезапно раздался характерный звукъ стряхиванія съ валенокъ снѣжныхъ комьевъ о полъ, затѣмъ чья-то рука приотворила дверь въ первую комнату квартиры Ильина, и послышался грубый и хриплый голосъ.

— Чи дохтуръ іе? Осъ пакетъ витъ пысаря!

Больная вздрогнула.

Быстро вскочивъ, я направился къ выходу; передо мною весь въ снѣгу стоялъ деревенскій паренъ.

— Что тебѣ? откуда ты?

Вмѣсто отвѣта, онъ сунулъ руку въ свою барашковую шапку и, вынувъ оттуда, протянулъ мнѣ помятый и сырой пакетъ.

— Дохтура треба, у Штубей,—добавилъ онъ.

Ко мнѣ подошелъ Ильинъ; дрожащими руками распечатавъ бѣдняга пакетъ, прочелъ бумагу и, выпустивъ ее, со стономъ, схватившись руками за голову, опустился на стулъ.

Полученная бумага была коротка. Въ селеніи Штубей, расположенномъ въ 25 верстахъ отъ Караджіовата, въ глуши, на проселочной дорогѣ, произошли неблагополучные роды. Требовалась помощь врача, помощь безъ замедленія, каждый часъ былъ дорогъ. Объ этомъ говорила и сама бумага, но объ этомъ говорило и птичье перо, припечатанное къ пакету,—условный знакъ сельской почты необходимости возможной быстроты доставки его по назначенію.

Я выслалъ парня. Изъ комнаты больной раздался душу надрывающей кашель, и, шатаясь, Ильинъ направился къ умирающей женѣ. Понятное чувство не позволило мнѣ слѣдовать за нимъ, но въ открытую дверь я видѣлъ, какъ онъ склонился у ея постели, какъ, нѣсколько спустя, поднялась надъ нимъ рука страдальцы, благословляя его, какъ отъ заглушаемыхъ рыданій судорожно вздрагивали его похулавшія плечи, и онъ, прильнувъ къ ея рукѣ, ласкалъ и лобзалъ эту уже холодѣвшую руку. Прошло нѣсколько минутъ, и вотъ, господа, бѣднякъ всталъ, съ низко опущенной головой прошелъ мимо меня въ сѣни и... послалъ штубейскаго парня въ село за лошадьми... Онъ началъ собираться какъ-то суетливо, съ какою-то неестественною торопливостью.

Я прошелъ въ комнату больной. Глаза ея были устремлены вверхъ, она очевидно молилась, на нихъ блестѣли слезы, но это не были слезы страданія и скорби, а слезы счастья исполненнаго долга; да, такъ понимали эти люди свой долгъ!

Не стану описывать вамъ минуту послѣдняго прощанія Ильина съ женой. Я, посторонній человѣкъ, тогда не выдержалъ, и теперь, когда прошлое воскресаетъ предо мною, мнѣ безконечно тяжело. Оба они—и мужъ и жена, сознавали, что прощаются навѣки, и тѣмъ не менѣе она шептала: «довольно, довольно, Саша, тамъ ты нуженъ... здѣсь»... Кашель душилъ ее.

А онъ? Онъ покрывалъ поцѣлуями ея руки, ея волосы, онъ цѣловалъ ее въ губы... Нѣтъ,—Кевличъ остановился и провелъ рукою по лбу,—не приведи васъ Богъ въ жизни быть свидѣтелями такихъ душевныхъ страданій!

У окна слышался звукъ разбитаго колокольчика сельской почты. Вновь показался штубейскій посланецъ. Ильинъ въ башлыкѣ и въ шубѣ съ сверткомъ въ рукахъ, не оглядываясь уже назадъ и стиснувъ мнѣ съ непонятной силой руку, вышелъ на крыльцо. Дверь со скрипомъ распахнулась, я услышалъ вой вѣтра по вершинамъ деревьевъ, характерный стукъ одна о другую ихъ обледенѣлыхъ вѣтвей, холодомъ смерти пахнуло на меня; еще ми-

нута, и во мракѣ ночи исчезли убогія сани, уносившія въ даль на незамѣтный подвигъ великаго духомъ человѣка—врачъ Александръ Ильинъ выѣхалъ по дѣламъ службы...

Черезъ два часа по его отѣздѣ Наталья Алексѣевна Ильина навсегда смежила вѣки.

Разсказчикъ умолкъ.

Тишина царилла нѣсколько минутъ въ кабинетѣ Блонскаго. Взволнованный Кевличъ молча пожалъ руку хозяину и направился къ выходу.

— Всеволодъ Владимировичъ, — обратился къ нему одинъ изъ гостей, — погодите, скажите, живъ ли Ильинъ, гдѣ онъ.

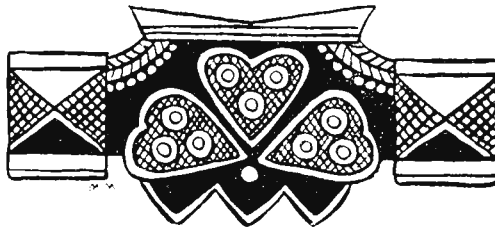
Кевличъ остановился у дверей.

— Живъ ли Ильинъ, хотите вы знать?—и онъ горько усмѣхнулся:—да неужели же вы полагаете, что Ильины въ Россіи, въ сердцѣ ея, умираютъ? Поѣзжайте въ глушь, и вы увидите, сколько Ильиныхъ вокругъ васъ, и вы поймете, что не можетъ быть мѣста плачу о духовномъ оскудѣніи Россіи до тѣхъ поръ, пока въ ней живы Ильины.

Съ этими словами Кевличъ вышелъ.

Гости Блонскаго стали расходиться.

В. М. Пуришкевичъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. В. ГУРЧИНЪ.

ВЪ МАРТОВСКОЙ книжкѣ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» за текущій годъ помѣщена очень интересная статья: «Возможно ли и какою панихидою молить Бога о спасеніи усопшихъ христіанъ не православной церкви?» Статья эта снова коснулась большого вопроса, возникшаго по поводу смерти командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, генерала Гурчина. Разрѣшивъ вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ томъ смыслѣ, что за иновѣрцевъ православные не только могутъ, но и должны молиться именно въ православныхъ храмахъ, подкрѣпивъ это положеніе рядомъ авторитетныхъ ссылокъ на Евангеліе и учителей церкви, авторъ статьи, между прочимъ, говоритъ: «Грустные же инциденты, подобные офиціальному недозволенію со стороны виленскаго епархіальнаго начальства для корпораціи православныхъ военныхъ города Вильны совершить церковную молитву въ православномъ храмѣ объ усопшемъ христіанинѣ римской церкви, генералѣ Гурчинѣ, —придаютъ упомянутому вопросу значеніе и офиціально-общественное, и смущаютъ, и огорчаютъ весьма многихъ».

Статья эта заставила меня отдать въ печать давно написанную мною замѣтку о генералѣ Гурчинѣ, котораго хорошо зналъ я по Вильнѣ и о которомъ, поэтому, могу сообщить кое-что интересное.

Когда умираетъ на Руси выдающійся общественный дѣятель, сейчасъ же раздаются голоса, желающіе умалить значеніе его за-

слугъ, отомстить ему за прежнія столкновенія, за славу его и лавры. Сплетни, клевета, искаженіе истины безнаказанно шипятъ у гроба того, къ кому клеветникъ и сплетникъ, вѣроятно, не попалъ бы при жизни даже въ приемную... Крыловская басня про умирающаго льва, котораго брыкаетъ жизнедовольный, тупоголовый осель,—пока будутъ существовать выдающіеся люди, а рядомъ съ ними и ничтожества,—не утратитъ, вѣроятно, на свѣтѣ своего значенія. Въ большинствѣ случаевъ отдѣльныя лица, знающія хорошо правду, боязливо молчатъ и не рѣшаются осадить крикуновъ, прикрывающихся громкими фразами и ссылками на неизвѣстныхъ свидѣтелей, боясь попасть подъ самосудъ вмѣстѣ съ покойнымъ, а остальное общество трусливо или злорадно присутствуетъ при посмертной казни того, кому при жизни еще такъ недавно рабски поклонялось. Особенно больно чувствуется это въ разновѣрной Вильнѣ, гдѣ, напримѣръ, до сихъ поръ судятъ графа М. Н. Муравьева, и судятъ русскіе люди, то осуждая, то оправдывая, при чемъ судъ возобновляется каждый разъ, когда освѣжается составъ высшей администраціи Сѣверо-Западнаго края... И чего, чего только не говорятъ про Муравьева, къ стыду нашему, именно русскіе!..

Все это невольно передумалъ я лишній разъ, когда въ 1902 году хоронили въ Вильнѣ Александра Викентьевича Гурчина, командующаго войсками Виленскаго округа, и когда въ толпѣ, возглавлившей многочисленныя, пышныя вѣнки на его гробъ, раздавалась клевета, сопровождавшаяся сомнительными анекдотами и небывалыми фактами изъ прошлаго покойнаго. И я привелъ выше графа М. Н. Муравьева не случайно, а потому, что, стоя у гроба генерала Гурчина, грустно думалъ, что будь въ Вильнѣ живъ православный графъ Муравьевъ, онъ былъ бы навѣрно другомъ католика Гурчина, такъ какъ для Муравьева не было ни православныхъ, ни католиковъ, ни евреевъ, а только два сорта людей: враги Россіи, ея друзья... И вѣроисповѣдныя вопросы не затемняли въ этомъ замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ умѣнья всюду найти, привлечь къ себѣ, на пользу общей родины, истинныхъ патріотовъ и изъ среды католиковъ.

Я имѣлъ возможность узнать генерала Гурчина хорошо именно съ той стороны, съ которой при жизни и послѣ его смерти сыпалось на него болѣе всего обвиненій—по вопросу объ отношеніяхъ его къ православію,—и долгъ порядочнаго человѣка заставляетъ меня, поэтому, хотя поздно, а все-таки сказать печатно правду. Но прежде скажу нѣсколько словъ о служебномъ прошломъ Александра Викентьевича, поскольку оно мнѣ извѣстно.

Генералъ Гурчинъ въ службу вступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ въ 1850 году, а въ 1864 году былъ назначенъ начальникомъ кавказской стрѣлковой школы съ переименованіемъ въ подполковника. Съ этого времени и до 1894 года вся

дѣятельность его прошла на Кавказѣ, гдѣ онъ принималъ участіе во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ и послѣдовательно командовалъ 13-мъ лейбъ-гренадерскимъ Эриванскимъ полкомъ, кавказской стрѣлковой бригадой, 38-й пѣхотной дивизіей. Въ турецкую войну 1877—1878 годовъ А. В. Гурчинъ отличился въ битвахъ при Цихидзирѣ, на Аладжинскихъ высотахъ, въ штурмѣ Карса и блокадѣ Эрзерума, при чемъ получилъ золотую саблю за храбрость, ордена св. Станислава и св. Анны первой степени съ мечами. Въ 1894 году, въ чинѣ генераль-лейтенанта, онъ былъ назначенъ командиромъ 19-го армейскаго корпуса, въ 1898 году произведенъ въ чинъ генерала отъ инфантеріи; въ 1900 году награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ брилліантами и назначенъ членомъ военнаго совѣта, а 15-го сентября 1901 года командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа. Въ этомъ званіи онъ и скончался 15-го сентября 1902 года.

Генераль Гурчинъ пріѣхалъ въ Вильну и вступилъ въ командование войсками округа послѣ генераль-адъютанта В. И. Троцкого, рыцарски благороднаго, добраго, истинно-русскаго человѣка, но тяжелаго на подъемъ, не любившаго кропотливой работы, большихъ сложныхъ докладовъ, человѣка, мало обращающаго вниманіе на внѣшній видъ войска, на соблюденіе уставовъ и циркуляровъ. И генералу Гурчину, службисту отъ головы до ногъ, рабу закона и уставовъ, съ первыхъ же шаговъ пришлось начать перевоспитаніе вѣрннанаго ему высочайшей властью округа въ отношеніи порядка и соблюденія формъ, погрузиться въ служебныя мелочи, напомнить «забытыя слова» не примѣнявшихся на дѣлѣ циркуляровъ и приказовъ, углубиться въ канты, нашивки, размѣры мундирной одежды и т. п. азбучныя, скучныя истины строевой службы, до него отодвинутыя на второй планъ. А память у него была огромная именно на всякія мелочи, и въ кабинетѣ его на самомъ видномъ, почетномъ мѣстѣ красовалась полочка съ уставами и справочными по службѣ книжками. Недаромъ же многократно говорилъ онъ при мнѣ, что командующій войсками долженъ постоянно учиться и освѣжать въ памяти своей даже мелочи военной службы для того, чтобы быть на высотѣ своего положенія, такъ какъ онъ основательно обязанъ знать и то, что знаетъ корпусный командиръ, и то, что требуется отъ послѣдняго подчиненнаго ему рядового... И генераль Гурчинъ все свои одинокіе досуги посвящалъ добросовѣстному изученію того, что должны были знать его подчиненные. Неудивительно, что не разъ, къ огорченію попавшихся ему въ непорядкахъ, вдругъ вспоминалъ онъ какую либо подробность, затерянную въ циркулярахъ, и требовалъ немедленной справки. Неудивительно, что вскорѣ послѣ его пріѣзда многіе стали ходить къ нему съ докладами не иначе, какъ имѣя въ рукахъ или подъ мышками законы, приказы и справки... Но

лгали на генерала Гурчина тѣ, кто увѣрялъ послѣ его смерти, будто бы онъ весь, «какъ фельдфебель», съ наслажденіемъ ушелъ въ мелочи, «смаковалъ» только эти мелочи, упуская болѣе глубокія задачи воспитанія и образованія вѣреннаго ему округа, не былъ способенъ на что либо лучшее... Нѣтъ! Перевоспитаніе войскъ — въ смыслѣ уваженія уставовъ и законнаго порядка — было для Гурчина довольно тяжкимъ, неприятнымъ крестомъ, и недаромъ мечталъ онъ, подтянувъ округъ снаружи, заняться впоследствии и его «духомъ». Да не суждено было ему это: годъ командованія войсками, годъ постоянного труда съ утра до поздней ночи, борьбы, неприятностей, смотры во всякую погоду, при продолжительномъ воздержаніи отъ пищи, сломили, наконецъ, его желѣзную, казалось, неутомимую, привыкшую ко всякой работѣ, нагуру — и генерала Гурчина не стало: округъ (т.-е. извѣстная часть его) вздохнулъ свободнѣе!.. На почвѣ служебныхъ столкновеній изъ-за «кажущихся» мелочей, прежде всего, и нажилъ себѣ покойный враговъ по службѣ, клеветавшихъ и клеветущихъ на него до сихъ поръ.

Оговариваюсь: я не пишу подробнаго некролога Александра Викентьевича Гурчина. Достаточно, однако, такихъ фактовъ, какъ достиженіе католикомъ высокаго поста командующаго войсками округа, и именно въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и удивительныхъ подвиговъ на поляхъ брани, чтобы составить себѣ понятіе о покойномъ, какъ о воинѣ. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что со многими высокопоставленными, истинно-русскими людьми находился генералъ Гурчинъ до смерти въ дружескихъ отношеніяхъ и интимной перепискѣ. Тѣмъ не менѣе, надъ гробомъ его произошелъ, — какъ говоритъ авторъ вышеупомянутой статьи «Миссіонерскаго Обзорѣнія», — «грустный инцидентъ» — официальное недозволеніе намъ, православнымъ людямъ, помолиться въ православныхъ храмахъ за душу покойнаго, а затѣмъ грянула въ газетахъ полемика, которую, по возможности, я обойду молчаніемъ, и въ которой было много схоластическихъ тонкостей, текстовъ и подтасовокъ, но не было главнаго, чтò должно служить украшеніемъ всякаго истиннаго христіанина — не было сердца, справедливости, безпристрастія, уваженія къ памяти усопшаго. Началась травля «католика» потому только, что онъ родился католикомъ; а забыть былъ русскій человекъ, русскій воинъ, отдавшій Россіи беззавѣтно всю свою жизнь, стоявшій всегда въ рядахъ ея лучшихъ сыновъ... И въ пылу этой недостойной, пристрастной травли со ссылками на тексты, на положенія церкви, якобы во имя правды, — травли того, кто лежалъ нѣмъ и безсиленъ, кто не могъ защищаться, тенденціозно исказили даже описаніе похоронъ Гурчина, а также многія послѣдующія, связанныя съ ними, событія...

Такъ, въ одну изъ газетъ писалось изъ Вильны «очевидцемъ»:

«Но что же мы видѣли при похоронахъ генерала Гурчина? Военный парадъ, грандіознѣйшую процессію, прямо и грубо демонстративную, изъ 64-хъ римско-католическихъ священнослужителей, вольную пожарную команду со знаменемъ и хоромъ музыки, исполнявшимъ какой-то маршъ, мѣстныхъ трубочистовъ въ новой парадной формѣ, толпы празднаго народу и разночинцевъ, привлеченныхъ даровымъ зрѣлищемъ, но этой самой военной семьи, о которой зываютъ гг. Ухтомскій и Мещерскій,—было весьма мало и почти никого, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя не могли не быть. А вѣдь въ Вильнѣ свыше 10.000 войскъ и въ томъ числѣ свыше 300 офицеровъ, не считая штабныхъ офицеровъ, медицинскихъ и интендантскихъ чиновниковъ, военно-окружнаго суда, а равно и отставныхъ военныхъ. Въ парадѣ участвовало не болѣе 850 нижнихъ чиновъ и 30 офицеровъ (по справкѣ); гдѣ же были остальные? Они вѣдь не могли затеряться въ толпѣ, какъ иголки, и, если даже предположить, что рѣзкая погода нѣсколько охладила ихъ «горячую любовь», то все же нельзя не признать, что, судя по этому проявленію, ея было очень немного» и т. д.

Передъ этой фразой и послѣ нея авторъ замѣтки старается доказать, что Гурчина въ Вильнѣ ненавидѣли всѣ военные, бросаетъ тѣнь на рѣчь кавказской военной депутаціи, произнесенную надъ могилкой покойнаго. Однимъ словомъ, статья эта положила пышный вѣнокъ ненависти, столь чуждой обыкновенно русскому человеку, на могилу католика — точно для того, чтобы доказать еще разъ всему міру печатно, что нѣтъ правила безъ грустнаго исключенія...

Я присутствовалъ и въ квартирѣ усопшаго на литіяхъ римско-католическаго духовенства, и при отпѣваніи въ кафедральномъ костелѣ, и во время слѣдованія процессіи черезъ городъ къ кладбищу Росса, а потому могу удостовѣрить, что провожающихъ было гораздо больше, чѣмъ видѣлъ ихъ авторъ вышеупомянутой статьи. Правда, ругали Гурчина, какъ я уже упомянулъ выше, даже на похоронахъ, у гроба его, но слышались и сочувственные, соболѣзнующие о немъ отзывы, именно среди русскаго интеллигентнаго общества. Какъ относились военные къ покойному,—видно уже изъ самаго факта поднятаго вопроса о разрѣшеніи торжественной панихиды въ православномъ кафедральномъ соборѣ, а также изъ того, что во многихъ частяхъ Виленскаго округа, стоявшихъ вѣ Вильны, военные, не знавшіе ничего о запрещеніи въ Вильнѣ молиться за католика православнымъ, отслужили по усопшемъ Гурчинѣ, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, торжественныя панихиды по православному обряду... А о томъ, много ли русскихъ вообще и военныхъ въ частности провожало тѣло Гурчина, можно легко убѣдиться хотя бы по огромной фотографіи, снятой съ похоронной процессіи въ моментъ, когда она подходила къ Большой улицѣ.

Жаль, что «очевидецъ» не взглянулъ на эту фотографію и на другія подобныя же фотографіи разныхъ моментовъ похоронъ: онѣ остановили бы его, быть можетъ, отъ неправильнаго описанія... Лучшимъ же вѣнкомъ на могилу католика Гурчина было несомнѣнно участіе въ его похоронахъ многочисленнаго виленскаго православнаго духовенства, которому хотя и было официально запрещено молиться о покойномъ въ православныхъ храмахъ, но которое, тѣмъ не менѣе, съ рискомъ получить неприятности, въ орденяхъ и знакахъ отличія, явилось въ кафедральный костелъ на отпѣваніе Гурчина и молилось тамъ горячо «по-православному» за упокой души его,—явилось, чтобы отдать послѣдній долгъ справедливости тому, кто, оставаясь католикомъ, много, да, именно много, сдѣлалъ для православнаго духовенства въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Авторъ статьи умолчалъ про подобный выдающійся фактъ, придавъ похоронамъ Гурчина оттѣнокъ какой-то политической, ксендзовско-польской демонстраціи. Вотъ почему мнѣ и кажется, что онъ описалъ все не по личнымъ впечатлѣніямъ, а съ чужихъ, не провѣренныхъ и при томъ явно недобросовѣстныхъ, словъ... Могу даже назвать имена нѣкоторыхъ почтенныхъ православныхъ священнослужителей, молившихся въ костелѣ за католика и тѣмъ показавшихъ остальнымъ католикамъ высокій примѣръ вѣротерпимости. Я мѣнялся на похоронахъ въ костелѣ впечатлѣніями и съ дворцовымъ священникомъ Калитономъ Петровымъ, и съ настоятелемъ Благовѣщенской церкви, маститымъ протоіереемъ Зиновіемъ Давидовичемъ, и со многими другими священниками. И жаль, что авторъ статьи не слышалъ, что говорили тутъ же, у гроба Гурчина, всѣ эти почтенныя лица, которыхъ привелъ въ костелъ, конечно, не сухой долгъ официальной службы... А когда двинулась отъ костела процессія, то, несмотря на усилія полиціи, толпа народа ворвалась въ ряды войскъ, стоявшихъ шпалерами вдоль улицы, въ иныхъ мѣстахъ даже разстроила эти ряды; провожающіе были смяты, и я лично видѣлъ, какъ нѣкоторые генералы съ женами, доѣхавшіе въ экипажахъ до кладбища, не могли попасть за его ограду и должны были вернуться въ городъ. Впрочемъ, можно и теперь спросить членовъ виленской полиціи, сотни зрителей, чтобы возстановить истину относительно похоронъ... Но я не произвожу слѣдствія, а лишь возстановляю факты.

Въ настоящей замѣткѣ мнѣ и хочется объяснить, почему православное духовенство Вильны, рискуя получить служебныя неприятности, демонстративно явилось въ католическій соборъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ и молитвою католика Гурчина. Путно обрисуется и личность самого Гурчина, и его отношеніе къ православію, и его страдальческое, полное трагизма, положеніе въ Вильнѣ, именно какъ католика. Я воздержусь отъ выводовъ, отъ обобщеній. И если мнѣ суждено въ этомъ краткомъ очеркѣ, хотя

отчасти, возстановить истину, то я уже чувствую себя заранее награжденнымъ сознаниемъ исполненнаго по отношенію къ покойному долга совѣсти. Знать и трусливо молчать для меня два понятія, между собою несомѣстимыя. Ну, а брань и клевета лично меня нисколько не волнуютъ!..

Пріѣзду генерала Гурчина въ Вильну предшествовалъ въ Петербургѣ слѣдующій типичный рассказъ, быть можетъ, фактъ, а, можетъ быть, и легенда. Передавали про споръ двухъ высокопоставленныхъ особъ, власть имущихъ, по вопросу о назначеніи на постъ командующаго войсками, да еще въ Сѣверо-Западный край, католика... Когда одна изъ особъ высказала опасеніе въ этомъ направленіи, другая, хорошо знавшая Гурчина, замѣтила: «Полноте! Гурчинъ — болѣе православный, чѣмъ мы съ вами!»

Фраза эта: «болѣе православный, чѣмъ мы съ вами», красной нитью прошла черезъ всю жизнь генерала Гурчина и можетъ лечь тоже однимъ изъ почетныхъ вѣнковъ отъ истинно-православныхъ на его могилу.

По пріѣздѣ Гурчина въ Вильну, я, какъ дѣлопроизводитель мѣстнаго управленія «Краснаго Креста», немедленно же сталъ къ нему въ близкія отношенія, такъ какъ на общемъ собраніи членовъ единогласно избрали его въ предсѣдатели управленія. Постоянно бывая у Александра Викентьевича съ докладами по «Красному Кресту» и видѣ этихъ докладовъ, я имѣлъ возможность узнать его хорошо, какъ человѣка, «дома, безъ мундира и орденовъ».

Надо замѣтить, что при прежнемъ предсѣдателѣ, генералъ-адъютантѣ В. Н. Троцкомъ, передавшемъ въ полное мое завѣдываніе всѣ дѣла виленскаго управленія «Краснаго Креста», многіе не могли простить мнѣ того, что уставъ общества я ставилъ всегда выше дамскихъ капризовъ и частныхъ воззрѣній, какъ не могли переварить близости моея къ доброму, благородному, но доступному постороннимъ вліяніямъ, генералу... И вотъ, едва вступилъ въ завѣдываніе дѣлами мѣстнаго управленія вновь пріѣхавшій генералъ Гурчинъ, меня до того совершенно не знавшій, какъ въ первомъ же засѣданіи поднялась противъ меня и бывшихъ порядковъ цѣлая буря... Ошеломленный, по природѣ мнительный, недоувѣрчивый Александръ Викентьевичъ, мало знавшій къ тому же мѣстное общество и его нравы, сперва повѣрилъ моимъ вліятельнымъ недругамъ. Въ результатъ послѣ засѣданія вышло у меня съ нимъ горячее, даже бурное, рѣзкое объясненіе, которое, познакомивъ насъ ближе другъ съ другомъ, сразу же показало мнѣ, съ какимъ благороднымъ сердцемъ, подъ грубой солдатскою внѣшностью, имѣю я дѣло. Еще одна бесѣда на ту же тему, но уже въ мирномъ тонѣ, личная провѣрка генераломъ Гурчинымъ моихъ докладовъ и объясненій по уставу и документамъ дѣла—и я въ лицѣ генерала нашелъ себѣ друга, котораго до самой смерти не могли уже разубѣ-

дить въ моей порядочности... Въ видѣ инструкции мнѣ разъ навсегда было поручено генераломъ Гурчинымъ держаться въ дѣлахъ «Краснаго Креста» только устава, при чемъ было выражено удовольствіе, что на должности дѣлопроизводителя находится именно военный юристъ, т.-е. «человѣкъ закона и порядка». «Если отступать отъ устава,—неоднократно говорилъ мнѣ потомъ Александръ Викентьевичъ,—то непременно сдѣлаешь какую нибудь несправедливость въ ту или другую сторону... Будемъ держаться устава: я всегда поддержу васъ!» И дѣйствительно, попытки нарушить уставъ, конечно, не съ дурными, темными цѣлями, а въ виду личныхъ взглядовъ и мнѣній, находили себѣ всегда въ генералѣ Гурчинѣ суроваго гонителя. Когда онѣ появлялись въ засѣданіяхъ, генералъ Гурчинъ обыкновенно обращался ко мнѣ, какъ къ секретарю, за справкой со словами: «А вогъ прочтите-ка намъ уставъ!» И когда я читалъ соотвѣтствующій § устава, генералъ говорилъ просителю или просительницѣ: «Видите ли, что гласить уставъ! Ну, могу ли я, какъ предсѣдатель, т.-е. блюститель порядка, нарушить уставъ, чтобы сдѣлать лично вамъ пріятное?!» Вопросъ немедленно же исчерпывался, а я торжествовалъ. Не разъ въ откровенной, частной бесѣдѣ говорилъ я Александру Викентьевичу, что при такомъ законномъ ходѣ вещей мнѣ легко, даже пріятно, служить съ нимъ по «Красному Кресту». И невольно вспоминались мнѣ бывше докладчицы мои у симпатичнаго генералъ-адъютанта Троцкаго, когда вмѣшательство какой нибудь дамы «просто пріятной» или «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ» неожиданно мѣняло принятое еще наканунѣ рѣшеніе, а на мой докладъ, что это противорѣчитъ уставу, получался равнодушный отвѣтъ: «Знаю! Сдѣлайте такъ, какъ я говорю! Я и отвѣчу, а пусть меня тамъ, въ Петербургѣ, бранятъ! Это меня нисколько не волнуетъ». При генералѣ Гурчинѣ въ дѣлахъ «Краснаго Креста» «диктатура сердца» весьма быстро замѣнилась сухимъ закономъ, уставомъ, буквой циркуляровъ... И когда я шелъ къ нему съ докладами, то заранѣе зналъ, какое получу приказаніе, что скажетъ онъ мнѣ на ту или иную попытку разрѣшить вопросъ «по-дамски». Неудивительно поэтому, что и между дамами появились у Гурчина враги... Не забыть былъ и я... По крайней мѣрѣ, скоро послѣ того, какъ Гурчина не стало, испыталъ я на себѣ всю силу тайной дамской мести... Но объ этомъ расскажу я когда либо въ другой разъ. А пока вернусь къ Александру Викентьевичу Гурчину и моему съ нимъ знакомству.

Помню, какъ пріѣхалъ въ Вильну генералъ Гурчинъ, и какъ всходилъ онъ медленно, усталой походкою, въ сопровожденіи огромной свиты, по лѣстницѣ квартиры командующаго войсками въ Пушкинскомъ скверѣ, по той самой лѣстницѣ, по которой не такъ давно сносили гробъ съ прахомъ всѣми любимаго, чуднаго, тоже дорогаго мнѣ лично человѣка, В. Н. Троцкаго... И то, что недавно

склонялось передъ Троцкимъ, склонилось теперь передъ новымъ, внезапно восшедшимъ изъ тумана забвенія, свѣтиломъ... Въ квартирѣ командующаго войсками сейчасъ же заговорили о службѣ, объ уставахъ, инструкціяхъ и законахъ: генераль Гурчинъ не могъ терпѣть около себя людей безъ опредѣленнаго занятія, безъ опредѣленнаго дѣла. Вотъ почему, какъ передавали, позаботился онъ сейчасъ же занять своихъ адъютантовъ. А одному блестящему офицеру, состоящему въ его распоряженіи, поручено было... рассортировать, прибрать въ шкафъ пыльные книги генерала. И офицеръ этотъ посѣшилъ перевестись изъ округа (такъ рассказывали)...

Послѣ красавца, высокаго ростомъ, съ орлинымъ взоромъ, барскими манерами и невозмутимостью при самыхъ неожиданныхъ служебныхъ осложненіяхъ, В. Н. Троцкаго,—наружность генерала Гурчина не располагала къ себѣ: средняго роста, съ неправильными, обрюзгшими чертами суроваго, краснаго лица, держащій голову нѣсколько набокъ, подозрительно вслушивающійся и исподтишка вглядывающійся въ докладчика, то словно затаившійся и выжидающій, чтобы огоршить васъ неожиданнымъ вопросомъ или ссылкой на законъ, то рѣзкій, придиричивый, даже грубый и безпощадный въ минуты гнѣва, вызваннаго ложью, утайкой, изворотами, съ кривой, неискреннею улыбкой, часто съ опущенными внизъ глазами, точно съ умысломъ избѣгающими вашего взора,—генераль Гурчинъ въ первое время производилъ на всякаго крайне непріятное, невыгодное для него впечатлѣніе... Дамы откровенно находили его «уродомъ», «отвратомъ», главнымъ образомъ послѣ того, какъ оказалось, что дамское вліяніе безильно поколебать суроваго, боевого кавказца, особенно въ вопросахъ служебнаго характера, а «диктатура сердца» отошла въ область преданій... Правда, удавалось мнѣ наблюдать, насколько рыцарски-утонченъ, вѣжливъ и предупредителенъ бывалъ генераль Гурчинъ съ дамами при встрѣчахъ въ виленскихъ салонахъ. Но служба—службою, а знакомство—знакомствомъ! А тутъ началось подтягиваніе мужей, невзирая на ихъ служебное положеніе и чины, розыски, справки въ уставчикахъ, работы въ канцеляріяхъ до позднихъ часовъ, преслѣдованіе за неправильно нашитые наплечники у барабанщиковъ и т. п. И море канцелярій, благодушно дремавшихъ при покойномъ Троцкомъ, взволновалось, расшумѣлось, запротестовало: жизнь вдругъ осложнилась разными «знаете, тамъ, пустяками»... Мужья угрюмо про себя роптали; но дама «просто пріятная» уже мчалась на казенномъ рысакѣ со сплетней про Гурчина къ вліятельной дамѣ «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ»... И провинція заговорила!.. А тутъ на бѣду Гурчинъ оказался еще—о ужась!—«настоящимъ католикомъ»! Да развѣ можно было все это снести равнодушно?.. Негодованіе росло, въ то время какъ желѣзная рука строгаго генерала, ни на что не обращающаго вниманія, все болѣе и болѣе сжимала

округъ, заставляла поневолѣ работать, провѣрять свои знанія, вспоминать «зады» военной службы. Какъ-то сразу встряхнулись, заработали всѣ, начиная съ генерала и кончая захудалымъ солдатикомъ какого либо крѣпостного батальона... Вотъ тутъ-то, въ тайникахъ уязвленныхъ самолюбій, и залегло зерно той будущей ненависти, той клеветы, которая отомстила генералу Гурчину уже тогда, когда лежалъ онъ въ гробу, ужасный, жалкій, обезображенный неудачнымъ бальзамированіемъ, съ зрачками, просвѣчивавшими сквозь тонкія вѣки, такъ что казалось, что покойный смотритъ далеко въ небо и спрашиваетъ, за что, за что на него клеветаютъ... При Троцкомъ были недовольны порою его мягкостью, жаловались на то, что на дѣла вліяютъ окружающіе, приближенные, ждали съ нетерпѣніемъ новаго командующаго... А пріѣхалъ Гурчинъ—и все заохало, застонало, зашептало и, возмущенное новыми порядками, обратило благодарныя, полныя слезъ, очи къ недавнему прошлому, увы, невозвратному... Однимъ словомъ, повторилась старая исторія съ лягушками, просившими царя... Господи! Какія довелось мнѣ при этомъ видѣть сцены, какія выраженія фізіономій!.. И чего-чего только не говорилось про генерала и громко, и тайно!...

Но я снова уклонился отъ разсказа въ область личныхъ впечатлѣній и наблюденій—настолько и теперь еще волнуютъ меня высокопоучительныя картины немногихъ мѣсяцевъ управленія генерала Гурчина округомъ... При первомъ же докладѣ Александру Викентьевичу по «Красному Кресту» увидѣлъ я рѣзкую разницу между генераломъ Троцкимъ и новымъ командующимъ войсками въ отношеніи къ дѣлу. Покойный Троцкій разъ навсегда разрѣшилъ мнѣ являться къ нему съ докладомъ, какъ онъ выразился однажды, «въ сюртукѣ или кителѣ, во всякое время дня и вечера, кромѣ ночи», когда онъ, по его шутивому выраженію, «спитъ». И мнѣ случалось вызывать его для подписи бумагъ даже во время прогулки его по саду, даже изъ круга семьи, и никогда не было случая, чтобы меня не приняли, если генераль оказывался дома и здоровъ. При Гурчинѣ же много разъ первое время пришлось мнѣ подолгу ждать въ пріемной въ мундирѣ, въ кругу другихъ такихъ же ожидающихъ очереди, а генераль все не заводилъ рѣчи о докладахъ въ сюртукѣ, пока не заговорилъ объ этомъ наконецъ я самъ... Для докладовъ по «Красному Кресту» назначалось теперь особое время, и въ иные часы кабинетъ генерала былъ нерѣдко для меня запертъ. Генераль-адъютантъ Троцкій обыкновенно вѣрилъ докладчику нѣ слово, часто подписывалъ бумаги, не читая ихъ, ненавидѣлъ долгіе доклады, осложненные справками и приложеніями, сердился, беря въ руки толстую тетрадь исписанной бумаги. Генераль же Гурчинъ, наоборотъ, вникалъ до послѣдней детали въ докладъ, требовалъ еще новыхъ

справокъ, основаній, документовъ, даже подозрительно заглядывалъ въ черновики, по временамъ свѣряя ихъ съ бѣловиками, а приложенія приказывалъ читать ему въ слухъ цѣликомъ, безъ пропусковъ. Только тогда, лично изучивъ весь матеріалъ, подписывалъ онъ бумагу, при чемъ не любилъ класть длинныя резолюціи и писалъ ихъ осторожно, въ общихъ выраженіяхъ, часто карандашомъ, обдумывая каждое слово и боясь за правильность правописанія. Генералъ же Троцкій набрасывалъ резолюціи быстро, легко, съ подробностями, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, не стѣснялся высказать свой личный взглядъ и даже выбраться, не зато потомъ и не церемонился сдѣлать совѣтъ не то, что значилось въ его первоначальномъ рѣшеніи. Троцкій поражалъ всегда меня умѣнемъ, выслушавъ огромный сложный докладъ, быстро уловить сущность его и широко взглянуть на дѣло. Это былъ человѣкъ широкаго государственнаго ума. Для генерала же Гурчина нужно было время, справки, обдумываніе, чтобы схватить главное, и мелкія подробности часто затемняли въ его рѣшеніяхъ основную идею. Зато обмануть, провести Гурчина было невозможно, и даже людей, которыхъ онъ считалъ честными, которымъ вѣрилъ безусловно, провѣрялъ онъ и контролировалъ, въ силу привычки вдумываться во все и во все вглядываться недоувѣрчиво. То былъ опытный, травленный, не разъ въ жизни, волкъ, который не обольщался наружностью, громкими фразами, а, какъ Ома невѣрный, долженъ былъ, для собственнаго спокойствія, для пользы дѣла, во все «вложить пытливые персты». Онъ зналъ отлично, что его не очень любятъ въ Вильнѣ, и не искалъ любви окружающихъ, а часто говорилъ, правда, въ шутку, но довольно ядовито, что «единственный другъ» его въ Вильнѣ—черный красавецъ-пудель, который постоянно лежалъ въ его скромномъ, дѣловомъ кабинетѣ, обнюхивая недоувѣрчиво входившихъ посѣтителей, точно и онъ заразился у хозяина скептицизмомъ... Къ дальнимъ роднымъ генералъ Гурчинъ, по пріѣздѣ въ Вильну, поставилъ себя сразу же въ опредѣленные отношенія, къ польскому обществу—тоже, и никто не слышалъ, какъ онъ говоритъ по-польски, а на французскомъ языкѣ онъ стѣснялся или не хотѣлъ объясняться... Поневолѣ всѣ говорили съ нимъ по-русски, даже поляки. Старыхъ товарищей по службѣ и сослуживцевъ онъ никогда не забывалъ, въ какихъ бы малыхъ чинахъ они ни состояли; добро, ему сдѣланное, помнилъ долго, но благодарить и награждать за услуги не умѣлъ, быть можетъ, потому, что самъ былъ равнодушенъ къ наградамъ. Вообще фразы были противны этому человѣку. Тайно онъ дѣлалъ много добра и даже въ служебныя поѣздки всегда возилъ съ собою деньги «на всякій случай», для выдачи вспомошествованій. Дома, внѣ службы, онъ любилъ принять, любилъ иногда и пошутить съ гостями, былъ простъ, радушенъ съ ними, хотя нерѣдко шутка эта выходила у

него противъ воли тяжелой, обидной, а разговоръ съ нимъ всегда приходилось вести осторожно, зная, что малѣйшій переходъ на служебную почву могъ вызвать рѣзкое замѣчаніе, рѣзкую отвѣдь даже за частнымъ обѣдомъ. А затѣмъ это былъ живой примѣръ служебнаго долга для окружающихъ, примѣръ жизни для блага вѣрренныхъ ему нижнихъ чиновъ, заботливости о нихъ, лишеній, неутомимости, забвенія личныхъ вкусовъ, привычекъ и удобствъ, едва сталкивались они съ потребностями подчиненныхъ... Всегда всюду первый, исполнительный, бодрый, входящій въ мелочи нуждъ солдата, генералъ Гурчинъ все воодушевлялъ вокругъ себя, направляя къ одной цѣли—къ торжеству законности и порядка. Тѣхъ же, кто не раздѣлялъ его взглядовъ, онъ не церемонился призывать къ порядку приказаніемъ или окрикомъ. Однажды, въ разговорѣ, высказалъ онъ мнѣ простую, но часто забываемую у насъ истину: «солдаты должны знать, что ежели онъ все сдѣлалъ, что требовалось отъ него по закону и по уставу, то никто пальцемъ его не смѣетъ тронуть. Безъ этого положительно не мыслима военная служба!»

— «Какъ надо поступать по-вашему съ анонимными доносами?» — спросилъ онъ меня въ другой разъ, какъ юриста, когда кончился докладъ мой по «Красному Кресту»:—«и какъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи покойный Троцкій?»

— Я доложилъ, что по-моему нужно рвать анонимы, и что благородный Виталій Николаевичъ или бросалъ ихъ съ презрѣніемъ въ огонь, или шутливо дарилъ тѣмъ на кого они были написаны, со словами: «Поищите-ка хорошенько мерзавца-автора!»

— «Ну, а какъ говорить на ту же тему вашъ военно-судебный уставъ?»—спросилъ меня Гурчинъ. Я забылъ уставъ, а генералъ Гурчинъ его хорошо помнилъ. Оказалось, по справкѣ, что уставъ рекомендуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ давать ходъ анонимамъ и производить по нимъ даже разслѣдованіе. Тутъ Гурчинъ заявилъ мнѣ, что вполне раздѣляетъ взглядъ закона, и привелъ возможный примѣръ, когда, получивъ анонимный доносъ о важномъ готовящемся преступленіи, онъ уничтожилъ бы бумагу, и затѣмъ дѣйствительно обнаружилось бы преступленіе, стало бы извѣстно, что его своевременно, какъ командующаго войсками, предупредили, а онъ оставилъ сообщеніе безъ вниманія.

— «Конечно, честный человѣкъ, зная о преступленіи, подпишетъ свою фамилію,—пояснилъ онъ мнѣ сейчасъ же свой взглядъ:—но вѣдь не всѣ обладаютъ достаточнымъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы говорить правду и тѣмъ болѣе нести за нее послѣдствія!»

Съ легкой руки Гурчина, надо сознаться, анонимы стали быстро плодиться со всѣми ихъ грустными послѣдствіями, и часто, пріѣзжая на ревизію войскъ, находилъ онъ уже на почтѣ ждущіе его доносы; не разъ ѣхалъ онъ на смотръ только послѣ того, какъ было произве-

дено на скорую руку разслѣдованіе, и онъ зналъ, къ чему привело послѣднее. Справедливость требуетъ сознаться, что анонимы были грустнымъ явленіемъ въ командованіи округомъ генерала Гурчина.

Въ замѣчаніяхъ по службѣ, какъ я уже упомянулъ, и во время смотровъ Гурчинъ былъ рѣзокъ и беспощаденъ, и чѣмъ выше стоялъ въ служебной іерархіи виновный, тѣмъ неумолимѣе былъ съ нимъ строгій генералъ. Возражать ему тутъ же, подъ горячую руку, не запасшись справками, было опасно: у Гурчина была скверная привычка извести, допечь виновнаго. Рассказывали про случаи, когда фельдфебель не выдержалъ разноски и упалъ въ обморокъ; передавали, что не разъ офицеры дѣлались больными во время смотровъ. Ходили слухи, что кто-то гдѣ-то со страху умеръ въ строю отъ разноски...

Гурчинъ не любилъ угощеній отъ войскъ и часто, особенно послѣ одного неприятнаго случая, нарочно голодалъ цѣлый день, подъ предлогомъ, что увлеченъ смотромъ, чтобы не съѣсть приготовленнаго для него параднаго завтрака, а потомъ наѣдался сразу обильно, что вмѣстѣ съ непосильной въ его годы работою и простудами во время служебныхъ поѣздокъ и было главною причиною его внезапной болѣзни, операціи и смерти.

Куда ни являлся Гурчинъ на первыхъ порахъ,—всюду встрѣчалъ онъ безпорядки и неумолимо, быстро прекращалъ ихъ: стоитъ только прочесть приказы и приказанія его по Виленскому военному округу, чтобы убѣдиться, сколько довелось ему поработать... Отъ пытливаго, никому не довѣряющаго, опытнаго взора грознаго генерала не ускользало ничто, и въ первое время растерявшееся начальство часто оказывалось въ неловкомъ положеніи, путалось и потомъ не знало, какъ вывернуться. Расскажу случай, благодаря которому недовольные прозвали генерала Гурчина «Иродомъ, истребившимъ въ одну ночь младенцевъ мужескаго пола».

Передавали, что въ большомъ городѣ, куда Гурчинъ пріѣхалъ на ревизію, при полкахъ, на незаконныхъ началахъ, существовали команды мальчиковъ, обучавшихся музыкѣ, чтобы потомъ пополнять ими полковые оркестры. Заставъ въ одномъ изъ полковъ такую незаконную команду, Гурчинъ по обыкновенію потребовалъ справку, основаній, напумѣлъ, раскричался и велѣлъ, чтобы дѣти были возвращены родителямъ, а контракты, заключенные полкомъ съ послѣдними, немедленно уничтожены. На слѣдующій день предстоялъ смотръ въ другихъ полкахъ, гдѣ были такія же команды. И что же? За ночь дѣтей скрыли вмѣстѣ съ вещами изъ казармъ, а когда Гурчинъ сталъ наводить справки, то ему доложили, что командъ нѣтъ и не было. Такимъ образомъ, въ одну ночь были избиты «командные младенцы», а недруги Гурчина прозвали его «Иродомъ». Вскорѣ послѣ того подобныя команды, насколько знаю, были узаконены официально.

Гурчинъ любилъ, когда ему открыто въ глаза говорили правду цѣнилъ смѣлый отвѣтъ, хотя и правда не всегда избавляла провинившагося отъ непріятностей. Но мстить, преслѣдовать было не въ его натурѣ... Сплетни были противны его душѣ, и ни разу при мнѣ не осудилъ онъ за что либо покойнаго Троцкаго.

Я безпристрастно отмѣтилъ въ этой статьѣ и то, что было несимпатично въ генералѣ Гурчинѣ, что отталкивало отъ него, огорчало даже самыхъ преданныхъ ему людей. Но скажу словами писателя, генерала Роткирха, относившимися къ другому военному дѣятелю: «То была пыль на благородномъ металлѣ, свѣянная дыханіемъ смерти»...

Не забуду, въ какой ужасъ привелъ многихъ пріѣзжающихъ въ Вильну военныхъ слухъ о томъ, что командующій войсками предлагаетъ имъ запросто останавливаться въ его огромной, почти пустой, квартирѣ... И дѣйствительно... человекъ пріѣзжалъ иногда въ Вильну отдохнуть отъ службы, поужиновать «за семью мостами» отъ жены, а тутъ живи въ «Гурчинскомъ монастырѣ», какъ называли его домъ, подъ контролемъ строгаго генерала, и веди за его обѣдами и чаями бесѣды на служебныя темы!.. Было отъ чего прійти въ негодованіе... Проектъ такъ и остался проектомъ...

Передъ смертью завѣщалъ генералъ Гурчинъ все полученное когда либо отъ частей войскъ вернуть на память о немъ въ эти же части, бібліотеку передать на пополненіе бібліотеки Виленскаго военнаго собранія, кое-что изъ вещей отдать въ военный музей. Въ этомъ музеѣ, находящемся при военномъ собраніи, устроена, кромѣ того, особая витрина, гдѣ хранятся многочисленные серебряные вѣнки, возложенные на гробъ Гурчина, ленты, съ надписями отъ частей войскъ, мундиры, шашка, эполеты покойнаго. Между ними — фотографія Александра Викентьевича. Все это, по просьбѣ военнаго собранія, передалъ музею родной братъ покойнаго — Адольфъ Викентьевичъ.

Долго боролся Александръ Викентьевичъ съ недугомъ, принималъ, сидя и съ повышенною температурою, доклады, ежась отъ озноба въ своемъ обширномъ, неуютномъ кабинетѣ, и даже больной, своимъ угасающимъ, но пристальнымъ взоромъ, слѣдилъ за вѣрными ему округомъ. Наконецъ онъ слегъ. Я посѣтилъ его до операціи. Онъ видимо сознавалъ опасность своего положенія, шутливо брюзжалъ на врачей, которые держатъ его въ кровати, тяготился своей бездѣятельностью и продолжалъ неумоимо подписывать текуція бумаги... Умирающій, онъ все говорилъ о службѣ, о дѣлахъ, пытливо, недоувѣрчиво взглядываясь въ посѣтителя, точно ожидалъ уловить смертный приговоръ въ чертахъ чужого лица... Но и на смертномъ одрѣ онъ ни на кого и ни на что не жаловался, никого не винилъ въ той нравственной пыткѣ, кото-

рая встрѣтила его въ Вильнѣ. Наконецъ, Гурчина не стало, — не стало, какъ разъ въ то время, когда начали цѣнить его въ Вильнѣ, когда явились у него подчиненные, его любящіе, когда къ нему приглядѣлись, попривыкли. И, вѣроятно, легко умирать, когда знаешь, что никому-то не сдѣлалъ въ жизни сознательно зла, никого не погубилъ, пользуясь огромной властью... А такое сознание должно было быть у Гурчина, когда передъ смертью подводилъ онъ итоги прошлаго, бесѣдуя наединѣ съ собственной совѣстью...

Но возвращусь къ интересному вопросу объ отношеніи покойнаго генерала къ православію.

При первомъ же представленіи моемъ Александру Викентьевичу въ качествѣ дѣлопроизводителя мѣстнаго управленія общества «Краснаго Креста», Гурчинъ, узнавъ, что въ числѣ членовъ управленія значится и архіепископъ литовскій и виленскій, высокопреосвященный Ювеналій, преподалъ мнѣ строгій совѣтъ въ отношеніяхъ къ архіепископу по дѣламъ «Краснаго Креста» быть возможно осторожнѣе.—«Ради Бога, не поссорьте меня съ владыкой!»— были его слова. Надо же было такъ случиться, что какъ разъ съ владыкой вышло скоро недоразумѣніе по «Красному Кресту»!..

Чтобы стало понятнымъ то, что я опишу ниже, необходимо замѣтить, что за четыре года, пока я былъ дѣлопроизводителемъ, архіепископъ Ювеналій, несмотря на посылаемые ему приглашенія, ни разу не былъ въ засѣданіяхъ «Краснаго Креста», хотя числился членомъ мѣстнаго управленія. По уставу онъ давно долженъ былъ считаться выбывшимъ изъ состава управленія, какъ не посѣщающій его засѣданій, но для него при генералѣ Троцкомъ нарушали уставы, и ему попрежнему посылались повѣстки. Помню даже случай, когда виленскій римско-католическій епископъ Звѣровичъ, постоянно посѣщавшій засѣданія, спрашивалъ при мнѣ товарища председателя мѣстнаго управленія, губернатора Чепелевскаго, обязанъ ли онъ посѣщать засѣданія «Краснаго Креста» въ виду упорнаго непосѣщенія ихъ православнымъ архипастыремъ. На это Звѣровичъ получилъ осторожный отвѣтъ, что онъ, Чепелевскій, не считаетъ себя въ правѣ обсуждать поступки владыки и давать совѣты епископу, послѣ чего и Звѣровичъ пересталъ ѣздить въ засѣданія...

Едва генералъ Гурчинъ вступилъ въ исполненіе обязанностей председателя мѣстнаго управленія, какъ было назначено экстренное засѣданіе, а членамъ управленія, въ томъ числѣ и архіепископу Ювеналію, были разосланы официальные приглашительныя повѣстки, форма которыхъ была выработана задолго до меня, и на которыя никто (въ томъ числѣ и владыка, получавшій ихъ при генералѣ Троцкомъ) никогда не обижался. Но стоило во главѣ мѣстнаго управленія «Краснаго Креста» стать католику-Гурчину, какъ отношенія къ повѣсткамъ круто измѣнились. Скоро послѣ

посылки повѣстки архіепископу Ювеналію получилъ я отъ него большой опечатанный конвертъ. Въ конвертъ былъ вложенъ чистый листъ дорогой почтовой бумаги, а въ листѣ находилась повѣстка (кстати сказать, написанная не мною, а моимъ писцомъ, по разъ заведенному для всѣхъ одинаковому шаблону). На повѣсткѣ, за полной подписью владыки, была его собственноручная резолюція оскорбительнаго для меня содержанія по поводу формы повѣстки, а затѣмъ стояла приписка за новой подписью о томъ, что владыка въ засѣданіи не будетъ. Я хорошо понималъ, что дѣло тутъ не въ формѣ, не въ размѣрахъ повѣстки (такъ какъ, повторяю, при генералѣ Троцкомъ посылались такія же); что оскорбленіе въ сущности предназначено не мнѣ, а генералу Гурчину, какъ предсѣдателю мѣстнаго управленія, католику, и рѣшилъ выждать, какого рода претензіи лично заявить владыка Гурчину при предстоявшей встрѣчѣ ихъ въ соборѣ на богослуженіи.

Если бы подобный инцидентъ случился при Троцкомъ, я ранѣе зналъ бы, какъ отнесся бы къ нему равнодушный къ такимъ мелочамъ генералъ. Да, впрочемъ, при Троцкомъ и не возникло бы такое недоразумѣніе! Тѣмъ не менѣе я не желалъ скрывать правды отъ Гурчина — и вотъ, видя, что послѣ богослуженія въ соборѣ онъ при встрѣчѣ со мною ничего не заговариваетъ о злополучной повѣсткѣ,—я рѣшилъ самъ доложить ему все откровенно. Кромѣ того, я мало зналъ еще тогда новаго командующаго войсками и не могъ, поэтому, предвидѣть, какъ отнесется онъ къ моему докладу. Признаться, я ждалъ, что Гурчинъ, прочтя уставъ и ознакомившись съ порядкомъ сношеній по «Красному Кресту», установленнымъ въ Вильнѣ многолѣтней практикою, признаетъ посланную повѣстку ненарушившей общепринятыхъ правилъ и только пожалѣетъ о случившемся недоразумѣніи именно съ владыкой, къ которому, какъ католикъ, желалъ сохранить онъ наиболѣе корректныя отношенія; но оказалось, что я ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Выслушавъ меня, прочтя повѣстку и рѣзкую отвѣдь владыки, Александръ Викентьевичъ, красный и дрожащій, долго не могъ говорить отъ негодованія и ужаса. Наконецъ, придя въ себя, онъ грозно, вплотную подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «и вы считаете себя правымъ?! Вы думаете, что принесли мнѣ радостное извѣстіе?!» Началась цѣлая исторія!.. Въ первый и послѣдній разъ услышалъ я отъ генерала, слѣпо придерживавшагося уставовъ, что для православнаго архіепископа слѣдовало нарушить даже самый уставъ, даже всѣ обычаи, принятые ранѣе въ управленіи. Когда же я заикнулся, что и при генералѣ Троцкомъ владыка никогда не бывалъ въ засѣданіяхъ «Краснаго Креста», всегда получая такія же повѣстки, и никогда не обижался; что онъ такой же членъ управленія, какъ и другіе, и для него уставъ оговорокъ и исключеній не дѣлаетъ; что служебное положеніе владыки обяза-

ваетъ его быть особенно внимательнымъ къ дѣятельности «Краснаго Креста»,—Гурчинъ окончательно вышелъ изъ себя и рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ сталъ кричать на весь кабинетъ: «Какъ?! Вы говорите, что архіепископъ Ювеналій такой же членъ, какъ и другіе!.. Вы забываете, что онъ — представитель господствующей православной религіи въ краѣ; что я, напримѣръ, провожаю его изъ собора мимо войскъ до его квартиры, чего не дѣлаю въ Вильнѣ ни для кого другого?!»...

Напрасно старался убѣдить я генерала въ томъ, что и не думалъ умалять достоинства владыки, что и не предполагалъ со стороны послѣдняго исторіи изъ-за пустой, общепринятой, шаблонной повѣстки,—наши объясненія съ генераломъ принимали все болѣе и болѣе бурный, рѣзкій характеръ, генераль суетился, ходилъ въ волненіи около стола и съ перерывами говорилъ мнѣ:

«Благодарю, благодарю васъ!.. Одолжили, порадовали!.. А я такъ просилъ васъ быть осторожнымъ и не ссорить меня съ архіепископомъ!.. Благодарю!»...

Въ концѣ концовъ мнѣ было велѣно, какъ дѣлопроизводителю, немедленно же надѣтъ мундиръ и ѣхать къ владыкѣ съ извиненіемъ отъ имени его, Гурчина. Я доложилъ, что, конечно, какъ военнотружачій, исполню приказаніе его высокопревосходительства, но поѣду къ владыкѣ, не какъ дѣлопроизводитель «Краснаго Креста», частнаго общественнаго учрежденія, въ которомъ работаю не по службѣ, а просто, какъ военный, исполняющій приказаніе начальства; что за исходъ личнаго свиданія съ владыкой я не ручаюсь, но что затѣмъ я отказываюсь отъ должности дѣлопроизводителя, на которой оскорбляютъ меня безнаказанно. Эти слова подлили только масла въ огонь, и генераль Гурчинъ пилилъ меня еще съ часъ времени. Впрочемъ, вызвавъ меня къ себѣ на другой день, Гурчинъ уже не настаивалъ на личной явкѣ моей къ архіепископу, а велѣлъ только придумать форму особаго пригласительнаго письма для будущихъ вызововъ въ засѣданія владыки. Начались совѣщанія со мной объ этой формѣ, не предусмотрѣнной уставомъ. Нечего говорить, что неблагожелатели мои, узнавшіе про инцидентъ, воспользовались столь удобнымъ случаемъ и убѣдили Гурчина, что я дѣйствительно ссору его моей безтактностью съ архіереемъ. По крайней мѣрѣ, Александръ Викентьевичъ откровенно передалъ мнѣ содержаніе бесѣды своей съ ними, назвавъ даже и этихъ лицъ, осуждающихъ мой поступокъ. Я еще разъ повторилъ желаніе мое уйти съ должности дѣлопроизводителя, но мнѣ сердито велѣно было остаться. Я узналъ затѣмъ, что Гурчинъ ѣздилъ извиняться къ владыкѣ. Выработали, наконецъ, форму особаго письма, черновики котораго должны и теперь храниться въ дѣлахъ Виленскаго мѣстнаго управленія, а самыя письма—въ бумагахъ владыки. Возникъ новый вопросъ: какъ возможно вѣжливѣе, утонченнѣе,

подписывать пригласительное письмо? Гурчинъ былъ прямо жалокъ въ этой нервной боязни получить отъ православнаго архипастыря какое либо новое замѣчаніе о неправильности сношеній по «Красному Кресту», а я послѣ всего испытаннаго нарочно заявилъ ему, что не могу подать тутъ никакого совѣта. Тогда самъ Гурчинъ выработалъ такую форму подписи: «поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ». Затѣмъ слѣдовала собственноручная приписка генерала съ выраженіемъ уваженія, преданности и подпись, которую Александръ Викентьевичъ выводилъ съ особымъ, безъ рощерка, стараніемъ; послали письмо на особой бумагѣ, въ особомъ конвертѣ, и въ отвѣтъ архіепископъ собственноручно написалъ, что въ засѣданіи не будетъ. Тѣмъ не менѣе, принеся въ засѣданіе это письмо и передавая его мнѣ, Александръ Викентьевичъ торжественно, въ присутствіи всѣхъ членовъ управленія, заявилъ: «Вотъ, когда пишутъ архіепископу вѣжливо, то онъ отвѣчаетъ на слоновой бумагѣ». Пробѣжавъ письмо и видя, что владыка все-таки не пріѣдетъ, я не удержался, чтобы гласно не подчеркнуть этого факта. И мнѣ было строго, съ неудовольствіемъ, замѣчено: «съ вами вѣдь невозможно спорить!».

Напрасно послѣ этого генералъ Гурчинъ ѣздилъ къ владыкѣ, стараясь убѣдить его пріѣхать хоть въ одно засѣданіе, напрасно унижался до того, что дѣлалъ доклады о томъ, какіе именно интересные, важные вопросы подлежатъ обсужденію. Я составлялъ ему списки вопросовъ. Когда же архіепископъ Ювеналій замѣтилъ ему однажды вскользь, что часы засѣданій для него неудобны,—Гурчинъ предложилъ назначить тотъ часъ, который укажетъ самъ архіепископъ. Поручалось и мнѣ черезъ лицо, близко стоявшее къ владыкѣ, узнать, какъ уладить вопросъ о посѣщеніяхъ засѣданій. Ничего не помогло: ни личныя приглашенія Гурчина, ни льстивыя письма съ фразою: «поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ». На нихъ слѣдовалъ немедленный, собственноручный, сухо вѣжливый отвѣтъ владыки, что въ засѣданіи онъ не можетъ быть, иногда съ указаніемъ какой либо причины (по большей части, неуважительной), иногда безъ всякихъ указаній. Всѣ эти отвѣты генералъ Гурчинъ бережно хранилъ въ своемъ письменномъ столѣ и мнѣ сначала показывалъ. Но отношенія владыки приводили его въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что теперь хорошо, по опыту, сознавалъ онъ, что въ исторіи, поднятой изъ-за ничтожной повѣстки, суть была, конечно, не въ повѣсткѣ. Положеніе его, съ каждымъ новымъ пригласительнымъ письмомъ, какъ командующаго войсками и главнаго представителя «Краснаго Креста», становилось не только неловкимъ, но прямо смѣшнымъ. И о послѣднихъ отвѣтахъ владыки съ отказами онъ только угрюмо сообщалъ мнѣ, какъ дѣлопроизводителю, для свѣдѣнія, но уже самыхъ отвѣтовъ не показывалъ. Однажды вызвалъ онъ меня экстренно и передалъ бесѣду свою съ

архієпископомъ Ювеналіемъ, въ которой послѣдній сообщилъ ему о томъ, что, будучи архіереемъ, чуть ли не въ Курскѣ, онъ самъ былъ предсѣдателемъ мѣстнаго управленія «Краснаго Креста». Отсюда Александръ Викентьевичъ заключилъ, что владыка не ѣздитъ въ засѣданія, обиженный, не желая, чтобы предсѣдательствовалъ онъ, католикъ... Гурчинъ высказался при этомъ въ томъ смыслѣ, что съ охотою готовъ сложить съ себя званіе предсѣдателя, если владыка согласится встать во главѣ управленія. Но переговоры, которые велись въ этомъ направленіи, тоже ни къ чему не привели. А когда однажды я подчеркнулъ Гурчину, что напрасно негодовалъ онъ на меня за инцидентъ съ повѣсткой,—онъ только промолчалъ и сердито подписалъ письмо съ фразою: «поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ». Это было послѣднее письмо съ такой прибавкой. Въ слѣдующій же разъ, когда принесъ я новое заготовленное письмо, Александръ Викентьевичъ съ неудовольствіемъ, жолчно спросилъ меня: «кто это научилъ васъ, полковникъ, написать «святыя молитвы»? И что это за «святыя молитвы»?» Я доложилъ, что форму письма придумалъ онъ же, генералъ Гурчинъ. «Это вы снова меня подвели, не предупредили!»—замѣтилъ угрюмо Александръ Викентьевичъ. Мнѣ велѣно было переписать бѣловикъ и впредь никогда болѣе не употреблять въ сношеніяхъ съ владыкою слова «святыя», а просто «поручая себя молитвамъ вашимъ». Стали посылаться письма въ новой редакціи, но и на нихъ являлся обычный, уклончиво-вѣжливый отвѣтъ владыки, что въ засѣданіи онъ быть не можетъ. Скоро генералъ Гурчинъ приказалъ мнѣ совершенно исключить фразу: «поручая себя молитвамъ вашимъ», и заготовить пригласительное письмо съ казенной подписью: «примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности». На это письмо не послѣдовало уже, насколько мнѣ извѣстно, никакого отвѣта. Что произошло бы дальше, какую окраску получила бы переписка между Гурчинымъ и владыкой по «Красному Кресту»,—я не знаю. Скоро не стало Александра Викентьевича, и въ могилу съ собою унесъ онъ болѣзненную тревогу о поддержаніи добрыхъ отношеній къ православному архипастырю, обиду за то, что не сумѣлъ, несмотря на всѣ усилія, добиться, чтобы владыка отнесся сочувственно къ дѣятельности мѣстнаго отдѣленія «Краснаго Креста».

Если я привожу такъ подробно всю грустно-комическую исторію съ повѣсткой и письмами, то не потому, что она имѣетъ общественное значеніе, принесла мнѣ лично много неприятностей, а лишь для того, чтобы обрисовать трагическое, подчасъ даже прямо невозможное, положеніе генерала Гурчина въ Вильнѣ, какъ католика. И тяжело, смутно становится у меня на душѣ, когда приходится поневолѣ перевернуть эту страницу недавняго прошлаго.

Разсказанное же мною можетъ и теперь быть провѣрено документами ¹⁾...

Генералу Гурчину, при жизни и послѣ смерти его, не могли простить въ Вильнѣ того, что онъ, рожденный полякомъ, католикомъ, оставался до конца дней своихъ членомъ римско-католической церкви. Этотъ упрекъ, не выдерживающій критики уже по самому своему содержанію, долженъ былъ обидно отзываться въ сердцахъ преданныхъ слугъ Россіи не православнаго исповѣданія. Авторъ приводимой въ началѣ настоящей замѣтки враждебной Гурчину статьи цитируетъ изъ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» слова извѣстнаго, почтеннаго, нынѣ уже тоже скончавшагося, дѣятеля Сѣверо-Западнаго края, оправдывавшаго запрещеніе литовскаго епархіальнаго начальства—отслужить въ православныхъ храмахъ панихиду: «Что сдѣлалъ для церкви (православной) генераль Гурчинъ, и былъ ли онъ ея сыномъ? Признавалъ ли онъ церковную власть архіерея вязать и рѣшать? Нѣтъ сомнѣнія, что на всё эти вопросы можно дать только отрицательный отвѣтъ».

Отъ католика требуется признаніе власти православнаго архіерея?!... Вотъ до чего можно договориться, дѣля русскихъ подданныхъ на «православныхъ» и «неправославныхъ». Я лично зналъ почтеннаго автора, уронившаго столь неосторожную фразу, и жаль, что не успѣлъ я познакомить его своевременно съ имѣвшимися у меня данными изъ жизни Гурчина...

Итакъ, постараюсь отвѣтить на вопросъ, поставленный такъ прямо и грозно: «что сдѣлалъ для православной церкви католикъ Гурчинъ?»

Вѣчнымъ славнымъ памятникомъ того, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Александръ Викентьевичъ, прежде всего служить многочисленныя печатныя приказанія по войскамъ Виленскаго военнаго округа по инспектированію Гурчинымъ частей войскъ за 1901—1902 г., т.-е. за время недолгаго командованія имъ войсками. Они получаютъ особое значеніе еще и потому, что Гурчинъ никогда не отдавалъ приказовъ и приказаній только для очистки совѣсти, для того, чтобы они не исполнялись. Напротивъ, зорко слѣдилъ онъ за тѣмъ, чтобы все, указаное имъ, было введено немедленно и точно въ бытъ и жизнь войска.

Обратившись къ этимъ высокопоучительнымъ документамъ, мы видимъ, что ни одинъ православный военный храмъ во время объѣздовъ генерала Гурчина по округу не остался безъ его посѣщеній и замѣчаній, безъ того, чтобы о немъ, въ руководство остальнымъ частямъ войскъ, не было упомянуто въ приказаніяхъ, тщательно редактированныхъ при личномъ участіи самого

¹⁾ Настоящая статья была написана мною задолго до смерти архіепископа Ювеналія.

Александра Викентьевича. Гурчинъ пробылъ въ Вильнѣ на посту командующаго войсками около года, и, тѣмъ не менѣе, 44 раза говорится въ приказахъ о благолѣпіи и устройствѣ православныхъ святынь.

Приведу на выборъ болѣе характерныя выдержки, не указывая ни мѣста, ни времени, ни частей войскъ (желающіе провѣрить мои слова все это найдутъ въ подлинныхъ печатныхъ документахъ). Вотъ эти выдержки о православныхъ храмахъ: «Церковь содержится очень чисто и благолѣпно. Въ виду малой вмѣстимости ея (примѣрно въ 400 ч.) слѣдуетъ наблюдать очередь въ посѣщеніи ея нижними чинами».

«Церковь содержится очень чисто и имѣетъ хорошую ризницу; свѣчной складъ для военныхъ церквей округа, повидимому, въ исправности».

«Заслуживаетъ большой похвалы то, что полкомъ устроена собственными средствами и на пожертвованія хорошая церковь, заботливо содержимая. При церкви хоръ пѣвчихъ подъ управленіемъ офицера».

«Церковь хорошо обставлена и поддерживается въ чистотѣ и порядкѣ, несмотря на отсутствіе постороннихъ прихожанъ».

«Церковь на 300—400 человѣкъ помѣщается въ весьма ветхомъ, деревянномъ зданіи, угрожающемъ разрушеніемъ. Командиру полка надлежитъ избрать мѣсто для постройки церкви и довести объ этомъ по командѣ съ представленіемъ о необходимости постройки новаго храма».

«Церковь деревянная, хорошо обставленная, но только на 140 ч., въ виду чего уже возбуждено ходатайство о постройкѣ новой».

«Церкви въ полку нѣтъ, а служба совершается передъ образомъ въ помѣщеніи № роты. Командиру полка надлежитъ войги съ ходатайствомъ о постройкѣ храма. До разрѣшенія желательно отгородить въ казармѣ соответствующую часть и устроить въ ней алтарь».

«Каменная церковь, состоящая въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства, хороша, чиста, хотя нѣсколько тѣсна. Этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ при осуществленіи проекта о расширеніи на счетъ находящейся нынѣ на второмъ этажѣ колокольни».

«Церковь тѣсна и расположена въ одномъ зданіи съ нестройвою ротою, что неудобно. Говѣтъ двѣ роты по недостатку мѣста не могутъ. Командиру полка надлежитъ войти съ ходатайствомъ о постройкѣ новой церкви. На дворѣ казармъ имѣется хорошая каменная часовня, построенная чинами № батальона въ память чудеснаго избавленія императора Александра III и членовъ царствующаго дома отъ опасности при крушеніи поѣзда близъ ст. Борки. Въ часовнѣ написаны на стѣнахъ изображенія святыхъ, но образъ

вынесенъ въ полковую церковь. Слѣдуетъ возвратить его назадъ въ эту часовню, назначить для постоянного наблюденія и ухода за нею одного нижняго чина и иногда исполнять тамъ церковныя службы, что въ особенности полезно въ виду малаго размѣра церкви и отдаленнаго расположенія ея отъ упомянутыхъ казармъ, гдѣ находится $\frac{3}{4}$ всего полка».

«Церковь на 400 ч. очень хороша, тепла, отремонтирована только въ прошломъ году и отлично содержится».

«Церковь, повидимому, очень хорошая, но не отремонтирована уже 8 лѣтъ».

«Церковь очень хорошо обставлена. Образа написаны однимъ изъ нижнихъ чиновъ».

«Церковь въ нижнемъ этажѣ, и потому своды занимаютъ въ ней много мѣста».

«Благодаря стараніямъ командира полка, сооружена прекрасная каменная церковь, половину стоимости которой составляютъ пожертвованія чиновъ полка и частныхъ лицъ; построена она была трудами нижнихъ чиновъ полка. Видимо, что всѣ служащіе въ полку приложили немало стараній къ приведенію храма своего въ прекрасное состояніе, въ которомъ онъ находится теперь. Слѣдуетъ только устроить въ окнахъ рѣшотки, тогда не будетъ надобности въ сутѣчномъ часовомъ, а достаточно будетъ ограничиваться назначеніемъ одного нижняго чина».

«Батальонная церковь благолѣпна и достаточно просторна; но расположеніе сводовъ въ ней нѣсколько неудобно, такъ какъ нѣкоторой части молящихся они закрываютъ алтарь».

«Церковь полка, сооруженная на пожертвованія чиновъ всѣхъ частей гарнизона, очень красиво и прочно построена вмѣстимостью на 1.000 чел. и вполне благолѣпна. На стѣнахъ церкви имѣются доски съ именами чиновъ, убитыхъ подъ Плевною. Желательно помѣстить также имена убитыхъ и въ прочихъ дѣлахъ. При церкви устроено гарнизонное кладбище на высокомъ песчаномъ мѣстѣ, поросшимъ хвойнымъ лѣсомъ. Оно содержится въ большомъ порядкѣ, раздѣлено на участки, обнесено оградой. Заботливость и дѣятельность благочиннаго № пѣхотной дивизіи, протоіерея Б., видна во всемъ».

«Церковь хорошо устроена, но причта при ней нѣтъ».

«Въ «Б» и «Г» осмотрѣны мѣста, предназначенныя для войсковыхъ церквей. Избранныя мѣста, повидимому, удовлетворяютъ своему назначенію».

«При сахарномъ заводѣ строится церковь, на содержаніе которой по ходатайству командующаго войсками отпущено 500 рублей».

«Церковь небольшая и подлежитъ въ скоромъ времени переносу, такъ какъ на мѣстѣ ея будетъ строиться войсковою соборъ».

«Въ крѣпости имѣется прекрасный военный соборъ, вмѣстимостью на 1.000 ч., но не достаточно теплый, вслѣдствіе плохого устройства печей».

«Крѣпостной соборъ производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Рѣзной дубовой иконостасъ, художественно исполненные образа, отличная архитектура, значительная вмѣстимость придають собору видъ величественнаго храма. Крѣпостное военное кладбище устроено хорошо. Главнымъ инженернымъ управленіемъ предложено отпустить 10 т. рублей на постройку церкви. Желательно этимъ воспользоваться и немедленно рѣшить вопросъ по постройкѣ хотя бы часовой церкви».

«Церковь устроена благолѣпно, но мала; ротные образа очень красивы и изящны».

Не правда ли, какая трогательная отеческая заботливость католика о православныхъ святыхъ?! Ничего подобнаго не прочтешь въ прежнихъ приказаніяхъ командующихъ войсками округа, православныхъ.

Не могу не привести еще одной выписки изъ приказанія:

«Офицерское собраніе въ лагерь — очень хорошее, просторное, свѣтлое, стѣльной русской постройки».

На эти выдержки скажутъ мнѣ, пожалуй, про Гурчина: «хитрый! иезуит!» Но всѣ, кто мало-мальски могъ изучить покойнаго, съ презрѣніемъ отнесутся къ подобной новой клеветѣ на него, зная, что у него, какъ и у всякаго смертнаго, были свои недостатки, но что онъ неспособенъ былъ на ложь у алтаря Божія, хотя бы и православнаго, на сдѣлки съ совѣстью.

Приведу еще нѣсколько фактовъ изъ жизни Александра Викентьевича, чтобы объяснить, почему православное духовенство города Вильны явилось, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, помолиться въ костелѣ объ упокоеніи души усопшаго.

Ни для кого изъ живущихъ въ Вильнѣ православныхъ не новость, что генералъ Гурчинъ, живя въ Вильнѣ, никогда не пропускалъ богослуженій въ высокаторжественные дни въ православномъ соборѣ, а равно и въ другихъ храмахъ, по поводу выдающихся событий. Всегда являясь первымъ къ началу богослуженія, часто даже раньше архіерея, онъ и другихъ должностныхъ лицъ пріучилъ являться туда также своевременно. Стоя въ православныхъ храмахъ, онъ подавалъ тоже всегда высокій примѣръ уваженія къ мѣсту молитвы, къ богослуженію, и никогда не занимался въ церкви, на соблазнъ простого народа, праздными, громкими разговорами, какъ это позволяютъ высокопоставленные православные... Косой взглядъ его на такихъ болтавшихъ православныхъ въ церкви часто заставлялъ ихъ прикусывать мгновенно языки. Помню, какъ одно время смѣялись въ салонахъ Вильны надъ такой аккуратностью генерала-католика, смѣялись и... поневолѣ аккуратно шли къ началу бого-

служенія, даже старались попасть на глаза строгому, примѣрному начальнику.

На первый день Пасхи мы, православные, разгавливались у генерала Гурчина, и столы, роскошно обставленные, благословилъ нарочно для того приглашенный имъ архіепископъ Ювеналій. Налицо было все православное духовенство Вильны. Для владыки были даже приготовлены особыя кушанья, но онъ, несмотря на настойчивыя просьбы хозяина остаться, — не остался, и всѣ видѣли, какъ это огорчило Гурчина, встрѣтившаго владыку у лѣстницы и проважавшаго его до подъѣзда.

Каждымъ удобнымъ случаемъ пользовался Александръ Викентьевичъ для того, чтобы открыто, всенародно выказать свое глубокое уваженіе православному храму, православному обряду, православному священнику, а посѣщая храмы, самые бѣдныя и забытыя, онъ всегда долго и ласково бесѣдовалъ съ православнымъ духовенствомъ, во время загородныхъ поѣздокъ по войскамъ округа, усаживалъ священниковъ на почетное мѣсто рядомъ съ собою при официальныхъ обѣдахъ, отъ которыхъ нельзя было отказаться, внимательно разспрашивая ихъ о нуждахъ православныхъ церквей. Впрочемъ достаточно прочесть выше приведенныя приказанія по округу, чтобы убѣдиться, насколько корректенъ онъ былъ въ этомъ отношеніи. Личныя просьбы православныхъ служителей церкви, съ которыми тѣ къ нему обращались, исполнялъ онъ всегда съ великой радостью и готовностью, конечно, въ предѣлахъ возможнаго, и ни одинъ такой проситель не уходилъ отъ него необласканнымъ, неудовлетвореннымъ...

Если, напримѣръ, въ м. Олитѣ Сувалкской губерніи построенъ при церкви каменный удобный домъ для православнаго священнослужителя, то потому лишь, что о нуждахъ будущаго священника при новой строящейся церкви вспомнилъ самъ Гурчинъ во время постройки, приказавъ немедленно подумать и о причтѣ.

При одномъ посѣщеніи Гурчинымъ загороднаго православнаго храма растерявшійся священникъ (мнѣ передавалъ это очевидецъ) не рѣшился дать вошедшему въ церковь Гурчину для цѣлованія православный крестъ. Александръ Викентьевичъ замѣтилъ это, но въ церкви промолчалъ, а когда встрѣтился позднѣе съ «батюшкой», то спросилъ его, почему обошелъ тотъ его съ крестомъ.

«Я думалъ, что вы, ваше высокопревосходительство, какъ католикъ, не примете православнаго креста», — отвѣчалъ смущенно священникъ.

— «Какъ же вы могли это думать? — мягко упрекнулъ его Гурчинъ: — развѣ крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра, не символъ спасенія всѣхъ вообще христіанъ, православныхъ и католиковъ?». — И за обѣдомъ усадилъ онъ нарочно священника возлѣ себя и дружелюбно съ нимъ все время бесѣдовалъ.

Священникъ съ восторгомъ и уваженіемъ рассказывалъ потомъ объ этой встрѣчѣ.

Когда праздновался въ Вильнѣ юбилей настоятеля Благовѣщенской церкви, протоіерея Давидовича, генералъ Гурчинъ не только явился въ полной формѣ въ церковь поздравить лично маститаго юбиляра, но посѣтилъ его затѣмъ на его скромной квартирѣ, былъ милъ, ласковъ тамъ со всѣми, очаровалъ своею любезностью.

Задолго до приѣзда въ Вильну Гурчина мы, виленцы, уже слышали, что и ранѣе, гдѣ ни служилъ онъ, всегда были у него близкіе друзья между православнымъ духовенствомъ, въ домахъ которыхъ онъ обыкновенно бывалъ запросто, заходя изъ церкви послѣ богослуженій.

Но довольно и сказаннаго...

Въ заключеніе настоящаго бѣглаго и далеко неполнаго очерка о замѣчательномъ русскомъ генералѣ-католикѣ, котораго понемногу уже забываютъ, я позволяю себѣ привести тоже прошедшую незамѣтно и забываемую рѣчь капитана Иванова, православнаго представителя 3-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, прибывшаго во главѣ особой депутаціи съ Кавказа въ Вильну специально для того, чтобы возложить вѣнокъ на могилу почившаго Гурчина отъ имени 1-й Кавказской бригады.

Вотъ эта рѣчь:

«Не зная устали, не покладая рукъ, работалъ ты весь вѣкъ свой, дорогой, незабвенный Александръ Викентьевичъ»,—говорилъ надъ могилою Гурчина Ивановъ:—«зато судилъ тебѣ Господь почить отъ дѣлъ на родинѣ своей. 16 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой разстались, но память о тебѣ у насъ неизгладима: весь укладъ нашей внутренней жизни и все, что было создано тобой, ненарушимо держится и чтится нами, какъ памятникъ тебѣ нерукотворный!.. Ты умеръ! Теперь ты превратился въ прахъ, но мощный духъ твой, тотъ духъ, который ты сумѣлъ вдохнуть и въ насъ,—пережилъ тебя, живетъ теперь въ насъ; мы имъ живемъ, его мы бережемъ, и свято мы хранимъ твои завѣты: трудиться и работать на благо родины своей, жить правдой, любить, прощать и вѣровать въ добро... Живя среди насъ, ты жизнь свою всю посвящалъ заботамъ о стрѣлкахъ; ты былъ намъ всѣмъ истиннѣ отцомъ; собою ты являлъ примѣръ, какъ надо относиться къ дѣлу, ты вдохновлялъ насъ свято выполнять свой долгъ... Сумѣлъ ты совмѣстить въ себѣ начальника и человѣка,—тотъ рѣдкій даръ, который насъ къ тебѣ такъ привязалъ, заставилъ насъ тебя любить, цѣнить и уважать... И благодарная тебѣ за все кавказская семья стрѣлковъ, скорбя душой, узнавъ о твоей кончинѣ, прислала насъ сюда, чтобъ поклониться праху твоему, сказать тебѣ послѣднее «прости» и помолиться за упокой твоей души. Спи спокойно, дорогой Александръ Викентьевичъ! Холодна подъ

тобой земля, но тепла къ тебѣ любовь, согрѣтая тобой въ нашемъ сердцѣ!»...

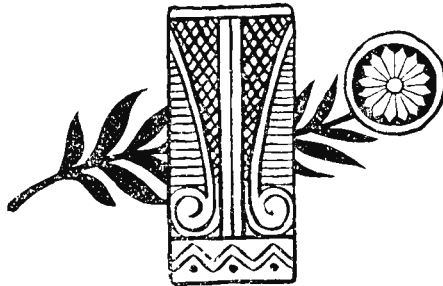
Чудныя, высоко-сердечныя слова!... Дай Богъ, чтобы о тѣхъ, именующихъ себя православными, кто зло или безумно бросалъ тѣнь на память, на прошлое «католика» Гурчина,— сказано было послѣ ихъ смерти что либо подобное!...

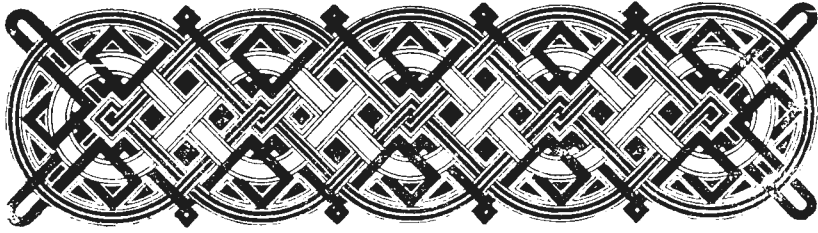
Покидая не по своей волѣ надолго, а, быть можетъ, и навсегда дорогую мнѣ Вильну, сходилъ я проститься и на могилу генерала Гурчина. Скромный памятникъ съ польской надписью высится надъ нею. Мѣсто глухое, а осенній пейзажъ наводилъ на грустныя мысли... Но всякій пышный мавзолей только портилъ бы здѣсь глубокое впечатлѣніе... Есть могилы, говорящія сердцу и уму, зовущія на подвиги во имя ближняго... И чѣмъ онѣ проще, тѣмъ громче раздается изъ нихъ духовный голосъ усопшаго...

Такова и могила незабвеннаго въ лѣтописяхъ русской арміи, достойнаго труженика и воина Александра Викентьевича Гурчина...

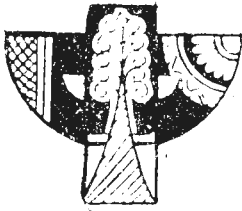
Да будетъ же ему вѣчная, вѣчная память!!..

А. Жиркевичъ.

ВОЕННОПОХОДНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ¹⁾.

ФЕВРАЛЯ 3-го я прибылъ изъ командировки въ полкъ, въ Раздольное ²⁾ и принялъ въ командованіе свою прежнюю 2-ю роту. Несмотря на стоявшіе, какъ нарочно, сильные морозы, проходилась стрѣльба съ прибывшими молодыми солдатами и запасными, производились ротныя и баталіонныя ученія... Мобилизація закончилась, хотя много еще не хватало людей до полного числа рядовъ...

6-го февраля началось выступленіе полка пятью эшелонами изъ поста Раздольнаго на станцію того же имени, а отсюда—по желѣзной дорогѣ въ Южную Маньчжурію. 7-го февраля, въ 8 часовъ вечера, долженъ былъ выступить 3-й (нашъ) эшелонъ въ составѣ четырехъ ротъ съ соответствующимъ обозомъ, и какъ разъ передъ самымъ выходомъ баталіона изъ казармъ пришли изъ города Никольска-Уссурійскаго 240 человекъ запасныхъ на укомплектованіе полка. Отправленіе поѣзда задержали часа на два, пока ихъ обмундировывали и раздавали снаряженіе и вооруженіе. Все это было заранее разложено по комплектамъ ³⁾; въ два часа запасныхъ успѣли осмотрѣть (врачъ), одѣть, снарядить, напоить, накормить и разбить по ротамъ... Командиръ баталіона и офицеры буквально сбились съ ногъ.

¹⁾ Начало своихъ воспоминаній авторъ изложилъ въ статьѣ «Владивостокскія воспоминанія» («Истор. Вѣсти», 1904, июнь), появившейся подъ псевдонимомъ.

²⁾ Село и постъ Раздольные въ 60-ти верстахъ отъ Владивостока къ сѣверу.

³⁾ Въ каждомъ узлѣ было обмундированіе и снаряженіе на 10-ть стрѣлковъ.

Наконецъ, въ 12 часовъ ночи поѣздъ съ нами отошелъ отъ станціи Раздольной; большинство людей размѣстилось въ товарныхъ, отапливаемыхъ переносными печами, вагонахъ (офицеры въ вагонѣ 3-го класса); небольшая же часть заняла холодные вагоны, что, впрочемъ, не мѣшало тепло одѣтымъ въ папахи, бродни¹⁾ и полушубки людямъ чувствовать себя хорошо тѣмъ болѣе, что наступила оттепель, и въ вагонахъ было полно... Въ теченіе пяти сутокъ движенія полка по желѣзной дорогѣ ничего особеннаго не произошло, если не считать временной остановки нашего 2-го эшелона у станціи Кундулинъ²⁾, гдѣ мы нагнали его; 2-й эшелонъ былъ задержанъ здѣсь потому, что верстахъ въ 8-ми къ югу хунхузы окружили разъѣздъ пограничной стражи; на помощь пограничникамъ выслали взводъ казаковъ изъ конвоя полевого штаба, ѣхавшаго въ поѣздѣ непосредственно передъ 2-мъ эшелонъ. Стычка кончилась ничѣмъ, по обыкновенію хунхузы отступили, замѣтивъ приближеніе противника, равнаго себѣ въ силахъ... Рано утромъ 12-го февраля краткая остановка на станціи Мукденъ. Легкій морозъ, ясно; влѣво, верстахъ въ 2-хъ, темнѣетъ паркъ вокругъ могилы перваго императора нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи; вблизи на запасной вѣткѣ стоитъ поѣздъ намѣстника русскаго императора...

Проѣзжая по мосту черезъ рѣку Хун-хэ³⁾, я обратилъ вниманіе на пушки, стоявшія на обоихъ концахъ моста, по угламъ, на особо устроенныхъ деревянныхъ платформахъ съ брустверами изъ мѣшковъ съ землей; у пушекъ—часовые, часовые и на льду подъ мостомъ; видимо, дѣло охраны⁴⁾ желѣзнодорожныхъ сооружений поставлено прочно... Въ 11 часовъ дня 12-го февраля поѣздъ подходит къ станціи Лаояну; на дебаркадерѣ—офицеры желѣзнодорожнаго баталіона, одѣтые по-мирному во всемъ чистенькомъ, и наши ранѣе прибывшихъ эшелонъ въ походной формѣ; здороваемся, роты высадились, составили ружья въ «козлы»; солдатики съ чайниками торопливо бѣгутъ за кипяткомъ въ будку, гдѣ кипятится въ кубахъ вода⁵⁾. Особо назначенныя команды разгружаютъ платформы съ обозомъ; выводятъ изъ вагоновъ лошадей; погода пасмурная, снѣгу на землѣ нѣтъ вовсе; холоду не болѣе 2°—3°.

¹⁾ Просторная кожаная сибирская обувь, дающая возможность обертывать ногу толстыми теплыми портянками.

²⁾ Южнѣе г. Харбина.

³⁾ Протекаетъ подъ самымъ городомъ съ южной стороны.

⁴⁾ Особенное вниманіе обращено на охрану дороги послѣ попытки двухъ японскихъ офицеровъ взорвать Харбинскій мостъ черезъ р. Сунгари. Попытка не удалась; забранные на мѣстѣ преступления японскіе офицеры были по приговору полевого суда повѣшены тутъ же подъ мостомъ.

⁵⁾ Въ кубахъ вода должна быть обязательно вскипячена въ приходѣ воинскихъ поѣздовъ.

Съ понятнымъ любопытствомъ всматриваюсь въ сторону города Лаояна къ востоку отъ станціи. Непосредственно къ ней примыкаетъ правильно разбитый русскій городокъ, возникшій за послѣдніе 2—3 года; всѣ дома одноэтажные, изъ темнаго китайскаго кирпича, крыты темной же черепицей—типа желѣзнодорожныхъ полуказармъ; служатъ они въ обыкновенное время помѣщеніемъ для резерва пограничной стражи (нѣсколько тысячъ солдатъ) и для желѣзнодорожныхъ служащихъ, вскорѣ¹⁾ же въ нихъ будутъ помѣщаться разные штабы и управления арміи, госпитали, склады и пр. Далѣе, верстахъ въ полтора темнѣетъ западный фасъ городской стѣны, въ этомъ мѣстѣ безъ зубцовъ²⁾. Влѣво на половинѣ разстоянія между городомъ и станціей виднѣется башня «Бей-та-сы». Основаніе башни состоитъ больше, чѣмъ изъ четырехъ сторонъ. Каждая сторона представляетъ громадный медаліонъ, въ серединѣ котораго—барельефъ, изображающій фигуру буддійскаго святого; фигуры больше человѣческаго роста. Надъ основаніемъ высится непропорціонально большой куполь, увѣнчанный металлической мандаринской шапкой съ 7-ю такими же шариками³⁾ и павлиньимъ перомъ наверху. Подобнаго вида башни (памятники-часовни) разсѣяны по всей Маньчжуріи. Онѣ ставятся въ ознаменованіе историческихъ событій и въ память знаменитыхъ лицъ. Такъ башня «Бей-та-сы» воздвигнута въ честь китайскаго вице-короля, погибшаго на этомъ мѣстѣ около 3-хъ вѣковъ тому назадъ въ жестокой битвѣ съ корейцами⁴⁾... Первый разъ я увидѣлъ бѣлый куполь «Бей-та-сы» 15-го сентября 1900 года, когда онъ служилъ точкою направленія нашей колоннѣ, наступавшей тогда съ юга на городъ Лаоянъ въ составѣ южно-маньчжурскаго отряда генералъ-лейтенанта Суботича...

Наша лѣвая колонна генералъ-майора Флейшера шла вдоль разрушеннаго боксерами полотна дороги... Какъ тогда, такъ и теперь стояла башня, и по одну сторону ея — китайскій городъ, по другую — вокзалъ. Но какая разница въ картинѣ! Теперь къ востоку, въ китайскомъ городѣ и за нимъ въ горахъ—тишина, на вокзалѣ же господствуетъ оживленіе, свойственное большимъ желѣзнодорожнымъ депо, сотни вагоновъ стоятъ на запасныхъ путяхъ; то

¹⁾ Теперь тутъ же квартира командующаго арміей.

²⁾ Зубцы и бойницы этой части городской стѣны сбиты китайцами по требованію русскихъ за то, что г. Лаоянъ принималъ живое участіе въ боксерскихъ беспорядкахъ 1900 г.: изъ-за этихъ зубцовъ китайская регулярная артиллерія стрѣляла по станціи Лаояну.

³⁾ Извѣстно, что чины и званія въ Китаѣ отличаются количествомъ и цвѣтомъ шариковъ на шапкахъ, а также вороньими, павлиньими перьями и лисьими хвостами, прикрѣпляемыми на задней части шапокъ подъ эти шарики.

⁴⁾ Здѣсь нѣкогда пролегалла граница Кореи и Китая; еще до сихъ поръ сохранился мѣстами громадный валъ, обозначающій ее, и десятки круглыхъ каменныхъ сторожевыхъ башенъ.

и дѣло подходятъ поѣзда съ грузомъ и войсками; свистятъ маневрирующие паровозы, возбуждая вниманіе среди снующихъ повсюду русскихъ солдатъ и китайцевъ; несмотря на начало военного времени, на станціи, на дебаркадерѣ, въ толпѣ много штатскихъ, замѣтны женщины, дѣти.

Тогда же, въ 1900 году, къ востоку отъ Лаояна гремѣла канонада отряда охранной стражи полковника ¹⁾ Мищенко, боровшагося тамъ въ горахъ съ китайскими регулярными войсками; съ южной стороны трещали пулеметы средней колонны ²⁾ полковника ³⁾ Артамонова... На вокзалѣ, мимо котораго шла наша колонна, царил мѣртва тишина. Мрачно смотрѣло обгорѣлое зданіе вокзала черными отверстіями оконъ, зіявшими, какъ глазныя впадины скелета, на десятокъ, другой вагоновъ и паровозовъ ⁴⁾, облупленныхъ, ободранныхъ, съ отбитыми частями, стоявшихъ кое-какъ вдоль и поперекъ на рельсахъ... Невдалекѣ отъ вокзала, около такъ называемаго, чумнаго барака ⁵⁾, послужившаго временной крѣпостью ⁶⁾ для отряда охранной стражи полковника Мищенко, валялись кости погибшихъ въ бою охранниковъ; похороненные товарищами трупы этихъ охранниковъ были вырыты послѣ отступленія русскихъ на югъ изувѣрами-боксерами и брошены на сѣденіе собакамъ...

Въ то же время на городской стѣнѣ въ деревянной клѣткѣ висѣла съ отрѣзаннымъ языкомъ и выколотыми глазами голова замученнаго китайцами инженера Верховскаго ⁷⁾.

¹⁾ Нынѣ генераль-майоръ—извѣстный начальникъ коннаго отряда въ Маньчжурской арміи.

²⁾ При этой колоннѣ находился и самъ начальникъ отряда, генераль-лейтенантъ Суботичъ.

³⁾ Тогда начальникъ штаба южно-маньчжурскаго отряда, нынѣ генераль-майоръ и командующій 8-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіей.

⁴⁾ Въ то же время около двухъ десятковъ паровозовъ лежало въ рѣкѣ Тай-дзы-хе подъ мостомъ. Китайскіе машинисты, служившіе сначала у русскихъ, потомъ сдѣлавшіеся сторонниками боксеровъ, сцѣпивъ паровозы, составили изъ нихъ два поѣзда, развели поѣзда въ разныя стороны, и потомъ пустили на всѣхъ парахъ другъ противъ друга съ такимъ расчетомъ, чтобы столкновение произошло какъ разъ на мосту.

⁵⁾ На случай появленія здѣсь часто возникающей чумы на каждой станціи имѣются чумные бараки.

⁶⁾ Здѣсь отрядъ полковника Мищенко отбивался отъ боксеровъ и китайскихъ регулярныхъ войскъ, при чемъ китайская артиллерія (въ русскомъ отрядѣ орудій не было) пала въ баракъ прямо съ городскихъ стѣнъ съ очень близкаго разстоянія (версты двѣ), что главнымъ образомъ и побудило полковника Мищенко тогда (въ началѣ іюля 1900 г.) отойти отъ Лаояна на югъ, на соединеніе съ нами.

⁷⁾ Зимой 1900—1901 гг. братья его (одинъ былъ тогда, кажется, студентомъ университета, другой, если не ошибаюсь—института путей сообщенія) пріѣзжали въ Лаоянъ отыскивать тѣло; тѣло надо было отыскать, и оно было найдено въ 90 верстахъ отъ Лаояна; отыскивать ходила цѣлая рота. Надо было отыскать тѣло еще и потому, что желѣзная дорога, въ случаѣ яснаго доказательства смерти Верховскаго, уплачивала что-то очень большую премію родственникамъ покойнаго.

Голову ему отрубили не боксеры—судилъ, пыталъ и казилъ его ти-фань-гуанъ (градоначальникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ правитель области).

Вообще администрація города Лаояна и часть жителей принимали живѣйшее участіе въ боксерскомъ движеніи, поддерживая его и деньгами и регулярными войсками... Это потому, что городъ Лаоянъ до сихъ поръ надо считать очагомъ маньчжурскаго воинственнаго патріотизма, который во времена народныхъ движеній разгорается здѣсь сильнѣе и ярче, чѣмъ, напримѣръ, въ самомъ Мукденѣ. И не удивительно, городъ Лаоянъ игралъ большую роль во время покоренія маньчжурами Китая; это очень древній китайскій городъ, прошлое котораго теряется въ сѣдой старинѣ. Исторически извѣстно, что онъ уже болѣе 1.000 лѣтъ принадлежитъ Китаю и неоднократно бывалъ столицей разныхъ династій, царствовавшихъ въ Китаѣ. Даже въ эпохи упадка своей жизни онъ все же пользовался вліяніемъ, то въ качествѣ главнаго города генераль-губернаторства, то, какъ, напримѣръ, теперь—областного города. И всегда имѣлъ важное торговое значеніе, стоя на большой дорогѣ, соединяющей Корею, нѣкогда сильное и богатое царство, съ Пекиномъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ городъ давно уже, какъ извѣстный культурный центръ, развился и, принявъ крупныя размѣры¹⁾, сосредоточилъ въ себѣ большую торговлю и солидную туземную промышленность. Въ первой половинѣ XVII столѣтія Лаоянъ былъ завоеванъ первымъ маньчжурскимъ императоромъ Тайдзу (современникомъ нашего царя Михаила Ѳеодоровича). Не взирая на мужество и храбрость китайскихъ войскъ, маньчжуры взяли городъ приступомъ послѣ кровавой сѣчи, длившейся трое сутокъ. Десятки гордыхъ мандариновъ, оставшихся вѣрными своему долгу и императору (послѣднему изъ минской династіи) и не желавшихъ жить подъ игомъ варваровъ завоевателей, покончили самоубійствомъ, найдя себѣ смерть или въ петлѣ или на днѣ колючевъ.

Тайдзу, занявъ Лаоянъ, прежде всего постарался привлечь къ себѣ китайскихъ чиновниковъ-измѣнниковъ, осыпавъ ихъ милостями, и, между прочимъ, всѣмъ прибавивъ слѣдующій чинъ.

Тогда же впервые было приказано всѣмъ не маньчурамъ подбривать на лбу волосы и отпустить косы, чтобы можно было отличать²⁾ побѣжденныхъ отъ господъ побѣдителей. До этого времени китайцы носили прическу, подобную корейской—съ кокомъ на макушкѣ. Это нововведеніе маньчжуровъ не обошлось, разу-

¹⁾ Теперь въ Лаоянѣ до 30.000 жителей.

²⁾ Теперь косы носятъ какъ китайцы, такъ и маньчжуры, которые переняли отъ китайцевъ, какъ отъ народа, выше ихъ стоящаго въ культурномъ отношеніи, языкъ, одежду и обычаи.

мѣется, безъ противодѣйствія со стороны свято чтущихъ старину китайцевъ, но побѣдители, поставивъ вопросъ ребромъ: «или съ косою или безъ головы», рубили какъ явно не покорныя головы, такъ и «безплодныя»¹⁾ у тѣхъ, у кого будто бы никакъ не могли вырости косы...

Вскорѣ послѣ паденія Лаояна былъ завоеванъ и Мукденъ; туда перенесена столица, и приступлено къ постройкѣ дворцовъ²⁾, которые достроилъ сынъ Тайдзу, Тайцзунъ, такъ какъ самъ Тайдзу умеръ въ годъ занятія Мукдена. Въ царствованіе Тайцзуна продолжались кровопролитныя войны между Китаемъ и маньчжурами; Лаоянъ при этомъ не разъ бывалъ ареной кровавой борьбы. Владѣнія маньчжуровъ подъ мощнымъ руководствомъ талантливыхъ и энергичныхъ правителей, какими были въ дѣйствительности первые маньчжурскіе императоры, достигали къ половинѣ XVII столѣтія на западѣ уже до рѣки Ляо-хэ, на востокѣ уходили въ глубь теперешней Монголіи, а на югѣ городъ Пекинъ сдѣлался столицей имперіи. Съ этого же времени начало падать политическое значеніе Мукдена³⁾ и отчасти Лаояна, хотя съ другой стороны эти города да, пожалуй, и вся старая Маньчжурія считались маньчжурами-императорами заповѣдными. Сюда до половины прошлаго столѣтія не допускались селиться китайцы изъ провинцій собственнаго Китая, что, понятно, способствовало сохраненію типа маньчжуръ, и теперь еще, несмотря на общіе для всего Китая языкъ⁴⁾, обычаи и одежду, сразу можно отличить желтоглазаго, косоглазаго и флегматичнаго китайца отъ смуглаго маньчжура съ его гордой, статной осанкой, съ его живымъ блескомъ горячихъ глазъ, почти европейскаго разрѣза. Въ жилахъ такъ называемыхъ «хунхузовъ» течетъ много чистой маньчжурской крови... И она-то гонитъ ихъ на берега богатой рѣки Ляо-хэ, а въ послѣднее время на линію русской желѣзной дороги, какъ когда-то кровь горячая да удалъ молодецкая гнала нашихъ казаковъ на вольную волюшку—на Волгу рѣку да въ степи порубежныя...

Городъ Лаоянъ заключенъ въ четырехугольникъ (версты полторы каждая сторона) высокихъ, крѣпкихъ, каменныхъ съ зуб-

¹⁾ По остроумному выраженію одного изъ маньчжурскихъ вождей.

²⁾ Эти дворцы въ настоящее время лежатъ въ развалинахъ; на мѣстѣ ихъ лѣтъ сорокъ тому назадъ выстроена часть новыхъ зданій: тронное зало съ тронномъ, пріемная зала (отдѣльныя зданія), кладовыя, гдѣ хранится много дворцоваго добра.

³⁾ Послѣдній разъ императоръ былъ въ Мукденѣ лѣтъ 100 тому назадъ, до того же императоры почти ежегодно пріѣзжали въ Мукденъ и Линкай (верстъ 150 къ востоку) на поклоненіе могиламъ предковъ.

⁴⁾ Теперь маньчжурскій языкъ можно считать «мертвымъ» языкомъ въ родѣ нашего латинскаго; на немъ пишутся лишь государственные акты да нѣкоторыя историческія сочиненія, говорить же на немъ небольшое число деревенъ, затерянныхъ гдѣ-то на границѣ Восточной Монголіи.

цами стѣнъ¹⁾ и съ башнями надъ воротами; выступы башенъ фланкируютъ подступы къ стѣнамъ.

Снаружи подлѣ воротъ къ самымъ стѣнамъ прилѣпились лачуги бѣдняковъ, къ нимъ мы теперь приближаемся, идя по образовавшейся въ самое послѣднее время улицъ вновь выстроенныхъ китайскихъ фанзъ и наскоро сколоченныхъ бараконъ разныхъ предпринимателей, тутъ «магазины», «гостиницы», есть даже баня, встрѣчается много восточныхъ «человѣковъ» съ большими носами, кинжалами и аппетитами. Это—все народъ, выдавшій виды, наприимѣръ, Сахалинъ. Изъ полутворенныхъ дверей сѣро-грязныхъ фанзъ съ окнами, завѣшенными бѣлыми занавѣсками, выглядываютъ полурасдѣтыя женщины, лица у нихъ утомленныя съ синяками подъ глазами... еврейскій язычекъ ихъ хруститъ, поздравляя господъ офицеровъ съ прибытіемъ; онѣ просятъ не забывать ихъ... «Нижнимъ чинамъ входъ воспрещается, полицеймейстеръ штабсъ-капитанъ такой-то»,—читаемъ мы заявленіе, написанное мѣломъ на дверяхъ одного такого учрежденія,—«значить, офицерамъ можно»,—шутить кто-то. Однимъ словомъ, мы идемъ черезъ чернѣйшій дворъ арміи, мимо всякихъ нечистотъ... Что дѣлать! Такова уже двойственность человѣческой природы: тамъ, впереди, на боевыхъ позиціяхъ высокіе подвиги духа... здѣсь, въ вертепахъ безшабашный разгулъ людей, можетъ быть, вчера лишь совершавшихъ эти подвиги. И да простятъ имъ тѣ, кто не испыталъ тяжести пребыванія мѣсяцами на бивуакахъ и позиціяхъ передовыхъ отрядовъ, лишенныхъ часто не только самыхъ необходимыхъ удобствъ, но и предметовъ первой необходимости... Но вотъ мы, наконецъ, съ облегченнымъ сердцемъ минуемъ это нечистоплотное мѣсто арміи. Говорю слова: «съ облегченнымъ сердцемъ», не фарисействуя, потому что громадное большинство офицерства шло на войну въ иномъ настроеніи, чѣмъ то, при которомъ требуются подобнаго рода притоны... Реакція наступитъ много позже, да для многихъ она, быть можетъ, не наступитъ вовсе.

Идемъ по каменному мосту черезъ полузаваленный мусоромъ и землей крѣпостной ровъ; изъ лавочекъ, что на обѣихъ сторонахъ моста, обдало насъ «китайскимъ духомъ»—запахомъ «черемши»²⁾ и бобоваго (кунтужнаго) масла, на которомъ здѣсь же передъ лавками жарятъ, варятъ и пекутъ всякую снѣдь для рабочаго люда. У воротъ стоитъ русскій часовой и сидитъ въ будочкѣ китайскій полицейскій. Вступаемъ въ городъ, звуки полковой музыки собрали на улицу толпу горожанъ, съ дружелюбнымъ любопытствомъ разсматриваютъ они насъ; нѣкоторые, узнавъ знакомыхъ офицеровъ,

¹⁾ Четыреугольники этихъ стѣнъ очень похожи на наши старинныя «кремли».

²⁾ Видъ чеснока, весьма любимаго китайцами; поэтому отъ нихъ всегда разитъ противнымъ запахомъ черемши.

улыбаются, подбѣгаютъ и безъ церемоніи суютъ для здорованья руки, приговаривая: «а шибко знакомый капитанъ; здраствуй, Лаоянъ ходи». Это мелкіе «купезы» (купцы)¹⁾, приказчики, бойки²⁾, познакомившіеся съ полкомъ въ зиму 1900—1901 года, когда полкъ стоялъ по квартирамъ въ Лаоянѣ. Еще до настоящаго времени сохранились вывѣски съ названіемъ улицъ³⁾ по фамиліямъ нашихъ офицеровъ, напримѣръ, «Хабаловская».

Квартирьеръ-офицеръ при помощи русскихъ полицейскихъ солдатъ разводитъ роты по квартирамъ. На долю 2-й роты достался постоянный дворъ, обширный, но загаженный и почти безъ бумаги въ окнахъ⁴⁾ помѣщеній... Это значило, что температура въ помѣщеніи та же, что и снаружи... правда, холоду не болѣе 2°—3°, но все же зову артельщика и хозяина-китайца и велю китайцу показать лавку, гдѣ продаютъ бумагу для заклейки оконъ, а артельщику—немедленно купить; приказываю къ колодцу съ хорошей водой поставить часового, вырыть отхожія мѣста, указываю мѣста для ротнаго обоза, кухни⁵⁾. Явились «переводчики»⁶⁾, т.-е. китайцы, жившіе въ Уссурійскомъ краѣ, Пріамурьѣ; они предлагаютъ: «солома-пайза (пайзовая), солома-чумиза (чумизная), гаолянно картошка», и за все запрашиваютъ втридорога. Приказываю фельдфебелю взять лишь необходимое на нынѣшній день, завтра справимся о цѣнахъ на рынкѣ, въ полиціи⁷⁾. Устроивъ по возможности роту, вхожу въ офицерское помѣщеніе; мои офицеры сидятъ, понуря головы.

— «Ничего,—утѣшаю ихъ:—могло быть и хуже, если бы насъ прямо поставили въ чистомъ полѣ или на позицію, а тутъ мы все-таки...—хотѣлъ было сказать «въ теплѣ», да, оглядѣвшись, поправился и сказалъ: «подъ кровомъ».

¹⁾ Настоящіе купцы держатъ себя съ большимъ достоинствомъ.

²⁾ «Бойка»—витаецъ-прислуга.

³⁾ Главныя улицы Лаояна называются: «Николаевская», «Суботичевская», «Флейшерская»: на ней генераль Флейшеръ упалъ съ лошади, испугавшейся залпа китайской засады.

⁴⁾ Въ китайскихъ домахъ оконъ въ нашемъ смыслѣ слова нѣтъ, а вся передняя стѣна (иногда и задняя) состоитъ изъ рамъ, между столбами, подпирающими крышу, съ частымъ переплетомъ; на этотъ переплетъ наклеивается особаго сорта прочная бумага, мало подвергающаяся дѣйствию сырости, но пропускающая достаточно свѣта; рамы эти поднимаются на петляхъ кверху. Въ послѣднее время китайцы начали вклеивать въ такія бумажныя окна небольшіе четырехугольные кусочки стекла.

⁵⁾ Въ каждой ротѣ есть походная кухня, въ которой пища варится и на походѣ.

⁶⁾ Эти переводчики—большое зло: пользуясь знаніемъ русскаго языка, они именемъ русскихъ эксплуатируютъ туземное населеніе, особенно при поставкахъ разнаго рода предметовъ довольствія для войскъ.

⁷⁾ Со времени занятія города въ 1900 г. существуетъ наравнѣ съ китайской и русская полиція; обязанности чиновъ полиціи исполняютъ строевые: офицеръ и стрѣлки.

Мы занимали отдѣленіе постоялаго двора, назначенное для чистой публики, или для господъ, но господа здѣсь останавливались, надо полагать, не важные, потому что занятое нами помѣщеніе почти ничѣмъ не отличалось отъ сосѣдняго (гдѣ теперь находились стрѣлки) для простого народа: тѣ же закоптѣлыя стѣны, глинобитный полъ¹⁾, отсутствіе потолка²⁾ обнаруживало стропила и поперекъ ихъ основаніе крыши—плотно пригнанные другъ къ другу стебли гаоляна. По одну сторону комнаты—канъ³⁾ съ подтопкой изнутри⁴⁾, только окна исправнѣе, бумага прорвана въ немногихъ мѣстахъ, есть даже кусочекъ стекла, вклеенный по срединѣ, но зато сквозь щели и пазы оконныхъ рѣшетокъ несло снаружи холодомъ, а между двумя плохо пригнанными верхними бревнами былъ виденъ «бѣлый свѣтъ»; черезъ щели и дыры тонкой перегородки, наполовину изъ дерева, наполовину изъ бумаги, отдѣлявшей насъ отъ солдатъ, и въ скважины неплотно прикрывавшейся двери (выходить на дворъ надо было черезъ солдатское помѣщеніе) проходилъ оттуда всякій звукъ, но это было бы еще ничего, но и всякій крѣпкій русскій духъ (особенно потомъ, по ночамъ). Позвалъ снова хозяина, далъ ему рубль и попросилъ, чтобы онъ, купивъ оконной бумаги, самъ или его китайцы оклеили рѣшетки позимнему, т. е. съ обѣихъ сторонъ. Попросилъ также затопить канъ; китаецъ наложилъ въ него каменнаго угля⁵⁾ пополамъ съ глиной⁶⁾ и поджегъ гаоляномъ, уголь разгорѣлся, фанза наполнилась удушающимъ сѣрнымъ запахомъ⁷⁾, по ней заходили облака синеватаго дыма; солдатики съ своей стороны, чтобы согрѣть ихъ помѣщеніе и «сварить» чай, также затопили каны. Неисправные каны задымались, мы начали кашлять, чихать и поскорѣе одѣваться; выходъ изъ нашего положенія былъ единственный—на дворъ, что и не преминули сдѣлать, приказавъ вѣстовымъ открыть настежь еще не совсѣмъ заклеенныя оконныя рамы... Пошли въ городъ бродить по русскимъ и по китайскимъ съ европейскими товарами лавкамъ. Въ одной изъ нихъ увидѣли переносную желѣзную печку, спросили цѣну; китаецъ запросилъ что-то очень дорого. «У меня есть двѣ небольшія чугуныя печечки по 7 рублей штука; при каждой по два колѣна трубъ, если вамъ угодно, могу продать»,—

1) Въ болѣе или менѣе благоустроенныхъ фанзахъ полъ обыкновенно каменный, изрѣдка деревянный.

2) Потолки въ городскихъ фанзахъ—также явленіе обыкновенное; правда, они бумажные, но отъ этого холоднѣе въ фанзахъ не бываетъ.

3) Канъ—лежанка, тянущаяся вдоль всей комнаты.

4) Въ хорошихъ фанзахъ топятъ со двора.

5) Уголь лежалъ тутъ же въ комнатѣ, въ углу.

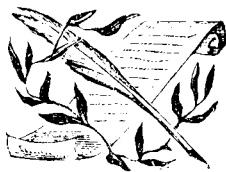
6) Китайцы кладутъ уголь съ глиной во избѣжаніе сильнаго жара въ канахъ, сдѣланныхъ изъ необожженнаго кирпича, глины и дерева.

7) Уголь плохого качества содержитъ сѣру.

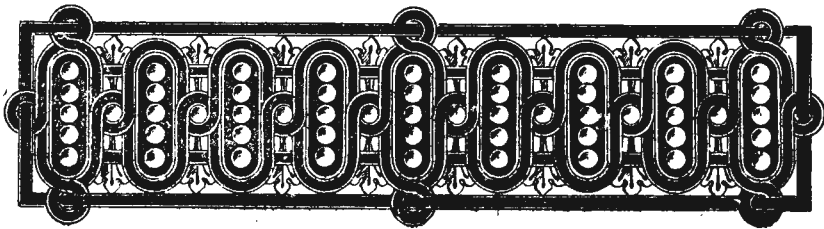
говорить какая-то юркая личность въ пальто, съ бородкой клиномъ и съ сильнымъ сивушнымъ запахомъ. «Гдѣ же вы живете?»— «А за станціей, тамъ у меня баня для солдатиковъ, по гривеннику съ персоны, а коли ежели для господъ, то номера»... личность не договариваетъ чего-то, но, хитро прищурясь, сладко улыбается. Условились, что я приплю завтра за печкой.

Вечеромъ припли молодые солдаты по 40 человекъ въ роту; спать уложили ихъ прямо на полъ на снопы гаоляна, спали вповалку, въ полушубкахъ, не раздвываясь, хотя, благодаря во время заклееннымъ окнамъ и тѣснобъ, температура въ эту первую ночь, думаю, не была ниже 4°—5° въ ихъ помѣщеніи; въ нашемъ же офицерскомъ, вѣроятно — 0°, потому что денщики, провѣтривая «комнату», настудили, да и канъ больше дымилъ, чѣмъ давалъ тепла. Въ слѣдующіе дни продолжали приспособливать постоянный дворъ для жилья, и вмѣстѣ начались усиленные занятія съ запасными и особенно съ молодыми, которые, сознавая положеніе, занимались такъ охотно и со вниманіемъ, что усваивали въ недѣлю, на что въ обыкновенное время потребовались бы мѣсяцы. Когда въ началѣ марта корпусный командиръ, генералъ-лейтенантъ Сахаровъ¹⁾, дѣлалъ полку смотръ, то, оставшись доволенъ, сказалъ, между прочимъ: «я не могъ отличить запасныхъ и молодыхъ отъ кадровыхъ—такими молодцами всѣ смотрять». Только теперь дивизія была укомплектована и готова къ походу; черезъ нѣсколько дней полки эшелонами по желѣзной дорогѣ двинулись въ Ташичао. Отъ нашего, какъ отъ шефскаго и перваго, полка осталась временно въ Лаоянѣ рота Его Величества для почетнаго караула къ ожидавшемуся приѣзду командующаго арміей, генералъ-адъютанта Куропаткина.

И. Е. Ивановъ.

¹⁾ Нынѣ начальникъ штаба маньчжурской арміи; командиръ 1-го Восточно-Сибирскаго армейскаго корпуса—генералъ-лейтенантъ баронъ Штакельбергъ.

АСОВСКОЕ СМЯТЕНЬЕ ¹⁾.

(1880 г.).

—
V.

ПОСТОКЪ едва заалѣлъ, какъ меня разбудилъ шумъ и гомонъ народа на улицѣ. Быстро вскочивъ съ постели, я подошелъ къ окну и увидѣлъ около волостного правленія толпу крестьянъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Тутъ были и сѣдобородые старики, опирающіеся на палки, и рыжіе мужики среднихъ лѣтъ, и совсѣмъ молодые безусые парни. Разбившись на отдѣльныя группы, они оживленно бесѣдовали, азартно жестикулируя и указывая порою на мою избу. Рѣчь шла, очевидно, обо мнѣ.

Признаюсь, сердце у меня дрогнуло. Жутко стало отъ мысли, что сейчасъ я, безоружный, долженъ буду, какъ сквозь строй, пройти среди этой толпы полудикихъ, грубыхъ людей, несомнѣнно встревоженныхъ нелѣпыми, Богъ вѣсть къмъ пущенными слухами, и несомнѣнно озлобленныхъ уже заранѣе на меня, безвиннаго. И какъ ихъ разубѣдить, гдѣ найти понятныя всѣмъ имъ, простыя слова, которыя бы разсѣяли это смятеніе умовъ, успокоили ихъ бессмысленную тревогу?

Я взялъ полевой бинокль, и толпа стала у меня, какъ на ладони. Наблюдая ее изъ-за оконнаго косяка, я замѣтилъ, что осо-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 106.

бенно жестикулируютъ, перебѣгая отъ одной группы крестьянъ къ другой, три человекъ. Одинъ изъ нихъ былъ иконописный старикъ въ сермягѣ и новыхъ липовыхъ лаптяхъ. Такіе старики сидятъ обыкновенно на пасѣкахъ, или ходятъ со сборами на храмъ Божій. Другой походилъ на отставного солдата. Лицо у него было непріятное, изрытое оспой, и глубокий рубецъ бороздилъ его правую щеку. Въ третьемъ же я узналъ волостного старшину. Со свойственной ему привычкой онъ шмыгалъ въ толпѣ, какъ-то крадучись, руками не размахивалъ, но крестьяне выслушивали его едва ли не внимательнѣе, чѣмъ иконописнаго старика и отставного солдата.

— Коноводы!—сообразилъ я:—что-то они замышляютъ? Какими новыми небылицами смущаютъ довѣрчивый, темный народъ?..

Вдругъ толпа шарахнулась въ сторону и снимала шапки; къ волости подкатила красивая коляска, запряженная тройкой взмыленныхъ вороныхъ коней. Старшина живо надѣлъ должностную цѣпь и со всѣхъ ногъ кинулся къ вышедшему изъ экипажа представителю господину, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ.

— Приѣхалъ мировой посредникъ, не опоздалъ, слава Богу. Авось при немъ сходъ пройдетъ спокойно!—подумалъ я, продолжая мои наблюденія.

Поговоривъ со старшиной нѣсколько минутъ, посредникъ махнулъ рукой ямщику и пѣшкомъ направился къ моей квартирѣ. Отскочивъ отъ окна, я едва успѣлъ наскоро одѣться и разбудить Балдаревскаго, какъ Хмелевскій безъ церемоніи вошелъ въ нашу свѣтелку.

На видъ ему было лѣтъ 45. Онъ носилъ длинные, зачесанные назадъ «en artiste» волосы, усы, закрученные въ струнку, и остроконечную эспаньолку. Наружностью онъ вообще смахивалъ не то на престижатора, не то на художника-итальянца, но добродушная улыбка его была совсѣмъ русская. Одѣтъ посредникъ былъ въ безукоризненную франтовскую визитку, на рукахъ у него было нѣсколько колецъ съ разными драгоценными камнями, а въ галстукъ воткнута была булавка съ крупной жемчужиной.

— Рекомендуюсь—Хмелевскій!—сказалъ онъ, распаркавшись передъ нами,—Викторъ Аполлоновичъ Хмелевскій, здѣшній мировой посредникъ. Торопился сюда по вашему вызову, какъ на пожаръ, и поэтому не спалъ всю ночь напролетъ. Вчера, знаете ли, были у меня гости; ну, натурально, въ картишки перекинулись, засидѣлись, такъ я и не ложился, а прямо сюда махнулъ.

— Ахъ, Боже мой, простите, что я побезпокоилъ такъ не во время,—извинился я.

— О, пожалуйста, не извиняйтесь; мнѣ это въ привычку. Вздремнулъ немного въ коляскѣ, а теперь, если дадите мнѣ стаканъ чаю да еще, быть можетъ, съ коньякомъ, коли водится у васъ сей нектаръ, такъ я и совсѣмъ буду, какъ встрепанный.

Коньякъ въ хозяйствѣ нашемъ нашелся, Матрена подала самоваръ, и Хмелевскій расположился благодушествовать.

Я въ краткихъ словахъ сообщилъ ему о моихъ опасеніяхъ за благополучный результатъ нынѣшняго схода, рассказалъ о нелѣпыхъ слухахъ, циркулирующихъ среди крестьянъ, и подѣлился моими наблюденіями изъ-за оконнаго косяка. Ко всему этому Хмелевскій отнесся, однако, довольно легкомысленно.

— Вздоръ! Въ Асовѣ народъ смирный. Вотъ въ Урминской волости, гдѣ настоящіе киржаки, дѣйствительно могутъ быть волненія, а здѣсь, почти подъ городомъ, крестьяне не такъ ужъ дики. Есть немало и грамотныхъ. Я имъ внушу, не безпокойтесь. А коноводовъ этихъ я знаю. Старикъ въ липовыхъ лаптяхъ—мельникъ Архипъ Ласточкинъ изъ Пименовскаго выселка; онъ дѣйствительно киржакъ и начетчикъ, спасался даже въ какомъ-то скиту, да, вѣрно, не понравилось, и недавно онъ снова сталъ мельничать. Рябой солдатъ даже не здѣшней волости. Зовутъ его Ипатомъ Рябцовымъ. Онъ безземельный бобыль и хочетъ жениться въ Асовѣ на какой нибудь бездѣтной вдовѣ съ тѣмъ, чтобы общество дало ему надѣлъ ея покойнаго мужа. Что же касается старшины, то я давно не доволенъ этимъ двуличнымъ мужикомъ. За нимъ немало грѣховъ, и онъ мнѣ сразу за все отвѣтитъ.

— Однако вы отлично знаете здѣшнихъ крестьянъ,—удивился я.

— Я-то?—самодовольно улыбнулся Хмелевскій:—какой же бы я былъ посредникъ, если бы не зналъ крестьянъ моего участка! Сдѣлайте одолженіе, не только большинство ихъ по именамъ знаю, но и всю подноготную ихъ могу рассказать.

— «Ну,—подумалъ я:—съ такимъ посредникомъ не пропадешь. И если онъ такъ веселъ и спокоенъ, нѣтъ причинъ и мнѣ волноваться».

— Однако не пора ли намъ на сходъ?—сказалъ я ужъ громко:—крестьяне, кажется, въ сборѣ.

— Чортъ съ ними, подождутъ!—отвѣтилъ Хмелевскій, наливая новый стаканъ чая и усердно сдобривая его коньякомъ.—Знаете ли, даже лучше начать попозже,—продолжалъ онъ:—пусть крестьяне утомятся и проголодаются, тогда и сходъ будетъ сговорчивѣе. А мы тѣмъ временемъ побесѣдуемъ въ пріятной компаніи. Люблю поговорить съ молодыми образованными людьми. Живу въ глуши, и рѣдко выпадаетъ на мою долю такое счастье. Занесла меня судьба въ здѣшнюю труппу, а вѣдь я московскій студентъ и студентомъ до сѣдыхъ волосъ остался. *Gaudeamus igitur* и прочее!

— Да вѣдь крестьяне рабочее время теряютъ, у нихъ страда теперь,—рискнулъ я снова замѣтить.

— Э, мало ли они теряютъ времени на разнаго рода праздники, которыхъ и въ святахъ нѣтъ! Впрочемъ, если ужъ вамъ такъ

не терпится, пойдѣмъ, пожалуй... Я вотъ только стаканъ свой допью.

Стаканъ, однако, онъ допивалъ медленно, болтая тѣмъ временемъ безъ умолку. Сообщилъ, что онъ родился и воспитывался въ Москвѣ, что получилъ отъ отца порядочное имѣніе, женился по страстной любви на бѣдной, но очень красивой дѣвушкѣ, и занялся въ своей деревнѣ хозяйствомъ, но послѣ эмансипаціи крестьянъ разорился и похоронилъ красавицу-жену, которая оставила ему двухъ сыновей. Сообщилъ, что перебивался затѣмъ кое-какъ, занимаясь частными дѣлами, женился вторично на женщинѣ, которую «очень уважаетъ», и поступилъ наконецъ по протекціи родственника жены—губернатора, на государственную службу.

— Сыновья мои оба уже офицеры и порядочно таки мнѣ стоятъ,—откровенничалъ Хмелевскій:—оба они въ одномъ полку, расположенномъ близъ Москвы, а я вотъ здѣсь съ женою и маленькой дочуркой, родившейся всего годъ назадъ. Купилъ хуторокъ въ шести верстахъ отъ Кунгура, своимъ-то домкомъ все пріятнѣе жить; милости прошу ко мнѣ, господа, погостить и пріятно провести время. У меня и поваръ не дурень, и вино порядочное найдется, не чета Турбильоновскому хересу... Пробовали вы его?

— Пробовалъ,—улыбнулся я.

— Ядовитый напитокъ!.. Вахрамеевъ, хересу!—крикнулъ онъ голосомъ исправника и такъ похоже, что я даже оглянулся, не вошелъ ли самъ Турбильонъ. Хмелевскій залился веселымъ смѣхомъ.

— Ха-ха-ха! Не правда ли, похоже? У меня, знаете ли, звукоподражательный талантъ. Кромѣ того, я порядочно играю на флейтѣ и рисую, какъ дилетантъ, конечно. Пріѣзжайте ко мнѣ, и мы помузицируемъ, я вамъ покажу мои рисунки, а затѣмъ можно будетъ и въ картишки перекинуться. Въ винтъ-то вы играете?

И я, и Балдаревскій заявили, что играемъ.

— Вотъ и великолѣпно. Карты—моя страстишка. Всегда чортовски не везетъ, но не могу себѣ отказать въ этомъ удовольствіи... Да вотъ что, не сыграемъ ли мы и теперь, хоть три роббера, съ болваномъ? Карты у меня есть; всегда, знаете ли, вожу съ собой, чтобы хоть гранъ-пасьянсъ разложить на досугъ отъ скуки.

Я, однако, наотрѣзъ отказался, и еще разъ напомнилъ, что насъ ожидаютъ крестьяне.

— Охъ, какой вы ретивый!.. Ну, хорошо, хорошо, сыграемъ послѣ схода. Пойдемте!

— Служьте, и я съ вами,—сказалъ Балдаревскій. Мировой посредникъ, очевидно, и на него подѣйствовалъ успокоительно, и таксаторъ мой забылъ о вчерашнихъ своихъ страхахъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ не забылъ незамѣтно сунуть себѣ въ карманъ заряженный револьверъ. Я взялъ фуражку, по привычкѣ

надѣлъ перчатки, оберегая руки отъ пыли и укусовъ комаровъ, и мы вышли наконецъ изъ избы.

До волостного правленія было всего нѣсколько шаговъ. Завидѣвъ насъ, толпа разступилась, давая намъ дорогу. Разговоры затихли. Всѣ крестьяне, стоявшіе на нашемъ пути, поспѣшили снять шапки. Одинъ глуповатаго вида парень позамѣшкался, но Хмелевскій концомъ своей трости мигомъ сбиль шапку съ его головы.

— Ты что же э-э... того... и шапки передъ начальствомъ не ломаешь? Не знаешь меня, что ли?

Парень поднялъ шапку съ земли и потупился.

— Отвѣчай, кто я такой!

— Посредственникъ,—пробормоталъ парень.

— Дуракъ! Посредникъ, а не посредственникъ. Посажу въ каталажку, такъ будешь знать.

— Келькефуа иль фо де ля северитэ авекъ сэ жансъ,—замѣтилъ онъ въ мою сторону на французско-нижегородскомъ нарѣчій.

Затѣмъ, до крыльца волостного правленія мы дошли безъ дальнѣйшихъ приключеній. Здѣсь я, повернувшись лицомъ къ народу и стараясь говорить какъ можно громче, сказалъ, что поземельно-устроительныя работы, для которыхъ я пріѣхалъ, должны быть произведены на основаніи высочайшаго указа 24 ноября 1866 года, что работы эти будутъ заключаться въ отграниченіи земель, состоящихъ нынѣ въ пользованіи каждаго отдѣльнаго селенія, отъ казенныхъ земель и лѣсовъ, а также отъ угодій сосѣднихъ селеній, что никто не будетъ обиженъ и не утратитъ ни одной пяди своей земли, а, наоборотъ, при малоземельѣ имѣетъ право просить о дополнительномъ надѣлѣ, и ходатайство его будетъ разсмотрѣно и, при наличности свободной казенной земли, уважено. Сказалъ далѣе, что платимыя въ настоящее время крестьянами государственныя подати отнюдь не будутъ повышены, а напротивъ того, судя по качеству почвы, вѣроятно, значительно понизятся, что по окончаніи землемѣрныхъ работъ крестьяне получатъ на свои надѣлы владѣнныя записи и планы, въ которыхъ будутъ подробно обозначены пространство и границы земель ихъ и лѣсовъ, всѣ мірскія оброчныя статьи, а равно количество оброчной подати за отведенныя земли и лѣсного налога за лѣсные надѣлы.

— До меня дошли слухи,—закончилъ я,—что нѣсколько злонамѣренныхъ лицъ смущаютъ васъ нелѣпыми толками, разными бессмысленными выдумками. Не вѣрьте имъ! Вы должны вѣрить не тѣмнымъ проходимцамъ и всякимъ смутьянамъ и обманщикамъ, а вашему начальству, поставленному надъ вами правительствомъ. Здѣсь присутствуетъ вашъ мировой посредникъ, котораго всѣ вы знаете, и который, съ своей стороны, подтвердитъ вамъ, что землеустроительныя работы клонятся къ вашей же пользѣ, что произ-

водятся онѣ на точномъ основаніи законовъ; исполнять же безпрекословно законы есть долгъ и священная обязанность каждаго вѣрнаго слуги нашего царя-батюшки. Такъ-то, ребята! Изберите же изъ своей среды уполномоченныхъ для присутствованія при межевыхъ работахъ и указанія землемѣрамъ границъ вашихъ владѣній, и благословясь начнемъ работать съ завтрашняго дня.

Во все продолженіе моей рѣчи стояла мертвая тишина. Крестьяне тѣснымъ кольцомъ окружили крыльцо волостного правленія, задніе ряды напирали на передніе. Всѣ съ застывшими лицами напряженно смотрѣли на меня во всѣ глаза; но мнѣ почему-то чувалось, что они плохо меня понимаютъ и даже не вслушиваются, не хотятъ вслушиваться въ мои слова, а просто въ меня всматриваются, изучаютъ мои лицо и голосъ. Глядя на толпу, я чувствовалъ, что сначала она ждала отъ меня чего-то необычайнаго, чего-то такого, что должно было испугать ее и поразить; но, по мѣрѣ приближенія моей рѣчи къ концу, напряженіе ослабѣвало, и крестьянскія лица принимали холодное, сухое выраженіе.

Когда я кончилъ, Хмелевскій заложилъ правую руку за бортъ своей визитки, крикнулъ и, очевидно, тоже хотѣлъ обратиться съ рѣчью къ крестьянамъ, но ему не дали сказать ни слова.

— На старыя права!—вскрикнулъ дребезжащій старческій голосъ.

— На старыя права!—подхватила толпа сотнями голосовъ.

Шумъ и гамъ поднялся невыразимый.

— Не желамъ межеваться!

— Ты столбы ербомъ клейми, а не то, что!..

— Не допускать чиновниковъ до нашей земли!

— На старыя права!—вопили вокругъ насъ крестьяне.

— Это что такое? Молчать!—заревѣлъ Хмелевскій, но никто его не слушалъ.

Крики перешли въ сплошную гулъ. Толпа, невыносимо галдя, надвинулась волною и подступила къ намъ почти вплотную. Кто-то близъ насъ взмахнулъ надъ головою палкою...

Хмелевскій, весь красный и растерянный, оглянулся и сталъ пятиться къ дверямъ волостного правленія. Балдаревскій, наоборотъ, поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и судорожно схватился рукою за правый карманъ, намѣреваясь вытащить свой револьверъ.

— Что вы, съ ума сошли!—шепнулъ я ему, и, быстро выхвативъ изъ своего бокового кармана какую-то бумагу, взмахнулъ ею и закричалъ:

— Смирно, братцы! Шапки долой и слушать: я вамъ прочту высочайшій указъ государя императора! Смирно!

Слова эти произвели магическое дѣйствіе. Гамъ и шумъ смолкли почти моментально, и я, среди воцарившейся тишины, внятно и громко прочиталъ высочайшій указъ 24-го ноября 1866 года, глядя

на листъ чистой бумаги. Къ счастью, указъ этотъ я зналъ наизусть, почти дословно.

Незамѣтно отступая въ это время къ дверямъ волостного правленія, я послѣднія слова указа договорилъ уже на порогѣ, а затѣмъ быстро переступилъ порогъ и захлопнулъ за собою дверь. За нею вновь раздались крики: «на старья права!»; но никто меня не преслѣдовалъ. Въ волости я засталъ ретировавшихся сюда еще при началѣ чтенія указа Балдаревскаго и Хмелевскаго. Таксаторъ крутилъ въ смущеніи папиросу, а посредникъ, очень взволнованный, жестоко распекалъ старшину.

— Какъ ты смѣлъ допустить на сходѣ такой безпорядокъ! Да я тебя!..

— Ваше высокоблагородіе, помилуйте, да нешто я причиненъ?.. Сами видите, какой народъ несуразный; что же я могу?.. Я докладывалъ господину производителю работъ, что большой шумъ будетъ,—оправдывался волостной старшина.

— Поставить у дверей двухъ сторожей и никого не впускать въ правленіе безъ моего приказанія! Сходъ распусти немедленно!— отдавалъ распоряженія Хмелевскій.

— Скажи крестьянамъ,—сказалъ я,—что такъ какъ они только галдятъ безъ пути, то я не могу разговаривать со всѣми. Пусть они выберутъ нѣсколько человѣкъ потолковѣе, и приведи этихъ выборныхъ сюда—я съ ними поговорю, объясню имъ все подробно... Да вотъ что, приведи сюда мельника Архипа Ласточкина и отставного солдата Ипата Рябцова.

— Кого-съ?—переспросилъ съ недоумѣніемъ старшина.

— Ласточкина и Рябцова.

— Такихъ у насъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—набросился на старшину нѣсколько, какъ будто, сконфуженный Хмелевскій:—мельникъ Архипъ изъ Пименовскаго выселка, а солдатъ Ипать, рябой такой...

— Въ Пименовскомъ выселкѣ, ваше высокоблагородіе, и мельницы нѣтъ; къ намъ ѣздятъ молотъ, значитъ... откуда тамъ быть мельнику? а рябого солдата опять же я не знаю.

— А-а, ты ихъ укрыть хочешь!..—закричалъ Хмелевскій.

— Помилуйте, зачѣмъ мнѣ укрывать! А только хотя кого спросите, такихъ крестьянъ у насъ нѣтъ.

— Это такъ точно-съ, фамилій такихъ я не слыхалъ,—подтвердилъ, кашлянувъ изъ приличія въ руку, волостной писарь, высокій худой старикъ въ потертомъ сюртукѣ.

Не знаю, чѣмъ бы кончилось это недоразумѣніе, но въ это время я случайно взглянулъ въ окно: какъ разъ подъ нимъ иконописный старикъ и рябой солдатъ съ рубцомъ во всю правую щеку, окруженные толпою крестьянъ, горячо о чемъ-то бесѣдовали. Я замахалъ руками Хмелевскому, чтобы онъ замолчалъ, ти-

хонько пріотворилъ окно, чего крестьяне, увлеченные бесѣдой, не замѣтили, и всѣ мы, находящіеся въ волости, отчетливо слышали пѣвучій гнусавый голосъ старика, котораго посредникъ окрестилъ Архипомъ Ласточкинымъ.

— Воистину слуга Антихриста!.. Видали на щекѣ его черный знакъ? Знакъ сей — печать Антихристова. Видали на рукахъ его черныя рукавицы? Снять ихъ онъ не смѣетъ...

— А почто?—спросилъ рябой со страхомъ.

— Потому, на рукахъ-то у него когти, у окаяннаго...

— Спаси, Заступница!—вдохнулъ кто-то въ толпѣ.

— А когда говорилъ-то онъ, видали, какъ глазищи изъ-подъ фуражки горѣли? А изъ усть — огонь...

— Огня, дѣдъ, я быдто не запримѣтилъ,—нерѣшительно сказалъ рябой.

— Не запримѣтилъ!—передразнилъ его старикъ:—очи, должно, онъ тебѣ отвелъ. А я молитву про себя творилъ Иисусу, и очень хорошо видѣлъ: трижды исходилъ огонь, какъ бы на манеръ молоньи...

Съ меня было довольно.

Я однимъ ударомъ руки раскрылъ окно настежь, высунулся на улицу до пояса и закричалъ:

— Стыдно, стыдно, старикъ, такъ лгать и говорить такую нечѣстицу! А вамъ, братцы, стыдно слушать этого сумасшедшаго! Гдѣ на мнѣ черная печать Антихриста? Зубы у меня болѣли, на щекѣ ранка была, и я заклеиваю ее пластыремъ. Смотрите!—и сорвалъ пластырь. Гдѣ у меня когти?—продолжалъ я, снявъ перчатки и показывая мои руки толпѣ:—какой я слуга Антихриста, если у меня крестъ на шеѣ?..

Я распахнулъ грудь и показалъ крестьянамъ мой золотой нагѣльный крестъ, который ярко сверкнулъ на солнцѣ.

Толпа притихла и мялась подъ окномъ въ очевидномъ смущеніи.

— Болѣзненный ты мой!—вдругъ заняла откуда-то взявшаяся баба:—язвинка у него на щекѣ-то... А ручки-то какія барскія, бѣленькія... То-то мы глупыя!

— Кто-жъ этотъ старикъ? Кто этотъ рябой съ рубцомъ на щекѣ?—спросилъ я волостного старшину.

— Энти-то? Нестоющіе люди, ваше высокоблагородіе. Дѣдъ этотъ — шатающійся челоуѣкъ, подъ окнами, стало быть, кусочки собираетъ. Урминской онъ волости, а зовутъ его Степаномъ Подвздошнымъ. А рябой теперича — кузнецъ нашъ Иванъ Лыковъ; желѣзомъ ему ликъ попортило. Хмеленъ, должно, былъ, сталъ шкворень ковать, а шкворень-то ему въ рожу и отскочи...

— Взять ихъ! Въ холодную!—закричалъ Хмелевскій, но я упрямилъ его оставить ихъ въ покоѣ. Мнѣ казалось, что и нищій дѣдъ, и кузнецъ мнѣ уже не страшны.

VI.

Посольство старшины къ крестьянамъ потерпѣло полное фіаско. Вернувшись въ волость черезъ какія нибудь минутъ двадцать, при чемъ криковъ толпы за это время не было слышно, онъ доложилъ, что сходъ распустилъ, но прислать ко мнѣ выборныхъ для объясненій крестьяне наотрѣвъ отказались. Не о чемъ, дескать, имъ съ чиновникомъ говорить, потому какъ все общество на земляныя работы не согласно. Всѣ желаютъ «на старыя права». Нѣкоторые, какъ будто, склоняются на межеваніе, но такихъ не много, да и тѣ ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы пограничные столбы клеймились отнюдь не литерами м. г. и., а государственнымъ гербомъ.

— Ахъ, Господи! Пойми, что государственнымъ гербомъ клеймятся столбы, обозначающіе границы уѣзда или отдѣляющіе одну губернію отъ другой, а при землеустройствѣ государственныхъ крестьянъ пограничные столбы должны клеймиться буквами м. г. и., означающими «министерство государственныхъ имуществъ».

— Народъ несуразный, ваше высокоблагородіе; никакихъ угворовъ не слушаетъ!—цѣль старшина старую цѣню.

— Ну, хорошо, оставимъ несуразный народъ въ сторонѣ. А самъ ты какого мнѣнія?

— Я, что жъ... одинъ я ничего подѣлать не могу: я — какъ все общество...

— Да вѣдь ты—здѣшній крестьянинъ?

— Такъ точно.

— Ну, вотъ ты и покажи примѣръ. Я завтра пошлю землемѣра снимать участки твоего владѣнія,—сказалъ я:—ты походи съ нимъ одинъ денекъ, а, глядя на тебя, авось и другіе крестьяне начнутъ работать.

— Великолѣпная мысль! — обрадовался Хмелевскій:—ступай, старшина, завтра съ землемѣромъ, я тебѣ приказываю.

Старшина взглянулъ на насъ, какъ затравленный звѣрь, крикнулъ, встряхнулъ волосами и сказалъ:

— Невозможно этому быть. Противъ общества я, стало быть, не пойду.

— А, такъ ты вотъ какъ!—закричалъ Хмелевскій:—ты, выходить, первый смутьянъ и есть? Въмѣсто того, чтобы всѣми мѣрами успокаивать крестьянъ, убѣждать ихъ повиноваться законнымъ распоряженіямъ начальства, ты первый, быть можетъ, науськиваешь ихъ, распространяешь нелѣпыя слухи и склоняешь къ безпорядку!..

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, напраслина...

— Молчать! Идешь завтра на работу съ землемѣромъ?

— Не могу. Воля ваша...

— Отрѣшаю тебя отъ должности старшины за неповиновеніе моимъ приказаніямъ!—сказалъ торжественно Хмелевскій:—сегодня же передай должность кандидату.

— Слушаю-съ.. Воля вапа...

— Снимай цѣпь и давай свою должностную печать! Сейчасъ я напишу постановленіе.

Старшина покорно снялъ съ себя цѣпь съ нагруднымъ знакомъ и принесъ печать съ закоптѣлымъ доньшкомъ. Посредникъ гуть же написалъ постановленіе, а минутъ черезъ десять явился и кандидатъ въ волостные старшины, за которымъ сходилъ писарь. Кандидатъ оказался чернымъ, какъ жукъ, мужикомъ. Густые спутанные волосы на головѣ стояли копной, борода начиналась у него отъ самыхъ глазъ.

— Ослобоните, господинъ посредникъ!—поклонился онъ въ поясъ:—я мужикъ малограмотный, гдѣ мнѣ за старшину быть!..

— Ну, ну, не ломайся!—прикрикнулъ на него Хмелевскій:—коли не желаешь быть старшиной, никто тебя не неволить. На той недѣлѣ соберу сходъ, и произведемъ новые выборы, а пока, какъ кандидатъ, ты не имѣешь права отказываться.

Черный мужикъ вздохнулъ и уже не противорѣчилъ.

На улицѣ была тишина—сходъ разошелся по домамъ, и мы вернулись домой, гдѣ ждалъ насъ обѣдъ. Хмелевскій отъ него, впрочемъ, отказался. Сконфуженный неудачей, сконфуженный и тѣмъ, чло его Хлестаковская выходка такъ скоро разоблачилась, и мельникъ Ласточкинъ съ солдатомъ Рябцовымъ оказались нищимъ Подвздошнымъ и кузнецомъ Лыковымъ,—легкомысленный посредникъ отказался и отъ перспективы сыграть съ нами въ винтъ.

— Не до картъ теперь! Приѣду домой, выплюсь хорошенько и все обдумаю. Тутъ надо что нибудь предпринять... Въ Кунгурѣ заѣду къ исправнику, и мы вмѣстѣ обсудимъ дальнѣйшій планъ дѣйствій. Прощайте пока; скоро опять увидимся.

Онъ сѣлъ въ свою коляску и укатилъ.

Я весь вечеръ писалъ длинное донесеніе Бѣликову, а Балдаревскій, обложившись оружіемъ, спалъ, какъ убитый.

Затѣмъ наступили дни бездѣйствія и скуки. Крестьяне не обращали на насъ никакого вниманія, старались словно не замѣчать насъ, грѣшныхъ.

Если я рисковалъ прогуляться по селу, встрѣчные мужики спѣшили свернуть въ сторону съ моей дороги. Балдаревскій сходилъ опять какъ-то на сѣнокосъ, чтобы полюбоваться «полевыми цвѣточками», но цвѣточки встрѣтили его далеко не дружелюбно.

— Проходи, проходи, баринъ!—сурово сказала ему какая-то молодлица,—нечего тебѣ тутъ дѣлать! . А нето, не ровенъ часъ, мы тебя граблями...

Бѣдный Федоръ Петровичъ совсѣмъ впалъ въ уныніе, и цѣлыми днями валялся neodѣтый на кровати. Межевщики нѣсколько разъ приходили ко мнѣ жаловаться на бездѣйствіе и на непріязненное отношеніе къ нимъ асовцевъ.

— Лучшіе для работы дни пропускаемъ,—говорили они,—скучно сидѣть по деревнямъ безъ дѣла, да и, не приведи Богъ, жутко. Каждый мужикъ звѣремъ смотритъ, за свои деньги хлѣба не допросишься...

Что я могъ сдѣлать? Насильно работать крестьянъ не заставишь, а для того, чтобы начать работы наемными рабочими, въ распоряженіи моемъ не было необходимыхъ операціонныхъ суммъ. Да и гдѣ взять наемныхъ рабочихъ, если вся волость чурается межевать? Конечно, никто не пойдетъ ни за какую плату, чтобы не идти противъ «міра». Приходилось ждать распоряженій старшаго чиновника, которому я ежедневно отсылалъ письмо за письмомъ.

Прошла, однако, почти недѣля, а отъ Бѣликова не было ни строчки.

Не уѣхалъ ли онъ изъ Перми? Быть можетъ, не дошли до него мои письма, которыя я отсылалъ черезъ волостное правленіе?

— Слюшайте, я въ Кунгуръ уѣду!—заявилъ рѣшительно Балдаревскій,—все равно здѣсь дѣлать нечего. Тамъ я хоть развлекусь немного, въ винтъ у Турбильона сыграю, познакомлюсь съ мѣстными дамами... У кунгурскаго казначея, слюшайте, жена, говорятъ, красавица.

— Благодарю васъ! Одинъ я здѣсь ужъ совсѣмъ съ ума сойду отъ скуки.

— А поѣдете, слюшайте, вмѣстѣ? Что, право! А не то съѣздамъ къ Хмелевскому... Куда онъ пропалъ? Обѣщалъ обдумать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и глазъ не кажетъ.

— Богъ съ нимъ, съ этой балалайкой! И вообще не время теперь развѣзжать по гостямъ, надо хоть дожидаться отвѣта изъ Перми. А ужъ если вамъ такъ опротивѣло Асово, поѣдемъ завтра въ Тазовскую волость, въ какое нибудь татарское селеніе. Познакомимся тамъ почву.

На томъ и порѣшили.

Ничего не можетъ быть непригляднѣе и грязнѣе татарскихъ и черемисскихъ селеній Кунгурскаго уѣзда. Тазъ-татарскій, деревня въ 60 съ чѣмъ-то дворовъ, произвела на насъ самое безотрадное впечатлѣніе. Усадьбы распланированы безалаберно, косо и криво; избѣнки ветхи и тѣсны; на улицахъ и въ переулкахъ — невылазная грязь, несмотря на сухую жаркую погоду.

Приѣхали мы въ Тазъ-татарскій безъ предварительнаго оповѣщенія о томъ крестьянъ, и никого почти не застали дома: вся

деревня работала въ полѣ. Нѣсколько женщинъ копались въ огородѣ, но, завидя насъ, поспѣшили закрыть лица и съ визгомъ убѣжали въ избы.

Мы подѣхали къ самой лучшей изъ всѣхъ избъ и постучали въ окно. Выглянула старая безобразная татарка и на вопросъ: гдѣ староста? — объяснила, что это и есть изба старосты, но хозяйина дома нѣтъ.

— Гдѣ же онъ?

— Сѣнамъ косить.

— Сходи за нимъ, если онъ косить недалеко. Скажи, что чиновники его требуютъ.

— Сичасъ хожу. Ступай, бачка, изба — ожидай. Найматулла близко косить.

Мы зашли въ избу. Она была просторна, но перегорожена пополамъ красной ситцевой занавѣской. За этой занавѣской помѣщалось женское отдѣленіе, и оттуда слышался сдержанный говоръ. Когда старуха ушла, занавѣска чуть раздвинулась, и пара лукавыхъ черныхъ глазъ выглянула и опять скрылась.

Балдаревскій расцвѣлъ, и хотѣлъ безъ церемоніи поближе познакомиться съ обладательницей лукавыхъ глазъ; но я поспѣшилъ напомнить ему о строгости мусульманскихъ нравовъ и, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, посоветовалъ не переступать демаркаціонной линіи, обозначенной красною занавѣской. Впрочемъ, тяжелый, кислый запахъ и мириады мухъ, носившихся въ избѣ, скоро выгнали насъ на свѣзій воздухъ, и мы, закуривъ папирсы, расположились въ ожиданіи старосты на крыльцѣ.

Явился онъ, примѣрно черезъ полчаса, сопровождаемый цѣлой гурьбой татаръ-косарей. Что за лица, что за ужасная орда!

Босые, въ грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ до колѣнъ, распоясанные, въ засаленныхъ тюбетейкахъ или войлочныхъ шляпахъ на бритыхъ головахъ, татары выглядели очень неказисто. Выдавшіяся скулы, раскосые глаза, страшно загорѣлыя, въ большинствѣ! рябья фizioноміи, съ очень скудной притомъ растительностью — и усы, и борода у всѣхъ плохо растутъ. Красавцы однимъ словомъ!

Узнавъ, кто мы такіе и зачѣмъ пріѣхали, тазовцы подняли дикій вой. Горланили по-татарски и по-русски; но староста, который пользовался, очевидно, большимъ авторитетомъ, скоро прекратилъ эти крики и объявилъ мнѣ отъ имени всей деревни слѣдующее:

— Ступай, бачка, прочь. Земля наша, лѣсъ нашъ, все тутъ наше. Деньги въ казну мы платимъ, подать справляемъ хорошо. Ступай прочь. Мѣрить землю нашу мы не дадимъ.

— Не можете вы не дать мѣрить землю. Законъ надо исполнить! — попробовалъ я возразить.

— Не знаемъ такой законъ! Сперва у русскихъ работай, Асово ѓзжай, Тазъ-русскій ѓзжай. Русскіе законъ исполнять, и татары исполнять. Теперь ступай отъ насъ прочь!

Какъ я ни бился, Найматулла стоялъ на своемъ. Остальнымъ татарамъ, повидимому, очень понравилось краснорѣчіе ихъ старосты. Крики не возобновлялись, но зато раздался веселый смѣхъ не безъ злорадныхъ нотокъ.

— Асово ѓзжай, Тазъ-русскій ѓзжай! Русскіе законъ исполнять, и татары законъ исполнять. Ха-ха! Селямъ-алѣпкомъ, бачка!

Старый закорузлый татаринъ подвелъ намъ лошадей. Видя, что ничего тутъ не сдѣлаешь, мы сѣли и тронулись въ обратный путь.

— Асово ѓзжай, ха-ха-ха! — раздалось намъ вслѣдъ еще разъ.

VII.

Въ Асовѣ я нашелъ телеграмму отъ Бѣликова: «Мужайтесь. Завтра буду у васъ съ комиссіей».

Съ какой комиссіей? — стали мы теряться въ догадкахъ, но недоумѣніе наше разрѣшилось скоро. Въ сумерки послышался звонъ поддужнаго колокольчика, и взмыленная тройка остановилась у нашей избы. Изъ тарантаса вышли Турбилюнъ и Хмелевскій. Въ качествѣ эскорта, исправника сопровождали четыре полицейскихъ стражника; пятый сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ на козлахъ.

— Ну, батенька, задали вы намъ баню! — забасилъ Турбилюнъ послѣ первыхъ привѣтствій: — передрыга выходить не шуточная!

— Въ чемъ дѣло?

— Да вѣдь въ Асово ѣдутъ вице-губернаторъ и непремѣнный членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. И я, и Викторъ Аполлоновичъ получили предписанія встрѣтить ихъ здѣсь. Съ ними пріѣдетъ и вашъ начальникъ Бѣликовъ.

— Это я знаю, — сказала я, показывая телеграмму.

— Да-съ, а только напрасно вы, Викторъ Аполлоновичъ, поспѣшили съ донесеніями начальству, слѣдствіемъ чего и является пріѣздъ вице-губернатора. Надо было-съ подождать меня и, повѣрьте, я справился бы съ крестьянами безъ всякой комиссіи... Ну, да ничего, дѣло это еще поправимое. Эй, Вахрамеевъ, хересу, да позвать ко мнѣ волостного старшину!

— Старшину я смѣнилъ, уважаемый Михаилъ Михайловичъ: исполняетъ его должность кандидатъ, — замѣтилъ Хмелевскій, который выглядѣлъ на этотъ разъ какъ-то кисло и былъ не разговорчивъ.

— Знаю, все равно. Хересу и кандидата сюда!

Стражникъ мигомъ поставилъ передъ Турбилюномъ неизмѣнную бутылку и походный серебряный стаканчикъ, а черезъ нѣсколько минутъ явился и заросшій волосами кандидатъ.

— Вотъ что, борода! — отнеся къ нему исправникъ: — смутьяните вы тутъ, дьяволы, и только начальство безпокоите!.. Завтра прѣдетъ сюда вице-губернаторъ, такъ того... собрать полный волостной сходъ къ девяти часамъ утра! Вице-губернаторъ прѣдетъ, быть можетъ, немного позже, но раньше я съ мужиками поговорю, понимаешь? Да смотри, чтобы у меня шуму не было! Всѣхъ сотскихъ собрать на мою квартиру къ восьми часамъ, — они мнѣ особо отвѣтятъ, если будетъ хоть малѣйшій безпорядокъ...

Кандидатъ тяжело вздохнулъ.

— Малограмотный я, ваше скобродіе; трудно мнѣ, значить... — сказалъ онъ съ сокрушеніемъ.

— А что мнѣ въ твоей грамотѣ! Читать псалтырь я тебя не заставлю! — расхохотался Турбильонъ; — ну, ступай пока и не забудь моихъ приказаній!.. Эй, Вахрамеевъ, квартиру мнѣ нашель?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Все готово?

— Такъ точно.

— Вотъ и чудесно. Пойдемте-ка, господа, ко мнѣ. Напьемтесь чайку, я еще сдѣлаю назавтра кой-какія распоряженія, а затѣмъ на сонъ грядущій можно и шесть робберовъ въ винтъ сыграть. Шесть робберовъ — ежедневная моя порція.

— Согласенъ, но съ тѣмъ, что вы, уважаемый, не будете заставлять меня пить вашъ хересъ, — отозвался Хмелевскій.

— А что?

— Голова ужъ очень послѣ него болитъ, а завтра прѣдетъ вице-губернаторъ...

— Эхъ, вы, баба! Ну, да ладно, для васъ я прихватилъ бутылочку легкаго.

— Да, что жъ, вы погребъ, что ли, съ собой возите? — удивился Балдаревскій.

— Погребъ—не погребъ, а въ тарантасѣ у меня съ дюжину бутылочекъ всегда найдется. Иначе въ уѣздъ не выѣзжаю.

Балдаревскій съ посредникомъ ушли къ Турбильону, а я попросилъ себѣ четверть часа отсрочки для хозяйственныхъ распоряженій и, когда всѣ ушли, позвалъ мою Матрену Зобову, вручилъ ей деньги и заказалъ назавтра обѣдъ и ужинъ пообильнѣе. Послалъ въ Кунгуръ нарочнаго за всякаго рода напитками. Приходилось запасаться, такъ какъ Бѣликовъ, разумѣется, остановится у меня и прожить, пожалуй, въ Асовѣ не одинъ день.

Покончивъ съ этимъ, я въ сопровожденіи стражника, указывавшаго мнѣ дорогу, отправился къ Турбильону.

Его вмѣстѣ съ Хмелевскимъ помѣстили въ двухъ чистыхъ меблированныхъ по-городски комнатахъ въ домѣ недавно смѣщеннаго посредникомъ волостного старшины.

— Хозяинъ-то пуцать не хотѣлъ, — сообщилъ мнѣ дорогой стражникъ: — говорилъ, значить, что всѣ горницы табачищемъ ему опоганять...

— Да развѣ онъ раскольникъ? — удивился я.

— Въ церковь ходить, а потайно киржачить. Двуличный человекъ, одно слово. Ну, теперь въ Кунгуръ прогуляется.

— Зачѣмъ въ Кунгуръ?

— Ихъ высокоблагородіе, господинъ исправникъ, послали его со стражникомъ, и пакетъ дали къ своему помощнику. Посидитъ, значить, подъ арестомъ при полицейскомъ управленіи бывший старшина-то, вотъ и будетъ знать, какъ не пуцать въ избу свою начальство.

— А подъ арестомъ-то долго онъ будетъ?

— Должно, съ недѣлю мѣста въ чижовкѣ на казенныхъ хлѣбахъ посидитъ. Ничего, ему будетъ пользительно.

Стражникъ видимо злорадствовалъ.

— Ты здѣшній? — спросилъ я его.

— Никакъ нѣтъ, я кунгурскій, а только асовскіе крестьяне мнѣ, почитай, всѣ извѣстны; женка у меня отсюда взята.

— Ахъ, вотъ что!... Почему жъ ты, какъ будто, радуешься? Досадилъ тебѣ бывший волостной старшина?

— Никакъ нѣтъ, дѣловъ промежъ насъ никакихъ не было; а только воръ-мужикъ онъ... Прежде совсѣмъ маломошный былъ крестьянинъ, а попалъ въ старшины, гляньте, какой домина выстроилъ, да и рублевокъ въ кубышку отложилъ, должно, немало. Грабилъ народъ, сказываютъ, достаточно...

Въ разговорахъ этихъ я незамѣтно дошелъ до квартиры Турбильона.

— Пожалуйте, пожалуйста! — встрѣтилъ онъ меня, распечатывая колоду картъ, — сразимся на досугѣ. Всѣ распоряженія завтра я сдѣлалъ; вице-губернатора примемъ, какъ слѣдуетъ.

— Какія же распоряженія? — поинтересовался я.

— Ну, священнику сказалъ, чтобы былъ наготовѣ; вице-губернаторъ, навѣрно, прежде всего къ церкви подѣдетъ и пожелаетъ приложиться къ святому кресту — онъ всегда такъ дѣлаетъ. А, затѣмъ, я приказалъ, чтобы крестьяне ему хлѣбъ-соль поднесли.

— Блюдо, знаете ли, самъ Михаилъ Михайловичъ изъ Кунгура привезъ, — вставилъ Хмелевскій.

— Ну, да, конечно, самъ изъ Кунгура захватилъ. Гдѣ же тутъ достать приличное блюдо? Все надо предусмотрѣть, батенька! Вы вотъ даже не догадались сходъ почистить...

— Какъ почистить?

— Какъ? Эхъ, вы, мировой посредникъ!.. Хотите знать — встаньте завтра пораньше, увидите, какую я чистку сходу пропишу до приѣзда вице-губернатора. Двѣ трефы! — закончилъ Турбильонъ, посмотрѣвъ на сданныя карты.

— Пась!—уныло сказалъ Хмелевскій, и игра началась.

Рано утромъ я былъ уже на ногахъ и сейчасъ же занялъ, съ полевымъ биноклемъ въ рукахъ, наблюдательный постъ у моего окна. Толпа передъ волостнымъ правленіемъ была еще больше, чѣмъ во время перваго схода; но на этотъ разъ она не разбивалась на отдѣльныя группы, а стояла правильнымъ полукругомъ. Всѣ были безъ шапокъ, кромѣ разставленныхъ здѣсь и тамъ полицейскихъ стражниковъ и сотскихъ съ должностными значками на ихъ сермяжныхъ кафтанахъ. Среди толпы, сопровождаемый двумя стражниками, метался, какъ угорѣлый, Турбильонъ. Его бѣлый, какъ снѣгъ, китель и красное, какъ кумачъ, лицо мелькали среди сѣрыхъ рядовъ крестьянъ по всѣмъ направленіямъ. Онъ сильно жестикулировалъ, кричалъ что-то и отъ времени до времени тыкалъ въ грудь тому или другому мужику, котораго вслѣдъ затѣмъ стражникъ бралъ безъ церемоній за шиворотъ и отводилъ куда-то въ сторону. Хмелевскаго нигдѣ не было видно.

— Слюшайте, а вы на сходъ не пойдете?—прервалъ мои наблюденія проснувшійся Балдаревскій.

— Зачѣмъ же? Наша хата теперь съ краю; пусть дѣйствуетъ мѣстная администрація. Ничего новаго сказать крестьянамъ я не могу.

— А все-таки, слюшайте, надо же представиться вице-губернатору.

— Да что-жъ ему представляться? Я съ нимъ давно знакомъ, вижю въ Перми не разъ встрѣчались.

— И непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія знаете?

— И его знаю. Оба весьма почтенные старцы, съ лысынами во всю голову. Вице-губернаторъ худъ, какъ щепка, а непремѣнный членъ толстъ, какъ восьмипудовый купецъ—въ этомъ все ихъ различіе.

— А какъ вы, слюшайте, думаете? Удастся имъ сломить упорство крестьянъ?

— Ну, насчетъ этого я ужъ ничего не могу сказать...

— Фу, уморили, анаемы!—прервалъ нашу бесѣду Турбильонъ, входя къ намъ и вытирая обильно струившійся потъ съ лица; — замучили, черти!

— Кто замучилъ? И что вы тамъ творили съ крестьянами?

— Сходъ чистилъ, ненадежный элементъ отбиралъ.

— Ничего не понимаю. Садитесь, пейте чай и расскажите подробнѣе.

— Отъ чая не откажусь—въ горлѣ совсѣмъ пересохло, а рассказывать, въ сущности, нечего. Само собой понятно, что для обезпеченія относительнаго порядка на сходѣ надо было отобрать неблагонадежныхъ мужиковъ, горлодеровъ и зачинщиковъ смутьянства. Я ихъ десятка полтора и отобралъ.

— Да какъ же вы узнали зачинщиковъ?

— По рожѣ, батенька, видно. Я—старый воробей, и меня не проведешь. Вижу анаемскую рожу, смотреть на меня стервецъ звѣремъ—ну, значить, зажигаетъ всякаго безпорядка и есть. Стражникъ, взять его!

— Куда взять?

— Въ Кунгуръ пошлю. Посидятъ въ каталажкѣ при моемъ управленіи, пока все здѣсь утихомирится.

— Но, можетъ быть, вы забрали самыхъ смиренныхъ мужиковъ? Нельзя же судить только по внѣшности.

— Э, чего тамъ! Всѣ они тутъ хороши, а коли я невзначай и смирнаго прихватилъ, такъ ужъ и то хорошо, что вице-губернаторъ не увидитъ на сходѣ лишней звѣрской рожи. Говорю, что отобралъ самыхъ отчаянныхъ фizioноміи.

— А остальные крестьяне ничего не имѣли противъ этихъ арестовъ? Не выражали своего неудовольствія?

— Хо-хо! Да развѣ они смѣютъ? Они, батенька, меня знаютъ!..

— Ёдутъ, ваше высокоблагородіе!—доложилъ стражникъ, войдя въ комнату.

— А, хорошо! Бѣги на квартиру къ посреднику и, если онъ спитъ еще, разбуди его и доложи тоже.

Стражникъ исчезъ, а Турбильонъ, не торопясь, подтанулся, пристегнулъ пашку и вышелъ встрѣчать «комиссію».

Я съ Балдаревскимъ тоже вышли на крыльцо нашей избы.

Вдали на дорогѣ курились облака пыли, и заливались колокольчики. Впереди, какъ бѣшеный, летѣлъ на перекладной становой приставъ, а затѣмъ показались двѣ коляски. Въ первой сидѣли вице-губернаторъ Лавриновичъ и непремѣнный членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Таль, а во второй Бѣликовъ и офицеръ въ голубомъ мундирѣ.

Это и была «комиссія», высланная для усмиренія Асовскаго смятенія.

Толпа всколыхнулась и замерла, но кортежъ, минуя волостное правленіе, направился сначала къ церкви, какъ и предвидѣлъ Турбильонъ. Отецъ Иларій вышелъ на паперть съ крестомъ въ рукѣ. Вице-губернаторъ, запыленный, сторбленный и, очевидно, сильно утомленный дорогою, не спѣша вылѣзъ изъ коляски, обнажилъ голову и поцѣловалъ крестъ; за нимъ приложились и всѣ его спутники.

— Молебень прикажете?—спросилъ отецъ Иларій и посмотрѣлъ на вице-губернатора своими безцвѣтными, ничего не выражающими глазами.

— Гм... да, да, пожалуйста, батюшка.

— Какому святому?

Лавриновичъ затруднился и замаялся.

— Быть можетъ, святому Науму? — спросилъ Иларій: — чтобы, значить, онъ наставилъ крестьянъ на умъ!

— Вотъ, вотъ именно, — обрадовался вице-губернаторъ и вслѣдъ за священникомъ вошелъ въ церковь.

Послѣ краткаго молебствія въ ветхомъ и пустомъ храмѣ (кромѣ «комиссіи», никого въ немъ не было) вице-губернаторъ со своими ассистентами бодро зашагалъ къ волостному правленію. Толпа безъ шапокъ, молча, раздвинулась, а навстрѣчу съ крыльца спустилась довольно оригинальная процессія.

Заросшій волосами «кандидатъ», исполняющій должность волостного старшины, несъ, подталкиваемый двумя полицейскими стражниками, хлѣбъ-соль на блюдѣ, покрытомъ расшитымъ узорчатымъ полотенцемъ. Сзади выступали Турбильонъ и Хмелевскій.

— Что это, что это? — удивился вице-губернаторъ.

— Хлѣбъ-соль, ваше превосходительство! — громко объяснилъ Турбильонъ и, толкнувъ въ шею «кандидата», прибавилъ: — кланяйся же, чучело!

— Послѣ, послѣ! Не приму вашего хлѣба-соли раньше, чѣмъ не услышу отъ васъ, ребята, обѣщанія не противодѣйствовать поземельно-устроительнымъ работамъ, — сказалъ Лавриновичъ. Затѣмъ онъ началъ заранѣе обдуманную рѣчь. Говорилъ онъ тихо, старчески пришепетывая. Едва ли его слышали даже первые ряды крестьянъ, а если и слышали, то, разумѣется, ничего не поняли, такъ какъ говорилъ онъ сбивчиво, хотъ и витіевато, вставляя непонятныя крестьянамъ слова, какъ, напримѣръ, «гуманность», «прогрессъ», «интенсивное хозяйство» и тому подобное.

Вѣликовъ, наскучивъ длинною рѣчью, разыскалъ глазами меня и Балдаревскаго и поманилъ къ себѣ.

— Bonjour, cher! — поздоровался онъ со мною: — радъ, что вы живы, и все, повидимому, благополучно. Enfin, вы, кажется, преувеличивали... Посмотрите, какъ народъ ведетъ себя тихо и корректно...

— Подождите еще, Григорій Григорьевичъ, — усмѣхнулся я.

— Но... это видно уже по началу... Нѣтъ, право, я напрасно принялъ близко къ сердцу ваши донесенія. У васъ горячая голова, mon très cher Николай Константиновичъ.

Въ это время вице-губернаторъ кончилъ свою рѣчь.

— Такъ какъ же, ребята, желаете вы межеваться?

— На старыя правы! — крикнулъ кто-то сзади.

— На старыя правы! — загудѣла толпа, и возгласъ этотъ, повторяемый сотнями здоровыхъ глотокъ, сталъ разрастаться и уже переходить въ сплошной дикій ревъ.

— Ма-а-ал-чать! — крикнулъ во всю мочь молодыхъ легкихъ жандармскій офицеръ. Турбильонъ кубаремъ скатился съ крыльца волостного правленія и ринулся въ толпу, какъ на штурмъ. Поли-

цейскіе стражники не отставали отъ своего начальника. Черезъ минуту ревъ сталъ стихать, и снова воцарилась тишина.

— Такъ нельзя, ребята!—сказалъ вице-губернаторъ:—крикомъ вы ничего не достигнете. И, наконецъ, я не понимаю вашихъ криковъ. Что такое «старыя правы»? Какія «старыя правы»? Такихъ правъ нѣтъ... Объясните мнѣ, чего вы желаете? Ну, хоть вотъ ты, старичёкъ, скажи, какихъ вы хотите старыхъ правъ?—обратился Лавриновичъ къ стоявшему впереди сѣдому, какъ лунь, мужику.

— Ась?—встрепенулся вопрошаемый.

— Отвѣчай мнѣ, какихъ вы хотите старыхъ правъ?

— Что жъ, за міръ, за общество, значить, я завсегда отвѣтить согласенъ,—заговорилъ старикъ взволнованнымъ голосомъ:—старый я человекъ, мнѣ ужъ давно въ могилу пора, а за міръ, значить, я пострадать согласенъ...

— Ай-да дѣдъ, спаси тебя Иусу!—восхитился кто-то въ толпѣ.

— Всѣ мы пострадать согласны, господинъ фицъ-губернаторъ, не знаемъ, какъ величать твою милость!—сказалъ возбужденно кузнецъ Лыковъ, выступивъ впередъ.

— Что они говорятъ, что они говорятъ!—недоумѣвалъ Лавриновичъ: — нѣтъ, мы, очевидно, не понимаемъ другъ друга... Я усталъ... Иванъ Карловичъ, объясните вы имъ,—отнесся онъ къ Талю.

Не принимавшій до сихъ поръ никакого участія въ дѣлѣ, Таль выступилъ въ свою очередь, распахнулъ пальто, чтобы дать крестьянамъ возможность увидѣть его орденъ на шеѣ, и тоже разразился длинною рѣчью. Но я уже ея не слушалъ. Предчувствуя, что и Таль не будетъ счастливѣе Лавриновича, я отправился домой, чтобы распорядиться завтракомъ. Черезъ четверть часа—тѣ же крики: «на старыя правы»; тотъ же вой толпы, донесшійся до моей избы, возвѣстилъ, что и ораторство почтеннаго Ивана Карловича пропало даромъ. Турбильонъ опять, вѣроятно, ринулся на штурмъ со своими стражниками, и тишина скоро водворилась. Заговорилъ или, лучше сказать, сталъ что-то выкрикивать Бѣликовъ. Его рѣзкій молодой голосъ звенѣлъ, какъ струна; даже до меня доносились отдѣльныя слова и фразы:

— Не смѣете сопротивляться распоряженіямъ правительства!... Военный постой... солдаты вамъ дорого будутъ стоять!...

И опять ревъ толпы на этотъ разъ еще сильнѣе, еще продолжительнѣе.

— На старыя правы!

— Хоть стружки изъ насъ стружи,—не желаемъ межеваться!

— Ербомъ столбы клейми, коли что!...

Словомъ все то же и то же.

На этотъ разъ Турбильону работы выпало, вѣроятно, немало. Крики не смолкали добрыхъ пять минутъ, а затѣмъ опять кто-то заговорилъ тихо и невнятно.

— Ah, les vauriens! Ah, les voyous!—выбрался Бѣликовъ, входя ко мнѣ:—это какіе-то злобные ідиоты! Съ ними не разговаривать нужно, а прямо дѣйствовать круто. Дайте мнѣ, mon très cher, чего нибудь, горло промочить... Bah, повидимому, вы хотите задать пирь Лукудла!...

— Ну, какой тамъ пирь! Не взыщите на томъ, что можно было достать.

— Не взыщу и сдѣлаю честь всѣмъ вашимъ яствамъ и напиткамъ. Откровенно говоря, я чортовски проголодался. За столъ, за столъ!

— Покорно прошу, но... какъ же мнѣ быть съ вице-губернаторомъ и его спутниками?

— Какъ? Вы хотѣли напитать и сихъ двухъ археологическихъ старцевъ съ сателлитами? Богъ съ ними! Во-первыхъ, они отравили бы мнѣ аппетитъ, а, во-вторыхъ, они завтракаютъ у какого-то богатаго купца въ Кунгурѣ. Уѣзжаютъ сейчасъ послѣ схода, и нашимъ гостепріимствомъ не пожелали бы воспользоваться.

Я, Бѣликовъ и Балдаревскій сѣли за столъ.

— Est-ce assez sot, assez ridicule cette «комиссія»?—заговорилъ Григорій Григорьевичъ:—я былъ у губернатора три раза, читалъ ему всѣ ваши донесенія и настаивалъ, чтобы онъ далъ мнѣ хоть роту, хоть нѣсколько взводовъ солдатъ. Все бы тогда живо устроилось. Я не говорю, что нужны выстрѣлы, je ne dis pas le mot; но напугать, показать зубы—вотъ что важно... Ну, губернаторъ и слышать не хотѣлъ... Пусть теперь сами, что желаютъ, то и дѣлаютъ. Я, какъ Пилатъ, умылъ руки.

— Все это прекрасно, Григорій Григорьевичъ; но что же мы теперь будемъ дѣлать? Каково наше положеніе? Уѣдетъ комиссія, не добившись никакихъ результатовъ,—крестьяне получаютъ увѣренность въ безнаказанности ихъ сопротивленія, и я не знаю, чѣмъ все это можетъ кончиться.

— Certes, mon bon; налейте-ка мнѣ еще икему.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, мнѣ съ Оедоромъ Петровичемъ выѣхать хоть въ Кунгуръ до времени, пока администрація такъ или иначе справится съ упорствомъ крестьянъ.

— Я, слышите, тоже хотѣлъ просить васъ объ этомъ,—поддержалъ меня Балдаревскій, но Бѣликовъ замахалъ обѣими руками.

— Ни подъ какимъ видомъ, mes braves, ни подъ какимъ видомъ! Губернаторъ, да и я, мы окончательно противъ этого. Выѣздъ вашъ изъ Асова до начала работъ погубилъ бы все дѣло безповоротно и повелъ бы къ новымъ осложненіямъ... И, наконецъ, какой смыслъ вамъ выѣзжать изъ Асова? Чего вы въ сущности боитесь? Насилій со стороны этихъ крикуновъ? Quelle blague! Развѣ они способны на насиліе? Ихъ здѣсь около тысячи, а съ ними отлично справляется нашъ храбрый Турбильонъ съ его полдюжиной

стражниковъ. Развѣ вы не видите, что бунта, въ сущности, нѣтъ и въ поминѣ, а только смя-те-ні-е, какъ сами вы великолѣпно выразились?

— Все это такъ, Григорій Григорьевичъ, и я менѣе, чѣмъ ктонибудь, хотѣлъ бы преувеличивать факты, но вы забываете, что смятеніе можетъ перейти въ открытый бунтъ, что достаточно, быть можетъ, одной искры...

— Ну, будемъ надѣяться, что искры этой никто не броситъ. Спасибо за вашъ Лукулловскій пиръ; пойду теперь взглянуть, что творить наша пресловутая «комиссія».

Бѣликовъ взялъ фуражку и ушелъ.

Мы съ Балдаревскимъ взглянули въ окно. Толпа передъ волостнымъ правленіемъ уже порѣдѣла; сходъ расходился.

Крестьяне шли молча и понуро. На крыльцѣ правленія никого ужъ не было видно; «комиссія», вѣроятно, удалилась во внутренніе апартаменты для совѣщанія. Вдругъ порядочной величины камень просвистѣлъ надъ нашими головами и, шлепнувшись на столъ, за которымъ мы только что завтракали, разбилъ недопитую бутылку вина.

Балдаревскій вскрикнулъ и бросился къ своей постели; я поспѣшилъ захлопнуть окно и отступилъ въ глубь комнаты. Къ счастью, дальнѣйшей бомбардировки не послѣдовало, а черезъ минуту вбѣжалъ къ намъ полицейскій стражникъ, удостовѣрившись, что брошенный камень не причинилъ намъ никакого вреда, и сказалъ:

— Не извольте тревожиться, ваше благородіе: больше ничего такого не будетъ, потому какъ Вахрамеевъ около оконъ вашихъ ходитъ. А мальченку этого, что, значить, камнемъ запустилъ, я того.., сребъ и уже въ чижовку предоставилъ.

— Такъ значить, мальчишка бросилъ камень?

— Парнишка шалый... Слышно, бывшаго старшины сынишка. Постегать бы его!

— А откуда же вы взяли съ Вахрамеевымъ?

— А насъ господинъ исправникъ сейчасъ, какъ сходъ кончился, сюда отправилъ. Ступайте, приказалъ, къ квартирѣ производителя работъ и досмотрите, чтобы все было въ аккуратѣ.

Положительно Турбильонъ былъ нашимъ добрымъ геніемъ.

VIII.

Послѣ совѣщанія, на которомъ я не присутствовалъ, «комиссія» сейчасъ же уѣхала. Ни Лавриновичъ, ни его спутники не сочли нужнымъ привлечь меня къ выработкѣ программы дальнѣйшихъ дѣйствій, или хоть просто потолковать со мной, какъ съ лицомъ, которому *volens-nolens* приходилось ближе всѣхъ расхлебывать заварившуюся кашу. Самъ я навязываться, разумѣется, не

хотѣлъ, тѣмъ болѣе въ присутствіи моего начальника Бѣликова.

Послѣдній передъ отъѣздомъ «комисіи» вновь забѣжалъ къ намъ на минуту и объявилъ, что онъ тоже уѣзжаетъ.

— Какъ уѣзжаете? Я думалъ, что вы погостите у насъ хоть нѣсколько дней...

— А что мнѣ тутъ дѣлать? Я умылъ руки; все теперь зависитъ отъ администраціи. Adieu, mes braves!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, на чемъ же порѣшила «комисіа»?

— Некогда, некогда! Вамъ все расскажетъ доблестный Крильонъ, то бишь Турбильонъ. Онъ головой поручился вице-губернатору какъ за вашу личную безопасность, такъ и за то, что въ недѣльный срокъ вообще прекратить всякія недоразумѣнія.

— А если не прекратитъ?

— Въ такомъ случаѣ телеграфируйте мнѣ, и я снова поговорю съ губернаторомъ. Но, знаете ли, я почти увѣренъ, что доблестный Крильонъ восторжествуетъ. Онъ положительно молодецъ. Adieu, mes enfants, и не падайте духомъ!

Тройка гремѣла уже колокольчиками, и Бѣликовъ безъ дальнѣйшихъ объясненій уѣхалъ.

— Слюшайте, что жъ мы теперь будемъ дѣлать? — недоумѣвалъ Балдаревскій: — вѣдь это хуже каторги сидѣть въ избѣ, какъ въ карантинѣ.

— Кто жъ вамъ мѣшаетъ выйти прогуляться?

— А вдругъ опять камнемъ запалать?

— Возьмите съ собой стражника.

— Гулять подъ охраной, какъ арестантъ? Нѣтъ, ужъ, слюшайте, я лучше спать лягу.

Удивительная была у милѣйшаго Федора Петровича способность спать, когда угодно и сколько угодно.

Не успѣлъ онъ, однако, улечься, какъ къ намъ пожаловалъ Хмелевскій, сконфуженный и разстроенный.

— Собачья служба! — сказалъ онъ, бросая фуражку: — видитъ Богъ, въ акцизъ перейду, мнѣ давно тамъ предлагаютъ недурное мѣстечко.

— Что такъ? Кто васъ укусилъ?

— Вице-губернаторъ наговорилъ мнѣ кучу неприятностей. И крестьянъ-то моего участка я не знаю, и распорядиться-то совсѣмъ не умѣю... Это я-то! Конечно, я не Турбильонъ, хватать мужиковъ за шивороты не привыкъ... Вотъ онъ, небось, награду не въ очередь получить. А мнѣ выговоръ и приказаніе не отлучаться изъ Асова впредь до полного окончанія безпорядковъ.

— Какъ же вы думаете прекратить безпорядки?

— А это ужъ Турбильонъ выдумалъ, его спросите... Скажу только, что мы съ нимъ получили полномочія... Предстоитъ не со-

всѣмъ пріятная операція... Тьфу, противно и говорить. Дайте мнѣ вина какогонибудь, если есть, да сядемъ въ картишки отъ скуки переметнуться. Турбильонъ спитъ теперь послѣ трудовъ праведныхъ, выпится—тоже придетъ сюда, а пока держу, пуръ пасса ле танъ, банчишко въ четвертной кредитный билетъ!

Я никогда не любилъ азартныхъ игръ, и сталъ отнѣживаться; но Балдаревскій не устоялъ, и у нихъ завязалась игра съ перемѣннымъ счастьемъ. Играли они долго; по неотступной просьбѣ Хмелевскаго поставилъ и я двѣ-три карты, а Турбильонъ все не приходилъ.

Любопытство о томъ, до какихъ мѣръ додумался онъ для прекращенія беспорядковъ, какая-токая предстоитъ непріятная «операція»,—совсѣмъ меня загрызло, и я хотѣлъ уже самъ итти на квартиру исправника, но продолжавшій дежурить у меня Вахрамеевъ объявилъ, что «ихъ высокоблагородіе на ночь выѣхали въ Кунгуръ, а завтра утречкомъ опять сюда объявятся». Завтра, такъ завтра; утро вечера мудренѣе. Усталость дня давала себя въ тому же чувствовать, и я безъ церемоніи наемкнулъ Хмелевскому, что пора ѣ на боковую.

Почтенный посредникъ былъ, однако, въ солидномъ проигрышѣ и не располагалъ закончить игру. Чтобы не мѣшать мнѣ, онъ убѣдилъ Балдаревскаго перекочевать на его квартиру, и, взявъ себѣ въ провозатые Вахрамеева, игроки удалились.

Я остался одинъ. Хозяйка убрала остывшій самоваръ и ушла въ свой «лѣтничекъ». Вернувшійся скоро Вахрамеевъ сказалъ, что по приказанію исправника будетъ ночевать у меня на кухнѣ. Надвигалась лѣтняя свѣтлая ночь...

Я сталъ уже раздѣваться, чтобы лечь въ постель, какъ вдругъ въ сѣняхъ кто-то завозился, дверь хлопнула, и послышался голосъ Вахрамеева.

— Куда прете, черти? Чего вамъ надо?

— Чиновника нужда повидать, — отвѣчалъ чей-то нетвердый голосъ.

— Какого вамъ чиновника? Нашли время по ночамъ шляться! Спитъ теперь чиновникъ.

— Свѣтъ-то въ окнѣ еще не погасъ, значить, не спитъ... А намъ нужда... Допусти, сдѣлай такую Божескую милость!—упрашивалъ тотъ же голосъ.

Я окрикнулъ Вахрамеева и приказалъ впустить нежданныхъ посѣтителей. Вошло трое крестьянъ. Одинъ изъ нихъ былъ сѣдой старикъ, тотъ самый дѣдъ, который объявилъ на сходѣ вице-губернатору, что «за міръ пострадать завсегда согласенъ»; другой былъ знакомый ужъ мнѣ кузнецъ Лыковъ съ глубокимъ шрамомъ на щекѣ, а третій—угрюмый грузный мужикъ среднихъ лѣтъ, съ блѣднымъ одуловатымъ лицомъ. Войдя въ комнату, они истово

помолились на правый уголъ и стали переминаться съ ноги на ногу.

— Что скажете, братцы?—спросилъ я.

— Къ твоей милости,—заговорилъ мужикъ съ блѣднымъ лицомъ,—по дѣлу, значить, нашему... отъ всего общества.

— Ну?

— Опосля схода мы собрались, значить, сами по себѣ, чтобы все обсудить въ подробности... Ну, выходить не ладно: и начальству безпокойство, и намъ не сласть. Теперича въ полѣ работа стоять, а исправникъ почитай два десятка домохозяевъ въ Кунгуръ угналъ на выsidку... Разореніе, одно слово!

— Сами, братцы, виноваты...

— Да гдѣ жъ наша вина? Что мы, супротивничаемъ нешто?—перебилъ Лыковъ возбужденнымъ голосомъ:—опрашиваютъ насъ: желаете межеваться? Обчество гритъ: не желаемъ! На старья правы хотимъ, какъ, значить, дѣды и прадѣды наши существовали!.. А что шумить народъ, такъ невозможно на сходѣ не шумѣть: не одинъ человекъ кричитъ, а многія сотни.

Передъ этой логикой я, каюсь, всталъ втупикъ.

— Коли ежели законъ такой, чтобы безпримѣнно межеваться,—нешто насъ бы стало начальство спрашивать?—продолжалъ развивать свою мысль кузнецъ:—подать берутъ съ крестьянъ—опрашиваютъ насъ, согласны мы али несогласны платить? Опять же рекрутскій наборъ идетъ безъ всякаго нашего согласія! Законъ, что Божья воля, съ нимъ спорить не будешь. Хошь пополамъ перервись, а законъ исполни въ аккуратѣ. А коли начальство спрашиваетъ согласіе наше насчетъ этого самаго межеванія, будь оно неладно, значить, мы вольны, согласъ нашъ дать либо нѣтъ. Не желаемъ мы межеваться,—ну, и оставь насъ Христа ради.

— Стало быть, смекаемъ мы, что фальшь тутъ,—сказалъ блѣдный мужикъ:—облыжно ты намъ законъ вычитываль... Нѣтъ такого закона, чтобы безпримѣнно межеваться!

— Постоите, братцы, погодите!—сказалъ я:—я очень радъ, что вы пришли ко мнѣ и откровенно высказали ваши сомнѣнія. Сейчасъ я вамъ отвѣчу, и вы увидите свою ошибку. Начальство не спрашивало васъ раньше о томъ, желаете ли вы или не желаете межеваться, а прямо послало сюда меня съ землемѣрами. Спрашиваютъ васъ только теперь, когда вы не хотите исполнять требованій закона, и спрашиваютъ, жалѣя васъ, въ надеждѣ, что авось вы образумитесь, и авось не надо будетъ принимать крутыхъ мѣръ, чтобы сломить ваше упорство. А не образумитесь вы,—несомнѣнно будутъ приняты и крутыя мѣры. Вѣдь если бы вы отказались вдругъ исполнить и какойнибудь другой законъ, не сразу бы начальство стало казнить васъ за это, а сперва попыталось бы вразумить васъ, чтобы вы добровольно законъ этотъ исполнили.

Что же касается до того, что законъ о поземельномъ устройствѣ вычитывалъ я облыжно, то это такая же глупая выдумка, какъ и та, что я слуга Антихриста. Если ктонибудь изъ васъ грамотный,—возьмите, вотъ книга, въ которой напечатанъ высочайшій указъ 24 ноября 1866 года, читайте сами.

Кузнецъ Лыковъ оказался грамотнымъ и довольно бойко и вразумительно прочиталъ своимъ товарищамъ этотъ указъ. Блѣдный мужикъ слушалъ вдумчиво, склонивъ голову на бокъ, а старикъ шамкалъ губами и, казалось, повторялъ про себя отдѣльныя слова, какъ слова молитвы.

— Да, это точно, это дѣвствительно,—сказалъ кузнецъ, окончивъ чтеніе и бережно возвращая мнѣ книгу:—а дозвольте, ваше благородіе, спросить насчетъ владѣнной записи... на ербовой она будетъ бумага?

Радуясь, что дѣло пошло, какъ будто, на ладъ, я не только объяснилъ, какая будетъ владѣнная запись, но и показалъ моимъ позднимъ посѣтителемъ образецъ записи. Государственный орелъ, украшающій заглавный листъ владѣнной записи, произвелъ на крестьянъ отличное впечатлѣніе.

— Ваше скородіе, кабы и столбы этимъ самымъ ербомъ клеймить, чтобы, значить, безъ сумлѣнія!.. —сказалъ Лыковъ заискивающимъ тономъ.

— Ну, этого я не могу... На все свой законъ, и я уже объяснялъ сходу, что столбы будутъ креймиться штемпелемъ министерства государственныхъ имуществъ. И сомнѣваться вамъ, братцы, право, тутъ нечего. Если вы такъ ужъ недогадливы, съѣздите въ какойнибудь другой уѣздъ или другую волость, гдѣ были поземельно-устроительныя работы, и увидите сами эти клейменные столбы, которые никого не пугаютъ.

— Ходили ужъ отъ насъ двое въ Красноуфимскій уѣздъ...

— Ну, и что же?

— Да оно точно... Сказывали все, какъ есть...

— Вотъ видите! Какъ же вамъ не стыдно однимъ смутьянить и выдумывать разныя небылицы?

— Мы что жъ... мы, какъ быдто, ничего,—усмѣхнулся кузнецъ:—а только обчество у насъ, старики умственные... А нельзя, ваше скородіе, чтобы, значить, ничего этого не было?—вдругъ задалъ онъ вопросъ.

— Чего не было?—удивился я.

— Стой, Иванъ, погоди,—заговорилъ мужикъ съ блѣднымъ лицомъ:—положили мы, значить, промежъ собой поклониться тебѣ, господинъ чиновникъ... Сними ты съ насъ печаль эту... земно просимъ, по-хорошему.

И онъ поклонился мнѣ низкимъ поклономъ, касаясь рукою пола. Дѣло опять начинало запутываться.

— Какую печаль? О чемъ вы просите?—недоумѣвалъ я.

— Одно слово — уѣзжай ты отъ насъ! Что тебѣ съ нами, темными, возжаться! Народъ мы, значить, глупый, никакихъ словъ твоихъ не понимаемъ... Мужикъ, вѣдь, что пенъ—его не то, что словомъ, а порой и обухомъ не проймешь...

— Это точно, это, какъ есть!—запамкалъ вдругъ сѣдой дѣдъ:—изъ насъ хоть стружки стружи, а мы на старья правы ладимъ...

— Уѣзжай, сдѣлай милость!—продолжалъ блѣдный мужикъ:—уѣдешь ты, и все пойдетъ по-старому. Два раза отъ насъ чиновники такъ-то уѣзжали...

— Мало ли что было!..—началъ я, но онъ не далъ мнѣ говорить.

— Да ты не думай, что мы съ пустыми руками просимъ... Прими вотъ для-ради гладкой дорожки отъ всего нашего общества.

И раньше, чѣмъ я успѣлъ раскрыть ротъ, блѣдный мужикъ вынулъ изъ-за пазухи и протянулъ мнѣ объемистую пачку денегъ.

Первый разъ въ моей жизни предлагали мнѣ взятку, предлагали грубо, наивно, бессмысленно. Кровь бросилась мнѣ въ голову, но черезъ минуту я уже совладалъ съ собою.

— Вахрамеевъ!—позвалъ я стражника:—встань тутъ и не выходи изъ комнаты. А ты, братецъ, спрячь свои деньги и слушай. За что ты и твои товарищи захотѣли меня обидѣть? Я вамъ не сдѣлалъ ничего дурного. Приѣхалъ къ вамъ я не по своей волѣ, а по приказанію начальства; я состою на государственной службѣ, получаю отъ казны жалованье, и по долгу присяги и службы обязанъ повиноваться начальству своему и производить поземельно-устроительныя работы тамъ, гдѣ начальство мнѣ укажетъ. Какъ же вы могли подумать, что меня можно подкупить, что вы дадите мнѣ деньги, и я забуду присягу и совѣсть, послушаюсь моего начальника и брошу дѣло, которое мнѣ поручено? За что же вы меня обидѣли?

Какъ теперь помню эту сцену. По молодости, я волновался, во рту у меня пересохло, и голосъ мой во время этого монолога дрожалъ, на глазахъ даже слезы навернулись. Вахрамеевъ стоялъ на вытяжку у дверей и, повидимому, искренно недоумѣвалъ, почему я такъ хорохорюсь. Сѣдой дѣдъ глядѣлъ совсѣмъ безучастно, блѣдный мужикъ стоялъ потупившись, изрѣдка бросая на меня хмурый и непріязненный взглядъ, и только одинъ кузнецъ, какъ будто сочувствуя мнѣ, смотрѣлъ виноватыми глазами.

— Прости насъ Христа ради!—сказалъ онъ:—глупые вѣдь мы...

— Кака така обида?—заговорилъ блѣдный мужикъ:—никакой тутъ обиды нѣтъ, потому какъ все общество порѣшило... извѣстно, чиновникъ деньги любитъ.

— Хоть стружки изъ меня стружи, а я, значить, на старья правы!—выкрикнулъ опять, какъ бы очнувшись, сѣдой дѣдъ.

Мнѣ стало и смѣшно, и досадно. Сознвая, что дальнѣйшія разглагольствованія ни къ чему не поведутъ, я съ помощью Бахрамеева выпроводилъ моихъ ночныхъ посѣтителей, и съ тяжелымъ чувствомъ легъ спать. Очевидно, сѣмена падали на каменистую почву; всѣ мои объясненія пропадали даромъ, разбивались о несокрушимое упорство крестьянъ, о предвзятое нежеланіе ихъ понять самыя простыя вещи. Одинъ грамотный кузнецъ, какъ будто, сталъ сдаваться, какъ будто, разсѣялъ уже туманъ въ своей головѣ; но что онъ значитъ одинъ въ цѣлой толпѣ?..

А Балдаревскій такъ и не пришелъ ночевать. Какъ оказалось послѣ, онъ рѣзался съ посредникомъ въ карты всю ночь напролетъ.

Исторія моя близится къ концу, и мнѣ остается только сказать, что Турбильонъ сдержалъ слово, и дѣйствительно въ одну недѣлю сломилъ упорство крестьянъ и прекратилъ Асовскіе порядки.

Добился онъ этого результата очень простымъ способомъ—посредствомъ... всемогущей розги.

Разумѣется, я не присутствовалъ при экзекуціи и всю эту недѣлю безвыходно просидѣлъ въ своей избѣ. По правдѣ сказать, отвратительно я себя чувствовалъ. Хотя я смутно помню и послѣдніе годы крѣпостного права, но отецъ мой и мать и въ отношеніи крѣпостныхъ своихъ крестьянъ исключали какое бы то ни было физическое наказаніе. Никогда въ жизни не видѣлъ я розогъ, ни въ дѣтской у себя дома, ни въ школѣ. Этика розогъ осталась мнѣ чуждой, дикой и ужасной.

Поэтому очень противны мнѣ были за это время и Турбильонъ, и Хмелевскій, которые, отдавая утро экзекуціи, подъ вечеръ являлись ко мнѣ «отдохнуть послѣ трудовъ, закусить и сразиться въ картишки».

Изъ рассказовъ ихъ картина усмиренія непокорныхъ асовцевъ представлялась въ такомъ видѣ.

Ежедневно въ волостное правленіе сгонялись всѣ домохозяева какого либо селенія. Полицейскіе стражники и сотскій оцѣпляли толпу и энергически поддерживали порядокъ. Приглашался одинъ изъ моихъ межевщиковъ, который располагался тутъ же подъ окнами волостного правленія, со всѣми атрибутами своего ремесла: мензулой, мѣрительной цѣлью, вѣхами и флагами. За столомъ въ правленіи сидѣли Турбильонъ, Хмелевскій, волостной писарь и старшина, а сбоку, на отдѣльной скамьѣ—волостные судьи.

Писарь вызывалъ по списку домохозяевъ.

— Иванъ Сошкинъ!

— Здѣсь!— отозвался вопрошаемый.

— Идешь работать къ землемѣру?—спрашивалъ Хмелевскій.

— Не иду. Я, стало быть, на старья права...

— Не идешь?... Волостные судьи, вы слышали, что Иванъ Сошкинъ осмѣливается не слушать моего приказанія? Приговорите его къ десяти ударамъ розогъ за неповиновеніе законному распоряженію мирового посредника! Писарь, пиши, что по приговору волостного суда Иванъ Сошкинъ подлежитъ наказанію десятью ударами розогъ!

И не успѣвали волостные судьи крикнуть, какъ писарь уже спѣшилъ оформить это постановленіе безгласныхъ судей, и приговоръ тотчасъ же приводился въ исполненіе двумя дюжими полицейскими стражниками.

Вслѣдъ за окончаніемъ экзекуціи злосчастный Иванъ Сошкинъ допрашивался снова.

— Идешь работать къ землемѣру?

— Не желаю! На стар...

— Молчать!.. Судьи, за упорное неповиновеніе приговорить Ивана Сошкина къ вторичному наказанію двадцатью ударами розогъ! Писарь, пиши!..

Послѣ вторичнаго наказанія мужикъ вставалъ уже съ трудомъ, и на вопросъ, идетъ ли онъ на работу къ землемѣру, отвѣчалъ: не знаю, смогу ли сегодня...

Обыкновенно, впрочемъ, достаточно было и первыхъ десяти ударовъ, чтобы наказанный изъявилъ полную готовность дѣлать все, что ему прикажутъ.

— Идешь на работу къ землемѣру?

— Что жъ, знамо, иду... за неволю пойдешь, коли такъ-то...

— Ну, то-то! Отойди къ сторонѣ!..

— Слѣдующій!

Попадались и сговорчивые, которые, слыша крики наказуемыхъ, подвергаться ихъ участи не желали.

— Я, ваше скородіе, сѣчься не согласенъ. Межеваться такъ межеваться, а сраму этого отродясь не переносилъ.

— Отлично, отойди къ сторонѣ.

Въ первый день высѣкли только семь человекъ. Къ полудню межевщикъ мой съ должнымъ числомъ рабочихъ приступилъ къ съемкѣ на планъ Асовскихъ усадебъ. По распоряженію Турбильона, присутствовали при съемкѣ и двое полицейскихъ стражниковъ, въ качествѣ конвоя, который оказался, впрочемъ, излишнимъ. Никакихъ недоразумѣній не было, и крестьяне принялись таскать цѣпь и ставить вѣхи, хотя угрюмо, но покорно.

— Скажите, пожалуйста, — спрашивалъ я потомъ Турбильона и Хмелевскаго: — неужели волостные судьи не заявили вамъ никакого протеста? Вѣдь въ сущности совсѣмъ не они приговаривали крестьянъ къ наказанію...

— Ну, конечно, не они, а только какой же тутъ можетъ быть протестъ?—удивился исправникъ:—скажи они хоть слово, мы бы и ихъ перепороли въ лучшемъ видѣ!.. Хо-хо, не знаете вы, батенька, здѣшнихъ крестьянъ. Анаемы, что говорить, а только и они рѣшительность и силу уважаютъ. Покажи мы имъ слабость хоть на минуту, и я не знаю, что бы тутъ было, а увидѣли, что мы ихъ не боимся и, въ случаѣ чего, согнемъ въ бараній рогъ,— ну, и сдались на капитуляцію... Вахрамеевъ, хересу!

— Противно это,— сказалъ я.

— А лучше пригнать сюда солдатъ? Лучше разорить крестьянъ военнымъ постоемъ? Эхъ, батенька, молоды вы, у васъ, извините, фанаберія разныя въ головѣ, а въ корень вещей вы не смотрите.

— А мнѣ не только противно, но и жутко сегодня было, — сознался Хмелевскій:—распоряжаюсь, а самого цыганскій потъ прошибаетъ... звѣри здѣсь кругомъ, настоящіе звѣри. Не будь уважаемаго Михаила Михайловича и его стражниковъ, я бы и въ волость не рѣшился войти.

— Ну, вы, извѣстно, храбростью не отличаетесь! — замѣтилъ Турбильонъ.

— Можетъ быть, можетъ быть... Но не храбритесь и вы: что еще завтрашній день скажетъ? Въ Асовѣ живутъ все-таки сравнительно развитые и смиренные крестьяне, а завтра намъ предстоитъ возня съ мужиками изъ глухихъ деревень...

Опасенія Хмелевскаго, къ счастью, не оправдались. И назавтра, и въ послѣдующіе дни крестьяне глухихъ деревень оказались не болѣе упорными, чѣмъ асовцы. Многіе соглашались итти на работу съ перваго же слова.

— Гдѣ голова, тамъ и хвостъ. Ежели село пошло чѣпъ таскать, и мы-ста согласны.

Не обошлось и безъ курьёзовъ.

Одинъ мужичёнокъ, вызванный писаремъ по списку домохозяевъ, прямо сталъ распоясываться.

— Ты что-жъ это?

— Сѣчься желаю, господинъ посредственникъ. Охота мнѣ, чтобы, значить, меня постегали...

— На старыя правы желаешь?

— Какія ужъ старыя правы!... Плетью обуха не перешибешь, а сила и солому ломить... А только по писанію желаю поступить.

— По какому писанію? Что ты вздоръ мелешь?

— Ничего не вздоръ, — обидѣлся мужичёнокъ: — старецъ нѣкій вычитывалъ намъ изъ книжки, что де егда придетъ царство Антихриста, проклятъ будетъ трижды, кто соблазнится; пострадавшій же спасется... Желаю пострадать, ваше скобродіе! Явите божескую милость, дозвоьте посѣчься!

Хмелевскій и Турбильонъ великодушно разрѣшили добровольцу «пострадать», и вслѣдъ за наказаніемъ мужичѣнко заявилъ, что теперь онъ итти на работу къ землемѣру «вполнѣ согласенъ».

— Пострадалъ, и будетъ. Благодаримъ за науку.

Были, однако, и совсѣмъ упорные.

— Хошь стружки изъ насъ стружи, хошь забей насъ, а мы межеваться не желаемъ. Умремъ, а согласу нашего не дадимъ.

Такихъ упорныхъ, послѣ тридцати—сорока ударовъ розгами, Турбильонъ отправлялъ со стражниками въ Кунгуръ и затѣмъ сдѣлалъ представленіе объ административной высылкѣ ихъ изъ Пермской губерніи на нѣсколько лѣтъ.

Всего выслано было въ Томскую губернію, срокомъ на три года, четверо крестьянъ изъ Асовской волости; въ число ихъ попалъ и бывший волостной старшина, который, какъ выяснилось, былъ первымъ зачинщикомъ и организаторомъ асовскихъ беспорядковъ.

Тѣлесному наказанію подверглось за все время около трехъ десятковъ крестьянъ, или менѣе 6% всѣхъ домохозяевъ волости. Остальные уступили добровольно.

Черезъ недѣлю межевщики мои безпрепятственно работали во всѣхъ селеніяхъ, и Турбильонъ торжествовалъ. Асовское смятеніе кончилось.

Спѣша ковать желѣзо, пока оно горячо, я послалъ Отворницкаго въ Тазь-татарскій, но и тамъ онъ никакого сопротивленія не встрѣтилъ.

— Русскіе законъ исполняютъ, и татары должны законъ исполнять, — сказалъ староста: — слышали, бачка, про Асовскія дѣла... Ай-ай, не хорошо! Татары народъ смиренный—тащи свой струментъ. Изба тебѣ дадимъ, рабочихъ дадимъ, лошадь дадимъ; все, что хочешь, дадимъ. Татары народъ тихій и законъ всегда исполнять!

Мнѣ оставалось только порадоваться. Къ сожалѣнію, на «смятеніе» ушло немало времени, и при всемъ рвеніи моего поземельно-устроительнаго отряда закончить межеваніе къ осени мы не успѣли.

Какъ велись работы въ слѣдующемъ году, и закончилось ли землеустройство асовцевъ вполнѣ безпрепятственно, — я не знаю. Пермская глушь и дичь мнѣ надоѣли, и я исколоталъ себя переводъ на работы въ мѣста болѣе культурныя—въ благословенную Малороссію.

Н. Никифоровъ.

ДУЭЛИ.

Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I)¹⁾.

XVI.

Царевичъ Константинъ и оберъ-прокуроръ.

I.

ЦАРЕВИЧЪ Константинъ быстро поднялся по лѣстницѣ и, не снимая съ себя генеральскаго мундира, сталъ нервно шагать по кабинету. Изрѣдка онъ останавливался у стола, долго смотрѣлъ на безпорядочно разбросанныя бумаги и потомъ опять начиналъ ходить изъ угла въ уголъ. Глаза его разсѣянню бѣгали по сторонамъ, руки были холодны.

Петербургъ окутывался сѣрымъ сумракомъ осенняго вечера...

— Неужели все кончено?—говорилъ онъ въ сотый разъ.— Неужели возврата нѣтъ? И это правосудіе, русское правосудіе?!

Онъ иронически улыбался, потомъ закидывалъ назадъ голову и грозилъ кому-то въ пространство.

— Что же дѣлать? какъ начать?.. Неужели поздно?.. Неужели все кончено?

Онъ легъ на кушетку, закрылъ глаза рукою, и тихія, судорожныя рыданія послышались въ кабинетѣ.

— Кончено! кончено! Искалѣчена вся жизнь... И ничего нельзя сдѣлать, нельзя бороться, не съ кѣмъ бороться... И всю жизнь

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 131.

такъ... кругомъ злоба, несправедливость... И какая ужасная, варварская несправедливость!

И передъ царевичемъ вставали тѣни прошлаго, волновали, мучили, но отдѣлаться отъ нихъ было нельзя. И чѣмъ онъ дольше думалъ о прожитой жизни, тѣмъ сильнѣе была его душевная горечь, тѣмъ чаще онъ повторялъ:

— Какая ужасная несправедливость... у варваровъ, у русскихъ... вездѣ все одинаково!..

Онъ вспоминалъ свое дѣтство, и тамъ хотѣлъ найти хоть проблескъ счастья. Но его не было тамъ, какъ и во всей остальной жизни...

— Дѣтство, дѣтство!..

И передъ нимъ проносились воспоминанія...

...Имеретинскій царь Соломонъ I—союзникъ Екатерины Великой, его смерть, неожиданная, внезапная смерть... Онъ не оставилъ сыновей, и Имеретія передается двоюродному брату покойнаго царя—Давиду Георгиевичу.

— Отецъ, царь Давидъ!..—воскликнулъ Константинъ, и его глаза стали влажными.—Несчастный отецъ!..

И предъ царевичемъ всталъ дорогой, любимый образъ отца-царя Давида. И вспомнилось ему, какъ стоустая молва предрекала, что Давида свергнуть съ имеретинскаго престола, свергнетъ племянникъ покойнаго Соломона I... И этотъ племянникъ, этотъ молодой Давидъ Аргиловичъ сдѣлалъ то, о чемъ задолго еще говорила молва: Давидъ обратился въ Грузію, грузинскій царь помогъ ему, и Давидъ овладѣлъ Имеретіей и воцарился тамъ... И называлъ себя Соломономъ II-мъ.

А тамъ потянулася ужасная жизнь для сверженнаго царя Давида, жизнь въ Ахалцыхѣ — мятежная, бурная. Напрасно отецъ пытался свергнуть молодого Соломона II, напрасно онъ призывалъ къ себѣ грубые шайки лезгинъ, напрасно посылалъ ихъ—дерзкихъ наемниковъ—противъ царя; престолъ его былъ крѣпокъ и силенъ.

Неудача смутила отца, но тутъ на выручку явился грузинскій царь, Ираклій II. Этотъ старый кавказецъ сумѣлъ убѣдить Соломона II вернуть Давиду его наследственные имѣнія, отнятыя при сверженіи его съ престола.

И Соломонъ II вернулъ отцу имѣнія и помирился съ отцомъ, но дорого обошелся этотъ миръ ему, царевичу Константину. Молодой, хитрый, осторожный Соломонъ потребовалъ отъ Давида, чтобы царевичъ Константинъ былъ отданъ ему въ заложники. И рыдала мать, царица Анна, и хмурился отецъ, сверженный Давидъ, и плакалъ трехлѣтній Константинъ, когда повезли его подъ строгимъ присмотромъ чужіе, незнакомые люди въ крѣпость Мухури въ Рагу...

И вспомнилъ царевичъ ясный день въ крѣпости Мухури, когда прѣхалъ туда какой-то человекъ и радостно объявилъ ему, что его отецъ, царь Давидъ, умеръ. И мальчику было странно, зачѣмъ такъ радостно говорилъ человекъ о смерти отца, и зачѣмъ такъ ярко свѣтитъ солнце. Константинъ повалился на землю, сталъ грызть ее зубами и плакать, крича громко:

— Отецъ, отецъ!.. Зачѣмъ умеръ мой отецъ? Кто смѣетъ радоваться его смерти?..

А старый слуга царевича Константина, когда наступала ночь, рассказывалъ своему питомцу о хитростяхъ царя Соломона, о томъ, что царь не могъ не радоваться смерти своего противника, о томъ, что и теперь Соломонъ боится, какъ бы царевичъ Константинъ не отнялъ у него престола.

— Не вѣрь ему, не вѣрь Соломону! — говорилъ дядька. — Онъ хитрый, какъ лиса. Онъ обманетъ тебя, онъ околдуетъ тебя, поймаетъ въ свои сѣти... О, кто не знаетъ, какъ хитеръ царь имеретинскій!..

Соломонъ хитрилъ, и когда старый дядька Константина умеръ, а мальчику минуло 14 лѣтъ, Соломонъ показалъ царевичу женскую ласку, женское тѣло и заставилъ его хотѣть этого тѣла. И царевичъ захотѣлъ, со всею страстью юноши, съ безразсудствомъ ребенка. Его женили, женили съ политической хитростью, и, провозжая молодыхъ, царь Соломонъ говорилъ:

— Теперь ты женатъ, царевичъ! Женщина советъ гнѣздо, орлу станетъ тепло въ немъ, и его крылья не захотятъ летѣть!

Царевичъ улыбался на эти слова—весь пылкій, ревнивый царевичъ...

Царица Анна узнала объ этомъ бракѣ, увидала въ немъ политическое лукавство Соломона, и ея сердце заняло острою материнскою болью. Но вернуть назадъ ничего нельзя было: царевичъ Константинъ былъ нѣжнымъ, любящимъ мужемъ, былъ благодарнымъ врагу своего отца. И у царицы Анны сердце не могло не обливаться кровью...

Позднею зимою 1801 года царица Анна поѣхала въ Петербургъ просить защиты у Александра I. И государь принялъ ее, выслушалъ, и горе матери, лишенной сына съ пленокъ, сдѣлалось печалью государя.

— Будь спокойна, царица!—сказалъ онъ ей.—Твой сынъ скоро вернется къ тебѣ!

Государь сдержалъ свое слово, и скоро чиновникъ Соколовъ отправился въ Имеретию объявить царю Соломону высочайшую волю.

Но Соломонъ II былъ хитеръ: онъ зналъ, что Соколовъ привезъ съ собою высочайшую грамоту, что освобожденіе Константина повлечетъ за собою шаткость его имеретинскаго престола,

что Россія — сильна, и онъ нарочно затягиваль время, не желая назначить Соколову аудіенцію.

А когда, наконецъ, аудіенція состоялась, и грамота государя была въ рукахъ Соломона, хитрый царь сначала согласился было, прикинулся покорнымъ волѣ Александра, но потомъ переѣбилъ свой взглядъ. Онъ долго совѣщался съ приближенными, долго обдумываль, какъ выйти изъ затрудненія, и наконецъ позваль Соколова и сказалъ ему:

— Скажи государю, что я выпущу царевича Константина изъ Мухури... я отдамъ его матери! Но я сдѣлаю это тогда, когда государь поможетъ мнѣ. Теперь я воюю съ владѣтелемъ Мингреліи, и мнѣ нужна помощь. Пусть государь повелитъ своимъ войскамъ — а ихъ такъ много въ Грузіи! — пусть повелитъ помочь мнѣ въ войнѣ, и ни одной минуты крѣпкія стѣны Мухури не будутъ скрывать царевича Константина!..

— Государь не согласится на это!..—отвѣтилъ Соколовъ.

— Я сказалъ... Ты можешь удалиться! — твердо отвѣтилъ Соломонъ.

А потомъ за царевичемъ усилили надзоръ: за нимъ смотрѣли всѣ—слуги, князья и даже его юная жена. Первые искры страсти потухли у царевича; онъ увидалъ и понялъ интригу Соломона, устроившаго его бракъ, но время шло, онъ тосковаль, а крѣпкіе караулы стерегли каждое движеніе царевича.

И, когда царевичъ сидѣлъ въ крѣпости Мухури, до него доходили слухи и о чиновникѣ Соколовѣ, и объ условіяхъ Соломона, и о томъ, что хитрый царь, поставивъ условія русскому государю, самъ испугался этихъ условій и хотѣлъ ихъ взять назадъ. Но тутъ подошли другіе совѣтники: подошелъ къ Соломону сардаръ князь Кайхосро Цертели, ближайшій довѣренный царя Соломона и другъ его; и Цертели одобрилъ Соломона, одобрилъ его настойчивость, одобрилъ условія освобожденія царевича, а самъ въ то же время рассчитываль поживиться отъ войны—получить отъ Соломона во владѣніе часть завоеванныхъ мингрельскихъ земель; подошла къ Соломону и бабка его, вдовствующая грузинская царица Дарья: она мутила смуту въ Грузіи, она мутила смуту въ Имеретіи и, стоя передъ царемъ Соломономъ, говорила ему:

— Что жъ! уступи государеву чиновнику, выпусти орленка изъ гнѣзда... Скорѣй выпускай его: его ждетъ русскій государь, онъ нуженъ тамъ. Что жъ, выпусти Константина! Тебѣ хочется стать пастухомъ, русскимъ плѣнникомъ! Отдавай царевича въ руки Россіи. Отдай, и завтра изъ-подъ тебя вырвутъ тронъ, и русскій государь посадитъ на него царевича Константина! Торопись отвѣтить чиновнику, что ты согласенъ, и отдай ему ключъ отъ воротъ Мухури!..

А за царицей Дарьей приходили ея сыновья: Юлонъ, Александръ, Парнаозъ. Изгнанники изъ своей земли, нашедшіе пріютъ у Соло-

мона, они повторяли слова своей матери, запугивали его, и подозрительный Соломонъ сдавался и не хотѣлъ согласиться съ волею Александра I.

Уѣхаль русскій чиновникъ, а цесаревичъ Константинъ все еще сидѣлъ въ крѣпости, а жена и слуги наблюдали за нимъ.

Наступилъ 1803 годъ, и скоро разнеслась вѣсть, что русскій государь, недовольный Соломономъ, приказалъ князю Циціанову употребить другія мѣры и доставить царевичу свободу; въ то же время стали поговаривать, что государь требуетъ выдачи сыновей парицы Дарьи—Юлона и Парнаоза, которые волновали Карталинію и Осетию; говорили также, что самъ Соломонъ тяготился своимъ покровительствомъ мятежникамъ, но они были его кровные родственники, а кровь—выше всего.

И надъ царемъ Соломономъ нависли новыя черныя тучи: стало извѣстнымъ, что владѣтель Мингреліи просить о принятіи его въ русское подданство, что къ Соломону отъ князя Циціанова ѣдетъ посоль, правитель его канцеляріи—Броневскій, съ послѣднимъ требованіемъ выдать грузинскихъ царевичей и освободить царевича Константина.

Тучи разразились грозю: явился Броневскій, энергичный, настойчивый, несокрушимый. И когда онъ сказалъ, чтобы Константинъ былъ немедленно освобожденъ, Соломонъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ легче отдать все мое царство, чѣмъ освободить царевича! Никогда!

— А воля государя? А русскія войска?—напоминалъ ему Броневскій.

— Я знаю, я все знаю! — сказалъ царь.—Я также знаю, что съ выходомъ царевича изъ крѣпости въ Имеретіи начнется междоусобная вражда, и царевич захочетъ сѣсть на мой престолъ... Скажите главнокомандующему, что никакая сила не можетъ исторгнуть Константина изъ крѣпости! Слышите, никакая сила!

Но Броневскій былъ настойчивъ, онъ долго убѣждалъ царя, просилъ его, грозилъ ему. И Соломонъ испугался угрозъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—хорошо!—Я даю ему свободу. Ну, а если государь посадить его на мое мѣсто?

— Этого не можетъ быть!—отвѣтилъ Броневскій.

— Но его будутъ держать тогда, какъ постоянную угрозу противъ меня?

— И этого не будетъ: государю нужна свобода Константина, не какъ царевича, а какъ человѣка!

— Пусть такъ, пусть такъ!.. — наконецъ проговорилъ Соломонъ.—Я отвораю крѣпость, но только договоръ: чтобы царевичъ больше не видалъ Кавказа. Увозите его отсюда подальше, въ вашу холодную Россію, въ Петербургъ!

— Съ этимъ условіемъ русскому правительству согласиться не трудно!..

— А потомъ еще скажите русскому государю, что и я, по примѣру владѣтеля Мингреліи, хочу искать покровительства Россіи, но только я и мое потомство будутъ царями имеретинскими. А царевичъ Константинъ... онъ можетъ быть моимъ наслѣдникомъ только въ случаѣ моего бездѣтства. Передайте такъ русскому государю!

И когда царевичъ вышелъ на волю, когда онъ увидался съ матерью, для него стало яснымъ, что онъ служилъ игрушкою въ рукахъ Соломона, честолюбиваго, хитраго царя. Онъ переѣхалъ въ Тифлисъ къ матери. И это не могло не пугать Соломона, который съ восточнымъ лукавствомъ продолжалъ держать царевича въ рукахъ. И мальчикъ-царевичъ, чувствуя на себѣ это тягостное вліяніе, въ то же время не могъ его сбросить съ себя.

А тамъ, на имя матери Константина, царицы Анны Матвѣевны, послѣдовалъ высочайшій рескриптъ.

«... Переселеніемъ вашимъ въ Россію, — говорилось въ рескриптѣ, — возложили вы на насъ пріятное намъ попеченіе о доставленіи вамъ спокойнаго и безнужднаго житія... Старались мы всегда изыскивать основы, кои заботливость наша могла бы употребить въ пользу вашу. Въ такомъ нашемъ къ вамъ благорасположеніи находимъ мы, что мѣсто настоящаго пребыванія вашего, по отдаленности своей, не позволяетъ вамъ, по мѣстнымъ недостаткамъ того края, приличное дать воспитаніе царевичу, сыну вашему, а тѣмъ самымъ подвергаетъ васъ чувствительнѣйшему для родительскаго сердца лишенію. Сіе уваженіе побуждаетъ насъ пригласить васъ отправиться съ сыномъ вашимъ на жительство въ Москву. Тѣ выгоды, которыя столица сія представитъ вамъ для дальнѣйшаго препровожденія времени, и способы, которые найдетъ тамъ цесаревичъ къ пріобрѣтенію всѣхъ познаній, ему необходимо нужныхъ по рожденію его, къ чему существующій въ сей древней столицѣ нашъ университетъ представляетъ довольно средствъ. А потому предлагаемъ мы, на случай согласія вашего на сіе перемѣщеніе, ускорить удвоеніемъ ежегодной пенсіи вашей и опредѣленіемъ сыну вашему равномѣрно по десяти тысячъ рублей на годъ, которое назначеніе и будетъ имѣть мѣсто съ пріѣзда вашего въ Москву».

Рескриптъ государя напомнилъ матери, что ея женатый сынъ не получилъ никакого образованія, а когда она показала рескриптъ сыну и напомнила, что ему надо учиться, то онъ отвѣчалъ ей:

— Ничего. Соломонъ даже не грамотенъ вовсе, а онъ царь. Я выучусь!..

Скоро въ Тифлисъ пришла вѣсть, что Имеретинское царство вступило подъ покровительство Россіи, а самъ Соломонъ принялъ присягу на вѣрность русскому государю. Царица Анна при этой вѣсти сказала сыну:

— Не вѣрь Соломону, и русское правительство не должно вѣрить ему. Соломонъ думаетъ, что русскіе помогутъ ему удержать за собою Лечхумъ... Но онъ ошибается. И когда онъ пойметъ свою ошибку, то онъ опять станетъ мутить. Смотри, Константинъ, не вѣрь Соломону: тогда онъ смутитъ и тебя.

Царица была права: Соломонъ понялъ свою ошибку, Соломонъ опять сталъ бояться, что русскій государь хочетъ лишить его престола и отдать Имеретію Константину.

Однажды ночью царевича вызвали на улицу, и онъ болѣе уже не возвращался къ матери: Соломонъ увезъ его въ Имеретію.

И началось долгое, безмысленное скитаніе царя съ князьями по уединеннымъ замкамъ Имеретіи. И царь, и князья были связаны однимъ желаніемъ избѣжать вліянія Русскаго государства. Князья внушали Соломону отстаивать свою независимость, царь опирался на нихъ. И Константину, пылкому, смѣлому юношѣ, казалось тогда, что дѣло Соломона правое, что онъ долженъ защищать свою свободу, что рука Россіи слишкомъ тяжела.

И Соломонъ, и князья ускользали изъ русскихъ рукъ.

Въ 1808 году разнесся слухъ, что графъ Гудовичъ получилъ повелѣніе устранить Соломона вовсе отъ управленія Имеретіей и выслать его съ царевичемъ Константиномъ на жительство въ Россію. А осенью слѣдующаго года кавказскіе гренадеры прибыли въ Кутаисъ, а Тормасовъ уже распорядился: доставить Соломона въ Кутаисъ, прислать въ Тифлисъ аманатовъ, а царевича съ семействомъ отправить къ нему, къ новому главнокомандующему, Тормасову.

А съ сѣвера шли все новыя и новыя войска. Независимость висѣла на волоскѣ, а это пугало Соломона, злило царевича.

Наступилъ 1810 годъ. Соломонъ отправилъ Тормасову письмо, въ которомъ указывалъ, что русскіе нарушили условіе принятія его, царя, въ подданство, что они допустили насиліе надъ его родственниками и даже разрушили его дворецъ въ Кутаисѣ, и онъ требовалъ отвѣта на письмо.

Отвѣтъ отъ генерала Тормасова пришелъ. И когда царевичъ Константинъ прочелъ, что полковнику Силановичу предписывается: «не болѣе, какъ черезъ три дня представить въ аманаты и для отправленія въ С.-Петербургъ депутатами къ высочайшему двору царевича Константина» и другихъ, то онъ воскликнулъ:

— Никогда! Теперь все равно, все потеряно. Не сдавайся, Соломонъ! Я за тебя буду мстить русскимъ!

Но это были послѣднія усилія. Князья отпадали отъ царя одинъ за другимъ, и скоро Соломонъ увидалъ себя оставленнымъ всѣми, и только царевичъ продолжалъ поддерживать его. Но Соломонъ видѣлъ, что надо было сдаваться. И царевичъ попалъ въ аманаты...

Потомъ... а потомъ главнокомандующій, генераль Тормасовъ, писалъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Козодавлеву: «...Царевичъ Константинъ добровольно явился въ дѣйствовавшій въ Имеретіи отрядъ генераль-майора Лисаневича, принялъ присягу на вѣрность и сохранилъ оную во всей непоколебимости; когда же покореніе Имеретіи совершилось, то по первому приглашенію охотно прибылъ въ Тифлисъ и отправился въ С.-Петербургъ, что добрыя свойства сего царевича, безпритворное усердіе и покорность обнадеживаютъ, что онъ пребудетъ твердъ въ преданности государю».

Царевичъ прибылъ въ Петербургъ: и бурная жизнь мятежника, и царь Соломонъ, и жена—все это заволочлось дымкой свѣтскаго тумана, куда онъ вступилъ въ первый разъ. Балы, блескъ, роскошь захватили юнаго дикаря, овладѣли всѣмъ его существомъ. И ему захотѣлось сбросить съ себя все, что онъ вынесъ изъ Имеретіи—азиатчину, старыя привычки и жену. Онъ не любилъ ея никогда, страсть улеглась. А въ столицѣ онъ узналъ, что бракъ въ 14 лѣтъ не практикуется въ Россіи. Ненависть, страшная, запоздалая ненависть къ царю Соломону, къ женѣ проснулась въ немъ.

Скоро послѣ прибытія въ Россію, въ 1811 году, царевичъ обратился въ синодъ съ просьбою о расторженіи его брака; въ прошеніи онъ указывалъ, что бракъ его не можетъ считаться дѣйствительнымъ и законнымъ, такъ какъ совершенъ, когда ему было только 14 лѣтъ.

Прошеніе разсматривалось въ комитетѣ министровъ, потомъ пошло въ синодъ, и старая, развинченнѣя судебная машина пошла тихимъ ходомъ.

Тѣмъ временемъ царевичу былъ выданъ пенсіонъ въ размѣрѣ 6.000 рублей въ годъ, а въ 1812 году онъ вступилъ въ военную службу и былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи казачій полкъ съ чиномъ ротмистра и назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю.

Время шло. Царевичъ сначала мало интересовался ходомъ своего бракоразводнаго процесса, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что оберъ-прокуроръ синода долженъ былъ истребовать отъ жены царевича необходимыя по дѣлу объясненія, а главнокомандующему на Кавказѣ было предложено собрать свѣдѣнія, возможно подробныя, о бракѣ царевича.

Слѣдствіе велось нѣсколькими лицами, въ разныхъ мѣстахъ, крайне отдаленныхъ другъ отъ друга и отъ Петербурга, гдѣ жилъ и служилъ истецъ. Наконецъ одно обстоятельство заставило его вспомнить о своемъ процессѣ: царевичъ полюбилъ, полюбилъ такъ, какъ не могъ любить раньше. И ему, нетерпѣливому, страстному, захотѣлось какъ можно скорѣе получить свободу, развязаться отъ нелюбимой, живущей вдали отъ него жены.

Онъ бросился въ синодъ, но машина двигалась медленно. И чѣмъ больше онъ хлопоталъ, тѣмъ меньше становился онъ увѣреннымъ въ успѣшномъ окончаніи процесса.

Царевичъ Константинъ уже былъ произведенъ въ генераль-майоры. Слѣдствіе началось. Результаты должны были скоро обнаружиться.

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ знакомымъ,—теперь конецъ августа 1824 года, а я началъ свое дѣло въ синодѣ въ 1811-мъ... Тринадцать лѣтъ... Вѣдь, такимъ образомъ, всѣ доказательства могутъ исчезнуть, или даже я самъ уже не буду нуждаться въ расторгеніи брака! Необыкновенная волокита...

И вдругъ волокита разрѣшилась: синодъ разсмотрѣлъ прошеніе царевича, изучилъ доказательства, выслушалъ заключеніе оберъ-прокурора синода, князя Мещерскаго, и согласился съ этимъ заключеніемъ: «оставить прошеніе царевича Константина безъ послѣдствій, а бракъ его признать законнымъ и дѣйствительнымъ».

Когда царевичу сказали объ этомъ, онъ потерялъ голову; ему показалось, что все кончено, что у него отнята жизнь, что надъ нимъ совершена ужасная несправедливость.

Онъ помчался домой. И теперь, нервно ходя по кабинету, онъ повторялъ безчисленное число разъ:

— Неужели все кончено? неужели возврата нѣтъ? И это правосудіе, русское правосудіе!

На улицахъ начинало темнѣть, а царевичъ нервно ходилъ по комнатѣ и въ отчаяніи ломалъ руки.

— И она... она... все еще моя жена?! Жена!.. Ну, а что же я-то буду дѣлать?!

II.

Ночь. Петербургъ въ мутной пеленѣ дождя спитъ. Царевичъ Константинъ сидитъ въ креслѣ и грызетъ перо.

Передъ нимъ большой листъ почтовой бумаги, на которой большими характерными буквами написано: «Ваше сіятельство, милостивый государь, Петръ Сергѣевичъ!»

Царевичъ всталъ, прошелся по кабинету, потомъ опять сѣлъ къ столу и сталъ быстро писать.

«Въ то самое время, когда я лишенъ вами всѣхъ средствъ защитить правость моего дѣла, вспомнилъ я, что вы, хотя и христіанинъ, однако же не исполняете или не хотите исполнять долгъ истиннаго христіанина»...

Онъ улыбнулся, [пробѣжалъ написанное глазами, улыбнулся опять и прибавилъ:

«Ибо Спаситель нашъ не къ тому распространялъ ученіе свое и спасительные законы, чтобы истреблять истину и угнетать пра-

вовѣрныхъ однимъ только насиліемъ или недоразумѣніемъ, но для того законы намъ даны, чтобы облегчать участь невиннаго и защищать право безпристрастно».

Въ столовой стали бить часы. Царевичъ прислушался къ звону, насчиталъ двѣнадцать ударовъ и приказалъ подать себѣ вина. Лакей поставилъ поднось и вышелъ, а выхоленная рука царевича опять побѣжала по бумагѣ.

«Судьбѣ угодно было возвести васъ на степень блюстителя законовъ, а потому—и правосудія въ вышнемъ и священномъ судилищѣ»,—написалъ царевичъ и горько улыбнулся.

— Блюститель законовъ, правосудія!—прошепталъ онъ.—Онъ топить законы и правосудіе... да... да!.. Я ему дамъ это знать...

Онъ обмокнулъ перо, подумалъ и написалъ:

«Но я, противъ воли моей, долженъ сказать, что вы нисколько не понимаете долгъ, на васъ возложенный, ибо настаиваете на томъ, чтобы погубить меня безъ всякой вины.

«Законы—духовые, свѣтскіе и всѣ существующіе—налагаютъ на васъ обязанность сохранять ихъ свято и ненарушимо; но вы, презирая истину, попираете оные ногами, упорно защищая незаконныя права жены моей и виновницы моего дѣла.

«Но изъ какихъ видовъ и почему вы такъ дѣлаете,—угадать не могу».

— Что еще написать ему?—проговорилъ царевичъ.—Неужели этого ему мало? блюститель законовъ!.. Нѣтъ, я ему долженъ сказать, что онъ не только не блюститель законовъ, но и непорядочный человѣкъ. И я ему докажу это, докажу... Такъ порядочные люди поступать не могутъ, не должны!.. Я ему напомню...

Царевичъ воодушевился и не замѣчалъ уже, что строчки по бѣжали внизъ, неуклюже сплетаясь другъ съ другомъ.

«При послѣднемъ нашемъ съ вами свиданіи вы мнѣ объявили, что три свидѣтеля по дѣлу моему недостаточны. Но на сей разъ я долженъ указать на самое Евангеліе, гдѣ именно сказано, что, если тебя не послушаютъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, чтобы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердить всякое дѣло.

«Изъ чего, ваше сіятельство, вы взяли, что представленныхъ мною трехъ свидѣтелей не можетъ быть достаточнымъ?»

Онъ хотѣлъ писать о свидѣтеляхъ много, доказать «блюстителю законовъ», что законы Евангелія выше земныхъ законовъ, что оберъ-прокуроръ не знаетъ божескихъ законовъ и попираетъ земные.

— Напишу ему, что Евангеліе имъ презрѣно!—подумалъ царевичъ.—Мои судьи—духовныя лица, и неужели даже они не знали Евангельскаго правила?! Или, можетъ быть, они просто безсильны?! Еще бы... оберъ-прокуроръ синода... величина огромная.

Онъ далъ свое заключеніе, и священники не посмѣли противорѣчить ему, они согласились съ нимъ!.. Конечно, онъ и только онъ виновникъ моего несчастья.. Онъ и отвѣтитъ мнѣ за это... Я ему покажу!

«Изъ устъ вашихъ,—писалъ царевичъ Константинъ,—я слышалъ одни превратныя толкованія законовъ, служація къ защищенію жены моей, а между тѣмъ ни одного слова, могущаго оправдать мою правоту, и потому видно, что вы даете болѣе вѣсу ложнымъ представленіямъ жены моей, нежели оправданіямъ, мною представляемымъ.

«Изъ сего я ничего другого заключить не могу, какъ одно то, что вы изыскиваете всѣ способы вовлечь меня въ неминуемую погибель.

«Между тѣмъ вы только мнѣ сказали, что я долженъ послать въ Имеретію и исходатайствовать свидѣтельство, а иначе нѣтъ другого средства къ моему оправданію. Смѣшное рѣшеніе отъ блюстителя законовъ и правосудія!»...

И когда царевичъ написалъ «Имеретія», ему опять вспоминалась мрачнѣя крѣпость Мухури, его несчастный бракъ, первыя безсмысленныя вспышки молодого горячаго воображенія, и онъ опять сталъ быстро писать:

«Спросите сами себя: можетъ ли вашъ злодѣй дать вамъ свидѣтельство къ вашему оправданію? Въ Имеретіи нѣтъ у меня никого, но все наполнено одними родственниками жены моей и моими недоброжелателями. Слѣдственно, какъ свидѣтельство, взятое отъ лжесвидѣтелей и отъ тѣхъ, которые съ самой колыбели были уже моими злодѣями, и которые насильно меня женили, не можетъ имѣть мѣста въ разрѣшеніи участи моей.

«Сверхъ того, протекли уже два года тому, какъ свидѣтели ея мною опорочены, и свидѣтельство, представленное женою моею, опровергнуто. Но женѣ моей довольно было времени снестись съ своими приверженными въ Имеретіи и склонить ихъ въ свою пользу.

«Слѣдовательно, ежели отъ одного незаконно составленнаго свидѣтельства и не отъ законовъ зависитъ рѣшеніе участи моей, то само собою разумѣется, что я останусь виноватымъ, ежели, по мнѣнію вашему, представленные мною три свидѣтеля и находящіеся здѣсь—не достаточны».

Царевичъ выпустилъ изъ рукъ перо: отъ непривычки пальцы у него онѣмѣли и чувствовалась неловкость въ спинѣ.

— Я ему напишу, что онъ не знаетъ и свѣтскихъ законовъ!—проговорилъ онъ, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ книжному шкапу.

Онъ долго рылся въ немъ, пока въ самомъ низу не отыскалъ запылившейся книги, на которой стояла надпись: «Воинскій Артикуль».

И, не отрываясь, онъ перелистывалъ ее, дѣлалъ бумажныя закладки, отмѣтки, и лицо его становилось радостнѣе, веселѣе. Онъ пилъ вино, свисталъ; когда часы пробили два, онъ опять взялся за перо.

«На сей разъ,— писалъ онъ,— скажу вамъ, что вы разсуждаете противозаконно и не имѣете права исполнить вашего намѣренія по силѣ воинскихъ процессовъ третьей главы шестого пункта, ибо которые были допрашиваемы безъ законнаго порядка и, сверхъ того, мой злодѣй и ея родственники, — нѣтъ законнаго правила допрашивать другой разъ свидѣтелей, а потому навлекли на себя сильнѣйшее мое подозрѣнiе; слѣдовательно, какъ тѣхъ свидѣтелей, по силѣ воинскихъ процессовъ, не признаю во свидѣтелей, такъ равно и вы не можете быть судьей моего дѣла, по силѣ указа 1722 года апрѣля 27-го дня и прочихъ годовъ, тѣмъ болѣе, что всѣ законы, служащiе къ моему дѣлу и правотѣ моей, вами совершенно нарушены».

Онъ порылся въ книгѣ и, держа лѣвою рукою открытыя листы, написалъ:

«Взгляните, ваше сіятельство, на зеркало, и вы увидите, что всякая противность закону, а особливо явное онаго нарушенiе строжайшимъ образомъ наказывается.

«Послѣднiе отговоры ваши, что по большинству голосовъ свидѣтелей должно вершить дѣло, заставили меня рыться въ законахъ... Правда, я нашелъ въ воинскихъ процессахъ, нашелъ, хотя не совсѣмъ къ моему дѣлу относящееся, но лучше совѣтую вамъ заглянуть въ тѣхъ же процессахъ во вторую главу, въ третiй пунктъ «объ уничтоженiи приговора», то вы удостовѣритесь, что я правъ!

«И отговоры ваши стремятся къ одной только той цѣли, чтобы проволочить меня до конца жизни, а женѣ моей дать время принанять лжесвидѣтелей, а тѣмъ довершить мою погибель.

«Не забудьте, ваше сіятельство, и того, что законы повелѣваютъ производить дѣло, т.-е. судъ, тамъ, гдѣ челобитчикъ и отвѣтчикъ находятся. Слѣдственно, произведенный судъ сего дѣла и все движенiе онаго ни съ чѣмъ не сообразно, самимъ закономъ уничтожаемое».

Царевичъ бросилъ книгу и задумался: онъ чувствовалъ себя не въ силахъ разобраться въ подавляющей массѣ законовъ, указовъ, часто противорѣчивыхъ, всегда темныхъ и запутанныхъ.

«Вы прочтите, — написалъ онъ, — въ Библии написано, что Богъ далъ намъ для нашего спасенiя десять заповѣдей, чтобы сдѣлать насъ благополучными какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни, и, препоручая судьбу народа правовѣрному судѣ, велѣлъ народу слушаться законовъ, а судѣ — дѣйствовать по даннымъ законамъ.

«И вы, будучи блюстителемъ сихъ законовъ, и для того, чтобы погубить меня одного, сдѣлали десятью болѣе ошибокъ, слѣд-

ственно, и противностей законовъ, которыхъ я не намѣренъ здѣсь описывать, ибо, какъ вы прочтете весь ходъ моего дѣла, то тогда вы увидите всѣхъ ясно».

Царевичъ опять схватилъ отброшенную книгу, перелисталъ ее нѣсколько разъ и снова сталъ писать:

«Если вы и скажете, что вы не одни судьбою моего дѣла, а слѣдовательно не виноваты, то вы опять ошибетесь, и за меня девятнадцатая глава Генеральнаго Регламента подтвердитъ вамъ то же самое и Дополненіе; увидите, что вы ея не соблюли, да и всѣ заключенія ваши по дѣлу моему не только что противны слову Божію и его законамъ, но даже не согласны ни съ одною чертою справедливыхъ моихъ жалобъ и доводовъ».

Царевичъ поставилъ точку, прочиталъ написанное и хотѣлъ было уже сдѣлать подпись.

Въ окна тихо вливался разсвѣтныи сумракъ. Уже были видны ясно крыши домовъ, купола церквей. Пустыя улицы были молчаливы. Царевичъ Константинъ подошелъ къ окну.

— Послать письмо и этимъ кончить дѣло?— подумалъ онъ. — Больше ничего? А моя искалѣченная жизнь, мои надежды, неужели надо всѣмъ этимъ поставить крестъ?.. Но я не хочу этого, я хочу жить и завоевать счастье... И я завоюю его! Но какая несправедливость, какая несправедливость!

Онъ опять подошелъ къ столу. Глаза его блестѣли. И не отрываясь онъ сталъ писать.

«По вышеприведеннымъ законамъ и причинамъ, равно по правости моего дѣла, вы не имѣли никакого права столь незаконно и неслыханно меня обижать, ибо я васъ считаю лично и главнымъ виновникомъ въ моей гибели».

«И несправедливые ваши извороты и заключенія по дѣлу моему не только убиваютъ мою мать, меня и всю нашу фамилію истребляютъ, но ведутъ меня къ тому, что вы взялись истребить мой родъ, привести меня къ гробу, какъ послѣднюю отрасль въ моей фамиліи».

«И сверхъ того, честь, которая была до сего времени невредима, и которою я дорожилъ болѣе своей жизни, теперь вы сдѣлали ее для меня несносною. При томъ же лишаете меня всѣхъ средствъ служить съ честью своему монарху и новому моему отечеству, для защиты коего посвящаю послѣднюю каплю крови моей».

«По симъ причинамъ я нахожу себѣ крайне оскорбительнымъ, а потому и прошу у васъ благороднаго раздѣла, то есть выйти на поединокъ со мною на сабляхъ, съ тѣмъ условіемъ, что кто изъ насъ струситъ, рубить его безъ пощады и бить до того, чтобы одинъ изъ насъ остался на мѣстѣ».

«Для того прошу васъ прогуляться на Волково поле, гдѣ артиллерійскій мишень, а я сегодня буду ожидать васъ тамъ въ восемь часовъ утра, т.е. на вышеупомянутомъ мѣстѣ».

«Въ заключеніе скажу вамъ, что я во всю мою жизнь, сколько могъ, избѣгалъ исторій, могущихъ меня запутать въ поединокъ. Но, при всей моей осторожности, вы довели меня до того, что я лучше избираю смерть, чѣмъ влечить жизнь обиженного несносно вами.

«Вы, можетъ быть, думали, что имѣете дѣло съ не знающимъ законовъ и порядка производства дѣлъ и не защищающимъ правость своего дѣла? Но, сверхъ вашего чаянія, къ несчастью моему, а также вашему, я—законовѣдецъ и честный воинъ.

«И потому доложу вамъ, что по возвышенности чувствъ къ законамъ и чести ненавижу всѣхъ противниковъ Божескихъ и гражданскихъ законовъ» ¹⁾).

— Довольно съ тебя!—проговорилъ царевичъ и красиво расчerkнулся «Царевичъ Константинъ».

Онъ позвалъ лакея, сложилъ письмо и приказалъ:

— Сейчасъ два часа ночи! Чтобы въ четыре часа это письмо находилось у князя Мещерскаго! Понялъ?

— Такъ точно!—отвѣтилъ лакей.—Но его сіятельство могутъ спать...

— Но его сіятельство могутъ встать!—улыбнулся царевичъ.— Ты вотъ что: скажи, что письмо—крайне экстренное, крайне нужное и по важному дѣлу. Если князь спитъ, пусть его разбудятъ. Но чтобы письмо это не позже четырехъ часовъ было у князя. Понялъ хорошо?

— Слушаюсь!—отвѣтилъ лакей.

Лакей вышелъ, а царевичъ улыбнулся навстрѣчу занимающемуся утру.

— Черезъ шесть часовъ рѣшится моя участь!—сказалъ царевичъ.—Шесть часовъ... но я не успѣю проститься... съ ней... не успѣю.

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, позвалъ лакея назадъ, взялъ у него письмо, разорвалъ конвертъ и быстро стеръ слово «сегодня».

— Завтра... лучше поставлю завтра въ восемь часовъ утра!—подумалъ Константинъ и написалъ «завтра».

Когда письмо было уложено въ конвертъ, онъ сказалъ лакею:

— Князь, можетъ быть, спитъ... Такъ вотъ что: часовъ въ девять утра... или нѣтъ... рано... Онъ можетъ принять мѣры... и тогда... Ступай... пока ничего не нужно!..

Царевичъ положилъ письмо на столъ и легъ на кушетку. Незамѣтно для себя онъ заснулъ и проснулся только къ полудню. Скоро онъ уѣхалъ изъ дома, захвативъ письмо съ собою.

— Передамъ самъ вечеркомъ!—проговорилъ царевичъ.—Такъ будетъ надежнѣе... передамъ, когда буду возвращаться... оттуда!

¹⁾ Оригиналъ письма хранится въ военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба, вып. IV кат., стр. 585.

III.

Рано утромъ 3-го сентября 1824 года къ дому с.-петербургскаго генераль-губернатора подъѣхалъ экипажъ.

Изъ него вышелъ высокій господинъ и торопливо вошелъ въ переднюю.

— Генераль дома?—спросилъ онъ заспаннаго молодого человѣка.

— Они еще спятъ!—отвѣтилъ онъ.—Еще рано-съ... Они даже не вставали-съ... Приемные часы у его превосходительства...

— Знаю, знаю...—перебилъ его пріѣхавшій.—У меня важное дѣло къ нему... ждать нельзя!..

— Понимаю-съ, но беспокоить его превосходительство я не могу-съ!..

— Мнѣ кажется, что вы должны понять, что мое дѣло важное и необыкновенное... Поэтому потрудитесь доложить генералу, что его желаютъ видѣть...

— Но они, право, спятъ-съ... спятъ!—растерянно улыбаясь, лепеталъ чиновникъ.

— Доложите, что его желаетъ видѣть князь Мещерскій, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода... Поняли?

— Понялъ-съ, ваше сіятельство!

И чиновникъ, уничтоженный и растерянный, скрылся въ одной изъ дверей.

Минутъ черезъ десять чиновникъ вернулся и заплетающимся языкомъ попросилъ князя войти въ кабинетъ.

— Что васъ привело ко мнѣ, ваше сіятельство?—проговорилъ генераль, встрѣчая князя.—И такъ рано?...

— Да... очень важное дѣло!—сумрачно отвѣтилъ Мещерскій и, вынувъ изъ кармана письмо, подаль его генералу съ словами:—не угодно ли познакомиться съ содержаніемъ сего письма! Интересно... очень интересно!..

— Позвольте!—сказалъ генераль и сталъ читать письмо.

И мало-по-малу беззаботное выраженіе лица генерала дѣлалось сосредоточеннѣе, и вдругъ онъ крикнулъ:

— Какъ? сегодня въ восемь часовъ утра?.. поединокъ?

Онъ поглядѣлъ на часы: было десять минутъ девятаго.

— Что же? поединокъ уже состоялся? вы дрались?—спросилъ генераль, и глаза его выражали испугъ.

Мещерскій улынулся и сказалъ:

— Нѣтъ еще!... Но я не знаю, что мнѣ дѣлать! Царевичъ недоволенъ моимъ заключеніемъ по его бракоразводному дѣлу. Вѣдь вы знаете, что онъ собирался во второй разъ жениться...

— Знаю, знаю!

— Такъ вотъ третьяго дня онъ узналъ о рѣшеніи синода, не въ его пользу состоявшемся, а вчера поздно вечеромъ мнѣ подали это письмо... И я... я...

— Что же вы? отвѣтили ему чтонибудь?

— Нѣтъ... Я подумалъ, что «блюстителю законовъ» не совѣмъ удобно драться на поединкѣ, а потому и рѣшился довести до вашего свѣдѣнія... Надѣюсь, это дѣло касается васъ... Не правда ли?

— Конечно, конечно, меня касается!—проговорилъ генераль.— Такъ что, значить, вы еще, ваше сіятельство, не дрались и драться не собираетесь? Ну, конечно... Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ за васъ отвѣтить царевичу Константину.

— Пожалуйста... значить, я могу быть спокойнымъ?

— Совершенно... Я постараюсь повліять на царевича... Горячая голова: сколько съ нимъ наше правительство намучилось!

— До свиданья... Извините, генераль, за беспокойство... Я васъ разбудилъ не во время.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я уже не спалъ: я просыпаюсь рано.

Князь Мещерскій уѣхалъ, а генераль позвалъ къ себѣ въ кабинетъ адъютанта...

IV.

На Волковомъ полѣ дожди образовали липкую слякоть. Поэтому царевичъ Константинъ, оставившій свой экипажъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, едва могъ дойти пѣшкомъ до артиллерійскаго плаца.

Онъ выбралъ сухое мѣсто и сталъ нервно разгуливать по немъ, съ минуты на минуту поджидая князя Мещерскаго.

Часы уже показывали восемь. Лилъ дождь, дулъ отвратительный вѣтеръ, и Волково поле было безлюдно и мертво.

— Однако, князь не отличается аккуратностью!—проговорилъ царевичъ.—Онъ заставляетъ меня мокнуть и дрогнуть. Это не принято... Ужъ не отказывается ли онъ отъ удовлетворенія?... Все можетъ быть!

Время бѣжало, и царевичъ становился все нетерпѣливѣе. Онъ не выпускалъ изъ рукъ часовъ и не отрываясь глядѣлъ въ ту сторону, откуда, по его предположеніямъ, должна была появиться карета.

— Онъ опоздалъ... Пожалуй, скоро здѣсь начнется движеніе, и намъ могутъ помѣшать... Половина девятого...

И вдругъ вдали онъ увидалъ карету. Она быстро приближалась къ мѣсту поединка.

— Наконецъ-то!—облегченно вздохнулъ царевичъ и почувствовалъ дрожь въ ногахъ.—Какъ я, однако, волнуюсь!

Карета становилась все больше и больше. Царевичъ уже видитъ лицо кучера, видитъ, что онъ киваетъ головою кому-то...

— Но, вѣдь, не прилично такъ близко подѣзжать къ противнику!—подумалъ царевичъ, видя, что карета остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.—Князь слишкомъ опрятенъ, онъ боится здѣшной грязи...

И вдругъ царевичъ увидѣлъ, что изъ кареты вышелъ молодой офицеръ, который не спѣша подошелъ къ нему и сказалъ:

— Честь имѣю представиться: адъютантъ его превосходительства с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора. По приказанію его превосходительства, прошу васъ сѣсть въ экипажъ для доставленія васъ къ его превосходительству...

— Какъ? губернаторъ? адъютантъ? Что это значить?—спросилъ царевичъ.

— Не могу знать... Прошу васъ сѣсть въ экипажъ!—невозмутимо отвѣтилъ адъютантъ.

— Чортъ возьми... Какъ это на него похоже!—проворчалъ царевичъ и сердито рванулъ дверь кареты.

Адъютантъ сѣлъ рядомъ съ царевичемъ, и карета покатилаь обратно.

V.

Военный губернаторъ разсказалъ царевичу Константину о визитѣ князя Мещерскаго и добавилъ:

— Вашъ вызовъ на поединокъ противенъ законамъ и приличію... ибо... ибо... ибо справедливость вашего дѣла должно защищать ясными доказательствами, а не угрозами и вызовами на дуэль.

— Но что же мнѣ дѣлать, что дѣлать?—въ отчаяніи воскликнулъ царевичъ.—Я не могу такъ жить...

— Ну, ну... ничего, успокойтесь... Все само устроится... А то дуэль... до государя дойдетъ... Вамъ же хуже будетъ, а князь съ вами драться не станетъ. Подумайте, если всѣ истцы и отвѣтчики станутъ вызывать на дуэль прокуроровъ... что будетъ тогда? а?

— Да... да... Я понимаю васъ и, для вашего спокойствія, даю слово честнаго человѣка, что я его больше не трону! Но что же мнѣ дѣлать?

— Вотъ это отлично и даже умно... А вы не волнуйтесь и ждите: время, время... оно все сглаживаетъ!.. И кто знаетъ, что будетъ потомъ?...

Царевичъ Константинъ уѣхалъ домой нѣсколько успокоенный.

«Потомъ»... потомъ царевичъ былъ женатъ еще два раза и имѣлъ дѣтей...

XVII.

Вынужденный поединокъ.

I.

— Слышали, господа, сегодня представлялся шефу новый офицеръ?—сказалъ вернувшійся изъ штаба молодой корнетъ, съ едва замѣтнымъ пушкомъ на губахъ, котораго въ полку всѣ безъ исключенія называли «Миша». — Мнѣ говорили, что его назначили въ наше село... въ эскадронъ Семена Гавриловича...

— Это Роцининъ? да? поручикъ Роцининъ?

— Да, его называли Роцининымъ... Я его видѣлъ мелькомъ: такой высокій, черный, красивый... восточный типъ...

— Знаю я его, этого Роцинина! — замѣтилъ ротмистръ Куракинъ.—Это не восточный, а чортъ его знаетъ, какой типъ... Вы, конечно, не знаете, почему онъ перевелся въ нашъ полкъ... А этотъ господинъ, я вамъ скажу, большой чудакъ... Надо вамъ сказать, что онъ совершенно больной человѣкъ, положительно больной и... сумасшедшій. Вѣдь его однажды ужъ чуть было не разжаловали: ни съ того, ни съ сего ударилъ ротнаго командира, да заступились... протекція большая. А дуэлей у него сколько было — не сочтешь!.. Ко всякому привязывается, задѣваетъ... Очень и очень неприятный человѣкъ. Жаль, что его назначили къ намъ: скандала не избыть... Роцининъ нигдѣ ужиться не можетъ!

— Откуда вы это знаете про Роцинина?

— А изъ Москвы! Когда я въ Москвѣ служилъ, такъ про него вездѣ рассказы ходили. Достоверны ли они, конечно, ручаться трудно. Ну, да посмотримъ, а во всякомъ случаѣ съ нимъ надо быть осторожнѣе. Говорятъ, онъ просто — помѣшанный. А дуэлировалъ онъ всегда удачно: все съ рукъ ему сходило, и ни разу даже слѣдствія не производили. Ловкій человѣкъ!..

— Да вонъ, поглядите... кажется, онъ приѣхалъ! — крикнулъ Миша, кидаясь къ окну.—Онъ и есть... Слѣдомъ за мной, значить...

Офицеры столпились у окна и съ большимъ любопытствомъ оглядывали новопривышшаго.

Поручикъ Роцининъ слѣзъ съ брички и вошелъ въ избу, гдѣ сидѣли офицеры. Изба была клубомъ, танцевальнымъ заломъ, библіотекою и чѣмъ угодно для офицеровъ, заброшенныхъ на отдаленный югъ Россіи, въ бѣдное село.

Роцининъ былъ высокій, статный брюнетъ, лицо его дѣйствительно можно было бы назвать красивымъ, если бы между бровями не лежала у него неприятная, грубая складка, да если бы глаза не поражали своею сухостью и безцвѣтностью.

Офицеры привѣтливо встрѣтили новаго товарища и тотчасъ же усадили за столъ, на которомъ толпилось множество бутылокъ, тарелокъ и стакановъ. Роцининъ молча сѣлъ и сталъ ѣсть и пить.

Разговоръ не клеился. И пока Роцининъ сосредоточенно занимался своимъ дѣломъ, офицеры разглядывали его.

Но вотъ Роцининъ бросилъ салфетку, выпилъ стаканъ вина и коротко проговорилъ, обращаясь къ сосѣду:

— Что вы на меня такъ пристально смотрите?

— Я... смотрю... такъ просто! — испуганный неожиданностью, отвѣтилъ сосѣдъ его.

— Ну, посмотрѣли, и довольно...—усмѣхнулся кривою усмѣшкою Роцининъ.—Я не люблю, когда меня разглядываютъ!

Всѣмъ сдѣбалось неловко, и разговоръ разомъ оборвался на полусловѣ.

Роцининъ поднялся, подошелъ къ окну, на которомъ сидѣлъ Миша, и спросилъ его:

— Это я васъ видѣлъ сегодня... въ штабѣ полка?

— Меня...—отозвался Миша.—Я васъ тоже видѣлъ... Вы подходили къ шефу... представлялись...

— Да, я представлялся...—процѣдилъ Роцининъ сквозь зубы.— А у васъ здѣсь въ деревнѣ скука, вѣроятно, страшная.

— Не весело, что и говорить... Неподалеку живутъ помѣщики, но люди малоинтересные... Я вотъ не понимаю, зачѣмъ вы къ намъ въ глушь забрались... Вы откуда перевелись?

Роцининъ смѣрилъ Мишу долгимъ взглядомъ, складка между бровями зашевелилась у него, и онъ сказалъ:

— Вы, юноша, спрашиваете умышленно меня объ этомъ или нѣтъ?

— Какъ умышленно?—удивился Миша.—Я просто спрашиваю, какъ товарища, и ничего не хочу этимъ сказать!..

— Ну, то-то! А я не люблю, когда меня спрашиваютъ о томъ, о чемъ спрашивать не слѣдуетъ. А переведенъ я сюда за наказаніе, или, лучше сказать, для предупрежденія непріятнаго столкновенія съ однимъ господиномъ. Я хотѣлъ его поучить, а меня взяли и перевели... Ну, вотъ я и здѣсь! Поняли?..

И Мишѣ, и всѣмъ остальнымъ офицерамъ не нравилось поведеніе Роцинина. Но нельзя же было въ первый разъ дать ему понять это. А потому всѣ были очень довольны, когда Роцининъ ушелъ изъ избы для пріисканія себѣ квартиры.

— А я не правъ? что я вамъ говорилъ?—сказалъ Куракинъ.— Корчить изъ себя бретѣра, а на самомъ дѣлѣ просто сумасшедшій челоуѣкъ... А ты, Миша, держись-ка отъ него подальше... По моему разумѣнію, онъ тебя въ жертву выбираетъ...

Миша улынулся было, но вдругъ сталъ серьезнымъ и проговорилъ:

— Если онъ посмѣеть, я ему... ему покажу!..

— Ну, ну... охота на помѣшаннаго вниманіе обращать! Не стоить...

II.

Товарищи избѣгали встрѣчь съ Рощининымъ, да и онъ самъ не былъ, очевидно, склоненъ къ общительности съ ними. На службѣ онъ бывалъ рѣдко, въ избу-клубъ заходилъ еще рѣже. Любимымъ его занятіемъ была стрѣльба изъ пистолета, и ею онъ занимался по цѣлымъ днямъ. Денщикъ долженъ былъ собирать по селу бутылки и приносить ихъ барину. Утромъ на заднемъ дворѣ избы, гдѣ жилъ Рощининъ, бутылки разставлялись рядами по землѣ, втыкались горлышками въ частоколъ, привѣшивались къ деревьямъ. Потомъ выходилъ Рощининъ и начиналъ стрѣлять.

Стрѣлялъ онъ замѣчательно, и денщикъ часто говаривалъ солдатамъ:

— То-ись, братцы мои, онъ стрѣляетъ, а я рядомъ бутылки поднимаю... И мнѣ не страшно, потому какъ онъ больно мѣтокъ... Намедни я взялъ, поднялъ бутылку за горло, а онъ кричитъ: «держи ее»; я держу, а онъ какъ пальнулъ, такъ у меня въ рукахъ горлышко и осталось, а бутылка вдребезги... Стрѣлокъ, нечего говорить!

Рощининъ странно относился къ солдатамъ: то онъ шутилъ съ ними, смѣялся, давалъ имъ деньги, то начиналъ ихъ бить, бить мучительно и жестоко, какъ могли и умѣли бить въ либеральную эпоху Александра I. На ученѣ онъ то громко смѣялся и потѣшался надъ солдатами, то подзывалъ къ себѣ одного изъ нихъ и сильнымъ ударомъ кулака сваливалъ на землю, а потомъ колотилъ упавшаго каблуками, не разбирая своихъ ударовъ.

Въ тѣ времена солдаты не жаловались, потому что каждому была дорога жизнь, которая въ случаѣ жалобы подвергалась опасности: жалобщиковъ изводило начальство, доводило ихъ до самоубійства, до каторги, до смертной казни.

Не жаловались и на поручика Рощинина, который методически ежедневно избивалъ непременно одного изъ солдатъ, не считая денщика; этому жилось у барина плохо, но освободиться отъ такой службы онъ не могъ.

Однажды въ іюлѣ 1822 года Рощининъ неожиданно явился въ клубную избу. Онъ, противъ обыкновенія, былъ веселъ, и обычной въ немъ рѣзкости не замѣчалось.

Онъ потребовалъ вина, а когда бутылка была осушена, онъ развалился на диванѣ и сказалъ:

— Господа, 25 числа я устраиваю обѣдъ. У меня годовщина одного маленькаго обстоятельства. Я каждый годъ справляю этотъ мой праздникъ. И если у меня не бываетъ гостей, то я напиваюсь

одинъ. Миша, ротмистръ Куракинъ, и васъ всѣхъ, господа офицеры, прошу пожаловать ко мнѣ. Вино будетъ выписано изъ Москвы. Будетъ обѣдъ и ужинъ!..

— А какая же это годовщина?—спросилъ Миша.—Вы именинникъ что ли?

— Вотъ вздоръ! Тутъ дѣло другимъ пахнетъ. Такъ придете?

Офицеры поблагодарили. Роцининъ прищурилъ глаза, щелкнулъ языкомъ и сказалъ:

— А какое у меня будетъ шампанское! Не вашему чета... Здѣсь пошло какое-то, а у меня настоящее, французское. И какъ вы можете пить эту коровью бурду?

Всѣ поняли неприличіе словъ Роцинина, но ему никто не хотѣлъ возражать.

III.

Изба, въ которой жилъ Роцининъ, была чисто вымыта; къ назначенному дню денщикъ приготовилъ длинный столъ для гостей, добылъ много посуды и взялъ себѣ въ помощь двухъ солдатъ изъ эскадрона.

Къ двумъ часамъ уже стали собираться гости. Первыми пришли Миша съ ротмистромъ Куракинымъ, корнетъ Штильманъ, конкеръ Дружининъ.

Роцининъ былъ необыкновенно веселъ и привѣтливъ. Онъ любезно разговаривалъ съ гостями, показывалъ имъ свое дорогое оружіе, привезенное изъ Москвы, и вообще старался быть хорошимъ хозяиномъ.

Когда почти всѣ приглашенные собрались, приступили къ закускѣ.

— Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, господа,—сказалъ Роцининъ,—я объясню вамъ причину сегодняшняго торжества.

Онъ вынулъ вина и крикнулъ денщику:

— Обѣдъ готовъ, чортова кукла?

— Никакъ нѣтъ, дозвоьте часикъ обождать.

— Ну, ладно. Итакъ, господа, я начинаю свой рассказъ... Вы, офицеры, извините за выраженіе. не *comme il faut*...

Всѣ переглянулись, а Миша покраснѣлъ до самыхъ ушей.

— Я ничего этимъ не сказалъ обиднаго, я имѣю въ виду такихъ офицеровъ, какъ я и другіе, мнѣ подобные, которыхъ много и теперь на западной границѣ. Итакъ, два года тому назадъ я былъ въ полку, стоявшемъ въ мѣстечкѣ Н. Мы много пили, кутили, безобразничали. А кругомъ насъ пустыня... никого нѣтъ... ни помѣщиковъ, ни людей. Живутъ одни бѣлоруссы да жида. И мы пьянствовали такъ, какъ дай Богъ всякому. И вдругъ, представьте себѣ, однажды на улицѣ я встрѣчаю... дѣвушку, простую, крестьянскую дѣвушку, но что это за прелесть! Разумѣется, я къ ней, она... о! она была строгая, недотрога... глядитъ на меня, какъ

звѣрокъ, и ноздри расширяетъ... Я ее было обнялъ, она какъ вскрикнетъ, глазами засверкала... Ну, ладно. Это долго рассказывать. Скажу кратко: я уживалъ за нею, предлагалъ подарки, просилъ, умолялъ, а она... не желаетъ. Разумѣется, будь она крѣпостная, разговоръ былъ бы другой. Итакъ она меня отвергаетъ. Я положительно заболѣваю отъ неудачи, тоскую, бью солдатъ, ссорюсь съ офицерами, дуэлирую. И вдругъ... въ одинъ прекрасный день приходитъ одинъ унтеръ изъ нашего эскадрона и проситъ меня присутствовать на его свадьбѣ, почтить его посѣщеніемъ. Яничего не знаю, прихожу, когда балъ въ самомъ разгарѣ находился. Гляжу, а невѣста унтера... кто бы вы думали?—она, моя красавица... Я обомлѣлъ, а она на меня такъ поглядѣла, съ такою, знаете ли, смѣлостью и такъ побѣдоносно, что у меня закипѣла кровь... Я не показавъ виду, а ночью, когда молодые поѣхали домой, я съ солдатами—а они очень не любили этого унтера—я съ ними нагналъ новобранныхъ и...

Рощининъ закрылъ глаза рукою и заговорилъ:

— О, какъ я былъ счастливъ! какія чудныя минуты я пережилъ съ нею! А она... строгая... я люблю такихъ... чуть не задушила меня... Это было 25 іюля, а 30 іюля я отослалъ ее къ мужу... пусть полакомится, мужикъ... Ха-ха-ха!...

Миша вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ Рощинину.

— Гадко, мерзко... такъ порядочные люди не дѣлаютъ!... Подло... подло!...

— Что? что такое? Повторите!—сказалъ Рощининъ выпрямляясь.

— И звать насъ на подобное торжество—это оскорблять насъ... Такъ порядочные люди не дѣлаютъ... вы—больной, вы—сумасшедшій... Какъ дурно, какъ низко!...

— Замолчи, мальчишка, иначе...—началъ было Рощининъ, но увидалъ вдругъ, что гости поднялись со своихъ мѣстъ.

— Вы—сумасшедшій, безумный человѣкъ!—рѣзко выговорилъ ротмистръ Куракинъ.—Васъ на цѣпь надо посадить...

— Молчать! сидите! садитесь на мѣста!—словно въ безуміи кричалъ Рощининъ.—Кто уйдетъ, я того вызываю на дуэль... слышите, вы... сентиментальныя... бабы?...

Въ дверяхъ показался денщикъ; въ рукахъ у него была миска съ супомъ.

— Кто велѣлъ подавать тебѣ? кто?—заревѣлъ Рощининъ и ударилъ денщика.

Миска упала на полъ, разбилась, супъ пролился. И тотчасъ же новый ударъ, и денщикъ валялся на полу.

— Жри, жри супъ... Подаль, и жри самъ!

Рощининъ нагнулся къ денщику и сталъ совать его носомъ въ черепки, валяющіеся на полу.

— Жри, гадина... Офицеры не желаютъ кушать... Жри!...

Въ комнатѣ никого уже не оставалось...

IV.

— Это просто-напросто нравственно помѣшанный человѣкъ!— говорилъ Куракинъ окружавшимъ его офицерамъ.—И мы не можемъ молча смотрѣть на это. Неужели онъ не понимаетъ всей мерзости своего разсказа? а поступокъ съ денщикомъ? а вызовъ на дуэль всѣхъ насъ? Все это свидѣлствуетъ, что противъ Рощинина необходимо принять мѣры, иначе онъ натворитъ такихъ дѣлъ, что намъ всѣмъ достанется.

— Но что же можно сдѣлать?

— Вотъ что: я старшій между вами, а потому по долгу службы сейчасъ же ѣду въ штабъ полка и буду просить, чтобы насъ освободили отъ присутствія помѣшаннаго человѣка!

Послѣ недолгаго совѣщанія Куракинъ сѣлъ на лошадь и рысью поѣхалъ въ штабъ.

Не успѣли, однако, офицеры прійти въ себя, какъ въ клубную избу явился отъ Рощинина денщикъ. Онъ принесъ письмо, на конвертѣ котораго было написано:

«Офицерамъ, ушедшимъ съ обѣда».

Денщикъ вошелъ въ избу и остановился на порогѣ; подъ глазами у него чернѣли пятна, въ бородѣ не доставало волосъ.

Миша вскрылъ конвертъ и громко прочелъ слѣдующее:

«Вы, осмѣлившіеся оскорбить уходомъ того, кто на своемъ вѣку убилъ не менѣ дюжины подобныхъ вамъ молодцовъ, должны принять вызовъ. Я стрѣляю безъ промаха, поэтому предлагаю вамъ всѣмъ драться на сабляхъ. Васъ было шесть человѣкъ. Съ первымъ звукомъ барабана вечерней зари буду ждать у конюшенъ. Кто не явится, того убью изъ-за угла, какъ собаку».

Миша поблѣднѣлъ и, бросивъ письмо на столъ, сказалъ:

— Передай поручику, что я готовъ его удовлетворить.

— Что ты, Миша, опомнись!—заговорили кругомъ.—На что ты рѣшаешься?!

— А онъ можетъ насъ оскорблять?—взволнованно вскрикнулъ Миша.—Если онъ вредный человѣкъ, то его надо убить!...

— И я принимаю вызовъ!—сказалъ громко корнетъ Штильманъ.—Кто еще?

Подернувъ плечами и сдѣлавъ гримасу, ротмистръ Малютинъ, бывшій въ числѣ гостей у Рощинина, проговорилъ:

— Тогда и я дерусь!

Денщикъ ушелъ, а въ клубѣ поднялся шумъ. Офицеры, не принявшіе вызова, удерживали дуэлистовъ, указывали имъ на тяжкую отвѣтственность за подобный поединокъ; всѣ спорили, кричали, горячились.

— А я не могу, я буду драться!—упрямо говорил Миша.—Я не могу его видѣть. И сколько сходило съ рукъ этому бѣшеному чело-вѣку!.. Пусть узнаетъ теперь!

— А если онъ тебя убьетъ, тогда что?—спрашивали его.

— А все равно... я его, онъ меня... Но онъ-то одинъ, насъ нѣсколько. Я буду убить, останется корнетъ, ротмистръ. И я хочу съ нимъ драться первымъ... потому что я его оскорбилъ первый!

— Вздоръ!—угрюмо замѣтилъ ротмистръ Малютинъ.—Вы молоды, Мишенька, я постарше васъ!

— А я хочу, хочу... А то лучше бросить жребій, кому первому!

Предложеніе понравилось. Бросили жребій. Первый нумеръ достался корнету Штильману, второй ротмистру Малютину, третій Мишѣ.

Миша сдѣлалъ недовольную гримасу и нахмурился.

V.

Въ девять часовъ вечера въ кустахъ за конюшнями сидѣлъ на травѣ Роцининъ.

Онъ бессмысленнымъ взглядомъ обводилъ далекій горизонтъ и крутилъ усы. Рядомъ съ нимъ лежала сабля.

Когда вдали показались три офицера, онъ всталъ, надѣлъ саблю и заложилъ лѣвую руку за спину. И складка между бровями сдѣлалась еще глубже и рѣзче.

Офицеры подошли къ Роцинину и отдали ему честь.

— Только трое?—насмѣшливо спросилъ Роцининъ.—А остальные господа офицеры желаютъ сдѣлать меня убійцей? или они просто трусятъ? а?

— Милостивый государь,—горячо отвѣтилъ Миша,—мы при-шли сюда на ваше приглашеніе. И неужели вамъ, старому дуэлисту, не извѣстно, что при поединкѣ надо быть приличнымъ и воздерж-нымъ?! Странно...

— Благодарю васъ, я не нуждаюсь въ вашихъ наставленіяхъ!—отвѣтилъ Роцининъ.—Ваши условія, господа!

— Они предложены вами. Деремся въ такомъ порядкѣ: я, рот-мистръ и корнетъ!—сказалъ корнетъ Штильманъ.

— Очень радъ. Драться до первой раны или?..

— До первой раны... насъ слишкомъ много!—отвѣтили офи-церы.

— Къ вашимъ услугамъ!—проговорилъ Роцининъ и быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя фуражку и мундиръ.

Штильманъ не торопясь снялъ тоже мундиръ и тщательно сло-жилъ его.

Противники стали другъ противъ друга.

— Мы начинаемъ!—сказалъ Роцининъ и сдѣлалъ выпадъ.

Роцининъ сразу принялъ наступательное положеніе. Штильману оставалось обороняться. И онъ оборонялся ловко, съ присутіемъ ему хладнокровіемъ. Роцининъ начиналъ горячиться, движенія его становились менѣе увѣренными.

Вотъ онъ отступилъ на два шага назадъ и быстро, не давая опомниться Штильману, нанесъ ему въ руку ударъ. На чистой сорочкѣ Штильмана показалась кровь.

— Довольно, я удовлетворенъ вами!— сказалъ Роцининъ.— Прощу дать мнѣ отдохнуть двѣ минуты!..

Роцининъ сѣлъ на землю, Штильманъ сталъ перевязывать себѣ руку...

— Господинъ ротмистръ, не угодно ли вамъ будетъ встать на позицію!—воскликнулъ Роцининъ, подымаясь съ земли.

— А вы достаточно отдохнули?—спросилъ Малютинъ.—Я могу подождать!..

— Становитесь на позицію! Я не нуждаюсь въ вашемъ великодушіи... Я нападаю!

Малютинъ поднялъ саблю. Роцининъ бросился впередъ. И Миша, стоявшій въ сторонѣ, видѣлъ, какъ яростно и бѣшено кинулся Роцининъ, не замѣчая сабли противника... И вдругъ Роцининъ споткнулся, схватился за горло и выпустилъ изъ рукъ саблю.

— Я... я... напоролся... не видѣлъ сабли!..—захрипѣлъ онъ и упалъ на землю.

Раненаго Роцинина подняли и повели домой.

Миша проводилъ его долгимъ взглядомъ, и на его глазахъ отразилась жалость.

— Зачѣмъ онъ такъ неосторожно!—думалъ Миша.—Развѣ онъ не знаетъ, что клинокъ отточенъ!

Вечеромъ того же дня приѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ Роцинина, нашелъ рану тяжелою, но не внушающею опасеній. Однако, больной впалъ въ безпамятство, у него сдѣлался жаръ. Надо было везти его въ госпиталь.

И когда Роцинина повезли, то Миша подошелъ къ Малютину и совершенно серьезно замѣтилъ ему:

— Отчего же вы не отвели клинка?.. Вѣдь Роцининъ былъ, какъ бѣшеный!

Ротмистръ горько улыбнулся, махнулъ рукою и отвѣтилъ:

— А что, Миша, ты хотѣлъ бы, чтобы меня повезли въ госпиталь? такъ, что ли?

VI.

Тотчасъ по прибытіи въ госпиталь Роцининъ пришелъ въ себя. Были приняты мѣры, и здоровье его стало поправляться.

Въ то же самое время было назначено слѣдствіе. Всѣ офицеры свидѣтельствовали, что Роцининъ держалъ себя вызывающе, набрасывался на офицеровъ, жестоко обращался съ солдатами. Выяснилось, что въ прошломъ Роцинина много было подобныхъ обстоятельствъ, что и заставляло его такъ часто мѣнять мѣста службы.

Относительно же послѣдняго случая слѣдственная власть удостовѣрила, что не принять офицерамъ вызова Роцинина значило бы подвергать опасности себя, такъ какъ трудно было бы думать, чтобы Роцининъ не привелъ въ исполненіе своего намѣренія. Кромѣ того, ротмистръ Куракинъ тотчасъ же поѣхалъ по начальству, а самая рана, нанесенная Роцинину, была результатомъ «его личной заальчивости и неосторожности, и ротмистру Малютину въ вину поставлена быть не можетъ».

Такъ освѣтила дѣло слѣдственная власть.

Черезъ годъ слѣдствіе было закончено, участники поединка выпущены на свободу, а выздоровѣвшій Роцининъ отставленъ отъ службы «по болѣзни».

Н. И. Фалѣевъ,

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ АЗОВСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ¹⁾.

III.

АПОМНЮ также возникновение на Азовском побережье пароходства. Точной даты я сообщить не могу, потому что былъ въ это время еще очень малъ. Жители Таганрога увидѣли въ первый разъ пароходъ во время Крымской войны въ 1854 году. Это былъ непріятельскій пароходъ, подошедшій къ гавани такъ близко, какъ только допускало мелководье. Встревоженные обыватели сбѣжались смотрѣть на это чудо, о которомъ они знали до этого времени только по наслышкѣ. Морской гость, какъ бы въ отвѣтъ на это желаніе познакомиться съ нимъ хоть издали, послалъ изъ своихъ пушекъ нѣсколько ядеръ въ городъ. Два или три ядра попали въ стѣны собора, куда ихъ потомъ и задѣлали, а нѣсколько штукъ было потомъ подобрано на базарной площади, окружающей соборъ. Командовавшій мѣстнымъ и малочисленнымъ гарнизономъ генералъ Красновъ вышелъ на набережную гавани и приготовился лечь костыми вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ въ случаѣ, если послѣдовалъ бы десантъ. Но пароходъ, подаривъ городу на память нѣсколько ядеръ, повернулъ и ушелъ обратно въ море. Это памятное событіе было названо весьма громко «бомбардировкой» и послужило новою эрою для оби-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 227.

ходнаго календаря: Иванъ Ивановичъ женился еще до бомбардировки, а новаго священника назначили въ такую-то церковь черезъ два мѣсяца послѣ бомбардировки. По этому же календарю и я, пишущій эти строки, родился въ слѣдующемъ послѣ бомбардировки году. Обо всѣхъ только что упомянутыхъ событіяхъ, равно какъ и о времени рожденія, я узналъ изъ рассказовъ своей матери и не имѣю никакихъ основаній сомнѣваться въ ихъ правдивости, равно какъ и въ томъ, что Таганрогъ очень долго хвасталъ передъ Ростовомъ, Мариуполемъ и Ейскомъ этимъ появленіемъ парохода, который не считъ за нужное воевать съ этими городами и награждать ихъ ядрами.

До Крымской войны и довольно долгое время послѣ нея на Азовскомъ морѣ паровыхъ судовъ не знали вовсе и поддерживали сообщеніе исключительно только парусными, но въ концѣ пятидесятыхъ или въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія появился первый піонеръ, который сразу завелъ въ таганрогскомъ портѣ цѣлую флотилію пароходовъ. Это былъ Александръ Михайловичъ Стороженко, торговавшій судовыми принадлежностями. Онъ былъ замѣчательнъ въ средѣ обывателей тѣмъ, что самоучкою выучился англійскому языку и первый изъ русскихъ таганрожцевъ завязалъ непосредственныя торговыя сношенія по своей части съ Англійей. Вѣроятно, англичане и надумили его пріобрѣсти пароходъ для таганрогскаго порта, а, можетъ, даже и сосватали ему. Въ результатъ этого сватовства, къ общему удивленію обывателей, зеленватая мутная вода таганрогскаго залива забороздили два небольшихъ товаро-пассажирскихъ парохода «Александръ» и «Матрона». Пароходики, вѣроятно, были не изъ особенно новыхъ, потому что А. М. Стороженко, по преданію, послѣ каждаго рейса спрашивалъ у капитана: «цѣлъ ли казантъ?», т. е. паровой котелъ. На набережной воздвиглась деревянная будка—пристань съ громадной вывѣской: «Пароходство А. М. Стороженка», и между Мариуполемъ, Ростовомъ, Ейскомъ и Таганрогомъ завязались болѣе или менѣе правильныя пароводныя сношенія. Парусники-каботажники возроптали было и роптали долго и сильно, но уже ничего не могли подѣлать съ вторгнувшейся въ предѣлы ихъ специальности новою силой. Съ легкой руки Стороженка вскорѣ появились паровыя суда «Азовскаго» общества, затѣмъ «Русскаго общества пароходства и торговли». Парусныя суда принуждены были покориться давленію новыхъ обстоятельствъ и заняли второстепенное мѣсто. Лѣтъ черезъ десять пароходство на Азовскомъ морѣ разрослось и размѣрами своихъ судовъ оставило далеко за флагомъ маленькія суденышки Стороженка, но все же послѣднему и его бодрой энергіи принадлежитъ слава и честь быть первымъ піонеромъ по установкѣ пароваго движенія на Приазовскомъ побережьѣ. Будущему историку этихъ мѣстъ, если таковой когда либо

найдется, не мѣшаетъ обратить вниманіе на это обстоятельство.

Азовское море, по отзывамъ моряковъ, представляетъ собою не настоящее море, а толчею. Въ немъ нѣтъ ни правильныхъ приливовъ, ни отливовъ, ни теченій; даже нѣтъ правильныхъ, господствующихъ вѣтровъ. Оно вѣчно волнуется, вѣчно бурлитъ, какъ въ котлѣ, и вѣтеръ разгуливаетъ на его поверхности по всѣмъ румбамъ. Воды его даже въ совершенно тихую и безвѣтреную погоду не достигаютъ степени той замѣчательной зеркальности, какая сплошь и рядомъ наблюдается у береговъ Чернаго моря къ Крыму и въ Закавказьѣ. При абсолютной тишинѣ волны ходятъ крупной «мертвой зыбью». Вода этого моря — зеленовато-грязнаго цвѣта и прозрачна только въ десяткахъ верстъ отъ берега; въ гаваняхъ же она мутна. Кромѣ того, во многихъ заливахъ лѣтомъ вода «зацвѣтаетъ», т. е. покрывается на цѣлыя версты, а иногда и десятки верстъ сплошной зеленой пеленою растительнаго происхожденія и напоминаетъ собою въ это время зеленую поверхность застоявшейся лужи. Періодъ «цвѣтенія» продолжается недѣли три. Купаться въ это время бываетъ неприятно, потому что эта зелень липнетъ къ тѣлу. Обусловливается это отчасти мелководьемъ, а отчасти тѣмъ, что вода прѣсна, благодаря тому, что Азовское море принимаетъ въ себя нѣсколько большихъ рѣкъ и много мелкихъ степныхъ, съ соленымъ же Чернымъ моремъ оно обмѣнивается водами черезъ одинъ только узкій Керченскій проливъ. По этимъ причинамъ и породы водящихся въ немъ рыбъ и животныхъ приближаются къ прѣсноводнымъ. Вода содержитъ въ себѣ такъ мало соли, что жители прибрежныхъ мѣстъ употребляютъ ее сплошь и рядомъ для варки пищи. Ничтожная соленость ея ощущается только въ чаю; въ супахъ же и борщахъ она вовсе незамѣтна. Таганрогъ, и до сихъ поръ еще не имѣющій водопровода, неоднократно поднималъ вопросъ о проведеніи для обывательскихъ нуждъ именно морской воды въ виду отдаленности прѣсной, которую пришлось бы вести верстъ за двадцать изъ рѣки Міуса. Одесса провела воду изъ Днѣстра за 45 верстъ и считаетъ это удобнымъ, таганрогскимъ же отцамъ города 20-ти-верстное разстояніе кажется громаднымъ, и они мирятся съ жесткою известковою водой изъ единственнаго въ городѣ колодца, при чемъ эта вода обходилась обывателямъ, не имѣющимъ собственныхъ лошадей, до 60 коп. за бочку. Но греки обошлись и тутъ: наиболѣе богатые домовладѣльцы, чтобы не испытывать безводья, строятъ въ своихъ дворахъ на граничный ладъ подземныя цистерны для дождевой воды, собираемой съ крышъ домовъ и сараевъ. Благоразумные и состоятельные русскіе обыватели послѣдовали ихъ примѣру и благоденствуютъ, но подавляющее большинство населенія постоянно бѣдствуетъ безъ воды. Пожаръ въ этомъ городѣ— сущее наказаніе Господне, потому что пожарныя

бочки должны за версту и болѣе ѣздить за водою въ море и медленно подниматься оттуда по крутымъ и дурно вымощеннымъ спускамъ, которыхъ на весь громадный городъ насчитывается только три.

Въ былыя времена Азовское море изобиловало рыбою благородныхъ породъ. Во многихъ дворахъ стояли такъ называемыя балычни. Это были своеобразныя башенныя постройки изъ высокихъ столбовъ, накрытыхъ крышею. Подъ этою крышей висѣли сотнями и вызрѣвали на солнцѣ огромныя осетровыя балыки. Теперь уже въ морѣ нѣтъ ни осетра, ни стерляди. Въ водахъ рѣки Дона еще попадаетъ красная рыба, но уже измельчавшая, потому что станичники и ростовцы давно уже самымъ нерасчетливымъ образомъ выловили и погубили крючковыми снастями все свое богатство въ погонѣ за зернистой икрой. Рыба вылавливалась какъ разъ въ то время, когда шла метать икру. На моей памяти нѣсколько разъ издавались распоряженія, воспрещавшія ловить осетровыя породы въ періодъ метанія икры, но изъ этого не выходило никакого толку—ловля продолжалась. Теперь ни въ гастрономическихъ магазинахъ Петербурга и Москвы, ни на югѣ, на мѣстахъ лова, я уже не встрѣчаю болѣе тѣхъ балыковъ-гигантовъ, которые вялились на солнцѣ на моихъ глазахъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Въ каждомъ изъ приазовскихъ городовъ, кромѣ обычныхъ Старыхъ и Новыхъ, Верхнихъ и Нижнихъ базаровъ, существуетъ еще и Рыбный базаръ. Уже само названіе показываетъ, что это были торжища исключительно рыбою. Я говорю: «были», потому, что въ настоящее время на этихъ рынкахъ можно купить все, кромѣ только рыбы... Прежней рыбы уже нѣтъ, а наши внуки, пожалуй, не увидятъ даже и тѣхъ представителей русскаго рыбнаго царства, которыхъ мы теперь, по сравненію съ прежними, считаемъ измельчавшими и выродившимися.

Много небогатыхъ семей, въ средѣ которыхъ есть досужіе старики и мальчуганы-подростки, въ теченіе лѣта разнообразятъ свой столъ даровою и вкусною рыбою—бычками, которые хорошо идутъ на удочку. Средняя величина этой сѣренькой рыбки съ бѣлымъ, сочнымъ мясомъ—около двухъ вершковъ, но попадаются экземпляры и вершка въ четыре. По внѣшности бычокъ напоминаетъ ерша. Онъ очень вкусенъ поджаренный на сковородѣ, но за послѣднее время сталъ встрѣчаться въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ въ маринованномъ видѣ въ жестянкахъ, какъ лакомый консервъ. Въ Таганрогѣ каждый почти лѣтній день можно видѣть въ гавани сотни мальчугановъ и стариковъ, сидящихъ у самой воды на сваяхъ набережной съ незатѣйливыми удочками въ рукахъ. Въ какойнибудь часъ натаскаетъ такой рыболовъ сотню или полторы бычковъ—и семья сыта. Часовъ съ пяти утра таскаетъ на обѣдъ, а передъ вечеромъ—на ужинъ. И дешево, и сердито, и время проведено лов-

цомъ на здоровомъ чистомъ воздухѣ. Я въ свое время очень любилъ ловлю этого рода и остался рыболовомъ въ душѣ и до сихъ поръ.

Настоящіе рыбаки Азовскаго моря знакомы мнѣ только по таганрогскимъ представителямъ этой профессіи,—знакомы потому, что въ дѣтствѣ заставляли меня горько и искренно плакать. Бывало, сидишь вечеромъ за книжкою и робко прислушиваешься къ заунывному, тоскливому вою въ трубѣ. На дворѣ плачетъ и стонетъ вьюга—такая вьюга, отъ которой прячется подъ крышу все живое, и послѣ которой улицы оказываются непроходимыми отъ огромныхъ сугробовъ. вмѣстѣ со стономъ вьюги сквозь двойныя рамы доносится и звонъ колоколовъ со всѣхъ церквей. Его подхватываетъ вѣтромъ, и онъ то замираетъ, унесенный куда-то, далеко, то съ силою врывается въ комнату. Мать и нянька по временамъ тяжело вздыхаютъ и набожно крестятся:

— Спаси ихъ, Господи, не дай имъ погибнуть!...

Сальная свѣчка нагораетъ и оплываетъ, потомъ начинаетъ усиленно мигать. Отъ этого на душѣ дѣлается еще унылѣе, и у меня къ горлу подкатываютъ слезы. Въ сѣняхъ раздается топотъ ногъ и откашливаніе. Это—пришли изъ лавки, послѣ дневныхъ трудовъ, приказчики и отецъ. Отецъ входитъ въ теплую комнату съ опущенною снѣгомъ бороною и говоритъ матери:

— Ну, да и вьюга же, прости Господи; зги на дворѣ не видно, а вѣтеръ такъ съ ногъ и валить. Бѣда теперь рыбакамъ въ морѣ. Всю ночь во всѣхъ церквяхъ будутъ звонить, чтобы они не сбились съ дороги...

— Спаси, Господи, и помилуй!... У каждаго вѣдь семья есть,—говорить мать.

Меня посылаютъ спать. Я укладываюсь въ постель, но долго не могу заснуть и, прислушиваясь къ звону, начинаю горько плакать... Поужинавъ, отецъ становится на вечернюю молитву, и мнѣ слышно, какъ онъ бормочетъ усталымъ голосомъ:

— «О недугующихъ, странствующихъ, путешествующихъ и сущихъ въ морѣ далече»...

Подъ звуки этой молитвы передъ моими глазами проносятся безотрадныя картины застигнутыхъ метелью рыбаковъ, этихъ «сущихъ въ морѣ далече». Я рисую себѣ картину, какъ они сбились съ пути, не знаютъ, въ которой сторонѣ городъ, путаются среди свирѣпящей снѣжной бури по ледяной равнинѣ и, сбившись въ кучу, замерзаютъ вмѣстѣ съ лошадьми... Мнѣ ихъ жаль отъ души, я начинаю еще горше плакать и, незамѣтно для самого себя, засыпаю весь въ слезахъ, на влажной подушкѣ... Во снѣ мнѣ чудится все тотъ же печальный ночной трезвонъ со всѣхъ городскихъ колоколенъ...

На другой день я просыпаюсь, и первая моя мысль—о злополучныхъ рыбакахъ. Вьюга затихла, утро наступило ясное, солнеч-

ное, и снѣгъ блеститъ такъ ослѣпительно, что больно выглянуть въ окно. За ночь намело огромныя, высокія сугробы, похожія на крѣпостныя стѣны. На вершинахъ сугробовъ стоятъ арестанты въ сѣрыхъ шапочкахъ и сѣрыхъ курткахъ съ бубновыми тузами на спинахъ и разбрасываютъ лопатами снѣгъ. Но арестанты съ ихъ подневольнымъ трудомъ мало меня интересуютъ: я уже привыкъ къ тому, что они возятъ на себѣ въ острогъ муку и крупу, запряженные вмѣсто лошадей, и что они же съ баграми и огромными дубинами истребляютъ на базарахъ бродячихъ собакъ,—меня занимаетъ всецѣло одна только мысль: что случилось съ несчастными рыбаками?... Я ухожу въ школу и тамъ узнаю, что рыбаки возвратились съ моря уже утромъ, и что двоихъ привезли въ саняхъ мертвыми: несчастные замерзли. Къ горлу у меня опять подкатываютъ слезы. Я дѣлаюсь разсѣянъ, плохо отвѣчаю свой урокъ, и за это грекъ-учитель Николай Спиридоновичъ пребольно отжариваетъ меня по ладонямъ линейкою...

Но я мало думаю о наказаніи. Мои дѣтскія мысли витаютъ вкругъ спускающейся за рыбнымъ базаромъ кручи, по уклону которой разсѣяны убогія хатки рыбаковъ. Эти хатки очень красивы, малы, словно игрушечки, и сбѣгаютъ по кручѣ уступами до самаго моря. Рыбаки—народъ бѣдный и не имѣютъ средствъ для того, чтобы построиться въ городѣ, гдѣ земля дорога. Поэтому они поселились на крутой, глиняной отлогости, сбѣгающей отъ города внизъ. Они выкопали себѣ часть жилищъ въ глинѣ кручи, а наружную, открытую часть застроили въ видѣ домиковъ съ дверями и окнами. Домики кажутся отъ этого на половину вдавленными и ушедшими въ почти отвѣсную стѣну обрыва. Вокругъ хижинокъ устроены крохотные дворики, окруженные кое-какъ сложенными забориками изъ камней съ глиною. На шестахъ и на заборикахъ сушатся сѣти, въ нѣкоторыхъ дворикахъ изъ-за сѣтей выглядываютъ зеленыя вишневыя деревца... Я очень любилъ этотъ поселочекъ и нарочно старался спуститься черезъ его дворики, когда шелъ купаться... Послѣ вчерашней ночи тамъ все должно быть занесено глубокимъ снѣгомъ, и въ двухъ домикахъ семьи плачутъ по замерзшимъ отцамъ... Николай Спиридоновичъ удивляется моею разсѣянностію и уставленному въ одну точку взгляду и начинаетъ немилосердно таскать меня за чубъ...

Позже, уже будучи подросткомъ, я ѣздилъ по льду въ море и видѣлъ, какъ рыбаки ловятъ неводами рыбу. Они собираются артелями-ватагами, покупаютъ на общій счетъ неводъ, добываютъ лошадей и сани и уѣзжаютъ со всѣми снастями по льду верстъ за десять отъ берега. Ёдутъ они до тѣхъ поръ, пока по какимъ-то имъ однимъ вѣдомымъ признакамъ не опредѣлятъ мѣста, гдѣ долженъ пройти подо льдомъ «косякъ» рыбы. Тутъ они останавливаются и дѣлаютъ во льду длинную четырехугольную прорубь и отъ

нея ведутъ вправо и влѣво сотни небольшихъ круглыхъ прорубей, которыя охватываютъ собою огромный кругъ около четверти версты въ діаметрѣ и сходятся у второй большой четырехугольной проруби. Въ первую большую прорубь опускаютъ длинныя веревки съ длинными же шестами и гонятъ ихъ въ обѣ стороны отъ одной круглой проруби къ другой. Выходить, какъ будто подо льдомъ описываютъ кругъ двѣ гигантскія иголки съ продѣтыми въ нихъ нитками. Къ послѣднимъ прикрѣплены концы огромнаго невода, который мало-по-малу спускаютъ въ прорубь. Послѣднею уходитъ подъ воду середина невода, или «мотня», т.-е. сѣтчатый мѣшокъ. Прогоняемые отъ одной круглой проруби къ другой шесты съ веревками отъ концовъ невода встрѣчаются на противоположной сторонѣ круга во второй большой проруби какъ разъ въ то время, когда въ первую прорубь опускается мотня, и весь неводъ исчезаетъ подъ водою. Такимъ образомъ, подо льдомъ неводъ охватываетъ водный кругъ въ четверть версты въ діаметрѣ и захватываетъ въ плѣнъ всю ту рыбу, которая была на этомъ пространствѣ. Неводъ понемногу вытаскиваютъ черезъ вторую прорубь и все, что окажется въ мотнѣ,—становится добычею рыбаковъ. Пойманная рыба выбрасывается на ледъ, гдѣ и замерзаетъ. Неводъ забрасывается такимъ же порядкомъ вторично, въ третій, четвертый и т. д. разъ. Такой способъ лова даетъ очень капризные результаты. Случается сплошь и рядомъ, что двѣ ватаги ловятъ не далѣе полуверсты другъ отъ друга. Одна изъ нихъ разъ за разомъ вытаскиваетъ неводъ почти что пустымъ, а у другой мотня приноситъ сразу до 40.000 штукъ чебана (леща). Это количество составляетъ уже солидный капиталъ для ватаги, успѣхъ которой зависѣлъ отъ того, что она «попала на косякъ» рыбы. Такимъ же способомъ ловятся чехонь, тарань (вобла) и селедка.

Ловъ съ перемѣннымъ счастьемъ продолжается всю зиму до самаго того времени, когда весенніе вѣтры и частыя оттепели начинаютъ ломать ледъ. Каждый годъ при этомъ случается, что рыбаки, увлекаемые успѣшной ловлей, не всегда во время сѣзжаютъ на берегъ и не замѣчаютъ, что льдина уже оторвалась отъ берега и постепенно уноситъ ихъ и съ лошадьми и со снастями въ море. Рыбаки испытываютъ самое горькое положеніе, ужасъ котораго заключается еще и въ томъ, что огромная ледяная площадь обламывается по краямъ, уменьшается въ размѣрахъ, даетъ трещины, раскалывается на мелкія льдины и разбиваетъ и разрозниваетъ злополучную ватагу, унося въ море по разнымъ направленіямъ. Но самое худшее заключается въ томъ, что нельзя подать никакой помощи съ суши. Къ носящимся на обломкахъ льдинъ рыбакамъ нельзя подплыть ни на какой лодкѣ и ни на какомъ суднѣ, кромѣ ледокола. Въ концѣ концовъ ихъ, натерпѣвшихся страха и голодныхъ, прибываетъ къ какому нибудь мысу

или къ косѣ, но немало ихъ гибнетъ вмѣстѣ съ лошадьми, рыбой и снастями въ открытомъ морѣ. Газеты почти каждую весну приносятъ извѣстія о такихъ оторванныхъ льдинахъ и унесенныхъ въ открытое море людяхъ, и почти каждую весну море поглощаетъ нѣсколько человѣческихъ жизней, и въ большинствѣ случаевъ это приходится на Масленую, когда ничего не подозревающая публика услаждается блинами съ икрою и разною рыбою, которая достается такъ тяжело...

Бычки хорошо шли на удочку въ двухъ мѣстахъ—на Воронцовской набережной и у островка Черепахи. Оба эти пункта оказываются историческими, но исторія ихъ понемножку забывается. Одинъ изъ временныхъ администраторовъ края—знаменитый въ свое время князь Воронцовъ первый произвелъ работы и сооруженія, сдѣлавшія Таганрогъ портовымъ городомъ: онъ отвоевалъ у моря небольшую часть его площади, на протяженіи около полуторы версты построилъ стѣну изъ свай, скрѣпленныхъ мощными полосами жельза и огромными, тяжелыми болтами, засыпалъ пространство между стѣною и береговою кручею «грунтомъ» и этимъ путемъ далъ городу большую площадь для грузовыхъ операцій. Эти сваи цѣлы еще и до сихъ поръ, хотя и изглоданы временемъ въ верхнихъ частяхъ, выступающихъ изъ воды. Подводная же ихъ часть сохранилась вполне и служитъ мѣстомъ рыболовнаго спорта: любители ныряютъ въ этихъ мѣстахъ на дно, обшариваютъ ощупью промежутки между сваями и вытаскиваютъ съ торжествомъ гнѣздящихся тамъ бычковъ и крупныхъ раковъ. Они-то и рассказываютъ, какъ еще хороши и крѣпки сваи. Воронцовъ же провелъ отъ своей набережной и подъемъ въ городъ—такъ называемый Воронцовскій спускъ, сооруженіе страшно крутое и очень неудобное. Глядя на эту единственную въ то время дорогу изъ гавани въ городъ, нужно было только удивляться, какъ злополучныя лошади могли вывозить на верхъ тяжелые возы съ сантуринскими 40-ведерными бочками и съ заграничными товарами въ тюкахъ. На вершинѣ спуска стояло зданіе таможни, снизу казавшееся висящимъ на воздухѣ. Изъ его оконъ видно было, какъ съ птичьяго полета, все, что дѣлалось въ заливѣ и въ гавани, которая и до сихъ поръ называется совершенно неправильно «Биржей». Таможенные чиновники, которымъ приходилось по нѣскольку разъ въ день спускаться на биржу и подниматься въ таможню, отъ всей души проклинали и предавали анаемѣ и то и другое, а главное—крутой Воронцовскій спускъ. Нынѣ зданіе таможни стоитъ на самомъ берегу, и старымъ спускомъ почти уже никто не пользуется.

Воронцовъ же построилъ и прелестную нѣкогда каменную лѣстницу, ведущую съ гавани въ городъ на Греческую улицу. На всемъ приморскомъ югѣ Россіи такихъ грандіозныхъ лѣстницъ

только двѣ—въ Одессѣ и въ Таганрогѣ. Обѣ онѣ являлись въ свое время необходимостью, какъ удобныя пѣшеходныя сооруженія по высокой кручѣ. Первую строилъ знаменитый дюкъ Ришелье, а вторую—князь Воронцовъ. Обѣ спускаются террасами и окаймлены каменными низенькими барьерами, на которыхъ при подъемѣ можно присѣсть и отдохнуть. Интересенъ въ этихъ лѣстницахъ инженерно-архитектурный расчетъ, скрадывающій перспективу: если смотрѣть сверху внизъ, то лѣстница на всемъ своемъ большомъ протяженіи кажется совершенно одинаковой ширины, а снизу вверхъ кажется суживающейся. Въ обоихъ случаяхъ выходитъ изящно, и все сооруженіе является стройнымъ. Въ былыя времена верхняя площадка таганрогской лѣстницы была украшена тумбою съ солнечными часами и служила по вечерамъ мѣстомъ прогулки для греческой аристократіи, но съ годами все пришло въ упадокъ: солнечныя часы были изломаны, и мѣдныя части ихъ расхищены, гулянья прекратились, а самая лѣстница стала разрушаться и очень долго ждала ремонта, въ которомъ ей не менѣе долго городская управа отказывала.

Островкѣ Петра Великаго, или Черепаха, по преданію, былъ насыпанъ великимъ завоевателемъ края еще въ то время, когда онъ строилъ обмелѣвшій нынѣ «ковшъ». Онъ выбралъ въ двухъ верстахъ отъ берега такой пунктъ, съ котораго было прекрасно видно море во всѣ стороны, и велѣлъ насыпать здѣсь небольшой островокъ. Матеріаломъ для насыпки послужилъ песочный балластъ, съ которымъ прибывали заграничныя суда. Верхняя площадка этого искусственнаго островка была выложена плитами, промежутки между которыми были залиты свинцомъ, а въ центрѣ была водружена мачта, которую засталъ еще и я. Былъ ли это обсервационный пунктъ, или же островокъ предназначался для какойнибудь другой цѣли,—не помнятъ даже и старожилы. Благодарное потомство отнеслось къ сооруженію Петра съ подобающимъ уваженіемъ, расхитило безъ остатка свинець и растаскало всѣ плиты. Теперь этотъ островокъ не имѣетъ никакого значенія. Но если онъ дѣйствительно насыпанъ изъ привознаго, заграничнаго балласта, то онъ является очень поучительнымъ. Дѣло въ томъ, что испоконъ вѣка парусныя суда, зафрахтованныя за границей и приходящія въ азовскіе порты за зерновымъ хлѣбомъ, нагружаются еще на родинѣ пескомъ. Безъ балласта судно не можетъ устойчиво держаться на водѣ и можетъ быть опрокинуто вѣтромъ. Въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, существуетъ законъ, обязывающій шкиперовъ выгружать балластъ непременно въ отведенное, строго опредѣленное портовымъ начальствомъ мѣсто. Но выгрузка стоитъ денегъ, поэтому шкипера испоконъ вѣка тайно выбрасывали по ночамъ свой песокъ прямо въ море. Въ результатъ этого получилось сильное обмеленіе гаваней въ Мариуполѣ, Ейскѣ, Бердянскѣ и Таганрогѣ. На-

блюденіе за выгрузкою балласта возложено закономъ на таможенный надзоръ, но такъ какъ послѣдній во время оно былъ слабъ, по разнымъ, хотя и незаконнымъ, но уважительнымъ причинамъ, то естественная и безъ того небольшая глубина приазовскихъ гаваней засорялась безпоощадно. Временами сильные вѣтры начисто выгоняютъ воду изъ Таганрогскаго залива, и тогда можно на обнаженномъ днѣ моря наблюдать цѣлыя наслоенія и отмели балластного песку, перемѣшаннаго съ раковинами моллюсковъ, обитающихъ только въ Средиземномъ морѣ. Нарушенія балластного закона не рѣдки и теперь, но производятся иностранными шкиперами уже не такъ дерзко, какъ прежде, и виновныхъ нынѣшня таможня безъ всякаго послабленія таскаетъ къ мировому; но здѣсь возмездіе выражается только слабымъ денежнымъ штрафомъ до 25 рублей. Шкипера платятъ этотъ штрафъ безпрекословно и даже охотно, такъ какъ законная выгрузка того, что уже выброшено въ море, обошлась бы въ десять разъ дороже. Бывали случаи, что балластные дѣла доходили даже и до окружнаго суда, какъ это было въ 1885 году. Если Великій Петръ, какъ я уже сказалъ, дѣйствительно насыпалъ Черепаху изъ балласта, то этимъ онъ подалъ очень поучительный примѣръ потомству, которое могло бы, отводя балластные мѣста на извѣстномъ разстояніи отъ гавани, съ теченіемъ десятковъ лѣтъ получить даровой защитный молъ, а шкипера были бы избавлены отъ затратъ на выгрузку и не засарили бы гавани. Но урокъ Петра пропалъ даромъ.

Теперь же каждый изъ азовскихъ портовъ осаждаютъ министерство путей сообщенія ходатайствами объ искусственномъ и дорого стоящемъ углубленіи гаваней путемъ землечерпанія. Очень интересна въ этомъ отношеніи одна страничка изъ исторіи порта въ Таганрогѣ.

Благодаря мелководью азовскихъ портовъ, крупные иностранные пароходы и паровыя суда останавливаются далеко отъ гаваней, на такъ называемыхъ рейдахъ. Это—явленіе общее и для Мариуполя, и для Ейска, и для Бердянска. Въ Таганрогѣ же, куда въ теченіе навигаціи прибываетъ до полуторы тысячи иностранныхъ судовъ, рейдъ, т.-е. девятнадцати-футовая глубина, расположенъ не менѣе, какъ въ 50 верстахъ отъ города. Отсюда проистекаетъ цѣлый рядъ важныхъ неудобствъ: товары должны перегружаться на мелкія каботажныя суда, таможенный надзоръ долженъ раздваивать свои наличныя силы, дѣля ихъ между гаванью и рейдомъ и т. д. Кромѣ того, въ открытомъ морѣ во время волненія и крупной зыби погрузка и выгрузка приостанавливаются, и дорогое рабочее время пропадаетъ безъ пользы. Въ виду этого неоднократно возникалъ вопросъ о проведеніи отъ города на рейдъ дамбы до глубины 19—21 футъ. Былъ составленъ даже инженеромъ Руктешелемъ проектъ этой дамбы съ рельсовымъ путемъ по ней, съ таможенными зда-

ніями и всевозможными портовыми сооружениями. Дамба должна была начинаться въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города у имѣнія Алфераки-Дмитріадовки (которая теперь распродается по участкамъ). По проекту, къ ней должны безпрепятственно приставать глубоко-сидящія морскія суда. Въ таганрогской думѣ по этому поводу произошелъ расколъ. Интеллигентные гласные видѣли въ осуществленіи этого проекта великое благо для города и блестящую будущность, но люди, живущіе только нынѣшнимъ днемъ, страшно возстали. Мнѣ пришлось быть въ засѣданіи думы, когда отцы города обсуждали этотъ вопросъ, и я до сихъ поръ помню вѣзавшееся мнѣ въ память восклицаніе одного ретиваго гласнаго; запомнился даже его «таганрогскій» акцентъ:

— Та нѣтъ же жъ,—возразилъ онъ, махая руками,—нѣтъ же жъ, етаго принять нильзя: тада (тогда) увесь Таганрохъ пірійдетъ жить у Дмитріадовку до Алфираки, а уся наша торговля пірійдетъ у Ростовъ, и каботажка побѣгитъ мимо Таганрога прямо у Ростовъ... Никакой данбы ни нада, пуцай она скиснить...

Проектъ былъ отвергнутъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ возникъ опять. Его опять обсуждали въ думѣ и снова пожелали ему скиснуть. Но онъ не исчезъ и возродился лѣтъ черезъ пять въ третій разъ и вызвалъ великій бой между гласными. Противники дамбы настаивали на необходимости углубить уже существующій портъ.

— А деньги на углубленіе у васъ есть?—ядовито спрашивали сторонники дамбы.

— Нема (нѣтъ).

— Такъ чего же вы горячитесь? Вотъ люди, Господи Боже мой!...

— А у васъ деньги на данбу е?—наступаютъ въ свою очередь противники проекта.

— Теперь нема, а можетъ, потомъ когда нибудь и найдемъ...

— Вотъ то-то и оно! Когда найдете, тогда уже и горячитесь...

Не такъ давно, лѣтъ, кажется, пять или шесть тому назадъ, этотъ же безсмертный проектъ Руктешеля разсматривался въ министерствѣ, и о немъ немало писалось въ газетахъ; но чѣмъ дѣло кончилось, и всплыветъ ли онъ на свѣтъ Божій еще разъ,—вѣдомо одному только Аллаху; возъ же «и нынѣ тамъ», и для глубоко-сидящихъ заграничныхъ пароходовъ таганрогская гавань до сихъ поръ не доступна, а о Мариуполѣ и Ейскѣ нечего и говорить.

Мариуполь въ прежнія времена былъ извѣстенъ своею чудотворною иконою св. Георгія, вывезенной, кажется, первыми поселенцами откуда-то изъ-за границы. Особенность этой иконы заключается въ томъ, что ликъ святого не нарисованъ красками, а напоминаетъ собою выпуклое скульптурное произведеніе: онъ выступаетъ изъ вѣнчика ризы подобно лицу, выступающему изъ головного убора. Прежде на поклоненіе этому образу совершались изъ

окрестныхъ сель и городовъ паломничества, но теперь о нихъ давно уже не слышно ничего. Лѣтъ 20—25 тому назадъ въ Мариуполѣ же случилось событіе, имѣющее нѣкоторое значеніе въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. При ремонтѣ одного изъ храмовъ и при перестилкѣ въ немъ пола была обнаружена могила, въ которой найденъ былъ прекрасно сохранившійся (мумифицированный) покойникъ. Это былъ священникъ, а, можетъ быть, и архимандритъ, сидѣвшій въ креслѣ въ полномъ священническомъ облаченіи, съ покосившеюся на бокъ митрою на головѣ и съ евангеліемъ въ рукѣ. Открытіе это надѣлало много шума и вызвало усиленное паломничество. Заговорили о новообрѣтенныхъ мощахъ и о странномъ положеніи покойника, который не лежитъ, какъ слѣдовало бы, въ гробу, а сидитъ въ креслѣ. Надъ открытой могилой мѣстные обыватели и паломники нѣсколько дней служили панихиды, но потомъ, по распоряженію начальства, могила была вновь задѣлана, архимандритъ остался въ ней ждать Страшнаго Суда, а маріувольцы снова погрузились въ свою будничную, полусонную жизнь, посвященную однимъ лишь мелкимъ интересамъ.

Каменная лѣстница выходитъ на Греческую улицу, получившую свое названіе отъ греческой церкви св. царя Константина и матери его Елены. Это — въ полномъ смыслѣ слова греческая церковь. Наиболѣе чтимыя иконы въ ней изображаютъ греческихъ святыхъ: Герасима, Спиридона и другихъ. Духовенство — греки, хоръ поетъ по-гречески, богослуженіе происходитъ на греческомъ языкѣ. Паникадило — своеобразное, изъ кусочковъ граненаго хрустала, переливающегоъ всеми цвѣтами радуги. Эта церковь представляетъ собою маленькій кусочекъ Эллады. Здѣсь таганрогскіе греки обособленно отъ русскихъ удовлетворяютъ своимъ духовнымъ потребностямъ — крестятъ дѣтей, говѣютъ, вѣнчаются и отпѣваютъ своихъ покойниковъ. Аристократическія свадьбы обставляются большимъ великолѣпіемъ и торжественностью. Въ оградѣ этой церкви находятся дома для ея причта и клира и еще одно длинное, деревянное, одноэтажное зданіе подъ желѣзною крышею, оставившее во мнѣ самыя тяжелыя воспоминанія на всю мою жизнь. Не знаю, существуетъ ли оно теперь. Во времена моего дѣтства здѣсь помѣщалась приходская (при греческой церкви) царекопстантиновская греческая школа. Въ ней обучались дѣти грековъ-шкиперовъ, маклеровъ и мелкотравчатаго торговаго иностраннаго люда. По какому-то нелѣпому недоразумѣнію высидѣлъ на ея скамьяхъ цѣлыхъ четыре года самаго лучшаго своего дѣтства и я. Это были самыя грустные годы моей жизни.

Мой покойный отецъ, вращаясь среди торговаго люда и видя, какъ благоденствуютъ и какіе большіе оклады получаютъ служащіе въ греческихъ хлѣбныхъ конторахъ, порѣшилъ въ своемъ ро-

дательскомъ сердцѣ сдѣлать и меня такимъ же счастливецемъ. А такъ какъ для достиженія этой, съ его точки зрѣнія, высшей благодати, требовалось знаніе греческаго языка, то онъ, по совѣту своихъ пріятелей грековъ, и отдалъ меня въ греческую школу, когда мнѣ было всего только семь лѣтъ, и когда я еще еле-еле только читалъ и писалъ по-русски. Что это за школа, что въ ней преподается и какъ преподается, — отецъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Онъ вполне довольствовался однимъ лишь сознаніемъ, что его сынъ будетъ знать греческій языкъ и современемъ попадетъ на должность приказчика къ какому нибудь финансовому магнату въ родѣ Кондоанакки или Скараманга, а при счастіи (чѣмъ чортъ не шутить!) и къ самому Мари Вальяно. Въ дополненіе къ этимъ мечтамъ и добрые пріятели, сосѣди, выходцы изъ разныхъ Хіосовъ и Родосовъ, старались убѣдить отца, что изъ этой школы я могу прямо попасть въ высшую школу въ Афинахъ, въ ту самую, изъ которой выходили въ свое время такіе умы, какъ Сократъ, Платонъ и много другихъ, глубокихъ и выдающихся умовъ. Всѣ лица, окончившія курсъ въ этой афинской школѣ, выходили или патриотами въ родѣ знаменитаго Марко Боцари или загребали деньги лопатою, въ родѣ Скараманга. Эти заманчивыя рѣчи рѣшили мою участь, и я сразу попалъ въ несвойственную мнѣ среду грубыхъ и страшно неподходящихъ ко мнѣ ни по языку, ни по привычкамъ людей. Греческіе и итальянскіе мальчуганы-сверстники въ первый же день знакомства осадили меня вопросами: умѣю ли я воровать изъ мѣшковъ на биржѣ рожки и орѣхи, гдѣ я ловлю и продаю щегловъ и чижей, какими словами я ругаюсь и умѣю ли бросить камень такъ, чтобы попасть въ голову проходящему человѣку?..

Школа состояла изъ пяти классовъ, помѣщавшихся въ одной и той же комнатѣ. Въ первомъ классѣ мелюзга учила азбуку, а въ пятомъ засѣдали малые отъ 16 до 20 лѣтъ и, подѣ предлогомъ изученія греческаго синтаксиса, отнимали у младшихъ завтраки и ровно ничего не дѣлали. Учительствовалъ грекъ изъ Кефалоніи, Николай Спиридоновичъ—человѣкъ, невѣжественный, грубый и очень мало знакомый съ тѣми предметами, которые онъ преподавалъ. Пошелъ онъ въ учителя вѣроятно, только потому, что больше нигде не годился. Изрѣдка помощниками его были маклеръ Спиро и хлѣбный перекупщикъ Иванъ Мануйловичъ—оба совѣмъ необразованные греки, чрезвычайно плохо говорившіе по-русски, что не мѣшало, однако, Ивану Мануйловичу преподавать въ школѣ русскій языкъ. Вообще въ этой школѣ взглядъ на науку и на преподаваніе былъ удивительно своеобразный, и учительскій персоналъ — весьма оригинальный. Николай Спиридоновичъ вовсе не умѣлъ читать и писать по-русски; Спиридоновъ умѣлъ подписывать русскими буквами одну только свою фамилію,

а учитель русскаго языка писалъ въ мелочную лавочку требовательныя записки такого рода: «Просу отпустить 1 фу макароны и 1 ку мила каторая умивайца на лицо». Это обозначало, что знатоку русскаго языка требовался фунтъ макаронъ и кусокъ мыла, которымъ умываются.

Въ первый моментъ моего появленія въ школѣ Николай Спиридоновичъ подошелъ ко мнѣ, далъ мнѣ греческую азбуку, показалъ названія буквъ: альфа, вита, гамма, дельта и т. д., и затѣмъ забылъ меня ровно на два мѣсяца. Насъ въ школѣ было семьдесятъ человекъ, а онъ — одинъ. Мнѣ и моимъ товарищамъ никто ничего не показывалъ, и никто ничего не объяснялъ. Мы приходили каждый день въ школу, высиживали опредѣленное число часовъ и уходили съ тѣми же познаніями, съ какими и пришли. Мѣсяца черезъ два учитель вздумалъ провѣрить наши познанія и, увидѣвъ, что мы ни на шагъ не подвинулись впередъ, выстроилъ насъ человекъ восемь въ шеренгу, безъ милосердія отдубасилъ по ладонямъ линейкой и затѣмъ снова забылъ о насъ. Когда являлся Спиро, урывавшій иногда для школы часокъ отъ своихъ маклерскихъ занятій, то часть хлопотъ по преподаванію переходила на его плечи и выражалась въ томъ, что онъ подсаживался къ какому нибудь ученику, заставлялъ читать по книжкѣ греческій текстъ и при каждой ошибкѣ дралъ ученика за волосы.

Иванъ Мануйловичъ тоже являлся рѣдко и почти каждый разъ занимался одною только диктовкой. Онъ бралъ въ руки книжку и диктовалъ одну и ту же фразу.

— Вазьмите перья и писите всѣ: «Макаръ и Миса пасли гуляти у бальсой садъ. По дароги имъ папаласъ малиникая собацонька. Макаръ падынялъ балсой каминь и бросилъ у сабаку. Зивотная завиззала и стала храмати»...

Ученики-греки, обладавшіе такимъ же греческимъ произношеніемъ, какъ и самъ учитель, писали такъ, какъ слышали, и получали за это оплеухи, трясоволоски и жестокія тасканія за уши.

Я и до сихъ поръ довольно хлестко болтаю на новомъ греческомъ языкѣ, могу прочесть безъ особенныхъ затрудненій греческую газету и написать коротенькое, незамысловатое письмо. Но и до сихъ поръ, вдумываясь въ прошлое, я не могу отдать себѣ отчета, какъ я въ этой школѣ могъ научиться хоть чему нибудь. Вѣроятно, на мнѣ отразилось ежедневное четырехлѣтнее общеніе съ товарищами, не знавшими русскаго языка. Многое изъ пріобрѣтенныхъ въ школѣ познаній я безъ практики уже перезабылъ, но зато я никогда не забуду тѣхъ жестокихъ педагогическихъ мѣръ, которыя Николай Спиридоновичъ примѣнялъ къ ученикамъ для возбужденія въ нихъ благонравія и прилежанія. Это было что-то инквизиціонное, и я увѣренъ, что если бы это происходило не сорокъ лѣтъ тому назадъ, а теперь, то школа давно была бы

закрыта, самъ Николай Спиридоновичъ былъ бы вѣжливо и деликатно препровожденъ на свои родные острова—въ Кефалонію...

Розогъ не было, и съ формальной стороны въ школѣ тѣлесныя наказанія не допускались и не практиковались. Это могли бы заявить съ совершенно спокойной совѣстью и учитель и оба его помощника. Но зато употреблялись нѣкоторые вполне невинные способы внушенія и поощренія, которые даже нельзя было назвать наказаніемъ. Если, на примѣръ, два ученика—малые или великовозрастные, это все равно—увлекались во время урока бесѣдою, то Николай Спиридоновичъ подкрадывался къ нимъ сзади, схватывалъ ихъ за чубы и начиналъ колотить ихъ головами до тѣхъ поръ, пока у нихъ не вскакивали шишки на вискахъ; если ученикъ, сидя за книгою, начиналъ зѣвать по сторонамъ, то учитель, взявъ его снизу за затылокъ, наклонялъ къ книгѣ такъ нѣжно, что по всей школѣ разносился глухой звукъ удара лбомъ о парту; если какой нибудь Аргиропулосъ сообщалъ своему сосѣду Діамандидису секретъ на ушко, то Николай Спиридоновичъ бралъ обоихъ за уши, растаскивалъ въ стороны, сводилъ и стучалъ головами, опять растаскивалъ, снова ударялъ головами и производилъ эту операцію до тѣхъ поръ, пока это ему не надѣдало. Иванъ Мануйловичъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ученикъ дурно писалъ чистописаніе, бралъ стальное перо и дѣлалъ въ кисть руки виновнаго нѣсколько сотъ уколовъ до крови. Удары линейкой по ладонямъ до полного ихъ опуханія, оплеухи, подзатыльники и всякаго рода пинки и толчки наказаніемъ не считались. Одно изъ самыхъ любимыхъ наказаній, употреблявшихся Николаемъ Спиридоновичемъ чаще всего, было: поставить ученика на нѣсколько часовъ на колѣни на лѣсенку, съ помощью которой закрывались вьюшки въ печахъ. Инквизиціонная и самая безжалостная сторона этого наказанія заключалась въ томъ, что виновный ставился лицомъ ко всему классу, для позора ему привязывали за спиною грязнымъ кухоннымъ полотенцемъ кочергу, на грудь привѣшивали черную дощечку съ обозначеніемъ вины и приказывали, поднявъ правую руку, кивать безъ передышки указательнымъ пальцемъ. Я самъ не разъ испытывалъ на себѣ это наказаніе и нахожу, что оно положительно безчеловѣчно: рука быстро отекаетъ, а палецъ очень скоро деревенеетъ и отказывается производить киваніе. О томъ, насколько это варварское наказаніе было не гигиенично, нарушая на нѣсколько часовъ правильность кровообращенія во всемъ организмѣ, я уже не говорю. Одинъ разъ, послѣ часового киванія, я свалился съ лѣстницы въ обморокъ. То же случилось и еще съ двумя слабенькими мальчиками. Но эти примѣры нисколько не повліяли на кефалонца: онъ и послѣ никъ продолжалъ пользоваться лѣстницей. Хуже всего было то, что Николай Спиридоновичъ, начиная наказаніе, увлекался имъ, стис-

киваль зубы и, повидимому, наслаждался страхомъ и мученіями своей жертвы, получавшей, благодаря этому увлеченію, нѣсколько лишнихъ ударовъ.

Мнѣ очень памятны три экзекуціи. Одинъ изъ учениковъ съ очень характерной фамиліей — Пиратисъ (пиратъ, морской разбойникъ), нѣсколько дней не являлся въ школу и былъ пойманъ своимъ дядей матросомъ — тоже Пиратисомъ, въ гавани. Мальчуганъ беззаботно прогуливался среди выгружавшихся иностранныхъ товаровъ и лакомился рожками и орѣхами, разсыпанными изъ кулей при перегрузкѣ. Дядя-матросъ привелъ своего преступнаго племянника за шиворотъ въ школу и потребовалъ веревку. Учитель не безъ удовольствія исполнилъ это требованіе, и дядя, не выпускающая шиворота изъ рукъ, принялся молотить бока племянника толстою веревкой съ такою силою, что тотъ отъ боли буквально взлеталъ нѣсколько разъ на воздухъ. Экзекуція произвела на всю школу такое потрясающее впечатлѣніе, что всѣ безъ исключенія ученики поблѣднѣли отъ этой нечеловѣческой жестокости. Въ другой разъ Николай Спиридоновичъ нашелъ на одной изъ стѣнъ школы надпись мѣломъ: «дидакалосъ-трелосъ», въ переводѣ на русскій языкъ это обозначало: «учитель-дуракъ». Прочтя эту обидную для себя строку, пылкій кефалонецъ вскипѣлъ и, ворвавшись въ классъ съ налитыми кровью глазами и искаженнымъ лицомъ, заревѣлъ по-гречески:

— Кто смѣлъ написать, что я—дуракъ?

Отвѣта, конечно, не послѣдовало. Тогда началась экспертиза. Всѣ ученики старшаго класса были призваны къ доскѣ, и каждый изъ нихъ долженъ былъ по очереди писать мѣломъ слово: «дидакалосъ» (учитель), но безъ слова «трелосъ» (дуракъ). Можно представить себѣ трепетъ и дрожаніе рукъ испытуемыхъ!.. Въ нѣсколько минутъ появилось полтора десятка автографовъ, и одинъ изъ нихъ показался Николаю Спиридоновичу похожимъ на поворящую его надпись. Почеркъ оказался сходнымъ съ почеркомъ нѣкоего Фекиакиса, который тутъ же получилъ, несмотря на клятвы и протесты, предварительное, но довольно жестокое возмездіе въ видѣ десятка оплеухъ. Но, взглядываясь далѣе, кефалонецъ пришелъ къ заключенію, что нѣкоторыя буквы надписи походили на почеркъ Антонопуло — длиннаго верзила лѣтъ 18-ти. Такъ какъ послѣдній не пожелалъ принять оплеухъ безъ сопротивленія, то Николай Спиридоновичъ оторвалъ оба борта и воротникъ его сюртука, а затѣмъ уже отвѣсилъ и пощечины. Но такъ какъ такого глумленія надъ учительскимъ авторитетомъ оставить такъ было нельзя, то учитель началъ снова внимательно всматриваться въ почерки на доскѣ и, наконецъ, пришелъ къ твердому убѣжденію, что инсинуаторомъ былъ первый заподозрѣнный, то-есть Фекиакисъ. Для такого злодѣя обычныхъ наказаній было мало: надо было придум-

мать что нибудь новое и болѣе для другихъ назидательное. Николай Спиридоновичъ долго держалъ совѣтъ со своимъ помощникомъ Спиро, и оба они придумали слѣдующее. На середину класса былъ выдвинуть стулъ, и на него былъ поставленъ преступникъ. Сзади ему привѣсили кочергу, на грудь—доску съ надписью: «клеветникъ», а на спину вторую доску со словомъ «мерзавецъ». Въ такомъ положеніи инсинуаторъ, по приговору педагоговъ, долженъ былъ оставаться ровно сутки и ночевать въ школѣ, не сходя со стула. Фекіакисъ дѣйствительно выдержалъ весь этотъ искусь до конца. Въ этотъ день, по окончаніи уроковъ, ученики не выбѣгали изъ школы гурьбою, какъ всегда, а получили приказаніе выходить по одиночкѣ и, остановившись предъ наказаннымъ, плюнуть на него и произнести по-гречески: «Мерзавецъ!» Это было исполнено: всѣ ученики плевали; плевалъ, скрѣпя сердце, и я... На другой день, придя въ школу, мы нашли бѣднаго Фекіакиса на томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ и съ тѣми же украшеніями на спинѣ... Черезъ два дня, однако, выяснилось, что обидныя для кефалонца слова начерталъ ночью, возвращаясь въ игривомъ настроеніи духа съ богатыхъ крестинъ, дьячокъ, жившій рядомъ со школой. По крайней мѣрѣ, всѣ это говорили, и обстоятельство это дьячкомъ опровергнуто не было.

Третій случай произошелъ съ довольно тщедушнымъ ученикомъ, который за какую-то ничтожную провинность былъ на четверть часа повѣшенъ. Звали его, какъ теперь помню, Александромъ Ликацасъ. Существомъ онъ былъ робкимъ, беззащитнымъ и безобиднымъ. Онъ имѣлъ несчастіе провиниться передъ кефалонцемъ, и тотъ, обвязавъ его полотенцемъ за талию, повѣсилъ на уголь оконной ставни. Ликацасъ проболтался въ такомъ положеніи на воздухъ добрую четверть часа и былъ освобожденъ отъ наказанія, благодаря только случайному прибытію въ школу какого-то почетнаго посѣтителя-грека. Николай Спиридоновичъ, увидѣвъ его въ окно, успѣшилъ простить виновнаго, не желая портить репутаціи школы. Нужно при этомъ добавить, что отъ наказаній избавлялись вовсе дѣти родителей побогаче и тѣ ученики, которые бѣгали для учителя по нѣскольку разъ въ день въ лавочку за покупками.

Замѣчательнѣе всего было то, что эти «педагогическія мѣры» были извѣстны родителямъ учениковъ, но ни у кого изъ отцовъ не хватало гражданской доблести возвысить голосъ и заявить протестъ. Мой покойный отецъ, выслушивая мои рассказы, только покачивалъ головою, а мнѣ въ назиданіе говорилъ:

— Значить, онъ (ученикъ) заслужилъ, если онъ наказалъ...

Прочіе отцы—матросы, шкипера, маклера и мелкіе купцы, согласно тогдашнимъ возрѣніямъ, вѣроятно, не отдѣляли преподаванія отъ наказанія, тѣмъ болѣе, что и въ гимназіи въ ту пору ученики еще вкушали по субботамъ березовую кашу.

Независимо отъ школы, я обучался еще и дома: къ намъ ходилъ ежедневно гимназистъ-репетиторъ, и, кромѣ того, я ходилъ три раза въ недѣлю къ учительницѣ брать уроки французскаго языка. Мать упорно настаивала на томъ, чтобы отецъ взялъ меня изъ школы и отдалъ въ гимназію. Отецъ согласился было, но на мою бѣду какъ-то вечеромъ зашелъ въ лавку къ отцу Николай Спиридоновичъ и убѣдилъ его, что мнѣ надо остаться въ его школѣ еще на одинъ годъ, чтобы выучить греческій синтаксисъ. Этотъ «синтаксисъ» оказался моему отцу такой важной наукой, что я потерялъ еще одинъ лишній годъ въ греческой школѣ, не изучая никакого синтаксиса. Въ теченіе цѣлаго года Николай Спиридоновичъ всего только одинъ разъ раскрылъ передо мною тощенькій учебникъ по исторіи Греціи и заставилъ прочесть страницу. Изъ этой страницы я узналъ, что въ Греціи былъ какой-то государственный человѣкъ, по имени Міаулисъ—и только. На томъ «синтаксисъ» и кончился... Въ гимназію я поступилъ цѣлымъ годомъ позже, чѣмъ слѣдовало. Благодаря драгоцѣнному знакомству съ Міаулисомъ, у меня пропалъ цѣлый годъ въ жизни.

Написавъ послѣднюю фразу, я перечелъ все только что написанное о школѣ. Пока я писалъ, мнѣ казалось, что я, подъ влияніемъ воспоминаній, черезчуръ сгущаю темныя краски. Но послѣ чтенія я пришелъ къ заключенію, что мое описаніе вышло, наоборотъ, слишкомъ блѣднымъ сравнительно съ тѣмъ, что было на самомъ дѣлѣ. Много мною забыто и пропущено, и я, по правдѣ сказать, даже немного жалѣю объ этомъ, какъ о пробѣлѣ къ характеристикѣ описываемаго времени. Много лѣтъ спустя, когда я уже окончилъ университетъ, я побывалъ въ Таганрогѣ и, между прочимъ, отыскалъ своихъ старыхъ учителей. Николай Спиридоновичъ былъ уже не у дѣлѣ. Онъ жилъ въ собственномъ маленькомъ домикѣ, который ему достался по закладной отъ какой-то вдовы. Когда я вошелъ къ нему въ маленькую комнату, онъ былъ видимо тронутъ вниманіемъ бывшаго ученика и нѣсколько разъ повторилъ:

— Очень пріятна, очень пріятна...

Онъ сидѣлъ за убогимъ столомъ, около котораго стояли надъ раскрытою книжкою и учились два маленькихъ черномазыхъ греченка. Когда я распрощался и уходилъ, учитель далъ имъ, по старой памяти, по щелчку въ голову и велѣлъ продолжать чтеніе. Ивана Мануйловича я засталъ уже замѣтно одряхлѣвшимъ въ одной изъ хлѣбныхъ конторъ. Онъ тоже обрадовался мнѣ и, желая сказать мнѣ любезность, произнесъ:

— Прежде вы насъ боялись, а теперь ми вамъ боимся...

Скоро я встрѣтилъ его въ таможнѣ, гдѣ онъ, въ качествѣ экспедитора, исправлялъ судовые документы для какого-то шкипера.

— Существуетъ ли школа?—спросилъ я его.

- Сколы больше нема,—отвѣтилъ онъ.
- Почему?
- Попецытели нема; никто больше деньги не даѣти...

Упомянувъ о шкиперѣ, я невольно вспомнилъ о шкиперахъ-монахахъ. Православная Русь, какъ извѣстно, очень охотно жертвуетъ на Аѳонъ, преимущественно на русскіе монастыри—Пантелеймоновскій и Руссикъ. По «лицу земли родной» бродитъ и сидитъ осѣдло многое количество гласныхъ и негласныхъ агентовъ Святой Горы, собирающихъ посильную дань. Собираніе добродетельныхъ пожертвованій организовано довольно правильно. Бродячіе агенты ходятъ по деревнямъ и слободамъ и собираютъ зерномъ. Хохлы даютъ охотно «за спасеніе души» и за право быть вписаннымъ въ синодикъ для вѣчнаго поминовенія. Я лично, собственными ушами, слышалъ разсказъ агента мужикамъ и бабамъ о томъ, какъ производится на Аѳонѣ это вѣчное поминовеніе. Сидитъ въ хатѣ волосатый худой человекъ въ полумонашеской и въ полустраннической одеждѣ. На лицѣ написаны усталость и благочестіе. Подлѣ него—кожаная, туго набитая котомка, изъ которой онъ вынимаетъ и раздаетъ перламутровые крестики. Передъ нимъ на столѣ—потертая тетрадь изъ сѣрой бумаги съ привязаннымъ къ ней карандашемъ, который онъ поминутно слюнитъ. У его ногъ на полу лежитъ мѣшокъ, куда складываются и ссыпаются добродетельныя даянія зерномъ и хлѣбомъ. Каждый мужикъ и каждая баба, всыпавъ въ мѣшокъ горсть пшеницы или положивъ на столъ мѣдную монету, старается наговорить какъ можно больше «родительскихъ» именъ живыхъ и мертвыхъ для вѣчнаго поминовенія. Аѳонецъ терпѣливо и медленно заноситъ ихъ всѣ, не разбирая кого за здравіе, а кого за упокой.

— Изъ этой книжки,—повѣствуетъ онъ, указывая на тетрадь,— всѣ сродники будутъ на Аѳонѣ переписаны въ большія, толстыя книги въ кожаной обдѣлкѣ. Такими книгами съ «душами» тамъ въ монастырѣ уже полна цѣлая большая келія. Которыя книги берутъ къ себѣ схимонахи и затворники и по нимъ круглый годъ поминаютъ и денно и ношно. Это—самая праведная молитва. А прочія книги читаютъ вся братія. Когда начинается проскомидія, монахи берутъ каждый по книжкѣ, становятся въ кружокъ посреди церкви и начинаютъ тихонько поминать: мр... мр... мр... мр... мр... А когда обѣдня начинается, то они ихъ складываютъ въ уголь. Самъ все это я своими очами видѣлъ, когда Господь сподобилъ побывать на святомъ Аѳонѣ...

Мужики и бабы слушаютъ съ умиленіемъ. Но и между ними иногда встрѣчаются скептическіе умы.

— Проскомидія не долго тянетца, и монахъ усю книгу до конца прочытать не успе, —возражаетъ скептикъ,—значитъ, прочія души безъ усякаго помынанія остаютьца? Якъ съ тыми душами быть? Воны жъ тоже жертвовали...

— А тѣхъ ангелы Божіи дочитываютъ. У Господа ничего не пропадаетъ все, — спокойно отвѣчаетъ сборщикъ.

— Вотъ ты, чоловіче Божій, зряду у свою книгу пишешь и живыя души и покойныцкія. Акъ же тамъ на Ахвоні разбирають, хто вже вмеръ, а хто ще живе, та хлѣбъ жуе? — не унимается скептикъ. — Якъ монахи узнають, кого поминаты за здравья, а кого за впокой?

— А это уже ихъ тамъ Господь умудряетъ... Передъ Его святымъ Престоломъ имена сами собою раздѣляются и становятся кои одесную, а кои ошую, — невозмутимо отвѣчаетъ странникъ. — Главное, чтобы душа была записана и не была пропущена.

— Эге, — говоритъ скептикъ, доглаживая длинный усъ, — а тыхъ книгъ на Ахвоні испоконъ віку набралось мабуть вже ціла гора. Хіба жъ можно цілу гору прочитаты за одну проскомыдію? Що небудь та не такъ...

— Никакой тамъ горы книгъ нѣтъ. Въ монастырѣ книгъ — въ самую пропорцію, — ровнымъ голосомъ отвѣчаетъ странникъ.

— Куды тыи (тѣ) діваютьця, що раньшъ пысани булы?

— Старыя книги, рабъ Божій, въ гробы кладутъ для поминанія на томъ свѣтѣ. Когда помираетъ монахъ, то ему въ гробъ кладутъ десятокъ, а то и два самыхъ старыхъ «поминаній» и зарываютъ въ могилу. Его праведная душа по этимъ книгамъ уже на небесахъ передъ самымъ Господомъ ходатайствуетъ...

Чѣмъ краснорѣчивѣе и увѣреннѣе въ себѣ такой агентъ, тѣмъ болѣе располагаетъ онъ къ пожертвованіямъ. Хохлы даютъ охотно. Но бываютъ такія времена, когда жертвователи съ искренней горечью восклицаютъ:

— Тутъ годъ такой неурожайный, а тутъ прохателівъ (просителей) понаіхало!..

Бродячій сборщикъ препровождаетъ собранныя имъ пожертванія въ городъ къ осѣдлому, а послѣдній, когда наберется болѣе солидное количество мѣшковъ, направляетъ ихъ въ портовый городъ къ такъ называемому комиссіонеру Святой Горы. Такимъ комиссіонеромъ избирается аеонскими монахами какой либо изъ обывателей, пользующійся обыкновенно всеобщимъ уваженіемъ и извѣстный благочестивой жизнью. Онъ ведетъ переписку съ братією монастыря и увѣдомляетъ ее о ходѣ и количествѣ собранныхъ уже пожертвованій. Въ извѣстное время монастырь отряжаетъ съ Аэона свое собственное судно, которое и увозитъ изъ Россіи добротныя даванія. Это судно замѣчательно тѣмъ, что на немъ весь экипажъ — и шкиперъ и матросы — поголовно монахи. Судно носитъ названіе какого либо святого, и во время пути на его палубѣ неукоснительно совершаются богослуженія по монастырскому уставу. Это — какъ бы маленькій плавучій монастырекъ. Монахи привозятъ съ Аэона мѣстныя произведенія Святой Горы — вино,

маслины, лавровый листъ и орѣхи, а увозятъ пожертвованный Русью хлѣбъ, и это повторяется правильно каждый годъ.

Въ Таганрогѣ комиссіонеромъ Аэона былъ мой покойный дядя, и, благодаря этому, я до извѣстной степени полно ознакомленъ съ операціями, которыя ведутся въ портовыхъ городахъ въ пользу монастырей. Но на нихъ останавливаться подробно я не стану и посвящу немного строкъ только двумъ очень хорошо памятнымъ мнѣ съ дѣтства монахамъ: о. Феодосію и о. Филарету, или, какъ онъ самъ себя называлъ, — Хвиларету. Оба они были разнохарактерными, но типичными представителями затерявшагося гдѣ-то въ Турціи и замкнутого въ самомъ себѣ монашескаго міра. Я вспомнилъ объ этихъ монахахъ не безъ удовольствія, а иногда и не безъ улыбки. Оба были добрые и весьма простодушные люди. О. Феодосій былъ по происхожденію великорусскій мужикъ съ брюшкомъ, широкой апостольской бородою почти до пояса и съ длинными густыми волосами на головѣ; Хвиларетъ же былъ тощій и грубый мужикъ-хохолъ, прошедшій весь курсъ тяжелой николаевской службы. Бородка у него была рѣдкая, козлиная, и на головѣ волосъ было мало. Феодосій облакался въ рясу и клобукъ, а его товарищъ ходилъ всегда только въ подрясникъ, подпоясаннымъ широкимъ чернымъ поясомъ, и на головѣ носилъ скуфейку. Первый былъ благодушенъ и миролюбивъ, а второй — желченъ, во всемъ мірѣ видѣлъ только одно зло и безпорядки, страстно ненавидѣлъ женщинъ и постоянно былъ рѣзокъ, недоволенъ и брюзжалъ. Особенно доставалось отъ него моему покойному дядѣ. Приплывая съ Аэона, Хвиларетъ находилъ въ домѣ у дяди или приращеніе семейства, или же тетку въ интересномъ положеніи, и хотя дядя былъ женатъ самымъ законнымъ образомъ, и бракъ его былъ благословленъ самою церковью, тѣмъ не менѣе строгій монахъ по цѣлымъ часамъ на своемъ грубомъ, солдатскомъ жаргонѣ распекалъ его за несоблюденіе цѣломудрія. За это тетка его терпѣть не могла.

Трудно было представить себѣ двѣ болѣе противоположныя натуры, чѣмъ эти монахи, но монастырь посылалъ ихъ на своемъ суднѣ въ Россію всегда вмѣстѣ. Вѣроятно, монастырское начальство дѣлало это ради ихъ взаимнаго между собою контроля. Аэонское парусное судно называлось, кажется, «Св. Пророкъ Ілія». Я на немъ бывалъ, и меня всегда поражалъ царившій на его палубѣ и въ трюмахъ какой-то особенный специфическій запахъ, который сопровождаетъ всегда и самихъ монаховъ. Это — какая-то смѣсь кипариса, благовонныхъ травъ и человѣческаго пота. Монахъ, по уставу, не имѣетъ права ни купаться, ни ходить въ баню, дабы не соблазниться наготою собственнаго тѣла (это объяснилъ мнѣ о. Феодосій), и эти запахи, по всей вѣроятности, прививаются къ одеждѣ искусственно для того, чтобы заглушить далеко неприятный ароматъ кожныхъ

выдѣлений. Оба монаха часто бывали въ лавкѣ моего отца, а иногда и живали у насъ въ домѣ. Отецъ обильно угощалъ ихъ сантуринскимъ виномъ, послѣ котораго обыкновенно Хвиларетъ начиналъ бранить мірскія блага и удобства и, не соглашаясь воспользоваться постелью, уходилъ спать на сѣно, которымъ питалась наша корова. Θεодосій же вступалъ въ благодушную бесѣду, восхвалялъ Аѳонъ, рассказывалъ о его порядкахъ и приводилъ доказательства особаго Божія попеченія о Святой Горѣ. Вынувъ изъ кармана своей рясы горсть грецкихъ орѣховъ, привезенныхъ съ Аѳона, онъ рекомендовалъ всей компаніи слушателей отвѣдать ихъ и убѣдиться, какая въ нихъ заключена особенная сладость, и параллельно бралъ изъ лавочнаго мѣшка продажный орѣхъ и увѣрялъ, что въ немъ такой сладости уже не найдешь. Съѣвъ нѣсколько аѳонскихъ орѣховъ и позабывъ все, что говорилъ до сихъ поръ, онъ обращался къ отцу съ словами:

— Паша, дай-ка чего нибудь сладенькаго—пряничка, что ли, закусить: послѣ орѣха во рту что-то горько стало.

Компанія, передъ которой расточалъ свое краснорѣчіе о. Θεодосій, состояла изъ маклеровъ и хлѣбныхъ комиссіонеровъ. Публика эта относилась къ рѣчамъ монаха не вполне довѣрчиво, а иногда не прочь была и подразнить его. Пользуясь исторіей съ орѣхомъ, который, будучи сладкимъ, вызываетъ во рту горечь, маклера начинали грубо оппонировать и посмѣиваться. Слово-за-слово, и разговоръ принималъ весьма непріятный оборотъ. Свѣтскіе люди начинали доказывать, что аѳонскіе монахи вовсе не заслуживаютъ почета и уваженія, что они ушли въ монастырь только для того, чтобы избавиться отъ труда и, прикрываясь рясою, ничего не дѣлать. О. Θεодосій, наоборотъ, съ жаромъ доказывалъ, что монахъ есть свѣтильникъ, и что не будь этого свѣтильника и молитвенника о грѣхахъ нашихъ,—грѣшный міръ давно бы погибъ, и въ немъ не осталось бы камня на камень. Маклера набрасывались на монаха еще пуще, но дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что о. Θεодосій, истощивъ всю свою немудрую аргументацію, вдругъ кланялся смиренно своимъ противникамъ въ ноги и кротко произносилъ:

— Простите за то, что я ввелъ васъ во искушеніе...

Пристыженные этимъ поступкомъ маклера умолкали, въ свою очередь начинали извиняться, и примиреніе заключалось быстро и сопровождалось новымъ стаканчикомъ сантуринскаго. Хвиларетъ поступалъ иначе. Онъ не терпѣлъ вольнодумства и защищалъ и Святую Гору, и монашескій чинъ нѣсколько иначе. Когда міряне-спорщики хватили черезъ край, онъ безъ церемоніи поднималъ надъ ихъ головами свой длинный посохъ и съ солдатскою прямою вскрикивалъ:

— Та я тобі, собачій сынъ, за твое непотребство голову проломлю! Ахъ, ты, скаженный богохульникъ!..

Оба монаха проживали въ Таганрогѣ по недѣлѣ, а иногда и по двѣ и, видимо, были довольны той относительной свободой, которой они пользовались внѣ стѣнъ монастыря и строгихъ его правилъ. Вращаясь среди мірянъ, они разрѣшали и себѣ изрѣдка отступать отъ сухояденія и не всегда отказывались отъ стакана вина, за которымъ невольно нарушался обѣтъ молчанія. Ѳеодосій нарушалъ уставъ скромно и безмолвно, какъ бы покоряясь гнетущей необходимости, а Хвилареть, приступая къ ястію и питію, всегда громко бранилъ радушныхъ хозяевъ за соблазнъ. Не онъ былъ виноватъ въ прегрѣшеніи, а тѣ, кто вводилъ его на него.

— Я бѣ тебе на Ахвони за таке чревоугодіе и обжорство підъ начало поставивъ! Ты бѣ у мене тамъ поклоны бивъ!—ворчалъ онъ за обѣдомъ по адресу хозяина.

Оба монаха пребывали въ городѣ до тѣхъ поръ, пока нагружалось судно ихъ «Св. Пророкъ Ілія». Привезенные съ собою продукты, въ родѣ орѣховъ со сладостью, они частью продавали въ пользу монастыря, по большей же части раздавали даромъ въ видѣ благословенія Святой Аѳонской горы, чѣмъ пріобрѣтали новыхъ жертвователей. Нагрузивъ судно, они уплывали къ себѣ домой и иногда въ теченіе навигаціи успѣвали вернуться еще разъ за новой партіей пожертвованій. По внѣшнему виду и внутреннему обиходу судно ихъ трудно было отличить отъ обыкновеннаго купеческаго. Весь экипажъ, включая сюда и шкипера, былъ одѣтъ, несмотря на свой иноческій чинъ, въ обыкновенное матросское платье—штаны и куртки турецкаго покроя изъ грубаго верблюжьяго сукна. Одинъ только іеромонахъ, низмѣнно сопровождавшій судно и совершавшій на немъ богослуженія, не снималъ своей монашеской одежды. Благочестивые таганрожцы очень любили эти монашескія службы и наперерывъ добивались чести быть приглашенными на судно ко всенощной, послѣ которой монахи угощали гостей трапезой, состоявшей изъ однихъ только маслинъ, политыхъ уксуомъ и деревяннымъ масломъ, и изъ хлѣба. Въ видѣ десерта предлагались какія нибудь сладости. Истомившіеся долгой всенощной и проголодавшіеся богомольцы обыкновенно приходили въ искренній восторгъ отъ этой скромной трапезы.

Монахи греческихъ аѳонскихъ монастырей тоже по временамъ наѣзжали въ Россію за сборомъ подаеній, но они поступали иначе: они привозили съ собою въ ковчезцахъ частицы мощей и служили надъ ними молебны. Хлѣбомъ же и деньгами снабжали ихъ богатые греческіе торговые дома.

Переписка, которую мой покойный дядя велъ съ Аеономъ, была поистинѣ достойна удивленія по стилю. Я, въ теченіе своей журнальной жизни исписавшій стопы бумаги, не былъ бы въ силахъ

сочинить такого письма. На верху листа ставился обыкновенно крестикъ, и затѣмъ исписывались все четыре страницы большого почтоваго листа. Суть письма заключалась въ увѣдомленіи о томъ, что въ кассѣ у комиссіонера накопилась такая-то сумма собранныхъ денегъ. На это требовалось всего только три строки; остальное же пространство чистой бумаги было заполнено упоминаніями о безплотныхъ ангельскихъ силахъ, объ архистратигахъ, херувимахъ и серафимахъ, о горнихъ и вышнихъ, о мученическомъ воинствѣ и т. д. Письмо пестрѣло такими словами, какъ «предстательство», «ходатайство», «престолъ», «лики», «подножіе», «дѣволъ», «заступничество», «святая молитва» и «благословеніе»... Читашь, бывало, и диву даешься: откуда это все берется? Отвѣтныя письма съ Аэона носили точно такой же характеръ и были также многословны, но въ нихъ преобладали слова «смиреніе» и «грѣшный молитвенникъ вашъ».

Все это было въ старину, и теперь уже, кажется, такіе сложные способы сбора пожертвованій болѣе не практикуются: съ одной стороны, значительно порѣдѣли добровольцы-сборщики, ходившіе по деревнямъ ради «спасенія души», а, съ другой, и сами монастыри на Аэонѣ стали практичнѣе и начали пользоваться услугами почты и адресъ-календарей. Нынѣ они рассылаютъ нефранкированными письмами печатныя воззванія и прилагаютъ напечатанныя на холстѣ или на тонкомъ кумачѣ священныя изображенія съ неизмѣннымъ благословеніемъ Святой Аэонской горы, упоминаніемъ о вѣчномъ поминованіи и съ адресомъ, по которому нужно посылать добротныя даянія «отъ щедротъ вашихъ». Случается сплошь и рядомъ, что какой нибудь инженеръ, докторъ или актеръ получаютъ неожиданно такія письма и, заплативъ изъ любопытства почтѣ 14 копеекъ, въ результатѣ начинаютъ посылать изобрѣтательному монастырю, вмѣсто матеріальныхъ, не особенно пріятныхъ для него словесныхъ «даяній»... Но адресъ календари, вѣроятно, служатъ свою службу: я, на примѣръ, и многіе мои знакомые каждый годъ по два и по три раза получаемъ такія письма, хотя ни на одно изъ нихъ не отвѣчали и отвѣчать не будемъ. Мало того: иногда подобныя письма подгоняются ко дню ангела и содержатъ въ себѣ поздравленія, а затѣмъ уже и воззваніе. Прогрессъ теперь замѣчается всюду.

Въ Таганрогѣ еще во времена моего дѣтства было организовано благотворительное братство, поставившее своей задачей искоренить нищенство, въ чемъ, конечно, и не успѣло. Нищія безъ возраженій брали марки, гарантировавшія имъ обѣдъ безъ выпивки, и безъ зазрѣнія совѣсти перепродавали ихъ за четверть цѣны, предпочитая обѣду безъ выпивки одну только выпивку. Казначеемъ братства былъ мой покойный дядя, который никогда не могъ похвастать полнотою кассы. Чтобы пополнить ея пустоту, онъ прибѣ-

галъ къ оригинальному приему: вычитывалъ въ газетѣ о награжденіяхъ того или другого чиновника Станиславомъ или медалькой и немедленно посылалъ къ награжденному письмо на бланкѣ братства, поздравляя отъ имени послѣдняго съ высочайшей милостью и прося въ заключеніе поддержать братство. Тотъ же приемъ практиковался и въ дни именинъ зажиточныхъ гражданъ. Въ отвѣтъ на эти привѣтствія въ кассу благотворительнаго учрежденія поступали полтинники и рубли, «потому что совѣстно и неловко было не дать». Такіе приемы въ тѣ времена не считались неделикатными и были въ порядкѣ вещей.

Братство выдавало маленькія ежемѣсячныя рублевыя пенсіи вдовамъ, убогимъ и калѣкамъ и давало по копейкѣ бродившимъ по городу тихимъ душевнобольнымъ и идиотамъ. Призрѣніе душевнобольныхъ въ тѣ времена на всемъ югѣ Россіи было поставлено отвратительно. Гуманитарныя идеи тогда еще не успѣли проникнуть въ общество и не пользовались правомъ гражданства даже среди тогдашнихъ медиковъ. Душевнобольныхъ безъ различія степеней и категорій содержали за рѣшетками и на привязи. Въ Таганрогѣ для нихъ было отведено при богоугодномъ заведеніи, т.-е. при больницѣ, крохотное, грязное и тѣсное помѣщеніе. Здѣсь были набиты, какъ сельди въ боченкѣ, буйные и спокойные, страшно мѣшали другъ другу и получали отъ сторожей неограниченное количество колотушекъ. Содержимые безъ всякой системы и безъ всякаго ухода, душевнобольные страшно загрязняли свое и безъ того неприглядное помѣщеніе и жили въ такой ужасающей обстановкѣ, о которой даже и вспомнить страшно. Зная это, обыватели всячески старались избѣгать отдачи своихъ присныхъ въ это благоустроенное учрежденіе и предпочитали или терпѣть ихъ дома, или же выбрасывать ихъ на улицу, предоставляя имъ питаться подаеніемъ. И дѣйствительно душевнобольные бродили по улицамъ безъ призора. Мои сверстники-таганрожцы еще помнятъ, вѣроятно, прорицателя Данилу Ивановича, ходившаго съ дикимъ воемъ по базару и публично бичевавшаго себя колбасою, схваченною съ лотка торговли; помнятъ, вѣроятно, Климку и дурачка Егорку, не пропускавшихъ ни однѣхъ похоронъ, и невиннѣйшаго «генерала» Вову, который ходилъ въ колпакѣ, снятомъ съ сахарной головы, съ наклееннымъ на немъ орломъ, съ деревянной пашкой и съ бумажными орденами. Мѣщане самымъ варварскимъ образомъ потѣшались надъ нимъ, отнимая у него его бумажныя регалии и таская его сзади за полы халата; при этомъ величественный «генералъ» вопилъ благимъ матомъ и плакалъ, какъ ребенокъ. Люди съ добрымъ сердцемъ, желая сдѣлать удовольствіе бѣдному помѣшанному, задавали ему вопросъ:

— Вова, когда парадъ будетъ?

— Завтра, — сіяя отъ удовольствія, отвѣчалъ Вова и былъ счастливъ.

Гдѣ жили и чѣмъ питались эти несчастные, требовавшіе призрачій,—извѣстно одному только Богу. Никому до нихъ не было дѣла, и никто о нихъ не заботился.

Интересенъ былъ и еще одинъ душевнобольной, нѣкто Голицынъ. По происхожденію онъ былъ обыкновенный мѣщанинъ, но ему какіе-то добрые люди, шутки ради, втемяшили въ голову, что онъ не просто Голицынъ, а князь Голицынъ, и при томъ—не бѣднякъ, а миллионеръ. Этого было совершенно достаточно, чтобы человѣкъ спятилъ съ ума, и чтобы онъ началъ отыскивать и свое княжеское достоинство, и свои несуществующіе миллионы. Онъ сшилъ себѣ какой-то фантастическій «княжескій» мундиръ, обдѣлалъ его позументомъ, украсилъ грудь жестяными орденами и сталъ ходить изъ одного казеннаго учрежденія въ другое, требуя своихъ капиталовъ. Въ виду его безобидности, банковскіе чиновники дали ему чекъ на четыре миллиона—бумажку, раскрашенную радужными цвѣтами на подобіе сторублевки. На этомъ чекѣ стояли подписи: «Управляющій банкомъ Рыковъ» и «Казначей Юханцевъ», — имена, въ тѣ времена гремѣвшія. Съ этимъ документомъ Голицынъ шелъ въ банкъ; банковскіе чиновники направляли его въ таможенную; таможенные чиновники дѣлали видъ, будто серьезно разсматриваютъ «документъ», и совѣтовали ему отправиться въ казначейство; отсюда его съ миромъ направляли въ окружный судъ, а затѣмъ—въ думу, въ полицію и т. д. Такъ ходилъ онъ изъ учрежденія въ учрежденіе годами, и чѣмъ онъ кончилъ—не знаю. Но призрѣнемъ онъ не пользовался никакимъ и постоянно голодалъ. Такое отношеніе къ душевнобольнымъ практиковалось во всѣхъ приморскихъ городахъ, и чѣмъ городъ былъ бѣднѣе, тѣмъ положеніе ихъ было хуже. Я помню даже такое время, когда бѣднѣйшіе обыватели смотрѣли на больницу, какъ на настоящее Божье наказаніе, и предпочитали умирать въ сараяхъ и на пустыряхъ, лишь бы не попасть въ богоугодное заведеніе, въ которомъ царили порядки, знакомые намъ по гоголевскому «Ревизору». Таганрогская городская больница была реформирована въ то время, когда я уже былъ гимназистомъ, и своей реформой была обязана вновь поступившему въ нее на службу молодому и энергичному врачу. Вообще тогдашній приказъ общественнаго призрѣнія заслуживалъ благодарностей мало и былъ популяренъ еще меньше.

Скажу теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ граждане несли общественную службу. Въ городскіе головы избирались обыкновенно купцы первой гильдіи, и знанія дѣла и дѣятельности отъ нихъ не требовалось. Если они чтонибудь и дѣлали на своихъ постахъ, то не иначе, какъ по какойнибудь случайности или въ силу соперничества. Въ Таганрогѣ, напримѣръ, былъ головою купецъ Кобылинъ, а въ Ростовѣ-на-Дону купецъ Грибановъ, и оба эти купца зорко слѣдили другъ за другомъ. Если Грибановъ поднималъ во-

прось объ уличномъ освѣщеніи, то Кобылинъ ставилъ гдѣ нибудь на видномъ мѣстѣ пару новыхъ фонарныхъ столбовъ; если Грибановъ жертвовалъ въ соборъ серебряную лампаду, то Кобылинъ старался пригласить въ Таганрогъ съ визитомъ изъ Екатеринослава самого архіерея и т. д. На выборахъ головы «ломались» и заставляли гражданъ долго просить себя и соглашались принять почетную должность не иначе, какъ снисходя къ усиленнымъ просьбамъ. Головы стали выбираться изъ интеллигентныхъ лицъ лишь послѣ реформы 1861 года. Но и они не сразу завоевали себѣ почетное положеніе, и о нихъ ходили разныя легенды въ родѣ того, что одинъ изъ нихъ, увлеченный амурными похождениями на окраину города, былъ застигнутъ мѣстными аборигенами и получилъ свободу только послѣ того, какъ, сидя верхомъ на заборѣ, прокричалъ добрую половину ночи пѣтухомъ... На прочія избирабельныя общественныя должности граждане шли неохотно и видѣли въ своемъ избраніи только тяжелую повинность. Мой отецъ, на примѣръ, былъ избранъ на упраздненную нынѣ должность ратмана полиціи и прослужилъ въ этой должности нѣсколько лѣтъ, не зная, въ чемъ именно заключаются его обязанности. Въ простотѣ душевной онъ и не подозрѣвалъ того, что призванъ засѣдать въ полиціи и защищать интересы своихъ согражданъ. Вся его служба заключалась лишь въ томъ, что къ нему на домъ, отъ времени до времени, доставлялись толстые томы «дѣлъ», и онъ, по вечерамъ, перелистывая ихъ и нисколько не вникая въ суть полицейскаго производства суда и расправы, отыскивалъ слово «ратманъ» и рядомъ съ нимъ подписывалъ четко свою фамилію, послѣ чего являлся, не спѣша, солдатъ изъ полиціи, забиралъ «дѣла» и уносилъ обратно, получивъ мелкую монету на чай. Такъ же точно несли службу и другіе граждане на другихъ должностяхъ. Никто ихъ за это не осуждалъ, а сами они менѣе, чѣмъ кто либо, подозрѣвали, что служили вовсе не такъ, какъ слѣдовало.

Гораздо болѣе дѣятельности проявляла торговая депутація, состоявшая также изъ купцовъ. На обязанности этой депутаціи лежало провѣрять, всѣ ли торговцы и торговки выбрали надлежащіе документы на право производства торга. Въ опредѣленное время въ Таганрогъ изъ губерніи пріѣзжалъ чиновникъ казенной палаты съ портфелемъ, называвшійся ревизоромъ, собиралъ вокругъ себя членовъ депутаціи и обходилъ вмѣстѣ съ ними торговыя заведенія, забирая всюду для занесенія въ книгу торговые документы и составляя, въ случаѣ неисправности, акты. Актъ было слово въ тѣ времена страшное, и его боялись паче жупела, тѣмъ болѣе, что по актамъ казенная палата производила начеты и взыскивала съ виновныхъ штрафы черезъ полицію съ лихвою. Ревизоръ обыкновенно уѣзжалъ, увозя съ собою негласныя благодарности въ видѣ боченковъ вина, икры и т. д. Тогда это было принято и за

грѣхъ не считалось. Ревизорами были не всегда люди голубиной чистоты. Года два или три подъ рядъ прїѣзжалъ въ Таганрогъ ревизоромъ чиновникъ, нѣкто Капаловскій, весьма изящный и любезный полякъ. Мой отецъ въ это время состоялъ торговымъ депутатомъ. Капаловскій былъ такъ внимателенъ къ моему отцу, что даже сдѣлалъ ему визитъ во фракъ и бѣломъ галстухѣ, что въ купеческомъ кругу считалось явленіемъ въ высокой степени почетнымъ. Этотъ визитъ совпалъ съ именинами отца, и ревизоръ буквально очаровалъ всѣхъ присутствовавшихъ на пирогѣ гостей. Съ этой поры онъ послѣ обхода лавокъ никогда не отказывался въ компаніи съ депутатами выпить въ лавкѣ у отца рюмку водки въ адмиральскій часъ. Однажды для таганрогскихъ торговцевъ выпалъ такой счастливый день, что при провѣркѣ документовъ не было составлено ни одного акта. Сидя въ этотъ день въ компаніи депутатовъ у отца въ лавкѣ за графинчикомъ водки, Капаловскій распутился и заговорилъ о томъ, что нынѣшній день для него въ служебномъ отношеніи — не особенно удачный: нѣтъ ни одного акта.

— Нашего брата, ревизора, только одни акты и двигаютъ по службѣ,—говорилъ онъ, смѣясь.—За иной хорошій актъ и орденъ получишь...

Бесѣда на эту тему велась довольно долго, оживленно и шутивно. Наконецъ, Капаловскій, послѣ того, какъ былъ осуженъ второю и третію графинчикъ, смѣясь заявилъ:

— Нѣтъ, положительно не могу быть безъ акта. Лишусь и сна и аппетита. Давайте, составимъ хоть фальшивый актъ. Это будетъ простая шутка, но она успокоитъ меня... Согласны, господа?

Слегка подкутившая компанія депутатовъ согласилась. Немедленно общими силами принялись за составленіе акта, обвинявшаго члена торговой депутации, моего отца, въ томъ, что у него будто бы не оказалось приказничьяго свидѣтельства на какого-то (никогда не существовавшаго) приказчика. Шутка была признана остроумной и была со смѣхомъ и съ прибаутками подписана всѣми депутатами и отцомъ. Капаловскій тоже со смѣхомъ спряталъ актъ въ портфель. На другой день отецъ слегка безпокоился, но Капаловскій увѣрилъ его, что, прїѣхавъ къ себѣ домой, онъ тотчасъ же уничтожитъ бумагу, и даже слегка обидѣлся на то, что къ нему питаютъ такъ мало довѣрія...

Прошло мѣсяца полтора, и событіе было забыто. Капаловскій былъ уже давно въ губернскомъ городѣ, и о немъ забыли даже и думать. Вдругъ отецъ получаетъ изъ казенной палаты бумагу, по силѣ которой съ него взыскивается штрафъ за неимѣніе надлежащаго приказничьяго свидѣтельства... Вѣроломство Капаловскаго поразило его, какъ громомъ. Несмотря на отписку, штрафъ все-таки пришлось уплатить, но отцу больнѣ всего было то, что его, тор-

говаго депутата, такъ безстыдно опозорили... Капаловскій послѣ этого въ Таганрогъ болѣе уже не являлся: вѣроятно, ему было совѣстно встрѣтиться съ отцомъ. На слѣдующій годъ пріѣхалъ новый ревизоръ и сообщилъ, между прочимъ, что его предшественникъ за одинъ «довольно любопытный актъ» представленъ къ награждѣ... Эту страничку изъ семейной хроники я рассказалъ, какъ иллюстрацію бюрократическихъ нравовъ «добраго стараго времени». Такія явленія встрѣчались тогда сплошь и рядомъ.

Охотнѣе всего обыватели шли на должности церковныхъ старость и даже домогались этихъ должностей, считая ихъ почему-то особенно почетными. И нужно отдать справедливость, что всѣ прежніе старосты оставляли послѣ себя въ церкви какое нибудь наслѣдіе въ видѣ сооруженной ихъ стараніями новой иконы, священнической ризы или потира, но чаще всего они отличались усердіемъ по колокольной части. Одинъ староста, отслужившій свой срокъ и на новыхъ выборахъ закиданный черняками, со слезами на глазахъ бросилъ прихожанамъ такой упрекъ:

— Колоколъ новый повѣсили... Этого вы въ счетъ не берете? Кабы не я—не видать бы вамъ этого колокола во вѣки вѣковъ... Чьи въ этотъ колоколъ семьдесятъ рублей положены? Мои... Вы этого въ расчетъ не взяли, такъ Богъ съ вами: служить больше не желаю...

Другой староста, именитый первой гильдіи купецъ, прославился тѣмъ, что перелилъ соборный колоколъ вѣсомъ въ 600 пудовъ. Событіе это произошло такъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ во время звона ко всенощной самый большой колоколъ на соборной колокольнѣ, украшеніе Таганрога, къ общему изумленію, издалъ неожиданно дребезжащій звукъ. Въ немъ вдругъ образовалась съ верху до низу трещина... Испуганный понамарь докончилъ благовѣсть уже во второй, меньшій по величинѣ колоколъ... Прихожане, да и не одни только прихожане, а всѣ граждане были опечалены и смущены.

— Большой-то колоколъ... а?

— Да, да... дзжж... Какъ теперь быть?

— Авось староста починитъ: онъ человѣкъ богатый.

И староста дѣйствительно починилъ, но только не скоро. Мастера колокольнаго надобно было выписывать за семьсотъ верстъ изъ Харькова. Желѣзной дороги тогда еще не было, и почта ходила всего только два раза въ недѣлю. Дѣло затянулось. Всю зиму треснувшій колоколъ хранилъ печальное молчаніе. Мастеръ прибылъ только весною. Ежедневно, идя въ школу мимо лавки старосты Василя Николаевича, я видѣлъ длиннаго человѣка ремесленной складки, сидѣвшаго по эту сторону прилавка, и самого старосту—по ту. Это велись переговоры о переливкѣ колокола. На длиннаго человѣка весь городъ безъ церемоніи показывалъ паль-

цемъ, какъ на виновника будущаго важнаго событія, а мальчишки цѣлыми толпами ходили за нимъ по улицамъ слѣдомъ. Староста приходилъ изрѣдка въ лавку къ отцу, жаловался на неудачу переговоровъ и всякій разъ меланхолично прибавлялъ:

— Послѣ насъ не будетъ насъ...

Къ серединѣ лѣта переговоры, повидимому, кончились. У соборной колокольни начали возводить сооруженія въ видѣ двухъ огромной толщины вертикальныхъ столбовъ отъ земли до второго яруса колокольни. Отъ вершины этихъ столбовъ были наклонно подведены подъ самый колоколъ другіе два такой же толщины столба, образовавшіе наклонную плоскость. Слѣдившіе съ любопытствомъ за этою работою и страшно мѣшавшіе ей обыватели поняли, что по этой плоскости долженъ будетъ сползти на землю колоколъ. Весь городъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого торжественнаго момента. Но тутъ разнеслась вѣсть, будто переговоры разстроились, и мастеръ, бросивъ все, уѣхалъ восвояси. Дѣйствительно, длинный человѣкъ не показывался больше ни въ лавкѣ старосты, ни на улицѣ. Лѣса у колокольни печально и одиноко простояли всю осень и всю зиму вплоть до слѣдующей весны. Старосту Василия Николаевича именитые граждане засыпали вопросами о ходѣ дѣла и получали постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Что же я подѣлаю, коли онъ, тово... Послѣ насъ не будетъ насъ...

На весну мастеръ снова объявился въ Таганрогѣ и во всеуслышаніе провозгласилъ:

— Дѣло надо дѣлать аккуратно: я сбавлю, а онъ пушай прибавить... Дѣло-то для Бога вѣдь...

Пришлось покориться обстоятельствамъ, и въ одинъ прекрасный полдень огромный колоколъ медленно сползъ по лѣсамъ и тяжело рухнулъ на землю. Надъ нимъ соорудили два столба съ перекладиной, и на серединѣ перекладины прикрѣпили огромный блокъ, а рядомъ построили ворота. Началось при громадномъ стеченіи народа дробленіе колокола на куски. Съ помощью ворота, черезъ блокъ, на толстомъ канатѣ поднималась на воздухъ тяжелая чугунная баба, мастеръ дергалъ за какую-то веревочку, баба стремительно падала внизъ и отбивала отъ колокола по куску. Ворота вертели арестанты съ бубновыми тузами на спинахъ, а иногда и добровольцы, старавшіеся до пота ради спасенія души. Работа затянулась мѣсяца на полтора и уже успѣла за это время порядочно надоѣсть обывателямъ.

— Чего такъ долго?—освѣдомлялся староста Василій Николаевичъ у мастера.

— Долго? Поди да поработай самъ. Не видишь развѣ, что баба все падаетъ не на колоколъ, а мимо?

Аргументъ былъ неопровержимый, и общественное мнѣніе успокоилось. Въ концѣ іюля въ большомъ сараѣ, неподалеку отъ со-

бора, стали строить горнъ и выдѣлывать въ землѣ форму для колокола. Долго тянулась и эта работа. Наконецъ растопили въ огромномъ горнѣ мѣдь. Публики набилось въ сарай видимо-невидимо. Одинъ добротный жертвователь бросилъ въ горнъ корпусъ отъ старыхъ серебряныхъ часовъ съ мѣдной цѣпочкой, и одна именитая дама опустила туда же изломанную чайную ложечку. Въ углу сарая пѣли соборные пѣвчіе, и общее настроеніе стало молитвеннымъ. Отъ горна и отъ тѣсноты было ужасно жарко. Опираясь другъ другу на плечи и становясь на цыпочки, задніе старались разглядѣть, что дѣлалось впереди, но никто ничего не видѣлъ. Мастеръ суетился около горна съ такимъ лицомъ, которому позавидовали бы сами египетскіе жрецы. Стоявшій впереди всѣхъ церковный староста набожно крестился. Двое дюжихъ подмастерьевъ открыли какое-то боковое отверстіе и стали деревянной жердью помѣшивать расплавленную мѣдь. Жердь запылала, и ее затушили ногами. Пѣвчіе кончили стихиры и приготовились пѣть концертъ «Кто Богъ велий». По условію, его надлежало грянуть какъ разъ въ самый моментъ, когда расплавленная мѣдь плавно, огненной струей потечетъ въ форму. Все затихло, и публика затаила вниманіе.

Мастеръ съ серьезнымъ и важнымъ лицомъ взялъ какой-то металлическій инструментъ на подобіе лома и сталъ наготовѣ у отверстія горна, изъ котораго долженъ потечь расплавленный металлъ. Староста сдѣлалъ знакъ пѣвчимъ. Регентъ поднесъ къ уху камертонъ и задалъ тонъ:

— До-ми-соль-до!..

Пѣвчіе втянули въ себя воздухъ, чтобы грянуть концертъ, но не успѣли еще произнести ни одного звука, какъ раздался протяжный, горестный свистъ. Колокольный мастеръ, согнувъ слегка колѣни, смотрѣлъ безнадежно на горнъ и, вытянувъ шею, свисталъ. Изъ горна текла расплавленная мѣдь двумя ручьями—однимъ потокомъ въ форму, а другимъ—куда-то въ сторону...

— Тю-тю! Пропала вся работа!—произнесъ мастеръ.

Публика поняла, что произошла какая-то неудача, — засуетилась и, послѣ разспросовъ и недоумѣній, стала расходиться по домамъ. Разговорамъ и догадкамъ не было конца. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что литье колокола не удалось потому, что въ числѣ присутствовавшихъ находился какой-нибудь нераскаянный грѣшникъ...

Опять въ лавкѣ у старосты Василя Николаевича стала появляться длинная фигура мастера, и опять начались переговоры. Но на этотъ разъ они тянулись недолго. Сарай былъ запертъ снаружи висячимъ замкомъ, но внутри его началась тихая и даже почти тайная работа по исправленію формы и лопнувшаго горна. Въ наше время на дверяхъ сарая повѣсили бы доску съ надписью: «входъ постороннимъ воспрещается», но въ тѣ времена такихъ тонкостей еще не знали и прибѣгли къ замку, заставляя рабочихъ

входить въ сарай и выходить изъ него черезъ какую-то потайную, боковую дверку. Несмотря, однако, на строгое сохраненіе тайны, однажды вечеромъ по всему Таганрогу разнеслась радостная вѣсть о томъ, что колокольъ уже отлитъ, и отлитъ вполне благополучно, благодаря полному отсутствію и даже невѣдѣнію публики, а, стало быть, и того нераскаяннаго грѣшника, который испортилъ первую отливку...

Недѣли двѣ колокольъ остывалъ, затѣмъ былъ извлеченъ изъ земли и торжественно установленъ на деревянныхъ подмосткахъ близъ ограды церкви. Обыватели толпами сбѣгались смотрѣть на «новорожденнаго», и онъ казался имъ удивительно громаднымъ. Послѣ этого добрые мѣсяца полтора шла очистка колокола. Вокругъ него была устроена платформа, на которой помѣщался мастеръ съ какимъ-то рѣжущимъ орудіемъ въ рукахъ. Платформу и мастера возили вокругъ колокола рабочіе и добровольцы, и изъ-подъ рѣжущаго инструмента падали на землю свертывавшіяся маленькими спиралями полоски мѣди, которая тутъ же подбиралась мальчишками для заливки бабокъ-свинчатокъ. Колокольъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе блеска и все сильнѣе и сильнѣе привлекалъ къ себѣ любопытныхъ. Наконецъ, наступилъ торжественный и давно уже съ превеликимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся моментъ. Была выстроена временная деревянная будка, блестящій яркою мѣдью красавецъ былъ подвѣшенъ на ея толстые брусья, внутри его былъ прикрѣпленъ на ремняхъ десятипудовый желѣзный языкъ, и по всему городу разнесся басовый, густой звукъ перваго удара въ новый колокольъ. Давно уже не слыхавшіе такого звона обыватели радостно перекрестились и высыпали изъ своихъ домовъ на дворы и на улицу слушать концертъ. Огромное количество мѣщанъ со всѣхъ концовъ города устремилось на соборную площадь. Теперь доступъ къ колоколу былъ открытъ всѣмъ и каждому, и звонарей-добровольцевъ нашлось больше, чѣмъ требовалось. Весь прекрасный лѣтній вечеръ и до поздней ночи обыватели чувствовали себя въ праздничномъ настроеніи духа, слушая, какъ «вызваниваетъ» новый колокольъ. Въ исторіи тогдашняго поколѣнія это былъ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ и памятныхъ вечеровъ.

Не помню, долго ли провисѣлъ колокольъ на временной колокольнѣ. Въ моей памяти прекрасно сохранился праздничный день, когда состоялось торжественное поднятіе его на постоянную, каменную колокольню собора. Съ колокольни было спущено нѣсколько толстыхъ канатовъ, которые шли частью къ колоколу, а частью были протянуты по площади. Народа собралось видимо-невидимо. Передъ началомъ обѣдни длинный мастеръ взобрался на колокольъ и что-то долго говорилъ многотысячной толпѣ и крестился. Потомъ мальчишки—непремѣнныя и передовыя дѣйствующія лица при всякомъ

торжествѣ—начали расправлять канаты, но были скоро оттѣснены старшими съ помощью вѣскихъ словъ и подзатыльниковъ. За веревки взялись тысячи рукъ, и колоколь медленно, и слегка покачиваясь, сталъ подниматься на воздухъ. Тишина и безмолвіе стояли на всей площади рѣдкостныя. Никто не произносилъ ни слова, потому что все слѣдили за подъемомъ, буквально затаивъ дыханіе. Подъемъ, однако, обошелся не совсѣмъ удачно. Колоколь застрялъ въ пролетѣ колокольни, и для него пришлось прокладывать путь киркою. Кромѣ того, по дорогѣ, онъ задѣлъ и снесъ часть крыши съ фронтона. Въ пролетѣ показались люди въ красныхъ рубахахъ, взлѣзли на застрявшій колоколь, что-то загалдѣли, махая руками, и потомъ начали работать кирками. На крышу фронтона посыпались кирпичи. Минуть черезъ десять гигантъ, надѣлавшій столько хлопотъ, съ силою втиснулся въ пролетъ. Колокольня на глазахъ у всѣхъ вздрогнула, и изъ тысячи грудей вырвался долго сдерживаемый вздохъ облегченія. Все обошлось благополучно, и благовѣсть къ поздней обѣднѣ разнесся по городу уже съ высоты колокольни. Старостѣ Василю Николаевичу прихожане пожимали руки и горячо благодарили его; а онъ, весь сіяющій сознаниемъ исполненнаго долга, раскланивался изъ-за свѣчнаго ящика во все стороны, вытиралъ платкомъ глаза и лобъ и умиленно произносилъ:

— Ничего, ничего... Сподобилъ Богъ... Послѣ насъ не будетъ насъ...

Съ той поры колоколь работаетъ и гудитъ тѣмъ же басомъ «и до дне сего», призывая къ обѣднѣ уже третье поколѣніе, изъ которыхъ послѣднія два родились уже послѣ только-что описаннаго событія, а слѣдовательно, и не знаютъ о немъ изложенныхъ мною подробностей, столь драгоценныхъ и пріятныхъ сердцу стариковъ...

IV.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, и очень многое кореннымъ образомъ измѣнилось. Ростовъ, Бердянскъ, Мариуполь и Таганрогъ обзавелись желѣзными дорогами и выросли; Ростовъ даже сталъ узловымъ центромъ между Москвою, Кубанью и Кавказомъ и слился со своей сосѣдкой—Нахичеванью. Много стараго и прежняго исчезло. Въ Таганрогѣ, на примѣръ, исчезла такъ называемая крѣпость, отражавшая на себѣ геній Петра. Она помѣщалась на самомъ концѣ Таганьяго Рога, т.е. крутого мыса, вдающагося въ море. Со стороны суши она отдѣлялась высокимъ насыпнымъ валомъ, въ толщѣ котораго скрывались пороховые погреба. На крѣпостной площади Петромъ была построена деревянная церковь, нынѣ за ветхостью упраздненная (не знаю, существуетъ ли она теперь, какъ историческій памятникъ). Во времена моего ранняго

дѣтства въ ней еще совершались богослуженія, и съ ея амвона гремѣлъ своими проповѣдями о. Василій Бандаковъ—священникъ, неустрашимо бичевавшій пороки. Было время, когда по ночамъ нельзя было носа показать въ крѣпость, такъ какъ тамъ господствовали постоянные и самые безцеремонные грабежи. Мать мнѣ рассказывала, что о. Бандаковъ своимъ простымъ, но сильнымъ словомъ и ссылками на кару Божию и огненную геену въ нѣсколько лѣтъ замѣтно поднялъ нравственный уровень крѣпостного населенія. На этой небольшой территоріи были разбросаны амфитеатромъ қазармы архаической архитектуры, въ которыхъ проживалъ мѣстный, весьма немногочисленный гарнизонъ, въ табельные дни устраивавшій передъ соборомъ парады съ весьма тощей музыкой. Изъ командировъ гарнизона я помню полковниковъ Глушкова и его преемника Латернера. Парады доставляли обывателямъ большое удовольствіе, усугублявшееся еще и тѣмъ, что каждый разъ далеко впереди воинства шествовалъ важно и душевнобольной Вова въ своемъ сахарномъ колпакѣ и при всѣхъ бумажныхъ и сусальныхъ регалияхъ. Бѣдняга серьезно воображалъ, что парадомъ командуетъ онъ, и поминутно оглядывался, идутъ ли за нимъ стройнымъ фронтомъ солдаты. Въ эти минуты онъ былъ безконечно счастливъ.

О высотѣ крѣпостныхъ валовъ можно было судить по тому, что внутри ихъ ютилось цѣлое населеніе. Бѣдняки и разныя бездомныя и безродныя вдовы выкапывали себѣ въ валахъ крохотныя землянки и поселялись въ нихъ, никѣмъ не тревожимыя. Были такія мѣста, по которымъ даже опасно было ходить: взберешься на гребень вала и видишь цѣлые ряды печныхъ трубъ, выходящихъ прямо изъ-подъ земли. Того и гляди, тяжестью своего тѣла продавишь крышу и очутишься внизу, въ землянкѣ. Одинъ изъ таганрогскихъ градоначальниковъ поднялъ было вопросъ о выселеніи этого безпріютнаго и не платящаго никакихъ «поземельныхъ» народа куда нибудь на болѣе удобную окраину города, но его попытка успѣхомъ не увѣнчалась: городъ охотно отводилъ участки, но переселенцы были такъ голы и бѣдны, что о возведеніи домовъ на новой землѣ нечего было и думать. Оставалось только одно: предоставить дѣло самой природѣ, т.-е. терпѣливо ждать, пока населеніе землянокъ естественнымъ путемъ вымретъ. Крѣпостные валы эти нынѣ болѣе, какъ таковыя, уже не существуютъ: во многихъ мѣстахъ они давно прорваны и сквозь нихъ проложены улицы, но я еще помню ихъ сплошными. Въ самомъ центрѣ бывшей крѣпости теперь построенъ маякъ, далеко видный съ моря.

По правдѣ сказать, мнѣ очень жаль этой крѣпости. Въ ней было много чего-то такого, что невольно наводило на мысль о далекомъ прошломъ, о турецкомъ владычествѣ и о Петрѣ Великомъ. При другихъ условіяхъ и при иномъ ростѣ города многое и очень

многое можно было бы сохранить въ качествѣ незатѣйливыхъ, но все же краснорѣчиво говорящихъ остатковъ исторической старины. Къ сожалѣнію, это «многое» нынѣ уже исчезло навсегда.

О. Василій Бандаковъ жилъ въ небольшомъ домикѣ въ оградѣ церкви, построенной Петромъ, и неустанно хлопоталъ о ея ремонтѣ. У него были три дѣла въ жизни: сохраненіе въ возможной цѣлости старой церкви, исправленіе нравовъ населенія путемъ проповѣдей и обращеніе иновѣрцевъ въ православіе. Последнее было его конькомъ и доходило чуть не до фанатизма. Онъ всячески склонялъ къ крещенію евреевъ-солдатиковъ и евреекъ-кабатчицъ, общая имъ, кромѣ благъ небесныхъ, также и улучшеніе земного существованія, для чего и подыскивалъ новообращеннымъ благочестивыхъ и состоятельныхъ воспріемниковъ. Пропаганда его одно время шла довольно успѣшно, и я знавалъ нѣсколькихъ обращенныхъ имъ въ православіе евреевъ и евреекъ. По правдѣ сказать, мужчины все были довольно низкопробный народъ, безъ сожалѣнія разстававшійся со своей старой религіей изъ-за новаго костюма и пятидесяти рублей, которые давались воспріемниками. Молодые же еврейки крестились въ надеждѣ повыгоднѣе выйти замужъ. Одна изъ такихъ новообращенныхъ, выданная послѣ крещенія воспріемниками за бѣдняка сапожника, возвратилась къ своему прежнему ремеслу — сѣла за стойку питейнаго дома и горько жаловалась на свою судьбу.

— Ми, двѣ сестры, я и Хайка,—говорила она,—думали, што, когда ми вихрестимся, то вѣдемъ замужъ за ахвицеровъ и за пулковниковъ, а насъ послали обманули...

Но ни священникъ, ни воспріемники нисколько не смущались такимъ оборотомъ дѣла. Мой покойный дядя, не разъ съ искреннею вѣрою воспринимавшій іудеевъ отъ купели, говорилъ мнѣ тономъ полного убѣжденія.

— Наше дѣло — открыть человѣку путь въ Царствіе Небесное и привлечь его ко Христу, а тамъ уже — его дѣло. Если онъ не твердъ и возвратится на старыи путь, то мы за него передъ Богомъ уже не отвѣчаемъ...

Приазовскій край въ прошлыя времена могъ похвастаться не одними только финансистами, но и нѣсколькими выдающимися людьми на различныхъ поприщахъ. Ихъ можно раздѣлить на отрицательныхъ и положительныхъ. Къ первымъ я отношу такіе умы, которые, будучи несомнѣнно крупными, пошли не по той дорогѣ, по какой слѣдовало. Къ числу ихъ принадлежали два на половину обрусѣвшихъ грека-помѣщика, братья Евсеій и Александръ Палама. Евсеій большую часть своей зрѣлой жизни посвятилъ отыскиванію на небѣ звѣзды, которая руководила евангельскими волхвами, шедшими на поклоненіе Христу. Не имѣя ни астрономической, ни математической подготовки, онъ, тѣмъ не менѣе, писалъ

обширные трактаты объ этой звѣздѣ и прямо и опредѣленно указывалъ ея мѣсто на небѣ. Онъ затрачивалъ большія деньги на переписку своихъ трактатовъ и отсылалъ ихъ чуть ли не во всѣ министерства въ полной увѣренности, что его открытіе будетъ оценено сильными міра сего по достоинству. Но надежды его не сбылись: ни одно министерство не признало за его звѣздою права гражданства. Таганрожцы же и ростовцы гордились имъ, какъ гениемъ, преклонялись передъ его астрономической смѣлостью и показывали на него пальцами, какъ на человѣка выдающагося. Братъ его Александръ Палама написалъ (но нигдѣ не напечаталъ) цѣлую серію юмористическихъ, очень ѣдкихъ стихотвореній, въ которыхъ не безъ остроумія высмѣивалъ греческую финансовую аристократію. Эти стихотворенія ходили по рукамъ въ сотняхъ списковъ, выучивались наизусть и приводили въ восторгъ интеллигентную часть приморскаго населенія.

Къ числу несомнѣнно даровитыхъ, но отрицательно направившихъ свои способности личностей, нужно отнести и главнаго организатора и виновника надѣлавшихъ столько шума таможенныхъ хищеній—Кузовлева. Это былъ красавецъ и бонвиванъ, сводившій съ ума таганрогскихъ дамъ. Въ таможнѣ онъ несъ службу корабельнаго смотрителя, т.е. чиновника, завѣдывающаго всѣми привозными изъ-за границы и отпускными изъ Россіи товарами. Власть его въ сферѣ его дѣятельности была неограничена, и онъ могъ на своей территоріи производить незамѣтно какія угодно злоупотребленія. Онъ удивительно умно сумѣлъ организовать кадръ помощниковъ и обставилъ дѣло такъ, что многіе товары были перевозимы въ городъ, совершенно минуя таможню. Контрабанда свила себѣ прочное гнѣздо въ Таганрогѣ еще до Кузовлева. Еще до него кружокъ греческихъ финансистовъ, съ Мари Вально во главѣ, беззащѣнно грабилъ казну, но это грабительство пробиралось украдкою и ползкомъ, какъ и подобаетъ незаконному дѣянію. Кузовлевъ же употребилъ весь свой далеко не дюжинный умъ на то, чтобы объединить хищенія и придать имъ почти неуязвимую форму. Волокитство и кутежи требовали денегъ, а греческіе купцы очень охотно дѣлились барышами, утаенными отъ казны.

Но одному дѣйствовать на этомъ поприщѣ хищеній было неудобно. Кузовлевъ склонилъ къ участію слабаго характеромъ пакаузнаго надзирателя Айканова, а оба они вмѣстѣ сбили съ истиннаго пути и управляющаго таможней старика Никитенка, который, какъ бы по насмѣшкѣ судьбы, былъ переведенъ изъ Радзивилова въ Таганрогъ именно для того, чтобы искоренить господствовавшую тамъ контрабанду. Онъ вошелъ въ союзъ съ Кузовлевымъ и Айкановымъ лишь послѣ того, какъ убѣдился въ ихъ «рыцарской порядочности» и въ томъ, что они не способны сдѣлать доносъ.

Всѣхъ этихъ дѣятелей таможенной эпопеи я зналъ въ лицо, но передъ тѣмъ, какъ писать эти строки, я внимательно перечелъ въ «Новомъ Времени» судебный отчетъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ, напечатанный въ 1885 году.

Кузовлевъ входилъ въ сдѣлки съ купцами и съ своею совѣстью сознательно. Онъ, заведя подложныя книги и выпуская обложенныя пошлиною товары въ бочкахъ подъ видомъ безпошлинной коринки, нисколько не горевалъ и не заглядывалъ въ будущее, живя лишь однимъ нынѣшнимъ днемъ, убаюканный ласками таганрогскихъ красавицъ. Айкановъ же жилъ подъ вѣчными укорами совѣсти и подъ такимъ вѣчнымъ страхомъ, что на него жаль было смотрѣть. Это былъ симпатичный отставной офицеръ со всѣми понятіями о порядочности и чести, свойственными военнымъ людямъ. И онъ безукоризненно и вполне безупречно прожилъ бы всю жизнь, если бы судьба не поставила у него на дорогѣ холоднаго и расчетливаго соблазнителя въ видѣ Кузовлева. Айкановъ въ Таганрогѣ очень счастливо женился на нашей сосѣдкѣ, дочери хлѣбнаго торговца — очень милой и доброй дѣвушкѣ. Не попади онъ въ ловушку — его семейная жизнь пошла бы такъ же мирно и спокойно, какъ и служебная карьера. Но, покотившись разъ по наклонной плоскости и чувствуя невозможность остановиться, онъ прибѣгъ къ тому, къ чему прибѣгаетъ большинство русскихъ людей со слабымъ характеромъ — онъ сталъ топить горе въ винѣ и притуплять угрызения совѣсти опьяненіемъ. Пилъ онъ глупо и безалаберно, разбрасывалъ на чай сторублевки, дарилъ деньги направо и налево, старался даже дѣлать добро, но успокоенія не находилъ. Кутежи только разстраивали его нервную систему и ослабляли физически. Это былъ несчастный человекъ, котораго жалѣли отъ души всѣ. Замѣчательно, что его никогда никто не прекнулъ казнокрадствомъ, какъ это нерѣдко приходилось слышать Кузовлеву. На него смотрѣли, какъ на злополучную жертву. О немъ говорили: «Бѣдняга Айкановъ погибнетъ», а онъ самъ говорилъ о себѣ: «Я безвозвратно погибъ; моя жизнь безвозвратно испорчена»... Его тяжелое положеніе дѣлалось еще болѣе невыносимымъ отъ того, что управляющій таможеню, знавшій прекрасно истинныя причины пьянства, дѣлалъ ему при всѣхъ чиновникахъ строгіе выговоры за нетрезвое поведеніе.

Управляющій Никитенко, если взглянуть на дѣло не съ формальной, а съ человѣчески-житетиской точки зрѣнія, попалъ во всю эту исторію, какъ куръ во щи. Карьеру свою онъ началъ таможеннымъ писцомъ и писалъ изъ помадной банки. Подвизался по службѣ впередъ такъ же мѣрно, какъ подвигаются и теперь десятки тысячъ чиновниковъ. Достигнувъ начальническихъ степеней, онъ потребовалъ отъ подчиненныхъ того же, что ранѣе требовали и отъ него, т.-е. исполнительности, подчиненности и служебной ак-

куратности. Назначенный въ Таганрогъ, онъ попалъ въ готовый, правильно организованный и уже стремительный потокъ хищеній и злоупотребленій. Онъ сразу не нашелся, какъ нужно поступить, и потокъ увлекъ его за собою и выбросилъ на скамью подсудимыхъ. Вся его роль въ этомъ дѣлѣ была какая-то пассивная: онъ долженъ былъ только не видѣть и не мѣшать. Кузовлеву давали ему только жалкіе гроши изъ своей добычи, и онъ дѣйствительно былъ похожъ на человѣка, который растерялся, распустивъ вожжи, и въ нерѣшительности не знаетъ, какъ ему поступить. Судебная власть поняла это и обвиняла его не въ злоупотребленіяхъ, а только въ попустительствѣ. Никитенко тоже вынесъ ужасную нравственную муку человѣка, не имѣющаго силъ противодѣйствовать злу, которое оказалось выше его силъ. Это сказалося и въ его рѣчи на судѣ: онъ скорбно напомнилъ судьямъ, что одной ногою онъ стоитъ уже въ могилѣ, стало быть, тотъ или иной приговоръ будетъ произнесенъ не надъ человѣкомъ, а надъ полупокойникомъ... Логика—дѣйствительно печальная, но неопровержимая: стараго не воротишь, а будущее—все равно не страшно. Все пережитое давно уже осталось позади, и его не вернешь никакими судами и приговорами...

Съ житейской точки зрѣнія, разсуждая по-человѣчески, всѣ эти Кузовлевы, Айкановы и прочіе хитители далеко не такъ низки, виновны и грязны, какъ ихъ заклемили въ свое время. Это были просто слабые люди, которыхъ понесло по теченію. Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ коронный судъ произнесъ надъ ними свой приговоръ; юридическая справедливость удовлетворена, и теперь, когда уже истекла земская давность, могутъ быть выслушаны и отголоски общественнаго мнѣнія, мнѣнія той среды, въ которой жили и дѣйствовали эти «преступники». Они пострадали болѣе или менѣе сильно потому, что они были чиновниками, и потому, что они были отвѣтственными передъ государствомъ. На нихъ должна была обрушиться заслуженная кара—и она обрушилась. Но гораздо виновнѣе и во много разъ преступнѣе этихъ слабыхъ волею людей—такіе рыцари наживы, какъ Вальяно, Сфаэлло, Мусури и прочіе финансисты. Корень злоупотребленій составляли они, сознательно и изъ корысти грабившіе казну и соблазнявшіе небогатыхъ таможенныхъ чиновниковъ легко пріобрѣтаемымъ рублемъ. У торгашей своя логика. У Вальяно, напримѣръ, ничто не дрогнуло въ груди, когда по его милости и по милости его единомышленниковъ цѣлая группа изстрадавшихся чиновниковъ ушла въ ссылку. Ему не было ни малѣйшаго дѣла до ихъ нравственныхъ страданій и до оторванности отъ родины и отъ насиженныхъ мѣстъ. Безславіе, которому подверглись многіе неповинные чиновники, тоже не трогало его нисколько. Онъ утопалъ въ своихъ милліонахъ и почерпалъ изъ нихъ и черствость сердца и самое

недостойное и омерзительное спокойствіе. Благодаря ему и его сородичамъ, были ошельмованы совершенно непричастныя къ дѣлу, невинныя и вполнѣ оправданныя по суду лица. Но въ формуляры ихъ все-таки занесена убійственная и шельмующая человѣка фраза: «Былъ подѣ судомъ, но оправданъ». Эта формула умалчиваетъ о томъ, что чиновникъ былъ невиненъ и чистъ; она говоритъ только объ его оправданіи, но присяжные поравдываютъ сплошь и рядомъ и завѣдомо виновныхъ... Среди чиновниковъ тогдашней таможни былъ бухгалтеръ, нѣкто Х—вскій, человѣкъ безусловно порядочный и честный. Онъ всегда стоялъ внѣ подозрѣній и въ дѣлѣхъ казенныхъ денегъ не участвовалъ. Но слѣдственная власть, когда было поднято таганрогское дѣло, нашла въ записной книжкѣ Вальяно или, кажется, одного изъ его собратій запись: «Х—вскому 25 рублей». Этого было достаточно, чтобы честнаго старика притянуть къ суду. Что это за запись—хозяинъ книжки объяснить не могъ: былъ ли это житейскій долгъ, уплоченный Х—вскому, была ли это плата за какое нибудь написанное имъ прошеніе, или что нибудь въ этомъ родѣ,—контрабандисты на судѣ не выяснили, ссылаясь на запаматованіе. Судъ и самъ понялъ, что состоятельнаго чиновника, какимъ былъ Х,—вскій четвертнымъ билетомъ подкупить нельзя,—и оправдалъ его. Но все же на бывшего бухгалтера легло пятно на всю жизнь. Онъ долженъ былъ выйти изъ состава чиновниковъ и принужденъ былъ искать себѣ куска хлѣба въ другомъ мѣстѣ. Общественное мнѣніе было пѣликомъ на его сторонѣ, и его справедливо считали тогда жертвой. И онъ дѣйствительно былъ жертвой Вальяно и компаніи. Я помню старика Х—вскаго занимавшимъ мѣсто въ редакціи мѣстной таганрогской газеты. Ему это мѣсто дали съ удовольствіемъ, и онъ попрежнему продолжалъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ. Здравствуешь ли онъ теперь—не знаю. Прибавлю еще къ этому разсказу, что такихъ невинно пострадавшихъ чиновниковъ было нѣсколько.

Излагая эту таможенную эпопею, которая въ сущности была раздута и теперь уже составляетъ достояніе исторіи, я не могу безъ чувства гадливости вспоминать еще объ одномъ лицѣ, именно о томъ господинѣ, который сдѣлалъ доносъ департаменту на Кузовлева и его товарищей. Имени этого доносчика я не назову, чтобы не пачкать бумаги. Возмутителенъ не самый доносъ—все равно не онъ, такъ другой открылъ бы глаза департаменту—а гадокъ и омерзителенъ самый мотивъ, по которому былъ сдѣланъ доносъ. Этотъ господинъ всячески старался присосѣдиться къ хитителямъ и въ свою очередь стремился вкусить сладости украденнаго у казны пирога, но Кузовлевъ и компанія оттолкнули его и отказали въ подачкѣ. Тогда онъ благородно вознегодовалъ, почувствовалъ себя глубоко честнымъ человѣкомъ, и настроилъ доносъ. Но птичка видна была по полету: въ его порядочность

повѣрилъ только одинъ департаментъ, а общественное мнѣніе трудно было поддѣть на удочку. Онъ него отвернулись всѣ, и съ той поры онъ поневолѣ былъ обреченъ на одиночество, потому что его перестали принимать тамъ, гдѣ онъ бывалъ раньше, а его попытки завести новыя знакомства были отвергаемы. Ему говорили: — Если бы вы донесли по принципу, какъ подобаеъ честному человѣку,—вы пользовались бы уваженіемъ; но вѣдь вы сдѣлали гадость только потому, что съ вами не подѣлились...

Онъ пробовалъ оправдываться софизмами, но ему возражали:

— Э, полноте, кто вамъ, послѣ вашего поступка, повѣритъ...

Самыя же злоупотребленія производились на глазахъ у всѣхъ съ самой простодушной и почти дѣтской наивностью. Весь городъ зналъ—да и не одинъ только городъ, а и весь край зналъ, что чиновникъ, получавшій какихъ нибудь двѣ тысячи въ годъ, не могъ швырять сторублевками, какъ Айкановъ, или задавать лукулловскіе ужины, какъ Кузовлевъ; о злоупотребленіяхъ знали хорошо чиновники, знали досмотрщики, знали драгиля, знали купцы и знало все общество—и тѣмъ не менѣе они велись безнаказанно и почти открыто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. У виновныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ накоплялись угрызения ихъ совѣсти и сознание неправоты. Когда дѣло было официально раскрыто и дошло до суда, одинъ изъ виновныхъ нижнихъ чиновъ, досмотрщикъ, сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ. Уже это одно показываетъ, что каждый изъ хитителей переживалъ въ душѣ. Конечно, какъ и водится на Руси, ни одинъ изъ участвовавшихъ въ кампаніи противъ казны чиновниковъ не сумѣлъ сберечь изъ проходившихъ черезъ его руки десятковъ тысячъ ни одной копейки, и всѣ они отправились въ ссылку полнѣйшими бѣдняками. Сухими изъ воды вышли одни только купцы: Вальяно уплатилъ казнѣ похищенное и даже не почувствовалъ ущерба въ своихъ капиталахъ, и остальные объявили себя ничего неимущими и перевели свою торговлю на подставныхъ лицъ. Имъ запрещенъ доступъ въ таможни, но они спокойно оперируютъ въ нихъ же, выписывая товары на чужое имя. А съ нихъ самихъ взять казнѣ нечего, хотя казна и слѣдитъ за ними черезъ своихъ повѣренныхъ. И всѣ это прекрасно знаютъ; не менѣе хорошо знаетъ это и казна, но купцы—все-таки не уязвимы.

Самая махинація провоза контрабанды была очень проста: товаръ, обложенный пошлиною—масло, вино, маслины и проч., показывался въ документахъ, какъ беспошлинная коринка, а цѣлые ящики чая очищались пошлиною, какъ полуящики и четвертьящики; цѣлыя бочки масла шли, какъ полубочки—и только. Просто, коротко, и не всякій догадается. Не хитрыя были времена и, по видимому, не требовали большого напряженія мозга. И самое общество того времени относилось къ этому легко и даже безъ укоризны.

Оно только говорило: «Въ таможи что-то не ладно»... Гражданской скорбью болѣли не многіе.

Къ числу выдающихся южанъ съ положительнымъ направле-ніемъ нужно отнести Нестора Васильевича Кукольника, автора пѣснь «Рука Всевышняго отечество спасла», «Азовское сидѣнье» и пр., и поэта Щербину, прославившагося, помимо своихъ стихотвореній, также и сборникомъ «Пчела», бывшимъ въ свое время въ большомъ ходу среди читающей публики. Кукольникъ долго жилъ въ своей усадьбѣ въ двухъ верстахъ отъ Таганрога и очень много сдѣлалъ для города. Таганрогъ главнымъ образомъ обязанъ ему проведеніемъ желѣзной дороги. Несторъ Васильевичъ не разъ ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать о ней. Сдѣлавъ послѣднюю поѣздку въ столицу, онъ вернулся оттуда домой уже съ разстроеннымъ здоровьемъ и, дѣлая послѣдній докладъ отцамъ города въ думѣ, говорилъ съ сильною одышкой. Вскорѣ его не стало. Его отпѣвали въ таганрогскомъ соборѣ. На похороны были собраны гимназисты и гимназистки; присутствовали, конечно, и весь учебный персоналъ. Прекрасную проповѣдь послѣ заупокойной обѣдни сказалъ тогда настоятель собора и законоучитель, нынѣ покойный протоіерей Ѳедоръ Платоновичъ Покровскій—очень свѣтлая личность, о которой ученики и до сихъ поръ вспоминаютъ съ любовью. Тяжелый дубовый гробъ съ тѣломъ Кукольника былъ по окончаніи духовной церемоніи поставленъ на единственныя въ городѣ похоронныя дроги и увезенъ въ имѣніе. Жена его скорѣ вышла замужъ за доктора Работина и покинула Таганрогъ. Недавно я читалъ въ газетахъ, что могила Нестора Васильевича забыта и нѣмъ не поддерживается. Правда ли это—не знаю.

Николай Ѳедоровичъ Щербина бывалъ неоднократно въ домѣ моего отца. Это былъ веселый и симпатичный человѣкъ, разговоръ котораго всѣ слушали съ большимъ удовольствіемъ. Въ бесѣдахъ онъ былъ снисходителенъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда себе-сѣдникъ говорилъ глупости. Однажды въ городскомъ саду нѣкій Андрей Андреевичъ, старавшійся прослыть умникомъ, а потому и говорившій всегда глупости, пресерьезно допрашивалъ Щербину, изъ какого металла сдѣлана луна, и растеть ли на ней картошка. Николай Ѳедоровичъ не менѣе серьезно отвѣтилъ, что это еще пока никому неизвѣстно, но что петербургская казенная палата намѣрена въ скоромъ времени отправить на луну для ознакомленія двухъ коллежскихъ регистраторовъ и одного прапорщика. Разговоръ этотъ происходилъ при мнѣ. При мнѣ же потомъ Андрей Андреевичъ рассказывалъ объ этомъ разговорѣ въ кругу дамъ и снисходительно прибавлялъ:

— Я и не зналъ, накажи меня Богъ, что Николай Ѳедоровичъ такой умный...

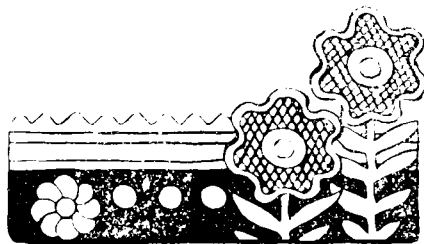
Щербина похороненъ въ Петербургѣ на кладбищѣ Александровской лавры рядомъ съ композиторами Сѣровымъ и Даргомыж-

скимъ; надъ его могилою стоитъ чистенько содержимый памятникъ изъ сѣраго мрамора.

Приазовскій край далеко не бѣденъ археологическими остатками разныхъ эпохъ, начиная отъ слѣдовъ доисторическаго человѣка, но остатки эти изслѣдованы мало. Не раскопаны курганы, которые тянутся по степямъ длинными рядами (но расхищено ихъ уже немало), не изучена археологами большая «Сауръ-могила», не достаточно описаны каменные бабы, и совсѣмъ не изслѣдованы подземелья, вырытыя Богъ вѣсть кѣмъ и Богъ вѣсть когда. Въ Таганрогѣ было нѣсколько случаевъ, что лошади на улицахъ пробивали копытами отверстія въ невѣдомые погреба, которые немедленно съ суевѣрнымъ страхомъ были засыпаемы безъ ознакомленія съ ними. Существуетъ также и преданіе о томъ, что будто бы Таганрогъ, Бердянскъ, Бердичевъ, Житоміръ и нѣкоторые другіе южные города стоятъ на цѣломъ лабиринтѣ подземныхъ ходовъ. Не обращено также ровно никакого вниманія и на старинныя кладбища какой-то отдаленной эпохи, открытыя подъ Таганрогомъ при выемкѣ глины для кирпичнаго завода. Я самъ не разъ видѣлъ эти раскопанныя могилы и груды костей и даже былъ обладателемъ двухъ череповъ. Но я тогда былъ еще юнъ, а мои черепа постигла горькая участь: по распоряженію родителей ихъ предали снова землѣ, меня же высѣкли за недостатокъ уваженія къ могиламъ..

Со времени описываемыхъ мною событій утекло много воды и многое измѣнилось. Приазовскіе города кореннымъ образомъ измѣнили свою прежнюю физіономію; желѣзныя дороги и развитіе пароходства сдѣлали свое дѣло; патріархальность исчезла. Но памятниковъ старины осталось въ краѣ много, и они еще ждутъ своихъ изслѣдователей и описателей. Дождутся ли?..

А. Сѣдой (Ал. Чеховъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПѢСНИ ¹⁾.

«Исторія нашей народной пѣсни до сихъ поръ остается неясной».

Пыпинъ.

НАЧАЛО исторіи русской народной пѣсни теряется въ глубокой древности. У византійскихъ историковъ рано встрѣчаются извѣстія о необыкновенномъ пѣснолюбіи славянъ. По разсказу Прокопія, въ описаніи одного нападенія грековъ на славянъ, послѣдніе были побиты только потому, что «усыпили себя пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ предосторожности». У тѣхъ же византійскихъ историковъ мы находимъ слѣдующее любопытное для насъ сообщеніе, относящееся къ VI вѣку. Воюя съ аварами, греки взяли въ плѣнъ трехъ чужеземцевъ. На вопросъ императора: кто они?—плѣнники отвѣчали: «мы—славяне, съ оружіемъ обходиться не умѣемъ, и только играемъ на гусяхъ». Эти мирные «гусяры» были родомъ съ балтійскаго побережья, и императоръ велѣлъ отпустить ихъ домой. Нашимъ лѣтописцамъ народная пѣсня дѣлается извѣстной тоже давно—еще на зарѣ русской исторіи. По свидѣтельству нашихъ лѣтописей

¹⁾ Важнѣйшія пособія для нашей работы—Фаминцынъ: Скоморохи на Руси (допетровскій періодъ); Пыпинъ: Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII в. (Изв. Отд. Русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ, 1900 г., т. V, кн. 2); Безсоновъ: XVIII вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ. Нашъ вѣкъ въ историческихъ пѣсняхъ; Михневичъ: Очеркъ исторіи музыки въ Россіи.

и былинь, пѣсня эта процвѣтала уже при дворѣ великаго князя Владимира; Святополкъ Окаянный также любилъ пѣсни на пирахъ, любилъ «вино пити съ гуслими». Да едва ли не у всѣхъ первыхъ Рюриковичей это было въ обычаѣ. Такъ можно думать на основаніи житія преподобнаго Θεодосія Печерскаго; тамъ, между прочимъ, повѣствуется, что Θεодосій пришелъ однажды къ великому князю Святославу Ярославичу, внуку св. Владимира, и увидѣлъ въ палатѣ, гдѣ находился князь, «многихъ, играющихъ передъ нимъ... и тако всѣхъ веселящихся, яко же обычай есть предъ княземъ». Игра, музыка и пѣніе, не составляли, стало быть, какого либо новшества при княжескомъ дворѣ; напротивъ, это было обычное развлеченіе князей, слѣдовательно, институтъ древній.

Довольно рано начинается также и достовѣрная исторія цензуры нашей пѣсни, именно съ XI в. Исторію эту съ того времени до воцаренія Александра II можно раздѣлить на 3 періода: первый—преобладаніе опеки духовенства надъ пѣсней—съ XI и почти вплоть до XVIII в., когда пѣсня подвергалась на Руси огульному гоненію, достигшему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ своего апогея; второй—съ поворота въ пѣсенной политикѣ при Петрѣ I до появленія первыхъ печатныхъ пѣсенниковъ въ 1770 г., третій же—съ 1770 до 1856 года.

Первая глава нашего труда посвящается огульно-гонительной цензурной эпохѣ съ XI по XVIII в.; вторая—двумъ остальнымъ.

I.

Въ цитированномъ нами уже житіи Θεодосія Печерскаго встрѣчается и первое извѣстіе о пѣсняхъ съ цензурнымъ характеромъ. Заставши Святослава среди игръ, Θεодосій,—говоритъ его биографъ,—поникъ головою и потомъ сказалъ князю: «Такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ?» Умиленный словами преподобнаго, князь приказалъ прекратить игру; и съ тѣхъ поръ такъ всегда дѣбалось, когда князя посѣщалъ Θεодосій.

Эти распоряженія Святослава и можно считать первымъ исторически засвидѣтельствованнымъ цензурнымъ шагомъ въ отношеніи народной пѣсни. Отселѣ почти до конца XVII в. тянется вѣковой мартирологъ пѣсни и ея творца, хранителя и распространителя—скомороха-пѣсенника, этого первобытнаго русскаго свѣтскаго словесника.

Основаніе мартирологу положено здѣсь лицомъ духовнымъ—печерскимъ игуменомъ. Позднѣйшіе нападки и гоненія исходили тоже преимущественно отъ духовенства ¹⁾; свѣтская же власть до

¹⁾ Такое отношеніе клира къ скоморошеству отмѣчено и самимъ народомъ; «скоморохъ попу не товарищъ»,—гласитъ одно народное изреченіе.

Петра Великаго, если и вмѣшивалась иногда въ это дѣло, то больше не по собственной инициативѣ, а по настоянію или внушенію духовной. И это было вполнѣ естественно.

Христіанство всюду очень долго относилось непріязненно къ народному веселью, видя въ немъ остатки язычества, погань, которую надлежало всячески истреблять. Отъ грековъ, вмѣстѣ съ религіею, и мы унаслѣдовали этотъ взглядъ, какъ непререкаемую истину, своего рода догматъ. Къ тому времени, когда на Руси вводилось христіанство, у грековъ накопилась уже значительная литература, направленная противъ народнаго мірскаго веселья. Это было готовое даровое оружіе. Наши проповѣдники не замедлили овладѣть имъ и пустить его въ ходъ на Руси. И вотъ въ ихъ поученіяхъ изъ вѣка въ вѣкъ стали повторяться, чуть ли не съ буквальною точностью, византійскія порицанія и запрещенія мірскихъ развлеченій.

Въ XI в. уже довольно ясно обрисовывается непріязнь клира къ этимъ развлеченіямъ, въ особенности къ народной пѣснѣ. Преподобный Феодосій, хотя и не рѣзко, осудилъ ее передъ Свято-славомъ, а музыку уже прямо считалъ дѣломъ небогоугоднымъ, «бѣсовскимъ».

Жившій въ томъ же столѣтіи, послѣ Феодосія, митрополитъ Іоаннъ, мужъ хитрый ученью и книгамъ, столь же неодобрительно отзываясь и о пѣснѣ, называя ее «бѣсовскимъ пѣніемъ». Этотъ ученый архипастырь налагаетъ уже свою цензуру на пѣсню, воспретивши іерейскому чину и монахамъ оставаться, гдѣ начинались игры и пѣніе («соблазнъ великъ и вражда несмѣрена»).. Было бы, конечно, послѣдовательно примѣнить то же правило и къ мірянамъ, но Іоаннъ на это не рѣшился. Время мірянъ еще не приспѣло—въ XI в. они еще недостаточно освоились съ своей новой религіей, чтобы сознавать, что «вѣщая» пѣсня—это бѣсовское угодіе, идольская служба.

Даже и въ XII в. еще сильно и почетно было на Руси скоморошество. Духовенствомъ оно и тогда, разумѣется, порицалось; монахъ-лѣтописецъ Несторъ даже и въ лѣтописи не могъ удержаться отъ нападокъ на скомоховъ (напримѣръ, подъ 1067 г.), которые въ его глазахъ были «дьявольскими лестями», не больше. Но, невзирая на такую проповѣдь клира, скомошескій ореолъ свѣтился еще тогда ярко, народъ еще вѣрилъ въ божественное происхожденіе лучшихъ «гудцовъ», баяновъ; авторъ «Слова о полку Игоревѣ» именно въ этомъ вѣкѣ восторженно и смѣло славить своего предшественника Баяна, гудца-скомохова кievскаго, величаетъ его «вѣщимъ», «внукомъ Велесовымъ», соловьемъ стараго времени.

Въ XIII в. противъ пѣсни ведетъ энергичную борьбу митрополитъ Кириллъ (1243—1250); въ то же время распространяется аскетическій трудъ Григорія Черноризца, который поучаетъ «бѣ-

гать» (избѣгать) скомороха: «поганьско бо то есть, а не крестьянско».

Такъ, мало-по-малу, за скоморохами и пѣсней вѣками прочно укрѣпляется «бѣсовская» аттестація. Непріязненная, сатанинская, бѣсовская, богомерзкая и т. п. эпитеты дѣлаются неразлучными спутниками пѣсни; она становится безусловно опальною, нетерпимою. И, наконецъ, то, что раньше предписывалось митрополитомъ Іоанномъ только «священству и мнхамъ», провозглашается обязательнымъ и для мірянъ, и имъ предписывается теперь не предаваться мірскимъ развлеченіямъ, не пѣть: «поганьско то есть».

На ряду съ этимъ, соотвѣтствующія назиданія не только не прекращались, но принимали все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Мірянамъ уже внушалось, что пѣсня—это чуть ли не смертный грѣхъ, которому нѣтъ искупленія. Такою проповѣдью усердно занималась не только духовная и полумірская словесность—духовные стихи, но даже и былины, а позже народныя картинки.

Духовенство поучало мірянъ, что скоморохи—великіе грѣшники, ученики сатаны. Нѣтъ имъ помилованія, души ихъ пойдутъ въ преисподнюю. Вообще участь скомороховъ въ загробномъ мірѣ рисовалась проповѣдниками въ самыхъ безотраднѣйшихъ краскахъ. По словамъ монаха Палладія, ихъ ожидаетъ тамъ «плачь неутѣшный никогда же», какъ справедливое возмездіе за безпутное веселье на землѣ; въ Домостроѣ попа Сильвестра читаемъ: «И скоморохи и ихъ дѣло плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія всегда любя... вси вкупѣ будутъ во адѣ».

Въ изображеніяхъ страшнаго суда скоморохамъ тоже «воздавалось» тяжкою мукою.

Диллетантское подражаніе скоморохамъ, какъ и «слушаніе» скомороховъ или иныхъ пѣвцовъ, также почиталось, по ученію духовенства, немалымъ грѣхомъ. О такомъ грѣхѣ упоминалось даже въ старинныхъ требникахъ. Исповѣдника, напримѣръ, спрашивали: «слушалъ еси скоморохъ или гусельниковъ, или пѣлъ еси пѣсни бѣсовскія, или слушалъ еси иныхъ поющихъ?» Какая бы ни была пѣсня—все равно грѣхъ.

Таковъ былъ характеръ духовно-нравственныхъ назиданій.

Отголосокъ этихъ внушеній проникаетъ и въ народную словесность. О скоморохахъ, этихъ преемникахъ вѣщаго Баяна, Велесова внука, въ народѣ стали слагаться обидныя поговорки, въ родѣ слѣдующихъ: Богъ далъ попа, а чортъ—скомороха. Пѣсня и пляска—отъ сатаны. Скоморошья потѣха—сатанѣ въ утѣху. Ни Богу свѣча, ни чорту дуда.

Въ былинѣ о Садкѣ говорится, что когда подъ звуки его гуслей разскакалось и разыгралось все подводное царство, расходилось бурное море, поглотило кораблей безъ счету,—герою былины

является старикъ сѣдатый или «Никола Можайскій», или старчище, и обращается къ нему съ такими словами:

Полно тебѣ играть въ гуселки яровчаты,
 Полно губить людей безповинныхъ.
 Отъ твоихъ отъ игоръ отъ бѣсовскихъ,
 Отъ твоихъ отъ пласокъ нечестивыхъ
 Окіанъ-сине море вселобалосл.

О загробной судьбѣ скомороховъ и вообще «пѣснолюбцевъ» народная полудуховная словесность держалась, разумѣется, перковнаго ученія.

Въ старинномъ стихѣ о грѣшной душѣ говорится, что за участіе ея въ игрищахъ она осуждена на безконечную муку въ преисподней: «вѣкъ мучиться душѣ, не отмучиться».

Впослѣдствіи тотъ же духъ отразился и въ лубочныхъ картинкахъ. На одной картинкѣ, напримѣръ, изображалась нагая женщина на драконѣ—жертва пѣснолюбія; въ исповѣди этой «дѣвицы» отцу ея духовному читаемъ: «азъ есмь проклятая дщерь твоя духовная, видиши ли, отче... стрѣлы въ ухахъ за слушаніе пѣсней бѣсовскихъ».

Въ «Повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ, како игры творили» рассказывается, что Господь прислалъ къ нимъ св. Георгія для увѣщанія, «чтобы онѣ перестали отъ такого бѣснованья (игръ своихъ въ Ивановскую ночь), но онѣ нелѣпо возбраняли съ великимъ срамомъ. Тогда онъ проклялъ ихъ, и всѣ онѣ тотчасъ же окаменѣли и доннѣ на полѣ томъ видимы, стоятъ, какъ люди: въ поученіе намъ, грѣшнымъ, чтобы такъ не творили, да не будемъ съ дьяволомъ осуждены въ муку вѣчную».

Но какъ ни горестна была судьба, уготованная скоморохамъ въ будущемъ вѣкѣ,—ихъ не щадили и здѣсь, на землѣ. Человѣческое достоинство ихъ унижалось, позорилось. Мы видѣли, какія оскорбительныя поговорки слагались о нихъ въ народѣ. Церковь же нерѣдко отлучала ихъ и проклинала. Проповѣдники любили ставить скомороховъ на одну доску съ волхвами и чародѣями. Жертвы ихъ не признавались достойными алтаря; какъ небогоугодныя, онѣ отвергались. Еще при Иванѣ III отъ скомороховъ-игрецовъ запрещалось принимать «приносъ» «на Божій жертвенникъ». Домострой говоритъ: «скоморохи и ихъ дѣло... здѣ прокляти»; въ посланіи одного неизвѣстнаго епископа читаемъ: «да будетъ отлученъ... чародѣй, скоморохъ». Домостроевское проклятiе повторяется въ статьѣ одного рукописнаго сборника, гдѣ скоморохи называются «волсви плотяные бѣсови», слугами антихриста ¹⁾.

¹⁾ Въ утѣшеніе тутъ отмѣтимъ развѣ, что участь многихъ западныхъ собратьихъ нашихъ скомороховъ—шпильмановъ и жонглеровъ, была въ свое время не

Но и при такихъ невзгодахъ забубенные молодцы скоморохи все-таки продолжали свою «веселую» дѣятельность; они не только не падали духомъ, но даже отвѣчали иногда на гоненіе, «съ лукавой насмѣшливостью»—сатирическими выходками противъ клира (духовенство, впрочемъ, не принимало этихъ выходокъ на свой счетъ, а предпочитало выдавать ихъ за кощунство, за поношеніе религіи). Словомъ скоморохи проявляли изумительную способность жить, несмотря на то, что это совсѣмъ не нравилось клиру.

Эту необычайную скоморошью живучесть (о причинахъ ея будетъ сказано дальше—въ концѣ этой главы) духовенство подмѣтило довольно рано; убѣдясь отсюда, что одного духовно-назидательнаго арсенала тутъ не достаточно, чтобы сокрушить «гидру скоморошества», оно скоро обратилось къ болѣе надежному мірскому оружію—къ запретамъ и карамъ.

Повидимому, вначалѣ духовенство намѣревалось погубить скоморошество посредствомъ самаго населенія, образуя въ средѣ его присяжныя антискоморошескія братства, въ родѣ современныхъ обществъ трезвости. Слѣды такой попытки встрѣчаются въ лѣтописи подъ 1358 годомъ. По словамъ лѣтописца, новгородцевъ вдругъ охватило тогда «благочестивое настроеніе»—вражда къ мірскимъ забавамъ—и они спѣшатъ «утвердиться» между «собою крестнымъ цѣлованіемъ», что имъ «игранія бѣсовскаго не любить». Клялись не любить, и баста. Но, должно быть, этотъ невозможный для населенія цѣлаго города обѣтъ недолго и плохо исполнялся. Внезапный новгородскій гнѣвъ, вѣроятно, скоро смѣнился на милость—и опытъ совсѣмъ не удался. Во всякомъ случаѣ, о подражаніи новгородцамъ нѣтъ извѣстій, а отсюда можно заключить, что новгородскій путь «ко спасенію» не привился, былъ оставленъ, какъ не практичный.

Начиная съ конца XV вѣка, духовенствомъ избирается уже другое менѣ фантастическое средство. Къ небеснымъ громамъ, поражающимъ до того «веселыхъ молодцовъ»—этихъ «плотяныхъ бѣсовъ» и ихъ «всескверныя дѣла», прибавляются въ это время земные перуны—прямое запрещеніе, съ карами для преступниковъ.

Первый историческій опытъ такого рода дѣлается въ 1470 году. Инициатива тутъ принадлежала Троицко-Сергіеву монастырю,

лучше. На западѣ церковь тоже не терпѣла ихъ. Гражданскіе же кодексы нерѣдко прямо издѣвались надъ ними; швабскій кодексъ, напримѣръ, въ случаѣ оскорбленія кѣмъ либо шпильмана, позволялъ послѣднему въ удовлетвореніе свое—ударить тѣмъ обидчика; право горзда Гаймбурга еще сильнѣе поглумилось надъ обиженнымъ шпильманомъ: кто ударитъ его, не платитъ за то никакой пени на судѣ, ни обиженному, которому можетъ дать еще три удара сверхъ прежнихъ, и т. п.

который и позже, какъ увидимъ дальше, былъ ревностнымъ борцомъ противъ скоморошества. Въ Инобожскихъ селахъ этого монастыря тогда особою жалованною грамотою дмитровскаго князя Юрія Васильевича была, вѣроятно, по монастырскому «челобитью», воспрещена скоморошья игра, скоморохамъ заповѣдано тамъ «не играть». Но при Иванѣ III дальше этого дѣло, кажется, не пошло. Не пошло, быть можетъ, потому, что «собиратель земли Русской» смотрѣлъ на вопросъ болѣе снисходительно, не видѣлъ въ весельѣ неискупимаго грѣха. Онъ самъ даже не прочь былъ такъ погрѣшнить — повеселиться. Великокняжескія палаты при немъ уже не чужаются музыки: въ 1490 году этимъ государемъ изъ-за границы выписывается даже органнѣй игрецъ — Иванъ Спаситель, открывшій собою рядъ иноземныхъ царскихъ потѣшниковъ. Да и народная пѣсня тоже, повидимому, звучала тогда уже въ государевомъ дворцѣ: дочь Ивана III Елена любила эти пѣсни; извѣстно, что, будучи уже великой княгиней литовской, она тѣшилась въ Литвѣ игрою пѣсенниковъ, которые, въ угоду ей, и держались при дворѣ ея мужа, Александра Казимировича.

При Василии III противопѣсенныя мѣропріятія встрѣчаются чаще, хотя и отличаются еще нѣкоторой нерѣшительностью. Примѣняются они опять-таки преимущественно въ монастырскихъ вотчинахъ и носятъ притомъ какой-то двойственный характеръ; именно, одни ограничительные акты издаются въ видѣ привилегій—освобожденія отъ насильственной скоморошьяй игры, а другіе—уже прямо воспрещаютъ ее.

Такъ, въ уставной грамотѣ 1506 года читаемъ: «а скоморохомъ у нихъ (крестьянъ Артемоновскаго стана, Переславскаго уѣзда) играти въ волости (волостель) не освобождаетъ». Это какъ бы полное запрещеніе игры. Другою такою же грамотою дмитровскаго князя Юрія Ивановича въ 1509 году ловчему и его туну предписывалось лишь не допускать въ Бобровыхъ деревняхъ «на насильственной игры», ослушниковъ же предоставлялось высылать изъ волости «вонъ безпенно». Великокняжеская жалованная грамота 1522 года ¹⁾ относительно монастырскихъ селъ и деревень въ

¹⁾ Около того же времени московскій митрополитъ Даниилъ (занималъ московскую кафедру въ 1522—1539 г.), ревностнѣйшій порицатель скоморошества, громить въ своихъ поученіяхъ съ кафедры «дѣвольскыя пѣсни и кошуны». Въ словахъ и поученіяхъ этого іерарха яркими красками рисуется и осуждается увлеченіе его современниковъ скоморошьями потѣхами. По свидѣтельству митрополита, скоморошество было тогда настолько распространено, что даже и въ средѣ самаго клира встрѣчались его поклонники («нѣци отъ священныхъ—пресвитеры, діаконы и проч.—глузились и играли въ гусли... и въ пѣсняхъ бѣсовскихъ»). Любопытно, что въ эту эпоху выдвигается уже, повидимому, на сцену вопросъ о народномъ развлеченіи. По крайней мѣрѣ, митрополитомъ Данииломъ дѣлается едва ли не первая попытка дать посильный отвѣтъ на такой

Углицкомъ уѣздѣ представляетъ собою уже полный запретъ; здѣсь сказано: «въ тѣхъ деревняхъ... скоморохомъ не играти..., а учнуть скоморохи играти... и язъ тѣхъ велѣлъ имати и давати на поруки, и ставити передъ собою, передъ великимъ княземъ».

При Иванѣ Грозномъ свѣтская власть, видимо, вмѣшивалась въ скоморошье дѣло также больше съ полицейской стороны, чѣмъ съ аскетической. Въ актахъ по этому вопросу преобладаютъ лишь запреты насильственной игры, вопреки желанію жителей. Насильниковъ разрѣшалось старостамъ и волостнымъ людямъ, не подвергаясь пенѣ, высылать изъ волости. Такова была, напримѣръ, Онежская грамота, данная въ малолѣтствѣ Грознаго въ 1536 году; аналогичныя привилегіи повторяются и въ уставныхъ и жалованныхъ грамотахъ: 1544 г. (Звенигородскаго уѣзда, дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ; здѣсь ослушниковъ-скомороховъ повелѣвалось «поселскому того села давати на поруку да ставити предъ своимъ дворецкимъ Дмитровскимъ»), 1548 года (жалованная грамота старицкаго князя Владимира Андреевича Троицко-Сергіеву монастырю, воспреещающая насильственную игру). И только грамота 1554 года (дворцовыхъ Аванасьевскаго и Васильевскаго сель крестьянъ) является положительнымъ запретомъ игры; «а скоморохомъ, сказано въ этой грамотѣ, у нихъ поселской въ тѣхъ сельхъ и въ деревняхъ играти не освобождаетъ»¹⁾.

Но эти антипѣсенные акты не представляли еще большой бѣды для скоморошества. Направленные главнымъ образомъ лишь противъ насилія, они едва ли достигали и этой цѣли. Силу ско-

вопросъ. Но эта интересная, главнымъ образомъ, какъ «знаменіе времени», попытка, къ сожалѣнію, совсѣмъ не разрѣшала вопроса. Московскій первосвященникъ, правда, соглашался, что нельзя всю жизнь только тѣмъ и заниматься, что совершаться да скорбѣть о грѣхахъ; надо же порой и отдохнуть отъ такого времяпровожденія — удѣлить «потѣхъ часъ». Но, по его мнѣнію, здѣсь все же не было надобности въ скоморошествѣ, а можно было ограничиться совершенно невинными и въ то же время благочестивыми развлеченіями, наслажденіемъ красотами природы да заботами по хозяйству. Хочешь, поучаль святитель, «прохладиться», равлечься, «изыди на преддверіе хранины твоея, виждь солнце, луну, звѣзды, облака, овы высоци, овнже вижайше и въ сихъ прохладжайся, смотря ихъ добрсту, и прослави тѣхъ Творца Христа Бога». Мало того, «изыди на дворъ твой», осмотри постройки, поправь, почини и проч.; если опять недоволенъ—желаешь «внѣше прохладиться», присмотри за хозяйствомъ на огородѣ. Наконецъ, если всѣхъ такихъ трехъ «прохладь» еще недостаточно, ступай въ поле, полюбуйся на хлѣбные злаки, «на цвѣты красные» и т. д., «и сими прохладжайся и прославляй Бога, иже тебе ради вся сія сотворшаго». Какъ ни хороши были, конечно, всѣ эти четыре совѣта, но ими нельзя было замѣнить цѣлую народную словесность, созданную веселыми скоморохами, и оттого ученіе іерарха осталось «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», «не принесло достойнаго плода»... В. Жмакинъ: Митрополитъ Даниилъ, М., 1881, стр. 566.

¹⁾ Акты, собр. Археограф. Экспед.

морощью можно было отразить только силой же. А гдѣ было ее взять? Въ XVI вѣкѣ скоморохи, можетъ быть, въ интересахъ самозащиты, ходили ватагами въ 60, даже въ 100 человекъ. Какая же привилегированная деревня могла въ то время устоять противъ такой арміи, отразить ее, особенно при тогдашнемъ деревенскомъ малолюдствѣ? Конечно, при такихъ условіяхъ, «привилегіи» не имѣли почти никакого значенія, представляли собою лишь «звукъ пустой».

Но если свѣтская власть при Грозномъ стремилась оградить населеніе только отъ скоморошьяго самоуправства, то клиръ по-прежнему далекъ былъ отъ мысли помириться на этомъ. Напротивъ, онъ домогался большаго, даже полной гибели скоморошества. Такъ, Стоглавомъ рекомендовалось духовенству отстранять скомороховъ отъ свадебныхъ поѣздовъ; изъ обряда поминовенія усопшихъ также изгоняются скоморошьи игры. Тогда же соборомъ возбуждался вопросъ и объ окончательномъ истребленіи скоморошества. Отвѣчая на вопросы царя «о нестроеніи», соборъ, въ особой главѣ «о еллинскомъ бѣсованіи»—народныхъ развлеченіяхъ—рѣшительно высказался за то, чтобъ «проклятое бѣсованіе было попрано до конца»; царю, съ этой цѣлью, предоставлялось «своя заповѣди учинити по городамъ и селамъ». И митрополитъ Іоасафъ писалъ Грозному: «Бога ради, государь, вели ихъ (скомороховъ) извести, кое-бы (чтобы) ихъ не было въ твоемъ царствѣ, и тебѣ, государю, въ великое спасеніе, аще бѣсовская игра не будетъ». Посланіе это ясно, въ немъ предлагается «извести», т.-е. уничтожить совѣмъ источникъ народнаго веселья—скоморошество. Царь, однако, не внялъ этому душеполезному совѣту, которому, впрочемъ, все-таки суждено было, лѣтъ черезъ сто позже, осуществиться. При Грозномъ «совѣтъ» былъ не ко времени. «Прозритель», такъ величали царя современники пѣвцы-скоморохи, прославившіе его дѣянія въ своихъ пѣсняхъ, правда, порою не прочь былъ поговорить о благочестіи, о народной нравственности. Въ «вопросахъ» Стоглавому собору онъ, напримѣръ, самъ скорбитъ о томъ, что на праздникахъ и пиршествахъ на Руси совершаются безчинства: «играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы, и бѣсовскія пѣсни поютъ». Хорошо бы все это унять, прекратить, разсуждалъ царь. Но такимъ Грозный былъ только на словахъ. На практикѣ же, на дѣлѣ скоморошество не только не было имъ гонимо, но даже поощрялось. По своей натурѣ «прозритель» вовсе не былъ аскетомъ. Онъ самъ увлекался скоморошествомъ, собиралъ къ своему двору скомороховъ («съ дудами и богоненавистными пѣснями», какъ выражается кн. Курбскій), пилъ и плясалъ съ ними и пѣвалъ разгульные пѣсни. Историки нашей пѣсни (Безсоновъ, Надеждинъ) считаютъ его, и не безъ основанія, покровителемъ народной словесности, царствованіе же его называютъ «золотымъ

утромъ», расцвѣтомъ этой словесности. И потому отъ Грознаго меньше всего, конечно, можно было ожидать рѣшительнаго удара скоморошеству. И ударъ этотъ не былъ имъ нанесенъ ¹⁾.

Неудачей у царя клиръ, однако, не смутился. Вскорѣ послѣ этого усиливается гоненіе на скоморошество въ монастырскихъ вотчинахъ. На этомъ поприщѣ опять выдѣляется Троицкая лавра, положившая основаніе преслѣдованію въ 1470 г. При Грозномъ, какъ мы видѣли, она получила грамоту, воспреещающую насильственную скоморошью игру въ монастырскихъ владѣніяхъ въ Старицкомъ уѣздѣ. Но все это были лишь полумѣры, которыми лавра не хотѣла довольствоваться. Она стремилась, по крайней мѣрѣ, хоть въ монастырскихъ вотчинахъ совсѣмъ покончить со скоморошествомъ. И вотъ приговорною памятью монастырскаго собора 1555 года скоморошество туземное ипришлое въ этихъ вотчинахъ совершенно запрещается. «Не ведѣли есмь имъ въ волости держати скомороховъ, ни волхвей... и учнуть держати, у котораго сотскаго въ его сотной выймутъ... и на томъ сотскомъ и его сотнѣ взяти пени десять рублей денегъ, а скомороха или волхва... бивъ да ограбивъ, да выбити изъ волости вонъ». Здѣсь же прибавлено: «а прохожихъ скомороховъ въ волость не пущать». Этотъ монастырскій актъ замѣчательнъ еще тѣмъ, что въ немъ впервые прямо разрѣшается «бить и грабить» веселыхъ людей, и устанавливается кара сотскимъ и населенію за попустительство, за допущеніе запретной игры.

При патріархахъ запретительно-назидательная политика духовенства не только не прекращается, но скоро переходитъ даже въ огульно-истребительную, съ повелѣніемъ жечь музыкальные инструменты, «казнить-наказывать нещадно скомороховъ».

Патріархомъ Іовомъ въ 1604 году предписывается: «не чинить скарედныхъ и смѣхотворныхъ укоризнъ, не играти»... Тутъ, кажется, кроется намекъ на сатирическія выходки скомороховъ противъ духовенства, намекъ на эти «глумы и кощуны», которыми такъ богата вообще наша старинная обличительная духовная словесность. Потомъ за смутю и ея послѣдствіями въ гоненіяхъ наступаетъ какъ бы пауза, временная пріостановка.

Впрочемъ, и смутное время не обошлось безъ жертвы за скоморошество, даже очень крупной. Скоморошество было вмѣнено первому самозванцу въ тяжкій грѣхъ, на ряду съ обвиненіемъ въ

¹⁾ О скомороствѣ Грознаго любопытно сообщеніе очевидца-иностранца Кельха. По свидѣтельству послѣдняго, царь въ Новгородѣ на свадьбѣ своей племянницы Маріи Владимировны съ «королемъ» Магнусомъ лично увеселялъ нѣмцевъ соблазнительными пѣснями и плясками—соло и хоромъ. Царскій хоръ состоялъ изъ молодыхъ иноковъ (то, конечно, были дворцовые пѣвчіе), и Иванъ Васильевичъ, самъ дирижируя ими, колотилъ ихъ тростью по головамъ, когда они сбивались съ такта.

еретичествѣ—въ томъ, что онъ «мѣстныя иконы подъ себя стелеть, а чудныя кресты подъ пяты кладетъ». Кн. В. И. Шуйскій, возбуждая москвичей противъ этого загадочнаго претендента на шапку Мономаха, ехидно нашептывалъ имъ черезъ своихъ клеветовъ: «Что это за царь? Какое въ немъ достоинство, когда онъ съ шутами да съ музыкантами пляшетъ, да хари надѣваетъ?... Это скоморохъ». И послѣ смерти Джемидитрія издѣвательство надъ его трупомъ тоже совершилось на почвѣ скоморошества; когда трупъ положили на столъ, одинъ изъ бояръ бросилъ ему на животъ маску, на грудь волынку, а въ ротъ сунулъ дудку и притомъ сказалъ: «долго мы тѣшили тебя... теперь самъ насъ позабавь».

Въ срединѣ царствованія Михаила Феодоровича, затихшая навремя борьба возгорается уже сильнѣе прежняго. На скомороховъ ополчаются теперь оба государя—царь и патріархъ; очищеніе отъ «бѣсовщины» начинается съ самой столицы, съ Москвы, гдѣ прежде всего упраздняется «безлѣница» за Старымъ Ваганьковымъ. Въ 8-й дополнительной статьѣ къ Судебнику (1626 года) говорится: «Государь... указалъ..., чтобы впередъ за Старое Ваганько никакіе люди не сходились на безлѣпицу николи»... Ослушники не могли разчитывать на безнаказанность, ихъ повелѣвалось «имать» и «бить кнутомъ по торгомъ». Въ свою очередь, въ 1628 году государь-патріархъ Филаретъ сокращаетъ святочные игры, «указавъ», чтобы мірскіе люди «не сходились» на такія игрища, «коледу бы, и авсеня, и плуги не кликали» (т.-е. не пѣли бы святочныхъ колядокъ и авсеневаго пѣсеня). Указъ мотивировался желаніемъ оградить православныхъ отъ «смуты», принимаемой игрищами.

Какъ продолженіе этого указа, является «память», писанная по указу патріарха Іоасафа, преемника Филарета, въ 1636 году. Въ ней, послѣ сѣтованія на то, что христіане въ праздники «творятъ угодное дьяволу— вмѣсто духовнаго торжества и веселія воспримши игры и кощунныя бѣсовскія», повелѣвалось священству прекратить такое безбожное времяпровожденіе, научивъ паству «всякому благочинію». Патріархъ, однако, держался того мнѣнія, что однихъ поученій тутъ недостаточно, въ чемъ, впрочемъ, какъ мы видѣли, давно уже духовенство убѣдилось. И вотъ, «чтобъ въ корнѣ зло пресѣчь», онъ сперва велѣлъ уничтожать всѣ музыкальныя инструменты, попадавшіеся на улицахъ, а потомъ запретилъ всему народу держать у себя музыкальныя орудія, а какія, вопреки указу, гдѣ либо оказывались, приказывалъ отбирать и жечь. По словамъ Олеарія, отобраніе музыкальныхъ орудій на улицахъ касалось, главнымъ образомъ, кабачныхъ скомороховъ и было вызвано тѣмъ, что они стали злоупотреблять музыкою, распѣвая подъ звуки ея вездѣ срамныя пѣсни. За это уличная музыка и была истреблена. Потомъ дѣйствию такой же опалы подверглась и вся

музыка вообще; при этомъ въ одной Москвѣ отобрано было 5 воровъ музыкальныхъ инструментовъ, которые, по приказу патріарха, и были сожжены на Москвѣ-рѣкѣ.

Тогда же, въ XVII в., въ наказѣ монастырскимъ приказчикамъ, предписывалось «прекратить» музыку у крестьянъ; съ ослушниковъ велѣно было «править» крупную пеню «по пяти рублевъ на человѣка».

Такъ при первомъ Романовѣ было тѣсно со всѣхъ сторонъ скоморошество. И свѣтская, и духовная власти дѣлали дружный натискъ на него. Но все это были еще, можно сказать, цвѣточки. Ягодки ожидаютъ насъ впереди, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Глубокая ненависть этого царя къ скоморошеству нанесла смертельный ударъ сословію скомороховъ. Всѣ прежнія частичныя гонительныя мѣропріятія, при немъ усугубленныя, получаютъ общій всероссійскій характеръ. Отвѣчая внушеніямъ духовенства, стремившагося удержать русскую жизнь въ кругу отеческихъ преданій и обычаевъ и руководясь собственною набожностью, молодой царь относился ко всѣмъ, даже невиннымъ, проявленіямъ народного веселья совершенно отрицательно. Крутыми насильственными мѣрами стремится онъ покончить съ бѣсовскимъ весельемъ и, по выраженію г. Забѣлина, обратить всю святорусскую землю «въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ». Изъ самыхъ царскихъ палатъ веселье было изгнано—тамъ «верховые старцы» тѣшили слухъ государя только духовными стихами. Всякія игры, пѣсни всѣмъ и всюду были запрещены. Даже на свадьбахъ не дозволялось пѣть. На пѣсню въ 1648 г. царемъ наложенъ былъ «крѣпкій заказъ». Дѣятельность скомороховъ тоже совершенно воспрещалась. «Заказная грамота» честитъ ихъ «сатанинскими учениками», прелестниками и упраждаетъ навсегда, вмѣстѣ со всѣми ихъ «помраченными и беззаконными дѣлами». Прежнее патріаршее распоряженіе объ уничтоженіи музыкальныхъ инструментовъ подтверждается. Всѣ они обрекаются огню—эти «гудебные бѣсовскіе сосуды»: ихъ попрежнему повелѣвалось повсюду «вынимать» и, изломавъ, жечь. Для ослушниковъ устанавливались суровыя кары; наиболѣе упорнымъ угрожала даже «ссылка за опалу», мѣра, доселѣ не примѣнявшаяся на Руси къ скоморошымъ дѣламъ. «А которые люди,—говорится въ грамотѣ,—отъ того ото всего богомерзкаго дѣла не отстануть, и учнутъ впредь держаться... тѣмъ людямъ... дѣлать наказанье: гдѣ такое безчиніе объявится, или кто на кого такое безчиніе скажутъ, и вы бѣ тѣхъ велѣли бить батоги; а которые люди отъ такова безчинія не отстануть, а вымутъ такія богомерзкія игры въ другіе, и вы бѣ тѣхъ ослушниковъ велѣли бить батоги; а которые люди отъ того не отстануть, а объявятся въ такой

винѣ въ третіе и четвертые, и тѣхъ, по нашему указу, велѣно ссылать въ крайные города за опалу».

Подобныя же грамоты были разосланы повсюду и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ «безъ всякаго милосердія и отлученіемъ отъ церкви Божіей».

Въ другой аналогичной царской грамотѣ шуйскому воеводѣ Змѣеву ослушники предупреждаются, что они будутъ отъ государя «въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ».

Столь рѣшительными царскими мѣрами скоморошеству былъ нанесенъ страшный ударъ, отъ котораго оно и сошло съ исторической сцены навсегда. Возродиться ему уже не пришлось. Гибель скомороховъ неблагоприятно отразилась, конечно, и на судьбѣ пѣсенъ.

Начавъ, впрочемъ, столь «благочестиво» свое царствованіе, Алексѣй Михайловичъ впослѣдствіи самъ измѣнилъ свой взглядъ на грѣховность веселья; особенно послѣ своего второго брака—съ Наталіею Кирилловною Нарышкиною, получившею воспитаніе въ западномъ духѣ— въ домѣ Матвѣева, «отца и друга нѣмцевъ». Дворцовые нравы съ того времени измѣнились: царь уже не «бѣжитъ» веселья, какъ грѣховной бѣсовщины. Напротивъ, назначая «дѣлу время», онъ опредѣляетъ и «потѣхъ часъ»; не прочь уже былъ послушать пѣсенниковъ и игрецовъ; не прочь посмотрѣть на пляски шотовъ и скомороховъ, которыхъ немало жило у государя наверху.

Однако, разрѣшая себѣ веселье, царь своего «крѣпкаго заказа», наложеннаго имъ на народную пѣсню, не рѣшился снять— запретъ для народа оставался въ силѣ; ему суждено было пережить царя, официально онъ былъ отмѣненъ лишь при Петрѣ I.

Въ заключеніе этой главы укажемъ причины прежней живучести скоморошества, а также и того, почему оно при царѣ Алексѣѣ не выдержало—и упразднилось навсегда.

Изъ причинъ живучести, какъ главнѣйшую, слѣдуетъ отмѣтить общую человѣческую потребность въ развлеченіи. «Хлѣба и зрѣлицъ!»—кричали еще древніе римляне. Въ любви къ увеселительнымъ зрѣлищамъ, въ особенности къ пѣснѣ, славяне, конечно, не уступали римлянамъ. Эту славянскую особенность тонко подмѣтили, какъ мы видѣли, греки еще задолго до образованія Русскаго государства. Византійцы называли славянъ пѣснолюбивыми. И это вовсе не было преувеличеніемъ. Позднѣйшіе русскіе памятники совершенно подтверждаютъ приговоръ византійцевъ. Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣ эти памятники, а остановимся лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ изъ нихъ. Въ извѣстномъ «словѣ, истолкованномъ мудростью», авторъ жалуется, что современники его «аще плясци или гудци или инъ кто хитрецъ позоветь на игрище»,—«все тамо текутъ радуясь». То же повторяетъ

и митрополитъ Даніилъ (XVI в.), по словамъ котораго русскіе въ его время «дьявольскія пѣсни и кощунныя глаголющихъ со мною сладостію послушающе»; и между этими слушателями были даже «нѣщии отъ священныхъ».

Да и какъ было устоять противъ соблазна послушать гусляра-скомороха, посмотрѣть на его игры. Скоморохъ «сказывалъ» исторію, пѣлъ про времена стародавнія и «про всѣ времена доселюшни», а, главное, былъ неизсякаемымъ источникомъ веселости. Заиграетъ онъ по-веселому — никто на мѣстѣ устоять не можетъ: всѣ «скачуть, пляшуть промежду собой». Гусляръ-гость Садко «взбаламутилъ» даже своей игрой весь океанъ-море, заставилъ плясать все подводное царство. Бойкія шутки, прибаутки, припѣвки — неразлучные спутники скомороха. Скоморошья веселость заразительно дѣйствовала и на публику. Недаромъ въ одной пѣснѣ говорится, что герой ея — весельчакъ, между прочимъ, потому, что его «мать плясавши родила», и крестный батюшка былъ «съ гушнаго двора».

Скомороховъ обвиняли въ необычномъ сквернословіи, а также въ разбояхъ и грабежахъ. Въ виду этого можно было бы, пожалуй, удивляться любви къ нимъ всѣхъ классовъ русскаго народа. Удивляться, однако, не приходится. Обвиненія, несомнѣнно, въ значительной степени преувеличены и притомъ находятъ себѣ извиненіе въ нравахъ народа и времени.

Начнемъ съ срамословія. Сохранилось, правда, изреченіе: «безстудентъ, аки скамрахъ» (впрочемъ, довѣрять этому изреченію особенно не слѣдуетъ, ибо самая форма его указываетъ, что оно вышло изъ враждебнаго скоморошеству лагеря — отъ духовенства). Но это еще не безспорное доказательство того, что пальма первенства за безстыдство должна быть присуждена скомороху. «Срамословіемъ» въ эпоху скомороховъ грѣшили, къ сожалѣнію, всѣ слои нашего народа. Это засвидѣтельствовано не только иностранцами (Олеарій и др.), но и весьма авторитетными русскими современниками. Даже и клиръ былъ тутъ далеко не безгрѣшенъ, о чемъ мы встрѣчаемъ свидѣтельство у митрополита Даніила и въ посланіяхъ царя Ивана Васильевича; по выраженію Грознаго, въ его время иные «и по четкамъ матерно лаялись»; такое «лаянье» случалось даже въ храмахъ. Скоморошій репертуаръ почти весь погибъ, и потому мы не можемъ рѣшительно сказать, насколько обвиненіе скомороховъ въ сквернословіи должно считать доказаннымъ. Тѣмъ не менѣе, у насъ есть нѣкоторыя данныя, позволяющія намъ утверждать, что обвинители тутъ далеко не правы. До насъ дошелъ нбеольшой, но любопытный сборникъ пѣсенъ, несомнѣнно скоморошескихъ. Это — «древнія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ». И что же? Въ этомъ сборникѣ, съ цензурной точки зрѣнія, даже въ началѣ прошлаго вѣка, изъ шести-

десяти слишкомъ пьесъ было «не одобрено» всего лишь семь, незначительныхъ по объему; да и эти семь -- во-первыхъ, не всѣ осуждены за непристойность, а, во-вторыхъ, и тѣ изъ нихъ, которыя страдаютъ этимъ порокомъ, съ небольшими пропусками, могли быть изданы даже въ наши дни. Не доказываетъ ли это преувеличенность обвиненій? Что не мило—то и постыло.

Обвиненіе скомороховъ въ насиліяхъ не станемъ ни отвергать, ни поддерживать. Замѣтимъ только, что и къ нему слѣдуетъ отнестись съ большой осторожностью. Свидѣтели тутъ опять-таки преимущественно сами обвинители—клирики, а отъ нихъ въ скоморошьемъ вопросѣ безпристрастія нечего ожидать. Нѣкоторымъ доказательствомъ «пристрастія» здѣсь можетъ служить и то обстоятельство, что царь Алексѣй, уничтожая скоморошество, обвинялъ его во многомъ, но только не въ разбояхъ. Отсюда мы въ правѣ заключить, что скоморохи хоть и «пошаливали»—промышляли иногда разбоями, но это никогда не было ихъ главнымъ «ремесломъ».

Что же касается успѣха антискоморошескихъ мѣръ царя Алексѣя, то въ этомъ, намъ думается, важную роль играло особое, невѣдомое до конца XVI вѣка, обстоятельство социальнаго характера, именно крѣпостничество. Съ возникновеніемъ и развитіемъ на Руси крѣпостного права, оно начало привлекать къ себѣ скоморошье вниманіе. Веселые молодцы стали вышучивать барство, даже глумиться надъ нимъ, подрывая этимъ его престижъ. На ряду съ барствомъ скоморошьимъ насмѣшкамъ подвергалось и «купечество богатое».

Въ Великороссіи въ XVII столѣтіи былъ очень популяренъ, на примѣръ, слѣдующій фарсъ: на сцену выходилъ бояринъ въ карикатурѣ; на головѣ у него была горлатная шапка изъ дубовой коры, самъ онъ былъ надутый, чванливый, съ оттопыренной губой. Къ нему шли челобитчики и несли посулы въ лукошкахъ — кучи щепня, песку, свертокъ изъ лопуха и т. п. Челобитчики земно кланяются, просятъ правды и милости, но бояринъ ругаетъ ихъ и гонитъ прочь.

— Ой, бояринъ, ой, воевода, любо было тебѣ надъ нами издѣваться, веди же насъ теперь самъ на расправу надъ самимъ собой,—говорятъ челобитчики и начинаютъ тузить боярина, грозятъ его утопить.

Затѣмъ являются двое лохмотниковъ и принимаются гонять толстяка прутьями, приговаривая:

— Добрые люди, посмотрите, какъ холопы изъ господъ жиръ вытряхиваютъ.

Слѣдуетъ сходная же сцена съ купцомъ. Отобравъ деньги у послѣдняго, добрые молодцы отправляются какъ бы «во царевъ кабакъ», пьютъ и поютъ:

Ребятюшки! праздникъ, праздникъ!
 У батюшки праздникъ, праздникъ.
 На матушкѣ Волгѣ—праздникъ!
 Сходится голытьба на праздникъ!
 Готовьтесь, бояре, на праздникъ!

Представленіе заключалось обращеніемъ къ толпѣ:

— Эхъ, вы, купцы богатые, бояре тароватые! ставьте меды сладкіе, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыхъ, босыхъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую.

Подобныя сцены, разжигавшія ненависть народа къ притѣснявшимъ его боярамъ, несомнѣнно, могли способствовать смутамъ и народнымъ движеніямъ, о которыхъ знаетъ наша исторія. И потому сцены эти не могли, конечно, нравиться правящему классу. Пока скоморохи упражнялись въ глумахъ надъ однимъ клиромъ,—представители свѣтской власти и богатства смотрѣли на это благодушно и не оказывали поддержки въ борьбѣ съ скоморошествомъ. Но когда «глумы» стали затрагивать серьезно и ихъ кастовые интересы,—благодушіе немедленно уступило мѣсто гнѣву. Зажиточные классы, въ особенности помѣщики, скоро поняли опасность, которую угрожали имъ веселые молодцы, и потому они поспѣшили оказать энергичную поддержку мѣрамъ, принятымъ царемъ противъ скоморошества, благодаря чему мѣры эти и увѣнчались успѣхомъ, который въ прежнее время былъ совершенно невозможенъ

II.

Съ Петра Великаго начинается крутой поворотъ во взглядахъ на старинныя народныя развлеченія. Прежде, какъ мы видѣли, пѣсня, независимо отъ того, дѣйствительно ли она «скверная», непристойная, или просто невинная, или даже любопытная, какъ памятникъ языка, исторіи и т. п., осуждалась въ качествѣ источника «грѣховнаго веселья». Христіанину неприлично веселиться «еллинскимъ обычаемъ»; довольно съ него однѣхъ благочестивыхъ духовныхъ радостей. «Лѣпше есть,—говорилось въ старину,—спѣвать духовныя пѣсни, а нежли свѣцкія срамотныя, бѣсовскія». Теперь официально устанавливается уже иной болѣе правильный взглядъ на это. Правда, со временъ Петра I пѣснѣ присваивается эпитетъ «подлой»; по замѣчанію Пушкина, при этомъ государѣ «въ общемъ презрѣніи ко всему народному» была «включена и народная словесность». Тѣмъ не менѣе, нашего великаго преобразователя нельзя считать врагомъ народной поэзіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ были ея врагами его предшественники. Какъ человекъ слишкомъ утилитарный, онъ просто не цѣнилъ чистой словесности, не понималъ ея великаго значенія. Даже изъ музыки

онъ любилъ только шумную, триумфальную; насчетъ же «тонкой» сознавался, что къ такой «большой охоты не имѣеть»—не понимаетъ ея. Но веселье вовсе имъ не осуждалось. Напротивъ, царь самъ любилъ порой повеселиться, развлечься, для этого имъ была учреждена даже особая «нетрезвая коллегія», всепьянѣйшій соборъ¹⁾. Къ пѣснямъ царь не только не питалъ открытой вражды, но для своего безшабашнаго собора и самъ сочинялъ ихъ, далеко притомъ не въ духъ (напримѣръ, пѣснь Бахусова) «старческаго устава» своего родителя. Вообще въ царствованіе Петра было уже вольно «играть» («и въ томъ никто другому прешкодить или унимать да не дерзнетъ»). Веселье даже рекомендовалось. Послѣ долгихъ вѣковъ поста и открещиванія отъ всякой мірской прелести, отъ этихъ «помраченыхъ беззаконныхъ дѣлъ», теперь проповѣдывалось уже совѣтъмъ другое, по указкѣ державнаго учителя. Даже духовные витіи, въ особенности жизнерадостный Теофанъ Прокоповичъ, въ это время не только не осуждали веселья, а, напротивъ, обличали тѣхъ, «меланхолією помраченныхъ», кто по-старому полагалъ, что все «грѣшно и скверно, что весело»; въ петровскую эпоху такая «меланхолія»—нерасположеніе къ веселью, провозглашалась уже «бѣсовскимъ навожденіемъ». Tempora mutantur. Подъ конецъ царствованія Петра (раньше царю, видимо, недосугъ было этимъ заняться) мы встрѣчаемся уже съ соотвѣтствующими правительственными распоряженіями о народныхъ развлеченияхъ, рѣзко расходящимися съ прежнею «политикою» въ этомъ отношеніи. Закономъ 1722 г. «всероссійское старчество»—плодъ домостроевскихъ настроеній царя Алексѣя, подвергается отмінію, народныя забавы официально возстановляются въ храмовые праздники «при монастыряхъ и въ знатныхъ приходахъ». Тутъ, впрочемъ, успѣло сказаться и царское обыкновеніе отовсюду извлекать пользу, или, по крайней мѣрѣ, ничего не пропускать безъ попытки въ этомъ направленіи; разрѣшивъ забавы (слѣдовательно, и пѣсни), Петръ тотчасъ же спѣшитъ привлечь ихъ и къ службѣ. Опредѣляя характеръ дозволенныхъ забавъ и указывая, что онѣ допускаются отнюдь «не для какого либо безобразія», царь тутъ же

¹⁾ Что за «неистовое гудѣнье» творилось этимъ бахусоподражательнымъ соборомъ,—теперь уже извѣстно. Въ скоморошствѣ, въ «глумахъ» соборные далеко оставили за собою прежнихъ веселыхъ молодцовъ, упраздненныхъ царемъ Алексѣемъ. Скоморохи и мечтали не дерзали о томъ, на что смѣло посягалъ «всешутѣйшій», опираясь на державную волю самого царя. Пародія на іерархію, на обряды порой доходила тутъ до крайнихъ предѣловъ... Недаромъ, когда въ 1861 г. въ «Свѣточѣ», въ статьѣ М. И. Семевского «Петръ Великій, какъ юмористъ», впервые были напечатаны многіе «соборные акты»,—московскій митрополитъ Филаретъ не одобрилъ этого шага. Въ своемъ знаменитомъ письмѣ іерархъ первопрестольной, осуждая оглашеніе «соборныхъ дѣяній», говорилъ, что осмѣяніе и поруганіе соборными іерархін и обрядовъ «оскорбляетъ и религію, и нравственность, и царскій родъ».

намѣчаетъ ихъ утилитарную роль—служить «для народнаго полированія». Забавляйся себѣ, но воздерживайся отъ безобразія, и непремѣнно «полируйся», освобождаясь отъ прежней грубости и неотесанности; такова, по мнѣнію царя, цѣль забавъ, на которыя цѣлый рядъ его предшественниковъ приучился смотрѣть, какъ на ересь¹⁾.

Петровскій законъ, конечно, былъ уже крупнымъ шагомъ впередъ. Прошлomu напрасному пѣсенному мученику имъ ставился крестъ. Къ сожалѣнію, указъ Петра уже не могъ спасти пѣсню отъ паденія. Напротивъ, и послѣ того паденіе это неудержимо продолжалось. Въ причинахъ недостатка не было. Между ними на первомъ мѣстѣ стояла гибель скомороховъ при царѣ Алексѣѣ, равносильная одновременной гибели и авторовъ, и библиотекъ: ибо скоморохи и хранили, и творили пѣсню. Потомъ—усиленіе крѣпостнаго права, которое при Петрѣ и его преемникахъ отлилось уже окончательно въ самыя тяжкія для народа формы. Рабство—это «вавилонское плѣненіе» физической природы народа, было въ то же время и плѣненіемъ его духа. Оно отторгнуло народъ отъ своей исторіи, вообще отъ всего его прошлаго. «Привинченный» къ мѣсту, расчлененный на мелкія владѣнія-помѣстья, угнетаемый своими господами,—народъ-рабъ не только не могъ уже пѣть свою исторію, но даже очутился совершенно въ сторонѣ отъ нея; исторія про времена стародавнія ушла на волю, на далекій сѣверъ, въ Сибирь, а настоящая, современная совершенно была ему недоступна, она творилась уже помимо его вѣдома и желанія. Такимъ образомъ, интересы крѣпостной массы измельчали, раздробились, да во многихъ случаяхъ они и не могли найти себѣ выраженія—«крѣпкая власть» помѣщика всегда обладала достаточной силой, чтобы обуздать такія попытки, особенно если онѣ касались рабской судьбы народа... И народу, поневолѣ, пришлось мало-помалу смолкнуть, довольствуясь лишь нѣкоторыми невинными обрядовыми пѣснями да жалкими обрывками былинъ.

Что въ то время, да и гораздо позже, народу строго возбранялось пѣть о своей «соціальной долѣ»,—въ этомъ, конечно, едва ли кто сомнѣвается. Гоненіемъ на такого рода словесность только и можно объяснить тотъ, напримѣръ, поразительный фактъ, что о

¹⁾ Вторая супруга царя Екатерина Алексѣевна иногда и сама забавлялась «мужицкимъ пѣньемъ». Какъ-то въ 1724 г. царица, находясь въ деревнѣ Сенявина, пожелала послушать народныхъ пѣсень. Позвали 10 молодцовъ изъ мѣстной плотничьей слободы. Хорошо ли, плохо ли они пѣли—неизвѣстно, но, должно быть, хорошо, потому что государыня щедро наградила ихъ—по червенцу на брата. Запретнымъ «безобразіемъ» при Петрѣ почиталось уличное пѣніе пѣсень въ столицѣ. Виновные въ этомъ наравнѣ съ бродягами забирались въ полицію и наказывались батогами. С. Н. Шубинскій: «Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ» («Историческій Вѣстникъ», май, 1892 г.).

народномъ рабствѣ почти совсѣмъ не дошло до насъ пѣсенъ. На ряду съ нею были гонимы и разбойничьи пѣсни, въ особенности при императорѣ Николаѣ I.

Что же касается историческихъ пѣсенъ, то со времени Петра, по выраженію Прокофія Демидова, «прошедшую исторію» пѣть на голось сдѣлалось далеко не безопаснымъ. «Разумные дураки», рѣшавшіеся на это, нерѣдко рисковали не только познакомиться съ тайной канцеляріей, но и попасть въ Сибирь, угодить въ ссылку.

Вотъ нѣсколько случаевъ такого сыска.

При Петрѣ I, въ 1704 году стегали за пѣніе пѣсни «на постригъ развѣнчанной царицы» Евдокіи Феодоровны Лопухиной («Постригись, моя жена немилая»). На это имѣется указаніе въ «дѣлѣ» 1729 года, когда за ту же пѣсню при внукѣ Евдокіи — Петрѣ II, снова стегаютъ. Въ результатѣ — опальная пѣсня обратилась въ народѣ въ безличную-бесѣдную (въ первоначальномъ текстѣ прямо говорилось о постриженіи царицы Петромъ I съ указаніемъ на его сестру Наталью, какъ «на змѣю лютую» — виновницу пострига, а потомъ всѣ эти обстоятельства уже улечиваются), открывая собою цѣлый рядъ аналогичныхъ метаморфозъ.

Царствованіе Анны Іоанновны почти не вноситъ въ пѣсенное дѣло ничего особеннаго. Но при дворѣ этой государыни уже распѣвались народныя пѣсни. Императрица выбирала для этой цѣли въ фрейлины дѣвицъ преимущественно съ хорошими голосами. Когда не было увеселеній, фрейлины эти обязаны были сидѣть въ комнатѣ, сосѣдней съ опочивальней государыни. Анна Ивановна обыкновенно отворяла къ нимъ дверь и говорила: «Ну, дѣвки, пойте». И «дѣвки» пѣли, не переставая, до тѣхъ поръ, пока имъ скажутъ: «довольно». За преждевременное прекращеніе пѣнія пѣвицы эти, случалось, удостаивались, по выраженію Тредьяковскаго, «всемилютивѣйшихъ оплеушинъ». Не довольствуясь фрейлинами, государыня призывала иногда въ свои покои даже гвардейскихъ солдатъ съ женами — водить хоробы съ придворными. Изъ пѣсенъ эта великая охотница до сіятельныхъ шутовъ наиболѣе любила, кажется, сатирическія. По крайней мѣрѣ, исторически извѣстно, что изъ Москвы была «посылка» въ 1739 году въ имѣніе В. Ѳ. Салтыкова за одной такой пѣсней, вызванная слѣдующей государыниной «цыдулкой», приложенной къ указу отъ 30 іюля 1739 года С. А. Салтыкову: «У Василя Феодоровича Салтыкова въ деревнѣ поють пѣсню крестьяне, которой начало: «Какъ у насъ въ сельцѣ Подиванцовѣ, да бояринъ-отъ дуракъ рѣшетомъ пиво цѣдилъ». Оную пѣсню вели написать всю и пришли къ намъ немедленно, пославъ въ ту деревню чело-вѣка, который бы оную списать могъ»¹⁾. Цыдулка эта замѣчательна

¹⁾ Чтенія въ общ. исторіи и древн. російскихъ, 1878 г., кн. I.

также, какъ первая официальная попытка собранія пѣсенъ, хотя бы только для нуждъ двора.

Еще благопріятнѣе относилась къ пѣснѣ Елисавета Петровна. При ней пѣсня; прекращенная было совсѣмъ ея дѣдомъ, впервые, можно сказать, получаетъ уже нѣкоторое явное поощреніе. Недаромъ Державинъ окрестилъ царствованіе этой государыни «вѣкомъ пѣсенъ»—эпохой освобожденія еще недавно загнанной пѣсни отъ гнета. Елисавета Петровна и сама очень любила народныя пѣсни. Еще будучи цесаревной, она участвовала въ подмосковныхъ хоровахъ и настолько хорошо понимала толкъ въ народныхъ пѣсняхъ, что сама сочинила очень удачную въ народномъ духѣ извѣстную пѣсню: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой», любопытную также по своему автобіографическому характеру (сюжетъ—отклоненное цесаревной сватовство принца Людвига Брауншвейгскаго, за котораго регентша Анна Леопольдовна принуждала Елисавету Петровну выйти замужъ, чтобъ устранить ее отъ престола); ей же приписывается авторство и еще нѣсколькихъ менѣе, впрочемъ, удачныхъ пѣсенъ («На разлуку съ другомъ» и др.). Вообще, до самой кончины своей она была благосклонна къ нашей народной пѣснѣ.

Пѣсни, повидимому, охотно примѣнялись ею къ обстоятельствамъ собственной жизни. «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» составлена ею, какъ мы видѣли, «на случай». Въ другомъ, еще болѣе рѣшительномъ случаѣ—наканунѣ своего вступленія на престолъ и низверженія Брауншвейгской фамиліи, шагъ,—который могъ окончиться трагически для претендентки «Петровой крови»,—она тоже не удержалась, чтобы не спѣть, «стоя на крыльцѣ», очень подходящей къ моменту элегической пѣсни:

Охъ, житье мое, житье бѣдное,
Изжилъ я младость за бѣду жалость,
Вѣкъ свой живучи, бѣды терплючи.
Какъ корабль въ морѣ, такъ-то я въ горѣ,
Онъ бьется въ волнахъ, я плачу въ слезахъ,
Теперь ни къ тому, ни къ другому
Ко берегу пойду только на бѣду;
Съ одной стороны было тошно мнѣ,
А съ другой печаль только сердцемъ жаль,
Кончаю житье, все свое бытѣ,
Оставляю весь міръ, пойду въ монастырь,
Я тамъ буду жить и Богу служить
И монахомъ слыть, черну ризу носить¹⁾.

¹⁾ Пѣсня эта приводится здѣсь по тексту, сообщенному г. Перетцомъ въ «Литературномъ Вѣстникѣ» за 1901 г.; въ царствованіе Елисаветы она сдѣлалась предметомъ розыска изъ-за замѣчанія одного солдата по поводу пѣнія ея Елисаветой Петровной.

Подъ старость уже государыня на ряду съ русской цѣнила и французскія пѣсни; по преданію, сохранившемуся въ родѣ Хомяковыхъ, ея любимѣйшею русской пѣснью въ это время была: «Во пиру ль я была, во пиру—во бесѣдушкѣ»¹⁾—пѣсня живая и удалая, выборъ которой Елисаветой Петровной, вмѣстѣ съ ея собственною пѣснью «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» свидѣтельствуетъ о хорошемъ вкусѣ государыни въ области русской народной пѣсни.

При Елисаветѣ Петровнѣ сдѣлалось вольготно для пѣсни въ особенности въ Москвѣ. Тамъ свободно распѣвались тогда пѣсни на улицахъ и въ изобиліи появлялись рукописные пѣсенные сборники; новыя пѣсни тоже отовсюду стекались сюда—и здѣсь обрабатывались и вносились въ «тетради». Насколько были богаты эти сборники, можно сѣдить уже по тому, что при Екатеринѣ II они служили лучшимъ источникомъ для печатныхъ пѣсенниковъ²⁾.

Словомъ, Москва въ царствованіе Елисаветы Петровны сдѣлалась пѣсеннымъ «складомъ», откуда пѣсня растекалась уже по всей Руси, и, можетъ быть, съ той поры повелась поговорка: «ѣхать въ Москву за пѣснями».

Однако, при всѣхъ столь благопріятныхъ для пѣсни условіяхъ должно замѣтить, что въ «вѣкъ пѣсенъ» легко было попасться съ ними и въ бѣду, въ особенности съ пѣснями въ родѣ «лопухинской», за которую, какъ мы видѣли, постигивали при Петрѣ I и при Петрѣ II.

При Елисаветѣ аналогичные розыски и постигиваніе продолжались. Наиболѣе характерное «дѣло» такого рода опять-таки касалось семейной жизни Петра I — его второго супружества. Возникло оно въ 1752 г. по доносу дьячка Делифовскаго, содержавшагося въ казанской консисторіи «за насильное блудодѣяніе съ новокрещенкою». Донесъ онъ на своего «пристава» Спиридонова, обвиняя его въ пѣни такой «непристойности»:

¹⁾ Безсоновъ: «XVIII вѣкъ въ истор. пѣсн. стр. 201. «Во пиру ль я была»— и теперь еще очень популярна на Руси. Замѣчательно, что знаменитый трагикъ Ольбриджъ, будучи въ Россіи, тоже увлекся этой пѣснью, выучилъ ее и пѣлъ даже со сцены, хотя и очень уморительно («Историч. Вѣстн.», іюль, 1892 г.). О любви государыни къ французской пѣснѣ читаемъ въ запискахъ Лафермиера («Русская Стар.», окт. 1878): «ей (государынѣ) очень нравятся нашъ театръ и... наши пѣсни».

²⁾ Какъ лучшаго тогдашняго московскаго собирателя новыхъ, преимущественно буйныхъ поволжскихъ пѣсенъ, отмѣтимъ кстати Ваньку Каина, російскаго Каргуша; этотъ знаменитый «воръ и мошенникъ», въ свое время любимый московскій герой, несмотря на свою безграмотность, былъ тонкимъ знаткомъ народной пѣсни. Ему мы въ особенности обязаны сбереженіемъ многихъ характерныхъ разбойничьихъ пѣсенъ, которыя Каинъ вывезъ въ Москву съ Поволжья, оименованнаго его собственными «воровскими похождениями»; его любимыя пѣсни, и въ числѣ ихъ передѣланная имъ знаменитая: «Не шуми ты, мати зеленая дубровушка», печатались еще въ XVIII в. вмѣстѣ съ «житіемъ» Каина.

Звѣрочекъ, мой звѣрочекъ,
 Полуношный мой звѣрочекъ,
 Повадилса звѣрочекъ во садочекъ
 Къ Катюшѣ ходить, и проч.

Пѣсня, съ перваго взгляда, повидимому, совсѣмъ невинная, развѣ немножко грѣшитъ эротизмомъ. Но Спиридоновскій комментарий къ ней — если вѣрить Делифовскому — дѣлалъ ее «непристойною», преступною. На разспросы доносчика, что это за пѣсня, Спиридоновъ, будто бы, отвѣтилъ: «за эту де пѣсню напередъ сего кнутомъ бивали: что де государь (Петръ I) съ государынею Екатериною Алексѣевою жилъ, когда она еще въ дѣвицахъ имѣлась, и для того де ту пѣсню и сложили».

Извѣтъ блудливаго дьячка, правда, не подтвердился; Делифовскій «не довелъ» его, не доказалъ. И кнутъ, угрожавшій спинѣ неосторожнаго пѣвца-комментатора, обрушился на самого доносчика, котораго тайная канцелярія заподозрѣла въ «вымыслѣ», чтобъ избавиться отъ кары за блудодѣяніе — «отбыть достойнаго себя наказанія».

Но «тяганіе» — пытки, конечно, отбивали всякую охоту путаться съ опасной исторической пѣсней. Тѣмъ болѣе, что не только за нее, но даже и «по поводу» иногда тянули тоже къ отвѣту; таковы, напримѣръ, были дѣла елисаветинской эпохи изъ-за историческихъ пѣсенъ: «Кто слышалъ слезы царицы Марѣы Матвѣевны» (Апраксина — первая жена царя Θεодора Алексѣевича), и упоминавшейся уже нами: «Охъ, житье мое, житье бѣдное», пѣтой Елисаветой Петровною наканунѣ ея вступленія на престолъ. Тутъ виновнымъ именно досталось, главнымъ образомъ, за комментарий, за «непристойности» по поводу пѣсенъ, выразившіяся въ отношеніи послѣдней пѣсни, неосторожнымъ, но безхитростнымъ замѣчаніемъ: «баба де бабѣ и поетъ».

Всѣ эти «процессы», въ которыхъ, по тогдашнему обыкновенію, «заподозрѣнныхъ» еще до установленія ихъ виновности изводили и даже увѣчили пытками, сильно суживали пѣсенную свободу при Елизаветѣ. Въстѣ съ тѣмъ они еще разъ напоминали о пользѣ возможнаго обезличенія сомнительныхъ пѣсенъ, подобныхъ лопухинской, о пользѣ поставить дѣло такъ, чтобъ, какъ говорится, «голодный комаръ носа не подточилъ» — никакой любознательный комментаторъ привязаться не могъ; обычай этотъ, какъ увидимъ дальше, въ послѣдствіи былъ усвоенъ и издателями нашихъ «пѣсенниковъ» и успѣшно практикуется и до нашихъ дней.

Царствованіе Екатерины II издатель пѣсенъ, собранныхъ Кириѣвскимъ, Безсоновъ называетъ «вѣкомъ пѣсенниковъ» — эпохой появленія пѣсенъ въ печати. И, дѣйствительно, съ этой стороны оно является естественнымъ продолженіемъ «елисаветинскаго вѣка»; при Елисаветѣ пѣсни накоплялись, записывались. Теперь насту

пила очередь вывести ихъ на Божій свѣтъ въ печати, распространить и обезпечить отъ утраты этимъ болѣе надежнымъ путемъ. И вотъ печатные пѣсенники стали, какъ грибы послѣ дождя, въ изобиліи появляться на Руси. Дворъ покровительствовалъ этому, ибо сама императрица, подобно своей предшественницѣ, очень любила народную словесность, и, какъ женщина, стоявшая гораздо выше Елисаветы Петровны по образованію, еще больше и правильнѣе цѣнила памятники народнаго творчества и дорожила ими.

Тѣмъ не менѣе, и въ то время нельзя еще было развернуться пѣснѣ во всю свою ширь, почувствовать себя вполнѣ свободною. Государыня, правда, въ началѣ своего царствованія говаривала, что «народъ, который веселится и поетъ, худа не думаетъ». Но пѣть все же приходилось съ оглядкой какъ бы не нажить бѣды. Современникамъ, вѣдь, хорошо еще были памятны елисаветинскіе «пѣсенные розыски» и преданіе о лопухинской пѣснѣ. На бѣду еще, и начало новаго царствованія ознаменовалось такимъ же процессомъ, хотя и окончившимся очень милостиво для нерозысканнаго виновника. Дѣло въ томъ, что вскорѣ по вступленіи Екатерины на престолъ въ Москвѣ между простымъ народомъ распространилась пѣсня, «сложенная на эту государыню»; вотъ эта пѣсенка:

Мимо рощи шла однихонька,
Однихонька, молодехонька,
Никого въ рощѣ не боялася,
И ни вора, ни разбойничка,
Ни сѣра волка, вѣвря лютова,
Я боялася друга милова,
Своего мужа законнова,
Что гуляетъ мой сердечный другъ
Въ зеленомъ саду, въ полусадничкѣ,
Ни съ вязыями мой другъ, ни съ боярами,
Ни съ дворцовыми генералами,
Что гуляетъ мой сердечный другъ
Со любимою своей фрейлиной,
Съ Лизаветою Воронцовой,
Онъ и водить за праву руку,
Они думаютъ крѣпку думушку,
Крѣпку думушку за единое,
Что не такъ у нихъ дума сдѣбалась,
Что хотятъ они меня срубить-сгубить,
Что на мнѣ хотятъ жениться.

Московскій генераль-губернаторъ, гр. Салтыковъ, провѣдавъ о распространеніи приведенной пѣсни, поспѣшилъ донести объ этомъ государынѣ. И хотя, по мнѣнію графа, пѣсня эта «въ разсужденіи глупости и по всему виду подлаго сочинителя больше сожалѣнія и смѣху достойна, нежели истязанія», да и сама государыня не находила это сочиненіе стбязцимъ «большого вниманія», и даже

очень сомнѣвалась въ томъ, что оно часто употребляется «между подлаго народа», — однакожъ было выражено желаніе, чтобы пѣсня поскорѣе была «предана забвенію». Это поручалось благоразумному попеченію графа. Достигнуть цѣли рекомендовалось, впрочемъ, осторожно, безъ шума и огласки; графу давался совѣтъ дѣйствовать тутъ «незримо», «безпримѣтнымъ образомъ», «дабы не почувствовалъ никто, что сіе запрещеніе исходитъ отъ высшаго правительства»:

Вообще съ «исторіей» и при Екатеринѣ легко было попасть въ бѣдовую исторію; недаромъ именно въ это время (1768 г.) Проконфіи Демидовъ писалъ, что историческихъ пѣсенъ надо искать въ Сибири, «понеже туда всѣхъ разумныхъ дураковъ посылаютъ, которые прошедшую исторію поютъ на голосу». Таково было тогдашнее положеніе пѣсни въ устной формѣ.

Не лучше оно, конечно, было и въ письменной—въ печати, гдѣ пѣсня впервые появляется въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка.

И не только не лучше, а, пожалуй, даже хуже. Здѣсь еще больше стѣснены были пѣсни съ историческими сюжетами. Издатели пѣсенъ боялись уже касаться не однѣхъ «дворцовыхъ темъ», но и сюжетовъ, гдѣ, такъ или иначе, замѣшаны «знатныя фамиліи»—родовитыя или просто властныя. Кромѣ того, многія бытовые пѣсни также испытали на себѣ цензурную опалу. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя совсѣмъ даже не нашли себѣ мѣста въ печати. Такова была, на примѣръ, судьба пѣсенъ, касавшихся «крѣпостного права», о которомъ въ доброе старое время «толковъ» совсѣмъ не допускалось, какъ о «политическомъ догматѣ», столь же, по позднѣйшему выраженію графа Уварова, «неприкосновенномъ», какъ и догматы христіанскіе.

Большая часть сатирическихъ пѣсенъ, особенно, если въ нихъ рѣчь шла о «высшихъ сословіяхъ»—о духовенствѣ и дворянствѣ, также долгое время совершенно «отметалась» въ печати.

Первые наши издатели пѣсенъ съ историческими всегда обнаруживали большую осторожность, памятуя мудрое народное изреченіе: «пѣсенку пой, да не доказывай», умѣло обходи все щекотливое. Чтобъ не накликать на себя бѣды, они все сомнительное старательно опускали. Менѣе же сомнительное—по старинному способу—подправлялось, обезличивалось, освобождалось отъ опасныхъ намековъ; операція эта нерѣдко совершалась довольно просто—изъ пѣсеннаго текста исключались историческіе персонажи, и дѣло было въ шляпѣ.

Примѣры подобнаго обезличиванія довольно многочисленны. Приведемъ нѣкоторые.

Пѣсня о плѣненіи графа Чернышева и заключеніи его въ Кюстринѣ въ Семилѣтнюю войну, начиная съ Чулковскаго пѣсенника, около полувѣка печаталась «безыменкою»; обыкновенно печатали;

«Подъ стѣною Кюстринскою посаженъ-сидитъ российский графъ», слѣдующая же строка: «Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ» — опускалась. Имена Салтыкова, Прозоровскаго, попавшія въ пѣсни, тоже очень долго обходились въ пѣсенникахъ молчаніемъ. О великолѣпномъ же Потемкинѣ и не заикались. Сколько намъ извѣстно, даже пѣсня на его погребеніе еще въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка въ печати фигурировала безлично; въ Маклаковскомъ полномъ пѣсенникѣ (1822 г.) она озаглавливалась такъ: «Смерть и почетное погребеніе одного знаменитаго фельдмаршала. На голосъ: «Малбругъ въ походъ поѣхалъ». Въ текстѣ же нигдѣ фамилія фельдмаршала не названа, хотя и говорится, что это былъ князь, скончавшійся «въ степи и на плащѣ».

Упоминаемая выше елисаветинская пѣсня — «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», хотя и печаталась, но безъ малѣйшаго намека на автора и на самый сюжетъ ея; только Маклаковъ въ пѣсенникѣ 1822 г. рѣшился открыть имя автора, хранившееся дотолѣ лишь въ устномъ преданіи, сдѣлавши къ пѣснѣ примѣчаніе, гласившее, что это — «произведеніе знаменитой россиянки, воспѣтой Ломоносовымъ».

Съ легкой руки Елисаветы Петровны, въ XVIII вѣкѣ, при Екатеринѣ, на пѣснотворческое поприще выступаетъ нѣсколько аристократокъ и даже одна крестьянка — Прасковья Горбунова-Ковалева, крѣпостная, впоследствии жена графа Шереметева, авторъ извѣстной и до сихъ поръ пѣсни: «Вечоръ поздно изъ лѣсочку», въ которой описывается встрѣча Ковалевой съ графомъ, рѣшившая ея судьбу. Изъ аристократокъ-сочинительницъ извѣстны М. Л. Нарышкина, создавшая пѣсню: «По горамъ, по горамъ, и я по горамъ ходила», въ которой воспѣваются ея страданія по Потемкинѣ, и имѣется сильный для того времени въ устахъ автора-дѣвушки эмансипаціонный стихъ: «Я сама къ другу поѣхала», — и Орлова-Зиновьева, авторъ пѣсни «Желанья наши совершились».

При Екатеринѣ II «шереметевская пѣснь» очутилась уже «подъ строгимъ запретомъ». Въ имѣніи графа Кусковѣ, гдѣ она разошлась было, по распоряженію помѣщика ее «изъяли» изъ оборота; въ печати же совсѣмъ не рѣшались воспроизводить эту опасную пѣсню. Впервые здѣсь она могла появиться лишь въ 1819 г., въ Петербургѣ, въ Глазуновскомъ пѣсенникѣ, да и то съ передѣлкой именъ; цѣликомъ же напечаталъ ее уже въ 20-хъ годахъ XIX в. книгопродавецъ-издатель Семенъ, и это считалось большою съ его стороны отвагою, ибо «тогда еще многіе знали, о комъ пѣсня, и боялись оскорбить графскій родъ».

Нарышкинская пѣсня тоже долго печаталась съ глухою припискою: «сочиненіе знаменитой особы», что, впрочемъ, создавало только нежелательную путаницу: такъ какъ въ пѣснѣ идетъ рѣчь о Потемкинѣ, то это дало поводъ ошибочно предполагать, что авторъ ея — сама императрица Екатерина II.

Когда же какая либо пѣсня, хотя отдаленно могла коснуться самой государыни, то тутъ щепетильность издателей пѣсенниковъ доходила порой до комизма. Вотъ образецъ такой невѣроятной щепетильности: въ пѣсенникахъ того времени, въ извѣстной невинной пѣсенкѣ «Какъ пошли наши подружки въ лѣсъ по ягоды гулять», въ стихѣ «Хороша наша подружка Катеринушка»—собственное имя, изъ почтительности къ носившей его государынѣ, опускалось и замѣнялось словами: «Млада сельска дѣвушка»; развѣ это не характерная совершенно ненужная передѣлка?

Вообще при Екатеринѣ, по цензурнымъ соображеніямъ, началась уже поддѣлка и передѣлка пѣсенъ въ печати. При ней было положено основаніе такому обычаю; этимъ въ особенности прославился тогда Поповъ, которому подражалъ И. И. Дмитріевъ, а позже, при Николаѣ I, Сахаровъ.

Но какъ ни прислуживались сѣверной Семирамидѣ наши издатели, все же это не спасло пѣсенъ отъ опалы. Подъ конецъ царствованія Екатерины онѣ, вмѣстѣ съ лучшимъ тогдашнимъ издателемъ пѣсенниковъ, Новиковымъ, подверглись осужденію; время тогда было опасное—во Франціи палъ тронъ, да и сама государыня подъ старость измѣнила многія свои прежнія убѣжденія—охлаждла къ либеральнымъ вѣяніямъ.

На пѣсенники также стали смотрѣть косо. А тутъ еще, на грѣхъ, подоспѣлъ неодобрительный отзывъ о нихъ со стороны московскаго Платона. Прежнее изреченіе государыни—«поющій народъ худа не думаетъ»—подверглось уже сильному сомнѣнію. Перевѣсъ брало совершенно противоположное мнѣніе, и пѣсенники вдругъ попали въ опалу—очутились въ ряду книгъ «сомнительныхъ, могущихъ служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и къ разгоряченію умовъ». Въ лицѣ Новикова эти виновники «вольныхъ мудрованій» подверглись даже карѣ.

Хотя это внезапное пѣсенное гоненіе и не могло, конечно, остановить самое издательство ихъ—пѣсенники продолжали плодиться, расти и проникать всюду,—однакожь оно, несомнѣнно, вызвало еще большую осторожность издателей. Обвиненіе, брошенное пѣсенникамъ въ сѣяніи «вольности—неблагонадежности», было слишкомъ сильно, чтобъ не воздѣйствовать удручающе на напуганныхъ судьбою Новикова издателей.

И еще при Александрѣ I, когда опять повѣяло большей свободой въ печати, издатели пѣсенъ выпускали ихъ въ свѣтъ съ оглядкой. Даже такой умный и ученый издатель, какъ Калайдовичъ, и тотъ въ 1818 г. напечаталъ «Древнія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ», въ очень «обрѣзанномъ», а мѣстами—даже въ искаженномъ видѣ. И тоже, кажется, больше отъ избытка робости, отъ «древняго» испуга. Такъ можно судить по предисловію

къ книжкѣ, въ которомъ объясняются отчасти причины урѣзокъ.

Высказавъ предположеніе, что стихотворенія, составляющія сборникъ Кирши, въ сущности, въ значительной степени, обязаны послѣднему, и какъ автору, Калайдовичъ такъ характеризуетъ музу Кирши: «Даниловъ писалъ болѣе для людей необразованныхъ, потому у него много фарсовъ; пѣлъ не для безсмертія, а для удовольствія своихъ слишкомъ веселыхъ слушателей, посемуто онъ пренебрегалъ умѣренностью и правилами благопристойности. Мѣста, въ нашемъ изданіи означенныя точками, показываютъ, что тутъ пѣвецъ нашъ, пресыщенный дарами Бахуса и мечтами о сладострастныхъ вакханкахъ, терялъ совершенно уваженіе къ стыдливости... Онъ даже цѣлыя семь пѣсенъ ¹⁾ пустилъ по тому пути, на коемъ впослѣдствіи прославился Барковъ, хороший поэтъ, къ сожалѣнію, талантъ свой во зло употребившій».

Всѣ эти опасенія едва ли не были значительно преувеличенными, напрасными. Даже забракованныя Калайдовичемъ пьесы барковского пошиба далеко не были изъ числа невозможныхъ для печати.

Но «у страха глаза велики» ²⁾, и Калайдовичъ на этомъ еще не успокоился. Пошелъ гораздо дальше: имъ забракованы были еще двѣ пьесы: «Изъ монастыря Боголюбова старецъ Игримище», «въ насмѣшливомъ тонѣ написанная» (это—скоморошье сказаніе о зазорномъ для чернеца поведеніи старца Демида), и «Голубина книга сорока пяденъ», какъ «неприличная по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разсказомъ». Мало того, и «одобренныя» пьесы были, сообразно такому придирчивому взгляду, тоже исправлены: нескромности, а мѣстами и «насмѣшливый тонъ»,

¹⁾ Вотъ перечень ихъ: Сергѣй хорошъ; Агаѳонушка; Во зеленомъ садочѣ; Охъ, горюна, охъ, горю хмелина; Теща, ты теща моя; Свиныя хро! поросята хро; Стать почитать, стать сказывать. Всѣ онѣ почти цѣликомъ вошли въ общедоступное изданіе Кирши 1901 г., подъ ред. Шеффера.

²⁾ Впрочемъ у Калайдовича могли быть на это и нѣкоторыя причины. Въ самый разгаръ либерализма александровской эпохи къ народной словесности въ печати относились все-таки придирчиво. Подъ предлогомъ охраны «нравственности и благопристойности», ее нерѣдко тѣснили. Примѣръ—исторія съ комическою оперою «Дидона и Эней, или Дидона на-изнанку». Опера эта шла въ петрозаводскомъ театрѣ въ 1809 году. С.-Петербургскій цензурный комитетъ въ 1810 г., однако, «засудилъ» эту пьесу, главнымъ образомъ, изъ-за неумѣстныхъ, якобы, народныхъ выраженій. «Вся пьеса,—говорится въ цензурномъ приговорѣ,—переполнена выраженій слишкомъ подлыхъ и для тонкаго слуха оскорбительныхъ, а особливо, если ихъ произноситъ Эней или Дидона, или другія важныя особы, напримѣръ: «вся глотка пересохла»... «а послѣ они насъ такъ взбутетенили, что небо въ овчинку показалось». Непочтительность Энея къ его дядѣ, выраженная самими грубыми словами, предосудительна и противна нравственности, напримѣръ, Эней поворитъ: «эхъ, дядюшка, нелегкая тебя суетъ»; также: «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро» и пр.—Скабичевскій: Очерки исторіи русской цензуры.

изъ нихъ заботливо были устранины. Съ однимъ историческимъ именемъ, даже изъ далекой старины, также не обошлось безъ хлопотъ: «пѣть исторію», повидимому, и въ 1818 г. было не менѣе затруднительно, чѣмъ за полвѣка впередъ, во времена Прокофія Демидова.

Въ пѣснѣ о донскомъ атаманѣ Фролѣ Минаевичѣ Калайдовичу попалась фамилія князя Голицына, котораго казаки неделикатно честили «воромъ». Въ пѣснѣ говорилось, что донцы жаловались Петру I на то, что ихъ добыча «на Синемъ морѣ» сократилась, стѣснена, такъ какъ «отъ вора, отъ Васьки Голицына съ дѣтьми, залегли пути»; Калайдовичъ не рѣшился напечатать этотъ сильный стихъ цѣликомъ: слова «Васьки Голицына» у него были замѣнены точками съ оговоркою, что издатель скрылъ здѣсь «известную фамилію, несправедливо поносимую казаками». Осторожность эта, быть можетъ, обусловливалась тѣмъ, что во время изданія сборника нѣкоторые представители голицынскаго рода играли крупную роль, а одинъ—князь А. Н. Голицынъ, занималъ даже постъ министра народнаго просвѣщенія; но при изданіи историческаго памятника она, все-таки, была неумѣстна ¹⁾.

Въ царствованіе Николая I изслѣдованіе въ области народной пѣсни нѣсколько расширилось. Но это не значитъ, что и цензура тогда сдѣлалась менѣе подозрительной. Ничего подобнаго не случилось. Печатаніе пѣсенъ разбойничьихъ и близкихъ къ нимъ казачьихъ въ это царствованіе почти совсѣмъ не допускалось; если же онѣ иногда и проскальзывали въ печать, то развѣ ужъ въ искаженномъ видѣ, болѣе или менѣе «облагонамѣренныя». Да и съ другими, преимущественно бытовыми, пѣснями было дѣло не лучше.

Пушкинъ, горячо интересовавшійся народною поэзіей, еще въ 1827 году напрасно хлопоталъ о разрѣшеніи напечатать пѣсни о Разинѣ. Отказали наотрѣзъ. Мотивъ: разинскія пѣсни ²⁾ къ на-

¹⁾ Возможно, однако, что Калайдовичу тутъ пришлось считаться и съ положительными требованіями цензуры; по свидѣтельству Булгарина (Н. Энгельгардтъ, Очеркъ исторіи русской цензуры, Спб., 1904, стр. 9), въ первой четверти XIX вѣка будто бы строго запрещалось представлять въ печати «камергерровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе, какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными».

²⁾ Относительно этихъ пѣсенъ Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что онѣ, при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что, сверхъ того, церковь проклинаетъ Разина, какъ и Пугачева. Разинскія пѣсни, доставленныя Пушкинымъ Бенкендорфу по требованію его, не были возвращены поэту и доселѣ не отыскиваются ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ. (Скабичевскій: «Очерки исторіи русской цензуры»). Замѣтимъ, встати, что народныя пѣсни о Разинѣ еще недавно не дозволялось не только печатать, но и пѣть. Отголоски такого запрета мы встрѣчаемъ въ 1868 году въ Астраханской губерніи. Тамъ Пушкину пришлось слышать тогда повѣсть казака о сынѣ Разина; рассказчикъ говорилъ, что исторія его «даже на голосъ положена»

напечатанію «неприличны»—терминъ, съ которымъ въ примѣненіи къ пѣснямъ мы встрѣтимся еще не разъ.

Осторожный Сахаровъ, усердный собиратель народныхъ пѣсенъ, долженъ былъ, подобно своимъ предшественникамъ екатерининскихъ временъ, «исправлять и калѣчить» ¹⁾ ихъ; иначе онѣ не могли появляться въ печати.

Въ 1844 году П. В. Кирѣвскій задумалъ издать свое богатое собраніе пѣсенъ. Надо было обратиться къ цензурѣ, и для насъ очень любопытны совѣты, данные ему по этому поводу его братомъ—Иваномъ Васильевичемъ. Чтобъ обезпечить выпускъ пѣсенъ, Иванъ Васильевичъ рекомендовалъ хлопотать передъ самимъ министромъ—Уваровымъ. Но и тутъ требовались сильные доводы, даже со ссылкой на Европу. «Главное, на чемъ основывайся (при объясненіяхъ съ министромъ),—пишетъ Иванъ Васильевичъ брату,—это то, что пѣсни народныя, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощикова надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ наши народныя пѣсни, и еще старинныя. Это будетъ смѣхъ по всей Германіи» ²⁾.

Но авторъ письма напрасно возлагалъ столь сильныя упованія на Европу и на германскій смѣхъ; цензура не сдалась—и многія изъ собранныхъ Кирѣвскимъ пѣсенъ, кажется, еще и доселѣ покоятся въ рукописи въ Румянцевскомъ музеѣ.

(такъ «памятникѣ гораздо выходить»), но на предложеніе спѣть эту исторію отвѣтилъ: «нельзя». Отвѣтъ этотъ сопровождался остротой одного изъ слушателей: «спѣть можно, да только по шапкѣ дадутъ». Къ разбойничьимъ запретнымъ пѣснямъ слѣдуетъ отнести еще тюремную: «Сидитъ воронъ на березѣ».

¹⁾ Калѣченье у Сахарова не всегда, впрочемъ, достигало цѣли—затушевать опасное мѣсто. При изданіи, напримѣръ, казачьей пѣсни: «На зарѣ то было на утренней», всѣ труды его пошли, можно сказать, прахомъ. Въ пѣснѣ повѣствуется о допросѣ царемъ казака и о смѣлыхъ отвѣтахъ послѣдняго. Сахаровъ принялся смягчать діалогъ, замѣняя выраженіе «православный царь»—«воеводушкой» и дѣлая безцеремонно другія поправки. Но, какъ ни старался, все же въ отвѣди казака запутался; въ новой редакціи казачья рѣчь звучала такъ:

Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ воеводѣ:
 Не тебѣ, ссбакѣ, меня молодецъ спрашивать,
 А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать.
 Разспросилъ бы меня батюшка православный царь,
 Я сказалъ бы ему правду-истину:
 Разорилъ ты прежде войско Донское,
 А другое войско Оренбургское.

Сахарову, конечно, совѣмъ не то хотѣлось сказать здѣсь. Но «шила въ мѣшеѣ» не удалось утаить—выскользнуло.

²⁾ Полное собраніе П. В. Кирѣвскаго. М. 1861. Томъ 1, біографія.

Великая французская революція, какъ мы уже говорили, неблагоприятно отозвалась на судьбѣ нашихъ пѣсенъ при Екатеринѣ II. Другой французскій переворотъ—1848 года, едва ли еще не больше повредилъ имъ.

Революція 1848 года вызвала у насъ на сцену знаменитый секретный апрѣльскій, или бутурлинскій комитетъ. Учрежденіе это, возникшее 2-го апрѣля 1848 года, главнымъ образомъ, для надзора за печатью, не оставило въ покоѣ и народной пѣсни. Это были самыя жуткія времена для всей нашей словесности. Комитетъ былъ чрезвычайно подозрителенъ—всюду въ печати ему мерещились бунты и революціи. При такомъ же настроеніи у комитета, понятно, «всякая вина была виновата». Къ пѣснѣ онъ въ особенности былъ строгъ, когда она обращалась или проникала въ «низшіе классы»—въ народную массу; здѣсь дозволялось только самое невинное, все же остальное абсолютно преслѣдовалось. Но, пока что, комитетскіе взгляды не сразу, конечно, усвоились цензурой; для проведенія ихъ въ жизнь потребовался рядъ мѣропріятій въ видѣ «вразумленій» цензоровъ и редакторовъ.

Вотъ нѣсколько характерныхъ случаевъ, вызвавшихъ примѣненіе этой мѣры.

Въ 1848 году въ Москвѣ появилось собраніе народныхъ пѣсенъ «Русскій гудочникъ»; въ немъ, между прочимъ, помѣщена была пѣсня о кузнецѣ съ слѣдующими строфами:

Богачъ золотомъ гордится
И не терпитъ бѣдняка,
А бѣднякъ день-ночь трудится
Изъ насущнаго куска...
Тукъ, тукъ!
Въ десять рукъ
Приударимъ, братцы, вдругъ.
Богачъ бѣднымъ богатѣеть.
Знай, трудись, не говори!
А, глядишь, не пожалѣеть,
Хоть я съ голоду умри!
Тукъ, и проч.
Дѣлать нечего, трудами
Будемъ горе прогонять,
Знать, скупыми богачами
Намъ на свѣтѣ не бывать.
Тукъ, и проч.

Комитетъ усмотрѣлъ здѣсь цѣлый криминаль. 22-го декабря 1848 г. предсѣдатель комитета, Бутурлинъ, пишетъ графу Уварову, вѣдавшему цензурой, что приведенный нами пѣсенный отрывокъ прежде всего выражаетъ «и нелѣпую мысль и совершенно несвойственное народному нашему характеру чувство»; далѣе говорилось, что, по мнѣнію комитета, «изъявленіе подобныхъ (приводимыхъ

въ пѣснѣ) понятій, какъ могущихъ возбудить непріязненное и даже завистливое чувство въ нижнемъ классѣ къ людямъ болѣе зажиточнымъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя дозволить въ печати; а тѣмъ болѣе не слѣдовало пропускать приведенную пѣсню въ книгѣ, именно для низшаго сословія предназначенной». По заключенію комитета, высочайше утвержденному, за «пропускъ» пѣсни пострадалъ одинъ цензоръ—ему сдѣлано было «соотвѣтствующее вразумленіе».

1-го февраля 1849 года послѣдовало новое аналогическое сообщеніе Бутурлина Уварову ¹⁾.

На этотъ разъ дѣло шло уже о слѣдующей настоящей народной разбойничьей пѣснѣ:

И широко Волга разстилалася,
 Съ крутымъ берегомъ сравнялася,
 Съ желтымъ пескомъ сомѣшалася,
 Подняла Волга всѣ горы, доли;
 Оставляла одинъ малый дугъ;
 На тотъ лужокъ, на зелененькій,
 Сходилися люди добрые,
 Люди добрые, да хорошіе,
 Все разбойнички-душегубнички.
 Они думали думу крѣпкую,
 Думу крѣпкую за единое:
 Мы пойдемъ-ка на большой базаръ,
 На большой базаръ, на большу пристань;
 Купимъ-ко, братцы, легку лодочку,
 Легку лодочку, самолеточку.
 Хорошо лодка изукрашена,
 Молодымъ гребцомъ изусажена.
 Грянемъ, братцы, на ту сторону,
 На ту сторону, въ нову слободу;
 Зайдемъ-ка мы во царевъ кабаекъ;
 Купимъ-ко мы зелена вина,
 Зелена вина, полгора ведра:
 Сложимся мы по рублику,
 Какъ по рублику со полтиною.

Пѣсня эта нашла себѣ мѣсто въ статьѣ, описывающей обряды крестьянъ Царевококшайскаго уѣзда и напечатанной сначала въ № 41 «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», а потомъ въ «Московской Полицейской Газетѣ». Все это были органы официальные, казенные. Но и официальность не спасла ихъ отъ нареканій.

Комитетъ рѣшительно не одобрилъ появленія въ нихъ отмѣченной нами пѣсни. Въ комитетскомъ журналѣ было сказано, что пѣсня эта, «какъ будто бы, имѣющая предметомъ прославленіе порочнаго удалства», могла бы быть допущена «въ какомъ либо спеціальномъ сборникѣ, исключительно предназначенномъ для

¹⁾ Объ этихъ двухъ сообщеніяхъ комитета напечатано въ «Русской Старинѣ», июль 1903 г.

матеріаловъ, изображающихъ древній бытъ и характеръ народа»; но «помѣщеніе подобныхъ произведеній въ газетахъ, ежедневно обращающихся во всѣхъ, а въ томъ числѣ и въ самомъ (?) низшемъ сословіи, доступномъ, по степени своего образованія, всякимъ вліяніямъ, не можетъ быть допускаемо».

«Вразумленіе» за неосмотрительный пропускъ было сдѣлано редакціямъ-виновницамъ.

Въ 1852 г. окончательно сформировалось уже отношеніе комитета къ пѣснѣ. Рѣшено было ознакомить съ нимъ цензуру. Въ результатѣ—24-го сентября по цензурѣ послѣдовалъ, по распоряженію комитета, министерскій приказъ, гласившій: «Народныя пѣсни, предаваемая печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; не должны быть допускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати, въ особенности въ губернскихъ вѣдомостяхъ».

Распоряженіе это равносильно было почти полному запрету печатанія самыхъ многочисленныхъ бытовыхъ пѣсенъ. Да и «инымъ» пѣсеннымъ родамъ оно не обѣщало ничего хорошаго. Самое уравненіе народной пѣсни въ цензурномъ отношеніи со всѣми «другими произведеніями словесности» звучало въ циркулярѣ какъ-то зловѣще: «другія произведенія», «правами» которыхъ надѣялась пѣсня, въ то время, вслѣдствіе комитетскихъ притѣсненій, чуть ли не совсѣмъ прекратились; ту же печальную долю комитетъ уготовалъ теперь и народной пѣснѣ.

Надзоръ за пѣснями, такимъ образомъ, сдѣлался еще строже, инквизиціоннѣе. Исторія и сатира въ пѣснѣ были заглушены раньше; теперь велѣно было не давать спуска и бытовымъ—истреблять ихъ, а не сохранять въ памяти.

А что велѣніе это не было пустымъ звукомъ, — можно видѣть на костомаровской пѣсенной исторіи.

Въ 1854 г. въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» печатались пѣсни, собранныя Н. И. Костомаровымъ; между ними были и такія новѣйшаго происхожденія, въ которыхъ грубо рисовались нѣкоторыя бытовые явленія. Печатаніе еще не кончилось, какъ вдругъ разразилась гроза: изъ Петербурга въ Саратовъ пришла бумага, въ которой извѣщалось, что высшая правительственная власть усмотрѣла, что въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» печатаются некстати народныя пѣсни непристойнаго содержанія, при чемъ противъ одной пѣсни замѣчено: «мерзость, гадость; если такія пѣсни существуютъ, то дѣло губернскаго начальства искоренить ихъ, а не распространять посредствомъ печати». Замѣчаніе это сдѣлано было противъ слѣдующихъ стиховъ:

Дѣвчоночка молода раздогадлива была.
 Черноброва, черноглаза, парня высушила,
 Присушила русы кудри въ буйной головѣ,
 Заставила шататься по чужой сторонѣ,
 Приневолела любити чужеземныхъ женъ.
 Чужеземныя жены—лебедушки бѣлы,
 А моя шельма жена—полынь горькая трава ¹⁾.

Это отрывокъ изъ очень распространенной пѣсни. Она пѣлась не только на югѣ, но и на далекомъ сѣверѣ; вариантъ ея для Якушкина былъ доставленъ Максимовымъ изъ Архангельской губерніи. При такой распространенности пѣсни, конечно, всякое «губернское начальство», которому рекомендовалась истребительная пѣсенная политика, было, по выраженію И. В. Кирѣевского, столько же тутъ сильно, «какъ Перевощиковъ надъ погодою». Но въ Петербургѣ думали совершенно иначе—держались другого взгляда. Цензора, саратовскаго директора гимназіи, пропустившаго пѣсню, вѣрно было «отставить» безъ пенсіи. Костомарову тоже надо было ожидать кары. Но буря какъ-то скоро улеглась: цензоръ сумѣлъ «отписаться», а Костомарова оставили въ покоѣ.

Нелегко, какъ видно, при комитетѣ было издавать пѣсни. Но еще хуже было обставлено тогда пользованіе даже напечатаннымъ текстомъ для научныхъ цѣлей. Къ выводамъ изъ пѣсенъ, къ комментаріямъ къ нимъ цензура была еще внимательнѣе и подозрительнѣе.

Вотъ яркій примѣръ тому.

Въ пятидесятыхъ годахъ славянофилы затѣяли выпускать «Московскій сборникъ». Но попытка пришлась «некстати», не ко времени. Дѣло застряло на второмъ томѣ. Томъ этотъ сначала былъ задержанъ до 1853 г., а потомъ окончательно запрещенъ. Поводомъ къ этому послужила, между прочимъ, статья К. Аксакова о богатыряхъ временъ Владимира по пѣснямъ.

Въ «запискѣ», положенной въ основаніе «осужденія» аксаковской работы, находятся любопытные образцы цензурной придирчивости къ «комментаріямъ».

У Аксакова говорилось, что богатыри сидѣли у Владимира не по аристократическому праву породы; аристократическое понятіе не

¹⁾ Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. Автобіографія. Спб. 1890 г. Пѣсня тогда, какъ въ далекія допетровскія времена, и въ устной формѣ преслѣдовалась въ назидательныхъ книжкахъ для народа; такъ, въ появившейся въ 1849 г. въ Спб. вторымъ изданіемъ «Памятной книжкѣ для православныхъ христіанъ крестьянскаго званія», крестьянина поучали: «Не скоморошничай, скверныхъ пѣсенъ не пой, да и поющихъ не слушай. Не ходи въ хороводы и на святочныя игрища» («Вѣстн. Всем. Истор.», № 3, 1901 г.). Кромѣ того, пѣсни въ устной формѣ преслѣдовались и полиціей; такъ, саратовскій полицеймейстеръ послѣ костомаровской исторіи прямо «душилъ» плетью поющихъ на улицахъ пѣсни.

существовало въ древней Руси: на богатырской скамьѣ сидѣли Ставрѣ, богатый бояринѣ, Алеша—сынѣ попа, Иванѣ—сынѣ гостя, и, наконецъ, Илья Муромецъ—крестьянинѣ: всѣмъ имъ равный почетъ... Отношенія богатырей къ великому князю почтительны, но не подобострастны: они вольно собрались вокругъ него, охотно служить ему «службы», но ни въ чемъ не выражается униженіе или придворное ихъ отношеніе къ великому князю... Битвы и подвиги, свадьбы и пиры составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышатся воля и приволье...

Статья Аксакова была, конечно, ученая, предназначалась для сборника, недоступнаго «низшимъ слоямъ»; однако, приведенныя выше разсужденія автора и здѣсь были признаны «неприличными», «предосудительными».

Далѣе Аксакову ставилось въ упрекъ и то, что въ его статьѣ приводились неумѣстныя цитаты изъ пѣсенъ. Сюда отнесены были, между прочимъ, мѣста, гдѣ Соловей-Разбойникъ называетъ великаго князя воромъ; богатырь Тугаринъ цѣлуетъ великую княгиню «въ уста сахарныя», а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою. Положимъ, все это глубокая старина, но въ аксаковскомъ освѣщеніи она не годится.

Былины не особенно почтительны къ татарскому царю Калину. Въ пѣснѣ о нашествіи Калина на Кіевъ Илья Муромецъ такъ чститъ его:

Собака, проклятый ты, Калинъ царь!
Вась-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.

Аксаковъ въ своей статьѣ обратилъ вниманіе на этотъ отрывокъ. Составитель записки—цензурный дозорщикъ,—не преминулъ вступить за попоранную честь Калина. Хотя, сказано въ его трудѣ, Калинъ и непріятельскій царь, все же онъ царь, и нельзя говорить о немъ безцеремоннымъ языкомъ неблаговоспитаннаго древняго богатыря.

Общее заключеніе дозорщика было таково: «Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частью напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонныя поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ. Одинъ Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ небывалыя (?) въ Россіи — общину, вольницу, и дерзаетъ богатырей (ставить) противъ великаго князя» ¹⁾.

Если цензура выступала на стражу чести какого-то миѳическаго Калина, то подлинныя историческія имена охранялись въ пѣсняхъ еще рѣшительнѣе. Мы видѣли, что Калайдовичъ въ 1818 г.

¹⁾ «Русск. Старина», октябрь, 1875 г. «Эпизодъ изъ литерат. ист. славянофиловъ».

попосался напечатать въ пѣснѣ фамилію князя, жившаго лѣтъ за сто до того; при Николаѣ I продолжалось вытравливаніе изъ пѣсенъ знатныхъ именъ. Такъ, въ пѣснѣ о Ванькѣ-Клюшникѣ и княгинѣ Волконской княжеская фамилія въ печать не допускалась, хотя самая пѣса едва ли даже и историческая — это переделка изъ другой старинной пѣсни о молодцѣ, загулявшемъ къ королю въ Литву, гдѣ у нашего гуляки случилась такая же, какъ и у Клюшника, исторія, только не съ княгиней, а уже съ королевой¹⁾.

На этомъ оканчивается историческая, такъ сказать, часть нашего очерка.

Теперь нѣсколько словъ по поводу «итоговъ».

Съ XI по вторую половину XIX в. наша народная пѣсня пережила, несомнѣнно, немало тяжелыхъ дней. За этотъ длинный періодъ въ ея исторіи, безспорно, преобладаютъ невеселыя страницы, свидѣтельствующія о горькой долѣ пѣсни. Даже въ XVIII в., несмотря на относительную тогдашнюю пѣсенную свободу, особенно во второй половинѣ столѣтія, удостоенной лестной клички «вѣка пѣсенъ и пѣсенниковъ», нашей пѣснѣ «жилось», въ сущности, очень нелегко. И хуже всего было положеніе исторической. Это подтверждается не только «пѣсенными дѣлами», но и любопытнымъ, цитированнымъ уже нами, письмомъ Прокофія Демидова къ Г. Ф. Миллеру, отъ 22 сентября 1768 г., по поводу пѣсни «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское». Въ демидовскомъ письмѣ, появившемся въ печати цѣликомъ лишь недавно²⁾, говорится, что посылаемую Миллеру пѣсню о селѣ Преображенскомъ нашъ любитель народной словесности «досталъ отъ сибирскихъ людей, понеже туда всѣхъ разумныхъ дураковъ посылаютъ, которые прошедшую исторію поютъ на голосу». У себя дома, на Руси за исключеніемъ какой нибудь далекой глуши, пѣть исторію тогда, слѣдовательно, не полагалось. Такъ, конечно, было и на дѣлѣ. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что когда уже въ наше время стали усердно разыскивать «народную исторію» — былины, то пришлось отправлять за ними экспедиціи въ глухіе олонецкіе и архангельскіе края — въ эту «русскую Исландію», гдѣ раньше некому было истреблять памятники народной словесности. Но XVIII в. все же еще можетъ считаться сноснымъ для пѣсенъ. По замѣчанію г. Пыпина, въ этомъ вѣкѣ пѣсни были менѣе испорчены, чѣмъ теперь, пѣсня «еще имѣла свѣжую творческую силу»; и потому въ тогдаш-

¹⁾ Съ пѣсней о Клюшникѣ связана цѣлая серія гоненій. Костомаровъ опустилъ фамилію князя въ своихъ саратовскихъ пѣсняхъ. Затѣмъ одинъ изъ князей Волконскихъ, въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, путешествуя на почтовыхъ, предложилъ ямщику свѣтъ такую пѣсню, кака я ему больше нравится. Ямщикъ, не зная, кого онъ везетъ, записалъ про Ваньку Клюшника. Съдоку избили за это несчастнаго пѣвца. Наконецъ, даже въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка о Волконскомъ въ пѣснѣ цензура запрещала упоминать. Якушкинъ печаталъ тогда «князь-бояринъ» вмѣсто «Волконскій князь».

²⁾ Въ сборникѣ Карши Данилова, изданномъ въ 1901 г. подъ редакціей Шеффера.

нихъ пѣсенныхъ записяхъ больше цѣльности. Позже пѣсенный текстъ сдѣлался гораздо темнѣе и хуже. Оттого-то, «напримѣръ, продолжаетъ г. Пыпинъ, записанныя теперь пѣсни о Петрѣ Великомъ видимо отрывочны и фантастически спутаны».

Въ конечномъ результатѣ—гибель нѣкоторыхъ перловъ народнаго творчества, опустошеніе «народной души».

Объ этомъ скорбѣлъ еще нашъ великій поэтъ, А. С. Пушкинъ. «Приступая къ изученію нашей словесности,—писалъ онъ,—мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинныя памятники... Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою французскаго трувера и лукавою насмѣшливостью скомороха... Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь»... ¹⁾.

Пушкину отчасти вторитъ и скромный Сахаровъ. По его мнѣнію, «много погибло въ нашей землѣ народныхъ преданій, драгоценныхъ для исторіи».

Г. Забѣлинъ также отмѣчаетъ гибель исторической народной поэзіи; по поводу очень немногихъ пѣсенъ, записанныхъ однимъ любознательнымъ англичаниномъ «по горячимъ слѣдамъ» въ 1619 г. (о возвращеніи Филарета Никитича изъ плѣна, объ участи Ксеніи Годуновой и о смерти Скопина-Шуйскаго), онъ говоритъ: «мы можемъ основательно полагать, что это только незначительныя крохи того, чѣмъ обладало наше старинное пѣснотворчество».

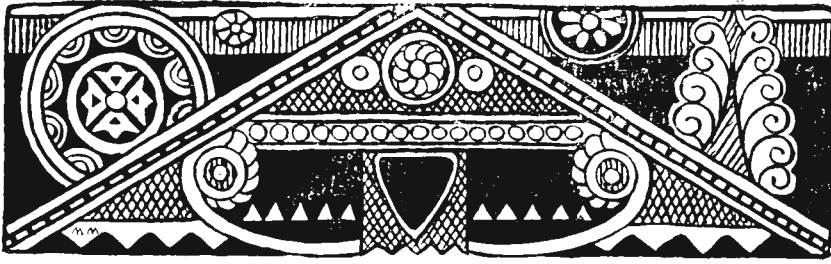
Такая же скорбная нотка звучитъ и у П. В. Шейна. Говоря о необычайной ревности штатной и добровольческой цензуры недавнихъ временъ въ области слова, въ видахъ охраненія добрыхъ нравовъ, а также чести и достоинства служивыхъ классовъ, начиная чуть ли не съ будочника, этотъ трудолюбивый собиратель памятниковъ народной поэзіи съ грустью сознается, что для народной словесности плоды такой ревности не по разуму были плачевны; «инквизиціонная опека» оказалась тутъ весьма пагубной, повела къ тому, «что многіе перлы сатирической поэзіи русскаго народа остались совсѣмъ неизвѣстными, и, пожалуй, затерянными навѣки для послѣдующихъ поколѣній» ²⁾.

Еще сильнѣе и рѣшительнѣе приговоръ Глѣба Успенскаго на затронутую нами тему. Покойный народоловецъ кратко сказалъ: «народная душа опустошена». Этими словами мы и оканчиваемъ нашъ очеркъ.

Т. А. Мартыяновъ.

¹⁾ Пушкинъ. Сочиненія, IX, стр. 368. Изд. Суворина 1887 г.

²⁾ Ежемѣсячныя сочиненія. Мартъ, 1903 г.; «Народія въ народномъ творчествѣ».

ЧЕРЕЗЪ БУХАРУ НА ПАМИРЫ ¹⁾.

V.

ВЫБРАВШИСЬ изъ садовъ Каратага, мы быстрымъ маршемъ двинулись снова по знакомой намъ Гиссарской долинтѣ, взявъ влѣво по направленію водораздѣла рѣкъ Каратагъ-дарьи и Кафирнигана съ его притоками. Сѣдловину между этими рѣками мы прошли, совершенно ея не замѣтивъ; да и трудно было отличить ее, такъ какъ небольшіе холмы нисколько не больше, чѣмъ тѣ, которые раньше испещряли долину; тѣ же кущи кишлаковъ, та же пыльная дорога, тотъ же нестерпимый шестидесяти-градусный зной, тѣ же вправо и влѣво голубыя горы. Только дорога забираетъ больше въ тянущіеся слѣва пыльные желтые, выжженные солнцемъ увалы. Путь предстоялъ немалый—надо было пройти сорокъ пять верстѣ. Около полудня справа на горизонтѣ показались два увѣнчанные зубчатыми стѣнами и башнями холма цитадели Гиссара. Громадный коверъ зелени разстилался подъ ними; кое-гдѣ видны были отдѣльныя группы деревьевъ. Теперь въ Гиссарѣ, по словамъ джигита Яраша, даннаго намъ любезнымъ Кушъ-беги, повальные лихорадки и какія-то особенно ядовитыя мухи, отравляющія всякое существованіе оставшимся жителямъ. Это—тотъ самый нѣкогда славный городъ, кото-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII., стр. 297.

рый великій Али избралъ пунктомъ своей просвѣтительной пропаганды. И доселѣ возлѣ Гиссара есть еще мѣсто, названное Бойдуль-дуль, т.-е. мѣсто, гдѣ остались видными слѣды ногъ легендарнаго коня Али, могущаго перепрыгивать черезъ ущелья и пропасти.

Къ вечеру усталая команда шла послѣдними предгоріями передъ долиной Варзоба, на берегу котораго стоитъ Дюшамбе. Я снималъ и поэтому, не заботясь объ отсталыхъ व्यюкахъ, значительно опередилъ всѣхъ. Подойдя къ встрѣтившемуся по пути бѣдному полужилтому селенію, я былъ пораженъ совершенно инымъ типомъ его обитателей; худые, высокіе, съ исключительно смуглымъ лицомъ кожи, горбоносые, съ длинными волосами, они были совершенно не похожи ни на узбековъ, ни на таджиковъ Гиссара и являлись какъ бы вкрапленникомъ въ общей картѣ населенія края. Нѣсколько полуголыхъ ребятишекъ выбѣжали ко мнѣ и беззастѣнливо меня разглядывали. Я спросилъ одного изъ нихъ по-сартовски, какъ умѣлъ, что это за кишлакъ, кто въ немъ живетъ и чѣмъ занимаются. Мальчикъ постарше бойко отвѣтилъ мнѣ, что кишлакъ называется Джаръ, и что живутъ въ немъ турки. Дальше я не могъ понять, что онъ говорилъ, и, отнеся это къ незнанію мною языка, пошелъ дальше. Въ это время мнѣ загородилъ дорогу худой оборванный мужчина высокаго роста, со включенной черной бородой. Онъ что-то крикнулъ ребятишкамъ, и тѣ моментально скрылись за заборами. Я съ любопытствомъ глядѣлъ на него и довѣрчиво обратился къ нему съ вопросомъ, только-что заданнымъ мальчику. Но оборванецъ ничего не отвѣтилъ мнѣ и, оглядѣвшись кругомъ, сталъ какъ-то странно обходить меня, видимо стараясь стать сзади меня. Я положительно недоумѣвалъ, видя его таинственные пассы, какъ вдругъ онъ, улучивъ моментъ, бросился на меня и замахнулся бывшимъ у него въ рукахъ кетменемъ. Я успѣлъ отскочить въ сторону, и кетмень просвисталъ мимо моего плеча; я инстинктивно выхватилъ изъ ноженъ шашку, впопыхахъ совершенно забывъ, что при мнѣ есть заряженный револьверъ. Второй ударъ кетменя я предупредилъ ударомъ шашки по его деревянной палкѣ, да и мой неожиданный противникъ, очевидно, былъ опѣшенъ оборотомъ, который приняло дѣло, и, оскаливъ зубы съ неменьшимъ удивленіемъ, чѣмъ я, смотрѣлъ на меня. Я не зналъ, что дѣлать, рубить ли этого сумасшедшаго или ждать его нападенія. Въ это время изъ-за холма показался вдаль Н. Д. и сопровождавшій его Ярашъ. Я поднялъ руку и крикнулъ Н. Д., чтобы тотъ торопился. Но это было уже лишнимъ: сумасшедшій оборванецъ уже перепрыгивалъ черезъ дувалы кишлака, иногда оборачиваясь въ сторону дороги.

Подошедшій усталый Н. Д. съ нѣсколькими охотниками съ удивленіемъ смотрѣлъ на мое раскраснѣвшееся отъ волненія лицо и на скрывающагося оборванца.

— Что такое у васъ случилось?—спросилъ онъ.

— Да вотъ какой-то субъектъ захотѣлъ, должно быть, раскроить мнѣ черепъ кетменемъ,—смущенный происшедшимъ, отвѣтилъ я и рассказалъ про этотъ инцидентъ.

Подѣхавшіе бухарскіе чиновники поняли, что произошло что-то неожиданное, и видимо были смущены. Нѣсколько охотниковъ направились было къ кишлаку, но Н. Д. и я рѣшили предать этотъ случай забвенію, благо, кромѣ трагикомическихъ воспоминаній, отъ него не было никакихъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, я подробно разспросилъ Яраша объ обитателяхъ этого полуразрушеннаго кишлака. Селеніе это оказалось дѣйствительно Джаръ и населено, какъ и рядомъ стоящій съ нимъ выселокъ, выходцами изъ Каратегина, именующими себя турками. По словамъ Яраша, обитатели Джаръ-кишлака даже и не турки, а скорѣе арабы; они во всемъ амлякдарствѣ живутъ совершенно особо отъ всѣхъ, отличаются лѣнью и пороками, вслѣдствіе чего окружныя селенія таджиковъ сторонятся и боятся этихъ странныхъ пришельцевъ. Про пороки и даже воровство, развитые у нихъ, Ярашъ говорилъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, какъ о давно извѣстномъ предметѣ.

Постоявъ на мѣстѣ курьезнаго моего единоборства, мы собрали растянувшуюся команду и двинулись. Пройдя версты двѣ, мы неожиданно для себя вынырнули изъ холмовъ и полей и очутились передъ крутымъ спускомъ по берегу Варзоба, на противоположной сторонѣ котораго вытянулся Дюшамбе. Здѣсь насъ встрѣтилъ амлякдаръ со своей свитой, и мы, сопровождаемые пестрой конной толпой, двинулись по руслу Варзоба и впадающей здѣсь въ него Лючь-оби, доходящему здѣсь до полутора верствъ ширины и рѣзко ограниченному крутыми обрывистыми берегами. Самый Варзобъ бурно катилъ свои воды подъ самымъ городомъ, разбившись на нѣсколько крупныхъ рукавовъ. Широкое же ложе его было сплошь покрыто чисто вымытой галькой, сильно затруднявшей ходъ утомленной команды и лошадей; мѣстами, между отдѣльными сухими (частными) руслами и саями зеленѣли посѣвы среди громадной площади гальки. Подъ самой крѣпостью Дюшамбе чернѣли два солидныхъ моста черезъ главные рукава рѣки; одинъ изъ нихъ оказался разрушеннымъ недавнимъ напоромъ могучаго силія. Поэтому намъ предстояло переправляться черезъ первый рукавъ въ бродъ на приготовленныхъ амлякдаромъ лошадяхъ. Послѣ недавно прошедшихъ въ горахъ дождей Варзобъ сильно вздулся и бѣжалъ подъ городомъ бѣшеннымъ потокомъ, унося гальку и небольшіе камни въ своей грязно-сѣрой водѣ.

Пока мы размѣщали команду по лошадямъ для переправы, передъ нашими глазами произошла небольшая драма. Каравану нагруженныхъ товаромъ и разнымъ скарбомъ ишаковъ надо было

переправиться на нашу сторону. Голые проводники и хозяева суетились и съ трудомъ вводили въ воду одно животное за другимъ, изо всѣхъ силъ борясь съ бѣшенымъ теченіемъ. Едва нѣсколько ишаковъ вошло въ воду выше брюха, какъ три или четыре изъ нихъ были подхвачены волнами и вмѣстѣ съ проводниками безпомощно поплыли по теченію. Пока конные таджики поскакали по берегу на помощь, они были уже за полверсты ниже. Тѣмъ не менѣе, людей удалось довольно быстро вытащить на берегъ; что же случилось съ бѣдными животными, — не знаю, такъ какъ намъ самимъ пришлось тутъ же начать переправу.

Вода подходила подъ сѣдла лошадей; вьюки пришлось подмочить. Но, тѣмъ не менѣе, все обошлось благополучно; лишь собакамъ пришлось проплыть около версты, пока онѣ добрались до противоположнаго берега, снесенныя значительно ниже переправы.

Второй рукавъ мы перешли по горбатуму мосту и, поднявшись по крутому переулку подъ крѣпостной стѣной, вѣхали въ крѣпость, гдѣ намъ былъ приготовленъ ночлегъ въ домѣ амлякдара.

Насъ поразила обстановка комнаты, въ которой, по обыкновенію, приготовленъ былъ для насъ достарханъ. Прекрасная русская лампа-молнія, вѣнскіе стулья, эмальированныя тарелки, ножи, вилки какъ-то ужъ очень не вязались съ остальной обстановкой. Какими судьбами попали сюда эти куски цивилизаціи, почему ихъ не было видно даже въ столицѣ края, а повстрѣчались мы здѣсь, на берегахъ Варзоба? Неужели всѣ эти стулья везли изъ Самарканда черезъ Варзиминаръ, головокружительные карнизы по Фанъ-дарѣ и двѣнадцатитысячный снѣжный переваль Шутуръ-гарданъ.

Въ настоящее время Дюшамбе представляетъ собою бѣдный гиссарскій городъ, вытянувшійся вдоль Варзоба и насчитывающій немного болѣе 500 дворовъ населенія, въ громадномъ большинствѣ таджиковъ. Бѣдныя глинобитныя сакли и дувалы перемѣшиваются съ великолѣпными фруктовыми садами; на краю города дома крыты, какъ въ кишлакахъ, двускатной камышевой крышей; въ центрѣ же, возлѣ полуразрушенной такой же глинобитной крѣпости—дома болѣе чистые; но во всемъ городѣ нѣтъ ни одной постройки изъ жженого кирпича, хотя въ глиняныхъ стѣнахъ и заборахъ зачастую видѣются отдѣльные жженые кирпичи.

Среди скучившихся городскихъ построекъ по улицѣ, ведущей отъ крѣпости вверхъ по Варзобу на примыкающій къ городу обширный пустырь, можно видѣть остатки крѣпостной стѣны болѣе ранней эпохи. Мнѣ показалось (ѣхалъ мимо нея я вечеромъ при лунѣ), что стѣна эта сложена изъ сырцовыхъ глиняныхъ кирпичей и нѣсколько напоминаетъ остатки Самаркандской цитадели.

Въ торговомъ отношеніи Дюшамбе начинаетъ все болѣе и болѣе выдѣляться изъ среды всѣхъ гиссарскихъ городковъ и даже

побилъ самаго серіознаго своего соперника по торговлѣ — Регаръ, который сталъ вслѣдствіе этого падать ¹⁾).

На утро двадцатаго мы выступили далѣе, по направленію города Кафирнигана. При дневномъ свѣтѣ я, къ удивленію своему, увидѣлъ, что наше помѣщеніе и дома, занятые амлякдаромъ, главнымъ и притомъ отдѣльнымъ управителемъ города, совсѣмъ не такъ плохи; внутренность крѣлости представляла собою прекрасно выравненную площадь съ постройками на фундаментѣ изъ кирпича, вѣроятно, взятаго съ какихъ нибудь старыхъ развалинъ. Передъ главнымъ домомъ, отведеннымъ теперь намъ, прекрасный бассейнъ съ чистой водой; за нимъ постройки, выходящія на самый отвѣсъ берега Варзоба, гдѣ устроенъ своими средствами обширный балконъ-парапетъ, откуда открывается прекрасный видъ на всю западную часть долины и на ущелье Варзоба съ тѣсняющимися за нимъ вершинами главнаго хребта.

VI.

Мы двинулись въ путь въ надеждѣ прибыть къ вечеру въ Кафирниганъ. Едва оставили мы сады Дюшамбе, какъ намъ повстрѣчался ѣхавшій крупной рысью всадникъ въ европейскомъ костюмѣ, съ громадной соломенной шляпой на головѣ. Поровнявшись съ нами, онъ скороговоркой произнесъ: «добраго здоровья, господа», и зарысиль далѣе по направленію оставленнаго нами Дюшамбе.

Это, какъ оказалось, былъ грузинъ Бахтадзе, единственный предприниматель по части разработки минеральныхъ богатствъ Гиссарскаго кряжа. Онъ ѣхалъ теперь обратно изъ долины Яхъсу, гдѣ онъ купилъ нѣсколько участковъ подъ разработку золота.

Файзабадъ мы миновали очень быстро, наскоро напившись чаю съ лепешками. Его красныя, необычайно яркаго цвѣта, стѣны, которыми городъ обнесенъ въ формѣ почти правильнаго четырехугольника, постройки типа, значительно разнящагося отъ прежде видѣнныхъ въ Гиссарѣ и Бухарѣ, со стрѣльчатыми окнами, куполами и башенками — все это горѣло на солнцѣ. Яркая зелень садовъ, тучныя пастбища, поля съ великолѣпно уродившейся пшеницей манили насъ, но надо было торопиться на Памиры; мы знали, что съ каждымъ днемъ промедленія намъ придется въ Рошанѣ преодолѣвать все большія и большія преграды: мы попадали туда въ концѣ лѣта, когда можно было ожидать на высокихъ перевалахъ дождей и даже снѣга.

Удобная, ровная дорога кончилась съ выходомъ нашимъ изъ Файзабада, по минованіи котораго намъ предстояло подняться по

¹⁾ Дюшамбинское амлякдарство насчитываетъ свыше 5.000 дворовъ, т.-е. около 40.000 жителей обоого пола.

тропѣ на перевалѣ Тянь (Файзабадъ стоитъ на 4.000 футовъ, а Тянь—5.200 футовъ надъ уровнемъ моря) хребта, отдѣляющаго ущелье Илякъ-дарьи отъ Вахша. Мы были на границѣ Каратегина съ Гиссаромъ. Пришлось вспомнить утомительные подъемы на Сія-кухъ и Чарага; та же тропа, дѣлающая безчисленные зигзаги, тѣ же подъемы и спуски, съ той лишь разницей, что дорога на Тянь разработана настолько хорошо, что по ней свободно ходятъ верблюды, да всѣ горы покрыты яркой зеленой травой, кустарникомъ разныхъ породъ и перелѣсками, добраться до которыхъ было совсѣмъ не трудно.

Подъ самымъ переваломъ по эту и противоположную сторону пріютились три небольшихъ кишлака. Мы быстро ихъ миновали и, уклонившись вмѣстѣ съ тропой вправо, въ горы, стали спускаться въ ущелье Вахша. Намъ предстояло ночевать въ довольно значительномъ кишлакѣ Дагана, на самомъ берегу рѣки. Мы прибыли туда поздно, утомленные и пыльные. Нѣсколько выюковъ въ темнотѣ заблудились и сошли значительно правѣе кишлака. Пришлось собирать разсыпавшуюся команду при помощи конныхъ туземцевъ, и только около девяти часовъ вечера, когда темнота горной ночи спустилась окончательно въ ущелье, пришли послѣдніе усталые охотники. Спускъ съ перевала былъ, какъ оказалось, значительно труднѣе, и мы должны были спуститься съ высшей его точки въ 5.200 до 2.000 футовъ (на этой высотѣ стоитъ Дагана).

Это былъ послѣдній переходъ собственно по Гиссару, и отсюда начинались горныя области, непосредственно примыкающія къ Дарвазу и Памирамъ. Надо было проститься съ удобными дорогами, пышными встрѣчами и мягкими одѣялами, въ изобиліи постылаемыми намъ гостепріимными хозяевами. Впереди предстояли тяжелые переходы по узкимъ горнымъ тропамъ и карнизамъ, передъ которыми карнизы Тупалангъ-дарьи должны были казаться игрушечными.

На ночлегѣ оказалось, что команда подбилась на ноги такъ сильно, и въ ней оказалось такое количество больныхъ, что потребовалось нѣсколько лишнихъ лошадей для подъема слабыхъ и облегченія выюковъ.

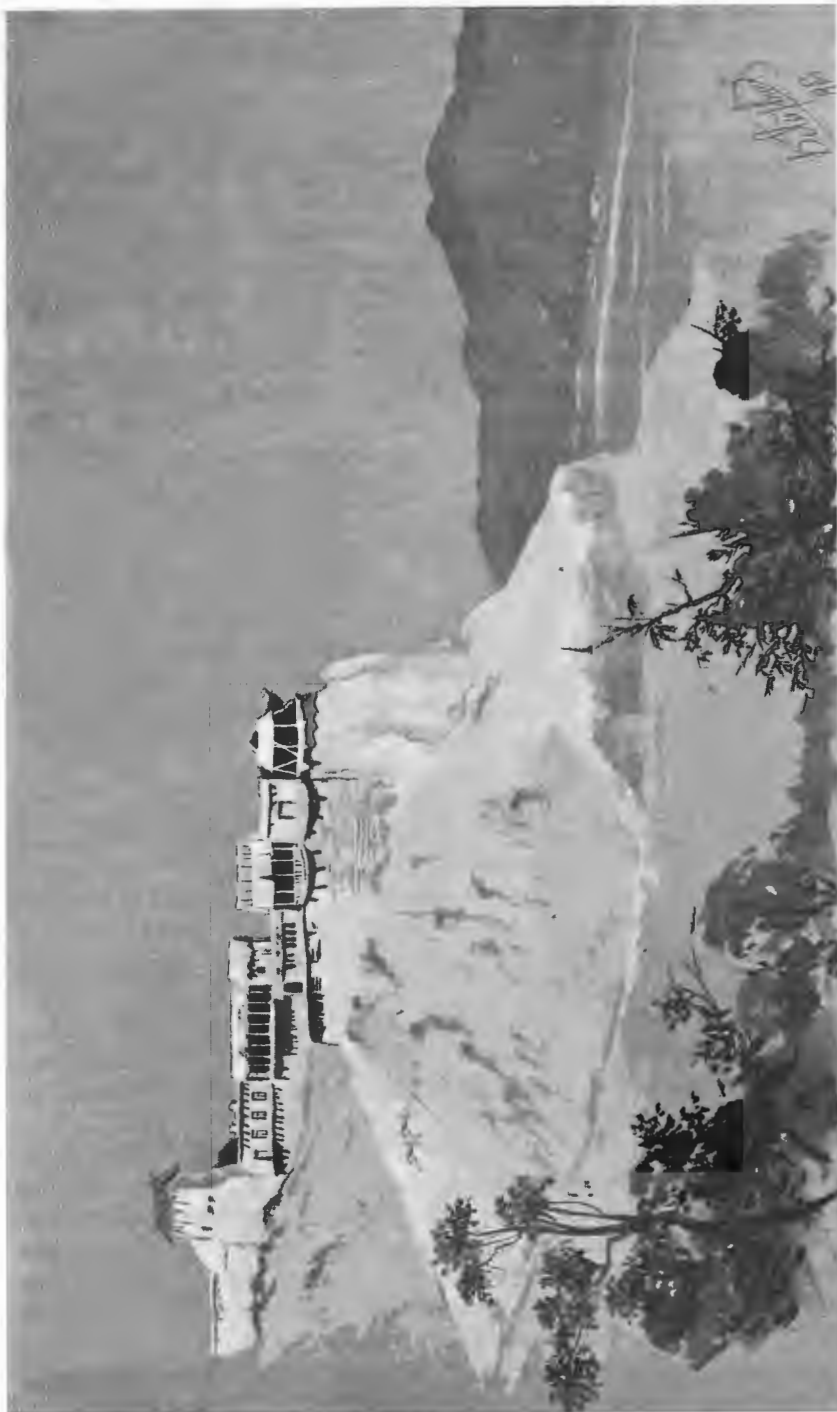
Въ виду этого позвали на совѣщаніе Миръ-ахура и его помощника Мирза-баши, котораго тотъ выпросилъ, вѣроятно, себѣ для большей важности у гиссарскаго Кунъ-беги. Мы изложили наше желаніе, заключающееся въ томъ, что въ Дюртъ-каулѣ намъ надо на 8—10 верховыхъ лошадей больше, чѣмъ требовалось раньше.

Миръ-ахуръ пришелъ въ восторгъ отъ этой мысли—вѣдь насколько прибавится вѣсъ его въ глазахъ жителей и туземныхъ властей при видѣ, что команда, которую онъ сопроводяетъ, не

только пѣшая, но и конная ¹⁾). При томъ, чѣмъ больше требовать отъ мѣстныхъ властей именемъ эмира, тѣмъ лучше, ибо у хлѣба не безъ крошекъ, и въ большемъ дѣлѣ этихъ крошекъ будетъ тоже больше и ему, Миръ-ахуру, и этимъ же мѣстнымъ властямъ. А тамъ развѣ эмиръ будетъ разбираться въ томъ, дѣйствительно ли въ Дюртъ-каулѣ на угощеніе команды русскихъ вышло 10 фунтовъ чая, 5 барановъ и десятки пудовъ клевера и ячменя ²⁾? Вѣдь каждому изъ чиновниковъ извѣстно, что, все равно, русскіе за все платятъ сами, платятъ хорошо, значить, и населеніе, привыкшее къ безпрекословной дисциплинѣ при неимовѣрныхъ поборахъ чиновниковъ, будетъ сравнительно довольно, и чиновники извлекутъ каплю меда съ общаго цвѣтка. Поэтому Миръ-ахуръ съ удовольствіемъ согласился достать намъ лошадей, и намъ пришлось въ значительной мѣрѣ укротить его планы. Зная, что плата, выданная за лошадь на руки чиновнику, никоимъ образомъ не дойдетъ полностью до хозяина, мы просили, чтобы при лошадяхъ были хоть двое изъ хозяевъ для ухода за ними. Не подозрѣвая коварства въ нашей просьбѣ, Миръ-ахуръ сдѣлалъ соответственныя распоряженія. За свое путешествіе по Бухарѣ въ качествѣ гостей эмира, что особенно предвкушалъ Миръ-ахуръ, мы приглядѣлись ко многому и многое поняли. Мы видѣли, какъ тѣ же лица, которыя ревниво не допускали насъ до платежа за выставлемый намъ достарханъ и считали это нарушеніемъ священнѣйшаго обычая страны, въ то же время составляли счетъ своему повелителю, гдѣ фигурировали баснословныя цифры и цѣны, словно русскіе солдаты не пили чай, а ѣли его наравнѣ съ клеверомъ, отпускаемымъ лошадямъ. Противодѣйствовать этому не было никакой возможности, и только было вчужѣ досадно видѣть, какъ богатые и алчные обирали трудолюбивыхъ бѣдняковъ именемъ эмира. Къ счастью, мы, вопреки всѣхъ воплей чиновной толпы, раздавали этимъ труженикамъ обильныя «селау» (подарокъ, въ родѣ русскаго «на чай»), что не возбраняется священнѣйшими обычаями «благородной Бухары», и что въ достаточной мѣрѣ вознаграждало ихъ и, по крайней мѣрѣ, не давало повода думать, что русскіе даромъ

¹⁾ Въ Бухарѣ пѣшіе сарбазы не въ почетѣ, гораздо болѣе шигу, по мнѣнію туземцевъ, когда люди верхомъ.

²⁾ Цифры въ счетахъ, представляемыхъ въ такихъ случаяхъ эмиру, бываютъ еще болѣе несообразными. Не менѣе несообразными бываютъ иногда и предписанія изъ «благородной Бухары» въ ея провинціальныя города. Такъ, напри- мѣръ, въ 1898 г., передъ прѣздомъ эмира въ Керки изъ Бухары, было прислано керкинскому беку предписаніе приготовить къ обѣду его высочества шесть пудовъ шоколадныхъ конфетъ для него и его гостей. Вѣднѣй бекъ сбился съ ногъ, ища по лавкамъ этого количества конфетъ, среди лѣта и, конечно, найти не могъ. Тогда онъ, точно выполняя предписаніе свыше, закупилъ 6 пудовъ плиточнаго шоколада, который былъ наломанъ на мелкіе куски и такъ фигурировалъ, какъ говорятъ, на торжественномъ банкетѣ.

Бальдунань. Новая крѣпость; помѣщеніе бека.

пользуются дѣлами ихъ рукъ. Алчность власть имущихъ доходила иногда до курьезовъ. Такъ, тотъ же достарханъ, который «по священнѣйшему обычаю» принадлежитъ по праву одному лишь гостю, кому онъ поставленъ, зачастую путешествовалъ съ нами сотню, другую верстъ. Дѣлалось это такъ, конечно, въ захолустныхъ городкахъ и селеніяхъ вдали отъ бековъ: къ часу выѣзда тарелки съ фисташками, урюкомъ, миндалямъ и тому подобнымъ замѣтно пустѣли, и вскорѣ можно было видѣть скачущаго во всю прыть халатника, везущаго въ курджумахъ эти драгоценности на новое становище, гдѣ онъ располагались снова на своихъ тарелкахъ, иногда представляя собою удивительныя смѣси.

Конечно, мы сами не дошли бы до пониманія такихъ манипуляцій, если бы не указала намъ на это другая заинтересованная сторона — охотники. Ребята, необычайно цѣнившіе подобные гостинцы, которые они собирали, чтобы отвезти къ себѣ на родину при увольненіи въ запасъ, и ради этого потихоньку иногда носившіе въ походѣ цѣлые фунты отвратительныхъ туземныхъ конфетъ на бараньемъ салѣ, обыкновенно съ разрѣшенія нашего брали часть достархана со стола и торжественно дѣлили его между собою. И вотъ они стали замѣчать, что эти своеобразные доходы ихъ, уже вошедшіе въ обычай, стали замѣтно уменьшаться и изсякать. Догадливые пермяки сразу поняли, въ чемъ дѣло, и противодѣйствовали бухарскимъ капитанамъ и подполковникамъ иногда самымъ мальчишескимъ образомъ.

Обрадованные извѣстіемъ, что завтра переходъ небольшой, и что на слѣдующій день будутъ для нихъ лошади, охотники приободрились. Снѣдковъ заигралъ на сопилочкѣ, купленной имъ на ночлегъ въ Чертакѣ, а на его гармоникѣ игралъ уже свирѣпаго вида полякъ Викла.

Яркое солнце било намъ въ лицо, когда мы утромъ 22 выступили изъ Даганы, вверхъ по Вахшу. Я и Н. Д. впервые сѣли на своихъ коней, но вскорѣ должны были слѣзть, такъ какъ дорога на четвертой верстѣ приняла характеръ тяжелой горной тропы, усыпанной острымъ, какъ ножи, щебнемъ, за что и все ущелье получило у туземцевъ названіе «Данданъ-чиканъ», т.-е. сломанные зубы.

Мы быстро миновали небольшое селеніе Нурекъ съ сохранившейся крѣпостью съ четырьмя угловыми башнями и приближались къ извѣстному въ краѣ мѣсту, гдѣ мощный и многоводный Вахшъ, по обилію воды соперничающій съ самимъ Пянджемъ, спертъ надринувшимися утесами настолько, что ширина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превосходитъ и десяти саженъ. Оглушительный ревъ громадныхъ волнъ, съ неимоверной быстротой и силой несущихся среди скалъ, слышенъ задолго до приближенія къ извѣстному

мосту Пули-Зинданъ ¹⁾, перекинутому въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки и дрожащему отъ напора бѣшеныхъ волнъ на скалы, которыя послужили ему основаніемъ. Здѣсь возлѣ моста прилѣпился домикъ съ террасой, въ которомъ живетъ наблюдающій, такъ сказать, смотритель моста; у него же можно достать и чашку зеленого чая и лепешку съ горшкомъ катыку.

Но, не доходя еще до этого моста верстъ двухъ, на берегу Вахша расположены богатѣйшія соляныя ломки, славящіяся на всю Бухару. Я былъ пораженъ сіяніемъ и блескомъ одной вершины противоположнаго, лѣваго берега и принялъ сначала этотъ блескъ за блескъ обнаженнаго пласта слюды. Но, подойдя ближе, я увидѣлъ, что эта вершина, насчитывающая не менѣе сорока саженъ высоты, есть пикъ чистой, какъ снѣгъ, бѣлой и пористой, какъ губка, поваренной соли. Самая ломка расположена на правомъ берегу, и, взглянувъ внизъ, на самый берегъ, мы увидѣли караванъ лошадей и верблюдовъ, нагружаемыхъ чистой бѣлой солью, которую просто, безъ всякихъ приспособленій хозяева лошадей выламывали кетменями изъ отвѣса подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, на которомъ стояла въ этотъ моментъ вся наша команда. Пласть соли выходитъ и на дорогу, по которой намъ лежалъ путь, въ видѣ невысокаго холма, покрытаго тонкимъ, мѣстами отпавшимъ или снятымъ слоемъ почвы. Мы съ удовольствіемъ взяли для команды нѣсколько кусковъ прекрасной бѣлой и пушистой, какъ снѣгъ, соли, и, кромѣ того, я и Н. Д. положили себѣ въ кобуры по куску ея, тщательно завернувъ хрупкіе куски въ тряпки, съ цѣлью привезти, если удастся, въ Самаркандъ.

Здѣсь соль добывается только бѣлая, непрозрачная, но я думаю, что если углубиться подальше въ нѣдра дѣвственныхъ скалъ, то можно добраться и до чистой кристаллической.

Въ Дюртъ-кауль (Туть-кауль) прибыли мы благополучно къ одиннадцати часамъ дня, и, такимъ образомъ, у насъ получилось нѣчто въ родѣ дневки.

Такъ подвигались мы къ Памирамъ; миновали кочевья узбековъ въ Кангуртскомъ амлякдарствѣ, передневали въ Бальджуанѣ, столицѣ бекства, будучи приняты тамъ съ особыми военными почестями, благодаря тому, что въ немъ квартировалъ цѣлый бухарскій батальонъ, одиннадцатый по номеру. Это дало возможность беку и командиру батальона устроить празднества въ честь насъ, какъ служащихъ въ одиннадцатомъ русскомъ линейномъ батальонѣ.

Торжества были настолько необычны, что насъ, офицеровъ въ чинѣ подпоручика, именовали не иначе, какъ «ваше высокопревосходительство», преклоняли намъ знамена, выставили почет-

¹⁾ Про этотъ мостъ говорятъ многіе древніе мусульманскіе историки.

ный караулъ въ саду, гдѣ мы расположились, и, оцѣпивъ его десяткомъ часовыхъ, не давали намъ ни днемъ, ни ночью покоя вѣчными окликами. Предупредительность и почетъ были такъ велики, что солдаты наши заливались отъ смѣха, а мы очутились въ такомъ невыносимомъ положеніи, что даже въ самыя сокровенныя минуты чувствовали на себѣ почтительное око бековскихъ чиновниковъ.

Церемоніи парадовъ и ученій бухарскаго батальона, надо сказать правду, прекрасно обученнаго по артикулу шестидесятыхъ годовъ, торжественные визиты къ беку и прочее сдѣлали то, что намъ не удалось побывать на развалинахъ стараго Бальджуана, древняго Мунка, столицы былого ханства, ясно видимыхъ съ балкона бековскихъ убогихъ построекъ.

Оставивъ черезчуръ гостепріимный городъ, мы потянулись далѣе холмистыми хребтами и долинами рѣкъ; прошли верховье золотоносной Яхъ-су; перевалили громадныя одиннадцатитысячныя перевалы Тальбаръ и Захъ-бурси и 26 іюля очутились въ Сагыръ-Даштѣ, первомъ селеніи Дарвазскаго бекства. А 28 іюля въ полдень уже были въ столицѣ Дарваза, Калаи-Хумбѣ, переваливъ послѣдній громадный, но все же не снѣжный перевалъ Хобурабатъ съ мягкими холмистыми очертаніями. На немъ мы отвели душу, пострѣлявъ въ волю такъ называемыхъ сугуровъ — особый видъ суслика, въ Дарвазѣ достигающій болѣе 20 вершковъ (когда онъ сидитъ на заднихъ лапахъ). Желтая, очень похожая на лисью шкурка этого звѣря цѣнится у туземцевъ, которые охотно берутъ ее на разныя подѣлки, а мясо ѣдятъ. Между прочимъ у таджиковъ Дарваза существуетъ убѣжденіе, что эти сугуры иногда болѣютъ какою-то повальной болѣзью, и если звѣрка, уже зараженнаго ею, убить и съѣсть, то люди начинаютъ сами болѣть и на третій или четвертый день умираютъ.

Послѣ обычной торжественной встрѣчи мы вступили въ чистенькій сверхъ ожиданія опрятный и наполненный фруктовыми садами Калаи-Хумбѣ, гдѣ рѣшили, узнавъ все, что можно объ отрядѣ генерала Іонова, окончательно установить свой дальнѣйшій маршрутъ.

VII.

Въ описываемомъ мною 1894 году Дарвазское бекство Бухарскаго ханства, будучи вполне подчинено Бухарѣ, простиралось отъ перевала Захъ-Бурси на западѣ и на востокѣ до хребта, служащаго водораздѣломъ между рѣками Язгулемъ и Тартангомъ, приблизительно на меридіанѣ пика Ванновскаго и Обручева (т. е. 42°). Сѣверной границей его была горная цѣпь, тянущаяся вдоль притока Вахша—Оби-Хингоу, а на югѣ—извилистая линія, соединяющая едва ли не высочайшіе ледниковыя пики Памира, а именно:

Крѣпость Дыроу. Лучшее здание во всемъ Запѣнджскомъ Дарвазѣ.

упираясь въ Пянджъ на 37°40' широты, линія шла въ восточномъ направленіи до пика Сефидъ-и-Хырсь, затѣмъ поворачивала на сѣверъ по хребту того же имени до пика Бенди-Вестхось, далѣе на пикъ Мадуть, Коомолингъ, затѣмъ снова рѣзко бросалась на югъ по хребту Кугъ-и-Шива до горы Кугъ-и-Ляль; отъ него, перейдя рѣку Тангъ-Шива, шла къ горѣ Мадатманъ и по кряжу, отдѣляющему эту рѣку отъ Пянджа, направлялась къ мѣстечку Часноудъ и далѣе по хребту въ сѣверо-восточномъ направленіи до пика Ванновскаго. Юго-западная граница Дарваза была: р. Пянджъ отъ условной, указанной уже выше, точки на 37°40' широты приблизительно до впаденія въ него притока Оби-Возгинъ, по которому она направлялась уже къ перевалу Захъ-Бурси. Эта граница была крайне условна; я говорю про ея восточную и южную часть. Вопросъ о томъ, чѣмъ кончится рядъ экспедицій генерала Юнова, и въ какомъ духѣ будетъ улаженъ этотъ спорный разграничительный вопросъ, который такъ или иначе долженъ былъ разрѣшиться, былъ для Дарваза настолько важнымъ, что самъ бекъ не зналъ, или, вѣрнѣе, боялся знать, гдѣ кончаются селенія, съ которыхъ онъ могъ брать подати, и гдѣ начинается уже территорія Афганистана. Крайняя условность южной границы Дарваза, проведенной по вершинамъ недоступныхъ ледниковыхъ хребтовъ, усугубляла неопредѣленность положенія еще и тѣмъ, что этой границей дѣлились на бухарскихъ и афганскихъ подданныхъ не только родственные рода населяющихъ эти неприступныя трупцы таджиковъ и кой-гдѣ осѣвшихъ тюрковъ, но даже иногда и семьи, находящіяся въ родствѣ. Постоянный переходъ границы родственниками подданныхъ разныхъ эмировъ ради своихъ семейныхъ и просто обще-матеріальныхъ вопросовъ дѣлалъ эту границу положительно несуществующей, и жирная пограничная черта, такъ смѣло и просто проведенная на нѣкоторыхъ картахъ, конечно, не только не была ничѣмъ отмѣчена въ дѣйствительности, но просто фактически отсутствовала. Да иначе и быть не могло, ибо сами жители бывшаго Запаянджскаго Дарваза на вопросы, обращенные къ нимъ, не всегда одинаково указывали вершины и урочища одного наименованія среди той массы снѣжныхъ и голыхъ хребтовъ и пиковъ, изъ которыхъ исключительно и состоитъ эта страна.

При всемъ томъ такъ называвшійся до 1894 года Запаянджскій Дарвазъ, конечно, не былъ дѣйствительно частью того, такъ сказать, этнографическаго Дарваза, который занималъ правый берегъ Пянджа, а являлся лишь административнымъ прирѣзкомъ къ этому бекству и жилъ самобытной жизнью, не видя у себя ни одного бухарскаго солдата и весьма рѣдко принимая кого либо изъ чиновниковъ съ праваго берега. Еще въ такихъ сравнительно доступныхъ пунктахъ, какъ Куфъ, Шикай, Май-Май и Джу-

марчѣ, сидѣли бухарскіе амьякдары, но далѣе вглубь темныхъ горныхъ щелей страны чиновныя лица Дарваза не любили ѣздить и предоставляли всему дѣлаться такъ, какъ оно уже заведено раньше, обычаемъ ли или теченіемъ событій. При этомъ въ громадной излучинѣ Пянджа отъ самаго Богорака до Ишкашема (въ Ваханѣ) затерялись въ горныхъ хребтахъ и ущельяхъ границы трехъ бывлыхъ ханствъ Бадахшана, Шугнана и Рошана, и гдѣ начинается одно и кончается другое, за все наше пребываніе въ Запанджскомъ Дарвазѣ могъ объяснить, правда, великолѣпно одинъ лишь человекъ—старшина округа Оби-Паткъ и Усангъ-су, при чемъ и этотъ знатокъ края указалъ намъ нѣкоторые признаки долженствовавшихъ быть границъ не такъ, какъ онѣ обозначены на картѣ.

Разумѣется, не лѣнливымъ и алчнымъ бухарскимъ чиновникамъ можно было разобратся во всемъ этомъ смѣшеніи языковъ, и, конечно, тѣмъ болѣе, не ледники Коомолингъ и Паткъ дѣлили Запанджскій Дарвазъ отъ Бадахшана и Шугнана.

Вся эта обстановка создала въ Запанджскомъ Дарвазѣ такое положеніе, что были цѣлыя селенія, которыя платили подати и бухарцамъ и афганцамъ, и были такія, съ которыхъ, казалось бы, подати надо брать бухарцамъ, но тѣ сами отказывались отъ нихъ. Были и такіе кишлаки, которые не платили подати ни тѣмъ и ни другимъ, а были и такіе, которые платили тому, кто въ данную минуту скорѣе можетъ сдѣлать непріятность.

Отсюда происходило, что шугнанцы, афганскіе подданные, жили въ бухарскихъ владѣніяхъ и уходили, когда хотѣли, или когда имъ было это выгодно, и наоборотъ. Весь строй жизни основывался исключительно на обычай и совершенно не справлялся съ требованіями администраціи. Нарушенія границы со стороны афганскихъ подданныхъ были почти ежедневны; изрѣдка продѣлывали то же самое и подданные Бухары. Всѣ эти переходы границъ сопровождались стрѣльбой, убійствами, насиліями и грабежами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, на примѣръ, по рѣкамъ Оби-Паткъ и Усангъ-су, эти миниатюрныя сраженія до того вошли въ плоть и кровь, что породили обычай, установившій два раза въ недѣлю, по средамъ и пятницамъ, взаимную мирную мѣну награбленнымъ добромъ и плѣнными; при чемъ тотъ, кто былъ болѣе счастливъ и имѣлъ избытокъ въ награбленномъ скотѣ и людяхъ, получалъ за нихъ выкупъ хлѣбомъ и деньгами.

Вообще же вся граница бывшаго Запанджскаго Дарваза, можно сказать, рѣдко нарушалась Бухарою и всегда Афганистаномъ, почему вліяніе первой значительно не доходило до пограничной черты въ пользу послѣдняго.

Если прибавить ко всему сказанному, что не только родственные запанджскимъ дарвазцамъ таджики Рошана, Шугнана и Ба-

дахшана мирно или съ грабежомъ посѣщали лѣвобережный Дарвазъ, но нерѣдко и мелкія партіи афганскихъ солдатъ изъ Бадахшанскаго племени катаганъ совершали насилія надъ совершенно, такимъ образомъ, отданными на собственное свое попеченіе жителями, то общая обстановка жизни этой части Дарваза будетъ обрисована. Однимъ словомъ, такъ называвшійся Запянджскій Дарвазъ въ описываемый мною годъ былъ почти совершенно отданъ на произволь судьбы и случая и не жилъ общей жизнью съ бекствомъ:

Представляя собою рядъ горныхъ кряжей, дающихъ отъ себя цѣлую серію хребтовъ второго порядка, средняя абсолютная высота которыхъ достигаетъ 13.000 футовъ, съ вершинами и хребтами, чаще покрытыми снѣгомъ, нежели обнаженными, Дарвазъ представляетъ собою страну большей частью совершенно неприступныхъ кряжей и глубокихъ щелей, въ которыя не всегда заглядываетъ лучъ солнца, и въ которыхъ бушуютъ многоводные ручьи и потоки. Эти щели являются единственными артеріями жизни края; въ нихъ, внизу ютятся кишлаки таджиковъ, упорно борющихся съ суровой маchioй-природой; здѣсь, благодаря защитѣ отъ холодныхъ вѣтровъ и сравнительно жаркому лѣту, культивируется виноградъ, гранаты, урюкъ, яблоки и злаки—по преимуществу пшеница, поля которой миниатюрными зелеными квадратами испещряютъ всѣ доступные склоны горъ (пшеница только багарная). Здѣсь, внизу—царство садовъ. Но если почему либо кишлаку не удастся спуститься въ желанное ущелье, тогда онъ взбирается почти подъ снѣговую линію на самую высоту краевъ этой щели и образуетъ вмѣстѣ съ такими же, какъ и онъ, неудачниками второй ярусъ селеній, значительно отличающихся отъ первыхъ. Вмѣсто садовъ тамъ ярко зеленѣютъ одни лишь талы да изрѣдка дикорастущія скрюченныя вѣтрами березы. Поля состоятъ исключительно изъ пшеницы (очень немного) и особаго рода бобовъ. Это, такъ сказать, первая гигантская, рѣзко выраженная ступень-плато на пути изъ ущелій къ ледникамъ. Далѣе этого холмистаго плато идетъ гряда камней и скалъ, вѣнчаемая иногда сначала слѣдующей ступенью холмистыхъ плато, а чаще прямо снѣгами, фирномъ и льдомъ.

Все сказанное сейчасъ прямо относится къ правобережному Дарвазу; что же касается Запянджскаго, то относительно его надо спустить лишь вдвое краски, и картина будетъ вѣрная. Группа ледяныхъ колоссовъ, какъ Паткъ, Коомолингъ, Мадуть и Эштъ, уступающихъ по высотѣ своей и величинѣ ледниковъ развѣ однимъ лишь Гималаямъ, какъ брилліантовой короной, вѣнчаетъ Запянджье и въ своей неприступной силѣ заставляеть могучій Пянджъ совершить громадное обходное движеніе въ 380 верстъ у ихъ подножія. Совершенное отсутствіе мостовъ, громадная бы-

Вершина перевала Паткъ (вправо внизу вторая морена, правѣ и выше начало второй гряды).

строта теченія (отъ 15 до 25 футовъ въ секунду) и опасность переправы на утлыхъ сомнительныхъ гупсарахъ черезъ могучій многоводный и доходящій до 100 сажень ширины потокъ, какимъ является Пянджъ, вмѣстѣ съ не общающимися ничего пріятнаго ледниками, стоящими въ центрѣ этой дуги, дѣлають то, что охот-

никовъ побывать тамъ не находится. Только наиболѣе доступный кусокъ крайняго восточнаго участка отъ кишлака Джумарчъ до Гумай былъ пройденъ до 1894 года, результатомъ чего явилось нанесеніе частью разспроснаго, частью пройденнаго пути отъ этого Джумарча до ущелья рѣки Тангъ-Шива.

Населеніе Дарваза состоитъ исключительно изъ нѣсколькихъ родовъ горныхъ таджиковъ, къ которымъ примѣшиваются въ Запанджскомъ Дарвазѣ бадахшанцы племени катаганъ ¹⁾. Всего населенія въ обѣихъ половинахъ бекства насчитывается отъ 30 до 40 тысячъ человекъ, и подробное распредѣленіе его лица, интересующіяся этимъ, могутъ найти въ статьяхъ «Военнаго Сборника» г. Арандаренка за 1883 годъ подъ названіемъ «Дарвазъ и Каратегинъ» и также въ небольшомъ очеркѣ г. Февралева за 1895 годъ. Кромѣ того, по этой отрасли имѣется еще трудъ капитана Покотино. Всѣ означенные здѣсь авторы, судя по содержанію ихъ трудовъ, сами въ Запанджскомъ Дарвазѣ не были; трудъ г. Арандаренка, хотя теперь уже и нѣсколько устарѣвшій, ближе всѣхъ соотвѣтствуетъ той обстановкѣ, какую намъ пришлось видѣть въ экспедицію 1894 года при движеніи черезъ весь Дарвазъ отъ Сагыръ-Башта до Часноуба.

Дарвазскіе таджики исповѣдуютъ ученіе Сунни (мусульмане-сунниты) и являются аборигентами страны, съ незапамятныхъ временъ осѣвшими здѣсь въ этихъ подледниковыхъ труппахъ. Всѣ они исключительно земледѣльцы и отчасти скотовладѣльцы. Вслѣдствіе ли мѣстами абсолютнаго отсутствія дорогъ или по какой либо иной причинѣ, лошадей во всемъ Дарвазѣ имѣется, можно сказать, ничтожная цифра. За весь путь по этому бекству намъ удалось видѣть лошадей только лишь по ущелью Панджъ, въ Сагыръ-Даштѣ и по Оби-Хумбоу. Въ качествѣ кустарнаго промысла среди таджиковъ можно лишь встрѣтить приготовленіе маты и веревокъ. Наличие желѣза по теченію Ванча и отчасти рѣки Курговата создала для правобережнаго Дарваза родъ, если можно такъ назвать, обрабатывающей промышленности. Грубыя желѣзныя издѣлія въ видѣ топоровъ и ножей идутъ изъ Пошхарва и Курговата въ Калаи-Хумбъ, гдѣ обмѣниваются на ткани, чай, хлѣбъ и прочее. Отсюда ясно, что Дарвазъ самъ собой существовать не можетъ и получаетъ все необходимое съ двухъ сторонъ: съ запада изъ Кулябскаго и Бальджуанскаго бекствъ и съ юга по такъ называемой индійской дорогѣ внизъ по Пянджу, чѣмъ особенно пользуется запанджская половина бекства. Въ 1894 году насъ вначалѣ удивляло большое количество предметовъ съ англійскими клеймами: скатерти въ Калаи-Хумбѣ оказались англійскія, ножи англійскіе, то же можно сказать про зеленый чай,

¹⁾ Кажется, узбеки.

сахаръ-леденецъ и даже штилеты, которые намъ показывалъ въ видѣ хвостовства дарвазскій бекъ. Очевидно, доставка товаровъ изъ Индіи внизъ по Пянджу, по дорогѣ, до которой добирался знаменитый эмиръ Бухары, Абдуллахъ-ханъ (Шейбанидъ), возможна, чѣмъ и пользовались умѣлые англичане ¹⁾. Понятно, какую важную роль въ жизни страны играютъ дороги. Жители и администрація отлично понимаютъ ихъ значеніе, и забота о путяхъ сообщенія въ Дарвазѣ можетъ служить образцомъ не для одной только матушки-Россіи. Гдѣ видано, чтобы на населеніи лежала особая натуральная дорожная подать!... Когда команда наша спустилась съ перевала Хобу-Рабатъ въ Рабатскую щель, то первое, что бросилось намъ въ глаза, это команда рабочихъ, высланная за нѣсколько верстъ изъ близъ лежащихъ селеній для расчистки пути отъ могущихъ быть обваловъ щебня. Балконы, которыми изобилуетъ участокъ конной дороги между Даштакомъ и Джарфомъ по Пянджу, и многія такія же мѣста по Оби-Ширинъ поддерживаются въ удивительной исправности. Мѣстами можно видѣть надъ существующимъ балкономъ другой, старый, въ видѣ остатковъ укрѣпленныхъ въ отвѣсную скалу балокъ и настилки. И всегда, когда видишь это хрупкое сооруженіе въ буквально отвѣсной стѣнѣ надъ бушующей мощной рѣкой въ нѣсколькихъ десяткахъ сажени надъ водой, невольно удивляешься изумительному терпѣнію и настойчивости этихъ полудикарей, такъ глубоко проникшихся убѣжденіемъ, что первое условіе ихъ существованія есть дорога. Сколько опасности и, вѣроятно, жизней стоитъ каждая верста такого пути, и какимъ варваромъ надо быть, чтобы рѣшиться разрушить какой либо карнизъ или балконъ, что нерѣдко случалось въ исторіи Дарваза во времена его политической самостоятельности!

Такъ какъ лѣто въ этой странѣ продолжается всего четыре мѣсяца, при чемъ подъ понятіемъ лѣта надо разумѣть лишь отсутствіе новаго снѣга, то и дороги, сообразно съ этимъ, въ общемъ открыты для пользованія всего лишь треть года. Запянджскій Дарвазъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ еще болѣе невыгодныя условія.

Если ко всему сказанному прибавить, что съ востока къ административному Дарвазу примыкаютъ почти такія же по своей географической физіономіи, бездорожью и неприступности ханства, какъ Рошанъ, а на югѣ нѣсколько болѣе доступныя Шугнанъ и Бадахшанъ, то общая картина этого самаго западнаго угла Памира будетъ достаточно ясна.

¹⁾ Индійская дорога идетъ отъ кишлака Бароу черезъ Джумарчъ, Гумай. Ротану, по ущелью Тангъ-шина, чрезъ лазуревыя копи возлѣ озера Шива, гдѣ переходитъ непосредственно въ ущелье Пянджа и далѣе направляется по Ишкашему и Гиндукушу.

VIII.

Если обратиться къ несложной исторіи Дарваза, то, къ удивленію, мы увидимъ, что это крошечное по количеству населенія ханство весьма лишь недавно потеряло свою самостоятельность.

Въ 327 году до Р. Х. Александръ Великій, будучи, вѣроятно, въ то время послѣ похода въ Самаркандъ въ Бактрахъ, предпринялъ походъ въ гористую часть Сыдіаны. Онъ двинулся изъ Ширабада, куда, вѣроятно, заблаговременно переправился изъ Бактръ, въ Термедъ (Термезъ), Кувадіанъ (Кабадіанъ), Кулябъ, Сары-пуль, Гармъ и назадъ черезъ Кафирниганъ, Гиссаръ, Сары-Джуй, Дегинау (Денау) въ Термезъ ¹⁾. Изъ этого маршрута видно, что самъ Александръ въ Дарвазѣ не былъ; но отдѣльный отрядъ его, подъ командой Кратера, прошелъ черезъ западныя области Памира и черезъ Бадахшанъ возвратился въ Бактры, откуда Кратеръ двинулся въ Индію. Несомнѣнно, что Дарвазъ въ этомъ случаѣ сыгралъ роль воротъ для колоннъ великаго завоевателя. Соображаясь со степенью наименьшей трудности пути, можно съ нѣкоторой достовѣрностью полагать, что Кратеръ въ Бадахшанъ прошелъ не иначе, какъ по изложенной выше индійской дорогѣ, т.-е. Калаи-Хумбъ, Джумарчъ, Гумай, оз. Шива и съ него поворотъ къ Файзабаду, а оттуда уже въ Припанджскую равнину. Между тѣмъ правители Дарваза приписывали себѣ происхожденіе отъ Александра ²⁾; такимъ образомъ, является неяснымъ, какимъ путемъ ханы эти считали себя его потомками. Или здѣсь вымыселъ, желаніе, проглядывающее буквально вездѣ въ Средней Азіи, освятить все именемъ легендарнаго героя, или, быть можетъ, впослѣдствіи остатки рухнушаго греко-бактрійскаго царства попали въ трудобы Дарваза и такимъ образомъ передали его правителямъ имя Двурогаго.

Какъ никакъ, а владѣтельные князья Дарваза считали себя его потомками. Забившись въ неприступныя тѣсины, Дарвазъ существовалъ сравнительно спокойно, находясь рядомъ съ такими неуживчивыми сосѣдями, какъ Бухара, Гиссаръ, Коканъ и Бадахшанъ, и только экономическая немощь заставляла его зачастую связывать свою судьбу съ судьбой этихъ ханствъ.

Шахи управляли ханствомъ почти непрерывно весьма долгое время, и народная память насчитываетъ ихъ, какъ потомковъ Александра Великаго, около 100 человекъ, перебывавшихъ послѣдовательно на престолѣ. Такъ шло до вступленія на престолъ Бухары знаменитаго Шейбанида Абдуллахъ-хана, который (1538—1597 гг.) въ поискахъ пути въ Индію и минеральныхъ богатствъ,

¹⁾ Макшеевъ.

²⁾ Муркрофтъ.

по слухамъ находящихся въ нѣдрахъ Дарваза, подчинилъ его своей власти. Но расчеты оказались невѣрными; рубины и лазурь дѣйствительно были и есть, но не въ Дарвазѣ, а въ сосѣднемъ Бадахшанѣ, а путь въ Индію, вѣроятно, не оправдалъ надеждъ Абдуллахъ-хана, такъ какъ въ настоящее время изъ всего, что только хотъ косвенно можетъ напомнить объ имени этого просвѣщеннаго государя, осталось одно названіе кишлака «Рабатъ»; надо думать, названіе это кишлакъ получилъ отъ находившагося недалеко рабата, о которыхъ такъ заботился эмиръ во всю вторую половину своего царствованія ¹⁾. Но все же есть нѣкоторыя данныя предполагать, что Абдуллахъ-ханъ упорядочилъ движеніе по этому пути, достроилъ караванъ-сарай и завелъ штатъ ихъ смотрителей. При немъ же столица Дарваза стала называться Калаи-Хумбомъ (хумбъ—въ переводѣ обозначаетъ горшокъ) по той якобы причинѣ, что въ городѣ остался мраморный сосудъ, существованіе котораго приписывается какому-то потомку Александра Великаго ²⁾. Послѣ смерти Абдуллахъ-хана престолъ Дарваза снова перешелъ въ руки его прежнихъ шаховъ и въ это время исторія ханства была ознаменована рядомъ войнъ съ сосѣдними ханствами большею частью оборонительнаго и рѣдко завоевательнаго характера.

Такъ продолжалось до начала девятнадцатаго столѣтія, когда на ханство стали упорно насаждать Бадахшанъ, Балхъ и Гиссаръ. Такъ, въ 1830 году правитель Балха, Мурадъ-бекъ, сдѣлавшій свои владѣнія почти независимыми отъ Бухары, изъ желанія подчинить себѣ сосѣднія ханства двинулся на Бадахшанъ и, занявъ его, втянулся невольнo въ войну съ Дарвазомъ. Но предпріятіе это ему рѣшительно не удалось, вѣроятно, вслѣдствіе того, что Мурадъ-бекъ велъ операціи въ то же время съ Шугнаномъ, Бальджуаномъ и Гиссаромъ и долженъ былъ силою удерживать Курганъ-тепе и Кабадіанъ. Какъ никакъ, а дарвазцы изгнали воиновъ Мурадъ-бека. Въ то время правилъ Дарвазомъ Шахъ-Туркъ (1822—1830), а послѣ его смерти — Ибрагимъ-шахъ (1830—1837). Повторенная нѣсколько разъ попытка со стороны Мурадъ-бека покорить ханство была также неудачна и послужила лишь поводомъ къ ряду завоевательныхъ войнъ уже со стороны Дарваза. Въ періодъ съ 1845 года по 1863, въ правленіе Шаха-Измаила Дарвазъ дошелъ до апогея величія и при немъ же снова сошелъ до степени третъестепеннаго ханства. Но въ этотъ періодъ къ своимъ владѣніямъ Шахъ-Измаиль присоединилъ сначала Каратегинъ, затѣмъ Шугнанъ и наконецъ Кулябъ и даже Гиссаръ. Но на

¹⁾ Вамбери: «Исторія Бухары».

²⁾ Въ городѣ дѣйствительно есть какое-то высѣченное въ мраморной глыбѣ углубленіе въ видѣ чашки, но, кажется, происхожденіе ея очень недавнее.

этихъ операціяхъ онъ и долженъ былъ кончить. Въ одномъ изъ сраженій съ кулябцами Шахъ-Измаилъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ¹⁾).

Послѣ Шаха-Измаила преемники его почувствовали, что Дарвазъ не можетъ устоять противъ усилившихся за ихъ счетъ сосѣдей, и стали искать номинальной зависимости отъ Бухары. Эта условная зависимость быстро превратилась въ фактическую, и Дарвазъ, какъ самостоятельное ханство, пересталъ существовать. Послѣдній родовой шахъ его, Сарыджадинъ-шахъ, былъ отправленъ властью эмира въ Бухару, гдѣ и поселенъ съ лишеніемъ своего сана. Конечно, занятіе ханства бухарскими войсками не обошлось безъ сопротивленія недовольныхъ горцевъ, но въ концѣ концовъ въ 1877 году Дарвазъ былъ окончательно превращенъ въ бекство Бухары.

Таковы свѣдѣнія по части Дарваза; удаленный отъ населенныхъ центровъ, онъ естественно не могъ играть болѣе видной роли въ общей жизни страны, кромѣ той, какая выпала ему въ видѣ послѣдняго убѣжища всѣхъ недовольныхъ. Непреступныя горы служили достаточной гарантіей для существованія свободолюбивыхъ отщепенцевъ. Вотъ почему нѣкоторые ученые возлагаютъ большія надежды въ своихъ трудахъ по части лингвистики и этнографіи на Дарвазъ и прилегающіе къ нему и жившіе одной почти жизнью Каратегинъ и Шугнанъ съ Бадахшаномъ. При этомъ, надо оговориться, послѣдній, какъ скрывающій въ своихъ нѣдрахъ такую приманку, какъ рубины и лазурь, имѣетъ болѣе бурную исторію, особенно его юго-западная часть, значительно болѣе доступная въ смыслѣ дорогъ и, значитъ, болѣе населенная. Да, кромѣ того, и самое географическое положеніе его подъ бокомъ у Балха неминуемо должно было отразиться на жизни страны.

Самый городъ Калаи-Хумбъ пріютился на небольшомъ, неширокомъ пологомъ языкѣ, образовавшемся отъ впаденія въ Пянджъ ручья Оби-Хумбоу; это—единственная, можно сказать, во всемъ Дарвазѣ ровная площадь по всему бассейну Пянджа, допускающая расположиться сколько нибудь значительному селенію такъ, чтобы хватило мѣста и на базаръ, и на сады, и даже дворы. Эти послѣдніе обыкновенно отсутствуютъ въ кишлакахъ Дарваза, и вмѣсто нихъ дворами служатъ по недостатку ровныхъ площадей крыши домовъ, расположенныхъ ниже.

Многоводная и чистая Оби-Хумбоу, беря начало въ ледникахъ Дарвазскаго хребта, въ Калаи-Хумбѣ является мощнымъ потокомъ, обтекающимъ городокъ съ правой стороны, гдѣ онъ и вливаетъ свои чистыя воды въ мутную воду Пянджа. Паденіе ущелья Хумбоу весьма значительное; беря свое начало въ ледникахъ на

¹⁾ Арандаренко: «Дарвазъ и Каратегинъ».

высотѣ болѣе 12.000 ф., рѣка, пробѣжавъ 45 верстѣ, впадаетъ въ Пянджъ на уровнѣ 4.500 ф. абсолютной высоты, т.-е. болѣе 170 футѣ паденія на версту. Понятно, что кажущаяся на первый разъ сравнительно ровною узкая площадь, на которой вытянулся вдоль по рѣкѣ городъ, принуждаетъ и сады и дома располагаться ярусами или уступами. Горы обоихъ береговъ Хумбоу такъ близко надвигаются къ рѣкѣ, что даютъ не болѣе 50 сажень въ каждую сторону сравнительно ровной площади и высотой своею буквально давятъ селеніе. Однако, по самому берегу Пянджа онѣ оставляютъ значительно больше ровнаго пространства, которое и успѣшилъ занять Калаи-Хумбъ. Если взглянуть на этотъ послѣдній съ какаго либо утеса берега рѣки, то планъ городка, вверху сливающегося съ садами и постройками выше его лежащихъ селеній, представляетъ собою подобіе молотка, ручка котораго расположена по Хумбоу, а самый молотокъ лежитъ на берегу Пянджа.

Несмотря на то, что Калаи-Хумбъ является самымъ захолустнымъ городомъ восточной части Бухары, онѣ болѣе всѣхъ видѣнныхъ нами центровъ походить на городъ. Главная, базарная, улица широка, чиста и пряма; домики, хотя такіе же убогіе, какъ и вездѣ, выглядятъ чрезвычайно опрятно. Большинство ихъ, равно какъ и базарныя постройки и казармы двухъ ротъ седьмого бухарскаго батальона, оштукатурены бѣлымъ алебастромъ и раскрашены сѣрой краской по трафарету, вѣроятно, единственному въ городѣ, судя по рисунку. Въѣздъ въ городъ съ дороги изъ Сагыръ-Дашта, тянущейся вдоль пригорода, около трехъ верстѣ, совершается черезъ весьма исправный съ перилами мостъ черезъ Оби-Хумбоу, на которомъ въ день нашего приѣзда былъ поставленъ бухарскій караулъ.

Обиліе алебастра сказалось въ томъ, что даже нѣкоторые заборы садовъ были имъ обмазаны. Сады городскіе полны смоквы, гранатника и винограда. Яркій солнечный, хотя и довольно жаркій, день придавалъ всему селенію необычайно веселый, цвѣтущій видъ.

На первый взглядъ, благодаря тремъ, четыремъ улицамъ, Калаи-Хумбъ представляется довольно значительнымъ, но вскорѣ при первомъ поворотѣ направо или налево, когда сквозь яркую зелень неожиданно начинается просвѣчивать мутный и бурный Пянджъ, иллюзія пропадаетъ. Собственно весь городъ состоитъ изъ садовъ съ постройками, тянущимися выше по Хумбоу, базара, гдѣ больше всего можно встрѣтить табакъ и сушенныя яблоки, казармъ бухарскихъ солдатъ, десятковъ трехъ обывательскихъ домовъ, службъ бека, мечети и, наконецъ, крѣпости, «калы», какъ ихъ вездѣ называютъ, выходящей на самый Пянджъ, съ великолѣпнымъ бековскимъ садомъ. Вотъ и весь Калаи-Хумбъ. На противоположномъ берегу внизу почти отвѣснаго ущелья подъ ска-

лами пріютились небольшой киплакъ, а по этому берегу, какъ вверхъ на востокъ, такъ и внизъ на югъ къ крѣпости Шикаю (въ Хумбѣ Пянджъ рѣзко мѣняетъ свое западное направление на южное) виднѣются карнизы и балконы, висящіе на высотѣ почти пятидесяти сажень надъ водой.

IX.

Въ Калаи-Хумбѣ намъ отвели великолѣпный садъ, сосѣдній съ «калою», въ которомъ предложили намъ домъ, весьма хорошей постройки, для помѣщенія всей команды. Миръ-Ахуру отвели, по обыкновенію, поблизости особое помѣщеніе. Здѣсь намъ предстояло, воспользовавшись дневкой, окончательно рѣшить, въ какомъ направленіи надлежитъ двинуться командѣ на соединеніе съ памирскимъ отрядомъ.

Какъ только церемонія почетныхъ карауловъ и представленій кончилась, и мы нѣсколько отдохнули, мы пригласили къ себѣ Миръ-Ахура и поручили ему узнать и добыть знающихъ людей, которые могли бы дать намъ хоть нѣкоторыя указанія. Къ вечеру свѣдѣнія эти были собраны и были весьма неутѣшительны. Таджики, только что пришедшіе изъ ущелья Барганга, въ одинъ голосъ показали, что Ташъ-Курганъ занятъ афганцами; то же подтвердили и чиновники. Мало того, мы узнали, что и весь Рошанъ, не исключая и Калаи-Вамара, наполненъ афганскими отрядами, которые, какъ будто бы, съ каждымъ днемъ прибываютъ. Изъ Запанджскаго Дарваза ходятъ слухи, что тамъ афганцы давно уже хозяйничаютъ, и бекъ давно уже не посылалъ туда своихъ чиновниковъ.

Миръ-Ахуръ, который, видимо, какъ огня, боялся нашего дальнѣйшаго движенія, былъ очень доволенъ собранными свѣдѣніями и не скрывалъ этого. Когда же мы излагали ему свои соображенія по поводу дальнѣйшаго пути, то онъ испуганно просилъ оставить его въ Калаи-Хумбѣ и повторялъ, что онъ отъ эмира имѣетъ приказаніе не дѣлать того, что могло бы породить недоразумѣнія съ афганцами. Послѣ этого мы болѣе уже не беспокоили Миръ-Ахура.

Тѣмъ не менѣе въ Калаи-Хумбѣ боязнъ нашествія афганцевъ была такъ сильна, что иной темы разговора трудно было и услышать. Вездѣ говорили о грабежахъ приграничныхъ киплаковъ, особенно на лѣвомъ берегу Пянджа, говорили объ угнанномъ скотѣ, взятыхъ въ плѣнъ жителяхъ и т. п.

Оставшись одни, Н. Д. и я начали измышлять способы, какъ бы пройти чрезъ сплошную линію афганскихъ пикетовъ и отрядовъ. Намъ было ясно, что всѣ извѣстныя намъ дороги заняты: стало быть, приходилось или отказаться отъ дальнѣйшаго движе-

нія и, послѣ цѣлаго мѣсяца напряженнаго похода, двинуться назадъ или искать людей, которые могли бы провести нашъ отрядецъ путями, извѣстными только имъ однимъ и оставшимися почему либо безъ наблюденія со стороны Афганистана.

На слѣдующій день, двадцать девятого мы отправились къ беку. Онъ оказался еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ тридцати пяти, и звали его Назыръ-бій-дотъ-ха (т.е. генераль-майоръ). Встрѣтилъ и принялъ онъ насъ радушно и весьма просто. Водилъ насъ по всему дому, показалъ прекрасный садъ, выходящій на Пянджъ, пущенныхъ туда павлиновъ и косулю. Видя, что я очень интересуюсь стариной и рисунками рѣзбы по дереву, бекъ показалъ мнѣ прекрасной работы, но, къ моему разочарованію, новыя двери его пріемной, съ рѣзными украшеніями, показалъ двѣ входныя сырцовыя башни калы и вообще былъ чрезвычайно внимателенъ.

За столомъ, покрытымъ еще несмытымъ кускомъ бязи съ англійскимъ клеймомъ и съ такими же ножами и вилками, мы провели въ обществѣ Назыръ-бія едва ли не два часа. Въ его свитѣ состоялъ и командиръ седьмого бухарскаго баталіона, очень плотный мужчина въ какомъ-то фантастическомъ кафтанѣ съ эполетами, выстриженными изъ золотой бумаги. Видимо бекъ не очень цѣнилъ внутреннія качества этого воина, такъ какъ не скрывалъ своего пренебреженія къ нему даже при насъ.

Узнавъ цѣль нашего движенія—соединиться съ отрядомъ Іонова, онъ что-то насмѣшливо сказалъ полковнику, при чемъ тотъ потупился. Оказалось потомъ, какъ выяснилось при дальнѣйшемъ болѣе откровенномъ разговорѣ, что бекъ попрекнулъ командира баталіона тѣмъ, что въ Запянджскомъ Дарвазѣ, гдѣ особенно необходимо присутствіе солдатъ, нѣтъ ни одного человѣка ихъ, а въ Калай-Хумбѣ держатся двѣ роты.

Мы, конечно, очень удивились этому обстоятельству, особенно послѣ того, какъ узнали, что грабежи со стороны афганцевъ за послѣднее время превратились въ прямой оброкъ.

— Мы не можемъ выставить туда солдатъ потому,—улыбаясь сказалъ бекъ,—что афганцы, увидя нашихъ воиновъ, могутъ окончательно занять всю страну вплоть до Пянджа и перебить всѣхъ солдатъ.

— Да, но вѣдь на то и солдаты тамъ должны быть, чтобы не допускать этого,—замѣтилъ я:—такъ, напримѣръ, Бальджуанскій бекъ говорилъ намъ, что въ прошломъ году 11-й баталіонъ ходилъ усмирять Урта-Тугай (спорный островъ на Пянджѣ).

— Ну, то въ Бальджуанѣ, тамъ солдаты хорошо обучены, вотъ, вѣдь, вы идете же въ Рошанъ и ничего не боитесь,—возразилъ бекъ.

— Мы не сами идемъ, а исполняемъ, что намъ приказано.

Назыръ-бій только вздохнулъ; видно было, что это—у него наиболѣешее мѣсто, и что цѣну своему святочному воинству онъ

знаетъ. Дѣйствительно, проходя мимо караульнаго помѣщенія бухарскихъ солдатъ, мы увидѣли тамъ среди курковыхъ даже простыя фитильныя ружья.

Во время этого визита, благодаря любезности бека, обстановка, въ которую мы попали, стала намъ ясной. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о движеніи нашихъ отрядовъ, бекъ сообщилъ, что вообще онъ слышалъ, будто русскіе приближаются сюда, но что къ границамъ пока подходятъ одни лишь афганскія войска. Вслѣдствіе этого кишлаки по теченію Язгулема и весь Запаянджскій Дарвазъ въ особенности находятся въ полномъ невѣдѣніи, что съ ними будетъ. Афганскіе развѣдчики бродятъ по всѣмъ селеніямъ, высматривая, не идутъ ли и съ запада русскіе, такъ какъ слухъ о нашемъ движеніи дошелъ уже до нихъ.

При этомъ бекъ съ хитрой улыбкой спросилъ насъ, сколько еще войскъ идетъ сзади насъ. Мы отвѣтили, что больше никого нѣтъ. Онъ многозначительно умолкъ, но потомъ сказалъ:

— А въ Рошанѣ говорятъ, что за вами идутъ еще солдаты.

Мы улыгнулись.

— Можетъ быть, бекъ спросилъ объ этомъ Миръ-Ахура, — добавилъ Н. Д. Миръ-Ахуръ, сидѣвшій, какъ на иголкахъ, и съ тѣми же страшными глазами, какіе мы видѣли у него въ ущельѣ Тупаланга, сталъ что-то горячо говорить.

— Миръ-Ахуръ уговариваетъ меня отсовѣтовать вамъ итти дальше, — вдругъ, улыбаясь, сказалъ бекъ, — можетъ быть, вы оставите его здѣсь отдохнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, эмиръ приказалъ мнѣ сопровождать команду до самой границы, и я не смѣю ее оставить, — заговорилъ Миръ-Ахуръ, — я долженъ только предупредить, что дальше границы я не имѣю права ѣхать, и тамъ пусть офицеры дѣлаютъ все уже безъ меня.

— Я не знаю, когда кончится эта война, — въ раздумѣ промолвилъ бекъ, — знаю, что афганцы нападаютъ на моихъ жителей, грабятъ ихъ и уводятъ на продажу въ Рошанъ, и что край сталъ нищій совсѣмъ. Простымъ мирнымъ жителямъ не даютъ прохода: какъ увидятъ, такъ и подстрѣлятъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ мы наконецъ условились, что двинемся черезъ Запаянджскій Дарвазъ и просимъ только дать намъ хорошаго опытнаго проводника и двѣ или три лошади, такъ какъ всѣхъ своихъ, при двухъ большихъ охотникахъ и лишнихъ вьюкахъ, оставляемъ здѣсь на попеченіе бека.

Исходя изъ того, что ни количество патроновъ, ни сухарей не даютъ намъ возможности рассчитывать болѣе, какъ на 8 дней, въ крайности 10 дней похода впередъ до соединенія съ нашими, мы выработали слѣдующій проектъ.

Переправившись черезъ Пянджъ у Развай, возможно быстрымъ маршемъ двинуться вверхъ по Оби-Ширинъ, перевалить ледники Коомолингъ или Мадутъ и, спустившись въ ущелье рѣки Тангъ-Шива, направиться или въ Калаи-Вамаръ, если онъ занятъ незначительной партией афганцевъ, а если въ немъ окажется болѣе значительный отрядъ, то попытаться пройти южнѣе, на примѣръ, на Калаи-Баръ-Пянджъ. Во всякомъ случаѣ не удаляться отъ Калаи-Хумба дальше 6 переходовъ по недостатку сухарей и чая. Такимъ образомъ, при удачномъ движеніи въ шесть сутокъ безъ дневокъ мы могли надѣяться пройти слѣдующій маршрутъ: Калаи-Хумбъ—Хыркатъ, Хыркатъ—Мадутъ, Мадутъ—перевалъ Язгулемъ, Язгулемъ—Мудахырсь, Мудахырсь—Сепунъ-Даштъ, а оттуда, смотря по обстоятельствамъ, или Калаи-Вамаръ или Баръ-Пянджъ. Итти прямо на Калаи-Вамаръ черезъ Паткъ мы не рассчитывали потому, что свѣдѣнія, собранныя нами, говорили скорѣе за то, что онъ занятъ значительнымъ отрядомъ афганцевъ, нежели простымъ разбѣздомъ. Если же ни тамъ, ни тутъ мы не войдемъ въ соприкосновеніе съ нашими разбѣздами, то будемъ имѣть возможность съ сухарями уйти къ кишлаку Варфъ, гдѣ можно, по словамъ бека, достать хлѣбъ.

Случилось же не такъ.

Утромъ тридцатаго команда въ сопровожденіи Миръ-Ахура и двухъ бухарскихъ офицеровъ, въ рукахъ у которыхъ было по топоріку въ знакъ ихъ сана (миршабъ—нѣчто въ родѣ нашего полицеймейстера) ¹⁾, потянулася къ мѣсту переправы. Пройдя версты три, мы остановились у одной отвѣсно опускающейся въ рѣку скалы, возлѣ которой было нѣчто въ родѣ отмели и крошечный затонъ. Нѣсколько въ сторонѣ виднѣлся кишлакъ Развай. Здѣсь, на этой отмели стояло челоуѣкъ восемь голыхъ, съ повязанными поясами и бронзовымъ мускулистымъ тѣломъ, таджиковъ, у берега былъ привязанъ за камень крошечный плотъ, составленный изъ двадцати гупсаровъ (надутыхъ воздухомъ бараньихъ шкуръ). Сознаюсъ, что, при видѣ ста-саженной ширины бушующей и ворячающей громадные камни рѣки съ ея бѣшенными волнами и бурюнами и такоуо углаго и несовершеннаго инструмента, у меня, какъ говорится, екнуло сердце. Я самъ выросъ на Волгѣ и бывалъ въ «рѣчныхъ», такъ сказать, передѣлкахъ, но тутъ выходило что-то новое и чреватое черезчуръ ужъ сильнымъ ощущеніемъ.

Солдатики приумолкли и стали совсѣмъ серьезны. Стали развѣивать лошадей и ишаковъ. Одинъ молодой таджикъ съ необычайнымъ стараніемъ, красный, какъ ракъ, надувалъ ртомъ гупсаръ. Затѣмъ, кончивъ эту работу, онъ взялъ одну лошадь, снялъ

¹⁾ Ханьковъ въ своемъ описаніи Бухарскаго ханства говоритъ, что топорікъ обозначаетъ чинъ парваначи (парваначи), стр. 183.

съ нея уздечку и, захвативъ подъ мышку свой гупсарь, направился къ водѣ. Едва вышелъ онъ изъ затона на струю, какъ моментально прыгнулъ съ коня въ воду и, держась правой рукой за гриву лошади, а лѣвой подмипая подъ себя выныривающій наружу гупсарь, былъ подхваченъ бѣшенымъ теченіемъ, и вмгъ голова его въ грязной тубетейкѣ да безумно раздувающіяся ноздри фыркавшего отъ ужаса коня пропали среди гребней валуновъ. Минуты черезъ три онъ едва замѣтной фигурой показался на противоположномъ берегу, версты за полторы отъ насъ. Лошадь, по словамъ одного изъ таджиковъ, вытащили потомъ. Впослѣдствіи оказалось, что пловецъ чего-то не рассчиталъ и, подхваченный сильной струей, не могъ выйти на обычный пунктъ высадки и долго бился въ бурунахъ, среди острыхъ камней, много ниже намѣченной имъ точки, при чемъ какъ самъ, такъ и лошадь были въ кровь избиты волнами объ эти камни.

Очередь была за нами. Команда видимо трусила, нужно было подать примѣръ. Я предложилъ Н. Д. вполголоса раздѣлиться такъ, чтобы на каждомъ рейсѣ былъ ктонибудь изъ насъ, такъ какъ плотъ могъ вмѣстить всего лишь шесть человекъ.

— Нѣтъ, помоему, лучше продѣлать это такъ, какъ будто это самая простая невинная штука, — также тихо шепнулъ онъ мнѣ: — мы поѣдемъ первые, а охотники, увидя это, прибодрятся.

Я согласился. Подмосковный былъ блѣденъ и порывисто топтался между вьюковъ, а за нимъ стоялъ охотникъ Колосовичъ, также блѣдный со стучащими зубами. Они оба вчера съ ужасомъ слушали наши предположенія насчетъ дальнѣйшаго пути и афганцевъ. Теперь ихъ отчаянный видъ положительно могъ повліять на команду.

Н. Д. стоялъ и злобно посматривалъ въ ихъ сторону.

На гупсары была брошена сложенная вчетверо кошма; на нее пошло еще что-то такъ, чтобы можно было сидѣть не по поясъ въ водѣ и не замочить патроновъ.

— Подмосковный, садись! — крикнулъ Н. Д., когда все было готово.

Тотъ словно подскочилъ, съ исковерканнымъ отъ ужаса лицомъ онъ бросился на плотъ и грузно сѣлъ; глаза его были безумно устремлены на насъ, но видно было, что ничего не видѣли. Сѣли мы, Мирь-Ахуръ и еще одинъ охотникъ; намъ на колѣни были положены цинковыя коробки съ патронами. Двое таджиковъ по поясъ въ водѣ повели плотъ вверхъ по заводи къ отвѣсной скалѣ, на которой стояли еще трое, при чемъ одинъ съ весломъ. Едва мы поровнялись съ ними, какъ одинъ изъ таджиковъ весломъ ударилъ по углу плота, и всѣ трое бросились въ воду, уцѣпившись руками за веревки гупсарь. Въ моментъ насъ подхватила волна на свой гребень, и мы понеслись. Я посмотрѣлъ на часы,

чтобы замѣтить минуту отплытія. Таджики работали ногами и цѣпко держались за веревки. Двое сплѣли съ нами и весломъ подгребали то съ той, то съ другой стороны. Насъ буквально заливали волны; передъ глазами неслись берега. Миръ-Ахуръ читалъ молитву; Подмосковный съ посинѣлыми губами былъ неподвиженъ. Я замѣтилъ, что гупсары отъ тяжести сидящихъ стали сильно выпускать воздухъ; таджики дружно бросились, оплывая отъ одного къ другому, и, не переставая работать по водѣ ногами, по очереди надували слабѣющія шкуры. Остальные крикомъ подбадривали товарищей.

Насъ такъ же, какъ и предыдущаго молодца съ лошадыю, пронесло теченіе значительно дальше намѣченнаго мѣста, и мы долго не могли выбраться къ берегу, но въ концѣ концовъ вышли. Перевозчики объяснили, что въ этомъ году вода слишкомъ высока, и потому теченіе особенно быстро, почему они и не могутъ сладить; при этомъ въ утѣшеніе рассказали, что если бы мы не успѣли привалить вонъ къ тому выступу, то тогда совсѣмъ было бы плохо, и что тамъ въ прошломъ году погибло трое хорошихъ гребцовъ.

Оказалось, что мы въ пять минутъ сдѣлали такимъ образомъ двѣ версты,—скорость почти желѣзной дороги.

Переправа команды тянулась невыносимо долго. Пока гупсарный плотъ отведутъ вверхъ по берегу версты на двѣ и затѣмъ переправятъ его такимъ же способомъ на тотъ берегъ, какъ и мы перебрались сюда, затѣмъ на него усядутся люди, предварительно подтянувъ этотъ плотъ на старое мѣсто,—времени шло чрезвычайно много. Команда должна была переправиться въ два приѣма, что еще болѣе затянуло переправу.

Наконецъ, къ одиннадцати часамъ весь отрядецъ довольно благополучно былъ переправленъ на лѣвый берегъ Пянджа, и вымоченные съ ногъ до головы солдаты закопошились у ишаковъ, навьючивая на нихъ мокрые мѣшки и кошмы. Вскорѣ тронулись. Тропа версты три шла вдоль берега по песчаной узкой отмели, но вскорѣ мы повернули круто на юго-востокъ и стали втягиваться въ узкое темное ущелье рѣки Оби-Ширинъ. Шумъ отъ несущейся каскадами рѣки заглушалъ говоръ людей. Сѣдая пѣна сверкала въ мокрыхъ черныхъ камняхъ, отвѣсныя скалы тѣснили ущелье. Синее небо свѣтилось гдѣ-то высоко надъ головами. Въ узкомъ коридорѣ стоялъ полумракъ. Всюду видны были однѣ лишь голыя скалы и стѣны. Начались узкіе, не шире четверти аршина карнизы и крутые спуски надъ бушующимъ потокомъ. Отъ массы валяющихся на пути камней и щебня движеніе было нѣсколько затруднено. При томъ подъемъ, общій всему ущелью, съ каждой верстой впередъ становится все болѣе и болѣе значительнымъ. Возлѣ кишлака Кугасъ ущелье нѣсколько уширяется, и картина становится болѣе освѣщенной солнцемъ. Внизу у рѣки видны небольшіе сады

съ урюкомъ и яблонями. Зеленѣеть нѣсколько полосъ запашекъ. Въмѣсто заборовъ и дуваловъ кишлакъ огороженъ камнями, сложенными въ видѣ стѣнки при очисткѣ нужныхъ подѣ посѣвъ площадокъ.

Горы и попадающіеся изрѣдка холмистые крутые контрфорсы лишены растительности; только внизу, ближе къ рѣкѣ они покрыты невысокой травкой и низкорослымъ кустарникомъ. Однако, чѣмъ выше по ущелью, тѣмъ и трава и кустарникъ становятся гуще и сильнѣе и на высотѣ кишлака Буджумъ—боле показались внизу въ узкой щели Оби-Ширинъ рощицы арчи и низкорослой скрюченной отъ вѣтровъ горной березы.

Пройдя бѣдныя лачуги Кугаса, мы остановились на отдыхъ въ кишлакѣ Згаръ, отстоящемъ отъ перваго верстахъ въ пяти и раскинувшись на двухъ полноводныхъ ручьяхъ, вливающихся въ Оби-Ширинъ съ лѣвобережныхъ горъ. Это селеніе значительно крупнѣе всѣхъ, расположенныхъ по эту сторону ледниковъ Патка, начиная съ Кугаса и до Хыджвана; сакли въ немъ выглядятъ и чище и крупнѣе; есть сады, и видны даже запашки.

Лежа на разостланной кошмѣ и попивая жидкій зеленый чай, который приходилось сильно беречь, мы узнали отъ словоохотливыхъ таджиковъ, что недавно возлѣ кишлака Мадута показалась партія афганскихъ развѣдчиковъ. Это было уже по сю сторону переваловъ и всего въ 35 верстахъ отъ насъ; требовалась большая осторожность, особенно когда стало извѣстно, что и въ Дыроу, нашемъ сегодняшнемъ пунктѣ ночлега, еще вчера былъ одинъ такой шугнанецъ, который выспрашивалъ жителей о движеніи русскаго отряда.

— Почему же жители не задержали его, вѣдь они знали, что этотъ развѣдчикъ имъ же потомъ сдѣлаетъ что нибудь плохое?—спросилъ я.

— Зачѣмъ трогать его? Онъ—такой же бѣдный человекъ, какъ и мы, при томъ у него есть здѣсь родственники. Лучше совсѣмъ ихъ не трогать, а то афганцы могутъ прійти и сдѣлать жителямъ много зла.

— Откуда же придутъ афганцы, когда до Калаи-Вамара чуть не 80 верстъ, да еще черезъ ледники?—возразилъ я.

— Они появляются возлѣ Мадута черезъ перевалъ Мадутъ, а это гораздо ближе.

Изъ Згара дорога перешла на правый берегъ Оби-Ширинъ и, круто поднимаясь по обрывистымъ контрфорсамъ надъ глубокой отвѣсной щелью, на днѣ которой протекала рѣка, довольно благополучно привела насъ къ кишлаку Дыроу. Попавшіеся намъ на пути два селенія: Буджумъ-поень (т.-е. нижній) и Буджумъ-боле (верхній), были необычайно бѣдны; жителей не было видно, словно кишлаки вымерли.

Дыроу оказался еще болѣе бѣднымъ поселкомъ. Расположенный на площадкѣ высоко надъ Оби-Ширинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ ледниковъ Май-Майскаго перевала спадаетъ въ эту рѣку ручеекъ, онъ занимаетъ всего не болѣе полутора десятинъ мокраго луга, по которому во всѣхъ направленіяхъ разлились студеныя змѣйки воды. Сады Дыроу раскинулись выше по рѣкѣ, но относительно кишлака они стоятъ ниже, прижавшись къ отвѣсной желто-коричневой скалѣ, изъ которой также во многихъ мѣстахъ сочится вода.

Вообще подледниковая зона Запанджскаго Дарваза настолько обильна водой, что въ описываемый періодъ лѣта (іюль) она представляетъ собою почти сплошной зеленый мокрый лугъ вплоть до пояса голыхъ скалъ, начинающагося приблизительно съ 10.500 футовъ.

Несмотря на то, что мы сдѣлали всего лишь 30 верстъ, мы пришли въ Дыроу вечеромъ послѣ заката солнца, усталые и измученные тяжелой дорогой со спусками и подъемами съ трясущими подъ ногами пѣшехода карнизами и мостами. Едва мы стали на ночлегъ, какъ сырой, пронизывающій холодъ охватилъ насъ и заставилъ сразу надѣть шинели.

Бѣдность въ кишлакѣ была такова, что мы впервые не могли достать себѣ даже старой джугаровой лепешки, несмотря ни на какія старанія Миръ-Ахура, надо правду сказать, болѣе старавшагося для себя. Пришлось развести огонь и попросту напиться чая съ сухарями. Потомъ, часамъ къ десяти, былъ готовъ обѣдъ, состоявшій изъ чего-то похожаго на супъ изъ баранины, которую везли изъ самаго Калаи-Хумба. Видно было, что на пополненіе продовольствія въ этой странѣ рассчитывать было совершенно невозможно. Миръ-Ахуръ былъ очень недоволенъ, особенно тѣмъ, что, не желая ѣсть нашего солдатскаго на этотъ разъ неважнаго супа, долженъ былъ довольствоваться кускомъ курицы, взятой имъ въ Хумбѣ.

Что особенно поразило насъ въ Дыроу,—это необычайно большое количество слѣпыхъ. Вѣрнѣе, я не видѣлъ ни одного изъ его обитателей, конечно, тѣхъ, кто былъ возлѣ насъ, безъ какой либо глазной болѣзни. Слепыхъ на одинъ глазъ было не менѣе половины изъ присутствующихъ; были и совсѣмъ слѣпые. Особенно былъ жалокъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, приведенный аксакаломъ съ какой-то пузатой бандурой для развлечения насъ и Миръ-Ахура. На обоихъ его глазахъ были отвратительныя бѣльма; онъ лишенъ былъ зрѣнія уже болѣе 5 лѣтъ. Грустно и застѣнчиво сѣлъ онъ по-мусульмански подъ дерево и, перебирая пальцами струны своего инструмента, тихо началъ подпѣвать. Видно было, что онъ играетъ и поетъ больше для себя, нежели для насъ. Такъ и казалось, что въ его пѣснѣ есть одна мечта, одна просьба — увидѣть еще хоть разъ солнце.

Да и всѣ жители Дыроу были какъ-то степенно тихи и грустны. Видно, что нужда и непривѣтливая угрюмая природа тяжелымъ гнетомъ легла на все ихъ міросозерцаніе. Конечно, цѣлая толпа голодныхъ и оборванныхъ таджиковъ просила насъ подѣлиться хиной. Злокачественныя лихорадки и здѣсь, среди міра скалъ и снѣговъ, измучили бѣдняковъ, и тѣ, какъ особаго дара, просили этого горькаго цѣлебнаго порошка, только по наслышкѣ зная, что у русскихъ есть какое-то средство отъ ужаснаго бича всего Туркестана и даже Памировъ. Мы дѣлились, какъ могли, но должны были думать и о себѣ; тѣмъ не менѣе роздали едва ли не сорокъ приемовъ хины.

Но вскорѣ намъ пришлось быть участниками еще несравненно болѣе грустной сцены.

Среди общаго говора осаждавшей насъ съ просьбами о хинѣ толпы совершенно неожиданно послышались какіе-то дикіе выкрики и голоса протеста. Я приподнялся и увидѣлъ, что какая-то женщина рвется къ намъ, но ея не пускаютъ мужчины. Мы приказали пустить и спросили, что ей надо. Это оказалась худая простоволосая сѣдая старуха съ изможденнымъ лицомъ и костлявыми, какъ у скелета, руками, едва прикрытая своею когда-то бывшею, должно быть, бѣлою рубахою. Нервно жестикулируя, она что-то криливо говорила и чего-то требовала. Черезъ Подмосковнаго и Миръ-Ахура добились наконецъ, что она проситъ какого нибудь лѣкарства для умирающей ея дочери, лежащей въ бреду неподалеку отсюда. Мы безпомощно посмотрѣли другъ на друга.

— Что ей дать? Вѣдь у насъ, кромѣ хины, соляной кислоты да разныхъ капель, ничего нѣтъ; а дать это—вѣдь равносильно насмѣшкѣ,—растерянно сказалъ Н. Д., обращаясь ко мнѣ. Я безпомощно развелъ руками.

Но въ это время вдругъ старуха оживилась и бросилась къ одному изъ охотниковъ, подошедшему съ кускомъ сухаря въ рукахъ. Она жадно схватила его за руку и стала показывать на сухарь, стараясь что-то объяснить. Мы поняли, да наконецъ и Миръ-Ахуръ сумѣлъ передать, что дочь этой старухи лежитъ въ жару отъ голода, и что сама старуха тоже уже нѣсколько дней ничего не ѣла. Истина оказалась болѣе ужасной, чѣмъ мы предполагали. Несчастной тотчасъ же дали всѣ тѣ куски, которые лежали у насъ послѣ немудренаго чая, и она взвизгнувъ скрылась за саклей. Охотники тотчасъ же приступили къ сбору сухарей и остатковъ лепешекъ, мы тоже дали, что могли, чая, сахара и, конечно, хины. Все это было отправлено съ Осинцевымъ и Подмосковнымъ въ присутствіи джигита.

— Совсѣмъ слабая, ваше благородіе,—доложилъ возвратившійся старшій:—онѣ, должно быть, давно уже голодаютъ...

Увидѣть такую нужду мы совершенно не ожидали и стали разспрашивать, почему односельчане не помогутъ этимъ бѣднякамъ.

— Да у насъ у самихъ ничего нѣтъ; все, что на насъ сейчасъ надѣто, то и есть; если дашь другому хлѣба на два дня, т. е., значить, потомъ самъ эти два дня будешь голодать... объяснили намъ.

— Почему же въ другихъ кишлакахъ богаче живутъ, чѣмъ у васъ?

— Не знаемъ; тамъ тоже бѣдно вездѣ; полей и садовъ вездѣ мало, развѣ не много болѣе, чѣмъ у насъ; въ Кивачѣ сѣютъ бобы, потому что земля есть, а у насъ земли нѣтъ,—апатично отвѣтили изъ толпы.

Узнавъ, что мы направляемся на Коомолингъ, наши новые знакомцы дѣлали большіе глаза и охотно рассказывали предстоящій путь. Не желая вообще заранѣе обнаруживать свое намѣреніе, мы воздерживались отъ разговоровъ такого характера и говорили, что идемъ посмотрѣть рѣку Тангъ-Шива. Но умные собесѣдники понимали цѣль нашего прихода и сами начинали рассказывать про случаи грабежей и жестокостей афаганцевъ. При разсказахъ о пути свѣдѣнія всѣхъ сходились на томъ, что, пожалуй, черезъ Коомолингъ теперь пройти будетъ легче. Поэтому мы окончательно рѣшили двинуться по рѣкѣ Оби-Мадуть и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, направиться или на перевалъ Мадуть, или на Коомолингъ.

Передъ самымъ сномъ одинъ изъ черныхъ бородачей не удержался, чтобы не спросить, сколько солдатъ идетъ сзади насъ.

Мы спросили въ свою очередь, откуда въ Дыроу имѣютъ такія свѣдѣнія.

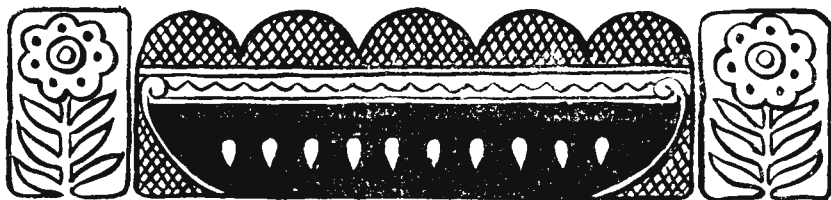
— Всѣ говорятъ такъ. Въ Сары-Колѣ и Аличурѣ русскіе тоже такъ ходили: сначала немного впереди, а потомъ сзади еще идутъ.

Мы не стали разувѣрять туземцевъ въ ихъ ошибкѣ. На ночь усилили ночныхъ и дали имъ винтовки, создавъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ поста. Всѣ легли не раздѣваясь, положивъ больныхъ въ середину; ихъ было уже четыре человѣка. Холодъ былъ весьма ощутительный, почему пришлось всю ночь поддерживать костеръ.

Б. Н. Литвиновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АНДРЕЕВСКИЙ СОБОРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, на Васильевскомъ островѣ, на углу 6 линіи и Большого проспекта, возвышается величественный пятиглавый соборъ. Не многимъ, вѣроятно, извѣстно, что этотъ храмъ одинъ изъ старѣйшихъ въ Петербургѣ и въ текущемъ году вступаетъ въ 175-ю годовщину со дня основанія

До 1719 года на Васильевскомъ островѣ никакихъ зданій не было. Только послѣ этого времени на немъ стали появляться рѣдкія строенія. По плану, составленному Петромъ Великимъ, весь островъ раздѣлялся на 28 линій и 14 улицъ; по всѣмъ улицамъ (каждая изъ нихъ шла между двухъ линій) предполагалось по образцу столь любимаго Петромъ Амстердама устроить каналы и соорудить вокругъ острова плотины въ цѣляхъ огражденія отъ наводненій. Островъ былъ раздѣленъ вдоль тремя дорогами, называвшимися «прешпективами»¹⁾; первая, «Большая прешпектива» (въ настоящее время Большой проспектъ), должна была быть обращена въ каналъ, чтобы съ моря сквозь островъ могли проходить торговые корабли для разгрузки товаровъ въ Гостиномъ дворѣ²⁾, находившемся въ сѣверной части острова.

Мысль о сооруженіи на Васильевскомъ островѣ соборной церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго «для кавалеровъ сего ордена»³⁾ принадлежала Петру Великому, который наи́мѣровался

¹⁾ Рубанъ, «Опис. Спб.», стр. 183.

²⁾ Теперь кладовыя при таможенѣ.

³⁾ Туманскій, «Россійскій магазинъ».

построить ее на площади противъ зданія 12-ти коллегій, для чего, по его приказанію, была изготовлена соотвѣтствующая модель, за вѣдываніе же строительной частью было возложено на генераль-адмирала, графа Апраксина, который и открылъ сборъ пожертвованій. По планамъ «новаго города» (подписаннымъ Петромъ I въ 1716 и 1718 г.г. и окончательно утвержденнымъ Екатериной I въ 1725 г.), предполагалась постройка на островѣ семь церквей и изъ нихъ одна соборна, на упомянутомъ уже мѣстѣ, противъ зданія 12 коллегій ¹⁾.

По неизвѣстнымъ причинамъ, при жизни Великаго Преобразователя эта мысль не была осуществлена, и изъ намѣченныхъ къ постройкѣ церквей была сооружена лишь одна—во имя Воскресенія Христова, находившаяся между зданіемъ коллегій и домомъ князя Меншикова (нынѣшній 1-й кадетскій корпусъ).

1-го сентября 1723 г. ²⁾ Петръ Великій на ассамблеѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ лично приказалъ синодальному вице-президенту, пресвященному Феодосію, архіепископу новгородскому, доставить въ святѣйшій синодъ и хранить тамъ до указа деньги, собранныя на постройку на Васильевскомъ островѣ каменной церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы, вмѣсто пришедшей въ ветхость такой же деревянной, находящейся на Петербургскомъ островѣ, въ Посадской слободѣ ³⁾, построенной въ 1711 году ⁴⁾.

Изъ разслѣдованія, произведеннаго синодомъ, выяснилось, что еще до построенія деревянной церкви на Петербургскомъ острову сборъ производился въ часовнѣ, находящейся на берегу Невы, но собранныя деньги были употреблены, согласно указу государя отъ 5 апрѣля 1709 г., на постройку на томъ же острову церкви во имя Живоначальныя Троицы.

Между тѣмъ населеніе Васильевского острова все увеличивалось, благодаря мѣрамъ, принятымъ государемъ. 20 мая 1724 г. ⁵⁾ состоялось высочайшее повелѣніе: помѣщикамъ строиться на Васильевскомъ островѣ съ обязательнымъ окончаніемъ построекъ къ 1726 году. Виновные въ неисполненіи этого предписанія подвергались строгому взысканію: конфискаціи половины деревень.

Такимъ образомъ, къ бывшимъ уже на островѣ постройкамъ, состоявшимъ изъ палатъ Меншикова и домовъ такъ называемой «французской слободы», населенной преимущественно иностранными мастерами, прибавился рядъ сооружений, и въ виду этого явилась настоятельная потребность въ постройкѣ церкви.

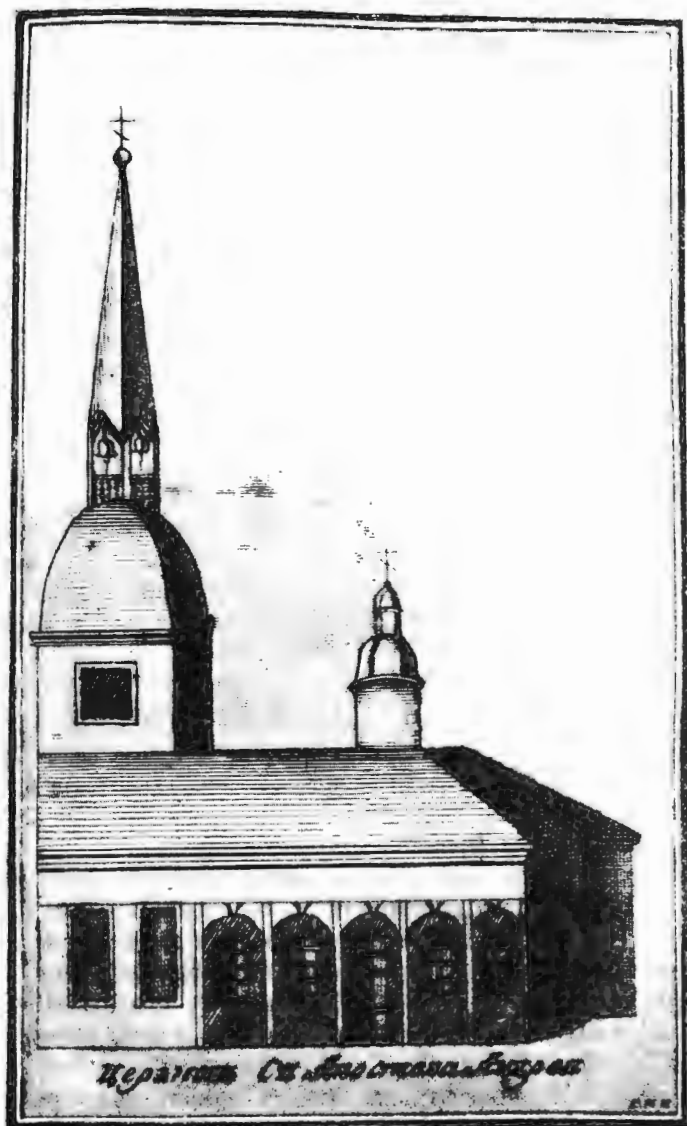
¹⁾ Теперь зданіе университета.

²⁾ Архивъ святѣйшаго синода, т. III., 1723 г., № 457—228.

³⁾ Малая Посадская улица.

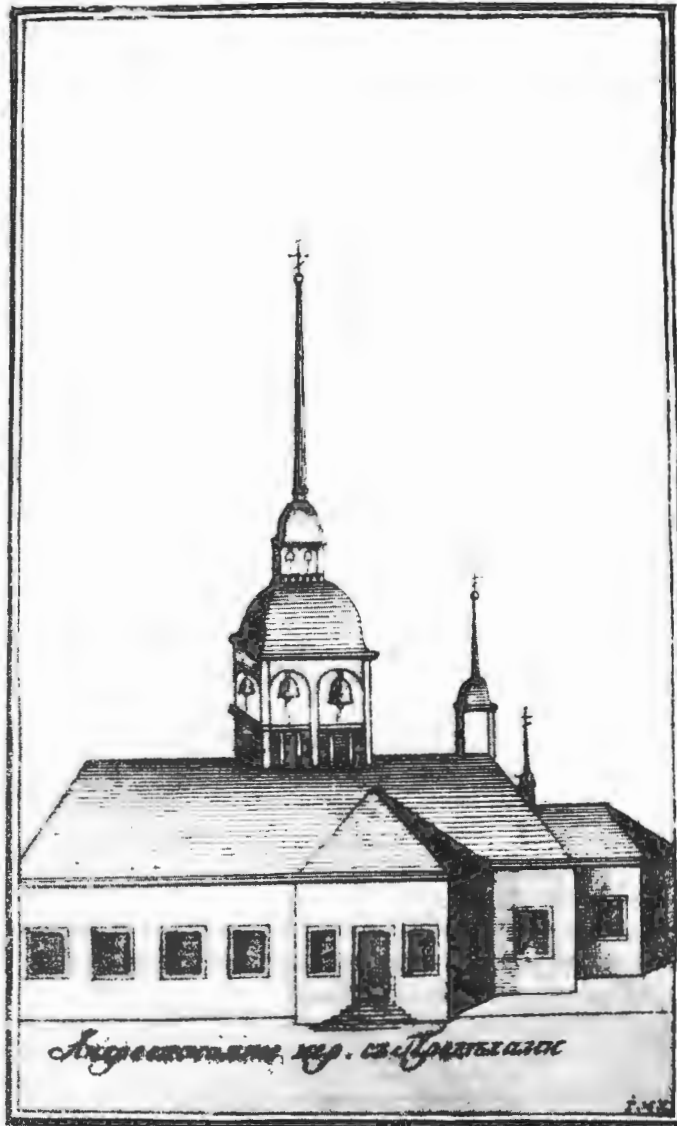
⁴⁾ Въ 1712 г. въ этой церкви былъ поставленъ чудотворный образъ Казанской Божіей Матери, перенесенный въ 1721 г. въ Троицкій соборъ и находящійся въ настоящее время въ Казанскомъ соборѣ.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак., т. VII.

Андреевскій соборъ въ 1738 году (съ современнаго рисунка).

Пока длилась синодальная переписка по этому вопросу, настоятель старой Рождественской церкви, священникъ Тимофей Семеновъ съ братіей, а также и жители Васильевского острова подали, въ 1725 году, одно за другимъ, три прошенія, въ которыхъ убѣдительно просили синодъ ускорить построеніемъ церкви, такъ

Андреевскій соборъ въ 1752 г.

какъ, говорилось въ прошеніи ¹⁾, «на ономъ острову, именнымъ его императорскаго величества указомъ, построено домовъ многое число, и многіе уже живутъ вседомовно и съ челядинцы, а при-

¹⁾ Архивъ святѣйшаго синода, т. III, 1723 г.

ходской церкви не имѣетца, всѣ въ дальнемъ разстояніи и не сподобляютца (обыватели) слышать христіанскаго священнослуженія, и требъ духовныхъ отправлять некому».

Лишенные возможности отправлять свои духовныя обязанности, жители Васильевскаго острова просили синодъ о разрѣшеніи поставить на отведенномъ для постройки каменной церкви мѣстѣ (земли было отведено 60 саж. въ длину и 30 въ ширину) временный, небольшой деревянный храмъ, перенеся въ него изъ старой Рождественской церкви иконостасъ и всю необходимую утварь; совершеніе же богослуженій и исполненіе требъ возложить на Рождественскихъ священниковъ. На первое изъ поданныхъ прошеній, подписанное священниками, синодъ отказалъ, но тогда обыватели острова подали коллективную просьбу, на которую синодъ отвѣтилъ, что на построеніе временной церкви препятствій не встрѣчается, если на то будетъ позволеніе полицейскихъ властей. Разрѣшеніе полицеймейстерской канцеляріи состоялось лишь въ 1728 году.

Такое упорное ходатайство прихожанъ не осталось безъ послѣдствій и обратило на себя вниманіе высшей власти. 15-го января 1727 года именнымъ указомъ ¹⁾ императрицы Екатерины I повелѣно было отпустить изъ казенныхъ суммъ на строеніе церкви во имя апостола Андрея Первозваннаго 1.000 рублей, и, кромѣ того, матеріалу на 2.000 рублей. Въ томъ же 1727 году по высочайшему повелѣнію было издано «Увѣщаніе» къ кавалерамъ Андреевскаго ордена на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ ²⁾, приглашающее къ пожертвованію на постройку орденской церкви. Была ли собрана какая либо сумма, осталось невыясненнымъ, такъ какъ книга для сбора пожертвованій была утеряна. Что же касается до высочайше пожалованной суммы, то таковая была выдана Солянкою конторою графу Апраксину, послѣ смерти котораго въ 1727 году поступила въ адмиралтейскую коллегію, гдѣ и находилась до 1733 года, когда по распоряженію гофъ-интенданта, Петра Мошкова, была употреблена на построеніе Казанской церкви (нынѣ соборъ).

Несмотря на всѣ эти злключенія, энергія василеостровскихъ жителей не ослабла, и 7-го мая 1728 года извѣстный архитекторъ того времени Джузеппе Трезини, болѣе извѣстный подъ именемъ Осипа Трезина, донесъ синодальной канцеляріи, что разрѣшеніе на постройку на острову деревянной церкви имѣется, и что мѣсто подъ нее, заросшее лѣсомъ, расчищено, а также заготовлены всѣ нужные матеріалы. Работа велась быстро, и въ слѣдующемъ 1729 году состоялась закладка церкви, совершенная преосвященнымъ Питиримомъ, архіепископомъ нижегородскимъ ³⁾.

¹⁾ Копія съ указа хранится до настоящаго времени въ Андреевскомъ соборѣ.

²⁾ Нѣмецкая брошюра носила заглавіе: Anrede an alle Mühe und zu Gottes Ehre freygebige Herten. 1727.

³⁾ Рубанъ. Описаніе Спб.

Къ 1731 году постройка церкви была закончена, и 20-го января того же года въ синодъ поступило прошеніе священника старой Рождественской церкви, что на Петербургскомъ острову, Тимоея Семенова, который, донося синоду, что «въ С.-Петербургѣ на Преображенскомъ ¹⁾ острову построена вновь на каменномъ фундаментѣ деревянная церковь и всякимъ благолѣпіемъ украшена»,— просилъ синодъ выдать для этой церкви антиминсъ и освятить ее, но не во имя Рождества Пресвятой Богородицы, какъ предполагалось ранѣе, а во имя образа Пресвятой Богородицы Казанскія, при чемъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи открыть при церкви кладбище и перенести въ новопостроенную церковь чудотворный образъ Казанской Божіей Матери, а также часть утвари. Просьба была удовлетворена лишь частью, а именно: антиминсъ былъ выданъ, въ остальномъ же просителю отказано.

Спустя нѣсколько времени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, прихожане новой церкви ходатайствовали предъ синодомъ объ опредѣленіи священника Ростовской епархіи, Никифора Никифорова, въ свой приходъ. Священникъ былъ назначенъ, но, несмотря на это и усиленныя просьбы прихожанъ, церковь не была освящена до осени 1732 года ²⁾.

Въ сентябрѣ этого года, въ синодъ поступило прошеніе сенатора, оберъ-секретаря Ивана Кириллова, и прочихъ жителей Васильевского острова, настоятельно просившихъ объ освященіи новопостроенной церкви. На этотъ разъ прошеніе было рассмотрѣно внимательно, и святѣйшій синодъ разсудилъ, что такъ какъ «въ Петербургѣ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго церкви не имѣется, а понеже ордена того святого апостола Андрея въ Россійской имперіи имѣется кавалерія, которую сама ея императорское величество государыня императрица Анна Иоанновна, самодержица все-россійская, полагая на себѣ, носить изволить, также по все милости-вѣйшему ея императорскаго величества указу, многія знатныя обрѣтающіяся въ Россіи и въ службѣ ея императорскаго величества особы, г.г. министры, генералитетъ и придворныя высшіе чины той кавалеріи ношеніемъ удостоены. Чего для, въ день того св. апостола, какъ въ церемоніальномъ чиноположеніи объявлено, а именно: ноября 30-го числа, бываетъ публичное церемоніальное торжество, и прилично святѣйшему синоду показалось вышепомянутую церковь освятить во имя св. апостола Андрея Первозваннаго» ³⁾.

8-го октября 1732 года церковь была торжественно освящена

¹⁾ Именнымъ указомъ императора Петра II Васильевскій островъ велѣно было именоваться «Преображенскимъ», въ виду желанія императора построить здѣсь дворецъ и перевести Преображенскій полкъ. Императрица Анна Иоанновна возобновила названіе «Васильевскій».

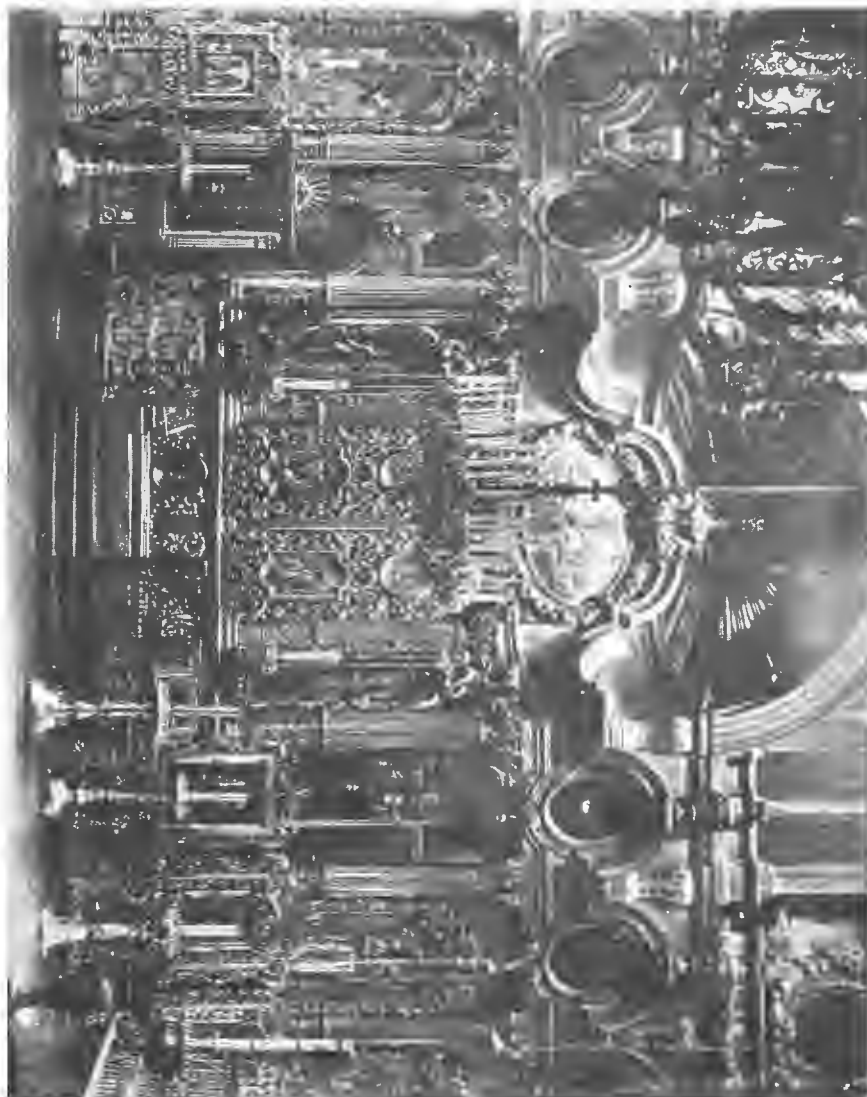
²⁾ Архивъ святѣйшаго синода.

³⁾ Архивъ С.-Петербургской духовной консисторіи, 1732 г., № 885.

преосвященнымъ Теофаномъ (Прокоповичемъ), архіепископомъ повгородскимъ и великолукскимъ.

Спустя 12 лѣтъ, 9-го января 1744 года, причтъ Андреевской церкви, состоявшій изъ трехъ священникѣвъ, подалъ императрицѣ

Внутренній видъ собора.

Елисаветѣ Петровнѣ прошеніе, въ которомъ ходатайствоваль о переименованіи церкви въ соборъ и о возведеніи настоятеля ея, священника Іакова Тихонова, въ санъ протопресвитера, или, какъ было сказано въ прошеніи, «въ протопопа». Прошеніе, подписанное

именитыми прихожанами и даже оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, имѣло успѣхъ. Указомъ преосвященнаго Никодима, епископа с.-петербургскаго и шлиссельбургскаго, 4-го февраля 1744 года, Андреевская церковь была переименована въ соборъ, и 12-го фев-

Андреевскій соборъ въ современномъ видѣ.

раля того же года свящ. І. Тихоновъ возведенъ былъ въ Петропавловскомъ соборѣ въ протопресвитера ¹⁾.

Новый соборъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, не отличался ни красотой постройки, ни особыми удобствами; деревянный, холодный и маловмѣстительный, съ однимъ придѣломъ ²⁾, онъ не

¹⁾ Архивъ С.-Петербургской духовной консисторіи, № 1440.

²⁾ Два придѣла было пристроено позднѣе, но годъ ихъ сооруженія не извѣстенъ.

могъ удовлетворять духовнымъ нуждамъ значительнаго уже къ тому времени населенія Васильевского острова.

Въ сильные морозы богослуженіе могло отпираться лишь съ большимъ трудомъ, и поэтому женщины и дѣти лишены были всю зиму возможности бывать въ церкви. Это неудобство заставило прихожанъ обратиться въ 1740 году къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ съ просьбой о разрѣшеніи построить при соборѣ каменную теплую церковь и освятить ее во имя Знаменія Пресвятой Богородицы, хотя окончательное рѣшеніе они повергали на благовозрѣніе ея величества и святѣйшаго синода. Высочайшее разрѣшеніе послѣдовало 5-го апрѣля 1740 года, и исполненіе постройки было поручено строившему старый соборъ архитектору Трезини¹⁾. Закладка церкви состоялась 2-го іюля 1740 года.

Сооруженіе храма длилось очень медленно, очевидно, за недостаткомъ средствъ, такъ какъ для постройки его былъ даже употребленъ матеріалъ, оставшійся отъ починки дома персидскаго посла въ С.-Петербургѣ²⁾. 17-го сентября 1760 года церковь была освящена во имя Трехъ Святителей съ придѣломъ на хорахъ во имя Благовѣщенія³⁾. Иконостасъ въ этомъ придѣлѣ, а равно престоль, жертвенникъ и прочая церковная утварь были перенесены изъ разобранной церкви 1-го кадетскаго (шляхетскаго) корпуса, бывшей нѣкогда домовою церковью князя Меншикова.

Въ 1761 году деревянный соборъ загорѣлся отъ молніи и сгорѣлъ до основанія.

До осени 1763 года причтъ собора совершалъ богослуженія въ Трехсвятительской церкви, и лишь 6-го октября этого года была подана протопресвитеромъ Григоріемъ Тимоѣевымъ и прихожанами преосвященному Гавриилу, архіепископу с.-петербургскому и шлиссельбургскому, просьба о разрѣшеніи сбора пожертвованій на постройку новой каменной церкви.

Преосвященный Гавриилъ весьма благосклонно отнесся къ ходатайству и на прошеніи собственноручно написалъ: «Господь Богъ да благословитъ и да благопоспѣшитъ начать и совершить благополучно святое дѣло».

Для сбора пожертвованій причту была выдана книга, и, кромѣ того, состоялось высочайшее повелѣніе о взиманіи съ кавалеровъ трехъ російскихъ орденовъ, почему либо не являвшихся на торжества въ орденскіе дни, штрафа по 30 рублей съ cadaго, съ тѣмъ, чтобы эти деньги шли на постройку собора.

¹⁾ Туманскій, «Россійскій Магазинъ», III, I, стр. 152.

²⁾ Собраніе постановленій по духовному вѣдомству, 1743 г., III, I, № 312.

³⁾ Туманскій, «Россійскій Магазинъ», III, I, стр. 151.

18-го іюля 1764 года былъ заложенъ нынѣ существующій соборъ. Постройка велась подѣ присмотромъ и по проекту архитектора Иванова, одного изъ первыхъ пансіонеровъ академіи художествъ, позднѣе бывшаго профессора архитектуры.

Недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставилъ настоятеля, протопресвитера Григорія Тимоѣева, обратиться въ маѣ 1766 года съ просьбой къ императрицѣ Екатеринѣ II объ отпускѣ для оконча-

Трехсвятительская церковь въ настоящее время.

тельнаго сооруженія церкви, въ счетъ взимаемыхъ съ кавалеровъ штрафовъ, еще 5.000 рублей¹⁾). По наведенной справкѣ выяснилось, что со времени открытія собора на постройку пожертвованій поступило на 3.872 рубля: эти деньги распредѣлялись такимъ образомъ: отъ государыни было пожаловано 2.000 рублей, отъ цесаревича Павла 200 рублей, штрафныхъ денегъ 600 рублей и отъ разныхъ лицъ 1.072 рубля.

Собранныя деньги были признаны недостаточными для окончанія постройки, и просителю было въ ходатайствѣ отказано.

¹⁾ Государственный архивъ. Разр. XVIII, № 139.

На какія средства достроился соборъ, не извѣстно. Постройка была окончена въ 1786 году. Точная дата времени освященія не извѣстна.

Указомъ императора Павла I 5-го апрѣля 1797 года ¹⁾ собору присвоено наименование: «кавалерскаго I класса». До 1813 года въ немъ находилось особое царское мѣсто.

Построенный въ смѣшанномъ стилѣ, близкомъ къ «Ренессансъ», о пяти главахъ съ колокольною, храмъ имѣетъ весьма красивый внѣшній видъ, но лучшимъ его украшеніемъ является рѣзной, трехъярусный иконостасъ во вкусѣ Растрелли, весь вызолоченный, высотой въ 8 сажень. Надъ входомъ въ соборъ помѣщенъ гербъ Андреевскаго ордена, поддерживаемый херувимами. Въ прежніе годы даже крыша собора окрашивалась въ зеленый цвѣтъ, — цвѣтъ орденской мантии.

Изъ достопримѣчательностей церкви обращаютъ на себя вниманіе напрестольное облаченіе въ главномъ алтарѣ, изъ чистаго серебра, вѣсомъ въ 7 пудовъ, стоимостью въ 26.000 рублей, Евангеліе въ серебряномъ окладѣ, вѣсомъ въ 35 фунтовъ, и запрестольный образъ Господа Саваоа, прекрасной художественной, но не извѣстно чьей работы, а также находящаяся въ главномъ алтарѣ, надъ южными дверями, икона Воздвиженія (XVII в.) съ изображеніями цря Алекѣя Михайловича, царицы Маріи Ильиничны и патріарха Никона.

Настоятелями Андреевскаго собора со дня его освященія, т.-е. съ 1732 года, были слѣдующія лица: священникъ Іаковъ Тихоновъ, протопресвитеры: Василій Самуйловъ, Сергій Ѳеодоровъ, Георгій Михайловъ, Іаковъ Мултановскій, Стефанъ Семеновъ, и протоіереи: Іоаннъ Филипповъ, Петръ Песоцкій, Герасимъ Павскій ²⁾, Михаилъ Добронравинъ, Ѳеодоръ Песоцкій, Іоаннъ Протопоповъ, Александръ Камчатовъ, Павелъ Налимовъ, Іоаннъ Покровскій.

Находящаяся рядомъ съ Андреевскимъ соборомъ (по 6-й линіи) каменная безъ колокольной церкви во имя Трехъ Святителей представляетъ рѣдкій примѣръ храма, сохранившагося въ теченіе долгаго времени (143 года), почти безъ всякаго измѣненія.

Построенная въ видѣ продолговатаго четырехугольника съ полукруглою абсидою въ алтарной части, церковь весьма небольшого размѣра, маловмѣстительна и загромождена четырьмя толстыми столбами, на которыхъ утверждены хоры. Иконостасъ Трехсвятительской церкви деревянный, двухъярусный, окрашенный бѣлою краскою, мѣстами позолоченный. Всѣ помѣщенные въ немъ образа

¹⁾ I полн. собр. св. зак. Т. XXIV.

²⁾ Знаменитый воспитатель императора Александра II.

Внутренній видъ трехъ свѣтельской церкви.

старинной иконописной работы, изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе символическій образъ Іоанна Крестителя, на которомъ святой изображенъ съ крыльями и купелью въ рукахъ. Иконостасъ этотъ сооруженъ въ 1827 г. на сумму, пожертвованную изъ имѣнія дѣйствительной статской совѣтницы Маріи Янковиной.

До 1897 года въ церкви существовалъ живописный плафонъ, изображающій Бога Отца, парящаго въ облакахъ. Это художественное произведеніе постигла обычная печальная участь: при ремонтѣ

церкви въ названномъ году онъ былъ закрашенъ... Въ сводахъ, а также въ большой абсидѣ алтаря, обращаетъ на себя внимание большое количество желѣзныхъ крюковъ (петель), назначеніе которыхъ неизвѣстно. Есть основаніе предполагать, что на эти петли подвѣшивались лампы, каковой обычай существовалъ въ старину во многихъ церквахъ.

Къ достопримѣчательностямъ церкви слѣдуетъ отнести вдѣланную въ наружную стѣну, близъ главнаго входа, гранитную плиту съ надписью на грузинскомъ языкѣ¹⁾.

Надпись эта такого содержанія: «Любезные братья мои, я была въ этомъ преходящемъ мірѣ дочь кахетинскаго князя, оберъ-гофмаршала Нодара Джарджадзева и получила при святомъ крещеніи имя княжны Гуки. Божіею волею, я была въ супружествѣ за княземъ Грузинскимъ, перваго разряда майоромъ Эдиперомъ Эмирахваровымъ и провела жизнь съ нимъ въ сердечномъ согласіи. Лишившись отечества и своего имѣнія, я прибѣгла въ землю иностранную и перешла отъ міра сего въ столичномъ городѣ Петербургѣ, 28-го марта 1745 года, на 37 году моей жизни. Иностранка, я, купивъ на деньги свои это мѣсто для моего приличнаго погребенія, положена въ землѣ, въ церкви св. апостола Андрея, не оставивъ дѣтей, которыя молились бы за меня. Отцы и братья любезные, видя гробницу чужеземной грѣшницы и камень, покрывающій меня, молитесь Господу за меня, дабы Онъ вамъ простилъ грѣхи ваши». Послѣ этого слѣдуетъ надпись на русскомъ языкѣ такого содержанія: «На семъ месте погребена грузинскаго полку господина майора князя Елиска Потапъевича Амилиаварова, супруга ево княгиня Гука Нодаровна, которой отъ рожденія было 38 л., а преставился въ нынѣшнемъ 1745 г. мѣсяца марта 29 числа».

Изъ надписи этой можно заключить, что тѣло умершей княгини погребено было сначала въ оградѣ Андреевской церкви. Когда же оно было перенесено въ Трехсвятительскую церковь, а равно, когда и кѣмъ сооружена плита съ надписью,—неизвѣстно.

Хотя при Андреевской церкви кладбища и не существовало, но надо думать, что въ старые годы въ оградѣ погребались разныя лица. Въ 1848 году при устройствѣ придѣловъ къ Андреевскому собору, во рвахъ, вырытыхъ подъ фундаментъ, находили не только человѣческія кости, но и довольно хорошо сохранившіеся гробы. Лѣтъ 10 тому назадъ, вокругъ Трехсвятительской церкви еще виднѣлось много раздробленныхъ могильныхъ плитъ, нынѣ уже уничтоженныхъ. Существуетъ даже преданіе, что знаменитый сенаторъ петровскаго времени, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, былъ погребенъ въ оградѣ собора, но какихъ либо слѣдовъ, подтверждающихъ достовѣрность этого, не имѣется.

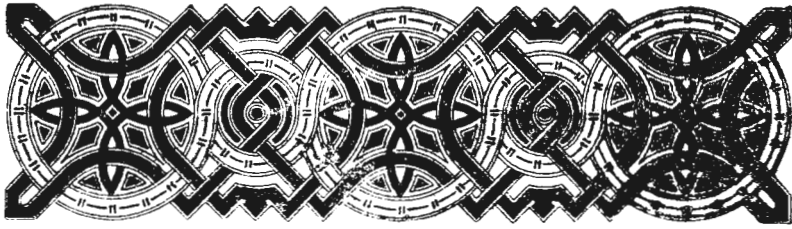
¹⁾ Содержаніе надписи было переведено профессоромъ Броссе (Brosset известнымъ академикомъ по кафедрѣ грузинской и армянской словесности).

Заканчивая настоящій очеркъ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о днѣ празднованія Андреевскаго ордена въ первые годы его основанія.

При Петрѣ Великомъ этотъ день справлялся съ необыкновенною пышностью: послѣ торжественнаго богослуженія въ Троицкомъ соборѣ, на которомъ присутствовали самъ государь и другіе кавалеры ордена, ко двору съѣзжались всѣ «знатныя персоны», имѣющія орденскіе знаки, а также офицеры гвардейскихъ полковъ, для принесенія поздравленій; послѣ параднаго обѣда обыкновенно происходилъ банкетъ, а вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Всѣ пожалованія орденомъ приурочивались къ праздничнымъ днямъ и происходили въ церкви послѣ литургіи. На самого Петра орденъ Андрея Первозваннаго былъ возложенъ (10-го мая 1703 года) генералъ-адмираломъ, графомъ Головинымъ, первымъ кавалеромъ этого ордена. Въ позднѣйшія царствованія до начала XIX-го столѣтія этотъ порядокъ празднованія не измѣнялся. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I-го придворныя торжества были отмѣнены.

М. Я. Корольковъ.

ЗАДАЧИ РУССКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ОТЗЫВАХЪ МѢСТНЫХЪ СВѢДУЩИХЪ ЛЮДЕЙ ¹⁾.

II.

ВЪ ОТЗЫВАХЪ своихъ ²⁾ о трудахъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи мѣстные комитеты единогласно признали, что упадокъ этой промышленности слѣдуетъ объяснить некультурностію нашего народа, и что единственнымъ средствомъ для подъема ея, а вмѣстѣ съ нею и народнаго благосостоянія, является народное просвѣщеніе, о которомъ прежде всего и необходимо озаботиться какъ правительству, такъ и обществу. Комитеты вмѣстѣ съ тѣмъ признали, что самый терминъ народное образованіе понимается у насъ далеко не всегда, какъ всестороннее развитіе души, ума и тѣла, съ цѣлью поднять благосостояніе народа, а иногда какъ простое обученіе грамотѣ, иногда какъ религіозное воспитаніе и т. д.

Мы не будемъ останавливаться на общихъ, теоретическихъ соображеніяхъ комитетовъ о важности просвѣщенія для народа: всѣ они давно уже сдѣлались общими мѣстами, которыя можно вычитать въ любой книгѣ. Интереснѣе и важнѣе практическіе доводы

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 285.

²⁾ Высочайше учрежденное особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губерніямъ Европейской Россіи. Просвѣщеніе. Составилъ Н. Л. Петерсонъ. Спб. 1904.

компетовъ. По ихъ мнѣнію, всѣ техническія и экономическія мѣропріятія для поднятія народнаго хозяйства могутъ достигъ своей цѣли только при условіи улучшенія качества самаго труда, прилагаемаго къ сельско-хозяйственной промышленности. Въ смыслѣ чисто-механической затраты труда по отношенію къ производству сельско-хозяйственныхъ продуктовъ нашего крестьянина едва ли можно въ чемъ либо упрекнуть, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его понятіямъ, онъ можетъ и долженъ работать, онъ работаетъ, не покладая рукъ. Иное дѣло — качество труда, его малопродуктивность и недоброкачественность: средній урожай хлѣбовъ въ Россіи въ два съ лишнимъ раза меньше, чѣмъ въ культурныхъ государствахъ Европы, опускаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до $\frac{1}{4}$ возможнаго производства хлѣбовъ въ странахъ высокой культуры. Причину этого нельзя не видѣть въ неумѣлости и малой предприимчивости самихъ производителей. Статистическія данныя, какъ у насъ, такъ и на Западѣ уснавливаютъ положеніе, что во всѣхъ даже низкихъ областяхъ труда грамотный работникъ предпочитается неграмотному, такъ какъ, несмотря на возвышенную плату, онъ приноситъ болѣе выгодъ нанимателю вслѣдствіе высшей своей трудоспособности.

Если цѣнится развитіе работника въ фабрично-заводской промышленности, гдѣ у простаго рабочаго непосредственной борьбы съ силами природы почти не существуетъ, и работникъ путемъ постепенной профессиональной дрессировки можетъ производить порученную ему работу почти механически, то значеніе образованія для сельско-хозяйственнаго рабочаго, а особенно для хозяина, какимъ является нашъ крестьянинъ, — еще важнѣе. Въ то же время все земледѣліе находится въ тѣсной зависимости отъ такого измѣнчиваго фактора какъ погода, и, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, приемы сельско-хозяйственныхъ работъ мѣняются ежегодно, ежедневно, а иногда, можно сказать, ежечасно. Въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ готовыхъ и однообразныхъ рецептовъ для производства продуктовъ, какъ въ фабрично-заводской промышленности. Даже въ чисто технической области сельскаго хозяйства важно прежде всего общее развитіе, такъ какъ и здѣсь совершенно механически ничего не дѣлается. При машинной, на примѣръ, обработкѣ полей работнику мало знать машину, мало уметь приводить ее въ дѣйствіе, надо еще уметь примѣнять ея работу къ измѣняющимся безпрестанно условіямъ, надо, сообразно тому, дѣлать измѣненія и въ самой машинѣ. Такъ, для того, чтобы вѣялка засѣвала определенное количество того или другаго хлѣба, нужно прежде всего уметь ее ставить, приспособляясь къ обстоятельствамъ; чтобы работать плугомъ, требуется постоянное внимательное наблюденіе за установкой его на надлежащую глубину, за правильностью отваливанія пласта, за равномерностью распредѣленія тяги между лошадьми; чтобы

работать сноповязалкою, необходимо, въ зависимости отъ высоты, густоты и степени полеглости хлѣба, почти ежеминутное соображеніе, нужно ли опустить или поднять платформу или мотовило, увеличить или уменьшить объемъ сноповъ, связывать ихъ ближе къ колосу или къ комлю и т. п. Съ совершенствованіемъ сельскаго хозяйства мускульная сила отступаетъ на второй планъ, а преобладающее значеніе получаетъ духовная сторона работника; во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства отъ хозяина руководителя требуется постоянное творчество, котораго нельзя и требовать отъ человѣка невѣжественнаго. Такъ какъ, конечно, невозможно представить себѣ такую техническую подготовку, которая давала бы отвѣтъ на каждый частный вопросъ, научила бы, какъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то для полученія умѣлыхъ, сообразительныхъ, предприимчивыхъ хозяевъ и работниковъ существуетъ, очевидно, лишь одно средство — общее развитіе, даваемое хотя бы простой грамотностью, на основѣ которой возможно было бы дальнѣйшее самостоятельное умственное совершенствованіе ¹⁾.

Эти указанія приобрѣтаютъ особую важность въ связи съ опредѣленіемъ участія крестьянъ въ общей экономической жизни государства, въ частности въ области сельскаго хозяйства. Въ прошломъ десятилѣтіи вся площадь земли, находившаяся въ частномъ пользованіи и составлявшая около 250¹/₂ милл. десятинъ, распределяется между двумя категоріями сельскихъ хозяевъ, крестьянами и некрестьянами, слѣдующимъ образомъ: въ пользованіи крестьянъ 165¹/₂ милл. десятинъ, или 66⁰/₁₀₀, въ пользованіи лицъ другихъ сословій—85 милл. десятинъ, или 34⁰/₁₀₀; въ крестьянской группѣ число отдѣльныхъ хозяйствъ—10¹/₂ милл., или 98⁰/₁₀₀, во второй же только 200 тысячъ, или 2⁰/₁₀₀ общаго числа хозяйственныхъ единицъ. Такое значительное преобладаніе крестьянскаго хозяйства надъ частнымъ какъ по количеству земли, такъ, въ особенности, по числу отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, не только накладываетъ своеобразную печать на характеръ всей народной экономической жизни, но опредѣляетъ ближайшимъ образомъ и конечные результаты общаго народнаго труда въ области сельскаго хозяйства.

Какъ бы ни прогрессировали хозяйства тѣхъ 2⁰/₁₀₀ общаго числа русскихъ хозяевъ, которые падаютъ на категорію хозяевъ—некрестьянъ, но если техника и экономика остальныхъ 98⁰/₁₀₀ хозяйствъ, т.-е. крестьянскихъ, неудовлетворительны, то, очевидно, неудовлетворителенъ будетъ общій результатъ сельско-хозяйственной дѣятельности и всего народа. Если 98⁰/₁₀₀ хозяйствъ страдаютъ извѣстнымъ экономическимъ недугомъ, если веденіе этихъ 98⁰/₁₀₀ не отвѣчаетъ требованіямъ выгоднаго предпріятія, то при настоящемъ положеніи продуктовъ сельскаго хозяйства, какъ товара на общемъ міровомъ

¹⁾ «Сводъ», 6—8.

рынкѣ, не могутъ въ сущности прогрессировать и быть здоровыми и частно-владѣльческія хозяйства. Дѣло въ томъ, что эти послѣднія въ большинствѣ случаевъ относятся къ общей съ крестьянскими системѣ хозяйства вообще и полеводства въ частности, отличаясь отъ средняго крестьянскаго лишь масштабомъ и улучшенною техникою. Производя въ высшей степени однообразные продукты, и частновладѣльческія, и крестьянскія хозяйства выбрасываютъ эти продукты на рынокъ почти одновременно; экономическая неустойчивость нашихъ крестьянъ придаетъ на рынкѣ предложенію производимыхъ ими сельскохозяйственныхъ продуктовъ характеръ какой-то стихійности; цѣны на продукты ничуть не обуславливаются стоимостью ихъ производства (такого учета, какъ извѣстно, у крестьянъ не существуетъ), съ надбавкою извѣстнаго процента для чистаго дохода, а устанавливаются тоже стихійно. При такой стихійности производства и продажи ненормально низкія цѣны на выброшенную на рынки массу произведеній крестьянскаго сельскаго хозяйства опредѣляютъ уровень цѣнъ и на продукты частновладѣльческихъ хозяйствъ, несмотря на большую, сравнительно, экономическую устойчивость послѣднихъ, а, стало быть, и на большую возможность выжиданія благопріятнаго момента для продажи. При такомъ значеніи $10^{1/2}$ милл. крестьянскихъ хозяйствъ поднятіе доходности крестьянскаго хозяйства равносильно, въ сущности поднятію доходности сельскаго хозяйства всего государства, и, слѣдовательно, всѣ мѣропріятія въ этой области должны быть направлены прежде всего въ сторону крестьянъ, какъ наиболѣе многочисленнаго и въ то же время наименѣе сильнаго экономически сословія. Не слѣдуетъ забывать также прямой зависимости всѣхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ отъ крестьянъ, какъ арендаторовъ и рабочихъ въ частныхъ имѣніяхъ. Несомнѣнно, никакіе, хотя бы самыя строгіе, законы не могутъ обезпечить частныхъ владѣльцевъ хорошими арендаторами и рабочими, пока не измѣнится общее умственное развитіе нашего крестьянства ¹⁾.

Слабая производительность народнаго труда отражается и на балансѣ международной торговли. Въ этомъ отношеніи русскому земледѣльческому классу приходится работать въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ западно-европейскому, который въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка находился приблизительно въ такомъ же положеніи по отношенію къ просвѣщенію. Въ Западной Европѣ общій прогрессъ въ области сельскохозяйственной промышленности достигался постепенно путемъ медленнаго, спокойнаго процесса, почти внѣ вліянія конкуренціи, такъ какъ въ то время, въ виду затруднительности путей сообщенія и вообще внѣшнихъ сноше-

¹⁾ «Сводъ», 3—4.

ній, всякій болѣе или менѣе значительный хозяйственный районъ представлялъ собою однообразное замкнутое цѣлое, имѣя свой рынокъ въ ближайшемъ городѣ. При этихъ условіяхъ невѣжество и безграмотность, составлявшія общую черту всѣхъ конкурентовъ, не могли никому изъ нихъ вредить. Въ иныхъ условіяхъ находится нашъ крестьянинъ, которому приходится еще осваиваться съ новымъ положеніемъ освобожденнаго не такъ давно отъ крѣпостной зависимости челоуѣка и приспособляться къ измѣнившимся условіямъ жизни и хозяйства. Онъ, благодаря все болѣе развивающейся сѣти желѣзныхъ дорогъ, поставленъ почти сразу послѣ своего освобожденія лицомъ къ лицу съ мировымъ рынкомъ и тѣсно связанъ съ условіями мирового хозяйства. Теперь цѣны на хлѣба, вырабатываемые гдѣ либо въ глухомъ уѣздѣ Россіи, устанавливаются лондонской биржей внѣ всякаго соотвѣтствія со стоимостью производства этихъ хлѣбовъ на мѣстѣ. Всякое мало-мальски серьезное измѣненіе условій труда или сбыта въ самыхъ отдаленныхъ странахъ: Аргентинѣ, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, Австрали и др., съ быстротою электрическаго тока отражается на нашихъ захолустныхъ рынкахъ; проведеніе въ Аргентинѣ новой магистральной желѣзной дороги сразу понижаетъ у насъ цѣну на уѣздномъ базарѣ, а новаго типа пароходъ, быстро доставляющій живой скотъ изъ Америки, понижаетъ цѣны на нашъ кормленный скотъ или совсѣмъ закрываетъ заграничный рынокъ для сбыта нашего скота. Очевидно, что наша безграмотность, неразвитость учитываются мировымъ рынкомъ и самымъ тягостнымъ образомъ отражаются на результатахъ нашего народнаго труда. Словомъ, до поднятія уровня культурнаго развитія народа мы вовсе не имѣемъ шансовъ на побѣду на мировомъ рынкѣ въ борьбѣ съ хорошо вооруженными знаніемъ противниками. Поэтому надо всѣми средствами стремиться къ тому, чтобы уровень развитія подрастающаго поколѣнія крестьянъ былъ не ниже, чѣмъ у нашихъ конкурентовъ — цивилизованныхъ народовъ Европы и Америки.

Нѣкоторые мѣстные комитеты указывали и на неправильныя религіозно-нравственныя воззрѣнія крестьянъ, въ зависимости отъ ихъ невѣщества, вліяющія на его экономическую жизнь. На всѣ несчастія, бѣдствія, неудачи въ своей жизни они смотрятъ, какъ на Божіе наказаніе. Въ природѣ крестьянинъ привыкаетъ съ дѣтства находить только злыя существа: въ лѣсу — лѣшаго, въ водѣ — водяного и русалокъ, въ домѣ и на дворѣ у себя — домовыхъ, вѣдьмъ и проч., и потому боится окружающей природы. За 800 лѣтъ существованія у насъ христіанства крестьянинъ менѣе усвоилъ духовную сторону его, чѣмъ внѣшнюю: обряды, посты и праздники. За эту внѣшнюю сторону религіи онъ крѣпко держится, не допускаетъ отъ нея отступленій ни для себя, часто въ ущербъ своимъ

интересамъ (напримѣръ, считая для себя грѣхомъ работать въ пришедшійся въ страдную пору праздникъ), ни для другихъ (отсюда происхождение (sic) нашего раскола и новѣйшихъ сектъ). Въ виду указанныхъ религіозно-нравственныхъ взглядовъ, трудно вести въ деревнѣ борьбу съ такими бѣдствіями, какъ пожары, эпидеміи, эпизоотіи и вредители сельскохозяйственныхъ культуръ. Крестьянинъ убѣжденъ, что съ этими бѣдами борются грѣшно. Несмотря на имѣющуюся мѣстную медицинскую и ветеринарную помощь, крестьянинъ предпочитаетъ обращаться къ знахарямъ, колдунамъ, повитухамъ, коноваламъ и т. п. Организованные по деревнямъ пожарные обозы въ моментъ пожара оказываются почти всегда въ полной неисправности въ виду мнѣнія: «все равно сгоритъ, если на то воля Божія»; пожары же отъ молніи уже всегда приписываются грѣву Божію или Іліи Пророку. Рекомендуемая мѣры для борьбы съ саранчей, вредной мухой, червемъ принимаются крестьяниномъ неохотно, только подъ давленіемъ приказаній, всегда несерьезно и только на показъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянинъ обращается часто и къ священнику для совершенія молебна, крестнаго хода или другого церковнаго обряда, слѣдить со вниманіемъ за точнымъ исполненіемъ его и считаетъ, что если обрядъ выполненъ, то должно пассивно ожидать результата молитвы. Нельзя, казалось бы, рассчитывать на повсемѣстное улучшеніе техники обработки хлѣбовъ, пока существуютъ мѣстности, въ которыхъ считается грѣхомъ работать машинами. Нельзя, повидимому, говорить о массовомъ улучшеніи у насъ животноводства, пока въ уходѣ за скотомъ помогаетъ крестьянину домовая. Нельзя говорить серьезно объ охранѣ сельскохозяйственной собственности, пока крестьянинъ не считаетъ даже грѣхомъ срубить дерево въ чужомъ лѣсу, накосить чужой травы, нарвать чужихъ фруктовъ, исходя изъ мысли, что «все это Божье, не для одного Бога, растить, а для всѣхъ»... Мало надежды на усовершенствованіе нашихъ торговыхъ отношеній, пока крѣпко держится русская пословица: «не обманешь, не продашь». Вліяніе духовенства на невѣжественную крестьянскую среду не можетъ быть велико для устраненія всѣхъ этихъ явленій: его поученія могутъ имѣть успѣхъ лишь постольку, поскольку касаются обрядовой стороны, легче всего воспринимаемой. Необходимо помочь духовенству, давъ ему, путемъ просвѣщенія, слушателей, способныхъ понимать то, что говорится съ церковной кафедры ¹⁾. Въ настоящее время мѣропріятія по улучшенію сельскаго хозяйства часто разбиваются о массу предразсудковъ, какъ о каменную стѣну. Очень характерно наблюденіе, что подавляющее большинство крестьянъ, обращающихся въ сельскохозяйственные

¹⁾ «Сводъ», 9—11.

склады Вятскаго земства, составляютъ лица грамотныя, и вообще, что если кое-что изъ мѣропріятія этого земства по улучшенію культуры земли воспринято населеніемъ, то почти исключительно грамотными или при ихъ содѣйствіи. Отъ неграмотныхъ слышатъ общій отвѣтъ: «мы люди темные, гдѣ ужъ намъ, старики такъ дѣлали». Въ то же время трудно вводить у насъ усовершенствованныя орудія, машины, приборы и т. п., когда некому съ ними работать, некому починить ихъ, въ случаѣ неизбѣжной поломки. Такихъ примѣровъ можно привести много, но и указанныхъ, по видимому, достаточно для вывода, что безъ общаго развитія нашего крестьянскаго населенія отдѣльныя агрономическія мѣропріятія правительства, земства и частныхъ лицъ, поглощая громадныя средства, будутъ расплываться почти безрезультатно среди общей косности, неумѣнія и неряшества, какъ послѣдствій невѣжества ¹⁾. Комитеты пришли къ убѣжденію, что хроническій кризисъ нашей фабрично-заводской промышленности, берущей для себя рабочихъ также изъ среды невѣжественнаго крестьянскаго люда, до нѣкоторой степени объясняется той же причиною; между тѣмъ, нуждаясь въ покровительственныхъ тарифахъ, производи фабrikаты дорогой цѣны и низкаго качества, фабрично-заводская промышленность ложится тяжелымъ бременемъ на плечи главнаго потребителя—сельскаго обывателя, тѣмъ самымъ понижая покупную его способность ²⁾. Не менѣе тяжело отзывается на жизни деревни усиленіе требованій государства, вслѣдствіе безграмотности крестьянъ, по отбыванію воинской повинности. Принимая безграмотныхъ солдатъ, армія сама должна обучать ихъ грамотѣ для лучшаго достиженія военныхъ цѣлей. Это должно по необходимости увеличивать для массы срокъ отбыванія воинской повинности. «Если бы процентъ грамотныхъ рекрутъ увеличился,—пишетъ генераль Драгомировъ,—то безъ малѣйшихъ колебаній можно было бы перейти къ трехлѣтнему сроку службы». Отсюда слѣдуетъ, что у насъ, исключительно для приобрѣтенія грамотности въ военныхъ цѣляхъ, изъ деревенскихъ семей отвлекаются работники въ полномъ расцвѣтѣ своей трудоспособности, кормильцы семей. Очевидно, было бы цѣлесообразнѣе учить ихъ грамотѣ въ дѣтскомъ возрастѣ, когда они представляются въ своихъ семьяхъ простыми дѣдоками. Вмѣстѣ съ тѣмъ и армія должна содержать 25% лишнихъ солдатъ, увеличивающихъ количество налоговъ, платимыхъ населеніемъ на содержаніе войскъ. Если подсчитать всѣ потери народа при отбываніи воинской повинности неграмотными новобранцами, то въ итогѣ получались бы, вѣроятно, сумма, достаточная для введенія всеобщаго образованія ³⁾.

¹⁾ «Сводъ», 17—18.

²⁾ «Сводъ», 8—9.

³⁾ «Сводъ», 16.

Признавая, такимъ образомъ, необходимость неотложности и всеобщности народнаго образованія, мѣстные комитеты не упустили изъ вида и противоположной точки зрѣнія на народное образованіе, такъ какъ прежде не разъ высказывалось даже въ печати опасеніе, что просвѣщеніе народныхъ массъ можетъ повести къ надорванію основъ нашей государственности, ослабленію религіи, колебанію патріархальнаго быта народа. По мнѣнію комитетовъ, именно школа и грамота являются сильнымъ средствомъ для укрѣпленія и распространенія религіозныхъ вѣрованій, и само духовенство въ мѣстахъ, зараженныхъ сектантствомъ, само заводитъ школы для борьбы съ сектантами. Въ основѣ русскаго раскола и даже сектантства именно лежитъ народная безграмотность и темнота, тогда какъ ни одна наша секта не зарождалась въ стѣнахъ школы. То же самое приходится сказать о вліяніи школы на нашу государственность. Правда, образованіе несетъ съ собою новыя созидательныя силы не только въ области труда, но и во всѣ другія. Глядя на непрерывную смѣну явленій и формъ всей органической и духовной жизни, невозможно представить себѣ что либо существующее вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Тысячами различныхъ путей, чрезъ фабрики, мастерскія, базары, отходы въ города и т. п. проникаютъ въ народъ иныя понятія, иныя стремленія; они создаютъ иныя уклады, иные семейные устои и т. п. Лучше ли и безопаснѣе ли, чтобы все это неизбѣжное движеніе регулировалось и направлялось не школой, а фабрикой, мастерской и городомъ? Не школа развила религіозный индифферентизмъ и политическое недовольство западно-европейскаго крестьянина; напротивъ, она въ значительной степени ослабляетъ вліяніе на него возвращающагося въ деревню фабричнаго рабочаго. Безъ сомнѣнія, и у насъ введеніе всеобщаго обученія ослабляло бы то развращающее вліяніе на уходящую для работъ на фабрики, заводы, въ города деревенскую молодежь, которое наблюдается нынѣ повсемѣстно. Точно также ложно опасеніе, что просвѣщенный народъ станетъ доступнѣе и воспріимчивѣе къ подпольной, сѣющей смуту агитаци, такъ какъ политическія волненія были всегда и всюду независимо отъ уровня просвѣщенія народа. Волненія же невѣжественныхъ массъ возникаютъ по самымъ бессмысленнымъ поводамъ и отличаются звѣрскимъ и беспощаднымъ характеромъ. Просвѣщеніе, обезоруживая подпольныхъ агитаторовъ, пользующихся нынѣ темнотою народа, въ то же время улучшить экономическое положеніе населенія и тѣмъ парализуетъ отчасти причины, возбуждающія броженіе въ массахъ¹⁾. Нѣкоторые члены комитетовъ высказывались даже въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе вопроса о преимуществахъ подворной или общинной формъ землепользованія можетъ быть предоставлено самимъ крестьянамъ,

¹⁾ «Сводъ», 14—16.

когда будетъ поднятъ уровень ихъ просвѣщенія: они наилучшимъ образомъ могутъ уяснить его сообразно съ своими интересами. Тогда же законнымъ путемъ они могутъ оградить себя отъ экономической эксплуатаціи кулаковъ и міроѣдовъ путемъ созданія потребительныхъ кредитныхъ кооперацій¹⁾. Точно также, по мнѣнію комитетовъ, лишь просвѣщеніемъ народной массы можно создать въ ней чувство уваженія къ чужой собственности, которое вовсе не существуетъ теперь, при всей строгости полицейскихъ и карательныхъ мѣръ среди невѣжественныхъ людей, находящихся, въ общемъ, на такомъ уровнѣ матеріальнаго благосостоянія, что имъ терять нечего, такъ какъ и взыскивать съ нихъ нечего²⁾.

По этимъ основаніямъ всѣ комитеты, за исключеніемъ Чернскаго, желаютъ скорѣйшаго распространенія грамотности и начального обученія путемъ увеличенія числа школъ для массы народа, разойдись лишь въ вопросѣ о введеніи обязательности начального обученія, что для дѣла не представляетъ особой важности, потому что обязательность обученія можетъ быть введена лишь при условіи, что для этого будетъ достаточное количество школъ. Любопытное особое мнѣніе Чернскаго комитета, который призналъ, что заботиться о распространеніи грамотности нѣтъ основаній, такъ какъ «по улучшеніи благосостоянія крестьяне сами озаботятся грамотностію своихъ дѣтей»³⁾. По прочтеніи сего мнѣнія представителей Тургеневскаго уѣзда, мнѣ почему-то живо представился за спиной Чертопханова степенный Хорь съ его лукаво-смѣющимися глазами...

Указавъ главнымъ образомъ на необходимость просвѣщенія для крестьянъ, мѣстные комитеты въ общихъ чертахъ въ рамкахъ сельскохозяйственной жизни Россіи коснулись образовательныхъ потребностей и другихъ сословій, въ особенности помѣстнаго дворянства и духовенства. Дворянство крайне затрудняется въ образованіи своихъ дѣтей, въ виду отдаленности ихъ имѣній отъ городовъ, гдѣ находятся среднія и высшія учебныя заведенія; притомъ число этихъ заведеній такъ ограничено, что мѣста въ нихъ берутся съ бою. Между тѣмъ, образованные люди изъ помѣстнаго дворянства и были бы особенно полезны деревнѣ. Поэтому было бы желательно открытіе среднихъ учебныхъ заведеній въ уѣздныхъ городахъ съ учрежденіемъ при нихъ пансіоновъ. Но въ строѣ нашей средней школы комитеты желали бы видѣть измѣненіе въ смыслѣ сближенія ея съ сельскохозяйственною жизнью страны: она не только должна познакомить своихъ питомцевъ съ законами и явленіями природы, но и будить въ нихъ любовь къ ея изученію. Курсъ природовѣдѣнія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ является

¹⁾ «Сводъ», 21—22.

²⁾ «Сводъ», 20—21.

³⁾ «Сводъ», 42.

необходимымъ въ возможной полнотѣ и законченности. Нѣкоторые комитеты выразили мысль о соотвѣтственномъ увеличеніи и выспихъ, особенно специальныхъ заведеній, такъ какъ въ деревнѣ живо чувствуется недостатокъ въ образованныхъ и надлежаще подготовленныхъ дѣятеляхъ ¹⁾. Что касается до духовныхъ учебныхъ заведеній, то, по мнѣнію комитетовъ, измѣненіе ихъ программы, нынѣ нѣсколько схоластической, представляется неизбежнымъ для того, чтобы пастыри церкви были ближе къ народу и его сельскохозяйственной дѣятельности: взаимнѣ изученія древнихъ и новыхъ языковъ слѣдовало бы ввести въ курсъ духовныхъ семинарій изученіе родного языка и литературы, особенно новѣйшей, сельскохозяйственныхъ знаній, гигиены, медицины, законовѣднія. Въ то же время необходимо упрочить матеріальное положеніе духовенства, чтобы уничтожить плату за требоисправленія и тѣмъ усилить вліяніе пастырей на прихожанъ ²⁾.

Нѣкоторые комитеты коснулись въ своихъ заключеніяхъ и положенія провинціальной печати, подверженной особымъ цензурнымъ стѣсненіямъ. Въ цѣляхъ народнаго развитія и распространенія сельскохозяйственныхъ знаній, мѣстная періодическая печать могла бы сдѣлать очень много. Карая со всею строгостію закона уклоненія печати отъ намѣченнаго ей пути, правительство отмѣной цензурныхъ стѣсненій могло бы содѣйствовать возникновенію мѣстныхъ народныхъ изданій, преслѣдующихъ мѣстные интересы, хотя бы въ сельскохозяйственномъ быту. Въ качествѣ народной газеты существуетъ теперь одинъ лишь «Сельскій Вѣстникъ», который, очевидно, не можетъ быть полезенъ всей крестьянской Россіи ³⁾.

Приведя, во многихъ случаяхъ *in extenso*, мнѣнія комитетовъ объ исключительной важности народнаго образованія для сельскохозяйственной жизни Россіи, мы далеко не исчерпали работъ ихъ въ этомъ направленіи. Много труда и времени положили они на разработку вопросовъ о постановкѣ начальнаго народнаго образованія, объ организациіи внѣшкольнаго обученія и агрономической помощи. Для нашей цѣли важно указать взглядъ комитетовъ на общія задачи народнаго образованія.

По единогласному мнѣнію комитетовъ, современная начальная школа представляется совершенно неудовлетворительною. Съ одной стороны, она вовсе не даетъ знаній, сколько нибудь пригодныхъ для жизни, съ другой—она не даетъ и общаго развитія, не пробуждая въ ученикахъ своихъ стремленія къ дальнѣйшему само-

¹⁾ «Сводъ», 37—39.

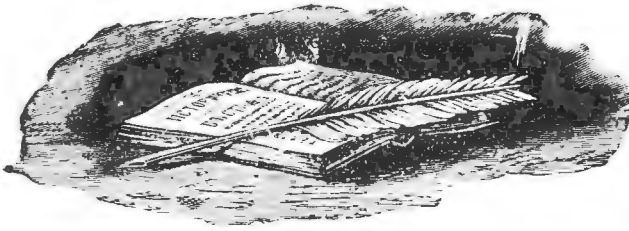
²⁾ «Сводъ», 33—36.

³⁾ «Сводъ», 39—41.

образованію. Оттого ученики школы или оставляютъ свою среду, занимая мѣста конторщиковъ, приказчиковъ, или, оставаясь въ деревнѣ, забываютъ знанія, пріобрѣтенныя въ школѣ, и превращаются опять въ безграмотныхъ. Программы школъ, введенныя «Положеніемъ» 1874 года, были настолько узки, что министерство просвѣщенія издало въ 1897 году новыя «примѣрныя» программы одноклассной народной школы съ 3-лѣтнимъ курсомъ. Обзорѣніе этихъ программъ приводитъ къ мысли, что при нихъ сосредоточеніемъ дѣйствительнаго пріобрѣтенія знаній въ народной школѣ является объяснительное чтеніе классной хрестомати, тогда какъ по Закону Божію отдается преимущество изученію не Евангелія, а Ветхаго Завѣта, а по русскому языку — изученію грамматики; правильно поставлено лишь преподаваніе ариметики. Поэтому необходимы въ школѣ соотвѣтствующія измѣненія, необходимо путемъ класснаго чтенія расширять знанія учениковъ изъ родной исторіи, географіи, быта и т. д. Курсъ школы долженъ быть не менѣе 4 лѣтъ, такъ какъ тогда выиграетъ общее развитіе учениковъ, и рецидивовъ безграмотности не будетъ. Начальная школа не должна имѣть утилитарнаго характера; сельскохозяйственныя, ремесленныя и др. практическія знанія могутъ преподаваться или въ школахъ повышеннаго типа, съ болѣе широкой программой, или въ особыхъ классахъ, куда ученики являются уже съ достаточной образовательной подготовкой и нѣкоторымъ общимъ развитіемъ. Комитеты признаютъ наиболѣе подходящимъ для школъ съ расширенной программой типъ двухклассныхъ министерскихъ училищъ; къ двухкласснымъ училищамъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ начальной народной школѣ, могло бы быть пріурочено преподаваніе сельскохозяйственныхъ знаній путемъ удлиненія курса до 5 и даже до 6 лѣтъ. Всѣ школы должны быть снабжены библіотеками, учебными пособиями и по возможности участками земли для учебныхъ цѣлей. Вопросъ о снабженіи библіотекъ книгами подвергся подробному разбору, такъ какъ комитеты указали на чрезвычайную непригодность для дѣла министерскихъ каталоговъ для учащихся и учащихся; крайнюю степень регламентаціи и также малой пригодности для дѣла представляютъ собою правила о народныхъ чтеніяхъ и читальняхъ: на ряду, на примѣръ, съ отсутствіемъ нашихъ новѣйшихъ писателей въ каталогахъ дозволенныхъ книгъ значатся собранія сочиненій Державина и Богдановича и переводъ сочиненія Любке: «Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени»; за разрѣшеніемъ, на примѣръ, ввести въ школу учебникъ, уже одобренный цензурой, нужно обращаться въ министерство. Поэтому комитеты желаютъ расширенія правъ училищныхъ совѣтовъ и, для избѣжанія пререканій властей (нигдѣ нѣтъ столькихъ властей, какъ въ дѣлѣ народнаго образованія), объединенія

всѣхъ народныхъ школъ, съ передачей церковно-приходскихъ школъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, подъ контролемъ мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ. Лишь для окончившихъ курсъ начальной школы комитеты предполагаютъ открытіе цѣлаго ряда низшихъ и среднихъ школъ сельскохозяйственнаго и профессиональнаго характера сообразно мѣстнымъ потребностямъ.

Е. Шумигорскій.

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА СЛУЧЕВСКАГО.

(† 25 сентября 1904 г.).

«Умру и я въ свой срокъ. Но, можетъ,
этотъ стихъ,
Безъ самопомощи, безъ воли, безъ отваги,
Проживъ года на доскутѣхъ бумаги,
Дойдетъ до новыхъ дней и до людей иныхъ...
Безсмертье будетъ въ томъ,— безъ имени,
конечно...
Однако можетъ быть, что за могилой, тамъ,
Не будетъ смысла личнымъ именамъ,
Но каждый будетъ жить собой и без-
конечно».

К. Случевскій.

СМЕРЬ Случевскій... Въ немъ русская поэзія потеряла послѣдняго представителя старшаго поколѣнія нашихъ поэтовъ, примыкающихъ непосредственно къ Пушкину и образующихъ его школу. Подобно триадѣ—Майкову, Фету, Полонскому,—и Случевскій выросъ подъ живымъ воздѣйствіемъ Пушкина, но въ средѣ его послѣдователей онъ занялъ особое мѣсто. Онъ усвоилъ и развилъ созерцательные, «ирраціональные» мотивы Пушкинской музыки. Случевскій живѣ другихъ затронулъ именно ирраціональный элементъ въ поэзіи Пушкина,—элементъ, который и до сихъ поръ мало освѣщенъ критиками великаго поэта: и до сихъ поръ гармонія и ясность остаются обычными и единственными эпитетами для характеристики поэзіи Пушкина. Но, быть можетъ, изъ всѣхъ поэтовъ старшаго поколѣнія Случевскій былъ самымъ своеобразнымъ и независимымъ отъ всякихъ вліяній. И въ то время, какъ эти поэты доживали свои дни, окруженные признаніемъ, но безусловно лишены всякаго дѣйствительнаго вліянія на мысль и чувство своихъ современниковъ, Случевскій именно въ послѣдній, предсмертный періодъ жизни оказался поэтомъ, способнымъ настраивать сочувственно и волновать души современниковъ.

Мой стихъ,—онъ не лишенъ значенья:
Тѣ люди, что теперь живутъ,
Себѣ родныя отраженья
Увидать въ немъ, когда прочтуть.

Да, въ этихъ очеркахъ правдивыхъ
Не скрыто мною ничего!
Черты въ нихъ—больше некрасивыхъ,
А краски—сѣрыхъ большинство!

Но, если мы безцвѣтны стали,—
Въ одномъ нельзя намъ отказать:
Мы—раздробленные скрижали,
Хоть иногда, не прочь читать!

Внѣшняя жизнь Случевского не сложна и довольно прозаична. Онъ родился въ Петербургѣ 26-го іюля 1837 года. Готовился къ военной карьерѣ. Получилъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Служилъ въ Семеновскомъ полку и стрѣлковомъ баталіонѣ и попалъ въ академію генеральнаго штаба. Наступилъ 1861 годъ, и молодой офицеръ, уже пріобщившійся поэзій и литературѣ, вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу учиться. Онъ слушалъ лекціи въ Берлиѣ, Гейдельбергѣ, Парижѣ и въ 1865 году получилъ даже степень доктора философіи. Въ слѣдующемъ году Случевскій вернулся на родину, вступилъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ, и потянулись долгіе годы чиновничьей службы. Къ концу жизни онъ былъ гофмейстеромъ высочайшаго двора, тайнымъ совѣтникомъ, членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Послѣ смерти Г. П. Данилевскаго онъ былъ назначенъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника».

Далеко не такъ успѣшно подвигалась литературная дѣятельность Случевского. На зарѣ своей литературной жизни онъ былъ встрѣченъ шумнымъ успѣхомъ. Такіе цѣнители его поэзій, какъ И. С. Тургеневъ и Аполлонъ Григорьевъ, восторгались его стихами. Они впервые появились въ 1857 году въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ». Некрасовъ скоро открылъ ему страницы своего «Современника». Имя Случевского становилось популярнымъ. Читали и запоминали его «Статую», «Весталку», «Мемфисскаго жреца». Поразительна была въ этихъ стихахъ пластичность формы, почти скульптурная. Но успѣхъ и вниманіе были непродолжительны: бойкая и не чуткая «Искра» разбила его, воспользовавшись чрезмѣрными похвалами Ап. Григорьева и выпутивъ ихъ. Намѣтки «Искры» такъ подѣйствовали на Случевского, что онъ прекратилъ свое журнальное сотрудничество и на нѣсколько лѣтъ замолкъ. Онъ пытался было бороться съ господствующимъ настроеніемъ своего времени: въ 1866—1867 годахъ онъ выдалъ въ свѣтъ три полемич-

ческихъ брошюры подъ общимъ заглавіемъ «Явленія русской жизни подъ критикой эстетики». Статьи его были направлены главнымъ образомъ противъ Писарева и Чернышевскаго. Случевскій долго не рѣшался возобновить свою поэтическую дѣятельность: только въ концѣ семидесятыхъ годовъ начинаютъ появляться его стихи въ «Новомъ Времени» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Встрѣченный успѣхомъ, Случевскій развиваетъ свою журнальную дѣятельность. Отъ стихотвореній онъ переходитъ къ поэмамъ, балладамъ, сказкамъ, повѣстямъ. Въ 1880, 1881, 1883 и 1890 годахъ появляются одно за другимъ отдѣльныя изданія его стиховъ. Но книги стиховъ Случевского, не отмѣчаемыя критикой, расходились туго. Больше повезло его прозѣ («Виртуозы»—1882; «Застрѣльщики»—1883; «Тридцать три рассказа» — 1887; «Профессоръ безсмертія» — 1892; «Историческія картинки и разные рассказы»—1894). За прозаическій сборникъ 1894 года авторъ былъ награжденъ почетнымъ отзывомъ отъ академіи наукъ. Изъ беллетристики Случевского наибольшее вниманіе привлекъ «Профессоръ безсмертія» — повѣсть, посвященная позитивному доказательству безсмертія души. Въ 1898 году появилось собраніе его сочиненій, изданное А. Ѳ. Маркомъ. Но Случевскій былъ не только беллетристомъ и поэтомъ: въ 1888 году онъ издалъ описаніе своихъ путешествій въ книгѣ: «По Сѣверу Россіи. Путешествіе ихъ императорскихъ высочествъ великаго князя Владимира Александровича и великой княгини Маріи Павловны». Въ 1897 году вышелъ огромный трудъ въ 2-хъ томахъ: «По сѣверо-западу Россіи». Наконецъ необходимо упомянуть и о брошюрахъ Случевского: «Историческое значеніе св. Сергія» (М., 1891 г.) и «Государственное значеніе св. Сергія и Троицко-Сергіевой лавры» (М. и Спб., 1889, 1892). Въ 1902 году появился послѣдній сборникъ стиховъ Случевского, его «Senilia»—Пѣсни изъ уголка.

Какъ видимъ, литературное наслѣдство Случевского довольно велико, но, конечно, не этнографическія его работы, не беллетристика оставляютъ память въ потомствѣ. Его рассказы и повѣсти интересно, оригинально задуманы, легко написаны, но имъ не суждена вѣчность или относительное долготѣіе. Но Случевскій, авторъ стиховъ, останется въ русской поэзіи, хотя, быть можетъ, и не скоро исчезнетъ двойственность въ оцѣнкѣ его поэзіи, преслѣдовавшая всю дѣятельность Случевского. Въ то время, какъ у большой публики и въ передовой критикѣ стихи Случевского встрѣчались холоднымъ молчаніемъ или пренебрежительно-поверхностными отзывами, въ одномъ кружкѣ поэтовъ его провозгласили «королемъ поэзіи», великимъ поэтомъ. Поэзія Случевского, несомнѣнно, одно изъ оригинальнѣйшихъ литературныхъ явленій нашего времени. Начнемъ съ указанія на то, что по темамъ своихъ стиховъ это—одинъ изъ разнообразнѣйшихъ поэтовъ. Вотъ уже кого нельзя было бы понять при помощи распространеннаго у насъ

Константи́н Константи́новичъ Случевскій.

критическаго метода, сводящагося къ разысканію основнаго мотива творчества! У Случевского не найти основнаго мотива; онъ не поэтъ объ одномъ и томъ же настроеніи, онъ мѣняется вѣчно. Точно всѣ силы своего духа онъ употреблялъ на то, чтобы не пропустить ни одной темы, ни одного явленія душевной жизни. У него есть стихи, посвященные природѣ, любви; есть юмористическіе стихи, но больше всего раздумій надъ жизнью. Его поэзія есть постиженіе тайны міра путемъ поэтическаго воспріятія. Мы напрасно стали бы искать опредѣленнаго философскаго міросозерцанія у Случевского. Отдѣльныя поэтическія откровенія не сложились въ синтезъ. Случевскій—поэтъ-мыслитель, онъ стоитъ въ одномъ ряду съ Баратынскимъ и Тютчевымъ. Въ этомъ опредѣленіи «поэтъ-мыслитель» чувствуется какое-то противорѣчіе; мы еще далеко не склонны считать мысль предметомъ поэзіи, и потому-то и относимся съ большимъ сомнѣніемъ къ «поэтамъ-мыслителямъ». Въ этомъ—тайна неуспѣха Случевского. Какимъ образомъ возникаетъ лирика мысли, остается неяснымъ не только для большой публики, но и для эстетической науки. У Случевского есть очень оригинальное стихотвореніе, въ которомъ онъ говоритъ о корнѣ своей поэзіи.

Я задумался и—одинокъ остался;
 Полюбилъ и—жизнь великой степью стала;
 Дружбу я узналъ и—пламя степь спалило;
 Плакалъ я и—василиски нарождались.
 Сталъ молиться я—пошли по степи тѣни;
 Сталъ надѣяться и—свѣтъ небесъ погаснулъ;
 Проклялъ я—застыло сердце въ страхѣ;
 Я заснулъ—но не нашелъ во снѣ покоя...
 Усомнился я—заря зажглась на небѣ,
 Звучный ключъ пробился гдѣ-то животворный,
 И по степи, неподвижной и алкавшей,
 Поросла новая въ цвѣтахъ зазеленѣла.

Послѣдніе стихи звучатъ парадоксально: сомнѣніе—мать поэзіи! Впрочемъ, для поэта и весь міръ является созданіемъ его «я».

Поэтъ Случевскій думаетъ о тайнахъ міра, тайнахъ жизни и смерти, о потустороннемъ мірѣ. Его поэзія полна мистическихъ воспріятій. Поэтъ чувствуетъ иной міръ, онъ убѣжденъ въ его существованіи, но другихъ отвѣтовъ у него нѣтъ. Иногда этотъ иной міръ ему кажется созданнымъ лишь его мечтой, а иногда реально существующимъ.

Богъ создалъ не одинъ, а два великихъ міра:
 Міръ, видимый для насъ, весь въ краскахъ и чертахъ,
 Міръ тяготѣнія! Отъ камня до зѣира
 Онъ—въ подчиненіи, въ безсилѣ и въ цѣпяхъ...

Но подлѣ міръ другой! Изъ мысли человѣка
Отъ вѣка рожденный, онъ, что ни день, растетъ!
Для мысли доброй нѣтъ, и ей вездѣ просьба,
И тяготѣнія она не признаетъ.

Въ ней мощь нетлѣнія! Повсюду проступая,
Мысль свой особый міръ въ подлунной создала,
И въ немъ вершить, мысль Бога воплощая,—
Нерукотворныя и вѣчныя дѣла!

Метафизическія мученія поэта состояли въ томъ, что мистическія воспріятія дали ему почувствовать иной міръ, но не дали никакого представленія о его сущности. Онъ иногда такъ ясно сознавалъ, что весь міръ созданъ имъ, и въ то же время чувствовалъ активность иного міра.

Человѣкъ рѣшается... и въ его рѣшеніи
Міръ несуществующій въ облакахъ присутствуетъ,
Онъ зоветъ на подвиги, тянетъ къ преступленію...

Съ этой точки зрѣнія особенно интересными становятся исканія Случевского въ области безсмертія.

Изъ всѣхъ идей трансцендентальнаго порядка Случевского больше всего занимаетъ идея безсмертія міра и человѣка. Его «Senilia»—«Пѣсни изъ уголка», можно сказать, проникнуты волненіемъ духа, томящагося о безсмертіи. Неоднократно Случевскій рисуетъ картины своей смерти и задается вопросомъ о грядущемъ послѣ нея. Перечитайте его стихи, и вы увидите, что вопросъ о безсмертіи такъ и остался для него вопросомъ. Это очень характерно: несомнѣнный мистикъ и идеалистъ, онъ не имѣлъ и не нашелъ полноты вѣры, не увѣрился въ своемъ посмертномъ существованіи. Идея безсмертія всегда казалась самой страшной для его мистицизма и идеализма. Что мнѣ иной міръ, если моя жизнь не продолжится! — «Умершій сгинулъ безвозвратно, земное въ немъ завершено... Что дальше? людямъ непонятно; безсмертье — плодъ, а мы — зерно!» Случевскій отрицаетъ воздѣйствіе иного міра на насъ: «Загробный міръ—необходимость въ великой логикѣ причинъ, но тутъ возможна совмѣстимость: и оба міра — лишь одинъ». У Случевского при несомнѣнномъ мистицизмѣ воспріятій внѣшняго міра замѣтна сильная склонность именно къ позитивному обоснованію идеи безсмертія, какъ результата необходимости въ цѣпи причинъ и слѣдствій. Сомнѣніемъ порождена поэзія Случевского, и самъ онъ все же скептикъ, сомнѣвающимся сынъ родины.

Я буду умирать! Со мною, обмирая,
Но все еще живя, сверкая и звеня,
Мечта и мысль, законамъ уступая,
Начнутъ вдругъ отходить куда-то отъ меня—

Въ непостижимое, неясное, въ нѣмое—
 Въ слои невѣдомыя «множества жилищъ»...
 И съ ними отойдетъ все то полуземное,
 Въ чемъ богомъ я бывалъ, родившись слабъ и нищъ...

И можетъ быть, тогда, какъ эха откликъ нѣжный,
 Въ иной загробный міръ я имъ во слѣдъ пройду—
 Какъ и они, живой, свободный, безмятежный—
 И, личностью своей вполнѣ не пропаду.

Нѣтъ вѣры, нѣтъ силы убѣжденія въ этихъ стихахъ, и идея бессмертія не убѣждаетъ и не увлекаетъ! Робкое «можетъ быть» разрушаетъ всю иллюзію свободы и нирваны посмертной жизни. Не увѣренный въ личномъ бессмертіи, Случевскій ищетъ, такъ сказать, абстрактнаго бессмертія: будетъ жить его поэзія, будетъ жить и онъ. Въ интимности общенія поколѣній продолжается жизнь.

Но я желалъ бы всей душою
 Въ стихѣ таинственно-живомъ
 Жить заодно съ моей страной
 Сердечной пѣсни бытіемъ!
 Пѣснь—такъ чудесная мгновенья,
 Всегда отвѣтитъ на призывъ;
 Она—сердечнаго движенья
 Увѣковѣченный порывъ;
 Она не жжетъ!

Но рѣдко поэтъ такъ категорически говоритъ о будущемъ: чрезвычайно любопытно, что всякій разъ, какъ онъ говоритъ о чаяніяхъ, онъ обычно прибавляетъ «можетъ быть». Но преемственность воспоминанія—лишь суррогатъ бессмертія. Поэтъ останавливается на таинственномъ процессѣ воспоминанія: отсюда онъ хочетъ извлечь утѣшительные намеки.

Философія Шопенгауэра оказала глубокое вліяніе на міросозерцаніе автора. Міръ призраченъ!

Всѣ наши правды и сомнѣнья—
 Все это создалъ умъ людской:
 Намъ только кажутся движенья,
 Намъ только чувствуется покой.
 Что бездны звѣздъ! Вѣдь безднъ такихъ
 Такъ много, какъ и глазъ людскихъ!
 Да, міръ и всѣ его основы—
 Свои для каждаго изъ насъ!
 Я умеръ—цѣлый міръ погасъ!
 Ты родился—возникнуть новый:
 Тѣмъ несомнѣннѣй, тѣмъ полнѣй,
 Чѣмъ ярче мысль души твоей!
 Для нищихъ духомъ нѣтъ сомнѣнья,
 Сводъ неба твердъ, лежитъ шатромъ;

Весь кругозоръ ихъ въ силѣ зрѣнья,
Ихъ нѣтъ въ грядущемъ, нѣтъ въ быломъ!
Нѣтъ чувства безднѣ для ихъ умовъ.
Нѣтъ пониманья, нѣтъ и словъ...

При такомъ воззрѣннн вполнѣ послѣдовательнымъ является представленіе объ историческомъ процессѣ, о прошломъ, какъ созданіи моего «я». Иллюзорна вся прошлая исторія. Эта мысль легла въ основаніе одного стихотворенія Случевского. Поэтъ говоритъ, что въ немъ, поэтѣ, спятъ всѣ герои исторіи.

И всѣ они, какъ будто зерна
Въ своихъ скорлупкахъ по веснѣ,
Въ свой срокъ способны раскрываться
И жить, не въ первый разъ, во мнѣ.

И что за звонъ, и что за грохотъ,
И что за жизненность картинъ,
Тогда несущихся по мыслямъ,—
Имъ счета нѣтъ, а я одинъ!

Какая связь межъ всѣми ими
И мною? Во тѣмъ грядущихъ дней,
Какое мѣсто будетъ нашимъ
Въ грядущихъ памятяхъ людей?

О, нѣтъ! Не кончено творенье!
Богъ продолжаетъ создавать,
И, чтобы мнръ былъ необъятнѣй,
Онъ научилъ—не забывать!

Забвеніе становится синонимомъ смерти. Пока нѣтъ забвенія, пока память развертываетъ страницы воспоминаній, и идея безсмертія кажется легко пріемлемой. Но вотъ поэтъ на кладбищѣ.

Читаешь имя... какъ-то странно!
Въ немъ просьба будто бы слышна,
Борьба послѣдняя съ забытьемъ,
Но... прекратится и она!

Чаянія Случевского полны тревоги, и отвѣты его на основные вопросы бытія полны сомнѣнія. Его поэзія, несомнѣнно,—знаменіе времени. Муза Случевского будитъ мысль, тревожитъ ее, но не даетъ успокоенія. Владимиръ Соловьевъ красиво выразился о стихахъ Случевского:

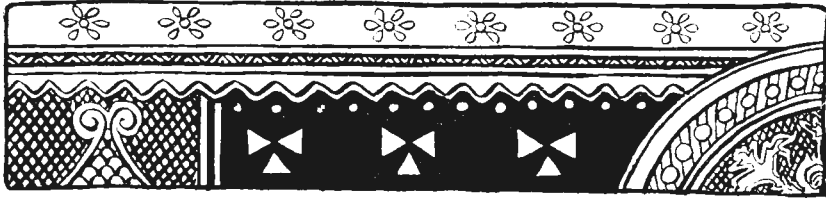
Даритъ меня двойной отрадой
Твоихъ стиховъ вечерній свѣтъ:
И мысли ясной прохладой,
И тѣмъ, чему названья нѣтъ.

Каждое произведение искусства сопровождается извѣстными эстетическими эмоціями. Поэзія Случевского оставляетъ особенное впечатлѣніе, какое-то «ирраціональное», даритъ насъ «тѣмъ, чему названья нѣтъ».

Во всякомъ случаѣ стихи Случевского претендуютъ на непреходящее значеніе. Для насъ они закрѣпляютъ текущій моментъ мистическихъ исканій, не увѣнчанныхъ. Тотъ минимумъ значенія, которое поэзія Случевского имѣетъ въ наше время, опредѣляетъ официальный отзывъ критика, которому академія наукъ поручила разборъ «Сочиненій Случевского». «Поэзія г. Случевского въ наше время получаетъ особое значеніе. Она показываетъ, какъ, сохраняя тонкое эстетическое чувство и способность цѣнить въ жизни не одну лишь ея видимую и временную стоимость, можно остаться не только созерцателемъ мимолетныхъ явленій, но и судьей ихъ, т.-е. ихъ участникомъ. Поэзія г. Случевского одинаково далека отъ индифферентнаго эстетизма и отъ слишкомъ на интересъ бьющаго реализма. Нашъ поэтъ сталъ къ жизни не на такое далекое разстояніе, чтобы, оглядываясь кругомъ, не увидать ничего, кромѣ пустого пространства и своей собственной особы, и онъ не сталъ къ ней также настолько близко, чтобы видѣть лишь одну какую нибудь деталь. У него есть чему поучиться въ наше время миниатюрныхъ фотографій и туманныхъ пятенъ въ литературѣ».

П. Е. Павловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. Шиловскій. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1904.

КНИГА г. Шиловскаго представляет собою сборникъ актовъ, относящихся къ вопросу выясненія политическихъ правъ Финляндіи. Въ ней приведены какъ тѣ документы, на которые ссылаются сторонники политической самостоятельности Финляндіи, такъ и тѣ, на которыхъ основываютъ свои сужденія ихъ противники. Кромѣ того, въ отдѣлѣ, посвященномъ шведскому государственному праву конца XVIII столѣтія, помѣщены нѣкоторые впервые обнародываемые акты, заключающіе въ себѣ много интересныхъ данныхъ для оцѣнки и уясненія государственнаго строя Швеціи въ эпоху присоединенія Финляндіи къ Россійской имперіи. Въ книгу такимъ образомъ вошли: манифесты о сохраненіи особыхъ правъ Финляндіи императоровъ: Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II; памятники шведскаго государственнаго права эпохи присоединенія Финляндіи, всеобщее уложеніе Швеціи, мирные договоры съ Швеціей со временъ Великой Сѣверной войны, русскіе манифесты, сообщающіе о различныхъ моментахъ, касающихся взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ эпоху присоединенія Финляндіи, и наконецъ различные акты русской верховной власти, касающіеся внутренней жизни и правового порядка финской окраины.

Большинство документовъ, собранныхъ въ книгѣ г. Шиловскаго, снабжено пояснительными замѣчаніями по преимуществу историческаго характера. Кромѣ того, собранію предислано общее введеніе, въ которомъ авторъ выясняетъ свой личный взглядъ на правовое значеніе приводимаго имъ матеріала. По мнѣнію г. Шиловскаго, «рѣшить, какіе изъ приводимыхъ актовъ и какія ихъ

части нынѣ устанавливають политическія права Финляндіи и образуютъ дѣйствующій кодексъ ея современнаго публичнаго права, весьма трудно». Съ одной стороны, тому препятствуетъ то обстоятельство, что присоединеніе Финляндіи произошло при внѣшней обстановкѣ, не соответствовавшей внутренней природѣ совершавшихся событій; съ другой стороны, актамъ, опредѣляющимъ положеніе Финляндіи въ отношеніи къ Россіи, манифестамъ 1809 года, даровавшимъ особыя привилегіи финляндцамъ, пришлось быть изданными въ очень неясной редакціи, и раскрыть ихъ дѣйствительный смыслъ, думаетъ авторъ, почти невозможно.

Присоединеніе, или, лучше сказать, завоеваніе Финляндіи въ 1808—1809 годахъ, было слѣдствіемъ не одной случайной удачи Россіи; цѣлое столѣтіе упорной борьбы подготовляло это событіе. Только неимоверными усиліями Россія укрѣпила за собой право первенствующей сѣверной державы, и плодомъ побѣды явилось присоединеніе Финляндіи. Несомнѣнно, что захваченная русскими войсками и оставленная шведами на произволъ судьбы Финляндія, какъ шведская провинція, не могла диктовать побѣдителю своей метрополи какія либо условія или даже что либо выговаривать въ свою пользу. Если что либо и было обѣщано финляндцамъ, то это были одностороннія волеизъявленія русскаго императора. Но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шиловскій, въ этихъ обѣщаніяхъ заключалось нѣчто многозначительное и вмѣстѣ съ тѣмъ неясное. Александръ I обѣщалъ сохранить Финляндіи «религію, коренные законы, привилегіи и права сословій согласно конституціямъ ихъ». Выраженіе «коренные законы» было неправильно переведено шведскимъ юридическимъ терминомъ «Grundlagar», означающимъ въ Швеціи «государственные конституціонные законы». Между тѣмъ своихъ коренныхъ или конституціонныхъ законовъ, особыхъ правъ и привилегій Финляндія, какъ составная часть Швеціи, до 1809 года не имѣла, а сохраненіе ея въ точности всѣхъ политическихъ законовъ Швеціи начала XVIII столѣтія было, говоритъ авторъ, невозможно, такъ какъ многіе изъ этихъ законовъ шли кореннымъ образомъ въ разрѣзъ съ образомъ правленія имперіи. Помимо того, нѣкоторыя положенія шведскаго государственнаго права выставляли даже требованія, прямо невозможныя для исполненія ихъ русскимъ монархомъ: таковы требованія того, чтобы король былъ лютераниномъ, чтобы при вступленіи на престолъ онъ торжественно выражалъ свое отвращеніе къ самодержавію и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаніе сохраненія коренныхъ законовъ было дано. Отсюда и получилась неясность.

Конечно, кто знаетъ характеръ и личные взгляды императора Александра I, тотъ можетъ себѣ представить, что въ допущенной неясности все-таки выразилось желаніе государя поставить Финляндію въ особое привилегированное положеніе. Сходныя права были прямо дарованы Польшѣ, и въ отношеніи коренной Россіи имѣлись не приведенныя въ исполненіе предначертанія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что финляндцы изъ обѣщаній составили себѣ опредѣленные политическіе взгляды, которые, какъ бы то ни было, все-таки получили санкцію верховной власти, въ своихъ манифестахъ удостовѣрившей, что Финляндія—«свободная нація, пользующаяся правами, которыя ей удостовѣряетъ ея конституція». Особенности финляндскаго мѣстнаго права яви-

лись даромъ русскихъ государей финскому народу, но, какъ особенности, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ получили право на существованіе. Поэтому г. Шиловскій правильно замѣчаетъ, что если даръ по измѣнившимся условіямъ времени въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ быть отобранъ, то, тѣмъ не менѣе, отнятіе это должно производиться съ должной осторожностью для того, чтобы не причинять напрасной боли и страданій жизнеспособной единицѣ.

В. Гр—скій.

Э. Н. Берендсъ. Лекціи по административному праву великаго княжества Финляндскаго, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1901/1902 учебномъ году. Томъ II. Главные органы управления въ Финляндіи. Спб. 1904.

Своевременно нами было отмѣчено появленіе въ печати въ высшей степени цѣннаго перваго тома лекцій профессора Берендса по административному праву Финляндіи. Будучи, съ одной стороны, знатокомъ финляндскаго права, почтенный ученый вмѣстѣ съ тѣмъ является историкомъ права русскаго. Это обстоятельство между прочимъ и сообщаетъ его работамъ въ области изученія финляндскаго правового порядка особое значеніе и цѣнность.

Первый томъ лекцій г. Берендса посвященъ историческому обзору сложенія финляндскихъ сословій. Во второмъ мы находимъ ученіе о формахъ управленія Финляндіей и о различныхъ центральныхъ органахъ суда и администраціи. Точно также на основѣ историческаго развитія профессоръ Берендсъ знакомитъ читателя съ статсъ-секретаріатомъ, сенатомъ, генераль-губернаторомъ. Систематическое изложеніе административнаго права Финляндіи, повидимому, впервые у насъ появляется въ книгѣ уважаемаго ученаго, къ сожалѣнію, недавно покинувшаго созданную кафедру имъ финляндскаго права въ Петербургскомъ университетѣ. Ученію о высшихъ органахъ финляндскаго управленія авторомъ предпослано полупублицистическое введеніе, въ которомъ почтенный знатокъ финляндскаго юридическаго порядка высказываетъ свой взглядъ на русско-финскія отношенія. Взглядъ этотъ своеобразенъ и несомнѣнно вѣренъ.

Какъ извѣстно, насчетъ особенностей финляндскаго управленія имѣется въ литературѣ нѣсколько возрѣній, отстаиваемыхъ съ большей или меньшей настойчивостью и даже страстностью. Въ спорѣ по этому вопросу участвуютъ какъ патентованные ученые, такъ и публицисты. Выходя изъ области теории, споръ этотъ вызывалъ и въ самой жизни разныя послѣдствія. Разбираясь въ фактахъ, профессоръ Берендсъ находитъ, что всѣ, кто до сихъ поръ занимался финляндскимъ вопросомъ, съ какой бы точки зрѣнія они къ нему ни подходили, допускали одну общую ошибку. Всѣ отрѣшались отъ историческаго пониманія условій, въ которыхъ произошло юридическое обособленіе Финляндіи, въ настоящее время дающее столько поводовъ для недоразумѣній. Ясное пониманіе вещей и съ одной и съ другой стороны затемняетъ политика, между тѣмъ какъ дѣло рѣшается весьма просто. Александръ Благословенный завоевалъ Финляндію не случайно. Къ отторженію финскихъ земель отъ шведской короны

склоняли государя какъ вліятельные финскіе эмигранты, такъ и русскіе политики, хотя и изъ разныхъ соображеній. Русскіе считали необходимымъ обезпечить флангъ и утвердить положеніе Россіи на сѣверѣ, финны стремились осуществить мечту о полунезависимомъ финскомъ государствѣ подъ покровительствомъ могущественной Русской имперіи. Умы Финляндіи были подготовлены къ перемѣнѣ въ политическомъ положеніи края, въ которомъ существовало крайнее неудовольствіе правленіемъ Августа IV, рѣзко отличавшагося отъ вдохновеннаго въ ту пору широкими реформами Александра Перваго. Въмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе за финляндцами правъ, предоставленныхъ имъ Швеціей, въ то время казалось для Россіи не только возможнымъ, но даже невыгоднымъ. Въ ту эпоху яснаго представленія о необходимости единообразія и единства формъ проявленія государственной власти еще не имѣлось. Господствовало вотчинное воззрѣніе, разсматривавшее государство, какъ конгломератъ различныхъ земельныхъ приобрѣтеній и сословныхъ правъ. Поэтому, когда при дворѣ Александра Благословеннаго возникла борьба мѣтній относительно объема правъ финскаго народа, одни (финляндскій эмигрантъ Спренгпортенъ) настаивали на необходимости дарованія финляндцамъ самостоятельнаго политическаго бытія подъ скипетромъ русскаго императора, другіе (Румянцевъ, Аракчеевъ) добивались присоединенія Финляндіи на правахъ привилегированной провинціи. Государь колебался, но въ концѣ концовъ подъ вліаніемъ политическихъ событій нѣсколько склонился въ сторону финляндскихъ патріотовъ, хотя и не совсѣмъ на общихъ съ ними основаніяхъ. Александръ Благословенный выразилъ волю присоединить Финляндію къ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ край сохранилъ шведскія особенности управленія съ сеймомъ земскихъ чиновъ. Поэтому манифесты монарха говорили о коренныхъ законахъ Финляндіи, о ея конституціяхъ, правахъ и преимуществахъ сословій.

Обсуждая эти данныя, финляндскіе публицисты утверждаютъ, что Александръ I утвердилъ конституцію края, т. е. ту совокупность началъ и постановленій, которыми опредѣлялось политическое устройство Финляндіи, и всѣ тѣ постановленія, которыми опредѣлялось публично правовое положеніе каждаго сословія. Русскіе ученые расходятся во взглядахъ на данный вопросъ. Одни стоятъ на точкѣ зрѣнія финляндскихъ публицистовъ, другіе доказываютъ, что, утверждая общіе законы края, императоръ не имѣлъ въ виду обезпечить завоеванной провинціи особый образъ политическаго устройства, не сходный съ самодержавнымъ строемъ Россіи. Личный взглядъ проф. Берендса въ основѣ склоняется къ воззрѣніямъ финляндскихъ писателей, но безъ тѣхъ практическихъ и теоретическихъ выводовъ, которые дѣлаются воинствующими публицистами. Профессоръ Берендсъ указываетъ на то, что при оцѣнкѣ намѣреній императора Александра необходимо стать на точку зрѣнія событій и взглядовъ 1809 года, а не смотрѣть на изданные государемъ манифесты о подтвержденіи правъ финскаго народа съ точки зрѣнія современныхъ государственно-правовыхъ и политическихъ теорій. Политическія обстоятельства требовали, чтобы для привлеченія финляндцевъ на сторону Россіи имъ было дано больше, чѣмъ дала имъ Швеція. Слитіе Финляндіи съ Россіей на правахъ провинціи не удовлетворило бы желаній и надеждъ финскихъ передовыхъ дѣятелей. Ближайшее будущее

было не таково, чтобы въ тылу Петербурга можно было оставить край, разочарованный въ своихъ расчетахъ и могущій тяготѣть къ Швеціи. Конечно, при этомъ Александръ Благословенный не могъ не знать того, что онъ даровалъ финляндцамъ. Шведскіе законы, оставшіеся за финнами, были хорошо извѣстны Россіи еще при Екатеринѣ II-ой, и укорять, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, императора въ непониманіи совершаемаго, по меньшей мѣрѣ, странно.

Шагъ за шагомъ, дѣльмъ рядомъ вѣскихъ доказательствъ проф. Берендсъ удостовѣряетъ, что льготы финляндцамъ не представляли чего либо особаго, что не соотвѣтствовало бы историческимъ примѣрамъ отношенія Россіи къ завоеваннымъ областямъ. Мало того, освободительныя преобразования увлекали въ то время молодого государя, который мечталъ приложить ихъ не только къ окраиннымъ провинціямъ, но ввести и въ коренной Россіи. Вѣсть съ тѣмъ, однако, Александръ I вовсе не думалъ умалять своей власти самодержца, тѣмъ болѣе, что на основаніи сохранныхъ для Финляндіи шведскихъ законовъ онъ могъ, несмотря на существованіе сеймовъ, также самостоятельно управлять Финляндіею, какъ Густавъ III и Густавъ IV управляли Швеціей. Императору и въ голову не приходило отторгать Финляндію отъ Россіи или привязывать ее на тонкой ниточкѣ той политической связи, которая называется личной или реальной уніей. Да въ то время и не дѣлалось разныхъ тонкихъ различій въ отношеніяхъ государствъ, выдвинутыхъ современной наукой. Финляндцы присягали русскому императору, между финансами обѣихъ частей имперіи не предполагалось существованіе непроходимой пропасти; цѣлый рядъ финляндскихъ дѣлъ чисто внутренняго характера рѣшался при участіи русскихъ министровъ и т. д. Не даромъ въ манифестѣ 5 іюня 1808 г. было сказано: «Въ средѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто».

Таковы воззрѣнія уважаемаго ученаго на русско-финляндскій вопросъ. Они достойны всяческаго вниманія, какъ клонящіяся къ идеѣ прочнаго объединенія различныхъ частей имперіи на основахъ широко допускаемаго мѣстнаго самоуправленія.

В. Грибовскій.

Профессоръ Л. Е. Владимировъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе. Москва. 1904.

Столѣтняя годовщина со дня рожденія Хомякова, исполнившаяся 1-го мая нынѣшняго года, вызвала къ жизни новую о немъ книгу, имѣющую цѣлью при помощи послѣдовательнаго анализа разбросанныхъ въ сочиненіяхъ Хомякова идей построить связанное и, насколько возможно, полное этико-соціальное ученіе этого писателя. Въ нашей литературѣ это не первая уже попытка такого рода. Мы имѣемъ въ виду превосходную книгу Ляковскаго: «А. С. Хомяковъ и его ученіе». Трудъ г. Владимирова существенно разнится, однако, и по объему, и по характеру своему отъ работы Ляковскаго: у Ляковскаго передъ нами полная систематизація всего ученія Хомякова, г. Владимировъ излагаетъ «по Хомякову» только теорію государства и общества въ ихъ отношеніи

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1904 г., т. хviii.

24

къ нравственнымъ началамъ. Г. Лясковскій, желая оберечь память покойнаго писателя отъ всякихъ прибавокъ, передержекъ и передѣлокъ, которыя, какъ извѣстно, славянофильское ученіе измѣнили до неузнаваемости, передаетъ мысли Хомякова его же собственными словами, ограничиваясь самой объективной ихъ систематизаціей и не прибавляя отъ себя ровно ничего. Его цѣль дать читателю настоящаго Хомякова. У г. Владимірова Хомяковъ получаетъ особую, во многомъ ему вовсе несвойственную, владиміровскую фізіономію. Есть цѣлые отдѣлы (напримѣръ, IX, X, XI отдѣлы главы 5-ой), въ которыхъ о Хомяковѣ и его ученіи и помину нѣтъ. Дѣло въ томъ, что подъ знаменемъ Хомякова г. Владиміровъ предлагаетъ читателю свое собственное «этико-соціальное ученіе». Происходящая отсюда путаница, конечно, можетъ только препятствовать уясненію идей Хомякова и его литературнаго облика.

Съ самыхъ первыхъ страницъ книги г. Владимірова неприятно рѣжетъ ухо рѣзкій и бранчивый ея тонъ, подъ которымъ скрывается духъ, если можно такъ выразиться, вполне анти-хомяковскій. «Культурные разбойники, культурные грабители, культурные истязатели беззащитныхъ, культурные республиканцы-инквизиторы и застѣночные палачи, вы показали передъ цѣлымъ міромъ, что вы такое въ сущности... Ваши конторскія добродѣтели могутъ украшать и волковъ, вышколенныхъ для мирнаго общежитія». Такова рѣчь, съ которой обращается бывшій профессоръ Харьковскаго университета къ народамъ Запада. Но не менѣе достается отъ него и намъ, русскимъ. Приведя слова Хомякова о постепенномъ исчезновеніи формализма изъ области права, которое «перестаетъ теперь быть достояніемъ школяра и дѣлается достояніемъ человѣка», онъ раздражается слѣдующей тирадой по адресу своихъ товарищей-юристовъ: «О великій чутель правды, Хомяковъ! Право и нынѣ все еще въ рукахъ школяра, еще болѣе тупого школяра, чѣмъ въ то время, когда ты писалъ свои завѣты! Школяръ этотъ заполонилъ литературу, кафедры и собранія. Онъ горланитъ на всѣхъ углахъ, что нравственность одно дѣло, а право—совсѣмъ другое». Еще двѣ-три страницы далѣе, и уже не только юристы, но и вся наша читающая публика, т.-е. и читатели самого г. Владимірова, получаютъ кличку «полубразованнаго, тупого стада» (стр. 47). Не говоря о неумѣстности подобнаго рода выраженій во всякой сколько нибудь серьезной книгѣ, едва ли въ нихъ слышится тотъ «духъ братолюбія къ братьямъ-людямъ», который такъ высоко цѣнилъ Хомяковъ въ другихъ, и которымъ такъ вѣетъ съ каждой страницы его собственныхъ сочиненій даже въ мѣстахъ наиболѣе рѣзкихъ.

Но этого недостаточно. Самое содержаніе «этико-соціального ученія», излагаемаго въ книгѣ г. Владимірова, далеко не вполне точно соответствуетъ мыслямъ Хомякова. Какъ на примѣръ произвольныхъ допущеній со стороны автора, можно указать на разборъ имъ знаменитаго мѣста изъ статьи о юридическихъ вопросахъ, гдѣ Хомяковъ говоритъ о задачѣ, стоящей передъ русскимъ народомъ. «Все, что благородно и возвышенно; все, что исполнено любви и сочувствія къ ближнему; все, что основывается на самоотреченіи и самопожертвованіи, все это заключается въ одномъ словѣ: христіанство. Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ

человѣческихъ обществъ. Вздумали бы мы быть самымъ могучимъ, самымъ матеріально-сильнымъ обществомъ? Испробовано. Или самымъ богатымъ, или самымъ грамотнымъ, или даже самымъ умственно-развитымъ? Все равно: успѣха бы не было, потому что никакая низшая задача не привлечетъ къ себѣ народнаго сочувствія. Россіи надо быть самымъ нравственнымъ изъ всѣхъ человѣческихъ обществъ, или ничѣмъ; но ей легче вовсе не быть, чѣмъ быть ничѣмъ. Итакъ, всякъ да приложитъ свой честный трудъ къ разрѣшенію общей задачи. Братолюбія не забывайте». Спрашивается, что разумѣлъ здѣсь Хомяковъ подъ словомъ «Россія» — государство или общество и народъ русскій? Последнія слова вышеприведенной цитаты не оставляютъ сомнѣнія, что Хомяковъ говорилъ здѣсь о призваніи русскаго народа, а не о государствѣ. Между тѣмъ г. Владимировъ въ этой самой цитатѣ находитъ «точное опредѣленіе Хомяковымъ цѣли государства» и не только Русскаго, а государства вообще; основываясь единственно на этой цитатѣ, онъ пишетъ цѣлый рядъ главъ, носящихъ названіе: «Ученіе Хомякова о цѣли государства», и выводитъ изъ своихъ общихъ разсужденій нить слѣдствій, среди которыхъ фигурируетъ, между прочимъ, требованіе, чтобы государственные законы представляли собой катехизисъ нравственныхъ правилъ: «въ законодательствѣ государство должно помѣщать нравственныя правила для освѣщенія пути людямъ» (стр. 118). «Безнаказанно, — пишетъ въ одномъ мѣстѣ Хомяковъ, — нельзя смѣшивать общественную задачу съ политической». Г. Владимировъ смѣшалъ ихъ въ одно въ изложеніи ученія Хомякова, хотя этотъ послѣдній прекрасно зналъ, что государство имѣетъ свою особую, ему только свойственную область.

Это, однако, лишь произвольное толкованіе словъ Хомякова. У г. Владимірова есть мѣста, прямо противорѣчащія ученію, которое онъ взялся изложить. Извѣстенъ взглядъ Хомякова на искусство, какъ чистое, такъ и обличительное. Хомяковъ высоко цѣнилъ нравственное дѣйствіе послѣдняго на человѣка. Въ отвѣтной рѣчи графу Л. Н. Толстому 4-го февраля 1859 года онъ, признавая «права словесности, служительницы вѣчной красоты», тутъ же называетъ словесность обличительную «дѣлительницей общественныхъ язвъ, стремящей человѣка или общество къ нравственному совершенству». Ясно, что, по его мнѣнію, искусство имѣетъ высокое нравственное значеніе. Раскройте теперь книгу г. Владимірова на главѣ: «Государство и привычныя нравственныя мотивы личности», и вы увидите тамъ слѣдующія *via desideria* касательно искусства драматическаго: «Развлекайте, но не углубляйтесь ни въ психологію, ни въ мораль... Жизнь должна быть отдѣлена отъ сцены строгою линіей... Пусть сцена даетъ чудныя декораціи, красивыя историческія картины, фееріи или же остроумныя водевилы, вызывающіе улыбку, смѣхъ у озабоченныхъ и угнетенныхъ людей. Чѣмъ меньше сцена будетъ вліять на привычныя мотивы человѣческихъ дѣйствій, чѣмъ меньше она будетъ вліять на жизнь, тѣмъ лучше. Привычныя мотивы человѣческихъ дѣйствій должны получаться или изъ воспитанія религіозно-нравственнаго, или изъ уроковъ, даваемыхъ дѣйствительною жизнью». Есть ли тутъ хоть что нибудь хомяковское? Между тѣмъ авторъ нигдѣ не дѣлаетъ оговорки, что это его личный взглядъ, и читатель, незнакомый съ сочиненіями Хомякова, готовъ приписать мнѣнія самого г. Влади-

рова Хомякову. Въ книгѣ не проведено между ними демаркаціонной линіи. Очевидно, что такая книга неудобна для знакомства съ Хомяковымъ: многими своими страницами, подъ которыми едва ли бы когда нибудь подписался Хомяковъ, она можетъ оттолкнуть отъ Хомякова не одного читателя.

Если теперь разсматривать изложенное г. Владимировымъ ученіе само по себѣ, безъ отношенія къ ученію Хомякова, то нельзя не признать, что въ книгѣ его найдется немало интересныхъ мыслей и справедливыхъ замѣчаній. Въ общемъ, однако, и въ самомъ построеніи своего ученія и въ частностяхъ авторъ злоупотребляетъ словами: «Богъ, вѣра, нравственность». Хорошо сказать: «живите сообразно съ вѣрой и нравственностью», но спрашивается, какъ это сдѣлать, если даже признать, что авторъ говоритъ о вѣрѣ определенной, христіанской. Авторъ нерѣдко уходитъ отъ этого вопроса и попадаетъ въ тупикъ. Вотъ примѣръ одного изъ такихъ тупиковъ. Авторъ, говоря о законодательной работѣ, предупреждаетъ объ опасности руководиться здѣсь «идеей, убѣжденіемъ». «Идея, убѣжденіе, даже самое горячее,—пишетъ онъ,—можетъ завести въ дебри и привести къ законодательству, извращающему нравственное чувство народа... Исслѣдованіе жизни многихъ преслѣдователей, особенно въ области религіи, показало, что самыя жестокия мѣры исходили отъ людей вполне бескорыстныхъ, отъ людей, горячо преданныхъ вѣрѣ или идеѣ». Гдѣ же отсюда выходъ? Авторъ отвѣчаетъ: «единственное спасеніе отъ подобныхъ жестокихъ убѣжденій—это слѣдованіе тѣмъ неизбѣжнымъ правиламъ нравственности, которыя освящены вѣрою, неизбѣжнымъ и неискаженнымъ изувѣрскими толкованіями» (стр. 34). Итакъ, спасеніе отъ убѣжденій, основанныхъ на вѣрѣ, заключается въ слѣдованіи вѣрѣ же? Но кто же укажетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, гдѣ истинный путь вѣры? Церковь учитъ насъ руководящимъ началамъ жизни; какъ устроить на основаніи этихъ началъ жизнь общества, она не говоритъ. Поэтому ссылаться здѣсь на вѣру значитъ вводить читателя въ завѣдомый тупикъ. Самыми лучшими страницами книги г. Владимірова являются тѣ, гдѣ онъ сходится съ Хомяковымъ; это—главы, посвященныя вопросу о необходимости болѣе правильныхъ отношеній государства къ обществу и о свободѣ слова: рѣчи Хомякова здѣсь такъ ярки и сильны, точно написаны были вчера.

Андрей Сиротининъ.

Къ столѣтней годовщинѣ императорскаго Казанскаго университета, 1804—1904. Петръ Цеплинъ, первый профессоръ Казанскаго университета. Историко-литературный очеркъ ординарнаго профессора Д. Нагуевского. Казань. 1904.

5 ноября текущаго года Казанскій университетъ готовится праздновать столѣтнюю годовщину своего существованія.

Приготовляясь къ чествованію этого дня, совѣтъ университета и поручилъ составленіе «исторіи университета» профессору по кафедрѣ исторіи русскаго права Н. П. Загоскину. Онъ немедленно приступилъ къ выполненію порученнаго труда, котораго въ настоящее время вышло два объемистыхъ тома in-

quarto. Всѣхъ томовъ предположено выпустить восемь. Отпечатанные томы въ продажу не поступали, поэтому мы не въ правѣ дѣлать о нихъ какой либо отзывъ, такъ какъ читатель лишень будетъ возможности провѣрить слова рецензента съ текстомъ разбираемыхъ книгъ.

Но юбилейная историографія Казанскаго университета не ограничивается изданіемъ упомянутого труда профессора Загоскина. На ряду съ нимъ стали работать и другіе профессора, выпуская изъ-подъ своего пера отдѣльныя монографіи, посвященныя исторической жизни Казанскаго университета и его ученыхъ дѣятелей. Такъ, въ недавнее время вышли изъ печати слѣдующія изданія, служація детальнымъ дополненіемъ къ «исторіи» этого свѣтильника высшихъ наукъ на нашемъ европейскомъ Востокѣ: 1) «Преподаватели, учившіеся и служившіе въ Казанскомъ университетѣ (1804—1904). Собралъ А. И. Михайловскій, лекторъ англійскаго языка при Казанскомъ университетѣ. Томъ I. Казань. 1901 г.»; 2) «Матеріалы для исторіи минералогическаго и геологическаго кабинетовъ Казанскаго университета. Орд. проф. А. А. Штукенберга. Казань. 1901 г.»; 3) «Профессоръ Францъ-Ксаверій Броннеръ и его дневникъ и переписка. Изслѣдованіе по архивнымъ документамъ орд. проф. Д. И. Нагуевскаго. Казань. 1902 г.»; 4) «Расположеніе лекцій на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета за время съ 14 февраля 1805 по 1 мая 1903 года (сводныя таблицы). Орд. проф. В. Ф. Залѣскаго. Казань. 1903 г.»; 5) Его же: «Къ столѣтію императорскаго Казанскаго университета (1804—1904). I—Исторія преподаванія философіи права въ связи съ важнѣйшими данными внѣшней исторіи юридическаго факультета; II—Періодъ гоненія на науку (1819—1826—1837), и III—Періодъ хроническаго недостатка въ ученыхъ силахъ (1838—1878)», см. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1903 г., октябрь, ноябрь и декабрь; и 6) «Петръ Цеплинъ, первый профессоръ Казанскаго университета. Историко-литературный очеркъ. Орд. проф. Д. И. Нагуевскаго. Казань. 1904 г.».

Только послѣднее изъ поименованныхъ изданій поступило въ продажу и сдѣлалось доступнымъ публикѣ, предоставляя намъ такимъ образомъ возможность сказать объ этомъ почтенномъ трудѣ нѣсколько словъ.

Работа профессора Д. И. Нагуевскаго является, какъ результатъ усиленныхъ и настойчивыхъ разысканій автора въ архивахъ и книгохранилищахъ Риги и Петербурга и академической библиотекъ Ростокаго университета, въ которомъ Цеплинъ получилъ высшее образованіе. Книга эта прочтется съ большимъ интересомъ. Будущій историкъ Казани извлечетъ изъ нея немало цѣннаго, систематически сгруппированнаго матеріала. Казанскій университетъ былъ центромъ умственной жизни мѣстнаго общества, и первые профессора его, иностранцы, явились пионерами въ дѣлѣ культурнаго развитія полутатарскаго города...

Среди массы историческаго и бытового матеріала, содержащагося въ книгѣ Д. И. Нагуевскаго о Цеплинѣ, читатель натолкнется на такіе неожиданныя факты, какъ, наиримѣръ, сообщеніе, что при директорѣ Кожинѣ въ казанской гимназіи, жизнь которой была тѣсно связана съ университетомъ въ первые годы его существованія, и въ которой Цеплинъ состоялъ временно преподава-

телемъ, до открытія университета, — ученикамъ изъ «благородныхъ» дозволено было, въ отличіе отъ «разночинцевъ», имѣть въ классахъ столы, покрытыя сукномъ; учениковъ же разночинскаго отдѣленія постигло другое распоряженіе: «такъ какъ многіе изъ нихъ вслѣдствіе бѣдности снискивали пропитаніе милостынею, то имъ запрещено было ходить по міру и скитаться», и т. д.

Н. А.

Н. Н. Соколовъ. С.-Петербургская почта при Петрѣ Великомъ. Ислѣдованіе. Спб. 1904.

Петербургъ при Петрѣ пережилъ двѣ эпохи. До Полтавской побѣды ему предназначалось быть исключительно стратегическимъ пунктомъ, послѣ Полтавской побѣды онъ превращается въ столицу. Эти два періода, по указанію г. Соколова, совпадаютъ съ двумя періодами развитія петербургской почты при великомъ Преобразователѣ. Въ теченіе перваго періода почтовые сношенія съ Москвою и другими городами не были приведены еще въ опредѣленную систему и отличались случайнымъ характеромъ. Въ Петербургѣ не существовало особаго почтоваго учрежденія, и даже самое слово «почта», «на почтѣ», «черезъ почту» значило въ то время послать не корреспонденцію, а какое либо лицо (курьера, нарочнаго) съ письмомъ или вещами на почтовыхъ лошадяхъ. Начало устройства правильныхъ почтовыхъ сношеній Петербурга съ внутренними городами и иностранными государствами было положено лишь во второмъ періодѣ, продолжавшемся съ 1714 года до конца царствованія Петра Великаго. Въ это время было учреждено правильное почтовое движеніе между Москвою, Ревелемъ, Ригою, Выборгомъ и Кронштадтомъ; въ новой столицѣ были открыты «почтовый дворъ» и почтовая контора, получившая впоследствии названіе почтамта. Во главѣ этого учрежденія былъ поставленъ почтмейстеръ, а ему въ подчиненіе поступили почтовые чиновники и служители; наконецъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго въ С.-Петербургѣ сосредоточилось центральное управленіе всѣми ямами и почтами государства.

Авторъ на основаніи первоисточниковъ излагаетъ исторію обоихъ періодовъ петровскаго почтоваго управленія, при чемъ, конечно, центр тяжести лежитъ во второй части книги, посвященной второму періоду; здѣсь собраны интересныя данныя о переселеніи ямщиковъ въ Петербургскую губернію, о ихъ грустномъ житіи и правительственныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ на улучшеніе ямщицкаго быта. Отсюда, изъ этой части книги, можно почерпнуть свѣдѣнія о тогдашней цѣнѣ на почтовыхъ лошадей, о существѣ ямской ѣзды, повозкахъ, почтаряхъ. Далѣе идетъ описаніе возникновенія и развитія почтоваго движенія по отдѣльнымъ направленіямъ, а также подробная исторія учрежденія С.-Петербургскаго почтамта. Такимъ образомъ содержаніе труда г. Соколова не только юридическое, но и чисто бытовое. Не лишень интереса небольшой отдѣлъ, посвященный вопросу о письмахъ и газетахъ петровскаго времени. Здѣсь хотя матеріалъ и заимствованъ изъ различныхъ печатныхъ изданій, но зато разбросанныя данныя сведены въ нѣкоторое цѣлое. Изъ этихъ данныхъ видно, что русскіе XVIII вѣка отнеслись къ введе-

нію почтовыхъ установленій крайне недовѣрчиво. Даже умный Посошковъ писалъ: «Сдѣлали почту, а что въ ней великому государю прибыли, про то Богъ вѣдаетъ, а сколько гибели отъ той почты во все царство чинится, того и исчислить невозможно. Что въ нашемъ царствѣ ни сдѣлаеся, то во всѣ земли разнесетса». Въ этомъ отношеніи, конечно, Посошковъ съ точки зрѣнія положенія вещей того времени былъ правъ, и несомнѣнно, что тогдашняя почта болѣе служила иностранцамъ, нежели русскимъ. На ряду съ оцѣнкой почты авторъ приводитъ отрывки изъ писемъ русскихъ людей XVI, XVII и начала XVIII вѣковъ; описывается внѣшній видъ частной корреспонденціи петровскихъ временъ, написаніе адресовъ, которые представляли собою обыкновенно повтореніе первыхъ строкъ самаго письма (обращенія къ лицу). Что касается газетнаго дѣла, то въ очеркѣ г. Соколова имѣются интересныя свѣдѣнія объ участіи въ доставленіи свѣдѣній газетамъ Петербургской почтовой конторы. Въ данномъ случаѣ она замѣняла нынѣ дѣйствующія въ томъ же направленіи телеграфныя агентства; но, кромѣ того, Петербургская контора служила и посредникомъ въ распространеніи газетъ между публикой: на обязанности конторы лежала не только пересылка, но и продажа газетъ желающимъ. Къ книгѣ г. Соколова приложены автографы нѣсколькихъ начальственныхъ лицъ почтоваго вѣдомства того времени (барона Шафирова, князя Щербатова, А. И. Дашкова, Пестеля, Краусса, Аша); имѣются также частичные снимки съ частныхъ писемъ и рукописей петровскаго времени по дѣламъ почтоваго управленія.

Трудъ автора представляетъ собою кропотливую мелочную работу и притомъ какъ бы officialнаго характера. Но такіе труды несомнѣнно нужны и полезны, потому что не только даютъ понятіе о предметѣ, но и заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для того, кто пожелаетъ обратиться къ болѣе широkimъ обобщеніямъ.

В. Гр—скій.

Русская Муза. Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Составилъ П. Я. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1904.

Передъ нами не хрестоматія для учебнаго употребленія и не сборникъ эффектныхъ «вещицъ» для чтенія на эстрадѣ, а книга, претендующая на серьезное литературное значеніе. Составитель желалъ «представить наглядную картину движенія русскаго стихотворнаго искусства въ теченіе XIX вѣка», собравъ все или почти все лучшее въ художественномъ отношеніи, что дала русская поэзія, начиная съ 1802 года, когда появилось «Сельское кладбище» Жуковскаго, и кончая вчерашнимъ днемъ. Группа стихотвореній каждаго поэта сопровождается краткимъ вступительнымъ словомъ, гдѣ г. П. Я. оцѣниваетъ его значеніе и характеризуетъ его творчество.

Критическія сужденія г-на П. Я. вообще не отличаются оригинальностью, но иногда они вызываютъ недоумѣніе. На первыхъ страницахъ книги, въ статьѣ о Жуковскомъ, г. П. Я. объявляетъ, что Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Петровъ (каково сопоставленіе именъ?) пользовались успѣхомъ у

современниковъ «вслѣдствіе доводовъ реторики» и «по прихоти моды». Стоитъ ли доказывать г-ну П. Я., что Ломоносовъ и Державинъ заслужили свою славу, и что ихъ нельзя ставить на одну доску съ почти бездарными Херасковымъ и Петровымъ? Идемъ дальше. Поэтическое значеніе Батюшкова представляется г-ну П. Я. «очень скромнымъ» въ виду того, что Батюшковъ посвятилъ свой талантъ «эллиническому культу физическаго наслажденія», а этотъ культъ, по мнѣнію г-на П. Я., чуждъ «духу русской литературы». Граціозныя антологическія пьесы Батюшкова, которыми такъ восхищался Бѣлинскій, внушаютъ г-ну П. Я. «отвращеніе». Тѣ же фразы объ «отвращеніи» г. П. Я. повторяетъ примѣнительно къ Щербинѣ, антологию котораго довольно сочувственно разбиралъ тонкій критикъ Дружининъ.

Въ отзывѣ г-на П. Я. о Фетѣ чувствуется что-то похожее на грубое непониманіе. «Болѣе жизнерадостнаго поэта нѣтъ въ русской литературѣ», заявляетъ г. П. Я. Сильно сказано; не говоря о *diis minoribus* русскаго Парнасса, неужели Пушкинъ меньше любилъ жизнь, чѣмъ Фетъ? Дѣтскую радость жизни г. П. Я. считаетъ паэсомъ Фетовской музы, которой онъ придаетъ эпитетъ «простодушной». Полно, такъ ли простодушна муза Фета, какъ полагаетъ г. П. Я.? Пусть онъ перечтетъ хотя бы это маленькое стихотвореніе, помѣщенное въ его сборникѣ:

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь.
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ... Не помню, что думалъ...
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,—
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ.

Это ли простодушіе?

Въ Майковѣ г. П. Я. неизвѣстно почему видитъ «живописца природы», подобнаго которому русская поэзія, «можно сказать, не знаетъ». Стихамъ Н. А. Добролюбова онъ придаетъ такое значеніе, какого не придавалъ имъ самъ авторъ: онъ называетъ ихъ «прекрасными» и всерьезъ говоритъ о поэтическомъ дарованіи знаменитаго критика. Въ число лирическихъ шедевровъ Добролюбова г. П. Я. включаетъ извѣстное стихотвореніе:

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ...

Неужели г. П. Я. не чувствуетъ, что это безжизненное стихотвореніе представляетъ собой образцовое общее мѣсто или нѣчто въ родѣ алгебраическаго уравненія съ двумя неизвѣстными? Въ замѣткѣ о Надсонѣ г. П. Я. говоритъ, что такого «красиваго, музыкальнаго» стиха, какъ у Надсона, русская поэзія «не знала со времени Лермонтова». Шаблонное, ни на чемъ не основанное мнѣніе; какъ можно сравнивать могучій, мѣднокованный стихъ Лермонтова съ пѣвучимъ, но не крѣпкимъ стихомъ Надсона? Вдумчивая поэзія Владимира

Соловьева г-ну П. Я. не нравится. Но зато онъ признаетъ поэтическое достоинство за такимъ стихотворнымъ издѣлемъ Максима Горькаго;

Высоко въ горы
Вползъ Ужъ и легъ тамъ,
Въ сыромъ ущельѣ,
Свернувшись въ узелъ
И глядя въ море...
Вдругъ въ то ущелье,
Гдѣ Ужъ свернулся,
Паль съ неба Соколь
Съ разбитой грудью...
Ужъ испугался,
Отползъ проворно,
Но скоро понялъ,
Что жизни птицы
Двѣ-три минуты...
Подползъ онъ ближе
Къ разбитой птицѣ (!!),
И прошипѣлъ онъ
Ей прямо въ очи:
«Что, умираешь?»
— Да, умираю,—
Отвѣтилъ Соколь...

и т. д. въ томъ же родѣ на пространствѣ пяти столбцовъ убористой печати. И въ этой стихотворной канители, которую можно оборвать въ любомъ мѣстѣ, безъ ущерба для смысла, г. П. Я. слышитъ какую-то «смѣлку, призывную ноту»!

Подборъ стихотвореній въ «Русской Музѣ» производитъ странное впечатлѣніе. Отсутствуетъ антологія Батюшкова. Нѣтъ также предестныхъ стихотвореній Майкова «въ антологическомъ родѣ», хотя они чужды того «эллиническаго культа физическаго наслажденія», который смущаетъ г-на П. Я. Нѣтъ ни одной думы Рылѣева: г. П. Я. находитъ ихъ слишкомъ слабыми въ поэтическомъ отношеніи. Нѣтъ и предсмертныхъ стихотвореній Рылѣева, замѣчательныхъ по силѣ и красотѣ стиха. Въ числѣ произведеній Алексѣя Толстого г. П. Я. не помѣстилъ ни «Садка», ни «Змѣя Тугарина», ни «Сватовства», ни «Алеши Поповича». Среди произведеній А. М. Жемчужникова мы не находимъ стихотворенія на смерть Владимира Соловьева, одного изъ лучшихъ стихотвореній маститаго поэта; послѣднія его строки удивительно хороши:

Святымъ восторгомъ окрыленъ,
Онъ шель безъ устали и скоро.
И вѣсть пришла, что скрылся онъ
За грань земного кругозора.

Въ то же время въ ряду «лучшихъ стихотвореній XIX вѣка» фигурируетъ «Валашская легенда» Максима Горькаго, въ которой повѣствуется, какъ юноша Марко поймалъ «красавицу фею» и сталъ цѣловать ее «жарко»; ночью фея исчезла, «у Марко душа загрузила», и онъ бросился въ Дунай, чтобы

найти фею. Это аляповатое стихотвореніе явно клонится къ восхваленію «культу физическаго наслажденія», но ради него г. П. Я. измѣняетъ своей щепетильности, не потому ли, что этотъ шедевръ лишенъ «эллинскаго» изящества, присущаго антологическимъ стихотвореніямъ Батюшкова и Щербинны? Въ качествѣ шедевра русской музы преподносится публикѣ и пресловутая «Пѣснь о Соколѣ» Максима Горькаго, отрывокъ которой приведенъ выше. Одно изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ сборникъ («Свиданіе» В. Мартова), начинается такими многообъщающими стихами:

Красавицу Волгу провѣдать опять,
Признаться, давно я собирался,
И только успѣлъ я увидѣть ее,
Какъ тотчасъ въ любви ей сознался...

Изъ «Звѣздочки» пятидесятихъ годовъ г. П. Я. выкопалъ такое произведеніе «Неизвѣстнаго»:

При сіяющихъ звѣздахъ
Въ полусвѣтѣ, въ полумглѣ,
Тихо-тихо въ небесахъ,
Тихо-тихо на землѣ.
Волны моря (?) не шумятъ,
И не вѣетъ вѣтерокъ;
На деревьяхъ птицы спятъ,
Спитъ и шумный городокъ...

и т. д. Г-нъ П. Я. нашелъ это стихотвореніе «очень милымъ». Пусть такъ; но такихъ «милыхъ» стишковъ сколько угодно въ «Задумевномъ Словѣ» или «Родникѣ», — отчего г. П. Я. не включилъ ихъ всѣхъ въ свой сборникъ? Въ предисловіи г. П. Я. говоритъ, что при выборѣ стихотвореній онъ руководствовался исключительно эстетическими соображеніями. Что жъ это за эстетическія соображенія, на основаніи которыхъ бракуются стихи Батюшкова, Рылѣева, Владимира Соловьева, а въ число «лучшихъ стихотвореній XIX вѣка» ставятся варварскія вирши Мартова или произведенія таинственныхъ незнакомецъ?

Батюшкову г. П. Я. посвящаетъ одну страничку; Рылѣеву — полстранички; поэзія Владимира Соловьева представлена тремя вовсе не характерными для него стихотвореніями; совсѣмъ отсутствуютъ въ сборникѣ имена Подолинскаго, Ознобишина, Жуковскаго-Бернета, З. Гиппиусъ, Ѳ. Соллогуба. Но такимъ свѣтиламъ поэзіи, какъ Гольцъ-Миллеръ, Симборскій, Мартовъ, Барыкова, г. П. Я. отводитъ по три, по четыре страницы, больше, чѣмъ И. Козлову, Веневитинову, Баратынскому, А. Одоевскому, Языкову, Жадовской, и приблизительно столько, какъ Полежаеву, Огареву, Тютчеву, Полонскому, А. Толстому, Плещееву. «Стихи Барыковой», — говоритъ г. П. Я., — грубоваты, временами топорны; но въ нихъ слышится сила, кипитъ живое чувство любви къ родному народу»... И всѣ малоизвѣстные поэты, которыхъ г. П. Я. вытаскилъ на свѣтъ Божій, въ такомъ родѣ, т.-е. «немешкечко деруть», но «въ ротъ

хмельного не берутъ». Когда, наконецъ, будетъ понята та простая истина, что стихи прежде всего должны быть стихами?

Всѣхъ странностей, наноляющихъ книгу г-на П. Я., не перечислить; но мы отмѣтимъ еще одну. Въ число стихотвореній Тургенева г. П. Я. включаетъ пошлый романсъ Паншина изъ «Дворянскаго Гнѣзда». Къ Паншину Тургеневъ относится съ проніей, и ставитъ за счетъ Тургенева стихи, которые онъ заставляетъ его сочинять, такъ же странно, какъ приписывать Пушкину чувства, которыя выражаются въ лирикѣ Ленскаго.

Съ помѣщаемыми стихотвореніями г. П. Я. обходится въ иныхъ случаяхъ довольно безцеремонно. «Свѣтлана» Жуковского показала ему растянutoй, и онъ выхватилъ изъ нея въ концѣ нѣсколько строфъ. «Сельское кладбище» сокращено на добрыхъ три четверти. Изъ «Молитвы» Кольцова г. П. Я. «для замысловъ какихъ-то непонятныхъ» исключилъ два совершенно безобидныхъ стиха. Отрывку изъ «Крестьянскихъ дѣтей» Некрасова дано произвольное заглавіе «Мужичокъ съ ноготокъ».

Стихотворенія Рылѣва: «Исповѣдь Наливайки» и «Гражданинъ», перепечатаны въ сборникѣ въ неполномъ видѣ изъ старата изданія П. А. Ефремова, хотя они давно извѣстны цѣликомъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ въ книгѣ одну невѣрную цитату. Г-нъ П. Я. въ такомъ видѣ цитируетъ мнѣніе Пушкина о «Думахъ» Рылѣва: «Думы Рылѣва и мѣтять въ цѣль, да не попадаютъ». Пушкинъ сказалъ то, да не такъ: «Думы Рылѣва и цѣляютъ, да не впопадъ». Это, конечно, пустяки, но не слѣдуетъ подражать доктору Герценштубе изъ «Братьевъ Карамазовыхъ», который любилъ размазывать своими словами русскія пословицы.

Ал. Ол.

Лонгиновъ, А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1904.

Указанная книга по своему содержанию раздѣляется на четыре главы: въ первой главѣ вступительной (стр. 1—36) даются общія свѣдѣнія о договорныхъ грамотахъ X вѣка, во второй и третьей главахъ (36—113) — обзоръ дипломатическихъ сношеній Руси съ Византіей и вѣщныя исторія заключенія договоровъ, въ четвертой (114—161) разбираются правовыя нормы договоровъ 912 и 945 годовъ.

Въ первой главѣ авторъ подчеркиваетъ религіозную основу договоровъ и русскій національный элементъ, сказавшійся въ нихъ, благодаря чему договоры являются «путеводной звѣздой», освѣщающей истоки начала русской жизни, «пештомникомъ», изъ котораго вышла національная идея единодержавія, «драгоценнымъ, великимъ памятникомъ и блестящимъ украшеніемъ лѣтописи» (1 и 20). Первоисточникъ нашихъ лѣтописныхъ свѣдѣній о договорахъ, по мнѣнію автора, заключался не въ какой либо утраченной хроникѣ, а въ архивныхъ сборникахъ дипломатическихъ документовъ, которые нѣкогда хранились въ Киевѣ и были доступны лѣтописцу; послѣдній приводитъ ихъ въ извлеченіи. Процедура заключенія договоровъ была очень сложная, она состояла изъ

дипломатическихъ переговоровъ, переписки, изготовленія, ратификаціи и обмена договорныхъ хартій. Разночтенія въ сохранившихся извѣстіяхъ о договорныхъ статьяхъ слѣдуетъ относить не къ ошибкамъ переписчиковъ, какъ думали ученые до сихъ поръ, а къ подлиннымъ документамъ, такъ какъ въ лѣтописяхъ приводятся разныя грамоты, сходныя по тексту, но относящіяся къ одному и тому же договору.

Разсматривая исторію дипломатическихъ сношеній, г. Лонгиновъ приходитъ къ выводу, что, «несомнѣнно, между греками и русью существовали и болѣе отдаленныя по времени докончанія, чѣмъ договоръ 907 г.», «первичный же договоръ позволительно отодвинуть къ тридцатымъ годамъ IX столѣтія»; въ послѣдующіе годы IX вѣка мирныя сношенія Руси съ Византіей продолжались, что авторъ подтверждаетъ разборомъ многихъ разнообразныхъ извѣстій о варягоруссахъ и о первыхъ русскихъ князьяхъ. Относительно договоровъ X вѣка авторъ настаиваетъ, что 907 г. былъ самостоятельнымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи изслѣдователь передаетъ внѣшнюю исторію договоровъ: 912 (договоръ Олега), 945 (Игоря) и 971 (грамота Святослава) годовъ, сопоставляя обстоятельства заключенія данныхъ договоровъ съ другими, происходившими между тогдашними западными государствами.

Въ четвертой главѣ г. Лонгиновъ утверждаетъ, что первообразомъ Правды договоровъ русскихъ съ греками была Правда варягословенская. Въ нормахъ договорнаго права изслѣдователь, примыкая ко мнѣнію профессора Владимірскаго-Буданова, видитъ стремленіе установить гармонию между византійскими законами и русскими обычаями. При разборѣ отдѣльныхъ статей договоровъ г. Лонгиновъ, давая сводку существующимъ взглядамъ на смыслъ извѣстной статьи, иногда высказываетъ свое собственное объясненіе какъ отдѣльнымъ словамъ, такъ и цѣлымъ выраженіямъ. Напримѣръ, по объясненію автора глубокое вознагражденіе по преступленіямъ противъ собственности, принятое договоромъ 945 г., является не измѣненіемъ тройнаго вознагражденія, а лишь дополненіемъ статей прежняго договора 912 г., такъ какъ здѣсь имѣется въ виду неявная кража, за которую виновный, кромѣ возвращенія похищеннаго или стоимости его, долженъ былъ еще въ видѣ наказанія заплатить двойную цѣну вещи. «Челядикъ оу варяга, либо оу колябьяга», по Лонгинову, слѣдуетъ понимать: челядикъ, принадлежащій варягу или колябюгу. Малый ближикъ—не отдаленный родственникъ (прежніе изслѣдователи), а малолѣтній родственникъ и т. д. Въ заключеніи авторъ скромно высказываетъ увѣренность, что «глубокое изученіе (Правды договорной), обстоятельное и безпристрастное объясненіе ея, по сравнительному методу, въ связи съ важнѣйшими историческими фактами можетъ быть смѣло положено въ фундаментъ отечественнаго правовѣдѣнія».

Книга г. Лонгинова представляетъ собою сводъ многочисленнаго и разнообразнаго матеріала, такъ или иначе относящагося къ исторіи заключенія договоровъ Руси съ Византіей въ X вѣкѣ—въ этомъ ея достоинство, но она не отличается особенной систематичностью, ясностью и отчетливостью, написана тяжеловатымъ языкомъ, читается нелегко. Часто авторъ вставляетъ въ содержаніе книги то, что прямого отношенія къ дѣлу не имѣетъ (архіеп. Іоакимъ, стр. 108 и др.).

М. К.

Профессоръ Н. Н. Любичъ. Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава. 1904.

На русскомъ языкѣ очень мало работъ, специально посвященныхъ изученію западно-европейскаго города въ прошломъ и настоящемъ. Таковы: недавно сравнительно вышедшая въ свѣтъ книжка И. М. Бондаренко: «Англійскій городъ въ средніе вѣка», общая исторія средневѣковыхъ городовъ А. К. Дживелегова, его же «Городская община въ средніе вѣка», «Коммуна средневѣковой Франціи» Смирнова—и это почти все, если не считать переродныхъ сочиненій и затѣмъ соответствующихъ страницъ въ извѣстномъ пятитомномъ трудѣ профессора Н. И. Карѣева, посвященномъ исторіи Западной Европы въ новые вѣка, — относящагося къ данному вопросу введенія въ изслѣдованіи Дитятина «объ устройствѣ и управленіи городовъ Россіи», —небольшихъ статей гг. Моравскаго, Рашкова, Аммона, Михайловскаго и Покровскаго въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», изданной подъ редакціей профессора Виноградова, да одной главы въ книжкѣ М. И. Ковалевскаго: «Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ». Всего этого, конечно, болѣе чѣмъ недостаточно для научнаго ознакомленія съ исторіей западно-европейскихъ городовъ, и сожалѣть объ этомъ приходится особенно въ виду того, что города Западной Европы представляютъ большой соціологическій интересъ: въ нихъ зародилась новая жизнь, они являются очагами новоевропейской культуры и источникомъ многихъ крупныхъ историческихъ движеній, въ нихъ впервые заговорилъ своимъ жестокимъ языкомъ капитализмъ, въ нихъ впервые зарождается соціальная борьба въ современномъ намъ смыслѣ и т. д. и т. д. Конечно, въ такомъ случаѣ можно было бы обратиться къ иностранной литературѣ, особенно нѣмецкой, весьма богатой по данному вопросу часто первоклассными изслѣдованіями ¹⁾ (недавно, напримѣръ, вышла въ Лейпцигѣ очень хорошая и серьезная работа Strieder'a: *Zur Genesis des modernen Kapitalismus*), но вѣдь извѣстно, какъ мало и плохо знаетъ русская читающая публика, особенно наша молодежь, западно-европейскіе языки, хотя въ интересъ къ такимъ серьезнымъ и важнымъ историческимъ вопросамъ, какъ данный, недостатка у нея нѣтъ.

Въ виду только уже всего этого, не говоря обо всемъ прочемъ, лежащая передъ нами работа профессора Н. Н. Любича заслуживаетъ большого вниманія, представляя собою тщательную и на взглядъ специалиста, знакомаго съ трудностями подобнаго рода мозаичной работы, весьма искусную сводку въ сжатомъ и дѣловитомъ очеркѣ всего, что сдѣлано въ специальной литературѣ по вопросу, которому книжка посвящена.

Изслѣдованіе хозяйственной жизни нѣмецкихъ городовъ начинается собственно со времени изданія извѣстнаго труда Шенберга: «*Finanzverhältnisse der Stadt Basel im XIV und XV Jahrh.*», 1879. Съ развитіемъ интереса къ вопро-

¹⁾ Подробныя указанія можно найти въ такихъ книгахъ, какъ Schröder: *Lehrbuch der Deutschen Rechtsgeschichte*, 1902, стр. 636—620; Лависсъ и Рамбо: «Всеобщая исторія», т. II, стр. 438—441; Sombart: *Der Moderne Kapitalismus*, т. I, стр. 299—324 и др.

самъ экономической жизни вообще изученіе городского хозяйства въ Германіи съ тѣхъ поръ сдѣлало большіе усѣхи, и въ настоящее время по данному вопросу можно указать уже цѣлый рядъ превосходныхъ трудовъ. Несмотря на это, до сихъ поръ, однако, нѣтъ общей работы, специально обобщающей хозяйство нѣмецкихъ городовъ вообще въ ту или иную эпоху. Работа профессора Любовича и восполняетъ этотъ пробѣлъ, сводя данныя, разбросанныя въ многочисленныхъ монографіяхъ различныхъ специалистовъ-знатоковъ даннаго вопроса въ единую и общую картину хозяйства нѣмецкихъ городовъ XIV—XV вѣковъ—периода времени, въ высшей степени интереснаго и важнаго, какъ предверія къ соціальнымъ и религіознымъ движеніямъ послѣдующихъ вѣковъ и какъ эпохи энергичной борьбы новыхъ общественныхъ классовъ и новыхъ экономическихъ силъ съ обветшавшимъ политическимъ и соціальнымъ феодализмомъ.

Въ простомъ, ясномъ и фактическомъ изложеніи, чуждомъ всякой отвлеченности и всякихъ теоретическихъ натяжекъ, авторъ знакомитъ насъ прежде всего съ кругомъ задачъ городского хозяйства и вызываемыми ими расходами въ Германіи XIV—XV вѣковъ. Военная оборона, строительное дѣло, мощеніе площадей и улицъ, водоснабженіе, пожарное дѣло, представительство, приемъ гостей и высокопоставленныхъ лицъ, вознагражденіе членамъ магистрата и судьямъ, поддержаніе порядка и безопасности, общее наблюденіе за промышленностью и торговлею, медицинская помощь, призрѣніе бѣдныхъ, школьное дѣло и т. д.— вотъ главныя задачи городского хозяйства Германіи даннаго времени и вызываемые ими расходы. Это составляетъ содержаніе первой главы разбираемой работы. Затѣмъ во второй главѣ авторъ переходитъ естественно къ рассмотрѣнію источниковъ городскихъ доходовъ, дабы выяснить, откуда города брали средства для покрытія расходовъ, которые имъ приходилось дѣлать подъ давленіемъ необходимости и развившихся потребностей новой жизни. Тутъ онъ разсматриваетъ различные виды налога и съ этой цѣлью группируетъ въ цѣльную и рельефную картину очень много интереснѣйшихъ данныхъ, касающихся, такъ сказать, фискальной дѣятельности городовъ, какъ самостоятельныхъ до нѣкоторой степени «государствъ». Эта глава представляетъ большой общій и спеціальныи интересъ не только для историковъ, но и для юристовъ. Наконецъ, въ послѣдней третьей главѣ профессоръ Любовичъ останавливается на вопросѣ о задолженности городовъ, у которыхъ, несмотря на обиліе источниковъ дохода, часто не хватало собственныхъ средствъ для удовлетворенія всѣхъ своихъ нуждъ, и которые поэтому должны были прибѣгать къ займамъ. Для составленія этой главы автору пришлось преодолѣть, несомнѣнно, большія трудности. На каждомъ шагѣ, несомнѣнно, приходилось бороться съ соблазномъ сдѣлать то или иное обобщеніе и болѣе или менѣе вѣроятное частное заключеніе. А затѣмъ надо было считаться, конечно, и съ той разногласицей, какая существуетъ въ литературѣ по вопросу о финансовой дѣятельности городовъ и о различныхъ сторонахъ ея. Профессоръ Любовичъ, однако, не увлекается. Строго фактической почвы онъ не покидаетъ ни на минуту. И никакихъ рѣшительно обобщеній онъ не допускаетъ, разъ для построенія ихъ вѣтъ ни фактовъ, ни той «неизбѣжности», какая обуславливается лишь извѣстнымъ количествомъ

и качествомъ документальныхъ данныхъ. Все это можно сказать и обо всей работѣ въ цѣломъ и общемъ. Въ этомъ отношеніи данная работа профессора Любовича родственна превосходнымъ небольшимъ изслѣдованіямъ профессора Лучицкаго, съ такою же строгостью и уваженіемъ къ фактамъ, съ такою же осторожностью и «воздержаніемъ» отъ рискованныхъ общихъ и частныхъ обобщеній работающаго на широкомъ и трудномъ полѣ изслѣдованія хозяйственной жизни-прошлаго.

Профессоръ Любовичъ не допускаетъ ни одного утвержденія безъ соответствующей ссылки, каждый фактъ иллюстрируется имъ статистическими данными, малѣйшее несогласіе между тѣми или другими данными по одному и тому же вопросу у различныхъ изслѣдователей отмѣчается имъ весьма тщательно, а соображенія ихъ сопоставляются, и такимъ образомъ онъ использовалъ громадную литературу вопроса, о размѣрахъ которой можно судить, бросивъ хотя бы бѣглый взглядъ на примѣчанія подъ текстомъ работы. Правда, изъ источниковъ авторъ пользовался лишь извѣстными «Die Chroniken der deutschen Städte», но его цѣлю и не являлось специальное изслѣдованіе вопроса по источникамъ, требовать это, впрочемъ, было бы и странно. Авторъ далъ намъ сжатую, чрезвычайно дѣльную и богатую содержаніемъ книжку по одному изъ очень интересныхъ и малоразработанныхъ въ общемъ вопросовъ, и русской публикѣ остается лишь благодарить автора и желать отъ него дальнѣйшихъ работъ въ области, столь мало знакомой ей. Въ заключеніе позволимъ себѣ отмѣтить лишь одно утвержденіе автора, съ которымъ, по нашему мнѣнію, врядъ ли можно согласиться. На страницѣ 26 авторъ, говоря о борьбѣ городовъ и духовенства изъ-за школъ, пишетъ: «но борьба эта не вызывалась какимъ либо принципиальнымъ различіемъ въ педагогическихъ взглядахъ обѣихъ сторонъ, такъ какъ преподаваніе въ школахъ, заведенныхъ магистратами, ничѣмъ не отличалось отъ преподаванія въ школахъ, устроенныхъ духовенствомъ». Если это вѣрно для XIII вѣка, то безусловно сказать то же самое о школахъ XIV—XV вѣковъ нельзя. Съ XIV вѣка западноевропейскія городскія школы заводятся въ виду именно принципиальныхъ различій во взглядахъ горожанъ и духовенства на задачи школьной подготовки. Это было, если хотите, движеніе городовъ къ созданію элементарной школы новаго типа, болѣе соответствующаго потребностямъ промышленныхъ и торговыхъ классовъ общества. Если раньше господствовалъ латинскій языкъ, и черезъ него шли къ изученію національнаго, такъ что, напримѣръ, еще въ XIII вѣкѣ въ Гамбургѣ на латинскомъ языкѣ велась вся торговая дѣловая переписка (Kämmerl: Geschichte des deutsch. Schulwesens и т. д., Leipzig, 1882, стр. 167), то въ XIV—XV вѣкахъ перевѣсъ беретъ національный языкъ. Торговымъ и промышленнымъ классамъ общества удобнѣе было пользоваться «вульгарнымъ» языкомъ,—и въ виду этой потребности создаются городскія школы, въ которыхъ бы дѣти обучались прежде всего и больше всего въ Германіи, напримѣръ, in vulgari Allemanoico. Это—такъ называемая въ Германіи Dudesche Schriftscholen. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересной является исторія гамбургской школы (ср. Meyer: Geschichte des Hamburger Schul—und Unterrichtswesens im Mitt. Alt., стр. 143—151). Не подлежитъ

сомнѣнію, что движеніе къ созданію, такъ сказать, національной школы обнаруживается и во всѣхъ другихъ странахъ Западной Европы XIV—XV вѣковъ, и вотъ на этой почвѣ на ряду, конечно, съ экономическими соображеніями и возникаетъ антагонизмъ между городами, какъ защитниками національной школы, и представителями духовенства, какъ защитниками латинской школы. Мы такимъ образомъ говоримъ противъ категоричности, безусловности и односторонности утвержденія профессора Любовича, которое мы привели выше.

Мы можемъ закончить пожеланіемъ широкаго распространенія работъ, которой посвящена наша библиографическая замѣтка: это—цѣнная, полезная и серьезная книжка.

Н. Н.

Л. Явдыкъ. Исторія Угорской Руси. Варшава. 1904.

Названіе, которое далъ г. Явдыкъ своей работѣ, слишкомъ громко. Это—небольшая брошюрка въ 70 страничекъ крупной печати, на которыхъ очень кратко и сухо разсказана исторія судебъ угорской части русскаго племени. Первые страницы положительно всѣ испещрены именами собственными, и читать ихъ трудно тѣмъ болѣе, что языкъ книжки очень тяжелый, а мѣстами даже и не совсѣмъ правильный. Едва ли правильны и нѣкоторыя утвержденія автора. Такъ, желая дать читателю понятіе о высокой культурной силѣ Угорской Руси въ давнія времена, онъ находитъ возможнымъ заявить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, даже самый мадьярскій языкъ произошелъ отъ славяно-русскаго (стр. 8). Существованіе такихъ ученыхъ очень сомнительно. Совершенно напрасно также авторъ вдался въ излишнія подробности при описаніи вѣроисповѣдной борьбы, ареною которой была въ свое время Угорская Русь. Къ этому чисто научному вопросу многіе любятъ примѣшивать страстность релігиозной борьбы, забывая, что истинность релігіи не доказывается ея давностью. Авторъ не остался чуждымъ этому недостатку. Все это въ общемъ дѣлаетъ его книжку слабою. Но, если читатель пройдетъ благополучно сквозъ дебри именъ и безчисленныхъ фактовъ, нагроможденныхъ въ первой половинѣ брошюры г. Явдыка, въ концѣ его ожидаютъ двѣ-три странички болѣе живыя и интересныя: онѣ касаются современнаго положенія Угорской Руси.

Трудно представить себѣ чтонибудь безотраднѣе. Народъ русскій забить здѣсь почти окончательно. Даже словаки и тѣ культурно сильнѣе его, и цограничныя угрорусскія деревни въ нашихъ глазахъ забываютъ свой языкъ и ословачиваются. Что же говорить о силѣ дѣйствія мадьяръ! «Въ Венгріи, — читаемъ на стр. 71 очерка г. Явдыка, — все русское постепенно исчезаетъ. Угрорусскіе священники даже въ семейномъ кругу говорятъ лишь по-мадьярски, по-русски читаютъ они съ большимъ трудомъ, возгласы и ектеніи произносятъ въ церкви съ ошибками, плохо понимаютъ рѣчь своей паствы и встрѣчаютъ большія затрудненія, когда имъ приходится произносить проповѣдь по-русски. Чиновники и учителя хвастаются своимъ мадьярскимъ патриотизмомъ. Ремесленники въ Угорской Руси—мадьяры, нѣмцы, рѣже словаки, купцы—евреи. У угорскихъ румынъ есть двѣ свои гимназіи, у сербовъ есть тоже свои учебныя заведенія, у угроруссовъ нѣтъ ни одного. Въ Ужгородскихъ семинаріяхъ всѣ предметы,

не исключая даже Закона Божія, преподаются по-мадьярски, и въ нихъ нельзя услышать ни одного русскаго слова. Дѣти даже молятся по-мадьярски. Въ народныхъ правительственныхъ школахъ учителями назначаются мадьяры, не знающіе ни слова по-русски. Способъ преподаванія такихъ учителей оригинальный. Ученики не понимаютъ по-мадьярски, учитель по-русски. Поэтому пускаются въ ходъ мимика, жесты, какъ принятые въ заведеніяхъ для глухонѣмыхъ. Единственная угорская газета «Листокъ» едва держится; подписчики выписываютъ и читаютъ ее тайно». Экономическое положеніе народа ужасно. «Въ нѣкоторыхъ селахъ Земплинскаго комитата, по словамъ В. Гнатюка, остались только бабы и дѣти, потому что мужчины разбрелись по свѣту за хлѣбомъ. Изъ Мараморошскаго и Угочанскаго комитатовъ народъ хочетъ бѣжать въ Бразилію, но у него нѣтъ средствъ на дорогу. Лица у людей осунувшіяся, на тѣлѣ рубища, жалуются на голодъ. Дѣти не знаютъ молока. Сборщики податей берутъ послѣднюю корову, только что собранный хлѣбъ и даже капусту. Хлѣба хватаетъ крестьянамъ только до Рождества, потомъ живутъ заработками, если же ихъ нѣтъ, то не ѣдятъ» (стр. 75).

Такъ живетъ русскій народъ въ Венгріи. Географическій характеръ мѣстности, заселенной русскими, еще ухудшаетъ ихъ положеніе. Они живутъ въ долинахъ, которыя отдѣлены одна отъ другой горными хребтами, но всѣ раскрываются къ югу въ сторону мадьярской низменности. Слѣдствіемъ этого является разъединенность отдѣльныхъ частей угрорусскаго народа между собой и вмѣстѣ съ тѣмъ доступность всѣхъ ихъ мадьярскому вліанію. И нѣтъ года, который бы не былъ отмѣченъ новымъ мадьярскимъ завоеваніемъ на Русской землѣ. Гдѣ же спасеніе для угроруссовъ, да и есть ли оно? Г. Явдыкъ видитъ его въ распространеніи въ Угорской Руси общерусскаго просвѣщенія. Но кто его будетъ распространять? Угрорусская интеллигенція такъ забита, что боится выписать книгу даже изъ Галиціи, а угорскіе униатскіе епископы не осмѣлились поѣхать даже на львовскій юбилей Врестской униі, потому что приглашеніе было написано не по-мадьярски. Среди этой общей заботы только дватри человѣка рѣшаются дѣйствовать въ пользу народа. Таковы были въ недавнее время покойные А. И. Добрянскій и священникъ Фенцикъ. Но и ихъ дѣятельность находила себѣ тысячи препятствій въ окружающихъ условіяхъ. Изъ нихъ одно лежитъ на нашей совѣсти. Давно уже и говорилось и писалось о необходимости завести книжныя торговыя сношенія съ Австро-Венгріей, но до сихъ поръ еще не сдѣлано ничего въ этомъ направленіи. «Угроруссы, — пишетъ г. Явдыкъ, — можетъ легко получить нѣмецкую или мадьярскую книгу въ разсрочку платежа, великорусскую же ему приходится всякій разъ выписывать отдѣльно, чтѣ соединено съ большими издержками и затрудненіями. Не имѣя возможности ни создать собственный литературный языкъ, ни получать духовную пищу изъ Россіи, угрорусскіе образованные люди и простой народъ не могутъ не мадьяризоваться».

На долю угорской части нашего народа выпала тяжелая жизнь, но, несмотря на все, и угроруссы внесли нѣчто свое въ сокровищницу русскаго просвѣщенія. Знаменитый профессоръ Московскаго университета начала XIX столѣтія Лодій былъ угроруссъ. Имя угрорусса Венелина оставило важный слѣдъ и въ

русской и въ общеславянской наукѣ. Наконецъ еще такъ недавно дѣйствовать съ успѣхомъ на пользу общерусскую Добрянскій. Мы должны были бы пойти съ своей стороны навстрѣчу просвѣтительнымъ стремленіямъ угрорусскаго народа учрежденіемъ русской заграничной книготорговли, или наконецъ хотя бы устройствомъ болѣе тѣсныхъ книжныхъ сношеній съ такими фирмами, какъ напримѣръ, чешско-славянскій магазинъ Отто въ Вѣнѣ. Спросъ на русскія книги среди славянъ и заграничныхъ русскихъ есть. Почему же не подумать о его удовлетвореніи?

Андрей Сиротининъ.

Э. Танонъ. Эволюція права и общественное сознание. Переводъ А. П. Фитингофъ. Спб. 1904.

Деятельный вѣкъ въ своемъ увлеченіи научными изслѣдованіями, идеями координаціи и взаимоотношеній наукъ стремится примѣнить выставленную естественными науками теорію прогресса къ человѣческимъ обществамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ единственнымъ и неизмѣннымъ факторомъ общественнаго прогресса для всѣхъ временъ призывалась провозглашенная Дарвиномъ въ примѣненіи къ міру растительному и животному борьба за существованіе п необходимомъ послѣдствіе ея — естественный подборъ и переживаніе наиболѣе приспособленныхъ. Эта борьба прославлялась; въ ней стали видѣть основной законъ общественнаго развитія. По мнѣнію послѣдователей Дарвина, этому закону слѣдовало предоставить полную свободу, такъ какъ, благодаря его благодѣтельному вліянію, въ мірѣ общественномъ и въ области хозяйственной какимъ-то чудомъ устанавливается естественная гармонія. Мысль эта между прочимъ защищалась Спенсеромъ, который въ своей книгѣ «Индивидуумъ противъ государства» говоритъ, что бѣдность людей неспособныхъ, лишения, испытываемыя лѣнивыми, и уничтоженіе слабыхъ сильными представляютъ собою слѣдствія дѣятельности благодѣтельнаго закона. Въ политической экономіи эта теорія, хотя и не на естественно-научной подкладкѣ, появилась сравнительно очень давно и была формулирована въ положеніи *laissez faire, laissez passer*, — положеніи, допускавшемъ безграничную конкуренцію въ общественной средѣ. То же самое начало среди нѣкоторыхъ писателей было примѣнено и къ праву. Право начало признавать ее показателемъ силы.

Противъ такихъ взглядовъ борется Танонъ. На ряду съ нѣкоторыми другими представителями идеалистическаго направленія онъ старается доказать, что общество зиждется не только на однихъ естественныхъ законахъ въ смыслѣ законовъ животнаго и растительнаго міра, что право точно также само по себѣ не обладаетъ творческой силой. Послѣдовательно Танонъ развиваетъ ту мысль, что борьба за существованіе въ людской средѣ не есть рѣшающій факторъ въ образованіи общественныхъ явленій. Выступъ съ Фулье онъ полагаетъ, что человѣческія идеи, представленія о должномъ воздѣйствуютъ на факты естественнаго порядка, и общественность слагается не только подъ вліяніемъ тѣла, но и духа. «Уже въ настоящее время, — говоритъ авторъ, — наиболѣе совершенными обществами должны быть признаны тѣ, въ которыхъ социальная среда и законодательство ставятъ себѣ задачею смягчить борьбу, и члены которыхъ

совмѣстно стремятся къ осуществленію общихъ цѣлей и къ согласованію разнообразныхъ проявленій свободной дѣятельности». Право, — правильно замѣчаетъ авторъ, — представляетъ собою лишь одно изъ явленій общественной жизни. Общественная жизнь зиждется на началѣ кооперативности, которая вначалѣ образуется безсознательно, а потомъ постепенно переходитъ въ кооперативность сознательную. Цѣль права заключается въ опредѣленіи взаимоотношеній совмѣстнаго существованія, соотвѣтственно единичнымъ и собирательнымъ интересамъ и существующимъ въ общественномъ сознаніи идеямъ справедливости. При такихъ условіяхъ становится яснымъ производный характеръ права. Оно не можетъ держаться однимъ внѣшнимъ принужденіемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно пойдетъ въ разрѣзъ съ самостоятельно устанавливающимися понятіями о должномъ. Всѣ нормы права, весь юридическій порядокъ въ концѣ концовъ опираются на высшій императивъ, который существуетъ въ общественномъ сознаніи и уже не опирается на силу внѣшняго принужденія. Такимъ образомъ отъ эволюціи общественнаго сознанія зависитъ и эволюція права.

Изложенію своихъ личныхъ весьма вѣрныхъ и симпатичныхъ взглядовъ Тановъ предпосылаетъ критическій обзоръ различныхъ общественныхъ правовыхъ теорій: между прочимъ онъ уснѣшно обличаетъ заблужденія школы естественнаго права и удачно разбираетъ воззрѣнія Іеринга. Въ этомъ смыслѣ трудъ Танова является подспорьемъ для желающихъ оглядѣться среди многочисленныхъ и подчасъ противорѣчивыхъ теорій, ставящихъ себѣ задачей объясненіе общественныхъ и правовыхъ явленій. Къ достоинствамъ автора можно отнести и то обстоятельство, что онъ въ своей книгѣ стремится быть независимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по мѣрѣ силъ и оригинальнымъ. Онъ не кланяется моднымъ богамъ и не гонится за дешевой популярностью; читатель, не склонный къ предвзятости, прочтетъ книжку съ удовольствіемъ.

В. Гр — скій.

Воронежская Старина. Выпускъ четвертый. Воронежъ. 1904.

Четвертый выпускъ «Воронежской Старины» состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ посвященъ описанію «двухсотлѣтняго юбилея со дня кончины святителя Митрофана, перваго епископа воронежскаго (23 ноября 1903 года)» и содержитъ тринадцать отдѣльныхъ статей. Въ частности, П. В. Никольскій описалъ здѣсь юбилейное торжество (стр. 5—20), архіепископъ Анастасій опубликовалъ свое посланіе «возлюбленнымъ о Господѣ братіямъ, достопочтеннымъ пастырямъ воронежской церкви» (стр. 21—29) и рѣчь по случаю 200-лѣтія со дня кончины святителя Митрофана (стр. 30—32); протоіерей В. П. Борисоглѣбскій напечаталъ слово въ день празднованія 200-лѣтія блаженной кончины св. Митрофана (стр. 33—40). Далѣе идутъ три юбилейныя рѣчи — П. В. Никольскаго: «Созидатели земли Русской» (стр. 41—48), П. И. Поликарпова — «Объ отношеніяхъ святителя Митрофана къ царю Петру Великому» (стр. 49—68) и С. Н. Введенскаго — «Святитель Митрофанъ воронежскій, какъ церковно-государственный дѣятель эпохи преобразованій

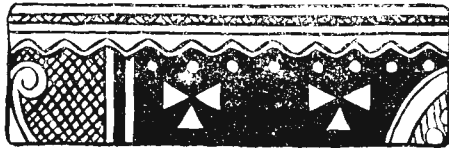
(описать историческую характеристику)» (стр. 69—98). Наконецъ, въ отдѣлѣ находятся—«Похвальное слово святому Митрофану», составленное священникомъ С. Звѣрскимъ, два стихотворенія и гимны св. Митрофану, адресъ и телеграммы, полученные въ юбилейные дни, и указатель изданій, журнальныхъ статей и замѣтокъ, появившихся по случаю 200-лѣтняго юбилея со дня кончины св. Митрофана (стр. 99—144). Къ отдѣлу приложено прекрасное изображение св. Митрофана.

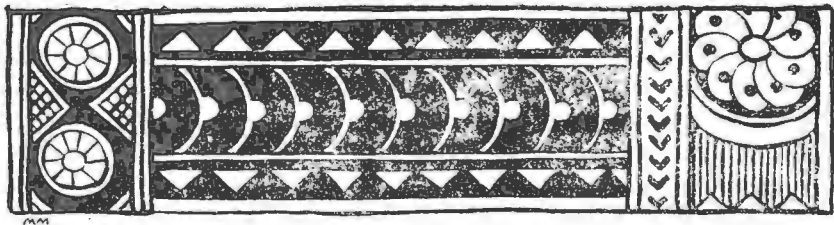
Во второмъ отдѣлѣ помѣщены материалы по исторіи Воронежскаго края. А. П. Правдинъ напечаталъ здѣсь «Три письма святителя Митрофана къ митрополитамъ сарскимъ и подонскимъ» (стр. 145—151), описаніе «Рукописнаго сборника Митрофанова монастыря № 5» (стр. 154—176) и замѣчанія «О рукописи сочиненія св. Тихона Задонскаго—Нравоученія вѣкая» (стр. 259—266). П. В. Никольскій помѣстилъ «Материалы по исторіи монашества на Дону. Обзоръ грамотъ коллегіи экономіи» (стр. 177—231), а священникъ І. Г. Яблонскій напечаталъ «Акты Донецкаго Предтечьева монастыря» (стр. 239—258).

Въ третьемъ отдѣлѣ А. М. Правдинъ напечаталъ статью «Объ отношеніяхъ донскихъ казаковъ къ власти воронежскихъ епископовъ въ періодъ церковной ихъ зависимости отъ воронежской епископской кафедры» (стр. 267—288), А. А. Букинъ даетъ «Автографическія записки» (стр. 289—319), имѣющія отношеніе къ воронежскимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, и протоіерей Д. Я. Склобовскій опубликовалъ «Дѣло объ учрежденіи духовнаго училища въ городѣ Острогожскѣ» (стр. 320—356). Послѣднія страницы отдѣла (357—428) заняты журналами засѣданій совѣта и общихъ собраній воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета, а въ приложеніи (стр. 1—20) находится отчетъ этого комитета за 1903 годъ.

Библиографическій обзоръ содержанія четвертаго выпуска «Воронежской Старины», издаваемой «Воронежскимъ церковнымъ историко-археологическимъ комитетомъ», показываетъ, что выпускъ составленъ интересно и заслуживаетъ вниманія въ разныхъ отношеніяхъ. Авторы статей—гг. Правдинъ, Никольскій, Поликарповъ и Введенскій, заслуживаютъ полнаго одобренія за любовь къ мѣстной старинѣ, обстоятельныя познанія и умѣніе научно и продуктивно работать. Да не ослабѣваютъ они въ трудѣ и энергіи на пользу своего края!

О.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПОСЛѢДНІЯ египетскія раскопки. Труды археологических обществъ въ Египтѣ продолжаютъ приносить новые плоды, обогащающіе различные музеи и мало-по-малу обнаруживающіе культуру древнихъ египтянъ. Теперь тамъ работаютъ нѣсколько обществъ: англійское «Egyptian exploration fund», во главѣ съ Г. Навиллемъ, который затрачиваетъ на работы, по меньшей мѣрѣ, сто тысячъ франковъ въ годъ и работаетъ уже около десяти лѣтъ; итальянская миссія, вкладывающая около 50.000 франковъ въ дѣло, во главѣ котораго находится Скьяпарелли; французское общество «Société française de fouilles archéologiques», съ представителемъ А. Гэйе, къ сожалѣнію, не имѣющимъ возможности развернуться, какъ его сотоварищи, благодаря ничтожнымъ средствамъ—6.000 франковъ въ годъ. Тѣмъ болѣе можно пожалѣть объ отсутствіи матеріальной поддержки со стороны французовъ, что городъ Антинополь, гдѣ работаетъ А. Гэйе, представляетъ богатую сокровищницу различныхъ произведеній народа, полная цивилизація котораго дѣлается очевидной при взглядѣ на откопанныя муміи, удивительно сохранившія свой прежній обликъ и избѣжавшія безпощадной руки времени. Къ сожалѣнію, все тотъ же недостатокъ средствъ принуждаетъ А. Гэйе ограничиваться болѣе легкими раскопками, и предметы, добытые имъ до сихъ поръ, принадлежать лицамъ средняго класса; гробницъ же высшихъ савонниковъ-военачальниковъ онъ еще не коснулся, такъ какъ добраться до нихъ трудноѣ, и на это требуются большія затраты. Отчетъ ¹⁾ о

¹⁾ Le théâtre des marionnettes à Antinoë. Par Al. Gayet. «La Revue», 15 Octobre, 1904.

раскопкахъ, совершенныхъ за послѣднее время, А. Гае помѣстилъ во второмъ октябрьскомъ номерѣ «La Revue», и въ немъ онъ отводитъ первое мѣсто англичанину Дэвису, въ концѣ концовъ, добравшемуся, послѣ многочисленныхъ попытокъ, до склепа царицы Гатасу, жены Тотмеса II-го и сестры Тотмеса III-го. Во время несовершеннолѣтія послѣдняго она управляла Египтомъ, какъ регентша, завоевала Малую Азію до истока рѣки Оронта и была покровительницею искусствъ и литературы. Усыпальница, которую она велѣла воздвигнуть въ свою честь въ Фивахъ, представляетъ громаднѣйшій храмъ, извѣстный теперь подъ современнымъ названіемъ Дейръ-Эль-Бахари, заимствованнымъ отъ коптскаго монастыря. Онъ построенъ въ первые вѣка древняго монашества и отличается замѣчательной красотой, даже въ томъ видѣ, какъ онъ представляется теперь. По чистотѣ линий своей архитектуры и тонкости скульптурной работы, онъ стоитъ выше всѣхъ зданій временъ фараоновъ. По краямъ площадки, на которой находился исчезнувшій пилонъ, стояли розоваго гранита сфинксы; нѣкоторые изъ нихъ сохранились и представляютъ образцовое произведеніе искусства. На дворахъ, окруженныхъ портиками, поддерживаемыми пилястрами съ гаторическими капителями, находятся барельефы, на которыхъ воспроизведены изображенія отдаленныхъ экспедицій: палестинскій и сирійскій походы, столкновенія кораблей и т. д. Затѣмъ, тамъ же представлено полученіе дани съ побѣжденныхъ народовъ: начальникъ варваровъ, явившійся съ изъявленіемъ покорности, и рабы, которые несутъ мѣшечки съ золотою пылью, чеканные сосуды, наполненные ароматными веществами, дорогія дерева, рѣдкія растенія, предвзначенныя для посадки въ Египтѣ, животныхъ и птицъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ на берегахъ Нила. Изъ этихъ растеній великая царица Гатасу основала первый извѣстный ботаническій садъ, устроителемъ котораго былъ руководитель царскихъ развлеченій, Ани. Туда же помѣстили рѣдкихъ животныхъ и птицъ. Этотъ садъ былъ устроенъ въ предмѣстьѣ Фивъ. Гробница царицы, какъ и многія другія, была занесена глубокими песками. Еще Страбонъ, во время своего путешествія, посѣтилъ сорокъ два склепа, которые уже тогда показывали путешественникамъ, какъ въ наше время туристамъ; теперь же извѣстна лишь половина ихъ. Общество «Egyptian Exploration fund» начало полную раскопку усыпальницы царицы Гатасу уже десять лѣтъ тому назадъ, тщетно пытаясь отыскать гробницу. Представитель общества, Навилль, попробовалъ просверлить галерею въ скалѣ, къ которой прилегааетъ храмъ, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Прошедшею зимою снова попытались добраться до гробницы, но не со стороны храма, а «Долины Фараоновъ», которая отдѣлена высокой горою, поднимающейся остроконечнымъ утесомъ на сто метровъ выше храма. Тамъ, черезъ узкій проходъ, Дэвису наконецъ удалось достигнуть входа въ склепъ и попасть въ его коридоры, круто спускающіеся по мергельнымъ пластамъ утеса. Но, спустившись на двѣсти метровъ, рабочіе стали ощущать недостатокъ воздуха, такъ какъ мѣстами обвалы преграждали проходъ, смѣшиваясь съ пескомъ, совершенно засыпавшимъ гробницу. Пришлось прибѣгнуть къ помощи помпъ. Наконецъ, послѣ многихъ усилій, цѣль была достигнута, и гробницу отыскали. Коридоры, сѣни и залъ, гдѣ находится саркофагъ,

переполнены всякаго рода мусоромъ и обломками, попавшими туда отъ осѣвшей горы и оставшимися отъ прежнихъ разбойничьихъ набѣговъ. Гробница изъ розоваго гранита стоитъ на мѣстѣ, и остатки ея украшеній—чудесны. На полу валяются оставленные грабителями различные разбитые предметы, какъ не представляющіе цѣнности. Впрочемъ, археологи предполагаютъ, будто виновникомъ этихъ истребленій является самъ фараонъ Тотмесь III, изуродовавшій барельефы, на которыхъ была воспроизведена вся исторія царствованія его сестры. Слава Гатасу тревожила фараона, и онъ истреблялъ всѣ памятники въ ея честь, замѣняя повсюду ея имя своимъ, чтобы заставить забыть заслуги царицы предъ государствомъ. Но какъ бы ни были испорчены всѣ эти памятники, во всякомъ случаѣ, открытіе гробницы Гатасу представляетъ важное археологическое событіе. Итальянцы не менѣе успѣшно вели свои раскопки, и Скьяпарелли открылъ двѣ усыпальницы, прекрасно сохранившіяся. Одна изъ нихъ принадлежитъ женѣ фараона Рамзеса II-го, а другая—маленькому сыну Рамзеса III-го. Украшенія этихъ усыпальницъ отличаются всѣми достоинствами искусства временъ Рамзесовъ, и, несмотря на время, краски не потеряли своего колорита. Гробницы остались на своихъ мѣстахъ, и принадлежащая женѣ фараона была пощажена грабителями, можетъ быть, благодаря пескамъ, уже занесшимъ ее, когда персы грабили Ѡивы. О своихъ работахъ Гѣйе говорить, что сравнительно съ другими онъ далъ не такіе значительные результаты. Главнымъ открытіемъ онъ считаетъ могилу вѣковой Кельмы, «драгоценной пѣвицы» Озириса-Антиноя. Надпись, сдѣланная іероглифами, приложена только изъ уваженія къ догматическимъ традиціямъ. Антиной, приравненный къ Озирису—египетскому богу мертвыхъ—только потому получилъ похоронныя почести, постановленныя ритуаломъ, что Кельма была гречанка; но такъ какъ она присутствовала въ качествѣ пѣвицы при службахъ Озирису, то на ея похоронахъ должны были примѣнить правила ритуала Озириса. Она лежитъ въ обыкновенномъ одѣяніи антинопольскихъ женщинъ и не составляетъ большой находки для археолога, но вещи, положенныя возлѣ нея, представляютъ немалый интересъ, въ особенности одна. Это—маленькая деревянная лодка съ отдѣлкой изъ слоновой кости; она уже источена червями до неузнаваемости. Когда собрали всѣ ея обломки и сложили вмѣстѣ, то получился театръ марionетокъ. Она имѣетъ по срединѣ каюту, закрытую спереди створами изъ слоновой кости, отворившимися, когда происходило внутри каюты представленіе. Она, впрочемъ, закрывается только съ этой стороны и не имѣетъ ни стѣнъ, ни потолка, вмѣсто котораго находится деревянная перекладина на двухъ стойкахъ, прикрѣпленная къ поперечному бруску съ зарубинами, какъ зубцы у пилы. Даже нити еще существовали, когда Гѣйе нашель этотъ театръ. Однѣ изъ нихъ служили для открыванія и закрыванія створовъ, другія для передвиженія костяныхъ фигурокъ въ каютѣ. Механизмъ—самый не замысловатый и состоитъ въ передвиженіи фигурокъ въ глубину и въ сторону, вверхъ и внизъ. Форма же лодочки придана этому театру согласно египетскому ритуалу, такъ какъ священная легенда говоритъ, что въ баснословную эпоху царствованія боговъ-царей два сына бога Ра (солнце) оспаривали другъ у друга тронъ отца, и добрый богъ Озирисъ былъ убитъ своимъ братомъ Сетомъ—

злымъ духомъ — бросившимъ его трупъ въ Ниль. Тогда жена Озириса, Изиды, спустилась по рѣкѣ на лодкѣ, чтобы отыскать божественное тѣло. Она такъ плакала, что отецъ, Ра, тронутый ея горемъ, призвалъ сына къ новому существованію — ночного солнца, которое освѣщаетъ страну мертвыхъ. Въ память этой драмы ежегодно справлялась годовщина смерти бога и давалось представление въ храмахъ Изиды. Въ этомъ представленіи изображались смерть и воскресеніе Озириса, и въ немъ участвовали жрицы и жрецы. Оно очень напоминаетъ по обстановкѣ средневѣковыя мистеріи. Вопросъ остается открытымъ, была ли эта лодка предметомъ, относящимся до культа, или просто принадлежностью профессіи этой пѣвицы. Пѣвицы въ то время, хотя и участвовали въ религиозныхъ церемоніяхъ, но не были жрицами, и внѣ сцены, на которой онѣ показывались въ храмахъ, ихъ жизнь протекала, какъ и прочихъ смертныхъ: онѣ появлялись на банкетахъ и празднествахъ, какъ это было принято еще во времена фараоновъ. Очевидно, этотъ театръ марionетокъ служилъ для представлений, даваемыхъ въ присутствіи посвященныхъ лицъ, по той причинѣ, что даже въ эпоху упадка святость изображаемыхъ лицъ мистеріи не допускала представлений предъ непосвященными. Фигуръ было такое множество, что едва имъ хватило бы мѣста въ маленькой каюточкѣ лодки. Пѣвица должна была произносить надлежащія фразы изъ священныхъ формулъ, сопровождая звономъ бубенъ, и при каждой фразѣ передвигать фигурки.

— Византійская революція 1042 года. Характерная византійская революція 1042 г. послужила предметомъ для статьи¹⁾, помѣщенной во второй сентябрьской книгѣ «Revue des deux mondes» французскимъ историкомъ, Гюставомъ Шлюмбержэ. Послѣ смерти бездѣтнаго византійскаго императора, Василія Болгаробойца, царствовавшего 60 лѣтъ вслѣдъ за Константиномъ и Юстиніаномъ, на престолъ вступилъ его братъ, слабый и ничтожный Константинъ VIII. Насколько первый своими непрекращавшимися войнами съ русскими, болгарами, африканскими и азіатскими арабами, армянами, грузинами и итальянскими норманнами увеличилъ славу и благоденствіе Византіи, расширивъ ея предѣлы возвращеніемъ прежнихъ границъ до Дуная, Кавказа и Евфрата, настолько Константинъ не принесть родинѣ никакой пользы и даже ослабилъ имперію, такъ блестяще возстановленную Василіемъ. Впрочемъ, онъ царствовалъ только два года и умеръ 11-го ноября 1028 г., не оставивъ для продолженія знаменитой македонской династіи, царствовавшей въ Константинополѣ болѣе 1¹/₂ вѣка, наследника мужского пола. У него были только три дочери: Евдокія, предавшаяся святости, Теодора и Зоя — дѣвицы уже болѣе чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ. Сознывая, что для охраненія безконечныхъ границъ имперіи отъ безпрестанныхъ нападеній варварскихъ народовъ, встрепенувшихся послѣ смерти Василія, требуется сильная рука, Константинъ рѣшилъ выдать замужъ одну изъ своихъ наследницъ. Выборъ палъ на пятидесятилѣтнюю Зою, которая была старше Теодоры. Зоя представляла образецъ настоящей византійской принцессы XI вѣка, которая провела всю свою молодость въ императорскомъ гинекеѣ, вдали отъ

¹⁾ Une révolution de palais en l'an 1042 à Byzance; par Gustave Schlumberger. *Revue des deux mondes*, 15 Septembre, 1904.

политики. Она была, по словамъ современниковъ, очень красива: тѣло ея отличалось ослѣпительной бѣлизной, а рыжеватые волосы были необыкновенно густы. Хотя ея обращеніе было величественно, но ея доброта доходила до слабости, и народъ обожалъ ее, какъ августѣйшую дочь императора, и называлъ «наша мать». вмѣстѣ съ тѣмъ ея характеръ представлялъ смѣсь легкомыслія и крайне узкой набожности. Ея долгая дѣвичья жизнь возбуждала въ ней чувственность, и она жаждала найти себѣ мужа. Умирающій Константинъ наконецъ выдалъ ее замужъ за шестидесятилѣтняго Романа Аргира, одного изъ членовъ самой блестящей аристократической семьи въ Византіи. Узнавъ о козняхъ своей сестры, Теодоры, составившей заговоръ съ партией недоброжелательныхъ, она заточила ее въ монастырь, и сама наблюдала за ея постриженіемъ. Романъ Аргиръ, какъ императоръ, былъ полонъ благихъ намѣреній, но армія Алепскаго эмира нанесла ему жестокое поражение. Убѣдившись, что его зрѣлая супруга не можетъ подарить ему наследника, больной и престарѣлый Аргиръ сталъ ею пренебрегать, какъ женою. Это обстоятельство привело ее въ ярость, и она принялась подыскивать себѣ молодого утѣшителя. Таковой явился въ лицѣ искателя приключеній, евнуха, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Іоанна Орфанотрофа, начавшаго свою карьеру у Романа Аргира въ самой униженной должности. Когда послѣдній сдѣлался императоромъ, то онъ произвелъ евнуха въ управляющіе императорскаго сиротскаго пріюта въ Константинополь, а затѣмъ, осыпавъ его милостями, сдѣлалъ предсѣдателемъ своего совѣта, предоставивъ ему управлять страной отъ своего имени. Этотъ политическій выскочка, возвышаясь, потянулъ за собою своихъ родственниковъ: четырехъ братьевъ, изъ которыхъ двое были фальшивыми монетчиками. Младшій изъ нихъ, Михаилъ, былъ красивымъ, очаровательнымъ юношей. Намѣреваясь сохранить власть за своей семьей, Іоаннъ толкнулъ его въ объятія перезрѣлой императрицы, безумно влюбившейся въ юношу. Самъ Аргиръ ничего не замѣчалъ, или, по словамъ Шлюмбержэ, не хотѣлъ ничего видѣть, довольный тѣмъ, что супруга оставила его въ покоѣ. Однако, несмотря на то, что Аргиръ не стѣснялъ любовниковъ, имъ надобно ожидать его смерти, и они приказали евнухамъ утопить его въ дворцовомъ прудѣ, во время купанья. Въ ту же ночь Зоя потребовала стараго патріарха и принудила его немедленно обвинять себя съ молодымъ любовникомъ, и низкопробный выскочка обратился въ императора. Впрочемъ, въ этомъ высокомъ званіи онъ былъ не безъ достоинствъ и съ помощью брата твердой рукою управлялъ имперіей. Едва его короновали, какъ онъ съ замѣчательнымъ цинизмомъ отдѣлался отъ Зои, запрятавъ ее въ гинекей, несмотря на ея упорство. Его царствованіе было довольно блестящее, и ему удалось, уже умирающему, лично усмирить болгарскую революцію. Управлять Византіей ему пришлось, однако, не долго; двѣ тяжелыя болѣзни—эпилепсія и водянка—положили конецъ его царствованію. Видя его умирающимъ, прежній любовникъ Зои, Іоаннъ Орфанотрофъ, не желая выпускать изъ рукъ власти, нашелъ новаго преемника изъ своей же семьи: сына сестры, тоже Михаила, отецъ котораго былъ бѣдный рабочій, конопатчикъ, по-гречески «калафать». Зоя была уже слишкомъ стара, чтобы дать ей этого новаго юнаго любов-

ника, и хитрый Иоаннъ на этотъ разъ прибѣгнулъ къ ея доброму сердцу. Ей предложили сдѣлать наслѣдникомъ престола этого ничтожнаго молодого человека, а согласно старой римской формулѣ торжественное усыновленіе влекло за собою узаконеніе. Такимъ образомъ, высшая власть осталась все-таки въ рукахъ Орфанотрофа, продолжавшаго управлять имперіей отъ имени еще неопытнаго императора. Зоя повиновалась, и въ Софійскомъ соборѣ состоялась церемонія торжественнаго усыновленія Михаила дочерью императора Василія, рядомъ съ которой находился умирающій мужъ. Посадивъ юношу на колѣни, она признала его за сына и наслѣдника престола, въ присутствіи громадной толпы народа. Вскорѣ послѣ этого, Михаилъ IV умеръ на могилѣ св. Дмитрія, куда былъ отнесенъ изъ набожности, и его племянникъ былъ провозглашенъ императоромъ, подъ страннымъ прозваніемъ Михаила Калафата. Его царствованіе отличалось мрачнымъ блескомъ, и едва онъ взялъ въ руки власть, какъ немедленно скинулъ маску ничтожества и предсталъ въ настоящемъ свѣтѣ. Первымъ его шагомъ было избавиться отъ двухъ лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ—Зои и дяди Орфанотрофа, главнаго виновника возвышенія всей семьи. Съ помощью другого дяди, Константина, прозваннаго «благороднымъ», энергичной и честолюбивой личности, онъ измѣнительски велѣлъ схватить дядю Орфанотрофа и отправить подальше, въ изгнаніе. Затѣмъ, пріобрѣтя народную симпатію раздачей денегъ и съѣстныхъ припасовъ, онъ задумалъ избавиться и отъ Зои, но прежде хотѣлъ узнать, каково будетъ мнѣніе народа. Воспользовавшись пасхальнымъ праздникомъ, который въ ту эпоху, т.-е. въ 1042 г., пришелся 11-го апрѣля, онъ отправился въ торжественномъ одѣяніи и коронѣ черезъ весь разукрашенный городъ въ Софійскій соборъ, не взявъ съ собою Зои. Народъ встрѣтилъ его восторженными кликами, какъ согосударя августѣйшей дочери императора, онъ же принималъ этотъ восторженный пріемъ только на свой счетъ и рѣшилъ, что можно безпрепятственно изгнать Зою. Но, прежде чѣмъ исполнить свое намѣреніе, онъ сообщилъ о немъ самымъ смѣлымъ изъ приближенныхъ и тѣмъ лицамъ, на которыхъ можно было рассчитывать. Высказанныя мнѣнія были различны, и нѣкоторыя изъ нихъ приводили его въ отчаяніе, такъ какъ отвѣты, полученные по составленнымъ гороскопамъ, были враждебны его плану, а Михаилъ вѣрилъ астрологамъ, которыхъ было въ то время въ Византіи великое множество. Но, въ концѣ концовъ, онъ убѣдился во лжи шарлатановъ и, получивъ нелѣпыя и неясныя отвѣты, расхохотался, сказавъ: «Ступайте къ чорту; я съ небольшою долей смѣлости сдѣлаю больше, чѣмъ вы со всѣмъ вашими скудными знаніями!» Тотчасъ же по возвращеніи изъ Софійскаго собора онъ принялся за осуществленіе своего плана. Съ этой цѣлью онъ обвинилъ императрицу въ намѣреніи его отравить. Ничего не подозрѣвавшая Зоя была захвачена силою въ ту же ночь и съ помощью подставныхъ свидѣтелей обвинена въ покушеніи на жизнь его величества и отправлена въ одинъ изъ монастырей. Она не могла еще притти въ себя отъ изумленія, какъ ее посадили на корабль только съ одной служанкой и отправили для постриженія въ монастырь на островъ Принкипо. Все это произошло въ нѣсколько часовъ. Чтобы убѣдиться въ исполненіи своего приказа-

ніа, Михайль и его дядя Константинъ потребовали волосы императрицы. Таковъ разсказъ объ этомъ событіи историка Пселла; византійскій же хроникеръ, Скилица, прибавляетъ слѣдующія подробности. За нѣсколько часовъ до этого событія, Михайль, зная, что патріархъ Алексѣй принадлежитъ къ сторонникамъ Зои, отдалъ ему приказъ отправиться въ его монастырь на Босфоръ и ожидать пріѣзда Михаила до другого дня. Въ то же время, онъ послалъ ему крупную сумму денегъ въ видѣ вознагражденія, такъ какъ задумалъ смѣнить его другимъ патріархомъ. Повидимому, старый патріархъ не выказалъ сопротивленія противъ такого насилія императора. Мусульманскій же историкъ, Ибнъ-ель-Атуръ, нѣсколько иначе рассказываетъ объ этомъ фактѣ. По его словамъ, Михайль Калафатъ, отдѣлавшись отъ императрицы Зои, задумалъ избавиться и отъ стараго патріарха Алексѣя, который его стѣснялъ. Съ этою цѣлью Михайль попросилъ его устроить празднество въ монастырѣ, на которое хотѣлъ пріѣхать самъ. Патріархъ повиновался и отправился туда; Михайль же послалъ въ монастырь варяжскихъ и болгарскихъ наемныхъ солдатъ, чтобы атаковать ночью монастырь; но патріархъ роздалъ имъ много денегъ, и ему удалось бѣжать обратно въ городъ, гдѣ онъ тотчасъ же ударилъ въ набатъ для вызова народнаго возстанія. Въ послѣдующемъ разсказѣ выдѣляются два факта — участіе патріарха въ народномъ возстаніи противъ Михаила V и глубокая симпатія наемныхъ варяжскихъ войскъ къ прежней императрицѣ. Пселлъ рассказываетъ, что когда Зоя выѣхала въ море, то горько заплакала, вспомнивъ о своихъ знаменитыхъ предкахъ, и обратилась со словами, полными горечи, къ своему покойному дядѣ, знаменитому императору Василию. Но въ монастырѣ она вела себя спокойно, терпѣливо переносила свою участь, счастливая тѣмъ, что ея не убили, и вся отдалась молитвѣ. На другой же день, утромъ, Михайль созвалъ сенаторовъ на торжественное засѣданіе и разсказалъ сочиненную имъ басню о попыткѣ Зои отравить его. Онъ прибавилъ, что уже нѣсколько разъ она пыталась исполнить задуманное, но онъ во время ее ловилъ на этомъ и только изъ стыда не хотѣлъ доводить это дѣло до суда. Сенаторы, какъ послушныя овцы, допустили себя обмануть и вполне оправдали монарха. Теперь оставалось увѣрить народъ въ своей правотѣ и въ виновности любимой имъ императрицы, а это было не такъ-то легко. Чтобы смягчить гнѣвъ народа, Михайль издалъ «питтакіонъ», нѣчто въ родѣ манифеста, въ которомъ императрица Зоя выставлена въ самомъ черномъ свѣтѣ. Начальникъ города, окруженный многочисленной вооруженной арміей, громко его прочиталъ предъ несмѣтной толпой, собравшейся на форумѣ. Этотъ манифестъ гласилъ: «Императрица Зоя, которую я накрылъ въ заговорѣ противъ моей особы, была сослана по моему приказанію. Равнымъ образомъ я изгналъ изъ церкви патріарха Алексѣя, который ей потворствовалъ. Что касается васъ, мой народъ, то если вы будете твердо держаться добрыхъ намѣреній относительно меня, на что я надѣюсь, то вы получите отъ меня великія благодѣянія и великія почести и поведете жизнь обезпеченную и спокойную». По словамъ Пселла, въ толпѣ находилось немало подкупленныхъ личностей, которыя должны были встрѣтить слова манифеста громкими рукоплесканіями. Этимъ способомъ думали вырвать у народа одобреніе, и Михайль былъ настолько увѣренъ въ успѣхѣ, такъ

убѣжденъ, что народъ столь же легко приметъ извѣстіе объ изгнаніи императрицы, какъ сенаторы, что отправился съ спокойной душою въ царкъ. Однако, онъ жестоко ошибся, и наказаніе за его недостойный поступокъ скоро должно было послѣдовать. Послѣ этого манифеста послѣдоваль взрывъ народнаго негодованія. По словамъ очевидца, Михаила Пселла, бывшаго въ то время секретаремъ императора, прошло два раза двадцать четыре часа послѣ чтенія манифеста, прежде чѣмъ вспыхнулъ мятежъ. Скилица увѣряетъ, что это случилось тотчасъ послѣ чтенія манифеста на форумѣ и стоило жизни несчастному начальнику города. Въ толпѣ раздался голосъ: «Мы не хотимъ имѣть государемъ нечестиваго Калафата. Мы хотимъ имѣть законную наслѣдницу трона, нашу мать Зою!» За этимъ возгласомъ послышались крики: «Смерть! смерть Калафату!» и другія угрозы. Въ то же время эти тысячи людей схватили, кто камни, кто палки, кто скамьи и бросились на начальника города. Еще немного, и несчастнаго убили бы, но онъ былъ прежде близкій человекъ отца императрицы Зои, Константина, и это его спасло. Пселлъ передаетъ нѣсколько иначе это событіе. По его словамъ, Михайлъ уже радовался удачному исполненію своего плана, какъ въ городѣ собралась гроза. Все пріостановилось — дѣла и увеселенія. Повсюду началось яростное волненіе толпы; граждане всѣхъ возрастовъ, положеній и пола собирались группами и дѣлались все яростнѣе и яростнѣе. Съ каждой минутой настроеніе толпы становилось все болѣе и болѣе угрожающее, и тѣ, которые сначала только шептались, теперь громко выражали свой гнѣвъ. По мѣрѣ того, какъ народомъ узнавались подробности о внезапномъ несчастіи императрицы Зои и дерзости ея палача, народъ осѣняло мрачное облако гнѣва и горечи; угрюмая печаль омрачала лица всѣхъ. Около полудня понедѣльника, 19-го апрѣля, ропотъ обратился въ общій вошь. Самые тихіе требовали пѣнія, уже сочиненныхъ на этотъ случай, «трагудій» или народныхъ историческихъ пѣсень. Желаніе отмщенія за государыню, сначала смутное, приняло ясную форму ярости. Всѣ классы общества, начиная отъ священниковъ и высшихъ чиновниковъ до членовъ семьи императрицы Зои, рабочихъ и т. д., одинъ предъ другимъ, соперничали въ выраженіи гнѣва. Каждый приготовился къ безпощадной борьбѣ. Но всего важнѣе и опаснѣе былъ гнѣвъ русскихъ наемныхъ войскъ и другихъ варварскихъ солдатъ. Женщины превратились въ фурій. Даже тѣ изъ нихъ, которыя всю свою жизнь не покидали гинекея, теперь смѣло появились въ толпѣ, издавая пронзительные крики, угрожая, рыдая и слезно причитывая: «Она одна была благородна, какъ лицомъ, такъ и душою! Она одна была наша государыня и мать, наша законная императрица, дочь нашего государя. Какъ смѣть этотъ презрѣнный выскочка наложить на нее руку и такъ позорно обойтись съ нею!» Разъяренныя женщины бросились ко дворцу, пытаясь поджечь его. Это началось отдѣльными группами, но потомъ вся масса народа бросилась къ императорскому жилищу, схватывая первое попавшееся подъ руку оружіе. Двери всѣхъ тюремъ были открыты, преступники выпущены на свободу и вооружены. Народъ принялся разорять богатя жилища родственниковъ Михаила. Мужчины, женщины и дѣти яростно работали надъ уничтоженіемъ сокровищъ; все, что можно было унести, — тутъ же продавалось за ничтожную

пѣну. Даже церкви и монастыри, устроенные или одаренные Калафатомъ и его родственниками, не были пощажены. Особенно яростно набросилась толпа на домъ Константина «благороднаго», преданнаго тѣломъ и душею Михаилу. Видя, что ему грозитъ неминуемая гибель, Константинъ вооружилъ всѣхъ своихъ домашнихъ и смѣло, совершенно невооруженный, всталъ во главѣ этой импровизованной арміи и двинулся къ императорскому дворцу. Тамъ онъ засталъ Михаила безмолвно сидящимъ, едва живымъ отъ ужаса. Сначала онъ думалъ, что это волнуются варяги и другіе варварскіе солдаты, и ихъ волненіе придетъ къ концу, но потомъ онъ съ ужасомъ увидѣлъ яростно бунтующій народъ и уже открытый мятежъ варяговъ и другихъ наемныхъ солдатъ. Тогда покинутый всѣми, Михаилъ потерялъ голову, едва не умирая отъ страха и не зная, что ему предпринять и приказать гвардіи, часть которой уже колебалась ему повиноваться, а другая открыто присоединилась къ народу. Увидя явившагося дядю, онъ бросился въ его объятія. Охваченные ужасомъ, они составили совѣтъ и рѣшили, что единственнымъ ихъ спасеніемъ будетъ возвращеніе Зои. Пока за нею ѣздили, Константинъ, менѣе растерявшійся, чѣмъ его племянникъ, лихорадочно устраивалъ защиту дворца отъ толпы, все яростиѣе и смѣлѣе наступавшей на него. По его приказанію, стрѣльцы и пращники заняли различные стратегическіе пункты, чтобы отразить энергичное нападеніе осаждающихъ. Такимъ образомъ нападающихъ убивали сотнями, но они снова составляли еще большія группы и съ большей яростью бросались впередъ. Наконецъ, народу объявили о возвращеніи императорской плѣнницы. Несчастная Зоя наканунѣ пережила столько различныхъ волненій, что совершенно упала духомъ. Хотя старая императрица и ожесточилась противъ своего пріемнаго сына, но, считая себя еще въ его рукахъ, она опасалась худшаго съ его стороны и не смѣла сдѣлать ему малѣйшаго упрека. Мало того, она даже очень глупо заплакала, узнавъ о тяжеломъ положеніи своего палача, и безъ всякаго затрудненія согласилась, чтобы ее показали народу, чѣмъ надѣялись усмирить мятежъ. Впрочемъ, Михаилъ, чтобы легче было ее уговорить, далъ ей торжественную клятву въ томъ, что она попрежнему поведетъ жизнь могущественной государыни, какъ только затихнетъ народная буря. Она была такъ потрясена событіями, что немедленно дала согласіе. Съ своей стороны, императрица, забывъ обиды, всѣмъ сердцемъ поклялась Михаилу быть его союзницей, чтобы какъ можно скорѣе водворить въ государствѣ миръ. Когда эти переговоры окончились, съ нея сорвали ея грубую одежду и наскоро накинули пурпуровую императорскую мантию, а голову украсили короной, которая, худо или хорошо, все-таки скрыла ея остриженную голову. Нарядивъ императрицу, ее показали народу, и Михаилъ льстилъ себя надеждой, что появленіе Зои усмирить возставшій народъ. Однако онъ ошибся; было слишкомъ поздно. Нѣкоторые изъ мятежниковъ даже ея не узнали, другіе, во что бы то ни стало, хотѣли наказать жестокаго Михаила. Тѣмъ временемъ произошло другое важное событіе—возвращеніе Теодоры, сестры Зои. Настоящіе руководители мятежа почти всѣ принадлежали къ аристократіи, ненавидѣвшей Михаила Калафата, а потому они стали опасаться, чтобы наскоро совершившійся союзъ между Зоей и Михаиломъ не испортилъ ихъ плана, и власть снова

не перешла бы къ нему, а Зоя не была бы принуждена пойти противъ нихъ, рисковавшихъ наканунѣ своей жизнью для нея. Тогда вспомнили о существованіи Теодоры, раздѣлявшей короткое время власть съ сестрою, но потомъ заточенной императрицей Зоей, благодаря ревности и вѣчнымъ подозрѣніямъ. Оклеветанная Зоей и ложно обвиненная въ заговорахъ, болѣе или менѣе воображаемыхъ, она влачила свое существованіе въ позолоченномъ полуплѣну. Во время царствованія Романа Аргира ей оказывали, по его приказанію, почти царскія почести и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдили за каждымъ ея шагомъ. Но во все время господства Михаила IV о ней совершенно забыли и, по словамъ Пселла, когда Михаилъ V взялъ въ руки бразды правленія, то, будто бы, и не подозрѣвалъ о существованіи сестры своей пріемной матери; къ тому же она была стара. Но, несмотря на ея возрастъ и ничтожество, она представляла громадную силу—принципъ законности—и вокругъ нея уже давно составила партія изъ аристократовъ, преданныхъ ей и принадлежащихъ къ прежнимъ приверженцамъ ея отца и дяди. Жалкое управленіе страной и ужасъ, вселяемый выскочками, увеличили эту партію. Планъ возвращенія Теодоры былъ исполненъ съ замѣчательнымъ порядкомъ, несмотря на общій мятежъ. Константинъ Кабасиль, одинъ изъ приближенныхъ покойнаго императора Константина, во главѣ евнуховъ своего бывшаго повелителя, большей части сенаторовъ и народа отправился въ монастырь Петріонъ, куда они и ворвались около полудня. По словамъ Скилицы, они предварительно переговорили съ ненавидѣвшимся Михаиломъ патриархомъ Алексѣемъ въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ онъ служилъ по возвращеніи въ столицу, и онъ торжественно объявилъ народу, что будетъ поддерживать Зою и Теодору. Последняя была такъ испугана этимъ планомъ, что, несмотря на просьбу руководителей мятежа и друзей своего покойнаго отца, упорно отказывалась и укрылась въ алтарь. Но тамъ ее силой схватили, и нѣкоторые изъ мятежниковъ такъ расвириѣли отъ ея упорства, что уже обнажили оружіе и едва не совершили святотатства. Вытащивъ Теодору на улицу, на нее накинули царскую одежду и посадили на лошадь. Несчастная старуха, еще утромъ мирно молившаяся въ своей кельѣ, должна была проѣхать среди восторженныхъ кликовъ: «Да здравствуетъ наша мать Теодора!» Уже было очень темно, когда эта процессія достигла Софійскаго собора. Это было съ 19-го на 20-е. Въ соборѣ Теодору помѣстили на возвышеніи и вскорѣ приступили къ коронованію. Калафата объявили узурпаторомъ и свергнутымъ съ престола; его сторонниковъ отрѣшили отъ должности, и участь его была рѣшена. Въ то время, какъ одна часть народа находилась въ соборѣ, другая—яростно осаждала дворецъ, защищаемый съ отчаянной отвагой. Съ вышины каѳизмы, откуда предшественники Михаила давали знакъ къ началу игры или съ презрѣніемъ смотрѣли на мятежи, Калафатъ, подъ охраной дяди и всѣхъ своихъ близкихъ, блѣдный, угрюмый, смотрѣлъ на бушующую толпу, каждую минуту ожидая, что его растерзаютъ. Онъ толкалъ впередъ старую императрицу, съ отчаяніемъ указывая на нее осаждающимъ, которые отвѣчали ему грозными воплями. Тщетно онъ пробовалъ говорить, напрасно кричалъ, что императрица уже снова водворилась на тронъ, и онъ все сдѣлалъ, что отъ него требовалъ народъ, все-таки несчастный ничего не добился, и до него долетали свизу проклятія, градъ

каменьевъ и стрѣль. Наступила ночь, и ему успѣшили сообщить о коронованіи Θεодоры и движеніи на дворець части народа, явившагося изъ Софійскаго собора, чтобы взять Зою и посадить на тронъ рядомъ съ сестрою. Тогда Калафатъ появля, что ему нѣтъ спасенія: варяги его покинули, и остается думать лишь о спасеніи жизни. Онъ хотѣлъ отречься отъ престола и сдѣлаться монахомъ, рассчитывая такимъ образомъ избѣжать своей участи, но Константинъ остановилъ его, говоря: «Надо побѣдить съ мужествомъ или со славой погибнуть императоромъ». Эти слова подѣйствовали на всѣхъ окружающихъ, они были вооружены, и Константинъ, сохраняя свое хладнокровіе, собралъ вокругъ себя всю эту толпу и рѣшился сопротивляться до послѣдней крайности. Въ это время они замѣтили подплывавшаго моремъ ко дворцу знаменитаго защитника Мессины, Катакалона Кекомена, который лично привезъ императору извѣстіе о большой побѣдѣ. Это нѣсколько ободрило Михаила V. Прошла цѣлая ночь въ ужасной борьбѣ; конецъ приближался. На зарѣ 20-го осаждающіе раздѣлились на три главные группы: одна осаждала дворець со стороны иподрома, другая атаковала форумъ Августеона, а третья—со стороны стараго города. Повсюду борьба велась все жарче и яростнѣе. Сторонники Михаила отчаянно защищались. Рѣзня была ужасная, особенно со стороны народа, который почти обнаженный и безъ оружія боролся одними лишь камнями противъ солдатъ, вооруженныхъ и въ кольчугахъ. Говорятъ, что въ одинъ только день было убито 3.000 человекъ изъ народа. Наконецъ осаждающіе достигли успѣха послѣ цѣлаго дня и цѣлой ночи ужасной борьбы при факелахъ. Скилица говоритъ, что осаждающіе, выломавъ дверь, бросились въ секретоній, истребляя цѣнныя вещи, грабя громадныя суммы звонкой монеты, уничтожая всѣ списки народныхъ податей. Ворвавшійся народъ думалъ только объ одномъ—схватить Михаила и убить его. Когда послѣдній увидѣлъ, что все для него пропало, онъ успѣлъ переимѣнить одежду, чтобы не быть узнаваемъ, и бросился бѣжать съ Константиномъ и близкими лицами къ дворцовой пристави на Мраморномъ морѣ. Лишь только показалась заря, они сѣли въ императорскую галеру и пустились къ Студіонскому монастырю. Достигнувъ благополучно монастыря, гдѣ еще ничего не знали о мятежѣ, они сейчасъ же обрились и смѣнили свою одежду на рясы. Затѣмъ, они стали съ ужасомъ ожидать дальнѣйшихъ событій. Оставшюся Зою народъ торжественно отнесъ въ соборъ. Борьба, начавшаяся на второй день второй недѣли послѣ Пасхи, 19 апрѣля, окончилась 21-го, въ среду. Въ имперіи воцарились двѣ императрицы: Зоя—во дворецѣ, а Θεодора—въ Софійскомъ соборѣ. Θεодора играла главную роль, потому что ея партія заставила Калафата обратиться въ бѣгство и освободила Зою. Въ послѣдней вспыхнула прежняя ревность, и она хотѣла отдалить сестру, къ ея досадѣ вырванную изъ монастыря; но она ошиблась, думая, что можетъ, какъ прежде, отдѣлаться отъ сестры, и ей пришлось сдѣлать Θεодору своей соучастницей власти. Послѣднюю тотчасъ перенесли во дворець изъ Софійскаго собора, гдѣ она оставалась послѣ коронованія. Наскоро были созваны сенатъ, который за нѣсколько дней до этого событія, по приказанію Михаила, запряталъ Зою въ монастырь, и она обратилась къ нему съ рѣчью. Затѣмъ, поднявшись на возвышенную трибуну, она поблагодарила народъ за его любовь къ ней. Не

имѣя возможности спасти Калафата, она должна была подчиниться требованію Теодоры и, возненавидѣвъ ее еще сильнѣе, дѣлала невообразимыя усилія, чтобы держать ее подалеже отъ власти. Но изъ поведенія сената и народа она поняла, что царствованіе возможно безъ нея, но не безъ Теодоры, и была принуждена примириться съ нею, хотя притворно. Когда распространился слухъ о бѣгствѣ Михаила, народъ неистово обрадовался: одни бросились въ церкви служить благодарственные молебны, другіе громко привѣтствовали Теодору; на улицахъ всѣ смѣялись, пѣли и плясали. Впрочемъ, большинство думало лишь объ одномъ— разыскать презрѣннаго Михаила и насладиться его мученіями. Всѣ единодушно бросились къ монастырю съ намѣреніемъ задушить императора, заставивъ его перенести тысячу мученій, и растерзать на части его тѣло. Даже личности, окружавшія императрицу, посѣгнувши вмѣстѣ съ толпой, оставивъ вмѣсто себя почетный караулъ. Пселль, находившійся во время начала мятежа во дворцѣ за писаніемъ депешъ, покинулъ его и отправился смотрѣть на бунтовавшую толпу. Онъ видѣлъ все происшедшее въ монастырѣ и рассказываетъ, что освирѣпѣвшая толпа окружила его съ воплями, врываясь въ двери. Самъ Пселль сначала былъ тоже возбужденъ противъ Михаила за его поведеніе относительно Зои, но при видѣ несчастнаго императора, стоявшаго на колѣняхъ въ алтарѣ, обхвативъ руками престолъ и прильнувъ къ нему губами, а также Константина, который находился слѣва отъ него,—весь гнѣвъ его прошелъ. Они были неузнаваемы въ своихъ монашескихъ рясахъ, настолько ихъ черты лица исказились смертельнымъ страхомъ. «Какъ пораженный громомъ,—говоритъ Пселль,—я остановился въ безмолвіи, изумленный столь полной и внезапной катастрофой. Я принялся проклинать жизнь, которая могла заставить насъ совершать столь безразсудные поступки. Волна слезъ подступила къ моимъ глазамъ. Тронутый состраданіемъ къ такому ужасному несчастію, я принялся рыдать и стонать». Между тѣмъ, вопящая толпа, все болѣе и болѣе тѣснила объ жертвы, угрожая разорвать ихъ на куски. Тогда несчастные узнали Пселла и, видя, что онъ не проклинаетъ ихъ, какъ другіе, а даже сожалѣетъ, бросились къ нему, какъ бы ища защиты. Пселль принялся тихо порицать Константина за то, что онъ потворствовалъ недостойному поведенію племянника относительно императрицы Зои; затѣмъ, обратясь къ Михаилу, спросилъ его, въ чемъ онъ могъ упрекнуть свою приемную мать, чтобы осмѣлиться такъ поступать съ нею. Константинъ клялся Пселлу, что онъ ни въ чемъ не помогаль Михаилу, и даже утверждалъ, что онъ пробоваль воспрепятствовать ему, но Михаилъ—страшно упрямъ. Все это время послѣдній, понуривъ голову, плакалъ и стоналъ, произнося: «Нѣтъ, Богъ не такъ не справедливъ; я вынесъ справедливое наказаніе за мое преступленіе». Въ то же время онъ крѣпко прижимался къ престолу. Оба они положительно умирали отъ страха. Пселль все еще думаль, что мятежъ этимъ и кончится, но прошелъ цѣлый день въ страшныхъ мученіяхъ. Народъ окружалъ обоихъ несчастныхъ, съ проклятіемъ наступая на нихъ, но по чувству суевѣрнаго почтенія къ святому мѣсту онъ не рѣшался схватить ихъ въ этомъ святомъ уѣжищѣ. День уже клонился къ вечеру, когда народъ увидѣлъ спѣшившаго важнаго чиновника; это былъ посланный Теодоры, явившійся съ приказаніемъ привести обоихъ бѣглецовъ. Вмѣстѣ съ нимъ явилась новая

толпа солдатъ и народа. По словамъ Скилицы, во дворцѣ тѣмъ временемъ происходило слѣдующее. Зоя, поблагодаривъ народъ, спросила, что онъ желаетъ сдѣлать съ Михаиломъ. На это послѣдоваль единодушный отвѣтъ: «Смерть ему, разбойнику! О государыня, прикажи убить его! Пусть его распнутъ! Пусть ему выколотъ глаза!» Добрая Зоя, по природѣ не терпѣвшая казни и полная состраданія къ Михаилу, колебалась повиноваться народной волѣ. Но она не одна управляла страной: Θεодора, питающая злобу за пережитыя униженія, приказала хитростью выманить изъ алтаря несчастныхъ и выколотъ имъ глаза. Съ этой цѣлю къ нимъ былъ посланъ важный чиновникъ, Кампанаръ. Онъ пробрался къ самому алтарю и грубо приказалъ бѣглецамъ слѣдовать за нимъ; но несчастные, услышавъ его грозный тонъ и видя, что толпа становится озлобленнѣе, крѣпче ухватились за престоль. Тогда Кампанаръ перемѣнилъ тонъ и началъ говорить мягче, клянясь всеми святыми, что не сдѣлаетъ имъ вреда. Но они повторяли одно, что ужъ «если надо умирать, то лучше у подножія алтаря, чѣмъ быть растерзаннымъ на улицѣ». Тогда Кампанаръ, потерявъ надежду подѣйствовать на нихъ мягкостью, рѣшился прибѣгнуть къ насилію въ святомъ мѣстѣ. По его приказанію Михаилъ былъ схваченъ, а Константинъ принялся страшно кричать. Цѣпляясь за престоль, они призывали святыя иконы быть свидѣтелями такого ужаснаго нечестія. Зрѣлище было столь тяжелое, что многіе стали чувствовать къ нимъ состраданіе, и въ церкви поднялись жестокіе споры. Нѣкоторые добивались у Кампанара обѣщанія не убивать несчастныхъ и получили его съ условіемъ не мѣшать имъ вытащить обидѣхъ бѣглецовъ изъ церкви. Прежняго императора и его дядю выволокли за ноги на площадь, гдѣ ихъ встрѣтили оглушительныя воли толпы. Вокругъ все смѣялись, плясали и пѣли, посылая имъ проклятія. Ихъ посадили на муловъ, и все направилось на площадь Сигмы. По дорогѣ они встрѣтили палача, посланнаго Θεодорой выколотъ имъ глаза. Надо было торопиться, такъ какъ партія Θεодоры, зная ревнивый характеръ Зои, предпочитавшей раздѣлить престоль скорѣе съ конюхомъ, чѣмъ съ сестрой, ожидала отъ нея всего. Было рѣшено по желанію Θεодоры не убивать Михаила и Константина, а выколотъ имъ глаза. Когда жертвы были приведены на площадь Сигмы, и палачъ сталъ дѣлать приготовленія къ казни, то дядя и племянникъ отъ страха едва не умерли и не произносили ни слова. Императоръ Михаилъ былъ жалокъ: онъ стоналъ, плакалъ, взывалъ ко всемъ, кто къ нему приближался, униженно молилъ Бога и, сложивъ руки, простиралъ ихъ ко всемъ церквамъ и ко всему, что только замѣчалъ. Скилица говоритъ, что Михаилъ малодушно просилъ палача выколотъ глаза сначала дядѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, онъ одинъ былъ виновенъ во всемъ. Напротивъ, Константинъ, сначала выказавъ себя тоже нѣсколько малодушнымъ, когда увидѣлъ, что на спасеніе надежды нѣтъ, то совершенно овладѣлъ собою и самъ приготовился для казни. Тѣснымъ толпою, алчущей видѣть ихъ казнь, онъ обратился къ командующему офицеру со словами: «Прикажи имъ отодвинуться, и ты увидишь, съ какимъ мужествомъ я перенесу мою участь!» Когда палачи хотѣли связать ему руки, то онъ замѣтилъ: «Если я двинусь, ты свободенъ привязать меня къ столбу!» Затѣмъ онъ самъ легъ, не поблѣднѣвъ, не издавая крика или стона, какъ мертвецъ. Ему вырвали оба

глаза. Когда ужасная казнь была окончена, онъ безъ посторонней помощи всталъ, показалъ толпѣ свои пустыя орбиты, по которымъ струилась кровь, и спокойно сталъ разговаривать съ нѣсколькими изъ оставшихся ему вѣрными друзьями, какъ будто онъ былъ совершенно равнодушенъ къ происходящему. Въ это время Михаилъ задыхался отъ ужаса, билъ по воздуху руками, раздиралъ свое лицо и громко плакалъ, оглушая воздухъ криками. Когда настала его очередь, онъ выказалъ такое отчаяніе, обращался къ небу съ такими жалобными молитвами, что палачи опасались, чтобы онъ не вырвался, и должны были его привязать. Послѣ казни Михаила и Константина отправили въ различные монастыри въ заточеніе. Такъ кончилось краткое четырехмѣсячное царствованіе Калафата.

— Новыя свѣдѣнія объ убійствѣ Мональдески. До сихъ поръ не была окончательно выяснена причина, совершившагося во дворцѣ Фонтенбло, убійства итальянскаго маркиза Мональдески, италмейстера шведской королевы Христины. Недавно найденные документы, извѣстные небольшой части историковъ, проливаютъ новый свѣтъ на это дѣло, и прежній мотивъ убійства уступаетъ мѣсто новому. Эти документы, хотя отчасти выясняющіе причину, по которой королева Христина приказала убить маркиза Мональдески, приведены А. Реттэ въ его статьѣ ¹⁾, помѣщенной въ первомъ октябрьскомъ номерѣ «La Revue». Королева Христина, дочь шведскаго короля Густава-Адольфа, убитаго среди побѣды подъ Люценомъ, родилась въ Стокгольмѣ въ 1626 г. Оставшись безъ отца въ шестилѣтнемъ возрастѣ, она была воспитана подъ руководствомъ опеки во главѣ съ Оксенштгерномъ и получила почти мужское образованіе. Она изучала новыя и древніе языки, исторію, географію и прочее, а, кромѣ того, немало занималась своимъ физическимъ развитіемъ. Восемнадцати лѣтъ она была объявлена совершеннолѣтней, и такъ энергично принялась управлять государствомъ, что чрезъ годъ самостоятельно заключила миръ съ Даніей, очень выгодный для Швеціи. Умная и осмотрительная, Христина удивляла государственный совѣтъ своими здравыми взглядами. Отличаясь любовью къ независимости, она наотрѣзъ отказалась отъ брака, хотя еще въ очень юномъ возрастѣ обѣщала свою руку пфальцграфу Карлу Цвейбрюкенскому, но затѣмъ отказалась отъ замужества, неизмѣнно отвѣчая на просьбы окружающихъ: «Отъ меня можетъ родиться Неронъ, какъ и Августъ». Назначивъ своимъ наслѣдникомъ пфальцграфа Карла-Густава, она на слѣдующій годъ короновалась въ 1650 г. и приняла титулъ «короля». Но, начавъ свое царствованіе такъ благоразумно, она векорѣмъ окружила себя выходцами и искателями приключеній различныхъ національностей, особенно французскими, итальянскими и испанскими, которые скоро ее развратили. Началось царство фаворитовъ: доктору Бурдело наслѣдовали графъ Гарди и каштелецъ, графъ Пимонтель. Они назначали недостойныхъ людей на высшія должности, грабили казну и открыто развратничали съ Христиной. Шведы громко выражали свое неудовольствіе, и Христина скоро замѣтила, какъ ея репутация унала въ общественномъ мнѣніи, и отказалась отъ престола въ пользу

¹⁾ L'assassinat de Fontainebleau, par A. Retté. «La Revue», 1 Octobre 1904.

Карла-Густава, сохранивъ себѣ доходы съ нѣсколькихъ провинцій, полную личную независимость и авторитетъ надъ окружающими ее лицами. Затѣмъ она предприняла длинное путешествіе по Европѣ, во время котораго ей пришла въ голову мысль перейти въ католичество. Въ Инсбрукѣ послѣдовало ея торжественное отреченіе отъ протестантской религіи; это поразило всѣхъ тѣмъ болѣе, что всѣ знали ея равнодушіе къ религіи и даже безвѣріе, что видно изъ одного ея письма, гдѣ она прямо и откровенно говорила: «Я питаю непреодолимое отвращеніе и антипатію ко всему, что говорятъ и дѣлаютъ женщины. Раздражительная, гордая и злорадная, я никого не милую. Я не вѣрующая и совѣтъ не набожная. Мой пылкій темпераментъ дѣлаетъ меня одинаково склонной къ честолюбію и любви. Однако я всегда сопротивляюсь изъ гордости и чтобы никому не подчиниться». Послѣ своего перехода въ католичество, она отправилась въ Италію и вступила въ Римъ, верхомъ, одѣтая амазонкой. Папа Александръ VII принялъ ее и совершилъ мирономазаніе. Наконецъ, въ 1656 г. она явилась во Францію, но была принята очень холодно: Анна Австрійская, подстрекаемая Мазарини, запретила ей показываться при французскомъ дворѣ, находившемся въ то время въ Парижѣ, и ей отвели дворецъ Фонтенбло. Дочь Гастона Орлеанскаго, брата покойнаго короля Людовика XIII, герцогиня Монпансье, такъ рисовала физическій портретъ Христины: «Она бѣла, глаза ея голубые; иногда они нѣжные, а иногда—суровые; ротъ довольно пріятный, хотя большой; зубы прекрасные, носъ большой, орлиный; она очень маленькая; куртка скрываетъ ея некрасивую талію. Все вмѣстѣ взятое напоминаетъ въ ней хорошенькаго мальчика. Она божится, ложится въ своемъ креслѣ, откидываетъ ноги въ разныя стороны и придаетъ своему тѣлу такія положенія, какихъ я никогда не видывала ни у кого, кромѣ Тривлена и Жадла, шутовъ, одного француза, а другого итальянца. Она повторяетъ понравившіеся ей стихи и разсуждаетъ о многихъ трудныхъ предметахъ; когда она говоритъ, то говоритъ очень умно. Иногда она внезапно глубоко задумается и начинаетъ вздыхать. Однимъ словомъ, это совѣтъ необыкновенная личность. Въ Монтаржи я нашла ее лежащей въ постели, въ которой обыкновенно спятъ мои служанки; возлѣ, на столикѣ, горѣла свѣчка, а голова Христины была повязана салфеткой, вмѣсто чепчика. На ней была закрытая до горла рубашка, безъ воротника, съ большимъ бантомъ огненнаго цвѣта. Простыни доходили лишь до половины постели, которая была покрыта сквернымъ зеленымъ одѣяломъ. Въ этомъ положеніи она не показала мнѣ красивой. Многія дамы и придворные ничего не замѣчаютъ особеннаго въ этой королевѣ-философѣ, кромѣ неизящнаго разговора. Когда Христинѣ не спалось, то она призывала музыкантовъ, которые играли и пѣли предъ ея постелью. Она приказывала задернуть занавѣсы у постели и въ такомъ положеніи наслаждалась пѣніемъ; но если музыка ей нравилась, то она поднималась и, высунувъ изъ-за занавѣса голову, восклицала: «Чортъ побери! Какъ они хорошо поютъ». Появленіе ея головы, повязанной салфеткой, такъ пугало итальянцевъ, что они смолкали, и приходилось прекращать музыку»... Г-жа Мотвиль въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что Христина въ Фонтенбло появилась въ развившемся парикѣ и мужской рубашкѣ; она была сутуловата, и хотя ея руки были хорошо сло-

жены, но такъ заплыли жиромъ, что нельзя было замѣтить какой либо красоты. Другой современникъ рисуетъ ее еще менѣе соблазнительными красками. По его словамъ, «она была горбатая, кривобокая, ходила некрасиво, а ея носъ былъ длиннѣе ноги, и глаза, хотя красивые, — видѣли плохо. Она такъ некрасиво смѣялась, что ея лицо сморщивалось, какъ пергаментъ, а зубы были неопрятны. Волосъ у нея не было, и она носила черный парикъ. Манера, съ какой она одѣвалась, была столь же эксцентрична, какъ и вся ея личность; чтобы отличаться чѣмъ нибудь отъ своего пола, она носила очень короткія юбки съ курткой, мужскую шляпу и закрытый воротъ. Когда ее видишь въ этомъ странномъ отдѣяніи, то думаешь, что она замаскирована. Причесывается она два раза въ мѣсяцъ; ея рубашки и рукава обыкновенно разорваны и въ чернильныхъ пятнахъ». Впрочемъ есть личности, которыя находили ея общество приятнымъ и интереснымъ, какъ, на примѣръ, герцогъ Фридрихъ-Августъ Брауншвейгскій. Онъ говоритъ, что въ жизни своей «не видалъ другой женщины, такой интересной, приятной и забавной, какъ Христина, съ которой не возможно соскучиться». На замѣчаніе жены пфальцграфа, что Христина любитъ сквернословить, онъ отвѣтилъ, что это правда, но она умѣетъ такъ это дѣлать, что не чувствуется отвращенія. «Она не можетъ быть приятна женщинамъ, — прибавилъ онъ, — такъ какъ всѣхъ ихъ презираетъ». Вообще Христина представляла странную смѣсь хорошихъ качествъ и пороковъ, и одна изъ самыхъ любопытныхъ фигуръ XVII вѣка. Во Францію королева явилась съ цѣлымъ штатомъ итальянцевъ, которые служили ей въ одно и то же время офицерами, дипломатами и любовниками. Среди нихъ находились двое — графъ Сантинелли и маркизъ Мональдески, которымъ она болѣе всего довѣряла. Административная часть ея дома находилась въ рукахъ Мональдески, и всѣ деньги проходили черезъ его руки. Онъ былъ ею произведенъ въ шталмейстеры, тогда какъ Сантинелли она сдѣлала первымъ камергеромъ. Какимъ образомъ удалось Мональдески вкратъ въ довѣріе къ Христинѣ, пока мало извѣстно точно такъ же, какъ и его прошедшее; говорятъ только, что онъ происходилъ изъ очень старинной итальянской аристократіи. Въ Фонтенбло Христина стала сожалѣть о своемъ отреченіи отъ престола и повела интригу, чтобы попытаться возстановить свои права на престолъ съ помощью Франціи. Съ этой цѣлью она сдѣлала попытку у Мазарини, но изъ этого ничего не вышло. Тогда она обратилась въ Англію, и Мональдески была поручена эта важная миссія. Но Кромвелль дурно принялъ посланнаго королевы и сухо отвѣтилъ, что «Англія не убѣжище для распутныхъ женщинъ». Мональдески возвратился въ Фонтенбло опять безъ успѣха. Такая же попытка была сдѣлана и въ Испаніи. Нѣкоторые современники говорили, что Мональдески былъ любовникомъ Христины, и его убилъ Сантинелли, желавшій занять его мѣсто любимца королевы. Другіе, какъ, на примѣръ, Вольтеръ, говорили, что Мональдески обманывалъ королеву съ молодой женщиной, жившей въ Фонтенбло. Но болѣе близкія къ Христинѣ лица и, можетъ быть, лучше освѣдомленные, утверждаютъ, что она не была съ графомъ Мональдески въ связи, а относилась къ нему, какъ королева къ слугѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ ея лакей, Конти,

увѣряя, что катастрофу вызвала политическая невѣрность Мональдески. По словамъ Конти, Сантинелли «по многимъ причинамъ, которыя дѣлали его любимымъ», достигнулъ большого вниманія королевы, что вызывало въ Мональдески ревность; дворъ также болѣе любилъ Сантинелли, питая отвращеніе къ Мональдески. Послѣдній, видя все возрастающій успѣхъ своего соперника, рѣшился избавиться отъ него, чтобы достичь цѣли, которая привела его къ несчастному концу. Онъ зналъ много тайнъ, предосудительныхъ или для репутаціи королевы или для государства. Королева могла думать, что онѣ извѣстны только графу Сантинелли, такъ что, если бы эти тайны были обнаружены, то она не могла бы обвинить никого другого, какъ графа Сантинелли, а потому возненавидѣла бы его. Мональдески хотѣлъ извлечь пользу изъ этого соображенія и написалъ королевѣ отъ неизвѣстныхъ лицъ нѣсколько писемъ, адресованныхъ изъ Рима и другихъ городовъ Италіи; въ нихъ она предупреждалась, что эти тайны извѣстны. Христина сначала подумала, что только графъ Сантинелли могъ ихъ сообщить, но потомъ ее взяло сомнѣніе, и она сообщила графу кое-что изъ этихъ писемъ. Послѣдній, зная, что не онъ авторъ, увѣрилъ въ этомъ королеву и опять вошелъ къ ней въ милость. Чтобы окончательно погубить Мональдески, онъ сказалъ королевѣ, будто первый говорилъ о ней непристойности, и даже нашелъ человѣка, который признался, что письма—дѣло Мональдески. Когда Христина узнала, что эти письма были написаны Мональдески, то это вѣроломство ее страшно оскорбило; притомъ графъ Сантинелли ее подстрекалъ отмстить,—и смерть графа Мональдески была рѣшена. Христина не чувствовала никакого угрызенія совѣсти отъ этой кровавой расправы, и когда поэтъ Бенсерадъ явился къ ней черезъ недѣлю послѣ убійства, то услышалъ изъ ея устъ рассказъ объ этой драмѣ. Когда онъ по окончаніи разсказа вздрогнулъ, то она засмѣялась и сказала: «Не бойтесь ли вы, что и съ вами я также обойдусь!» Между тѣмъ слухъ объ убійствѣ распространился, и Мазарини сначала хотѣлъ выселить Христину изъ королевства и написалъ ей: «Такой ужасный поступокъ возмутилъ королеву и всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Вамъ остается только выѣхать изъ королевства». Но это не смутило Христины, и она отвѣтила Мазарини въ своемъ письмѣ: «Знайте всѣ, сколько васъ есть, лакеи и господа, малые и большіе, что мнѣ нравится такъ дѣйствовать, и я не должна и не хочу отдавать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ, кому бы то ни было. Знайте же, кардиналь, что Христина—вездѣ королева, гдѣ бы она ни была». Мазарини не настаивалъ, и преступленіе осталось не наказаннымъ. Но она вскорѣ понизила тонъ, такъ какъ начала скучать въ Фонтенбло и стремилась понасть въ Парижъ ко двору. Она добилась этого, и ее помѣстили въ Луврскомъ дворцѣ, въ апартаментѣхъ кардинала Мазарини. Она продолжала вести свою прежнюю веселую жизнь: ходила по маскарадамъ и въ театръ, съ мужчинами, или отправлялась одна въ первомъ попавшемся наемномъ экипажѣ. Но она не долго оставалась въ Парижѣ и переехала въ Римъ, гдѣ жила до самой смерти, занимаясь науками, литературой и изящными искусствами.

— Воспоминанія восьмидесятилѣтней дипломатки. Въ октябрьской книжкѣ «Pall-Mall Magazine» помѣщенъ отрывокъ изъ любопытныхъ ме-

муаровъ лэди Блумфильдъ, жены англійскаго посланника въ Россіи, Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствахъ ¹⁾. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, она близко знала канцлера графа Нессельроде и начинаетъ съ него свои характеристики политическихъ дѣятелей. «Онъ былъ, по ея словамъ, очень замѣчательнымъ человѣкомъ и въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ игралъ выдающуюся дипломатическую роль. Нессельроде былъ невысокаго роста, и лицо его нѣсколько напоминало еврея; несмотря на свои престарѣлые годы, онъ до самой смерти сохранилъ юношескій умъ и память, а его манеры отличались любезностью и дружеской предупредительностью». Въ 1848 г., за нѣсколько недѣль до революціи въ Парижѣ, Нессельроде обѣдалъ у лорда Блумфильда и увѣрялъ, что Европа въ политическомъ отношеніи была чрезвычайно спокойна, и все «шло въ ней, какъ по нотамъ». Онъ нимало не подозревалъ, что чрезъ короткое время послѣ этого вспыхнетъ всеобщій мятежъ въ Европѣ. Когда было получено объ этомъ извѣстіе въ Петербургѣ, лордъ Блумфильдъ сидѣлъ у французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, графа Рэневала. Неожиданно въ комнату вбѣжалъ секретарь посольства, Мерсье, и, обращаясь къ Рэневалу, воскликнулъ: «Citoyen de France, la republique est declarée! (Гражданинъ Франціи, объявлена республика!)». Точно также не ожидали революціи 1848 г. Меттернихъ и Гизо, хотя первый увѣрялъ послѣдняго при свиданіи въ Лондонѣ, что онъ вѣрно предсказывалъ все случившееся. По словамъ лэди Блумфильдъ, на это хвастовство Гизо отвѣчалъ: «Ну, ужъ извините, вы не могли предвидѣть нашей встрѣчи въ Лондонѣ». Во время своего девятилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ ея мужъ былъ также посломъ, лэди Блумфильдъ видѣла немало замѣчательныхъ людей. Въ числѣ ихъ она близко познакомилась съ знаменитымъ естествоиспытателемъ, Александромъ Гумбольдтомъ, который отличался, несмотря на свою старость, удивительной памятью, и когда лордъ Блумфильдъ не могъ вспомнить имени одного африканскаго миссіонера, то Гумбольдтъ тотчасъ его назвалъ. Въ 1857 г., за два года до своей смерти, онъ обѣдалъ у лэди Блумфильдъ, которая, замѣтивъ его болѣзненную слабость, предложила покойное кресло, на что знаменитый старикъ отвѣчалъ: «Сударыня, вы хотите меня отправить въ бездну ранѣе времени!» Лэди Блумфильдъ была очень хорошо знакома съ извѣстной піанисткой, Кларой Шуманъ, и слышала отъ нея нѣсколько интересныхъ анекдотовъ о старомъ австрійскомъ императорѣ, Фердинандѣ, который страдалъ расстройствомъ умственныхъ способностей. Однажды, Клара Шуманъ съ своимъ мужемъ, знаменитымъ композиторомъ, была приглашена во дворецъ и играла въ присутствіи императора съ большимъ успѣхомъ, за что услышала отъ него любезный комплиментъ, но, потомъ, онъ обернулся къ ея мужу и, къ величайшему негодованію піанистки, замѣтилъ: «Sind sie auch musikalisch? (Вы также музыкалите?)» Другой разъ онъ сказалъ піанисту, славившемуся своей удивительной игрой: «Ich habe Lisst gehört, habe auch Thalberg gehört, aber in mein Leben habe ich nie so schwitzen gesehen». (Я слышалъ Листа, я слышалъ также Тальберга, но

¹⁾ «Recolections of an octogenarian». By lady Bloomfield. «Pall-Mall Magazine». October. 1904.

никогда въ моей жизни я не видалъ, чтобы ктонибудь такъ потѣлъ»). Относительно англійскихъ знаменитостей, лэди Блумфильдъ съ особеннымъ сочувствіемъ говорить о Веллингтонѣ, котораго она знала съ своего дѣтства и глубоко уважала. Однажды, онъ получилъ письмо отъ графа Гартвика, но никакъ не могъ его прочесть, такъ оно было написано неразборчиво. Онъ написалъ два слова секретарю, прося переписать письмо, но его строчки оказались еще неразборчивѣе, и секретарь, Арбутнотъ, пошелъ къ его сыну, лорду Чарльзу Вэллэслею, и просилъ помочь ему разобрать письмо. Но и тотъ ничего не могъ сдѣлать и отправился къ отцу. Старый герцогъ повертѣлъ свою записку нѣсколько разъ и бросилъ въ каминъ, произнеся: «Клянусь своей душой! я и самъ не могу разобрать». Свои воспоминанія лэди Блумфильдъ кончаетъ интересной страницей о знаменитой танцовщицѣ Тальони. Въ 1878 г. она посѣтила послѣднюю, въ то время, когда она давала уроки танцевъ. Тѣмъ болѣе ей было любопытно взглянуть на танцовщицу въ преклонномъ возрастѣ, что она ее видѣла въ эпоху славы, когда сама была ребенкомъ. «Въ то время,—говоритъ лэди Блумфильдъ:—Тальони танцевала удивительно граціозно, особенно въ балетѣ «Сильфида». Теперь же мнѣ было интересно взглянуть, какъ она давала уроки своимъ ученицамъ, которыя танцевали сочиненный Тальони испанскій танецъ подъ ея акомпанементъ на кастаньетахъ. Она очень старательно занималась съ своими ученицами, но, во время отдыха между танцами, рассказала мнѣ интересныя подробности о своей юности. Тальони была дочерью бѣдныхъ родителей, жившихъ въ Парижѣ. Ея отецъ имѣлъ отношенія къ театру и, видя ея талантъ къ танцамъ, отдалъ ее въ хореографическую школу. Такъ какъ по бѣдности онъ не имѣлъ прислуги, то въ школу она ходила одна, и, отличаясь лѣнью, она часто, вмѣсто того, чтобы идти на урокъ, проводила время у знакомой прачки, помогая ей стирать и гладить бѣлье. По возвращеніи домой, на вопросъ матери, хорошо ли она танцевала, Тальони всегда отвѣчала: «да, мама». Добрая женщина давала ей стаканъ вина и посылала ее переодѣться, такъ какъ юная Тальони предварительно спрыскивала свою рубашку водой, для доказательства, что вспотѣла отъ танцевъ. Часто, когда у ея родителей были гости, она танцевала передъ ними танцы, которымъ будто бы научилась въ школѣ; въ сущности же она сама ихъ сочиняла. Вскорѣ ея отецъ уѣхалъ въ Вѣну и, полагаясь на отзывы матери о необыкновенномъ геніи пятнадцатилѣтней Маріи, выписалъ ее на роли первой танцовщицы. Тогда Маріи стало ясно, что она рѣшительно ничего не знаетъ, и она начала упражняться по шести часовъ въ день, иногда уставая до смерти. По ея прибытіи въ Вѣну, отецъ былъ очень недоволенъ ею, увѣряя, что она рѣшительно ничего не знаетъ въ танцахъ. Но она была убѣждена, что публика останется ею довольна, такъ какъ она умѣла «dominer le public». Такимъ образомъ, благодаря вдохновенію, а не урокамъ, она заставила всѣхъ себѣ рукоплескать. Изъ послѣдующей своей жизни Тальони рассказала любопытный анекдотъ изъ ея пребыванія въ Петербургѣ. Графиня Нессельроде, жена канцлера, очень покровительствовала ей. Однажды, пригласивъ ее обѣдать, она просила Тальони назвать себя по имени мужа—графиней Вуазенъ, а не Маріей Тальони. Причиной этого графиня объяснила присутствіе на обѣдѣ многихъ русскихъ

знатныхъ дамъ, которыя не любили актрисъ. Послѣ обѣда зашелъ разговоръ о знаменитыхъ актрисахъ, бывшихъ въ то время въ Петербургѣ, и графиня Нессельроде спросила одну изъ приглашенныхъ дамъ, не познакомилась ли та съ которой нибудь изъ нихъ. На это дама отвѣчала: «Нѣтъ, актрисы прелестны на сценѣ, но въ обществѣ онѣ — грубы, вульгарны и полны претензій». — «Однако,—отвѣтила графиня Нессельроде:—есть, конечно, исключенія». — «Нѣтъ ни одного,—отвѣчала дама,—актрисы всѣ въ обществѣ—отвратительны». — «Вотъ, напримѣръ,—продолжала графиня Нессельроде, указывая на Тальони:—если бы я вамъ сказала, что эта барыня была на сценѣ?» — «Я бы вамъ, просто, не повѣрила,—отвѣчала собесѣдница:—довольно посмотрѣть на графиню, чтобъ быть увѣренной, что она настоящая барыня». — «Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ представить—Марію Тальони». Прежде чѣмъ проститься съ знаменитой танцовщицей,—я хотѣла доказать ей, что ея танцы въ «Сильфидѣ» произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе, а потому я пропѣла мотивъ ея знаменитаго «*pas seul*». Она была въ восторгѣ и произнесла: «О леди Блумфильдъ, никогда никто не танцевалъ «Сильфиду», какъ я!»

— Семинедѣльная война и битва при Садовѣ. Графъ Лютцовъ напечаталъ въ ноябрьскомъ номерѣ «*Pall-Mall Magazine*» очеркъ¹⁾ австро-прусской войны, которая окончилась знаменитымъ сраженіемъ при Садовѣ, или Кениггрецѣ, какъ его обыкновенно называютъ нѣмцы. По словамъ автора, послѣдующія великія событія въ европейской политикѣ: торжество единства въ Италіи и Германіи, временное униженіе Франціи и совершенное преобразование Австріи—были прямыми послѣдствіями битвы при Садовѣ; какъ эти событія, такъ и послѣдовавшія за ними въ концѣ XIX столѣтія, ступевали значеніе Садовы и семинедѣльной войны. Съ тѣхъ поръ прошло почти сорокъ лѣтъ, и эти событія, мало-по-малу, переходятъ изъ современныхъ политическихъ происшествій въ безстрастные факты исторіи. Поэтому семинедѣльная война и Садова заслуживаютъ хладнокровнаго взгляда. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія наступила роковая минута окончательнаго поединка между Австріей и Пруссіей. Формальной причиной неизбѣжнаго столкновенія двухъ государствъ была Шлезвигъ-Гольштинскій вопросъ. Отнявъ это маленькое герцогство у Даниі, вслѣдствіе австро-прусской войны, Бисмаркъ самымъ ловкимъ образомъ приступилъ къ дѣлежу добычи. Гаштейнской конвенціей 1865 года было постановлено, что, до окончательнаго рѣшенія судьбы Шлезвигъ-Гольштиніи, Австрія будетъ управлять Гольштиніей, а Пруссія — Шлезвигомъ, что не мѣшало обомъ герцогствамъ находиться подъ обоюдной властью того и другого государства. Мелкія германскія государства были очень недовольны этимъ распоряженіемъ, и Австрія собрала изъ угожденія имъ провинціальный сеймъ Гольштиніи. Съ своей стороны, Пруссія сочла это нарушеніемъ Гаштейнскаго договора, и прусскія войска побудили австрійскій гарнизонъ покинуть Гольштинію. Тогда Австрія предложила германскому союзу мобилизовать свои войска, конечно, за исключеніемъ Пруссіи. Какъ только было принято это мѣропріятіе,

¹⁾ A famous battlefield. Sadova and the «Seven Weeks' War». By Count Lut-zow. «*Pall-Mall Magazine*». November 1904.

прусскій представитель выѣхалъ изъ Франкфурта, объявивъ, что Германскій союзъ пересталъ существовать. Посланники—австрійскій и прусскій—немедленно покинули Вѣну и Берлинъ, а императоръ австрійскій и король прусскій взаимно объявили войну. Въ Пруссіи все было готово: Бисмаркъ уже давно считалъ войну неизбѣжной, и Мольтке, бывший сначала, изъ осторожности, врагомъ войны одной Пруссіи съ Австріей и мелкими германскими государствами, согласился тотчасъ на борьбу, какъ только былъ заключенъ союзъ Пруссіи съ Италіей. По старинной традиціи Гогенцоллерновъ, главнокомандующими двухъ прусскихъ арміи были назначены наслѣдный принцъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ. Во главѣ же всего прусскаго войска сталъ самъ престарѣлый король Вильгельмъ, а Мольтке былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба. Первая армія наслѣднаго принца двинулась изъ Силезіи, а вторая, принца Фридриха-Карла—изъ Горлица, съ цѣлю проникнуть въ Чехію и сосредоточиться въ Кениггрецѣ. Была еще третья резервная армія, подъ начальствомъ Биттенфельда, которая направилась туда же изъ прусской Саксоніи. Австрія также приготовилась къ войнѣ, но ея положеніе было критическое: Италия и Венгрія были готовы возстать противъ нея, а потому на ихъ полки нельзя было рассчитывать. Зато военнымъ энтузіазмомъ пылали чехи и поляки. Главнокомандующимъ австрійской арміей, согласно общественному мнѣнію, былъ назначенъ фельдмаршалъ Бенедекъ, но онъ самъ считалъ себя способнымъ командовать только армейскимъ корпусомъ, а не цѣлой арміей и потому съ тяжелымъ сердцемъ принялъ главное предводительство. Начальникомъ его штаба былъ выбранъ баронъ Генигштейнъ, но такъ какъ ему приписали неудачи, предшествовавшія битвѣ при Садовѣ, то онъ былъ смѣщенъ, а на его мѣсто назначенъ баронъ Баумгартенъ, который прибылъ въ армію только наканунѣ великой битвы. Такимъ образомъ, можно сказать, что Бенедекъ одинъ, безъ начальника штаба, распоряжался въ битвѣ при Садовѣ, такъ какъ графъ Баумгартенъ не успѣлъ еще вступить въ должность. Что касается до германскихъ союзниковъ Австріи, то они не принесли ей большой пользы. Самый могущественный изъ нихъ, баварскій король, долго колебался и только наканунѣ войны согласился содѣйствовать Австріи, но отказался двинуть свою армію въ Чехію. Что касается другихъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ, то они рѣшились помогать Австріи, но не выходя изъ предѣловъ своихъ владѣній, такъ что одна Саксонія вступила въ Чехію и оказала дѣйствительную помощь Австріи. Пройдя черезъ Саксонію, которую не защищали ни саксонцы, ни австрійцы, пруссаки 23-го іюня вступили въ Чехію. Послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ стычекъ, изъ которыхъ только одна окончилась въ пользу австрійцевъ, пруссаки, согласно плану Мольтке, сосредоточились вокругъ Кениггреца. Въ чемъ именно заключались планы Бенедека, никогда не было узвано. Военный судъ, разбиравшій дѣло Бенедека послѣ войны и оправдавшій его, сохранилъ свое производство въ тайнѣ, и даже, говорятъ, уничтожилъ всѣ бумаги и протоколы. 1-го іюля Бенедекъ прибылъ въ Кениггрецъ и, узнавъ о неудачахъ австрійскихъ войскъ, пришелъ къ убѣжденію, что продолжать войну, хотя она только что была начата,—безнадежно. Поэтому онъ телеграфировалъ императору: «Прошу, ваше величество, заключите миръ какой бы то ни было цѣ-

ной. Катастрофа неизбежна». Францъ-Иосифъ отвѣчалъ: «Невозможно заключить мира; если неминуемо отступление, то слѣдуетъ его исполнить въ самомъ строгомъ порядкѣ». Въ тотъ же день Бенедекъ произвелъ рекогносцировку позиціи прусской арміи и вечеромъ приказалъ, чтобы на другой день австрійцы отдохнули, а 3-го іюля отступили къ Ольмюцу. Но судьбѣ было угодно совершенно иное: 3-го іюля былъ роковой день битвы при Садовѣ. Наканунѣ въ прусскую армію прибылъ король и, принявъ главное начальство надъ всѣми войсками, согласился на предложеніе Фридриха-Карла дать генеральное сраженіе на другой день. Необходимыя распоряженія были немедленно сдѣланы генераломъ Мольтке, и рано утромъ, въ 8 часовъ, начался кровавый бой. Въ то же время Бенедекъ выѣхалъ изъ Кениггреца и помѣстился на возвышеніи, близъ деревни Ліца, откуда видно было все поле сраженія. Солдаты дружно его привѣтствовали, но офицеры недовѣрчиво глядѣли на него, такъ какъ приписывали ему предыдущія неудачи. Поэтому его приказанія не всѣ были исполнены. Войска Фридриха-Карла дождались появленія корпуса наслѣднаго принца, и тогда всѣ выѣстѣ ринулись впередъ; отъ этого натиска зависѣла судьба битвы. Съ самаго начала саксонцы и австрійцы отбили нападеніе пруссаковъ, но недолго могли имъ сопротивляться, особенно въ виду новыхъ ружей пруссаковъ, производившихъ роковое опустошеніе въ ихъ рядахъ. Выѣстѣ съ тѣмъ, наслѣдный принцъ прусскій обошелъ правое крыло австрійской арміи, которое было совершенно обнажено въ виду отозванія австрійскихъ силъ для защиты Свицкаго лѣса, откуда пруссаки были совершенно выбиты. Но этотъ временной успѣхъ дорого стоилъ австрійцамъ, и за свою ошибку, заключавшуюся въ наступленіи на Свицкій лѣсъ, они заплатили общимъ пораженіемъ всей арміи. Подойдя къ селенію Горинновъ, наслѣдный принцъ указалъ своимъ войскамъ на два дерева, стоявшія близъ деревни, и громко произнесъ: «Auf diesen Baum dort geht es los». Слабыя австрійскія силы были отбѣснены, но рѣшительный бой всего дня сосредоточился вокругъ Хлума. Видя свою ошибку, Бенедекъ отозвалъ войска изъ Свицкаго лѣса; но было уже поздно: смѣлымъ движеніемъ прусская гвардія атаковала Хлумъ—ключъ австрійской позиціи—и безъ труда овладѣла имъ, такъ какъ, по необъяснимой причинѣ, овъ не былъ надлежащимъ образомъ защищенъ. Этимъ движеніемъ было рѣшено сраженіе. Австрійцы пытались взять обратно Хлумъ, но безъ всякаго успѣха, и массы пруссаковъ, ударивъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, окончательно разбили австрійцевъ, которые должны были отступить съ поля сраженія. Результатъ битвы при Садовѣ былъ самый рѣшительный. Въ тотъ же вечеръ Мольтке сказалъ королю прусскому: «Ваше величество, вы не только выиграли сраженіе, но и кампанію». Эти слова оказались пророческими: миръ былъ подписанъ въ Прагѣ 23-го августа, и Австрія окончательно потеряла свое положеніе, какъ господствующей германской державы, и даже перестала быть частью Германіи. Она согласилась на присоединеніе къ Пруссіи ГанOVERA, Гессена, Шлезвигъ-Гольштейнѣ и другихъ мелкихъ германскихъ территорій, но собственно Австрія не лишилась ни одной изъ своихъ провинцій, кромѣ Венеціи. Упомянувъ въ началѣ своей статьи о великихъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ политической Европѣ послѣ битвы при Садовѣ, графъ Лютцовъ въ концѣ статьи гово-

рить, что замѣчательной чертой въ судьбѣ національностей, зависящихъ отъ Австріи, во всё время было то, что поддержаніе австрійскаго правительства съ ихъ стороны было для нихъ всегда неудачно и гибельно. Такъ, въ 1866 году Чехія оказала замѣчательную преданность Австріи и не получила никакой награды за это, а напротивъ до сихъ поръ борется съ нею за свои національныя права, тогда какъ венгерцы, едва не измѣнившіе Австріи и не вошедшіе въ союзъ съ Пруссіей, получили послѣ войны полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій относительно автономіи.

— Смерть Мурада V, второй жены Криспи, сэра Вилльяма Гаркорта и Саксонскаго короля. Въ концѣ августа умеръ бывший турецкій султанъ Мурадъ V, уже давно содержавшійся подъ стражей въ одномъ изъ константинопольскихъ дворцовъ, подъ предлогомъ сумасшествія. Онъ царствовалъ всего три мѣсяца въ 1876 г. и былъ преемникомъ своего дяди, султана Абдуль-Азиса. Послѣдній ввелъ въ своемъ государствѣ либеральныя реформы согласно совѣтамъ пресловутаго Мидхата-наши, который заставилъ его отказаться отъ престола въ пользу своего племянника Мурада, сына султана Абдуль-Меджида, 26-го мая 1876 г. Восшествіе на престолъ Мурада было сочувственно встрѣчено не только въ Турціи, но и въ Европѣ. Съ юности онъ отличался европейскимъ образованіемъ, страстью къ музыкѣ и сочувствіемъ къ партіи «юной Турціи». Въ виду того, что предыдущимъ султаномъ Мурадъ былъ заточенъ въ гаремъ, гдѣ предавался развратной, изнѣженной жизни, онъ не обнаружилъ никакихъ способностей къ управленію государствомъ. Тогдашнія политическія обстоятельства Турціи были самыя критическія, и ей грозила война съ Россіей, которой Мурадъ, видимо, сочувствовалъ. Тогда Мидхатъ-наша, остававшійся при власти, лишилъ Мурада престола также, какъ и его дядю. 31-го августа 1876 г. вмѣсто Мурада былъ объявленъ султаномъ его братъ, теперешній султанъ, Абдуль-Гамидъ II. Причиной низверженія султана было приведено его сумасшествіе, и съѣтъхъ поръ двадцать три года онъ оставался въ заточеніи въ Чераганскомъ дворцѣ. Нѣсколько разъ государственныя заговорщики, въ свою очередь, покушавшіеся низвергнуть Абдуль-Гамида, прикрывались именемъ бывшаго султана, и когда Мурадъ показывался на террасѣ своего дворца, то проводники европейскихъ туристовъ говорили имъ: «Это султанъ Мурадъ: надо произносить его имя шепотомъ». Наконецъ, несчастный султанъ, лишенный престола, умеръ и былъ похороненъ, по приказанію брата, безъ всякихъ почестей.

Недавно умерла въ Римѣ нѣкогда извѣстная Розалія Монмассонъ, вторая жена Криспи. Въ итальянскихъ газетахъ напечатаны достовѣрныя свѣдѣнія объ ея полной треволненной жизни. Криспи, какъ настоящій южанинъ, имѣлъ манію «къ женитьбѣ», и Розалія Монмассонъ не была его первой законной женой. Еще студентомъ въ Палермо, онъ женился на молодой дѣвушкѣ, съ которой былъ счастливъ недолго, такъ какъ она умерла въ 1849 г.. До 1853 г. было неизвѣстно, чтобъ онъ имѣлъ съ кѣмъ нибудь постоянную связь; въ продолженіе этого времени онъ, вслѣдствіе сицилійской революціи, жилъ очень скромно, работая въ одной демократической газетѣ вмѣстѣ съ Депретисомъ и получая не болѣе шестидесяти франковъ въ мѣсяць. За какую-то рѣзкую ли-

беральную статью онъ былъ заключенъ въ туринскую тюрьму, гдѣ узниковъ содержали не очень строго. Такъ имъ позволяли самимъ принимать бѣлье отъ прачекъ, и при этихъ обстоятельствахъ Криспи познакомился съ молоденькой и хорошенькой прачкой Розаліей Монмассонъ. По выходѣ изъ тюрьмы, онъ до того увлекся Розаліей, что отправился вмѣстѣ съ нею на островъ Мальту. Тамъ молодые влюбленные питались исключительно овощами, и то не каждый день. Они продолжали обожать другъ, друга и Криспи рѣшился жениться на Розаліи, не предвидя того высокаго положенія, какого онъ впоследствии достигъ. Лезуитъ, никогда не посвященный въ шатеры, совершилъ брачный обрядъ безъ всякихъ свидѣтелей. Впрочемъ, Розалія вполнѣ была достойна оказанной ей чести, такъ какъ Криспи не умеръ съ голоду на Мальтѣ, только благодаря ея преданности. Впоследствии она ему оказывала немало политическихъ услугъ. Во всѣхъ заговорахъ, въ которыхъ участвовалъ Криспи, Розалія играла видную роль. Самое славное событіе, въ которомъ она участвовала, была сицилійская экспедиція 1860 г. Розалія продѣлала всю эту кампанію рядомъ съ Гарибальди и Криспи. Она была единственной женщиной, которую диктаторъ допустилъ въ свою знаменитую «Тысячу». Сражаясь вмѣстѣ съ Криспи, она получила брильянтовой крестъ «Тысячи» послѣ взятія Палермо. Съ этихъ поръ Криспи сталъ играть все болѣе и болѣе важную роль въ политическомъ мѣрѣ, и Розалія начала его стѣснять. Въ трудныя, героическія времена она выказала всякаго рода добродѣтели, но теперь ея поведеніе стало менѣе порядочнымъ. Она предалась всякимъ невозможнымъ маніямъ, одѣвалась Богъ знаетъ какъ нестро и окружала себя всевозможными отвратительными животными, такъ, что на улицахъ всѣ показывали на нее пальцемъ. Криспи долго терпѣлъ всѣ ея выходки, но однажды онъ увидалъ въ комодѣ, гдѣ находилось его бѣлье, цѣлое семейство бѣлыхъ мышей; это его такъ разсердило, что онъ ушелъ изъ дома и никогда болѣе не возвращался. Вскорѣ послѣ этого, Криспи женился на Линнѣ Барбаджелло, съ которой онъ не былъ счастливъ. Все же, женившись на ней сначала въ церкви, онъ, въ тотъ моментъ, когда сдѣлался министромъ, узаконилъ свой третій бракъ предъ законной властью. Но, къ его несчастью, объ этомъ узналъ его врагъ Никотера и возбудилъ противъ него обвиненіе въ двоеженствѣ. Однако судъ призналъ, что его бракъ съ Розаліей Монмассонъ не имѣлъ законной силы, и это было тяжелымъ ударомъ для Розаліи Монмассонъ. Впрочемъ, она отказалась принять участіе въ судебномъ преслѣдованіи Криспи и съ рѣдкой покорностью судьбѣ продолжала скромно жить въ Римѣ. Это поведеніе Розаліи такъ тронуло Криспи, что онъ въ послѣдніе годы своей жизни часто навѣщалъ ее и послѣ своей смерти назначилъ ей большую пенсію.

1-го октября настоящаго года умеръ въ Англіи одинъ изъ главнѣйшихъ представителей либеральной партіи, сэръ Вилльямъ Гаркортъ. Онъ былъ французскаго происхожденія и гордился тѣмъ, что чрезъ своихъ предковъ былъ родственникомъ Пантагенетовъ. Его прадѣдомъ былъ лордъ Вернонь, а дѣдомъ архіепископъ Юрскій, который прибавилъ къ своей фамиліи фамилію своей жены, дочери лорда канцлера Гаркорта. Такимъ образомъ чрезъ свою бабушку сэръ Вилльямъ Вернонь-Гаркортъ происходилъ отъ одного изъ сыновей Ро-

бера Сильнаго, переселившася въ Англію. Онъ родился въ 1827 г., и его отецъ былъ пасторомъ; образованіе онъ получилъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ, а потомъ поступилъ въ адвокаты. Во время американской войны за освобожденіе негровъ онъ приобрѣлъ большую извѣстность политическими статьями въ «Times»'ѣ, подъ псевдонимомъ: «Historicus», а затѣмъ долго считался сотрудникомъ «Saturday Review». Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ международного права въ Кэмбриджскомъ университетѣ. Его популярность была такъ велика, что онъ былъ избранъ въ члены парламента Оксфордскимъ университетомъ, который всегда соперничаетъ со своимъ собратомъ. Съ самаго начала онъ поступилъ въ партію виговъ и сдѣлался однимъ изъ ея замѣчательнѣйшихъ членовъ. Сторонникъ и другъ Гладстона, онъ во всѣхъ министерствахъ послѣдняго занималъ прежде постъ министра внутреннихъ дѣлъ, а потомъ министра финансовъ. Отличаясь рѣзкимъ краснорѣчіемъ, онъ громилъ безъ пощады торіевъ и съ необычайнымъ рвеніемъ поддерживалъ ирландскую политику Гладстона. Въ Англіи все ожидали, что Гаркортъ будетъ преемникомъ Великаго Вильяма, но вслѣдствіе стеченія неблагоприятныхъ обстоятельствъ Гладстона замѣнилъ лордъ Розбери. Гаркортъ, однако, остался до 1898 г. вожакомъ либеральной партіи въ нижней палатѣ. Онъ не прекратилъ своей энергичной политической дѣятельности до своей смерти, хотя объявилъ недавно, что на будущихъ выборахъ болѣе не предложитъ своей кандидатуры. Онъ былъ женатъ два раза: на мистриссъ Листеръ и на дочери знаменитаго американскаго историка Мотлея. Не задолго до своей смерти, на 77-мъ году отъ рожденія, сэръ Вильямъ Гаркортъ наслѣдовалъ своему старшему брату и получилъ громадное состояніе, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Ньюгамскимъ замкомъ, гдѣ и скончался.

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Гаркорта въ Пильницѣ умеръ саксонскій король Георгъ. Онъ царствовалъ очень немного, именно два года, и всю свою жизнь провелъ въ ожиданіи престола. 17-го іюня 1902 г. онъ вступилъ на престолъ послѣ смерти своего старшаго брата, короля Альберта, а до тѣхъ поръ находился въ военной службѣ и участвовалъ въ прусско-австрійской и француско-прусской войнахъ. Въ кратковременное свое царствованіе онъ не могъ ничѣмъ прославиться и мирно управлялъ страной, которая извѣстна, какъ центръ социализма въ Германіи. Онъ умеръ 72-хъ лѣтъ и оставилъ саксонскій престолъ своему тридцативосьми-лѣтнему сыну, воцарившемуся подъ именемъ Августа III-го.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ императрицѣ Екатерины II въ Вильнѣ. Съ меньшею торжественностью, чѣмъ было бы въ мирное время, но все же въ праздничной и пышной обстановкѣ состоялось открытіе памятника императрицѣ Екатерины II. Уже наканунѣ открытія, 9-го сентября, въ Вильну съѣхались губернаторы Сѣверо-Западнаго края, губернскіе предводители дворянства, депутаціи городовъ, волостные старшины. Дома украшались флагами, гирляндами зелени; прекрасные цвѣтники были разбиты вокругъ памятника. Со станціи на красномъ гранитномъ фундаментѣ виднѣлся со всѣхъ сторонъ памятникъ, работы Автокольскаго. Наканунѣ открытія были совершены панихиды. При входѣ въ соборъ каждому вручались безплатныя изданія генерала Богдановича. Въ кафедральномъ соборѣ архіепископъ Никандръ съ викаріемъ, двумя архимандритами, многочисленнымъ духовенствомъ и монашествующими совершалъ заупокойную литургію и затѣмъ торжественную панихиду, при перезвонѣ колоколовъ, при полномъ храмѣ молящихся; тутъ были учебныя заведенія, мужскія и женскія гимназіи, генералитетъ, военный и чиновный міръ и съѣхавшіяся депутаціи. Присутствовали: министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, командующій войсками округа генералъ-адъютантъ Гришневбергъ, его помощникъ генералъ Лауницъ, попечитель учебнаго округа Поповъ, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ генералъ Богдановичъ, губернскія власти, начальники окружныхъ управленій, командиры полковъ и частей войскъ. Возглашена при колѣнопреклоненной церкви вѣчная память Екатерины II. Въ два часа дня происходило освященіе новаго помѣщенія Муравьевскаго музея, устроеннаго въ дворцовомъ зданіи; на освященіе прибылъ министръ и всѣ городскія вла-

сти. Послѣ освященія помощникъ попечителя, тайный совѣтникъ Бѣлецкій, обратился къ министру съ рѣчью, высказавъ благодарность за довершеніе начатаго еще по мысли генераль-губернатора Троицкаго устройства музея. Князь, съ своей стороны, указалъ на большое значеніе Муравьевскаго архива и приглашалъ трудящихся къ его тщательной разработкѣ. Помѣщеніе музея свѣтлое, просторное, безопасное отъ пожара, заключаетъ въ себѣ бібліотеку Муравьева, рукописи, портреты, словомъ, матеріаль огромнаго историческаго значенія. 10-го сентября, утромъ, пушечные выстрѣлы оповѣстили городъ о днѣ торжества. Со всѣхъ сторонъ потянулся народъ къ памятнику. Въ Николаевскомъ соборѣ была совершена епископомъ Сергіемъ литургія. Отъ собора къ памятнику стали шпалерами войска и окружили Екатерининскую площадь. Всѣ войска были въ парадной формѣ и въ пѣшемъ строю. Командовалъ парадомъ генераль Лауницъ. На станцію желѣзной дороги для встрѣчи великаго князя Михаила Александровича прибылъ министръ внутреннихъ дѣлъ, губернаторъ графъ Паленъ и всѣ губернскія власти. Въ нитку выравнялся почетный караулъ Оренбургскаго пѣхотнаго полка. Въ 10 часовъ 10 минутъ прибылъ поѣздъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Великаго князя встрѣтилъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Для встрѣчи былъ выставленъ почетный караулъ отъ Оренбургскаго полка, при которомъ находились, во главѣ съ командующимъ войсками, генераль-адъютантомъ Грипшенбергъ, военно-начальствующія лица. По положенію, его высочество встрѣчали также губернаторъ, въ должности гофмейстера графъ Паленъ, губернский предводитель дворянства, оберъ-гофмейстеръ графъ Броэль-Плятеръ, городской голова Вертгольдъ, управляющій канцеляріей генераль-губернатора, камергеръ Харузинъ, и полицеймейстеръ, полковникъ Мейеръ. Когда поѣздъ подошелъ къ платформѣ, и изъ вагона вышелъ великій князь, собравшійся народъ встрѣтилъ его высочество восторженнымъ «ура». Дождь къ тому времени пересталъ, и все торжество произошло при хорошей погодѣ. Поздоровавшись съ карауломъ и отпустивъ его, великій князь принялъ хлѣбъ-соль отъ города и милостиво бесѣдовалъ о состояніи и нуждахъ города съ министромъ, губернаторомъ и головой. Затѣмъ его высочество прослѣдовалъ по разукрашеннымъ улицамъ въ открытомъ экипажѣ съ министромъ на мѣсто торжества. На площади передъ вокзаломъ поднесли хлѣбъ-соль крестьяне. Всюду по пути слѣдованія массы народа громкимъ «ура» привѣтствовали его высочество. Памятникъ Великой Екатерины, устроительницы этого русскаго края, воздвигнутъ на Кафедральной площади противъ кафедральнаго костела, возлѣ котораго стоитъ отдѣльно высокая колокольня. Прекрасные цвѣтники окружаютъ памятникъ, статуя Екатерины на гранитномъ фундаментѣ. Отъ этой площади начинается Георгіевская улица. Это теперь Невскій проспектъ Вильны. Это мѣсто, десять лѣтъ назадъ бывшее пустыремъ, гдѣ только тянулись гнилые заборы да огороды, въ настоящее время стало лучшей частью Вильны. Первою выстроилось здѣсь большое зданіе Георгіевской гостиницы, а потомъ другія сооруженія и учебныя заведенія; это — прямая широкая улица, обставленная высокими богатыми домами. Къ сожалѣнію, улица все-таки недостаточно широка, по современнымъ требованіямъ, но сравнительно со старой Вильной она, конечно, роскошна. Въ по-

вомъ Екатерининскомъ скверѣ, съ богатыми цвѣтниками, обведенными группами экзотическихъ деревьевъ, мачтами, хоругвями и гирляндами, стоитъ памятникъ, еще закрытый. Въ рѣшетки сквера войска окаймляли площадь. За рѣшеткой, кругомъ памятника, выстроились учебныя заведенія, и дорогу къ нему обозначали шпалеры приглашенныхъ; тутъ же помѣстились духовенство: католическое, лютеранское, караимское и еврейское; депутаціи отъ губерній, городовъ и учрежденій съ вѣнками. Среди присутствовавшихъ были редакторы и представители мѣстной и столичной печати: «Правительственнаго Вѣстника», «Московскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», а также супругъ покойнаго художника Антокольскаго. Прибывъ къ памятнику, его высочество обошелъ выстроенныя войска и принялъ представленіе членовъ комитета по сооруженію памятника, инославныя и иновѣрныя духовенства, въ которыхъ высшихъ чиновъ, а также депутаціи. Послѣ этого римско-католическое духовенство, во главѣ съ епископомъ, барономъ Роопомъ, отошло въ кафедральный соборъ для богослуженія. Къ половинѣ двѣнадцатаго въ Екатерининскій скверъ прибыло изъ Николаевскаго собора православное духовенство, шествуя въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди несли хоругви, святой крестъ и мѣстныя чтимыя иконы, въ томъ числѣ и Остробрамскую икону Божіей Матери, одинаково почитаемую православными и католиками. Затѣмъ слѣдовали воспитанники духовной семинаріи, архіерейскіе пѣвчіе, діаконы, священники, епископы: ковенскій Сергій и гродненскій Никаноръ, ректоръ литовской семинаріи, архимандритъ знаменитаго древняго Супрасльскаго монастыря, архіепископъ виленскій и литовскій Никандръ. По пути слѣдованія совершалось молебствіе. Шествіе было грандіозно, благолѣпно и достойно государственной церкви. Участвовало около 80-ти священнослужителей. По прибытіи къ памятнику, архіепископъ совершилъ соборнѣ съ духовенствомъ чинъ водосвятія. Отчетливо и громко раздавались изъ устъ владыки среди безмолвной тишины слова молитвы. Стройное пѣніе оглашало всю площадь. Затѣмъ архіепископъ произнесъ слѣдующее слово: «Ваше императорское высочество и благочестивые граждане земли Русской! Не будетъ новостью, но будетъ справедливостью сказать, что Россія въ историческомъ прошломъ своимъ культурнымъ успѣхомъ и матеріальнымъ ростомъ во многомъ обязана своимъ государямъ. Эта истина не нуждается въ пространномъ свидѣтельствovanіи исторіи. Достаточно лишь вспомнить имена Великаго Петра, Великой Екатерины и другихъ императоровъ, мученика правды Александра II и незабвеннаго миролюбца Александра III. Именами этихъ и прочихъ государей Россія гордится, такъ какъ съ ними связаны великія событія и цѣлыя эпохи въ матеріальномъ и духовномъ ростѣ нашей дорогой родины. Для нашего Сѣверо-Западнаго края имѣла особенно важное значеніе дѣятельность императрицы Екатерины Великой, направленная къ общему благу отечества. Мы, конечно, всѣ хорошо знаемъ, какъ далеко двинулось впередъ въ ея царствованіе процвѣтаніе въ культурномъ отношеніи нашего государства; какой просторъ открылся развитію наукъ и искусствъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ императрицы; какъ много сдѣлано было ею для утвержденія здѣсь святого православія; какъ замѣтно стала при ея мудромъ царствованіи исчезать тѣма предрасудковъ и не-

вѣжества; сколько несчастныхъ обездоленныхъ дѣтей было пригрѣто и воспитано ея чисто-материнскими заботами; какіе новые взгляды проведены ею въ области судебна-исправительныхъ учреждений и взыскацій; вообще, какъ много сдѣлано въ области юрисдикціи, сколь твердо стало дѣло образованія вообще въ Россіи и женскаго въ частности. Последнее было дѣломъ новымъ, неслыханнымъ и проч., и проч. Это, такъ сказать, нравственная сторона ея заслугъ предъ отечествомъ, но есть и другая не менѣе важная сторона—это расширеніе предѣловъ имперіи, а вмѣстѣ и ея матеріальнаго процвѣтанія. Крымъ, Бѣлоруссія, весь нынѣшній Сѣверо-Западный край и проч., благодаря ея волѣ, ея заботамъ и стараніямъ, стали теперь неотъемлемою частью нашей великой отчизны. И слѣдуетъ безъ преувеличенія отмѣтить великое значеніе для мѣстнаго населенія факта воссоединенія Сѣверо-Западнаго края съ колыбелью славянства Россіей. Правленіемъ Великой Екатерины всѣмъ было воздано должное, какъ въ отношеніи свободы вѣроисповѣданія, такъ и народнаго просвѣщенія, языка и прочее. Памятованіе того, что сдѣлано императрицей для обезпеченія общаго покоя и благосостоянія съ внѣшней и съ внутрѣнной стороны, въ сознаніи искреннихъ сыновъ міра и порядка, чуждыхъ всякихъ сепаратныхъ стремленій, становится безсмертнымъ. Люди, въ силу психологической необходимости, дорогія сердцу имена и событія стараются отмѣтить чѣмъ нибудь особеннымъ. Сей монументъ и есть внѣшнее выраженіе нашей глубокой признательности и нашей благоговѣйной памяти о славныхъ дѣлахъ императрицы, а духовно они невидимыми письменами начертаны въ сердцахъ нашихъ. Помянемъ же молитвенно имя великой императрицы предъ Господомъ неба и земли и возгласимъ ей «вѣчную память». Послѣ провозглашенія многолѣтня Государю Императору и всему царствующему дому была провозглашена вѣчная память императрицъ Екатерины II. Затѣмъ съ памятника ушло покрывало, и архіепископъ Никандръ окропилъ его святой водой. Его императорское высочество произнесъ: «По высочайшему повелѣнію объявляю памятникъ открытымъ и передаю его городу». Городской голова отвѣтилъ съ благоговѣйной благодарностью, что городъ принимаетъ этотъ даръ, драгоценный для всей Россіи. Духовная процессія удалилась, войска стали перестраиваться къ церемоніальному маршу. Депутатціи, начиная отъ города Вильны, одна за другой подходили къ памятнику и клали къ подножію вѣнки, окруживъ его со всѣхъ сторонъ. Вѣнки возложены отъ шести городовъ Западнаго края, отъ виленскаго союза членовъ Русскаго собранія, виленскаго дворянства, виленскаго учебнаго округа, судебного вѣдомства, полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ, виленскаго еврейскаго общества, крестьянъ шести западныхъ губерній, бѣлостокскаго пожарнаго общества, виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, женской гимназіи императрицы Маріи, духовнаго женскаго училища, училища Прозоровой, училища Кулаковской, московскаго Екатерининскаго корпуса, полоцкаго корпуса, духовнаго мужского училища, литовской семинаріи, виленскихъ первой и второй гимназій, ковенской, могилевской и витебской гимназій, виленскаго, минскаго и могилевскаго реальныхъ училищъ, виленскаго христіанскаго учительскаго института, еврейскаго учительскаго института, молодецненской учительской семинаріи, поневѣжской учительской се-

мшарин, свислочской, несвижской и полоцкой учительскихъ семинарій, виленскаго техническаго училища, желѣзнодорожной школы, коммерческаго училища и торговой школы. Все подножіе и вся балюстрада памятника утопали въ вѣнкахъ; много было серебряныхъ. Особенно красивы вѣнки: отъ Русскаго собранія—изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ, вензель Екатерины подъ огромной изъ бѣлыхъ же цвѣтовъ короной, окруженной лаврами и съ широкими ордена св. Екатерины лентами; виленской женской гимназіи на голубой бархатной подушкѣ съ вышивкой: «Матери отечества». Отъ Русскаго собранія вѣнокъ возложилъ его предсѣдатель, князь Голицынъ. Въ это время войска уже построились къ церемональному маршу. Во главѣ войскъ прошелъ великій князь. По окончаніи парада великій князь принималъ начальниковъ частей, обошелъ волостныхъ старшинъ и депутаціи крестьянъ съ вѣнками и отбылъ во дворецъ. Во дворѣ обошелъ фронтъ пожарной дружины, хоръ музыки которой игралъ преображенскій маршъ. Принявъ старовѣровъ, бывшихъ охранными дружинниками во времена графа Муравьева, прошелъ въ садъ, гдѣ обѣдала масса крестьянъ, пришедшихъ на торжество, а въ Розовой гостиной дворца посѣтилъ обѣдъ волостныхъ старшинъ. Въ большомъ залѣ и смежныхъ комнатахъ былъ сервированъ парадный завтракъ на 500 персонъ. Великій князь провозгласилъ тосты за Государя, Государынь, Наслѣдника Цесаревича; министръ за великаго князя и великій князь за комитетъ по сооруженію памятника и за всѣхъ присутствовавшихъ. Кромѣ того, министръ прочелъ текстъ телеграммы на имя Государя Императора. Громкое «ура» оглашало залы. На каждомъ приборѣ лежало меню и книга Виноградова: «Императрица Екатерина II и Западный край». Князь Друцкой-Любецкой, одинъ изъ инициаторовъ памятника, произнесъ рѣчь въ воспоминаніе о сооруженіи памятника и зодчемъ Антокольскомъ. Другую, патриотическую рѣчь произнесъ генералъ Богдановичъ. «Къ сонму многочисленныхъ памятниковъ, украшающихъ Россію во славу Екатерины II, присоединился нынѣ дивный монументъ великой императрицѣ въ средоточіи Сѣверо-Западнаго края. Еще не умолкаетъ и черезъ столѣтіе по ея кончинѣ звучить то на сѣверѣ, то на югѣ, а теперь на западѣ Руси слава объ историческомъ безсмертіи нашей царицы. Мнѣ, ветерану четырехъ царствованій, участнику открытія памятниковъ мудрой правительницѣ Россіи и въ сѣверной столицѣ, и въ первопрестольной Москвѣ, и въ молодой Одессѣ, не хотѣлось бы и теперь оставаться безмолвнымъ. Въ блестящихъ страницахъ русской исторіи, связанныхъ съ именемъ Великой Екатерины, находятъ себѣ несокрушимую опору наша вѣра въ могучее будущее Россіи и въ счастливое разрѣшеніе новыхъ задачъ, поставленныхъ намъ на Дальнемъ Востокѣ, къ вѣщней славѣ русскаго имени. У подножія этого прекраснаго памятника, чувствуя славную память нашей императрицы, забудемъ ли воздать достойную хвалу ея мудрымъ заботамъ о благоустройствѣ Русской земли? Ея плодотворнымъ дѣламъ и начинаніямъ въ законодательствѣ, въ управленіи, въ просвѣщеніи, въ оближеніи народовъ и племенъ, объединенныхъ подъ скипетромъ русской державы? Стоя на высотѣ передовыхъ идей своего времени, другъ и почитатель выдающихся философовъ и писателей, съ которыми она усердно вела переписку, Екатерина въ то же время никогда не утускала изъ виду, что бразды

правленія надо держать твердой рукой, что необходимо въ дѣлахъ правленія строго считаться съ условіями, въ которыхъ живетъ страна. Когда знаменитый Вольтеръ торопилъ Екатерину поскорѣ сочинить законы для Россіи, она писала ему изъ Казани слѣдующія строки: «Вѣдь это цѣлый особый міръ, надобно его создать, сплотить, охранять. Подумайте только, что мои законы должны служить и для Европы, и для Азіи. Какое различіе климата, жителей, привычекъ, понятій! Я теперь вижу все своими глазами. Необходимо каждому спать пригодное платье. Легко положить общія начала, но частности, подробности... и какія подробности...». Счастливая въ выборѣ своихъ ближайшихъ сподвижниковъ на поляхъ брани и въ мирныхъ трудахъ, мудрая царица не переставала трудиться на благо объединенной Россіи. Скажу словами поэта: «Живи, живи, Екатерина, въ безсмертной памяти народа твоего». Вѣчная память Великой Екатерины, мудрой матери отечества! Честь и хвала инициатору и устроителямъ этого прекраснаго памятника, будящаго столько радостныхъ воспоминаній и свѣтлыхъ надеждъ! Слава и многія лѣта Царственному Правнуку великой монархини, возлюбленному Государю нашему, Верховному Вождю русскихъ силъ! Ура!..» Эта интересная и патриотическая рѣчь вызвала громкія рукоплесканія, безконечное «ура» и народный гимнъ, повторенный три раза. Послѣ завтрака великій князь проѣхалъ въ Муравьевскій музей, подробно его осматривалъ и внесъ свое имя въ книгу, затѣмъ посѣтилъ виленскую публичную бібліотеку, пріютъ Блага Креста, гдѣ подробно осмотрѣлъ помещеніе, пробовалъ пищу и говорилъ съ дѣтьми. Кромѣ того, его высочество посѣтилъ Свято-Духовъ монастырь, гдѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Никандромъ, преподнесшимъ въ благословеніе отъ древнелитовской обители икону виленскихъ мучениковъ. При этомъ владыка сказалъ слѣдующее слово: «Братія сей святой обители вмѣстѣ со мной съ радостью встрѣчаютъ васъ подъ сѣнью сего святого храма. Наша радость усугубляется сознаніемъ, что мы встрѣчаемъ въ вашемъ лицѣ не только члена горячо любимой августѣйшей семьи, но особенно выдающагося, искренняго и преданнаго сына православной церкви и почитателя ея святыхъ. По лицу Русской земли идетъ молва о вашей благочестивой христіанской настроенности. Чтобы не быть голословнымъ, вспомнимъ лишь нѣкоторое: Саровъ и Тверь. Да благословитъ же васъ Господь и даруетъ вамъ силы, крѣпость и успѣхъ во всѣхъ начинаніяхъ вашихъ». Затѣмъ владыкою была поднесена вторая икона для передачи Наслѣднику Цесаревичу Алексѣю Николаевичу, при чемъ владыка произнесъ слѣдующую рѣчь: «Ваше императорское высочество. Тяжело намъ всѣмъ въ настоящій годъ испытаній, но милосердый Богъ и среди тяжести жизненныхъ испытаній посылаетъ утѣшенія и радость своимъ вѣрнымъ чадамъ, какъ стоящему во главѣ всѣхъ насъ нашему благочестивѣйшему Государю Императору, такъ и Его вѣрному народу. У Государя Императора родился Наслѣдникъ, надежда Россіи. Съ какою великою радостью встрѣтилъ это событіе въ царственной семьѣ весь русскій народъ! Пользуясь милостивымъ присутствіемъ вашего императорскаго высочества среди насъ, усерднѣе просимъ васъ передать сію святую икону въ благословеніе отъ древней обители Государю Наслѣднику Цесаревичу. Да возрастетъ Онъ въ благоденствіи и крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ на благо и счастье Рос-

сія. Да благословить его и васъ Господь и да хранить своюю благодатию на нашу общую радость». Изъ монастыря его императорское высочество прослѣдовало къ святой иконѣ Остробрамской Вожіей Матери, гдѣ былъ встрѣченъ епископомъ барономъ фонъ-дербъ-Роопомъ. Отбывъ изъ остробрамской часовни, его императорское высочество изволило совершить прогулку въ экипажѣ по городу и его окрестностямъ. Въ 5 ч. великій князь посѣтилъ Бернардинскій садъ, гдѣ виленскій губернский предводитель дворянства имѣлъ счастье предложить его императорскому высочеству чай. Здѣсь же были представлены его императорскому высочеству дворяне. Графъ провозгласилъ царскіе тосты, за великаго князя и за предсѣдателя комитета памятника, князя Святополкъ-Мирскаго. Великій князь пилъ за здоровье дворянъ Сѣверо-Западнаго края, за графа, бесѣдовалъ затѣмъ съ дворянами и по освѣщеннымъ нитями цвѣтныхъ огней и наполненнымъ народомъ улицамъ отбылъ на вокзалъ, при общемъ несмолкаемомъ «ура» народа. Министръ и мѣстныя власти провожали великаго князя. Погода не дала яркихъ солнечныхъ красокъ торжеству, но удержалась отъ дождей, и празднество вышло прекраснымъ и при удивительномъ порядкѣ. Вечеромъ состоялось во дворцѣ многочленное засѣданіе мѣстнаго союза членовъ Русскаго собранія въ присутствіи пріѣхавшаго на торжество предсѣдателя собранія князя Голицына и представителей прессы. Прочитанъ докладъ Чумикова о подъяремной Руси. Въ городскомъ театрѣ состоялся торжественный спектакль, посвященный памяти императрицы Екатерины. Послѣ народнаго гимна, трижды исполненнаго полнымъ составомъ драматической труппы, на бюстъ императрицы возложенъ лавровый вѣнокъ. Въ заключеніе исполненъ гимнъ Екатерины. Населеніе Вильны, массаи столпившееся на городскихъ улицахъ, изукрашенныхъ зеленью, трехцвѣтными флагами и коврами, искренно приветствовало проѣзжавшихъ по улицамъ участниковъ сегодняшняго торжества. Русское, литовское, польское и еврейское населеніе одинаково выражало свои чувства и стремилось выразить свою радость. Единодушіе это поражало въ особенности иностранцевъ, прибывшихъ сюда по случаю празднества и бывшихъ въ состояніи воочию убѣдиться въ искренности порыва, охватившаго всѣхъ жителей Вильны безъ различія національности. До 60-ти представителей самыхъ именитыхъ польскихъ родовъ поставили себя въ долгъ быть на праздникѣ. Признавъ столѣтнюю давность событія, неразрывно прикрѣпившаго Сѣверо-Западный край къ Россіи, они тѣмъ хотѣли засвидѣтельствовать свою лояльность и свое искреннее желаніе быть вѣрноподданными русскаго Царя, надежды всѣхъ славянскихъ народностей. Въ заключеніе приводимъ высочайшую телеграмму Государя Императора на имя министра внутреннихъ дѣлъ, князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго: «Сердечно благодарю представителей духовенства, вѣдомствъ, дворянства и другихъ сословій, городовъ и учебныхъ заведеній за выраженные Мнѣ чувства по случаю торжественнаго освященія памятника императрицѣ Екатеринѣ Второй. Николай». Эта всеміростивѣйшая телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на слѣдующую депешу министра внутреннихъ дѣлъ: «Сегодня въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Александровича состоялось открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ Второй. Присутствовавшіе при торжествѣ многочисленные предста-

вители духовенства, вѣдомствъ, дворянства и другихъ сословій, городовъ и учебныхъ заведеній поздравляютъ къ столамъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшія чувства. Счастливы объ этомъ всеподданнѣйше донести Вашему Величеству. Генераль-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій».

Присужденіе наградъ графа Уварова. 25-го сентября въ засѣданіи академіи наукъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина, состоялось 46-е присужденіе наградъ графа Уварова. Отчетъ о премированныхъ сочиненіяхъ былъ прочитанъ въ засѣданіи за непрерывнаго секретаря академикомъ А. П. Каршинскимъ. На соисканіе наградъ было представлено въ нынѣшнемъ году пять сочиненій, для разсмотрѣнія которыхъ была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ покойнаго нынѣ академика Н. Ѳ. Дубровина, изъ академикомъ А. А. Шахматова, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевскаго, Е. Е. Голубинскаго и А. С. Лаппо-Данилевскаго. Коммиссія избрала рецензентовъ и по полученіи отзывовъ отъ нихъ присудила большую награду въ 1.500 рублей С. П. Дягилеву за работу: «Русская живопись въ XVIII вѣкѣ. Т. I. Д. Г. Левицкій» и малыя преміи по 500 рублей—М. М. Богословскому за работу: «Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1729 гг.», и С. М. Горяинову за трудъ: «Руководство для консуловъ». Оцѣнка труда С. П. Дягилева была произведена академикомъ Н. П. Кондаковымъ. Работа С. П. Дягилева представляетъ большой альбомъ изъ 64 образцовыхъ фото-механическихъ снимковъ съ приложеніемъ 38 дополнительныхъ рисунковъ, пояснительнымъ текстомъ къ изданнымъ портретамъ Левицкаго, со статьею В. П. Горленко «О жизни Левицкаго» и рядомъ документовъ (на 80 страницахъ). Не соглашаясь со взглядами С. П. Дягилева, высказанными имъ въ предисловіи къ его труду, академикъ Н. П. Кондаковъ тѣмъ не менѣе привѣтствуетъ, какъ предпріятіе полезное и серьезное, предпринятое авторомъ собраніе произведеній блестящихъ талантовъ XVIII вѣка и указываетъ, что альбомъ произведеній Левицкаго исполненъ съ замѣчательной полнотою и со всѣмъ желательнымъ совершенствомъ воспроизведенія. Списокъ произведеній Левицкаго, въ которомъ, кромѣ 57 прежде извѣстныхъ, впервые указываются 35, нигдѣ не воспроизведенныхъ, потребовалъ собиранія массы свѣдѣній какъ хронологическихъ, такъ и по мѣсту находженія произведеній. «Въ различныхъ сомнительныхъ случаяхъ,—говоритъ далѣе рецензентъ,— авторъ показалъ себя тонкимъ цѣнителемъ, а потому тѣмъ болѣе можно пожалѣть, что авторъ не пожелалъ посвятить своему альбому соотвѣтствующаго историческаго труда, котораго эти матеріалы заслуживаютъ». Отзывъ о трудѣ М. М. Богословскаго далъ профессоръ Московскаго университета А. Н. Филипповъ. Рецензентъ прежде всего отмѣчаетъ своевременность появленія труда г. Богословскаго, старавшагося прослѣдить взаимодѣйствіе плановъ реформатора съ жизнью, и показать не только то, чѣмъ должны были быть учрежденія 1719 г., но и чѣмъ они дѣйствительно были, и что было причинами ихъ паденія. Вторая часть задачи удалась автору значительно болѣе. Изучивъ большое количество печатнаго и не обнародованнаго еще матеріала, авторъ собралъ богатый запасъ данныхъ, обойдя, однако, почему-то сенатскій

архивъ. Отмѣчая несовершенство въ пользованіи сырымъ матеріаломъ и нѣкоторую несистематичность труда, рецензентъ признаеть за сочиненіемъ г. Богословскаго значеніе первой попытки изученія второй областной реформы Петра Великаго, указываетъ на полную изслѣдованія и правильность сдѣланныхъ въ немъ выводовъ, почему и признавалъ сочиненіе достойнымъ преміи. Составленіе рецензій о трудѣ С. М. Горяинова, «Руководство для консуловъ»: принялъ на себя профессоръ Томскаго университета В. А. Уляницкій. Авторъ руководства задался чисто практическою цѣлью: изложивъ въ систематическомъ порядкѣ постановленія русскаго законодательства, касающіяся дѣятельности консуловъ, онъ далъ полезное руководство для нихъ, облегчивъ нахожденіе справокъ по требуемому вопросу. Цѣли этой авторъ вполне достигъ, но и, кромѣ того, далъ собственные комментаріи или поясненія, основанные на практикѣ консульской или министерской, упустивъ, однако, совершенно общія руководящія, хотя и твердо установленныя положенія консульскаго права, что составляетъ существенный недостатокъ сочиненія. При всемъ томъ за «Руководствомъ» рецензентъ признаеть цѣнное значеніе въ смыслѣ облегченія справокъ изъ разбросанныхъ до сихъ поръ по разнымъ изданіямъ циркуляровъ, распоряженій и т. д. По присужденіи преміи академія постановила выразить глубокую признательность господамъ рецензентамъ и назначила установленныя для постороннихъ ученыхъ уваровскія медали профессорамъ А. Н. Филипову и В. А. Уляницкому.

Юбилей В. И. Жмакина. 4-го октября исполнилось 25-лѣтіе службы одного изъ видныхъ историковъ русской церкви—протоіерея Василя Ивановича Жмакина. Протоіерей Жмакинъ родился 12-го іюля 1853 года въ селѣ Николаевкѣ, Самарской губерніи, Николаевскаго уѣзда. По окончаніи курса въ Самарской духовной семинаріи, въ 1875 году поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ въ маѣ 1879 года окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія—магистранта; 4-го октября 1879 года назначенъ на должность помощника инспектора С.-Петербургской духовной семинаріи; 20 мая 1884 года рукоположенъ во священника къ церкви Николаевскаго кадетскаго корпуса и назначенъ законоучителемъ корпуса; 13-го сентября 1900 года назначенъ постоянно присутствующимъ членомъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ. Литературную дѣятельность началъ со студенческой скамьи. Первая статья напечатана была въ маѣ 1879 года въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», подъ заглавіемъ: «Взглядъ митрополита Даниила на отношеніе къ еретикамъ». Далѣе въ томъ же журналѣ помѣщались въ разное время статьи: «Борьба идей въ Россіи въ первой половинѣ XVI вѣка», «Памятники русской противокатолической полемики XIV вѣка», «Одинъ изъ литературныхъ памятниковъ XVI вѣка», «Ниль Палевъ» и др. Кандидатское сочиненіе его о митрополитѣ Даниилѣ было признано совѣтомъ академіи однимъ изъ лучшихъ сочиненій и удостоено высшей студенческой преміи. Переработанное вскорѣ въ магистерскую диссертацию, подъ заглавіемъ: «Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія», Москва, 1881 года (напечатано въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ»), оно не только доставило автору искомую степень, но и сразу сдѣлало его имя извѣстнымъ въ наукѣ. Императорская

академія наукъ отличила это сочиненіе Уваровскою преміей (см. отчетъ о двадцать пятомъ присужденіи наградъ графа Уварова). Такой строгій и компетентный рецензентъ, какъ знаменитый церковный историкъ Е. Е. Голубинскій, а также проф. Качановскій дали очень лестные отзывы объ этой работѣ. Кромѣ этого капитальнаго труда, прот. Жмакину принадлежитъ цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по русской церковной исторіи, написанныхъ по большей части по архивнымъ матеріаламъ. Онъ принималъ участіе въ историческомъ журналѣ «Древняя и Новая Россія», гдѣ напечаталъ статьи: «Русское общество XVI вѣка» (вышло затѣмъ отдѣльною брошюрой), «Россія и Черногорія въ началѣ XIX вѣка», «Путешествіе въ Волоколамскій Юсифовъ монастырь»; въ «Русскомъ Архивѣ»: «Подполковникъ А. П. Дубовицкій и его жизнь по разнымъ монастырямъ», «Митрополитъ Гавріиль Бодони»; въ «Русской Старинѣ»: «Коронаціи русскихъ императоровъ и императрицъ», «Амвросій Орнатскій, епископъ пензенскій», «Амвросій Протасовъ, архіепископъ тверской», «Погребеніе константинопольскаго патріарха въ Одессѣ»; въ «Христіанскомъ Читеніи»: «Ересь есаула Котельникова», «Англійская миссія за Байкаломъ», «Основаніе русской духовной миссіи въ Аѳинахъ», «Письма протоіерея А. А. Самборскаго къ императору Александру I и князю А. Н. Голицыну», «Привѣтствія русскихъ архипастырей возвратившемуся императору Александру I», «Письма высочайшихъ особъ къ митрополиту Амвросію», «Начало единовѣрія», «Одинъ эпизодъ изъ исторіи единовѣрія»; въ «Вѣстникъ военнаго духовенства»: «Историческій очеркъ церкви Николаевскаго кадетскаго корпуса»; въ «Историческомъ Вѣстникѣ»: «Чинъ коронаванія», «Бракъ по высочайшему указу»; въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ»: «1-е января 1799 года при дворѣ», «Императоръ Александръ I въ святѣйшемъ синодѣ», «Митрополитъ с.-петербургскій Михаилъ», «Къ двухсотлѣтію Петербурга—историческій очеркъ церквей, основанныхъ въ Петербургѣ при Петрѣ I», «Церкви въ Петербургѣ, основанныя въ царствованіе императрицы Екатерины I», «Церкви въ Петербургѣ, основанныя въ царствованіе Петра II», «Сильвестръ Лебединскій, архіепископъ астраханскій», «Къ біографіи митрополита новгородскаго Гавріила», «Праздники и посты при дворѣ въ царствованіе Павла I» и другія. Отдѣльныя изданія: «Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій. Историческій очеркъ», Спб., 1885 (раньше печатался въ «Христіанскомъ Читеніи», въ видѣ отдѣльныхъ статей); «Путешествіе іеромонаха Аникиты по святымъ мѣстамъ Востока въ 1834—1836 годахъ», Спб., 1891 (раньше печатался въ «Христіанскомъ Читеніи» въ видѣ отдѣльныхъ статей); «Матеріалы для исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Изъ переписки братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ», Спб., 1890 (печаталось раньше въ «Христіанскомъ Читеніи»); «Игуменія Вяземскаго Аркадіевскаго монастыря Августа (въ мѣрѣ княгиня Ширинская-Шихматова)», Москва, 1897 (раньше печаталось въ «Душеполезномъ Читеніи»); «Коронаціи русскихъ императоровъ и императрицъ. Церковно-историческій очеркъ», Спб., 1898 г., выпускъ I, съ 1724 по 1801 г. (раньше печаталось въ «С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ»); «Письма о воспитаніи благородной дѣвицы и о обращеніи ея въ мѣрѣ князя Алексѣя Александровича Ширинскаго-Шихматова.

Съ предисловіемъ протоіерея В. Жмакина», Москва, 1901 г. (раньше печаталось въ «Душеполезномъ Читаніи»).

Археологическое общество въ Москвѣ. Въ происходившемъ 24-го сентября засѣданіи славянской комиссіи общества, дѣйствительный членъ А. А. Покровский прочелъ докладъ о начальной исторіи газетъ. Докладчикъ убѣдился, что первая рукописная газета появилась въ Венеціи въ половинѣ XVI столѣтія. Самое названіе «газета» происходитъ отъ итальянскаго слова *gazetta*, означающаго небольшую денежную единицу. За эту маленькую монету можно было получить въ Венеціи единственную выходившую въ то время рукописную газету. Въ народѣ вскорѣ названіе монеты перешло на тотъ предметъ, который можно было на нее приобрести. Около же этого времени, по нѣкоторымъ даннымъ 1561 года, появились рукописныя газеты и въ другихъ странахъ Западной Европы, а также и Польшѣ. Болѣе или менѣе регулярно появляющіяся русскія рукописныя газеты можно констатировать съ 1621 года; онѣ выходили подъ названіемъ «Вѣстей»: изъ Страсбурга, Польши, Вѣны и т. д. Въ 1602 году вышелъ первый сохранившійся до сего времени номеръ «*Strasburger Zeitung*». Этотъ первый періодъ появленія въ свѣтъ газетъ по недостаточности сохранившихся документовъ изслѣдовать съ совершенною точностью трудно. Иностранныя вѣсти получались въ Россіи черезъ Новгородъ и Псковъ и адресованы были въ посольскій приказъ, гдѣ и переводились на русскій языкъ. Среди переводовъ съ этихъ иностранныхъ газетъ, появившихся въ русскихъ «Вѣстяхъ», «Вѣдомостяхъ» или «Курантахъ», какъ они въ то время назывались, изрѣдка находятся статьи, озаглавленные «разспросныя рѣчи», то-есть показанія тѣхъ или другихъ лицъ, прибывшихъ въ Россію изъ за границы. Въ посольскомъ приказѣ за это время получаютъ отъ иностранцевъ различныхъ національностей предложенія высылать интересныя въ томъ или другомъ отношеніи извѣстія, при чемъ иногда обозначается и сумма вознагражденія; такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ — Jan Wan Sweeden просилъ за эту услугу вознагражденія въ годъ по 500 рублей и 500 соболей, сумму въ то время весьма значительную. Составленныя такимъ образомъ рукописныя газеты предназначались только для государя и ближайшихъ къ нему бояръ. На отдѣльныхъ нумерахъ этихъ газетъ встрѣчаются помѣты: «чтена государемъ», или такія замѣтки, какъ: «чтена царемъ боярамъ»; иногда отмѣчается мѣсто, гдѣ происходило чтеніе: дворецъ и палаты. Иногда находятся даже такія замѣтки, что газета была посылаема государю въ тотъ городъ или монастырь, гдѣ онъ находился на богомольѣ, или куда отлучался по своимъ царскимъ дѣламъ. Число этихъ газетъ по царствованіямъ распределяется неравномѣрно, и чѣмъ ближе въ царствованію Петра I, тѣмъ эти газеты возрастаютъ въ своемъ объемѣ и чаще появляются въ свѣтъ; онѣ становятся государственною потребностью и значительно пополняются свѣдѣніями, доставляемыми послами изъ Западной Европы. Помимо своего общаго интереса, эти сохранившіеся номера «Курантовъ» замѣчательны и по многимъ отдѣльнымъ мѣстамъ. Они даютъ ясную характеристику тѣхъ отдаленныхъ эпохъ и показываютъ, чѣмъ русскій царь и окружающіе его бояре интересовались въ XVI и XVII вѣкахъ. Среди этихъ газетъ мы находимъ, между прочимъ, частыя указанія о появленіи ко-

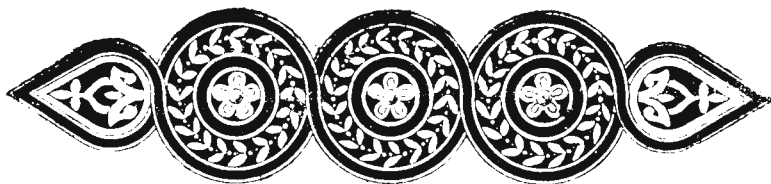
метъ, при чемъ даются подробныя сбъясненія, что та или другая комета могла предвѣщать. Въ вѣкоторыхъ сохранившихся въ архивахъ иностранныхъ газетахъ и въ интересныхъ, какъ переводныхъ, такъ и самостоятельныхъ статьяхъ русскихъ газетъ, встрѣчаются историческія указанія о стрѣлецкихъ бунтахъ, о кончинѣ царя Теодора Алексѣевича и проч. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось болѣе 40 папокъ такихъ газетъ съ бумагами къ нимъ.

Архангельское епархіальное древлехранилище. Древлехранилище, по сообщенію «Правительственнаго Вѣстника», значительно обогатилось приобретениемъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ церковной древности. Такъ, изъ бібліотеки Сійскаго монастыря прислано до 328 рукописныхъ книгъ XV, XVI, XVII и XVIII столѣтій. Изъ другихъ поступленій наиболѣе цѣнны Псалтирь 1395 года, писанная на пергаментѣ уставнымъ письмомъ и украшенная заставками и миниатюрами, Хронографъ 1453 года, Прологъ 1483 года и три Евангелія XVI вѣка съ оригинальными заставками и раскрашенными изображениями евангелистовъ. Кромѣ книгъ, поступило также до 10.000 старинныхъ документовъ, заключающихся въ различнаго рода грамотахъ, купчихъ, дарственныхъ записяхъ и т. п. Среди нихъ обращаютъ вниманіе: купчая 1531 года съ собственноручною подписью преподобнаго Автонія Сійскаго, а также грамоты съ подписями царей Василя III, Іоанна IV, Теодора Іоанновича, Бориса Годунова, Лжедмитрія I, Михаила Теодоровича и Алексѣя Михайловича. Отдѣлъ вещественныхъ памятниковъ пополнился 670 предметами, въ числѣ которыхъ находится шитая шелками плащаница XVI вѣка съ изображеніемъ плачущихъ ангеловъ, два деревянные семиконечные напрестольные креста, желѣзная звѣздца и рѣзные царскія врата, стариннаго письма икона святыхъ Прокопія и Іоанна, устюжскихъ чудотворцевъ, каменный четвероконечный крестъ, деревянные брачныя вѣнцы, коллекція антиминсовъ XV вѣка, деревянный, обложенный серебромъ, подсвѣчникъ 1600 года, пожертвованный въ Сійскій монастырь бояриномъ Дмитріемъ Годуновымъ, деревянный рѣзной наложъ 1622 года и фигурный металлическій подсвѣчникъ 1652 года. Въ древлехранилищѣ имѣются также старинныя гравюры и портреты государственныхъ и духовныхъ дѣятелей и коллекціи древнихъ богослужебныхъ одеждъ. Вообще въ отношеніи численности и важности документовъ оно является обширнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній изъ прошлаго церковно-религіозной и общественной жизни Архангельской епархіи.

Раскопки на мѣстѣ Ольвіи. Нынѣшнимъ лѣтомъ подъ руководствомъ Б. В. Фармаковскаго производились по порученію императорской археологической комиссіи раскопки на мѣстѣ древне-греческой колоніи Ольвіи, на побережьи Чернаго моря (у села Парутина Одесскаго уѣзда). Раскопки дали возможность установить топографію древняго города, такъ какъ открыты стѣны, башни и рядъ зданій. На возвышенности, гдѣ находилась Ольвія, обнаружена монументальная городская стѣна на протяженіи около 30-ти сажень, стѣна облицована массивными хорошо обтесанными плитами; на обрывѣ у стѣны раскопки обнаружили одну изъ семи ольвійскихъ башенъ, сложенную изъ колоссальныхъ по размѣру каменныхъ глыбъ. Между городскою стѣною и башней

открыты водопроводные каналы. Раскопанная до сихъ поръ часть города Ольви, прилегающая къ сѣвѣ, заполнена мелкими постройками, вѣроятно, складами. Предполагаютъ, что сѣва относится къ V--IV вѣку до Р. Х.; постройки же принадлежатъ къ позднѣйшей эпохѣ римскаго владычества. Изъ отдѣльныхъ находокъ особеннаго вниманія заслуживаютъ фрагменты двухъ мраморныхъ женскихъ статуй и обломки надписей. На ряду съ разслѣдованіемъ города въ Ольви ведутся раскопки кургановъ въ урочищѣ «Сто могилъ». Большинство гробницъ, открытыхъ въ нынѣшнемъ году (60), оказались, однако, разграбленными, и въ нихъ не найдено особенно важныхъ предметовъ.

НЕКРОЛОГИ.

БАРАНЕЦКІЙ, П. В. 19 сентября скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни ревизоръ лѣсоустройства, Петръ Васильевичъ Баранецкій. Имя покойнаго хорошо извѣстно въ кружкѣ специалистовъ, какъ честнаго и трудолюбиваго работника. По окончаніи курса въ бывшей Петровской земледѣльской и лѣсной академіи кандидатомъ лѣсоводства, онъ поступилъ на службу по лѣсному вѣдомству и вскорѣ былъ командированъ за границу на два года для усовершенствованія въ лѣсныхъ наукахъ. По возвращеніи изъ этой командировки принималъ участіе въ лѣсоустроительныхъ работахъ и затѣмъ былъ назначенъ преподавателемъ Лисинскаго лѣсного училища. Преподавательская дѣятельность была особенно по душѣ покойному; добросовѣстно исполняя обязанности, онъ пользовался любовью своихъ учениковъ, изъ которыхъ многіе до послѣднихъ дней находились съ нимъ въ постоянной дружеской перепискѣ. Но, къ сожалѣнію, недолго продолжалась его служба по ученой части: неблагоприятно сложившіяся обстоятельства заставили П. В. поинуть Лисино и переселиться въ Петербургъ, гдѣ онъ въ теченіе восемнадцати лѣтъ состоялъ усерднымъ и добросовѣстнымъ докладчикомъ по лѣсоустроительнымъ работамъ въ лѣсномъ специальномъ комитетѣ, неоднократно исполняя обязанности дѣлопроизводителя. Свободное отъ служебныхъ занятій время покойный посвящалъ разработкѣ различныхъ специальныхъ вопросовъ по лѣснымъ и естественнымъ наукамъ; такъ, имъ составленъ и изданъ курсъ по лѣсохраненію, лучшій учебникъ по этому предмету на русскомъ языкѣ, и оставлено вѣскольکو не вполне законченныхъ работъ: о стенномъ лѣсоразведеніи, о лѣсныхъ пожарахъ въ Россіи, обширный трудъ, основанный на разработкѣ архивныхъ данныхъ, и другія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10261).

† **Бродзскій.** Въ Римѣ скончался извѣстный польскій скульпторъ Бродзскій. Родился покойный въ Волынской губерніи въ 1830 году и послѣ окон-

чанія гимназій поступили на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Природная склонность къ занятіямъ скульптурою побудила Бродзскаго поступать въ петербургскую академію художествъ. Курсъ въ академіи покойный окончилъ прекрасно и былъ награжденъ золотой медалью за статую Адониса и получилъ такъ называемую «римскую» стипендію, давшую ему возможность продолжать художественное образованіе за границей. Получивъ стипендію, Бродзскій поселился въ Римѣ, гдѣ открылъ свою мастерскую. Здѣсь имъ были созданы произведенія, украшающія теперь лучшіе европейскіе музеи. Наиболѣе извѣстны его произведенія: «Отдыхающій Адонисъ», «Зефиръ», «Послѣдній день Помпеи» и пр. Его работами украшено извѣстное «Сапро Санта» въ Римѣ. Умеръ Бродзскій на 75 году жизни. (Некрологъ его: «Кіевская Газета», 1903 г., № 272).

† **Комаровъ, А. В.** 27 сентября скончался членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генералъ отъ инфантеріи Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ, извѣстный своею административною и боевою дѣятельностью на Кавказѣ и въ Туркестанѣ. Покойный родился 24 августа 1830 г., образованіе получилъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба по первому разряду. Большая часть его службы протекла на Кавказѣ. Въ годы покоренія Кавказа, еще молодымъ офицеромъ, онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ, за что и получилъ нѣсколько наградъ. По окончательномъ умиротвореніи края, онъ продолжалъ тамъ свою дѣятельность въ качествѣ администратора, занимая послѣдовательно должности военнаго начальника южнаго Дагестана, дербентскаго градоначальника и, наконецъ, начальника кавказскаго военнаго управленія. Кромѣ того, во время службы на Кавказѣ, продолжавшейся съ 1855 до 1883 г., А. В. дѣятельно изучалъ край въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Имъ собрана обширная палеонтологическая коллекція, находящаяся нынѣ въ Кавказскомъ музеѣ, большая коллекція древнихъ монетъ (до 10.000 экземпляровъ), преимущественно восточныхъ (нѣкоторыя изъ нихъ хранятся въ Эрмитажѣ) и пр. Имъ же изданы труды: «Народонаселеніе Дагестанской области», съ этнографической картой, награжденное серебряной медалью географическаго общества, «Адаты (обычное право) Дагестанскихъ горцевъ и судопроизводство по нимъ» и пр.

Назначенный въ 1883 г. начальникомъ Закаспійской области и командующимъ тамъ войскамъ, генералъ Комаровъ управлялъ этимъ краемъ въ теченіе семи лѣтъ. Управленіе это ознаменовалось присоединеніемъ къ русскимъ владѣніямъ обширнаго и плодороднаго Мервскаго оазиса и оазисовъ Тедженскаго, Серахскаго, Юлатанскаго и Пендженскаго, всего 196.327 квад. верстъ. Послѣ утвержденія нашего владычества въ Ахаль-Теке, явившагося послѣдствиемъ знаменитаго похода Скобелева въ 1880 — 1881 г., положеніе мервскихъ туркменъ стало очень затруднительнымъ; среди нихъ образовались двѣ партіи, изъ коихъ одна стояла за подчиненіе русскимъ, а другая оставалась враждебною. Воспользовавшись этимъ настроеніемъ, генералъ Комаровъ двинулъ къ Мерву отрядъ, но, благодаря искусно веденнымъ сношеніямъ съ вліятельнѣйшими людьми въ Мервѣ, удалось избѣжать кровопролитія, и Мервъ подчи-

нился Россіи. Присоединеніе Мерва, въ свою очередь, повлекло за собою занятіе страны между Мургабомъ и Тедженомъ, тоже населенной туркменскимъ племенами, что приблизило насъ къ предѣламъ Афганистана. Последнее чуть не вызвало серьезной войны съ афганцами, захватившими безъ всякаго права Пендженскій оазисъ, принадлежавшій новымъ нашимъ подданнымъ, туркменамъ племени Сарыкъ. Этотъ захватъ вызвалъ сформированіе Мургабскаго отряда подъ начальствомъ самого генерала Комарова и движеніе этого отряда къ Кушкѣ для прочнаго занятія моста при впаденіи р. Кушки въ р. Мургабъ. Отрядъ былъ малочисленный. Этимъ задумали воспользоваться англійскіе офицеры, находившіеся среди многочисленнаго афганскаго отряда, и подстрекаемые ими афганцы начали враждебныя дѣйствія противъ насъ.

Кушкинскій бой (18 марта 1885 г.) былъ послѣдствіемъ дерзкаго и вызывающаго поведенія афганцевъ; въ этомъ дѣлѣ они были разбиты и обращены въ бѣгство. Къ покойному явилась депутація отъ мѣстныхъ кочевниковъ съ просьбой принять ихъ въ русское подданство. Побѣда подъ Кушкой произвела сильное впечатлѣніе на всю Среднюю Азію, а также и на англичанъ, закрѣпила за Россіей ранѣ принадлежавшія ей земли, съ присоединеніемъ къ нимъ оазиса Пендже. Послѣ этого граница съ Афганистаномъ была точно опредѣлена нашими и англійскими делегатами въ 1888 г. при видномъ участіи А. В. Комарова. Въ 1890 г. покойный былъ назначенъ состоять въ распоряженіи военнаго министра, и черезъ годъ былъ сдѣланъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ. За свою продолжительную боевую службу А. В. имѣлъ всѣ награды до ордена св. Александра Невскаго. За побѣду подъ Кушкой былъ награжденъ золотымъ оружіемъ, украшеннымъ брилліантами. Имя, приобрѣвшее особенную извѣстность послѣ Кушкинскаго боя, займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи царствованія императора Александра III. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 221; «Финляндская Газета», 1904 г., № 153; «Новое Время», 1904 г., № 10267, и «Кавказъ», 1904 г., № 259).

† **Клейнъ, К. О.** 13 октября въ Москвѣ скончался помощникъ главнаго врача Ново-Екатерининской больницы и директоръ ея хирургической госпитальной клиники, экстраординарный профессоръ Московскаго университета, Карлъ Фодоровичъ Клейнъ. Покойный родился 25 октября 1853 года въ семьѣ родовитаго иностранца Федора Клейна, служившаго въ то время въ Москвѣ управляющимъ университетской типографіей. Съ прекраснымъ успѣхомъ окончивъ курсъ 3-й московской гимназіи, покойный вступилъ въ число студентовъ того же университета, курсъ котораго и окончилъ въ 1876 году, получивъ степень лѣкаря и званіе уѣзднаго врача, а за представленное сочиненіе на заданную медицинскимъ факультетомъ тему «Перевозочные снаряды для лѣченія переломовъ костей» — серебряную медаль. Когда вспыхнула война съ Турціей, его командировали для оказанія помощи раненымъ на Балканскомъ полуостровѣ. Съ успѣхомъ окончивъ эту трудную миссію, онъ возвратился въ Москву и занялъ должность сверхштатнаго ординатора хирургической госпитальной клиники. Пробывъ годъ въ этомъ званіи, К. О. былъ перемѣщенъ въ 1878 г. на должность штатнаго ординатора той же клиники, а затѣмъ, въ 1880 году, былъ

назначенъ младшимъ штатнымъ ординаторомъ Ново-Екатерининской больницы, гдѣ черезъ годъ и занялъ должность старшаго ординатора. По случаю передачи Ново-Екатерининской больницы въ 1887 году въ исключительное завѣдываніе Московскаго университета, К. Ө. былъ переименованъ изъ старшихъ ординаторовъ въ помощники главнаго врача, въ какой должности и находился до своей кончины. Съ 1889 г. по 1894 г. покойный состоялъ врачомъ московскаго Преображенскаго богадѣленнаго дома. Въ 1895 г. К. Ө. защитилъ диссертацию, подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ этиологіи и хирургіи нѣкоторыхъ формъ пилоростеноза», и былъ утвержденъ въ степени доктора медицины. Затѣмъ въ томъ же году онъ былъ принятъ въ число приватъ-доцентовъ Московскаго университета для преподаванія клинической хирургіи. Въ 1896 г. покойный вступилъ въ должность директора поликлиники имени великой княжны Ольги Николаевны при комитетѣ «Христіанская помощь» и должность эту оставилъ лишь въ текущемъ году. Въ 1897 году К. Ө. былъ назначенъ сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по кафедрѣ госпитальной хирургической клиники, находящейся при Ново-Екатерининской больницѣ, а въ 1898 году онъ сталъ врачомъ-консультантомъ при московской Софійской дѣтской больницѣ, гдѣ и исполнялъ свои обязанности около двухъ лѣтъ. Наканунѣ, 12-го, К. Ө. былъ по обыкновенію въ своей клиникѣ и, какъ всегда, былъ веселъ и шутилъ съ окружающими, а вечеромъ былъ даже въ гостяхъ, и ничто не предвѣщало роковой развязки. Утромъ, 13-го, К. Ө. отправился было изъ своей квартиры въ больницу, но при самомъ выходѣ почувствовалъ себя дурно и упалъ, впадъ въ безсознательное состояніе. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, возстановить здоровье профессора, къ сожалѣнію, не удалось, и онъ черезъ нѣсколько часовъ, не приходя въ сознание, тихо скончался. Тяжела эта потеря для Московскаго университета, но еще тяжелѣе она для Ново-Екатерининской больницы, на пользу которой К. Ө. работалъ почти четверть вѣка. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г. № 284; «Новости Дня», 1904 г., № 7674, и «Русское Слово», 1904 г., № 286).

† **Кюгельхенъ, П. К.** 5 октября скончался на шестьдесятъ второмъ году жизни редакторъ-издатель газеты «St.-Petersburger Zeitung», П. К. фонъ-Кюгельхенъ. Покойный родился въ Эстляндіи въ 1843 г., учился на юридическомъ факультетѣ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, изъ котораго вышелъ въ 1870 г. съ дипломомъ кандидата правъ. Изъ университета П. К. непосредственно перешелъ въ газетное дѣло: въ томъ же 1870 г. онъ уже былъ сотрудникомъ нѣмецкой «Ревельской Газеты». Въ 1871 году ему удается перебраться въ Петербургъ, гдѣ, не оставляя газетной работы, онъ занимаетъ мѣсто репетитора въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ, но уже въ 1872 году онъ дѣлается отвѣтственнымъ редакторомъ «Сѣвернаго Обзорѣнія» («Nördischen Rundschau»). Въ 1874 году П. К. получаетъ мѣсто отвѣтственнаго редактора «St.-Petersburger Zeitung», а съ 1877 г. дѣлается и ея издателемъ. Но энергичный П. К. находилъ еще время и силы заниматься педагогическою дѣятельностью: въ 1879 году онъ занялъ еще должность штатнаго преподавателя нѣмецкаго языка въ Елизаветинскомъ институтѣ. Главною же ареною дѣятельности покойнаго была, конечно, публицистика. Покойный вно-

силъ въ свои статьи свою обширную эрудицію и отличное знаніе того дѣла, о которомъ писалъ. Нѣтъ почти ни одного вопроса въ тридцатилѣтней хроникѣ нѣмецкой колоніи въ Петербургѣ, по поводу котораго не раздалось бы громкое и вѣское слово П. К. Число собственныхъ его статей въ «St.-Petersburger Zeitung» громадно. Кромѣ интересовъ нѣмецкой колоніи въ столицѣ, статьи П. К. касались постоянно еще вопросовъ и нуждъ родного ему Остзейскаго края. Тутъ онъ тоже былъ у себя дома, горячо отзывался на всякій очередной вопросъ и являлся неизмѣннымъ, убѣжденнымъ вѣрнымъ защитникомъ возможной мѣстной самостоятельности края. Отзывчивый къ чужому горю и добрый П. К. снискалъ къ себѣ любовь и симпатіи всѣхъ, кто сблизался съ нимъ. (Некрологи его: «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 513; «Либавскій Вѣстникъ», 1904 г., № 221, и «Новое Время», 1904 г., № 10274).

† **Ларошъ, Г. А.** 5-го октября скончался извѣстный музыкальный критикъ, теоретикъ и композиторъ Германъ Августовичъ Ларошъ. Покойный родился въ Петербургѣ въ 1845 году. Онъ получилъ блестящее домашнее воспитаніе и еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ обращалъ на себя вниманіе, какъ всесторонній энциклопедистъ. Окончивъ курсъ въ петербургской консерваторіи по специальному классу теоріи музыки и получивъ званіе свободного художника, Г. А. сразу занялся тремя специальностями: критикой, композиціей и педагогіей. Съ 1866 по 1880 годъ Г. А. былъ профессоромъ теоріи и исторіи музыки въ консерваторіи въ Москвѣ и занимался критикой. Онъ началъ писать оперу «Кармозина», отъ которой осталась только увертюра, симфонію, отъ которой осталось первое симфоническое allegro. Оба произведенія были исполнены въ симфоническихъ собраніяхъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества въ Москвѣ и Петербургѣ. Но, несмотря на крупное композиторское дарованіе, Г. А. оставилъ сочинять. Педагогическая его дѣятельность шла урывками. Покинувъ Москву, Ларошъ поступилъ въ 1871 году въ петербургскую консерваторію, гдѣ былъ профессоромъ теоріи, затѣмъ исторіи музыки. Но въ 1875 году онъ покидаетъ свои занятія въ консерваторіи. Позднѣе опять короткое время онъ преподавалъ въ консерваторіяхъ — петербургской, а затѣмъ московской. Вскорѣ онъ уже совсѣмъ оставилъ педагогическую дѣятельность. Въ критической дѣятельности Г. А. замѣчается большее постоянство. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ дѣятельно занимается критикой въ Москвѣ, и въ 1867 году появляется въ «Русскомъ Вѣстникѣ» обширная статья Лароша «Глинка и его значеніе въ музыкѣ». Этотъ блестящій трудъ сразу обратилъ на себя вниманіе, имя Лароша стало авторитетнымъ и популярнымъ. Въ 1868 году этотъ трудъ былъ изданъ отдѣльной книгой въ Москвѣ. Переѣхавъ въ 1871 году въ Петербургъ, Ларошъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ въ газетѣ «Голосъ», помѣщая въ ней музыкальные и литературные фельетоны до самаго закрытія этого органа. Въ 70-хъ годахъ Г. А. читалъ въ Петербургѣ съ большимъ успѣхомъ публичныя лекціи по исторіи музыки. Кромѣ того, Г. А. писалъ въ «Музыкальномъ Листѣ», «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ», «Новостяхъ», «Россіи», твердо и упорно отстаивая классическое направленіе. Обладая громаднымъ запасомъ знаній, онъ давалъ массу интереснаго матеріала, какъ въ своихъ статьяхъ, такъ и въ лекціяхъ. Отличаясь живымъ

умомъ, большимъ остроуміемъ, Ларошъ былъ въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ. Его появленіе въ обществѣ всегда встрѣчалось съ большой радостью. Подъ редакціей Лароша изданъ русскій переводъ сочиненія Улыбышева: «Nouvelle biographie de Mozart». (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 229; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 513, и «Новое Время», 1904 г., № 10275).

† **Макаровъ, Н. И.** 16-го сентября скончался послѣ продолжительной болѣзни Николай Ивановичъ Макаровъ, пользовавшійся извѣстностью, какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей математики. Въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ онъ читалъ болѣе сорока лѣтъ начертательную геометрію, читалъ также лекціи въ институтахъ путей сообщенія и гражданскихъ инженеровъ и вездѣ пользовался симпатіями студентовъ. Покойный самъ увлекался своимъ предметомъ и умѣлъ заинтересовать имъ своихъ слушателей. Онъ считался выдающимся знаткомъ начертательной геометріи и перспективы. Съ 1894 года преподавалъ теорію тѣней и перспективы въ академіи художествъ. Н. И. родился въ 1824 году, кончилъ курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Въ 1861 году въ чинѣ полковника вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя дѣлу преподаванія высшей математики. Ему принадлежатъ цѣнные труды: «Начертательная геометрія» и «Приложеніе начертательной геометріи; теорія тѣней» (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10256).

† **Мицловъ, Р. Р.** 18-го сентября послѣ многолѣтней тяжелой болѣзни скончался присяжный повѣренный, Рудольфъ Рудольфовичъ Мицловъ. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ императорскомъ лицей, покойный въ 1864 году вступилъ на службу судебнымъ слѣдователемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ назначенъ членомъ рязанскаго окружнаго суда. Въ 1880 году получилъ предложеніе изъ министерствъ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ занять должность совѣтника въ дирекціи правосудія въ Румелии, но отказался и по влеченію перешелъ въ адвокатуру въ Москву, гдѣ въ теченіе ряда лѣтъ пользовался широкою извѣстностью въ юридическомъ и ученомъ мірѣ, какъ ораторъ и энциклопедистъ. Среди защитъ Р. Р. особенно выдѣляется громкое дѣло Вельяшева. Покойный неутомимо работалъ на поприщѣ науки и сотрудничалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и «Юридическомъ Вѣстникѣ». Въ послѣднемъ, кромѣ ряда статей по разнымъ вопросамъ, помѣщены были имъ капитальныя изслѣдованія: «Особенности класса преступниковъ» — трудъ, обратившій на себя вниманіе и за границей, «Объ индивидуализаціи недвижимыхъ имѣній», «Политическіе процессы второй имперіи», «О реформѣ нашихъ судебныхъ установленій» и д. т. Покойный принималъ въ свое время горячее участіе въ союзѣ русскихъ писателей и многихъ обществахъ. Въ 1892 году Р. Р., нося уже въ себѣ зачатки болѣзни, унесшей его въ могилу, переселился изъ Москвы въ Петербургъ въ качествѣ старшаго юрисконсульта правленія Рязанско-Уральской желѣзной дороги, но четыре года назадъ окончательно сошелъ съ общественной арены. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10258).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ДЕКАБРЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАВРЬ, 1904 г.

	СТРАН.
Двадцатипятилѣтіе «Историческаго Вѣстника»	I—XVI
I. Семь инстанцій. V—VII. (Окончаніе). И. Н. Потапенко	835
II. Калейдоскопъ сценическихъ воспоминаній. III—IV. (Окончаніе). Э. Д. Востунова	862
III. Подъ гнетомъ судьбы. XXIII—XXXIV. (Окончаніе). М. Е. Васильевой	890
IV. Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни XVIII столѣтія). С. Н. Шубинскаго	927
V. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. XVIII. (Окончаніе). Н. И. Фалѣва	966
VI. Послѣднее желаніе. Е. Князева	988
VII. Изъ записной книжки. (Бесѣда съ современникомъ о. Матвѣя Константиновскаго). Ив. Л. Щеглова	994
VIII. Оренбургскіе пожары 1879 года. Н. Д. Беккаревича	999
IX. «Позорное дѣло». (Изъ исторіи Туркестанскихъ войнъ). Я. Я. Полферова	1011
X. Изъ нравовъ прошлаго времени. А. А. Карасева	1017
XI. Невѣста Шамиля. П. А. Олевина	1020
XII. Отблескъ былого. (Историческія картинки Ротенбурга). А. В. Половцова	1030
<p>иллюстраціи: 1) Туремная башня и Крингеръ-ворота въ Ротенбургъ. — 2) Башня Пленлейнъ въ Ротенбургъ. — 3) Бѣлыя ворота въ Ротенбургъ. — 4) Ворота Редера въ Ротенбургъ. — 5) Порталь во дворѣ ратуши въ Ротенбургъ. — 6) Внутренность двора въ Ротенбургъ. — 7) Дѣйствующія лица въ исторической пьесѣ въ Ротенбургъ.</p>	
XIII. Черезъ Бухару на Памиры. X—XII. (Окончаніе). Б. Н. Литвинова	1045
<p>иллюстраціи: 1) Бишлакъ Верхній Гумай. — 2) Селеніе Нижній Гумай. — 3) Хижины въ селеніи Нижній Гумай. — 4) Крѣпость Кабадіанъ.</p>	
XIV. Адольфъ Федоровичъ Марксъ. (Некрологъ)	1088
<p>иллюстрація: Адольфъ Федоровичъ Марксъ.</p>	
XV. Иностранцы о Россіи. В. А. Тимирязева	1093
XVI. Критика и библиографія	1116
<p>1) Сборникъ императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ 119. Спб. 1904. в. т. — 2) И. И. Соколовъ. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Томъ I. Спб. 1904. Э. — 3) А. А. Шахатовъ. Ермолинская летопись и Ростовскій владычій сводъ. Спб. 1904. А. и. Якимирскаго. — 4) Л. К. Гетцъ. Кіево-Печерскій монастырь, какъ культурный центръ домонгольской Россіи. Das Kiever Hohlen-Kloster. als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Pawan. 1904. А. Я. — 5) Н. Е. Оичуковъ. Печорскія былинны. Спб. 1904. Я. Ав—ва. — 6) В. П. Соколовъ. Саратовскій Троицкій (Старый) соборъ. Краткій историческій очеркъ. Саратовъ. 1904. У.—7) А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ. 1904. В. гр—скаго. — 8) Археологическій кабинетъ императорскаго Варшавскаго университета. Историческій очеркъ. Составилъ профессоръ Федоръ Вержбовскій. Варшава. 1904. А. Я. — 9) П. Петрушевскій. Канакулурная повѣдка въ Святую Землю (1899 г.). Паломническій дневникъ. Кіевъ. (Смъ слѣд. стран.).</p>	

1904. С.—10) В. А. Истоминъ. Всеобщая исторія. Выпускъ I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Изданіе комисси по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904. И. Александрова.—11) Н. В. Шляковъ. Почему 1-го августа бываетъ крестный ходъ на воду? Спб. 1904. А. я.—12) П. Лоуэль. Душа Дальняго Востока. Переводъ съ англійскаго вв. А. О. Спб. 1904. И. Александрова.—13) Генрихъ Дюмоляръ. Японія въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Спб. 1904. Я. Ав—вз.—14) Астонъ. Исторія японской литературы. Владивостокъ. 1904. Б.—15) Комиссія по организаціи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общества распространянія техническихъ знаній. Эпизодическія программы. Серія II. М. 1904. Я. Ав—ва.—16) Książd Władysław Szcześniak. Obrządek słowiański w Polsce pierwotnej, rozważony w świetle dziejopisarstwa polskiego. 1904. (Кс. Владиславъ Шеснякъ. Славянскій обрядъ въ первобытной Польщѣ въ освѣщеніи польской исторіографіи). Г. А. Воробьева.—17) А. Л. Погодинъ, профессоръ Варшавскаго университета. Боги и герои Эллады. Съ пятнадцатю рисунками. Спб. 1904. В. Г.—18) Н. К. Рерихъ. «Ио старинѣ». Спб. 1904. А. Фаресова.—19) Jan Sten. Pisarze polscy. Wzrzenia literarskie. Lwów i Warszawa. 1904. А. И. Яцимирскаго.—20) I. Гобза. Столѣтіе Московской 1-й гимназіи. М. 1903. Б.—21) С. Артободевскій. Игнатій, архіепископъ воронежскій, и его пастырско-миссіонерская дѣятельность. Историко-біографическое изслѣдованіе. Уфа. 1904. С.—22) М. Я. Энгель. Русская Помпея (Херсонесъ-Таврическій). Очеркъ археологическихъ разслѣдованій. (Замѣтки и впечатлѣнія). Севастополь. 1904. В. Г.—23) Д. Дорошенко. Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Спб. 1904. М. Д. Ник—снаго.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи	1156
1) Лондонъ во времена Тюдоровъ.—2) Люневильскій дворецъ въ XVIII вѣкѣ.—3) Французы на берегахъ Огайо.—4) Дочь поэта Монтя.—5) Зрѣлые годы Тэна.—6) Воспоминанія Жюльеты Адавъ.—7) Характеристика Теодора Рувельта.—8) Смерть Вартольда, Поля де-Кассаньяка и Валлона.	
XVIII. Смѣсь	1186
1) Присужденіе премій профессора А. А. Котляревскаго.—2) Юбилей В. П. Череванскаго.—3) С. Петербургское археологическое общество.—4) Опять о «Гавриладѣ».	
XIX. Некрологи	1193
1) Бунаковъ, Н. Ѳ.—2) Горожанкинъ, И. Н.—3) Горскій-Платоновъ, П. И.—4) Калининъ, П. А.—5) Максимовъ, Е. Я.—6) Семеновъ, Н. П.—7) Сизовъ, В. И.—8) Чернявскій, И. С.	
XX. Замѣтки и поправки	1200
Поправка къ статьѣ Б. Н. Литвинова: «Черезъ Бухару на Памиры».	
XXI. Объявленія.	

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Портретъ Сергѣя Николаевича Шубинскаго. — 2) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1904 годъ, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ
«ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА»
1880—1904.

Сергѣй Николаевичъ Шубинскій
редакторъ журнала „Историческій Вѣстникъ“.

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ „ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“.

Существованіе въ Россіи трехъ историческихъ журналовъ: «Русской Старины», «Русскаго Архива» и «Древней и Новой Россіи», показало, къ концу семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, что въ публикѣ начала проявляться, хотя еще и въ слабой степени, потребность серьезнаго изученія отечественной исторіи. Изъ названныхъ трехъ изданій къ 1879 году «Русская Старина» имѣла слишкомъ 5.000 подписчиковъ, «Русскій Архивъ» до 1.800 и «Древняя и Новая Россія» до 1.300. Какъ извѣстно, первые два журнала были основаны главнымъ образомъ въ цѣляхъ печатанія сырого историческаго матеріала, а послѣдній—исключительно обработаннаго. Несмотря на то, что съ самаго основанія (въ 1875 году), «Древняя и Новая Россія» помѣщала на своихъ страницахъ произведенія лучшихъ представителей русской исторической науки, что журналъ этотъ былъ одобренъ учеными комитетами министерства народнаго просвѣщенія и святѣйшаго синода и IV отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, онъ не достигъ удовлетворительныхъ матеріальныхъ результатовъ. Объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ недостаткѣ внутренняго его содержанія, а въ причинахъ чисто внѣшнихъ: стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ издателя, заставлявшихъ его постоянно заботиться не объ улучшеніи изданія, а его удешевленіи, въ неаккуратномъ выпускѣ книжекъ, отсутствіи публикацій, плохихъ рисункахъ, неудобномъ форматѣ и высокой, сравнительно съ другими подобными изданіями, подписной платѣ. Редакторъ «Древней и Новой Россіи», С. Н. Шубинскій, не имѣлъ возможности устранить всѣ эти недостатки по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Результатомъ этого было то, что въ сентябрѣ 1879 года онъ сложилъ съ себя званіе редактора журнала, предварительно, при содѣйствіи А. С. Суворина, рѣшивъ основать новый историко-литературный органъ, разрѣшеніе на который и было имъ получено отъ министра внутреннихъ дѣлъ 14 іюля 1879 года. Вслѣдъ за тѣмъ, въ октябрѣ того же года, на столбцахъ «Новаго Времени» появилось слѣдующее объявленіе о выходѣ новаго журнала «Историческій Вѣстникъ»:

Объ изданіи съ 1-го января 1880 года

ежемесячнаго историко-литературнаго Журнала

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Оставивъ съ сентября мѣсяца редакцію историческаго сборника „Древняя и Новая Россія“, я предпринимаю съ 1-го января 1880 года, при содѣйствіи **А. С. Суворина**, изданіе новаго ежемѣсячнаго историко-литературнаго журнала подъ названіемъ „**Историческій Вѣстникъ**“.

Цѣль новаго изданія—знакомить читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ. На этомъ основаніи въ программу „**Историческаго Вѣстника**“ входятъ не одни только русскія, но и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., біографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристика, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ. Къ „**Историческому Вѣстнику**“ будутъ прилагаться портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

„**Историческій Вѣстникъ**“ будетъ издаваться безъ предвѣрительной цензуры и выходить ежемѣсячно книжками въ объемѣ до 15 печатныхъ листовъ убористаго шрифта, что составитъ въ теченіе года три большихъ тома въ 180—200 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять руб. сер. съ пересылкой и доставкой на домъ: за полгода шесть руб. сер.

Отвѣтственность за неуравновѣнный выходъ журнала и аккуратность всѣхъ расчетовъ по изданію принимаетъ на себя книжный магазинъ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 60, гдѣ находится главная контора „**Историческаго Вѣстника**“ и куда гг. подписчики по численки благоволятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Въ Москвѣ подписка принимается въ Московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Речесенной Урамы.

Въ первыхъ книжкахъ „**Историческаго Вѣстника**“ будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи, оригинальныя статьи:

Н. Я. Аристова. Преданія объ историческихъ лицахъ.—**А. Г. Брикера.** 1. Царевичъ Алексій Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ беллетристовъ и драматурговъ. 2. Россія и Европа при Петрѣ Великомъ.—**И. Д. Бѣлова.** Университетъ и корпоратія. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—**В. И. Герье.** Воспоминанія о С. М. Соловьевѣ.—**В. Н. Геттуна.** Записки о моей жизни. (Времена императоровъ Павла I и Александра I).—**Г. П. Данилевскаго.** Отвергнутый Бонапартъ. Историческая повѣсть изъ времянъ императора Александра I.—**И. И. Дубасова.** 1. Тамбовскій край въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. 2) Генераль-губернаторство графа Каменскаго. 3) Тяжелая година въ жизни тамбовскаго духовенства.—**И. Н. Жданова.** Церковно-земскій соборъ 1551 года.—**И. Е. Забѣлина.** Домашняя лѣтопись Петровскаго времени.—**А. И. Забѣлина.** Французскій плѣнный въ Россіи. Историческій рассказъ изъ эпохи 1812 года.—**Д. И. Завалинина.** Рассказы изъ прошлаго: 1. Декабристы М. С. Лунига. 2. Графъ А. И. Остерманъ-Толстой. 3. Архимандритъ Фотій и графиня Орлова-Чесменская. 4. Министръ Ланской.—**Е. П. Карновича.** Ярославскіе изгнанники. Историческая повѣсть изъ времянъ императрицы Елисаветы Петровны.—**Д. А. Корсакова.** Князь С. Г. Долгорукий въ сѣвльѣ. Историческій очеркъ.—**Н. И. Костомарова.** Самозванецъ лже-царевичъ Опеюнь. Историческій рассказъ.—**В. В. Крестовскаго.** Не быть по сему. Историческій рассказъ изъ времянъ императрицы Екатерины II.—**А. О. Круглага.** А. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину.—**А. М. Лазаревскаго.** Люди старой Малороссіи. Семья Скоропадскихъ.—**Н. С. Лѣскова.** 1. Несмертельный Головавъ. Очеркъ изъ народныхъ хроникъ смертнаго года. 2. Императоръ Александръ Благословенный въ его релігіозныхъ вѣрованіяхъ.—**Л. Н. Майкова.** Эпизодъ изъ литературной исторіи прошлаго вѣка.—**В. Н. Майнова.** Мертвый городокъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ).—**Л. С. Мацѣвича.** Сынъ Суворова.—**О. Ф. Миллера.** Историческое значеніе Чапаго.—**А. П. Милокова.** Мое знакомство съ Сенковскимъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—**Д. Л. Мордовцева.** 1. Тульскій кречетъ. Историческая повѣсть изъ времянъ императрицы Екатерины II. 2. Крестьянинъ Красачковъ и дворянинъ Рыльцевъ. Историческій рассказъ.—**Ф. К. Пестуховскаго.** Адамъ Миркевичъ и его друзья.—**Т. П. Нассекъ.** Изъ воспоминаній о прошломъ.—**Н. И. Петрова.** Очерки изъ Украинской литературы нынѣшняго вѣка.—**П. А. Пономарева.** Казанская общественная жизнь въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.—**А. П. Пятковскаго.** Князь В. Ф. Одоевскій. Біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями.—**Н. В. Сорокина.** Въ пескахъ Кара-Кумъ. (Изъ путевыхъ записокъ).—**В. Я. Стоянина.** Яковъ Борсочивъ Книжнинъ. Историко-литературный очеркъ.—**М. И. Сухомлинова.** Эпизодъ изъ литературы пятидесятихъ годовъ.—**Ф. М. Уманца.** Горечь современнаго положенія.—**Г. А. Угробина.** Императоръ Александръ I-й и капитанъ Коротковъ. (Отрывокъ изъ воспоминаній).—**А. Ф. Хойнацкаго.** Варлаамъ Шипацкій, архіепископъ могиловскій.

Въ отдѣлѣ біографій намъ обѣщано участіе: **А. Г. Брикеромъ**, **Л. А. Бѣловымъ**, **К. Н. Вестужевымъ-Рюминымъ**, **В. И. Герье**, **Е. Е. Замысловскимъ**, **И. Н. Майковымъ**, **О. Ф. Миллеромъ**, **А. П. Милоковымъ** и **Н. А. Поповымъ**.

Изъ переводныхъ сочиненій будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія: Записки князя Меттерниха.—Записки госпожи Ремюза.—Воспоминанія актера Шнейдера.—Воспоминанія Армана Домерга, бывшаго режиссера французскаго театра въ Москвѣ.—Новый всемірный потопъ. Историческій романъ Роденберга.

Издатель-редакторъ „Историческаго Вѣстника“ **С. Н. Шувальскій.**

Изъ приведеннаго объявленія видно, что редактору новаго журнала удалось привлечь къ сотрудничеству лучшія научныя и литературныя силы того времени и выступить такимъ образомъ передъ публикою съ вѣрною гарантіею въ томъ, что «Историческій Вѣстникъ» явится журналомъ интереснымъ, разнообразнымъ по содержанію и занимательнымъ; рядомъ съ этимъ ближайшее участіе въ издательской части А. С. Суворина, дѣятельность котораго, какъ издателя, уже пользовалась тогда извѣстностью и довѣріемъ публики, обезпечивало новыхъ подписчиковъ въ прочности задуманнаго дѣла.

Ожиданія г. Шубинскаго оправдались, и уже въ первый годъ журналъ имѣлъ 2.379 подписчиковъ.

Первая вышедшая книга «Историческаго Вѣстника» (январь, 1880 г.) была составлена такъ:

	СТРАН.
I. Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ. Историческій разсказъ. Н. И. Костомарова	1
II. Записки В. Н. Геттуна . 1771—1815 гг. Главы I—III.	26
III. Московскій бунтъ 23-го іюня 1648 года. Разсказъ очевидца, съ предисловіемъ и примѣчаніями К. Н. Бестужева-Рюмина	68
IV. Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. В. И. Герье	74
V. Кадетскій монастырь. Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣскова	112
VI. Декабристъ М. С. Лунинъ . Д. И. Завалишина	139
VII. Знакомство съ Сенковскимъ. Отрывокъ изъ воспоминаній А. П. Милокова	150
VIII. Близко ли паденіе Англіи. Н. И. Куницына	158
IX. Императоръ Александръ I. Изъ записокъ князя Меттерниха	168
X. Записки Луи Шнейдера	181
XI. Домикъ моего дѣдушки. Изъ «Очерковъ Литвы». И. Ходзько . . .	191
XII. Критика и библіографія	210
1) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. И. Забѣлина . Часть I и II. М. 1879. О. Ѳ. Миллера .—2) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго . Томъ II. Изданіе графа С. Д. Шарлеметова . Спб. 1879. А. П. Милонова .—3) <i>Der Zarevitch Alexis (1690—1718)</i> , von A. Brückner . Heidelberg. 1880. Н. И. Бестужева-Рюмина .	
XIII. Изъ прошлаго	217
1) Именной указъ императрицы Елисаветы Петровны . Сообщ. М. Д. Хмыровъ .—2) Собственноручная записка императрицы Екатерины II къ неизвѣстному лицу. Сообщ. Г. В. Есиповъ .—3) Нѣчто о бывшихъ городничихъ. Сообщ. М. И. Дубасовъ .—4) Замятка о рукописной литературѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Сообщ. Д. И. Завалишинъ .—5) Проголоса младенкаго вѣнца по Невскому проспекту. (Анекдотъ изъ сороковыхъ годовъ). Сообщ. Л. Н. Трефоловъ .—6) Судьба декабриста, Петра Бестужева . Сообщ. И. Г. Мартыновъ .	
XIV. Смѣсь	226
1) Французская ученая экспедиція въ Россіи.—2) Изданіе Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.—3) Императорская Публичная Библіотека въ 1878 году.—4) Новый музей.—5) Собраніе старинныхъ книгъ и рукописей.	

XV. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Новый всемірный потопъ. Историческій романъ **Ю. Роденберга**. Переводъ съ нѣмецкаго. Часть I, гл. I—VIII.—2) Портретъ **С. М. Соловьева**.

Въ той же книжкѣ редакторъ получилъ уже возможность именовать и тѣхъ писателей и ученыхъ, которые обѣщали «Историческому Вѣстнику» свое постоянное участіе. Это были: В. Г. Авсѣенко, Н. В. Альбертини, Н. Я. Аристовъ, Е. В. Барсовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, А. Г. Брикнеръ, Е. А. Бѣловъ, И. Д. Бѣловъ, Н. А. Бѣлозерская, В. И. Герье, Г. П. Данилевскій, И. И. Дубасовъ, Г. В. Есиповъ, И. Н. Ждановъ, И. Е. Забѣлинъ, А. И. Забѣлинъ, Д. И. Завалишинъ, Е. Е. Замысловскій, В. Р. Зотовъ, Д. И. Иловайскій, Е. П. Карновичъ, Д. А. Корсаковъ, Н. И. Костомаровъ, В. В. Крестовскій, А. О. Круглый, Н. И. Куницынъ, А. М. Лазаревскій, А. С. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, Л. Н. Майковъ, В. Н. Майновъ, Л. С. Мацѣевичъ, О. Э. Миллеръ, А. П. Милюковъ, Д. Л. Мордовцевъ, Ф. К. Неслуховскій, Т. П. Пасекъ, Н. И. Петровъ, П. Н. Полевой, Н. А. Поповъ, П. А. Пономаревъ, А. П. Пятковскій, П. А. Ровинскій, А. С. Сгибневъ, Н. В. Сорокинъ, В. Я. Стоюнинъ, М. И. Сухомлиновъ, Э. М. Уманецъ, А. Э. Хойнацкій и др.

Обозрѣвая, какъ содержаніе первой книжки новаго журнала, такъ и списокъ сотрудниковъ, обѣщавшихъ ему свое постоянное участіе, по сравненію съ книжками послѣдующихъ годовъ, можно видѣть слѣдующія отличительныя черты этой книги. Она, во-первыхъ, гораздо болѣе приближается къ типу специально историческаго журнала, гдѣ все принаравливается къ началу историзма съ очень слабымъ приближеніемъ къ вопросамъ современности въ ихъ общественномъ освѣщеніи; во-вторыхъ, составъ сотрудниковъ въ своей преобладающей части относится къ числу первоклассныхъ русскихъ ученыхъ, съ громкими заслуженными именами, каковы Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, И. Е. Забѣлинъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Герье, О. Э. Миллеръ, А. П. Милюковъ, М. И. Сухомлиновъ и др., въ-третьихъ, книжка скорѣе приближается къ обычному типу «сборника», гдѣ постоянные отдѣлы еще не вполнѣ выяснились и не твердо поставлены, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, редація журнала не особенно выходитъ за предѣлы своихъ подписныхъ обѣщаній публикѣ и придерживается болѣе или менѣе того размѣра книжки по количеству листовъ, который обозначенъ при объявленіи о подпискѣ въ 1879 году.

За четверть вѣка своего существованія всѣ отмѣченныя особенности первой книжки потерпѣли постепенное видоизмѣненіе, вызванное, какъ общими условіями и потребностями отечественной жизни, такъ и ростомъ журнала, а въ связи съ послѣднимъ и его матеріальнымъ благополучіемъ, особенно послѣ того, какъ А. С. Суворинъ не только принялъ на себя «отвѣтственность за исправный выходъ журнала и аккуратность всѣхъ расчетовъ

по изданію», но и окончательно далъ журналу свое издательское имя.

Участіе въ журналѣ крупныхъ авторитетовъ нашей исторической науки, правда, не прекращалось и въ послѣдующіе годы его существованія, но, въ виду выяснившейся потребности придать изданію болѣе обще-литературный характеръ, редакторъ рѣшилъ разнообразить печатаемый матеріалъ и предоставить сотрудничество болѣе широкому кругу лицъ. Поэтому понемногу были расширяемы отдѣлы беллетристики, воспоминаній и историческихъ записокъ, историко-литературныхъ очерковъ, путешествій, критики и библіографіи, отдѣла «Заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей» и «Смѣси».

Наибольшимъ успѣхомъ среди читателей пользовались за 25 лѣтъ жизни журнала отдѣлы — беллетристики, воспоминаній, историко-литературныхъ очерковъ и «Заграничныя историческія новости и мелочи».

Въ отдѣлѣ беллетристики наиболѣе часто принимали участіе ¹⁾: В. Г. Авсѣенко, А. В. Амфитеатровъ, М. Басанинъ, А. Березинцевъ, В. П. Буренинъ, М. Е. Васильева, С. И. Васюковъ, П. П. Гнѣдичъ, Г. П. Данилевскій, М. Е. Ермолина, П. В. Засодимскій, К. Д. Иксуль, Е. П. Карновичъ, В. В. Крестовскій, Б. Корженевскій, Н. И. Костомаровъ, А. В. Кругловъ, А. И. Леманъ, С. К. Литвинъ (Эфронъ), Н. С. Лѣсковъ, В. Л. Марковъ, Н. И. Мердеръ, Д. Л. Мордовцевъ, В. Н. Назарьевъ, П. М. Невѣжинъ, Л. Е. Оболенскій, П. Н. Полевой, Г. Т. Полидовъ, И. Н. Потапенко, гр. Е. А. Салиасъ, И. А. Саловъ, К. К. Случевскій, В. С. Соловьевъ, Д. И. Стахѣевъ, С. Н. Терпигоревъ, В. А. Тимашевъ-Берингъ, В. А. Тихоновъ, Ѳ. Ѳ. Тютчевъ, І. І. Ясинскій и др.

Наиболѣе важнымъ отдѣломъ, на который, при выборѣ здѣсь матеріала, обращалось редакціей особенное вниманіе, и который въ исторіи нашей литературы всегда будетъ пользоваться преимущественнымъ вниманіемъ изслѣдователей, былъ отдѣлъ «воспоминаній». Полагаемъ, нѣтъ надобности особенно распространяться о значеніи этого отдѣла для отечественной исторіи: въ безыскусственномъ и живомъ по большей части изложеніи передъ читателемъ развертываются здѣсь страницы нашего государственнаго и социальнаго прошлаго, давняго и недавняго, гдѣ на каждой страницѣ рисуется живая тогдашняя современность, и гдѣ въ яркихъ краскахъ проходятъ вереницы людей и событій... Быть

¹⁾ Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ нѣтъ возможности каждый разъ въ отдѣлахъ переименовывать всѣхъ сотрудниковъ; таковыхъ принимало участіе нѣсколько сотъ человекъ. Названы лишь тѣ, которые чаще помѣщали свои работы.

можетъ, иногда здѣсь можно усмотрѣть субъективность авторовъ, ихъ пристрастность и заинтересованность въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ, но тутъ уже дѣло изслѣдователя расчленивъ субъективно-наносное, а потому преходящее, отъ фактическаго и непреложнаго.

Къ числу особенно цѣнныхъ «воспоминаній современниковъ» должны быть отнесены «записки», «дневники» и «воспоминанія»: И. А. Арсеньева, В. И. Аскоченскаго, П. П. Баснина, К. А. Бороздина, Я. Н. Бутковскаго, А. Д. Галахова, В. Н. Геттуна, графини В. И. Головиной, А. Я. Головачевой-Панаевой, Г. К. Градовскаго, Ф. Ф. Дубиса-Крачака, К. К. Жерве, С. М. Загоскина, И. Н. Захарьина, Вл. Р. Зотова, Раф. М. Зотова, П. В. Засодимскаго, М. Ф. Каменской, П. М. Ковалевскаго, В. Н. Клевезаля, А. А. Колюбакиной, М. А. Кречмера, А. В. Круглова, графа Е. Ф. Комаровскаго, Н. С. Маевскаго, Н. И. Мамаева, П. К. Мартьянова, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, В. И. Модестова, В. С. Мышецкаго, В. Н. Назарьева, А. П. Натаровой, А. А. Нильскаго, Л. Е. Оболенскаго, С. С. Окрейца (Орлицкаго), Л. Н. Павлицева, П. Л. Папкова, М. А. Паткуль, В. Н. Погожева, К. А. Полевого, Н. А. Полевого, В. А. Полторацкаго, графини Л. А. Растопчиной, Е. А. Сабанѣевой, Н. И. Свѣшникова, С. В. Скалонъ, Н. П. Синельникова, В. И. Собољщикова, гр. В. А. Сологуба, А. В. Старчевскаго, С. Н. Терпигорева, И. Р. Тимченко-Рубанъ, В. А. Тихонова, барона Ф. Ф. Торнау, П. С. Усова, Ф. Н. Устрялова, А. И. Фаресова, М. Д. Францевой, С. А. Пурикова, баронессы М. П. Фредериксъ, барона В. И. Штейнгеля, А. И. Яковлевой, Г. Г. Ясинскаго, А. В. Эвальда и др.

Немало мѣста въ журналѣ было удѣлено «воспоминаніямъ и запискамъ иностранцевъ» и преимущественно тѣхъ, которые имѣли то или иное отношеніе къ Россіи. Такія записки печатались въ переводѣ и съ соответствующими примѣчаніями переводчиковъ, напримѣръ, записки Каролины Бауэръ, «Воспоминанія о Россіи» Армана Домерга, записки Меттерниха, Фавье, Талейрана и другихъ. Эти воспоминанія и записки иностранцевъ находили себѣ въ журналѣ мѣсто преимущественно въ первую половину его существованія. Въ позднѣйшемъ періодѣ подобныя записки появлялись по большей части въ видѣ компилятивныхъ очерковъ, основанныхъ на нѣсколькихъ однородныхъ источникахъ. Многіе изъ очерковъ первой категоріи появлялись въ переводѣ и съ примѣчаніями покойнаго В. Р. Зотова, а второй—составителя нынѣшнихъ «Заграничныхъ мелочей» В. А. Тимпрязева и почти всегда за скромными его инициалами В. Т.

Самымъ обширнымъ отдѣломъ по количеству и разнообразію статей былъ всегда тотъ, который обнималъ собою работы со-

трудниковъ, относящихся къ общей категоріи историческихъ, бытовыхъ и публицистическихъ очерковъ. Перечислить здѣсь хотя бы приблизительно всѣхъ лицъ, поработавшихъ въ этой области, нѣтъ никакой возможности: такое перечисленіе заняло бы нѣсколько страницъ. Имѣющій появиться въ теченіе будущаго года обстоятельный указатель «Историческаго Вѣстника» за 25 лѣтъ его жизни обниметъ собою всѣхъ сотрудниковъ и ихъ работы, съ отнесеніемъ послѣднихъ къ соответствующимъ отдѣламъ, рубрикамъ и вопросамъ. Но, обращаясь лишь къ тѣмъ, кто наиболѣе плодотворно, качественно или количественно, поработалъ въ этомъ отдѣлѣ, редація считаетъ долгомъ назвать слѣдующихъ лицъ: С. А. Адрианова, А. В. Арсеньева, П. П. Баснина, А. В. Безроднаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Г. Брикнера, А. Ѳ. Бычкова, И. Д. Бѣлова, В. А. Бильбасова, Н. А. Бѣлозерскую, В. И. Бородаевскую (Ясевичъ), И. С. Бѣльева, А. К. Бороздина, Д. И. Березкина, Ѳ. И. Булгакова, Г. А. Воробьева, К. А. Военскаго, Б. Б. Глинскаго, П. В. Голубовскаго, В. И. Герье, М. И. Городецкаго, В. М. Грибовскаго, Г. К. Градовскаго, И. И. Дубасова, бар. Н. В. Дризена, Г. В. Есипова, П. П. Жакмона, А. В. Жиркевича, И. Е. Забѣлина, И. Н. Захарьина-Якунина, Е. П. Карновича, П. П. Каратыгина, А. А. Карасева, А. И. Кирпичникова, Н. И. Костомарова, А. Н. Корсакова, Д. А. Корсакова, В. Д. Кренке, П. П. Каратыгина, И. В. Любарскаго, Е. А. Ляцкаго, С. В. Максимова, Р. Л. Маркова, Л. С. Мацѣевича, В. О. Михневича, Е. Н. Матросова, Н. К. Никифорова, Н. Н. Оглоблина, П. П. Падучева, А. А. Плещеева, М. И. Пыляева, А. С. Пругавина, П. А. Ровинскаго, В. Е. Рудакова, М. М. Суперанскаго, Р. И. Сементковскаго, П. П. Суворова, А. А. Танкова, С. С. Татищева, А. А. Титова, А. И. Фаресова, Н. И. Фалѣева, Д. В. Цвѣтаева, Ал. П. Чехова, Н. К. Шильдера, С. А. Ширяева, Е. С. Шумигорскаго, кн. Б. А. Щетинина, С. И. Уманца, С. Н. Худякова, П. Л. Юдина, Н. М. Ядринцева, В. Л. Якимова, А. А. Ярцева, А. В. Эвальда, Д. В. Ѳедорова, Д. И. Эварницкаго и др.

Большое мѣсто отводилось въ журналѣ статьямъ по исторіи литературы, критикѣ и очеркамъ критико-библіографическимъ. Чаще всего здѣсь встрѣчаются работы: С. А. Адрианова, Н. Я. Аристова, Е. А. Боброва, И. Д. Бѣлова, В. Батуринаскаго, С. Н. Браиловскаго, А. К. Бороздина, В. Ѳ. Боцяновскаго, Ѳ. А. Витберга, А. И. Введенскаго, Е. М. Гаршина, Б. Б. Глинскаго, В. М. Грибовскаго, К. Я. Грота, Н. П. Загопкина, А. И. Кирпичникова, П. А. Конскаго, В. Н. Латкина, А. М. Ловягина, А. Я. Лященко, П. К. Мартьянова, Т. А. Мартемьянова, Ор. Ѳед. Миллера, А. И. Незеленова, Б. В. Никольскаго, Л. Н. Павленкова, Г. Н. Пота-

нина, П. Н. Полевого, Н. И. Петрова, А. В. Скандина, В. Я. Стоюнина, В. Н. Строева, А. Н. Сиротинина, М. И. Сухомлинова, С. С. Трубачева, К. Е. Храчевича, В. И. Шенрока, П. Е. Щеголева, Н. А. Энгельгардта, Д. Д. Языкова, А. И. Яцимирскаго и др. Большинство этихъ очерковъ было снабжено портретами тѣхъ, жизнеописанію или разбору которыхъ они были посвящены. По содержанію ближайшимъ образомъ къ этому отдѣлу примыкаетъ и отдѣлъ, посвященный критикѣ и библиографіи. Какъ это видно изъ первой книжки журнала, и въ ней, и въ ближайшихъ послѣдующихъ, отдѣлъ этотъ не занималъ большого мѣста и ежемѣсячно здѣсь реферировалось, по большей части нѣсколькими выдающимися учеными и за ихъ подписью, очень ограниченное количество книгъ и при томъ главнымъ образомъ по русской исторіи и исторіи литературы. Съ ростомъ журнала, и главнымъ образомъ съ ростомъ отечественнаго книжнаго дѣла, отдѣлъ этотъ былъ значительно расширенъ и въ содержаніе его введено большое разнообразіе, при чемъ дается мѣсто рецензіямъ не только историческимъ и литературнымъ, но также имѣющимъ отношеніе къ прочимъ областямъ гуманитарнаго знанія.

Широкую разработку въ журналѣ находили себѣ вопросы отечественной археологіи (въ томъ числѣ и церковной), этнографіи и географіи. Почти въ каждой книжкѣ помѣщались статьи русскихъ путешественниковъ, освѣщавшихъ многія стороны отечественнаго прошлаго или нынѣшней дѣйствительности. Всѣ эти очерки обильно снабжались иллюстраціями, воспроизводящими виды мѣстностей, типы, бытовья картины, рѣдкія зданія, выдающихся дѣятелей и пр. Этнографическая и бытовая Россія нашла себѣ въ этихъ очеркахъ обстоятельныхъ лѣтописцевъ, которые съ любовью къ родинѣ повѣствовали о ея прошломъ и настоящемъ. Въ журналѣ давалось всегда охотно мѣсто не только тѣмъ работамъ, которыя имѣли цѣлью обслѣдованіе самой Россіи, но и тѣмъ, которыя посвящались чужимъ странамъ, преимущественно дальнему Востоку, и которыя освѣщались и обрисовывались съ точки зрѣнія русскаго туриста на чужбинѣ. Къ числу статей съ содержаніемъ по географіи, этнографіи и археологіи относятся работы: Н. И. Александрова, А. П. Андреева, М. М. Бакунина, И. Т. Бѣляева, Д. С. Бѣляева, С. С. Гогоцкаго, А. М. Горовцова, Г. Е. Грумъ-Гружимайла, А. В. Елисѣева, В. В. Жерве, А. Н. Краснова, В. С. Кривенко, Б. Н. Литвинова, В. Н. Майнова, Д. Л. Мордовцева, В. И. Немировича-Данченко, С. И. Непейна, Н. И. Останкова, Н. И. Павлова, А. А. Пеликана, М. С. Робуша, А. Г. Слезкинскаго, А. А. Семенова, И. И. Соколова, Н. В. Сорокина, П. И. Соколова-Костромскаго, И. О. Тюменева, Б. Л. Тагѣева, А. И. Фирсова, В. Д. Черевкова, А. А. Черевковой, Д. И. Эварницкаго, Н. М. Ядринцева, И. П. Ювачева (Миролюбова) и др.

Отдѣлъ «Смѣси» 25 лѣтъ тому назадъ носилъ на себѣ скорѣе научно-литературный характеръ, частью приближаясь къ нынѣшней «критикѣ и библиографіи» и «иностраннымъ историческимъ мелочамъ», а частью къ нынѣшнему отдѣлу того же наименованія, но въ болѣе самостоятельной литературной обработкѣ. Впослѣдствіи «Смѣсь» была значительно реформирована, и въ нее введена возможная по размѣрамъ журнала полнота извлеченій, дѣлаемыхъ изъ нашей повседневной прессы и касающихся важнѣйшихъ моментовъ изъ текущей жизни русской образованности и повременной жизни научныхъ учреждений. Кромѣ приданія отдѣлу полноты, съ 1900 года выдѣлены отсюда въ отдѣльную рубрику «Некрологи», чтобы придать такимъ образомъ этой рубрикѣ опредѣленное справочное значеніе, въ интересахъ удобнаго и легкаго пользованія имъ будущимъ изслѣдователямъ отечественной общестственности.

Равнымъ образомъ не сразу опредѣлился и установился нынѣшній отдѣлъ «Заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей».

Въ первое время существованія журнала замѣтки изъ западно-европейской жизни, посвященныя обзорѣнію тамошней исторической науки и литературы, реферировались профессоромъ В. И. Герье (подпись Иф—ль), а также Е. М. Гаршинымъ; потомъ этотъ отдѣлъ сосредоточился преимущественно въ рукахъ В. Р. Зотова, къ которому въ девяностыхъ годахъ примкнулъ В. А. Тимирязевъ, всецѣло принявшій, по смерти Зотова, въ свое вѣдѣніе реферированіе западно-европейской исторической литературы и преобразившій всѣ замѣтки о ней въ одну рубрику «Заграничныхъ историческихъ новостей и мелочей». Этотъ отдѣлъ въ его составленіи г. Тимирязевымъ получилъ въ послѣднія 7—8 лѣтъ особенную полноту и интересъ, а отсюда и популярность среди читателей, находящихъ въ небольшихъ, но искусно скомпилированныхъ отдѣльныхъ замѣткахъ всегда живое и занимательное чтеніе. Нѣкоторыя сочиненія, выходящія отдѣльными книжками, группировались этимъ авторомъ по спеціальнымъ вопросамъ и представлялись въ журналѣ въ видѣ самостоятельныхъ статей. Нѣкоторымъ дополненіемъ къ этимъ статьямъ служили работы того же автора, а также В. И. Штейна, посвященныя сказаніямъ иностранцевъ о Россіи.

Что касается отдѣла «Изъ прошлаго», то если онъ обращаетъ на себя вниманіе читателей въ первыхъ книжкахъ журнала, то въ послѣдующихъ, съ развитіемъ и упорядоченіемъ въ немъ перечисленныхъ отдѣловъ, онъ теряетъ свое значеніе, и печатавшійся въ немъ сырой матеріалъ подвергается переработкѣ и вводится въ составъ источниковъ для самостоятельныхъ работъ сотрудииковъ.

Ко всѣмъ почти книжкамъ «Историческаго Вѣстника» прилагались переводные историческіе романы и повѣсти, заимствуемые изъ числа нововыходящихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ. Въ этомъ отдѣлѣ работали главнымъ образомъ: Н. А. Бѣлозерская, Е. М. Гаршинъ, В. Р. Зотовъ, Н. А. Поповъ, В. А. Тимирязевъ, З. И. Уразова и Е. I. Уманецъ.

Къ каждой книжкѣ журнала прилагались портреты выдающихся бывшихъ и настоящихъ дѣятелей русской государственной и общественной жизни, при чемъ нѣкоторые портреты воспроизводились съ рѣдкихъ и неизвѣстныхъ публикѣ до тѣхъ поръ оригиналовъ. Нѣсколько разъ къ журналу были прилагаемы и хромолитографскія работы типографіи газеты «Новое Время». Большую часть напечатанныхъ портретовъ редакторъ почерпалъ изъ богатаго собранія извѣстнаго коллекціонера Павла Яковлевича Дашкова, съ самаго основанія «Историческаго Вѣстника» относившагося съ величайшимъ сочувствіемъ къ этому журналу. Кромѣ портретовъ-приложеній, почти въ каждой книжкѣ въ текстѣ давались также рисунки, иллюстрировавшіе тему повѣствованій. Такія иллюстраціи обильно разсѣяны по статьямъ, относящимся до путешествій, описаній замѣчательныхъ мѣстностей, по очеркамъ археологическимъ и критико-біографическимъ. Въ художественной части «Историческаго Вѣстника» принимали участіе слѣдующіе художники и граверы: Р. К. Бауманъ, А. Бѣме, Гофманъ (въ Штутгартѣ), А. И. Зубчаниновъ, К. К. Крыжановскій, К. В. Лебедевъ, Н. А. Лебедевъ, В. В. Матѣ, А. П. Мельниковъ, А. Э. Мюнстеръ, В. П. Павловъ, Паннемакеръ (въ Парижѣ), М. Н. Рашевскій, А. П. Рябушкинъ, Ю. Я. Шюблеръ, Н. Н. Юмудскій и др.

Цинкографіи и гальванопластическія клише изготовлялись въ мастерскихъ: типографіи газеты «Новое Время», «Голике и Вильборга» и Ридерера.

Отзываясь на выдающіеся моменты въ научно-литературной жизни нашего отечества, «Историческій Вѣстникъ» съ особеннымъ вниманіемъ отмѣтилъ такія общественныя событія, какъ чествованіе памяти А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Этимъ свѣточамъ русской мысли и слова были посвящены цѣлые №№ журнала съ воспроизведеніемъ неизвѣстныхъ доселѣ ихъ портретовъ, рукописей и рисунковъ, почерпнутыхъ изъ богатаго собранія автографовъ П. Я. Дашкова. Автографы этихъ писателей были сфотографированы А. Н. Малевинскимъ и исполнены на металлическихъ доскахъ въ цинкографіи А. И. Вильборга.

Въ 1899 году, по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія Пушкина, въ майской книжкѣ журнала былъ данъ рядъ статей о великомъ поэтѣ и воспроизведены три слѣдующія его рукописи по подлинникамъ: 1) письмо Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 года, съ одой на смерть Наполеона и стихо-

твореніемъ: «Свободы сѣятель пустыни»; 2) стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье», писанное Пушкинымъ въ 1825 г. и посвященное имъ Аннѣ Петровнѣ Кернъ; 3) отрывокъ изъ первой главы «Путешествія въ Арзрумъ».

Въ 1902 году, по случаю исполнившейся въ февралѣ пятидесятилѣтней годовщины со дня смерти Н. В. Гоголя, редакція посвятила всю текущую февральскую книжку почти исключительно статьямъ о Гоголѣ. Рядомъ съ этимъ тутъ же воспроизведены подлинныя и дотолѣ неизвѣстныя рукописи Гоголя, предоставленныя съ этою цѣлью въ распоряженіе редакціи П. Я. Дашковымъ. И эти рукописи были сфотографированы г. Малевинскимъ и воспроизведены въ типо-литографіи Голике и Вильборга. Рукописи эти— 1) двѣ подписи Гоголя и конвертъ письма его къ сестрамъ; 2) письмо Гоголя къ сестрамъ; 3) первая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря», 4) вторая редакція отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря»; 5) письмо Гоголя къ Погодину по поводу смерти Пушкина и 6) повѣсть «Пропавшая грамота».

Ежегодно къ журналу прилагался указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ статьяхъ, составляемый Б. М. Городецкимъ. Имъ же составляется указатель за 25 лѣтъ, который будетъ выпущенъ въ теченіе 1905 года. Кромѣ того, были изданы указатели къ содержанію «Историческаго Вѣстника» за 1880—1894 годы.

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить, что корректура статей, какъ въ гранкахъ, такъ и въ версткѣ, читалась и правилась сначала нынѣ покойнымъ Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ, а послѣ него А. В. Оксеновымъ, продолжающимъ свою работу въ журналѣ и понынѣ.

Приступая къ изданію «Историческаго Вѣстника», издатель установилъ за него годовую подписную плату въ 10 рублей съ пересылкой, обѣщая выдавать за эту цѣну ежемѣсячныя книжки новаго журнала объемомъ въ 15 листовъ. Но уже съ первою выпущенною книжкою пришлось сдѣлать отступленіе отъ первоначальныхъ предположеній, выпустивъ ее размѣромъ до 17¹/₂ печатныхъ листовъ, такъ какъ результаты подписки превзошли ожиданія. Съ этого времени начинается и непрерывно съ каждымъ годомъ продолжается повышение и общей смѣты по журналу. А. С. Суворинъ, давъ «Историческому Вѣстнику» всѣ необходимыя матеріальныя средства для его существованія, предоставилъ въ то же время редактору самостоятельное право распоряженія и его хозяйственной частью. Съ ростомъ журнала, постепенно увеличивался и объемъ ежемѣсячныхъ книжекъ; вмѣсто обѣщанныхъ 15 листовъ, онѣ теперь выходятъ въ объемѣ отъ 25 до 30 листовъ.

Въ нижеслѣдующей сводной изъ книгъ конторы за 25 лѣтъ таблицы можно видѣть, какая сумма израсходована на изданіе за 1880—1904 годы.

ГОДА.	Печаталось экземпль.	Число под- писчиковъ.	Число ли- стовъ.	Удѣлено чи- пографіи.		Гонораръ со- трудникамъ.		Содержаніе ре- дакціи, конторы и служащихъ.		Стоимость ри- сунковъ.		Почтаму.		Врошторовка и разсылка жур- нала подписчи- камъ.		Разные рас- ходы.	
				Рубль.	К.	Рубль.	К.	Рубль.	К.	Рубль.	К.	Рубль.	К.	Рубль.	К.		
1880	8,260	2,875	208	9,701	98	10,172	86	8,329	—	1,695	96	1,643	20	1,612	80	1,271	80
1881	8,250	2,885	227	14,078	21	11,928	40	8,480	—	692	05	2,091	30	1,667	86	1,379	37
1882	8,260	2,965	209	12,775	72	11,947	41	8,480	—	946	87	2,261	71	1,812	36	1,460	39
1883	8,600	3,869	214 ^{1/2}	18,824	67	11,152	30	8,480	—	1,897	94	2,475	97	1,841	04	1,478	79
1884	4,000	3,770	212 ^{1/2}	15,705	58	10,363	47	8,480	—	1,904	75	2,867	14	2,061	70	1,686	54
1885	4,500	4,210	208 ^{1/4}	16,823	98	10,713	19	8,480	—	3,038	19	3,486	20	2,286	67	2,017	75
1886	4,800	4,716	210	16,853	45	11,634	40	8,600	—	1,733	22	3,539	10	2,430	05	2,654	07
1887	5,200	4,766	280	19,667	47	11,549	60	8,600	—	1,796	40	4,386	60	2,659	90	2,702	92
1888	5,200	4,766	221 ^{1/4}	18,913	12	11,942	10	8,600	—	955	55	4,367	26	2,690	91	2,712	75
1889	5,350	5,272	230 ^{1/2}	20,480	07	11,949	40	8,289	—	1,120	61	4,623	26	2,802	97	2,049	46
1890	5,800	5,531	224 ^{1/2}	21,528	25	12,423	65	5,546	—	1,260	20	5,084	26	3,017	67	1,950	23
1891	6,100	5,607	233 ^{1/2}	24,071	02	13,187	95	5,623	—	990	—	5,121	11	3,290	76	1,671	27
1892	6,000	5,690	237 ^{1/4}	22,701	47	14,359	20	6,247	—	1,173	20	5,171	19	3,384	64	1,479	56
1893	6,400	6,236	259 ^{1/4}	25,133	70	15,043	35	6,940	—	1,428	54	6,269	93	3,780	86	1,770	06
1894	7,000	6,754	256 ^{1/8}	27,079	07	15,541	—	7,571	—	1,111	20	4,987	07	3,524	96	1,770	06
1895	7,300	6,838	269 ^{7/8}	29,092	29	16,842	—	7,571	—	1,638	78	6,630	42	3,898	76	1,813	33
1896	7,300	7,168	286	30,419	72	17,827	75	7,901	—	1,460	05	6,918	77	3,928	42	2,098	76
1897	7,600	7,442	291 ^{1/4}	30,896	40	17,633	75	8,178	—	2,187	16	6,979	38	4,192	76	1,777	11
1898	8,900	8,244	322 ^{3/8}	35,332	10	20,771	05	9,072	—	1,668	05	7,720	51	4,876	89	1,778	35
1899	9,500	9,472	336 ^{3/8}	38,262	14	21,226	25	10,983	—	2,363	98	9,314	51	6,666	32	2,132	60
1900	10,200	10,190	329 ^{3/8}	39,262	93	19,286	35	11,684	—	1,583	10	9,602	50	6,159	25	2,371	63
1901	11,200	10,540	344 ^{1/2}	44,443	15	21,756	74	12,123	—	1,726	74	9,960	71	6,781	61	2,377	81
1902	11,300	10,983	325 ^{7/8}	48,471	23	19,541	05	12,547	—	2,529	20	10,389	70	6,000	50	2,253	06
1903	11,100	10,704	329	48,657	02	20,084	25	12,547	—	1,977	36	10,124	48	6,211	—	1,537	47
1904	11,000	10,460	327 ^{1/8}	42,400	—	19,969	05	12,300	—	931	71	10,000	—	6,100	—	1,778	—
за 25 л.	168,400	160,892	6,553	655,435	64	378,789	45	172,092	75	39,737	46	145,946	28	92,638	06	47,678	93

Такимъ образомъ «Историческій Вѣстникъ» за четверть вѣка своего существованія произвелъ расходовъ на:

1) типографію и бумагу	655.435	рублей 64	коп.
2) гонораръ сотрудниковъ	378.789	» 45	»
3) содержаніе редакціи, конторы, ректора	172.092	» 75	»
4) рисунки	39.737	» 46	»
5) брошюровку журнала	92.638	» 06	»
6) почтамту за доставку журнала подписчикамъ	145.946	» 28	»
7) разные расходы	47.678	» 93	»

Въ общемъ итогѣ, за 25 лѣтъ (1880—1904 г.) приходъ по «Историческому Вѣстнику» составлялъ 1.599.527 рублей, а расходъ 1.532.318 рублей ¹⁾.

Не редактору судить здѣсь о литературныхъ достоинствахъ руководимаго имъ журнала—оцѣнка его въ значительной степени вытекаетъ изъ вниманія къ нему публики, что обнаруживается его широкимъ распространеніемъ. Онъ можетъ отмѣтить лишь, что этому успѣху, во всякомъ случаѣ, содѣйствовали также, какъ совершенство типографской техники его выполненія, такъ и аккуратность его выхода изъ типографіи. Достаточно сказать, что въ теченіе 25 лѣтъ ни одна книжка «Историческаго Вѣстника» не опоздала своевременнымъ выходомъ.

Типографская техника зависѣла отъ совершенства работы самой типографіи газеты «Новое Время», гдѣ журналъ постоянно печатался, и гдѣ работами по журналу все время завѣдывалъ И. О. Богдановъ. Брошюровка и экспедиція журнала за всѣ 25 лѣтъ производилась въ переплетномъ заведеніи Н. А. Макарова, а конторою «Историческаго Вѣстника» съ 1886 года по приему подписки и денежнымъ расчетамъ съ сотрудниками и другими лицами завѣдывалъ В. Я. Анисимовъ.

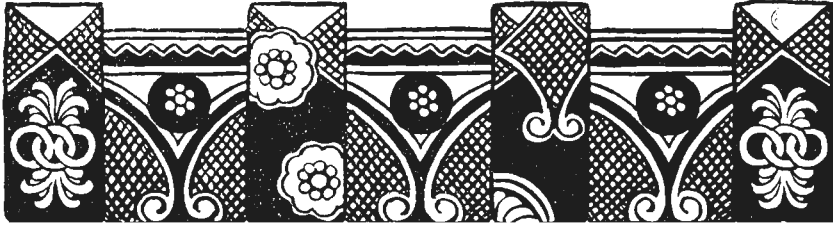
¹⁾ Въ приведенной таблицѣ въ общее число подписчиковъ включены также и бесплатные, т.-е. экземпляры журнала, рассылавшіеся постояннымъ сотрудникамъ и нѣсколькимъ ученымъ учрежденіямъ и общественнымъ бібліотекамъ.

Сумма расхода на иллюстраціи въ 1904 году показана менѣ сравнительно съ предыдущими годами потому, что большая часть клише изготовлялась въ цинкографіи «Новаго Времени» и стоимость ихъ включена въ расходъ по типографіи.

Въ рубрику «Разные расходы» входятъ: подписка на русскіе и иностранные журналы и газеты, приобрѣтеніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, плата за объявленія о подпискѣ и выходѣ ежемѣсячныхъ книжекъ журнала, переписка и пересылка рукописей, почтовая корреспонденція, письменныя принадлежности и т. п.

Уступая выраженнымъ желаніямъ многихъ иногороднихъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника» и постоянныхъ его подписчиковъ имѣть въ журналѣ, по случаю его двадцатипятилѣтія, портретъ редактора, къ настоящей книжкѣ прилагается портретъ С. Н. Шубинскаго, съ послѣдней фотографіи Л. С. Левицкаго, воспроизведенный цинкографіей въ типо-литографіи Р. Голике и А. Вильборга.

СЕМЬ ИНСТАНЦІЙ ¹⁾.

IV.

НИ прїѣхали на вокзалъ слишкомъ рано. Оказалось, что поѣздъ долженъ прїйти, чтобы взять ихъ, только ночью, и имъ пришлось часовъ пять проболтаться безъ всякаго дѣла.

Наконецъ, вокзалъ сталъ наполняться публикой. Изъ города подѣзжали извозчики, изъ нихъ вылѣзали господа въ длинныхъ дорожныхъ одеждахъ съ чемоданами, сундуками. Подходилъ и простой народъ, навьюченный узлами, и всякимъ скарбомъ. Стали то тамъ, то здѣсь раздаваться какіе-то странные тревожные звонки и свистки.

Но вотъ Козлицынъ поднялся и заявилъ, что пора брать билеты. Тогда они оба двинулись къ кассѣ, гдѣ уже стоялъ рядъ путешественниковъ въ ожиданіи открытія ея. Они оба заняли очередь.

Кассу открыли. Одинъ за другимъ пассажиры двинулись къ ней, платили деньги и получали билеты. Дошла очередь и до нихъ. Козлицынъ стоялъ впереди. Онъ обратился къ кассиру и съ видомъ необыкновеннаго достоинства заявилъ:

— Два билета до Санктъ-Петербурга!

Кассиръ равнодушнѣйшимъ образомъ отыскалъ билеты, напечаталъ на нихъ штемпеля, какіе полагались, и объявилъ цѣну.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 401.

Олексій Кудла стоялъ не двигаясь, видимо недостаточно понимая все то, что передъ нимъ происходило. Тогда Козлицынъ обратился къ нему.

— Что же, панъ старшина, надо платить!

Олексій Кудла поспѣшно засунулъ руку въ одинъ карманъ, потомъ въ другой и вдругъ ударилъ себя по лбу.

— Да у меня жъ деньги зашиты!--тихонько сообщилъ онъ писарю.

— Какъ зашиты? куда зашиты?—не понявъ сразу, въ чемъ дѣло, спросилъ писарь.

— Да такъ, зашиты, Явдоха и зашивала въ ладонку, вотъ тутъ.

И онъ показалъ на грудь, гдѣ подъ одеждой, на самомъ тѣлѣ, у него были деньги въ видѣ довольно увѣсистой ладонки.

Пока они такимъ образомъ объяснялись, кассиръ нетерпѣливо смотрѣлъ на нихъ. Позади ихъ еще былъ довольно длинный хвостъ.

— Господа, прошу васъ посторониться,—сказалъ кассиръ,—вы мѣшаете публикѣ.

Даже Козлицынъ, очень рѣдко смущавшійся, былъ смущенъ этимъ замѣчаніемъ. Онъ схватилъ Олексія Кудлу за рукавъ и отвелъ его въ сторону.

— Какъ же это вы такъ, панъ старшина, не сообразили?—съ упрекомъ сказалъ онъ.

— А Господь же его знаетъ... Я жъ ничего тутъ не понимаю... простодушно отвѣтилъ Олексій Кудла:—говорю жъ вамъ, никогда не ѣздилъ на машинѣ. Я думалъ, деньги потомъ ужъ, когда пріѣдемъ... разомъ уже. Теперь, значить, расшивать надо...

— А надо, панъ старшина, коли зашито.

— А, можетъ, у васъ есть деньги, панъ писарь? такъ оно скорѣй. А ужъ я потомъ отдалъ бы вамъ...

Писарь Козлицынъ съ величайшимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— У меня деньги? Да за кого же вы меня принимаете, панъ старшина? Я же вамъ сказалъ, что у меня и двадцати копеекъ нѣтъ въ карманѣ. Что было, женѣ да дѣтямъ оставилъ.

— Ахъ, ты, Господи.. Выходить, безъ расшивки никакъ не обойдешься.

Они начали искать такое мѣсто, гдѣ никого не было бы, и чтобы никто ихъ не видалъ. Писарь между тѣмъ дѣлалъ старшинѣ строгое внушеніе.

— Оно, конечно,—говорилъ онъ,—деньги хорошо хранить надо, иначе непременно вытащатъ, это ужъ такъ подлагается... Но необходимо на расходы имѣть при себѣ. Нельзя же изъ-за всякаго стакана чая, панъ старшина, ладонку вашу расшивать. Вотъ теперь мы, какъ два дурня, ходимъ и ищемъ уединеннаго мѣста. А тамъ еще, того и гляди, поѣздъ уйдетъ.

Отысканіе укромнаго мѣстечка, расшиваніе ладонки и зашиваніе ея вновь послѣ того, какъ необходимая сумма была изъ нея вынута, отняло у нихъ добрыхъ полчаса. Только за десять минутъ до отхода поѣзда они едва-едва справились съ этимъ сложнымъ дѣломъ.

Тогда Козлицынъ подошелъ къ кассѣ и опять съ внушительнымъ и гордымъ видомъ сказалъ:

— Два билета третьяго класса пожалуйте до Санктъ-Петербурга.

Имъ дали билеты. Козлицынъ былъ весь полонъ какого-то внутренняго ликованія. Его безпокойный духъ, всегда искавшій новой пищи и безнадежно стремившійся къ разнообразію жизни, теперь жадно насыщался. Какъ ни смѣло было его воображеніе, но никогда оно прежде не рисовало ему такой необыкновенной широкой перспективы.

Вѣдь куда ѣдетъ человѣкъ, — въ самый Санктъ-Петербургъ! И это уже не мечта, а дѣйствительность, потому что въ карманѣ у него билеты, на которыхъ написано полностью: «Санктъ-Петербургъ», — значить, это ужъ такъ или иначе свершится.

«Санктъ-Петербургъ» казался ему всегда такой отдаленной точкой стремленій, такимъ недостижимымъ пунктомъ желаній, что онъ оставлялъ это благо для другихъ, болѣе счастливыхъ. И вотъ это благо полностью осуществляется для него.

Эти два человѣка, которые теперь были связаны тѣсно одной и той же цѣлью, по своему внѣшнему виду были типическими противоположностями. У писаря былъ видъ человѣка, ликующаго, достигающаго желанной цѣли. Вся жизнь его сосредоточивалась въ этихъ немногихъ минутахъ, которыя онъ провелъ на вокзалѣ, послѣ полученія билетовъ изъ кассы. Онъ, всю свою жизнь обманывавшійся и, несмотря на это, опять возобновлявшій стремленіе, въ каждый новый шагъ вкладывавшій всѣ свои мечты, чтобы вновь потерпѣть неудачу, онъ, дошедшій наконецъ до полного крушенія всѣхъ своихъ надеждъ, теперь вдругъ точно весь опять возобновился и въ этотъ огромный невѣроятный, небывалый шагъ вложилъ все то, что считалъ уже потеряннымъ, всѣ свои возродившіяся надежды.

И онъ ликовалъ, все существо его ликовало. Это отражалось у него во всемъ — въ его движеніяхъ, въ манерахъ, въ голосѣ.

Олексій Кудла представлялъ изъ себя мрачную фигуру. Основными чертами его настроенія было глубокое сознаніе глупости, ненужности шага, который онъ дѣлаетъ, а главное — полного несоотвѣтствія этого шага съ его жизнью, съ его положеніемъ, со всѣмъ, что у него есть. Онъ злился на себя и на другихъ, а въ особенности на вотъ этого соблазнителя, писаря Козлицына, который теперь такъ высоко держитъ голову и смотритъ такимъ побѣдителемъ. А онъ смотрѣлъ угрюмо и все время упорно молчалъ,

подавая голосъ только тогда, когда ужъ это вызывалось необходимою.

Ужъ теперь онъ совѣмъ попалъ въ несвойственную обстановку. Онъ былъ окончательно сбитъ съ толку, казался какимъ-то безжизненнымъ и неподвижнымъ, какимъ-то неодушевленнымъ предметомъ, который нужно было толкать въ ту сторону, куда было необходимо; онъ точно потерялъ всю свою волю и разумъ и походилъ на мѣшокъ, набитый сѣномъ. Куда ни толкни его, онъ туда и двинется; оставь его въ покоѣ, онъ будетъ лежать.

Билеты были въ карманѣ у писаря; они прошли на платформу и ждали поѣзда. Кругомъ была глубокая ночь, по линіи всюду торчали разноцвѣтные фонарики, ничего не освѣщавшіе. Гдѣ-то раздавался свистъ локомотива, по платформѣ бродила публика. Вотъ сталъ приближаться поѣздъ; раздался зловѣщій гулъ и шумъ, и на платформѣ произошло движеніе. Поѣздъ остановился. Публика бросилась къ вагонамъ и стала занимать мѣста.

Вошли въ вагонъ и наши путешественники, и тотчасъ же поѣздъ двинулся дальше. Вагонъ оказался биткомъ набитымъ народомъ, все большей частью сѣрымъ, съ множествомъ узловъ и всякаго скарба. Окна вагона съ обѣихъ сторонъ были наглухо закрыты и воздухъ стоялъ въ немъ отчаянный. Путешественники оглядѣлись во всѣ стороны. Нигдѣ не было ни одного свободного мѣста, пришлось нѣкоторое время стоять на ногахъ. Раздавались жалобы, требовали кондуктора, но затѣмъ мало-по-малу все улеглось. Публика незамѣтно распредѣлилась, и всѣмъ нашлись мѣста. Олексій Кудла и писарь Козлицынъ помѣстились у самага окна другъ противъ друга.

Старшина испытывалъ чрезвычайно странное непостижимое ощущеніе. Никогда въ жизни еще съ нимъ этого не случалось. Ѣздилъ онъ и на лошадахъ и на волахъ, но тѣ ощущенія не имѣли ничего общаго съ этимъ.

Вагонъ сильно шатался изъ стороны въ сторону, раздавалось непрерывное и какое-то зловѣщее гудѣніе, иногда вдругъ слышался пронзительный свистъ.

Первое время Олексій Кудла сидѣлъ съ выпученными глазами, съ выраженіемъ изумленія и страха. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ, какъ бы провѣряя свое ощущеніе, какъ бы желая убѣдиться, то же ли самое чувствуютъ другіе, ѣдущіе съ нимъ. Но у всѣхъ видъ былъ гораздо болѣе спокойный, чѣмъ у него, а у Козлицына, сидѣвшаго напротивъ, лицо было даже веселое.

Наконецъ Олексій Кудла почувствовалъ усталость и закрылъ глаза. Тогда ему стало казаться, что онъ вмѣстѣ съ этой движущейся громадой летитъ въ пропасть.

Утомленный всѣми этими новыми и слишкомъ для него сильными ощущеніями, онъ наконецъ незамѣтно для себя задремалъ.

Вдругъ онъ весь вздрогнулъ, открылъ глаза и стремительно подвѣялъ голову. Въ первый моментъ въ глазахъ его выразался ужасъ, и онъ смотрѣлъ по сторонамъ какимъ-то непонимающимъ взглядомъ. Богъ знаетъ, что ему приснилось: ему приснился страшный судъ,—да приснилось ли это? Не есть ли это и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ? Что же это другое можетъ быть—съ этимъ гуломъ, трескотней, свистомъ? Онъ очевидно причисленъ къ грѣшникамъ, и вотъ за какіе-то великіе грѣхи на страшномъ судѣ его присудили къ вѣчной мукъ посредствомъ грохота.

Ну, да, это такъ и должно быть, что однихъ грѣшниковъ кипятятъ въ смолянномъ котлѣ, другихъ заставляютъ языкомъ лизать раскаленное желѣзо, а вотъ ему суждено сидѣть среди грохота, копти и свиста.

Но эти мысли промелькнули въ его головѣ смутно, она была еще вся скована недавней дремотой, которая еще не совсѣмъ прошла. Онъ опять закрылъ глаза, опять вздремнулъ и снова видѣлъ страшный сонъ: вотъ передъ нимъ мельница, его собственная мельница, та самая, что стоитъ на краю села Березневатаго, на высокомъ холмѣ. Ея широкія дрожавшія крылья вертятся быстро, что только есть у нихъ силы, и вся мельница дрожить и подпрыгиваетъ и, кажется, вотъ-вотъ отъ непосильнаго движенія сорвется съ своего мѣста и полетитъ куда нибудь въ далекое пространство.

Вотъ мельница раскрылась, и передъ нимъ жерновъ, которые вертятся съ невѣроятной силой. Раздается неистовый грохотъ; нѣсколько человѣкъ, обсыпанныхъ мукой, несутъ огромный мѣшокъ, но въ этомъ мѣшкѣ не пшеница и не жито, а онъ, самъ Олексій Кудла, панъ старшина мѣстечка Березневатаго. Люди, обсыпанные мукой, раскачиваютъ мѣшокъ и вдругъ выбрасываютъ изъ него самого Олексія Кудлу, и онъ попадаетъ между двухъ жернововъ, и жернова принимаются молоть его.

Весь обливаясь холоднымъ потомъ, Олексій Кудла опять проснулся и страшно вздрогнулъ. Козлицына уже во второй разъ разбудило отъ дремоты это пробужденіе пана старшины, и ему это надоѣло. Онъ такъ сладко спалъ и видѣлъ сны совсѣмъ-совсѣмъ другого рода: то были пріятные сны, отъ которыхъ ему совсѣмъ не хотѣлось просыпаться.

— Да ну васъ, панъ старшина, что это вы все «жахаётесь», точно на васъ во снѣ стая волковъ нападаетъ...

— Охъ, панъ писарь, да мнѣ такое приснилось, что хуже всякихъ волковъ...

— Да вы не обращайтесь вниманія, мало что снится! Если страшное что, такъ перекреститесь, вотъ и все.

Затѣмъ настало утро, загорѣлась заря, все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и стало всходить солнце. Проснулся Олексій Кудла, протеръ глаза, и ночные страхи совсѣмъ покинули его. Проснулся и писарь.

— А много ли верстъ проѣхали мы, панъ писарь, какъ вы думаете?—спросилъ Олексій Кудла.

— Да ужъ навѣрно верстъ триста будетъ, никакъ не меньше!—отвѣтилъ писарь, сдѣлавъ въ головѣ приблизительное вычисленіе.

— Да неужто триста? Ой, Боже мой, какъ теперь далеко уже осталось Березневатое!

— Э, панъ старшина, о Березневатомъ вы забудьте, теперь все будетъ дальше да дальше...

Поѣздъ остановился. Оказалось, что это большой городъ, и тутъ буфетъ и долгая остановка.

— Пойдемте-ка, чаю нашьемся, панъ старшина,—бодро и какъ-то убѣжденно предложилъ писарь.

— А, чаю?—довольно равнодушно повторилъ Олексій Кудла... Въ сущности, ему не хотѣлось чаю. Онъ не привыкъ къ этому напитку и прибѣгалъ къ нему только въ торжественныхъ случаяхъ, когда бывали гости.

Но вѣдь онъ былъ теперь не болѣе, какъ мѣшокъ, набитый сѣномъ: куда ни толкнуть его, онъ туда и поворачивался. Онъ не возражалъ и покорно поднялся. Они вышли изъ вагона и направились въ буфетъ. Тутъ они пили чай.

Козлицынъ увидаль мальчугана, который носилъ передъ собой витрину съ газетами, и позвалъ его къ себѣ.

— А дай-ка газету. Только самую умную, а вы, панъ старшина, заплатите ему... Потому я всею полностью на вашемъ иждивеніи.

— Да на что вамъ газета?—спросилъ Олексій Кудла.

— Какъ на что? Вотъ узнаемъ все, что дѣлается на свѣтѣ. Вѣдь сидимъ въ Березневатомъ и не вѣдаемъ, а на свѣтѣ-то многое дѣлается, панъ старшина.

Звонокъ призвалъ ихъ въ вагонъ, они усѣлись, и опять поѣздъ двинулся.

Козлицынъ теперь принялся читать газету и каждую минуту сообщалъ Олексію Кудлѣ всевозможныя свѣдѣнія.

— Вотъ пишутъ, панъ старшина, что въ Рязанской губерніи недородъ,—сообщалъ онъ:—никакого хлѣба нѣтъ. Пожертвованія собирать будутъ...

Минуты двѣ онъ углублялся въ чтеніе, а затѣмъ опять сообщалъ:

— А вотъ въ Москвѣ убійство было, да какое, панъ старшина: разомъ четырехъ человекъ зарѣзали. Вѣдь вотъ изверги!

Опять нѣкоторое время онъ набирался свѣдѣній изъ газеты и опять сообщалъ Олексію Кудлѣ:

— А въ Твери церковь обокрали, всѣ драгоценности унесли, и не поймали. Должно быть, умные воры... прибавлялъ онъ ужъ отъ себя.

Олексій Кудла ко всѣмъ этимъ сообщеніямъ относился съ глубокимъ равнодушіемъ. Но, наконецъ, Козлицыну удалось выискать свѣдѣніе, которое произвело впечатлѣніе на пана старшину.

— А вотъ, панъ старшина, недавно цѣлый поѣздъ желѣзнодорожный провалился на мосту. Много убитыхъ, — сообщилъ писарь Козлицынъ.

Олексій Кудла съ выраженіемъ ужаса крестился. Новость эта имѣла прямое отношеніе къ его особѣ. Съ этой минуты онъ началъ тревожно посматривать въ окно, не будетъ ли какого моста, и, какъ нарочно, черезъ какой нибудь часъ стали переѣзжать рѣчку по мосту. Все время, пока подъ мостомъ была вода, Олексій Кудла сидѣлъ блѣдный и непрестанно крестился, и, только когда проѣхали мостъ, онъ успокоился.

Но, пока наступилъ вечеръ, они проѣхали множество мостовъ, и Олексій Кудла сдѣлался болѣе спокойнымъ.

— Это, должно быть, не часто случается, — сказалъ онъ: — вотъ это, что машина проваливается на мосту.

— Разумѣется, не часто, ежели бы часто было, никто не ѣздилъ бы.

Еще провели они одну ночь въ вагонѣ. Олексій уже нѣсколько свыкся съ новымъ положеніемъ и эту ночь проспалъ самымъ исправнымъ образомъ. Кстати народу въ вагонѣ поубавилось, и въ его распоряженіи была цѣлая скамейка, да и воображеніе его утихомирилось, и онъ больше не видалъ никакихъ сновъ.

На утро поѣздъ подошелъ къ Москвѣ и остановился въ этомъ городѣ.

— Ну, ужъ это какъ хотите себѣ, панъ старшина, — сказалъ панъ писарь, — а въ Москвѣ намъ надо остановиться. Какъ же это можно, чтобы ѣхать черезъ Москву и не поглядѣть ее? Вѣдь Москва — это сердце Россіи, панъ старшина.

— Оно такъ, — замѣтилъ Олексій Кудла, — да вѣдь денегъ это стоитъ.

— Все денегъ стоитъ, панъ старшина. Даже вотъ и я, Козлицынъ, и то денегъ стою. Я думаю, вы это, панъ старшина, чувствуете, потому сами платили за меня...

Олексій Кудла въ душѣ протестовалъ. У него не было никакихъ запросовъ къ Москвѣ, но вѣдь онъ былъ мѣшокъ, набитый сѣномъ. И Козлицынъ могъ знать заранѣе, что онъ согласится.

Олексій Кудла захватилъ свой узелъ, и они вышли. Недалеко отъ вокзала нашли они комнату въ необыкновенно грязной гостиницѣ, гдѣ у нихъ оказались пьяные сосѣди, и гдѣ дрались какія-то женщины. Олексій Кудла прислушивался ко всему этому и только крестился.

Но они не оставались въ комнатѣ. Козлицынъ, которому теперь нигдѣ не сидѣлось, тотчасъ вытащилъ своего спутника на улицу

и повелъ его осматривать Москву. Разспрашивая на каждомъ шагу прохожихъ, они дошли до Кремля, побывали на Сухаревой башнѣ и за нѣсколько часовъ успѣли осмотрѣть половину Москвы. Козлицынъ получалъ самыя живыя впечатлѣнія, а отъ Олексія Кудлы всѣ впечатлѣнія точно отскакивали. Въ головѣ у него все перемѣшалось. Слишкомъ было много новаго во всемъ этомъ, а межъ тѣмъ голова эта привыкла воспринимать впечатлѣнія однообразныя, несложныя, въ сущности одни и тѣ же.

Цѣлый день они были на ногахъ, а вечеромъ уже помѣстились въ вагонъ и мчались дальше. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ двигался на сѣверъ, все явственнѣе и явственнѣе чувствовался холодъ. Пришлось Олексію Кудлѣ вынуть изъ-подъ себя полушубокъ и надѣть его. Когда наступило утро, Олексій Кудла взглянулъ въ окно и изумился. Кругомъ лежалъ снѣгъ—и на землѣ и на деревьяхъ, и онъ опять крестился, точно во всемъ этомъ было какое нибудь дьявольское наважденіе. Въ Березневатомъ все было залито лучами солнца, когда они выѣхали оттуда, а тутъ вотъ зима, ѣздятъ уже на саняхъ.

Глядѣлъ Олексій въ окно: все лѣса да лѣса,—сосна, ель и береза, вотъ она гдѣ береза-то, тутъ ея много! Повсюду лежатъ сугробы снѣга, все небо заволкли сѣрыя тучи, солнца совсѣмъ не видно.

— Что, панъ старшина, небось жутко стало! — полушутя поддразнивалъ его панъ писарь.

А Олексію Кудлѣ дѣйствительно было жутко. Казалось, онъ попалъ въ страну вѣчнаго снѣга и никогда уже отсюда не выберется на свѣтъ Божій.

Было нѣсколько остановокъ, они выходили, пили чай въ буфетахъ, ѣли колбасу и соленые огурцы. Куры, которыхъ положила Явдоха, уже испортились, и ихъ пришлось выбросить безъ всякаго сожалѣнія.

А вотъ, наконецъ, въ туманномъ воздухѣ, вдали показались зданія Петербурга. Поѣздъ замедлилъ ходъ и остановился у вокзала подъ стеклянной крышей.

Когда они вышли изъ вагона, была страшная суета, вокзалъ былъ наполненъ дымомъ, который ѣлъ глаза. Олексію Кудлѣ казалось, что онъ попалъ прямо въ адъ, зато у писаря лицо такъ сіяло, точно на немъ разомъ отражалось сіяніе и мѣсяца, и солнца, и всѣхъ звѣздъ небесныхъ.

— Вотъ мы и въ самомъ Санктъ-Петербургѣ, панъ старшина, въ самомъ Санктъ-Петербургѣ! Чувствуете ли вы это? — радостно восклицалъ писарь Козлицынъ: — думали ли вы когда нибудь, панъ старшина, что можете очутиться въ самомъ Санктъ-Петербургѣ?

Олексій Кудла философски покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ, панъ писарь, думалъ я или не думалъ, это все одно; вотъ мы живемъ и не думаемъ, что попадемъ въ пекло, а въ вдругъ въ самое-то пекло какъ разъ намъ и назначено попасть...

Два ряда комиссіонеровъ громко выкрикивали названія гостиницъ. Они прошли между ними, точно сквозь строй,—Олексій Кудла, неся свой увѣсистый узелъ въ рукахъ, а Козлицынъ совершенно налегкѣ безъ малѣйшихъ признаковъ дорожнаго багажа.

Козлицынъ напалъ на такого комиссіонера, который почему-то показался болѣе подходящимъ, и сталъ допрашивать его, какіе у нихъ есть номера, и на какія цѣны.

— Намъ самый дешевенькій надо, — говорилъ онъ, — нѣтъ ли по сорокъ копеекъ въ сутки? Да чтобы за двоихъ, а не за одного.

Ихъ повели по улицамъ. Писарь съ наслажденіемъ впитывалъ въ себя столичный воздухъ и глазами, полными блаженства, осматривалъ раскрывшуюся передъ ними широкую площадь.

— Эхъ, красота! — восклицалъ писарь Козлицынъ.

— Ажъ страшно, — говорилъ съ своей стороны Олексій.

Съ широкой площади свернули въ грязный узенькій переулокъ. Дворъ тоже оказался грязнымъ и узкимъ. Они стали подниматься по лѣстницѣ въ шестой этажъ.

— Это на самыя небеса, значить, — говорилъ Олексій Кудла, который отъ непривычки задыхался:—это выше даже будетъ колокольни, что у насъ въ губернскомъ городѣ.

Зато, устроившись въ номерѣ, они начали наслаждаться жизнью. Въ ихъ распоряженіи было двѣ кровати, правда, очень грязныя и неудобныя, но все-таки кровати. Они распорядились, чтобы принесли самоваръ. Писарь потребовалъ отъ старшины полтинникъ, самолично побѣжалъ на улицу и купилъ какихъ-то необыкновенныхъ баранокъ, и началось пиршество.

— Теперь, панъ старшина, вы можете лечь и спать ужъ прямо за всѣ четверо сутокъ. А у меня, какъ вы знаете, тутъ есть пріятель, который служитъ въ самомъ правительствующемъ сенатѣ.

Олексій Кудла дѣйствительно только и могъ теперь дѣлать, что спать. Обалдѣлый, совершенно сбитый съ толку, «мѣшокъ, набитый сѣномъ», онъ повалился на кровать и сейчасъ же заснулъ, а Козлицынъ вышелъ на улицу.

Стоялъ изрядный морозъ, и падалъ снѣгъ. А Козлицынъ шелъ въ своей легкой крылаткѣ, и ему не было холодно. Его согрѣвалъ внутренній огонь, который особенно сильно разгорѣлся въ немъ, когда онъ вступилъ на почву «Санктъ-Петербурга».

Онъ шелъ неторопливо, какъ бы желая подольше испытывать это сладостное ощущеніе. Онъ наслаждался сознаниемъ, что вотъ наконецъ онъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Угрюмыя лица пѣшеходовъ, спѣшившихъ по своимъ дѣламъ, большею частью неприятнымъ, казались ему привѣтливими и ласковыми. Ему хотѣлось громко смѣяться, прыгать и пѣть.

Улица, по которой онъ шелъ, была широка, и онъ сейчасъ же догадался, что это долженъ быть Невскій проспектъ. О немъ онъ слышалъ и читалъ. Но, такъ какъ все-таки у него была цѣль, онъ подошелъ къ городовому и спросилъ у него:

— А позвольте узнать, гдѣ тутъ находится правительствующій сенатъ?

— А вотъ идите прямо, все прямо, а тамъ спросите, — отвѣтилъ городской.

Козлицынъ направлялся ощупью и дошелъ такимъ образомъ до Невы. Рѣка уже стояла скованная льдомъ. Козлицынъ заглядѣлся на мосты и переходы по льду. Онъ долго смотрѣлъ на все это и по поводу всего говорилъ: «ахъ, красота, красота»...

Все казалось ему тутъ необыкновеннымъ, очаровательнымъ. Онъ чувствовалъ себя мальчикомъ.

Онъ довольно долго простоялъ здѣсь, въ увлеченіи не замѣчая, какъ шло время. Холодъ усиливался, вѣтеръ развѣвалъ полы его крылатки, а онъ ничего этого не чувствовалъ, ему было и тепло и хорошо.

Опять ему пришлось спрашивать о направленіи и наконецъ, исколесивъ порядочное число улицъ, онъ добрался до сената.

Но прежде чѣмъ войти въ зданіе, онъ долго стоялъ и смотрѣлъ на него. Такъ иногда, получивъ загадочное письмо, вмѣсто того, чтобы распечатать его, мы долго осматриваемъ конвертъ со всѣхъ сторонъ, присматриваемся къ почерку и думаемъ: отъ кого бы? и что заключается въ этомъ письмѣ?

Козлицына особенно трогало единеніе между двумя столь высокими учрежденіями. «Вѣдь вотъ, какъ это хорошо: съ одной стороны — правительствующій сенатъ, а съ другой — правительствующій синодъ. Оба правительствующіе, подъ одной крышей, значить, какъ родные братья!»

Онъ обошелъ зданіе со всѣхъ сторонъ и наконецъ двинулся прямо въ главный ходъ, но здѣсь швейцаръ не пустилъ его и указалъ ему другой ходъ, попроще. Онъ вошелъ.

— А позвольте у васъ спросить, — почтительно обратился онъ къ швейцару, — могу я здѣсь увидѣть письмоводителя Елеонова?

Швейцаръ, чрезвычайно почтенный, съ широкой окладистой бородой, съ грудью, увѣшанной орденами, поднялъ очки на лобъ и посмотрѣлъ на него, оторвавшись отъ чтенія газеты, которую держалъ въ рукахъ. Онъ отнесся очень добродушно къ посѣтителю.

V.

Швейцаръ почти любезно предложилъ ему снять и оставить у него крылатку и затѣмъ указалъ, какъ ему пройти. Козлицынъ шелъ черезъ рядъ большихъ комнатъ, уставленныхъ шкафами, изъ которыхъ выглядывали дѣла въ синихъ обложкахъ, за столами

сидѣли чиновники, и все это было Козлицыну чрезвычайно знакомо.

Онъ познавалъ теперь, что дѣло это вездѣ стоитъ одинаково. Въ губернскомъ и уѣздномъ городѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ служилъ, такія же точно были комнаты, только иногда поменьше, такіе же стояли шкафы, такія же выглядывали изъ нихъ дѣла, и такіе же сидѣли чиновники, и даже, казалось, у нихъ лица были тѣ же самыя.

У сторожа онъ освѣдомился объ Елеоновѣ. Его попросили въ пріемную, и здѣсь пришлось ему прождать четверть часа. Наконецъ, пришелъ Елеоновъ, человѣкъ небольшого роста, толстенькій, съ значительнымъ брюшкомъ, съ выходенными бакенбардами, съ лысой головой.

Увидѣвъ пріѣзжаго, Елеоновъ съ изумленіемъ остановился. Изумленіе его было непритворное и огромное. Онъ зналъ положеніе Козлицына и обстоятельства его жизни и никакъ не могъ представить себѣ, чтобы тотъ очутился въ Петербургѣ.

Во время оно они были товарищами. Вмѣстѣ учились въ уѣздномъ училищѣ. Вмѣстѣ же они начали и службу. Но Елеоновъ былъ человѣкъ характера положительнаго, спокойнаго и чрезвычайно умѣренный въ своихъ требованіяхъ. Проходя свою скромную службу въ провинціи, онъ своею скромностью и дѣловитостью понравился нѣкому сановнику и долгое время состоялъ у него на дому для частныхъ канцелярскихъ услугъ. Сановникъ же былъ переведенъ въ Петербургъ и вмѣстѣ съ собой привезъ и Елеонова. Здѣсь его пристроили на маленькую должность, и онъ, не имѣя никакихъ шансовъ на движеніе впередъ, довольствовался малымъ и держался за свою службу обѣими руками.

— Но какъ это ты доставился сюда? — спрашивалъ Елеоновъ Козлицына, послѣ того, какъ они товарищески заключили другъ друга въ объятія:—и почему и зачѣмъ?

— А, братъ, это цѣлая исторія, — сказалъ Козлицынъ: — мы сюда ходоками пріѣхали.

— Какъ это ходоками, и кто это мы?

— Ну, это долго рассказывать, а рассказать надо, — отвѣтилъ Козлицынъ. — Ты когда же освобождаешься?

— Да часовъ въ пять, не раньше.

— Гм... Что же я буду дѣлать до пяти часовъ?

— Ну, ничего, я могу отпроситься, — сказалъ Елеоновъ: — начальство ко мнѣ относится съ благосклонностью. Вотъ мы и проведемъ съ тобой часикъ-другой гдѣнибудь въ рестораникѣ.

Елеоновъ отправился къ начальству и получилъ отпускъ на сегодняшній день. Они вышли вмѣстѣ на улицу. И странно было видѣть этихъ двухъ людей, идущихъ рядомъ, — Козлицына въ его легкомысленной крылаткѣ, которая такъ не подходила къ зимнему

петербургскому сезону, и Елеонова, одѣтаго въ основательную длинную мѣховую шубу, правда, на мѣху не высокаго достоинства, но все же, видимо, очень хорошо грѣвную.

— Да какъ же ты это такъ налегкѣ? — говорилъ Елеоновъ:— я думаю, тебѣ холодно?

— А я, братъ, объ этомъ никогда себя не спрашиваю, — сказалъ Козлицынъ:—одѣваюсь сообразно своимъ доходамъ, и можешь судить по моей крылаткѣ, каковы эти доходы.

— Плохо, братъ!

— А я и не говорю, что хорошо,—вполнѣ добродушно, съ свойственнымъ ему юморомъ отвѣтилъ Козлицынъ.

Они вошли во дворъ и оттуда въ ресторанъ.

— Здѣсь тѣсно,—сказалъ Елеоновъ,—но хорошо; я всегда тутъ закусываю, и многіе изъ нашихъ служащихъ сюда забѣгаютъ. Даже столоначальники не брезгаютъ. Вотъ самъ увидишь, какъ тутъ хорошо.

Въ Петербургѣ попадаются такіе особаго рода ресторанички. Помѣщаются они въ одной-двухъ маленькихъ комнаткахъ, въ нихъ тѣсно, но все чувствуютъ себя здѣсь по-домашнему. Невзыскательная кухня, недорогіе напитки, добрые любезные хозяева, у которыхъ вся публика своя, которые всехъ уважаютъ и любятъ, называютъ по имени и отчеству каждаго посѣтителя, что посѣтителямъ доставляетъ удовольствіе.

И Елеонова тоже встрѣтили съ обычнымъ почтеніемъ.

— Здравствуйте, Никодимъ Власевичъ!—привѣтствовали его:—пожалуйте, вотъ вашъ столикъ.

Было около часу дня. Самъ Елеоновъ еще не завтракалъ, онъ вообще въ служебные дни обходился стаканомъ чая съ булкой.

— Небось, проголодался?—обратился онъ къ Козлицыну:— ну, такъ позавтракаемъ.

Козлицынъ не отрицалъ. Хотя у него особеннаго аппетита не было, такъ какъ они хорошо поѣли съ паномъ старшиной, но, тѣмъ не менѣе, ему такъ нравилась эта обстановка маленькаго ресторанички, что онъ согласенъ былъ ѣсть.

— Только, вотъ что, Никодимъ Власевичъ,—сказалъ онъ, — у меня денегъ вовсе нѣтъ, я вѣдь, можно сказать, на казенномъ иждивеніи.

— Ну, это ничего: ты гость, а я хозяинъ.

Елеоновъ заказалъ рыбу, мясо и зелень, подали графинчикъ водки, какую-то неприятзательную закуску и бутылку пива. Козлицынъ взглянулъ на все это и сказалъ въ душѣ своей: «роскошно живетъ Елеоновъ, прямо роскошно».

— Ну, а теперь рассказывай, какой это ты такой ходокъ,—сказалъ Елеоновъ.

Они предварительно выпили по рюмкѣ водки, и Козлицынъ началъ свой рассказъ.

— Вотъ видишь ли, въ чемъ дѣло, Никодимъ Власьевичъ, — говорилъ онъ: — не везло мнѣ очень, самъ знаешь... Бился я долго, всячески, пробовалъ и такъ и этакъ и наконецъ всѣ пути растерялъ. Ну, пришлось въ писаря пойти. И хотя должность эта темная, а все не терялъ я надежды и придумывалъ, какъ бы изъ этого самаго писарства выжать для себя что нибудь доброе, и вотъ придумалъ, можешь себѣ представить, даже тутъ придумалъ!

— Умъ у тебя былъ всегда изобрѣтательный, — замѣтилъ Елеоновъ.

— Да, такъ вотъ, видишь ли, забросила меня судьба въ такой уголокъ, который называется мѣстечкомъ, а почему неизвѣстно. Просто-напросто плохонькое село. Повинности какъ по мѣстечку, а правъ никакихъ. Ну, я и взбудоражилъ... Мужикъ у насъ сѣрый, съ нимъ легко. Наговорилъ имъ турусы на колесахъ, ну, они мнѣ: хлопочи. И началъ я хлопотать. Сперва въ уѣздъ бумагу послалъ, потомъ въ губернію, ничего не выгорѣло, тогда я и изобрѣлъ: надо, говорю, ходоконъ посылать. Пана старшину на ноги поднялъ, наобѣщалъ ему орденонъ, а мужикъ онъ у насъ богатый, тысячахъ въ пятидесяти. Ежели говорить по правдѣ, то я и самъ не зналъ, какое добро для меня изъ этого всего выйдетъ, но только чуюлъ, что что-то должно выйти. Засѣло мнѣ это въ голову, что нужно мнѣ какъ-никакъ, а въ Санктъ-Петербургъ пробраться, а лучше отъ этого или хуже, этого я предусмотрѣть не могъ. Ну, настрочилъ я мужичковъ, выбрали они пана старшину, Олексія Кудлу, въ ходоки, разумеется, на его собственный счетъ, а меня дали ему въ придачу, вотъ мы и поѣхали, и ты видишь теперь, что я здѣсь, въ самомъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, и съ тобой, Никодимъ Власьевичъ, сажу и трапезую.

— Гм... умно, право, умно, тонко! — отозвался Елеоновъ, — такъ что выходитъ, что послѣ двухъ инстанцій ты въ Петербургъ за остальными пріѣхалъ.

— Вотъ, вотъ...

— Ну, что жъ, будемъ орудовать. А ты мнѣ этого своего пана-старшину обязательно покажи. Ты приводи его обѣдать ко мнѣ. Вѣдь я женатъ, знаешь, двое дѣтей у меня. Ты куда же его дѣвалъ?

— Теперь онъ спитъ у меня. Всю дорогу плохо спалъ, все ему какіе-то страшные сны снились; а приведу, непременно приведу.

Бесѣда изрядно затянулась, пріятели довольно часто возобновляли бутылки съ пивомъ. Они уже давно исчерпали дѣловыя темы и занялись воспоминаніями. Въ давнія времена у нихъ много было общаго. Оба они вспотѣли, и носы у нихъ сдѣлались красными.

Было около пяти часовъ, когда Елеоновъ рѣшилъ, что ему пора итти домой. Онъ потребовалъ счетъ и расплатился.

— Завтра у насъ праздникъ, — сказалъ онъ, — такъ вотъ ты и приходи ко мнѣ съ своимъ паномъ-старшиной.

— А ты не забывай, что я ему орденъ обѣщаль, — сказалъ Козлицынъ.

— Ну, орденъ я, братъ, не раздаю, — замѣтилъ Елеоновъ, — однако постараемся. Въ Петербургѣ, братъ, всего можно добиться, надо только знать, какими ходами итти.

Они разстались. Писарь Козлицынъ шелъ домой, упоенный своей встрѣчей съ старымъ пріятелемъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, Олексій Кудла уже проснулся и сидѣлъ на кровати, по-нуривъ голову.

— Ну, панъ-старшина, все идетъ, какъ нельзя лучше. Нашелъ своего пріятеля, который служить въ правительствующемъ сенатѣ. Въ самомъ правительствующемъ сенатѣ былъ, а потомъ мы съ нимъ въ ресторанѣ завтракали и бесѣдовали. А сколько я улицъ исходилъ! Весь Невскій проспектъ прошелъ и все любовался. Какіе тутъ магазины красивые, панъ-старшина, просто чудо. Вотъ завтра праздникъ, поѣдемъ завтракать къ Елеонову, онъ васъ приглашалъ. А тамъ хлопотать начнемъ. Елеоновъ самъ будетъ хлопотать и насчетъ дѣла и насчетъ ордена... Онъ дока, всю эту хитрость произошелъ...

Олексій Кудла сидѣлъ угрюмо и слушалъ его равнодушно. Онъ все почесывалъ затылокъ и покачивалъ головой.

— Да вы бы, панъ-старшина, вышли на улицу да развлеклись бы, — предлагалъ ему Козлицынъ. — Здѣсь на улицѣ, куда ни взгляни, всюду есть что посмотреть.

Олексій Кудла махнулъ на это рукой и никуда не пошелъ. Такъ и просидѣлъ онъ весь вечеръ въ комнатѣ, потомъ раздѣлся и опять легъ спать и безпрепятственно заснулъ глубокимъ сномъ.

Утромъ на слѣдующій день Козлицынъ сталъ торопить его.

— Сегодня мы ѣдемъ завтракать къ Елеонову, — сказалъ онъ.

— Да вѣдь нынче праздникъ, панъ писарь, — возразилъ Олексій Кудла: — православные христіане въ церковь ходятъ, а вы сейчасъ завтракать.

— А что жъ, это хорошо, — сказалъ Козлицынъ: — мы сперва въ церковь пойдёмъ, а потомъ къ Елеонову.

Козлицынъ разспросилъ коридорнаго насчетъ знаменитыхъ церквей. Ему перечислили Исаакіевскій соборъ и Казанскій и множество другихъ. По изслѣдованію оказалось, что Казанскій соборъ ближе всѣхъ.

Тутъ наконецъ Олексій Кудла и для себя нашелъ предметъ удивленія. Все здѣсь привлекло его вниманіе: и необыкновенные размѣры церкви и богатство украшеній, и живопись иконъ, и самая служба, освѣщеніе, пѣніе, все это восхищало его и повергло въ благоговѣйный трепетъ. Онъ какъ-то не смѣлъ даже молиться, а все робко озирался по сторонамъ.

Вышелъ изъ церкви онъ потрясенный и сталъ думать о скромной маленькой деревянной церкви въ мѣстечкѣ Березневатомъ, о томъ, какъ тамъ бываетъ душно, когда по большимъ праздникамъ въ ней молится много народу, и какъ плохо поетъ тамъ ихъ старый деревенскій дьячекъ. Но писарь Козлицынъ перебилъ его мысли.

— Ну, теперь къ Елеонову,—сказалъ онъ.

Не зналъ Олексій Кудла Елеонова, не было у него никакой охоты ѣхать къ Елеонову, но теперь онъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, былъ «мѣшокъ, набитый сѣномъ». Онъ даже не пробовалъ возражать, а просто послѣдовалъ за Козлицынымъ.

А Елеоновъ ждалъ гостей. Тутъ были и его жена и дѣти, и накрытый бѣлой скатертью столъ, и водка, и закуска.

Самъ Елеоновъ происходилъ изъ той же губерніи, откуда пріѣхали ходоки, и, когда Олексій Кудла вошелъ, то Елеоновъ вдругъ заговорилъ съ нимъ на чистомъ хохлацкомъ языкѣ. Олексій Кудла никакъ не ожидалъ этого и растерялся еще больше. Но это длилось всего минутой. У Елеонова запасъ хохлацкихъ словъ очень быстро истощился, и онъ перешелъ на обыкновенный петербургскій языкъ.

Елеоновъ жилъ небогато. Квартира его состояла изъ трехъ комнатъ, была тѣсная и обставлена кой-какой рыночной мебелью. Но, несмотря на это, не только Олексію Кудлѣ она показалась роскошной, но и Козлицыну, который въ своихъ неудачныхъ скитаніяхъ давно забылъ уже, что такое приличная обстановка.

Несмотря на почтенный возрастъ Елеонова, жена оказалась него совсѣмъ молоденькой, а дѣти непозволительно малы. Гости усадили за столъ и начали угощать.

— Ну, что жъ,—говорилъ покровительственнымъ тономъ Елеоновъ,—будемъ орудовать... для земляковъ готовъ приложить всякое усердіе. Конечно, это не такъ-то легко, много хлопотъ будетъ, ну, а все же можно. Вотъ я кой съ кѣмъ поговорю... поразспрошу...

И Елеоновъ говорилъ такимъ авторитетнымъ тономъ, какъ будто онъ былъ человѣкъ съ большими связями и съ вѣсомъ. Олексій Кудла чувствовалъ, что передъ нимъ какая-то сила, и началъ разсыпаться въ просьбахъ:

— Ужъ будьте такіе добрые, вызвольте насъ,—говорилъ онъ,—а то какъ же мы пріѣдемъ домой, не сдѣлавши дѣла...

— Постараюсь, постараюсь...

И до того увѣренно и властно говорилъ Елеоновъ, что даже жена его, привыкшая считать его скромнымъ человѣкомъ, съ изумленіемъ смотрѣла на него.

— А покуда судъ да дѣло,—говорилъ Елеоновъ,—Козлицынъ поведетъ пана старшину осматривать достопримѣчательности столицы.

— А что же это будетъ такое?—спросилъ Олексій Кудла.

— Ну, какъ что? Исаакіевскій соборъ, Петропавловская крѣпость... Ну, и многое другое.

— «А на что оно мнѣ все это?—думалъ про себя Олексій Кудла.— что я со всѣмъ этимъ буду дѣлать?»—но онъ только подумалъ это, а произнести вслухъ не посмѣлъ. Въ качествѣ «мѣшка, набитаго сѣномъ», онъ и этому подчинился.

Прошло нѣсколько дней. Чтò и какъ орудовалъ Елеоновъ—неизвѣстно. Козлицынъ усердно водилъ Олексія Кудлу по храмамъ, крѣпости, возилъ его въ какіе-то отдаленные углы столицы. Дѣлые дни они проводили внѣ своей квартиры, а голодъ и жажду удовлетворяли въ трактирахъ, которые попадались имъ на пути.

Однажды Елеоновъ сдѣлалъ имъ визитъ.

— Ну, дѣло наше идетъ на ладъ,—сказалъ онъ.—Я узналъ все, что надо. Садись, Козлицынъ, и пиши бумагу, и завтра идите въ департаментъ...

Онъ тутъ же назвалъ департаментъ, но названіе это было до того длинное и сложное и состояло изъ такихъ длинныхъ и непонятныхъ словъ, что голова Олексія Кудлы совсѣмъ не приняла его, и оно вылетѣло оттуда.

Елеоновъ посидѣлъ у нихъ съ полчаса, затѣмъ уже собрался уходить и началъ прощаться и вдругъ вспомнилъ:

— Ахъ, да, я совсѣмъ было забылъ...—онъ вынулъ изъ кармана бумажку и небрежно, какъ совершенно незначительную вещь, положилъ ее на столъ:—тутъ были кой-какіе расходы... Конечно, мы потомъ сочтемся... А это такъ, для порядка...

И, не давъ болѣе никакихъ объясненій, онъ попрощался и ушелъ.

— Какіе же это такіе расходы?—спросилъ Олексій Кудла, когда Елеоновъ ушелъ.

— А, надо полагать, денежные!—съ своей обычной веселостью отвѣтилъ Козлицынъ.

— А прочитайте, панъ писарь.

Козлицынъ взялъ бумажку и началъ читать расходы. Это были развѣзды по департаментамъ на извозчикахъ и швейцары. Но какъ они дорого обходились Елеонову! Извозчики брали съ него по рублю, по два и по три, тогда какъ для обыкновенныхъ смертныхъ они обходились всего въ двугривенный, а швейцары меньше пятишники ничего и знать не хотѣли.

Олексій Кудла кряхтѣлъ и тарашилъ глаза.

— А вы думали, панъ старшина, что это все даромъ, или, скажемъ такъ, Елеоновъ изъ своего кармана платитъ будетъ? Тутъ за все берутъ, такой уже городъ. А вы развѣ не знали этого?

— Я ничего не зналъ, панъ писарь. Это вы все знаете, а я... гдѣ же мнѣ знать? А сколько же всего выходитъ?

— А всего выходитъ сорокъ девять рублей и восемьдесятъ копеекъ.

Олексій Кудла со свойственною ему покорностью вынулъ изъ ладонки, которая уже больше не зашивалась, а просто завязывалась веревочкой, требуемую сумму и передалъ ее Козлицыну для уплаты. Затѣмъ Козлицынъ написалъ бумагу, и они отправились въ департаментъ.

Тамъ они отыскиали дежурнаго чиновника и спросили его, туда ли надлежитъ подать бумагу.

— А вы подайте, а мы разберемъ, а черезъ недѣлю скажемъ вамъ,—отвѣтилъ чиновникъ.

Это была трагическая недѣля для Олексія Кудлы. Козлицынъ безжалостно таскалъ его по какимъ-то музеямъ, гдѣ имъ показывали пушки, ядра, мечи, кинжалы, какія-то старыя одежды. Олексій Кудла всюду слѣдовалъ за нимъ. Но внутреннее противодѣйствіе всему этому выростало въ немъ. Оно доставляло ему глубокое страданіе. Каждый шагъ, который онъ дѣлалъ, былъ ему ненавистенъ и противенъ. Олексій замѣтно увядалъ: онъ сдѣлался блѣднымъ, похудѣлъ, даже какъ-то постарѣлъ.

Но все это было бы ничего, и съ этимъ онъ могъ бы примириться ради общественной пользы, изъ-за которой онъ сюда пріѣхалъ: по крайней мѣрѣ, дѣло уже на ходу. Но, кромѣ всего этого, онъ чувствовалъ, что во всей этой исторіи есть что-то неладное, что его тутъ кто-то дурачить, и это ему было обидно. А сказать онъ этого не могъ: краснорѣчивый писарь Козлицынъ навѣрно разобьетъ его въ пухъ и прахъ.

Въ назначенный срокъ зашли въ департаментъ. Долго искали тамъ бумагу, бѣгали по отдѣленіямъ, даже два чиновника поссорились изъ-за этой бумаги. Наконецъ что-то нашли и объявили.

— Валей бумагѣ данъ ходъ... Она передана для справокъ...

И тутъ опять было произнесено что-то длинное и многосложное и совершенно недоступное для памяти Олексія Кудлы.

— Такъ это значитъ еще сидѣть тутъ!..—вотъ единственное, что вынесъ Олексій Кудла изъ этого сообщенія.

— А какъ же? Еще только третья инстанція, панъ старшина.

— А сколько же всѣхъ?

— А это надо спросить у Елеонова, онъ знаетъ.

При случаѣ объ этомъ былъ спрошенъ Елеоновъ.

— Ну, братъ, этого никто не можетъ тебѣ опредѣлить,—сказалъ онъ:—у насъ инстанцій сколько угодно; ежели повезетъ, то, можетъ, не больше семи понадобится.

Тогда Олексій Кудла забилъ тревогу и сталъ проситься домой. Онъ говорилъ это совершенно, какъ ребенокъ.

— Ой, панъ писарь, сдѣлайте милость, отпустите уже меня: что мнѣ тутъ сидѣть? Невозможно мнѣ больше тутъ оставаться, у меня жинка съ дѣтьми, у меця хозяйство... мельница...

— Но это же невозможно, панъ старшина, Елеоновъ хлопочетъ, вамъ даже скоро орденъ дадутъ...

— Не нужно мнѣ, не хочу я того ордена. Ничего не надо! отпустите меня домой, панъ писарь.

Вечеромъ онъ вынулъ ладонку и сосчиталъ деньги. Къ ужасу его, ихъ осталось совсѣмъ немного.

— Какъ же это такъ, панъ писарь?—спрашивалъ онъ съ глубокимъ недоумѣніемъ:—куда же это онѣ дѣвались?

— Какъ куда?—въ свою очередь съ удивленіемъ воскликнулъ писарь:—да вѣдь вы же сами вынимали изъ кармана и платили за все; вы только сосчитайте: извозчики одно, трактиры другое, швейцары третье, счетъ Елеонова четвертое...

— Да вѣдь этакъ у насъ и на обратную дорогу не хватитъ!—совершенно перепуганный этимъ открытіемъ, сказалъ Олексій Кудла.

— Да ужъ неминуемо вамъ придется выписать денегъ.

— Откуда?

— Да, можетъ, у почтенной Явдохи есть, или изъ банка, гдѣ у васъ лежатъ деньги.

Олексій Кудла замахалъ на него руками.

— А то и здѣсь достанемъ. Мы вотъ спросимъ Елеонова, онъ все знаетъ.

Писарь въ тотъ же день пошелъ къ Елеонову и объяснилъ ему положеніе. Елеоновъ сказалъ:

— Ну, разумѣется, деньги достать можно, надо вексель дать и хорошіе проценты заплатить. Только вѣдь онъ неграмотный, вотъ въ чемъ дѣло-то.

Но Елеоновъ какъ-то ухитрился, куда-то съѣздилъ, что-то устроилъ и объявилъ.

— Ну, это улажено. Можно. Деньги дадутъ. Получите триста, а заплатите пятьсотъ.

Писарь пріѣхалъ домой и сообщилъ Олексію Кудлѣ, который какъ-то тупо и безучастно принялъ это извѣстіе. Козлицынъ даже удивился этому. Онъ ожидалъ съ его стороны сильнаго протеста. Но дѣло въ томъ, что въ послѣднія недѣли Олексій Кудла до того истомился, что потерялъ всякую способность даже протестовать. Онъ какъ-то лишился собственной воли.

На другой день его повели къ нотаріусу. Тамъ появился какой-то неизвѣстный челоуѣкъ съ черными, какъ смоль, волосами и глазами, съ длиннымъ горбатымъ носомъ. Что-то они писали, что-то подписывали писарь и Елеоновъ, а Олексій приложилъ къ бумагѣ свою печатку. Ему дали триста рублей, и онъ обѣщаль изъ губернскаго города прислать пятьсотъ.

Заходили въ четвертую инстанцію и узнали, что бумага уже получила справку и перешла на новое мѣсто—«на заключеніе». Въ этомъ новомъ мѣстѣ она, впрочемъ, была недолго. Съ пятой инстанціей имъ сильно повезло: здѣсь бумага пролежала какихъ нибудь два дня и сейчасъ же пошла дальше.

Уже двѣ недѣли березневатовскіе ходоки жили въ Петербургѣ. Козлицынъ замѣчалъ, что съ Олексіемъ Кудлой дѣлается что-то особенное. Онъ окончательно замолчалъ, на всѣ вопросы его отвѣчалъ какимъ-то мычаніемъ.

Когда Козлицынъ звалъ его осматривать достопримѣчательности, онъ жаловался на головную боль и ложился спать. Козлицынъ всячески убѣждалъ его и ободрялъ, но Олексій оставался глухъ къ этому. Тогда Козлицынъ махалъ на него рукой, бралъ у него рубль и отправлялся одинъ.

Однажды въ меблированныя комнаты пришелъ околоточный надзиратель съ бумагой и сдалъ ее подъ расписку Козлицыну. Бумага была адресована: «уполномоченнымъ общества мѣстечка Березневатаго, Алексѣю Кудлѣ и Фролу Козлицыну».

— А,—сказалъ Козлицынъ,—вотъ, значить, и рѣшеніе пришло. Это уже изъ шестой инстанціи.

— Читайте, панъ писарь,—съ нѣкоторымъ замѣтнымъ нетерпѣніемъ сказалъ Олексій Кудла.

Писарь прочиталъ. Но Олексій Кудла, хотя явственно слышалъ каждое слово, воспринималъ далеко не все, а только тѣ мѣста, въ которыхъ надѣялся уловить самую сущность.

«Вслѣдствіе ходатайства,—читалъ писарь и потомъ произносилъ еще множество другихъ словъ, которыхъ уже не принималъ Олексій Кудла:—въ виду полученныхъ справокъ... и опять слова и слова...—и согласно заключенію...—и опять цѣлый потокъ словъ, къ которымъ Олексій Кудла оставался равнодушенъ,—канцелярія симъ увѣдомляетъ, что означенному дѣлу о выясненіи вопроса касательно... данъ надлежащій ходъ, и по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ общество мѣстечка Березневатаго своевременно будетъ поставлено въ извѣстность непосредственно мѣстнымъ начальствомъ».

Козлицынъ кончилъ чтеніе и нѣкоторое время самъ довольно растерянно смотрѣлъ на старшину.

— Такъ!—съ убійственнымъ спокойствіемъ сказалъ Олексій Кудла:—выходитъ, что мы тутъ даромъ толкались...

Писарь Козлицынъ, хотя и былъ того же самаго мнѣнія, тѣмъ не менѣе, счелъ своимъ долгомъ возразить.

— Какъ же даромъ? Почему это вы, панъ старшина, говорите, что даромъ? Вы посмотрите: вѣдь мы тутъ до шестой инстанціи дошли. Дѣлу данъ «надлежащій ходъ»... «Належащій», понимаете вы, панъ старшина?... Вѣдь это слово не даромъ же поставлено...

А, кромѣ того, панъ старшина, вамъ скоро и награда выйдетъ... Елеоновъ сильно хлопочетъ, это ужъ я самъ видѣлъ, что онъ сильно хлопочетъ. Будете вы, панъ старшина, представлены одному наибольшаго лицу, и вамъ такую награду выдадутъ, что всѣ ахнутъ не только въ Березневатомъ, но и въ уѣздѣ и въ губерніи... Тамъ, разумѣется, будутъ небольшіе расходы... Ну, что для васъ всѣ эти расходы въ сравненіи съ почетомъ!...

Олексій Кудла на это убійственно промолчалъ и какъ-то странно прищурилъ глаза. Вечеромъ писарь Козлицынъ отправился къ Елеонову поговорить о наградѣ.

Елеоновъ дѣйствительно что-то гдѣ-то хлопоталъ, и у него были какія-то неопредѣленныя обѣщанія и надежды, но на этомъ они долго не останавливались.

— Послушай, Козлицынъ, чортъ съ нимъ, съ твоимъ паномъ старшиной, я гораздо больше думаю о тебѣ, чѣмъ о немъ. Неужели ты опять поѣдешь туда, въ твою темную дыру?

Козлицынъ развелъ руками.

— А куда же мнѣ больше дѣваться?—сказалъ онъ.

— Можно бы и здѣсь устроиться,—замѣтилъ Елеоновъ.

— Какъ же это?

— Да ужъ какъ нибудь. Тутъ ужъ дѣйствительно надо постараться, для своего брата, понимаешь...

— Гм... А ты развѣ не знаешь, что я штрафной?

— Положимъ, знаю, но правъ ты не потерялъ. Суда не было.

— Нѣтъ, положимъ, правъ я не потерялъ, ибо и не обладалъ ими...

— Чина не лишенъ?

— Нѣтъ... Только въ казенныхъ учрежденіяхъ служить не имѣю права.

— Гм... А ты думаешь, на казенныхъ учрежденіяхъ свѣтъ клиномъ сошелся? Я тебя и безъ казеннаго учрежденія устрою.

— Да ну? Какъ же такъ?—и у Козлицына заблестали радостью глаза.

— А ты слушай: есть такія должности—не должности, мѣста—не мѣста, но все равно, заработать можно хорошо. Ты поступишь въ свидѣтели...

— Это что же такое?

— Ну, да... именно въ свидѣтели. Такая обязанность. Это надо постоянно толкаться около такого мѣста, гдѣ нужны свидѣтели. И когда нуженъ свидѣтель, такъ ты и будешь свидѣтель и руку приложишь. Дѣло честное вполнѣ. Свидѣтельствовать будешь то, что видишь. Ничего ложнаго. Напримѣръ, человекъ написалъ духовное завѣщаніе, и ты видишь, что онъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти и самолично руку приложилъ. Ты и свидѣтельствуешь, что онъ въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, и самъ руку прилагаешь, и, смотришь, за это тебѣ четвертной билетъ даютъ... Понялъ?

— Да неужто четвертной билетъ?

— Ну, иногда меньше, а иной разъ и гораздо больше, смотря по дѣлу. У меня, знаешь, спрашивали уже, нѣтъ ли подходящаго человѣка.

— Такъ это же великолѣпно!—отвѣтилъ Козлицынъ.—Это мнѣ чрезвычайно подходитъ.

— Ну, а коли подходитъ, такъ и сдѣлаемъ.

Козлицынъ шелъ домой поздней ночью, и въ душѣ его на этотъ разъ было уже настоящее ликование. Вѣдь вотъ какія есть на свѣтѣ должности, а онъ сидитъ въ этой березневатой дырѣ и не подозреваетъ и не думаетъ, что для него уже все кончено, и онъ такъ и умретъ въ писаряхъ.

Онъ пришелъ домой, вошелъ въ комнату и зажегъ лампу. Въ комнатѣ онъ не замѣтилъ никакого движенія. Онъ взглянулъ на обѣ кровати, тамъ никого не было, онъ оглядѣлъ все углы: не видно и узла. Что же это такое? Онъ отправился къ хозяевамъ.

— А куда это дѣвался мой товарищъ?—спросилъ онъ.

— А онъ уѣхалъ,—отвѣтили ему.

— Какъ уѣхалъ?

— А такъ: забралъ свои вещи и паспортъ, расплатился за все и взялъ извозчика на вокзалъ.

— И давно?

— Уже часа три будетъ.

— Вотъ такъ штука!

Козлицынъ опять надѣлъ свою крылатку, схватилъ фуражку и побѣжалъ на вокзалъ. Здѣсь онъ узналъ, что все поѣзда отошли. Очевидно, Олексій Кудла сбѣжалъ.

Козлицынъ пошелъ домой и по дорогѣ думалъ: «сбѣжалъ панъ старшина и тѣмъ обнаружилъ, что у него есть умъ. Удивительно только, какъ онъ раньше этого не сдѣлалъ».

VI.

Какимъ образомъ это случилось, что Олексій Кудла уѣхалъ, онъ и самъ не могъ бы толкомъ объяснить.

Мысль эта явилась у него уже въ тотъ моментъ, когда писарь прочиталъ бумагу, полученную изъ шестой инстанціи, но она таилась у него въ головѣ, гдѣ-то въ такомъ укромномъ мѣстѣ, что онъ ея даже не сознавалъ. И когда онъ разставался съ писаремъ, то онъ ничего не зналъ о ней.

Когда писарь ушелъ, Олексій Кудла прилегъ на кровать съ самымъ искреннимъ намѣреніемъ заснуть, потому что у него сильно болѣла голова, но заснуть ему не удалось. Онъ поднялся и сѣлъ на кровати и довольно долго сидѣлъ такимъ образомъ съ какой-то безконечной тупостью въ головѣ.

На дворѣ уже стемнѣло. И вдругъ Олексій Кудла почувствовалъ приливъ какого-то необъяснимаго чувства; онъ вскочилъ и замахалъ руками, потомъ началъ показывать кому-то кулаки, хотя въ комнатѣ, кромѣ него самого, никого не было.

«Дьяволы,—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ,—дурачить вздумали почтеннаго человѣка. Точно я имъ мальчикъ какойнибудь»...

Онъ весь дышалъ негодованіемъ. И въ этотъ моментъ уже мысль, таившаяся до сихъ поръ въ его головѣ, встала передъ нимъ совершенно ясная и опредѣленная: онъ не обсуждалъ ея ни одной минуты.

— Домой... Въ Березневатое,—мѣстечко оно или село, все равно, а только туда, туда... Эй, кто тамъ есть?—крикнулъ онъ, подойдя къ двери и отворивъ ее.

Съ тревогой на лицѣ прибѣжалъ номерной.

— Сколько долженъ я?—вопросилъ его Олексій Кудла,—только скоро, тороплюсь...

При этомъ онъ, пока испуганный номерной побѣжалъ за счетомъ, торопливо увязывалъ вещи въ узелъ. Номерной принесъ счетъ и подаль Олексію Кудлѣ, но тотъ, разумѣется, ничего не могъ разобрать въ немъ.

— Ну, сколько же, говори!—спросилъ Олексій Кудла.

Номерной сказалъ цифру.

— Ну, вотъ и получай, а паспортъ?

Принесли и паспортъ и все это дѣлали съ удивленіемъ, даже съ опасеніемъ, ужъ не съ ума ли спятилъ этотъ постоялецъ, который былъ до сихъ поръ такой тихій да молчаливый. Никогда не было слышно его голоса.

У Олексія Кудлы мелькнула мысль: «А какъ же писарь останется безъ копейки? Оставить ему, что ли, хоть карбованцевъ съ пятокъ?»

Но злоба противъ всѣхъ, а главнымъ образомъ противъ писаря, который вовлекъ его въ это глупое путешествіе, помѣшала ему сдѣлать это, и онъ не оставилъ ни копейки. «Пускай хоть съ году сдохнетъ,—сказалъ Олексій Кудла и прибавилъ:—э, да не сдохнетъ, не таковскій».

Онъ схватилъ узелъ и вышелъ на улицу, а тутъ какъ разъ подвернулся извозчикъ.

— Ну, вези на машину.

Извозчикъ понялъ его и только спросилъ: на какую?

— А вотъ на ту, которая на Москву ходить.

Извозчикъ и это понялъ и повезъ его на Николаевскій вокзалъ. Можно было подумать, что Олексія Кудлу вдругъ осѣнило вдохновеніе. Онъ пересталъ быть «мѣшкомъ, набитымъ сѣномъ», онъ двигался свободно, отлично промышлялъ о себѣ и дѣлалъ все, какъ слѣдуетъ.

Онъ отыскалъ кассу и спросилъ себѣ билетъ до самаго своего губернскаго города. При этомъ онъ все оглядывался, какъ бы боясь, чтобы не приѣжалъ писарь Ковлицынъ и не сдѣлалъ на него нападенія.

А вотъ пора и въ вагонъ итти. Онъ отыскалъ поѣздъ, раздался звонъ и свистъ, онъ вошелъ въ вагонъ, напелъ себѣ мѣстечко, и вотъ поѣздъ двинулся.

Тогда Олексій Кудла перекрестился большимъ набожнымъ крестомъ и сказалъ себѣ: ну, теперь уже не поймаютъ. И всѣ ночи, какія пришлось ему провести въ дорогѣ, онъ спалъ хорошо и благополучно доѣхалъ до губернскаго города.

Тутъ онъ остался ночевать. На другой день онъ сходилъ въ банкъ, гдѣ лежали его деньги, взялъ пятьсотъ рублей и тутъ же обратился къ знакомому служащему съ просьбой написать ему бумагу въ Петербургъ.

— А кому писать?—спросилъ служащій, взявъ бумагу и перо.

— А пишете такъ: въ сенатъ, главному начальнику.

— Да такого и нѣту. Пожалуй, и письмо не дойдетъ.

— Ничего, дойдетъ, лишь бы въ Петербургъ пріѣхало, а тамъ дойдетъ. Какъ же нѣтъ? Не можетъ же быть, чтобы въ сенатѣ не было главнаго начальника.

— Онъ, конечно, есть, только какънибудь иначе называется.

— Ну, ужъ это все равно, какъ называется. Дойдетъ, пишете: старшина, молъ, мѣстечка Березневатаго просить покорнѣйше передать сіи деньги служащему въ сенатѣ Елеонову на уплату долга моего, а бумагу, которую съ меня взяли за эти деньги, прошу истребовать и прислать мнѣ въ мѣстечко Березневатое, такого-то уѣзда и такой-то губерніи, волостному старшинѣ Олексію Кудлѣ. Ну, вотъ,—сказалъ Олексій Кудла, когда служащій изложилъ всѣ эти мысли.— А теперь и на пакетѣ также напишите: въ Петербургъ, главному начальнику сената.

Служащій, хотя и противъ своего убѣжденія, написалъ. Тогда Олексій Кудла вложилъ деньги въ конвертъ, сходилъ на почту и отослалъ пакетъ.

Потомъ онъ нанялъ подводу и поѣхалъ въ Березневатое. Онъ пріѣхалъ ночью и разбудилъ Явдоху, и произошла очень трогательная сцена свиданія. Явдоха плакала у него на груди.

— Ну, что же, что?—спрашивала она.

— Э, и не спрашивай; твоя была правда, не слѣдовало ѣхать мнѣ. Даже и рассказывать не хочется, такъ скверно было.

— А писарь тоже пріѣхалъ?

— Нѣтъ, я самъ—одинъ.

— Да гдѣ же онъ?

— А бѣсъ его знаетъ, гдѣ онъ. Я прямо-таки удралъ. Доняли они меня тамъ.

На другой день все мѣстечко узнало о прїѣздѣ пана старшины, и всѣ явились къ его хатѣ, и образовался тутъ цѣлый сходъ. Начали разспрашивать Олексія Кудлу.

— Да что я вамъ скажу?—говорилъ имъ всѣмъ Кудла.—Ходили мы, ходили по этимъ, какъ ихъ, инстанцеямъ... И вотъ бумагу выходили... Вотъ вамъ и бумага... Читайте. А больше я ничего не знаю.

Прочитали бумагу.

— Ну, что-жъ, будемъ ждать. Коли начальство обѣщаетъ оповѣстить, такъ ужъ надо ждать,—сказали мужики.

Конечно, разспрашивали про писаря; всѣ уже узнали, что онъ не прїѣхалъ; но Олексій ничего не могъ объяснить имъ, онъ обѣщаль послѣ все рассказать, а теперь просилъ позволенія дать ему «очухаться».

— Еще слава Богу, что цѣлымъ вернулся,—говорилъ онъ,—только вотъ въ головѣ никакихъ мыслей нѣтъ, такъ что ничего не помню и рассказывать не могу.

Цѣлую недѣлю Олексій отдыхалъ. Онъ никакъ не могъ приспособиться къ дѣлу; онъ отвыкъ отъ хозяйства, и отъ мельницы, и отъ всего. Но потомъ-таки приспособился, и все пошло по обычному порядку.

Прошло недѣли двѣ; въ волости вмѣсто писаря сидѣлъ въ это время отставной солдатъ, который былъ грамотенъ. И вотъ однажды было получено два письма разомъ: одно въ волость, другое на имя жены писаря, но въ волость простое, а женѣ писаря съ деньгами.

Писарь просилъ не считать его больше уже на службѣ, а женѣ онъ писалъ:

«Собирай скарбъ и дѣтей и прїѣзжай сюда. Нашелъ хорошее пристанище, зарабатываю до 75 р. въ мѣсяцъ. Состою въ свидѣтельскомъ званіи, а что это такое, словесно объясню, когда прїѣдешь. Кланяйся Олексію Кудлѣ и скажи, что я хвалю его за то, что онъ удралъ».

— Вотъ, значитъ, кому на пользу было наше ходачество,—говорили по этому поводу березневатовцы.

Жена писаря Козлицына собралась и уѣхала. Она давно уже привыкла по внезапнымъ распоряженіямъ своего мужа переѣзжать съ мѣста на мѣсто.

Но березневатовцы не считали свое дѣло оконченнымъ. По бумагѣ, надо было ждать распоряженія отъ начальства. И они ждали.

И вотъ однажды, когда дѣло уже шло къ веснѣ, на дорогѣ, за деревней, послышался звонъ колокольчика, а потомъ появились почтовые дрожки, которыя подѣхали къ расправѣ и остановились около нея.

Думали, не становой ли приставъ пріѣхалъ, но оказалось, что нѣтъ. Изъ брички вышелъ штатскій господинъ въ чиновничьемъ мундирѣ съ кокардой и даже съ какой-то ленточкой въ петлицѣ.

Онъ объяснилъ присутствующимъ (такъ какъ, конечно, въ волость прибѣжало нѣсколько мужиковъ и бабъ), что присланъ для разслѣдованія дѣла о мѣстечкѣ.

— Вѣдь вы писали въ уѣздъ?—спросилъ онъ.

— Писали,—отвѣтили мужики, почтительно кланяясь.

— И въ губернію, и даже въ самую столицу?

— И это было,—покорно отвѣчали мижики.

— Ну, такъ позвать мнѣ старшину!

Позвали старшину.

— А писарь гдѣ?

— Писаря не имѣемъ. Былъ да ушелъ; а вотъ вмѣсто него покамѣстъ отставной солдатъ грамотный.

— Старики есть у васъ?—довольно строго спросилъ чиновникъ.

— Какъ же безъ стариковъ!.. Безъ стариковъ нельзя... Во всякомъ мѣстѣ есть старики.

— Такъ собрать сюда стариковъ.

Десятскій побѣжалъ по мѣстечку сзывать стариковъ, и старики явились. Ихъ было всѣхъ человѣкъ двѣнадцать.

— Ну, вотъ, садитесь всѣ,—сказалъ чиновникъ, пригласивъ ихъ въ волостную комнату. — Я имѣю порученіе отъ начальства произвести разслѣдованіе по дѣлу о наименованіи Березневатаго мѣстечкомъ. Ну, начнемъ вотъ съ этого конца. Тебя какъ зовутъ?

— Максимъ Голодный.

Чиновникъ записалъ.

— Итакъ, Максимъ Голодный, что ты помнишь по этому дѣлу?

— Что-жъ я могу помнить?—отвѣчалъ Максимъ Голодный.

— Да что бы то ни было, все, что помнишь, говори.

— Да такъ и было: всегда, сколько помню, Березневатое мѣстечкомъ было.

— Прекрасно!—сказалъ чиновникъ, записывая это показаніе.— А тебя какъ зовутъ?

— Меня Степаномъ Рѣдкой зовутъ.

— Ну, такъ вотъ и скажи мнѣ, Степанъ Рѣдка, что ты помнишь по этому вопросу?

— Да то же самое... Когда бъ мы что знали, ваше высокородіе, такъ и не беспокоили бы начальство...—прибавилъ Степанъ Рѣдка.

— А ты не разсуждай, а отвѣчай на вопросъ... А тебя какъ зовутъ?—продолжалъ допрашивать чиновникъ.

Всѣ двѣнадцать старожиловъ были допрошены такимъ образомъ, и оказалось, что всѣ помнили одно и то же—что на ихъ памяти Березневатое всегда было мѣстечкомъ и всегда одинаково платило повинности.

Чиновникъ все записалъ, а потомъ прочиталъ вслухъ. Оказалось, что записалъ онъ все такъ, какъ было.

— Ничего не имѣете возразить или поправить?

Всѣ молчали, очевидно, въ знакъ согласія.

— Ну, теперъ, подпишите. А кто неграмотенъ, попроси другого.

Старожилы стали медленно подходить къ бумагѣ и медленно выводить свои имена и за себя и за другихъ—неграмотныхъ. Когда всѣ подписали, чиновникъ присыпалъ бумагу пескомъ, свернулъ ее вчетверо, положилъ въ боковой карманъ, сѣлъ въ дрожки и уѣхалъ обратно.

Прошло еще недѣли двѣ. Наконецъ въ волости была получена бумага изъ послѣдней седьмой инстанціи. Въ бумагѣ было написано:

«Вслѣдствіе приказанія высшаго начальства и согласно ходатайству общества мѣстечка Березневатаго, канцелярія... командировала въ мѣстечко Березневатое чиновника для производства дознанія по вопросу о мѣстныхъ преданіяхъ касательно времени и обстоятельствъ, при коихъ произошло наименованіе Березневатаго мѣстечкомъ. По произведенному дознанію выяснилось, что старожилы мѣстечка Березневатаго (тутъ были перечислены поименно всѣ двѣнадцать старожилонъ) не хранятъ въ своей памяти никакихъ преданій, относящихся къ этому вопросу. Въ виду этого канцелярія... увѣдомляетъ общество мѣстечка Березневатаго, что, по неимѣнію какихъ либо свѣдѣній ни въ архивахъ, ни въ средѣ старожилонъ, вопросъ о наименованіи Березневатаго мѣстечкомъ или селомъ не можетъ быть разрѣшенъ, и ходатайство упомянутого общества о переименованіи его въ село съ соответственнымъ уменьшеніемъ повинностей, по недостатку данныхъ, удовлетворенію не подлежитъ».

— Значитъ, на старомъ положеніи остаемся,—сказали мужики, прослушавъ это посланіе.

— И за то благодарите Бога, міряне,—сказалъ одинъ умудренный опытомъ старецъ,—что хуже не стало, потому какъ мы безпричинно обезпокоили начальство.

Такъ кончилась эта странная исторія, вызванная къ жизни бывшимъ писаремъ Козлицынымъ, и березневатовцы остались мѣстечкомъ. Они успокоились и стали искать себѣ новаго писаря, но на этотъ разъ уже смотрѣли въ оба, чтобы былъ человекъ положительный и основательный.

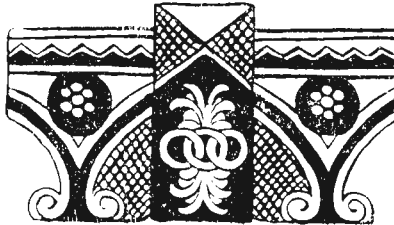
Надо упомянуть еще о томъ, что деньги, которыя послалъ Олексій Кудла «главному начальнику сената», долго ходили по Петербургу, но наконецъ-таки ихъ согласились получить. Чиновникъ Елеоновъ былъ призванъ къ начальству для объясненія и, конечно, все объяснилъ, какъ нельзя лучше. Онъ принялъ отъ начальства деньги, уплатилъ ихъ и вексель принесъ «главному на-

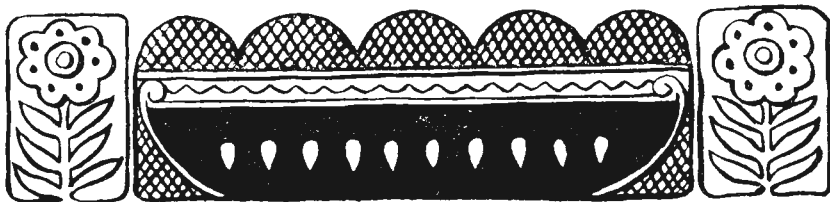
чальнику сената», а затѣмъ этотъ вексель при отношеніи былъ отосланъ въ мѣстечко Березневатое.

Кстати можно прибавить, что Козлицынъ на своемъ новомъ занятіи, которое, по словамъ Елеонова, было «должность—не должность, мѣсто—не мѣсто», чувствовалъ себя великолѣпно. Его свидѣтельскія способности оказались блестящими, его скоро стали цѣнить и платить за его услуги дороже, чѣмъ другимъ.

Онъ свидѣтельствовалъ не только у нотариуса, но и вездѣ, гдѣ требовались подобныя услуги.

И. Н. Потапенко.

КАЛЕЙДОСКОПЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

III.

КАКЪ единственный сынъ моей матери, вдовы, я, конечно, былъ освобожденъ отъ воинской повинности и вслѣдъ за этимъ получилъ мой первый ангажементъ въ настоящій театръ, въ оперу, въ качествѣ молодого баритона для лирическихъ партій. Это было весною 1875 года, когда я подписалъ контрактъ въ харьковскую оперу покойнаго антрепренера Бергера.

Мнѣ не удалось, однако, выступить въ тотъ сезонъ въ Харьковѣ, въ оперѣ по слѣдующей причинѣ: до открытія оперныхъ спектаклей я участвовалъ въ студенческомъ концертѣ тамъ же и имѣлъ выдающійся успѣхъ. Въ концертѣ участвовали также извѣстнѣйшая наша пѣвица, милѣйшая А. Г. Меньшикова, и теноръ Рапортъ, которые въ то время формировали оперную труппу для своей лѣтней антрепризы въ Одессу. Я понравился имъ настолько что они рѣшили во что бы то ни стало отвоевать меня у Бергера за свой личный рискъ и страхъ, такъ какъ я самъ ни за что не рѣшался нарушить подписанный мною контрактъ.

Это имъ въ концѣ удалось, благодаря какимъ-то медицинскимъ свидѣтельствамъ, въ которыхъ утверждалось непогрѣшимыми медиками, что вслѣдствіе какихъ-то болѣзней мнѣ харьковскій климатъ смертельно вреденъ, и что мнѣ необходимо провести лѣто на югѣ, въ особенности въ Одессѣ. Такимъ образомъ я попалъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 430.

въ антрепризу А. Г. Меньшиковой и Рапорта въ оперу, равная которой едва ли была когда либо въ провинціи.

Результатомъ этой грандіозной антрепризы былъ, конечно, круглый дефицитъ предпринимателей, но я думаю, что всякій служившій артистъ, какъ и сама публика, никогда не забудутъ, такого выдающагося состава исполнителей. Въ труппѣ были сгруппированы всѣ лучшія оперныя силы. Достаточно сказать, что въ числѣ примадоннъ находились, кромѣ А. Г. Меньшиковой, г-жи Лавровская, Раабъ, Крутикова, Кадмина, Люценко, Абра-си, Ларина и друг.; тенора: Д. Орловъ, Рапортъ, Барцаль, Дервизъ, Додоновъ, Васильевъ II-й и друг.; баритоны: Корсовъ, Соколовъ, Кудрявцевъ и въ то время знаменитый итальянецъ Мерли, пѣвшій одновременно нѣкоторыя басовыя партіи. Среди басовъ были Ляровъ, Фюреръ, Лавровъ и друг. Кромѣ премьеровъ, было еще множество компримарій, громадный хоръ, такой же оркестръ подъ управленіемъ покойнаго маэстро Клефеля и необходимый для оперы балетъ.

Помѣщеніемъ для этой громадной труппы служилъ вмѣсто театра приспособленный для этого громадный циркъ Сура, что былъ на Канатной улицѣ. Несмотря на переполненные сборы, расходы не окупались, и А. Г. Меньшикова потеряла чуть ли не большую часть своего состоянія.

Среди артистовъ обращалъ на себя особенное вниманіе итальянецъ Мерли. Ему было тогда уже за 60 лѣтъ. Это была оригинальная фizioномія стараго жуира, съ совершенно облысѣлымъ черепомъ. Въ походкѣ и движеніяхъ его была, однако, бодрость, не соответствующая лѣтамъ. Онъ былъ въ полномъ значеніи слова выдающимся, высокоталантливымъ артистомъ. Превосходный актеръ и мимъ, онъ обладалъ феноменальными голосовыми средствами и пѣлъ божественно хорошо. Его баритонъ имѣлъ обширнѣйшій діапазонъ. Исполняя высоко-художественно партію Риголетто, онъ съ такою же законченностью пѣлъ Марселя въ «Гугенотахъ» и Сусанина по-итальянски. Но на ряду съ басовой партіей онъ поражалъ слушателя и чисто теноровыми нотами, по красотѣ звука съ которыми не могли сравниться заправскіе тенора, ненавидѣвшіе его за такое удачное посягательство.

Исполняя, напримѣръ, Мефистофеля, онъ въ извѣстномъ трио сцены дуэли бралъ одновременно съ Фаустомъ *si bemol* такимъ чарующимъ звукомъ и съ такой силой, что покрывалъ Фауста безслѣдно, къ великому его огорченію. Въ Риголетто онъ кончалъ дуэтъ 3-го акта въ унисонъ съ Джильдой на *si*. Кромѣ этого, у него имѣлось въ запасѣ еще верхнее *do*. Однимъ словомъ это былъ поистинѣ феноменальный голосъ во всѣхъ отношеніяхъ, приводившій въ неописуемый восторгъ и публику и товарищей. Самыя шумныя, безконечныя оваціи и лавры сопровождали этого арти-

ста повсемѣстно. Я считаю счастливыми избранныками всѣхъ, кому привелось слышать и видѣть этого великаго художника, несмотря на то, что появленіе его у насъ отозвалось на нѣкоторыхъ изъ нашихъ артистовъ довольно пагубно. Всѣ слышавшіе его возымѣли смѣлость подражать ему, желая въ особенности выкричать свой верхній регистръ для парфорсныхъ нотъ, которыми онъ украшалъ каждую баритонную партію. Этимъ они вырыли преждевременную могилу своимъ голосамъ.

Я смѣло могу утверждать, что могущественный и великолѣпный баритонный голосъ извѣстнаго Борисова, пѣвнаго слишкомъ десятокъ лѣтъ на Московской императорской сценѣ, былъ преждевременно загубленъ счастливымъ обладателемъ, благодаря форсировкѣ и посягательству подражать знаменитому Мерли. Борисовъ также въ партіяхъ и Валентина и Мефистофеля въ «Фаустѣ» вставлялъ заведенныя итальянцемъ *si bemol* и старался, гдѣ только возможно, показать публикѣ такія высокія ноты, которыя въ общемъ не свойственны въ баритонныхъ партіяхъ и не предписаны композиторами. Подобно Борисову, преждевременно утратилъ также великолѣпный голосъ баритонъ Калининскій, прибѣгавшій къ такимъ же приемамъ. Навѣрное такая же участь постигла бы молодого баритона Соколова, обладавшаго самымъ красивымъ, когда либо слышаннымъ мною голосомъ. Онъ умеръ, однако, въ самомъ расцвѣтѣ своей карьеры, состоя на службѣ въ Московской казенной оперѣ. Этотъ пѣвецъ обладалъ необыкновенно чарующимъ, рѣдкой красоты голосомъ, почти въ три октавы діапазона, съ конечною нотою, верхнимъ *do*. Всѣ ноты были одна, какъ другая, сочныя, металличесныя и необычайной красоты звука. Такіе голоса буквально рождаются вѣками, и Соколова ожидала, несомнѣнно, міровая карьера, не предавайся онъ такъ неумѣренно страсти къ спиртнымъ напиткамъ.

Какъ о выдающейся особѣ женскаго персонала, не могу не упомянуть объ Е. П. Кадминой, этой менѣ выдающейся пѣвицѣ, но чрезвычайно талантливой актрисѣ, а болѣе всего интереснѣйшей, умной и оригинальной женщинѣ типичной красоты. Изъ ея ролей были болѣе всѣхъ удачными Амнерисъ въ «Аидѣ», пажъ въ «Гугенотахъ» и княгиня въ «Русалкѣ». Такъ какъ она пользовалась протекціей необыкновенно расположеннаго къ ней Н. Г. Рубинштейна, то ей были представлены льготы и права, возбуждавшія вѣчную зависть товарокъ и породившія самыя непріязненные отношенія. Особенно она враждовала съ извѣстной пѣвицей и не менѣе прекрасной артисткой Павловской, съ которой неустанно воевала во время своего служенія въ Кіевѣ у І. Я. Сѣтова.

Какъ собесѣдникъ, она была очаровательна; какъ товарищъ, чрезвычайно дипломатична; какъ жена, вышедшая въ Италію замужъ за молодого писаннаго красавца доктора Форнони, — не-

укротимая фурія. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ милѣйшая Е. П. при гостяхъ у себя въ квартирѣ, прійдя въ ярость на муженька за то, что тотъ неосторожно бухнулся на диванчикъ, у котораго въ этотъ моментъ отвалилась ножка, схватила эту ножку и стала ею неистово колотить мужа до крови. Отъ ея вспыльчивости терпѣли немало прислуга, портнихи и другіе. Оперной пѣвицей ей не везло. Большая часть публики не могла примириться съ ея неприятнымъ, частью горловымъ голосомъ. Тѣмъ не менѣе, она была въ достаточной мѣрѣ ослѣплена собой и не цобоялась даже поѣхать въ Италію, въ надеждѣ стяжать тамъ лавры. Взамѣнъ оныхъ она встрѣтила горькое разочарованіе. Я лично былъ свидѣтелемъ ея весьма сомнительнаго успѣха въ Венеціи и слышалъ довольно подробно объ устроенной предъ ея квартирой однимъ враждебнымъ товарищемъ кошачьей серенадѣ, которая вынудила ее покинуть *la bella Italia*. Вскорѣ она перемѣнила оперную карьеру на драматическую и стала бы, несомнѣнно, выдающейся актрисой, если бы не вздумала такъ преждевременно и трагически прикончить свою молодую жизнь: она приняла разрушительный ядъ, и умерла на сценѣ, во время представленія въ харьковскомъ театрѣ. Этотъ печальный случай достаточно извѣстенъ всей читающей публикѣ.

Моя личная дѣятельность въ отмѣченномъ одесскомъ сезонѣ была весьма незначительная. Персоналъ былъ слишкомъ великъ, оперъ ставилось не много, а предпочтеніе въ раздачѣ партій отдавалось охотнѣе артистамъ, уже извѣстнымъ. Такъ среди баритоновъ, понятно, предпочтеніе отдавалось многоуважаемому Б. Корсову, который, удивительно сказать, по сегодняшій день сохранилъ тотъ же голосъ и вдохновеніе. Я чередовался съ нимъ только въ роли Валентина въ «Фаустѣ».

Курьезно, что дирекція нашла еще почему-то нужнымъ поручить мнѣ роль Саміеля въ «Волшебномъ стрѣлкѣ». Развѣ изъ-за худобы? Я былъ дѣйствительно тонокъ и длиненъ. Но Саміеля привыкли слышать разговаривающимъ басомъ, а у меня былъ въ разговорѣ голосъ даже высокаго тенороваго тембра.

Какое странное совпаденіе? Среди молодежи изъ публики, стремившейся ближе познакомиться съ артистами и быть вхожими за кулисы, я припоминаю двухъ симпатичнѣйшихъ гимназистовъ, изъ которыхъ одинъ былъ выдающійся красавецъ брונетъ.

Нынѣ, болѣе четверть вѣка спустя, одинъ изъ нихъ, именно красавецъ брונетъ, — это нашъ извѣстнѣйшій художникъ Кузнецовъ, имѣющій свое великолѣпное ателье въ той же Одессѣ. Другой же былъ Бузенко, впоследствии самъ сдѣлавшійся извѣстнымъ и великолѣпнымъ опернымъ пѣвцомъ, умершій такъ преждевременно въ Москвѣ, куда онъ былъ приглашенъ на императорскую сцену послѣ громкихъ, выдающихся успѣховъ въ Италіи.

Невольно вспоминаю довольно комическій эпизодъ этого моего перваго опернаго сезона. Предъ высоко художественнымъ исполненіемъ итальянца Мерли преклонялась и восторгалась буквально вся труппа поголовно, въ томъ числѣ и нашъ извѣстный теноръ Д. Орловъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ Орловъ вернулся изъ театра въ особенно восторженномъ настроеніи и во время нашего общаго ужина въ гостиницѣ не переставалъ напѣвать хвалебные гимны по адресу Мерли. Общая бесѣда была въ тотъ вечеръ особенно оживленная, и ужинъ затянулся до утра. Немало было при этомъ выпито и вина. Даже Д. Орловъ, въ общемъ очень мало пившій, охмелѣлъ немного и особенно оживился. Все время восхваляя Мерли, онъ наконецъ пришелъ въ такое экзальтированное настроеніе, что почувствовалъ непреодолимое желаніе пойти и поклониться въ ноги итальянцу. Мы, рядомъ съ нимъ сидѣвшіе, были русскіе. Какъ не поддержать такую чисто русскую выходку артистической экзальтаціи!

— Пойдемъ, пойдемъ!—заорали мы сообща.

И вотъ Д. Орловъ, я и еще кто-то двинулись въ шестомъ часу утра на бульваръ, въ Лондонскую гостиницу, гдѣ жилъ тогда итальянецъ. Утренній воздухъ ударилъ по виннымъ парамъ, шумѣвшимъ въ нашихъ головахъ, и мы такъ охмелѣли дорогой, что не дошли, а вѣрнѣе докачались до гостиницы, стойко поддерживая другъ друга. Швейцаръ, зная насъ, пропустилъ на лѣстницу несмотря на нашъ не совсѣмъ приличный видъ.

Добравшись до дверей номера, мы старались стучать въ дверь по возможности деликатно, но, вѣроятно, достаточно настойчиво и продолжительно, ибо разбудили даже обитателей сосѣднихъ номеровъ.

Наконецъ, проснулся и самъ итальянецъ и открылъ намъ дверь съ вопросительнымъ, испуганнымъ видомъ. Онъ стоялъ предъ нами въ длинной ночной сорочкѣ на подобіе женской, въ туфляхъ на босую ногу и въ колпакѣ, прикрывавшемъ его сплошную лысину. Онъ узналъ насъ, но все же довольно сердито, отступивъ шагъ назадъ, закричалъ: «Cosa volete?» Мы сразу загадѣли вмѣстѣ что-то въ родѣ: «благодѣтель ты нашъ... ты... ты... смилуйся... позволь...»—и прямо, всей троицей, бухъ ему въ ноги и давай его цѣловать всего... «Ты нашъ богъ... ты совершенство... ты геній»... и чмокъ да чмокъ.

Еле вырвался отъ насъ итальянецъ, котораго всего бросило въ потъ отъ недоумѣнія и нашихъ дружескихъ тисковъ. Когда прошелъ этотъ экстазъ, я, единственный изъ насъ троихъ говорившій по-французски, объяснилъ ему, какъ и чѣмъ побужденные мы осмѣлились обезпокоить его въ столь ранній часъ. Итальянецъ, видимо, былъ тронутъ и польщенъ нашимъ обожаніемъ. Извинился, что ему еще хочется поспать, и, приглашая насъ навѣстить его въ дру-

гой разъ, предложилъ намъ по довольно плохой сигарѣ. На прощаніе мы принялись снова заключать его въ дружескія объятія, цѣловать въ плечи и щеки и, выйдя въ восторженномъ настроеніи, направились къ бульварному кафе-ресторану выпить еще что нибудь за здоровье нашего идола.

У самага памятника Ришелье я, почему-то радостно прыгая и бѣснуясь, высоко подбрасывалъ вверхъ мою широкополую сѣрую шляпу и кричалъ «ура». Вдругъ моя шляпа попадаетъ на почтеннѣйшую голову статуи знаменитаго Ришелье. Конечно, общее ха-ха-ха и хи-хи-хи, а достать шляпу обратно безъ лѣстницы не было никакой возможности. Скандалъ. Городовой и чуть не протоколъ со всѣми его пагубными послѣдствіями. Но въ тотъ разъ обошлось все, къ счастью, благополучно, и мы не разъ вспоминали эту утреннюю прогулку.

Нѣсколько недѣль спустя, въ получаемой Мерли миланской газетѣ «Il Trovatore» была напечатана корреспонденція изъ Одессы о неслыханныхъ успѣхахъ Мерли, гдѣ между прочимъ было сказано, что энтузіазмъ къ этому почтенному артисту, помимо публики, проникъ и въ среду товарищей. Такъ, напримѣръ, на-дняхъ первый всероссійскій теноръ, артистъ императорскихъ театровъ Д. Орловъ, наэлектризованный художественнымъ исполненіемъ г-на Мерли въ такой-то роли, ворвался въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей послѣ спектакля въ квартиру артиста и въ умиленіи валялся у его ногъ.

О такой корреспонденціи позаботился, конечно, самъ итальянецъ, знавшій цѣну всякой рекламы и, какъ всѣ заграничные артисты, оплачивавшій театральную прессу. Корреспонденція эта возмутила насъ въ высшей степени, въ особенности же самого Д. Орлова. И поистинѣ было чѣмъ возмущаться! Д. Орловъ и мы всѣ ходили, какъ ошпаренные, и не знали, чѣмъ и какъ утѣшить себя. Негодованіе къ итальянцу возгоралось неудержимо. А еще недавно мы его цѣловали такъ искренно и сердечно. Вдругъ кто-то изъ насъ надумалъ, что единственнымъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ будетъ, если мы теперь, взамѣнъ недавнихъ поцѣлуевъ, пойдемъ и побьемъ предательскаго *signor'a*. И рѣшеніе это, быть можетъ, было бы исполнено, если бы болѣе благоразумные друзья не вразумили насъ. Съ того дня мы отвернулись отъ итальянца и не раскланивались съ нимъ болѣе при встрѣчахъ.

Благодаря общему бездѣлью, вся жизнь этого моего перваго опернаго сезона была крайне безалаберная. Вѣчныя пирушки, пикники и т. п. уносили съ собою не только весь заработокъ деньгами, но поглотили въ конецъ и все мое имущественное состояніе настолько, что послѣ сезона я возвратился домой, къ моимъ роднымъ, въ весьма непрезентабельномъ видѣ, шокировавшемъ и ставившемъ въ недоумѣніе даже пассажировъ, ѣхавшихъ со мною

въ одномъ вагонѣ изъ Одессы въ Кіевъ. Представьте себѣ, что на мнѣ былъ надѣтъ какой-то кургузый сѣренькій пиджачекъ, довольно грязный и выцвѣтшій, поднятый воротникъ котораго закрывалъ сомнительной чистоты воротничекъ сорочки. О жилетѣ не было и помину. Но хуже всего было то, что вмѣсто брюкъ на моихъ тонкихъ, журавлиныхъ ногахъ было натянута черное театральное шелковое трико, а ноги вмѣсто ботинокъ были обуты въ театральныя черныя бархатныя туфли со стальными пряжками. На головѣ широкополая артистическая шляпа, а весь багажъ мой заключался въ клавираусцугъ «Риголетто», который я бережно всю дорогу держалъ подмышкой. Такая фигура возбуждала невольно общее вниманіе пассажировъ.

Моя матушка, увидѣвъ меня въ такомъ видѣ, упала въ обморокъ, а сестры разбѣжались со страха.

Слѣдующій зимній сезонъ я провелъ въ Кіевѣ, приглашенный І. Я. Сѣтовымъ въ качествѣ перваго баритона на лирическія партіи.

Тутъ ужъ мнѣ удалось выдвинуться въ разныхъ партіяхъ и обратить на себя особенное вниманіе въ моцартовскомъ «Донъ-Жуанѣ», въ роли Донъ-Жуана. Опера эта прошла почти при полныхъ сборахъ до 20-ти разъ за сезонъ, что большая рѣдкость для провинціи. Она же мнѣ дала мой первый лавровый вѣнокъ, такъ жадно ожидаемый всякимъ юнымъ артистомъ. Онъ обрадовалъ меня несравненно болѣе, чѣмъ всѣ цѣнныя серебряныя вѣнки, полученные мною впослѣдствіи, въ продолженіе моей многолѣтней артистической дѣятельности.

Составъ труппы І. Я. Сѣтова былъ въ полномъ смыслѣ ансамбельный, а обстановка декораций и костюмовъ могли смѣло выдержать сравненіе съ обстановкою императорскихъ театровъ. Самъ І. Я. Сѣтовъ былъ большой артистъ-художникъ и велъ свое дѣло въ полномъ смыслѣ артистически, какъ знатокъ и любитель, не щадившій никакихъ затратъ. Имѣя за собой громкое имя музыкальнаго пѣвца и прекраснаго актера, онъ зорко слѣдилъ за недостатками каждаго исполнителя и всегда подавалъ добрые совѣты, указывая часто примѣромъ, какъ должно пѣть или играть такую-то сцену. Его режиссерская компетентность была всѣмъ достаточно извѣстна. Онъ былъ человекъ съ развитымъ вкусомъ и поистинѣ художественнымъ чутьемъ. Въ обращеніи со всѣми всегда вѣжливъ, любезенъ и предупредителенъ. Какъ антрепренеръ, это былъ большой дипломатъ и политикъ, умѣвшій, гдѣ можно, выгадать свою пользу, и работникъ, не знавшій отдыха съ утра до ночи. По образу жизни и привычкамъ І. Я. былъ милѣйшій баринъ, большой острякъ, шутникъ, умѣвшій въ деликатнѣйшей формѣ обругать, кого слѣдовало, и сдѣлать даже изрѣдка антрепренерскую пакость такъ изящно, что не хватало духа враждовать съ нимъ.

Неутомимой помощницей въ его театральномъ дѣлѣ была его супруга, нынѣ тоже покойная Пальмира Францевна. Даже въ пожилыхъ годахъ П. Ф. носила еще слѣды той красоты, за которую ее такъ прославили въ молодости. Неподдѣльный типъ южанки со всѣми его характерными примѣтами, она была когда-то наѣздницей, показывавшей свое искусство въ лучшихъ циркахъ Европы, въ томъ числѣ и въ Парижѣ въ *Cirque Napoléon*, гдѣ якобы увидѣлъ ее самъ Наполеонъ III и такъ прельстился ея красотой, что предложилъ ей вступить въ морганатическій бракъ. Появившись въ Петербургѣ, она покорила немало сердецъ, и знатная молодежь охотно разорялась на цѣнныя подношенія испанской красавицы Пальмирѣ. Трудно было опредѣлить, была ли она испанка; но красота, какъ искусство, не имѣетъ національности. Между тогдашними столичными виверами сгоралъ къ ней страстью извѣстный русскій миллионеръ Пономаревъ, и, какъ рассказываютъ, большая часть этихъ миллионъ ушла, будто, на удовлетвореніе прихотей красавицы наѣздницы. Такое мнѣніе весьма сомнительно. Я зналъ Пальмиру Францевну весьма близко, прослуживъ два сезона у I. Я. Сѣтова. Она была женщиной весьма скромной и крайне бережливой. А между тѣмъ у нея не было ни драгоцѣнностей, ни большихъ достатковъ. Ея личное состояніе заключалось въ какомъ-то подмосковномъ имѣніи, которое она продала якобы за 125.000 р. и купила взамѣнъ его домъ въ Кіевѣ, путаясь чуть ли не до самой смерти съ перестройками и уплатами банковскихъ долговъ.

Экономію ея въ житейскихъ потребностяхъ можно было назвать даже скупостью. Она всегда почти ходила раннимъ утромъ на базаръ съ большой корзиной за провизіей и часто, желая сэкономить пятиалтынный на извозчика, возвращалась пѣшкомъ, неся въ рукахъ тяжелую корзину съ покупками. Всю эту скупость вызвала въ ней материнская забота о семи дочеряхъ красавицахъ, которыми она подарила своего мужа.

I. Я. и П. Ф. Сѣтовы были необычайно любящими и нѣжными родителями. Ихъ домъ былъ всегда полной чашей, въ которомъ ежедневно толпились гости. И не диво! Гдѣ столько хорошенькихъ барышень, тамъ всегда веселье и жизнь, что не мѣшало, однако, вѣчно не прекращающимся недоразумѣніямъ между мужемъ и женой.

Среди артистовъ кіевского сезона обращалъ на себя особенное вниманіе извѣстный русскій теноръ, А. Н. Андреевъ, пропѣвшій всѣ лучшіе свои годы за границей. Въ то время все же у него еще имѣлось достаточно голоса, чтобы приводить въ восторгъ истинныхъ цѣнителей опернаго искусства, а товарищей заставить завидовать, и получать по тогдашнимъ временамъ неслышанный окладъ въ 1.000 рублией въ мѣсяцъ. Нынѣ у насъ такой молодой, только недавно

выдвинувшийся артистъ, какъ г. Шаляпинъ, получаетъ такую сумму и больше за одинъ выходъ. Между тѣмъ А. Н. Андреевъ былъ большой, дивный артистъ, и какъ пѣвецъ и еще болѣе какъ великолѣпный актеръ, всегда думавшій о психологической сторонѣ роли. Кто его видѣлъ, тотъ не забудетъ и согласится, что это былъ идеальный Пророкъ, Рауль въ «Гугенотахъ», Руальдъ въ «Рогнѣдъ», Эдгардъ въ «Лючіи» и во многихъ другихъ роляхъ.

Неувядаемый г. Стравинскій, заслуженный артистъ императорскихъ театровъ, обладалъ и тогда всѣми тѣми артистическими достоинствами, которыми онъ завоевалъ столичную публику. Это былъ мой незабвенный партнеръ въ партіи Лепорелло въ «Донъ-Жуанъ», котораго онъ исполнялъ такъ неподобно.

Въ полномъ расцвѣтѣ своего богатаго голоса былъ тогда и Ляровъ, столь извѣстный басъ.

Громадный успѣхъ имѣла высокоталантливая Э. Павловская.

Чудная артистка была г-жа Массини, къ сожалѣнію, тогда уже отпѣвавшая.

И. Я. Сѣтовъ познакомилъ публику съ такимъ феноменальнымъ контральто, какъ Пускова, вскорѣ, однако, утратившая свой голосъ. Ей послѣдовалъ такой блестящій чисто русскій теноръ, какъ Богатыревъ. Послѣ Никольскаго не было подобнаго голоса по красотѣ. Но даже И. Я. Сѣтовъ не сумѣлъ подавить пагубныхъ страстей артиста, лишившихъ его столь преждевременно этого голосового богатства.

Весьма симпатизировалъ И. Я. также впоследствии извѣстному молодому басу, Абрамову, обладателю красивѣйшаго матеріала. Онъ попалъ къ И. Я. Сѣтову прямо съ локомотива, гдѣ былъ машинистомъ. Вскорѣ онъ былъ принятъ на Московскую императорскую сцену, гдѣ пользовался успѣхомъ, но уѣхалъ затѣмъ за границу и посвятилъ себя итальянской сценѣ.

У И. Я. Сѣтова началъ также свою карьеру чудный теноръ Михайловъ-Зильберштейнъ, прослужившій потомъ столько лѣтъ на Петербургской императорской сценѣ, а затѣмъ предпочтившій лаврамъ артиста коммерческія спекуляціи домами въ Кіевѣ.

Нынѣшній режиссеръ Московской оперы, Л. Барцалъ, и теноръ Д. Усатовъ также служили у И. Я. Сѣтова и пользовались успѣхами у кіевлянъ. Это были чуть ли не самые музыкальные изъ русскихъ оперныхъ пѣвцовъ. Въ то время, какъ зачастую даже талантливые оперные пѣвцы разучивали свои партіи по слуху, А. Барцалъ и Д. Усатовъ читали труднѣйшую партитуру *à livre ouvert*. Послѣдній, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ оставилъ сцену и поселился въ Ялтѣ въ собственной виллѣ, гдѣ между прочимъ въ своемъ саду устроилъ себѣ въ воспоминаніе, въ полномъ внѣшнемъ декоративномъ убранствѣ, домикъ Маргариты, какой виденъ во второмъ актѣ «Фауста». Для развлеченія онъ служить

гласнымъ въ думѣ и весьма дѣятеленъ въ своихъ обязанностяхъ. Своей энергіей онъ въ короткое время подтянулъ Ялтинскую думу, что во многомъ сказалось въ прогрессирующемъ благоустройствѣ города.

Былъ еще у I. Я. Сѣтова теноръ съ большимъ голосомъ, Васильевъ III-й, но онъ не увѣковѣчилъ своего имени даже на императорской сценѣ, гдѣ вскорѣ потерялъ голосъ.

Упомяну еще, что на службѣ въ Кіевской оперѣ мнѣ посчастливилось пѣть также съ знаменитой Арто-Падилли, и воспоминаніе объ этой превосходной артисткѣ живо во мнѣ до сихъ поръ.

По окончаніи Кіевского опернаго сезона, я рѣшилъ отправиться за границу, доучиваться у прославленныхъ заграничныхъ маэстро.

Какъ разъ въ это время я получилъ приглашеніе отъ Бѣгичева, тогда управляющаго московскими казенными театрами, для дебютовъ, взамѣнъ баритона Соколова, моего пріятели по Одессѣ.

Пріѣзжаю и вижу моего пріятели, въ конецъ отъ пьянства распухшаго и позеленѣвшаго. Онъ зналъ цѣль моего пріѣзда и набросился на меня съ укорами, что дескать пріѣхалъ отбивать у него хлѣбъ. Я былъ такъ далекъ отъ этой мысли, что не представился даже Бѣгичеву и черезъ день направился изъ Москвы въ Вѣну, гдѣ я нѣкоторое время занимался у стараго знаменитаго баритона Бека, методъ котораго мнѣ, однако, не понравился, и уѣхалъ въ Берлинъ, къ не менѣе знаменитому Бецу. Тотъ нашелъ по нѣмецкимъ понятіямъ мой голосъ слишкомъ открытымъ и старался закрыть звукъ до послѣдней возможности, что мнѣ еще менѣе понравилось. Недолго проживъ въ Берлинѣ, я поѣхалъ къ самому источнику искусства, въ Италію, и, поселившись въ Миланѣ, началъ сперва заниматься у шарлатана Ламперти, а затѣмъ перешелъ къ извѣстному въ свое время баритону Ронкони, прекраснѣйшему и честному учителю пѣнія. Онъ изумился моею въ Берлинѣ пріобрѣтенной манерѣ и первымъ дѣломъ позаботился вновь открыть мой голосовой звукъ.

Впослѣдствіи я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ эти манеры—пустой звукъ и глупость. Отъ природы скверный, неподатливый горловой голосъ никакая манера не сдѣлаетъ груднымъ. Я слышалъ горловые голоса у пѣвцовъ, когда они начинали, и слышалъ этихъ пѣвцовъ, 20 лѣтъ спустя, когда они были артистами и пользовались огромнымъ успѣхомъ, благодаря тысячѣ достоинствъ. Но самый голосъ оставался горловымъ, какимъ онъ былъ раньше. Недолго искать примѣра: назову хотя бы столько лѣтъ пользовавшагося вездѣ въ провинціи громаднымъ успѣхомъ тенора Закржевскаго. И что же? Всю жизнь у него былъ довольно противный горловой голосъ, и ничто не могло исправить его. Но что это былъ за великолѣпный артистъ въ свое время! Сколько жизни, темперамента, что за фразировка, помимо выдающагося драмати-

ческаго дарованія. Такого артиста прослушаешь съ несравненно большимъ удовольствіемъ, нежели такую сонную муху съ великолѣпнѣйшимъ груднымъ голосомъ, какъ извѣстный баритонъ Буховецкій; а такихъ сонныхъ мухъ на нашихъ оперныхъ сценахъ въ избыткѣ. Сидишь, слушаешь, а тебя такъ и дергаетъ, какъ бы этому пѣвцу или пѣвицѣ воткнуть шпильку въ какую нибудь чувствительную часть тѣла.

Манера пѣнія пріобрѣтается не отъ учителей, которые большею частью сами большіе неучи, а отъ подражательной способности, если притомъ слушаешь внимательно хорошихъ пѣвцовъ, манера которыхъ вложена имъ уже болѣе или менѣе отъ самаго рожденія и въ зависимости отъ ихъ музыкальной интеллигентности и инстинкта. Это есть лучшій и единственный учитель въ музыкѣ, какъ въ живописи—одна природа. Только внимательная и старательная работа съ натуры можетъ привести художника къ совершенству.

У Ронкони я занимался сравнительно довольно прилежно и старательно разучилъ нѣсколько излюбленныхъ партій. Каждый вечеръ я посѣщалъ поочередно всѣ театры, слушая всевозможныхъ пѣвцовъ, приводившихъ меня въ неописуемый восторгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубокое разочарованіе относительно самого себя. Я зачастую спрашивалъ себя, имѣлъ ли я право на опернаго пѣвца, въ сравненіи съ этими божественными голосами, слышанными мною не только въ операхъ, но частнымъ образомъ, въ тавернахъ, въ домахъ, даже просто среди уличныхъ пѣвцовъ. Въ Италіи всѣ поютъ. Пѣвцы—куда ни глянь, и большая часть этихъ пѣвцовъ голодаютъ и неустанно борются съ нуждой. Тамъ принято получать ангажементы при посредствѣ театральныхъ агентовъ. Видные ангажементы, въ большихъ театрахъ, успѣхъ въ которыхъ способствуетъ дальнѣйшей карьерѣ, зачастую предоставляются тѣмъ пѣвцамъ, которые предложатъ большую сумму агенту; бываетъ и такъ, что сами агенты назначаютъ извѣстную крупную цифру за хорошей ангажементъ. Подобный случай былъ со мною въ томъ же Миланѣ, во время опернаго сезона театра «Scala», когда въ «Гугенотахъ» не понравилось нѣсколько пѣвцовъ въ партіи Невера. Партія эта была тогда у меня одной изъ лучшихъ, тщательно разученной подъ руководствомъ І. Я. Сѣтова и много разъ пѣтой съ блестящимъ успѣхомъ. Агенты знали объ этомъ и предложили мнѣ устроить дебютъ въ «Scala» за 10.000 лиръ. Меня до сихъ поръ беретъ раскаяніе, что я не воспользовался этимъ предложеніемъ. У меня была тогда возможность истратить такую сумму, при чемъ партія Невера давала мнѣ ту увѣренность въ успѣхъ, что я не побоялся бы ни строгой публики «Scala», ни итальянской прессы, всегда стговорчивой и любезной по отношенію къ иностранцамъ, располагающимъ нѣкоторыми средствами.

Въ каждомъ кафе, въ каждой тавернѣ, словомъ вездѣ вы встрѣчаете нищенствующихъ пѣвцовъ, выжидающихъ ангажемента. Они рады каждому случайному заработку въ итальянскіе сезоны, которые весьма кратковременны. Труппа приглашается на два мѣсяца съ репертуаромъ въ двѣ, три оперы. Я встрѣчалъ состарившихся пѣвцовъ, имѣвшихъ въ репертуарѣ всего нѣсколько оперъ, распѣвавшихъ оныя въ продолженіе всей жизни. Такъ, напримѣръ, я познакомился съ однимъ англичаниномъ, посвятившимъ себя итальянской карьерѣ. Это былъ феноменальный теноръ, носившій громкое имя Байронъ. Въ продолженіе своей многолѣтней карьеры онъ пѣлъ только шесть мѣсяцевъ въ году и всегда только двѣ партіи «Отелло» Россини и «Сицилійскую вечерню». Это былъ одинъ изъ тѣхъ мощныхъ теноровыхъ голосовъ, сила котораго буквально не переносилась въ комнатѣ. О выносливости итальянской глотки я могу судить по слышанному мною въ театрѣ Dal-Vergho тенору Фернандо. Онъ пѣлъ въ одинъ вечеръ пять труднѣйшихъ и утомительнѣйшихъ для тенора актовъ изъ оперы «Петрарка», а вслѣдъ за ними еще два акта изъ «Отелло», и съ каждымъ актомъ голосъ его звучалъ все лучше и лучше.

Какъ рады бываютъ выжидающіе ангажемента пѣвцы всякому случайному заработку, сужу по слѣдующему пережитому случаю: въ одномъ изъ кафе, гдѣ я часто бывалъ, и меня знали за русскаго пѣвца, не имѣющаго, видимо, нужды особенно экономить итальянскими лирами, мнѣ предложили однажды послушать пѣльную оперу у себя въ домѣ. И что же? Нѣсколько часовъ спустя, у меня въ квартирѣ сидѣлъ за пианино маэстро, подлѣ него стояло нѣсколько человѣкъ хора, а предо мной распѣвали съ необычайнымъ увлеченіемъ требуемые солисты оперу Гуно «Фаустъ», которую я неоднократно слышалъ въ театрахъ въ гораздо худшемъ исполненіи. И все это удовольствіе стоило сто лиръ съ небольшимъ совмѣстно съ угощеніемъ сквернымъ итальянскимъ виномъ, а высказанной благодарности не купить бы и за тысячу лиръ.

Поистинѣ, Италія—страна нищихъ и калѣкъ. Ни въ одномъ краѣ я не встрѣчалъ такихъ изуродованныхъ людей, какъ въ Италіи, на ряду съ національными типами красавцевъ. Женская итальянская красота болѣе только прославлена. Она груба и вульгарна.

Тогда въ Миланѣ я встрѣтился вновь съ старымъ знакомцемъ Мерли. Онъ былъ въ составѣ сезона «Scala». Я встрѣтилъ его на улицѣ послѣ представленія «Лукреціи Борджии», на которомъ самъ присутствовалъ. Онъ исполнялъ баритонную партію и умудрился всдавить въ арію такую несуразную каденцію, за которую его публика ошккала. Онъ жаловался мнѣ на невѣжество итальянской публики, увѣряя меня, что онъ вообще пѣлъ баритонную партію изъ любезности, объясняя мнѣ, какимъ же онъ можетъ быть бари-

тономъ, когда онъ басъ. Нѣсколько дней спустя, я встрѣтился съ нимъ послѣ представленія «Гугенотовъ», въ которыхъ въ партіи Марсея публика не похвалила его за нѣкоторыя вольности и отсутствіе настоящихъ басовыхъ низовъ. Онъ былъ страшно возмущенъ и удивлялся, какъ этотъ глупый народъ не можетъ понять, что онъ не басъ, а баритонъ, и пѣлъ эту басовую партію только изъ любезности.

Одновременно съ Мерли я слышалъ въ то время знаменитаго нынѣ покойнаго тенора Гаяре. Такого чарующаго, божественнаго тенороваго голоса я не слыхалъ послѣ него. Это былъ даже не теноръ, а скорѣе такъ называемый *altino*, съ непомѣрными верхами и алмазной чистотою звука. Фигурой и фizioноміей, какъ всей своей дубоватостью, онъ напоминалъ Мазини. Успѣхъ его былъ невообразимый, публика буквально бѣсновалась отъ восторга, и послѣ знаменитаго Маріо это былъ первый теноръ, признанный поголовно всей Италіей. Въ послѣднемъ спектаклѣ ему возложили на голову золотую корону, сдѣланную по подпискѣ, такъ сказать, всей страны, населеніе которой привыкло такъ нещадно ошикивать и освистывать всякую неудачную попытку артиста, не зная снисхожденій. Удивительно, что у итальянской публики нѣтъ разногласія. Она или молчитъ, или аплодируетъ вся до одинаго человѣка. Такъ же единогласно она шикаетъ и свищетъ, но какъ свищетъ? Посѣтители вынимаютъ изъ кармана ключи и свистомъ производятъ адскій концертъ. Итальянецъ не стѣсняется также, при неудовольствіи артистомъ, пустить въ него яблокомъ или глиняной трубкой, которую рабочій классъ курить въ театрѣ.

Въ нѣкоторыхъ лишь театрахъ встрѣчаемъ объявленіе, что во время такой-то, какойнибудь особенно колоратурной арии просятъ зрителей не курить.

Попатавшись еще нѣкоторое время по Италіи, я вновь вернулся въ Россію и пѣлъ снова у І. Я. Сѣтова; но вскорѣ меня опять потянуло за границу, гдѣ я въ Берлинѣ пѣлъ нѣкоторое время, подъ именемъ «Kinde», а потомъ неожиданно обстоятельства вынудили меня оставить сцену и заняться коммерціей.

Дабы не забыть, упомяну еще, что въ одно изъ моихъ прежнихъ посѣщеній Берлина я имѣлъ случай быть свидѣтелемъ грандіознаго успѣха тогда еще молодой, но уже извѣстной пѣвицы Этельки Герстеръ. Это было въ одномъ спектаклѣ гала въ театрѣ Кроля. Она пѣла Розину въ «Севильскомъ цирюльникѣ». На спектаклѣ присутствовалъ старикъ король Вильгельмъ со свитой, сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ. Послѣ вставнаго номера Розины во время урока и при взрывѣ аплодисментовъ, къ ногамъ государя подносили лакеи корзины съ букетами, и маситый старецъ лично бросалъ на сцену букеты къ ногамъ пѣвицы. Ему послѣдовали и другіе, имѣвшіе на это право. Пѣвица, раскланиваясь, стояла,

по колѣни осыпанная цвѣтами. Лѣтъ двадцать спустя, я встрѣтился съ Этелькой Герстеръ, концертгированшей въ Россіи, въ Новочеркасскѣ, откуда ей пришлось уѣхать, отмѣнивъ концертъ за отсутствіемъ публики.

IV.

Итакъ, въ силу семейныхъ обстоятельствъ, я неожиданно долженъ былъ оставить сцену. Цѣлыхъ четыре года я не былъ въ соприкосновеніи съ театромъ и артистической средой, почему и пропускаю пережитое за этотъ періодъ времени.

Скажу лишь, что только сцена выручила меня, когда я, благодаря неудачамъ, потерялъ за это время въ коммерческихъ предпріятіяхъ все унаслѣдованное состояніе и остался «яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего», преслѣдуемый вдобавокъ кредиторами.

Въ это время въ Петербургѣ, въ Аркадіи, держалъ лѣтнюю антрепризу оперетки І. Я. Сѣтовъ. Къ нему-то я и заявился, предлагая свои услуги. Необычайно обрадовавшійся моимъ неудачамъ, І. Я. предложилъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ испробовать мои силы въ опереткѣ и назначилъ мнѣ дебютъ въ роли Маркиза, въ «Корневильскихъ колоколахъ».

Отвычка отъ сцены за эти годы заставила меня пережить неопредѣлимый страхъ во время спектакля; руки и ноги дрожали, дыханье спиралось, и глаза блуждали растерянно по всѣмъ сторонамъ, какъ бы умоляя о помощи и пощадѣ. Когда послѣ перваго аплодисмента, раскланиваясь съ публикой, я снялъ мою широкополую шляпу Маркиза, я никакъ не могъ попасть надѣтъ ее вновь на голову. Руки такъ дрожали, что я надѣвалъ шляпу все мимо головы.

Какъ ни казался я въ тотъ вечеръ комичнымъ, но голоса моего я не успѣлъ еще утратить, а оперная манера пѣнья оказалась такъ благопріятно на исполненіи, что я вышелъ полнымъ побѣдителемъ у публики.

Уже на слѣдующій день я былъ приглашенъ для переговоровъ въ то время столь гремѣвшимъ московскимъ импрессарио, милѣйшимъ М. В. Лентовскимъ, съ которымъ и подписалъ условіе на сезонъ 1883—1884 г. въ Петербургскомъ Маломъ театрѣ.

Кто не слышалъ, кто не видѣлъ Лентовскаго, этого оригинала-человѣка и богатыря-мужчину? Обладая геркулесовской физической силой, онъ былъ чрезвычайно мягкосердечный и гуманный человѣкъ. Это была широкая русская барская натура, не умѣвшая обращаться экономно съ рублемъ. Все его дѣло и вся его частная жизнь были поставлены на широкую ногу. Въ труппѣ безчисленное множество лишнихъ дѣятелей, за столомъ вѣчно лишніе

гости. Кому только было не лѣнь, тотъ объѣдалъ, опивалъ и жилъ на его счетъ. А прихлебателямъ всякимъ и адъютантамъ при немъ не было числа.

М. В. Лентовскій первый поднялъ актерскій заработокъ, и ужъ за это одно актеры не смѣютъ поминать его лихою. Вѣчно дѣятельный, энергичный, онъ не щадилъ никакихъ средствъ для обстановки пьесъ и, обладая выдающимся режиссерскимъ талантомъ, руководилъ всегда лично постановкой сложныхъ пьесъ, проявляя массу вкуса и безконечной фантазіи. Москва долго не забудетъ блестящихъ спектаклей стараго сада «Эрмитажъ». Въ продолженіе многихъ лѣтъ публика приносила М. В. Лентовскому десятки и сотни тысячъ рублей въ кассу театровъ. Деньги лились и переливались рѣкой, а въ концѣ концовъ крахъ, безповоротный крахъ, многолѣтнее неприятное положеніе несостоятельнаго должника, окончательная потеря кредита, силъ, воли и преждевременная старость съ распатаннымъ въ конецъ здоровьемъ. А этотъ крупный дѣлецъ могъ быть миллионеромъ, но, какъ истинно артистическая, легкомысленная натура, онъ не зналъ цѣны копейкѣ, какъ мы всѣ. О жизни и дѣятельности М. В. Лентовскаго можно бы написать цѣлую книгу; но воздать ему должное я предоставляю лицамъ, болѣе близко стоявшимъ къ нему. Обаяніе его среди москвичей было поистинѣ великое. Они обожали его и выручали до поры до времени всѣмъ, чѣмъ было возможно. Кредитоспособность его въ Москвѣ ясно сказалась тѣмъ, что театральныи крахъ его, какъ гласить молва, выразился въ полумилліонномъ долгѣ послѣ постройки его новаго театра.

Не запомнишь имени всѣхъ артистовъ, прослужившихъ у него, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ самъ создалъ, равно какъ онъ создалъ у насъ въ Россіи настоящую оперетку, комическую оперу и обстановочную драму-феерію. Нынче нѣтъ ничего болѣе грандіознаго ни по обстановкѣ, ни по исполненію. Нѣтъ больше справедливо толпою прозваннаго «мага и волшебника Лентовскаго», нѣтъ болѣе артистовъ, какими были гг. Родонъ, Вальяно, Давыдовъ, Черновъ, Лодій, Арбенинъ, Шеромовъ, Тартаковъ, Бѣльская, Ротчева, Крузова, Волынская, Небѣльская, Темирова, Чекалова и много другихъ, какими сумѣлъ обставлять спектакли М. В.

Служба моя въ Петербургскомъ Маломъ театрѣ сезона 1883—1884 годовъ была самая бездѣятельная, какую только можно себѣ представить. Самъ М. В. заправлялъ своимъ Московскимъ театромъ, а въ Петербургѣ велъ дѣло В. И. Родонъ, симпатіи котораго лежали всецѣло къ своимъ старымъ товарищамъ гг. Чернову, Давыдову и другимъ. Сразу опредѣлившійся мой успѣхъ у публики, несомнѣнно, умалилъ бы престижъ старыхъ любимцевъ. Этому воспротивились сами любимцы и ихъ другъ, правитель дѣла, В. И. Родонъ. Такъ какъ въ силу контракта никакъ нельзя было освободиться

отъ меня, то они рѣшили мариновать меня въ продолженіе всего зимняго сезона, благо платился за это карманъ М. В. Лентовскаго. Благодаря такому рѣшенію, я спѣлъ счетомъ за весь сезонъ всего нѣсколько разъ, получивъ за это нѣсколько тысячъ рублей.

Моя настоящая опереточная дѣятельность началась съ послѣдовавшаго за симъ лѣтняго сезона въ Московскомъ «Эрмитажѣ». Тамъ мнѣ данъ былъ ходъ самимъ М. В. Лентовскимъ, и я, несмотря на то, что мнѣ пришлось замѣстить многолѣтняго московскаго любимца, баритона А. Чернова, сразу выдвинулся во многихъ партіяхъ и упрочилъ за собою, хотя жалкую, славу «опереточнаго героя», но пользовался ею въ теченіе многихъ лѣтъ на всѣхъ лучшихъ сценахъ Россіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я велъ одновременно двойное амплуа героя въ опереткѣ и героя въ драмѣ, пока въ одинъ прекрасный день окончательно не распростился съ опереткой, посвятивъ себя исключительно драмѣ. Вся эта дѣятельность прошла на глазахъ у публики, и въ такомъ недалекомъ прошломъ, что описывать ее подробно считаю лишнимъ. Выдающагося интереса въ дѣйствіяхъ мало, а о нравахъ сценическихъ можно достаточно судить по всему описанному. Мнѣ остается лишь рассказать нѣсколько отдѣльныхъ забавныхъ эпизодовъ и вспомнить ту или другую изъ болѣе оригинальныхъ личностей.

Интересна, на примѣръ, карьера покойной опереточной пѣвицы А. И. Споровой. Настоящая ея фамилія Водичка. Она была чешка по происхожденію и пріѣхала въ Россію молоденькой дѣвочкой съ своей сестрою, оперной пѣвицею Водичкой, приглашенной въ кіевскую оперу къ покойному антрепренеру Бергеру.

Сестру свою пѣвица пристроила хористкой тамъ же. Прехорошенькая А. И. обращала всеобщее вниманіе своей внѣшностью и между прочимъ покорила сердце служившаго съ нею вмѣстѣ, впоследствии извѣстнаго баса, вскорѣ женившагося на ней. Бракъ этотъ былъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ артистическихъ браковъ. Спустя короткое время, супруги разстались. Аннѣ Ивановнѣ пришлось одинокой бороться съ нуждой и всѣми кознями артистической карьеры. Я встрѣтился впервые съ А. И. въ 1885 году въ Харьковѣ, въ лѣтней опереточной антрепризѣ Г. М. Коврова, гдѣ она была премьершей примадонной и носила фамилію Споровой, въ честь одного преданнаго ей друга. А. И. была тогда типичной красавицей: брюнеткой съ чуднымъ матовымъ цвѣтомъ лица и громадными глазами серны. Чудная фигура и общая женственность выдѣляли ее и заставляли невольно обращать на нее вниманіе. Она была безспорно умная, даровитая актриса и хорошая опереточная пѣвица, хотя уже съ надтреснутымъ голосомъ, и пользовалась вездѣ большимъ успѣхомъ. Еще болѣшимъ успѣхомъ она

пользовалась внѣ сцены, среди мужской публики. Мужчины буквально влюблялись безъ памяти въ нее. Я зналъ одного молодого красавца, повѣсившагося изъ-за отвергнутой любви Анной Ивановной. Къ счастью, его своевременно вынули изъ петли и спасли жизнь. Одинъ серьезный ученый человѣкъ—врачъ, пользовавшій А. И., такъ страстно влюбился въ нее, что предложилъ ей руку, сердце и состояніе. Когда же А. И. отвергла предложеніе, эскулапъ самъ заболѣлъ серьезно и исчахъ въ чахоткѣ по любви къ опереточной дивѣ. Зналъ я одного коммерсанта, который, потерявъ надежду добиться расположенія примадонны, пришелъ въ такое отчаяніе, что свихнулся съ пути и вскорѣ потерялъ все состояніе. Не перечесть всѣхъ израненныхъ сердець, въ особенности сердець гимназистовъ, этихъ ярыхъ любителей оперетки. Аннѣ Ивановнѣ нравилось, что по ней томилась и вздыхали, но чувства страсти были ей очевидно незнакомы. Цѣлую повѣсть можно бы рассказать объ ухаживаніяхъ и страданіяхъ одного астраханскаго богатея, рыбника, любовь котораго А. И. отвергала до тѣхъ поръ, пока наконецъ не вышла за него замужъ, оставивъ сцену; въ замужествѣ она была обожаема мужемъ и оказалась чрезвычайно дѣловитой женой. Въ ней открылся рѣдкій коммерческій умъ, и своими совѣтами и энергіей она сумѣла возстановить до женитьбы пошатнувшееся было состояніе своего мужа. Умерла она отъ мучительной болѣзни, избравъ себѣ заранѣе мѣсто для погребенія и приготовивъ заблаговременно самый гробъ.

Съ А. И. Споровой связанъ довольно прискорбный случай изъ сезона Саратовскаго театра во время антрепризы Г. М. Коврова. Труппа была драматическая и опереточная. Среди оперетныхъ примадоннъ, кромѣ Споровой и Райчевой, была еще г-жа Я., бывшая оперная пѣвица, съ небольшимъ, правда, голосомъ, но безспорно много музыкальнѣе своихъ соперницъ. Молодость и внѣшнія данныя давали ей еще больше преимуществъ. Но все это бываетъ подчасъ недостаточнымъ оружіемъ для борьбы съ театральными интригами. Незвѣстно кѣмъ и какъ подготовленный, разыгрался прискорбнѣйшій инцидентъ въ день бенефиса почтенной артистки. Давали оперетку «Донъ-Сезаръ де Базанъ». Я исполнялъ самого Донъ-Сезара. Все шло благополучно при полномъ довольствіи публики. Вдругъ, не помню, во 2-мъ или 3-мъ дѣйствіи послѣ самостоятельнаго номера пѣнія бенефициантки изъ двухъ боковыхъ литерныхъ ложъ верхняго яруса раздается не то свистъ, шипѣніе и какъ бы пицаніе, схожее съ пискомъ резиновыхъ куколъ. Въ публикѣ волненіе, на сценѣ паника и возмущеніе. Вслѣдъ за тѣмъ летятъ на сцену какія-то бумажки и мѣдныя монеты, изъ которыхъ одна задѣваетъ по виску бенефициантку. Общій ужасъ возмущенія и суматоха среди публики, какъ и среди дѣйствующихъ лицъ на сценѣ. Болѣе скорые стремглавъ бросаются къ ломамъ

верхняго яруса, которыя оказались изнутри запертыми. Сильному натиску толпы двери поддаются, и въ обѣихъ ложахъ оказались юнцы: воспитанники разныхъ школъ, въ томъ числѣ нѣсколько гимназистовъ. Публика была такъ возбуждена, что не вступись энергично полиція, виновникамъ скандала не поздоровилось бы. На опросъ, что побудило ихъ къ подобной дерзкой выходкѣ, они отвѣчали съ апломбомъ, что это ихъ самостоятельное мнѣніе о непригодности названной пѣвицы, которую имъ нежелательно видѣть въ трупѣ. При слѣдствіи выяснялось, однако, все болѣе ясно, что вся эта демонстрація была подготовлена интригой завистницъ, чтобы выжить соперницу. Хотя истиннаго виновника указать не удавалось, общій голосъ рѣшилъ, однако, что всю эту пакостную исторію затѣяла почему-то А. И. Спорова. Публика негодовала выше всякихъ мѣръ и, желая выказать бенефицианткѣ свое расположеніе, нашла возможнымъ добыть во время антракта изъ ювелирнаго магазина разные цѣнные подарки, которые поднесли пѣвицѣ въ слѣдующемъ дѣйствіи, при нескончаемомъ громѣ рукоплесканій. Черезъ день шелъ спектакль съ участіемъ Споровой, комическая опера «Рипъ-Рипъ», или «Кладъ Гудзона». Недавнюю свою любимицу публика встрѣтила необычайно сдержанно. Во всей театральной атмосферѣ того вечера чувствовалось что-то тяжелое, подавляющее, что ясно отзывалось на исполненіи спектакля.

Во второмъ актѣ, во время тріо, въ которомъ участвовали Спорова, я и третій партнеръ, происходитъ вдругъ страшная пауза. Я выжидаю реплики А. И. и вмѣсто нея слышу, какъ она начинаетъ всхлипывать, а затѣмъ взаимнѣе продолженія пѣнія, подойдя къ самой суфлерской будкѣ, обращается съ рѣчью къ публикѣ. Я остолбенѣлъ. Смыслъ рѣчи, прерываемой рыданьями, сводился въ общемъ къ тому, что она возмущена донесшимся къ ней слухомъ, что публика подозрѣваетъ ее въ гнусномъ и недостойномъ поступкѣ, и въ силу этого она не можетъ и не въ состояніи продолжать здѣсь свою дальнѣйшую дѣятельность, а потому: «прощайте... прощайте... прощайте навсегда... но я клянусь... что я не виновата, что это не я...», и въ истерическомъ рыданіи убѣгаетъ со сцены. Спустили занавѣсъ, не кончивъ акта. Публика промолчала во время рѣчи и не выказала ни малѣйшаго протеста къ уходу пѣвицы, но, очевидно, возмутилась такой безтактной выходкой и, дабы показать, какъ она индифферентна къ уходу А. И., сомнѣваясь въ ея невинности, встрѣтила замѣнившую А. И. въ 3-мъ актѣ вышедшую второстепенную пѣвичку громомъ аплодисментовъ.

На другой день А. И. дѣйствительно уѣхала.

Шелъ мирно день за днемъ, сезонъ близился уже къ концу, и вотъ насталъ среди прощальныхъ бенефисовъ и бенефисъ г-жи Я. при переполненномъ зрительномъ залѣ. Оваціи, подарки и полное

торжество. Вдругъ въ 3-мъ актѣ изъ тѣхъ же боковыхъ литерныхъ ложъ яруса повторяется тотъ же самый скандалъ, какъ при первомъ бенефисѣ, еще при болѣе разнообразной программѣ. Начинается столпотвореніе. Въ публикѣ бѣгутъ, кричатъ... Общая суматоха... захватываютъ виновниковъ на мѣстѣ преступленія... и кто же? Опять та же самая компанія наглыхъ мальчишекъ, которыхъ полиціи еле удалось охранить отъ личной расправы съ ними публики. На вопросы: что, какъ, почему?—они отвѣтили, что въ этотъ разъ, когда Споровой давно ужъ нѣтъ въ труппѣ, они желали доказать, что они дѣйствовали и дѣйствуютъ лично по собственному убѣжденію, а не по чьей либо инициативѣ, и самое время не внушило имъ симпатіи къ бенефицианткѣ. На этотъ разъ шалуновъ исключили изъ учебныхъ заведеній.

Въ тотъ же сезонъ въ Саратовѣ произошелъ курьезный фактъ въ вечеръ моего бенефиса. При выходѣ мнѣ подали изящную разрисованную атласную подушку съ лавровымъ вѣнкомъ, перевязанную пышнымъ бантомъ расшитаго шелкового полотенца. При ближайшемъ, осмотрѣ въ уборной, въ узлѣ банта оказалась вложенной изящнѣйшая маленькая женская туфля, на точеномъ каблукѣ, крытая золотистымъ плюшемъ. Въ носкѣ туфли лежала раздушенная записочка, на которой красовалось мелкимъ женскимъ почеркомъ: «отыщите другую, оригиналь вашу». Туфля эта послужила темой для всякихъ остротъ на долгое время, которое, тѣмъ не менѣе, не могло подавить во мнѣ любопытство узнать виновницу этой милой шутки. Прошло болѣе года съ того времени. Я позабылъ было объ этомъ случаѣ, несмотря на то, что туфля стояла обыкновенно на моемъ письменномъ столѣ въ видѣ *presse-papier*. Проживая по окончаніи сезона постомъ въ Москвѣ, я бесѣдовалъ какъ-то утромъ съ бывшимъ у меня извѣстнымъ театральнымъ сапожникомъ, которому давалъ заказъ. Случайно сапожникъ замѣчаетъ туфлю на моемъ столѣ, беретъ ее въ руки, глядитъ на нее съ умиленіемъ и говоритъ: «а вѣдь это—моя работа». Кто, какъ, когда? *Eureka!* узнаю всѣ подробности. Освѣдомляюсь точнѣе, и оказывается, что оригиналь туфельки проживаетъ какъ разъ временно въ Петербургѣ. Въ тотъ же вечеръ, захвативъ туфлю съ собою, ѣду вечеромъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ. Отыскиваю шаловливую мистификаторшу. Стукъ въ дверь—«войдите». «Ахъ!»—и я стою предъ нею, съ неумолимымъ видомъ безжалостнаго кредитора, указывая ей на хорошенькую туфлю въ моей рукѣ. Смущеніе неопишное: предо мной стали извиняться, путаться, оправдываться и въ концѣ концовъ неотразимо мило молить о великодушіи. *Quand une femme demande grâces, on doit être gentilhomme.* Такимъ я и былъ и ушелъ, воображая, что совершилъ, не вѣсть Богъ, какой геройскій поступокъ. Въ награду же за мою уступчивость и недостатокъ упорства мнѣ на прощаніе

изъ-за закрытыхъ дверей крикнули: «дур-а-акъ!» И я чувствовалъ себя дѣйствительно большимъ дуракомъ, когда спѣшилъ обратно на вокзалъ.

Есть случаи, которыхъ не забудешь, а вмѣстѣ съ тѣмъ охватываетъ какая-то лѣнь описывать ихъ болѣе подробно.

Я помню, напримѣръ, какъ однажды въ Тулѣ, куда мы пріѣхали небольшимъ опереточнымъ товариществомъ изъ Москвы для гастролей, одна очень красивая пѣвичка привезла съ собою жениха, молоденькаго купеческаго сынка, чуть ли не мальчика годами. Ему не было еще 20-ти лѣтъ, а ей уже 30-ть. Въ день предстоящаго перваго спектакля, сборъ съ котораго былъ уже запроданъ, пѣвичка объявила, что если ее до вечера не повѣнчаютъ съ ея желаннымъ, она пѣть не будетъ. Ничто не помогало уговорить ее спѣть хоть этотъ спектакль еще «дѣвицей», какъ никакія просьбы и увѣщанья не въ состояніи были отклонить молодого человѣка отъ совершенія этого безразсуднаго брака. «Женюсь или застрѣлюсь!» твердилъ онъ, и «перевѣнчайте или въ спектакль меня не ожидайте»,—повторяла она. Ну, и чортъ съ ними, «вѣнчайтесь»,—закричали мы. Оказывается, куда ни обращались, ни одинъ священникъ не хотѣлъ ихъ вѣнчать, такъ какъ у жениха не было необходимыхъ бумагъ. Наконецъ, кто-то посовѣтовалъ поѣхать въ близъ лежащее село, къ такому попу, которому якобы безразлично повѣнчать брата съ сестрой.

Январь мѣсяцъ, зима, вьюга, тѣмъ не менѣе ѣдутъ въ указанное село.

Священникъ, обремененный большой семьей и еле перебивающійся, соблазняется сотеннымъ билетомъ, предложеннымъ женихомъ, и вѣнчаетъ въ холодной нетопленной церкви счастливую парочку, стоящую подъ вѣнцомъ въ шубахъ.

Спектакль состоялся и прошелъ съ огромнымъ успѣхомъ. Послѣ окончанія всѣ участвовавшіе были приглашены къ свадебному ужину.

Годъ спустя, счастливый молодой муженекъ застрѣлился, запутанный въ долгахъ, а, еще годъ спустя, пѣвичка вышла вторично замужъ и вскорѣ снова овдовѣла.

Живя въ Петербургѣ, я былъ какъ-то приглашенъ случайно познакомившимся со мной военнымъ капельмейстеромъ, де-Легоди, участвовать въ устраиваемомъ имъ концертѣ въ Ямбургѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. Въ назначенный день концерта, я, давшій слово участвовать, отправился поѣздомъ въ Ямбургъ, въ сопровожденіи собственнаго піаниста. Оба одѣтые во фракныя пары и лаковые ботинки, пріѣзжаемъ въ Ямбургъ; дождь льетъ, какъ изъ ведра. Извозчиковъ тогда еще не было. Продавъ непогоду на вокзалѣ и подвернувъ брюки до косточекъ, отправляемся отыскивать капельмейстера, котораго застаемъ спящимъ. Онъ былъ очень

удивленъ нашему прїѣзду, такъ какъ послалъ намъ телеграмму, что концертъ отменяется, по непонятному и безпричинному нежеланію генерала. Тѣмъ не менѣе онъ обрадовался, увидѣвъ насъ, и воспрянулъ надеждой, что, быть можетъ, генераль, узнавъ о нашемъ прїѣздѣ, смѣнитъ гнѣвъ на милость и разрѣшитъ концертъ. Послали цѣлую депутацію къ его превосходительству и выхлопотали разрѣшеніе. Время было уже послѣобѣденное. Дождь опять возобновился и задерживалъ разсыльныхъ солдатъ съ оповѣщеніями, кому слѣдовало, что концертъ состоится. Явилось, однако, затрудненіе относительно доставки рояля въ зало офицерскаго собранія. Рояль обѣщала отпустить одна изъ мѣстныхъ дамъ, сама также принимавшая участіе въ концертѣ. Дождь усиливался, однако, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе, и дама ни за что не соглашалась отпустить рояль; наконецъ, непрерывныя общія просьбы умилоствовали даму, и рояль былъ принесенъ въ зало собранія, въ самомъ непроницаемомъ видѣ, весь обложенный тюфяками, подушками и перевязанный ватными одѣялами.

Капельмейстеръ де-Легоди, пылкій мексиканецъ, какимъ онъ выдавалъ себя, былъ интереснѣйшій музыкантъ; онъ игралъ буквально на всѣхъ инструментахъ, между прочимъ виртуозно хорошо на цитрѣ, владѣя рѣдкимъ концертнымъ экземпляромъ этого инструмента. Концертъ онъ затѣялъ главнымъ образомъ, чтобы показать генералу, до какого совершенства онъ довелъ полковой оркестръ въ тѣ полгода, когда онъ сталъ его капельмейстеромъ.

Зало офицерскаго собранія было переполнено семьями военныхъ. Нумеръ за номеромъ концертной программы проходилъ при бурномъ восторгѣ присутствующихъ. Самъ капельмейстеръ игралъ на роялѣ, виолончели, какой-то особенной имъ изобрѣтенной виолѣ, на корнетъ-пистонѣ и дирижировалъ своею бандой. Все шло великолѣпно. Подъ конецъ программы капельмейстеръ, весь усталый, разнервлившійся дирижировалъ оркестромъ большое попури изъ Фауста и неустанно вытиралъ платкомъ градомъ катившійся съ лица потъ. Въ какомъ-то очень чувствительномъ мѣстѣ онъ кричалъ въ сторону волторны: «fa, fa... fa-a-a!»—потомъ опять «с-с-с-с-с!»—но волторнисть, очевидно, не могъ не фальшивить и съ еще большимъ азартомъ раздувалъ свои щеки и расширялъ ноздри. Капельмейстеръ топалъ уже ногами и съ вздутыми на вискахъ жилами оралъ во всю глотку «mi—mi—miii... sol—sol—sol!» и наконецъ, потерявъ всякое самообладаніе, отбросилъ палку и носовой платокъ, кинулся къ волторнисту и, выхвативъ у него волторну, сталъ ею колотить солдата по головѣ, неистово крича «sol—sol—sol—чортова кукла!» Остальные трубачи, потерявъ отъ смѣха амбушюру, квакнули всѣ разомъ, продолжая все же кое-какъ играть и вошли опять въ гармонию, когда самъ капельмейстеръ, приставивъ волторну къ губамъ, замѣнилъ солдата музы-

канта, отбросивъ его увѣсистымъ пинкомъ въ сторону. Нумеръ этотъ закончился при неудержимомъ смѣхѣ всей присутствующей публики, не видѣвшей, однако, что волторна была въ разныхъ мѣстахъ резонатора изогнута отъ ударовъ объ голову солдата у котораго вскочили шишки.

Какимъ подчасъ неприятнымъ ощущеніямъ и опасностямъ подвергается актеръ, благодаря извѣстному mise en scène самой пьесы, въ которой участвуетъ онъ, публикѣ мало извѣстно. Расскажу между прочимъ, что я испытывалъ одно время, въ антрепризѣ покойнаго В. И. Родона, въ Москвѣ, при постановкѣ фееріи: «Путешествіе вокругъ свѣта», въ которой я исполнялъ характерную роль англичанина Филіаса Фога, а покойный В. И. роль Пролаза. Пьеса эта шла также въ Рождественскомъ праздничномъ репертуарѣ и исполнялась иногда въ одинъ день, въ утреннемъ и въ вечернемъ спектаклѣ. Для двойного спектакля роль моя была необычайно утомительна уже потому, что, участвуя въ одиннадцати картинахъ, я обязанъ былъ переѣхать одиннадцать паръ платья. Это утомляло, но не представляло особенной неприятности, паче опасности, до картины взрыва корабля въ открытомъ морѣ. Представьте себѣ такъ называемое живое море на сценѣ, волны котораго безпокойно и неустанно прыгаютъ одна выше другой. Иллюзія эта достигается тѣмъ, что вся сцена застлана громаднымъ кускомъ холста, раскрашеннаго въ цвѣтъ морской воды. Подъ этимъ холстомъ, въ зависимости отъ размѣра сцены, разставлены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга полсотни, а то и сотня солдатъ, стоящихъ на колѣняхъ и поникшихъ къ полу головой. Каждый изъ нихъ поочередно, черезъ два, три человѣка, оставаясь на колѣняхъ, выпрямляется, приподнимая при этомъ головой холстъ моря, и снова опускается, какъ бы къ земному поклону, лишь тогда, когда начинаетъ подниматься стоящій рядомъ съ нимъ сосѣдь. Такъ работаютъ они во все время дѣйствія картины, по командѣ, то медленнѣй, то быстрѣй, и даютъ зрителю иллюзію живой воды, въ особенности, если самый холстъ художественно раскрашенъ и освѣщенъ, какъ должно. Работа этихъ солдатиковъ весьма не легкая, въ этомъ спертномъ пространствѣ, пропитанномъ запахомъ клеевой краски и страшной пыли.

Среди волнъ этого живого моря, посреди сцены, передъ открытымъ люкомъ, качался на деревянномъ шарѣ построенный большой корабль. На этомъ кораблѣ находился Филіасъ Фогъ, т.е. вашъ покорный слуга, и В. И. Родонъ. Иллюзія взрыва корабля получалась отъ ружейнаго залпа десятка солдатъ, стоявшихъ въ открытомъ люкѣ, съ направленными дулами ружей къ суфитамъ сцены. Какъ только слѣдовалъ ружейный залпъ, корабль накренился, благодаря извѣстному механизму, на бокъ, давая при этомъ сильный толчекъ, а я и В. И. Родонъ должны были въ это время

свалиться за бортъ въ море. Это значило, спрыгнувъ съ корабля въ море со стороны, скрытой отъ публики, немедленно вползти въ сдѣланное отверстіе подъ холстъ моря и на карачкахъ быстро проползти подъ этимъ холстомъ на задній планъ сцены, гдѣ мы снова появлялись, сидя верхомъ на случайно плывущей бочкѣ, и уплывали на ней, якобы спасаясь отъ гибели.

Право, нельзя описать, сколько мы каждый разъ выносили страданій въ этой столь эффектно кажущейся сценѣ. Во-первыхъ, такъ какъ мы стояли на сторонѣ самаго люка, то каждый разъ рисковали, что какъ нибудь случайно оглушительный залпъ ружей могъ задѣть насъ. Но затѣмъ мы попадали подъ холстъ моря и тамъ ужъ были каждый разъ близки потерять сознаніе отъ этого ужаснѣйшаго невыносимаго зловонія, распространеннаго милыми солдатиками. Мы буквально задыхались и ползли съ такой отчаянной быстротой, что сваливали и солдатъ и ушибали самихъ себя зачастую до крови. А публика аплодировала неистово, вызывая насъ безконечное число разъ.

Сколько мнѣ ни приходилось шататься по разнымъ городамъ, играть въ товариществахъ и антрепризахъ, — я не встрѣчалъ ни одинаго дѣла, которое было бы создано исключительно въ цѣляхъ развитія искусства и серьезнаго служенія ему.

Каждое театральное дѣло, встрѣчаемое мной, было предпринимается съ цѣлями наживы и удовлетворенія личныхъ прихотей самихъ инициаторовъ и главарей дѣла. Въ большинствѣ случаевъ, за рѣдкими исключениями, онѣ и они были актерами съ большими недочетами талантиности, могущими занимать въ настоящей труппѣ едва второе положеніе. Въ своемъ же собственномъ дѣлѣ они выставляли себя премьерами труппы и строили весь репертуаръ въ угоду личнымъ вкусамъ. Они считали себя пригодными для всѣхъ амплуа, конечно, исключительно выигрышныхъ ролей. Нерѣдко онъ, простакъ по амплуа, играетъ съ алломбомъ Отелло, Велизарія и одновременно Виталія во «Второй молодости». Она же, по амплуа героиня и, какъ подобаешь этому амплуа, весьма увѣсистая дама, беретъ себѣ безъ стѣсненія роль матери Зеленова въ «Соколахъ и воронахъ» и роль игривой дѣвочки *ingenue* Сони въ комедіи «На хуторѣ» П. П. Гнѣдича. Я знаю одну уважаемую компактную актрису, вѣсомъ, чего добраго, пудовъ до девяти, и въ возрастѣ чуть моложе моей матери, не стѣсняющейся играть молоденькую изящную «Памелу» и Настасію Филипповну въ «Идіотѣ». Одинъ почтенный великовозрастный заправскій комикъ, съ самой характерной комической внѣшностью, играющій обыкновенно забавнѣйшихъ стариковъ, ставъ во главѣ дѣла, вдругъ заигралъ мальчиковъ и заправскихъ элегантныхъ *jeune comique*, какъ, на примѣръ, вице-губернатора въ «Обществѣ поощренія скуки», и былъ убѣжденъ, вопреки мнѣнію публики, что это очень хорошо

Вообще нигдѣ не встрѣтишь меньше справедливости и безпристрастія, какъ въ театральномъ дѣлѣ. Въ большомъ еще болѣе, нежели въ маломъ. Большое дѣло все же чаще создается для дѣла, тогда какъ малое сплошь и рядомъ для личности, для которой и набирается соотвѣтственная труппа, въ которой по возможности никто бы не затемнилъ дарованіемъ эту личность.

Но я встрѣчалъ дѣльцовъ, которые, не думая ни о качествѣ труппы, ни объ ансамблѣ, набирали составъ, въ особенности женскій, который приходился бы по вкусу не самой публикѣ, а извѣстнымъ господамъ изъ городской администраціи, или тому и другому изъ такъ называемыхъ первоядныхъ завсегдатаевъ театра.

Я лично зналъ такого антрепренера въ одномъ изъ большихъ южныхъ коммерческихъ городовъ, который при открытіи сезона говорилъ тому или другому изъ нужныхъ первоядниковъ: «а для васъ, милѣйшій П. П., я привезъ такую «штучку», что пальчики оближете» и т. д. Въ разгаръ же самаго сезона онъ въ вечеръ спектакля суетился въ публикѣ, въ буфетѣ, приводилъ разныхъ джентльменовъ за кулисы, знакомя ихъ съ женскимъ опереточнымъ персоналомъ, торопя въ нетерпѣніи къ окончанію спектакля, послѣ котораго его ожидала пріятная компанія въ отдѣльномъ кабинетѣ лучшей гостиницы. Тамъ все готовилось къ ужину съ дамами, а юркій антрепренеръ въ это время, до ухода изъ театра, суетился передъ уборными хористокъ и кричалъ имъ въ перегородки: «Маня, Катя и т. д., скорѣй убирайтесь и живо въ зеленый кабинетъ гостиницы «Франція»! Это ли не служеніе чистому, святому сценическому искусству?»

Цѣлые томы можно бы исписать подобнаго рода фактами изъ неприглядныхъ нравовъ закулисной жизни театра, но и тогда остался бы еще безконечный матеріалъ въ запасѣ. А потому прерываю вертѣть дальше этотъ калейдоскопъ и отдамся размышленіямъ надъ недавней встрѣчей съ однимъ бывшимъ товарищемъ.

Я проводилъ лѣто на югѣ, на лонѣ природы, въ одномъ изъ медвѣжьихъ угловъ, забытыхъ Богомъ и людьми. Безлюдность живописнѣйшей мѣстности и царящая кругомъ тишина удивительно благотворно дѣйствовали на меня, укрѣпляли нервы для дальнѣйшаго лицедѣйства и просвѣтляли разумъ. Цѣлые дни я проводилъ въ прогулкахъ по окрестностямъ, останавливаясь то здѣсь, то тамъ, чтобы начертить на память въ мой альбомъ чередующіеся предо мной живописные уголки.

Въ одно изъ такихъ скитаній, при нѣжномъ розовомъ закатѣ, я сидѣлъ на берегу рѣчки, подъ развѣсистой раkitой и срисовывалъ очаровательный домишко, весь утопавшій въ богатомъ цвѣтникахъ. Изъ-за плетня выглядывали стройныя штокъ-розы и золотистые подсолнечники, а въ глубинѣ садика виднѣлись грушевыя и яблочныя деревья, вѣтки которыхъ гнулись подъ тяжестью

плодовъ. Въ оконныхъ стеклахъ дома-хатки горѣли огнемъ послѣдніе лучи заходящаго солнца, а надъ всей усадьбой разстилалась будто розовая дымка. Я спѣшилъ закончить набросокъ, какъ въ это время тихо причалила къ берегу маленькая лодка-душегубка, и изъ нея ловко выскочилъ на берегъ видный мужчина среднихъ лѣтъ въ охотничьемъ костюмѣ и двустволкой за плечами. Бросивъ весло въ лодку, онъ быстро втянулъ ее одной рукой на берегъ и направился къ калиткѣ сада. Въ это время онъ замѣтилъ меня, остановился удивленный и, нерѣшительно снявъ шляпу, приблизился ко мнѣ, сказавъ: «а, рисуете? — здравствуйте!» Потомъ, пристальнѣе взглянувъ на меня, крикнулъ весело: «да вы не Бостуновъ ли?.. Га?.. Эдмондъ Давыдовичъ! Здравствуйте! Не помните?» Тутъ онъ назвалъ себя по имени и напомнилъ, гдѣ и когда мы служили вмѣстѣ.

Я сразу вспомнилъ этого милаго человѣка, всегда выдѣлявшагося своей скромностью, симпатичностью и крайней добросовѣстностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Человѣкъ, весьма образованный, читающій, къ сожалѣнію, съ неособенно яркимъ дарованіемъ, онъ не умѣлъ пробиться до опредѣленнаго амплуа и занималъ, въ особенности въ большихъ труппахъ, положеніе актера на вторыхъ роли, что не удовлетворяло его самолюбію и сильно огорчало его. И даже въ этомъ второмъ положеніи его зачастую обходили ролями, благодаря его скромности и уступчивости. Годы шли, а разочарованія не уменьшались. Изъ-за желанія выдвинуться передъ публикой, онъ, обладая нѣкоторыми средствами, пробовалъ свое счастье въ собственныхъ небольшихъ антрепризахъ, но каждый разъ съ матеріальнымъ убыткомъ. Пробовалъ режиссерствовать, что въ конецъ отравляло его существованіе и развило окончательно нервы.

Въ одинъ прекрасный день онъ порѣшилъ окончательно разстаться съ сценической карьерой. А тутъ кстати заполучилъ онъ отъ тетки въ наслѣдство небольшой хуторокъ, въ которомъ онъ самъ провелъ свое дѣтство.

Это обстоятельство показалось ему велѣньемъ судьбы, и онъ безъ дальнѣйшихъ размысленій ушелъ съ подмостковъ и поселился въ этихъ окраинахъ, гдѣ съ большой любовью сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и столь удачно, что въ моментъ нашей встрѣчи онъ былъ человѣкомъ матеріально обеспеченнымъ, дышащимъ здоровьемъ и жизнерадостнымъ, какимъ я его никогда не знавалъ прежде.

Послѣ привѣтствія онъ любезно пригласилъ меня въ домъ, а затѣмъ мы просидѣли съ нимъ вечеръ въ оживленнѣйшей бесѣдѣ, подъ густымъ кленомъ, за столикомъ, уставленнымъ всякими угощеніями хлѣбосольнаго хозяина.

— Итакъ, вы серьезно оставили сцену? И вамъ не жаль?

— Нѣтъ! Напротивъ, я счастливъ, безконечно счастливъ, и ушелъ безъ малѣйшаго сожалѣнія. Напротивъ, скажу, что въ моментъ, когда это рѣшеніе серьезно явилось у меня, и я прервалъ всякія дѣловыя связи, дабы впредь не имѣть ничего общаго съ театромъ, я вздохнулъ такъ свободно, какъ никогда. Съ моихъ плечъ какъ бы свалилась непосильная тяжесть, давившая меня десятки лѣтъ, и меня охватило чувство такого радостнаго пробужденія, какъ это бываетъ послѣ страшнаго, тяжелаго кошмара. Я точно вдохнулъ легкій живительный воздухъ. Вся высь надо мной парила прозрачнымъ, нѣжнымъ эфиромъ, и солнечный лучъ, разливаясь ослѣпительнымъ блескомъ, обдалъ меня ласкающей теплотой. Все стало яснѣе кругомъ меня. Ни малѣйшихъ вибрацій и колебаній атмосферы. Все представлялось ясными опредѣленными контурами, и я почувствовалъ, говоря словами лермонтовскаго Арбемина, что «я воскресъ для жизни и добра». А вѣдь какъ хорошъ и интересенъ Божій міръ! и въ этомъ мірѣ я сталъ вдругъ осмысленнымъ существомъ, человѣкомъ, имѣющимъ право и время мыслить и дѣйствовать не такъ, какъ принято въ театральной средѣ, а подобно людямъ трезваго, нравственнаго взгляда, какъ лучше, какъ должно дѣйствовать по-христіански и по-человѣчески. И самито люди такіе славные, простые, безъ всѣхъ этихъ увертокъ и ломаній словомъ и тѣломъ. Невольно за сердце щемить, когда подумаешь, что всѣ лучшіе годы ушли вдали отъ истинной и настоящей жизни. Да, я ушелъ со сцены и торжествую! Ушелъ по многимъ весьма вѣскимъ причинамъ, изъ которыхъ главнѣйшія слѣдующія: во-первыхъ, прекратить, разъ навсегда, безконечную матеріальную борьбу изъ-за рубля результатомъ которой у меня въ продолженіе многолѣтней дѣятельности послѣ каждаго сезона оставался нуль въ итогѣ. Условія ли провинціальной службы, непредвидѣнныя ли обстоятельства, мое ли артистическое легкомысліе и житейская непрактичность виною этому, сказать не умѣю. Но отъ этихъ вѣчныхъ попытокъ и стараній умѣло управляться этимъ рублемъ я усталъ несказанно. Эта постоянная неизвѣстность дальнѣйшаго будущаго пребыванія и мнительность заработка, эта вѣчно кочевая жизнь по всѣмъ направленіямъ широкой и далекой матушки Руси, укладки и раскладки театральнаго хлама, чуть ли не ежедневное появленіе въ новыхъ роляхъ, которыхъ, за недостаткомъ времени, не успѣваешь подчасъ прочесть, не только выучить наизусть, это жалкое и скверное ремесленничество, обязательное стараніе для интереса дѣла стяжать дешевые, но шумные успѣхи и проч., и проч.—все это въ конецъ утомило, развилило меня и оттолкнуло отъ этого рода «святого искусства» и положенія драматическаго лицедѣя. И въ самомъ дѣлѣ, не насмѣшка ли это называть тоже «святымъ искусствомъ» сценическое гаерство, это лживое и фальшивое изображеніе человѣческихъ стра-

стей, голоса и сплошь и рядомъ внѣшняго облика и движеній человѣка? Сами авторы, работая мѣсяцами и годами надъ своими сценическими произведеніями, не всегда вѣрно подмѣчаютъ истинную правду жизни и передаютъ ее, какой она бываетъ иногда, но не такой, какова она бываетъ въ дѣйствительности въ будничной жизни. Насколько же менѣе доступно даже талантливому актеру изобразить жизненно правдиво типъ, личность, паче еще ея духовную сторону, не подготовившись, не обдумавъ и часто не зная роли. Онъ будетъ невольно повторяться голосомъ, манерами, проявленіемъ воѣхъ чувствъ и страстей, какимъ его видѣли и знаютъ въ десяткахъ ролей. Въ лучшемъ случаѣ онъ изобразитъ самого себя, если роль подходитъ къ его индивидуальности. Въ общемъ же, все будетъ только стремленіе къ изображенію воображаемой имъ правды, а сама-то будничная правда останется не воспроизведенной. Актеръ въ своей способности подражательности не далеко уходитъ отъ обезьяны и будетъ какъ воспроизводительный артистъ, только болѣе слабый или сильный подражатель. Истинно правдивымъ онъ покажется, только воспроизводя себѣ подобнаго. Всѣ эти большіе высокоталантливые, даже, какъ ихъ величаютъ, великіе заграничные драматическіе артисты, это явленія, виртуозность которыхъ создана рекламой и внушеніемъ толпѣ, и больше ничего. По истинному дарованію, по житейской правдѣ изображенія, они несомнѣнно уступаютъ нашимъ доморожденнымъ талантамъ и навѣрное оказались бы непригодными къ тому широкому кругу дѣятельности нашего актера, отъ котораго вдобавокъ наша публика требуетъ въ каждой роли новаго, захватывающаго, чуть ли не гениальнаго. Какойнибудь Сальвини, Росси и tutti quanti заграничныя свѣтила пережевываютъ до малѣйшихъ хрящиковъ 5—6 ролей и то классическаго репертуара, въ продолженіе десятковъ лѣтъ, и толпа, подготовленная рекламой, гогочетъ отъ восторга, якобы безукоризнѣйшаго исполненія. Трагикъ Сальвини дерзаетъ увѣрять публику, что можно играть даже въ 73-хъ-лѣтнемъ возрастѣ Гамлета, и что это якобы очень хорошо. Покойный нѣмецкій артистъ и гастролеръ Фридрихъ Гаазе повѣствуетъ въ своихъ сценическихъ воспоминаніяхъ за 50 лѣтъ сценической дѣятельности, что онъ сыгралъ даже 250 ролей и съ гордостью можетъ почитать на отдыхѣ, увѣнчанный лаврами и деньгами. Нашъ братъ русскій талантливый актеръ, не попавшій за всю жизнь на казенную сцену и такимъ образомъ никакой пенсіей не обезпеченный на старость, мытарствуется десятки лѣтъ по всѣмъ большимъ и малымъ провинціальнымъ сценамъ, играетъ чуть ли не каждый сезонъ до полусотни и больше новыхъ ролей, трудится поистинѣ тяжелымъ трудомъ, зарабатываетъ гроши и, изнервляясь часто до потери разсудка, только въ рѣдкихъ случаяхъ поощряется по заслугамъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Довольно я наглядѣлся на всю эту сценическую жизнь, дѣятельность, на всѣ эти закулисные нравы. Довольно испортилъ себѣ крови, пропитался желчью и изнервился въ конецъ. Я чувствую себя бессильнымъ воевать дальше, ясно предвидаю, что мнѣ не выйти побѣдителемъ. Мнѣ нечего дѣлать больше на сценѣ. Изъ дня въ день становится все хуже и хуже. Пошли новыя вѣянья, новые люди, не имѣющіе ничего общаго съ искусствомъ. Куда ни взглянешь—купля, продажа и развратъ во всей его наготѣ. А здѣсь и ширь и гладь и Божія благодать; оставайтесь-ка здѣсь у насъ, вдали отъ большого свѣта и всей житейской суетоки, и увидите, какъ вдругъ хорошо и свѣтло станетъ у васъ на душѣ.

Слова товарища глубоко засѣли мнѣ въ памяти, и вотъ съ тѣхъ поръ я думаю, думаю и никакъ не могу придумать, какая жизнь могла бы мнѣ замѣнить сцену, на которой переживаешь тѣ радости жизни, которыхъ не знаютъ другіе, какъ говорить Несчастливцевъ, и которая, какъ-никакъ, кормитъ и кормила въ продолженіе болѣе четверти вѣка. Къ тому же самый образъ и условія этой жизни пріучили человѣка къ извѣстному комфорту, къ извѣстному сибаритству, отъ котораго трудно отрѣшиться подъ старость, и которое убило большую долю энергіи, столь необходимой для всякой другой, новой дѣятельности. Да и какую новую дѣятельность начинать теперь, не имѣя никакихъ другихъ спеціальныхъ познаній, ни научныхъ, ни ремесленныхъ, и когда порой начинаешь уже ощущать вокругъ себя запахъ ладана, а судьба злодѣйка не послала ни богатыхъ тетушекъ, ни дядюшекъ, отъ которыхъ можно бы унаслѣдовать доходные дома или имѣнья, и не удостоила казенной службой, послѣ которой пенсія могла бы обезпечить пріютъ усталому провинціальному актеру.

Э. Бостуновъ.

ПОДЪ ГНЕТОМЪ СУДЬБЫ ¹⁾.

—
XXIII.

УЖЕ ГОВОРИЛА, что въ послѣднее время мужъ сталъ сравнительно меньше пить. Но наканунѣ выборовъ, когда я ужъ никакъ не ожидала, что онъ напьется, два офицера привезли его на извозчикѣ до такой степени пьянымъ, что пришлось внести его, какъ мертвое тѣло, на рукахъ въ квартиру. Мнѣ было за него такъ стыдно передъ офицерами, что, пока они были у насъ, я къ нимъ не вышла. Какъ только они ушли, мужъ началъ кричать, что умираетъ, но когда я къ нему вошла, то увидѣла, что онъ не умираетъ, а съ нимъ случилось то, что всегда бываетъ съ пьяницами послѣ перепоя. Брезгливо на него взглянувъ, я сейчасъ же ушла, оставивъ при немъ Василису, которая въ этихъ случаяхъ всегда за нимъ ухаживала. Черезъ нѣсколько времени она пришла и сказала, что баринъ уснулъ».

Его пробужденія послѣ пьянства я всегда боялась — онъ дѣлался золъ и придирчивъ, но еще было тяжелѣе, если онъ дѣлался со мной ласковъ.

Я давно не любила мужа, но съ тѣхъ поръ, какъ полюбила другого, мое отвращеніе къ нему доходило до того, что я готова была перенести какія угодно пытки, только не его ласки. Часто я мысленно упрекала Владимира, зачѣмъ онъ, если любитъ меня, оста-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 458.

вляеть жить съ подобнымъ челоѡкомъ. Вспоминая его совѣты притворяюсь передъ мужемъ любящей, я всегда возмущалась. Неужели Владимиръ не понималъ, какъ я страдаю. Послѣ же посѣщенія Маріи Львовны я начала сомнѣваться въ его клятвахъ и о его любви ко мнѣ думала съ горечью. Онъ умоляетъ меня о свиданіи наединѣ въ его квартирѣ, а не думаетъ, сколько я должна перенести изъ-за него страха, стыда: что я скажу Василисѣ, которая навѣрно передастъ мужу, что я вечеромъ куда-то уходила? Придется попросить Паукову солгать, что я была у нея; но это значитъ посвятить ее въ нашу тайну. И я уже представляла себѣ, какъ ея узенькіе глазки въ меня вопьются, какъ она начнетъ расспрашивать о моей любви къ Владимиру и при этомъ скверно улыбаться. Подобныя мысли отравляли мнѣ радость предстоящаго свиданія; иногда до того отравляли, что, если бы я только не боялась обидѣть Владимира, то охотно отказалась бы отъ свиданія наединѣ. Но я любовью Владимира дорожила, какъ единственнымъ свѣтлымъ лучемъ въ моей жизни.

Стараясь отогнать отъ себя страхъ и сомнѣніе, я начала мечтать только о томъ, какъ онъ будетъ радъ, увидавъ меня у себя, о чемъ я буду съ нимъ говорить, и уже радость закрадывалась въ мою душу при мысли, что теперь очень скоро, дня черезъ два, мужъ будетъ дежурнымъ.

Мои мечты были прерваны мужемъ, который хриплымъ голосомъ звалъ меня. Я притворилась, что не слышу, и думала, что онъ снова заснетъ; но, услыхавъ его тяжелые шаги, я такъ испугалась, что спряталась подъ Сашину кровать, но мужъ и тамъ меня нашелъ и, притащивъ насильно въ спальню и держа, какъ въ клещахъ, началъ цѣловать. Вырваться у него изъ рукъ я была не въ силахъ, но не могла уже перенести ни его обрюзглаго, съ мутными глазами, лица, ни его слюнявыхъ губъ, цѣловавшихъ меня, ни его короткой красной шеи, которую я въ отчаяніи вдругъ схватила обѣими руками и начала душить. Но наши силы были не равны, онъ скоро разжалъ мои руки...

Наконецъ, я вырвалась отъ него и, выскочивъ черезъ кухню на улицу, побѣжала.

Въ ту минуту все мое существо было такъ полно отвращенія къ нему и къ себѣ, что въ отчаяніи я рѣшила съ собою покончить. Не помню, долго ли я бѣжала, но, кажется, воздухъ меня освѣжилъ и привелъ въ себя; мнѣ вдругъ стало страшно, что я очутилась въ темной, совсѣмъ не освѣщенной фонарями улицѣ.

Когда я въ нерѣшимости стояла, до меня донеслось слово «сударыня». Догадавшись, что это Оома зоветъ меня, я, какъ будто, сначала обрадовалась—откликнулась, но вдругъ, вспомнивъ свой домъ и мужа, снова побѣжала. Но Оома все-таки меня догналъ и, загоразивая путь руками, дрожавшимъ отъ испуга голосомъ началъ упрашивать вернуться домой.

— Ни за что, ни за что!—повторяла я:—иди назадъ.

Но онъ, бѣгая вокругъ меня и загораживая мнѣ путь, клялся, что не пойдетъ безъ меня.

— Пойми, Оома, я умереть хочу,—уже обливаясь слезами, сказала я, но Оома тоже со слезами мнѣ говорилъ:

— Ты хоть не насъ, а Сашеньку-то пожалѣй, безъ тебя онъ сиротинкой останется.

Послѣ этихъ простыхъ и сказанныхъ отъ души словъ мнѣ стало вдругъ до боли жаль моего мальчика, и я сейчасъ же пошла домой.

XXIV.

Какъ только мужъ вернулся съ выборовъ, я сразу догадалась, что его не выбрали: онъ еще въ передней за что-то придрался къ Оомѣ и ударилъ его. Мимо меня прошелъ, нахмурившись, только съ Василисою заговорилъ:

— Передай кому нибудь Сашу, мнѣ надо съ тобой переговорить.

«Опять будетъ деньги занимать», подумала я.

Съ тѣхъ поръ, какъ Василиса похвастала намъ, что на черный день скопила двадцать пять рублей, мужъ началъ у нея занимать по рублю. А она каждый день доводила меня до слезъ упреками, что мы ее обидѣли, обобрали, но моего мужа она никогда не упрекала. И теперь, пихнувъ мнѣ на руки Сашу, Василиса вытащила изъ-подъ кровати свой сундучекъ, а оттуда ситцевый пестрый платокъ, въ которомъ были завязаны деньги, и пошла къ барину. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась и положила передо мной русскій бумажный рубль.

— На расходъ баринъ прислали, у насъ вечеромъ гости будутъ,—сказала она.

Я догадалась, что мы теперь долго будемъ переговариваться черезъ прислугу, и очень этому обрадовалась.

Вечеромъ пришли тѣ самые два офицера, которые вчера привезли мужа домой; кромѣ того, со Скандланда приѣхали Крюковъ и Смѣлковъ.

Я рѣшила не выходить къ гостямъ и сидѣла въ дѣтской, но и туда ко мнѣ доносились ихъ громкіе голоса. Офицеры возмущались несправедливостью, оказанной на выборахъ моему мужу, и во всемъ винили полкового командира, который прямо объявилъ, что не желаетъ Никонова имѣть казначеемъ, потому что тотъ сильно пьетъ.

Между этими голосами я вдругъ услышала и голосъ Желткова, который спрашивалъ мужа обо мнѣ. И какъ же я ему обрадовалась! Оказалось, что онъ пришелъ къ намъ прямо съ гауптвахты. Вотъ опять я сижу съ нимъ и разговариваю. Но скоро я замѣ-

тила, что мой скансландскій другъ сильно измѣнился и не въ одной только наружности (онъ былъ такъ худъ, что напоминалъ собой скелетъ), меня пугало и его нравственное состояніе? Онъ съ какимъ-то особеннымъ увлеченіемъ говорилъ, что непременно желаетъ пострадать.

— Я теперь понялъ,—говорилъ онъ,—почему нѣкоторые люди охотно идутъ за другихъ на пытки, даже на смерть. Умереть, сознавая, что моя смерть принесетъ счастье другимъ, — это высшее наслажденіе, какое есть для человѣка на землѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ Желтковъ былъ сильно озлобленъ: всѣхъ бранилъ и чуть ли не на весь полкъ собирался жаловаться на инспекторскомъ смотрѣ. Онъ такъ былъ нервень, что не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, бѣгалъ по комнатѣ и, стуча кулакомъ себѣ въ грудь, жаловался, что его обижаютъ.

— Я о противозаконныхъ поступкахъ докладываю, а меня на гауптвахту посылаютъ, гонятъ изъ полка, но я все-таки найду правду, къ высшему начальству обращусь!..

Видя, что онъ такъ расстроены, я старалась перемѣнить разговоръ; начала говорить, что рѣшила разстаться съ мужемъ, и сказала о своемъ желаніи поступить на сцену.

— Съ нимъ,—говорила я,—больше уже не въ силахъ жить.

Но меня поразило, что Желтковъ, прежде всегда относившійся съ видимымъ участіемъ ко всему, что до меня касалось (я даже подозрѣвала, что онъ меня любилъ), теперь почти не слушалъ меня.

— Вотъ вы куда—на сцену!—съ пренебреженіемъ воскликнулъ онъ:—идите лучше къ несчастнымъ, больнымъ, обездоленнымъ, страдайте съ ними, умрите за нихъ, они насъ ждуть, зовутъ къ себѣ!

И при этомъ его глаза лихорадочно блестѣли, и самъ онъ былъ такъ взволнованъ, что у меня явилась мысль, не помѣшался ли онъ въ самомъ дѣлѣ; а тутъ сзади меня кто-то тихо произнесъ:

— Вотъ попался-то—не зналъ, что нашъ сумасшедшій здѣсь.

Я обернулась: передо мною съ смущеннымъ лицомъ стоялъ Николаевъ.

— Думалъ отъ заговорщиковъ у васъ спрятаться,—съ натянутой улыбкой сказалъ онъ,—а самага-то главнаго и нашелъ возлѣ васъ.

— Что трусу празднуешь?—съ насмѣшкой остановился передъ нимъ Желтковъ.

— Что же, батенька, не скрываю—трупшу,—сказалъ Николаевъ, садясь возлѣ меня:—человѣкъ я женатый, у меня двое дѣтишекъ, и въ вашу кашу впутываться мнѣ не резонъ, и вы, барынька,—обратился онъ ко мнѣ,—поудержите вашего супруга, тамъ я видѣлъ, они анонимный доносъ стряпаютъ. Можетъ, и ты тамъ участвуешь?—обернулся онъ къ Желткову.

Тотъ еще больше вскипятился:

— Какіе анонимные доносы? Я знать не хочу ваших анонимных доносовъ, я самъ прямо, открыто буду жаловаться!

— Да успокойся ты, кипятокъ,—закуривая папирску, спокойно заговорилъ Николаевъ.—Я самъ не меньше твоего люблю солдатъ, и никто изъ нихъ тебѣ на меня не пожалуется. Да и безъ меня у насъ въ полку много есть хорошихъ ротныхъ командировъ, тебѣ, просто, что-то въ голову влѣзло.

— Знаете,—обратился Николаевъ ко мнѣ:—изъ-за чего сыръ боръ загорѣлся? Онъ узналъ, что въ шестой ротѣ фельдфебель бьетъ новобранцевъ. А ты вотъ что скажи, Сергѣй Никандровичъ: когда это было, чтобъ ихъ не били? Онъ даже возмущается,—продолжалъ Николаевъ:—если мы, офицеры, на ученьяхъ солдату подбородокъ кулакомъ поправимъ. А ты скажи, развѣ безъ этого можно съ этимъ народомъ... Эхъ, братъ, нехорошо!—и онъ ударилъ Желткова по плечу:—у тебя уже желчь разлилась. Вечеромъ это не замѣтно, а днемъ ты желтъ, какъ лимонъ, и рота твоя, я слышала, уже Шилову обѣщана. Нехорошо!—потрясъ Николаевъ головой:—жили бы лучше смирнехонько, свои бы дѣла дѣлали—въ чужія не вмѣшивались, а вечеромъ дулись бы въ картишки... Куда ты?—вдругъ спросилъ онъ у Желткова.

Но тотъ, не простившись даже со мной, схватилъ фуражку и убѣжалъ не только изъ комнаты, но и совсѣмъ изъ нашей квартиры.

XXV.

Ночью я такъ крѣпко спала, что, когда Василиса меня разбудила, я не могла сначала сообразить, гдѣ я, и о чемъ она мнѣ говорить. А та упоминала про Оому, про дурной глазъ, и что кто-то горитъ. Наконецъ, я поняла, что Саша заболѣлъ.

Предчувствіе чего-то ужаснаго въ первую же минуту, какъ камень, легло мнѣ на сердце. И меня уже была нервная лихорадка, когда я второпяхъ накидывала на себя платье; она была меня и тогда, когда я стала возлѣ Сашиной кровати и смотрѣла на него.

Мой мальчикъ, красный, какъ кумачъ, метался во снѣ, глаза были полуоткрыты и мутны. Этотъ ненормальный сонъ больше всего меня пугалъ; я брала его на руки, говорила съ нимъ, но онъ не просыпался. Головка, какъ безжизненная, склонялась то на его, то на мое плечо. Догадавшись, что онъ безъ сознанія, я послала Василису разбудить мужа, чтобы тотъ немедленно ѣхалъ за докторомъ, но та вернулась и объявила, что баринъ приказали сказать, что они не поѣдутъ.

Вспомнивъ только теперь, что я съ мужемъ въ ссорѣ, и, что, можетъ быть, онъ изъ-за этого и ломается, я побѣжала просить у него прощенія. Онъ долго лежалъ лицомъ, обернувшись къ

стѣнкѣ, и молчалъ и, когда уже насладился моимъ отчаяніемъ, заговорилъ, но и то началъ меня упрекать, что я дурная мать, и сынъ изъ-за меня боленъ. Напоминать мнѣ объ этомъ въ ту минуту было лишнее: я сама знала и громко каялась, что была дурною, невнимательной матерью. Чтобы принудить мужа ѣхать скорѣе за докторомъ, я принесла ему показать больного ребенка.

Только тогда онъ всталъ и поѣхалъ.

Увидѣвъ входившаго въ комнату съ добрымъ лицомъ старичка-доктора, который, чтобы придать мнѣ бодрости, началъ шутить надъ моимъ страхомъ,—я на минуту оживилась надеждой.

Докторъ началъ разсматривать Сашину головку и глаза, а я въ то время съ замираніемъ сердца слѣдила за выраженіемъ его лица, а оно становилось все серьезнѣе и серьезнѣе. И прежде чѣмъ докторъ успѣлъ что либо сказать, сердце матери уже произнесло: «умреть», и, прижавшись головой къ кровати, я зарыдала.

Мужъ въ это время свѣтилъ доктору и, обернувшись ко мнѣ, замѣтилъ:

— Нашла время свою чувствительность выказывать. Теперь плачетъ, а прежде ребенка по цѣлымъ часамъ оставляла на рукахъ няньки или солдата.

— Правда, правда!—рыдала я.

Докторъ такъ разсердился на мужа, что даже топнулъ на него ногой.

— Какъ вамъ не стыдно терзать ее въ подобную минуту!—крикнулъ онъ и, подойдя ко мнѣ, началъ успокоивать.

— Не плачьте, голубушка, Богъ дастъ, вашъ малютка поправится, а мы все сдѣлаемъ, что въ нашихъ силахъ,—и опять обратился къ мужу.

— Вмѣсто того, чтобы жену утѣшить, ободрить, вы еще больше ее огорчаете. Ужъ будто вы сами-то были всегда хорошимъ отцомъ!

И вслѣдъ затѣмъ докторъ началъ энергично распоряжаться: Оома сбѣгала въ аптеку, Василиса принесла ведро съ водой, которую докторъ сейчасъ же велѣлъ вылить на Сашину головку. Послѣ этого тотъ на минуту пришелъ въ себя и произнесъ «няня». И какъ же мнѣ было больно, что это слово не было «мама».

— Съ такой формой головы дѣти почти всегда кончаютъ водяной,—говорилъ докторъ,—и гдѣ онъ могъ у васъ такъ простудиться?

— Еще бы съ такой вѣтреной мамашей не простудиться!—не могъ не уколотъ меня мужъ.

А я и безъ этого сходила съ ума при мысли, что Саша, можетъ быть, изъ-за меня умираетъ, и давала себѣ клятву, что, если онъ изъ-за меня умретъ, убить себя.

Во время объясненій доктора съ мужемъ о простудѣ въ ихъ разговоръ вмѣшался Оома.

— Ваше благородіе, Сашенька вѣрно вчерась простудился, когда я его носилъ возлѣ казармъ. Вѣтеръ со всѣхъ сторонъ дулъ; а вы, ваше благородіе, еще велѣли съ него платочекъ снять, что барыня подѣ фуражку подвязала; еще сказали: «сними платокъ, а то онъ словно дѣвчонка: на васъ офицеры изъ оконъ смотрятъ».

Хотя рассказъ Оомы не измѣнялъ дѣла,—Саша все равно умиралъ,—но послѣ его словъ все-таки у меня на душѣ стало легче: значить, не я была причиной Сашиной болѣзни, а мужъ, послѣ же разказа Оомы, кажется, почувствовалъ себя неловко, потому что сейчасъ же началъ собираться на дежурство, хотя еще было очень рано...

Ни энергичное лѣченіе доктора, ни мой уходъ за больнымъ, ничто не помогло—Саша умеръ.

Его смерть произвела на меня потрясающее впечатлѣніе, хотя она была и сравнительно легкая: онъ умеръ безъ сознанья, во снѣ. Но меня больше всего истерзали собственныя мысли и вслѣдствіе ихъ нравственныя мученія. Тутъ были и поздніе упреки совѣсти, что я могла быть лучшей матерью, и что любовь къ Боброву отодвинула въ моемъ сердцѣ Сашу на второй планъ. Но тяжелѣе всего были тѣ минуты, когда, какъ будто, мнѣ кто нашептывалъ, что съ Сашиной смертью я дѣлаюсь свободной; что теперь мнѣ легче разстаться съ мужемъ, и будетъ меньше препятствій къ совмѣстной жизни съ Владимиромъ.

Я старалась отгонять эти мысли отъ себя, но онѣ лѣзли въ голову, и когда я, забывшись, начинала мечтать, что ухожу отъ мужа, радостное чувство помимо моей воли охватывало меня. Я проклинала себя за эту преступную радость, называла себя презрѣннымъ созданіемъ и, чтобы отогнать ее, начинала молиться, но и во время молитвы предо мною рисовались картины новой жизни...

Тогда я поняла, для чего люди носили вериги, бичевали себя... И я въ тѣ минуты жаждала сильной физической боли и, чтобы заглушить въ себѣ жажду счастья и свободы, била себя въ грудь, кусала руки и измученная бросалась къ ногамъ умирающаго сына.

XXVI.

Сашу отпѣвали въ полковой церкви, и, хотя день былъ не праздничный, но народу собралось много. Пришли офицеры съ женами, жившіе въ казармахъ, ихъ денщики, кухарки; и все это пришло посмотреть на наше горе. Я стояла въ головахъ гробика и не плакала, а только смотрѣла на блѣдное, словно восковое личико Саши. Помнится, что, кромѣ страшной усталости, я ничего тогда не чувствовала и равнодушно относилась ко всему, что во-

кругъ меня происходило. Ко мнѣ многіе, даже незнакомые, подходили выразить свое сочувствіе, но меня оно тяготило. Мнѣ хотѣлось только тишины и покоя.

Подошла и Николаева съ заплаканными глазами.

— Не могу безъ слезъ на него смотрѣть,—показывала она на Сашу,—разсказываютъ, что вы его простудили? Бѣдный мальчикъ— за нимъ нужно было смотрѣть и въ вѣтеръ не выносить... Повѣрите ли, мнѣ всегда казалось, что онъ скоро у васъ умретъ?

Ея говоръ, какъ несносное жужжаніе мухи, раздражалъ, но не огорчалъ меня.

— Вы бы поплакали,—подопла ко мнѣ г-жа Паукова,—а какъ дома-то, господа, она плакала,—словно извиняя меня передъ окружающими, сказала она.

Но зато мой мужъ съ заплаканнымъ лицомъ суетился вольѣ гробика: то поправлялъ на немъ кисею, то подушечку, и до отпѣванія всеѣмъ разсказывалъ, что положилъ въ гробикъ любимую Сашину игрушку.

— Обманулъ малышъ,—слезливымъ голосомъ повторялъ онъ:—думалъ—вырастетъ, офицеромъ будетъ.

Окружающіе, снисходительно улыбаясь, говорили:

— Добрякъ, видно, что сына любилъ.

Но вотъ въ облаченіи вышелъ изъ алтаря отецъ Василиій и звучнымъ басомъ началъ отпѣваніе. Сзади меня всхлипывалъ Ѳома, громко причитала Василиса, а я все стояла, какъ деревянная. Когда мы шли за гробикомъ на кладбище, мужъ упрекалъ, что я дома своими слезами надоѣла ему, а гдѣ нужно плакать—стою, какъ истуканъ. И Василиса, когда мы вернулись домой, разсказала, что народъ въ церкви меня осуждалъ за то, что я не плакала.

— Вы бы, барыня, хоть для виду въ церкви поплакали.

Я же только просила оставить меня въ покоѣ. Мужъ затѣялъ поминки: пригласилъ отца Василя и нѣкоторыхъ офицеровъ; я ушла въ спальню и объявила, что не выйду къ столу, и была такъ утомлена, что, какъ только легла на кровать, сейчасъ же заснула. Разбудилъ меня громкій говоръ и смѣхъ собравшихся на поминки гостей.

Съ пробужденіемъ у меня исчезла и та апатія, которая овладѣла мною въ церкви: теперь уже невыразимая тоска сжимала мнѣ грудь, и, упавъ лицомъ въ подушки, я рыдала. Въ эту минуту доносившійся до меня смѣхъ былъ невыносимъ, но вдругъ все смолкло, и чрезъ минуту зазвѣли «вѣчную память». Священнику подтягивали все гости. Я еще стояла на колѣняхъ и молилась, когда опять застучали ножами, раздались веселые голоса, и Василиса вбѣжала ко мнѣ въ комнату съ тарелкой киселя, она начала меня упрашивать поѣсть за упокой Сашиной души, и, ка-

жется, очень обидѣлась, когда я отказалась отъ киселя и попросила уйти.

— У насъ все не такъ, какъ у добрыхъ людей,—уходя, ворчала она.

А мужъ, несмотря на мои просьбы оставить меня въ покоѣ, все-таки привелъ ко мнѣ отца Василия, а за ними вошли и всѣ гости. О. Василий былъ веселаго нрава священникъ, любившій въ компаніи пошутить и посмѣяться. Онъ и теперь вошелъ ко мнѣ съ веселымъ лицомъ.

— Все, Елена Вячеславовна, печали предаются,—говорилъ онъ,—и заупокойной трапезы не захотѣли съ нами раздѣлить. Конечно, Сашеньку жаль; а только вы и Петръ Петровичъ—люди молодые: Богъ дастъ, скорехонько и другой Сашенька будетъ.

Подпившіе гости, обрадовавшись этой темѣ, уже говорили двусмысленности.

Къ счастью, скоро пришелъ лѣчившій Сашу докторъ Сергѣевъ. Онъ мнѣ принесъ успокоительное лѣкарство и сейчасъ же вывелъ изъ моей спальни гостей, ссылаясь на то, что я слишкомъ утомлена, и мнѣ нужно заснуть.

Но спать теперь я уже не могла: приходили на память тѣ многія слова, которыя умѣлъ говорить Саша, его ласки ко мнѣ, и я чувствовала себя совсѣмъ безъ него осиротѣлой. Даже свобода, такъ страстно прежде желаемая, уже не прельщала меня, только хотѣлось, чтобы былъ возлѣ меня сочувствовавшій моему горю человекъ, съ кѣмъ я могла бы говорить о Сашѣ. И я вспомнила о Владимірѣ. «Вѣроятно, и онъ въ это время изъ-за меня изстрадался—отчего не идетъ?»

Только что гости отъ насъ разошлись, какъ въ гостиной я услышала его голосъ. Забывъ всякую осторожность, я вскочила съ кровати и при мужѣ въ слезахъ бросилась къ нему. Но онъ успѣлъ остановить меня, схватилъ протянутыя къ нему руки и спокойно сказалъ:

— Успокойтесь, вы такъ разстроены. Я вполне понимаю, какъ вамъ должно быть тяжело.

Его тонъ обдалъ меня холодомъ; я хотѣла заговорить, но не могла и только смотрѣла на него глазами, полными слезъ. Но онъ уже теперь смотрѣлъ на меня съ сожалѣньемъ и воскликнулъ:

— Какъ вы измѣнились! Васъ узнать нельзя.

Не обративъ вниманія на его слова, я начала рассказывать про бодръизнь и смерть Саши и опять заплакала.

— Довольно этой музыки!—замѣтилъ мужъ и заговорилъ съ Бобровымъ о постороннихъ предметахъ. Они оба смѣялись, а я теперь плакала уже отъ обиды, что Владиміръ отнесся холодно къ моему горю—мнѣ даже было неприятно, зачѣмъ онъ въ этотъ день одѣтъ такимъ щеголемъ и смѣется, когда я плачу. «Но,

можетъ быть, это равнодушіе къ моему горю только при мужѣ»,—успокаивала я себя. Но когда и мужъ ушелъ изъ комнаты, я не замѣтила въ глазахъ Владимира къ себѣ участія—онъ только опять началъ удивляться, какъ я въ это время измѣнилась, и, вдругъ переѣнивъ разговоръ, заговорилъ, что онъ на этихъ дняхъ познакомился съ семействомъ генерала Попова, и что дочь генерала Нина—писанная красавица. Меня уколола его похвала другой женщиѣ, и я невольно бросила на себя взглядъ въ зеркало и сильно сконфузилась, увидавъ свое некрасивое лицо: носъ и глаза распухли, губы запеклись, а при этомъ растрепанные волосы.

Я тотчасъ ушла въ спальню, чтобы примочить глаза холодной водой и причесаться. Но, стоя передъ туалетомъ и расчесывая волосы, я вдругъ, вспомнила въ гробу блѣдное личико съ бумажнымъ на лбу вѣничкомъ... Гребень выпалъ изъ моихъ рукъ, и, позабывъ, что отъ слезъ пухнетъ лицо, я опять еще сильнѣе заплакала.

А Бобровъ подошелъ къ моей двери и уже пропался.

Но мнѣ было такъ тяжело, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обидно на него, что я не только не вышла къ нему проститься, но и ничего не отвѣтила.

XXVII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Саши, когда мужъ былъ снова дежурнымъ, ко мнѣ неожиданно пришелъ докторъ Сергѣевъ со своей дочерью, Ольгой, и оба объявили, что, по приказанію одной доброй старушки Татьяны Петровны, они пришли забрать меня, хотя бы силою, и доставить къ ней. Я поняла, что добрый докторъ, который еще во время болѣзни Саши выказывалъ мнѣ большое участіе, теперь хочетъ развлечь меня. Но я такъ тосковала по Сашѣ, что не хотѣла никуда итти изъ дома и теперь отказалась, ссылаясь на то, что Паукова обѣщала прійти ко мнѣ на цѣлый день; но Сергѣевы слушать ничего не хотѣли, а Ольга Николаевна, узнавъ у Василисы, гдѣ спрятана моя кофточка и шляпка, сама сбѣгала за ними и вмѣстѣ съ отцомъ меня одѣли и, взявъ подъ руки, вывели изъ квартиры.

Такимъ образомъ я очутилась въ семействѣ Николая Ѳедоровича Сергѣева, и сразу почувствовала себя въ этой семьѣ, какъ у самыхъ близкихъ родныхъ.

Сынъ доктора, Игнатій Николаевичъ, небольшого роста, толстенный студентъ, похожій, какъ двѣ капли воды, на свою сестру Ольгу, встрѣтилъ меня еще въ передней и объявилъ, что изъ рассказовъ отца давно меня знаетъ и очень мнѣ симпатизируетъ.

— Прежде всего пойдѣте къ мамѣ, — говорилъ онъ, — это она придумала васъ къ намъ затащить.

Въ кухнѣ между двумя денщиками суетилась сѣденькая старушка въ бѣломъ чепчикѣ и шведскомъ передникѣ. Она такъ была похожа на своихъ дѣтей, что я сейчасъ же догадалась, что это—жена доктора, Татьяна Петровна, а та, какъ увидѣла меня, сейчасъ же обняла и поцѣловала.

— Голубушка моя, какая вы молоденькая, а ужъ успѣли съ горемъ познакомиться,—ласково сказала она, и начала рассказывать, что и сама скоронила двухлѣтняго сына и понимаетъ мое горе.

Игнатій ей замѣтилъ, зачѣмъ она меня разстраиваетъ. напоминая о смерти моего сына.

— Ну тебя!—махнула мать на него рукой,—у васъ все по-новому, выражай и утѣшай горе все какимъ-то особеннымъ образомъ, а я ее такъ буду утѣшать, какъ меня самое въ старину добрые люди утѣшали. Да, голубушка моя,—опять обратилась она ко мнѣ,—безъ горя на свѣтѣ не проживешь; у каждаго какое нибудь да есть, можетъ быть, ваше горе еще меньше, чѣмъ у другихъ. Вотъ хоть на это посмотрите,—и она подвела меня къ кровати, гдѣ спали прикрытыя солдатской шинелью двѣ дѣвочки: одна лѣтъ двухъ, а другая еще меньше.

— Вчера чухонка принесла ихъ,—рассказывала Татьяна Петровна,—всѣ трое были голодныя, мать, какъ только мы ее накормили, начала просить не выгонять ихъ, а дать какую нибудь ей работу. Я хотѣла сегодня заставить ее бѣлье вымыть, а она вдругъ ночью заболѣла. Николай Ѳедоровичъ нашелъ у нея тифъ и положилъ въ больницу, и ея дѣти, какъ видите, остались у меня, и я не знаю, что съ ними теперь и дѣлать—на улицу не выбросишь, а всѣхъ бѣдныхъ финновъ, которые мрутъ отъ голода, въ свою кухню не заберешь. Вотъ и этихъ мои дѣти голодныхъ съ улицы привели,—указала она на дѣвочку лѣтъ десяти и мальчика восьми, которые, стоя у кухоннаго стола, доставали изъ деревянной чашки горячій картофель и чистили. Дѣвочка, когда мы подошли къ нимъ, присѣла по-чухонски.

— Два мѣсяца, какъ у насъ живутъ,—продолжала Татьяна Петровна.—Оля дѣвочку по-русски начала учить, она уже нашу рѣчь понимаетъ и начинаетъ читать; а я ее бѣлье учу шить.

А Игнатій Николаевичъ восхищался мальчикомъ и, повернувъ его ко мнѣ лицомъ, просилъ замѣтить, какіе у того смышленные глаза.

Всѣ эти дѣти мнѣ только напоминали моего, лежавшаго въ могилѣ, и я расплакалась.

Татьяна Петровна при этомъ испугалась и растерялась и приказала своимъ дѣтямъ скорѣе меня чѣмъ нибудь постараться развлечь.

— Пойдемъ въ мою комнату,—предложила Ольга Николаевна и, когда мы пришли въ нее, сказала:—вотъ моя спальня и кабинетъ—не правда ли, прелестная комната?—большая и свѣтлая.

Но по-моему эта комната скорѣе годилась для ея брата, чѣмъ для нея. Тутъ не было, какъ я привыкла видѣть у молодыхъ барышень, ни кружевныхъ занавѣсокъ, ни столика туалетнаго, убраннаго кисеей съ розовыми или голубыми бантами, даже ни одной женской вещи. Стояла желѣзная, правда, очень опрятная, кровать, возлѣ нея комодъ, на немъ небольшое складное зеркало, письменный большой столъ и нѣсколько буковыхъ стульевъ. Но зато вездѣ были книги. Онѣ лежали и на письменномъ столѣ, и на комодѣ, и на стульяхъ, и даже на полу. Въ углу стоялъ сложенный изъ человѣческихъ костей скелетъ, на который я со страхомъ и отвращеніемъ посматривала. Когда я спросила, зачѣмъ онъ находится въ ея спальнѣ, Ольга Николаевна объяснила, что готовится на фельдшерицу, но не теряетъ надежды быть со временемъ и докторомъ. А братъ ея началъ смѣяться надъ моею трусостью передъ скелетомъ. Надѣвъ черепъ на свою голову, онъ подошелъ ко мнѣ и настоялъ, что я поборолла свою трусость и взяла черепъ въ руки; при этомъ онъ мнѣ разсказалъ, что вечеромъ они переносятъ скелетъ въ гостиную, и отецъ имъ читаетъ остеологию и анатомію.

Съ молодыми Сергѣевыми я скоро такъ сошлась, какъ будто знала ихъ цѣлые годы. И они просили откинуть церемоніи—звать ихъ просто Ольгой и Игнатіемъ, а не величать по отчеству.

Братъ и сестра любили, видимо, очень другъ друга, хотя другъ надъ другомъ и подтрунивали. Ольга дразнила брата какой-то еврейкой, которую онъ развиваетъ, а тотъ изводилъ ее Желтковымъ, увѣряя, что они созданы другъ для друга и оба страдаютъ міровой скорбью.

Наконецъ разговоръ потерялъ шуточный тонъ, и Игнатій началъ мнѣ разсказывать про Петербургъ, про учащуюся молодежь и про стремленіе этой молодежи къ новымъ идеаламъ; въ это время въ комнату вошелъ Николай Ѳедоровичъ. Я думала, что Игнатій при отцѣ переѣвнитъ разговоръ, но, къ моему удивленію, приходъ отца его не смутилъ, и онъ продолжалъ разсказывать, а докторъ, придвинувъ къ намъ стулъ, сѣлъ возлѣ насъ и тоже началъ слушать, что разсказывалъ сынъ. Наконецъ они заспорили, и я еще съ большимъ удивленіемъ замѣтила, что Игнатій смѣло возражаетъ отцу. Подъ конецъ докторъ сказалъ сыну:

— Ты, можетъ быть, и правъ—я мало знакомъ съ нынѣшней молодежью, и еще менѣе съ ея идеалами, но по твоимъ словамъ заключаю, что ваши идеалы реальнѣе нашихъ—людей сороковыхъ годовъ.

Когда Николай Ѳедоровичъ ушелъ, Ольга замѣтила брату.

— Я вижу, Игнатій, что папочка еще и до сихъ поръ огорченъ, что ты не хочешь окончить университетъ и поступаешь на заводъ учителемъ.

— Не могу же я для его спокойствія жертвовать своими убѣжденіями,—пожавъ плечами, отвѣтилъ тотъ.

— Неужели онъ вамъ позволить не окончить университета?—спросила я.

— Насъ папочка ни въ чемъ не стѣсняетъ,—отвѣтила Ольга за брата, — онъ всегда говоритъ: мое дѣло было дать вамъ образование, а, когда вы сдѣлались взрослыми, даю свой совѣтъ; примете ли вы его или нѣтъ, это уже ваше дѣло, навязывать вамъ своихъ совѣтовъ не стану.

А я въ это время вспомнила своего отца, вспомнила, какъ дрожала, только слышавъ его шаги.

— Удивительный у васъ отецъ,—замѣтила я.

— И наша мамочка—одна прелесть,—сказалъ съ любовью въ голосъ Игнатій:—она насъ всѣхъ тоже обожаетъ, но иногда боится согласиться съ нашими взглядами, хотя я увѣренъ, что въ душѣ ихъ и раздѣляетъ; но ей все кажется, что если она согласится съ нами, то мы натворимъ такихъ бѣдъ, что сами отъ нихъ погибнемъ.

Мои новые знакомые все болѣе и болѣе удивляли меня и вмѣстѣ съ тѣмъ и очаровывали; я еще никогда не встрѣчала такой молодежи: у обоихъ, брата и сестры, проглядывало одинаковое желаніе — такъ устроить свою жизнь, чтобы непременно приносить кому нибудь пользу; жить не для одного своего личного счастья, но и для счастья другихъ.

Сравнивая идеалы моихъ новыхъ знакомыхъ съ идеалами Желткова, я находила между ними много общаго.

Вечеромъ я уже рассказала Сергѣевымъ всю свою жизнь, только не упомянула о любви къ Боброву. Мое намѣреніе разстаться съ нелюбимымъ мужемъ и жить самостоятельнымъ трудомъ молодыми Сергѣевыми было вполне одобрено. Мнѣ казалось, что отъ этого я даже поднялась въ ихъ глазахъ.

— Вы поступаете честно, — говорили они: — не слѣдуетъ ѣсть хлѣбъ чловѣка, котораго вы не можете ни любить, ни уважать.

Но старики мое намѣреніе разстаться съ мужемъ приняли иначе.

Николай Федоровичъ, подсѣвъ ко мнѣ, спросилъ, хорошо ли я обдумала этотъ серьезный шагъ.

— Не слишкомъ ли вы строги къ своему мужу? Мы часто обвиняемъ чловѣка, когда сами бываемъ кругомъ виноваты. Сначала подумайте хорошенько, а потомъ уже рѣшайтесь.

Я призналась, что не люблю моего мужа, и что мнѣ даже невыносимо его присутствіе.

— Я его даже больше, чѣмъ не люблю—я его ненавижу.

— Да, пожалуй, лучше ужъ разойтись, чѣмъ жить съ ненавистнымъ всю жизнь чловѣкомъ,—сказалъ докторъ:—но какъ же вы обойдетесь безъ его согласія? Вамъ нуженъ паспортъ—безъ него вамъ нигдѣ нельзя будетъ жить.

— Нельзя ли какъ нибудь заставить его, или повліять на его слабую струнку?— замѣтилъ Игнатій.— Не безпокойтесь, что нибудь придумаемъ!— ободрялъ онъ меня:— главное, какой вы выберете для себя трудъ?

Мое желаніе поступить на сцену сначала ни Игнатій, ни Ольга не одобрили.

— Театръ людей портить,— говорилъ Игнатій:— развиваетъ честолюбіе, зависть, эгоизмъ, и мнѣ кажется, что закулисной жизни вы не вынесете.

Но, какъ мы всѣ ни думали, все-таки пришли къ тому заключенію, что, не будучи специально подготовлена къ какому либо труду и при этомъ не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, я могу найти единственный выходъ изъ моего положенія: это поступить на сцену, если еще при этомъ у меня дѣйствительно окажутся способности.

Старикъ Сергѣевъ, вѣрный себѣ — дать совѣтъ, а не навязывать его, молчалъ. Но Татьяна Петровна сердилась на дѣтей, зачѣмъ они сбиваютъ меня своими совѣтами, и все говорила, что если въ жизни я буду несчастна, то у нихъ за меня на душѣ будетъ грѣхъ. Разсуждали мы объ этомъ долго, и не только въ гостиной, но и тогда, когда я съ Ольгой легла спать въ одной комнатѣ. Домой меня Сергѣевы по случаю дурной погоды не пустили.

— Что вамъ дѣлать одной дома?— говорили они:— завтра утромъ послѣ чая домой и пойдете.

Было уже далеко за полночь, а я съ Ольгой все еще разговаривала. Мы говорили не только обо мнѣ, но и о назначеніи чело-вѣка, о его трудѣ и въ чемъ должно заключаться его счастье.

Наконецъ, наговорившись досыта, мы обѣ крѣпко заснули.

XXVIII.

Я ушла отъ Сергѣевыхъ въ десять часовъ утра. Пока я была съ ними, я ожила: отъ нихъ вѣяло новой жизнью, которая интересовала и привлекала меня; но только я вышла на улицу, какъ все мое оживленіе исчезло, особенно, когда я начала думать о своемъ домѣ, который послѣ смерти Саши мнѣ сталъ еще ненавистнѣе, тѣмъ болѣе, что наши отношенія съ мужемъ теперь еще больше обострились. У насъ уже были разныя комнаты; я перешла въ дѣтскую и ночью спала, запершись на замокъ, а днемъ, чтобы не оставаться съ мужемъ наединѣ, старалась, чтобы всегда возлѣ меня кто нибудь былъ, Василиса или Тома.

Погода въ это утро гармонировала съ моимъ тяжелымъ настроеніемъ: небо мутное, въ воздухѣ туманъ, улицы и крыши домовъ мокрыя и блестятъ, словно покрытыя лакомъ, а старый сѣрый

домъ, гдѣ мы живемъ, смотреть на меня угрюмо и непривѣтливо. Но вотъ и крыльцо, на которое мнѣ такъ не хочется войти; возлѣ дверей сидитъ Василисина кошка и ждетъ, чтобы дверь открыли. Увидавъ меня, она поднялась на лапки и, выгнувъ спину и поднявъ хвостъ, трется возлѣ моего платья. Чтобы протянуть время, я начинаю ее ласкать, а сама смотрю на окно спальни. Увидѣвъ, что на немъ спущена штора, мнѣ дѣлается на душѣ легче. Рѣшивъ, что мужъ еще спитъ послѣ дежурства, я смѣло вхожу въ кухню. Въ ней нѣтъ никого, у плиты стоитъ съ трубой самоваръ и уныло гудитъ.

Говорятъ, что къ ссорѣ воетъ самоваръ,—мелькнуло у меня въ головѣ, и я вхожу въ гостиную. Здѣсь Ома поднимаетъ съ полу коверъ и еще не видитъ меня.

— Спитъ баринъ?—спрашиваю я шопотомъ.

Онъ быстро оборачивается, лицо у него испуганное, бросаетъ коверъ на полъ и загораживаетъ мнѣ руками дорогу.

— Сударыня, уходите, баринъ...

Но баринъ уже стоитъ на порогѣ, онъ безъ сюртука, волосы всклоочены.

— Что случилось?...—начала было я, но мой голосъ пресѣкся, когда я увидала лицо мужа, искаженное злобой и глядѣвшее на меня исподлобья.

— Отъ любовника пожаловали?—стиснувъ зубы, шипитъ онъ.

Мнѣ дѣлается такъ страшно, что я хватаюсь за Ому, но мужъ, какъ развирѣбѣвшій звѣрь, бросается на меня.

— Развратница! только что схоронила сына!—кричитъ онъ хриплымъ голосомъ.

Я чувствую страшную боль въ лицѣ. Я пошатнулась, но стою на ногахъ, второй ударъ, и я упала, ударившись головой объ полъ.

— Все кончено,—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Ваше благородіе, баринъ!...—и я вижу, что Ома отлетаетъ къ двери.

Но я не лишилась еще чувствъ, приподнимаюсь на локоть и говорю:

— Его люблю, тебя ненавижу.

Мужъ опять бросается ко мнѣ и начинаетъ бить.

Ома рассказывалъ, что я кричала, но я этого не помню. Помню только сначала страшную боль. Мужъ билъ кулаками, ногами во что ни попало. Боль дѣлалась все тупѣе и тупѣе. Какъ во снѣ, я слышала крики Омы, Василисы; и осталось въ памяти, что, когда я думала, что умираю, мнѣ было пріятно.

Придя въ себя, я увидѣла, что лежу на своей кровати, и первое лицо, бросившееся мнѣ въ глаза, было испуганное и заплаканное лицо мужа.

— Слава Богу, не умерла, — говоритъ онъ и бросается передо мной на колѣни.

— Прости меня, Леля, прости, — я тоже страдалъ, читая эти письма, — и онъ указалъ рукой на столъ, гдѣ лежалъ переплетъ, въ которомъ я прятала письма Владимира, и сейчасъ же началъ умолять покаяться ему во всемъ. Про мою любовь онъ разспрашивалъ цинично, грязно. Когда же я увѣряла, что не была любовницей Боброва, онъ не вѣрилъ.

— Лжешь, лжешь! — кричалъ онъ и, кажется, опять готовъ былъ меня бить.

Но больше всего я страдала, когда онъ начиналъ громко читать письма Владимира, и каждое слово перетолковывалъ по-своему. Я умоляла его разорвать или сжечь письма, потому что слышать дорогія для меня слова, грязно перетолкованныя, мнѣ было больнѣе его побоевъ.

А онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ и угрожалъ показать письма не только всѣмъ знакомымъ, но даже хотѣлъ громко прочесть ихъ въ полковой канцеляріи и сдѣлать насъ обоихъ посмѣшищемъ всего полка. Эта угроза была самая страшная: не такъ я боялась за себя, какъ за Владимира.

У меня вдругъ явилась смѣлая мысль. Когда мужъ, положивъ возлѣ себя на столѣ письма, сталъ закуривать папироску, я схватила письма и бросила ихъ въ топившуюся въ это время печку. Это было дѣломъ одной минуты. Когда же я не допускала мужа къ печкѣ, онъ такъ толкнулъ меня, что я сильно ударилась бокомъ о столъ. Онъ же бросился доставать руками уже объятую пламенемъ бумагу, но только успѣлъ вытащить часть и то обгорѣвшихъ лоскутковъ, на которыхъ уже трудно было понять что либо написанное.

Я торжествовала, хотя чувствовала, какъ я разбита, и какъ все у меня болитъ.

Вдругъ, черезъ нѣсколько времени начались рѣзкія сильныя боли, и я съ испугомъ догадалась объ ихъ причинѣ.

Первою моею мыслью было послать за Пауковой; но мужъ, узнавъ, почему я хочу за ней послать, пришелъ въ такую ярость, что я удивляюсь, какъ онъ меня тогда не убилъ.

Я уже говорила, что мнѣ было непріятно пускаться съ нимъ въ разговоръ о моей беременности, а моя скрытность въ его глазахъ была сильнѣйшимъ доказательствомъ моей связи съ Бобровымъ. Онъ клялся, что этотъ ребенокъ незаконный, и кричалъ, чтобы я съ нимъ околѣвала.

Это слышали Оома и Василиса.

Я страдала отъ стыда и отъ болей, и смерть въ ту минуту казалась мнѣ избавленіемъ. Я даже умоляла мужа, вмѣсто того, чтобы мучить меня, — скорѣй убить.

А боли становились такъ невыносимы, что я кричала на весь домъ. Когда же я выбилась совсѣмъ изъ силъ, возлѣ меня появилась Паукова.

Впослѣдствіи я узнала, что Оома и Василиса сами, безъ приказанія барина, позвали ее ко мнѣ.

Я мучилась цѣлыя сутки, но услыхавъ, что Паукова собирается послать за докторомъ,—воспротивилась этому, боясь, что мужъ и при докторѣ такъ же, какъ и при Пауковой и прислугѣ, будетъ срамитъ меня, а я дорожила мнѣніемъ о себѣ семейства Сергѣевыхъ и предпочла стыду физическія страданія, увѣряя, что мнѣ лучше, и что мы обойдемся и безъ доктора.

XXIX.

Не помню, сколько времени я лежала, наслаждаясь покоемъ и тѣмъ; что всѣ муки уже кончились, и у меня ничего не болитъ, какъ вдругъ шопотъ въ гостиной привлекъ мое вниманіе. Можетъ быть, я и не обратила бы вниманія на этотъ шопотъ, если бы не услышала фамиліи Боброва. Я начала прислушиваться, но какъ ни напрягала слуха, ничего не могла разобрать; только одну фразу мужъ произнесъ довольно громко.

— Я самъ брошу его въ море.

Любопытство во мнѣ пересилило слабость и желаніе покоя; я встала и дотацилась до двери. Пріотворивъ ее немного, я уже могла разобрать каждое слово.

— Смотрите,—говорилъ мужъ,—какъ онъ на него похожъ.

— Не выдумывайте,—съ досадой произнесла Паукова:—неужели я хуже васъ понимаю, что этому больше четырехъ мѣсяцевъ, а вы сами говорили, что познакомились съ Бобровымъ всего только—три.

Тутъ я не выдержала и вошла въ гостиную.

Обернувшись ко мнѣ спинами, возлѣ стола стояли мужъ, Паукова и Василиса и разсматривали что-то, лежавшее на доскѣ, на которой мы рубили мясо. Мнѣ захотѣлось непременно самой на это посмотреть, и, приподнявшись на пыпочки, я взглянула. Жалость и ужасъ охватили все мое существо. Я вскрикнула, голова закружилась, и я упала на руки Пауковой, успѣвшей меня подхватить.

А мужъ и вечеромъ все не могъ успокоиться: громко бранилъ Боброва и кричалъ, что пойдетъ въ клубъ и публично дастъ ему пощечину.

— А, вѣрнѣе всего, убью,—говорилъ онъ:—я слышалъ, что въ подобныхъ случаяхъ мужъ не отвѣчаетъ передъ закономъ, если убьетъ любовника своей жены.

Наконецъ одѣлся и ушелъ.

Но я была увѣрена, что онъ не убьетъ и не побьетъ Боброва; наоборотъ надѣялась на хорошій исходъ: они обьясняются, Владимиръ расскажетъ, какъ невинны были наши отношенія; мужъ вернется домой успокоенный, попроситъ при всѣхъ у меня прощенія, и моя честь такимъ образомъ будетъ восстановлена. Но когда мужъ вернулся изъ клуба, то былъ сумраченъ и молчалъ. Наконецъ я сама его спросила:

— Что же ты ничего не говоришь,—видѣлся съ Бобровымъ?

Онъ, отвернувшись отъ меня, сердито произнесъ:

— Неловко было — людей много.

— Значитъ, ты совсѣмъ съ нимъ не разговаривалъ?

— Что жъ я развѣ его боюсь? Не только разговаривалъ, но и изъ-за картъ его вывелъ, и мы даже въ другую комнату съ нимъ пошли. Я тутъ прямо хотѣлъ ему въ морду, ну, да это еще впереди, отъ меня онъ не уйдетъ,—возвышая уже голосъ, заговорилъ мужъ.

— Говори дѣло,—перебила я его:—сказалъ ли ты ему что нибудь обо мнѣ?

— Сказалъ, что ты больна, и мнѣ на лѣченье деньги нужны.

Съ этими словами онъ выбросилъ изъ кармана на столъ скромную бумажку въ сорокъ марокъ.

— Взялъ деньги!—съ отвращеніемъ воскликнула я и отвернулась къ стѣнѣ, чтобы не видѣть лица мужа.

Мысль оправдать себя и на другой день не выходила у меня изъ головы, тѣмъ болѣе, что хотя Паукова въ разговорѣ съ моимъ мужемъ о ребенкѣ и отвергала его незаконность, но все-таки, какъ я замѣчала, вѣрила въ мою виновность. Когда я старалась выставить свою любовь къ Боброву въ идеальномъ видѣ, она иронически улыбалась и говорила:

— Ну, ну, не волнуйтесь, лежите спокойно: кто Богу не грѣшенъ?

И Василиса вздыхая повторяла часто:

— Бѣдный баринъ, вѣдь и ему обидно!

Впослѣдствіи я узнала, что это она сказала моему мужу, что я часто какія-то письма читаю и прячу въ сундукъ. Чтобы оправдать себя, я рѣшилась написать и попросить Владимира прійти къ намъ и рассказать мужу всю правду о нашей любви. Въ его любви къ себѣ я уже не сомнѣвалась и его равнодушіе въ день Сашиной смерти оправдывала. Теперь мнѣ казалось очень естественнымъ, что онъ не огорчился смертью моего сына, который для него не только былъ чужимъ, но и служилъ помѣхой къ счастью. Что Владимиръ на мой зовъ придетъ, я тоже была увѣрена — онъ такъ часто говорилъ, что любовь и дружба вполнѣ познаются только въ горѣ. А какое же горе можетъ быть больше моего: лежу

больная, за него напрасно избитая, осрамленная и жду, чтобы онъ только пришелъ и рассказалъ всю правду.

Слово «правда» я подчеркнула нѣсколько разъ.

Писала я лежа, захлебываясь слезами, онѣ падали на бумагу и размывали буквы. Написавъ письмо, я спрятала его подъ подушку и только ждала, чтобы мужъ ушелъ въ роту, а Паукова домой, тогда я могла бы переговорить съ Ѳомой, такъ какъ Василисы тоже не было дома: она ушла искать себѣ мѣсто. Когда наконецъ я осталась въ квартирѣ съ Ѳомой одна, я подозвала его къ себѣ.

— Ѳома, сдѣлаешь ли ты, о чемъ я тебя буду просить?

— Хоть въ огонь, хоть въ воду посылай, — покраснѣвъ произнесъ тотъ.

— Письмо нужно отнести. Только отдай самому въ руки. Понимаешь?

— Понимаемъ, — проговорилъ тотъ, не глядя на меня.

Но я все-таки боялась, чтобы онъ не перепуталъ и не передалъ денщику. Мое недовѣріе обидѣло Ѳому.

— Да что вы, сударыня, нешто я совсѣмъ дуракъ! Прямо, какъ есть, самому ротному въ руки отдамъ. Давай, скажу, отвѣтъ, ваше благородіе, барыня требуетъ.

Теперь я не могла дожидаться, когда придетъ Паукова или мужъ. Ѳома только тогда могъ уйти изъ дома.

Мужъ вернулся, и я слышу, какъ Ѳома говоритъ:

— Ваше благородіе, позвольте въ казармы отлучиться.

— Зачѣмъ?

— Фельдфебель прійти наказывалъ—дачки солдатскія раздають.

И я тогда только вздохнула спокойно, когда увидѣла Ѳому, промелькнувшаго мимо окна. Но скоро я опять начала волноваться, теперь уже въ ожиданіи прихода Владимира, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше; даже Паукова обратила вниманіе на то, что я то вздрагиваю, то вдругъ дѣлаюсь красная, и положила градусникъ, чтобы измѣрить температуру. Мнѣ же хотѣлось, какъ можно скорѣе, увидѣть Владимира, услышать его голосъ, встрѣтить полный сочувствія взглядъ. Что онъ придетъ, я была убѣждена. «Развѣ онъ можетъ не прійти, когда я его зову къ себѣ; онъ, вѣроятно, съ Ѳомой и придетъ» и, услышавъ, что въ кухнѣ хлопнули дверь, я вскочила на постели. А Паукова разсердилась.

— Развѣ вамъ можно такъ прыгать? — крикнула она и, взявъ градусникъ, испугалась высокой температуры, снова уложила меня въ постель и приказала не шевелиться.

Когда я услышала изъ кухни голосъ Ѳомы, мое сердце такъ начало биться, что удивляюсь, какъ оно не разорвалось.

Черезъ нѣсколько времени Ѳома вошелъ въ комнату съ графиномъ въ рукахъ. Я не спускала съ него глазъ, ожидая, что онъ

сдѣлаеть мнѣ какой нибудь знакъ, что передалъ письмо. Но Ома поставилъ графинъ на столъ и ушелъ, не взглянувъ на меня. А волненіе мое все росло, я прислушивалась не только къ проѣзжающимъ извозчикамъ, но даже къ шуму шаговъ на улицѣ. Прошло уже три часа съ тѣхъ поръ, какъ Ома вернулся, а Владимира все нѣтъ. Паукова съ моимъ мужемъ ушли въ гостиную пить чай, и я наконецъ осталась одна въ спальнѣ. Входитъ Ома; я вскакиваю на постели.

— Не засталъ дома, не передалъ вѣрно письма?

— Никакъ нѣтъ съ, письмо самому въ руки отдалъ, и все время стоялъ, пока енъ твое письмо-то читалъ, — шопотомъ сказалъ Ома.

— Ну, и что жъ, когда же придетъ?

— Сказалъ: кланяйся.

— Но вѣрно прибавилъ, что придетъ, можетъ быть, сказалъ «да»?

— Никакъ нѣтъ, только говорить «кланяйся». Я ему и про болѣзнь твою рассказалъ, онъ не спросилъ, а я самъ. Наша, говорю, барыня вчерась совѣмъ помирала. Благимъ матомъ на весь домъ кричала.

— Ну, а онъ что?

— Енъ-то? — переспросилъ Ома: — кланяться велѣлъ. Спрашиваю, отвѣтъ буде, ваше благородіе? а енъ постоялъ немного, «кланяйся», говоритъ, повернулся спиной и пошелъ.

Мнѣ вдругъ стало стыдно: казалось, что и Ома понимаетъ то презрительное равнодушіе, съ которымъ отнесся ко мнѣ Владимиръ. Но ту боль, которую я тогда почувствовала отъ подобнаго равнодушія, не умѣю ни рассказать, ни описать. Я махнула рукой, чтобы Ома ушелъ, но онъ не уходилъ.

— Вотъ, сударыня, — началъ онъ, — вы мнѣ все не вѣрили, что нашъ ротный дерется, а енъ и вчерась своо денщика въ кровь избилъ.

Я опять махнула ему рукой, и мнѣ стало такъ холодно, что я начала дрожать. Дрожала я долго и, кажется, ничего не думала, только глядѣла въ потолокъ. Потомъ обратила вниманіе, что въ домѣ всѣ бѣгали, и кто-то возлѣ моей кровати тревожнымъ голосомъ сказалъ:

— Воды, льду, за докторомъ — она можетъ умереть!

Шумъ въ ухахъ мѣшаетъ мнѣ слышать, но я чувствую, что замерзаю: особенно было непріятно ощущеніе, что все лицо у меня какъ будто изъ льда. Мнѣ что-то капаютъ на темя — я открываю глаза.

— Храбрись, дѣточка, помогай намъ, будь молодцомъ, — говорить ласковый знакомый голосъ, и желтая старческая рука протягивается ко мнѣ съ рюмкой.

Я такъ слаба, что меня приподнимають съ подушкой и вливають въ ротъ гофманскія капли; на минуту я оживаю и даже улыбаюсь доктору, — онъ такой добрый, ласково смотритъ, гладить по щекъ, словно ребенка. Мнѣ такъ хочется поцѣловать эту желтую сморщенную руку, но пошевелиться не хватаетъ силы. На минуту Тома бросается въ глаза: онъ стоитъ съ ведрами въ обѣихъ рукахъ, губа у него нижняя смѣшно дрожить и складывается въ гримасу: онъ сейчасъ заплачетъ.

— Ахъ, дурочка, дурочка! что надѣлала!—и мокрое отъ слезъ лицо мужа наклоняется ко мнѣ и цѣлуетъ.

Я хочу отвернуться отъ поцѣлуевъ и закрываю глаза, чтобы не видѣть его лица.

— Ей нуженъ покой,—говоритъ докторъ, и я вижу, что они уходятъ изъ спальни.

Должно быть, слухъ во время болѣзни дѣлается тоньше. Какъ ни тихо сказалъ докторъ, но я все-таки слышу:

— Врядъ ли выживетъ—такого малокровія въ моей практикѣ не случалось.

Слышу также, что Тома шепчетъ:

— Мы гдѣ же, Василиса Дементьевна, ея гробъ здѣсь аль въ гостиной поставимъ?

Ужасъ охватываетъ меня, и я опять начинаю дрожать.

XXX.

Несмотря на то, что меня всѣ приговорили къ смерти, я выздоровѣла.

Докторъ увѣрялъ, что я осталась жива, только благодаря своему сильному организму. Но мнѣ кажется, что я своимъ выздоровленіемъ больше всего обязана ему и его дочери Ольгѣ, которая была моей добровольной сидѣлкой. Особенно благотворно дѣйствовала она на меня въ началѣ моего выздоровленія, когда вслѣдствіе страшнаго малокровія я почти постоянно находилась въ угнетенномъ состояніи, которое иногда доходило до отчаянія. Ольга въ эти минуты развлекала, ободряла меня, рисовала жизнь впереди въ свѣтлыхъ краскахъ, говорила, что меня ждетъ свобода, самостоятельный трудъ и даже слава, рассказывала, что Игнатій уже справлялся въ дирекціи о моемъ поступленіи на сцену, и ему отвѣтили, что если у меня окажутся способности, то меня охотно примутъ.

— Выздоровливайте скорѣй,—весело говорила она: —и мы сейчасъ же начнемъ хлопотать.

— А развѣ мужъ согласится?—спрашивала я, съ тоскою глядя на нее.

— Не безпокойтесь, его уговоримъ: намъ въ этомъ случаѣ помогутъ ваши кредиторы, которые теперь постоянно сидятъ у васъ въ кухнѣ.

Она такъ была убѣждена въ согласіи моего мужа, что и я начинала надѣяться; на душѣ становилось веселѣе, и я оживала.

Чтобы ускорить мое выздоровленіе, докторъ приказалъ выносить меня въ хорошую погоду на цѣлый день въ садъ, который, къ счастью, былъ у насъ при домѣ.

Сюда доносился говоръ и стукъ топора работавшихъ на дворѣ плотниковъ, а ихъ пѣсни часто меня убаюкивали. На воздухѣ первые дни я чувствовала себя еще слабѣе, чѣмъ въ комнатѣ; мнѣ было тяжело не только разговаривать, но и думать. Я смотрѣла въ синюю даль, слѣдила за полетомъ птицъ или за безпрестанно мѣнявшимися формою облаками. Иногда мой взглядъ останавливала бабочка или муха, садившаяся ко мнѣ на одѣяло; глядя на нее, я незамѣтно засыпала. А молодой организмъ крѣпнулъ. Скоро у меня появился такой аппетитъ, что, казалось, я никогда не наѣмся; но въ то же время мы такъ были бѣдны, что, кромѣ чернаго хлѣба и гречневой каши, и то безъ масла, мнѣ дома ничего другого не могли дать.

Ольга замѣтила это и начала приносить обѣдъ со своего стола, и всегда подъ какимъ нибудь предлогомъ: то Татьяна Петровна особенно приготовляетъ какой нибудь супъ, то на обѣдъ удалась жареная курица, и она мнѣ принесла попробовать, или такія за обѣдомъ оказались вкусныя телячьи котлеты, что она попросила и мнѣ парочку завернуть.

Я начала быстро поправляться. Куда дѣвалось угнетенное расположение духа? Теперь меня все радовало, и то, что я оживаю, и солнце, и небо, и каждая травка. Съ Ольгой началъ приходить и Игнатій и иногда читалъ намъ громко.

Въ разговорахъ и чтеніи день проходилъ незамѣтно. Только вечеромъ становилось опять тоскливо. Солнце скрывалось за крыши домовъ, Сергѣевы уходили домой, и въ концѣ потемнѣвшей аллеи я замѣчала мужа. Онъ только по вечерамъ и былъ дома, а днемъ бѣгалъ отъ кредиторовъ, которые цѣлыми днями сидѣли у насъ въ кухнѣ въ надеждѣ поймать мужа дома и вытащить у него хоть сколько нибудь денегъ. Все, что только можно было изъ вещей заложить, въ это время было заложено, а лисій салопъ, единственная моя цѣнная вещь, былъ проданъ. Продать его было необходимо, чтобы расчитаться съ Василисой, которая наконецъ нашла себѣ другое мѣсто и съ насъ ушла. Кромѣ того, нужно было заплатить за труды и Пауковой. Но съ ней у насъ вышелъ цѣлый скандалъ. Мы съ мужемъ порѣшили заплатить ей сорокъ марокъ; но расплату мужъ откладывалъ со дня на день, а между тѣмъ деньги таяли у него карманѣ, какъ сахаръ, и вмѣсто сорока

марокъ онъ отдалъ Пауковой всего десять. Такой мизерной платой она ужасно обидѣлась и наговорила намъ обоимъ дерзостей. Особенно досталось мнѣ. Она упрекала меня Бобровымъ и громко кричала, что если мой мужъ не хочетъ ей заплатить, сколько слѣдуетъ, то она пойдетъ къ моему любовнику и съ того потребуетъ.

Мнѣ же въ то время напоминаніе о Бобровѣ причиняло боль— я отгоняла отъ себя всякую мысль о немъ. Что же касается нашей бѣдности, то, хотя она была и очень чувствительна, но меня не огорчала, даже наоборотъ, я только и рассчитывала, что она наконецъ принудитъ мужа согласиться на мое поступленіе на сцену. Сама я все не рѣшалась заговорить съ нимъ объ этомъ и поручила Игнатію. Но когда тотъ намекнулъ ему, что при моихъ способностяхъ къ сценѣ мнѣ хорошо бы было поступить въ театръ, мужъ ужасно разсердился.

— Не набивайте вы ей пустяками голову!—со злостью крикнулъ онъ.—Ни за что и никуда я ея не отпущу, а если вздумаетъ убѣжать отъ меня, то я ее, какъ бѣглую, черезъ полицію вытребую.

Мнѣ же потомъ съ насмѣшкой сказалъ:

— Напрасно вы ко мнѣ ходатаевъ подсылаете. Никуда вамъ отъ меня не уйти. Мечтать о свободѣ замужней женщинѣ—смѣшно.

Я кротко, какъ только могла, отвѣтила:

— Дѣло идетъ не о моей свободѣ, но о поправленіи нашихъ средствъ. Вѣдь ты самъ знаешь, какъ мы запутаны въ долгахъ. Я боксѣ, чтобы твои кредиторы не предъявили въ полкъ расписокъ, и полковникъ не предложилъ бы тебѣ выйти въ отставку.

— Ужъ не любовникъ ли вамъ совѣтуетъ поступить на сцену?—язвительно замѣтилъ онъ и больше въ этотъ разъ ничего не сказалъ.

На другой день онъ опять съ насмѣшкой спросилъ:

— Ужъ не надѣетесь ли вы получать на сценѣ большое жалованье?

На это я отвѣтила, что ничего не знаю, но Сергѣевы увѣряютъ, что мнѣ на первый разъ меньше ста рублей не предложить.

— Глупости!—презрительно махнулъ онъ рукой и замолчалъ.

Когда мужа зачѣмъ-то потребовали въ полковую канцелярію, я ужасно обрадовалась, думая, что кредиторы наконецъ предъявили свои расписки, и все время волновалась, ожидая его возвращенія. Сергѣевы раздѣляли мое волненіе, и мы опять начали строить планъ о моемъ поступленіи на сцену. Я читала передъ ними выученную мною наизусть роль «Авдотьи Максимовны» изъ драмы Островскаго «Не въ свои сани не садись».

Въ это время вернулся мужъ сумрачный, недовольный. Кажется, входя въ садъ, онъ слышалъ, какъ я читала роль, потому что ѣдко замѣтила:

— Все у васъ театръ на умѣ!

— Вѣрно расписки не предъявлены!—грустно шепнула мнѣ Ольга, и Сергѣевы начали собираться домой; а мужъ, все сумрачный, нервно курая папироску, о чемъ-то думалъ, ходя по аллеѣ, и вдругъ подошелъ къ Игнатію и, взявъ его подъ руку, сказалъ:

— Пойдемте, мнѣ нужно кой о чемъ съ вами переговорить.

Я съ Ольгой осталась сидѣть на скамейкѣ, а мужчины ходили недалеко отъ насъ по аллеѣ.

— Конечно,—говорилъ мужъ,—бабамъ нигдѣ такъ хорошо не платятъ, какъ на сценѣ, и неужели вы думаете, что и моей дадутъ хорошее жалованье?

Игнатій заговорилъ съ убѣжденіемъ о моихъ сценическихъ способностяхъ.

— Я, пожалуй, согласился бы,—долетали къ намъ слова мужа,—но только съ условіемъ, чтобы она играла въ здѣшнемъ театрѣ и постоянно была у меня на глазахъ. Я ее и на репетицію отводилъ бы и изъ театра приводилъ бы... Какъ вы думаете, дадутъ мнѣ, какъ ея мужу, даровое кресло?

А мы въ это время пожимали другъ другу руки и радостно шептали:

— Побѣда, наконецъ, побѣда!...

XXXI.

Въ полку въ это время только и говорили о двухъ происшествіяхъ. Первое, что Желтковъ на инспекторскомъ смотрѣ заявилъ претензію, но такъ волновался, что со смотра очутился въ военномъ госпиталѣ, такъ какъ захворалъ нервной горячкой. Второе происшествіе былъ нашъ семейный скандалъ.

Про меня рассказывали чудовищныя вещи. Будто бы, для того, чтобы мнѣ легче было убѣжать отъ мужа, я умышленно убила своего сына: морила его голодомъ, нарочно простуживала. Будто мой мужъ разъ, вернувшись съ дежурства, нашелъ меня на квартирѣ у Боброва и оттуда тащилъ за волосы по улицамъ до самаго дома; что у меня послѣ этого родился мертвый незаконный ребенокъ и т. д.

Къ счастью, про эти сплетни я ничего не знала. Пока была больна, лежала спокойно въ саду, а когда выздоровѣла, то такъ уже была поглощена своимъ поступленіемъ на сцену, что все остальное, какъ будто, и не существовало. Лишь одного я боялась,

чтобы ктонибудь не упомянулъ при мнѣ имени Боброва. Но все-таки мнѣ пришлось о немъ услышать.

Это было уже въ то время, когда я выздоровѣла. Разъ, когда я сидѣла съ Сергѣевыми въ саду, Ольга первая замѣтила входившую въ садъ высокую и нарядную даму подъ краснымъ шелковымъ зонтикомъ.

— Кажется, къ вамъ идетъ жена полкового командира,—шопотомъ сказала она. Игнатій же всегда избѣгалъ знакомства съ нашими полковыми дамами и, увидавъ Елизавету Ивановну, сейчасъ же исчезъ въ кустахъ; Ольга черезъ минуту послѣдовала за нимъ, и я осталась одна и съ большимъ неудовольствіемъ пошла навстрѣчу къ неожиданной гостьѣ. Все это время я старалась вычеркнуть изъ памяти событія послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ и стремилась начать жизнь при другой обстановкѣ. Елизавета же Ивановна была одна изъ героинь моего неудавшагося романа, и встрѣча съ ней не могла доставить мнѣ удовольствія ужъ изъ одного того, что она навѣрно заговоритъ о Бобровѣ. Помнила я ее гордой, насмѣшливой, и съ удивленіемъ замѣтила, что она теперь, пожалуй, не меньше меня смущена, и тонъ ея разговора со мною былъ уже не прежній.

— Заѣхала, душечка, васъ навѣстить: слышала отъ доктора Сергѣева, что вы были при смерти. Какъ вы себя теперь чувствуете?

— Благодарю васъ, здорова,—холодно отвѣтила я, и мы молча пошли по аллеѣ.

— Я слышала, что вамъ много пришлось перенести, и кромѣ болѣзней?

Я чувствовала, что сейчасъ услышу о Бобровѣ, и, чтобы отдалить это, спросила, какъ она поживаетъ.

— Отлично, какъ видите, цвѣту. Вы развѣ находите, что я не измѣнилась?

Смотря на нее, я удивлялась: неужели это—та самая Елизавета Ивановна, которую я когда-то ревновала? Передо мной была старуха, правда, сильно подкрашенная, но на воздухъ мало помогали бѣлила и румяна — изъ-подъ нихъ просвѣчивала желтая сморщенная кожа.

— Да, я похудѣла и постарѣла,—заговорила она,—а вотъ вы похудѣли и похорошѣли. Что значить молодость!—и она вздохнула.

И вдругъ съ принужденнымъ смѣхомъ заговорила:

— Я вамъ сообщу новость, которую не всѣ еще въ полку знаютъ: нашъ Бобровъ женится на дочери генерала Панова,—красивая барышня, и за ней есть деньги.

Хотя я при этомъ извѣстии и почувствовала боль, но она была не очень сильна, и я сумѣла скрыть ее отъ Елизаветы Ивановны. Мое спокойствіе ее даже рассердило,

— Зачѣмъ вы скрытничаете?—крикнула она:—я вѣдь все знаю, онъ мнѣ все про васъ рассказывалъ.

— Я не знаю, что онъ вамъ могъ рассказать,—начала я спокойно,—но если и солгалъ, то меня это не удивить: отъ такого человѣка, какъ Бобровъ, можно всего ожидать.

— Такая молодая, а уже умѣетъ притворяться,—и, не спуская съ меня пристальнаго взгляда, продолжала:—неужели вы будете меня увѣрять, что теперь, узнавъ, что онъ женится на другой и еще по любви, вы не страдаете? Я вѣдь знаю, видѣла, какъ вы его любили. Я ожидала найти васъ въ отчаяніи и пріѣхала, чтобы поговорить о немъ—я чувствовала, что вы меня поймете, вѣдь я тоже его люблю, какъ мать, люблю,—спохватилась она.

А я опять ей тѣмъ же спокойнымъ голосомъ отвѣтила:

— Вы, конечно, можете мнѣ не вѣрить, но только я вамъ откровенно скажу, что теперь я уже никого не люблю; меня занимаетъ одно—какъ бы мнѣ поступить на сцену.

— На сцену!—удивилась она:—я, кажется, что-то слышала... Ахъ, да, помню! Вы еще у насъ стихи декламировали,—и уже упавшимъ голосомъ продолжала:—конечно, вы его забудете; у васъ есть молодость, надежда на будущее, а вотъ у меня—ничего!

И на ея лицѣ выразилось такое страданіе, что мнѣ даже стало ее жаль.

Сѣвъ на скамейку, Елизавета Ивановна нѣсколько минутъ сидѣла въ грустномъ раздумьѣ, а когда взглянула на меня, то со всѣмъ неожиданно заговорила о моемъ мужѣ.

— Вы тоже не можете любить вашего мужа: онъ у васъ какой-то озорной. Да и глупъ же онъ! на примѣръ, зачѣмъ пошелъ противъ моего мужа? какой-то анонимный доносъ затѣяли! впутался только изъ любви къ скандаламъ,—и сейчасъ перешла на другую тему.

— Какое счастье, если у женщины моего возраста есть дѣти; говорятъ, матери оживаютъ въ своихъ дѣтяхъ, живутъ ихъ горемъ и радостями. Эти женщины, вѣроятно, не испытываютъ ни пустоты, ни ужаснаго сознанія, что никому не нужны. Ахъ, если бы у меня были дѣти! Мнѣ нужно къ кому нибудь привязаться... Вы поступаете на сцену, скажите, не поступить ли и мнѣ? Я въ молодости играла... да нѣтъ! теперь уже поздно... Скучно мнѣ, ахъ, какъ скучно!—и она въ отчаяніи заметалась на скамейкѣ. Потомъ опять заговорила:—Поѣдьте на мой счетъ за границу! Съ вами я не буду одна, васъ, какъ дочь, буду любить и баловать. Поѣдьте, намъ вмѣстѣ будетъ весело: мы часто будемъ о немъ говорить... Вы мнѣ съ перваго раза понравились, я только увѣряла себя, что не люблю васъ.

Я начала объяснять, что не могу ѣхать, и опять заговорила о сценѣ.

Но Елизавета Ивановна не слушала меня: ее занималъ только разговоръ о Бобровѣ.

— Я думаю, онъ Нинку Панову не долго будетъ любить! Онъ не можетъ долго любить... А вѣдь какой хитрый: при мнѣ ее никогда не хвалилъ... онъ очень уменъ и хитеръ, и, кромѣ того, красота... Теперь у него волоса лѣзутъ, и онъ подурнѣлъ, но, когда только что прибылъ въ полкъ, это была картина.—И вслѣдъ затѣмъ Елизавета Ивановна начала рассказывать, какъ она сразу приласкала Боброва, взяла подъ свое покровительство, какъ онъ рисовалъ ея портретъ въ костюмѣ маркизы.—Онъ меня увѣрялъ,—рассказывала она,—что въ моемъ лицѣ есть сходство съ портретомъ Маріи Стюартъ.

Ей, видимо, доставляло наслажденіе, какъ когда-то и мнѣ, говорить о немъ. Но зато теперь мнѣ не только скучны были ея рассказы о Бобровѣ, но они раздражали меня. Я съ нетерпѣніемъ ждала, когда она уѣдетъ, и все поглядывала въ глубь сада, гдѣ мелькали фигуры Ольги и Игнатія.

XXXII.

Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ согласился на мое поступленіе на сцену, онъ началъ и самъ объ этомъ хлопотать, свелъ гдѣ-то знакомство съ режиссеромъ Измайловымъ и наконецъ объявилъ, что тотъ обѣщалъ къ намъ зайти завтра вечеромъ прямо изъ театра.

— А ты,—сказалъ мужъ, обращаясь ко мнѣ,—похлопочи къ тому времени о выпивкѣ и закускѣ; да и сама пріодѣнься—товаръ лицомъ нужно показывать. Режиссеръ хочетъ прежде посмотреть и послушать тебя, а ужъ потомъ, если ты ему понравишься, будетъ и директорамъ рекомендовать. Я же узналъ, что на амплуа наивныхъ дѣвицъ у нихъ въ труппѣ нѣтъ актрисы.

Теперь моему волненію не было и конца.

Съ трепетомъ ожидала я компетентнаго судью. Мнѣ уже казалось, что всѣ тѣ, кто меня слышалъ и хвалилъ, ничего не понимали, а этотъ придетъ и навѣрно забракуетъ. Отъ этой мысли меня бросало въ жаръ и въ холодъ. Вторая забота—откуда я достану денегъ на угощеніе режиссера. Какъ ни ломала голову, ничего не могла придумать, но мнѣ помогъ Оома: онъ посоветовалъ продать оставшееся послѣ Саши бѣлье бѣднымъ женщинамъ, которыя у насъ жили на дворѣ. Когда я покончила съ этимъ вопросомъ, явился другой. Во что я одѣнусь, чтобы предстать предъ глазами режиссера, а также если придется пойти въ театръ? Кромѣ одного стараго платья, которое было на мнѣ, у меня ничего не было. Но тутъ уже мужъ придумалъ средство, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Онъ пригласилъ къ намъ одного изъ

нашихъ кредиторовъ, еврейку Сорку, и предложилъ за мои два платья, которыя были у нея въ залогъ, вмѣсто наличныхъ денегъ взять вексель, по которому я ей обязуюсь изъ жалованья, которое буду получать на счетъ, выплачивать каждый мѣсяцъ известную сумму. Сорка была молодая женщина, недурна собой, но ее безобразилъ черный атласный, съ бѣлымъ нитянымъ проборомъ парикъ; платье на ней было грязное и съ чужого плеча. Она передъ нами важничала, какъ хозяйка, расхаживала по нашимъ комнатамъ и, разсматривая обстановку и всѣ наши вещи, съ презрѣніемъ повторяла: «у васъ ницево нѣтъ хорошево, все копеечное».

Мужъ, восхищаясь ея наружностью, прикидывался влюбленнымъ; а я ухаживала за ней, какъ за почетной гостьей.

Сорка оказалась любительницей театра, и мое поступленіе на сцену одобрила, но сейчасъ же начала кланчить, чтобы я, когда поступлю въ театръ, доставала ей даровые билеты. Чувствуя свою власть надъ нами, она долго ломалась; не хотѣла вмѣсто вещей брать вексель. Наконецъ согласилась. Принесла два моихъ платья, а взаменъ ихъ получила вексель въ сто рублей. Оба платья не стоили и половины этихъ денегъ.

Въ тотъ же день, когда мы ожидали къ себѣ режиссера, къ намъ утромъ пріѣхали молодые Аванасьевы, а потомъ Николаевы. Аванасьевы уже съ мѣсяцъ, какъ были повѣнчаны и во время моей болѣзни пріѣзжали и съ визитомъ и меня навѣстить, но я такъ была слаба, что Ольга ихъ тогда ко мнѣ не допустила. А мнѣ уже давно хотѣлось видѣть Марью Львовну и узнать, какъ она чувствуетъ себя замужемъ. Хотя она пріѣхала нарядная и, повидимому, веселая, но я послѣ той ночи, когда она рыдала у меня на груди, не очень-то вѣрила въ ея веселость; къ тому же я нашла ее сильно похудѣвшей. Аванасьевъ наоборотъ потолстѣлъ и влюбленными глазами смотрѣлъ на жену. Уловивъ минуту, когда ея мужъ ушелъ съ моимъ въ другую комнату, она схватила мою руку и, сжавъ ее до боли, нервно произнесла:

— А тотъ-то, слышали, опять уже влюбленъ и женится на генеральской дочкѣ. Что жъ это такое! когда же онъ дождется кары, неужели его Богъ за насъ не накажетъ?

— Развѣ вы несчастливы?—съ участіемъ спросила я.

Она съ отчаяніемъ махнула рукой.

— Что обо мнѣ говорить! Для меня ужъ не можетъ быть счастья! Хотѣлось бы только мужа не сдѣлать несчастнымъ, онъ такъ меня любитъ.

Пріѣздъ Николаевыхъ помѣшалъ разговору.

Мой мужъ сейчасъ же объявилъ гостямъ, что я поступаю на сцену... Удивленью и аханью не было конца.

— Что вамъ пришло въ голову? да зачѣмъ это?—повторяли кругомъ.

Особенно меня осуждала Николаева и громко пожалѣла моего мужа, что онъ имѣеть такую жену, какъ я.

— Бѣдный Петръ Петровичъ,—говорила она,—предчувствовали ли вы, когда женились, что ваша жена поступить на сцену?—и, обращаясь къ своему мужу, сказала:

— Что, развѣ я тебѣ не предсказывала, что Елена Вячеславовна выкинетъ какой нибудь фортель?

И Аванасьеву за меня досталось.

— Вотъ,—говорила она,—вы всегда Петру Петровичу завидовали, что у него жена хороша.

— Я не одинъ завидовалъ,—съ сконфуженнымъ лицомъ произнесъ тотъ:—ему многіе въ полку завидовали, а теперь мнѣ зачѣмъ же, у меня и своя жена хороша. А только знаешь, братъ,—ударилъ онъ по плечу моего мужа:—во всемъ ты самъ виноватъ!

Прощаясь со мной, Аванасьевъ грустно сказалъ:

— Не хорошее дѣло, эту сцену, вы задумали, бросьте вы ее.

— А я вамъ такъ очень завидую,—шепнула Марья Львовна.

Николаева же не переставала удивляться тому, что мнѣ вздумалось поступить на сцену.

— Знаете ли вы,—обратилась она ко мнѣ,—что въ нашемъ офицерскомъ клубѣ актрисы не приняты? Разъ онѣ, по приглашенію знакомыхъ офицеровъ, пріѣхали, но мы, порядочныя дамы сейчасъ же уѣхали изъ клуба.

Но на меня не дѣйствовали ни порицанія, ни совѣты, и, когда гости уѣхали, я съ облегченіемъ вздохнула, начала завивать себѣ волосы и вообще прихорашиваться къ приходу режиссера. Только одна мысль огорчала меня, что вдругъ я ему не понравлюсь.

Но вотъ и девять часовъ вечера. Я въ локонахъ и черномъ шерстяномъ платьѣ przygotowляю чай.

На столѣ уже кипитъ занятый у хозяйки самоваръ (свой давно заложень). Рядомъ съ самоваромъ стоитъ тарелка, на которой лежатъ нѣсколько булочекъ, на блюдечкѣ—лимонъ, нарѣзанный ломтиками, а посреди стола бутылка съ коньякомъ.

Я ужасно волнуюсь, мнѣ уже кажется, что режиссеръ забылъ свое обѣщаніе и къ намъ не придетъ.

— Барыня, какой-то цивильной къ намъ иде!—съ вѣстью вбѣгаетъ Оома.

Не сдѣлалось ли у меня лицо отъ волненія въ пятнахъ?—и я подбѣгаю къ зеркалу. А оттуда оно безъ кровинки на меня смотритъ. Прихожу въ отчаянье. Не хороша, не понравлюсь! и, чтобы придать лицу жизни, начинаю шерстянымъ рукавомъ тереть свои щеки.

Въ передней незнакомый голосъ спрашиваетъ:

— Туда ли я попалъ? Здѣсь ли живетъ офицеръ, у котораго жена на сцену хочетъ поступить?

Я крещу грудь и стою въ гостиной, ни жива, ни мертва.

Режиссеръ Измайловъ оказался очень привѣтливый человѣкомъ. Онъ еще не старъ—лицо круглое и рыхлое, щеки и подбородокъ выбриты и отливаютъ синевой. На немъ клѣтчатыя панталоны, коротенькій пиджакъ, бѣлья не замѣтно.

— Вотъ она, наша будущая актриса!—громко говоритъ онъ, входя въ комнату.—Такую давайте намъ, хорошенькихъ и молодыхъ намъ надо.

Когда онъ уже сѣлъ на диванъ и закурилъ папироску, я съ замираніемъ сердца къ нему подошла и попросила послушать монологъ, который я выучила.

Едва я произнесла нѣсколько фразъ, какъ онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Довольно, пойдетъ, а гдѣ не такъ, мы на репетиціи поправимъ.

Его слова, хотя и успокоили меня, но мнѣ все-таки было досадно, что онъ не выслушалъ всего монолога. Скоро я замѣтила, что онъ все поглядываетъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ самоваръ, и я сейчасъ же предложила ему чая.

— Нѣтъ, ужъ позвольте одного коньячку,—произнесъ онъ, подходя къ столу.

— Ну, что скажете, пойдетъ?—спрашивалъ мужъ, подавая ему налитую рюмку.

— Пойдетъ!—увѣренно отвѣтилъ тотъ, и, чокнувшись рюмками, они осушили ихъ до дна.

За коньякомъ мужъ и режиссеръ сошлись на «ты», и скоро Измайловъ намъ уже пѣлъ комическіе куплеты, рассказывалъ про театръ, про то, въ какихъ городахъ публика подавала ему на сцену подарки.

Я сидѣла возлѣ и съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ слушала.

Къ концу вечера и мужъ, хвастая своимъ голосомъ, на весь домъ кричалъ какую-то арію, каждый куплетъ которой оканчивался словами: апельсины, лимоны хорошіе!

— Поступай и ты къ намъ на сцену,—звалъ его режиссеръ.

— А вотъ подожди, какъ выгонять въ отставку, я тогда къ вамъ и махну!

Режиссеръ отъ насъ ушелъ поздно.

Прощаясь съ мужемъ, онъ расцѣловался, а обо мнѣ обѣщалъ переговорить съ директорами.

XXXIII.

На другой день режиссеръ прислалъ мнѣ роль, а чрезъ нѣсколько дней я вмѣстѣ съ мужемъ уже шла на репетицію въ театръ. Мы останавливались на каждой улицѣ, гдѣ была приклеена

афиша, чтобы прочесть еще и еще разъ, что 27-го августа 18** г. въ комеди «Паутина» въ роли Вѣрочки выступить въ первый разъ г-жа Сокольская (подъ этой фамиліей я поступила на сцену). Радость мою, когда я шла на репетицію, трудно описать. Помнится, что мнѣ хотѣлось объявить всѣмъ встрѣчнымъ, что я артистка.

Со страхомъ и благоговѣніемъ входила я въ театръ, первая всѣмъ кланялась, даже сторожамъ, каждаго изъ нихъ останавливала и спрашивала, гдѣ режиссеръ, при этомъ не забывала прибавить, что я новая артистка, и въ воскресенье мой дебютъ. За кулисами было темно, пыльно, рабочіе передвигали декораціи, и, замѣтивъ между ними суетившагося Измайлова, я бросила мужа и побѣжала.

— Стой, стой куда ты?—закричалъ тотъ.

Но я уже схватила руку режиссера и съ чувствомъ говорила:

— Спасибо, спасибо вамъ, всю жизнь буду благодарна!

— Старался, матушка, старался,—попотомъ заговорилъ Измайловъ:—изъ-за васъ даже со многими поссорился: сначала у насъ, я уже говорилъ вашему мужу, ни одной актрисы на наивныя роли не было, а тутъ, какъ на бѣду, два письма въ контору, и нашъ комикъ Правдинъ здѣшнюю барышню рекомендуетъ, но зато уже я васъ передъ директорами и расхвалилъ! Говорю, у нея все есть: личико, фигура и талантикъ. Теперь только вы сами меня не осрамите... Ну, что рольку выучили?

— Отлично, наизусть всю знаю...

— Выручай, кутнемъ!—говоритъ мужъ, хлопая по плечу Измайлова:—а если жалованье еще ей хорошее положить, тогда я, знаешь, что тебѣ?—двѣ каны шведскаго пунша пришлю!

— Тихе ты!—остановилъ его Измайловъ и, оглянувшись, съ досадой прибавилъ:—грѣха съ вами наберешься!

На сценѣ, между тѣмъ, начали появляться артисты. Мнѣ казалось, что они нарочно вертятся возлѣ насъ, чтобы на меня посмотреть; нѣкоторые отзывали въ сторону Измайлова и, поговоривъ съ нимъ, куда-то исчезали. Наконецъ мы съ режиссеромъ пошли въ контору.

Это была свѣтлая, большая комната, гдѣ стояла конторка, два дивана, обитые клеенкой, письменный столъ, нѣсколько стульевъ. Когда мы вошли, тутъ было двое: одинъ маленькаго роста, въ пальто, въ фуражкѣ, развалился сидѣлъ на диванѣ; другой—молодой бѣлокурый офицеръ, стоя за конторкой, писалъ. Увидавъ насъ, онъ положилъ въ сторону перо и подошелъ ко мнѣ.

— Вѣроятно, дебютантка—Сокольская?—и съ поклономъ продолжалъ:—позвольте представиться—секретарь дирекціи Веселовскій.

Я поклонилась не только ему, но и мужчине, сидѣвшему на диванѣ, но тотъ не отвѣтилъ на мой поклонъ, а только выпученными глазами глядѣлъ на меня.

— Нашъ режиссеръ,—показывая на Измайлова, началъ Веселовскій:—отъ васъ, г-жа Сокольская, въ восторгѣ, мы же такъ цѣнимъ его рекомендацію, что, даже не выдавъ вашей игры, поставили на афишу. Вы, вѣроятно, гдѣ нибудь уже играли, хотя въ любительскихъ спектакляхъ?

— Нѣтъ, нигдѣ не играла,—откровенно призналась я.

Въ это время мужчина на диванѣ фыркнулъ.

— Рискованно, рискованно,—качая головой, произнесъ онъ:—съ публичкой шутить не слѣдуетъ,—и, поднявшись съ дивана, съ озлобленнымъ лицомъ ушелъ изъ конторы.

Измайловъ, оглянувшись на дверь, шопотомъ заговорилъ:

— На меня Правдинъ сердится, зачѣмъ дирекціи г-жу Сокольскую рекомендую, а вы сами видите, Михаилъ Ивановичъ, у этой и личико и манеры, а та словно чурбанъ.

— Намъ тоже г. Правдинъ,—опять обратился ко мнѣ Веселовскій,—рекомендуетъ артистку на роли ingénues, но мы уже рѣшили пригласить васъ, конечно, если удастся вашъ дебютъ.

Тутъ, мягко покашливая, выступилъ впередъ мой мужъ.

— А позвольте васъ спросить,—началъ онъ, обращаясь къ Веселовскому:—какое жалованье вы ассигнуете моей женѣ? Какъ видите, она малолѣтка, и въ денежныхъ дѣлахъ совѣмъ швахъ; что же касается условій или получки жалованья, то вы имѣете дѣло не съ ней, а со мной.

Когда мужъ говорилъ, я замѣтила, что Веселовскій, слушая его, сдерживалъ улыбку. Но, когда тотъ кончилъ, сухо ему отвѣтилъ:

— Это до меня не касается, только, кажется, есть правило платить жалованье самимъ артисткамъ, а не ихъ мужьямъ. Впрочемъ переговоры съ директорами.

И, обернувшись ко мнѣ, секретарь заговорилъ о томъ, что они надѣются, что мой дебютъ сдѣлаетъ большой сборъ, такъ какъ въ городѣ, особенно въ военномъ мірѣ заинтересованы, что на казенной сценѣ появится дама изъ ихъ круга.

Режиссеръ началъ торопить меня итти на сцену.

— Не забудьте,—говорилъ онъ,—вамъ начинать, директора навѣрно уже сидятъ въ ложѣ.

При мысли, что мнѣ сейчасъ придется играть передъ артистами и директорами, я такъ струсила, что, кажется, это отразилось на моемъ лицѣ, потому что Веселовскій съ добродушной улыбкой сказалъ:

— Не трусьте, навѣрно хорошо сыграете.

Но я трусила еще больше потому, что видѣла безпокойство Измайлова. Идя со мною на сцену, онъ все повторялъ:

— Не подведите меня, не ударьте лицомъ въ грязь. Помните, что, кромѣ васъ, въ виду еще есть три актрисы.

На меня напалъ такой страхъ, что я была увѣрена, что на репетиціи провалюсь. Я вдругъ остановилась и съ отчаяніемъ сказала:

— Я не могу играть, ни одного слова изъ роли не помню!

— Фу, ты, Господи, какъ она труситъ!—съ досадой воскликнулъ Измайловъ.—Идите, идите! Я увѣренъ, что вы всю роль помните, а если забыли—вамъ суфлеръ подскажетъ. Перекреститесь и начинайте, да не забудьте, что васъ на сцену поставилъ артистъ Измайловъ.

Сцена, на которую я робко вошла, была пуста и темна только на полу возлѣ суфлерской будки, въ низкихъ подсвѣчникахъ горѣли двѣ свѣчки; онѣ же служили и рамой для растрепанной головы суфлера. Сзади меня Измайловъ говорилъ мужу:

— Я такъ ее расхвалилъ, что, смотрите, всѣ артисты сидятъ въ ложѣ и на нее смотрятъ.

Это меня еще больше смутило.

— Господи, какъ страшно!—громко зашепталъ первыя слова моей роли суфлеръ.

Я хотѣла за нимъ повторить, но вдругъ мой мужъ остановилъ меня.

— Дай, я тебя перекрещу,—сказалъ онъ. Его благословеніе, кромѣ того, что было мнѣ неприятно, но и сконфузило, такъ какъ оно было дано у всѣхъ на виду.

Говорить я начала такъ тихо, что кто-то въ директорской ложѣ громко замѣтилъ:

— Если она и въ день спектакля такъ будетъ говорить по секрету, то ее никто изъ публики не услышитъ.

— Елена Вячеславовна, смѣлѣе, громче!—вдругъ изъ-за кулисъ раздались знакомые голоса молодыхъ Сергѣевыхъ.

Присутствіе моихъ друзей сразу меня ободрило;—я громче заговорила и смѣлѣе начала играть.

По своей роли я должна была испугаться, и испугъ у меня вышелъ такъ удачно, что въ директорской ложѣ мнѣ зааплодировали.

— Bravo, bravo, дебютантка!—произнесъ густой мужской голосъ.—Максимъ Максимычъ, дѣло-то, кажется, у насъ идетъ на ладъ.

— Непремѣнно пойдетъ, ваше превосходительство, я плохую не стану бы рекомендовать.

XXXIV.

Мой дебютъ сошелъ, хотя и не блестяще, но во всякомъ случаѣ удачно. Въ двухъ выдающихся мѣстахъ моей роли мнѣ апплодировали и со всѣми въ антрактахъ вызывали. Когда же на другой день я пришла въ театръ, режиссеръ меня похвалилъ, секретарь поздравилъ съ успѣхомъ, и со мной дирекція заключила на весь сезонъ контрактъ.

По контракту я обязалась играть роли молодыхъ дѣвушекъ въ драмахъ и комедіяхъ. Жалованье должна была получать сто ру-

блей въ мѣсяцъ и поль-бенефиса. Кромѣ того, въ контрактѣ для обѣихъ сторонъ стояла неустойка въ 400 марокъ.

Послѣ столькихъ волненій наконецъ я успокоилась. Передъ дебютомъ же такъ волновалась, что не могла ни спать, ни ѣсть, а въ день спектакля такъ струсилa, что даже режиссеръ испугался: онъ думалъ, что я отъ трусости не буду въ состояніи начать на сценѣ говорить.

Но я, хотя сначала и тихо, а все-таки заговорила; послѣ же аплодисмента (опять за испугъ) совѣмъ поправилась. Но, можетъ быть, публика потому еще отнеслась ко мнѣ на первый разъ снисходительно, что, какъ говорили, моя наружность ей понравилась. Этимъ я была обязана артисткѣ Бѣльской, которая, одѣваясь со мною въ одной уборной, замѣтила, что я совѣмъ не умѣю гримироваться, предложила меня загримировать и такую хорошенькою, что, кажется, Бобровъ въ меня снова влюбился: въ первомъ же антрактѣ онъ прибѣжалъ за кулисы и просилъ меня вызвать изъ уборной. Узнавъ, кто меня вызываетъ, я не вышла. Когда же во время дѣйствія я стояла за кулисами и ожидала своего выхода на сцену, вдругъ увидѣла возлѣ себя Боброва. Послѣ перваго дня Сашиныхъ похоронъ, когда онъ сокрушался, что мое лицо отъ слезъ такъ подурнѣло, мы не встрѣчались... теперь онъ обратился ко мнѣ со словами:

— Какъ сегодня ты хороша! Въ публикѣ тебя называютъ ангеломъ.

Только теперь я поняла, какъ его ненавижу.

— Уйдите, уйдите отъ меня,—съ безгливостью воскликнула я:—все кончено, все умерло, вы для меня не существуете.

Онъ что-то началъ говорить, но я уже отвернулась и заговорила съ Измайловымъ...

Прошло нѣсколько дней.

Послѣ дебюта я еще разъ играла въ драмѣ Островскаго «Не въ свои сани не садись». Роль Авдотьи Максимовны у меня давно была выучена, и въ ней публика еще лучше приняла меня, чѣмъ въ первый разъ. Измайловъ тоже расхваливалъ и передалъ мнѣ множество ролей. Теперь, запершись въ своей комнатѣ, я только и дѣлала, что учила роли. Вечеромъ въ сопровожденіи мужа шла въ театръ на спектакль или репетицію, а по утрамъ ходила и одна въ театръ.

Разъ прихожу на репетицію, поздоровалась, по обыкновенію, съ артистами и начинаю съ нѣкоторыми разговаривать, но по ихъ обращенію со мною скоро замѣтила, что они не такъ уже ко мнѣ, какъ прежде, относятся: до сихъ поръ всѣ были со мною любезны, а теперь какъ будто нѣкоторые даже меня избѣгаютъ; у другихъ проглядываетъ ко мнѣ жалость, и всѣ спрашиваютъ, видѣла ли я режисера и была ли въ конторѣ.

Комикъ Правдинъ, какъ я замѣчала и прежде, меня не любилъ, а въ этотъ разъ, увидавъ меня, расхохотался и, продолжая по-сматривать въ мою сторону, что-то со смѣхомъ говорилъ незнакомой мнѣ актрисѣ.

— Что это за новая актриса? — спросила я помощника режиссера.

— Дебютантка на наивныя роли, которую Правдинъ рекомендуетъ.

«Вѣдь и я на эти роли ангажирована», вспомнилось мнѣ, и, начавъ беспокоиться, я уже разыскивала режиссера, а тотъ, оказывается, ищетъ меня, но не подходитъ сейчасъ же ко мнѣ, какъ бывало это прежде, а остановился посреди сцены и официальнымъ тономъ объявляетъ:

— Госпожа Сокольская, пожалуйста въ контору, васъ директора требуютъ.

Объявилъ и, не взглянувъ на меня, началъ шутить и смѣяться съ другими актрисами.

— Что же это такое?—недоумѣваю я.—До сихъ поръ я была его любимицей, а теперь онъ на меня и не смотритъ, точно сердится.

— Максимъ Максимычъ!—зову я его громко.

Онъ сначала какъ будто не слышитъ, наконецъ, съ неохотой подходитъ.

— За что вы на меня сердитесь?

И онъ отводитъ меня въ сторону и шопотомъ говоритъ:

— Дѣло ваше плохо, за васъ и мнѣ досталось! Мы заключили съ вами контрактъ въ то время, когда губернаторъ былъ въ Петербургѣ, теперь онъ вернулся, и ему кто-то успѣлъ донести, что на нашей сценѣ играетъ жена офицера, а мы забыли, что съ давнихъ временъ существуетъ законъ, что жены офицеровъ не могутъ играть на сценѣ, и теперь директора затѣмъ васъ и требуютъ въ контору, чтобы объявить, что вы у насъ не служите.

Если бы Измайловъ мнѣ сказалъ, что я сейчасъ умру, то, вѣроятно, я не больше огорчилась бы и испугалась.

— Что же это, Максимъ Максимычъ? Помогите!—съ мольбою схватила я его за руки.

— Не просите, ничего, матушка, не могу сдѣлать!—и, высвободивъ свои руки изъ моихъ, онъ сейчасъ же ушелъ со сцены.

Съ тѣхъ поръ прошло очень много лѣтъ, но я и теперь не могу равнодушно вспомнить ту минуту, когда я вошла въ контору. Здѣсь, кромѣ директоровъ, были артисты и артистки; всѣ были веселы, смѣялись, только у меня одной былъ адъ въ груди, хотя директора отнеслись ко мнѣ сочувственно, говорили такъ мягко, но все-таки объявили, что я не служу. Свой приговоръ я выслушала безъ слезъ, но зато точно камень лежалъ на груди. Въ головѣ какъ будто шумѣло, и только одна была мысль: значить, опять все

пойдетъ попрежнему. Но когда я начала прощаться съ артистами, не выдержала, упала на стуль и зарыдала. Мои недавніе товарищи окружили меня и громко выражали свое сочувствіе, а также негодованіе по поводу того, что дирекція мнѣ отказала.

— Все это оттого,—сказаль одинъ изъ нихъ,—что вы не сдѣлали визита женѣ директора М...ва, которая сама до замужества была актрисой, а теперъ любить, чтобы новички къ ней на поклонъ являлись.

Какъ утопающій за соломинку, такъ и я схватилась за эту мысль.

— Я къ ней сейчасъ поѣду!—вскочила я со стула.

— Нѣтъ, уже поздно, — сказали артисты: — вамъ теперъ не позволять играть, главное препятствіе, что вашъ мужъ здѣсь служить.

Я опять начала плакать.

— И чего она убивается, развѣ въ Россіи одинъ театр?—сказаль кто-то.—Мы вѣдь всѣ видѣли, что можетъ играть, и будемъ ее рекомендовать.

Тутъ ко мнѣ подошла и Бѣльская.

— Перестаньте, Сокольская, плакать,—сказала она,—я о васъ сегодня же напишу знакомому антрепренеру Дорошенко, ему нужна такая, какъ вы, молоденькая актриса, и я увѣрена, что черезъ нѣсколько дней вы уже получите отъ него приглашеніе.

— Уѣхать отъ мужа! Да это было бы еще лучше!—подумала я; но сейчасъ же являлся вопросъ, согласится ли онъ отпустить меня отъ себя. Но я вдругъ рѣшилась. Во что бы то ни стало, но добьюсь, что онъ меня отпустить. Поблагодаривъ Бѣльскую, я побѣжала домой. Мужъ въ это время пилъ чай. Увидавъ мое разстроенное лицо, онъ вскочилъ со стула и бросился ко мнѣ:

— На тебѣ лица нѣтъ, что случилось?

Задыхаясь отъ волненія, я начала рассказывать, что въ здѣшнемъ театрѣ больше не служу, что мнѣ оттого отказали, что я жена офицера, а главное препятствіе, что онъ здѣсь служить, что я рѣшилась ѣхать играть въ другой городъ, и черезъ нѣсколько дней получу отъ антрепренера приглашеніе.

— Ни за что! Я тебѣ запрещаю!—закричалъ было мужъ.

Но я его прервала:

— Только въ одномъ случаѣ не поѣду, если убьешь, а то все равно, если и паспорта не дашь, то я и такъ уѣду.

— На веревкѣ назадъ притащу!

— Веревку перегрызу и уѣду!

Такимъ образомъ мы ссорились нѣсколько дней. Мужъ кричалъ, что я сумасшедшая, обѣщаль запретить въ сумасшедшій домъ, бросаль въ меня стульями и всѣмъ, что ему попадало подъ руки. А я все стояла на своемъ и говорила «уѣду».

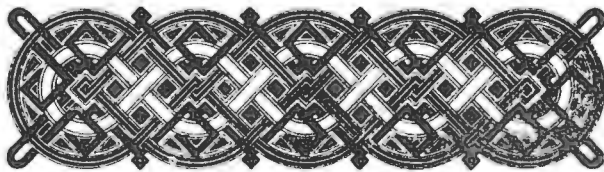
Въ это же время насъ со всѣхъ сторонъ атакывали кредиторы. Не знаю, чѣмъ бы кончился этотъ адъ, если бы не пришелъ къ намъ режиссеръ Измайловъ. Онъ мнѣ принесъ телеграмму отъ антрепренера Дорошенка, который предлагалъ жалованье—полтораста рублей въ мѣсяцъ, два поль-бенефиса и дорогу на его счетъ. Кромѣ того, Измайловъ объявилъ, что дирекція готова уплатить мнѣ неустойку въ четыреста марокъ. Мой мужъ такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что сразу повеселѣлъ и, заставивъ меня поклясться передъ образами, что я буду ему высылать каждый мѣсяцъ половину своего жалованья, —согласился меня отпустить на четыре мѣсяца.

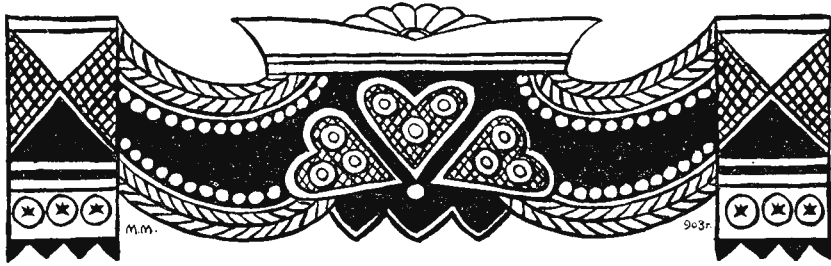
Но я долго не вѣрила своему счастью. Мнѣ все казалось, что мужъ отгѣнитъ свое рѣшеніе. Даже, когда сѣла въ вагонъ, то все себя спрашивала:

— Не сонъ ли это?

И только тогда повѣрила, когда поѣздъ помчался.

М. Е. Васильева.

КНЯГИНЯ А. П. ВОЛКОНСКАЯ И ЕЯ ДРУЗЬЯ.

(Эпизодъ изъ придворной жизни XVIII столѣтiя)¹⁾.

I.

НЗВѢСТНО, что прадѣдъ нашего великаго поэта А. С. Пушкина, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, былъ негръ. Единственныя свѣдѣнiя о юности Ганнибала сообщены намъ Пушкинымъ, по фамильнымъ преданiямъ. «Русскiй посланникъ въ Константинополь, — говоритъ онъ, — какъ-то досталъ его изъ серая, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и послалъ къ Петру Первому вмѣстѣ съ двумя другими арапчагами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ въ 1707 году²⁾, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилю Ганнибалъ. Въ крещенiи поименованъ былъ Петромъ, но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ; старшiй братъ его прiѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, и потомъ посланъ былъ въ Парижъ».

¹⁾ Эпизодъ этотъ написанъ преимущественно по документамъ Государственнаго архива, списаннымъ съ подлинниковъ покойнымъ Г. В. Есиповымъ.

²⁾ О Ганнибалѣ есть еще положительное указанiе въ счетныхъ выпискахъ изъ приходорасходныхъ книгъ кабинета: тамъ написано: «1705 года, 18 февраля, по росписи купчины Чувашева Абраму Арапу къ дѣлу мундира и въ прикладъ дано 15 рублей 15 алтынь».

Голиковъ (Дѣянія Петра Великаго, т. XV) сообщаетъ нѣкоторыя подробности о характерѣ Ганнибала: Абрамъ Петровичъ отличался особенною чуткостью. «Не проходило ни одной ночи, чтобы Петръ не разбудилъ его, а иногда и не одинъ разъ: «Арапъ!»—кричалъ Петръ,— и арапъ тотъ же часъ откликался: «чего изволите?»— «Поддай огня и доску». Арапъ подавалъ грифельную доску, висѣвшую надъ постелью царя. Петръ записывалъ, что ему приходило на мысль, и отпускалъ Абрама: «повѣсь и поди спать».

Въ 1716 году, Абрамъ оставленъ былъ Петромъ въ Парижѣ съ другими русскими заграничными школьниками. Положеніе этихъ школьниковъ въ то время было печально. Деньги на содержаніе ихъ за границу посылались къ князю Куракину, нашему посланнику въ Голландіи, для передачи въ Парижъ, въ Прагу и въ Лондонъ. Назначено было такъ мало, что недоставало денегъ не только на покупку учебныхъ пособій, какъ-то книгъ, инструментовъ и проч., но даже на платье и на ежедневное пропитаніе. Самое ученіе прерывалось потому, что нечѣмъ было платить мастерамъ и учителямъ за уроки.

Абрамъ находился въ Парижѣ для обученія инженерному искусству и жилъ вмѣстѣ съ другимъ русскимъ школьникомъ Юровымъ. Въ мартѣ 1718 года, бѣдственное положеніе заставило ихъ обратиться къ Петру I съ слѣдующей просьбой о прибавкѣ жалованья:

«На что себя опредѣлили по желанію нашему, и мы оное управить съ совершеннымъ прилежаніемъ, яко должность наша повелѣваетъ, вашему величеству обѣщаемъ, дабы могли удостоиться вашего милостиваго покрова; того ради, не имѣя никакой надежды, ниже какое заступленіе, oprичъ единаго вашего величества призрѣнія, молимъ препокорнѣйше о призрѣніи нашего убожества и опредѣлить насъ своимъ государственнымъ жалованьемъ, которымъ бы намъ можно прожить здѣсь безъ долговъ; истинно, яко самому Богу, вѣрно доносимъ, что въ сихъ странахъ не можно прожить двумястами сорока ефимками французскими, безъ всякихъ прихотей; умилосердись, государь, не учини насъ отчаянныхъ исполнить и исполнять по желанію, по должности и по обѣщанію нашему къ вашему величеству; мы не смѣемъ опредѣлить суммъ, но полагаемъ на ваши царскія, отеческія щедроты и на вѣрное объ насъ доношеніе г. капитанъ-поручика Конона Зотова, и тако, ожидая онаго призрѣнія, пребываемъ вашего величества сынъ и рабъ пренепорочнѣйшій и вѣрнѣйшій

«Алексѣй Юровъ ¹⁾ и Абрамъ».

Кононъ Зотовъ, на котораго ссылались въ своемъ письмѣ Абрамъ и Юровъ, былъ сынъ знаменитаго князя-папы, Никиты Мои-

¹⁾ Алексѣй Юровъ былъ молодой человекъ съ большими способностями и отправленъ былъ за границу для обученія въ наукахъ и дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ.

сеевича Зотова, пользовался большим довѣріемъ Петра Великаго и находился за границею по разнымъ порученіямъ. Между прочимъ, ему поручено было попеченіе о русской молодежи, отправленной во Францію для обученія. Абрамъ и Юровъ въ письмѣ къ Петру выражали свою надежду, что ихъ просьба будетъ подкрѣплена «вѣрнымъ доношеніемъ» о нихъ Зотова. Они не ошибались: Зотовъ постоянно черезъ кабинетъ-секретаря Макарова доносилъ откровенно о бѣдственномъ положеніи за границею русской молодежи по безденежью. Такъ, въ 1717 г., онъ писалъ о гардемаринахъ русскихъ, отданныхъ въ французскую службу для обученія морскому дѣлу:

«Приняли ихъ въ гардемарины весьма ласково и охотно; только прискорбна душа моя даже до смерти, смотря на ихъ нищету... для чести государевой, я отъ всей ревности роздалъ парикъ, кафтанъ, рубахи, башмаки и деньги. Желалъ бы самъ быть палачемъ и четвертовать того, который на смѣхъ васъ обнадеживалъ, что здѣсь гардемаринамъ хорошее жалованье и мундиръ и квартиры. На день имъ идетъ по 12 копеекъ только, и больше нѣтъ ни мундиру, ни квартиръ. Такъ мнѣ прискорбно, что легче бы было видѣть смерть передъ глазами моими, нежели срамоту такую нашему отечеству, и лучше бы ихъ перебить, что поросять, нежели ими срамиться и ихъ здѣсь съ голоду морить. Многіе хотятъ въ холопы итти, только я ихъ стращаю жестокимъ наказаніемъ, истинно противъ своей совѣсти, ибо знаю, что худо умирать съ голоду. Надобно одноконечно имъ присылать по 300 ефимковъ на годъ хотя изъ казны».

Зотовъ хлопоталъ и о парижскихъ русскихъ школьникахъ; но въ это время, въ мартѣ 1717 года, Петру Великому было не до писемъ Абрама и Юрова. Дѣло царевича Алексѣя Петровича и царицы Евдокіи Ѳеодоровны поглощало все его вниманіе. Царевичъ былъ отрѣшенъ отъ престолонаслѣдія, и присяга на вѣрность новому наслѣднику, сыну Екатерины, царевичу Петру Петровичу, была послана и къ школьникамъ въ Парижъ. Они подписали ее и, посылая въ Петербургъ, возобновили моленіе о присылкѣ денегъ. «Прошу, государь,—писалъ Юровъ къ Макарову,—напомнить объ насъ всемилостивѣйшему нашему государю; Богъ видитъ, что уже въ крайней нуждѣ помереть будетъ съ голоду; которыхъ имѣемъ мастеровъ, платить нечѣмъ, учить не хотятъ».

Деньги не высылались, и Абрамъ съ товарищемъ бѣдствовали въ Парижѣ; опредѣленнаго денежнаго содержанія доставало имъ только на ѣду и наемъ квартиры. «На плечахъ ни кафтана, ни рубахи почитай нѣтъ,—писалъ Абрамъ 8-го октября 1718 г. къ Макарову,—мастера учать въ долгъ. Просимъ по нѣкоторому числу денегъ, чтобы намъ мастерамъ дать, но наше прошеніе всегда вотще, токмо взяли резолюцію обмывать ваши ноги слезами милосердіе отеческое надъ нами показать, имѣтъ объ насъ попеченіе къ его

царскому величеству о прибавкѣ намъ жалованья, чтобъ намъ не явиться предъ его величествомъ съ пустыми руками, къ нашему возвращенію въ Петербургъ».

Всѣ просьбы были безуспѣшны. Время шло, а школьники терпѣли нужду, долги увеличивались, и только послѣ многихъ писемъ къ Петру и къ Макарову въ концѣ 1719 г. имъ прислали деньги.

Абрамъ старался выучиться основательно инженерному дѣлу и рѣшился даже зачислиться во французскую службу волонтеромъ, чтобы имѣть право поступить въ инженерную высшую школу, учрежденную въ 1720 году во Франціи, въ которую принимались иностранцы только при условіи, чтобы они поступили на службу. Абрамъ оказалъ такіе успѣхи, что въ началѣ 1722 г. былъ уже произведенъ въ поручики французской службы. Но въ это время всѣ его планы, какъ слѣдуетъ докончить свое образованіе, неожиданно рушились. Князь Василій Лукичъ Долгорукій, нашъ посланникъ въ Парижѣ, объявилъ Абраму и другимъ его товарищамъ приказаніе Петра возвратиться въ Россію.

Абрамъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ придумывалъ всевозможныя отговорки для отдаленія своего отъѣзда, писалъ письма къ Макарову, умоляя его испросить у государя разрѣшеніе остаться еще на годъ во Франціи для окончанія своего образованія, упросилъ Долгорукова ходатайствовать о томъ же... но все было тщетно: Петръ остался непреклоненъ, и въ 1722 году Абрамъ вернулся въ Россію.

II.

Послѣ шестилѣтняго отсутствія изъ Петербурга, Абрамъ Петровъ нашелъ много перемѣнъ при дворѣ. Послѣ процесса и смерти царевича Алексѣя Петровича старорусская партія упала духомъ и теряла всѣ свои надежды. Грозные судьи царевича: Толстой, Ушаковъ и Скорняковъ-Писаревъ, сдѣлались довѣренными лицами Петра. Князь Василій Владимировичъ Долгоруковъ былъ въ ссылкѣ, Нарышкинъ—въ сильномъ подозрѣніи. Партія Екатерины торжествовала, и около императрицы образовался новый кружокъ любимцевъ: Монсъ, Балкъ, Левенвольде.

Абрамъ примкнулъ къ старымъ своимъ друзьямъ, которые знали и любили его, когда онъ еще былъ денщикомъ Петра; въ особенности подружился онъ съ Семеномъ Аванасъевичемъ Мавринимъ, прежнимъ пажемъ Екатерины, а теперь учителемъ великаго князя Петра Алексѣевича, и съ Иваномъ Аванасъевичемъ Черкасовымъ, подъячимъ кабинета. Они часто собирались у княгини Аграфены Петровны Волконской, которую Абрамъ также зналъ съ дѣтства и уважалъ искренно. Время шло въ дружескихъ собраніяхъ у княгини, въ служебныхъ занятіяхъ и въ женскихъ интрижкахъ. Сохранились двѣ оригинальныя записки Абрама къ своимъ

«плутовкамъ» изъ Кронштадта, гдѣ онъ исполнялъ инженерныя работы.

«Милая государыня Асечка Ивановна!

«Благодарствую вамъ, моей милостивой, объ вашемъ ко мнѣ доброе воспоминаніе, а яко изволите упоминать въ своемъ письмѣ, что не соизволяете имѣть со мною о дѣлахъ корешпонденцію, и о томъ чистымъ моимъ сердцемъ сожалѣю; однакожь вѣдомости все старыя, хотя бы и соизволили мнѣ сообщить, и то напрасно бумаги марать; а что вы, плутовки, уродицы, мои шутихи, поворачиваете свои языки съ плевелами на своего государя, чернаго Абрама, которому и грязи Кронштадтскія повиняются, кромѣ того, что по вся Божій день по колѣна въ грязи, и то не иное что, токмо отъ великаго почтенія, акибы мое колѣно хотятъ облобызать по своей должности, а вы мнѣ еще респекту теряете, не по своей мѣрѣ, мои драгія потѣшницы и плутовки, что вы упоминаете, якобы мнѣ въ чемъ вредило, нѣтъ, ничего время не допускаетъ, понеже съ недѣлю, какъ я здѣсь, ни одинаго дня не было безъ дождя, сами изволите, мои умницы, разсудить, что въ дождяхъ какой опаски имѣть отъ каникулы, а что упоминаете объ моемъ счастьѣ, чтобъ не потерять, и я сего весьма остерегаюся, чтобъ твердо было, а ежели есть изъ друзей моихъ непостоянныхъ, которые шатаются, яко корабли по морю отъ волновъ и вѣтровъ морскихъ, на то нѣтъ никакой опаски, лишь бы корабль крѣпкій и твердый былъ, я имѣю добрый якорь, чѣмъ удержать, ежели воля ихъ будетъ на то, такожде объ моемъ пріѣздѣ доношу, чтобъ оныя мои милостивцы, чтобы воспріяли себѣ терпѣніе, понеже я бы желалъ, чтобъ мои друзья имѣли терпѣніе, какъ я, сирѣчь что зачну, чтобъ въ совершенство привести, а не оставлять, яко непостоянницы. Ежели есть мнѣ подобныя по вашему письму, чтобъ слѣдовали моимъ стопамъ, оставлены не будутъ въ моей милости, и всему скопу объявить, что нашъ пріѣздъ къ вамъ никто не вѣсть; какъ вы, мои дражайшія плутихи, стали безъ меня глупы, спрашиваете, когда я буду, я и самъ не знаю—когда, я бы желалъ васъ, уродицъ безпутныхъ, плутовокъ, видѣть; еще упоминаете, что вы не надѣетесь больше къ тому меня видѣть, о чемъ отъ глубины моего сердца сожалѣю, только вамъ желаю, чтобъ Богъ вамъ соблаговолилъ исполнить все, что вы желаете отъ него; симъ прекращая,

«вамъ, моей государынѣ,

«вѣрный слуга Абрамъ.

«Комплементъ не великъ, да жалобенъ, не много пишу, да много силы замыкаю.

«Кокетка, плутовка, ярыжница, княжна Яковлевна, непостоянница, вѣтеръ, бѣшеная, колотовка, долго ли вамъ меня бра-

нить, своего господина, доколѣ вамъ буду терпѣть невѣжество, происходящее изъ вашихъ устъ, аки изъ пропасти бездны морскаго, волю вамъ даю теперь до моего прїѣзду; прости, моя Дарья Яковлевна, сударышня глупенькая, шалуныя Филиппевна».

Но любовныя дѣла были на второмъ планѣ—Петръ Великій не терпѣлъ бездѣлья, и Абрамъ трудился по своей инженерной части дѣятельно, добросовѣстно; не прошло года послѣ его возвращенія изъ Парижа, какъ Петръ, во вниманіе къ трудамъ его, назначилъ его поручикомъ въ бомбардирскую роту и поручилъ обучать инженерному дѣлу молодыхъ кондукторовъ, которыхъ приказалъ Меншикову собрать изъ полковыхъ дѣтей. Сверхъ того, Абрамъ такъ хорошо выучился французскому языку въ Парижѣ, что Петръ, поручая Конону Зотову переводъ двухъ книгъ съ французскаго на русскій, писалъ ему: «а буде вы изъ тѣхъ книгъ, которыхъ не изволите знать терминовъ, то извольте согласиться съ Абрамомъ Петровымъ».

Не долго опредѣлено было судьбою Абраму Петрову работать спокойно, жить съ своими друзьями и любезничать съ «плутовками»; все рушилось съ кончиною Петра Великаго.

Возведеніе на престолъ Екатерины измѣнило вдругъ и рѣзко взаимныя отношенія всѣхъ придворныхъ личностей. Меншиковъ, которому Екатерина была обязана престоломъ, сдѣлался самостоятельнымъ, могущественнымъ лицомъ. При Петрѣ же не было самостоятельныхъ личностей, всѣ были чернорабочіе—слуги царскіе; всѣ дѣла шли по волѣ и по слову Преобразователя Россіи: при Петрѣ не было временщиковъ, управлявшихъ государствомъ, были только друзья и товарищи, которые подъ часъ не избѣгали царской дубинки. Около Петра всѣ должны были трудиться,—хорошо ли, дурно ли,—и всѣ старались другъ передъ другомъ угодить царю въ исполненіи его предначертаній. Придворныя интриги существовали, но мелочныя, домашнія, не вносившія ничего вреднаго въ механизмъ государственнаго управленія; существовали при дворѣ вражды личныя по зависти, по неудовлетворенному самолюбію, но все это проходило безслѣдно. Въ желѣзной волѣ и въ геніальномъ умѣ Петра сосредочена была полноличная власть русскаго государя. Никому не могло приходить на мысль покушеніе отдѣлить себѣ какую нибудь частичку этой власти— всѣ стояли на своихъ мѣстахъ по ступенямъ служебной іерархіи, и возвышеніе или низверженіе производилось по волѣ законной, освященной власти. Эту волю олицетворялъ Петръ Великій.

Законность власти перешла къ Екатеринѣ, женщинѣ безъ всякаго образованія, едва ли даже грамотной, не имѣвшей понятія ни о Россіи, ни о государственномъ управленіи—и при томъ въ какую эпоху? Когда все старое было изломано, а новое еще не утвердилось и не укрѣпилось. Власть въ рукахъ Екатерины; но она

не умѣть и не можетъ съ нею справиться: ей нуженъ помощникъ, руководитель. Совершенно естественно, что она передаетъ эту власть Меншикову—человѣку, который съ дѣтства Петра при немъ, его правая рука во всѣхъ дѣлахъ, доказавшій много разъ, что онъ понималъ всѣ предназначенія Преобразователя Россіи.

Но Меншиковъ, получивъ власть отъ Екатерины, забылъ, что былъ окруженъ людьми, изъ которыхъ многіе считали себя выше его по происхожденію и знатности своего рода, какъ Долгорукіе, Голицыны, Черкасскіе; другіе же не считали себя ниже и по заслугамъ, какъ Остерманъ, Минихъ, Бестужевъ, Макаровъ и другіе; наконецъ, Меншиковъ, сдѣлавшись всемогущимъ, не обращалъ вниманія на тѣхъ, которымъ нестерпимы были его надменное обращеніе, грубость, доходившая до дерзости, и произволь, не имѣвшій границъ. Около Меншикова всѣ были ему враги, ни одного друга; повидимому, преданы были ему только тѣ люди, которые изъ личныхъ интересовъ раболѣбствовали передъ свѣтлѣйшимъ. Трудное было положеніе Абрама Петровича—зналъ онъ Меншикова коротко и давно, еще до своей поѣздки во Францію, зналъ всѣ его пороки и недостатки, будучи до 1716 года постоянно и неотлучно при Петрѣ. На глазахъ Ганнибала совершилось превращеніе Алексашки въ свѣтлѣйшаго князя; ему были извѣстны отношенія Меншикова къ Екатеринѣ, а, возвратившись въ Россію въ 1722 году, онъ узналъ отъ друзей своихъ и о злоупотребленіяхъ Меншикова... и Меншиковъ тоже зналъ, что Абрамъ Петровичъ хорошо его знаетъ... и не любилъ Ганнибала; но тотчасъ по кончинѣ Петра не рѣшился сдѣлать ничего дурного ему изъ уваженія къ памяти государя; къ тому же, при своемъ величій и могуществѣ онъ едва ли давалъ какое нибудь значеніе Абраму при дворѣ.

23-го ноября 1726 года, Ганнибалъ поднесъ Екатеринѣ книгу, сочиненную имъ объ инженерномъ искусствѣ, и просилъ, чтобы она призрѣла его, иностранца, воспитаннаго отъ самаго младенчества при домѣ его величества 22 года, дабы онъ могъ имѣть безъ нужды пропитаніе, прибавляя, «что вашему императорскому вѣчеству извѣстно, что я не имѣю по Божь иному прибѣжища, кромѣ вашего императорскаго величества».

Но милостей не послѣдовало, хотя Абрамъ по своимъ знаніямъ и усердной службѣ былъ человѣкъ полезный и имѣлъ полное право на вниманіе. Въ это время Ганнибалъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближался съ кружкомъ княгини Аграфены Петровны Волконской, состоявшимъ исключительно изъ лицъ, искренно ненавидѣвшихъ Меншикова.

III.

Княгиня Аграфена Петровна Волконская, дочь Петра Михайловича Бестужева, была гофъ-дама императрицы Екатерины и пользовалась ея особеннымъ довѣріемъ. Мужъ Аграфены Петровны, князь Никита Ѳедоровичъ Волконскій, былъ постоянно въ отлучкѣ, то въ Москвѣ, то въ Митавѣ, гдѣ, живя у тестя своего Петра Михайловича, при дворѣ герцогини Курляндской ¹⁾, исполнялъ нерѣдко должность шута, то въ деревняхъ, занимаясь охотой съ собаками. Княгиня распоряжалась всѣмъ хозяйствомъ и посылала доходы мужу, который расходовалъ ихъ беспорядочно, безъ толку накупалъ собакъ, набиралъ шутовъ, сказочниковъ и надѣлялъ ихъ деньгами и подарками. Ничего не было общаго ни въ характерѣ, ни въ образѣ мыслей князя и княгини. Онъ любилъ охоту, шутовство, а княгиня, женщина необыкновенно умная, была по врожденному характеру въ семействѣ Бестужевыхъ честолюбива, любила придворную жизнь и съ друзьями своими принимала большое участіе въ придворныхъ интригахъ, слѣдя со вниманіемъ за всѣми современными событіями при дворѣ.

Дружескій кружокъ ея былъ не великъ; его составляли Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, возведенный Екатериною изъ подъячихъ въ кабинетъ-секретари, на мѣсто Макарова; Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, близкій челоѣкъ къ царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Егоръ Ивановичъ Пашковъ, членъ военной коллегіи, и Сементъ Аѳанасьевичъ Мавринъ, бывший пажъ и камеръ-юнкеръ Екатерины, теперь учитель великаго князя Петра Алексѣевича; къ нимъ присоединился и Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Вся эта компанія, давно и близко между собою знакомая, отличалась особенною преданностью семейству царскому, любила все народное, русское, и ненавидѣла Меншикова. На эту ненависть у каждаго была своя особенная причина.

Черкасовъ, будучи еще подъячимъ въ кабинетѣ, былъ постоянно оскорбляемъ надменнымъ и дерзкимъ съ нимъ обращеніемъ Меншикова; званіе кабинетъ-секретаря онъ получилъ только по настоянію Екатерины въ память Петра, который любилъ его, и въ уваженіе опытности и знанія кабинетскихъ дѣлъ, производившихся при покойномъ государѣ. Черкасовъ звалъ хорошо мстительный характеръ свѣтлѣйшаго князя и чувствовалъ, что положеніе его не твердо. Онъ принималъ участіе въ придворныхъ интригахъ противъ Меншикова изъ чувства самосохраненія.

¹⁾ Петръ Михайловичъ Бестужевъ управлялъ, въ званіи гофмейстера, дворомъ герцогини Курляндской, Анны Ивановны, съ 1712 по 1727 годъ, когда по просякамъ фаворита Анны Ивановны, Бирона, былъ удаленъ изъ Курляндіи.

Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, любимецъ Елисаветы Петровны, не могъ въ душѣ простить Меншикову возведеніе на престолъ Екатерины, а не Елисаветы.

Егоръ Ивановичъ Пашковъ, человѣкъ безукоризненной честности, не только ненавидѣлъ, но презиралъ Меншикова, зная по службѣ своей въ военной коллегіи лихоимство и всѣ злоупотребленія Меншикова по казеннымъ подрядамъ для войска.

Семень Аванасьевичъ Мавринъ, искренно преданный великому князю Петру Алексѣевичу, зная хорошо все прошедшее о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, презиралъ и ненавидѣлъ Меншикова за его коварство, въ угоду Екатеринѣ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ царевича.

Княгиня Аграфена Петровна ненавидѣла Меншикова за то, что онъ преслѣдовалъ ея отца и ссорилъ его съ герцогинею Курляндскою, при которой тотъ былъ гофмейстеромъ.

Всѣ они дружно слѣдили за Меншиковымъ, а Меншиковъ, ослѣпленный ежедневно возрастающимъ могуществомъ своимъ, не обращалъ вниманія на то, что всѣ окружавшіе его были ему враги. Съ высоты величія своего, царствуя именемъ Екатерины, онъ въ самообольщеніи своемъ вѣрилъ въ искренность и преданность, лицемѣрно выказываемыя ему всѣми.

Между тѣмъ, здоровье императрицы видимо слабѣло: невольно начали задумываться о будущемъ и государственные люди и придворные. Петръ Великій не оставилъ завѣщанія о порядкѣ престолонаслѣдія, а оставилъ лишь законъ, что царствующій императоръ можетъ назначить наслѣдника по своей волѣ. Кого же назначить Екатерина? Кому подготавливаетъ Меншиковъ императорскую корону, въ случаѣ кончины императрицы? Въ концѣ апрѣля 1727 года, въ придворныхъ кружкахъ разнесся слухъ, что, по совѣту Меншикова, Екатерина хочетъ назначить наслѣдникомъ великаго князя Петра Алексѣевича. Такое назначеніе, за исключеніемъ партіи приверженцевъ Елисаветы Петровны, въ глазахъ большинства было правильно: возстановлялось престолонаслѣдіе въ мужскомъ поколѣніи рода Петра Великаго, но была партія, для которой это назначеніе являлось смертнымъ приговоромъ. Главой этой партіи былъ графъ Петръ Андреевичъ Толстой, вызвавшій обманомъ изъ-за границы въ Россію царевича Алексѣя Петровича; къ Толстому примкнули Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ и Андрей Ивановичъ Ушаковъ, члены той тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, которая, подъ предсѣдательствомъ Толстого, создавалась во время суда надъ царевичемъ и его матерью, царицею Евдокіей Ѳеодоровною. Они понимали, что когда Меншиковъ передастъ корону великому князю Петру Алексѣевичу, то, сохранивъ свое могущество, долженъ погубить ихъ, въ угоду молодому императору, въ

отмщеніе за мученія, которымъ они подвергли его несчастнаго отца. Встревоженный Толстой обратился къ княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ съ просьбою узнать, справедливъ ли слухъ о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Петра Алексѣевича.

Императрица очень любила Волконскую и питала къ ней большое довѣріе. Княгиня узнала отъ нея, что Меншиковъ предложилъ императрицѣ завѣщаніемъ не только назначить наслѣдникомъ престола послѣ себя великаго князя Петра Алексѣевича, но и обязать его жениться на дочери Меншикова.

Княгиня передала эту новость Толстому. Онъ, въ свою очередь, сообщилъ ее друзьямъ, и они, не долго думая, рѣшили идти къ Екатеринѣ и открыть ей всѣ злоупотребленія власти Меншикова...

Но Меншиковъ не дремалъ. Узнавъ о замыслѣ своихъ враговъ, онъ тотчасъ ихъ арестовалъ и заставилъ Екатерину, за нѣсколько часовъ до ея кончины, подписать приговоръ о ссылкѣ и казни виновныхъ.

Толстой и его компанія ошиблись только въ одномъ: они предполагали, что Меншиковъ погубить ихъ по вступленіи на престолъ Петра II,—онъ едѣлалъ это раньше.

Но Меншикову было мало уничтожить Толстого и его товарищей. Онъ увидѣлъ ясно, что возлѣ самой императрицы и великаго князя находились тоже враги его, которые успѣли вывѣдать и передать Толстому его планъ о бракѣ дочери съ великимъ княземъ,—планъ, который онъ хотѣлъ сохранить въ тайнѣ до смерти императрицы. Князь подозрѣвалъ, что эта тайна выдана княгиней Волконскою, и надъ ней и ея друзьями разразилась гроза неожиданная...

Княгиня Аграфена Петровна жила скромно и даже бѣдно, на Адмиралтейскомъ островѣ, въ Греческой улицѣ, въ домикѣ о трехъ комнатахъ; она купила его въ 1726 году у камеръ-юнкера императрицы, Андрея Петровича Древника. Отецъ ея, Петръ Михайловичъ Бестужевъ, постоянно просилъ ее купить другой домъ, указывая на неприличіе для гофъ-дамы императрицы жить такъ бѣдно, но княгиня отклоняла это требованіе. Въ кругу друзей своихъ, разлученная съ дѣтьми, которыя жили при дѣдушкѣ въ Митавѣ, она не заботилась о роскоши и была довольна своимъ убѣжищемъ; придворная дѣятельность и дворцовыя интриги были ея жизнію.

6-го мая, скончалась императрица Екатерина, и въ этотъ же день княгиня узнала о несчастной участи Толстого и его сообщниковъ, а 8 мая къ ней явился секретарь кабинета, Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, и потребовалъ отъ нея всѣ ея письма и бумаги и въ особенности цифирную азбуку, которую она употребляла въ секретной перепискѣ императрицы. Княгиня растерялась—она только что получила письмо отъ брата своего, Алексѣя Бестужева,

изъ Копенгагена¹⁾, которое могло компрометировать и брата и ея. Письмо еще было въ ея рукахъ; наудачу она бросила его на окно. Макаровъ не замѣтилъ движенія и прошелъ прямо въ спальню, подобралъ всѣ бумаги, а роковое письмо въ это время спаслось въ рукахъ преданной горничной. Догадливая дѣвушка замѣтила смущеніе княгини и схватила письмо съ окна. Вслѣдъ за Макаровымъ явился секретарь Меншикова, Андрей Яковлевъ, и объявилъ княгинѣ приказаніе выѣхать изъ Петербурга немедленно. Княгиня возразила, что ей необходимо время уложиться, прискаты подводды для вещей и прочее. Все это уже было предусмотрено; Яковлевъ вручилъ ей безыменную подорожную, въ которой было предписано посланнымъ людямъ давать подводды.

Меншиковъ приказывалъ княгинѣ чрезъ Яковлева отправиться немедленно въ Москву и жить тамъ или въ деревнѣ, по желанію.

Княгинѣ не дали проститься съ друзьями, и она успѣла только приказать управляющему отдать домъ въ наймы, продать лошадей и всю движимость. Она уже насмотрѣлась на ссылки и понимала, въ чемъ дѣло.

Письма и бумаги, найденныя у княгини Волконской, ничего не объяснили Меншикову; уликъ не было; но подозрительный князь зналъ дружбу княгини съ Ганнибаломъ, расположеніе къ нему Петра II, и этого было достаточно. Не имѣя никакого повода сослать его за какой нибудь проступокъ, Меншиковъ придумалъ выпроводить его тотчасъ изъ Петербурга съ порученіемъ по инженерной части.

Въ тотъ же день, 8 мая, Абрамъ Петровъ получилъ указъ изъ военной коллегіи отправиться немедленно въ Казань: «осмотрѣть тамошнюю крѣпость, какимъ образомъ починить ее или вновь сдѣлать цитадель, тому учинить планъ въ проектъ, и, осмотря ее, въ военную коллегію отписать на почтѣ, къ которому числу тотъ планъ въ проектѣ послать можетъ».

Порученіе въ сущности было лестное для молодого капитана, а Меншиковъ достигалъ своей цѣли—удалить Абрама отъ Петра II.

Не были забыты и другіе члены компаніи.

Мавринъ въ это время находился въ Москвѣ; Меншиковъ послалъ къ нему чрезъ московскаго губернатора, князя Ромодановскаго, письмо, приказывая въ три дня съ полученія онаго отправиться въ Тобольскъ на службу, гдѣ онъ и получитъ особую инструкцію отъ сибирскаго губернатора, князя Михаила Владимировича Долгорукова.

Черкасовъ былъ разжалованъ изъ кабинетъ-секретарей въ оберъ-секретари синода, а, чтобъ удалить его изъ Петербурга, Меншиковъ

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, впоследствии знаменитый канцлеръ въ Елисаветинское царствованіе, находился въ это время нашимъ посланникомъ при датскомъ дворѣ.

далъ ему порученіе описатьъ въ Москвѣ патриаршую ризницу, не назначивъ за это никакого жалованья.

Какъ ускользнули Егоръ Ивановичъ Пашковъ и Александръ Борисовичъ Бутурлинъ,—непонятно.

IV.

Ганнибалъ пріѣхалъ въ Казань и принялся за планы и проекты укрѣпленія. Но Меншиковъ имѣлъ въ виду сослать его подальше.

Черезъ 25 дней послѣ своего пріѣзда въ Казань, Абрамъ Петровичъ получилъ отъ Меншикова письмо слѣдующаго содержанія:

«Его императорское величество указалъ ѣхать тебѣ въ Тобольскъ и, по инструкціи губернатора, князя Долгорукова, построить крѣпость противъ сочиненнаго чертежа; того ради вамъ указомъ его императорскаго величества предлагаемъ—изволь туда ѣхать безъ всякаго замедленія, понеже въ строеніи той крѣпости состоитъ необходимая нужда, а чертежъ пошлется къ вамъ на предбудущей почтѣ, а котораго числа ордеръ получишь и когда отправишься, о томъ рапортуй къ намъ въ немедленномъ времени; въ Петергофѣ мая 28, 1727 года.

«Александръ Меншиковъ».

Абраму Петровичу стало ясно, что порученіе являлось только предлогомъ для ссылки; онъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, у него не было совсѣмъ денегъ; уѣзжая въ Казань, онъ оставилъ ихъ у Черкасова, надѣясь на скорое возвращеніе.

27-го іюня Ганнибалъ выѣхалъ изъ Казани въ Тобольскъ и въ день отъѣзда написалъ княгинѣ Волконской слѣдующее письмо:

«Государыня моя княгиня А. П. (Аграфена Петровна).

«Доношу вамъ, что я еще получилъ ордеръ изъ Петербурга отъ князя М. (Меншикова), при семъ къ вамъ копію посылаю, и сего числа въ Сибирь въ городъ Тобольскъ отъѣзжаю; можетъ быть, еще тамъ получу третій ордеръ, куда далъ ѣхать; какъ изволятъ, я всюду готовъ ѣхать безъ всякой печали, кромѣ того, что меня лишили моихъ друзей, а что безъ всякой вины тому радуюся, прошу васъ, мою государыню, чтобъ отписать какъ нибудь поскорѣе къ Ивану Антоновичу Черкасову, чтобъ прислалъ ко мнѣ въ Сибирь поскорѣе деньги, которыя я у него оставилъ, понеже имѣю великую нужду; пожалуй, не оставь моего прошенія по своей ко мнѣ милости; при томъ васъ, государыню, прошу сдѣлать мое дѣло, о чемъ прежде васъ прашивалъ, на что вы мнѣ милостиво обѣщали,—также получили ли вы отъ меня письмо, которое я къ вамъ писалъ чрезъ господина Тамесъ, который содер-

жить въ Москвѣ мануфактуру подѣ Дѣвичьимъ, на Лопухина дворѣ, чрезъ котораго я и сіе посылаю; пожалуй, государыня моя, не оставь меня въ своей милости и не забудь всѣ вышечисанныя мои прошенія, понеже можетъ быть, что я въ послѣднее имѣю честь къ вамъ писать, что меня зашлютъ въ какія пустыя мѣста, чтобъ тамъ уморить; такожде прошу въ послѣднее васъ, чтобъ дать знать нашимъ друзьямъ, которые въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, что я посланъ въ Сибирь, въ Тобольскъ городъ, чтобы они свѣдомы были; особливо васъ прошу, какъ возможно, чтобъ послать какъ ни есть копію съ указа, приложеннаго при семъ къ нашему колокольчику, или къ Разговору Ивановичу (Пашкову), такожде Козлу (Михаилу Бестужеву) и къ Панталону (Алексѣю Бестужеву); пожалуй, не запамятовай, чтобъ отписать къ Ивану Антоновичу, чтобъ присылалъ поскорѣе деньги, чтобъ мнѣ не умереть съ голоду въ Сибири, понеже при себѣ имѣю очень малое число денегъ; такожде васъ прошу, чтобъ я не былъ оставленъ въ вашей особенной милости наипаче въ письмахъ; прости, моя государыня, чаю, что въ послѣднее къ вамъ пишу, можетъ быть, больше не увидимся; къ тому же можетъ быть, зашлютъ меня въ пустыя города, такъ что въ 20 лѣтъ собака не проѣдетъ; еще прости и вспомни мое бѣдное житіе и изгнаніе, которыя я претерпѣвалъ...

.....
 (оторвано)

«Я, того ради надѣясь на вашу... милость, ни къ кому не писалъ по клад... вы дадите знать всѣмъ моимъ... петербургскимъ и прочимъ, гдѣ я... нынѣ и съ какимъ политикою тоск... меня изъ города въ городъ, зѣло кр... васъ надѣюсь, что вышечисанныя мои прошенія не будутъ оставлены, понеже, ежели не будутъ знать мои друзья, гдѣ я, то весьма могу пропасть, яко бекичъ, и хуже; слезно вамъ, моей милостивой государынѣ, подтверждаю и молю, да повелите исправить бѣднаго человѣка прошенія, который ниоткуда не имѣетъ помочи, кромѣ Бога, что вы сами въ семъ извѣстны, за что пропадаю въ напрасл...

«вашъ моей государыни

«покорный слуга

«Абрамъ Петровъ».

V.

Скажемъ теперь, что дѣлали въ это время княгиня и друзья ея.

Княгиня отправилась прямо въ подмосковную деревню своего двоюроднаго брата, Талызина, въ село Дѣдово. Грустна была ея жизнь въ неожиданной ссылкѣ, безъ родныхъ и друзей. Дѣти ея, еще малолѣтнія, жили, какъ мы уже сказали, у дѣдушки своего,

Петра Михайловича Бестужева. Опала Меншикова равнялась опалѣ царской. Никто не навѣщалъ ея, всѣ боялись страшнаго временщика. Отъ горя и скуки она привязалась душою къ двоюродному брату своему, Ѳедору Талызину, и, можетъ быть, сошлась съ нимъ, какъ это утверждали потомъ ея дворовые люди. Сохранившіяся письма ея къ Талызину и письма его къ ней проникнуты какимъ-то особеннымъ чувствомъ, теплымъ, грустнымъ и близкимъ къ любви, но въ нихъ нѣтъ никакихъ намековъ на болѣе тѣсныя отношенія. Ѳедоръ Талызинъ былъ единственный человѣкъ, который посѣщалъ ее часто въ ссылкѣ и своею дружбою уменьшалъ горестъ женщины, привыкнувшей съ дѣтства къ придворной суетѣ и весельямъ. Но эти утѣшенія продолжались недолго. Съ переѣздомъ двора въ Москву Талызинъ покинулъ княгиню. Ей осталось одно утѣшеніе—переписка съ друзьями. Они въ нее вѣрили искренно, и къ ней слетались всѣ ихъ надежды и предположенія на будущее. Изъ Митавы извѣстія были не утѣшительныя. Мужъ княгини, какъ писала ей Екатерина Петровна Бестужева, «только и дѣлалъ, что занималъ деньги и раздавалъ ихъ беспорядочно, кто у него пошутить да сказку скажетъ, всякому по ефимку да шестаку; какъ батюшка поѣхалъ ко двору, мало ходитъ, только придетъ обѣдать, уйдетъ опять»... «Поступки вы его знаете, писать нечего, и безъ того вамъ грустно».

Положеніе отца ея, Петра Михайловича, беспокоило ее; его требовали въ Петербургъ; 2-го іюля 1727 года онъ писалъ къ ней:

«Аудиенцію у его императорскаго величества и у великой княжны Наталіи Алексѣевны до Петрова дня имѣлъ, также и въ Петровъ день у руки его величества былъ и у свѣтлѣйшаго князя Меншикова неоднократно былъ и злобы никакой до сего числа отъ него не видалъ, а принималъ ординарно, какъ и прежде сего, только же не могъ получить извѣстія, для какого дѣла въ Петербургъ призванъ¹⁾, только больше уповаемъ для прошлогодняго курляндскаго дѣла, и важности никакой по нижепоименованное число не видалъ».

Меншиковъ занемогъ, а Бестужевъ жилъ въ Петербургѣ, не зная, за чѣмъ его вызвали—никто не объяснялъ ему, а князь былъ

¹⁾ П. М. Бестужевъ былъ вызванъ вслѣдствіе доноса, поступившаго на него въ послѣднихъ числахъ мая изъ Митавы. Въ этомъ доносѣ, между прочимъ, сказано, «что крадетъ деньги и все добро ея величества: больше нежели на двадцать тысячъ виноватъ; фреденъ водить изъ дворца—засорно есть всякимъ жителемъ. Якъ царское ваше величество не донесетъ, то буде Богъ вамъ судить. А когда изволите его, Бестужева, взять, онъ скажетъ всю правду». Герцогиня курляндская Анна Ивановна не принимала никакого участія въ этомъ доносѣ и не знала о немъ, потому что, когда Бестужева вытребовали въ Петербургъ, она усердно ходатайствовала о возвращеніи его у Меншикова, а затѣмъ послѣ его паденія—у Остермана. Бестужевъ былъ возвращенъ къ двору царевны и только впоследствии по интригамъ Вирна, когда Анна Ивановна сдѣбалась императрицею и пріѣхала въ Москву, былъ подвергнутъ аресту и слѣдствію.

недоступенъ. Петръ Михайловичъ между тѣмъ ознакомился съ положеніемъ дѣлъ при дворѣ и видѣлъ, что никто не принималъ искренняго участія въ судьбѣ княгини; всѣ боялись Меншикова.

Княгиня не утерпѣла и послала просьбу къ императору, что очень не понравилось отцу. «О прїездѣ моемъ не сумнѣвайтесь и не печальтесь,—писалъ онъ 10-го іюля къ дочери,—моя надежда—всемогущій Богъ; что же вы присылку прислали, мнѣ кажется напрасно,—надобно вамъ жить нынѣ, чтобъ васъ забыли, и съ подозрительными, какъ возможно удаляться отъ нихъ».

Княгиня послала въ Петербургъ довѣреннаго служителя разузнать, что дѣлается, и это также не понравилось отцу; Петръ Михайловичъ, какъ старый дипломатъ и опытный царедворецъ, чрезвычайно разсердился на дочь.

«Вы вѣдаете, какъ я васъ люблю,—писалъ онъ,—а понеже мнѣ весьма удивительно, вашего человѣка сюда прислали, развѣ вы не знаете, можно за взглядъ претерпѣть; я вамъ совѣтую, чтобы вы такъ жили, чтобъ про васъ забыли, а еще бы лучше поболѣ въ деревнѣ жить и смотрѣть; я не упущу къ случаю о васъ доложить, чтобъ вамъ оттолѣ ѣхать, куда вамъ способнѣе, хотя и въ Митаву; я о себѣ за болѣзнію свѣтлѣйшаго князя еще не узнаю, для чего позванъ, однакожъ, слава Богу, его свѣтлости стало легче; пожалуйста, не великую корреспонденцію держите, кромѣ меня, братьевъ и Митавы, и то только о своихъ нуждахъ. Для Бога отъ подозрительныхъ корреспонденцій удаляйтесь и ко мнѣ о нуждахъ чаще пишите,—я васъ вручаю въ милость Божію».

Петръ Михайловичъ твердилъ во всѣхъ письмахъ своихъ одно и то же: «я васъ прошу, чтобъ вы жили осторожно, а паче отъ словъ берегитесь, для Бога живите осторожно» (письмо 24-го іюля).

Братъ княгини, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, находился въ Копенгагенѣ; зная характеръ сестры, онъ предвидѣлъ всю опасность ея положенія при дворѣ Екатерины, и хлопоталъ о перемѣщеніи ея въ Митаву ко двору герцогини курляндской, Анны Ивановны, чрезъ вѣнскій дворъ, который предписалъ посланнику своему въ Петербургѣ, Рабутину, дѣйствовать въ пользу Аграфены Петровны.

Не зная еще о ссылкѣ княгини и друзей своихъ, Бестужевъ поздравилъ сестру изъ Копенгагена съ восшествіемъ на престолъ Петра II и обнадеживалъ въ успѣхъ своего ходатайства чрезъ вѣнскій дворъ. Княгиня только изъ Москвы могла увѣдомить брата о своей ссылкѣ. Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ ей:

«Madame!

«Изъ всепріятнѣйшаго письма вашего, отправленнаго изъ Москвы подъ № 1 отъ 7-го прошедшаго іюня, съ превеликочувственнымъ прискорбіемъ усмотрѣлъ о приключившемся вашемъ злопо-

лучи, въ чемъ къ сердечному моему сожалѣнiю и соболѣзнованiю толь превеликое участiе имѣю, якобы оное злополучiе самому мнѣ приключилось, и только тѣмъ себя утѣшаю, что вы невинности ради своей на милость всецѣдраго Бога уповаете, который ради твердой надежды вашей всемогущей весьма васъ не оставитъ и не отдастъ васъ въ поруганiе ищущимъ вамъ зла, но опять обратитъ печаль вашу на радость, о чемъ я Всевышняго молить не премину.

«Я уже о невинномъ вашемъ претерпѣнiи давно въ извѣстномъ мѣстѣ вѣдать учинилъ и уже отвѣтъ имѣю, что Рабутину накрѣпко повелѣно стараться, чтобъ родитель нашъ учиненъ былъ графомъ, а вы гофмейстершею при великой княгинѣ цесарскомъ высочествѣ, ежели оное мѣсто еще не занято.

«Вчера же чрезъ почту все содержанiе вышеупомянутаго письма вашего и съ нѣкоторыми потребными прибавками о невинномъ претерпѣнiи вашемъ и прiятелей нашихъ, отлученныхъ въ Персiю, въ Сибирь и въ Казань, въ извѣстномъ мѣстѣ вѣдомо учинилъ и весьма всенѣдеженъ, что Рабутинъ накрѣпко инструированъ будетъ, дабы онъ наиприлежно старался о возвращенiи въ Петербургъ всѣхъ васъ четырехъ отлученныхъ; вы ихъ, друзей нашихъ, увѣдомленiемъ, ежели возможно, извольте всякаго особливо порадовать и всѣхъ обнадежить, что я равно, якобы самъ о себѣ, неусыпное о нихъ попеченiе имѣть буду и съ помощiю всецѣдраго Бога о счастливомъ успехѣ не сомнѣваюсь.

«Сверхъ же онаго, какъ скоро о прибытiи вашемъ въ Петербургъ или по нуждѣ хотя въ Митаву увѣдаю, такъ не замѣшкаявъ пришло къ вамъ рекомендовальныя о васъ письма къ его императорскому величеству, къ великой княжнѣ, цесарскому высочеству и къ его высококняжеской свѣтлости отъ дѣда и отъ бабки всемилостивѣйшаго монарха нашего, а именно отъ герцога и отъ герцогини Бланкенбургъ, высококняжескихъ свѣтлостей.

«Вы же по вся почты не чрезъ С.-Петербургъ, но прямо чрезъ Митаву ко мнѣ писать извольте о состоянiи вашемъ, и я дабы вѣдать могъ, гдѣ вы обрѣтаетесь, и потому въ присылкѣ къ вамъ вышеозначенныхъ рекомендовальныхъ писемъ поступать могъ.

«Видь, вселюбезнѣйшая государыня моя сестрица, что не сплю, но о благополучiи вашемъ и друзей вашихъ безъ напоминанiя вашего неусыпное попеченiе имѣю и, яко есмь, тако и во вся дни живота моего непрестанно со всею моею фамилiею съ особливѣйшимъ почтенiемъ пребуду и проч.

«Р. S. Шкатулку, которую у васъ А. П. (Абрамъ Петровичъ) оставилъ, извольте не умедля сжечь, ибо оная сгнила и устарѣла и болѣе въ оной пользы нѣтъ. Копенгагенъ, iюля 15, 1727-гоода».

VI.

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ переписывался съ сестрой, хлопоталъ горячо за друзей своихъ, а между тѣмъ Меншиковъ услалъ Ганнибала уже на китайскую границу. 28 мая, 1727 г., онъ предписалъ сибирскому губернатору, князю Долгорукову, по прибытіи Абрама въ Тобольскъ, немедленно отправить его «сдѣлать на китайской границѣ противъ чертежа крѣпость, а понеже онъ человекъ иностранный и опасно, чтобы не ушелъ за границу, того ради надлежитъ за нимъ имѣть крѣпкій присмотръ и въ дѣлѣ той крѣпости дать ему инструкцію, а чертежъ будетъ присланъ впредь».

27-го августа, Абрамъ Петровичъ былъ отправленъ княземъ Долгорукимъ изъ Тобольска въ Томскъ, при чемъ Долгоруковъ, сжалившись надъ бѣдственнымъ положеніемъ Ганнибала, выдалъ ему для крайней его нужды и дальняго пути на пропитаніе 100 рублей изъ Тобольской рентереи.

Абрамъ Петровичъ, пріѣхавъ въ Томскъ, рѣшился обратиться съ просьбой о своемъ возвращеніи въ Петербургъ къ царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, Александру Борисовичу Бутурлину и Петру Сумарокову.

Письма эти онъ послалъ съ особеннымъ наставленіемъ къ княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ Волконской.

«Милостивая моя государыня, княгиня Агрипина Петровна.

«Я надѣюсь, моя милостивая, что вы уже получили мои письма, которыхъ я до васъ послалъ изъ Казани, а именно 3 письма чрезъ господина Тамеса, и мнѣ зѣло печально, что не получилъ отъ васъ ни единого письма по моему отъѣздѣ съ Москвы; такъ ли будетъ ваше общаніе, послѣднія два письма отъ 28-го іюня изъ Казани, въ которомъ васъ просилъ и нынѣ прошу, чтобъ сказать Ивану Антоновичу, чтобъ переводилъ ко мнѣ деньги поскорѣе, ежели возможно чрезъ Строгоновыхъ, а они чтобъ прислали въ Тобольскъ къ князю Михайлѣ Володимировичу Долгорукову, который пожалуетъ пришлетъ ко мнѣ на границу китайскую, или чрезъ кого иного къ Саввѣ Рагузинскому, для строенія нѣкотораго маленькаго городка, а письмо, которое я получилъ въ Казани отъ его князей свѣтлости, до васъ послалъ копію въ двухъ разныхъ письмахъ изъ Казани 28 дня іюня. Однакожъ ежели не получили, то еще посылаю до васъ копію, и когда я пріѣхалъ въ Тобольскъ, вскорѣ меня отправили на границу къ Рагузинскому Саввѣ ¹⁾, а въ Тобольскъ ожидали вскорѣ Семена Маврина въ коменданты. **Ежели повелите по своей ко мнѣ милости писать, извольте къ нему**

¹⁾ Графъ Савва Владиславовичъ Рагузинскій былъ отправленъ въ царствованіе Екатерины I чрезвычайнымъ посланникомъ въ Китай.

посылать, а онъ ко мнѣ пришлетъ; для ради имени Божія васъ прошу, прикажите писать почаще къ Семену Маврину, а я чрезъ него могу вѣдать, ежели что будетъ доброе для нашей пользы, или какой слухъ будетъ. Послалъ я къ вамъ сіе письмо чрезъ моего друга, Григорія Васильевича Возжинскаго, который вамъ вручить, также послалъ съ нимъ письмо къ царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. Просилъ, чтобъ явили со мною милость, дабы былъ присланъ указъ къ Саввѣ Рагузинскому, чтобъ меня взялъ съ собою, когда поѣдетъ съ границы Китайской въ Петербургъ по окончаніи своей комиссіи, понеже нѣтъ виду такого, что я посланъ въ ссылку, что можете рассмотреть по его письму, я думаю, что его намѣреніе только, чтобъ меня отдалить на нѣсколько время, веселя моихъ пріятелей. Понеже меня никуда не опредѣлили, какъ другихъ, развѣ что впредь будетъ, а въ письмѣ къ князь Михайлѣ Володимировичу, по которому велѣлъ меня отправить на границу китайскую къ Саввѣ Рагузинскому для строенія крѣпости Селенгинской, величаетъ меня: лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ поручикъ А. Петровъ. Также и въ письмѣ, которое ко мнѣ писано, сама изволишь усмотрѣть, въ какой силѣ и какъ политично со мною поступаетъ, ежели бы въ ссылку, чего ему меня опасаться, прямо бъ объявилъ, какъ другимъ.

«Да съ вышеписаннымъ другомъ послалъ письмо къ Александру Б. Бутурлину да Петру Сумарокову ¹⁾, чтобъ они его представили цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ; также васъ прошу, моя государыня, пожалуйста ему свой совѣтъ, какъ лучше поступить, и Александръ при дворѣ ли остался, также и Сумароковъ, о чемъ вы можете быть свѣдомы. Егоръ Ивановичъ въ старомъ ли мѣстѣ, Иванъ Антоновичъ, другъ нашъ, я слышалъ, что онъ опредѣленъ въ синодъ оберъ-секретаремъ и присланъ къ Москвѣ для переписки патріаршей ризницы. Пожалуй, моя милостивая государыня, хотя единое письмо, чтобъ мнѣ подлинно знать, куда и гдѣ наши друзья. Господинъ Лештокъ ²⁾ съ невѣстою еще тутъ ли остались; ежели къ Москвѣ будутъ, прошу васъ для имени Божія, надобно стараться, чтобъ дойти какъ возможно къ великой княжнѣ; ежели же не возможно, то къ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, проси ее, чтобъ она помогла чрезъ великую княжну, ежели сама не сможетъ или не смѣетъ, а особливо, когда будетъ коронація его величества. Ежели прежде невозможно будетъ, надобно трудиться, хотя бъ изъ насъ кто бъ одинъ свободился; очень будетъ легко цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, чтобъ мнѣ помочь, ежели изволитъ поговорить князь Дмитрію Михайловичу (Голицыну) и Алексѣю Яковлевичу Волкову³⁾,

¹⁾ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ былъ въ это время камеръ-юнкеромъ при цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ.

²⁾ Лештокъ, извѣстный лейбъ-медикъ цесаревны Елисаветы Петровны.

³⁾ Волковъ былъ въ это время секретаремъ князя Меншикова.

понеже у него, я чаю, двое фавориты, могут его свѣтлость склонить, чтобъ послать указъ къ Саввѣ Рагузинскому, дабы меня взять съ собою, какъ назадъ поѣдетъ въ Петербургъ, а ежели будетъ вамъ возможно дойти до великой княжны, можно ей, государынѣ, просить и представить наши страданія и прочее. Я надѣюсь, что скоро будутъ короновать его величество и будутъ показывать многимъ людямъ милосердіе, хотя мы и не въ тѣхъ числахъ, да что же дѣлать; пожалуй, ежели коронація еще скоро не будетъ, ищи всякіе случаи къ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, хотя чрезъ письма проси, чтобъ она просила у великой княжны, вы нынѣ можете писать съ симъ моимъ другомъ, Григоріемъ Васильевичемъ, который весьма вѣрно вручитъ ея высочеству, или съ другимъ съ кѣмъ, на кого вы можете надѣяться, только для имени Божія не живи праздно, какъ другіе наши друзья, какъ, напримѣръ, Бѣлуга, ни себѣ, ни людямъ, какъ Макавей, который за свиное мясо замучился; я чаю, друзья мои уже вѣдаютъ объ нашемъ нещастіи; что вы мнѣ обѣщали сдѣлать, пожалуй, не запамятуй, чтобъ Панталонъ ¹⁾ и Козель ²⁾ приложили къ тому свое стараніе, особливо больше моя надежда на Козла, что онъ меня не оставитъ; я какъ зналъ свое безщастіе послѣдній разъ, какъ я къ нему. . . . увѣщевалъ, ежели будетъ такое нещастіе, чтобъ онъ имѣлъ стараніе тамъ, гдѣ вы знаете; пожалуй, ради Христа и Пресвятой Богородицы не облѣнися и не забывай своихъ друзей; хорошо не оставлять друзей въ нещастіи, а въ щастіи всякій будетъ другъ.

«Вашъ моей милостивой государыни покорный и послушный слуга А. Петровъ.

«Изъ Томска. 15-го ноября, 1727.

«Р. С. Ежели Александръ Борисовичъ отъ двора отлученъ, или на Москвѣ, или отмѣнился отъ насъ своей любовію, въ такомъ случаѣ извольте взять мое письмо къ себѣ, можете дослать съ кѣмъ другимъ вѣрнымъ человѣкомъ, такожде и къ Петру Спиридоновичу Сумарокову; однакожь я того не надѣюсь, чтобъ онъ былъ отлученъ отъ двора, дай Боже, чтобъ не былъ отлученъ, онъ очень горячъ для услуги, своимъ друзьямъ вѣренъ въ дружбѣ и проворенъ, мое письмо можетъ дойти до цесаревны, и онъ не пропуститъ удобное время, когда можно будетъ говорить его величеству и государынѣ великой княжнѣ. Егору Ивановичу скажи, когда будетъ на Москвѣ, чтобъ отписалъ князь Михайлѣ Володимировичу и къ сыну его, князь Сергію Михайловичу, чтобъ они меня не оставили, понеже они его содержатъ за великаго друга и того ради, ежели прибудетъ князь Василій Володимировичъ изъ

¹⁾ Михайлѣ Петровичѣ Бестужевѣ.

²⁾ Алексѣй Петровичѣ Бестужевѣ.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1904 г., т. хcviii.

Перси, чтобъ его попросить, а онъ можетъ сдѣлать чрезъ князь Дмитрія Михайловича; пожалуй, чтобъ не призрилъ мое прошеніе. Пожалуй, ежели нашъ другъ Иванъ Антоновичъ на Москвѣ, отдай мой дружеской поклонъ, да чтобъ пожаловалъ, переводилъ ко мнѣ деньги поскорѣе, такимъ образомъ, какъ я выше сего писалъ; въ великой нуждѣ нахожусь. Князь Никитѣ Федоровичу отдаю мой поклонъ нижайше. Пожалуй, прошу васъ принять сего моего друга поласковѣе, чтобъ ему было охотнѣе ходить за моимъ дѣломъ, и такожде и вы извольте ему дать свой совѣтъ, какъ бы лучше поступить ему; мнѣ хочется, чтобъ онъ самъ подалъ цесаревнѣ мое письмо, гдѣ можетъ найти случай тайно, чрезъ Александра Бутурлина и Петра Сумарокова, что безъ труда могутъ сдѣлать; вы сами знаете, что къ нимъ приступъ немудренъ, развѣ нынѣ крѣпко стало, дойти къ нимъ будетъ легко, только не знаю, будетъ ли путь прежде сего. Они не были смѣлы просить за кого у матери, опасались ея, а нынѣ чего бояться—сами сидятъ въ совѣтѣ въ верховномъ, такожде цесаревна Анна Петровна можетъ просить самого его величество объ насъ, понеже она сама знаетъ, что онъ изволилъ насъ жаловать, такожде и великая княжна, а насъ ото-слали не по ихъ волѣ, а про меня сказали, что я посланъ за нужнѣйшимъ дѣломъ, только обманываютъ его величество; пожалуй, отпишите вы отъ себя пространнѣе къ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, чтобъ она могла понять хорошенько и взяла бы смѣлость къ его величеству говорить одинъ на одинѣ, такожде и съ великой княжной, что она можетъ найти много случаевъ.

«Не худо, чтобъ вы отписали такожде къ Александру Бутурлину, чтобъ онъ ее на то приводилъ какъ возможно, чтобъ она одинъ на одинѣ просила бъ за насъ его величество и у великой княжны; пожалуй, послушай меня, ежели кто будетъ упоминать его величеству, такожде и великой княжнѣ почаще объ насъ, то воистинно прикажутъ намъ быть, понеже вы сами знаете, какъ насъ всѣхъ жаловали, и ненадобно, чтобъ выпустить дать изъ ихъ памятей, пока не забыли, а съ Москвы часто случаются въ Петербургъ ѣздоки, а для вѣрности еще лучше будетъ, чтобы вы послали своего человѣка Матѳея къ Александру Бутурлину, и чтобъ тамъ жилъ подъ какимъ тайнымъ именемъ, а не такъ какъ вашъ человѣкъ, только чтобъ Александръ про него знать, и можетъ безпрестанно ѣздить взадъ и впередъ, туда и сюда, или сдѣлайте его въ свою деревню прикащикомъ, которую имѣете въ Петербургѣ, онъ за деревенскими дѣлами и будетъ переѣзжать туда и сюда безъ всякой опасности. Ежели прибудетъ къ Москвѣ или въ Петербургъ царевна Анна Ивановна, чрезъ ее можете искать случай, чтобъ приводить къ тому цесаревну Анну Петровну. Ежели можете достать оказію, чтобъ вамъ можно видѣться съ тѣмъ человѣкомъ, съ кѣмъ я имѣлъ новое знакомство въ Петербургѣ, очень бы было

хорошо; когда прїѣдутъ для коронаціи, тогда будетъ удобное время, можетъ быть, что Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ къ тому времени прїѣдетъ, ежели нынѣ не прїѣхаль съ Павломъ Ивановичемъ, къ тому случаю для васъ изрядно будетъ хорошо, вы сами извѣстны, что онъ къ намъ гораздо склоненъ; ежели же и нынѣ и онъ въ Петербургѣ, можете его употребить къ тому, онъ съ радостію будетъ служить друзьямъ своимъ».

Напрасно думаль Ганнибалъ, что княгиня не хлопотала о друзьяхъ и о себѣ. Въ маѣ 1727 г. она посылала довѣреннаго служителя своего, Евдокима Соловьева, переговорить секретно съ Макаровымъ, но Соловьеву не удалось видѣть кабинетъ-секретаря: онъ былъ съ государемъ въ Петергофѣ. 15-го іюня, Евдокимъ писалъ къ княгинѣ:

«Господинъ Лестокъ до вашего сіятельства пластырь послалъ. Андрею Ивановичу господину Остерману не токмо поклоны отдавать отъ ея высочества и родителя вашего письма, но онаго съ нуждою можешь достать видѣть; а Василью Васильевичу Степанову не токмо я просилъ, но и родитель вашъ неоднократно писалъ; только тѣмъ отговаривается: будетъ сдѣлано; можно нынѣ признать, которые были и друзья, всѣ не очень обращаются такъ, какъ прежде было».

VII.

Между тѣмъ, событіе, важное и, повидимому, благопрїятное для ссыльныхъ, совершилось въ Петербургѣ. Меншиковъ былъ сосланъ (10-го сентября 1727 г.) въ Раненбургъ, лишенъ чиновъ, орденовъ и княжескаго достоинства. Быстро разнеслась молва объ этомъ по всей Россіи—тысячи экземпляровъ указовъ о ссылкѣ князя были разсланы повсюду.

Изъ «компаніи» прежде всѣхъ узнали объ этомъ княгиня Аграфена Петровна и Черкасовъ. Жена Пашкова прислала княгинѣ печатный экземпляръ указа, а вѣрный друзьямъ своимъ Егоръ Ивановичъ Пашковъ спѣшилъ увѣдомить ихъ объ этомъ радостномъ происшествіи.

«У насъ съ Божіею помощію, — писалъ онъ къ Черкасову, — все благополучно, и никакихъ страховъ ни отъ кого нѣтъ, какъ было въ бытность князя Меншикова. О суетной славѣ прегордаго Голіаѳа, котораго Богъ всесильною десницею сокрушилъ, о томъ многія радости имѣемъ, также и азъ, многогрѣшный, слава Святую Троицу, пребываю безъ всякаго страха».

«О суетномъ состояніи нашемъ, — писалъ онъ къ княгинѣ Волконской, — всего вамъ истинно описать не могу, такъ было хорошо отъ крайнихъ прїятелей нашихъ, которые насъ безъ совѣсти повреждали, послѣ того случилось, что и смотрѣтъ на нихъ не смѣли,

однакожь отъ всѣхъ ихъ нападеній избавилъ насъ Богъ, и ихъ слава суетная пропала вся до конца».

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ писалъ къ сестрѣ:

«Слава и безконечное благодареніе правосудно всецѣдному Богу, что той умудрилъ и уразумилъ его императорское величество имперію свою освободить отъ ига варварскаго, о чемъ *ma très chère soeur*, преклоня колѣна ваши съ сокрушеннымъ сердцемъ, воздайте благодареніе всецѣдному Богу».

Отецъ княгини, Петръ Михайловичъ Бестужевъ, на другой же день ссылки Меншикова прислалъ къ ней манифестъ объ этомъ.

Пашковъ, какъ мы видѣли, остался въ Петербургѣ. Паденіе Меншикова подало ему надежду на возвращеніе изъ ссылки друзей своихъ. Но это было не такъ легко. При Петрѣ Великомъ все кончилось бы однимъ почеркомъ его пера—при малолѣтнемъ Петрѣ II надо было ухаживать за тѣми, которые завладѣли императоромъ.

При дворѣ образовались уже партіи Остермановская, Голицынская и Долгоруковская. Остерманъ былъ любимъ всѣми членами царскаго дома; изъ русскихъ, Стрѣшневъ въ особенности, какъ родственникъ его, были ему преданы, а также всѣ иностранцы, занимавшіе важныя должности при дворѣ, въ арміи и въ коллегіяхъ. Вторую партію составляли Долгорукіе: князь Василій Лукичъ, князь Алексѣй, Сергѣй, Александръ, Василій Григорьевичи и Иванъ Алексѣевичъ, которые были неотлучно при императорѣ. Князь Голицыны, въ связи со всѣми знатными фамиліями, враждебными и Долгорукимъ и Остерману, съ Бестужевыми, Бутурлиными и Строгановыми, составляли третью партію.

Молодой императоръ, не понимавшій придворныхъ интригъ, проводилъ время въ увеселеніяхъ, забавахъ, удалялся отъ серьезныхъ занятій и забылъ о друзьяхъ своего дѣтства.

Отдалить императора отъ дѣлъ началъ еще Меншиковъ. Съ первыхъ же дней царствованія юнаго Петра онъ занималъ его охотою и придворными празднествами, выписалъ для него изъ разныхъ губерній лошадей, изъ Риги сѣдло, отъ князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго вытребовалъ въ Петербургъ псовую охоту, кречетовъ, ястребовъ; окрестнымъ петербургскимъ крестьянамъ «публиковалъ», чтобъ ловили живыхъ зайцевъ и лисицъ и принесли бы ихъ въ домъ его величества, гдѣ имъ будутъ платить хорошія деньги. Императоръ забавлялся, а Меншиковъ царствовалъ. Послѣ паденія Меншикова Долгорукіе продолжали слѣдовать его примѣру. Остерманъ принялся было за дѣло, составилъ планъ обученія, приглашалъ императора присутствовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, но забавы и развлеченія пересиливали, и Остерманъ, оберегая себя и свое вліяніе на дѣла, началъ смотрѣть на поведеніе юнаго государя равнодушиѣе.

О Семенѣ Мавринѣ и Ганнибалѣ никто и слышать не хотѣлъ.

«Всѣ проклятыя на нихъ злы собаки, — писалъ Пашковъ 25-го сентября къ княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ, — нынѣ у насъ многіе хотятъ быть первыми, а, какъ видимъ по ихъ ревности безсовѣстной, не потеряютъ ли и послѣдняго. Нынѣ у насъ еще. . . . постоянства нѣтъ, другъ передъ другомъ рвутся съ великимъ поврежденіемъ, а, повидимому, нельзя найти для того, что у всѣхъ ревность безъ совѣсти, отъ которыхъ хотя что и вѣдаешь, только не всѣмъ вѣришь, а паче утверждаешься во всякомъ разсужденіи своемъ и въ надеждѣ состоишь Божіей, однимъ словомъ сказать, что вѣрность наша въ упованіи Божіемъ; какъ видимъ и слышимъ, изволятъ милостиво упоминать про компанію нашу прежнюю, только отъ прежнихъ непріятелей не можно свободнаго способа сыскать, какъ бы порядочно донести; однако же, хотя и съ трудомъ, только дѣлаемъ, сколько возможно».

Юный императоръ, можетъ быть, и вспоминалъ о своихъ прежнихъ приверженцахъ, но интриги придворныхъ партій опутали его кругомъ. «Компаніи» болѣе всѣхъ вредили Левенвольдъ и Анна Крамеръ. Преданные при жизни Петра и Екатерины Меншикову, они теперь прилѣпились къ Долгорукимъ и Лопухинымъ и не допускали своимъ вліяніемъ никого говорить за Маврина и Ганнибала молодому государю.

«Объ Абрамѣ и Семенѣ Мавринѣ прилежно стараюсь, — писалъ Пашковъ Черкасову 4-го октября 1727 года, — какимъ бы случаемъ ихъ взять, и кажется, что многіе объ нихъ сожалѣютъ, а говорить никто не хочетъ за поврежденіемъ себя, а Левенвольдъ безсовѣстно старую своею компанію ихъ повреждаетъ и всячески тщится, чтобъ ихъ не допускать къ взятію».

Княгиня Аграфена Петровна, при извѣстіи о ссылкѣ Меншикова, рѣшилась было ѣхать въ Митаву къ мужу и спросила совѣта у отца, находившагося тогда въ Петербургѣ; Петръ Михайловичъ не одобрилъ ея намѣренія.

«Пишете вы ко мнѣ, — отвѣчалъ онъ, — чтобъ ѣхать къ мужу въ Митаву, а мнѣ мнится помѣшкать, понеже государыня царевна изволитъ быть сюда, и надѣюсь, что изволитъ ѣхать къ Москвѣ; а понеже ваши старые непріатели не токмо васъ, но меня по васъ вредятъ и прескаживаютъ, надобно имѣть терпѣніе и уповать на Бога, и я не имѣю надежды, кромѣ Бога; вчера пожалованы чинами князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ къ государю, а на его мѣсто государынѣ великой княжнѣ въ оберъ-гофмейстеры графъ Левенвольдъ, къ государю въ камергеры Степанъ Лопухинъ и князь Алексѣя Григорьевича сынъ, также Анна Ивановна (Крамеръ) у государыни великой княжны въ милости.

«Матери отъ меня поклонись, также Ивану Антоновичу и Тимоею Кирилловичу, а они оба ко мнѣ не пишутъ, я радъ бы былъ,

чтобы съ вами увидѣться, но только не имѣйте переписки, а для Бога не печальтесь, Который въ правдѣ насъ не оставитъ, Ему же и предаю васъ въ защищеніе».

Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, получивъ повелѣніе о томъ, чтобы указовъ Меншикова не исполнять, въ письмѣ изъ Копенгагена, отъ 3-го октября, 1727 года, совѣтовалъ сестрѣ не дожидаться никакого позволенія «или какого поновительнаго указа», поспѣшать въ Петербургъ и передать этотъ совѣтъ черезъ письма Маврину, Абраму и прочимъ друзьямъ, «потому что они сосланы были Меншиковымъ, а не его императорскимъ величествомъ, а теперъ обнародовано, чтобы указовъ Меншиковыхъ не слушаться. По прибытіи же вашемъ въ С.-Петербургъ не токмо о себѣ стараться извольте, чтобъ вамъ быть при государынѣ великой княгинѣ цесарскомъ высочествѣ гофмейстериною, но и дочь бы ваша, государыня моя, пожалована была фрейлиною».

Черезъ мѣсяць, въ ноябрѣ того же года, онъ писалъ опять:

«Нынѣ болѣе вамъ донести не имѣю, яко что цесарскій посолъ, графъ Вратиславъ, въ пользу всѣхъ васъ и о коегождомъ особо отъ двора своего накрѣпко инструкированъ, токмо оная вамъ помощь медленна будетъ, ибо онъ ко двору нашему прежде не можетъ прибыть, яко послѣ пасхи, и того ради извольте вы стараться такъ о себѣ, яко о друзьяхъ нашихъ: г. Мавринѣ, г. Петровѣ, г. Беселовскомъ, чрезъ заступу всемилостивѣйшей государыни нашей цесаревны Анны Ивановны, такожде и о дочери вашей, государынѣ моей племянницѣ, дабы при государынѣ великой княгинѣ цесарскомъ высочествѣ гоф-фрейлиною опредѣлена была; о семь уже я за четверть года и болѣе къ родителю нашему многократно писалъ, и хотя вы сами гофмейстериною будете, или не будете, однако, яко выше сего означено, о дочери вашей стараться извольте, къ чему всему помози вамъ всецѣдый Боже, ибо вы нынѣ чрезъ присутствіе всемилостивѣйшей государыни нашей во всемъ добрую подпору имѣть будете; вѣнскаго же двора помощь во всякихъ случаяхъ впредь всѣмъ вамъ пригодится.

«Увѣдомьте меня, что въ дѣлѣ вашемъ и дочери вашей произойдетъ, якоже и когда Семень Аванасьевичъ Мавринъ и Абрамъ Петровичъ ко двору придутъ и какъ отъ его императорскаго величества приняты и во что опредѣлены будутъ, которымъ мой сердечный поклонъ всеуслужно прошу».

Княгиня Аграфена Петровна, несмотря на запрещеніе отца своего, собралась было въ Петербургъ, но предварительно спросила еще совѣта у Пашкова; онъ не одобрилъ ея намѣренія.

«Поѣздку свою изволь къ намъ отложить, — писалъ онъ, — и дожидаться въ Москвѣ, а въ Петербургъ нынѣ ѣхать вамъ не для чего, для того, чтобъ прежніе непріатели ваши не могли вамъ чѣмъ повредить; я очень тому радъ, что о васъ нынѣ въ такое

помѣшательство никто не упоминаетъ при дворѣ, только одинъ я знаю тамъ и говорю о васъ истинно такъ; новые временники привели великую конфузю, что и мы съ немалымъ опасеніемъ бываемъ при дворѣ; всякій всякаго боится, а крѣпкой надежды нигдѣ нѣтъ. Вамъ нынѣ болѣе надлежитъ ѣздить къ государынѣ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ, на которую всѣ уповаемъ, что милостиво всѣхъ насъ споконитъ отъ проклятыхъ повреждителей нашихъ, которые нынѣ ходятъ чуть живы, ожидая себѣ по невѣрнымъ своимъ заслугамъ злаго награжденія»...

Черкасовъ, узнавъ о ссылкѣ Меншикова, какъ старый подьячій, рѣшился дѣйствовать канцелярскимъ официальнымъ порядкомъ и написалъ просьбу императору и просительныя письма къ Остерману, Апраксину, Голицыну, Долгорукимъ. Онъ былъ увѣренъ, что открытіе несправедливаго и самовластнаго распоряженія Меншикова объ ихъ ссылкѣ заставитъ немедленно возстановить всѣхъ на прежнія мѣста.

На письмо брата своего Семена Антоновича, который прислалъ ему указъ о ссылкѣ Меншикова, Черкасовъ, 19-го сентября 1727 года, отвѣчалъ:

«Паче Богу всесильному благодареніе, что по своему праведному суду низвергъ такого гонителя во избавленіе многихъ бѣдныхъ, отъ него напасти терпѣвшихъ, въ которыхъ и я обрѣтаюсь, и для того нынѣ посылаю прошенія свои при семъ къ императору, Ѳеодору Матвѣевичу Апраксину, къ А. И. Остерману, къ Г. И. Головкину, къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну... Государю надлежитъ подать чрезъ Петра Алексѣевича Бема или Ивана Ѳеодоровича Кречетникова, на которыхъ я надѣюсь, а паче чтобъ его величеству тѣбя самого съ тѣмъ моимъ письмомъ представили, а о прочемъ оставлю въ ваше разсужденіе, извольте кому подавать или нѣтъ, смотря по состоянію времени. На Петра Ивановича Бема по его письму надѣюсь, а Иванъ Ѳеодоровичъ Кречетниковъ писалъ сюда къ Василью Татищеву обо мнѣ, что мнѣ чаеъ быть въ Петербургѣ. Вчерашняго числа писалъ къ Дмитрію Алексѣевичу Соловьеву, чтобы попросилъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, который къ нему Соловьеву склоненъ, надѣюсь, что и мнѣ милостивъ, о чемъ къ женѣ своей вчера же писалъ».

Черкасовъ также послалъ письма къ Степану Васильевичу Лопухину, къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, и писалъ брату, чтобъ совѣтовался съ Пашковымъ.

Это была напрасная надежда. Еще до паденія Меншикова жена Черкасова въ августѣ надѣялась найти участіе въ друзьяхъ своихъ Соловьевыхъ¹⁾, но послѣ свиданія писала къ мужу:

¹⁾ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Соловьевъ былъ управляющимъ имѣніемъ князя Меншикова, а братъ его, Дмитрій, завѣдывалъ Архангелогородской торговлей.

«Была я вчера у друзей твоихъ Соловьевыхъ, отъ которыхъ видѣла перемѣну немалую въ поступкахъ ихъ, не такъ, какъ прежде было. Мѣсто тайнаго кабинетъ-секретаря имѣло слишкомъ важное значеніе, и если бы рѣшились возстановить его, то на это мѣсто много уже было кандидатовъ изъ новыхъ приближенныхъ».

Письма къ Остерману, Долгорукимъ и Голицынымъ Черкасовъ переслалъ къ своему брату въ Петербургъ, но тотъ посовѣтовался съ Пашковымъ и съ адмираломъ Змаевичемъ и не отдалъ ихъ по назначенію, а всё уничтожилъ.

«По многомъ съ ними разсужденіи,—отвѣчалъ Семенъ Черкасовъ брату,—для нѣкоторой разницы въ партіяхъ и для другихъ здѣшнихъ обстоятельствъ, письма удержалъ, а больше для того, что прошенія ваши состоятъ, какъ бы были въ прежнемъ чинѣ и должности, а въ томъ, что до должности касается, интересуются нѣкоторые сами, кого о томъ просить надобно, а чтобъ вмѣсто чаемой помощи не дать причины къ какимъ либо противностямъ, я оставляю для того, какъ учитель всѣхъ вещей, время, покажетъ; будемъ смотрѣть, что послѣ будетъ по прибытіи сюда Павла Ивановича (Ягузинскаго), котораго скоро сюда ожидаемъ».

Черкасовъ просилъ жену свою, оставшуюся въ Петербургѣ, узнавать и увѣдомлять его о всѣхъ слухахъ.

«Я ничего не слыхала,—писала ему жена 19-го октября 1727 года,—только давно приходили ко мнѣ Бутурлинъ да Кречетниковъ, и сказывали, будто они слышали отъ Бема, что по васъ указъ пошлется, и то все неправда, ежели бъ посылать, давно бъ былъ посланъ; да еще сказывалъ мнѣ Кампредонъ¹⁾, будто онъ слышалъ отъ государыни великія княжны: изволить часто напоминать о тебѣ, о Мавринѣ, объ Абрамѣ, что надобно ихъ взять, а кто ихъ удерживаетъ, то Богъ знаетъ».

Дворъ собирался въ Москву на коронацію, и Пашковъ возлагалъ большія надежды на свиданіе императора съ своею бабкою, царицею Евдокіею Феодоровною. Онъ, какъ мы видѣли, дѣлалъ въ этомъ смыслѣ наставленіе княгинѣ, а Черкасовъ, живши въ Москвѣ, предварилъ мысли Пашкова и уже навѣстилъ царицу.

«Что же изволите упоминать о бытіи своемъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, и тому истинно радъ,—писалъ къ Черкасову Пашковъ 21-го октября,—что современемъ, прежде прибытія другихъ въ Москву, о своемъ изгнаніи можете узнать, и что сдѣлаютъ, о томъ дружески прошу не оставить насъ безызвѣстными; у насъ отъ московскихъ многіе въ немалую трусость приходятъ, а другіе есть такіе, не знаютъ, какъ глазъ показать за свои худые поступки; мнѣ къ вамъ обстоятельно писать ни о чемъ нельзя: власно такъ люди живутъ, какъ съ ума которые сошли; нынѣ слышимъ такъ,

¹⁾ Французскій посолъ при русскомъ дворѣ.

а завтра иначе; есть много такихъ, которые ногами ходятъ, а глазами не видятъ, а которые видятъ, тѣ не смыслятъ; однимъ словомъ сказать, что вся надежда наша у васъ въ Москвѣ, чрезъ которую будемъ ожидать милости отъ Бога и императорскаго величества. Ей-ей, отъ всего моего сердца васъ въ истинѣ сожалью, и столько скажу своей христіанской компаніи, какъ самъ себѣ, на что самъ Богъ—свидѣтель на мою совѣсть».

VIII.

Абрамъ Петровичъ тосковалъ въ Томскѣ; не получая извѣстій отъ друзей своихъ, безъ денегъ, онъ предавался горести и отчаянію. По совѣту Меншикова, князь Михаилъ Владимировичъ Долгорукій, изъ опасенія, чтобъ Абрамъ, «какъ челоувѣкъ иностранный», не убѣжалъ, ставилъ къ нему карауль. Только одинъ Мавринъ писалъ къ нему письма и убѣждалъ не предаваться отчаянію, хотя самому Маврину было «скучно и плачевно» въ безлюдныхъ сторонахъ Сибирскихъ.

Мавринъ жилъ въ Tobольскѣ и, убѣждая Абрама не печалиться, самъ однакоже совершенно упалъ духомъ. «Надобно вѣсѣмъ моимъ друзьямъ стараться, чтобъ меня отсюда освободить. Я соплюся, что уже отчасти и есть»,—писалъ онъ къ кн. А. П. Волконской 28-го декабря. Онъ также надѣялся на царицу Евдокію Ѳеодоровну и на свиданіе ея съ внукомъ.

9-го января 1728 года, императоръ послѣ обѣдни при пущечной пальбѣ выѣхалъ изъ Петергофа и 17-го прибылъ въ подмосковную князя Ивана Ѳеодоровича Ромодановскаго. «Помянутый князь съ великимъ прилежаніемъ старался, дабы его величество наипресплавнѣйше принять, а понеже тамошнія мѣста натурою и разными художествами зѣло украшены, и ко вѣсѣмъ веселіямъ весьма угодны, то, слышно, его величество намѣренъ до будущаго воскресенья по 21 день сего мѣсяца тамъ забавляться». Такъ гласили «С.-Петербургскія Вѣдомости» того времени. Оттуда Петръ II переѣхалъ забавляться въ с. Всесвятское, и наконецъ 4-го февраля торжественно вѣхалъ въ Москву.

Императоръ свидѣлся съ своею бабушкою. При ней былъ учрежденъ особый придворный штатъ, и назначено значительное содержаніе. Евдокіи были возвращены царскія почести, но императора не допускали подчиниться ея вліянію. Цесаревна Елисавета Петровна и Долгорукіе окончательно овладѣли Петромъ. Всевозможныя и непрерывныя придворныя увеселенія совершенно отвлекали царя отъ занятій. Дѣла были оставлены на произволь судьбы. Верховный тайный совѣтъ собирался уже рѣдко. Въ Москву пріѣхала курляндская герцогиня Анна Ивановна, оставив-

шая Петра Михайловича Бестужева въ Ригѣ. Княгиня Волконская надѣялась, по крайней мѣрѣ, что царевна привезетъ съ собою въ Москву дѣтей ея, жившихъ въ Митавѣ, но царевна приказала имъ оставаться въ Митавѣ. Мужъ княгини пріѣхалъ съ царевною въ Москву, но съ женою не видался; герцогиню сопровождалъ новый ея любимецъ, Биронъ. Онъ съ намѣреніемъ уговорилъ Анну Ивановну оставить Бестужева въ Ригѣ, чтобы въ Москвѣ, пользуясь его отсутствіемъ, погубить его; Бестужевъ предчувствовалъ это и совѣтовалъ дочери «въ милость себя къ ней (царевнѣ) привести и всякими мѣрами вѣрно служить, чтобы только что угодно было и съ дворовыми всѣми ласково обходиться, а паче кто болѣе кредитъ имѣетъ. Отпишите,—прибавлялъ онъ,—о прибытіи ея высочества и, гдѣ скоро соизволить быть, пишите ко мнѣ по вся почты о публичномъ. Извольте прилежно смотрѣть, чтобы отъ кого какой мнѣ противности не происходило. Можно вамъ совѣтоваться съ Юрьемъ Степановичемъ (Нелединскимъ) въ конфиденціи, понеже сами увидите или услышите великую ко всѣмъ отмѣну, однакоже вы для Бога не давайте знать и услужно и угодно поступайте; извольте вы отъ словъ вашихъ удерживаться».

Петръ Михайловичъ не ошибался. Биронъ злословилъ и чернилъ его публично, говоря, что Бестужевъ управлялъ беспорядочно дворомъ царевны, безсовѣстно пользовался всѣмъ, даже забралъ себѣ, кромѣ другого имущества, бѣлье, полотна, скатерти и салфетки. Биронъ хлопоталъ, чтобы Петра Михайловича уволили отъ двора царевны, при чемъ онъ рассчитывалъ на нерасположеніе Анны Ивановны къ Алексѣю Петровичу Бестужеву за дерзкое письмо, которое тотъ написалъ къ ней 6-го января 1728 года. Приводимъ здѣсь это письмо:

«Не прискорбно ли есть оное, что зернцикъ, который тогда еще токмо картами тѣшился и тѣмъ питался, какъ я уже тогда чрезъ пятый годъ былъ въ министерствѣ; къ тому же помянутый не природный русскій подданный, но завоеванный лифляндецъ, при Полтавѣ полоненъ капраломъ, нынѣ же въ наравнѣ съ графомъ, кавалеромъ и оберъ-гофмейстеромъ пожалованъ; я ему истинно не завидую, но токмо соболѣзную, что я за вѣрныя мои услуги весьма забвенію преданъ. Дерзаю просить, да извольте бѣднаго Семена Маврина вѣрныя услуги напamтовать и о возвращеніи его изъ Сибири паки ко двору заступитъ, представляя вѣрныя его отъ 1719 года услуги такъ, что едва его императорское величество не воспиталъ».

На Петра Бестужева Анна Ивановна сердилась за то, что онъ требовалъ съ нея 6.000 рублей, будто бы издержанныхъ изъ своихъ денегъ, а она напротивъ считала, что онъ ей долженъ.

Напрасно Ганнибалъ, Мавринъ и Петръ Бестужевъ обращались къ княгинѣ Волконской,—она ничего не могла сдѣлать, потому

что ей былъ запрещенъ вѣздъ въ Москву, и она жила у себя въ Дѣдовѣ, больная, послѣ несчастныхъ родовъ. Оправившись отъ болѣзни, она написала къ сестрѣ своей, Екатеринѣ Петровнѣ Бестужевой, находившейся при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, приглашала ее пріѣхать для свиданія въ деревню. Екатерина Петровна спросила позволенія у царевны, которая запретила ей ѣхать къ сестрѣ «для того, что караулятъ, кто ѣздитъ».

«Я сказала,—пишетъ Бестужева княгинѣ,—что не правда, а, хотя бы и правда, меня не узнаютъ, я закроюсь, и какая она подоврительная, что къ ней не ѣхать, мучать безъ вины, и никого по письма присыльщиковъ не видитъ, и царевна сказала, я де подлинно слышала, что на нее подозрѣніе есть въ Толстомъ, мнѣ де нѣкоторые люди говорили, чтобъ я за нее не вступалась, это государю будетъ противно, и такъ де мнѣ есть отъ нея слово, и на меня имѣютъ подозрѣніе; я де ни для кого себѣ обиды терпѣть не стану, и ежели поѣдешь назадъ, ко мнѣ не ѣзди, проѣзжай прямо въ Курляндію. Токмо развѣ тихонько украсться и уѣхать, ежели бы куда выѣдешь, и для того пришли ко мнѣ накануне вашъ возокъ, а не въ тотъ день, а я попрошусь, будто къ матушкѣ ночевать».

Это свиданіе тайкомъ подало мысль княгинѣ предложить свиданіе и прочимъ друзьямъ своимъ и отцовскимъ, бывшимъ налицо въ Москвѣ. Число ихъ увеличилось Исаакомъ Веселовскимъ, котораго Меншиковъ ранѣе всѣхъ сослалъ въ Гилань. Веселовскій возвратился въ Москву самовольно въ ожиданіи своего покровителя, князя Василія Владимировича Долгорукова, который долженъ былъ пріѣхать изъ Персіи. Княгиня назначила свиданіе въ Тушинѣ, въ восьми верстахъ отъ Москвы.

20-го марта, какъ только стемнѣло, княгиня отправилась изъ Дѣдова съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Фѣдоромъ Талызинымъ, въ каретѣ на шести лошадахъ. Дорога была ужасная: безпрестанно зажоры, рытвины и непроходимая грязь. Впередъ посланъ былъ довѣренный челоувѣкъ княгини нанять избу. Поздно вечеромъ дотащилась измученная отъ дороги княгиня, но друзей еще не было. Наконецъ, около полуночи пріѣхалъ Исаакъ Веселовскій, за нимъ Юрій Нелединскій. Они едва доѣхали до Тушина отъ страшной распутицы. Веселовскій попалъ въ зажору, цѣлый часъ просидѣлъ въ водѣ, люди всѣ перемокли. Нелединскій, избѣгая всякой встрѣчи, пустился окольною дорогою и чуть-чуть не проѣхалъ мимо Тушина. Съ какою непритворною радостію встрѣтила княгиня друзей своихъ! Тоска отъ уединенной жизни изнурила и ея душевныя силы. Веселовскій, только что возвратившійся изъ Гилани, съ удивленіемъ слушалъ разсказъ ея, какъ Анна Крамерова ¹⁾, Левенвольдъ ²⁾

¹⁾ Анна Ивановна Крамеръ, гофмейстерина великой княжны Наталіи Петровны.

²⁾ Графъ Карль-Рейнгольдъ Левенвольде, камергеръ, фаворитъ императрицы Екатерины I.

и жена Степана Лопухина интриговали противъ нея и наконецъ успѣли вооружить Меншикова, какъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы не мѣшать избранію Меншикова въ курляндскіе герцоги, какъ сослали Ганнибала, Маврина, Черкасова. Княгиня передала ему давно присланный дружескій привѣтъ отъ брата Алексѣя Петровича и сообщила, какъ хлопоталъ братъ ея чрезъ вѣнскій дворъ за нихъ за всѣхъ. Юрій Степановичъ Нелединскій сообщилъ княгинѣ грустныя вѣсти. Всѣ были вооружены противъ отца княгини по клеветамъ Бирона; кого онъ ни просилъ, чтобы заступиться, всѣ отказываются; всѣ совѣтуютъ Петру Михайловичу поскорѣе пріѣхать самому въ Москву, потому что Биронъ уже вошелъ въ милость къ великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ и цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, пожалованъ камергеромъ съ прибавкою жалованья, любимъ Андреемъ Ивановичемъ Остерманомъ и княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Долгоруковымъ. О княгинѣ никто не вспоминаетъ, никто не хлопочетъ о ея свободѣ. Удаленію Ганнибала и Маврина всѣ рады и никогда не возвратятъ ихъ.

Съ двѣнадцати часовъ ночи до семи часовъ утра бесѣдовали друзья въ дынной избѣ и разстались съ грустными надеждами. Княгиня возвратилась въ Дѣдово съ Талызинымъ, а Веселовскій и Нелединскій поспѣшили въ Москву.

Поѣздка въ Тушино имѣла пагубныя послѣдствія для княгини и ея друзей.

При княгинѣ во время ссылки ея осталась преданная горничная Домна, которая спрятала письмо Алексѣя Бестужева, брошенное княгиней на окно при обыскѣ въ ея домѣ Макаровымъ. Домна просилась нѣсколько разъ на волю, но княгиня не отпускала ея подъ разными предлогами, а причина была очень важная: княгиня проговорила жившей съ ней одной родственницѣ, что не отпускаетъ Домны на волю изъ страха, чтобы Домна не проболталась о письмѣ. У Домны былъ братъ лакей, до котораго дошли эти слухи. Княгиня отдала замужъ Домну за кучера, ей преданнаго и перевозившаго въ Москву всю тайную корреспонденцію княгини. Братъ Домны возненавидѣлъ и кучера и княгиню.

Поѣздка въ Тушино разгласилась между дворовыми княгини; братъ Домны также узналъ объ этомъ и изъ мщенія къ княгинѣ и кучеру, возившему ее въ Тушино, отправился въ Москву съ доносомъ.

IX.

5-го апрѣля 1728 года, барону Андрею Ивановичу Остерману, жившему въ императорскомъ Слободскомъ дворцѣ, доложили, что пришли къ нему два служителя князя Никиты Ѳедоровича Волконскаго и желаютъ говорить съ нимъ лично.

Это были дворовые люди княгини Аграфены Петровны: Иванъ Зайцовъ и Михайло Добрянскій. Они пришли съ доносомъ на барыню.

Остерманъ послалъ просить къ себѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова; тотъ вскорѣ пришелъ, и они вдвоемъ разспросили доносчиковъ. Вотъ сущность ихъ доноса.

Княгиня Волконская въ прошедшемъ еще году за продерзости выслана изъ Петербурга, и велѣно ей жить въ деревнѣ и не вѣзжать въ Москву. Она живетъ въ подмосковной деревнѣ своего двоюроднаго брата, морского флота подпоручика Федора Талызина, называемой Дѣдово, въ тридцати верстахъ отъ Москвы. Изъ этой деревни она ѣздила въ село Тушино для свиданія съ Юрьемъ Нелединскимъ. Потомъ ѣздила для свиданія съ секретаремъ Исаакомъ Веселовскимъ, который живетъ тайно въ какой-то деревнѣ. Княгиня имѣетъ тайную корреспонденцію со многими персонами въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, и письма посылаетъ тайно изъ деревни съ кучеромъ Матвѣемъ Ивановымъ. Княгиня отдаетъ письма на сохраненіе женѣ кучера Матвѣя, Домнѣ Прокофьевой, съ тайнымъ приказаніемъ, чтобъ Домна содержала ихъ при себѣ во всякой сохранности, а ежели когда придетъ на нее, княгиню, какая причина, то княгиня велитъ Домнѣ письма эти тотчасъ сжечь. Княгиня жалуется Домну за то, что, когда у княгини въ Петербургѣ отбирали письма, Домна спасла одно письмо, «за которое,—княгиня говорила,—ежели бы кому попало, то быть бы ей, княгинѣ, безъ головы». Въ недавнемъ времени къ княгинѣ пріѣзжалъ изъ Митавы человекъ съ письмами отъ отца ея, Петра Михайловича Бестужева, и этотъ человекъ живетъ тайно въ Москвѣ, въ домѣ сенатора Юрья Нелединскаго. Когда везли Девьера въ ссылку изъ Петербурга, тогда онъ прислалъ къ княгинѣ въ Москву человека съ письмами. Княгиня живетъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Талызинымъ блудно. Итакъ, оканчивали доносчики передъ Остерманомъ и Долгорукикомъ, они, видя отъ княгини такіе подозрительные поступки, пришли обо всемъ объявить, «требуя, дабы немедленно къ ней въ деревню послано было для отобранія писемъ, понеже они опасаются, чтобы она тѣхъ писемъ не сожгла или инымъ образомъ не утратила».

Остерманъ и Долгоруки, посвященные въ тайны дворцовыхъ интригъ, вѣроятно, сообразили, что «противныя дѣйствія» княгини Волконской, замѣшанной въ заговорѣ Толстого и другихъ противъ Меншикова, и ея показанія могли быть не выгодны для многихъ личностей, участвовавшихъ и въ возведеніи на престолъ Екатерины и въ сверженіи князя Меншикова. Такимъ образомъ, дѣло княгини Волконской являлось въ ихъ глазахъ весьма серьезнымъ. Остерманъ, прежде всего, послалъ производителя дѣлъ тай-

наго совѣта, Маслова, спросить словесно у прочихъ членовъ совѣта согласія: послать въ подмосковную княгини сержанта отъ гвардіи взять подъ карауль княгиню и всѣхъ, кого по извѣту доносителей слѣдуетъ.

Всѣ изъявили согласіе, и на другой же день сержантъ преображенскаго полка, Леонидъ Вороновъ, привезъ въ запечатанномъ мѣшкѣ отобранныя отъ княгини письма и бумаги.

Въ мѣшкѣ оказались письма къ княгинѣ: отъ отца ея Петра Бестужева и отъ матери Авдотьи Бестужевой, отъ братьевъ Алексея и Михаила Бестужевыхъ, отъ Егора Пашкова, Семена Маврина, Абрама Петрова, Юрія Нелединскаго, Исаака Веселовскаго, Тимофея Кутузова, Ивана Черкасова.

8-го апрѣля верховный тайный совѣтъ постановилъ:

«Призвать Юрія Нелединскаго и велѣть ему объявить присланнаго отъ Петра Бестужева человѣка.

«Послать нарочнаго спросить у княгини Волконской, гдѣ Исаакъ Веселовскій, и, отыскавъ его, привести въ совѣтъ.

«Велѣть привезти княгиню Волконскую съ людьми въ Москву подъ карауломъ.

«Послать приказаніе рижскому губернатору отобрать у Петра Бестужева всѣ письма, запечатать, арестовать его и черезъ Ригу и Петербургъ выслать въ Москву.

«Сыскать Ивана Черкасова и удержать его за карауломъ, взявъ у него всѣ письма.

«Нелединскому и Пашкову безъ указа со двора не сѣзжать».

Любопытно, что во время разсужденія объ этихъ мѣрахъ графъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ подали голоса, что на арестованіе всѣхъ вышесказанныхъ лицъ они согласны, но полагали бы не отбирать у нихъ писемъ.

Черкасовъ, Юрій Нелединскій и Егоръ Пашковъ, по вызову нарочно посланныхъ изъ совѣта офицеровъ, явились въ то же утро передъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ.

Черкасовъ тутъ же объявилъ присутствующимъ, что онъ видѣлъ Веселовскаго на второй недѣлѣ великаго поста за Покровскими воротами въ домѣ мачихи Веселовскаго. Въ другой разъ видѣлся онъ съ Веселовскимъ въ подмосковной деревнѣ Васильевской, принадлежащей князю Василю Владимировичу Долгорукову; при послѣднемъ свиданіи былъ и двоюродный братъ княгини Волконской, Ѳеодоръ Талызинъ.

Черкасовъ въ тотъ же день былъ посаженъ подъ арестъ на гауптвахту.

Верховный тайный совѣтъ, который такъ рѣдко собирался по дѣламъ государственнымъ, энергично занялся дѣломъ княгини Волконской.

На другой день, 9-го апрѣля, привели опять къ допросу Черкасова и другихъ. Черкасовъ, между прочимъ, проговорился, что Веселовскій при послѣднемъ свиданіи сказывалъ, что хочетъ ѣхать въ Коломну и дожидаться тамъ проѣзда князя Василя Владимировича Долгорукова. Сейчасъ же послали курьеровъ отыскивать Веселовскаго въ Коломну и на границы въ Кіевъ, Смоленскъ и Ригу, чтобъ не пропускали его, а арестованнаго прислали въ Москву.

Передъ совѣтомъ явился Талызинъ, съ него сняли шпагу и посадили подъ караулъ на гауптвахту.

12-го апрѣля, привезли Веселовскаго; его схватили въ Коломнѣ. При допросѣ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ въ тотъ же день онъ показалъ:

«Въ Москву пріѣхалъ на первой недѣлѣ великаго поста въ субботу и остановился въ домѣ мачихи своей, на другой день пріѣхалъ къ нему Дмитрій Соловьевъ и сказывалъ, что есть указъ, чтобы пріѣзжіе изъ Астрахани въ Москвѣ не жили, а жили бы въ подмосковныхъ деревняхъ. Поэтому онъ, Веселовскій, уѣхалъ въ Васильевское, село князя Василя Владимировича Долгорукова. По просьбѣ княгини Волконской, ѣздилъ въ Тушино для свиданія съ нею, потому что друженъ съ ея братомъ. При этомъ свиданіи княгиня рассказывала ему, что отецъ ея былъ взятъ изъ Митавы въ Петербургъ и попрежнему отпущенъ, также рассказывала о своихъ напастяхъ и называла своими непріятелями: Анну Ивановну Крамерову, супругу Степана Васильевича Лопухина,—также что Левенвольдъ измѣнился противъ прежняго. Послѣ этого свиданія поѣхалъ онъ въ Коломну дожидаться князя Василя Владимировича, о чемъ зналъ и князь Юрій Юрьевичъ Долгорукій, съ позволенія котораго онъ жилъ въ Васильевскомъ, и съ нимъ же хотѣлъ ѣхать встрѣчать князя Василя Владимировича въ тамбовскія или пензенскія его деревни, но князь Юрій Юрьевичъ занемогъ, и онъ, Веселовскій, поѣхалъ въ Коломну одинъ».

Разспросивъ еще людей княгини Волконской о ея поѣздкѣ въ Тушино, верховный тайный совѣтъ занялся разборомъ писемъ, взятыхъ у княгини, у Черкасова, Нелединскаго, Пашкова и другихъ.

Въ дѣлахъ совѣта сохранилась отмѣтка о послѣдствіяхъ этого разбора:

«Апрѣля 14-го, допущены были господа министры къ его императорскому величеству, и потомъ позванъ былъ тайный совѣтникъ Степановъ, и его императорское величество изволили слушать выписки изъ письма Ивана Кречетникова (шталмейстера цесаревны Елисаветы Петровны) къ Ивану Черкасову, да изъ цыдулки, посланной къ нему отъ Егора Пашкова, и по слушаніи изволили спросить подлинное Кречетникова письмо, за которымъ былъ посланъ въ верховный тайный совѣтъ оберъ-секретарь Кузьминъ, и

по привозѣ то письмо вручено князю Алексѣю Григорьевичу (Долгорукову).

«Потомъ князь Алексѣй Григорьевичъ, вышедъ отъ его императорскаго величества, объявилъ тайному совѣтнику, господину Степанову, что его величество то письмо изволилъ видѣть и указалъ, какъ съ нимъ, Кречетниковымъ, такъ и съ прочими, ежели явятся, несмотря ни на кого, поступать такъ, какъ съ прежде приличившимися по тому дѣлу поступано, и чтобъ дѣло, какъ скоро возможность допустить, привести къ окончанію. При томъ онъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, объявилъ свой совѣтъ, что завтра, т.-е. 15-го дня, надлежитъ къ нему, Кречетникову, на его дворъ, гдѣ онъ живетъ, послать и письма всѣ у него забрать и его съ ними взять въ верховный тайный совѣтъ и объявить ему домашній арестъ, противъ того, какъ учинено съ Юріемъ Нелединскимъ и Егоромъ Пашковымъ».

15-го апрѣля, оберъ-секретарь Кузьминъ, который взять былъ изъ сената временно въ верховный тайный совѣтъ для производства слѣдствія надъ княгинею Волконскою, отправился въ домъ Кречетникова къ Яузскимъ воротамъ, гдѣ ему объявлено, что Кречетниковъ по званію шталмейстера цесаревны Елисаветы Петровны живетъ въ селѣ Покровскомъ во дворцѣ. Кузьминъ не рѣшился ѣхать во дворецъ и отправился за приказаніемъ къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову. По докладу князя, верховный тайный совѣтъ далъ Кузьмину слѣдующее приказаніе:

«Ѣхать въ Покровское, сыскать Кречетникова, письма забрать и привезти вмѣстѣ съ нимъ въ верховный тайный совѣтъ и для того взять съ собою сержанта отъ гвардіи и солдата. Если же Кречетниковъ во дворцѣ, то ѣхать Кузьмину ко дворцу одному, а сержанту и солдату ко дворцу не подѣзжать, а тамъ вызвать Кречетникова и объявить ему, чтобъ онъ съ нимъ, Кузьминимъ, ѣхалъ въ верховный тайный совѣтъ. Ежели же Кречетниковъ скажетъ, что онъ безъ указа цесаревны Елисаветы Петровны не поѣдетъ, или государыня цесаревна изволитъ его, Кузьмина, взять передъ себя и скажетъ, что она его, Креченикова, отпустить не изволитъ, то ему, Кузьмину, ѣхать назадъ и доложить верховному тайному совѣту; а буде онъ, Кречетниковъ, съ нимъ, Кузьминимъ, поѣдетъ, то дорогою спросить его о письмахъ его, гдѣ они у него имѣются, и гдѣ покажетъ, туда ему, Кузьмину, ѣхать самому, а его, Кречетникова, послать въ верховный тайный совѣтъ гвардіи съ сержантомъ, и тѣ письма забрать и представить въ верховный тайный совѣтъ».

Кузьминъ засталъ Кречетникова во дворцѣ, гдѣ жила Елисавета Петровна,—вызвалъ его на крыльцо и объявилъ ему приказъ, чтобы онъ ѣхалъ въ верховный тайный совѣтъ. Кречетниковъ отвѣчалъ, что онъ ѣхать готовъ и воли господъ министровъ не

преслушаетъ, только бы немного подождать, какъ государыня цесаревна изволить встать, потому что объ этой поѣздкѣ надлежить донести ея высочеству. Въ это время въ покои, гдѣ жила цесаревна, проходилъ камергеръ Александръ Бутурлинъ, которому Кречетниковъ передалъ о присылкѣ изъ верховнаго тайнаго совѣта. Черезъ нѣсколько времени Бутурлинъ вышелъ изъ комнатъ цесаревны, позвалъ Кузьмина въ другую комнату и объявилъ ему, что государыня цесаревна изволить его, Кузьмина, допустить передъ себя и будетъ спрашивать, какъ онъ, Кузьминъ, во дворецъ присланъ. Кузьминъ отвѣчалъ Бутурлину, что присланъ не къ государынѣ цесаревнѣ, но къ Ивану Кречетникову, чтобъ онъ ѣхалъ съ нимъ въ верховный тайный совѣтъ. Бутурлинъ передалъ объ этомъ цесаревнѣ, и Кузьмина потребовали къ ея высочеству. Елисавета Петровна спрашивала Кузьмина, какое до него, Кречетникова, касается дѣло. Кузьминъ отвѣчалъ, что не знаетъ, и царевна приказала Кречетникову отправиться съ Кузьминымъ. По указанію Кречетникова, Кузьминъ забралъ всѣ письма и бумаги его въ квартирѣ на его конюшенномъ дворѣ и представилъ въ совѣтъ. Въ нихъ между прочимъ найдены два письма цесаревны Анны Петровны: одно къ Кречетникову, а другое къ женѣ его.

Верховный тайный совѣтъ приказалъ Кречетникову не возвращаться въ Покровскій дворецъ, а жить въ собственномъ домѣ и никуда со двора не выѣзжать. Всѣ лица, прикосновенныя къ дѣлу княгини Волконской, были собраны кто на гауптвахтѣ, кто подъ домашнимъ арестомъ, бумаги и частныя письма разобраны.

Долгорукіе почему-то особенно хлопотали о поспѣшномъ окончаніи этого дѣла. Князь Василій Лукичъ приказалъ оберъ-секретарю Кузьмину объѣздить всѣхъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта и предложить имъ собраться къ слушанію писемъ Кречетникова 17-го апрѣля. Это было въ великую среду страстной недѣли.

Кузьминъ отыскалъ генералъ-адмирала, графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, въ Успенскомъ соборѣ и доложилъ ему о предложеніи князя Василья Лукича. Апраксинъ отвѣчалъ, «что 17-го апрѣля съѣзжаться въ верховный тайный совѣтъ некогда, для того что въ тотъ день послѣдняя преждеосвященная обѣдня, а въ четвертокъ иные будутъ причащаться, развѣ въ пятницу, и то, если прочіе члены согласятся». Графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ рѣшительно отказались пріѣхать въ совѣтъ въ великую среду.

Дѣло отложили до Ѳоминой недѣли.

Въ четвергъ на Ѳоминой недѣлѣ, 2-го мая, верховный тайный совѣтъ призвалъ Кречетникова къ допросу о его письмахъ. Къ сожалѣнію, письма Кречетникова, которыя такъ серьезно занимали верховный тайный совѣтъ, не сохранились.

Наконецъ, 28-го мая, дѣло было рѣшено верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, и рѣшеніе утверждено императоромъ. Вотъ оно въ подлинникѣ:

«1728 года, іюня въ 5-й день, его императорское величество по дѣлу княгини Аграфены князь Никитиной жены Волконскаго и прочихъ по тому дѣлу приличныхъ указалъ: 1) понеже люди его Волконскаго, Зайцовъ да Добрянской, пришедъ въ слободской домъ его императорскаго величества, доносили, что помѣщицѣ ихъ Волконской за продерзости ея велѣно жить въ деревнѣ, не вѣзжая въ Москву, а она живетъ въ подмосковной деревнѣ двоюроднаго своего брата, морского флота подпоручика, Ѳедора Талызина, и изъ той деревни ѣздила тайно подъ Москву въ Тушино для свиданія съ Юрьемъ Нелединскимъ и съ другими нѣкоторыми людьми, между которыми видѣлась и съ секретаремъ Исаакомъ Веселовскимъ; она жъ де имѣетъ корреспонденцію со многими персонами въ Москву и въ другія мѣста тайно, а предъ недавнимъ временемъ привезъ тайно жъ изъ Митавы отъ отца ея, Петра Бестужева, человекъ ея Соловьевъ письма, зашитыя въ подушкѣ, и чтобъ тѣ письма у ней, Волконской, немедленно забрать, дабы она не ухоронила. И по тому доношенію посыланъ отъ двора его императорскаго величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантъ Леонтіи Воронинъ съ солдаты, которой у ней, Волконской, письма забралъ, въ томъ числѣ у сестры ея двоюродной, Прасковьи Борковой, спрятанныя въ бострогѣ, да у кучеровой жены, и прислалъ при доношеніи своемъ въ верховный тайный совѣтъ, и по осмотру явились писанныя къ ней отъ отца ея, Петра Бестужева, отъ матери ея Авдотьи, отъ братьевъ Алексѣя и Михайлы Бестужевыхъ, отъ Егора Пашкова, отъ Семена Маврина, отъ Абрама Петрова, отъ Юрья Нелединскаго, отъ Исака Веселовскаго, отъ Тимооея Кутузова, отъ Ивана Черкасова и отъ прочихъ. И по причинѣ тѣхъ писемъ забраны жъ письма у Ивана Черкасова, у Исака Веселовскаго, и по тѣмъ письмамъ явилось, что они все дѣлали партіи и искали при дворѣ его императорскаго величества для собственной своей пользы дѣлать интриги, и тѣми интригами причинить при дворѣ безпокойство, и дабы то свое намѣреніе сильнѣе въ дѣйство произвести могли, искали изъ нихъ себѣ помочи чрезъ Вѣнской дворъ и обрѣтающагося здѣсь министра, графа Рабутина, а именно княгиня Волконская съ братомъ Алексѣемъ и съ Абрамомъ Арапомъ, и для того имѣли переписки и пересылки и тако хотѣли вмѣшательство государственнаго государя въ домовыя его императорскаго величества дѣла. И въ такой ихъ Волконской и брата ея Алексѣя откровенности можетъ быть, что они сообщали тѣмъ чужестраннымъ министрамъ и о внутреннихъ дѣланіяхъ государства дѣлахъ. Сверхъ же того, провѣдывали о дѣлахъ и словахъ верховнаго тайнаго совѣта. Того ради, ее, княгиню Волконскую, за вышеписанныя продерзости и

вины, къ тому жъ вышписанные доносители подали письмо, писанное цыфирью, о которомъ она въ допросѣ сказала, что писано отъ брата ея къ Абраму Петрову, а ключа будто не имѣеть, сослать до указу въ дальній дѣвичъ монастырь, а именно Введенской, что на Тихвинѣ, и содержать ее тамо неисходну подъ смотрѣніемъ игуменьи. 2) Юрью Нелединскому, который вѣдая, что она, Волконская, за подозрѣніемъ отъ двора отлучена, ѣздилъ къ ней тайно, чего было ему, какъ сенатору, чинить не надлежало, въ сенатѣ у дѣлъ впредь до указу не быть. 3) Егору Пашкову за продерзостныя къ ней, Волконской, и къ Ивану Черкасову письма въ военной коллегіи у дѣлъ не быть же. 4) Исака Веселовскаго, который за подозрѣніемъ, что его два брата въ измѣнѣ, посланъ былъ въ Гилянъ, а оттуда за болѣзнию отпущенъ и пріѣхавъ не являсь жилъ на Москвѣ тайно, и къ ней, Волконской, ѣздилъ тайнымъ же образомъ для свиданія; сверхъ же того Алексѣй Бестужевъ писалъ къ ней, Волконской, чтобъ письма его обще съ нимъ, Веселовскимъ, распечатали и прочли, и что онъ ей содержаніе нѣмецкихъ писемъ растолкуеть, а наипаче чтобъ упросили его по-русски перевести и тѣ переводы вкупѣ съ нѣмецкими письмами до возвращенія Маврина и Петрова держала, и тѣхъ нѣмецкихъ писемъ и переводовъ не явилось, а она, Волконская, и Веселовской въ допросахъ сказали, что такихъ писемъ будто не получали, и потому въ тѣхъ письмахъ не безъ сомнѣнія, того ради послать его, Веселовскаго, попрежнему въ Гилянъ. 5) Тимоѣея Кутузова за продерзости его въ письмахъ и вину, что онъ къ ней, Волконской, вѣдая, что она отъ двора его императорскаго величества и отъ Москвы отлучена, писалъ, чтобъ она пріѣхала къ Москвѣ на дворъ къ нему тайнымъ образомъ, посадить на мѣсяцъ въ тюрьму и потомъ свобода послать въ полковую службу и опредѣлить съ умаленіемъ его ранга одною степенью. 6) Понеже шталмейстера Кречетникова явилось письмо къ Черкасову, въ которомъ писалъ о придворныхъ поступкахъ, а особливо о высокой персонѣ его императорскаго величества, къ тому же онъ и самъ въ томъ вину свою приносить, а за то надлежало его отлучить отъ двора и учинить наказанье, но его императорское величество, милосердуя, указалъ отъ того наказанья учинить его свободна, а отлуча отъ двора послать служить въ армейскіе полки съ умаленіемъ чина, а именно написавъ въ прапорщики. 7) Ивана Черкасова за непристойную съ нимъ, Кречетниковымъ, корреспонденцію, и что онъ то письмо у себя утаилъ, а не объявилъ, послать въ Астрахань къ провіантскимъ дѣламъ. 8) Татьяну Бестужеву свободить, сказавъ ей, хотя она за бездѣлныя свои письма надлежала наказанью, но его императорское величество, милосердуя, указалъ отъ того учинить ея свободну. 9) Прасковью Боркову, у которой княгини Волконской письма хотя и вынуты, но по дѣлу она ни къ чему не приличилась, и для того

изъ-подъ караула ее свободить. 10) Федоръ Талызинъ, по причинѣ взятыхъ у Волконской писемъ, хотя и держится подъ арестомъ, но по тому дѣлу онъ не приличился, того ради его свободить и быть въ службѣ адмиралтейской попрежнему».

Иванъ Черкасовъ отправленъ въ Астрахань 14-го іюня, Исаакъ Веселовскій—15-го іюня, Иванъ Кречетниковъ—15-го іюня. Княгиня Волконская отправлена въ Введенскій Тихвинскій монастырь 14-го іюня.

Не такъ легко было сладить съ Пашковымъ.

12-го іюня, въ сенатѣ ему объявили указъ о назначеніи его въ Воронежъ вице-губернаторомъ и привели къ присягѣ и вручили указъ. 14-го іюня, изъ сената послали къ нему сержанта съ дорожною и ямскими подводами, чтобъ онъ ѣхалъ немедленно въ Воронежъ. Пашковъ сказалъ сержанту, что ему ямскихъ подводъ и подорожной не надобно, и не принялъ подорожной и подводы прогналъ со двора и объявилъ, что поѣдетъ на своихъ собственныхъ подводахъ, а если еще пришлютъ къ нему ямскія подводы, то на нихъ не поѣдетъ, хотя бы онѣ простояли пять дней, а если его захотятъ выслать за карауломъ, то онъ осѣдлаетъ лошадь и поѣдетъ жаловаться государю на оберъ-прокурора Воейкова. 15-го іюня, къ Пашкову послали изъ верховнаго тайнаго совѣта сказать, чтобъ онъ немедленно и сегодня выѣзжалъ изъ Москвы на какихъ ему угодно подводахъ, на ямскихъ или на своихъ. Пашковъ объявилъ сенатскому секретарю Иванову, который пришелъ къ нему съ такимъ объявленіемъ, что ежели его посылаютъ въ ту губернію вице-губернаторомъ, то дали бы убраться какъ лошадьми, такъ и колясками, о чемъ онъ просилъ сегодня и господъ министровъ, и канцлера Головкина и Василья Лукича Долгорукова, и они обѣщали дать ему на то время; ежели же посылаютъ его въ ту губернію въ ссылку, то изволили бѣ прислать караулъ и пусть везутъ его изъ Москвы въ ту губернію скованнаго, а онъ добровольно, не убався какъ лошадьми, такъ и колясками, не поѣдетъ.

Однако на другой день, 16-го іюня, Пашковъ послѣ обѣда отправился въ Воронежъ на своихъ лошадяхъ.

Первое время пребыванія княгини Волконской въ монастырѣ было довольно сносно: она пользовалась относительной свободой, могла принимать посѣтителей и изрѣдка переписывалась съ родными. Но въ 1730 году, по восшествіи на престолъ Анны Ивановны, положеніе узницы измѣнилось. Благодаря интригамъ Бирона, благодѣтельствовавшаго ея отцомъ и боявшагося его вліянія на императрицу, Петръ Михайловичъ Бестужевъ былъ сосланъ на жительство въ дальнія деревни. Княгиня Аграфена Петровна была поражена опалой отца и, обвиняя императрицу въ неблагодарности къ человѣку, оказавшему ей такъ много услугъ, позволила себѣ порицать ее въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Это было донесено въ Петер-

бургъ, откуда, въ августѣ 1730 года, былъ присланъ указъ, которымъ повелѣвалось: «княгиню Аграфену содержать въ Тихвинномъ монастырѣ крѣпчайше прежняго, кромѣ церкви, изъ кельи нигде не выпускать, къ ней никого изъ постороннихъ безъ вѣдома игуменни не допускать, а когда кто къ ней посторонніе приходятъ будутъ, то допускать при ней, игуменѣ, и говорить всѣмъ вслухъ, а не тайно; и того всего надъ ней смотрѣть игуменѣ накрѣпко; а ежели она, Волконская, станетъ чинить еще какія продерзости, о томъ ей, игуменѣ, давать знать тихвинскому архимандриту, которому велѣно въ томъ ей вспоможеніе чинить и писать о томъ въ сенатъ немедленно». Княгиня Аграфена Петровна не была въ состояніи долго переносить тяжесть ссылки и скончалась въ 1731 году.

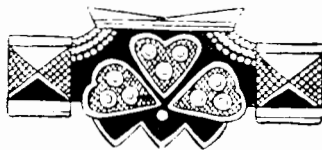
Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ былъ счастливѣе. По ходатайству генераль-директора надъ фортификаціями, графа Миниха, цѣлнвшаго его, какъ способнаго инженера, онъ былъ переименованъ, въ сентябрѣ 1730 года, въ инженеръ-капитанъ и переведенъ на службу въ Лифляндію.

Пашковъ пробылъ вице-губернаторомъ въ Воронежѣ до 1734 года, послѣ чего былъ назначенъ губернаторомъ въ Астрахань, гдѣ и умеръ въ 1740 году.

Черкасовъ прожилъ въ Астрахани до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, которая вернула его изъ ссылки, возвела въ званіе кабинетъ-секретаря и пожаловала титулъ барона.

Веселовскій также былъ возвращенъ изъ ссылки императрицей Елисаветой Петровной и назначенъ ею членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и учителемъ русскаго языка къ великому князю Петру Теодоровичу.

С. Шубинскій.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I) ¹⁾.

XVIII.

Въ старомъ домѣ.

I.

КОГДА Финогенъ открылъ ставни стараго господскаго дома и вошелъ въ комнаты, онъ не узналъ ни стѣнъ, знакомыхъ ему съ дѣтства, ни мебели, на которой онъ никогда не сидѣлъ, ни развѣшенныхъ портретовъ въ дорогихъ рамахъ... Солнце ворвалось въ окна и заиграло трепетно и радостно на позолотѣ потолоковъ, стѣнъ...

Финогенъ остановился при входѣ въ залу и замеръ отъ неожиданности. И на него пахнуло чѣмъ-то старымъ, забытымъ, но близкимъ. Онъ зажмурился — въ комнатахъ было слишкомъ свѣтло, такъ же свѣтло, какъ полвѣка тому назадъ, когда онъ — дворовый, мальчишка — въ первый разъ переступилъ порогъ этого дома, и когда его въ первый же разъ выпороли «для острастки». Грозный баринъ, помѣщикъ Змѣицынъ, схватилъ тогда его, Феньку, за волосы, долго трепалъ, а потомъ велѣлъ отвести его въ сарай и выпороть. И его выпороли, выпороли безъ всякой вины, ради будущаго. И съ тѣхъ поръ Фенька, впоследствии, къ тридцати годамъ,

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 594.

переименованный въ Финогена, не могъ видѣть барина безъ рабской дрожи въ ногахъ...

Финогенъ и теперъ робко посмотрѣлъ вокругъ, отыскалъ глазами портретъ Змѣицына въ ряду другихъ портретовъ и почувствовалъ, что ноги его снова задрожали, какъ не дрожали онѣ съ самой смерти Змѣицына.

— Грозный баринъ,— подумалъ онъ, отводя свой взоръ отъ глазъ портрета.— Царство ему небесное! Не даромъ Змѣицынымъ прозывался... На всю округу славился и спуску никому не давалъ... Грозный баринъ!.. Нынѣшній—не то!..

И когда онъ подумалъ о нынѣшнемъ баринѣ, то ему представилась тоненькая, хрупкая фигурка «молодого Змѣицына». Этому «молодому» Змѣицыну было уже около 50-ти лѣтъ, онъ былъ уже почти сверстникомъ Финогена, и все-таки продолжалъ оставаться «молодымъ». Кромѣ Финогена и еще нѣкоторыхъ, немногихъ людей въ усадьбѣ, никто не помнилъ молодого барина.

Грозный Змѣицынъ, по невѣдомой причинѣ, отправилъ сына въ столицу, когда ему едва минуло десять лѣтъ, и съ тѣхъ поръ никогда не бралъ его къ себѣ. Рассказывали, что старикъ Змѣицынъ не считалъ его своимъ сыномъ; говорили, что его жена испытала «несчастную любовь», за которую пострадала тѣмъ, что у нея мужъ отнял сына; сказывали, что грозный Змѣицынъ въ разговорѣ называлъ сына «нѣмецкимъ отродьемъ», и много другого говорили въ народѣ. Но было ли это правдою, никто сказать не могъ. И когда умеръ старикъ, когда умерла его жена, старый домъ закрыли ставнями...

И теперъ стало извѣстнымъ, что молодой Змѣицынъ ѣдетъ въ отцовское помѣстье; съ нимъ ѣдетъ его вторая жена и цѣлый штатъ прислуги. Было приказано привести въ порядокъ старый домъ, отдѣлать его, такъ какъ Змѣицынъ рѣшилъ провести въ деревнѣ лѣтніе мѣсяцы 1819 года, и ждать пріѣзда барина въ началѣ мая.

— Женился!—думалъ Финогенъ, обходя домъ.—И для чего жениться, коли за спиною пятьдесятъ годовъ есть?... Говорятъ, съ первую женою-то и двухъ лѣтъ не прожилъ—померла... Такъ второй разъ захотѣлъ... Блажной!..

И послѣ того, какъ Финогенъ въ первый разъ открылъ ставни, въ теченіе двухъ недѣль дворянъ мыла, скребла, чистила и домъ и большой садъ, который успѣлъ зарости новыми деревьями.

Видя, какъ вырываются съ корнемъ молодые побѣги, какъ собранные деревенскіе ребятишки молчаливо вытаскиваютъ изъ земли пушистые, новые кусты, Финогенъ вздыхалъ, покачивалъ головою и шепталъ:

— И для чего это рвать?! Молодое, зеленое... изъ него новый лѣсъ вышелъ бы...

А потомъ, словно спохватившись и вспомнивъ свое положеніе, онъ начиналъ покрикивать:

— Ну, вы... рвите съ корнемъ, чтобъ тамъ корней не оставалось... А то баринъ прїѣдетъ... онъ вамъ покажетъ!.. Порядка не понимаете!

И скоро тамъ, гдѣ были густыя заросли, побѣжали прямыя желтыя дорожки, вмѣсто кустовъ крапивы зачернѣли новыя клумбы, и на мѣстѣ молодыхъ, тоненькихъ березокъ горделиво красовалась бесѣдка.

— Чтобы всякому, стало быть, растенію свое мѣсто!—говорилъ Финогенъ, видя, какъ преобразился старый домъ и старый паркъ.

А потомъ скоро прїѣхали Змѣицыны, и началась въ усадьбѣ новая жизнь. Отвыкшіе отъ господъ крестьяне съ любопытствомъ и безъ должнаго почтенія оглядывали прїѣзжихъ, и это сердило Финогена, который часто замѣчалъ имъ:

— Вотъ прїѣхалъ бы старый баринъ, онъ вамъ показалъ бы, что такое баринъ!

— А развѣ это не баринъ?—спрашивали его.

— Кто говоритъ, что не баринъ?... Да только въ емъ этого самага барства мало... Всталъ бы покойникъ (не къ ночи будь сказано) да поглядѣлъ бы, онъ бы далъ... всѣмъ далъ... и барину и намъ... всѣмъ!.. Нынѣшній что!..

II.

Въ самомъ дѣлѣ, въ баринѣ было слишкомъ мало барскаго: старикъ, съ умными, добрыми глазами, съ длинной бородою, тихій въ движеніяхъ, голосъ, постоянно улыбающійся, онъ былъ рѣзкимъ контрастомъ относительно окрестныхъ помѣщиковъ. Онъ не кричалъ, не поролъ, не требовалъ, и это было страннымъ для всѣхъ.

— Въ Питерѣ мужиковъ не было!—разсуждали крестьяне.—Вотъ онъ и не знаетъ, какъ съ нами обращаться должно... А здѣсь онъ только въ побывкѣ: придетъ осень, онъ и уѣдетъ! Смирный баринъ, да и за женой все ходитъ... Ему некогда!..

Дѣйствительно, со стороны казалось, что старикъ «все ходитъ» за своею женою; онъ ее всюду сопровождалъ: къ сосѣдямъ, въ садъ, и когда онъ шелъ свади нея, то онъ улыбался, и эта улыбка напоминала улыбку няньки, любящейся ребенкомъ.

Молодая барыня была красива и мужиковъ не замѣчала: у нея были свои слуги, «вольные», прирезанные изъ Питера, и даже Финогену не удалось обратить на себя вниманіе барыни.

— Гордячка!—говорилъ про нее Финогенъ.—Горда и молода! Да и въ деревнѣ не жила!.. Мужика не знаетъ...

Ничего подобнаго не могъ сказать Финогенъ про барина, который каждое утро ходилъ купаться и бралъ съ собою для услугъ Финогена. Этотъ разсказывалъ барину про свое житье-бытье, вспоминалъ старыхъ Змѣицыныхъ, обнаруживалъ знаніе старой помѣ-

щичьей жизни и, однимъ словомъ, былъ всегда собесѣдникомъ барина. Дошло даже до того, что баринъ однажды, возвращаясь съ прогулки, сказалъ ему:

— Вотъ что, Финогенъ: какъ мы устроимся, такъ я тебя позову къ себѣ и запишу кое-что изъ твоихъ разсказовъ. Ты—кладъ для меня, ты такъ много знаешь, и это составитъ интересную страницу изъ быта нашихъ старыхъ помѣщиковъ... Вотъ погоди, какъ только устроюсь, такъ мы съ тобой и займемся!

И Финогенъ, гордый предложеніемъ барина, сталъ терпѣливо дожидаться, когда баринъ «устроится».

Но время шло, наступилъ уже іюнь, а баринъ все еще не призывалъ къ себѣ Финогена.

— Некогда ему!—думалъ Финогенъ.—Барыня все гостей зоветъ. Вотъ перестанутъ гостей принимать, тогда и займемся!

Гости у Змѣицыныхъ бывали ежедневно: особенно часто пріѣзжалъ молодой человекъ, почти мальчикъ, юнкеръ Покатовъ, и помѣщикъ Ермиловъ. Они ночевали иногда во флигелѣ и гостили недѣлями.

Финогенъ называлъ Покатова «ребенкомъ», а Ермилова побаивался и никакъ не называлъ, такъ какъ Ермиловъ и по осадкѣ, и по своимъ поступкамъ напоминалъ стараго грознаго Змѣицына, и это внушало Финогену страхъ и уваженіе.

Хозяева и гости веселились ежедневно: ѣли, пили, охотились, танцевали, катались на лодкахъ. За женой Змѣицына ухаживали все: и мужчины, и женщины. И Змѣицына, видя это, капризничала и шалила, какъ ребенокъ.

И когда Финогенъ поглядывалъ на барина, онъ видѣлъ на его лицѣ улыбку—тихую, ровную, молчаливую, которая не сходила съ его лица ни при какихъ обстоятельствахъ.

Если почему либо не было гостей, то Змѣицынъ старался развлекать жену: читалъ ей книги, водилъ гулять, но Финогенъ видѣлъ, что барыня это скучно, не интересно. Видѣлъ это и самъ Змѣицынъ, но улыбка не сходила съ его устъ, и онъ начиналъ ждать гостей, которые помогли бы ему развлечь жену.

И когда однажды помѣщикъ сказалъ Финогену:

— Вѣдь, 29-го я именинникъ!.. Балъ надо устроить... Всѣхъ созовемъ... Ты и мужикамъ скажи: имъ угощеніе будетъ!

Тогда Финогенъ понялъ, что и балъ, и мужики, и угощеніе—все это должно развлечь барыню, все это дѣлается для барыни и только для нея одной. И Финогену почему-то опять вспомнился старый грозный Змѣицынъ.

III.

Однажды вечеромъ у Змѣицныхъ собрались гости: былъ и Покатовъ, и Ермиловъ, и много другихъ. Послѣ ужина всѣ отправились въ садъ, а въ бесѣдку принесли вина и фруктовъ.

Самъ Змѣицынъ былъ, по обыкновенію, пріятливъ со всѣми, жена его также по обыкновенію капризничала.

Если бы Змѣицынъ былъ наблюдательнѣе, онъ могъ бы замѣтить, что Ермиловъ, какъ во время ужина, такъ и теперь, сидя въ бесѣдкѣ, не спускалъ глазъ съ его жены: онъ глядѣлъ дерзко, вызывающе, а это, въ свою очередь, злило Покатова, который безпрестанно краснѣлъ и хмурился, и его розовыя щеки становились при этомъ алыми.

Змѣицынъ тихо бесѣдовалъ съ морякомъ, сосѣдомъ по имѣнію; рѣчь шла у нихъ о политическихъ событіяхъ, всегда захватывающе дѣйствовавшихъ на Змѣицына, и онъ мало обращалъ вниманія на окружающее.

Онъ не видѣлъ, какъ жена его, взявъ Ермилова подъ руку, вышла съ нимъ изъ бесѣдки, какъ поблѣднѣлъ Покатовъ, и какъ онъ вслѣдъ затѣмъ выбѣжалъ изъ бесѣдки: морякъ высказывалъ интересные взгляды на политическое броженіе въ Европѣ и совершенно завладѣлъ, благодаря этому, вниманіемъ Змѣицына.

А въ это время юнкеръ Покатовъ бѣжалъ за Ермиловымъ, который велъ жену Змѣицына по аллеѣ сада по направленію къ рѣкѣ. У него колотилось сердце, и руки сжимались въ кулаки.

— Анна Константиновна,—крикнулъ Покатовъ на бѣгу,—я не буду лишнимъ?

Ермиловъ останоился и злобно посмотрѣлъ на Покатова.

— Лишнимъ?—протянула Змѣицына.—Нѣтъ, вы не будете лишнимъ... Мы гуляемъ!..

— Очень хорошо!—сказалъ Покатовъ.—А то въ бесѣдкѣ скучно со стариками...

— Какіе тамъ старики?—усмѣхнулась лукаво Змѣицына.—Это вы на кого намекаете? на мужа?

— Я ни на кого не намекаю! Но въ бесѣдкѣ скучно...

— Конечно... А сыро становится!—замѣтила Анна Константиновна.—Не правда ли?

— Да, роса поднимается! Надо домой итти, а то вы простудитесь, Анна Константиновна!.. Вернемтесь...

Ермиловъ злобно передернулъ плечами. Покатовъ ясно видѣлъ, что онъ—лишній, но уйти онъ ни за что не хотѣлъ. И Ермиловъ, въ свою очередь, понималъ, что Покатовъ ни за что не уйдетъ.

— Правда, Анна Константиновна, вернемтесь домой!—сказалъ Ермиловъ.—Сыро, вернуться необходимо!

— Хорошо, вернемтесь!

И всѣ они молча двинулись обратно.

Покатовъ злорадствовалъ и посматривалъ на Ермилова, какъ бы поддразнивая его. Ермиловъ видѣлъ это, и его коробило.

Но вотъ Анна Константиновна поднялась на ступеньки и скрылась въ двери, и Ермиловъ съ перекошеннымъ лицомъ остановился передъ Покатовымъ и прохрипѣлъ:

— Если вы... когда нибудь позволите себѣ, то я... Мальчишка!

— Что вы? что вы можете?—насмѣшливо спросилъ Покатовъ.

— Уйдите прочь!

И Ермиловъ, рѣзко отстранивъ Покатова, скрылся въ тѣни сада.

Покатовъ разсмѣялся весело и вошелъ въ бесѣдку, гдѣ все было попрежнему, гдѣ Змѣицынъ говорилъ съ морякомъ объ Италіи, и гдѣ Анна Константиновна тихо чему-то смѣялась.

Покатовъ подошелъ къ ней и тихо проговорилъ:

— Ермиловъ ушелъ... Пойдемте, пройдемтесь въ садъ, Анна Константиновна... Онъ намъ не помѣшаетъ.

Анна Константиновна взглянула на него и, откинувшись на спинку стула, звонко расхохоталась.

— Что ты... Анечка?—улыбаясь спросилъ ее Змѣицынъ.

А та, заливаясь хохотомъ, показывала пальцемъ на Покатова и говорила прерывающимся голосомъ:

— Этого... юнкера... ха-ха-ха... Скажите мнѣ, сколько... ему лѣтъ?

Покатовъ покраснѣлъ еще болѣе, поднесъ правую руку къ верхней губѣ, пощипалъ ее въ замѣшательствѣ и сказалъ:

— Мнѣ, сударыня, 17 лѣтъ... Но я не могу позволить, чтобы надо мной смѣялись!

И вышелъ изъ бесѣдки. А Анна Константиновна не могла перестать громко смѣяться, и Змѣицынъ спрашивалъ:

— Чѣмъ ты могла такъ обидѣть юношу?

IV.

Въ день именинъ Петра Васильевича Змѣицына гости, пріѣхавшіе съ утра, не развѣзжались до тѣхъ поръ, пока не взошло солнце, а когда ночь промелькнула, и наступило новое утро, многіе изъ гостей остались «ночевать». Но послѣ завтрака гостямъ не хотѣлось уѣзжать, и, такимъ образомъ, только къ вечеру, когда послѣдніе бубенчики троекъ отзвучали въ дали, сбившаяся съ ногъ прислуга могла отдохнуть.

Финогенъ приготовилъ барину постель, раздѣлъ его и пошелъ въ людскую. Тамъ было много народу, воздухъ былъ тяжелъ, а

потому онъ счелъ за лучшее отправиться въ сторожку къ лодочнику и тамъ переночевать.

Лодочникъ, молодой парень, очень любилъ Финогена, который умѣлъ хорошо рассказывать «про старое», и часто лѣтомъ они вдвоемъ проводили въ сторожкѣ долгіе часы за разговорами.

Лодочникъ Николка словно ждалъ Финогена. И когда старикъ, утомленный хлопотами, собрался лечь спать, то Николка сдѣлалъ серьезное лицо и тихо сказалъ:

— Ты, дянька Финогенъ, спать погоди. У меня къ тебѣ дѣло есть!..

— Ладно! — отвѣтилъ Финогенъ. — Завтра про свое дѣло скажешь, а теперь я спать хочу... потому какъ два дня маялся. Измучился совсѣмъ... еле ноги носятъ... Да и выпилъ вчера къ тому жъ!

— Нѣтъ, дянька... важное дѣло... и дѣло это не мое, а... важное, стало быть!—настойчиво сказалъ Николка.

— Ну, говори... А я слушать буду!—отвѣтилъ Финогенъ, позѣвывая и укладываясь на землѣ.

— Я тебя ждалъ цѣлый день,—сказалъ лодочникъ,—а ты не приходилъ... А какъ ты говоришь, что нашъ баринъ хорошій, добрый, такъ я, значить, сумлѣваюсь...

— Ну, говори, говори... А баринъ хорошій! Какъ онъ мужиковъ-то угостилъ!

— Вишь ты,—началъ Николка, присаживаясь къ Финогену,—какъ, стало быть, вчера господа на лодкахъ катались... Ну, катались-катались, а потомъ на берегъ сошли... Только это вечеромъ, значить, лежу я на берегу, музыку слышать. Глядь, идетъ барыня съ этимъ... какъ его?.. Знаешь, такой высокій... съ баками такими...

— Ермиловъ... что ли?

— Вотъ вотъ... онъ самый... изъ Надеждинскаго имѣнья!

— Ну, и что же? идетъ барыня?

— Идетъ... Подошли къ берегу... меня кликнули... Я подѣхалъ... «Вези», — говорятъ — «на тотъ берегъ!» Я повезъ... а они вышли и, стало быть, пошли... роцею... прямо-прямо... А мнѣ сказали, чтобы я посматривалъ... какъ вернется, чтобы я ихъ опять перевезъ, чтобы, стало быть, дожидался.

— Ну, ладно... Дальше что?

— А дальше вотъ что... Прошло этакъ время, гляжу я, а около рѣки кто-то ходитъ... Думаю: жуликъ... Ну, я и сталъ грести назадъ, чтобы, стало быть, воръ ко мнѣ ненарокомъ не зашелъ... И только я подѣхалъ, глядь—это стоитъ баринъ молодой, военный изъ Покатова...

— Покатовъ и есть... Юнкаръ!.. Ну?..

— Ну... онъ меня и спрашиваетъ. «Не видалъ ли ты, — говорить,—морда поганая, барыню съ бариномъ?» А я говорю: «Ви-

даль». Вотъ и приказываетъ онъ мнѣ везти его на тотъ берегъ. Я что жъ? Ничего, повезъ; повезъ, и дорогу, куда они пошли, показалъ. А самъ-то Покатовскій баринъ словно какъ бы дрожить...

Финогенъ пересталъ зѣвать и приподнялся на локоть.

— Ну, ну... дальше!

— А такъ... полчаса прошло, али болѣе, слышу, идутъ... барыня и Ермиловъ этотъ... и что-то по-иностранному говорятъ... Сѣли въ лодку... Я ихъ перевезъ... А Покатовскій баринъ опосля пришелъ... минуты черезъ двѣ или три... И словно какъ бы онъ внѣ себя... ругается... Я имъ покажу!—говорить.—Будутъ довольны!

Лодочникъ замолчалъ и сталъ жевать хлѣбъ.

— Ну, и все тутъ?—спросилъ Финогенъ.

— Нѣтъ, не все!—отвѣтилъ Николка.—А потомъ барыня ушла, а Ермиловскій баринъ остался... А какъ я перевезъ Покатовскаго то барчука, такъ они и стали ругаться. Покатовскій и говоритъ: «Ты,—говорить,—такой и сякой. Я все видѣлъ!» А Ермиловскій говоритъ: «Врешь, ничего не видалъ!» А Покатовскій ему: «Все,—говорить,—видалъ, какъ у купидоновъ въ бесѣдкѣ дѣло было!» Ермиловъ ему: «Негодяй!..»—и по зубамъ. «Не подглядывай!»—говорить.

— Ну, ну... дальше, дальше!—заволновался Финогенъ.

— Ну, а барчукъ схватился за щеку, а Ермиловскій... съ баками... ушелъ!..

Николка замолчалъ. Финогенъ поднялся съ земли, постоялъ на мѣстѣ, а потомъ быстро произнесъ:

— Ты никому еще не говорилъ объ этомъ? Нѣтъ? Ну, и хорошо... Смотри, никому не болтай... Это дѣло господское... А коли будешь болтать, подъ судъ попадешь, въ свидѣтели возьмутъ... Посадятъ въ тюрьму... и весь вѣкъ не выпустятъ, тамъ и помрешь. Смотри, зубы береги, языкъ не выпускай... Понялъ?

— Понялъ!—отвѣтилъ сумрачно Николка.—Иавѣстно, не скажу никому... Ну, ихъ... господъ-то... Я только тебѣ!..

— Смотри же!—еще разъ строго замѣтилъ Финогенъ.—А то такъ разъ у насъ одного мужика повѣсили: болталъ онъ, а его взяли и повѣсили!.. Смотри же... помалкивай!..

V.

Финогенъ понималъ, что произошло нѣчто ужасное, но онъ не хотѣлъ вѣрить этому. И онъ рѣшилъ слѣдить теперь.

Но слѣдить ему не удалось. Въ теченіе недѣли ни Ермиловъ, ни Покатовъ не пріѣзжали къ Змѣицынымъ. Самъ баринъ улыбался попрежнему, барыня скучала. Пріѣзжали гости, но они были не интересны.

Изъ числа неинтересныхъ для барыни гостей однажды пріѣхалъ и тотъ морякъ, съ которымъ Змѣицынъ любилъ обсуждать тогдашнее политическое положеніе западныхъ державъ. Морякъ явился около полудня и прямо отправился къ Змѣицыну. Тотъ радостно встрѣтилъ его и усадилъ на диванъ.

— Я къ вамъ, Петръ Васильевичъ, на нѣсколько минутъ! — началъ морякъ тихо.— По дѣлу!..

— По дѣлу?! Какъ непріятны дѣла лѣтомъ! — попробовалъ улыбнуться Змѣицынъ и вдругъ почувствовалъ, что улыбка у него не вышла, была натянutoй, неестественной.

— Я собственно затрудняюсь объяснить вамъ причину своего пріѣзда... Но, уважая васъ...

Морякъ остановился, какъ бы не рѣшаясь продолжать, и посмотрѣлъ на Змѣицына.

— Вотъ въ чемъ дѣло... Скажите, пожалуйста, у васъ не бываетъ теперь юнкеръ... Покатовъ?

— Да, онъ что-то давно не былъ... Забываетъ насъ!..

— Такъ вотъ, видите ли... Сегодня я былъ въ городкѣ, и тамъ я слышалъ, что этотъ Покатовъ распространяетъ нелѣпыя слухи... относительно...

— Что же вы остановились?

— Относительно вашей жены!..

— Ну, что же онъ можетъ говорить? Однажды, я помню, она посмѣялась надъ нимъ, но это—вздоръ, вѣдь!..

— Я не знаю, что заставляетъ Покатова распространять нелѣпости. Но то, что говоритъ онъ, должно... васъ...

Змѣицынъ нетерпѣливо всталъ съ мѣста и сказалъ скороговоркою:

— Ради Бога, не смущайтесь и говорите прямо!

— Хорошо... я скажу вамъ... Покатовъ разноситъ по городу, что ваша жена измѣняетъ вамъ!—съ трудомъ произнесъ морякъ.

— Пожалуйста, продолжайте!—твердо сказалъ Змѣицынъ блѣднѣя.

— Соучастникомъ онъ называетъ... Ермилова!

— Такъ, такъ... Ну, дальше!..

— Покатовъ объѣзжаетъ знакомыхъ и разноситъ сплетню. Онъ говоритъ, что въ день вашего ангела онъ засталъ...

— Благодарю васъ!—сказалъ Змѣицынъ. — Все это непріятно! Да, это ужасно непріятно!..

Морякъ всталъ съ дивана и подошелъ къ Змѣицыну съ замѣтнымъ смущеніемъ на лицѣ.

— Вѣрите мнѣ, я пріѣхалъ сюда для того, чтобы предупредить дальнѣйшее со стороны юнкера!..

— Да, да... я понимаю, я вѣрю... Благодарю васъ...

— Миѣ такъ неловко...—началь было морякъ, но остановился и сталъ прощаться.

— Оставайтесь обѣдать,—сказаль Змѣицынъ.

— Не могу... Очень жалѣю... не могу!

Морякъ уѣхаль, а Змѣицынъ подошелъ къ окну, толкнулъ его, и оно отворилось.

— Какъ гнусно! какъ гнусно! — прошепталъ онъ.— А моя съдая борода... Гнусно!..

Онъ возмущался гнусностью сплетни, но вѣрить ей не хотѣлъ и не могъ. И онъ не зналъ, что теперь надо дѣлать. И вдругъ въ головѣ возникла, родилась внезапная мысль,—неотвязная, рѣзкая, мучительная:

— А если Покатовъ говорить правду?!...

Но Змѣицынъ собрался съ силами и отогналъ эту назойливую мысль.

— Только Аня не узнала бы о сплетнѣ!.. — подумаль онъ и тихо пошелъ въ садъ, не зная, на что рѣшиться.

Онъ долго ходилъ по далекимъ аллеямъ сада, останавливался у цвѣтника.

— Что дѣлать?—думаль онъ.— Какъ заставить его молчать? Но заставить молчать не значитъ возстановить честь жены! Вызвать его на дуэль? Онъ и я, мальчишка и старецъ у барьера... Глупо!..

За обѣдомъ онъ молчалъ, жена его чувствовала себя нездоровой. И ему было почему-то неловко глядѣть на нее. Послѣ обѣда онъ опять зашелъ въ садъ, опять бродилъ по дорожкамъ, но рѣшеніе вопроса ему не давалось.

— Что дѣлать? что дѣлать?—болѣзненно вырывалось у него.— Чѣмъ бороться?

А назойливая мысль опять приходила, опять мучила. Онъ гналь ее, но она не ослабѣвала, она приходила чаще и чаще, становилась мучительнѣе и назойливѣе.

— Неужели дуэль? Дуэль съ мальчикомъ, юнцомъ?.. Какъ глупо, какъ глупо!.. А если правда, если это—правда... тогда что дѣлать? съ кѣмъ драться? съ мальчишкой или съ тѣмъ... Ермиловымъ?!

Онъ сжалъ пальцы рукъ. Пальцы хрустнули. Наступилъ вечеръ, и въ саду было тихо.

— Спросить ее? жену? Нѣтъ! Зачѣмъ оскорблять ее подозрѣніемъ!..

А черезъ минуту опять старое.

— А если это правда? Правда!..—говорилъ онъ съ разстановкою, словно въ первый разъ въ жизни выговаривая слово.—Что дѣлать тогда? И кто научить меня?

Но вотъ онъ быстро поднялся, выпрямился во весь ростъ, оглядѣлся и крикнулъ:

— Если это—правда... тогда я знаю, что дѣлать!..

Въ тѣни сада показался Финогенъ: онъ шелъ, сосредоточенный, строгій и сумрачный.

— Финогенъ!—крикнулъ Змѣицынъ.—Осѣдлатъ лошадей! Я верхомъ ѣду... сейчасъ... скорѣе!

И Финогенъ замѣтилъ, что на лицѣ барина не было обычной улыбки.

VI.

Въ клубѣ шла карточная игра. Покатовъ держалъ банкъ, и около него лежала куча золотыхъ денегъ.

Ему сказали, что его хочетъ видѣть какой-то господинъ. Онъ, не бросая картъ и не поворачивая головы, отвѣчалъ:

— Пусть подождетъ! Неужели не видите, что я занятъ?

И когда онъ кончилъ метать, куча золота принадлежала уже ему. Онъ вышелъ, разсвалъ золото по карманамъ и улыбнулся широко и радостно.

— Ну, и повезло же мнѣ!—проговорилъ онъ и вдругъ увидѣлъ передъ собою Змѣицына.

Тотъ блѣдный, усталый, съ осунувшимся лицомъ стоялъ противъ Покатова и казался спокойнымъ.

— Я хотѣлъ васъ видѣть!—сказалъ Змѣицынъ, и Покатовъ не узналъ его голоса.

— Къ вашимъ услугамъ!—почти весело отвѣтилъ Покатовъ, и они вдвоемъ пошли въ комнату, сосѣдную съ заломъ.

Когда дверь плотно затворилась за Змѣицынымъ, онъ быстро подошелъ къ Покатову и остановился передъ нимъ въ двухъ шагахъ. Покатовъ молча и не садясь смотрѣлъ на него.

— Я былъ у васъ... въ деревнѣ!.. — началъ Змѣицынъ.— Мнѣ сказали, что вы въ городѣ. И я здѣсь!..

— Радъ васъ видѣть!—отозвался юнкеръ, какъ бы ничего не понимая.— Чѣмъ могу служить?

— Я пріѣхалъ... я торопился... сказать вамъ, что сплетничаютъ только негодяи... и... подлецы!

Покатовъ молчалъ и, какъ казалось Змѣицыну, даже улыбался.

— Вы слышите?—подлецы и негодяи!—повторилъ Змѣицынъ.

— Слышу! Но почему я долженъ это слышать?—спросилъ невозмутимо Покатовъ.

Змѣицынъ поглядѣлъ на него и, не зная, чему приписать такое состояніе юнкера—нахальству или наивности, — отошелъ отъ него въ сторону.

— И я покорнѣйше прошу,—продолжалъ Покатовъ,—объяснить мнѣ, почему я долженъ это слышать?

— Вы еще спрашиваете? А кто же другой, кромѣ васъ, могъ создать такую гнусную сплетню... сплетню насчетъ моей жены... которая принимала васъ у себя?..

— Я? сплетню?

— Вы не понимаете? Не притворяйтесь наивнымъ! Какая гнусность, низость!..

— Вы говорите—сплетню?!—сказалъ Покатовъ, складывая на груди руки.—А я скажу вамъ, что это не сплетня, а сущая правда!.. Да!.. настоящая правда!

— Какъ вы смѣете? — вскрикнулъ Змѣицынъ.—Понимаете ли вы, что произноситъ вашъ языкъ?

— Понимаю отлично!—хладнокровно продолжалъ Покатовъ. — Анна Константиновна сначала благоволила ко мнѣ, пока не приѣхалъ этотъ... Ермиловъ... А потомъ она въ день именинъ вашихъ отправилась съ нимъ въ бесѣдку и... Я самъ видѣлъ... Даю вамъ честное слово!..

Змѣицынъ остолбенѣлъ: онъ долго смотрѣлъ на Покатова, и, кромѣ большихъ, выпяченныхъ, круглыхъ глазъ и конкерскаго гадуна на мундирѣ, онъ ничего не видѣлъ.

А Покатовъ спокойно и какъ бы забывая, что Змѣицынъ— мужъ Анны Константиновны, сталъ рассказывать такія подробности свиданія Ермилова съ женою Змѣицына, что у Змѣицына подкосились ноги, и онъ упалъ на стулъ.

— Вамъ дурно? — спросилъ конкеръ. — Сейчасъ я вамъ дамъ воды... Эй, люди... воды!..

— Не надо... не надо!..—прошепталъ Змѣицынъ, сился встать со стула.—Не надо... я уйду!.. Благодарю васъ!..

И, пошатываясь и держась за стѣны, Змѣицынъ вышелъ изъ клуба.

На востокѣ уже розовѣли облачка...

VII.

Было около шести часовъ утра, когда Змѣицынъ остановился у воротъ своего дома. Онъ отдалъ лошадь Финогену, стоявшему у подъѣзда, и рѣшительнымъ шагомъ вошелъ въ комнату жены.

Она спала. Онъ остановился у ея постели, посмотрѣлъ на нее и тихо произнесъ:

— Правда! самая настоящая правда! Господи!..

И быстро выбѣжалъ вонъ. Ему хотѣлось пить и не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ взялъ палку и пошелъ въ садъ. И, стоя около клумбъ, на которыхъ цвѣли левкой, онъ принялся сбивать палкой махровыя шапки цвѣтовъ. Онѣ отлетали на выметенныя дорожки и ложились красивыми яркими пятнами на желтомъ пескѣ.

— Когда же она встанетъ?—думалъ Змѣицынъ, и ему казалось, что время не идетъ впередъ.—Скорѣе, скорѣе!

Анна Константиновна сидѣла уже въ постели и пила кофе, когда къ ней вошелъ мужъ.

— Отчего у васъ такое измятое лицо?—спросила она, взглянувъ на Змѣицына.—Вы не больны?

— Нѣтъ!.. ничего!.. Я пришелъ сказать тебѣ...—началъ было онъ и смолкъ.

Потомъ онъ сѣлъ на низенькое кресло, стоявшее у постели, и крѣпко сдавилъ обѣими руками голову.

— Аня!.. — сказалъ онъ тихо.—Аня! Только не говори «да»... Скажи «нѣтъ», и мнѣ больше ничего не нужно!

— Что съ вами? что вы говорите?

— Скажи «нѣтъ», скажи, что Покатовъ лжетъ про тебя, скажи, что Ермиловъ и ты... вы не были тамъ въ бесѣдкѣ... Скажи, что я не опороченъ, что ты честна... Говори же!..

Анна Константиновна молчала; она была смущена, краска залила ей щеки, лобъ, глаза забѣгали. Но она молчала.

— Аня, говори же! Всѣ они лгутъ, и Покатовъ, наглый, глупый, лжетъ больше всѣхъ. Вѣдь, этого не было? да?

Змѣицынъ взглянулъ на жену, замѣтилъ краску въ лицѣ всталъ.

— Нѣтъ... не говори... не надо... Я знаю... Лучше не говори! Пусть такъ... суцая правда... Но за что же? за что?

— Я не оправдываюсь, мнѣ нечего оправдываться! — сказала Анна Константиновна и потомъ совсѣмъ уже смѣло добавила:—Я и не хочу оправдываться... Я не первая, я не послѣдняя... Скорѣе во всемъ виноваты вы!

— Я? я?—спросилъ Змѣицынъ.—Что ты говоришь? я?

— Конечно, вы! Очень неприятно, что Покатовъ болтунъ... Но я повторяю, что я не такъ сильно виновата!..

Она быстро накинула на себя капотъ, вскочила съ постели и, быстро размахивая руками, заговорила:

— Да, да... виноваты вы, старый, изжившійся... Я—молодая. Вы меня познакомили съ чувственностью, но не дали мнѣ всего, не могли дать... Мое увлеченіе—извинительно... Я не оправдываюсь. Неужели и вами двигало какое нибудь другое чувство, когда вы мнѣ дѣлали предложеніе? То же желаніе чувственности!.. Да, да... Мы квиты, квиты... Я увлеклась, я не хотѣла... но мой поступокъ извинителенъ!

И когда говорила Анна Константиновна, то Змѣицыну казалось, что говоритъ не она, не его жена, не Аня, а какая-то другая, посторонній ему человекъ, несимпатичный, глупый...

Онъ откинулъ назадъ голову, хотѣлъ оскорбить ее, ударить по лицу... Но потомъ улыбнулся чему-то и вышелъ.

У Анны Константиновны началась истерика, и ея горничная быстро пробѣжала мимо Змѣицына...

Въ кабинетѣ барина дожидался Финогенъ. Онъ стиралъ со стола и креселъ пыль и что-то ворчалъ про себя.

Змѣицынъ вошелъ въ комнату и сѣлъ за столъ. Голова его была тяжела, въ горлѣ было сухо, дыханіе затруднено.

— Чего прикажете?—спросилъ его Финогенъ.

— Дай... дай... воды! — отвѣтилъ Змѣицынъ и потомъ, положивъ голову на столъ, тихо зарыдалъ.

— Баринъ, что съ вами?—окликнулъ его Финотенъ.—Баринъ... батюшка...

— Пошелъ вонъ!—крикнулъ Змѣицынъ и заперъ дверь на ключъ за выбѣжавшимъ Финогеномъ.

VIII.

Время шло, и Анна Константиновна начала понемногу приходить въ себя. Претензія мужа казалась ей наивною и смѣшною. Первая истерика смѣнилась смѣхомъ. Смѣялась она, смѣялась ея петербургская горничная. А на дворѣ шелъ дождь, и никто изъ сосѣдей не пріѣзжалъ въ гости къ Змѣицынымъ.

Анна Константиновна начинала скучать и хандрить. Мужъ прятался въ кабинетъ и не показывался ей на глаза, объясняться съ нимъ еще разъ ей не хотѣлось... А дождь все лилъ, и никто не пріѣзжалъ.

Но вотъ прошло нѣсколько дней, небеса прояснились, начались теплые іюльскіе дни.

— Сегодня ужъ ждите гостей!—сказала ей горничная.—Такая погода, что только по гостямъ и ѣздить!... Можетъ, и господинъ Ермиловъ пріѣдутъ...

— Да, да... навѣрно пріѣдутъ!—отвѣчала Анна Константиновна, одѣваясь кокетливо и изысканно.

Но прошелъ день, и никто не пріѣхалъ. Это злило и раздражало Анну Константиновну. На другой и на третій день повторилось то же самое.

— Что это значитъ?—подумала она.—Отчего никто не ѣдетъ? И этотъ противный... Ермиловъ!

Она улынулась было, и вдругъ какая-то мысль поразила ее и заставила покраснѣть.

— А если это они показываютъ... пренебреженіе къ дому мужа?! Ну, да, конечно... Еще бы! Они—дворяне... Мужъ оскорбленъ, его честь замарана... надо требовать удовлетворенія, а онъ...

Ей показалось, что Змѣицынъ долженъ былъ требовать удовлетворенія отъ Покатова, если тотъ распространялъ слухи, и отъ Ермилова, если слухи подтвердились.

— Да, да... онъ долженъ, онъ — дворянинъ... онъ иначе не можетъ!

Она поспѣшно вышла въ садъ и пошла по аллеѣ къ рѣкѣ, гдѣ обыкновенно гулялъ Змѣицынъ.

Не доходя до берега, она встрѣтила Финогена, который шелъ съ простынею домой.

— Гдѣ баринъ?—коротко спросила она Финогена.

— Купаются!—отвѣтилъ онъ, и на лицѣ его сверкнула недобрая усмѣшка.—Купаются... туда ходить нельзя!

— Я тебя не спрашиваю... дуракъ! Шапку долой... негодяй... забылся!

Финогенъ сорвалъ шапку и остановился, какъ вкопанный: давно не слыжалъ онъ барской брани.

— Я тебя выдеру, стараго пса! запороть велю, грубиянъ!—продолжала кричать Змѣицына.—Старый песъ! Это тебя баринъ научилъ такъ обращаться со мной? баринъ? а? говори, собака!

И хорошенькая, холеная ручка, униженная кольцами, размахнулась, ударила объ щеку стараго Финогена и оцарапала ему до крови кожу подъ глазомъ.

— Старый песъ... злые старые псы!—крикнула еще разъ Змѣицына и брезгливо стала вытирать платьемъ руку.

Финогенъ стоялъ, молчалъ, и длинныя слезинки висѣли у него на рѣсницахъ.

— Я тебя проучу, проучу... ты будешь знать барыню!

Она хотѣла было итти, но передъ нею вдругъ выросла фигура мужа.

— Что такое случилось? — спросилъ онъ. — Кто кричитъ? Это ты, Финогенъ?

— Твои холуи распущены!—крикнула Анна Константиновна.—Къ намъ никто не ѣздитъ... твои холуи, старые псы грубы, дерзки... Сейчасъ прикажи выдрать этого пса... на конюшню его...

— Уйди, Финогенъ!—спокойно отвѣтилъ Змѣицынъ.

Финогенъ, не надѣвая шапки, пошелъ въ домъ, а Анна Константиновна громко, съ визгомъ стала доказывать мужу распущенность его слугъ. Змѣицынъ молчалъ, и ему все казалось, что говорить не его жена, а кто-то чужой, чужой, грубый и назойливый...

— Мало того, что вы распустили мужиковъ,—говорила она,—вы вашимъ поведеніемъ поставили въ нелѣпное положеніе и себя, и меня... Знаете ли вы, что на этой недѣлѣ у насъ никого не было?

— Да, да... никого... никого!...

— Но никого не будетъ и на будущей недѣлѣ и такъ далѣе... Понимаете, насъ не хотятъ знать, знать... Намъ открыто высказываютъ презрѣніе... И во всемъ виноватъ ты... со своею ревностью...

— Я виновать? ревность? Опомнись, что ты говоришь.

— Я говорю правду!

— Правду!—опять съ разстановкой про себя произнесъ Змѣицынъ и усмѣхнулся.

— Да, вмѣсто того, чтобы потребовать удовлетворенія отъ Покатова или отъ Ермилова, ты врываешься ко мнѣ въ спальню и говоришь мнѣ вздоръ... Ты забылъ, что твоя честь—опорочена, и обиду надо смыть.

На лицѣ Змѣицына отразился ужасъ, и онъ могъ только проговорить:

— Моя честь опорочена!...

— Ты, ты, именно ты самъ ее опорочилъ. Ну, я, допустимъ, увлеклась... это такъ... Но ты долженъ былъ проучить Покатова, оскорбить его, потребовать дуэли...

— Отъ ребенка? глупаго ребенка? невоспитаннаго? эгоиста? мальчишки? я? сѣдой?

— Пожалуйста, не засыпайте меня вашими вопросами. Я говорю серьезно. И если вы не сумѣли раздѣлаться съ мальчишкой, то деритесь съ Ермиловымъ... Не забывайте, что я вапа жена!...

— Жена... жена!—проговорилъ Змѣицынъ и сталъ вглядываться въ Анну Константиновну, которая стояла передъ нимъ вся красная отъ волненія.—Жена!...

— Имѣйте въ виду, что слухи о томъ, что вы оскорблены, дойдутъ до Петербурга. Къ намъ никто не будетъ ѣздить, насъ забудутъ, насъ вычеркнутъ изъ порядочнаго общества... Поняли?

— Какой вздоръ!—громко сказалъ Змѣицынъ.—Я—мужъ, я—оскорбленъ, и меня же будутъ презирать... Ну, а жену и оскорбителя уважать надо? да? уважать?

— Дѣло—прошлое, его не вернешь... А въ молодыхъ людяхъ увлеченіе извинительно.

— Такъ... такъ... Значить, драться? драться я долженъ? Такъ что ли?—почти выкрикнулъ Змѣицынъ.

— Конечно. Честь надо беречь и охранять ее всякими средствами!—наставительно проговорила жена.—Во всякомъ случаѣ, вамъ надо торопиться... Это не ждетъ!

Она повернулась на каблучкахъ и пошла домой.

— Не забудьте приказать выпоротъ дерзкаго старика... Слышите?

Она шла, покачиваясь всѣмъ тѣломъ; вѣтеръ подхватывалъ ея легкую накидку, а Змѣицынъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и хохоталъ тихимъ, груднымъ, придавленнымъ хохотомъ...

IX.

— Неужели она права?—думалъ Змѣицынъ, возвращаясь вечеромъ въ тотъ же день домой.—Неужели всѣ эти люди, составляющіе такъ называемое «общество», одинаковы? Иначе не можетъ быть. И этотъ морякъ... Онъ былъ дома, я видѣлъ его въ саду. Онъ не хотѣлъ принять меня... и никто другой не сдѣлаетъ иначе... Я—опозоренъ и долженъ смыть позоръ... И это тоже правда? настоящая, не выдуманная правда? Какая ложь!... какая условная ложь!...

А когда въ своемъ кабинетѣ онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, то къ нему вошла жена и любовно сказала:

— Ну, что, милый? Ты ѣздилъ искать секунданта? Кого же ты избралъ?

Онъ вскочилъ съ мѣста, подошелъ къ женѣ, грубо схватилъ ее за руку и толкнулъ къ двери.

— Вонъ отсюда... или... я не знаю, что сдѣлаю!...

Она взглянула на него своими голубыми глазами, сдѣлала гримасу отъ боли и произнесла:

— Грубое животное!

И ушла, сильно хлопнувъ дверью. И скоро за стѣною началась бѣготня горничныхъ.

А Змѣицынъ снова сѣлъ за столъ и сталъ писать.

«Я ничего не зналъ, но узнавъ принужденъ требовать удовлетворенія. Отвѣтъ вручите подателю», — таково было содержаніе письма, на конвертѣ котораго было написано: «Господину Ермилову».

Другое письмо, адресованное моряку, было также кратко: «Прошу васъ принять участіе въ качествѣ секунданта въ моемъ поединкѣ съ господиномъ Ермиловымъ. Очень прошу оказать мнѣ эту честь».

— Честь... честь!—шептала Змѣицынъ, складывая письмо.—Это тоже правда или ложь, условная ложь?

Потомъ онъ позвалъ Финогена, велѣлъ нарядить нарочнаго и сказать ему съ письмами.

А на слѣдующее утро морякъ, серьезный и почтительный, былъ уже у Змѣицына. Они вдвоемъ прочли письмо отъ Ермилова, который принималъ предложеніе и просилъ въ секунданты лицо, избранное Змѣицынымъ.

— Строго теперь насчетъ поединковъ!—говорилъ морякъ.—Такъ гораздо лучше, если отвѣтственность падетъ на одного только посредника... Надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ этого?

— Пожалуйста... какъ хотите... Только поскорѣе бы!...

Потомъ морякъ уѣхалъ, а Змѣицынъ, проводивъ его, вернулся въ кабинетъ. Онъ хотѣлъ было что-то писать, но не могъ: у него дрожали руки и странно колотилось сердце.

Вошелъ Финогенъ, блѣдный, измученный, и остановился у порога.
— Тебѣ что?—спросилъ его Змѣицынъ разсѣянно.
— Баринъ... баринъ...—началъ было Финогенъ, но продолжать не могъ и повалился барину въ ноги.
— Говори, въ чемъ дѣло!—сказалъ строго Змѣицынъ.—Я ненавижу эти рабскія замашки!... Встань...
— Батюшка... баринъ... барыня-то...
— Что барыня? говори яснѣе!
— Барыня приказали... завтра поутру... Батюшка... баринъ... простите!

Змѣицыну было неприятно смотрѣть на Финогена, который продолжалъ валяться въ ногахъ и всхлипывать. Змѣицынъ смотрѣлъ на Финогена и не могъ понять, что нужно этому старику, и почему онъ такъ противно всхлипываетъ.

— Баринъ... я вашему батюшкѣ служилъ... мальчишкой былъ, а меня пороть будутъ... Батюшка!...

— Пороть!—воскликнулъ Змѣицынъ и все понялъ.—Такъ барыня приказала тебя выпороть? да?

— Такъ, батюшка, такъ... Завтра по утру!...

— Завтра... по утру!—проговорилъ Змѣицынъ и вспомнилъ, что «завтра по утру» въ перелѣскѣ онъ долженъ стоять съ пистолетомъ въ рукахъ и цѣлиться въ человѣка.—Завтра по утру...

А Финогенъ валялся въ ногахъ и вылъ, вылъ старческимъ, тихимъ голосомъ.

— Встань, Финогенъ!—сказалъ Змѣицынъ.—Встань и ступай къ барынѣ... проси у нея прощенія!...

Финогенъ пересталъ выть и быстро поднялся на ноги.

— Къ барынѣ? Нѣтъ, къ барынѣ я не пойду, батюшка... Старъ я!...—сказалъ твердо Финогенъ.

Змѣицыну не понравился этотъ тонъ, но онъ не зналъ, что дѣлать.

— Старъ я!—повторилъ Финогенъ.—Пусть лучше выпорютъ... А я вашему батюшкѣ служилъ!

— Завтра... по утру!... думалъ Змѣицынъ.—По утру этого старика будутъ сѣчь, а я?!...

Финогенъ постоялъ и вышелъ... Змѣицынъ забылъ тотчасъ же и о Финогенѣ, и о женѣ, и обо всемъ, кромѣ завтрашней дуэли. И у него кружилась голова, и спирало дыханье.

X.

Утро было сѣрое, дождливое. Перелѣсокъ, окутанный дымкою, чернѣлъ въ сторонѣ большой дороги, и черныя птицы съ крикомъ переносились на высокіе стога свѣжаго сѣна.

Змѣицынъ ѣхалъ шагомъ на красивомъ жеребцѣ и смотрѣлъ внизъ, на мокрую траву, на камни, усѣявшіе дорогу, на чернѣющій вдали перелѣсокъ.

Онъ не могъ спать ночь—эту длинную, черную ночь. А когда разсвѣло, и на востокѣ обрисовалась свинцовая занавѣска небесъ, онъ поднялся съ кресла и почувствовалъ холодъ. Онъ одѣлся въ пледъ, но чувство холода не покидало его, а потомъ стала болѣть голова, виски мучительно ныли, а сердце давало странные, затяжные перебои.

Потомъ ему стало тепло, голова перестала болѣть, но зато всѣ предметы стали вертѣться передъ нимъ, сначала тихо, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе. Вертѣлся и онъ самъ, вертѣлось кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, а потомъ онъ потерялъ сознание, и когда пришелъ въ себя, то всѣ предметы стояли на своемъ мѣстѣ, и ему было опять холодно, а голова болѣла сильнѣе прежняго. Онъ поднялся на ноги и чуть было не упалъ. Руки горѣли, голова кружилась, но ему было холодно, холодно до того, что онъ забрался на кресло съ ногами и просидѣлъ такъ до тѣхъ поръ, пока часы не пробили пять. А когда бой затихъ, онъ всталъ и вышелъ на дворъ.

И теперь онъ ѣхалъ и смотрѣлъ внизъ. И ему казалось, что скоро должно произойти что-то ужасное и нелѣпое, но неотразимое и близкое. Онъ былъ спокоенъ и спокойно подвигался впередъ.

Но вотъ въ туманѣ показалась карета. Она двигалась быстро по дорогѣ и свернула къ перелѣску.

— Они!—проговорилъ Змѣицынъ и галопомъ пустилъ лошадь.— Надо торопиться! торопиться!..

Потомъ онъ пересѣкъ дорогу, пролетѣлъ мимо кустарника, и ему казалось все, что онъ опоздаетъ.

Изъ кареты вышелъ морякъ, за нимъ Ермиловъ, уѣздный лѣкарь. А Змѣицыну казалось, что они опоздаютъ, опоздаютъ прійти на условленное мѣсто, и что онъ тоже опоздаетъ.

— Скорѣе, скорѣе!—крикнулъ онъ моряку, слѣзъ съ лошади и привязалъ ее къ дереву.—Скорѣе!

— Куда вы торопитесь?—спросилъ его морякъ.

— Ради Бога, скорѣе!—отвѣтилъ онъ возбужденнымъ голосомъ.

Бросили жребій, выстрѣлъ достался Ермилову. Встали по мѣстамъ. А Змѣицыну было холодно попрежнему.

— Разъ, два, три!

Ермиловъ выстрѣлилъ, а Змѣицынъ обернулся назадъ, какъ бы ища пролетѣвшую мимо его уха пулю.

— Вашъ выстрѣлъ!—сказалъ ему морякъ.

Змѣицынъ заторопился, снялъ шляпу, и не успѣлъ морякъ просчитать до трехъ, какъ раздался выстрѣлъ...

— Я не опоздалъ, кажется?—спросилъ Змѣицынъ, обращаясь къ моряку.

Ему никто не отвѣтилъ, а уѣздный лѣкарь бросился къ Ермилову.

— Неужели я опоздалъ? А гдѣ же господинъ Ермиловъ?

Онъ оглянулся. Тамъ, гдѣ стоялъ Ермиловъ, лежало что-то. Лѣкарь громко сказалъ: «убить», а Змѣицынъ все еще искалъ глазами Ермилова.

— Неужели онъ опоздалъ?

Потомъ онъ подошелъ къ лѣкарю и, вмѣсто него, увидалъ два стеклянныхъ глаза, устремленныхъ въ небо, и что-то липкое и красное надъ правою бровью медленно катилось.

— Убить?—дико вскрикнулъ Змѣицынъ.—Это я его убилъ? я?

Онъ попытился назадъ, съежился отъ ужаса и потомъ опрометью побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ была имъ оставлена лошадь. Онъ вскочилъ на нее, ударилъ каблуками. А утро было сѣрое, дождливое. Перелѣсокъ, окутанный дымкою, чернѣлъ въ сторонѣ большой дороги, и черныя птицы съ крикомъ переносились на высокіе стога свѣжаго сѣна...

Змѣицынъ мчался впередъ, не зная—куда, не зная—зачѣмъ. Его каблуки впивались въ бока лошади. Змѣицынъ не замѣтилъ, что онъ былъ безъ шляпы, что лошадь летитъ по вспаханному полю: ему было страшно, страшно до боли. И онъ мчался все впередъ и впередъ. Перелѣсокъ остался уже далеко позади...

XI.

Измученная лошадь, вся въ пѣнѣ, шла, еле передвигая ноги. Змѣицынъ сидѣлъ въ сѣдлѣ и тихо смѣялся.

— Домой... я ѣду домой!—говорилъ онъ самъ съ собою.— Я скажу ей, скажу все, скажу, какіе страшные стеклянные глаза у Ермилова. И зачѣмъ она отдалась ему, когда у него такіе страшные глаза!..

Его опять охватилъ ужасъ, онъ наклонился впередъ, ударилъ лошадь ногами. Она поднялась на дыбы, но шагу не прибавила. И онъ, зажмуривъ глаза, ѣхалъ попрежнему шагомъ.

Вотъ потянулся его садъ—старый, тѣнистый, угонувшій въ пеленѣ мелкаго дождя; а вонъ и бѣлый домъ...

Змѣицынъ слѣзъ съ лошади, бросилъ поводья и пошелъ пѣшкомъ. Лошадь пошла слѣдомъ за нимъ.

Онъ вошелъ въ ворота, и до него донеслись какіе-то незнакомые, непріятные звуки. Звуки раздавались откуда-то слѣва, тяжелые, хриплые звуки. Онъ, не отдавая себѣ отчета, пошелъ на эти звуки... и вдругъ расхохотался громко и дико.

Подъ навѣсомъ на скамейкѣ лежалъ Финогень. Передъ нимъ стояла Анна Константиновна, кутаясь въ кокетливый капотъ, и громко считала:

— 32! 33! 34!..

А лакей, привезенный изъ Петербурга, опускалъ розги на обнаженную спину стараго Финогена. Старикъ вылъ длинно и протяжно.

— Пори, пори его, стараго пса!.. Пори сильнѣе!.. Ха-ха-ха! — крикнулъ Змѣицынъ, продолжая хохотать.

Лакей остановился съ поднятыми розгами, а Анна Константиновна попятилась назадъ.

— Что съ вами? на васъ лица нѣтъ? — спросила она испуганно. — Что съ вами?

— Со мною? Ничего... Я на дуэли былъ, съ оскорбителемъ дрался. Убить... я человѣка убилъ!

Анна Константиновна поблѣднѣла, а Змѣицынъ словно испугался своихъ словъ, внезапно пересталъ хохотать и быстрой, подпрыгивающей походкой побѣжалъ въ домъ. А сзади его послышалось:

— 35! 36!..

ХІІ.

Было наряжено слѣдствіе, но допросить Змѣицына было нельзя: онъ молчалъ, хмурился и не выходилъ къ властямъ.

Анна Константиновна позвала уѣзднаго врача. Тотъ осмотрѣлъ Петра Васильевича и потомъ сказалъ его женѣ:

— Я ничего не могу сказать навѣрное. На дуэли онъ былъ, какъ помѣшанный, а теперь тоже есть что-то въ родѣ душевной болѣзни. Его надо везти въ Петербургъ, тамъ есть доктора.

Несмотря на это, слѣдствіе велось энергично. Были допрошены морякъ, лѣкарь, кучеръ Ермилова, дворовые люди Змѣицына, Покатовъ, но самъ Змѣицынъ молчалъ и хмурился.

Слѣдователь то грозилъ Змѣицыну усиленіемъ наказанія, то старался мягко вынудить его на отвѣты, — и ничто не помогало. Иногда при немъ называли имя Ермилова, онъ вздрагивалъ, какъ бы уходилъ въ самого себя, и съ ужасомъ оглядывался вокругъ. А тамъ скоро состоялось распоряженіе о нарядѣ суда надъ Змѣицынымъ, объ отправленіи его въ городъ и объ арестованіи его на военной гауптвахтѣ.

Морякъ первый пріѣхалъ къ Змѣицыну и сообщилъ ему это извѣстіе. Онъ молча выслушалъ его, улыбнулся какъ-то таинственно и произнесъ:

— Поздно!

— Что поздно? — спросилъ его морякъ.

Но Змѣицынъ ничего ему не отвѣтилъ на это.

А когда морякъ уѣхалъ, то въ домъ раздался выстрѣлъ. Сбѣжались люди. Дверь кабинета была заперта. Ее едва открыли и увидѣли, что Змѣицынъ сидитъ на полу и бессмысленно воро-

часть высунутымъ языкомъ. На щекѣ виднѣлась кровь. Рядомъ валялся пистолеть.

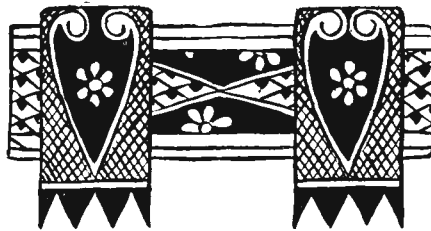
Его подняли, положили на диванъ, а лѣкаръ, пріѣхавшій часа черезъ два послѣ этого, могъ только сказать:

— Пуля прошла черезъ ротъ и разбила скуловую кость. До утра ему не выжить!

И Змѣицынъ, выстрѣлившій себѣ въ ротъ, скончался въ ту же ночь. Его хоронили пышно, лица приглашенныхъ были печальны, дворовые люди на поминкахъ много пили, только не пилъ старый Финогенъ, который лежалъ на постели въ сараѣ и ежеминутно просилъ воды. Но около него никого не было.

Потомъ Анна Константиновна уѣхала въ Петербургъ, и снова закрылись ставни стараго господскаго дома.

Н. И. Фалѣевъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНІЕ ¹⁾.

В ОДИНЪ изъ ненастныхъ осеннихъ дней 1863 года г. Орша имѣлъ необыкновенный видъ. Несмотря на холодъ и дождь, несмотря на раннее утро, почти всѣ жители были на главной улицѣ, о чемъ-то оживленно разговаривали, устремляя взоры и показывая руками въ одну сторону, чего-то видимо ожидая. Прошло болѣе часа, народъ не расходился. Наконецъ въ толпѣ послышались голоса: «ведутъ, ведутъ», и всѣ бросились въ конецъ улицы къ тому мѣсту, гдѣ кого-то вели. Скоро всѣ увидѣли то, чего ждали: въ городъ входили окруженные конными казаками, солдатами и вооруженными жителями чело-вѣкъ 400 польскихъ повстанцевъ. Въ предыдущую ночь въ окрестностяхъ Орши были разбиты три банды, почти цѣликомъ взяты въ плѣнъ и теперь приведены въ городъ. Впереди повстанцевъ, со связанными руками шли, видимо, ихъ главные предводители: два молодыхъ офицера въ мундирахъ русской артиллерійской бригады, которая квартировала въ Оршѣ. Это были братья К., бѣжавшіе къ повстанцамъ всего нѣсколько дней тому назадъ. Старшій изъ нихъ статный красивый блондинъ лѣтъ 23-хъ шелъ твердой, увѣренной походкой, спокойно рассматривая толпу жителей. Младшій—лѣтъ 18-ти, худенькій, маленькій, съ едва пробивающимися

¹⁾ Описанный здѣсь случай изложенъ по архивнымъ даннымъ и со словъ очевидца, отставного поручика артиллеріи Мельницкаго, нынѣ помѣщика Витебской губерніи.

усиками былъ, видимо, сильно взволнованъ, шелъ мелкими, быстрыми шагами, опутивъ голову внизъ. Третій изъ повстанцевъ громаднаго роста, худощавый старикъ лѣтъ 60-ти, съ длинными сѣдыми усами, съ давно небритой бородой, одѣтый въ національный польскій костюмъ, шелъ гордо, спокойно; лицо его, видимо, нѣкогда красивое, выражало полное равнодушіе, а голубые глаза смотрѣли даже привѣтливо. Остальные повстанцы представляли собою обыкновенную сѣрую толпу мужиковъ, забитыхъ, жалкихъ, угнетенныхъ.

При вступленіи въ городъ, конвойные казаки энергично принялись разгонять толпу жителей, которая скоро разбѣжалась по разнымъ улицамъ и переулкамъ, а плѣнные повстанцы медленно продолжали движеніе къ мѣсту своего заключенія. На основаніи приказа графа М. Н. Муравьева судъ надъ повстанцами долженъ былъ состояться какъ можно скорѣе и приговоръ долженъ быть произнесенъ по возможности не позже, какъ въ 24 часа, а если кто либо подлежалъ смертной казни, то она должна быть произведена немедленно послѣ объявленія приговора. Судъ (по законамъ военнаго времени) составлялся тутъ же на мѣстѣ изъ числа наличныхъ воинскихъ чиновъ подъ предсѣдательствомъ старшаго. Въ Оршѣ тогда стояла резервная артиллерійская бригада, командиръ которой и являлся предсѣдателемъ. Еще ночью дали ему знать, какъ начальнику гарнизона, о поимкѣ бандъ, о томъ, что захвачены съ оружіемъ въ рукахъ братья К., офицеры бригады, и что утромъ всѣ повстанцы будутъ приведены въ городъ.

Такимъ образомъ судъ могъ состояться немедленно. Въ тотъ же день около 8-ми часовъ утра въ помѣщеніи канцеляріи бригады всѣ судьи были въ сборѣ. Конечно, гвоздь событія составляли братья К. Раньше за ними ничего подозрительнаго не наблюдалось; это были скромные работающіе офицеры, довольно общительные и веселые. Жили они вмѣстѣ съ матерью старухой, всѣ въ городѣ ихъ знали, и никому въ голову не приходило, чтобы эти два юноши могли уйти «до ясу». Они исчезли изъ Орши всего нѣсколько дней тому назадъ, но никто объ этомъ не беспокоился, такъ какъ три батареи бригады стояли въ окрестностяхъ города, и офицеры часто ѣздили къ своимъ товарищамъ, не докладывая о томъ начальству. Не беспокоились еще и потому, что ихъ мать оставалась спокойною и никому не говорила объ исчезновеніи сыновей. Такимъ образомъ поимка ихъ, да еще съ оружіемъ въ рукахъ во главѣ бандъ, какъ громомъ, поразила всѣхъ, особенно сослуживцевъ.

Около 8^{1/2} часовъ утра началось судебное разбирательство.

Свидѣтели, военные начальники, разбившіе банды, единогласно показали, что всѣ трое обвиняемыхъ были взяты въ бою, съ оружіемъ въ рукахъ, во главѣ бандъ, что всѣ трое отчаянно сопротивлялись, но скоро были обезоружены и связаны.

На вопросъ предсѣдателя, имѣютъ ли что либо обвиняемые возразить на показаніе свидѣтелей, всѣ трое отвѣтили, что ничего не имѣютъ.

Затѣмъ было приступлено къ допросу рядовыхъ повстанцевъ. Ихъ показанія были почти всѣ одинаковы. Никто не признавалъ себя виновнымъ въ вооруженномъ возстаніи. Одни говорили, что ихъ заставила идти «до ясу» мать, грозя проклятіемъ, другихъ гнали въ банды ксендзы, обѣщая вѣчныя муки на томъ свѣтѣ и отлученіе отъ церкви, третьи принуждены были передаться бунтовщикамъ подъ угрозою уничтоженія ихъ имущества повстанцами, четвертыхъ просто обманули, говоря, что они идутъ драться не противъ русскаго правительства, а за него. Вообще ни одинъ не призналъ себя виновнымъ, сваливая свое участіе въ возстаніи на внѣшнія причины, которымъ нельзя было противостоять. О братьяхъ К. показывали, что они давно уже развѣзжались по окрестностямъ Орши, уговаривая жителей черезъ ксендзовъ и женщинъ идти въ банды, то обѣщая за это громадныя земельныя надѣлы деньги и т. п., то пуская въ ходъ разныя угрозы.

О третьемъ предводителѣ-старикѣ показали то же самое, при чемъ обвиняли его въ жестокомъ обращеніи съ подчиненными, въ томъ, что онъ подрывалъ ихъ силы быстрыми передвиженіями и т. п.

Несмотря на сравнительно короткій допросъ cadaго обвиняемаго, судебное разбирательство очень затянулось; къ 3 часамъ ночи успѣли допросить около 200 человекъ. Такъ какъ въ теченіе сутокъ приговоръ не могъ быть постановленъ, то предсѣдатель объявилъ перерывъ до 8-ми часовъ утра.

Графъ Муравьевъ, интересуясь Оршанскимъ дѣломъ, тотчасъ же послѣ полученія телеграммы о поимкѣ бандъ командировалъ въ Оршу состоящаго при немъ для порученій генерала Костанду¹⁾ съ приказаніемъ не затягивать суда и чтобы приговоры были постановлены со всею строгостью законовъ. Можно даже предположить, что генералъ Костанда получилъ полномочіе именемъ графа подтвердить приговоръ, такъ какъ въ дѣлахъ намъ не удалось найти подлинной резолюціи или телеграммы Муравьева, тѣмъ болѣе, какъ увидимъ ниже, приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе почти тотчасъ же послѣ окончанія суда. Генералъ Костанда прибылъ въ Оршу уже послѣ перерыва судебного засѣданія и во исполненіе указанія графа приказалъ предсѣдателю продолжать судъ, вслѣдствіе чего засѣданіе было открыто въ 6 часовъ утра.

Дальнѣйшій допросъ повстанцевъ былъ значительно сокращенъ, какъ въ виду однородности показаній ихъ, такъ и вслѣдствіе того, что показанія первой половины допрошенныхъ давали достаточный матеріалъ для дѣла.

¹⁾ Впослѣдствіи командующій войсками Московскаго военнаго округа.

Послѣ 10-минутнаго перерыва, въ 3 часа дня засѣданіе продолжалось. Предсѣдатель, обращаясь къ подсудимымъ начальникамъ бандъ, сказалъ:

— Господа! Вы слышали здѣсь всѣ показанія. Вы обвиняетесь въ вооруженномъ возстаніи противъ русскаго правительства, а вы, братья К., кромѣ того, въ измѣнѣ присягѣ, въ измѣнѣ долгу службы. Вы не потрудились даже снять съ себя мундировъ той части, въ которой служили. Признаете ли вы себя виновными?

Младшій изъ братьевъ робко, вопросительно посмотрѣлъ на старшаго, который спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Господинъ полковникъ! Мы съ братомъ признаемъ себя виновными въ измѣнѣ присягѣ, долгу службы и въ вооруженномъ возстаніи противъ русскаго правительства. Больше мы ничего сказать не можемъ.

— А вы, П...ій?—обратился предсѣдатель къ старику,—признаете ли вы себя виновнымъ въ вооруженномъ возстаніи противъ русскаго правительства?

— Господа судьи!—громко и твердо произнесъ П...ій:—я дѣйствительно схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ, да!.. я боролся противъ русскаго правительства, боролся за свободу своей родины. Съ вашей точки зрѣнія я, конечно, виноватъ, и вы правы, обвиняя меня, но съ своей, польской точки зрѣнія, я не виноватъ. Я патриотъ; я всю свою жизнь, всѣ свои средства, все здоровье отдалъ отчизнѣ, желая ее освободить; это была моя завѣтная мечта, это была цѣль моей жизни. Поймите меня! Если бы вы, русскіе, были покорены Польшей, да развѣ вы, истинные патриоты, не стремились освободиться хотя бы и съ оружіемъ въ рукахъ? Я не оправдываюсь; если бы я тогда былъ на вашемъ мѣстѣ, я поступалъ бы такъ же, какъ и вы теперь, скажу больше: я тогда дѣйствовалъ бы, можетъ быть, строже, чѣмъ теперь Муравьевъ... онъ настоящій русскій патриотъ!..—Старикъ на нѣкоторое время замолчалъ, а затѣмъ продолжалъ:—Господа, я съ 1831 года неустанно стремлюсь къ своей цѣли... повторяю, весь смыслъ моей жизни была свобода родины. Я вѣрилъ въ достиженіе этой цѣли, я бредилъ ею, я не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью... и вотъ теперь все пропало... все кончено... вы думаете, я говорю про конецъ своей жизни?.. Нѣтъ... Вчера и сегодня я убѣдился въ томъ, что вся моя жизнь прошла даромъ, что моя цѣль была грубая ошибка, что я работалъ въ пустую. Еще три дня тому назадъ я весь горѣлъ своей завѣтной мыслью, я былъ весь полонъ надеждъ... Теперь я совершенно уничтоженъ, разбиты лучшія чувства, погибли лучшія желанія... Господа судьи!.. я слышалъ здѣсь показанія 400 повстанцевъ, изъ которыхъ большая половина была въ моей бандѣ. Что они говорили? Они говорили, что всѣ пошли подъ мое начальство вслѣдствіе какихъ-то непреодолимыхъ причинъ... Даю вамъ слово чест-

наго поляка, что у меня въ бандѣ набирались только охотники, всѣ шли ко мнѣ по собственному желанію. Они всѣ до одного клялись мнѣ на св. Распятіи, что идутъ со мной по убѣжденію, по доброй волѣ, что никогда не измѣнятъ нашему дѣлу... я думалъ, что собираю къ себѣ такихъ же фанатиковъ патріотовъ, какъ я самъ... и что же я слышалъ здѣсь на судѣ?.. Вотъ, господа, что меня убиваетъ... я теперь вижу, что съ такими подлецами Польши не освободить... что подобные люди даже и не достойны освобожденія... Вы видите, что теперь для меня единственный, лучший, скажу даже, страстно желанный исходъ — это смерть... я жду ее, какъ счастья. Я свое сдѣлалъ, а теперь нужно, необходимо умереть. Но, г.г. судьи, я имѣю къ вамъ громадную просьбу. Я зналъ, что меня должны повѣсить... умоляю васъ, не вѣшайте меня, а разстрѣляйте... Я слишкомъ 30 лѣтъ подставлялъ грудь свою русскимъ пулямъ, я—старый офицеръ польской арміи 1831 года, я дрался со своими врагами только въ открытомъ бою, я не загубилъ ни одной русской жизни низкимъ убійствомъ въ родѣ кинжалщиковъ или подобныхъ имъ подлецовъ... я—солдатъ... Будьте милостивы, вы сами военные и поймете мои чувства... прошу васъ, разстрѣляйте меня.

Одушевленные, искреннія слова старика произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

Предсѣдатель, посоветовавшись съ генераломъ Костандой и членами суда, сказалъ:

— Въ виду полного признанія всѣхъ трехъ подсудимыхъ, въ виду того, что за ихъ преступленія положено только одно наказаніе—смертная казнь, судъ, не удаляясь для совѣщанія, постановилъ: братьевъ К. лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и предать смертной казни черезъ повѣшеніе; дворянина П...скаго по лишеніи всѣхъ правъ состоянія предать смертной казни черезъ разстрѣляніе... Братья К. стояли блѣдные, неподвижные. Старикъ П...ій перекрестился и, низко кланяясь судьямъ, произнесъ:

— Да благословитъ васъ Господь... благодарю васъ, очень благодарю.

— Господа!—обратился предсѣдатель къ обвиняемымъ,—приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе черезъ 2 часа. Можетъ быть, вы желаете передать вашу послѣднюю волю, ваше послѣднее желаніе, я обязанъ все сдѣлать для васъ. Можетъ быть, вы желаете повидаться съ вашими родственниками. Къ вамъ, братья К., пришла мать. Не желаете-ли ее видѣть? Старшій изъ братьевъ встrepенулся и громкимъ, рѣзкимъ голосомъ произнесъ:

— Нѣтъ, мы ее видѣть не желаемъ, передайте ей...

— Братъ! Стасъ!.. что ты говоришь?.. испуганнымъ голосомъ произнесъ младшій.—Какъ не желаемъ?.. Вѣдь мы скоро умремъ.

— Нѣтъ!..—закричалъ старшій К. и рукой отстранилъ отъ себя брата.—Нѣтъ, передайте нашей матери, что мы не только не хотимъ ее видѣть, но проклинаемъ ее передъ своей смертью, проклинаемъ, какъ только можемъ... она заставила насъ измѣнить присягѣ, мундиру, товарищамъ, она привела насъ къ висѣлицѣ... скажите ей, что изъ-за нея мы умираемъ подлыми измѣнниками, что весь позоръ нашъ, позоръ нашей бригады ложится на нее.

— Стась! Стась!—проговорилъ рыдая младшій, опускаясь на колѣни и обнимая ноги брата... Стась!.. прости ее, вѣдь мы умираемъ... прости ее.

— Нѣтъ, нѣтъ!—рѣзко сказалъ тотъ и оттолкнулъ ногой брата... если она придетъ сюда, я задушу ее... проклинаемъ... проклинаемъ...— и К. закрылъ лицо руками.

Наступило тяжелое молчаніе.

— Если вы желаете видѣть вашу мать отдѣльно, — сказалъ предсѣдатель младшему К., который стоялъ на колѣняхъ и плакалъ,—то это можно будетъ послѣ засѣданія суда.

— Янекъ! ты не увидишь матери,—строго обратился старшій К. къ брату.—Господинъ полковникъ, братъ мой настолько разстроенъ, что не можетъ отвѣчать за свои слова; я его именемъ докладываю вамъ, что онъ матери видѣть не желаетъ.

Наступило снова молчаніе.

— Не имѣете ли вы какого либо желанія или просьбы?—обратился предсѣдатель къ П...скому.

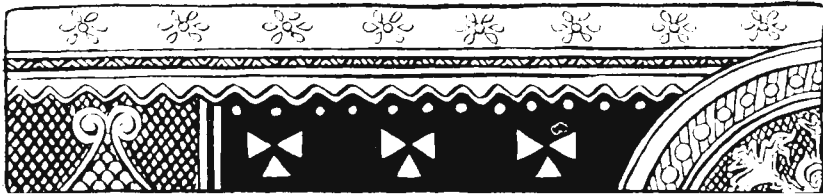
— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ вздохнувъ,—впрочемъ я имѣю одну просьбу, но боюсь, что она покажется вамъ странной. Я послѣднее время скитался по лѣсамъ и болотамъ, продрогъ, прозябъ, мало ѣлъ, и теперь мнѣ очень хотѣлось бы выпить горячаго чаю... больше я ничего не желаю.

— Но вѣдь вы слышали, что черезъ 2 часа будетъ приведенъ надъ вами въ исполненіе приговоръ... Можетъ быть, вы хотите въ чай тайкомъ положить яду и умереть раньше приведенія приговора въ исполненіе?

— Даю вамъ слово порядочнаго поляка,—сурово сказалъ старикъ,—что ничего подобнаго я не сдѣлаю... просто я желаю чаю, будьте добры,—мягко сказалъ онъ,—дайте мнѣ чая: я еще успѣю его выпить.

Судъ постановилъ разрѣшить обвиняемому дать чая, и тотъ за 2 часа до смерти выпилъ 4 стакана чая, со сливками и съ булками, поблагодарилъ за угощеніе и весело и бодро пошелъ на казнь.

Евгеній Князевъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Бесѣда съ современникомъ о. Матвѣя Константиновскаго.

ЧЕНЬ странную бесѣду имѣлъ я минувшимъ лѣтомъ съ однимъ почтеннымъ пастыремъ церкви въ городѣ Твери!...

Но предварительно долженъ объяснить, какимъ образомъ попалъ я къ этому почтенному пастырю...

Дни Гоголевскаго юбилея я проводилъ въ Москвѣ и среди обильнаго юбилейно-газетнаго вороха натолкнулся на маленькую мимоходную выдержку изъ воспоминаній протоіерея Образцова объ о. Матвѣѣ, появившуюся въ «Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ»¹⁾. Командированный минувшимъ лѣтомъ министромъ финансовъ для обозрѣнія народныхъ театровъ, я на обратномъ пути заѣхалъ въ Тверь, разыскалъ любопытный номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» и, кстати же, рѣшилъ лично повидать почтеннаго автора воспоминаній, нынѣ настоятеля Покровской церкви въ Твери — протоіерея Ѳедора Ивановича Образцова.

Почтенный пастырь оказался дома; онъ только что вернулся, какъ мнѣ сказали, изъ засѣданія Тверской консисторіи...

Навстрѣчу ко мнѣ выходитъ высокій, сѣдой, еще совсѣмъ бодрый старикъ, съ лицомъ строгимъ и нѣсколько утомленнымъ.

— Прощу садиться... — произноситъ онъ, слегка картавя. — Съ кѣмъ имѣю честь?

— И. Л. Щегловъ.

¹⁾ «Тверск. Епарх. Вѣдом.», № 5, 1902 г.

Лицо священника замѣтно багровѣетъ, и, сурово насупившись, онъ сразу на меня обрушивается:

— Грѣхъ-оудникъ вы, господинъ Щегловъ. Чтѣ это вы написали объ отцѣ Матвѣѣ? Можно ли такъ?..¹⁾

— Писаль, что зналь... Матеріаловъ мало, а истину выяснитъ надо.

— Небось, многое со словъ оптинскихъ монаховъ написали?

— Отчасти, да.

— Такъ, такъ... — иронически проговорилъ онъ, нервно теребя сѣдую бороду.— Это все о. Е. вамъ наплелъ. Онъ терпѣть не могъ о. Матвѣя... Былъ онъ при отцѣ Матвѣѣ письмоводителемъ по раскольничьимъ дѣламъ... Ну, разумѣется, не разъ сильно попадало ему отъ батюшки. Впрочемъ, самъ о. Матвѣй еще при жизни предсказаль, что многіе его потомъ поносить будутъ... Видѣли ли вы, между прочимъ, приложение къ журналу «Новый Путь» — картину художника Рѣпина: «Гоголь и о. Матвѣй»?

— Видѣль.

Я, разумѣется, уклонился пояснить о. Фодору, что именно моя статья объ «отцѣ Матвѣѣ» и послужила чуткому художнику косвеннымъ поводомъ къ созданію гениальнаго наброска.

— Ну, такъ вотъ о. Матвѣй и эту самую картину предсказаль.— И на мое понятное изумленіе, волнуясь, добавиль:— «Бранить меня будутъ послѣ смерти... охъ, сильно будутъ бранить всякіе людишки!... — не разъ говорилъ онъ мнѣ: — и простые люди, и образованные, и даже архіереи... И картину на меня напишутъ... Большой художникъ картину напишетъ мнѣ въ поношеніе... И потомъ еще предсказаль... (И о. Фодоръ Образцовъ уставился на меня пытливымъ укоризненнымъ взглядомъ)... предсказаль, что будетъ еще писатель по фамиліи Щегловъ... и тоже поносить меня станетъ!..

Признаюсь, я глубоко взволновался при этомъ непредвидѣнномъ откровеніи.

— Такъ и предсказаль: «Щегловъ»? Быть не можетъ...

Отецъ Фодоръ горько усмѣхнулся.

— Значитъ, быть можетъ, если предсказаль... Онъ не разъ вторяль мнѣ при жизни эту фамилію, и она мнѣ крѣпко въ голову засѣла. Да такія ли еще вещи онъ предсказываль?... Чтѣ и говорить — великій прозорливецъ былъ отецъ Матвѣй!

Произошло тягостное молчаніе.

— Знаете ли вы, напимѣръ, — продолжалъ хмуро о. Фодоръ: — что мученическую кончину императора Александра Второго онъ при мнѣ предсказаль еще при самомъ восшествіи на престолъ Царя-Освободителя?

Я удвоиль вниманіе.

¹⁾ «Гоголь и о. Матвѣй Константиновскій», «Новое Время», 13 декабря 1901 г.

— Какъ-то разговорились мы про Царя-Батюшку, а отецъ Матвѣй потемнѣлъ и говоритъ мнѣ: «Славное будетъ его царствование, а умереть онъ «въ красныхъ сапогахъ!» И на мое недоумѣніе добавилъ еще: «знаешь ты, какъ по-гречески «сила»?— «Динамусъ», говорю.— «Ну, вотъ эта самая сила и сокрушитъ великаго царя!»

Наступило еще болѣе тяжелое молчаніе.

— Про себя уже и говорить не стану... Батюшка отецъ Матвѣй, можно сказать, всю мою жизнь мнѣ предсказалъ: и житье въ Торжкѣ, и женитьбу, и протоіерейство у Покрова, все, все... Не запомню на своемъ вѣку другого такого прозорливца...

Видя передъ собой такого яраго послѣдователя отца Матвѣя, я невольно смутился духомъ.

— Конечно, очень прискорбно, если я допустилъ какуюнибудь невѣрность,—оговорился я:—что дѣлать, видно, безъ ошибокъ не добраться до истины!..

— А вы и не добирайтесь, разъ дѣло идетъ о такой высокой личности!—отечески наставительно произнесъ о. Ѳеодоръ.—Кстати, вы куда теперь направляетесь?

— Сейчасъ въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ.

— А знаете ли, что я вамъ посоветую? Поѣзжайте-ка вы лучше теперь въ городъ Ржевъ да отслужите панихиду на могилѣ о. Матвѣя...

Противъ послѣдняго предположенія я ничего не нашелся возразить, хотя и подумалъ про себя: что если бы слѣдовать въ жизни совѣту о. Ѳеодора... какое великое множество панихидъ пришлось бы отслужить всякому литературному изслѣдователю и критику?!

— Вообще, объ отношеніи о. Матвѣя къ Гоголю многое превратно толкуютъ...—задумчиво замѣтилъ о. Ѳеодоръ.—Какъ вы, напримѣръ, толкуете послѣднее письмо Гоголя къ о. Матвѣю... помните послѣднія строки письма насчетъ «шубы»?

— Отлично помню. Гоголь пишетъ о. Матвѣю, что жалѣетъ, что не помѣнялся съ нимъ шубой, и добавляетъ: «Ваша лучше бы меня грѣла».

— Ну, вотъ какъ вы эти самыя слова понимаете?

— Разумѣется, аллегорически.

— Анъ, вотъ и не то. Дѣло тутъ о настоящей шубѣ идетъ... мнѣ объ этомъ самъ отецъ Матвѣй рассказывалъ... «Жилъ Гоголь въ Москвѣ одно время въ гостиницѣ и въ превеликомъ стѣсненіи, холодѣ и голодѣ, и, вдобавокъ, хозяину гостиницы сильно задолжалъ. А я, говоритъ, какъ разъ къ нему и заѣзжаю... Вижу, каковы дѣла, и предлагаю ему взять мою теплую шубу: думаю про себя, пускай рассчитается съ хозяиномъ.—А вы же, батюшка, какъ доѣдете до Ржева?—спрашиваетъ.—Никто, какъ Богъ!—отвѣчаю. (Это было любимое, всегдашнее слово о. Матвѣя). Доѣду по милости Божіей... Но Гоголь такъ и не взялъ шубы, несмотря на уговоры.

Я ничего не возражалъ о. Ѳедору. Несомнѣнно, если дѣло и было такъ, Гоголь все же выразился въ предсмертныхъ строкахъ глубоко аллегорически, а о. Матвѣй понялъ намекъ узко практически.

Остальная часть бесѣды была почти дословнымъ повтореніемъ воспоминаній о. Ѳедора, изложенныхъ въ статьѣ «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Въ заключеніе бесѣды о. Ѳедоръ принесъ фотографію о. Матвѣя—снимокъ съ извѣстной масляной картины, бывшей на Московской Гоголевской выставкѣ (воспроизведенной нынѣ въ Московскомъ альбомѣ Фишера, а также въ одномъ изъ послѣднихъ вариантовъ картины Рѣпина «Гоголь и о. Матвѣй»).

Почтенный пастырѣ, недавно вернувшійся изъ засѣданія консисторіи, видимо былъ утомленъ, и я поспѣшилъ мирно откланяться.

Не могу сказать, чтобы у меня было особенно весело на душѣ, когда я уѣзжалъ изъ Твери...

Самыя «Епархіальныя Вѣдомости» я удосужился перелистать лишь въ вагонѣ на обратномъ пути, и тогда мнѣ сталъ понятенъ недоброжелательный приѣмъ, оказанный мнѣ тверскимъ пастыремъ. Часть статьи протоіерея Образцова направлена была... какъ разъ противъ меня, и, кромѣ того, по сосѣдству съ ней, пріютилась статья также «противъ меня» ржевскаго протоіерея Финикова. Обѣ отповѣди, впрочемъ, ничуть не убѣдительныя, въ особенности вторая статья, иллюстрированная вмѣсто фактическихъ данныхъ текстами священнаго писанія. Но зато въ статьѣ протоіерея Образцова есть очень цѣнныя «историческія» данныя относительно «второй части» «Мертвыхъ душъ». Авторъ воспоминаній присутствовалъ при любопытной бесѣдѣ по этому поводу отца Матвѣя съ Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ. Привожу наиболѣе характерныя строки:

— «Говорятъ, что вы посовѣтовали Гоголю сжечь 2-й томъ «Мертвыхъ душъ»?—спросилъ Филипповъ.

— «Неправда и неправда... Гоголь имѣлъ обыкновеніе сжигать свои неудавшіяся произведенія и потомъ снова возстановлять ихъ въ лучшемъ видѣ. Да едва ли у него былъ готовъ 2-й томъ; по крайней мѣрѣ, я не видалъ его. Дѣло было такъ. Гоголь показалъ мнѣ нѣсколько разрозненныхъ тетрадей съ надписаніями: «Глава», какъ обыкновенно писалъ онъ главами. Помню, на нѣкоторыхъ было надписано: глава I, II, III, потомъ, должно быть, 7, а другія безъ означенія; просилъ меня прочитать и высказать свое сужденіе. Я отказывался, говоря, что я не цѣнитель свѣтскихъ произведеній, но онъ настоятельно просилъ, и я взялъ и прочиталъ. Но въ этихъ произведеніяхъ былъ не прежній Гоголь. Возвращая тетради, я воспротивился опубликованію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ одной или двухъ тетрадяхъ былъ описанъ священникъ. Это былъ живой человѣкъ, котораго

всякій узналъ бы, и прибавлены такія черты, которыхъ... во мнѣ нѣтъ, да и къ тому же еще съ католическими отѣнками, и выходилъ не вполне православный священникъ. Я воспротивился опубликованію этихъ тетрадей, даже просилъ уничтожить. Въ другой изъ тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, какихъ не бываетъ... Я совѣтовалъ не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмѣютъ за нее даже больше, чѣмъ за переписку съ друзьями.

— «Говорятъ даже, что Гоголь сжегъ свои творенія, потому что считалъ ихъ грѣховными?»

— «Едва ли,—въ недоумѣніи сказалъ о. Матвѣй,—едва ли»... Онъ какъ будто въ первый разъ слышалъ такое предположеніе:— «Гоголь сожегъ, но не всѣ тетради сожегъ, какія были подъ руками, и сожегъ потому, что считалъ ихъ слабыми»...

Въ этихъ немногихъ словахъ отца Матвѣя цѣлыхъ два противорѣчія. Отецъ Матвѣй говоритъ, что онъ «не видалъ» второго тома, тогда какъ описанный у Гоголя священникъ (прототицъ отца Матвѣя) фигурировалъ именно во «второмъ» томѣ, до насъ не дошедшемъ. И потомъ, во-вторыхъ... отецъ Матвѣй говоритъ, что не совѣтовалъ уничтожать второй части, между тѣмъ какъ черезъ десять строкъ говоритъ: «я воспротивился опубликованію этихъ тетрадей, даже просилъ уничтожить»...

Но, разумѣется, самое «главное» недоразумѣніе заключается въ непониманіи отцомъ Матвѣемъ глубоко-христіанской основы художественнаго творчества Гоголя... «Что жъ тутъ художого, что я Гоголя сдѣлалъ истиннымъ христіаниномъ!»... смутно оправдывается отецъ Матвѣй.

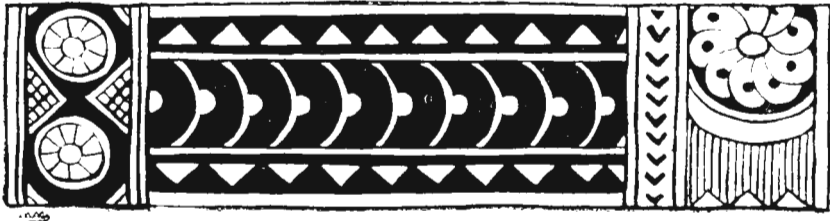
«Е. Поселянинъ», защищающій отца Матвѣя на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», формулируетъ эту мысль болѣе категорически: «Пускай,—говоритъ онъ,—погибъ второй томъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя, но зато спасена душа Гоголя»...¹⁾

Какъ видите, положеніе, выходящее далеко за предѣлы литературнаго изслѣдованія, — и, разумѣется, не въ краткой замѣткѣ обсудить его съ должной послѣдовательностью: слишкомъ сложная, «трагическая сторона» русской жизни здѣсь зацѣплена...

Ив. Л. Щегловъ.

¹⁾ «Московскія Вѣдом.», 27 февраля, 1902 г.

ОРЕНБУРГСКИЕ ПОЖАРЫ 1879 ГОДА.

РЕСНА 1879 года даже для оренбуржцев наступила очень рано, хотя здесь вообще в прежние года уже и февраль и мартъ бывали теплые. На этотъ разъ уже съ первыхъ чиселъ апрѣля распустились деревья, а цвѣты полевые продавались на Пасху. Мѣстами уже и сирень собиралась цвѣсти, на яблоняхъ показались почки, а акаціи цвѣли. Прекрасно помню, что въ канунъ Пасхи, во время заутрени шелъ небольшой дождь и раза два-три были слышны раскаты грома, хотя и несильные для того края въ то время.

Я говорю «въ то время» именно потому, что, живя въ Оренбургѣ и путешествуя по этой губерніи позднѣе, я никогда болѣе не видалъ уже здѣсь такихъ грозъ, такого дождя, какіе бывали въ 60-хъ, 70-хъ годахъ. Про шестидесятые годы я слышалъ отъ отца и другихъ, а 70-е еще и самъ помню. Вообще я болѣе никогда и нигдѣ во всю свою жизнь не видалъ такихъ страшныхъ тучъ, такой ужасной грозы. Напримѣръ, послѣ холернаго года 1878 года я помню ночь, когда у насъ никто не ложился спать. Мать и тетя все время молились Богу. Тетя у себя въ комнатѣ на колѣняхъ, а мать—лежа въ кровати въ чуланѣ, куда не проникалъ никакой посторонній свѣтъ, и только чуланчикъ вздрагивалъ отъ грома то и дѣло.

Отецъ не былъ особенно набожнымъ человѣкомъ, но я прекрасно помню, что и онъ часто крестился и былъ очень взволнованъ. Эта гроза была, если не измѣняетъ память, въ серединѣ сентября. Громъ гремѣлъ, буквально не переставая всю ночь, начиная съ восьми часовъ вечера до трехъ утра. Дождь шелъ небольшой и

урывками. Молнія сверкала поминутно и при томъ не змѣйкой, не копьемъ, но сразу освѣщая половину неба то въ одной, то въ другой сторонѣ, точно отдергивалась черная завѣса и раскрывалась огненная стихія на секунду, а затѣмъ сейчасъ же снова закрывалась завѣса съ одной стороны и раздвигалась съ другой. Удары шли непрерывно, а за ними шелъ гулъ, точно что каталось по небу тяжелое, громадное... Вся земля какъ-то, точно нервно вздрагивала, стекла въ оконныхъ рамахъ дребезжали, стѣны издавали трескъ.. Коровы, овцы, лошади мычали, блеяли и фыркали. Дворовыя собаки выли. Когда къ тремъ часамъ гроза прошла и заморосилъ дождь, мелкій-мелкій и ровный, тихій — отецъ открылъ ставни (они у насъ открывались изъ комнатъ), то нашимъ глазамъ представилась картина, которую и до сихъ поръ не могу забыть, несмотря на то, что видѣлъ ее уже болѣе тридцати лѣтъ назадъ. Ничего подобнаго я болѣе никогда не видалъ.

Мы жили въ то время на Мѣновомъ дворѣ, расположенномъ въ ровной степной мѣстности; во второмъ этажѣ. Заль, очень обширный, былъ расположенъ такъ, что окна у него выходили во всѣ стороны, и потому отсюда видна была вся степь, гдѣ въ одной сторонѣ виднѣлся Оренбургъ, на востокѣ шла генеральская дача, по другую сторону города тянулся Уралъ съ частымъ лѣскомъ, а дальше шла безконечная ровная, гладкая степь до тѣхъ поръ, пока хваталъ глазъ. И здѣсь дѣйствительно на протяженіи тридцати слишкомъ верстъ до селенія Донгусъ нигдѣ не было ни одного деревца. Да и въ самой деревушкѣ Донгусъ текла какая-то малюсенькая рѣченка, по берегамъ которой ютилось нѣсколько вязовъ, березокъ и ивъ... А тамъ опять шла безпредѣльная степь до знаменитой Илецкой защиты.

Со второго этажа нашей квартиры видно все было кругомъ. Когда отецъ подозвалъ меня къ окну, на что я рѣшился не скоро, послѣ долгихъ уговоровъ отца, что уже все прошло, то остановился, какъ очарованный. Куполъ неба, опускающійся на эту степь, какъ разъ былъ раздѣленъ на двѣ совершенно правильныя части. Одна половина купола была черна и страшна до невозможности, другая же — совершенно блѣдно-голубая, ясная, прозрачная, слегка позолоченная лучами только что восходящаго солнца. Черная завѣса, закрывающая половину неба, медленно сползала куда-то, скрываясь за видимымъ горизонтомъ... Ясное, чистое небо все болѣе и болѣе освобождалось отъ нея. Дождя уже не было.

Природа точно замерла и въ воздухѣ только усиленно пѣли ласточки, которыхъ здѣсь всегда бывало много, да немолчно чирикали воробьи. Отецъ раскрылъ совсѣмъ окно, и изъ него повѣяло тепломъ, влажнымъ воздухомъ, напоеннымъ ароматомъ степныхъ цвѣтовъ въ то время, когда степь еще не успѣло выжечь солнце. И этотъ воздухъ, и это блѣдно-чистое небо, и чириканье воробьевъ,

и щебетанье ласточекъ послѣ ужасной ночи произвели такое впечатлѣніе на меня, что я и теперь часто вспоминаю эту ночь и утро особенно въ такіе же ненастные дни и, странно, помню всѣ мелочи той давно пережитой ночи!..

И тогда всѣ эти явленія, картины природы были какъ-то интенсивнѣе, грознѣе, величественнѣе. Я помню, на примѣръ, ливни, когда казалось изъ окна, что кто-то сверху прямо опрокинулъ огромную кадushку съ водой, и оттуда льется вода одной общей стѣной, такъ что сквозь этотъ ливень не видно противоположной стороны улицы. И эти картины еще болѣе производили впечатлѣніе потому, что онѣ были мимолетны и смѣнялись быстро яркимъ солнцемъ съ его палящими лучами и безоблачнымъ небомъ.

Весна же 1879 года была совершенно необычайна. Жары начались настоящіе уже съ первыхъ чиселъ апрѣля. Деревья всѣ распустились и цвѣли. Мѣстами солнце уже такъ пекло, что зелень начинала терять свою особенную весеннюю прелесть свѣжести. Ко всему этому свирѣпствовали вѣтры, которые только, кажется, и существуютъ въ Оренбургѣ. Въ то время во всемъ городѣ не было почти нигдѣ садовъ, кромѣ знаменитаго караванъ-сарая, деревья котораго выросли, выражаясь фигурально, на спинахъ несчастныхъ башкиръ; да еще двухъ чухлыхъ садиковъ — «собачьяго» на главной улицѣ, получившаго свое названіе оттого, что въ немъ, кромѣ собакъ, никто не гулялъ, и бульвара — на высокомъ берегу Урала, противъ котораго помѣщался домъ генераль-губернатора, гдѣ тогда царилъ Н. А. Крыжановскій.

Эти оренбургскіе вѣтры при отсутствіи дождя, лѣса поблизости и садовъ свободно гуляли по городу, расположенному по косогору, вздымали мелкую ѣдкую пыль и высоко уносили ее вверхъ. Если смотрѣть бывало въ эти дни на городъ съ того же Мѣноваго двора, то онъ казался весь курящимся, въ дыму. По улицамъ не было возможности ходить, пыль забивала глаза, уши, ротъ, становилось дышать тяжело. Солнышко казалось сквозь эту пыль какимъ-то раскаленнымъ блиномъ, а неба вовсе не было видно. Къ вечеру вѣтеръ обыкновенно стихалъ, и поднятая пыль медленно опускалась на землю, долго стоя надъ городомъ темнымъ столбомъ. Ночью бывало также дышать нечѣмъ. Отъ раскаленной земли, зданій несло прямо жаромъ. Воздухъ совершенно былъ недвижимъ, и обыватели изнывали въ квартирахъ или спѣшили на Уралъ, гдѣ у рѣки было все же свѣжѣе.

Въ памятный для оренбуржцевъ годъ, 16-го апрѣля, съ утра пекло неимоვნно, и кучи пыли носились по улицамъ... Часамъ къ девяти утра мело уже по всѣмъ улицамъ. Жара невозможная, пыль — въ двухъ шагахъ ничего не видать.

Въ этотъ день, помню, я вздумалъ пойти въ сѣздъ мировыхъ судей. Мировыя учрежденія тогда у насъ только что ввелись, и по-

тому общество ими интересовалось. Съездъ мировыхъ судей помѣщался тогда на Безаковской улицѣ, рядомъ съ Александровскими банями. Это было всего въ двухъ кварталахъ отъ нашего дома. Я сидѣлъ въ большомъ залѣ у самаго окна на улицу. Надо замѣтить, что съездъ помѣщался какъ разъ въ самомъ послѣднемъ домѣ къ Уралу. Отъ него шла площадь небольшая, выходящая прямо на берегъ рѣки. Изъ окна, у котораго я сидѣлъ, слушая разборъ какого-то дѣла, видны были противоположныя постройки. Какъ разъ напротивъ на улицу выходилъ маленькій трехконный домикъ. Взглянувъ въ окно, я вдругъ замѣтилъ, что чердакъ этого домика свѣтится... Еще немного, и огненные языки вырвались наружу и стали лизать крышу. Это было такъ все быстро, что когда я успѣлъ крикнуть наконецъ «пожаръ!»—то уже вся крыша была въ огнѣ.

Началась обычная суматоха. Бѣгали и кричали бабы, тащили ведра, кто-то уже ломалъ заборъ. Пожарные еще и не вѣдали о пожарѣ. За поднявшейся пылью имъ ничего не было видно съ каланчи.

Я бросился бѣжать домой, и вотъ съ какой быстротой шелъ огонь: мы жили въ двухъ кварталахъ отъ мѣста пожара по той же Безаковской улицѣ, въ проулкѣ, пересекающемъ ее, назывался этотъ проулокъ Эссенскимъ. Добѣжавъ до дома и успѣвъ только крикнуть отцу—«пожаръ!»—я оглянулся. Горѣло уже противъ насъ черезъ Безаковскую улицу. Еще ужаснѣе показалась намъ эта ужасающая быстрота, когда не успѣлъ еще кучеръ и лошадей запрячь на всякій случай, какъ къ намъ пришла наша знакомая, жившая по тому же переулку (Эссенскому) отъ насъ черезъ улицу—домовъ за десять. Она была въ капотѣ, наскоро накинутомъ на себя, съ картонкой въ рукахъ. Это все, что она успѣла захватить съ собой изъ дома, который уже весь былъ въ огнѣ; тамъ ея мужъ, задыхаясь въ дыму и огнѣ, урывалъ хоть что либо отъ свирѣпѣвшей огненной стихіи. Отецъ о своемъ домѣ не безпокоился. Вѣтеръ шелъ какъ разъ отъ насъ. Безаковская улица была довольно широка, а выходящихъ на нее домовъ отъ нашего переулка совѣмъ не было, шли одни заборы, которые живо повалило. Накаливаться и вспыхнуть отъ жары было нечему, вѣтеръ благопріятствовалъ намъ. Но все же у насъ все цѣнное было уже уложено на возы, и часть уже переправлена на Мѣновой дворъ за Уралъ, въ лѣтнюю резиденцію моего отца. Пожаръ распространялся такъ быстро, почти невѣроятно, что, когда пожарные замѣтили огонь,—было уже поздно. Кварталовъ десять было въ огнѣ, и туда пробраться внутрь было совѣмъ рискованно. Пожарнымъ оставалось только одно—спасать казенныя зданія.

Передать всю картину этого пожара нѣтъ возможности. Сама по себѣ картина всякаго большого пожара производитъ сильное впечатлѣніе, но здѣсь пожаръ, сопровождаемый бурей, палящимъ

солнцемъ, производилъ грандіозное впечатлѣніе, котораго никогда не изгладить изъ памяти. Прошло не болѣе двухъ часовъ съ начала пожара, какъ уже выяснилось, что нашъ домъ остается внѣ опасности, и, кромѣ того, мы узнали, что огонь уже проникъ въ Новую слободку, то-есть занялъ районъ въ добрую версту разстоянія. Къ этому времени у насъ въ домѣ собралось человѣкъ до двадцати знакомыхъ—это были все погорѣльцы. Большинство вышло изъ домовъ своихъ съ тѣмъ, что было на нихъ, и что они успѣли захватить съ собой. Насколько быстро распространялся огонь, — расскажу такой случай. Одинъ знакомый отца, архитекторъ, жилъ отъ насъ на другомъ концѣ города, самое меньшее версты за полторы отъ насъ. Услыхавъ, что горитъ около насъ, онъ запрягъ свою парочку и прискакалъ къ намъ помочь, чѣмъ можетъ. Не пробывъ и четверти часа у насъ и услышавъ, что огонь проникъ уже въ Новую слободку, гдѣ былъ и его домъ, онъ поскакалъ назадъ, но черезъ часъ уже снова пріѣхалъ къ намъ, привезя къ намъ жену и ребятъ. Дома ихъ уже не было. Удалось спасти портфель да только шкатулку съ цѣнными вещами. Весь же домашній скарбъ нечего было и думать спасать, да и некому было: постороннихъ зрителей не было никого, всѣ заботились только о себѣ уже, да и трудно было вырвать что либо изъ свирѣпѣющей стихіи.

Величественную картину представляло это бѣдствіе съ площади, гдѣ помѣщались дома знаменитаго купца Зайчикова и цейхгаузъ. Здѣсь городъ весь былъ виденъ, и весь онъ былъ окутанъ густымъ чернымъ дымомъ, по которому то и дѣло скользили огненные языки.

Вѣтеръ сталъ тише. Солнце палило немилосердно. Здѣсь на площади было пустынно и тихо. Города не было. Виднѣлся одинъ страшный черный столбъ, уходящій высоко въ небо, по которому скользили огненные языки и змѣйки... Доносились звонки пожарныхъ... Здѣсь какъ-то было жутко смотрѣть на это страшное бѣдствіе. Чувствовалось полное безсиліе. По временамъ раздавались выстрѣлы. Это стрѣляли патроны въ горѣвшихъ оружейныхъ лавкахъ. Съ оглушительнымъ гуломъ упалъ колоколь съ колокольни церкви во имя св. Троицы, вѣсомъ въ 600 пудовъ. Онъ прошибъ два свода колокольни и врѣзался въ каменный полъ на четверть, треснувъ продольно. Еще грандіознѣе имѣлъ видъ весь пожаръ отъ кадетскаго 1-го корпуса изъ оконъ его. Отсюда виденъ былъ весь городъ, объятый огнемъ, и сильно напоминалъ картину гибели Геркуланума и Помпеи.

Само собой, что о какомъ либо правильномъ ходѣ дѣйствій пожарныхъ даже и думать было нечего. Пожарные тогдашняго времени вообще не отличались никакими приспособленіями къ тушенію. При томъ машинъ было немного, и штатъ служащихъ не-

многочисленъ. Понятно, что они теперь растерялись, тѣмъ болѣе, что приходилось бороться не только съ огнемъ, но и съ обезумѣвшимъ народомъ, который сталкивалъ съ машинъ и бочекъ пожарныхъ, силой овладѣвалъ тѣмъ и другимъ и тащилъ къ себѣ, въ чаяніи отстоять то, что дорого тому или другому. Весь день пылалъ городъ. Тушить никто не думалъ. По пылающимъ улицамъ сновали одинокія фигуры обывателей, спасая свои пожитки и оттаскивая ихъ на площади, гдѣ уже къ обѣду образовался цѣлый поселокъ, цѣлая ярмарка, сложенныхъ въ кучу вещей, охраняемыхъ солдатами. Здѣсь сидѣли на вещахъ ребята, старухи... слышался пискъ, плачь и молитва. Какая-то женщина въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами, держа въ рукахъ, прижавъ къ груди икону Божіей Матери, ходила вокругъ еще негорѣвшихъ кварталовъ, творя какую-то молитву. Лицо ея было сурово, брови насупились... Весь видъ выражалъ непреклонную волю не пустить огонь сюда на этотъ кварталъ. Она ходила безъ усталости почти съ самаго начала пожара вплоть до самаго вечера.

И дѣйствительно, огонь повернулъ въ сторону и оставилъ цѣлымъ одинъ уголокъ города, гдѣ помѣщался и домъ моего отца.

Но гдѣ особенно ужасенъ былъ пожаръ, такъ это на Сѣнной площади (гдѣ теперь базаръ); тамъ прежде были и дегтярныя лавки. Здѣсь полопались бочки со смолой, и она запылала, пробивъ себѣ рукавъ въ видѣ огненной рѣки по площади. Эта рѣдкая рѣка текла по уклону къ городу и на своемъ пути поглощала все, что попадалось. Люди бѣжали отъ этой рѣки въ паническомъ страхѣ. Одинъ несчастный не смогъ убѣжать; огненная рѣка настигла его, онъ упалъ и сгорѣлъ... Замѣчательно, что когда его подняли, то есть не его, а обгорѣвшія кости, то грудь оказалась совсѣмъ цѣлой. Жилетъ остался также не сгорѣвшимъ, и въ карманахъ его нашли монеты... Упалъ онъ грудью прямо на землю и такъ плотно прильнулъ къ ней, что огонь туда не прошелъ, а спина вся сгорѣла...

Къ вечеру пожаръ стихнулъ, то-есть разсѣялся дымъ, унялся по обыкновенію вѣтеръ, и весь городъ озарился заревомъ отъ горѣвшихъ остатковъ. Отъ нашего дома до главной Николаевской улицы было четыре квартала. Теперь была одна площадь, и на фонѣ зарева, какъ причудливые памятники, высились остатки жилищъ—печи: русскія, изразцовыя... Въ сторонѣ высилось огромное зданіе пивовареннаго завода Ключпа, въ которомъ горѣло внутри, и откуда то и дѣло летѣли фейерверкомъ искры—это горѣла старая, сухая барда.

По улицамъ, среди этихъ таинственныхъ памятниковъ бродили люди, одиноко, безшумно, что-то осматривая, ковыряясь въ угляхъ, отыскивая.

Какимъ-то чудомъ, по странной игрѣ природы, среди одного догла выгорѣвшаго квартала, осталась цѣлой маленькая мелочная лавка. Она была совсѣмъ новенькой, недавно отстроеной, но теперь вся окрасилась въ какой-то коричнево-бурый цвѣтъ, но стояла не тронутая, какъ была заперта, и даже товаръ въ ней остался цѣлъ, хотя тамъ и товару-то было не болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ рублей.

Какъ она уцѣлѣла, — объяснить не берусь. Находилась она на большомъ пустырьѣ, правда, но все же кругомъ нея все горѣло не болѣе, какъ въ 15—20 саженьяхъ.

Необычайную картину представлялъ собою городъ въ эту памятную ночь. На всѣхъ площадяхъ кипѣлъ народъ; наскоро были устроены нѣчто въ родѣ палатокъ, навѣсовъ. Здѣсь сидѣли, лежали на кучахъ домашнихъ вещей горожане. Иные плакали, другіе смѣялись уже, вспоминая курьезы, безъ которыхъ не обходится ни одно бѣдствіе. Рассказывали про одного священника, у котораго въ выходѣ было 18 самоваровъ и много мѣдной посуды. Домъ его сгорѣлъ, и жара была такая, что въ подвалѣ мѣдь расплавилась, и всѣ самовары и посуда представляли собою одну кучу, изъ которой торчали краны.

Жара была дѣйствительно ужасная. Въ гостиномъ дворѣ, въ лавкахъ и подвалахъ у бухарцевъ былъ большой складъ бусъ. Эти бусы расплавились и образовали чудные, оригинальные слитки. На дворѣ гостинаго ряда полопались бочки съ сахаромъ, и онъ растаялъ и обуглился... На другой день бѣдняки здѣсь кололи этотъ пережженный сахаръ и уносили съ собой, долго еще послѣ пожара попивая съ нимъ чай.

На углу нашей улицы былъ небольшой выходъ, гдѣ владѣлецъ дома ссыпалъ много картошки. Эта картошка испеклась, и такъ вкусно, что я такой картошки вкусной никогда не ѣдалъ. Пожаръ уничтожилъ всю лучшую часть города, всѣ магазины и булочныя, пекарни, и потому первое время грозилъ голодъ. Хлѣбъ привозили уже изъ Самары.

Въ нашемъ домѣ временно очутилась масса постояльцевъ, такъ что заняты были не только всѣ комнаты, кухня, но даже жили въ каретникѣ, на сѣновалѣ, на погребницѣ и просто въ садикѣ въ бесѣдкѣ.

Пожаръ этимъ не кончился. Черезъ недѣлю сгорѣла Новая слобода, потомъ Старая, Оторвановка, Чебенка... Эти пожары, хотя уже были и меньше, но носили какой-то странный систематическій порядокъ. Начинались они всѣ съ края, съ окраины и ровно около десяти часовъ. Всѣ они были при сильномъ вѣтрѣ, да если бы и не было вѣтра, то съ огнемъ бороться было уже тяжело.

Пожарные выбились изъ силъ, на обывателей напала паника; все это парализовало энергію, ожесточало толпу и разгорячало фантазію.

Самымъ же замѣчательнымъ былъ пожаръ, когда горѣлъ Фурштадтъ, и едва не сдѣлался жертвой пожара пороховой складъ, въ которомъ находилось, какъ говорили, до 300 пудовъ пороху и масса снарядовъ. Можно себѣ представить, что бы это было за зрѣлище, если бы и этотъ складъ вспыхнулъ!

Я позволю себѣ подробно остановиться на этомъ замѣчательномъ днѣ въ жизни оренбургцевъ.

Не помню теперь уже точно, котораго именно числа, но, кажется, уже спустя мѣсяцъ послѣ перваго пожара, также утромъ, раздался зловѣщій набатъ, котораго какъ-то каждое утро всѣ ждали, точно чего-то обязательнаго. Горѣлъ Фурштадтъ, предмѣстье Оренбурга, казачій выселокъ, откуда съ колокольни церкви Св. Георгія бомбардировалъ Оренбургъ Емелька Пугачевъ.

Поселокъ этотъ, или станица, когда-то былъ верстахъ въ трехъ отъ города, за валомъ, которымъ окруженъ весь городъ. Со временемъ валъ исчезъ, площадь, отдѣляющая станицу отъ города, застроилась, и Фурштадтъ слился съ городомъ. Здѣсь между станицей и городомъ выстроены были казармы, юнкерское училище. Здѣсь же за валомъ остался и пороховой складъ. Выкопанъ онъ былъ въ землѣ, но крыша высоко выходила надъ уровнемъ площади, и помимо этого кругомъ былъ сложенъ огромный складъ дровъ для казармъ и училища, что-то около 500 сажень, говорили. Пожаръ начался также съ окраины казачьяго поселка и шелъ на городъ, куда тянулъ и вѣтеръ. Также быстро пламя охватило огромный районъ, и станица пылала. Въ началѣ пожара никто и не подумалъ ни о дровахъ, ни о пороховомъ выходѣ.

Къ намъ изъ поселка пріѣхалъ одинъ сослуживецъ отца и привезъ ребятишекъ, такъ какъ опасался, что и его домъ не уцѣлѣетъ. Ребятъ у него было своихъ восемь, да еще жили воспитанники, такъ что всего человѣкъ 12 ребятъ было. Въ началѣ пожара у насъ уже на всякій случай готова была лошадь, какъ и у всѣхъ вообще, кто еще не погорѣлъ. Я бродилъ по пожару, но потомъ надоѣло, да и жара была страшная, почему я рѣшился вернуться домой. Переходя площадь, я долженъ былъ итти мимо порохового склада, между складомъ дровъ. И вотъ здѣсь вдругъ вспыхнули дрова, и площадь тоже загорѣлась. Огонь пробирался къ складу. Сюда уже прискакали пожарные и прибыли солдаты, а также самъ генералъ-губернаторъ Крыжановскій. Началась суматоха. Дрова не было возможности раскидать, да и некуда. Кое-какъ оттаскивали ихъ подальше отъ порохового склада, нерѣдко подкладывая прямо въ огонь. Жара была убійственная. Самый складъ представлялъ рѣдкую картину. По обѣимъ склонамъ его крыши лежали солдаты, и ихъ постоянно поливали водой изъ машинъ. Зачѣмъ было это нужно,—я не знаю, но думаю, что эти живые защитники отъ огня дорого заплатились, пролежавъ на

крышѣ порохового склада весь день въ грязи и мокрые, да еще въ непрерывно напряженномъ состояніи, что они первые взлетятъ на воздухъ, если взорвется складъ. Около часу дня Крыжановскій что-то тихо сказалъ полицеймейстеру, тотъ немедленно передалъ приставамъ, и они верхами и на извозчикахъ помчались въ городъ. Я услышалъ отъ кого-то, что Крыжановскій приказалъ оповѣстить горожанъ о могущемъ быть взрывѣ и предложить всѣмъ выселиться изъ города. Пристава и квартальные мчались по улицамъ и орали: «Спасайтесь! Бѣгите изъ города! Его сейчасъ взорветъ!».

Обезумѣвшій и безъ того народъ окончательно потерялъ голову. Всѣ бросились бѣжать за рѣку. Я также однимъ духомъ домчался до дома, взбудоражилъ всѣхъ, и мы, наскоро усѣвшись въ большой тарантасъ, поѣхали изъ города, оставивъ домъ на благо святыхъ, какъ говорится. Я положительно не могу себя представить, какъ мы всѣ помѣстились въ одномъ тарантасѣ. Насъ большихъ было пять человѣкъ, помимо кучера, няньки съ маленькой моей сестренкой, и затѣмъ еще двѣнадцать ребятъ сослуживца отца. Всѣ какъ-то усѣлись и доѣхали до Мѣнового двора благополучно. Помню, что отецъ захватилъ съ собой только шкатулку съ серебромъ, а мать «Ниву» за цѣлый годъ въ переплетѣ! Почему она ей показалась столь цѣнной,—не знаю.

Черезъ рѣку Уралъ былъ уже построенъ такъ называемый большой деревянный мостъ, при помощи котораго было сообщеніе съ Мѣновымъ дворомъ, но другого мостика, около дома генералъ-губернатора, еще не было. Здѣсь мостикъ назывался «живымъ» и устраивался только для пѣшеходовъ, снимающихъ дачи въ роцѣ за Ураломъ. Я уже говорилъ, что Оренбургъ весь расположенъ на косогорѣ, который круто обрывается къ рѣкѣ Уралу. Когда мы въѣхали на большой мостъ, то были поражены удивительной картиной. Косогора, т.-е. крутого спуска горы, совсѣмъ не было видно. Это была сплошная масса людей, сползающихъ съ горы къ рѣкѣ, бѣгущихъ по самому берегу къ большому мосту и нанимающихъ лодки. По Уралу сплошь скользили эти лодки съ жителями, переправляющимися на другой берегъ. Въ этомъ бѣгствѣ было что-то стихійное, стадное. Всѣ бѣжали, сами не зная куда, готовые давить другихъ, лишь бы самимъ поскорѣе перебраться на другую сторону. Говорили, что за перевозъ въ лодкѣ платили по 25 рублей, и лодокъ не хватало. Мы въѣхали въ степь и немного уже успокоились и впервые почувствовали тѣсноту. Ребятишки послѣзали съ тарантаса и пошли по степи пѣшкомъ. Всѣ то и дѣло оглядывались на городъ и ждали взрыва, но въ городѣ все было тихо, только огромный столбъ густого дыма высоко вадымался къ небу и исчезалъ въ его безпредѣльности. За нами тянулся цѣлый поѣздъ. То и дѣло вскачь насъ обгоняли разные лица,

положительно потерявшія голову. Уже около самаго почти Мѣноваго двора мы нагнали директора банка, который шагаль пѣшкомъ съ портфелемъ подъ мышкой. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ до того растерялся, что убѣжалъ изъ банка пѣшкомъ и оставилъ кассу не запертой. По счастью, паника была такъ велика, что даже не осталось въ городѣ ни одного охотника до чужого добра. Вообще надо замѣтить, что во время пожаровъ ничего не было слышно о кражахъ. Немного далѣе мы встрѣтили еще дьякона съ супругой, почти еле-еле волочащихъ ноги. Дьяконъ былъ въ еногѣ, а жена его въ солопѣ, и они бѣжали изъ Новой слободки до Мѣноваго двора (добрыхъ пять верстъ) при 30° жарѣ въ шубахъ, схвативъ очевидно самое дорогое для нихъ!

Наконецъ, мы пріѣхали на Мѣновой дворъ, гдѣ у отца по мѣсту службы полагалась казенная квартира. Здѣсь собралось много бѣглецовъ; еще больше ихъ было въ роцѣ за Ураломъ и по всей степи. Здѣсь были люди всѣхъ сословій и классовъ. Купцы побросали лавки свои открытыми... Городъ весь опустѣлъ. Тамъ только около порохового склада лежали солдаты, сновали пожарные и полицейскіе, стоялъ мрачный Крыжановскій и полицеймейстеръ, да кое-кто изъ безстрашныхъ любопытныхъ. Всѣ съ минуты на минуту ждали взрыва и строили предположенія, что при этомъ произойдетъ. Говорили, что весь городъ разрушится, что можетъ даже Уралъ отъ сотрясенія выйти изъ береговъ, и что вообще отъ всего города, кромѣ груды развалинъ, ничего не останется. Всѣ воспитанники и воспитанницы разныхъ учебныхъ заведеній, не пользующіеся ваканціями, были тоже переправлены черезъ Уралъ...

А день былъ ясный, чудный и какъ-то не гармонировалъ съ предстоящей ужасной картиной разрушенія. Все населеніе весь этотъ день провело за городомъ, но ничего не дождалось. Къ вечеру кое-кто вернулся домой, но немногіе, другіе такъ и ночевали подъ открытымъ небомъ или же въ пустыхъ дачахъ до другого дня. Когда уже стало темнѣть, мы съ отцомъ поѣхали въ городъ узнать, что и какъ. Когда мы вѣхали въ него, то насъ поразила его пустыньность. Городъ дѣйствительно точно весь вымеръ моментально... Большинство домовъ стояли совершенно открытыми, мѣстами даже забыли окна закрыть. Заѣхали къ себѣ въ домъ; у насъ все было также открыто. Отецъ заперъ, осмотрѣлъ все, и затѣмъ мы двинулись въ полицію. Полицеймейстера не было дома, онъ все еще былъ на пожарѣ, его супруга была дома, она не хотѣла уѣзжать изъ города и то и дѣло ѣздила къ мужу на самый пожаръ. Отъ нея мы узнали, что опасность еще не миновала, но все же есть надежда, что складъ останется цѣлъ, такъ какъ огонь сталъ тише, дрова прѣгораютъ, но во всякомъ случаѣ совѣтовала лучше ночевать въ степи. Мы поѣхали обратно. Въ городѣ было какъ-то жутко. Онъ и днемъ-то, въ обычное время производилъ впечатлѣніе какого-то

кладбища, а теперь ночью подъ вліяніемъ проведеннаго дня въ немъ совсѣмъ было страшно, безлюдно, уныло, тихо, какъ въ могилѣ. Рассказывали про одну старушку, которая весь этотъ день провела въ комнаткѣ на пятомъ этажѣ въ горячей молитвѣ. Случилось это такъ. На берегу Урала и сейчасъ высится грандіозное пятиэтажное зданіе 2-го военнаго корпуса. Тогда здѣсь была военная прогимназія. Здѣсь же жили и всѣ служащіе. У одного воспитателя жила старушка мать. Квартира его помѣщалась въ пятомъ этажѣ. Когда имъ предложили немедленно оставить корпусъ, такъ какъ онъ неминуемо рухнулъ бы отъ сотрясенія, то сынъ и сноха этой старушки впопыхахъ забыли про нее и заперли квартиру съ ней на ключъ. Когда старушка хотѣла выйти, то уже было поздно: дверь была замкнута, а бросаться въ окно съ пятаго этажа равносильно было погибели и отъ взрыва. И вотъ бѣдная старушка приготовилась къ смерти, надѣла все чистое на себя, зажгла лампадки въ комнатахъ и весь день провела въ молитвѣ. Можно представить себѣ, что пережила она за этотъ день и какъ горячо молилась.

Но, слава Богу, взрыва не было. На другой день сплошной массой обыватели тянулись домой. Огонь къ полночи уже стихнулъ, вѣтеръ совсѣмъ прекратился. Солдатики немного передохнули и растаскали дрова отъ склада. Это былъ послѣдній и самый ужасный пожаръ по той паникѣ, въ какую онъ повергъ народъ. Впрочемъ, народъ и такъ былъ настроенъ ужасно. Конечно, много было толковъ о поджогахъ, но врядъ ли они были, потому что не было видно цѣли ихъ. Кражи хотя и были, но ничуть не больше, чѣмъ и въ обычное время. Но нѣкоторые граждане доходили прямо до галлюцинацій, чуть не сходили съ ума, видя въ каждомъ поджигателя.

Мнѣ пришлось видѣть эту толпу, расправляющуюся саморучно, такъ сказать, съ такими мнимыми поджигателями. Два какихъ-то парня остановились около забора за своей надобностью, а одинъ при этомъ имѣлъ неосторожность чиркнуть спичкой, намѣреваясь закурить. Это увидали, и достаточно. Сейчасъ же парней схватили; образовалась толпа, которая кричала, галдѣла и рѣшила вести поджигателей прямо къ Крыжановскому, такъ какъ полиція де съ ними за одно, поддержитъ-поддержитъ и выпуститъ. И ихъ повели, дорогой угощая тумаклами. Толпа приняла солидные размѣры, пока дошла до дома генераль-губернатора, пожалуй, не въ одну тысячу. Несчастные поджигатели сами уже не могли итти, ихъ несли избитыхъ, растерзанныхъ, еле-живыхъ. Подойдя къ дому начальника края, вызвали его на балконъ и доложили, въ чемъ дѣло. Крыжановскій едва могъ успокоить толпу. Вѣроятно, его поразилъ видъ этихъ несчастныхъ поджигателей, которые за свою оплошность такъ жестоко поплатились. Они уже оба были безъ чувствъ. Крыжановскій приказалъ оставить ихъ и привести къ нему въ домъ,

а самимъ расходиться по домамъ. «Будьте увѣрены — я все разсматриваю и накажу, если все подтвердится». Толпа успокоилась и разошлась.

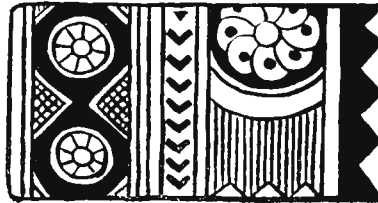
Впослѣдствіи все выяснилось и оказалось, что это были самые мирные обыватели, но заплатились они за свою неосторожность жестоко.

Настроение толпы было дѣйствительно ненормальное. Каждый день она ловила совершенно невинныхъ поджигателей, передавались цѣлыя легенды, сказки... Читались какія-то подметныя письма, говорили о какихъ-то пророчествахъ, предсказаніяхъ.

Я помню одного обывателя, который положительно съ ума сошелъ отъ желанія найти поджигателей. Онъ ихъ видѣлъ всюду, и когда ему перестали во всемъ вѣрить, видя, что онъ просто сдѣлался нервно больнымъ, то онъ дошелъ до того, что самъ облилъ заборъ у себя керосиномъ, подложилъ хворосту, спичекъ и фосфору и заявилъ объ этомъ полиціи. Но его приготовленія видѣли сосѣди и донесли тоже. Тогда несчастнаго отправили въ больницу, гдѣ онъ и вылежалъ что-то около трехъ мѣсяцевъ.

Пожары эти имѣли огромное значеніе для Оренбургскаго края, не только какъ, бѣдствіе. Они создали городъ почти заново, они положили конецъ генераль-губернаторству. Послѣ нихъ городъ и край началъ новую жизнь, и теперь уже ничего не осталось отъ добраго стараго времени.

Ник. Беккаревичь.

«ПОЗОРНОЕ ДѢЛО»...

(Изъ исторіи Туркестанскихъ войнъ)¹⁾.

МОРОЗНОЕ утро 4-го декабря 1864 года. Въ наскоро сооруженной крѣпости «Туркестанъ» большое оживленіе: слышится гулъ солдатскихъ голосовъ, ревъ верблюдовъ, ржаніе коней, гортанный говоръ киргизовъ. Это снаряжается транспортъ въ крѣпость Чемкентъ. Одинъ за другимъ съ ревомъ ложились верблюды, побуждаемые къ тому дерганіемъ за «мурундукъ», и киргизы быстро и ловко выючили ихъ. Подполковникъ Жемчужниковъ самъ наблюдалъ за снаря-

¹⁾ 4-го декабря исполняется 40 лѣтъ со дня извѣстнаго дѣла сотни есаула Сѣрова, храбро, но съ большими для себя потерями, отбившейся отъ многотысячнаго отряда коканцевъ. Подвигъ этотъ воспѣтъ уральцами, занесенъ на страницы исторіи, участники (нѣкоторые живы) достойно награждены, и, наконецъ, среди зыбучихъ песковъ Туркестана, на мѣстѣ, гдѣ храбрая сотня отчаянно отбивалась отъ вражескихъ полчищъ, сооруженъ памятникъ. Но на ряду съ этимъ темнымъ пятномъ вырисовывается поступокъ отряда, посланнаго подъ начальствомъ подпоручика Сукорко на выручку сотни Сѣрова. До сихъ поръ исторія какъ-то замалчиваетъ эту оборотную сторону Иканскаго дѣла, между тѣмъ въ ней много любопытнаго и поучительнаго. Возбужденное противъ подпоручика Сукорко судебное дѣло прежде всего раскрыло недочетъ въ военной организаціи туркестанскихъ войнъ и свидѣтельствуетъ о той отчаянной борьбѣ, которую пришлось вести незабвенному генералу М. И. Черняеву съ бюрократическими тенденціями, вкравшимися въ военную среду, а самое главное съ легиономъ недоброжелателей, которыми былъ окруженъ этотъ главный завоеватель Туркестана.

Поэтому, пользуясь предстоящимъ сорокалѣтнимъ юбилеемъ дѣла подъ Иканомъ, мы считаемъ вполнѣ своевременнымъ познакомить съ дѣломъ подпоручика Сукорко, имѣя въ рукахъ архивные документы оренбургскаго генералъ-губернаторства.

Н. П.
12*

женіемъ транспорта и просилъ сотника Свиридова, который долженъ былъ сопровождать его, не рисковать конвоемъ, а осторожнѣе обратиться къ Чемкенту съ важнымъ обозомъ.

Но вотъ зоркіе глаза его замѣтили вдали всадниковъ, карьеромъ приближающихся къ крѣпости.

— Посмотрите, сотникъ, это никакъ караульные киргизы сюда скачутъ... Вѣрно, тревога...

Сотникъ посмотрѣлъ въ степь, открывающуюся съ бруствера, приложилъ руку къ козырьку и отвѣтилъ:

— Это Маметка съ Беримжанкой и Урузбайкой, что были поставлены въ урочищѣ Чиликѣ.

Черезъ 10 минутъ верховые были уже въ крѣпости и легли прямо къ дому коменданта Жемчужникова. Почти кубаремъ свалились съ лошадей у бруствера и, снимая малахаи, разомъ заговорили ломанымъ языкомъ.

— Таксырь, коканда Чиликъ гуляль... Многа, бекъ-копъ (очень много) пришли...—взволнованно проговорилъ Маметъ...

— Шесть сотенъ будетъ,—перебилъ Урузбай.

— Тыща гуляй,—одновременно произнесъ Беримжанъ.

— Ну, и орда...—проговорилъ Жемчужниковъ, махая рукой на киргизовъ.—Вотъ тутъ и пойми васъ, не то триста, не то тысяча, а, можетъ быть, ни то, ни другое, ни третье, а всего три коканца, а нашимъ малахаемъ показались сотни. Ну, ты, Маметка, говори толкомъ: много коканцевъ въ Чиликѣ?

— Ой, таксырь, копъ, бекъ-копъ (много, очень много).

— Ну, примѣрно вотъ столько,—Жемчужниковъ показалъ на подхѣхавшую сотню казаковъ.

— Ой, таксырь, больше, копъ, бекъ-копъ...—моталъ головой Маметка.

— Въ два, три, четыре раза больше?

— Вотъ, таксырь, болша,—сжалъ Маметка въ кулаки обѣ руки.

— Нѣтъ, таксырь,—перебилъ Урузбай:—болша одинъ кулакъ нѣтъ.

Жемчужниковъ тотчасъ же пріостановилъ высылку транспорта и приказалъ сотнѣ уральцевъ немедленно выступить по дорогѣ къ Икану, съ цѣлью опредѣлить силы непріятели и обезопасить переходъ транспорта до р. Арысь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ есаулу Сѣрову, командиру сотни, не вступать въ неравный бой.

Часовъ въ 12 дня сотня уральцевъ, съ артиллеріей, состоящей изъ одного единорога, лихо проскакала по улицѣ крѣпости и скрылась въ садахъ.

Вечеромъ того же дня въ крѣпости былъ услышанъ отдаленный звукъ выстрѣловъ въ сторонѣ къ Икану, а черезъ часъ прискакалъ нарочный киргизъ Аширъ изъ отряда есаула Сѣрова съ донесеніемъ, что, не доходя верстѣ 4-хъ до Икана, онъ былъ посланъ

есауломъ впередъ на развѣдки, которыя выяснили значительныя силы коканцевъ у Икана, около 1.000 человекъ. Съ этимъ извѣстіемъ его и послалъ сюда есауль.

Между тѣмъ выстрѣлы участились. Жемчужниковъ сильно встревожился и разослалъ во всѣ стороны нарочныхъ, чтобы точнѣе опредѣлить мѣсто схватки, но ничего не могъ выяснить, такъ какъ пришлось назначить нарочныхъ изъ жителей, за немѣнимъ джигитовъ-почтарей, ну, а такіе нарочные, вѣроятно, дальше прилежащихъ къ крѣпости садовъ не выѣзжали.

Ночью былъ составленъ маленькій военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать на выручку сотни Сѣрова отрядъ изъ гарнизона.

На другой день были вызваны охотники, и быстро составился отрядъ въ 152 человека изъ лучшихъ стрѣлковъ. Командиромъ отряда назначенъ подпоручикъ Сукорко, вызвавшійся самъ принять на себя эту миссію, а въ качествѣ помощника къ нему былъ назначенъ подпоручикъ Степановъ. Въ этомъ составѣ, при двухъ единорогахъ, напутствуемый словами Жемчужникова: «зря патроновъ не тратить, быть молодцами», отрядъ бодро тронулся въ походъ. Въ рядахъ слышались слова: «умремъ, а Сѣрова вызволимъ».

Проводивъ отрядъ, подполковникъ Жемчужниковъ раздумался надъ положеніемъ дѣла, и думы одна другой мрачнѣе закружились въ его головѣ. Онъ нервно зашагалъ по комнатѣ и старался дать своимъ мыслямъ болѣе опредѣленное теченіе. Однако, это ему плохо удавалось, и онъ велѣлъ позвать къ себѣ провіантскаго смотрителя, своего друга и совѣтника.

— Ты рассуди, Петровъ, вотъ что: у меня сейчасъ налицо въ гарнизонѣ 300 солдатъ, изъ нихъ часть должна быть опредѣлена, въ случаѣ чего, къ орудіямъ на 8 барьетахъ. Межъ тѣмъ слухи-то скверные, будто регентъ Коканскаго ханства Мулла-Алимукуль и бухарскій эмиръ съ своими войсками норовятъ одновременно напасть на Чемкентъ и Туркестанъ. Что какъ они вотъ теперь, когда узнаютъ, что я отправилъ лучшихъ солдатъ, да нападутъ? А? Какъ ты думаешь—вѣдь искрошатъ насъ?

— Непремѣнно, если нападутъ,—угрюмо отвѣтилъ Петровъ.

— Да, ты думаешь?—подхватилъ Жемчужниковъ.—Ну, такъ вотъ что—садись и пиши. Вотъ карандашъ: «Петръ Логгиновичъ, ежели вы увидите огромныя силы, то, не выручая сотни, вернуться назадъ, дабы дать средства здѣшнему гарнизону». Ну, а теперь давай, подпишу.

Жемчужниковъ торопливо вложилъ записку въ конвертъ и тотчасъ же приказалъ съ нарочнымъ доставить ее подпоручику Сукорко.

Съ пѣснями и барабаннымъ боемъ выступилъ отрядъ Сукорко. Солдаты, уже обстрѣленные подъ Акбулакомъ, весело шагали по мерзлой дорогѣ, и звуки ихъ тяжелыхъ сапогъ звонко отдавались въ морозномъ воздухѣ. Тяжело громыхали смертоносные единороги, заранѣе грозя врагу своими жерлами... Вотъ и сады миновали...

— Ваше бродіе,—подскочилъ взводный къ Сукорко:—нарочный скачетъ за нами.

Подпоручикъ приказалъ остановиться. Нарочный киргизъ торопливо слѣзъ съ лошади, снялъ малахай, вынулъ изъ его подкладки пакетъ и съ поклономъ передалъ его Сукорко. Тотъ прочелъ записку, многозначительно сдвинулъ брови и положилъ бумагу въ карманъ.

Подпоручикъ Степановъ, съ любопытствомъ поглядывая на товарища, ожидалъ, что онъ подѣлится съ нимъ содержаніемъ записки, но Сукорко скомандовалъ: «шагомъ маршъ!» и отрядъ двинулся впередъ.

— Что это за записка?—спросилъ Степановъ, подбѣгая къ Сукорко.

— Ничего особеннаго—приказъ не ввязываться въ неравный бой.

Вскорѣ были замѣчены непріятельскіе пикеты, и въ сторонѣ Икана слышалась пушечная пальба. Отрядъ двигался форсированнымъ маршемъ.

Вдали показалась цѣпь песчаниковъ, изъ-за которыхъ слышались выстрѣлы. Отрядъ направился прямо къ нимъ. Но лишь только онъ приблизился къ подножью, какъ изъ-за холмовъ выпали колонны коканцевъ и моментально окружили отрядъ. Лихо изъ непріятельской цѣпи выскакивали джигиты, галопомъ направлялись къ отряду и на скаку стрѣляли изъ своихъ длинныхъ кремневокъ. Однако, мѣткіе выстрѣлы стрѣлковъ, ссадившіе нѣсколько такихъ храбрецовъ, отбили охоту у коканцевъ близко джигитовать, и непріятельскія колонны, обойдя отрядъ, двинулись по дорогѣ къ крѣпости Туркестану.

Подпоручикъ Сукорко, находя въ этомъ опасный для себя и для крѣпостного гарнизона маневръ, приказалъ отступить къ Туркестану. Такое распоряженіе вызвало недоумѣніе среди солдатъ, и они начали вслухъ высказывать свое недовольство, ссылаясь на то, что сотня уральцевъ находится совсѣмъ близко, вѣроятно (впослѣдствіи оказалось вѣрнымъ это предположеніе), въ одной верстѣ, сейчасъ за холмами, такъ какъ перестрѣлка была отчетливо слышна.

Подпоручикъ Степановъ раздѣлялъ желаніе отряда и попробовалъ уговорить Сукорко пройти, хотя бы еще съ версту до вершины холма.

— Я начальникъ отряда и приказываю отступать,—рѣзко проговорилъ Сукорко—... У меня есть на то приказъ начальства...

Отступление началось подъ огнемъ непріятеля, устраивавшаго постоянныя засады, такъ что пришлось маневрировать съ большими затрудненіями. Одна изъ непріятельскихъ засадъ въ попутной разрушенной крѣпостцѣ дождемъ пуль засыпала отрядъ, но никто не былъ раненъ, кромѣ ротной лошади, находившейся подъ орудіемъ. Стрѣлки бросились на приступъ и выбили непріятеля. Послѣ этого отрядъ, измученный тяжелымъ напраснымъ переходомъ, благополучно прибылъ въ крѣпость, которая уже была обложена шеститысячнымъ отрядомъ непріятеля.

Ночью прискакали въ Туркестанъ два казака изъ отряда Сѣрова и выяснили крайне тяжелое положеніе сотни.

— Держимся,—докладывалъ одинъ изъ нарочныхъ,—въ открытомъ полѣ. Поклали, значитъ, лошадей, какъ бы въ родѣ вала, да и отстрѣливаемся... А «его» сила страшная... Много убитыхъ въ сотнѣ, больше того раненыхъ...

Немедленно былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ и рѣшено было послать болѣе сильный отрядъ и, во что бы то ни стало, выручить сотню уральцевъ. Однако, оказалось, что это не такъ-то легко сдѣлать—сначала произвели развѣдки, нѣтъ ли гдѣ вблизи непріятельской засады, а тамъ не оказалось готовыхъ телѣгъ, чтобы привезти раненыхъ; пришлось ладить телѣгу, «прискивать хомутъ и прочую упряжь на лошадей, фурштадтскія же батальонныя лошади съ телѣгами были отправлены до этого въ Джулекъ за капустой».

Только въ полдень отрядъ могъ выступить, а къ вечеру соединился съ отрядомъ есаула Сѣрова, который геройски отбивался въ теченіе двухъ дней отъ коканцевъ.

Подпоручикъ Сукорко, по настоянію начальника Ново-Коканской линіи, генералъ-майора Черняева, преданъ суду за то, «что онъ изъ одного постыднаго малодушія своевременно не подалъ помощи уральской сотнѣ есаула Сѣрова, окруженной коканцами подъ мѣстечкомъ Иканомъ, и допустилъ таковую почти до гибели, ибо если бы Сукорко прошелъ съ своимъ отрядомъ еще съ версту впередъ и поднялся бы на возвышенность, то нѣтъ сомнѣнія, что Сѣровъ, увидѣвши прибывшую къ нему помощь, самъ съ сотнею двинулся бы на соединеніе съ нимъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что на другой день, 6 декабря, есаулъ Сѣровъ съ ослабленной уже сотней, пробился и отступилъ на восьмиверстномъ разстояніи»¹⁾.

Нѣсколько иначе взглянуло на поступокъ подпоручика Сукорко высшее начальство, а именно возвращеніе отряда объяснилось не

¹⁾ Рапортъ военнаго губернатора и командующаго войсками Туркестанской области командующему войсками Западной Сибири, отъ 12 марта 1866 года, за № 988.

малодушіемъ командира, а «приказаніемъ коменданта крѣпости Туркестана и дѣйствительно опаснымъ положеніемъ самого отряда». Мало того, подпоручикъ Сукорко былъ представленъ къ повышенію въ чинъ и къ награждѣ. Это уже окончательно «возмутило» генерала Черняева, и вотъ что онъ писалъ по этому поводу командующему войсками Оренбургскаго края. (Рапортъ отъ 31-го августа 1865 года за № 3512).

«Соглашаясь съ заключеніемъ вашего превосходительства, что офицеръ этотъ (Сукорко), не подавшій помощи отряду есаула Сѣрова и постыдно отступившій передъ непріателемъ, можетъ и не подлежать отвѣтственности по закону, я, принимая съ другой стороны во вниманіе, что законы чести не всегда могутъ быть подведены подъ статьи дѣйствующихъ законовъ свода военныхъ постановленій, полагаю, что законное оправданіе поручика Сукорко никогда не смоетъ съ него того пятна, которымъ заклеилъ онъ себя постыднымъ поведеніемъ подъ Иканомъ.

«Относительно десяти знаковъ военнаго ордена, имѣю честь сообщить, что такъ какъ чины этого отряда, отступивъ передъ непріателемъ, не имѣли съ нимъ никакого столкновенія, поэтому никто изъ нихъ и не могъ оказать личной храбрости, которая единственно предоставляетъ право на полученіе этого ордена, то я, затрудняясь раздачей, испрашиваю указаній, чѣмъ руководствоваться въ этомъ случаѣ.

«Что касается до поручика Сукорко, то не считаю себя въ правѣ держать во вѣрренныхъ мнѣ войскахъ, безукоризненно исполняющихъ свой долгъ, такого офицера, который безстрастно оставляетъ на жертву своихъ товарищей, имѣя полную возможность спасти ихъ,—прошу покорнѣйше о переводѣ поручика Сукорко изъ Туркестанской области, которая не существовала бы, если бы всѣ дѣйствовали подобно ему».

Несмотря на такой энергичный протестъ, свойственный пылкой и честной натурѣ генерала Черняева, Сукорко было отличенъ, а равно и знаки отличія розданы въ отрядѣ. Въ такомъ упорномъ отстаиваніи явно неправаго офицера многимъ было понятно, какъ желаніе «досадить» генералу Черняеву, котораго «за его нравъ и успѣхъ недолюбливали». Только единственно, что уважено—это просьба о переводѣ Сукорко изъ Туркестанскаго края.

Когда объ этомъ былъ извѣщенъ генералъ Черняевъ, то на поляхъ бумаги имъ сдѣлана карандашомъ помѣтка: «Позорное дѣло».

Я. Полферовъ.

ИЗЪ НРАВОВЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.

В ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ годахъ прошлаго столѣтія у одного изъ моихъ родственниковъ проживалъ въ должности лакея старикъ, котораго всѣ, несмотря на его преклонный возрастъ, называли Сенькою. Этотъ человѣкъ состоялъ въ числѣ крѣпостныхъ помѣщика Донецкаго округа, Донской области, гвардейскаго полковника Ивана Степановича Свѣчниковъ, который всю службу провелъ въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку, откуда вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи. Здѣсь онъ занимался охотой и разными дебоширствами, прославившими его на цѣлый округъ. Старикъ разсказывалъ много о жизни своего барина въ Петербургѣ, о грандіозныхъ попойкахъ гвардейскихъ офицеровъ, которые въ тѣ поры не стѣснялись никакими издержками. Каждая попойка оканчивалась общей баней для пировавшихъ. Отправляясь въ бани, офицеры забирали туда съ собою и неопорожненные ящики шампанскаго вина для того, чтобы этой влагой производить паръ. Духъ въ банѣ отъ вылитыхъ на каменку нѣсколькихъ бутылокъ былъ сладкій, пріятный и опьяняющій. По окончаніи такого купанья, офицерство возвращалось обратно туда, гдѣ происходилъ кутежъ, пило тамъ чай и послѣ того общей массой отправлялось по «зазорнымъ» домамъ, гдѣ пьянство и безобразіе продолжались по нѣскольку сутокъ къ ряду.

Когда Иванъ Степановичъ, вышедши въ отставку, началъ жить въ деревнѣ, то ему необходимо было чѣмъ нибудь замѣнить петербургскія удовольствія. Единственными средствами были охота, наѣзды къ знакомымъ и разныя игры съ деревенскими бабами и дѣвками. Свѣчниковъ всецѣло отдался тому, другому и третьему съ

присоединеніемъ постоянной вышивки и въ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ.

По сосѣдству съ Свѣчниковымъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него жили помѣщики Суворовы; у нихъ предстояла свадьба. На свадьбу приглашенъ былъ и Свѣчниковъ, отправившійся туда верхомъ во главѣ многочисленныхъ доѣзжачихъ и цѣлой своры борзыхъ и гончихъ собакъ. Въ числѣ свадебныхъ гостей была и сѣдка Суворовыхъ, не молодая, но красивая, умная и съ большимъ характеромъ, дѣвица Наумова, которая, съ перваго знакомства, приглянулась Свѣчникову, и онъ началъ за нею неотступно ухаживать. Празднества продолжались нѣсколько дней, и для незастѣнчиваго полковника было достаточно времени для того, чтобы покорить гордую и умную красавицу. Но съ первыхъ часовъ знакомства Наумова держала себя относительно дерзкаго ухаживателя такъ неприступно и независимо, что герой петербургскихъ пооекъ долженъ былъ напрячь всѣ свои силы. Между тѣмъ гордая красавица становилась все холоднѣе и холоднѣе, а въ послѣдній вечеръ стала ему уже отказывать въ танцахъ. Когда онъ позволилъ себѣ спросить у нея о причинѣ такого поведенія, то Наумова безъ всякаго стѣсненія и при другихъ сказала ему, что репутація его по всему округу далеко не изъ хорошихъ, а потому онъ сдѣлалъ бы ей большое одолженіе, если бы совсѣмъ оставилъ ее въ покоѣ. Полковникъ побагровѣлъ, но сдержалъ себя и молча отошелъ въ сторону.

На другой день оканчивались торжества, и гости съ утра начали разѣзжаться. Къ крыльцу помѣщичьяго дома подъѣхалъ возокъ Наумовой, запряженный четырьмя лошадьми пугомъ, такъ какъ дороги были завалены снѣгомъ. Распрощавшись съ хозяевами и даже не кивнувъ головою по адресу Свѣчникова, Наумова вошла въ экипажъ и уѣхала домой. Тотчасъ, вслѣдъ за нею съ ховяевами распрощался полковникъ и приказалъ своему Сенькѣ поднимать въ дорогу доѣзжачихъ и собакъ. Черезъ нѣсколько минутъ охотники уже были за селеніемъ, и Свѣчниковъ зорко слѣдилъ за экипажемъ Наумовой, путь которой лежалъ въ томъ же направленіи, въ которомъ была и дорога въ имѣніе полковника. Черезъ нѣсколько времени, когда усадьба Суворовыхъ уже скрылась изъ вида, Свѣчниковъ скомандовалъ въ галопъ и цѣлой стаей понесся въ догонку за Наумовой, которую настигъ среди снѣжной степи и вдали отъ поселенія. Первымъ дѣло было окружить возокъ и остановить его; потомъ сойти съ коня, подойти къ экипажу, открыть его дверцу и сказать Наумовой:

— Вамъ вчера не угодно было протанцовать со мною вальсъ въ залѣ Суворовыхъ,—не угодно ли встать и протанцовать со мною по снѣгу?

Въ отвѣтъ слышались проклятія и слова: разбойникъ, нахаль, мерзавецъ и проч. Послѣ этого Свѣчниковъ входитъ въ возокъ,

береть дѣвицу за руку, силой вытаскиваетъ ее оттуда и собирается вальсировать, но увидѣвъ, что Наумова въ обморокъ, кладетъ ее на снѣгъ ничкомъ, поднимаетъ ея шубу и юбки и собственноручно отпускаетъ ей нѣсколько ударовъ нагайкой... Потомъ съ помощью своихъ доѣзжачихъ втискиваетъ свою жертву въ ея экипажъ, захлопываетъ дверцу и приказываетъ кучеру Наумовой продолжать путь домой...

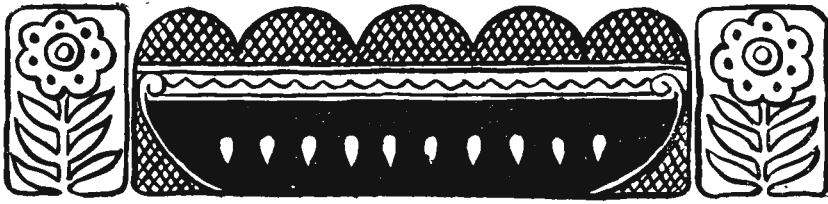
Кому жаловаться? Судовъ тогда не было, а если и были, то было бы лучше, если бы ихъ вовсе не было. Войсковое начальство было безсильно относительно гвардейскаго полковника, который гремѣлъ не только въ донецкихъ степяхъ, но даже и въ столицѣ. Это сознавала и обиженная, и ей ничего не оставалось сдѣлать, какъ послать жалобу на имя императора и просить его смыть съ нея это незаслуженное пятно. Въ отвѣтъ на это прошеніе послѣдовало распоряженіе о строжайшемъ дознаніи, возложенномъ на войсковое начальство. Поступокъ Свѣчника подтвержденъ свидѣтелями во всѣхъ мелочахъ, да онъ и самъ не отпирался отъ своей продѣлки, ссылаясь, однако, на то, что онъ былъ обиженъ Наумовой на праздникъ у Суворовыхъ.

Результатъ всего былъ весьма печаленъ для храбраго въ мирное время полковника: императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ сослать Свѣчника въ Вятскую губернію въ городъ Глазовъ. Долго ли оставался въ ссылкѣ этотъ герой и гдѣ онъ умеръ,—свѣдѣній не имѣется.

Такія личности не должны пропадать для исторіи: онѣ—яркое отраженіе нравовъ и порядковъ своего времени.

А. Карасевъ.

НЕВѢСТА ШАМИЛЯ.

ТУ ГРУСТНУЮ и плѣнительную повѣсть, отъ которой вѣетъ поэзіей далекаго Кавказа, гдѣ такъ просты нравы, величественна природа и первобытныя человѣческія страсти, рассказала мнѣ моя тетка¹⁾; эта повѣсть—воспоминаніе ея далекой юности, которое она десятки лѣтъ берегла въ своей душѣ. Пользуясь ея разрѣшеніемъ, я рѣшился рассказать читателямъ про первую и единственную любовь Джемаль-Эддина, сына Шамиля.

Давно, очень давно это случилось!..²⁾ Гремѣли громы на Кавказѣ, и шла непрерывная борьба знаменитыхъ въ войнѣ русскихъ героевъ съ свободными горцами... Казачій отрядъ увозилъ изъ-подъ Ахульго старшаго сына Шамиля, грознаго имама Чечни и Дагестана, маленькаго Джемаль-Эддина. Онъ былъ выданъ намъ аманатомъ... Очевидно, что старый имамъ только хитрилъ, соглашаясь оставить любимаго сына заложникомъ у русскихъ, потому что не успѣлъ казачій отрядъ удалиться отъ Ахульго, какъ его настигла погоня. Лучшихъ своихъ джигитовъ послалъ Шамиль съ прика-

¹⁾ Моя тетка, Елизавета Петровна, баронеса Энгельгардтъ, урожденная Оленина, внучка извѣстнаго президента академіи художествъ, А. Н. Оленина, родилась въ 1832 году и въ настоящее время живетъ въ Петербургѣ. Въ домѣ своего дѣда она провела дѣтство и знавала многихъ нашихъ писателей и художниковъ. Дѣдушка Крыловъ училъ ее грамотѣ. Она смутно, какъ во снѣ, помнитъ Пушкина; знала Гнѣдича, Брюллова и нѣкоторыхъ другихъ тогдашнихъ корифеевъ литературы и искусства.

²⁾ Въ 1839 году.

заніємъ отбить Джемаль-Эддина. Но и казаки не даромъ славились по всему Кавказу своей удалью и отвагой... Не боялись они погони... Надѣялись не столько на своихъ лихихъ скакуновъ, сколько на свою казачью хватку...

Ожили прибрежные кусты, замелькали папахи горныхъ удальцовъ, рѣзвые скакуны, грудью разрывая цѣпкій лознякъ, равнялись съ казачьимъ отрядомъ... И началась перестрѣлка — лихая кавказская потѣха!.. Зацелкали пули, задымили кустарники... Тѣсно окружили казаки маленькаго Джемаль-Эддина: укрывали его отъ пуль и горячо отстрѣливались... Чуть среди чащи мелькнетъ горскій наѣздникъ, какъ уже гремитъ выстрѣлъ, и летитъ, жужжа и плача, пуля... Попала, нѣтъ ли она — кто знаетъ: безъ стона умираютъ горцы...

Уже между нашими были и раненые: придорожныя деревья и кусты — плохая защита отъ выстрѣловъ... Но не робѣли закаленные въ перестрѣлкахъ казаки... Только понукали они своихъ коньковъ и спѣшили увезти изъ битвы вѣреннаго имъ мальчика... Вдругъ пуля сыскала его... вонзилась въ руку... Казакъ, державшій его передъ собой на лукѣ сѣдла, видя, что дѣло стало жарко, во весь опоръ выскакалъ впередъ и, провожаемый выстрѣлами, увезъ раненаго аманата... Въ Джемаль-Эддинѣ принялъ горячее участіе начальникъ отряда, генераль Граббе, поручилъ его заботамъ опытнаго доктора и замѣнилъ ему нѣжную мать.

Когда объ этомъ выдающемся происшествіи было доведено до свѣдѣнія императора Николая Павловича, то онъ приказалъ доставить сына Шамяля въ Петербургъ и принять его, не какъ боевого заложника, по прихоти войны доставшагося въ русскія руки, но какъ пріемыша. Сыну знаменитаго вождя кавказскихъ племенъ, нашего героическаго противника, смѣло отстаивавшаго независимость своей родины, надлежали всякія почести, и, благодаря заботамъ государя, Джемаль-Эддину не пришлось жаловаться на судьбу, унесшую его въ далекую Россію съ Кавказа, о которомъ мальчикъ сохранилъ только смутныя воспоминанія. Онъ помнилъ снѣговыя горы, грозно поднимавшія свои вершины къ синему небу, помнилъ сакли горныхъ ауловъ, повисшія надъ мрачными ущельями и пропастями... Какими-то странными видѣніями рисовались въ его памяти суровыя фигуры горцевъ, смуглыя лица, мрачно надвинутыя папахи... вспоминались ему звуки далекихъ перестрѣлокъ, зарева пожаровъ, неизбѣжныхъ спутниковъ войны... Какъ въ туманѣ, видѣлъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ знаменитаго своего отца, имама, предъ которымъ преклонялся свободный Кавказъ... Въ зеленой чалмѣ, съ огненной бородой и умными, черными глазами представлялся ему далекимъ видѣніемъ прошлаго великій имамъ, по слову котораго шли умирать храбрые... Но все это было, какъ сонъ!.. Яснѣе помнилъ онъ красивое лицо, скло-

навшееся надъ его постелью, лицо его матери... и часто, ночью, грезилсь маленькому Джемаль-Эддину нѣжные звуки забытой пѣсенки на незнакомомъ языкѣ, и Джемаль-Эддинъ зналъ, что это его мать таинственнымъ видѣніемъ принеслась издалика, черезъ горы, лѣса и степи и баюкаетъ его сонъ своей материнской пѣсенкой... И въ такія минуты плакалъ маленькій Джемаль-Эддинъ о далекой, далекой отчизнѣ...

— Ты будешь мой!—сказалъ государь Николай Павловичъ маленькому плѣннику, и поручилъ его заботамъ своихъ приближенныхъ.

Джемаль-Эддинъ былъ отданъ въ 1-й кадетскій корпусъ, какъ только подросъ настолько, что могъ начать свое ученіе. Онъ быстро усвоилъ себѣ русскій языкъ, но зато совершенно забылъ свой собственный, родной; это такъ понятно: ему не съ кѣмъ было говорить на этомъ языкѣ. Государь захотѣлъ, чтобы Джемаль-Эддину былъ оставленъ его чеченскій костюмъ, и это было исполнено. И въ Пажескомъ корпусѣ, и, позднѣе, въ полку сынъ Шамиля носилъ черкешку, шашку и кинжалъ. Изъ него вышелъ плохой военный: прострѣленная рука никогда не поправилась совершенно, и ему трудно было владѣть оружіемъ. Но зато наука пришлась ему по душѣ, и онъ съ дѣтства проявилъ недюжинный, серьезный умъ и всячески старался пополнить свое образованіе. Его излюбленной наукой была математика, и онъ находилъ какое-то странное наслажденіе въ рѣшеніи математическихъ задачъ. Быть можетъ, наклонность къ этой отвлеченной наукѣ явилась послѣдствіемъ странной судьбы, выпавшей на долю маленькаго чеченца; рана мѣшала ему сдѣлаться рѣзвымъ и веселящимся юношей, а смутное воспоминаніе о какой-то сказочной странѣ, его родинѣ, сдѣлало его мечтательнымъ и склоннымъ къ созерцательности.

Джемаль-Эддинъ остался магометаниномъ. Государь не захотѣлъ окрестить его въ младенчествѣ: онъ полубилъ этого мальчика и желалъ, чтобы перемѣна религіи была совершена имъ сознательно, когда онъ самъ сможетъ рѣшить, чья религія выше и чище. Рыцарскія стороны характера Николая руководили имъ въ этомъ рѣшеніи; онъ зналъ, что религія—дѣло совѣсти каждаго человѣка, и поэтому предоставилъ времени обращеніе своего пріемыша-плѣнника въ христіанство.

Хотя Джемаль-Эддинъ выросъ магометаниномъ, но ему совершенно чуждъ былъ магометанскій фанатизмъ. Если бъ судьба оставила его на Кавказѣ, то, по всей вѣроятности, изъ него выработался бы ярый защитникъ магометанства, воинъ или даже вождь Газавата, но, удаленный отъ вліянія своихъ единовѣрцевъ-фанатиковъ, отъ обаянія ихъ владыки, своего отца, Джемаль-Эддинъ смотрѣлъ на свое магометанство съ какимъ-то равнодушіемъ: онъ придерживался его только формально, а въ душѣ его жила иная

вѣра, вѣра, учащая человѣка любить ближняго своего, какъ самаго себя.

Окончивъ курсъ въ корпусѣ, Джемаль-Эддинъ былъ выпущенъ офицеромъ въ уланскій Владимирскій полкъ; государь далъ ему средства для жизни и продолжалъ интересоваться его судьбою. Въ-стѣ съ тѣмъ онъ по-рыцарски увѣдомилъ своего многолѣтняго противника, грознаго Шамиля, объ участи, постигшей его сына. Шамиль пытался возвратить себѣ своего наслѣдника и предлагалъ за него выкупъ, но государь, зная, что Джемаль-Эддинъ въ душѣ уже русскій, отказалъ въ этомъ старому имаму. Такова была воля царя и желаніе самого Джемаль-Эддина, скоро привязавшагося къ своей новой родинѣ еще болѣе прочными узами—любовью.

Владимирскій полкъ стоялъ въ Торжкѣ, Тверской губерніи, куда онъ былъ переведенъ изъ Варшавы. Въ этомъ городкѣ искони жила семья героини моего разсказа. Домъ Олениныхъ гостепріимно распахивалъ свои двери для званыхъ и незваныхъ—въ этомъ заключалась его традиція. Полковая молодежь находила въ Оленинской семьѣ и ласку, и привѣтъ, и чувствовала себя такъ, какъ дома.

Конечно, и Джемаль-Эддинъ по прибытіи въ полкъ немедленно былъ введенъ въ домъ моего дѣда.

Въ домѣ была дѣвушка-подростокъ, старшая дочь Лиза. Живая и впечатлительная, она, конечно, не могла не обратить вниманія на новаго гостя: все влекло къ нему—и его необычайная судьба, и ореолъ поэзіи, положенный на него прекраснымъ Кавказомъ, и его открытый нравъ, доброта, серьезная вдумчивость, и стройная фигура съ восточнымъ, оригинальнымъ лицомъ, и глубокими, умными глазами. Всего этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы поразить воображеніе любой дѣвушки... И она его полюбила молодую, безхитростную любовью. Онъ настолько не походилъ на окружающую его молодежь, настолько рѣзко отдѣлялся отъ другихъ, что любовь къ нему была смѣшана съ чувствомъ какого-то неопредѣленнаго страха; къ нему нельзя было относиться, какъ къ обыкновенному молодому офицеру: онъ не писалъ стиховъ въ альбомъ, не рисовался своей странной судьбой, не носилъ маски Евгенія Онѣгина или Печорина—онъ былъ простъ и естественъ, и въ этихъ качествахъ было что-то внушающее особое къ нему уваженіе. Невольно чувствовалось, что въ немъ течетъ кровь горнаго рыцаря, кровь свободнаго сына природы, усвоившаго внѣшнюю культуру, но сохранившаго въ первобытной чистотѣ свое сердце, подобное нагорному дѣвственному снѣгу недосягаемыхъ вершинъ Кавказа.

Въ немъ не было ничего ординарнаго. Онъ полюбилъ не такъ, какъ это дѣлали въ его время, а по-своему: въ молодой русской дѣвушкѣ онъ предугадалъ хорошее, отзывчивое сердце и отдалъ ей

всю свою жизнь, всё свои помыслы и надежды. Онъ не сказалъ ей никакихъ модныхъ въ то время любовныхъ словъ, потому что въ его устахъ они были излишни. Развѣ нужно говорить, когда любишь? Это ясно и безъ словъ... Любовь, которая проснулась въ душѣ Джемаль-Эддина, была такимъ огромнымъ чувствомъ, что ея нельзя было не видѣть: она сдѣлалась его вторымъ существованіемъ.

Молодые люди объяснились. Конечно, Джемаль-Эддинъ понималъ, что онъ не можетъ жениться на русской, не перемѣнивши религіи... Но къ своей религіи онъ не былъ привязанъ прочными узами. Она не была религіей его внутренняго челоуѣка, и поэтому рѣшеніе сдѣлаться христіаниномъ явилось само собой, вмѣстѣ съ любовью къ дѣвушкѣ. «Твой Богъ — мой Богъ! Моя душа — твоя душа. Мы будемъ молиться вмѣстѣ, радоваться вмѣстѣ, страдать вмѣстѣ. Мое счастье будетъ отраженіемъ твоей любви. Твоя вѣра лучше моей уже потому, что она знаетъ Пречистую Дѣву, Божественную Мать, а моя вѣра ея не знаетъ»...—такъ говорилъ Джемаль-Эддинъ.

Вопросъ о крещеніи явился совершенно естественно, и оставалось только выбрать время.

Рыцарски-благородный Джемаль-Эддинъ по-дѣтски отнесъ свое счастье къ своему покровителю и своему второму отцу, императору Николаю. И суровый императоръ добродушно выслушалъ признаніе своего юнаго питомца и благословилъ его на новую жизнь. Онъ самъ захотѣлъ быть его воспріемникомъ...

— Ты сдѣлался моимъ,—сказалъ государь:—но знай, что и я—твой!...

Теплый ласковый майскій вечеръ легъ туманной дымкой на дремлющій садъ. Въ небѣ мигали, какъ огоньки лампадъ, кроткія звѣзды. На горизонтѣ вспыхивали блѣдныя зарницы.

На балконѣ деревенскаго дома, обвитомъ дикимъ виноградомъ, сидѣли Джемаль-Эддинъ и его юная невѣста. Обоимъ было хорошо. Будущее сулило имъ счастье, настоящее было безоблачно. Они любили другъ друга и въ этой любви надѣялись почерпнуть силу для будущей жизненной борьбы, безъ которой нѣтъ ни одного челоуѣческаго существованія.

— Дорогая моя,—говорилъ Джемаль-Эддинъ:—какъ все хорошо устраиваетъ судьба. Если бъ не ея воля, я теперь, можетъ быть, сражался бы далеко, далеко отсюда съ твоими родичами, или, можетъ быть, уже давно горный коршунъ выклевалъ бы мои глаза, и дождь мочилъ бы мои забытыя кости... И вотъ, вмѣсто того, я здѣсь, въ Россіи, я люблю мою новую родину, и меня любятъ хорошая дѣвушка, которая овладѣла всѣмъ моимъ существомъ...

— Смотри, какъ вспыхиваютъ зарницы: гдѣ нибудь далеко,

далеко отсюда гроза, гремитъ громъ и разверзаются тучи... А намъ хорошо, и мы не страшимся никакой грозы...

— Меня иногда тревожитъ мысль, что мое счастье слишкомъ полно для того, чтобы продолжаться долго. Я гоню эту мысль прочь отъ себя, но противъ моей воли она снова приходитъ мнѣ въ голову. Чѣмъ я заслужилъ мое счастье?

— Временами мнѣ снится Кавказъ: какимъ-то холодомъ вѣетъ въ мою душу отъ его снѣговыхъ вершинъ. Во мнѣ какая-то двойственность: вѣдь, эти горы—мои родныя, и между тѣмъ онѣ кажутся мнѣ какими-то злыми врагами... Я боюсь ихъ отчего-то и не люблю ихъ...

Такъ говорилъ Джемаль-Эддинъ, сынъ Шамиля, русской дѣвушкѣ въ тихій вечеръ, когда загорались зарницы, отблески приближающейся грозы...

Совершается не то, что хочетъ человѣкъ, а то, что угодно Аллаху!...

На Кавказѣ произошло печальное событіе. Въ Цинондалѣ, въ Кахетіи мюриды Шамиля подъ предводительствомъ его сына, Казимагомы, захватили въ плѣнъ семейства князей Орбеліани и Чавчавадзе... Наконецъ-то въ рукахъ стараго имама былъ драгоценный залогъ, благодаря которому онъ могъ осуществить свою завѣтную мечту: вернуть къ себѣ сына. И онъ требовалъ его въ обмѣнъ на плѣнныхъ имъ семи.

— Такъ угодно Аллаху!—сказалъ Шамиль:—непостоянный жребій войны отдалъ русскимъ моего любимаго сына, теперь моя очередь... Мой сынъ принадлежитъ свободному Кавказу, и я хочу его... Да будетъ такъ!

Шамиль былъ хитрый политикъ: онъ зналъ, въ какое тяжелое положеніе поставитъ онъ такимъ требованіемъ императора Николая. Обязанный спасти семьи своихъ преданныхъ, испытанныхъ слугъ, онъ долженъ былъ перенести печальную душевную борьбу, отдавая за ихъ спасеніе своего питомца. Онъ понималъ, что для Джемаль-Эддина такое рѣшеніе будетъ равносильно смертному приговору.

Переговоры не привели ни къ чему: Шамиль упорно стоялъ на своемъ непремѣнномъ условіи. Онъ не хотѣлъ понять, что Джемаль-Эддинъ уже вполне чужой и для него, и для Кавказа. «Воздухъ нашихъ горъ сдѣлаетъ его опять чеченцемъ,—думалъ старикъ,—и я ему передамъ священное знамя Газавата».

Государь не всегда имѣетъ право быть только «человѣкомъ»: есть обязанности, которыя сильнѣе человѣческихъ чувствъ. Отъ этого, можетъ быть, душа человѣка, въ рукахъ котораго находится судьба народовъ, страдаетъ иногда сильнѣе, чѣмъ душа простого смертнаго. Такая тяжелая минута настала для Николая Павловича.

Онъ призвалъ къ себѣ Джемаль-Эддина и прямо, откровенно сказалъ ему, какой жертвы онъ отъ него ждетъ.

— «Ты поймешь меня, когда я скажу, что мнѣ больнѣе твоего», — прибавилъ государь.

При этомъ роковомъ извѣстїи въ душѣ Джемаль-Эддина произошло свободное упорство истаго горца, всосанное съ молокомъ матери... «Что ему участь Орбелїани и Чавчавадзе?... Развѣ онъ вещь, которую можно продавать и мѣнять?... Зачѣмъ не приколотѣ его пикой, когда увозили его, ребенка?... Тогда ему не пришлось бы переносить теперь такія душевныя страданїя!»...

Судьба сильнѣе царей: съ волей судьбы нельзя спорить... И Джемаль-Эддинъ понялъ, какъ тяжело было государю потребовать отъ него такую жертву. Но инстинктъ самосохраненїя превозмогъ: въ Джемаль-Эддинѣ ожила душа горца, и онъ рѣшился при помощи бѣгства спасти свою свободу, свое рушащееся счастье. Онъ бѣжалъ тутъ же, послѣ разговора съ государемъ. Но Россїя, особенно окрестности Петербурга, не Кавказъ, гдѣ есть недосыгаемая ущелья, дикїя горы, гдѣ не такъ-то легко найти бѣглеца.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ мѣстопробыванїе Джемаль-Эддина было открыто, и онъ былъ схваченъ. Приняты были строгїя мѣры, чтобы помѣшать его вторичному бѣгству, но онѣ были излишни: Джемаль-Эддинъ покорился своей участи. Можетъ быть, ему не былъ чуждъ восточный фатализмъ, врожденное свойство магометанина, или онъ уже лелѣялъ въ душѣ надежду спастись бѣгствомъ съ далекихъ горъ, куда судьба снова готовилась его забросить, но онъ покорился своей участи. Ему, однако, уже не вѣрили.

Напрасно просилъ онъ, чтобъ ему разрѣшили захватъ на нѣсколько часовъ въ Рязанскую губернію, гдѣ проводила лѣто въ мѣстечкѣ Самурѣ его нареченная невѣста—ему не разрѣшили этого и подъ сильнымъ конвоемъ отправили на Кавказъ, гдѣ и произошелъ обмѣнъ.

Джемаль-Эддинъ вернулся на родину...

«Есть такія чувства, такія минуты—на нихъ можно только указать и пройти мимо»,—сказалъ великій сердцевѣдъ Тургеневъ. Я не берусь описывать скорбь моей теткѣ, когда она узнала о несчастной участи своего жениха. Конечно, она была слишкомъ молода для того, чтобъ ей горе могло сдѣлаться безутѣшнымъ, но тяжело ей было пережить такое испытанїе. Она постоянно думала о своемъ далекомъ другѣ: что онъ? Какъ переноситъ онъ свою неволю? За что такъ зло посмѣялась надъ ними судьба?

Она писала Джемаль-Эдину ласковыя, любящїя письма, умоляла его не падать духомъ, ждать спасенїя, и посылала эти письма на Кавказъ... но, увы, скорѣе привѣтъ, порученный вѣтру, могъ

бы долетѣть до Джемаль-Эддина, чѣмъ эти милыя посланія. Не было никакой возможности доставить ихъ ему. Шамиль ревниво оберегалъ своего сына и прекратилъ всякую возможность доставленія къ нему вѣсточекъ изъ Россіи.

Въ русскихъ полкахъ, заброшенныхъ въ дебри Дагестана, знали про печальную участь несчастнаго плѣнника, знали и про его любовь, и старались доставить ему какую нибудь вѣсть отъ его невѣсты, но всѣ усилія не приводили ни къ чему. До русскихъ доходили только смутныя слухи о томъ, какъ ему живется у отца. Кунаки русскихъ офицеровъ время отъ времени приносили извѣстія о немъ изъ горнаго Веденя, гдѣ помѣстилъ его отецъ, и извѣстія эти были печальныя: рассказывали, что грозный Шамиль посадилъ сына въ яму, чтобы очистить его отъ русскаго духа, что, узнавъ про его любовь, онъ заставляетъ его жениться на черкешенкѣ, чтобы Джемаль-Эддинъ забылъ свою русскую... Трудно было узнать, насколько правдивы эти рассказы—въ одномъ сходились всѣ рассказчики, въ томъ, что Джемаль-Эддинъ страшно измѣнился, постарѣлъ, похудѣлъ и тоскуетъ о какой-то русской дѣвушкѣ, и что эта тоска его убиваетъ.

Рассказывали также, что онъ сдѣлалъ попытку бѣжать, но что незнаніе туземнаго языка помѣшало ему, и онъ снова былъ схваченъ и отданъ подъ строгій надзоръ.

Жаль было Джемаль-Эддина, но помочь ему было нечѣмъ: Шамиль укрылъ его въ одномъ изъ самыхъ недоступныхъ своихъ ауловъ, куда съ русской стороны могъ залетѣть развѣ только соколъ... Вся надежда была только на него, что какъ нибудь плѣннику удастся бѣжать, но для этого надо было прежде всего время, а у бѣднаго Джемаль-Эддина времени-то и не было, потому что онъ, какъ рассказывали горцы, таялъ съ каждымъ днемъ.

Мой отецъ служилъ тогда офицеромъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Онъ былъ давно уже друженъ съ Джемаль-Эддиномъ: еще въ то время, когда тотъ жилъ въ Торжкѣ. Конечно, отцу особенно близка была участь жениха сестры.

Однажды, черезъ вѣрнаго кунака, которыхъ было не мало у моего отца въ Дагестанскихъ горахъ, онъ получилъ французскую записку отъ Джемаль-Эддина, въ которой онъ просилъ отца повидаться съ нимъ. Преданный горецъ брался устроить это свиданье.

Мой отецъ былъ тогда очень молодъ. Лихость, беззавѣтная отвага были главными деблестями нижегородцевъ, стяжавшихъ себѣ неувядаемую славу даже у своихъ враговъ.

Не только дружба и сочувствіе къ печальной судьбѣ близкаго человѣка, но и традиція полка не допускали возможности отказа въ такой просьбѣ, для исполненія которой прежде всего не слѣдовало спрашиваться у начальства.

Отецъ, довѣрившись своему проводнику, въ ту же ночь отправился въ опасное предпріятіе: предстояло пробраться въ самыя нѣдра непріятельской земли; отецъ ставилъ на карту свою жизнь и свободу, но надѣялся на случай, покровительствующій такимъ смѣлымъ предпріятіямъ.

Онъ уже былъ въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ непріятельскаго аула, когда его встрѣтилъ новый посланный отъ Джемаль-Эддина съ запиской, въ которой сообщалось, что все открыто, что устроена засада, и моему отцу готовится печальная участь плѣнника. Джемаль-Эддинъ писалъ, что свиданіе съ братомъ любимой дѣвушки было бы для него счастьемъ, но что свиданіе это невозможно. Онъ просилъ отца вернуться. Счастливо избѣгнувъ засады и погони, лихой нижегородецъ ускакалъ назадъ, мучась обидой неудачи.

Вѣсти, одна печальнѣе другой, продолжали изрѣдка долетать до русскихъ изъ аула, гдѣ заживо погребенъ былъ бѣдный плѣнникъ. Разсказывали, что тоска убиваетъ Джемаль-Эддина, что грозный отецъ его скорбитъ о своемъ потерянномъ сынѣ, но не можетъ спасти его, не можетъ допустить, чтобы сынъ его, сынъ вождя священной войны и предводителя мюридовъ, остался русскимъ...

Наконецъ прилетѣла послѣдняя вѣсть, что тихій ангелъ смерти унесъ на своихъ крыльяхъ благородную, отстрадавшую душу Джемаль-Эддина и освободилъ его тѣло отъ плѣна. Погасъ чистый свѣтильникъ, пылавшій такимъ яснымъ, немерцающимъ свѣтомъ...

Прошло много лѣтъ: старый Шамиль былъ взятъ въ плѣнъ. Русскіе окружили его желѣзнымъ кольцомъ въ его послѣднемъ оплотѣ, неприступномъ Гунибѣ... Но нѣтъ недоступныхъ высотъ, непроходимыхъ дебрей и пустынь для русскаго солдата—и сдѣлся непобѣдимый имамъ, вѣрный слуга пророка... и съ нимъ палъ свободный Кавказъ.

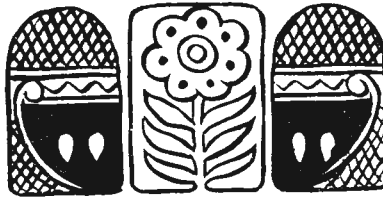
Шамяля отвезли въ Калугу: тамъ назначено было ему мѣсто-пребываніе. Попавши въ Россію, имамъ вспомнилъ о невѣстѣ своего безвременно угасшаго сына, о русской дѣвушкѣ, имя которой шепталъ, умирая, его любимецъ,—и захотѣлъ ее видѣть... Но увидѣть ее не пришлось старику: ему доставили ея портретъ, на который подолгу любилъ глядѣть грозный вождь мюридовъ... Что думалъ онъ въ эти минуты?.. Кто знаетъ?!

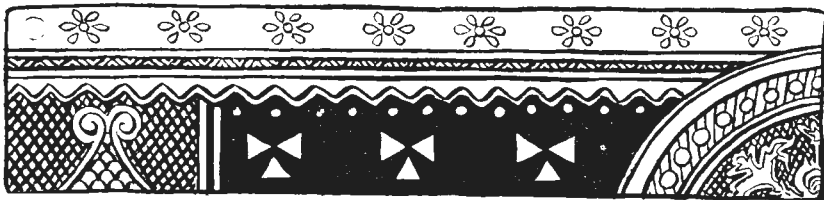
И Шамиль покинулъ землю: Азраилъ, ангелъ смерти, пришелъ за его великой душой между Мединой и Меккой, куда былъ отпущенъ старый имамъ на поклоненіе Пророку...

Долго, долго вспоминался русской дѣвушкѣ ея несчастный женихъ... Въ тихія весеннія ночи, когда навѣваетъ легкія грезы

теплый южный вѣтеръ, думалось ей о далекомъ Кавказѣ, и въ мечтахъ представлялась бѣдная могила, высоко, высоко... Бѣлыя горы, окутанныя туманами, сторожатъ вѣчный покой того, кто въ этой могилѣ нашелъ забвеніе и искупленіе отъ душевной муки... Горные цвѣты пестрѣютъ на зеленой насыпи; мѣсяць льетъ на нее потоки блѣднаго свѣта... Шумятъ вѣтерки, вырываясь изъ дикихъ ущелій, гдѣ журчатъ студеныя водопады... Теплый южный вѣтеръ навѣваетъ грезы и точно шепчетъ любимое имя человѣка, котораго уже нѣтъ, но который все же близко... близко... и знаетъ, и чувствуетъ, и радуется тому, что онъ не забытъ, что онъ живетъ въ памяти любимаго существа... Джанни!.. Джанни!..

П. Оленинъ.

ОТЪЛЕСКЪ БЫЛОГО.

(Историческія картинки Ротенбурга).

I.

Стариннѣйшій уголокъ.

ПАЗУМѢТСЯ, я буду въ Нюренбергѣ,—говорилъ мнѣ молодой художникъ, впервые отправлявшійся за границу, перечисляя главные пункты своего маршрута.—Я хочу поближе познакомиться именно со старинными нѣмецкими городами.

— А знаете ли вы,—прервалъ я его,—что есть городокъ еще гораздо болѣе интересный, чѣмъ пресловутый Нюренбергъ?

— А именно?

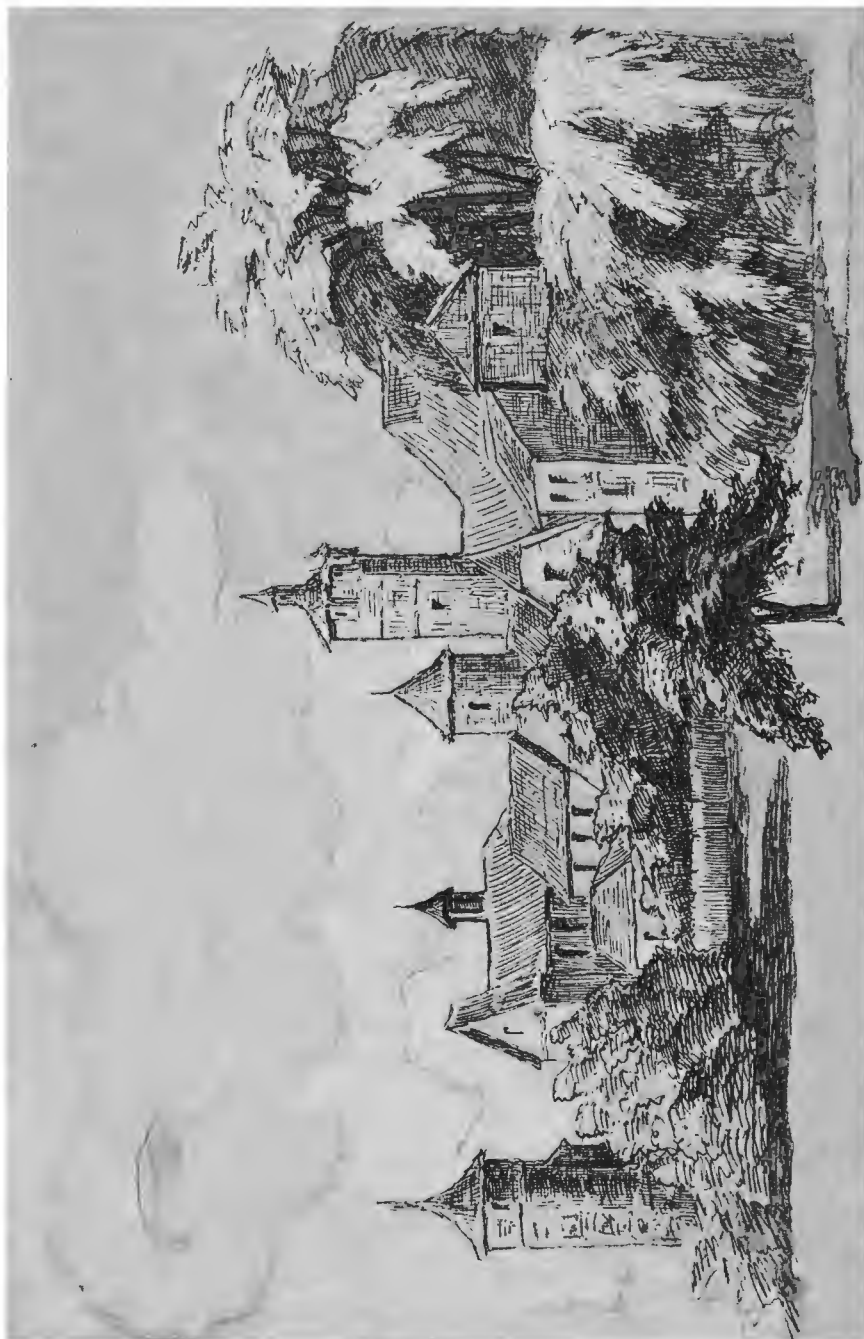
— Ротенбургъ. Часахъ въ шести ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Нюренберга, но совсѣмъ въ сторону отъ всѣхъ большихъ линій.

— Чѣмъ же Ротенбургъ такъ любопытенъ?

Я сообщилъ, что мнѣ было извѣстно. Молодой художникъ бывалъ въ Ротенбургѣ и не зналъ, какъ благодарить меня за мои указанія.

Полагаю, что данныя о стариннѣйшемъ уголкѣ Средней Европы не лишены общаго интереса. Его въ Россіи почти совсѣмъ не знаютъ.

Слово «стариннѣйшій» я разумѣю не въ смыслѣ хронологическомъ. Если въ какомъ либо городѣ погибли всѣ памятники старины, и лишь извѣстно, что онъ основанъ за столько-то лѣтъ до Рождества Христова, то отъ этого для любителя старины толку

Тюремная башня и Клингеръ - ворога въ Ротенбургѣ.

мало. Надо, чтобы сохранился старинный, древний обликъ города. Въ большей или меньшей степени это и встрѣчается, какъ въ излюбленныхъ туристами городахъ Нюренбергъ, Прагъ, Франкфуртъ на Майнѣ и другихъ, такъ и въ менѣе посѣщаемыхъ путешественниками городахъ Данцигъ (Гданскъ), Любекъ, Бременъ, Брауншвейгъ и пр.

Въ томъ или другомъ изъ этихъ городовъ сохранились чудесныя ратуши, готическіе и романскіе соборы, уносящіе воображеніе далеко за предѣлы реформаціи и времени Возрожденія, башни и городскія ворота, дающія понятіе о могущественныхъ средствахъ обороны городовъ, и т. д. Но, увы, вся эта старина напоминаетъ тѣ уединенныя высокія деревья, которыя оставляются среди молодой лѣсной поросли, когда сводится вѣковѣчный лѣсъ. Уныло возвышаются сѣдовласые старцы среди подростяющихъ поколѣній и задумчиво качаютъ сѣдыми кудрями, глядя на легкомысленно шумящую кругомъ молодежь...

Современная жизнь съ электрическими конками, «новымъ стилемъ» и иллюстрированными открытками до такой степени кипитъ ключемъ вокругъ памятниковъ старины въ большинствѣ древнихъ городовъ Средней Европы, что не получается цѣлостнаго впечатлѣнія.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ особенности въ Данцигъ, большинство новыхъ зданій стараются возводить, въ послѣднее время, въ старинныхъ стиляхъ (въ Данцигъ почти всѣ новыя постройки щеголяютъ прелестнымъ Нидерландскимъ ренессансомъ). Это, конечно, значительно помогаетъ дѣлу и усиливаетъ впечатлѣніе, однако новыя зданія все-таки являются либо расположенными въ новѣйшихъ частяхъ города, либо окружены сплошь строениями середины XIX вѣка, когда господствовало то отсутствіе всякаго стиля, которое можно бы назвать «стиль ящика съ дырами».

Есть города, въ которыхъ сохранились цѣлыя старинныя улицы. Въ интереснѣйшемъ Брауншвейгѣ, напримѣръ, имѣются улицы, состоящія сплошь изъ деревянныхъ зданій, въ которыхъ второй этажъ выступаетъ впередъ надъ первымъ, а третій надъ вторымъ. Это въ высшей степени оригинально и живописно и переноситъ васъ въ далекое прошлое.

Чего же не хватаетъ всѣмъ этимъ древнимъ городамъ, несмотря на ихъ старину и на сохранившіеся въ нихъ памятники былыхъ временъ?

Имъ не хватаетъ стѣнъ и башенъ на нихъ, не хватаетъ той твердыни, за которою ютился древній городъ, и откуда онъ отстрѣливался отъ враговъ. Увы, и у насъ въ Москвѣ погибла стѣна Земляного города и замѣнилась Садовою улицею, исчезла стѣна Бѣлаго города и смѣнилась бульварами! Даже стѣну Китай-города

Башня Пленлейнъ въ Ротенбургъ.

хотѣли сломать не далѣе, какъ въ царствованіе императора Александра II, а при Екатеринѣ II существовалъ проектъ замѣнить живописныя Кремлевскія стѣны скучнѣйшимъ однообразнымъ зданіемъ въ родѣ Московскаго сената, гдѣ нынѣ помѣщаются судебныя установленія!

Когда же были сломаны стѣны и укрѣпленія западно-европейскихъ городовъ? Это—одинъ изъ тяжкихъ грѣховъ минувшаго вѣка. Въ серединѣ XIX столѣтія, когда отсутствіе уваженія къ памятникамъ старины достигло апогея, а развивающаяся жизнь требовала простора, начали вездѣ ломать городскія стѣны, срывать валы и засыпать рвы. вмѣсто прежнихъ укрѣпленій устраивались либо широкія и роскошныя «окружныя» улицы (Ringstrassen), какъ въ Вѣнѣ и Кѣльнѣ, либо разбивались живописные парки (Anlagen), какъ въ Любекѣ, Гамбургѣ и многихъ другихъ городахъ.

Никому не приходило и въ голову оставить старинную городскую стѣну на прежнемъ мѣстѣ и какъ можно тщательнѣе реставрировать ее, а разбить сады и новые городскіе участки за нею. Какой эффектъ производитъ подобная старинная стѣна среди города, можно видѣть на Московскомъ Китай-городѣ и его чудныхъ стѣнахъ, вратахъ и башняхъ. Страшно даже подумать, что вмѣсто этой прелести могло бы быть ровное мѣсто и бульваръ!

Не дешево обходилось городамъ срытіе старинныхъ стѣнъ, и они гордились, когда имъ удавалось оборудовать это варварское предпріятіе. Въ Данцигѣ, въ одной изъ залъ ратуши, гдѣ на стѣнахъ помѣщены большія картины изъ исторіи города, послѣдняя историческая картина изображаетъ какъ разъ моментъ, когда императоръ Вильгельмъ I, стоя на валахъ города, разрѣшаетъ срыть ихъ.

Трудно повѣрить, что въ самомъ центрѣ Германіи, въ западной Баваріи, есть городокъ, который спасся отъ этого позора и сохранилъ свои стѣны въ полной неприкосновенности. Его-то я и называю «стариннѣйшимъ» уголкомъ Германіи. Это—Ротенбургъ на рѣкѣ Тауберъ (Rothenburg ob der Tauber), городокъ, находящійся въ 5—6 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, на западъ отъ Нюрнберга. Это—нѣмецкая глушь, да еще какая глушь-то! Желѣзная дорога доходитъ съ востока до Ротенбурга, но дальше на западъ не идетъ. Это—тупикъ. И не потому, чтобы тутъ мѣшала горы или другія естественныя препятствія—мѣсто ровное,—а просто потому, что не зачѣмъ ѣхать дальше. Забавно слышать, какъ мѣстные жители мечтаютъ о томъ, что черезъ годъ или два желѣзная дорога пройдетъ и дальше. Точно у насъ гдѣ нибудь въ Царевкокшайскѣ.

Причина, по которой въ Ротенбургѣ сохранились городскія стѣны въ неприкосновенности, очень проста. Когда вездѣ уничтожались городскія стѣны, и возводились новые кварталы, у ротенбургцевъ не было достаточныхъ средствъ для производства такихъ сложныхъ работъ. Такъ стѣны и простояли до настоящаго времени,

Бѣлыя ворта въ Ротенбургъ.

а теперь ужь, конечно, ихъ никогда не сроятъ, потому что почтенные граждане поняли, что въ этихъ стѣнахъ вся ихъ сила. Въ прежніе вѣка они отсиживались за этими твердынями отъ враговъ, а теперь будутъ именно этими стѣнами привлекать къ себѣ туристовъ.

Современемъ Ротенбургъ, конечно, разроснется, и стѣна окажется въ серединѣ города. Но теперь этого нѣтъ, и городокъ представляеть какъ бы модель укрѣпленнаго мѣста XVII вѣка. Онъ точно застылъ со времени Тридцатилѣтней войны. Это нѣчто совершенно единственное въ своемъ родѣ. Тотчасъ же за стѣнами начинаются поля! Куда дѣвался приростъ населенія за два слишкомъ вѣка— трудно понять. Но фактъ налицо.

Почтенная старая ратуша XV вѣка съ высокою башней и готическій соборъ не представляютъ ничего особеннаго сравнительно съ подобными же зданіями въ другихъ городахъ. Но что придаетъ необыкновенную прелесть Ротенбургу, такъ это множество старинныхъ домовъ съ вышками и башенками и очаровательные живописные уголки, привлекающіе многихъ художниковъ. Объ нихъ даютъ полное представленіе помѣщаемые нами талантливые рисунки г-жи Е. В. Герингъ, сдѣланные съ натуры. То тутъ, то тамъ такъ и кажется, что Гретхенъ пройдетъ къ колодцу или къ Мартѣ, или Фаустъ съ Мефистофелемъ сразятся съ Валентиномъ. Домики съ черепичными крышами ютятся вплотную къ городской стѣнѣ. Это хорошо видно на одномъ изъ рисунковъ. Съ самой стѣны, по которой можно обойти кругомъ всего города, видны по одну сторону дворники домовъ, а по другую — поля и сады, окружающіе городъ. Вдоль стѣны расположено много башенъ, тоже прекрасно сохранившихся. Часть стѣны и башенъ тянется по верху крутого спуска къ рѣчкѣ. Вслѣдствіе этого живописность Ротенбурга сохранится, надо надѣяться, хоть отчасти, на будущія времена, когда окрестности города застроятся.

Ротенбургъ на рѣкѣ Тауберъ (ob der Tauber) игралъ немало-важную роль въ тревожныхъ событіяхъ XV и XVI вѣковъ, такъ какъ являлся хорошо укрѣпленнымъ пунктомъ, обладаніе которымъ было одинаково желательно всѣмъ враждовавшимъ арміямъ и полководцамъ. Но въ исторіи Ротенбурга есть одинъ эпизодъ, относящійся ко временамъ Тридцатилѣтней войны, особенно оригинальный и любопытный. Въ ратушѣ показываютъ модель громаднаго стекляннаго кубка, вѣрнѣе жбана, съ грубоватымъ цвѣтнымъ изображеніемъ германскаго императора и семи курфирстовъ. Оригиналъ этого жбана хранится до сихъ поръ въ одной изъ патриціанскихъ семей Ротенбурга, какъ святыня, такъ какъ одинъ изъ предковъ семьи Нущъ (Nusch) спасъ во время оной родной городъ, выпивъ сразу весь этотъ жбанъ, наполненный виномъ! Эпизодъ этотъ подалъ ротенбургцамъ мысль воспроизвести картинку изъ временъ Тридцатилѣтней войны съ возможною историческою вѣрностью и при крайне своеобразной обстановкѣ.

Ворота Рёдера въ Ротенбургѣ.

II.

Историческій сонъ наяву.

Въ 1880 году минуло 250 лѣтъ съ того времени, какъ въ 1631 году графъ Тилли осадилъ и взялъ Ротенбургъ, а одинъ изъ его гражданъ спасъ крайне оригинальнымъ образомъ родной городъ отъ окончательной гибели, а сенаторовъ отъ смерти. Къ этому юбилейному сроку мѣстный поэтъ, стекольщикъ Гёрберъ (Höber), сочинилъ двухактную пьесу «Der Meistertrunk» («Мастерская выпивка»), которую и поставили впервые лѣтомъ 1880 года, и съ тѣхъ поръ повторяютъ ежегодно по одному и по два раза. Своеобразіе постановки заключается въ томъ, что, кромѣ ста лицъ, участвующихъ въ самой пьесѣ, еще около четырехсотъ мѣстныхъ жителей облакаются въ историческіе костюмы временъ Тридцатилѣтней войны, устраивается историческое шествіе, а за городскими воротами разыгрываются импровизированныя сцены военной лагерной жизни. Вотъ какъ происходилъ этотъ своеобразный праздникъ, когда я его видѣлъ.

Ротенбургское торжество, само собою разумѣется, привлекаетъ массу прїѣзжихъ, вслѣдствіе чего надо заблаговременно обезпечить себя комнатою въ одной изъ гостиницъ или въ частной квартирѣ. Своеобразность и архаичность Ротенбурга не нарушается даже нахожденіемъ въ городѣ желѣзнодорожной станціи. Вокзалъ расположенъ верстахъ въ полутора отъ города, и на протяженіи отъ станціи до городскихъ воротъ устроено нѣсколько гостиницъ.

Я былъ счастливъ, что мнѣ удалось помѣститься въ двухъ шагахъ отъ ратуши, и охотно мирился съ тѣмъ, что каморка, пріютившая меня, въ обыкновенное время, носила наименованіе «ванной», въ которую была внесена временно кровать съ тремя пуховиками.

По русскимъ, вѣрнѣе петербургскимъ, привычкамъ еще очень рано, а между тѣмъ на улицѣ уже шумъ и суета. Народъ сбѣгается къ ратушѣ. Туда же стремлюсь и я. На площади передъ старинной думой выстраивается отрядъ городской стражи, въ живописныхъ костюмахъ временъ Густава-Адольфа. Они направляются противъ врага, противъ католическихъ имперскихъ войскъ, которыя съ графомъ Тилли во главѣ осаждаютъ городъ. Толпа валитъ за ними, по направленію къ однимъ изъ городскихъ воротъ (Röderthor), къ башнѣ, которая занята шведскими войсками, то-есть протестантами, союзниками ротенбургцевъ.

За городскими воротами открывается поразительно живописная картина. Театралу можетъ показаться, что знаменитые мейнингенцы возродились, но появились не на сценѣ, а среди полей. Это

Порталъ во дворѣ ратуши въ Ротенбургѣ.

совѣтъ «лагерь Валленштейна» изъ трагедіи Шиллера, въ мейнингенской постановкѣ. Тутъ приходится сторониться отъ всадника, тамъ солдаты прикурнули у костра, ландскнехты съ длинными аллебардами проходятъ куда-то, фургоны везутъ что-то, дѣти распѣваютъ во все горло солдатскія пѣсни. Глаза разбѣгаются, не хочется уходить, но надо спѣшить въ ратушу, гдѣ предстоитъ необычайное представленіе.

Главная зала ратуши, сохранившаяся безъ измѣненія съ XVII вѣка, представляетъ какъ бы огромный ящикъ, очень длинный и очень высокій, но не особенно широкій. Стѣны расписаны историческими сюжетами и почернѣли отъ времени. Большая часть залы превращена для представленія въ мѣста для зрителей, полого возвышающіяся. Меньшая часть залы—сцена, или, вѣрнѣе, эстрада, существующая всегда. На ней въ обыкновенное время засѣдаютъ члены городской управы. На этомъ самомъ мѣстѣ разыгрался 273 года тому назадъ эпизодъ, который теперь воспроизводится сценически. Никакихъ декораций нѣтъ. Обстановка та же, что была въ 1631 году. Длинный столъ для засѣданій, рядъ стульевъ съ высокими спинками. За столомъ въ задней продольной стѣнѣ залы, ближе къ угламъ, двое дверей, а въ серединѣ той же стѣны старинный, рѣзной деревянный шкапъ.

Вначалѣ все это затянута занавѣсью изъ матеріи. Небольшой оркестръ, помѣщающійся между эстрадой и публикой, играетъ нѣчто въ родѣ увертюры съ трубными звуками. Музыка къ пьесѣ, то-есть увертюра и нѣсколько пѣсенъ, была сочинена тоже въ 1880 году мѣстными композиторами Колеромъ и Фюрстомъ.

Занавѣсъ раздвигается. Бургомистръ Бецольдъ (Bezold), глава свободнаго имперскаго города Ротенбурга, погруженъ въ грустныя размышленія по поводу бѣдствій, перенесенныхъ городомъ въ теченіе 13 лѣтъ непрерывной войны. Вѣрный протестантизму, Ротенбургъ сталъ подъ защиту шведскаго короля Густава-Адольфа; отсюда и осада города католическими войсками подъ начальствомъ графа Тилли. Издалека доносятся пушечные выстрѣлы. До сихъ поръ горожане отсиживались за своими крѣпкими стѣнами и отбивали приступы. Но силы истощены, а помощи не видно ниоткуда.

Входитъ симпатичная дѣвушка, Анна, дочь думскаго погребщика. Бецольдъ даетъ ей порученіе звонить въ колоколъ, чтобы созвать членовъ ратуши (сенаторовъ), а она старается ободрить старика.

По уходѣ Анны, раздается колокольный звонъ съ башни ратуши, и скоро появляются одинъ за другимъ члены ратуши въ своеобразныхъ черныхъ костюмахъ съ бѣлыми кружевными воротниками. Начинается совѣщаніе о томъ, что дѣлать, и торжествуетъ мнѣніе, что надо сдать городъ. Въ эту минуту входитъ шведскій военачальникъ съ адъютантомъ. Это—двое рубакъ, которые и слы-

Внутренность двора въ Ротенбургѣ.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ВѢСТНИКЪ», ДЕКАБРЬ, 1904 Г., Т. ХСVIII.

шать не хотять о сдачѣ. Они созвали ватагу молодежи, которая появляется съ пѣснями и барабаннымъ боемъ. Духовное лицо благословляетъ ихъ на битву и созываетъ всѣхъ на молитву. Вскорѣ изъ сосѣдней церкви св. Іакова раздается звонъ колоколовъ, хорошее пѣніе и звуки органа. Занавѣсъ медленно задвигается.

При началіи второго дѣйствія, члены магистрата все еще въ сборѣ. Гонецъ за гонцомъ приносятъ тревожныя вѣсти. Отрядъ имперцевъ ворвался въ городъ, но опрокинутъ ватагой молодежи въ ровъ. Окровавленный гонецъ доноситъ, что у одной изъ башенъ (Klingerthor) взорвана бочка съ порохомъ, и что самъ Тилли съ новыми войсками у воротъ города. Почтенный отставной бургомистръ Нушъ, бывший свидѣтелемъ битвы, сообщаетъ, что во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія онъ вывѣсилъ на стѣнѣ бѣлый флагъ. Но и это не помогло.

— Тилли въѣзжаетъ въ городъ!—вопитъ послѣдній гонецъ.

Съ площади доносится шумъ толпы и отчаянные крики.

Минута напряженнаго ожиданія. Входитъ самъ графъ Тилли со свитой. Ни онъ, ни лица, сопровождающія его, не снимаютъ своихъ круглыхъ шляпъ. Тилли въ страшномъ гнѣвѣ по поводу сопротивленія, оказаннаго городомъ. Генералы его требуютъ, чтобъ онъ зажегъ городъ со всѣхъ концовъ. Онъ объявляетъ свой разговоръ: четверо изъ сенаторовъ, по жребію, будутъ повѣшены.

— Казни насъ всѣхъ, если такъ,—заявляютъ члены магистрата.

— Пусть же умрутъ всѣ!

Въ эту минуту появляется племянница бургомистра Бецольда, Магдалина, съ двумя дѣтьми, которыхъ ведетъ за руки. Она кидается къ ногамъ Тилли и умоляетъ его о пощадѣ, но онъ непреклоненъ. Въ порывѣ отчаянія она называетъ Тилли убійцею. Разъяренный графъ приказываетъ бургомистру Бецольду тотчасъ же самолично, со стражникомъ, привести палача. Молодая женщина проклинаетъ изверга и уходитъ.

Вдругъ все мѣняется. Аннѣ, дочери погребщика, приходитъ въ голову испробовать силу вина. Она подноситъ Тилли громадный стеклянный жбанъ съ виномъ (это копія подлиннаго жбана). Тилли сперва отказывается, потомъ дѣлаетъ глотокъ и хвалитъ вино. Всѣ пьютъ круговую. Удивляются колоссальнымъ размѣрамъ жбана.

— Думаю, что всѣ члены магистрата не смогутъ его одолѣть,—шутитъ Тилли, настроеніе котораго подъ вліяніемъ вина мѣняется.

Вдругъ ему приходитъ въ голову сумасбродная затѣя.

— Всѣхъ помилую, если ктонибудь изъ васъ въ состояніи выпить заразъ весь этотъ жбанъ!—воскликаетъ Тилли.

Всѣ въ ужасѣ. Медленно выдѣляется изъ среды остальныхъ бывший бургомистръ Нушъ и объявляетъ, что онъ согласенъ выпить жбанъ, хотя бы это стоило ему жизни.

Нушъ начинаетъ пить. Воцаряется томительная тишина. Онъ продолжаетъ пить и пить. Напряженіе растетъ. Нушъ все пьетъ, пьетъ и пьетъ, и, наконецъ, осушаетъ клубокъ. Въ изнеможеніи падаетъ Нушъ на руки окружающихъ. Толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей врывается въ залу съ криками восторга. Анна благодаритъ Тилли, вручая ему букетъ цвѣтовъ. Хоралъ «Возблагодаримъ Господа» заканчиваетъ пьесу.

По преданію, Нушъ лежалъ послѣ своей «мастерской выпивки» три дня безъ сознанія и, придя наконецъ въ себя, произнесъ:

Дѣйствующія лица въ исторической пьесѣ въ Ротенбургѣ.

— Ich werde nie mehr eine Stadt retten! (Я никогда не стану больше спасать города).

Историческое настроеніе, вызываемое въ зрителяхъ представленіемъ, не исчезаетъ и на площади и на улицахъ. По главнымъ изъ нихъ проходитъ историческая процессія, въ которой участвуютъ до 400 горожанъ, въ исторически вѣрныхъ одѣяніяхъ Тридцатилѣтней войны.

Если въ-время не позаботиться о мѣстѣ въ залѣ ратуши, то на представленіе попасть нѣтъ возможности—билеты расхватываются задолго, но и то, что происходитъ на вольномъ воздухѣ и всѣмъ доступно,—очень интересно.

Открывается шествіе трубачами, затѣмъ идутъ члены магистрата, дѣвушки патриціанскихъ семей, ватага молодежи со шведскимъ

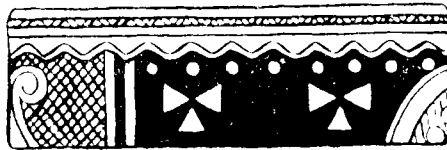
командиромъ, погребщикъ съ бочкой вина, латники, дѣти въ гирляндахъ и съ флагами и проч. Далѣе слѣдуютъ имперцы: герольдъ верхомъ, графъ Тилли, его свита, знаменосцы, ландскнехты съ музыкой, кроаты, два орудія, всевозможный людъ верхами, запасныя лошади, фельдшеръ, патеры, плѣнные и обозъ. Все это представляеть крайне пеструю и живописную ленту.

За Вюрцбургскими воротами, у стараго городского рва, шествіе останавливается. Здѣсь происходитъ финаль торжества. Тутъ развертывается широкая пестрая картина лагерной жизни. О ней даютъ нѣкоторое понятіе помѣщаемые нами фотографическіе снимки, сдѣланные съ натуры.

Снова виднѣтся группа солдатъ вокругъ костра съ котломъ. Здѣсь одинъ изъ солдатъ рѣжетъ курицу, чтобы ощипавъ зажарить ее, тамъ маркитантка предлагаетъ вино. Особенно живописенъ лагерь кроатовъ. Тутъ вертятся въ бѣшеной воинской пляскѣ и горланятъ солдатскія пѣсни. Важно засѣдаютъ въ своей палаткѣ члены магистрата и попиваютъ вино изъ оловянныхъ кружекъ. Группа молодыхъ горожанокъ проходитъ со смѣхомъ и шутками. Всюду царитъ веселье и жизнерадостность. Лишь позднимъ вечеромъ смолкаютъ постепенно звуки праздничнаго разгуля, и тихая, теплая ночь окутываетъ успокоившійся городъ.

Молчаливо возвышаются надъ древней стѣной темныя башни Ротенбурга, вспоминая пережитые ими въ давнія времена кровавые дни и ночи.

А. В. Половцовъ.

ЧЕРЕЗЪ БУХАРУ НА ПАМИРЫ ¹⁾.

Х.

А УТРО тридцать перваго выступили изъ Дыроу вверхъ по рѣкѣ. Ущелье при подъемѣ стало замѣтно уширяться и становиться свѣтлѣе. вмѣстѣ съ этимъ и арча нѣсколько гуще забилась въ складки горъ. Та же тяжелая дорога по карнизамъ и по руслу Оби-Ширинъ; тѣ же мосты, для перехода черезъ которые даже опытные, равнодушные къ дикимъ картинамъ окружающей природы туземцы слѣзали со своихъ небольшихъ тоненькихъ лошадокъ съ изумительно твердыми, словно стальными, маленькими копытами.

Лѣто 1894 года было ознаменовано еще тѣмъ, что Абдурахманъ-ханъ предпринялъ экспедицію въ Кафиристанъ. Поэтому, идя по Запянджю, мы пытливо всматривались во встрѣчныхъ путниковъ въ надеждѣ увидѣть въ нихъ типы загадочныхъ болоровъ ²⁾. Мнѣ было чрезвычайно интересно встрѣтить здѣсь, на Памирахъ, человѣка иной расы, нежели всѣ обитатели его, русаго, съ голубыми глазами—настоящаго славянина, какъ описывались кафиристанцы нѣкоторыми путешественниками.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVIII, стр. 698.

²⁾ Ивѣстно, что есть гипотеза, будто кафиристанцы представляютъ собою освѣншіе нѣкогда остатки славянъ. Выводили это предположеніе изъ того, что этотъ народъ называетъ себя «болоръ», т.-е. по-кафиристански «слово». Отсюда намекъ на «славяне». Кажется, гипотеза эта теперь окончательно рушилась.

И дѣйствительно, какъ бы отвѣчая на мои мысли, намъ встрѣчался возлѣ кишлака Хырката одинъ необычайно неподходящій къ общей обстановкѣ, къ какой мы уже привыкли за мѣсяць похода, типъ. Это былъ небольшого роста, широкоплечій мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ котомкой за плечами, въ обыкновенной таджикской одеждѣ, направляющійся къ Калаи-Хумбу. Онъ былъ полный блондинъ съ русою бородкой клиномъ, голубыми глазами и прекраснымъ, слишкомъ мало загорѣвшимъ на горномъ солнцѣ цвѣтомъ лица. Онъ привѣтливо улыбнулся, встрѣтившись съ нами, и быстро исчезъ, съ любопытствомъ оборачиваясь въ нашу сторону.

Я сейчасъ же черезъ совершенно поправившагося уже Подмосковнаго сталъ наводить справки у проводниковъ, откуда этотъ человѣкъ. Но тѣ равнодушно отвѣчали, что это—выходецъ изъ Бадахшана; когда же я спросилъ, почему онъ имѣетъ такіе свѣтлые волосы и лицо, то получилъ обычный отвѣтъ: «Такъ Аллахъ, должно быть, создалъ». Но потомъ я узналъ, что въ Бадахшанѣ есть много людей съ свѣтлыми волосами и бѣлымъ цвѣтомъ лица. Но на всѣ мои запросы, не кафиристанцы ли эти люди, всѣ одинаково отвѣчали, что Кафиристанъ значительно дальше и южнѣе Бадахшана. Слова же «болоръ» никто изъ окружавшихъ насъ таджиковъ не понималъ.

Около полудня мы были возлѣ Хырката на высотѣ 9.000 футовъ; но, благодаря ровному подъему по берегу Оби-Ширинъ, хотя и по отвратительной тропѣ, во многихъ мѣстахъ прерываемой карнизамы и балконами съ нависшими надъ ними скалами въ видѣ нишъ, мы не ощущали этой высоты и бодро шагали впередъ со своими осликами и добытыми подъ больныхъ двумя лошадьми. Возлѣ Хырката ущелье рѣки развѣтвляется на два: одно продолжаетъ итти на юго-востокъ подъ перевалъ Паткъ, а другое, изъ котораго вливается въ Оби-Ширинъ ея притокъ Оби-Мадутъ, направляется на югъ къ переваламъ Мадутъ и Коомолингъ, какъ объяснили намъ проводники ¹⁾. Нашъ путь лежалъ по этому послѣднему ущелью. Въ мѣстѣ сліянія этихъ двухъ рѣкъ, какъ разъ противъ самаго Хырката, расположившагося на самомъ низу, ущелье Оби-Ширинъ значительно уширяется, и дно его, покрытое сплошь галькою и щебнемъ и заросшее низкорослымъ кустарникомъ, представляетъ собою ровную, словно нивелированную площадку. Здѣсь мы круто свернули вправо и потянулись по направленію свѣтящихся ледниковъ Мадута по достаточно широкому и темному ущелью. Но не успѣли мы пройти и полусанга (четыре версты),

¹⁾ На картѣ Памира, бывшей у насъ (изд. 1892—1893 годовъ), бассейнъ рѣки Оби-Ширинъ, въ особенности верхняя его половина, показанъ не вполне вѣрно; очевидно составители руководствовались разспросными свѣдѣніями.

Кишлакъ Верхній Гумай. Прямо горы въ туманѣ—хребеть за Пинджемъ.

какъ шедшіе впереди патрульные доложили, что идутъ какіе-то «сарты», какъ обыкновенно величали охотники всѣхъ туземцевъ, и что-то кричатъ. Встрѣчные таджики поравнялись съ нами и подошли къ Миръ-Ахуру, что-то ему объясняя. Пришлось остановиться и узнать, въ чемъ дѣло. Черезъ двойного переводчика, т.-е. нашего дипломата и Подмосковнаго, узнали, что встрѣтившіеся намъ люди возвращаются изъ Шугнана и совѣтуютъ не ходить на Коомолингъ и Мадутъ, такъ какъ тамъ начались уже снѣжные обвалы, и третьяго дня засыпанъ караванъ ишаковъ съ проводниками, шедшій такъ же, какъ и они, въ Калаи-Хумбъ: такимъ образомъ, теперь нѣтъ никакой возможности пробраться въ ущелье Тангъ-Шива, а обвалы продолжаются и по сіе время.

Отрядецъ остановился. Приходилось поневолѣ повернуть назадъ и испробовать послѣднее направленіе на Паткъ, прямо, что называется, въ лобъ къ Калаи-Вамару.

Встрѣченные также сообщили, что по слухамъ въ окрестностяхъ Калаи-Вамара сгруппировалось много афганскихъ войскъ, при чемъ кавалерія («рисоля») расположилась въ селеніяхъ Вознаудъ и Ротау, а пѣхота въ самомъ городѣ.

Свѣдѣнія эти хотя и были изъ вторыхъ рукъ, но вполне сошлись со всѣми ранѣ полученными нами. Кромѣ того, мы еще разъ получили подтвержденіе того, что за нами не перестаютъ слѣдить подосланные афганцами развѣдчики.

Скрѣпя сердце, повернули мы назадъ и снова пришли въ Хыркатъ. Немного отдохнувъ, двинулись мы дальше и къ вечеру подошли къ подъему на нагорную площадку, на которой расположенъ кишлакъ Хивачъ.

Наступалъ мракъ, и было очень свѣжо, когда мы добрались до вершины этой природной ступени. Нашимъ глазамъ представилась холмистая достаточно ровная зеленая поляна, около версты ширины и верстъ семи длины, вдоль главнаго ущелья. Величественная снѣжная стѣна Май-Майскаго хребта и отдѣльныя несравненно болѣе высокія вершины высящагося вправо Патка какъ-то неожиданно поднялись передъ нами. Отъ этой неожиданности впечатлѣніе было еще болѣе сильное. Вся команда сразу остановилась; передъ нами разстилалось обширное зеленое поле, сейчасъ же подъ ногами—посявы бобовъ; вправо, должно быть, на ручейкѣ темнѣли кучки невысокихъ тазовъ; влѣво видны жалкія постройки Хивача; онѣ въ беспорядкѣ разбросались въ складкахъ холмовъ; ихъ было не болѣе десятка. Мы направились къ группѣ лачугъ, возлѣ которыхъ свѣтлымъ пятномъ вырисовывалась куча соломы.

Съ послѣднимъ лучемъ зашедшаго солнца наступилъ холодъ. Тотчасъ же развели костеръ и разостлали общую для всей команды кошму, и закипѣла бивачная жизнь. Мы были на высотѣ не менѣе 10¹/₂ тысячъ футовъ и сразу увидѣли разницу между зоной

Селеніе Нижній Гумай.

этой высоты здѣсь и Гиссарскаго хребта. Когда въ послѣднемъ мѣсяцѣ тому назадъ на десяти тысячахъ футовъ виднѣлся снѣгъ въ логахъ и ущельяхъ, здѣсь на этой же высотѣ его не было и помину; видно было, что первыя серьезныя его залежи начинаются значительно выше, тысячи на двѣ футовъ, по крайней мѣрѣ.

Мы провели прекрасную холодную ночь. Несмотря на крайнее утомленіе послѣ 24-верснаго перехода по скверной каменистой тропѣ съ ежеминутными остановками, охотники долго не ложились, а, собравшись вокругъ костра, пробавлялись жиденькимъ «экономическимъ», какъ они говорили, чайкомъ.

На завтрашній день предстоялъ тяжелый переходъ, въ исполненіи котораго можно было сомнѣваться. Предстояло перевалить этотъ колоссальный Паткъ, передъ которымъ ледники Сія-Куха должны казаться легкимъ кряжемъ, и, кромѣ того, надо было спуститься до перваго попавшагося жилья, такъ какъ, по словамъ проводниковъ, на всемъ пути не достанешь ни пучка прутьевъ, а брать съ собой топливо изъ Хивача не представлялось никакой возможности. Такимъ селеніемъ являлся кишлакъ Гумай, до котораго туземцы считали четыре санга (32 версты).

Какъ никакъ, а надо было рѣшиться, иначе предстояло повернуть назадъ. Рѣшили облегчить людей, какъ только можно; для этого взяли лишнихъ двухъ ишаковъ и нагрузили шинелями и мѣшками; такимъ образомъ, на охотникахъ оставались лишь патронныя сумки и, конечно, винтовки.

Еще не было пяти часовъ, какъ мы утромъ, перваго августа, уже напились чаю, закусили и двинулись къ тому самому спуску, которымъ мы попали вчера сюда изъ ущелья Оби-Ширинъ. Лучи солнца застали насъ уже двигающимися въ обходъ перваго снѣжнаго завала.

Путь на Паткъ идетъ по ущелью средней изъ трехъ рѣчекъ, составляющихъ верховье рѣки Оби-Ширинъ, при чемъ самая лѣвая рѣчка, на которой, по словамъ проводниковъ, стоитъ ничтожное селеніе Хыджванъ, является прямымъ продолженіемъ общаго направленія главной рѣки, и потому люди, идущіе изъ Калаи-Хумба, очень часто попадаютъ туда вмѣсто перевала. Тропы на перевалъ не существуетъ; приходится руководствоваться лишь изгибами ущелья, по дну котораго шумитъ ручей.

Вскорѣ, верстахъ въ десяти, почти подъ самой этой грядой мы достигли прелестной зеленой лужайки съ густымъ высокимъ древовиднымъ кустарникомъ, гдѣ по совѣту проводниковъ сдѣлали роздыхъ и наскоро закусили. Быстро вскипятили въ кумганахъ воду, заварили чай и съ сухарями устроили себѣ пиршество. Охотники ѣли торопясь, сознавая, что каждая четверть часа, проведенная излишне на отдыхѣ, можетъ заставить команду заночевать на снѣгу.

Жалко было смотрѣть на больныхъ лихорадкой, едва могшихъ отъ слабости слѣзть съ лошадей и старавшихся согрѣться подъ яркими, но не жгучими лучами утренняго солнца.

На этой лужайкѣ, подъ частыми кустами были видны слѣды затушенныхъ костровъ; очевидно, здѣсь общій пунктъ привала для всѣхъ путниковъ. Струйки чистой воды пробираются между кустами во всѣхъ направленіяхъ и вливаются въ потокъ, бушующій вправо и внизъ подъ отвѣсомъ праваго берега.

Наконецъ мы кончили закуску, предусмотрительный Миръ-Ахуръ бережно завязалъ въ ситцевый платокъ остатки лепешекъ и курицы, которые онъ везъ съ самаго Калаи-Хумба, и привязалъ къ себѣ за поясъ, и мы тронулись.

Еще около версты шла едва замѣтная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропа, имѣя вправо невидную намъ бушующую рѣчку, а влѣво каменную невысокую гряду, и затѣмъ окончательно пропала. Мы стали взбираться между камней первой мареновой гряды, прѣградившей намъ путь и быстро понижавшейся къ ручью въ юго-западномъ направленіи. Здѣсь было мертвое царство бурыхъ и почти черныхъ скалъ и камней. Очевидно, это была крайняя правая марена. Подниматься пришлось долго и съ необычнымъ трудомъ. Опять начались страданія одышкой, поминутныя черезъ опредѣленное число шаговъ остановки, у многихъ показалась носомъ кровь; ишаки останавливались и ложились. Наконецъ, взобрались мы на вершину гряды и увидѣли передъ собой обширное снѣжное поле, разстилающееся вправо къ вершинамъ и прямо вверхъ къ рельефному отверстию между двумя высокими пиками, предвѣстниками перевала.

Мы повернули налѣво и продолжали медленное, утомительное движеніе по внутреннему склону гряды камней, повышающейся по направленію сѣвера. Такъ прошли мы около четырехъ верстъ, измученные, постоянно останавливающиеся. Охотники положительно выбивались изъ силъ и, рассчитавшись на смѣны, кому держаться за хвосты лошадей при подъемѣ, только тогда и могли продвигаться впередъ болѣе успѣшно. Миниатюрные ишаки выбивались изъ силъ. Всякій порядокъ былъ нарушенъ; люди разбились отдѣльными группами по выюкамъ, и только впереди и сзади шли патрули. Несмотря на то, что было положительно не жарко, потъ катилъ со всѣхъ градомъ. Чувашинъ Харитоновъ былъ въ патрулѣ и съ какимъ-то остервенѣніемъ ползъ на кручи марены; иногда онъ всхлипывалъ и положительно плакалъ.

Широкая снѣжная поляна повышалась вмѣстѣ съ нами и становилась все круче и мощнѣе. Чистый бѣлый снѣгъ блисталъ на солнцѣ и ослѣплялъ глаза. Это былъ гигантскій языкъ Паткского ледника, словно застывшая рѣка, ниспадающій съ перевала широкой извилистой дорогой. Общее его направленіе отъ перевала шло

сначала почти строго на западъ, затѣмъ начинался могучій поворотъ къ югу и даже къ юго-востоку и, наконецъ, снова на югъ и юго-западъ.

Въ этой снѣжной полянѣ виднѣлись двѣ значительно меньшихъ каменныхъ гряды, имѣющихъ то же направленіе, что и ледникъ, но не доходящихъ до конца ледяной, здѣсь покрытой еще снѣгомъ площади, а теряющихся въ немъ возлѣ поворота на юго-западъ. При этомъ гряда, ближайшая къ маренѣ, бокомъ которой мы слѣдовали, значительно ниже своей правой сосѣдки. Очевидно, что эти двѣ внутреннія каменные гряды представляютъ собою не что иное, какъ внутреннія ледниковыя марены, указывающія, что ледникъ является сложнымъ.

Предшествуемые проводниками и Миръ-Ахуромъ, которому не приходилось слѣзать съ лошади, мы направились на первую низкую внутреннюю марену и вскорѣ добрались до нея. Снѣгъ, покрывавшій ледъ, былъ крѣпокъ и весьма не глубокъ. Первымъ дошелъ до камней плачущій Харитоновъ и, перекрестившись, сбросилъ съ себя скатанную шинель, повалился на камни и тотчасъ же заснулъ. Это было такъ смѣшно, что, несмотря на крайнее утомленіе, мы разразились громкимъ смѣхомъ, однако не разбудившимъ Харитонова даже и на минуту.

Постепенно стали прибывать остальные люди и вьюки, растянувшіеся почти на версту; ради послѣднихъ отставшихъ пришлось продолжить приваль, и мы такимъ образомъ пробыли на второй грядѣ до двухъ съ половиною часовъ. Проводники утѣшили насъ, сказавъ, что самая трудная часть пути пройдена, и указали на широкія ворота между вершинами, изъ которыхъ вырвался прохладный вѣтерокъ.

Сидя на камнѣ, я зарисовывалъ видъ на перевалъ и съ удовольствіемъ осматривался кругомъ. Яркое солнце играло на снѣгѣ; мѣстами снѣгъ уже стоялъ почти весь, и изъ-подъ него сквозили зеленоватыя площади льда. Безмолвная тишина нарушалась лишь гуломъ падающихъ гдѣ-то внизу подо льдомъ камней, и шумъ этотъ, похожій на частые удары металла объ металлъ, показывалъ на значительныя пустоты. Особенно много слышалось обваловъ съ лѣвой стороны, если смотрѣть съ перевала назадъ на Калаи-Хумбъ.

Наконецъ мы тронулись дальше; лошади и ишаки направились лѣвѣе по тальвегу, если можно такъ выразиться, снѣжнаго покрова между второй и третьей грядами, подъ темнѣющіе отвѣсы лѣвыхъ вершинъ. Я же и Н. Д. пошли прямо вверхъ къ снѣжной вершинѣ, бугромъ стоящей между пиками перевала. Мы безъ особаго труда перебрались черезъ вторую внутреннюю гряду и стали шагъ за шагомъ взбираться на этотъ снѣжный бугоръ. Здѣсь сталъ попадаться уже чистый обнаженный ледъ съ глубокими и

широкими трещинами, почему проводники и не повели этой дорогой лошадей и вьюки. На самой вершинѣ перевала, рѣзко отмѣченной зубчатой стѣной камней, высящейся надъ поверхностью ледяного поля сажени на 3—4, въ чистомъ обнаженномъ лѣдѣ

Хижны въ селеніи Нижній Гумай.

сидѣть глубокій ледниковый колодець, наполненный по самыя края водою. Здѣсь, возлѣ этого колодца мы и остановились съ цѣлью стянуть разбившуюся на отдѣльныя группы команду.

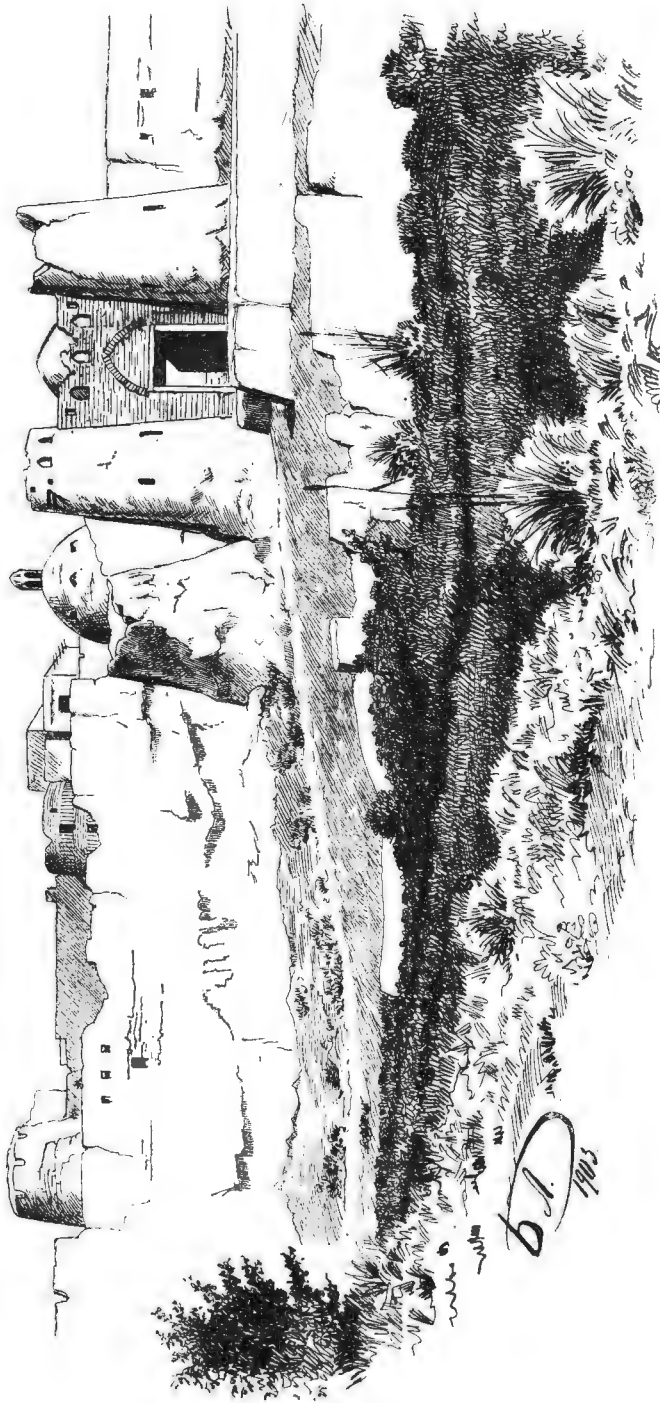
По ту сторону перевала темнѣлъ громадный, почти отвѣсный обрывъ въ полторы или двѣ тысячи футовъ высотой; по немъ между

камней и снѣга кое-гдѣ вилась тропа. Далѣе шли контрфорсы, усѣянные обломками скалъ и камнями, и наконецъ свѣтлѣло ущелье, забиравшее вправо и круто затѣмъ повернувшее снова на востокъ. Хребты и вершины, снѣжные и безснѣжные, пестрѣли передъ глазами; слышался шумъ водопада.

Трудно было опредѣлить высоту перевала, но, судя по всему, высота его была не менѣе 17.000—18.000 футовъ. Всѣ видимые съ перевала хребты и вершины были ниже его, и только пики Коомолинга и Мадута, высящіяся правѣе его, казались на одной высотѣ. Вершины окружающихъ насъ высотъ были покрыты чистымъ нетронутымъ солнцемъ снѣгомъ. Мы сѣли на камни и стали дожидаться команды. Мимо насъ прошелъ путникъ, поднявшійся какъ-то неожиданно на перевалъ, и одинъ съ палкой и котомкой за плечами, съ любопытствомъ оглядываясь на насъ, спѣшными шагами пошелъ по направленію Калаи-Хумба. Солнце уже садилось, и становилось очень холодно, когда подошла наконецъ вся команда. Сумерки быстро надвигались; въ ущельѣ Оби-Паткъ, куда намъ лежалъ дальнѣйшій путь, становилось темно.

Мы торопливо тронулись; пришлось прекратить всякую съемку даже замѣтками ради быстроты хода. Предстояло еще сдѣлать, по крайней мѣрѣ, 20 верстъ. Мы стали спускаться сначала по грязному снѣгу, но вскорѣ вышли на тропу, вьющуюся внизъ крутыми безчисленными зигзагами. Шумъ отъ водопада доносился все явственнѣе и наконецъ превратился въ ревъ. Это былъ громадный потокъ, отвѣсно падающій изъ-подъ снѣжнаго слоя справа отъ дороги; первая сплошная его струя ниспадала съ высоты сажень пятидесяти, пока не встрѣтила уступа скалы, о который съ грохотомъ и разбивалась, превращаясь въ бушующій кипень и обдавая скалы легкой водяной пылью и пѣной. Влаго этой пыли чувствовали и мы на тропѣ. Рядомъ, выше и ниже, гремѣли меньшія струи холодной ледниковой воды, вырываясь изъ-подъ снѣговъ перевала и слоя мелкаго щебня и пыли, залегшихъ тотчасъ же подъ бѣлымъ его покровомъ. Это были истоки Оби-Патка.

Мы летѣли внизъ, словно опрокинувшись; по головокружной кручѣ мы едва успѣвали переставлять ноги и, чтобы задержаться на поворотахъ, наваливались на какой нибудь камень и, уцѣпившись за него руками, на моментъ останавливались, чтобы снова помчаться по новому направленію. Здѣсь отставали уже конные, несмотря на бойкій ходъ лошаденокъ. Мракъ наступалъ быстро, быстрѣе, чѣмъ мы спускались; надо было торопиться, а ноги отказывались служить; подъ колѣнями ощущалась невыносимая боль отъ постоянного ихъ сгибанія. Наконецъ мы добрались до болѣе пологихъ контрфорсовъ и къ радости своей увидѣли брошенный небольшой кутанъ (загонъ для овецъ), а къ восьми часамъ спустились къ рѣчкѣ. Здѣсь мы остановились, раздумывая, что дѣлать. Линія

Крепость Кабадиань.

снѣговъ уже миновала, хотя сбѣгающіе къ Пянджу параллельно нашему пути хребты были почти сплошь завалены снѣгомъ. Между тѣмъ до кишлака Гумая оставалось, по словамъ проводниковъ, 2 санга, т-е. шестнадцать верстъ. Какъ быть—рѣшиться ли заночевать на холоду безъ огня или итти всю ночь съ истомленными людьми и животными? Мы рѣшили пройти еще сколько можно и заночевать, когда силы окончательно покинуть охотниковъ. Тронулись дальше. Но тутъ мы впервые глубоко были тронуты изобрѣтательностью Миръ-Ахура, больше, чѣмъ когда либо, помогшаго намъ. Оказалось, онъ еще изъ Хырката послалъ распоряженіе въ Гумай встрѣтить прибывающую команду по эту сторону перевала съ возможно большимъ количествомъ лошадей. Поэтому совершенно неожиданно мы, пройдя еще не болѣе трехъ верстъ, столкнулись съ цѣлымъ караваномъ коней, шедшимъ намъ навстрѣчу. Разговаривать было нечего; измученные охотники повскакали въ сѣдла и двинулись далѣе.

Далеко за полночь прибыли мы въ Гумай. Насъ встрѣтили съ факелами и вбродъ перевели черезъ рѣку, почему-то не давъ намъ пробхать по имѣющемуся возлѣ мосту. Черезъ пять минутъ мы въѣхали въ освѣщенный дворъ, посреди котораго горѣли костры. Мы были до того измучены, что едва могли сами слѣзть съ дивныхъ горныхъ, ни разу не споткнувшихся лошадокъ. Больныхъ пришлось снять съ сѣделъ. Несмотря на совершенное утомленіе, приказано было согрѣть чай съ главной цѣлью, чтобы не дать ночнымъ, назначеннымъ на постъ, спать. Вся команда лежала въ лежку; ишаки были развьючены только послѣ чая. Такого утомленія мы не испытывали ни разу за весь нашъ путь. Но зато главное препятствіе было пройдено, и на утро уже можно было болѣе спокойно обдумать свое положеніе.

XI.

Мы едва смогли подняться въ семь часовъ утра. Утро было холодное и туманное; но вскорѣ туманъ разсѣялся, и глазамъ представилась веселая картинка маленькаго кишлака, пріютившагося на рѣкѣ подъ самыми отвѣсами краснобурыхъ горъ лѣваго берега. Прямо внизъ уходило ущелье Оби-Паткъ по направленію Пянджа; ущелье почти тутъ же запиралось голубыми хребтами того праваго берега Пянджа; до него было не болѣе восьми верстъ. Значитъ, мы снова подошли къ этой рѣкѣ, спрямивъ переходами по Запянджскому Дарвазу ту дугу, которую рѣка дѣлаетъ между Калаи-Хумбомъ и Калаи-Вамаромъ. Поля, деревья, по-преимуществу талы и яблони, даже кровли каменныхъ хижинъ и мазанокъ— все было зелено и ярко пестрѣло на солнцѣ желтыми и голубыми цвѣтами.

Приступили къ сбору свѣдѣній. Они оказались совсѣмъ неутѣшительными. Весь кишлакъ въ одинъ голосъ показывалъ, что Ташъ-Курганъ давно занятъ афганцами, что въ Калаи-Вамарѣ стоитъ цѣлый палътанъ пѣхоты (батальонъ около 600—700 человекъ), въ Вознаудѣ, еще ближе сюда, т.-е. всего въ 25 верстахъ, стоитъ 400 человекъ рисоля (кавалеріи), что афганцы знаютъ про наше движеніе и выставили свои посты по Пянджу противъ впаденія въ него рѣки Усангъ-су и по хребту лѣваго берега. Тутъ же старшина добавилъ, что развѣдчики афганцевъ каждый день спускаютъ сюда, вывѣдывая обо всемъ, что дѣлается, но разбой попри­тихли. Также узнали мы и то, что внизъ по Оби-Паткѣ отъ кишлака Нижняго Гумая къ Пянджу дороги нѣтъ, но что есть удобная тропа по Усангъ-су отъ Питау.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, мы рѣшили сегодня же передвинуться въ Питау или какойнибудь другой пунктъ съ цѣлью войти въ непосредственную близость съ афганскими постами, и благо, что все равно уже намъ не удалось пройти къ верхнему теченію Пянджа незамѣченными, самимъ узнать расположеніе войскъ и тогда уже рѣшиться на что либо. Мы полагали, что свѣдѣнія о такомъ большомъ количествѣ афганскихъ войскъ, собранныхъ зачѣмъ-то въ окрестностяхъ Калаи-Вамара, невѣрны; жители вообще не внушали къ себѣ большого довѣрія въ показаніяхъ; при томъ намъ казалось, что разъ отрядъ генерала Іонова идетъ по Гунту (свѣдѣнія, добытыя отъ тѣхъ же туземцевъ), то афганцамъ выгоднѣе сосредото­читься у Баръ-Пянджа. Наши свѣдѣнія объ отрядѣ генерала Іонова въ эти дни, т.-е. съ 1 по 6 августа, были ничтожны, и мы не имѣли возможности отличить истину отъ лжи; самимъ же намъ казалось, что русскіе должны были дѣйствовать въ направленіи на юго-западъ, къ Гиндукушу, а никакъ не на западъ къ тому же Калаи-Вамару, къ которому такъ стремились и мы.

Такимъ образомъ, совершенно почти неожиданно наткнувшись на значительный гарнизонъ афганцевъ, мы могли лишь только ждать подхода сюда генерала Іонова, который, если вѣрить слухамъ среди жителей, направляется сюда; въ виду этого мы и ждали новыхъ свѣдѣній, сколько могли, то-есть пока у насъ не свалилась больною половина команды, и пока была хоть щепотка чая. Воспользоваться тропкою отъ Нижняго Гумая къ Питау, то-есть участкомъ такъ называемой индійской дороги, мы не рискнули изъ боязни слишкомъ рано обнаружить себя и свою численную слабость, и поэтому приказали вести себя какоюнибудь другою тропкою, уходящею глубже къ Патку отъ Пянджа. Правда, всѣ жители, а, стало быть, и афганскіе развѣдчики были увѣрены попрежнему, что сзади насъ идутъ еще солдаты, и мы, конечно, не разувѣряли ихъ, но осторожность не мѣшала.

Насъ повели прямо на крутой контрфорсъ, переваливъ который мы попали въ ущелье рѣчки, впадающей въ Паткъ противъ самаго Верхняго Гумая ¹⁾. Повернувъ съ юга на западъ, мы потянулись утомительными крутыми и подчасъ опасными контрфорсами вверхъ на снѣжный перевалъ Бгоу, о существованіи котораго никто изъ насъ, да и врядъ ли кто и раньше вообще предполагалъ. Такъ тянулись мы, держась за хвосты лошадей, на которыхъ ѣхали больные, около трехъ часовъ и наконецъ добрались до покрытой снѣгомъ холмистой сѣдловины перевала, лежащаго на высотѣ около 14.000 футовъ; кругомъ ни кустика; только грязный снѣгъ и камень; внизу между камнями видна чахлая травка. За переваломъ открылась глубокая щель съ крутыми холмистыми сначала откосами; это было ущелье ручья Бгоу, сбѣгающаго между дикими скалами и снѣгами съ сѣвера на югъ на соединеніе съ Усангъ-су.

Спускъ былъ значительно легче подъема, и мы съ удовольствіемъ сбѣгали уширеннымъ шагомъ то по крутымъ отрогамъ, покрытымъ травкой, то подъ темно-коричневыми отвѣсами скалъ.

Внизу у самаго Усангъ-су грунтъ неожиданно перемѣнился; вмѣсто угрюмыхъ массивовъ повсюду зажелтѣла мягкая глина. Вверху по рѣчкѣ показался крошечный кишлачекъ съ глиняными же постройками. Это былъ кишлакъ Сіяншанъ. Но въ него мы не пошли, а, дойдя до Усангъ-су, круто повернули внизъ по теченію по сносной узкой тропѣ, часто прерываемой карнизами и даже балконами. Вскорѣ миновали мы кишлакъ Бгоу, такой же бѣдный, какъ всѣ ранѣе попадавшіяся намъ селенія Запянджя. Въ общемъ путь этотъ показался намъ послѣ всего испытаннаго нетруднымъ, и мы къ вечеру, правда, утомленные голодомъ и жаждой, добрались наконецъ до густой рощи съ великолѣпными экземплярами строевой арчи и листовеннаго разнолѣся, покрывающей все дно уширеннаго ущелья Усангъ-су возлѣ кишлаковъ Питау и Варфъ. Это была первая видѣнная нами во всемъ Запянджскомъ Дарвазѣ значительная группа дико растущаго лѣса; особенно пріятно было то, что лѣсокъ этотъ раскинулся по ровному усѣянному большими сѣрыми камнями дну ложа рѣчки, которая, разбившись на три рукава, журча обѣгала каждый камень, скалу и значительную группу деревьевъ. Картина была близка къ нашимъ сѣверо-скалистымъ пейзажамъ острова Валаама или Олонецкой губурніи.

По мосту перешли мы черезъ Усангъ-су на правый берегъ и, поднявшись по холмистому уступу, на которомъ раскинулся кишлакъ Варфъ, расположились въ одномъ изъ отдѣльныхъ его садовъ съ цѣлью большаго обзора лежащей вокругъ мѣстности.

¹⁾ Этого ущелья рѣчки и, тѣмъ паче, тропы совершенно не показано даже примѣрно на картѣ Памировъ, равно какъ и перевала Акбаи-Бгоу, какъ и всего этого пути до самаго кишлака Бгоу. Невѣрно также поставленъ и самый кишлакъ.

Кишлакъ Варфъ раскинулся отдѣльными группами домовъ и садовъ въ широкомъ логу мощнаго отрога пиковъ Газъ-Дара, несколько не уступающаго по высотѣ Патку. Этотъ отрогъ, отдѣлившись отъ ледниковъ, тянется въ восточномъ направленіи къ Пянджу и, несмотря на то, что пониженіе его весьма интенсивно, не успѣваетъ за двадцать верстъ своего протяженія сойти на нѣтъ къ Пянджу, а круто обрывается въ него почти отвѣсной стѣной. Сѣверный его участокъ въ округѣ Варфа, хотя и является крутымъ, но холмистъ и покрытъ особенно внизу короткой сочной травкой. По дну широкаго ущелья бѣжитъ ручей, орошающій поля и сады кишлака. Здѣсь отведены по обоимъ склонамъ лога тщательно сохраняемые арыки, которые, благодаря тому, что берутъ свое начало на значительной высотѣ, представляютъ собою тонкую зеленую ленту, выходящую болѣе чѣмъ на сто сажень надъ кишлакомъ. Здѣсь отъ Варфа по лѣвому холмистому крутому откосу вьется тропа на послѣдній переваль, отдѣляющій насъ отъ Калаи-Вамара, по имени Акбаи-Гульдзари.

Противъ Варфа на томъ, лѣвомъ, берегу Усангъ-су, въ тылу насъ зеленѣютъ сады кишлака Питау, расположившагося на высокой ровной террасѣ подъ переваломъ Рога. Селенія и жители имѣли болѣе зажиточный и довольный видъ, нежели убогіе кишлаки, какъ, на примѣръ, Дыроу. Мы расположились въ одномъ изъ садовъ и стали собирать свѣдѣнія. Миръ-Ахуръ неистово волновался и о чемъ-то все время горячо говорилъ съ туземцами, среди которыхъ былъ амлякдаръ всей этой округи, умный молодой таджикъ. Послѣ какихъ-то преній амлякдаръ и нѣсколько стариковъ выдѣлились изъ толпы, а остальные ушли. Сѣдой старикъ началъ говорить что-то съ большимъ жаромъ и энергически жестикулируя. Начались переговоры.

Первое, что было предложено намъ, это покорнѣйшая просьба уйти отсюда какъ можно скорѣе.

Мы удивились; тогда старикъ началъ.

— Здѣсь край безпокойный; афганскіе посты стоятъ сейчасъ на перевалѣ, въ четырехъ верстахъ отсюда. Мы и такъ каждый день терпимъ отъ нихъ грабежи и разбой; у насъ нѣтъ ни солдатъ, ни сколько нибудь хорошихъ ружей, чѣмъ могли бы мы защищаться; чиновники бухарскіе, которыхъ тутъ почти никогда не бываетъ, защитить насъ не могутъ; поэтому афганцы дѣлаютъ съ нами, что хотятъ: мы вполнѣ въ ихъ власти. Теперь, когда вы, русскіе, направились сюда, афганцамъ это стало извѣстно прежде, нежели вы дошли до Дыроу; они разослали всюду своихъ людей, которые слѣдятъ за вами и обо всемъ доносятъ. Сколько васъ, ни мы, ни афганцы не знаемъ, но, конечно, много, иначе бы, если бы васъ было столько, сколько сейчасъ здѣсь, эти разбойники, конечно, напали бы на васъ еще на пути. Они храбры, хорошо вооружены

и быстро ходять по горамъ. Когда вы вышли изъ Дыроу, афганцы сказали намъ, что если мы будемъ вамъ помогать, то они послѣ вашего ухода всѣхъ насъ перерѣжутъ. Поэтому просимъ васъ—уйдите отсюда; дѣлайте, что хотите, но отъ насъ помощи не ждите. Мы не можемъ дать вамъ ни проводниковъ, ни продовольствія. Здѣсь сейчасъ даже навѣрное есть нѣсколько афганцевъ, которые слѣдятъ и за вами, и за нами и слушаютъ, что мы говоримъ.

Мы стали успокаивать, говоря, что намъ ничего отъ населенія не надо, и что наоборотъ мы готовы защитить ихъ, если то будетъ необходимо, но уйти назадъ мы не можемъ.

Взволнованные таджики не успокаивались и убѣдительно просили насъ оставить эти края. Они говорили, что здѣсь и безъ того каждый день идутъ перестрѣлки, особенно на перевалѣ Акбаи-Гульдзари, уводятся скотъ и жители. Шугнанцы и бадахшанцы, поощряемые афганскими солдатами, ежедневно совершаютъ набѣги, и номинальнымъ бухарскимъ подданнымъ приходится самимъ отбиваться отъ этихъ нападеній.

— Почему же сюда не пришлютъ отъ эмира солдатъ?—спросилъ я.

— Что толку въ этихъ трусахъ?—съ презрѣніемъ отвѣтилъ старикъ:—афганцы храбры и любятъ драться; бухарскіе солдаты только заставляютъ ихъ чаще сюда приходить и всѣхъ рѣзать.

— Однако, зачѣмъ же вы пускаете афганскихъ развѣдчиковъ, вѣдь вы знаете ихъ?—спросили мы.

— Какъ же ихъ не пускать? У насъ въ любомъ кишлакѣ есть родственники живущихъ въ Шугнанѣ и Бадахшанѣ. Почему мы знаемъ, зачѣмъ идетъ человѣкъ?

— А сами вы ходите за границу?

— Нѣтъ, насъ не пускаютъ солдаты; иногда собираемся партией, чтобы отбить скотъ, взятый противникомъ, потомъ возвращаемся.

Въ общемъ всѣ эти разспросы пяти неглупыхъ таджиковъ выяснили то, что вся округа по теченію рѣки Тангъ-Шива и здѣсь вплоть до Гумая находится подъ фактическимъ контролемъ афганцевъ, которые постоянно поощряютъ шугнанцевъ и бадахшанцевъ къ разбоямъ и грабежамъ и иногда сами принимаютъ въ нихъ участіе. Жители отбиваются сами, какъ могутъ; такъ въ Варфѣ есть компанія, человѣкъ въ двѣнадцать молодцовъ, имѣющихъ пашки и фитильныя ружья, которые и являются вооруженной защитой своихъ односельчанъ и предпринимаютъ рискованныя набѣги въ свою очередь въ Шугнанъ. Перевалъ Акбаи-Гульдзари является пунктомъ постоянныхъ столкновеній въ здѣшней округѣ. Но теперь онъ занятъ афганскимъ постомъ, слѣдящимъ за нами. Другой афганскій постъ находится въ Ротау, селеніи, принадлежащемъ Бухарѣ и лежащемъ по ту сторону перевала на рѣкѣ

Тангъ-Шива; третій на перевалѣ Бадамбучъ; остальные по ту сторону Пянджа. Но въ Часноудѣ стоитъ около полутораста афганскихъ кавалеристовъ, а въ Вознаудѣ около 250 человекъ. Въ самомъ же Калаи-Вамарѣ расположено 700 пѣхотинцевъ. Войска эти въ такомъ количествѣ перешли сюда изъ Бадахшана въ виду того, что афганцы слышали, будто идутъ русскіе изъ Дарваза, то-есть мы, затѣмъ по Бартангу и Гунту. Раньше же, мѣсяцъ тому назадъ, въ Калаи-Вамарѣ стояло всего около полутораста пѣхотинцевъ и кавалеріи.

Грабежи и угонъ скота подданными Бухары и Афганистана другъ у друга настолько часты, что породили обычай, какъ я уже говорилъ, размѣниваться награбленнымъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ. Для этого тѣ и другіе безоружные съ награбленнымъ добромъ выходятъ на перевалъ Гульдзари и мирно совершаютъ размѣнъ, при чемъ тѣ, у кого послѣ обмѣна получился остатокъ, берутъ за него выкупъ деньгами, хлѣбомъ или баранами и возвращаютъ добро.

Узнали также мы, что изъ Варфа въ Вознаудъ ведетъ хорошая дорога ущельемъ Усангъ-су и далѣе вверхъ по Пянджу, и что этой дорогой афганцы иногда пользуются для осмотра мѣстности. Такимъ образомъ въ тылу насъ былъ удобный путь для того, чтобы отрѣзать насъ отъ Калаи-Хумба, т.-е. отъ пути назадъ.

О движеніи нашихъ отрядовъ сколько нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній не было: объяснялось это тѣмъ, что афганцы строго контролировали всѣхъ переходящихъ границу.

Такимъ образомъ, обстановка, въ которую мы попали, была крайне печальна для насъ. Мы наткнулись на цѣлый значительный гарнизонъ афганцевъ тамъ, гдѣ предполагали, что его не будетъ; силы его, какъ бы ни были преувеличены въ показаніяхъ туземцевъ, были во всякомъ случаѣ весьма значительны, и о томъ, чтобы заставить ихъ дать намъ дорогу, нечего было и думать, особенно при запрещеніи вызывать какія бы то ни было столкновения. Передъ нами широко стояли посты, и сзади шла дорога, по которой свободно могли отрѣзать намъ единственный путь назадъ. Незвѣстность о томъ, гдѣ наши памирскія болѣе многочисленныя партіи, и когда онѣ придутъ къ Калаи-Вамару, заставляла насъ ждать выясненія событій, быть можетъ, долго, недѣлю, цѣлый мѣсяцъ. А между тѣмъ запасовъ у насъ было не болѣе, какъ на шесть дней. Пополнить ихъ у мѣстныхъ жителей не представлялось возможнымъ, такъ какъ такихъ вещей, какъ необходимѣйшіе чай и сахаръ, не имѣлось совершенно; лепешки и баранину было бы можно доставать недолгое время, но жители, боясь мести афганцевъ, сторонились насъ и прятали запасы, а насъ самихъ просили уйти. При всемъ томъ, кто знаетъ, насколько можно положиться на искренность туземцевъ, имущественные и родственные

интересы которыхъ были всецѣло на сторонѣ подданныхъ Афганистана (какъ они говорили) шугнанцевъ и бадахшанцевъ. Наконецъ, отъ непомерно большихъ утомительныхъ переходовъ, лихорадокъ и горной болѣзни здоровье людей команды было неблестящее и сегодня, т.-е. второго числа, изъ шестнадцати человѣкъ было шесть больныхъ.

Обсудивъ все это, мы рѣшили продержаться здѣсь, возлѣ Вонауда возможно дольше съ цѣлью разузнать что либо о нашихъ отрядахъ и уйти только тогда, когда наши больные и изсякающіе запасы не вынудятъ начать обратное движеніе. Для того же, чтобы самимъ удостовѣриться въ томъ, что показывали намъ жители, мы рѣшили на другой день произвести развѣдку въ сторону Калаи-Вамара и лично удостовѣриться въ расположеніи афганскихъ постовъ.

Туземцы, видя, должно быть, что мы не собираемся уходить назадъ, предложили свои услуги въ смыслѣ охраны на сегодняшнюю ночь; мы приняли это предложеніе и указали вызвавшимся семи здоровымъ малымъ, пришедшимъ къ намъ съ мултуками и шапками, мѣсто, гдѣ они должны засѣсть, — именно наблюдать дорогу по Усангъ-су. Сами же выставили небольшой секретъ къ сторонѣ Акбай-Гульдзари. Легли мы всѣ не раздвѣваясь, въ виду возможности нападенія; больныхъ положили въ середину. Но вскорѣ намъ пришлось отказаться отъ помощи охотниковъ-туземцевъ по слѣдующему случаю.

Ночью, поднявшись посмотреть, что и какъ, я замѣтилъ какіе-то огоньки въ сосѣднихъ кустахъ, которые мнѣ показались подозрительными. Послали обходъ узнать, въ чемъ дѣло; оказалось, что наши самозванные союзники, руководствуясь своею тактикой, сами повернулись лицомъ въ нашу сторону и, заранѣе наведя свои ружья на лагерь на тотъ случай, если на него де бросятся афганцы, сидѣли съ раздутыми фитилями, засыпавъ порохъ на полку; эти фитили и выдали ихъ.

Понятно, что прежде всего отъ нашихъ союзниковъ должны были пострадать мы сами, и потому мы урезонили ихъ повернуться лицомъ въ сторону Усангъ-су, а ради собственнаго спокойствія отвели ихъ подальше. Тѣмъ не менѣе ретивые друзья наши провели ночь, не сомкнувъ глазъ, чѣмъ были очень довольны. Мы же въ свою очередь были имъ благодарны за то, что не были случайно ими ночью подстрѣлены.

Такъ провели мы спокойно холодную лѣтнюю ночь со второго на третье августа.

Утро третьяго августа было ясно и холодновато. Мы поднялись и за утреннимъ чаемъ, который пили по недостатку сахару съ сушеными прескверными мѣстными яблоками, приступили къ сбору на развѣдку. Нашъ Миръ-Ахуръ, до смерти перепугавшійся, быть

можетъ, предстоящаго столкновенія, тормозилъ намъ всячески наши сборы. Видя это, мы предложили ему остаться вмѣстѣ съ больными и остающимися въ лагерѣ на случай нападенія афганцевъ по Усангъ-су нижними чинами. Но старецъ испугался еще болѣе перспективы остаться въ тылу для охраненія дороги и полуживой отъ страха заявилъ, что онъ не оставитъ насъ до самаго перевала, гдѣ считаетъ владѣнія эмира кончающимися.

Передъ выступленіемъ намъ пришлось еще разъ выдержать просьбы жителей не появляться на перевалѣ, показавшіяся намъ подозрительными. Мы успокоили, какъ показалось мнѣ, неестественно волновавшихся туземцевъ и предложили тѣмъ изъ нихъ, которые были вооружены, слѣдовать съ нами и воспользоваться случаемъ, если хотятъ, прогнать такъ безпокойшій и отрѣзавшій имъ путь въ ущелье Тангъ-шива афганскій постъ. Тѣ съ радостью согласились, и тотчасъ же образовалась изъ нихъ группа молодцовъ, человекъ въ десять.

Мы оставили въ лагерѣ, кромѣ шести человекъ больныхъ, не могшихъ идти, еще четырехъ здоровыхъ охотниковъ при старшемъ, устроили и приспособили къ оборонѣ на случай нападенія ограду занятаго нами садика, дали соответственныя инструкціи на случай, если будетъ плохо намъ, и двинулись въ путь, предшествуемые тѣмъ же сѣдобородымъ старикомъ, который такъ усиленно просилъ насъ вчера уйти отсюда.

Тропа шла крутымъ уваломъ по лѣвому холмистому контрфорсу. Мы вскорѣ втянулись въ верхніе дворы селенія и, миновавъ ихъ, вышли на открытый гребень отрога. Кругомъ не было видно ни души. Впереди виднѣлись двѣ сложенные изъ камня на арыкѣ мельницы; далѣе разстилалась рѣзко повышающаяся поляна, за которой круто поднимался слѣдующій контрфорсъ.

Таджики, сопровождавшіе насъ, шли молча отдѣльной группой и къ чему-то прислушивались; мы подвигались медленно съ необходимыми передышками.

Вдругъ таджики остановились; одинъ изъ нихъ что-то крикнулъ и побѣжалъ къ намъ. Между мельницами мелькнула чья-то фигура въ бѣлой рубахѣ и штанахъ.

— Афганскій развѣдчикъ здѣсь въ арыкѣ, — задыхаясь отъ бѣга, полушепотомъ сообщилъ таджикъ и указалъ на группу мельницъ. Мы на минуту остановились.

— Онъ часто здѣсь бываетъ, все высматриваетъ, только взять его не удастся, такъ какъ малый сильный и ловко скрывается у своего родственника-мельника или здѣсь или въ Зичарвѣ, — пояснилъ намъ другой.

— Взять его, — приказалъ Н. Д., — но безъ моего приказанія не стрѣлять, надо поймать.

Мы приготовили револьверы, охотники зарядили винтовки и разомкнулись шаговъ на десять другъ отъ друга. Наши союзники благоразумно сбились сзади въ кучу и ждали исхода. Блѣдный Миръ-Ахуръ безмолвно сидѣлъ на лошади.

Осторожно подходили мы къ мельницамъ, но, не доходя до нихъ шаговъ пятидесяти, увидѣли фигуру, быстро бросившуюся внизъ въ камни. Какъ кошка, прыгалъ этотъ молодецъ съ камня на камень, стремясь уйти внизъ къ ручью и зеленѣющимъ еще далѣе внизу садамъ.

— Не давать ему!—крикнулъ Н. Д., и охотники бросились за нимъ внизъ и вправо. Я побѣжалъ также, забирая сколько можно ниже. Но гдѣ намъ, усталымъ и утомленнымъ, соперничать съ ловкимъ горцемъ, выросшимъ среди этихъ же камней? Разстояніе между нами и бѣглецомъ увеличивалось съ каждымъ шагомъ; онъ дѣлалъ изумительные прыжки и все приближался и приближался къ каменному завалу у ручья. Было ясно, если афганецъ доберется до этихъ камней, то его уже не сыщешь.

— Эхъ, упустятъ,—махнулъ рукой Н. Д.:—Подмосковный, стрѣлай!—крикнулъ онъ бѣжавшему возлѣ охотнику.

Тотъ сѣлъ на колѣно и приложился, ведя мушку за убѣгающей фигурой; было не болѣе 300 шаговъ, и на промахъ было трудно рассчитывать. Сосѣдній охотникъ сдѣлалъ то же.

На моментъ мы замерли; это была первая пуля по живому человѣку во всю нашу протекшую жизнь. То же, вѣроятно, чувствовалъ Н. Д., нервно стиснувшій зубы въ ожиданіи выстрѣла по человѣку, какъ по звѣрю. Стрѣлки внимательно подводили мушку подъ цѣль. Прошло нѣсколько секундъ.

— Остановился,—крикнулъ кто-то снизу. Мы вздрогнули. Бѣлая фигура стояла неподвижно среди камней лицомъ къ намъ въ ожиданіи пули.

— Не стрѣлять, оставь!—крикнули мы; нѣсколько человѣкъ охотниковъ и таджиковъ подбѣжали къ молодцу и взяли его; тотъ не сопротивлялся. Его подвели къ намъ. Это былъ красивый, здоровый, широкогрудый, почти юноша, лѣтъ двадцати. Онъ блѣдный, какъ полотно, смотрѣлъ на насъ черными красивыми испуганными глазами и едва переводилъ дыханіе. При немъ былъ одинъ длинный ножъ и ненадутый гупсаръ, съ помощью котораго онъ переправлялся черезъ Тангъ-Шива во время своихъ развѣдокъ; онъ былъ шуганецъ родомъ и состоялъ на жалованьи у начальника Калаи-Вамара. На этотъ разъ его обязанность была дать знать о нашемъ движеніи на перевалъ стоящему тамъ посту. Но это не удалось. Опросивъ, мы передали его старшинѣ и приказали отправить въ Варфѣ до нашего возвращенія.

— Онъ спрашиваетъ, что съ нимъ будетъ, и оставятъ ли его живымъ,—доложилъ Подмосковный.

— Успокой его; будетъ живъ, пусть только не думаетъ бѣжать,—отвѣтилъ Н. Д., и мы двинулись далѣе.

Не доходя до крутого поворота тропы, которая скрывалась за почти отвѣснымъ контрфорсомъ праваго уступа, мы увидѣли вершину перевала. Она была въ верстѣ отъ насъ. Одинъ изъ туземцевъ указалъ рукой по тому направленію и сказалъ, что тамъ находится первый афганскій постъ. Мы стали вглядываться и не успѣли еще окончательно высмотрѣть его расположеніе, какъ оттуда гулко раздался выстрѣлъ. Мы невольно остановились изъ естественнаго чувства перваго на насъ выстрѣла. Гдѣ-то далеко послышался второй.

За поворотомъ тропы послышался гулъ и какой-то неясный шумъ, весьма похожій на топотъ скачущихъ коней. За контрфорсомъ показалась пыль.

У меня невольно екнуло сердце; мысль, что на насъ несется толпа кавалеристовъ, которыхъ можно встрѣтить огнемъ не далѣе полутораста шаговъ, такъ какъ до того разстоянія ихъ скрывалъ бы контрфорсъ, молніей мелькнула у меня въ головѣ. Я остановился и потянулся за револьверомъ. Разсыпанные вѣеромъ охотники стали. Шумъ усиливался, потомъ началъ слабѣть.

— Впередъ!—съ налившимися кровью глазами крикнулъ Н. Д.

— Впередъ!—повторилъ и я, и всѣ тронулись, но тотчасъ же остановились: возлѣ насъ не было ни Миръ-Ахура, ни проводниковъ, ни нашихъ храбрыхъ союзниковъ.

— Гдѣ они, эти подлецы?—сверкнулъ глазами Н. Д.

— А вонъ, ваше благородіе, Миръ-Ахуръ сидитъ,—отвѣтилъ кто-то. И дѣйствительно, внизу за камнемъ, свалившись съ лошади, сидѣлъ полуживой дипломатъ въ шелковомъ халатѣ и бѣлоснѣжной чалмѣ; возлѣ него присѣлъ за кустомъ въ самой комической позѣ сѣдобородый старшина, тутъ же стоялъ блѣдный слуга Миръ-Ахура и не сидѣлъ только потому, что долженъ былъ держать лошадей. Выше и ниже изъ-за камней выглядывали головы храбрыхъ союзниковъ.

— Оставимъ эту сволочь, пойдемъ,—усмѣхнулся Н. Д.

— Конечно, чего съ ними возиться,—согласился я, и мы двинулись далѣе, пытливо всматриваясь въ вершину перевала и ожидая дальнѣйшихъ выстрѣловъ. Но кругомъ было тихо.

Доидя до поворота дороги, мы увидѣли причину грохота, принятаго всѣми за топотъ коней. Это былъ обвалъ скалы, рухнувшей, благодаря рыхлому грунту отсыпи. Тропу завалило на нѣсколько сажень; стояла уже сильно порѣдѣвшая пыль; внизу катились неостановившіеся камни и ползъ щебень.

Мы перебрались черезъ отсыпь и пошли далѣе, круто повернувъ по тропѣ влѣво; и черезъ полчаса благополучно добрались

до перевала. Къ намъ по пути по одному и группами присоединились Мирь-Ахуръ, старшина и добровольцы-гаджики.

Картина, открывшаяся намъ съ перевала, была поражающе великолѣпна и величественна, и мы, и охотники, и даже Мирь-Ахуръ стали, какъ вкопанные, пораженные величественнымъ зрѣлищемъ. Благодаря удивительно выгодному положенію перевала, на которомъ мы были (около 12.000 ф.), нашимъ глазамъ предстали не одинъ, не три, не десять дѣвственно снѣжныхъ сіяющихъ льдами хребтовъ, а разстилались цѣлые ряды ихъ, одинъ выше другого, то смѣшиваясь между собою, то рѣзко выдѣляясь своимъ блистающимъ горбомъ, то снова пропадая. Это было безконечное царство бѣлыхъ, яркихъ, дѣвственныхъ кряжей, надъ которыми выше было одно только черно-синее глубокое небо. Глядишь, и глаза не могутъ отдѣлать одного хребта отъ другого. Только впереди, на югѣ вся эта громада снѣговъ рѣзко, отчетливо прерывается, словно смирившись, и на самомъ горизонтѣ, въ ста шестидесяти верстахъ отъ насъ величественно, спокойно высится надъ этимъ моремъ будто застывшихъ волнъ, какъ бы гордясь своей несравнимой съ сосѣдями высотой, мощный Гиндукушъ. Такъ вотъ онъ, Гиндукушъ, невольно западаетъ въ голову мысль, вотъ онъ, тѣ горы, перешагнуть черезъ которыя тянетъ русскаго богатыря какая-то непреодолимая, могучая сила. За ними Индія, сказочная страна милліоновъ людей, касть, золота и мученій. Словно сказочный змѣй легъ вокругъ заколдованнаго царства и блеститъ на солнцѣ ледяной чешуею своей костистой спины. Когда же рѣшится Иванъ-царевичъ перешагнуть черезъ этого змѣя-горыныча и перешагнетъ ли, да и надо ли дѣлать этотъ богатырскій прыжокъ?

Много мыслей роится въ головѣ, и не хочется опрокинуться въ эту бездну бѣлыхъ хребтовъ и черныхъ ущелій; жутко становится при видѣ этой картины, передъ ней чувствуешь свое полное ничтожество. Глазъ какъ-то невольно косится на кажущіяся мизерными фигуры людей въ бѣлыхъ штопанныхъ рубахахъ, бѣлыхъ фуражкахъ и бурожелтыхъ вытертыхъ чембарахъ, стоящихъ въ оцѣпенѣніи на перевалѣ.

Налѣво, къ востоку, тянется бѣлая сплошь отъ снѣжныхъ хребтовъ поляна. Совсѣмъ лѣвѣе рѣзко выдѣляется колоссальный пикъ, яркой звѣздой горящей своими льдами на солнцѣ; до него, должно быть, верстъ шестьдесятъ или восемьдесятъ; онъ, словно царь, стоитъ среди покорныхъ ему вассаловъ. Всматриваешься дальше; ниже, подъ пеленой вѣчнаго снѣга зіяютъ темныя щели, покрытыя голубой нѣжной дымкой. Темнота ихъ усиливается съ приближеніемъ къ намъ; видны бока ущелій, внизу мѣстами зелень, отдѣльные контрфорсы; но вотъ совсѣмъ уже близко протянулся буро-темный хребетъ, скрывающій Калаи-Вамаръ, и наконецъ рѣзко падаетъ къ ногамъ кряжъ, отдѣляющій Пянджъ отъ ущелья Тангъ-Шива.

Прямо впереди едва свѣтитя сквозь голубую рѣющую дымку блестящая полоска Пянджа въ такомъ же голубоватомъ глубокомъ ущельѣ. Судя по картѣ, это Калаи-Баръ-Пянджъ; жители говорятъ то же. Калаи-Вамара не видно; онъ внизу и скрытъ черной громадой хребта Тангъ-Шива. Зато въ самомъ нижнемъ лѣвомъ углу, гдѣ этотъ хребетъ окончательно опрокидывается въ Пянджъ, ярко свѣтится дорога, зелень садовъ и домики Вознауда. Онъ отъ насъ всего въ четырехъ верстахъ. Ущелье Тангъ-Шива изъ-подъ самыхъ ногъ тянется въ полъ-оборота направо, вдали задернутое дымкой. Тутъ все, какъ на картѣ: по дну свѣтится голубая лента бурной пѣнящейся рѣки, видны ярко освѣщенные камни, тропы, кусты, деревья. А прямо, такъ сказать, подъ носками сапогъ, гдѣ низвергается внизъ головоломная тропа, слякутъ на солнцѣ крыши хижинъ кишлака Ротау. Сюда по этой тропѣ отошелъ афганскій постъ съ занятого нами перевала. Людей не было видно. Но, внимательно присмотрѣвшись, можно было рассмотреть группы засуетившихся людей въ Ротау; тамъ долженъ быть второй афганскій постъ. Третій постъ былъ виденъ на перевалѣ Бадамбучъ, какъ разъ напротивъ насъ на противоположномъ хребтѣ.

Пока люди отдыхали послѣ утомительнаго подъема, я сѣлъ зарисовывать простыми линиями всѣ лежащія впереди хребты и ущелья, а Н. Д. наносилъ схему ихъ. Сдѣлать съемку всего этого было прямо невозможно. Да и разобраться во всей массѣ сливающихся хребтовъ и отроговъ мнѣ тоже, конечно, не удалось въ какіе нибудь полчаса стоянія на одномъ мѣстѣ, и я удовольствовался только направлениемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

Отдохнувши, мы принялись за изслѣдованіе тропы въ Ротау и ближайшей части ущелья Тангъ-Шива. Надо было отодвинуть афганцевъ изъ этого селенія, оставленнаго почти всѣми жителями, по словамъ старшины; иначе при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи налѣво по хребту афганскіе солдаты свободно могли снова занять перевалъ и отрѣзать насъ отъ оставленнаго лагеря. Съ этой цѣлью, чтобы обезпечить себѣ отходъ къ лагерю въ Варфѣ, мы приступили къ обычному способу, распространенному въ Дарвазѣ въ такихъ случаяхъ—стали сбрасывать съ перевала камни, дабы сдѣлать движеніе по тропѣ на это время невозможнымъ. Благодаря необычайно мягкому грунту, состоящему преимущественно изъ щебня и распавшихся въ пыль разныхъ горныхъ породъ, намъ это вполне удалось. Наши охотники съ удовольствіемъ принялись за эту работу; къ нимъ присоединились таджики, которымъ это видимо было на руку. Пять или шесть человѣкъ, сѣвши на землю, безъ особаго труда сдвигали съ мѣста полутораста-пудовыя глыбы, давно ожидавшія лишь толчка, чтобы скатиться съ кручи внизъ, и вскорѣ цѣлый каскадъ каменныхъ глыбъ, камней, щебня и пыли посыпался внизъ въ кишлакъ, гремя о скалы и увлекая съ собою

цѣлыя лавины камней и щебня. Многіе камни, налетѣвъ съ размаха на встрѣчную скалу, словно разрывались—раскалывались на болѣе мелкіе куски и, прыгая и обгоняя другъ друга, стремились на кишлакъ.

Спустивъ такимъ образомъ не одинъ десятокъ каменныхъ глыбъ на тропу и крыши Ротау, мы рѣшили двинуться дальше къ берегу Пянджа по хребту перевала. Въ этомъ направленіи мы прошли около трехъ верстъ, не встрѣтивъ никого и не видя скрывшагося за склонами хребта Калаи-Вамара. Вознаудъ былъ виденъ на половину, и въ бинокль можно было разобрать, что въ немъ происходитъ по временамъ какое-то движеніе. Тогда намъ стало ясно, что двигаться въ Калаи-Вамаръ нѣтъ возможности; никакихъ дополнительныхъ свѣдѣній о нашихъ отрядахъ мы не смогли добыть. Приходилось ждать и положиться только на время, но оставаться въ Варфѣ съ половиной больныхъ людей и безъ продовольствія было совершенно уже невозможно.

Къ тому же пришедшій изъ Часноуда таджикъ подъ секретомъ сообщилъ, что сегодня ночью предполагается со стороны афганцевъ поискъ. Правильно или нѣтъ было это свѣдѣніе, но рисковать людьми безъ особенной надобности не приходилось, и мы, разочарованные, двинулись въ обратный путь къ Варфу. Мы спустились въ ущелье Оби-Зичарвъ и благополучно прибыли къ Варфу, не останавливаясь въ которомъ, собрали остававшуюся въ немъ команду и передвинулись въ Питау, т.-е. отошли на одну версту назадъ съ цѣлью имѣть внизу передъ собою дорогу по Усангъ-су.

Грустные и недовольные сегодняшнимъ днемъ сидѣли мы въ хорошенькомъ кишлакѣ Питау, окруженномъ зеленью и почти отвѣсными скалами, и пили за неимѣніемъ чая остатки какао, свареннаго на водѣ, заѣдая его вмѣсто сахара сушеными яблоками. Съ трудомъ достали себѣ барана и съ пересохшими, частью даже съ червями, галетами принялись за ужинъ. Оставаться здѣсь болѣе было невозможно, вся цѣль этого тяжелаго утомительнаго похода рухнула. Оставалась слабая надежда, что за четыре дня, потребныхъ на возвращеніе въ Калаи-Хумбъ, гдѣ мы могли бы достать хотя бы чая и сахару, могутъ прійти какія либо свѣдѣнія о нашихъ войскахъ.

Мы рѣшили какъ можно медленнѣе отходить назадъ и на завтра назначили ночлегомъ кишлакъ Нижній Гумай, гдѣ надѣялись найти лепешекъ, или, по крайней мѣрѣ, муки. Дальнѣйшее направленіе пути лежало на амлякдарскій кишлакъ Джумарчъ, возлѣ котораго имѣлась болѣе безопасная гупсарная переправа на правый берегъ Пянджа. Это направленіе было выгодно еще и тѣмъ, что, будучи наиболѣе бойкимъ путемъ, давало больше свѣдѣній о Калаи-Вамарѣ и Ташъ-Курганѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что Калаи-Вамаръ, недѣли двѣ спустя, былъ очищенъ афганцами и занятъ нашими отрядами, двигавшимися по Гунту и Шахъ-Дарѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, мы поторопились прибытіемъ и по недостатку припасовъ и огромному количеству больныхъ не могли дожидаться своихъ, несмотря на то, что были всего въ двадцати верстахъ отъ цѣли какъ нашей, такъ и цѣли движенія шаджанцевъ (постъ Памирскій).

Но все это мы узнали совершенно случайно лишь послѣ прибытія партіи обратно въ Самаркандъ и только тогда поняли, какъ близки были мы къ отрядамъ генерала Ионова, и почему насъ не беспокоили афганскія войска. Только тогда стало намъ ясно, что положеніе афганцевъ на линіи Калаи-Вамаръ и Баръ-Пянджъ было въ высшей степени затруднительно, такъ какъ они находились въ пунктѣ, къ которому подвигались съ сѣверо-и юго-востока отряды памирскихъ войскъ и съ сѣверо-запада наппа, показавшаяся имъ лишь авангардомъ болѣе значительныхъ силъ, команда. Имъ оставалось держаться въ Калаи-Вамарѣ столько, сколько можно было, чтобы не быть отрѣзанными отъ дороги обратно въ Бадахшанъ, и потомъ уйти что они, приблизительно двѣ недѣли спустя послѣ нашего ухода, и сдѣлали.

Обидно было то, что, находясь третьяго августа всего въ какихъ нибудь 90 верстахъ отъ передовыхъ частей нашихъ восточныхъ отрядовъ, мы не имѣли сколько нибудь вѣроятныхъ свѣдѣній объ этомъ. Не знали про наше присутствіе надъ самымъ Калаи-Вамаромъ и Шахдаринскій и Гунтскій отряды, слыша лишь отъ развѣдчиковъ, что изъ Дарваза съ сѣверо-запада подвигаются русскіе. Въ результатѣ всего этого было то, что мы, приложивъ столько силъ и преодолѣвъ массу природныхъ препятствій, своимъ движеніемъ принесли значительно меньшую пользу, чѣмъ та, которую можно было бы ожидать. Но какъ никакъ, а появленіе хотя бы и ничтожнаго отряда совершенно почти неожиданно въ тылу афганскихъ войскъ, конечно, не могло пройти для нихъ безслѣдно; кто знаетъ, что побудило ихъ такъ быстро очистить Калаи-Вамаръ, изъ котораго, при условіи отсутствія нашей команды въ Варфѣ, дорога черезъ переваль Бадамбучъ и вверхъ по рѣкѣ Тангъ-Шива въ Калаи-Гаронъ была совершенно свободна.

Весь остатокъ теплаго яснаго дня мы провели въ отдыхѣ и разговорахъ съ оказавшимся весьма интереснымъ старшиной всей округи, молодымъ, весьма развитымъ человѣкомъ. Онъ насъ поразилъ тѣмъ, что, увидя карту и спрося три-четыре названія, быстро ориентировался въ ней и началъ рассказывать къ ней подробности.

¹⁾ 30 іюля передовой отрядецъ нашихъ войскъ былъ уже у Рошъ-Кала, на Шахъ-Дарѣ, т.-е. въ 90 верстахъ отъ насъ, гдѣ онъ простоялъ задержанный афганцами до 6 августа. Мы, конечно, этого не знали.

Онъ такъ хорошо зналъ западный Памиръ, что, расчистивъ на площадкѣ песокъ, палочкой нарисовалъ направленія всѣхъ ущелій и рѣкъ и, великолѣпно ориентировавъ, понаставилъ камешки, называя кишлаки и лѣтовки. Получилась цѣлая карта мѣстности, совершенно сошедшаяся съ нашей десятиверстной.

Эта способность амлякдара удивила насъ, и мы невольно спросили, гдѣ онъ учился и почему такъ хорошо знаетъ мѣстность.

— Развѣ трудно сдѣлать это, видя мѣстность и зная восходъ солнца?—отвѣтилъ бухарець.

ХII.

Еще полдня четвертаго августа прождали мы въ Пятау въ надеждѣ узнать что либо и наконецъ, скрѣпя сердце, какъ говорится, не солоно хлебавши, двинулись на перевалъ Акбай-Рога (12.200 футовъ) и, благополучно переваливши его, къ вечеру пришли въ Нижній Гумай, то-есть были въ четырехъ верстахъ отъ первой нашей ночевки послѣ перевала Паткъ.

Мы старались всѣми силами задерживаться, гдѣ только возможно, и собирали всѣ входящія до насъ свѣдѣнія о движеніи нашихъ отрядовъ. Но, должно быть, не было суждено намъ соединиться съ шаджанцами, и мы все уходили и уходили отъ Калаи-Вамара, тогда какъ тѣ съ каждымъ днемъ къ нему приближались.

5-го августа выступили мы изъ Гумая черезъ перевалы Гумай и Бораси (каждый около 11.000 футовъ) и въ полдень прибыли въ амлякдарскій кишлакъ Джумарчъ, расположенный какъ разъ противъ впаденія въ Пянджъ его крупнаго притока — Ванча. Здѣсь послѣ цѣлой недѣли положительнаго голоданія мы полакомились чаемъ и великолѣпными краснотѣлыми джумарскими дынями.

Въ тотъ же день переправились мы на гупсарахъ черезъ Пянджъ на Калаи-Хумбскій берегъ, а восьмого, измученные и въ конецъ оборванные и больные, прибыли въ этотъ городъ. Положеніе наше ухудшилось еще тѣмъ, что въ командѣ появились больные, страдающіе какими-то сердечными припадками. Истомившіеся и изнервничавшіеся люди необычайно чутко относились ко всякимъ новымъ непріятностямъ, а эти непонятные припадки еще болѣе угнетали бѣдныхъ охотниковъ. Старшій Осинцевъ ежедневно чувствовалъ головокруженія, балагуръ Снѣдковъ былъ очень плохъ и въ одну ночь едва не отдалъ Богу душу, а бѣдняга Ежовъ былъ болѣе похожъ на тѣнь, чѣмъ на браваго пермяка-охотника; лихорадка изнуряла почти всѣхъ. Ждать новыхъ извѣстій и терять время было рискованно, и мы рѣшили уйти назадъ, тѣмъ болѣе, что въ Калаи-Хумбѣ никакихъ новыхъ извѣстій мы не ждали.

Грустно было отказаться отъ мечты соединиться съ памирцами, но дѣлать нечего. Мы рѣшили двинуться десятаго, но не прямо въ

Гиссаръ, а попытать пройти всей границей Афганистана по Пянджу и Аму, какъ съ цѣлю дать возможность истомившейся командѣ послѣ 900 верстѣ непрерывнаго похода по горнымъ трупобамъ отдохнуть на каюкахъ и набраться новыхъ силъ для новыхъ горныхъ хребтовъ, такъ и съ цѣлю возможно болѣе использовать наше движеніе—обслѣдовать всю приграничную Бухаро-Афганскую полосу.

Ночью Снѣдкову сдѣлалось очень плохо, съ нимъ случился какой-то непонятный припадокъ, во время котораго больной похолодѣлъ, пульсъ едва прощупывался, сердца не было слышно. На всѣ вопросы Снѣдковъ просто, глядя широко открытыми глазами, отвѣчалъ: «сердце болитъ и остановилось; видно, смерть пришла, ваше благородіе». Ни стопа, ни жалобы не вырвалось у него за всю ночь, которую всѣ мы провели возлѣ него, растирая его то скипидаромъ, то суконками.

Къ утру больной заснулъ, и послѣ сна хотя и былъ необычайно слабъ, но могъ при помощи товарища сѣсть въ сѣдло и двинуться вмѣстѣ съ командой обратно въ Бухару.

Мы рѣшили направиться обратно въ Сагыръ-Даштъ, Тальбаръ и далѣе внизъ по Яхъ-су къ Саяту, гдѣ надѣялись достать каюкъ, на которомъ могли бы продолжать свое путешествіе по Пянджу и Аму до Сурхана или даже Келифа. Но при этомъ мы выбрали направление изъ Сагыръ-Дашта не на Сары-Даштъ, а на переваль Рогакъ съ тою цѣлю, чтобы съ него перейти, не спускаясь, на переваль Тальбаръ. Но въ виду того, что команда нуждалась болѣе всего въ отдыхѣ, мы были принуждены двигаться небольшими переходами, почему и распредѣлили свой маршрутъ такъ: кишлакъ Рабатъ, Сагыръ-Даштъ, Калаи-Хаджа на Яхъ-су, Сары-пуль и т. д. Такимъ образомъ, переходы до Рабата и до Сагыръ-Дашта были малы и могли хоть до нѣкоторой степени служить дневкой; такъ первый переходъ былъ всего восемнадцать верстѣ, а второй—тринадцать.

Здоровье и нервы охотниковъ до того развинтились, что даже твердый и разсудительный маленькій Харитоновъ, по приходѣ нашемъ въ Рабатъ, разрыдался и просилъ, въ случаѣ его смерти, не хоронить его здѣсь въ камняхъ, а принести въ Самаркандъ.

Пришлось бѣднаго чувашина, несмотря на всю любовь къ нему, поднять на смѣхъ за его мрачныя мысли. А тутъ еще, какъ нарочно, на утро, при подъемѣ на переваль Хобу-Рабатъ, намъ встрѣчался караванъ верблюдовъ, везшихъ покойниковъ.

Придя въ полдень въ Сагыръ-Даштъ, мы прежде всего должны были позаботиться о больныхъ; устроили цѣлый лазаретъ на террасѣ мечети, предоставленной намъ по заявленію Миръ-Ахура, который тоже заболѣлъ лихорадкой. Свалился и Н. Д.

Не стану описывать нашъ путь по Яхъ-су; теченіе этой рѣки и ея долина прекрасно обрисованы А. А. Семеновымъ въ «Истори-

ческомъ Вѣстникѣ», и къ его описанію врядъ ли что можно прибавить. Скажу лишь, что путь отъ Сагыръ-Дашта до Тальбара черезъ перевалы Рогакъ и Хазретъ-и-ша (оба около 11.500 футовъ) значительно выгоднѣе направленія на Сары-Даштъ потому, что приходится преодолевать одинъ лишь подъемъ отъ Килюмба на Рогакъ, а зато далѣе тропа вьется по самой холмистой вершинѣ хребта на перевалѣ Хазретъ-и-ша, и только подъ Тальбаромъ нужно нѣсколько спуститься внизъ и снова подняться. Всѣ горы въ этомъ мѣстѣ имѣютъ (по вершинамъ) холмистый характеръ и въ лощинахъ и ущельяхъ наполнены перелѣсками, рощами и цѣлыми лѣсами прекрасной арчи, достигающей 7—8 сажень, древовиднаго боярышника, березы и другихъ. Здѣсь мы распрощались съ послѣдними залежами снѣга и съ дождевыми облаками вплоть до самага Сангъ-Гардаккаго перевала.

Двѣнадцатаго мы прибыли въ Сары-пулъ и на другой день выступили на югъ, въ плодородную долину Мумынабада.

Но тутъ не могу не припомнить довольно неприятнаго случая, бывшаго со мной въ большомъ амлякдарскомъ киплакѣ Дегресѣ, гдѣ мы остановились для большого привала, свидѣтельствующаго о томъ, что отношенія къ русскимъ въ южной долинѣ Яхъ-су не такъ великолѣпны, какъ того можно было сначала ожидать.

Мы были встрѣчены съ почтительностью и вниманіемъ; выѣхаль встрѣтить самъ амлякдаръ въ синемъ, жалованномъ русскими за ревностную службу, должать, халатѣ; льстивыя слова, ласковые взоры, коими встрѣтилъ насъ этотъ рябой, съ неприятной физиономіей чиновникъ, были обычны и ничего особеннаго не предвѣщали. Мы отдохнули, весело поговорили и двинулись въ путь. Но тутъ на бѣднаго Макара, какъ говорится, всѣ шишки валяются, такъ случилось и со мной, если вспомнить происшествіе въ Джаръ-кишлакѣ, возлѣ Дюшамбе. Здѣсь въ Дегресѣ я отсталъ отъ команды, чтобы осмотрѣть мѣсто привала, съ цѣлью удостовѣриться, все ли взято. И вотъ, когда я только тронулъ своего вороного въ догонку скрывшейся команды, подъ ноги лошади покатился здоровый камень, пущенный изъ-за дувала съ отборными мусульманскими ругательствами. Едва я обернулся, какъ второй попалъ по крупу лошади; его пустилъ тотъ самый амлякдаръ, который десять минутъ тому назадъ такъ униженно угощалъ насъ и только минуты двѣ тому назадъ жалъ намъ руку съ благими пожеланіями и благословеніями Аллаха.

Я оглянулся; команда уже скрылась за поворотомъ холма; въ толпѣ былъ слышенъ насмѣшливый смѣхъ; приготовлялись еще камни. Видя, что быть скандалу, я круто повернулъ лошадь на амлякдара и, что называется, не моргнувъ глазомъ, спросилъ, не видѣлъ ли онъ ножа, который я потерялъ тутъ. Хитрое лицо чиновника выразило испугъ, онъ побагровѣлъ и затѣмъ поблѣднѣлъ;

я ясно видѣлъ, какъ онъ за своей спиной выпустилъ изъ руки камень. Запинаясь, онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ ничего не видѣлъ, что все осмотрѣлъ, что пропасть ничего не можетъ и т. д. Конечно, я не искалъ никакого ножа, я нарочно еще объѣхалъ площадку, гдѣ только что стояли охотники, и нарочно вглядывался въ непредвѣщающія ничего хорошаго фizioноміи туземцевъ. У каждаго были припасены камни; я какъ будто бы не замѣчалъ. Наконецъ, повернулъ лошадь къ выходу и получилъ опять камень по крупу; послѣ этого я уже не сталъ медлить, а, обернувшись и замѣтивъ снова спрятавшася вдругъ за дуваль амлякдара, далъ лошади рыси и, догнавъ черезъ полчаса команду, подѣлился всѣмъ съ Н. Д.

Я былъ возмущенъ поступкомъ амлякдара, но еще болѣе возмущился Н. Д. Мы рѣшили потребовать отъ кулябскаго бека объясненій по этому поводу. Придя въ Мумынабадъ, въ которомъ амлякдарствовалъ сынъ бека, мы тотчасъ же потребовали Миръ-Ахура и, объяснивъ ему происшедшее, впервые высказали свое неудовольствие за его непредусмотрительность, поведшую къ явному и крупному недоразумѣнію въ Дегресѣ. Юный управитель дивной плодородной Мумынабадской долины и Миръ-Ахуръ перетрусили порядочно; тотчасъ же поскакали гонцы въ Дегресъ и Кулябъ. Оставить виновнаго безъ наказанія мы не считали возможнымъ, такъ какъ въ будущемъ повтореніе подобныхъ случаевъ могло повести къ серьезнымъ недоразумѣніямъ.

Утромъ четырнадцатаго мы выступили изъ Мумынабада въ сопровожденіи самого амлякдара. Красивый юноша видимо жилъ въ свое исключительное удовольствіе; онъ, желая очевидно щегольнуть передъ нами, весь вечеръ и все утро выходилъ на террасу то въ лисьемъ, то въ барсуковомъ халатахъ, въ шелковыхъ рубашкахъ и т. п. Въмѣсто солдатъ въ караульномъ домѣ подъ входными воротами его помѣщенія сидѣло десятка два бравыхъ халатниковъ, вооруженныхъ пашками и ножами; тутъ же стояли стойки съ прекрасными соколами и кречетами, къ угламъ прислонены фитильныя, сошниковыя и кремневыя ружья въ удивительной исправности. Картинка была прямо средневѣковая Московскаго царства.

Я спросилъ, часто ли амлякдаръ охотится. Онъ съ веселой дѣтской улыбкой сталъ рассказывать, что онъ все время проводитъ въ соколиной охотѣ, что во всей Мумынабадской долинѣ охота великолѣпная, и живетъ хорошо.

И дѣйствительно, выѣхавъ изъ садовъ, мы увидѣли обширную котловину, ограниченную кругомъ желтыми холмистыми горами, пестрящую сплошной зеленью тщательно обработанныхъ полей съ расквашивающими по нимъ аистами, и тѣснящаяся другъ къ другу шапки садовъ. Это былъ положительно маленькій рай, и старый бекъ не даромъ далъ Мумынабадъ въ управленіе своему сыну.

Въ Кулябѣ мы были встрѣчены предупредительно и не безъ страха; очевидно, исторія въ Дегресѣ стала уже извѣстна беку. Размѣстившись въ большомъ домѣ въ два свѣта, расположенномъ въ дивномъ бековскомъ саду, мы оставили официальную сторону назавтра, такъ какъ рѣшили устроить дневку.

Зная со словъ чиновниковъ гиссарскаго кушъ-беги, что въ Кулябѣ бекствуетъ родственникъ эмира, мы не преминули объ этомъ упомянуть здѣсь. Но оказалось, что хитрые чиновники хотѣли чрезъ насъ только подтрунить надъ бѣднымъ старикомъ; къ счастью, ихъ замыселъ открылся, благодаря предусмотрительности Подмоковнаго, вошедшаго въ дружбу съ кулябскимъ курбаши. Оказалось слѣдующее.

Въ Кулябѣ править (я говорю про описываемый мною 1894 годъ) восьмидесятилѣтній больной чудакъ Абдуль-Керимъ-бекъ-бій-дотъ-ха. Исторія его родства съ эмиромъ весьма печальна. Онъ уже лѣтъ пять правилъ бекствомъ благополучно, когда эмиръ по установившемуся у него обычаю подарилъ беку одну изъ своихъ ставшую ненужной женъ. Официально это считается большою честью въ благородной Бухарѣ, но фактически является тяжелой обязанностью для счастливецъ, такъ какъ женъ молодыхъ и красивыхъ эмиръ обыкновенно не даритъ, это—во-первыхъ; во-вторыхъ, бекъ попросту обращаться съ новой своей подругой жизни не можетъ, ибо его за это не похвалятъ, кромѣ того, во дворѣ является лицо, могущее всегда доносить обо всемъ въ Бухару; главное же то, что счастливый молодецъ обязанъ отдарить эмира такъ, чтобы этотъ послѣдній считалъ себя вполне вознагражденнымъ и не вспоминалъ бы о столь дорогой утратѣ. А это ложится чрезвычайнымъ бременемъ не только на населеніе, но даже и на карманъ бека. Получивъ такимъ образомъ въ подруги жизни столь высокую особу, старый бекъ былъ необычайно польщенъ и зажилъ даже счастливо, гордясь оказанной ему честью, какъ вдругъ стряслась бѣда.

Черезъ Кулябъ проѣзжалъ кто-то изъ нашихъ русскихъ путешественниковъ, который не преминулъ посѣтить почтеннаго бека. Бекъ встрѣтилъ его весьма радушно и въ разговорѣ не смогъ удержать своего удовлетвореннаго честолюбія и сказалъ, что онъ родственникъ самого эмира. Путешественникъ записалъ это въ свою тетрадь и при изданіи трудовъ по путешествію помѣстилъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ и это свѣдѣніе. Эмиръ, какъ извѣстно, просматриваетъ нѣкоторые, въ особенности военные журналы (онъ хорошо грамотенъ по-русски) и или самъ наткнулся на эту замѣтку или ему доложилъ кто нибудь изъ доброжелателей бѣднаго бека, но, однимъ словомъ, узналъ и пришелъ въ гнѣвъ за оскорбленное свое достоинство. Результатомъ было то, что несчастнаго бека привезли въ Бухару и всенародно дали нѣсколько сотъ ударовъ палкой въ назиданіе всѣмъ правовѣрнымъ. «Съ тѣхъ поръ у

него умъ кончалъ, а голову онъ платкомъ сталъ повязывать», закончилъ біографію своего господина курбаши.

Другими словами, несчастнаго старика били за оскорбленіе своего сюзерена до тѣхъ поръ, пока тотъ не потерялъ разсудка. Справедливость, однако, не позволила лишить его ума и бекства, и потому послѣднее великодушно было ему оставлено.

Мы поняли, что о родствѣ бека съ эмиромъ въ Кулябѣ говорить не придется.

На другой день утромъ мы отправились къ нему съ визитомъ. Это оказался совершенно старый, дѣйствительно повязанный платкомъ, который виднѣлся изъ-подъ чалмы, человѣкъ съ добродушнымъ лицомъ, беззубымъ ртомъ и наполовину согнутой спиной. Въ его приемной комнатѣ во всѣхъ стѣнахъ были понадѣланы ниши, и въ нихъ густою толпою стояли бутылки, баночки и скляночки съ какими-то таинственными жидкостями. Мы были приняты необычайно радушно и видимо заискивающе просто. О случаѣ въ Дегресѣ старикъ говорилъ съ видимой боязнью и закончилъ свои извиненія тѣмъ, что сообщилъ, что приказъ о смѣщеніи виновнаго амлякдара уже посланъ, и сей послѣдній сегодня же будетъ привезенъ сюда.

— Я прикажу его привести къ вамъ, и вы дѣлайте съ нимъ, что хотите, онъ вашъ рабъ и слуга; хотите—убейте его, зарѣжьте, хотите—возьмите себѣ въ самыя низкія и грязныя слуги,—закончилъ бекъ.

Мы, разумѣется, стали возражать противъ этого, говоря, что, конечно, поступокъ неумнаго и неразвитаго человѣка, какимъ де является дегресскій амлякдаръ, насъ не обидѣлъ, а лишь огорчилъ; но что изъ опасенія, какъ бы подобные случаи не повели въ дальнѣйшемъ къ недоразумѣніямъ между дружественными государствами,—мы и сообщили беку объ этомъ случаѣ.

Наговоривъ другъ другу кисло-сладкихъ словъ, мы просили въ концѣ концовъ самого бека взыскать съ виновнаго амлякдара, избавивъ насъ отъ этой обязанности.

Послѣ официальной части разговора бекъ повелъ насъ по своимъ владѣніямъ, съ большимъ знаніемъ дѣла рассказывая и показывая въ его великолѣпномъ саду различныя породы плодовыхъ деревьевъ. Наконецъ, въ концѣ нашего подневольнаго болѣе чѣмъ часового визита, онъ подвелъ насъ, очевидно, къ самому любимому имъ дѣлу—баночкамъ и скляночкамъ, стоявшимъ въ нишахъ. Это оказались всевозможные экстракты различныхъ плодовъ, какимъ-то особеннымъ образомъ приготовляемые самимъ бекомъ и имѣющіе, конечно, каждый свою особую чудодѣйственную силу. То была цѣлая аптека темно-красныхъ, желтыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ настоекъ, завязанныхъ тряпочками, съ наклеенными ярлыками съ мусульманскими надписями.

Старый бекъ съ такою любовью рассказывалъ намъ про чудодѣйственную силу каждой настойки, такъ любовно смотрѣлъ на каждую банку, что видно было, что всѣ кишлаки его бекства не стоятъ и половины содержимаго каждой банки.

Лукавый курбаши (полицеймейстеры должны непремѣнно обладать этимъ свойствомъ), сопровождавшій согбеннаго бека, что-то таинственно продѣлывалъ за его и нашими спинами, отъ чего окружавшіе чиновники едва удерживались отъ смѣха. Но какъ только добродушное старческое лицо губернатора поворачивалось въ его сторону, фізіономія этого бюрократическаго порядочнаго моментально принимала олицетвореніе подобострастія и вниманія. Лица другихъ чиновниковъ имѣли покорно снисходительный видъ; очевидно, имъ давно уже была извѣстна чудодѣйственная сила каждаго изъ показываемыхъ нектаровъ.

Бѣдный бекъ, должно быть, послѣ рокового родства съ эмиромъ рѣшилъ, что лучший другъ человѣка, особенно въ его возрастѣ и положеніи, есть уничтожающія недуги зелія.

Въ общемъ же этотъ старецъ произвелъ на насъ необычайно симпатичное, хорошее впечатлѣніе человѣка, отжившаго и махнувшего рукой на все, что не касается его больной спины и головы.

Тотчасъ же послѣ того, какъ мы возвратились къ себѣ, пришелъ съ отвѣтнымъ визитомъ къ намъ бекъ со всѣмъ своимъ штатомъ, и опять началась бесѣда о наливкахъ и настойкахъ.

Узнавъ, что у насъ есть солдатъ (Ежовъ), который болѣетъ вотъ уже почти мѣсяцъ, бекъ внимательно спросилъ его черезъ Подмосковнаго и тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ челядинцевъ; тотъ скоро вернулся съ двумя вещами: картонкой, въ которой оказалось полдюжины хорошихъ приемовъ касторки въ капсулахъ, подаренной беку какимъ-то проѣзжавшимъ въ прошломъ году генераломъ; другая же была черно-желтая айвовая настойка, по увѣренію бека долженствующая спасти Ежова отъ болѣзни (у него была одышка съ головокруженіемъ и абсолютный отказъ желудка).

Бекъ такъ убѣждалъ насъ попробовать его аптеки, что мы поддались его совѣтамъ и, къ своему удивленію и радости, вскорѣ же, черезъ нѣсколько часовъ убѣдились, что больному стало замѣтно лучше. Бекъ былъ въ восторгѣ, мы—тѣмъ болѣе. Но, цѣня свое лѣкарство, бекъ не далъ намъ всего, а отлилъ приема на четыре, т.-е. на два дня, а остальное спряталъ. Онъ увѣрялъ насъ, что болѣзнь Ежова есть часто случающееся съ равнинными жителями, попавшими въ горы, заболѣваніе.

— Только одного лѣкарства не знаю, — съ грустью сказалъ сановникъ, — это отъ боли въ спинѣ и головѣ.

При этихъ словахъ стоявшій сзади курбаши подмигнулъ своему сосѣду; тотъ лукаво ухмыльнулся въ бороду.

Мнѣ стало необычайно жалко этого бѣднаго старика, окруженнаго со всѣми своими снадобьями людьми, ежеминутно потѣшающимися надъ нимъ, благо онъ былъ незлобивъ и безобиденъ.

Два года спустя, я узналъ отъ того же Миръ-Ахура, съ которымъ случайно встрѣтился въ Керкахъ, что старикъ-бекъ умеръ въ томъ же кулябѣ. При этомъ Миръ-Ахуръ снисходительно улыбнулся, но не преминулъ добавить: «Хорошій, добрый человекъ былъ онъ, жителей не обижалъ, богатства не скопилъ—не умѣлъ. Вотъ только голова у него плохая была».

Даже и по смерти его сослуживцы его не могли оставить его въ покоѣ и простить ему самаго ужаснаго непоправимаго для бухарца грѣха — гнѣва своего повелителя.

Умеръ и многострадальный Ежовъ; настойка покойнаго бека помогла бы ему, если бы ей было болѣе, чѣмъ на два дня. Пока ей оставалось хоть нѣсколько капель, даваемыхъ больному утромъ и вечеромъ передъ ѣдой, его здоровье замѣтно поправлялось; но кончилась настойка, и снова болѣзнь стала брать перевѣсъ. Но все же мы успѣли Ежова привезти въ Самаркандъ, гдѣ онъ вскорѣ по прибытіи и скончался.

Вечеромъ къ намъ привели подъ конвоемъ трясущагося отъ страха дегресскаго амлякдара. Онъ въ ужасѣ не спускалъ съ меня глазъ. Чиновники безмолвно стояли и ждали, что будетъ. Начались увѣренія въ томъ, что ничего подобнаго, о чемъ я заявилъ, не было.

Н. Д., какъ старшій, возвысилъ голосъ и порекомендовалъ быть скромнѣе.

Тотъ смолкъ, покорно сказавъ обычное «хопъ».

— Русскіе за зло зломъ не отвѣчаютъ; они ударомъ платятъ за ударъ, когда врагъ дерется явно и мужественно, — сказалъ Н. Д.; при этомъ лицо амлякдара какъ-то сморщилось, и весь онъ съежился, словно ожидая этого удара.

— Бекъ отдалъ тебя въ наше полное распоряженіе, — продолжалъ онъ:—мой товарищъ, котораго ты такъ учтиво проводилъ, благодарить тебя за вниманіе и вѣжливость и за истинное исполненіе закона Магомета относительно путниковъ и гостей...

Непредвѣщающій ничего добраго бѣдному амлякдару ропотъ пронесся въ толпѣ бухарцевъ; тотъ еще болѣе съежился.

— Ты говоришь, что ты проводилъ учтиво и по-дружески насъ мой товарищъ и я благодаримъ тебя за то и въ знакъ того, что мы, русскіе, не помнимъ зла, не видимъ его, когда его показываютъ потихоньку... поди сюда.

Тотъ подошелъ.

— Подмосковный, держи ему полу халата... Осинцевъ, давай сюда...

Опѣшившему амлякдару дали въ руку полу его же халата, и Осинцевъ ловко всыпалъ туда нѣсколько десятковъ тенегъ (бухарская серебряная монета; тогда цѣнилась по 21 копейкѣ).

— Это тебѣ въ благодарность за услуги; надѣюсь, не мало? А теперь ступай, ты совершенно свободенъ, служи, гдѣ и какъ хочешь, мы на тебя не сердимся.

Комедія была сыграна. Но того фурора, какой она произвела, мы совершенно не ожидали.

Заволновались всѣ. Амлякдаръ сразу оказался публичнымъ неисполнителемъ закона Магомета и послушникомъ воли эмира. Большихъ преступленій въ Бухарѣ нельзя сыскать. Убить сто человѣкъ — меньшій грѣхъ, нежели показаться толпѣ несоблюдающимъ важнѣйшія суры Корана. И амлякдаръ, и присутствующіе чиновники поняли это; Миръ-Ахуръ заволновался больше всѣхъ. Побѣждали къ беку просить его заступничества и просьбы взять назадъ деньги, данныя публично за оказанное даже не на счетъ хозяина, а на счетъ эмира, гостепріимство.

Амлякдаръ плакалъ неподдѣльными слезами и просилъ съ трясущеюся нижней губой прощенія въ своемъ безразсудномъ поступкѣ.

Миръ-Ахуръ упрашивалъ взять деньги назадъ и твердилъ, что эмиръ, если узнаетъ это, необычайно разгнѣвается на и безъ того опальнаго бека, а амлякдара навѣрное уже прикажетъ посадить въ клоповникъ.

— Зарѣжьте лучше меня сейчасъ!—вырвалось наконецъ у дегресса.

Шуму было уже достаточно, впечатлѣнія тоже, и мы рѣшили снискать. Вѣрно было Осинцеву всѣ эти деньги взять обратно у амлякдара и сейчасъ же раздать мальчикамъ и бѣднымъ, что и было торжественно исполнено въ присутствіи всей челяди.

Проученный амлякдаръ былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны. Но, конечно, бекъ его задержалъ у себя и, какъ впоследствии дѣйствительно оказалось, отобралъ у него амлякдарство.

На утро же при прощаніи бекъ очень благодарилъ насъ за то, что мы такъ кончили всю эту печальную исторію, и далъ понять, что, въ случаѣ, если бы мы настояли на своемъ, то ему была бы изъ Бухары крупная неприятность. При этомъ курбаши не преминулъ шепнуть Миръ-Ахуру, что, благодаря этому, много лишнихъ тысячъ тенегъ осталось въ карманѣ у стараго бека, а не перешло въ шелковые пояса сановниковъ повелителя Бухары.

Мы дружески, какъ будто ничего не случилось, распрощались и двинулись въ далекій путь—въ Саятъ, гдѣ надѣялись достать каюкъ. Этотъ переходъ въ сорокъ верстъ по накаленной солнцемъ долинѣ Яхъ-су сдѣлали мы легко и къ вечеру были уже въ чащѣ двухсаженныхъ Саятскихъ камышей. Мѣсто сліянія Яхъ-су и Кы-

зыль-су, на которой вверху стоитъ Бальджуанъ, мы прошли незамѣченнымъ и увидѣли Кызыль-су уже только по выходѣ изъ Саята.

Такимъ образомъ, изъ царства горныхъ высей и снѣговъ мы очутились въ царствѣ воды, камышей и прирѣчныхъ тугаевъ съ безконечными солончаковыми степями и пустырями, подъ тропическимъ шестидесяти-градуснымъ зноемъ. Но втянутой, тренированной на безконечныхъ многотысячныхъ перевалахъ командѣ сорокаверстные переходы, хотя и въ душно-знойной атмосферѣ прирѣчнаго парного воздуха, по ровной плоскости степей и низинъ были равны вымаханному церемоніальному маршу. Мы въ ногу, съ веселыми лицами, гулко шагали по чистому такыру или среди камышей и богатѣйшихъ зарослей. Тучные фазаны выпархивали изъ-подъ ногъ, мелкіе туркестанскіе зайцы во всѣхъ направленіяхъ удирали, спугнутые со своихъ лежекъ, потѣшая охотниковъ прыжками и сальтами. По ночамъ завывали сотни шакаловъ, слышался ревъ барсовъ, тяжелая поступь кабаньихъ стадъ.

Въ Саятѣ мы только переночевали. Не найдя тамъ желанныхъ каюковъ, мы оставили лихорадочный, заросшій гигантскою травой, камышами и деревьями кишлакъ, на первый взглядъ скорѣе похожій на какое нибудь папуасское селеніе, чѣмъ на туркестанскій населенный пунктъ, и семнадцатаго двинулись ниже, въ Сарай; но такъ какъ до него насчитывалось 65 верстъ, то мы и рѣшили, не надрывая даромъ силъ, сдѣлать этотъ переходъ въ два дня—до родника Таллы (около 50 верстъ), и затѣмъ въ Сарай. По пути мы перешли въ бродъ красивую Кызыль-су, при чемъ вода доходила пѣшеходамъ до мышекъ; затѣмъ втянулись въ глинистый холмистый хребетъ Кара-тау, подъ переваломъ покрытый прекрасными фисташковыми роцями; взяли два его перевала—Даштъ-гузаръ (3.700 ф.) и Сангъ-туда (около 4.500 ф.), и заночевали на солоноватомъ колдцѣ Таллы. А къ полудню слѣдующаго дня спустились въ самый Сарай.

Въ Сараѣ мы встрѣтились съ первыми слѣдами цивилизаціи—намъ торжественно была поднесена амлякдаромъ бутылка совершенно испортившагося отъ времени лимонада. Вторымъ явленіемъ, поразившимъ насъ еще болѣе этой бутылки лимонада, былъ приходъ депутаціи отъ населенія Сарая, просившей принять ихъ и ихъ семейства въ подданство Бѣлаго Царя.

Большихъ трудовъ стоило намъ урезонить старшинъ и стариковъ и разъяснить имъ, что мы не можемъ помочь ихъ горю. Много наслышались мы про притѣсненія и несправедливости бухарскихъ властей, про ихъ поборы и даже жестокости. На мой вопросъ, почему жители, имѣя арыки, воду и участки отличной могощей быть воздѣланной земли, запускаютъ свои поля и огороды и довольствуются крошечнымъ клочкомъ засѣянной и поднятой

подъ злаки и дыни земли, я получилъ короткій, апатичный отвѣтъ:

— Зачѣмъ намъ работать? Чтобы нашими трудами наживались чиновники? Все равно они все заберутъ себѣ подъ видомъ разныхъ податей и оставятъ только столько, сколько необходимо семейству, чтобы просуществовать кое-какъ до слѣдующаго года. Такъ лучше мы не будемъ ничего дѣлать и жить впроголодь, чѣмъ и работать и тоже ничего не получать. Хоть халаты будутъ цѣльнѣе.

Насчетъ каюковъ намъ положительно не везло; оказалось, что и въ Сараѣ ихъ нѣтъ ни одного; амлякдаръ же убѣждалъ, что достать ихъ можно лишь въ Кабадіанѣ, большомъ бекскомъ городѣ на Кафирниганъ-Дарѣѣ. Поэтому, желая дать командѣ возможно скорѣйшій отдыхъ, мы рѣшили не засиживаться долго въ Сараѣ, а лучше скорѣе передвинуться въ Кабадіанъ. Мы только не удержались, чтобы не побаловать команду охотой на кабановъ, благо къ намъ пришли хозяева бахчей съ просьбой отвести этихъ животныхъ отъ ихъ полей. При этомъ туземцы рассказали, что кабаны, собираясь въ стада цѣлыми сотнями, направляются изъ рѣчныхъ тугаевъ на бахчи во время заката и возвращаются обратно на острова къ разсвѣту; при этомъ животныя двигаются такой массой, что совершенно не боятся одиночныхъ людей и даже выстрѣловъ.

Мы собрали желающихъ охотниковъ и къ назначенному часу пошли на бахчи, вверхъ по берегу рѣки, но опоздали; солнце уже сѣло, когда пришли мы на бахчи, которыя должны были защитить отъ нашествія четвероногой арміи, которая, какъ оказалось, уже прошла въ глубь берега.

Зато глазамъ нашимъ представилась яркая картина опустошенія, произведеннаго кабанамі: пятидесятисаженной ширины полоса дынныхъ и арбузныхъ бахчей была положительно уничтожена этими животными. Не было цѣлаго кустика растенія, оставшагося непотоптаннымъ, невырваннымъ и неизмятымъ. Спѣлые и неспѣлые арбузы и дыни валялись сорванными, расколотыми и обгрызанными. За полчаса передъ тѣмъ бывшія тучными бахчи теперь были совершенно уничтожены и потоптаны тысячами двукопытныхъ ногъ. Узбеки—хозяева полей—съ грустью стояли посреди и нехотя объясняли намъ, что безпощадный непріятель уже прошелъ, и что теперь кабаны разбрелись далеко по арыкамъ, и что надо ждать ихъ возвращенія, которое навѣрное будетъ совершенно другой дорогой.

Охотники погоревали, и мы вернулись на становище, а къ вечеру слѣдующаго дня были уже въ 17 верстахъ отъ Сарая, въ урочищѣ Турпы, откуда въ ночь съ 19-го на 20-е августа конно совершили переѣздъ по нагорной безводной степи въ 65 верстъ до переправы Джиликкуль на Вахшѣ.

Здѣсь мы снова встрѣтились съ могучей рѣкой, которую пришлось намъ переходить по плохонькому мостику у Нурека, и поразилась разницей, какая оказалась между Вахшемъ у этого киплака и въ Джиликулѣ. Тамъ это былъ могучій горный потокъ, неудержимо несущійся между сдавившими его громадами и потрясающій ударами своихъ волнъ мощныя береговыя скалы; здѣсь же текла широкая островная спокойная, но еще болѣе мощная рѣка въ берегахъ, покрытыхъ непроходимыми камышами и тугаями. Туркменскія кочевки привольно вразбродъ раскидались своими кибитками и высокими четырехугольными башнями съ высокими, исполняющими обязанности крѣпостныхъ, стѣнами. Горы хотя и подступаютъ къ рѣкѣ справа, но невысоки и холмисты. Видно, что здѣсь начинается господство степной шири.

И узбеки выглядятъ болѣе свободными и довольными; въ ихъ жилахъ еще не охладѣла кровь степныхъ бродягъ, и они кажутся съ виду болѣе гордыми и увѣренными, нежели забившіеся въ горныхъ трупцобахъ таджики.

26 вечеромъ мы заночевали въ тугаяхъ Патта-Гиссара, у самого впаденія Сурхана въ Аму, а 27 утромъ были уже на развалинахъ древняго Термеза.

Не стану здѣсь описывать остатка этого вѣкового, нѣкогда едва ли не самаго крупнаго въ долинѣ Оксуса, города. Желаящіе и интересующіеся стариной нашего Туркестана могутъ обратиться къ труду г. Пославскаго, къ его небольшой статьѣ «О развалинахъ Термеза», и, въ смыслѣ географіи края въ періодъ мусульманскаго господства, къ капитальному труду г. Бартольда—«Туркестанъ въ эпоху мусульманскаго владычества». Наконецъ, въ смыслѣ ознакомленія съ остатками и развалинами города и съ полной картиной всего его плана, много потрудился военный инженеръ, подполковникъ Кастальскій, къ сожалѣнію, не выпустившій въ свѣтъ своихъ трудовъ о Термезѣ¹⁾. Прилагаю здѣсь лишь схематическій планъ части развалинъ, принадлежащихъ, надо полагать, къ тому Термезу, который былъ разрушенъ Чингизомъ, такъ какъ послѣ него Термезъ былъ восстановленъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега Аму, при чемъ замѣчаніе г. Бартольда о томъ, что по Ибнъ-Хадхалю рѣка Сурханъ впадала ниже города, можно отнести къ слѣдамъ глубокаго и весьма широкаго арыка, остатки котораго и теперь видны ниже мечети Хакима Термези, и который можно принять за рукавъ рѣки.

Болѣе близко познакомился я съ развалинами этого когда-то знаменитаго города въ послѣдствіи, въ 1895—1896 гг.; въ описываемый

¹⁾ Краткая историческая справка имѣется въ «Изборникѣ Развѣдчика» за (1898 годъ, кн. IX, въ моемъ очеркѣ «Долина рѣки Сурхана», гдѣ помѣщенъ и рисунокъ главной мечети съ мраморнымъ намогильникомъ.

же мною походъ мы могли лишь бѣгло обойти наиболѣе сохранившіяся группы уцѣлѣвшихъ построекъ и нанести ихъ на планшетъ, такъ какъ стремленіе захватить незанесеннымъ снѣгомъ переваль Лянгары-Марданъ, по которому намъ предлагалось вернуться въ Самаркандъ, заставляло насъ даже на обратномъ пути изъ-подъ Калаи-Вамара дорожить каждымъ днемъ. Поэтому мы 27-го, послѣ полудня отплыли въ дальнѣйшій путь и уже не въ Чушка-Гузаръ, а ради спрямленія пути въ Кую-шуръ-объ, куда и прибыли вечеромъ того же 27 августа.

Здѣсь мы простились съ каюкомъ и, навьючивъ свои пожитки на взятыхъ отъ населенія лошадей, 28-го, рано утромъ двинулись въ путь на Ширабадъ, гдѣ рассчитывали застать вышедшими у насъ продуктами. Сдѣлавъ 38 верстъ степью, гдѣ не встрѣтили ни одного кустика, подъ жгучими лучами солнца, мы къ вечеру прибыли въ Ширабадъ и оборванные, голодные и усталые размѣстились въ прекрасномъ большомъ саду, расположенномъ на самомъ берегу солончатой Ширабадъ-Дарьи, какъ разъ противъ бековской «кады».

Мы были до того оборваны и грязны, что я, напримѣръ, не могъ поѣхать съ визитомъ къ беку, отговорившись лихорадкой, по той причинѣ, что мнѣ неловко было надѣть свое платье; до того оно было изорвано и перештопано неумѣлыми руками охотниковъ.

Сдѣлавъ дневку и запасшись всѣмъ необходимымъ, а главное отдохнувъ, мы двинулись далѣе на Сурханъ, въ Кокаиты, гдѣ ожидали наши благополучно прибывшіе туда коноводы. Пройдя еще 54 версты въ одинъ день, мы тридцатаго вечеромъ уже переправлялись въ бродъ черезъ широкіе и глубокіе рукава Сурхана подъ глинистыми обрывами берега, на которомъ расположены Кокаиты. Зеленые залитыя водой поля Ширабадскаго оазиса, прекрасные пригородные сады, голая желтая степь, наконецъ, холмы Кызыль-кумъ, пески, низина благодатнаго Сурхана—все это мелькнуло мимо насъ, какъ во снѣ; помнилось только, какъ томила всѣхъ жажда на перегонѣ до Кызыль-кума, какъ всѣ ждали ручейка Гилямъ-бага, который, какъ потомъ оказалось, былъ ничтожнымъ пересохшимъ арыкомъ съ гнилой соленой водой; наконецъ, осталось въ памяти, какъ томимые жаждой, не пивши съ самаго ранняго утра, мы, измученные и изнуренные, уже послѣ захода солнца плелись черезъ пески Патта-кумы и наконецъ какъ изъ послѣднихъ силъ прибавили шагу, завидя темнѣющую въ наступающей ночи шанку садовъ Чардынъ-багъ.

Но за ночь все недоспавшее выспалось, все жаждущее напилось, силы возстановились.

4 сентября мы уже вступали въ Денау, бывшую столицу Саганіана (ханство по теченію Сурхана), и очутились ровно почти черезъ два мѣсяца въ 30 верстахъ отъ Сары-Джуя, въ который мы

такъ стремились попасть изъ долины Зеравшана. Но на этотъ разъ мы не пошли въ этотъ городокъ, а взявъ, влѣво, втянулись въ ущелье Сангъ-Гардакъ-Дарьи, изслѣдовать которое было нашей послѣдней задачей.

Послѣ дневки мы оставили многолюдный Денау съ его громадными медресе и мечетями, весьма близко подходящими къ самаркандскимъ, и направились въ ущелье. Въ четыре дня мы прошли весь Сангъ-Гардакъ, наслаждаясь дивными картинами этого участка разбившагося Гиссарскаго кряжа, въ которомъ еще остались богатые арчевые лѣса и тучныя пастбища. Утромъ девятого мы не безъ напряженія перевалили двѣнадцати-тысячный снѣжный перевалъ Лянгары-Марданъ и спустились въ городокъ Ташъ-Курганъ Шахризязбскаго бекства. Оттуда снова потянулись по направленію къ Шаару, куда и прибыли одиннадцатаго августа. Въ древней столицѣ Тимура насъ угостили пляской бачей и великолѣпными туземными цѣльменями.

Утромъ слѣдующаго дня мы выступили къ перевалу Тахта-Карача въ Самаркандскомъ хребтѣ, отдѣляющемъ отъ насъ долину Самарканда.

Мы шли широкими улицами Шааршауза, его громаднымъ базаромъ, мимо крѣпости, гдѣ гордо высились обнаженные, когда-то великолѣпныя развалины медресе Тамерлана. Прелестные изразцы ярко блестѣли на солнцѣ; было чудное полуосеннее теплое утро.

Миновавъ городъ, мы вышли на большую дорогу, соединяющую Шааръ съ Китабомъ. При видѣ желтыхъ зубчатыхъ стѣнъ послѣдняго, выглядывающихъ изъ густой зелени садовъ, какъ-то невольно сжимается сердце и въ головѣ встаютъ кровавыя картины недавняго прошлаго, въ которомъ пришлось играть роль и нашимъ все переносящимъ туркестанскимъ войскамъ.

Здѣсь, на этой самой дорогѣ, гдѣ мы теперь такъ безопасно идемъ, сопровождаемые толпой разодѣтыхъ туземцевъ, двадцать четыре года тому назадъ, какъ разъ почти въ это время, кипѣлъ бой между двумя ослабленными болѣзнями линейными баталіонами и восьмитысячнымъ отчаяннымъ и храбрымъ непріателемъ. Здѣсь завершилась кровавая эпопея, произошелъ послѣдній бой нашихъ войскъ съ Бухарою, правда, помимо собственной ея воли.

Эпизодъ ваятія сильнаго Китаба у въ семь разъ сильнѣйшаго непріателя девятью ротами 3 и 9 линейныхъ баталіоновъ всемъ извѣстенъ, чтобы его повторять; извѣстно также и то, что первый штурмъ крѣпости со стороны трехъ ротъ девятого баталіона былъ отбитъ такъ же быстро и рѣшительно, какъ быстро и смѣло побѣждали роты на приступъ трехсаженной крѣпостной стѣны, усѣянной храбрыми защитниками, среди бѣла дня. Конечно, какъ ни были безумно храбры старые испытанные линейцы, привыкшіе

еще со временъ Екатерины, съ пугачевщины спокойно смотрѣть на смерть, но то, что невозможно, невозможнымъ и останется. Одна картина того, что дѣлалось во рву подъ стѣною, когда въ нѣсколько минутъ словно срѣзало 90 сильныхъ солдатъ и ранило и перебило почти всѣхъ офицеровъ, отъ начальни а отряда до самаго молодого прапорщика ¹⁾, уже говорить сама за себя, особенно если вспомнить, что вся штурмующая колонна со всѣми ея резервами едва достигла 350 человекъ.

Понятно, почему раненый въ животъ генеральъ Абрамовъ, человекъ, прошедшій самую суровую боевую школу, былъ такъ ошеломленъ этой неудачей, что впервые усомнился въ успѣхѣ предприятия, но въ слѣдующую же ночь крѣпость была уже въ нашихъ рукахъ.

Могилы, гдѣ погребены были павшіе герои послѣ жаркаго штурма, мы найти не могли, не могли указать намъ ея и сопровождавшіе насъ чиновники и туземцы.

Нѣтъ сомнѣнія, что «замиренная» теперь Бухара безъ всякаго стѣсненія предоставитъ возможность потомкамъ славнаго 9 линейнаго баталіона, особенно пострадавшаго въ этотъ штурмъ, отыскать останки беззавѣтно погибшихъ своихъ товарищей, дабы, помянувъ ихъ вѣчною памятью, воздвигнуть хотя бы скромный памятникъ на мѣстѣ ихъ послѣдняго упокоенія. Теперь времена уже мирныя, и нѣтъ основанія полагать, что приведенная въ надлежащій видъ братская могила подъ Китабомъ можетъ подвергнуться поруганію со стороны мусульманъ.

Мы миновали высокія глиняныя, до сихъ поръ грозныя стѣны Китаба, тщетно ища глазами пунктъ штурма. Только широкая, но не глубокая Кашка-Дарья, протекающая внизу подъ стѣнами, да виднѣющійся Урусъ-Кишлакъ, гдѣ стояла колонна девятаго баталіона, даютъ возможность ориентироваться и хоть приблизительно, по догадкамъ распознать окрестности, гдѣ была построена батарея Соковнина (командира 9 баталіона, умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Китабомъ въ первый день штурма).

Медленно втянулись мы въ Кайнарскій логъ, которымъ идетъ прекрасная, разработанная по распоряженію покойнаго графа Ростовцева, арбяная дорога на перевальъ Тахта-Карача и далѣе въ Самаркандъ, и расположились на предпоследній передъ городомъ ночлегъ.

А 16 сентября, въ три часа дня мы уже сидѣли въ чай-ханѣ, въ самаркандскихъ садахъ, въ ожиданіи наступленія темноты, которая скрыла бы наши лохмотья отъ взоровъ любопытныхъ. Не

¹⁾ Во время перваго неудачнаго штурма въ моментъ свалки ранены: генеральъ Абрамовъ, изъ отряда 4 штабъ-офицера, три оберъ-офицера и одинъ оберъ-офицеръ убитъ.

встрѣтили насъ ни войска, ни музыка, ни знакомые; мы такъ же скромно, какъ выступали, входили въ вѣчный городъ, задними улицами, тщательно закрывая шинелями падающія съ нашихъ плечъ, превратившіяся въ сплошную заплату рубахи. Меня била лихорадка, Ежовъ едва сидѣлъ на лошади. Темныя фигуры охотниковъ съ вьюками подошли къ дому командира баталіона и выстроились въ ожиданіи выхода начальника. Но его не было дома, и отрядъ поползъ въ крѣпость, чтобы скорѣе сжечь остатки своего бѣлья и броситься въ баню.

Такъ кончился нашъ нелегкій походъ на Памиры. Всѣ вернулись изъ него, по крайней мѣрѣ, живыми, кромѣ двухъ потерянныхъ лошадей и нѣсколькихъ псовъ. Ежовъ на другой же день былъ отправленъ въ лазаретъ, гдѣ вскорѣ и скончался; нѣсколько охотниковъ попали также въ госпиталь, но вышли оттуда здоровыми. За ними и я былъ отправленъ въ госпиталь съ серьезной формой какой-то замысловатой болѣзни, по словамъ докторовъ, явившейся слѣдствіемъ перенесенныхъ въ походѣ трудовъ и лишеній; пролежавъ въ госпиталѣ болѣе мѣсяца, я вышелъ оттуда больной и слабый и долго еще подлѣчивался дома. Н. Д. перебаливалъ и крѣпился на квартирѣ, пока, наконецъ, не вынужденъ былъ уѣхать въ Россію для поправленія сильно пошатнувагося здоровья.

Если ко всему этому прибавить стопы съемокъ, чертежей, описаній и рисунковъ, то это будетъ все, что вынесли мы, какъ плоды тяжелаго, изнурительнаго похода по горнымъ высямъ Туркестана и Памира и по безводнымъ солончаковымъ степямъ древняго Оксуса. Затѣмъ корпѣніе въ кабинетѣ надъ вычерчиваніемъ сотенъ верстъ съемокъ, составленіе отчета движенія и..... сдача всего этого по начальству.

Оглянувшись назадъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: что же сдѣлалъ, въ сущности, этотъ крошечный отрядецъ, какіе результаты его экспедиціи? Коротко говоря, результаты слѣдующіе.

Открытіе перевала Сія-Кухъ и ледниковъ возлѣ него; открытіе, обследованіе и нанесеніе на карту широкой съемкой главной артеріи, дотолѣ необслѣдованной рѣчки Тупалангъ; отысканіе на ней дороги.

Затѣмъ—движеніе, частью наугадъ, по Дарвазу и Запанджскому Дарвазу съ цѣлью открытія пути на Памиры съ запада и съ цѣлью соединенія съ отрядами, тамъ расположенными. Съемка всей этой мѣстности и изслѣдованіе ея. Несомнѣнно, что появленіе такой, хотя и ничтожной части въ тылу афганскихъ отрядовъ, произвело извѣстное впечатлѣніе на нихъ, равно какъ и на всѣхъ туземцевъ восточной Бухары и западнаго Памира.

Далѣе—обслѣдованіе всего берега Аму, принадлежащаго Афганистану, отъ Айваджа до Шуръ-Оба. Съемка теченія Аму на этомъ же участкѣ. Изслѣдованіе всей восточной Бухары по двумъ направленіямъ съ нанесеніемъ подробной съемки. И наконецъ изслѣдованіе теченія рѣки Сангъ-Гардакъ-Дарьи, весьма условно положенной до того на картѣ; изслѣдованіе дорогъ и перевала изъ ущелья этой рѣки въ Шахризьбское бекство.

Такимъ образомъ, этотъ ничтожный отрядъ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ похода (74 дня) сдѣлалъ 2.000 верстъ по самымъ неприступнымъ горнымъ краямъ, ледникамъ, ущельямъ, по голымъ степямъ и тугаямъ при тропической, иногда превосходящей 60 градусовъ по Реомюру жарѣ. Изъ всего этого времени десять дней было употреблено на дневки и отдыхъ; въ остальные же 64 дня былъ совершенъ двухтысячный переходъ, что равносильно пробѣгу по 31 верстѣ въ день. А если къ этому прибавить, что, кромѣ всего этого, въ это же время были совершаемы рискованныя переправы черезъ Пянджъ на гупсаровыхъ плотахъ, переходы въ бродъ черезъ быстрые и подчасъ глубокіе рѣки и ручьи, были совершаемы подъемы и спуски на такія точки, какъ перевалы Чарага въ 11.000 футовъ, Сія-Кухъ — около 15.000 ф., Тіанъ — 5.300 ф., Гули-Зинданъ — около 5.000 ф., Кокъ — 4.500 ф., Загара — 6.300 ф. (онъ же Тіонъ), Тальбаръ — 11.000 ф., Захъ-Бурси — 11.000 ф., Хобу-Рабатъ — 11.500 ф., Паткъ — 17.000 — 18.000 ф., Броу — 13.000 ф., Гульдзари — около 12.000 ф., Рога — 12.000 ф., Гумай — 11.000 ф., Бораси — 10.500 ф., Пишхарвъ — 8.500 ф., Курговать — 7.000 ф., Кайвакъ — 8.000 ф., снова Хобу-Рабатъ — 11.500 ф., Рогакъ — около 11.500 ф., Хазретъ-и-ша — около 11.500 ф., вновь Тальбаръ — 11.000 ф., затѣмъ рядъ мелкихъ, но тоже тяжелыхъ переваловъ, какъ Даштъ-Гузаръ — 3.700 ф., Сангъ-Туда — 4.000 ф., Таллы — 3.500 ф. (относительно долины Аму, лежащей на 1.000 футахъ, — превышеніе значительное), Джилисы-Кахъ — около 3.000 ф. и, наконецъ, снова такіе подъемы, какъ Сангъ-Гардакъ — 12.000 ф., Чакманъ-Куйды — 10.500 ф. и Тахта-Карапа — 5.500 ф., — то даже совершенно неопытному въ походахъ человѣку станетъ яснымъ, что это движеніе команды было не только выходящимъ по быстротѣ и трудности пути изъ ряда вонъ походомъ, но и дѣломъ, на которое рѣшиться второй разъ одному и тому же человѣку трудно, и которое совершается лишь, такъ сказать, съ разбѣга.

Здѣсь, въ этомъ походѣ еще разъ блестяще подтвердилась репутация русскаго солдата. Горныя выси, глубокія ущелья, снѣга и льды, пески и солончаки, накаленные полуденнымъ солнцемъ, громадныя переходы безъ воды, голодъ и жажда, лихорадка и горная болѣзнь, все это, какъ въ калейдоскопѣ, пронеслось передъ изнуренными, заброшенными въ дикую страну горъ двадцатью русскими солдатами, твердо и сознательно отмѣрившими каждый

шагъ этихъ громаднхъ пространствъ своими ногами съ одной лишь думкой въ головѣ: «послали—значитъ итти надо, наши старики и не такъ ходили; умирать надо—умремъ; всѣ тамъ будемъ; а къ голоду и холоду мы и съ дѣтства привыкли».

Къ одному лишь не могли привыкнуть солдатики—это къ мысли, что лежать въ родной Россіи на дѣдовскомъ погостѣ одинаково, что быть похороненнымъ въ камняхъ дикаго Запанджскаго Дарваза. Ну, да къ этому врядъ ли можно привыкнуть истинно русскому человѣку.

Б. Литвиновъ.

АДОЛЬФЪ ФЕДОРОВИЧЪ МАРКСЪ.

(Некрологъ).

В НОЧЬ на 22 октября внезапно, отъ кровоизліянія въ мозгъ, скончался Адольфъ Федоровичъ Марксъ, одинъ изъ видныхъ русскихъ книгоиздателей, издатель распространнѣйшаго журнала «Нива», насчитывающаго четверть милліона подписчиковъ, собственникъ авторскихъ правъ многихъ и многихъ нашихъ писателей.

Дѣятельность А. Ф. Маркса имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашего издательства, книжнаго и журнальнаго, а слѣдовательно и въ распространеніи просвѣщенія въ Россіи. Самъ Марксъ, начавшій дѣло буквально съ грошей, оставилъ послѣ себя огромное состояніе и огромное дѣло, но его дѣятельность, которая слагалась такъ удачно для него, сопровождалась значительными культурными результатами для русскаго общества. Взятая въ цѣломъ, она представляетъ одно изъ яркихъ проявленій процесса капитализаціи въ русскомъ книжномъ дѣлѣ. За послѣдніе два десятка лѣтъ условія нашего книжнаго рынка радикально измѣнились, благодаря именно процессу капитализаціи книжнаго дѣла, благодаря сосредоточенію въ рукахъ одного лица не только всѣхъ средствъ воспроизведенія книги, но и средствъ распространія. Спросъ на книгу возросъ въ крупной пропорціи сравнительно, на примѣръ, съ началомъ восьмидесятыхъ годовъ; становится возможнымъ распространеніе книги въ такомъ количествѣ, которое показалось бы сказочнымъ 20 лѣтъ тому назадъ. Четверть милліона подписчиковъ—цифра, совершенно необыкновенная въ Россіи. И настоящій моментъ, конечно, еще очень далекъ отъ перепроизводства. Изданія становятся все лучше и лучше въ типографскомъ отношеніи и дешевле по цѣнѣ. Гонораръ писателей также увеличился за это время. Во всей этой перемѣнѣ условій нашего книжнаго рынка сы-

А. А. Марко

грала значительную роль и предпринимательская дѣятельность Маркса, конечно, не только его одного. Но въ нашемъ книгоиздательствѣ есть одна отрасль, которая своимъ прогрессомъ обязана исключительно Марксу. Онъ, и никто другой, повысилъ цѣну авторскаго права, цѣну на «полное собраніе сочиненій». Благодаря Марксу, теперь третьестепенные и второстепенные писатели получаютъ за право собственности такія суммы, которыхъ раньше не получали и первоклассные писатели. Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспроизвести точныхъ цифръ. Марксъ приобрѣлъ право собственности на сочиненія Г. П. Данилевскаго, Шеллера-Михайлова, Лѣскова, Григоровича, Чехова, Салтыкова, Потапенка, Майкова, Полонскаго, Фета, Случевскаго, Станюковича, Авѣенка, Лугового, Терпигорева, Головина (Орловскаго), Баранцевича, Ромера, Альбова, Полевого, Сементковскаго, Стерна. Ни у одного изъ издателей не было до сихъ поръ такого сосредоточенія произведеній русскихъ писателей.

Жизнь Маркса интересна. Онъ родился въ Штетинѣ въ 1838 году. Отецъ его былъ коммерсантъ, владѣлецъ фабрики башенныхъ часовъ, сколотившій себѣ нѣкоторое состояніе, но у него было девять маленькихъ Марксовъ, и онъ умеръ въ 1848 году когда А. Э. было только десять лѣтъ. Съ большими затрудненіями А. Э. удалось все-таки кончить среднюю школу. А, кончивъ ее, онъ рѣшилъ заняться книжнымъ дѣломъ и поступилъ приказчикомъ въ одну изъ книгопродавческихъ фирмъ въ Висмарѣ (въ Мекленбургѣ). Первое время пришлось туго: работы было много, жить приходилось и холодно и голодно. Но черезъ три года Марксъ былъ уже въ Берлинѣ. У него была уже нѣкоторая репутація, и представлялась возможность сдѣлаться завѣдующимъ одной крупной книготорговлей въ родномъ Штетинѣ. Но совершенно неожиданно для себя Марксъ принялъ предложеніе русской книжной торговли Битепажа и Калугина, которой былъ нуженъ специалистъ по германскому книжному дѣлу для устройства нѣмецкаго отдѣла. И вмѣсто Штетина Марксъ очутился въ С.-Петербургѣ. Рѣшеніе было смѣло, но, несомнѣнно, искать счастья на русскомъ книжномъ рынкѣ было легче, чѣмъ на нѣмецкомъ... Пять лѣтъ проработалъ Марксъ у Битепажа и потомъ перешелъ приказчикомъ нѣмецкаго отдѣленія въ книжный магазинъ М. О. Вольфа. Это мѣсто давало ему, кромѣ квартиры и стола, 30 рублей въ мѣсяцъ. Г. Русаковъ въ «Новостяхъ» рассказалъ объ одномъ замѣчательномъ документѣ.

«Документъ этотъ состоитъ изъ пожелтѣвшей отъ времени, разлинованной на подобіе конторскихъ книгъ, съ графами «рубли и копейки» бумажки, на которой значатся всего двѣ рукописныя строчки.

Первая строчка гласитъ:

Дано Марксу на сапоги шесть рублей.

Вторая подъ ней:

Шесть рублей получилъ сполна Марксъ.

Первая строчка написана рукою нынѣ покойнаго извѣстнаго петербургскаго и московскаго книгопродавца Маврикія Осиповича Вольфа; вторая подписана умершимъ недавно Адольфомъ Ое-доровичемъ Марксомъ, богатымъ издателемъ распространеннѣйшаго русскаго журнала «Нива», владѣльцемъ громадной типографіи, нѣсколькихъ домовъ, обладателемъ крупнаго состоянія, нажитаго исключительно на издательскомъ дѣлѣ.

Тотъ же г. Русаковъ рассказываетъ слѣдующія любопытныя подробности о службѣ Маркса у Вольфа и объ его уходѣ отъ Вольфа.

«У Вольфа прослужилъ молодой человѣкъ очень недолго. Говорятъ, что, несмотря на свою бѣдность, онъ былъ слишкомъ гордъ, самонадѣянъ и слишкомъ требовалъ самостоятельной роли въ дѣлѣ для того, чтобы мириться съ скромнымъ положеніемъ приказчика-торговца книгами. И, въ концѣ концовъ, юный приказчикъ бросаетъ не только службу въ книжномъ магазинѣ Вольфа, но и книгопродавческую профессію вообще.

«Когда онъ въ 1865 году уходилъ отъ Вольфа, послѣдній замѣтилъ ему, что изъ него «ничего не выйдетъ». — «Ну, это мы еще посмотримъ!» — отвѣтилъ Марксъ съ свойственной ему самоувѣренностью. Старый, опытный книгопродавецъ, какимъ былъ Маврикій Осиповичъ Вольфъ, очевидно, лучше умѣлъ оцѣнивать книги, чѣмъ людей: изъ Маркса, котораго онъ считалъ и неспособнымъ, и чересчуръ самонадѣяннымъ, и даже умственно ограниченнымъ человѣкомъ вышелъ крупный издатель, оставившій видный слѣдъ въ русскомъ журнальномъ и книжномъ издательствѣ.

«Я всего одинъ разъ имѣлъ случай бесѣдовать съ покойнымъ издателемъ «Нивы», и разговоръ нашъ, по какому-то странному совпаденію, коснулся его житія-бытія въ приказчикахъ въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа.

— «Какъ странно иногда слагается судьба,—замѣтилъ Марксъ,—если бы въ свое время Вольфъ оцѣнилъ меня, какъ слѣдуетъ, и призналъ бы меня полезнымъ работникомъ, я, чего добраго, былъ бы и теперь либо старшимъ приказчикомъ, либо, много-много, только подчиненнымъ управляющимъ книжнаго магазина»...

Уйдя отъ Вольфа, Марксъ нѣкоторое время перебивался. Изъ замѣтки, помѣщенной въ юбилейномъ (XXV) № «Нивы», мы узнаемъ, что онъ былъ воспитателемъ и преподавателемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ въ одной аристократической семьѣ и

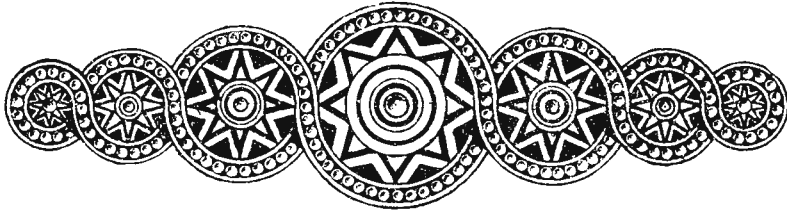
весьма успѣшно дѣйствовалъ на этомъ поприщѣ; былъ также преподавателемъ нѣмецкаго языка и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ,—и очень былъ радъ, когда, наконецъ, добился хорошаго мѣста при контролѣ главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но дѣятельность издательская и книгопродавческая, тѣсно связанная съ кружкомъ литературныхъ и интеллигентныхъ людей, не переставала быть любимой мечтою А. Ѳ. Маркса, и онъ весьма охотно, въ часы досуга, писалъ небольшія статьи въ нѣмецкіе журналы и помогалъ своему пріятелю, покойному Герману Гоппе, въ его въ первыхъ издательскихъ предпріятіяхъ. Потомъ, заручившись нѣкоторымъ капиталомъ, который былъ ему довѣренъ однимъ изъ его друзей, онъ самъ рѣшился приняться за издательство: издалъ двѣ-три книги. Но этого ему было мало: въ теченіе десятилѣтняго пребыванія въ Россіи онъ успѣлъ присмотрѣться къ тому существенному и важному пробѣду, который бросился ему въ глаза въ русской журналистикѣ. «Тутъ нуженъ популярный, общедоступный по цѣнѣ и по внутреннему содержанію семейный журналъ!»—думалось ему... И такой журналъ онъ рѣшился затѣять, во что бы то ни стало, и сумѣлъ привлечь къ участию въ немъ лучшія русскія литературныя и художественныя силы, заслуживъ ихъ довѣріе своимъ прямымъ, честнымъ и открытымъ способомъ дѣйствій, своимъ горячимъ и непосредственнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Журналъ этотъ былъ—«Нива».

Такъ Марксъ нашелъ свою идею. Дѣйствительно, нашему обывателю, нашей провинціи, нужно было непритязательное чтеніе. «Нива» отвѣтила на эту потребность, и оправдала замыслы Маркса. Число подписчиковъ росло очень быстро. На первый годъ было 9.000, черезъ пять лѣтъ—18.000, еще черезъ пять лѣтъ—55.000, въ 1886—102.000; въ 1894—болѣе 170.000, а теперь дошло до 250.000 тысячъ.

Культурная роль «Нивы» стала значительна, когда Марксъ началъ прилагать къ журналу собранія сочиненій русскихъ писателей: Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Гоголь, Данилевскій, Грибоѣдовъ, Шеллеръ-Михайловъ, Лермонтовъ, Жуковскій, Кольцовъ, Полежаевъ, Боборыкинъ, Фонвизинъ, Екатерина II, Козловъ, Лѣсковъ, Григоровичъ, Чеховъ—вотъ тѣ писатели, сочиненія которыхъ получили подписчики «Нивы».

Никогда еще за какія либо десять лѣтъ не былъ брошенъ въ читающую массу въ такомъ огромномъ количествѣ превосходный матеріалъ для чтенія.

Въ этомъ именно и состоитъ огромное и культурное значеніе дѣятельности Маркса въ сферѣ распространенія просвѣщенія на Руси.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Петербургъ и Москва въ эпоху Крымской кампаніи: воспоминанія американскаго дипломата, Андрю Вайта.—Автобіографія Крымскаго Симпсона.—Что онъ видѣлъ во время осады Севастополя, путешествія по Кавказу, свадьбы русскаго наслѣдника, вторичнаго посѣщенія Крыма и коронаціи Александра III.—Мемуары фельдмаршала, лорда Вольсlea.—Его жизнь въ севастопольскихъ траншеяхъ.—Англійскій романистъ Муръ о графѣ Л. Н. Толстомъ.

ПЕТЕРБУРГЪ и Москва въ эпоху Крымской войны. По поводу пятидесятилѣтія Крымской войны въ англійской и американской журналистикѣ появилось нѣсколько очерковъ и воспоминаній, между прочимъ, отрывокъ ¹⁾ изъ записокъ Андрю Вайта, состоявшаго тогда при американскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, а впоследствии занимавшаго постъ посланника тамъ же. Еще молодымъ чело-вѣкомъ, только что окончившимъ курсъ въ Эльскомъ университетѣ, Вайтъ неожиданно получилъ отъ посланника Симора, отправлявшагося въ Россію, приглашеніе занять мѣсто состоящаго при посольствѣ. Этотъ постъ, теперь уничтоженный, былъ, по словамъ Вайта, очень полезенъ американскому правительству и болѣе чѣмъ пріятенъ молодымъ людямъ, занимавшимъ его. Въ сущности, они были добавочными секретарями, не получавшими никакого жалованья и жившими на собственныя средства, но вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовавшими во многомъ посланнику. Чтобы принести своему правительству и Симору возможную пользу, Вайтъ по дорогѣ изъ Америки остановился въ Парижѣ и провелъ тамъ годъ,

¹⁾ Russia in War-Time: by Andrew D. White. «Century Magazine». July-August 1904.

серіозно изучая французскій языкъ, какъ необходимый для дипломатической службы.

Наконецъ въ октябрѣ 1854 года онъ былъ действительно вызванъ къ своему посту. Симоръ встрѣтилъ его чрезвычайно любезно и помѣстилъ въ своей квартирѣ. Въ это время крымская война была въ разгарѣ, и молодой американецъ имѣлъ случай близко наблюдать русское общество той эпохи и борьбу Россіи съ Англіей, Франціей, Италіей и Турціей. Что же касается до сношеній Россіи съ Америкой, то они были самыя дружескія. Симоръ слѣдовалъ примѣру прежнихъ посланниковъ, въ числѣ которыхъ находились два будущихъ президента—Адамсъ и Букананъ—и велъ дѣла очень успѣшно. «Его отношенія къ русскимъ, начиная отъ императора, были таковы, какихъ лучше нельзя было ожидать,—говоритъ Вайтъ,—и благодаря, по большей части, ему, мы были обязаны въ предстоящей гражданской войнѣ, что Россія во многомъ помогла Америкѣ, удержавъ европейскія державы отъ признанія южной конфедерации. Этимъ же хорошимъ отношеніямъ мы обязаны уступкой намъ Аляски, которая принесла такую громадную пользу, несмотря на то, что въ первое время ея управляли неудачные администраторы».

Императоръ Николай I-й поразилъ Вайта и все американское посольство своей величавой наружностью, и американецъ называетъ его самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ во всей Европѣ въ физическомъ отношеніи. Свой величественный видъ государь сохранилъ, по словамъ Вайта, и послѣ своей смерти: онъ лежалъ въ гробѣ столь же «великолѣпнымъ колоссомъ».

Тотчасъ по восшествіи на престолъ Александра II-го, произошелъ торжественный приѣмъ иностранныхъ посланниковъ. Эта сцена также поразила молодого американца своимъ величіемъ. По щекамъ государя текли слезы, и онъ произнесъ трогательную рѣчь, въ которой самое замѣчательное мѣсто касалось Австріи. Обращаясь къ австрійскому посланнику, графу Эстергази, Александръ II-й упомянулъ очень строго о несправедливости австрійскаго правительства и о томъ, что Россія имѣла право на лучшую отплату за свое поведеніе. Во время приѣма за императоромъ стоялъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде. «Въ это время онъ былъ,—говоритъ Вайтъ,—самымъ замѣчательнымъ дипломатомъ во всемъ свѣтѣ. Нессельроде присутствовалъ еще на Вѣнскомъ конгрессѣ и былъ товарищемъ Галейрана и Меттерниха. Онъ очень любезно обращался со мною и, увидавъ меня впервые, сказалъ съ улыбкой: «Такъ вы, молодой человѣкъ, хотите начать дипломатическую карьеру?» Мой отвѣтъ ему очень понравился,—говоритъ Вайтъ,—такъ какъ я сказалъ, что не могу найти лучшаго Нестора, какъ онъ, чтобы начать свою карьеру. Впослѣдствіи онъ всегда очень ра-

душно встрѣчалъ меня и вообще поддерживалъ лучшія отношенія съ представителями Америки».

Американская колонія во время перваго посѣщенія Петербурга Вайтомъ была очень мала, и въ Петербургѣ рѣдко тогда заѣзжали замѣчательные американцы. Между ними заслуживалъ вниманія только полковникъ Кольтъ, изобрѣтатель извѣстнаго револьвера, названнаго его именемъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ своимъ товарищемъ Дикерсономъ для заключенія условія на доставку новыхъ ружей, которыя употреблялись союзниками въ Крыму. Но высшіе русскіе администраторы только качали головами и отвѣчали: «Наши солдаты слишкомъ невѣжественны, чтобы умѣть обращаться съ новинками». «Въ результатѣ,—говоритъ Вайтъ,—жертвовали тысячами русскихъ солдатъ, и главной причиной окончательнаго пораженія русской арміи былъ недостатокъ оружія». Въ Россіи даже не пользовались тѣми изобрѣтеніями, которыя уже давно были въ ея рукахъ. Такъ, посѣщая Эрмитажъ вмѣстѣ съ Вайтомъ, Дикерсонъ неожиданно воскликнулъ, увидавъ въ музеѣ Петра старинныя машины: «Боже мой! недавно въ Америкѣ вновь изобрѣли одну изъ такихъ машинъ для приготовленія ружейныхъ снарядовъ и этимъ нажили громадное состояніе. А другая для копировки статуй выставлена въ Парижѣ, какъ новинка». Дѣло было въ томъ, что двѣсти лѣтъ тому назадъ мастера, привезенные Петромъ I изъ Европы, сдѣлали эти машины, и съ тѣхъ поръ онѣ валялись въ музеѣ безъ употребленія. Въ сущности, большая часть американцевъ, пріѣзжавшихъ тогда въ Россію, состояла изъ различныхъ прожекторовъ и шарлатановъ, предлагавшихъ русскимъ свои услуги. Американскому посольству было очень трудно отдѣлаться отъ этихъ непріятныхъ согражданъ и предостеречь русскихъ отъ ихъ навязчивости.

Но не отъ однихъ соотечественниковъ терпѣло непріятности американское посольство; оно много выносило, по словамъ Вайта, и отъ русской прислуги, особенно благодаря ея пристрастію къ водкѣ. Въ доказательство чрезмѣрной любви русскаго народа къ водкѣ, Вайтъ приводитъ одинъ анекдотъ о посольскомъ кучерѣ, который пилъ запоемъ и каждый разъ, когда посланникъ хотѣлъ его прогнать, валялся у него въ ногахъ, прося прощенія. Получивъ же дозволеніе остаться на службѣ, онъ снова, при первомъ удобномъ случаѣ, принимался пьянствовать. Вообще Вайтъ отзывался съ удивленіемъ объ уваженіи, которое русскіе питали, отъ высшихъ до низшихъ, къ представителямъ американскаго правительства. Онъ даже приводитъ невѣроятный примѣръ, до чего, будто бы, простиралось это уваженіе. Вайтъ и первый секретарь посольства отправились въ Свѣтлую заутреню въ Казанскій соборъ, гдѣ имъ отвели мѣсто на клиросѣ у самыхъ сѣверныхъ дверей алтаря. Но американцы слишкомъ выдвинулись впередъ, такъ что мѣшали от-

крыть сѣверную дверь для крестнаго хода. Духовенство нѣсколько времени стѣснялось отодвинуть ихъ отъ двери и посылало какого-то господина для переговоровъ. Онъ долго и бесполезно болталъ съ американцами, прежде чѣмъ сказать имъ, въ чемъ дѣло, послѣ чего, конечно, они отошли, и крестный ходъ двинулся изъ алтаря.

Изъ числа членовъ англійской колоніи въ Петербургѣ Вайтъ упоминаетъ о заводчикѣ Бердѣ, пользовавшемся большой извѣстностью въ Петербургѣ и отличавшемся независимымъ характеромъ. По словамъ Вайта, въ столовой Берда находилась великолѣпная серебряная ваза, имѣвшая историческое значеніе. Однажды, великій князь Александръ, будущій императоръ, захотѣлъ сдѣлаться членомъ петербургскаго яхтъ-клуба, основаннаго англичанами. Всѣ члены охотно согласились и стоворились между собою предоставить выигрышъ приза на гонкѣ великому князю. Одинъ Бердъ воспротивился и сказалъ: «Нѣтъ, если яхта великаго князя обгонитъ всѣ остальные, то призъ будетъ его, но я не отказываюсь отъ состязанія, и если смогу, то возьму призъ». Несмотря на всѣ возраженія, Бердъ настоялъ на своемъ и, перегнавъ великаго князя, взялъ призъ—серебряную вазу. По словамъ Вайта, это причинило ему большой убытокъ, такъ какъ правительство нѣсколько лѣтъ не дѣлало ему заказовъ; но все-таки Бердъ былъ очень доволенъ, что доказалъ свою независимость. Другой примѣръ своей независимости послѣдній представилъ на большомъ званомъ обѣдѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ американцевъ сдѣлалъ неловкое замѣчаніе, что Бердъ бралъ поставки для русскаго правительства во время Крымской войны, несмотря на то, что англійская королева запретила всѣмъ англичанамъ помогать ея врагамъ. Присутствовавшіе, особенно женщины, пришли въ ужасъ отъ этой неловкости, но самъ Бердъ хладнокровно сказалъ: «Я очень сожалѣю, что меня считаютъ измѣнникомъ отечества, но моя совѣсть въ этомъ случаѣ совершенно чиста. Русское правительство при Наполеонѣ было союзникомъ англійскаго и тогда убѣдило меня съ согласія послѣдняго построить заводъ. Вслѣдствіе этого я взялъ у русскаго правительства поставки и теперь считаю своимъ долгомъ исполнить взятое на себя обязательство».

Пребываніе Вайта въ Петербургѣ не было посвящено исключительно «официальной рутинѣ и общественнымъ пустякамъ». По его словамъ, крымская война, неудачная для Россіи, заволакивала мрачнымъ облакомъ придворную и общественную жизнь, вслѣдствіе чего по мѣрѣ возможности сокращались обычныя увеселенія. Поэтому молодой американецъ посвящалъ почти все свое свободное время изученію русскихъ нравовъ, а также современной исторіи, по лучшимъ новѣйшимъ трудамъ, какіе только можно было достать въ Россіи. Въ первомъ отношеніи ему много помогли мужъ и жена Аткинсоны, незадолго предъ тѣмъ путешествовавшіе по Си-

бири. Ихъ разказы дали возможность Вайту «близко познакомиться съ этой любопытной страной, словно онъ самъ бывалъ въ ней». «Общественная русская жизнь,—замѣчаетъ онъ,—хотя и была во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересна, но не отличалась веселостью. Несмотря на преобладавшій легкомысленный характеръ въ высшихъ слояхъ и фетишизмъ, господствовавшій въ низшихъ классахъ, выдѣлялся тонъ глубокой меланхоліи, особенно въ этотъ печальный періодъ. Впрочемъ, меланхолія характеризуетъ русскихъ, особенно крестьянъ. Они кажутся грустными даже въ своихъ забавахъ; ихъ пѣсни отличаются минорнымъ тономъ, и вся атмосфера въ Россіи наполнена ожиданіемъ какого-то несчастья. Хотя большая часть иностранныхъ журналовъ была запрещена, а въ иностранныхъ газетахъ дѣлались постоянныя помарки, хотя полиція запрещала распространеніе всякихъ неблагопріятныхъ слуховъ о войнѣ, все-таки, тѣмъ или инымъ способомъ, получались извѣстія о неудачахъ въ Крыму. Свѣдѣнія о пораженіяхъ слѣдовали одни за другими, и вмѣстѣ съ тѣмъ разносились тяжелые слухи о беспорядкахъ въ казенныхъ вѣдомствахъ, о томъ, что деньги, назначенныя на военныя поставки, проматывались въ Парижѣ и Гамбургѣ. Съ вѣшной стороны Россія казалась очень могущественнымъ государствомъ, а съ внутренней она отличалась слабостью. Конечно, въ ней было много благородныхъ людей, чувствовавшихъ глубокую горестъ отъ подобнаго положенія дѣлъ; но такъ какъ въ Россіи совсѣмъ не было средняго класса, а низшій классъ содержался въ грубомъ невѣжествѣ, то не было возможности проявиться истинному патриотизму».

Весною 1855 года явился предъ Кронштадтомъ союзный англо-французскій флотъ, и Вайтъ характерно отмѣчаетъ этотъ эпизодъ современной исторіи. «Это было,—говоритъ онъ,—замѣчательное зрѣлище: длинная вереница сотни могучихъ судовъ стараго образца тянулась поперекъ Финскаго залива, предъ самой Кронштадтской крѣпостью. Подъ прикрытіемъ этой крѣпости стоялъ незначительный русскій флотъ; и однако, какъ чрезъ шесть лѣтъ доказали событія американской войны, русскимъ потребовалась бы самая пустая изобрѣтательность, чтобы уничтожить врага и одержать величайшую морскую побѣду новѣйшихъ временъ. Имъ надо было только отвести два своихъ деревянныхъ судна на Бердовскій заводъ, гдѣ валялось много желѣза, и обшить ихъ броней; но никому не пришла въ голову мысль объ этомъ, и адмиралъ Дундасъ вернулся въ Англію, простоявъ цѣлое лѣто предъ Кронштадтомъ, безъ всякой для себя пользы и безъ всякой опасности для крѣпости. Русскіе смотрѣли на эту блокаду съ болѣе философскимъ настроеніемъ, чѣмъ на свои неудачи въ Крыму».

Въ концѣ этого года Вайтъ уѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ свой постъ при американскомъ посольствѣ, но прежде съѣздилъ на

короткое время въ Москву, гдѣ съ любопытствомъ осматрѣлъ всѣ достопримѣчательности, особенно Кремль. Однако, Бѣлокаменная поразила его болѣе своей грязью, массой нищихъ и общественнымъ фетишизмомъ, чѣмъ живописнымъ видомъ. Поэтому онъ вообще былъ разочарованъ Москвой, гдѣ особенно господствовало «нелѣпное чиновничество». Вайтъ приводитъ примѣръ московскихъ казенныхъ порядковъ, царствовавшихъ въ первопрестольной въ то время. Онъ зашелъ на телеграфъ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его въ Москву секретаремъ посольства и хотѣлъ отправить телеграмму посланнику; чиновникъ, принявшій телеграмму, подвергнувъ съ важнымъ видомъ молодого американца безконечному допросу, желая знать: кто они такіе, откуда прѣхали и зачѣмъ? Наконецъ, онъ объявилъ, что не можетъ послать депешу безъ разрѣшенія своего начальника. На вопросъ американца, гдѣ находился этотъ начальникъ, чиновникъ молча указалъ на господина въ военной формѣ, сидѣвшаго въ той же комнатѣ, въ другомъ углѣ и читавшаго газеты. Когда же Вайтъ подошелъ къ нему и спросилъ его разрѣшенія принять телеграмму, то онъ важно сказалъ, что его нельзя беспокоить, когда онъ серьезно занятъ. Товарищъ Вайта не выдержалъ, вырвалъ изъ его рукъ газету и разорвалъ ее, а затѣмъ они удалились изъ комнаты, провожаемые изумленными взглядами чиновниковъ.

На прощанье съ Россіей, Вайтъ рисуетъ характеристику Александра II. «Вступивъ на престолъ,—говоритъ онъ,—императоръ немедленно ввелъ въ Россіи громадную перемѣну, и всѣ это чувствовали. Хотя онъ отличался высокимъ ростомъ, достоинствомъ и красотою, но въ немъ не было величія и суровости своего отца. Его реформы начались съ самаго начала воцаренія и продолжались во все царствованіе, хотя со значительными передышками. Всѣмъ извѣстно, какъ печально были прерваны эти реформы. Изъ всѣхъ историческихъ преступленій самымъ худшимъ была его смерть, такъ какъ насильственная кончина Линкольна, Гарфильда, Карно и короля Гумберта не остановила теченія благотворной эволюціи, смерть же Александра повергла Россію въ долговременный періодъ реакціи».

— Автобіографія Крымскаго Симпсона. Недавно въ Англіи вышла объемистая и интересная автобіографія¹⁾ Симпсона, который болѣе сорока лѣтъ странствовалъ по всему свѣту и не только иллюстрировалъ, но и описывалъ современные историческія событія, какъ войны и всевозможныя общественныя торжества. Въ этомъ отношеніи онъ былъ первымъ по времени газетнымъ иллюстраторомъ и однимъ изъ первыхъ корреспондентовъ. Такъ какъ онъ началъ свою карьеру во время крымской войны и заслужилъ тогда

¹⁾ The autobiography of William Simpson. (Crimean Simpson). London. 1903.

большую извѣстность, то его прозвали Крымскимъ Симпсономъ. По происхожденію онъ былъ сыномъ простаго машиниста на пароходѣ и родился въ 1823 году въ Глазго. Не получивъ никакого образованія, онъ набрался научныхъ свѣдѣній только посредствомъ чтенія. Съ юности онъ учился литографскому ремеслу и поступилъ въ литографію Аллана и Фергюсона, гдѣ такъ усовершенствовался въ этомъ ремеслѣ и въ рисованіи, что перебрался въ Лондонъ. Тамъ онъ продолжалъ свои занятія, какъ по литографіи, такъ и по рисованію, а также выучился самоучкой французскому языку. Поступивъ въ извѣстное литографское заведеніе Дея, онъ такъ быстро заслужилъ уваженіе фирмы, что въ 1854 году ему предложили отправиться въ Крымъ въ качествѣ рисовальщика. Онъ, конечно, охотно на это согласился,—и такъ началась его извѣстность.

16-го ноября онъ прибылъ въ Балаклаву и въ тотъ же день, осмотрѣвъ издали Севастополь, сдѣлалъ свой первый рисунокъ. Получивъ много рекомендательныхъ писемъ къ генераламъ и офицерамъ, онъ былъ радушно принятъ всѣми и особенно капитаномъ Пилемъ, сыномъ сэра Роберта Пилля, отмѣнивашаго хлѣбные законы. Капитанъ Пиль былъ однимъ изъ самыхъ храбрѣйшихъ и блестящихъ офицеровъ того времени и командовалъ военнымъ судномъ «Брильянтъ», въ то же время находясь во главѣ матросовъ, служившихъ на одной изъ траншей. Подъ его руководствомъ Симпсонъ впервые принялъ крещеніе огнемъ. «Я отправился первый разъ въ жизни въ траншею съ капитаномъ Пилемъ,—рассказываетъ онъ,—и намъ пришлось пройти чрезъ Воронцовскую дорогу, прозванную Долиной Смерти. Она шла изъ Севастополя вдоль глубокой лощины, перерѣзывавшей плоскогорье, на которомъ находился нашъ лагерь. Благодаря своему положенію, она подвергалась постоянному огню съ Малахова кургана. Русскіе снаряды въ большомъ количествѣ лежали на дорогѣ и угрожали опасностью при проходѣ по ней. Достигнувъ 21-ой англійской батареи, я пристѣлъ, чтобы срисовать одно изъ орудій морской бригады. Пиль мнѣ рекомендовалъ его, какъ общаго любимца, потому что оно часто отличалось въ поединкѣ съ орудіемъ, находившимся на Малаховомъ курганѣ. Я не только срисовалъ его, но также снялъ портреты съ матросовъ и самого Пилля, какъ онъ стоялъ во весь ростъ у парашета. Оканчивая свой рисунокъ, я замѣтилъ Пиллю, что въ этотъ день, вѣроятно, не было никакой работы на батарее. Онъ отвѣчалъ: «Если я прикажу выстрѣлить изъ этой пушки, то на выстрѣлъ отвѣтятъ изъ двухъ орудій, и вы будете присутствовать при обмѣнѣ выстрѣловъ». Я согласился: послѣдовалъ выстрѣлъ, и вскорѣ, какъ предсказывалъ Пиль, съ Малахова кургана отвѣтили тѣмъ же, но снарядъ русскихъ перелетѣлъ далеко черезъ насъ, однако второй выстрѣлъ попалъ въ парашетъ снаружи, и когда бомбу разорвало, то на насъ дождемъ посыпались земля и

камни. Въ ту же минуту я вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ о маршалѣ Жюно, который писалъ подѣ диктовку Наполеона въ то время, какъ вблизи разорвало бомбу, и его бумага покрылась пылью и осколками, при чемъ онъ спокойно произнесъ: «Не надо будетъ песка для просушки бумаги». Это былъ мой первый опытъ, и я не могу сказать, чтобы я сохранилъ спокойствіе, какъ знаменитый французъ. Но послѣ этого я такъ привыкъ въ траншеяхъ къ выстрѣламъ, что не обращалъ на нихъ вниманія, хотя избѣгалъ посѣщать такія мѣста, гдѣ была слишкомъ явная опасность отъ выстрѣловъ для невоеннаго человѣка.

Отнеся свои рекомендацiонныя письма къ главнокомандующему, лорду Раглану, Симпсонъ былъ принятъ очень любезно и тотчасъ получилъ разрѣшеніе посылать свои рисунки вмѣстѣ съ казенными депешами. Въ это время у лорда Раглана сидѣлъ его товарищъ, французскій главнокомандующій, генераль Канробертъ, который съ любопытствомъ разсматривалъ ихъ, тѣмъ болѣе, что тогда при французской арміи не было ни одного художника. Сраженія при Балаклавѣ и Инкерманѣ происходили прежде прибытія въ Крымъ Симпсона, но все же онъ снялъ виды мѣстоположеній обѣихъ битвъ и воспроизвелъ главнѣйшіе ихъ эпизоды, по рассказамъ очевидцевъ. Особенно эффектенъ вышелъ рисунокъ, изображавшій извѣстную атаку англійской кавалеріи подѣ Балаклавой. Но, несмотря на всеобщее одобреніе, лордъ Кардиганъ, командовавшій въ сраженіи кавалерійской бригадой, раскритиковалъ его.

— «Что это такое?»—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Узнавъ, что это—изображеніе Балаклавской битвы, онъ сказалъ съ пренебреженіемъ:

— «Это совершенно невѣрно».

Художникъ взялъ назадъ свою работу и представилъ новую, но получился снова тотъ же гнѣвный отвѣтъ генерала. Тогда Симпсонъ рѣшился вновь сдѣлать рисунокъ; на этотъ разъ генераль пришелъ въ восторгъ. Дѣло было въ томъ, что на этотъ разъ центральную фигуру представлялъ самъ генераль во главѣ бригады.

Послѣ тяжелыхъ зимнихъ испытаній союзная армія вздохнула съ облегченіемъ при наступленіи весны. Въ концѣ мая значительная англо-французская эскадра предприняла экспедицію въ Керчь, и Симпсонъ также участвовалъ въ ней. Въ военномъ отношеніи она вовсе не была замѣчательна, но художникъ, спустившись на берегъ въ Керчи, осмотрѣлъ Керченскій музей, хотя большая часть замѣчательныхъ древностей была перевезена въ Петербургъ. Иностранныя державы не заняли Керчи, а лишь Эникале, при входѣ въ Азовское море, но все-таки они оставались въ Керчи болѣе трехъ недѣль, и Симпсонъ осмотрѣлъ всѣ окрестныя мѣстности, усѣянныя древними могилами. По возвращеніи въ англійскій лагерь подѣ Севастополемъ, онъ предался своей работѣ

съ прежнимъ рвеніемъ, присутствуя при всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ знаменитой осады. Между прочимъ, онъ нарисовалъ сраженіе на Черной, хотя самой битвы не видалъ, опоздавъ прискакать на мѣсто сраженія.

Наконецъ наступилъ роковой день паденія Севастополя. «Я отправился на передовыя позиціи,—разсказываетъ Симпсонъ,—и оставался съ легкой дивизіей почти цѣлый день на Каткартской горѣ. Намъ доставили свѣдѣнія, что французы заняли Малаховъ курганъ, который они считали «ключемъ позиціи». Много раненыхъ выносили изъ нашихъ траншей. Носильщики раненыхъ увѣдомили насъ, что англичане взяли 3-й бастионъ, но въ концѣ дня распространилось извѣстіе, что русскіе его отбили. На слѣдующее утро я вскочилъ чуть свѣтъ, но уже было поздно, и осада Севастополя окончилась: русскіе ночью покинули крѣпость. Тяжелый гнетъ свалился съ нашихъ плечъ. Я отправился съ генераломъ Барнардомъ въ Севастополь, гдѣ горѣли дома и происходили по временамъ взрывы. На Малаховомъ курганѣ французы хоронили русскихъ, т.е. просто выносили ихъ кучами и бросали въ ровъ чрезъ парапеть. Особенно обращалъ на себя вниманіе сидѣвшій зуавъ, который оказался, къ моему удивленію, мертвымъ. Онъ сидѣлъ въ такой свободной позѣ, склонивъ голову, что можно было признать его не за мертвеца, а за модель художника. При этомъ вокругъ него не было видно крови, а на его лицѣ не выражалось никакого страданія».

Этимъ кончаются крымскія воспоминанія Симпсона, въ сущности, не представляющія ничего новаго или замѣчательнаго. Они интересны собственно потому, что онъ былъ первымъ художникомъ - иллюстраторомъ военныхъ событій. Его рисунки, очень живо и тщательно сдѣланные, не были помѣщены въ иллюстрированныхъ газетахъ, но издавались отдѣльнымъ альбомомъ. Они имѣли громадный успѣхъ и принесли его издателямъ болѣе 120.000 рублей прибыли.

Вслѣдъ за паденіемъ Севастополя Симпсонъ участвовалъ въ путешествіи на Кавказъ герцога Ньюкастль, бывшаго во время крымской войны англійскимъ военнымъ министромъ. Эта экспедиція была предпринята на военномъ суднѣ «Highflyer» и достигла вдоль Черноморскаго побережья Сухумъ-Калѣ. Отсюда путешествіе продолжалось уже сухимъ путемъ, что дало возможность Симпсону близко познакомиться съ кавказскими нравами, а также набросать большое количество эскизовъ. 30-го октября они достигли Батума, оттуда опять вернулись моремъ въ Балаклаву. Затѣмъ Симпсонъ покинулъ Крымъ, но чрезъ 13 лѣтъ онъ снова посѣтилъ его по порученію редакціи «Illustrated London News», гдѣ онъ состоялъ въ то время специальнымъ художникомъ и корреспондентомъ. Цѣль его новой поѣздки заключалась въ осмотрѣ кладбища

англичанъ, погибшихъ въ крымскую войну. Въ Севастополѣ онъ остановился въ Нѣмецкой гостиницѣ Ветцеля. Еще во время Крымской войны послѣдній завѣдывалъ военнымъ клубомъ, а потому могъ рассказать Симпсону много интереснаго относительно осады. Между прочимъ, онъ объяснилъ происхожденіе Малахова кургана слѣдующимъ образомъ. Нѣкогда существовалъ на русской морской службѣ въ Севастополѣ казначей, по имени Малаховъ, который по своей обязанности доставлялъ водку на флотъ. Оказалось, что онъ обманывалъ правительство и безсовѣстно воровалъ, за что онъ отданъ былъ подъ судъ и удаленъ со службы. Имѣя необходимость чѣмъ нибудь существовать, онъ завелъ кабакъ и продолжалъ въ немъ обманывать правительство; русскіе солдаты и офицеры ему сильно покровительствовали, потому что онъ дешевле продавалъ имъ водку. Этотъ кабакъ находился въ деревянномъ домишкѣ на горѣ, прозванной въ честь кабатчика Малаховымъ курганомъ. Поэтому, когда Пелисье сдѣлалъ герцогомъ Малаховымъ, то русскіе, по словамъ Ветцеля, очень смѣялись надъ этимъ прозвищемъ маршала. Симпсона особенно поразило, что по прошествіи столькихъ лѣтъ Севастополь оставался въ развалинахъ. Только въ память убитыхъ во время войны трехъ адмираловъ была построена великолѣпная церковь. Что касается до могилъ англичанъ, то онѣ въ числѣ восьмидесяти девяти содержались въ порядкѣ. Также на домѣ, гдѣ жилъ и умеръ лордъ Рагланъ, находилась надпись, а въ саду каменная плита, на которой было начертано, что тамъ покоится сердце главнокомандующаго, такъ какъ его тѣло было набальзамировано и отправлено въ Англію.

Вся жизнь Симпсона послѣ Крымской кампаніи была посвящена безконечнымъ странствованіямъ въ качествѣ рисовальщика, а иногда и газетнаго корреспондента. Онъ послѣдовательно посѣтилъ Индію, Абиссинію, Палестину, Парижъ во время франко-германской войны и коммуны, Афганистанъ, Іерусалимъ, Суэцкій каналъ, Римъ по случаю Ватиканскаго собора, Микены, Трою и безконечныя торжества по случаю коронацій, свадебъ и похоронъ высокихъ особъ. Между прочимъ, онъ присутствовалъ на свадьбѣ будущаго императора Александра III и принцессы Дагмары, по случаю чего, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ давалось безконечное множество баловъ и празднествъ. Въ 1883 году Симпсонъ былъ посланъ редакціей англійской иллюстраціи на коронацію Александра III-го и подробно описалъ всѣ торжественныя церемоніи и роскошныя торжества въ Москвѣ. Въ послѣдній разъ Симпсонъ былъ въ Россіи въ 1885 г. и проѣздомъ въ Афганистанъ съ англійской пограничной комиссіей посѣтилъ Тифлисъ, Баку и Одессу.

Продолжая странствованія по бѣлу свѣту до конца своей жизни, онъ умеръ въ 1899 году, а его автобіографія закончилась сентябремъ 1893 года.

— Мемуары фельдмаршала лорда Вольслея: страницы его записокъ о крымской войнѣ. Немалымъ успѣхомъ пользуется уже вышедшая вторымъ изданіемъ: «Исторія солдатской жизни» фельдмаршала лорда Вольслея¹⁾. Онъ успѣлъ выпустить только два тома своего блестящаго труда, заключающаго въ себѣ описаніе его дебюта въ Индіи, участія въ Крымской войнѣ, въ усмиреніи индійскаго возстанія, въ китайской войнѣ, въ прекращеніи канадскихъ беспорядковъ и въ борьбѣ съ ашантиями. Всѣ эти эпизоды описаны лордомъ Вольслеемъ чрезвычайно бойко, интересно и оживленно, но для насъ, русскихъ, всего интереснѣе страницы, посвященныя его крымскимъ походамъ. Поэтому мы извлечемъ изъ нихъ самыя любопытныя отрывки.

31-го декабря 1853 года лордъ Вольслей выпелъ на берегъ маленькой Балаклавской бухты, и первое впечатлѣніе, произведенное на него англійской арміей, было неблагопріятно; онъ описалъ его чрезвычайно рѣзко и характерно. «Не успѣли мы сойти съ корабля,— пишетъ онъ,— какъ къ намъ явилось нѣсколько знакомыхъ офицеровъ легкой кавалерійской бригады. Они всѣ сказали, что намѣрены отправиться домой при первой возможности. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ: «Не подходите къ намъ; мы покрыты разными гадами. Нечего сказать, проклятая мѣстность, и ничто меня не соблазнить остаться тутъ». Я съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на этого молодца и подумалъ, что онъ не достоинъ названія англичанина. Эти офицеры каждую ночь спали въ постели, не участвовали въ траншейной работѣ и ежедневно ѣли и пили прекрасно. Они много говорили мнѣ о знаменитой Балаклавской кавалерійской атакѣ и, конечно, сражались хорошо и благородно вели своихъ солдатъ въ бой, но они не имѣли достаточно мужества, чтобы переносить всю тяжесть и лишенія, которыя ежедневно испытывали ихъ солдаты. Когда впоследствии я встрѣчалъ кого нибудь изъ этихъ презрѣнныхъ созданий, то мнѣ противно было подать руку офицеру, нарушившему всѣ обязанности англійскаго джентльмена. Они были не достойны командовать солдатами. Мнѣ было непріятно вспомнить, что они спали въ Константинополѣ въ чистыхъ рубашкахъ или спокойно жили въ Англии, подъ предлогомъ, что у нихъ болитъ животъ, не вспоминая о солдатахъ, которые умирали предъ Севастополемъ съ голода и отъ тяжелыхъ страданій. Въ теченіе зимы мы часто терпѣли всякаго рода лишенія и существовали разными отбросами, но никому изъ насъ не приходило въ голову, что за это насъ слѣдуетъ сожалѣть или прославлять. Признаюсь, что все мое сочувствіе относилось къ солдатамъ; мое сердце ежедневно ныло и трепетало при видѣ того, какъ они умирали отъ недостатка средствъ

¹⁾ The story of a soldier's life; by Field-Marshal viscount Wolsley, vol.—II, London, 1903.

для покупки хоть тѣхъ отбросовъ, которые намъ доставляли комиссаріатскіе мясники. Даже послѣ столь долгаго времени, невозможно хладнокровно писать объ этихъ офицерахъ, давшихъ тягу изъ лагера въ то самое время, какъ остальные ихъ товарищи исполняли свой долгъ. Но что же можно сказать о нашихъ гражданскихъ чиновникахъ, которые послали нашу армію въ Крымъ, не давъ ей средствъ ни на продовольствіе, ни на лѣченіе? Они, конечно, заслужатъ тяжелое наказаніе на томъ свѣтѣ, такъ какъ говорятъ, что министры и имъ подобные никогда не терпятъ по заслугамъ на семъ свѣтѣ. Увѣряютъ, что все это произошло по невѣжеству; но можетъ ли быть большее преступленіе, какъ невѣжественный военный министръ? Если онъ дѣйствительно ничего не знаетъ, то не имѣетъ права занимать свое мѣсто и получать жалованье. Однако, мы видимъ до сихъ поръ, что человекъ, никогда не бывшій военнымъ и положительный невѣжда во всемъ, что касается войны, назначается изъ политическихъ соображеній военнымъ министромъ. Это также основательно, какъ если бы меня назначили главнымъ докторомъ какой нибудь больницы. Я, по крайней мѣрѣ, на своемъ вѣку видалъ раны и операціи, но лица, избираемыя въ военные министры, столько же знаютъ о войнѣ, сколько я о богословіи. Эта глупая и гнусная система рано или поздно будетъ стоить Англій народнаго бѣдствія».

Батальонъ, которымъ командовалъ Вольслей, принадлежалъ къ 90-му полку легкой пѣхоты и состоялъ изъ 814-ти солдатъ. Ихъ помѣстили на сѣверо-западномъ берегу Балаклавской бухты, гдѣ были расположены лагеремъ англійскія силы. Съ находившейся вблизи Каткартской горы открывался красивый видъ на Севастополь; на ней было много могилъ англійскихъ генераловъ и офицеровъ, убитыхъ подъ Инкерманомъ. «Въ этомъ памятномъ сраженіи наши войска были застигнуты врасплохъ,—говоритъ Вольслей,—и едва не погибла вся армія, если бы ея не спасла своевременная помощь французовъ. Боже мой! какимъ генераламъ была поручена англійская армія, ея слава и честь! Имъ вполне соответствовали штабные офицеры, бывшіе столь же бесполезными, какъ и сами генералы. Большая часть офицеровъ была въ то время такъ же невѣжественна, какъ солдаты, и они всѣ, какъ генералы, такъ и офицеры, получали свои посты, благодаря семейнымъ и партійнымъ интересамъ. Конечно, можно указать на блестящія исключенія, но они были такъ рѣдки, что еще рѣзче выставляли неспособность другихъ».

Прежде чѣмъ приступить къ описанію своихъ личныхъ похужденій во время Крымской кампаніи, Вольслей бросаетъ бѣглый взглядъ на исторію осады Севастополя. По его словамъ, эта осада была самая важная и любопытная изъ всѣхъ подобныхъ военныхъ операцій новѣйшаго времени. Прежде всего его поражаетъ то, что эта осада была предпринята съ необыкновеннымъ легкомысліемъ

и безуміемъ. Правда, что Наполеонъ III имѣлъ много солдатъ, которыхъ онъ могъ послать на выручку маленькой арміи, отправленной съ самаго начала въ Крымъ. Но англичане не могли этого сдѣлать. «Въ результатѣ,—говоритъ Вольслей,—французы были въ состояніи кончить войну съ торжествомъ и почетомъ, тогда какъ наши войска, растасованныя послѣ войны по различнымъ гарнизонамъ, стоявшимъ въ отдаленныхъ провинціяхъ страны, разносили всюду плачевную вѣсть о нашей неудачѣ, за что должны отвѣчать не солдаты, а министры. Правительство того времени поручило маленькой арміи исполнить задачу сверхъ ея силы. Въ старину, когда англійскій генералъ претерпѣвалъ неудачу на войнѣ по своей неспособности, то его отставляли отъ службы, а въ будущемъ, говорятъ, такого генерала будутъ предавать военному суду. Но со времени введенія системы отвѣтственныхъ министровъ мы ни разу не повѣсили или не пытались повѣсить министра, который по своей глупости или невѣжеству, объявляетъ войну, имѣя недостаточную армію. Въ сущности въ минуту объявленія войны Россіи въ 1854 году Англія вовсе не имѣла арміи. Ея войско не представляло исправной военной машины, а нѣчто въ родѣ паровика, части котораго были разбросаны по всему свѣту. Наши солдаты были великолѣпны, но съ 1815 года главный нашъ военный интересъ заключался въ экономіи. Министры полагали, что основной принципъ арміи была шагистика при необходимой экономіи».

Послѣ нѣсколькихъ дней лагерной жизни въ Балаклавѣ, батальонъ Вольслея былъ подвинутъ впередъ и расположенъ близъ Воронцовской дороги, въ полутора мили отъ первой англійской параллели и въ двухъ миляхъ предъ третьимъ русскимъ бастиономъ. Англичане ютились въ палаткахъ и терпѣли много лишеній отъ недостатка продовольствія и одежды въ холодное время. Но пикетная служба нравилась Вольслею, потому что, большею частью, она состояла въ наблюденіи днемъ и ночью за караульными. Что же касается до русскихъ, то они находились, по словамъ Вольслея, въ лучшихъ условіяхъ: жили въ домахъ, пользовались обильнымъ топливомъ, хотя также подвергались вредному вліянію мокрой и холодной погоды. Они, очевидно, страдали, но въ десять разъ менѣе англичанъ, а главное имѣли вдоволь ѣды, тогда какъ англичане всего болѣе нуждались въ этомъ отношеніи.

Недолго Вольслей находился во главѣ своего батальона и въ началѣ января былъ переведенъ, по своей просьбѣ, въ траншеи въ качествѣ инженера. «По правиламъ, служба инженернаго офицера,—разсказываетъ онъ,—заключалась въ проведеніи дня или ночи въ той части траншеи, которая была ближе къ непріятелю. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ наши осадныя работы не подвигались, и мы только заботились, чтобы наши батареи и параллели были чисты отъ снѣга, грязи и воды. Опасность гро-

зила лишь, когда мы по обязанности службы были вблизи русских укреплений. Ночью не бывалъ артиллерійскій огонь, а потому въ зимнія ночи мы были безопасны и преспокойно спали. Но, конечно, намъ приходилось тяжело во время бомбардировки. Однимъ изъ замѣчательныхъ эпизодовъ моей службы было посѣщеніе лорда Раглана вмѣстѣ съ генераломъ Ла-Марморой, которыхъ я провожалъ по нашимъ траншеямъ. Сардинскій главнокомандующій казался чрезвычайно любезнымъ и пріятнымъ человекомъ; по его вопросамъ я вскорѣ убѣдился, что онъ имѣлъ серьезныя познанія въ фортификаціи и хорошо понималъ осадное искусство. Такъ какъ въ то время наши генералы рѣшительно ничего не знали за исключеніемъ маршировки, то отрадно было видѣть такого образованнаго командира, какъ Ла-Мармора. Онъ говорилъ по-англійски и поразилъ меня сходствомъ съ родовитымъ англійскимъ джентльмэномъ. Вообще онъ во всѣхъ отношеніяхъ смахивалъ на нашего лорда Раглана, и они оба были истыми джентльмэнами и достойными воинами».

Въ мартѣ мѣсяцѣ распространилось извѣстіе о смерти императора Николая, но русскіе узнали о немъ позже союзниковъ. Лордъ Рагланъ увѣдомилъ ихъ о случившемся, но они не хотѣли вѣрить. Во время перемирія для похоронъ убитыхъ одинъ русскій офицеръ говорилъ Вольслею, что смерть императора невозможна, такъ какъ Богъ не послалъ бы на святую Русь такого испытанія во время великой войны. Говоря о русскихъ, Вольслей съ особымъ сочувствіемъ и даже восторгомъ отзывался о Тотлебенѣ, называя его «великимъ русскимъ инженеромъ, обезсмертившимъ себя великолѣпной защитой Севастополя». Во время осады онъ получилъ рану въ ногу, и русскіе сохраняли это въ тайнѣ отъ союзниковъ. «Я желалъ бы, чтобы у насъ былъ свой Тотлебенъ для руководства осадными работами,—замѣчаетъ Вольслей,—даже если бы нужно было носить его ежедневно въ паланкинѣ на наши батареи и параллели».

Зимю 1854—1855 гг. Вольслей часто ѣздилъ въ Балаклаву для покупокъ себѣ продовольствія. «Съ какимъ любопытствомъ и съ какой горестью смотрѣлъ я на солдатъ,—разсказываетъ онъ,—встрѣчавшихся мнѣ въ самый тяжелый періодъ нашихъ бѣдствій! Они были одѣты во всевозможныхъ мало грѣвшихъ ихъ одеждахъ и не приходившихся имъ по росту. На лицѣ у каждаго изъ нихъ выражались утомленіе отъ недостатка пищи или какая нибудь болѣзнь. Многіе эпизоды этого тяжелаго времени изгладились изъ моей памяти, но я никогда не забуду, какъ безропотно солдаты покорялись своей судьбѣ среди всѣхъ напастей. Еще болѣе поражалъ вѣчно молодцоватый и веселый видъ французскихъ зуавовъ, хотя, по правдѣ сказать, положеніе послѣднихъ далеко не было такъ тяжело, какъ ихъ англійскихъ товарищей, и мнѣ просто было со-

вѣстно въ это бѣдственное время покупать въ каждую мою поѣздку въ Балаклаву шампанское, т.-е. какой-то прохладительный напитокъ, называемый для вида этимъ именемъ; за бутылку его я платилъ до полуфунта стерлинговъ. Если я былъ голоденъ, то могъ всегда купить жестянку сардинокъ, которыми питался цѣлый день. Но положеніе солдатъ было совершенно другое. У нихъ не было ни пищи, ни одежды, ни постели. Бѣдные, благородные люди, они, не жалуясь, страдали и умирали».

Весною Вольслей былъ произведенъ въ высшій чинъ и продолжалъ исполнять свои обязанности въ томъ же инженерномъ лагерѣ. Его главное занятіе заключалось въ возведеніи летучихъ сапъ, и часто онъ подвергался большимъ опасностямъ отъ зорко слѣдившихъ за его работами русскихъ. Послѣ продолжительной бомбардировки и нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ союзники рѣшили, что 18-го іюня англичане еще разъ возьмутъ приступомъ третій бастионъ, а французы — Малаховъ курганъ. «Наканунѣ,—говоритъ Вольслей,—я приказалъ собрать, сколько возможно, мѣшковъ для заполнения рва предъ третьимъ бастиономъ, и приготовилъ всѣ другія приспособленія, употребляемыя для приступовъ. Мы проработали всю ночь, и на другой день начался этотъ пресловутый приступъ. Какъ только французы двинулись на Малаховъ курганъ, то мы тотчасъ съ своей стороны начали движеніе на третій бастионъ. Но въ этотъ день, несмотря на жаркую борьбу, ни англичанамъ, ни французамъ не пришлось достигнуть своей цѣли. Вопреки противоположнымъ рассказамъ многихъ историковъ, я съ самаго начала пришелъ къ тому убѣжденію, что невозможно намъ дойти до непріятеля подъ такимъ убійственнымъ огнемъ. Не могу также скрыть, что нашъ приступъ не дѣлалъ чести нашему инженерному начальству: составленный имъ планъ былъ просто идиотскій и не могъ удался. На нашей батарее присутствовалъ лордъ Рагланъ съ его обычнымъ хладнокровіемъ. Я всюду слѣдовалъ за нимъ по нашимъ запутаннымъ траншеямъ, и мнѣ удалось благополучно довести его до первой параллели. Вскорѣ жаркое дѣло было окончено, и намъ всѣмъ было стыдно за свою неудачу».

Спустя десять дней, англійскій главнокомандующій, лордъ Рагланъ, умеръ отъ горя, какъ говоритъ Вольслей. «Я никогда не считалъ лорда Раглана способнымъ руководить большой войной,—замѣчаетъ онъ.—Было слишкомъ очевидно, что онъ не имѣлъ воображенія, военного инстинкта, знанія военныхъ наукъ и гибкости ума такъ же, какъ тѣла, необходимыхъ для главнокомандующаго на полѣ брани. Ему предстояла очень трудная задача. Тогдашнее правительство глупо впуталось въ войну съ большой европейской державой и вторглось въ Крымъ, не зная ни его географическихъ, ни климатическихъ условій. Когда послѣдовали бѣдствія, то министерство, какъ обык-

новенно, свалило всю вину на главнокомандующаго и его штабъ, даже не избранный имъ самимъ. Однако, военныя достоинства лорда Раглана были многочисленны. Храбрость и доброта ко всѣмъ были отличительными качествами его характера, а его полныя достоинства манеры производили на всѣхъ, какъ англичанъ, такъ и на иностранцевъ, сильное впечатлѣніе».

16 августа было послѣднее сраженіе; оно произошло на рѣкѣ Черной. «Узнавъ, что бой начался,—разсказываетъ Вольслей,—я съ другими офицерами поскакалъ на Воронцовскую дорогу; когда мы достигли того возвышеннаго мѣста, гдѣ Севастопольское плоскогорье спускается внизъ, въ Балаклавскую равнину, то увидали великолѣпную панораму. Русская пѣхота, численностью сорокъ пять или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, спокойно отступала къ Макензіевымъ высотамъ, съ которыхъ она спустилась наканунѣ вечеромъ. Около двухсотъ орудій продолжали дѣйствовать и мѣшать французамъ преслѣдовать отступавшаго врага. Намъ объяснили, что союзники были предупреждены объ атакѣ русскихъ, но все же они дозволили застать себя врасплохъ. Значительная русская армія безъ вѣдома французовъ растянулась наканунѣ ночью въ двухъ или трехъ миляхъ отъ французскихъ пикетовъ. Мы, однако, не долго любовались прекраснымъ зрѣлищемъ и поскакали къ Трактирному мосту. Я вскорѣ узналъ подробности русской атаки, и, признаюсь, она не рекомендовала новаго главнокомандующаго, князя Горчакова. Русскіе отступали чрезъ этотъ мостъ, и вокругъ него валялись несмѣтныя груды убитыхъ. Русскіе военачальники дурно составили планъ битвы и плохо исполнили его, такъ что серіозныя потери убитыми и ранеными не были вознаграждены ни малѣйшимъ успѣхомъ».

Послѣ этой битвы союзники ожидали скорого окончанія осады. Особенно у англичанъ было убито и ранено такое количество солдатъ, что они не могли долго продолжать борьбы. Приходилось дѣлать отчаянныя усилія, чтобы привести осаду къ концу. Саперная работа, порученная Вольслею, велась имъ съ необыкновенной энергіей. 30-го августа была послѣдняя ночь, проведенная имъ въ траншеяхъ, такъ какъ вслѣдствіе тяжелой раны ему не пришлось участвовать во взятіи Севастополя. Онъ съ необыкновенной живостью описываетъ драматическій эпизодъ этой роковой ночи въ траншеяхъ. «Всю ночь,—разсказываетъ онъ,—я ходилъ взадъ и впередъ между работавшими людьми. Вдругъ раздался ужасный крикъ, означавшій русскую вылазку. Этотъ натискъ непріятели былъ до того внезапенъ, что наши люди побросали лопаты, которыми работали, и кинулись назадъ. Желая ихъ удержать, я соскочилъ въ прорытую ими траншею и старался схватить перваго попавшагося мнѣ солдата, бѣжавшаго, сломя голову. Но онъ до того растерялся, что толкнулъ меня изо всей силы, и я упалъ на

скользкую землю; чрезъ меня перебѣжало еще нѣсколько солдатъ, и когда я наконецъ поднялся на ноги, то увидаль, что въ траншеѣ я одинъ съ русскими, находившимися на внѣшней сторонѣ еще не оконченнаго парашета. Я помню очень хорошо лицо русскаго солдата, который смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Меня ожидалъ неизбѣжный плѣнъ, и мнѣ ничего не оставалось, какъ бѣжать, сломя голову. Я долженъ признаться, что недостойно обратился въ бѣгство. По счастью, мнѣ приходилось бѣжать только 50 или 60 шаговъ до траншей въ нашей параллели, обѣщавшихъ мнѣ прикрытіе. Догнавъ своихъ солдатъ, я осыпалъ ихъ самыми отборными бранными словами, но они ни на что не обращали вниманія и успокоились, только когда очутились подъ прикрытіемъ. Пока мы такъ позорно отступали, русскіе уничтожили всю сдѣланную нами работу. Приходилось возобновить разоренную сапу, но въ ту минуту, какъ я старался воодушевить моихъ очнувшихся отъ паники солдатъ, предъ моими глазами что-то блеснуло, и я едва успѣлъ крикнуть «осторожнѣе», какъ упалъ на землю вмѣстѣ съ двумя ближайшими ко мнѣ саперами, которые оба навалились на меня, какъ я впоследствии узналъ, убитые наповалъ».

Вольслей долго лежалъ безъ чувствъ подъ этой грудой человѣческихъ тѣлъ, но чрезъ нѣсколько времени онъ смутно очнулся. «Я сознавалъ только,—продолжаетъ онъ свой рассказъ,—что былъ живъ, но въ то же время чувствовалъ, какъ будто я потерялъ верхнюю часть головы. Мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, оцупать голову рукой, но мнѣ страшно было прикоснуться къ ней; я такъ былъ убѣжденъ, что моя рука попадетъ въ разбитый черепъ и обнаженный мозгъ. Потомъ я помнилъ только, что меня куда-то съ трудомъ вели фельдшеръ и солдатъ. Мы двигались похороннымъ шагомъ по нашимъ траншеямъ къ докторскому шалашу, находившемуся въ полумилѣ отъ нашей батареи. Я былъ въ такомъ оцѣпенѣніи, что едва могъ шевелиться. Должно быть, я представлялъ страшное зрѣлище, такъ какъ моя оторванная лѣвая щека болталась на воротникѣ моей боевой куртки. Все лицо и тѣло было изрѣзано мелкими камнями изъ бомбы, разорвавшейся надо мною, а кровь, не только моя, а и двухъ моихъ товарищей, текла по моему тѣлу. Случившееся со мною такъ меня ошеломило, что я не чувствовалъ боли, а только меня тянуло ко сну. Я не могъ говорить, и если бы меня не поддерживали двое, то я непременно упалъ бы. Наконецъ мы достигли докторскаго шалаша, въ которомъ лежали груды раненыхъ, получавшихъ первую помощь до перенесенія ихъ въ лазаретъ. Предо мною, тянулся такой длинный рядъ раненыхъ, что мнѣ пришлось долго ожидать моей очереди. Когда наступила моя очередь, то я уже былъ почти безъ сознанія и не могъ ничего объяснить доктору. Меня молча осмотрѣли, и моя рана оказалась серіозной: кромѣ отвратитель-

ныхъ паранинъ и порѣзовъ, мой правый глазъ вышелъ изъ орбиты; его тотчасъ забинтовали; потомъ хотѣли зашить мою щеку, но я очнулся и воспротивился. Я чувствовалъ, что въ моей челюсти торчало нѣчто постороннее, а докторъ увѣрялъ, что сломана челюсть. Я настаивалъ на дальнѣйшемъ разсмотрѣнн, и кончилось тѣмъ, что докторъ стиснулъ мою голову между своихъ колѣнъ, а фельдшеръ пальцами вытащилъ изъ челюсти осколокъ камня—и мнѣ тотчасъ стало легче. Четыре солдата снесли меня на носилкахъ въ мою палатку, въ инженерный лагерь».

Черезъ нѣсколько дней Вольслей настолько оправился, что былъ въ состоянн переѣхать въ Георгіевскій монастырь, между Балаклавой и Камышевой бухтой, гдѣ былъ устроенъ лазаретъ. Къ ужасному отчаянню раненаго, 8-го сентября произошелъ окончательный приступъ Севастополя. Французы рѣшили, во что бы то ни стало, взять Малаховъ курганъ, а англичане—3-й бастионъ. Последнее было тѣмъ печальнѣе для Вольслея, что онъ столько мѣсяцевъ готовился къ этому событн, ведя траншеи. Теперь же ему приходилось лежать въ госпиталѣ, пока его товарищи будутъ одерживать надъ русскими побѣду, которую подготовилъ онъ. Еще грустнѣе стало ему, когда денщикъ сталъ проситься отпустить его въ полкъ, для принятн участн въ приступѣ. Однако, онъ не счелъ возможнымъ отказать ему въ этомъ и даже одолжилъ одну изъ своихъ лошадей, подъ условіемъ, чтобы онъ прискакалъ увѣдомить его, какъ только будетъ взятъ третій бастионъ. Когда солдатъ уѣхалъ, Вольслей не могъ побороть своего желанн участвовать въ приступѣ, и онъ, съ трудомъ выбравшись изъ лазарета, отыскалъ свою вторую лошадь, но взобраться на нее никакъ не могъ: съ нимъ сдѣлался обморокъ отъ этихъ усилн, и онъ еле-еле добрался до своей кровати.

Съ нетерпѣннмъ Вольслей сталъ дожидаться возвращенн денщика и, увидавъ издали его радостное лицо, понялъ, что побѣда осталась за англичанами. Дѣйствительно, они овладѣли 3-мъ бастиономъ, къ которому онъ шагъ за шагомъ подвигался въ своихъ траншеяхъ въ продолженн девяти мѣсяцевъ. Но его радость была не продолжительна: черезъ два часа явился его товарищъ, англійскій офицеръ, съ мрачнымъ извѣстнмъ, что англичане, продержавъ 3-й бастионъ въ своихъ рукахъ около часа, должны были покинуть его подъ натискомъ русскихъ. «Все погибло отъ неудачной распорядительности начальства,—сказалъ грустно офицеръ.—Мнѣ стало стыдно своей арміи,—замѣчаетъ Вольслей,—когда я узналъ, что она потерпѣла поражение отъ неумѣнн своихъ предводителей, а французы въ то же время побѣдоносно взяли Малаховъ курганъ, что означало паденн Севастополя. Я впоследствии узналъ, что это поворное для англичанъ дѣло было слѣдствнмъ недостаточности и невразумительности штабныхъ приказанн. Убѣдившись въ этомъ,

генераль Винтгамъ, командовавшій тѣми офицерами и солдатами, которые овладѣли временно третьимъ бастиономъ, преспокойно уѣхалъ, бросивъ свою команду. Оставшись одни, офицеры и солдаты не знали, что дѣлать, и неудивительно, что они были выбиты изъ бастиона не по своей винѣ, а по винѣ начальства, составившаго нелѣпный планъ приступа и, наконецъ, оставившаго подчиненныхъ безъ всякаго распоряженія».

Такъ палъ Севастополь. Хотя союзники простояли на его южной сторонѣ не только осень, но и всю слѣдующую зиму, однако не было никакихъ военныхъ дѣйствій, кромѣ незначительныхъ стычекъ. Вольслей, оправившись отъ своей раны, былъ назначенъ помощникомъ генераль-квартирмейстера и спокойно провелъ остальное время пребывания англичанъ въ Крыму. Вторую зиму они провели совершенно противоположно первой. Всѣ солдаты помѣщались въ деревянныхъ домахъ, имѣя въ избыткѣ пищу и топливо: начальство даже заботилось объ ихъ удовольствіяхъ и устраивало скачки. Поэтому многие въ англійской арміи сожалѣли, что вскорѣ заключенъ былъ миръ, и ей пришлось возвратиться домой, не вознаградивъ себя за послѣднюю неудачу. Послѣ полученія извѣстія о мирѣ генераль Лидерсъ, командовавшій русской арміей, посѣтилъ союзныя войска. Въ честь его былъ устроенъ парадъ, который прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Этимъ окончилась Крымская война, столь памятная кровавыми эпизодами. Подводя ея итоги, Вольслей говоритъ: «Въ этой войнѣ было много драматическаго. Побѣда при Альмѣ дѣлаетъ честь дисциплинѣ и мужеству англійскихъ войскъ, но планъ этой битвы, кто бы его ни составилъ, отличался полнымъ незнаніемъ тактики. Притомъ, не было сдѣлано никакихъ стратегическихъ усилій, чтобы воспользоваться этимъ успѣхомъ. Инкерманское сраженіе принесло много славы офицерамъ и солдатамъ, но, благодаря невѣжеству нашихъ генераловъ, мы были спасены только во время явившейся помощьюъ французовъ. Затѣмъ наступили бѣдствія солдатъ въ памятную зиму 1854—1855 г.г. За недостаткомъ людей роты замѣняли батальоны, а вмѣсто ротъ выступала горсть солдатъ, изнемогавшихъ отъ усталости и дурной пищи. Я никогда не сожалѣлъ офицеровъ, потому что два раза въ недѣлю мы могли ѣздить въ Балаклаву и покупать все, что хотѣли, для своего продовольствія. Наконецъ, насъ награждали чинами, орденами и общими похвалами. Но иная судьба ожидала бѣдныхъ солдатъ: имъ давали въ награду какую-то уродливую серебряную медаль, а они были настоящими мучениками. Я не умѣю подыскать подходящихъ словъ, чтобы выразить, какой восторгъ они возбуждаютъ во мнѣ. Ихъ преданность своему долгу и энергичная готовность поддержать военную честь— выше всякихъ похвалъ. Я знаю, что наши генералы и штабные офицеры, во многомъ были виноваты, но еще большимъ ви-

новникомъ являлось статское министерство, руководившее ими. До измѣненія всей военной системы Англии всегда будетъ то же, и несчастная страна когда нибудь дорого заплатитъ за свое безуміе въ этомъ отношеніи».

— Англійскій романистъ Д. Муръ о графѣ Л. Н. Толстомъ. Послѣ отзыва о Тургеневѣ, Джорджъ Муръ въ рядѣ статей ¹⁾, подъ заглавіемъ: «Признанія», посвящаетъ двѣ главы графу Льву Николаевичу Толстому. О немъ онъ отзывается далеко не съ такимъ теплымъ сочувствіемъ и неподдѣльнымъ восторгомъ, какъ о своемъ кумирѣ, Тургеневѣ. Съ самаго начала своей статьи о Толстомъ Муръ говоритъ, что одинъ изъ англійскихъ переводчиковъ просилъ его высказать свой взглядъ на знаменитаго русскаго писателя, на что Муръ предложилъ прежде всего поговорить о его романахъ. «Я восхищаюсь имъ,—сказалъ англійскій романистъ,—но, въ сущности, какъ описательнымъ авторомъ. Никто такъ ясно не видитъ того, что Толстой описываетъ, какъ онъ самъ. Его глаза шире открыты и болѣе видятъ, чѣмъ Готье, Бальзака или Мопассана». Здѣсь переводчикъ его перебилъ: «Странно, право, странно, Тургеневъ мнѣ говорилъ почти то же самое. Но прежде чѣмъ повторить вамъ слова Тургенева, я желалъ бы знать ваше заключеніе». — «Мое заключеніе состоитъ въ томъ, — сказалъ Муръ:—что Толстой не великій психологъ. Онъ видитъ ясно всѣ предметы, но когда дѣло доходитъ до души, то онъ колеблется, и его взглядъ дѣлается смутнымъ. Но я говорю то, съ чѣмъ никто не согласится». — «Вы ошибаетесь: вы только повторяете слова Тургенева». Муру сдѣлало особое удовольствіе удостовѣреніе, что Тургеневъ былъ одинаковаго мнѣнія съ нимъ о гениі Толстого. Вообще за послѣднее время въ Англии гораздо болѣе почитаютъ Толстого, чѣмъ Тургенева, и Муръ приводитъ свой разговоръ съ извѣстнымъ англійскимъ критикомъ Генлеемъ, который увѣрялъ, что «Толстой могъ бы носить Тургенева на своей часовой цѣпочкѣ». На это рѣзкое замѣчаніе Муръ отвѣчалъ: «часто бываетъ, что на часовой цѣпочкѣ носятъ брелокъ неизмѣримо дороже, чѣмъ сами часы».

Послѣ ухода англійскаго переводчика Муръ впалъ въ размышленіе и сталъ невольно сравнивать Толстого съ Тургеневымъ. «Толстой,—говоритъ онъ:—сѣверный вѣтеръ, а Тургеневъ—южный: одинъ—зима, другой—весна, и этой весной пахнетъ даже отъ его послѣдняго письма къ Толстому. Но если бы тогда Тургеневъ былъ здоровъ, то зналъ бы, что Толстой не можетъ измѣнить своей судьбы, которая направляла его, несмотря на талантъ, къ нравственному доктринерству. Смотря на искусство, только какъ на средство выражать идеи, Толстой заститъ свой умъ темпераментомъ, ко-

¹⁾ Avowals. «By George Moore. Pall-Mall Magazine». May—June 1904.

торый, въ сущности, уродливъ. Сравнивая сочиненія Толстого и творенія Тургенева, мы приходимъ къ различному заключенію. Четыре тома, напримѣръ, «Войны и мира» кажутся намъ безконечными, но мы ихъ читаемъ безостановочно, какъ живемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаемъ о прочтенномъ такъ же мало, какъ вспоминаемъ о прожитой жизни. Какъ только мы прочли книгу Толстого, то начинаемъ чувствовать, что выведенные имъ характеры ступшевыаются и мало-помалу исчезаютъ. Напротивъ, отдаленіе увеличиваетъ очарованіе героевъ и идей Тургенева. Самый объемъ его романовъ, пока мы ихъ читаемъ, производитъ на насъ впечатлѣніе маленькихъ, хорошенькихъ легкихъ рассказовъ. И только съ теченіемъ времени проявляется ихъ красота, а разстояніе облакаетъ ихъ въ безсмертную лучезарность. Разстояніе возвышаетъ Лизу, Лаврецкаго и Елену надъ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ Тургеневъ ихъ изображаетъ, и мы начинаемъ представлять ихъ себѣ живыми типами человѣческой жизни, о которыхъ душа вѣчно помнитъ. Но Толстой, всегда заботящійся о вѣчной жизни, рисуетъ намъ лишь преходящіе моменты: онъ повелитель всего, имѣющаго эфемерное значеніе, какъ внутри, такъ и извнѣ. Онъ можетъ высказать вамъ чувства, которыя волнуютъ молодого человѣка при взглядѣ на молодую дѣвушку, такъ же вѣрно, какъ онъ въ состояніи изобразить перемѣны въ пейзажѣ отъ вліянія времени года, но онъ никогда не имѣетъ яснаго понятія о томъ, что такое человѣческая душа. Онъ ничего не знаетъ о душѣ вообще, а лишь изображаетъ ее эпизодически».

Далѣе Муръ замѣчаетъ, что литературный талантъ Толстого замѣтенъ всюду въ его сочиненіяхъ, а у Тургенева вы не замѣчаете этого таланта, такъ какъ его произведенія—сама жизнь. «Война и миръ» представляетъ, по его словамъ, великолѣпное зданіе со множествомъ оконъ и дверей, наполненное толпой всякаго рода людей, прохаживающихся взадъ и впередъ по великолѣпнымъ заламъ, и Толстой старается рассказать вамъ исторію каждаго посѣтителя этого дома въ видѣ блестящихъ эпизодовъ. «Дворянское гнѣздо»—не объемисто: въ немъ только съ полдюжины комнатъ, и живутъ тамъ четверо или пятеро простыхъ мужчинъ и женщинъ, сидящихъ въ этихъ комнатахъ и гуляющихъ въ окружающемъ ихъ садѣ. Деревенскій домъ имѣетъ свою исторію, но великолѣпное жилище представляетъ только эпизоды. Переходя отъ этой художественной параллели къ дальнѣйшему сравненію обоихъ писателей, Муръ полагаетъ, что въ Тургеневѣ долго будутъ открывать невидимыя до сихъ поръ жемчужины, но, конечно, никому не придетъ въ голову, чтобы, напримѣръ, въ «Войнѣ и мирѣ» могла заключаться какая нибудь недосмотрѣнная красота. «Половина Россіи описана въ этомъ романѣ,—говоритъ Муръ,—но читатель видитъ въ немъ Россію съ точки зрѣнія странниковъ».

Ему не повѣствуютъ о внутренней исторіи этихъ странниковъ, о томъ, страдаютъ ли они въ своемъ сердцѣ, какъ Елена, Лиза и Лаврецкій. Мнѣ приходится опять повторить, что Толстой не психологъ, а лишь описательный геній. Что же касается до религиозныхъ идей, встрѣчающихся въ «Войнѣ и мирѣ», то надо сознаться, что Толстой отворачивается отъ христіанства просвѣщеннаго и жаждетъ первобытнаго. По всей справедливости его можно назвать Іереміей степей, такъ какъ во многихъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ этого ветхозавѣтнаго пророка».

Цѣль «Войны и мира», по словамъ Мура, заключалась въ томъ, чтобы доказать неестественность въ человѣкѣ желанія войны. Такъ какъ Толстой «скорѣе моралистъ, чѣмъ художникъ», то онъ проводитъ этотъ мотивъ чрезъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ своего романа. «Онъ,—говоритъ Муръ,—самый субъективный изъ писателей, но скрываетъ свою субъективность подъ своимъ описательнымъ талантомъ, а его нравственное доктринерство маскировано мелочнымъ реализмомъ. Чтобы человѣкъ, ремесломъ котораго была война, считался геніемъ, было нестерпимо для Толстого, и онъ рѣшился доказать въ «Войнѣ и мирѣ», что Наполеонъ нисколько не геній, а лишь созданіе обстоятельствъ и естественныхъ силъ природы. Поставивъ этотъ принципъ основой своего романа, Толстой долженъ былъ подозрѣвать, что онъ писалъ неправду, но его темпераментъ былъ всегда выше его разума. Толстой провелъ долгую жизнь, защищая неправду въ интересѣ своего спеціальнаго кодекса нравственности».

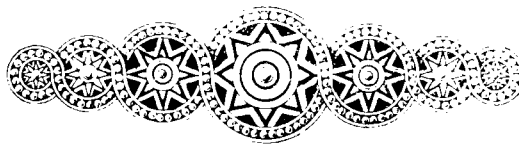
Во второмъ романѣ Толстого: «Анна Каренина», по мнѣнію Мура, точно также лежитъ въ основѣ неправда, хотя она не такъ видима. Здѣсь дѣло идетъ о томъ, что если женщина живетъ несчастливо со своимъ мужемъ и покидаетъ его для другого человѣка, любимаго ею, то ея нравственный характеръ понижается, и для нея Толстой видитъ одинъ конецъ — самоубійство. «Мы въ правѣ спросить,—прибавляетъ Муръ,—какая польза въ проповѣдываніи такой теоріи, въ которую никто не вѣритъ, и которая въ глазахъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, одинаково ложна. Въ этомъ романѣ авторъ также уродливо относится къ жизни, какъ и въ первомъ. Его болѣе интересуютъ брачныя законы, чѣмъ самая жизнь, и онъ такъ изображаетъ Анну Каренину и Вронскаго, что если бы первая не была ранѣе замужемъ за Каренинымъ, то они вели бы самую счастливую жизнь. Съ художественной стороны Толстой одинаковъ въ обоихъ романахъ—тотъ же талантъ. Здѣсь и тамъ онъ дѣлитъ выводимое на сцену семейство на четыре части, и рассказываетъ исторію каждаго изъ нихъ отдѣльно, какъ дѣлаетъ Теккерей въ своей «Ярмаркѣ тщеславія».

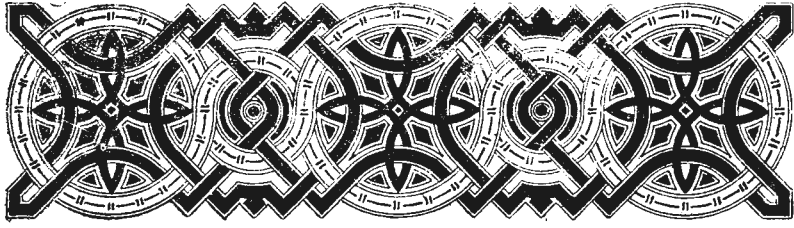
Согласно своему нравственному доктринерству, естественно, что Толстой считаетъ развратомъ балы, дамскіе наряды, вино и му-

зыку. Для подтвержденія своей теоріи онъ написалъ разсказъ «Крейцера соната». «Всѣ читали,—говорить Муръ,—эту написанную съ литературнымъ талантомъ повѣсть о томъ, какъ неизвѣстный человѣкъ въ вагонѣ желѣзной дороги разсказываетъ, что онъ долженъ былъ убить свою жену, потому что совершилъ преступленіе, жениась по любви, возбужденной хорошенькимъ личикомъ и красивой тальей. Далѣе онъ разсказываетъ, что послѣдовательно то любилъ, то ненавидѣлъ свою жену, а она, утомившись жизнью съ такимъ человѣкомъ, взяла себѣ въ любовники скрипача по профессіи—въ результатѣ мужъ убилъ жену. Въ сочиненіи этой повѣсти темпераментъ Толстого снова взялъ верхъ надъ его разумомъ. Этотъ разумъ, навѣрно, ему шепталъ: «Какая польза писать такую повѣсть, такъ какъ никогда люди не согласятся жениться на женщинѣ, которая имъ не нравится». Что темпераментъ Толстого на это отвѣчалъ бы—неизвѣстно, но очевидно и его разумъ сказалъ бы: «Изъ всѣхъ уродствъ, сказанныхъ тобою, это — самое уродливое. Оно возбудитъ комментаріи на твои отношенія съ твоей собственной женой, а у тебя — много дѣтей».

Что всѣ романы Толстого основаны, по словамъ Мура, на какой нибудь доктринерской идеѣ, доказывается и послѣднимъ его произведеніемъ: «Воскресеніе». Въ немъ изображены не живые люди, а куклы, приводимыя въ движеніе той или другой нравственной доктринерской идеей. Муръ увѣряетъ, что въ этомъ романѣ уже совершенно исчезъ въ Толстомъ художникъ, и даже его описательный талантъ является неумѣстнымъ въ проповѣдяхъ Іереміи степей, а вездѣ и всюду проглядываетъ главная доктринерская идея, что если молодая дѣвушка предается любви внѣ брака, то она станетъ проституткой, пьяницей и преступницей. Этимъ Муръ оканчиваетъ свое мнѣніе о беллетристическихъ сочиненіяхъ Льва Николаевича, и надо сознаться, что, несмотря на ихъ рѣзкость, многое дышитъ той правдой, которая не всегда замѣтна у Толстого.

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ императорскаго Русскаго историческаго общества.
Томъ 119. Спб. 1904.

НАКОНЕЦЪ появился въ Петербургѣ 119-й томъ «Сборника императорскаго Русскаго историческаго общества»; онъ составляетъ продолженіе 112-го тома, и въ немъ заключается второй томъ переписки французскихъ и русскихъ дипломатовъ, въ 1817—1818 годахъ. Въ сущности, это только перепечатка вышедшаго въ Парижѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ второго тома «Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres de Russie en France et de France en Russie avec leurs gouvernements de 1814 à 1830, publiée par A. Polovtsoff». Различіе находится не между французскимъ и русскимъ изданіями, а первымъ и вторымъ томами русскаго изданія, и состоятъ въ томъ, что первый томъ снабженъ оглавленіемъ и азбучнымъ указателемъ именъ на русскомъ языкѣ, тогда какъ во второмъ то и другое, какъ и самый текстъ книги—на французскомъ языкѣ. Такъ какъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» уже помѣщенъ краткій отчетъ о перепискѣ между французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, графомъ Ноалемъ, и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, герцогомъ Ришелье, то теперь остается только упомянуть о перепискѣ русскаго посла въ Парижѣ, генерала Поццо-ди-Борго, и русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, а также временно замѣнявшаго его графа Каподистрии.

Въ новомъ томѣ «Переписки» всего болѣе ценны и частныя письма къ Нессельроде отъ генерала Поццо-ди-Борго. Всѣ онѣ отличаются блескомъ, талантливимъ изложеніемъ и интереснымъ содержаніемъ, тогда какъ отвѣты

Нессельроде чрезвычайно сухи подобно официальнымъ бумагамъ. Въ своихъ денешахъ Поццо-ди-Борго главнымъ образомъ касается всѣхъ текущихъ въ то время политическихъ дѣлъ, особенно испанскихъ и португальскихъ, тогда занимавшихъ всю Европу. Кромѣ того, его вниманіе обращено на внутреннія дѣла Франціи, преимущественно на вопросъ объ оставленіи Франціи союзными оккупационными корпусами. Своей сложностью и трудностью этотъ вопросъ занималъ всю европейскую политику въ продолженіе двухъ лѣтъ, составляющихъ предметъ настоящаго тома «Переписки». Наконецъ, благодаря преимущественно неутомимой дѣятельности французскаго перваго министра, герцога Ришелье, хлопотамъ Поццо-ди-Борго и сочувственному отношенію герцога Веллингтона, союзныя войска вышли изъ Франціи послѣ Аахенскаго конгресса въ 1818 году. Изъ внутреннихъ дѣлъ Франціи наиболѣе интересовало всѣхъ политическихъ дѣятелей возвращеніе герцога Орлеанскаго въ 1817 году, и Поццо-ди-Борго въ двухъ словахъ живо очерчиваетъ его портретъ. «Герцогъ Орлеанскій,—замѣчаетъ онъ,—отличается рѣшительнымъ характеромъ; онъ говоритъ много и легко, но полагаютъ, что онъ болѣе способенъ къ критикѣ, чѣмъ къ управленію. По мнѣнію всѣхъ, ему не достаетъ храбрости, и партія недовольныхъ держится его скорѣе по необходимости, чѣмъ по выбору. Пока король живъ, не будетъ ни причинъ, ни удобнаго случая для попытки въ его пользу, а впослѣдствіи будетъ зависѣть отъ поведенія преемника короля, останется ли за нимъ корона».

Дѣйствительно, герцогъ Орлеанскій, несмотря на свое пристрастіе къ интригамъ, велъ себя сначала вполне спокойно. Напротивъ, братъ короля, графъ Артуа, будущій Карлъ X, всячески сопротивлялся, какъ Людовику XVIII, такъ и герцогу Ришелье. О послѣднемъ Поццо-ди-Борго отзывался лестнымъ образомъ: онъ считаетъ его самымъ нравственнымъ изъ французовъ, человекомъ самыхъ чистыхъ правилъ и во всѣхъ отношеніяхъ безчиречнымъ политическимъ дѣятелемъ. Въ немъ были только два недостатка—слабость характера и нерѣшительность. Заклятый же врагъ Ришелье, графъ Артуа, былъ отъявленным интриганомъ, ультра-консерваторомъ и противникомъ умѣренныхъ политическихъ взглядовъ короля и Ришелье. Людовикъ XVIII самъ говорилъ Поццо-ди-Борго: «Мой братъ сдѣлалъ много преградъ моему правительству, но я надѣюсь уговорить его перемѣнить свою политику. Вѣдь онъ только теперь ведетъ себя такимъ образомъ: вступилъ онъ на престоль, и чрезъ четверть часа онъ станетъ слѣдовать моей политикѣ». Братъ короля ненавидѣлъ и Поццо-ди-Борго, а потому всѣ старанія послѣдняго убѣдить его въ личныхъ разговорахъ, сколько вреда приносятъ Франціи его упорныя сопротивленія королю, по совѣту Талейрана не приводили ни къ чему.

Въ одномъ изъ частныхъ писемъ Поццо-ди-Борго къ Нессельроде, онъ съ большою живостью и блескомъ описываетъ большинство русскихъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ. «Вы спрашиваете подробности о пребывающихъ здѣсь русскихъ ветеранахъ,—пишетъ онъ.—Всѣ Несторы нашей дипломатіи собрались здѣсь. Растопчивъ живо порастраясъ все свое остроуміе и теперь проводитъ время между ресторанами и театрами. Онъ живетъ и ведетъ себя, какъ офицеръ на пенсіи, но я не могу не сказать, что онъ не причинилъ мнѣ никакого

безпокойства. Марковъ болтаетъ, когда хочетъ серьезно разсуждать, и разсуждаетъ, желая злословить своего ближняго. Я не очень доволенъ имъ, онъ слишкомъ много политиканствуетъ съ ультра-кансерваторами, и изъ всѣхъ его возгласовъ вытекаетъ одно, что надо всѣмъ отрубить голову. Онъ собирается вскорѣ уѣхать отсюда и теперь закупаетъ приданое для дочери. У Панина какая-то мрачная дѣятельность: его характеръ очень подозрителенъ, онъ видитъ на каждомъ шагѣ западню и въ каждомъ куплетѣ—заговоръ. Я его уговорилъ воздержаться и остаться подольше въ Парижѣ, чтобы присмотрѣться къ нему. Александръ Львовичъ Нарышкинъ и его жена еще не прѣехали. Я ихъ встрѣчу такъ же, какъ всѣхъ: устрою имъ аудіенцію у короля, дамъ имъ обѣды у себя и осыплю ихъ любезностями, предупредительностью, всевозможными приличіями, e poi—basta. Съ этой системой поведенія я блестяще выхожу изъ всѣхъ затрудненій: мои гости меня хвалятъ и бранятъ, сколько хотять, а я избѣгаю силетенъ и остаюсь невозмутимъ. Я попрежнему очень хорошъ съ графомъ Михаиломъ Воронцовымъ; остальные дѣлаютъ, что хотять. Вы меня подстрекнули, и я повиновался, но прошу васъ сохранить мою болтовню въ тайнѣ, потому что я не желаю безъ надобности раздражать кого бы то ни было».

Нерѣшимость Ришелье и его излишняя снисходительность къ графу Артуа, который губилъ его своими интригами, дошла до того въ концѣ 1817 года, что возмутила всѣхъ его сторонниковъ, и ихъ усилія, а главное совѣтъ герцога Веллингтона и Поццо-ди-Борго, побудили Ришелье хоть разъ дѣйствовать энергично противъ своихъ соперниковъ. Онъ рѣшился преобразовать свое министерство, удаливъ изъ него слишкомъ преданныхъ друзей графа Артуа. Такимъ образомъ, Ришелье добился того, что его министерство, по словамъ русскаго посланника, сдѣлалось средоточіемъ людей способныхъ, соединенныхъ между собою единствомъ принциповъ, и вообще такихъ достойныхъ личностей, лучше которыхъ невозможно подобрать во всей странѣ. По этому случаю Поццо-ди-Борго кратко, но мастерски, характеризуетъ этихъ министровъ. «Военный министръ, маршалъ Сенъ-Сиръ, пользуется,—говоритъ онъ,—большимъ расположеніемъ арміи. Онъ возвысился, благодаря революціи, но никогда не раздѣлялъ ея заблужденій. Его умъ справедливый, хотя нѣсколько узкій, а его характеръ столь твердъ, что достигаетъ суровости. Онъ отличается самыми простыми принципами администраціи, считая важнѣе всего совершенство арміи, а не ея количество. Это, быть можетъ, въ другихъ условіяхъ и не вѣрно, но для теперешней Франціи оно чрезвычайно полезно. Говоря о министрѣ внутреннихъ дѣлъ Лэнэ, надо начать съ похвалы его добродѣтелямъ, прежде чѣмъ упомянуть о его талантахъ. По краснорѣчію, очевидно, онъ совершеннѣе всѣхъ настоящихъ ораторовъ. Притомъ онъ положительно честный человекъ, и его поведеніе нельзя ни въ чемъ заподозрѣть. Быть можетъ, для государственныхъ дѣлъ онъ слишкомъ добръ, деликатенъ и любитъ примирять враждующія стороны. Министръ финансовъ, графъ Корветто, по происхожденію итальянецъ, только натурализованный французъ,—умный и образованный человекъ, занимается исключительно финансами и очень остороженъ относительно другихъ дѣлъ. Министръ юстиціи, баронъ Пакье, быв-

пій при Наполеонѣ префектомъ полиціи, славится своей честностью, большими способностями и тактомъ. Министръ полиціи, Деказь, чрезвычайно ловкій, дѣятельный, энергичный человекъ—любимецъ короля, а потому ненавистенъ ультра-роялистамъ; онъ пользуется большимъ вліяніемъ въ министерствѣ. Наконецъ, морской министр, графъ Молэ, отличается близкимъ знаніемъ всѣхъ партій, тонкимъ умомъ и замѣчательными познаніями, несмотря на его молодость».

Еще остается сказать два слова о личныхъ отношеніяхъ Поццо-ди-Борго и императора Александра. По рекомендаціи князя Чарторыжскаго, Поццо-ди-Борго, еще молодымъ человекомъ, до Тильзитскаго мира поступилъ на русскую службу и пользовался сочувствіемъ Александра. Но естественно, что со своей корсиканской ненавистью къ Наполеону и страстностью своей натуры онъ пылко возсталъ противъ тильзитской политики Александра и его канцлера Румянцева. Это очень разсердило императора, и въ письмѣ къ Шувалову, посланному въ Вѣну для изслѣдованія, откуда взялись клеветы на Румянцева, онъ писалъ: «Я прежде всего по цвѣту узналъ представленіе, сообщенное вамъ Поццо-ди-Борго. Это—интриганъ совершенный, пансіонеръ Англіи, человекъ на всѣ средства и готовый перемѣнить все, чтобы только заставить насъ перевернуть систему. Мнѣ очень неприятно, что вы вошли въ сношенія съ нимъ, ибо все, что вы отъ него узнаете, будетъ носить его печать. Я вамъ предписываю не оказывать ему ни малѣйшаго довѣрія и тщательно избѣгать малѣйшаго явнаго сообщенія съ нимъ». Несмотря на раздраженіе Александра, впоследствии оказалось, что источникомъ клеветы на Румянцева былъ не Поццо, а коварный Меттернихъ. Все же по просьбѣ Наполеона императоръ удалилъ отъ себя Поццо-ди-Борго, и послѣдній находился въ опалѣ до 1812 г., а въ 1814 г. онъ уже пользовался полнымъ довѣріемъ государя, который назначилъ его посланникомъ при Людовикѣ XVIII-мъ. Занимая эту должность, онъ игралъ главную роль въ тогдашней европейской дипломатіи, всячески стараясь сблизить Россію съ Франціей и энергично исполняя всѣ намѣренія императора. Вполнѣ довольный его дѣятельностью, Александръ писалъ ему въ 1817 г.: «Преданный органъ моей мысли, просвѣщенный выразитель моихъ намѣреній, вы исполняли свои обязанности съ щепетильной точностью и постоянной прозорливостью, которая оправдываютъ мое къ вамъ довѣріе и усиливаютъ мое къ вамъ уваженіе». Поццо-ди-Борго такъ страстно и пламенно исполнялъ свою обязанность, что Александръ заподозрѣлъ его въ излишнемъ увлеченіи. Поэтому Каподистрія сообщилъ Поццо-ди-Борго мнѣніе о немъ государя, который полагалъ, что Поццо черезчуръ былъ поклонникомъ и защитникомъ Франціи. Поццо-ди-Борго находилъ, что Франція, придерживаясь трактатовъ и хартій, была достойнымъ союзникомъ Россіи. Русскій государь не соглашался съ этимъ и считалъ, что Россія должна была находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей, но подъ извѣстными условіями. «Я никогда,—говорилъ императоръ,—не соглашусь на признаніе федеративной системы, которая противорѣчатъ тайнымъ принципамъ, принятымъ вѣнскимъ, лондонскимъ и берлинскимъ дворами. Поццо-ди-Борго долженъ дѣйствовать гораздо умѣреннѣе, чѣмъ до сихъ поръ».

На это высочайшее наставленіе посланникъ отвѣчалъ, что ему было извѣстно о данномъ ему прозваніи «ужаснаго покровителя Франціи», но это не справедливо, такъ какъ онъ только исполняетъ волю императора. Свои дѣйствія онъ обязался подробнѣе объяснить государю словесно на Аахенскомъ конгрессѣ. По всей вѣроятности, онъ такъ и сдѣлалъ, вполнѣ удовлетворивъ государя, такъ какъ Александръ до самой своей смерти довѣрялъ Поццо-ди-Борго, оставшемуся на своемъ посту въ Парижѣ.

В. Т.

**И. И. Соколовъ. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ.
Опытъ историческаго изслѣдованія. Томъ I. Спб. 1904.**

Доценту С.-Петербургской духовной академіи по кафедрѣ исторіи греко-восточной церкви послѣ раздѣленія церквей, магистру богословія, И. И. Соколову, выпало немалое счастье лѣтомъ 1902 года совершить научную поѣздку на греческій востокъ, проникнуть за крѣпко охраняемыя двери заповѣднаго патріаршаго архива въ Константинополь и заниматься въ этой сокровищницѣ историческихъ матеріаловъ почти два мѣсяца. Результатъ этой поѣздки сказался только теперь, съ выходомъ въ свѣтъ I-го объемистаго тома историческаго изслѣдованія о Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ. Въ предисловіи авторъ говоритъ: «намъ пришлось работать почти исключительно по первоисточникамъ, обширнымъ и разнообразнымъ. Въ основу изслѣдованія положены официальные рукописные кодексы означеннаго архива, и въ этомъ впервые использованномъ нами первоисточникѣ находится центръ тяжести нашей работы» (стр. XV). Кто работалъ съ научною цѣлью въ архивахъ, тотъ прекрасно знаетъ, чего стоитъ это отыскиваніе, чтеніе (да еще на новогреческомъ языкѣ, какъ въ данномъ случаѣ), собраніе и обработка архивнаго матеріала,—знаетъ и то, въ какой мѣрѣ нужно обладать энергіей, терпѣніемъ и любовью, чтобы преодолѣть этотъ трудъ...

Кромѣ предисловія (I—XXXV стр.), авторъ по заранѣ составленному плану раздѣляетъ свой трудъ на четыре части: вступленіе, внѣшняя исторія церкви, очерки дѣятельности константинопольскихъ патріарховъ и патріаршее управленіе.

Во вступленіи (1—71 стр.), обнимающемъ исторію Константинопольской церкви за 1453—1789 годы, авторъ съ новымъ освѣщеніемъ и большими дополненіями и подробностями излагаетъ факты грустнаго положенія вселенской патріархіи въ лицѣ ея представителей и ромейской райи. Приподнятая завѣса открыла въ глубинѣ и мракѣ вѣковъ страшныя картины... Мученическая кончина патріарха Кирилла I Лукариса († 1638 года) (34—37 стр.), изгнаніе и оскорбленіе другихъ патріарховъ, обращеніе патріаршаго престола въ мѣсто интригъ, страстей, грубыхъ раздоровъ, въ мѣсто кули и продажи, звѣрства турокъ по отношенію къ христіанамъ-мученикамъ и проч. и проч., «все это,—говоритъ авторъ,—весьма печально и находится въ совершенной противоположности съ начертанными турецкимъ правительствомъ юридическими опредѣленіями касательно быта христіанъ въ предѣлахъ мусульманской державы... И надо положительно удивляться тому, что греки не только не погибли въ тяже-

лой мусульманской атмосферѣ, которая способна была заглушить всякія проявленія христіанскаго чувства и нравственнаго сознанія, но и спасли святую вѣру православную, защитили права и прономіи церкви, сохранили идею народности и удержали свой родной языкъ. Въ этомъ заключается величайшая историческая заслуга грековъ—рабовъ варварскаго турецкаго ига. Много факторовъ участвовало въ обезпеченіи за греками этой славной исторической миссіи... (57 стр.). Россія на православномъ востокѣ всегда была защитницей христіанъ отъ турецкаго произвола и освободительницей отъ ига. Императоръ Петръ Великій укрѣпилъ и распространилъ связи съ христіанами на востокѣ и энергично поставилъ на очередь вопросъ объ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига. Бѣдные христіане востока видѣли это и считали могущественнаго русскаго монарха Божиимъ посланникомъ, молились о немъ въ церквахъ, воспѣвали въ пѣсняхъ и проч. Императрицы—Анна Иоанновна, Елисавета Петровна и Екатерина II, слѣдовали въ этомъ дѣлѣ за Петромъ I. Турки не щадили и русскихъ: нашъ посланникъ графъ П. А. Толстой въ 1711 году томился въ Семибашенномъ замкѣ, іеромонахъ нашей миссіи въ Константинополь Константинъ Неаполитанскій въ сентябрѣ 1742 года былъ замученъ и константинопольскою церковью причтенъ къ лику святыхъ (пам. 26-го декабря), и проч.

Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 78—406), обнимающемъ внѣшнюю исторію константинопольской церкви за весь XIX-й вѣкъ, авторъ многочисленными фактами и документальными данными доказываетъ, что чѣмъ начали христіане востока этотъ вѣкъ, тѣмъ его кончили, съ тѣмъ перешли и въ XX-е столѣтіе: тяжелое рабство, со всѣми его печальными послѣдствіями, при коварствѣ, непослѣдовательности, фальши и фанатизмѣ турокъ, обратило жизнь христіанъ всѣхъ народностей, населяющихъ Балканскій полуостровъ, въ вѣковую кровавую драму съ многочисленными жертвами турецкаго звѣрства... И въ XIX вѣкѣ Россія ни на шагъ не отступила отъ взятой на себя роли освободительницы цѣлымъ рядомъ войнъ она отстояла независимость дѣлаго десятка народностей и еще большаго достигла бы въ своихъ стремленіяхъ къ улучшенію положенія райи, если бы не мѣшали ей западно-европейскія державы—злѣйшіе враги грековъ, усиленно тормозившіе освободительное дѣло Россіи, которая одна понимала и понимаетъ, что безъ оружія ея или другой державы турки ни на одинъ шагъ не подвинутся впередъ по пути улучшенія рабскаго положенія христіанъ. Ясно, что предстоитъ еще не одна война за эту свободу. Въ отдѣлѣ имѣются свѣдѣнія о русской политикѣ на востокѣ при императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I и Александрѣ II и о послѣдней въ XIX вѣкѣ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ.

Во второмъ отдѣлѣ изслѣдованія (стр. 407—693) авторъ помѣстилъ 26 очерковъ жизни и дѣятельности константинопольскихъ патріарховъ. Особенно выдались своєю политическо-гражданскою и церковно-общественною дѣятельностію патріархи—Каллиникъ V, Григорій V, нынѣшній Іоакимъ III и др. Мученическая кончина патріарха Григорія V († 1821 г.) вызвала взрывъ народнаго негодованія на Руси... (Въ архивѣ святѣйшаго синода хранится рѣдкій чудный портретъ патріарха Григорія V, а на оборотѣ его при-

крѣплено увѣковѣченное кѣмъ-то фотографическое помѣщеніе константинопольской тюрьмы, Востанджибаши, гдѣ патріархъ томился, и самый актъ мученической кончины чрезъ повѣшеніе въ воротахъ патріаршаго дома) (стр. 171—179).

Въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 694—813) авторъ даетъ обзоръ патріаршаго управленія въ константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ, съ его реформами и съ затрудненіями при введеніи этихъ реформъ; знакомитъ съ примирительною дѣятельностію по этому вопросу знаменитаго московскаго святителя, митрополита Филарета, внесшаго нѣкоторыя измѣненія въ уставъ объ избраніи архіереевъ на востокъ. Приводятся уставы объ управленіи церковными и народными дѣлами (иногда съ буквальною точностію), разсматривается дѣятельность второстепенныхъ органовъ патріаршаго управленія константинопольской церкви — разнаго рода епитропій (попечительствъ), судовъ, конторъ и т. п.

Въ приложеніи (стр. 1—150) напечатано на греческомъ языкѣ 215 статей, извлеченныхъ изъ патріаршаго архива и имѣющихъ значеніе документальнаго оправданія авторскихъ сужденій и выводовъ, а равно и значеніе какъ научнаго не вполне еще использованнаго матеріала. Алфавитный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ изслѣдованіи, дополняетъ пріятное впечатлѣніе, получаемое отъ изслѣдованія.

Привѣтствуемъ первый самостоятельный и документальный ученый трудъ по новому и современному вопросу, по справедливости доставившій автору вполне заслуженную имъ ученую степень доктора церковной исторіи. Надѣмся, что и ко второй половинѣ поставленной задачи — «внутренней исторіи константинопольской церкви» — авторъ отнесется также добросовѣстно, разсѣтетъ тьму невѣдѣнія по этому вопросу и при свѣтѣ сообщаемыхъ имъ фактовъ поможетъ скорѣйшему единенію вѣры, взаимной любви и единомыслію православныхъ народовъ.

3.

А. А. Шахматовъ. Ермолинская лѣтопись и Ростовскій владычній сводъ. Спб. 1904.

Продолжая свои разысканія въ области русскихъ лѣтописей и хронографовъ, академикъ А. А. Шахматовъ занялся анализомъ одного изъ списковъ лѣтописи Московской духовной академіи. Оказалось, что оригинальная часть лѣтописи составлялась въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XV вѣка и связана съ дѣятельностію извѣстнаго русскаго архитектора Василя Ермолина, который работалъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, строилъ церкви, подновлялъ стѣны и, между прочимъ, реставрировалъ Юрьевскій соборъ въ 1471 году — фактъ, обнаруженный впервые. Одна изъ общихъ характерныхъ чертъ новооткрытой «мѣстной» лѣтописи — тотъ сарказмъ, котораго не могъ и не находилъ нужнымъ скрывать современникъ жестокихъ событій, связанныхъ съ энергичнымъ собираніемъ Москвы. Такіе отрывки не всегда попадали въ официальные своды, потому что поздніе редакторы ихъ, имѣвшіе опредѣленные цѣли, старательно выпускали всѣ фразы, дышавшія насмѣшкой или негодованіемъ по отношенію

къ власти. Такихъ примѣровъ много. Въ 1456 году нѣсколько боярскихъ дѣтей задумали освободить изъ заточенія князя Василія Ярославича; великій князь Василій Васильевичъ узналъ о заговорѣ, и смѣльчаки были казнены послѣ обычныхъ пытокъ. Однѣ лѣтописи говорятъ о казни сдержанно, другія ограничиваются стереотипными фразами, и только Ермолинская приводитъ извѣстіе во всей наготѣ, говоря, что всѣ сословія въ Угличѣ были въ неопишомомъ ужасѣ и удивленіи, такъ какъ никогда не приходилось имъ видѣть что нибудь подобное «въ русскихъ князехъ бываемо: понеже бо и недостойно бяше православному великому осударю, во всей подсолнечной суцѣ, и такими казньми казнити и кровь проливати во святой великій постѣ». Очевидно, жестокая казнь, омрачившая святость Феодоровой недѣли, противорѣчила представленію русскаго книжника о владыкѣ неразрушимаго «третьяго Рима».

Черезъ семь лѣтъ въ лѣтописи отмѣчено обрѣтеніе мощей трехъ русскихъ князей — Феодора, Константина и Давида; отъ ихъ гробовъ люди стали получать «прощенья», т.-е. исцѣленія. Но оказалось, что явленіе новыхъ чудотворцевъ было «не на добро всѣмъ князьямъ ярославскимъ»: «простилися со всѣми своими отчинами навѣкъ». Слѣдующій отрывокъ о томъ же событіи дышитъ еще большимъ сарказмомъ: «А послѣ того въ томъ же градѣ Ярославли явился новый чудотворецъ, Іааннъ Огаѳоновичъ Суцѣй, созиратай Ярославской земли. У кого село добро—инъ отнялъ, а у кого деревня добра—инъ отнялъ да отписалъ на великаго царя. А кто будетъ самъ добръ, бояринъ или сынъ боярской,—инъ его самого записать. А иныхъ его чудесъ множество: немощно исписати и исчести, понеже во плоти суцѣй діаволь!» Горькая дѣйствительность заставила современника посмѣяться надъ великокняжескимъ намѣстникомъ Иваномъ Сухимъ, «чудеса» котораго косвенно омрачаютъ святость новоявленныхъ святыхъ.

Это даетъ изслѣдователю поводъ привести еще нѣсколько подобныхъ по характеру извѣстій, попавшихъ только въ мѣстные лѣтописи, обезличивавшія независимость книжниковъ отъ правительственнаго вниманія, и отсутствующихъ въ официальныхъ сводахъ. Въ одномъ изъ Погодинскихъ хронографовъ помѣщены замѣтки о ратныхъ дѣлахъ 1468 года, когда великокняжескій отрядъ воевалъ противъ Казани. Планъ русскаго войска былъ таковъ: когда татары выйдутъ изъ судовъ, русскіе должны были отрѣзать ихъ отъ берега. Но случилось нѣчто иное. Постельникъ великаго князя Аидаръ, «наполнивъ ратна духа» и, не давъ врагамъ достаточно отойти отъ берега, крикнулъ, татары узнали о засадѣ и благополучно вернулись на суда. «Въ той день содѣяся спасеніе велико татаромъ здоровьемъ Григорьева сына Карповича Аидаровымъ»,—иронически прибавляетъ лѣтописецъ. Подъ 1472 годомъ находимъ извѣстіе о неудавшейся защитѣ г. Алексина. Русскіе не успѣли сдѣлать нужныхъ запасовъ оружія, и великій князь велѣлъ воеводѣ «осаду распустити». А воеводой былъ, иронизируетъ лѣтописецъ, Семенъ Беклемищевъ, «человѣкъ на рати вельми храбръ». Захотѣлъ онъ получить отъ алексинскихъ гражданъ посулъ; тѣ давали ему пять рублей, а воевода «захотѣ у нихъ шестого рубля еще женѣ своей». А какъ сказали ему, что татары идутъ, воевода первый бросился за Оку съ женой и слугами, а татары — за

нимъ. Остальные примѣры подобнаго же характера и не менѣе энергичны по тону.

Вполнѣ естественно задать вмѣстѣ съ А. А. Шахматовымъ вопросъ: кто и гдѣ могъ составить подобныя записи? Отвѣтъ является самъ собой: это былъ ни въ какомъ случаѣ не москвичъ и даже не ярославецъ, такъ какъ едва ли онъ сталъ бы прибѣгать къ сарказму, говоря объ ярославскихъ святыняхъ. Скорѣе это былъ ростовецъ, тѣмъ болѣе, что мы располагаемъ однимъ интереснымъ фактомъ: ростовскій владыка Трифонъ не вѣрилъ въ святость мощей, открытыхъ въ Ярославлѣ спасскимъ игуменомъ Христофоромъ, говоря, что это дѣло не обошлось безъ «волшебства». Посланный имъ для слѣдствія соборный протопопъ Константинъ «явился» на игумена, «мня симъ чудотвореніемъ игумень много богатства приобрѣсти». Есть и другія данныя, указывающія, что Ермолинская лѣтопись представляетъ собой Ростовскій владычній лѣтописный сводъ конца XV вѣка.

А. И. Яцимирскій.

Л. К. Гётцъ. Кіево-Печерскій монастырь, какъ культурный центръ домонгольской Россіи. Das Kiever Höhlen-Kloster, als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. Passau. 1904.

Книга написана на нѣмецкомъ языкѣ и снабжена русскимъ заглавіемъ, очевидно, для того, чтобы заинтересовать и русскихъ читателей. Конечно, авторъ можетъ имѣть въ виду кое-кого изъ русскихъ читателей, хотя для ученыхъ она почти не даетъ чегонибудь новаго, а для широкой публики она, навѣрное, останется неизвѣстной: у насъ и русскія книги болѣе или менѣе ученаго содержанія пугаютъ читателей и мирно покоятся въ бібліотекахъ. Во всякомъ случаѣ интересенъ самъ по себѣ тотъ фактъ, что въ нѣмецкомъ городѣ появилась объемистая книга около 250 страницъ, трактующая о русскомъ монастырѣ. Литературу вопроса авторъ знаетъ довольно хорошо, хотя не пользуется рукописями, а при такомъ условіи уже заранѣе трудно ожидать отъ его выводовъ и мнѣній чегонибудь основательнаго. И дѣйствительно, Гётцъ является въ ней скорѣе публицистомъ или историкомъ-диллетантомъ, чѣмъ скольконибудь серьезнымъ изслѣдователемъ. Свою манеру писать о вопросахъ историческихъ авторъ въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ въ одномъ изъ раннихъ трудовъ: «Geschichte der Slavenapostel Konstantinus und Methodius», появившемся въ 1897 году и вызвавшемъ далеко не похвальные отзывы. Другія работы Гётца касаются исторіи іезуитовъ, протестантовъ, нѣмецкихъ старокатоликовъ и т. д. Все это показываетъ, съ какой именно точки зрѣнія онъ можетъ писать исторію Кіево-Печерскаго монастыря.

Книга распадается на два отдѣла: «Исторія Кіево-Печерскаго монастыря отъ его основанія до нашествія татаръ (1051—1240)» и «Значеніе Кіево-Печерскаго монастыря для домонгольской Руси». Въ первомъ отдѣлѣ онъ подробно останавливается на обстоятельствахъ жизни преподобнаго Антонія и его ученика Θεодосія, пользуясь лѣтописью, Несторовымъ житіемъ и другими источниками, большею частью изъ вторыхъ рукъ. Затѣмъ слѣдуютъ свѣдѣнія объ остальныхъ игуменахъ, начиная со Стефана и кончая Поликарпомъ,

при чемъ главное вниманіе обращено на вопросы хронологіи. Кое-что въ этой области г. Гётцу удалось выяснитъ лучше, чѣмъ его предшественникамъ. Интересно также 9 глава—о демократическомъ характерѣ монастыря при Феодосіи, о благотворительности и отношеніяхъ игумена-основателя къ киевскому великому князю, хотя авторъ въ сущности повторяетъ взгляды П. Н. Милюкова. Во второй части обращаютъ на себя вниманіе тѣ главы, гдѣ рисуется культурное значеніе Киево-Печерскаго монастыря, какъ книжнаго центра, характеръ монаховъ, ихъ работы по перепискѣ книгъ, стѣнной живописи, обученію, затѣмъ—соціальная роль монастыря, сосредоточившаго въ себѣ заботы о больныхъ, бѣдныхъ, плѣнникахъ и странникахъ; наконецъ, въ монастырская дѣятельность монаховъ, изъ которыхъ выходили извѣстные архіереи, миссіонеры, духовники. Далѣе, отмѣтимъ интересно сгруппированныя выборки изъ Патерика, рисующія отношенія монаховъ къ князю, киевской знати и къ простому народу, и двѣ главы 40 и 41, гдѣ Гётцъ старается выяснитъ, правда, далеко не успѣшно, національный характеръ монастыря и его обитателей.

Въ приложеніи перепечатаны списки игуменовъ, киево-печерскихъ святыхъ, русскихъ іерарховъ, получившихъ постриженіе въ томъ же монастырѣ, и наконецъ текстъ такъ называемой грамоты Андрея Боголюбскаго 1159 года. Конечно, и приложенія не могутъ претендовать на мало-мальски научное значеніе.

А. Я.

Н. Е. Ончуковъ. Печорскія былины. Спб. 1904.

Новый сборникъ былинь, изданный г. Ончуковымъ при содѣйствіи отдѣленія этнографіи императорскаго Русскаго географическаго общества и отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, представляетъ собою въ исторіи собранія народныхъ произведеній фактъ выдающейся важности. Какъ результатъ личнаго наблюденія пѣсни въ устахъ сѣверныхъ нашихъ «ралсодовъ», «Печорскія былины» должны заинтересовать всѣхъ, занимающихся народной словесностью. Всего въ книгѣ находится 101 пѣсня; но это не все «старинны»: собиратель нашелъ возможнымъ помѣстить въ свой сборникъ нѣкоторые историческія и такъ называемыя низшія эпическія пѣсни и даже «небылицы». Это, конечно, нисколько не вредитъ достоинствамъ сборника: нельзя не согласиться съ г. Ончуковымъ, что помѣщеніе всѣхъ этихъ пѣсенъ и даже отрывковъ, дѣйствительно, «сразу даетъ читателю представленіе о томъ, что онъ нашелъ на низовой Печорѣ». И находка, въ самомъ дѣлѣ, интересная. Кромѣ цѣлаго ряда любопытныхъ вариантовъ былинь, извѣстныхъ по прежнимъ сборникамъ, книга г. Ончукова даетъ и нѣкоторые новыя пѣсни, иногда касающіяся болѣе позднихъ событій русской жизни. Такъ, мы находимъ здѣсь двѣ небольшія «старинны» объ императорѣ Александрѣ I, или, вѣрнѣе, о его смерти (№№ 34 и 43), и, какъ бы ея продолженіе, пѣсню «14-е декабря 1825 г.». Она очень небольшая—всего 17 стиховъ, хотя почему-то имѣетъ помѣтку стиховъ «25» и «30», что заставляетъ здѣсь видѣть или корректурный недосмотръ, или какой-то сознательный со стороны собирателя пропускъ. Содержаніе пѣсни очень не сложно и, что касается развязки, исторически

вѣрно: «разсадили ихъ по темнымъ кибиточкамъ», — говоритъ пѣсня, — «развозили-то ихъ да по темнымъ тюрмамъ»; но, конечно, самый смыслъ движенія не могъ быть понятъ народомъ, и пѣсня своеобразно объясняетъ его словами плачущаго о смерти императора Александра I солдата: «придумали бояришки думу крѣпкую: государемъ-то быть князю Вильянскому»... Одна пѣсня (15) посвящена воспоминанію о смерти «царя Александра II»: здѣсь историческаго еще меньше. Но интересенъ самый фактъ появленія пѣсни, касающейся такихъ сравнительно близкихъ къ намъ событій. Это-то, между прочимъ, обстоятельство и мѣшаетъ намъ принять безусловно мѣнѣе собирателя «печорскихъ былинъ» о постепенномъ паденіи былинной поэзіи. Этотъ серьезный вопросъ, уже давно поднятый въ научной литературѣ, собиратель рѣшаетъ всего на 2—3 страницахъ (XXXI—XXXIII) статьи, предпосланной сборнику, и въ доказательство своей мысли приводитъ, на примѣръ, фактъ смѣшенія сюжетовъ, полное забвеніе начала или конца пѣсни, отсутствіе разнообразія въ напѣвахъ при исполненіи нѣкоторыми сказателями; словомъ, печорскіе рапсоды «путають, перевирають, извращають старины сильно». Но самъ собиратель указываетъ различіе между хорошими и плохими былинщиками; часто собиратели, какъ это случилось и съ г. Ончуковымъ, не сразу нападаютъ на хорошаго старинщика и, записавъ много былинъ со словъ неопытнаго пѣвца (на примѣръ, запись 16 пѣсенъ со словъ Петра Поздѣва, который «всѣ старины поетъ однимъ «ясакомъ»-напѣвомъ, чего хорошій былинщикъ никогда не позволитъ, да и не сумѣетъ»), потомъ уже принуждены изъ-за постороннихъ соображеній записывать отъ хорошихъ сказателей только то, что еще совѣмъ не записано, хотя бы нашелся новый болѣе цѣльный вариантъ уже записанныхъ былинъ. Сами старинщики говорили собирателю «въ одинъ голосъ» объ упадкѣ старинной поэзіи, но на это, конечно, совершенно нельзя полагаться: извѣстно, что многіе, особенно старики, склонны хвалить старое въ ущербъ настоящему. Вообще вопросъ объ исчезновеніи пѣсенъ въ народѣ, о замѣнѣ старинныхъ новыми, фабричными не можетъ быть рѣшенъ такъ просто. Самое измѣненіе пѣсенъ указываетъ на ихъ жизненность, на ту эволюцію, которая должна непрерывно совершаться во всякомъ живомъ организмѣ. Еще очень недавно, издавая послѣдній томъ своихъ «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ», академикъ А. И. Соболевскій затронулъ этотъ вопросъ: указывая на измѣненіе пѣсеннаго матеріала подъ вліяніемъ хода жизни и находя это явленіе вполне естественнымъ, онъ «скептически относится къ свидѣтельствамъ объ отчаянномъ состояніи великорусской народной поэзіи». И это, какъ нельзя лучше, подтверждается тѣми показаніями, которыя мы находимъ въ статьѣ г. Ончукова. Собиратель сообщаетъ чрезвычайно интересныя данныя о томъ, какъ собственно живетъ пѣсня среди печорцевъ, какое она имѣетъ значеніе въ повседневномъ ихъ обиходѣ.

Пѣсня поется, главнымъ образомъ, во время ловли рыбы; здѣсь, на промыслѣ, у артели остается много свободныхъ часовъ, особенно осенью, когда дни такъ коротки: «тутъ-то и выступаютъ на сцену сказочники и старинщики, которыхъ нарочно старается всѣми мѣрами залучить въ артель составляющій ее староста». И эти старинщики пользуются въ артели разными преимуществами — и работаютъ меньше, и пай ихъ бываетъ иной разъ даже больше, чѣмъ

у другихъ членовъ артели. Словомъ, знающіе старины пользуются большимъ почетомъ среди печорцевъ, которые никогда не задаются «вопросомъ, правда ли все то, о чемъ поется въ старинахъ». Еще Гильфердингъ отмѣчалъ это отношеніе народа къ былинѣ; для простаго человѣка здѣсь нѣтъ вопроса: для него «все удивительное и необыкновенное въ старинахъ вполне допустимо». Мало того, «нужно только видѣть, съ какимъ живымъ одушевленіемъ и вниманіемъ слушаютъ печорцы старины, подчеркиваютъ особенно правящіяся имъ мѣста, объясняютъ по-своему темныя или не совсѣмъ понятныя (XXII). Старинчики-пустозеры рассказывали собирателю «объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто царь этотъ жилъ лѣтъ 30 назадъ на ихъ памяти» (XIV). «Чудесное въ былинахъ для печорца совсѣмъ не представляется чѣмъ-то особеннымъ: этимъ чудеснымъ полна его дѣйствительная жизнь»... А отсюда слѣдуетъ, что пѣсня не такъ еще далека отъ народа, какъ это можетъ показаться при поверхностномъ взглядѣ, часто обусловленномъ совершенно случайными причинами. Возможно, что самое вырожденіе есть не что иное, какъ исторически необходимая эволюція. Но этотъ вопросъ еще ждетъ своего изслѣдователя. Вообще, въ области народной словесности еще очень и очень много нерѣшенныхъ вопросовъ.

Сборникъ г. Опчукова, несомнѣнно, долженъ занять почетное мѣсто въ ряду трудовъ, посвященныхъ этнографическимъ изысканіямъ. Онъ изданъ по образцу академическаго изданія «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга: расположеніе матеріала сдѣлано по мѣстностямъ и пѣвцамъ, а не по сюжетамъ, при чемъ даются краткія свѣдѣнія о личностяхъ старинчиковъ. Книга снабжена словаремъ мѣстныхъ словъ и указателемъ личныхъ именъ. Сверхъ того, былинамъ предпосланы, помимо статьи самого собирателя о «Былинной поэзіи на Печорѣ», еще «Замѣтки о языкѣ печорскихъ былинъ» г. Чернышева—статья нѣсколько конспективнаго характера.

Я. Ав—въ.

В. П. Соколовъ. Саратовскій Троицкій (Старый) соборъ. Краткій историческій очеркъ. Саратовъ. 1904.

Въ Саратовѣ есть замѣчательный храмъ—Троицкій, или Старый, соборъ, существующій болѣе 200 лѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально построенъ, оригинальный по архитектурѣ, хващій, въ числѣ другихъ церковныхъ святынь, древній образъ Нерукотвореннаго Спаса,—безмолвный свидѣтель прошлыхъ судебъ Саратовскаго края, памятникъ религіозной ревности и церковнаго попеченія саратовскихъ гражданъ. Несмотря на большой интересъ Троицкаго собора въ историко-археологическомъ отношеніи, литература о немъ весьма скудна. Мѣстному археологу и историку В. П. Соколову принадлежитъ честь перваго ученаго изслѣдованія прошлой судьбы замѣчательнаго саратовскаго храма. Ученый авторъ въ своемъ «краткомъ историческомъ очеркѣ», какъ скромно названъ разсматриваемый трудъ, представилъ весьма любопытную исторію памятника.

Очеркъ написанъ почти исключительно на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, найденныхъ авторомъ въ архивѣ собора и изслѣдованныхъ съ рѣдкою тщательностью и ученою продуктивностью. Матеріалы обработаны по слѣдую-

цему плану. Въ предисловіи, отмѣтивъ попытки мѣстныхъ археологовъ написать исторію собора, г. Соколовъ намѣчаетъ задачу своего труда—отвѣтить на вопросы: когда и кѣмъ построенъ соборъ, какова его судьба, каковъ архитектурный стиль и т. п. Самое изслѣдованіе раздѣляется на семнадцать главъ. Въ главѣ первой (стр. 1—10) излагается первоначальная исторія Троицкаго собора. Онъ построенъ стрѣльцами около 1674—1675 г. и былъ сначала деревянный. Стрѣльцы, посвятивъ храмъ св. Троицѣ, выразили этимъ свое тяготѣніе къ Троице-Сергіевской лаврѣ въ родной для нихъ Москвѣ. Авторъ обстоятельно говоритъ о внутреннемъ убранствѣ деревяннаго храма. Но въ 1684 году соборъ сгорѣлъ. Саратовцы исклопотали у митрополита астраханскаго и терскаго Савватія разрѣшеніе построить каменный храмъ на мѣстѣ сгорѣвшаго деревяннаго. Разрѣшеніе было дано только въ 1689 г., а къ началу 1695 г. храмъ былъ отстроенъ въ два этажа. Объ этомъ говорится во второй главѣ очерка (стр. 11—20). Въ третьей главѣ (стр. 21—26) рѣчь идетъ о расширеніи храма, вызванномъ увеличеніемъ саратовскаго населенія: въ началѣ XVIII вѣка (до 1722—1723 года) были построены новая трапезная, галлерей-фронтонъ и колокольня. Строитель-архитекторъ неизвѣстенъ, а стиль храма авторъ именуетъ московско-нарышкинскимъ. Въ главѣ четвертой (стр. 27—34) авторъ характеризуетъ церковные стили, господствовавшіе въ древней Руси, дабы дать читателямъ возможность понять дальнѣйшее описаніе зданія собора. Въ пятой главѣ (стр. 35—48) описывается наружный видъ соборнаго зданія, въ шестой (стр. 49—56) предлагается детальное описаніе внутренняго устройства храма въ первоначальномъ и настоящемъ его видѣ, въ седьмой главѣ (стр. 57—58) говорится о вмѣстимости нижней и верхней церквей, въ восьмой (стр. 59—62) опредѣляется стиль Троицкаго собора («нечистый», московско-нарышкинскій). Въ девятой главѣ (стр. 63—80) описывается внутреннее убранство собора—алтарей, иконостасовъ, трапезныхъ и т. д., въ десятой (стр. 81—92) описывается соборная колокольня, въ одиннадцатой главѣ (стр. 93—100) говорится о матеріальномъ состояніи собора и соборнаго духовенства; между прочимъ, здѣсь сообщается, что Троицкій соборъ дважды видѣлъ въ своихъ стѣнахъ преобразователя Россіи, императора Петра Великаго, который въ 1695 году подарилъ ему Чардымскій участокъ земли, а въ 1722 году слушалъ напутственный молебень предъ отпавленіемъ въ Персидскій походъ. Въ главѣ двѣнадцатой (стр. 101—114) рѣчь идетъ о ремонтѣ соборнаго зданія, въ виду обнаружившихся въ стѣнахъ трещинъ. Въ тринадцатой главѣ (стр. 115—122) рассказывается объ освященіи (1809 г.) ризницы, пожалованной собору императоромъ Александромъ I, при чемъ описываются одна изъ ризъ и одна эпитрахиль, а также сообщается о двухъ крупныхъ кражахъ въ соборѣ. Въ главѣ четырнадцатой (стр. 123—130) рассказывается о положеніи собора съ 1826 года, когда онъ былъ обращенъ въ рядовую приходскую церковь послѣ постройки новаго Александроневскаго собора. Въ пятнадцатой главѣ (стр. 131—138) рѣчь идетъ о чудотворной святынѣ храма—образѣ Нерукотвореннаго Спаса, прославленномъ въ 1812 году. Шестнадцатая глава (стр. 139—148) излагаетъ исторію храма съ 1847 года и семнадцатая (стр. 149—156) знакомитъ съ современнымъ его состояніемъ.

Нынѣ Троицкій соборъ требуетъ благоукрашенія снаружи и внутри, капитальнаго ремонта и передѣлки нѣкоторыхъ частей. Съ этою цѣлью образованъ, по инициативѣ епископа Гермогена, строительный комитетъ.

Къ очерку присоединено десять «Приложеній» (стр. 159—193), именно: списокъ саратовскихъ іерарховъ, грамота Петра Великаго саратовскому воеводѣ Ляпунову о пожалованіи земли Троицкому собору, челобитная, поданная отъ имени саратовскаго духовенства и народа императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, владѣнные указы на Чардымскій и Курдюмскій земельные участки собора, храмозданная грамота архіепископа Антонія, два акта объ освидѣтельствованіи собора въ 1814 г. и описаніе церковнаго имущества собора. Таково, въ краткихъ и общихъ чертахъ, содержаніе разсматриваемой книги.

«Историческій очеркъ» г. Соколова есть трудъ вполне научный и весьма цѣнный. Съ рѣдкою любовью авторъ собралъ и изучилъ сухой архивный матеріалъ, тщательно ознакомился съ архитектурой и иконографіей храма, умѣло расположилъ добытыя свѣдѣнія по плану простому и естественному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всецѣло созданному нашимъ авторомъ, такъ какъ типъ монографіи по исторіи храмовъ у насъ еще не установленъ. Свое изслѣдованіе авторъ дополнилъ архивными приложеніями и этимъ повысилъ научную цѣнность своего труда, сообщивъ ему полноту, обстоятельность и законченность. Изслѣдованіе снабжено рисунками (15), текстъ украшенъ весьма удачными виньетками и заставками, заимствованными изъ древнихъ рукописей, печать четкая и бумага лучшаго достоинства. Вообще, изданіе сдѣлано прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ и заслуживаетъ широкаго распространенія среди любителей и знатоковъ археологіи и исторіи, а для изслѣдователей мѣстной старины можетъ служить образцомъ трудовъ по темплографій. Σ.

А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ. 1904.

«Исторія,—замѣчаетъ г. Раевскій въ заключительной главѣ своей интересной книги,—уже произнесла свой приговоръ надъ Второй Французской имперіей». Ученые изслѣдователи, публицисты и даже романисты согласны другъ съ другомъ въ томъ отношеніи, что двадцать лѣтъ наполеоновскаго управленія представляли собою эксплуатацію страны группою искателей приключеній, тѣсно сплотившихся вокругъ себялюбивой бездарности, окруженной ореоломъ историческаго имени Бонапартовъ.

Какъ извѣстно, Наполеонъ III сдѣлался президентомъ республики въ одинъ изъ исключительныхъ моментовъ исторіи Франціи. Ужасы борьбы между буржуазіей и парижскимъ пролетариатомъ въ маѣ и іюнѣ 1848 года толкнули страну на путь жестокой реакціи. Призванный къ кормилу правленія президентъ, а вскорѣ и императоръ, Луи-Наполеонъ весьма искусно воспользовался утомленіемъ и равнодушіемъ, охватившими французское общество. Ловкой тактикой, при помощи отдѣльныхъ мѣропріятій, Наполеонъ сумѣлъ парализовать дѣйствіе главнѣйшихъ политическихъ учрежденій страны, которыя превратились въ надежное прикрытіе личной власти императора. Тѣмъ же порядкомъ

новый глава французскаго правительства связалъ крылья и печати. Наполеонъ видѣлъ въ прессѣ не столько элементъ культуры, сколько элементъ серьезной опасности для заботливо проводимаго имъ диктаторскаго режима. Поэтому, хотя политическія газеты и не были воспрещены, и предварительная цензура не была возобновлена, тѣмъ не менѣе печать понесла ущербъ въ другихъ отношеніяхъ. Возстановлено было требованіе предварительнаго разрѣшенія на открытіе газетъ и журналовъ; дѣла по преступленіямъ печати были изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы судамъ исправительной полиціи, главѣ правительства было предоставлено право закрывать всякую газету, вредную для общественной безопасности, послѣдовало запрещеніе печатанія отчетовъ о процессахъ по дѣламъ печати и о засѣданіяхъ законодательнаго корпуса и сената, и, наконецъ, была введена знаменитая система административныхъ предостереженій и приостановокъ.

Вѣдншіе успѣхи наполеоновскаго управленія въ первой его половинѣ обезпечили президенту и императору пассивное повиновеніе. Общественное мнѣніе Франціи молчало. Но съ того момента, какъ дипломатическія и военныя неудачи конца пятидесятыхъ и первой половины шестидесятыхъ годовъ начали открывать органическіе недостатки Второй имперіи, началось колебаніе, какъ общаго автократическаго режима, такъ и подавленнаго положенія печати. Это колебаніе въ области печатнаго слова повлекло за собою рядъ облегченій, закончившихся закономъ 11-го мая 1868 года, упразднившимъ систему предварительныхъ разрѣшеній, административныхъ предостереженій, приостановокъ и запрещеній газетъ и журналовъ. Освободительныя вѣянія, однако, не спасли имперію отъ седанскаго погрома, позора и униженія. Старый режимъ слишкомъ сильно развѣлъ основы французской государственности, которой для того, чтобы оправиться, понадобились долгіе годы. Изученіе и изслѣдованіе постепеннаго перехода отъ вполне развитой административно-полицейской системы регламентаціи печати къ болѣе свободному порядку и представляетъ собою задачу труда почтеннаго автора. Обработка самаго вопроса вышла у г. Раевского нѣсколько суховата, но это обусловлено строго юридическимъ матеріаломъ, который авторъ положилъ въ основу своей работы, о чемъ г. Раевскій, между прочимъ, предупреждаетъ читателя въ предисловіи.

Въ заключеніе нельзя не указать, что предметъ изслѣдованія, будучи посвященъ чужому французскому законодательству уже отжившей эпохи, до известной степени имѣетъ для насъ нѣкоторый насущный интересъ. Какъ известно, наши «Временныя правила» 6-го апрѣля 1865 года въ значительной мѣрѣ являются позаимствованіемъ изъ наполеоновскаго законодательства о печати перваго блестящаго періода Второй имперіи. Это законодательство въ отечествѣ своемъ оказалось несостоятельнымъ, что заставило другія страны, ему подражавшія, отступитъ отъ чистоты французскаго источника.

Трудъ г. Раевского уже встрѣтилъ положительную оцѣнку со стороны нѣкоторыхъ органовъ повременной печати, и намъ пріятно присоединиться къ числу лицъ, признающихъ заслуги уважаемаго автора.

В. Гр—скій.

Археологическій кабинетъ императорскаго Варшавскаго университета. Историческій очеркъ. Составилъ профессоръ Федоръ Вержбовскій. Варшава. 1904.

При каждомъ университетѣ существуютъ научныя кабинеты—физическій, метеорологическій, химическій, ботанический и др. Въ пользу ихъ никто и никогда не сомнѣвался. Въ то же время нашими университетами уже давно чувствуется необходимость и въ археологическихъ кабинетахъ. Но, какъ это ни странно, у насъ въ Россіи подобныхъ учреждений немного: археологическій институтъ въ Петербургѣ, археологическій кабинетъ въ Варшавѣ. Варшавскій археологическій кабинетъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: собственно нумизматическаго и музея древностей. Основаніемъ нумизматическаго кабинета послужила коллекція майора Бернацкаго, приобретенная въ 1824 году для королевскаго Варшавскаго университета правительственною комиссіей просвѣщенія за 1.500 рублей. Бернацкій же былъ и первымъ консерваторомъ, то-есть хранителемъ названной коллекціи. Послѣ его смерти приведеніемъ въ систематическій порядокъ нумизматической коллекціи началъ заниматься деканъ факультета изящныхъ искусствъ, Феликсъ Вентковскій. Скоро положеніе нумизматическаго кабинета было косвенно утверждено и законодательнымъ порядкомъ, такъ какъ административный совѣтъ царства Польскаго въ засѣданіи 13-го ноября 1826 года постановилъ, чтобы экземпляры всѣхъ чеканенныхъ въ царствѣ Польскомъ монетъ представлялись, между прочимъ, и въ кабинетъ при королевскомъ Варшавскомъ университетѣ.

Музей древностей, или археологическій кабинетъ, былъ основанъ гораздо раньше, еще въ 1821 году, когда правительственная комиссія просвѣщенія, вскорѣ послѣ учрежденія королевскаго университета, разослала ко всѣмъ воеводскимъ комиссіямъ и ко всѣмъ епархіальнымъ епископамъ царства Польскаго циркуляръ о томъ, чтобы всѣ древніе предметы, сосуды и вещи, имѣющіе археологическую цѣнность и хранимые разрозненно въ городскихъ ратушахъ и складахъ, а также при церквахъ, были пересылаемы на казенный счетъ въ учреждаемый кабинетъ древностей, который долженъ служить университету пособіемъ при изученіи мѣстной археологіи.

Послѣ учрежденія императорскаго Варшавскаго университета, совѣтомъ послѣдняго археологическій кабинетъ былъ отдѣленъ отъ публичной бібліотеки, съ которою онъ былъ раньше соединенъ, и переданъ въ вѣдѣніе члена историко-филологическаго факультета, профессора Мѣржинскаго; завѣдующимъ же нумизматическимъ кабинетомъ былъ назначенъ членъ того же факультета, профессоръ Павинскій. Съ этого времени археологическій кабинетъ императорскаго Варшавскаго университета становится уже совершенно независимымъ отъ публичной бібліотеки и является вполне самостоятельнымъ учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ. Въ общемъ, къ 1-му января 1904 года въ археологическомъ кабинетѣ числилось 251 номеръ въ 2.259 экземплярахъ, стоимостью около 3.000 рублей. Въ настоящее время уже составлена новая опись всѣмъ предметамъ, хранящимся въ кабинетѣ, и готовится къ печати каталогъ его.

Нельзя не пожелать, чтобы и въ другихъ русскихъ университетахъ были основаны такіе же археологическіе кабинеты. Коллекціи для нихъ, несомнѣнно, быстро найдутся, хотя бы путемъ частныхъ пожертвованій, потребность же такихъ археологическихъ кабинетовъ сильно назрѣла, о чемъ свидѣтельствуесть, напримѣръ, быстрое развитіе нашего петербургскаго археологическаго института.

Очеркъ проф. Вержбовскаго составленъ научно; въ приложеніи изданы документы на польскомъ и русскомъ языкахъ, относящіеся къ исторіи возникновенія кабинета, и правила для посѣтителей. А. Я.

П. Петрушевскій. Каникулярная поѣздка въ Святую Землю (1899 г.). Паломнический дневникъ. Кіевъ. 1904.

Г. Петрушевскій путешествовалъ по востоку съ конца іюня до 9 августа 1899 года, былъ въ Константинополѣ, Смирнѣ, Триполи, Бейрутѣ и въ Палестинѣ, велъ въ дорогѣ дневникъ, впоследствии дополнилъ его и издалъ книгу въ 407 страницъ. Кромѣ мотива религіознаго, авторъ въ своемъ странствованіи руководился и научными интересами: «Отправляясь на православный востокъ и, главнымъ образомъ, въ Святую Землю», авторъ «желалъ найти тамъ реальную, предметную основу для библейскихъ и церковно-историческихъ картинъ, образовъ, характеристикъ и объясненій», желалъ познакомиться съ святыми мѣстами Востока, «въ которыхъ впервые проповѣдана и насаждена была вѣра Христова, съ ея великою, божественною, творчески-зидательною силою въ жизни народовъ, «которымъ въ древности или въ болѣе позднемъ времени принадлежала первенствующая роль въ исторіи церкви». Въ научномъ мотивѣ и долженствѣ, по мнѣнію автора, заключаются центръ тяжести его дневника. Г. Петрушевскій не только осматривалъ историческіе памятники Святой Земли, какъ простой паломникъ-наблюдатель, но и описываетъ ихъ съ точки зрѣнія археологической, приводитъ на память библейскія и церковныя событія мѣстности или достопримѣчательности, касается топографіи святыхъ мѣстъ и наименованія и т. п. Но все это сдѣлано нашимъ авторомъ въ весьма скромныхъ размѣрахъ. У него не было основательной научной подготовки для оригинальнаго осуществленія намѣченной имъ научной задачи, онъ не знакомъ съ обширнѣйшей западной литературой вопроса. Поэтому читатель, знающій новѣйшіе труды по исторіи и археологіи Святой Земли, не найдетъ въ трудѣ нашего паломника какихъ либо открытій, любопытныхъ освѣщеній темныхъ вопросовъ изъ обширной и богатой научной отрасли палестиновѣднія, характерныхъ параллелей между прошлымъ и настоящимъ бытомъ восточнаго духовенства и народа. Въ научномъ библейскомъ и церковно-историческомъ отношеніи авторъ идетъ по старымъ тропамъ, повторяя то, что давно у насъ извѣстно по трудамъ епископа Порфирія Успенскаго, архимандрита Антонина, профессора Олесницкаго и другихъ. Ббльшій интересъ представляютъ тѣ страницы книги, на которыхъ рѣчь идетъ о тѣхъ или иныхъ явленіяхъ изъ современной церковно-общественной жизни православнаго востока, напримѣръ, о

положеніи православнаго арабскаго духовенства въ Сиріи (стр. 90 и слѣд.), о взаимныхъ отношеніяхъ арабовъ и грековъ на востокъ, о церковно-религіозной жизни православнаго мѣстнаго населенія и т. п. Область бытовой и общественной жизни арабовъ и грековъ у насъ не только недостаточно описана, но и тенденціозно освѣщена, поэтому всякій лучъ въ этой сферѣ представляется желательнымъ.

Въ послѣднее время у насъ появляется немало всевозможныхъ описаній путешествій по ближнему востоку, большею частью вздорныхъ и компилятивныхъ, съ претензіей на оригинальность и даже ученость. Побывавъ нашъ паломникъ въ Константинополь, на Аѳонѣ или въ Святой Землѣ, осмотрѣлъ кое-что и кое-какъ, и спѣшить повѣдать міру о своемъ странствованіи, пишетъ цѣлую книгу о видѣнномъ и слышанномъ, руководясь большею частью Бедереромъ и не обращая вниманія на цѣлую литературу предмета, русскую и иностранную. Послѣднее—хуже всего, такъ какъ наши паломники поумѣрили бы свой литературный зудъ, если бы предъ поѣздкой на востокъ познакомились съ прекрасными трудами епископа Порфирія Успенскаго, архимандрита Антонина, профессоровъ Дмитріевскаго, Кондакова и другихъ. Въ сравненіи съ произведеніями этихъ ученыхъ, описанія путешествій большинства новѣйшихъ паломниковъ—ребяческій лепетъ.

Но, говоря это, мы далеки отъ мысли относить разсматриваемую книгу г. Петрушевскаго къ лубочной паломнической литературѣ. Г. Петрушевскій имѣлъ достаточную подготовку для путешествія, въ полтора мѣсяца увидѣлъ и узналъ очень много и все описалъ хорошимъ литературнымъ языкомъ въ популярной книгѣ. Задача выполнена авторомъ, въ общемъ, удовлетворительно, его ревность и усердіе похвальны, а книга окажетъ свою пользу тѣмъ, кто желаетъ посѣтить святыя мѣста Палестины и нуждается въ элементарной къ паломничеству подготовкѣ.

С.

В. А. Истомина. Всеобщая исторія. Выпускъ I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904.

Сколько разъ въ печати высказывались желанія имѣть доступную исторію славянъ, сколько разъ указывалась назрѣвшая потребность въ такой книгѣ, и тщетны оказывались всѣ эти пожеланія и указанія. Наконецъ появилась книга, которую можно было принять за нѣчто подобное, но принесла она одно разочарованіе. Все въ ней жалко, убого, безтактно, старо, не интересно. Неужели это—«чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ»? Неужели вынесли что нибудь изъ этихъ чтеній московскіе рабочіе? Авторъ совершенно не умѣетъ излагать сколько нибудь живо, занимательно, и этотъ недостатокъ думаетъ восполнить выхваченными наудачу стихами, акаѳистами, пустыми фразами или якобы учеными примѣчаніями. Такія попытки только портятъ и безъ того скучную книгу.

Нечего и говорить, что его знанія далеко не блещут новизной. Онъ говорить, напримѣръ, что «имена скинскихъ царей, боговъ и богинь истолковываются нѣкоторыми учеными (?) на санскритскомъ и зендскомъ языкѣ», и изъ этого выходитъ, что скифы—арійскаго происхожденія и даже славяне (стр. 3); въ славяне же у него попали и даки, изображенные на Траяновой колоннѣ (стр. 5). На стр. 4 онъ говоритъ о какомъ-то невѣдомомъ ученымъ стараго и новаго времени народѣ, наивпшемъ на дунайскихъ славянъ—волхахъ (не волохи ли?); свѣдѣнія по славянской мифологiи (стр. 12—14) повторяютъ романтическiя бредни 30-хъ и 40-хъ годовъ. Не лучше и то, что онъ говоритъ о «руническихъ знакахъ» въ сказанiи Храбра или объ отдѣленiи Кирилломъ и Меѳодiемъ элементовъ славянской рѣчи отъ тюркскофинскихъ (?) «примѣсей» (стр. 27) и т. д. Значенiе славянской литературы понимается авторомъ нѣсколько своеобразно: она лучше латинской, потому что «неустанно проводитъ и неоспоримо уясняетъ искони завѣщанную ей спасительную мысль о неограниченной самодержавной свѣтской власти и ея представителяхъ, какъ Божiихъ помазанникахъ, по великому слову апостола: «нѣсть бо власть, аще не отъ Бога» (стр. 32) и т. д. Болеславъ храбрый, оказывается, жилъ или правилъ съ 922 по 1025 годъ; т.-е. ровно 103 года (стр. 45); чешскiе калишники превратились въ какихъ-то «калистниковъ» (стр. 62); имя Пяста «имѣеть свой прототипъ» не болѣе не менѣе, какъ «въ индiйскомъ наименованiи солнца—Pushant, житель, благодѣтель» (стр. 71); Польша провинилась въ глазахъ автора тѣмъ, что пренебрегла «великими завѣтами славянскихъ первоучителей» (стр. 73); извѣстная поддѣлка, «Любушинъ Судъ», продолжаетъ быть «древнѣйшимъ памятникомъ чешской литературы» (стр. 108); идея духовнаго объединенiя славянъ осуществится, по мнѣнiю автора, тогда, когда «славянскiе ручки сольются въ русскомъ морѣ», и тогда же для западнаго славянства явится «свѣтъ незаходимъ» (стр. 115) и т. д. Такихъ перловъ въ «Чтенiяхъ» слишкомъ много.

Славянамъ неправославнымъ достается отъ автора на каждой страницѣ, а католичество представлено благосклоннымъ читателямъ въ видѣ исчадiя ада. И все это читалось народу, который не имѣеть возможности провѣрить слова лектора и уйдетъ домой съ чувствомъ вражды ко всему, что не намѣрено и не можетъ сливаться съ русскимъ моремъ! А рядомъ съ этимъ—слова о какомъ-то утопическомъ братствѣ, единенiи между славянами—ни дать, ни взять—кошунство въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

Рисунки не уступаютъ тексту. Здѣсь набрано все, что случайно попало подъ руку, начиная съ бутафорскихъ типовъ чеховъ и балетныхъ поляковъ, кончая фантастической «Пирамидой череповъ на Коссовомъ полѣ» и «Сценой завоеванiя Константинополя турками» (на самомъ дѣлѣ турки отражаютъ нападенiе какихъ-то игрушечныхъ воиновъ, стр. 87). Карты исполнены очень плохо, прочитать названiя иногда совсѣмъ невозможно. Было бы гораздо лучше, если бы г. Истоминъ не читалъ своихъ лекцiй, а тѣмъ болѣе—не издавалъ бы ихъ вмѣстѣ со спискомъ своихъ 175 «статей и сочиненiй».

И. Александровъ.

Н. В. Шляковъ. Почему 1-го августа бываетъ крестный ходъ на воду? Спб. 1904.

Возникновеніе извѣстнаго обычая совершать 1-го августа крестный ходъ въ нашей литургической литературѣ до послѣдняго времени объяснялось простымъ заимствованіемъ изъ Византіи и приурочивалось приблизительно къ XIV вѣку. Происхожденіе же этого обычая въ самой Византіи объясняли двоякимъ образомъ: еще въ началѣ XVII вѣка патріархъ Филаретъ говорилъ, что обычай появился въ «воспоминаніе древнихъ чудесъ, содѣявшихся животворящимъ крестомъ и тою же иконою пречистыя Богородицы Владимирскія, во дни княженія благовѣрнаго великаго князя Боголюбиваго и греческаго царя Мануила»; архіепископъ владимирскій Сергій даетъ другое объясненіе, именно, что этотъ обычай былъ учрежденъ въ Константинополь въ отвращеніе болѣзней, часто бывшихъ въ августѣ, и связываетъ появленіе его съ другимъ обычаемъ Константинопольской церкви—освящать воду 1 числа каждаго мѣсяца. Но какъ первое, такъ и второе мнѣнія были мало обоснованы и принимались лишь за немнѣніемъ лучшаго.

На основаніи тщательныхъ разысканій въ области относящихся сюда письменныхъ свидѣтельствъ, г. Шляковъ приходитъ къ слѣдующему оригинальному и интересному выводу: обычай совершать 1-го августа крестный ходъ возникъ не въ византійской, а въ русской церкви, и, притомъ, въ первое время ея существованія; причиною же этого послужило то обстоятельство, что какъ разъ въ этотъ день совершилось крещеніе Руси при великомъ князѣ Владимірѣ. Мы не будемъ вдаваться въ подробности доказательствъ этого мнѣнія, довольно вѣскихъ, а намѣтимъ лишь общую схему работы.

Г. Шляковъ доказываетъ, что обычай совершать 1 августа крестный ходъ былъ не обще-православнымъ, а чисто мѣстнымъ; это видно изъ того, напримеръ, что его никогда не существовало въ Сиріи, а до X вѣка онъ не былъ извѣстенъ и въ Византіи. Упомянутіе о праздествѣ 1 числа впервые встрѣчается здѣсь только въ XI вѣкѣ, именно въ Мѣсяцесловѣ Евангелія 1056 года. Изъ описанія того же праздника въ евхологіи Патмосской библиотеки, 1204 года, видно, что въ этотъ день совершалось богослуженіе съ водоосвященіемъ въ храмѣ, но крестнаго хода не было. Не говоритъ о немъ и извѣстный діаконъ Игнатій, посѣтившій Константинополь въ 1389 году и присутствовавшій на этомъ богослуженіи. Умалчиваютъ о немъ и другія письменныя свидѣтельства. Въ то же время, въ Россіи этотъ праздникъ упоминается впервые въ Минеяхъ XV вѣка, при чемъ указано, что при богослуженіи совершается и крестный ходъ. Съ этого времени онъ вносится въ уставы многихъ монастырей, а въ началѣ XVII вѣка распространяется «по всѣмъ градомъ и весямъ».

Причины этого г. Шляковъ усматриваетъ въ томъ, что обычай возникъ въ Россіи въ первыя времена христіанства и существовалъ въ хранителяхъ древняго преданія—монастыряхъ и народной памяти. Иначе невозможно объяснить его быстрое и повсемѣстное распространеніе въ Россіи въ теченіе одного XVI вѣка. Упомянутіе же о праздникѣ 1-го августа, хотя и съ опущеніемъ крестнаго хода, въ Евангеліи 1056 года объясняется тѣмъ, что, вводя у себя

какойнибудь праздник или обрядъ, русскіе входили въ сношеніе съ греками, а греки разрѣшали или же не утверждали тотъ или другой праздникъ, при чемъ въ первомъ случаѣ и сами вносили его въ свою практику, иногда отводя ему второстепенное мѣсто и не указывая на особенную его торжественность. Въ послѣдующіе вѣка праздникъ отходилъ у нихъ на задній планъ или совсѣмъ исчезалъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется то, что греческія богослужебныя книги послѣдующаго времени или совершенно не говорятъ объ этомъ праздникѣ, или упоминаютъ лишь о водоосвященіи, и то — какъ-то вскользь.

Далѣе г. Шляковъ переходитъ къ доказательству, что изучаемый обрядъ установленъ въ честь празднованія крещенія Руси, совершившагося 1 августа. Къ такому заключенію приводятъ его: 1) рассмотрѣніе самаго богослуженія, въ которомъ существеннѣйшею частью является крестный ходъ; 2) свидѣтельство одного грамотея XVI вѣка, полагавшаго днемъ крещенія Руси 1-е августа; 3) названіе дня 1 августа «Владимировымъ крещеніемъ», слышанное В. В. Болотовымъ отъ своей матери, и 4) распространенныя въ народѣ повѣрья о томъ, что 30 іюля «обмираютъ» вѣдьмы — олицетворенія языческихъ боговъ, ниспровергнутыхъ по повелѣнію Владимира. «Эти повѣрья о гибели, объ обидѣ злой силы, — замѣчаетъ авторъ, — не согласуются съ общимъ взглядомъ на зиму, какъ на время господства ея, а между тѣмъ «на Илью до обѣда — лѣто, послѣ обѣда — осень», начало господства силъ, враждебныхъ солнцу-свѣту: языческая старина не могла выработать этихъ іюльскихъ повѣрій»; въ основѣ ихъ, несомнѣнно, лежатъ отголоски крещенія Руси — событія, оставившаго глубокой слѣдъ въ народной памяти, которая и приурочила къ нему конецъ темной силы — враждебнаго христіанству язычества.

Замѣтка академика А. А. Шахматова, приложенная къ очерку г. Шлякова, указываетъ на три русскихъ хронографа XVI в., въ которыхъ память о крещеніи Руси тоже связана съ 1-мъ августа и приурочена къ царствованію Льва и Александра. Составленіе хронографа этой именно редакціи восходитъ къ XV в., и нѣкоторыя выраженія наводятъ на мысль объ отношеніи замѣтки о греческихъ событіяхъ времени крещенія Руси къ особому составу толковой Палеи. Правда, въ ней нѣтъ точной даты этого событія, но говорится о крещеніи въ царствованіе тѣхъ же Льва и Александра. Точная же дата попала въ хронографъ изъ какойнибудь проложной статьи, пока не разысканной.

А. Я.

П. Лоуэль. Душа Дальняго Востока. Переводъ съ англійскаго кн. А. О. Спб. 1904.

При томъ интересѣ къ народамъ Дальняго Востока, который пробудила въ нашемъ обществѣ война, появленіе на русскомъ языкѣ книги П. Лоуэля можно считать своевременнымъ. Въ ней авторъ развертываетъ передъ читателемъ картину восточно-азиатской цивилизаціи, сосредоточивая главное вниманіе, какъ видно уже изъ заглавія, на выясненіи тѣхъ особенностей внутренней, психической стороны ея, которыя кажутся совершенно чуждыми и, по меньшей мѣрѣ, странными въ глазахъ каждаго европейца.

Главнѣйшею чертою восточно-азиатской культуры, изъ которой вытекають всѣ прочія ея особенности, по мнѣнію г. Лоуэля, является полное отсутствіе въ ней индивидуальности, проявившееся въ области языка, какъ выразителя мышленія, религіи и, больше всего, искусства.

Для того, чтобы ознакомиться съ манерой автора, остановимся на томъ, какъ эта основная черта восточно-азиатской культуры—полное ея безличіе—отразилась на искусствѣ. Извѣстно, какую важную роль играетъ искусство въ жизни восточныхъ народовъ, въ особенности въ Японіи, гдѣ простой ремесленникъ является прежде всего художникомъ. Поэтому-то искусство Востока гораздо болѣе, чѣмъ наше, носитъ на себѣ печать его психической жизни. Главнымъ содержаніемъ европейскаго искусства еще со времени грековъ является все то, что такъ или иначе соприкасается съ человѣкомъ и его жизнью. Въ искусствѣ же восточныхъ народовъ главное мѣсто занимаетъ природа, и притомъ безъ всякаго отношенія ея къ человѣку. «Тамъ, гдѣ мы выбрали бы для художественнаго изображенія какой нибудь моментъ изъ жизни человѣка,—говоритъ Лоуэль,—японцы берутъ матеріалъ непременно изъ природы; при этомъ они довольствуются очень малымъ—вишневою вѣткою или пучкомъ травы, потому что красота этихъ незначительныхъ предметовъ такъ же говоритъ ихъ чувству, какъ и вся природа въ ея совокупности. Восхищеніе ихъ вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на человѣкѣ, обнимаетъ весь матеріальный міръ, который и отражается въ ихъ искусствѣ». Другая особенность ихъ искусства заключается въ томъ, что они никогда не олицетворяютъ предметовъ или явленій природы въ образѣ человѣка: тамъ, гдѣ древній грекъ создалъ бы восхитительный образъ женщины, японецъ рисуетъ «мать-природу», находя ее гораздо прекраснѣе. Кромѣ природы, восточное искусство заключаетъ въ себѣ еще два элемента: религію и юморъ. «Это сочетаніе, по мнѣнію автора, несмотря на разнородность составныхъ частей, ярко свидѣтельствуетъ все о той же коренной чертѣ. Первый элементъ—природа—выражаетъ собою конкретную безличность: второй—религія—безличность отвлеченную, тогда какъ третій—юморъ—занимается исключительно тѣмъ, что высмѣиваетъ личность». Итакъ, главное различіе между европейскимъ и восточнымъ искусствомъ заключается въ томъ, что первое поклоняется прекрасному, заключенному, главнымъ образомъ, въ человѣкѣ, а второе—въ безличной природѣ.

Такое же безличіе проявляется и въ религіи и въ языкѣ. Религія Востока, будетъ ли то буддизмъ, шинтоизмъ или даоизмъ, также поражаетъ насъ полнымъ игнорированіемъ личности. Христіанство, напримѣръ, призываетъ человѣка къ совершенствованію исключительно ради того, чтобы этотъ человѣкъ могъ наслаждаться въ будущей жизни, буддизмъ же, очень сходный съ христіанствомъ, съ точки зрѣнія ученія о нравственности, общается за исполненіе своихъ требованій полное прекращеніе личнаго существованія.

Эта же безличность наблюдается и въ языкахъ восточныхъ народовъ. Въ японскомъ языкѣ нѣтъ, напримѣръ, выраженій для личныхъ мѣстоименій, существительныя имена не имѣють ни рода, ни пола, ни множественнаго числа. Эти особенности языка японцевъ, безъ сомнѣнія, явились слѣдствіемъ безличности ихъ мышленія, которое они выработали много вѣковъ тому назадъ, и

которое до настоящего времени остается въ томъ же положеніи. Правда, за послѣднее время японцы многое заимствовали у европейскихъ народовъ, но, присваивая себѣ чужое, они не переработывали его сознательно, а просто прибавляли къ уже существующему, почему послѣднее почти нисколько не измѣнялось. Однимъ словомъ, какъ образно выражается авторъ, «привитые черенки выросли со временемъ въ большія вѣтви, но стволъ все-таки остался безъ развитія, т.-е. народъ достигъ возмужалаго возраста, принявъ возмужалый видъ, оставаясь въ душѣ ребенкомъ».

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія основныхъ чертъ восточно-азиатской культуры г. Лоуэля приходитъ къ заключенію, что цивилизація Дальняго Востока давно уже достигла своего кульминаціоннаго пункта и теперь, если она будетъ итти по тому же пути безличности, должна исчезнуть, уступивъ свое мѣсто европейской культурѣ. Избѣжать этого можно только въ томъ случаѣ, если народы Востока сумѣютъ переварить заимствованныя съ Запада идеи и ими заполнить содержаніе своей культуры.

Уже изъ сдѣланнаго нами краткаго обзора одного отдѣла книги Лоуэля видно, что она, какъ серьезностью разсматриваемой ею темы, такъ и оригинальностью нѣкоторыхъ заключеній выгодно отличается среди массы другихъ книгъ, посвященныхъ описанію народовъ Востока. Правда, она даетъ не особенно много новаго. Переводъ книги сдѣланъ легкимъ языкомъ, и издана она изящно.

И. Александровъ.

Генрихъ Дюмоларъ. Японія въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Спб. 1904.

Книгу г. Дюмолара о Японіи можно рекомендовать всѣмъ, кто желаетъ хороша ознакомиться съ чрезвычайно интересной, но все еще загадочной для европейцевъ страной. Г. Дюмоларъ, бывшій профессоръ университета въ Токио, провель въ Японіи цѣлыхъ три года и, какъ видно изъ книги, старался всесторонне изучить имперію микадо. Это изученіе и дало ему возможность нарисовать въ своемъ сочиненіи сравнительно краткую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно полную картину современнаго состоянія Японіи. На 323 страничкахъ онъ прекрасно освѣщаетъ всѣ главные вопросы японской государственной жизни: внутренняя политика и устройство страны; политика внѣшняя и колонизація; торговля и промышленность; религія, нравственность и искусство—все это изложено г. Дюмоларомъ въ двѣнадцати главахъ, которымъ предпосланъ краткій историческій очеркъ; авторъ, считая исторію Японіи болѣе или менѣе извѣстной, почти схематически останавливается на прошломъ страны, и это вноситъ въ сочиненіе нѣкоторую неполноту. Впрочемъ до извѣстной степени это возмѣщается тѣмъ, что при анализѣ всякаго явленія японской жизни авторъ старается дать читателю историческую справку. Вообще книга г. Дюмолара цѣнна именно обиліемъ матеріала, что позволяетъ интересующимся составить свое собственное мнѣніе, которое—мы увѣрены—далеко не всегда совпадетъ съ выводами автора. Г. Дюмоларъ относится къ современной японской жизни безусловно критически и даже несочувственно. И во многихъ случаяхъ это отри-

пательное отношеніе оправдывается фактами, при чемъ авторъ почти всегда свои личныя наблюденія и впечатлѣнія подкрѣпляетъ ссылками на сочиненія о Японіи, на статьи токійскихъ и европейскихъ газетъ и журналовъ; рѣчи и труды японскихъ государственныхъ дѣятелей даютъ автору богатый матеріалъ для книги. Цѣлый рядъ статистическихъ таблицъ, приводимыхъ г. Дюмоларомъ, позволяетъ часто прійти къ самостоятельному выводу. Иногда — на примѣръ, въ вопросѣ о колонизаціи острова Іезо или о преобладаніи японскихъ интересовъ въ Корей — совершенно нельзя согласиться съ окончательными заключеніями автора.

Нельзя также согласиться и съ тѣмъ, что «нынѣшняя Японія есть плохо сдѣланный переводъ», по выраженію одного дипломата. Авторъ именно съ точки зрѣнія этого афоризма разсматриваетъ всю жизнь «страны восходящаго солнца». Во всѣхъ рѣшительныхъ явленіяхъ этой жизни онъ видитъ копію съ Европы, но копію плохую, въ которой еще сквозятъ старыя, варварскія, по мнѣнію цивилизованныхъ европейцевъ, основы; воздвигаемое на нихъ новое зданіе выходитъ неуклюжимъ, мѣстами рушится, уничтожая своимъ обваломъ то привлекательное, чѣмъ когда-то восторгались путешественники, попадавшіе въ страну микадо. Искусство, на примѣръ, падаетъ, а еще недавно оно поража-ло всѣхъ своей оригинальностью; оно жило и привлекало къ себѣ вниманіе европейцевъ. «Теперь въ Японіи старыя традиціи искусства все больше и больше исчезаютъ передъ всецѣло утилитарными тенденціями эпохи. Экономическое развитіе страны порождаетъ безграничную жажду наживы, передъ которой все отступаетъ на задній планъ» (стр. 232). И авторъ, разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія всю жизнь Японіи, приходитъ къ заключенію, что японцы «слѣдуютъ по дурному пути».

Намъ, напротивъ, кажется, что, основываясь на фактахъ, сгруппированныхъ въ интересной книгѣ г. Дюмолара, можно прійти къ болѣе вѣрнымъ выводамъ. И эти соображенія очень просты. Всякій живой организмъ, воспринимая что нибудь извнѣ, непременно долженъ это воспринятое переработать; въ противномъ же случаѣ онъ перестаетъ быть живымъ, перестаетъ быть жизнеспособнымъ. Эта переработка, конечно, не такъ-то легка; она требуетъ времени, силъ, и здѣсь часто возможны отклоненія въ сторону, ошибки, часто трудно поправимыя. Но самая эта дѣятельность съ ея заблужденіями свидѣтельствуетъ о жизненности внутренняго процесса. Вотъ именно такой-то процессъ, полный жизненнаго стремленія, мы и находимъ въ Японіи въ данное время. И въ этомъ залогъ ея будущаго существованія: она еще перерабатываетъ то, что нахлынуло на нее съ запада, то, что поразило ее на первыхъ шагахъ ея сознательной жизни; она прежде всего схватилась за все конкретное — за техническіе успѣхи Европы; она еще не имѣла времени переработать философскую, такъ сказать, сторону западной жизни съ ея страданіями и сомнѣніями; она сохранила еще свои взгляды и идеалы, во они уже пришли въ столкнове-ніе съ новыми. И чтобы примирить ихъ, чтобы вывести изъ этой борьбы нѣчто свое собственное, національное, необходимо время. Нельзя еще говорить о «плохомъ переводѣ», когда должно въ коначномъ результатѣ переживаемой теперь Японіей эволюціи получить нѣчто интересное по своей ори-
20*

гинальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ — возможно — и совершенно чуждое цивилизаціи Европы. Въ всякомъ же случаѣ, теперь еще пока очень и очень странно отождествлять культуру Японіи съ культурой Запада, какъ это дѣлають нѣкоторые. Г. Дюмоларь отрицаетъ возможность для Европы экономической «желтой опасности» въ будущемъ; но мы думаемъ, что теперь вообще преждевременно говорить о какой бы то ни было «желтой опасности» — экономической или политической; правда, г. Дюмоларь положительно говоритъ о выдающихся успѣхахъ японцевъ въ военномъ дѣлѣ на сушѣ и на морѣ (стр. 298—299), а вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ тяготѣніе Японіи къ Китаю (274 стр.—рѣчь гр. Окумы о піонерствѣ Японіи въ Китаѣ). Но этого еще не достаточно: слишкомъ много нужно различныхъ условій для того, чтобы «желтая опасность» начала приобретать нѣкоторую реальность. Возможности же этой опасности мы отрицать не станемъ, такъ какъ еще не достаточно ясно видимъ, во что выльется то состояніе бурной эволюціи, которое теперь переживаетъ Японія...

Нѣсколько словъ о переводѣ; сдѣланъ онъ весьма удовлетворительно, но издатель почему-то не указалъ точно заглавія оригинала, такъ что читатель самъ долженъ догадаться изъ содержанія книги, что переводъ сдѣланъ съ французскаго, и что книга написана еще до нашей войны съ Японіей. Это послѣднее указаніе особенно было бы нелишнимъ; оно еще и еще разъ подчеркнуло бы то обстоятельство, что война была неожиданна только для русскихъ, что она вытекала, какъ логическое слѣдствіе изъ положенія Японіи и Россіи на Дальнемъ Востокаѣ.

Я. Ав—въ.

Астонъ. Исторія японской литературы. Владивостокъ. 1904.

Книга Астона появилась въ русскомъ переводѣ въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ послѣдняго выпуска «Извѣстій Восточнаго института» во Владивостокѣ. Труды этого института, къ сожалѣнію, весьма мало распространены среди русской публики, а между тѣмъ въ настоятельной для насъ необходимости болѣе подробно и близко ознакомиться съ нашими восточно-азиатскими со-сѣдями они могли бы служить незамѣнимымъ подспорьемъ. Такимъ же надежнымъ источникомъ служить и книга Астона. Написанная извѣстнымъ знатокомъ японскаго языка, она захватываетъ японскую литературу съ самыхъ ея зачатковъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. и доводитъ изложеніе до нашего времени.

По обилію фактовъ, при значительныхъ по объему выдержкахъ изъ подлинниковъ, трудъ Астона смѣло можно рекомендовать всякому, кто захотѣлъ бы уяснить себѣ характерныя свойства японскаго народнаго характера, по-скольку, конечно, онъ выразился въ литературѣ. Не вдаваясь здѣсь въ подробное изложеніе ея развитія, отмѣтимъ лишь наиболѣе характерныя ея черты. Во-первыхъ, у японцевъ совсѣмъ нѣтъ поэзіи народнои, авторомъ которой, какъ у европейскихъ народовъ, являлась бы общая безвѣстная народная масса. Ни былинъ, ни народныхъ пѣсенъ, ни эпическихъ сказаній мы здѣсь не найдемъ. Уже въ самые отдаленные вѣка японская поэзія предста-

вляется искусственной, и каждое стихотворение или цѣлыя ихъ сборники въ нѣсколько тысячъ приписываются опредѣленнымъ историческимъ лицамъ. Во-вторыхъ, помимо развитой индивидуализаціи, въ поэзіи сказывается и характерная страсть къ миниатюрѣ. Любимый родъ стихотворныхъ произведений въ Японіи, это — стихотворение въ пять строкъ, въ которыхъ размѣщенъ не болѣе, не менѣе, какъ 31 слогъ. У японцевъ для поэта требуется не вдохновение, а лишь техническое умѣнье побѣждать неуклюжій языкъ. При такомъ требованіи производствомъ стихотвореній (танка) можетъ заняться каждый, и дѣйствительно эти танки фабрикуются тысячами. Отличительный характеръ ихъ—разсудочность и отсутствіе чувства, которое, какъ всегда бываетъ при сухости натуры, подмѣняется у японцевъ дѣланной сентиментальностью.

Драма и романъ имѣютъ въ Японіи много общихъ чертъ. На первомъ планѣ здѣсь вездѣ какая-то кровожадность, страсть къ потрясающимъ нервы эффектамъ. И на сценѣ и въ книгѣ обязательны два-три убійства и пара-другая хакари. Рядомъ со сценками изъ реальной жизни, сфотографированными съ большою точностью, въ изящной японской литературѣ повѣствуется о такихъ нелѣпостяхъ, которыя въ Европѣ даже дѣтямъ показались бы невѣроятными и дикими, и которыя именно и плѣняютъ воображеніе японскаго читателя. Такъ, напримѣръ, у знаменитаго романиста Бакина, умершаго лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, героемъ является одинъ древній воинъ, у котораго голова носорога, въ каждомъ глазу по два зрачка и одна рука гораздо длиннѣе другой. Совершаемые имъ подвиги такъ же необыкновенны, какъ его наружность. Ему, напримѣръ, ничего не стоитъ спрыгнуть безъ всякаго для себя вреда съ горы въ нѣсколько тысячъ футовъ высотой. Въ другомъ его романѣ дѣйствуютъ люди, ведущіе свое происхожденіе отъ собакъ. Слѣдуетъ прибавить, что японскіе романы занимаютъ нѣсколько тысячъ страницъ печатнаго текста и написаны, на европейскій вкусъ, педантически-скучно. У другихъ корифеевъ японской литературы, пользующихся большою популярностью, сверхъестественныхъ нелѣпостей меньше, но зато ихъ литературные герои представляютъ изумительную смѣсь низости, коварства и кровожадной мстительности. Въ одномъ произведеніи герой униженно предоставляет свою любовницу во временное пользованіе болѣе богатаго соперника, отъ котораго съ лицемѣрнымъ смиреніемъ переноситъ всякія оскорбленія и даже побои, а затѣмъ подкарауливаетъ его въ глухомъ мѣстѣ и убиваетъ. Въ другомъ романѣ молодая дѣвушка странствуетъ по всей Японіи съ цѣлью вступить въ связь съ убійцей своего отца и, такимъ образомъ, найти удобный случай отомстить ему съ уточненной жестокостью.

Говорятъ, жестокость и сладострастіе всегда уживаются рядомъ. Японская литература вполне подтверждаетъ это. На ряду съ кроваво-сенсационными произведеніями у японцевъ наблюдается сильное развитіе порнографической литературы. Настоящими создательницами ея являются средневѣковыя придворныя дамы-писательницы, принимавшія очень дѣятельное участіе на литературномъ поприщѣ. Ихъ наивный и откровенный цинизмъ къ XVIII вѣку нашей эры развился въ такое грязное сладострастіе, что правительство вынуждено

было запретить немало сочинений, съ которыми Астонъ рѣшительно отказывается даже издали познакомить читателя.

Такова литература, которую могла создать Япо́нія *an und für sich*. Съ 1867 года въ странѣ начинается сильное европейское вліяніе, преобразовавшее совершенно внѣшній обликъ Япо́ніи. Но духъ ея остался, повидимому, прежній. Несмотря на появленіе японской интеллигенціи, получившей европейское образованіе, Япо́нія до сего времени не выставила ни одного писателя, котораго можно было бы признать писателемъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Вся литературная дѣятельность въ Япо́ніи ограничивается пока переводомъ европейскихъ, главнымъ образомъ англійскихъ, книгъ. В.

Комиссія по организаціи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Эпизодическія программы. Серія II. М. 1904.

Россія находится на той степени культурнаго развитія, когда далеко не всѣ получаютъ возможность пройти систематическую школу. Помимо всего прочаго, этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, переполненіе высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній: они не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, и этимъ послѣднимъ волей-неволей приходится изыскивать способы для самообразованія. Большую пользу на пути этихъ вполне понятныхъ и законныхъ стремленій можетъ оказать дѣятельность комиссіи по организаціи домашняго чтенія. Кромѣ четырехъ выпусковъ программъ для систематическаго прохожденія курса наукъ, комиссія выпускаетъ серіями эпизодическія программы по различнымъ частнымъ вопросамъ научнаго знанія. Лежащая передъ нами брошюрка второй серіи прекрасно характеризуетъ постановку дѣла. Организаторы его стараются дать не только интересный матеріалъ для работы, предлагая для изученія то болѣе узкіе, то болѣе широкіе отдѣлы изъ исторіи, литературы, естествознанія и другихъ наукъ; но стремятся, очевидно, дать возможность желающимъ разобраться и въ вопросахъ современной жизни. На ряду съ программами для изученія «Горя отъ ума» и «Анны Карениной» (сост. Ю. И. Айхенвальдомъ и И. Н. Розановымъ), на ряду съ «Дарвинизмомъ» (сост. Н. К. Кольцовымъ) и «Средневѣковой исторіей Англій» (Д. М. Петрушевскаго), мы находимъ здѣсь программы для изученія «Права войны» (А. С. Яценко) и для подробнаго (и даже весьма подробнаго) ознакомленія съ Япо́ніей и Кореей. Очевидно, эти программы и ихъ очень обстоятельная разработка находятся въ непосредственной связи съ событіями на Дальнемъ Востокѣ. И этого нельзя не привѣтствовать: потребность каждаго момента на книжномъ рынкѣ удовлетворяется цѣлой массой всякаго рода сочиненій; выборъ представляется труднымъ и, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени случайнымъ. Программы устраняютъ эту случайность; онѣ указываютъ наиболѣе интересныя и полезныя книги и этимъ не ограничиваются: онѣ нерѣдко устанавливаютъ порядокъ чтенія рекомендованныхъ пособій, краткая оцѣнка которыхъ даетъ возможность приобрѣтать именно то, что нужно, что интересуется. Строгая система, съ которой,

благодаря программамъ, можетъ вестись чтеніе, несомнѣнно, позволяетъ вполне самостоятельно отвѣтить на вопросы, предлагаемые составителями программъ. Въ программѣ № 2, касающейся Японіи, ставятся, напримѣръ, такіе вопросы, интересные для всего русскаго общества: «Въ чемъ и въ какой степени сказалась европеизація Японіи?»—«Какъ сочетаются элементы стараго и новаго въ соціальномъ и политическомъ строѣ новой Японіи?» и т. п. И здѣсь же указываются главы въ разныхъ сочиненіяхъ, дающія отвѣты на предложенный вопросъ: читателю предоставляется самому разобраться въ противорѣчивыхъ часто свѣдѣніяхъ и вывести на основаніи самыхъ разнообразныхъ сужденій свое мнѣніе, при минимальной затратѣ времени и труда. Такимъ образомъ, нельзя не пожелать, въ виду несомнѣнной пользы для общества, самаго широкаго распространенія каждой новой серіи этихъ эпизодическихъ программъ.

Я. Ав—въ.

Książ Władysław Szcześniak. Obrządek słowiański w Polsce pierwotnej, rozważony w świetle dziejopisarstwa polskiego. 1904. (Кс. Владиславъ Щеснякъ. Славянскій обрядъ въ первобытной Польшѣ въ освѣщеніи польской историографіи).

Въ хроникѣ древнѣйшаго нѣмецко-польскаго лѣтописца Титмара Мерзебургскаго нѣтъ упоминаній о томъ, чтобы поляки приняли христіанство отъ грековъ, Кирилла и Меѳодія, по славянскому обряду. Не подлежитъ сомнѣнію, что будь это такъ, Титмаръ не умолчалъ бы о такомъ важномъ фактѣ. Молчаніе его даетъ нашему автору основаніе прийти къ слѣдующимъ выводамъ. Въ эпохѣ крещенія князя Мечислава ни въ Польшѣ, ни въ нѣмецкой землѣ не знали о славянскомъ ритуалѣ поляковъ. До XV вѣка въ польскомъ народѣ не существовало преданія объ этомъ ритуалѣ. Только въ исходѣ XV столѣтія возникла мысль объ апостольствѣ Кирилла и Меѳодія въ Польшѣ. Подсказали ее славянскіе бенедиктины въ Краковѣ. При ихъ посредствѣ вошли въ краковскіе латинскіе требники и служебники легенды и молитвы о святыхъ Кириллѣ и Меѳодіи. Изъ Кракова онѣ распространились почти во всехъ польскихъ епархіяхъ. Кромѣ краковскихъ славянскихъ бенедиктиновъ, мысль объ апостольствѣ святыхъ Кирилла и Меѳодія въ Польшѣ поддерживали чехи. Чешскій писатель Хаекъ (1553 г.) въ своей чешской хроникѣ помѣстилъ немало свѣдѣній, исторически не обоснованныхъ, прямо баснословныхъ. Подъ впечатлѣніемъ труда Хаека польскій лѣтописецъ Пясецкій, епископъ перемышльскій (1578 г.), писалъ, что польскій народъ не хотѣлъ учиться истинамъ вѣры Христовой у нѣмцевъ, а предпочиталъ ознакомиться съ ними прежде всего при посредствѣ восточныхъ грековъ, Кирилла и Меѳодія... Ту же самую мысль высказалъ современникъ Пясецкаго, Андрей Венгерскій (1600 г.). Черезъ двѣсти лѣтъ повторили слова Пясецкаго моравскій монахъ Гирсментцель и ксѳндзъ Стржедовскій. Въ Польшѣ первымъ историкомъ, подувшимъ подъ вліяніе чешскихъ и моравскихъ писателей,—былъ Фр.-Готлибъ Фризе. Онъ на основаніи ошибочныхъ свѣдѣній Стржедовскаго обозначилъ время, мѣсто, лицъ, когда, гдѣ и кѣмъ было принято въ Польшѣ христіанство по

славянскому обряду. Въ XIX вѣкѣ нѣтъ ни одного польскаго историка, который не допускалъ бы существованія въ первобытной Польшѣ славянскаго обряда. Лелевель безо всякихъ оговорокъ принималъ свидѣтельство Хаека и Стржедовскаго объ апостольствѣ учениковъ святого Меодія въ Польшѣ и въ Силезіи. Даже Бандтке, не взирая на то, что не нашель слѣдовъ славянскаго обряда у поляковъ, вѣрить, что святой Войцехъ принималъ дѣятельное участіе въ Польшѣ и въ Богеміи въ замѣнѣ славянскаго обряда латинскимъ. Самымъ же горячимъ защитникомъ теоріи существованія славянскаго ритуала въ древней Польшѣ былъ А.-В. Маціевскій. Къ нему примкнулъ Бѣлѣвскій. Большинство новыхъ историковъ признаетъ фактомъ неоспоримымъ существованіе въ Польшѣ славянскаго обряда, но въ то же время недостаточно выясненнымъ. Изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ Максу Гумпловичу. Ксендзъ Щеснякъ изслѣдовалъ всѣ pro и contra существованія у его предковъ славянскаго вѣроисповѣднаго ритуала и пришелъ къ тому заключенію, что «такъ называемый славянскій обрядъ въ Польшѣ — обыкновенная историческая басня», а попытки историковъ отстоять во что бы то ни стало его существованіе — «великая историческая ложь».

Г. Воробьевъ.

А. Л. Погодинъ, профессоръ Варшавскаго университета. Боги и герои Эллады. Съ пятнадцатью рисунками. Спб. 1904.

Книжка г. Погодина по преимуществу предназначена для юношества, но, тѣмъ не менѣе, авторъ не ограничился только сообщеніемъ одного, такъ сказать, сказочнаго матеріала. Поэтому онъ стремился въ общедоступной формѣ наметить главныя стадіи греческой мифологіи и указать, какъ совершился ея переходъ въ религію. Кроме того, въ первыхъ главахъ своего труда г. Погодинъ выясняетъ связь между поэтическимъ языкомъ культурныхъ народовъ и мифическимъ пониманіемъ природы у некультурныхъ. Такимъ образомъ читателю дается болѣе или менѣе полное представленіе о существѣ мифа и его значеніи у людей первобытнаго взгляда на природу. Приходится, однако, отмѣтить, что въ этихъ вводныхъ главахъ чувствуется нѣкоторый избытокъ учености. Много поработавъ надъ своей диссертациею о «Слѣдахъ корней основъ въ славянскихъ языкахъ», почтенный ученый не могъ отказать себѣ въ удовольствіи коснуться того же спеціальнаго вопроса и въ общеобразовательномъ сочиненіи. На ряду съ этимъ въ вводныхъ главахъ въ нѣкоторой степени чувствуется и особый языкъ, недостаточно приспособленный къ занасу словъ и идей непосвященнаго читателя. Повидимому, желательно было бы избѣгать въ данномъ случаѣ такихъ выраженій, какъ «функция», «ориентироваться», «человѣкъ, не углубляющійся въ зоологическое изученіе животнаго міра», и т. п. Зато тамъ, гдѣ авторъ сходитъ съ пути отвлеченныхъ сужденій и вступаетъ на почву повѣствованія, тамъ рассказъ его приобретаетъ живость и легкость, столь необходимыя въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для юношества. Несомнѣнно, что книжка г. Погодина будетъ прочтена ея юными читателями съ особымъ вниманіемъ и интересомъ. Изложеніе жизни и похожденій многочисленныхъ греческихъ боговъ и героев заключается

краткимъ очеркомъ отношенія греческихъ философовъ къ языческимъ богамъ, сила въры въ которыхъ постепенно уступала натиску критической мысли, продолжая господствовать официально. Какъ указываетъ г. Погодинъ въ предисловіи, трудъ его составленъ на основаніи лучшихъ иностранныхъ работъ по классической мифологіи, а нѣкоторые тексты приведены въ удачныхъ переводахъ Янчевецкаго и старика Гнѣдича. В. Г.

Н. К. Рерихъ. «По старинѣ». Спб. 1904.

Въ своей работѣ г. Рерихъ, секретарь императорскаго общества поощренія художествъ, высказываетъ взглядъ на «старину» въ дѣлѣ охраненія національной самобытности, художественныхъ вкусовъ и даже нравственныхъ устоевъ нашего народа. Онъ находитъ недостаточнымъ одно признаніе научности старины, выучки прописи стилей и невозможности продажи съ торговъ Ростовскаго кремля съ расписными храмами, княжескими и митрополичьими палатами. (Отсутствіе покупателя сохранило намъ столь драгоценный памятникъ, реставрированный впоследствии по инициативѣ И. А. Вахрамѣева, А. А. Титова и И. А. Шлякова). Восторженный ревнитель старины, Рерихъ возводитъ ея охраненіе въ общегосударственное дѣло и надѣется ею оживить современную живопись, зодчество, литературу и самый народный бытъ. Эта апологія минувшаго интересна и фактическими указаніями и своеобразной точкой зрѣнія автора. Указывая, напримѣръ, на старую (нереставрированную) церковную роспись, онъ въ восторгѣ отъ ея художественнаго и непринужденнаго сочетанія тѣней и простой охры въ противоположность позднѣйшей иконописи съ беспокойнымъ золотомъ и серебромъ. Чтобы привести въ гармонію сложные сюжеты и большія пространства въ изображеніяхъ, помимо техники и даровитости, требовалась въра въ свое дѣло отъ древнихъ художниковъ, въ чемъ легко убѣдиться при осмотрѣ старинныхъ ростовскихъ, ярославскихъ и другихъ храмовъ. «Насколько ремесленникъ древности чувствовалъ инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую изъ его рукъ, настолько теперь процвѣтаютъ нелѣпый штампъ и опошленные формы. Лучшіе реставраторы въ сильнѣйшихъ своихъ мѣстахъ могутъ лишь приблизиться къ цѣльности старой работы и то рѣдко». Восхищаясь большей естественностью и красотой старины во всѣхъ ея видахъ, г. Рерихъ въ назиданіе новымъ школамъ говоритъ: «насилъственная стилизація природы, умышленное придумываніе новыхъ извивовъ формы, угловатая громоздкость не создаютъ стиля». Находя недостаточнымъ обращеніе памятниковъ старины въ мертвые музейные предметы и ратую о сближеніи ихъ съ народною жизнью, онъ указываетъ на любопытныя сочетанія старины съ живью въ смоленскомъ селѣ Талашкинѣ княгини М. К. Тенишевой. «Сотнями и тысячами сходятся на работу въ Талашкино жители окрестныхъ селъ, — говоритъ онъ. — Узнаютъ они здѣсь новые мотивы украшеній, научатся уже забытымъ теперь пріемамъ работы и далеко разнесутъ оздоровляющую струю непосредственнаго искусства, проникающаго во всѣ тайники обиходной жизни. При такой работѣ могутъ изъ предметовъ обихода исчезнуть аляповатость и тяжесть, будто бы такъ необходи-

мая для русскаго стила; цвѣта тканей и вышивокъ могутъ сдѣлаться опять благородными и ласкающими. И нѣтъ тутъ «новаго» стила, здѣсь есть отборный музей, есть здѣсь природа, есть основные народные способы, есть тутъ путь къ безконечному дальнѣйшему совершенствованію. И все это въ здоровыхъ условіяхъ, среди красивѣйшаго смоленскаго пейзажа. Вижу красивый теремокъ; вижу красильню, гдѣ варятся не ядовитыя химическія, скоро выцвѣтающія комбинаціи, а травы, кора и корни. Вижу типичную красильщицу, старуху мордовку въ народномъ уборѣ, въ которомъ каждая часть восходитъ за многіе вѣка. Полоскала она нитки на рѣкѣ и несетъ на коромыслѣ мокрыя длинныя пряди ихъ пріятнѣйшихъ густыхъ тоновъ. Дай Богъ селу Талашкину расти и развиваться. Не сомнѣваюсь, что дорога туда будетъ знакома многимъ, и среди художественныхъ центровъ мѣсто его будетъ большое. Пріятно сознавать, что иностранныя художественныя изданія уже отвели должное вниманіе и по достоинству оцѣнили это замѣчательное явленіе въ русскомъ искусствѣ». Подобную организацію старины съ жизнью г. Рерихъ признаетъ надежнымъ противовѣсомъ широкому распространенію въ народѣ гармошки, пиджака и фуражки со всеми послѣдствіями этихъ новшествъ, вытѣсняющихъ даже русскій сарафанъ... Въ погоню за модой, крестьяне сбываютъ свои старыя одежды и пріобрѣтаютъ взамѣнъ новыя изъ Нижняго и Костромы. А между тѣмъ развѣ можно сравнить съ древнимъ тканьемъ наши ситцы и матеріи, выдѣлываемыя современными фабрикантами? Исчезновенію старины по деревнямъ и селамъ предшествовало такое же исчезновеніе и истребленіе ея среди культурныхъ классовъ. Постоянно были указанія то на неблагополучный Спасъ на Нередицѣ, то на смоленскія стѣны, то на исковскія древности, то на трепины Ивана Предтечи ярославскаго, то на фрески подъ штукатуркой, то на вывозъ кирпичей съ памятника на постройку желѣзной дороги, то на проломъ древней стѣны для трамвая или прямо уничтоженіе для постройки солдатскихъ казармъ. Уничтожаются Гедиминовскіе и Кейстутовскіе замки въ Трокахъ; на мѣстѣ древнихъ костеловъ по берегамъ Нѣмана вырастаютъ еврейскія селенія; знаменитый соборъ Юрьева-Польскаго, церковь на Ишнѣ около Ростова и т. д. измѣняются и мало-по-малу гибнутъ... Г. Рерихъ рассказываетъ, какъ въ городѣ Торжкѣ, знаменитомъ своимъ шитьемъ, не такъ давно была устроена земская школа съ цѣлью поддержать это ветшающее рукодѣлье и обновить его возвращеніемъ къ старинной превосходной Technikѣ. Дѣло пошло на ладъ. На Рождествѣ 1903 года, на выставкѣ ученическихъ работъ въ школѣ императорскаго общества поощренія художествъ, можно было видѣть нѣсколько прекрасныхъ образцовъ шитья этой школы. Казалось бы, чего лучше,—нашла опытная руководительница, школа имѣла прямое, отвѣчающее мѣстнымъ запросамъ назначеніе; но земство не позаботилось о расширеніи этого удачнаго опыта и нашло школу излишнею.

Въ заключеніе своей брошюры г. Рерихъ задается вопросомъ о спасеніи «старинны» отъ «тисковъ современности» и замѣчаетъ: «вмѣсто ни къ чему не приводящихъ попытокъ изобрѣсти національный костюмъ для горожанъ, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина? Костюмъ не надо придумывать; вѣка сложили прекрасные

образцы его; надо придумывать, чтобы народъ могъ жить національнымъ теченіемъ мысли, чтобы онъ вокругъ себя находилъ все необходимое для этого образа жизни, надо, чтобы въ область сказаній отошли печальные факты, что священники сожигаютъ древнія кички, «ибо рогатымъ не подобаетъ подходить къ причастію». Необходимо, чтобы высшіе классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не дають народу красивую ткань для костюмовъ, доступную, не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и пѣснѣ, и музыкѣ, и пляскѣ. Пусть растетъ поэтичная старинная пѣснь, пусть струны балалаекъ вмѣсто прекрасныхъ народныхъ мотивовъ не вызваниваютъ пошлыхъ маршей и вальсовъ».

Разумѣется, спорнымъ въ брошюрѣ г. Рериха является только его недо- вѣріе къ новымъ идеаламъ русской жизни и ея выдающимся талантамъ. Образцы старины заслуживаютъ всякаго охраненія и изученія, но можно ли думать, что мы станемъ сильны исключительно ими и черезъ нихъ? Упадочные образцы современности — явленіе временное. При благопріятныхъ условіяхъ жизни, новая школа живописи создала Верещагина и Рѣпина; русская литература въ короткій срокъ времени стала всемірной (Толстой, Достоевскій и проч.), а народъ, при нѣкоторомъ уваженіи къ его духовной личности, хотя бы на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ японцевъ, явилъ себя героемъ... Эта мощь націи проявить себя съ большей силой въ будущемъ и одухотворить собою жизнь и искусство.

А. Фаресовъ.

Jan Sten. Pisarze polscy. Wrażenia literarskie. Lwów i Warszawa. 1904.

Мнѣніе Яна Стена о новѣйшихъ польскихъ писателяхъ должно представлять извѣстную цѣнность уже потому, что онъ самъ поэтъ, не чуждый «модернизма», и сборники его стиховъ («Poezye», Львовъ, 1899) и прозы («Jeden miesiąc życia», Краковъ, 1900) пользуются относительнымъ успѣхомъ. Приемъ критики Стена сравнительно оригиналенъ и напоминаетъ импрессионистическую манеру. Онъ не даетъ разбора отдѣльныхъ произведеній какого нибудь писателя и не пересказываетъ ихъ содержанія; не обобщаетъ цѣлой группы произведеній и не сопоставляетъ ихъ другъ съ другомъ; ничего не говоритъ онъ о біографическихъ фактахъ и не сравниваетъ писателей съ точки зрѣнія реальной или эстетической школы, не указываетъ ихъ мѣста въ ряду остальныхъ и такъ далѣе, однимъ словомъ, его приемы едва ли удовлетворяютъ критика-историка. На первомъ планѣ у Стена — индивидуальность каждаго писателя—все равно, великъ ли онъ, или малъ. Его почти не интересуетъ, что дали писателю общество, эпоха, среда. Наоборотъ, онъ старается выяснять, что вноситъ извѣстный писатель самъ въ среду, чѣмъ онъ самъ является для общества, насколько опережаетъ самъ свою эпоху.

И внѣшній его приемъ—если не оригиналенъ, то рѣдко принятый. Вчитываясь въ разбираемаго автора, вдохновляясь имъ, онъ дѣлаетъ его творенія какъ бы своими, не безъ намѣренія перерабатываетъ ихъ, иногда толкуетъ ихъ съ своей точки зрѣнія и даетъ общую картину господствующаго настроенія,

если не всегда вѣрную, то во всякомъ случаѣ яркую, написанную широко и энергично. Для того, чтобы познакомиться съ манерой Стена, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ его статьи о «поэтѣ поэтовъ» современной польской литературы—Казимирѣ Тетмайерѣ. «Тоска... великая тоска по человѣческому счастью, по прелести яснаго вѣдра, по тепломъ дуновеніи весны, по улыбкѣ и ласкѣ женщины, по поцѣлуѣ и бесѣдѣ съ той, которую ожидали годами. И еще бѣлая тоска по прекрасномъ, по вѣчномъ шумѣ моря, по свистѣ вихря, гуляющаго въ тѣснинахъ, и по серебристой паутинѣ мглы, висящей надъ озеромъ, и по солнцѣ, заливающимъ Сорренто, и по мраморной округлости обоготворяемыхъ образовъ. И много больше всякой тоски—во всемъ разлитая меланхолія, проникающая насквозь душу и наглая, которой не пугаетъ циничный крикъ, потому что онъ не найдетъ себѣ отклика въ глубинѣ, если и сорвется съ устъ,—меланхолія, которая выбѣгаетъ на сѣрыя поля и, сидя у перекрестныхъ дорогъ, ломаетъ руки надъ головой и клянетъ свою скитальческую и одинокую долю, или же влачится по городскимъ улицамъ и, остановившись надъ верстакомъ ремесленника, съ участіемъ шепчетъ ему:

«Ту пулю, которая предназначена для меня, отливай, ружейный мастеръ, поскорѣе...

«А жизнь, ружейный мастеръ, совсѣмъ не спѣшить, и обыкновенно смерть опережаетъ ее въ работѣ. У нея достаточно средствъ, чтобы овладѣть миллиономъ, который брошенъ ей въ добычу. Поэтому идутъ дни, мѣсяцы и годы, одинаково отданные давнишней тоскѣ и давнишней грусти.

«И тоска съ каждымъ разомъ становится болѣе горькой, непрерывно дуть и сжимаетъ все сильнѣе, тогда какъ въ концѣ концовъ желалось, въ сущности, немногаго — счастья. Однако, для многихъ душъ это желаніе—смѣшно и глупо, все равно, что свѣтловолосый человѣкъ страстно пожелалъ бы имѣть прическу цвѣта воронова крыла. «Но, вѣдь, можно выкрасить волосы»—точно также можно покрасить и жизнь, пока краска не сослезетъ отъ дождя или солнца. А въ то время не пойманное счастье отдалается, блѣднѣетъ, небо сѣрѣетъ, словно совсѣмъ позабыло лучи солнца».

Далѣе Стенъ останавливается на томъ же вопросѣ, который такъ занималъ и другихъ польскихъ критиковъ, а именно на эротоманіи Тетмайера. Критикъ согласенъ, что Тетмайеръ не понимаетъ счастья въ чемъ нибудь иномъ, кромѣ «женщины-дитяти», «ангела», «божества»: «Его лирико-чувственный эротизмъ, страстный и нѣжный, желаетъ владѣть тѣлесно и подчиняться морально, хочетъ обожать и цѣловать, молиться и ласкать, хочетъ любить. Онъ ждетъ свою женщину такъ же, какъ иные выходятъ навстрѣчу Бога. А когда онъ убѣждается, что нашелъ именно ее, то становится въ восторгѣ передъ ней на колѣни и шепчетъ: «Что такое цѣлый міръ въ сравненіи съ щеками милой, съ голосомъ милой, ласками милой!»... И начинается вѣчная трагикомедія любви, упорная борьба двухъ міровъ, которые не разъ стремятся другъ къ другу, а все-таки не видятся — борьба мужской чувственности, фактора идеальнаго, психологически творческаго, съ женской натурой, для которой чувственность представляется наденіемъ, а цѣломудріе — омерзѣніемъ. Женщина умѣетъ бояться или же страстно требовать, скрываться или же жертвовать собой, но

любить, творить—не въ состоянїи никогда. Хуже того: часто не умѣетъ позволить себя любить. Поэтому поэтъ поднимается съ колѣнопреклоненія и пускается въ дальнѣйшее одинокое странствованіе, унося съ собою чувство разочарованія, или же пресыщенія. Неудовлетворенная мечта искривляетъ за нимъ насмѣшливое лицо, или память о повседневной отрадѣ обнимаетъ его душу отращеніемъ».

По этой характеристикѣ видно, что, при всей эротичности многихъ мотивовъ Тетмайера, неправы были тѣ критики, которые считали его эротоманомъ. Онъ не понимаетъ жизни безъ любви даже въ томъ случаѣ, когда на дѣѣ ея счастья всегда находимъ горечь, отравляющую самыя свѣтлыя грезы. Жизнь безъ любви, по его словамъ, все равно, что звѣзда безъ блеска, цвѣтъ розы безъ аромата, яблоня безъ плодовъ, улей безъ меду, дворецъ безъ цвѣтника. И если иногда поэтъ не въ силахъ удержаться въ предѣлахъ чистой любви и не отдается безумнымъ чарамъ страсти, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть лишь ту двойственность его натуры, которая больше всего занимала критиковъ, желавшихъ прослѣдить «настоящее» настроеніе Тетмайера. Самъ поэтъ заявляетъ, что его желаніе заключалось лишь въ томъ, чтобы искренно и непосредственно выразить человѣческія чувства, и чувства разнообразныя. Если онъ и говоритъ о такихъ чувствахъ всегда отъ себя, то это еще не значитъ, что они не свойственны и другимъ, что звукъ его струнъ не вызоветъ отклика въ сердцахъ и другихъ людей. «Я стремлюсь и напрягаю всѣ силы къ тому, чтобы чрезъ посредство моей души, души поэта, говорила душа общечеловѣческая»,—говоритъ Тетмайеръ и ссылается «на самаго индивидуальнаго, самаго эгоистическаго изъ поэтовъ»—Байрона, затѣмъ—на нѣмецкихъ, польскихъ и русскихъ поэтовъ, «душой которыхъ говорили души всѣхъ людей».

Затѣмъ Стенъ переходитъ къ болѣе общему вопросу: какъ Тетмайеръ понимаетъ счастье? «Оно не можетъ существовать для него ни въ дѣйствительности, ни въ мечтѣ, не можетъ быть ни великимъ, ни малымъ; оно не существуетъ совсѣмъ, а все-таки безъ него нельзя жить. Нельзя жить потому, что оно неразрывно съ красотой, съ представленіемъ о гармоніи внутренняго міра. И чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ это чувство красоты, тѣмъ сильнѣе и тоска по счастью. Въ этомъ и заключается та трагедія, которая для натуръ исключительныхъ дѣлается фатальной. Не находя отвѣта на мучительные вопросы, человѣкъ съ запросомъ на счастье совершенно разочаровывается въ жизни, не находитъ смысла существованія и всецѣло отдается всепоглощающей меланхоли, которая не даетъ ему никакого отвѣта и давитъ его этой мощью невѣдѣнія. И онъ теряетъ надежду на избавленіе отъ нея когда бы то ни было, рѣшая, что можно съ ней жить точно такъ же, какъ живутъ съ пулей, проникшей куда нибудь въ тѣло. Ему кажется, что его душа долго и напрасно звала кого-то, кого-то дорогого, и умолкла, утомленная своимъ собственнымъ крикомъ. Тогда онъ съ ужасомъ видитъ, что окруженъ гробовой тишиной и ночнымъ мракомъ... Внутреннее развитіе—психологическая эволюція иногда болѣе глубокаго, иногда болѣе всесторонняго творчества, для котораго собственныя страданія становятся ужъ не содержаніемъ, не мотивомъ, а только побужденіемъ, ударомъ искры, зажигающей уже готовый зарядъ,—это именно и дѣлаетъ Тетмайера, по мнѣнію

Стена, такимъ дорогимъ для современнаго поколѣнія поэтомъ: въ немъ усовершенствованіе артиста было только развитіемъ челоуѣка».

Въ книгѣ Стена собраны статьи о слѣдующихъ писателяхъ: Жеромскомъ, Реймонтѣ, Опшманѣ (Орѣ-Отѣ), Пежынскомъ, Немоевскомъ, Серошевскомъ, Домбровскомъ, Пшибышевскомъ, Недзвецкомъ, Каспровичѣ, Жулавскомъ, Стаффѣ, Орканѣ, Фельдманѣ, Новачинскомъ, Киселевскомъ и Выспянскомъ. О каждомъ изъ нихъ онъ даетъ самостоятельный по построенію и взглядамъ очеркъ, гдѣ пользуется отдѣльными выраженіями поэта и создаетъ общую картину съ выдержаннымъ колоритомъ. Въ виду замѣтнаго интереса къ новѣйшей польской литературѣ, было бы желательно видѣть русскій переводъ книги Стена.

А. И. Яцимирскій.

I. Гобза. Столѣтіе Московской 1-й гимназіи. М. 1903.

Въ январѣ текущаго года старѣйшая изъ русскихъ гимназій, московская первая, торжественно справляла свой столѣтній юбилей. Къ этому времени ея настоящій директоръ, г. Гобза, составилъ, въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми преподавателями, обстоятельное историческое обозрѣніе судеб гимназіи. За время своего вѣкового существованія гимназія эта испытала всѣ продѣлывавшіеся у насъ учебно-педагогическіе эксперименты, и потому исторія ея является весьма важнымъ вкладомъ въ исторію нашего просвѣщенія.

Какъ извѣстно, въ 1786 году въ Москвѣ было открыто московское главное народное училище. Черезъ 16 лѣтъ это училище было переименовано въ московскую губернскую гимназію, съ пансіономъ для благородныхъ и разночинцевъ. Въ 1830 году пансіонъ для благородныхъ выдѣлился въ самостоятельную гимназію, сохранивъ за собою названіе первой, а настоящая первая гимназія превратилась во 2-ю. Этотъ дворянскій пансіонъ, поглотившій было настоящую первую гимназію, просуществовалъ всего 3 года и въ 1833 году превращенъ былъ въ московскій дворянскій институтъ, а настоящая 1-я гимназія, передвинутая было на второе мѣсто, снова стала числиться первой, и съ этого времени не подвергалась какому либо внѣшнимъ перемѣнамъ.

По первоначальному плану, каждая губернская гимназія представляла собою уже третью ступень въ системѣ образованія. Она состояла всего изъ 4 классовъ, но зато въ нее попадали лишь ученики, прошедшіе курсъ приходскаго и затѣмъ уѣзднаго училищъ. Несмотря на четырехлѣтній курсъ, гимназическая программа была весьма обширна: въ гимназіяхъ преподавались чистая математика (алгебра, геометрія, тригонометрія), физика, философія (логика, грамматика, психологія и нравовученіе), эстетика, риторика, политическая экономія, право естественное и народное, естествознаніе (съ технологіей и коммерческими науками), языки латинскій, нѣмецкій и французскій и рисованіе.

Въ обученіи большую роль игралъ наглядный способъ. Такъ учитель естествовѣдѣнія долженъ былъ собирать съ учениками камни и травы, а зимою осматривать фабрики и заводы. Учитель математики показывалъ ученикамъ на прогулкахъ мельницы и разныя гидравлическія сооруженія.

О введеніи въ гимназическій курсъ греческаго языка первоначально не было и рѣчи. Преподаваніе его началось именно въ московской первой гимназій и притомъ по совершенно случайному поводу. Нѣкій греческій дворянинъ Зосима внесъ въ первую гимназію 10.000 рублей ассигн. съ тѣмъ, чтобы на $\frac{1}{1000}$ съ этой суммы было введено необязательное изученіе греческаго языка. Въ 1815 году воля жертвователя получила осуществленіе, и, такимъ образомъ, впервые въ гимназій появились «греки».

Многопредметность гимназическаго курса оказалась весьма неудобной, и уже въ 1819 году технология, коммерческія науки, право, политическая экономія, эстетика и психологія были исключены изъ программы. Уставъ 1828 года выбросилъ изъ гимназическаго курса науки естественныя, сильно сократилъ математику, а греческій языкъ сдѣлалъ обязательнымъ, хотя только для гимназій университетскихъ городовъ. Тотъ же уставъ слилъ гимназію съ уѣзднымъ училищемъ: курсъ проходилъ уже въ 7 классахъ, но зато въ нее можно было поступать прямо изъ приходскаго училища. На дальнѣйшихъ измѣненіяхъ гимназическаго курса, произведенныхъ гр. Уваровымъ, а затѣмъ гр. Толстымъ, мы останавливаться не будемъ въ виду ихъ общеизвѣстности.

Обученіе въ гимназійхъ первоначально было бесплатное. Однако уже въ 1819 году положено было взимать съ болѣе состоятельныхъ учениковъ по 3 рубля 43 коп. сер. въ годъ. Затѣмъ плата продолжала увеличиваться, причѣмъ размѣръ ея опредѣлялся самимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ 1838 году введена была однообразная плата въ 11 рублей 43 коп. сер. въ годъ. Въ 1845 году плата повысилась уже до 20 рублей, а къ началу 50-хъ годовъ дошла до 30 рублей и держалась на этомъ уровнѣ до министерства гр. Толстого.

Благодаря отсутствію мелочной регламентаціи, внутренніе порядки гимназій были совершенно непохожи на теперешніе. «На публичномъ экзаменѣ, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывший ученикъ первой гимназій М. П. Погодинъ, — учитель русской словесности Ивашковскій (впоследствии выдающійся профессоръ греческаго языка въ Московскомъ университетѣ) выходилъ на сцену съ толстой тетрадью и спрашивалъ учениковъ по очереди: что есть эстетика? какъ раздѣляется эстетика? И визитаторы Мерзляковъ, Цвѣтаевъ и Двигубскій (не забудемъ, что тогда гимназій находились въ вѣдѣніи университета) спокойно слушали вопросы и отвѣты, и никто не видѣлъ здѣсь ничего страннаго». Несмотря на это, ученики, по свидѣтельству Погодина, хорошо знали по-русски, писали правильно, любили литературу и знали наизусть Озерова, Крылова, Жуковскаго и восхищались Карамзинымъ. Поощрялись и литературные труды самихъ учениковъ. Благодаря этому, одинъ изъ учениковъ, Петръ Гильтебрандтъ, обогатилъ русскую литературу переводомъ грамматики польскаго языка Смита, которая и была издана въ 1863 году и долгое время служила хорошимъ подспорьемъ студентамъ-филологамъ.

Самый торжественный день въ жизни учебнаго заведенія — актъ, соединялся съ выпускнымъ экзаменомъ, по окончаніи котораго гимназистамъ вручалась ректоромъ университета студенческая шпага. Актъ открывался музыкальнымъ номеромъ, который исполнялся кѣмъ либо изъ учениковъ. Затѣмъ шли рѣчи преподавателей и учениковъ. Такъ на публичномъ актѣ 1814 года ученикъ

М. Погодинъ произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, которая начиналась такими словами: такъ какъ наше отечество опустошено непріателемъ, и всѣ учебныя пособія истреблены пожаромъ, то мы были лишены надежды украсить свой умъ познаніями. Въ 1838 году ученикъ Сергѣй Соловьевъ (будущій историкъ) держалъ на актѣ рѣчь о необходимости изученія древнихъ языковъ для основательнаго знанія отечественнаго.

Въ концѣ книги приложенъ перечень всѣхъ бывшихъ преподавателей гимназіи и ея питомцевъ. Отмѣтимъ, что въ ней начали свое поприще въ качествѣ преподавателей Аполлонъ Григорьевъ, впоследствии извѣстный критикъ, покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ, Т. И. Филиповъ (государственный контролеръ), теперешніе профессора С.-Петербургскаго университета Сергѣевичъ и Дювернуа, преподававшіе законовѣдѣніе въ уваровскій періодъ. Всего за сто лѣтъ своего существованія гимназія выпустила двѣ съ половиной тысячи воспитанниковъ. Многие изъ нихъ занимали и занимаютъ высокіе посты; немало изъ нихъ съ честью потрудились и трудятся на поприщѣ науки и литературы. Стоитъ назвать хотя бы А. Н. Островскаго и нынѣ здравствующаго академика А. И. Соболевскаго. В.

С. Артоболевскій. Игнатій, архіепископъ воронежскій, и его пастырско-миссіонерская дѣятельность. Историко-біографическое изслѣдованіе. Уфа. 1904.

Среди духовныхъ дѣятелей первой половины XIX вѣка преосвященный Игнатій, архіепископъ воронежскій, бывшій донской и олонекскій, занималъ видное мѣсто, главнымъ образомъ, какъ миссіонеръ и борець противъ раскола. Г. Артоболевскій и взялъ задачей своего труда описать жизнь и дѣятельность этого іерарха, охарактеризовать его преимущественно, какъ пастыря-миссіонера. Трудъ нашего автора не долженъ остаться незамѣченнымъ, такъ какъ составленъ почти исключительно на основаніи архивнаго матеріала, извлеченнаго изъ архивовъ святѣйшаго синода, консисторій олонекской, воронежской и донской, олонекской духовной семинаріи, олонекскаго губернскаго правленія, донскаго статистическаго комитета и черниговской духовной семинаріи. Въ общемъ, авторъ имѣлъ подъ руками очень почтенное собраніе документовъ, восполнилъ его немногими существующими печатными пособіями и составилъ книгу очень хорошую, осуществлявъ свою задачу по слѣдующему плану.

Книга состоитъ изъ введенія, двухъ частей изслѣдованія, заключенія и приложеній. Во введеніи (стр. 3—34) авторъ предлагаетъ краткій очеркъ жизни преосвященнаго Игнатія до назначенія его въ Петрозаводскъ (1790—1828 г.). Въ первой части, состоящей изъ двухъ главъ, сперва описывается служеніе преосвященнаго Игнатія въ Олонекской епархіи и борьба его съ расколомъ въ теченіе 1828—1842 годовъ (стр. 35—225), а потомъ рѣчь идетъ о его служеніи въ епархіяхъ Донской (1842—1847 г.) и Воронежской (1847—1850 г.) (стр. 229—268). Вторая часть посвящена характеристикѣ преосвященнаго Игнатія, какъ историка и полемиста противъ русскаго раскола старообрядчества. И эта часть состоитъ изъ двухъ главъ, изъ коихъ въ первой

(стр. 269—325) архієпископъ Игнатій характеризуется, какъ историкъ русскаго старообрядческаго раскола, а во второй (стр. 326—415), какъ полемистъ противъ раскола старообрядчества. Въ заключеніи, сказавъ о кончинѣ архієпископа Игнатія († 1850 г.), авторъ приводитъ замѣчанія современниковъ о его жизни и дѣятельности (417—425).

Мы не станемъ входить въ подробности содержанія книги г. Артоболовскаго. Скажемъ вообще, что читатель найдетъ здѣсь любопытныя свѣдѣнія о духовной школѣ начала XIX вѣка, о положеніи духовенства и народа въ различныхъ губерніяхъ и подробный обзоръ дѣятельности Игнатія относительно просвѣщенія духовенства и поднятія его матеріальнаго состоянія, относительно приходской жизни—устройства храмовъ и школъ, возвышенія нравственности и особенно борьбы съ расколомъ, которая составляла центральный трудъ архієпископа. Авторъ съ любовью исполнилъ свою задачу и составилъ трудъ, вполне достойный почтенной дѣятельности архієпископа Игнатія.

Въ особую заслугу автору нужно поставить то, что онъ умѣло воспользовался архивнымъ матеріаломъ и далъ намъ въ приложеніяхъ любопытныя статьи различнаго содержанія. Всѣхъ научныхъ приложеній въ книгѣ—шестнадцать. Въ частности, здѣсь помѣщены: замѣчанія о трудахъ архієпископа Игнатія, не относящихся къ расколу и рукописныхъ, статистическія свѣдѣнія о раскольникахъ Олонецкой епархіи за различные года, вѣдомости о раскольникахъ Олонецкой епархіи, обратившихся въ православіе въ 1837—1841 годахъ, отчетъ по приходу за 1837 годъ, количество священно-церковно-служителей за 1828 годъ, вѣдомость объ училищахъ Олонецкой епархіи за 1840 г., открытыхъ при приходскихъ церквахъ, предварительныя свѣдѣнія касательно обученія дѣтей грамотѣ, полученныя отъ духовенства, число православныхъ жителей въ Донской и Воронежской епархіяхъ за 1842—1850 годы, число церквей въ той и другой и раскольниковъ, обратившихся въ разное время въ православіе. Правда, приложенія эти состоятъ большею частью изъ цифръ, но онѣ наводятъ на содержательныя размышленія.

Наконецъ, въ книгѣ имѣется указатель собственныхъ именъ и приложенъ портретъ архієпископа Игнатія.

Въ литературномъ отношеніи книга г. Артоболовскаго, въ общемъ, удовлетворительна. D.

М. Я. Энгель. Русская Помпея (Херсонесъ-Таврическій). Очеркъ археологическихъ разслѣдованій. (Замѣтки и впечатлѣнія). Севастополь. 1904.

Кому случается бывать въ Севастополѣ, тотъ обыкновенно вмѣняетъ себѣ въ обязанность посѣтить Херсонесъ, съ которымъ связано такъ много историческихъ воспоминаній. Въ Херсонесѣ послѣдовательно смѣнялись цивилизаціи греческая, римская, византійская, архитектурныя и иные остатки которыхъ наслаивались одни на другіе. Въ свое время Херсонесъ являлся оплотомъ европейской культуры отъ нападений всякихъ варваровъ изъ южнорусскихъ степей; въ Херсонесѣ наконецъ принялъ крещеніе просвѣтитель Руси, св. Владимиръ.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1904 г., т. XVIII.

21

Однако еще сравнительно недавно развалины многовѣковаго города оставались забытыми, и невѣжественная рука наслѣдниковъ этого замѣчательнаго историческаго памятника расхищала драгоцѣнные остатки классическихъ и византійскихъ построекъ подъ сооруженіе пошлыхъ казармъ и жалкихъ обиталищъ частнаго характера. Еще недавно, если и «копали» на мѣстѣ славной столицы херсонеситовъ, то преимущественно съ хищническою цѣлью— найти издѣлія изъ золота и серебра. Охота за разбитыми черепками и обломками, раскопки ученыя, начались отрывочно не ранѣе 1853 г., а систематически ведутся только съ 1888 года. Но и ученыя раскопки, давъ очень многое, тѣмъ не менѣе, не достигаютъ цѣли въ достаточной полнотѣ. Прежде всего, какъ повсюду въ Россіи, научный трудъ здѣсь располагаетъ очень ограниченными средствами (только даръ царствующаго Государя Императора нѣсколько расширилъ эти средства); съ другой стороны, въ самомъ центрѣ стариннаго города расположился монастырь, а край, идущій къ морю, отчасти занятъ береговыми укрѣпленіями. Съ укрѣпленіями приходится мириться, какъ съ необходимостью, но въ отношеніи монастыря напрашивается мысль о желательности переселенія его въ сторону тѣмъ болѣе, что купель, въ которой якобы крестился св. Владимиръ, по изслѣдованію оказалась чей-то безыменной могилой. До перехода монастыря на другое мѣсто громадныя и важнѣйшія площади разваливъ Херсонеса недоступны для развѣдокъ и изученія, такъ какъ, помимо храма, монастырь раскинулъ далеко свои службы, виноградники и каменной стѣной отгородился отъ остальной части умершаго города.

Книжка г. Энгеля посвящена описанію результатовъ тѣхъ раскопокъ, которыя можно было произвести на ограниченномъ пространствѣ, или которыя происходили «по казенной надобности» при сооруженіи батарей. Результаты эти чрезвычайно интересны и показываютъ, какая развитая гражданская жизнь когда-то кипѣла здѣсь на пустынномъ теперь берегу. Но какъ случайны самыя находки, такъ случаенъ и матеріалъ, собранный г. Энгелемъ въ его книжкѣ. Все это отрывки, осколки только съ намеками на общую связь. Порой г. Энгель пытается пуститься въ область научнаго картиннаго изображенія, но сейчасъ же отступаетъ отъ своего намѣренія и переходитъ къ описанію осколковъ. Между тѣмъ объ этомъ можно только пожалѣть. Если книжка написана не для ученыхъ, а для публики, можно было бы дать большій просторъ воображенію. На основаніи собранныхъ данныхъ можно было бы воссоздать картину жизни замѣчательнаго города въ разныя эпохи его существованія, изъ осколковъ и обломковъ умственно воздвигнуть храмы, театры, судилища и на ряду съ общественно-государственной жизнью изобразить частную жизнь подъ семейной кровлей. Мало того, обладая богатѣйшимъ матеріаломъ, г. Энгель не всегда даже объясняетъ названія находимыхъ предметовъ. Напримѣръ, говорится нѣсколько разъ о «такъ называемомъ бальзамаріи», а что такое «бальзамаріи», для непосвященнаго читателя остается неизвѣстнымъ. Наоборотъ излишнимъ является постоянное обращеніе къ читателю и нѣкоторое, такъ сказать, панибратство съ нимъ. Помимо того, что такой пріемъ писанія устарѣлъ, онъ утомляетъ, развлекаетъ, а иногда и оскорбляетъ серьезнаго читателя. Но во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ видѣ книжка г. Энгеля имѣетъ свое значеніе.

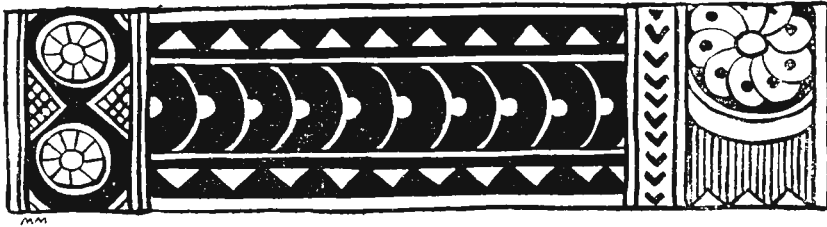
В. Г.

Д. Дорошенко. Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью. Спб. 1904.

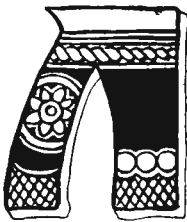
Появленіе подобныхъ «указателей» можно только привѣтствовать: они полезны и для обыкновеннаго читателя, и для тѣхъ, кто пожелалъ бы ближе ознакомиться съ судьбами прошлаго и настоящаго Южной Руси. Правда, въ 1858 г. вышелъ «Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края» А. М. Лазаревича, а черезъ 25 лѣтъ—«Покажчикъ нової украинской літератури» М. Комарова, но обѣ книжки достаточно устарѣли, да и въ свое время являлись далеко не полными, а теперь ихъ почти нельзя достать. Есть и другія работы, напримѣръ, подробная «Галицко-русская библиографія» И. Левицкаго, обнимающая цѣлое столѣтіе (1772—1886); но и она почти не пригодна для тѣхъ, кто живетъ въ Россіи. Поэтому брошюра Д. Дорошенка въ значительной степени восполняетъ недостатокъ подобныхъ справочныхъ руководствъ. Конечно, она далеко не совершенна, по всей вѣроятности, по цензурнымъ условіямъ. Такъ, мы не находимъ въ ней иногда слишкомъ извѣстныхъ заграничныхъ книгъ и статей, которыя авторъ долженъ былъ бы знать, которыя были помѣщены въ тѣхъ же книжкахъ журнала, изъ которыхъ онъ благополучно цитируетъ другія статьи. Обвинять же самого составителя въ плохомъ знакомствѣ съ литературой вопроса или въ тенденціи мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія, потому что онъ не нашелъ возможнымъ умолчать о восьми книгахъ, «выражающихъ отрицательный взглядъ на этнографическую, культурную и политическую самостоятельность малорусскаго народа» (стр. 6—7); здѣсь г. Дорошенко указываетъ даже такую книгу, какъ совершенно неудачный и quasi-научный памфлетъ кіевскаго профессора г. Флоринскаго: «Малорусскій языкъ и «украинсько-русьскій» сепаратизмъ». Кромѣ того, можно было бы возражать и противъ классификаціи книгъ у г. Дорошенка по отдѣламъ, противъ отсутствія болѣе точныхъ указаній на журналы или періодическія изданія, если статьи представляютъ собой отски и т. д., но самъ авторъ сознаетъ недостатки своего указателя, который, хотя и «имѣетъ въ виду дать возможно полную библиографію вопроса», но «въ дѣйствительности далекъ отъ желаемой полноты и систематичности и является лишь слабымъ опытомъ въ этомъ родѣ, такъ какъ составлялся онъ въ провинціи при условіяхъ, мало благопріятныхъ для такой работы. Книги, указываемыя въ немъ, далеко не исчерпываютъ литературы каждаго вопроса». Впрочемъ, г. Дорошенко надеется, что специалисты обратятъ вниманіе на указатель и «обнаружатъ всѣ его промахи, сдѣлаютъ необходимыя добавленія, и тогда будетъ возможно издать его въ лучшемъ видѣ, соответствующемъ его назначенію». Со своей стороны мы пожелаемъ составителю большей полноты для второго изданія, которое, навѣрное, не замедлитъ явиться. Только тогда можно будетъ отнестись съ большей строгостью къ указателю; только тогда будутъ непростибельны всякаго рода пропуски, теперь извиняемые, быть можетъ, совершенно внѣшними условіями.

М. Д. Ник—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЛОНДОНЪ во времена Тюдоровъ. На-дняхъ появился новый томъ ¹⁾ посмертнаго труда сэра Вальтера Безанта о Лондонѣ. Конечно, эта книга, посвященная эпохѣ Тюдоровъ, страдает нѣкоторой неровностью изложенія и неразработанностью матеріаловъ, но это нисколько не уменьшаетъ ея интереса. Эготъ томъ даже лучше предыдущаго, и представляетъ полную, всестороннюю картину описываемаго времени. Повидимому, Безантъ съ большей любовью относится къ XVI-му вѣку, чѣмъ къ XVII-му, а потому и его новая книга лондонской серіи отличается большими достоинствами, чѣмъ вышедшія доселѣ изслѣдованія этого автора объ исторической лондонской жизни. Все содержаніе настоящаго тома раздѣляется на пять частей: «Государи Тюдорской династіи», «Религія», «Елисаветинскій Лондонъ», «Правительство и торговля въ Сити», «Общественная жизнь». Всего важнѣе и интереснѣе послѣдній отдѣлъ, который заключаетъ въ себѣ на ста тридцати страницахъ живую, характерную картину временъ Елисаветы и возбуждаетъ болѣе интереса, чѣмъ любой романъ. Прочтя эти страницы, получаешь реальное представленіе объ означенной эпохѣ, какого не можетъ намъ представить сухая, официальная исторія. XVI вѣкъ составляетъ важную эпоху не только для Англій, но и для всей Европы. Онъ служитъ вступленіемъ къ началу современной эпохи. Переходя изъ XV-го въ XVI-й вѣкъ, чувствуешь, по словамъ Безанта, какую-то поразительную перемену. Обыкновенно столѣтіе разнится отъ столѣтія только номинально, и мы не ощущаемъ существенной перемены. Такъ и въ началѣ XVI-го столѣтія казалось, что средніе вѣка еще продолжаютъ, и на немъ еле отражается реформація, но съ половины вѣка уже явно замѣтенъ проблескъ новаго времени, какъ въ виду разрыва съ Римомъ, уничтоженія испанскаго владычества, такъ и возрожденія знанія,

¹⁾ London in the time of the Tudors. By sir Walter Besant. London. 1904.

развитія торговли и начала золотого вѣка въ литературѣ. Именно эти обстоятельства и должны придавать особое значеніе и особую прелесть означенной эпохѣ. Она указываетъ два характерные пути: одинъ направляется къ гражданской войнѣ, къ феодализму и католической Англии; а другой ведетъ къ пуританству, расширенію политическихъ взглядовъ и къ основанію современныхъ общественныхъ идей. Уже вѣтъ мѣста подъемнымъ мостамъ и рвамъ, наполненнымъ водою: феодальные замки отжили свое время, и имъ было суждено сдѣлаться не крѣпостями, а удобными домашними жилищами. Безантъ признаетъ трудность этого перехода. «Дома лондонскихъ купцовъ въ XVI-мъ вѣкѣ улучшились въ отношеніи великолѣпія и комфорта,—говоритъ онъ,—и никто не въ состояніи воскресить, хотя приблизительно, тогдашній Лондонъ. Мы не знаемъ, сколько тогда было домовъ; мы только отчасти знакомы съ ихъ внутренними украшеніями, картинами, рѣзьбой и прочими художественными произведеніями. Тогдашніе дома выражали переходную эпоху, зорю новыхъ жилищъ, столь удобныхъ и красивыхъ. Хотя стекло находилось въ общемъ употребленіи, и въ моду входили кирпичи, полы же попрежнему покрывались камышевыми плетенками. Ковры клались только на сидѣнья, и семейства хозяевъ обѣдали вмѣстѣ съ прислугой, какъ въ средніе вѣка. Деревянные ложки и посуда замѣнились глиняными и серебряными. Съ одной стороны, дорогія ткани были въ общемъ употребленіи, но, съ другой, не было ни вилочекъ, ни остальныхъ хозяйственныхъ удобствъ. Въ одномъ инвентарѣ имущества рыцаря 1557 года упоминается лишь о двухъ стульяхъ. Въ спальнѣ находилась только одна кровать, а въ сосѣдней комнатѣ стояли лишь глиняный рукомойникъ и кувшинъ. Хотя мужчины, женщины и дѣти пили пиво, но и вино занимало видное мѣсто, такъ что Безантъ упоминаетъ о ста различныхъ сортахъ вина. Бѣли англичане только два раза въ день, и о завтракахъ не было и помина. Что касается одежды, то дѣвушки отчасти обнажали грудь, но замужнія женщины одѣвались скромно. Пуританство еще не пустило глубокихъ ростковъ въ Елисаветинской Англии, и большинство населенія принадлежало къ старой вѣрѣ. Женщины красили себѣ волосы и лицо, а также прибѣгали къ совѣтамъ знахарокъ для увеличенія своей красоты. Такое было изобиліе нищихъ, что Елисавета была принуждена ввести законы о бѣдныхъ, которые существуютъ съ нѣкоторыми измѣненіями до сихъ поръ. Населеніе Лондона при воцареніи Елисаветы равнялось ста тысячамъ. Талантъ Безанта, какъ романиста, сказывается во всѣхъ характеристикахъ историческихъ личностей. Такъ, на примѣръ, онъ мастерски рисуетъ портретъ Генриха VIII въ началѣ его царствованія. «Онъ былъ молодъ,—говоритъ Безантъ,—силенъ, высокаго роста, какъ его дѣдъ, и красивъ, какъ его бабка, любилъ искусство и науки, храбръ, какъ вся его раса, повелительнаго характера, какъ всѣ Тюдоры, и женатъ на женщинѣ, которую любилъ. Прибавьте къ этому, что во время своего воцаренія король былъ богатѣйшимъ человѣкомъ. Онъ почти каждый день охотился, любилъ пѣть, танцевать, играть на лютнѣ и писать баллады, перелагаемыя имъ самимъ на музыку. Его пѣсни преимущественно любовнаго характера и отличаются нѣжной мелодіей». Такъ какъ историкъ Гринъ написалъ отличную характеристику Елисаветы, то Безантъ не рѣшается сопер-

ничать съ нимъ, а старается воскресить образъ Елисаветы на основаніи свидѣтельствъ ея современниковъ. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ подобныхъ портретовъ принадлежитъ Генцнеру и относится къ ея старости. «Ея лицо, — говоритъ Генцнеръ, — овальное и, когда-то красивое, теперь было покрыто морщинами; ея носъ крючковатый, глаза не большіе, но черные и пріятные, губы тонкія, а зубы черные, отъ излишняго употребленія сахара; въ ушахъ она носила большія жемчужины. На головѣ у нея былъ рыжій парикъ, на который она надѣвала небольшую корону. Ея грудь была обнажена, какъ у всѣхъ незамужнихъ англійскихъ женщинъ; на шеѣ у нея виднѣлось драгоцѣнное ожерелье. Ея руки были маленькія, а пальцы длинныя; росту она была средняго. Она держала себя съ большимъ достоинствомъ, но говорила скромно и любезно». Объ историческихъ событіяхъ временъ Елисаветы Безантъ рассказываетъ чрезвычайно картинно и краснорѣчиво.

— Люневилльскій дворъ въ XVIII вѣкѣ. Гастонъ Могра напечаталъ въ Парижѣ новую книгу ¹⁾: «La cour de Lunéville au dix-huitième siècle», въ которой живыми красками рисуетъ портретъ Станислава Лещинскаго и его жизнь послѣ изгнанія изъ Польши. Происходя, какъ извѣстно, изъ знатной польской семьи, но не королевскаго происхожденія, онъ въ свою жизнь перебывалъ въ различныхъ положеніяхъ и доходилъ чуть не до нищенства. Возведенный на польскій престолъ въ 1704 году по милости Карла XII шведскаго, онъ былъ низвергнутъ, когда судьба отвернулась отъ шведскаго короля и наносила ему ударъ за ударомъ. Августъ съ помощью Петра Великаго вновь занялъ польскій престолъ, а Станиславъ Лещинскій, изгнанный изъ Польши безъ всякихъ средствъ, едва не умиралъ съ голода. Сжалившійся надъ нимъ, Карлъ XII поставилъ его во главѣ маленькаго Цвейбрюкенскаго герцогства, на берегу Рейна, и назначилъ ему пенсію. Смерть Карла XII ввергла Станислава въ новое несчастье: настоящій владѣлецъ Цвейбрюкенскаго герцогства изгналъ его изъ своихъ владѣній, а новая шведская королева лишила пенсію. Прежній король очутился на мостовой и существовалъ, выпрашивая помощь и занимая деньги у франкфуртскихъ евреевъ. Наконецъ онъ долженъ былъ бѣжать въ Эльзасъ отъ преслѣдованій тайныхъ агентовъ, какъ онъ предполагалъ, короля Августа, задумавшаго убить его. Очутившись на французской землѣ, онъ принялся умолять регента разрѣшить ему жить во Франціи. Получивъ позволеніе поселиться въ Виссембургѣ вмѣстѣ съ семьей и кое-какими оставшимися ему преданными людьми, онъ существовалъ маленькой пенсіей, назначенной ему французскимъ королемъ, а также деньгами, получаемыми отъ закладываемыхъ драгоцѣнностей жены. Впрочемъ судьба неожиданно снова улыбнулась ему: французскій король Людовикъ сдѣлалъ предложеніе его дочери Маріи, и она стала французской королевой. Съ этой минуты къ Станиславу вернулась надежда, которая стала осуществляться, и онъ опять былъ избранъ на польскій тронъ, но не надолго: русскіе снова его побѣдили, и онъ попрежнему остался безъ короны, изгнанный, несчастный, безъ копейки денегъ. На этотъ разъ ему покровительствовалъ зять, король Людовикъ, добившійся отъ

¹⁾ La cour de Lunéville au dix-huitième siècle. Par M. Maugras. Paris. 1904.

европейскихъ дворовъ разрѣшенія предоставить Станиславу царствовать въ Лотарингіи и герцогствѣ Баръ. Это было его послѣднимъ пріютомъ. Обезпечивъ себѣ означенный кусочекъ земли, Станиславъ устроилъ маленькій, но блестящій дворъ, гдѣ собиралось избранное по уму и таланту общество. Кого и чего тамъ только не было: и принцъ, влюбленный въ философію, и женщины, и іезуиты, и яansenисты, различныя нечестія, процессіи, кутежи, юбилеи, семейныя безпорядки, посты и блестящія празднества, игры и вмѣстѣ съ тѣмъ различныя строгости. Лотарингія предназначена была для перехода во французскія руки послѣ смерти прежняго польскаго короля, а потому версальское правительство послало тѣда правителя, который, получивъ отъ Станислава титулъ канцлера, сдѣлался безусловнымъ администраторомъ. Станислава это нѣсколько возмутило, но онъ подчинился судьбѣ и, болѣе не интересуясь дѣлами, продолжалъ царствовать, занимаясь искусствомъ, литературой и благотворительностью. Судя по портрету, сохранившемуся у маркиза Трессана, Станиславъ былъ довольно толстый, съ хитрымъ лицомъ стараго каноника, живыми открытыми глазами, улыбающимися губами и добрымъ открытымъ выраженіемъ лица. Въ общемъ на немъ лежалъ отпечатокъ легкомыслія, беззаботности, веселья, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ величественъ и производилъ впечатлѣніе вельможи XVIII вѣка, съ его учтивостью, любезностью, знаніемъ свѣта, вѣжливой пріятливостью, умомъ и широкими познаніями. Его положеніе, какъ короля, тестя короля и отца королевы, требовало подходящей декораціи, и у него составился дворъ со всѣми придворными званіями. Жена Станислава, «г-жа Опалинская», должна была имѣть свой особый штатъ придворныхъ дамъ, который составился изъ старинной лотарингской аристократіи. Но, подражая въ отношеніи мишурнаго блеска своему зятю, онъ въ то же время копировалъ Фридриха II-го своимъ слишкомъ развязнымъ, веселымъ нравомъ. По вечерамъ онъ отправлялся къ одной изъ придворныхъ дамъ королевы выкурить свою трубку; по утрамъ, прогуливаясь въ саду, онъ товарищески хлопалъ по плечу садовника и шутилъ съ нимъ; въ полдень отправлялся одинъ въ экипажѣ, запросто обращался къ крестьянамъ съ разговоромъ и шутилъ съ первой попавшейся крестьянской дѣвушкой. Онъ ненавидѣлъ этикетъ, и когда кто-то попросилъ у него мѣсто по церемоніальной части, то онъ отвѣтилъ: «Церемоніальной? Но только я не позволяю, чтобы мнѣ отвѣщивали придворные поклоны». Онъ вставлялъ въ пять часовъ, читалъ, работалъ и разговаривалъ съ архитекторами, каменщиками, скульпторами; въ одиннадцать—завтракалъ или обѣдалъ, затѣмъ гулялъ, охотился, игралъ, отправлялся въ театръ или концертъ; въ 8 часовъ ужиналъ, а въ 10 часовъ ложился спать. Онъ любилъ, чтобы въ его присутствіи свободно разговаривали и шутили; самъ остроумно велъ бесѣду, былъ ученый и съ удовольствіемъ спорилъ съ философами. Вольтеръ былъ его другомъ, но, кромѣ него, онъ привлекъ къ своему двору еще Гельвеція, Монтескье и президента Эно. Онъ любилъ искусства и самъ рисовалъ, а также обожалъ музыку и театръ. Жизнерадостный Станиславъ приводилъ въ восторгъ придворныхъ Людовика XV, и они съ удовольствіемъ покидали гостиную маркизы Помпадуръ, чтобы отправиться въ Люневилль, подальше отъ холоднаго, скучнаго Людовика, приведившаго всѣхъ въ самое минорное настроеніе, что онъ

замѣчалъ и самъ. Однажды онъ спросилъ знаменитаго экономиста Кенэ: «Но, г-нъ Кенэ, меня увѣряли, что вы умны, а вы ничего не говорите, когда я—здѣсь». — «Смирренно признаюсь, ваше величество, — отвѣтилъ онъ, — когда я нахожусь передъ кѣмъ нибудь, кто однимъ словомъ можетъ приказать отрубить мою голову, то дѣлаюсь нѣмымъ». Вотъ причина, почему всѣхъ влекло въ Люневилль, гдѣ было можно веселиться, не стѣсняясь. Станиславъ Лещинскій писалъ хорошо и много; всѣ его письма учтивы, любезны, отличаются дружественнымъ тономъ и совершенно не похожи на холодныя и сухія по содержанію письма его зятя, Людовика XV. Проводя вечера у дочери, Маріи Лещинской, онъ не разъ говорилъ ей: «Видишь, Марія, какъ Провидѣніе покровительствуетъ честнымъ людямъ! Въ 1725 году у тебя не было рубашки, а теперь ты французская королева». Иногда онъ снималъ свой парикъ, и, обращаясь къ дочери, говорилъ ей: «убери, чтобы его не трогали; я усну на диванѣ», — и преспокойно засыпалъ. Благодаря ему, Нанси украсился красивыми постройками и архитекторы, художники, скульпторы и проч. не сидѣли безъ работы. Однако въ его вкусѣ проявлялись нѣкоторыя странности, и онъ питалъ пристрастіе къ восточному стилю. Сады его были слишкомъ переполнены разными минаретами, кіосками, пагодами, перемѣшанными съ гротами, бассейнами, фонтанами, которые внезапно обдавали посѣтителя водой, приводя въ восторгъ Станислава. Соблазнительное положеніе короля, окруженнаго хорошенькими женщинами, немало искушало Станислава, и онъ не скрывалъ этой слабости, которая при его положеніи отца королевы и уже съдыхъ волосахъ вызывала у однихъ улыбку, а у другихъ гримасу, тѣмъ болѣе, что онъ долго старался заставить всѣхъ повѣрить въ свои побѣды. Его связь съ г-жею Буффлеръ едва ли была со стороны шестидесяти-пятилѣтняго отставнаго короля страстью; вѣрнѣе, онъ не хотѣлъ отстать отъ своего зятя, Людовика XV, и завелъ себѣ официальную любовницу. Когда Людовикъ открывалъ парламентъ, то говорилъ лишь вступительныя два слова, а затѣмъ предоставлялъ канцлеру высказывать его волю, прибавляя: «Мой канцлеръ скажетъ вамъ остальное». Точно такую же роль игралъ канцлеръ Станислава, Галзьеръ, но не относительно парламента, а г-жи Буффлеръ, и королю это было извѣстно. Однажды онъ болталъ съ нею и, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, казалось, хотѣлъ сдѣлать ей интимное признаніе, но въ данный моментъ сразу остановился, низко поклонился и произнесъ наполовину веселымъ, на половину смущеннымъ тономъ: «Сударыня, мой канцлеръ вамъ скажетъ остальное». Затѣмъ, повернувшись на одной ногѣ, онъ исчезъ, зная, что не только канцлеръ, но и многіе другіе «скажутъ остальное». Онъ на все былъ согласенъ; его занимала эта исторія. Станиславъ Лещинскій былъ религіозный, и всѣ придворные казались такими же, но это было не искренне, и отправляясь въ церковь, одна изъ дамъ брала съ собою томикъ Тибуллы или просто «Portier des Chartreux» съ иллюстраціями, въ красныхъ сафьяновыхъ переплетяхъ, на которыхъ обманчиво красовалась надпись: «Часословъ». Такъ сдѣлала г-жа Англо и поплатилась изгнаніемъ, потому что осмѣлилась показать книгу дочерямъ Людовика XV, которыя оставили ее у себя на цѣлыхъ двѣ недѣли. При дворѣ Станислава, какъ и Людовика XV, были партіи «набож-

никовъ», которые собирались около королевскаго исповѣдника, іезуита Мену, и королевы; другая партія, во главѣ съ Вольтеромъ, была на сторонѣ г-жи Буффлеръ. Къ первой партіи примкнулъ и Галэзьеръ, хотя по старой памяти онъ долженъ бы скорѣе примкнуть ко второй партіи. Дѣло приняло широкіе размѣры, такъ какъ старая лотарингская партія, враждебная Франціи, стояла за маркизу Буффлеръ, а французская партія примкнула къ канцлеру Галэзьеру. Первая партія одержала верхъ. Любовь и развратъ свободно царствовали въ Лотарингіи, въ сильнѣйшей мѣрѣ, чѣмъ даже въ Версалѣ. Маркиза Буффлеръ не стѣснялась количествомъ любовниковъ, не обращая вниманія на мнѣніе мужа. За нею тянулась цѣлая вереница хорошенькихъ женщинъ, любящихъ свободную любовь, какъ, наиримѣръ, придворныя дамы: Графинья, маркиза Шатлэ и друг. Послѣдняя открыто, на глазахъ мужа, жила у Вольтера въ Сирэ. Сорока лѣтъ она влюбилась въ Сенъ-Ламбера, котораго отняла у маркизы Буффлеръ. Она умерла въ родахъ, и Вольтеръ, придя въ отчаяніе, схватилъ за горло Сенъ-Ламбера, крича: «Боже мой! Какъ вы осмѣлились сдѣлать ей ребенка!». Изъ всего видно, что жизнь при дворѣ Станислава Лещинскаго протекала точно такъ же, какъ при Версальскомъ, лишь съ тою разницею, что шаткій король Лотарингіи не былъ сухимъ и скучнымъ, какъ Людовикъ XV, а жизнерадостнымъ добрякомъ, объѣдавшимся сосисками съ капустой, что не мѣшало ему собирать вокругъ себя философовъ, писателей, художниковъ, музыкантовъ и прочихъ артистовъ. Исторія не можетъ его помянуть ничѣмъ особеннымъ, развѣ только количествомъ памятниковъ, оставшихся послѣ его царствованія, да школой, основанной въ Нанси для польскихъ юношей.

— Французы на берегахъ Огайо. Во второй октябрьской книгѣ «Nouvelle Revue» помѣщена статья американскаго президента Рузвельта объ отношеніяхъ огайскихъ французовъ-колонистовъ 1767—1770 годовъ къ своей метрополи, ихъ бытѣ, характерѣ и политическомъ устройствѣ страны. Послѣдняя колониальная война между Франціей и Англіей отняла у первой всѣ ея американскія владѣнія, и колонисты сдѣлались подданными чужой державы, соперничавшей съ ихъ родиной. Англія взяла себѣ Канаду и долину Огайо, тогда какъ Франція уступила своимъ испанскимъ союзникамъ Луизиану, подразумевая подъ этимъ всю территорию, граничившую съ Миссиссипи и Тихимъ океаномъ. Въ вознагражденіе за эту уступку Испанія была должна отдать Англіи обѣ Флориды, какъ тогда называли береговую область, расположенную между Георгіей и Луизианой. Всѣ тринадцать американскихъ колоній послѣ борьбы за независимость очутились окруженными съ сѣвера, юга и запада совершенно чуждыми народами различныхъ расъ, одинаково враждебными новому народу, которому судьба предназначила главенствовать надъ ними. Теперешняя провинція Квебекъ тогда называлась Канадой и была, какъ и теперь, французской страной, но признающей власть англійскаго короля. Ея интересы не были противоположны американскимъ и не имѣли никакой точки соприкосновенія съ ними и никакого вліянія на національную исторію Америки точно такъ же, какъ и на исторію ея запада. Въ западной Флоридѣ цивилизація древнѣйшая, чѣмъ въ

которой нибудь изъ англійскихъ колоній, медленно разлагалась и гораздо ранѣе, чѣмъ Флоридой завладѣли англичане. Главный городъ Сентъ-Августинъ, гавань котораго когда-то кишѣла судами, пришелъ въ упадокъ, но все еще служилъ сборнымъ мѣстомъ для индѣйскихъ купцовъ и рыбаковъ; остальная же часть Флориды опустѣла, и тамъ находилось лишь около сотни жителей. По ту сторону Шаттахота и Апиолашикола до самой Миссисипи и ея дельты тянулась наиболѣе процвѣтавшая мѣстность западной Флориды. Хотя она была отнята у испанцевъ, но большинство жителей были французскіе креолы — народъ безпечный, лѣнливый, любящій только удовольствія. Они жили въ обширныхъ, квадратныхъ, комфортабельныхъ домахъ, проводили время на охотѣ и рыбной ловлѣ; работали же за нихъ черные рабы. Зимкою они отводили своихъ рабовъ на высоты, гдѣ заставляли ихъ гнать смолу, которую они отправляли для продажи вмѣстѣ съ рисомъ, индиго, табакомъ и прочими товарами. Въ этой мѣстности стоялъ слабый англійскій гарнизонъ. Въ другой части западной Флориды, тянувшейся вдоль праваго берега Миссисипи, также жили отчасти французскіе креолы и небольшое количество испанцевъ, не считая индѣйцевъ и негровъ. Большинство же жителей были американцы, явившіеся изъ старыхъ колоній моремъ или спустившіеся по рѣкамъ Огайо, Теннесси, а отчасти сушей. Вмѣстѣ съ ними пріѣхало нѣсколько англичанъ и шотландцевъ. Американцы были не очень расположены къ колонистамъ и чувствовали скорѣе что-то въ родѣ отвращенія въ присутствіи грубыхъ каролинскихъ горцевъ, которые были ихъ ближайшими сосѣдами бѣлой расы на востокѣ. Когда Луизиана была уступлена Франціей испанцамъ, то многіе изъ французскихъ креоловъ сосредоточились на Миссисипской дельтѣ. Другіе же — на лѣвомъ берегу этой рѣки до Миссури. На берегахъ устьевъ находилось множество деревенекъ, какъ, напримѣръ, Сентъ-Луи, Сентъ-Женевьевъ, Сентъ-Шарль. Сильный испанскій гарнизонъ занималъ Новый Орлеанъ, гдѣ креолы, недовольные новыми хозяевами, протестовали, устроивъ революцію, которая живо была усмирена, и бунтовщики серьезно поплатились. Въ другихъ деревняхъ также находился маленький гарнизонъ. Американцы имѣли мало сношеній съ Флоридой и Луизианой послѣ революціи, но съ перваго же дня борьбы и скорѣ послѣ начала движенія къ западнымъ горамъ они сразу вошли въ соприкосновеніе съ французами сѣверо-западной территоріи, и результатъ получился очень важный для процвѣтанія всей націи. Сѣверо-западная страна, простиравшаяся между Миссисипи, Огайо и Большими Озерами, теперь составляетъ пять большихъ американскихъ штатовъ и часть шестого. Когда же была провозглашена независимость Америки, то эта территорія была столь же чуждая, съ точки зрѣнія прежнихъ колоній, какъ и Флорида съ Канадою. Разница лишь въ томъ, что американцамъ во время борьбы удалось завоевать сѣверо-западъ, тогда какъ Канада и Флорида отъ нихъ ускользнули. Сѣверо-западъ, какимъ онъ былъ прежде, совѣмъ не составлялъ части Америки и не принималъ участія въ объявленіи независимости. Онъ не возмущался и былъ завоеванъ. Его жители въ началѣ революціи не симпатизировали американцамъ и не были расположены раздѣлять ихъ участь, какъ и ихъ родственники — квебекцы или испанцы Сентъ-Августина. «Самыя важныя побѣды, — говоритъ Ру-

зевельтъ,—мы сдѣлали во время революціи, и такимъ образомъ мы заблаговременно совершили тотъ трудъ, который долженствовалъ быть нашей характеристической задачей въ послѣдующія шестьдесятъ лѣтъ». Въ то время, когда англичане упорно сосредоточивались на берегахъ близъ устья, эти французскія колоніи, основанныя въ началѣ вѣка, группировались въ трехъ центрахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга пустынями на сотни миль. Одна изъ этихъ группъ, содержавшая около трети всего населенія, располагалась въ ущельяхъ и въ окрестностяхъ Детруа. Это было гнѣздо англійскаго авторитета означенной области, и оставалось въ рукахъ англичанъ, двадцать лѣтъ спустя, какъ Америка сдѣлалась націей. Оба другіе центра были соединены вмѣстѣ исторіей ихъ будущей участи, и о нихъ-то говоритъ Рузевельтъ въ своей статьѣ. Селеніе Венсенъ расположено на восточномъ берегу Вабаши такъ же, какъ двѣ или три самыя маленькія деревни, которыя отъ него зависятъ и находятся въ окрестностяхъ. На западѣ, по ту сторону Миссисипи, довольно далеко отъ мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Огайо, находились города, такъ называемые Иллинойскіе, т.-е. деревни Коскоскія и Кахокія, между которыми расположены колоніи Сень-Филиппъ и Долины Скалы. Въ этихъ деревняхъ было около четырехъ тысячъ жителей, и народонаселеніе раздѣлялось поровну между Иллиноемъ и Вабашемъ. Въ концѣ войны, веденной Понтякомъ, страна подпала подъ власть англичанъ, и на нее смотрѣли, какъ на новую англійскую провинцію, а не какъ на продолженіе одной изъ прежнихъ колоній. Въ концѣ же 1774 года ее окончательно объявили зависимою отъ Канады знаменитымъ Квебекскимъ актомъ. «Любопытный фактъ,—говоритъ Рузевельтъ:—Англія относительно своихъ собственныхъ колоній немедленно приняла политику той самой націи, которую замѣнила. Съ эпохи торжественнаго мира, завоеваннаго побѣдою Вольфа, англійское правительство сдѣлалось самымъ дѣятельнымъ противникомъ распространенія англійской расы въ Америкѣ. Послѣ неудачной попытки помѣшать колонистамъ развиваться внѣ Огайо, многіе годы Англія хранила это положеніе. На сѣверо-западѣ она приняла французскую политику и хотѣла, чтобы страна оставалась пустынной, мѣстопробываніемъ охотниковъ на пушного звѣря, индѣйцевъ и французскихъ путешественниковъ. Англія стремилась сохранить ее, какъ заставу, поставленную противъ развитія внутри страны морскихъ колоній. Она смотрѣла на новыя страны, находившіяся по ту сторону Атлантическаго океана, какъ на страны, которыя предстоитъ завоевать и колонизировать для выгоды своихъ купцовъ, оставшихся на родинѣ, а не для пользы тѣхъ, кто ихъ завоевалъ и колонизировалъ. Это-то обстоятельство и сдѣлало неизбежной революцію. Борьба была скорѣе возмущеніемъ противъ этого пріема Англіи смотрѣть такъ на Америку, чѣмъ противъ такого-то дѣйствія или серіи подобныхъ дѣйствій. Многія изъ старыхъ колоній стали выражать требованія на части сѣверо-западной территоріи, основываясь на прежнихъ хартіяхъ и трактатахъ съ индѣйцами; но англичане приняли это въ расчетъ не болѣе, чѣмъ французы, и послѣ пораженія Монкальма и Понтиньяка они все-таки не добились своей цѣли. Французы противъ своей воли сохраняли за собою эти владѣнія въ теченіе шестидесяти лѣтъ, англичане же въ продолженіе другихъ

пятнадцати лѣтъ. Насколько не высока была дѣйствительная цѣнность этихъ актовъ, видно изъ того, что сѣверо-западъ перешелъ отъ Франціи къ Англіи путемъ завоеваній и трактатовъ; точно также онъ попалъ отъ Великобританіи къ Соединеннымъ Штатамъ. «Мы его присоединили такимъ же образомъ,— говоритъ Рузвельтъ,— какъ Луизиану, Флориду, Орегонъ, Калифорнію, Новую Мексику и Техасъ,— частью оружіемъ, частью дипломатіей, а частью простымъ нарастаніемъ и давленіемъ, производимымъ американскимъ народомъ. Фактъ, что побѣда была именно послѣ того, какъ мы объявили націю свободной, и послѣ того, какъ мы сражались, чтобы поддержать нашу независимость, нисколько не измѣняетъ характера событія, но большаго не нужно было, чтобы произвести туманъ въ умѣ большинства позднѣйшихъ писателей, которые обыкновенно говорятъ о сѣверо-западѣ, какъ о части нашихъ первоначальныхъ владѣній». Перемѣна правительства сначала не произвела на французовъ впечатлѣнія; они привыкли безъ спора повиноваться приказаніямъ высшихъ властей. Они послушно приняли результаты войны и подчинились съ пассивнымъ повиновеніемъ новому правительству. Одни отнеслись къ правительственнымъ лицамъ съ расположеніемъ, другіе — съ отвращеніемъ. Большинство же чувствовало недовѣріе и антипатію, одинаково раздѣляемую между высокопоставленнымъ англійскимъ офицеромъ и грубымъ мѣстнымъ начальникомъ. Французы оставались обладателями деревень и обрабатывали тамъ землю. Въ началѣ среди нихъ отваживались появляться англійскіе и небольшое количество американскихъ эмигрантовъ, и то это были проѣзжіе торговцы мѣхами. Но судьба французовъ была опредѣлена: ихъ господству пришелъ конецъ. Въ теченіе нѣкотораго времени они продолжали составлять массы слабого населенія, но уже не могли нигдѣ снова управлять своей судьбою. Они сражались за и противъ бѣлыхъ и негровъ, но никогда болѣе не боролись за свое собственное знамя или за свое господство. Со времени пораженія Понтьяка до взрыва революціи колонисты, поселившіеся въ Иллинойсѣ и Венсенѣ, жили мирно, храня свои прежніе законы и обычаи, утвержденные англійскими начальниками. Въ началѣ они управлялись, какъ и жители Канады, французскими законами, но все-таки видоизмѣненными, согласно новой странѣ. Кромѣ того, у нихъ были мѣстные обычаи, столь же обязательные, какъ законы. Послѣ побѣды англійскіе начальники стали исполнять и роль гражданскихъ судей. Всѣ документы велись на французскомъ языкѣ публичными нотариусами. Приказы, отданные по-англійски, переводились на французскій языкъ, чтобы ихъ понимали колонисты. Уголовныя дѣла передавались въ Англію. До побѣды королевскій прокуроръ произносилъ приговоръ по гражданскимъ дѣламъ согласно своему личному рѣшенію; если же споры были важны, то, согласно обычаю, каждая сторона избирала по два посредника, тогда какъ королевскій прокуроръ избиралъ пятого. Можно было апеллировать въ высшій совѣтъ, засѣдавшій въ Новомъ Орлеанѣ. Англійскій начальникъ занималъ мѣсто королевскаго прокурора, и незамѣтно дѣлались невозможныя усилія, чтобы установить общіе законы. Французскіе начальники имѣли полномочіе разрѣшать кому бы то ни было брать столько земли, сколько желательно, съ условіемъ, чтобы часть ея была обработана въ продол-

женіе года, иначе ее отбирали въ пользу короля. Англичане примѣнились къ этому обычаю, и большая часть земли была отведена для общественнаго употребленія, а другая, очень ограниченная, для религиозныхъ нуждъ. Обширная часть общественной земли шла подъ посѣвы, остальная—подъ пастбища. Въ большинствѣ случаевъ французскіе жители были не чистокровной расы, такъ какъ прежнія колоніи составлялись изъ солдатъ, торговцевъ и сѣверо-американскихъ охотниковъ, которые брали себѣ въ жены индѣйскихъ женщинъ. «Они не были рабами того страннаго самолюбія, — говоритъ Рузевельтъ, — которое внушаетъ мужчинѣ англійской расы слишкомъ глубокое отвращеніе, чтобы сдѣлать краснокожую женщину своей женой, тогда какъ они не желали ничего лучшаго, какъ сдѣлать изъ нея конкубинку». Дѣти, родившіяся отъ этихъ смѣшанныхъ браковъ, были окрещены въ христіанскихъ церквахъ и впоследствии занимали тоже общественное положеніе, какъ ихъ бѣлые товарищи. Но, кромѣ этихъ свободныхъ гражданъ, были еще рабы обѣихъ расъ — негры, завезенные изъ Африки, и побѣжденные индѣйцы. По этимъ причинамъ кровь была самая смѣшанная. Этотъ народъ занимался обработкой земли, но, кромѣ того, и различными ремеслами. Въмѣсто денежныхъ знаковъ у нихъ существовала мѣна, для которой служилъ пушной товаръ, опѣняемый на ливры. Другія же монеты не были въ употребленіи, развѣ только въ контрактахъ псмѣщались иныя условія. Монетная единица, какъ и у европейскихъ французовъ, равнялась у огайскихъ французовъ теперешнему франку. Огайцы были не очень промышленнымъ народомъ и небережливымъ въ хозяйствѣ. Ихъ орудіе было грубо, а способъ обработки земли—первобытный; при этомъ они были лѣнны и не предусмотрительны. Около ихъ города находились большіе фруктовые сады съ яблонями, завезенными изъ Франціи ихъ предками, а также съ грушевыми деревьями, совсѣмъ неизвѣстными въ Америкѣ, за которыми они ухаживали, между тѣмъ какъ поля часто оставались незасѣянными, потому что французскіе креолы любили подремать на солнцѣ съ трубкою въ зубахъ. У нихъ часто случался голодъ, и имъ приходилось снимать съ полей еще зеленую рожь. Вообще они болѣе любили торговлю, охоту, и жизнь въ полудикомъ состояніи имъ была болѣе по сердцу, вслѣдствіе чего они пользовались бѣльшимъ успѣхомъ у индѣйцевъ, чѣмъ американцы. Идея свободы была для нихъ непонятна, а потому ихъ непослушаніе было чисто дѣтское или дикихъ народовъ: если они и не повиновались, то лишь тому или другому приказу, а не системѣ правленія. Большимъ авторитетомъ у нихъ пользовался священникъ, но не среди всѣхъ, такъ какъ французы лѣсныхъ областей обладали жестокимъ и дикимъ характеромъ. Задачей священника было наблюдать за душою подданныхъ его государя, крестить ихъ дѣтей, вѣнчать, хоронить и т. д. Но хотя ихъ авторитетъ надъ народомъ былъ великъ, все-таки они не могли приказывать своимъ духовнымъ дѣтямъ ни работать, ни сражаться. Эта привилегія принадлежала исключительно деревенскимъ начальникамъ и комиссарамъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ получалось формальное уполномочіе отъ государя относительно этихъ обстоятельствъ. Жители были очень набожны, несмотря на нѣкоторое разложеніе нравовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и суевѣрны: вѣрили въ колдовство, примѣты и порчу. Когда дѣйстви-

вали на ихъ боязнѣ неизвѣстнаго и невидимаго, то они доходили до ужасныхъ постушковъ. Въ обыденной жизни они были уживчивы, привѣтливы и всегда вѣжливы. Ихъ манеры служили пріятнымъ контрастомъ обращенію нѣкоторыхъ пограничныхъ жителей Америки. Обладая веселымъ нравомъ, они всегда улыбались и были готовы во всякое время принять участіе въ воскресныхъ и праздничныхъ увеселеніяхъ. Въ церковь они собирались по звону колокола. Соціальное подраздѣленіе общества у нихъ было замѣтнѣе, чѣмъ у общей массы американскаго народа. Благородному классу, хотя и немногочисленному, безспорно принадлежало общее управленіе, и онъ доставлялъ военачальниковъ, хотя, конечно, онъ не могъ разсчитывать на первенство, какъ квебекцы, гдѣ условія были болѣе похожи на условія Стараго Свѣта. Образованія у французскихъ креоловъ почти не было: простой народъ рѣдко умѣлъ читать и писать; даже замужнія женщины высшаго класса не умѣли подписать своего имени, а вмѣсто него ставили крестъ. Деревни были прелестны, съ своими широкими, тѣнистыми улицами. Дома стояли далеко другъ отъ друга, и принадлежавшіе высшему классу были съ верандами, обширными комнатами съ низкими потолками. Высокіе деревянные каминны и двери украшались любопытной рѣзбой. Каждая деревня была защищена крѣпостью, окруженной оградой и блокаузомъ. Жители обладали неумѣренной страстью къ танцамъ и музыкѣ, а потому во время свадьбы или крестинъ всю ночь раздавались шликанье скрипки и притопыванье танцующихъ. Уединенная жизнь въ пустынѣ цѣлыхъ трехъ поколѣній не могла не повліять на характеръ жителей. «Было бы невозможно, — оканчиваетъ свою статью Рузевельтъ, — чтобы они не позаимствовали многихъ чертъ у своихъ друзей и сосѣдей дикарей. Гостепріимные, слѣпо привязанные къ своимъ старымъ привычкамъ, невѣжественные, лѣживые и предававшіеся пьянству, они говорили на жаргонѣ искаженнаго французскаго языка. Простой народъ дошелъ до того, что уже началъ считать дни и мѣсяцы, какъ индѣйцы, — по явленіямъ природы, эпохамъ наводненія, созрѣванію хлѣба и земляники. Но все-таки они сохранили многія качества французовъ — особенно храбрость».

— Дочь поэта Монти. Итальянская писательница, Марія Романо, напечатала біографію ¹⁾ дочери знаменитаго поэта XIX вѣка, Винченцо Монти, — графини Костанцы Пертикари. Въ своемъ двухтомномъ трудѣ авторъ старается оправдать поведеніе Костанцы, но при всемъ стараніи это ему не удается, хотя г-жа Романо много потрудилась, разыскивая различные еще неизвѣстные, документы. Можетъ быть, ей и удалось бы достичь своей цѣли, если бы не помѣшали напечатанныя въ «Nuova Antologia» письма Костанцы къ аббату Виньярди. Въ этихъ документахъ Костанца сама себя признаетъ виновной въ болѣзни мужа и винитъ себя въ своемъ паденіи. Когда въ юнѣ 1812 г. состоялась въ церкви деревни Маджано свадьба ученаго и философа, графа Джуліо Пертикари, съ юной бѣлокурой и черноглазой красавицей, Костанцей, образованной, обладающей необыкновеннымъ поэтическимъ

¹⁾ Costanza Monti-Perticari, studio su documenti inediti. Lettere inedite e sparse di Costanza Monti, raccolta da Maria Romano. 2 v. Firenze. 1903—1904.

талантомъ, изучившей, лучше любого мужчины, греческій, латинскій языки, а также старыхъ итальянскихъ поэтовъ и отличавшейся склонностью ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, то симпатіи были на ея сторонѣ. Прошло десять лѣтъ, и въ 1822 году вниманіе всѣхъ снова было привлечено Костанцей, но уже симпатія всѣхъ перешла въ отвращеніе, презрѣніе и ненависть. Красавица Костанца была съ позоромъ изгнана изъ дома мужа, и хотя родители взяли ее къ себѣ, но она слышала отъ нихъ только упреки, или упорнымъ молчаніемъ они намекали ей, что она не достойна ихъ любви. Самые близкіе друзья отъ нея отвернулись и не отвѣчали на ея письма. Эта перемѣна была вызвана смертью ея мужа, послѣдовавшей въ іюнѣ 1822 г. и послужившей причиной появленія различныхъ рукописей, переходившихъ изъ рукъ въ руки, за которыми вышли печатные памфлеты. Въ нихъ прямо говорилось, что единственной виновницей въ смерти мужа является она, какъ вслѣдствіе своего скандальнаго поведенія, такъ и безчеловѣчнаго, грубаго обращенія съ нимъ. Болѣе того, при вскрытіи тѣла графа Пертикари доктора нашли въ его желудкѣ бурья пятна, которыя можно было принять одинаково и за начало разложенія и за признаки отравленія. Хотя лучшіе доктора громко заявили о естественной смерти мужа Костанцы, но все же большинство прежнихъ друзей продолжали обвинять ее не только въ дурномъ обращеніи съ мужемъ, но и въ отравленіи его. Цѣлый вѣкъ не вспоминали въ Италіи объ этой драмѣ и ея участникахъ, и только Винченцо Монти, какъ поэтъ, не былъ совсѣмъ забытъ, хотя его почитали скорѣе, какъ одного изъ главныхъ новаторовъ итальянской поэзіи; желающихъ же читать его произведенія оказывалось не много. Что касается ученаго и философа, графа Джуліо Пертикари, тоже сошедшаго съ пьедестала славы, какъ и его жена, то о нихъ забыли. Последнюю, какъ поэтессу, совершенно развѣнчиваетъ Мази въ недавней статьѣ, помѣщенной въ «Nuova Antologia». Костанца остается въ воспоминаніяхъ всѣхъ, только какъ необъяснимая загадка въ отношеніи роли, какую она играла въ смерти мужа. Эту загадку Марія Романо, во что бы то ни стало, хотѣла разъяснить и съ этой цѣлью занялась розысками въ различныхъ архивахъ Флоренціи, Пезаро, Болоньи и Виченцы документовъ, касающихся жизни Костанцы. Пледы этихъ розысковъ помѣщены въ двухтомномъ трудѣ: первая книга посвящена біографіи Костанцы, вторая вся состоитъ изъ ея неизданныхъ писемъ. Марія Романо дѣлаетъ выводъ, что «Костанца никогда не пыталась отравить своего мужа», что, впрочемъ, подтвердилъ знаменитый профессоръ медицины, Томмазини, изъ Болоньи, видѣвшій умирающаго въ послѣднія минуты его жизни. Кромѣ того, поведеніе Костанцы послѣ смерти мужа не позволяетъ подозрѣвать ее въ преступномъ дѣяніи. По мнѣнію г-жи Романо, Костанцу нельзя упрекнуть ни въ чемъ, и она была добродѣтельной женщиной, а всѣ обвиненія и ужасное наказаніе, которое она переживала, — не что иное, какъ заговоръ, составленный зло и адски-ловко мужчинами, ненавидѣвшими ее за то, что она не соглашалась быть ихъ любовницей. Вотъ мнѣніе Маріи Романо, высказанное ею сначала до конца въ своемъ трудѣ. Однако, страстное желаніе автора обълить Костанцу Монти само же выдаетъ истину. Получается впечатлѣніе чего-то недосказаннаго, умалчивае-

маго. Когда же прочитывашь письма Костанцы, въ которыхъ она упорно отвергаетъ свою виновность, но въ напыщенныхъ выраженіяхъ, запутанно и искусственно, одинаково повторяя ихъ во всѣхъ письмахъ, то не вѣрится въ ея дѣйствительное, искреннее чувство. На бѣду г-жи Романо, дѣлая серія важныхъ писемъ, о которыхъ мы уже упоминали, осталась для нея неизвѣстной. Въ одномъ изъ нихъ Костанца, между прочимъ, пишетъ: «Правда, что предъ Богомъ я заслуживаю еще худшаго: но какое имѣютъ право люди усложнять мое поведеніе черными клеветами? Развѣ имъ недостаточно моей ужасной опалы? Конечно, не во власти людей усилить упреки, которые я дѣлаю сама себѣ, такъ какъ они не перестаютъ терзать мнѣ душу; но въ ихъ власти сдѣлать меня предъ свѣтомъ еще болѣе виновной, чѣмъ я виновна на самомъ дѣлѣ; и въ этомъ они добились адскаго успѣха... Тысячи противоположныхъ мученій бушуютъ во мнѣ... Джуліо, да, самъ Джуліо, изъ лона Божьяго долженъ теперь отдать справедливость моему сердцу: онъ видитъ, что оно никогда не участвовало въ моихъ паденіяхъ; и если бы только я его лучше знала, я никогда не устремила бы по слѣдамъ паденія, и никогда онъ не пролилъ изъ-за меня слезы. Я никогда не прощу себѣ, что была первой причиной его болѣзни, но когда я подумаю, что она сдѣлалась неизлѣчимой, благодаря невѣжеству тѣхъ, кто при этомъ былъ, мое горе переходитъ почти въ отчаяніе». Это письмо — ясное доказательство, что Костанца не считала себя совершенно невинной. «Выслушайте меня всѣ! — воскликнула она у смертнаго одра мужа: — это я уморила Джуліо!» Затѣмъ она убѣждала, чтобы не видѣть тѣла мужа, и укрывалась въ Савиньяно и Чезенѣ, занимаясь тѣмъ, что она назвала въ письмѣ къ аббату Биньарди «ложнымъ шагомъ». Все ея поведеніе послѣ смерти мужа ясно доказываетъ ея сознаніе виновности въ болѣзни мужа. «Ложный же шагъ», о которомъ она упоминаетъ, является первымъ, но послѣ многихъ другихъ, проглядывающихъ изъ-подъ защиты автора біографіи. Часть вины съ нея снимается, благодаря невозможному воспитанію до и послѣ замужества, отсутствію нравственнаго направленія, небрежному и легкомысленному отношенію къ ней отца и мужа. «Поручаю тебѣ мою Костанцу, — писалъ отецъ къ Джуліо Пертикарі на другой день свадьбы: — будь снисходителенъ къ ея недостаткамъ и выработай ей сердце, которое, какъ я знаю, истинно доброе. Помни, что большая часть ошибокъ, совершаемыхъ женщиной, прежде всего — наше произведеніе!» Но самъ Монти такъ мало занимался дочерью, что даже не зналъ, сколько ей лѣтъ: «Я думалъ, что ей пятнадцать лѣтъ, — писалъ онъ своему брату въ 1805 г., — но вижу по метрическому свидѣтельству, что ей только тринадцать». Когда онъ взялъ ее изъ монастыря, то всѣ его помыслы были направлены, какъ бы найти для нея мужа, который взялъ бы ее безъ приданаго и предоставилъ ей роскошное существованіе». Онъ отказалъ двумъ молодымъ искателямъ руки его дочери, хотя она могла ихъ полюбить: ея двоюродному брату и ученому греку Мустоксиди, только потому, что они были небогаты. Предложеніе же графа Пертикарі онъ поспѣшилъ принять, хотя зналъ, что у него была любовница и незаконный сынъ, и что Костанца не выражала къ жениху симпатіи. Ея холодность даже заставила колебаться тридцатилѣтняго Джуліо относительно женитьбы на ней. Нако-

нецъ, авторитетъ Монти заставилъ дѣвушку принять предложеніе: она согласилась забыть своего грека и заставить себя полюбить предлагаемаго отцомъ жениха. Мать Костанцы не отличалась безупречною нравственностью и приучила дѣвушку лишь къ кокетству, любви къ роскоши и искусству соблазнять мужчинъ своимъ презрѣніемъ къ нимъ. Марія Романо старается найти недостатки мужа и упрекаетъ его въ скупости, идя въ разрѣзъ съ убѣжденіемъ самой Костанцы, которая упрекала мужа въ расточительности. Точно также авторъ ищетъ причину зла и въ существованіи прежней любовницы съ сыномъ; но и это не можетъ оправдать поведенія Костанцы; мужъ такъ горячо и нѣжно ее любилъ, что когда наканунѣ его смерти она поспѣшила къ нему, то онъ принялъ ее со слезами радости, и все, что ему наговорили противъ нея, и, дѣйствительно, что она могла сдѣлать, — онъ ей простилъ. Его вина была въ томъ, что онъ не сумѣлъ воспитать ее. Въмѣсто того, чтобы заняться воспитаніемъ ея сердца, онъ окружилъ ее цѣлой плеядой блестящей молодежи, заставляя ее говорить имъ «ты», смотрѣть, какъ на товарищѣй, и жить съ ними на короткой ногѣ. Ея письма къ нимъ, написанныя вскорѣ послѣ свадьбы, очень любопытны. Въ нихъ она проситъ товарищѣй мужа прійти развлечь ее и не оставлять въ одиночествѣ, дѣлаетъ имъ сцены ревности, если они долго не являлись, и оканчиваетъ увѣреніемъ въ своей вѣрной любви. Сначала все это дѣлалось съ наивной простотой, но вскорѣ въ силу вещей въ письмахъ начинаютъ проглядывать два различныхъ тона, изъ боязни, чтобы они не попались въ руки мужа или женѣ товарищѣй. Однажды Джуліо ввелъ въ свой домъ красавца флорентинца, который принялся ухаживать за Костанцой. Послѣдняя со слезами бросилась предъ мужемъ на колѣни, прося спасти ее отъ опасности и удалить флорентинца. Но Джуліо сталъ смѣяться надъ ея романтической выходкой и не только не удалилъ флорентинца, но еще захотѣлъ, чтобы Костанца отправилась съ нимъ въ Неаполь, гдѣ, впрочемъ, флорентинецъ своей низостью совершенно исцѣлилъ ее самъ отъ этой вспышки. Другой разъ къ нимъ въ городъ пріѣхалъ молодой Россини, и Джуліо поспѣшилъ помѣстить его у себя. На этотъ разъ видѣла горничная, какъ, будто бы, Костанца однажды утромъ бросилась въ постель къ композитору, «чтобы, — сказала она, — испробовать посредствомъ этого прикосновенія, не перейдетъ ли геній Россини въ нее». Надъ всѣми этими выходками мужъ только смѣялся, даже когда нѣкій Паолино Джіорджи, увидѣвъ на занавѣсѣ новаго театра въ Пезаро портретъ Костанцы въ видѣ Сафо, нарисованный по заказу ея мужа, хвастался по всему городу, что Костанца была его любовницей. Но въ своихъ письмахъ послѣднее обстоятельство отрицаетъ. Несмотря на всѣ искушенія, она еще удерживалась, оставаясь вѣрна своему долгу жены и подъ вліяніемъ маркиза Антальдо-Антальди, единственнаго честнаго друга Джуліо, котораго она избрала «другомъ сердца». Но, не измѣняя Джуліо, она все-таки страдала: ее тяготила ея вѣрность мужу. «Она была самой странной женщиной, какую когда либо я встрѣчалъ, — говорилъ впоследствии Россини. — Она не переставала дѣлать глупости и сердиться на мужа; бѣдный Джуліо приходилъ ко мнѣ съ просьбою успокоить ее». Наконецъ, въ 1818 г. Костанца заявила, что ея скука происходитъ оттого, что она живетъ въ Пезаро: если бы она пересе-

лилась въ Римъ, то все прошло бы. Съ этого момента несчастному Джуліо не было житья. Тщетно онъ думалъ укрыться въ деревнѣ, чтобы избѣжать дурного настроенія жены—послѣдняя ежедневно преслѣдовала его письмами. Они были то злыя, то ласковыя, полныя лести и нѣжности; но во всѣхъ проводилась одна мысль — отъѣздъ въ Римъ. Наконецъ мужу ничего не оставалось, какъ дать согласіе. Это пребываніе въ Римѣ было несчастіемъ для Костанцы, что она сама признавала. Пріѣхавъ туда, она такъ же настойчиво стала проситься обратно въ Пезаро. Но Джуліо, хотя все еще любилъ свою жену, однако утомился ея капризами. Что произошло между ними, и почему они охладѣли другъ къ другу,—все-таки остается неизвѣстнымъ. Измѣнила ли ему Костанца, оставшись безъ совѣтовъ «своего дорогого» Анталди, или просто ея жестокость къ нему возросла потому, что онъ долженъ былъ ей признаться въ существованіи вѣбранаго сына, или, можетъ быть, нежеланіе Монти выдать маленькое приданое дочери—неизвѣстно. Съ этихъ поръ письма Костанцы изъ Рима становились все мрачнѣе и отчаяннѣе. Она въ нихъ жаловалась на все и на всѣхъ, а главное на мужа, называя его болѣзнь воображаемой. Черезъ два года они возвратились въ Пезаро, но совершенно измѣнившіеся: Джуліо болѣе не вѣрилъ въ ея любовь и уже не искалъ въ ней ни сотрудницы, ни друга, инстинктивно отдаляясь отъ нея и рѣшившись одиноко страдать физически и нравственно. Костанца, обманутая въ ожиданіяхъ и скучавшая, сдѣлалась податливѣе отъ чувства одиночества; къ тому же она была еще прекраснѣе и соблазнительнѣе, чѣмъ прежде, и готова отдаться первому поавшемуся любовнику. Со времени ея возвращенія въ Пезаро до дня смерти мужа ея жизнь становится уже скандальной: то ее преслѣдуетъ по городу крупный богачъ, то однажды вечеромъ на дачѣ ее встрѣчаетъ полковникъ Бюзи въ то время, какъ она горячо спорить съ нѣкимъ Гавелли, который вдругъ ее ударяетъ кулакомъ и удаляется, посылая ей ругательства. Въ ней проснулось какое-то безуміе, отъ котораго она пришла въ себя лишь послѣ катастрофы. Этимъ временемъ мужъ продолжаетъ страдать болѣзью печени, нажитой имъ въ Римѣ, благодаря Костанцѣ, какъ она сама говоритъ въ письмѣ къ аббату. Джуліо тревожится, плачетъ, приходитъ въ отчаяніе. Она же продолжаетъ издѣваться надъ его меланхоліей, какъ прежде онъ насмѣхался надъ ея дѣтски-наивными опасеніями искушеній. Она всѣмъ говоритъ, что его болѣзнь «безусловно воображаемая». «Совѣтовались со многими врачами,—пишетъ она,—и всѣ отвѣтили то же самое, увѣряя его, будто онъ кончитъ тѣмъ, что получитъ серьезную болѣзнь, если не выкинетъ изъ головы боязни, что уже серьезно боленъ». До послѣдней минуты она была, какъ бы ослѣплена, и такъ говорила о здоровьѣ умиравшаго мужа, уже истощеннаго, худого и блѣднаго. Она даже покинула его, чтобы проводить отца въ Болонью, гдѣ ему дѣлали глазную операцію. Но, несмотря на ея холодность къ мужу, она все-таки его любила, и ея слова въ письмѣ къ аббату Виньярди, «что ея сердце не участвовало въ совершенныхъ ошибкахъ, а ея самое страшное горе происходитъ не столько отъ поднявшихся противъ нея обвиненій, бѣдности, одиночества, ни даже отъ угрызений совѣсти, сколько отъ мучительной мысли, что возлѣ нея нѣтъ болѣе человѣка, котораго она любила и котораго любить»,—были искренни. Восемнадцатилѣтнее суще-

ствование среди таких страданий вполне искупаетъ всё вольныя и невольныя ошибки Костанцы, которая отвергаетъ г-жа Романо.

— Зрѣлые годы Тэна. Вышедшій въ Парижъ второй томъ ¹⁾ «Taine, sa vie et sa correspondance», послѣдовавшій за первымъ, посвященнымъ его юности до 20 лѣтъ, обнимаетъ періодъ послѣдующихъ 17 лѣтъ. Такъ же, какъ и въ первомъ томѣ, вдова французскаго мыслителя собрала лишь письма, относящіяся до всего понемногу, кромѣ личнаго «я» философа, всегда тщательно скрывавшаго отъ публики свою сокровенную, внутреннюю жизнь. «Единственныя письма или переписка, которая могутъ быть напечатаны,—говорилъ онъ въ своей духовной,—это тѣ, что касаются чисто общихъ или умозрительныхъ предметовъ, напримѣръ: философіи, исторіи, эстетики, искусства и психологіи, но изъ этого тоже должно выпустить все, близко или издалека касающееся моей частной жизни». Г-жа Тэнъ вполне исполнила волю своего мужа, и попрежнему Тэнъ, мыслитель и человекъ, охранилъ свой внутренній мірокъ отъ вторженія чуждой для него толпы. «Я совѣмъ не люблю,—говорилъ онъ однажды,—кричать о своихъ тайнахъ, вотъ почему въ томъ, что я пишу, всегда выключено все, что я люблю». Но, хотя все въ этой перепискѣ отрывочно, холодно и сухо, и Тэнъ представляется только, какъ могущественная интеллектуальная личность, все-таки, придерживаясь совѣта самого мыслителя «искать человекъ подъ его писаніемъ», при вдумчивомъ чтеніи можно отчасти уловить нравственную личность Тэна. Дѣйствительно ли жизнь чувствъ была заглушена жизнью одного его ума, можно себѣ уяснить изъ слѣдующей фразы, сказанной Тэномъ: «я привыкъ жить, даже страдая; я сталъ терпѣливъ и гну спину; мнѣ тридцать лѣтъ. Моя работа, моя будущность—все предначертано. Я—солдатъ, совершающій третій этапъ, и заранѣе вижу въ своемъ воображеніи пыль, мозоли, маркитантовъ и чинъ капрала и—иду въ ногу». Это усталое равнодушіе къ жизни нѣсколько выясняется перипетіями, пережитыми Тэномъ, о которыхъ его жена сообщаетъ въ вступленіи къ «Перепискѣ». Въ двадцать пять лѣтъ онъ отказался отъ профессорства и отправился въ Парижъ завоевывать себѣ положеніе. Здѣсь онъ проводилъ все свободное время въ бібліотекахъ: общество не представляло для него почвы для борьбы. Онъ съ ужасомъ и не безъ зависти глядѣлъ на Эдмона Абу, который отправлялся въ одинъ день на три вечера. Также неодобрительно и даже враждебно посматривалъ онъ на бѣлые жилеты Прево Парадоля. Удивившись въ своей маленькой комнатѣ въ улицѣ Мазарини, Тэнъ продолжалъ «чертить черныя линіи, извлеченныя изъ его мозга», превращавшіяся сначала въ страницы, а потомъ въ цѣлыя статьи, которые немедленно онъ несъ къ издателю. Въ это время философъ переживалъ тяжелыя минуты, получая различныя щелчки, какіе выпадаютъ на долю литературнаго ремесленника: ему приходилось выслушивать нелѣпыя возраженія, статьи его задерживались, а иногда возвращались. Тэнъ переносилъ все съ одинаковыми покорностью и безропотностью, какъ и въ университетской карьерѣ. Онъ сотрудничалъ въ

¹⁾ H. Taine. Sa vie et sa correspondance, t. II—Le Critique et le philosophe (1853—1870). Paris 1904.

«Revue de l'instruction publique», потомъ не безъ затрудненій попалъ въ «Revue des deux mondes» и въ «Journal des débats». Конечно, его работы въ этихъ журналахъ не касались философи: онъ писалъ критику новыхъ литературныхъ трудовъ, изучалъ вопросы исторіи литературы, и все это не представляло для него блестящаго успѣха и не заставляло забывать прежнихъ заботъ и огорченій. Недостатокъ средствъ къ существованію принуждалъ его располагать временемъ не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, и сначала онъ давалъ частные уроки. Денежный вопросъ становился для него побудительной причиною, и даже «Le roi des Montagnes», Абу, сдѣлался для него «трудомъ по исторіи Греціи въ сто франковъ за листъ». Иногда онъ доходилъ до изнеможенія, и въ немъ начиналъ «противиться звѣрь», а «машина понемногу портилась». Его мучила мигрень, заставлявшая отказываться отъ работы. Но и въ этомъ случаѣ онъ не жаловался и только иногда приходилъ въ отчаяніе. Минутами его брало сомнѣніе, и онъ писалъ Сукау: «Можетъ быть, мы ошибаемся! можетъ быть, истинная жизнь—имѣть красивый загородный домъ, найти себѣ нѣжную, разсудительную жену и, положивъ ноги на рѣшетку камина, по-супружески и по-родительски сидѣть по вечерамъ въ халатѣ и туфляхъ». Впрочемъ это отчаяніе было скоропреходящимъ, и Тэнъ снова собирался съ силами, поддерживаемый мыслью: «Стали бы держаться ремесла, какого держусь я, если бы не вѣрили, что его идея вѣрна? Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Въ тысячу разъ лучше было бы сдѣлаться банкиромъ, бакалейщикомъ: по крайней мѣрѣ, нажилъ бы деньги, имѣлъ бы домъ, семью, свѣжій цвѣтъ лица и удовольствіе спокойно переваривать обѣдъ за десертомъ. У насъ только одно вознагражденіе—внутренняя вѣра, что мы нападѣмъ на какую нибудь очень могущественную общую идею, которая чрезъ одно столѣтіе будетъ управлять цѣлою областью человѣческихъ познаній и изслѣдованій». Подобное убѣжденіе заставляло его переносить суровую дѣйствительность, и такой идеализмъ долженъ вполнѣ поднять Тэна въ глазахъ толпы изъ пошлостей его обыденныхъ занятій. Эта сухая переписка могла бы утомить читателя, если бы въ ней не проглядывала истинная, безкорыстная любовь къ наукѣ. Эта ненасытность въ наукѣ и въ наблюденіяхъ заставила его, получивъ въ 1853 г. степень доктора литературы, сдѣлаться студентомъ естественникомъ-физиологомъ, посѣщать лекціи и присутствовать при операціяхъ въ Сорбоннѣ, чтобы найти необходимую пищу для своей мысли. Первой его книгой было изслѣдованіе о Лафонтенѣ, считавшееся однимъ изъ оригинальныхъ современныхъ французскихъ трудовъ по литературѣ. Затѣмъ появилось «Путешествіе по Пиренеямъ», написанное по заказу Гашета, и, наконецъ, сочиненіе о Титѣ Ливіи, за которое онъ надѣялся получить академическую премію. Его успѣху едва не помѣшали члены академіи, находившіе его сочиненіе, хотя очень умнымъ, но нарушавшимъ своей оригинальностью ихъ излюбленную традицію. Оно оказалось, впрочемъ, настолько выше другихъ, что академикамъ не удалось отказать Тэну въ преміи, и они отложили этотъ вопросъ на цѣлый годъ, предложивъ ему передѣлать сочиненіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Чрезъ годъ онъ вновь его представилъ и наконецъ удостоился преміи. Въ 1857 году онъ собралъ въ одинъ томъ всѣ свои статьи, напечатанныя въ «Instruction publique».

Успѣхъ Тэна увеличивался съ каждой статьёй, съ каждой книгой. Онъ медленно и терпѣливо стремился къ матеріальной независимости и репутаціи. Съ перваго момента онъ зналъ, чего онъ хочетъ, и вся его работа состояла «въ долбленіи отверстія все на одномъ и томъ же мѣстѣ и упорствѣ сдѣлать это отверстие». Во всѣхъ его произведеніяхъ находится одна и та же теорія: «уподобленіе историческихъ и психологическихъ изысканій— физическимъ и химическимъ; убѣжденіе, что всѣ чувства, всѣ идеи, всѣ состоянія человѣческой души—произведенія, имѣющія свои причины и законы, и что вся будущность исторіи состоитъ въ изысканіи этихъ причинъ и этихъ законовъ». Тэнъ говорилъ: «У меня французско-латинскій оборотъ ума, заключающійся въ томъ, чтобы всегда приводить свои идеи въ прогрессивный порядокъ по примѣру естественниковъ и согласно правилу идеологовъ, однимъ словомъ, по ораторской системѣ». Привычка всегда все анализировать убивала въ немъ чисто художественныя чувства, чего впрочемъ, онъ и не скрывалъ, и, возвратясь изъ Флоренціи, сказалъ: «Я многому научился, но мало наслаждался. Я не художникъ и никогда не имѣлъ на это пополозновенія». Вотъ почему онъ всегда стремился узнать, какъ работаетъ мозгъ художника съ темпераментомъ, прежнихъ временъ. «Его воображеніе,—заклучилъ онъ,—состоитъ въ томъ, что онъ внутренне обладаетъ чѣмъ-то въ родѣ полотна, на которомъ каждую секунду изображаются пейзажи, люди, формы и цвѣта. Вы ему скажите слово «большой домъ», и тотчасъ же передъ нимъ возстаютъ видѣнія зданія. Отъ этого явленія онъ переходитъ къ другому и т. д. Помѣстите такимъ образомъ организованный мозгъ подъ дисциплину нашего воспитанія: мы его научимъ анализировать наши впечатлѣнія и по частицамъ вырѣзать картины, зародившіяся въ его воображеніи; отмѣчать точными словами различныя чувства, какія каждое изъ впечатлѣній заставляетъ его поочередно испытывать; поднятая до отвлеченной формулы, которая классифицируетъ и объясняетъ его чувства; разсуждать и доказывать, т. е. разорвать это внутреннее полотно». Впрочемъ, по этой причинѣ самъ Тэнъ не могъ увлекаться чувствительнымъ зрѣлищемъ, такъ какъ никто лучше его не умѣлъ систематически отрѣзать по частицамъ то, что онъ видѣлъ, отмѣчать свои впечатлѣнія «точными словами», которыя невольно притупляютъ эти впечатлѣнія; классифицировать, «чтобы подняться до отвлеченной формулы»; разсуждать и доказывать. Такъ, готовясь написать свое «Путешествіе по Пиренеямъ», онъ описываетъ въ нѣкоторыхъ письмахъ свои подготовительныя работы. Онъ рисуетъ пейзажи иногда положительно чудесно, но никогда не испытываетъ ихъ очарованія: онъ ихъ изслѣдуетъ, раздробляетъ въ цѣлую серію мелкихъ частей, отмѣченныхъ «очень точными словами». Съ такою же рѣзкою сухостью онъ отмѣчаетъ черты нравовъ, подробности, какія замѣтилъ въ памятникахъ, статуяхъ или картинахъ, и т. д. Конечно, поодинокѣ всѣ эти факты не имѣли для него значенія, и онъ постоянно ихъ классифицировалъ, приводилъ въ порядокъ и систематизировалъ. Эта потребность была у него такъ велика, что когда «Litterature anglaise» и «L'intelligence» сдѣлали его знаменитымъ человѣкомъ, главою школы, и онъ долженъ былъ расстаться съ своимъ рабочимъ кабинетомъ, чтобы хотя изрѣдка посѣщать общество, то и тамъ онъ продолжалъ

«наблюдать». Въ сущности, онъ не любилъ общества на томъ основаніи, что тамъ не говорили только объ общихъ идеяхъ, и, бывая тамъ, угѣшался только анализомъ, который его не оставлялъ ни въ театрѣ, ни въ казино, ни даже на публичныхъ балахъ. Онъ даетъ въ своей перепискѣ живые портреты Флобера, Сень-Бева, Гонкуровъ и проч. Флобера онъ рисуетъ «большимъ, крѣпкимъ мужчиной, нѣсколько квадратнымъ, съ густыми усами, съ виду тяжело-ватымъ, похожимъ на кавалерійскаго капитана, уже пожившаго, который не прочь выпить рюмочку». Гонкуровъ онъ представилъ такъ: «оба они не блестящи, немного откормленные... они обтесались около артистовъ». Последніе даютъ слѣдующій портретъ Тэна: «Худой, слабый, рѣзкій, съ жидкой бородою, глаза его скрыты подъ очками, но, когда онъ говоритъ, его лицо одушевляется, а, когда онъ слушаетъ, весь его взглядъ дѣлается пріятнымъ; его слова положительны и выходятъ изо рта съ такими длинными зубами, какъ у старой англичанки. Это Тэнъ—воплощеніе въ тѣлѣ и костяхъ современной критики, разомъ очень ученой, очень тонкой и часто настолько извращенной, какъ нельзя себя вообразить. Въ немъ упорно сохранились остатки профессора, читающаго лекціи. Отъ этого не отдѣлаешься; но эта университетская привычка искупается большою простотою, замѣчательнымъ мягкимъ обращеніемъ, вниманіемъ хорошо воспитаннаго человѣка, вѣжливо отдающагося другимъ». Этотъ портретъ относится къ 1863 году, когда Тэнъ велъ жизнь чисто умозрительную. Онъ жилъ только для общихъ идей и умѣлъ ихъ найти, гдѣ искалъ, но пока искалъ ихъ только въ индивидуумахъ, изучая «человѣка». Думать было сущностью его существованія, и отказаться отъ размышлений значило для него— умереть, а потому болѣзнь горла, мучившая его въ 1857—1858—1859 годахъ была для Тэна злѣйшимъ ударомъ. Его мозгъ отказывался работать, и мысли болѣе не повиновались ему; при малѣйшей попыткѣ работать его останавливали нестерпимыя боли. Онъ могъ ходить и сидѣть, но не размышлять. Цѣлыми часами онъ оставался неподвиженъ, съ закрытыми глазами; чтобы его развлечь, къ нему приходилъ чтецъ и однообразнымъ голосомъ читалъ сорокъ томовъ: «Histoire parlementaire de la Revolution». Онъ предпринималъ путешествіе ради облегченія; но сначала ему было, какъ будто, лучше, потомъ же повторились прежнія страданія, а 1856 годъ былъ для него самымъ ужаснымъ. «У меня нѣтъ болѣе уроковъ, я избѣгаю думать»... писалъ онъ. Это положеніе его тревожило, а будущность пугала, въ чемъ онъ спокойно и благородно признался. «Сначала я былъ очень опечаленъ... затѣмъ прочелъ себя правоученіе, — писалъ онъ, — и снова пришелъ въ равновѣсіе». Казалось, для него и въ немъ все рушилось, но онъ ни жаловался, ни укорялъ, и, судя по рѣдкимъ письмамъ, которыя онъ въ это время писалъ друзьямъ, его не покидала твердость души, дѣлавшая мыслителя героемъ. 30 іюня 1859 года Тэнъ писалъ Сукау, что ему лучше, но онъ не можетъ ни читать, ни писать болѣе одного часа. «Я—паровая машина, — прибавлялъ онъ, — нуждающаяся въ паровомъ котлѣ, безъ котораго я испорчусь или заржавлю». Рѣдкіе люди съ такими умственными способностями, какъ Тэнъ, равнялись бы съ нимъ въ скромности. Все его самолюбіе заключалось въ стремленіи совершить ту задачу, на которую онъ считалъ себя способнымъ. Въ 1860 году онъ посѣтилъ Англію, чтобы произвести на мѣстѣ

свои «наблюденія», прежде чѣмъ написать «Исторію англійской литературы». Его мнѣніе объ англичанахъ совершенно измѣнилось при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Онъ нашелъ ихъ столь же привѣтливыми, какъ французы, и не болѣе ихъ меланхоличными, но склонными къ болѣе грубымъ удовольствіямъ. Задумавъ написать исторію нѣмецкой литературы, онъ отправился съ тою же цѣлью «наблюденій» въ Германію, но остался между прочимъ не доволенъ воспитаніемъ нѣмецкихъ дѣвушекъ. Его честная натура помѣшала ему написать исторію нѣмецкой литературы вслѣдствіе франко-прусской войны: онъ находилъ, что французы не могли бы тогда отнестись безпристрастно къ нѣмцамъ. При всей своей холодной сдержанности, переписка Тэна все-таки даетъ достаточно ясный портретъ этого сухого «наблюдателя», а нѣсколько вырвавшихся словъ человѣка, «привыкшаго жить даже страдая», не только показываютъ его нравственный міръ совѣмъ уже не такимъ сухимъ, холоднымъ и безжизненнымъ, но вызываютъ къ нему симпатію.

— Воспоминанія Жюльеты Аданъ. Извѣстная русской публикѣ французская писательница, Жюльета Аданъ, задумала написать цѣлую серію своихъ воспоминаній. Весною 1902 г. вышелъ первый томъ ¹⁾, относящійся до ея дѣтства и юности; теперь же появился второй ²⁾, въ которомъ она рассказываетъ о началѣ своей литературной карьеры и о своемъ появленіи въ Парижѣ. Въ первомъ томѣ г-жа Аданъ начинаетъ свои воспоминанія съ трехлѣтняго возраста, когда она стала понимать, что вокругъ нея творится, и шагъ за шагомъ передаетъ всѣ свои дѣтскія впечатлѣнія, начиная отъ поступленія въ школу, школьнаго мятежа, ея отчаянія, фанатическаго обожанія ея дѣда, свадьбы двоюродной сестры, когда ея мать, воспользовавшись случаемъ, окрестила дѣвочку, и послѣдовавшей за этимъ событіемъ бурной сцены со стороны отца, яраго якобинца,—до ссоры дѣда и бабки относительно нея, первыхъ проснувшихся въ ея головѣ политическихъ идей, возбужденныхъ бонапартистскимъ направленіемъ дѣда и революционнымъ—отца. Жюльета родилась въ 1836 г. въ Вербери, въ гостиницѣ «Трехъ монарховъ», въ романтическо-классическо-революціонной семейной атмосферѣ. «Я дочь отца, искреннаго сектанта, безкорыстнаго до самопожертвованія,—говоритъ она,—мечтавшаго о безусловной свободѣ, о безусловномъ равенствѣ. До конца ужасной години (франко-прусской войны) его умъ господствовалъ надъ моимъ. Только одно мгновеніе онъ думалъ, что его мечта осуществится во время коммуны. Теперь онъ былъ бы ученикомъ Бриссона, годящагося ему въ потомки. Онъ преслѣдовалъ только одну идею—полный переворотъ». О своей бабкѣ со стороны матери г-жа Аданъ говоритъ, что «никогда не встрѣчала другого ума, настолько любящаго похождения и приходящаго въ ужасъ отъ существованія ожиданнаго, такого ежедневнаго настоятельнаго желанія романовъ, прочитанныхъ или пережитыхъ, какъ у нея. Она зачитывалась Бальзакомъ: для нея онъ былъ цѣлымъ міромъ». Напротивъ тетка Софи говорила ей о языческой природѣ, пропитанной повсюду божествами. «Она прочитывала мнѣ,—говоритъ

¹⁾ Le roman de mon enfance et de ma jeunesse, par J. Adam. Paris. 1904.

²⁾ Mes premières armes littéraires et politiques, par J. Adam. Paris. 1904.

г-жа Аданъ,— короткую латинскую фразу, повторяла по нѣскольку разъ слова, заставляла меня повторять ихъ механически, а затѣмъ объясняла ихъ одно за другимъ». Но главнымъ образомъ начало ея жизни протекло между первыми двумя обожавшими ее «исключительными существами, немного сумасшедшими—одинъ отъ великодушія чуднаго сердца, прямоты страстно убѣжденнаго сектанта, другая — отъ истинно благородной души, строго добродѣтельной, и безгранично фантастическаго воображенія». «Меня до такой степени колебали, — говоритъ Жюльета, — что среди постояннаго соприкосновенія съ обоими мнѣ невозможно было бы найти точку опоры въ моихъ первыхъ думахъ, если бы я постоянно не принуждала себя искать и находить «себя»... Между моимъ отцомъ и бабушкой я сначала инстинктивно, а потомъ, позже, увѣренно стала примѣняться — быть чѣмъ нибудь. И это-то было исходной точкой моего желанія «быть чѣмъ нибудь». Бабушка, г-жа Серанъ, также ненавидѣла аристократовъ, но эта ненависть происходила скорѣе по старой памяти, чѣмъ по убѣжденіямъ. Принадлежа къ старинной купеческой семьѣ горожанъ Шони, Нуайона и Сентъ-Кентэна, питавшихъ къ королевскимъ фискаламъ отвращеніе, она также прониклась ненавистью къ высшему классу. Въмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Серанъ питала страсть къ «чудесному», которая охватила ее тотчасъ же по выходѣ изъ пансіона, откуда она бѣжала 13-ти лѣтъ; продолжая свое умственное образованіе чтеніемъ романовъ, она все болѣе развивала въ себѣ эту страсть. Эта страсть къ таинственному передалась и г-жѣ Аданъ. Однажды ночью, когда она была уже замужемъ, къ ней явилось видѣніе бабушки, которое настолько было живо, что она приняла его за г-жу Серанъ, во плоти и костяхъ. Когда она бросилась къ ней съ восклицаніемъ: «Это ты, бабушка!» то видѣніе поднесло руку къ пустымъ орбитамъ и исчезло. Г-жа Аданъ бросилась въ кабинетъ мужа, спрашивая, гдѣ бабушка. На это ея мужъ отвѣтилъ, что бабушка быть не могла у нихъ, такъ какъ она очень больна, и мать просила скрыть отъ дочери это обстоятельство, изъ опасенія за ея здоровье, такъ какъ она кормила своего грудного ребенка. Въ тотъ моментъ, когда ей явилось это видѣніе, бабушка умирала. Эту страсть къ таинственному г-жа Аданъ побѣдила образованіемъ. Въ 15 лѣтъ бабушка г-жи Аданъ влюбилась въ студента медика, Пьера Серана, настоящаго героя ея романтическаго воображенія. Несмотря на свой молодой возрастъ, онъ уже пережилъ цѣлую драму. Изгнанный изъ родительскаго дома, онъ сдѣлался бродягой, потомъ пастухомъ, корзинщикомъ, выгрузчикомъ на судахъ, стоявшихъ на берегу Сены, наконецъ, студентомъ, блестяще сдавшимъ свой экзаменъ и завоевавшимъ положеніе въ городѣ и сердце богатой купеческой наслѣдницы, бабушки г-жи Аданъ. Наканунѣ свадьбы произошла семейная ссора, совершенно перевернувшая всѣ планы, и невѣста съ отчаянія убѣжала въ поле, какъ была въ капотѣ и ночномъ чепчикѣ. Но женихъ отыскалъ ее, посадилъ позади себя на лошадь и повезъ вѣнчаться, не позволивъ ей даже передѣться. Такъ и вѣнчалась въ капотѣ и чепчикѣ бабушка г-жи Аданъ, приведя всю толпу любопытныхъ въ самое веселое настроеніе. Вскорѣ послѣ ихъ женитьбы послѣдовали различныя невзгоды: у нихъ родилось двое близнецовъ, которые были убиты во время вторженія непріятели въ 1814 г., когда ба-

бушка спасалась бѣгствомъ черезъ поля, а отецъ сражался. Г-жу Серанъ спасъ одинъ казакъ. Вскорѣ возвратился и мужъ, но въ такомъ веселомъ настроеніи, что хорошо не сознавалъ своихъ поступковъ, такъ какъ привелъ съ собою нѣмку, которая ни за что не хотѣла отъ него уйти и не вѣрила, что онъ женатъ. Изгнаніе нѣмки не внесло большого спокойствія въ ихъ семейную жизнь, такъ какъ дѣдъ г-жи Аданъ пріобрѣлъ дурную привычку выпивать въ день до 12 бутылокъ Магонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалъ случая измѣнять женѣ. Ихъ дочь Олимпія, мать г-жи Аданъ, была полной противоположностью родителей. Она была придирчива, сварлива, недоувѣрчива и не имѣла возвышенныхъ чувствъ и мыслей, что приводило въ отчаяніе родителей. Впрочемъ, они гордились ея красотой и мечтали о ея бракѣ, но о какомънибудь особенномъ, что дало бы случай г-жѣ Серанъ насладиться романомъ. Она нашла для дочери жениха — молодого студента, медика и философа, Ламбера, который вслѣдствіе щепетильной добросовѣстности не поступилъ въ духовное званіе послѣ знаменитой революціи въ Бовэ. Выдержавъ экзамень на доктора, благодаря денежной помощи бабушки, заплатившей за его содержаніе въ Парижѣ, онъ рѣшился жениться на Олимпіи. Три года они жили счастливо, и первое ихъ горе началось со смертью ребенка, скончавшагося отъ конвульсій, вызванныхъ перебранкой матери и дѣда, который пріютилъ ихъ у себя послѣ пожара ихъ деревни и переселенія семьи въ Вербери, въ гостиницу «Trois moqueuses», гдѣ родилась Жюльета. Разоренный и принужденный покинуть родину отецъ Жюльеты скрылся въ Бельгіи, оставивъ впопыхахъ жену и дочь безъ средствъ въ гостиницѣ, откуда угрожали ихъ выселить. Въ дѣло вмѣшалась бабушка, которая никакъ не могла обойтись безъ романа, и поэтому не просто взяла дѣвочку, а похитила и увезла въ Шони. Затѣмъ родители соединились послѣ искренняго раскаянія Ламбера, и для дѣвочки началась жизнь, полная радостей среди романической бабушки и революціоннаго отца. Въ девять лѣтъ для Жюльеты окончилось дѣтство и началась юность. Тетка Софи знакомила ее съ латинской поэзіей, и Жюльета ясно представляла себѣ, какъ живыхъ, классическихъ героевъ. «Я видѣла все, — замѣчаетъ она, — о чемъ тетка мнѣ говорила». Вскорѣ ея кругозоръ расширился: она начала понимать, что вокругъ нея творилось, и даже стала анализировать. Она поняла, что бабушка вѣрила на землѣ только въ любовь. «Страсть къ любви, — говорила она, — одна насъ приближаетъ къ сверхчеловѣческой истинѣ. Все, что можно наблюдать, доказывать, взвѣшивать, происходитъ отъ того, что тяжело и матеріально, а слѣдовательно не можетъ скопляться въ нашей душѣ; эти познанія, какъ кладъ, которую нельзя брать въ путешествіе, должны быть оставлены на поворотѣ дороги, которая ведетъ насъ въ другой міръ». Жюльетѣ теперь стало ясно, что бабушка — романическая натура, но ея любовь къ ней не уменьшилась, хотя умъ отца и тетки возбуждалъ въ ней болѣе любопытства и привлекалъ къ себѣ сильнѣе. «Я обожала природу съ своей теткой Софи, — говоритъ Жюльета Ламберъ, — и прошедшее этой природы, заключающееся въ сочиненіяхъ грековъ и латинскомъ поэтѣ Virgиліи. Съ отцомъ же я страдала за несчастныхъ, обездоленныхъ жизнью людей». Это знакомство съ природой и жизнью имѣло здоровое вліяніе на ея душу, а ея умъ стали занимать исторія и

философія. Теперь отецъ занялся воспитаніемъ дѣвухи и развивалъ въ ней республиканскую душу. Событія 1847—1848 г.г. возбудили въ семьѣ споры, какъ политическіе, такъ и соціальные. Дѣвуха раздѣляла идеи отца. «Конецъ 1847 г.,—говоритъ она,—установилъ мои политическія убѣжденія, которыя я безъ измѣненій сохраняла болѣе тридцати пяти лѣтъ. Громадныя познанія моего отца, его безграничная доброта, любовь къ народу, безкорыстіе, наполняшія пробѣлы его сознанія, надолго сдѣлали изъ меня его ученицу. Онъ вѣрилъ и заставлялъ вѣрить, что народъ владѣлъ всѣми добродѣтелями въ скрытомъ состояніи, и что достаточно было дать ему всѣ политическія и соціальныя права, чтобы онъ выказалъ себя достойнымъ того и другого. Въ энтузіазмѣ моего отца къ «массѣ» была увѣренность въ могущество идеала и въ то же время большая наивность; я это признаю, увы, теперь. Наша сентиментальность не состояла изъ притворной чувствительности, но изъ сильной вѣры въ необходимость справедливости и пропорціональности соціальныхъ благъ». Г-жа Аданъ признается не безъ печали, что никакая практическая или исполнимая идея не входила въ умы людей 1848 г., «потому что,—говоритъ она,—молодая одиннадцатилѣтняя дѣвуха, какъ я, могла быть посвящена во всѣ планы революціи, а слѣдовательно въ этомъ было что-то ребяческое. Иллюзія, любовь къ непредвидѣнному, романическому, полное незнаніе возможности реализовать ихъ идею и дѣтское простодушіе господствовали въ умѣ моего отца и большинства людей 1848 г., которыхъ я знала; но какая у нихъ была страстная преданность, какая жажда приносить жертвы для «святого народа», какое великодушіе, какое честное пренебреженіе кастовыми привилегіями, какое искреннее братство, какое убѣжденіе, что «мелкота» созрѣла для равенства, какое негодованіе противъ позыва къ наслажденіямъ, противъ эгоизма, противъ знаменитой формулы Гизо: «богатѣйте!» Люди 1848 г. были апостолами, святыми. Ни въ какую эпоху не было большей честности, добродѣтели и благородной простоты. Это были не политическіе люди, а души, охваченныя идеализмомъ. Всѣ были такъ же искренни, какъ мой отецъ, всѣ они имѣютъ право на безусловное уваженіе, и нельзя, найдявшихъ возлѣ нихъ, не чтить ихъ памяти и не дорожить ими. Среди республиканцевъ 1848 г. ни одинъ не подумалъ извлечь пользы изъ положенія, дававшего ему власть, и ни одинъ не разбогатѣлъ. Если они не сдѣлали для народа, о чемъ мечтали, то не потому, что выбросили за бортъ свои принципы, овладѣвъ кораблемъ большого города Парижа, а потому, что мысль о соціальномъ счастьи челоѣчества—слишкомъ прекрасна, чтобы осуществилась, и потому, что народъ первый отказался отъ попытки осуществить ихъ теорію». Дальнѣйшія воспоминанія г-жи Аданъ относятся до ея жизни въ пансіонѣ Андрѣ, исторіи революціи 1848 г., государственнаго переворота и ея замужества, устроеннаго уставшимъ отъ борьбы отцомъ и романической бабушкой. Прелестная, умная, поэтическая, съ гуманными идеями, страстно любящая искусство, Жюльета Ламберъ должна была соединить свою жизнь съ расчетливымъ скептикомъ—какъ пожившій бульварный парижанинъ—Ла-Мессиной, скучнымъ поклонникомъ Конта. Свою литературную карьеру г-жа Аданъ начала очень оригинально. Въ «Siècle» была помѣщена статья Карра, гдѣ говорилось

между прочимъ: «Во Франціи нѣтъ ни одной молодой и хорошенькой женщины, которая не носила бы кринолина». Прочитавъ эти строки, Жюльета сказала своей подругѣ: «Если я напишу Альфонсу Карру, что не пишу кринолина?» На это подруга отвѣчала одобрително, и Альфонсъ Карръ получилъ слѣдующее письмо: «Нѣтъ, сударь, есть хорошенькая женщина, двадцати лѣтъ, которая не носить кринолина, которая никогда не носила его, есть такая во Франціи провинціалка, и это—я: Жюльета». Письмо появилось въ печати, и это такъ взволновало Жюльету, что она заплакала. При этомъ романическая жилка говорила въ ней не менѣе, чѣмъ у ея бабушки: письмо было прочитано въ комнатѣ, гдѣ предъ Жюльетой появилось видѣніе бабушки въ день смерти послѣдней, и будущая писательница воскликнула: «Бабушка, я сдѣлаюсь писательницей!» Въмѣсто того, чтобы веселиться, посѣщать балы и предаваться прочимъ развлечениямъ, Жюльета только и думала о своемъ умственномъ развитіи: читала, окружала себя людьми, посвятившими себя умственной дѣятельности, создала себѣ особую атмосферу, въ которой она все болѣе и болѣе развивалась. Она любила философію, соціологическіе споры и уже тогда вела литературную переписку, но о Парижѣ едва могла и мечтать. Наконецъ осуществилась эта мечта, и Жюльета съ старомодной прической и въ вышедшей изъ моды шляпѣ появилась въ центрѣ умственной жизни—Парижѣ. «Я чувствовала себя,—говоритъ она,—подавленной шумомъ, производимымъ другими, и становилась съ часу на часъ убѣжденнѣе въ невозможности сдѣлаться здѣсь чѣмъ нибудь». Ея любимыми мѣстами были Лувръ и Національная Библіотека. Въ первомъ она воскрешала въ своемъ умѣ языческую древность, культъ къ которой въ нее вдохнула тетка Софи. Какими-то судьбами она познакомилась съ редакторомъ «*Revue philosophique*» и его женою, которые познакомили ее со всѣми знаменитостями своего салона. Сначала она скромно слушала ихъ сужденія, обсуждала и раздумывала, иногда возмущалась, но потомъ стала вставлять и свои мнѣнія. Прудонъ, въ то время бывшій въ модѣ, написалъ пасквильную книгу о Жоржѣ-Сандѣ и Даніэлѣ Стернѣ—графинѣ д'Агу. Жюльету это такъ возмутило, что она рѣшилась дать ему отвѣтъ публично. Нѣсколько ночей она не спала, обдумывая его съ жаромъ, какой она вкладывала во все. Наконецъ онъ былъ готовъ: оставалось найти издателя. Но куда она ни являлась, всѣ при видѣ ея молодого личика принимали ее не серіозно. Она отправилась къ Гетцелю, и, чтобы не показать лица, она его предварительно закрыла вуалемъ. «Или ваша книга очень дурна, или вы сморкаетесь въ клѣтчатый платокъ,—отвѣчалъ ей Гетцель,—и очень возможно, что нюхаете табакъ. Я не признаю права за женщиной, вѣроятно, некрасивой и очень зрѣлой, защищать Жоржъ Сандъ и Даніэль Стернъ: вы ихъ ставите въ смѣшное положеніе»... Она жила надеждой устроить свою литературную жизнь, и только это давало ей силы переносить домашнюю жизнь, а потому такой отвѣтъ ее ошеломилъ. Отецъ сжалился надъ нею и заплатилъ расходы по изданію. Книга противъ Прудона была напечатана, и слава г-жи Адагъ сразу установилась. Жоржъ-Сандъ и графиня д'Агу внезапно почувствовали къ Жюльетѣ симпатію. Въ то время Жоржъ-Сандъ не было въ Парижѣ. Когда она вернулась и узнала, что Жюльета уже бываетъ въ салонѣ

ея злѣйшаго врага, графини д'Агу, то поручила сказать ей слѣдующее: «Жоржъ-Сандъ не можетъ удержаться, чтобы не отозваться дурно о личности, влияніе которой она считаетъ дурнымъ. Ея характеръ противится, чтобы она отважилась оторвать вась отъ друга, который, какъ говорятъ, вась нѣжно любить. Она подождетъ! Въ тотъ день, когда вы поссоритесь съ графиней д'Агу, знайте, что Жоржъ-Сандъ вашъ другъ, и вы можете прийти къ ней». Графиня д'Агу съ своей стороны говорила молодой писательницѣ: «Дорогое дитя, позвольте дать вамъ совѣтъ. Никогда не знакомьтесь съ Жоржъ-Сандъ: вы потеряете всю иллюзію. Какъ женщина, она—ничтожество. Никакого разговора. Это—жвачное животное, она сама это признаетъ. У нея и взглядъ такой, впрочемъ красивый. Безъ сигаретки, которую она постоянно куритъ, ее можно считать заснувшей съ открытыми глазами. Она раздаетъ все, что зарабатываетъ, и часто бываетъ въ затруднительномъ положеніи, но вы ее не заставите обратиться къ тѣмъ, кому она сто разъ одолжала денегъ, и которые могутъ ей возратить ихъ. Она питаетъ что-то въ родѣ презрѣнія къ людямъ, получавшимъ отъ нея благодѣянія». Графиня д'Агу появляется очень часто въ воспоминаніяхъ г-жи Аданъ, и хотя, благодаря своей сухости и ледяющей гордости, была не симпатична, но ея изящество и царственный видъ заставляли ею любоваться. Она забрала г-жу Аданъ въ руки, и ея любовь была нѣсколько тираническая. Ея салонъ считался однимъ изъ первыхъ въ Парижѣ, и г-жа Аданъ его прекрасно описываетъ, представляя читателю цѣлую галерею знаменитыхъ людей того времени, которые почти всѣ въ освѣщеніи г-жи Аданъ являются симпатичными. Тамъ она встрѣтила своего будущаго мужа, Эдмона Адана. Ея отецъ сказалъ ей: «Этотъ человекъ—настоящее золото; знаешь ли ты, что онъ невооруженный взялъ приступомъ баррикаду св. Антонія и отказался отъ креста Почетнаго Легіона, назначеннаго ему Национальнымъ Собраніемъ, сказавъ...». — «Все это я знаю, папа, и еще болѣе этого: но повѣришь ли, что онъ мнѣ крайне не нравится». Этотъ человекъ потомъ сдѣлался ея любимымъ мужемъ. У Жюльеты всѣ были друзьями въ салонѣ графини д'Агу, которая ее настолько любила, что хотѣла раздѣлить съ нею свое царство и помогала устроить салонъ. Предварительно она дала ей инструкцію, какъ надо дѣйствовать, чтобы создать салонъ, и главнымъ качествомъ царицы салона она ставила спокойное настроеніе хозяйки, которая должна не выказывать ни своего смятенія, ни тревогъ, поддерживать любопытство умовъ тѣхъ лицъ, которыхъ она собрала, имѣть двадцать друзей и только пять подругъ и т. д. Салонъ графини д'Агу долженъ былъ царствовать зимою, а г-жи Аданъ—лѣтомъ. Такимъ образомъ, основался салонъ г-жи Аданъ, но дружба съ графиней черезъ годъ была нарушена. Воспоминанія г-жи Аданъ отличаются особой прелестью—въ нихъ нѣтъ ни горечи, ни разочарованій, а какая-то юная свѣжесть: почти всѣхъ она рисуетъ симпатичными и вмѣстѣ съ тѣмъ не маскируетъ своей антипатіи къ нѣкоторымъ изъ нихъ и даже выказываетъ иногда злость. Такъ, на примѣръ, она безпощадно преслѣдуетъ Эмиля Оливье. Иногда въ ея сужденіяхъ проскальзываетъ насмѣшливость, какъ, на примѣръ, относительно Флокэ.

— Характеристика Теодора Рузвельта. Въ Америкѣ на-дняхъ состоялись выборы президента, и, какъ уже извѣстно, Теодоръ Рузвельтъ вновь занялъ этотъ постъ. Совершенно естественно, что всѣхъ интересуетъ вопросъ, какой политики будетъ придерживаться Рузвельтъ относительно Европы въ теченіе новаго четырехлѣтія своего президентства. Его первое президентство было посвящено главнымъ образомъ внутреннимъ дѣламъ, и хотя онъ принялся довольно энергично за усиленіе флота, но до сихъ поръ не проявлялъ воинственнаго духа. Впрочемъ, это не можетъ служить ручательствомъ за будущее, по крайней мѣрѣ, судя по характеристикѣ¹⁾, помѣщенной въ «Figaro» Жюлемъ Гюре, лично видѣвшимъ и бесѣдовавшимъ съ президентомъ. Рузвельтъ нью-іоркскій уроженецъ и появился на свѣтъ въ 1858 г. въ богатой семьѣ. Съ десятилѣтняго возраста онъ уже почувствовалъ тяготѣніе къ литературѣ и диктовалъ матери своего изобрѣтенія маленькіе рассказы, въ которыхъ неизмѣнными героями являлись Самсоны и Геркулесы. Затѣмъ онъ поступилъ въ школу и въ первый же день выказалъ свой воинственный духъ тѣмъ, что, когда будущіе товарищи насмѣхались надъ его одеждой, онъ бросился на нихъ съ кулаками. Однако его встрѣтилъ сильный отпоръ, и онъ былъ побитъ; съ тѣхъ поръ онъ далъ себѣ слово сдѣлаться сильнымъ, и его любимымъ развлеченіемъ стали борьба, игра въ мячъ и боксъ. Шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Гарвардскій университетъ, и здѣсь его вступленіе также ознаменовалось дракой. На этотъ разъ онъ уже былъ силенъ и нанесъ такіе удары своему противнику, что послѣдній пролежалъ въ постели цѣлую недѣлю. Вспоминая объ этой эпохѣ своей юности, Рузвельтъ писалъ, что «принималъ участіе въ борьбѣ и сраженіяхъ», при чемъ онъ всегда наступалъ и, зная свой недостатокъ—близорукость, живо и энергично налеталъ на врага. Вотъ почему японская система вести войну вызываетъ его симпатію. Юный Рузвельтъ былъ богатъ, и, имѣя возможность посвящать свои досуги литературѣ, онъ написалъ: «Морскую войну 1812 г.». Двадцати трехъ лѣтъ Рузвельта выбрали депутатомъ нью-іоркскаго законодательнаго собранія, и онъ опять выказалъ воинственный духъ, боксируя съ своими парламентскими сотоварищами. Въ 1882 г. Рузвельтъ женился, но вскорѣ его жена умерла, оставивъ ему дочь. Тогда онъ отказался отъ политики и всецѣло посвятилъ себя воспитанію дочери. Однако чрезъ два года онъ опять хотѣлъ вступить въ законодательное собраніе, но былъ забаллотированъ, вслѣдствіе чего удалился на западъ, гдѣ принялся за скотоводство и охоту. «Меня всегда соблазняла мысль быть чело-вѣкомъ, обладающимъ лошадыю и ружьемъ», писалъ онъ объ этомъ времени. Три года Рузвельтъ велъ мирную жизнь, посвятивъ себя лишь умственнымъ занятіямъ да охотѣ на волковъ, змѣй и медвѣдей. Однако воинственная мысль и тамъ не покидала его: онъ читалъ пастухамъ рассказы о сраженіяхъ и объ избіеніи англійской арміи. Въ 1886 г. онъ отправился въ Англію и снова женился. Потеривъ неудачу при избраніи въ мэры Нью-Йорка, онъ сдѣлался членомъ одной изъ административныхъ комиссій и занялся реорганизаціей полиціи. Въ 1897 г. Рузвельтъ былъ уже товарищемъ морского министра

¹⁾ Le Président Roosevelt, par Jules Huret, «Figaro», 10 Novembre 1904.

и сотрудничалъ въ подготовленіи войны съ Испаніей изъ-за Кубы. Когда война была рѣшена, въ немъ опять проснулась страсть къ войнѣ, и онъ, добившись командованія полкомъ добровольцевъ, отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ участвовалъ въ осадѣ Сантъ-Яго де-Куба. Въ 1900 году былъ избранъ въ вице-президенты республики, а въ 1901 онъ самъ сдѣлался президентомъ послѣ убійства Макъ-Кинлея. По вступленіи на этотъ постъ онъ принялся за постройку крейсеровъ, утвержденіе покровительственной политики и доктрину Монрое. По словамъ непріятелей Рузвельта, онъ «не успокоится до тѣхъ поръ, пока не очиститъ отъ европейцевъ все море Антильскихъ острововъ: Гваделупы, Мартиники, Сень-Люси, Тринидада, Барбада, Кюрасо и пр. А такъ какъ ни Франція, ни Англія, ни Испанія, ни Голландія этого не допустятъ безъ сопротивленія,—замѣчаютъ они,—то вы видите, къ чему это приведетъ». Напротивъ, друзья президента говорятъ, что онъ будто бы сторонникъ Гаагскаго третейскаго суда и «миролюбецъ». Но въ то же время они не отрицаютъ его мечты объ увеличеніи Америки, расширеніи ея могущества и вмѣшательствѣ въ дѣла всего свѣта, если коснется ея интересовъ, или ради челоуѣколюбія. «Онъ хочетъ Америки для Америки,—говорятъ они,—и онъ—правъ: это лучшее средство избѣжать будущихъ войнъ». Хотя друзья и враги Рузвельта нѣсколько расходятся относительно его взглядовъ на внѣшнюю политику, все-таки Европа, послушавъ нѣкоторыя изъ его изреченій и вдумавшись въ нихъ, встрепенется; вотъ нѣкоторыя изъ его изреченій: «Миръ—богиня, лишь когда она является со шпагою на боку». «Лучше довѣряться первоклассному флоту, чѣмъ третейскому суду въ лучшемъ его составѣ». «Нельсонъ говорилъ, что англійскій флотъ былъ лучшимъ европейскимъ посредникомъ». «Самая важная задача—эта упрочить первенство нашего флага». «Мы не можемъ оставаться, беспорядочно набившись, внутри нашихъ границъ и сознаться, что мы лишь сборище зажиточныхъ барышниковъ, не заботящихся, что дѣлается внѣ Америки. Мы должны построить каналъ чрезъ Панамскій перешеекъ, что сдѣлаетъ насъ способными имѣть силу для рѣшенія судьбы восточнаго и западнаго океановъ». Относительно нравственныхъ качествъ Рузвельта американцы раздѣляются тоже на два лагеря. Друзья отъ него въ восторгѣ и говорятъ: «Тедди честный челоуѣкъ, безкорыстіе котораго никогда не можетъ быть заподозрено. Онъ, какъ Наполеонъ, занимается всѣмъ, но гораздо нравственнѣе... Онъ—искренній протестантъ. Его добродѣтель дѣйствительнѣе и глубже. Онъ проповѣдуетъ молодымъ людямъ цѣломудріе до брака. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—совершенная противоположность мечтателя. По его мнѣнію, «челоуѣкъ недѣятельный—вредное существо, какъ бы онъ не былъ уменъ». Тедди—храбрый. Во время войны съ Испаніей онъ могъ бы спокойно оставаться въ морскомъ министерствѣ товарищемъ министра, но онъ отправился сражаться». Враги же злорадно замѣчаютъ, что ему не трудно быть безкорыстнымъ, когда онъ родился богачемъ. Относительно же его заявленія по поводу «trust»'овъ они говорятъ, что «дѣйствительно онъ не подписалъ условія съ Рокфеллеромъ и Пьерпономъ Морганомъ, но онъ не осмѣлился бы отрицать, что касса его партіи не поддерживалась участниками «trust»'овъ, и хотя онъ задаетъ блестящіе объѣды негру Букеру Вашингтону, но однимъ ударомъ воскрешаетъ старую ненависть

между сѣверомъ и югомъ и ни на югу не подвинулъ впередъ великой задачи десяти миллионѣвъ негровъ. Во время свиданія съ Рузвельтомъ въ 1903 г. Гюре вынесъ неопредѣленное, отрывочное впечатлѣнiе. Говорилъ Рузвельтъ очень громко и скоро, какъ бы не желая разговаривать, при чемъ сильно жестикулировалъ, безпрестанно двигаясь. На вопросъ Гюре о «trust»'ахъ президентъ отвѣтилъ: «Trust»'ы? Конечно, надо ихъ урегулировать, но не упразднить, они очень полезны; надо помѣшать злоупотребленіямъ, обявзавъ обнародовать ихъ операціи». На замѣчаніе Гюре объ американскомъ флотѣ, принимающемъ угрожающіе размѣры, Рузвельтъ сказалъ: «Прошу васъ не интѣрвьюровать. Флотъ? да, его надо увилчивать ежегодно. Надо, чтобы Америка была очень сильна на морѣ... Доктрина Монрое... конечно, это моя доктрина. Развѣ Европа позволить намъ колонизироваться у себя?... Зачѣмъ же мы позволимъ ей побѣждать насъ? Соединенные Штаты—естественные покровители всего американскаго континента... Это—нашъ долгъ... Для его исполненія намъ надо быть сильными... Черезъ два, три года нашъ флотъ будетъ прекрасенъ, вы увидите»... Все это было произнесено въ 10 минутъ, лихорадочно. Въ своихъ книгахъ Рузвельтъ говоритъ, что Американская республика сильна, потому что состоитъ изъ отборныхъ по уму европейцевъ, и это мнѣніе раздѣляютъ съ нимъ всѣ американцы, которыхъ Гюре обвиняетъ во главѣ съ ихъ президентомъ въ самомнѣніи.

— Смерть Бартольди, Поля де-Кассаньяка и Валлона. 4-го октября умеръ въ Парижѣ извѣстный скульпторъ Фредерикъ Бартольди, по происхожденію эльзасецъ. Онъ родился въ Кольмарѣ въ 1834 г. Съ дѣтства отличаясь художественными наклонностями, онъ подготовлялся по желанію практичныхъ родителей къ архитектурной карьерѣ, но, почувствовавъ призваніе къ живописи, онъ поступилъ въ мастерскую знаменитаго живописца, Ари-Шеффера. Но и здѣсь онъ оставался не долго: оказалось, что его настоящее призваніе—скульптура. Сдѣлавшись ученикомъ скульптора Суату, онъ девятнадцати лѣтъ выставилъ въ Салонѣ «Добраго самаритянина», который имѣлъ большой успѣхъ. Во время франко-прусской войны Бартольди служилъ въ главномъ штабѣ Гарибальди и въ то же время выставилъ въ Парижѣ бюстъ Лабуэ и конную статую Верцингеторикса. Послѣ войны онъ изваялъ изъ бронзы группу: «Проклятіе Эльзаса», а также извѣстнаго «Бельфортскаго льва», вытесаннаго изъ гранита, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Бельфортъ прославился своей осадой. Но главное произведеніе Бартольди—колоссальная статуя «Свободы, освѣщающей міръ», которая находится при входѣ въ Нью-Йоркскій портъ. Эта статуя въ тридцать три метра вышины куплена французскимъ правительствомъ и поднесена американскому. Это знаменитое произведеніе, служащее вмѣстѣ и электрическимъ маякомъ, сдѣлано Бартольди также и въ маломъ видѣ и подарено въ музей его родного города Кольмара.

Ровно чрезъ мѣсяцъ, 4-го ноября, покончилъ свою жизнь одинъ изъ самыхъ ярыхъ французскихъ журналистовъ, Поль де-Кассаньякъ. Онъ родился въ 1842 году въ Гваделуцѣ, и его отецъ былъ безшабашнымъ бонапартистскимъ журналистомъ и политическимъ дѣятелемъ. Еще молодымъ человѣкомъ, Поль во время Второй имперіи прославился своими свирѣпыми бонапартистскими

статьями въ различныхъ газетахъ, преимущественно въ «*Reus*», газетѣ отца. Но еще болѣе, чѣмъ репутацію писателя, онъ заслужилъ славу яраго бретѣра. Онъ не только стрѣлялся и дрался на шпагахъ изъ-за своихъ статей, но и за безшабашныя словесныя выходки. Его безчисленныя дуэли съ Шолемъ, Ропфоромъ, Тюлье, Флураномъ, Лисагарэ и многими другими доставили ему большую извѣстность въ Парижѣ. Наконецъ онъ нашель, что довольно драться, и отказался отъ дуэлей съ Ропфоромъ и Клемансо. Съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ свою отчаянную полемику, не давая никому изъ оскорбленныхъ удовлетворенія. Во время франко-нѣмецкой войны онъ служилъ въ гвардейскихъ зуавахъ и въ сраженіи подъ Седаномъ былъ взятъ въ плѣнъ. Высидѣвъ въ силезскихъ казематахъ восемь мѣсяцевъ, онъ вернулся въ Парижъ и снова принялся за свое ремесло. При республикѣ онъ еще ревностнѣе велъ баннапартистскую пропаганду и нѣсколько разъ былъ выбранъ въ палату, но вскорѣ его забаллотировали за неприличное, скандальное поведеніе. Въ послѣдній разъ онъ былъ депутатомъ въ 1902 году, и съ тѣхъ поръ уже только занимался своей ярой воинствующей политикой въ газетѣ «*Autorité*», которую онъ основалъ въ 1884 году. При Пловъ-Пловѣ онъ слабо защищалъ его кандидатуру и всячески подбивалъ сына его, принца Виктора, поставить противъ отца свою кандидатуру. Но, когда этотъ претендентъ сталъ самостоятельно дѣйствовать послѣ смерти отца, то Кассаньякъ нашель его слишкомъ апатичнымъ. Когда же недавно принцъ Викторъ объявилъ, что онъ не кандидатъ въ императоры, а поставитъ свою кандидатуру въ президенты республики, то Кассаньякъ окончательно отъ него отказался. Сначала онъ обратился къ его брату, русскому генералу Бонапарту, то тотъ не обратилъ никакого вниманія на его происки, и тогда Кассаньякъ торжественно заявилъ, что въ сущности, онъ не бонапартистъ, а монархистъ-консерваторъ и клерикалъ. Съ этихъ поръ его ежедневныя передовыя статьи въ «*Autorité*» стали выражать партизанское сочувствіе къ герцогу Орлеанскому. Послѣдняя изъ такихъ статей появилась въ день его смерти. Онъ умеръ еще бодрымъ, не очень старымъ человѣкомъ, 62-хъ лѣтъ. Кромѣ журнальной полемики, онъ извѣстенъ былъ нѣсколькими сочиненіями въ обыкновенномъ своемъ бонапартистскомъ духѣ: «Имперія и королевство», «Исторія третьей республики» и т. д.

19-го ноября скончался въ Парижѣ девяностодвухлѣтній Валлонъ, одинъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей третьей республики, прозванный отцомъ конституціи. Онъ родился въ Валансьенѣ въ 1812 году и воспитывался въ Нормальной Школѣ, гдѣ впоследствии получилъ каѳедру исторіи. По своему воспитанію, характеру и умственнымъ способностямъ, онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ и наслѣдовалъ въ Сорбоннѣ каѳедру Гизо. Первымъ его сочиненіемъ, произведшимъ впечатлѣніе не только въ Парижѣ, но и въ Европѣ было: «Рабство въ колоніяхъ». Въ слѣдующемъ году онъ издалъ: «Исторію рабства въ древности». Послѣднее сочиненіе окончательно упрочило его репутацію и доставило ему мѣсто секретаря комиссіи по освобожденію рабовъ. На слѣдующій годъ онъ былъ избранъ въ депутаты, но оставался въ парламентѣ недолго. Въ 1850 г. онъ вышелъ изъ него по случаю сокращенія всеобщей подачи голосовъ и въ продолженіе двадцати одного года

былъ въ отставку. Во все время Второй имперіи онъ занимался своей ученой дѣятельностью въ Сорбоннѣ и институтѣ, въ ряды котораго его избрали на мѣсто Контрмэра. Замѣчательнѣйшими его сочиненіями, вышедшими въ ту эпоху, были: «Сокращенная исторія Библіи», «О монотеизмѣ въ семитическихъ расахъ», «Жанна д'Аркъ», «Ричардъ III-й», «Терроръ», «Революціонный трибуналъ» и т. д. Послѣ катастрофы 1870 г. Аври Валлонъ былъ снова избранъ въ палату. Съ самаго начала своей дѣятельности при второй республикѣ онъ обозначился консерваторомъ, клерикаломъ и патриотомъ, но во всѣхъ отношеніяхъ приверженцемъ умѣренныхъ возрѣній. Въ сущности, онъ былъ приверженцемъ республики и выразителемъ среднихъ мнѣній между либералами и консерваторами. Четыре года тщетно версальская палата старалась создать республиканское правленіе, благодаря интригамъ раялистскаго большинства палаты. Наконецъ, въ 1873 году Валлону удалось провести свою знаменитую поправку къ конституціоннымъ законамъ. Эта дополнительная статья гласила: «Президентъ республики избирается сенатомъ и палатой»; она была принята однимъ голосомъ большинства, который всегда приписывался самому Валлону. Такимъ образомъ, косвенно, а не прямо, была провозглашена республика, а Валлона прозвали отцомъ конституціи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, которымъ, однако, оставался не болѣе года. Потомъ онъ былъ избранъ въ сенаторы и постоянные секретари «Академіи надписей». Съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ заниматься политической и ученой дѣятельностью, сохраняя до послѣднихъ дней свѣжесть своего ума и физическихъ силъ. Это дало ему возможность въ 66 лѣтъ броситься въ воду и спасти утопавшаго купальщика, за чтò Валлонъ получилъ золотую медаль. До самой своей смерти онъ былъ до того здоровъ и крѣпокъ, что разсчитывалъ праздновать свое столѣтіе, но по несчастію простудился на свадьбѣ своей внучки и умеръ, приговоря рѣчь къ академическому засѣданію.

С М Ъ С Б.

ПРИСУЖДЕНИЕ премій профессора А. А. Котляревскаго. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 19-го октября, въ 2 часа дня, состоялось подъ предѣлательствомъ вице-президента академіи П. В. Никитина и въ присутствіи нѣсколькихъ академикомъ и гостей публичное засѣданіе, въ которомъ предѣлательствующимъ отдѣленія русскаго языка и словесности, академикомъ А. Н. Веселовскимъ, былъ прочитанъ отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго. На соисканіе премій въ настоящемъ году было представлено пять сочиненій, но обсужденію комиссіи подвергнуто было только четыре. Изъ нихъ удостоены одобренія комиссіи только три: 1) «Dr. Jan Kvačala: Korespondence Jana Amosa Komenského, I. Listy Komenského a vrstevniku jeho. Nová sbírka. V Praze, 1898—II. Listy Komenského a vrstevniku jeho. Zprávy o živote jeho ze současných pramenů. Menší latinské spisky některé, 1902 («Spisy Jana Amosa Komenského». Číslo 1-a 5)». Разборъ этого сочиненія принялъ на себя академикъ В. И. Ламанскій, давшій слѣдующій отзывъ: принимая во вниманіе высокое значеніе Коменскаго, какъ великаго дѣятеля просвѣщенія и какъ классическаго чешскаго писателя и крупнаго историческаго дѣятеля въ чешско-моравской реформациі, съ одной стороны, а, съ другой, высокая достоинства и важность ученыхъ изысканій и изслѣдованій проф. Квачалы въ продолженіе слишкомъ шестнадцати лѣтъ, г. рецензентъ ходатайствуетъ о награжденіи проф. Квачалы полной преміей въ тысячу рублей. 2) «Н. Петровскій: О сочиненіяхъ Петра Гекторовича, 1487—1572 г. (Казань, 1901). 8°. Стр. 320». Рецензія на трудъ Н. М. Петровскаго по просьбѣ отдѣленія написана Г. М. Князевымъ, по мнѣнію котораго книга г. Петровскаго отвѣчаетъ одному изъ

наиболѣ живыхъ интересовъ и запросовъ современнаго славяновѣдѣнія. Его изслѣдованіе о сочиненіяхъ автора одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній сербо-далматской литературы XVI столѣтія: «Ribanje i ribarsko prigovaranje», является существенно цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу предмета. Авторъ ставилъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ подготовку путемъ критическаго изученія предмета прочнаго матеріала для научныхъ заключеній въ таковой области, которая до сихъ поръ представлялась еще мало до того обследованною. Сдѣланное имъ въ его книгѣ выполнено съ поразительною тщательностью, доходящей порою до педантичной мелочности, и съ большимъ знаніемъ предмета. Присужденіе автору преміи было бы вполне заслуженнымъ и справедливымъ признаніемъ за его трудомъ выдающагося научнаго значенія и авторитетнымъ поощреніемъ на дальнѣйшіе научные труды. 3) «С. М. Кульбакинъ: Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. а) I. Фонетика сважендзкаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ (Спб., 1903 г.), VIII+224 стран., и б) III. Морфологія сважендзкаго говора (и Тексты). Спб., 1904 г., 30 стран.». Трудъ этотъ былъ рассмотрѣнъ проф. В. К. Поржезинскимъ, который въ своемъ отчетѣ отдѣленію говоритъ: мы положительно должны быть благодарны г. Кульбакину за то, что онъ познакомилъ насъ съ однимъ изъ великопольскихъ говоровъ, а, какъ извѣстно, это нарѣчіе польскаго языка наименѣ затронуто изслѣдователями. Въ исторической части свсего труда г. Кульбакинъ затронулъ важнѣйшіе вопросы исторіи звуковъ польскаго языка. Можно съ увѣренностью сказать, что познанія автора, какъ въ области польскаго языка, такъ и въ области другихъ славянскихъ языковъ, хорошее знаніе литературы предмета, наконецъ умѣнье владѣть методомъ изслѣдованія дѣлаютъ его работу очень интересной. На этомъ основаніи г. рецензентъ выражаетъ надежду, что отдѣленіе найдетъ справедливымъ наградить автора преміей имени Котляревскаго. Комиссія закрытою баллотировкою шарами присудила профессору императорскаго Юрьевскаго университета И. Квачалъ за представленные имъ два труда полную премію проф. Котляревскаго въ тысячу рублей и по одной половинной преміи, въ пятьсотъ рублей каждая, двумъ соискателямъ: приватъ-доценту императорскаго Казанскаго университета, магистру Н. М. Петровскому, и экстраординарному профессору императорскаго Харьковскаго университета, магистру С. М. Кульбакину—первому за его изслѣдованіе о Гекторовичѣ и второму—за изслѣдованіе по исторіи и діалектологіи польскаго языка. Отдѣленіе постановило выдать установленныя золотыя медали имени проф. Котляревскаго магистранту Г. М. Князеву и проф. В. К. Поржезинскому за ихъ труды по прочтенію сочиненій и доставленію рецензій. Слѣдующее присужденіе премій проф. Котляревскаго послѣдуетъ въ 1907 году. Срокомъ для представленія трудовъ на соисканіе назначается 31-е декабря 1906 года.

Юбилей В. П. Череванскаго. 31-го октября, исполнилось 50-лѣтіе государственной службы и 45-лѣтіе литературной дѣятельности члена государственнаго совѣта, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, В. П. Череванскаго. Юбиларъ родился въ 1836 г. и, по окончаніи курса наукъ въ херсонской гимназій въ 1854 году, поступилъ на службу въ одно изъ военныхъ учрежденій

войскъ крымской дѣйствующей арміи. Послѣ крымской кампаніи, когда армія была расформирована, В. П. былъ отправленъ въ Петербургъ для окончанія ея счетовъ дѣлъ, и въ 1864 году, по приглашенію государственнаго контролера В. А. Татарина, перешелъ въ государственный контроль, которому и посвятилъ свою служебную дѣятельность до 1898 г., когда былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Въ контролѣ В. П. быстро выдвинулся, благодаря своимъ выдающимся способностямъ и необыкновенному трудолюбію. Въ 1869 году В. П. былъ уже управляющимъ контрольной палатой во вновь покоренномъ Туркестанскомъ краѣ, при чемъ въ 1880 году В. П. по личной просьбѣ и настоянію Скобелева завѣдывалъ полевымъ контролемъ при войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Закаспійскомъ краѣ. За особые труды подъ неприятельскимъ огнемъ, въ продолженіе осады и штурма Геокъ-тепе, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. П. Череванскій пожалованъ былъ орденомъ св. Станислава 1-й степени съ мечами. Послѣ ахаль-текинской экспедиціи В. П. недолгое время управлялъ московской контрольной палатой, а затѣмъ назначенъ былъ директоромъ канцеляріи государственнаго контроля. Последнія девять лѣтъ службы въ контролѣ В. П. Череванскій было товарищемъ государственнаго контролера, и въ 1898 году былъ призванъ въ государственный совѣтъ къ присутствованію въ департаментѣ экономіи. В. П. началъ свою литературную дѣятельность въ 1859 году разсказомъ «Петръ Петровичъ Петроконенко», помѣщеннымъ въ газетѣ «Сынъ Отечества». Разсказъ имѣлъ успѣхъ и открылъ автору дорогу въ другіе органы, гдѣ В. П. помѣщалъ свои беллетристическія произведенія, а также экономическія статьи и корреспонденціи. Отличительныя черты литературнаго дарованія В. П.—рѣдкая наблюдательность, тонкій юморъ; живой языкъ и увлекательность разсказа. Лучшее изъ послѣднихъ произведеній В. П.—вышедшая въ 1896 году историческая хроника «Подъ боевымъ огнемъ», иллюстрированная лучшими нашими художниками. В. П. описываетъ здѣсь главнымъ образомъ ахаль-текинскую экспедицію и обнаруживаетъ глубокое знаніе Востока.

С.-Петербургское археологическое общество. I. Первымъ въ наступившемъ академическомъ году собраніемъ членовъ было состоявшееся 30-го сентября засѣданіе восточнаго отдѣленія. Почтена была вставаніемъ память скончавшагося наканунѣ генерала А. В. Комарова, одного изъ дѣятельныхъ членовъ отдѣленія. Какъ коллекціонеръ восточныхъ монетъ, покойный не разъ дѣлился съ сочленами своими интересными открытіями въ этой области. Баронъ В. Р. Розень сдѣлалъ докладъ о новомъ и выдающемся трудѣ нѣмецкаго ученаго Маркарта. Трудъ этотъ весьма интересенъ, какъ трактующій о племенахъ нашихъ предковъ славянъ и сосѣднихъ съ ними хозаръ, печенѣговъ и т. д. Авторъ, обладая огромною эрудиціею, пользуется самыми разнообразными источниками и между прочимъ арабскими, сирійскими, армянскими, грузинскими и другими восточными рукописями. Изъ этого обширнаго матеріала имъ сдѣлано много интересныхъ и блестящихъ обобщеній. Такъ, напримѣръ, Вѣлюю Вѣжю лѣтописи онъ отождествляетъ съ столицею хозаръ Итилемъ, городъ Данастъ считаетъ за Кіевъ; племена тиверцевъ приписываетъ мадыарское происхожденіе и т. д. Много вредитъ автору, однако, по мнѣнію докладчика,

незнакомство съ русскимъ языкомъ и трудами русскихъ ориенталистовъ. Въ преніяхъ по докладу принялъ участіе присутствовавшій на засѣданіи академикъ А. И. Соболевскій. II. 2-го октября подъ предѣтельствомъ графа И. И. Толстого состоялось учредительное собраніе вновь возникшаго нумизматическаго отдѣленія общества. Постановленіемъ отдѣленія рѣшено просить его императорское высочество, великаго князя Георгія Михайловича, принять на себя должность управляющаго отдѣленіемъ. Въ члены совѣта избранъ А. А. Ильинъ, въ секретари—М. Г. Деммени. По окончаніи выборовъ намѣчены были ближайшія задачи, которыя ставить себѣ отдѣленіе въ началѣ своей дѣятельности. Предположено устраивать періодическія засѣданія для обсужденія текущихъ вопросовъ, касающихся новостей и открытій, весьма частыхъ въ области нумизматики. Затѣмъ рѣшено описать коллекціи монетъ, имѣющіяся въ музеѣ общества и заключающія въ себѣ весьма разнообразный и интересный матеріалъ въ восточныхъ, русскихъ и античныхъ монетахъ и медаляхъ. Кромѣ того, проектировано составленіе формуляровъ наиболѣе рѣдкихъ монетъ, съ указаніемъ, кому именно принадлежитъ въ данное время та или другая монета или медаль. III. Русское отдѣленіе впервые послѣ лѣтняго отдыха собралось 9-го октября въ засѣданіе, подъ предѣтельствомъ профессора С. Ф. Платонова. Доклады сдѣлалъ профессоръ Н. И. Веселовскій и профессоръ И. Я. Гурляндъ. Н. И. Веселовскій сообщил о результатахъ послѣднихъ работъ его по изслѣдованію вопроса о загадочныхъ до сихъ поръ археологическихъ памятникахъ— «каменныхъ бабахъ», грубо сдѣланныхъ человѣческихъ фигурахъ, находимыхъ на вершинахъ погребальныхъ кургановъ. Бабамъ этимъ, или «балбаламъ», какъ ихъ называютъ орхонскія надписи, приписывается тюркское происхожденіе. Вопросъ о значеніи ихъ остается загадочнымъ до сихъ поръ. Существуютъ два объясненія: фигура изображала или самого умершаго или убитаго имъ врага, такъ какъ послѣдній, по шаманскимъ вѣрованіямъ, становился въ загробной жизни рабомъ своего побѣдителя. Референтъ находитъ, что матеріалъ, изъ котораго дѣлались бабы, въ сущности значенія не игралъ: извѣстны «бабы» и изъ металла и изъ дерева. И. Я. Гурляндъ освѣтилъ интересный вопросъ о значеніи боярской, ближней и тайной думъ XVI—XVII столѣтій. Значеніе боярской думы стало сильно падать со времени Іоанна Грознаго. Ближняя дума, составлявшая въ началѣ лишь маленькій интимный кружокъ бояръ, съ которыми царь совѣтовался предварительно внесенія вопроса въ боярскую думу, начинаетъ постепенно играть все большую и большую роль; постановленія ея окончательно утверждаются государемъ, число ближнихъ бояръ растетъ; боярская же дума собирается рѣже и рѣже и, наконецъ, къ второй половинѣ XVII столѣтія уступаетъ совершенно свое мѣсто ближней думѣ. Функціи ближней думы начинаетъ исполнять тайная дума изъ числа самыхъ близкихъ къ царю людей. По нѣкоторымъ даннымъ, тайный приказъ былъ какъ бы исполнительною канцеляріею тайной думы. IV. 16-го октября въ засѣданіи классическаго отдѣленія С. А. Жебелевъ сдѣлалъ докладъ, представлявшій интересную попытку объяснить происхожденіе одного изъ христіанскихъ обрядовъ, упоминаемыхъ въ житіяхъ святыхъ Кира и Іоанна, Космы и Даміана и мученика Артемія. Обрядъ этотъ за-

ключался въ томъ, что больные являлись въ храмъ и проводили тамъ ночь, въ надеждѣ получить во снѣ исцѣленіе или откровеніе святыхъ. Происхожденіе этой обрядности, которой референтомъ дается названіе «христіанской инкубаціи», докладчикъ объясняетъ пережиткомъ подобнаго же обряда, извѣстнаго въ древней Греціи. Тамъ больные являлись въ храмъ божества-цѣлителя и, принеся жертвы, также оставались на ночь, чтобы во снѣ получить исцѣленіе или указація на средства для исцѣленія. Данныя референта относятся къ IV—V столѣтіямъ христіанской эры, но, какъ выяснилось въ преніяхъ, обрядъ «инкубаціи» былъ весьма распространенъ и въ средніе вѣка на востокъ и отчасти на западъ. М. И. Ростовцевъ далъ любопытныя объясненія двумъ типамъ археологическихъ находокъ. Довольно распространенный типъ римскихъ древностей—костяныя тессеры, съ надписями «Spectativ», онъ объясняетъ, какъ таблицы, которыя брались на память больными, лѣжившимися въ Оракулѣ Эскулапа на Тибрскомъ полуостровѣ. Шашкамъ изъ кости (какой-то игръ въ древности, въ родѣ нашихъ пашекъ), найденнымъ на югѣ Россіи и находящимся нынѣ въ императорскомъ эрмитажѣ, докладчикъ приписываетъ происхожденіе изъ Александріи.

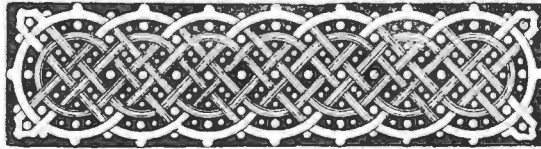
Опять о «Гавриладѣ». Вопросъ этотъ поднять опять г. Барсуковымъ въ 8-й книжкѣ «Старины и Новизны». Въ Остафьевской бібліотекѣ хранится томикъ «Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій. Второе изданіе. Berlin, 1870». Книжка эта снабжена собственноручными примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго. На стр. 34—42 напечатанъ отрывокъ изъ «Гаврилады». При этомъ князь Вяземскій замѣтилъ: «У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ Гаврилады, имъ мнѣ присланный. Должно сжечь его, что и завѣщаю сдѣлать сыну моему». «Это замѣчаніе князя Вяземскаго,—говоритъ г. Барсуковъ,—вполнѣ подтверждаетъ собственноручныя показанія Пушкина, данныя имъ въ слѣдственной комиссіи, въ августѣ 1828 года, а именно: 1) «сія поэма писана не имъ; что онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ лицѣ, въ 1815 или 1816 году, и переписалъ ее, но не помнитъ, куда дѣвалъ сей списокъ». 2) «Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полка, но, отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 20 году». «Новое Время» въ № 10268 подъ заглавіемъ «Пушкиніана» слѣдующимъ образомъ отозвалось на эту новую попытку почтеннаго историка литературы. «Мы не понимаемъ этихъ замѣчаній г. Барсукова. Князь Вяземскій въ 1870-мъ году пишетъ, что у него хранится «полный собственноручный Пушкина списокъ Гаврилады», который онъ завѣщалъ сыну своему сжечь. Очевидно, что князь Вяземскій этими строками признаетъ принадлежность Пушкину не «списка» только, но и самой «Гаврилады», ибо иначе зачѣмъ же завѣщать сыну сжечь этотъ списокъ? Судя по другимъ замѣчаніямъ князя Вяземскаго къ напечатаннымъ въ Берлинѣ стихотвореніямъ, гдѣ онъ то подтверждаетъ, то отрицаетъ принадлежность Пушкину тѣхъ или другихъ стиховъ, можно думать, что онъ и къ стихамъ изъ «Гаврилады» сдѣлалъ бы примѣчаніе, что они не принадлежатъ Пушкину. А онъ этого не сдѣлалъ. Затѣмъ въ показаніи своемъ слѣдственной комиссіи Пушкинъ сказалъ, что онъ

свой «списокъ Гаврилады сжегъ, вѣроятно, въ 20-мъ году». Между тѣмъ этотъ списокъ оказался у князя Вяземскаго, въ его старыхъ бумагахъ, въ 1870 году. Кажется, нѣтъ основанія отрицать принадлежность этого стихотворенія Пушкину, но подлинный его руки списокъ, очевидно, не существуетъ». На эту замѣтку г. Барсуковъ тотчасъ отозвался въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» замѣткою «Гаврилада». «Не входя ни въ какіе споры и пререканія,—пишетъ онъ,— замѣчу только, что какъ этотъ, скрывшій свое имя критикъ»,—т.-е. авторъ замѣтки въ «Новомъ Времени»,—«такъ и другіе критики «Русскаго Архива», «Новаго Времени», «Историческаго Вѣстника», старающіеся во что бы то ни стало навязать Пушкину авторство «Гаврилады», какъ бы умышленно замалчиваютъ, что еще въ прошломъ 1903 году г. Каллашъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ» отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ (т. VIII, кн. 3-я, стр. 353—364) сатиру князя Д. П. Горчакова, подъ заглавіемъ «Святки» (Noël), написанную около 1816—1817 года. Въ этой сатирѣ авторъ ея самъ о себѣ говоритъ:

«Къ Венерѣ съ извиненьемъ
Подѣрался Горчаковъ,
Удобривая чтеньемъ
Похвальныхъ ей стиховъ.
Она ему въ отвѣтъ: «Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругалъ меня»...

«При послѣднемъ стихѣ г. Каллашъ замѣчаетъ: «Намекъ на Гавриладу». Такимъ образомъ, князь Горчаковъ вступаетъ въ права своей литературной собственности, а съ Пушкина снимается позорное клеймо лжеца! Помимо неосновательности сужденія г. Барсукова, въ его замѣткѣ есть вызовъ на отвѣтъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Охотно принимаемъ этотъ вызовъ и отвѣтимъ по пунктамъ. Напрасно говорить г. Барсуковъ, будто кто-то старается «навязать» Пушкину авторство «Гаврилады»: напротивъ, это г. Барсуковъ старается отвязать имя Пушкина отъ несомнѣнно ему принадлежащей поэмы. Стихъ, слогъ, образы, лицейскія и царскосельскія воспоминанія, пятистопный ямбъ, очень напоминающій и пьесу «Сонъ» («Пускай поэтъ съ кадилницей наемной») и шутку «Отъ всеобщей вечери идя домой»,—все гласитъ объ авторствѣ Пушкина. Сентиментальное старанье закрывать глаза на очевидность не поможетъ г. Барсукову. Далѣе, не только умышленнаго замалчиванія, но и вообще замалчиванія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» не усмотритъ никто, кромѣ г. Барсукова. Нельзя не цѣнить библиографическихъ изысканій г. Каллаша, труды котораго заслуживаютъ полнаго уваженія и вниманія. Но развѣ его мнѣніе—такой фактъ, который исключаетъ возможность разногласія? Притомъ, не слѣдуетъ дѣлать неточныхъ цитатъ. Правда, слова «намекъ на Гавриладу» стоятъ у г. Каллаша на страницѣ, указанной г. Барсуковымъ, но въ какой связи? А вотъ въ какой: «Намекъ на Гавриладу? См. мои статьи въ «Русской Мысли» 1903 года, XI, и «Литературномъ Вѣстникѣ» 1902 года, II». Итакъ, г. Каллашъ не утверждаетъ, а спрашиваетъ. Въ упомянутыхъ имъ болѣе раннихъ его статьяхъ онъ точно также воздерживается отъ окончатель-

наго заключенія. Зачѣмъ же пропускаетъ г. Барсуковъ и вопросительный знакъ, и цитаты г. Каллаша? Приведемъ, на примѣръ, основную мысль статьи г. Каллаша въ «Литературномъ Вѣстникѣ» 1902 года, кн. 2, стр. 162: «Такимъ образомъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Пушкинъ задумалъ и отчасти написалъ какую-то поэму типа «Гаврплады» («Благовѣщеніе»?), сообщалъ нѣкоторые отрывки изъ нея своимъ литературнымъ друзьямъ и былъ вообще заинтересованъ этой темой». Неужели г. Барсуковъ серьезно думаетъ, что г. Каллашъ—его союзникъ? Наконецъ, пьеса г. Барсукова совершенно излишенъ. Всякъ человекъ ложь, и невинно соврать при случаѣ—вовсе не преступленіе, хотя, разумѣется, не подвигъ. А маленькая слабость—отрекаться отъ своихъ произведеній несомнѣнно была у Пушкина: просимъ г. Барсукова прочесть во второмъ изданіи академическаго перваго тома сочиненій Пушкина на стр. 73—74 слова Л. Н. Майкова: «Любопытно, что Пушкинъ еще въ 1830 году отрекался отъ сочиненія этой пьесы («Романсъ», Подъ вечеръ осенью ненастной) и говорилъ: «По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за чужія проказы». Но присутствіе «Романса» въ тетради 1826 года устраняетъ всякія сомнѣнія на этотъ счетъ». Такимъ образомъ, ужь если говорить (совершенно некстати) о «позорномъ клеймѣ лжеца», то достаточно исторіи съ «Романсомъ»—и вопросъ о «Гаврпладѣ» исчерпанъ.

НЕКРОЛОГИ.

БУНАКОВЪ, Н. Ѳ. 8-го ноября скончался Николай Теодоровичъ Бунаковъ. Имя покойнаго пользовалось большою популярностью въ учебномъ мѣрѣ. Онъ былъ педагогъ практикъ и авторъ множества распространеннѣйшихъ учебниковъ. Достаточно указать, что его «Азбука и уроки чтенія и письма» выдержали до шестидесяти изданій, чтобы представить себѣ ту огромную численность дѣтской арміи, которая училась читать и писать по Бунакову. Послѣ учебниковъ К. Д. Ушинскаго его учебники самые распространенные и наиболѣе хорошо составленные. Н. Ѳ. родился въ 1837 году въ Вологдѣ, окончилъ курсъ въ мѣстной гимназій и восемнадцати лѣтъ, выдержавъ экзаменъ на учителя русскаго языка, началъ свою педагогическую дѣятельность въ тотемскомъ уѣздномъ училищѣ. Талантливый юноша-учитель часы досуга посвящалъ самообразованію и особенно интересовался приобрѣтеніемъ свѣдѣній о Россіи и этнографіей. Ознакомленіе съ народной жизнью вызвало у него рядъ статей, напечатанныхъ въ «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Эпоха реформъ шестидесятыхъ годовъ застала его учителемъ вологодскаго уѣзднаго училища. Дореформенные порядки не укрылись отъ его наблюдательности. Онъ явился горячимъ обличителемъ мѣстныхъ неурядковъ, помѣстивъ нѣсколько статей въ «Русскомъ Словѣ». Вологда всколыхнулась, авторъ обличеній не скрывался; ему пришлось оставить учительство. Тогда Н. Ѳ. въ поискахъ за занятіями пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь отдался литературной работѣ. Его рассказы, очерки и статьи печатались въ «Искрѣ», «Свѣточѣ» и «Времени». Здѣсь же онъ познакомился съ К. Д. Ушинскимъ и Ѳ. Ѳ. Резнеромъ—основателемъ и руководителемъ безплатной школы. Одновременно сталъ посѣщать С.-Петербургскій университетъ

въ качествѣ вольнослушателя. Въ срединѣ 60-хъ годовъ бесплатная школа была закрыта. Н. Θ. выдержалъ экзаменъ на званіе учителя словесности въ кадетскихъ корпусахъ и былъ назначенъ въ 1867 году учителемъ въ Воронежскую военную гимназію. Въ Воронежѣ онъ открылъ вскорѣ частную начальную школу, которую руководилъ въ теченіе тринадцати лѣтъ. Въ то же время онъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Этотъ періодъ дѣятельности покойнаго былъ самый оживленный. Онъ руководитъ своей школой, устраиваетъ съѣзды учителей, принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ учительскихъ съѣздахъ, собиравшихся въ Херсонѣ, Псковѣ, Шадринскѣ и во многихъ другихъ городахъ. Во время политехнической выставки въ Москвѣ читаетъ лекціи по методикѣ предметовъ начального обученія. Въ Воронежѣ онъ составилъ «Азбуку», которая вмѣстѣ съ другими учебниками: «Обученіе грамотѣ по звуковому способу въ связи съ предметными уроками», «Въ школѣ и дома», «Книжка-первинка», «Родной языкъ» и «Хрестоматія», создала покойному крупное имя среди русскихъ педагоговъ. Въ 1879 году Н. Θ. былъ вынужденъ выйти въ отставку. Его дѣятельность на пользу русской народной школы петербургскій комитетъ грамотности отмѣтилъ въ 1882 году присужденіемъ ему золотой медали. Въ 1884 году Н. Θ. купилъ участокъ земли въ селѣ Петино Воронежской губерніи, выстроилъ на немъ школу и вмѣстѣ съ земскимъ учителемъ занимался въ ней. Въ школѣ же онъ устраивалъ чтенія для крестьянъ, музыкальныя утра и основалъ въ селѣ драматическій театръ съ труппою актеровъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ неурожайный 1891 годъ Н. Θ. организовалъ попечительство для помощи голодающимъ и завѣдывалъ нѣсколькими народными столовыми. Затѣмъ во время всероссійской выставки въ Нижнемъ Новгородѣ прочелъ рядъ лекцій о К. Д. Ушинскомъ. До послѣдняго времени покойный жилъ среди крестьянъ, пользуясь ихъ симпатіями и общимъ уваженіемъ. Работая на «культурной» нивѣ, Н. Θ. подъ конецъ жизни убѣдился, что для достиженія поставленной имъ себѣ цѣли—работать на благо родины,—необходимы иныя средства и иные методы дѣятельности. И вотъ старецъ Н. Θ. становится дѣятелемъ воронежскаго губернскаго земства, а затѣмъ своей извѣстною рѣчью въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности навлекаетъ на себя суровую кару со стороны В. К. Плеве. Лишенный права участія въ земской дѣятельности, подвергшійся многимъ другимъ ограниченіямъ и высланный изъ Воронежа сначала въ собственный маленькій хуторокъ, а затѣмъ въ уѣздный городъ Острогожскъ подъ гласный надзоръ полиціи, Н. Θ. оставался въ такомъ положеніи до самаго послѣдняго времени и освобожденъ лишь тогда, когда повѣяло «весною». (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10308, «Петербургскій Листокъ», 1904 г., № 312, и «Наша Жизнь», 1904 г., №№ 5 и 6).

† **Горожанкинъ, И. И.** 7-го ноября въ Москвѣ скончался заслуженный профессоръ Московскаго университета, Иванъ Николаевичъ Горожанкинъ. Уроженецъ Воронежской губерніи, И. И. происходилъ изъ купеческой семьи, получилъ образованіе въ Воронежской гимназій и Московскомъ университетѣ; по окончаніи курса по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета былъ оставленъ при университетѣ и въ 1869 году назначенъ доцентомъ по

кафедръ ботаники. Изъ трудовъ покойнаго извѣстны его магистерская диссертація «Генезисъ въ типѣ пальмелевидныхъ водорослей» и докторская—«О кирнаскулахъ у хвойныхъ растений» и цѣлый рядъ другихъ работъ, создавшихъ ему репутацію серьезнаго ученаго. П. Н. Горожанкинъ принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ испытателей природы, въ которомъ занималъ должность вице-президента. Скончался онъ 60 лѣтъ. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 582; «Русское Слово», 1904 г., № 312, и «Новое Время», 1904 г., № 10308).

† **Горскій-Платоновъ, П. И.** 21-го октября скончался заслуженный профессоръ Московской духовной академіи, Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ, одинъ изъ послѣднихъ мѳиканъ старой дореформенной академіи. Вся жизнь покойнаго протекла въ стѣнахъ академіи: онъ былъ профессоромъ еврейскаго языка и библейской археологіи и одно время инспекторомъ. Ученыя занятія онъ верѣдко раздѣлялъ съ общественною дѣятельностью: былъ городскимъ старостою Сергіевскаго посада. Какъ профессоръ и притомъ такого предмета, какъ еврейскій языкъ, покойный не имѣлъ себѣ равнаго; онъ служилъ въ академіи до тѣхъ поръ, пока разстроенное здоровье не заставило его покинуть профессорскую кафедру. Вскорѣ по уходѣ изъ академіи совѣтъ профессоровъ, во вниманіе къ трудамъ Горскаго-Платонова, избралъ его почетнымъ членомъ совѣта академіи. Въ лицѣ П. И. Платонова академія понесла большую утрату. (Некрологи его: «Московскій Листокъ», 1904 г., № 297, и «Новое Время», 1904 г., № 10294).

† **Капнистъ, П. А.** 19-го октября скончался въ Петербургѣ, въ возрастѣ 62-хъ лѣтъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ, графъ Павелъ Александровичъ Капнистъ. Покойный въ теченіе почти 15-ти лѣтъ состоялъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа и извѣстенъ рядомъ выдающихся работъ, посвященныхъ вопросамъ о классическомъ образованіи. Онъ родился въ 1842 году; высшее образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ императорскаго Московскаго университета и по окончаніи курса поступилъ въ 1865 г. на службу въ министерство юстиціи. Черезъ пять лѣтъ графъ П. А. былъ назначенъ товарищемъ прокурора окружнаго суда, въ 1871 г.—чиновникомъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 3-мъ департаментѣ сената, затѣмъ исправлялъ должность кievскаго губернскаго прокурора, въ 1875 г. назначенъ управляющимъ канцеляріею министерства юстиціи, въ 1877 г.—прокуроромъ московской судебной палаты и въ 1880 г.—попечителемъ Московскаго учебнаго округа; въ 1894 г. онъ былъ командированъ въ Германію и Францію для осмотра учебныхъ заведеній, а въ 1895 г. ему всемілостивѣйше повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ. Покойному принадлежитъ большой и весьма цѣнный трудъ: «Классицизмъ, какъ необходимая основа гимназическаго образованія», который былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Обзорѣніи» (1891 г.), а затѣмъ изданъ отдѣльной книгой. Кромѣ того, имъ были помѣщенъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ статей, напримѣръ, «По поводу отношенія нѣкоторой части нашего общества къ классическимъ гимназіямъ», «Къ вопросу о нормальномъ числѣ недѣльныхъ уроковъ въ средней школѣ» и др.; въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»—«От-

четь о поѣздкѣ лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію», «Историческій очеркъ развитія реального образованія въ Германіи до восьмидесятихъ годовъ нашего столѣтія» (1899 г.) и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» — «Учебная реформа» (1901 г.). Послѣдніе два труда покойный выпустилъ отдѣльными книгами: первый подъ такимъ же заглавіемъ, а другой — «Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія». Наконецъ, въ прошломъ году графъ П. Капнистъ помѣстилъ въ «Вѣстникъ Европы» статью: «Университетскіе вопросы», гдѣ сдѣлалъ весьма интересные выводы изъ своего долготѣннаго опыта. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 294; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 240; «Новое Время», 1904 г., № 10288; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 540; «Южный Край», 1904 г., № 8252, и «Волгарь», 1904 г., № 292).

† **Максимовъ, Е. Я.** 1-го октября, вблизи Шахэ, убитъ сотрудникъ «Новаго Времени», подполковникъ Евгений Яковлевичъ Максимовъ, только два мѣсяца тому назадъ отправившійся на Дальній Востокъ. Покойный былъ вонномъ по призыванію: сражался съ турками въ рядахъ сербовъ, съ туркменами въ составѣ ахаль-текинскаго отряда, съ англичанами въ Трансваалѣ и, наконецъ, съ японцами; въ мирное время занимался изслѣдованіемъ мало извѣстныхъ странъ — Абиссиніи, Персіи, Афганистана. Е. Я. родился въ Царскомъ Селѣ 4-го марта 1849 года, среднее образованіе получилъ въ 5-й с.-петербургской гимназіи, а затѣмъ слушалъ лекціи въ технологическомъ институтѣ и на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Въ 1869 году онъ поступилъ вольноопредѣляющимся лейбъ-гвардіи въ конно-гренадерскій полкъ и черезъ годъ, выдержавъ экзаменъ на офицерскій чинъ, произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи въ кирасирскій полкъ. Въ 1875 году покойный отправился добровольцемъ въ Сербію и принялъ тамъ дѣятельное участіе въ борьбѣ босняковъ и герцеговинцевъ съ турками; черезъ годъ сформировалъ вмѣстѣ съ покойнымъ докторомъ Дворяшинымъ новгородскій санитарный отрядъ, а въ 1876 году участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ въ составѣ моравской арміи генерала Черняева, командуя шабацкимъ батальономъ и отдѣльными отрядами, между прочимъ, черногорскимъ въ бою подъ Бабовшидомъ. Во время войны 1877 — 1878 гг. находился въ распоряженіи начальника этапныхъ сообщений тыла дѣйствующей арміи и состоялъ комендантомъ Веретичи, Бухареста, Рени и Браилова. Въ 1880 году отправился съ отрядомъ Краснаго Креста въ ахаль-текинскую экспедицію и завѣдывалъ при генералѣ Скобелевѣ передовымъ летучимъ отрядомъ. Въ 1896 году отправился въ Абиссинію корреспондентомъ «Новаго Времени», снарядилъ караванъ и добрался до Аддис-Абебы, думалъ заняться изслѣдованіемъ истоковъ Голубого Нила, но вскорѣ возвратился оттуда, желая поступить добровольцемъ въ греческую армію; перемиріе, заключенное греками съ турками, помѣшало осуществленію этой мысли. Въ слѣдующемъ году Е. Я. совершилъ путешествіе въ Среднюю Азію, собралъ интересные матеріалы о Персіи и Афганистанѣ и помѣстилъ нѣсколько статей о своихъ изслѣдованіяхъ въ газетахъ. Во время борьбы буровъ съ Англіею отправился въ Трансваалъ, поступилъ въ составъ «европейскаго легіона» и послѣ гибели его начальника Вильбуа командовалъ этимъ легіономъ, причинившимъ много за-

трудней англичанамъ. Въ сраженіи при Табанчу онъ получилъ три серьезныхъ раны и, несмотря на то, участвовалъ еще въ бою подъ Кронстадомъ. Буры провозгласили его фехтгенераломъ—честь, доставшаяся только ему одному изъ всѣхъ европейцевъ, бывшихъ добровольцами въ Трансвааль. Война Россіи съ Японіей вызвала у покойнаго желаніе поступить въ дѣйствующую армію, и онъ опредѣлился въ орловскій полкъ, въ составѣ котораго и нашелъ славную смерть въ первомъ же бою. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10282, и «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 235).

† Семеновъ, Н. П. 11-го октября скончался въ своемъ имѣніи Рязанской губернии сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Петровичъ Семеновъ, извѣстный государственный дѣятель и писатель. Покойный родился въ 1823 году, образованіе получилъ въ Царскосельскомъ лицѣѣ и, по окончаніи послѣдняго, опредѣлился на службу въ 1843 году въ департаментъ министерства юстиціи. Черезъ три года Н. П. Семеновъ состоялъ уже товарищемъ предсѣдателя ярославской палаты уголовного суда; въ 1850 году былъ назначенъ виленискимъ губернскимъ прокуроромъ, затѣмъ въ 1853 году переведенъ чиновникомъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ первый департаментъ сената, а черезъ два года сдѣланъ исправляющимъ должность оберъ-прокурора 2-го отдѣленія пятаго департамента сената, въ каковой должности, съ перемѣною лишь департаментовъ, состоялъ до 1859 года. Въ этомъ году Н. П. Семеновъ былъ приглашенъ въ составъ членовъ редакціонныхъ комиссій, въ которыхъ, главнымъ образомъ, сосредоточивалась дѣятельность по составленію положеній объ освобожденіи крестьянъ. Первымъ предсѣдателемъ этихъ комиссій былъ генераль-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ, «главный герой отиѣны крѣпостного права», а членами — такіе извѣстные государственные и общественные дѣятели, какъ Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, князь В. А. Черкасскій, графъ В. Н. Панинъ (послѣ смерти Я. И. Ростовцева былъ вторымъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій), Н. Я. Бунге, Ю. Ѳ. Самаринъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій и др.

Состоя членомъ комиссій, покойный много потрудился надъ составленіемъ цѣлаго ряда докладовъ, особенно по поводу «сельскаго управленія», принималъ участіе въ разработкѣ проекта о мировыхъ посредникахъ и вообще съ особенной энергіей вступалъ въ обсужденіе болѣе существенныхъ вопросовъ, сопровождая свои доводы рядомъ фактовъ и доказательствъ, отчего его замѣчанія сравнительно пространнѣ многихъ другихъ.

По мысли и предложенію Я. И. Ростовцева, Н. П. Семеновъ во все время существованія комиссій (съ 4-го марта 1859 года по 10 октября 1860 года) велъ дневныя записки, въ которыя вносилъ все, происходившее и говорившееся въ засѣданіяхъ (по преимуществу общихъ присутствій), но не вносившееся въ печатные и журнальные отчеты. Эти-то записки и легли въ основаніе замѣчательнаго въ русской исторической литературѣ труда Н. П. Семенова — «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу». Трудъ этотъ, увѣнчанный двумя академическими преміями, состоитъ изъ трехъ томовъ; вышедшихъ въ теченіе 1889 — 1892 годовъ, и представляетъ собою рѣдкое явленіе

даже въ болѣе богатыхъ литературахъ иностранныхъ; онъ съ рѣдкою точностью и подробностями раскрываетъ передъ нами картину выработки положенія 19-го февраля 1861 года, со всѣми преніями и деталями, на общихъ присутствіяхъ, и приводитъ рядъ характерныхъ чертъ времени и тогдашнихъ дѣятелей.

Еще задолго до изданія этого труда, Н. П. Семеновъ сталъ печатать свои статьи по крестьянскому вопросу, на основаніи упомянутыхъ записокъ, въ по-временныхъ изданіяхъ: «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Зарѣ», «Русской Старинѣ» и др. Первая его статья: «Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи», появилась въ августовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1862 годъ. Послѣ 1892 г. покойный выпустилъ въ свѣтъ «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Выводы и заключенія» (Сиб., 1894 г.) и «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II. О будущемъ крестьянскаго сословія въ Россіи» (Сиб., 1896 г.) — труды, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ немало противниковъ.

Но этимъ не ограничивается литературная дѣятельность Н. П. Семенова. Онъ извѣстенъ еще, какъ выдающійся переводчикъ-поэтъ произведеній Мицкевича. Его сборникъ: «Изъ Мицкевича» (Сиб., 1883 г.), увѣнчанъ академіею наукъ Пушкинскою преміею. Кромѣ того, его занятія ботаникой также оставили свой слѣдъ въ этой наукѣ. Собранный имъ, благодаря множеству продолжительныхъ ботаническихъ экскурсій, богатѣйшій гербарій оказалъ блестящую услугу профессору Цингеру при составленіи имъ «Сборника свѣдѣній о флорѣ средней Россіи». Лично въ этой области Н. П. Семенову принадлежатъ слѣдующія работы: «Русская номенклатура наиболѣе извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ растений» (Сиб., 1878 г.); «О ненормальныхъ размноженіяхъ живыхъ организмовъ въ природѣ» (Сиб., 1879 г.); «Деревья и кустарники, растущіе на открытомъ воздухѣ въ южной части Рязанской губерніи» (Сиб., 1886 г.), и др.

Прохожденіе службы покойнаго послѣ 1860 года было таково: въ теченіе 7-ми лѣтъ онъ состоялъ оберъ-прокуроромъ разныхъ департаментовъ правительствующаго сената и совершилъ, между прочимъ, командировку въ Тверь для производства вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ Анненковымъ слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ мировыхъ посредниковъ (1862 г.); въ 1868 г. былъ назначенъ сенаторомъ, присутствующимъ въ четвертомъ департаментѣ; впослѣдствіи состоялъ исправляющимъ должность первоприсутствующаго, затѣмъ сенаторомъ перваго общаго собранія и наконецъ съ 1902 года втораго общаго собранія.

Какъ человѣкъ, Н. П. Семеновъ отличался силою характера и рѣдкою твердостью и непоколебимостью своихъ убѣжденій; въ то же время былъ необыкновенно скромнъ и непритязателенъ, чуждъ искательства, лести; его прямота не только въ общественныхъ, но и въ служебныхъ отношеніяхъ несомнѣнно часто вредила ему и тормозила его служебную карьеру, но въ частной жизни онъ былъ мягкій и рѣдкой доброты человѣкъ.

Болѣе подробную характеристику этого замѣчательнаго человѣка мы сообщимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Историческаго Вѣстника».

† Сизовъ, В. И. 19-го октября въ Москвѣ скончался ученый секретарь императорскаго историческаго музея, Владимиръ Ильичъ Сизовъ. В. И. былъ извѣстенъ, какъ знатокъ искусства, исторіи, педагогъ и археологъ. В. И. родился въ 1840 году и среднее образованіе получилъ въ третьей московской гимназіи, по окончаніи курса которой поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. По окончаніи университета со степенію кандидата историко-филологическаго факультета поступилъ учителемъ въ кутаисскую гимназію, что дало ему возможность ознакомиться съ мѣстной археологіею и этнографіею. Вскорѣ затѣмъ перешелъ преподавателемъ въ Николаевскій московскій институтъ и въ это же время близко сошелся съ извѣстнымъ педагогомъ Стоюнинымъ. Въ семидесятыхъ годахъ, вступивъ въ Московское археологическое общество, обратилъ на себя вниманіе основателя русской археологіи графа А. С. Уварова, ближайшимъ помощникомъ котораго сталъ. Многочисленныя раскопки, произведенныя Сизовымъ, археологическія и художественныя поѣздки по Россіи и за границей поставили его въ ряду лучшихъ практическихъ знатоковъ русскихъ древностей и искусства. Отличное знаніе эпохъ и стилей дѣлали его незамѣнимымъ судьей при научной оцѣнкѣ памятниковъ древностей. На высшихъ драматическихъ курсахъ въ Москвѣ В. И. читалъ обстоятельный курсъ исторіи костюма. Кромѣ того, принималъ участіе въ дѣлахъ императорскихъ театровъ въ качествѣ члена художественнаго совѣта по бытовымъ, археологическимъ и другимъ вопросамъ. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1904 г., № 293, и «Новое Время», 1904 г., № 10290).

† Чернявскій, И. С. 5-го ноября скончался отъ паралича сердца артиллерій генераль-лейтенантъ, Иванъ Сильвестровичъ Чернявскій, родившійся въ 1835 году въ Феодосіи. И. С. образованіе получилъ въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ въ 1855 году выпущенъ прапорщикомъ съ назначеніемъ въ дѣйствующую армію по оборонѣ Севастополя. Съ этого момента началась продолжительная боевая карьера покойнаго. Въ 1856 году былъ переведенъ на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ покореніи Чечни, Дагестана (1857—1859 гг.), Западнаго Кавказа (съ 1859—1864 гг.). Съ 1866 по 1871 годъ былъ адъютантомъ командующаго войсками Дагестанской области, а съ 1871 года состоялъ въ распоряженіи главнокомандующаго Кавказской арміи, великаго князя Михаила Николаевича. Съ 1877 года въ теченіе года былъ при Лорисъ-Меликовѣ правителемъ канцеляріи при штабѣ дѣйствующаго корпуса. Въ 1877 году за боевыя отличія былъ произведенъ въ генераль-майоры. Послѣ 22-хъ-лѣтней жизни, проведенной въ строю, въ войнахъ и походахъ, И. С. Чернявскій избралъ себѣ литературное поприще, на какомъ подвизался въ теченіе 35 лѣтъ. Имя его въ военно-исторической литературѣ пользуется большою извѣстностью и авторитетомъ. Съ 1879 года до 1888 состоялъ начальникомъ военно-историческаго отдѣла штаба кавказскаго военнаго округа. Въ 1900 году И. С. Чернявскому высочайше было поручено собрать матеріалы и составить описаніе русско-турецкой войны на Кавказскомъ и Малоазіатскомъ театрѣ, что было имъ выполнено. Часть этого весьма интереснаго труда уже напечатана. Кромѣ того, И. С. состоялъ въ

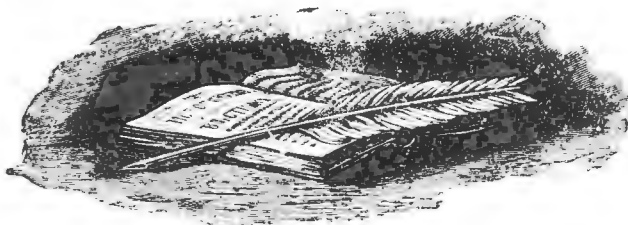
теченіе 20 лѣтъ военнымъ цензоромъ и былъ редакторомъ по изданію матеріаловъ русско-турецкой войны. Покойный былъ человѣкомъ съ высшей степени безкорыстнымъ, соблюдавшимъ интересы казны, и, какъ человѣкъ сердечный и справедливый, пользовался любовью подчиненныхъ и сослуживцевъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10305).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Г. Литвиновъ проситъ насъ исправить опечатку, вкрашуюся въ его статью «Черезъ Бухару на Памиры» въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». На стр. 298 напечатано: «4-го іюля 1894 г. въ лагерь второго баталіона была необычайная суетливость»; слѣдуетъ читать: «одинадцатаго баталіона».

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1904 г. ¹⁾.

А.

А. Рецензія его: «Проф. Р. О. Брандт». Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ. (Оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ» за 1903 г.) (Воронежъ. 1903); ХСV, мартъ, 1131.

А. В. Рецензіи его: 1) «Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 18-я (Спб. 1904)», ХСVI, май, 673—674. 2) «Евг. Ляцкий. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки (Спб. 1904)», ХСVI, май, 688—690.

Абаза:

— А-дръ Агг., министръ фин., ХСV, янв., 287.

— Н. С., ХСV, мартъ, 1008.

Абрамовы:

— Н. А., сотр. «Тобол. губ. вѣд.», ХСVII, сент., 877, 878, 880, 882, 885.

— пѣвецъ, ХСVIII, дек., 870.

Абрамычевъ, П. П., врачъ, ХСVIII, ноябрь, 507, 508.

Абросимъ, толчков. попь, ХСV, февр. 714.

Аввакумъ, протопопь, ХСV, янв., 245—246.

Августинъ, толчков. архимандритъ, ХСV, янв., 251.

Августъ:

— польск. король, ХСVIII, окт., 184.

— II, польск. король, ХСVII, сент., 942, 946.

— III, польск. король, ХСV, мартъ, 1023—1025.

Авенариусъ:

— Ник. Петр., педагогъ. «*Варшавскія воспоминанія его*», ХСVI, май, 417—448

— Як. Петр., ген.-майоръ, ХСVI, май, 420, 421.

Авраамій (Палицынъ), авт. «Свазанія», ХСVIII, окт., 180.

Авраамъ, яросл. архіепископъ, ХСV, янв., 252, 253; февр., 685, 697, 698, 700, 706, 720.

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ. — Римскія цифры означаютъ томъ, — арабскія — страницу.

А. Г. *Статья ся:* «Изъ воспоминаній о П. А. Стрелетовой», ХСV, февр., 547—563.

Агап'евы:

— А-дръ Петр., проф. Никол. акад. ген. шт. *Некрологъ его:* ХСVI, май, 754—756.

— П., офицеръ, ХСVIII, окт., 200—204.

Адамовичъ, ксендзъ, ХСVII, сент., 950, 952, 953.

Адамсъ:

— Джонъ-Квинси, президентъ амер. соед. штат., ХСV, мартъ, 1064.

— рожд. миссъ Джонсонъ, жена предыдущаго, ХСV, мартъ, 1064—1066.

Адавъ, Жюльета, фр. писательница. *Замѣтка о воспоминаніяхъ ся:* ХСVIII, дек., 1175—1180.

Адашевъ, А-ѣй, ХСVI, апр., 293, 294.

Аделунгъ, ученый, ХСV, мартъ, 1050.

Адлербергъ:

— гр. А-дръ Вл., ХСV, февр., 433.

— офицеръ, ХСVII, сент., 893, 894.

Адрианъ, патриархъ, ХСVIII, окт., 182—184.

А. Е. *Рецензіи его:* 1) «В. В. Ситовскій. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. (Матеріалы по библиографіи, исторіи и теоріи русскаго романа). Часть I. XVIII вѣкъ (Спб. 1903)», ХСVI, апр., 322—325. 2) «Евгеній Журавловскій. Симптомы литературной эволюціи». Критическіе очерки: М. Горькій, Л. Андреевъ, Вс. Гаршинъ, Баратынскій, Бомарше, Л. Толстой (М. 1904)», ХСVI, июль, 1028—1031. 3) «В. Батуричскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Томъ I (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1029—1041.

А. Ев-въ. *Рецензіи его:* 1) «По поводу отпаденія отъ православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сборникъ статей «Миссіонерскаго Обозрѣнія». Изданіе В. М. Скворцова, второе (дополненное). (Спб. 1904)», ХСVII, авг., 651—653. 2) «Л. Шенелевичъ. «Донъ-Кихоть» Сервантеса. Опытъ литературной монографіи (т. II-ой сочиненія: «Жизнь Сервантеса и его произведенія», 1901 г.). Съ портретомъ Сервантеса и приложениями. (Спб. 1903)», ХСVII, авг., 660—663.

Айвазовскій, Ив. Конст., проф. живописи. *Статья о немъ Ю. А. Галабутскаго:* «И. К. Айвазовскій въ Феодосіи. (1886—1897 гг.)», ХСVII, авг., 525—236.

Айкановъ, Арт. Мих., лейбъ-медикъ. *Некрологъ его:* ХСVII, июль, 340—341.

А. Я. *Рецензія его:* «А. А. Титовъ. Сборникъ XVI вѣка съ чудесами отъ иконы св. Николая въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ. (М. 1904)», ХСV, февр., 756—757.

Аксаковы:

— Ив. Серг., писатель, ХСVII, июль, 155, 156, 166; ХСVIII, окт., 204, 287.

— Конст. Серг., писатель, ХСVIII, ноябрь, 694, 695.

— Сергѣй Тим., писатель, ХСVIII, окт., 56.

Албанусъ, Августъ, пасторъ, писатель. *О немъ въ статью А. В. Безроднаго:* «Спорный мундиръ», ХСVII, сент., 925—932.

Александра Теодоровна, императрица, супр. имп. Николая II, ХСV, февр., 662.

Александровскій, Г. В. *Рец. Я. А. о книгѣ его:* «Чтенія по новѣйшей русской литературѣ», вып. I, (К. 1903), ХСVI, май, 669—673.

Александровы:

— И. *Рецензіи его:* 1) «П. Лоуэлъ. Душа Дальняго Востока. Перев. съ англ. кн. А. О.. (Спб. 1904)», ХСVIII, дек., 1136—1138. 2) «В. А. Истомигъ. Всеобщая исторія. Вып. I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ». (М. 1904), ХСVIII, дек., 1133—1134.

— М. А., авт. воспоминаній, ХСV, февр., 512—514, 517, 521, 522, 529, 537.

— Н. *Рецензіи его:* 1) «Н. Н. Столянскій. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Вып. I. Опытъ библиографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II (1672—1769), (Оренбургъ. 1903)», ХСVII, июль, 294—295. 2) *Д. В. Ульяинскій.* Среди книгъ и ихъ друзей. Часть первая. I. Изъ воспоминаній и замѣтокъ библиофила. II. Русскія книжныя росписи XVIII вѣка (библиографическій обзоръ). (М. 1903)», ХСVII, авг., 659—660. 3) «Воронежская сигарина. Выпускъ третій. Юбилейное изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. (Воронежъ. 1903)», ХСVII, сент., 1028—1029.

— Я. А., ХСV, мартъ, 1178.

Александръ I Павловичъ, императоръ. *О немъ въ статьяхъ:* 1) *Н. И. Фалтеева:* «Дуэли (Историческіе очерки изъ эпохи имп. Александра I)», ХСV, янв., 116—137; февр., 564—585; мартъ, 902—928; ХСVI, апр., 173—199; май,

505—529; июнь, 871—881; ХСVII, июль, 101—113; авг., 470—485; сент., 801—824; ХСVIII, окт., 131—149; ноябрь, 594—619; дек., 966—987. 2) *Бар. Н. В. Дризема*: «Последние годы жизни гр. Аракчеева», ХСVII, сент., 867—876. 3) *Въ замѣткѣ*: «Профессоръ Шиманнъ и новая характеристика Александра I», ХСVI, май, 650—651. *Упомят.*: ХСV, янв., 55, 56, 58, 70, 140, 149—152, 155, 158, 235, 278, 279, 286, 302; февр., 590—596, 722; мартъ, 1055, 1057—1063, 1107, 1102, 1161, 1199—1200; ХСVI, апр., 63, 120, 121, 124, 234; май, 638, 639, 748; июнь, 988—990; ХСVII, июль, 246—264; авг., 546, 549—552; сент., 880, 930, 984, 985, 1000—1006, 1076—1077; ХСVIII, окт., 176, 196, 286; ноябрь, 687, 743.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. *Статьи о немъ*: 1) *В. Искуль (Соколинной)*: «Къ характеристикѣ имп. Александра II. (Изъ воспоминаній моея матери)», ХСVI, апр., 104—117. 2) *Д. П. Медведова*: «Два высочайшихъ посѣщенія», ХСVI, май, 489—499. *Замѣтка о памятникѣ ему въ Киевѣ*, ХСVIII, окт., 383—384. *Сообщеніе о немъ Ф. И. Соколова*: «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Златоустѣ. (Письмо майора Ахматова полковнику Камерову)», ХСVII, сент., 892—896. *Упомят.*: ХСV, янв., 218, 219, 280, 281, 287, 302—306, 308, 314—375, 375; февр., 433, 440; мартъ, 1052, 1067—1069, 1105; ХСVI, апр., 51, 301—309; май, 549, 641—644; июнь, 981, 988; ХСVII, авг., 548; ХСVIII, окт., 199, 203, 205, 286; дек., 995—996, 1094, 1096, 1098.

Александръ III Александровичъ, императоръ. *О немъ статья Н. Н. Алексеева-Кунгурцева*: «Это несправедливо! (Три эпизода изъ юношеской жизни имп. Александра III)», ХСV, февр., 543—546. *Упомят.*: ХСV, янв., 281, 282, 285, 286; февр., 733; мартъ, 1104—1106; ХСVI, апр., 383; май, 489; ХСVIII, окт., 210; дек., 1102.

Александръ Михайловичъ, тверск. князь, ХСV, янв., 234; февр., 692.

Александръ Феодоровичъ, (Брюхатый), яросл. князь, ХСV, февр., 692, 694, 706, 708.

Алексѣевы:

— В. Рец. о переводѣ его: «Г. Свѣтлой Гранковилль. Жизнь двѣнадцати цезарей». (Спб. 1904), ХСV, февр., 770.

Е. И., намѣстникъ на Дальн. Востокѣ, ХСV, мартъ, 1164; ХСVI, май, 646.

— Никита, ХСV, февр., 708.

Алексѣевы:

— Петръ, протоіерей моск. арханг. соб., ХСVI, май, 605, 607.

— Сергѣй, священникъ, ХСV, янв., 62.

Алексѣевъ - Кунгурцевъ, Н. Н. *Статья его*: «Это несправедливо. (Три эпизода изъ юношеской жизни имп. Александра III)», ХСV, февр., 543—546.

Алексѣй Александровичъ, вед. кн., ХСVI, апр., 113.

Алексѣй Михайловичъ, царь. *Упомят.*: ХСV, янв., 316, 317; февр., 688, 708, 714; мартъ, 1107; ХСVI, май, 748—749; ХСVIII, окт., 178, 179, 180, 181, 182, 183; ноябрь, 673, 674, 676, 678, 679. *О немъ въ статьѣ А. И. Яцимирскаго*: «Домна Стефанида, невѣста царя Алексѣя Михайловича», ХСVII, сент., 825—843.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, ХСV, янв., 308; ХСVI, май, 748; ХСVIII, дек., 929, 935.

Алепскій, Павелъ, авт. «Путешествія патр. Макария», ХСV, мартъ, 1053.

Алипановъ, Ег. Ипат., поэтъ, ХСVII, авг., 503—504.

Алмазовъ, Бор. Ник., поэтъ, ХСV, февр., 459.

Алопеусъ, Ив. Сам., педагогъ. *Некрологъ его*: ХСVII, июль, 341.

Ал. Сл. Рецензія его: «Русская Муза. Собраніе лучшихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ XIX вѣка. Составилъ П. Я.» (Спб. 1904), ХСVIII, ноябрь, 775—779.

Альбовъ, Мих. Нилов., писатель, ХСVIII, окт., 58.

д'Альмерастъ, авт. изсл. «Cagliostro» (Рат. 1904), ХСV, февр., 738—740.

Алябьевъ, А-дръ Вас., тобол. губернаторъ ХСVII, сент. 882, 886, 887.

А. М. Рецензія его: «Н. М. Тушиковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. (Спб. 1903)», ХСV, янв., 323.

Амвросій, спб. митрополитъ, ХСV, февр., 594; ХСVII, сент., 1077.

Аменоеисъ III, фараонъ, ХСV, февр., 774—776.

А. Ш—ловъ. Рецензія его: «Проф. Дм. Центаевъ. Положеніе новобрія въ Россіи. Историческое обозрѣніе. (Варшава. 1904)», ХСVI, май, 707—708.

Амфитеатровъ, ХСV, мартъ, 1099.

Андраши, ХСVI, апр., 299—300, 308.

Андреевы:

— А. Н., сотр. «Русс. Арх.», ХСVIII, окт., 198.

— А. Н., пѣвецъ, ХСVIII, дек., 869, 870.

— В. В., писатель, ХСVIII, окт., 175, 188, 189.

Андрей Васильевичъ, кн. Углицкій, ХСV, янв., 234.

Аничковы:

— Дм. Серг., магистръ философіи, ХСVІ, май, 605—607.

— Е. В. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Ч. I. Отъ обряда къ пѣснѣ». (Спб. 1903), ХСVІІ, іюль, 288—290.

Анна Іоанновна, императрица, ХСV, янв., 250, 251; ХСVІ, май, 747, 748; ХСVІІІ, окт., 189; ноябрь, 680, 735, 738; дек., 934, 935, 940, 941, 953, 954, 955, 964.

Анна Леопольдовна, правительница, ХСVІІІ, ноябрь, 681.

Анна Петровна, цесаревна, ХСVІІІ, дек., 943, 944, 945, 946, 961.

Анненковы:

— П. В., писатель, ХСVІ, іюнь, 970.
— ген., ХСVІ, май, 492.

Анненская, А. И., ХСV, февр., 652.

Анненскій, И. *Рец. С. ф. Штейна о книгѣ его:* «Античная трагедія». (Спб. 1903), ХСV, янв., 334—336.

Аноевъ, А. *Статья его:* «Штурмъ Барса въ 1877 году. (Изъ записокъ участника)», ХСVІ, апр., 148—172.

Аносовъ, Н. С., ХСV, мартъ, 1100, 1102.

Анспахъ, фр. экономистъ, ХСV, янв., 285, 286, 288.

Антокольскій, Маркъ Матв., скульпторъ, ХСV, янв., 376—378; ХСVІІІ, ноябрь, 814.

Антонинъ, нарв. епископъ, ХСVІІ, іюль, 331.

Антоній (кн. Ив. Мих. Троекуровъ), внокъ, ХСV, февр., 757.

Антошевскій, И. К. *Рец. Беге о книгѣ его:* «Константиновскій рубль 1825 года», (Спб. 1904), ХСVІ, май, 696—697.

Анучинъ, Д. Н., ХСV, янв., 378.

А-нъ. Рецензіи его: 1) «Музей изящныхъ искусствъ имени имп. Александра III при Моск. унив. въ 1902 году. Записка проф. И. Цвѣтаева». (М. 1903), ХСV, янв., 328—329.—2) «А. С. Хахановъ. Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ въ Малой Азіи». (Тифл. 1903), ХСV, февр., 770—771.—3) «Музей изящныхъ искусствъ имени имп. Александра III при Моск. унив. Отчетъ и рѣчь, читанные въ годичномъ собраніи комитета музея, 25 ноября 1903 года, проф. И. Цвѣтаевымъ». (М. 1904), ХСVІІ, сент., 1041.

А. О., переводчикъ, ХСVІІІ, дек., 1136.

Апраксины:

— Степ. Фед., ХСVІІІ, дек., 947, 951.

— Фед. Матв., ген.-адм., ХСVІІІ, дек., 951, 958, 961.

Апрѣлевъ, ХСVІІ, сент., 870.

Апушкинъ, В., ХСVІІІ, окт., 196.

Аракчеевъ, гр. А-ѣй Андр., госуд. дѣятель. *О немъ въ статьѣ бар. Н. В. Дризена:* «Послѣдніе годы жизни гр. Аракчеева. (Изъ семейной хроники)», ХСVІІ, сент., 867—876. *Упомят.*: ХСV, янв., 145—154, 302; ХСVІ, апр., 119; іюнь, 940—943, 945; ХСVІІІ, окт., 193, 286, 287.

Арбузовъ, декабристъ, ХСVІ, апр., 120, 122, 128.

Арешевъ, Н. О. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его:* «Первый областной археологической съездъ въ Россіи» (Спб. 1904), ХСVІІ, авг., 663—665.

д'Аркъ, Іоанна. *Замѣтка о ней:* ХСV, мартъ, 1139—1142.

Арленъ, авт. дневника, ХСVІІ, сент., 991.

Армфельдтъ, гр., ХСV, мартъ, 867.

Арну, Луи, фр. писатель, ХСVІ, іюнь, 1070.

Арсеній, псков. епископъ. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Исслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви» (Спб. 1904), ХСVІІ, іюль, 281—283.

Арсеній (Маѣвничъ), митрополитъ, ХСV, февр., 702.

Арсеній, (Сухановъ), старецъ, ХСVІІ, сент., 833.

Арсеньевы:

— В. С. *Рец. В. Г. о книгѣ его:* «Родъ дворянъ Арсеньевыхъ. 1389—1901 г.» (Тула. 1904), ХСVІІ, сент., 1055.

— К. К. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Законодательство о печати» (Спб. 1903), ХСVІ, апр., 326—329.

— ген., ХСVІІ, сент., 893.

Артамоновъ, ген., ХСVІ, іюнь, 965—966; ХСVІІІ, ноябрь, 557.

Артоболевскій, С. А. *Статья его:* «Женихъ нуженъ!.. (Изъ архивныхъ дѣлъ XIX столѣтія)», ХСV, янв., 180—189. *Рец. С. о книгѣ его:* «Игватій, архіепископъ воронежскій, и его пастырско-миссіонерская дѣятельность. Историко-биографическое исслѣдованіе» (Уфа 1904), ХСVІІІ, дек., 1152—1153.

Арто-Падилли, пѣвица, ХСVІІІ, дек., 874.

Архангельскій, И. И., пѣвецъ, ХСV, февр., 762.

Архиповъ, А. Е., художникъ, ХСVІІІ, окт., 268.

Арцмоновичъ, Викт. Ант., судебный дѣятель, ХСVІІІ, окт., 350—351.

Арцыбашевъ, авт. «Повѣствованія о Россіи», ХСV, мартъ, 1050.

А-ръ. Рецензія его: «Письма и донесенія иезуитовъ о Россіи конца XVII и начала

- XVIII вѣка** (Спб. 1904), XCVII, июль, 265—267.
- Аскенази**, Шимонъ, проф., XCVI, июнь, 1082, 1083.
- А. С-нъ. Статья его:** «Въ сибирской глуши», XCVII, сент., 778—800.
- Астонъ. Рец.** Б. о переводѣ книги его: «Исторія японской литературы» (Влад. 1904). XCVIII, дек., 1140—1142.
- Атрѣшковъ**, Наркизъ, авт. кн. «Объ устройствѣ жел. дорогъ въ Россіи» (1835 г.), XCV, янв., 216.
- А. Хах—овъ, Рецензіи его:** 1) «Весь Кавказъ. Справочно-литературный сборникъ», (Тифл. 1903), XCV, февр., 772—773.—2) «А. А. Сааковъ. О необходимости введенія земскихъ учреждений въ Закавказь». (Тифлисъ. 1903), XCV, мар., 1132.—3) «*Михаилъ Тамарашвили. Histoire du catholicisme en Georgie avec les documents justificatifs du XIII-e au XX siecle.*» (1903), XCVII, авг., 683—684.—4) *Le culte de la petite verole en Georgie, une page de la medecine populaire, par M. Sakhokia. (Extrait des Bulletins et Memoires de la Societe d'Anthropologie de Paris. Seance du 16 avril 1903). (Paris 1903)*», XCVII, сент., 1042—1043.
- А. Х—въ. Рецензіи его:** 1) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. В. XXXII. (Тифл. 1903), XCV, февр., 750—751.—2) «Ф. С. Кра- сильниковъ. Малороссія и малороссы. (Географическо-этнографическій очеркъ)». (М. 1904), XCVII, сент., 1055
- Ахмаровъ**, Г. Н., этнографъ, XCVI, июнь, 1101, 1102.
- Ахматовы:**
- Ел. Ник., писательница. *Некрологъ* ей: XCVI, май, 755.
 - майоръ, XCVII, сент., 892—896.
- А. Э. М-нъ. Рецензія его:** «Вся Кур- ляндская губернія. Справочно-адресное изданіе Курляндскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакцію Я. И. Лудмера. (Митава 1904)». XCVII, сент., 1047—1048.
- А. Я. Рецензіи его:** 1) «Сборникъ тверскаго общества любителей исторіи, археологій и естествознанія. Вып. I. Подъ ред. В. И. Колосова въ соучастіи съ Г. К. Лидеманомъ. (Тв. 1903)», XCV, янв., 306—308.—2) «Д. К. Треневъ. Памятники древне-русскаго искусства церкви грузинской Богоматери въ Москвѣ. Краткое описаніе церкви, иконъ вѣсти Симеона Ушакова и прочихъ ея достопримѣчательностей. (М. 1903)», XCV, янв., 319—320.—3) «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца, кн. 17, вып. I и II, изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. (К. 1903)», XCV, февр., 757—758.—4) «Д. Е. Треневъ. Иконопись мстерцевъ. Съ прил. фото- типій. (М. 1903)», XCV, февр., 763.—5) «Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Систематическій указатель трудовъ по языкознанію, литературы, этнографіи и исторіи. (Спб. 1903)», XCV, мартъ, 1126—1127.—6) «Великія реформы шестиде- сятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей Г. В. Гессена и пр.-доц. А. И. Каминки, т. I К. К. Арсеневъ. Законодательство о печати. (Спб. 1903)», XCVI, апр., 326—329.—7) «В. Вишневскій. Киевская ака- демія въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Новые данныя, относящіяся къ исторіи этой академіи за указанное время. (Кіевъ, 1903)», XCVI, апр., 334—335.—8) «К. Харламповичъ. Матеріалы для исторіи Казанской духовной семи- наріи въ XVIII вѣкѣ. (Казань, 1903)», XCVI, апр., 335—336.—9) «Г. В. Александровскій. Чтенія по новѣй- шей русскаго литературѣ. Вып. I. (к. 1903)», «М. О. Быстровъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русскаго ли- тературы. Сборникъ чтеній для учениковъ старшихъ классовъ. (Спб. 1904)», XCVI, май, 669—673.—10) «Н. И. Теодоровичъ. Воляны въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Томъ V. Ковельскій уѣздъ. (Почаевъ, 1903)», XCVI, май, 688.—11) «Р. Мутеръ. Исторія живописи. Т. III. (Спб. 1901)», XCVI, май, 710—711. 12) «По островамъ Ладожскаго озера. Очеркъ Вл. А. Попова. Съ 30 рисун- ками. (М. 1904)», XCVI, май, 716.—13) «С. Д. Платицкій. Иванъ Федо- ровъ. Изданія Острожской библии въ связи съ новыми данными о послѣд- нихъ годахъ его жизни. (Спб. 1904), XCVI, июнь, 1031—1032.—14) «М. Ту- мановъ. Вліяніе русскаго литературы второй половины XVII вѣка на судо- производство и законодательную дѣя- тельность правительства по этому во- просу. (Спб. 1904)», XCVI, июнь, 1032—1934.—15) «Ярославль. Историческая монографія о времени основанія города, съ портретомъ его основателя, великаго князя Ярослава Мудраго. Составилъ и издалъ Н. Верховой. (Рыбинскъ, 1904)», XCVI, июнь, 1041—1042.—16) «Исторія сербскаго народа. Съ картой Балкан- скаго полуострова. Составилъ Драго Войновичъ, кандидатъ университета. (Одесса. 1903)», XCVI, июнь, 1047—1048.—17) «Н. П. Кондаковъ. Археоло-

гическое путешествие по Сири и Палестинѣ. Съ 78-ю рисунками въ текстѣ и 72-мя отдѣльными таблицами. Изданіе императорской академіи наукъ. (Спб. 1904), ХСVII, июль, 275—277.—18) «*Арсеній*, епископъ псковскій. Исслѣдованіе и монографіи по исторіи молдавской церкви. Съ 8-ю автотипическими портретами. (Спб. 1904), ХСVII, июль, 281—283.—19) «*Гоангъ Саввинскій*. Историческая записка объ астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія (съ 1602 по 1903 годъ). (Астрахань. 1903.), ХСVII, июнь, 284—285.—20) «*Е. В. Амичковъ*. Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Часть I. Отъ обряда къ пѣснѣ. (Спб. 1903.), ХСVII, июль, 288—290.—21) «*И. П. Ювачевъ*. Паломничество въ Палестину къ Гробу Господню. Очерки путешествія въ Константинополь, Малую Азію, Сирію, Палестину, Египетъ и Грецію. Съ 126-ю иллюстраціями. (Спб. 1904.), ХСVII, июль, 299—291.—22) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Моск. унѣв. 1904 годъ. Книга I. (М. 1904), ХСVII, авг., 648—661.—23) «*Г. Ивановъ*, Культъ Перуна у южныхъ славянъ. (Спб. 1903), ХСVII, авг., 653—654.—24) «*И. А. Липиченко*. Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческихъ источниковъ. (Спб. 1904), ХСVII, авг., 654—655.—25) «*Alexander Brückner*. Dzieje literatury polskiej w zagrysie. Два тома. (Warszawa 1903), ХСVII, авг., 666—667.—26) «*Ст. В. Смоленскій*. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ размыканіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологіи. (Спб. 1904), ХСVII, авг., 667—669.—27) «*А. М. Лобода*. Русскія былины о сватовствѣ. (Кіевъ. 1904), ХСVII, авг., 675—677.—28) «*Materiyaku do dziejów rękennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich*. Zebrał Feodor Wierzbowski. Tom. II. 1526—1830. (Warszawa. 1904), ХСVII, сент., 1026—1027.—29) «*Д. Д. Ивановъ*. Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ С.-Петербурга. (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1048—1049.—30) «Образовательныя прогулки по Россіи. 1894—1902. Составилъ *Н. Р.* (Спб. 1903), ХСVII, сент., 1051—1052.—31) «*Ф. Добрянскій*. Старая и новая Вильна. Изданіе третье. (Вильна. 1904), ХСVII, сент., 1054.—32) «*Л. К. Гѣтцъ*. Кіево-печерскій монастырь, какъ культурный центръ до монгольской Россіи» (1904), ХСVIII дек., 1124—1125.—33) «*Н. В. Шляковъ*. По-

чему 1-го августа бываетъ крестный ходъ на воду?» (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1135—1136.—34) «Археологическій кабинетъ имп. варшавск. унѣв. Историческій очеркъ. Сост. проф. *Фед. Вержбовскій*. (В. 1904), ХСVIII, дек., 1131—1132.

Афанасьевы:

— А. Н., ХСVI, апр., 209.
— Вас. Ив., д-ръ мед. *Некрологъ* его: ХСV, февр., 823.
— Конст. Яковл., художникъ, ХСVII, сент., 873.
— шт.-капитанъ, ХСVI, июнь, 964.

Б.

В. Рецензій его: 1) «Старина и Новизна. Книга седьмая. (Спб. 1904), ХСVI, май, 581—683. 2) «*Астонъ*. Исторія японской литературы». (Влад. 1904), ХСVIII, дек., 1140—1142. 3) «*Г. Гоба*. Столѣтіе московской 1-й гимназіи». (М. 1903), ХСVIII, дек., 1150—1152.

Вагговуть, Л. и Н., ХСVIII, окт., 399.

Вагратіонъ, кн. Петръ Ив., ген. отъ инф., ХСV, янв., 122—126; ХСVII, июль, 236, 237, 239, 241; сент., 939.

Ваіовъ, А., ХСVI, апр., 386.
де-Вай, бар., археологъ, ХСVI, июнь, 1099.

Вайковъ, А., ХСV, янв., 399—400.
Вакрадзе, А., археологъ, ХСVII, июль, 220.

Вакунинъ, Мих. Алекс., писатель, ХСVI, май, 503.

Валакиревъ, М. А., композиторъ, ХСV, мартъ, 1169.

Валашевъ, Ал. Дм., ХСV, февр., 745.

Вальзакъ, фр. писатель. *О немъ въ замѣткахъ*: 1) «Тургеневъ и Вальзакъ въ оцѣнкѣ Джорджа Мура», ХСVI, май, 651—653.—2) «Вальзакъ, какъ типографъ», ХСVI, май, 728—730:

Вальзамо, Іосифъ, (гр. Каліостро), итальян. авантюристъ, ХСV, февр., 738—740.

Вальмонтъ, К. Д. *Рец. III. о книгѣ* его: «Горныя вершины», Кн. I. (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1035—1036.

Вандаковъ, Вас., священникъ, ХСVIII, ноябрь, 653—654.

Вантышъ-Каменскіе:

— Ник. Ник., писатель, ХСV, мартъ, 1046.

— ХСV, февр., 745.

Вапствъ, Жерманъ, фр. писатель, ХСVI, май, 739—741, ХСVII, июль, 315—323.

Варанцевъ, ген., ХСVI, май, 492.

Баратаевъ, Мильхиседекъ, кн., воевода, ХСVIII, окт., 189.

Варятынский, П. А., сенаторъ, ХСVII, июль, 187.

Вараць, Г. М., ХСV, мартъ, 1108—1110.

Варбо, проф. казанск. ун., ХСVII, сент., 1065—1067.

Варклай-де-Толли, ХСV, мартъ, 1063.

Варковскій, полковникъ, ХСVI, май, 490.

Варковъ, поэтъ, ХСVIII, ноябрь, 688.

Барсовы:

— Е. В., секретарь имп. моск. общ. ист. и древн. роск., ХСV, мартъ, 1052; ХСVII, июль, 328, 329.

— Н. И., проф., ХСVIII, окт., 191.

— Тим. Вас., проф. спб. дух. акад., *Некрологъ* его: ХСV, февр., 823—824.

Барсуковы:

— А. П. *Рец. А. М. Довлягина о книгѣ* его: «Родъ Шереметевыхъ». Кн. VIII, (Спб. 1904), ХСVI, май, 666—667. *Упомин.*: ХСVIII, дек., 1190—1191.

— Н. П. *Рец. А. Б. о книгѣ* его: «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 18, (Спб. 1904), ХСVI, май, 673—674.

Варгеновъ, П. И., библиографъ, ХСV, февр., 431; ХСVI, апр., 118.

Вартольд, Фредерикъ, скульпторъ, *Некрологъ* его: ХСVIII, дек., 1183.

Вартольдъ, В. *Рец. П. П. о книгѣ* его: «Историко-географическій обзоръ Ирана» (Спб. 1903), ХСVII, авг., 671—672. *Упомин.*: ХСV, мартъ, 1173.

Варцалъ, Л., пѣвецъ, ХСVIII, дек., 863, 870.

Варягинскіе:

— Кн. Викт. Иван., поч. мировой судья. *Некрологъ* его: ХСVII, июль, 341—343.

— кн. Алекс. Ив. главнокомандующій кавк. арміею, ХСVI, апр., 149.

Васарабъ, Матвій, валашск. господаръ, ХСVII, сент., 830, 831.

Васкаковъ, В. Н. *Рец. Н. Л-ва о книгѣ* его: «Походы 1809 года Наполеона въ Германіи и Австріи», кн. I (Спб. 1904), ХСVII, авг., 680—682.

Василь, П. П., писатель. *Статья* его: «Изъ записокъ дѣда. (Тайственные люди и тайственные явленія)», ХСVII, июль, 52—79; авг., 395—426. *Некрологъ* его: ХСV, мартъ, 1190—1191.

Вастамова, Елис. Ник., авт. воспоминаній о Гоголѣ, ХСV, янв., 306—307.

Ватенковъ, ХСV, янв., 142; ХСVI, апр., 124, 128.

Ватифоль, фр. историкъ, ХСVII, июль, 306—307.

Вагуринскій, В. П. *Статья* его: «Къ исторіи 14 декабря 1825 года. (Изъ воспо-

минаній петербургскаго сторожила)», ХСV, янв., 67—86. *Рец. А. Е. о книгѣ* его: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые». (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1029—1031.

Ватюшковъ, Ю. Д. *Рец. Н. Л. объ изд. подъ его (ампсть съ Е. П. Лятковой) ред. книгъ: «Къ свѣту»* (Спб. 1904), ХСVII, авг., 646—648.

Вауэръ, В. В., проф. ХСV, февр., 652.

Вахметевъ, ген.-майоръ, ХСV, янв., 119—128, 131—136; мартъ, 1199—1200; ХСVI, апр., 399—400.

Вашкирцева, Марія, писательница, художница. *Замѣтка о ней: «Еще о Башкирцевой»*, ХСV, мартъ, 1069—1070.

В. Г. Статья его: «Федоръ Ивановичъ Колесовъ. (Некрологъ)», ХСVIII, окт., 332—336.

В. Гл. Рецензія его: «Мил. Лемке. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Биографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины (Спб. 1904)», ХСVIII, окт., 351—353.

В. Гл.—скій. Рецензіи его: 1) Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ. Собралъ К. Скальковскій. (Спб. 1904)», ХСVI, 678—680. — 2) «Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія. Характеристики. Съ портретомъ В. А. (Спб. 1904)», ХСVIII, окт., 450—451.

В. Г.—цкій—см. Городецкій, Б. М.

Варе,—см. Городецкій, Б. М.

Вееръ, Балтаз. Ив., капитанъ, ХСVI, апр., 150, 152, 160, 161, 165, 168, 171.

Везантъ, Вальтеръ, англ. писатель, ХСV, мартъ, 1142—1153; ХСVIII, дек., 1156—1158.

Везобразовы:

— А-дръ Мих., ярослав. губерна-торъ, ХСV, февр., 720.

— корнетъ, ХСVI, июнь, 942.

Везродный, А. В. *Статья* его: «Спорный мундиръ. (Изъ дѣлъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива)», ХСVII, сент., 925—932.

Вейсть, ХСVI, апр., 299—300.

Векетовы:

— А. Н., проф. спб. ун., ХСV, февр., 651, 652, 658.

— И. И., ХСV, янв. 282.

— П. П., ХСV, мартъ, 1048; ХСVII, июль, 328.

— авт. записокъ, ХСV, февр., 743—745.

Векимовъ, М. Н., этнографъ, ХСV, мартъ, 1178.

Веккаревичъ, Н. Д. *Статья* его: «Оренбургскіе пожары 1879 года», ХСVIII, дек., 999—1010.

Векмацъ, директоръ варш. гл. нѣм. уч., XCVI, май, 444.

Векъ, пѣвецъ, XCVIII, дек., 871.

Вемъ, Петръ Алексѣев., XCVIII, дек. 951, 952.

Венедекъ, австр. фельдмаршалъ, XCVIII, ноябрь, 809—810.

Венкендорфъ, гр. А-дръ Хрият. ген.-ад., шефъ жандармовъ, XCV, янв., 138—143, 145—149, 158, 159, 160, 162, 163, 270; февр., 443; XCVI, июнь, 975, 980—985; XCVII, июль, 176—177, 181, 185, 186, 190, 193; сент., 1011; XCVIII, ноябрь, 689.

Венингсенъ, ген., XCV, мартъ, 1063; XCVI, апр., 173; XCVI, июль, 247.

Венуа А-дръ. *Реч. П. П-ва о книгѣ его*: «Русская школа живописи. Вып. I и II (Спб. 1904)», XCVI, май, 685—686. *Упомят.*: XCVII, авг., 673.

Вергеръ, антрепренеръ, XCVIII, ноябрь, 434; дек., 862, 877.

Вергманъ, Либориусъ, оберъ-пасторъ XCVII, сент., 928, 929.

Вергъ:

— Н. В., сотр. «Русск. Стар.», XCVI, май, 423.

— гр. Оед. Оед. намѣстникъ Царства Польск. *О немъ въ «Варшавскихъ воспоминаніяхъ» Н. П. Авераруса*, XCVI, май, 417—448.

Вердъ, заводчикъ, XCVIII, дек., 1096.

Верезковъ, Д. Н., археологъ, XCV, февр., 761—762.

Верезкинъ, Д. М., *Разсказъ его*: «Зѣло досадительный случай», XCV, мартъ, 946—951.

Верендъ, Э. Н., проф. спб. ун. *Реч. В. Грибовскаго о книгѣ его*: «Лекціи по административному праву великаго княжества Финляндскаго», т. I, (Спб. 1903), XCVI, апр., 329—331.—2) тоже, т. II (Спб. 1904), XCVIII, ноябрь, 767—769. *Упомят.*: XCV, янв., 318.

Вересфордъ, полковникъ, XCVI, май, 646—648.

Вержеръ Тео, сотр. «Nouvelle Revue», XCVIII, окт., 376—378.

Верингъ, мореплаватель, XCV, мартъ, 1159.

Верлюозъ, Гекторъ, композиторъ, XCV, янв., 369, 370.

Верноувиль, XCVII, сент., 987.

Версъ, В., XCVI, апр. 210.

Вертье, графиня, XCV, февр., 437.

Вершадскій, С. А., проф. спб. ун. XCVI, апр. 333.

Бестужевы:

— Авд., жена П. М. Б., XCVIII, дек., 958.

Бестужевы:

— А-дръ А-др., писатель, XCV, янв., 142; XCVI, апр., 123, 124, 125, 129, 131; июнь, 971, 972; XCVII, июль, 162, 163.

— А-дръ Θεодос., писатель, XCVI, апр., 119.

— А-ѣй Петр., канцлеръ, XCVIII, дек., 936, 937, 939, 941, 942, 943, 945, 948, 950, 954, 956, 958, 962.

— Ек. Петр., XCVIII, дек., 940, 955.

— Мих. Петр., XCVIII, дек., 939, 945, 958, 962, 963.

— Ник. А-др., декабристъ. *Отрывокъ «Изъ записокъ декабриста Н. А. Бестужева»*, XCVI, апр., 118—135.

— Ник. Алекс., писатель, XCV, янв., 77, 78.

— Петръ Мих., гофмейстеръ, XCVIII, дек., 934, 936, 940, 941, 948, 949, 954, 956, 957, 958, 962, 964.

— Татьяна, XCVIII, дек. 963.

Бестужевы-Рюмины:

— Конст. Ник., историкъ, XCV, февр., 551—654, 656.

— М. П., XCV, янв., 79, 84, 85.

Бетховень, композиторъ, XCV, янв., 375.

Бецкой, Ив. Ив., сподвижникъ Екатерины II, XCVI, май, 654—657.

Бецъ, пѣвецъ, XCVIII, дек., 871.

Вибиновъ, Д. Г., кiev. ген.-губернаторъ, XCV, февр., 758.

Виллестейнъ, капитанъ, XCVI, июнь, 944.

Вильбасовъ, Вас. Алекс., историкъ. *Статья о немъ Б. М. Городецкаго: «Василій Алексѣевичъ Вильбасовъ»*, XCVI, сент., 974—981. *Упомят.*: XCVI, июнь, 1018—1020.

Виргерсонъ, Магнусъ, XCV, янв., 290.

Виронъ, XCV, февр., 720; XCVIII, дек., 934, 940, 954, 956, 964.

Вирюковъ, Н. А. *Статья его*: «Эпизодъ изъ жизни П. А. Словцова», XCVII, сент., 877—891.

Бисмаркъ:

— Отто-Леон. Эдуардъ, герман. канцлеръ. *Замѣтка о немъ*: «Воспоминанія о Бисмаркѣ и его нѣмецкихъ современникахъ», XCVI, апр., 370—373. *Упомят.*: XCV, февр., 728—734; XCVI, апр., 302, 309; май, 642, 644; XCVIII, ноябрь, 808.

— Гр. Гербертъ, герман. ст.-секретарь по ин. дѣл., XCV, февр., 730.

Вювъ, А., фр. писатель, XCVII, июль, 309—311.

Влаговѣщенскій, Н. А., писатель, XCV, янв., 67.

Влагосвѣтловъ, Г. Е., писатель, XCV, мартъ, 1030.

Влиновъ, сотр. «Вѣст. Права», XCV, мартъ, 1109.

Влонскій, шт.-капитанъ, XCVI, июнь, 967.

Влудовъ, Д. Н., министръ внутр. дѣлъ, XCV, янв., 144; XCVIII, окт., 197.

Влумфильдъ:

— лордъ, англ. посланникъ въ Росіи, XCVIII, ноябрь, 806.

— леди, жена англ. посланника въ Росіи. *Замѣтка о ней:* «Воспоминанія восьмидесятилѣтней дипломатки», XCVIII, ноябрь, 805—808.

Вобриковъ, Ник. Ив., финл. ген.-губернаторъ. *Некрологъ его:* XCVII, июль, 343—345.

Вобринскій, гр. А. А. археологъ, XCV, мартъ, 1175—1176; XCVI, июнь, 1097, 1098; XCVIII, окт., 387.

Вобровъ:

— В. А. *Статья его:* «Иванъ Семеновичъ Державинъ. (1755—1826)», XCVII, авг., 570—575.

— Е. А., проф. *Статья его:* «Аутодафе надъ философской книгой», XCVI, май, 605—607. *Рец. П. Ш. о книгѣ его:* «Изъ исторіи жизни и поэзіи А. И. Полежаева». (Варш. 1904), XCVII, авг., 674—675.

Вогатыревъ, пѣвецъ, XCVIII, дек., 870.

Вогдановичи:

— Е. В., XCV, янв., 288.

— М. И., воен. историкъ, XCVII, авг., 548.

Вогдановы:

— И. О. *Рец. С. Ш. о книгѣ его:* «Наборно-типографское дѣло». (Спб. 1904), XCVI, июнь, 1041.

— подковникъ, *О немъ въ статьѣ Л. Х. Симоновой:* «Рассказы очевидцевъ о завоеваніи русскими Самарканда», XCVII, сент., 844—866.

Вогословскіе:

— В. С., проф. моск. унив. *Некрологъ его:* XCVII, сент., 1078—1079. *Упомянутъ:* XCV, мартъ, 1022.

— М. М., писатель, XCVIII, ноябрь, 821, 822.

— сотр. «Чтеній моск. общ. ист. и древн. росс.», XCV, мартъ, 1053.

— археологъ, XCVI, июнь, 1010.

Водянскій, Ос. Макс., славистъ, XCV, мартъ, 1050, 1051, 1052, 1053; XCVII, июль, 273—276; сент., 880, 882.

Вожаръ-Дюранъ, сотр. «La Revue», XCVI, июнь, 1066.

Вожебяновы:

— И. Н. *Рец. Б. Г-цакаго объ изд. его:* «Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Т. I. Вып. 2. (Спб. 1903)», XCV, февр. 747—750. *Рец. М-ва объ изд. имъ (вмѣстѣ съ В. Никольскимъ) книгъ:* «Петербургская старина. Очерки и рассказы» (Спб. 1903), XCVI, апр., 331—333.

Волтинъ, Г. П., поручикъ, XCVII, июль, 132, 135.

Вольшевъ, Андрей А-др., начальникъ картограф. завед. военно-топогр. отд. гл. шт. *Некрологъ его:* XCVII, июль, 345—346. *Упомянутъ:* XCVI, апр., 385.

Вончъ-Сваржинскій, юс., ксендзъ, XCVI, май, 596.

Воратынскій, Людовикъ. *Рец. Г. А. Воробьева о книгѣ его:* «Stefan Batory i plan ligi przeciw turkow (1576—1574)», (Краков), XCVI, май, 705.

Вордовская, Г. В., XCV, февр., 652.

Ворзо, полковникъ, XCVII, июль, 184.

Ворисовъ, пѣвецъ, XCVIII, дек., 864.

Ворисъ Годуновъ, XCVIII, окт., 180.

Воркова, Прасковья, XCVIII, дек., 962, 963.

Воровковъ, XCV, янв., 142.

Воруга, XCVI, май 576.

Востуновъ, Эдм. Дав., пѣвецъ и актеръ. *Воспоминанія его:* «Калейдоскопъ сценическихъ воспоминаній», XCVIII, ноябрь, 430—457; дек., 862—889.

Воткина, Е. А., XCV, февр., 652, 655, 656, 657.

Воткинъ, Сергѣй Петр., проф. *О немъ въ статьѣ П. А. Грацианова:* «С. П. Воткинъ и чума», XCVI, май, 551—556. *Упомянутъ:* XCV, мартъ, 938, 943, 944.

Врандтъ, польск. офицеръ. *О немъ въ замѣткѣ:* «Записки Врандта», XCVI, июнь, 1082—1084.

Врашъ, М., франц. писатель, XCV, янв., 351.

Вредихинъ, Оед. А-др., директоръ Пулков. обсерваторіи. *О немъ въ статьѣ кн. Б. А. Щетинина:* «О А. Вредихинъ. (Страничка изъ воспоминаній)», XCVII, июль, 114—120. *Некрологъ его:* XCVI, июнь, 1104—1105.

Врикнеръ, А-дръ. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Dzieje literatury polskiej w zagusie» (Wars. 1903), XCVII, авг., 666—667.

Вринклея, Ф., авт. соч. «Японія», XCV, мартъ, 1158—1159.

Вродовичъ, I., проф. харьк. унив., XCVII, июль, 331.

Брокеръ, Ад. Ом., моск. полицмейстеръ. *О немъ въ статьѣ Л. А. Росточинной:* «Правда о моей бабушкѣ», XCV,

январь, 50—46; февраль, 427—440; март, 864—881.

Вроновский, В. Б., сотр. «Сын Отец.», ХСVI, июнь, 977, 978.

Вроссе, проф., ХСVIII, ноябрь, 742.

Врыкчинский, А., всендзь-прелатъ, ХСVI, май, 597, 599.

Врюль, министр кор. Авсуста III, ХСV, март, 1023—1025.

Врюсь, гр., ген.-адъют. Екатерины II, ХСV, март, 1107.

Врянчаниновъ, М. А., ХСVIII, ноябрь, 510.

Вудбергъ, ген., ХСVII, июль, 247.

Вузенко, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 865.

Вуксгевденъ, гр. Ф. Ф., рижск. воен. губернаторъ, ХСVII, сент., 925, 929—932.

Вулгаковы:

— А., проф. кievск. дух. акад., ХСVII, июль, 331.

— А-дръ Яковл. *О немъ въ статьѣ Л. А. Ростопчиной*: «Правда о моей бабушкѣ», ХСV, январь, 50—66; февраль, 427—440; март, 864—881. *Упомянутъ*: ХСVI, апр., 219, 220.

— Екат. Александр., ХСV, март, 866—867.

— Петръ Алексѣев., калужск. губернаторъ, ХСVI, апр., 104—110.

— С., писатель, ХСV, март, 1040.

Вулгаринъ, Оад. Вен., писатель. *О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта*: «Гоголь и Вулгаринъ», ХСVII, июль, 154—173. *Упомянутъ*: ХСV, январь, 375; февраль, 747; ХСVIII, ноябрь, 689.

Вулдичъ, Ник. Никит., проф. казанск. ун. *Рец. В. Г-цаго о книгѣ его*: «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета (1804—1819)»; ч. I. Изд. 2-е (СПб. 1904), ХСVII, июль, 636—637.

Вульмерингъ, полк., ХСVI, апр., 166.

Вунаковъ, Ник. Фед., дѣятель народн. проsv. *Некрологъ его*: ХСVIII, дек., 1193—1194.

Вунге, И. Хр., ХСV, январь, 282.

Вунинъ, Ив., поэтъ. *О немъ въ статьѣ К. П. Медоведскаго*: «Новые лауреаты академіи наукъ», ХСV, февраль, 633—646.

Вургоэнь:

— бар., фр. посланникъ въ Россію. *О немъ въ замѣткѣ*: «Участіе въ русско-турецкой войнѣ 1828 г. герцога Мортемара и бар. Вургоэня», ХСVII, сент., 1006—1014. *Упомянутъ*: ХСV, январь, 165.

— Пьеръ, бар., сынъ фр. посланника, ХСVII, сент., 1006, 1011.

Вуренинъ, Викт. Перр., писатель, ХСV, январь, 112.

Вурнашевъ, ХСVI, май, 547, 548.

Вуслаевъ, Фед. Ив., акад. *О немъ въ статьѣ А. И. Яцимирскаго*: «Изъ воспоминаній поэтовъ-крестьянокъ орусскихъ писателей», ХСVII, августъ, 503—524. *Упомянутъ*: ХСV, февраль, 669; ХСVI, июнь, 1096.

Вутковскій, Я. Н., переводчикъ, ХСVIII, октябрь, 260.

Вутлеровъ, проф., ХСV, февраль, 656.

Вутовской, ХСVI, май, 491, 492, 493.

Вугурлины:

— А-дръ Бор., любимецъ имп. Елис. Петр., ХСVIII, дек., 934, 935, 938, 943, 944, 945, 946, 961.

— Ив. Ив., ХСVIII, дек., 935.

Вухмейеры, ХСVII, сент., 870.

Вуховецкій, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 872.

Выстровъ, М. Ф. Рец. Я. А. о книгѣ его: «Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы» (СПб. 1904), ХСVI, май, 669—673.

Вычковъ, Ао. Фед., директ. публ. библ., ХСV, февраль, 474—476.

Вѣгичевы:

— Дм. Никит., писатель, ХСVII, июль, 175—177, 180—185.

— Степ. Никит., ХСVII, июль, 175.

— управляющій моск. театр., ХСVIII, дек., 871.

Вѣлинскіе:

— Вис. Гр., писатель, ХСV, март, 868, 870; ХСVI, апр., 208; ХСVII, августъ, 503, 504, 669, 670.

— предсѣд. сеймов. суда 1827—28 гг., ХСV, январь, 157.

— полковникъ, ХСVI, апр., 149—152, 162, 164, 165, 168, 171.

Вѣлоголовый, Н. А., ХСVI, май, 549.

Вѣлозерская, Над. А-др., писательница, ХСV, февраль, 666.

Вѣлокуровы:

— А. А. *Рец. П. П-ва объ изд. подъ его наблюдениемъ книгъ*: «Утвержденная грамота объ избраніи на московское государство Михаила Феодровича Романова» (М. 1904), ХСVII, сент., 1015—1017.

— С. А., ХСV, март, 1054; ХСVII, июль, 328.

Вѣльскій, кн. Ив. Дм., ХСV, февраль, 757.

Вѣлявскіе:

— Ег. Вас., д. ст. сов., авторъ учебниковъ. *Некрологъ его*: ХСV, январь, 389—390.

— Н. Н., ген.-лейт., ХСV, март, 1100, 1104.

Бѣляевы

— В. В., художникъ, ХСVIII, окт., 278, 284.

— Дм. *Статья его:* «Отъ Асхабада до Мешеда», ХСVI, май, 557—574; июнь, 946—959.

— Ив. Дм., проф. моск. ун. *Рецензія Б. Городецкаго о книгѣ его:* «Крестьяне на Руси» (М. 1903), ХСVI, июнь, 1021—1034. *Упомин.:* ХСV, мартъ, 1052.

— И. С. *Статья его:* «Бытовые очерки прошлаго», ХСVII, авг., 553—569.

Вэнделеръ, археологи, ХСVI, июнь, 1064, 1066.

Венъ, А-дръ, англ. мыслитель. *Заметка о немъ:* «Послѣдній представитель англійской школы философовъ», ХСVII, авг., 700—703.

Вюрней, Фанни, англ. писательница. *Заметка о ней:* «Англійская писательница XVIII вѣка», ХСV, февр., 786—789.

Вюхнеръ, ХСV, янв., 289.

В.

В. *Рецензія его:* «Дж. Р. Сили. Расширеніе Англии. Два курса лекцій. Переводъ съ англійскаго В. Я. Герда. Издательство О. Н. Поповой, (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1046—1047.

Ваги:

— Антонь, энтомологъ, ХСVI, июнь, 996.

— Яковъ, ботаникъ, ХСVI, июнь, 992, 996.

Вагинъ, сотр. «Вост. Обзор.», ХСVII, сент., 877, 878, 879, 881, 885.

Вагнеръ:

— Ег. Ег., проф. варш. политехнич. инст. *Некрологъ его:* ХСV, янв. 390—391.

— Рихардъ, композиторъ, ХСV, янв., 369—370.

Важакинъ, полковникъ, ХСVI, апр., 158.

Вайтъ, Андрию, америк. дипломатъ, ХСVIII, дек., 1093—1098.

Валишевскій, К., польскій историкъ. *Рец. Андрея Сироткина о книгѣ его.* «Jvan le Terrible. Les origines de la Russie moderne», (Paris 1904), ХСVIII, окт., 337—340. *Упомин.:* ХСVI, апр., 289—299.

Валлонъ, Анри, политич. дѣятель, *Некрологъ его:* ХСVIII, дек., 1184—1185.

Валуевы:

— фрейлина. имп. Елис. Алекс., ХСV, февр., 745.

— гр. Петръ Алекс., госуд. дѣятель, ХСV, янв., 110.

Вальборгъ, А. И. *Статья его:* «Рокковыя именины», ХСV, февр., 480—487.

Вальдекъ-Руссо, Пьеръ, госуд. дѣятель Франціи. *Некрологъ его:* ХСVII, сент., 1073.

Вальдерзее, гр., нѣмецкій фельдмаршалъ. *Некрологъ его:* ХСVI, апр., 375—377.

Вандервельде, Э., фр. писатель, ХСVI, май, 703.

Ванновскій, Петръ Сем., госуд. дѣятель. *Некрологъ его:* ХСVI, апр., 388—391.

Ванченко, К. И. *Разсказъ его:* «Заяцъ. (Разсказъ актера)», ХСV, янв., 190—197.

Варикуръ, фр. эмигрантъ, ХСVII, июль, 236.

Варлаамы:

— (Успенскій), пензенск. епископъ, ХСV, янв., 181—189.

— ростов. митрополитъ, ХСV, февр., 688.

— тобол. епископъ, ХСVII, сент., 878, 883, 884, 885, 886, 887, 889, 890.

Варнгагенъ, ф.-Энзе, Карль-Августъ, министр-резидентъ въ Карлсруэ, писатель, ХСV, февр., 734—737.

Васенко, Пл. Гр. *Рец. Н. Ретвижскаго о книгѣ его:* «Книга степсная царскаго родословія и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности». Ч. I, (Спб. 1904), ХСVI, май, 687.

Василенко, Н. П. *Рец. Гл. о книгѣ его:* «О. М. Бодяскій и его заслуги для изученія Малороссіи». (К. 1904), ХСVII, июль, 273—275.

Василій Васильевичъ, яросл. князь, ХСV, февр., 692.

Василій Всеволодовичъ, яросл. князь, ХСV, февр., 690, 700.

Василій Иоанновичъ, вел. князь, ХСVIII, окт., 179.

Василій Грозный, ярослав. князь, ХСV, янв., 234, февр., 592.

Василій Косой, князь, ХСV, февр., 694.

Василій Темный, моск. князь, ХСV, февр., 692,

Васильевскій, преподаватель морск. кадет. корп., ХСVI, апр., 119.

Васильевы:

— Ав. Вас., ХСVI, июнь, 916, 923.

— И. И., авт. кн. «Дѣло псков. провинц. канц.», ХСVI, июнь, 979.

— М. Е. *Статья ея:* «Подъ гнетомъ судьбы», ХСVIII, окт., 67—105; ноябрь, 458—497; дек., 890—926.

- Васильевы:**
 — Пав. Сем., художникъ. *Некрологъ* его: XCVI, апр., 391.
 — О. Т., археологъ, XCVI, июнь, 1102.
 — 2-ой, пѣвецъ, XCVIII, дек., 863.
 — 3-ій, пѣвецъ, XCVIII, дек., 871.
 — Священникъ правосл. церкви въ Парижѣ, XCV, янв., 114.
Василько Константиновичъ, князь, XCV, февр., 690.
Васильчикова, княг., XCV, янв., 52.
Васмундъ, Георгій Роберт., ген.-лейт. *Некрологъ* его: XCVII, июль, 346—347.
Васнецовъ, В. М., художникъ, XCV, янв., 329.
Васковскій, Е. В., прив.-доц. новорос. ун., XCV, янв., 321—323.
Васюковъ, С. И. *Статьи* его: 1), «Красная Поляна», XCV, мартъ, 983—1022.—2) «Абрау-Дюрсо. (Изъ очерковъ кавказскаго черноморскаго побережья)», XCVI, июнь, 866—870.—3) «Типы и характеры кавказскаго черноморскаго побережья», XCVIII, окт., 150—173.
Ватсонъ, М. В., XCVIII, ноябрь, 507.
- Введенскіе:**
 — А., проф. моск. дух. акад., XCVII, июль, 331.
 — Д., преподаватель вѣан. дух. сем., XCVII, июль, 331.
В. Г. *Рецензіи* его: 1) «Проф. П. Казанскій. Возрожденіе изученія права (1903)», XCV, янв., 320—321.—2) «Христіанство и организація международнаго мира. Бар. М. А. Таубе. (Спб. 1903)», XCV, февр., 764—765.—3) «Академикъ И. И. Яжунъ. Воспоминанія о дѣтской жизни. (Москва 1904)», XCV, мартъ, 1136.—4) «Н. Н. Дебольскій. Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка. (Спб. 1903)», XCVI, апр., 339—341.—5) «Проф. А. И. Загоровскій. О виѣбранныхъ дѣтяхъ по новому закону (31 іюня 1902 г.) въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ. (Одесса 1903)», XCVI, апр., 347—348.—6) «Опытъ исторіи государственнаго совѣта въ Россіи, составленный помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта В. М. Томанскимъ въ 1840 г. Часть первая 1769—1801 г. Совѣтъ въ царствованіе императрицы Екатерины II и Павла I-го. (Сообщеніе графа Милорадовича). (Черниговъ. 1903)», XCVI, май, 675—676.—7) «Д. Зеленинъ. Кама и Вятка. Путеводитель. (Юрьевъ. 1904)», XCVII, сент., 1043—1044.—8) «Проф. Казанскій. Учебникъ международнаго права публичнаго и гражданскаго. (Одесса. 1904)», XCVII, сент., 1053.—9) «Родъ дворянъ Арсеньевыхъ. 1889—1901 г. Составилъ В. С. Арсеньевъ. (Тула. 1904)», XCVII, сент., 1055.—10) «А. Л. Погодинъ. Боги и герои Эллады. Съ 15 рис. (Спб. 1904)», XCVIII, дек., 1144—1145.—11) «М. Я. Энгель. Русска Помпея (Херсонесъ Таврической). Очеркъ археологическихъ разслѣдованій. (Замѣтки и впечатлѣнія)». (Севаст. 1904), XCVIII, дек., 1153—1154.
В. Гр—скій. *Рецензіи* его: 1) «И. И. Яжунъ. Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. (Спб. 1904)», XCVII, июль, 295—297.—2) «П. Шилловскій. Акты относящіяся къ политическому положенію Финляндіи». (Спб. 1904), XCVIII, ноябрь, 765—767.—3) «Н. Н. Соколовъ. С-Петербургская почта при Петрѣ Великомъ. Исслѣдованіе». (Спб. 1904), XCVIII, ноябрь, 774—775.—4) «Э. Тамонъ. Эволюція права и общественное сознаніе. Перев. А. П. Фитингофа». (Спб. 1904), XCVIII, ноябрь, 786—787.—5) «А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати». (Томскъ. 1904), XCVIII, дек., 1129—1130.
Веберъ, русс. посланникъ въ Корей, XCV, февр., 726.
- Вейденбаумъ:**
 — Е. *Замѣтка* его: «Къ дуэли Купшелева съ Бахметевымъ», XCV, мартъ, 1199—1200.—*Поправка* къ этой замѣткѣ Н. Фальева, XCVI, апр., 399—400.
 — Е. Г., XCV, мартъ, 1100.
- Вейнбергъ:**
 — Пав. Исаев., артистъ. *Некрологъ* его: XCVII, сент., 1079.
 — Петръ Исаевичъ, писатель, XCV, февр., 634.
- Вейнертъ**, авт. соч. «Starożytności Warszawy», XCVI, май, 767.
- Велепольскій**, маркизъ, начальникъ гражд. упр. царства польск., XCV, мартъ 1025.
- Великопольскій**, И. Е., XCV, февр., 756.
- Величко**, Василій Льв., писатель. *Статья* о немъ К. Петрова: «В. Л. Величко», XCV, февр., 671—678. *Некрологъ* его: XCV, февр., 824—825. *Упом.*: XCV, мартъ, 1134.
- Вельяминовъ-Зерновъ**, Вл. Влад., почетитель кiev. уч. окр. *Некрологъ* его: XCV, мартъ 1191.
- Венансонъ**, гр., XCV, янв., 118—121, 131—134, 136, 137.
- Венгеровъ**, Сем., Ав., писатель. *Рец.* В. Т. *объ изд. подъ его ред. книгъ:* «Галерея русскихъ дѣятелей. Главные дѣ-

ятели освобожденія крестьянъ». (Спб. 1904), ХСVI, май, 712—715.— *Рец. П. Ш.* *объ изд. под. его ред. VII томъ «Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12 томахъ»* (Спб. 1904), ХСVII, авг., 669—670.— *Рец. П. Ш. объ изд. имъ: «Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ» т. VI* (Спб. 1904), ХСVII, сент., 10 2—1024. *Упомин.:* ХСV, мартъ, 1035—1036; ХСVI, май, 606; ХСVII, июль, 154.

Венеитиновъ, Мих. Алекс., директоръ румынц. музея, ХСV, февр., 667, 669.

Венедиктова, классн. дама варш. инст., ХСVI, май, 437, 438.

Веность, Джювани Висконти. *Заметка о немъ: «Историческія воспоминанія Джюв. Виск. Веноста»*, ХСVII, авг., 695—696.

Венявскій, скрипачъ, ХСVII, авг., 580.

Верещагинъ, Вас. Вас., художникъ. *Некрологъ его:* ХСVI, май, 756—758.

Вержебовскій, Ф. Ф., проф. *Рец. А. Я. о книгахъ его:* 1) «*Materyaly dodzejow pismennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich*. Т. II. 1526—1830». Wars. 1904), ХСVII, сент., 1026—1027. 2) «*Археологическій кабинетъ имп. варш. унив.*». (Варш. 1904), ХСVIII, дек., 1131—1131.

Веригинъ, Петръ Вас., духовоборъ, ХСV, февр., 602—605.

Вернадскій, политико-экономъ, ХСV, февр., 746.

Верховой, Н. *Рец. А. Я. о книгѣ его: «Ярославль. Историческія монографія о времени основанія города»* (Рыб. 1904), ХСVI, июнь, 1041—1042.

Верховскій, инженеръ, ХСVIII, ноябрь, 557—558.

Веселовскіе:

— А. Н., проф. моск. ун., ХСV, янв., 379; ХСVI, июнь, 1096.

— А. Н., академикъ, ХСVIII, дек., 1186.

— Исаакъ, ХСVIII, дек. 950, 955, 956, 957, 958, 959, 962, 963, 964, 965.

— Н. И., проф., ХСV, мартъ, 1174; ХСVIII, дек., 1189.

Видгальмъ, Игн. Март., лаборантъ новорос. ун. *Некрологъ его:* ХСV, янв., 391—392.

Виже-Лебрень, художница, ХСVII, сент., 987, 990, 991, 997.

Викентій (Іоанновичъ), сербскій митрополитъ, ХСV, мартъ, 1098—1099.

Вежеръ, Жоржъ, ХСVI, май, 728, 729.

Викторовъ, Ал-ѣй Егор., хранитель рукописей румынцев. музея. *О немъ въ*

статьѣ В. И. Шенрока: «Памяти Н. Ф. Федорова и А. Е. Викторова», ХСV, февр., 663—670.

Викторъ, маршалъ, ХСV, янв., 295—296.

Виллардъ, Генри, ХСVI, апр., 370—372.

Виллевалде, Богд. Павл., проф. живописи, ХСVIII, окт., 199.

Виллье, лейбъ-медикъ, ХСVII, окт., 876.

Вилуевъ, В. В., начальникъ варш. уч. дир., ХСVI, май, 444.

Вильгельмъ, прусс. король, ХСVI, апр., 308—309.

Виноградовы:

— И., сотр. «Сборн. тверск. общ. ист.», ХСV, янв., 308.

— Леонтій Никит., поэтъ, ХСVII, авг., 522—524.

Вишперъ, Р. Ю., проф. моск. ун., ХСVI, май, 746.

Виртембергскій, герцогъ Ал-дръ, ХСVIII, окт., 199.

Виртъ, Альб., авт. соч. «*Weltgeschichte der Gegenwart*» (Lerl. 1904), ХСV, февр., 721—728.

Вистицкій, Г. С., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.

Витвортъ, англ. посланникъ, ХСV, мартъ, 1056.

Витгенштейнъ, ХСV, янв., 295—296; мартъ, 1063; ХСVII, сент., 1009.

де-Витте, Е. И., ХСV, февр., 758.

Витте:

— Сергій Юл. министръ финансовъ, ХСV, янв., 285, 286, 288; февр., 724.

— Фед. Фод., директоръ правит. ком. нар. проsv. въ Царствѣ Польскомъ. *О немъ въ «Варшавскіхъ воспоминаніяхъ» Н. П. Авенаріуса*, ХСVI, май, 417—448.

Виттъ, гр. ХСV, янв., 166; ХСVI, май, 583.

Вишневскій, Д. *Рец. А. Я. о книгѣ его: «Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія»*, (К. 1093), ХСVI, апр., 334—335.

Владимировъ, Л. Е., проф. *Рец. Андрея Сиротинина о книгѣ его: «А. С. Хомяковъ и его этно-соціальное ученіе»*, (М. 1904), ХСVIII, ноябрь, 769—772. *Упомин.:* ХСVI, июнь, 916, 919—933.

Владимирскій-Вудановъ, М. Ф., проф. кіев. ун., ХСV, янв., 316; ХСVII, июль, 269, 270.

Владимиръ Александровичъ, вел. князь, ХСVI, май, 489, 494, 495; ХСVIII, окт., 263, 264, 272.

- Владимиръ Андреевичъ**, старицк. князь, ХСVIII, ноябрь, 669.
- Владиславлевичъ**, ген., ХСVII, июль, 131.
- Владиславъ**:
— IV польск. король, ХСVII, сент., 947, 953.
— (Ягелло), ХСVII, сент., 945.
- Водовозовъ**, В. П., писатель, ХСVIII, окт., 184.
- Восейковъ**, об.-прокуроръ, ХСVIII, дек., 964.
- Возжинскій**, Гр. Вас., ХСVIII, дек., 944, 945.
- Войновичъ**, Драго. Рец. *А. Я. о книжкѣ*: «Исторія сербскаго народа». (Од. 1903), ХСVI, июнь, 1047—1048.
- Войславъ**, Сигиз. Григ., проф. Некрологъ его: ХСV, мартъ, 1192.
- Волковы**:
— А—ый Як., секретарь Меншикова, ХСVIII, дек., 944.
— Марія Апол., ХСV, янв., 58.
— Оед. Гр., основатель русс. театра, ХСV, февр., 686, 688, 720; ХСVI, июль, 390—391, 911.
- Волконскіе**:
— вн. А. М., ХСVI, апр., 386.
— княг. Агр. Петр., рожд. Бестужева, гофъ-дама имп. Екатерины. *Статья о ней С. Н. Шубинскаго*: «Княгиня А. П. Волковская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.
— княг. А—дра Ник., ХСVI, май, 539.
— кн. Дм. Мих., правитель Грузии, ХСV, мартъ, 1200.
— княг. Зин. А—др., ХСVI, май, 543—544.
— кн. Зин. Ник., ХСVI, май, 533, 534, 542.
— княг. Марія Ник., рожд. Раевская. *Статья о ней П. Е. Щеголева*: «Подвигъ русской женщины», ХСVI, май, 530—550.
— кн. Никита Оед., ХСVIII, дек., 934, 940, 946, 956, 962.
— кн. Ник. Серг., ХСVI, май, 537.
— кн. П. М., ХСV, февр., 745.
— кн. Серг. Григ., ген.-майоръ. *О немъ въ статьѣ П. Е. Щеголева*: «Подвигъ русской женщины», ХСVI, май, 530—550.
— кн. Софья Григ., ХСVI, май, 539, 541.
— кн., ген.-адъют. Екатерины II, ХСV, мартъ, 1107.
— княжны, фрейлины имп. Елиз. Алекс., ХСV, февр., 745.
- Волгузь**, ф.-Герзе, Юг., магистръ ливон. орд., ХСVII, сент., 1024—1026.
- Волынецъ**, ХСVII, июль, 230.
- Волынскій**, Мих. Мих., ХСVII, сент., 870.
- Вольслей**, лордъ, фельдмаршалъ, ХСVIII, дек., 1103—1111.
- Вольтеръ**, Эд. А-др. Рец. *Бесе о книгѣ* его: «Отчетъ о поѣздкѣ по бібліотекамъ Австріи и Германіи осенью 1901 года». (Спб. 1903), ХСV, янв., 329—330.
- Вольфъ**, Мавр. Осип., книгоиздатель, ХСVII, дек., 1090—1091.
- Воробьевъ**, Г. А. *Статьи его*: 1) «Изъ историко-археологическихъ экскурсій по Ломжинской губерніи», ХСVI, май, 575—604; июль, 987—1006.—2) «Поѣздка въ Вигры. Изъ историко-археологическихъ экскурсій», ХСVII, сент., 933—953. *Замѣтки его*: 1) «Къ вопросу о пребываніи ростовскаго митрополита Филарета Романова въ Варшавѣ въ 1611—1619 годахъ», ХСVI, май, 767—768.—2) «Русскія историческія могилы на Повонзковскомъ кладбищѣ въ Варшавѣ», ХСVIII, окт., 396—399. *Рецензія его*: 1) «*Ludwik Boratyński. Stefan Batory i plan ligi przeciw tatkow (1576—1584). Kraków. Nakładem akademji Wniejętności. (Людвигъ Боратынскій. Стефанъ Баторій и планъ союза противъ турокъ. 1576—1584. Краковъ. Издѣніемъ академіи наукъ)*», ХСVI, май, 705.—2) «*Henryk Sadowski. Ordezy i oznaki zaszczytne w Polsce. (Warszawa. 1904). (Г. Садовскій. Ордена и знаки отличія въ Польшѣ)*», ХСVII, сент., 1034—1035.—3) «*Ksiadz Wladyslaw Szczesniak. Obrzadek slowianski w Polsce pierwotnej, rozwazony w swietle dziejofisarstwa polskiego. 1904. Кс. Владиславъ Щапякъ. Славянскій обрядъ въ первобытной Польшѣ въ освѣщеніи польской исторіографіи)*», ХСVIII, дек., 1143—1144.
- Воронина**, А. Р., ХСV, февр. 657.
- Воронцовы**:
— кн. М. С., ХСVII, июль, 222.
— Оед. Сем., ХСVI, апр., 293.
- Воронцова-Вельяминова**, Ю. А., ХСV, февр., 661.
- Воскресенскій**, Ник. Вас., археологъ. Некрологъ его: ХСVI, апр. 391.
- Врангель**, бар., ХСVI, апр., 151.
- Всеволодъ Константиновичъ**, князь, ХСV, февр., 690.
- В. С. Е.** *Рецензія его*: «*Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. (Кіевъ. 1904)*», ХСVI, май, 683—685.
- В. Т.** *Статья его*: «Иностранцы о Россіи», ХСVI, май, 626—653. *Рецензія его*: 1) «Иванъ Ивановичъ Вецкой.

Опытъ его биографіи. Сост. *Майковъ*. (Спб. 1904)», ХСVI, май, 654—657.— 2) «Галлерей русскихъ дѣятелей. Главныя дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей *С. А. Венгеровъ*. Съ портретами. (Спб. 1904)», ХСVI, май, 712—715.—3) «Сборникъ имп. русскаго историческаго общества», т. 119. (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1116—1120.

Вуичъ, Н. И., пом. управляющаго д. комитета мин., ХСV, мартъ, 1122.

Вульфъ, А.-Ъй Ник., пріятель Пушкина, ХСVI, июнь, 977, 982.

В. Ф.—ко. *Рецензи* его: «Первое столѣтіе Иркутска. Сборникъ матеріаловъ для исторіи города съ введеніемъ и заключительной статьей приватъ-доцента *И. М. Головачева*: «Составъ населенія и экономическій бытъ Иркутска до 40-хъ годовъ XVIII вѣка», съ приложеніемъ 4-хъ видовъ и 3-хъ плановъ стариннаго Иркутска. Изданіе В. П. Сукачева. Въ память 250-лѣтія Иркутска. (Спб. 1903)», ХСV, мартъ, 1127—1128.

В. Ш. *Статья* его: «Иностранцы о Россіи», ХСV, янв., 275—301; февр., 721—740; ХСVI, апр., 289—318.

Вырубовъ, ХСV, февр., 437.

Вяземскіе:

— кн. Петръ Андр., поэтъ, членъ госуд. сов., ХСV, янв., 58, 375; февр., 433, 734; мартъ, 873; ХСVI, апр., 219; июнь, 971, 972, 980; ХСVII, июль, 168; сент., 874; ХСVIII, дек., 1190—1191.

— кн. Як. Зин., ХСV, янв., 251.

Г.

Г. *Рецензи* его: 1) «Большой всемірный настольный атласъ Маркса, подъ редакціей проф. *Э. Ю. Петри* и *Ю. Шокальскаго*. Вып. I. Изданіе А. Ф. Маркса. (Спб. 1904)», ХСV, мартъ, 1123—1124.—2) *Проф. С. Гюнтеръ*. Въѣзды великихъ открытій. Переводъ П. Ю. Шмидта. Изданіе А. Ф. Девриена (Спб. 1904)», ХСV, мартъ, 1131—1132.—3) «Дешевая иллюстрированная Библиотека. Изданіе *Н. П. Думинскаго*. (Спб. 1904)», ХСVII, авг., 684.

Гаазъ, Фед. Петр., врачъ, ХСV, февр., 663; ХСVI, апр., 56—57.

де-Габріагъ, ХСVI, апр., 301.

Гавріиль, сб. архіепископъ, ХСVIII, ноябрь, 738.

Гавріиль, сб. митрополитъ, ХСVII, сент., 882, 883, 884, 886, 887, 890.

Гагарины:

— кн. Г. Г., ХСVII, июль, 222.

— кн. Пав. Павл., ХСV, янв., 144.

Галабуцскій, Ю. А. *Статья* его: «И. К. Айвазовскій въ Феодосіи. (1886—1897 гг.)», ХСVII, авг., 525—536.

Галилей, итал. ученый. *О немъ въ замѣткѣ*: «Новая биографія Галилея», ХСV, янв., 353—354.

Галиньяни, Джіов., изд. газ. «Galigiani's Messenger». *О немъ въ замѣткѣ*: «Англійская газета въ Парижѣ», ХСVIII, окт., 381—382.

Гальденштубе, ген.-адъютантъ, ХСV, февр., 546.

Гамалѣй, инспекторъ морск. кадет. корп., ХСVI, апр., 119.

Гамильтонъ, Ангусъ, публицистъ, ХСVI, май, 646, 649, 650.

Ганнибалъ, Абр. Петр. *О немъ въ статьѣ С. Н. Шубинскаго*: «Княгини А. П. Волконская и ея друзья», ХСVIII, дек., 927—965.

Ганцъ, Маркъ, полит. дѣятель соед. штат. *Некроль* его: ХСV, мартъ, 1167.

Гацото, Габріэль, ХСVI, май, 728, 729.

Гаринъ, П. Т., лѣсничій, ХСVIII, окт., 58.

Гаркави, А. Я. историкъ, ХСVI, апр., 333.

Гаркортъ, Вильямъ, англ. министръ, *Некроль* его: ХСVIII, ноябрь, 812—813.

Гацискій, А. С., писатель, ХСVII, авг., 672—673.

Гашо, Эдуардъ, фр. писатель, ХСVII, июль, 235—242.

Гааре, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 874.

Ге, художникъ, ХСV, февр., 494.

Геденштромъ, М. М., русс. консулъ въ Хакодате, ХСVI, апр., 384.

Гедеоновъ, директоръ имп. театровъ, ХСV, янв., 381; мартъ, 1066—1067.

Гедеоновъ, сочав. митрополитъ, ХСVII, сент., 833, 834.

Гедиминъ, В. *Рец. Ф. Лева о книгѣ* его: «Прошлое города Пскова въ его историческихъ памятникахъ». (Пск. 1903), ХСVI, апр., 338.

Гединъ, Свегъ, путешественникъ, ХСV, янв., 291.

Гедувильтъ, ген., ХСVII, сент., 985.

Гейманъ, ген., ХСVI, апр., 151, 153.

Гейне, ХСV, февр., 746.

Гельвецій, вдова франц. философа, ХСV, февр., 781—784.

Гембицкій, плоцк. епископъ, ХСVI, май, 582.

Геннадій:

— св., новг. архіеп., ХСVI, апр., 292.

— архимандритъ, ректоръ тобол. земин., ХСVII, сент., 885, 886, 889.

- Генрихъ IV**, фр. король. *Замѣтка о немъ*: «Заговоръ противъ короля Генриха IV», ХСVI, июнь, 1066—1070.
- Георгиевскій**, В. Т., ХСV, февр., 762.
- Георгъ**, саксон. король. *Некрологъ его*: ХСVIII, ноябрь, 813.
- Герардъ**, Вл. Ник., прис. повѣренный. *Некрологъ его*: ХСV, янв., 392—394.
- Гердь**:
— А. Я., ХСV, февр., 652, 657.
— В. Я. *Рец.* *Wo его переводъ соч. Дж. Р. Сили*: «Расширеніе Англіи» (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1046—1047.
- Герсей**, Христ. Ив., архитекторъ, ХСV, янв., 80.
- Герстеръ**, Этелька, пѣвица, ХСVIII, дек., 874, 875.
- ф.-Герстнеръ**, Францъ, австр. инженеръ, ХСV, янв., 216.
- Герцены**:
— А-дръ Ив., писатель, ХСV, янв., 379—381; февр., 500; ХСVI, май, 504; ХСVII, сент., 1029—1031.
— Н. А., ХСV, янв., 379.
- Герштенцвейгъ**, варш. воен. ген.-губернаторъ, ХСV, мартъ, 1025.
- Герье**, Вл. Ив., проф. моск. ун. *Рец. П. К. о книгѣ его*: «Идея народовластія и французская революція 1789 г.» (М. 1904), ХСVI, апр., 343—345. *Упомят.*: ХСVI, июнь, 895.
- Гессе**, подпоручикъ, ХСVI, июнь, 941.
- Гессенъ**:
— I. В., ХСVI, апр., 326.
— Ю. И. *Рец. С. ф.-Штейна о книгѣ его*: «Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. (Спб. 1903)», ХСV, янв., 324—327.
- Гете**. *Замѣтки о немъ*: 1) «Современное вліяніе Гете и Шиллера», ХСVI, апр., 367—368. 2) «Послѣдняя любовь Гете», ХСVI, май, 725—728. 3) «По поводу статуи Гете въ Римѣ», ХСVII, сент., 1067—1069. *Упомят.*: ХСVI, май, 651.
- Гетцъ**, Л. К. *Рец. А. Я. о книгѣ его*: «Кіево-печерскій монастырь, какъ культурный центръ до-монгольской Россіи», (Passau 1904), ХСVIII, дек., 1124—1125.
- Гечевичъ**, В. И., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.
- Гизо**, ХСVIII, ноябрь, 806.
- Гидъ**, Георгій, молдав. господарь, ХСVII, сент., 835.
- Гильденшуббе**, ХСVI, май, 494.
- Гиларовъ-Платоновъ**, Никита Петр., писатель. *Замѣтка о памятникѣ ему*: ХСVII, авг., 706—707.
- Гимельштейерна**, Самсонъ, ХСV, февр., 724.
- Гирсъ**, ХСVI, май, 645.
- Гл.** *Рецензія его*: «О. М. Бодянский и его заслуги для изученія Малороссіи. Н. П. Васильева. (К. 1904)», ХСVII, июль, 273—275.
- Глинка**:
— Мих. Ив., композиторъ. *Замѣтка*: «Къ открытію памятника ему», ХСV, мартъ, 1168—1169. *Упомят.*: ХСV, янв., 375.
— С. *Рецензія его*: Н. Кравченко «Въ Китай!» (Спб. 1904), ХСV, мартъ, 1116—1117.
— Фед. Ник., писатель, ХСV, мартъ, 871.
- Глинская**, Елена Васильевна, царица, ХСVI, апр. 292—293.
- Глинскій**, Бор. Бор. *Статья его*: «А. С. Хомяковъ предъ судомъ потомства», ХСVI, июнь, 912—924. — *Поправки къ этой статьѣ, его-же*, ХСVII, авг., 720. *Рецензія его*: 1) «В. Розановъ. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго. (Спб. 1904)», ХСVII, июнь, 1053—1055. 2) «А. В. Пшемехоновъ. На очередныя темы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. (Спб. 1904)», ХСVII, июль, 291—294. *Упомят.*: ХСVII, сент., 772.
- Глинскіе**, ХСVI, июнь, 1005.
- Глубоковскій**, Матвѣй Никан., врачъ, журналистъ. *Некрологъ его*: ХСV, янв., 394—395.
— Н., проф. спб. дух. акад., ХСVII, июль, 331.
- Глушаковъ**, М. В., ХСV, февр., 751.
- Глѣбовъ**, В. Н., ХСV, мартъ, 1168.
- Глэдстонъ**, англ. госуд. дѣятель. *О немъ въ замѣткѣ*: «Морлей, какъ образцовый биографъ Глэдстонъ», ХСVI, апр., 369—370.
- Г. М.** *Рецензія его*: «А. Скоропадская. Графъ Юлій Помпеевичъ Литта. Биографическій очеркъ. (Спб. 1904)», ХСVI, июнь, 1040.
- Гнѣдичъ**, О., рожд. Байкова, ХСV, янв., 399—400.
- Гобза**, I., директоръ I моск. гимн. *Рец. Б. о книгѣ его*: «Столѣтіе Московской гимназіи» (М. 1903), ХСVIII, дек., 1150—1152.
- Гогель**:
— Вл. Валер., ХСV, февр., 543—546.
— Григ. Фед., ген.-майоръ, ХСV, февр., 543—545.
— ген.-адъютантъ, ХСV, февр., 439.
- Гоголь**:
— М. И., мать писателя, ХСVII, июль, 158—163.
— Ник. Вас., писатель. *Упомят.*: ХСV, янв., 306—307, 375; ХСVI, июнь, 911,

912; ХСVIII, дек., 996—998. *О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта*: «Гоголь и Бургаринъ», ХСVII, июль, 154—173.

Голенищевъ-Жутовъ, Пав. Ив., попечитель моск. уч. окр., ХСV, мартъ, 1047—1048.

Голиковъ, ХСVIII, дек., 928.

Голицыны:

— Августинъ, ХСV, февр., 437.

— кн. А-дръ Ник., министръ дух. дѣлъ и нар. просв., ХСV, янв., 55; февр., 434, 437, 595, 596; ХСVIII, ноябрь, 689.

— кн. Алексѣй, ХСV, мартъ, 877.

— Антоній, ХСV, февр., 437.

— кн. Д. В., моск. ген.-губернаторъ, ХСV, янв., 66; февр., 741; мартъ, 876.

— кн. Дм. Мих., ХСVIII, дек., 944, 951, 958, 961.

— кн. Дм. Петр., писатель, (псевд. Муравлинъ). *Замѣтка о 25-лѣтнемъ юбилейѣ его*: ХСVI, июнь, 1093—1096.

— кн. М. Д., ХСVI, май, 747.

— кн. Л. Л., археологъ; ХСVIII, окт., 386—387.

— кн. Н. В., ХСVI, май, 747.

— кн. Пав., ХСV, мартъ, 877.

— кн. Пав. Алекс., начальникъ арх. мин. ин. д., ХСV, янв., 53.

— Петръ, ХСV, февр., 437.

— кн., шт.-капитанъ, ХСV, янв., 133, 136.

— княгиня, вполн. монахиня, ХСV, янв., 52, 57.

— кн., моск. город. голова, ХСVII, июль, 328.

Головацкій, Як. Оед., галицко-русс. ученый, ХСV, февр., 663, 669.

Головачевы:

— П. Рещ. М. К. *о книгѣ его*: «Иркутское лихолѣтье 1758—1760 гг. («Лѣтопись о Крыловѣ» и ея разборъ)» (М. 1904), ХСVI, май, 708.

— П. М., прив.-доп., ХСV, мартъ, 1127.

Головины:

— Харл. Серг., попечитель спб. учебнаго округа. *Некрологъ его*: ХСVI, апр., 391—392.

— гр., ген.-адмиралъ, ХСVIII, ноябрь, 743.

— авт. записокъ, ХСVII, сент., 989.

Головкины:

— гр. Гавр. Ив., канцлеръ, ХСVIII, дек., 951, 961, 964.

— гр., Оед. Гавр., посланникъ въ Неаполь, ХСVII, сент., 995.

Головинъ, ХСV, мартъ, 1162.

Голодинковъ, К., сотр. «Сибири», ХСVII, сент., 777, 881, 885.

Голубинскіе:

— Дм. Оед., проф. моск. дух. акад. *Некрологъ его*: ХСV, янв. 398. *Упомин.*: ХСVIII, окт., 174, 176.

— Е. Е., ХСV, мартъ, 1053.

Гольдштейнъ, С. М., ХСVI, апр., 333.

Гончаровы:

— Ив. А-др., писатель, ХСVI, май, 688—690.

— Макарій, юридивый, ХСV, янв., 307—308.

Горбуновъ, Ив. Оед., писатель, актеръ, ХСV, янв., 110.

Гордіанъ, игумень толгск. мон., ХСV, янв., 254.

Гордѣнковъ, проф. харьк. ун., ХСV, янв., 318.

Горемыкинъ, Алдръ Дм., членъ госуд. сов. *Некрологъ его*: ХСVII, июль, 347—348.

Городецкій, Бор. Митр., библиографъ. *Статья его*: «Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ», ХСVII, сент., 974—981. *Рецензии его*: 1) «Э. А. Вольтеръ. Отчетъ о поѣздкѣ по бібліотекамъ Австріи и Германіи осенью 1901 года. (Спб. 1903)», ХСV, янв., 329—330. 2) «И. Н. Боже-риновъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Т. I. В. 2. Изд. автора (Спб. 1903)», ХСV, февр., 747—750. 3) «Воспоминанія Анны Евдоки-мовны Лабзиной. (Род. 1758—1828). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Съ 2 порт. (Спб. 1903)», ХСV, февр., 754—756. 4) «И. К. Антошевскій. Константиновскій рубль 1825 года. Со снимкомъ. (Спб. 1904)», ХСVI, май, 696—697. 5) «Списокъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ XVII—XIX столѣтій. Составилъ Н. М. Лисовскій. (Спб. 1903)», ХСVI, май, 706. 6) «Крестыяне на Руси. Исслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ. Сочиненіе ординарнаго профессора Московскаго университета И. Д. Бяляева. (М. 1903)», ХСVI, июнь, 1021—1024. 7) «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1804—1819). Разказы по архивнымъ документамъ Н. Булича. Часть первая. Изд. 2-е. (Спб. 1904)», ХСVII, авг., 636—637.

Городскій, Андрей, ХСV, янв., 166.

Городцовъ, В. А., археологъ, ХСV, мартъ, 1176.

Горожанкинъ, Ив. Ник., проф. моск. ун. *Некрологъ его*: ХСVIII, дек., 1194.

Горскій-Платоновъ, Пав. Ив., проф. моск. дух. академ. *Некрологъ его*: ХСVIII, дек., 1194—1195.

Горталовъ, Н. К., ХСVI, июнь, 1102.

- Горчаковы:**
— кн., ХСV, янв., 283; февр., 745; мартъ, 1068—1069; ХСVI, апр., 301—308; май, 583, 641—645.
— кн. Д. П., ХСVIII, дек. 1191.
- Горшковъ, Д. С. Рец. Е. М. В. обь изд. подь ред. соч. Э. Вандервельде: «Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ» (М. 1904), ХСVI, май, 703.**
- Горькій, Максимъ, псевд. писателя Пѣшкова, ХСVII, июль, 126.**
- Горюнинъ, М. Рец. А. Сироткина о его переводѣ соч. С. И. Кисова: «Изъ боевой и походной жизни 1877—1878 гг.» (Софія 1903), ХСVI, май, 691—692.**
- Горяиновъ, С. М., писатель, ХСVII, ноябрь, 821, 822.**
- Готце, ХСVII, июль, 234, 235, 240, 241.**
- Готъесъ, Пьеръ, фр. историкъ, ХСVII, сент., 1058.**
- Гоцлавскій, Т., ХСVI, май, 582.**
- Граббе, гр., ген.-майоръ, ХСVI, апр., 149—152, 158, 164—166, 168.**
- Градовскіе:**
— А-дръ Дм., проф. спб. ун., ХСV, янв., 309; февр., 649.
— Григ. Конст., писатель. *Статья его:* «Изъ литературныхъ воспоминаній», ХСV, янв., 109—115. *Упомян.*: ХСV, февр., 497.
- де-Грамонъ, фр. посланникъ въ Вѣнѣ, ХСVI, апр., 300.**
- Гранатъ, И. Н., ХСVI, май, 746—747.**
- Граціановъ, П. А., дръ. *Статья его:* «С. П. Боткинъ и чума», ХСVI, май, 551—556.**
- Греницъ, бар., совѣтникъ русс миссіи въ Лондонѣ, ХСV, янв., 276.**
- Грегоровіусъ, Ферд. Рец. II о книгѣ его: «Исторія города Рима въ средн. вѣка. Т. I и II» (Спб. 1903), ХСVI, 1048—1050.**
- Грейгъ, министръ фин., ХСV, янв., 287.**
- Грессеръ, петерб. градоначальникъ, ХСV, янв., 112; ХСVII, сент., 770—771.**
- Гречъ, Ник. Ив., писатель, ХСV, февр., 747; ХСVII, июль, 163, 170.**
- Грибовскій, Вяч. Мих., пр.-доц. спб. ун. *Повѣсть его:* «Подъ грозой», ХСVI, апр., 69—103; май, 449—488; июнь, 834—865. *Рецензіи его:* 1) «Историческій обзоръ дѣятельн. комитета министровъ. Т. V, ч. I и II. Комитетъ мин. въ царствованіе импер. Александра II. Сост. С. М. Середонинъ. Спб. 1903», ХСV, янв., 302—306. 2) *О. П. Сетловъ. Памятники земской старины (Спб. 1903)», ХСV, янв., 309—310. 3) «Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. П. А. Максимейко. (Хар. 1903)», ХСV, янв., 315—316. 4) «Курсъ гражданскаго права проф. казанск. унив. Г. Ф. Шершеневича. Т. I. Введеніе. Вып. 2-й. (Каз. 1903)», ХСV, янв., 317—318. 5) «Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ. Акад. И. И. Янжула (Спб. 1904)», ХСV, февр., 753—754. 6) «Древности русскаго права. Т. III. Землевладѣніе, тягло, порядокъ обложения В. Сергѣевича (Спб. 1904)», мартъ, 1094—1096. 7) «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Томъ IV. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра III. Составленъ П. И. Тхоржевскимъ подь главной редакціей статьи-секретаря Куломзина (Спб. 1903)», ХСV, мартъ, 1104—1106. 8) «Г. М. Баранъ. Опытъ возобновленія текста и объясненія древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ (Спб. 1904)», ХСV, мартъ, 1108—1110. 9) «Э. Н. Берендсъ, ордин. проф. с.-петербургскаго университета. Лекціи по административному праву великаго княжества финляндскаго. Т. I (Спб. 1904)», ХСVI, апр., 329—331. 10) «Сборникъ біографій кавалергардовъ 1762—1801 гг. Составленъ подь редакціей С. Панчулидзева (Спб. 1904)», ХСVI, май, 662—665. 11) «В. В. Святловскій, прив.-доцентъ императорскаго с.-петербургскаго университета. Жилищный вопросъ съ экономическоі точки зрѣнія. Вып. I, IV, V (Спб. 1903)», ХСVI, май, 680—681. 12) «Проф. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть I (М. 1904)», ХСVI, июнь, 1013—1015. 13) «Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Изданъ подь редакціей М. Н. Ясинскаго (Кіевъ. 1904)», ХСVII, июль, 369—373. 14) «Библиотека для самообразованія «В. Ф. Икономовъ. Наканунъ реформъ Петра Великаго (М. 1904)», ХСVII, авг., 643—646. 15) «Н. Ф. Арсеньевъ. Первый областной археологическій съѣздъ въ Россіи (Спб. 1904)», ХСVII, авг., 663—665. 16) «Балтійскій флотъ 50 лѣтъ назадъ (1854—1855 гг.). Капитанъ 2-го ранга Истомиль (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1039—1040. 17) «Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда (Гверъ. 1904)», ХСVII, сент., 1049—1051. 18) «Э. Н. Берендсъ. Лекціи по административному праву великаго княжества финляндскаго. Т. II. Главный органъ въ Финляндіи» (Спб. 1904), ХСVIII, ноябрь, 767—769.***

Грибоѣдовы:

— А.-дръ Серг., писатель, ХСVI, апр., 208; ХСVII, июль, 156, 163, 165, 170, 174, 175, 234.

— Нина А.-др., жена писателя, ХСVII, июль, 233—234.

Григорій, петерб. митрополитъ, ХСVI, апр., 110.

Григорій-Стефанъ X, молдав. эксъ-господарь, ХСVI, май, 749.

Григорій (Черноризецъ), ХСVIII, ноябрь, 664.

Григоровичи:

— А. И., ХСVI, апр., 18.

— Дм. Вас., писатель, ХСV, яов. 110, 113.

— Ив. Ив., проф. никол. акад. ген. шт. *Некрологъ его*: ХСVI, июнь, 1105.

Григорьевъ, Ап., писатель, ХСVIII, ноябрь, 757.

— смотритель театр. дома, ХСV, февр., 748—749.

— актеръ, ХСVIII, ноябрь, 504.

Гринъ, Ф. В., авт. соч. «The campaign in Bulgaria», ХСVI, апр., 309—314.

Гродековъ, ген., ХСVI, май, 648.

Гродзицкій, Яковъ, ХСVI, май, 576.

Гронау, Дж., биографъ Тиціана, ХСVIII, окт., 361—363.

Гротенгельмъ, ген.-адъют., ХСVII, июль, 131, 132, 135.

Гротъ:

— Конст. Карл., общ. дѣятель, ХСVIII, окт., 206.

— Як. Карл., академикъ, ХСV, февр., 668; ХСVII, авг., 570, 572, 573.

Грязевъ, авт. записокъ, ХСVIII, окт., 193.

Губеръ, ХСVI, май, 444.

Гулецкій, шт.-капитанъ, ХСVI, апр., 150, 152.

Гумбольдтъ, Ал.-дръ, ученый, ХСVIII, ноябрь, 806.

Гумпловичъ, М., д.-ръ. *Рец. С. Г-та о книгѣ его: «Rozzutki religii rудowskiej w Polsce»*. (Warg. 1904), ХСVII, сент., 1027—1028. *Упоми.* ХСV, янв., 289.

Гуревичъ, ХСV, янв., 289.

Гурляндъ, И. Я., проф., ХСVIII, дек., 1189.

Гурчинъ, Ал.-дръ Викент., командую-щій войсками вилен. воен. окр. *Статья о немъ А. В. Жиркевича: «Воспоми-нанія объ А. В. Гурчинѣ»*, ХСVIII, ноябрь, 528—553.

Гурьевъ, гр. Дм. Ал.-др., министръ финансовъ, ХСV, мартъ, 1064.

Гусевъ, Ал.-дръ Фед., проф. каз. дух. акад. *Некрологъ его*: ХСVII, сент., 1079—1081.

Густавъ III, швед. король, ХСVI, май, 747.

Гутьяръ, Н. *Замѣтка его: «Къ ста-тьѣ о поэтахъ-крестьянахъ»*, ХСVII, сент., 1087—1088.

Гѣе, А., археологъ, ХСVIII, ноябрь, 789—791.

Гѣстигсъ, Варренъ. *О немъ замѣтка: «Одинъ изъ англійскихъ завоевателей Индіи»*, ХСVII, июль, 309—311.

Гю, баронъ, авт. воспоминаній, ХСV, мартъ, 1059—1061.

Гюбнеръ, гр. *Замѣтка о немъ: «Ав-стрійскій посланникъ при Наполеонѣ III»*, ХСVII, июль, 313—315.

Гюго, Викторъ, фр. писатель. *Замѣтка о немъ: «Первая драма Виктора Гюго»*, ХСVII, июль, 311—313.

Гюсманъ, П., авт. соч. «La villa im-ériale de Tibur», ХСVIII, окт., 355—

Д.

Давидовичъ, Зиновій, протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 533, 552.

Давидъ Θεодоровичъ, яросл. князь. ХСV, февр., 692, 704, 706, 708.

Давыдовы:

— А. А., писательница, ХСVII, сент., 776; ХСVIII, ноябрь, 505, 514.

— В., ХСVI, апр., 210, 221,

— Ден. Вас., поэтъ-партизанъ, ХСV, янв., 149.

— О. А., ХСV, февр., 656,

— майоръ, ХСVI, июнь, 942.

Даниловы:

— Е. П., ХСVIII, ноябрь, 498.

— Бирша, собиратель пѣсенъ, ХСVIII, ноябрь, 675, 687—688, 696.

Даніилъ, моск. митрополитъ, ХСVIII, ноябрь, 668, 675.

Даніилъ (Пенко), воевода, ХСV, февр., 694.

Дашкевичъ, Н. П. *Рец. А. Я. объ изд. подъ его ред. 17-ой книгѣ: «Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. (К. 1903)»*, ХСV, февр., 757—758.

Дашковъ, Дм. Вас., тов. министра юстиціи, ХСVII, июль, 186, 192.

Девель, Фед. Вл., журналистъ. *Некро-логъ его*: ХСV, февр., 825—826.

Дебольскій, Н. Н. *Рец. В. Г. о книгѣ его: «Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII вѣка»*. (Спб. 1903), ХСVI, апр., 339—341.

Цевьеръ, ХСVIII, дек., 957.

Ф.-Дезинъ:

— об.-прокуроръ, ХСVII, июль, 190—191.

— классн. дама варш. инст. ХСVI, май, 437.

Делавось, директоръ моск. техн. уч., ХСVI, май, 492, 493.

Деларивьеръ, фр. экономистъ, ХСV, янв., 285, 286.

Дельнигъ, бар. Ант. Ант., поэтъ, ХСVI, июнь, 971; ХСVII, июль, 156.

Деляновъ, гр., министръ нар. проsv., ХСV, февр., 658, 659, 660.

Демертъ, Ник. А-др., писатель, ХСV, февр., 494, 502, 507—509.

Демидовы:

— Авр. Карл., ХСV, мартъ, 867.

— Елис. А-др., рожд. Строганова, ХСVII, сент., 987, 994.

— Пав. Гр., основатель яросл. лицея, ХСV, февр., 698, 720.

— Прокофій, ХСVIII, ноябрь, 680, 685, 689, 696.

Деидель, ХСV, янв., 296.

Дене, ген.-майоръ, ХСVI, апр., 171.

Денъ, ген.-майоръ, ХСVI, май, 583.

Депредавичъ, ген., ХСV, янв., 122—124.

Державины:

— Гавр. Ром., поэтъ, ХСV, янв., 222, 224, 314; мартъ, 1099; ХСVII, авг., 570—574.

— Дар. Алекс., рожд. Дьякова, жена поэта, ХСV, янв., 224; ХСVII, сент., 870.

— Ив. Сем. *Статья о немъ В. А. Боровя:* «Ив. Сем. Державинъ. (1755—1826)», ХСVII, авг., 570—575.

Дестремъ, ген., ХСVIII, окт., 199.

Дешанель, Эмиль, фр. писатель. *Некрологъ его:* ХСV, мартъ, 1166.

Джанашвили, М, ХСV, февр., 751.

Джарджадзевъ, Нодаръ, кахетин. кн., ХСVIII, ноябрь, 742.

Д. З. *Рецензія его:* «*П. Красовскій.* Юрьевъ и юрьевскій университетъ. Очерки, замѣтки и воспоминанія юрьевского студента. (Рига. 1904)», ХСVI, май, 694—695.

Дибичъ, бар. Ив. Ив., ген.-лейт., ХСV, янв., 146, 147, 148, 150, 151, 153, 161, 162, 163, 164, 165, 166.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., ген.-фельдм., ХСVI, май, 583.

Дивова, рожд. Бутурлина, авт. дневника, ХСVII, сент., 987—994, 997.

Диковъ, воевода, ХСVII, сент., 829.

Дилецкій, Ник., ХСVI, июнь, 1098.

Дионисій (Глушицкій), вологод. чудотворецъ, ХСV, февр., 757.

Дмитріевы:

— Вл. Ник., д-ръ медицины. *Некрологъ его:* ХСVI, апр., 392—393.

— Ив. Ив., министръ юст., писатель, ХСV, февр., 744—745.

Дмитрій, ростов. митропол., ХСVIII, окт., 188.

Добай, полковникъ, ХСVII, июль, 135.

Добровольскій, Вл. Ив., окулистъ. *Некрологъ его:* ХСVI, май, 758—759.

Добролюбовъ, Ник. А-др., писатель, ХСV, февр., 525, 526; мартъ, 873.

Добромысловъ, А. И., археологъ, ХСVI, июнь, 1102.

Доброправинъ, Мих., протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 740.

Добрянскій, Ф. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Старая и новая Вильна». Изд. 3-е (Вил. 1904), ХСVII, сент., 1054.

Добсонъ, А., англ. критикъ, ХСV, февр., 786, 789.

Додэ, Эрнестъ, фр. историкъ. *Замѣтка о немъ:* «Новые труды Эрнеста Додэ», ХСVII, авг., 685—689. *Упомят.*: ХСV, янв., 357—358.

Долговъ, С. О., ХСVI, июнь, 1096.

Долгоруки:

— кн. А-дръ Григ., ХСVIII, дек., 948.

— кн. А-ѣй А-ѣев., министръ юст., ХСV, янв., 145.

— кн. А-ѣй Григ., ХСVIII, дек., 948, 949, 951, 956, 957, 960.

— кн. Вас. Вл., ХСVIII, дек., 930, 945, 955, 958, 959.

— кн. Вас. Григ., ХСVIII, дек., 948.

— кн. Вас. Лук., русс. посланникъ въ Парижъ, ХСVIII, дек., 930, 948, 961, 964.

— княг. Екат. Ѳеод., рожд. кн. Барятинская, ст.-дама, ХСVII, сент., 991, 993, 994.

— кн. Ив. Алексѣев., ХСVIII, дек., 948.

— кн. И. М., ХСV, янв., 58.

— кн. Мих. Вл., сибир. губернаторъ, ХСVIII, дек., 937, 938, 943, 944, 945, 953.

— кн. Сергѣй Григ., ХСVIII, дек., 948.

— кн. Сергѣй Мих., ХСVIII, дек., 945.

— кн. Сергѣй Ник., посланникъ въ Неаполъ, ХСVII, сент., 995, 996.

— кн. Юр. Юр., ХСVIII, дек., 959.

— кн. Як. Ѳед., сенаторъ, ХСVIII, ноябрь, 742.

— кн. Ѳедоръ, псков. воевода, ХСVII, сент., 836.

Доманицкій, В. Н., ХСV, мартъ, 1183.

Домна-Стефанида, невѣста ц. Алексѣя Мих., ХСVI, май, 748—749.

Дорошенко, Д. *Рец. М. Д. Ник-скаго о книгѣ его: «Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью»*, (Спб. 1904), ХСVIII, дек. 1155.

Достоевскіе:

— Марія Дм., жена писателя, ХСV, февр., 510.

— Фёд. Мих., писатель. *Статья о немъ: «Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ. (Посвящается памяти Фёдора Михайловича Достоевскаго)»*, ХСV, февр., 488—542. *Упомин.*: ХСV, янв., 111; февр., 664; мартъ, 1041.

Драгомировъ, членъ госуд. сов. *Замятка о немъ: «Генераль Драгомировъ съ французской точки зрѣнія»*, ХСV, мартъ, 1071.

Древникъ, Андрей Петр., кам.-юнкеръ, ХСVIII, дек., 936.

Дрентельнъ, шефъ жандармовъ, ХСV, февр., 653, 654.

Дризень, бар. Н. В. *Статья его: «Послѣдніе годы жизни графа Аракчева. (Изъ семейной хроники)»*, ХСVII, сент., 867—876.

Дружинины:

— писатель. ХСV, мартъ, 1063.

— В. Г. секретарь археол. общ., ХСVII, июль, 333.

Дубровины:

— Ник. Фёд., академикъ. *Статья о немъ В. Е. Рудакова: «Учено-литературная дѣятельность Н. О. Дубровина»*, ХСVII, авг., 543—552. *Некрологъ его: ХСVII, июль, 348—349. Упомин.*: ХСVI, май, 747, 748.

— Тим. Ареф., ХСVII, авг., 544.

— Фёд. Ник., поручикъ, ХСVII, авг., 545.

Духовской, С. М., туркестан. ген.-губернаторъ, ХСVII, сент., 844.

Дучинскій, Н. П. *Рец. Г. объ изд. его: «Дешевая иллюстрированная библиотека»*. (Спб. 1904), ХСVII, авг., 684.

Дыбова, О. М., ХСVIII, ноябрь, 511.

Дьячковъ-Тарасовъ, А., ХСV, 773.

Дѣвы, кн., ХСV, янв., 234.

Дюжоларъ, Генрихъ. *Рец. Я. Ав-ва о книгѣ его: «Японія въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ»* (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1138—1140.

Дягилевъ, С. П., писатель. *Упомин.*: ХСVII, авг., 673; ХСVIII, ноябрь, 821. *Рец. М. К. о книгѣ его: «Портретистъ Шабановъ»*. (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1045—1046.

Е.

Е. В. *Рецензіи его: 1) «Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій. Перев. съ нѣм. М. Лемберка, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. Н. Ланге»*. (М. 1903), ХСV, февр., 771—772. 2) *«Эдуардъ Мейеръ. Теорическіе и методологическіе вопросы исторіи. Философско-историческія изслѣдованія. Перевелъ А. А. Малининъ. (М. 1904)»*, ХСVII, сент., 1036—1037.

Евгеній (Волховитиновъ), кiev. митрополитъ, ХСV, янв., 224; ХСVI, май, 605, 606.

Евгеній, Виртембергскій принцъ, ХСV, янв., 139.

Евдокія Феоdorfовна, царица, ХСVIII, ноябрь, 680; дек., 929, 935, 951, 952, 953.

Евфросинъ, инокъ, ХСVI, май, 750.

Евонимовъ, Савва, спас. протопопъ, ХСVI, май, 748.

Егоровъ, А-ѣй Егор., живописецъ, ХСVII, сент., 868.

Ежовъ, Д. *Статья его: «Древлехра-нилице архангельскаго церковно-археологическаго комитета»*, ХСVI, июнь, 1007—1012.

Екатерина I Алексѣевна, импера-трица. *О ней въ статьѣ С. Н. Шубинскаго: «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья»*, ХСVIII, дек., 927—965. *Упомин.*: ХСVIII, ноябрь, 679, 731, 734.

Екатерина II Алексѣевна, импера-трица. *Упомин.*: ХСV, янв., 52, 54, 56, 63, 117, 136, 250, 252, 273, 286, 376—378; февр., 592, 595; мартъ, 1107—1108, 1121, 1160; ХСVI, май, 747, 748; ХСVII, июль, 243, 245; сент., 1076; ХСVIII, окт., 190, 191, 285, 286; ноябрь, 682—687, 691, 739. *Замятка о памятникѣ ея въ Вильнѣ*, ХСVIII, ноябрь, 814—821.

Екатерина Иоанновна, царевна, ХСV, янв., 250.

Екатерина Михайловна, вел. княг., ХСV, янв., 300.

Екатерина Павловна, вел. кн., ХСVII, июль, 258.

Елачичъ, ХСVII, июль, 240, 241.

Елена Павловна, вел. княгиня, ХСV, февр., 433; ХСVI, май, 642.

Елисавета Алексѣевна, императрица, ХСV, февр., 745—746; ХСVI, май, 541; ХСVII, сент., 880, 1001.

Елисавета Петровна, императрица, ХСV, янв., 314; февр., 686; ХСVI, май, 748; ХСVIII, окт., 189; ноябрь, 681—684, 786; дек., 934, 935, 944, 953, 956, 959, 960, 961, 965.

Елисейевъ, Григ. Зах., писатель, ХCV, февр., 534; мартъ, 1031, 1032.

Е. М. В. Рецензія его: «*9. Вандервелде*. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе въ полямъ. Переводъ съ французскаго подъ ред. А. Фортунатова. Изд. В. С. Горшкова. (М. 1904)», ХCVI, май, 703.

Ентальцевъ, Андрей Вас., декабристъ, ХCVIII, окт., 399—400.

Епифаній, соловецк. старецъ, ХCV, янв., 245, 246.

Еракова, Авд., актриса, ХCV, февр., 748—749.

Ермоловы:

— ХCV, янв., 146, 147, 148, 149.

— секретарь фр. посольства, ХCVII, сент., 999.

Есиповъ, Г. В., ХCVIII, дек., 927.

Ефимовъ, Гаврила, ХCV, февр., 696.

Ефремовъ, П. А., библиографъ, ХCVI, апр., 208—210.

Ж.

Ждановъ, Левъ. *Рец. М. К. о соч. его: «Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ 3-хъ частяхъ»* (Спб. 1904), ХCVI, июнь, 1037—1038.

Жебелевъ, С. А., археологъ, ХCVIII, дек., 1189.

Желтухинъ, ген., ХCV, янв., 154, 155.

Жемчужниковъ, подполковникъ. *О немъ въ статьѣ Я. Я. Полферова: «Позорное дѣло»*, ХCVIII, дек., 1011—1016.

Жеромъ, Жанъ, франц. художникъ, *Некрологъ* его: ХCV, февр., 797—798.

Жинисти, Поль, франц. публицистъ, ХCVI, май, 626—628, 640.

Жиркевичъ:

— А. В. *Статья* его: «Воспоминанія объ А. В. Гурчинѣ», ХCVIII, ноябрь, 528—553.

— археологъ, ХCV, янв., 385.

Жировые-Засѣкны:

— вн. Вас. Фед., окольничій, ХCV, янв., 251.

— вн. Дм. Ив., стольникъ, ХCV, янв., 251.

Жмакинъ, Вас. Ив., протоіерей. *Заметка* объ юбилей его, ХCVIII, ноябрь, 822—824. *Упомин.*: ХCV, мартъ, 1053.

Жомини, бар., ХCVI, май, 644.

Жоржъ, актриса. *Заметка* о ней: «Воспоминанія актрисы Жоржъ», ХCVI, апр., 355—363.

Жуковскіе:

— Вас. Андр., поэтъ, ХCV, янв., 58, 280; февр., 734; мартъ, 868, 872; ХCVI, май, 531; июнь, 971, 982, 983; ХCVII, июль, 171.

— П. В., ХCV, янв., 329.

— ген., ХCVII, сент., 893.

Жуковъ, полковникъ, ХCVI, июнь, 966.

Жураковскій, Евг. *Рец. А. Е. о книгѣ* его: «Симптомы литературной эволюціи. Критическіе очерки: М. Горькій, Л. Андреевъ, Вс. Гаршинъ, Баратынскій, Бомарше, Л. Толстой.» (М. 1904). ХCVI, июнь, 1028—1031.

З.

З. Рецензія его: «*Н. И. Соколовъ*. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія», т. I (Спб. 1904), ХCVIII, дек., 1120—1122.

Забелло, художникъ, ХCVII, сент., 766.

Забѣлинъ, Ив. Егор., историкъ, ХCV, мартъ, 1050, 1052, 1054; ХCVIII, окт., 174, 387; ноябрь, 673, 697.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., министръ нар. проsv., ХCV, мартъ, 1046.

Завадскіе:

— Г. С., ХCVI, май, 446.

— археологъ, ХCV, мартъ, 1174.

Завитневичъ, В. З., проф. кiev. ун., ХCVI, июнь, 916—920, 922, 923.

Загибаловъ, Н. П., ХCVI, июнь, 1101.

Загоровскій, А. И., проф. новор. ун. *Рец. Ignotus-a* о книгѣ его: «Отзывъ объ ученыхъ трудахъ пр.-доц. Е. В. Васковскаго» (Одес. 1903), ХCV, янв., 321—323.

Рец. В. Г. о книгѣ его: «О виѣбрачныхъ дѣтяхъ по новому закону (3 іюня 1902 г.) въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ гражданскихъ кодексовъ» (Одес. 1903), ХCVI, апр., 347—348.

Загорскій, М. В., ХCV, февр., 762.

Загоскинъ, Мак. Вас., писатель. *Некрологъ* его: ХCVIII, окт., 390—391.

Загоскинъ, Серг. Мих., ХCV, мартъ, 874.

Загорскій, М. В., ХCV, февр., 762.

Загоскинъ, Мак. Вас., писатель. *Некрологъ* его: ХCVIII, окт., 390—391.

Загоскинъ, Серг. Мих., ХCV, мартъ, 874.

Закревскіе:

— гр. Арс. Андр., моск. ген.-губернаторъ, ХCV, мартъ, 1051.

— гр., жена моск. ген.-губернатора, ХCVI, апр., 61.

Закржевскій, пѣвецъ, ХCVIII, дек., 871.

Залеманъ, проф. архитектуры, ХCV, янв., 329.

Залѣсскій, В. Ф., проф. казан. ун., ХСVI, июль, 1102.

Замогинъ, И. И. *Рец. Я. Ав—ва о книгѣ его: «Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ русской литературѣ»* (Варшава. 1903), ХСVII, авг., 640—643.

Замятинъ, Дм. Ник., министр юстиціи, ХСV, янв., 304.

Занарделли, Джузеппе, итальян. госуд. дѣятель. *Некрологъ его:* ХСV, февр., 796—797.

Зарубинъ, Ив. Кондр., проф. харьк. унив. *Некрологъ его:* ХСVI, апр., 393—394.

Засодимскій, П. В. *Статьи его:* 1) «Страничка изъ литературныхъ воспоминаній», ХСVI, май, 500—504.— 2) «Изъ воспоминаній. (1891—1892 г.)», ХСVII, сент., 763—777; ХСVIII, окт., 55—66; ноябрь, 498—514.

Засуличъ, ген.-лейт., ХСVII, июль, 148.

Засѣкины, кн., ХСV, янв., 234.

Засѣцкій, Н. А., проф. казан. ун., ХСVIII, окт., 56, 58.

Затрапезновы, Максимъ и Иванъ, яросл. купцы, ХСV, февр., 716.

Захарьинъ (Якунинъ), Ив. Ник. *Замѣтка его: «Еще о кавказскихъ водахъ»*, ХСV, янв., 399—400. *Рецензія его: «Сборникъ для народнаго чтенія. Приложение къ журналу «Церковно-приходская школа»*. (Кіевъ. 1904), ХСV, мартъ, 1118.

Звегинцовы:

— А. И., ХСVI, апр., 385—386.

— А-дръ, ХСVI, май, 752.

Звѣровичъ, римско-католич. епископъ, ХСVIII, ноябрь, 542.

Зебржидовскій, Сигизмундъ, корон. шталмейстеръ, ХСV, мартъ, 1023.

Зеленецкій, А. А. *Статья его: «Къ біографіи архіепископа херсонскаго и одесскаго Никанора»*, ХСVII, авг., 537—542.

Зеленинъ, Д. *Рец. В. Г. о книгѣ его: «Къма и Вятка. Путеводитель»*, (Юрьевъ 1904), ХСVII, сент., 1043—1044. *Рецензія его: I. И. Иллюстровъ. Сборникъ російскихъ пословицъ и поговорокъ»*. (Кіевъ, 1904), ХСVI, май, 709—710.

Земляничинъ, Левъ, префектъ тобол. семин., ХСVII, сент., 878, 879, 887, 889, 890.

Земовитъ III, ХСVI, май, 580.

Зенгбушъ, В., сотр. «Сборн. тверск. общ. ист.», ХСV, янв., 308.

Зибаровъ, духоборъ, ХСV, февр., 607.

Зигмунтъ, ХСVI, май, 448.

Зиновьевъ, ген.-адъютантъ, ХСV, февр., 545.

Змаевичъ, адмиралъ, ХСVIII, дек., 952.

Зонтагъ, лифл. ген.-суп.-интендентъ ХСVII, сент., 928, 929, 930.

Зотовы:

— Кононъ, кап.-поручикъ, ХСVIII, дек., 928, 932.

— Никита Моис., ХСVIII, дек., 928, 929.

— ХСVII, сент., 870.

Зражевская, А., авт. «Письма къ російск. академіи», ХСV, февр., 746.

Зубковъ, Алексѣй, духоборъ, ХСV, февр., 602.

Зубовъ, ХСV, мартъ, 1063.

Зубчаниновъ, М., ХСVIII, ноябрь, 514.

И.

Иваненко, В. Н., ХСV, мартъ, 1100, 1102—1104.

Иванишевъ, Ник. Дм., проф. кіев. ун., ХСV, февр., 758.

Ивановскій, А. А. *Рец. М. К. о книгѣ его: «Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи»*, (М. 1904), ХСVII, июль, 301—304.

Ивановы:

— Алмазь, думный дьякъ, ХСVII, сент., 838, 840.

— Г. И. географъ, ХСVII, июль, 332.

— Д. Д. *Рец. А. Я. о книгѣ его: «Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ С.-Петербурга»*, (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1048—1049.

— И. А., сотр. «Сборн. тверск. общ. ист.», ХСV, янв., 308.

— П. Е. *Статья его: «Военно-походныя впечатлѣнія»*, ХСVIII, ноябрь, 554—563.

— Г., *Рец. А. Я. о книгѣ его: «Кудьтъ Перуна у южныхъ славянъ»* (Спб. 1904), ХСVII, авг., 653—654.

— Ник. А-др., туркестан. ген.-губернаторъ. *Некрологъ его:* ХСVII, авг., 709—710.

— П. И., начальникъ моск. сенат. арх., ХСV, мартъ, 1050.

— архитекторъ, ХСVIII, ноябрь, 739.

— капитанъ, ХСVIII, ноябрь, 552.

— прапорщикъ, ХСVI, апр., 168.

Ивинъ, поэтъ, ХСVII, авг., 511, 514—516.

Игнатій, ворон. архіепископъ, ХСVIII, дек., 1152—1153.

Игнатъевы:

— гр. Ник. Павл., дипломатъ, ХСVI, май, 643.

— саратов. губернаторъ, ХСV, янв., 306.

Ignotus. *Рецензія его:* 1) «Отзывъ объ ученыхъ трудахъ пр.-доц. Е. В. Васильковскаго, составленный орд. проф. А. И. Загоровскимъ» (Од. 1903), ХСV, янв. 321—323.—2) «К. Скалковскій. Новая книга. Публицистика, экономическіе вопросы, путевыя впечатлѣнія». (Спб. 1904), ХСV, мар., 1122—3) Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ. Комитетъ министровъ въ первые восемь лѣтъ царствованія государя императора Николая Александровича. Составлена помощникомъ управляющаго дѣлами комитета министровъ *Н. И. Вулчимъ* подъ главною редакціей статс-секретаря *Куломзина*. (Спб. 1903), ХСV, мар., 1122—1123.

Изабелла II, испанск. королева. *Некрологъ ея:* ХСVI, май, 743—745.

д'Изаръ, авс. записокъ, ХСV, февр., 431, 432.

Икономовъ, В. Ф. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его:* «Наканунъ реформъ Петра Великаго (Библиотека для самообразованія)» (М. 1904), ХСVII, авг., 643—646.

Икскуль, (Созовнина), В. *Статья ея:* «Къ характеристикѣ императора Александра II. (Изъ воспоминаній моея матери)», ХСVI, апр., 104—117.

Иллустровъ, I. И. *Рец. Д. Зеленина о книгѣ его:* «Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ» (К. 1904), ХСVI, май, 709—710.

Иловайскій, Дм. Ив., историкъ ХСVIII, окт., 174.

Ильинскій, Г. А., ХСVI, май, 749.

Ильины:

— Вас. Фед., другъ Аракчеева, ХСVII, сент., 874.

— Пав. Вас., управляющій спб. сукон. таможенной. *О немъ въ статьѣ бар. Н. В. Дризена:* «Последніе годы жизни гр. Аракчеева», ХСVII, сент., 867—876.

— авт. соч. «Моск. тайны», ХСV, февр., 746.

И. М. *Статья его:* «Баринъ Гордичъ», ХСVII, июль, 80—87.

Инокентій (Гизель), архимандритъ киево-печерской лавры, ХСVII, сент., 825, 826, 828.

Иноземцевъ, д-ръ, ХСVI, апр., 61, 62.

Ираклій II, царь Грузіи, ХСVII, июль, 231.

Ириней, орлов. и сѣвскій епископъ, *Статья о немъ С. К. Эфронъ:* «Памяти епископа Ириней», ХСVII, июль, 121—130. *Некрологъ его:* ХСVI, май, 759—760.

Исаевъ, Андрей Алекс., проф. спб. ун., ХСV, февр., 724.

Исаковъ, ХСVI, май, 494.

Исидоръ, петерб. митрополитъ, ХСV, янв., 116.

Истомины:

— В. А. *Рец. Александрова о книгѣ его:* «Всеобщая исторія. Вып. I. Чтенія изъ исторіи зап. и южныхъ славянъ». (М. 1904), ХСVIII, дек., 1133—1134.

— К. К., ХСVI, апр., 383; май, 749, 750.

— капитанъ 2-го ранга. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его:* «Балтійскій флотъ 50 лѣтъ назадъ (1854—1855 г.г.)», (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1039—1040.

Истринь, проф. ХСV, мартъ, 1053.

I.

Иеронимъ, вестфальскій король, ХСV, мартъ, 1025.

Иоакимъ, патриархъ, ХСVIII, окт., 182.

Иоанникій, арханг. епископъ, ХСVI, июнь, 1008, 1010.

Иоанникій, варш. архіепископъ, ХСVI, май, 425—426, 428.

Иоаннисяни, Абгаръ Артемьев., общ. дѣятель. *Некрологъ его:* ХСVI, июнь, 1105—1108.

Иоантъ III Васильевичъ, царь, ХСV, февр., 700; ХСVI, апр., 292, 298; ХСVIII, ноябрь, 666, 668.

Иоантъ IV, Васильевичъ (Грозный), царь, ХСV, янв., 309; февр. 703; ХСVI, апр., 289—299; июнь, 1010, 1098; ХСVIII, окт., 179, 180, 181, 337—340; ноябрь, 669—671, 675.

Иоантъ, митрополитъ, ХСVIII, ноябрь, 664, 665.

Иосафъ, патриархъ, ХСVIII, ноябрь, 672.

Иовъ, патриархъ, ХСVIII, ноябрь, 671.

Иовъ, новгород. митрополитъ, ХСVIII, окт., 183.

Иозофатъ (Кунцевичъ), католич. святой, ХСV, февр., 428.

Иокай, Маркъ, венг. писатель, *Некрологъ его.* ХСVI, июнь, 1091—1092.

Иона (Сисоевичъ), ростов. митрополитъ, ХСV, февр., 700.

Ионъ, Богд. Ив., д-ръ правъ, ХСVII, июль, 174—185, 190.

Иосифъ, патриархъ, ХСV, янв., 245; февр., 688; ХСVIII, окт., 183.

Иосифъ, испан. король, ХСVII, июль, 257, 258, 260.

Иоселиани, П., археологъ, ХСVII, июль, 220.

К.

К. Рецензія его: «И. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ». (Спб. 1903), ХСV, янв., 333—334.

Кабанесь, д-ръ, ХСV, янв., 338.

Каблицъ, О. И., писатель, ХСV, мартъ, 1039.

Каваками, комм. японск. агентъ, ХСVI, июнь, 962, 966.

Кавелинъ, ген.-адъют., ХСVII, сент., 893, 894, 895.

Кавось, Мих. Альберт., писатель, ХСV, февр., 532, 535, 536.

Кадмина, Е. П., пѣвица, ХСVIII, дек., 864—865.

Казанскій, П., проф. *Рецензія В. Г. о книгахъ* его: 1) «Возрожденіе изученія права» (Од. 1903), ХСV, янв., 320—321. 2) «Учебникъ международнаго права публичнаго и гражданскаго» (Од. 1904), ХСVII, сент., 1053.

Казанцевы:

— Г. Г., ХСVII, июль, 127—128.

— Ник. Влад., писатель. *Некрологъ* его: ХСVI, июнь, 1106.

Калайдовичъ, ХСV, мартъ, 1048, 1049; ХСVIII, ноябрь, 687—689, 695.

Калачевъ, Ник. Вас., археологъ, ХСVII, авг. 549.

Калиникъ, константиноп. патріархъ, ХСV, февр., 708.

Калинскій, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 864.

Каллашъ, В. В. *Рец. П. Ш. о книгахъ* его: 1) «Puskiniانا. Матеріалы и изслѣдованія объ А. С. Пушкинѣ». (К. 1903), ХСVII, авг., 655—657.—2) «Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительная статья и примѣчанія В. В. Каллаша». Т. I. (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1031—1033. *Упомят.*: ХСV, янв., 381, ХСVIII, дек., 1190—1192.

Кальцолари, пѣвецъ, ХСV, февр., 545, 546.

Каменскій, ХСVII, июль, 247.

Камеровъ, полковникъ, ХСVII, сент., 892—896.

Каминка, А. И., пр.-доц. спб. ун., ХСVI, апр., 326.

де-Кампосъ Жюниоръ, Антонио, сотр. «Lu Reue», ХСVI, май, 719, 722.

Кампредонъ, фр. посолъ при русс. дворѣ, ХСVIII, дек. 952.

Камчатовъ, Александръ, протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 740.

Канингъ, В. Г. *Статья* его: «Двадцатипятилѣтіе высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ (1878—1903)» ХСV, февр., 647—662.

Банкринны:

— гр. Ег. Франц., министръ финансовъ, ХСVII, сент., 869.

— гр., ХСVI, июнь, 986.

Канроберъ, фр. маршалъ, авт. мемуаровъ, ХСV, мартъ, 1067—1068; ХСVII, июль, 315—323.

Кантемировъ, Э. Н., казначей общ. любит. древн. письм., ХСVI, май, 749.

Кантъ, философъ. *Замѣтка о немъ*: «Столѣтіе смерти Канта», ХСVI, апр., 363—367.

Капнистъ, гр. Пав. А-др., сенаторъ, писатель. *Некрологъ* его: ХСVIII, дек., 1195—1196.

Каподистрія, гр. Ив. Ант., министръ иностр. дѣлъ, ХСVII, сент., 1001—1002, 1004.

Карагеоргиевичъ, В., князь, ХСV, мартъ, 1069—1070.

Карамзинъ, Ник. Мих., исторіографъ, ХСV, мартъ, 1046, 1048, 1051; ХСVII, июль, 167—172.

Карамышевъ, А-дръ Матв., горновѣдъ, ХСV, февр., 755.

Карасевъ, А. А. *Статья* его: «Изъ нравовъ прошлаго времени», ХСVIII, дек., 1017—1019.

Карауловъ, Н. А., ХСV, февр., 750.

Карлъ, румын. король, ХСV, февр., 733—734.

Карлъ II, англ. король, ХСV, янв., 354—356.

Карлъ IV, швед. король, ХСVII, июль, 258.

Карлъ X, швед. король, ХСVII, сент., 1006.

Карлъ XII, шведск. король, ХСVI, май, 588.

Карлъ-Фердинандъ, плочк. еписк., ХСVI, май, 594.

Каролина-Матильда, датская королева. *Замѣтка о ней*: «Королева слезъ», ХСVI, апр., 351—352.

Карпинскій, А. П., акад., ХСVIII, ноябрь, 821.

Карскіе:

— Е. О., проф. *Рец. М. Д. Ник-скаю о книгѣ* его: «Вѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности» (Вил. 1904), ХСVII, сент., 1052—1053.

— М. В. *Рец. С. У-ца о книгѣ* его: «Зарубежная Русь. Историческая хроника» (М. 1904), ХСVII, июль, 304.

Картавовъ, П. А. *Рец. П. Ш. объ изданіи его: «Летучіе листки 1812 года. Расстопчинскія афиши»* (Спб. 1904), XCVII, сент., 1019—1020.

Карцевъ, ген., XCVII, июль, 245.

де-Кассаньякъ, Поль, фр. журна-листъ. *Некрологъ его:* XCVIII, дек., 1183—1184.

Катановъ, Н. Ѳ., проф. казанск. ун., XCVI, май, 751; июнь, 1101, 1102.

Катанскій, А., проф., XCVII, июль, 331.

Каткартъ, лордъ, XCVII, июль, 249.

Катковъ, Мих. Никиф., писатель, XCV, янв. 109; февр. 746.

Кауницъ, Ритбергъ, гр., австр. послан-никъ при франц. дворѣ. *Замѣтка о немъ: «Воспоминанія Кауница о Версальскомъ дворѣ»*, XCVIII, окт., 364—376. *Упомин.*: XCVI, май, 748.

Кауфманъ, ген., XCVII, сент., 847, 849, 850, 853, 854, 856, 857, 861, 862, 864, 865.

Каховскій, П. Г., декабристъ, XCV, янв., 80, 84, 85; XCVI, апр., 121, 122, 129; июнь, 971, 972.

Каченовскій, Мих. Троф., проф. моск. ун., XCVI, апр., 207.

Квачала, И., проф. юрьев. унив., XCVIII, дек., 1186—1187.

Квашинъ-Самаринъ, Н., писатель, XCV, янв., 307.

Кежковскій, Яковъ Филипп. *О немъ въ замѣткѣ: «Воспоминанія майора польскаго войска Як. Фил. Кежковскаго»*, XCVI, июнь, 1079—1082.

Келлеръ:

— гр. Ѳед. Эд., ген.-лейт. *Статья о немъ кн. Б. А. Щетинина: «Памяти графа Ѳ. Э. Келлера»*, XCVII, сент., 918—924.

— прусскій губернаторъ Варшавы, XCV, мартъ, 1025.

Кембриджъ, Дж.-Вил.-Фрид.-Чарл., герцогъ. *Некрологъ его:* XCVI, апр., 375—377.

Кеннингемъ, У. Реч. П. о книгѣ его: «Ростъ англійской промышленности и торговли» (М. 1904), XCVI, май, 700—701.

Кетчеръ, Ник. Христ., переводчикъ, XCV, янв., 379; февр., 458, 459.

Кизеветтеръ, А. А. Реч. М. К. о книгѣ его: «Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія» (М. 1903), XCVI, май, 667—669.

Кирилловы:

— Ив., сенаторъ, XCVIII, ноябрь, 735.

— Н. В., этнографъ, XCV, янв., 386; мартъ, 1187.

Кириллъ:

— митрополитъ, XCVIII, ноябрь, 664.

— іеромонахъ, XCVII, сент., 826.

— кизичск. митрополитъ, XCV, февр., 708.

— ростов. митрополитъ, XCV, февр., 696.

Киричниковъ, А-дръ Ив., проф. моск. ун., XCV, янв., 381—382; XCVI, июнь, 1096; XCVII, июль, 155, 156, 162, 165, 166.

Кирьякъ, Тим., XCV, янв., 58.

Кирѣевскіе:

— Ив. Вас., XCVIII, ноябрь, 690, 694.

— П. Вас., XCVIII, ноябрь, 690.

— Петръ Степ., корнетъ, XCVIII, окт., 398.

Кисельницкіе, Станиславъ и Эдмундъ, XCVI, июнь, 988, 991.

Кисовъ, С. И., полковникъ болгарск. арміи, XCVI, май, 691—692.

Китаевъ, Ф. Статья его: «Владивостокскія воспоминанія», XCVI, июнь, 960—969.

Киттары, Мод. Як., проф. моск. ун., XCVI, май, 489—499.

К. Л-въ. Статья его: «Испанскій инсургентъ (Изъ дѣлъ с.-петербургскаго сенатскаго архива)», XCVII, июль, 174—193.

Клейнмихель:

— гр. Петръ Андр., управляющій путями сообщенія, XCV, янв., 218, 220; XCVIII, окт., 198, 199.

— XCV, янв., 152, 153, 154; мартъ, 870.

Елиментъ XIV, римск. папа, XCV, янв., 54.

де-ла-Клошъ, Яковъ. *О немъ въ замѣткѣ: «Неизвѣстный сынъ англійск. короля Карла II»*, XCV, янв., 354—356.

Елючаревъ, XCV, янв., 62, 63; мартъ, 1063.

Елючевскій, В. О., историкъ. Реч. В. Грибовскаго о книгѣ его: «Курсъ русской исторіи». Часть I (М. 1904), XCVI, июнь, 1013—1015. *Упомин.*: XCV, февр., 657; мартъ, 1052; XCVII, июль, 326—328, 330.

К. М. Рецензія его: «Н. М. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи (Спб. 1904)», XCV, февр., 751—753.

Княжевичъ, директоръ канц. мин. фин., XCVIII, окт., 197.

Княжинъ, петерб. оберъ - полицмейстеръ, XCV, янв., 75, 78.

Князевы:

— Г. М., магистрантъ, XCVIII, дек., 1186—1187.

— Евг. *Статья его*: «Последнее желаніе», XCVIII, дек., 988—993.

Кобденъ, Ричардъ, англ. обществ. дѣятель. *Замѣтка о немъ*: «Юбилей Кобдена», XCVII, авг., 693—695.

Кобеко, Дм. Ом., директоръ импер. публ. библ., XCVI, май, 747, 748.

Ковалевскіе:

— С., авт. учебниковъ, XCVII, июль, 332.

— Софія Вас., ученая, XCV, февр., 652, 655.

Ковровъ, П. М., антрепренеръ, XCVIII, дек., 877, 878.

Кожениковъ, А. О. *Замѣтка его*: «Могила декабристовъ», XCVIII, окт., 399—400.

Козловскіе:

— вл. Григ. Аоан., XCVII, сент., 828.

— Иоаннъ. *О немъ статья А. С. Шулескаго*: «Протопресвитеръ самозванецъ», XCVIII, окт., 213—226.

— вл., XCV, февр., 734; XCVII, сент., 992.

Козляниновъ, шт.-капитанъ, XCVI, июнь, 964.

Козминъ, Н. К. *Рецензія Я. Авва о книгѣ его*: «Очерки по исторіи русскаго романтизма» (Спб. 1903), XCVII, авг., 640—643.

Коленкуръ, фр. посланникъ въ Спб., XCVII, июль, 261.

Колесовъ, Фед. Ив., управляющій кн. маг. «Новаго Вр.». *Некрологъ его*: XCVIII, окт., 332—336.

Кологривовы:

— Мих. Андр. *О немъ въ статьѣ К. Л-ва*: «Испанск. инсургентъ», XCVII, июль, 174—193.

— подполковникъ, XCVI, июнь, 941, 942, 944.

Колодѣвъ, Ив. Христ., XCV, янв., 58.

Колодѣй, О., археологъ, XCV, янв., 308.

Колосовъ, В. И. *Рец. А. Я. объ изд. подъ его ред. книгъ*: «Сборникъ тверскаго общества любителей исторіи, археологіи и естествознанія» (Тв. 1903), XCV, янв., 306—308.

Колчакъ, лейтенантъ, XCVII, июль, 338—339.

Колычевъ, XCV, мартъ, 1056; XCVII, сент., 984.

Кольцовъ, А-ѣй Вас., поэтъ, XCV, янв., 375; XCVII, июль, 175; авг., 504, 508—510, 523.

Комаровы:

— Вис. Вис., издатель «Свѣта», XCV, февр., 675.

— В. Л., членъ геогр. общ., XCVI, июнь, 1103; XCVII, июль, 336.

Коменскій, Янъ Амось, филологъ, XCVI, апр., 338—339; XCVIII, дек., 1186.

Кондаковъ, Н. П., академикъ. *Рец. Л. Я. о его книгѣ*: «Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ». (Спб. 1904), XCVII, июль, 275—277. *Упомян.*: XCV, мартъ, 1182; XCVIII, ноябрь, 821.

Кондратенко, Ф., XCV, февр., 773.

Кони, А. О., академикъ, XCV, янв., 373—375; февр., 663.

Конрадъ, мазовецк. князь, XCVI, май, 581.

Константиновскіе:

— Ив. Вас., психіатръ. *Некрологъ его*: XCVI, май, 760.

— Матвѣй, священникъ. *О немъ въ статьѣ Н. Л. Щелова*: «Изъ записной книжки. Вездѣ съ современникомъ о. Матвѣя Константиновскаго», XCVIII, дек., 994—998. *Упомян.*: XCV, янв., 307.

Константинъ Всеволодовичъ, яросл. князь, XCV, февр., 690, 700, 703, 714.

Константинъ Константиновичъ, вел. князь, XCVI, май, 489.

Константинъ Николаевичъ, вел. князь, XCVI, апр., 306, 307; май, 493—499; XCVII, июль, 93.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, XCV, янв., 70, 139—140, 147, 148, 152—163; мартъ, 1025, 1061; XCVI, апр., 122, 124, 125, 127, 134; май, 748; июнь, 940—942, 944; XCVII, июль, 236, 237, 241, 242, 255; сент., 934, 1001, 1076.

Константинъ Θεодоровичъ, яросл. князь, XCV, февр., 692, 704, 706, 708.

Конта, Луиза, франц. актриса, XCV, февр., 784—786.

Кордецкій, ксендзь, XCV, янв., 331.

Кордтъ:

— В., XCV, мартъ, 1112—1113.

— В. А., XCVI, май, 748.

Корелинъ, А. А., художникъ, XCVIII, окт., 280.

Кореневъ, діаконъ, XCVI, июнь, 1098.

- Корженевскій, Борисъ.** *Очеркъ его: «Послѣдній изъ могикавъ»*, ХСVII, авг., 427—469.
- Корзинкинъ, владѣлецъ яросл. мануф. фабрики**, ХСV, 716.
- Корзонъ, Т.**, авт. соч. «Dzieje wewnetrzu», ХСVI, май, 767.
- Коринфскій, А.**, поэтъ, ХСVIII, ноябрь, 507, 508.
- Корюнь, тифл. епископъ**, ХСVII, июль, 220.
- Коркуновъ, Н. М.**, проф. спб. ун., ХСV, янв., 304.
- Коро, фр. художникъ**, ХСVI, май, 653.
- Коробка, Н. Рец. А. И. Яцимирскаго о книгѣ его: «Очерки литературныхъ настроеній»** (Спб. 1903) и «Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка» (Спб. 1904), ХСVI, июнь, 1024—1028.
- Коровинъ, Логгинъ**, ХСVI, май, 750.
- Коропкевичъ, Г. Е.**, горн. инж., ХСVII, июль, 336.
- Короленко, Вл. Гал.**, писатель, ХСV, февр., 758, 760.
- Корольковы:**
— М. Я. *Статья его: «Андреевскій соборъ въ Петербургѣ»*, ХСVIII, ноябрь, 730—743.
— священникъ, ХСVI, апр., 383.
- Коропчевскій, Дм. Андр.**, писатель. *Некрологъ его*: ХСV, февр., 826—827.
- Корсаковъ, Н.**, актеръ, ХСVIII, ноябрь, 503, 505.
- Корсовъ, В.**, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 836—865.
- Корфъ:**
— бар. Н. А., ХСVI, апр., 386.
— бар., ген.-адъют., ХСVI, май, 422.
— бар., главноуправляющій II отд., ХСV, янв., 304.
- Коршъ, Валент. Фед.**, писатель, ХСV, янв., 113.
- Косинчи, ген. О немъ въ статьѣ А. Д. Шенслева: «Сада Косинчи»**, ХСVII, июль, 131—136.
- Косиньскій, д-ръ, этнографъ**, ХСVI, апр., 379.
- Костанда, ген.**, ХСVIII, дек., 990—992.
- Костомаровъ, Ник. Ив.**, историкъ, ХСVI, май, 445; ХСVIII, окт., 174, 178, 181, 268; ноябрь, 693, 694, 796.
- Костромской, П. Рецензія его: «Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго. Т. XVIII, Киргизскій край. Изд. А. Девриена. (Спб. 1904)»**, ХСV, февр., 765—766.
- Котельниковъ, В. Г.**, ХСVIII, окт., 58.
- Котковскій, педагогъ**, ХСVI, май, 434, 435.
- Котляревскіе:**
— А. А., проф. *Замѣтка о присужденіи премии его имени*: ХСVIII, дек., 1186—1187.
— М. О., ХСVII, авг., 533.
— Нест. А-др., писатель, ХСV, янв., 375.
— С. А., прив.-доц. моск. ун., ХСVI, май, 746.
- Котошихинъ, Григ.**, авт. записокъ, ХСVII, сент., 839, 840.
- Кохановская, писательница**, ХСV, февр., 507.
- Кочубей, кн. Викт. Пав.**, министръ вн. дѣлъ, ХСV, янв., 142—144; февр., 593, 595; мартъ, 1058; ХСVII, сент., 985.
- Кравцовъ, Ив. Ник.**, оперный артистъ, ХСVIII, ноябрь, 434, 435.
- Кравченко, Н. Рец. С. Глипки о книгѣ его: «Въ Китай!»** (Спб. 1904), ХСV, мартъ, 1115—1117.
- Краевскій, Андрей А-др.**, журналистъ, ХСV, февр., 533, 746; мартъ, 1031, 1034.
- Крамерж, Анна Ив.**, гофмейстерина, ХСVIII, дек., 949, 955, 959.
- Крамковскіе, Антоній и Юсифъ**, ХСVI, июнь, 992.
- Красильниковъ, Ф. С. Рец. А. Х-ва о книгѣ его: «Малороссія и малороссы»**. (М. 1904), ХСVII, сент., 1055. *Упомян.*: ХСVII, июль, 334.
- Красновы:**
— Н. М., священникъ, ХСVIII, окт., 57, 59.
— Пл. ХСVII, июль, 162.
— ген., ХСVIII, ноябрь, 620.
- Краснодубровскій, С.**, ХСVIII, окт., 384.
- Красноперовъ, И.**, сотр. «Сборн. тверск. общ. ист.», ХСV, янв., 308.
- Красовскій, П. Рец. Д. З. о книгѣ его: «Юрьевъ и юрьевскій университетъ. Очерки, замѣтки и воспоминанія юрьевскаго студента»**. (Рига 1904), ХСVI, май, 694—695.
- Краусгаръ, Ал.**, польск. писатель, ХСV, янв., 331; мартъ, 1023; ХСVI, май, 767.
- Крафтъ, инженеръ**, ХСV, янв., 216, 218.
- Кречетниковъ, Ив. Фед.**, шталмейстеръ, ХСVIII, дек., 951, 952, 959, 960, 961, 963, 964.

Бречманъ, Гансъ, нѣм. ген. *О немъ въ замѣткѣ*: «Письма о франко-нѣмецкой войнѣ», ХСVII, авг., 696—700.

Бривцовъ, П. И., ХСVI, апр., 220.

Криштофовичъ, Н. Г., археологъ, ХСVI, июнь, 1099.

Бругловъ, А. В., писатель, ХСVII, авг., 505, 507.

Кручекъ-Голубовъ, В. С., *Рец. Н. Ф. о сост. имъ (вмѣстѣ съ Н. И. Кульбинымъ) книгъ*: «Главное военно-медицинское управление» (Спб. 1904) ХСVIII, окт., 344—347.

Крыжановскій, Н. А., оренб. ген.-губернаторъ. *О немъ въ статьѣ Н. Д. Беккаревича*: «Оренбургскіе пожары 1879 года», ХСVIII, дек., 999—1010.

Крыловы:

— Ив. Андр., баснописецъ, ХСVII, авг., 534—535; сент., 1031—1033.

— Д. П. и Е. В., сотр. «Сбор. тверск. общ. ист.», ХСV, янв., 308.

— Р. Т., рыбопромышленникъ, ХСVI, июнь, 1006.

Крюгеръ, Пав., президентъ Трансвальской респ. *Замѣтка о немъ*: «Смерть президента Крюгера», ХСVII, авг., 704—705.

Крюднеръ, бар., русс. посланникъ въ Берлинъ, ХСVII, июль, 246.

Есенія, яросл. княгиня, ХСV, февр., 690, 691.

Есенополь, А., румын. историкъ, ХСVII, сент., 841.

Будашевъ, В., ХСVII, авг., 457.

Кузнецовы:

— А. Г., благотворитель, ХСVII, авг., 576.

— художникъ, ХСVIII, дек., 865.

Кузьмины:

— П. В., этнографъ, ХСV, мартъ, 1178; ХСVI, июнь, 1102.

— об.-секретарь, ХСVIII, дек., 959, 960, 961.

Кукольникъ, Нест. Вас., писатель, ХСVIII, ноябрь, 660.

Кулаковскій, П. А. *Рец. А. Сиротиника о книгѣ его*: «Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ» (Спб. 1903), ХСV, мартъ, 1097—1100.

Кулинь, В. П., директоръ высш. женск. курсовъ, ХСV, февр., 660.

Кулишъ, П. А., писатель, ХСV, мартъ, 1053.

Куломзинъ, ст.-секретарь, ХСV, мартъ, 1104, 1122.

Кульбакинъ, С. М., проф. харьк. ун., ХСVIII, дек., 1187.

Кульбинъ, Н. И. *Рец. Н. Ф. о сост. имъ (вмѣстѣ съ В. С. Кручекъ-Голубо-*

вымъ) книгъ: «Главное военно-медицинское управление», (Спб. 1904), ХСVIII, окт., 344—347.

Куперникъ (Щепкина), Т., поэтесса. *О ней въ статьѣ К. П. Медетдскаго*: «Новые лауреаты академии наукъ», ХСV, февр., 633—646.

Куприяновъ 1-й, майоръ, ХСVI, июнь, 940, 944.

Куприяновъ 2-й, майоръ, ХСVI, июнь, 940, 941, 943.

Куракины:

— князь, ХСV, янв., 63; ХСVI, май, 494; ХСVII, июль, 248; сент., 994, 997; ХСVIII, дек., 928.

— княгиня, ХСVII, сент., 997, 998.

— кн. Оед. Алекс., археологъ. *Рец. Евг. Шумиорскаго объ изданіяхъ его*: 1) «Восемнадцатый вѣкъ», (1904), ХСVI, июнь, 1015—1017.—2) «Девятнадцатый вѣкъ» (М. 1904), ХСVI, июль, 1056—1057.

Куранъ, Морисъ, авт. соч. «Ministres et hommes d'état», ХСVI, май, 736—739.

Курбскій, ХСVI, апр., 293—294, 296.

Кургановъ, Ф. А., проф. казан. ун. *Рец. Э. о книгѣ его*: «Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи румынской церкви» (Каз. 1904), ХСVI, июнь, 1042—1045.

Куропаткинъ, А. Н., ген.-адъют. ХСVII, сент., 920; ХСVIII, ноябрь, 563.

Курочкины:

— Вл. Степ., писатель, ХСV, мартъ, 1030.

— Ник. Степ., писатель, ХСV, февр., 502.

Курціусъ, Эрнстъ, нѣм. ученый. *О немъ въ замѣткѣ*: «Переписка Эрнста Курціуса», ХСVI, июнь, 1084—1088.

Бутайсовъ, гр., ХСVII, июль, 251.

Кутузовы:

— Пав. Вас., петерб. ген.-губернаторъ, ХСV, янв., 80, 81, 85.

— Тим. Кир., ХСVIII, дек., 949, 958, 962, 963.

— ХСV, февр., 594; мартъ, 1063; ХСVI, май, 638, 639; ХСVII, июль, 264.

Кущелевы:

— А-дръ Ив., капитанъ, ХСV, мартъ, 1199—1200; ХСVI, апр., 399—400.

— тайн. сов., ХСV, янв., 124—126, 128, 136.

— шт.-капитанъ, кам.-юнкеръ, ХСV, янв., 119—126, 128—137.

Кушниковъ, С. С., ХСV, февр., 745

К. Х. Рецензия его: «Указатель книг и статей о кооперации и мелком народном кредитѣ. Изданіе С.-Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудоберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. (Спб. 1903)», XCV, мартъ, 1137—1138.

Кюльпе, Освальдъ, нѣмецк. писатель, XCV, февр., 771—772.

Бюхельбекеръ, Вильг. Карл., декабристъ, XCV, янв., 78.

Л.

Лабзины:

— А-дръ Оед., вице-президентъ акад. худ., XCV, февр., 754—756.

— Анна Евд., рожд. Яковлева, жена А. О. Л., XCV, февр., 754—756.

Лавинскій, ген.-губернаторъ Вост. Сибири, XCVI, май, 545.

Лавровъ, Петръ Лавр., писатель, XCVI, май, 501—504.

Ладъженскій, В. Н. писатель, XCVIII, ноябрь, 514.

Лажечниковъ, Ив. Ив., писатель, XCV, февр., 746.

Лазаревы:

— Ив. Дав., ген.-лейт., XCVI, апр., 149.

— ген., XCV, мартъ, 1101.

Лазарь:

— (Барановичъ), чернигов. архіепископъ, XCVII, сент., 826, 842.

— свящ., сподвижникъ прот. Аввакума, XCV, янв., 245, 246.

Ламанскій, Вл. Ив., проф. спб. ун., XCV, февр., 765; XCVIII, дек., 1186.

Ламартинъ, XCV, янв., 276.

Ламбертъ, гр., варш. намѣстникъ, XCV, мартъ, 1025.

Ламздорфъ, гр. В. Н., XCVI, май, 747—748.

Ламперти, нѣвецъ, XCVIII, дек., 871.

Ланге, Н. Н., проф. XCV, февр., 771—772.

Лангъ:

— Андрю, англ. писатель, XCV, янв., 354—356.

— нѣм. ученый, XCVI, май, 717.

Ланжеронъ, гр., XCVII, сент., 1013.

Ланской, Дм. Серг., XCV, янв., 77.

Ласкинъ, Г., XCV, февр., 758.

Латынь, Ник. Вас., этнографъ. *Некрологъ его*: XCVI, апр., 394—395.

Латушъ-Тревиль, сотрудникъ «La Revue», XCV, февр., 776; XCVI, июнь, 1064.

Латышевъ, Вас. Вас., академикъ, XCV, янв., 327; XCVI, июнь, 1097.

Лафферона, гр., фр. министръ иностр. дѣлъ, XCVII, сент., 1006.

Лебедевъ:

— А. С., XCVII, авг., 507, 508.

— Е. Е. *Рец. М. К. о книгѣ его*: «Единобріе въ противодѣйствіи русскому обрядовому расколу» (Новг. 1904), XCVII, июль, 297—298.

— Дм. Петр., XCV, февр., 669.

Левашевъ, ген., XCVII, сент., 988.

Левенвольдъ, гр. Карлъ Рейнгольдъ, камергеръ, XCVIII, дек., 949, 955, 956, 959.

Левенштернъ, авт. воспоминаній, XCV, мартъ, 1066—1067.

Левецовъ, Ульрика, *О ней въ замѣткѣ*: «Послѣдняя любовь Гете», XCVI, май, 725—728.

Лейны:

— проф., XCVI, май, 555.

— Рахиль, XCV, февр., 735.

Левитовъ, А-дръ Ив., писатель, XCVII, авг., 512.

Левицкіе:

— Д. Г., художникъ, XCVIII, ноябрь, 821.

— О. И., XCV, февр., 757—758.

Левкѣва, Елиз. Ив., актриса. *Некрологъ ея*: XCVII, авг., 711—713.

Левъ XIII, папа. *О немъ въ статкѣ С. Шевиль*: «Месса въ Римѣ», XCVI, июнь, 925—938.

Левъ Даниловичъ, галицкій князь, XCVII, авг., 654—655.

де-Легоди, капальмейстеръ, XCVIII, дек., 881, 882.

Лееръ, Генр. Ант., писатель. *Некрологъ его*: XCVI, май, 760—761.

Лекурбъ, ген., XCVII, июль, 236, 240.

Лелевель, польск. историкъ, XCVII, июль, 171, 172.

Лемберкъ, М. Рец. Е. В. *о переводѣ его*: «Освальдъ Кюльпе. Современная философія въ Германіи. Характеристика ея главныхъ направленій». (М. 1903), XCV, февр., 771—772.

Лемке, М. Рец. *о книгахъ его*: 1) П. П.: «Очерки по исторіи русск. цензуры и журналистике XIX ст.» (Спб. 1904) и «Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.» (Спб. 1904), XCVII, сент., 1020—1022. 2) Б. Гл.: «Ник. Мих. Ядринцевъ. Біогр. очеркъ». (Спб. 1904), XCVIII, окт., 451—453.

Ленотръ, Жоржъ, фр. писатель, XCVI, июнь, 1077, 1078.

Лентовскій, М. В., автрепренеръ. XCVIII, дек., 875, 876, 877.

Леоновъ, М. Л., поэтъ, ХСVII, авг., 503.

Лермонтовъ, Мих. Юр., поэтъ, ХСV, янв., 114, 115, 116; февр., 529, 531, 532; мартъ, 872.

Лернеръ, Н. *Рецензія его: «А. И. Фаресовъ. Противъ теченій. Н. С. Льсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. (Спб. 1904)»*, ХСVII, июль, 277—281.

Лерхе, ХСVI, май, 491.

Лесгафтъ, Петръ Фр., проф., ХСVII, сент., 766.

Лестоукъ, лейбъ-медикъ, ХСVIII, дек., 944, 947.

Летуновъ, Ник. Ив., врачъ, ХСVI, апр., 61.

Лефло, фр. посланникъ, ХСVI, май, 644, 646.

Лефорть, ХСV, янв., 241.

Ливановъ, авт. соч. «Раскольники и острожники», ХСV, февр., 593, 595.

Ливіо, банкиръ, ХСV, февр., 435, 436.

Линдеманъ, І. К., сотр. «Сборн. тверск. общ. ист.», ХСV, янв., 306.

Линва, Е. Э., энтографъ, ХСV, мартъ, 1187—1188.

Линкентъ, ХСVII, июль, 240, 241.

Ливниченко, И. А. *Рец. А. Я. о книгѣ его: «Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческихъ источниковъ»*. (Спб. 1904), ХСVII, авг., 654—655.

Линчъ, Ф. В., авт. соч. «Armenia-travels and studies», ХСVI, апр., 314—318.

Лисовскій, Ник. Мих., библиографъ. *Рец. Веге о книгѣ его: «Списокъ указателей къ русск. періодическимъ изд. XVII—XIX ст.»*. (Спб. 1903), ХСVI, май, 706.

Литвиновъ, Б. Н. *Статья его: «Черезъ Бухару на Памиры»*, ХСVIII, окт., 297—331; ноябрь, 698—729; дек., 1045—1087. *Поправка къ этой статьѣ*: ХСVIII, дек., 1200.

Литга, гр. Юлій Помп., членъ госуд. сов., ХСVI, июнь, 1040.

Личковъ, Л. С. *Рец. В. С. К. о книгѣ его: «Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа»* (К. 1904), ХСVI, май, 633—685.

Лобановъ, ХСVII, июль, 255.

Лобасъ, Н. С. *Рец. Ф. А. Льва о книгѣ его: «Каторга и населеніе на островѣ Сахалинѣ»* (Екатериносл. 1904), ХСVII, июль, 298—301.

Лобковичъ, кн., ХСVI, май, 748.

Лобода, А. М. *Рец. А. Я. о книгѣ его: «Русскія былинны о сватовствѣ»*. (К. 1904), ХСVII, авг., 675—677.

Ловягинъ, А-дръ Мих., писатель. *Рецензія его: 1) «А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Кн. VIII. (Спб. 1904)»*, ХСVI, май, 666—667. 2) *Проф. В. И. Модестовъ. Введеніе въ римскую исторію. Вопросы до исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ доримскую эпоху въ Италиі и начало Рима. Ч. 1-я, съ 35 фототипическими таблицами. Ч. 2-я съ 7 фототипическими таблицами и 54 рис. въ текстѣ. (Спб. 1904)»*, ХСVII, авг., 637—640.

Логвиновскій, ХСV, мартъ, 1183.

Лозинскій, ХСVI, май, 443.

Ломоносовы:

— Мих. Вас., писатель, ХСV, мартъ, 1107; ХСVIII, окт., 189.

— ген.-майоръ, ХСV, янв., 121—124, 132—133, 135, 136.

Лонгиновы:

— А. В. *Рец. М. К. о книгѣ его: «Мирныя договоры русскихъ съ греками, заключенныя въ X вѣкѣ»*. (Од. 1904), ХСVIII, ноябрь, 779—780.

— Марія А-др., рожд. Крюкова, ХСV, февр., 439.

Лопаревъ, Хр. Мее., археологъ, ХСV, янв., 308; мартъ, 1182.

Лопе-де-Вега-Карпио, испан. писатель. *Замѣтка о немъ: «Лопе-де-Вега, какъ авторъ и человѣкъ»*, ХСVII, июль, 305—306.

Лопухины:

— А-дръ Пав., проф. спб. дух. акад. *Некрологъ его*: ХСVIII, окт., 391—392.

— кн. Петръ Вас., министръ юстиціи, ХСV, февр., 595; ХСVII, сент., 929, 931.

— Степ. Вас., ХСVIII, дек., 949, 951, 956, 959.

Лорензаччио. *Замѣтка о немъ: «Лорензаччио»*, ХСVII, сент., 1058—1063.

Лорисъ-Меликовъ, гр. М. Т., госуд. дѣятель, ХСV, янв., 110; ХСVI, май, 555.

Лоуэль, П. *Рец. И. Александрова о переводѣ книги его: «Душа Дальняго Востока»*. (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1136—1138.

Лофтусъ, Авг., англ. посланникъ въ Россіи. *Замѣтка о восьмилѣтнемъ пребываніи его въ Россіи*, ХСVI, май, 640—646.

Лохвицкая (Жиберъ), М., поэтесса. *О ней въ статьѣ К. П. Медвѣдскаго:*

«Новые лауреаты академии наук», XCV, февр., 633—646.

Лубенцовъ, А. Г., путешественникъ, XCVI, апр., 385—387; май, 751—752.

Лубячовскій, XCV, мартъ, 1063.

Лудмиръ, Я. И. *Рец. А. Э. М-на обз изд. подъ ея ред. книгъ: «Вся Курляндская губернія»* (Мит. 1904), XCVII, сент., 1047—1048.

Луиза, прусс. королева, XCV, мартъ, 1057—1058.

Лукашевичъ, художникъ, XCVIII, окт., 271.

Лукерья Васильевна, духоборка, XCV, февр., 597, 602.

Лушъ, волошск. господарь, XCVII, сент., 829.

Лушъ, Вас., молдав. господарь, XCVII, сент. 830, 831, 832, 835.

Львовы:

— кн. Никита Яковл., окольныйчій, XCV, янв., 251, 254.

— Пав. Юрьев., членъ росс. акад., XCV, февр., 682.

— петрашевецъ, XCV, февр., 742.

— князя, XCV, янв., 234.

Лѣсковъ, Ник. Сем., писатель, XCV, мартъ, 1041; XCVII, июль, 277—281.

Лѣткова, Е. П. *Рец. Н. Л. обз изд. подъ ея (вмѣстѣ съ Ю. Д. Батюшковымъ) ред. книгъ: «Къ свѣту»* (Спб. 1904), XCVII, авг., 646—648.

Любавскій, писатель, XCV, янв., 316.

Любовичъ, Н. Н., проф. *Рец. NV о книгъ ею: «Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вв.»* (Варш. 1904), XCVIII, ноябрь, 781—784.

Любомірскіе, князя, XCV, мартъ, 1023.

Людвигъ, Брауншвейгскій принцъ, XCVIII, ноябрь, 681.

Людвикъ XIV, фр. король, XCVIII, окт., 371, 373—374.

Людвикъ XV, фр. король, XCVI, июнь, 1074—1076; XCVIII, окт., 364—376; дек., 1158—1161.

Людвикъ XVI, фр. король, XCV, мартъ, 1059—1060; XCVI, июнь, 1077—1079.

Людвикъ XVIII, фр. король, XCV, мартъ, 1059—1060; XCVII, июль, 306—307; XCVIII, окт., 379.

Людвикъ, голланд. король, XCVII, июль, 247.

Люксембургъ, маршалъ. *Замѣтка о немъ: «Украшатель собора Богматери»*, XCVI, июнь, 1073—1074.

Ляровъ, пѣвецъ, XCVIII, дек., 863, 870.

Ляхницкіе, XCVI, май, 425.

Ляцкій, Е.г. А-др., хранитель этн. отд. русс. музея Александра III. *Рец. А. Б. о книгъ ею: «Ив. А. Гончаровъ. Критическіе очерки»*. (Спб. 1904), XCVI, май, 688—690. *Упомят.*: XCVII, авг., 707.

М.

М. Рецензій ею: 1) «*Вас. Вас. Латышевъ*. Краткій очеркъ двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности его. 1878 — 1903. (Спб. 1903)», XCV, янв., 327. 2) «*Классическій Востокъ*. Остатки финикійской литературы. Обработка *Б. Тураевъ*. (Спб. 1903)», XCV, мар., 1129—1130. 3) «*Отчетъ о дѣятельности православнаго братства св. князя Александра Невскаго за 1901—1902 г. (Визники. 1903)*», XCVI, апр., 341. 4) «*М. и В. Успенскіе*. Мѣсяцесловъ императора Василія II. Мѣсяцы: сентябрь и октябрь. (Спб. 1904)», XCVI, май, 697.

Мавринъ, Сем. Ав., кам.-юнкерь имп. Екатерины, XCVIII, дек., 930, 934, 935, 937, 943, 944, 949, 950, 952, 953, 954, 956, 958, 962, 963.

Магницкій, XCV, янв., 146, 154, 155.

Майковы:

— Апол. Ник., поэтъ, XCV, февр. 445—449, 455—456, 464—465, 473—478, 496; XCVI, июнь, 891.

— В. В., XCVI, май, 748.

— Леон. Ник., академикъ, XCV, мартъ, 1126; XCVI, июнь, 977, 982.

— Ник. Апол., художникъ, XCV, февр., 474.

— П. М. *Рец. В. Т. о книгъ ею: «Иванъ Ивановичъ Бедкой. Опытъ его біографіи»*. (Спб. 1904), XCVI, май, 654—657.

— яросл. помѣщикъ, XCV, февр., 686.

Макарій, архіепископъ, XCV, янв., 319.

Макарій, моск. митрополитъ. *Замѣтка о присужденіи преміи ею имени*: XCVII, июль, 331.

Макаровы:

— А-ѣй Вас., кабинетъ - секретарь, XCVIII, дек., 929, 930, 934, 936, 937, 947.

— Степ. Осип., вице-адмиралъ. *Некрологъ ею*: XCVI, май, 761—763.

— авт. воспоминаній, XCV, февр., 741.

Маклаковы:

— Л. Ф., XCV, янв., 379.

— сост. пѣсенника, XCVIII, ноябрь, 686.

Максимейко, И. А. *Рец. В. Грибовскаго о книжкѣ его: «Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи 1569 года. (Хар. 1903)»*, XCV, янв., 315—316.

Максимовичъ, М. А., проф. кiev. ун., XCV, февр., 758.

Максимовы:

— А. Г. *Рец. III. о книжкѣ его: «Описание периодическихъ изданій XIX вѣка. «Осенніе вечера» 1803 года и «Журналъ для милыхъ» 1804 года»* (Спб. 1904)», XCVII, авг., 670—671.

— Евг. Як., подполковникъ, писатель. *Некрологъ его: XCVIII, дек., 1196.*

— С. В., писатель; XCV, янв., 248.

Максимъ (Грекъ), монахъ, XCVIII, окт., 177, 180.

Малербъ, аббатъ, XCV, янв., 5, 7; февр., 430—432, 434.

Малетскій, ген., XCVII, сент., 934.

Маликовъ, Алекс. Капит., писатель. Некрологъ его: XCVI, апр., 396.

Малиничъ, А. А. *Рец. Е. В. о его переводѣ соч. Э. Мейера: «Теоретическіе методо-логическіе вопросы исторіи»* (М. 1904), XCVII сент., 1036—1037.

Малиновскій, А. О., XCV, мартъ, 1046.

Малиновскій, И. В., XCV, февр., 762.

Мальшевская, камеръ-юнгфера имп. Елис. Алекс., XCV, февр., 745.

Мальвиродъ, секретарь фр. посольства въ спб., XCVII, сент., 1008—1006.

Мальмгренъ, А. Э. *Рецензія его: Karl Stavnhagen. Johann Wolthuss von Herse—Eine Fragödie. (Рига 1903)»*, XCVII, сент., 1024—1026.

Мальцовы:

— Ив. Аким., XCVII, авг., 578.

— Ив. Серг., XCVII, авг., 578.

— Ник. Серг., XCVII, авг., 578.

— Серг. Ив., XCV, янв., 299; XCVII, авг., 578, 580, 582.

— Як. Вас., XCV, февр. 762.

Макъ-Гаханъ, Вар. Ник., корреспондента. Некрологъ ея: XCVI, апр., 395—396.

Мамоновъ, XCVI, июнь, 912.

Манассеинъ, В. А., проф., XCVII, сент., 764.—765; XCVIII, окт., 55, 58; ноябрь, 508, 514.

Мангу Тимуръ, ханъ, XCV, февр., 690.

Маненковъ, Вас. Ив., журналистъ. Некрологъ его: XCVII, сент., 1071.

Маршалъ, Э., проф. Рец. II. К-аю о книжкѣ его: «Исторія XIX вѣка» (Спб. 1904). XCVI, июнь, 1050—1051.

Маринони, Ипполитъ, франц.обществ. дѣлатель. Некрологъ его: XCV, февр., 798.

Марія Александровна, императрица, XCV, февр., 433; XCVI, июнь, 988.

Марія Александровна, вел. кн. XCVI, май, 642, 643.

Марія Васильевна, княжна, XCV, февр., 690, 691.

Марія Ильинична, царица, XCVII, сент., 825, 826, 829.

Марія Θεодоровна, императрица супр. Павла I, XCV, февр., 432; XCVII, июль, 242—244; сент., 1076.

Марія, вел. княг., жена Василія Темнаго, XCV, янв., 284.

Марія-Казимира, польск. королева, XCVI, июнь, 996.

Марія-Людвика, жена Яна Казимира, XCVI, май, 594; XCVII, сент., 946, 952.

Маркартъ, нѣм. ученый, XCVII, дек., 1188.

Маркіановичъ, педагогъ, XCVI, май, 433.

Марковниковъ, Вл. Вас., проф. моск. унив. Некрологъ его: XCV, мартъ, 1192—1193.

Марксъ, Адол. Оед., книгоиздатель. Некрологъ его: XCVIII, дек., 1088—1092.

Мартемьяновъ, Т. А. Статя его: «Изъ исторіи цензуры русской народ. ной пѣсни», XCVIII, ноябрь, 662—697.

Мартенсъ, Оед. Оед., проф. спб. ун. XCV, февр., 789—796; XCVII, сент., 983, 985, 986.

Мартыновъ, С. В., д-ръ, XCVII, авг., 707.

Марушевскій, подполк., XCVI, апр., 154, 163.

Марса Матвѣевна, (Апраксина), жена царя Оедора Алексѣевича, XCVIII, ноябрь, 683.

Масальскій, кн., XCV, февр., 431, 437.

Масловскіе:

— Ив. Оед., лейбъ-акушеръ. *Некрологъ его: XCVII, авг., 713—714.*

— С. Д., членъ общ. востокоевѣднѣя, XCV, мартъ, 1188.

Масловъ, производитель дѣлъ тайн. совѣта, XCVIII, дек., 957, 958.

Массена, фр. ген., XCVII, июль, 235, 240, 241, 242.

Массенъ, Вас. Ник., гинекологъ. Некрологъ его: XCVIII, окт., 392.

Массини, артистка, XCVIII, дек. 870.

Маассонъ, Фредерикъ, фр. историкъ, XCVI, май, 722—724.

Матвѣвъ, Арт. Серг., XCVII, сент., 826, 830.

Матиссенъ, А. А., горн. инж., XCVII, июль, 335—336.

Матросовъ, Е. Н. *Статьи его:* 1) «Американскія трущобы. (Соціологическо-описательный очеркъ)», ХСV, мартъ, 1072—1093; ХСVI, апр., 272—288.— 2) «По обычаямъ страны. (Очеркъ изъ русско-американскаго жителя-бытья)», ХСVI, май, 608—625.— 3) «Бракъ и разводъ въ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ. (Соціологическій очеркъ)», ХСVII, авг., 607—624; сент., 954—973.

Машурекъ, М. Г., ХСV, февр., 751.

М—въ. *Рецензія его:* «Н. Божерянова и В. Никольскій. Петербургская старина. Очерки и рассказы. (Спб. 1903)», ХСVI, апр., 331—333.

М. Д. Ник—скій. *Рецензія его:* 1) «Профессоръ Е. О. Карскій. Вѣлорусск. Введение къ изученію языка и народной словесности. (Вильна. 1904)», ХСVII, сент., 1052—1053.— 2) «Д. Дорошенко. Указатель источниковъ для ознакомленія съ Южной Русью (Спб. 1904)», ХСVIII, дек., 1155.

Медвѣдевы:

— Д. П. *Статья его:* «Два высочайшихъ посщенія», ХСVI, май, 489—499.

— Левъ Мих., журналистъ. *Некрологъ его:* ХСVII, авг., 714.

— артистка, ХСV, янв., 380.

Медвѣдокій, К. П. *Статья его:* «Новые лауреаты академіи наукъ», ХСV, февр., 633—646.

Межовъ, В. И., библиографъ, ХСV, мартъ, 1137—1138.

Мей, Левъ Александр., поэтъ. *О немъ въ статьѣ А. И. Яцимирскаго:* «Изъ воспоминаній поэтовъ-крестьянъ о русскихъ писателяхъ», ХСVII, авг., 503—524.

Мейербергъ, ХСVII, сент., 837.

Мейеръ, Эд. *Рец. Е. В. о переводѣ его соч.:* «Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи», (М. 1904), ХСVII, сент., 1036—1037.

Мелиссино, ХСVII, сент., 870.

Мельгуновъ, А-ѣй Петр., яросл. ген.-губернаторъ, ХСV, янв., 252; февр., 702.

Мельниковы:

— Андрей Павл., ХСVIII, окт., 262.

— инженеръ, ХСV, янв., 216, 218.

Мельницкіе:

— Вал. Пав., ген.-майоръ. *Некрологъ его:* ХСVII, авг., 714—715.

— поручикъ, ХСVIII, дек., 988.

Меншиковы:

— кн. А-дръ. Данил. *О немъ въ статьѣ С. Н. Шубинскаго:* «Бягигия

А. П. Волконская и ея друзья», ХСVIII, дек., 927—965. *Упомят.:* ХСV, янв., 308; мартъ, 1134—1136.

— кн. А. С., ХСV, янв., 144, 146, 220.

Меньшикова, А. Г., пѣвица, ХСVIII, дек., 862, 863.

Мердеръ:

— К. К., авт. записокъ, ХСVI, июнь, 988, 989.

— Н. И. *Романъ ея:* «Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроникѣ)», ХСV, янв., 7—49; февр., 403—426; мартъ, 833—863; ХСVI, апр., 5—46; май, 401—416; июнь, 769—806; ХСVII, июль, 5—51; авг., 353—394; 721—762; ХСVIII, окт., 5—54.

Мерзляковы:

— А. Ф., ХСV, февр., 745.

— ХСVI, апр., 208.

Меримэ, фр. писатель. *О немъ въ замѣткѣ:* «Столѣтніе юбилеи французскихъ писателей», ХСVI, май, 741—742.

Меркуловы:

— П. К., сенаторъ, ХСVII, июль, 187.

— управляющій аяц. сб. тульск. губ., ХСVIII, окт., 207, 298, 209.

Мерли, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 863, 864, 866, 867, 878, 874.

Мертенсъ, В. Ф., сенаторъ, ХСVII, июль, 187.

де-Местръ, гр. посланникъ сардин. короля, ХСV, янв., 55.

Метакса, ХСV, янв., 64, 65; февр., 429, 437.

Меттернихъ, кн., ХСVII, июль, 248, 250; ХСVIII, ноябрь, 806.

Мечъ, Сергій. *Рец. Н. Ф. о книгѣ его:* «Швеція и Норвегія» (М. 1904), ХСVII, авг., 677—680.

Мещериновъ, А-дръ, ХСVII, сент., 838.

Мещерскіе:

— кн. А-дръ Вас., авт. воспоминаній, ХСV, мартъ, 867—868.

— кн., Вл. Петр., изд. «Гражданина», ХСV, февр., 658.

Миллеръ:

— В. О., проф. моск. ун., ХСV, мартъ, 1174.

— Г. Ф., ХСVIII, ноябрь, 696.

— Ор. Фед., проф. слб. ун., ХСVI, июнь, 923.

— пасторъ, ХСVII, сент., 928.

Милорадовичи:

— гр. Гр. Ал. Рец. *С. ф.-Штейна о князь его*: «Александр II, царь-освободитель. (Спб. 1903)», ХСV, янв., 314—315. Упомян.: ХСVI, май, 675.

— гр. Мих. Андр., ХСV, янв., 81.

Милуковъ, Пав. Ник., писатель, ХСV, февр., 752; ХСVIII, окт., 179, 181.

Милютини:

— Дм. Алексѣев., воен. министр, ХСVI, май, 490, 493, 494.

— Ник. Алекс., госуд. дѣятель, ХСV, янв., 281; мартъ, 1025; ХСVI, май, 428—429.

Минихъ, гр. ХСVI, май, 747; ХСVIII, дек., 965.

Минье, ген., ХСVII, июль, 180, 182.

Митковичъ, Фед. Ив., протоіерей, писатель. *Некрологъ его*: ХСVI, апр., 396—397.

Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, ХСVI, апр., 168,—171.

Михаилъ Павловичъ, вел. князь, ХСVI, май, 583.

Михаилъ Теодоровичъ, царь, ХСV, янв., 240, 244, 253; февр., 704; ХСVI, июнь, 1101; ХСVII, сент., 1015, 1016; ХСVIII, ноябрь, 672.

Михаилъ (Матвѣй Бурдуковъ), иркут. епископъ, ХСVII, сент., 878.

Михаилъ (Карповичъ), католич. епископъ, ХСVII, сент., 947, 949, 950.

Михаилъ (Клопскій), странникъ, предобный, ХСVII, июль, 198.

Михайловскіе:

— Маркъ Ник., зоологъ. *Некрологъ его*: ХСVIII, окт., 392—393.

— Ник. Конст., писатель. *Статья о немъ А. И. Фаресова*: «Н. К. Михайловскій», ХСV, мартъ, 1028—1044. *Рец. II. о книгѣ его*: «Отлики», т. I. (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1033. *Некрологъ его*: ХСV, мартъ, 1193—1194. Упомян.: ХСVIII, ноябрь, 514.

Михайловы:

— Георгій, протопресвитеръ, ХСVIII, ноябрь, 740.

— М. И., ХСVI, май, 500.

Михайловъ-Зильберштейнъ, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 870.

Михаловскій, К. Г., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.

Михновичъ, Вл. Осип., писатель, ХСVIII, окт., 174—176, 187, 197.

Мишель, Аври. Рец. *II. о книгѣ его*: «Идея государства», (Спб. 1903), ХСVI, июнь, 1061—1053.

Мищенко, начальникъ кон. отряда въ маньчжурской арміи, ХСVIII, ноябрь, 557.

М. Б. Рецензіи его: 1) «А. А. Кизветтеръ. Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія. (Москва 1903)», ХСVI, май, 667—669.—2) «Труды Пензенской ученой архивной комиссіи. Книга I. (Пенза 1903)», ХСVI, май, 692—694.—3) «П. Головачевъ. Иркутское лихолѣтье 1758—1760 г.г. («Лѣтопись о Крыловѣ и ея разборъ»). (М. 1904)», ХСVI, май, 708.—4) «И. И. Срезневскій. Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (1853—1866). (Спб. 1903)», ХСVI, июнь, 1035—1036.—5) «Левъ Ждановъ. Царь Іоаннъ Грозный. Историческая хроника въ трехъ частяхъ. (Спб. 1904)», ХСVI, июнь, 1037—1038.—6) «В. Сергеевичъ. Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ. (Спб. 1904)», ХСVII, июль, 286—287.—7) «Е. Е. Лебедевъ. Единовѣріе въ противодѣйствіе русскому обрядовому расколу. (Новгородъ 1904)», ХСVII, июль, 297—298.—8) «А. А. Ивановскій, Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи Труды антропологическаго отдѣла, томъ XXII. (М. 1904)», ХСVII, июль, 301—304.—9) «Сергій Давилевъ. Портретистъ Шабановъ. (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1045—1046.—10) «Ломитовъ А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Ист.-юридическое изслѣдованіе». (Од. 1904), ХСVIII, ноябрь, 779—780.

Мобилевъ, Вас. Мих., томск. полицмейстеръ, ХСV, февр., 742.

Модестовъ, В. И., проф. Рец. А. М. Ловягина о книгѣ его: «Введеніе въ римскую исторію. Вопросы доисторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до римскую эпоху въ Италіи и начало Рима» (Спб. 1904), ХСVII, авг., 637—640.

Модзалевскій, Бор. Льв. Рец. Б. Г-цаго о книгѣ его: «Воспоминанія А. Е. Лабзиной». (Спб. 1903), ХСV, февр., 754—756.

Моксей, архіепископъ, ХСV, мартъ, 1063.

Моисей (Петровичъ), сербскій митрополитъ, ХСV, мартъ, 1097, 1098.

Молдериъ, полковникъ, ХСVI, апр., 127—128.

Мольтке, гр., ХСVI, май, 642, 644; ХСVIII, ноябрь, 809.

Мональдески, итал. маркизъ. *Замѣтка о немъ*: «Новыя свѣдѣнія объ убійствѣ Мональдески», ХСVIII, ноябрь, 802—805.

Монмассонъ, Розалія, жена Криспи. *Некрологъ ея*: ХСVIII, ноябрь, 811—812.

Монти, Винченцо, поэтъ, ХСVIII, дек., 1166—1170.

Монье, Ф. *Рец. П. К. о переводѣ его соч.*: «Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кваттрогента». (Спб. 1904), ХСV, янв., 331—332.

Мопассанъ, Гюи, фр. писатель. *О немъ въ замѣткѣ*: «Мопассанъ и его мать», ХСVI, май, 730—735.

Мопанъ, оперная пѣвица. *Замѣтка о ней*: «Актриса Мопанъ», ХСV, мартъ, 1143—1145.

Мордвиновы:

— гр. Ник. Сем., госуд. дѣятель, ХСVI, июнь, 1018—1020. ХСVII, авг., 504.

— Д. М., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.

— О. А., ХСV, февр., 652, 656.

Мордовцевъ, Дан. Лук., писатель, ХСVIII, окт., 268.

Морковъ, гр. Арк. Ив., дипломатъ, ХСV, мартъ, 1057; ХСVII, июль, 253; сент., 984—989, 997.

Морлей. *Замѣтка о немъ*: «Морлей, какъ образцовый биографъ Гладстона», ХСV, апр., 369—370.

де-Морни, франц. посолъ, ХСV, февр., 440.

Морозовъ, П. О., писатель, ХСV, янв., 267.

Мортемаръ, герцогъ. *О немъ въ замѣткѣ*: «Участіе въ русско-турецкой войнѣ 1828 г. герцога Мортемара и бар. Бургозна», ХСVII, сент., 1006—1014.

М. О. Ск-вичъ. *Рецензія его*: 1) «Императорскій російскій историческій музей имени имп. Александра III. Описание памятниковъ. Вып. II. Житіе св. Нифонта, лицевого. XVI вѣка. (М. 1903)», ХСV, янв., 319.—2) «А. А. Стаховичъ. Ключи воспоминаній. (М. 1904)», ХСVII, авг., 657—659.

Москотильниковъ, С. А., поэтъ, ХСVII, авг., 570, 574.

Мосоловъ, А-дръ Никол., чл. госуд. сов. *Некрологъ его*: ХСVI, июнь, 1107; ХСVII, авг., 715—716.

Мошинъ, Алексѣй. *Рец. П. III, о книгѣ его*: «Ясная Поляна и Васильевка». (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1037—1038.

Мошковъ, Петръ, гоф.-индендантъ, ХСVIII, ноябрь, 734.

Музолино, Джузеппо. *Замѣтка о немъ*: «Современный итальянскій разбойникъ», ХСV, мартъ, 1155—1157.

Мултановскій, Яковъ, протопресвитеръ, ХСVIII, ноябрь, 740.

Муравьевы:

— Мих. Никит., попечитель моск. уч. окр., ХСV, мартъ, 1046.

— гр. Мих. Никол., виленск. ген.-губернаторъ, ХСV, янв., 281; ХСVIII, ноябрь, 529; дек., 989—991.

— Ник., ген.-майоръ, ХСV, янв., 145.

Муравьевъ-Амурскій, гр. Ник. Ник., ген.-губернаторъ вост. Сибири, ХСV, мартъ, 1162.

Муравьевъ-Апостоль, Серг. Ив., декабристъ, ХСV, янв., 79, 84, 85; ХСVI, июнь, 963, 972.

Мурадъ V, турецкій султанъ. *Некрологъ его*: ХСVIII, ноябрь, 811.

Мурко, Матвѣй, словин. ученый, ХСVI, май, 750.

Мурузи, вл., ХСVIII, окт., 898.

Муръ, Дм., англ. писатель, ХСVI, май, 651—653; ХСVIII, дек., 1112—1115.

Мусины-Пушенины:

— Ал., оберъ-прокуроръ свят. синода, ХСVII, сент., 883, 884, 885, 886, 887, 889.

— гр. А. И., ХСV, мартъ, 1046.

— яросл. воевода, ХСV, февр. 686.

Мутеръ, Р. *Рец. А. Я. о переводѣ соч. его*: «Исторія живописи». Т. III. (Спб. 1904), ХСVI, май, 710—711.

Мысловскій, Петръ Ник., священникъ, ХСV, янв., 79, 80, 84.

Мюратъ, ХСVII, сент., 983.

Н.

Н. А. *Рецензія его*: «Къ столѣтней годовщинѣ имп. казанскаго университета. 1804—1904. Петръ Цеплинъ, первый профессоръ казанскаго университета. Ист.-литературный очеркъ орд. проф. Д. Начуевскаго». (Каз. 1904), ХСVIII, ноябрь, 772—774.

Нагуевскій, Д. И., проф. казан. ун. *Рец. Н. А. о книгѣ его*: «Къ столѣтней годовщинѣ имп. казанскаго университета, 1804—1904. Петръ Цеплинъ, первый профессоръ казан. университета». (Каз. 1904), ХСVIII, ноябрь, 772—774.

Надеждинъ, Ник. Ив., писатель, ХСVI, апр., 207, 208, 210.

Назимовъ, В. Г., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.

Н. А. Б. *Статья его*: «Мировые посредники перваго призыва. (Личныя воспоминанія)», ХСVII, июль, 88—100.

Накула, Григ., бояринъ, ХСVII, сент., 833.

Налимовъ, Пав., протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 740.

Наневскій, архитекторъ, ХСVI, май, 602.

Наполеонъ, фр. императоръ. *Замѣтки о немъ*: 1) «Наполеоніана», ХСV, мартъ, 1151—1155.—2) «Новые труды біографа Наполеона, академика Массона», ХСVI, май, 722—725.—3) «Шестилѣтнее величіе Наполеоновской имперіи отъ Аустерлица до выступленія изъ Москвы», ХСVII, іюль, 251—264. *Упомин.*: ХСV, янв., 295—297, 365—368; мартъ, 1056—1063, 1065, 1066; ХСVI, апр., 362—362; май, 584, 629, 630, 635, 636, 650, 651; ХСVII, іюль, 247—250; сент., 983—986, 988, 990, 993—996, 1006; ХСVIII, окт., 376—378.

Неполеонъ III, фр. императоръ. *О немъ въ замѣткѣ*: «Австрійскій посланникъ при Наполеонѣ III», ХСVII, іюль, 313—315. *Упомин.*: ХСVIII, дек., 1106. 1129—1130.

Нарбековъ, В. Рец. В. Ф-ко о книгѣ его: «Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. (Каз. 1903)», ХСV, янв. 310—311.

Нарцовъ, А. Н., сост. «Матеріаловъ для ист. тамб., пензен. и сарат. дворянства», ХСVI, іюнь, 1034—1035.

Нарышкины:

— А-дръ Льв., директоръ имп. театровъ, ХСV, февр., 749.

— Анатолій, ХСV, мартъ, 881.

— М. Л., сост. пѣсенъ, ХСVIII, ноябрь, 686.

— Нат. Ѳед., рожд. гр. Ростопчина, ХСV, янв., 51, 59, 60; февр., 429.

Наръжнѣй, Вас. Тим., писатель, ХСV, февр., 666.

Наталія Алексѣевна, вед. кн., ХСVIII, дек., 940, 956.

Наталія Кирилловна, царица, ХСVIII, ноябрь, 674.

Наумовичъ, Іоаннъ, священникъ, ХСV, мартъ, 1118.

Наваналъ, настоятель Сп.-Андроников. мон., ХСVI, іюнь, 1007.

Невельскій, контръ-адмиралъ, ХСVI, іюнь, 963.

Невзоровъ, Ник. Кесарьев., педагогъ. *Некрологъ его*: ХСVII, іюль, 349—350.

Невревъ, Ник. Вас., художникъ. *Некрологъ его*: ХСVII, іюль, 350.

Недошивинъ, проф., ХСVI, іюнь, 964.

Недремскій, А., ХСVI, апр., 210.

Недумовъ, Ив., ХСV, янв., 256.

Неждановскій, Ѳед. Ѳед., строитель церкви XVII в., ХСV, февр., 712.

Ней, маршалъ, ХСV, янв., 297—298.

Нейгардъ, ген.-адъют., ХСVI, май, 583.

Нейдингъ, Ив. Ив., проф. моск. унив. *Некрологъ его*: ХСVIII, окт., 393.

Неклюдовъ-Кайсаровъ, Д. М. *Статья его*: «Къ біографіи Э. И. Тотлебена», ХСV, мартъ, 929—934.

Некрасовы:

— Ек. Степ., писательница, ХСV, янв., 379, 380; февр., 664, 667, 668.

— Ник. Алекс., поэтъ, ХСV, февр., 530; мартъ, 871, 1031, 1032, 1034; ХСVI, май, 530, 544—545; іюнь, 882, 885—886; ноябрь, 757.

Нелединскій, Юрій Степ., ХСVIII, дек., 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 962, 963.

Неофитъ, старица. епископъ, ХСV, февр., 756.

Нессельроде:

гр. Вильг., дипломатъ, ХСVII, іюль, 242—245; ХСVIII, дек., 1094.

— гр. Карлъ Вас., канцлеръ. *О немъ въ замѣткѣ*: «Графъ К. Нессельроде и его отецъ», ХСVII, іюль, 242—251. *Упомин.*: ХСVI, май, 421; ХСVII, іюль, 193; сент., 1000—1002, 1004; ХСVIII, ноябрь, 806.

Нестеровъ, С. Рец. С. Ш. о книгѣ его: «Екатерина вторая. Ист. очеркъ». (Спб. 1904), ХСV, мартъ, 1121.

Нетельгорстъ, бар., прапорщикъ, ХСVI, апр., 168.

Нивинскій, Ст. Ос., ХСVI, май, 604.

Никаноръ, архіепископъ херс. и одесс. *Статья о немъ А. А. Зеленицкаго*: «Къ біографіи архіепископа херсонскаго и одесскаго Никанора», ХСVII, авг., 537—542.

Никитенко, А. В., авт. дневника, ХСV, мартъ, 1051.

Никитинъ, Н. В., вице-президентъ акад. наукъ, ХСVIII, ноябрь, 821; дек., 1186.

Никифоровы:

— Н. К. *Статьи его*: 1) «На могилѣ Ноя». (Изъ путевого альбома), ХСVI, апр., 200—206. 2) «Асовское смятеніе. (1880 г.)», ХСVIII, окт., 106—130; ноябрь, 564—593.

— Никиф., священникъ, ХСVIII, ноябрь, 735.

Никодимъ, спб. епископъ, ХСVIII, ноябрь, 737.

Никодимъ, игумень, ХСVII, іюль, 198.

Николай I Павловичъ, императоръ. *Статья о немъ П. Е. Щеголева*: «Императоръ Николай I. 1826—1831», ХСV, янв., 133—166. *О немъ въ замѣткѣ*: «Участіе въ русско-турецкой войнѣ 1828 г. герцога Мортемара и барона

Бургозна», ХСVII, сент., 1006—1014. *Упомин.*: ХСV, янв., 70, 216, 218, 220, 248, 279, 280, 281, 302—303; февр., 437, 736; мартъ, 865, 866, 878, 1051, 1104; ХСVI, апр., 120, 122, 123, 125—127, 133; май, 540—542, 548, 549, 650, 651, 748; июнь, 971—975, 978, 980, 984, 987, 990; ХСVII, июль, 174, 250, 531—535; сент., 876, 1001; ХСVIII, окт., 197—199; ноябрь, 689, 696; дек., 1019, 1021—1026, 1094, 1106.

Николай II Александровичъ, императоръ, ХСV, янв., 282, 283, 285; мартъ, 1122; ХСVI, апр., 380—381; май, 747; ХСVII, июль, 326—327; ХСVIII, окт., 211.

Николай Александровичъ, вел. князь, ХСV, февр., 548—546; мартъ, 1067.

Николай Михайловичъ, вел. князь, ХСV, мартъ, 1058; ХСVII, июль, 253.

Николай Николаевичъ, вел. князь, ХСV, янв., 256; ХСVI, апр., 311.

Никольскіе:

— В. *Рец.* М-вао бѣ изд. имѣ (вмѣстѣ съ Н. Божеряновымъ) книгъ: «Петербургская старина. Очерки и рассказы». (Спб. 1903), ХСVI, апр., 331—333.

— Н. К., археологъ, ХСVI, июнь, 1098.

— П. П., ХСV, янв., 382.

Никоиъ, патриархъ, ХСV, февр., 704, 710, 712; ХСVII, сент., 871; ХСVIII, окт., 178.

Ниродъ, гр., полк., ХСVII, июль, 135.

Нифотъ, св., ХСV, янв., 319.

Н. Л. *Рецензія* его: «Къ свѣту. Научно-литературный сборникъ, подъ редакціей Е. П. Литковой и Ю. Д. Батюшкова. (Спб. 1904)», ХСVII, авг., 646—648.

Н. Л.—въ. *Рецензія* его: «В. Н. Баскаковъ. Походы 1809 года Наполеона въ Германію и Австрію. Книга 1. (Спб. 1904)», ХСVII, авг., 680.—682.

Н. Л.—въ. *Рецензія* его: «Е. К. Рюдинъ. Лицевыя рукописи собранія графа А. С. Уварова. Псалтырь XVII вѣка и 1548 года», ХСVI, июнь, 1063.

Н. Н. *Рецензія* его: «Проф. Н. Н. Любовичъ. Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ». (Варш 1904), ХСVIII, ноябрь, 781—784.

Нойаль, гр., фр. посланникъ въ спб., ХСVII, сент., 1000.—1006.

Новикова, О., ХСV, янв., 276.

Новиковъ, Ник. Ив., издатель, ХСVIII, ноябрь, 687.

Новосильцовы:

— Н. Н., ХСV, янв., 165.

— ХСV, мартъ, 1058—1059.

— импер. комиссаръ при посольскомъ сеймѣ, ХСV, мартъ, 1025.

Нольякъ, фр. писатель, ХСVI, июнь 1074—1076.

Номенъ, Янъ, заандамскій купецъ. *Рец.* С. Ш. о переводѣ его «Записокъ о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ» (К. 1904), ХСV, мартъ, 1112—1113.

Норманъ, Жакъ, сотр. «Figaro», ХСVI, май, 732—735.

Носакинъ, ген., ХСVI, май, 584.

Н. Р. *Рец.* А. Я. о книгѣ его: «Образовательныя прогулки по Россіи. 1894—1902» (Спб., 1903), ХСVII, сент., 1051—1052.

Н. Ф. *Рецензія* его: «Вооруженіе русской арміи въ Крымскую кампанію. Составилъ В. Федоровъ. Издано по приказанію великаго князя Александра Михайловича музеемъ Севастопольской обороны. (Спб. 1904)», ХСVI, май, 676—677.—2) *Серый Мечъ*. Швеція и Норвегія. (М. 1904)», ХСVII, авг., 677—680.—3) «Главное военно-медицинское управленіе. Историческій очеркъ. Составили В. С. Кручекъ—Голубовъ и Н. И. Кульбинъ. (Спб. 1904)», ХСVIII, окт., 344—347.—4) «Профессоръ Г. Г. Скориченко. Императорская военно-медицинская академія. Историческій очеркъ къ столѣтію военнаго министерства» (Спб. 1904)», ХСVIII, окт., 347—350.

О.

Оболенскіе:

— Анна, дочь декабриста, ХСVIII, окт., 399.

— Евг., декабристъ, ХСVIII, окт., 399.

— княгиня, ХСV, янв., 57.

— князь, ХСVI, апр., 123, 126.

Образцовъ, Фед. Ив., протоіерей. *О немъ въ статьѣ И. Л. Щелова: «Изъ записной книжки. Бесѣда съ современникомъ о Матвѣя Константиновскаго»*, ХСVIII, дек., 994—998.

Обросимова, ХСVI, апр., 122.

Обручевъ, Ник. Ник., членъ госуд. сов. *Некрологъ* его: ХСVII, авг., 716—718.

Оверъ, д-ръ, ХСVI, апр., 61, 62.

—**овъ.** *Рецензія* его: «А. В. Лановъ. Домашнія бібліотеки. Опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія. Изданіе второе, исправленное и дополненное. (Саратовъ. 1904)», ХСV, мартъ, 1128—1129.

Огаревъ, Ник. Платон, писатель, ХСV, янв., 379; февр., 531; мартъ, 869, 870.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья* его: «Шестая голова. (Изъ приволжскихъ былей)», ХСVII, сент., 897—917.

Одоевскіе:

- кн. А-др. Ив., декабристъ, поэтъ, XCV, янв., 74, 75, 76, 77.
- кн. Вл. Фед. писатель. *Замѣтка о чествованіи его памяти*: XCV, 373—376. *Упомян.*: XCV, февр., 734; мартъ, 868.
- Ожеговъ**, Матв. Ив., поэтъ, XCVII, авг., 513—522.

Озеровы:

- А-ѣй Петр., русе. посланникъ въ Швейцаріи, XCV, февр., 433.
- Ольга Егор., рожд. Пашкова, жена предыдущаго, XCV, февр., 433.
- Окинскій**, С., ксендзъ, XCVI, июнь, 992.

Оксемштерна, Аксель, XCV, янв., 291.

Окубо, Тосимитси, японскій министръ. *Замѣтка о немъ*: XCVI, май, 736—739.

Олеарій, путешественникъ, XCVIII, окт., 180.

Оленцы:

— А. Н., президентъ акад. худ., XCVII, сент., 868—869; XCVIII, дек., 1020.

— П. *Статья его*: «Невѣста Шамила», XCVIII, дек., 1020—1029.

Олешковичъ, педагогъ, XCVI, май, 433.

Ольденбургскій, принцъ Петръ Георгиевичъ, XCVI, май, 438, 439.

Ольхинъ, А., писатель, XCVIII, ноябрь, 514.

Ольшанскій, Григ. *Статья его*: «Три бѣды сряду», XCVI, апр., 136—147.

Ончуковъ, Н. Е. *Рецензія Я. Ав-ва о книгѣ его*: «Печорскія былины» (Спб. 1904), XCVIII, дек., 1125—1127.

Опочининъ, капитанъ 1 ранга, XCV, февр., 545, 546.

Опперманъ, гр., XCVI, май, 435.

Орловы:

- гр. А. Г., XCV, мартъ, 1107.
- гр. А. Ф., XCV, янв., 149.
- гр. А-ѣй, XCVI, май, 540.
- Д., пѣвецъ, XCVIII, дек., 863, 866, 867.

— Екат. Ник., рожд. Раевская, XCVI, май, 535.

— Мих. Фед., XCVI, май, 535, 536.

— директоръ варшав. гимн., XCVI, май, 427.

Орлова - Зиновьева, сост. пѣсень XCVIII, ноябрь, 686.

Орѣшниковъ, Л. В., археологъ, XCV, мартъ, 1176.

Осянова, Н. А., XCVI, июнь, 982, 984.

Оссолинскій, Георгій, корон. канцлеръ, XCV, мартъ, 1023.

Остенъ-Сакенъ, бар. Ф. Р., XCVI, май, 747, 748.

Остерманъ, Андрей Ив., XCVIII, дек., 940, 947, 948, 951, 952, 956, 957.

Островскій, А-дръ Ник., писатель, XCV, февр., 746; мартъ, 868.

Острогорскій, В., писатель, XCVII, сент., 772; XCVIII, ноябрь, 514.

Отто, биографъ Аракчеева, XCVII, сент., 870, 872.

Оффенбергъ, XCVII, июль, 235, 236.

Очкинъ, ред. «Спб. Вѣд.», XCV, февр., 746.

II.

П. Рецензіи его: 1) «Г. Светоній Транквиллъ. Жизнь двѣнадцати цезарей. Съ латинск. перев. В. Алексеевъ. (Спб. 1904), XCV, февр., 770.—2) «У. Кеннингемъ. Ростъ англійской промышленности и торговли. (М. 1964)» XCVI, май, 700.—3) «Фердинандъ Грегоровичъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Томъ I и II. (Спб. 1903)», XCVI, июнь, 1048—1050.—4) «Агри Мишель. Идея государства. (Спб. 1903)», XCVI, июнь, 1051—1053.—5) «Н. К. Михайловскій. Отълики. Томъ I. Изд. редакціи журнала «Русское Богатство». (Спб. 1904)», XCVII, сент., 1033.—6) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1904 годъ. Книги 2 и 3. (209-я и 211-я). (М. 1904)», XCVII, сент., 1040—1041.

Павель, александрск. дьяконъ, XCVII, сент., 831, 832.

Павель I Петровичъ, императоръ. *Упомян.*: XCV, янв. 251; февр. 431, 432, 433; мартъ, 1055—1056, 1060, 1102; XCVI, апр., 68; XCVII, июль, 235, 242—246, 251; сент., 982—983, 1076; XCVIII, окт., 191—196; ноябрь, 739, 740. *Онемъ въ статьѣ М. К. Соколовскаго*: «Гатчинскіе потѣшныя», XCVI, июнь, 939—945.

Павленковъ, Ф. Ф., издатель, XCVII, сент., 764, 772.

Павловская, Э., пѣвица, XCVIII, дек., 870.

Павловы:

— В. П., художникъ, XCVIII, окт., 261, 264, 268, 278, 281.

— П. *Рецензіи его:* 1) «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томъ 7, 8, 9 и 10. Предисловія и примѣчанія В. А. Бильбасова. (Спб. 1908)», XCVI, июнь, 1018—1021.—2) «Миръ искусства. Художественный иллюстрированный журналъ. изда-

- тель—С. П. Дягилевъ, редакторы—С. П. Дягилевъ, Александръ Бенца. Выпускъ четвертый. (Спб. 1904), XCVII, авг. 673.
- П. Е. *Статьи его*: 1) «Столѣтіе перваго русскаго историческаго общества», XCV, мартъ, 1045—1054. 2) «Памяти А. П. Чехова», XCVII, авг. 625—633. 3) «Памяти К. К. Случевского», XCVIII, ноябрь, 756—764.
- Павлуцкій**, Г. Г., археологъ, XCVII, июль, 333.
- Павскій**, Герасимъ, протоіерей, XCVIII, ноябрь, 740.
- Пайсій**, александр. патриархъ, XCVI, май, 749; XCVII, сент., 827—828, 830.
- Пакадскій**, Г. А., священн., XCVII, авг., 572, 574.
- Паленъ**:
— гр., XCVII, июль, 251.
— 1-ый, гр., ген.-адъют., XCVI, май, 583.
— гр., ген.-губернаторъ дунайскихъ княжествъ, XCVII, сент., 1018.
- Палибинъ**, Н. П., сотр. «Русск. Арх.», XCVIII, окт., 108—199.
- Палицынъ**, майоръ, XCVI, июнь, 940.
- Панаевъ**, Ив. Ив., писатель, XCV, февр., 746; мартъ, 871.
- Панинъ**, XCV, мартъ, 1063; XCVI, июнь, 976.
- Пановъ**, А-дръ Вас., журналистъ. *Некрологъ его*: XCV, янв., 395—396. *Упомин.*: XCV, мартъ, 1128—1129.
- Панченко**:
— Б. А. *Рец. Н. Ретанга о книгѣ его*: «Крестыянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій законъ и монастырскіе документы» (Софія 1904), XCVI, май, 690.
— Е. В., XCVIII, окт., 58.
- Панчулидзевъ**, С. *Рец. В. Грибовскаго объ илд. подъ его ред. книгъ*: «Сборникъ біографій кавалергардовъ 1762—1801 гг.» (Спб. 1904), XCVI, май, 662—665.
- Папковъ**, А., тавастгусск. губернаторъ, XCVII, июль, 331.
- Паррѳе**, Fryd, d-г. *Рец. С. Гин-ста о книгѣ его*: «Polska i Litwa na przełomie wieków-średnich» (Крак. 1904), XCVI, июнь, 1045—1047.
- Парасковья Іоанновна**, царевна, XCV, янв., 250.
- Парасковья Феодоровна**, царица, XCV, янв., 250, 251.
- Парротъ**, XCV, янв., 165.
- Паревній** (Небоза), лаодик. митрополитъ, XCV, февр., 708.
- Пасевьевъ**, Р. В. *Статья его*: «Изъ эпохи уничтоженія крѣпостнаго права», XCVI, июнь, 807—833.
- Паскевичъ**, XCV, янв., 146, 147, 148, 149, 164, 165, 166; XCVI, июнь, 981.
- Пастернацкій**, проф., XCV, мартъ, 1012.
- Пасыпкинъ**, Е. А., XCV, янв., 388; мартъ, 1188.
- Паткуль**, офицеръ, XCVII, сент., 893, 894.
- Паульсонъ**, педагогъ, XCV, февр., 648.
- Пауэль**, Іоркъ, проф. оксф. ун. *Некрологъ его*: XCVI, июнь, 1091.
- Пацъ**, Михаилъ, литовскій гетманъ, XCVII, сент., 952, 953.
- Пашковы**:
— Авд. Вас., XCV, мартъ, 867, 874.
— А-дра Ив., XCVI, апр., 61.
— Дм. Ив., XCV, мартъ, 867.
— Ег. Ив., астрах. губернат., XCVIII, дек., 934, 935, 938, 939, 944, 945, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 958, 959, 960, 962, 963, 964, 965.
— Ив. А-др., XCV, мартъ, 867.
— Над. Серг., рожд. вн. Долгорукая, XCV, мартъ, 866.
— Серг. Ив., XCV, мартъ, 866, 867.
- П-въ**. *Рецензія его*: «П. И. Соколовъ. О растительности и почвахъ бѣдъниковъ таги въ Маріинско-Черевикскомъ районѣ Томской губерніи. Матеріалы по изученію русскіхъ почвъ. Изданіе императорскаго с.-петербургскаго университета. Вып. XV. (Спб. 1904)», XCVI, июнь, 1039.
- Пельтанъ**, К., франц. депутатъ. *Риц. П. К. о переводѣ соч. его*: «Исторія Франціи отъ 1815 г. до нашихъ дней» (Спб. 1903), XCVI, апр., 346—347.
- Перельгинъ**, Н. И. *Статья его*: «Воспоминанія погибавшаго челоуѣка», XCV, мартъ, 882—901.
- Переяславцева**, Софія Мих., д-ръ зоологін. *Некрологъ ея*: XCV, янв., 396—397.
- Перовъ**, Вас. Григ., художн., XCVIII, окт., 261.
- Перси**, авт. воспомин., XCV, мартъ, 1061—1062.
- Пертякари**:
— гр. Джуліо, ученый, XCVIII, дек., 166—1170.
— гр. Костанца, рожд. Монти, XCVIII, дек., 1166—1171.
- Песоцкіе**:
— Петръ, протоіерей, XCVIII, ноябрь, 740.
— Феод., протоіерей, XCVIII, ноябрь, 740.

Пестель, Пав. Ив., декабристъ, ХСV, янв., 79, 80, 84, 85; ХСVІ, май, 537; июнь, 972.

Петерсонъ, отст. полковникъ, ХСVІ, май, 441.

Петрарка, Франческо, поэтъ. *Замѣтка о немъ*: «Шестисотлѣтіе со дня рожд. Петрарки», ХСVІІ, сент., 1056—1058.

Петри, Э. Ю., проф. спб. ун., ХСV, мартъ, 1123.

Петровичъ, М. Рец. А. И. Яцимирскаго о книгѣ его: «По Черногоріи. Путевыд впечатл. и наброски» (М. 1903), ХСVІ, май, 698—699.

Петровскій, Н. М., прив.-доц. казан. ун., ХСVІ, май, 750—751; ХСVІІІ, дек., 1186—1187.

Петровы:

— А. В. *Статья* его: «Нарвская старина (Къ 200-лѣтію взятія Нарвы Петромъ Великимъ)», ХСVІІ, авг., 587—606.

— К. *Статья* его: «В. Л. Величко», ХСV, февр., 671—678.

— Капитонъ, священникъ, ХСVІІІ, ноябрь, 533.

— Н. И., проф. кiev. дух. акад., ХСV, февр., 758.

— П. В., ХСV, февр., 566.

Петрушевскіе:

— Дм. Рец. П. К-аго о книгѣ его: «Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка». Ч. I (Спб. 1903), ХСV, янв., 328.

— П. Рец. С. о книгѣ его: «Каникулярная поѣздка въ Святую землю» (К. 1904), ХСVІІІ, дек., 1132—1133.

— Фед. Фом., проф. спб. ун. *Некрологъ* его: ХСVІ, апр., 397—398.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, ХСV, янв., 117, 241, 253, 286, 317, 318; февр., 704, 708, 716; мартъ, 1097, 1107, 1108, 1112—1113, 1126, 1134—1135, 1159; ХСVІ, апр., 289, 297—299; ХСVІІ, авг., 634—635; ХСVІІІ, окт., 175, 174—189, 287; ноябрь, 628—629, 663, 674, 677—683, 689, 697, 730, 731, 743, 774, 775.

О немъ въ статьяхъ: 1) А. В. Петрова: «Нарвская старина (Къ 200-лѣтію взятія Нарвы Петромъ Великимъ)», ХСVІІ, авг., 587—606. 2) С. Н. Шубинскаго: «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья», ХСVІІІ, дек., 927—965. *Замѣтка о присужденіи премій его племн*: ХСVІІ, июль, 331—332.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ. *Упомян.*: ХСVІІІ, окт., 189; ноябрь, 680, 735. *О немъ въ статьѣ* С. Н. Шу-

бинскаго: «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья». ХСVІІІ, дек., 927—965.

Петръ III Теодоровичъ, императоръ, ХСVІІІ, окт., 191; дек., 965.

Петръ Петровичъ, царевичъ, ХСVІІІ, дек., 929.

Петръ (Могиля), кievск. митрополитъ, ХСVІІ, снт., 1074—1075.

Печенкинъ, Н. М., археологъ, ХСVІІІ, окт., 389.

Печниковъ, скрипачъ, ХСV, янв., 300.

Пильманъ, поручикъ, ХСV, янв., 82. **Пименова**, Е. К., врачъ, ХСVІІІ, ноябрь, 507.

Пироговъ, В. Н., доцентъ новоросс. ун., ХСV, янв., 378.

Писаревы:

— А. А., предсѣдатель импер. моск. общ. ист. и древн. росс., ХСV, мартъ, 1049.

— Мод. Ив., артистъ, ХСV, февр., 554; ХСVІІІ, ноябрь, 505.

— Сем. Петр., педагогъ, археологъ. *Некрологъ* его: ХСVІ, май, 763—764.

Писемскій, А.-ѣй Теоф., писатель, ХСV, февр., 498.

Питиримъ, нижегор. архіепископъ, ХСVІІІ, ноябрь, 734.

Пить, ХСVІІ, июль, 254.

Пичъ, Л., пражск. проф., ХСVІІІ, окт., 389.

Пій IX, римскій папа, ХСV, февр., 428.

П. Е. *Рецензіи* его: 1) «Ф. Монте. Опытъ литературной исторіи Италіи XV вѣка. Кваттрогента» (Спб. 1904), ХСV, янв., 331—332.—2) «В. Герье. Идея народо-властія и французская революція 1789 г. (М. 1904)», ХСVІ, апр., 343—345.—3) «Е. Пельманъ. Исторія Франціи отъ 1815 г. до нашихъ дней. Изд. книгоиздательства Пирожкова. (Спб. 1903)», ХСVІ, апр., 346—347.

П. Е.-ій. *Рецензіи* его: 1) «Дм. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. ч. I. (Спб. 1903)», ХСV, янв., 328.—2) «З. А. Рогозина. Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Индіи. Изд. А. Ф. Маркса. (Спб. 1904)», ХСVІ, апр., 346—3), «Е. В. Тарле. Очерки и характеристики ихъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣка. (Спб. 1904)», ХСVІ, май, 701—702.—4) «Исторія XIX вѣка, проф. Э. Маршалля. (Спб. 1904)», ХСVІ, июнь, 1050—1051.

Платоновъ, С. Ф., историкъ ХСVІ, май, 747—748; июнь, 1097, 1098; ХСVІІІ, дек., 1189.

Платонъ, митрополитъ, ХСVI, май, 607; ХСVIII, ноябрь, 687.

Плеше, Вяч. Конст., министръ вн. дѣлъ. *Некрологъ его*: ХСVII, сент., 1081—1084.

Плевинскій, Іер., ХСVI, май, 584.

Плеске, Эд. Дмит., членъ госуд. сов. *Некрологъ его*: ХСVI, июнь, 1107—1108.

Плетневъ, П. А., писатель, ХСV, мартъ, 868, 871.

Плещевъ, А-ѣй Ник., поэтъ, ХСVII, авг., 512—513; ХСVIII, ноябрь, 505.

Плутенко, педагогъ, ХСVI, май, 440.

Побѣдомосцевъ, К. П., ХСVI, апр., 209.

Погодицы:

— А., мужъ артистки Стрепетовой. *О немъ въ статьѣ А. Г.: «Изъ воспоминаній о немъ П. А. Стрепетовой»*, ХСV, февр., 547—563.

— А-дръ Льв., проф. варш. ун. *Рец. В. Г. о книгѣ его: «Боги и герои Элады»*. (Сѣб. 1904), ХСVIII, дек., 1144—1145.

— Мих. Петр., историкъ, ХСV, февр., 496, 745; мартъ, 868, 1050, 1052; ХСVI, апр., 207, 209, 210; май, 673—674.

Погожевъ, прапорщикъ, ХСVI, апр., 168.

Подшиваловъ, Д. И. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его: «Воспоминанія кавалергарда»* (Тв. 1904), ХСVII, сент., 1049—1051.

Поздѣевъ, ХСV, мартъ, 1063.

Покровскіе:

— А. А., археологъ, ХСVIII, ноябрь, 824.

— Іоаннъ, протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 740.

— Н. В., проф., ХСV, февр., 758, 762.

— Фед. Плат., протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 660.

Полевые:

— Ник. Алекс., писатель, ХСVII, июль, 163, 164.

— Петръ Ник., писатель, ХСVI, май, 440; ХСVIII, окт., 189.

Полежаевъ, А. И., поэтъ, ХСVII, авг., 674—675.

Полыановы, ХСV, февр., 762.

Половцовы:

— А. А., предѣдатель русс. историч. общ., ХСVI, май, 747, 748.

— (А. В. *Статья его: «Отблескъ былого. Историческія картинки Ротенбурга»*) ХСVIII, дек., 1030—1044.

Полонскій, Як. Петр., поэтъ, ХСV, февр., 537; ХСVII, авг., 512.

Полторацкій, Серг. Дм., библиографъ, ХСV, янв., 58.

Полушкины:

— Matr. Як., по первому мужу Волкова, ХСV, февр., 686.

— Фед. Вас., яросл. купецъ, ХСV, 686; 688, 720.

Полуляскій, Ал., авт. «Путе-шествія», ХСVI, июнь, 1001, 1004; ХСVII, сент., 945, 953.

Полферовъ, Я. Я. *Статьи его: 1) «Въ горахъ Ала-Тау. (Изъ исторіи бунта Крнисары Касымова, 1843—1847 гг.)», ХСVII, авг., 486—502.—2) «Позорное дѣло. (Изъ исторіи Туркестанскихъ войнъ)», ХСVIII, дек., 1011—1016.*

Полъновы:

— В. Д., художникъ, ХСV, янв., 329.

— директоръ канц. колл. иностр. дѣлъ, ХСVII, сент., 1004.

Помпадуръ, маркиза. *Замѣтка о ней: «Маркиза Помпадуръ»*, ХСVI, июнь, 1074—1076.

де-Помпоннъ, Арно, фр. резидентъ въ Швеціи, ХСVII, сент., 840.

Пономаревы:

— Ив. Ник., журналистъ. *Некрологъ его*: ХСV, мартъ, 1194.

— Никифоръ, учитель тобол. семин., ХСVII, сент., 890.

— Р. Д., авт. учебниковъ, ХСVII, июль, 332.

— Ст. Ив., библиографъ, ХСV, янв., 314—316.

Понятовскій, Михаилъ, полон. еписк. ХСVI, май, 594.

Поповицкій, А-ръ Ив., писатель. *Некрологъ его*: ХСVI, май, 764—766.

Поповы:

— Андрей Н., секретарь имп. моск. общ. ист. и древ. росс., ХСV, мартъ, 1052.

— Вл. А. *Рец. А. Я. о книгѣ его: «По островамъ Ладожскаго озера.»* (М. 1904), ХСVI, май, 716.

— Ниль, авт. «Исторіи имп. моск. общ. ист. и древн. росс.», ХСV, мартъ, 1047.

— сост. пѣсенъ, ХСVIII, ноябрь, 687.

Поржезинскій, В. К., ХСVIII, дек., 1187.

Порѣцкій, А-дръ Уст., писатель, ХСV, февр., 496, 521, 531, 532.

Поссевицъ, папскій посолъ, ХСVIII, окт., 180.

Потапенко, Игн. Ник., писатель. *Разсказы его: 1) «Закоулокъ», ХСV, янв., 87—108. 2) «Семь инстанцій»,*

ХСVIII, ноябрь, 401—429; дек., 835—861.

Потаповъ, ген.-адъют., ХСVIII, окт., 207.

Потемкинъ, ХСVIII, окт., 191; ноябрь, 686.

Потоцкій, гр. Евстафій, ХСV, мартъ, 1025.

Потто, В. А., ген.-майоръ, ХСV, мартъ, 1100, 1101.

Потъхинъ, писатель, ХСV, февр., 537.

Поццо-ди-Борго, русс. посолъ въ Парижъ, ХСVII, сент., 1000—1001, 1005.

ф.-Пошингеръ, биографъ Бисмарка, ХСV, февр., 729—734.

П. П. Рецензии его: 1) «В. Бартольдъ Историко-географическій обзоръ Ирана» (Спб. 1903); ХСVII, авг., 671—672.—2) «А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Изданіе императорской академіи наукъ. (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1017—1019.—3) «Мих. Демке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. (Спб. 1904)», *Его-же*. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 год. Изд. М. В. Пирожкова, (Спб. 1903)», ХСVII, сент., 1020—1022.—4) «М. Успенскій. Рѣдкій антиминьясъ, (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1054.

П. П-въ. Рецензии его: 1) «Александръ Бенуа. Русская школа живописи. Изданіе товарищества Р. Голике и А. Вильборгъ. Вып. I и II. (Спб. 1904)», ХСVI, май, 685—686.—2) «Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствования императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, проф. Юрьевск. унив. т. I. 1695—1700. (Юрьевъ 1903)», ХСVII, авг., 634—635. 3) «Утверженная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Теодоровича Романова. Воспроизведена императорскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ подъ наблюдениемъ А. А. Вязокурова, дѣйствительнаго члена общества. (Москва. Синодальная типографія, 1904)», ХСVII, сент., 1015—1017.

Предтеченскій, Евг. Ал., переводчикъ. *Некрологъ его:* ХСV, март., 1194—1195.

Прейсъ, пасторъ, ХСVII, сент., 928.

Прендель, Р. А., проф. новорос. унив. *Некрологъ его:* ХСVII, сент., 1084.

Преображенскій, А. Х., ХСVIII, окт., 270, 276.

Пржездская, А. Г., псевдонимъ Георгіевой, поэтесса. *Некрологъ ея:* ХСVII, июль, 350.

Пржистанскій, ХСVI, май, 443, 444

Приваловъ, Н. И., популяризаторъ народн. инструментовъ, ХСVI, июнь, 1096—1097.

Прозоровъ, ХСVI, апр., 208.

Протасовы:

— Анна Степ., ХСV, янв., 52.

— Варв. Петр. ХСV, янв., 52, 57; февр., 435; мартъ, 877.

— Петръ Степ., ген.-поручикъ, сенаторъ, ХСV, янв. 52.

Протопоповъ, Іоаннъ, протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 740.

Прияшниковъ, Ил. Мих., художникъ, ХСVIII, окт., 261.

Псишари, Жанъ, авт. соч. «Melanges religieux et historiques», ХСVII, авг., 703—704.

Пташицкій, С. Л. *Рец. А. И. Яцимирскаго объ изд. подъ его (и А. И. Соболевскаго) ред. книгъ:* «Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка» (Спб. 1903), ХСVI, апр., 345—346. *Рец. А. Я. о книгъ его:* «Иванъ Федоровъ. Изданія Острожской библии въ связи съ новыми данными о послѣднихъ годахъ его жизни». (Спб. 1904), ХСVI, июнь, 1031—1032.

Пугачевъ, Емельянъ, ХСVI, июнь, 975—978.

Пузыревскій, А—дръ Каз., членъ госуд. сов. *Некрологъ его:* ХСVI, июнь, 1108—1109.

Пуришкевичъ, В. М. *Статья его:* «Человѣкъ», ХСVIII, ноябрь, 515—527.

Пускова, пѣвица, ХСVIII, дек., 870.

Путникъ, (Н. Лендеръ). *Рец. Н. Юрина о книгъ его:* «Черное море и Кавказъ» (Спб. 1904), ХСVII, авг., 682—683.

Пушкинъ:

— А—дръ Серг., поэтъ. *Статьи о немъ:* 1) П. Е. Щелкова: «Ненаписанныя стихотворенія А. С. Пушкина», ХСV, янв. 263—274.—2) *Его же:* «А. С. Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 году», ХСVI, апр., 207—222.—3) А. Л. Слюминскаго: «Политическіе взгляды Пушкина», ХСVI, июнь, 970—986. *Упомин.:* ХСV, янв. 115, 143, 308, 375; февр., 531, 636, 662; мартъ, 872; ХСVI, апр., 381—382; май, 531—536, 543; ХСVII, июль, 156, 234; авг., 655—657; ХСVIII, ноябрь, 671, 689, 697, 756; дек., 1190—1192.

— Нат. Ник., рожд. Гончарова, жена поэта, ХСVI, апр., 219—222.

— графиня, ХСV, янв., 57.

Пуцинъ, И. П., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.

Пуцинъ, декабристъ, ХСVI, апр., 128.

Пфеллеръ, д-ръ, ХСV, янв., 61, 65.

Пчельниковъ, С. *Рецензія* его: «Отчетъ Императорской Публичной библиотекы за 1899 годъ. (Спб. 1903)», ХСVI, май, 657—662.

П. Щ. *Рецензія* его: 1) «Пушкинъ и его современности. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. I. (Спб. 1903)». В. В. *Каллашъ*. Ruschkiniana. Матеріалы и изслѣдованія объ А. С. Пушкинѣ. (Кіевъ. 1903)», ХСVII, авг., 655—657.—2) «Полное собраніе сочиненій В. Г. *Бѣлинскаго* въ двѣнадцать томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. *Венерова*. Т. VII. (Спб. 1904)», ХСVII, авг., 669—670.—3) «Проф. *Евгеній Бобровъ*. Изъ исторіи жизни и поэзіи А. И. Полежаева. (Съ приложеніемъ двухъ портретовъ). (Варшава. 1904)», ХСVII, авг., 674—675.—4) «Летучіе листки 1812 года. Ростовчинскія афиши. Собралъ и издалъ П. А. *Куртавова*. (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1019—1020.—5) «С. А. *Венеровъ*. Критика-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Историко-литературный сборникъ). Томъ VI. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ VI томамъ. (Спб. 1897—1904)», ХСVII, сент., 1022—1021.—6) «Полное собраніе сочиненій И. А. *Крылова*. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. *Каллаша*. Томъ I. Драматическія сочиненія. (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1031—1033.—7) *Алексей Мошинъ*. Ясная поляна и Василевка. (Спб. 1904)», ХСVII, сент., 1037—1038.

Пынинъ, А—дръ Ник., академикъ, ХСVI, июнь, 970.

Пѣшехоновъ, А. В. *Рец.* Б. *Глинскаго* о книгѣ его: «На очередныя темы». (Спб. 1904), ХСVII, июль, 291—294.

Пэнго, Леонъ, сотр. «Correspondant'a», ХСVII, сент., 982—999.

П. Я. *Рец.* А. С. о книгѣ его: «Русская Муза» (Спб. 1904), ХСVIII, ноябрь, 775—779.

Пясецкій, Н. В., ХСV, февр., 658.

Пятковский, А—дръ Петр., писатель. *Некрологъ* его: ХСVII, июль, 351.

Р.

Раблз. *О немъ въ замѣткѣ* «Поддѣльный Раблзъ», ХСV, янв. 351—353.

Рабутинъ, гр., ХСVIII, дек., 941, 942, 962.

Раглянь, лордъ, ХСVIII, дек., 1100. 1106—1108.

Рагозины

— Викт. Ив., устроитель заводовъ минер. водъ, ХСV, янв., 247.

— З. А. *Рец.* П. *Капо* о книгѣ его: «Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи», (Спб. 1904), ХСVI, апр., 346.

Рагузинскій, гр. Савва Владисл., чрезв. посланникъ въ Китаѣ, ХСVIII, дек., 943, 944, 945.

ф.-Радень, ХСVIII, окт., 195.

Радзивиллъ, Ник., вилен. воевода, ХСVI, июнь, 1006.

Радичъ, Вас. Андр., писатель. *Некрологъ* его: ХСVIII, окт., 393—394.

Радищевъ, ХСVI, июнь, 980.

Раевскіе:

— А. *Рец.* В. *Гр-скаго* о книгѣ его: «Законодательство Наполеона III о печати» (Томскъ 1904), ХСVIII, дек., 1129—1130.

— А—дръ Ник., ХСVI, май, 532.

— В. А., ХСV, янв., 247.

— Елена Ник., ХСVI, май, 534, 535.

— Ник. Ник., авг., ХСVI, май, 531, 532, 533, 534, 537, 538, 542.

— Софія Алексѣев., рожд. Константинова, ХСVI, май, 532, 537, 538.

Раевъ, Н. П., директоръ высш. женск. курсовъ, ХСV, февр., 661.

Разумовскій, гр., ХСV, мартъ, 1047,

Ракачъ: Оноре-де-Бюеюель. *Замѣтка о немъ*: «Сельскій дворянинъ-писатель XVII вѣка», ХСVI, июнь, 1070—1073.

Ракоци, Георгій транильск. воевода, ХСVII, сент., 830, 833, 834, 835.

Рамихъ, д-ръ, ХСV, янв., 65.

Рапортъ, пѣвецъ, ХСVIII, дек., 862, 863.

Ратимовъ, Вас. А—др., проф. воен.-мед. акад. *Некрологъ* его: ХСVI, апр., 398—399.

Рибиченковъ, Л., ХСVI, апр., 210.

Редигеръ, ген., ХСVII, сент. 1009.

Рейнгардтъ, Н., ред. «Волжск. Вѣстн.», ХСVIII, окт., 56.

Рейтеръ, Мих. Христ., министръ финансовъ, ХСV, янв., 287; ХСVIII, окт., 206, 208.

Рейтлахъ, М. К., ХСV, янв., 380—381.

Рейтцъ, Влад. Ник., врачъ. *Некрологъ* его: ХСVIII, окт., 394.

Реклю, Элизе, фр. этнологъ. *Некрологъ* его: ХСV, мартъ, 1167.

Ренанъ. *О немъ въ замѣткѣ*: «Сборникъ мелкихъ произведеній Ренана», ХСVII, авг., 703—704.

Реннертъ, Альб., проф. пенсилъв. ун., ХСVII, июль, 305—306.

Ренчинскій, д-ръ, ХСVII, июль, 135.

Решнигъ, кн., XCV, мартъ, 1025; XCVII, сент., 1004.

Рерихъ, Н. К. *Рец. А. Фаресова о книгѣ его: «По старинѣ»* (Спб. 1904), XCVIII, дек., 1145—1147.

Реслеръ, Э., XCV, февр., 773.

Ретвихъ, Н. *Рецензія его: 1) «Шл. Гр. Васенко. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Ч. I. (Спб. 1904)»*, XCVI, май, 687.—2) «*Б. А. Пажченко. Крестьянская собственность въ Византии. Землѣдѣльческій законъ и монастырскіе документы. (Софія. 1904)»*, XCVI, май, 690.

Ретъ, А., сотр. «*La Revue*», XCVIII, ноябрь, 802.

Ржевенницій, майоръ, XCVI, апр., 166.

Ржепотарскій, Альф. А-др., проф. сб. политехн. инст. *Некрологъ его: XCV, февр., 827.*

Ридигеръ, ген., XCVII, июль, 131,

Ризничъ, Амадія, XCVI, июнь, 972.

Римскій-Борсаковъ, ген. *О немъ въ замѣткѣ: «Отвага русскихъ въ Швейцаріи въ 1799 году»*, XCVII, июль, 235—242.

Рихманъ, проф., XCVI, май, 607.

Ришелье, герцогъ, фр. министръ иностр. дѣлъ, XCVII, сент., 1000, 1004, 1005.

Робеспьеръ. *Замѣтка о немъ: «Невѣдомыя черты характера Робеспьера и его юность»*, XCV, мартъ, 1147—1151.

Ровинскій, Д. А., XCV, мартъ, 1027; XCVI, апр., 209; XCVIII, окт., 188.

Роголя, Андрей, XCVI, июнь, 994.

Родзевичъ, Игн. Игн., изд.-редакторъ «*Моск. Телеграфа*». *Некрологъ его: XCV, янв., 397—398.*

Родзевичъ, ген., XCVII, сент., 1008.

Родзянко, Е. В., XCVI, апр., 110.

Родионъ, діаконь, XCV, февр., 714.

Родонъ, В. И., артистъ, XCVIII, дек., 876, 883.

Розановы:

— В. *Рецензія Б. Глинскаго о книгѣ его: «Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго»* (Спб. 1904), XCVI, июнь, 1053—1055.

— С. П., XCVI, апр., 383.

Розенбергъ, XCVI, июль, 236, 240.

Розенкампфъ, авт., «*Обзора кормчей книги»*, XCV, мартъ, 1050.

Розены:

— А. Е., декабристъ, XCVI, апр., 128; май, 533, 536.

— бар. В. Р., археологъ, XCVIII, дек., 1188.

— бар., управляющій деп. неокл. сб., XCVIII, окт., 205, 206, 207.

Роллинъ, Морисъ, франц. поэтъ. *Некрологъ его: XCV, янв., 371.*

Романо, Марія, итал. писательница, XCVIII, дек., 1166—1171.

Романовичъ-Златвлинскій, А., проф. XCVIII, окт., 199—200.

Романъ Васильевичъ, князь, XCV, янв., 234; февр., 692.

Роматовскій, А., XCVI, июнь, 994.

Ромодановскій, кн. Ив. Ѳед., моск. губернаторъ, XCVIII, дек., 937, 948, 953.

Ронкони, пѣвецъ, XCVIII, дек., 871, 872.

Роопъ, Христ. Христ., ген.-лейт., XCVI, апр., 157, 169.

Рорбахъ, XCV, февр., 724.

Ростовцевы:

— М. А., чл. общ. востоковѣд., XCVII, июль, 335.

— М. И., археологъ, XCVIII, дек., 1190.

— гр. Ник. Як., XCVII, сент., 845.

— Я. И., ген.-адъютантъ, XCVI, апр., 122, 126, 227.

Ростоцкіны:

— гр. Андрей Ѳед. *О немъ въ статьѣ гр. Л. А. Ростоцкой: «Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній)»*, XCV, янв., 50—66; февр., 427—440; мартъ, 864—881; XCVI, апр., 47—68.

— Вас. Ѳед., орлов. помѣщикъ, XCV, янв., 63.

— гр. Екат. Петр., рожд. Протасова. *Статья о ней гр. Л. А. Ростоцкой: «Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній)»*, XCV, янв., 50—66; февр., 427—440; мартъ, 864—881; XCVI, апр., 47—68.

— гр. Елиз. Ѳед., XCV, янв., 53, 59, 60; февр., 430.

— гр. Л. А. *Статья ея: «Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній)»*. XCV, янв., 50—66; февр., 427—440; мартъ, 864—881; XCVI, апр., 47—68. *Упомин.: XCVI, апр., 399.*

— гр. Марія, супр. гр. Серг. Ѳед. Р., XCV, мартъ, 875—877.

— Нат. Ив., XCV, мартъ, 878.

— гр. Серг. Ѳед. *О немъ въ статьѣ гр. Л. А. Ростоцкой: «Правда о моей бабушкѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній)»*, XCV, янв., 50—66; февр., 427—440; мартъ, 864—881.

— гр. Ѳед. Вас., членъ госуд. сбъ. *О немъ въ статьѣ Л. А. Ростоцкой: «Правда о моей бабушкѣ»*, XCV, янв., 50—66; февр., 427—440; мартъ, 864—881; XCVI, апр., 47—68. *Упомин.: XCV, мартъ, 1062—1064.*

— гр., ХСVII, июль, 251, 264; сент., 998, 999.

Ротъ, ген., ХСVII, сент., 1012, 1013.

Рубинштейны:

— Ант. Григ., композиторъ, ХСV, янв., 300.

— Ник. Григ., композиторъ, ХСVIII, дек., 864.

Рудаковъ, В. Е. *Статья его:* «Ученолитературная дѣятельность Н. О. Дубровина», ХСVII, авг., 543—552. *Рецензии его:* 1) «Труды владимирской ученой архивной комисси. Кн. 5. Съ прилож. 21 рис. и 3 плановъ. (Вл. 1903)», ХСV, февр., 761—762. 2) *П. А. Шафрановъ.* Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ (Историческій очеркъ устройства и составъ дѣль). (Спб. 1904)», ХСVIII, окт., 340—343.

Рудольфовъ, почтов. чиновникъ, ХСV, янв., 62, 63.

Рузевельтъ, Теодоръ, америк. президентъ. *Замѣтка о немъ:* «Характеристика Теодора Рузевельта», ХСVIII, дек., 1181—1188. *Упомян.*: ХСVIII, дек., 1161—1166.

Рукавишниковъ, О. Н., ХСV, февр., 652.

Румянцевъ, гр. Ник. Петр., министр, торг. и пут. сообщ., ХСV, мартъ, 1049; ХСVII, июль, 247—250, 257.

Руничъ, Сергѣй. *Статья его:* «Въ Маньчжуріи», ХСV, февр., 608—632; мартъ, 952—982; ХСVI, апр., 235—271.

Руффини, Джованни, итальян. эмигрантъ, ХСV, февр., 767—769.

— **ръ.** *Рецензія его:* «Извѣстія ученой архивной комисси. Выпускъ XLVII. (Тамбовъ. 1904)», ХСVII, июнь, 1034—1035.

Рыкаловъ, актеръ, ХСV, февр., 748.

Рылѣвъ, К. О., поэтъ. *О немъ въ статьѣ:* «Изъ записокъ декабриста Н. А. Бестужева», ХСVI, апр., 118—135. *Упомян.*: ХСV, янв., 79, 80, 84, 85; ХСVI, июнь, 972.

Рѣдинъ, Е. К., проф. *Рец. Н. Ла о книгѣ его:* «Лицевыя рукописи собранія графа А. С. Уварова. Псалтирь XVII вѣка и 1548 года», ХСVI, июнь, 1068. *Упомян.*: ХСV, февр., 758.

Рѣпинъ, декабристъ, ХСVI, апр., 128, 129.

Раблжскій, К. С., дѣятель нар. образованія, ХСV, мартъ, 1178.

Ранваль, гр., фр. повѣренный въ дѣлахъ, ХСVIII, ноябрь, 806.

Рябушкинъ, Андрей Петр., художникъ. *Статья о немъ И. Ф. Тюменева:*

«Раноугасшій талантъ. (Изъ воспоминаній объ А. П. Рябушкинѣ)», ХСVIII, окт., 260—284. *Некрологъ его:* ХСVI, июнь, 1110.

С.

С. Рецензіи его: 1) «Воронежская Старина. Вып. IV». (Вор. 1904), ХСVIII, ноябрь, 787—788. 2) «С. Артоболевскій. Игнатій, архієпископъ воронежскій и его пастырско-миссіонерская дѣятельность. Историко-біографическое изслѣдованіе» (Уфа. 1904), ХСVIII, дек., 1152—1153. 3) «Н. Петрушевскій. Капитулярная поѣздка въ святую землю (1899 г.); паломническій дневникъ. (К. 1904)», ХСVIII, дек., 1132—1133.

С. Рецензіи его: 1) «Проф. О. А. Кургановъ. Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи Румынской цѣркви. (Казань. 1904)», ХСVI, июнь, 1042—1045. 2) «В. П. Соколовъ. Саратовскій Троицкій (старый) соборъ. Краткій историческій очеркъ». (Сар. 1904), ХСVIII, дек., 1127—1129.

Сааковъ; А. А. Рец. А. Х—ва о книгѣ его: «О необходимости введенія земскихъ учрежденій въ закавказьѣ». (М. 1903), ХСV, мартъ, 1132.

Саввинскій, Іоаннь. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Историческая записка объ Астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія (съ 1602 по 1902 годъ)», (Астр. 1903), ХСVII, июль, 284—285.

Савиць, А. Н., прив.-доц. моск. ун. *Замѣтка о диспутѣ его:* ХСVI, май, 746—747.

Садовскій, Генрихъ. *Рец. Г. А. Воробьева о книгѣ его:* «Ordery i oznaki zaszczutne w Polsce». (Wars. 1904), ХСVII, сент., 1034—1035.

Салони, А-дръ, этнографъ, ХСVI, апр., 378.

Салтыковы:

— Вас. Оед., ХСVIII, ноябрь, 680.

— вн. Ник. Ив., предсѣдатель госуд. сов., ХСV, янв., 302; ХСVII, июль, 249.

— С. А., ХСVIII, ноябрь, 680.

— гр., моск. ген.-губернаторъ, ХСVIII, ноябрь, 684, 685.

Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евгр., писатель, ХСV, февр., 537, 538; мартъ, 1031, 1032; ХСVIII, окт., 210.

Самаринъ, Ю. О., писатель, ХСV, янв., 281; мартъ, 1025; ХСVI, июнь, 919; ХСVII, июль, 99—100.

Самойловъ, А. Н., ген.-прокуроръ, ХСVII, сент., 882.

Самуйловъ, Вас., протопресвитеръ, ХСVIII, ноябрь, 740.

Сандъ, Жоржъ, писательница. *Записка по поводу столетняго юбилея ея*, ХСVII, сент., 1069—1072.

Сапѣга, Левъ, литов. канцлеръ, ХСVI, май, 767—768.

Сарфановъ, Сергѣй Адр., писатель. *Некрологъ его*: ХСV, мар., 1195—1196.

Сахаровъ, собиратель пѣсенъ, ХСVIII, ноябрь, 687, 690, 697.

Сахокиа, В. Рец. А. Кал-ова о книгѣ его: «Le culte de la petite vérole en Georgie». (Paris 1903), ХСVII, сент., 1042—1043.

С. В. Рецензия его: «Шукинский сборникъ. Вып. 2. (М. 1904)», ХСV, февр., 741—747.

Свентковскій, Г., польск. писатель, ХСVI, май, 767.

Сверчковы, Семенъ и Иванъ, торг. люди гостинной сотни, ХСV, янв., 255.

Светоній Транквиллъ, римскій историкъ, ХСV, фев., 770.

Свиньинъ, П., изд. «Отч. Зап.», ХСVII, авг., 503.

Свиридовъ, сотникъ, ХСVIII, дек., 1012.

Свѣдомскій, Пав. А-др., художникъ. *Некрологъ его*: ХСVIII, окт., 394—395.

Свѣховскій, поручикъ, ХСVI, апр., 167.

Свѣчинъ, Н. И., ХСVI, май, 446, 447.

Свѣчинновъ, Ив. Степ., полковникъ, ХСVIII, дек., 1017—1019.

Свѣшниковъ, Надѣя, строитель церкви XVII в., ХСV, февр., 720.

Святловскій, В. В., пр.-доц. спб. ун-та. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его*: «Жизненный вопросъ съ экономической точки зрѣнія». Вып. I, IV, V. (Спб. 1903). ХСVI, май, 680—681.

Святопольдъ-Мирскій, П. Д., министръ вн. дѣлъ, ХСV, янв., 376; ХСVII, сент., 922; ХСVIII, ноябрь, 814, 815, 820, 821.

Святославъ Ярославичъ, вел. князь, ХСVIII, ноябрь, 663, 664.

С Г-втъ, Рецензия его: «Гумловичъ, М., д-ръ. Początki religii żydowskiej w Polsce. (Начало еврейской религии въ Польшѣ). (Warszawa. 1904)», ХСVII, сент., 1027—1028. 1) «Новыя польскія изданія по исторіи и археологіи». («Tyszkiewicziana», «Towarzystwo krolewskie Przyjaciel Nauk», «Historya literatury Żydowskiej» и др.), ХСV, янв., 330—331.—2) «Изданія Краковской академіи наукъ (Akademia Umiejetnosci) по исторіи и древностямъ. (Краковъ 1903)», ХСV, мартъ, 1118—1121.—3) «Album biografii czynu zastuzonych palokowi polekwieku XIX. 2 тома. (Варшава. 1901—

1903)». ХСV, мартъ, 1130.—4) «D-r. Frad-Rappée. Polska i Litwa na przetomie wiekow srednich. (Польша и Литва на рубежѣ среднихъ вѣковъ). Т. I. Послѣднее двѣнадцатилѣтіе Казимира Ягеллота (Ягеллоловича). (Краковъ. 1904)», ХСVI, июнь, 1045—1047.—5) *В. Сьрошевскій*. На дальнемъ Востокѣ. (Na daleki wachod. Kartki z podrozy. Przez Syberij i Mandzurye de Japonii. Faku-Tientsin. Pekin. Izanghg). (Варшава. 1904), ХСVII, сент., 1044—1045.

де-Сегюръ:

— Евг., маркизъ, ХСV, янв., 50; февр., 435.

— Соф. Фод., рожд. Ростоцина, жена марк. Евг., ХСV, янв., 50, 59, 60; февр., 430, 435, 456.

— Пьеръ, маркизъ, ХСV, янв. 50, 51; ХСVI, июнь, 1073—1074.

Седморацкій, капитанъ, ХСVI, июнь, 944.

Селивановъ, А. В. ХСV, февр., 762.

Селицкій, И. В., этнографъ, ХСV мартъ, 1178.

Семевскій, Мих. Ив., историкъ, ХСVIII, ноябрь, 678.

Семеновы:

— М. М., ХСV, февр., 658.

— Ник. Петр., сенаторъ, писатель. *Некрологъ его*: ХСVIII, дек., 1196—1198.

— П. П., членъ госуд. сов., ХСV, февр., 765; мартъ, 1186.

— Стеф., протопресвитеръ, ХСVIII, ноябрь, 740.

— Тимофей, священникъ, ХСVIII, ноябрь, 732, 735.

Семенюта, ХСV, февр., 655.

Сениговъ, О. П. Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его: «Памятники земской старины. (Спб. 1908)», ХСV, янв., 309—310.

Сенковскій, писатель, ХСV, янв., 375; ХСVII, июль, 167, 171, 172.

Серапионъ, игумень толгск. мон., ХСV, янв., 253.

Серафимъ (Глаголевскій), смоленск. епископъ, ХСVIII, окт., 195.

Серветъ, Михаилъ, жевев. реформаторъ, ХСV, янв., 368—369.

Сергѣевичъ, Вас. Ив., проф. спб. ун-та. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его*: «Древности русскаго права. Т. III». (Спб. 1904), ХСV, мартъ, 1094—1096. — *Рец. М. К. о книгѣ его*: «Русская Правда да въ четырехъ редакціяхъ» (Спб. 1904) ХСVII, июль, 286—287. *Упомин.*: ХСVI май, 747, 748.

- Сергѣй**, (Конст. Ив. Ланинъ), архі-епископъ ярославскій. *Некрологъ его*: ХСVII, сент., 1084—1085.
- Сердобинская**, А. Е., ХСV, февр., 656.
- Серебрякова**, А. *Рец. Сергѣя фонъ-Штейна о переводѣ ея*: «Джованни Руффини. Записки Лоренцо Бенони. (М. 1903)», ХСV, февр., 767—769.
- Серебряковъ**, А-дръ Тим., сенаторъ. *Некрологъ его*: ХСV, февр., 827.
- Серебрянскій**, Н. И., ХСVI, апр., 383.
- Середонинъ**, С. М. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его*: «Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ» (Спб. 1903), ХСV, янв., 302—306.
- Сибирцевъ**, Г. М., археологъ, ХСVI, июнь, 1907, 1010.
- Сибиряковы**, А. М. и И. М., ХСV, февр., 661.
- Сигизмундъ I**, польск. король, ХСVI, июнь, 1004—1005.
- Сигизмундъ**, Августъ, польск. король, ХСVII, сент., 936.
- Сидоровъ**, А. *Статья его*: «Брюлевскій домъ въ Варшавѣ», ХСV, мартъ, 1023—1025.
- Сизовъ**, Вл. Ильичъ, археологъ, педагогъ. *Некрологъ его*: ХСVIII, дек., 1198—1199. *Упомят.*: ХСV, мартъ, 1177.
- Сиди**, Дж. Р. *Рец. W о переводѣ соч. его*: «Расширеніе Англии» (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1046—1047.
- Сильвай**, Ив. А., священникъ, писатель. *Некрологъ его*: ХСV, мартъ, 1097.
- Сильвестръ** (Медвѣдевъ), ХСVI, апр., 293.
- Симаръ де-Питре**, Ольга Евг., ХСV, февр., 436.
- Симеонъ** (Полоцкій), монахъ, ХСVII, сент., 826.
- Симони**, П. К., ХСV, мартъ, 1126; ХСVII, июль, 333.
- Симонова**, Л. X. *Статья ея*: «Разсказы очевидцевъ о завоеваніи русскими Самарканда и о семидневномъ сидѣніи», ХСVII, сент., 844—866.
- Симоръ**, америк. дипломатъ, ХСVIII, дек., 1093—1094.
- Симпсонъ**, англ. корреспондентъ-иллюстраторъ, ХСVIII, дек., 1098—1102.
- Сиповскій**, В. В. *Рец. А. Е. о книгѣ его*: «Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти» (Спб. 1903), ХСVI, апр., 322—325.
- Сиротининъ**, Андр. Ник. *Рецензія его*: 1) «Пл. А. Кулаковскій. Начало русской школы у сербовъ въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ изъ исторіи русскаго вліянія на юго-славянскія литературы» (Спб. 1903)», ХСV, мартъ, 1097—1100. — 2) «К. Г. Храмовичъ. Очерки новѣйшей польской литературы» (Спб. 1904)», ХСV, мартъ, 1133—1134. — 3) «Изъ боевой и походной жизни 1877—1878 г.г. Воспоминанія полковника запаса болгарской арміи С. И. Кисова. Перевелъ со второго исправленнаго и дополненнаго болгарскаго изданія, М. Горюницъ (Софія. 1903)», ХСVI, май, 691—692. — 4) «В. В. Умановъ-Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. 3-е исправленное изданіе. (Спб. 1904)» ХСVI, май, 704—705. — 5) К. Waliszewski Ivan le Terrible. Les origines de la Russie moderne (Paris. 1904)», ХСVIII, окт., 337—340. — 6) «Проф. Л. Е. Владимировъ. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе (М. 1904)», ХСVIII, ноябрь, 769—772. — 7) «Л. Явдикъ. Исторія Угорской Руси». (Варш. 1904), ХСVIII, ноябрь, 784—786.
- Сисѣвъ**, вл. Фед. Вас., ХСV, февр., 757.
- Скабичевскій**, А. М., писатель, ХСV, мартъ, 1032, 1033, 1043; ХСVII, сент., 772.
- Скалонъ**, Д. А., ХСV, мартъ, 1106.
- Скальковскій**, К. А. *Рец. Ignolus'a о книгѣ его*: «Новая книга». (Спб. 1904), ХСV, мартъ, 1122. *Рец. Б. Гл-скаго о книгѣ его*: «Маленькая хрестоматія для взрослыхъ. Мнѣнія русскихъ о самихъ себѣ» (Спб. 1904), ХСVI, май, 678—680.
- Скворцовъ**, В. М., ред. «Миссіон. Обзоръ». *Рец. А. Ев-ва объ изд. его*: «По поводу отпаденія отъ православной церкви графа Л. Н. Толстого. Сборникъ статей «Миссіонерскаго Обзорѣнія», изд. 2-е, (Спб. 1904), ХСVII, авг., 651—653.
- Скобелевы**:
— И. Н., ХСVII, июль, 164.
— М. Д., ХСVII, сент., 920.
- Скориченко**, Г. Г. *Рец. Н. Ф. о книгѣ его*: «Императорская военно-медикальская академія» (Спб. 1904), ХСVIII, окт., 347—350.
- Скорняковъ-Писаревъ**, Гр. Гр., ХСVIII, дек., 930, 935.
- Скоропадская**, А. *Рец. Г. М. о книгѣ ея*: «Графъ Юлій Помпеевичъ Литта. Біографическій очеркъ». (Спб. 1904), ХСVI, июнь, 1040.
- Скотти**, художникъ, ХСV, февр., 748.
- Скрайнъ**, Френсисъ Генри, авт. «The expansion of Russia», ХСV, янв., 275—285.
- Скржинецкій**, ген. ХСVI, май, 583.
- Скрипины**, Воишатій и Іоанникій, яросл. купцы гостиниой сотни, ХСV, февр., 688.

Слезкинский, А. Г. *Статья его:* «Клопский монастырь. (Изъ экскурсий въ окрестности Новгорода)», ХСVII, июль, 194—218.

Слюзбергъ, редакторъ «Вѣстника Права», ХСV, мартъ, 1108.

Славаковицъ, Станиславъ, д-ръ философи, ХСV, янв., 356—357.

Словцовъ, Петръ Андр., сибирскій обществ. дѣятель, писатель. *Статья о немъ Н. А. Бирюкова:* «Эпизодъ изъ жизни П. А. Словцова», ХСVII, сент., 877—891.

Словинскій, А. Л. *Статья его:* «Политическіе взгляды Пушкина», ХСVI, июнь, 970—986.

Случевскіе:

— Анж. Ив., начальница варшав. инст., *О ней въ «Варшавскихъ воспоминаніяхъ» Н. П. Авенариуса:* ХСVI, май, 417—448.

— Конст. Конст., поэтъ. *Статья о немъ П. Е. Павлова:* «Памяти К. К. Случевского», ХСVIII, ноябрь, 756—764. *Упомин.:* ХСVI, май, 418.

Слѣпцовъ, Ник. Серг., ротмистръ, ХСVIII, окт., 397.

Смайльсъ, Самуиль, англ. ученый. *Некрологъ его:* ХСVI, июнь, 1088—1089.

Смирдинъ, книгоиздатель, ХСV, мартъ, 868.

Смирнова, А. О., писательница, ХСVI, июнь, 978.

Смирновъ, С. А., врачъ, ХСV, янв., 400.

Смоленскій, Ст. В. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разысканіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологии». (Спб. 1904) ХСVII, авг., 667—669. *Упомин.:* ХСVI, май, 750; июнь, 1098; ХСVII, июль, 331.

Смолянниковъ, В. Н. *Рец. Евт. Шумиорскаго объ изд. подъ его ред. книгъ:* 1) «Восемнадцатый вѣкъ», (М. 1904), ХСVI, июнь, 1015—1017,—2) «Девятнадцатый вѣкъ», (М. 1904), ХСVI, июнь, 1056—1057.

Смуглевичъ, Франц., живописецъ, ХСVII, сент., 949.

Снѣгиревъ, Ив. Мат., археологъ, ХСV, февр., 745.

Снятковъ, А., врачъ, ХСVIII, ноябрь, 504.

Соболевскій, А. И., академикъ. *Рец. А. И. Яцимирскаго объ изд. подъ его (и С. Л. Пташицкаго) ред. книгъ:* «Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка», (Спб. 1903), ХСVI, апр., 345—346.

Собѣщанскій, Ф. М., ХСVI, июнь 1004.

Сованъ, Жоржъ, сотр. «Correspondant», ХСVII, авг., 689, 691, 693.

Соколовскіе:

— М. Рец. М. К. о книгѣ его: «Характеръ и значеніе дѣятельности аятекарскаго приказа». (Спб. 1904), ХСVI, июнь, 1036—1037.

— Марьянъ, проф. краков. ун., ХСV, янв., 388.

— М. К. *Статья его:* «Гатчинскіе потѣшныя. (Изъ приказаній при паролѣ цесаревича Павла Петровича по-гатчинскимъ войскамъ, съ 5 іюля по 5 нояб. 1796 года)», ХСVI, июнь, 939—945.

Соколовы:

— В. П. Рец. Е. о книгѣ его: «Саратовскій Троицкій (Старый) соборъ» (Сар. 1904), ХСVIII, дек., 1127—1129.

— И. И., магистръ богословія. *Рец. З. о книгѣ его:* «Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ» Т. I. (Спб. 1904), ХСVII, дек., 1120—1122.

— Н. М. Рец. К. М. о книгѣ его: «Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи». (Спб. 1904), ХСV, февр., 751—753.

— Н. Н. Рец. В. Гр-скаго о книгѣ его: «С.-Петербургская почта при Петрѣ Великомъ». (Спб. 1904), ноябрь, 774—775.

— П. И. *Статья его:* «Памяти Александра Платоновича Энгельгардта», ХСV, янв., 258—262. *Рец. П-ва о книгѣ его:* «О растительности и почвахъ бѣльничковъ тайги въ Маринско-Червинскомъ районѣ Томской губерніи». (Спб. 1904), ХСVI, июнь, 1039.

— Ф. И. *Сообщеніе его:* «Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Златоустѣ. (Письмо майора Ахматова полковнику Камерову)», ХСVII, сент., 892—896.

— пѣвецъ, ХСVIII, дек., 863, 864, 871.

— редакторъ «Петерб. Листка», ХСV, февр., 502.

— шт.-кап., ХСVI, апр., 168.

Солнцевъ, директоръ Петроков. гимн., ХСVI, май, 423.

Соловьевы:

— Всев. Серг., писатель, ХСV, февр., 497, 536, 664.

— Дм. Алексѣев., ХСVIII, дек., 951, 959.

— Евдокимъ, ХСVIII, дек., 947.

— Сергѣй Мих., историкъ, ХСV, мартъ, 1052, 1179; ХСVIII, окт., 187.

— Фед. Алексѣев., ХСVIII, дек., 951

Соловьевы:

— Я. А., XCV, мартъ, 1025.
— управляющій акц. сб. казан. губ., XCVIII, окт., 205.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А., писатель, XCVII, сент. 777; XCVIII, ноябрь, 514.

Сорель, франц. историкъ, XCV, мартъ, 1055—1059, 1154—1155; XCVII, июль, 251—264.

Сорокины:

— Евгр. Сем., художникъ, XCVIII, окт., 261.

— Пав. Сем., художникъ, XCVIII, окт., 261.

Сорохтинъ, XCVI, апр., 210, 221.

Соснинъ, Петръ, ключарь яросл. успен. соб., XCV, февр., 766.

Соснуръ, Сезарь, путешественникъ, XCV, февр., 778—781.

Софія Александровна, царица, XCVI, июнь, 1010.

Соханскій, прапорщикъ, XCVI, июнь, 940.

Спафарій (Милеску), Николай, резидентъ при швед. король, XCVII, сент., 839, 840.

Спенсеръ, Гербертъ, мыслитель. *Некрологъ* его: XCV, янв., 371—372. *Записки о немъ*: 1) «Совѣты Спенсера японцамъ», XCV, мартъ, 1165—1166.— 2) «Автобіографія Герберта Спенсера», XCVII, июль, 323—325.

Сперанскіе:

— М. М., сибирск. ген.-губернаторъ, XCVII, сент., 879, 890.

— М. Н., археологъ, XCVI, май, 749.

— XCV, янв., 152, 280; мартъ, 1063; XCVII, июль, 248, 249, 257, 262, 263.

Спорова, А. И. (Водичка), пѣвица, XCVIII, дек., 877, 878, 879.

Спренгпортенъ, ген., XCV, мартъ, 1056; XCVII, сент., 983, 984.

Срезневскій, И. И. *Рец. М. К. о книгѣ* его: «Статьи о древнихъ русскихъ летописяхъ (1853—1866)», (Спб. 1903), XCVI, июнь, 1035—1036.

Стааль, ген.-майоръ, моск. комендантъ, XCV, янв., 166.

Ставенхагенъ, Карлъ. *Рец. А. Э. Малмгрена о книгѣ* его: «Johann Wolthusz von Herse. Eine Tragödie». (Рига, 1903), XCVII, сент., 1024—1026.

Ставицкій, М. О., сенаторъ, XCVII, июль, 192.

Станжэ, Жильбертъ, франц. писатель, XCV, янв., 365—368; февр., 781, 784.

Станиславъ-Августъ, польск. король, XCV, мартъ, 1025; XCVI, май, 576.

Станиславъ (Лещинскій), польск. король, XCVI, май, 576; XCVII, дек., 1158—1161.

Старицкій, Мих. Петр., писатель. *Некрологъ* его: XCVI, июнь, 1110—1112.

Старостинъ, Ян., поэтъ, XCVII, авг., 505; сент., 1087—1088.

Стасовы:

— Н. В., XCV, февр., 652, 655, 656, 657, 661.

— В. В., XCVII, июнь, 333,

Стасюлевичъ, М. М., писатель, XCV, февр., 662.

Стаховичъ, А. А. *Рец. М. О. Сквичи о книгѣ* его: «Ключки воспоминаній», (М. 1904), XCVII, авг., 657—659.

Стахъевъ, Д. И. *Статья* его: «Станиславъ первой степени и еноговая шуба. (Изъ воспоминаній о Н. Н. Стреховѣ)», XCV, февр., 441—479.

Step, Jan. *Рец. А. И. Яцимирскаго о книгѣ* его: «Pisarzy polsky. Wzroszenia literarskie». (1904), XCVIII, дек., 1147—1150.

Степановы:

— Вас., Вас., XCVIII, дек., 947.

— I., XCV, февр., 751.

— Н. П. *Рец. А. И. Яцимирскаго о ея переводѣ соч. Яна Амоса Коменскаго*: «Лабиринтъ свѣта и рай сердца», (Спб. 1904), XCVI, апр., 338—339.

— Э. И., ген., XCVI, май, 502.

— подпоручикъ, XCVIII, дек., 1013, 1014.

— тайн. сов., XCVIII, дек., 959, 960.

— шт.-капитанъ, XCVII, июль, 143.

Стефанида, Домна. *О ней статья А. И. Яцимирскаго*: «Домна-Стефанида, невѣста царя Алексѣя Михайловича», XCVII, сент., 825—843.

Стефановичъ, П. К., педагогъ, XCVI, май, 440.

Стефанъ, серб. король, XCVI, май, 749.

Стефанъ Ваторій, польскій король, XCVI, май, 581, 705.

Стефанъ X Георгій, молдав. господарь. *О немъ въ статьѣ А. И. Яцимирскаго*: «Домна Стефанида, невѣста царя Алексѣя Михайловича», XCVII, сент., 825—843.

Стеценко, А. А., археологъ, XCVI, июнь, 1097.

Стивъанъ, Лесли, англ. критикъ. *Некрологъ* его: XCVI, апр., 375—376.

Стоговъ, Эразмъ, авт. записокъ, XCV, янв., 163.

Столянискій, П. Н. *Рец. Н. Александрова о книгѣ* его: «Материалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Вып. I. Опытъ библиогра-

фического указателя книг по географии, изданных в России в царствование имп. Екатерины II (1672—1769)», (Оренб., 1903), XCVII, июль, 291—295.

Стороженко:

— А. М., содѣржатель пароходства въ Азов. морѣ, XCVIII, ноябрь, 621.

— Ник. Ил., писатель, XCV, февр., 669.

Стравинскій, пѣвецъ, XCVIII, дек., 870.

Страннолюбскій, А. Н., XCV, февр., 652, 657.

Страховъ, Ник. Ник., писатель. *Статья о немъ Д. И. Стахѣва*: «Станиславъ первой степени и енотовая шуба. (Изъ воспоминаній о Н. Н. Страховѣ)», XCV, февр., 441—479. *Упомин.*: XCV, февр., 496, 500, 510.

Стрекалова, А-дра Ник., благотвори-тельница. *Некрологъ ея*: XCV, февр., 828.

Стрепетова, Пел. Ант., артистка. *Статья о ней А. Г.*: «Изъ воспомина-ній о П. А. Стрепетовой», XCV, февр., 547—563. *Упомин.*: XCVIII, ноябрь, 505.

Стрешневъ, Тих. Никит., бояринъ, XCVIII, окт., 185.

Строгановы:

— гр. Пав. А-др., ген.-лейт., XCV, мартъ, 1057, 1058; XCVII, июль, 253—254, 257.

— гр., президентъ имп. моск. общ. ист. и древн. росс., XCV, мартъ, 1050, 1051, 1052.

Строевы:

— В. *Рецензій ея*: 1) «Сборникъ Императорскаго Россійскаго историческаго общества. Томъ стосемнадцатый. Юрьевъ, 1904», и Томъ сто восемнадцатый. (Спб. 1904)», XCVI, июнь, 1057—1062.—2) «Русская историческая библиотечка, издаваемая императорскою археологическою комиссіею. Томъ двадцать третій. Дѣло тайнаго приказа. Книга третья» (Спб. 1904)», XCVII, июль, 267—269.

— П. М., палеографъ, XCV, февр., 757; мартъ, 1049.

Строменко, I. В., археологъ, XCV, янв., 385—386.

Струве:

— писатель, XCV, мартъ, 1039, 1040.

— Н., русскій консулъ въ Монреалѣ, XCV, февр., 604.

Ступинъ, поручикъ, XCVII, июль, 135.

Стэвли, Генри, путешественникъ. *Некрологъ ея*: XCVI, июнь, 1089—1090.

Суботичъ, ген.-лейт., XCVIII, ноябрь, 556, 557.

Суворовы:

— гр. Рымникскій, св. кн. Италійскій, А-дръ Вас., генералиссимусъ. *Упомин.*: XCV, мартъ, 1055—1056; XCVII, авг., 548—549. *О немъ въ замѣткѣ*: «Отвага русскихъ въ Швейцаріи въ 1799 году», XCVII, июль, 235—242.

— Максимъ, синод. переводчикъ, XCV, мартъ, 1098—1099.

Суворокъ, подпоручикъ, XCVII, дек., 1011, 1013, 1014, 1015, 1016.

Сулоцкій, А., протоіерей, XCVIII, сент., 877, 879, 880.

Сумаревы:

— П. П., сенаторъ, XCVII, июль, 192.

— Петръ Спирид., кам.-юнкеръ, XCVIII, дек., 943, 944, 945, 946.

— писатель, XCV, февр., 686.

Суриковъ, И. З., поэтъ, XCVII, авг., 503, 512.

Сутгофъ, декабристъ, XCVI, апр., 128.

Сухаревъ, А. А., XCVI, июнь, 1102.

Сухозанетъ, XCVI, апр., 130; XCVIII, окт., 286, 287.

Сухомлиновъ, Мих. Ив., академикъ, XCV, февр., 666.

С. У-цъ. *Рецензій ея*: 1) «Соперничество торговыхъ интересовъ на Восто-кѣ. Докладъ члена совѣта общества востоковѣдѣнія М. П. Оедорова. (Спб. 1903)», XCV, мартъ, 1124—1125.—2) «*М. В. Карскій.* Зарубежная Русь. Историческая хроника. (М. 1904)», XCVII, июль, 304.

Сушковы:

— Евд. Петр., XCV, февр., 866, 867, 869, 870, 874, 875.

— Н. В., XCVI, апр., 62, 63.

— Сергій Петр., XCV, февр., 433; мартъ, 865, 866, 869, 870, 873.

С. Ш. *Рецензій ея*: 1) «Русскій биографическій словарь. Сабанѣвъ-Смысловъ (Спб. 1904)», XCV, мартъ, 1111—1112.—2) «Заниски Я. К. Номена о пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ. Переводъ введенія и примѣчанія В. Кордта. (Кіевъ. 1904)», XCV, мартъ, 1112—1113.—3) «Екатерина Вторая. Историческій очеркъ. С. Нестерова. (Спб. 1904)», XCV, мартъ, 1121.—4) «С. А. Чистяковъ. История Петра Великаго. Съ картинами, портретами, автографами, медалями и пр. Изданіе второе. (Спб. 1904)», XCVI, май, 677—678.—5) «Наборно-типографское дѣло. Составилъ И. Водановъ. (Спб. 1904)», XCVI, июнь, 1041.—6) «Бумаги, относящіяся до оте-

чественной войны 1812 года, собранный и изданный *П. И. Шукимъ*. Часть VIII. (М. 1904), XCVII, июль, 286.

Съдой, А. (Ал. П. Чеховъ). *Статья его*: «Недавнее прошлое азовскаго побержья», XCVIII, окт., 227—259; ноябрь, 621—661.

Съровъ, есаулъ. *О немъ въ статьяхъ Я. Я. Полферова*: «Позорное дѣло», XCVIII, дек., 1011—1016.

Сърошевскій, В. *Рец. С. Гим-ста о книгѣ его*: «На Дальнемъ Востока» (Варш. 1904), XCVII, сент., 1044—1045.

Сътовы:

— **И. Я.**, пѣвецъ, XCVIII, дек., 864, 868, 869, 870, 871, 872, 874, 876.

— **П. Ф.**, жена пѣвца, XCVIII, дек., 869.

Сю, Эженъ, фр. писатель. *О немъ въ замѣткѣ*: «Столѣтніе юбилеи французскихъ писателей», XCVI, май, 741—743.

Сюрюгъ, аббатъ, XCV, янв., 56, 57.

Т.

Таганцевъ, Н. С., сенаторъ, XCV, февр., 649; XCVI, май, 445.

Тансій (Величковскій), монахъ, XCV, мартъ, 1182.

Тайдзу, манчжурск. императрица, XCVIII, ноябрь, 558—559.

Тайцзунъ, манчжурск. императоръ; XCVIII, ноябрь, 559.

Такайшвили, Е. С., XCV, февр., 750.

Талейранъ, XCV, янв., 278; мартъ, 1057—1058; XCVII, июль, 248, 250, 253—254, 258—271; сент., 985—986, 990, 993.

Талызинъ, Оед., подпоручикъ, XCVIII, дек., 939, 956, 956, 957, 958, 959, 962, 964.

Тальони, танцовщица, XCV, мартъ, 1066—1067; XCVIII, ноябрь, 807.

Тамарашвили, Мих. *Рец. А. Хаа—ва о книгѣ его*: «Histoire du catholicisme en Neorgie avec les documents justificatifs du XIII-e au XX siècle». (1903), XCVII, авг., 683—684.

Тамберлигъ, пѣвецъ, XCV, февр., 545, 546.

Тамбѣвъ, Г., XCV, февр., 751.

Танонъ, Э. *Рец. В. Ир—скаю о переводѣ соч. его*: «Эволюція права и общественное сознание» (Спб. 1904), XCVIII, ноябрь, 786—787.

Танъвъвъ, ст.-секретарь, XCVIII, окт., 197.

Тарантъ, княг., XCVII, сент., 987, 989, 990, 993—994.

Тарасовъ, И. Т., проф. моск. ун., XCV, янв., 381.

Тарле, Е. В. *Рец. П. Е—аю о книгѣ его*: «Очерки и характеристики изъ истории европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ» (Спб. 1904), XCVI, май, 701—702.

Тарновская, В. П., XCV, февр., 652, 661.

Тарусинъ, Ив. Ег., поэтъ, XCVII, авг., 512.

Татищевъ, Вас., XCVIII, дек., 951.

Татищевъ, С. С., историкъ, XCV, янв., 276; мартъ, 1050, 1052; XCVI, апр., 120.

Таубе, бар. М. А., д-ръ междунар. права. *Рец. В. Г. о книгѣ его*: «Христианство и организація междунар. мира» (Спб. 1903), XCV, февр., 764—765.

Т-ва (О. Починковская), В. В. *Статья ея*: «Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ. (Посвящается памяти Оедора Михайловича Достоевскаго)», XCV, февр., 488—542.

Тверской, П. А., авт., «Духоборческой эпопеи», XCV, февр., 604.

Теодоровичъ, Н. И. *Рец. А. Я. о книгѣ его*: «Волны въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и селъ въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и другихъ отношеніяхъ. Т. V, Ковельскій уѣздъ» (Поч. 1003), XCVI, май, 688.

Теплова, рожд. Протасова, Наст. Яковл., XCVI, апр., 57.

Терражъ, Вилльде, бар., фр. историкъ, XCVI, авг., 689.

Тимашевъ, министр вн. дѣлъ, XCVII, июль, 131, 135.

Тимирязевъ, В. А. *Статья его*: «Иностранцы о Россіи», XCV, мартъ, 1055—1071; XCVII, июль, 235—264., сент.; 982—1014; XCVIII, дек., 1093—1115.

Тимковскій, Ром. Оед., XCV, мартъ, 1048, 1049.

Тимосеевъ, Григ., протопресвитеръ, XCVIII, ноябрь, 738, 739.

Тиссонъ, камеръ-медхонъ имп. Елис. Алекс., XCV, февр., 745.

Титовъ, А. А. *Рец. А. Е. о книгѣ его*: «Сборникъ XVI в. съ чудесами отъ иконы св. Николая въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ». (М. 1904), XCV, февр., 756—757. *Упомят.*: XCV, февр., 710.

Тихоновъ, Іаковъ, священникъ, XCVIII, ноябрь, 736, 737, 740.

Тихонравовъ, Ник. Савв., проф. моск. ун., XCV, февр., 669, 670.

Тиціанъ, итал. живописецъ. *Замѣтка о немъ*: «Новая біографія Тиціана», XCVIII, окт., 361—364.

Того, адмиралъ. *Замѣтка о немъ*, ХСVI, май, 739—741.

Толль, бар. *Замѣтка о немъ*: «Къ поискамъ бар. Толля», ХСVII, июль, 338—339.

Толль, Ф., изд. словаря, ХСV, февр., 742—743.

Толстые:

— гр. А-ѣй Конст., поэтъ, ХСVI, апр., 294; ХСVII, авг., 578.

— гр. Анна, ХСVII, сент., 999.

гр. Дм. Андр., министръ вн. дѣлъ, ХСV, янв., 54, 334; февр., 650—651, 654, 658; ХСVIII, окт., 289, 290.

— гр. Ив. Ив., вице-президентъ акад. худ., ХСVII, июль, 333; ХСVIII, дек., 1189.

— гр. Левъ Ник., писатель. *О немъ*: 1) *въ статьѣ А. И. Яцимирскаго*: «Изъ воспоминаній поэтовъ-крестьянъ о русскихъ писателяхъ», ХСVII, авг., 503—524. 2) *въ замѣткѣ В. А. Тимирязева*: «Англійскій романистъ Д. Муръ о графѣ Л. Н. Толстомъ», ХСVIII, дек., 1112—1115. *Упомин.*: ХСV, янв., 109, 298—301; февр., 664; ХСVI, май, 652; ХСVII, авг., 651—653; сент., 1037—1038.

— гр. Петръ, дипломатъ, ХСVII, июль, 247, 248.

— гр. Петръ Ал-др., петерб. воен. губернаторъ, ХСV, янв., 129—131, 136.

— гр. Петръ Андр., ХСVIII, дек., 930, 935, 936.

— гр. Ф. А., сенаторъ, ХСVII, июль, 187, 192.

— гр., флиг.-адъют., ХСVII, сент., 1012.

Толстой-Знаменскій, гр. Д Н., предсѣдатель имп. моск. общ. ист. и древн. рос., ХСV, мартъ, 1052.

Толь:

— гр., ген.-адъют., ХСVI, май, 583.

— гр., управляющій путями сообщ., ХСV, янв., 218.

Томпсонъ, пом. хранителя британ. музея, ХСVIII, окт., 354—355.

Тончи, жена художника, ХСV, янв., 59.

Топорковъ, художникъ, ХСVIII, окт., 268.

Торниелли, гр. Ольга Андр., ХСV, мартъ, 867.

Тороповъ, А. Д., ХСV, янв., 382.

Торсонъ, Конст. Петр., глава. адъют. при морск. министрѣ, *О немъ въ статьѣ*: «Изъ записокъ декабриста Н. А. Вестушева», ХСVI, апр., 118—135.

Тотлебенъ, Эд. Ив. *Статья о немъ* Д. М. Неклюдова-Кайсарова: «Къ био-

графіи Э. И. Тотлебена», Х. V, мартъ, 929—934. *Упомин.*: ХСVIII, дек., 1106.

Травчетовъ, ХСV, февр., 762.

Траншель, типографъ. *О немъ въ статьѣ В. В. Т-вой (О. Починковской)*: «Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ», ХСV, февр., 488—542.

Трачевскій, А., историкъ, ХСVIII, окт., 183.

Трезини, Джув., архитекторъ, ХСVIII, ноябрь, 734, 738.

Трейчке, историкъ, ХСV, февр., 722.

Треневъ, Д. К. *Рец. А. Я. о книгѣхъ его*: 1) «Памятники древне-русскаго искусства церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ. Краткое описаніе церкви, иконъ кисти Симеона Ушакова и прочихъ ея достопримѣчательностей. (М. 1903)», ХСV, янв., 319—320. 2) «Иконопись мстерцевъ. Съ прилож. фототипій, (М. 1903)», ХСV, февр., 763.

Треповъ, спб. оберъ-полицмейстеръ, ХСV, февр., 649, 650; ХСVI, май, 554.

Третьяковъ, П. М., ХСVIII, окт., 261, 272, 276.

Тригорова, Нат. Ал-ѣев., общ. дѣятельница. *Некрологъ ея*: ХСV, мартъ, 1197.

Трифонъ, ростов. архіепископъ, ХСV, янв., 248, 249; февр., 706.

Троекуровъ, кн. Ѳед. Ив., ХСV, янв., 251; февр., 704.

Тройденъ, литов. князь, ХСVI, июнь, 1005.

Троцкій, В. И., ген.-адъют. *О немъ въ статьѣ А. В. Журкевича*: «Воспоминанія объ А. В. Гурчинѣ», ХСVIII, ноябрь, 528—553.

Троцинскій, Андрей Андр., ХСVII, июль, 162.

Трубецкіе:

— кн. В. С., сенаторъ, ХСVII, июль, 189, 190, 192.

— декабристъ, ХСV, янв., 65.

— княз., ХСVI, май, 544, 546—547, 550.

Трубниковъ, Н., сотр. «Сборн. тверск. общ. ист.», ХСV, янв., 308.

Труворовъ, А. А., археологъ, ХСVIII, окт., 387.

Трутовскій, К. А., художникъ, ХСVIII, окт., 261.

Туганъ-Варановская, Л., писательница, ХСVIII, ноябрь, 514.

Тулубьевъ, декабристъ, ХСVI, апр., 128.

Тумановъ, М. *Рец. А. Я. о книгѣхъ его*: «Вліяніе русской литературы второй половины XVIII вѣка на судопроизводство и законодательную дѣятельность

правительства по этому вопросу». (Спб. 1904), XCVI, июнь, 1032—1034.

Туманский, В. И., пом. ст.-секретаря. *Рец. В. Г. о книге его: «Опыт истории государственного совета в России»*. Ч. I. 1769—1801 г. (Черн. 1903), XCVI, май, 675—676. *Упомят.*: XCVI, апр., 220, 221.

Туниковъ, Н. М., магистрантъ сиб. ун. *Рец. А. М. о книге его: «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ»* (Спб. 1903), XCV, янв., 333.

Тураевъ, Б., XCV, мартъ, 1129—1130.

Тургеневы:

— А. М., XCVIII, окт., 191.

— Ив. Серг., писатель. *О немъ въ замѣткѣ: «Тургеневъ и Балъзакъ въ оцѣнкѣ Джорджа Мура»*, XCVI, май, 651—653. *О немъ въ статьѣ А. И. Яцимирскаго: «Изъ воспоминаній поэтовъ крестьянъ о русскихъ писателяхъ»*, XCVII, авг., 503—524. *Упомят.*: XCV, янв., 109—114, 299, 300; февр., 537, 538; мартъ, 1041; XCVII, сент., 1087—1088; XCVIII, ноябрь, 757; дек., 1112—1113.

— Н., XCVI, июнь, 980.

Турчиновъ и Вышинскій, Владисл. Ив., магистръ ветерин. наукъ. *Некрологъ его: XCV, февр., 828—829.*

Турнье, XCV, мартъ, 878.

Тучковы:

— Ник. Алекс., участникъ отеч. войны, XCV, янв., 252, 253.

— ген.-майоръ, XCV, мартъ, 1199.

Тхоржевскій, П. И., XCV, мартъ, 1104.

Тышкевичи, графы, XCV, янв., 330—331.

Тьеръ, *Замѣтка о немъ: «Тьеръ въ Петербургѣ въ 1870 году»*, XCV, мартъ, 1068—1069. *Упомят.*: XCVI, апр., 299—309.

Тѣкъ, мыслитель. *Замѣтка о немъ: «Зрѣлые годы Тѣна»*, XCVIII, дек., 1171—1176.

Тюшневъ И. Ф., *Статьи его: 1) «На среднемъ плесѣ. (Путевые наброски)»*, XCV, янв., 209—257; февр., 679—720.—2) «Рано угасшій талантъ. (Изъ воспоминаній объ А. П. Рибушкинѣ)». XCVIII, окт., 260—284.

Тютчевъ, Ф. И., поэтъ, XCV, февр., 41, 646; мартъ, 873.

У.

Убри, бар., XCVII, июль, 253—254; сент., 986.

Уваровы:

— гр. А. С., археологъ, XCVI, июнь, 1063.

— графиня П. С., археологъ, XCV, янв., 378—379; мартъ, 1175; XCVI, июнь, 1098; XCVIII, окт., 387.

— гр. Сергѣй Сем., министръ нар. проsv., XCV, мартъ, 1051; XCVI, июнь, 977, 981; XCVII, июль, 187, 189, 192; XCVIII, ноябрь, 690—692.

Удзѣла, Северинъ, этнографъ, XCVI, апр., 378.

Удино, маршалъ, XCV, янв., 296.

Уйтъ, Андру, америк. посланникъ въ Берлинѣ, XCVI, апр., 370—372.

Ульянинскій, Д. В. *Рец. Н. Александрова о книгѣ его: «Среди внигъ и ихъ друзей»* (М. 1903), XCVII, авг., 659—660. *Упомят.*: XCV, янв., 381.

Улянецкій, Ксендзъ, XCVI, май, 435—436.

Ульяницкій, В. А., проф. томск. ун., XCVIII, ноябрь, 822.

Уманецъ:

— А-ѣй А-др., д. ст. сов., писатель. *Некрологъ его: XCVIII, окт., 395.*

— С. И. *Статья его: «Въ Кахетинѣ»*, XCVII, июль, 219—234. *Рец. Ф. Льва о книгѣ его: «Свременный бабизмъ»* (Тифл. 1904), XCV, мартъ, 1113—1116.

Умановъ-Каплуновскій, В. В., *Рец. А. Сиротинина о книгѣ его: «Славянская лира»*. (Спб. 1904), XCVI, май, 704—705.

Умиковъ, Петръ Юсиф., грузин. писатель. *Некрологъ его: XCVII, июль, 351—352.*

Унгернъ-Штернбергъ, бар., русс. ген. консулъ въ Лондонѣ, XCV, янв., 276.

Урбанъ, австр. полковникъ, XCVII, июль, 131, 132, 135.

Урванцевъ, Л., XCVIII, окт., 58.

Урусовы:

— кн. М. С., авт. «Histoire d'une âme âme-Magu», XCV, янв., 298—301.

— княжна М., вѣнциска, XCV, янв., 298—301.

— кн., тульск. вице-губернаторъ, XCV, янв., 298—301.

Усатовъ, Д., пѣвецъ, XCVIII, дек., 870.

Успенскіе:

— Гл. Ив., писатель, XCV, февр., 502, 507; мартъ, 1031, 1032; XCVIII, ноябрь, 697.

Успенскіе:

— М. *Статья его:* «Три народныя картины», ХСV, мартъ, 1026—1027. *Рец. П. П. о книгѣ его:* «Рѣдкій антиминь». (Спб. 1904), ХСVII, сент., 1054.

— М. и В. *Рец. М. о книгѣ ихъ:* «Мѣсяцесловъ императора Василія II. Мѣсяцы сентябрь и октябрь». (Спб. 1904), ХСVI, май, 697—698.

Устряловъ, Ник. Гер., историкъ, ХСVIII, окт., 184.

Ушаковы:

— Андрей Ив., ХСVIII, дек., 930, 935.

— Семень, живописецъ, ХСV, янв., 319—320.

Ф.

Фабье, бар. Шарль-Николя, фр. ген. *Замѣтка о немъ:* «Французскій герой греческой войны за освобожденіе», ХСVIII, окт., 378—381.

Фавръ, Ж., ХСVI, апр., 299, 302.

Фадѣевъ, Петръ Ал.—др., инженеръ пут. сообщ. *Некрологъ его:* ХСVII, сент., 1085.

Фавень, Э., ХСVI, апр., 210.

Фальбекъ, Понтусъ, проф. лундск. ун. ХСV, янв., 288—294.

Фальковский, Як., ксендзь, ХСVI, июнь, 996.

Ф. А. Лѣ—въ. *Рецензія его:* «Н. С. Лобасъ. Каторга и населеніе на островѣ Сахалинѣ. Нѣсколько штриховъ изъ жизни русской штрафной колоніи. (Екатеринославъ. 1904)», ХСVII, июль, 298—301.

Фалѣевъ, Н. И., *Статья его:* «Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I)», ХСV, янв., 116—137; февр., 564—585; мартъ, 902—928; ХСVI, апр., 173—199; май, 505—529; июнь, 871—881; ХСVII, июль, 101—113; авг., 470—485; сент., 801—824; ХСVIII, окт., 131—149; ноябрь, 594—619; дек., 966—987. *Поправки къ этой статьѣ:* 1) *Е. Вейденбаума:* «Къ дуэли Куселева съ Бахметевымъ», ХСV, мартъ, 1199—1200. 2) *Н. Фальева:* «Къ дуэли Куселева съ Бахметевымъ». ХСVI, апр., 399—400. *Рецензія его:* «Императорская главная квартира. (Изъ исторіи столѣтія военнаго министерства). Подъ главной редакціей Д. А. Скалона. составилъ В. В. Квадрн. (Спб. 1904)», ХСV, мартъ, 1106—1108.

Фанъ-дэръ-Флять, Петръ Петр., проф. спб. ун. *Некрологъ его:* ХСVII, сент., 1086.

Фаресовъ, А. И. *Статьи его:* 1) «Н. К. Михайловскій», ХСV, мартъ, 1028—

1044.—2) «Исторія бороды и усовъ», ХСVIII, окт., 174—212. *Рец. Н. Тернера о книгѣ его:* «Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ». (Спб. 1904), ХСVI, июль, 277—281. *Рецензія его:* 1) «В. Л. Величко. Меншиковъ. Историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. (Спб. 1904)». ХСV, мартъ, 1134—1136.—2) «Н. К. Перрихъ. По старинѣ». (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1145—1147.

Фармаковский, Б. В., *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Античная вазовая живопись», (Спб. 1903), ХСVI, май, 700. *Упомин.*: ХСVII, июль, 333; ХСVIII, ноябрь, 825.

Федеровскій, М., этнографъ, ХСVI, апр., 378—379.

Фелицынъ, Евг. Дм., археологъ. *Некрологъ его:* ХСV, февр., 829.

Фенцикъ, Евг., угрорусскій дѣятель. *Некрологъ его:* ХСV, февр., 829—831.

Фердинандъ, австр. императоръ, ХСVIII, ноябрь, 806.

Ферзень, гр. *Замѣтка о немъ:* «Графъ Ферзень и Вареннъ», ХСVI, июнь, 1076—1079.

Фетъ (Шеншинъ), Ав. Ав., поэтъ, ХСV, февр., 836—838, 846.

Фигуровскій, П., ХСV, февр., 773.

Филаретъ (Федоръ Никитичъ Романовъ), москв. патриархъ. *Замѣтки о немъ:* 1) «Филаретъ Никитичъ Романовъ въ Варшавѣ», ХСV, мартъ, 1178—1179. 2) *Г. А. Воробьева:* «Къ вопросу о пребываніи ростовскаго митрополита Филарета Романова въ Варшавѣ въ 1611—1619 годахъ» ХСVI, май, 767—768.

Филаретъ, моск. митрополитъ, ХСV, янв., 60; февр., 434; ХСVI, апр., 62, 63.

Филипповы:

— А. Н., проф. моск. ун., ХСVIII, ноябрь, 821, 822.

— Іоаннъ, протоіерей, ХСVIII, ноябрь, 740.

— Терентій Ив., госуд. дѣятель, ХСV, февр., 496, 499; ХСVIII, дек., 997.

Философова, А. П., ХСV, февр., 652.

Филанскій, Н. Г., археологъ, ХСV, мартъ, 1175.

Финиковъ, протоіерей, ХСVIII, дек., 997.

Фирсовъ, А. И. *Статья его:* «Си-менсъ», ХСVII, авг., 576—586.

Фитингофъ, А. П. *Рец. В. Гр-скаю о его переводѣ соч. Э. Таюна:* «Эволюція права и общественное сознание» (Спб. 1904), ХСVIII, ноябрь, 786—787.

Ф-во, *Рецензія его:* 1) «Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII в. (Каз. 1903)», ХСV, янв., 310—311.

2) «Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ III. Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ. (1864—1869 г.г.) Изданіе общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. (Спб. 1903)», ХСVI, апр., 333.

Флавіанъ (Городецкий), кiev. митрополитъ, ХСVII, сент., 1075.

Ф. Л.-въ. *Рецензіи его:* 1) «Сказки о Петрѣ Великомъ въ записяхъ 1745—1754 годовъ. I—IV. П. К. Симои. (Спб. 1903)», ХСV, мартъ, 1126.—2) «Прошлое города Пскова въ его историческихъ памятниковъ. Составилъ В. Гедиминъ. (Псковъ. 1903)». ХСVI, апр., 338.

Флейшеръ, генер.-майоръ, ХСVII, ноябрь, 556, 561.

Флеровъ, В., цензоръ, ХСV, февр., 746.

Флетчеръ, авт. соч. «О государствѣ русскомъ», ХСV, мартъ, 1050, 1051, 1053.

Флоберъ, ХСVI, май, 652, 730—734.

Ф. Л.-въ. *Рецензіи его:* 1) «Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ (къ столѣттю присоединенія Грузіи къ Россіи). Составлено подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Н. Н. Вильевскаго и подъ редакціей генералъ-майора В. А. Попова», ХСV, мартъ, 1100—1104.—2) «С. Уманецъ. Современный бабизмъ (расколъ въ магометанствѣ)». (Тифлисъ 1904), ХСV, мартъ, 1113—1116.

Фойницкій, Ив. Як., проф. спб. ун. ХСV, февр., 753.

Фоксъ, ХСVII, июль, 255.

ф.-Фокъ, Макс. Як., управляющій III Отд., ХСVII, июль, 155, 157, 166.

Форнонц, д-ръ, ХСVIII, дек., 864—865.

Фортинскій, Ф. Я., проф., ХСV, февр., 758.

Фортуатовъ, А., проф., ХСVI, май, 703.

Фотій, архимандритъ, ХСVII, сент., 871.

Фрамъ, поручикъ, ХСVII, июль, 135.

Францъ-Иосифъ, императоръ, ХСVI, апр., 300, 308.

Фредериксъ:

— бар. Марія Петр., фрейлина, дѣятельный членъ Красн. Креста. *Некрологъ ее:* ХСV, февр., 831.

— Н. П., бар., ХСVI, май, 446, 447.

Фрейтагъ:

— Густ., нѣмец. писатель, ХСV, февр., 734—736.

— пасторъ, ХСVII, сент., 928.

Фридрихъ Великій, ХСVII, июль, 242—243; ХСVIII, окт., 194.

Фридрихъ, герман. императоръ, ХСV, февр., 731.

Фридрихъ I, прусс. король, ХСVIII, окт., 194.

Фридрихъ II, прусс. король, ХСVIII, окт. 194.

Фридрихъ Вильгельмъ, австр. императоръ, ХСV, сент., 841.

Фридрихъ-Вильгельмъ I, прусс. король, ХСVII, окт., 194.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, прусс. король, ХСVIII, окт., 194.

Фрикентъ, Фед. Карл., ХСVII, сент., 870.

Фроловъ, А. А., ХСVIII, окт., 280.

Фуксъ, К. Ф., этнографъ, ХСVI, июнь, 1101, 1102.

Фульда, Людв., герм. писатель, ХСVI, апр., 367.

Фультонъ, Робертъ, изобрѣтатель подводной лодки, ХСVI, апр., 352—355.

Фундуклей, Ив. Ив., д. тайн. сов., ХСVI, май, 426—428, 433.

Фуше, ХСVII, сент., 985, 994.

Фэхи (Fabie), англ. писатель, ХСV, янв., 353.

Фюзи, Луиза, фр. актриса. *Замѣтка о воспоминающихъ ее о войнѣ 1812 года*, ХСVI, май, 626—640.

Х.

Ханенко, Б. И., археологъ, ХСVIII, окт., 389.

Харитоновъ, сенаторъ, ХСV, февр., 545, 546.

Харламовъ, Н. Н., художникъ, ХСVIII, окт., 271.

Харламповичъ, К. В. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Матеріалы для исторіи Каванской духовной семинаріи въ XVIII вѣкѣ» (Каз. 1903), ХСVI, апр., 335—336. *Упомят.*: ХСVI, май, 751.

Хахановъ, А. С., проф. лазар. инст. *Рец. В.-на о книгѣ его:* «Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ въ Малой Азій». (Тифл. 1903), ХСV, февр., 770—771. *Упомят.*: ХСV, янв., 379; мартъ, 1053; ХСVII, июль, 220, 222.

Хвойко, В. В., археологъ, ХСVIII, окт., 389.

Хвольсонъ, Д. А. гебраистъ, ХСV, мартъ, 1110.

Хвостовъ, ХСV, мартъ, 1161—1162.

Хитрово, ген., ХСVII, сент., 986, 993.

Хлопяцкій, ХСV, янв., 162.

Хлоповъ, Н. А. *Статья его:* «Сахарныя поля. Бытовой этюдъ», ХСV, янв., 198—203.

Хмеліовскій, Петръ, польск. писатель. *Некрологъ его:* ХСVI, июнь, 1112.

Хмельницкій, Богданъ, ХСVII, сент., 833.

Хованскій, кн. А. Н., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.

Ходаковскій, З., археологъ, ХСV, мартъ, 1050.

Хойнацкій, Ант. Игнат., священникъ. *Некрологъ его*: ХСVIII, окт., 395.

Хоминскій, ген., ХСVI, май, 501.

Хомяковъ, А-ѣй Степ., писатель. *Статья о немъ Б. Б. Глинскаго*: «А. С. Хомяковъ предъ судомъ потомства». (Къ 100-лѣтню со дня его рожденія), ХСVI, июнь, 912—924. *Упомят.*: ХСVIII, ноябрь, 769—772.

Хохловъ, Г. Т. *Рец. А. И. Яцимирскаго о книгѣ его*: «Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Вѣловодское царство. Съ пред. В. Г. Короленки. Спб. 1903», ХСV, февр., 758—761.

Храмеловъ, И., ХСV, февр., 751.

Храневичъ, К. I. *Рец. Андрея Сироткина о книгѣ его*: «Очерки новѣйшей польской литературы» (Спб. 1904), ХСV, мартъ, 1133—1134.

Храповницкій, спб. губернаторъ, ХСVII, июль, 187.

Христина, швед. королева, ХСVIII, ноябрь, 802—805.

Христофоръ, архимандритъ, ХСV, февр., 706.

Хрусталева, Е. Е., сестра милос., ХСVI, май, 753.

Хрущевы:

— Ив. Петр., историкъ. *Некрологъ его*: ХСVII, авг., 718—719.

— мичманъ, ХСVI, июнь, 968.

Ц.

Цакни, Ник. Петр., редакторъ «Южн. Обзоръ». *Некрологъ его*: ХСVII, сент., 1086—1087.

Цамблакъ, Григорій, ученый, ХСVII, сент., 1017—1019.

Цвѣтаевы:

— Дм., проф. *Рец. А. М-лова о книгѣ его*: «Подожженіе иновѣрія въ Россіи» (Варш. 1904), ХСVI, май, 707—708.

— И. В., проф. моск. ун. *Рец. А-на о книгѣ его*: 1) «Музей изящныхъ искусствъ имени имп. Александра III при моск. унив. въ 1902 году». (М. 1903), ХСV, янв., 328—329.—2) Тоже. «Отчетъ и рѣчь, читанные въ годичномъ собраніи комитета музея 25 ноября 1903 г.» (М. 1904), ХСVII, сент. 1041. *Упомят.*: ХСV, янв., 382, 383.

Цебрикова, М. К., ХСV, февр., 652.

Цейдлеръ, иркутск. губернаторъ, ХСVI, май, 546.

Целинскіе, Іосифъ и Маріанна, ХСVI, май, 576, 577.

Цеплинъ, Петръ, проф. казан. ун., ХСVIII, ноябрь, 772—773.

Цитовичъ, Петръ Павл., проф. спб. ун., ХСV, февр., 653, 654.

Циціановъ, кн. П. Д., главнокомандующій на Кавказѣ, ХСV, янв., 136; мартъ, 1101, 1102, 1199—1200.

Цыпскій, моск. об. - полицмейстеръ, ХСV, февр., 744.

Ч.

Чаадаевъ, ХСVI, июнь, 982.

Чавчавадзе, князья, ХСVII, июль, 234.

Чавчавадзе, кн. Дав. А-др., ХСVII, июль, 233.

Чайковскій, П. И., композиторъ, ХСVI, июнь, 911.

Чарторыжскій, кн. Ад., ХСV, мартъ, 1058; ХСVII, июль, 257, 261, 262.

Чеботаревъ, Х. А., проф. моск. ун., ХСV, мартъ, 1046—1048, 1063.

Челищевъ, Н. А., сенаторъ, ХСVII, июль, 175, 176, 182.

Чепелевскій, ХСVIII, ноябрь, 542.

Червяковскій, священникъ, ХСVII, сент., 1077.

Череванскій, В. П., членъ госуд. сов. *Замѣтка объ юбилей его*: ХСVIII, дек., 1187—1188.

Черевковъ, В. Д., д-ръ, ХСVI, май, 752.

Черепановъ, ХСV, мартъ, 1047.

Черепнинъ, Н. П., врачъ. *Статья его*: «Чума въ Петербургѣ въ 1879 году», ХСVI, мартъ, 935—945. *Упомят.*: ХСVI, май, 551, 555.

Черкасовы:

— Ив. Ант., об.-секретарь синода, ХСVIII, дек., 930, 934, 937, 938, 939, 943, 946, 948, 949, 951, 952, 956, 958, 959, 962, 963, 964, 965.

— Пав. Алекс., инспекторъ акад. худ., ХСVIII, окт., 262—263, 266, 268.

— Сем. Ант., ХСVIII, дек., 951, 952.

Черкасскіе:

— кн. Вл. А-др., госуд. дѣятель, ХСV, янв., 281; мартъ, 1025; ХСVII, июль, 90.

— кн. Мих. Алегуж., ХСVIII, окт., 185.

Черненковъ, Семень, духоборъ, ХСV, февр., 607.

Черновъ, А., пѣвецъ, ХСVIII, дек., 877.

Чернышевскій, Ник. Гавр., писатель, ХСV, мартъ, 872—873, 1033.

Чернышевы:

— гр. А-дръ Ив., ХСV, янв., 148, 152, 153; ХСVI, май, 748.

— В. Рец. А. И. Яцимирскаго о книжъ его: «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Клинскаго, Тверскаго и Московскаго уѣздовъ. (Спб. 1903)», ХСV, янв., 312—314.

— гр. Зах. Григ., ХСVIII, ноябрь, 685.
— корнетъ, ХСV, янв., 118 — 121, 127—128, 131—134, 136.

Чернявскіе:

— В. И., археологъ, ХСV, янв., 378.

— Ив. Сильв., ген.-лейт., писатель.

Некрологъ его: ХСVIII, дек., 1199.

Черняевъ, М. Г., ген., ХСVIII, дек., 1011, 1015, 1016.

Чертокъ, А. Д., президентъ имп. моск. общ. ист. и древн. рос., ХСV, мартъ, 1052.

Четыркины:

— И. Д., предсѣдатель калуж. археол. ком., ХСVI, июнь, 1099.

— Ѳед. Вас., магистръ богословія.

Некрологъ его: ХСVIII, окт., 395—396.

Чеховъ, Ант. Павл., писатель. *Статья о немъ П. Е. Павлова*: «Памяти А. П. Чехова. (17 янв. 1860—2 июля 1904)», ХСVII, авг., 625—633. Упомят.: ХСV, мартъ, 1040, 1042.

Чечулинъ, Н. Д., секретарь русс. ист. общ., ХСV, мартъ, 1096; ХСVI, май, 747, 748.

Чистяковы:

— П. П., художникъ, ХСV, янв., 227.

— С. А. Рец. С. III. о книжъ его: «Исторія Петра Великаго». Изд. 2-е (Спб. 1904), ХСVI, май, 677—678.

Чихачевъ, петерб. оберъ-полицмейстеръ, ХСV, янв., 75, 81, 82, 83, 84.

Чихаговъ, ХСVI, май, 637; ХСVII, сент., 998, 999.

Чичерины:

— Бор. Ник., историкъ. Некрологъ его: ХСV, мартъ, 1197—1199.

— Тих. Серг., энтомологъ. Некрологъ его: ХСVI, май, 766.

III.

Шабановъ, А-ѣй, портретистъ, ХСVII, сент., 1045—1046.

Шабельская, Н. Л., археологъ. Некрологъ ея: ХСV, февр., 832.

Шагинъ, Д. А., архитекторъ, ХСVIII, окт., 281.

Шамиль, Джемаль-Эдинъ. О немъ въ статьѣ П. Оленина: «Невѣста Шамиля», ХСVIII, дек., 1020—1029.

Шафрановъ, П. А. Рец. В. Рудакова о книжъ его: «Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ». (Спб. 1904), ХСVIII, окт., 340—343.

Шахматовъ, А. А., академикъ. Рец. А. И. Яцимирскаго о книжкахъ его: 1) «Исслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV вѣка», ч. I и II», (Спб. 1903), ХСVI, апр., 342—343. 2) «Ермолинская лѣтопись и Ростовскій владычинъ сводъ». (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1122—1124.

Шаховскіе:

— кн. Н. Л., сенаторъ, ХСVII, июль, 192.

— Н. П., художникъ, ХСVIII, окт., 268.

— кн., ХСV, янв., 168, 234; ХСVI, май, 583; ХСVII, сент., 986.

Шварсаленъ, А. Е., ХСV, февр., 658.

Шведовъ, Н. К., предсѣдатель общ. востокѣдѣнія, ХСVI, май, 752; июнь, 1103; ХСVII, июль, 335—336.

Шевиль, С. *Статья ея*: «Месса въ Римѣ. (Отрывокъ изъ воспоминаній)», ХСVI, июнь, 925—938.

Шевыревъ, Степ. Петр., проф. моск. ун., ХСV, мартъ, 1051.

Шейнъ, генералиссимусъ, ХСVIII, окт., 184, 185.

Шеинъ, М. *Статья его*: «Прологъ къ Тюренченскому бою. (Изъ жизни одной батареи въ русско-японскую войну)», ХСVII, июль, 137—153.

Шейнъ, П. В., собиратель пѣсенъ, ХСVIII, ноябрь, 697.

Шелгуновы:

— Людм. Петр., писательница. *Оней въ «Воспоминаніяхъ» П. В. Засодимскаго*, ХСVII, сент., 763—777. Упомят.: ХСVIII, ноябрь, 514.

— Ник. Вас., писатель. О немъ въ «Воспоминаніяхъ» П. В. Засодимскаго («Смерть и похороны Н. В. Шелгунова»), ХСVII, сент., 763—777. Упомят.: ХСV, мартъ, 1037; ХСVI, май, 600—602.

Шембекъ, Евст., площ. епископъ, ХСVI, май, 596.

Шенрокъ, Вл. И. *Статья его*: «Памяти Н. Ѳ. Ѳедорова и А. Е. Викторова», ХСV, февр., 663—670.

Шепелевичъ, Л., проф. Рец. А. Ев-ва о книжъ его: «Донъ-Кихотъ» Сервантеса. Опытъ литературной монографіи» (Спб. 1903), ХСVII, авг., 660—663.

Шенелевъ, А. Д. *Статья его:* «Сдача Косиничи. (Эпизодъ изъ венгерской кампаніи 1849 года)», ХСVII, июль, 131—136.

Шереметевы:

— гр. С. Д., предсѣдатель общ. любит. древн. писемъ., ХСVI, апр., 383; май, 748—749; июнь, 1098.

— гр. Праск., режд. Горбунова-Ковалева, ХСVIII, ноябрь, 686.

Шереметьева, ХСV, янв., 307.

Шершеневичъ, Г. Ф., проф. каз. ун. *Рец. В. Грибовскаго о книгѣ его:* «Курсъ гражданского права. Т. I. В. 2-ой. (Каз. 1903)», ХСV, янв., 317—318.

Шидловскій, тульск. губернаторъ, ХСVIII, окт., 206—210.

Шиллеръ. *Замѣтка о немъ:* «Современное вліяніе Гете и Шиллера», ХСVI, апр., 367—368.

Шиловскій, П. *Рец. В. Гр—скаго о книгѣ его:* «Акты, относящіяся къ политическому положенію Финляндіи» (Спб. 1904), ХСVIII, ноябрь, 765—767.

Шильдеръ, Ник. Карл., историкъ. *Статья П. Е. Щеголева о сочиненіи его:* «Императоръ Николай I», ХСV, янв., 138—166. *Упомян.:* ХСVI, апр., 120; ХСVII, авг., 551; ХСVIII, окт., 191, 193, 196.

Шиманнъ, Теод., проф. берл. ун., ХСVI, май, 650—651.

Шимановскій, Мельхiorъ, ХСVIII, окт., 396.

Шиффъ, В. I, ХСV, февр., 656.

Шинкинъ, И. И., ХСVIII, окт., 276.

Шинковъ, А. С., авт. записокъ, ХСVIII, окт., 191, 196.

Шкляревскій, А., писатель, ХСV, февр., 523—526.

Шлецеръ, А. Л., историкъ, ХСV, мартъ, 1046—1047.

Шломбергъ, Густавъ, фр. историкъ, ХСVIII, ноябрь, 792.

Шляковъ, Н. В., *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Почему 1-го августа бываетъ крестный ходъ на воду?» (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1135—1136.

Шлякинъ, И. А., проф. спб. ун., ХСV, янв., 263—274; ХСVI, июнь, 974.

Шмидтъ:

— Адол. Карл., шт.-лекаръ, ХСV, янв., 126—128, 132—136.

— Губ. археологъ, ХСVIII, окт., 389.

— П. П., проф., ХСVI, июнь, 965.

— П. Ю., ХСV, мартъ, 1131; ХСVI, май, 752.

Шмоллеръ, ХСV, янв., 289.

Шмурло, Е., проф. юрьев. ун. *Рец. П. Ш—ва о книгѣ его:* «Сборникъ до-

кументовъ, относящихся къ исторіи царствованія имп. Петра Великаго, т. I. 1695—1700». (Юр. 1903), ХСVII, авг., 634—635.

Шницеръ, Я. Б. *Рец. К. о книгѣ его:* «Иллюстрированная, всеобщая исторія письменъ» (Спб. 1903), ХСV, янв., 333—334.

Шокальскій, Ю., ХСV, мартъ, 1123.

Шрамъ, ген., ХСVII, сент., 893.

Шрейеръ, предсѣдатель варш. цenz. ком., ХСVI, май, 444.

Шрейтерфельдтъ, К. Н. *Рец. Ф. Л—ва о книгѣ его:* «Арестантская честь» (Спб. 1903), ХСVI, апр., 336—338.

Штакельбергъ, гр., ХСV, мартъ, 1025; ХСVII, июль, 246, 247.

Штейнгель, ХСV, янв., 142; ХСVI, май, 491.

Штейнмюллеръ, Иосифъ, ХСV, янв., 295—298.

ф-Штейцъ, С. *Рецензіи его:* 1) «Александръ II, царь-освободитель. Изд. гр. Милорадовичъ.» (Спб. 1903), ХСV, янв., 314—315.—2) «Ю. И. Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія.» (Спб. 1903), ХСV, янв., 324—327.—3) «И. Ажмекъ. Античная трагедія» (Спб. 1903), ХСV, янв., 334—336.—3) «Джованни Рубини. Записки Лоренцо Бенони. Перев. А. Серебряковой.» (М. 1903), ХСV, февр., 767—769.

Штемпель, бар., ХСVII, сент., 854.

Штендманъ, Г. Ф., секретарь русск. ист. общ., ХСVI, май, 748.

Штрессмайеръ, хорват. патриотъ, смирск. епископъ. *Некрологъ его:* ХСVII, сент., 1072—1073.

Штубендорфъ, ген., ХСVI, апр., 385.

Штукенбергъ, А. А., проф. казан. ун., ХСV, мартъ, 1178.

Шуазель-Гуффъ, посланникъ въ кон-стантинополѣ, ХСVII, сент., 986.

Шубинскій, Сергій Ник., редакторъ «Истор. Вѣстн.». *Статья его:* «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.—*Рецензіи его см. подъ инициалами С. Ш.* *Упомян.:* ХСVII, июль, 281.

Шубинскій, Сергій Ник., редакторъ «Истор. Вѣстн.». *Статья его:* «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.—*Рецензіи его см. подъ инициалами С. Ш.* *Упомян.:* ХСVII, июль, 281.

Шуазель-Гуффъ, посланникъ въ кон-стантинополѣ, ХСVII, сент., 986.

Шубинскій, Сергій Ник., редакторъ «Истор. Вѣстн.». *Статья его:* «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.—*Рецензіи его см. подъ инициалами С. Ш.* *Упомян.:* ХСVII, июль, 281.

Шубинскій, Сергій Ник., редакторъ «Истор. Вѣстн.». *Статья его:* «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.—*Рецензіи его см. подъ инициалами С. Ш.* *Упомян.:* ХСVII, июль, 281.

Шубинскій, Сергій Ник., редакторъ «Истор. Вѣстн.». *Статья его:* «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.—*Рецензіи его см. подъ инициалами С. Ш.* *Упомян.:* ХСVII, июль, 281.

Шубинскій, Сергій Ник., редакторъ «Истор. Вѣстн.». *Статья его:* «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.—*Рецензіи его см. подъ инициалами С. Ш.* *Упомян.:* ХСVII, июль, 281.

Шубинскій, Сергій Ник., редакторъ «Истор. Вѣстн.». *Статья его:* «Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. (Эпизодъ изъ придворной жизни прошлаго столѣтія)», ХСVIII, дек., 927—965.—*Рецензіи его см. подъ инициалами С. Ш.* *Упомян.:* ХСVII, июль, 281.

Шуваловы:
— Ал-ѣй Ив., поэтъ, ХСVII, авг., 524.

— гр. Петръ, рос. посланникъ въ Турціи, ХСVI, май, 643, 645.

Шугаевскій, А. С. *Статья его:* «Протопресвитеръ самозванецъ», ХСVIII, окт., 213—226.

Шуйская, М. П., ХСV, февр., 655.

Шульгинъ, издатель «Якоря», ХСV, мартъ, 1030.

Шуляченко, А. Р., ХCV, февр., 658.
Шуманъ, Клара, пианистка, ХCVIII, ноябрь, 806.

Шумигорскій, Е. С. *Статья его:* «Задачи русскаго просвѣщенія въ отзывѣхъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей», ХCVIII, окт., 285—296; ноябрь, 744—755. *Рецензій его:* 1) «Восемнадцатый Вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамилнаго архива почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Ѳеодоромъ Алексѣвичемъ Куракинѣмъ, подъ редакціей В. Н. Смольникова. (М. 1904)», ХCVI, июль, 1015—1017. 2) «Деятнадцатый Вѣкъ». Историческій сборникъ, издаваемый почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Ѳеодоромъ Алексѣвичемъ Куракинѣмъ, подъ редакціей В. Н. Смольникова. (Томъ I. 1904)», ХCVI, июль, 1056—1057.

Шуховъ, Г. П., ХCVI, май, 347.

Щ.

Щ. *Рецензій его:* 1) «Комиссія на организаціи домашняго чтенія, сост. при учебн. отд. общ. распр. техн. знаній. Энциодическія программы. Серия I. (М. 1903), ХCV, янв., 336—337.—2) А. Г. Максимовъ. Описание періодическихъ изданій XIX вѣка. «Осенніе вечера» 1803 года и «Журналъ для милыхъ» 1804 года. Историко-библіографическое изслѣдованіе. (Спб. 1904)», ХCVII, авг., 670—671.—3) «Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комисси. Журналы и доклады. Засѣданія LVIII—LXVIII, съ 25 мая 1901 года по 2 марта 1903 года, и журналъ экстреннаго засѣданія 26 апрѣля 1903 г., въ память А. С. Гацискаго. (Нижній - Новгородъ. 1904)», ХCVII, авг., 672—673.—4) *К. Д. Балмонтъ.* Горныя вершины. Сборникъ статей. Книга первая. Книгоиздательство «Грифъ». (М. 1904)», ХCVII, сент., 1035—1036.

Щаповъ, А. П., писатель, ХCVIII, окт., 174, 177.

Щегловъ, И. Л. *Статьи его:* 1) «Въ поискахъ народнаго театра. (Дорожныя впечатлѣнія и замѣтки)», ХCVI, июнь, 882—911.—2) «Изъ записной книжки Бестѣда съ современникомъ о. Матвѣя Константиновскаго», ХCVIII, дек., 994—998.

Щеголевъ, Пав. Елис. *Статьи его:* 1) «Императоръ Николай I. 1826—1831», ХCV, янв., 138—166.—2) «Ненаписанныя стихотворенія А. С. Пушкина», ХCV, янв., 263—274.—3) «А. С. Пуш-

кинъ и московскіе студенты въ 1831 г.», ХCVI, апр., 207—222.—4) «Подвигъ русской женщины», ХCVI, май, 530—550.

Щепкины:

— В. Н., археологъ, ХCV, мартъ, 1177.

— М. С., артистъ, ХCV, янв., 379—381.

Щербатовъ, Вас. Ѳед., библиоманъ, ХCVI, апр., 209, 210, 211, 221, 222.

Щербина, Ник. Ѳед., поэтъ, ХCVIII, ноябрь, 660—661.

Szcześniak, ks. Władysław. *Rec. G. A. Воробьева о книгѣ его:* «Obrządek słowiański w Polsce pierwotnej, rozważony w świetle dziejopisarstwa polskiego» (1904), ХCVIII, дек., 1143—1144.

Щетинины:

— кн. Б. А. *Статьи его:* 1) «Ѳ. А. Бредихинъ. (Страничка изъ воспоминаній)», ХCVII, июль, 114—120.—2) «Памяти графа Ѳ. Ѳ. Келлера», ХCVII, сент., 918—924.

— кн. Гр. Осип., ХCV, февр., 757.

Щука, Ант.-Станиславъ, ХCVI, июнь, 994—996, 998.

Щукинъ, П. И. *Rec. С. В. о книгѣ его:* «Щукинскій сборникъ. Вып. 2. (М. 1904)», ХCV, февр., 741—747. *Rec. С. Ш. о книгѣ его:* «Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г., собранныя и изданныя П. И. Щукинѣмъ». Ч. VIII. (М. 1904), ХCVII, июль, 286.

Э.

Эварницкій, Д. И., археологъ, ХCV, мартъ, 1179—1180.

Эверсъ, авт. «Предварит. критич. изысканій», ХCV, мартъ, 1050.

Эдельштейнъ, Я. С., ХCVII, июль, 336.

Эйхвальдъ, проф., ХCVI, май, 551, 554.

Эллерсъ, полковникъ, ХCVII, июль, 132.

Эмирахваровы (Амиліахаровы):

— Гука Нодаровна, кн., жена послѣдующаго, ХCVIII, ноябрь, 742.

— Эдишеръ, кн., майоръ, ХCVIII, ноябрь, 742.

Энгель, М. Я. *Rec. В. Г. о книгѣ его:* «Русская Помпея (Херсонесъ Таврическій). Очеркъ археологическихъ разслѣдованій» (Сев. 1904), ХCVIII, дек., 1153—1154.

Энгельгардтъ:

- А. Н., писатель, ХСV, мартъ, 1031.
 — А-дръ Плат., тов. министра земл., писатель. *Статья о немъ П. И. Соколова:* «Памяти А. П. Энгельгардта», ХСV, янв., 258—262.
 — бар. Елис. Петр., рожд. Оленина, *О ней въ статьѣ П. Оленина:* «Невѣста Шамяля», ХСVIII, дек., 1020—1029.
 — Н. А. *Статья его:* «Гоголь и Булгаринъ», ХСVII, июль, 154—173.
Энгельмейеръ, А. А., ХСV, янв., 381—382.

Энгиевскій, герцогъ. *Замѣтка о немъ:* «Столѣтіе смерти герцога Энгиевскаго», ХСVIII, окт., 376—378.

Эно. *Замѣтка о немъ:* «Другъ свѣтскихъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ», ХСV, мартъ, 1145—1147.

д'Эонъ. *Замѣтка о немъ:* «Еще о кавалерѣ д'Эонѣ», ХСVII, сент., 1064—1065.

Эрдманъ, пасторъ, ХСVII, сент., 928.

Эссень, ген., ХСVI, май, 583.

Эфронъ (Литвинъ), С. К. *Статья его:* «Памяти епископа Иринея», ХСVII, июль, 121—130.

Ю.

Ювачевъ (Миролюбовъ), И. П. *Статья его:* «Закавказскіе сектанты», ХСV, янв., 167—179; фев., 586—607. *Рец. А. Я. о книгѣ его:* «Паломничество въ Палестину къ гробу Господню» (Спб. 1904), ХСVII, июль, 290—291.

Ювеналій, (Иванъ Андреевичъ Половцевъ), архіепископъ литовскій и вилевскій. *Некрологъ его:* ХСVI, май, 766—767. *Упомин.*: ХСVIII, ноябрь, 542—547, 551.

Юмъ, Мартинъ, англ. писатель, ХСVI, апр., 349—350.

Юнгъ, управляющій акц. сб. тверск. губ., ХСVIII, окт., 205—206.

Юрій Васильевичъ, дмитров. князь, ХСVIII, ноябрь, 668.

Юрій Всеволодовичъ, князь, ХСV, фев., 690.

Юрій Даниловичъ, моск. князь, ХСV, янв., 234.

Юрій Ивановичъ, дмитров. князь, ХСVIII, ноябрь, 668.

Юровъ, Алексѣй, ХСVIII, дек., 928—929.

Юревичъ, полковникъ, ХСVII, сент., 893.

Юрьинъ, Н. *Рецензія его:* «Путникъ (Н. Лендеръ). Черное море и Кавказъ. Съ рисунками художника А. В. Ганзена. Изданіе 2-е значительно дополненное. Изданіе А. С. Суворина. (Спб. 1904)», ХСVII, авг. 682—683.

Я.

Я. Ав-въ. *Рецензія его:* 1) «И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. (Варшава. 1903).—Н. К. Козминъ. Очерки по исторіи русскаго романтизма. (Спб. 1903)», ХСVII, авг., 640—643.—2) «Н. Е. Ожучковъ, Печорскія быліны». (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1125—1127.—3) «Генрихъ Дюмоляръ. Японія въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ. (Спб. 1904), ХСVIII, дек., 1138—1140.—4) «Комиссія по организаціи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общ. распр. техник. знаній. Эпизодическія программы Серия II». (М. 1904), ХСVIII, дек., 1142—1143.

Яблоновскій, кн., ХСVI, май, 583.

Явдыкъ, П. Рец. Андрея Сиротинкина о книгѣ его: «Исторія Угорской Руси». (Варш. 1904), ХСVIII, ноябрь, 784—786.

Ягужинскій, Пав. Ив., ХСVIII, дек., 952.

Ядрищевъ, Ник. Мих., сибир. дѣятель, ХСVIII, окт., 451—453.

Яелицкій, ХСVI, май, 594.

Яковенко, В., писатель, ХСV, мартъ, 1039.

Яковлевы:

— Андрей, секретарь Меншикова, ХСVIII, дек., 937.

— Евд. Яковл., надв. сов., ХСV, фев., 755.

— С. К., ХСVIII, окт., 279.

— отст. капитанъ, ХСV, янв., 133, 136.

— яросл. фабриканты, ХСV, фев., 716.

Якубовичъ, ХСVI, апр., 121; ХСVII, июль, 175.

Якубовскій, всендзь, ХСVI, май, 431.

Якушкинъ:

— В. Е., писатель, ХСV, янв., 264—265; ХСVI, июнь, 970, 980.

— Пав. Ив., писатель, ХСVIII, ноябрь, 689, 694, 696.

Янжуль, И. И., академикъ, Рец. В. Грибовскаго о книгѣхъ его: 1) «Отчетъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ восьми русскихъ университетовъ» (Спб. 1904), ХСV, фев., 753—754.—2) «Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики общественной жизни» (Спб. 1904), ХСVII, июль, 295—297.

Янковичева, Марія, ХСVIII, ноябрь, 741.

Яновскій, Пав. Яковл., археологъ. *Некрологъ его*: XCVIII, окт., 396.

Янушъ, вв. XCVI, май, 580.

Янъ III (Собѣяскій), польск. король, XCV, янв., 356—357; XCVI, 995, 996, 1905.

Янъ-Казимиръ, польск. король, XCVI, май, 582; XCVII, сент., 933, 946, 952.

Янъ-Елеменсъ (Голашевскій), католич. епископъ, XCVII, сент., 947.

Яровицкій, (псевд. А. Борневъ), А-й Вас., журналистъ. *Некрологъ его*: XCV, янв., 397—399.

Ярославъ Владимировичъ, велик. князь, XCV, февр., 680, 682—683.

Ярошенко, XCVII, сент., 765, 766.

Ясинскій, М. Н. Рец. В. Грибовскаго объ изд. подъ его ред. «Сборникъ статей по исторіи права, посвященномъ М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями», (К. 1904), XCVII, июль, 269—273.

Ястремскій, Ф. П. Статьи его: «Очеркъ быта и нравовъ Сѣверной Манчжуріи», XCVI, апр., 223—234.

Яцимирскій, А. И. Статьи его: 1) «Изъ воспоминаній поэтовъ-крестьянъ о русскихъ писателяхъ. (Номыя данныя для біографіи И. С. Тургенева, Л. А. Мея, Л. Н. Толстого и Ф. И. Булаева)», XCVII, авг., 503—524.—**Поправка въ этой статьѣ Н. Гутъяръ**, XCVII, сент., 1087—1088.—**2) «Домна Стефанида, невѣста царя Алексѣя Михайловича»**, XCVII, сент., 825—843. *Рец. П. П. о книгѣ его: «Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности», (Спб. 1904), XCVII, сент., 1017—1019. *Рецензія его: 1) «В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Клинскаго, Тверскаго и Московскаго уѣздовъ», (Спб. 1903)», XCV, янв., 312—314.—**2) «Г. Т. Хожловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское царство. Съ пред. В. Г. Короленка.** (Спб. 1903)», XCV, февр., 758—761.—**3) «Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе 1-го изданія 1800 года. Изд. А. С. Суворина.** (Спб. 1904)», XCVI, апр., 319—322.—**4) Янъ Амось Коменскій. «Лабиринтъ свѣта и рай сердца».** Переводъ съ чешскаго **Н. П. Степанова.** (Спб. 1904)», XCVI, апр., 338—339.—**5) «А. А. Шахматовъ. Исслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV вѣка. Часть I и II.** (Спб. 1903)», XCVI, апр., 342—343.—**6) «Палеографическіе снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. Изданіе С.-Петербургскаго археологическаго института, подъ редакцію А. И. Соболевскаго и****

С. Л. Пташицкаго. (Спб. 1903)», XCVI, апр., 345—346.—**7) «М. Петровичъ. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски.** (М. 1903)», XCVI, май, 698—699.—**8) «Б. В. Фармаковскій. Атичская вазовая живопись. Съ 20 таблицами.** (Спб. 1903)», XCVI, май, 700.—**9) «Н. Коробка. Очерки литературныхъ настроеній.** (Спб. 1903)», Его же—**«Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала XIX вѣка. Пушкинъ—Лермонтовъ.** (Спб. 1904)», XCVI, июнь, 1024—1028.—**10) «А. А. Шахматовъ. Ермолинская лѣтопись и ростовскій владычній сводъ».** (Спб. 1904), XCVIII, дек., 1122—1124.—**11) Jan Sten. Pisarzy polscy. Wrazenia literarskie.** (Lwów Warszawa. 1904), XCVIII, дек., 1147—1150. *Упомин.:* XCV, мартъ, 1182; XCVI, май, 747, 749.

Е.

Еадеевъ, полковникъ, XCVI, апр., 153.

Еодоровы:

— А. М., актеръ, XCVIII, ноябрь, 505, 506.

— В. *Рец. Н. Ф. о книгѣ его: «Вооруженіе русской арміи въ Крымскую кампанію»*, (Спб. 1904), XCVI, май, 676—677.

— Иванъ, первопечатникъ, XCVI, июнь, 1031—1032.

— М. П., XCV, мартъ, 1124—1125; XCVII, июль, 335.

— Ник. Еод., библиотекарь румянцев. музея. *О немъ въ статьѣ В. И. Шенрока: «Памяти Н. Ф. Еодорова и А. Е. Викторова»*, XCV, февр., 663—670.

— Сергѣй, протопресвиторъ, XCVIII, ноябрь, 740.

— майоръ, XCVI, июнь, 941.

Еодоровъ, Б. М., XCVII, авг., 504.

Еодоръ, диаконъ, XCV, янв., 245, 246.

Еодоръ Алексѣевичъ, царь, XCV, янв., 235, 246, 250; XCVIII, окт. 283.

Еодоръ Иоанновичъ, царь, XCV, февр., 703.

Еодоръ Ростиславичъ, яросл. князь, XCV, февр., 690, 691, 692, 704, 706.

Еодосій (Печерскій), XCVIII, ноябрь, 663, 664.

Еодосій, астрахан. епископъ, XCV, янв., 255.

Еодосій, новгор. архіепископъ, XCVIII, ноябрь, 731.

Еодосій, игумень, XCVII, июль, 198.

Еодосій, іеромонахъ, XCV, янв., 255.

Еоофагъ, (Прокоповичъ), новгор. архіепископъ, XCVIII, ноябрь, 738.

УКАЗАТЕЛЬ
РИСУНКОВЪ,
ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ
„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“
1904 г.

I. Портреты:

- Айвазовскій, Иванъ Константиновичъ.** ХСVII, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
- Вильбасовъ, Василій Алексѣевичъ.** ХСVII, сент., 977.
- Величко, Василій Львовичъ.** ХСV, февр., 675.
- Дубровинъ, Николай Ѳеодоровичъ.** ХСVII, авг., 545.
- Иринеи, епископъ орловскій и сѣвскій.** ХСVII, июль. На отдѣльномъ листѣ.
- Колесовъ, Ѳеодоръ Ивановичъ.** ХСVIII, окт., 333.
- Марксъ, Адольфъ Ѳеодоровичъ.** ХСVIII, дек., 999.
- Михайловскій, Николай Константиновичъ.** ХСV, мартъ, 1033.
- Николай Павловичъ, императоръ.** (Съ акварели съ натуры). ХСV, январь. на отдѣльномъ листѣ.
- Ростопчина, графиня Евдокія Петровна.** Съ миниатюры 1833 года. ХСVI апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
- Ростопчина, графиня Екатерина Петровна.** Съ портрета, находившагося на исторической выставкѣ портретовъ въ Спб. 1870 г. ХСV, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.
- Ростопчинъ, графъ Ѳеодоръ Васильевичъ.** Съ портрета, приложеннаго къ «Словарю достопамятныхъ людей» Бантышъ-Каменскаго. ХСV, февраль. На отдѣльномъ листѣ.
- Рябушкинъ, Андрей Петровичъ.** ХСVIII, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
- Степаньда, Домна.** Фреска Кашинскаго монастыря въ Молдавіи. ХСVII, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
- Стрепетова, Пелагея Антиповна.** ХСV, февр., 551.
- Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ.** Съ рѣдкаго портрета Д. Мамонова. ХСVI, июль. На отдѣльномъ листѣ.

Чеховъ, Антонъ Павловичъ. ХСVII, авг., 627.
Шубинскій, Сергій Николаевичъ. ХСVIII, дек. На отдѣльномъ листѣ.
Энгельгардтъ, Александръ Платоновичъ. ХСV, янв., 259.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ:

Абрау. Видъ Абрау. ХСVI, июнь, 869.

Августовъ:

— Древняя поуніатская церковь въ Августовѣ. ХСVII, сент., 935.
 — Колонна въ Августовѣ въ память событія 17-го октября 1888 г. ХСVII, 937.

Архангельскъ:

— Внутренность зала архангельскаго древлеохранилища. ХСVI, июнь, 1009.
 — Складное зеркало царевны Софіи Алексѣевны въ архангельскомъ древле-охранилищѣ. ХСVI, июнь, 1011.

Варшава. Брюлевскій домъ въ Варшавѣ. ХСV, мартъ, 1024.

Вигры:

— Храмъ бывшаго монастыря камедуловъ въ Виграхъ. ХСVII, сент., 941.
 — Главный алтарь въ бывшемъ монастырскомъ храмѣ въ Виграхъ. ХСVII, сент., 948.

Вонсоша. Костель въ Вонсошѣ. ХСVI, июнь, 993.

Граевъ:

— Костель въ Граевѣ. ХСVI, июнь, 1001.
 — Памятникъ разграниченія польскихъ и прусскихъ земель въ 1543 году. ХСVI, июнь, 1003.

Кабутагъ. Спускъ съ дороги отъ перевала Чараца къ озеру Кубумагъ. ХСVIII, окт., 305.

Каратагъ. Домъ Кушъ-Беги. ХСVIII, окт., 313.

Кахетія. Алавердскій соборъ въ Кахетіи. ХСVII, июль, 121.

Кишлакъ:

— Верхній Гумай. (Горы, хребетъ за Пянджемъ). ХСVIII, дек., 1047.
 — Селеніе Нижній Гумай, ХСVIII, дек., 1049.
 — Хижины въ селеніи Нижній Гумай. ХСVIII, дек., 1053.
 — Крѣпость Кабадіанъ. ХСVIII, дек., 1055.

Красная Поляна:

— Краснополянское шоссе. Видъ тоннеля и скалы. ХСV, мартъ, 995.
 — Краснополянское шоссе. Начало ущелья Аксу. ХСV, мартъ, 997.
 — Охотничій домикъ Государя Императора. ХСV, мартъ, 1001.
 — Монастырь св. Троицы. ХСV, мартъ, 993.
 — Церковь на Красной Полянѣ. ХСV, мартъ, 1003.
 — Мостъ черезъ Мзымту въ колоніи востонцевъ. ХСV, мартъ, 1005.

Клопскій монастырь:

— Видъ монастыря. ХСVII, июль, 132.
 — Царскія врата въ Троицкомъ соборѣ Клопскаго монастыря. ХСVII, июль, 201.
 — Разстояніе на паперти Троицкаго собора въ Клопскомъ монастырѣ. ХСVII, июль, 203.
 — Крестный ходъ на лодкахъ въ Клопскомъ монастырѣ. ХСVII, июль, 205.
Москва. Тверской бульваръ въ Москвѣ въ 1826 году. Съ фотографіи того времени. ХСVI, стр., 217.

Мукденъ. Ворота у императорскихъ могилъ въ Мукденѣ. ХСVI, апр., 243.

Нарва:

— Ивангородъ. (По современной фотографіи). ХСVII, авг., 589.
 — Ливонскій замокъ. ХСVII, авг., 591.

Нарва:

- Магистратъ, биржа и памятникъ Петру Великому. ХСVII, авг., 595.
- Взятіе Нарвы 9 августа 1704 г. (Съ картины Коцебу). ХСVII, авг., 597.
- Дворецъ Петра Великаго. ХСVII, авг., 599.
- Памятникъ Петру Великому «на Большомъ» островѣ на рѣкѣ Наровѣ. ХСVII, авг., 601.
- Спасо-Преображенскій соборъ. ХСVII, авг., 593.
- Могила русскихъ воиновъ, павшихъ на Нарвскихъ поляхъ въ 1700 г. ХСVII, авг., 603.
- Могила русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы 9 авг. 1704 г. ХСVII, авг., 604.

Недзвядна. Крестель въ Недзвяднѣ. ХСVI, июнь, 299.

Песочное. Волга близъ Песочнаго. ХСV, янв., 215.

Романовъ:

- Соборъ въ Романовѣ. ХСV, янв., 221.
- Борисоглѣбскій соборъ съ пристани. ХСV, янв., 223.
- Церковь Казанской Божіей Матери въ Романовѣ. ХСV, янв., 217.
- Церковь Покрова въ Романовѣ. ХСV, янв., 225.

Ротенбургъ:

- Тюремная башня и Клинчеръ-ворота. ХСVIII, дек., 1031.
- Башня Плѣнлейнѣ. ХСVIII, дек., 1033.
- Вѣдныя ворота. ХСVIII, дек., 1035.
- Ворота Редера. ХСVIII, дек., 1037.
- Порталь въ Римѣ ратуши. ХСVIII, дек., 1039.
- Внутренность двора. ХСVIII, дек., 1041.

Рыбинскъ. Набережная въ Рыбинскѣ. ХСV, янв., 213.

Симензъ:

- Деревня и видъ на Яйлу. ХСVII, августъ, 579.
- Пансіонъ Чорла и Пляжъ. ХСVII, августъ, 577.
- Скалы «Диво» и «Монахъ». ХСVII, августъ, 583.
- Хрустальный дворецъ (сгорѣвшій). ХСVII, августъ, 581.
- Домъ управляющаго и экономическія постройки. ХСVII, августъ, 585.

Сія-Кухъ. Вершина перевала Сія-Кухъ (последняя снѣжная ступень). ХСVIII, октябрь, 309.

Стависки.

- Памятникъ-камень въ Стависковскомъ лѣсу въ воспоминаніе остановки императора Александра I въ 1825 году. ХСVI, июнь, 989.
- Память Кисильницкихъ въ костелѣ въ Ставискахъ. ХСVI, июнь, 991.
- Сувалки. Римско-католическій костель въ Сувалкахъ. ХСVII, сентябрь, 939.

Толга:

- Толгскій монастырь близъ Ярославля. ХСV, январь, 229.
- Западный фасадъ собора въ Толгѣ. ХСV, январь, 233.
- Трапезная церковь въ Толгѣ. ХСV, янв., 237.
- Дерево, на которомъ послѣ пожара явилась икона Пресвятой Богородицы, въ Толгѣ. ХСV, янв., 239.

Харбинъ. Товарные склады на пристани въ г. Харбинѣ. ХСV, мартъ, 961.

Щучинъ:

- Видъ костела и бывшаго коллегіума пiarовъ въ Щучинѣ. ХСVI, июнь, 995.
- Внутренній видъ костела въ Щучинѣ, ХСVI, июль, 997.

Ярославль:

- Ярославль съ верхняго острова. ХСV, февраль, 681.
- Старый городъ на берегу Которости. ХСV, февраль, 703.
- Набережная въ Ярославлѣ. ХСV, февраль, 717.
- Афанасьевскій монастырь въ Ярославлѣ. ХСV, февраля, 693.
- Древняя Угличская башня въ Ярославлѣ. ХСV, февраль, 697.
- Памятникъ Демидову въ Ярославлѣ. ХСV, февраль, 695.

Ярославль:

- Тугова гора близъ Ярославля. XCV, февраль, 707.
- Училище для дѣвиць духовнаго званія и церковь св. Петра и Павла. XCV, февраль, 713.
- Соборъ въ Ярославлѣ. XCV, февраль, 691.
- Церковь св. Власія въ Ярославлѣ. XCV, февр., 685.
- Церковь Ильи Пророка въ Ярославлѣ. XCV, февраль, 687.
- Второй видъ церкви Ильи Пророка въ Ярославлѣ. XCV, февраль, 689.
- Церковь Иоанна Златоуста въ Коровникахъ. XCV, февраль, 705.
- Церковь Никола Мокринскаго. XCV, февраль, 701.
- Царское мѣсто въ Николо-Мокринской церкви въ Ярославлѣ. XCV, февраль, 683.
- Церковь св. Петра и Павла на Волгѣ, въ Ярославлѣ. XCV, февраль, 715.
- Церковь Спаса на Городу и чудотворная икона Спасителя. XCV, февраль, 699.
- Церковь Предтеченская въ Толгковѣ. XCV, февраль, 709.
- Церковь Николо-Мельницкая за рѣкою Которостью. XCV, февраль, 711.

Оеодосія:

- Домъ Айвазовскаго въ Оеодосіи. XCVII, августъ, 529.
- Картинная галерея Айвазовскаго. XCVII, августъ, 531.

III. Разные рисунки:

- Вальный вечеръ** (5-го февраля 183... года). XCVI, апрѣль, 213.
- Редакція Шомуса.** (2-е января 1731 года). XCVI, апрѣль, 209.
- Рисунки А. П. Рябушкина.** Изъ собранія И. Ф. Тюменева. XCVIII, октябрь, 265, 267, 269, 273, 275 и 277.
- Три народныя картинки.** XCV, мартъ, 1027.
- Дѣйствующія лица въ исторической пьесѣ въ Ротенбургѣ.** XCVII, декабрь, 1043.
- Георгиевскіе кавалеры.** XCV, мартъ, 973.
- Китайскіе актеры.** XCVI, апрѣль, 293.
- Китайскія боги.** XCVI, апрѣль, 251.
- Китайскія войска.** XCVI, апрѣль, 241.
- Китайскій извозчикъ.** XCVI, апрѣль, 245.
- Китайская казнь.** XCV, мартъ, 965.
- Китайская кушмя.** XCV, февраль, 613.
- Китайскій обѣдъ.** XCV, февраль, 621.
- Китайскій палакниъ.** XCV, апрѣль, 249.
- Китайскій уличный парикмахеръ.** XCV, февраль, 623.
- Китайскіе чиновники.** XCV, февраль, 617.
- Куреніе опиума.** XCVI, апрѣль, 255.
- Клѣтки съ головами казненныхъ.** XCV, мартъ, 969.
- Краснополянская дѣвочка-гречанка.** XCV, мартъ, 1007.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

